Леонидъ Соколовъ

Епископъ Игнатій Брянчаниновъ

Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія.

Въ двухъ частяхъ съ приложеніями.

Часть первая.

Кіевъ, 1915 г.

Леонидъ Соколовъ.

Епископъ Игнатій Брянчаниновъ

Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія.

Въ двухъ частяхъ съ приложеніями.

Часть первая.

Кіевъ. 1915 г.

Николай Лисицкий

Введеніе.

Мотивы, задачи, обозрѣніе источниковъ, объемъ и планъ нашей работы.

Среди вопросовъ, волнующихъ человѣческую мысль, въ ряду задачъ, предъявляемыхъ человѣку на каждомъ шагу его жизненной чреды, нѣтъ, и не можетъ, и не должно быть вопросовъ, болѣе важныхъ, чѣмъ вопросъ о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни, нѣтъ, не можетъ быть и не должно быть задачи, болѣе сложной и трудной, какъ—выясненіе нуждъ и средствъ для достиженія жизненной цѣли, для воплощенія вѣчнаго смысла жизни, для такого устроенія жизни, „чтобъ въ каждомъ днѣ, и часѣ, и мгновеніи таился-бъ вѣчный смыслъ, дающій право жить", для согласованія всей жизнедѣятельности человѣка съ опредѣленной и ясной конечной цѣлію его бытія.

Въ порядкѣ отвѣтовъ, предъявленныхъ человѣку за многовѣковой періодъ его существованія на землѣ, дающихъ разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ и задачъ и раскрывающихъ цѣль бытія и средства къ ея достиженію, нѣтъ и не можетъ быть болѣе яснаго и опредѣленнаго отвѣта, чѣмъ тотъ, который дается православно-христіанской душѣ въ свидѣтельствахъ Слова Божія и въ немолчномъ призывѣ православно-христіанской Церкви къ ихъ жизненному разумѣнію и воплощенію. Кроткій и Добрый Евангельскій Пастырь несмолкаемо зоветъ всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ трудниковъ жизни на нивы вѣчнаго духовнаго питанія, возлагая на плечи ихъ не тѣ „б р е м е н а т я ж к а и б ѣ д н ѣ н о с и м а", которыми гнететъ человѣка жизнь міра и плоти, а благое иго выполненія заповѣдей душевнаго спасенія, при которомъ и бремя жизни становится легкимъ и для несущаго радостнымъ и бодрящимъ. Добрый Пастырь, готовъ помочь, ослабѣвшему на жизненномъ пути, подъять его на свои рамена и нести его въ обители Отца Небеснаго. Онъ взыскуетъ душу человѣческую, затерян-

шуюся въ пустынѣ грѣха, выводитъ ее на пути спасенія, радуется о ней и Свою святую радость вливаетъ и въ скорбную душу.

Въ ряду знаменъ жизненныхъ, въ разное время сбиравшихъ около себя человѣческіе полки въ стремленіи къ прогрессу и совершенствованію жизни, нѣтъ болѣе прочнаго и вѣчно прогрессивнаго знамени, способнаго собрать къ себѣ, дѣйствительно, все человѣчество, какъ знамя креста Христова съ ободрительными на немъ письменами: „Симъ побѣдиши“ и съ выражаемымъ имъ призывомъ къ вѣчному совершенствованію по подобію Небеснаго Отца.

Въ виду этихъ соображеній представлялась бы и вполнѣ естественною соотвѣтственная картина жизни, когда интересы всѣхъ людей сосредоточены на вопросахъ и задачахъ душевнаго спасенія, всѣ они слышатъ гласъ Добраго Пастыря и за Нимъ идутъ по жизненному пути, неся побѣдное знамя вѣчнаго духовнаго возрожденія. Но, по яснымъ и открытымъ для духовно-христіанскаго взора причинамъ, эта вожделѣнная для христіанскаго взора картина въ реальной жизни ни въ какое данное время не наблюдается во всей полнотѣ ея содержанія, а, наоборотъ, ея чистота затемняется иными картинами, свидѣтельствующими объ удаленіи человѣка съ путей спасенія и каждое время, съ этой точки зрѣнія, имѣетъ свой, ему принадлежащій обликъ.

Обликъ переживаемой нами современности характеризуется, въ разсматриваемомъ отношеніи, значительнымъ упадкомъ религіозно-нравственной жизни общества и интеллигентныхъ классовъ—въ особенности. Если простая вѣра народа еще питается преданіями доброй русской старины и оживляется являемыми на нашихъ глазахъ прославленіями угодниковъ Божіихъ и другими, очевидными знаменіями милости Божіей къ грѣшному человѣку, то жизнь интеллигентнаго класса, 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ оторванная искусственно отъ народныхъ устоевъ и корней, характеризуется, въ значительной степени, индифферентизмомъ, безрелигіозностію, стремленіемъ выработать автономную мораль, освободить себя отъ всякихъ обязательствъ исполненія закона религіозно-нравственнаго и, въ связи съ этимъ, тоскою и порывистыми исканіями новыхъ путей и новыхъ внѣцерковныхъ вождей жизни. Въ этихъ исканіяхъ мы можемъ наблюдать иногда уклонъ въ сторону морали абсолютной и автономной [1]), иногда—въ сторону сильной личности—разрушенія старыхъ догмъ и принциповъ и созиданія новыхъ цѣнностей [2]).

---

[1]) Типичнымъ выраженіемъ этого рода исканій и симпатій является книга неизвѣстнаго автора, скрывшаго себя подъ именемъ „Бывшаго Богослова“: „Необходима ли религія, главнымъ образомъ христіанство, для нравственности“? (Опытъ критико-систематическаго обзора современныхъ мнѣній). Спб. 1911 года.

[2]) Не имѣя надобности въ подробной характеристикѣ отмѣчаемаго явленія, мы считаемъ, однако, необходимымъ указать наблюдаемые, въ отраженіяхъ литературныхъ,

Какъ бы то ни было, но и въ лучшей части идейно настроенныхъ людей, желающихъ жить сознательной моральной жизнью, но отчужденныхъ отъ церковнаго благодатнаго общенія и руководства, наблюдается духовное изнеможеніе, потеря духовной мощи, оскудѣніе идеализма и измѣна жизненному знамени. Жизненная картина постепеннаго ослабленія идеализма, затемненія завѣтовъ юности и положительнаго моральнаго паденія, при условіи самочиннаго и горделиваго строенія жизни, наблюдается въ жизни весьма нерѣдко. Но на жизненномъ пути падаютъ и ослабѣваютъ не только отдѣлившіеся ради самочинной свободы отъ стада Христова, но и люди вѣрующіе, часто подавленные столь обычнымъ въ религіозной жизни номизмомъ, иску-

---

въ интеллигентной жизни современнаго общества нѣкоторые пути къ обоснованію моральной жизни. Такъ, напр., Брандтъ проповѣдывалъ абсолютную мораль: „все или ничего“, проводя въ жизнь идею категорическаго императива; онъ шагъ за шагомъ отказывается отъ всего земного, все принося въ жертву идеѣ служенія Богу и тѣмъ приближаясь, съ этой стороны, къ основнымъ мотивамъ религіозно-христіанскаго сознанія. Но это безкорыстное служеніе идеѣ ради идеи, безъ конечной цѣли, оторванное отъ церковныхъ путей, терпитъ крушеніе. Нарождаются новые жизненные борцы, производится переоцѣнка этическихъ цѣнностей. Появляется у Ибсена докторъ Штокманъ—врагъ большинства, такъ какъ толпа живетъ только привычными идеалами, а сильный человѣкъ—докторъ Штокманъ, несогласный съ толпой, вноситъ въ жизнь новую идею и вступаетъ въ борьбу съ толпой. Затѣмъ, подъ вліяніемъ Ницшеанской философіи, появляется новый человѣкъ—разрушитель старыхъ догмъ и принциповъ—напр. Ларра изъ „Старухи Изергиль“—Горькаго—борецъ, слишкомъ слабый, а потому и гибнущій за невозможностію создать что либо новое. Такова же судьба Тадеуша изъ „Снѣга“ Пшибышевскаго. Современная литература въ цѣломъ рядѣ произведеній, подъ вліяніемъ Ницше, даетъ нѣсколько типовъ разновидностей борцовъ, созидателей новыхъ жизненныхъ цѣнностей, таковы, напр., 1) Генрихъ изъ „Потонувшаго колокола“ Гауптмана, находящій смыслъ жизни только въ творчествѣ. Но идея его терпитъ крушеніе, такъ какъ не захватываетъ цѣлаго ряда жизненныхъ обязанностей—гражданскихъ, семейныхъ и др. И эта односторонность губитъ Генриха.

2) Къ такимъ же созидателямъ новыхъ автономныхъ цѣнностей относится герой Кнута Гамсуна въ произведеніи „Панъ“. Онъ—созерцатель природы, ему тѣсно и душно среди людей, онъ чувствуетъ себя не цѣлымъ, а частью въ природѣ, и эта приниженность лишаетъ его самостоятельности и обезцѣниваетъ для него жизнь.

3) Третьей разновидностію созидателей новыхъ цѣнностей и искателей новыхъ путей является герой въ „Homo Sapiens“ Пшибышевскаго—Фалькъ. Фалькъ отрицаетъ возможность опытнаго познанія истины, смѣется надъ долгомъ, принципами и правилами, сомнѣвается во всѣхъ установленіяхъ человѣческихъ. По мнѣнію Фалька главную роль въ жизни играетъ область безсознательнаго, которое лучше всего выражается въ искусствѣ, а потому истина болѣе всего познается въ искусствѣ.

4) Четвертую разновидность „новыхъ людей“ представляютъ собою мистики и декаденты, обособляющіеся отъ толпы, а потому и одинокіе на почвѣ непониманія толпой и отсутствія общечеловѣческихъ интересовъ.

5) Къ разновидностямъ новаго человѣка, къ сожалѣнію, слѣдуетъ причислить и „Санина“ Арцыбашева и др. созвучныхъ съ нимъ героевъ.

Мы видимъ, какая разнородность разновидностей и неопредѣленность настроеній наблюдается въ обществѣ, характеризуя его моральную неустойчивость и дряблость.

щенные слабостью духовной жизни въ окружающихъ, не справившіеся съ духовно-жизненными затрудненіями и охладѣвшіе къ подлинной жизни духа. Для тѣхъ и другихъ и для всѣхъ, ищущихъ живой поддержки въ жизненномъ подвигѣ, имѣетъ большое значеніе ясный и опредѣленный отвѣтъ на вопросы жизни и живой наглядный примѣръ воплощенія этого отвѣта въ личной жизни человѣка.

Но на ряду съ душами скорбными, мятущимися, ищущими, съ настроеніями колеблющимися — жизненная дѣйствительность даетъ намъ еще болѣе тяжелыя картины, характеризующія настроеніе современной жизни, какъ культъ плоти и инстинкта въ противовѣсъ духовной культурѣ христіанскаго аскетизма. При торжествѣ этого культа, жизнь человѣческая расцѣнивается, главнымъ образомъ, почти исключительно, въ условіяхъ временности, центръ человѣческихъ интересовъ переносится, по преимуществу, во внѣшнюю жизнь, въ результатѣ же этого наблюдается упадокъ жизни внутренней, духовной съ неизбѣжнымъ и естественнымъ преобладаніемъ интересовъ времени надъ вѣчными, а въ отношеніи къ вопросамъ душевнаго спасенія наблюдается по меньшей мѣрѣ равнодушіе. Но въ нѣдрахъ даже и теплохладныхъ душъ весьма часто тлѣетъ заложенная Творцомъ въ человѣческую природу искра спасительной ревности приближенія къ Богу, и нельзя терять надежды, что въ созерцаніи живого примѣра дѣятельно-христіанской жизни, свѣтло-ясныхъ видѣній потусторонней сферы жизни и въ усвоеніи чудной гармонической особности человѣческой личности, живущей въ мірѣ ради премірнаго, проводящей временный день предъ Лицомъ Вѣчнаго, и эти равнодушныя и теплохладныя, омертвѣвшія, повидимому, для духовной жизни, отторгшіяся отъ церковной ограды и самочинно-горделиво настроенныя сердца воспламенятся ревностію о Богѣ, любовію къ добру, жаждою душевнаго спасенія и, во имя этого, вступятъ на путь духовнаго обновленія и возрожденія.

Предлагая читателю нашъ трудъ о Преосвященномъ Игнатіи Брянчаниновѣ, мы хотѣли бы отмѣтить въ качествѣ наиболѣе сильнаго мотива для нашей работы стремленіе выяснить основы душевнаго спасенія и существенные элементы духовной жизни и возрожденія по сознанію русскаго подвижника вѣры и благочестія, на основаніи свидѣтельствъ его личнаго духовнаго опыта, независимо отъ школьной богословской науки, и тѣмъ оживить религіозно-нравственное сознаніе въ отношеніи путей, нормъ и значенія истинно-христіанской жизни, т. е. дать отвѣтъ на вопросъ о наиболѣе важной задачѣ человѣческой жизни и наилучшихъ средствахъ ея разрѣшенія. Съ другой стороны, личность Игнатія Брянчанинова представляется при ближайшемъ ознакомленіи настолько оригинальной, обаятельной, цѣльной и высокой, условія его жизни настолько исключительными, а между словомъ и

дѣломъ, упованіями и дѣяніями наблюдается такое тѣсное соотношеніе, такая удивительная гармонія, что образъ Святителя-подвижника, помимо своего особаго значенія въ исторіи православнаго русскаго монашества, имѣетъ общехристіанскій смыслъ живого примѣра дѣятельной вѣры, при которой для человѣка—жизнь есть только жизнь во Христѣ, а смерть—пріобрѣтеніе, какъ окончаніе странствованія и начало подлинной вѣчной жизни. То и другое, т. е. выясненіе міровоззрѣнія Епископа Игнатія, картина его личной духовной и внѣшней жизни, весь его обаятельно-праведный, чистый и дѣвственный духовный образъ представляются намъ имѣющими важное современное значеніе, особенно—въ виду наблюдаемаго нами повсюду затемненія религіозно-нравственнаго сознанія и упадка духовно-христіанской жизни.

Поставивъ себѣ ближайшей задачей выясненіе личности и міровоззрѣнія Епископа Игнатія Брянчанинова, мы, кромѣ тщательнаго обозрѣнія всей печатной литературы, касающейся личности подвижника, старались создать его подробную характеристику на основаніи первоисточниковъ и новыхъ документальныхъ данныхъ и непосредственныхъ впечатлѣній на мѣстахъ жизни и служенія Епископа Игнатія. Съ этою цѣлію авторомъ посѣщены лично:

1) Село Покровское Вологодской губерніи—мѣсто рожденія и дѣтства Епископа Игнатія;

2) Г. Вологда съ его Каѳедральнымъ Софійскимъ соборомъ и храмомъ Всемилостиваго Спаса—зимнее мѣстопребываніе семьи Брянчаниновыхъ, мѣсто постриженія въ иночество Епископа Игнатія и религіозныхъ его утѣшеній;

3) Успенская Семигородная пустыня Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи—мѣсто предварительнаго послушническаго искуса Епископа Игнатія;

4) Григоріе-Пельшемскій Лопотовъ монастырь Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда,—мѣсто перваго настоятельства Епископа Игнатія въ званіи сначала строителя, а потомъ и игумена этой обители;

5) Троице-Сергіева пустыня С.-Петербургской епархіи—мѣсто наибольшей жизненной осѣдлости Епископа Игнатія и наиболѣе продолжительныхъ трудовъ его—въ званіи настоятеля и Архимандрита этой обители.

6) Г. Ставрополь-Кавказскій—мѣсто четырехлѣтняго Епископскаго служенія Преосвященнаго Игнатія;

и 7) Николо-Бабаевскій монастырь Костромской епархіи—мѣсто шестилѣтняго предсмертнаго духовнаго дѣланія Святителя Игнатія и его послѣдняго упокоенія.

Во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ жизни и служенія Епископа Игнатія авторъ, кромѣ непосредственныхъ личныхъ впечатлѣній—отчетли-

выхъ и яркихъ, благодаря любезному содѣйствію нынѣшнихъ обитателей, владѣльцевъ и руководителей мѣстъ и обителей, имѣющихъ отношеніе къ житію и подвигамъ Епископа Игнатія, встрѣчалъ и имѣлъ возможность слышать личныя воспоминанія о Святителѣ Игнатіи родственниковъ по плоти и духу, продолжателей его святого труда и другихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями его земного подвига. Въ этомъ отношеніи цѣнными представляются для оживленія собранныхъ документальныхъ данныхъ—воспоминанія престарѣлаго крестьянина села Покровскаго, настоятеля Троице-Сергіевой пустыни Архимандрита Михаила, Ставропольскихъ гражданъ—Г. Н. Прозрителева и старца Н. В. Сократова, монаха старца Александра въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, несущаго съ усердіемъ и назиданіемъ послушаніе чтенія Псалтири и поминовенія усопшихъ при гробницѣ Святителя Игнатія и др. Но особенно важное значеніе имѣло для автора при составленіи предлагаемаго труда необыкновенно отзывчивое и участливое отношеніе къ его задачѣ со стороны родственниковъ Святителя Игнатія по плоти и духу, имена которыхъ мы съ глубокою благодарностію имѣемъ побужденія упомянуть, это 1)—племянникъ присно-памятнаго Святителя Игнатія, бывшій Рязанскій губернаторъ, нынѣ Сенаторъ, дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Николай Семеновичъ Брянчаниновъ, не отказавшій автору въ сообщеніи своихъ личныхъ высокихъ и проникновенныхъ благоговѣйныхъ воспоминаній о Святителѣ Игнатіи на основаніи семейныхъ преданій и личнаго духовнаго общенія съ нимъ, и сверхъ того—съ безмѣрнымъ радушіемъ и предупредительностію предоставившій въ распоряженіе автора различные документы—мемуары, письма и воспоминанія,—найденные въ бумагахъ его двоюроднаго брата, также родного племянника Святителя Игнатія, покойнаго товарища управляющаго дѣлами Комитета Министровъ Алексѣя Петровича Брянчанинова; 2) Членъ Дворянскаго Земельнаго Банка въ Москвѣ Валеріанъ Николаевичъ Брянчаниновъ, опытно познавшій высоту и трудность аскетическаго подвига, непрерывностію котораго характеризуется вся многотрудная жизнь Епископа Игнатія, и благоговѣйно чтущій его память. 3) Племянница покойнаго Святителя Игнатія, престарѣлая Варвара Васильевна Боборыкина, при своемъ преклонномъ свыше 80-лѣтнемъ возрастѣ, сохранившая въ полной ясности воспоминанія своего дѣтства и юности, уносящія насъ въ періодъ общественной дѣятельности и отшельнической жизни Епископа Игнатія. Въ воспоминаніяхъ ея, какъ и Н. С. Брянчанинова, въ отношеніи къ нашей задачѣ имѣетъ особенное значеніе согласное представленіе высоты и чистоты духа и праведности жизни Епископа Игнатія. При полной ясности мысли, рѣдкой основательности и логичности сужденій, глубокообразованная В. В. Боборыкина вызываетъ высокое къ себѣ уваженіе полной опредѣленностію своего взгляда на жизнь

и смерть и готовностію перехода въ потусторонній міръ по зову Божію въ упованіи при этомъ на предстательство Епископа Игнатія, въ лицѣ котораго родичи Епископа Игнатія и сродные ему по духу жизненныхъ упованій имѣютъ своего небеснаго предтечу по мѣткому выраженію Вологодскаго Каѳедральнаго протоіерея Нордова [1]).

4) Нынѣшняя помѣщица села Покровскаго—супруга Архангельскаго Вице-губернатора В. Н. Брянчанинова—С. А. Брянчанинова, урожденная Татищева, благодаря любезности которой, авторъ имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ барскимъ домомъ и садомъ усадьбы Брянчаниновыхъ—бывшими колыбелью дѣтства Игнатіева и питомникомъ его высокихъ думъ объ иноческомъ подвигѣ и душевномъ спасеніи.

Источники и пособія для обозрѣнія жизни и дѣятельности Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова и для ознакомленія съ его воззрѣніями по вопросу о цѣли и смыслѣ человѣческой жизни и о душевномъ спасеніи заключаются въ его сочиненіяхъ, общему обозрѣнію которыхъ посвящается первая глава второй части настоящаго труда, и въ печатныхъ матеріалахъ и письменныхъ документахъ, имѣющихъ отношеніе къ личности Епископа Игнатія. Наиболѣе важное значеніе для автора, кромѣ сочиненій Епископа Игнатія, при составленіи настоящаго труда имѣли слѣдующіе памятники:

I. Мемуары, записки и замѣтки, полученныя отъ Сенатора Николая Семеновича Брянчанинова и доставшіяся ему въ бумагахъ его двоюроднаго брата А. П. Брянчанинова [2]). Въ числѣ этихъ матеріаловъ имѣютъ особую цѣнность: 1) Письма разныхъ лицъ объ „Аскетическихъ опытахъ“ Епископа Игнатія, выясняющія отношеніе современниковъ къ этой важной части твореній Игнатіевыхъ.

---

[1]) По сообщенію В. В. Боборыкиной, послѣ кончины Святителя Игнатія родные и знакомые Ал. Сем. Брянчанинова, по принятому обычаю, заѣзжали въ его Вологодскій домъ съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу смерти сына. Въ числѣ другихъ заѣхалъ и извѣстный въ свое время въ Вологдѣ каѳедральный протоіерей В. И. Нордовъ, большой почитатель Епископа Игнатія. Подойдя къ Александру Семеновичу Брянчанинову, Нордовъ сказалъ съ большимъ чувствомъ: „Поздравляю Васъ, Александръ Семеновичъ, Богъ даровалъ Вамъ такого хорошаго предтечу, какъ Преосвященный Игнатій.“ Сочувствіе оригинальное и въ истинно-христіанскомъ духѣ.

[2]) Сенаторъ Алексѣй Петровичъ Брянчаниновъ—сынъ Петра Александровича Брянчанинова, брата Епископа Игнатія, бывшаго Ставропольскаго губернатора, впослѣдствіи вслѣдъ за чтимымъ братомъ ушедшаго съ губернаторской должности въ послушники Николо-Бабаевскаго монастыря. П. А. Брянчаниновъ скончался 25 іюня 1891 года 82 лѣтъ отъ роду и погребенъ на кладбищѣ Николо-Бабаевскаго монастыря съ именемъ монаха Павла. Глубокій и искренній почитатель Епископа Игнатія съ дней дѣтства, П. А. Брянчаниновъ имѣетъ наиболѣе близкое къ нему духовное отношеніе, вслѣдствіе чего и тѣ матеріалы, которые собраны его руками, имѣютъ особую цѣнность для освѣщенія личности Епископа Игнатія.

2) Неизданные матеріалы по вопросу объ отношеніи Епископа Игнатія къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, дающіе возможность установить опредѣленное сужденіе по данному вопросу.

3) Неизданныя письма Епископа Игнатія къ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ письма къ Преосвященному Леониду (Краснопѣвкову) и къ брату П. А. Брянчанинову.

4) Мнѣніе Преосвященнаго Игнатія о необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви.

5) Документы объ изданіи твореній Епископа Игнатія И. Л. Тузовымъ и др.

II. Дѣла канцеляріи Троице-Сергіевой пустыни и указы С.-Петербургской духовной Консисторіи и Свят. Синода за время управленія Архимандрита Игнатія Брянчанинова этой обителью [1]).

III. Дѣла Ставропольской духовной консисторіи, въ которую, по учрежденіи въ 1885 году Ставропольской епархіи, и были переданы дѣла бывшей Кавказской и Черноморской каѳедры [2]).

IV. Дѣла канцеляріи Ставропольскаго Гражданскаго губернатора, находящіяся въ вѣдѣніи Ставропольскаго архивнаго комитета, создавшаго замѣчательный „Музей сѣвернаго Кавказа“, состоящій въ вѣдѣніи Г. Н. Прозрителева.

V. Дѣла правленія Кавказской духовной семинаріи, хранящіяся въ архивѣ нынѣшней Ставропольской семинаріи.

VI. Бумаги Епископа Игнатія Брянчанинова, найденныя нами лично въ архивѣ Николо-Бабаевскаго монастыря, Костромской епархіи; въ числѣ ихъ дѣло объ увольненіи Епископа Игнатія отъ управленія Кавказской епархіей и письмо заключеннаго въ Спасо-Евѳиміевъ Суздальскій монастырь іеромонаха Меѳодія къ мо-

---

[1]) Канцелярія Троице-Сергіевой пустыни содержится въ замѣчательномъ порядкѣ со времени Игнатія Брянчанинова. Весь канцелярскій порядокъ въ Троице-Сергіевой пустыни созданъ образованнымъ, аккуратнымъ и преданнымъ Игнатію Брянчанинову послушникомъ Троице-Сергіевой обители Павломъ Петровичемъ Яковлевымъ, который за все время архимандритства Игнатія Брянчанинова велъ дѣла не только по Троице-Сергіевой обители, но и по благочинію монастырей С.-Петербургской епархіи. Достойнымъ продолжателемъ его по канцеляріи обители является молодой и симпатичный іеромонахъ Андроникъ, въ настоящее время завѣдующій дѣлопроизводствомъ Сергіевой пустыни.

[2]) Благодаря сочувственному вниманію Высокопреосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго, и любезности секретаря Ставропольской консисторіи С. А. Малевинскаго и администраціи Ставропольской семинаріи, авторъ имѣлъ возможность во внѣприсутственные дни пасхальной седмицы 1914 года ознакомиться съ интересующими его данными Кавказской и Черноморской каѳедры и Кавказской семинаріи.

наху Паисію по поводу возникшей въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ ереси.

VII. Собственноручная автобіографія схимонаха Троице-Сергіевой пустыни о. Михаила Чихачова, друга Игнатія Брянчанинова, и приложенныя къ ней рукописи о. Михаила Чихачова: „Сказанія для памяти и пользы души—своей и ближняго"; „Изложеніе причинъ моего желанія постриженія въ схиму"; „Явленіе Епископа Игнатія А. В. Ж. на 20 день по кончинѣ своей, 1867 года 19 мая, описанное видѣвшею въ Москвѣ" и „Сновидѣніе С. И. С. о Епископѣ Игнатіи 1867 года 12 августа въ С.-Петербургѣ". Рукописи эти найдены авторомъ въ бумагахъ Троице-Сергіевой пустыни.

Сверхъ вышеупомянутаго цѣннаго рукописнаго и до настоящаго времени неизданнаго матеріала и твореній Епископа Игнатія Брянчанинова, авторомъ при составленіи книги приняты были въ соображеніе, по возможности, всѣ, до настоящаго времени появившіеся въ печати матеріалы, книги и статьи, относящіеся къ личности Игнатія Брянчанинова, какъ, напр:

1) Письма Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Филарета къ настоятелю Троицкой Сергіевой пустыни Архимандриту (впослѣдствіи Епископу) Игнатію Брянчанинову (1833—1842 г.). Сообщилъ Іеромонахъ Игнатій Садковскій; всего 11 писемъ.

2) Письма Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго Филарета (Амфитеатрова) къ настоятелю Троицкой Сергіевой пустыни Архимандриту (впослѣдствіи Епископу) Игнатію Брянчанинову (1837—1843 г.). Всего 13 писемъ.

3) Письма Епископа Игнатія Брянчанинова къ разнымъ лицамъ, напечатанныя въ журналѣ: „Богословскій вѣстникъ" за 1913 и 1914 г. г.

4) Тамъ же напечатанныя изреченія Епископа Игнатія Брянчанинова, извлеченныя изъ писемъ его къ монахамъ, сообщенныя іеромонахомъ Игнатіемъ Садковскимъ.

5) Ст. „Во Христѣ Саперъ" (къ столкновенію А. И. Герцена и Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова)—„Богословскій вѣстникъ" за 1913 годъ.

6) Письма Игнатія Брянчанинова къ Антонію Бочкову, игумену Череменецкому.

7) Жизнеописаніе Епископа Игнатія Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками и почитателями, изд. 1881 г., и приложенныя къ нему письма Преосвященнаго Игнатія къ разнымъ лицамъ.

8) Преосвященный Игнатій (Брянчаниновъ), Епископъ Кавказскій. Біографическій очеркъ—В. Аскоченскаго, въ журналѣ „Домашняя бесѣда" за 1867 годъ.

9) Письма аскета. Изъ переписки архим. Игнатія Брянчанино-

ва съ С. Д. Нечаевымъ (напеч. въ журналѣ „Христіанское Чтеніе“ за 1895 годъ).

10) Прот. Ф. Знаменскій. Жизнеописаніе Епископа Игнатія Брянчанинова (напеч. въ журналѣ: „Церковныя вѣдомости“ за 1903 годъ).

11) Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія XVIII и XIX вѣка.

12) Лѣсковъ. Инженеры—безсребренники.

13) Іеромонахъ Игнатій (Садковскій). Въ поискахъ Живого Бога. Сергіевъ Посадъ. 1913 г.

14) Архим. Игнатій. Слово въ защиту русскихъ монастырей. Спб. 1874 г.

15) Архим. Игнатій. Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ. Спб. 1875 г.

16) Творенія Епископа Ѳеофана Затворника и др. печатныя изданія, которыя по мѣрѣ надобности цитируются въ соотвѣтственныхъ частяхъ нашей книги.

Соотвѣтственно избранной нами темѣ, работа наша раздѣляется на двѣ части; первая часть посвящена изображенію жизни и личности Епископа Игнатія Брянчанинова, а вторая—изложенію морально-аскетическихъ воззрѣній Святителя въ ихъ основныхъ элементахъ. Въ первой части авторъ ставитъ себѣ цѣлію—изобразить жизнь и дѣятельность Святителя Игнатія на основаніи имѣющихся въ его распоряженіи матеріаловъ и охарактеризовать его личность. Во второй части—задачу автора составляетъ обозрѣніе литературныхъ трудовъ Епископа Игнатія, изложеніе ученія Святителя о духовномъ мірѣ и условіяхъ душевнаго спасенія, какъ необходимыхъ предпосылкахъ православно-христіанскаго духовнаго подвига и, далѣе, въ представленіи духовнаго міра и условій спасенія, опредѣленіе данныхъ живой дѣйствительности духовной жизни или реальной стороны духовной жизни, а потомъ указаніе порядка и строя должной и соотвѣтственной подготовленію къ вѣчности человѣческой жизни или изображеніе идеальной и должной стороны духовной жизни.

По этимъ соображеніямъ книга наша имѣетъ слѣдующій планъ.—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Жизнь и личность Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова.

Глава первая.—Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ до принятія монашества.

Глава вторая. Игнатій Брянчаниновъ въ должности настоятеля монастырей.

Глава третья. Игнатій Брянчаниновъ, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

Глава четвертая. Жизнь въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ и блаженная кончина Епископа Игнатія. Личность Святителя Игнатія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Морально-аскетическія воззрѣнія Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова.

Введеніе. Общее обозрѣніе литературныхъ трудовъ Епископа Игнатія.

Глава первая.—Духовный міръ и условія душевнаго спасенія (необходимыя предпосылки православно-христіанскаго подвига).

Глава вторая. Реальная сторона духовной жизни. (Грѣховное состояніе человѣка).

Глава третья. Идеальная сторона духовной жизни. (Православно-христіанскій подвигъ душевнаго спасенія въ его порядкѣ и постепенности).

Въ дополненіе и для иллюстраціи предлагаемаго труда, къ нашей книгѣ сдѣланы приложенія въ видѣ неизданныхъ статей и писемъ Епископа Игнатія, портретовъ его и различныхъ снимковъ и рисунковъ, имѣющихъ отношеніе къ его личности.

Глава первая.

Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ до принятія монашества.

Характеристика времени жизни и дѣятельности Преосвященнаго Игнатія. Жизнь Игнатія Брянчанинова до принятія монашества.

1) Въ родномъ домѣ.

Село Покровское—родина Д. А. Брянчанинова—въ настоящее время и сто лѣтъ назадъ. Родители Д. А. Брянчанинова—Александръ Семеновичъ и Софія Аѳанасьевна Брянчаниновы. Воспитаніе молодыхъ Брянчаниновыхъ — дѣтей Александра Семеновича. Дѣти Брянчаниновыхъ — ихъ общее настроеніе. Митенька — старшій сынъ Брянчаниновыхъ.

2) Въ Военномъ Инженерномъ училищѣ.

Въ волнахъ мірской суеты. Разочарованіе въ мудрости этого міра и обращеніе къ мудрости духовной, Божественной. Дружба Д. А. Брянчанинова съ М. В. Чихачовымъ. Жизнь „монаховъ“ въ Инженерномъ училищѣ. Препятствія на пути въ монастырь.

3) По монастырямъ.

Въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. Въ Площанской пустыни. Въ Оптиной пустыни. Въ Кирилло-Новоезерскомъ монастырѣ. Въ Семигородной Успенской пустыни. Въ Глушицкомъ монастырѣ. Исполненіе желанія Д. А. Брянчанинова. Назначеніе іеромонаха Игнатія строителемъ въ Лопотовъ монастырь.

Жизнь и дѣятельность Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова относится къ первымъ тремъ четвертямъ XIX вѣка; шестидесятилѣтній періодъ этой жизни, начавшійся 5 февраля 1807 года, по условіямъ русской жизни за это время, представляется слишкомъ сложнымъ и разнороднымъ для того, чтобы подвести его подъ общія исчерпывающія его содержаніе положенія. Имѣя въ виду, ближайшимъ

образомъ, дворянскій—помѣщичій классъ русскаго общества, къ которому по рожденію и воспитанію принадлежалъ Игнатій Брянчаниновъ, мы можемъ отмѣтить въ качествѣ характерныхъ чертъ этого класса за разсматриваемый періодъ времени—съ одной стороны переживаніе шагъ за шагомъ западно-европейскихъ, очень нерѣдко чуждыхъ подлинной русской жизни вліяній, а съ другой—сохраненіе, именно, въ нѣдрахъ дворянскаго класса самобытно-національнаго уклада русской жизни и вѣрности кореннымъ традиціямъ русскаго духа и быта. Начиная съ второй еще половины XVIII вѣка жизнь передовыхъ классовъ русскаго общества подпадаетъ подъ разнородныя иноземныя вліянія, началомъ которыхъ можно считать энциклопедизмъ французскаго вольно-мысленнаго просвѣщенія и масонство. Передовые люди конца XVIII и начала XIX вѣка въ значительной части принадлежали къ масонству или стояли подъ вліяніемъ французской философіи. Не осталась чуждою этому вліянію и фамилія Брянчаниновыхъ. Несмотря на отдаленность отъ столицы и относительно замкнутый образъ помѣщичьей жизни, владѣльцы села Покровскаго были людьми въ высокой степени образованными въ западно-европейскомъ духѣ [1]). Мы видимъ даже въ русской жизни первой четверти XIX вѣка и въ дальнѣйшихъ годахъ вліяніе байронизма, впитанное опять же передовыми людьми руководящаго класса и отдалившее ихъ отъ родной почвенной дѣйствительности и подготовившее то печальное явленіе русской жизни, которое характеризуется появленіемъ въ 30—40-е годы „лишнихъ людей“. Вліяніе байронизма, чуждое почвенной русской жизни, ярко иллюстрируется поэтическимъ творчествомъ современниковъ и сверстниковъ Игнатія Брянчанинова—Пушкина и Лермонтова. Въ 30-е и 40-е годы XIX вѣка байроническое настроеніе внутренняго разлада и міровой скорби смѣняется усиленнымъ увлеченіемъ нѣмецкой философіей, особенно гегельянствомъ и попытками національнаго самоопредѣленія въ формѣ и духѣ славянофильства и западничества. Настроеніе разочарованія смѣняется усиленными поисками идеала, стремленіями опредѣлить условія его почвеннаго воплощенія въ русской дѣйствительности и новыми разочарованіями вслѣдствіе недостаточнаго знанія послѣдней. Конецъ пятидесятыхъ и шестидесятые годы XIX вѣка вводятъ въ русскую дѣйствительность вліяніе эмпиризма, матеріализма, позитивизма и естествознательныхъ теорій, на почвѣ увлеченія которыми возникаютъ мечты и планы общественнаго переустройства и устраненія недостатковъ жизни путемъ разрушенія отжившаго строя и дворянской помѣщичьей культуры

[1]) Племянница Преосвящ. Игнатія Варвара Васильевна Боборыкина въ своихъ воспоминаніяхъ о дѣдѣ своемъ — Александрѣ Семеновичѣ Брянчаниновѣ, отдавая должную дань его образованію, уму и характеру, неизмѣнно добавляетъ къ своему отзыву объ Александрѣ Семеновичѣ: „онъ былъ масонъ“.

съ замѣной ихъ правовымъ порядкомъ и постепеннымъ возвышеніемъ культуры крестьянской. Русская литература XIX вѣка, въ періодъ своего расцвѣта созданная, по преимуществу, представителями русскаго дворянства и помѣщичьяго класса, даетъ намъ достаточное количество типичныхъ представителей тѣхъ этаповъ, которые прошла русская дѣйствительность по пути духовной культуры. Всѣ эти „лишніе люди“: Онѣгины, Печорины, Рудины, Агарины, Базаровы, Болконскіе и Безуховы, многочисленные герои Достоевскаго, Л. Толстого и проч. своимъ духовнымъ обликомъ, моральнымъ складомъ и внѣшними жизнепроявленіями даютъ иллюстрацію этихъ жизненныхъ и западно-европейскихъ вліяній, которыя на почвѣ русской дѣйствительности создавали или напрасную, преждевременную и безцѣльную трату подчасъ незаурядныхъ силъ, или ставили русскихъ людей въ инвалидное состояніе, создавая настроеніе разлада и духовной дряблости и оставляя жизненную ниву маловоздѣланною за неумѣніемъ дѣлателей, хотя бы они и были иногда „съ полными добраго жита кошницами“. Эта подчиненность вліяніямъ западно-европейскимъ въ умственной жизни, въ воспитаніи, во внѣшней культурѣ, потеря духовной самостоятельности и плѣненіе иными началами, утѣшая собою легковѣсный жизненный налетъ, начиная съ Фонвизинскаго Иванушки, вызывала въ болѣе глубокихъ и содержательныхъ представителяхъ дворянско-помѣщичьяго класса тяжелыя страданія, недовольство собою и окружающими, выраженіемъ которыхъ можетъ быть отмѣчена Лермонтовская „Дума“ и самоанализъ русскихъ Гамлетовъ въ творчествѣ Тургенева, Достоевскаго и Л. Толстого. Вся эта сложная сумма западно-европейскихъ вліяній и многочисленныхъ умственно-культивирующихъ образовательныхъ условій, характеризующихъ передовую русскую жизнь за время конца XVIII и XIX вѣка, не была чуждою и фамиліи Брянчаниновыхъ, хотя бы ея достойные представители, по разнымъ причинамъ, удалялись отъ придворныхъ и столичныхъ центровъ въ глушь своихъ родовыхъ помѣстій. Туда,—въ заброшенные, повидимому, глухіе углы сѣверныхъ губерній несли они съ собою свои изысканные вкусы и свои благородныя привычки и свою высокую духовную культуру, внося ее въ смыслѣ несомнѣнно положительнаго вліянія въ окружающую сѣренькую дѣйствительность и, дѣйствительно, приближая ее къ высокой культурѣ Запада. Въ отношеніи внѣшней и внутренней духовной культуры сѣверныя имѣнія Брянчаниновыхъ могутъ быть поставлены образцомъ—и въ отношеніи внѣшняго благоустройства имѣнія и хозяйства, и въ отношеніи воздѣлывающей культуры и обработывающей промышленности, и въ отношеніи порядка и дисциплины и домашняго строя, и въ отношеніи книжныхъ сокровищъ и духовнаго просвѣщенія, и еще болѣе—въ отношеніи широты и глубины умствен-

наго кругозора ихъ владѣльцевъ. Библіотека села Покровскаго временъ Игнатіевыхъ, его собственная библіотека, доставшаяся въ значительной степени Николо-Бабаевскому монастырю и Троице-Сергіевой пустыни, ранѣе всѣхъ сосѣднихъ помѣстій открытая въ Покровскомъ, хорошо поставленная и непрерывно существующая до настоящаго времени народная школа, многочисленныя мастерскія села Покровскаго и удовлетвореніе потребностей эстетическихъ, благоустройство приходскаго храма и высокое уваженіе къ религіи, отражавшееся на жизненномъ укладѣ семьи,—сильно говорятъ о томъ, что Брянчаниновы не были и не могли быть эгоистическими эксплоататорами доставшихся имъ имѣній и крестьянскихъ душъ. Конечно, „цѣпь великая“ отношеній крѣпостныхъ, вносившая разладъ и взаимныя недоразумѣнія въ отношенія барина и мужика, какъ это мы видимъ въ жизни, знаемъ по Тургеневу и Л. Толстому, не исключала возможности отрицательныхъ, обычныхъ по тому времени явленій: подневольный характеръ работы, власть надъ жизнію и смертію, группировка жениховъ и невѣстъ бариномъ, опредѣленіе крѣпостного человѣка къ той или иной должности по усмотрѣнію барина, суровыя въ духѣ времени наказанія за проступки,—всегда мыслятся въ видѣ темныхъ сторонъ помѣщичьей жизни и оправданій достаточныхъ съ нашей стороны вызывать, конечно, не могутъ. Но таже „цѣпь великая“ сковывала барина и мужика, при образованности и культурности перваго и простотѣ и довѣрчивости другого, въ одинъ сложный жизненный аггрегатъ, въ одну семью не на условіяхъ только внѣшней подневольной сплоченности, но и въ формѣ моральныхъ отношеній, объединяемыхъ и утверждаемыхъ идеалами религіозными, патріотическими, семейными и общественными, усвояемыми въ мѣру духовнаго развитія каждой стороны.

Впитывая въ себя и внося въ жизнь родовыхъ помѣстій начала западно-европейской культуры и науки, русскіе дворяне-помѣщики, въ силу родовой преемственности и историческихъ традицій, всего болѣе сохраняли въ себѣ, какъ наиболѣе рельефныя черты своего духовнаго облика,—черты русской національной самобытности, вѣрности Церкви и историческимъ традиціямъ, и тѣмъ самымъ благотворно вліяли на окружающую ихъ народную среду, цементируя и объединяя ее на почвѣ воодушевляющихъ мощныхъ началъ вѣрности Церкви и вѣрѣ православной, царю и отечеству. Съ другой стороны, охраняя собственную духовную самобытность, а иногда по свойствамъ своего характера и духовнаго уклада сторонясь гражданской и военной службы съ мотивами личныхъ успѣховъ, помѣщики-дворяне удалялись въ свои родовыя помѣстья и, устраивая тамъ жизнь по своему вкусу и планамъ, неся съ собою начала высшей культуры, естественно и невольно впитывали въ себя вліяніе русской природы, народ-

ной жизни, простого быта и нравовъ, и тѣмъ, съ одной стороны, сроднялись съ народной средой и объединяли усвоенныя ими новыя вѣянія съ традиціонными началами жизни древне-русской. Такъ создался привлекательный типъ помѣщиковъ Лариныхъ, которые, по Пушкину, „хранили въ жизни мирной привычки милой старины, у нихъ на масляницѣ жирной водились русскіе блины, два раза въ годъ они говѣли, любили круглыя качели, подблюдны пѣсни, хороводъ... имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ и за столомъ у нихъ гостямъ носили блюда по чинамъ"; таковы Дубровскіе, Троекуровы, Гриневы у Пушкина, Болконскіе, Безуховы у Толстого, Ласунскіе, Кирсановы и Лаврецкіе у Тургенева. Къ типу этихъ дворянскихъ семействъ принадлежала и родная семья Игнатія Брянчанинова. Любовь къ русской природѣ, народнымъ обычаямъ, своеобразная, безъ слабости, строгая любовь къ русскому мужику, вниманіе къ его нуждѣ и благу, любовь къ православной Церкви и святая ревность о благоустроеніи родного приходскаго храма, почтительное уваженіе къ представителямъ Церкви и искренній патріотизмъ являются отличительными характерными чертами фамиліи Брянчаниновыхъ. По отношенію къ времени дѣтства Епископа Игнатія, т. е. къ началу XIX вѣка, черты эти въ достаточной степени подтверждаются фактами. Такое значеніе факта, подтверждающаго нашъ взглядъ на духовный обликъ фамиліи Брянчаниновыхъ, имѣетъ порядокъ благоустройства запущеннаго родового имѣнія А. С. Брянчаниновымъ. Бывшій воспитанникъ пажескаго корпуса, свѣтскій образованный человѣкъ, Александръ Семеновичъ задался цѣлію благоустроенія задолженнаго имѣнія и поднятія фамиліи. И вотъ онъ, долгое время мирясь съ неудобствами помѣщенія въ старомъ, маленькомъ и развалившемся домѣ, прежде всего устраиваетъ приходскій храмъ, своеобразно воспитывая при этомъ строителей его, и уже въ слѣдующій затѣмъ годъ переходитъ къ устройству своего дома [1]), предпосылая этому приведеніе въ порядокъ и устроеніе хозяйственныхъ службъ. А за время многолѣтней жизни А. С. Брянчанинова въ имѣніи приходскій храмъ видѣлъ его всегда благоговѣйнымъ и усерднымъ богомольцемъ, чтителемъ святыни, иконъ и поминовенія [2]). А его высокій патріотизмъ выражался въ энергичной подготовкѣ къ оборонѣ въ историческій моментъ 1812 года, когда ожидали всероссійскаго полона отъ всемірнаго завоева-

---

[1]) По разсказамъ Покровскихъ старожиловъ, храмъ села Покровскаго былъ построенъ въ 1810 году, а домъ—въ 1811 году, такъ что ко времени общенародныхъ событій русской жизни 1812 года Александръ Семеновичъ жилъ уже въ новомъ домѣ.

[2]) По разсказамъ очевидцевъ, Александръ Семеновичъ всегда стоялъ литургію до конца и послѣ того несъ въ рукахъ данную ему просфору, съ непокрытою головой, до своего дома. Конечно, разстояніе небольшое, но—пріемъ и обычай характерный.

теля. Александръ Семеновичъ воодушевилъ тогда свою значительную крѣпостную дружину и, независимо отъ жертвъ своихъ на общерусское дѣло, устроилъ изъ своего имѣнія маленькую крѣпость съ достаточнымъ количествомъ оружія и даже пушекъ и мортиръ, до настоящаго времени показываемыхъ въ Покровскомъ и вновь вырываемыхъ изъ земли при случайныхъ раскопкахъ по хозяйственнымъ надобностямъ [1]). Почтительное уваженіе, которымъ пользовался Брянчаниновъ въ средѣ своихъ сосѣдей: вниманіе къ нему губернскихъ властей, нерѣдкіе поѣздки въ Покровское епархіальнаго Епископа на нѣсколько дней и торжественныя встрѣчи, устраиваемыя Епископу при его пріѣздѣ въ Покровскій дворецъ [2]) также въ достаточной мѣрѣ обрисовываютъ духовный обликъ именитаго хозяина села Покровскаго. На исходѣ XIX и въ началѣ XX вѣка намъ лично приходилось неоднократно встрѣчаться въ Брянчаниновскихъ имѣніяхъ—Юровѣ и Покровскомъ съ фактами необыкновеннаго трогательнаго по своему безкорыстію и искренности вниманія барина къ крестьянской нуждѣ и необычайной сердечностію благожелательнаго порыва, а немногія шероховатости житейскаго быта въ недавніе освободительные годы вызывались исключительно эксплоататорскими наклонностями довѣренныхъ лицъ и моментально устранялись, какъ только дѣлались извѣстными кому либо изъ Брянчаниновыхъ. Эта же простота, радушіе, доброжелательность, отзывчивость и безкорыстіе характеризуютъ и нынѣшнихъ владѣльцевъ села Покровскаго.

Но выдающуюся и исключительную по своему жизненному выраженію черту фамиліи Брянчаниновыхъ, по нашему мнѣнію, составляетъ особо чуткая религіозность, способность и наклонность къ

---

[1]) По преданіямъ, хранимымъ въ Покровскомъ старожилами, въ годъ Наполеоновскаго нашествія Александръ Семеновичъ почасту съ грустію смотрѣлъ на свой отстроенный заново домъ, сидя въ креслѣ противъ устроенной со стороны сада террасы, и загадочно говорилъ: „Забава, забава моя, кому ты достанешься"? Но лихолѣтье миновало и „забава" попала въ достойныя руки и донынѣ служитъ интереснымъ памятникомъ своего замѣчательнаго строителя.

[2]) По воспоминаніямъ сенатора Н. С. Брянчанинова, торжественныя встрѣчи архіереевъ въ Юровѣ и Покровскомъ, свидѣтелями которыхъ неоднократно приходилось быть ему съ братомъ, впослѣдствіи Самарскимъ губернаторомъ, нынѣ покойнымъ А. С. Брянчаниновымъ, производили неизгладимое впечатлѣніе, утверждая особую высоту Святительскаго сана. И когда впослѣдствіи, будучи студентами послѣднихъ курсовъ, Николай Семеновичъ и Александръ Семеновичъ Брянчаниновы, по совѣту своего отца Семена Александровича, отправились въ Бабайки повидаться съ дядей и ради духовнаго утѣшенія, ихъ смущала болѣе всего мысль о томъ, что дядя—Епископъ, что, наряду съ молвою о его святости, усиливало ихъ затрудненія при встрѣчѣ съ нимъ, именно, въ виду высоты носимаго имъ сана. И только необыкновенная простота и сердечность Епископа Игнатія при встрѣчѣ помогли племянникамъ приблизиться къ ихъ знаменитому дядѣ и усвоить въ бесѣдѣ съ нимъ трогательный тонъ искренней откровенности.

жизни въ Богѣ и жажда аскетическаго подвига. Примѣръ Епископа Игнатія, оставившаго родовыя и матеріальныя преимущества, перспективы блестящей карьеры и счастливой земной жизни ради царствія Божія и жизни въ Богѣ—въ родѣ Брянчаниновыхъ не исключительный. Если бы не наше глубокое уваженіе къ скромности и высотѣ совершаемаго предъ Лицомъ Божіимъ нѣкоторыми представителями Брянчаниновскаго рода аскетическаго подвига въ наши дни, въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, свидѣтелями котораго намъ, по милости Божіей и къ нашему духовному назиданію, пришлось быть, мы могли бы изобразить удивительныя явленія преклоненія мощи человѣческой предъ дивными знаменіями Божіей силы и разсказать о томъ, какъ вѣками культивируемая, преодолѣвающая тягу земную, почвенно-народная русская „сила вся души великая въ дѣло Божіе ушла“ и нѣкоторые позднѣйшіе представители Брянчаниновскаго рода унаслѣдовали нѣкоторые драгоцѣнные элементы духа Игнатіева; мы могли бы указать какъ нѣкоторые позднѣйшіе представители древняго рода Брянчаниновыхъ и по мужеской и женской линіи—на зарѣ XX вѣка готовы „славу человѣческую яко прахъ вмѣнить“ и „вся“ мыслить, „яко уметы царствія ради Божія“, „монашескій пріять вѣнецъ и въ тихую обитель затвориться“. Но и въ исторической перспективѣ 8 или 9 десятилѣтій, кромѣ Игнатія Брянчанинова, его родъ даетъ достаточное количество искателей и ревнителей царствія Божія и вѣчной жизни, такъ что, мысль о религіозности, какъ выдающейся чертѣ Брянчаниновыхъ, утверждается, на нашъ взглядъ, незыблемо и обоснованно. Изъ пяти, дожившихъ до зрѣлаго возраста, сыновей Александра Семеновича лишь одинъ—Семенъ Александровичъ остался въ мірѣ до конца жизни, воспитавъ двухъ доблестныхъ слугъ Церкви и отечества; остальные—кончили монастыремъ:

Димитрій, съ дѣтства вступивъ на путь монашества, шелъ имъ къ Богу до конца жизни;

Петръ, съ дѣтства преданный однимъ съ Димитріемъ идеаламъ, прошелъ длительный путь военной и гражданской службы и, послѣ Ставропольскаго губернаторства, принялъ на себя иноческое послушаніе въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ и умеръ монахомъ, съ именемъ Павла;

Михаилъ—былъ мировымъ посредникомъ въ Корбангской волости Вологодской губерніи, а умеръ монахомъ въ Оптиной пустыни;

Александръ—служилъ въ военной службѣ, умеръ въ молодыхъ годахъ, передъ смертію постриженъ братомъ своимъ Игнатіемъ въ монахи, и похороненъ въ Троице-Сергіевой пустыни.

Сынъ Ставропольскаго губернатора П. А. Брянчанинова А. П. Брянчаниновъ, послѣ окончанія университета, подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ личной жизни, хотѣлъ уйти въ монастырь, долгое

время жилъ при дядѣ въ Бабайкахъ, но былъ отклоненъ отъ монашества самимъ Владыкой Игнатіемъ, ушелъ въ гражданскую службу, которую и кончилъ въ должности товарища Комитета Министровъ и въ званіи сенатора, не растерявъ за это время своей чуткой религіозности и памятуя о своихъ праведныхъ предкахъ—отцѣ и дядѣ.

Домашній режимъ семьи Брянчаниновыхъ отличался серьезностью, строгостью, выдержанной дисциплиной и непоколебимымъ порядкомъ. Директивы домашней и хозяйственной жизни исходили изъ кабинета барина, изъ его продуманныхъ плановъ и рѣшительной воли, проникали собою всѣ части сложной жизни всѣхъ обитателей села Покровскаго, находили усердныхъ за совѣсть, а не за страхъ исполнителей. Брянчаниновы умѣли выбирать и цѣнить людей. Стройно изо дня въ день наблюдался порядокъ въ семьѣ, въ домѣ и въ имѣніи и, годами утвержденный, онъ не нуждался уже въ особо тщательномъ надзорѣ, почти исключая возможность отклоненій, войдя въ плоть и кровь, въ привычки и характеръ обитателей Покровскаго. На зиму семья переѣзжала въ городской домъ, нимало не нарушая заведеннаго порядка—ни въ домѣ, ни въ имѣніи и поддерживая непрерывную связь съ Покровскимъ вплоть до возвращенія весной; ежедневно дѣлались доклады барину, ежедневно доставлялись продукты для стола и даже вода для питья и пищи привозилась изъ имѣнія за 20 верстъ, и то не былъ капризъ: вода горнаго источника въ Покровскомъ даже до сего дня кристально чиста и необычайно вкусна и налитая въ чистый графинъ совершенно незамѣтна по своей прозрачности. Благоустройство имѣнія, достигнутое собственными трудами, обезпечивало для семьи Александра Семеновича внѣшнюю жизнь и доставляло внутреннее удовлетвореніе даровитому хозяину. Въ будущемъ онъ надѣялся поднять и государственное значеніе своей фамиліи, упрочить ея значеніе въ государственной жизни, предполагая дать своимъ дѣтямъ хорошее образованіе, которое при родовыхъ связяхъ могло бы расширить ихъ жизненный путь. Таковъ общій обликъ семьи Брянчаниновыхъ и та общая атмосфера, въ которой родился, росъ и получилъ первоначальное воспитаніе Игнатій Брянчаниновъ. Это атмосфера высокой духовной и внѣшней культуры, строгости, стройности, порядка труда и энергіи [1]). Высокая образованность

[1]) Для характеристики энергіи и рѣшительности Брянчаниновыхъ представляется интереснымъ слѣдующій случай. Когда въ 1831 году нужно было вывести изъ Иркутска Архіепископа Иринея Нестеровича, отказавшагося оставить епархію и считавшаго Высочайшее повелѣніе объ увольненіи его на покой подложнымъ, это отвѣтственное дѣло было поручено Никитѣ Петровичу Брянчанинову, бывшему въ то время, кажется, жандармскимъ Ротмистромъ. Государь Императоръ Николай Павловичъ желалъ, чтобы это порученіе было выполнено быстро, рѣшительно и безъ огласки и соблазна въ народѣ. Свои соображенія по этому дѣлу онъ высказалъ Графу Бенкендорфу и

семьи, начитанность отца, особенно въ литературѣ духовной, строгій режимъ семейный, гармонія и система во всѣхъ частяхъ имѣнія, разнородность хозяйственныхъ учрежденій, религіозный укладъ жизни и высокое уваженіе къ идеаламъ церковнымъ и государственнымъ— вотъ тѣ факторы, вліяніе которыхъ весьма замѣтно на личности Игнатія Брянчанинова. Самобытность семейнаго и домашняго уклада въ нѣдрахъ отдаленнаго отъ всякихъ иностранныхъ державъ великороссійскаго уголка ставила его личность въ благопріятныя воспитательныя условія, обезпечивая въ немъ свободу отъ чуждыхъ наслоеній и иноземныхъ вліяній и полную своеобразность духовнаго облика, въ этомъ самомъ носящаго разгадку своего жизненнаго значенія. Выросши и воспитавшись въ строго-православной русской семьѣ, среди сѣверной природы, въ нѣдрахъ чисто-русской народности, подъ кровомъ и въ виду святого храма, въ уваженіи къ религіозной святынѣ, Игнатій Брянчаниновъ болѣе всѣхъ изъ своихъ родичей унаслѣдовалъ глубокую религіозность фамиліи, и, признавъ авторитетъ Св. Церкви высочайшимъ изъ всѣхъ земныхъ авторитетовъ, стремился всю жизнь свою—дѣятельно проникнуть въ духъ Церкви и православнаго христіанства и согласовать съ нимъ свою жизнь. Его развитой разумъ съ дѣтства свободно всталъ въ послушаніе и руководство вѣры, его духъ всегда тяготѣлъ къ міру духовному, его взоръ смотрѣлъ на временную жизнь очами вѣры. Вся его жизнь была выраженіемъ дѣятельной вѣры, подвигомъ спасительнаго самоотверженія. Въ силу

поинтересовался, нѣтъ ли у него способныхъ для выполненія этого порученія людей. Беккендорфъ указалъ на Н. П. Брянчанинова и, когда послѣдній по вызову Беккендорфа, явился предъ Государемъ, то послѣдній, по непосредственному впечатлѣнію, остался удовлетвореннымъ, съ довольствомъ замѣтивъ: „этотъ вывезетъ". Н. П. Брянчаниновъ съ большими полномочіями отправился въ Иркутскъ, представился Генералъ-Губернатору Лавинскому и Высокопреосвященному Иринею, нѣкоторое время посѣщалъ совершаемое архіепископомъ Иринеемъ богослуженіе и, будучи человѣкомъ благочестивымъ, велъ съ нимъ духовныя бесѣды, а потомъ, подготовивъ все и сдѣлавъ соотвѣтственныя распоряженія по пути слѣдованія, объявилъ Архіепископу Иринею о цѣли Высочайшей командировки. Ириней Несторовичъ пытался сопротивляться, но былъ моментально успокоенъ Брянчаниновымъ, раскрывшимъ ему полнѣйшую безполезность сопротивленія. Владыка Ириней почувствовалъ упадокъ энергіи и, къ удивленію Генералъ Губернатора, подчинился Брянчанинову, который помѣстивъ его въ запертой каретѣ, везъ съ наивысшею скоростью до Вологды, гдѣ, помѣстивъ Владыку Иринея въ Спасо-Прилуцкій монастырь, въ пяти верстахъ отъ Вологды, отправился съ докладомъ къ Государю. Государь благодарилъ Брянчанинова. Впослѣдствіи Н. П. Брянчаниновъ бывалъ у Преосв. Иринея и послѣдній, вспоминая свое невольное переселеніе въ Прилуки, не питалъ къ плѣнившему его Никитѣ Петровичу никакой злобы. (Изъ разсказовъ В. Н. Брянчанинова). Исторія жизни Высокопреосвященнаго Иринея Нестеровича подробно изложена въ интересной статьѣ профессора протоіерея Ѳ. И. Титова „Кіевская духовная академія въ эпоху реформъ", Труды Императорской Кіевской Духовной Академіи за 1914 годъ, январь, стр. 35—86 и сентябрь—октябрь стр. 72—104).

всѣхъ этихъ условій, Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ является предъ нами подвижникомъ—русскимъ по духу и строго православнымъ по характеру своихъ религіозно-моральныхъ воззрѣній. Вотъ та идея, которую мы хотѣли бы особо ясно раскрыть, вотъ то основное положеніе, на почвѣ котораго мы желали бы духовнаго сближенія съ нашими читателями. Мы не намѣрены замалчивать тѣхъ возраженій, которыя въ свое время дѣлались противъ личности и ученія Игнатія Брянчанинова, но, по разсмотрѣніи ихъ, въ насъ остается глубокое благоговѣйное уваженіе къ праведному Святителю Божію, въ лицѣ котораго авторъ желалъ бы имѣть своего Небеснаго Предстателя и Предтечу. И если упованія автора являются не чуждыми и настроенію читателя, то авторъ переживетъ чувство полной духовной удовлетворенности отъ сознанія этого высокаго моральнаго успѣха своего труда.

I. Въ родномъ домѣ.

„Дѣтство мое было преисполнено скорбей. Здѣсь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имѣлъ кому открыть моего сердца: началъ изливать его предъ Богомъ моимъ, началъ читать Евангеліе и житія святыхъ Твоихъ".

(Сочиненія Еп. Игнатія, т. I. стр. 555).

На сѣверѣ русской земли, въ Грязовецкомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, въ 20 верстахъ отъ Вологды живописно и красиво раскинулось большое, богатое барское помѣстье—село Покровское. Въ то время, какъ окружающая его сѣть дворянскихъ усадебъ Грязовецкаго, Кадниковскаго и Вологодскаго уѣздовъ въ значительной степени поразстроилась: нѣкоторыя пришли въ упадокъ за безпризорностію и задолженностію или просто потому, что пришли для сельскаго хозяйства крутыя времена, нѣкоторыя поступили въ распоряженіе новыхъ владѣльцевъ безъ историческихъ преданій и родословнаго древа и въ старыхъ липовыхъ аллеяхъ гуляетъ хозяйственно-дерзкая рука недавняго дворовaго—крѣпостного, нѣкоторыя влачатъ жалкое существованіе за упадкомъ духа и капитала ихъ владѣльцевъ и ожидаютъ своей очереди перехода въ крестьянскія, мѣщанскія или купеческія руки,—судьба пощадила Покровское, оно не перешло въ новыя руки, въ его липовыхъ, кленовыхъ и пихтовыхъ аллеяхъ не расхаживаетъ съ побѣдоносно-хозяйственнымъ видомъ губитель вишневыхъ садовъ и безжалостный разрушитель дворянскихъ традицій Лопахинъ,—оно, какъ и сто и триста лѣтъ тому назадъ принадлежитъ Брянчаниновымъ, оно доселѣ служитъ интереснымъ памятникомъ этого стариннаго дво-

рянскаго рода, оно до настоящаго времени не измѣнило того внѣшняго вида, который приданъ ему сто лѣтъ тому назадъ „строителемъ села Покровскаго“—Александромъ Семеновичемъ Брянчаниновымъ—прадѣдомъ нынѣшняго владѣльца Покровскаго—Владиміра Николаевича Брянчанинова. Конечно, жизненныя бури не проходятъ безслѣдно даже для великановъ. Осложненность жизненныхъ условій, затруднительность веденія громаднаго хозяйства наемными руками, вынужденное отдаленное пребываніе внѣ усадьбы хозяевъ Покровскаго, призванныхъ Высочайшею волею къ кормилу Государственнаго Правленія, и другія причины вызвали сокращеніе хозяйства. Изъ 1800 десятинъ прежняго владѣнія за Покровскимъ сохранилась лишь треть, само собою понятно, что многочисленныя мастерскія—плодъ и памятникъ высокой помѣщичьей культуры—прекратили свое существованіе вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, и свидѣтель прошлаго показывалъ намъ только мѣста и руины этихъ замѣчательныхъ маленькихъ фабрикъ, мѣста и руины громадныхъ хозяйственныхъ службъ, замѣненныхъ новыми, хорошо оборудованными примѣнительно къ нынѣшнимъ потребностямъ Покровскаго; мѣста и руины прежней псарни, въ которой содержалось въ былыя времена свыше 200 собакъ, и звѣринца, въ которомъ содержались зайцы, лисицы, волки и даже медвѣди на случай праздничной охоты посѣщавшихъ усадьбу Брянчаниновыхъ гостей. Но, за исключеніемъ этого, чистенькая благоустроенная усадьба Брянчаниновыхъ вмѣстѣ съ прилегающимъ къ ней селомъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Достопримѣчательность усадьбы, съ точки зрѣнія бытописателя семьи Брянчаниновыхъ—колыбели и начальной школы Владыки Игнатія, составляетъ барскій домъ и громадный при немъ паркъ, сохранившіеся почти безъ измѣненія въ томъ видѣ, въ какомъ они были и сто лѣтъ тому назадъ, во времена дѣтства Игнатіева. Вѣковыя деревья окружаютъ господскій домъ красивой архитектуры, широкая аллея деревьевъ служитъ подъѣздомъ къ его главному крыльцу. Строенъ домъ прадѣдомъ нынѣшнихъ владѣльцевъ Покровскаго А. С. Брянчаниновымъ и законченъ постройкой къ 1811 году. Въ его внутренней архитектурѣ наблюдается замѣчательная планомѣрность и идейность.

Снаружи домъ производитъ впечатлѣніе одноэтажнаго, но на самомъ дѣлѣ въ немъ три этажа, назначеніе которыхъ по идеѣ строителя опредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ. Верхній этажъ, въ видѣ куполообразнаго мезонина, занимаютъ двѣ очень обширныя комнаты—одна, большая, обращенная окнами на село, занята была кабинетомъ и спальней барина, а вторая, обращенная окнами внутрь усадьбы, въ садъ, составляла спальню и будуаръ барыни. Домъ возглавляли, такимъ образомъ, комнаты „отцовъ“, здѣсь вмѣщались, такъ сказать, умъ, воля и сердце усадьбы: хозяинъ главенствовалъ надъ всѣмъ се-

ломъ и окна его кабинета представляли какъ бы усадебную обсерваторію, изъ которой было видно все, что дѣлается въ усадьбѣ; хозяйка имѣла наблюденіе за внутреннимъ домовымъ порядкомъ. Второй, нижній этажъ занятъ былъ дѣтскими комнатами,—раздѣленными коридоромъ на двѣ половины—мужскую и женскую, для мальчиковъ и дѣвочекъ, по четыре комнаты на каждой половинѣ; здѣсь помѣщались дѣти Брянчаниновыхъ и ихъ ближайшіе воспитатели изъ дворовыхъ—няня и дядька. Нижній—самый обширный и основной этажъ занятъ былъ большими и парадными, хорошо убранными, просторными комнатами для совмѣстной жизни семьи и сношеній съ внѣшнимъ міромъ—пріема гостей и др. лицъ, наѣзжавшихъ въ Покровское и имѣвшихъ надобность въ посѣщеніи барскаго дома; здѣсь были залъ, гостинная, столовая, кабинетъ, будуаръ, комнаты для гостей, остававшихся ночевать и проч. Въ обширныхъ флигеляхъ, справа и слѣва примыкающихъ къ господскому дому и слитыхъ съ нимъ безраздѣльно, помѣщалась многочисленная дворня съ точнымъ распредѣленіемъ должностей и обязанностей. Изъ столовой нижняго этажа дверь вела на обширную террасу, а затѣмъ—и въ садъ. Прилегающій къ дому обширный садъ раздѣленъ былъ владѣльцемъ на три части. Первая ближайшая къ дому, занята красивымъ, разбитымъ стройно въ видѣ звѣзды паркомъ, аллеи котораго обсажены могучими объемистыми липами и кленами, а площадки заняты цвѣточными клумбами. Вторая часть, ниже лежащая по склону отлогой горы и отдѣленная небольшимъ валомъ, занята стройно разсаженными лиственницами и пихтами, дающими непроницаемую тѣнь и нѣжный и здоровый смолистый ароматъ. Здѣсь также разбиты аллеи, а на границѣ первой и второй части сада стоитъ линія фруктовыхъ деревьевъ. Въ этой части сада находится замѣчательный, созданный еще во времена крѣпостного права, гротъ изъ булыжнаго камня значительной высоты, не теряющій прохлады въ самые жаркіе дни.

Въ третьей части сада, болѣе открытой для солнечныхъ лучей, помѣщаются огородныя растенія—ягоды, плоды и овощи. Здѣсь же естественной силой напора воды—бьющій фонтанъ, дающій прохладу и орошеніе растительному царству этой части. Съ нагорія этой части сада открывается обширный, прекрасный видъ на близлежащія окрестности и сосѣднія барскія усадьбы. Въ концѣ сада помѣщаются обширныя оранжереи—для цвѣтовъ, фруктовъ и овощей. Вся площадь сада съ его тремя частями окружена высокимъ валомъ, обсаженнымъ деревьями, а за нимъ виднѣется глубокій, большой, въ былое время обильный рыбою прудъ, съ двухъ сторонъ облегающій барскую усадьбу. Таковъ общій видъ барской усадьбы села Покровскаго. И въ лѣтнее время занятый пріѣзжающими сюда—отдохнуть и для хозяйственныхъ наблюденій молодыми хозяевами и ихъ гостями—по преимуществу

молодежью — барскій домъ живетъ, садъ принимаетъ къ себѣ молодые человѣческіе побѣги и, быть можетъ, сообщаетъ имъ свои высокія, добрыя воспоминанія прошлаго. И когда мы проходили по тѣнистымъ аллеямъ сада села Покровскаго и, углубившись въ наиболѣе отдаленныя части его, вспоминали былое, мы невольно уносились мыслію къ дѣтству и отрочеству Митеньки Брянчанинова и молитвенно желали, чтобы вѣковой свидѣтель чистыхъ чувствъ и возвышенныхъ настроеній его—Брянчаниновскій домъ и садъ сообщилъ посѣщающимъ его лицамъ, особенно молодому поколѣнію, тотъ чистый возвышенный идеализмъ, ту высокую и великую тайну радостной жизни въ Богѣ, которые отличали всю жизнь Митеньки Брянчанинова и многихъ другихъ представителей Брянчаниновскаго рода, воспитавшихся подъ кровомъ этой особенной усадьбы.

Сидя въ отдаленной, глухой и тѣнистой аллеѣ Брянчаниновскаго сада, въ тиши и своеобразномъ величіи бѣлой сѣверной ночи лѣтомъ 1914 года, мы невольно уносились мыслію за столѣтіе назадъ, когда домъ и садъ были въ собственномъ смыслѣ „дворянскимъ гнѣздомъ“, когда въ тѣнистыхъ аллеяхъ двигались рѣзвыя дѣтскія тѣни, вдумчиво слѣдовалъ за ними Митенька Брянчаниновъ, повѣрявшій свои думы, мечты и моленія звѣздному небу, липовому саду, кресту приходскаго храма, и въ созерцаемой нами обстановкѣ возносившій свои моленія Боженькѣ о мирѣ всего міра, объ указаніи жизненнаго пути, о приближеніи къ Богу... И намъ невольно думалось, что, еслибы дѣтство, отрочество и юность позднѣйшихъ и настоящаго поколѣній было согрѣто религіозной идеей и чувствомъ близости Бога, какъ дѣтское сердце въ „дворянскомъ гнѣздѣ“ Брянчаниновыхъ, мы не имѣли бы предъ собою въ жизни напрасной траты юныхъ силъ, гибнущихъ иногда безцѣльно „въ скорбныхъ мукахъ ожиданья, въ безвременности могилъ“, ибо нѣтъ болѣе сильнаго фактора воспитанія и жизненной энергіи, какъ факторъ религіозный, и нѣтъ предъ человѣчествомъ идеала выше того, который выражается въ порывѣ моленія: „да пріидетъ царствіе Твое“!

Зимой, съ отъѣздомъ хозяевъ, жизнь Брянчаниновскаго дома замираетъ: закрываются его окна и запираются двери, спускаются занавѣси, солнечный лучъ не гуляетъ по убраннымъ въ барскомъ вкусѣ прошлаго заламъ, не скользитъ по дорогимъ, но выцвѣтшимъ уже обоямъ, не освѣщаетъ старинныхъ, въ широкихъ золотыхъ рамахъ портретовъ; домъ пустѣетъ и въ немъ воцаряется до слѣдующаго лѣта тишина. Некому гулять въ аллеяхъ и слушать тихій шепотъ листьевъ, некому любоваться красотой видовъ, наслаждаться благоуханіемъ цвѣтовъ: душистые жасмины, какъ и прежде, окружаютъ красивый балконъ съ бѣлыми львами, но жизнь останавливается, какъ въ сказочномъ царствѣ. Недалеко отъ дома, подъ широкими развѣ-

сами деревьевъ, около благоустроенной иждивеніемъ Брянчаниновыхъ приходской церкви покоится прахъ тѣхъ, кто своими трудами и мыслію создалъ и храмъ, и дома, и усадьбы Брянчаниновскихъ имѣній— Покровскаго, Юрова и Носудова. Широко раскинувшіяся вѣтви образовали сѣнь надъ могилами. Подъ сѣнью покоится многочисленное семейство; здѣсь лежитъ прахъ многихъ поколѣній. И этотъ городокъ усопшихъ возглавляется тремя могилами: это могилы Александра Семеновича и Софьи Аѳанасьевны Брянчаниновыхъ—отца и матери Владыки Игнатія и Александра Семеновича Брянчанинова, племянника Владыки, бывшаго Самарскаго губернатора, скончавшагося въ 1910 году—позднѣйшаго владѣльца Покровскаго [1]). Глядя на мѣсто ихъ упокоенія невольно переживаешь тѣже чувства, тоже настроеніе, которое свыше полвѣка тому назадъ переживалъ одинъ изъ выдающихся членовъ покоящагося здѣсь семейства, послѣ многихъ лѣтъ отсутствія посѣтившій это живописное кладбище и внимавшій здѣсь надъ могилами дорогихъ его сердцу и живыхъ для него почившихъ, плачевнымъ утѣшительнымъ пѣснямъ священной панихиды, сливавшимся съ тихимъ шумомъ листьевъ [2]). „Земля, земля! смѣняются на поверхности твоей поколѣнія человѣческія, какъ на деревьяхъ листья. Мило зеленѣютъ, утѣшительно невинно шумятъ эти листочки, приводимые въ движеніе тихимъ дыханіемъ весенняго вѣтра. Придетъ на нихъ осень: они пожелтѣютъ, спадутъ съ деревъ на могилы, истлѣютъ на нихъ. При наступленіи весны другіе листочки будутъ красоваться на вѣткахъ, и также—только въ теченіе краткой чреды своей, также увянутъ, исчезнутъ. Что наша жизнь? Почти тоже, что жизнь листика на древѣ!“ [3]). Были когда то весна и лѣто и для тѣхъ, кто спитъ нынѣ въ Покровскомъ подъ тѣнью развѣсистыхъ вѣковыхъ деревьевъ; теперь для нихъ долгая, долгая зима...

Во время наступающей въ чреду свою зимы, только въ одной

---

[1]) За смертію Александра Семеновича и отсутствіемъ у него наслѣдниковъ по мужской линіи, имѣніе, по добровольному соглашенію, Софьей Борисовной, супругой Александра Семеновича, передано племяннику его, сыну Николая Семеновича—Владиміру Николаевичу Брянчанинову, нынѣ Архангельскому вице-губернатору.

[2]) Приходскій храмъ и кладбище села Покровскаго содержатся въ замѣчательномъ порядкѣ и чистотѣ, благодаря вниманію владѣльцевъ села и усердію приходскаго настоятеля протоіерея Константина Лаврова. Достойно примѣчанія, что и въ служителяхъ храма Божія—приходскихъ священникахъ здѣсь наблюдается таже преемственность рода, что и въ средѣ владѣльцевъ села Покровскаго. Мы просмотрѣли за столѣтіе клировыя вѣдомости Покровской церкви и убѣдились въ томъ, что за указанный періодъ времени не было случая назначенія священника въ Покровское со стороны, а должность приходскаго настоятеля удерживалась въ одномъ родѣ. Обычай въ Великороссіи—и особенно на сѣверѣ нерѣдкій и для благоустройства приходской жизни, по нашему мнѣнію, полезный.

[3]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, „Кладбище“, стр. 186.

изъ многочисленныхъ построекъ, кольцомъ окружающихъ барскій домъ, не замерла жизнь; это—квартира эстонца управляющаго, которому поручено хозяйство усадьбы ея нынѣшнимъ владѣльцемъ.

А сто лѣтъ тому назадъ покоящіеся нынѣ въ могилахъ устроители села Покровскаго были живы; жизнь била ключемъ въ молчаливомъ и тихомъ теперь Покровскомъ. Домъ не дремалъ, какъ бы погрузившись въ глубокую думу о прошломъ: строгій и властный голосъ владѣльца его громко раздавался по богатымъ покоямъ, въ аллеяхъ сада и въ многочисленныхъ мастерскихъ, которыя не оставались ни на одинъ день безъ зоркаго хозяйскаго глаза. Тѣнистый паркъ слышалъ звенящіе голоса, смѣхъ и крики дѣтей, по разчищеннымъ дорожкамъ быстро скользили легкія дѣтскія тѣни...

Фамилія Брянчаниновыхъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ дворянскимъ родамъ Россійской Имперіи. Какъ видно изъ прилагаемаго родословнаго древа (см. стр. 40—41) и доставленныхъ намъ служебныхъ документовъ сенатора Николая Семеновича Брянчанинова, Брянчаниновы ведутъ родъ свой отъ боярина Михаила Брянко, оруженосца Великаго князя Дмитрія Іоанновича Донского. Михаилъ Брянко былъ посланъ вмѣсто Великаго князя Димитрія Іоанновича Донского противъ Мамая, въ великокняжескомъ одѣяніи, на великокняжескомъ конѣ и подъ княжьимъ знаменемъ. Ѣздя убитъ татарами, о чемъ значится въ Кіевскомъ печатномъ лѣтописцѣ, въ русскихъ лѣтописяхъ по Никонову списку, и въ древней лѣтописи, по Костомарову [1]) сынъ Михаила Брянко—Иванъ носилъ фамилію Челищева по случаю полученной въ битвахъ съ татарами въ войскахъ Димитрія Донского раны стрѣлою въ лобъ или чело [2]). Сынъ Ивана, внукъ Михаила, Брянко, Игнатій—первый, по царскому повелѣнію, началъ писаться Брянчаниновымъ. Съ тѣхъ поръ, въ непрерывной преемственности до настоящаго времени существуетъ и развивается родъ Брянчаниновыхъ. Жена Александра Семеновича, мать Епископа Игнатія, Софья Аѳанасьевна, принадлежала также къ роду Брянчаниновыхъ. Какъ видно изъ родословнаго древа Брянчаниновыхъ, въ порядкѣ потомственной преемственности по своей линіи, Александръ Семеновичъ Брянчаниновъ былъ двѣнадцатымъ представителемъ своего рода [3]). Изъ его пяти сыновей были женаты Петръ Александровичъ,—отецъ сенатора Алексѣя Петровича, умершаго безсемейнымъ, и Семенъ Александровичъ, служившій ми-

---

[1]) Служебный аттестатъ о службѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Сенатора Николая Семеновича Брянчанинова.

[2]) Изъ семейныхъ преданій фамиліи Брянчаниновыхъ.

[3]) Представители разсматриваемой линіи Брянчаниновскаго рода слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1, Михаилъ Брянко; 2, Иванъ Челищевъ; 3, Игнатій Брянчаниновъ; 4, Софроній; 5, Василій; 6, Борисъ; 7, Ѳеодоръ; 8, Аѳанасій; 9, Михаилъ; 10, Андрей; 11, Семенъ и 12, Александръ.

ровымъ посредникомъ 1-го созыва. Семенъ Александровичъ имѣлъ двухъ сыновей—Александра Семеновича, бывшаго Самарскимъ губернаторомъ и умершаго бездѣтнымъ въ 1910 году въ званіи сенатора, и Николая Семеновича, бывшаго Рязанскаго губернатора, нынѣ сенатора въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника [1]). Николай Семеновичъ имѣетъ двухъ сыновей—Александра Николаевича и Владиміра Николаевича,—оба—семейные.

Село Покровское и сосѣднее съ нимъ Юрово были пожалованы Брянчаниновымъ за Смоленское сидѣніе и изгнаніе ляховъ въ 1617 году. Хозяиномъ села Покровскаго за три четверти XIX вѣка до 19 апрѣля 1875 года былъ трезвый, начитанный, высокообразованный и энергичный Александръ Семеновичъ Брянчаниновъ—одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ губерніи.

Бывшій камеръ-пажъ Императора Павла Петровича, всю свою жизнь гордившійся этимъ званіемъ и съ честью носившій его; человѣкъ, созданный для широкой свѣтской придворной жизни, по милости судьбы онъ долженъ былъ поселиться въ деревнѣ, вдали отъ воспитавшей его и милой его сердцу столицы; вмѣстѣ съ значительнымъ состояніемъ онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца и большіе долги, покончивъ съ которыми, не имѣлъ возможности оставаться въ

---

[1]) Ник. Сем. Брянчаниновъ род. въ 1844 г. послѣ образованія въ Вологод. гимназіи и С.-Петерб. университетѣ по юридическому факультету, нѣкоторое время былъ занятъ устроеніемъ имущественныхъ дѣлъ за смертію отца. Въ 1867 году поступилъ въ Кавалергардскій полкъ и съ тѣхъ поръ его военная служба продолжалась непрерывно до 1885 года, когда онъ, награжденный за время военной службы различными орденами до св. Владиміра 4-й степени включительно, въ томъ числѣ двумя иностранными, и неоднократными благодарностями въ приказахъ начальника Главнаго Штаба, вышелъ въ отставку съ мундиромъ и въ чинѣ генералъ-майора. По выходѣ въ отставку Николай Семеновичъ до 1890 года занимался хозяйствомъ въ своемъ Псковскомъ имѣніи и общественной службой, между прочимъ—въ званіи предводителя дворянства. Высочайшимъ приказомъ 1 янв. 1890 года Николай Семеновичъ былъ назначенъ Псковскимъ Вице-Губернаторомъ, а въ 1893 году Высочайшимъ приказомъ отъ 16 февр. былъ назначенъ на должность Рязанскаго губернатора, въ каковой и состоялъ до 11 августа 1904 года, принимая горячее участіе въ развитіи дѣятельности мѣстной общественной жизни. Разнообразная и полезная дѣятельность Николая Семеновича, въ бытность его Рязанскимъ Губернаторомъ, снискала ему широкую популярность, любовь и уваженіе въ губерніи. Въ Рязанской губерніи нѣтъ почти ни одного просвѣтительнаго, научнаго или благотворительнаго Общества, гдѣ бы Николай Семеновичъ не состоялъ пожизненнымъ почетнымъ или почетнымъ членомъ. 11 августа 1904 года Высочайшимъ указомъ Николай Семеновичъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, вначалѣ во второмъ департаментѣ, а съ 1 января 1905 года перемѣщенъ къ присутствованію въ первый департаментъ. Въ теченіе своей многолѣтней гражданской службы Николай Семеновичъ Брянчаниновъ былъ многократно удостоенъ Высочайшей благодарности и награжденъ орденами до Александра Невскаго включительно. 22 августа 1913 г. Николаю Семеновичу Всемилостивѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ

Петербургѣ и принужденъ былъ удовольствоваться скромною долею помѣщика, правда еще весьма состоятельнаго: у него осталось чистыхъ около четырехсотъ душъ крестьянъ да живописное село Покровское—старинное дворянское гнѣздо—родовое помѣстье предковъ его—Брянчаниновыхъ.—Вышедши въ отставку въ чинѣ поручика, онъ поселился со своей женой—Софьей Аѳанасьевной, красивой, свѣтской женщиной, происходившей тоже изъ славной фамиліи Брянчаниновыхъ, сначала въ деревнѣ Носудовѣ [1]), а потомъ въ селѣ Покровскомъ, которое, къ 1812-му году, было заново отстроено имъ на широкую барскую ногу. Привыкшій къ столичной придворной жизни, Александръ Семеновичъ сумѣлъ и здѣсь, въ деревнѣ, устроить жизнь свою пышно и богато, перенеся въ сѣверную глушь свои утонченныя привычки столичнаго жителя. „Воля его и художественный вкусъ создали маленькій Версаль съ замкомъ-домомъ, царственнымъ садомъ и изящной церковью на безплодной илухѣ глинистой русской горы“ [2]). Тогда какъ другіе помѣщичьи дома того времени, обыкновенно деревянные, четыреугольные, съ тѣсной прихожей, были всѣ похожи одинъ на другой, домъ Брянчанинова, изящно со вкусомъ и по модѣ убранный, съ успѣхомъ могъ стоять не въ Покровскомъ, а на одной изъ главныхъ улицъ Петербурга; не только въ комнатахъ, но и въ лакейской стоялъ всегда запахъ цвѣтовъ или тонкаго французскаго табаку (баринъ нюхалъ); большія оранжереи съ роскошными растеніями теплаго юга, о которыхъ напоминаютъ теперь въ значительной степени пришедшія въ ветхость строенія; высокія клумбы съ красивыми кустами розъ въ расчищенномъ тѣнистомъ саду съ прихотливыми, изящными бесѣдочками; конюшни съ дорогими породистыми лошадьми; разнообразныя собственныя мастерскія (ткацкія, золотильныя, рѣзныя), необходимыя для полнаго комфорта и удовлетворенія изысканнаго вкуса человѣка, привыкшаго жить въ богатой сѣверной столицѣ,—все это дѣлало Покровское какой-то волшебной сказкой, воплощенной мечтой и способствовало тому, что жизнь Брянчаниновыхъ въ деревнѣ протекала съ столичной роскошью. Домъ ихъ часто бывалъ наполненъ гостями (бывалъ у нихъ, между прочимъ, и тогдашній Вологодскій Губернаторъ—Николай Петровичъ Брусиловъ), принять и угостить которыхъ Брянчаниновы умѣли съ особой изысканностью и свойственной имъ помпой. Въ поколѣніи Брянчаниновыхъ сохранилась память о томъ, что, когда Александръ Семеновичъ предпринималъ поѣздку куда-нибудь изъ своего села, выѣзды его, торжественные, обставленные придворнымъ великолѣпіемъ, страсть къ кото-

---

[1]) На разстояніи около 15-ти верстъ отъ Покровскаго.

[2]) „Изъ семейныхъ воспоминаній“ Купреяновой, („Богословскій вѣстникъ“ за 1914 г., апрѣль, стр. 650).

рому онъ сохранилъ до конца своей жизни, напоминали выѣзды царя, то покидающаго на время своихъ подданныхъ, то снова возвращающагося къ нимъ. Александръ Семеновичъ имѣлъ роскошный выѣздъ и избѣгалъ ѣздить по желѣзной дорогѣ, не по суевѣрію не признавая желѣзной дороги, бывшей въ то время еще новинкою, а считая это несообразнымъ со своимъ дворянскимъ званіемъ: вѣдь, не только дворяне, а люди и низшаго сословія могутъ ѣхать, хотя бы и въ I классѣ по желѣзной дорогѣ. Когда проведена была между Вологдою и Ярославлемъ узкоколейка и родные Александра Семеновича жаловались на медленность 20-верстнаго въ часъ движенія по ней, Александръ Семеновичъ находилъ такую скорость вполнѣ достаточною: „Чего жъ вы хотите, вѣдь это фельдъегерская ѣзда“?! Очевидно фельдъегерская ѣзда представлялась ему верхомъ и нормою скорости передвиженія [1]).

Человѣкъ, привыкшій къ придворному этикету, къ придворнымъ церемоніямъ, Александръ Сем. и у себя въ деревнѣ не забывалъ ихъ. Въ этомъ отношеніи характерной является такая, хотя и маленькая, но много говорящая картинка: въ Покровскомъ ждутъ пріѣзда архіерея,— а надо сказать, что архіереи довольно часто ѣзжали въ богатый помѣщичій домъ Брянчаниновыхъ; парадно одѣтый Александръ Семеновичъ находится въ гостиной, ожидая извѣстія о приближеніи гостя. Когда карета подъѣзжаетъ уже къ крыльцу, хозяинъ медленно начинаетъ двигаться изъ гостиной въ залу, не торопясь проходитъ ее и передъ входомъ въ переднюю творитъ метаніе входящему въ это время въ комнату архіерею, а потомъ принимаетъ отъ него благословеніе, что дѣлаютъ вслѣдъ за нимъ и всѣ его домочадцы. При своихъ выѣздахъ въ окрестности Александръ Семеновичъ окруженъ былъ свитой на верховыхъ лошадяхъ. И вотъ, иногда онъ, увидѣвъ на значительномъ разстояніи идущую бабу, посылалъ коннаго егеря справиться: „кто, куда и зачѣмъ“? Баба, освѣдомленная о требованіяхъ барина, должна была давать правдоподобный отвѣтъ безъ запинки, напр.—„Изъ Носудова въ Криводино къ своимъ, за пряжей“. Этотъ или иной отвѣтъ встрѣчной женщины докладывался барину, который удовлетворялся результатами и тутъ же добавлялъ иногда: „пусть идетъ“! [2]).

Но не одну только любовь къ роскоши и пышному великолѣпію привезъ съ собою Александръ Семеновичъ въ деревню изъ столицы: пажъ Императора Павла Петровича, обращавшаго главное вниманіе на дисциплину своихъ подчиненныхъ и строго взыскивавшаго съ виновныхъ за малѣйшій проступокъ, Брянчаниновъ выработалъ у себя въ имѣ-

---

[1]) Изъ разсказовъ сенатора Н. С. Брянчанинова.

[2]) Изъ разсказовъ родного внука Александра Семеновича, сенатора Николая Семеновича Брянчанинова.

ніи весьма строгій и суровый режимъ. Для вышколенныхъ слугъ слово хозяина было закономъ, ослушаться котораго они не смѣли и не могли, трепеща подъ властнымъ взглядомъ его пронизывающихъ глазъ, боясь его грознаго, громкаго голоса. Каждый зналъ, что съ него будетъ строго взыскано за всякую провинность, всякую неисправность. Когда хозяинъ со свойственной ему помпой и величіемъ обходилъ собственныя мастерскія, что случалось нерѣдко, вымуштрованные слуги повсюду встрѣчали его съ должнымъ почетомъ и, трепеща отъ страха, старались во всемъ угодить ему.

Не только слуги, но вообще никто изъ домашнихъ никогда не могъ прекословить желѣзной волѣ Александра Семеновича, никто не могъ поступать по собственному желанію, даже жена его Софья Аѳанасьевна, во всемъ подчинившаяся вліянію своего мужа, заботящаяся только о томъ, чтобы всячески угождать ему, не говоря уже о другихъ членахъ семейства. А семейство у Брянчаниновыхъ было большое: у Александра Семеновича и жены его родилось шестнадцать человѣкъ дѣтей, но изъ нихъ осталось въ живыхъ только 9; остальнымъ же, говоря словами внучки Брянчаниновыхъ Купреяновой, „никто не мѣшалъ болѣть и умирать“: если случалось, что кто-нибудь изъ дѣтей тяжело заболѣвалъ, няня Ефимовна, преданная Брянчаниновымъ душой и тѣломъ, подъ надзоръ которой были поручены дѣти, являлась къ барынѣ съ просьбой: „Матушка—Софья Афанасьевна! пожалуйте благословить малютку—трудятся“. Мать благословляла ребенка и спокойно предоставляла ему по волѣ Божіей умирать или поправляться [1]).

Изъ оставшихся въ живыхъ девяти дѣтей, старшимъ былъ сынъ Димитрій Александровичъ, родившійся 5-го февраля 1807 года, которому впослѣдствіи суждено было волею Божественнаго Промысла просіять въ исторіи русской Церкви свѣтомъ своихъ христіанскихъ добродѣтелей, подвигами своего строго-иноческаго житія и аскетически-богословскими писаніями своими. На 4-ый день послѣ рожденія (9-го февраля) младенецъ былъ окрещенъ въ Покровской Комельской церкви приходскимъ священникомъ Тимофеемъ Васильевымъ, и ему дано было славное, очень распространенное на сѣверѣ имя Димитрій, въ честь одного изъ первыхъ чудотворцевъ Вологодскихъ—преп. Димитрія Прилуцкаго. Крестнымъ отцомъ новорожденнаго былъ Ст. Совѣтникъ Димитрій Ивановичъ Самаринъ, весьма уважаемый и ро-

---

[1]) „Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой („Богословскій вѣстникъ“ за 1914 годъ, апрѣль, стр. 650—651). Въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ села Покровскаго за 1822 годъ составъ дѣтей Александра Семеновича представленъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Димитрій—16 лѣтъ, Александра—15 лѣтъ, Петръ—14 лѣтъ, Софья—13 лѣтъ, Михаилъ—12 лѣтъ, Елизавета—11 лѣтъ, Александръ—9 лѣтъ, Симеонъ—7 лѣтъ, Марія—5 лѣтъ, Любовь—6 лѣтъ.

довитый владѣлецъ, близко знакомый съ семействомъ Брянчаниновыхъ [1]).—Слѣдующимъ послѣ Димитрія Александровича по старшинству братомъ былъ Петръ; за нимъ слѣдовали Михаилъ, Александръ и Семенъ. Младшимъ изъ пяти братьевъ былъ Семенъ. Изъ дѣвочекъ старшей была Александра, самой младшей въ семьѣ Марія, а средними—Елизавета и Софія.

Средствами воспитанія и развитія въ дѣтяхъ добрыхъ качествъ Александръ Семеновичъ считалъ неумолимую строгость, суровость и наказанія, подчасъ даже жестокія, странно соединяя въ своемъ характерѣ умъ и свѣтскій тактъ съ чисто-домостроевскимъ деспотизмомъ. Изъ боязни его раздраженія и гнѣва, нянька Ефимовна, а иногда и сама Софья Аѳанасьевна, старались скрыть отъ него шалости и проказы дѣтей; но лишь только отецъ узнавалъ что-либо, немедленное наказаніе неминуемо слѣдовало за совершеннымъ проступкомъ [2]). Много такихъ случаевъ сохранилось въ памяти Брянчаниновыхъ. Такъ однажды одинъ изъ сыновей Александра Семеновича былъ наказанъ имъ розгами за неправильно произнесенную французскую фразу [3]). Въ другой разъ Михаилъ Александровичъ, мальчикъ самолюбивый, прокусилъ себѣ до крови руку; стараясь не закричать во время экзекуціи, причиной которой было то, что онъ вмѣшался въ дѣла взрослыхъ: услышавъ въ деревнѣ разговоръ о мошенническихъ продѣлкахъ старосты, онъ прибѣжалъ разсказать объ этомъ папенькѣ. Марію Александровну однажды высѣкли во второй разъ до обморока за то, что послѣ перваго несправедливаго наказанія она вздумала протестовать [4]). Развѣ все это были не преступленія со стороны дѣтей, отъ которыхъ требовалось лишь безпрекословное послушаніе и страхъ?

---

[1]) Въ Метрической книгѣ Покровской церкви за 1807 годъ въ 1 части о родившихся записано: Февраля 5-го дня родился, 6-го молитвословленъ и 9-го крещенъ сего Покровскаго у Господина поручика Александра Семенова отъ жены его Софьи Аѳанасьевны сынъ Димитрій; воспріемникомъ при крещеніи былъ Ст. Совѣтникъ Димитрій Ивановъ Самаринъ; молитвословилъ и крестилъ приходскій священникъ Тимофей Васильевъ; при крещеніи были приходскій діаконъ Иванъ Аѳанасьевъ и дьячекъ Павелъ Петровъ.

Эта справка даетъ основаніе считать днемъ рожденія Димитрія Брянчанинова-Епископа Игнатія 5-ое, а не 6 ое или 8-ое февраля, какъ указываютъ нѣкоторые біографы его, напр., см.: 1) Жизнеописаніе Епископа Игнатія Бр., составленное ближайшими учениками въ 1881 году; 2) Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ, Епископъ Кавказскій и Черноморскій. Протоіерей Ф. Знаменскій (Церковныя Вѣдомости за 1903 годъ); 3) Преосвященный Игнатій (Бр.), Епископъ Кавказскій, В. Аскоченскаго (Домашняя бесѣда за 1867 годъ); 4) Письма аскета. С. Г. Рункевичъ (Христіанское чтеніе за 1895 годъ); 5) Въ поискахъ Живого Бога. Іеромонахъ Игнатій (Садковскій).

[2]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богословскій вѣстникъ за 1914 г., ст. 652).

[3]) Изъ разсказовъ сенатора Н. С. Брянчанинова.

[4]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой. Тамъ-же.

Строгая и суровая система воспитанія, выработанная Александромъ Семеновичемъ, выражалась не только одними наказаніями: дѣтей держали впроголодь по утрамъ, конечно не изъ скупости, а для выработки въ нихъ извѣстной дисциплины; послѣ чашки жидкаго чая съ парой пшеничныхъ булокъ или сухарей, имъ ничего больше не позволялось ѣсть до самаго обѣда. Няня Ефимовна, любившая и жалѣвшая всѣмъ сердцемъ своихъ питомцевъ, совала имъ тайкомъ отъ всѣхъ, чтобы не дознался какъ нибудь грозный баринъ, гдѣ-нибудь въ углу коридора ломтики чернаго хлѣба, взятые ею изъ кухни будто-бы для себя—единственное, что она могла унести, не обративъ ничьего вниманія. „Тѣ ломтики хлѣба, что намъ Ефимовна совала тайкомъ, были милостыней“! часто говаривалъ впослѣдствіи Петръ Александровичъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, вспоминая о нянькѣ, какъ о своей благодѣтельницѣ [1]).

Однажды случилось, когда въ Покровское пріѣхали гости, Митенька и Петруша осмѣлились взять себѣ по два сдобныхъ сухаря изъ бѣлой муки, тогда какъ эти сухари были поданы только для гостей, а для нихъ стояли на столѣ особые—изъ домашней пшеничной муки. „Не изъ жадности“, разсказывалъ потомъ Петръ Александровичъ, вспоминая этотъ случай: „а потому что унизительно было показать гостямъ, что намъ не даютъ ѣсть того же, что имъ“... Это „преступленіе“ видѣлъ дядька Доримедонтъ, приставленный къ мальчикамъ, какъ Ефимовна къ дѣвочкамъ. Но тогда какъ нянька, жалѣя дѣтей, старалась скрывать отъ грознаго барина ихъ проступки и нерѣдко даже пыталась заступаться за нихъ, навлекая этимъ, конечно, гнѣвъ и наказанія на саму себя,—вѣрный церберъ-дядька, преданный своему господину, не считалъ себя въ правѣ скрыть отъ него хотя бы самую маленькую провинность ввѣренныхъ ему барчатъ. Такъ случилось и на этотъ разъ: когда гости уѣхали, Доримедонтъ донесъ Александру Семеновичу объ ослушаніи Митеньки и Петруши, и наказаніе не замедлило послѣдовать: братьевъ поставили на 3 часа на колѣни и заставили при этомъ держать во рту по бѣлому сухарю. Всѣ проходили мимо и видѣли это [2]).

Александръ Семеновичъ Брянчаниновъ, бывшій самъ весьма образованнымъ для своего времени человѣкомъ, любившимъ просвѣщеніе и цѣнившимъ его [3]), старался дать своимъ дѣтямъ, по возмож-

---

[1]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богословскій вѣстникъ за 1914 г., стр. 652, 653, 658).

[2]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богословскій вѣстникъ за 1914 г., стр. 659).

[3]) Александръ Семеновичъ, хорошо понимая необходимость образованія не только для стоящихъ на болѣе высокихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, но и для крестьянъ, заботился о распространеніи грамоты среди этихъ послѣднихъ, содержа во

ности лучшее воспитаніе и образованіе. Каждый день свѣжая тройка привозила изъ города и отвозила обратно лучшихъ учителей Вологодской семинаріи и гимназіи; два учителя жили въ домѣ постоянно. Одинъ изъ нихъ былъ студентъ Вологодской семинаріи Левицкій, преподававшій молодымъ людямъ Законъ Божій и бросившій первыя сѣмена любви къ Слову Божьему въ чистыя, воспринимающія легко все доброе сердца дѣтей, особенно въ сердце одного изъ нихъ —будущаго инока-подвижника—Димитрія Александровича, гдѣ эти добрыя сѣмена дали впослѣдствіи богатые всходы, облекши его „одеждою святою, дѣломъ пестродѣльца, словомъ суда, явленіемъ истины“ [1]), за что этотъ послѣдній вспоминалъ о немъ съ благодарностью и любовью до конца своей жизни [2]).

Давая блестящее образованіе своимъ дѣтямъ, Александръ Семеновичъ обращалъ вниманіе и на развитіе ихъ природныхъ талантовъ; способности ихъ къ музыкѣ, къ живописи, къ литературѣ развивались, поощрялись и упражнялись. Особенно даровитымъ въ семьѣ былъ старшій сынъ Димитрій, любимецъ матери, который, послѣ серьезныхъ занятій науками, успѣвалъ упражняться въ рисованіи перомъ, нотномъ пѣніи и игрѣ на скрипкѣ, при своихъ отличныхъ способностяхъ употребляя не много времени на приготовленіе заданныхъ уроковъ.

Воспитаніе дѣвочекъ не обошлось по модѣ того времени безъ иноземныхъ гувернантокъ; въ домѣ постоянно жила француженка, заботящаяся о выработкѣ въ нихъ хорошихъ манеръ и наблюдавшая за правильностью ихъ французскаго выговора и изяществомъ ихъ одежды и прически. Но дѣйствительной „воспитательницей“ дѣвочекъ была не гувернантка, а простая неученая русская женщина—няня Ефимовна, о которой упоминалось уже выше. Ровесница Софьѣ Аѳанасьевнѣ, она была отдана за нею въ приданое и за все время своей жизни въ домѣ ничѣмъ не нарушила своей безпримѣрной преданности барынѣ и ея дѣтямъ. Въ молодости она мечтала выйти замужъ за полюбившаго ее садовника, но барыня не дала ей на это разрѣшенія: „Кому же другому я могу довѣрить дѣтей“? сказала она въ отвѣтъ на просьбы няньки: „Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ нужна, оставайся

все время своей жизни въ Покровскомъ на своемъ полномъ иждивеніи приходское двухклассное училище, въ которомъ обучалось до 50 человѣкъ крестьянскихъ дѣтей, за что пользовался среди окружающихъ помѣщиковъ славою передового человѣка (Жизнеописаніе Епископа Игнатія, при I томѣ, составл. его ближ. учениками въ 1881 г., стр. 8).

[1]) Преосвященный Игнатій (Бр.), Епископъ Кавказскій. В. Аскоченскій (Домашняя бесѣда за 1867 годъ, стр. 655).

[2]) Другъ Димитрія Александровича Чихачовъ видѣлъ впослѣдствіи великую милость Божью въ томъ, что преподавателемъ Закона Божьяго у будущаго святителя русской церкви былъ человѣкъ не свѣтскаго, а именно духовнаго образованія.

въ нянькахъ“ [1]); и кротко покорившаяся Ефимовна навсегда разставшись съ мечтой о собственномъ счастьѣ, не чувствовала за это никакой непріязни къ Софьѣ Аѳанасьевнѣ, изливая всю любовь и нѣжность своего чистаго, простого сердца на ввѣренныхъ ей дѣтей. Всю жизнь она не могла простить себѣ того, что однажды, разсердившись, она „хлопнула барышню Лизавету Александровну“, и считала это величайшимъ грѣхомъ. „Имѣя передъ глазами каждодневное сѣченіе дѣтей, эта чистая душа ставила себѣ въ вину единственный, вѣроятно легкій, ударъ“ [2])!

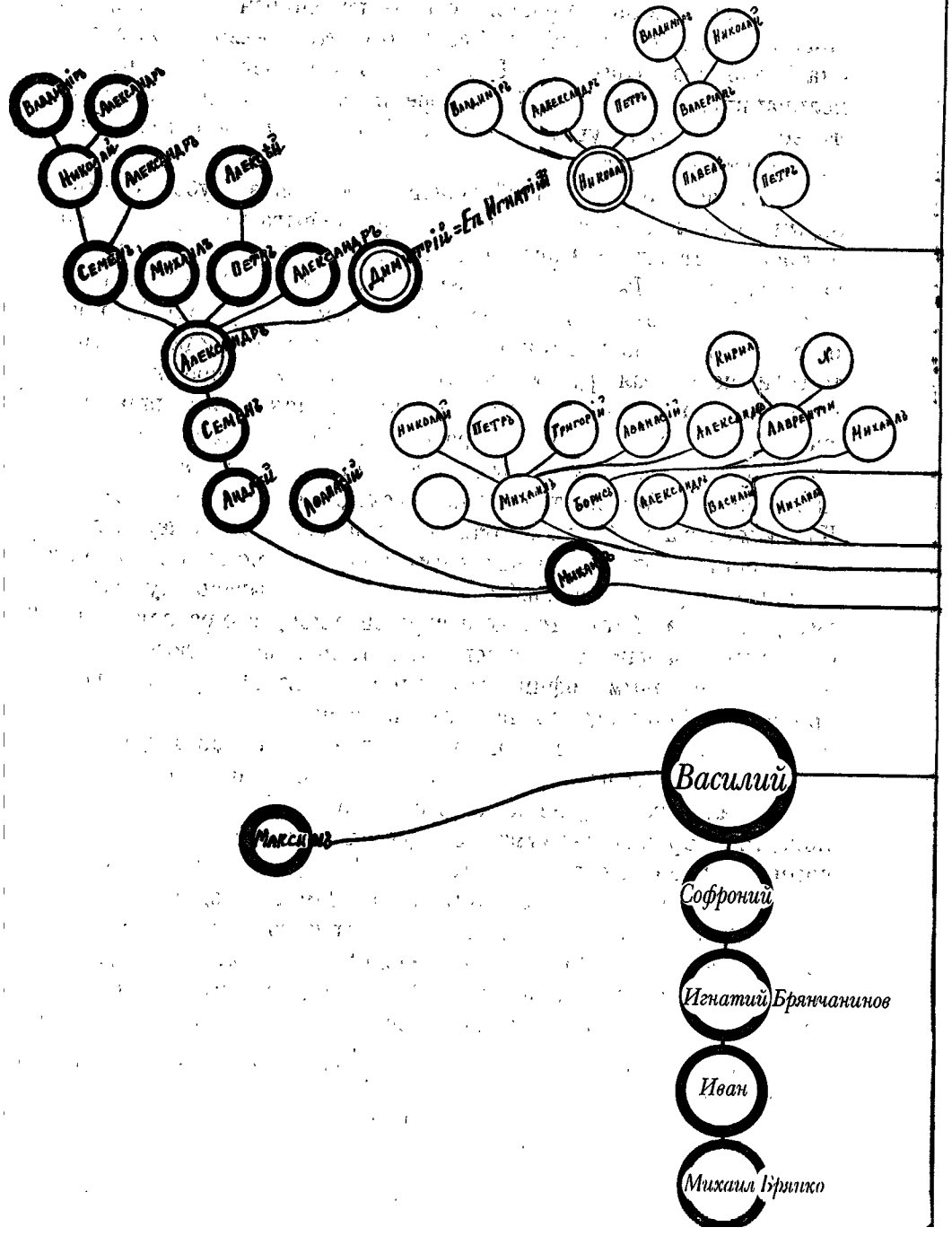
Каждое утро нянька Ефимовна являлась въ уборную къ своей барынѣ и, пожелавши ей почтительно „добраго утра“, начинала свой докладъ о дѣтяхъ: у Сонечки прошелъ уже кашель; Лизанька ночевали хорошо; Машенька съ вечера тревожились, плакали во снѣ; Александра Александровна заснули только на разсвѣтѣ, промолившись всю ночь на колѣняхъ, и т. п. [3]). Барыня, сидя передъ туалетомъ и перебирая рукою лежащія у зеркала дорогія бездѣлушки, выслушивала эти безхитростные доклады няни, выводила изъ нихъ свои заключенія и давала ей распоряженія до слѣдующаго утра.

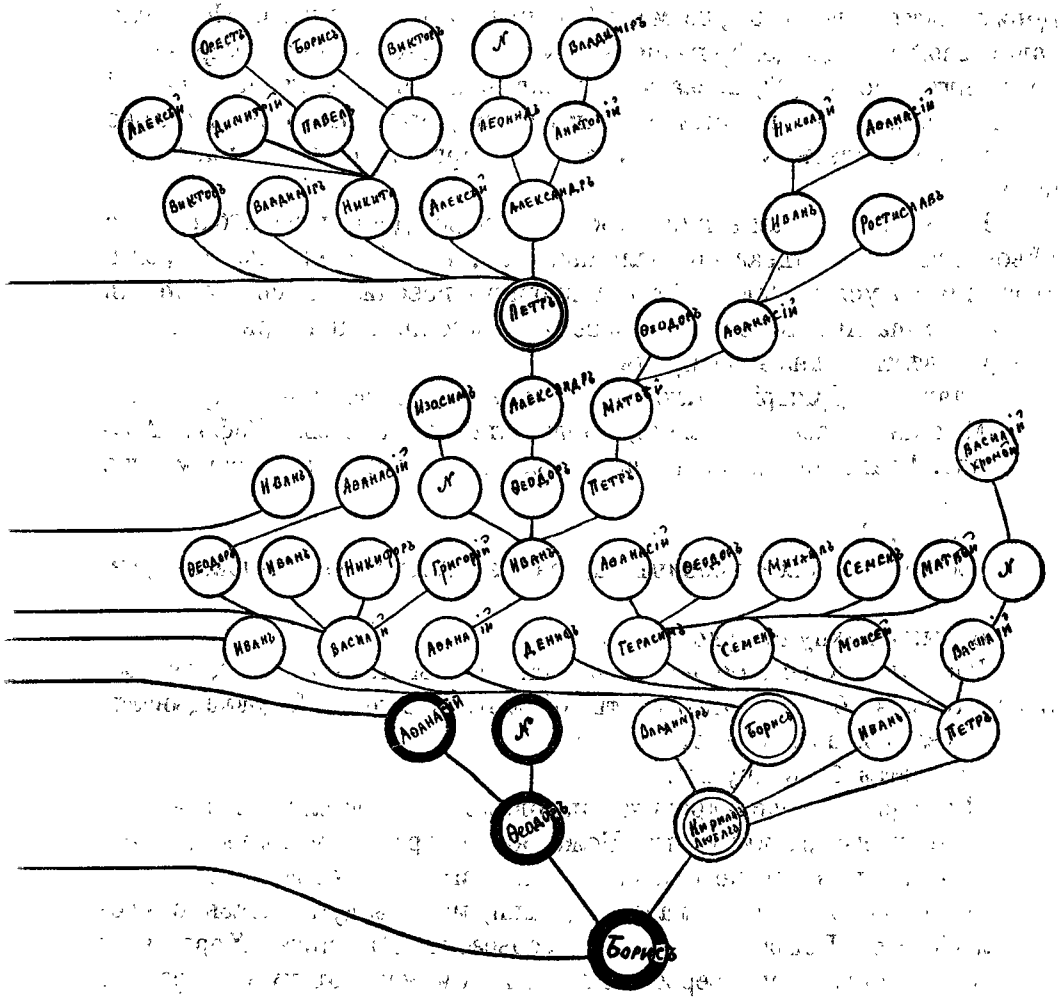
Подъ руководствомъ этой же няньки Ефимовны выростали и мальчики до тѣхъ поръ, пока не переходили подъ присмотръ дядьки Доримедонта (о немъ тоже упоминалось уже выше). Александръ Семеновичъ вполнѣ довѣрялъ этому простому, но безконечно честному и преданному ему человѣку, вполнѣ оправдывавшему оказываемое ему довѣріе и дѣйствительно заслуживавшему его расположеніе. Какъ при жизни барчатъ въ Покровскомъ, такъ и впослѣдствіи, когда, будучи уже молодыми офицерами, они жили въ Питерѣ (а дядька былъ при нихъ), Доримедонтъ не считалъ возможнымъ утаить отъ барина ничего изъ того, что ему было извѣстно о ихъ поведеніи, не потому, чтобы онъ не любилъ или не жалѣлъ своихъ питомцевъ, а потому, что считалъ это нарушеніемъ своего долга. И, несмотря на то, что молодымъ Брянчаниновымъ нерѣдко приходилось страдать послѣ доносовъ слѣдившаго за ними дядьки, въ родѣ Брянчаниновыхъ сохранилась добрая память объ этомъ честномъ, неподкупно-правдивомъ слугѣ. И теперь еще одинъ изъ внуковъ покойнаго Александра Семеновича—сенаторъ Николай Семеновичъ—помнитъ слѣдующій разсказъ своего отца (Семена Алекс.): однажды, когда Доримедонтъ былъ присланъ въ Петербургъ узнать о жизни тамъ барчатъ [4]), эти послѣд-

[1]) [2]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богословскій вѣстникъ за 1914 годъ, стр. 661, стр. 653).

[3]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Бог. вѣст. за 1914 г., стр. 653—4).

[4]) Доримедонтъ ходилъ въ Петербургъ пѣшкомъ. Баринъ давалъ ему, обыкновенно, на дорогу 2—3 рубля, и этихъ денегъ оказывалось не только вполнѣ достаточно, но вѣрный слуга ухитрялся еще приносить въ подарокъ Александру Семеновичу бутылку петербургскаго прованскаго масла.

Родословное древо фамиліи Брянчаниновыхъ.

ніе въ чемъ то провинились. Хорошо зная, что строгій отецъ будетъ очень недоволенъ этимъ и какъ нибудь накажетъ ихъ, виновные просили дядьку не разсказывать ничего отцу. Въ отвѣтъ на ихъ просьбы, Доримедонтъ говорилъ: „не могу!“, и при этомъ плакалъ. Исполняя долгъ свой передъ довѣряющимъ ему господиномъ, онъ откровенно повторялъ: „не могу!“, а, жалѣя провинившихся барчатъ, плакалъ. И всѣ понимали, что честный старикъ правъ, что онъ дѣйствительно ничего не можетъ утаить отъ своего барина, и не сердились на него.

Подобно тому, какъ нянька каждое утро докладывала барынѣ о дѣвочкахъ, такъ дядька—о мальчикахъ. „По дѣтской всѣ здоровы, сударыня-матушка. Петръ Александровичъ изволили вчера изорвать сапожекъ: на прудъ вечеромъ изволили выходить, и изорвали“.

— Съ кѣмъ ходилъ на прудъ?

— Одни-съ. Дмитрій Александровичъ не изволили отлучаться.

— Митенька всегда уменъ, подумала, смягчаясь, Софья Ѳеанасьевна. Право, его даже наказывать... и, не докончивъ своей мысли, спросила:

— Еще что?

— Семенъ Александровичъ дразнили Александру Александровну....

Барыня махнула рукой: ми мо!

— Михайло Александровичъ изволили бѣгать по калидору замѣсто того, чтобъ ложиться спать. Шумѣть изволили. Я докладывалъ, что не велѣно; не изволили послушать...

— Останется безъ „руки“.

— Димитрій Александровичъ изволили въ постели читать наизусть Псаломъ: „Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ...“ Изволили сказать: этотъ де Псаломъ ко многимъ подходитъ“ [1]).

Послѣ подобныхъ докладовъ дядьки, мать задумывалась о своемъ любимцѣ: „Боюсь я, слишкомъ серьезенъ Митенька. Хорошъ и уменъ, но зачѣмъ такъ серьезенъ?.. И, вспомнивъ объ умѣ и красотѣ Митеньки, она съ горечью думала, какъ это можетъ ея мужъ не любить такого совершеннаго сына? [2])

А въ то время, какъ дядька докладывалъ барынѣ о поведеніи своихъ питомцевъ, въ ихъ дѣтской, полукруглое окно которой смотрѣло на церковь, можно было нерѣдко видѣть подобную картину и слышать такіе разговоры: въ нишу окна, пользуясь временнымъ отсутствіемъ своего надсмотрщика, усѣлись два мальчика—13-ти и 12-ти лѣтъ. Старшій изъ нихъ славился впослѣдствіи въ Петербургѣ сво-

---

[1]) [2]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богосл. вѣст. за 1914 г., стр. 654—56).

ей красотой. Но теперь въ тонкихъ чертахъ его лица и въ большихъ темныхъ глазахъ видна была грусть,—не мимолетная, дѣтская, а безнадежная, глубокая, при видѣ которой чуткому человѣку сдѣлалось бы холодно. Въ Покровскомъ не было на этотъ предметъ чуткихъ людей. Дѣтское горе никого не удивляло. Одна Ефимовна оплакивала безплодными и тайными слезами печали своихъ питомцевъ.

— Какъ я люблю смотрѣть сюда, сказалъ шепотомъ старшій мальчикъ, всматриваясь въ море зелени за окномъ. Точно въ этихъ верхушкахъ, въ этихъ листьяхъ, въ этомъ воздухѣ безъ границъ—и самъ я свободенъ... точно живешь птицей и забываешь все...

Петруша вздохнулъ. Его мысли имѣли болѣе реальное направленіе.

Въ болѣе грубыхъ чертахъ Петруши не замѣтно было ни той красоты, ни того ума, какъ у Митеньки, но выраженіе унынія было то-же.

— Какъ-то мы проведемъ сегодняшній день!—сказалъ онъ.

Брови его брата, похожія на брови матери, слегка сдвинулись, на бѣломъ, чистомъ лбу.

— Да, отвѣчалъ онъ, не отрывая отъ окна взгляда. Я думаю, есть дѣти, которыя встаютъ утромъ и рады...

— Чему?

— Всему. Что ихъ любятъ, что еще день... хорошій... впереди. А мы просыпаемся въ страхѣ...

— И жалко, что проснулись! вырвалось у Петруши громче, чѣмъ хотѣлъ.

— Ш-ш-ш! остановилъ его Митенька и оглянулся. Но никого не было вблизи. Младшіе братья спали.

Петруша наклонился къ Митенькѣ.

— Ты уже отдумалъ?—спросилъ онъ чуть слышно, но съ особеннымъ выраженіемъ.

Тотъ не отвѣтилъ.

— Ты забылъ... что хотѣли?—повторилъ братъ настойчиво. Шаги Доримедонта Дмитрича слышались на лѣстницѣ. Митенька всталъ и легкою поступью подошелъ къ соннымъ дѣтямъ.

— Вставайте, милые,—сказалъ онъ, ласково проводя тонкою и нѣжною рукой по ихъ лицамъ.—Вставайте, забранятъ....

Потомъ, возвратившись къ окну, быстро подулъ на стекло и на образовавшемся матовомъ налетѣ написалъ: „отъ папеньки никуда не убѣжать“, и стеръ все рукавомъ рубашки въ ту самую минуту, когда церберъ-дядька отворялъ дверь [1]).

---

[1]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богосл. вѣстникъ за 1914 г., апрѣль, стр. 656—7, стр. 659).

Строя гипотезы о томъ, куда могъ собираться „бѣжать“ этотъ тринадцатилѣтній, черезчуръ серьезный и грустный мальчикъ, мы, думается, не будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что уже теперь въ его душѣ зародилось окончательно сформировавшееся позднѣе желаніе уйти изъ міра, убѣжать изъ его суеты въ тишину монастырскаго уединенія.

Вообще надо сказать, что настроеніе всей семьи Покровскихъ Брянчаниновыхъ было глубоко православное и церковное; модное въ то время вольтеріанство не коснулось души Александра Семеновича—бывшаго друга Поздѣева и другихъ тогдашнихъ благочестивыхъ масоновъ [1]).

По такому суровому режиму текла въ прошломъ столѣтіи жизнь въ богатомъ барскомъ помѣстьѣ—селѣ Покровскомъ, подъ управленіемъ гордаго, властнаго, умѣющаго держать всѣхъ въ безпрекословномъ повиновеніи Александра Семеновича Брянчанинова. Но не надо думать, говоритъ со словъ своей матери одна изъ внучекъ этого послѣдняго—дочь Марьи Александровны,—что жизнь молодыхъ Брянчаниновыхъ была совсѣмъ безрадостна: они могли качаться на устроенныхъ для нихъ въ саду качеляхъ, кататься на превосходныхъ зимнихъ горкахъ, на плотахъ по пруду; могли ѣздить верхомъ, а изрѣдка даже и сопровождать на охоту отца, по старинному дворянскому обычаю. Они щедро пользовались фруктами богатаго Покровскаго сада, который къ тому же своей красотой могъ бы дать не мало художественныхъ впечатлѣній этимъ тонко чувствовавшимъ дѣтямъ. Широкій просторъ полей и луговъ, окружавшихъ живописно раскинутое на двухъ холмахъ Покровское, гдѣ такъ пріятно было гулять и наслаждаться чистымъ, здоровымъ воздухомъ,—все это давало много радостей молодымъ Брянчаниновымъ; но не доставало одного, не доставало главнаго, того, что дѣлаетъ веселой и прекрасной самую скромную, даже бѣдную жизнь въ какой-нибудь убогонькой хижинкѣ; не было родительской ласки и нѣжности, къ чему такъ чувствительно дѣтское сердце! Правда, мать Брянчаниновыхъ—Софья Аѳанасьевна не была такъ строга къ дѣтямъ, какъ отецъ; нерѣдко ей хотѣлось и приласкать ихъ, особенно любимаго сына Димитрія, но, слѣдуя системѣ воспитанія, принятой мужемъ, она должна была скрывать свои родительскія чувства, какъ недостойную слабость, прикрывая всегда холодной и спокойной маской все, что было у нея на душѣ.

Это отсутствіе ласки и нѣжности въ воспитательныхъ мѣрахъ было виною тому, что дѣти Брянчаниновыхъ чувствовали нѣкоторую холодность по отношенію къ родителямъ, особенно къ отцу, котораго боялись даже будучи уже взрослыми и съ которымъ никогда не пы-

---

[1]) Тамъ же.

тались подѣлиться внутреннимъ содержаніемъ своего духовнаго міра. Они никогда не смѣли разговаривать съ отцомъ сидя и покорно стояли передъ нимъ, вытянувшись въ струнку, если онъ обращался къ нимъ съ какими либо словами, что опять таки исполняли не только въ дѣтскомъ возрастѣ, но и тогда, когда были уже взрослыми. Когда Александръ Семеновичъ возвращался въ Покровское изъ какой-нибудь поѣздки, сыновья должны были съ непокрытыми головами встрѣчать его у передняго входа, выражая этимъ свое почтеніе [1]). О какой же дружеской откровенности могла быть рѣчь при такихъ отношеніяхъ!

Все молодое поколѣніе Брянчаниновыхъ росло вмѣстѣ, но между ними само собою образовалось нѣсколько дружныхъ паръ. Только старшая дочь, Александра Александровна, любимица отца, но нелюбимая матерью, стояла одиноко. Димитрій Александровичъ дѣлилъ мысли и чувства съ слѣдующимъ за нимъ братомъ Петромъ. Веселый, румяный Сашенька ладилъ со всѣми. Средніе—Сенюша и Лизанька, похожіе другъ на друга, шалили вмѣстѣ. Изящная Сонечка тянулась душою къ Дмитрію и была имъ любима. Мишу соединяла съ маленькой Машей такая неразлучная дружба, что въ семьѣ прозвали ихъ общимъ именемъ „Мишмашакъ“ [2]). Но, раздѣлившись на дружескія парочки, всѣ дѣти какъ бы инстинктивно чувствовали, что выше ихъ всѣхъ не только по блестящимъ способностямъ, но, главное, по нравственнымъ качествамъ своего характера былъ старшій братъ Димитрій, самый благонравный, самый серьезный, никогда не принимавшій участія въ дѣтскихъ шалостяхъ и проказахъ, никогда не произносившій неправды, даже въ шутку. И, видя безусловное превосходство своего старшаго брата, какъ бы отмѣченнаго Божьимъ перстомъ, дѣти относились къ нему съ уваженіемъ, въ которомъ былъ даже нѣкоторый оттѣнокъ благоговѣнія, что давало возможность Димитрію Александровичу оказывать на нихъ доброе вліяніе: братья и сестры знали, что все, что посовѣтуетъ Митенька, хорошо, все, что онъ не одобритъ, почему-нибудь да худо, и всегда старались прибѣгать къ его совѣтамъ и къ его помощи. Но умный и не по лѣтамъ серьезный мальчикъ, будущій дѣлатель жизни духовной, нисколько не гордился и не хвасталъ этимъ, какъ бы не замѣчая того несомнѣннаго вліянія, которое производила на братьевъ и сестеръ его чистая, правдивая душа. Всегда задумчивый и грустный, всегда сосредоточенный и замкнутый въ

---

[1]) Изъ разсказовъ сенатора Н. С. Брянчанинова. Семенъ Александровичъ будучи отцомъ семейства, предпочиталъ стоять въ почтительности въ разговорѣ съ отцомъ. Когда утромъ Александръ Семеновичъ спускался внизъ, дѣти встрѣчали его и цѣловали простертыя къ нимъ руки.

[2]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богосл. вѣст. за 1914 годъ стр. 651).

себѣ, особенно любившій уединеніе подъ гостепріимной тѣнью вѣковыхъ деревьевъ огромнаго Покровскаго сада и прилегающаго къ нему стараго лѣса, куда не долеталъ шумъ изъ барскаго дома, онъ подолгу оставался одинъ, прислушиваясь къ голосу окружающей природы, поющей восторженно хвалебную пѣснь своему Творцу—Всемогущему Господу, научаясь отъ нея любить Создателя вселенной и улетая мыслями далеко отъ земли, тщетную суету которой онъ такъ рано почувствовалъ. Явленія окружающей домашней жизни не производили на него большого впечатлѣнія и не интересовали его: тѣлесныя чувства его не были воспріимчивы, слабо дѣйствовалъ на него посредствомъ ихъ вещественный міръ; онъ былъ не любопытенъ, ко всему холоденъ, ко всему—кромѣ души человѣка: на человѣка онъ никогда не могъ смотрѣть равнодушно, ибо „сотворенъ былъ, чтобы любить души человѣческія, чтобы любоваться душами человѣческими“ [1]). Сердце этого Богомъ отмѣченнаго мальчика не лежало къ свѣтской открытой жизни, которая велась въ Покровскомъ, къ дѣтскимъ шалостямъ и развлеченіямъ, онъ былъ какъ бы отдѣленъ духовно отъ окружавшаго его міра, взлелѣивая въ глубинѣ души своей благой ростокъ Божественной любви, посаженной Всемогущимъ Садовникомъ всякаго добра. Его привлекалъ къ себѣ родной Покровскій храмъ, гдѣ стремящееся къ Богу сердце какъ бы ощущало Его невидимое присутствіе, гдѣ лики глядящихъ со стѣнъ и иконъ Святыхъ, казалось, разсказывали утѣшительную повѣсть о посвященной Господу жизни и гдѣ горячая молитва такъ облегчала его не подѣтски скорбящее сердце. О чемъ же была эта глубокая скорбь, вообще такъ мало свойственная дѣтскому и отроческому возрасту, когда всѣ печали, обыкновенно, исчезаютъ такъ же быстро, какъ и появляются? Если причиной этой душевной скорби была холодная и суровая атмосфера домашней жизни, то почему она, хотя временами, не уступала въ его сердцѣ мѣста ни надъ чѣмъ не задумывающемуся веселію, свойственному дѣтямъ легкомыслію и безпечности, ищущей, сейчасъ же послѣ слезъ, развлеченій и забавъ, какъ это было у другихъ его братьевъ? Что же могло такъ переполнить скорбями эту чистую дѣтскую душу, что она вспоминала объ этомъ всю свою послѣдующую жизнь? [2])—Не по лѣтамъ серьезный, не по дѣтски религіозно-настроенный мальчикъ тосковалъ и скорбѣлъ душевно о томъ, что не съ кѣмъ было ему подѣлиться томленіями своего духа, рано познавшаго неудовлетворительность всего, что его окружало теперь и что ожидало въ будущемъ; онъ плакалъ и скорбѣлъ о томъ, что „не имѣлъ кому открыть

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія Брянчанинова, т. IV, стр. 435.

[2]) „Дѣтство мое было преисполнено скорбей“, писалъ Еп. Игнатій въ своей статьѣ „Плачъ мой“ уже въ 1847-мъ году.

своего сердца", ибо желанія этого сердца были совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, которыя питали всѣ близкіе его. Это были желанія жаждущей близости Бога души имѣть не мертвое знаніе догматовъ и ученія св. Восточной Церкви, и не мертвую вѣру въ нихъ,—какъ знаютъ и вѣрятъ имъ большинство людей, считая это вполнѣ достаточнымъ,— но имѣть живое, опытное знаніе того, „въ чемъ состояло паденіе человѣка, въ чемъ состоитъ его спасеніе, какіе ихъ признаки". Душа будущаго инока-подвижника, всю свою послѣдующую жизнь посвятившаго на служеніе Небесному Царю, не могла не чувствовать, что преподаваемыя ей преходящія знанія преходящаго міра только завертываютъ, какъ талантъ Евангельскій, въ убрусъ незнанія несказанный даръ благодати, данный при Крещеніи, закапываютъ, глубоко скрываютъ его въ землю, засыпаютъ его, какъ прахомъ, помышленіями о преуспѣяніи и наслажденіяхъ временныхъ, о служеніи суетѣ и темному свѣту суетнаго міра, [1])—и душа эта не могла не скорбѣть о томъ, что будетъ съ нею, когда она прекратитъ по Высшему приказанію свое плаваніе по житейскому морю, не могла не задумываться, какая участь ожидаетъ ее по разлученіи ея съ тѣломъ: предстанетъ ли ей Ангелъ мирный и свѣтлый, который воспаритъ съ нею въ блаженныя обители небеснаго Едема, или окружатъ ее полчища мрачныхъ демоновъ, ангеловъ падшихъ, которые найдутъ въ ней сродство съ собою, свое паденіе, свои свойства грѣховныя, свою волю богопротивную, отведутъ, увлекутъ ее въ свои жилища, жилища вѣчной, лютой скорби, жилища вѣчнаго мрака и вмѣстѣ огня неугасающаго, жилища мукъ и стенаній непрерывныхъ, безконечныхъ [2]).—Сознавая себя неоплатнымъ должникомъ передъ Милостью Божіей, призрѣвшей на него тогда еще, когда онъ былъ „нѣмотствующимъ младенцемъ, повитымъ пеленами, безъ разума, безъ способности къ дѣянію", излившей на него несказанныя благодѣянія,—„изверженіе изъ пропасти погибельной, омовеніе отъ грѣховной скверны, обновленіе Духомъ въ водахъ крещенія",—въ то время, какъ онъ еще ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ, не понималъ даже своего бытія, [3])—отрокъ, задумываясь надъ непостижимой благостью Божьей, лелѣялъ въ своей скорбящей душѣ мысль объ уходѣ изъ міра въ монастырь, гдѣ можно посвятить всѣ свои силы, всѣ свои способности Богу, „Котораго Единаго онъ жаждалъ, на Котораго Единаго уповалъ и передъ Которымъ Единымъ постоянно ходилъ" [4]), считая это единственной возможностью хотя чѣмъ-нибудь воздать Господу за толикія благодѣянія, излитыя на него...—И настроенный такъ мальчикъ, избѣгая

[1]) Соч. Епископа Игнатія, т. I, „Плачъ мой".
[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 552.
[3]) Тамъ же стр. 554.
[4]) Въ поискахъ Живого Бога. Іером. Игнатій (Садковскій), стр. 7.

шума и веселья, любилъ, не только въ установленное для этого время—утромъ и вечеромъ, но часто и въ теченіе дня погружаться въ молитву, успокаивавшую его печалующую душу, сообщавшую ей утѣшеніе и тихую радость, въ молитву, дававшую ему счастье испытывать уже въ дѣтскіе годы сладость молитвенныхъ слезъ.

Религіозное чувство будущаго служителя Господа питалось, поддерживалось и укрѣплялось чтеніемъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, гармонировавшаго съ внутреннимъ настроеніемъ его души; онъ любилъ забывать все окружающее, упиваясь любимой книгой своей—стариннымъ пятитомнымъ изданіемъ „Училища благочестія“. Пимены, Сисои и Макаріи производили на него чудное впечатлѣніе, и мысль его, часто парившая къ Богу молитвою и чтеніемъ, мало-по-малу приносила миръ и спокойствіе въ его не по-дѣтски скорбящую по Господѣ душу. [1]) Читая и перечитывая житія св. угодниковъ, оставившихъ суетный міръ во славу Божію, отрокъ все больше и больше укрѣплялся въ принятомъ имъ намѣреніи—самому послѣдовать по путямъ Божіихъ святыхъ, самому сойти съ „широкаго пути, ведущаго къ вѣчной смерти“, и вступить „на путь тѣсный и прискорбный, ведущій въ животъ“, на тотъ путь, который „подъемлетъ съ земли, выводитъ изъ омраченія суетою, возводитъ на небо, возводитъ въ рай, возводитъ къ Богу, представляетъ предъ Лице Его въ незаходимый свѣтъ для вѣчнаго блаженства“ [2]).

Но не такъ рѣшили родители благочестиваго отрока, желавшіе повести сына по стопамъ отца по военной дорогѣ, чтобы видѣть его впослѣдствіи на высокихъ ступеняхъ государственной службы. И не смотря на признаніе Димитрія Александровича, что онъ желаетъ поступить „въ монахи“, что изъ всѣхъ видовъ службы онъ предпочитаетъ „службу Царю Небесному“, когда ему исполнилось 15 лѣтъ (въ концѣ лѣта 1822-го года), отецъ повезъ его въ столицу въ Военное Инженерное училище, и юноша „вступилъ въ военную и вмѣстѣ ученую службу не по своему избранію и желанію“. Онъ не пошелъ сразу по намѣченному имъ для себя тѣсному и скорбному пути иночества, куда звалъ его голосъ стремящагося къ Богу сердца; не отстоялъ сразу желанія своей чистой души удалиться изъ непривлекательнаго для него міра; но не слабость воли или недостатокъ желанія были этому причиной, а то, что онъ „не нашелъ еще Истины, еще не увидѣлъ Ее ясно, чтобы пожелать Ея!“ Съ дѣтскихъ лѣтъ слезно тосковавшая по Богѣ-Искупителѣ душа его еще „плавала въ тяжкомъ недоумѣніи, томилась; на нее возставали волны сомнѣнія, рождавшіяся отъ недовѣрія къ себѣ, отъ недовѣрчивости ко всему, что шумѣло и вопіяло вокругъ его,—отъ незнанія, невидѣнія Истины!“

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 555.
[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. V, стр. 3.

II. Въ военномъ Инженерномъ училищѣ.

„Самъ Богъ мыслію благою уже отдѣлилъ меня отъ суетнаго міра. Я жилъ посреди міра, но не былъ на общемъ, широкомъ, углажденномъ пути: мысль благая повела меня отдѣльною стезею, къ живымъ, прохладнымъ источникамъ водъ, по странамъ плодоноснымъ, по мѣстности живописной, но часто дикой, опасной, пересѣченной пропастями, крайне уединенной. По ней рѣдко странствуетъ путникъ."

(Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 561).

Блистательно выдержавши экзаменъ, молодой Брянчаниновъ поступилъ первымъ (по конкурсу ста тридцати человѣкъ на тридцать вакансій) сразу во второй кондукторскій классъ Петербургскаго Инженернаго училища [1]). Отличная подготовка и весьма красивая представительная наружность Димитрія Александровича, невольно располагавшая къ себѣ, его выдержанность, серьезность, благородство манеръ сразу выдвинули его среди другихъ воспитанниковъ, и генералъ-инспекторъ училища—будущій Императоръ всея Руси—тогда еще Великій Князь Николай Павловичъ, пріѣхавши въ училище выбирать пансіонеровъ (что онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать ежегодно), сразу же обратилъ на него вниманіе и пригласилъ его въ свой Аничковскій дворецъ, гдѣ представилъ новаго воспитанника Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и рекомендовалъ, какъ отлично подготовленнаго не только къ наукамъ, требуемымъ въ училищѣ, но знающаго даже латинскій и греческій языки. Ея Величество благоволи-

---

[1]) Первая на Руси Инженерная школа, открытая Петромъ Великимъ въ Москвѣ въ 1712 году, черезъ 11 лѣтъ (въ 1723 г.) была переведена въ Спб. и соединена съ Петербургской Инженерной школой (учрежденной въ 1719 г.). Въ 1728 году Инженерная школа, по мысли Миниха, была соединена съ Артиллерійской, а въ 1804 году, по предложенію генерала Сухтелена, инженерная часть была опять отдѣлена отъ артиллерійской, и учреждена школа инженеровъ-кондукторовъ, на 25 человѣкъ, которая съ 1810-го года стала называться Инженернымъ училищемъ. Въ 1817 году генералъ-инспекторомъ инженерной части былъ назначенъ Великій Князь Николай Павловичъ, и 24 ноября 1819 года по его настоянію было открыто главное Инженерное училище, которое раздѣлялось на два отдѣленія: кондукторское—трехклассное и офицерское—двухклассное. Окончившіе кондукторскіе классы переходили въ классы офицерскіе, гдѣ и продолжали свое образованіе.

Въ 1855 году главное Инженерное училище было переименовано въ Николаевское Инженерное училище, а офицерскіе классы—въ Николаевскую Инженерную академію.

(Большая энциклопедія. Издатели: библіографическій институтъ Мейера въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ и книгоиздательское товарищество „Просвѣщеніе" въ Спб. Томъ X, стр. 121).

ла приказать зачислить весьма понравившагося ей юношу ея пансіонеромъ. Въ своемъ разсказѣ „Инженеры-безсребренники“ [1]) Лѣсковъ передаетъ, что, когда черезъ нѣсколько времени послѣ этого выбора Великій Князь спросилъ о воспитанникѣ, который произвелъ на него и на его Августѣйшую Супругу сразу столь благопріятное впечатлѣніе: „Что Брянчаниновъ? Каковы его наклонности и характеръ?“, училищное начальство по сущей справедливости могло отвѣчать ему: „Онъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный. Очень религіозенъ и отличной нравственности“.

Такъ начался новый періодъ въ жизни будущаго святителя, познакомиться съ которою поучительно каждому, заботящемуся о спасеніи своей души, періодъ жизни въ суетной столицѣ и обученія въ чисто-свѣтскомъ учебномъ заведеніи, гдѣ могли развѣяться въ прахъ его прежнія желанія—послужить Одному только Господу, гдѣ такъ легко было ему потерять чистоту своей души.

Благорасположеніе генералъ-инспектора училища—Великаго Князя Николая Павловича, явно оказывавшаго милостивое вниманіе и покровительство своему новому пансіонеру; отличные отзывы о скромномъ и благородномъ воспитанникѣ ближайшихъ его начальниковъ и преподавателей училища легко могли возбудить въ молодомъ юношѣ вполнѣ естественную гордость и сознаніе собственнаго превосходства надъ другими воспитанниками и уничтожить въ душѣ его зачатки иноческаго смиренномудрія, съ дѣтскихъ лѣтъ свойственнаго ему. Блистательные успѣхи въ наукахъ и блестящая перспектива будущей служебной дѣятельности могли обратить его въ сторону человѣческой мудрости, въ сторону соблазнительныхъ „человѣческихъ наукъ“, возводящихъ человѣка въ санъ „царя природы“, и осиротить душу его, лишивши ее ея единаго, истиннаго источника—Бога. Слава превосходнаго чтеца-декламатора, заслуженная имъ въ домѣ президента Академіи Художествъ и члена Государственнаго Совѣта — Алексѣя Николаевича Оленина, куда ввели его родственныя связи; знакомство здѣсь же съ знаменитостями того времени—Пушкинымъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, обратившими вниманіе на его поэтическія и литературныя дарованія; посѣщенія богатаго дома тетки Сухаревой, ведущей открытую свѣтскую жизнь,—все это легко могло увлечь Димитрія Александровича въ суету мірской жизни и сдѣлать изъ прежняго „питомца пустыни“ вполнѣ свѣтскаго молодого человѣка, блистающаго въ модныхъ гостинныхъ столицы и завоевывающаго женскія сердца своею красивою, представительною наружностью.

Но посланникъ Неба—свѣтлый Ангелъ стоялъ на стражѣ этой съ дѣтства возлюбившей Бога души, и будущій служитель Господа

[1]) Полное собраніе сочиненій Лѣскова въ изданіи Маркса. 1902 г., т. IV, стр. 53.

въ водоворотѣ суеты мірской не утратилъ своего смиренія, прежней любви ко Всемогущему Творцу своему, и изъ горнила искушеній вышелъ закаленнымъ, одѣтымъ непобѣдимой броней истинной христіанской живой вѣры. Но прежде чѣмъ „найти Истину, ясно увидѣть Ее“, къ чему съ самаго дѣтства стремился этотъ будущій дѣлатель духовной жизни, ему суждено было перенести тяжелую внутреннюю борьбу. Не міръ, съ его суетными обольщеніями, съ его ласкающей и льстящей гордости перспективой будущихъ почестей и отличій искушалъ эту молодую душу; нѣтъ! міръ не представлялъ для него ничего приманчиваго: онъ былъ къ нему такъ хладенъ, какъ будто міръ былъ вовсе безъ соблазновъ, [1]) ибо съ дѣтства онъ укрѣпилъ сердце свое противъ обольщеній мірскихъ двойной бронею поста и молитвы,—но на борьбу съ возлюбившимъ Господа юношей выступилъ другой врагъ, одинъ изъ самыхъ опасныхъ, самыхъ серьезныхъ и часто непобѣдимыхъ для человѣка враговъ—врагъ, облеченный въ соблазнительный образъ науки, неосвѣщенной свѣтомъ христіанской вѣры.

Изъ уединенія тихой сельской жизни перенесенный волею судьбы въ шумную, непривѣтливую для него столицу Димитрій Александровичъ по-началу со всей пылкостью своего духа, „всѣми силами души“ устремился къ „наукамъ человѣческимъ, изобрѣтеніямъ падшаго человѣческаго разума“, оставивъ въ сторонѣ „неопредѣленныя занятія и ощущенія религіозныя“ [2]), и успѣхи его въ наукахъ были такъ блистательны, что во все время своего пребыванія въ училищѣ онъ былъ первымъ ученикомъ [3]). Но это не радовало многодумнаго юношу, не развлекало его и не удовлетворяло его стремленіямъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ „жаждая Бога“, стремясь „найти и ясно увидѣть Истину“; съ дѣтскихъ лѣтъ стремясь къ живому, опытному знанію догматовъ Св. Восточной Церкви, онъ не могъ найти въ „наукахъ человѣческихъ“ того, чего страстно желала его душа, и слѣдствіемъ усиленныхъ двухгодичныхъ занятій былъ не миръ и покой этой съ дѣтства скорбящей души, а какая-то „страшная пустота въ ней“, еще болѣе сильный, чѣмъ прежде, „голодъ ея по Богѣ—Искупителѣ“, „невыносимая тоска“... И чувствуя, что эти занятія человѣческими науками не только не приближаютъ его къ Богу, но, наоборотъ,—грозятъ совсѣмъ осиротить томящуюся душу его, удаливши ее отъ ея истинной жизни—Бога, юноша „началъ оплакивать нерадѣніе свое, оплакивать то забвеніе, которому онъ предалъ вѣру, оплакивать сладостную тишину, которую

---

[1]) [2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 556, 555.

[3]) Къ концу 1823 года, съ переводомъ въ верхній кондукт. классъ, Брянчаниновъ былъ назначенъ фельдфебелемъ кондукторской роты; въ слѣдующемъ году былъ переведенъ изъ юнкерскихъ классовъ въ нижній офицерскій классъ и произведенъ въ инженеръ-прапорщики (13 декабря 1824 года).

онъ потерялъ, оплакивать ту пустоту, которую онъ пріобрѣлъ, которая его тяготила, ужасала, наполняла ощущеніемъ сиротства, лишенія жизни". И часто, идя въ мундирѣ юнкера по шумнымъ и люднымъ улицамъ столицы, онъ не могъ удержать слезъ, градомъ лившихся изъ очей [1])!—Но предаваться безнадежному отчаянію никогда не было свойственно этому мощному духу, и онъ не побоялся вступить въ рѣшительный бой съ грознымъ врагомъ, отъ исхода котораго зависѣло—быть или не быть ему тѣмъ, къ чему влекло его вышнее призваніе; не побоялся подвергнуть строгому, безпощадному анализу тѣ науки, въ которыя „былъ погруженъ весь его умъ", и, пришедши къ гранямъ знаній человѣческихъ въ высшихъ окончательныхъ наукахъ, не побоялся вопросить ихъ: „Что вы даете въ собственность человѣку? Человѣкъ вѣченъ, и собственность его должна быть вѣчна. Покажите мнѣ эту вѣчную собственность, это богатство вѣчное, которое я могъ бы взять съ собою за предѣлы гроба! Доселѣ я вижу только знанія, даемыя, такъ сказать, на подержаніе, оканчивающіяся землею, немогущія существовать по разлученіи души съ тѣломъ".—И не побоялся онъ развѣнчать тотъ кумиръ, который чтутъ и которому поклоняются такъ много людей, безпощаднымъ анализомъ открывши всю несостоятельность его для вѣчности:

„Къ чему служитъ изученіе математики? Предметъ ея вещество. Она открываетъ извѣстный видъ законовъ вещества, научаетъ исчислять и измѣрять его, примѣнять исчисленія и измѣренія къ потребностямъ земной жизни. Указываетъ она на существованіе величины безконечной, какъ на идею, за предѣлами вещества. Точное познаніе и опредѣленіе этой идеи логически невозможно для всякаго разумнаго, но ограниченнаго существа. Указываетъ математика на числа и мѣры, изъ которыхъ однѣ по значительной величинѣ своей, другія по крайней малости, не могутъ подчиниться изслѣдованію человѣка; указываетъ она на существованіе познаній, къ которымъ человѣкъ имѣетъ врожденное стремленіе, но къ которымъ возвести его нѣтъ средствъ у науки. Математика только дѣлаетъ намекъ на существованіе предметовъ, внѣ объема нашихъ чувствъ.—Физика и химія открываютъ другой видъ законовъ вещества. До науки человѣкъ даже не зналъ о существованіи этихъ законовъ. Открытые законы обнаружили существованіе другихъ безчисленныхъ законовъ, еще закрытыхъ. Одни изъ нихъ не объяснены, не смотря на усиліе человѣка къ объясненію, другіе и не могутъ быть объяснены по причинѣ ограниченности силъ и способностей человѣка. Кажется, говорилъ намъ краснорѣчивый и умный профессоръ Соловьевъ, произнося введеніе въ химію, мы для того и изучаемъ эту науку, чтобы узнать, что мы

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 555.

ничего не знаемъ, и не можемъ ничего знать: такое необъятное поприще познаній открываетъ она передъ взорами ума! такъ пріобрѣтенныя нами познанія на этомъ поприщѣ ничтожны! Она съ осязательною ясностью доказываетъ и убѣждаетъ, что вещество, хотя оно, какъ вещество, должно имѣть свои границы, не можетъ быть постигнуто и опредѣлено человѣкомъ, и по обширности своей, и по многимъ другимъ причинамъ. Химія слѣдитъ за постепеннымъ утонченіемъ вещества, доводитъ его до тонкости, едва доступной для чувствъ человѣческихъ, въ этомъ тонкомъ состояніи вещества еще усматриваетъ сложность и способствуетъ къ разложенію на составныя части, болѣе тонкія, хотя самое разложеніе уже невозможно. Человѣкъ не видитъ конца утонченію вещества, такъ какъ и увеличенію чиселъ и мѣры. Онъ постигаетъ, что безконечное должно быть и невещественнымъ; напротивъ того, все конечное должно по необходимости быть и вещественнымъ. Но эта идея—неопредѣленная; опредѣлено ея существованіе. Затѣмъ физика и химія вращаются въ одномъ веществѣ, расширяютъ познанія о употребленіи его для временныхъ, земныхъ нуждъ человѣка и человѣческаго общества.—Менѣе положительна, нежели упомянутыя науки, философія, которою особенно гордится падшій человѣкъ. Естественныя науки непрестанно опираются на вещественный опытъ, имъ доказываютъ вѣрность принятыхъ ими теорій, которыя безъ этого доказательства не имѣютъ мѣста въ наукѣ. Философія лишена рѣшительнаго средства къ постоянному убѣжденію опытомъ. Множество, различныхъ системъ, несогласныхъ между собою, противорѣчащихъ одна другой, уже уличаютъ человѣческое любомудріе въ неимѣніи положительнаго знанія Истины. Какой данъ въ философіи просторъ произволу, мечтательности, вымысламъ, велерѣчивому бреду, нетерпимымъ наукою точною, опредѣленною! При всемъ томъ философія обыкновенно очень удовлетворена собой. Съ обманчивымъ свѣтомъ ея входятъ въ душу преизобильное самомнѣніе, высокоуміе, превозношеніе, тщеславіе, презрѣніе къ ближнимъ. Слѣпотствующій міръ осыпаетъ ее, какъ свою, похвалами и почестями. Довольствующійся познаніями, доставляемыми философіей, не только не получаетъ правильныхъ понятій о Богѣ, о самомъ себѣ, о мірѣ духовномъ; но, напротивъ того, заражается понятіями превратными, растлѣвающими умъ, дѣлающими его неспособнымъ, какъ зараженнаго и поврежденнаго лестью, къ общенію съ Истиною (2 Тим. III, 8). „Не разумѣ міръ премудростію Бога“! (1 Кор. I, 21) говоритъ Апостолъ. „Мудрованіе плотское смерть есть, мудрованіе плотское вражда на Бога: закону бо Божію не покоряется ниже бо можетъ“ (Рим. VIII, 6, 7), потому что это не свойственно ему. „Братія, блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ, въ Немже суть вся сокровища

премудрости и разума сокровенна". (Колос. II, 8, 3). Философія, будучи исчадіемъ паденія человѣческаго, льститъ этому паденію, маскируетъ его, хранитъ и питаетъ. Она страшится ученія Истины, какъ смертоноснаго приговора для себя (1 Кор. III, 18). Состояніе, въ которое приводится философіею духъ нашъ, есть состояніе самообольщенія, душепогибели, что вполнѣ явствуетъ изъ вышеприведенныхъ словъ Апостола, который повелѣваетъ всѣмъ, желающимъ стяжать истинное познаніе отъ Бога, отвергнуть знаніе, доставляемое любомудріемъ падшаго человѣчества. „Никтоже себе да прельщаетъ"! говоритъ онъ: „аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ" (1 Кор. III, 18). Истинная философія (любомудріе) совмѣщается во единомъ ученіи Христовомъ. „Христосъ—Божія Премудрость" (1 Кор. I, 24, 30). Кто ищетъ премудрости внѣ Христа, тотъ отрицается отъ Христа, отвергаетъ премудрость, обрѣтаетъ и усвоиваетъ себѣ лжеименный разумъ, достояніе духовъ отверженныхъ.— О географіи, геодезіи, о языкознаніи, о литературѣ, о прочихъ наукахъ, о всѣхъ художествахъ и упоминать не стоитъ: всѣ онѣ для земли; потребность въ нихъ для человѣка оканчивается съ окончаніемъ земной жизни,—большею частію гораздо ранѣе. Если все время земной жизни употреблю для снисканія знаній, оканчивающихся съ жизнью земною: что возьму съ собою за предѣлы грубаго вещества" [1])?..

И съ отроческихъ лѣтъ заботящійся не о благоустройствѣ своего земного странствованія, а о томъ, что ждетъ его послѣ окончанія земного пути, юноша обратился къ наукамъ съ послѣднимъ рѣшительнымъ призывомъ: „Науки! Дайте мнѣ, если можете дать, что либо вѣчное, положительное, дайте ничѣмъ неотъемлемое и вѣрное, достойное назваться собственностью человѣка"!—И въ отвѣтъ на этотъ прямой, недопускающій компромиссовъ призывъ,—„науки молчали" [2]).

Расчетъ съ наукой былъ разъ навсегда оконченъ. Уже здѣсь, на школьной скамьѣ Инженернаго училища, Димитрій Александровичъ понялъ, что „науки—плодъ нашего паденія, произведеніе поврежденнаго падшаго разума", что „ученость—пріобрѣтеніе и храненіе впечатлѣній и познаній, накопленныхъ человѣками во время жизни падшаго міра", что „ученость—свѣтильникъ ветхаго человѣка, свѣтильникъ, которымъ „мракъ тьмы во вѣки блюдется"; что „ученость не есть собственно мудрость, а только мнѣніе мудрости". Уже теперь ему стало ясно, что „познаніе истины, которая открыта человѣкамъ Господомъ, къ которой доступъ только вѣрой, которая неприступна для падшаго разума человѣческаго,—замѣняется въ учености гаданіями, предположеніями"; что „мудрость этого міра, въ которой почет-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 556—559.
[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 559.

ное мѣсто занимаютъ многіе язычники и безбожники, прямо противоположна, по самымъ началамъ своимъ, мудрости духовной, божественной", и, слѣдовательно, „нельзя быть послѣдователемъ и той и другой вмѣстѣ, а одной непремѣнно должно отречься" [1]). И выборъ былъ сдѣланъ... побѣда была одержана надъ соблазнительнымъ духомъ науки, и эта побѣда, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ біографовъ Димитрія Александровича, „едва-ли не болѣе стоила для него, чѣмъ другія побѣды надъ похотью плоти, похотью очесъ и гордостью житейской, ибо всѣ эти похотѣнія болѣе или менѣе осуждаются самимъ міромъ, а стремленія того-же падшаго естества нашего, предводимыя блуждающими огоньками науки, одобряются и вмѣняются въ обязанность всѣмъ и каждому" [2]).

Открывши несостоятельность науки для вѣчности и совершенно разочаровавшись, поэтому, въ ней, неутомимый искатель Истины не остановился на полдорогѣ: онъ обратился „за удовлетворительнымъ, существенно-нужнымъ, жизненнымъ отвѣтомъ" къ вѣрѣ. Но гдѣ было ему найти „вѣру истинную и святую"? Гдѣ могъ онъ открыть „истинное ученіе о ней, чуждое заблужденій и догматическихъ, и нравственныхъ"?—Намъ станетъ ясно, что это была весьма нелегкая задача, если мы припомнимъ, что „это была пора, когда, подъ вліяніемъ германскаго философствованія, бродили въ обществѣ разныя религіозныя идеи, противныя духу и буквѣ Православія, и когда для свѣтскаго, молодого человѣка всего легче было попасть въ число сектантовъ того или другого невѣрія" [3]). Но Милость Божія не допустила до заблужденія душу Своего избранника, онъ не могъ „признать вѣры истинной и святой въ фанатизмѣ, который не былъ запечатлѣнъ Евангельскою кротостью, а дышалъ разгоряченіемъ и превозношеніемъ"! Онъ не могъ признать ее „въ ученіи своевольномъ, отдѣляющемся отъ Церкви, составляющемъ свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающемъ обрѣтеніе новой, истинной вѣры христіанской, черезъ осмнадцать столѣтій по воплощеніи Бога—Слова" [4]). И чистая, стремящаяся къ Богу душа поняла, что только Онъ Одинъ можетъ помочь ей, только Онъ Одинъ всеблагою десницею Своей можетъ указать ей „правый путь, по которому она могла бы направить къ Нему невидимое шествіе умомъ и духомъ" [5]), и юноша началъ часто со слезами умолять Бога, чтобы Онъ „не предалъ его въ жертву заблужденію".

Всеблагій Богъ, „хотящій всѣмъ человѣкамъ спастись и придти

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 501.

[2]) В. Аскоченскій, Преосвященный Игнатій (Брянч.), Епископъ Кавказскій (Домашняя бесѣда за 1867 годъ, стр. 660).

[3]) Тамъ-же.

[4]) [5]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 559.

въ познаніе Истины" услышалъ горячую молитву Своего будущаго служителя и освѣтилъ яркой путеводной звѣздой „многотрудный и многоскорбный, тѣсный, невидимый путь ума и сердца его къ Богу". Отъ горняго престола Божественной Милости и Премудрости ниспослано было рано почувствовавшему тлѣнную суету міра юношѣ „нетлѣнное сокровище, наставляющее въ блаженную вѣчность", „основной камень для духовнаго созиданія его души": ему внезапно предстала мысль, къ которой сердце устремилось, какъ въ объятія друга. „Эта мысль внушала изучить вѣру въ источникахъ—въ писаніяхъ Св. Отцовъ. Ихъ святость, говорила она ему, ручается за ихъ вѣрность; ихъ избери себѣ въ руководители" [1]). Повинуясь этой мысли и найдя способъ получать сочиненія Св. Отцовъ, онъ съ жадностью началъ читать ихъ, глубоко изслѣдовать; прочитавши однихъ, брался за другихъ, читалъ, перечитывалъ, изучалъ... Что же прежде всего поразило Димитрія Александровича въ писаніяхъ Отцовъ православной Церкви?—Ихъ согласіе, согласіе чудное, величественное! Это согласіе, это дивное, гармоническое единство произвело необычайное впечатлѣніе на его жаждущую Истины и стремящуюся къ ней душу, и много лѣтъ спустя (въ 1847 году) онъ такъ поэтично выразилъ свое настроеніе, вызванное этимъ единогласіемъ: „Когда въ осеннюю ясную ночь гляжу на чистое небо, усѣянное безчисленными звѣздами, столь различныхъ размѣровъ, испускающими единый свѣтъ, тогда говорю себѣ: таковы писанія Отцовъ. Когда въ лѣтній день гляжу на обширное море, покрытое множествомъ различныхъ судовъ съ ихъ распущенными парусами, подобными бѣлымъ лебединымъ крыламъ, судовъ, бѣгущихъ подъ однимъ вѣтромъ, къ одной цѣли, къ одной пристани, тогда говорю себѣ: таковы писанія Отцовъ! Когда слышу стройный многочисленный хоръ, въ которомъ различные голоса въ изящной гармоніи поютъ единую пѣснь Божественную, тогда говорю себѣ: таковы писанія Отцовъ"! [2])—Въ писаніяхъ Отцовъ православной Церкви будущій поборникъ Православія нашелъ повторенное всѣми Отцами ученіе, что единственный путь къ спасенію—послѣдованіе неуклонное наставленіямъ Св. Отцовъ, которые говорятъ человѣку: „Видѣлъ ли ты кого прельщеннаго лжеученіемъ, погибшаго отъ неправильнаго избранія подвиговъ—знай: онъ послѣдовалъ себѣ, своему разуму, своимъ мнѣніямъ, а не ученію Отцовъ, изъ котораго составляется догматическое и нравственное преданіе Церкви; имъ она, какъ безцѣннымъ имуществомъ, препитываетъ чадъ своихъ" [3]).

Получивши отъ Господа, отъ Котораго „всякое даяніе благо, отъ Котораго и мысль благая", этотъ безцѣнный даръ—благую и спаси-

[1]) [2]) Соч. Еп. Игнатія, т. I, стр. 559—60.
[3]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 560.

тельную мысль изучить вѣру въ источникахъ, душа Димитрія Александровича нашла себѣ „первое пристанище въ странѣ истины“, „отдохновеніе отъ волненія и вѣтровъ“, и, взглянувъ на религіозный міръ сквозь эту мысль, онъ увидѣлъ: причина всѣхъ заблужденій состоитъ въ невѣдѣніи, въ забвеніи, въ отсутствіи этой мысли“.—И какъ прежде еще въ Покровскомъ, сознавая несказанныя благодѣянія, излитыя на его душу при крещеніи, мальчикъ стремился къ тому, чтобы посвятить всѣ свои силы и способности на служеніе Безконечному Милосердію и Благости, такъ и теперь юноша, уже ясно увидѣвъ Истину, еще сильнѣе почувствовалъ, что возблагодарить Благодѣтеля онъ можетъ „развѣ только тѣмъ, что посвятитъ на изслѣдованіе и исканіе Его, на служеніе Ему всю земную жизнь свою“, и этимъ, опять таки, лишь сдѣлаетъ себѣ самому новое величайшее благодѣяніе! [1]) Самъ Богъ, мыслію благою, уже отдѣлилъ многодумнаго юношу отъ суетнаго міра, и съ этихъ поръ онъ, хотя и жилъ посреди міра, но не былъ на общемъ, широкомъ, углаженномъ пути: мысль благая повела его отдѣльною стезею, къ живымъ, прохладнымъ источникамъ водъ, по странамъ плодоноснымъ, по мѣстности живописной, но часто дикой, опасной, пересѣченной пропастями, крайне уединенной, гдѣ рѣдко странствуютъ путники [2]).

Чтеніе Св. Отцовъ дало Димитрію Александровичу именно то, что такъ давно жаждала, къ чему съ дѣтства стремилась его душа и чего не дало ему изученіе „наукъ человѣческихъ“; оно открыло ему, „что сдѣлалъ Христосъ для человѣчества, въ чемъ состоитъ паденіе человѣка, почему необходимъ Искупитель“; оно твердило ему: „Должно развить, ощутить, увидѣть въ себѣ спасеніе, безъ чего вѣра во Христа мертва, а христіанство—слово и наименованіе безъ осуществленія его“; чтеніе Отцовъ научило его смотрѣть на вѣчность, „какъ на вѣчность, передъ которой ничтожна и тысячелѣтняя земная жизнь, не только наша, измѣряемая какимъ нибудь полустолѣтіемъ“; оно научило его, что „земную жизнь должно проводить въ приготовленіи къ вѣчности, какъ въ преддверіяхъ приготовляются къ входу въ великолѣпные царскіе чертоги“. Оно показало ему, что „всѣ земныя занятія, наслажденія, почести, преимущества—пустыя игрушки, которыми играютъ и въ которыя проигрываютъ блаженство вѣчности взрослыя дѣти“. И юноша, всегда стремящійся только къ Богу, теперь уже окончательно убѣдился, что „все земное—ничто передъ Христомъ, Всемогущимъ Богомъ, Который даетъ Себя въ имѣніе, въ вѣчный даръ и собственность пылинкѣ-человѣку; не стоитъ видимый міръ, чтобы служить ему и имъ заниматься! Чѣмъ онъ награждаетъ слугъ своихъ? Сперва игрушками; потомъ гробомъ, тлѣніемъ, темною

---

[1]) [2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 560—61.

неизвѣстностью будущаго, рыданіемъ ближнихъ и вскорѣ забвеніемъ ими. Другія награды у слугъ Христовыхъ: они проводятъ здѣшнюю жизнь въ изученіи истины, въ образованіи себя ею. Претворенные ею, запечатлѣваются Св. Духомъ, вступаютъ въ вѣчность, уже коротко ознакомленные съ вѣчностью, приготовивъ себѣ блаженство въ ней, извѣщенные въ спасеніе"... [1])

Истинная вѣра, яркимъ свѣтомъ озарившая душу будущаго подвижника, взявъ его за руку, какъ бы поставила его передъ Богомъ, и уже съ этихъ поръ онъ „вознесся превыше міра; подъ ногами его остался мрачный хаосъ сомнѣній, невѣрія, заблужденій, умствованій напыщенныхъ и вмѣстѣ суетныхъ, какъ подъ ногами того, кто взошелъ на вершину высокой горы, остаются облака, утесы, пропасти, шумящіе и скачущіе по скаламъ водопады" [2]). И двадцатилѣтній юноша теперь уже твердо и безповоротно рѣшился стать въ число слугъ Христовыхъ, „оставить міръ и земную жизнь посвятить для познанія Христа, для усвоенія Христу", ибо теперь уже онъ „смѣлъ и умѣлъ желать", такъ какъ „нашелъ Истину, увидѣлъ Ее ясно, чтобы пожелать Ея"!

Вотъ чѣмъ окончилась внутренняя борьба въ душѣ будущаго Игнатія, вотъ къ какому рѣшенію пришелъ онъ, блистательно проходя курсъ ученія въ Инженерномъ училищѣ, заведеніи чисто-свѣтскомъ, откуда воспитаннику гораздо легче было выйти свѣтскимъ развязнымъ инженеромъ, смѣло прокладывающимъ себѣ дорогу и быстро восходящимъ по ступенямъ жизненной лѣстницы, чѣмъ смиреннымъ слугой Господа, носящимъ въ сердцѣ своемъ Одного только Всемилостиваго Творца своего.

Немудрено, что съ такимъ настроеніемъ ума и воли, переживая сложную душевную борьбу съ ополчившейся на него всею своею силой наукой, Димитрій Александровичъ во все время своего обученія въ училищѣ избѣгалъ шумныхъ развлеченій молодости, доставлявшихъ удовольствіе жившимъ съ нимъ на одной квартирѣ братьямъ его и товарищамъ по училищу, настроеннымъ совершенно иначе. Немудрено также и то, какъ отмѣчается въ одной изъ его біографій, что среди разнообразной и разнохарактерной толпы школьныхъ товарищей не легко было найти одинаково настроеннаго съ нимъ человѣка. Но такія существа не могутъ оставаться одинокими: невидимымъ магнитомъ привлекаютъ они къ себѣ сочувствующую душу и властно пробиваютъ въ ней родникъ, таящійся подъ грубою корою земляности [3]). Такъ было и съ Димитріемъ Брянчаниновымъ; Господь не только

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 562—3.

[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. IV, стр. 433.

[3]) В. Аскоченскій. Преосв. Игнатій (Бр.), Еп. Кавказскій (Дом. бес. за 1867 г., стр. 656).

направилъ его всеблагою десницею Своею на правый путь, „ведущій въ животъ“, но уже здѣсь, въ училищѣ далъ ему друга на всю жизнь, уже здѣсь, „въ юдоли скорбей и плача“ соединилъ его съ этимъ послѣднимъ „въ благоугодное Ему единомыслiе и единодушiе“ [1]); уже здѣсь, въ училищѣ начали исполняться тѣ слова, которыя много лѣтъ спустя (въ 1847 году) написалъ Димитрій Александровичъ: „Друзей далъ мнѣ Богъ: эту мзду принялъ я отъ всесвятой десницы Его за мысль самоотверженія, которой послѣдовалъ съ дней юности моей“ [2]). Такимъ другомъ его былъ Михаилъ Васильевичъ Чихачовъ, имя котораго такъ тѣсно связано съ именемъ Димитрія Александровича Брянчанинова, что въ благоговѣйныхъ воспоминаніяхъ о жизни этого послѣдняго нельзя не отвести параллельнаго мѣста и для краткаго повѣствованія о Михаилѣ Чихачовѣ, что представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что мы имѣемъ составленныя имъ самимъ, до сихъ поръ неизданныя „записки“, въ которыхъ, „понуждаемый любовью его знающихъ“, онъ безхитростно говоритъ намъ, какъ можетъ припомнить, „что было съ нимъ отъ юности и до времени постриженія его“, не мудрствуя лукаво, излагаетъ намъ, „повѣсть своего обращенія ко всемогущему покаянію“ [3]).

Миша Чихачовъ былъ годомъ старше Димитрія Брянчанинова (онъ родился въ 1806 году). Условія, въ какихъ онъ провелъ свое дѣтство, имѣли весьма мало общаго съ тѣми, въ которыхъ выросъ сынъ Александра Семеновича. Младшій въ семьѣ и потому, какъ это нерѣдко случается, особенно балуемый родителями, онъ росъ на свободѣ въ родномъ помѣстьѣ, находящемся въ двухъ сотняхъ верстъ отъ сѣверной столицы (въ Псковской губерніи, Порховскомъ уѣздѣ). Тогда какъ братья и сестры его были отданы въ казенныя мѣста для воспитанія, онъ до 16-ти лѣтъ оставался дома, обучаясь то подъ руководствомъ спеціально для этого приглашенныхъ учителей (по большей части французовъ), то у родныхъ или знакомыхъ, куда пристраивала его мать для обученія съ ихъ дѣтьми наукамъ и французскому языку. Ученіе не представляло никакой трудности для умнаго и способнаго мальчика. Веселымъ, беззаботнымъ, а по собственному признанію даже „вѣтреннымъ и шаловливымъ“ шестнадцатилѣтнимъ юношей, привыкшимъ дома „къ баловству и болтовнѣ“, былъ онъ привезенъ въ то же самое Петербургское Инженерное училище, куда по желанію родителей поступилъ и Димитрій Александровичъ. Подобно тому, какъ передъ молодымъ Брянчаниновымъ, такъ и передъ Михаиломъ Чихачовымъ при самомъ вступленіи въ училище открывалась

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. IV, стр. 439.

[2]) Тамъ же, стр. 432.

[3]) Записки М. Чихачова, стр. 1.

блистательная перспектива будущей службы: выдержавши хорошо экзаменъ, онъ обратилъ на себя вниманіе училищнаго начальства и самого Великаго Князя Николая Павловича—генералъ-инспектора, который выбралъ его, какъ и Брянчанинова, своимъ пансіонеромъ и, каждодневно посѣщая училище, часто жаловалъ ему свое ласковое слово. Весельчакъ, говорунъ, съ душой на распашку, никогда прежде не раздумывавшій надъ религіозными вопросами и имѣвшій „весьма темное понятіе о вѣрѣ“, Миша Чихачовъ, какъ отмѣчаетъ онъ самъ въ своихъ „Запискахъ“, „ни въ нравѣ, ни въ благочестіи, ни въ склонностяхъ“, не былъ похожъ на серьезнаго, задумчиваго, углубленнаго въ себя Димитрія Брянчанинова, „привыкшаго дома къ строгой нравственной жизни и къ набожности“. Но Господь, Ему Единому вѣдомыми судьбами, соединилъ на всю послѣдующую жизнь тѣснѣйшими узами истинной угодной Ему дружбы этихъ двухъ людей, повидимому такъ непохожихъ одинъ на другого, слилъ ихъ вмѣстѣ въ столь рѣдкое на землѣ „единодушіе и единомысліе,“ въ чемъ Чихачовъ прозрѣвалъ впослѣдствіи „смотрѣніе Божіе, приводящее его на путь покаянія“ [1]). „Необычайная чистота души, какъ бы озаряющая своимъ немеркнущимъ свѣтомъ всю благообразную привлекательную наружность молодого Брянчанинова и налагающая на него отпечатокъ чего то „особеннаго“, невольно привлекала Чихачова „говорить съ нимъ о вѣрѣ и быть съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ“, и, не надѣясь никогда подружиться съ этимъ замкнутымъ, серьезнымъ юношей, Миша все же тянулся къ нему всѣмъ своимъ сердцемъ, ибо въ глубинѣ этого сердца, подъ грубой корой земляности, таился никому незамѣтный живой родникъ той же беззавѣтной искренней любви къ Всемогущему Создателю, той же несокрушимой вѣры въ Него и непоколебимой надежды, цѣлое море которой было въ душѣ его молодого товарища. И Димитрій Александровичъ, который впослѣдствіи отличался рѣдкимъ умѣніемъ распознавать людей и обладалъ даромъ какъ бы читать внутреннимъ очами въ книгахъ ихъ душъ, увидѣлъ въ Чихачовѣ родного и близкаго себѣ по духу человѣка и понялъ, что его долгъ—пробудить отъ сна эту спящую душу, вывести ее изъ темницы, привести ее къ ея истинному источнику—Богу. Однажды, слушая веселую болтовню Чихачова, Брянчаниновъ прервалъ его словами: „Будь ты христіаниномъ“!—Я никогда не былъ татариномъ, возразилъ ему недоумѣвающій товарищъ.—„Такъ, но надо это слово исполнить дѣломъ и углубиться поприлежнѣе въ него“.—Согласенъ и на то, отвѣчалъ Чихачовъ. И съ этихъ поръ, послѣ этого краткаго, но властнаго призванія быть христіаниномъ не по названію только, а на дѣлѣ, началась между ними дружба, „дружба, основанная на словѣ Божіемъ,

[1]) Записки Чихачова, стр. 5.

на заповѣдяхъ Его, на вѣрѣ въ Искупителя—Сына Божія, ради Котораго друзья тогда же рѣшились не щадить ничего, что льстило въ мірѣ“ [1]). Эта дружба ихъ, какъ отмѣчаетъ Лѣсковъ, „носила особый отпечатокъ чего-то аскетическаго; они дружили для того, чтобы поддерживать одинъ другого въ общемъ ихъ стремленіи уйти отъ житейскихъ соблазновъ къ поднявшему ихъ возвышенному идеалу чистой жизни въ духѣ христіанскаго ученія?“ [2])

— Самое главное въ нашемъ положеніи теперь то,—внушалъ Брянчаниновъ Чихачову,—чтобы сберечь себя отъ гордости. Я не знаю, какъ мнѣ быть благодарнымъ за незаслуженную милость Великаго Князя, но постоянно думаю о томъ, чтобы сохранить то, что всего дороже. Надо слѣдить за собою, чтобы не начинать превозноситься. Прошу тебя: будь мнѣ другъ—наблюдай за мною и предостерегай, чтобы я не могъ утрачивать чистоту моей души.

Чихачовъ обѣщалъ ему эту помощь.

— Прекрасно,—отвѣчалъ онъ:—я всегда скажу тебѣ правду, но въ этомъ и не будетъ надобности, такъ какъ ты уже нашелъ средства спасти себя отъ соблазна.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ты самъ сказалъ: надо „не начинать“, и если ты никогда не будешь начинать, то оно никогда и не начнется...

— Твоя правда,—отвѣтилъ, подумавъ, Брянчаниновъ:—но... все-таки наблюдай за мной. Я боюсь, что могу быть втянутъ на этотъ путь отъ тѣхъ самыхъ людей, которые должны быть мнѣ примѣромъ. Вѣдь мы „должны быть покорны начальникамъ нашимъ“...

— Да, это правда,—отвѣтилъ Чихачовъ и тотчасъ же замѣтилъ, что лицо Брянчанинова вдругъ какъ бы озарилось какою то радостною мыслью,—онъ взялъ товарища за обѣ руки, сжалъ ихъ въ своихъ рукахъ и, глядя съ серьезною восторженностью вверхъ, какъ бы читалъ подъ высокимъ карнизомъ покоя:

— Я вижу одно вѣрное средство для того, чтобы не поддаться опасности соблазна, который представляютъ люди, и ты, можетъ быть, отгадываешь, въ чемъ оно заключается...

— Мнѣ кажется, что я отгадываю, о чемъ ты думаешь.

— Я думаю, что надо всегда смотрѣть на Богочеловѣка.

— Ты правъ.

— Повѣрь,—если мы не будемъ сводить съ Него нашихъ мысленныхъ глазъ и будемъ стараться во всемъ Ему слѣдовать, то для насъ нѣтъ никакой опасности. Онъ насъ спасетъ отъ опасности потерять себя во всѣхъ случаяхъ жизни.

---

[1]) Записки Чихачова, стр. 10—11.

[2]) Сочиненія Лѣскова, т. IV, стр. 55.

— Вѣрю.

— И вотъ Онъ съ нами, и мы въ Немъ, и Онъ въ насъ. Мнѣ кажется, я понялъ сейчасъ въ этихъ словахъ новый удивительный смыслъ...

— И я тоже [1]).

Это настроеніе двухъ юныхъ друзей, избѣгавшихъ всякихъ школьныхъ продѣлокъ и не интересовавшихся шумными свѣтскими развлеченіями, не могло не быть замѣчено товарищами, и, если вѣрить Лѣскову, вокругъ нихъ образовался „кружокъ любителей и почитателей святости и чести", состоявшій человѣкъ изъ десяти. Но мы болѣе склонны предположить, что едва ли товарищи—свѣтскіе молодые люди могли искренно проникнуться этимъ религіознымъ духомъ набожности и благочестія—врожденными чертами Брянчанинова. И, пожалуй, вѣрнѣе будетъ думать, что, если у Димитрія Александровича и Миши Чихачова и были подражатели, то большинство изъ нихъ дѣлало это скорѣе изъ желанія обратить на себя то же милостивое вниманіе училищнаго начальства, заслужить себѣ то же ласковое расположеніе Великаго Князя Николая Павловича, которымъ пользовались не только во все время пребыванія въ училищѣ, но и потомъ, Брянчаниновъ и Чихачовъ. Съ другой стороны, если у нихъ и были немногіе послѣдователи, то нельзя не довѣрять и одному изъ добросовѣстныхъ современныхъ Димитрію Александровичу біографовъ его, свидѣтельствующему о томъ, что это очень оригинальное для свѣтскаго заведенія и благородное направленіе, которое Лѣсковъ называетъ „стремленіемъ къ безукоризненной честности и даже къ святости", вызывало „насмѣшки товарищей, глумившихся надъ благочестіемъ двухъ юныхъ друзей и называвшихъ ихъ „монахами и святыми отцами" [2]), о чемъ упоминаетъ и Чихачовъ въ своихъ запискахъ. Но, подтрунивая и въ глаза и за глаза надъ скромными „монахами", товарищи не могли, однако, не замѣтить ихъ истиннаго благородства, сказывавшагося въ неподкупной честности и правдивости, „въ недопущеніи себя до гнѣва, лжи, раздражительности, мщенія и лести" [3]). Товарищи знали, что Брянчанинову и Чихачову нельзя говорить ни

---

[1]) Сочиненія Лѣскова, т. IV, стр. 54—5. Мы не можемъ, конечно, утверждать о безусловной подлинности приведеннаго разговора. Но что разсужденія на подобную тему могли бывать и, навѣрное, весьма часто бывали между товарищами, рѣшившимися оставить суетный міръ для служенія Единому Господу; что такія разсужденія вполнѣ соотвѣтствовали внутреннему настроенію молодого Брянчанинова—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для человѣка, хотя отчасти знакомаго съ его добродѣтельною жизнью.

[2]) Аскоченскій. Преосвященный Игнатій (Бр.), Епископъ Кавказскій. (Домашняя бесѣда за 1867 годъ).

[3]) Сочиненія Лѣскова, т. IV, стр. 56.

о какихъ дурныхъ школьныхъ продѣлкахъ, ни о какихъ проявленіяхъ молодечества, потому что, не участвуя въ нихъ сами, они прямо говорили, что не желаютъ ничего знать о нихъ, чтобы, въ случаѣ допроса, не выдать товарищей: лгать же и скрывать то, что имъ извѣстно, они не могутъ [1]). Но, если встрѣчалось какое-либо серьезное недоразумѣніе, если кого нибудь постигало горе или случалась нужда въ помощи по наукамъ,—смѣло обращались къ благочестивымъ „товарищамъ-монахамъ“ и всегда находили у нихъ самое теплое дружеское участіе, поддержку, помощь, добрый совѣтъ. Какъ прежде въ Покровскомъ родные братья и сестры, такъ и здѣсь, въ училищѣ, въ случаѣ несогласій между товарищами, обращались къ Брянчанинову, и его мнѣніе принималось за рѣшеніе, хотя онъ самъ всегда устранялся отъ суда надъ другими, говоря: „Меня никто не поставилъ, чтобы судить и дѣлить другихъ“ [2]). Чихачовъ же въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно добровольно стушевывался, любя при всякой возможности отдавать первенство своему другу.

Но, пользуясь въ нуждѣ совѣтами и помощью своего всегда серьезнаго товарища, который дѣлился съ нуждающимися всѣмъ, чѣмъ могъ подѣлиться, молодые юнкера, однако, невольно сторонились его, и это вполнѣ понятно: свѣтскимъ молодымъ людямъ долженъ былъ казаться страннымъ и непонятнымъ тотъ образъ жизни, какой велъ въ училищѣ Димитрій Александровичъ и слѣдовавшій за нимъ Чихачовъ.—Въ холодной и бездушной сѣверной столицѣ, гдѣ не было тихаго уединенія, которое съ дѣтства такъ любилъ юный подвижникъ; въ Инженерномъ училищѣ, гдѣ изучались только „науки человѣческія“, не открывающія Истину, а только затемняющія Ее; въ кругу молодыхъ людей, любящихъ повеселиться и поразвлечься со свойственною молодости безразсудностью, и мало склонныхъ задумываться надъ тѣми вопросами, которые съ дѣтскихъ лѣтъ волновали Димитрія Брянчанинова, въ этой обстановкѣ онъ остался вѣренъ, сколько это было возможно, своимъ прежнимъ привычкамъ, своимъ духовнымъ стремленіямъ, какія воспиталъ въ уединеніи отдаленной родины. Какъ бывало прежде, въ Покровскомъ, Митенька любилъ находить утѣшеніе въ молитвенномъ обращеніи къ Богу, въ горячихъ слезахъ передъ Его Всевидящимъ Окомъ, въ чтеніи наизусть умилительныхъ Псалмовъ, такъ и теперь, живя въ столицѣ и обучаясь въ училищѣ, онъ любилъ предаваться умной молитвѣ, молясь по большей части ночью, когда никто не наблюдалъ за нимъ, и онъ могъ свободно изливать передъ Отцомъ Небеснымъ свою душу. Часто случалось, что, лежа въ постели, онъ приподнималъ отъ подушки голову и начиналъ читать

---

[1]) Кромѣ личной врожденной правдивости друзей,—въ отношеніи къ Брянчанинову, какъ это напоминаетъ вліяніе честнаго и правдиваго Доримедонта!

[2]) Сочиненія Лѣскова, т. IV, стр. 56—57.

молитву; и такъ, не измѣняя положенія, не прекращалъ молиться отъ вечера до тѣхъ поръ, когда утромъ надо было вставать итти на службу въ классы.

Какъ бывало въ дѣтствѣ Митенька любилъ посѣщать родной Покровскій храмъ, гдѣ чуткая душа его чувствовала присутствіе Бога Отца, Сына и Св. Духа, такъ и юнкеромъ онъ простаивалъ долго въ церкви, молился и рыдалъ; и, замѣняя юнкерскій мундиръ офицерскимъ [1]), онъ не радовался этому повышенію, а горевалъ о томъ, что теперь нельзя уже будетъ такъ, какъ прежде въ юнкерскомъ мундирѣ, придя въ храмъ Божій, стать въ толпѣ солдатъ, въ толпѣ простолюдиновъ, молиться и рыдать сколько душѣ угодно [2])!

Настроенный такъ юноша, переживающій въ тоже самое время, какъ мы отмѣчали выше, тяжелую внутреннюю борьбу съ свѣтской наукой и нуждающійся въ духовномъ подкрѣпленіи, не могъ удовлетвориться установленнымъ въ училищѣ обычаемъ—только одинъ разъ въ годъ приступать къ Таинствамъ Исповѣди и Св. Причащенія. Онъ чувствовалъ потребность болѣе часто питать душу свою Божественнымъ Тѣломъ, ломимымъ во оставленіе людскихъ грѣховъ, поить ее Божественною Кровью Новаго Завѣта, изливаемой за грѣшныхъ людей. Для удовлетворенія своего желанія онъ, естественно, обратился къ законоучителю и духовнику училища и началъ часто въ субботу исповѣдываться у него, а въ воскресеніе причащаться. Раскрывая всѣ тайны своего сердца, всѣ свои заповѣдныя думы своему другу Мишѣ Чихачову, съ которымъ онъ дѣлилъ радости и печали, Димитрій Александровичъ не скрылъ отъ него и этого, предложивши слѣдовать за нимъ, „не отставать отъ него“. По воспоминаніямъ самого Чихачова, въ одну изъ субботъ, когда можно было выйти изъ училища, Брянчаниновъ пригласилъ своего товарища итти вмѣстѣ съ нимъ къ священнику, объясняя, что у него такой обычай: въ субботу исповѣдываться, а въ воскресеніе причащаться. Услышавши это приглашеніе, Миша сначала пришелъ въ „изумленіе и великое смятеніе“; на него напалъ страхъ: какъ можно такъ, безъ всякаго приготовленія, итти на исповѣдь и приступать къ Причащенію, когда онъ привыкъ совсѣмъ иначе — „говѣть“, разъ въ годъ; походить сначала въ церковь, а послѣ уже завершить исповѣдью и принятіемъ Св. Таинъ? Но другъ своею любовью повлекъ его за собой, успокаивая тѣмъ, что это не его дѣло, а духовника. И съ этого времени Чихачовъ „не отставалъ“ отъ своего друга и каждую недѣлю отправлялся на исповѣдь вмѣстѣ съ нимъ. Но тогда какъ Димитрій Александровичъ, съ самаго ранняго дѣтства склонный молитвенно исповѣдывать передъ своимъ

---

[1]) Въ 1824 году Брянчаниновъ былъ переведенъ изъ юнкерскихъ классовъ въ нижній офицерскій, что теперь Николаевская Инженерная академія.

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 556.

Творцомъ сокровенные помыслы своей религіозно-настроенной души, находилъ облегченіе и успокоеніе въ этомъ частомъ принятіи Тѣла и Крови Христовой, непривычный къ этому другъ его испытывалъ внутреннее содроганіе, чувствуя, какъ ему казалось, „свое огромное недостоинство", и въ продолженіе недѣли при всей внѣшней разсѣянности, занимаясь науками и различными военными упражненіями, нерѣдко оплакивалъ это свое недостоинство горячими слезами, сильно боролся съ своимъ сердцемъ, „принуждалъ его ко всему доброму", отвращая отъ порочныхъ навыковъ, побѣждая въ взволнованной душѣ своей „внутреннее сильное возстаніе страстей и привычекъ, разъяренныхъ противодѣйствіями имъ" [1]). И невидимая сила свыше поддержала и эту угодную ей душу „на поприщѣ мученичества добровольнаго и исповѣдничества",ославъ ей крѣпкую поддержку въ лицѣ такого друга, „который и благоразуміемъ своимъ ее вразумлялъ, и душу свою за нее всегда полагалъ, и вмѣстѣ съ нею всякое горе раздѣлялъ" [2]).

Но духовникъ училища, къ которому отправлялись еженедѣльно друзья, не понялъ идеальныхъ порывовъ юныхъ отроковъ, представлявшихъ такое необычайное явленіе среди учащейся молодежи, и, услышавши, что раскрывающіе передъ нимъ душу воспитанники „боримы множествомъ грѣховныхъ помысловъ", посчиталъ своимъ долгомъ донести объ этомъ училищному начальству. Это послѣднее истолковало „грѣховные помыслы" въ смыслѣ „политическихъ замысловъ" и подвергло юныхъ друзей формальному допросу. Сначала призванъ былъ къ отвѣту Чихачовъ: о чемъ говорили они со священникомъ, не о преступныхъ ли замыслахъ противъ правительства?— Не удовольствовавшись его отрицательнымъ отвѣтомъ, начальникъ училища генералъ-лейтенантъ графъ Сиверсъ обратился съ допросомъ и къ Брянчанинову, „которому пришлось исповѣдь свою повторять передъ генералами лютеранскаго исповѣданія, которымъ можетъ ли быть понятна православная исповѣдь" [3])?—Взволнованный тѣмъ, что пришлось повѣдать то, что онъ желалъ хранить въ строжайшей тайнѣ Димитрій Александровичъ захворалъ и слегъ въ постель, и „съ той поры, говоритъ Чихачовъ въ своихъ запискахъ, здоровымъ вполнѣ я его никогда не видалъ". „Идеальные порывы чистой души были непонятны училищному начальству, оно считало ихъ пустыми бреднями ненормальнаго мальчика" [4]) и стало слѣдить за юными подвижниками.

---

[1]) Записки М. Чихачова, стр. 12—13.

[2]) Тамъ-же, стр. 13.

[3]) Записки М. Чихачова, стр. 15. Инспекторомъ училища былъ Инженеръ Ген.-Маіоръ баронъ Эльснеръ, съ трудомъ объяснявшійся по-русски.

[4]) Въ поискахъ Живого Бога. Іером. Игнатій, стр. 12.

Но чувствуя потребность очищать и облегчать исповѣдью свою душу и вкусивши уже ея благодатныхъ плодовъ, эти послѣдніе не могли отказаться отъ своего обычая въ угоду начальству; они только принуждены были избрать себѣ другого духовника. Наученные опытомъ, друзья стали ходить скрытно отъ училищнаго начальства къ инокамъ Валаамскаго подворья, „къ службѣ и для исповѣди и причащенія“. Эти простые, благочестивые служители Христа почувствовали искренность молодыхъ людей, съ любовью принимали ихъ, бесѣдовали съ ними „о пользѣ души“, давали имъ, какія могли, наставленія. Но, какъ люди безъ научнаго образованія, они были болѣе склонны къ внѣшнему подвигу, чѣмъ къ внутреннему благочестію, и не могли удовлетворить образованныхъ искателей подвига. Чувствуя сами, что они не могутъ дать юнымъ подвижникамъ того, чего ищутъ эти послѣдніе, Валаамскіе иноки посовѣтовали имъ обратиться за душеназиданіемъ къ инокамъ Невской Лавры: „Здѣсь вы не удовлетворите души вашей“, сказалъ однажды одинъ изъ нихъ, о. Серафимъ [1]) Димитрію Александровичу: „а, если угодно, есть въ Невскомъ монастырѣ ученики о. Леонида, старца опытнаго и получившаго образованіе монашеское отъ учениковъ старца Паисія Молдавскаго [2]), они вамъ лучше укажутъ этотъ путь и со старцемъ своимъ могутъ познакомить“ [3]). Этотъ совѣтъ былъ путеводной звѣздой для молодого искателя жизни духовной. Брянчаниновъ отыскалъ въ Невскомъ монастырѣ учениковъ о. Леонида, іеромонаховъ: Аарона, Харитона и Іоанникія, познакомился съ ними, а черезъ нихъ и съ Лаврскимъ духовникомъ о. Аѳанасіемъ, и друзья стали посѣщать ихъ, радуясь, что нашли себѣ истинныхъ наставниковъ, понимавшихъ ихъ духовныя стремленія; къ тому же и служба въ Невской Лаврѣ, болѣе величественная и болѣе продолжительная, чѣмъ на Валаамскомъ подворьѣ, больше нравилась имъ. Объ этихъ посѣщеніяхъ Лавры узналъ отецъ Димитрія Александровича А. С. Брянчаниновъ. Вѣрный слуга его—бывшій дядька его сыновей—старикъ Доримедонтъ, который былъ приставленъ къ Димитрію и жившимъ съ нимъ вмѣстѣ братьямъ, для служенія имъ и для надзора за ихъ жизнью, не могъ не донести объ этомъ своему барину, посылая въ Покровское подробнѣйшіе рапорты о времяпрепровожденіи молодыхъ господъ. Но тогда какъ о Петрѣ Александровичѣ онъ могъ докладывать Александру Семеновичу что-нибудь вродѣ такого факта, какъ „будучи у господъ Анненковыхъ на вечерѣ, изволили потерять батистовый платочекъ съ вензелемъ“, а о Михаилѣ Александровичѣ,—что „они къ тому же вечеру изволили

[1]) Впослѣдствіи экономъ въ Сергіевой пустыни при Архимандритѣ Игнатіи, а потомъ строитель Черменецкой обители, гдѣ и скончался.

[2]) Объ о. Леонидѣ и старцѣ Паисіи будетъ дальше.

[3]) Записки М. Чихачова, стр. 18.

купить дорогихъ духовъ, за 5 цѣлковыхъ флаконичикъ махонькій, а я докладывалъ, что можно бы одеколономъ подушиться, на всѣхъ-де вертопраховъ смотрѣть здѣшнихъ нечего", и на что Михаилъ Александровичъ „изволили сказать, посмѣявшись довольно: сами вы, Дормидонтъ Дмитричъ, одеколономъ прыскайтесь, а я не то, что прыскаться, а у меня надъ каждой вашей милости господской копейкой болитъ сердце"; тогда какъ объ Александрѣ Александровичѣ Доримедонту приходилось докладывать, что „Александръ Александровичъ изволятъ по ночамъ не возвращаться долго и разговоры не зѣло подобные ведутъ промежъ прочихъ господъ офицеровъ", о жизни Димитрія Александровича онъ не могъ докладывать господину ничего другого, кромѣ того, что „Димитрій Александровичъ безпереч изволятъ пребывать въ Лавру, когда только свободны отъ дежурства во дворцѣ, бѣлье у Димитрія Александровича все цѣло, которое пошло съ нами изъ усадьбы, а дружбу они ведутъ только съ однимъ господиномъ офицеромъ Ч—вымъ и вмѣстѣ въ Лавру ѣздятъ" [1]). Александръ Семеновичъ, не допускавшій и мысли о несвѣтской карьерѣ своего сына и рисовавшій себѣ яркими красками блестящія картины его будущей свѣтской службы, разстраивался подобными извѣстіями; онъ зналъ, что старшій сынъ былъ съ дѣтства такого же настроенія, но это казалось ему прежде дѣтскими капризами, которые должны безслѣдно исчезнуть въ суетѣ столичной жизни, въ чисто свѣтскомъ учебномъ заведеніи, послѣ знакомства съ веселыми, а нерѣдко и легкомысленными товарищами; отецъ примирился бы съ извѣстіями, что старшій сынъ ведетъ въ столицѣ разсѣянную жизнь легкомысленнаго молодого человѣка; правда, быть можетъ, онъ и похмурился бы немного, читая донесенія вѣрнаго слуги о его ночныхъ похожденіяхъ, о тратѣ денегъ на ненужные предметы роскоши, какъ хмурился и пожималъ плечами, получая подобныя извѣстія о жизни другихъ своихъ сыновей, быть можетъ онъ и побранилъ бы его за это, но въ душѣ то онъ признался бы себѣ, что все это въ порядкѣ вещей: молодъ, легкомысленъ, развлекается... а вотъ приверженность къ Невской Лаврѣ,— это совсѣмъ другое дѣло, на это должно обратить серьезное вниманіе. Отецъ видѣлъ теперь, что желаніе старшаго сына, который, еще отправляясь только въ училище, на вопросъ, какого рода службу онъ предпочитаетъ, не задумываясь, отвѣтилъ: „службу Царю Небесному" [2]), было не пустыми словами, что сынъ все время носитъ въ сердцѣ своемъ желаніе поступить въ монахи, не раставшись съ нимъ и въ суетѣ шумной столицы. Но позволить сыну поставить на своемъ,

[1]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богословскій вѣстникъ за 1914 г., стр. 660).

[2]) Изъ семейныхъ воспоминаній Купреяновой (Богословскій вѣстникъ за 1914 г., стр. 9).

пойти, руководствуясь хотя бы и внутреннимъ призваніемъ, но противъ воли отца, было не въ характерѣ Александра Семеновича, не выносившаго никакихъ ослушаній. Не имѣя возможности за далью разстоянія самъ подѣйствовать на сына и видя, что письменныя наставленія не производятъ на него должнаго дѣйствія—Димитрій Александровичъ продолжаетъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Чихачовымъ посѣщать Лавру, Александръ Семеновичъ обратился за содѣйствіемъ къ начальнику училища графу Сиверсу, своему бывшему товарищу по службѣ въ пажахъ, прося его содѣйствія и помощи. Училищное начальство приняло строгія мѣры: Брянчаниновъ былъ переведенъ съ частной квартиры, гдѣ онъ жилъ со своими братьями, въ казенную, въ стѣны Михайловскаго инженернаго замка подъ строгій надзоръ.—Теперь Димитрій Александровичъ могъ быть неразлученъ съ другомъ своимъ Мишей Чихачовымъ, жившимъ тамъ-же, но посѣщенія Лавры, которыхъ друзья не прекращали не смотря ни на какія запрещенія, сдѣлались, конечно, гораздо затруднительнѣе и рѣже, такъ какъ совершались тайно отъ начальства. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока имъ не было разрѣшено поселиться на частной квартирѣ; это было тогда, когда вышелъ въ офицеры и Миша Чихачовъ [1]).

Окончивши курсъ въ юнкерскихъ классахъ и вышедши изъ стѣнъ училища, друзья-офицеры поселились поближе къ Лаврѣ, по свидѣтельству Лѣскова, на Невскомъ проспектѣ, въ большомъ и очень нелѣпомъ домѣ Лопатина, который теперь уже сломанъ и который помѣщался тамъ, гдѣ нынѣ пролегаетъ Пушкинская улица.[2]) Теперь уже никто не могъ помѣшать имъ, удаленнымъ изъ подъ надзора закрытаго учебнаго заведенія, располагать своимъ временемъ сообразно своимъ стремленіямъ и вкусамъ, вести самый строгій, чисто монашескій образъ жизни, соблюдать постные дни, не посѣщать никакихъ увеселеній и, главное, ежедневно посѣщать церковь. По свидѣтельству Чихачова, жизнь ихъ въ это время протекала слѣдующимъ образомъ: отъ семи часовъ утра до часу дня они проводили въ училищѣ, въ классахъ; возвратившись къ себѣ и скромно отобѣдавъ, отправлялись къ вечернѣ въ Лавру, гдѣ, по окончаніи богослуженія, заходили къ кому-либо изъ учениковъ о. Леонида для бесѣды. Но изъ трехъ знакомыхъ имъ іеромонаховъ въ монастырѣ остался скоро только одинъ о. Іоанникій, а два другіе (о. Ааронъ и о. Харитонъ) по назначенію начальства перешли въ другіе монастыри. Съ о. Іоанникіемъ и Лаврскимъ духовникомъ отцомъ Аѳанасіемъ молодые люди совѣщались о всемъ, что касалось внутренняго монашескаго дѣланія,

[1]) Поступивши сразу во второй, кондукторскій классъ, Брянчаниновъ вышелъ въ офицеры раньше Чихачова.

[2]) Сочиненія Лѣскова, т. IV, стр. 57.

имъ они исповѣдывали свои помыслы, не скрывая для пользы души ничего, учились у нихъ „охранять себя отъ страстей, отъ помысловъ, отъ поползновеній,“ [1]), спрашивали у нихъ совѣта, какія книги имъ читать изъ твореній Св. Отцовъ. И богатые опытомъ, добрые старцы никогда не лѣнились давать наставленія любомудрымъ юношамъ. Усугубивъ свою ревность къ подвигамъ благочестія и посвящая все свободное отъ занятій время прилежному чтенію книгъ Св. Отцовъ: Димитрія Ростовскаго, Іоанна Златоуста, Добротолюбія, Лѣствичника и другихъ, почерпывая изъ нихъ и образъ мыслей, и разумъ духовный, и способы къ спасенію души, Димитрій Александровичъ сдѣлался теперь уже совершеннымъ аскетомъ по душѣ, „жизнь велъ весьма охранно отъ мірскихъ приманокъ, и отъ товарищей, и отъ знакомыхъ“ [2]), и все больше и больше укрѣплялся въ своемъ всегдашнемъ намѣреніи итти въ монастырь. Такое же рѣшеніе принялъ и другъ его Чихачовъ. Но этому желанію юныхъ подвижниковъ не легко было исполниться.

Александръ Семеновичъ, видя, что училищное начальство не въ состояніи, оказалось, отвлечь его сына отъ принятаго имъ намѣренія и получая отъ этого послѣдняго письма съ просьбой разрѣшить ему по окончаніи училища выйти въ отставку и начать службу Богу, избралъ иной, болѣе вѣрный, какъ казалось ему, путь: онъ написалъ горячее письмо своей родственницѣ Сухаревой, вліятельной въ Петербургѣ особѣ, которая, „пользуясь знакомствомъ и расположеніемъ Митрополита Серафима“ [3]), довела до его свѣдѣнія, что въ Невскомъ монастырѣ слишкомъ часто бываютъ два офицера, изъ которыхъ одинъ —племянникъ ея Брянчаниновъ, лично извѣстный Государю Императору и любимый имъ; что духовникъ Лавры—о. Аѳанасій будто уговариваетъ его поступить въ монахи; что Государю это не нравится, и, слѣдовательно, если это случится, то и ему самому—Митрополиту не миновать большихъ непріятностей. Старецъ—Митрополитъ повѣрилъ наговору и, призвавъ духовника и не слушая никакихъ его оправданій, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и запретилъ впредь принимать къ себѣ молодыхъ офицеровъ. Узнавши объ этомъ и сожалѣя, что доброму, ни въ чемъ неповинному, отцу Аѳанасію приходится изъ-за нихъ переносить непріятности, Димитрій Алекс. рѣшился лично объясниться съ Митрополитомъ. При свиданіи, какъ вспоминалъ объ этомъ впослѣдствіи Чихачовъ, онъ оправдывалъ духовника тѣмъ, что никогда не спрашивалъ у него совѣта, и въ тоже время открыто говорилъ, что, дѣйствительно, „имѣетъ желаніе и призваніе итти въ

[1]) Записки Чихачова, стр. 20.
[2]) Записки Чихачова, стр. 21.
[3]) Тамъ же.

монастырь, проводить жизнь монашескую и преодолѣвать помощью Божіей всѣ препятствія, какого бы рода они ни были". Владыка, вѣроятно, не повѣривши чистому и безкорыстному влеченію юноши, сначала отговаривалъ его отъ этого, указывая на молодость лѣтъ, на недальность будущей карьеры, такъ какъ ему, человѣку безъ академическаго образованія, нельзя быть ничѣмъ, больше архимандрита; когда же и послѣ этого юноша стоялъ на своемъ, митрополитъ рѣшительно сказалъ, что не позволитъ ему вступить ни въ одинъ изъ монастырей своей епархіи. Въ отвѣтъ на это прозвучали серьезныя слова будущаго Игнатія: „Не только въ Вашей епархіи, да и во всей Россіи, еслибы не приняли меня, я сыскалъ бы мѣсто, гдѣ исповѣдуютъ православную вѣру!"—Слѣдствіемъ этого разговора было то, что отцу Аѳанасію разрѣшено было попрежнему принимать молодыхъ людей.[1])

„Таково было стремленіе Брянчанинова къ жизни иноческой; это было не прихотливое желаніе представлять изъ себя оригинала въ обществѣ; это было не слѣдствіе простого разочарованія жизнью, которой горечи и удовольствія онъ еще не успѣлъ испытать: это было чистое намѣреніе, чуждое всякихъ разсчетовъ житейскихъ, искреннее святое чувство любви Божественной, которая одна способна съ такою силою овладѣвать существомъ души, что никакія препятствія не въ состояніи преодолѣть ее" [2]). А препятствій такихъ было очень много: не только люди, но и сама природа какъ бы возставала противъ благочестивыхъ намѣреній юнаго подвижника: будучи отъ рожденія слабаго здоровья, весною 1826-го года онъ заболѣлъ такъ тяжело, что не въ силахъ былъ подняться съ постели. Узнавши объ этомъ, Государь Николай Павловичъ приказалъ, чтобы больного лѣчили его собственные медики и чтобы ему ежедневно доносили о здоровьѣ любимаго имъ офицера. Знаменитые врачи столицы нашли у Брянчанинова всѣ признаки чахотки и, считая положеніе его безнадежнымъ, не скрывали опасности и отъ самого больного. Чувствуя себя очень плохо, Димитрій Александровичъ молитвою и частымъ причащеніемъ спокойно готовился перейти въ вѣчность. Но Всевѣдущему Господу нужна была жизнь Его будущаго служителя, и, къ удивленію приговорившихъ его къ скорой смерти врачей, онъ поднялся съ постели и мало по малу оправился настолько, что въ состояніи былъ опять приступить къ занятіямъ.

Жизнь юныхъ друзей снова потекла прежнимъ порядкомъ, только перенесшій тяжелую болѣзнь и какъ бы постоявшій на границѣ между жизнью и смертью Димитрій Александровичъ сталъ еще сосредото-

---

[1]) Записки М. Чихачова, стр. 22—23.

[2]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія Бр., составленное его ближайшими учениками въ 1881 году, стр. 26—27.

ченнѣе, еще строже къ себѣ, еще больше укрѣпился въ своемъ намѣреніи оставить міръ, видя въ своемъ выздоровленіи какъ бы указаніе свыше посвятить Богу эту возвращенную Его Милосердіемъ жизнь. „Охладѣло сердце къ міру, къ его служеніямъ, къ его великому, къ его сладостному!“ писалъ онъ потомъ объ этомъ времени: „я рѣшился оставить міръ, жизнь земную посвятить для познанія Христа, для усвоенія Христу. Съ этимъ намѣреніемъ я началъ разсматривать монашеское и мірское духовенство. И здѣсь встрѣтилъ меня трудъ; его увеличивали для меня юность моя и неопытность. Но я видѣлъ все близко, и, по вступленіи въ монастырь, не нашелъ ничего новаго, неожиданнаго. Сколько было препятствій для этого вступленія! Оставляю упоминать о всѣхъ; самое тѣло вопіяло мнѣ: „куда ведешь меня? я такъ слабо и болѣзненно. Ты видѣлъ монастыри, ты коротко познакомился съ ними; жизнь въ нихъ для тебя невыносима и по моей немощи, и по воспитанію твоему, и по всѣмъ прочимъ причинамъ“. „Разумъ подтверждалъ доводы плоти. Но былъ голосъ, голосъ въ сердцѣ, думаю, голосъ совѣсти или, можетъ быть, Ангела хранителя, сказавшаго мнѣ волю Божію, потому что голосъ былъ рѣшителенъ и повелительный. Онъ говорилъ мнѣ: это сдѣлать твой долгъ, долгъ непремѣнный. Такъ силенъ былъ голосъ, что представленія разума, жалостныя, основательныя, повидимому, убѣжденія плоти казались передъ нимъ ничтожными“ [1]).

Между тѣмъ, по особому Промыслу Божію, случилось пріѣхать въ столицу по дѣламъ іеромонаху Леониду, о которомъ Брянчанинову и Чихачову говорили еще монахи Валаамскаго подворья и о которомъ они много слышали отъ его учениковъ—иноковъ Александро-Невской Лавры. Димитрій Александровичъ свидѣлся у о. Іоанникія съ этимъ старцемъ подвижникомъ, прославившимся своею духовною жизнью. Полная мудрости и монашескаго опыта бесѣда съ о. Леонидомъ, близкимъ Димитрію по духу, произвела необычайное впечатлѣніе на его жаждущую духовной пищи душу, и уже послѣ этой первой бесѣды онъ сталъ духовнымъ сыномъ старца. „Сердце вырвалъ у меня отецъ Леонидъ“ [2]), говорилъ онъ объ этомъ Мишѣ Чихачову: „теперь рѣшено дѣло—иду проситься въ отставку отъ службы и послѣдую старцу, предамся ему всей душой и буду искать единственно спасенія души въ уединеніи“ [3]).

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 562—563.

[2]) Записки Чихачова, стр. 23.

[3]) Старецъ Леонидъ, который въ жизнеописаніи Епископа Игнатія, составленномъ его ближайшими учениками въ 1881 году, образно называется Моисеемъ, выведшимъ новаго израильтянина (Димитрія Александровича) изъ Египта мірской жизни, имѣлъ столь важное значеніе для этого послѣдняго, что намъ представляется умѣстнымъ сказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

Происходившій изъ рода простыхъ Карачевскихъ гражданъ—Наголкиныхъ, ста-

По отбытіи старца Леонида въ Александро-Свирскій монастырь, гдѣ онъ въ это время поселился, Брянчаниновъ и Чихачовъ не порвали съ нимъ сношеній: они постоянно вели съ нимъ переписку, открывая ему свою душу и лелѣя планы будущаго подвижничества подъ его многоопытнымъ и мудрымъ руководствомъ. Зная воззрѣнія на это своего непреклоннаго отца, Димитрій Александровичъ, однако, хотѣлъ попытаться получить отъ него если не благословленіе, то хотя

рецъ Леонидъ (въ мірѣ Левъ Даниловичъ) провелъ свою молодость въ должности купеческаго приказчика, разъѣзжая по торговымъ дѣламъ почти по всей Русской землѣ. Двадцати девяти лѣтъ оставивши міръ (въ 1797 г.), онъ провелъ 2 года въ Оптиной пустыни, а отсюда перешелъ въ пустынную Бѣлобережскую обитель, гдѣ и былъ въ 1801-омъ году постриженъ въ монашество настоятелемъ ея іеромонахомъ Василіемъ (Кишкинымъ) и нареченъ Леонидомъ. Въ томъ же году онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а затѣмъ и въ іеромонаха, что свидѣтельствуетъ о томъ, что своею строгою жизнью и своими подвигами онъ превосходилъ прочихъ братій. Проведши въ Бѣлобережской обители 3 года въ непрерывныхъ трудахъ, іеромонахъ Леонидъ былъ назначенъ (въ 1804 году) настоятелемъ этой же обители.

Еще до занятія этой должности о. Леонидъ, пребывая временно въ Чолнскомъ монастырѣ, имѣлъ возможность узнать поселившагося тамъ схимонаха Ѳеодора, опытнаго въ подвижнической жизни—ученика великаго старца Паисія, архимандрита Молдо-Влахійскихъ монастырей. Этотъ старецъ—Паисій Величковскій содѣйствовалъ возстановленію въ Россіи старчества, процвѣтавшаго въ древнихъ Египетскихъ и Палестинскихъ киновіяхъ и впослѣдствіи насажденнаго на Аѳонѣ. Онъ съ великимъ трудомъ собралъ на Аѳонѣ и перевелъ съ греческаго языка на славянскій творенія аскетическихъ писателей, въ которыхъ содержится ученіе о монашескомъ житіи, вообще, и въ особенности о духовномъ отношеніи къ старцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Нямецкомъ и другихъ подчиненныхъ ему Молдавскихъ монастыряхъ онъ показалъ и примѣненіе этого ученія къ дѣлу. Ученикъ старца Паисія—схимонахъ Ѳеодоръ, проживши въ Молдавіи около 20-ти лѣтъ, усвоилъ отъ него этотъ порядокъ иноческой жизни.

Подобно тому, какъ впослѣдствіи Димитрій Александровичъ всецѣло предался въ духовное наставничество отцу Леониду, такъ этотъ послѣдній вручилъ всю свою душу умудренному благодатію Св. Духа старцу Ѳеодору, и подъ его опытнымъ руководствомъ достигъ духовнаго просвѣщенія. Когда о. Леонидъ былъ назначенъ настоятелемъ Бѣлобережской пустыни, смиренный старецъ Ѳеодоръ, тяготившійся многочисленными посѣтителями, переселился (въ 1805 году) въ эту же обитель къ своему любимому ученику для болѣе удобнаго молитвеннаго служенія Господу. Черезъ 3 года послѣ этого, когда жаждущій еще болѣе уединенной и безмолвной жизни старецъ удалился въ устроенную для него въ двухъ верстахъ отъ обители уединенную келью въ глуши лѣса, смиренный о. Леонидъ добровольно сложилъ съ себя настоятельство (въ 1808 году) и перешелъ къ старцу. Здѣсь, живя съ о. Ѳеодоромъ въ пустынномъ безмолвіи, онъ келейно принялъ постриженіе въ схиму и былъ нареченъ Львомъ. Но не долго удалось пожить въ уединеніи пустынолюбивому отцу Ѳеодору и его ученику: тысячи посѣтителей, стекавшіяся къ дверямъ кельи, заставили перваго переселиться въ Новоезерскій монастырь (въ 1809 г.), затѣмъ въ Палеостровскую пустынь (на островѣ Онежскаго озера) и, наконецъ, въ 1812 году, въ скитъ Валаамскаго монастыря, куда годомъ раньше прибылъ изъ Бѣлыхъ береговъ и о. Леонидъ. Около шести лѣтъ провели доблестные сподвижники въ Валаамскомъ скиту, препо-

разрѣшеніе на шествіе по избранному имъ иноческому пути; его мучило враждебное отношеніе родителей къ его завѣтному желанію и призванію, отъ котораго онъ, однако, твердо рѣшилъ не отказываться даже и въ томъ случаѣ, если придется навлечь на себя гнѣвъ родителей, такъ какъ онъ хорошо помнилъ слова Христа о томъ, что кто любитъ отца или мать больше, чѣмъ Его, не достоинъ Его.

Удобный случай для того, чтобы окончательно объявить родите-

давая мудрые совѣты и наставленія всѣмъ, желающимъ пользоваться ихъ духовнымъ руководствомъ. Но ихъ же ученіе, приносящее многимъ столь великую духовную пользу, вызвало противъ нихъ гоненіе со стороны Валаамскаго настоятеля—игумена Иннокентія, который, видя, что многіе братія, бывшіе прежде его учениками (напр. келліархъ о. Евдокимъ) обратились къ старцамъ, пожаловался на нихъ Митрополиту Новгородскому и Петербургскому Амвросію, говоря, что они возмущаютъ миръ обители. И, хотя старцы и не пострадали отъ этого доноса, благодаря тщательному и безпристрастному разслѣдованію дѣла Коневскимъ строителемъ о. Иларіономъ и благодаря заступничеству тогда еще архимандритовъ, а впослѣдствіи великихъ святителей—Филарета и Иннокентія, но, боясь дальнѣйшихъ преслѣдованій со стороны игумена, они рѣшились оставить Валаамъ и перейти въ Александро-Свирскій монастырь (въ іюнѣ 1817 года). Здѣсь, въ 1822-омъ году, 7 апрѣля, въ вечеръ свѣтлаго пятка, послѣ тяжкой болѣзни спокойно испустилъ духъ на рукахъ своего любимаго ученика и вмѣстѣ духовнаго отца Леонида старецъ Ѳеодоръ, радуясь концу своего плаванія по житейскому морю.—Послѣ его кончины, о. Леонидъ не желалъ оставаться въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, какъ ради учениковъ своихъ, которые не могли еще понести молвы отъ большого стеченія народа въ Свирской обители, такъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, стремясь перейти въ болѣе уединенное мѣсто. Когда это желаніе отца Леонида сдѣлалось извѣстнымъ, его съ учениками стали приглашать въ разныя мѣста: въ Казанскую епархію, въ Площанскую пустынь, во вновь устроенный скитъ при Оптиной пустыни. Старцу было желательнѣе всего поселиться въ послѣднее мѣсто, гдѣ онъ провелъ первые два года своей монастырской жизни и куда его приглашали Калужскій Архипастырь, Преосвященный Филаретъ, Оптинскій игуменъ Даніилъ и основатель скита о. Моисей, со скитскими старцами. Но, несмотря на усиленныя просьбы отца Леонида, его еще 6 лѣтъ послѣ смерти старца Ѳеодора удерживали въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, который онъ могъ оставить только въ 1828-мъ году; но и по выходѣ изъ Свирской обители онъ не вдругъ рѣшился перемѣститься въ Оптину пустынь, куда влекло его сердце, а, какъ бы для того, чтобы удостовѣриться, есть ли воля Божія на переходъ его въ эту обитель, сначала помѣстился въ Площанской пустыни, куда его привлекало желаніе сожительствовать съ тамошнимъ іеромонахомъ отцомъ Макаріемъ Ивановымъ, съ которымъ онъ духовно сблизился (о. Леонидъ прибылъ въ Площанскую пустынь 6-го октября 1828 года), и только черезъ полгода, въ апрѣлѣ 1829 года перешелъ, наконецъ, со своими учениками въ Оптину пустынь.

Въ предпослѣдній годъ пребыванія отца Леонида въ Александро-Свирскомъ монастырѣ (въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1827-го года) прибылъ сюда и вступилъ подъ его духовное наставничество Димитрій Александровичъ Брянчаниновъ.

Главнѣйшіе факты послѣдующей жизни отца Леонида мы будемъ излагать параллельно съ біографіей Преосв. Игнатія. (Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія и другія о старцѣ Леонидѣ можно читать въ книгѣ: „Жизнеописаніе Оптинскаго старца іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва). Изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1890 года).

лямъ свое неизмѣнное и непоколебимое рѣшеніе и попросить ихъ согласія, представился: въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826-го года молодой Брянчаниновъ, получивъ трехмѣсячный отпускъ отъ службы для поправленія своего все еще слабаго здоровья, отправился на родину въ Покровское. Но какъ осторожно ни приготовлялъ онъ своихъ родителей къ предполагаемой перемѣнѣ своей жизни, какъ горячо и слезно ни просилъ онъ ихъ дать на это свое согласіе, отецъ, а за нимъ и мать и слушать не хотѣли о монашествѣ ихъ первенца, разрушавшемъ всѣ честолюбивые планы ихъ о его блестящей свѣтской карьерѣ. Не добившись согласія родителей, съ сердцемъ полнымъ глубокой скорби возвратился молодой офицеръ въ Петербургъ, гдѣ, говоря словами біографа его протоіерея Знаменскаго, готовилась встрѣтить его другая, болѣе страшная буря: онъ долженъ былъ отстоять свое завѣтное желаніе передъ Монархомъ, которому былъ обязанъ воспитаніемъ, образованіемъ и благодарностью за милостивое высокое вниманіе къ нему [1]). Это была борьба, требующая всѣхъ нравственныхъ силъ молодого подвижника, борьба, въ которой ему надо было или уступить или показать „примѣръ непоколебимаго мужества, доблести мученической, прямого исповѣдничества“ [2]).

Въ концѣ декабря блистательно (первымъ) выдержавши окончательный экзаменъ въ Инженерномъ училищѣ, Димитрій Александровичъ сейчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы по слабости здоровья. „Здѣсь началось въ жизни Брянчанинова нѣчто необычайное, величественное, напоминающее древнія времена христіанства“ [3]). Узнавши о желаніи своего любимаго „фельдфебеля“ (Государь Николай Павловичъ любилъ называть такъ Брянчанинова—фельдфебеля кондукторской роты) выйти въ отставку, Его Величество, возлагавшій большія надежды на его будущую полезную службу по инженерному вѣдомству, потребовалъ его къ себѣ и самъ отечески увѣщевалъ его не оставлять службы. Вѣрноподданически благодаря Государя за всѣ оказанныя ему милости, Брянчаниновъ однако остался непреклоннымъ въ своемъ желаніи [4]). Тогда Государь поручилъ своему Августѣйшему брату—Великому Князю Михаилу Павловичу, бывшему тогда генералъ-инспекторомъ Инженернаго училища, постараться отговорить любимаго всѣми инженера отъ его намѣренія. Брянчаниновъ былъ потребованъ въ Михайловскій дворецъ къ Великому Князю, который въ присутствіи главнаго начальника всѣхъ военно-учебныхъ заведеній графа Оппермана старался узнать, что заставляетъ его по-

[1]) Протоіер. Ф. Знаменскій. Преосв. Игнатій Брянчаниновъ, Еп. Кавказскій и Черноморскій. (Церковныя вѣдомости за 1903 годъ, стр. 1165).

[2]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія Бр., составленное его учениками въ 1881 г., стр. 32.

[3]) С. Г. Рункевичъ. Письма аскета (Христіанское чтеніе за 1895 г., стр, 556).

[4]) О томъ, что самъ Государь Императоръ уговаривалъ Брянчанинова не оставлять службы, свидѣтельствуетъ и Аскоченскій въ своемъ біографическимъ очеркѣ.

дать въ отставку: „не желаетъ ли онъ опредѣлиться къ свѣтскимъ дѣламъ“? если онъ хочетъ спасенія души, то „не славнѣе ли спастись въ мірѣ“. „Не желаетъ ли онъ избрать какое-либо мѣсто въ южной Россіи для поправленія здоровья, потому что Государь не желаетъ его уволить“ [1])? Брянчаниновъ на всѣ вопросы давалъ искренніе, прямые, вѣжливые, хотя и отрицательные отвѣты, ибо, какъ свидѣтельствуетъ нелицемѣрный другъ его Чихачовъ, „онъ всегда излагалъ свои мнѣнія просто, не поддаваясь человѣкоугодію изъ желанія нравиться начальству или другимъ высокимъ лицамъ, о чемъ-бы то ни было его вопрошающимъ“ [2]). Онъ ссылался на свое слабое здоровье, которое дѣлаетъ для него невозможнымъ несеніе служебныхъ трудовъ, и говорилъ, что, предвидя скорую смерть, долженъ позаботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы приготовить себя къ будущей жизни, для чего онъ и желаетъ поступить въ монастырь, ибо, оставаясь въ мірѣ, невозможно спастись: „Остаться въ мірѣ и желать спастись,—это, Ваше Высочество, говорилъ онъ, все равно, что стоять въ огнѣ и желать не сгорѣть“ [3]).—Послѣ долгихъ безплодныхъ увѣщаній, Великій Князь, объявляя ему, что Государь отказываетъ ему въ увольненіи, предложилъ ему самому избрать мѣсто для службы. Когда же онъ, какъ бы налагая на себя первое послушаніе, отказался отъ этого, ему была объявлена Высочайшая воля Его Императорскаго Величества: въ 24 часа выѣхать изъ столицы къ мѣсту этой же волей опредѣленнаго ему служенія въ Динабургскую крѣпость, гдѣ онъ долженъ былъ наблюдать за производствомъ разныхъ построекъ и земляныхъ работъ.—Покорный царской волѣ, полагаясь на Милость Божію, отправился молодой инженеръ въ Динабургъ и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей, трудныхъ для его слабаго здоровья, которое стало здѣсь еще хуже; по нѣсколько недѣль онъ принужденъ былъ не выходить изъ комнаты и „цѣлый годъ провелъ большею частью въ болѣзни“ [4]). Разлученный съ любимымъ другомъ своимъ Михаиломъ Чихачовымъ, который остался еще въ Питерѣ, онъ облегчалъ наболѣвшую душу свою только духовнымъ общеніемъ съ отцомъ Леонидомъ, поддерживая себя надеждой, что Милосердный Господь, смилуясь надъ нимъ, исполнитъ, когда придетъ время, его желаніе. Воспользовавшись посѣщеніемъ Динабурга Великимъ Княземъ (осенью 1827 года), онъ снова подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Видя непреклонность молодого инженера и убѣдившись въ его неизлѣчимомъ душевномъ томленіи и физическомъ нездоровьѣ, Михаилъ Павловичъ прислалъ къ нему своего адъютанта сказать, что, хотя для него и

---

[1]) Записки М. Чихачова, стр. 25.

[2]) [4]) Записки Чихачова, стр. 25—26.

[3]) Жизнеописаніе Епископа Игнатія Брянчанинова, составленное его учениками въ 1881 году, стр. 33.

готовилось видное и полезное въ государствѣ мѣсто, но такъ какъ нѣтъ закона насильно держать кого-либо на службѣ, то онъ и увольняетъ его [1]). Такимъ образомъ—„мигъ вожделѣнный насталъ“: получивши 6 ноября 1827 года Высочайшій указъ объ отставкѣ, инженеръ-поручикъ [2]) въ одеждѣ простолюдина прибылъ въ Петербургъ и прежде всего поспѣшилъ, конечно, къ другу своему Чихачову подѣлиться съ нимъ радостною вѣстью о своей свободѣ. Во время короткаго, но полнаго душевной радости свиданія послѣ цѣлаго года разлуки, сообщивши Мишѣ свое рѣшеніе немедленно отправиться въ Александро-Свирскій монастырь къ пребывавшему тамъ старцу Леониду, Димитрій Александровичъ, всегда заботившійся о спасеніи души своего друга, какъ бы Самимъ Богомъ порученной ему, спросилъ его: „Вотъ я уже ѣду; а какъ думаешь ты устроить свою дальнѣйшую жизнь? Не раздумалъ ли ты еще послѣдовать за мною“?—Чихачовъ, которому всегда казалось, что онъ, хотя и желалъ всѣмъ сердцемъ во всемъ подражать непорочной жизни своего товарища, но „далеко, далеко отставалъ отъ него и по слабости, и по лѣности и по вкоренившимся съ дѣтства порокамъ, отъ которыхъ при всѣхъ усиліяхъ не могъ отстать“ [3]), чистосердечно отвѣчалъ, что, не полагаясь на свои силы, онъ послѣдуетъ за другомъ только въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній пообѣщаетъ никогда не оставлять его безъ своей помощи. „Подавай-же въ отставку“ воскликнулъ, услышавши это, товарищъ, „а о неоставленіи съ моей стороны само собою разумѣется“ [4])!—Сейчасъ-же было написано прошеніе, въ которомъ Чихачовъ просилъ объ увольненіи его отъ службы, выставляя причиной разстройство домашнихъ обстоятельствъ и близорукость глазъ. Но обоюдному желанію друзей—вмѣстѣ начать служеніе Господу не суждено было исполниться сразу: просьба Чихачова объ отставкѣ не была принята, онъ остался еще на годъ въ службѣ, а Димитрій Александровичъ одинъ отправился къ своему духовному отцу въ Александро-Свирскій монастырь.

Получивъ согласіе настоятеля [5]), онъ облекся въ послушническое одѣяніе—подрясникъ изъ толстаго чернаго сукна и вступилъ въ число монастырской братіи.

---

[1]) [2]) Записки Чихачова, стр. 26, 28.

[3]) Брянчаниновъ былъ уволенъ съ чиномъ поручика.

[4]) Записки Чихачова, стр. 29.

[5]) Въ это время настоятелемъ Свирскаго монастыря былъ архимандритъ Варсонофій; должность казначея исправлялъ о. Андроникъ, а ризничаго—о. Иларій (впослѣдствіи игуменъ Николо-Угрѣшскаго монастыря, въ схимѣ Илья, скончавшійся въ 1862 году на покоѣ въ Геѳсиманскомъ скитѣ).

III. По монастырямъ.

„Вступилъ я въ монастырь, какъ кидается изумленный, закрывъ глаза и отложивъ размышленіе, въ огонь или пучину—какъ кидается воинъ, увлекаемый сердцемъ, въ сѣчу кровавую, на явную смерть. Звѣзда, руководительница моя, мысль благая, пришла свѣтить мнѣ въ уединеніи, въ тишинѣ, или правильнѣе, во мракѣ, въ буряхъ монастырскихъ".

(Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 563).

Для юнаго двадцатилѣтняго подвижника начинается съ поступленіемъ въ Александро-Свирскій монастырь [1]) новая жизнь, трудная, но добровольно избранная, жизнь испытаній нравственныхъ и физическихъ, жизнь всевозможныхъ лишеній и полнаго самоотверженія, жизнь добровольнаго мученичества. „Безъ порыва, безъ горячности, какъ невольникъ, увлекаемый непреодолимымъ сердечнымъ чувствомъ, какимъ-то непостижимымъ и неизъяснимымъ призваніемъ, вступилъ я въ монастырь", говоритъ объ этомъ времени Димитрій Александровичъ въ своемъ „Плачѣ": „вступилъ я въ монастырь, какъ

---

[1]) Александро-Свирскій монастырь находится въ Олонецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, на правой сторонѣ рѣки Свири, въ 6 верстахъ отъ нея, въ 20 верстахъ отъ Ладожскаго озера, при большой почтовой дорогѣ изъ г. Лодейнаго поля въ Олонецъ и Петрозаводскъ.

Окружающій монастырскую мѣстность, со всѣхъ сторонъ, сосновый боръ, близость рѣки Свири и находящіяся при монастырѣ два большія озера, возвышенное и сухое мѣстоположеніе,—все это придаетъ Свирскому монастырю и занимаемой имъ мѣстности красивый видъ и способствуетъ здоровому, благорастворенному воздуху. Старожилы увѣряютъ, что жители этого уголка Олонецкаго уѣзда пользуются замѣчательною долговѣчностію.

Основаніе Свирскаго монастыря относится къ 1506 г. по Р. Х. и, по имени основателя, Преподобнаго Александра, Свирскаго Чудотворца, и въ память устроенной здѣсь Преподобнымъ церкви, во имя Св. Троицы, именуется Троицкимъ Александро-Свирскимъ монастыремъ.

О первоначальной исторіи Свирскаго монастыря свѣдѣній сохранилось очень немного. Давность времени, а главное бывшее въ половинѣ XVII вѣка разореніе монастыря, извѣстное по монастырскимъ записямъ подъ именемъ Литовскаго разоренія, а также монастырскій пожаръ 1784 г. истребили много драгоцѣнныхъ памятниковъ и документовъ, относящихся къ исторіи монастыря, особенно первыхъ временъ его существованія.

Подробныя свѣдѣнія объ этой св. обители можно получить изъ книги изданія монастыря подъ заглавіемъ: „Свято-Троицкій Александро-Свирскій монастырь". Спб. 1901 годъ.

кидается изумленный, закрывъ глаза и отложивъ размышленіе, въ огонь или пучину,—какъ кидается воинъ, увлекаемый сердцемъ, въ сѣчу кровавую, на явную смерть. Звѣзда, руководительница моя, мысль благая, пришла свѣтить мнѣ въ уединеніи, въ тишинѣ, или правильнѣе, во мракѣ, въ буряхъ монастырскихъ" [1]).

Зная, что „отцы первыхъ вѣковъ Церкви особенно совѣтуютъ искать руководителя Боговдохновеннаго, ему предаться въ совершенное, безусловное послушаніе", а отцы болѣе поздняго времени, называя Боговдохновенныхъ руководителей достояніемъ древности, „уже рѣшительно завѣщаютъ въ руководство Священное и Святое Писаніе и повѣряемый по этимъ писаніямъ, принимаемый съ величайшей осмотрительностью и осторожностью совѣтъ современныхъ и сожительствующихъ братій" [2]); въ тоже самое время глубоко сознавая потребность для себя въ опытномъ руководителѣ на поприщѣ духовной жизни, Димитрій Александровичъ отдалъ себя въ совершенное, безпрекословное послушаніе старцу Леониду, проводя дни свои въ Свирскомъ монастырѣ „въ повиновеніи и въ отверженіи себя во всемъ" [3]). На подобіе древняго старчества, онъ ежедневно исповѣдывалъ старцу не только дѣла и поступки, но и всѣ свои помыслы, обнаруживая передъ нимъ самые сокровенные тайники своей души, и во всемъ повинуясь волѣ своего духовнаго отца, умерщвлялъ волю собственную, ничего не дѣлая по своему желанію и разумѣнію, ни въ чемъ не прекословя старцу. Кромѣ того, зная, что для того, чтобы „окрѣпли и возмужали въ инокѣ евангельскія свойства, нужны непремѣнно скорби и искушенія; кротость его должна быть испытана; смиреніе его должно быть испытано; терпѣніе и вѣра испытаны; должно быть испытано—дороже ли ему Евангеліе, слова и заповѣданія Христовы, въ которыхъ жизнь вѣчная, дороже ли они преимуществъ, удобствъ и обычаевъ міра, дороже ли самой жизни" [4]),—юный подвижникъ обнаруживалъ безпримѣрную кротость, превышающее всякое вѣроятіе смиреніе и ничѣмъ не нарушаемое терпѣніе, а то, что ученіе вѣчной жизни, не на словахъ только, а въ дѣйствительности, для него дороже, чѣмъ всѣ преимущества, удобства и обычаи міра,— онъ доказалъ еще прежде, бросивъ свѣтскую карьеру, которая шла полнымъ ходомъ, и очутившись съ самаго начала своего иночества по вступленіи въ монастырь въ совершенной матеріальной нуждѣ, ибо разгнѣванные самовольнымъ выходомъ сына изъ службы, родители его отказали ему въ вещественномъ вспомоществованіи и даже прекратили съ нимъ письменныя сношенія.

Отецъ Леонидъ, какъ нелицемѣрный наставникъ, желая побѣдить

---

[1]) [2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 563.
[3]) Записки М. Чихачова, стр. 30.
[4]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 565.

въ предавшемся ему всею душою ученикѣ высокоуміе, гордость и самомнѣніе, обыкновенно присущія каждому благородному и образованному человѣку, входящему въ среду простолюдиновъ, и желая извѣдать его нравъ и увѣриться, что не притворно, но истинно его смиреніе,—налагалъ на него самыя тяжелыя, старческія испытанія; но юный подвижникъ, съ искренней любовью къ Богу предавшійся иноческимъ подвигамъ, безъ малѣйшаго ропота и прекословія, съ умиленнымъ и радостнымъ сердцемъ исполнялъ все, что требовалъ его наставникъ, усвоивая чистой душой своей какъ бы къ нему лично произносимое ученіе Варсонофія Великаго: „Внимая словамъ Апостола—о всемъ благодарите,—приготовься къ благодаренію за все; и будешь-ли въ скорбяхъ, или нуждахъ, или въ утѣсненіяхъ, или въ болѣзняхъ и трудахъ тѣлесныхъ, за все постигающее тебя благодари Бога“.

Первымъ послушаніемъ Брянчанинова въ монастырѣ была служба при поварнѣ. Хотя Свирскій монастырь и былъ общежительный, но, по установившемуся тамъ издавна порядку, повара почему-то были всегда избираемы изъ числа штатныхъ служителей, находившихся при монастырѣ, которые не весьма уважительно обращались съ монашествующими. Въ первый же день поступленія Брянчанинова на поварню, поваръ, бывшій крѣпостной человѣкъ его отца, послалъ приставленнаго къ нему новаго послушника за мукою въ амбаръ, бросивъ ему мѣшокъ, обдавшій его всего бѣлою пылью. Димитрій Алекс. смиренно взялъ мѣшокъ и пошелъ за поваромъ. Когда же въ амбарѣ нужно было всыпать муку, онъ растянулъ мѣшокъ обѣими руками и, по приказанію повара, прихватилъ зубами одинъ изъ краевъ, чтобы удобнѣе было всыпать муку. Впослѣдствіи Брянчаниновъ никогда не могъ забыть этого случая изъ своей первой монастырской жизни и, часто вспоминая его, говорилъ, что послѣ того онъ ни разу не ощутилъ въ сердцѣ своемъ такого отраднаго, усладительнаго чувства, такого восхищенія—полнаго совершеннаго забвенія своего „я“ въ монашескомъ смиреніи, какія онъ испыталъ въ это мгновеніе. —Въ другой разъ монахъ—простолюдинъ, завѣдывавшій рыбной ловлей, послалъ молодого послушника достать изъ глубины озера запутавшійся тамъ рыболовный неводъ, и Димитрій Алекс., несмотря на то, что была холодная осень, и купанье въ подобное время было очень опасно для его всегда слабаго здоровья, безпрекословно исполнилъ приказаніе, за что впослѣдствіи чуть не поплатился жизнью: онъ сильно простудился.

Но не только нѣкоторые братія испытывали глубину и искренность его послушанія и смиренія, стараясь нарочно обидѣть и унизить его, и самъ старецъ Леонидъ, его наставникъ, велъ его, какъ указано и выше, тяжелымъ и труднымъ путемъ внѣшняго и внутрен-

няго смиренія: нерѣдко въ суровую зимнюю стужу, когда руки коченѣли отъ безпощаднаго сѣвернаго холода, Брянчаниновъ, какъ кучеръ, возилъ своего старца въ кибиткѣ по всякимъ монастырскимъ нуждамъ. Такъ однажды онъ привезъ отца Леонида къ Николаю Акимовичу Баркову—[1])„истинному подвижнику въ мірѣ“, и Барковъ такъ впослѣдствіи разсказывалъ объ этомъ случаѣ: „Батюшка о. Леонидъ благоволилъ пожаловать ко мнѣ грѣшному; на дворѣ была мятель и вьюга. За хлопотами о самоварчикѣ, я совсѣмъ позабылъ о томъ, что батюшка то не одинъ же пріѣхалъ; я попросилъ у него благословеніе пригласить и возницу его на чашечку чаю. Вошелъ послушникъ, да такой молоденькій и красивенькій, и смиренно помѣстился у самаго порога. „Прозябъ, дворянчикъ?“ сказалъ батюшка, съ улыбкой относясь къ нему. „Ты знаешь, кто это такой?“ спросилъ онъ, обратившись ко мнѣ: „Это—Брянчаниновъ“. Я низко-низко поклонился ему и подумалъ про себя: Господи Боже мой! Въ такомъ возрастѣ, при такихъ достоинствахъ—и столько смиренія!“ [2]).

Подобные многократные случаи безпрекословнаго послушанія

---

[1]) Въ „Домашней бесѣдѣ“ за 1863 годъ (вып. 39), на стр. 260 помѣщенъ слѣдующій некрологъ о Н. А. Барковѣ, достаточно ярко рисующій передъ нами его личность: „16 сент. въ 5 часовъ утра, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, скончался въ С.-Петербургѣ Членъ Общаго Присутствія Св. Синода, ст. совѣтникъ, Николай Акимовичъ Барковъ на 63 г. своей жизни.

Это былъ истинный христіанинъ, умомъ, сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ преданный Церкви православной и строгій ревнитель ея уставовъ и узаконеній. Воспитанный подъ руководствомъ знаменитыхъ подвижниковъ жизни духовной, іеросхимонаховъ Оптинской пустыни Леонида и Макарія, Николай Акимовичъ, оставаясь въ мірѣ, былъ въ свою очередь истиннымъ подвижникомъ. Дѣтская простота, строжайшее цѣломудріе, неутомимое храненіе себя отъ всѣхъ суетныхъ развлеченій міра сего, непрестанное богомысліе, аскетическое трезвеніе, любвеобильная снисходительность къ слабостямъ ближняго, всесовершенная преданность водительству Церкви православной, горячая ревнительность о ея цѣлости и неприкосновенности, трепетная любовь ко всему, что составляетъ характеръ истинно-русскаго человѣка—вотъ существенныя черты усопшаго, котораго всѣ мы называли: „святая душа“. Читатели „Домашней бесѣды“ нѣсколько знакомы съ нимъ. Онъ являлся въ нашемъ журналѣ то подъ своимъ собственнымъ именемъ, то подъ случайно усвоеннымъ ему прозвищемъ „Застѣнчиваго“. Послѣдняя статья, представленная имъ въ редакцію, была „Семенъ Дмитріевичъ Юродивый“.—Мы не исчисляемъ заслугъ его въ жизни гражданственной. Для умершаго онѣ теперь не нужны; а тѣ, кому служилъ онъ, какъ истинный христіанинъ и вѣрный сынъ отечества, помянутъ раба Божія Николая молитвеннымъ воздыханіемъ къ Богу духовъ и всякія плоти, испрашивая ему вселенія въ обителяхъ праведныхъ, къ чему онъ неустанно стремился во всю многотрудную жизнь свою.

Миръ душѣ твоей, труженикъ Христовъ! Иди къ Тому, Кого ты возлюбилъ всей своей душою! Молви тамъ слово молитвенное и за насъ, поминающихъ тебя здѣсь! Не забудь и того, кого ты любилъ такъ беззавѣтно чистою твоею душою“...

[2]) В. Аскоченскій. Преосв. Игнатій (Бр.), Епископъ Кавказскій. (Домашняя бесѣда за 1867 г, стр. 663).

пріобрѣли юному подвижнику уваженіе монастырской братіи, поначалу съ предубѣжденіемъ относившейся къ нему. Но это не радовало смиреннаго инока: душа его жаждала подвиговъ не передъ глазами людей, а лишь передъ Окомъ Всевидящаго, и, по свидѣтельству друга его Чихачова, онъ очень тяготился жизнью въ этомъ многолюдномъ монастырѣ, стремясь къ тихому уединенію. Это желаніе его отчасти исполнилось сравнительно скоро: проведя около года въ Свирскомъ монастырѣ, юный отшельникъ оставилъ его и переселился въ другую, болѣе удобную для строгой и уединенной жизни обитель.—Послѣ видѣнія, бывшаго отъ Св. Александра Свирскаго, который самъ отвелъ Димитрія Алекс. за руку отъ раки своихъ мощей, какъ бы возвѣщая этимъ ему волю Божію оставить это мѣсто [1]), по общему совѣту было рѣшено перемѣститься старцу Леониду со всѣми его учениками въ Площанскую пустынь [2]).—Отправляясь на новое мѣсто и проѣзжая черезъ Петербургъ, Димитрій Алекс. остановился на квартирѣ у Чихачова. Открывая въ искренней бесѣдѣ свою душу своему всецѣло довѣряющему ему другу и чувствуя себя обязаннымъ подѣлиться съ нимъ своими первыми впечатлѣніями монастырской жизни, которую онъ имѣлъ уже возможность ближе узнать, онъ не скрылъ отъ Чихачова, что руководство отца Леонида его не вполнѣ удовлетворяетъ, ибо старецъ не можетъ рѣшить всѣхъ его недоумѣній, которыя приходится, по большей части, рѣшать ему самому [3]).

Но не вѣрно будетъ думать, что Димитрій Александровичъ, стремясь къ болѣе высокому руководству, не цѣнилъ добрыхъ наставленій отца Леонида; его собственныя слова свидѣтельствуютъ какъ разъ объ обратномъ: „я желалъ быть подъ руководствомъ наставника; но не привелось мнѣ найти наставника, который бы вполнѣ удовлетворилъ меня, который былъ бы оживленнымъ ученіемъ Отцовъ“, писалъ онъ впослѣдствіи (въ 1847 году), когда старецъ Леонидъ мирно покоился уже въ могилѣ (умеръ въ 1841 году): „впрочемъ я слышалъ много полезнаго, много существенно-нужнаго, обратившагося въ основныя начала моего душеназиданія. Да упокоитъ Господь въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ прохлады, въ мѣстѣ свѣта и блаженства, почившихъ благодѣтелей души моей!“ [4]).

Послѣ короткаго свиданія съ другомъ, Димитрій Александровичъ отправился въ Площанскую пустынь, а Чихачовъ все еще остался въ столицѣ дослуживать послѣднее время, съ нетерпѣніемъ

---

[1]) Записки М. Чихачова, стр. 31.

[2]) Площанская Богородицкая пустынь находится въ Орловской губер., на берегу Площанскаго озера, въ 45 верстахъ отъ городовъ Дмитровска и Сѣвска. Основана она Препод. Прокопіемъ въ концѣ XIV вѣка.

[3]) Записки М. Чихачова, стр. 32.

[4]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 563.

ожидая того счастливаго момента, когда и ему возможно будетъ вступить въ число служителей Господа. Воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, когда главные начальники его выступили съ арміей противъ турокъ (баталіонъ же, въ которомъ служилъ Чихачовъ, былъ въ числѣ оставленныхъ въ столицѣ), Михаилъ Васильевичъ подалъ вторично прошеніе объ увольненіи своему ближайшему начальнику полковнику Люце. Но прежде, чѣмъ былъ полученъ указъ объ увольненіи, онъ долженъ былъ отправиться въ Бобруйскъ обучать рекрутовъ. Но лишь только Чихачовъ прибылъ на мѣсто своего назначенія, какъ сейчасъ же получилъ увѣдомленіе о своей отставкѣ, и, не медля ни минуты, отправился на почтовыхъ въ Богородицкую Площанскую пустынь, гдѣ уже жилъ его товарищъ. И вотъ 11-го января 1829 года еще одинъ истинный послѣдователь Христа „взялъ крестъ свой“ и вступилъ на многотрудный и многоскорбный путь шествія къ Богу, вознося къ небу искреннія благодаренія „за избавленіе отъ сѣтей міра, хотя и внѣшнихъ только“ [1]).

Радуясь, что Господь помогъ имъ опять соединиться вмѣстѣ въ тихомъ пріютѣ монастырскаго уединенія, друзья неразлучно пошли по пути послушанія безпрекословнаго и безропотнаго.

Порядокъ и чинъ богослуженія въ Площанской обители отличались отъ обыкновенныхъ монастырей своею строгостью и продолжительностью. Живущей въ немъ братіи было около 200 человѣкъ. Главное правило между учениками старца Леонида было такое: каждый день вечеромъ, по окончаніи всѣхъ службъ, приходить къ нему и по очереди отдавать отчетъ въ дѣлахъ и помыслахъ своихъ за цѣлый день. „Нерѣдко случалось“, вспоминалъ впослѣдствіи Чихачовъ, „придешь къ отцу Леониду и передашь ему всѣ свои бѣды, а онъ какими-нибудь простыми словами и благословеніями до того облегчитъ сердечную скорбь и обновитъ унылый духъ, что пойдешь отъ него совсѣмъ обновленный, какъ бы переродившійся новый человѣкъ, и примѣшься опять съ усердіемъ и удовольствіемъ за внутренній подвигъ очищенія сердца отъ страстей“ [2]).

Предаваясь долгой молитвѣ и облегчая душу свою ежедневнымъ исповѣданіемъ помысловъ своему духовному наставнику, Димитрій Александровичъ, однако, тяготился частыми посѣщеніями старца богомольцами, многочисленными собраніями и разговорами, приводящими къ разсѣянности; ревнуя о спасеніи собственной души и души своего неопытнаго друга, онъ желалъ отдѣлиться отъ всѣхъ, вести жизнь болѣе уединенную, скитскую, такъ какъ сознавалъ, что „вся тяжесть новоизбранной имъ и другомъ его жизни лежала на его душѣ“, и

---

[1]) Записки М. Чихачова, стр. 34.

[2]) Записки М. Чихачова, стр. 27.

„ему надо было блюсти за душою какъ своею, такъ и друга, чтобы вмѣсто спасенія не попасть обоимъ въ погибель“ [1]). Не получая благословенія отца Леонида на такое отдѣленіе, юный подвижникъ сталъ скорбѣть и тосковать къ явному ущербу для своего здоровья: „онъ весь изнылъ и изнемогъ“ [2]). Но рука Божія не оставила его безъ своей всемогущей помощи: въ одно утро, когда другъ его отправился къ утрени въ 2 часа, а онъ самъ, по болѣзненности своей, принужденъ былъ остаться въ кельѣ, великая Милость сошла на молодого инокане во снѣ, а только въ тонкой и самой малой дремотѣ, посѣтило его чудное видѣніе: видѣлся ему свѣтлый крестъ во весь его ростъ, и какая-то таинственная евангельская надпись на крестѣ. Надъ крестомъ были вѣтви и длани Христа Спасителя; при крестѣ стоялъ онъ самъ и другъ его, и былъ къ нему голосъ отъ креста: „Знаешь ли ты, что значатъ слова, написанныя на крестѣ“?—Нѣтъ, Господи, не знаю.—„Это значитъ, продолжалъ невидимый голосъ, искреннее отреченіе отъ міра и всего земного. А знаешь ли почему вѣтви и длани Христа Спасителя наклонены на ту сторону (на которой стоялъ въ видѣніи другъ его Чихачовъ“)?—И этого не знаю, Господи,—сказалъ онъ. Тогда голосъ отвѣчалъ ему ясно и значительно: „Это значитъ, что и онъ долженъ участвовать въ твоихъ страданіяхъ“ [3]). Этимъ видѣніе и кончилось, а Димитрій Александровичъ „почувствовалъ съ тѣхъ поръ необыкновенную силу разума духовнаго и разрѣшеніе всѣхъ своихъ недоумѣній“.—Возвратившійся отъ утрени Чихачовъ нашелъ друга своего, котораго онъ оставилъ больнымъ, бодрымъ, веселымъ, спокойнымъ, безъ слѣдовъ недавней болѣзни.

Когда о чудесномъ видѣніи узналъ отецъ Леонидъ, онъ разрѣшилъ друзьямъ жить вдвоемъ, отдѣльно отъ другихъ, и не быть больше подъ его старчествомъ, а состоять подъ вѣдѣніемъ общаго монастырскаго духовника. Помѣстившись въ уединенной кельѣ, стоявшей въ монастырскомъ саду [4]) отдѣльно отъ общаго братскаго кор-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 36.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Записки Чихачова, стр. 37—39.

[4]) Еп. Игнатій писалъ впослѣдствіи: „Въ 1829 году проводилъ я зиму въ Площанской пустынѣ. И понынѣ тамъ, въ саду, стоитъ уединенная деревянная келья, въ которой я жилъ съ моимъ товарищемъ“. (Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 179). Въ запискахъ М. В. Чихачова есть замѣчательно поэтическое и проникновенное „Воззваніе къ моей кельѣ, а съ нею вмѣстѣ и ко всему видимому міру“. „Келья моя, келья моя! Убѣжище мое безгласное и бездушное! Свидѣтельница моихъ тайнъ грѣховныхъ! Одушевись и скажи мнѣ: что видѣла ты или слышала въ продолженіе всего пребыванія моего въ тебѣ? Молчишь ты теперь, но возстанешь нѣкогда, какъ бы оживясь, и покажешь дѣла мои тайныя. Обличишь грѣшника предъ всѣми. Сокрыться отъ обличеній твоихъ не будетъ возможности. И тогда вмѣсто тебя, покроетъ меня стыдъ, страхъ, трепетъ, скрежетъ зубовъ, отчаяніе, не

иуса, молодые послушники вполнѣ предались подвижнической жизни; избѣгая многолюдства, они выходили изъ кельи только въ церковь для слушанія службы да въ трапезную для принятія пищи, рѣдко разговаривая съ кѣмъ нибудь изъ братій. Радуясь своему отшельничеству и желанному уединенію, подвижники направляли всѣ силы своей души къ богомыслію и молитвѣ.—Въ тихую погоду, въ ясные солнечные зимніе дни, Димитрій Александровичъ любилъ выходить на крыльцо, садиться на скамейку и смотрѣть на обширный садъ, нагота котораго была покрыта снѣжнымъ покровомъ. Кругомъ было тихо; ничто не нарушало величественнаго покоя природы. Задумчивые взоры юнаго подвижника невольно приковывались къ разстилающемуся передъ нимъ зрѣлищу, и съ дѣтства любимая имъ природа раскрывала передъ нимъ свои тайны. Однажды, когда онъ пристально глядѣлъ на садъ, съ очей его души какъ бы внезапно упала завѣса, и книга природы, книга, данная для чтенія первозданному Адаму, книга, содержащая въ себѣ слова Духа, подобно Божественному Писанію, открылась передъ нимъ. Какое же ученіе прочиталъ въ саду юный подвижникъ?—Ученіе о воскресеніи мертвыхъ, ученіе сильное, ученіе изображеніемъ дѣйствія, подобнаго воскресенію. Обнаженные сучья деревьевъ съ убѣдительностью говорили ему своимъ таинственнымъ языкомъ: „Мы оживемъ, покроемся листьями, заблагоухаемъ, украсимся плодами и цвѣтами: „неужели же не оживутъ сухія кости человѣческія во время весны своей?“ И молодой отшельникъ вѣрилъ, что оживутъ онѣ, эти сухія кости, облекутся плотью; въ новомъ видѣ вступятъ въ новую жизнь и въ новый міръ. Какъ древа, невыдержавшія лютости мороза, утратившія сокъ жизненный, при наступленіи весны посѣкаются, выносятся изъ сада для топлива: такъ и грѣшники, утра-

---

имовѣрная скорбь, нестерпимое уничиженіе, лютая нищета, лютѣйшая же всѣхъ—отлученіе отъ всего добраго и свѣтлаго и заключеніе со всѣми злыми во тьму, свѣтомъ никогда непроницаемую.

О келья моя, келья моя! Оживляйся нынѣ, пока есть время. Оживляйся и представляйся мнѣ въ томъ видѣ, въ какомъ будешь при обличеніи. Когда придетъ мнѣ желаніе грѣшить, желаніе сдѣлать изъ тебя, благодѣтельницы моей,—лютѣйшаго врага, скажи грозно, не убойся. Скажи силою Слова—Живого Бога: остановись злодѣй! Что дѣлаешь? Опомнись и воспряни! Воззови къ Могущему тебя спасти! За такимъ словомъ послѣдуетъ самое дѣло. И будешь ты, келья моя, истинною моею благодѣтельницею, покрывшею меня здѣсь отъ бѣдъ и бурь житейскихъ, благодатію Спасителя моего, Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Матери Его, Богородицы Маріи. Когда совлекусь всего тлѣннаго, скажу: воистину слава, сила и благодареніе Великому Господу, покрывшему меня своею богатою Милостію! Дарующему мнѣ, вмѣсто тебя, Свою изобильную любовь, удовлетворяющую во всемъ, свое высокое смиреніе, сознающее огромное мое недостоинство великихъ Его благодѣяній, и Свою пресвѣтлую утѣшительность, исполняющую меня веселія и радованія неизглаголаннаго“. (Записки М. В. Чихачова, стр. 131—133). Авторство этого воззванія къ кельѣ принадлежитъ Д. А. Брянчанинову.

тившіе жизнь свою—Бога, будутъ собраны въ послѣдній день этого вѣка, въ началѣ будущаго вѣчнаго дня, и ввергнуты въ огнь неугасающій.—Разсуждая такъ, многодумный юноша зналъ, что, еслибы можно было найти человѣка, который бы не зналъ превращеній, производимыхъ перемѣнами временъ года; еслибы привести этого странника въ садъ, величественно покоющійся во время зимы сномъ смертнымъ, показать ему обнаженныя древа и повѣдать о той роскоши, въ которую они облекутся весною, то онъ, вмѣсто отвѣта, посмотрѣлъ бы только и улыбнулся—такою несбыточною баснею показались бы ему эти слова! Такъ и воскресеніе мертвыхъ кажется невѣроятнымъ для мудрецовъ, блуждающихъ во мракѣ земной мудрости, непознавшихъ, что Богъ всемогущъ, что многообразная Премудрость Его можетъ быть созерцаема, но не постигаема умомъ созданій. Богу все возможно: чудесъ нѣтъ для Него. Но слабо помышленіе человѣка: чего мы не привыкли видѣть, то представляется намъ дѣломъ несбыточнымъ, чудомъ невѣроятнымъ. Дѣла Божія, на которыя постоянно и уже равнодушно смотримъ, дѣла дивныя, чудеса великія, непостижимыя [1]).

Такимъ образомъ природа, ежегодно повторяющая передъ глазами всего человѣчества ученіе о воскресеніи мертвыхъ, живописуя его преобразовательнымъ таинственнымъ дѣйствіемъ, давала созерцающему ее Димитрію Александровичу содержаніе для его богомыслія, которое онъ изливалъ во вдохновенныхъ поэтическихъ строкахъ, раскрывающихъ передъ нами его внутреннюю жизнь этого времени. Чистая, богомысленная душа его, подъ матеріальнымъ обликомъ видимаго міра какъ бы прозрѣвающая міръ невидимый, духовный, какъ и прежде въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, такъ и теперь, возсылала къ Творцу всего, „изъ среды браней, потрясающихъ умъ и сердце, изъ среды болѣзней, томящихъ и разслабляющихъ тѣло, изъ среды множества немощей, объемлющихъ все существованіе“,—возсылала слезное моленіе: „Господи, услыши молитву мою!“—Обращаясь къ Тому, Кто услышалъ Іону, молившагося во чревѣ кита, юный подвижникъ молилъ: „Господи, услыши гласъ мой!.. Изведи изъ темницы страстей душу мою, пролей въ нее свѣтъ благодатный! Когда прольешь въ нее этотъ свѣтъ, свѣтъ и свѣтлый, и радостный, и животворный, тогда будетъ она исповѣдатися имени твоему!.. Ты, Господи, упованіе мое! тогда только могу быть въ странѣ живыхъ, въ странѣ святыя правды Твоея, когда Ты, Господи, ниспошлешь въ сердце мое благодать Твою; когда, вселившись въ сердце мое, будешь часть достоянія моего, моимъ единственнымъ имуществомъ и сокровищемъ! И тогда возраду-

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, „Садъ во время зимы“, стр. 179.

ются Святые Ангелы Твои, возрадуются лики благоугодившихъ Тебѣ человѣковъ, увидя спасеніе мое“ [1]).

Читая эти проникновенныя строки, мы видимъ, что тихое уединеніе, къ которому такъ стремился Димитрій Александровичъ и которое онъ, наконецъ, нашелъ въ своей уединенной кельѣ, „изощряло его чувства, изощряло его мысль, расширивши кругъ ихъ дѣйствія“ [2]).

Но недолго пришлось друзьямъ пользоваться мирнымъ пріютомъ въ Площанской пустыни: назначенный сюда настоятелемъ экономъ Орловскаго архіерейскаго дома наотрѣзъ отказалъ старцу Леониду принять его во ввѣренную ему обитель. Тогда старецъ отправился со своими учениками въ Оптину Введенскую пустынь [3]), гдѣ и пребывалъ уже до смерти. На этотъ разъ Брянчаниновъ и Чихачовъ не послѣдовали сразу за старцемъ, думая, что имъ, не считавшимся уже учениками его, позволятъ жить такъ, какъ они жили до этого времени. Но вскорѣ же послѣ отбытія отца Леонида, новый настоятель приказалъ и имъ выйти изъ обители. Старшая братія монастыря, расположенная къ благонравнымъ молодымъ послушникамъ и уважавшая ихъ за тихую и строгую жизнь, собрала въ складчину пять рублей и, съ сожалѣніемъ провожая безвинныхъ изгнанниковъ изъ монастыря, вручила имъ на дорогу эти деньги.

Съ прискорбіемъ и великою нуждою пустились въ путь молодые послушники, направляясь къ расположенной невдалекѣ (въ той же Орловской губ.) Бѣлобережской пустыни. По пути они посѣтили Свенскій монастырь и облегчили душу свою бесѣдой съ подвизавшимся тамъ въ затворѣ іеромонахомъ Аѳанасіемъ, ученикомъ Молдавскаго старца Паисія Величковскаго [4]). Его ученіе о благотворности плача о грѣхахъ и его изреченіе: „Въ тотъ день, въ который я не плачу о себѣ, какъ о погибшемъ, считаю себя въ самообольщеніи“, глубоко запало въ душу Димитрія Александровича.

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, „Древо зимою предъ окнами келліи“, стр. 181—182.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Въ Калужской губерніи. Подробныя свѣдѣнія объ этой знаменитой св. обители можно получить изъ монастырскаго изданія подъ заглавіемъ: „Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни и скита, съ приложеніями“. Цѣна 1 рубль.

[4]) Старецъ, Архимандритъ Паисій Величковскій, подвизался въ уединенномъ Нямецкомъ монастырѣ въ 120 верстахъ отъ Яссъ, при подошвѣ горъ Карпатскихъ— въ концѣ XVIII вѣка. Отсюда учрежденное Паисіемъ Величковскимъ старчество было занесено въ Русскіе монастыри старцами Ѳеодоромъ и Леонидомъ. Наиболѣе древнія свѣдѣнія о старцѣ Паисіи и старцѣ Ѳеодорѣ изложены въ рукописномъ „Жизнеописаніи схимонаха Ѳеодора“, составленномъ въ 1829 году послушникомъ Площанской пустыни Орловской губерніи Димитріемъ Александровичемъ Брянчаниновымъ. Жизнеописаніе это хранится въ бумагахъ Сенатора Николая Семеновича Брянчанинова.

Непринятые въ Бѣлыхъ берегахъ странники прибыли въ Оптину пустынь, гдѣ въ уединенной кельѣ на пасѣкѣ жилъ уже немного раньше прибывшій сюда о. Леонидъ.

Поселившись въ Оптиной пустыни, о. Леонидъ по желанію тогдашняго настоятеля этой обители о. Моисея и брата его скитоначальника о. Антонія ввелъ и упрочилъ здѣсь тотъ образъ монашескаго житія, который называется старчествомъ. Отношеніе духовныхъ дѣтей къ своему духовному отцу, требуемое старчествомъ, можетъ быть охарактеризовано слѣдующими, заимствованными изъ Добротолюбія [1]), признаками: духовный сынъ, предаваясь старцу, долженъ 1) оказывать полную вѣру своему наставнику и предстоятелю; 2) истинствовать передъ нимъ въ словѣ и дѣлѣ; 3) не исполнять ни въ чемъ своей воли, а стараться во всемъ отсѣкать оную, т. е. ничего ни дѣлать по своему желанію и по своему разумѣнію, а всегда обо всемъ вопрошать и дѣлать по совѣту и волѣ наставника и предстоятеля; 4) долженъ отнюдь не прекословить и не спорить, такъ какъ прекословіе и спорливость бываютъ отъ разсужденія съ невѣріемъ и высокомудріемъ; 5) чистосердечно исповѣдывать своему наставнику грѣхи и тайны сердечныя.

Зная опытность отца Леонида въ духовной жизни, и зная, что этотъ порядокъ иноческой жизни хорошо извѣстенъ ему отъ схимонаха Ѳеодора, ученика старца Паисія, настоятель Оптиной пустыни о. Моисей и поручилъ его руководству всѣхъ братій, жительствовавшихъ здѣсь, и всѣхъ приходившихъ за совѣтами въ монастырь. О. Леонидъ, никогда не отказывавшій въ своемъ духовномъ наставничествѣ тѣмъ, кто желалъ имъ воспользоваться, принялъ на себя этотъ многотрудный подвигъ; въ его келью ежедневно стекались братія, спѣша или покаяться передъ нимъ въ своихъ грѣхахъ, или жаждая получить отъ него совѣтъ, разрѣшеніе своихъ недоразумѣній, утѣшеніе въ скорби, помощь и подкрѣпленіе во внутренней борьбѣ со страстями и съ невидимыми врагами нашего спасенія. „Келлія старца, отъ ранняго утра до поздней ночи наполненная приходившими къ нему за духовною помощію,—по словамъ одного изъ учениковъ его,—представляла картину, достойную кисти художника. Старецъ въ бѣлой одеждѣ, въ короткой мантіи, былъ виденъ изъ-за круга учениковъ своихъ, которые стояли передъ нимъ на колѣняхъ, и лица ихъ были одушевлены разными выраженіями чувствъ. Иной приносилъ покаянія въ такомъ грѣхѣ, о которомъ и не помыслилъ бы не проходившій послушанія; другой со слезами и страхомъ признавался въ неумышленномъ оскорбленіи брата. На одномъ лицѣ горѣлъ стыдъ, что не можетъ одолѣть помысловъ, отъ которыхъ желалъ бы итти на конецъ

[1]) 2-ая часть, 15 глава.

свѣта; на другомъ выражалась хладнокровная улыбка невѣрія ко всему видимому: онъ пришелъ наряду съ другими явиться только къ старцу и уйти неисцѣленнымъ; но и онъ, страшась проницательности его взгляда и обличительнаго слова, потуплялъ очи и смягчалъ голосъ, какъ бы желая смягчить своего судію ложнымъ смиреніемъ. Здѣсь видно было истинное послушаніе, готовое лобзать ноги старца; тамъ немощный, отринутый всѣмъ міромъ, болѣзненный юноша не отходилъ отъ колѣнъ о. Леонида, какъ отъ доилицы ея питомецъ. Между прочими видна была сѣдая голова воина, служившаго нѣкогда въ отечественной брани, а теперь ополчившагося, подъ начальствомъ такого искуснаго вождя, противъ враговъ невидимыхъ [1]). Здѣсь бѣлѣлись и власы старца, который, признавая свое неискусство въ монашествѣ, начиналъ азбуку духовную, когда міръ признавалъ его наставникомъ [2]). Такимъ-то разнообразнымъ обществомъ былъ окруженъ великій старецъ и вождь духовный. Въ этой чудной келліи можно было видѣть зрѣлища, столь же поучительныя, какъ и всѣ событія, напоминавшія лучшее время христіанства“ [3]).

Старецъ Леонидъ принималъ всѣхъ, приходившихъ къ нему, съ отеческою любовью и всѣмъ нуждающимся преподавалъ слово опытнаго назиданія и утѣшенія; никто не выходилъ изъ его кельи, не бывши духовно утѣшенъ имъ; раскрывавшіе передъ нимъ свои душевные недуги и раны отходили успокоенными и утѣшенными; а одержимые тѣлесными болѣзнями получали облегченіе чтеніемъ надъ ними молитвъ изъ требника и помазаніемъ елея отъ неугасимой лампады, горѣвшей передъ его келейной Владимірской иконой Божіей Матери. Этою иконою еще великій старецъ Паисій напутствовалъ при выходѣ изъ Молдавіи въ Россію схимонаха о. Ѳеодора, а этотъ послѣдній, умирая, благословилъ ею наслѣдника своихъ духовныхъ дарованій—о. Леонида. Мудрость Оптинскаго старца, искусное врачеваніе имъ немощныхъ душъ скоро сдѣлали его извѣстнымъ и внѣ обители; къ дверямъ его кельи начали сходиться цѣлыя толпы жаждущихъ его духовныхъ совѣтовъ; къ нему стали присылать для обученія въ монашеской жизни людей всякаго сословія, и въ Оптину пустынь „отовсюду начали стекаться братія, какъ пчелы въ улей, дабы напоевать сердца свои потоками сладости Божественной, истекавшими изъ медоточныхъ устъ старца“ [4]).

---

[1]) Алексѣй Ивановичъ Желябужскій—духовный сынъ о. Леонида и другъ его о Господѣ, скончавшійся нѣсколькими мѣсяцами раньше старца и похороненный рядомъ съ нимъ.

[2]) Іеромонахъ о. Макарій Ивановъ, раздѣлявшій со Старцемъ Леонидомъ труды духовнаго наставничества. Въ 1836 году былъ опредѣленъ духовникомъ обители.

[3]) Жизнеописаніе Оптинскаго старца іером. Леонида. Изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни, стр. 27—28.

[4]) Жизнеописаніе Оптинскаго старца Леонида. Изданіе Оптиной пустыни, стр. 29.

Но эти „нововведенія“ о. Леонида въ Оптиной пустыни не могли не вызвать противъ него вражды и даже гоненія; наряду съ предавшимися старцу всей душой иноками, въ обители были и такіе, которымъ трудно было измѣнить понятія, въ коихъ они провели большую часть своей жизни; обращая главное вниманіе на внѣшніе труды и на внѣшнее подвижничество, противники старчества называли новой ересью исповѣданіе помысловъ, отсѣченіе своихъ хотѣній и разумѣній, внутреннее дѣланіе, т. е. все то, что принесъ съ собою старецъ Леонидъ въ Оптину пустынь. Многочисленное стеченіе народа къ кельѣ старца они считали зазорнымъ и нарушающимъ скитское безмолвіе, хотя ходъ къ о. Леониду на пасѣку былъ совсѣмъ отдѣльный, а не черезъ скитъ. Начались доносы на старца въ Консисторію и къ Калужскому Преосвященному Николаю, слѣдствіемъ чего обвиняемому велѣно было переселиться изъ пасѣки въ монастырь, и мірянамъ былъ запрещенъ входъ къ нему.—Но желающимъ получить духовную пищу удавалось проникнуть къ о. Леониду и въ монастырь: или настоятель сдавался на ихъ слезныя просьбы и проводилъ ихъ къ старцу, или иногда и самъ Преосвященный разрѣшалъ ему принять нѣкоторыхъ посѣтителей. Каждый разъ послѣ такихъ случаевъ о. Леонидъ отворялъ двери для всѣхъ, говоря, что различія между людьми въ такомъ дѣлѣ дѣлать нельзя: если не принимать, такъ никого; а если принять одного, то, значитъ, можно и всѣхъ. „Хоть въ Сибирь меня пошлите, хоть костеръ разведите, хоть на огонь поставьте,—я буду все тотъ-же Леонидъ“, возражалъ онъ игумену о. Моисею, который, изъ боязни новыхъ гоненій на любимаго имъ старца, убѣждалъ его не принимать посѣтителей безъ разрѣшенія: „Я къ себѣ никого не зову, а кто приходитъ ко мнѣ, тѣхъ гнать отъ себя не могу. Особенно въ простонародьи многіе погибаютъ отъ неразумія и нуждаются въ духовной помощи. Какъ могу призрѣть ихъ вопіющія душевныя нужды“?[1]). И, несмотря на гоненія и непріятности, которыя, то ослабѣвая, то усиливаясь, не переставали преслѣдовать старца (на время ему было даже запрещено носить схиму, такъ какъ онъ былъ постриженъ келейно, безъ консисторскаго указа), не взирая на слабость своего здоровья, онъ все время являлъ неутомимую ревность служенія Богу въ лицѣ страждущаго человѣчества до самой блаженной кончины своей, послѣдовавшей 11 октября 1841 года[2]).

---

[1]) Жизнеописаніе Оптинскаго старца Леонида. Изданіе Оптинской пустыни, стр. 48.

[2]) Старецъ Леонидъ похороненъ близъ соборной Введенской церкви въ Оптиной пустыни, и на чугунномъ памятникѣ, воздвигнутомъ на его могилѣ, написано:

1) Кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти: но блаженни умирающіи о Господѣ: ей, почіютъ отъ трудовъ своихъ.

2) Памятникъ сей покрываетъ тѣло почивающаго о Господѣ съ миромъ іеро-

Противники старчества въ Оптиной пустыни, вызвавшіе гоненіе на о. Леонида, не могли, конечно, хорошо относиться и къ его духовнымъ ученикамъ и послѣдователямъ; они смотрѣли на этихъ послѣднихъ недовѣрчиво и непріязненно, хотя по наставленію старца его духовныя дѣти, по возможности, смирялись передъ всѣми и соблюдали со своей стороны все, чтобы не вызывать недоразумѣній. Отсюда понятно, что и Димитрію Александровичу Брянчанинову и другу его Чихачову не легко было жить въ Оптиной пустыни. Прибывши сюда вскорѣ послѣ водворенія здѣсь о. Леонида съ учениками, они поселились въ монастырѣ и по-началу думали, что имъ удастся устроить жизнь свою такъ-же мирно и покойно, какъ прежде въ Площанской пустыни. Объ этомъ первомъ времени своей жизни въ Оптиной пустыни Димитрій Александровичъ такъ писалъ искренне расположеннымъ къ нему и Чихачову инокамъ, всегда оказывавшимъ имъ любовь, ласки и гостепріимство,—о. Варѳоломею и о. Алипію: „Пріѣхавъ въ Оптину пустынь, нетерпѣливо хотѣлъ писать къ вамъ; но моя болѣзнь, увеличенная путешествіемъ, останавливала то, къ чему влекло сердечное чувство.

Принятые о. Строителемъ весьма ласково, мы остались жить въ монастырѣ: къ сему побудили насъ обстоятельства наши, монастырскія и скитскія. Кельи отведены намъ наверху, въ томъ деревянномъ флигелѣ, который находится противъ новой трапезы и составляетъ симметрію съ настоятельскими келліями. Михайло Васильевичъ ходитъ на клиросъ; я, какъ больной, пристанищемъ моей надежды долженъ имѣть не труды свои, не заслуги, —милосердіе и заслуги Богочеловѣка Іисуса“ [1]).

Но мирная жизнь молодыхъ подвижниковъ продолжалась недолго; вскорѣ же для нихъ настали тяжкіе и многотрудные дни: противники старчества относились къ нимъ весьма неблагосклонно и недовѣрчиво, какъ къ ученикамъ отца Леонида; къ тому же грубая монастырская пища, приправленная плохимъ постнымъ масломъ [2]), весьма вредила и безъ того слабому здоровью Димитрія Александровича, который совсѣмъ ослабѣлъ, стараясь ѣсть возможно поменьше.

схимонаха Леонида (Льва), понесшаго благое Христово иго въ монашествѣ 46 лѣтъ; родомъ былъ изъ Карачевскихъ гражданъ, по фамиліи Наголкинъ.

3) Уснулъ сномъ смерти въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя. Оставилъ о себѣ память въ сердцахъ многихъ, получившихъ утѣшеніе въ скорбяхъ своихъ.

4) Скончался 11 октября 1841 года; всего житія его было 72 года.

5) Памятникъ сей воздвигнули усердіе и любовь къ нему. (Жизнеописаніе Оптинскаго старца Леонида. Изданіе Оптиной пустыни, стр. 147).

[1]) Богословскій вѣстникъ за 1914 г., февраль, стр. 239.

[2]) Это масло до настоящаго времени составляетъ невыносимый искусъ насельниковъ Оптиной пустыни.

Видя, что другой пищи взять негдѣ, друзья придумали у себя въ кельѣ варить похлебку безъ масла и, съ большимъ затрудненіемъ, выпрашивая крупъ, картофелю и кастрюльку и употребляя вмѣсто ножа топоръ, сами готовили себѣ болѣе легкую и сносную пищу [1]). Но такая жизнь не могла продолжаться долго: первымъ свалился съ ногъ окончательно изнуренный Димитрій Александровичъ, а вскорѣ захворалъ мучительной лихорадкой и ухаживавшій за нимъ Чихачовъ: сильный ознобъ смѣнялся у него жаромъ и бредомъ. Послужить больнымъ было некому; самъ подымаясь съ трудомъ, Брянчаниновъ помогалъ чѣмъ могъ другу, и тутъ же опять падалъ, лишаясь силъ. „Что сказать вамъ о нашемъ пребываніи въ Оптиной пустыни?—оно было довольно тягостно, и очень бы мы разстроились, если бы не поспѣшили выѣхать“, писалъ Димитрій Александровичъ тѣмъ же инокамъ—о. Варѳоломею и о. Алипію [2]).

Господь Богъ сжалился надъ юными страдальцами и послалъ имъ Свою всесильную помощь. Узнавши о бѣдственномъ положеніи своего сына, Александръ Семеновичъ и Софья Аѳанасьевна Брянчаниновы смиловались надъ нимъ и предложили ему пріѣхать къ нимъ на зиму вмѣстѣ съ другомъ его Чихачовымъ, обѣщая, что они не будутъ больше препятствовать ему идти по избранному пути [3]). Принимая съ благодарностью это видимое попеченіе Божьяго Промысла, друзья сейчасъ же отправились въ Покровское на присланной за ними крытой бричкѣ. Димитрій Александровичъ немного поздоровѣлъ къ этому времени, но Чихачовъ былъ еще такъ слабъ, что его должны были положить въ экипажъ. Постепенное облегченіе отъ болѣзни почувствовалъ онъ только послѣ того, какъ они приложились къ мощамъ препод. Сергія въ Троицкой Лаврѣ и св. Димитрія Ростовскаго въ Яковлевскомъ монастырѣ, куда заѣзжали по дорогѣ.

Послѣ утомительнаго пути друзья прибыли, наконецъ, въ Покровское. Скромная монастырская одежда бывшаго блестящаго офицера, котораго родители надѣялись прежде видѣть на высокихъ ступеняхъ государственной лѣстницы, снова пробудила въ ихъ сердцахъ враждебное чувство къ сыну, самостоятельно, противъ ихъ воли и желанія избравшему себѣ жизненную дорогу, и они встрѣтили его довольно холодно.

„Такимъ образомъ скитальничество изъ одного монастыря въ другой, тяжкое положеніе въ послѣднемъ, болѣзнь матери и вслѣд-

---

[1]) Записки Чихачова, стр. 42.

[2]) Богословскій вѣстникъ за 1914 г., февраль, стр. 241.

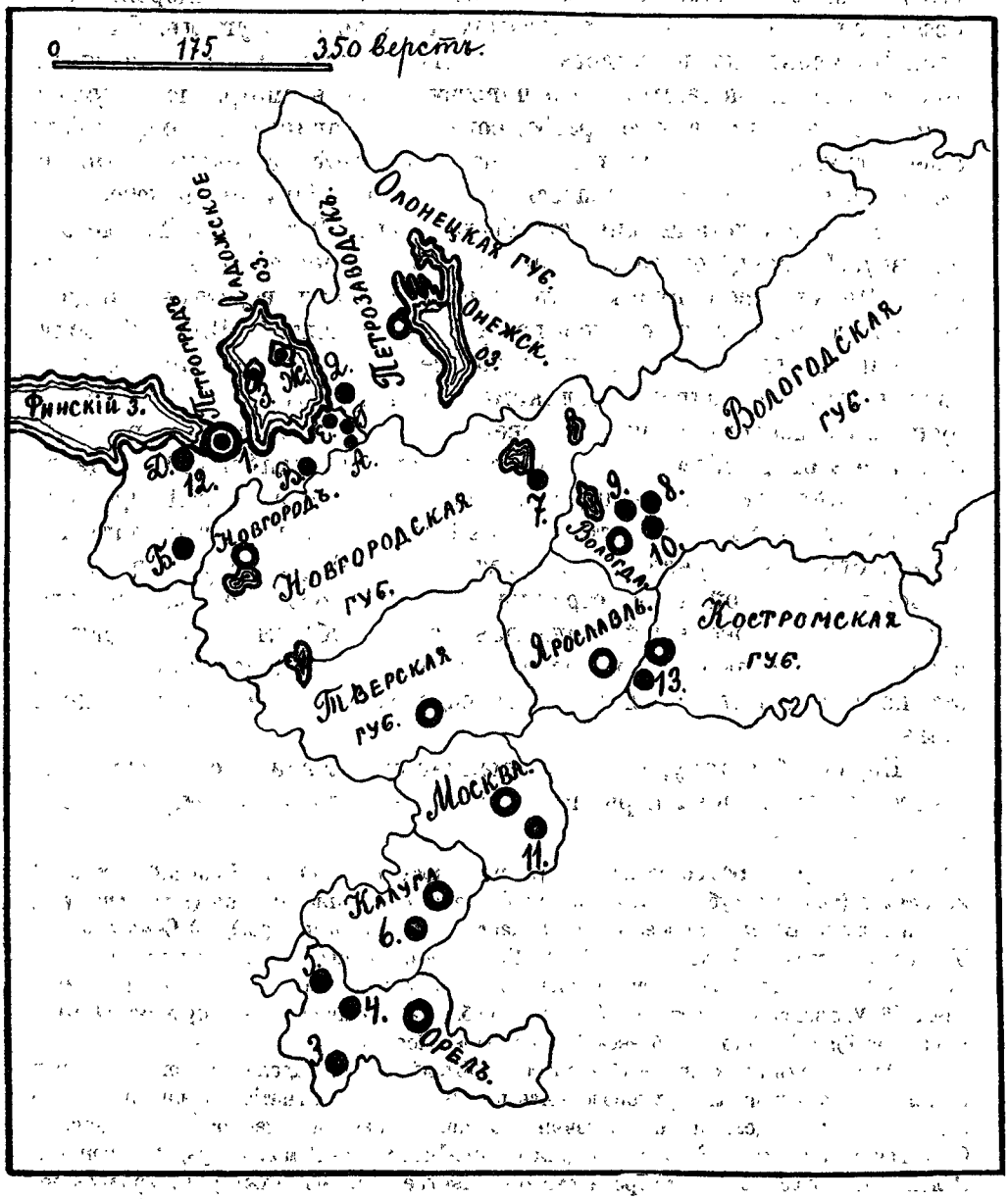
[3]) Въ жизнеописаніи Преосв. Игнатія, составленномъ его учениками въ 1881 году, указывается, что на такое рѣшеніе родителей имѣла вліяніе болѣзнь Софьи Аѳанасьевны, смягчившая сердце ея и ея мужа.

ствіе ея мгновенная вспышка родительскихъ чувствъ,—все это послужило только къ тому, чтобы извлечь молодыхъ людей изъ пріюта святой обители и поставить на прежнюю дорогу лицомъ къ лицу съ мірскимъ соблазномъ. Врагу человѣческаго спасенія нѣтъ выгоднѣйшей сѣти, какъ оставленіе молодыми послушниками стѣнъ монастыря, подъ какими бы то ни было благовидными предлогами“ [1]).—Но, живя и не въ монастырѣ, а подъ мірскимъ кровомъ (имъ была отведена отдѣльная половина дома), друзья продолжали вести иноческую жизнь, часто посѣщая церковную службу и время отъ времени исповѣдуясь и причащаясь. Но они не могли здѣсь такъ всецѣло предаться иноческимъ подвигамъ, какъ дѣлали это въ монастырѣ: пребываніе среди шумнаго свѣтскаго общества, столь противоположнаго обитателямъ тихихъ монастырскихъ стѣнъ; мірскіе интересы, столь далекіе отъ иноческихъ идеаловъ,—тяготили молодыхъ послушниковъ, и они стремились къ своей прежней жизни, мечтая опять водвориться гдѣ-нибудь въ монастырѣ. Къ тому же разговоры съ отцомъ, въ сердцѣ котораго опять проснулась надежда склонить своего старшаго сына къ поступленію на государственную службу; увѣщеванія матери снова возвратиться къ мірской жизни,—все это было тяжело Димитрію Александровичу, въ душѣ котораго давно уже были покончены всѣ счеты съ этимъ міромъ, и невольно отвлекало его отъ его иноческаго богомыслія.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1830-го года, проживъ только половину зимы въ Покровскомъ и нравственно уставъ отъ этой жизни въ мірѣ, друзья рѣшились снова поселиться гдѣ-нибудь въ стѣнахъ монастыря, вдали отъ мірскихъ соблазновъ. Не страшась ожидающей ихъ въ будущемъ матеріальной нужды и всевозможныхъ лишеній, они оставили благоустроенный Покровскій домъ и направились въ Кириллo-Новоезерскій монастырь, славившійся своимъ строгимъ уставомъ, гдѣ жилъ тогда на покоѣ знаменитый своею подвижническою жизнью и примѣрнымъ управленіемъ обители старецъ Ѳеофанъ. Игуменъ монастыря о. Аркадій, его ученикъ, съ любовью принялъ къ себѣ молодыхъ людей, видя ихъ истинно-подвижническую настроенность. Но не долго суждено было имъ пожить на новомъ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ по своему духу ихъ идеально-монашескому настроенію: сырой и вредный климатъ того мѣста, гдѣ стоялъ Новоезерскій монастырь (онъ былъ расположенъ на островѣ обширнаго озера), надѣляющій непривычныхъ къ нему жестокой лихорадкой, былъ причиной тяжкой, непрерывной болѣзни Брянчанинова въ этомъ монастырѣ; три мѣсяца проболѣлъ онъ мучительной лихорадкой, оставившей въ его слабомъ организмѣ свои слѣды на всю послѣдующую

[1]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія, составленное его учениками въ 1881 г., стр. 44.

жизнь. Не пощадила болѣзнь и друга его Чихачова, у котораго опять возобновилась мучившая его еще и въ Оптиной пустынѣ лихорадка.

Примѣч. Прилагаемая карта отмѣчаетъ тѣ монастыри, которые имѣютъ отношеніе къ личности Епископа Игнатія. Въ ней подъ №№ 1—13 обозначены тѣ обители, въ которыхъ онъ проходилъ свой послушническій искусъ, или былъ настоятелемъ, а именно: 1) Александро-Невская Лавра (Петроградск. губ.); 2) Троицкій Александро-Свирскій монастырь (Олонецк. губ.); 3) Богородицкая Площанская пустынь

Узнавши объ этомъ, Брянчаниновы опять прислали за сыномъ экипажъ, и, какъ ни тяжело было Димитрію Александровичу, онъ вынужденъ былъ для поправленія своего разстроеннаго здоровья возвратиться въ тотъ міръ, изъ котораго такъ недавно ушелъ. На этотъ разъ Чихачовъ не послѣдовалъ за своимъ другомъ, а остался въ Новоезерскомъ монастырѣ. Но чувствуя себя, несмотря на окружающую его многочисленную братію, совершенно одинокимъ по духу безъ своего друга, онъ рѣшился отправиться къ себѣ на родину въ Псковскую губернію, чтобы повидаться съ родными. Получивши небольшое пособіе отъ одного тамъ жившаго брата—Павла Петровича Яковлева [1]), въ августѣ мѣсяцѣ отправился онъ въ путь и черезъ двѣ недѣли достигъ Никандровой пустыни, лежавшей въ 30-ти верстахъ отъ дома его родителей, гдѣ и остался на время „погостить“. Чинъ богослуженія и напѣвы (Кіевскіе), неслыханные до сихъ поръ Чихачовымъ, одареннымъ отъ природы великими музыкальными способностями и чуднымъ голосомъ-басомъ, произвели на него необычайное впечатлѣніе, и онъ съ рвеніемъ сталъ учиться такимъ напѣвамъ [2]), ходя на клиросъ пѣть вмѣстѣ съ другими монахами Никандровой пустыни.

Родители, узнавши, что любимый сынъ ихъ находится такъ недалеко отъ нихъ, прислали за нимъ престарѣлую тетку, прося его возвратиться домой. Самъ стремясь къ тому, чтобы испросить у нихъ прощеніе за самовольный уходъ изъ міра и убѣдить ихъ родительское сердце согласиться на избранный имъ путь и не отклонять его отъ него, Михаилъ Васильевичъ съ радостью послѣдовалъ въ родной домъ.

Но, подобно тому, какъ Брянчаниновы старались склонить сына своего оставить монастырь и снова возвратиться въ міръ, такъ и

(Орловск. губ.); 4) Бѣлобережская пустынь (Орловск. губ.); 5) Брянскій Свѣнскій монастырь (Орловск. губ.); 6) Козельская Введенская Оптина пустынь (Калужск. губ.); 7) Кирилловъ Бѣлый Новоезерскій монастырь (Новгородск. губ.); 8) Семигородная Успенская пустынь (Вологодск. губ.); 9) Глушицкій Діонисіевъ монастырь (Вологодск. губ.); 10) Лопотовъ Григоріево-Пельшемскій монастырь (Вологодск. губ.); 11) Николаевскій Угрѣшскій монастырь (Московск. губ.); 12) Троице-Сергіева пустынь (Петроградск. губ.); 13) Николо-Бабаевскій монастырь (Костромск. губ.).

Далѣе подъ знаками А—З значатся обители Петроградской епархіи, которыя состояли подъ духовнымъ руководствомъ и управленіемъ Игнатія Брянчанинова по занимаемой имъ должности благочиннаго монастырей, а именно: А. Введенскій Островскій монастырь; Б. Череменецкій Іоанно-Богословскій монастырь; В. Троицкій Зеленецкій монастырь; Г. Староладожскій Николаевскій монастырь; Д. Троице-Сергіева пустынь; Е. Староладожскій Успенскій монастырь; Ж. Валаамскій Спасо-Преображенскій монастырь; З. Коневскій Рождественскій монастырь.

[1]) О немъ будетъ дальше.

[2]) Впослѣдствіи Чихачовъ вводилъ такіе напѣвы въ тѣ обители, въ которыхъ находился; особенно много для постановки пѣнія сдѣлано имъ въ Троице-Сергіевой пустынѣ.

родители Чихачова начали просить и всѣми силами уговаривать его поступить опять на свѣтскую службу. Тяжела была внутренняя борьба, которую пришлось перенести юному подвижнику въ родномъ домѣ, особенно тяжела была она потому, что въ ней, говоря его собственными словами, „сталкивалась сама любовь съ любовью же“ [1]). Любовь къ родителямъ толкала его исполнить ихъ желаніе, между тѣмъ невидимая сила Христова удерживала его на прежнемъ пути. „Ради Христа надѣлъ и ношу я это платье“, думалъ онъ, глядя на свой послушническій подрясникъ: „зачѣмъ же для угожденія міру и роднымъ сниму его?“ [2]). Такъ, не зная, на что рѣшиться, провелъ онъ около года, то живя у родителей, то въ Никандровой обители, настоятелю которой очень хотѣлось постричь его и сдѣлать іеродіакономъ.

Димитрій Александровичъ между тѣмъ, оставивши Кирилло-Новоезерскій монастырь, поселился въ Вологдѣ у своихъ родныхъ и сталъ лѣчиться отъ измучившей и совершенно изнурившей его слабый организмъ лихорадки. Въ это время, „рука Промысла, доселѣ невидимо покрывавшая безпріютнаго скитальца, коснулась сердца Преосвященнаго Стефана, Епископа Вологодскаго“: [3]) помня Димитрія Александровича еще ребенкомъ (Преосв. Стефанъ, бывши архіереемъ, бывалъ въ домѣ Брянчаниновыхъ) и видя его искреннюю идеально—монашескую настроенность, Владыка помѣстилъ его въ Семигородную Успенскую пустынь, строгій духъ которой могъ удовлетворить истиннаго подвижника [4]). Здоровый климатъ этой мѣстности

---

[1]) Записки Чихачова, стр. 51.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія, составленное его учениками въ 1881 г., стр. 47. Въ брошюрѣ „Вологодскій Архіерейскій домъ“ въ числѣ епископовъ Вологодскихъ и Устюжскихъ (съ 1796—1894 г.) значится подъ № 39 всѣхъ Вологодскихъ епископовъ: „Стефанъ Романовскій,—въ 1813 г. рукоположенъ во епископа Волынско-Житомірскаго, въ 1828 г. 24 ноября переведенъ на Вологодскую каѳедру, а 1-го марта 1841 года—на Астраханскую каѳедру съ возведеніемъ въ санъ Архіепископа, гдѣ и скончался въ декабрѣ того же года.

[4]) Семигородная Успенская пустынь находится въ 77 верстахъ къ сѣверу отъ губернскаго города Вологды и въ 35 верстахъ къ сѣверо-западу отъ уѣзднаго города Кадникова (Волог. губ.). Расположенная среди большого строевого лѣса, въ которомъ водится много дикихъ звѣрей и гдѣ нерѣдко можно встрѣтить даже сѣвернаго медвѣдя, пустынь въ разсматриваемое время отовсюду окружена болотами и почти непроходимыми дебрями, почему проселочная дорога къ ней очень неудобна. Ни съ одной стороны пустыни не было человѣческаго жилья ближе 10—12 верстъ. Монастырскія зданія открываются взорамъ путника только близъ самой обители, когда, миновавъ лѣсъ, онъ въѣзжаетъ на широкую равнину, гдѣ красуется благолѣпная Семигородная пустынь, дышащая сладостнымъ уединеніемъ.

Пустынь эта именуется „Семигородною“ отъ бывшей здѣсь Семигородской волости, а сама волость—отъ семи селеній, которыя находились на семи небольшихъ

способствовалъ возстановленію его здоровья и не мѣшалъ ему съ новымъ рвеніемъ предаваться его обычнымъ духовнымъ занятіямъ—богомыслію и молитвѣ. Здѣсь, въ тиши сладостнаго уединенія, подъ благодатнымъ кровомъ обители, гдѣ невольно забывается весь суетный міръ, съ его заманчивыми, но непрочными прелестями, эта неудержимо стремящаяся къ Богу душа могла безпрепятственно молиться и рыдать, смиренно каяться въ своей грѣховности и, созна-

---

горахъ и со своими полями отдѣлялись другъ отъ друга изгородями. Поэтому въ старину церковь въ пустынѣ называлась: „Храмъ Пречистыя Богородицы на семи горахъ".—Пустынь называется еще „Успенской" по главному храму въ обители—Успенія Пресв. Богородицы—и по главной древнѣйшей святынѣ—чудотворной иконѣ Успенія Божіей Матери.

Семигородная пустынь основана въ XV вѣкѣ иноками Діонисіево-Глушицкаго монастыря, который находится въ 20—25 верстахъ къ сѣверу отъ этой пустыни. Иноки, положившіе основаніе пустыни, принесли ей въ даръ двѣ св. иконы письма самого преподобнаго Діонисія: вышеупомянутую чудотворную икону Успенія и икону Іоанна Предтечи.—Пришедшая въ первый же вѣкъ своего бытія въ крайнее запустѣніе вслѣдствіе моровой язвы (въ XV в. постигшей всю Вологодскую страну), Семигородная пустынь окончательно опустѣла послѣ Литовскаго разоренія.

Въ половинѣ XVII вѣка Промыслъ Божій привелъ въ запустѣвшую пустынь старицу Іулианію, изъ рода Бѣлозерскихъ дворянъ Медвѣдевыхъ, которая переселилась сюда изъ Московскаго Новодѣвичья монастыря послѣ своего чуднаго исцѣленія. Къ Іулианіи, возстановившей ветхую деревянную церковь и построившей около нея кельи, стеклись сестры, и такимъ образомъ вмѣсто мужскаго въ Семигородной пустыни на нѣкоторое время явился женскій монастырь. Послѣ смерти Іулианіи (въ 1643 г.), начальство надъ обителью приняла старица Маріамна, весьма много потрудившаяся надъ благоустройствомъ и благолѣпіемъ захудалой пустыни. Послѣ ея смерти, немногочисленныя сестры Семигородной обители разошлись, и она снова опустѣла.

Въ 1651 году пустынь была подчинена царскою грамотой Вологодскому Архіепископу Маркеллу, который назначилъ строителемъ ея старца Арсенія и переселилъ сюда нѣсколько монаховъ. Семигородная женская пустынь опять обратилась въ мужской монастырь.

Изъ 49 строителей и игуменовъ, бывшихъ настоятелями въ Семигородной пустыни, особенно потрудились надъ ея преуспѣяніемъ слѣдующія лица: строитель Ѳеофилактъ I (1752—1755), начавшій вмѣсто прежнихъ деревянныхъ церквей воздвигать каменную двухэтажную церковь, которая послѣ многихъ перестроекъ, существуетъ до сихъ поръ. Строитель Варѳоломей (1803—1809), устроившій кельи и каменную ограду кругомъ монастыря, вмѣсто брусяной ограды, построенной строителемъ Ѳеофилактомъ II (1757—1764). Строитель Архимандритъ Нектарій (1846—1869), своими ревностными трудами на пользу обители заслуживший себѣ добрую и благоговѣйную память.

Нынѣ настоятелемъ пустыни состоитъ игуменъ Антонинъ (Яблонскій), дѣятельно заботящійся о процвѣтаніи врѣренной ему обители. Сообщеніе съ обителью, благодаря проведенію Архангельской желѣзной дороги, улучшилось.

(Семигородная Успенская пустынь. Изданіе игумена Антонина. Составилъ преподаватель Вологодск. дух. Сем. В. Лебедевъ. Вологда, 1902).

вая свое полное ничтожество передъ Господомъ, взывать къ Нему о Его благой и всемогущей помощи. Не на груды камней и пепла падали слезы молодого подвижника, какъ нѣкогда слезы пророка Іереміи, который, оставшись на развалинахъ опустѣвшаго и разрушеннаго Іерусалима, рыдалъ неутѣшнымъ рыданіемъ на пепелищѣ сожженнаго храма—чуда зодчества, единственнаго храма на землѣ, посвященнаго истинному Богу; рыдалъ неутѣшнымъ рыданіемъ на развалинахъ единственнаго города, гдѣ истинные поклонники могли кланяться Іеговѣ. Онъ, этотъ юный подвижникъ, оплакивалъ не храмъ, воздвигнутый руками человѣческими изъ мрамора, порфира и древъ негніющихъ; рыдалъ онъ не на развалинахъ города, который строился вѣками, строился могучими мышцами царей, народовъ, золотомъ; не летѣли его вздохи вслѣдъ за многочисленными толпами іудеевъ, которые влеклись многочисленнымъ воинствомъ въ гражданское рабство. Нѣтъ! причина его плача—была причина нравственная, и область его плача—была область духа. Онъ оплакивалъ сожженіе невидимаго и нерукотвореннаго храма, созданнаго Богомъ для невидимаго возвышеннѣйшаго Богослуженія; оплакивалъ разрушеніе таинственнаго города, назначеннаго въ обитель для помысловъ и ощущеній благодатныхъ; оплакивалъ плѣнъ души, плѣнъ ума и сердца, побѣжденныхъ грѣхомъ. Чувствуя, что эти плѣнники (душа, умъ и сердце) окованы, цѣпями страстей, уведены въ рабство, уведены въ царство и столицу царя Вавилонскаго: во власть архангела отверженнаго, господствующаго сурово и жестоко надъ всѣми отверженными разумными тварями—надъ ангелами и человѣками,—онъ горько плакалъ плачемъ покаянія и любви, погружался въ печаль спасительную,—не въ ту, которая наводитъ смерть человѣку: печалился онъ не о чемъ либо суетномъ, тлѣнномъ, преходящемъ. Онъ плакалъ тѣмъ спасительнымъ плачемъ, который остался людямъ въ наслѣдство отъ Адама, обратившагося къ слезамъ и раскаянію послѣ утраты райскихъ сладостей. Этотъ плачъ—отблескъ вѣчнаго блаженства, этотъ плачъ—свидѣтельство, что вѣчное блаженство было нѣкогда достояніемъ человѣка; этотъ плачъ—средство къ возвращенію потеряннаго блаженства. Какъ отблескъ блаженства, какъ воздыханіе и воспоминаніе о блаженствѣ, этотъ плачъ заключаетъ въ себѣ наслажденіе: убодая сердце скорбью, вмѣстѣ орошаетъ и помазуетъ его утѣшеніемъ. Богочеловѣкъ, проливший всесвятыя слезы о четвородневномъ мертвецѣ Лазарѣ, проливший Божественныя слезы о многолюдномъ городѣ, о народѣ, который не позналъ, или притворился непознавшимъ посѣщенія Божія, благословилъ Всесвятыми Слезами Своими душеспасительный плачъ покаянія и любви. Помня Божественный гласъ Господа Иліи-пророку: „Не могу Я видѣть плачущаго и не помиловать его“, и твердо вѣря, что всякій, съ такимъ плачемъ приступающій къ Богу, будетъ услы-

шанъ Имъ, рыдающій подвижникъ находилъ въ этомъ плачѣ утѣшеніе и наслажденіе [1]).

Это строго подвижническое настроеніе Димитрія Александровича и его всегдашнее стремленіе къ совершенному уединенію заставило расположеннаго къ нему Преосвященнаго Стефана согласиться на его просьбы и перемѣстить его изъ Семигородной пустыни въ еще болѣе уединенный и пустынный Глушицкій Діонисіевъ монастырь, [2]) находившійся въ его епархіи, куда Брянчаниновъ и былъ зачисленъ послушникомъ (въ февралѣ 1831-го года). Радуясь своему уединенію, Димитрій Александровичъ ревностно принялся нести монастырскіе подвиги, а все свободное время посвящалъ тщательному изученію писаній Св. Отцовъ. Къ этому времени относится первое знакомство его съ архимандритомъ Николо-Угрѣшскаго монастыря Пименомъ, по происхожденію купеческимъ сыномъ. Привлекательная, красивая наружность молодого послушника, его благородная, но вмѣстѣ скромная осанка, благоговѣйное стояніе на церковныхъ службахъ, и, наконецъ, самая бесѣда съ нимъ, обличающая проницательный умъ, начитанность и духовную опытность,—все это произвело необычайное впечатлѣніе на архимандрита. „Въ первый разъ довелось мнѣ увидѣть Брянчанинова на набережной рѣки Золотухи (въ Вологдѣ), вспоминалъ онъ впослѣдствіи: я былъ на лѣвомъ берегу, а онъ шелъ по правому. Какъ сейчасъ вижу его: высокаго роста, стройный и статный, русый, кудрявый, съ прекрасными темно-карими глазами; на немъ былъ овчинный тулупъ, крытый нанкою гороховаго цвѣта, на головѣ послушническая шапочка... Не взирая еще на молодыя лѣта, видно было, что Брянчаниновъ много читалъ отеческихъ книгъ, зналъ весьма твердо Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Добротолюбіе и писанія другихъ подвижниковъ, и потому бесѣда его, назидательная и увлекательная, была въ высшей степени усладительна“ [3]).

Иноческіе подвиги молодого послушника, идеально-религіозная настроенность его стремящейся въ горній міръ души заставили Преосвященнаго Стефана исполнить его всегдашнее неизмѣнное желаніе—постричь его въ монашество. Не надѣясь когда нибудь добиться согласія и благословенія на этотъ шагъ родителей, Димитрій Александровичъ рѣшился предоставить все на волю Божію и слѣдовать един-

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. V, „Плачъ инока“, стр. 388—389.

[2]) Діонисіево-Глущицкій монастырь расположенъ на сѣверѣ Россіи въ 20—25 верстахъ отъ Семигородной пустыни. Основаніе ему положено было въ началѣ XV столѣтія препод. Діонисіемъ Глушицкимъ.

[3]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія, составленное его учениками въ 1881 г., стр. 48—49.

ственно за тѣмъ голосомъ, который слышался ему въ собственномъ сердцѣ и который привелъ его въ монастырь, голосомъ совѣсти или голосомъ Ангела Хранителя, возвѣщавшимъ ему Божью волю. Вызванный Преосвященнымъ Стефаномъ изъ Глушицкаго монастыря въ Вологду, онъ остановился на постояломъ дворѣ и среди мірской волны началъ готовиться къ своему постриженію, храня это по приказанію Преосвященнаго въ строгой тайнѣ отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ.

28-го іюня 1831-го года Димитрій Александровичъ умеръ для свѣта, чтобы возродиться для Господа—Бога; вступивши въ Вологодскій Каѳедральный Воскресенскій соборъ Димитріемъ, онъ вышелъ оттуда монахомъ Игнатіемъ, получивши это имя въ честь священномученика Игнатія Богоносца, память котораго празднуется Православною Церковью 20 декабря и 29 января [1]).

Можно себѣ представить изумленіе родныхъ Брянчанинова, которые, слушая въ этотъ день Богослуженіе въ соборѣ, увидѣли вдругъ совсѣмъ неожиданное зрѣлище: тотъ, о блестящей свѣтской карьерѣ котораго все еще не переставали строиться широкіе планы, навсегда покрылъ себя монашескимъ одѣяніемъ, навсегда уже невозвратно ушелъ изъ міра, сдѣлавшись, въ ихъ глазахъ, безполезнымъ членомъ общества...

Черезъ нѣсколько дней новопостриженный былъ рукоположенъ Преосвященнымъ Стефаномъ въ іеродіакона [2]), затѣмъ, черезъ три недѣли, въ іеромонаха и временно оставленъ при Архіерейскомъ каѳедральномъ домѣ [3]). Для обученія священнодѣйствію, онъ былъ приставленъ къ городской церкви Спаса подъ руководство священ-

---

[1]) Воспріемникомъ Димитрія Брянчанинова отъ св. Евангелія былъ тогдашній Ректоръ Вологодской семинаріи, архимандритъ Евтихіанъ.

[2]) Руководителемъ іеродіакона Игнатія въ обученіи діаконскому служенію былъ знаменитый среди Вологжанъ въ свое время и доселѣ своей праведной жизнію, юродствомъ и прозорливостію Петропавловскій діаконъ Александръ Воскресенскій, предсказавшій іеродіакону Игнатію, еще ранѣе монашества, епископство. О Петропавловскомъ діаконѣ сообщаются достаточныя свѣдѣнія въ „Жизнеописаніяхъ отечественныхъ подвижниковъ благочестія XVIII и XIX вѣковъ", октябрь, стр. 706—723.

[3]) Вологодская епархія учреждена въ 1383 году подъ названіемъ Пермской; каѳедра была первоначально открыта въ Устьвыми Яренскаго уѣзда, потомъ въ 1492 году перенесена въ Вологду. Когда въ Москвѣ въ 1589 году на мѣсто Всероссійской Митрополіи соборомъ установлено Патріаршество, тогда тѣмъ же соборомъ „въ Вологдѣ архіепископіи быти учреждено", и Архіепископы Вологодскіе поставлены степенію первыми между всѣми Россійскими Архіепископами. Тогда же во Архіепископа на Вологду рукоположенъ Московскимъ Патріархомъ Іовомъ Іона, бывшій Архимандритъ Владиміро-Рождественскаго монастыря; въ 1603 г. переведенъ на Ростовскую митрополію.

ника Василія Нордова (впослѣдствіи протоіерея и настоятеля Вологодскаго Каѳедральнаго собора [1]).

Молодой годами (24-хъ лѣтъ), весьма красивый наружностью, новопостриженный іеромонахъ заинтересовалъ собою все Вологодское общество; многіе хорошо знали Брянчаниновыхъ, знали, что сынъ пошелъ противъ воли разгнѣваннаго на него за это отца, и, передавая одинъ другому различныя подробности, какъ это обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, или преклонялись передъ сильной волей молодого человѣка, которую не могъ сломить даже такой отецъ, какъ Александръ Семеновичъ, или удивлялись его „страннымъ“ поступкамъ; всѣмъ хотѣлось видѣть новаго монаха, говорить съ нимъ Но только что произнесшій у алтаря обѣты отреченія отъ міра, Игнатій тяготился этимъ всеобщимъ вниманіемъ къ себѣ, невольно вовлекающимъ его въ мірскую разсѣянность; не для того покрылъ онъ чернымъ клобукомъ свою молодую красивую голову, чтобы заставить говорить о себѣ; не для того, чтобы вызвать къ себѣ сочувствіе и участіе рѣшился онъ пойти противъ воли родителей и навлечь на себя столь тяжелый для его сердца гнѣвъ ихъ; нѣтъ! съ дѣтства рѣшившись посвятить всю свою земную жизнь на служеніе Благодѣтелю Господу, чтобы хотя этимъ возблагодарить Его за Его безчисленныя благодѣянія, онъ стремился принять монашество, чтобы, достигнувши въ иночествѣ христіанскаго совершенства, „служить свѣтомъ для братій своихъ, живущихъ посреди міра, занятыхъ, развлеченныхъ попеченіями и служеніями ему, не могущихъ ни глубоко вникнуть въ Евангеліе, ни оживить его въ себѣ въ должномъ развитіи и полнотѣ [2]).

Несмотря на просьбы молодого іеромонаха отпустить его опять въ уединенный Глушицкій монастырь, Преосвященный Стефанъ удерживалъ его при себѣ, намѣреваясь дать ему мѣсто, соотвѣтствующее и его благочестивому настроенію, и его способностямъ, до тѣхъ поръ, пока не освободилось мѣсто строителя Пельшемскаго Лопотова монастыря [3]), куда Игнатій и былъ назначенъ въ началѣ 1832-го года (14-го января ему дано было званіе строителя и при этомъ былъ возложенъ на него набедренникъ).

Свѣтильникъ, еще прежде показавшійся на свѣщницѣ, теперь былъ изнесенъ изъ темнаго угла, чтобы свѣтить міру на болѣе далекое пространство—общественная дѣятельность будущаго Епископа началась.

---

[1]) Въ брошюрѣ „Описаніе Вологодскаго Каѳедральнаго Собора“ на стр. 98 значится: „пятнадцатымъ по счету протоіереемъ Собора былъ Викторъ Іоанновичъ Вѣнскій съ 1822—1841 г., а съ 1841 года Василій Іоанновичъ Нордовъ.

[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 565.

[3]) Въ концѣ 1831 года скончался прежній строитель Лопотова монастыря іеромонахъ Іосифъ.

Глава вторая.

Игнатій Брянчаниновъ въ должности настоятеля монастырей.

А. Игуменъ Игнатій—Строитель Григоріе-Пельшемскаго Лопотова монастыря.

Лопотовъ монастырь до прибытія въ него іеромонаха Игнатія Брянчанинова. Дѣятельность іеромонаха Игнатія въ Лопотовомъ монастырѣ. Желаніе Императора Николая Павловича видѣть Игнатія Брянчанинова Настоятелемъ Сергіевой пустыни.

Б. Архимандритъ Игнатій—Настоятель Троице-Сергіевой пустыни.

Обстоятельства назначенія Игнатія Брянчанинова на настоятельство Троице-Сергіевой пустыни. Троице-Сергіева пустынь до прибытія Архимандрита Игнатія Брянчанинова. Труды Архимандрита Игнатія Брянчанинова по внѣшнему благоустройству Сергіевой пустыни. Труды Архимандрита Игнатія по благоустройству монастырской жизни. Труды Архимандрита Игнатія по руководству духовною жизнью Троице-Сергіевой пустыни. Личная жизнь Архимандрита Игнатія въ Сергіевой пустыни.

Игуменъ Игнатій—Строитель Григоріе-Пельшемскаго Лопотова монастыря.

„Здѣшняя жизнь точно поле, усѣянное различными посѣвами хлѣба и овощей, усаженное многочисленными, разнородными плодовитыми деревьями и кустарниками; люди—точно дѣлатели; одинъ способенъ водиться за виноградными лозами, другой за овощами, иной—сѣять хлѣбъ, иной—орать землю, иной—лишь исторгать терніе. Каждый да трудится въ томъ участкѣ добродѣтелей, къ которымъ онъ способенъ, къ которымъ призванъ Богомъ, являющимъ призваніе Свое разумному созданію тѣми способностями душевными, тѣми средствами, которыя Онъ даровалъ этому созданію".

(Письма Преосвященнаго Игнатія къ различнымъ лицамъ, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками въ 1881 году, стр. 37).

Въ Вологодской губерніи, въ 40 верстахъ отъ г. Вологды, въ семи верстахъ отъ уѣзднаго города Кадникова, находится монастырь, основанный еще въ первой половинѣ XV вѣка (въ 1426 году) Вологодскимъ чудотворцемъ Преподобнымъ Григоріемъ. Монастырь этотъ называется Лопотовымъ, потому что основатель его—Преподобный Григорій происходилъ изъ рода бояръ Лопотовыхъ; кромѣ того онъ именуется еще Пельшемскимъ, такъ какъ расположенъ на берегу небольшой рѣки Пельшмы, впадающей въ Сухону.

Низменная и болотистая мѣстность этой обители, гнилыя испаренія, всегда наполняющія окружающій ее воздухъ, сырость и постоянно-стоящіе туманы, неимовѣрная масса комаровъ и другихъ болотныхъ насѣкомыхъ—все это дѣлаетъ Лопотовъ монастырь мѣстомъ, вреднымъ даже и для здороваго организма.

До учрежденія монастырскихъ Штатовъ, монастырь этотъ былъ игуменскимъ, а съ 1764 года сдѣланъ строительскимъ. Къ тридцатымъ годамъ 19 вѣка онъ пришелъ въ крайнюю бѣдность, разореніе и запустеніе; церковь и прочія зданія совсѣмъ обветшали и грозили разрушиться; доходы были настолько скудны, что не на что было пріобрѣсть необходимую церковную утварь; братіи въ обители жило очень мало, такъ какъ не было даже самаго необходимаго для пропитанія. Эта немногочисленная братія не могла похвалиться строгостью истинно-подвижнической жизни: Лопотовскіе монахи позволяли себѣ небрежность въ одеждѣ и непристойность въ поведеніи не только въ монастырѣ или внѣ его стѣнъ, но и находясь во время Богослуженія въ Божьемъ храмѣ; такъ, напр., они ходили въ церковь къ службѣ

подпоясанные красными кушаками, съ небрежно заплетенными въ косичку волосами; во время службы нюхали на клиросѣ табакъ и т. п. [1]).

Нуженъ былъ могучій духъ, полный ничѣмъ несокрушимой надежды на всемогущую помощь Всевышняго, нужна была умѣлая и сильная рука, чтобы возстановить и привесть въ должный порядокъ эту обитель, столь обнищавшую и развалившуюся, что предположено было ее совсѣмъ упразднить и обратить въ приходскую церковь [2]). Нуженъ былъ особый Промыслъ Божій, чтобы привесть въ этотъ запущенный во всѣхъ отношеніяхъ монастырь такого правителя, который сумѣлъ бы не только благоукрасить внѣшній видъ обители, но и поднять на должную высоту нравственную жизнь ввѣреннаго его пастырству духовнаго стада. И такой человѣкъ нашелся: когда въ концѣ 1831 года умеръ строитель Лопотова монастыря Іосифъ [3]), Преосвященный Стефанъ, Епископъ Вологодскій, назначилъ на его мѣсто новопостриженнаго іеромонаха Игнатія Брянчанинова.

Это назначеніе столь молодого іеромонаха на должность строителя монастыря, приличную и старческому возрасту, сдѣлало то, чего не могли достигнуть никакія просьбы смиреннаго послушника Димитрія: родители его, разгнѣванные тѣмъ, что сынъ, которому такъ заманчиво улыбалась блестящая свѣтская карьера на виду у расположеннаго къ нему Государя Императора, самовольно ушелъ въ монастырь, начали мало-по-малу смягчаться. Правда, отецъ Игнатія—Александръ Семеновичъ не только теперь, но и впослѣдствіи никогда не могъ вполнѣ простить своему старшему сыну того, что этотъ послѣдній пошелъ противъ его воли и не оправдалъ его надеждъ, но самолюбіе его теперь все-таки было успокоено тѣмъ, что въ столь молодыхъ годахъ сынъ его возведенъ въ санъ, котораго многія духовныя лица добиваются и нетерпѣливо ждутъ долгіе и долгіе годы. Сердце же матери теперь уже совсѣмъ простило своего любимца и не только примирилось съ избранной имъ карьерой, но и благодарило Бога, сподобившаго ее имѣть первенца своего въ числѣ Его служителей. Такимъ измѣненіемъ своего настроенія Софья Аѳанасьевна обязана была этому же своему сыну—іеромонаху Игнатію, который, бывая теперь въ родительскомъ домѣ, всѣми силами старался своими духовными бесѣдами привести ея сердце къ искренней и живой религіозной настроенности.—Между тѣмъ Софья Аѳанасьевна давно уже начала прихварывать, но, не обращая на свою болѣзнь должнаго вни-

[1]) См. Записки Чихачова, видѣніе Карпа, стр. 84.

[2]) Записки Чихачова, стр. 63.

[3]) Одно время онъ былъ келейникомъ митрополита Евгенія, въ тѣ годы, когда этотъ послѣдній находился въ Вологдѣ.

манія и стараясь не тревожить родныхъ, долгое время перемогалась. Но прогрессирующая болѣзнь дѣлала свое дѣло: 25 іюня 1832 года она мирно скончалась, напутствованная молитвами любимаго сына, который самъ совершилъ надъ ней обрядъ отпѣванія въ родномъ Покровскомъ храмѣ. Замѣчательно, что при этомъ печальномъ Богослуженіи о. Игнатій не рыдалъ надъ бездыханнымъ тѣломъ матери! „И это происходило не отъ сдержанности, приличествующей предстоятелю священнослуженія, или отъ холодности родственнаго чувства, а составляло особую черту его духовнаго характера. Чувство въ немъ было живо, сыновняя любовь къ матери—въ своей естественной мѣрѣ, но въ немъ душевный человѣкъ былъ замѣненъ духовнымъ; чувство плотскаго родства было вполнѣ проникнуто духовною любовью, которая побуждала не о временной потерѣ жалѣть, а желать единственно блаженной участи усопшей въ вѣчности. Поэтому такія родственныя чувства въ инокѣ Игнатіи никогда не обнаруживались своимъ обычнымъ образомъ; они отражались въ немъ глубокой думой и молитвеннымъ, безмолвнымъ благоговѣніемъ, при полномъ внѣшнемъ спокойствіи [1]).

Послушническій искусъ Димитрія Брянчанинова начался 6 ноября 1827 года поступленіемъ его въ Александро-Свирскій монастырь Олонецкой епархіи. Послѣ отмѣченныхъ въ предыдущей главѣ переходовъ изъ одного монастыря въ другой по причинѣ слѣдованія за старцемъ Леонидомъ, онъ въ 1829 году поступилъ послушникомъ въ Успенскую Семигородную пустынь Вологодской епархіи и изъ нея 20 февраля 1831 года переведенъ въ третьеклассный Діонисіево-Глушицкій монастырь той же епархіи [2]). Послѣ поступленія въ монашество 28-го іюня 1831 года, монахъ Игнатій 5-го іюля 1831 года былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 20 іюля въ іеромонахи, 6 января 1832 года опредѣленъ строителемъ Лопотова монастыря и, состоя въ этой должности, 28 января 1833 года возведенъ въ санъ игумена [3]). Указомъ Свят. Синода отъ 10 ноября 1833 года за № 8583, согласно

---

[1]) Жизнеописаніе Епископа Игнатія, составленное его учениками въ 1881 году, стр. 55.

[2]) Обстоятельства перехода Димитрія Брянчанинова изъ Семигородной пустыни въ Діонисіево-Глушицкій монастырь, а равно и служеніе іеромонаха Игнатія въ должности Строителя Григоріе-Пельшемскаго монастыря при документальномъ выясненіи встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія въ виду того, что архивъ дѣлъ Вологодской Духовной Консисторіи имѣетъ опись начиная лишь съ 1839 года, а до этого времени дѣлопроизводство Консисторіи неупорядочено и почти нѣтъ возможности розыскать требуемыя дѣла.

[3]) Послужной списокъ бывшаго настоятеля Лопотова монастыря игумена Игнатія (изъ бумагъ Николо-Бабаевскаго монастыря). Формул. списокъ о службѣ Епископа Игнатія за 1856 г.—въ дѣлахъ Троице-Сергіевой пустыни.

„словесному предложенію“ Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита Московскаго, игуменъ Игнатій переведенъ на настоятельскую вакансію въ Николаевскій Угрѣшскій монастырь Московской епархіи [1]). Такимъ образомъ, настоятельство Игнатія Брянчанинова въ Лопотовомъ монастырѣ продолжалось менѣе двухъ лѣтъ. Несмотря на столь незначительный срокъ, игуменъ Игнатій своей дѣятельностію по благоустроенію ввѣренной ему обители обнаружилъ въ себѣ опытнаго хозяина и хорошаго руководителя монастырской жизни при своемъ 25-лѣтнемъ возрастѣ. Природные таланты, высота духа, образовательная школа и домашняя Брянчаниновская школа, при унаслѣдованномъ отъ отца твердомъ характерѣ, явили въ Игнатіи Брянчаниновѣ незауряднаго человѣка, личность выдающуюся. Наблюденіе образцоваго хозяйства въ Покровскомъ, стройной дисциплины во всѣхъ хозяйственныхъ функціяхъ, единой воли, проникающей дѣятельность работающихъ массъ,—всѣ эти впечатлѣнія дѣтства и отрочества воспитали въ Игнатіи Брянчаниновѣ образцоваго хозяина тѣхъ двухъ монастырей, въ которыхъ суждено было ему обнаружить свою хозяйственную подготовку, особенно—въ Троице-Сергіевой пустыни. По преданію, хранящемуся среди насельниковъ Лопотова монастыря, молодымъ настоятелемъ изъ дворянъ были на первыхъ же порахъ приведены въ порядокъ хозяйственныя службы, упорядочена трапезная часть, заведенъ опытный поваръ—не для изысканныхъ и гастрономическихъ обѣдовъ, а для чистаго, простого и гигіеническаго питанія и въ устраненіе скорбей плоти, улучшено пѣніе и богослужебная часть. И пламенная ревность Настоятеля, требовавшая и отъ братіи строгаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, хотя и казалась тягостной для разлѣнившихся и опустившихся послушниковъ и иноковъ, не только не вызывала съ ихъ стороны неудовольствія, а, наоборотъ, вызывала искреннее расположеніе къ молодому Настоятелю цѣлесообразностью и планомѣрностью его начинаній и ясно видимою пользою ихъ для благоустройства обители. Въ подтвержденіе высказаннаго положенія можно указать на фактъ перемѣщенія вслѣдъ за Игнатіемъ цѣлаго ряда лицъ при его служебномъ передвиженіи. Такъ, когда Игнатій Брянчаниновъ Высочайшею волею и съ благословенія Свят. Синода назначенъ былъ Настоятелемъ Троице-Сергіевой пустыни, въ эту обитель начался притокъ послушниковъ изъ обителей Вологодской губерніи [2]). Высокій духовно-старческій съ молодыхъ

---

1) Указъ Свят. Синода за № 8583 полученъ нами въ числѣ немногихъ другихъ бумагъ Епископа Игнатія, оставшихся въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ.

2) Такъ напр., 1) Указомъ Свят. Синода отъ 10 мая 1834 г., за № 1880 послушникъ Лопотова монастыря Филиппъ Семеновъ Купреяновъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, 26 лѣтъ, перемѣщенъ въ Сергіеву пустынь.

2) Указомъ Свят. Синода отъ 31 октября 1838 г., за № 6503, опредѣленъ въ Сер-

лѣтъ авторитетъ, характеръ и хозяйственность Игнатія Брянчанинова влекли къ нему сердца монастырскихъ насельниковъ. Его достоинства и качества его настоятельской дѣятельности въ молодые годы по Григоріе-Пельшемскому Лопотову монастырю авторитетно и въ достаточной мѣрѣ засвидѣтельствованы въ отношеніи возведшаго его изъ послушниковъ въ игуменскій санъ Преосвященнаго Стефана, Епископа Вологодскаго, къ Высокопреосвященному Филарету, Митрополиту Московскому. Назначенный Указомъ Свят. Синода отъ 10 ноября 1833 года, за № 8583, по представленію Митрополита Филарета, на должность Настоятеля въ Николо-Угрѣшскій монастырь Московской епархіи, Игуменъ Игнатій въ означенную должность не вступалъ и фактически Настоятелемъ Николо-Угрѣшскаго монастыря не былъ [1]), потому что по Высочайшей волѣ Государя Императора Николая I ему дано было настоятельство Троице-Сергіевой пустыни. Въ преддверіи этого событія, митрополитъ Филаретъ, отношеніемъ отъ 15 ноября 1833 года за № 301, просилъ Епископа Вологодскаго Стефана распорядиться поспѣшить принятіемъ Лопотова монастыря отъ Игумена Игнатія и, по принятіи отъ него Лопотова монастыря, отправить Игумена Игнатія не въ Москву, а въ С.-Петербургъ [2]). Въ отвѣтъ на это

гіеву пустынь послушникъ Мезенцевъ изъ Кадниковскихъ мѣщанъ.

3) Указомъ С.-Петерб. дух. Консисторіи отъ 14 мая 1837 г., за № 2373, священникъ Викторъ Авессаломовъ изъ Вологодской епархіи, Покровской Комельской церкви (родина Игнатія), бывшій въ 1832 году въ Лопотовѣ монастырѣ, вдовый, опредѣленъ въ число братіи Троице-Сергіевой пустыни.

4) Такой же характеръ имѣютъ Указы С.-Петерб. дух. Консисторіи отъ 17 октября 1842 г., за № 7656, отъ 22 марта 1843 г, за № 215, отъ 27 апрѣля 1858 г., за № 2212, отъ 15 іюня 1853 г., за № 2944.

[1]) Кромѣ естественнаго и яснаго хода событій жизни Игнатія Брянчанинова, далѣе документально обоснованнаго, это подтверждается и двумя резолюціями Митрополита Филарета на Указѣ Свят. Синода о перемѣщеніи Брянчанинова въ Николо-Угрѣшскій монастырь такого содержанія: а) отъ 10 ноября 1833 года, за № 418: „Преосвященный учинитъ распоряженіе о введеніи его въ должность и о сдачѣ ему монастыря и есть ли не произведенъ, произвесть его въ игумена. Консисторія истребуетъ изъ Вологодской его послужной списокъ“ и б), отъ 22 декабря 1833 года, за № 3058—на томъ же указѣ и рядомъ съ первою резолюціей: „Не приступая къ исполненію, представить сіе, когда явится Игуменъ Игнатій“ (Бумаги Епископа Игнатія изъ архива Николо-Бабаевскаго монастыря).

[2]) Дѣло перемѣщенія Игумена Игнатія представлялось Митрополиту Филарету настолько спѣшнымъ, что онъ предписалъ Епископу Стефану—въ случаѣ замедленія выдачи изъ Казенной Палаты прогонныхъ денегъ игумену Игнатію снабдить его слѣдующими деньгами по чину и по расчету до С.-Петербурга заимообразно. Вслѣдствіе этого на другой день по полученіи предложенія Митрополита Филарета, 27 ноября 1833 года Епископъ Стефанъ отправилъ въ Лопотовъ монастырь нарочнаго съ предписаніемъ игумену Игнатію—немедленно, сдавъ Лопотовъ монастырь казначею, явиться въ Вологду для отправленія къ Митрополиту Филарету безъ всякаго промедленія (Бумаги Епископа Игнатія въ архивѣ Николо-Бабаевскаго монастыря).

предложеніе Преосвященный Стефанъ, отношеніемъ отъ 28 ноября 1833 года за № 3495, аттестовалъ игумена Игнатія Митрополиту Филарету, какъ выдающагося по своимъ способностямъ и подготовкѣ Настоятеля монастыря. Въ этой аттестаціи Епископа Стефана мы находимъ подробный одобрительный отзывъ о настоятельствѣ игумена Игнатія въ Лопотовомъ монастырѣ. Такъ какъ игуменъ Игнатій, по постриженіи его въ 1831 году по Указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ монашество, состоя въ числѣ братства третьеклассnаго Глушицкаго монастыря, похвальными своими качествами и образованностію своею въ наукахъ, всегда обращалъ на себя особенное вниманіе, то, пишетъ Преосвященный Стефанъ, въ 1832 году взятъ былъ онъ мною въ Вологодскій архіерейскій домъ и по рукоположеніи въ іеродіакона, а потомъ въ іеромонаха, употребляемъ былъ для соборнаго священнослуженія, гдѣ болѣе и болѣе замѣчая въ немъ отличныя способности, украшаемыя похвальнымъ поведеніемъ, въ томъ же 1832 году генваря 14 дня опредѣлилъ его Игнатія, на мѣсто умершаго въ Лопотовѣ монастырѣ строителя іеромонаха Іосифа, Строителемъ. Будучи въ этой новой, возложенной на него должности, образомъ примѣрной своей жизни, учрежденіемъ въ монастырѣ порядка, согласно правиламъ и уставамъ монастырскимъ, точнымъ наблюденіемъ должнаго въ монастырѣ благоприличія, обращая на себя отъ публики особенное вниманіе, успѣлъ возродить въ почитателяхъ святыя обители усердіе и тѣмъ достигъ возможности Лопотовъ монастырь, пришедшій уже въ совершенный упадокъ и разстройство, привести нынѣ въ короткое время въ наилучшее состояніе: 1) заведеніемъ многоцѣнныхъ серебряныхъ святыхъ сосудовъ, Евангелія и облаченій и многихъ другихъ для благолѣпія церковнаго служащихъ вещей и 2) устроеніемъ настоятельскихъ и братскихъ келлій и поправкою многихъ ветхихъ монастырскихъ строеній, какова его, Игнатія, полезная для обители святой служба и отзывы публики о похвальныхъ его качествахъ убѣдили меня сего года, мая 28 дня для поощренія его къ дальнѣйшей таковой же службѣ произвесть въ игумена, съ оставленіемъ его въ томъ же Лопотовѣ монастырѣ Настоятелемъ, о каковой его, Игумена Игнатія, отлично-похвальной службѣ за нужное почелъ довести до свѣдѣнія и Вашего Высокопреосвященства. На этомъ отношеніи Епископа Стефана положена резолюція Митрополита Филарета отъ 9 декабря 1833 года за № 444: „Въ Консисторію къ дѣлу для свѣдѣнія и соображенія при продолженіи служенія сего игумена“ [1]). 30-го ноября игуменъ Игнатій уже выѣхалъ изъ Вологды въ С.-Петербургъ къ Митрополиту

---

[1]) Отношеніе Епископа Стефана, изъ бумагъ Епископа Игнатія въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ.

Филарету, причемъ прогонныхъ денегъ отъ Епископа Стефана не получалъ, потому что по неимѣнію въ нихъ надобности отъ того самъ отказался [1]). Съ перемѣщеніемъ игумена Игнатія въ Николаевскій Угрѣшскій монастырь кончается кратковременный періодъ настоятельства его въ Григоріе-Пельшемскомъ Лопотовѣ монастырѣ и въ порядкѣ житейскаго плаванія Игнатій Брянчаниновъ выплываетъ въ большія воды—настоятельство въ Троице-Сергіевой пустыни.

Прибывши въ Лопотову обитель, которую ему поручено было возстановить, молодой строитель, не щадя своихъ силъ и трудовъ, ревностно принялся за дѣло, не смущаясь тѣмъ, что ему пришлось помѣститься въ сторожкѣ, потому что настоятельская келья была въ такомъ состояніи, что ее принуждены были совершенно разобрать. Эта сторожка была по одну сторону святыхъ воротъ, выстроенныхъ на подобіе башни съ тесовою остроконечною крышей, весьма обветшавшей, а по другую сторону воротъ была деревянная братская трапеза и поварня.

Несокрушимая энергія новаго строителя и его искреннѣйшее желаніе положить всѣ душевныя и тѣлесныя силы на дѣло, угодное Небесному Отцу, въ короткое время сдѣлали то, что казалось прежде почти невозможнымъ: обитель возобновилась внѣшне и поднялась внутренне. Въ нее стали стекаться монашествующіе изъ тѣхъ монастырей, гдѣ былъ прежде послушникомъ строитель Игнатій, и вскорѣ въ ней составилось братство до тридцати человѣкъ. Пожертвованія, которыя потекли отъ Вологодскихъ жителей, почитавшихъ память преподобнаго чудотворца Григорія, дали возможность молодому строителю благоукрасить приведенную въ порядокъ церковную службу: онъ завелъ дорогія облаченія, серебрянные сосуды, новыя Евангелія. Были выстроены новыя настоятельскія и братскія кельи. Благолѣпіе и торжественность церковной службы, совершаемой самимъ іеромонахомъ Игнатіемъ, отличный пѣвческій хоръ, чистота и порядокъ въ обновленномъ храмѣ,—все это способствовало тому, что многіе богомольцы начали посѣщать обитель, прежде мало кому извѣстную.

Усерднымъ и неутомимымъ помощникомъ строителя Игнатія въ трудномъ дѣлѣ обновленія Лопотова монастыря былъ любимый другъ его Михаилъ Васильевичъ Чихачовъ, опять соединившійся съ нимъ послѣ долгой разлуки. Проживъ болѣе года на родинѣ въ Псковской губерніи и сильно уставъ отъ суетной жизни въ мірѣ, Чихачовъ, лишь только получилъ извѣстіе, что другъ и товарищъ его назначенъ въ Лопотовъ монастырь, сейчасъ же поспѣшилъ къ нему, пользуясь первымъ представившимся для этого случаемъ, и ревностно

---

[1]) Отношеніе Епископа Стефана на имя Митрополита Филарета, отъ 5 декабря 1833 г. за № 3562.

принялся раздѣлять съ нимъ труды по устройству обители [1]). Отличное знаніе церковнаго пѣнія и музыки и великолѣпный собственный голосъ—басъ октава помогли Чихачову составить очень хорошій церковный хоръ, являвшійся однимъ изъ главныхъ украшеній возобновляемой обители. Здѣсь молодой подвижникъ былъ облеченъ другомъ своимъ строителемъ Игнатіемъ въ рясофоръ, радуясь и всей душой благодаря Господа за то, что Онъ сподобилъ его, „хотя и малаго, но ангельскаго образа“ [2]).—Но домашнія дѣла вскорѣ опять вызвали Михаила Васильевича изъ тишины монастырскихъ стѣнъ: свадьба сестры непремѣнно требовала его присутствія въ родномъ домѣ, и, чувствуя себя обязаннымъ устроить сестрину судьбу, онъ вторично отправился на родину. Возвращаясь черезъ нѣкоторое время опять въ Лопотову обитель, Чихачовъ заѣхалъ на пути въ Новгородскій Юрьевъ монастырь и, радушно принятый Настоятелемъ—архимандритомъ Фотіемъ, остался здѣсь на нѣсколько дней. Въ это время въ монастырь пріѣхала графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, женщина благочестивая и религіозная, которая давно слышала о Брянчаниновѣ и Чихачовѣ и очень желала лично познакомиться съ ними. Увидѣвшись съ Чихачовымъ и услышавши отъ него о бѣдномъ состояніи Лопотова монастыря, она съ душевнымъ усердіемъ пожертвовала на монастырскія нужды 800 рублей и нѣсколько книгъ. Съ этихъ поръ Брянчаниновъ и Чихачовъ пользовались милостивымъ расположеніемъ и помощью графини до самой ея смерти [3]).

Пожертвованныя графиней Орловой деньги помогли строителю Игнатію улучшить обитель: „Въ монастырѣ явилось немалое: два деревянныхъ корпуса братскихъ, ризница, церковь поправленная и вычищенная, прекрасныя книги для чтенія въ трапезѣ“ [4]).

Трудясь, не жалѣя своихъ силъ, надъ внѣшнимъ преуспѣяніемъ обители, отецъ Игнатій не могъ не обращать вниманія и на внутреннее упорядоченіе ея—ему надо было поднять и нравственную жизнь Лопотова монастыря, и нравственно возсоздать ввѣренную ему обитель. Знакомый и въ теоріи и на практикѣ съ жизнью православнаго монашества и ясно представляющій себѣ идеалъ этой жизни, какъ онъ дается въ писаніяхъ Св. Отцовъ православной Церкви, строитель Игнатій „былъ въ полномъ смыслѣ слова Аввою общества иноковъ“ [5]).

---

[1]) Сестра Михаила Васильевича была въ это время невѣстой Кутузова, и кому нибудь изъ Чихачовыхъ надо было повидаться съ родными жениха, жившими въ Ярославской губерніи. Чихачовъ посѣтилъ стариковъ Кутузовыхъ и отъ нихъ отправился въ Вологодскій Лопотовъ монастырь къ товарищу настоятелю

[2]) Записки Чихачова, стр. 69.

[3]) „Съ тѣхъ поръ началось у насъ“ говоритъ Чихачовъ въ своихъ запискахъ, близкое знакомство съ графиней и продолжалось до самой ея кончины“.

[4]) Записки Чихачова, стр. 68.

[5]) Жизнеописаніе Епископа Игнатія, составленное его учениками, стр. 56.

Какихъ правилъ придерживался онъ, какъ начальникъ иноческаго общежитія, и какъ онъ опредѣлялъ современное ему состояніе православнаго монашества,—видно изъ его собственныхъ словъ „о монастыряхъ Россійскихъ“, изъ его словъ, являющихся „плодомъ многолѣтняго наблюденія“. Безпристрастный и нелицемѣрный наблюдатель и изслѣдователь монашеской жизни во всѣхъ ея тонкостяхъ и деталяхъ, Игнатій не могъ не видѣть того, что „ослабѣла жизнь иноческая, какъ и вообще христіанская; ослабѣла иноческая жизнь потому, что она находится въ неразрывной связи съ христіанскимъ міромъ, который, отдѣляя въ иночество слабыхъ христіанъ, не можетъ требовать отъ монастырей сильныхъ иноковъ, подобныхъ древнимъ, когда и христіанство, жительствовавшее посреди міра, преизобиловало добродѣтелями и духовною силой“ [1]). Но, скорбя душой, при видѣ этого удаленія иноковъ отъ монашескаго идеала, о. Игнатій не могъ однако предаться безпросвѣтному пессимизму, ни въ чемъ не находящему себѣ выхода; наблюдая ослабленіе иноческой жизни и паденіе монашескихъ идеаловъ, онъ, къ своему утѣшенію, долженъ былъ замѣтить, что есть еще по лицу матери земли Русской такіе монастыри, которые, „какъ учрежденіе Святаго Духа, испускаютъ лучи свѣта на христіанство; еще есть тамъ пища для благочестивыхъ; еще есть тамъ храненіе Евангельскихъ заповѣдей; еще тамъ строгое и догматическое, и нравственное православіе; тамъ, хотя рѣдко, крайне рѣдко, обрѣтаются живыя скрижали Святаго Духа“ [2]). Многократно наблюдая, что „всѣ духовные цвѣты и плоды возрасли въ тѣхъ душахъ, которыя, въ удаленіи отъ знакомства внѣ и внутри монастыря, воздѣлали себя чтеніемъ Писанія и Св. Отцовъ, при вѣрѣ и молитвѣ, одушевленной смиреннымъ, но могущественнымъ покаяніемъ, а гдѣ не было этого воздѣланія, тамъ—безплодіе“, [3]) онъ старался вести свою духовную паству такъ, какъ указываютъ это писанія отеческія. Творенія Св. Отцовъ научили его, что „упражненіе иноковъ, для котораго и самое иночество, состоитъ въ изученіи всѣхъ заповѣданій, всѣхъ словъ Искупителя, въ усвоеніи ихъ уму и сердцу. Инокъ содѣлывается зрителемъ двухъ природъ человѣческихъ: природы поврежденной, грѣховной, которую онъ видитъ въ себѣ, и природы обновленной, святой, которую онъ видитъ въ Евангеліи. Десятословіе Ветхаго Завѣта отсѣкало грубые грѣхи; Евангеліе искупляетъ самую природу, болѣзнующую грѣхомъ, стяжавшую паденіемъ свойства грѣховныя. Инокъ долженъ при свѣтѣ Евангелія вступить въ борьбу съ самимъ собою, съ мыслями своими, съ сердечными чувствованіями, съ ощущеніями,

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 564—565.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.

и пожеланіями тѣла, съ міромъ, враждебнымъ Евангелію, съ міродержителями, старающимися удержать человѣка въ своей власти и плѣну. Всесильная Истина освобождаетъ его; освобожденнаго отъ рабства грѣховныхъ страстей запечатлѣваетъ, обновляетъ, вводитъ въ потомство Новаго Адама всеблагій Духъ Святый. Совершенство христіанства достигается въ иночествѣ, а иноки служатъ свѣтомъ для братій своихъ, живущихъ посреди міра, занятыхъ, развлеченныхъ попеченіями и служеніями его, не могущихъ ни глубоко вникнуть въ Евангеліе, ни оживить его въ себѣ въ должномъ развитіи и полнотѣ. Только тотъ можетъ легко или съ презрѣніемъ думать о иночествѣ, кто, именуясь христіаниномъ, имѣетъ понятіе о христіанствѣ самое поверхностное, мертвое“ [1]).

Всѣми силами стремясь къ тому, чтобы создать изъ ввѣренной его духовному наставничеству обители именно такой свѣточъ, сіяющій въ темнотѣ мірской жизни, молодой настоятель былъ попечительно-строгъ и нелицемѣрно-требователенъ по отношенію къ своимъ духовнымъ дѣтямъ. Какъ старецъ Леонидъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, велъ его самого, тогда еще смиреннаго послушника, труднымъ путемъ старческихъ испытаній и подвиговъ, такъ теперь онъ самъ наставлялъ и училъ другихъ, испытывая ихъ кротость, смиреніе, терпѣніе и вѣру, ибо изъ писаній отеческихъ онъ зналъ, что „для того, чтобы окрѣпли и возмужали въ инокѣ Евангельскія свойства, нужны непремѣнно скорби и искушенія. Кротость его должна быть испытана; смиреніе его должно быть испытано; терпѣніе и вѣра—испытаны. Должно быть испытано—дороже ли ему Евангеліе, слова и заповѣданія Христовы, въ которыхъ жизнь вѣчная, дороже ли они преимуществъ, удобствъ и обычаевъ міра, дороже ли самой жизни? Тяжкимъ сначала представляется вступленіе въ искушенія; но безъ нихъ невозможно научиться прощенію всѣхъ обидъ, любви къ врагамъ, зрѣнію во всемъ Промысла Божія, этимъ высочайшимъ, окончательнымъ, по отношенію къ ближнему, заповѣдямъ Евангелія. Если же внутренній человѣкъ не будетъ образованъ всѣми заповѣдями, то онъ не можетъ содѣлаться жилищемъ Святаго Духа. „Привлекохъ Духъ“, говоритъ святый Давидъ, „яко заповѣдей Твоихъ желахъ“ (Пс. CXVIII, 131). Безъ нисшествія Духа нѣтъ христіанскаго совершенства. Скорби и искушенія признаются Священнымъ Писаніемъ и Отцами величайшимъ даромъ Божіимъ, служатъ предуготовительнымъ обученіемъ къ безмолвію, въ которомъ инокъ достигаетъ точнѣйшаго очищенія, а потому и обильнѣйшаго просвѣщенія. Отцы сравниваютъ скорби инока, предшествующія вступленію въ безмолвіе, съ пред-

[1]) Тамъ-же.

крестными страданіями Христовыми, а безмолвіе—съ распятіемъ на крестѣ и погребеніемъ, которому послѣдуетъ воскресеніе“ [1]).

И подъ мудрымъ и полнымъ духовнаго опыта наставничествомъ строителя Игнатія, обновленная и приведенная имъ во внѣшній порядокъ Лопотова обитель не замедлила и нравственно вырости. Правда, добиться этого стоило большихъ трудовъ молодому наставнику: отвыкшіе отъ строгой монашеской жизни иноки Лопотова монастыря не могли сразу, безъ ропота оставить успѣвшія глубоко вкорениться въ ихъ души привычки, вродѣ нюханія табаку во время церковнаго Богослуженія, и Игнатію пришлось перенести не мало непріятностей, злословія, а нерѣдко и клеветы. Но его духовная мудрость и неистощимое терпѣніе помогли ему добиться желаемыхъ результатовъ: въ его обители былъ установленъ внутренній порядокъ, согласный съ монастырскимъ уставомъ. Это было, какъ бы подготовка къ тѣмъ, болѣе важнымъ, трудамъ, которые, по Божьему соизволенію, ожидали впослѣдствіи отца Игнатія.

Сколь нелегко было строителю Игнатію водворить нравственный порядокъ въ Лопотовомъ монастырѣ, видно изъ слѣдующаго случая: въ обитель часто приходилъ тамошній поселянинъ Карпъ, любившій совѣтоваться съ настоятелемъ Игнатіемъ о своей духовной жизни. Однажды, по разсказу Чихачова, этому простому человѣку было такое видѣніе: видѣлъ онъ, что братія, бывшая въ Лопотовомъ монастырѣ до прибытія сюда Игнатія, купается въ рѣкѣ и съ воплями жалуется стоящему тутъ же на берегу Преподобному Григорію, основателю обители, на новаго настоятеля—Игнатія, который ихъ притѣсняетъ: не велитъ ходить въ церковь съ заплетенной косой, запрещаетъ на клиросѣ нюхать табакъ, не велитъ носить красныхъ кушаковъ, не позволяетъ ходить въ деревню, какъ бывало прежде, и т. п. Преподобный Григорій, слыша эти жалобы, обращается къ Карпу и говоритъ: „Могу ли ихъ послушать? Настоятель дѣлаетъ, какъ, надо, и, если пребудетъ въ заповѣдяхъ Божіихъ до конца, причтенъ будетъ съ нами“ [2]).

Эта неутомимая ревность молодого строителя и его полезные

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Записки Чихачова, стр. 84. Этотъ же Карпъ имѣлъ другое видѣніе: ему было открыто, что о. Игнатію дается церковь Св. Троицы близъ Петербурга, гдѣ братія, какъ бы возбужденная отъ сна, удивляется прибытію его сюда; онъ ясно видѣлъ даже, какой въ церкви иконостасъ. Тогда о. Игнатій ничего еще не помышлялъ о Сергіевой пустыни, а думалъ, что ему удастся переселиться куда нибудь въ Псковскую губернію, почему и спросили Карпа, разсказавшаго о своемъ видѣніи, какъ онъ думаетъ, будетъ ли верстъ 400 отъ Петербурга до той церкви, въ которой онъ видѣлъ Игнатія. Но онъ отвѣчалъ, что эта церковь гораздо ближе. Всѣ остались въ недоумѣніи, и только тогда, когда прибыли въ Сергіеву пустынь и въ церкви увидѣли совсѣмъ такой иконостасъ, какъ описывалъ Карпъ, вспомнили его видѣніе, которое, такимъ образомъ, вполнѣ оправдалось. (Записки Чихачова, стр. 83—85).

труды по возобновленію и устройству ввѣреннаго ему Лопотова монастыря не могли не быть замѣченными искренно-расположеннымъ къ нему Преосвященнымъ Стефаномъ, назначившимъ его на это мѣсто. Видя, что молодой іеромонахъ вполнѣ оправдалъ всѣ его ожиданія и своимъ усердіемъ и стараніемъ дѣйствительно возстановилъ почти разрушенный и во всѣхъ отношеніяхъ запущенный монастырь, Епископъ на слѣдующій же годъ возвелъ его въ санъ игумена того-же Лопотова монастыря (28 января 1833 года).

Но молодому игумену не долго суждено было потрудиться въ обители въ этомъ новомъ санѣ: всегда слабое здоровье его не могло выдержать неблагопріятнаго, сырого и болотистаго климата той мѣстности, гдѣ былъ расположенъ Лопотовъ монастырь. Слабѣющій съ каждымъ днемъ, къ тому же „до избытка обремененный, по собственному его признанію, тѣлесными трудами“ [1]), онъ сильно захворалъ—„тѣло его крайне изнемогало“ [2]). Чихачовъ тоже томился всей душой, видя друга и духовнаго наставника своего лежащимъ на одрѣ болѣзни; не имѣя возможности чѣмъ-нибудь облегчить его страданія, онъ осмѣлился, наконецъ, предложить ему, что онъ поѣдетъ хлопотать о перемѣщеніи его игуменомъ куда-нибудь въ болѣе здоровое по климату мѣсто, напр., въ Псковскую губернію, родину его, Чихачова. Игуменъ одобрилъ мысль своего друга и благословилъ его на хлопоты.

Это перемѣщеніе въ Псковскую губернію было бы и полезно для разстроеннаго здоровья Игнатія, и очень удобно для Чихачова, который могъ бы тогда хотя изрѣдка видаться съ живущими тамъ его родными. Но Божественному Промыслу угодно было устроить совсѣмъ иначе, чѣмъ предполагали друзья.

Прибывши въ Петербургъ и не имѣя гдѣ остановиться [3]), Чихачовъ направился къ графинѣ Орловой-Чесменской, помня ея доброе отношеніе при встрѣчѣ въ Юрьевѣ монастырѣ и ея обѣщаніе всегда, чѣмъ только она можетъ, помогать ему и другу его—Брянчанинову. Узнавши о критическомъ положеніи молодого подвижника, который непремѣнно долженъ побыть нѣкоторое время въ столицѣ, чтобы имѣть возможность похлопотать у кого слѣдуетъ о переводѣ игумена Игнатія въ Псковскую губернію, и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, не

---

[1]) Богословскій вѣстникъ за февраль 1914 года, стр. 243.

[2]) Записки Чихачова, стр. 70.

[3]) Небольшое количество денегъ, взятое Чихачовымъ на дорогу изъ Лопотова монастыря, къ этому времени было все издержано, надо было найти мѣсто, гдѣ можно остановиться безъ платы, но никого изъ знакомыхъ онъ не могъ найти—это былъ, по его собственнымъ словамъ, перстъ Божій, ведущій его и показывающій мѣсто, куда ему надлежало итти—къ графинѣ Орловой.

имѣетъ гдѣ преклонить главу, отзывчивая и добрая графиня не только дала ему самое удобное помѣщеніе въ своемъ домѣ и снабдила его всѣмъ нужнымъ, кончая коляской для выѣздовъ, но даже взялась сама похлопотать о его дѣлѣ, что ей, при ея связяхъ, было легче и удобнѣе, чѣмъ Чихачову. По просьбѣ этого послѣдняго, графиня обратилась прежде всего къ Псковскому Архіерею, который въ это время какъ разъ находился въ столицѣ для лѣченія глазъ, и просила его перевести Брянчанинова и Чихачова въ какой нибудь монастырь его епархіи; но просьбы ея не увѣнчались успѣхомъ: Архіерей отказалъ. Не нашелъ вакансіи въ своей епархіи и Петербургскій Митрополитъ Серафимъ.—Видя, что всѣ хлопоты благорасположенной графини ни къ чему не приводятъ и тяготясь къ тому же разсѣянною жизнью въ кругу знатнаго свѣтскаго общества, бывающаго въ домѣ Орловой, Чихачовъ рѣшилъ уже возвратиться въ Лопотовъ монастырь, но графиня совѣтовала ему воспользоваться тѣмъ, что Московскій Митрополитъ Филаретъ какъ разъ въ это время находился въ Петербургѣ, и представиться ему. Послушавшись добраго совѣта, Чихачовъ рѣшился сдѣлать еще одну послѣднюю попытку и отправился на Троицкое подворье (тамъ остановился Митрополитъ). Высокопреосвященный принялъ его очень ласково, обо всемъ разспрашивалъ, сказалъ, что слышалъ уже о полезной дѣятельности игумена Игнатія, и самъ предложилъ перевести его въ третьеклассный Николо-Угрѣшскій монастырь Московской епархіи, лежащій въ 20-ти верстахъ отъ Москвы, обѣщая, когда будетъ вакансія, дать ему еще лучшее мѣсто. Но такъ какъ игумену Игнатію самому неудобно было просить о переводѣ его въ другую епархію изъ епархіи Вологодскаго Епископа Стефана, который самъ постригъ и возвелъ его въ игуменскій санъ,—то на другой же день послѣ разговора Чихачова съ Митрополитомъ Филаретомъ, изъ Синода въ Вологду къ Преосвященному Стефану былъ посланъ указъ о перемѣщеніи игумена Лопотова монастыря Игнатія Брянчанинова въ игумены Николо-Угрѣшскаго монастыря, куда онъ и долженъ былъ немедленно отправиться, сдавши свой монастырь. Епископъ Стефанъ не только не воспротивился переводу своего постриженника въ другую епархію, но, наоборотъ, радуясь, что онъ получаетъ болѣе видное мѣсто, далъ о немъ вышеприведенный отличный отзывъ о его предшествующей службѣ въ своемъ донесеніи Московскому Митрополиту отъ 28 ноября 1833 года.

Радуясь неожиданному успѣху своего дѣла, Чихачовъ отправился къ себѣ на родину въ Псковскую губернію, думая пожить у родныхъ, пока игуменъ Игнатій не перемѣстится въ Угрѣшь. Но, по волѣ Божіей, „воспослѣдовало опять нѣчто иное“ [1]); Промыслу Божію угодно

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 75.

было избрать Игнатія Брянчанинова на другое, болѣе важное многотруднѣйшее служеніе—въ должности настоятеля Троице-Сергіевой пустыни.

Кратковременное служеніе Игнатія Брянчанинова въ Лопотовомъ монастырѣ обнаружило въ немъ, однако, человѣка широкаго кругозора, большой выдержки и твердости характера, аскетической выносливости и безкорыстія, способнаго благотворно вліять на ближнихъ. Мѣстное преданіе сохранило воспоминанія о нестяжательномъ и непритязательномъ молодомъ строителѣ, который по пріѣздѣ въ запущенную и всѣми забытую обитель не имѣлъ гдѣ главы подклонить и при неотложной и вынуждаемой крайней нуждой перестройкѣ монастырскихъ зданій долженъ былъ жить въ сторожкѣ при монастырскихъ воротахъ, а въ періодъ невыносимой для непривычнаго человѣка сѣверной стужи—ходилъ въ простомъ нагольномъ бараньемъ тулупѣ, самъ вникая во всѣ части заброшеннаго хозяйства и личнымъ примѣромъ увлекая въ дѣло монастырскихъ послушаній мало къ тому способныхъ обителей монастыря. Самъ пройдя суровымъ опытомъ низшія монастырскія послушанія, игуменъ Игнатій могъ привлекать къ ревностному ихъ исполненію не только начальственнымъ авторитетомъ, но и личною выносливою дѣятельностію и пониманіемъ каждой части руководимаго дѣла.

Въ отзывѣ Епископа Стефана о дѣятельности игумена Игнатія упоминается о привлеченіи имъ къ монастырю и его нуждамъ благочестивыхъ мірянъ, которые „служаху ему отъ имѣній своихъ“. Въ глуши Кадниковскихъ лѣсовъ, въ отдаленности отъ городовъ, при малоудобныхъ путяхъ сообщенія, привлечь вниманіе любопытствующей и благочестивой публики къ захудалому, заброшенному монастырю [1]), какихъ немало въ Вологодской епархіи, есть само по себѣ немалое дѣло, требующее большихъ талантовъ, и образцоваго совершенія Богослуженія, и дѣйствительнаго горѣнія души, и жизни въ Богѣ, при которыхъ можно и въ пустынѣ создать Церковь.

И эта Церковь, дѣйствительно, создалась въ Кадниковской глуши, причемъ въ ея устроеніи принималъ участіе и М. В. Чихачовъ, о чемъ онъ, не мудрствуя лукаво, передаетъ въ своихъ „Запискахъ“.

Приведеніе въ порядокъ прежнихъ, развалившихся построекъ монастырскихъ, возведеніе новыхъ согласно потребностямъ обители, упорядоченіе монастырской жизни согласно правиламъ и уставамъ монастырскимъ, улучшеніе клироснаго послушанія и благолѣпіе церковной службы, личное наблюденіе за всѣми частями настраиваемой мо-

[1]) Лопотовъ монастырь былъ настолько разоренъ и заброшенъ, что хотѣли его обратить въ приходскую церковь, и монастырь закрыть (Записки М. Чихачова, стр. 63).

настырской жизни и личный трудовой подвижническій примѣръ настоятеля, вотъ какими чертами характеризуется по преданіямъ старожиловъ и отзывамъ Епархіальнаго Начальства дѣятельность Игнатія Брянчанинова въ должности іеромонаха-строителя, а затѣмъ и игумена Григоріе—Пелышемскаго Лопотова монастыря Вологодской епархіи. Съ дѣтства пламененіе къ Богу души Игнатія Брянчанинова, его созерцательно-молитвенное настроеніе въ родительскомъ домѣ, благотворное вліяніе семейной обстановки въ духѣ добраго стараго времени— стариннаго дворянскаго гнѣзда, глубокое и разностороннее образованіе дома и въ Петербургѣ, широта умственнаго кругозора, усиливаемая обращеніемъ въ свѣтѣ и семейными связями, длительный искусъ послушничества за время пребыванія въ военномъ Инженерномъ училищѣ и въ годы странствованій по монастырямъ, личный примѣръ выдержанной, сосредоточенной и строго-воздержной жизни- всѣ эти факторы, условія и особенности создали изъ Игнатія Брянчанинова исключительную личность; эта личность имѣетъ въ русской духовной, особенно церковной и монашеской жизни, какъ увидимъ, большое значеніе, хотя и несоотвѣтственное высокому масштабу дарованій и подготовки, по отзыву современниковъ. Но личность Игнатія Брянчанинова, и помимо родовыхъ связей, не могла остаться безвѣстною въ глуши сѣверной губерніи, ей суждено было быть духовнымъ маякомъ для ищущихъ душевнаго спасенія, ей приличествовало быть „на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть“. Хотя самъ игуменъ Игнатій всю жизнь предпочиталъ подспудное дѣланіе во внутренней храминѣ души, таинственное „епископство своего сердца“, но съ дѣтства привычный къ отсѣченію воли своей и подчиненію водительству Божественнаго Промысла, вольнымъ избраніемъ монашескаго житія давшій особый обѣтъ послушанія, онъ долженъ былъ „за послушаніе“ ограничить на долгіе годы подвигъ личнаго спасенія, чтобы послужить спасенію и назиданію ближнихъ, какъ скоро услышитъ призывающій его къ тому голосъ Церкви и общества. И этотъ голосъ раздался: Государь Императоръ и Святѣйшій Синодъ призвали игумена Игнатія къ настоятельству въ Троице-Сергіевой пустыни, вблизи опаснаго для душевнаго спасенія водоворота житейскаго моря. И Игнатій Брянчаниновъ не противился призывающей его къ церковному служенію волѣ, какъ это было при направленіи его на путь блестящей карьеры въ духѣ родовыхъ желаній его отца, Александра Семеновича Брянчанинова. Игуменъ безвѣстнаго, забытаго и забронаго сѣвернаго монастырька сталъ настоятелемъ и Архимандритомъ Первоклассной Троице-Сергіевой обители близъ Петербурга.

Б. Архимандритъ Игнатій—настоятель Троице-Сергіевой пустыни.

„Непостижимыми судьбами Промысла я помѣщенъ въ ту обитель, сосѣднюю сѣверной столицы, которую когда жилъ въ столицѣ, не хотѣлъ даже видѣть, считая ее по всему несоотвѣтствующею моимъ цѣлямъ духовнымъ. Въ 1833 году я былъ вызванъ въ Сергіеву пустынь и сдѣланъ ея настоятелемъ".

(Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 567).

Обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія назначеніе Игнатія Брянчанинова на должность настоятеля Троице-Сергіевой пустыни, представляются въ слѣдующемъ видѣ. 1) Монастырское настоятельство никогда не входило въ жизненные планы Епископа Игнатія; какъ и въ дни своихъ отроческихъ думъ, такъ и во время странствованія по обителямъ, его настроеніе склонялось къ уединенной монастырской жизни, въ содружествѣ немногихъ, подъ руководствомъ старца, съ заполненіемъ времени молитвой, душеспасительнымъ размышленіемъ и бесѣдой и познаніемъ тайнъ душевнаго спасенія чрезъ духовно-назидательное чтеніе, церковное Богослуженіе и Богомысліе. Монашеская жизнь Игнатія Брянчанинова все время настраивалась несогласно съ его планами; ему по волѣ Божественнаго Промысла приходилось все время жить на людяхъ и для людей. Понятны отсюда его неоднократныя попытки уклониться отъ послушанія настоятельскаго и уединиться для лично подвижнической жизни. Дополнительнымъ къ этому побужденіемъ была его всежизненная болѣзненность, которая весьма затрудняла для него общественное служеніе. Вотъ что, по нашему представленію, объясняетъ неоднократно обнаруженныя Игнатіемъ Брянчаниновымъ стремленія къ перемѣнѣ мѣста жительства. По свидѣтельству М. В. Чихачова, живя въ Лопотовомъ монастырѣ, игуменъ Игнатій постоянно и сильно хворалъ, не покидая своей сложной дѣятельности. Болотистая мѣстность около Лопотова монастыря и неимовѣрное, трудно представимое для невидавшаго количество насѣкомыхъ, и другія мѣстныя климатическія невыгодныя особенности были неблагопріятны для здоровья. Обиліе монастырскихъ нуждъ, отсутствіе средствъ для ихъ удовлетворенія, невольное, по требованію жизни, перенесеніе центра тяжести съ духовнаго подвига, на суетное житейское, хотя и для Божьяго дѣла, необходимость созиданія всего съ основанія, при слабости здоровья, тяготили душу Игнатія и побуждали его, по совѣту съ другомъ юности своей—М. В. Чихачовымъ, желать перемѣщенія въ другой

монастырь съ болѣе сноснымъ климатомъ и освобожденія отъ попеченій и нуждъ хозяйственныхъ. Желанія друзей направлялись въ Псковскую епархію. Несмотря на личное предстательство графини А. А. Орловой-Чесменской,—ни у Псковскаго Епископа, ни у Петербургскаго Митрополита Серафима для друзей не оказалось мѣста. И вотъ въ эту минуту особыхъ огорченій и неудачъ Чихачова, Митрополитъ Московскій Филаретъ, надо полагать не безъ участія графини Орловой-Чесменской [1]), предложилъ лично Чихачову перевести друзей въ Николаевскій Угрѣшскій монастырь, съ настоятельствомъ для Игнатія и съ обѣщаніемъ впослѣдствіи еще лучшаго монастыря. Митрополитъ Филаретъ принялъ на себя даже хлопоты по переводу Игнатія, обѣщая своимъ предложеніемъ въ Синодѣ устроить намѣченный переводъ [2]), что, какъ мы знаемъ, и выполнилъ. Черезъ нѣсколько дней, при участіи графини А. А. Орловой-Чесменской обстоятельства жизни друзей Брянчанинова и Чихачова доведены были до свѣдѣнія Государя Императора Николая Павловича, который вспомнилъ своихъ воспитанниковъ и распорядился, чтобы Митрополитъ Филаретъ выписалъ игумена Игнатія не въ Москву, а въ Петербургъ для личнаго представленія Государю [3]), прибавивъ при этомъ, что если онъ понра-

---

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 74.

[2]) Тамъ-же, стр. 74—75.

[3]) Лѣсковъ, въ своемъ разсказѣ „Инженеры-безсребренники", нѣсколько иначе излагаетъ обстоятельства, сопровождавшія назначеніе игумена Игнатія въ Сергіеву пустынь. По его словамъ, человѣкомъ, напомнившимъ Императору Николаю Павловичу о Брянчаниновѣ и Чихачовѣ, былъ Московскій Митрополитъ Филаретъ. Бесѣдуя однажды съ Государемъ и слыша отъ него выраженія неудовольствія по поводу событій, свидѣтельствовавшихъ о большой распущенности въ жизни монаховъ, Владыка сказалъ Монарху, что есть теперь прекрасный игуменъ, настоящій монахъ, на котораго можно положиться, и съ нимъ можно будетъ многое поочистить и исправить въ монастыряхъ.

— Кто этотъ рѣдкій человѣкъ?—спросилъ Государь.

— Игнатій Брянчаниновъ.

— Брянчаниновъ? Я помню одного Брянчанинова въ инженерномъ училищѣ.

— Это тотъ самый и есть.

— Развѣ онъ пошелъ въ монахи?

— Онъ уже игуменъ.

— Да, я помню, онъ и въ училищѣ еще отличался набожностью и прекраснымъ поведеніемъ Я очень радъ, что онъ нашелъ свое призваніе и можетъ быть полезнымъ для управы съ монахами.

— Воля Вашего Величества будетъ исполнена, и я твердо надѣюсь, что Игнатій Брянчаниновъ скажется полезнымъ всюду, куда Вамъ угодно будетъ его назначить.

— Очень радъ, но жалѣю, что онъ одинъ такой: одинъ въ полѣ—не воинъ.

— Съ нимъ есть его другъ,—такой же строгій монахъ,—Чихачовъ.

— Ба! Чихачовъ! Это тоже изъ той же семьи,—мой кадетъ.

— Точно такъ Ваше Величество.

вится ему, какъ и прежде, то онъ его Митрополиту Филарету не отдастъ.

Исполняя волю Монарха, Митрополитъ сейчасъ же отправилъ оффиціальное письмо Вологодскому Епископу Стефану (15 ноября 1833 года), прося его, какъ можно скорѣе, вызвать Лопотовскаго игумена Игнатія въ Петербургъ для представленія Государю; одновременно онъ послалъ о томъ же частное письмо самому Игнатію, немедленно вызывая его въ столицу, на Троицкое подворье. „Преподобный отецъ Игуменъ", писалъ Митрополитъ Филаретъ Игнатію: „Судьба Божія, поставивъ меня съ Вами въ сношеніе по службѣ, въ тоже время открываетъ случай, чтобы мы другъ друга узнали въ лицо. Я сему радъ: только забочусь, не было бы сіе путешествіе трудно для Васъ въ сіе время года по Вашему здоровью, какъ я о немъ слышалъ: но надобно, чтобы вы были въ Петербургѣ; и я не могу перемѣнить сего. Пріѣхать можете прямо ко мнѣ. Богъ да благословитъ Васъ и наставитъ на путь мира".—Филаретъ М. Московскій, ноября 15 1833, Сбп. [1]).

Получивши въ концѣ ноября это извѣстіе, игуменъ Игнатій сейчасъ же сдалъ Лопотовъ монастырь своему казначею, а самъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Къ этому времени прибылъ сюда изъ родного помѣстья и другъ его Чихачовъ. Въ столицѣ Брянчаниновъ сейчасъ же явился къ Митрополиту Филарету на Троицкое подворье, гдѣ и остался ожидать того времени, когда ему можно будетъ явиться къ Государю. Назначенный день насталъ. Смиренный инокъ Игнатій предсталъ во дворцѣ предъ лицомъ любимаго имъ Монарха, который нѣсколько лѣтъ назадъ видѣлъ его блестящимъ красавцемъ офицеромъ. Но скромная одежда и теперь не помѣшала ему сразу же произвести на Государя самое благопріятное впечатлѣніе. „Ты мнѣ такъ

— Ну, такъ и прошу перевести ихъ вмѣстѣ.

Брянчаниновъ пріѣхалъ игуменомъ въ Сергіевскую пустынь и привезъ съ собою друга своего Чихачова, который былъ его помощникомъ. (Записки М. В. Чихачова, стр. 75—78. Лѣсковъ, т. IV, стр. 63—64).

[1]) „Письма Высокопреосвящ. Митрополита Московскаго Филарета къ настоятелю Троице-Сергіевой пустыни Архимандриту Игнатію Брянчанинову" (Богословскій Вѣстникъ за декабрь 1912 года, стр. 682).

Это письмо было первымъ звеномъ отношеній Архимандрита Игнатія и Митрополита Филарета. Познакомившись въ концѣ 1833 года, въ Петербургѣ, куда Игнатій, тогда еще Лопотовскій игуменъ, былъ вызванъ для представленія Государю, эти два замѣчательныхъ человѣка не прерывали потомъ частыхъ письменныхъ сношеній, а изрѣдка видались и лично. Отголоскомъ ихъ отношеній являются сохранившіяся до нашего времени письма Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Филарета къ Архимандриту Сергіевой пустыни Игнатію, хранящіяся въ Сергіевой пустыни въ числѣ прочихъ бумагъ покойнаго Игнатія Брянчанинова и напечатанныя въ 1912 году въ Богословскомъ вѣстникѣ.

же нравишься, какъ и прежде", сказалъ ему Николай Павловичъ въ концѣ продолжительной бесѣды: „Ты у меня въ долгу за воспитаніе, которое я тебѣ далъ, и за мою любовь къ тебѣ. Ты не хотѣлъ служить мнѣ тамъ, гдѣ я предполагалъ тебя поставить, а избралъ путь по своему произволу, уплати же мнѣ на немъ долгъ твой. Я даю тебѣ Сергіеву пустынь, хочу, чтобы ты жилъ въ ней и сдѣлалъ изъ нея монастырь, который въ глазахъ столицы былъ бы образцомъ монастырей" [1]). Послѣ этой бесѣды, Государь изволилъ повести Игнатія на половину Государыни Александры Ѳеодоровны. Императрица очень милостиво отнеслась къ своему бывшему пансіонеру и подвела къ его благословенію всѣхъ августѣйшихъ своихъ дѣтей. Немедленно былъ приглашенъ во дворецъ къ Государю Оберъ-прокуроръ Св. Синода Стефанъ Дмитріевичъ Нечаевъ [2]), и Высочайшая воля получила должное исполненіе: Сергіева пустынь была изъята изъ подъ управленія Петербургскаго викарнаго Епископа и передана новому настоятелю, который 1-го января 1834 года былъ посвященъ въ Казанскомъ соборѣ въ Архимандрита. 5-го числа того же мѣсяца Архимандритъ Игнатій отправился на мѣсто своего новаго назначенія, вмѣстѣ съ другомъ своимъ М. В. Чихачовымъ и только что принятымъ въ келейники 22-лѣтнимъ юношей Малышевымъ, который черезъ 24 года сдѣлался настоятелемъ Сергіевой пустыни, смѣнивши Архимандрита Игнатія Брянчанинова [3]).

---

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 75—77. Протоіер. Ф. Знаменскій, „Преосв. Игнатій Брянчаниновъ, Епископъ Кавказскій и Черноморскій." (Церковныя вѣдомости за 1903 г., стр. 11—67).

[2]) Завязавшееся во дворцѣ Государя, знакомство между игуменомъ Игнатіемъ и С. Д. Нечаевымъ продолжалось долгіе годы. Обстоятельства жизни, добрый характеръ и особенная душевная настроенность Нечаева, не чуждаго отчасти мистицизма, нуждались въ духовномъ утѣшеніи, наставленіи, совѣтѣ; а великая духовная опытность Сергіевскаго Архимандрита шла навстрѣчу этой потребности. Свидѣтельствомъ этого является 31 письмо Архимандрита Игнатія къ Оберъ-прокурору. Письма эти, напечатанныя на страницахъ „Христіанскаго чтенія", даютъ матеріалъ для характеристики воззрѣній ихъ автора и, обнаруживая его необычайную духовную мудрость, въ то же время могутъ по богатству своего внутренняго содержанія быть примѣнимы ко всѣмъ людямъ, въ различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. (См. Христіанское чтеніе за 1895 г., „Письма аскета", С. Г. Рункевича, стр. 559—593).

[3]) Иванъ Васильевичъ Малышевъ родился 24 мая 1811 года въ деревнѣ Шишкинѣ (Ярославской губ., Даниловскаго уѣзда). Съ дѣтства онъ не любилъ шумныхъ бесѣдъ и веселыхъ игръ съ товарищами, предпочитая имъ одинокія прогулки въ лѣсу, въ полѣ и тихій трудъ на пользу ближнимъ; мальчикъ не только помогалъ своимъ родителямъ въ домашнихъ и полевыхъ работахъ, но находилъ еще время помогать бѣднымъ старушкамъ своего села убирать сѣно и колоть дрова. Когда ему исполнилось 12 лѣтъ, онъ былъ привезенъ родителями въ Петербургъ и отданъ въ услуженіе къ купцу Лѣснякову, гдѣ уже находился старшій братъ его Макарій, впослѣдствіи тоже схимонахъ Сергіевой пустыни. Умный, правдивый мальчикъ, съ усердіемъ испол-

Въ объясненіе рѣшенія Государя Императора Николая I назначить настоятелемъ Троице-Сергіевой пустыни строго-серьезнаго по характеру и подвижника по духу, любящаго жизнь монастырскую больше мірской Игнатія Брянчанинова, не такъ давно огорчившаго Государя своимъ отказомъ отъ назначенной ему видной государственной службы,—можно принять съ довѣріемъ слѣдующее преданіе, хранящееся въ родѣ Брянчаниновыхъ. Троице-Сергіева пустынь, близкая къ столицѣ, неоднократно безпокоила Государя своимъ неблагоустройствомъ при отсутствіи живущаго на мѣстѣ и преданнаго интересамъ обители руководителя. Около времени намѣреній Митрополита Филарета перемѣстить въ Московскую епархію игумена Игнатія, неблагоустройство Троице-Сергіевой пустыни выразилось весьма рѣзко и соблазнительно для мірянъ въ формѣ неблаговиднаго отклоненія насельниковъ пустыни отъ правилъ и порядковъ иноческой жизни. И вотъ, освѣдомленный объ этомъ Государь Николай I въ святой ревности о благоустроеніи святыхъ Божіихъ Церквей и православныхъ

нявшій всѣ возложенные на него труды и сторонившійся всякихъ городскихъ увеселеній, Ванюша съ первыхъ же дней своей службы заслужилъ любовь и довѣріе хозяина. Черезъ годъ онъ перешелъ въ домъ къ другому купцу; здѣсь ему пришлось нести не только тяжелые физическіе труды, но и пережить по волѣ Божіей много нравственныхъ испытаній: прислуга того купеческаго дома, гдѣ служилъ Ванюша, старуха Ѳадѣевна, безъ всякой причины стала преслѣдовать кроткаго мальчика, постоянно придиралась къ нему и бранила его, несмотря на всѣ его старанія угодить ей. Отрокъ терпѣливо переносилъ незаслуженныя обиды, находя поддержку въ молитвѣ и чтеніи Евангелія, но иногда ему становилось такъ тяжело отъ несправедливостей старухи Ѳадѣевны, что онъ нѣсколько разъ хотѣлъ бѣжать въ какой нибудь монастырь, куда влекло его сердце. Тихая уединенная жизнь въ стѣнахъ монастыря рисовалась ему самыми заманчивыми красками, но онъ удерживалъ себя до времени. Вспоминая впослѣдствіи эту старуху Ѳадѣевну, заставившую его перенести много незаслуженныхъ испытаній, онъ называлъ ее своей „благодѣтельницей". „Черезъ нее, говорилъ онъ, научился я молиться, научился читать слово Божіе. Было у меня Евангеліе, лежитъ, бывало, открытое на столѣ; много читать некогда, а такъ, между дѣломъ, прибѣжишь, загляднешь, прочтешь хоть словечко—наслажденіе! Слезы льются, такъ и ходишь съ этимъ словечкомъ. Никогда въ жизни такъ не читывалъ. Спасибо Ѳадѣевнѣ, вѣчная ей память. Что говорить, трудно было переносить обиды, а потомъ я даже полюбилъ ихъ; да и она перестала обижать, сдѣлалась предобрая и прелаковая ко мнѣ".—Прослуживши на этомъ мѣстѣ 6 лѣтъ, Иванъ Васильевичъ опять возвратился въ домъ купца Лѣсникова и, какъ опытный уже въ торговлѣ, сдѣланъ былъ приказчикомъ. Но душа его не лежала къ торговлѣ, матеріальныя богатства не привлекали его. Въ его душѣ все больше и больше созрѣвало желаніе удалиться отъ міра и предаться иноческимъ подвигамъ, онъ только и помышлялъ о монастырѣ. Бывало, вспоминалъ онъ впослѣдствіи, по обязанности ходишь по широкимъ улицамъ Петербурга, идешь, какъ въ густомъ лѣсу, и смотришь на небо; но каждый разъ зайдешь въ Казанскій соборъ, который находился на пути моей дѣятельности, и тамъ насладишься сладкой пищей. Также часто посѣщалъ я и Преображенскій Соборъ или храмъ св. Пантелеймона. Рано утромъ отправлялся я за прови-

обителей, воскликнулъ: „Вотъ я приведу ихъ въ порядокъ: я дамъ имъ моего фельдфебеля“ [1]). И выдающійся, даровитый,—любимецъ Государя, Его „фельдфебель“ сталъ Высочайшею волею и выдающимся Архимандритомъ, еще болѣе достойнымъ любви Государя, какъ ревнителя святой вѣры православной. Предполагаемый инженеръ и инструкторъ военныхъ силъ сталъ выдающимся инструкторомъ духовнаго воинства и всѣ свои недюжинныя силы вложилъ въ великое и самоважнѣйшее дѣло уясненія путей къ Богу, сдѣлавшись, такимъ образомъ, инженеромъ небесныхъ путей сообщенія; учившійся наукѣ охраны отечества отъ нападеній врага, расхищающаго Государственную собственность,—сталъ еще большимъ знатокомъ орудій и средствъ борьбы съ исконнымъ врагомъ нашего спасенія, расхищающимъ добрые сосуды и богатства нашей внутренней душевной храмины.

3) Назначеніе Игнатія Брянчанинова настоятелемъ Троице-Сергіевой пустыни состоялось по Высочайшему повелѣнію 25 декабря

зіей въ Пустой рынокъ, и никогда не проходилъ мимо храма Господня. Съ кулечкомъ стоишь, бывало, у утрени сзади, съ нищими“... Три года, бывши приказчикомъ, порывался Иванъ Васильевичъ въ монастырь, и все время какая то внутренняя сила удерживала его. Наконецъ, въ концѣ 1833 года, прибылъ въ столицу игуменъ Лопотова монастыря Игнатій Брянчаниновъ, назначенный настоятелемъ въ Сергіеву пустынь, и, готовясь къ посвященію въ Архимандрита, остановился на Троицкомъ подворьѣ. Ванюша еще и прежде слышалъ объ отцѣ Игнатіи, какъ о замѣчательномъ инокѣ, и, узнавши о его пребываніи въ Петербургѣ, рѣшилъ непремѣнно повидать его и поговорить съ нимъ. Одинъ только наружный видъ Брянчанинова сразу же приковалъ къ себѣ сердце юноши, а когда, послѣ долгихъ колебаній, Иванъ Васильевичъ рѣшился, наконецъ, переступить порогъ его кельи и, принятый съ отеческой любовью, съ полной довѣрчивостью раскрылъ передъ нимъ свою душу,—дальнѣйшая судьба его была рѣшена. Какъ нѣсколько лѣтъ назадъ старецъ Леонидъ, послѣ первой же бесѣды, „вырвалъ сердце“ у Димитрія Александровича Брянчанинова и, какъ Моисей, вывелъ этого новаго израильтянина изъ Египта мірской жизни, такъ теперь игуменъ Игнатій „вырвалъ сердце“ у Ванюши Малышева и повелъ его за собою: 22-лѣтній юноша былъ принятъ новоназначеннымъ игуменомъ Сергіевой пустыни въ число братства этой обители. Въ сочельникъ на Богоявленіе (1834 года) оставилъ Иванъ Васильевичъ купца Лѣсникова, съ большимъ сожалѣніемъ отпустившаго отъ себя способнаго, и любимаго приказчика, и вмѣстѣ съ новымъ настоятелемъ Игнатіемъ и о. Михаиломъ Чихачовымъ отправился въ Сергіеву пустынь. Завѣтное желаніе исполнилось: Ванюша Шишкинскій сталъ послушникомъ Сергіевой пустыни; замѣнивши свѣтское платье подрясникомъ и принявши на себя вмѣстѣ съ этой монашеской одеждой и благое, многожеланное иго Христово, онъ съ горячей ревностью новоначальнаго вступилъ на трудный путь иноческаго послушанія и подвижничества, находясь подъ руководствомъ мудраго и опытнаго наставника—Архимандрита Игнатія. („Жизнеописаніе Архимандрита Игнатія (Малышева), бывшаго настоятеля Троице-Сергіевой пустыни. С.-Петерб., 1899).

[1]) Изъ сообщеній сенатора Н. С. Брянчанинова. Мы припоминаемъ, что, именно, такъ называлъ Государь Николай I Димитрія Брянчанинова во время обученія его въ военномъ Инженерномъ училищѣ.

1833 года, которое изображено въ указѣ Святѣйшаго Синода на имя Синодальнаго Члена, Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, отъ 30 декабря 1833 года за № 9737 въ слѣдующихъ словахъ: „Г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ объявилъ Святѣйшему Синоду для зависящаго отъ онаго распоряженія, что Государь Императоръ въ 25 день сего декабря, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы назначенный Святѣйшимъ Синодомъ къ переводу изъ Вологодской въ Московскую епархію игуменъ Игнатій опредѣленъ былъ настоятелемъ состоящей въ здѣшней епархіи Сергіевской пустыни, Викарію же С.-Петербургской митрополіи, Преосвященному Венедикту, имѣвшему доселѣ оную пустынь въ своемъ управленіи, взамѣнъ положенныхъ по штату оной окладовъ и другихъ доходовъ, коими онъ по званію настоятеля онаго монастыря пользовался, производить изъ казны по три тысячи пятисотъ рублей въ годъ. Съ симъ вмѣстѣ предложилъ, неблагоугодно ли будетъ Святѣйшему Синоду принявъ въ справедливое вниманіе отличные отзывы объ игуменѣ Игнатіи бывшаго его Епархіальнаго Начальства, возвести его въ санъ Архимандрита, который болѣе приличествуетъ и назначенному ему нынѣ настоятельству въ штатномъ монастырѣ второго класса“. По предмету Высочайшаго повелѣнія состоялось опредѣленіе Святѣйшаго Синода; 1) О вышеизъясненномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ повелѣніи Викарію С.-Петербургской митрополіи, Преосвященному Епископу Венедикту и означенному, нынѣ въ С.-Петербургѣ находящемуся Игумену Игнатію, объявить посредствомъ здѣшняго Епархіальнаго Начальства и 2) По уваженію отличнаго о немъ одобренія Вологодскаго Епархіальнаго Начальства, также по приличію къ возлагаемой на него должности настоятеля состоящей во второмъ классѣ Сергіевской пустыни, возвесть его въ санъ Архимандрита и вслѣдствіе сего распоряженія о производствѣ его Игнатія въ архимандричій санъ и о порученіи затѣмъ ему въ управленіе Сергіевской пустыни предоставить Синодальному Члену Преосвященному Серафиму Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому [1]). Въ послѣдствіе Высочайшаго повелѣнія отъ 25 декабря 1833 года и состоявшагося по предмету его опредѣленія Святѣйшаго Синода игуменъ Игнатій 1 января 1834 года возведенъ былъ въ санъ Архимандрита и о вступленіи его въ должность съ принятіемъ имущества Сергіевой пустыни въ его вѣдѣніе и братіи монастырской въ его управленіе сдѣланы распоряженія по принадлежности [2]). Въ дѣлѣ имѣется актъ

---

[1]) Бумаги Епископа Игнатія, Архивъ Николо-Бабаевскаго—монастыря.

[2]) Первоклассной Троицко-Сергіевой пустыни дѣло № 56 за 1834 годъ—„Объ опредѣленіи по Высочайшему повелѣнію настоятелемъ сея пустыни Архимандрита Иг-

о сдачѣ имущества и подписка братства обители въ повиновеніи новому настоятелю. Изъ подписки этой видно, что въ составѣ братства Троице-Сергіевой пустыни ко времени настоятельства Игнатія Брянчанинова было шесть іеромонаховъ, три іеродіакона и шесть послушниковъ, всего пятнадцать лицъ [1]). Таковъ былъ составъ сотрудниковъ Архимандрита Игнатія, въ братствѣ и сотрудничествѣ съ которыми предстояло ему изъ развалившейся и запустѣлой обители образовать первоклассный монастырь, имѣющій въ настоящее время видъ и значеніе Лавры для сѣверной столицы.

На возвышающемся берегу Финскаго залива, въ 19-ти верстахъ отъ Петербурга по Петергофскому шоссе, расположена первоклассная нынѣ Троице-Сергіева пустынь; въ двухъ верстахъ отъ обители находится Сергіевская станція Ораніенбаумской вѣтки Балтійской желѣзной дороги.

Два столѣтія тому назадъ (въ 18 вѣкѣ) на мѣстѣ Сергіевой пустыни была „Приморская дача“ Великой Княжны Екатерины Іоанновны, дочери царя Іоанна Алексѣевича [2]). Когда въ 1717 году Великая Княжна вышла замужъ, дача перестала посѣщаться Царской фамиліей и постепенно стала разрушаться. Въ 1732 году (14 сентября) эта „Приморская дача“ была Всемилостивѣйше пожалована Императрицей Анной Іоанновной духовнику ея, Архимандриту Сергіевой Лавры о. Варлааму, а въ 1734 году ему же была отдана Государыней деревянная церковь Успенія Пресвятой Богородицы, которая находилась на Фонтанкѣ, при загородномъ домѣ ея покойной матери, царицы Параскевы Ѳеодоровны. Архимандритъ Варлаамъ перевезъ пожертвованную ему церковь на Приморскую дачу и, по благословенію Св. Синода, устроилъ здѣсь храмъ во имя преподобнаго Сергія [3])—основаніе пустыни было положено. Находящаяся на берегу Балтійскаго моря новооткрытая пустынь въ продолженіе многихъ лѣтъ именовалась „Приморскою“ и, кромѣ того, „Сергіевскою“—по созданному въ ней первому храму. Когда же во второй половинѣ 18-го вѣка въ ней, на подобіе Троице-Сергіевой Лавры, былъ построенъ соборъ во имя Св. Троицы, то и пустынь, въ соотвѣтствіе Лаврѣ, стала именоваться Троице-Сергіевой.—Основатель этой Приморской Сергіевой пустыни о. Варлаамъ за три года своего управленія обителью, „любя монашество, устроилъ въ ней необходимыя зданія [4]) и обезпечилъ благотворно

натія Брянчанинова“; указъ С.-Петербургской духовной консисторіи отъ 4 января 1834 года за №№ 9 и 11.

[1]) Такое же количество лицъ монастырскаго братства значится и въ автобіографическихъ запискахъ М. В. Чихачова. стр. 78.

[2]) Впослѣдствіи герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

[3]) Храмъ этотъ былъ освященъ имъ 12 мая 1735 года.

[4]) Нѣсколько деревянныхъ келлій для монашествующихъ, каменный флигель

монастырское хозяйство пашенными, сѣнокосными и лѣсопоросшими землями, которыя тщался пріобрѣтать отъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ“ [1]).

Когда въ 1737 году основатель пустыни умеръ, Императрица повелѣла сдѣлать опись Троице-Сергіева монастыря и сообщить ее въ вѣдомость кабинета Ея Величества [2]), а завѣдываніе монастырскимъ имуществомъ поручила Ивану Черкесову—стряпчему Троице-Сергіева монастыря. Съ этого времени церковь на приморскомъ мѣстѣ считалась приписною къ Сергіевой Лаврѣ, откуда и присылались для управленія ею строители [3]). Такъ было до учрежденія монастырскихъ штатовъ, т. е. до 1764 года, когда поступившая въ Петербургское епархіальное вѣдомство и возведенная во второй классъ пустынь стала управляться архимандритами, что продолжалось до 1819 года. Начиная съ этого времени и до 1834 года, Сергіевой пустынью управляли викарные Епископы при Петербургскомъ Митрополитѣ, которые, взамѣнъ содержанія отъ духовной администраціи, пользовались ея доходами.

Бѣдная отъ самаго перваго времени своего основанія по внѣшнему устройству и скудная по числу братіи, сдѣлавшись достояніемъ Петербургскихъ викаріевъ, Сергіева пустынь „дошла до крайняго разоренія и рѣшительнаго безобразія“ [4]). Монастырскія зданія, начиная съ главнаго храма преподобнаго Сергія и кончая послѣдними монастырскими службами, давно были запущены, развалились и почти совсѣмъ сгнили; Богослуженіе совершалось безъ должнаго благолѣпія, кое-какъ, а иногда и совсѣмъ не совершалось; не только полная запущенность въ матеріальномъ отношеніи, но и распущенность въ нравственномъ царили здѣсь во всей силѣ среди весьма немногочисленнаго братства: въ обители находилось всего восемь человѣкъ монашествующихъ, три послушника и двое подначальныхъ. Несмотря на такое незначительное число братіи, въ средѣ ихъ не было порядка, приличествующаго обители. Объясненіемъ этому служило отчасти мѣстоположеніе Сергіевой пустыни, расположенной близъ самой съ-

---

для настоятеля, деревянную ограду съ небольшими башнями на каменномъ фундаментѣ, нужныя хозяйственныя зданія.

[1]) Надпись на мраморной доскѣ надъ гробомъ Архимандрита Варлаама, тѣло котораго похоронено въ Сергіевой пустынѣ, въ каменной часовнѣ, находящейся близъ алтаря Троицкой Соборной церкви.

[2]) По этой описи оказалось въ то время въ Сергіевой пустыни тринадцать человѣкъ всей братіи.

[3]) Всѣхъ строителей до 1764 года было 13; первымъ былъ іеродіаконъ Алексѣй Логиновъ, послѣднимъ—іеромонахъ Варсонофій Корельскій.

[4]) В. Аскоченскій. Преосвященный Игнатій (Брянчаниновъ) Епископъ Кавказскій (Домашняя бесѣда за 1865 годъ, стр. 678).

верной столицы, которое было очень неудобно для монастыря: это было какъ бы перепутье для всѣхъ проѣзжающихъ въ Петербургъ и изъ Петербурга народностей, почему жительствовавшіе здѣсь иноки, входя въ постоянныя сношенія съ мірянами, не могли всецѣло предаваться покаянной молитвѣ и внутреннему безмолвію, а вели разсѣянную жизнь, совсѣмъ не соотвѣтствующую ихъ монашескому званію.

Архимандритъ Игнатій такъ писалъ впослѣдствіи о. Варѳоломею, иноку Бѣлобережской пустыни, о неудобствѣ, съ этой стороны, мѣстоположенія Сергіевой обители: „Наше мѣсто крайне трудно; монастырь совершенно сквозной; въ лѣтнее время въ сосѣдство наше переселяется знаменитѣйшая публика петербургская. Невольно рождается заботливость, приводящая въ развлеченіе“ [1]).

А между тѣмъ близость къ столицѣ и особенно къ мѣстамъ лѣтняго пребыванія Высочайшей Фамиліи, сухопутнымъ сообщеніемъ между которыми служилъ единственный трактъ, пролегавшій у самыхъ воротъ монастыря,—требовала большаго благоприличія и лучшаго устройства разоренной обители. Духовное начальство видѣло необходимость этого, но у него не было ни силъ, ни средствъ, ни энергіи взяться за дѣло. Къ счастью для обители, по особому Промыслу Божію, на нее обратилъ свое вниманіе царствующій тогда Государь Императоръ Николай Павловичъ, который, удостовѣрившись лично въ ея бѣдственномъ положеніи, постигнулъ своимъ быстрымъ и всеобъемлющимъ умомъ, что она до тѣхъ поръ не пойдетъ впередъ, пока не будетъ въ ней настоящаго хозяина, не по имени и не по одеждѣ только монашествующаго, но дѣломъ и дѣланіемъ прошедшаго искусъ иноческій [2]). И вотъ въ 1834 году, по молитвамъ препод. Сергія, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ основанія обители, Промыслъ Божій, управлявшій рукою Монарха, привелъ въ нее именно такого человѣка—строгаго аскета по духу и смиреннаго молитвенника—Архимандрита Игнатія Брянчанинова, который въ точности исполнилъ волю своего возлюбленнаго Государя и въ совершенствѣ оправдалъ его довѣріе къ себѣ: въ теченіе почти 24-лѣтняго управленія имъ Сергіевой пустынью онъ возвелъ ее на степень первокласснаго монастыря и сдѣлалъ не только образцовою во всѣхъ отношеніяхъ, но и единственною въ своемъ родѣ обителью въ ряду остальныхъ монастырей русскихъ, за что благодарная ему Троице-Сергіева пустынь справедливо чтитъ его, какъ своего возстановителя.

Изъ высказанныхъ въ предыдущемъ соображеній по вопросу о

---

[1]) Богословскій вѣстникъ за мартъ 1914 года, стр. 439.

[2]) В. Аскоченскій. Преосвященный Игнатій (Брянчаниновъ), Епископъ Кавказскій. (Домашняя бесѣда за 1867 годъ, стр. 678).

симпатіяхъ и склонностяхъ Игнатія Брянчанинова ясно, что ободрительное для него и радующее Высочайшее вниманіе Государя Императора и поощрительное отношеніе къ нему Святѣйшаго Синода и Митрополита Филарета, оказывая ему рѣдкое участіе и вознеся его на небывалую въ то время, особенно, въ виду его юнаго возраста, высоту духовнаго положенія, все же не отвѣчало его личнымъ планамъ. Полагаемъ, что за послушаніе Святѣйшему Синоду и Московскому первосвятителю и по безмѣрной благодарности и любви своей къ Государю Императору, не прекословилъ Игнатій Брянчаниновъ новому назначенію и, отложивъ почти на три десятилѣтія исполненіе своихъ личныхъ намѣреній, вступилъ въ нелегкое для него настоятельство Троице-Сергіевой пустыни. Но, разъ принявъ на себя исполненіе обязанностей, этотъ сильный характеръ несъ долгъ свой до конца, „не за страхъ, но за совѣсть“, Богу содѣйствующу. А дѣла предстояло такъ много, что только четвертью вѣка своего беззавѣтнаго и энергичнаго служенія обители, онъ привелъ Троице-Сергіеву пустынь въ то блестящее состояніе, въ которомъ она находится въ настоящее время, и упрочилъ въ ней духъ свой, невольно обвѣвающій пришельца обители.

Много предстояло дѣла Игнатію Брянчанинову въ Троице-Сергіевой пустынѣ, но и условія этой дѣятельности были необычны, и дѣятель былъ соразмѣренъ предъявленнымъ ему трудностямъ. Состояніе Сергіевой пустыни было весьма неблестящее. Братство въ составѣ 15 лицъ было весьма недостаточно даже въ количественномъ отношеніи. Съ этимъ составомъ трудно было удовлетворительно поставить даже богослужебную часть монастырской жизни, такъ чтобы она отвѣчала потребностямъ обители и внѣшняго міра. А если принять въ соображеніе еще и нравственно-низкій уровень этого братства, вызвавшій назначеніе въ Сергіеву пустынь любимаго Государева „фельдфебеля“ для исправленія распустившихся ея обитателей, то мы поймемъ и чрезвычайную трудность приведенія обители въ надлежащее нравственное состояніе, соотвѣтствующее ея задачамъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи Троице-Сергіева пустынь представлялась также недостаточною. По сообщенію друга, сотрудника и послушника Архимандрита Игнатія Михаила Васильевича Чихачова, въ Троице-Сергіевой пустыни настоятельскій корпусъ топленъ никогда не бывалъ, и потому настоятелю приготовлено было помѣщеніе въ Инвалидномъ домѣ графа Зубова, въ двухъ комнатахъ, куда на зиму и помѣстился самъ онъ и пріѣхавшіе съ нимъ пять человѣкъ братіи, въ томъ числѣ послушникъ, впослѣдствіи преемникъ Игнатія Брянчанинова по настоятельству Игнатій Малышевъ, и Михаилъ Васильевичъ Чихачовъ. Первымъ предметомъ попеченія настоятеля о монастырѣ была Сергіевская церковь, требовавшая непремѣннаго возобно-

вленія, кромѣ стѣнъ, затѣмъ корпусъ настоятельскій, а для соединенія ихъ нужно было вновь устроить трапезу [1]). Болѣе точною и подробною представляется картина намѣченныхъ Архимандритомъ Игнатіемъ строительныхъ работъ въ обители по указу С.-Петербургской Духовной Консисторіи отъ 26 января 1834 года за № 308, послѣдовавшему въ отвѣтъ на прошеніе Архимандрита Игнатія о разрѣшеніи ему произвести необходимыя работы и объ отпускѣ необходимыхъ на то средствъ. Въ прошеніи этомъ Архимандритъ Игнатій пишетъ Епархіальному Начальству, что, по вступленіи своемъ въ управленіе Троице-Сергіевою пустынью, онъ разсматривалъ со всевозможнымъ вниманіемъ обитель во всѣхъ ея отношеніяхъ; между прочимъ, обозрѣвая зданія, нашелъ ихъ всѣ безъ исключенія въ весьма неблагопріятномъ состояніи. Зданіе, подлежащее прежде всего перестройкѣ и исправленію, есть домъ настоятельскій: въ немъ окна, двери, печи, во многихъ комнатахъ полы пришли въ совершенную негодность, отчего домъ этотъ для жительства сталъ совершенно непригоднымъ. Въ тринадцати саженяхъ отъ этого дома по сѣверной оградѣ монастыря имѣется симметричный первому другой домъ, заключающій въ себѣ теплую церковь во имя преподобнаго Сергія, въ которой отправлять Богослуженіе въ зимнее время по причинѣ холода крайне затруднительно. Архимандритъ Игнатій представилъ въ Консисторію проэктъ, которымъ предполагалось соединить указанные два дома широкою галлереей той же архитектуры, составить, такимъ образомъ, одинъ общій корпусъ, по наружности весьма благовидный, въ экономическомъ отношеніи выгоднѣйшій и для обители весьма нужный. По этому проэкту предполагалось въ верхнемъ этажѣ новой галлереи помѣстить братскую трапезу, а въ нижнемъ этажѣ—братскую кухню съ четырьмя кельями, а подъ настоятельскими покоями, гдѣ ранѣе находились братскія, крайне темныя трапеза и кухня, устроить просфорню и хлѣбню, которыя необходимы и которыхъ въ монастырѣ вовсе не имѣется. Выполненіе этой постройки по стоимости предполагается болѣе дешевымъ, чѣмъ отдѣльной, потому что въ ней будутъ выводиться только двѣ продольныя стѣны. Изъ настоятельскихъ келлій предполагается теплый ходъ въ галлерею и чрезъ нее—въ Сергіевскую церковь, которую также необходимо поправить и сдѣлать удобною для служенія во время зимы, чего можно достигнуть, передѣлавъ печи, окна, рамы, полы и потолокъ, ибо имѣющіеся полы и потолокъ угрожаютъ паденіемъ. Стоимость всѣхъ указанныхъ въ проэктѣ Архимандрита Игнатія работъ исчислена была въ суммѣ 45.944 руб., на нихъ проэктировалось употребить почти всю монастырскую наличность. Но предпо-

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 78—79.

ложенными работами всѣ потребности обители, конечно, не исчерпывались.

С.-Петербургской духовной Консисторіей проэктированныя Архимандритомъ Игнатіемъ для благоустройства Троице-Сергіевой пустыни работы къ производству были разрѣшены съ соблюденіемъ при этомъ архитекторскаго надзора и возможной экономіи въ расходахъ [1]). Но то и другое указаніе имѣли лишь шаблонный характеръ и дѣйствительностью не вызывались: во главѣ Сергіевой пустыни стоялъ отличный хозяинъ, воспитанный въ Покровской Брянчаниновской школѣ, бережливый и аккуратный; дѣлопроизводствомъ обители завѣдывалъ хозяйственный и точный Павелъ Петровичъ Яковлевъ, за технической частью постройки наблюдали Архимандритъ Игнатій и Михаилъ Васильевичъ Чихачовъ—инженеры и лучшіе воспитанники военнаго Инженернаго училища.

Приступивъ къ выполненію намѣченнаго и разрѣшеннаго Консисторіей проэкта и имѣя въ виду цѣлый рядъ другихъ неотложныхъ строительныхъ и хозяйственныхъ работъ, Архимандритъ Игнатій немало смущался недостаткомъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ [2]). Имѣя разрѣшеніе расходовать на производство работъ свободную монастырскую наличность, Архимандритъ Игнатій, съ од-

---

[1]) Указъ С.-Петербургской духовной Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія отъ 26 января 1834 года за № 308. Достойна примѣчанія быстрота дѣйствій: 5 января Архимандритъ Игнатій вступилъ въ управленіе обителью и за трехнедѣльный срокъ не только успѣлъ представить проэктъ необходимыхъ работъ по монастырю, но и получить разрѣшеніе Консисторіи.—Консисторія тоже не медлила разсмотрѣніемъ проэкта и выдачею разрѣшенія. Указъ Консисторіи отмѣчаетъ, что неблагоустройство монастырскихъ зданій видѣли и предшественники Игнатія Брянчанинова—Преосвященные Ревельскіе, управлявшіе Троице-Сергіевой пустыней, а потому приготовляли заблаговременно денежныя суммы и довольно значительное количество кирпича. Не отрицая заботливости Преосвященныхъ викаріевъ о Троице-Сергіевой обители, мы должны, однако, сказать, что занятые дѣлами Епархіальнаго управленія и живя внѣ обители, они не могли бы въ скоромъ времени выполнить предположенныхъ работъ, за невозможностію личнаго за этимъ наблюденія, а ограниченный составъ братства исключалъ возможность порученія этого важнаго дѣла кому либо изъ живущихъ на мѣстѣ.

[2]) При вступленіи въ должность Архимандрита Игнатія Брянчанинова въ управленіе Троице-Сергіевой пустыней имъ въ январѣ 1834 года были приняты въ свое вѣдѣніе: 1) вещи, находившіяся въ покояхъ Преосвященнаго викарія С.-Петербургскаго по описи (Опись находится въ дѣлѣ 1834 г. за № 8, копія съ нея того же года за № 56); 2) по приходо-расходнымъ книгамъ въ наличности и билетахъ денежныхъ суммъ—57.399 руб. 33 коп.; 3) заготовленный въ прежніе годы на новый корпусъ и состоящій на монастырскомъ кирпичномъ заводѣ кирпичъ—до 400,000, и 4) значащіяся по описямъ церковнымъ, ризничнымъ, монастырскимъ и хозяйственнымъ вещи (Указъ С.-Петербург. дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія отъ 13 февр. 1834 года за № 565).

ной стороны, не могъ доводить этой наличности до полнаго истощенія, а съ другой—для него ясно было, что возможная по состоянію монастырской наличности на покрытіе расходовъ по благоустройству обители денежная сумма для выполненія всѣхъ его продуманныхъ плановъ должна быть увеличена по меньшей мѣрѣ въ четыре раза. Для него было ясно, что безъ широкой благотворительности со стороны расположенныхъ къ обители лицъ и спеціальныхъ на нужды ея ассигнованій его планы благоустройства монастыря осуществиться не могутъ. И ожидаемая помощь явилась. Денежныя ассигнованія на благоустройство обители по проектамъ и планамъ Архимандрита Игнатія были отпущены, благодаря личному высокому вниманію къ нуждамъ обители и планамъ настоятеля со стороны Государя Императора Николая I-го и широкой личной благотворительности графини А. А. Орловой-Чесменской и др. лицъ.

Государь Императоръ Николай Павловичъ, среди сложныхъ царственныхъ заботъ своихъ, не забывалъ своихъ любимыхъ бывшихъ воспитанниковъ военнаго Инженернаго училища—Чихачова и Брянчанинова, помнилъ также, кому и при какихъ обстоятельствахъ поручилъ онъ Троице-Сергіеву пустынь и, по возможности, освѣдомлялся о дѣлахъ обители, имѣя постоянную искреннюю готовность поддержки настоятеля въ его трудномъ положеніи. Это весьма важное обстоятельство, конечно, съ одной стороны, было въ высшей степени благопріятно для устроенія Игнатіемъ Брянчаниновымъ Троице-Сергіевой обители, а съ другой—породило много завистниковъ и враговъ его, которые, зная, что Архимандритъ Игнатій на личныя обиды жаловаться не станетъ, не стѣснялись притѣснять выдающагося своими личными доблестями человѣка, находящагося подъ чрезвычайнымъ покровительствомъ Государя Императора.

Отношеніе Императора Николая I къ Игнатію Брянчанинову и къ его начинаніямъ ярко иллюстрируется слѣдующимъ случаемъ.—Лѣтомъ 1834 года, т. е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ со времени поступленія Игнатія Брянчанинова на настоятельство Троице-Сергіевой пустыни, изъ Петергофа запросто, безъ предувѣдомленія, посѣтилъ обитель Государь Императоръ. Около шести часовъ вечера взошелъ Государь въ церковь и спросилъ послушника: „Дома ли Архимандритъ?—Скажи, что прежній товарищъ его хочетъ видѣть“. Вскорѣ вошелъ Архимандритъ Игнатій. Государь дружески, просто, поздоровался съ нимъ. „Въ слѣдъ за нимъ, разсказываетъ Чихачовъ, вхожу и я. Государь, увидѣвъ меня, обнялъ и тѣмъ такое впечатлѣніе сдѣлалъ, что я самъ обѣими руками схватился за шею его, и мы, по крайней мѣрѣ, разъ пять поцѣловались при всемъ народѣ и при Императрицѣ съ Наслѣдникомъ, взошедшими въ церковь нѣсколько позже Государя. Потомъ поставилъ насъ рядомъ съ настоятелемъ и

много спрашивалъ: „всегда-ль мы вмѣстѣ“? „чѣмъ я занимаюсь?“ „гдѣ третій изъ нашихъ товарищей“, поживший нѣсколько времени въ монастырѣ и снова поступившій на службу? „Видно, ему монастырскій хлѣбъ сухъ показался“, сказалъ Государь, „а тебѣ въ прокъ пошелъ“.

Осмотрѣвъ монастырь, производившуюся новую постройку настоятельскихъ келлій, трапезы и Сергіевской церкви, Государь обратилъ вниманіе на ветхость соборной Троицкой церкви, приказалъ составить смѣту, что будетъ стоить поправка собора и обѣщалъ отпустить нужную на указанныя работы денежную сумму [1]). Согласно смѣтнымъ исчисленіямъ потребная на ремонтъ Троицкаго собора сумма, въ количествѣ 96.808 руб. 19 коп., была отпущена по Высочайше утвержденной Государственной Росписи 1835 года, изъ С.-Петербургскаго казначейства [2]). Но этой значительной суммой казенныя ассигнованія на нужды Троице-Сергіевой обители не закончились: по Государственной росписи 1837 г. на дополнительныя работы и на исправленіе иконостаса въ Троицкомъ соборѣ было отпущено 51.438 руб. 88 коп. [3]). Такимъ образомъ, широкіе планы Архимандрита Игнатія по внѣшнему благоустройству Троице-Сергіевой пустыни могли быть приведены въ исполненіе благодаря высокому вниманію Государя Императора къ нуждамъ обители и личнымъ покровительственнымъ отношеніямъ Его къ Игнатію Брянчанинову, при которыхъ и послѣднему легче и удобнѣе было выполнить близкое его сердцу и потребностямъ обители дѣло, поддерживаемое морально и матеріально Царственнымъ Ктиторомъ Троице-Сергіевой пустыни. Государь, очевидно, желалъ поддержать свою моральную связь съ управляемою Игнатіемъ Брянчаниновымъ обителью, потому что въ тоже посѣщеніе Троице-Сергіевой пустыни лѣтомъ 1834 года пожелалъ, чтобы Архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ и Михаилъ Васильевичъ Чихачовъ, вмѣстѣ съ братіей Александро-Невской Лавры и Митрополитомъ являлись во дворецъ для славленія Христа, что и продолжается со времени Игнатія Брянчанинова донынѣ [4]). Благодаря этому высокому покровительству, и возможно было осуществить обширныя начинанія Архимандрита Игнатія на пользу обители. Но немалое значеніе въ дѣлѣ благоустройства ея имѣла и частная благотворительность, привлеченная къ нуждамъ обители Игнатіемъ Брянчаниновымъ. По свидѣтельству простодушнаго М. В. Чихачова, въ матеріальныхъ затрудненіяхъ Троице-Сергіевой обители не ма-

---

[1]) Записки М. Чихачова, стр. 86—87.

[2]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи отъ 30 дек. 1837 года за № 6792.

[3]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія отъ 22 февр. 1837 года за № 867.

[4]) Записки М. Чихачова, стр. 87.

ло помогла графиня А. А. Орлова-Чесменская своимъ имуществомъ. Ея жертвы на пользу обители учету не поддаются: она любила благотворить очень тайно. „Передавалось все“, говоритъ М. В. Чихачовъ, „чрезъ мои руки безъ счета, а я не почиталъ нужнымъ считать, но предоставлялъ все настоятелю и Богу, воздающему всѣмъ и каждому изъ насъ обильно благами“ [1]). Въ дополненіе къ произведеннымъ по Троице-Сергіевой обители строительнымъ работамъ, въ виду возникшихъ въ монастырѣ новыхъ потребностей съ увеличеніемъ состава братства, привлекаемаго талантами и примѣромъ жизни Архимандрита Игнатія и благоустройствомъ обители, С.-Петербургскій купецъ Макарій Васильевичъ Макаровъ устроилъ на свой счетъ деревянныя келліи для монашествующихъ, употребивъ на это благое дѣло до 40000 рублей, а потомъ и самъ поступилъ въ число послушниковъ Сергіевой пустыни. [2]) Скончался въ схимѣ съ именемъ Макарія 5 мая 1869 года. Трогательный другъ Игнатія Брянчанинова М. В. Чихачовъ пожертвовалъ на нужды Троице-Сергіевой пустыни все свое, доставшееся ему отъ родителей, значительное состояніе, въ суммѣ 40000 руб., самъ отдалъ жизнь свою на служеніе Богу и Троице-Сергіевой обители, которой, кромѣ матеріальной крупной жертвы, былъ полезенъ своимъ

---

1) Записки М. Чихачова, стр. 79.

2) Указомъ С.-Петербургской дух. Консисторіи отъ 28 ноября 1840 г. за № 6727 объявлено ему, чрезъ Архимандрита Игнатія въ трапезѣ, при всей братіи, благословеніе Владыки Митрополита; родной братъ Макарія Вас. Макарова, также С.-Петербургскій купецъ, пожертвовалъ въ Троице-Сергіеву пустынь драгоцѣнную дарохранительницу.

Иванъ Васильевичъ Малышевъ, Макарій Васильевичъ и Степанъ Васильевичъ Макаровы—родные братья, по происхожденію изъ Даниловскихъ мѣщанъ Ярославской губ. Иванъ Васильевичъ Малышевъ поступилъ въ Троице-Сергіеву пустынь вмѣстѣ съ Архимандритомъ Игнатіемъ въ качествѣ его келейника. Указомъ С.П.Б. дух. Консисторіи, отъ 20 августа 1836 г. за № 3199, дозволено Даниловскому мѣщанскому сыну Ивану Малышеву проживать въ Троице-Сергіевой пустыни для опредѣленія, по сношеніи съ Даниловской городской думой, въ число братства. Иванъ Малышевъ воспитанъ духовно и внѣшне Архимандритомъ Игнатіемъ. Замѣтивъ въ Иванѣ Малышевѣ способность и склонность къ рисованію, Игнатій Брянчаниновъ отправилъ его къ Я. К. Брюллову учиться, и изъ Ивана Малышева вышелъ незаурядный художникъ, много содѣйствовавшій украшенію обители какъ своими трудами по живописи, такъ и умѣлымъ подборомъ св. иконъ и художественныхъ картинъ. Иванъ Малышевъ постриженъ въ монашество Игнатіемъ Брянчаниновымъ и получилъ имя Игнатія. Послѣ многолѣтняго искуса и хорошей монашеской школы подъ руководствомъ Игнатія Брянчанинова, Игнатій Малышевъ или Игнатій Малый, какъ его звали въ пустынѣ, по рекомендаціи Игнатія Брянчанинова былъ назначенъ на должность настоятеля Троице-Сергіевой пустыни, опредѣленіемъ Свят. Синода отъ 30 дек. 1857 года за № 12292. Передъ своимъ назначеніемъ на настоятельскую должность проходилъ должность Намѣстника при Архимандритѣ Игнатіи Брянчаниновѣ. Похороненъ въ Воскресенскомъ храмѣ, близъ иконостаса и лѣваго клироса; надъ его могилой устроена высокая мраморная гробница. Архимандритъ Игнатій Малышевъ былъ художникомъ съ идеями. Ему принадлежитъ мысль—кругомъ Воскресенскаго собора

чуднымъ голосомъ, знаніемъ музыки и любовью къ церковному пѣнію. Церковно-музыкальнымъ познаніямъ и талáнтамъ М. В. Чихачова Троице-Сергіева пустынь обязана своимъ величественно-художественнымъ исполненіемъ церковныхъ пѣснопѣній. Нынѣшній настоятель Сергіевой пустыни архимандритъ Михаилъ и другіе старожилы обители помнятъ схимника о. Михаила Чихачова, какъ замѣчательнаго старца, кроткаго и положительнаго аскета и безсребренника. Единственнымъ украшеніемъ его бѣдной кельи была фисгармонія, на которой онъ повѣрялъ церковныя мелодіи, да и отъ этого утѣшенія онъ отказался на склонѣ лѣтъ. Достававшіеся ему церковные доходы онъ не носилъ въ свою келью, а тутъ же или еще раньше раздавалъ бѣднымъ. Скончался въ 1873 году [1]). Похороненъ онъ на монастырскомъ кладбищѣ,

---

съ наружной стороны устроить барельефы всѣхъ Русскихъ святыхъ, идущихъ на призывъ Христа Спасителя. И работа эта начата. Налѣво отъ входныхъ западныхъ вратъ храма изображенъ Христосъ Спаситель, съ кроткимъ выраженіемъ лица, съ простертыми впередъ и готовыми принять въ объятія отчи и поддержать ищущаго душевнаго спасенія человѣка, съ благословеніемъ и сочувствіемъ во взорѣ. Направо отъ входныхъ западныхъ вратъ, навстрѣчу Христу Спасителю идутъ: Великая Княгиня Ольга, митрополитъ Михаилъ и два мученика Русскихъ, замученныхъ язычниками въ Кіевѣ. Внутри Воскресенскаго Собора по стѣнамъ кругомъ на полотнѣ написана вся картина съ великимъ сонмомъ Русскихъ святыхъ—проэктъ внѣшнихъ украшеній храма, не законченныхъ Игнатіемъ Малышевымъ по недостатку средствъ. Замѣчательнымъ подтвержденіемъ художественнаго вкуса строителей и благоустроителей Троице-Сергіевскихъ храмовъ служатъ величественныя колонны въ Воскресенскомъ соборѣ, устроенныя изъ простого булыжнаго камня. Братъ Игнатія Малышева скончался въ схимѣ, съ именемъ Макарія, 5 мая 1869 года.

[1]) Оффиціальныя свѣдѣнія о жизни М. В. Чихачова поразительно скромны. Въ монастырскомъ именномъ спискѣ за 1856 годъ подъ № 46 записано: „Проживающій для богомоленія отставной подпоручикъ Михаилъ Васильевичъ Чихачовъ, 50 лѣтъ, женатъ не былъ. Обучался и кончилъ курсъ въ Главномъ Инженерномъ училищѣ. Поступилъ въ Троице-Сергіеву пустынь для пріобученія къ монашеской жизни, съ указомъ объ отставкѣ, выданнымъ ему 20 апрѣля 1829 года за № 215 въ С.-Петербургѣ при Главной Квартирѣ за подписаніемъ генерала отъ инфантеріи графа Толстого. Поступилъ 5 января 1834 года. Исправляетъ клиросное послушаніе. Съ 1834 года трудится постоянно съ особеннымъ усердіемъ въ клиросномъ послушаніи. Былъ весьма полезенъ для обители въ матеріальномъ отношеніи". Вотъ и всѣ оффиціальныя свѣдѣнія о замѣчательной жизни выдающагося подвижника XIX вѣка. Не желая, однако, ограничиться этими оффиціальными свѣдѣніями и желая усилить настроеніе возрождающими впечатлѣніями его Боголюбивой души, мы рѣшаемся воспользоваться для этой цѣли драгоцѣнными строками подлинныхъ автобіографическихъ записокъ М. В. Чихачова, въ нижеприводимомъ содержаніи не только доселѣ неизданныхъ, но и не цитированныхъ различными авторами, касавшимися личности его друга Игнатія Брянчанинова. Тѣсная дружба съ юныхъ лѣтъ Брянчанинова и Чихачова естественно вызываетъ вопросъ, почему они разстались, когда Игнатій Брянчаниновъ былъ назначенъ на каѳедру Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, а Михаилъ Чихачовъ остался все въ томъ же званіи послушника въ Троице-Сергіевой пустынѣ. Записки Чихачова даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Многимъ знакомымъ нашимъ кажется страннымъ", пишетъ Чихачовъ, „отчего мы, столь долго проживя

въ особой часовнѣ, вмѣстѣ съ основателемъ Сергіевой пустыни Архимандритомъ Варлаамомъ Высоцкимъ и схимонахомъ Макаріемъ. На стѣнѣ часовни, около могилы М. В. Чихачова, написано: „Добродушный и нестяжательный". „Схимникъ Михаилъ Чихачовъ. Скончался 16 января 1873 года, 66 лѣтъ отъ роду".

Благодаря высокому вниманію Императора Николая I, крупнымъ матеріальнымъ ассигнованіямъ изъ казны и такимъ же жертвамъ указанныхъ частныхъ лицъ, при энергіи и неусыпной бдительности и талантахъ настоятеля, Троице-Сергіева пустынь пришла, въ отношеніи своего внѣшняго благоустройства, въ тотъ соотвѣтствующій планамъ Игнатія Брянчанинова видъ, который усердіемъ и настроенностію его достойныхъ преемниковъ поддерживается до настоящаго времени и доставляетъ духовное утѣшеніе не только постояннымъ насельникамъ

вмѣстѣ, теперь пребываемъ въ разлукѣ? Дивны дѣла Божіи и неиспытанны пути Его! Сдѣлалось такъ, что товарищу дали епархію, въ которой монастырей нѣтъ, да и благоустроить ихъ по тамошнему мѣстоположенію еще невозможно. Будь эта епархія съ монастырями, какъ прочія, тогда не только я, но и многіе, можетъ быть, изъ нашего братства перешли бы къ нему, чрезъ что могло случиться, что монастырь нашъ не имѣлъ бы того вида, но теперь, въ особенности при этомъ настоятелѣ (Игнатій Малышевъ), онъ остается совершенно такимъ, какъ былъ: всѣ старики живутъ, упокоиваются любовію и благонамѣренностію настоятеля, съ ними вмѣстѣ и я тоже, почему и уговорили меня принять полное постриженіе, предварительно вступивъ въ духовное вѣдомство, что мнѣ Господь и помогъ учинить. Теперь, если угодно будетъ Господу, желаніе имѣю по усмотрѣнію начальства посхимиться для того, чтобы конецъ былъ сообразенъ началу и ожидать перехода изъ временной жизни въ вѣчную, при покаяніи и сокрушеніи сердечномъ, дабы не быть отвергнутымъ отъ Господа на страшномъ судѣ, гдѣ и за каждое праздное слово потребуется дать отвѣтъ". (Записки М. В. Чихачова, стр. 104—106) Такимъ образомъ, неразвитіе монастырской жизни на Кавказѣ, конечно—привычка и проникновеніе благодатнымъ духомъ братства Троице-Сергіевой пустыни и нежеланіе быть въ положеніи приживальщика при епархіальномъ архіереѣ, хотя бы и другѣ, удержали Михаила Васильевича Чихачова въ Сергіевой пустыни. 20 декабря 1860 года Чихачовъ былъ постриженъ въ монашество съ нареченіемъ его Мисаиломъ, а 21 мая 1866 года принялъ схиму съ возвращеніемъ ему имени Михаила.

Но почему схимонахъ Михаилъ Чихачовъ не перешелъ въ Николо-Бабаевскій монастырь съ переселеніемъ туда Епископа Игнатія на правахъ управляющаго монастыремъ Епархіальнаго Архіерея?—И на этотъ вопросъ „Приложеніе" къ запискамъ Чихачова даетъ отвѣтъ. Записки Чихачова заключаются въ рукописи 1860 года. Черезъ пять лѣтъ авторъ дѣлаетъ къ нимъ приписку. „Вотъ и еще протекло пять лѣтъ, какъ эта рукопись написана. Въ продолженіе этого времени Епископъ Игнатій оставилъ по болѣзненности своей Кавказскую епархію и переселился въ Николаевскій Бабаевскій монастырь Костромской епархіи съ управленіемъ монастыря, гдѣ и нынѣ находится. На другой годъ послѣ моего постриженія поѣхалъ я посѣтить болящаго Епископа... Пробылъ съ мѣсяцъ у него въ монастырѣ, возвратился обратно, ощутивъ, что мнѣ переселиться въ тамошнюю обитель невозможно. Болѣзнь ноги съ 1859 года, не допускающая переносить сквознаго вѣтра, устройство церкви и служба продолжительная, пустынная, мнѣ сдѣлались невыносимы. Перейти туда,—значило бы—прибавить собою ни къ чему неспособнаго инвалида, нуждающагося въ содержаніи, про-

обители Сергіевой, но и случайно проживающимъ въ монастырѣ на Богомоленіи.

Направляя къ благополучному окончанію строительныя работы и приводя Сергіеву пустынь въ благоустроенный видъ, молодой настоятель долженъ былъ озаботиться и о матеріальномъ обезпеченіи ея дальнѣйшаго существованія, какъ по содержанію монастырскихъ зданій въ достигнутомъ общими усиліями благоустроенномъ видѣ, такъ и по обезпеченію жизненнымъ довольствомъ все нараставшей братіи и удовлетворенію другихъ возникавшихъ въ сложной жизни обители потребностей. Хозяйственная часть Сергіевой пустыни ко времени настоятельства Игнатія Брянчанинова оказалась въ значительномъ непорядкѣ. При вступленіи въ управленіе монастыремъ, настоятель не нашелъ ни одного межевого знака на монастырской землѣ. По дѣлопроизводству обители оказалось, что всей землей, которая была

кормленіи и прислугѣ. Итакъ, по общему совѣщанію и согласію, живемъ каждый на своемъ мѣстѣ, довольствуясь взаимнымъ расположеніемъ души и перепискою". (Записки Мих. Чихачова, стр. 107—108). Такимъ образомъ, нежеланіе обременять друга и новую обитель своей инвалидностію, въ связи съ указанными выше причинами, болѣзненное состояніе и живое духовное общеніе удержали Чихачова отъ перехода на Бабайки.

Записки М. В. Чихачова даютъ, наконецъ, отвѣтъ и на вопросъ о причинахъ принятія имъ схимы и знакомятъ насъ съ его назидательнымъ настроеніемъ послѣднихъ дней его земного странствованія. Полагаемъ интереснымъ по существу для характеристики замѣчательной личности схимонаха Михаила и для назиданія читателя привести здѣсь сдѣланное самимъ Михаиломъ Васильевичемъ Чихачовымъ „Изложеніе причинъ желанія моего постриженія въ схиму".—1) „Принимая и вѣруя со Святою Церковію, что это есть второе крещеніе, желаю сподобиться отпущенія всѣхъ грѣховъ моихъ, имѣя уже печать смертной болѣзни на ногѣ. 2) Самый образъ схимы и облеченіе въ него отводятъ отъ многихъ случаевъ развлеченія и молвы. 3) Показать примѣръ имѣющимъ превратное понятіе, будто-бы облеченный въ схиму обязанъ жить въ гробѣ и никакого не исполнять послушанія. 4) Предлагая причины эти на разсмотрѣніе кому слѣдуетъ, полагаюсь на благоусмотрѣніе ихъ, ища не своей воли, а воли Божіей чрезъ нихъ (стр. 141—142). „Приблизилось законное время моего окончательнаго постриженія. 1866 года 3 апрѣля мнѣ совершилось отъ роду 60 лѣтъ. По формѣ гражданскаго закона, это—узаконенный срокъ для желающихъ принять постриженіе въ схиму. По представленію настоятеля о. Архимандрита Игнатія (Малышева) и по благословенію Митрополита Исидора меня постригли въ день отданія праздника святой Пятидесятницы 21 мая—день прежняго моего Ангела, Муромскаго святого князя Михаила, котораго и имя мнѣ снова возвращено. Слава Тому, Кому подобаетъ всякая честь и поклоненіе, Единому Премудрому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Почти 38 лѣтъ ждалъ этого дня и, милостію Божіею, дождался. Теперь буду и долженъ ожидать переселенія изъ здѣшней жизни, и кто вѣсть,—какъ оно послѣдуетъ. Оттуда уже не напишешь и не скажешь ничего, потому прошу всѣхъ: помяните въ своихъ молитвахъ бѣднаго странника земного—Михаила схимника, да и, васъ помянувъ, Господь исполнитъ всякаго блаженства здѣсь, и тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзни, ни печали, но жизнь безконечная во вѣки вѣковъ. Аминь". (Записки М. Чихачова, стр. 109—110).

пріобрѣтена покупкою еще основателемъ пустыни, владѣютъ незаконно экономическіе крестьяне деревни Подмонастырской Слободы, монастырь же имѣлъ лишь $25^1/_2$ десятинъ, занимаемыхъ огородомъ и покосомъ,—и что всѣ хлопоты монастыря о возстановленіи его правъ на эту землю, несмотря на неоспоримость его документовъ, остались безуспѣшными [1]). Новый хозяинъ Троице-Сергіевой пустыни не примирился пассивно съ обнаруженнымъ непорядкомъ, доставляющимъ обители явный матеріальный ущербъ, но, съ другой стороны, онъ не склоненъ былъ и къ насильственному охраненію правъ монастырской собственности. Обстоятельно ознакомившись съ земельнымъ вопросомъ монастыря, Архимандритъ Игнатій въ 1834 году возбудилъ ходатайство о возстановленіи на монастырской землѣ межевыхъ знаковъ и о скорѣйшемъ разборѣ правъ на владѣніе землею, неправильно присвоенною крестьянами. Безнадежное, повидимому, спорное дѣло окончательно разрѣшено было лишь въ 1840 году [2]) въ томъ смыслѣ, что земля была признана принадлежащею монастырю, но въ виду затруднительности выселенія обосновавшихся на ней еще съ 1765 года крестьянъ, съ согласія Архимандрита Игнатія, рѣшено было раздѣлить землю на двѣ части: восточную сторону, на которой стоитъ монастырь, по линіи отъ сѣвера къ югу, отдать ему, а западную, на которой поселились крестьяне, уступить имъ. Согласіе на такой раздѣлъ выражено Архимандритомъ Игнатіемъ въ письмѣ къ Статсъ-Секретарю А. И. Голицыну въ духѣ христіанскаго миролюбія [3]). И возможно выгодный для обители земельный раздѣлъ состоялся.

Сверхъ этого, въ томъ же прошеніи 1835 года Архимандритъ

---

[1]) Жизнеописаніе Епископа Игнатія Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками, и письма Преосвященнѣйшаго къ близкимъ ему лицамъ. С.-Петербургъ 1881 года, стр. 75.

[2]) Въ архивѣ Сергіевой пустыни имѣется „Дѣло“, начавшееся 24 августа 1834 года и оконченное 29 ноября 1840 года. „О постановленіи межевыхъ признаковъ на принадлежащей по документамъ здѣшней Сергіевой пустыни землѣ и о раздѣлѣ оной по Высочайшему повелѣнію между пустынею и экономическими крестьянами Подмонастырской Слободы“—на 155 листахъ.

[3]) Письмо это имѣется въ цитированномъ выше дѣлѣ. Сверхъ того оно полностію приведено въ „Жизнеописаніи Епископа Игнатія Брянчанинова“, изд. 1881 года, стр. 76—77.

Но межевое распланированіе спорной земли установлено значительно ранѣе, какъ видно изъ дѣлъ монастырскаго архива. Въ числѣ документовъ Сергіевой пустыни имѣется „Геометрическій спеціальный планъ, учиненный 1836 года октября 12 дня Ораніенбаумскимъ уѣзднымъ землемѣромъ Николаемъ Волочинскимъ и утвержденный печатью Межевой Канцеляріи, на приморскую дачу здѣшней Сергіевой пустыни, бывшую въ завладѣніи у крестьянъ Подмонастырской Слободы, въ которой по размежеваніи оказалось всей вообще земли 199 десятинъ 39 квадр. саж.“ и копія съ межевой книги того-же содержанія. Такимъ образомъ, даже при условіи состоявшагося раздѣла земельная собственность монастыря возростала въ четыре раза.

Игнатій просилъ Межевую Канцелярію о надѣлѣ монастыря лѣснымъ участкомъ, согласно объявленному 4-го іюня 1835 года Высочайшему повелѣнію, въ силу котораго монастыри, въ виду поддержанія ихъ въ способахъ существованія, должны быть надѣлены для устройства земледѣльческаго хозяйства примѣрно отъ 100 до 150 десятинъ земли. Согласно этому ходатайству, возбужденному въ августѣ 1835 года Сергіева пустынь была надѣлена „Лѣснымъ участкомъ въ 50 десятинъ, вырѣзаннымъ Новоладожскаго уѣзда изъ казенной Прусвенской дачи“ [1]). Лѣсъ изъ этого участка оказывалъ поддержку при монастырскихъ постройкахъ.

Достигши опредѣленности монастырскаго хозяйства въ земельномъ отношеніи, молодой, но опытный хозяинъ Троице-Сергіевой пустыни озаботился приведеніемъ его въ пригодный для земледѣлія и огородничества видъ и обезпеченіемъ наибольшей доходности земельнаго участка. Доставшаяся послѣ раздѣла съ крестьянами Подмонастырской Слободы земля, занимающая нынѣ мѣсто между монастыремъ и линіей жел. дороги, была непригодна для земледѣлія, потому что, долгое время оставаясь безъ воздѣлыванія, она поросла кустарникомъ и обратилась въ болото. Состоявшій въ вѣдѣніи монастыря земельный участокъ сдавался въ аренду за незначительную сумму. Поставивъ себѣ задачей завести въ монастырѣ свое раціональное и образцовое хозяйство, Игнатій Брянчаниновъ прежде всего прекратилъ сдачу въ аренду существовавшаго земельнаго участка и завелъ на немъ плодоводство и огородничество: явились овощи и плоды изъ своего хозяйства. Доставшійся послѣ раздѣла участокъ нуждался въ осушеніи и раскорчеваніи. Эта работа была произведена въ теченіе одного года. Имѣя въ виду заведеніе скотоводства и земледѣлія, Игнатій Брянчаниновъ намѣтилъ необходимыя хозяйственныя постройки, количество земледѣльческихъ орудій, лошадей и коровъ. На выполненіе всѣхъ этихъ плановъ Архимандрита Игнатія потребно было значительное количество средствъ. И вотъ въ мартѣ 1838 года Архимандритъ Игнатій обратился съ просьбою къ Митрополиту Серафиму объ исходатайствованіи изъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ 45.000 руб. заимообразно на 8 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы въ первые три года вносить одни проценты, а въ послѣдніе пять лѣтъ и самый капиталъ, на тотъ предметъ, чтобы изъ пріобрѣтенной пустынею земли,

---

[1]) Архива Троице-Сергіевой пустыни „Дѣло, начавшееся 15 августа 1835 года и оконченное 12 сентября 1844 года о надѣленіи здѣшней Сергіевой пустыни отъ казны лѣснымъ участкомъ въ 50 десятинъ, состоявшемся вслѣдствіе общаго надѣленія монастырей, сверхъ 30 десятинной пропорціи, отъ 100 до 150 и болѣе десятинъ земли и строевымъ лѣсомъ для хозяйственнаго обзаведенія“. Участокъ этотъ по надлежащемъ использованіи, по дальности и неудобству владѣнія, впослѣдствіи былъ проданъ Архимандритомъ Игнатіемъ Малышевымъ.

поросшей кустарникомъ и обратившейся въ болото, воздѣлать на первый разъ хотя 66 дес. должнымъ образомъ [1]). Въ отвѣтъ на это прошеніе послѣдовалъ Именной Высочайшій указъ, данный на имя Комиссіи Духовныхъ Училищъ въ 14 день апрѣля 1838 года за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, въ коемъ изображено: „по уваженію представляемой Преосвященнымъ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ надобности въ назначеніи заимообразной ссуды Троицко-Сергіевой пустыни для хозяйственныхъ заведеній, повелѣваю—согласно съ предположеніемъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ отпустить оной пустынѣ, не въ примѣръ другимъ, тридцать тысячъ рублей изъ запаснаго строительнаго капитала Комиссіи заимообразно на восемь лѣтъ, съ тѣмъ чтобы въ уплату сей суммы вносимы были въ первые три года одни проценты, по пяти на сто, а въ остальные пять лѣтъ и самый капиталъ съ процентами“ [2]). Высочайше отпущенная на нужды Сергіевой пустыни ссуда, какъ видно изъ предыдущаго, въ сравненіи съ испрашиваемой Архимандритомъ Игнатіемъ, была меньше на цѣлую треть, и сокращеніе это послѣдовало въ Комиссіи Духовныхъ Училищъ. Отпущенная ссуда для выполненія хозяйственныхъ плановъ настоятеля была недостаточна, о чемъ онъ и докладывалъ С.-Петербургскому Митрополиту Серафиму особымъ прошеніемъ, въ январѣ 1842 года, въ которомъ, испрашивая нѣкоторыя льготы для обители по погашенію долга, указывалъ на то, что содержаніе братства и поддержка монастырскихъ зданій, церковной ризницы и прочаго требуютъ ежегодно таковаго расхода суммы, какой имѣетъ пустыня въ своемъ приходѣ. Хозяйственныя же заведенія, для которыхъ испрошенъ заимообразно капиталъ, не достигли еще въ истекшее трехлѣтіе того состоянія, при которомъ можно-бы надѣяться имѣть за расходомъ значительный остатокъ. Этому причиною не что иное, какъ только то, что если бы для воздѣланія земли было употреблено не менѣе 45 тысячъ рублей, тогда и въ трехгодичное время можно бы надѣяться отъ той земли получить желаемые плоды; но какъ употреблено на сей предметъ только 30 тысячъ рублей [3]), изъ которыхъ

---

[1]) Всего подлежащей обработкѣ земли въ это время числится за монастыремъ 215 десятинъ.

[2]) Указъ С.-Петербургской дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія отъ 29 апрѣля 1838 года за № 1926. При Указѣ приложена расчетная вѣдомость 8-й лѣтней уплаты получаемой ссуды. Довѣреннымъ лицомъ Игнатія Брянчанинова по полученію 30000 руб. былъ іеродіаконъ Троице-Сергіевой пустыни Игнатій (Малышевъ). Всѣ свѣдѣнія по приведенію въ порядокъ мон. хозяйства можно видѣть въ „Дѣлѣ“ Сергіевой пустыни за 1838 годъ за № 12 (Началось 12 марта 1838 года, кончено 2 мая 1846 года), на 39 листахъ.

[3]) Сверхъ того, съ надлежащаго разрѣшенія, израсходовано 3947 руб. 94 коп. на обработку 15 дес. земли подъ огороды (Указъ С.-Петербург. дух. Консисторіи отъ 15 сентября 1837 года за № 4587).

израсходовано на одни зданія для хутора 20 тысячъ рублей, то по этой причинѣ существенная часть предполагаемаго дохода, т. е. земля, не получила достодолжной обработки, при которой въ короткое время можно было бы извлечь желаемую пользу. На погашеніе полученной ссуды безъ обремененія бюджета пустыни, по ходатайству Архимандрита Игнатія, съ разрѣшенія Митрополита Серафима были употреблены 5000 руб. ассигнаціями, полученные съ жены Флигель-Адъютанта Толстого за проданный ей и ненужный монастырю участокъ земли въ количествѣ полуторыхъ десятинъ. Кромѣ того поступившіе въ Сергіеву пустыню крупные вклады М. В. Чихачова и М. В. Макарова дали возможность настоятелю надлежаще оборудовать хозяйственное дѣло обители и поставить его на желательную высоту. Монастырь сталъ пользоваться круглый годъ овощами изъ своихъ огородовъ; ржаного хлѣба нерѣдко доставало на весь годъ, несмотря на значительно увеличивавшееся число братіи, на огромный расходъ его для раздачи богомольцамъ въ праздничные дни и на продовольствіе всѣхъ монастырскихъ рабочихъ; овса и сѣна было столько, что ежегодно продавалось на сумму до полуторыхъ тысячъ рублей. Скотоводство доставляло для братской трапезы въ изобиліи молочные продукты [1]). Такъ, въ весьма незначительный по сложности дѣла срокъ, достигнуто было внѣшнее хозяйственное благоустройство Сергіевой пустыни. Игнатій Брянчаниновъ, не смотря на юный возрастъ свой,—онъ вступилъ въ управленіе обителью 27-лѣтнимъ Архимандритомъ,—обнаружилъ въ себѣ разумнаго, добраго, опытнаго и энергичнаго хозяина и администратора. Ему больше всего выпало на долю труда по устроенію обители: его разумъ и воля были во всемъ. Оффиціально онъ состоялъ предсѣдателемъ строительныхъ Комитетовъ [2]) по ремонту и устроенію монастырскихъ зданій и главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за весь ходъ и направленіе дѣла. Но, конечно, нужно воздать должное и его усернымъ сотрудникамъ, которыхъ такъ умѣлъ онъ выбрать и вдохновить своими идеями, чего бы онѣ ни касались—душевнаго ли спасенія или неотложнаго земного попеченія о внѣшнемъ человѣкѣ. „Не мало было всѣмъ намъ трудовъ, бѣдъ, болѣзней и искушеній, пока все не привелось въ достодолжный порядокъ“, вспоминаетъ М. В. Чихачовъ. „Всего не опишешь, но въ надеждѣ на Создателя дѣлали, по силѣ, каждый сколько могъ, для общей пользы обители и своей души“ [3]).

---

[1]) Жизнеописаніе Епископа Игнатія, составленное его учениками и почитателями. Стр. 78.

[2]) Какъ объ этомъ и значится въ формулярномъ о службѣ его спискѣ.

[3]) Записки М. В. Чихачова, стр. 80. Дѣятельнымъ помощникомъ Архимандрита Игнатія, главнымъ образомъ, въ дѣлѣ канцелярскомъ и письменномъ, и преданнымъ ему человѣкомъ былъ послушникъ Сергіевой пустыни дворянинъ П. П. Яковлевъ.

Наряду съ внѣшнимъ благоустроеніемъ монастыря за время настоятельства Архимандрита Игнатія шло и внутреннее упорядоченіе монастырской жизни, ради котораго, главнымъ образомъ, и былъ назначенъ въ Сергіеву пустынь Державною волей Императора Николая I его любимый воспитанникъ. Въ благоустроеніи внутренней монастырской жизни Игнатій Брянчаниновъ заявилъ себя, какъ умный и энергичный администраторъ и ревностный блюститель монастырскаго чина. Упорядочивая и улучшая хозяйственную часть, обезпечивъ монастырскую трапезу приличнымъ, свѣтлымъ и удобнымъ помѣщеніемъ, простымъ, но гигіеничнымъ и здоровымъ вкуснымъ и питательнымъ столомъ чрезъ заведеніе знающаго повара, со строгимъ соблюденіемъ при этомъ монастырскаго устава, Архимандритъ Игнатій устранилъ тѣмъ нерѣдкую въ обителяхъ со стороны слабыхъ душъ „скорбь плоти". Слабая и разнузданная братія, къ удивленію своему, увидѣла, что тѣ же грибы, капуста, лукъ и др. овощи монастырскаго хозяйства, крупы, овесъ и хлѣбъ со вступленіемъ новаго молодого настоятеля стали давать вкусный и сытный, питательный обѣдъ. Заведенная въ

Человѣкъ образованный, трудолюбивый и необычайно добросовѣстный и аккуратный, Павелъ Петровичъ Яковлевъ былъ точнымъ исполнителемъ всѣхъ распоряженій Архимандрита Игнатія, любилъ его, понималъ духъ его распоряженій, предусматривалъ тренія въ дѣлахъ и во всемъ, шагъ за шагомъ, слѣдовалъ за своимъ патрономъ. Ему обязана Сергіева пустынь образцовымъ дѣлопроизводствомъ своимъ и охраненіемъ документовъ, значительная часть которыхъ и записки и бумаги самого Яковлева, по распоряженію К. П. Побѣдоносцева, лично знавшаго и цѣнившаго Яковлева, по смерти Павла Петровича, послѣдовавшей 12 декабря 1899 года, была забрана въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, гдѣ доселѣ и пребываетъ безъ видимыхъ результатовъ.

За участіе Яковлева въ трудахъ по ремонту Троицкаго собора въ Сергіевой пустынѣ объявлена Яковлеву признательность Епархіальнаго Начальства особымъ свидѣтельствомъ, отъ 30 марта 1847 года за № 1574, въ коемъ значится, что „дворянинъ Павелъ Петровичъ Яковлевъ былъ секретаремъ Временнаго Комитета, безвозмездно исполнялъ эту должность съ усердіемъ и успѣхомъ". По засвидѣтельствованію Игнатія Брянчанинова, Павелъ Петровичъ „независимо отъ возложенныхъ на него обязанностей письмоводителя Сергіевой пустыни, содѣйствовалъ ему во всѣхъ важныхъ случаяхъ при исправленіи соборнаго храма составленіемъ журналовъ и производствомъ всѣхъ письменныхъ дѣлъ Комиссіи, съ подлежащими расчетами поставщиковъ и подрядчиковъ, веденіи въ теченіе всего времени денежной отчетности... по раздробительнымъ подрядамъ и, наконецъ, составленіемъ отчетовъ, которые по обревизованіи, гдѣ слѣдуетъ, найдены совершенно правильными и удовлетворительными во всѣхъ отношеніяхъ" („Дѣло Троицкой Сергіевой пустыни, по описи 1834 года № 48, по представленію настоятеля съ братіею объ исходатайствованіи разрѣшенія и суммы на исправленіе въ здѣшней Сергіевой пустынѣ Троицкой Соборной Церкви съ ея иконостасомъ и устроеніе подземельной трубы водосточной"). Павелъ Петровичъ Яковлевъ велъ также дѣлопроизводство по благочинію монастырей С.-Петербургской епархіи за все время состоянія въ должности благочиннаго монастырей Игнатія Брянчанинова и отлично зналъ монастырскую жизнь. Насколько Яковлевъ былъ правой рукой Архим. Игнатія въ дѣлопроизводствѣ, видно изъ того, что, отправляясь

трапезной и доселѣ поддерживаемая чистота столоваго бѣлья и посуды воспитательно дѣйствовали на грубые нравы и дѣлали не обременительнымъ и безскорбнымъ питаніе въ общей трапезѣ и людей съ изысканнымъ вкусомъ, а стройная молитва, украшаемая пѣніемъ могучихъ и выдающихся пришедшихъ въ обитель новыхъ голосовъ, и отчетливое чтеніе житій святыхъ на трапезѣ, приводили и эту, повидимому, чисто плотскую часть жизни,—питаніе грѣшнаго тѣла, на высшую степень—житія и дѣла „во славу Божію". А длительныя и уставныя Божіи службы, благодаря отчетливому чтенію, прекрасному пѣнію при участіи новыхъ пришельцевъ, при величественно-вдохновенномъ служеніи молодого настоятеля съ его звучнымъ баритономъ и проникновенно-простымъ произношеніемъ молитвословій и возгласовъ, священная важность и религіозная эстетика во всемъ богослужебномъ чинѣ, исключительная, какъ бы неземная октава Чихачова, посвятившаго себя на пѣніе Богу, „дондеже есмь", безупречность и простота личной жизни пришельцевъ, всѣ эти черты, воплощаясь, по иниціативѣ Игнатія

для обозрѣнія монастырей своего благочинія, и поручая исполненіе должности настоятеля своему намѣстнику, Игнатій Брянчаниновъ оставлялъ въ монастырѣ Павла Петровича Яковлева для охраненія законности и порядка по канцеляріи. А насколько таланты и опытность въ дѣлѣ признавались за П. П. Яковлевымъ со стороны Епархіальнаго Начальства, видно изъ того, что когда, въ 1852 году, Игнатій Брянчаниновъ ходатайствовалъ объ освобожденіи его, по крайней болѣзненности, отъ должности благочиннаго монастырей, на прошеніи его послѣдовала резолюція Митрополита такого содержанія: „Исправленіе благочинической должности поручить Зеленецкаго монастыря Архимандриту Иннокентію, впредь до выздоровленія о. Архимандрита Игнатія, предписавъ Архимандриту Иннокентію, чтобы онъ для повременнаго обозрѣнія монастырей бралъ съ собою послушника Сергіевой пустыни Павла Петрова Яковлева" („Дѣло Троицкой Сергіевой пустыни 1852 года за № 37. Объ увольненіи настоятеля здѣшней Сергіевой пустыни Архимандрита Игнатія отъ должности благочиннаго монастырей С.-Петербургской епархіи, съ оставленіемъ благочиннымъ надъ Сергіевой пустынью")

Самъ Архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ, отправляясь въ данную ему длительную командировку въ качествѣ депутата по дѣлу Устюжнскаго помѣщика Страхова, на время своего отсутствія признавалъ полезнымъ пребываніе безотлучное въ Сергіевой пустынѣ Павла Петровича Яковлева (Сообщеніе Архимадрита Игнатія Архимандриту Иннокентію отъ 17 іюня 1852 года за № 225, въ томъ-же „Дѣлѣ" 1852 г. за № 37).

Для любителя канцелярской исправности и порядка Архивъ и дѣлопроизводство Сергіевой пустыни за время исполненія обязанностей по этой части П. П. Яковлевымъ представляютъ интересное явленіе. Порядокъ въ дѣлахъ, исправныя описи, пояснительныя помѣтки и таблички, показываютъ что П. П. Яковлевъ былъ не только исправный и аккуратный чиновникъ, работавшій не за страхъ, но за совѣсть, но и большой любитель своего дѣла. Канцелярская часть, дѣлопроизводство Сергіевой пустыни и благочинія монастырей С.-Петербургской епархіи, экономическая отчетность и все, къ ней относящееся, за время настоятельства Архимандрита Игнатія были въ безупречномъ порядкѣ. Брянчаниновъ умѣлъ выбирать и цѣнить людей, а П. П. Яковлевъ въ своей части былъ достойнымъ птенцомъ гнѣзда Игнатіева.

Брянчанинова, въ жизненно-монастырскую практику Сергіевой пустыни, одержали надъ міромъ скорбей, соблазновъ, плотскихъ склонностей и паденій блестящую безкровную духовную побѣду. Прежніе обитатели пустыни увидѣли и почувствовали красоту и духовную радость и утѣшеніе новаго порядка и примирились съ его трудностями для разлѣненнаго духа и докучливой плоти. Новые искатели спасенія и тихой пристани для охраненія отъ бурь житейскихъ потянулись со всѣхъ сторонъ подъ руководство юнаго Аввы. Благочестивые и нечуждые церковной жизни міряне, одни изъ любопытства, другіе въ дѣйствительномъ переживаніи скорби міра, обнаружили тяготѣніе къ Сергіевой пустынѣ и ея братству, какъ явленію необычному и интересному. Для назиданія этихъ послѣднихъ, исходящихъ изъ Петербурга въ пустыню съ интересами не вполнѣ устойчивыми и опредѣленными, нужно было стройное, торжественно-величественное Богослуженіе, уставность и порядокъ въ монастырѣ, хоропее пѣніе, сладкозвучные діаконы, стройно-движущіеся ряды благовоспитанныхъ иноковъ,—всѣмъ этимъ видимымъ зрѣлищемъ славы и велелѣпія Церкви Божіей утѣшается и питается душа человѣка церковнаго, побѣждается душа суетно-мірская: и Игнатій Брянчаниновъ далъ все это монастырю и міру внѣшнему и побѣдилъ тѣмъ сомнѣніе, утолилъ пытливость. Конечно, какъ и всякое благое начинаніе человѣческое соединяется съ искушеніями и скорбями, такъ и изображаемыя завоеванія устроителя монастырской жизни въ Сергіевой пустынѣ не чужды были искушеній и для самого Архимандрита Игнатія не были безскорбными, о чемъ свидѣтельствуетъ его ближайшій сотрудникъ М. В. Чихачевъ. „На взглядъ самого Духовнаго Начальства“, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, „управленіе Игнатіево казалось небывалою новостію. Братія изъ старыхъ, привыкшіе къ своимъ обычаямъ, принуждены были понуждаться на новый порядокъ, какъ дѣлали вновь вступившіе; чинъ церковной службы тоже вводился. Иной напѣвъ, иное стояніе, поклоненіе по положенію, клиросное пристойное пребываніе и проч., одежда, трапеза и вся жизнь какъ бы вновь созидалась, потому что и мудрованіе, т. е. образъ мыслей и взглядъ на вещи былъ иной отъ обыкновеннаго, къ тому же и письменная часть и хозяйственная устраивалась вновь. Тогда—это схоже было на одну семью, управляемую однимъ отцомъ, который зорко наблюдалъ и за исполнителями и за исполненіемъ. Вся отвѣтственность лежала на отцѣ, т. е. на настоятелѣ. Неудобность мѣста къ жительству монашескому, молодость и представительность многихъ изъ насъ, неблагопріятство многихъ изъ сильныхъ особъ, зависть и клевета недоброжелающихъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ притѣсненія самихъ начальствующихъ и высокихъ особъ, да и свои собственныя немощи, недостатки и малоопытность, все это вмѣстѣ развѣ не доставляло заботъ самой главѣ—отцу? Но

дѣлать было нечего, убѣжать нельзя, надо нести, и помощи просить свыше, что и на самомъ дѣлѣ было. Съ Божіею помощію все было вынесено—и сносное и кажущееся по человѣчески несноснымъ. Но настоятелю это стоило многихъ тяжкихъ болѣзней и скорбей душевныхъ, которыя и отъ меня даже были скрыты. Самыя дѣйствія его были непонятны многимъ, чтобы не сказать—всѣмъ, тѣмъ болѣе мнѣ простяку. Въ немъ вмѣщалось много и одно другому не мѣшало, т. е. и глубокое знаніе писаній Святыхъ Отцовъ съ монашескимъ дѣятельнымъ опытомъ, и внѣшній навыкъ и способность обращенія со всякаго рода людьми, тонкое постиженіе нравовъ человѣческихъ со всѣми ихъ причудными немощами. Различеніе благонамѣренности отъ зловредной ухищренной гибкости и всѣ приказническіе крючки умѣлъ онъ проникать, иногда и воспользоваться ими для пользы братіи и обители". [1]) Такимъ образомъ, изъ этого простодушнаго свидѣтельства безхитростнаго друга Игнатіева, видно, что высокое благоустройство Сергіевой обители было для настоятеля небезтруднымъ, а весьма скорбнымъ, что съ внутренними скорбями молодой подвижникъ справлялся путемъ невидимаго крестоношенія и помощи Божіей, а въ дѣлахъ внѣшнихъ опирался на данные Богомъ и унаслѣдованные отъ родителей таланты и свой сложный жизненный и подвижническій опытъ.

Заботы Архимандрита Игнатія о внутреннемъ благоустроеніи обители и объ упорядоченіи жизни монастырскаго братства выразились прежде всего, въ умѣломъ и строгомъ подборѣ людей, съ обращеніемъ при этомъ вниманія на ихъ общее нравственное состояніе и на отдѣльныя качества и способности, могущія служить удовлетворенію той или иной потребности монастырской жизни. При этомъ имѣлось въ виду и соотвѣтствіе вновь поступающихъ въ монастырь лицъ общему строю общежительной жизни и той задачѣ миссіонерскаго служенія Сергіевой обители внѣшнему міру, въ тѣсномъ отношеніи къ которому они стоятъ по самому своему положенію вблизи многолюдной столицы и резиденціи Царственныхъ Особъ. Свое пониманіе данной задачи, свой настоятельскій авторитетъ въ этомъ случаѣ Игнатій Брянчаниновъ оберегалъ со всею рѣшительностію своего незауряднаго характера, преслѣдуя не свои цѣли, а братскія и общественныя и не останавливаясь предъ возможностію конфликта съ людьми сильными, но въ пониманіи пользы обители съ нимъ расходящимися. При этомъ онъ не уклонялся отъ перевоспитанія падшихъ душъ, если видѣлъ въ глубинѣ ихъ искру божественной ревности, и не выбиралъ исключительно исправныхъ людей, такъ чтобы для него самого не оставалось никакого труда, хотя всегда имѣлъ въ виду и

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 80—83.

внѣшнюю благопристойность Сергіевскаго братства, чтобы оно никого не могло соблазнять. Нужно было немало пониманія дѣла, характера, предусмотрительности и осторожности въ столь важномъ дѣлѣ. Нетвердыхъ нравственно и опустившихся людей Игнатій Брянчаниновъ избѣгалъ принимать въ свою обитель. Его взглядъ по этому предмету выразился въ оффиціальномъ его отзывѣ по вопросу о принятіи въ Сергіеву пустынь непригоднаго для нея іеромонаха Богоявленскаго Костромского монастыря. По этому отзыву Архимандрита Игнатія—„въ Сергіевой пустынѣ не могутъ быть терпимы недостатки, въ другихъ мѣстахъ еще сносные, ибо она стоитъ на пути, по которому лѣтомъ ежедневно, а зимою весьма часто проѣзжаютъ Члены Высочайшей фамиліи, первые сановники государства, знаменитые иностранцы, и всѣ вышеупомянутыя лица нерѣдко заѣзжаютъ въ обитель, почему и требуется, чтобы братія Сергіевой пустыни была нрава основательнаго, поведенія вполнѣ несомнительнаго и не могла подавать повода ни къ какому соблазну“ [1]). Основательность нрава и несомнительное поведеніе—два требованія, которымъ долженъ, по мнѣнію Архимандрита Игнатія, отвѣчать обитатель Сергіевой пустыни. И онъ держался усвоенной имъ точки зрѣнія даже въ случаѣ невыгоднаго для него столкновенія съ другою волей. И съ его твердыми рѣшеніями и отзывами не могли не считаться. Такъ въ 1843 году, не смотря на желаніе Консисторіи, помѣстить въ Сергіеву пустынь капитана Прибыткова, она вынуждена была отказаться отъ этого намѣренія въ виду отзыва Архимандрита Игнатія: „Поелику Вы, о. Архимандритъ Игнатій отозвались, что не можете изъявить согласія на принятіе въ число послушниковъ оной пустыни просителя капитана Ераста Иванова Прибыткова по особенной склонности его къ уединенію и задумчивости, и потому, что Сергіева пустынь непрестанно посѣщается значительною публикой, то ему Прибыткову въ прошеніи объ опредѣленіи его въ число послушниковъ Троице-Сергіевой пустыни отказать“ [2]). Даже въ томъ случаѣ, когда дѣло касалось не монашествующихъ, а штатныхъ служителей обители, Игнатій выдерживалъ свой взглядъ на живущихъ въ Сергіевой пустыни и боролся съ софизмами лицъ и учрежденій, вступавшихъ съ нимъ въ пререкословіе по вопросу о воспитательномъ воздѣйствіи монастыря на его обитателей [3]). Архимандритъ Игнатій строго цѣнилъ воздержную жизнь, трудолюбіе и усердіе къ послушаніямъ, личный примѣръ каждаго въ

---

[1]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи, отъ 17 октября 1842 года за № 7652.

[2]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи, отъ 22 сентября 1843 годх за № 4600.

[3]) Отношеніе С.-Петерб. губ. Конторы казенныхъ имуществъ отъ 30 ноября 1836 года за № 1055 о служителѣ Дмитріи Михайловѣ и отвѣтъ Архимандрита Игнатія отъ 1 декабря 1836 года за № 143.

своей области [1]). Но онъ вѣрилъ въ возможность исправленія человѣка, по милости Божіей, и не отказывался принимать въ свою обитель людей слабыхъ, но не чуждыхъ искры Божіей или склонныхъ къ покаянію. Подтверждающимъ примѣромъ къ высказанному положенію представляется слѣдующій случай.—Въ январѣ 1823 года въ Соловецкомъ монастырѣ нѣкій монахъ Арсеній впалъ въ ересь лжепророчества, чѣмъ причинилъ Соловецкой обители смятеніе и безпокойство, за что указомъ Святѣйшаго Синода отправленъ былъ въ Анзерскій скитъ подъ строгое содержаніе въ постѣ и молитвѣ, 7 сентября 1837 года опала Св. Синода была снята и конецъ жизни—въ покаяніи и назидательномъ образѣ поведенія, Арсеній, 26 іюля 1838 года принявшій схиму, провелъ въ Сергіевой пустыни. На поляхъ формулярнаго списка о службѣ схимонаха Арсенія сдѣлана Игнатіемъ Брянчаниновымъ такая надпись: „Сподобившись искушеній, которымъ подвергались преподобные Исаакій и Никита Печерскіе, схимникъ Арсеній сподобился и того духовнаго состоянія, котораго сподобились и вышеупомянутые преподобные по избавленіи отъ бѣсовской прелести. Отмѣчался онъ поведенія весьма хорошаго, таковаго же поведенія онъ и нынѣ. По слѣпотѣ и болѣзненности своей къ послушаніямъ неспособенъ; весьма полезенъ для братіи совѣтами своими“ [2]). Отмѣтки замѣчательны и съ общими воззрѣніями Игнатія Брянчанинова гармонируютъ. Архимандритъ Игнатій умѣлъ найти людей и поощрить ихъ. Игнатій Малышевъ, его келейникъ, іеродіаконъ, намѣстникъ, а потомъ и Архимандритъ Сергіевой пустыни, проведенный длительнымъ искусомъ къ вышнему званію, былъ замѣчательнымъ хозяиномъ, строителемъ и художникомъ. Іустинъ, впослѣдствіи намѣстникъ Николо-Бабаевскаго монастыря, былъ замѣчательный знатокъ пѣнія. Поступленіе въ монастырь многихъ лицъ представляется съ обычно-житейской точки зрѣнія случайнымъ. Такъ, замѣчательный архидіаконъ Сергіевой пустыни Гедеонъ I-й былъ выкупленъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ за 200 руб. у табачнаго фабриканта Жукова, у котораго онъ состоялъ рабочимъ и случайно былъ замѣченъ Архимандритомъ Игнатіемъ по своему замѣчательному голосу. Авторитетъ Архимандрита Игнатія въ отношеніи религіозно-воспитательномъ и административномъ отношеніи стоялъ высоко. Въ 1836 году Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Михаилъ Александровичъ Протасовъ сообщилъ Митрополиту С.-Петербургскому, что по всеподданнѣйшему докладу Государю Императору по предмету прошенія Архимандрита Платона о

---

[1]) Это видно изъ дѣла по доносу на строителя Введенскаго Островскаго монастыря іеромонаха Израиля (Указъ С.-Петерб-духов. Консисторіи, отъ 11 іюня 1849 года, за № 2660).

[2]) Надпись эта сдѣлана въ 1856 году.

возвращеніи его изъ Валаамскаго монастыря и объ опредѣленіи попрежнему къ должности Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: „перевести его прежде въ Сергіеву пустынь на испытаніе“. Вслѣдствіе этого, резолюціей Владыки Митрополита было предписано Архимандриту Игнатію, чтобы онъ каждые два мѣсяца докладывалъ Его Высокопреосвященству, какъ объ образѣ мыслей относительно православія, такъ и о поведеніи Архимандрита Платона [1]). Когда Лаврскій іеродіаконъ Владиміръ, оказался „пристрастенъ къ горячему винопитію“, не ночевалъ въ Лаврѣ и явился въ 5 часовъ утра „въ нетрезвомъ положеніи“, Консисторія опредѣлила послать его на Валаамъ для исправленія, а Владыка Митрополитъ распорядился „послать его не въ Валаамскій монастырь, а въ Сергіеву пустынь подъ особенный о поведеніи его надзоръ, а каково онъ сіе время выживетъ велѣть настоятелю отрапортовать намъ“ [2]).

Въ 1835 году Оберъ-Прокуроръ Свят. Синода С. Д. Нечаевъ, представляя на Высочайшее воззрѣніе Государя Императоря экземпляръ журнала „Христіанское чтеніе“, довелъ до свѣдѣнія Его Величества, что Свят. Синодъ имѣетъ предположеніе издавать въ пользу простолюдиновъ, между которыми грамотность годъ отъ году умножается, отдѣльныя житія святыхъ, заимствуя ихъ изъ Минеи-Четьи, такъ какъ люди этого класса по преданности вѣрѣ отцовъ особенно любятъ такія назидательныя повѣствованія и они для нихъ вообще понятнѣе и полезнѣе всякаго другого рода сочиненій. При этомъ Г. Оберъ-Прокуроромъ доложено было, что употреблена будетъ надлежащая въ этомъ дѣлѣ осмотрительность и что для начала предполагается печатать жизнеописанія святыхъ, въ Россіи просіявшихъ, нашихъ Великихъ Князей, Іерарховъ и проч. такъ, чтобы собраніе этихъ первыхъ опытовъ было для простого народа нѣкоторымъ памятникомъ не только въ церковномъ, но и въ отечественномъ отношеніи. Его Императорское Величество соизволилъ признать эту мысль полезною. По сообщеніи вышеизложеннаго Свят. Синоду, опредѣленіемъ Синода отъ 7 марта 1835 года—составленіе жизнеописаній святыхъ возложено на настоятеля второклассной Сергіевой пустыни Архимандрита Игнатія, съ указаніемъ при этомъ начать свои занятія съ житій святыхъ, въ Россіи просіявшихъ, какъ то: Россійскихъ Великихъ Князей, Іерарховъ и проч., и каждое жизнеописаніе по составленіи представлять отдѣльно, чрезъ Митрополита, въ Свят. Синодъ на разсмотрѣніе [3]).

---

[1]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія, отъ 10 апрѣля 1836 года, за № 1360.

[2]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія, отъ 12 октября 1840 года, за № 5675.

[3]) Указъ Свят. Синода отъ 23 марта 1835 г., за № 3875. Указъ Консисторіи на

Близкое сердцу Архимандрита Игнатія, попеченіе о благолѣпіи церковнаго Богослуженія на первыхъ порахъ его настоятельства было трудно-осуществимо за ограниченностію въ монастырѣ штата священнослужителей и по причинѣ частыхъ требованій необходимыхъ для надобностей обители іеромонаховъ на флотъ. Требованія іеромонаховъ во флотъ предъявлялись настоятелю очень часто безъ предувѣдомленія, къ немедленному исполненію, и притомъ въ такомъ количествѣ, что религіозно-богослужебныя потребности обители могли остаться безъ удовлетворенія за отсутствіемъ совершителей Богослуженія [1]). Имѣя въ виду обезпеченіе обители исправнымъ, безпрепятственнымъ и благолѣпнымъ совершеніемъ богослуженія, столь важныхъ для собственныхъ нуждъ монастыря и для пріѣзжающихъ на Богомоленіе, а также незамедлительность удовлетворенія требованій священнослужителей для флота и другихъ внѣшнихъ потребностей Архимандритъ Игнатій прошеніемъ отъ 13 апрѣля 1836 года на имя Митрополита С.-Петербургскаго, отмѣчая частыя требованія, іеромонаховъ на флотъ и нужды обители, ходатайствовалъ объ увеличеніи штата іеромонаховъ, „дабы пустыня могла безпрепятственно представлять двухъ іеромонаховъ на флотъ“. Свое ходатайство со стороны потребностей самой обители Архимандритъ Игнатій мотивируетъ тѣмъ, что Сергіева пустыня содержится единственно отъ богомольцевъ, стекающихся въ

имя Архимандрита Игнатія, отъ 30 марта 1835 г., за № 1265. Все это происходило въ мартѣ. Въ августѣ Архимандритъ Игнатій, чрезъ Митрополита С.-Петербургскаго Серафима, представилъ уже Свят. Синоду первый свой трудъ—житіе Св. Великаго Князя Владиміра. Житія, прежде печатанія ихъ, были просматриваемы Архіереями, засѣдавшими въ Свят. Синодѣ. Митрополитъ Филаретъ просматривалъ житія Святителей Россійскихъ: Митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны, а также житія Преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. Въ дѣлѣ Свят. Синода имѣется собственноручная записка Митрополита Филарета:

„Житія трехъ Святителей Россійскихъ для общаго чтенія назидательны. Немногія выраженія, для большей точности, измѣнены по представленію моему въ присутствіи Свят. Синода“.

„Житія преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія назидательны для монашествующихъ. Нѣкоторыя мѣста замѣчены мною для исключенія при печатаніи въ общенародное чтеніе. Можетъ быть, и еще нѣкоторыя опущенія вели бы къ той же цѣли, чтобы сдѣлать чтеніе сіе болѣе общеупотребительнымъ“. Архив. Свят. Синода, дѣло 1835 г., № 1375.

[1]) Такъ, Указомъ С.-Петербургской духовной Консисторіи отъ 16 іюня 1835 года, за № 2441, требуется прислать іеромонаха для флота, Указомъ отъ 8 мая 1838 года, за № 2106—требуются для флота четыре іеромонаха; черезъ годъ—Указомъ отъ 16 іюня 1839 года, за № 4438 требуется прислать для флота уже одиннадцать священнослужителей; Указомъ отъ 15 апрѣля 1849 года, за № 1556—требуется прислать двухъ іеромонаховъ для флотской службы; Указомъ отъ 22 іюня 1848 года, за № 2700 требуется четыре іеромонаха для напутствованія помѣщенныхъ въ больницахъ холерныхъ больныхъ.

нее въ лѣтнее время, въ которое отправляются постоянно двѣ обѣдни, довольно часто и три; часто бываетъ соборное служеніе и непрестанные почти молебны и панихиды, такъ что въ одно время бываетъ въ служеніи 7 и 8 іеромонаховъ [1]). Ходатайство Архимандрита Игнатія нашло сочувствіе Митрополита Серафима, который, представленіемъ отъ 1 мая 1836 года, за № 156, просилъ Свят. Синодъ объ увеличеніи штата Сергіевой пустыни. Въ послѣдствіе этого ходатайства, по представленію Свят. Синода опредѣленіемъ отъ 23 мая 1836 года, Высочайшимъ Указомъ отъ 30 мая 1836 года Троице-Сергіева пустыня возведена была въ I классъ. Въ опредѣленіи Свят. Синода по предмету ходатайства объ увеличеніи штата Сергіевой пустыни изложены интересные для характеристики Архимандрита Игнатія мотивы. „Принимая въ разсужденіе, что Сергіевская пустынь, находясь близъ столицы, посѣщается многими богомольцами и часто знатными особами, что въ ней при управленіи нынѣшняго настоятеля нравственное состояніи братіи, благочиніе и порядокъ между ними и въ самомъ церковномъ служеніи ощутительно улучшаются, и что монашествующіе ея нерѣдко командируются во флотъ для морскихъ кампаній, Свят. Синодъ находитъ справедливымъ и полезнымъ, вмѣсто предполагаемаго С.-Петербургскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ только увеличенія въ той пустынѣ числа іеромонаховъ 6-ю человѣками, возвести ее изъ 2-го въ первый классъ, съ присвоеніемъ ей штата людей и содержанія, общаго для монастырей первоклассныхъ, и тѣмъ доставить пустынѣ способъ приготовлять большее число хорошихъ монашествующихъ, поддержать достоинство ея въ мнѣніи народа, довольно къ ней расположеннаго“ [2]). Такимъ образомъ, захудалая и опустившаяся, требовавшая чрезвычайныхъ мѣръ для упорядоченія своей жизни обитель за два съ половиною года настоятельства и неутомимой дѣятельности Архимандрита Игнатія Брянчанинова стала первоклассным монастыремъ, а ея достоинство въ связи съ качествами настоятеля были отмѣчены опредѣленіемъ высшаго Церковнаго Управленія.

Съ возведеніемъ Сергіевой пустыни на степень первоклассного монастыря въ штатъ обители вводилось новое лицо: при настоятелѣ первоклассного монастыря полагается намѣстникъ. Введеніе въ штатъ новаго лица требовало уясненія его правъ и обязанностей, а равно

---

1). „Дѣло Троицкой Сергіевой пустыни, по описи 1841 года, № 16—О прибавленіи къ сей пустынѣ штата іеромонаховъ и о возведеніи по сему случаю пустыни сей изъ II въ I классъ“, л. 2.

2) Выше цитировано „Дѣло“. Опредѣленіе Свят. Синода прописано также въ Указѣ С.-Петерб. дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія, отъ 18 іюня 1836 года, за № 2415.

вызывало необходимость точнаго разграниченія обязанностей между лицами прежняго состава монастырскаго штата. По обязанности настоятеля первоклассной Троице-Сергіевой пустыни, не ограничиваясь устными распоряженіями по распредѣленію обязанностей и послушаній между своими ближайшими сотрудниками, Игнатій Брянчаниновъ составилъ инструкцію для намѣстника и казначея Сергіевой пустыни. Составленная въ духѣ и силѣ Игнатія Брянчанинова, инструкція эта представляетъ, на нашъ взглядъ, замѣчательный документъ сама по себѣ и для выясненія характера составителя. Она имѣетъ слѣдующее заглавіе:—„Первоклассной Троицкой Сергіевской пустыни Настоятеля Архимандрита Игнатія, той же пустыни іеромонахамъ Ѳеофану и Аполлосу.—Инструкція". Содержаніе инструкціи излагается въ слѣдующихъ выраженіяхъ:—„Вслѣдствіе утвержденія іеромонаха Ѳеофана Намѣстникомъ, а іеромонаха Аполлоса—Казначеемъ сей пустыни, предписываю Вамъ вступить въ сіи должности по надлежащему. Для большаго же порядка полагаю нужнымъ изложить слѣдующую инструкцію:

А. Обязанность Намѣстника состоитъ въ тщательномъ вниманіи къ братіи. И потому: 1-е, поставляется ему въ непремѣнный долгъ ежедневно имѣть свѣдѣніе о больныхъ братіяхъ, ежедневно навѣстить каждаго больного и стараться, чтобы больные были посѣщаемы докторомъ, чтобы никто не смѣлъ лѣчиться у шарлатановъ и въ особенности пускать кровь своевольно.

2-е. Чтобы всѣ были въ церкви Божіей и каждый при своей должности и на своемъ мѣстѣ; если же кого нѣтъ,—узнать причину отсутствія. Если причина окажется позволительна или естественна, то взысканія не чинить; если же причина сія есть головная боль, то принимать немедленно рѣшительныя мѣры, и такового отправлять немедленно на дачу. Если встрѣтится сопротивленіе, то употреблять силу штатныхъ.

3-е. Всѣ сіи случаи доводить до свѣдѣнія Настоятеля, кромѣ мелочныхъ, незаслуживающихъ вниманія. Почему Намѣстникъ долженъ имѣть списокъ всѣхъ братій, и для памяти отмѣчать въ графѣ противу имени о его болѣзни, или отлучкѣ и подобномъ.

4-е. Намѣстникъ во время отлучки Настоятеля изъ монастыря замѣняетъ его власть, впрочемъ рѣшая по своему усмотрѣнію маловажные случаи. Рѣшенія же важныя оставлять до прибытія Настоятеля. Намѣстникъ не имѣетъ права уволить кого либо въ Петербургъ по собственной надобности, ибо сіе право принадлежитъ единственно Настоятелю. Если же случится кому крайняя необходимость, то Намѣстникъ можетъ уволить не иначе, какъ по совѣщаніи съ старшею братіею и съ билетомъ на простой бумагѣ за общимъ подписаніемъ всѣхъ старшихъ братій, на совѣщаніи бывшихъ. Такъ-же

поступать и въ прочихъ важныхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, въ отсутствіи Настоятеля.

5-е. Старшая братія къ совѣщанію должны быть слѣдующіе: a) Духовникъ, b) Казначей, c) Ризничій, d) Благочинный, e) Экономъ. Совѣщаніе чинится наединѣ, не допуская въ оное просителя. Рѣшеніе Собора просителю объявляетъ Намѣстникъ.

6-е. Въ отсутствіе или во время болѣзни Намѣстника занимаетъ его должность Казначей, за отсутствіемъ же обоихъ—Ризничій и такъ далѣе—по старшинству.

В. Казначей единственно обязанъ завѣдывать суммою и вести въ порядкѣ книги, какъ неокладной, такъ и штатной, равно и братской суммы, приготовлять списки братій при раздачѣ кружки и оную раздавать. Прочія вещи, находившіяся въ завѣдываніи Казначея, имѣютъ поступить отселѣ въ вѣдомство Экономa". Инструкція эта подписана Архимандритомъ Игнатіемъ и помѣчена 29 сентября 1836 года и № 115. Въ этой инструкціи всего болѣе интересна часть первая и, въ особенности, начало ея, гдѣ, въ п.п. 1 и 2 опредѣляются обязанности намѣстника въ отношеніи къ братіи и рѣшительныя мѣры противъ „головной боли"—съ немедленнымъ выселеніемъ больного—„на дачу". Честь и достоинство обители ставили Архимандрита Игнатія на стражу, а грубость нравовъ и слабоволіе человѣческое вызывали на рѣшительныя мѣры. Честь и достоинство обители возросли за время настоятельства Игнатія Брянчанинова [1]), ея внѣшнее благоустройство, красота храмовъ и кладбища, порядокъ, чистота и видимое довольство на прилегающихъ къ ней земельныхъ участкахъ, основательныя хозяйственныя постройки—все это говорило стороннему наблюдателю о значительной обезпеченности обители, хотя этого въ то время еще и не было, а со стороны недоброжелателей монастырскихъ вызывало завистливые взгляды и даже литературные нападки, на которые обитатели пустыни всегда могли отвѣтить указаніемъ на понесенные въ прошломъ тяжелые труды свои и на непрерывный церковно-религіозный подвигъ въ настоящемъ, привлекающій къ обители взоры и сердца, какъ труждающихся и обремененныхъ жизнію, такъ и просто любопытствующихъ. Разсматривая обстоятельно и исторически монастырскій вопросъ и высказывая свое „Слово въ защиту Русскихъ монастырей", противъ литературныхъ рѣзкихъ нападокъ на Сергіеву пустынь, настоятель Архимандритъ Игнатій съ утѣшеніемъ указываетъ на привлекаемое обителью вниманіе міра. Сергіева пустынь, говоритъ онъ, стоитъ на берегу Финскаго залива, т. е. попе-

[1]) Не даромъ же свидѣтель его трудовъ, впослѣдствіи намѣстникъ пустыни игуменъ Агаѳангелъ называетъ его благодѣтелемъ Сергіевой пустыни (Досуги Инока, Спб. 1901 г., стр. 44).

регъ дороги стала. Мимо надо ѣхать въ Петергофъ, въ Стрѣльну, въ Знаменское, Михайловское. Добрые люди ѣдутъ мимо, да иногда и въ Сергіеву обитель заѣзжаютъ. Въ числѣ любящихъ помолиться въ святой обители бываютъ, начиная отъ смиренныхъ рабовъ Божіихъ, тружениковъ мужиковъ и солдатъ, до ихъ любимаго Отца—Царя съ Его Августѣйшей Семьею. Всѣ, по милости Божіей, съ теплымъ чувствомъ уѣзжаютъ; въ этомъ не разъ сознавались даже разноплеменные народы и иностранные посланники, сперва увлекаемые любопытствомъ, а потомъ повторявшіе посѣщеніе ради христіанскаго теплаго чувства, которое не дается земными суетами [1]). Въ объясненіе богатства и благоустройства Сергіевой пустыни, авторъ цитируемаго ниже „Слова“ справедливо указываетъ на духъ Русскаго народа и некорыстные усердные труды братства. Изящество зданій и нѣкоторыя постройки Сергіевой пустыни были бы не по средствамъ. Въ ихъ созиданіи виноватъ духъ Русскаго народа, который неизмѣнно дѣйствуетъ во всѣ вѣка. Посмотрите на любую деревню: народъ какъ муравьи, лѣпится въ своихъ бѣдныхъ хижинахъ, а храмъ Божій выстроитъ и высокъ, и прекрасенъ; золотой крестъ такъ и уходитъ въ небеса. Самъ людъ Божій чуть не въ рубищахъ ходитъ, а въ храмѣ Божіемъ все норовитъ, чтобы блистало золотомъ и серебромъ и ужъ какъ простодушно радуется то, что разукрасилъ Божій храмъ. Ну, какъ вы перевоспитаете вѣками сложившійся духъ народа?... И происходитъ это отъ того, что народъ Русскій правильнѣе смотритъ на земную жизнь, чѣмъ высокоумные философы: земля для него путь; домъ—ночлегъ странника, а храмъ Божій—теплый пріютъ, ниспосланный ему милостью Великаго Хозяина, согрѣвающаго душу надеждами и напоминаніемъ о загробной жизни и вѣчномъ блаженствѣ. Вотъ вамъ тайна построекъ Сергіевой пустыни. Въ этихъ великолѣпныхъ зданіяхъ блестятъ и слезы матери, схоронившей всѣ свои земныя радости въ землѣ святой обители, и грустныя думы мужа—христіанина, смиренно ожидающаго дня свѣтлаго свиданія съ незабвеннымъ другомъ, и глубокая скорбь жены, не желающей земныхъ утѣшеній въ потерѣ любимаго мужа, и благоговѣйная память дѣтей, чтущихъ и за гробомъ любимыхъ родителей. Зачѣмъ же вы хотите лишать ихъ послѣдней свѣтлой радости въ скорбяхъ? И что вы дадите въ замѣну высокаго невещественаго стремленія къ тому, что невѣдомо

---

[1]) Архимандритъ Игнатій. Слово въ защиту Русскихъ монастырей. Спб. 1874 г. По времени появленія въ печати и въ соображеніи нѣкоторыхъ фактовъ (напр. стр. 60) „Слово“ это слѣдуетъ приписать Архим. Игнатію Малышеву, но по обстоятельности разработки вопроса, по слогу и духу своему оно принадлежитъ Игнатію Брянчанинову. Мы полагаемъ, что эта работа Игнатія Малышева начата была подъ руководствомъ Игнатія Брянчанинова.

разуму, невидимо глазомъ, но что такъ близко говоритъ сердцу, что такъ ясно Русскому народу, вѣрующему и въ годину испытанія и въ минуты радости. Идите, мертвецы, хоронить своихъ мертвыхъ; не мѣшайте живому народу святой Руси вѣрить, надѣяться и любить въ благолѣпныхъ храмахъ! [1]).

Административная дѣятельность Архимандрита Игнатія Брянчанинова еще болѣе осложняется съ назначеніемъ его въ возрастѣ 31 года въ маѣ 1838 года на должность благочиннаго монастырей С.-Петербургской епархіи съ соединеніемъ, при этомъ, двухъ ранѣе существовавшихъ благочиній въ одно подъ управленіемъ Архимандрита Игнатія. До назначенія Игнатія Брянчанинова благочиннымъ монастырей, въ С.-Петербургской епархіи было два монастырскихъ благочинія и благочинными монастырей состояли Зеленецкій Архимандритъ Кириллъ и Валаамскій игуменъ Веніаминъ. Назначеніе Игнатія Брянчанинова состоялось по предложенію Митрополита С.-Петербургскаго, данному С.-Петербургской духовной Консисторіи 4 мая 1838 года, въ такихъ выраженіяхъ: „Надъ всѣми, состоящими въ С.-Петербургской епархіи нашей мужскими и женскими монастырями признали мы, по обстоятельствамъ, нужнымъ опредѣлить благочиннымъ первокласснои Троицкой Сергіевой пустыни настоятеля о. Архимандрита Игнатія, а затѣмъ бывшихъ благочинныхъ оныхъ монастырей — Зеленецкаго Архимандрита Кирилла и Валаамскаго монастыря игумена Веніамина отъ сихъ должностей уволить“. [2]) Съ этихъ поръ начинается продолжительный періодъ [3]) многотруднаго и полезнаго для монастырской и церковной жизни въ С.-Петербургской епархіи служенія Игнатія Брянчанинова въ должности Благочиннаго монастырей. Обширное и неудобное въ отношеніи путей сообщенія, неблагоустроенное по состоя-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 65—67.

[2]) „Дѣло—первоклассной Троицкой Сергіевой пустыни, по описи 1839 года, № 36.—Объ опредѣленіи Архимандрита сей пустыни благочиннымъ надъ монастырями С.-Петербургской епархіи и о благосостояніи оныхъ и находящейся въ нихъ братіи“—л. 1.; Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія, отъ 22 іюня 1838 года, за № 3073.

[3]) Благочиннымъ монастырей Игнатій Брянчаниновъ состоялъ, можно сказать, до самаго своего назначенія на Черноморскую каѳедру, потому что назначенія иного лица на указанную должность за это время не было; лишь въ началѣ октября 1857 г., по представленію Игнатія Брянчанинова, экономъ Александро-Невской лавры іеромонахъ Германъ опредѣленъ былъ помощникомъ благочиннаго (Указъ С.-Петербург. Консисторіи отъ 7 октября 1857 года, за № 5760). Такимъ образомъ, въ это время Архимандритъ Игнатій еще состоялъ Благочиннымъ монастырей. Отъ исполненія обязанностей по этой должности Архимандритъ Игнатій былъ свободенъ фактически только во время предоставленныхъ ему по болѣзни отпусковъ, такъ, напр., съ апрѣля 1847 г. по іюнь 1848 года, когда онъ жилъ въ Бабаевскомъ монастырѣ. (Указы С.-Петерб. дух. Консисторіи, отъ 13 апрѣля 1847 года, за № 1612 и отъ 11 іюня 1848 года, за № 2416).

нію монастырской жизни благочиніе [1]) требовало полнаго вниманія и значительныхъ силъ и энергіи воли со стороны благочиннаго. Исполненіе этой должности, отъ которой Архимандритъ Игнатій не отказывался единственно по монашескому послушанію, было причиной ослабленія его некрѣпкаго здоровья при неоднократныхъ поѣздкахъ по монастырямъ. Вмѣстѣ съ этимъ оно доставляло ему и цѣлый рядъ духовныхъ скорбей. Вмѣсто сравнительно спокойной жизни въ благоустроенной имъ Сергіевой пустынѣ, ему пришлось вникать въ нестроенія чужихъ обителей, тяжелыя и, подчасъ, оскорбляющія чистоту монашескаго настроенія проступки и преступленія. Вмѣсто созерцательной духовно-аскетической жизни и сосредоточенной кабинетной работы надъ близкими его сердцу „Аскетическими опытами", Архимандриту Игнатію пришлось исписать кипы бумаги, написать почти книги по разбору и разслѣдованію своеобразныхъ ересей и противо-нравственныхъ преступленій, рекомендовать рядъ мѣръ къ устроенію жизни обуреваемыхъ зломъ людей, проявлять отеческую къ нимъ строгость, плакать о гибели людского духа, молиться о людскихъ невѣжествіяхъ. Архивъ Троице-Сергіевой пустыни за время настоятельства Игнатія Брянчанинова наполовину состоитъ изъ дѣлъ по благочинію монастырей С.-Петербургской епархіи. По этимъ обстоятельно изложеннымъ и въ порядкѣ содержащимся дѣламъ можно съ удобствомъ писать исторію монастырей и духовной жизни С.-Петербургской епархіи за XIX вѣкъ. Трудолюбіе, аккуратность и канцелярскій талантъ П. П. Яковлева въ дѣлахъ благочинія монастырей нашли себѣ надлежащее приложеніе и выразились во всей полнотѣ.

Совѣты и мнѣнія по дѣламъ строительнымъ, указанія по вопросамъ внутренней—монастырской и богослужебной жизни обителей, разъясненія по вопросамъ отчетности, умиротвореніе враждующихъ, обслѣдованіе заблужденій и преступленій, проектированіе мѣръ взысканія и вразумленія, исходя изъ настроенія Игнатіева, содѣйствуя упорядоченію монастырской жизни, обогащали духъ его новыми переживаніями, увеличивали жизненный опытъ, упрочивали взглядъ на жизнь. Но, какъ на всѣхъ почти подобнаго рода должностяхъ,—въ благочиніи приходилось болѣе всего сталкиваться съ отрицательными сторонами человѣческой жизни, вызывавшими скорбное чувство пастыря благочиннаго. Не считая своей задачей полное изображеніе монастырской жизни за время исполненія благочинической должности Игнатіемъ

---

[1]) Во время вступленія Архимандрита Игнатія въ должность благочиннаго монастырей С. Петерб. епархіи въ составѣ благочинія были монастыри: 1) Спасо-Преображенскій Валаамскій, 2) Троицкій Зеленецкій, 3) Рождественскій Коневскій, 4) Введенскій Островскій, 5) Богословскій Черменецкій, 6) Староладожскій Николаевскій, 7) Староладожскій Успенскій (женскій) и 8) Троице-Сергіева пустыня.

Брянчаниновымъ, отмѣтимъ нѣкоторые примѣры подлежавшихъ его вниманію дѣлъ. Какъ это ни страннымъ покажется, но благочинному монастырей Архимандриту Игнатію болѣе всего доставлялъ безпокойства Валаамскій монастырь. Являясь однимъ изъ древнѣйшихъ Русскихъ монастырей и какъ бы памятникомъ начальнаго христіанства на Руси, монастырь въ началѣ XIX вѣка обуревается внутренними нестроеніями. Яркимъ выраженіемъ этихъ нестроеній является возникшее въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Валаамскомъ монастырѣ дѣло по доносу игумена Варлаама и монаха Іосіи. Сущность этого сложнаго и совершенно разстроившаго монастырскую жизнь и добрыя братскія отношенія на Валаамѣ дѣла заключается въ томъ, что 1) бывшій игуменъ Варлаамъ и монахъ Іосія донесли Святѣйшему Синоду о возникшей среди Валаамской братіи ереси, состоявшей въ свободномъ и нецерковномъ взглядѣ нѣкоторыхъ иноковъ на церковные обряды, таинства и посмертную участь души. Сверхъ того, бывшій игуменъ Варлаамъ и монахъ Іосія обвиняли въ цѣломъ рядѣ противозаконныхъ поступковъ и указывали недостатки поведенія игумена Веніамина и намѣстника Иринарха.

2) По доносу іеромонаха Іезекіиля, поданному еще въ 1832 году, отмѣчался цѣлый рядъ непорядковъ во внутренней жизни Валаамскаго монастыря, окончательнаго разслѣдованія и суда по которымъ до 1838 года не было [1]). Еще до назначенія на должность благочиннаго монастырей, Архимандритъ Игнатій получилъ порученіе Консисторіи разобраться въ распряхъ по Валаамскому монастырю [2]). Обстоятельный и пунктуальный докладъ Архимандрита Игнатія по этому вопросу и легъ въ основаніе донесенія Митрополита Серафима Святѣйшему Синоду и опредѣленія Святѣйшаго Синода по предмету Валаамскихъ безпорядковъ. Высочайше утвержденнымъ 17-го декабря 1838 года опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 17 октября 1838 года многолѣтніе безпорядки Валаамскаго монастыря были окончательно ликвидированы: главные виновники были удалены съ Валаама съ помѣщеніемъ ихъ въ различные монастыри—Архангельской, Костромской, Калужской и Вологодской епархій, а нѣкоторые изъ нихъ, имѣвшіе въ отношеніи безпорядковъ важное значеніе, какъ распространители ереси, монахъ Порфирій, состоявшій въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ также Архимандритомъ Платономъ и іеромонахъ Аполлосъ были помѣщены въ Сергіеву пустынь подъ ближайшій надзоръ

---

[1]) Дѣло игумена Варлаама и монаха Іосіи подробно изложено въ Указѣ Святѣйшаго Синода по предмету его, на 12-ти листахъ, отъ 31 декабря 1838 года, за № 11640, имѣющемся въ спеціальномъ „Дѣлѣ".

[2]) Указъ С.-Петербургской духовной Консисторіи отъ 31 января 1838 года, за № 437.

настоятеля и для испытанія его образа мыслей и поведенія. Другимъ были сдѣланы внушенія, инымъ рекомендовано испросить братское прощеніе за нанесенныя оскорбленія, нѣкоторые, за невиновностію, были оставлены безъ взысканія. Такъ, энергіей настоятеля Троице-Сергіевой пустыни были найдены и церковною властію вырваны зловредные плевелы на духовной нивѣ древняго Валаама. Но для упорядоченія и возрастанія Валаамской обители въ дальнѣйшемъ представлялось крайне необходимымъ назначить новаго опытнаго и пригоднаго для обители, примѣнительно къ обстоятельствамъ, настоятеля. Въ п. 14 опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 17 октября, по сему дѣлу Высочайше утвержденнаго, по этому вопросу постановлено, для прекращенія распрей, подозрѣній и волненія умовъ Валаамской братіи и для прекращенія замѣченнаго въ ней охлажденія къ Богослуженію, предоставить Преосвященному Митрополиту Новгородскому немедленно избрать и представить на утвержденіе Святѣйшему Синоду въ настоятеля оной дознанной честности и способности къ начальствованію въ общежительномъ монастырѣ, съ тѣмъ, чтобы новый настоятель былъ поставленъ въ особенно близкое и частое сношеніе съ благочиннымъ монастырей С.-Петербургской епархіи и вмѣстѣ съ нимъ употребилъ особенное попеченіе къ приведенію Валаамской обители въ свойственный ей чинъ и благоустройство и къ очищенію оной отъ людей, которые духомъ распрей и непокорности препятствуютъ благоустройству и наносятъ нареканіе мѣсту и званію, а вмѣстѣ съ тѣмъ при содѣйствіи братіи, сохранялъ и хозяйство монастыря въ наилучшемъ порядкѣ, повѣривъ первоначально при старшей братіи расходъ по книгамъ и документамъ [1]). Благочиннымъ монастырей С.-Петербургской епархіи въ это время уже былъ Архимандритъ Игнатій. И въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода по дѣлу о Валаамскихъ безпорядкахъ нельзя не видѣть поощрительнаго вниманія Высшей церковной власти къ Игнатію Брянчанинову и очевиднаго желанія, чтобы и въ дальнѣйшемъ устроеніе дѣлъ и жизни Валаамскаго монастыря стояло подъ ближайшимъ руководственнымъ вліяніемъ его, какъ знатока монастырскихъ дѣлъ, мудраго и энергичнаго начальника. Въ такомъ смыслѣ, несомнѣнно, было принято синодальное опредѣленіе и С.-Петербургскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ: сообщая окончательно состоявшееся рѣшеніе по Валаамскому дѣлу Архимандриту Игнатію къ исполненію въ соотвѣтственныхъ пунктахъ, С.-Петербургская Консисторія по п. 14 Высочайше утвержденнаго опредѣленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода предоставляетъ Архимандриту Игнатію: какъ посѣщавшему Валаамскую обитель и знающему оную, донесть

---

[1]) Указъ Святѣйшаго Синода на имя Митрополита Серафима, отъ 31 декабря 1837 г., за № 11640.

Его Высокопреосвященству, не имѣете ли вы въ виду кого изъ числа тамошней братіи способнаго и достойнаго быть настоятелемъ оной“ [1]). Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода и Указомъ Консисторіи Валаамскій монастырь становился подъ вліяніе Игнатія Брянчанинова: ему поручено рекомендовать кандидата на настоятельскую должность и на него же возложено руководство дѣятельностію новаго настоятеля. Указъ консисторіи предлагаетъ намѣтить кандидата на Валаамское настоятельство „изъ числа тамошней братіи“, чѣмъ возстановляется на время нарушенный порядокъ настоятельства на Валаамѣ [2]). Хорошо освѣдомленный о составѣ Валаамскаго братства, Архимандритъ Игнатій рекомендовалъ на настоятельскую должность въ Валаамскомъ монастырѣ извѣстнаго ему аскетически-подвижническою жизнію скитскаго монаха Дамаскина, не имѣвшаго даже священнаго сана. Избраніе Дамаскина Архимандритомъ Игнатіемъ совпало съ волею Государя Императора и Святѣйшаго Синода, и 30 января 1839 года Дамаскинъ, по предварительномъ посвященіи въ іеромонахи, произведенъ былъ въ санъ игумена и назначенъ настоятелемъ Валаамскаго монастыря [3]). 5-го марта игуменъ Дамаскинъ возвратился съ благочиннымъ Архимандритомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ въ свою родную Валаамскую обитель, былъ встрѣченъ торжественно съ колокольнымъ звономъ и принялъ Валаамскую обитель въ свое правленіе [4]). Такъ, при участіи Архимандрита Игнатія закончились Валаамскіе безпорядки и жизнь этой обители приняла то направленіе рѣдкаго трудолюбія и строгаго подвижничества, которымъ Валаамская обитель до нашихъ дней имѣетъ воспитательное вліяніе на мятущійся внѣшній міръ [5]).

---

[1]) Указъ С.-Петербургской дух. Консисторіи, отъ 7 января 1839 года, за № 107.

[2]) Опредѣленіемъ Свят. Синода, отъ 23 іюля 1813 года, за № 1657 было постановлено, чтобы настоятели въ Валаамскій монастырь, въ случаѣ вакансіи, были опредѣляемы навсегда изъ тамошнихъ монашествующихъ, достойные и способные къ содержанію въ непоколебимости общежительнаго устава. Съ 1833 по 1839 годъ опредѣленіе это было измѣнено: настоятель Веніаминъ былъ присланъ на Валаамъ изъ Коневскаго монастыря. Онъ нарушалъ добрые порядки и уставы Валаамскаго монастыря и при немъ, именно, Валаамская обитель пришла въ разстройство и упадокъ.

[3]) Свѣдѣнія объ игуменѣ Дамаскинѣ можно получить въ книгѣ: „Валаамскій монастырь и его подвижники“, изд. 3-е, Спб. 1903 г., стр. 169—175 и 89; въ той же книгѣ—подробное сообщеніе о Валаамскомъ монастырѣ. Объ игуменѣ Дамаскинѣ есть также въ „Жизнеописаніяхъ отечественныхъ подвижниковъ благочестія“ XVIII и XIX вѣковъ.

[4]) Валаамскій монастырь и его подвижники, стр. 175.

[5]) У автора живо съ дней юности отрадное воспоминаніе посѣщенія Московской духовной Академіи о. игуменомъ Дамаскиномъ съ старшею братіею Валаамской обители. Гости производили своимъ видомъ, настроенностію и простымъ словомъ своимъ впечатлѣніе ангелоподобныхъ людей. Это было во время ректорства въ Академіи архимандрита Антонія (Храповицкаго), нынѣ Архіепископа Харьковскаго.

Къ обязанностямъ благочиннаго Архимандрита Игнатія въ скоромъ времени отнесено было наблюденіе за состоящими въ С.-Петербургѣ часовнями Валаамскаго и Коневскаго монастырей [1]). Впослѣдствіи, когда Архимандритъ Игнатій освобожденъ былъ временно отъ благочинническихъ обязанностей, наблюденіе за Валаамскимъ подворьемъ все-таки было оставлено за нимъ [2]), такъ что по временамъ, выполняя свои служебныя обязанности въ этомъ отношеніи, онъ могъ отдаваться воспоминаніямъ своей юности, когда Димитрій Брянчаниновъ съ Мишей Чихачовымъ несли въ Валаамское подворье свои чистыя мечты.

Проницательный, логичный умъ, безпристрастіе и самобытность, энергія и рѣшительность Архимандрита Игнатія Брянчанинова обнаружились не только въ дѣятельности его по благоустроенію Сергіевой пустыни и по управленію монастырями С.-Петербургской епархіи, но и въ успѣшномъ выполненіи имъ разнаго рода начальственныхъ порученій по дѣламъ весьма сложнымъ. Встрѣчается мнѣніе о дворянскихъ симпатіяхъ Игнатія Брянчанинова, о склонности его рѣшать жизненные вопросы подъ угломъ зрѣнія барина-помѣщика. Мнѣніе праздное и необоснованное. Въ доказательство его свободы отъ навязываемой ему и мало мирящейся съ его духовнымъ укладомъ, именно, церковнаго дѣятеля тенденціи можно сослаться на найденную нами въ архивѣ Сергіевой пустыни, прекрасно переписанную, на хорошей бумагѣ и въ коленкоровомъ переплетѣ интересную рукопись подъ заглавіемъ: „Записка старшаго депутата Архимандрита Игнатія Брянчанинова по слѣдственному дѣлу помѣщика Страхова 1851 года“, съ дополненіемъ изъ арестантскаго дѣла архива Правительствующаго Сената 1860 года августа 7-го, № 277, а), мнѣнія по тому дѣлу Начальника Новгородской губерніи, 30 августа 1860 года и б) Опредѣленія Правительст. Сената 20 марта 1860 года [3]). Сущность этого дѣла, которое къ концу производства разрослось до XIV томовъ на 4648 листахъ съ приложеніями, заключается въ многолѣтней, полной трагизма тяжбѣ крѣпостныхъ крестьянъ и помѣщика подполковника Страхова, возникшей вслѣдствіе жалобы крестьянъ на непомѣрное обремененіе ихъ работами, на насилованіе ихъ женъ и дочерей помѣ-

---

[1]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи, отъ 13 декабря 1841 г., за № 7787.

[2]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи, отъ 11 іюня 1852 г., за № 3613.

[3]) Въ концѣ этой „Записки“ сдѣлана приписка рукою переписчика: „усердный, тщательный трудъ переписыванія этой записки по порученію настоятеля, отца Архимандрита Игнатія Брянчанинова исполнилъ за святое послушаніе поступившій въ 1851 году въ Сергіеву пустыню, для пріобученія себя къ монашеской жизни, сынъ чиновника Алексѣй Николаевичъ Воскресенскій, впослѣдствіи съ 1862 года намѣстникъ сея же обители іеромонахъ Агаѳангелъ“. Еще ниже написано: „Очевидецъ труда переписыванія записки бывшій сопутникъ старшаго депутата Сергіевскаго отца Архимандрита Игнатія въ городъ Устюжну и обратно Павелъ Яковлевъ“.

щикомъ Страховымъ, на насильственное заключеніе браковъ, съ розгами при церковныхъ дверяхъ и т. д. Въ дѣлѣ этомъ принималъ участіе приходскій священникъ Ивановскій и другія духовныя лица. Дѣло полно возмутительныхъ фактовъ. Страховъ обвинялъ священника Ивановскаго въ возмущеніи крестьянъ противъ помѣщичьей власти, и священникъ былъ посаженъ въ тюрьму. Слѣдственная комиссія и всѣ власти держали сторону помѣщика. И вотъ, въ 1851 году по Высочайшему повелѣнію назначено было переслѣдованіе дѣла и старшимъ депутатомъ отъ Духовнаго Вѣдомства назначенъ былъ Архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ [1]).

Игнатій Брянчаниновъ одинъ высказался противъ всего хода дѣла и пристрастнаго направленія его. Въ своей обширной запискѣ онъ обстоятельно и логично, критически разсматриваетъ все слѣдственное дѣло, рѣшительно высказывается въ защиту священника Ивановскаго, исполнявшаго, по его убѣжденію, свой пастырскій долгъ, говоритъ о смиреніи и покорности крестьянъ и высказывается за виновность помѣщика Страхова. Характеръ Игнатія Брянчанинова, его безпристрастіе, высота пастырскаго духа живы въ сужденіяхъ автора этой замѣчательной записки, на 133 большихъ листахъ разрѣшающей вопросъ о взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ и о крѣпостномъ правѣ съ православно-христіанской точки зрѣнія [2]).

Внѣшнее возрожденіе пустыни, которая, благодаря заботамъ настоятеля, возстала изъ развалинъ и благоукрасилась многими красивыми зданіями, было только одной, и, можетъ быть, менѣе важной, стороной дѣятельности Архимандрита Игнатія, какъ настоятеля Троице-Сергіевой пустыни. Главнѣйшей же стороной его многотрудной дѣятельности, потребовавшей всѣ его духовныя силы, всю его духовную опытность, было внутреннееб лагоустройство, нравственное возсозиданіе и духовное обновленіе той обители, которую, живя въ сѣверной столицѣ, по его собственному признанію, онъ не хотѣлъ даже и видѣть, считая ее по всему несоотвѣтствующей его духовнымъ цѣ-

---

[1]) Въ составѣ Слѣдственной Комиссіи по этому дѣлу были: Членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ тайный совѣтникъ Переверзевъ—Предсѣдатель Комиссіи; генералъ-майоръ корпуса жандармовъ—Ахвердовъ и состоящій при межевомъ Департаментѣ сената статскій совѣтникъ Аѳанасенко.

[2]) По окончательному рѣшенію указаннаго дѣла, помѣщикъ Страховъ приговоренъ былъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и вмѣсто ссылки въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ, по негодности его къ нимъ по лѣтамъ, согласно 78 ст. XV т. Свод. Зак. и на основаніи XXII статьи Всемилостивѣйшаго Манифеста 1856 года назначенъ къ ссылкѣ въ мѣста Сибири, менѣе отдаленныя (Окончат. мнѣніе Начальника Новгор. губерніи отъ 3 августа 1860 г. за № 5562). Опредѣленіемъ Правит. Сената отъ 20 марта 1862 года дѣло Страхова смягчено; наказаніе ему назначено по 1344 и 1979 ст. Уложен., но и оно осталось безъ исполненія за смертію Страхова 13 января 1862 года.

лямъ [1]). Если не малыхъ нравственныхъ заботъ и физическихъ испытаній, слезъ и страданій стоило Архимандриту внѣшнее благоустройство монастыря, приведеніе въ порядокъ показной, такъ сказать, его стороны, то моральное возсозданіе обители, распущенной въ нравственномъ отношеніи, стоило ему гораздо большаго...

Заботясь о внѣшнемъ украшеніи и упорядоченіи Сергіевой пустыни, Архимандритъ сразу же установилъ строгій порядокъ и въ жизни своего духовнаго стада: онъ возвысилъ благочиніе въ братіи, настроилъ ихъ къ душеспасительному препровожденію времени въ посильныхъ трудахъ по послушаніямъ и занятіямъ келейнымъ, требовалъ аккуратнаго посѣщенія церкви и пристойнаго стоянія во время церковныхъ богослуженій, и братія, хотя и нерѣдко роптала на строгости новаго настоятеля, но должна была подчиняться. „Братія изъ преждебывшихъ до насъ,—говоритъ въ своихъ запискахъ Чихачовъ,—привыкшіе къ своимъ обычаямъ, принуждены были, не безъ скорби, понуждаться на новый, болѣе строгій порядокъ, все дѣлать такъ, какъ дѣлали вновь поступившіе, то есть, какъ указывалъ настоятель; чинъ церковной службы тоже вводился. Иной напѣвъ, иное стояніе, поклоненіе по положенію, клиросное пристойное пребываніе и проч.—одежда, трапеза и вся жизнь какъ бы вновь созидалась, потому что и мудрованіе, то-есть образъ мыслей и взглядъ на вещи у настоятеля былъ иной отъ того, къ какому прежняя братія навыкли“ [2]). Какъ опытный пастырь, заботящійся о каждой овцѣ своего духовнаго стада, о. Игнатій вникалъ въ келейную жизнь каждаго, для всѣхъ былъ отцомъ и наставникомъ; двери его кельи были открыты для всѣхъ: къ нему входили свободно и престарѣлые монахи священнослужители, и юные послушники, всѣ открывали ему свои помыслы и получали отъ него духовные совѣты. „Тогда это схоже было“,—говоритъ объ этомъ времени Чихачовъ,—„на одну семью, управляемую отцомъ, который зорко наблюдалъ и за исполнителями, и за исполненіемъ. Вся отвѣтственность лежала на отцѣ, т. е. на настоятелѣ. Онъ совмѣщалъ въ себѣ и глубокое знаніе писаній Св. Отцовъ съ монашескимъ дѣятельнымъ опытомъ, и внѣшній навыкъ, и способность въ обращеніи со всякаго рода людьми, и тонкое постиженіе нравовъ человѣческихъ со всѣми ихъ причудными немощами, различіе благонамѣренности отъ зловредной ухищренной гибкости“ [3]).

„Система воспитанія новоначальныхъ у настоятеля была такова: онъ пріучалъ ихъ быть откровенными съ нимъ не только въ дѣлахъ, но и въ помыслахъ. Такая откровенность и близость отношеній не

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 567.
[2]) Записки Чихачова, стр. 80.
[3]) Тамъ-же, стр. 81.

допускала учениковъ до грубыхъ погрѣшностей; какъ то было стыдно и жалко оскорбить своего отца и благодѣтеля"... [1])

„Тщась раскрыть сущность монашескаго жительства, Архимандритъ Игнатій подвизался олицетворить въ себѣ самомъ, и живописью слова изобразилъ другимъ духовную красоту нравовъ древняго Египетскаго монашества, которое было идеаломъ его жизни. Иночествованіе по ученію и примѣрамъ Св. Отцовъ, преимущественно Египетскихъ, было съ дѣтства завѣтною его мыслію. Руководимый этимъ ученіемъ, онъ питалъ безпримѣрную въ наше время любовь къ киновіальному иночеству, и эта любовь была вполнѣ осмыслена: онъ смотрѣлъ на новоначаліе иноческое, какъ на основаніе аскетической науки, гдѣ зарождаются и развиваются монашескіе нравы; а вообще на монашество — какъ на науку изъ наукъ. Въ такомъ духѣ онъ наставлялъ всякаго расположеннаго къ вступленію въ иночество и, силою собственнаго стремленія къ своимъ высокимъ идеаламъ, производилъ могущественное вліяніе на юныя, неиспорченныя жизнью души. Онъ охотно принималъ такихъ въ духовное родство съ собою и руководилъ опытнымъ духоноснымъ словомъ своимъ, которое столь было дѣйствительно, что обращало сердца, отрѣшало отъ многолѣтнихъ навыковъ, ослабляло привычки, измѣняло нравы многихъ. Способностію принимать исповѣдь помысловъ, что составляетъ весьма рѣдкое явленіе въ наше время, Архимандритъ Игнатій обладалъ въ совершенствѣ; многосторонняя опытность, глубокая проницательность, постоянное и точное самонаблюденіе дѣлали его искуснымъ въ цѣленіи душевныхъ струповъ, къ которымъ онъ всегда прикасался самымъ тонкимъ рѣзцомъ духовнаго слова. Умѣя владѣть собою во всякихъ случайностяхъ жизни, не падая духомъ въ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, онъ сообщалъ ту же твердость и тѣмъ, которые исповѣдывали ему свои помыслы: угнетавшая печаль, послѣ исповѣди у него, казалась имъ пустымъ призракомъ. Правильное воззрѣніе на страстную природу человѣка — плодъ многолѣтняго самонаблюденія, изложенное имъ въ статьѣ: „Отношеніе христіанина къ страстямъ его", служило источникомъ утѣшенія для его питомцевъ; оно заставляло ихъ при откровеніи помысловъ высказываться съ полною свободою, довѣріемъ и безбоязненно; они всегда слышали отвѣтъ, вполнѣ примиряющій ихъ съ самими собою; часто примѣръ изъ собственной жизни, приводимый старцемъ, или указаніе на какое-либо въ книгахъ описанное событіе, такъ близко подходили къ исповѣдываемому случаю, что не оставалось никакого сомнѣнія или недоумѣ-

---

[1]) Изъ воспоминаній Архим. Игнатія Малышева (Приложенія при жизнеописаніи Еп. Игнатія (Брянч.), составленномъ его учениками, ст. 123).

нія въ душѣ исповѣдывающагося; ученикъ всегда уходилъ съ утѣшеніемъ отъ старца.

Исповѣдь помысловъ новоначальнымъ инокомъ старцу всегда лежала въ основахъ монашескаго жительства; она входила, какъ непремѣнное условіе, въ кругъ духовнаго воспитанія Архимандрита Игнатія...

Архимандритъ Игнатій соединялъ въ себѣ и мудрость духовную, и внѣшнюю власть, а потому жительство подъ его руководствомъ и въ его обители было драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для искавшихъ монашествовать разумно. Несмотря на свою болѣзненность, онъ принималъ на себя трудъ ежедневно выслушивать исповѣдь помысловъ;— у учениковъ его было даже обыкновеніе вести дневную запись ихъ, и они открывали свои помыслы чистосердечно, съ прямотою, потому что старецъ былъ способенъ принимать такую исповѣдь вполнѣ безстрастно. Польза отъ исповѣди помысловъ была для всѣхъ очевидна. При этомъ старецъ не подвергалъ учениковъ своихъ тягостнымъ испытаніямъ, а сообразовался съ физическими способностями каждаго и умственнымъ развитіемъ, такъ что состояніе подъ его духовнымъ водительствомъ было даже льготно, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи“ [1]).

Взгляды Архимандрита Игнатія, по вопросу объ откровеніи помысловъ выражаются въ его „Приношеніи современному монашеству“ [2]), гдѣ онъ говоритъ по этому вопросу слѣдующее: „Всѣ отцы согласны въ томъ, что новоначальный инокъ долженъ отвергать грѣховные помыслы и мечтанія въ самомъ началѣ ихъ, не входя въ пренія, ниже въ бесѣду съ ними. Для отраженія грѣховныхъ помысловъ и мечтаній отцы предлагаютъ два орудія: 1) немедленное исповѣданіе помысловъ и мечтаній старцу и 2) немедленное обращеніе къ Богу съ теплѣйшею молитвою о прогнаніи невидимыхъ враговъ. Преподобный Кассіанъ говоритъ: завсегда наблюдай главу змія, т. е. начала помысловъ, и тотчасъ сказывай ихъ старцу: тогда ты научишься попирать зловредныя начинанія змія, когда не постыдишься открывать ихъ, всѣ безъ изъятія, твоему старцу. Этотъ образъ борьбы съ бѣсовскими помыслами и мечтаніями былъ общій для всѣхъ новоначальныхъ иноковъ въ цвѣтущія времена монашества. Новоначальные, находившіеся постоянно при своихъ старцахъ, во всякое время исповѣдывали свои помышленія, какъ это можно видѣть изъ житія преподобнаго Досиѳея, а новоначальные, приходившіе къ старцу своему въ извѣстное время, исповѣдывали помышленія однажды

---

[1]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія, составленное его учениками, стр. 82—85.

[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. V.

въ день, вечеромъ, какъ это можно видѣть изъ Лѣствицы и другихъ Отеческихъ книгъ. Исповѣданіе своихъ помысловъ и руководство совѣтомъ духоноснаго старца древніе иноки признавали необходимостью, безъ которой невозможно спастись... Наставленія духоноснаго старца постоянно ведутъ новоначальнаго инока по пути Евангельскихъ заповѣдей, и ничто такъ не разобщаетъ его съ грѣхомъ и началомъ грѣха—демономъ, какъ постоянное и усильное исповѣданіе грѣха въ самыхъ его началахъ. Такое исповѣданіе уставляетъ между человѣкомъ и демономъ спасительную для человѣка непримиримую вражду. Такое исповѣданіе, уничтожая двоедушіе или колебаніе между любовію къ Богу и любовію къ грѣху, даетъ благому произволенію необыкновенную силу, а потому преуспѣянію инока—необыкновенную быстроту, въ чемъ можно убѣдиться опять изъ житія преподобнаго Досиѳея. Тѣ иноки, которые не могли дѣйствовать противъ грѣха постоянною и учащенною исповѣдію грѣховныхъ помысловъ по неимѣнію старца, дѣйствовали противъ него постоянною и учащенною молитвою".

Сознавая, какъ мы видимъ изъ вышеизложеннаго, сколь важнымъ является для новоначальнаго искреннее исповѣданіе помысловъ, безъ котораго невозможно спастись и которое, полагая неразрушимую преграду между человѣкомъ и діаволомъ, способствуетъ быстрому преуспѣянію инока, Архимандритъ Игнатій особенно цѣнилъ и любилъ тѣхъ, кто чистосердечно открывалъ ему свои помыслы. Такимъ былъ прибывшій въ Сергіеву пустынь вмѣстѣ съ настоятелемъ молодой послушникъ-келейникъ его Игнатій (Иванъ Васильевичъ Малышевъ), прозванный „Маленькимъ" въ отличіе отъ другого инока того же имени, красиваго, высокаго ростомъ и блистающаго всѣми наружными преимуществами. Какъ нѣкогда старецъ Леонидъ назначалъ самому Архимандриту Игнатію, тогда еще смиренному послушнику Димитрію, трудныя старческія испытанія въ Александро-Свирскомъ монастырѣ и Площанской пустынѣ, такъ теперь онъ самъ велъ всею душою предавшагося ему „Маленькаго Игнатія" тяжелымъ путемъ внутреннихъ испытаній и смиренія. По собственнымъ воспоминаніямъ этого послѣдняго, когда онъ проходилъ послушаніе свѣчника, бывали такіе случаи. Должность свѣчника въ лѣтнее время требовала безвыходнаго пребыванія въ церкви: свѣчникъ уходилъ только, чтобы пообѣдать или напиться чаю, который первое время братія собиралась пить въ кельѣ настоятеля. Маленькій Игнатій, обыкновенно, приходилъ, когда всѣ уже отопьютъ и въ чайникѣ оказывался не чай, а, какъ выражались, „ай". Нальетъ онъ себѣ чашку такого-то чаю; въ эту минуту, случалось, войдетъ Архимандритъ, возьметъ его за воротъ и гонитъ въ шею вонъ изъ комнаты, приговаривая: „Ахъ, ты окаянный сластолюбецъ! Развѣ ты затѣмъ при-

шелъ въ монастырь, чтобы чай пить? Вонъ пошелъ". И идетъ послушникъ на свое мѣсто къ свѣчному ящику. Товарищъ его, о. Ѳеофанъ Комаровскій (впослѣдствіи Архимандритъ Соловецкаго монастыря) спроситъ бывало: „Что, родименькій? напился чаю?"—Напился, отвѣтитъ Игнатій.

Въ такомъ родѣ уроки бывали ежедневно, особенно первое время, когда о. Архимандритъ былъ еще помоложе и поздоровѣе; но онъ училъ и воспитывалъ каждаго ученика по его силамъ и способностямъ, не щадя своихъ силъ, не жалѣя времени, и, если его ученикамъ бывало не легко принимать его ученія и усваивать себѣ его правила, то и ему не мало трудовъ стоило каждаго отдѣльно воспитать, внушить любовь къ урокамъ и возводить въ духовное состояніе [1]).

Но, строго относясь къ своимъ духовнымъ чадамъ и умѣя учить ихъ, о. Игнатій умѣлъ и любить ихъ. Онъ, по выраженію одного изъ нихъ, „душу свою полагалъ за учениковъ своихъ" [2]); онъ прощалъ имъ всякую немощь, лишь бы человѣкъ сознавалъ ее съ искреннимъ покаяніемъ, никогда не тяготился выслушивать всѣ признанія и подавать нужные совѣты. Маленькій Игнатій въ новоначаліи постоянно надоѣдалъ ему ежеминутнымъ испрашиваніемъ благословенія, безъ котораго не приступалъ ни къ какому дѣлу. Бывало, въ пятомъ часу утра, послушникъ съ первымъ колоколомъ подходилъ къ дверямъ кельи настоятеля, чтобы получить благословеніе идти къ утренѣ, и отецъ Архимандритъ ежедневно отвѣчалъ: „Богъ благословитъ" и никогда не отягощался тѣмъ, что нарушался его короткій ночной отдыхъ, предвидя въ новоначальномъ истиннаго послушника. Ему не нравилось, когда кто-либо изъ братіи уклонялся отъ него или боялся его. Всѣ ближайшіе ученики всегда находились около него, какъ пчелы около матки; онъ пріучалъ ихъ къ чтенію Св. Писанія, часто приглашалъ къ себѣ и заставлялъ читать, какъ бы нужное для него самого, и усматривалъ, кто какъ читаетъ, съ какою вѣрою и любовью къ Слову Божію. Келейниковъ своихъ онъ заставлялъ читать каждый день утреннее и вечернее правило.

Прощая своимъ ученикамъ всякій искренне сознаваемый грѣхъ, настоятель ненавидѣлъ и больше всего преслѣдовалъ лукавство и фарисейство, гордость и тщеславіе. Какихъ, бывало, унизительныхъ качествъ не навяжетъ онъ своему послушнику и заставитъ говорить: я лѣнивый, нерадивый, гордый, самолюбивый, нетерпѣливый, малодушный и проч., и непремѣнно заставитъ все сіе сознать въ себѣ и

---

[1]) Изъ воспоминаній Архим. Игнатія (Малышева), стр. 121, 122.
[2]) Тамъ же.

за все просить прощенія.—Не любилъ также Архимандритъ несогласій и ссоръ: если случалось кому поссориться, онъ немедленно призывалъ тѣхъ къ себѣ и мирилъ, чтобы не оставалость непріязни до другого дня. Живущій въ монастырѣ простой старецъ Антоній такъ усвоилъ себѣ это правило, что, бывало, вечеромъ ходитъ всюду, ищетъ брата, съ которымъ размолвился, и всѣхъ спрашиваетъ: не видалъ ли такого-то? И на вопросъ: зачѣмъ тебѣ онъ?, отвѣчаетъ: „да видишь-ли, голова, давеча съ нимъ поразмолвилъ, а отецъ говоритъ: солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ; надо прощенья просить“. И непремѣнно отыщетъ брата и исполнитъ свое благое намѣреніе.

Не любилъ отецъ Игнатій еще и унынія и, никогда не воспрещая ученикамъ своимъ веселости въ обращеніи между собой даже въ его присутствіи, если видѣлъ кого-либо печальнымъ, спрашивалъ сейчасъ же о причинѣ и утѣшалъ, прибавляя: „Уныніе не отъ Бога, исповѣдуй грѣхъ и будь веселъ“ [1]).

Невозможно исчислить всѣхъ примѣровъ мудраго руководства и добраго, полнаго любви наставничества, какіе явилъ Архимандритъ Игнатій за время своего 23-лѣтняго пребыванія въ Сергіевой пустынѣ, сколькихъ немощныхъ духомъ онъ сдѣлалъ здоровыми, спасъ отъ унынія, отчаянія, грѣха и даже смерти. Приведемъ, пользуясь воспоминаніями келейника его—Маленькаго Игнатія, хотя нѣсколько такихъ примѣровъ.

„Нѣкто Платонъ Яновскій, бывшій придворный малолѣтній пѣвчій, пришелъ въ монастырь, и вскорѣ открылся у него прекрасный голосъ-баритонъ; пѣвецъ не уступалъ знаменитымъ италіанцамъ, и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ обители въ качествѣ послушника. Въ это время фельдмаршалъ князь Барятинскій пожелалъ устроить у себя на Кавказѣ хоръ пѣвчихъ, и обратился въ придворную капеллу съ требованіемъ способнаго человѣка для занятія должности регента. Капелла указала на Яновскаго. Яновскому предложены значительный окладъ и блестящая карьера въ будущемъ.

Яновскій, пробывъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, вполнѣ удовлетворилъ желанію князя, и возвратился обратно въ монастырь. Проживши нѣсколько лѣтъ въ другомъ обществѣ, вернулся Платонъ, да не онъ: съ новыми навыками и немощами. Архимандритъ подумалъ: что дѣлать? взять онъ ребенкомъ отъ отца-священника, теперь круглый сирота, и, по свойственному ему милосердію, оставилъ Платона у себя. Яновскій былъ весьма признателенъ къ настоятелю за такую

---

[1]) Изъ воспоминаній Архимандрита Игнатія, перваго келейника Епископа Игнатія Брянчанинова, нынѣ Настоятеля Сергіевой пустыни, стр. 132.

милость; даже въ минуты своихъ слабостей съ плачемъ падалъ ему въ ноги и цѣловалъ его руки. Отеческимъ обращеніемъ отца Архимандрита сохраненъ отъ явной гибели человѣкъ. Яновскій прожилъ до смерти въ монастырѣ и, кромѣ немощи, отъ которой сознательно страдалъ, былъ кроткій, смиренный и истинный христіанинъ, чему служитъ доказательствомъ предсмертное письмо его ко второму настоятелю Игнатію".

Еще другой подобный сему примѣръ представляетъ бывшій Нижегородскій протодіаконъ Василій Петровичъ Малевъ. Это былъ человѣкъ способный, разумный, но подверженный той же немощи; онъ самъ о себѣ говаривалъ: „несчастный я человѣкъ; былъ молодъ, талантливъ,—бывало купцы и помѣщики на рукахъ носили, угощали, угощали Василія Петровича, кровь перепортили; такъ и доживай свой вѣкъ, да страдай В. П.". Это была личность такая солидная и разумная, что совѣстно бывало и напомнить о его слабости. Однажды, по немощи, былъ онъ запертъ въ своей келліи; когда поправился, говоритъ приставнику: „поди къ Архимандриту и скажи, что мнѣ нужно поговорить съ нимъ". Архимандритъ благословилъ придти. Малевъ входитъ къ настоятелю и чинно помолившись передъ св. иконами говоритъ: „вотъ что, батюшка, вамъ извѣстна моя немощь и скверное житіе мое; но я и въ такомъ положеніи имѣю обычай ежедневно, предъ образомъ преподобнаго Сергія, который находится у меня въ келліи, читать акаѳистъ. Вотъ, на этихъ дняхъ, стою я предъ иконою преподобнаго Сергія и читаю, а образъ какъ бы говоритъ мнѣ: „поди къ твоему настоятелю и скажи ему, чтобы онъ тебя высѣкъ". Такъ, батюшка, какъ же благословите, публично или наединѣ?"—„Вотъ видишь, В. П.", сказалъ настоятель, „преподобный Сергій самъ о тебѣ заботится. Я нахожу, что лучше наказать публично, чтобы другіе имѣли осторожность".—„Какъ благословите, батюшка, такъ и исполните", спокойно отвѣчалъ кающійся. Конечно, это не было исполнено".

Были и другого рода болящіе, которыхъ Архимандритъ Игнатій также не оставлялъ безъ вниманія. Поступилъ въ монастырь молодой человѣкъ, сенатскій чиновникъ, Иванъ Мызниковъ, впослѣдствіи іеромонахъ и казначей Сергіевской пустыни. Человѣкъ весьма хорошій и строгой жизни; но, вѣроятно, по ревности, безъ руководства, самочинно привелъ себя въ странное состояніе духа, близкое къ прелести. О. Архимандритъ, какъ опытный руководитель, замѣтивъ въ немъ неправильное настроеніе, приказалъ ежедневно приходить къ себѣ. Мудрый наставникъ, желая разбить въ послушникѣ нѣкоторое мнѣніе о себѣ, и ипохондрическое расположеніе духа, называлъ его „веселенькимъ" и употреблялъ разныя мѣры, какъ словесныя, такъ и практическія, съ прямою цѣлію довести его до дѣтскаго смиренія,

уничтожить самомнѣніе и начало губительной прелести. Это продолжалось года три или четыре; и наконецъ удалось Архимандриту, такъ сказать, вынянчить человѣка: Мызниковъ пришелъ въ нормальное положеніе и былъ полезенъ для обители.

Другой послушникъ, Николай, заболѣлъ тяжкою болѣзнью и до того высохъ, что ему казалось, будто желудокъ его приросъ къ спинной кости. Больной имѣлъ обычай открывать помыслы настоятелю, который помѣстилъ его близъ себя, чтобы наблюдать за нимъ поближе. Когда Николай сталъ поправляться, ему стали приходить помыслы о самоубійствѣ; къ нему приставленъ былъ человѣкъ, и въ келліи все опасное было прибрано; но онъ усмотрѣлъ какъ-то гвоздь надъ дверью, и помыслъ говоритъ ему сдѣлать тесёмочку изъ простыни и удавиться на этомъ гвоздѣ. Но обычное откровеніе помысловъ спасло его и на этотъ разъ, онъ сейчасъ же исповѣдалъ преступное намѣреніе своему старцу и тѣмъ сохранилъ жизнь свою.

Когда онъ значительно сталъ поправляться, о. Архимандритъ началъ нѣсколько развлекать его; однажды далъ ему бумагу и велѣлъ отнести въ канцелярію, но нигдѣ не останавливаться, а скорѣе возвращаться обратно. Николай пошелъ и пропалъ. Настоятель послалъ за нимъ: въ канцеляріи его не оказалось; послали верхового по дорогамъ и къ морю, и около монастырскихъ прудовъ отыскивать его; но Николай нигдѣ не находился. Архимандритъ сталъ на молитву... Черезъ два часа приходитъ къ нему самъ больной. „Гдѣ ты былъ?“ спрашиваетъ его настоятель.— На колокольнѣ, отвѣчаетъ больной. „Зачѣмъ же ты туда ходилъ?“—Помыслъ сказалъ мнѣ: „иди на колокольню и соскочи оттуда“.—„Отчего же ты не соскочилъ?“—Я долго думалъ, а другой помыслъ говорилъ мнѣ: „какъ же ты соскочишь безъ благословенія батюшки?“ „Я думалъ, думалъ, да и сошелъ съ колокольни“ [1]).

Подъ мудрымъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни настоятеля, все въ Сергіевой пустыни начало принимать новый лучшій порядокъ и благоустройство; Богъ видимо для всѣхъ благословилъ скорымъ и желаемымъ успѣхомъ разумную и благочестивую ревнительность Своего раба—уже въ первые два-три года стали возрастать и плоды воздѣлываемаго имъ вертограда. Число богомольцевъ мало-по-малу увеличивалось, привлекаемое небывалымъ до того времени въ пустыни, стройнымъ церковнымъ пѣніемъ при благолѣпномъ Богослуженіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивались и доходы обители, дававшіе возможность содержать бо́льшее число братіи, особенно способной къ клиросному послушанію, важность и необходимость котораго для

---

[1]) Изъ воспоминаній Архим. Игнатія, стр. 125—128.

обители стала очевидною на первыхъ же порахъ [1]). Стало возрастать также и число благочестивыхъ поклонниковъ преподобнаго Сергія, которыхъ не могло не порадовать это внѣшнее и нравственное возрожденіе пустыни; вмѣстѣ съ тѣмъ росла во многихъ и расположенность къ обители, въ которой нѣкоторые петербургскіе жители начали погребать своихъ усопшихъ. „Имѣя же въ нѣдрахъ обители столь близкіе ихъ сердцу залоги, они стали приносить ей, кромѣ денежныхъ, и другія пожертвованія цѣнными церковными и различными предметами. Появлялись время отъ времени и другіе благотворители, не связанные съ обителью такими близкими отношеніями, но не менѣе расположенные къ ней. Молитвами препод. Сергія, Господь Богъ, видимо, благословлявшій труды и начинанія Архимандрита Игнатія, расположилъ нѣкоторыхъ знатныхъ и богатыхъ людей къ построенію въ обители, на ихъ собственное иждивеніе, новыхъ драгоцѣнныхъ и изящныхъ храмовъ къ прославленію имени Божія и святыхъ Его“ [2]).

Въ то время, какъ трудами настоятеля, который заботился единственно только о благѣ ввѣренной ему обители и, какъ вѣрноподданный слуга своего возлюбленнаго Монарха, прилагалъ всѣ силы, чтобы въ точности исполнить Высочайшую волю и сдѣлать порученную ему пустынь во всѣхъ отношеніяхъ образцовою обителью, эта послѣдняя съ каждымъ годомъ все больше и больше процвѣтала, личная жизнь Игнатія Брянчанинова была полна скорбей и испытаній и искушеній.

Изображая жизнь и дѣятельность Архимандрита Игнатія въ положеніи настоятеля Троице-Сергіевой пустыни, мы видѣли до сихъ поръ проявленіе духовной мощи большого человѣка, принесшаго силы свои на служеніе Богу и Св. Церкви и вложившаго ихъ въ дѣло Божіе, какъ оно представлялось ему въ различныхъ сторонахъ жизни Заканчивая обозрѣніе дѣятельности Архимандрита Игнатія за разсматриваемый періодъ, мы обратимъ вниманіе на скорбныя страницы жизни его.

Къ скорбнымъ страницамъ жизни Игнатія Брянчанинова за время его пребыванія въ должности настоятеля Троице-Сергіевой пустыни мы относимъ, прежде всего, тѣ стѣсненія со стороны С.-Петербург-

---

[1]) Аскоченскій. Преосвящ. Игнатій (Брянчаниновъ), Еп. Кавказскій. (Домашняя бесѣда за 1867 г., стр. 680).

[2]) В. Аскоченскій. Преосвящ. Игнатій (Брянч.), Еп. Кавказскій (Домашняя бесѣда за 1867 г., ст. 683). При Архим. Игнатіи начата была постройка церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, освященной только въ 1883 году при Архимандритѣ Игнатіи Малышевѣ. Эта церковь, представляющая въ уменьшенныхъ размѣрахъ Флорентійскій храмъ, богато отдѣланная снаружи и великолѣпно внутри, была построена на средства князя М. В. Кочубея надъ прахомъ супруги его, Маріи Ивановны (урожд. княжны Барятинской); подъ ней находится усыпальница, гдѣ похороненъ и самъ князь Кочубей.

скаго Епархіальнаго Начальства по вопросу о свободѣ выѣзда настоятеля по монастырскимъ дѣламъ въ Петербургъ, которыя съ большою тугою сердечной пришлось пережить Архимандриту Игнатію въ связи: а) съ его господствующимъ настроеніемъ уединеннаго созерцанія, б) съ безупречностію его личной жизни, в) углубленіемъ въ интересы порученной ему Сергіевой пустыни и г) въ виду мелочнаго характера этихъ стѣсненій. Съ дней дѣтства склонный къ уединенію и созерцательной жизни и чуждый мірской жизни, аскетически строгій въ отношеніи къ себѣ и безупречный въ отношеніи личной жизни, Архимандритъ Игнатій получаетъ, неожиданно для себя, ограничительныя предписанія со стороны С.-Петербургской Консисторіи по вопросу о поѣздкахъ въ Петербургъ, хотя эти поѣздки вызывались для него исключительно попеченіемъ о нуждахъ монастырскихъ и были кратковременны настолько, что ему, дѣйствительно, не было возможности исполнить предписаній Консисторіи.

Обращаясь по этому вопросу къ „Дѣламъ“ архива Троице-Сергіевой пустыни, мы можемъ представить картину столкновеній Игнатія Брянчанинова съ С.-Петербургской Консисторіей въ слѣдующемъ видѣ. 1 сентября 1834 года, т. е. черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ своего вступленія на настоятельство Троице-Сергіевой пустыни, Архимандритъ Игнатій получилъ Указъ изъ С.-Петербургской духовной Консисторіи, отъ 28 августа 1834 года, за № 3457, при которомъ „согласно докладу сей Консисторіи, Его Высокопреосвященствомъ утвержденному, препровождается одинъ экземпляръ Указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 10 іюня, за № 5036 касательно выдачи пашпортовъ отправляющимся въ С.-Петербургъ по какимъ бы то ни было надобностямъ лицамъ духовнаго званія съ таковымъ предписаніемъ, чтобы Вы, о. Архимандритъ, сами безъ дозволенія Его Высокопреосвященства отъ мѣста и должности своей сюда въ С.-Петербургъ отнюдь не отлучались, а относительно прочихъ духовныхъ лицъ, въ вѣдомствѣ Вашемъ состоящихъ, поступали при увольненіи ихъ сюда въ С.-Петербургъ, по точной силѣ 1-го пункта, изъясненнаго въ вышеписанномъ указѣ Святѣйшаго Синода и при томъ, чтобы пашпорты выдавали не на простой, а на гербовой бумагѣ 50-ти копѣечнаго клейма, и при выдачѣ сихъ пашпортовъ обязывали неупустительно опредѣленнаго по 4-му пункту вышеупомянутаго указа Святѣйшаго Синода подпискою, а неодобрительнаго состоянія, или подъ судомъ находящихся, безъ воли высшаго Начальства отнюдь не отпущали“ [1]). Во второй своей части, по вопросу объ отпускѣ Сергіевской

[1]) Указъ С.-Пет. дух. Консисторіи, отъ 28 августа 1834 г., за № 3457. („Дѣло — по Указу С.-Петерб. дух. Консисторіи о дозволеніи настоятелю сей пустыни съ братіею пріѣзжать въ С.-Петербургъ безъ испрашиванія на сіе у Епархіальнаго Начальства дозволенія“, по описи 1834 года, № 33, л. 1).

братіи въ Петербургъ, изложенный Указъ Консисторіи дѣйствительною потребностію не вызывается, потому что, если, съ одной стороны, Архимандритъ Игнатій вообще не склоненъ былъ отпускать братію въ Петербургъ въ томъ справедливомъ мнѣніи, что монахъ долженъ сидѣть въ монастырѣ, то, съ другой стороны, изъ дѣлъ тѣмъ болѣе не усматривается, чтобы онъ отпускалъ въ Петербургъ духовныхъ лицъ, „неодобрительнаго состоянія или подъ судомъ находящихся". Въ своей первой части—по вопросу о выѣздахъ въ Петербургъ самого Архимандрита Игнатія Указъ Консисторіи представляется тенденціознымъ и практически неисполнимымъ. Такъ онъ и принятъ былъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ. Немедленно по полученіи Указа Консисторіи, Архимандритъ Игнатій, 4 сентября, обратился къ Митрополиту Серафиму съ прошеніемъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго въ отношеніи къ нему распоряженія Консисторіи. Въ прошеніи этомъ онъ, между прочимъ, пишетъ, что сколько онъ ни вникалъ въ Указъ Святѣйшаго Синода, никакъ не могъ усмотрѣть, чтобы можно было С.-Петербургской Консисторіи сдѣлать ему такое предписаніе, потому что Сергіевская пустыня, находясь близъ Стрѣльнинскаго дворца, въ которомъ нерѣдко бываетъ Высочайшая фамилія, и на дорогѣ изъ Петергофа въ Петербургъ, по смыслу п. 12 Синодскаго Указа, есть монастырь, къ столицѣ принадлежащій, а на монастыри, къ столицѣ принадлежащіе, Указъ Синодскій „не возлагаетъ тѣхъ условій, кои теперь возлагаетъ Консисторія на Сергіеву пустыню, чѣмъ приводитъ ее въ затруднительное положеніе, ибо пустыня всѣ свои нужды удовлетворяетъ и удовлетворить можетъ въ одномъ только С.-Петербургѣ, гдѣ находится ея ближайшее начальство. „Отлучки же, какъ мои, такъ и братіи", пишетъ Архимандритъ Игнатій, „бываютъ по большей части только на нѣсколько часовъ. А какъ въ Указѣ Святѣйшаго Синода въ п. 12 сказано, что Москва по качеству столицы и по бывающему въ ней Высочайшему присутствію находится въ подобномъ С.-Петербургу положеніи, то во исполненіе Указа С.-Петербургской Консисторіи, чтобы я безъ дозволенія Вашего Высокопреосвященства въ столицу не отлучался, не долженъ я отлучаться ни въ Стрѣльну, ни въ Петергофъ по бывающему въ нихъ Высочайшему присутствію, почему состояніе жизни моей обращено въ состояніе, близкое къ заточенію" [1]). Архимандритъ Игнатій просилъ Митрополита Серафима войти въ его стѣсненное положеніе, отмѣнить предписаніе С.-Петербургской духовной Консисторіи и разрѣшить ему относительно отлучки въ С.-Петербургъ руководствоваться тѣми же правилами, которыми руководствуется братія Невской Лавры. Въ отвѣтъ на это прошеніе Архимандрита Игнатія, Указомъ С.-Петербургской духовной Консисторіи отъ 13 ноября

[1]) Тамъ-же, л. 3.

1834 года, за № 4739 сообщено ему, что Святѣйшій Синодъ, по донесенію Митрополита Серафима отъ 18 сентября, за № 3723, Указомъ отъ 31 октября 1834 года, за № 12877, предоставляетъ Его Высокопреосвященству, по собственному усмотрѣнію, разрѣшить единожды разъ навсегда настоятелю Сергіевой пустыни на всѣ отлучки свои въ С.-Петербургъ по частовременнымъ монастырскимъ нуждамъ не испрашивать дозволенія Епархіальнаго Начальства. Что же касается братіи Сергіевой пустыни, то хотя и ихъ освободить отъ обязательства всякій разъ испрашивать на отлучку въ столицу дозволенія Епархіальнаго Начальства, однакожъ вмѣстѣ съ этимъ поставить настоятелю въ обязанность отправлять въ столицу по монастырскимъ нуждамъ монашествующихъ благонадежнаго поведенія; тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ отправляемы на краткое время, не снабжать на таковую отлучку никакими видами; если-же кому потребно будетъ отлучиться въ столицу и пробыть въ ней до трехъ дней, такого настоятелю снабжать отъ себя билетомъ и билетъ этотъ, по прибытіи въ столицу посланнаго, долженъ быть предъявленъ въ Консисторію. На синодальномъ Указѣ послѣдовала резолюція Митрополита Серафима: „Сдать Указъ сей въ Консисторію къ надлежащему исполненію, что же касается до о. Архимандрита Сергіевой пустыни, то дозволяется ему пріѣзжать въ столицу безъ испрошенія на сіе отъ насъ приказанія“ [1]). Въ тоже время Митрополитъ Серафимъ предоставилъ Архимандриту Игнатію для его пріѣздовъ келлію въ Александро-Невской Лаврѣ [2]). Такъ удачно и сравнительно скоро разрѣшилось на этотъ разъ пережитое Архимандритомъ Игнатіемъ затрудненіе. Но благопріятный исходъ прошенія его отъ 4 сентября 1834 года и вообще ликвидація всего этого дѣла къ пользѣ и славѣ Архимандрита Игнатія не обошлись, однако, безъ участія его Высокаго Покровителя, Государя Императора Николая I. Свидѣтель скорбей и радостей Архимандрита Игнатія, М. В. Чихачовъ, передаетъ объ обстоятельствахъ возникновенія и благополучнаго разрѣшенія изложеннаго конфликта слѣдующее.—„Видно многимъ изъ окружавшихъ Государя лицъ не понравилось искреннее обхожденіе его съ монахами, наипаче же не нравилось оно общему врагу рода человѣческаго и всякаго добра, который всячески старался навести гнѣвъ Государя на Игнатія за чтобы то ни было, и, къ сожалѣнію, успѣлъ. Вскорѣ послѣ того [3])

---

[1]) Тамъ-же, л. 5.

[2]) Этою келліей Архимандритъ Игнатій пользовался до назначенія Архимандрита Никанора казначеемъ Лавры, когда онъ сталъ останавливаться въ квартирѣ казначея до его кончины. Послѣ его смерти Архим. Игнатій останавливался у родныхъ и знакомыхъ.

[3]) Послѣ лѣтняго, въ 1834 году, посѣщенія Государемъ Императоромъ Сергіевой пустыни.

послѣдовали отъ Консисторіи три Указа, одинъ за другимъ, такіе, которые нельзя было иначе исполнить, какъ уничтоживъ существованіе монастыря. Первый Указъ былъ о томъ, чтобы послать трехъ іеромонаховъ на флотъ, а всѣхъ тогда и съ должностными было только шесть. Когда же послали, то пришелъ другой Указъ съ выговоромъ настоятелю, зачѣмъ посылаетъ престарѣлаго. Но другого моложе и надежнѣе не имѣлось въ нашей обители. Третій Указъ былъ о томъ, чтобы ни Архимандриту, ни изъ братіи никому не ѣздить въ городъ иначе, какъ выписавъ себѣ прежде позволительный билетъ изъ Консисторіи. А у насъ и хлѣбъ, и провизія, и всякая вещь малая и большая покупаются въ городѣ; когда же дожидаться билета консисторскаго? Но въ этомъ Митрополита совершенно увѣрили, что на то есть Высочайшая воля. Когда, написавъ бумагу о невозможности исполненія Указа, настоятель привезъ ее къ Владыкѣ, тотъ не принялъ. Нечего было дѣлать, поѣхали оба мы въ Царское село, тогда Царская фамилія находилась тамъ. Только мы подъѣхали къ крыльцу, ветрѣчается Наслѣдникъ, нынѣшній Императоръ [1]). Обратясь къ товарищу, спрашиваетъ о причинѣ его пріѣзда. „Мнѣ надо видѣть Государя“, отвѣчалъ товарищъ. „Хорошо,—сказалъ Наслѣдникъ“,—„я доложу Ему о васъ, а вы подождите отвѣта у Кавелина на квартирѣ“. Чрезъ нѣсколько часовъ Кавелинъ приходитъ и узнаетъ отъ насъ обо всемъ—ему и поручено было отъ Государя такъ сдѣлать и Ему донести. По возвращеніи въ монастырь, Архимандритъ снова поѣхалъ къ Митрополиту и сказалъ, что онъ уже ѣздилъ къ Наслѣднику и говорилъ съ нимъ объ этомъ. Митрополитъ говоритъ: „вотъ очень хорошо сдѣлали, можетъ быть, и другимъ можно будетъ сдѣлать облегченіе“; и опять не хотѣлъ принять бумаги. Но секретарь Сусловъ, услышавъ это объясненіе, понялъ дѣло и сказалъ: „дѣйствительно, это съ нашей стороны ошибка“. Тогда только Митрополитъ взялъ дѣло и разрѣшилъ ѣздить Сергіевскимъ по старому“ [2]). Изъ этого простодушнаго разсказа ясно, что благопріятный для Архимандрита Игнатія исходъ возникшихъ у него съ Консисторіею недоразумѣній, объясняется несомнѣннымъ участіемъ къ нему со стороны Государя Императора и личною извѣстностію Игнатія Брянчанинова Высочайшему Двору.

Недоброжелатели и завистники Архимандрита Игнатія не опускали пользоваться всѣми случаями, къ счастью для него и для его святого дѣла, весьма рѣдкими какой либо непредусмотрительности съ его стороны, хотя бы при этомъ совершенно очевидна была чистота

---

[1]) Государь Императоръ Александръ II.

[2]) Записки М. В. Чихачова, стр. 88—91.

его намѣреній и дѣйствій. Замѣчательнымъ такого рода случаемъ, повлекшимъ на Архимандрита Игнатія отеческое недовольство Государя Императора и стоившимъ Архимандриту Игнатію тяжелой скорби, было посѣщеніе имъ, вмѣстѣ съ Чихачовымъ, дома французскаго посланника Баранта 6 января 1840 года, подготовленное личнымъ визитомъ Баранта въ Сергіеву пустынь. По свидѣтельству М. В. Чихачова, дѣло это представляется въ такомъ видѣ.

Въ великій постъ 1839 года Андрей Николаевичъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Сергіеву пустыню и, объявивъ, что посланникъ Барантъ желаетъ быть въ воскресенье у обѣдни, просилъ Архимандрита Игнатія принять Баранта, сколько возможно, вѣжливѣе и показать ему все, что можно. Такъ и было сдѣлано. Даже нарочно былъ приготовленъ общій обѣдъ въ трапезѣ, хотя и постный, но такого рода, чтобы могъ кушать не морщась и посланникъ, если останется. Дѣйствительно, пріѣхалъ Барантъ, стоялъ за службою благоговѣйно, зашелъ изъ церкви въ комнату настоятеля, распрашивалъ о монастырѣ, объ обрядахъ, объ уставѣ монастырскомъ; всѣ отвѣты и разъясненія Архимандрита выслушивалъ внимательно и выразилъ свое мнѣніе, что находитъ нашу Церковь ближе къ древней, чѣмъ свою. По приглашенію настоятеля, Барантъ сѣлъ обѣдать вмѣстѣ съ братіею, кушалъ охотно и послѣ обѣда и обычной молитвы, весьма благоговѣйно поклонился всей братіи, очень благодарилъ настоятеля за радушный пріемъ и уѣхалъ весьма довольнымъ, что слышалъ стройное пѣніе и видѣлъ хорошій русскій монастырь; такъ, по крайней мѣрѣ, Барантъ отзывался о Сергіевой пустынѣ всѣмъ.

По прошествіи времени около года, 6-го января 1840 года послѣ обѣдни Архимандритъ Игнатій и Мих. Вас. Чихачовъ, по приглашенію г-жи Барантъ, обѣдали въ домѣ посланника. За обѣдомъ было семейство посланника Баранта, Потемкины—мужъ съ женою, Архимандритъ Игнатій, Чихачовъ, Тургеневъ и готовящійся въ аббаты, бывшій тогда учителемъ у Закревскаго. Разговоръ касался книги, которую г-жа Барантъ хвалила и спрашивала мнѣнія Архимандрита, добиваясь, чтобы и онъ ее похвалилъ, но, кажется, не добилась, и всякій остался при своемъ мнѣніи. Готовившійся въ аббаты началъ было горячо говорить о разницѣ исповѣданія вѣры, но Архимандритъ ему сказалъ, что онъ пришелъ сюда не затѣмъ и не можетъ съ нимъ говорить, потому что нашихъ книгъ, о которыхъ у него спрашивалъ Архимандритъ, онъ не читалъ. И тотъ понялъ и прекратилъ разговоръ. А Баранту Архимандритъ прочиталъ, переводя на французскій языкъ, отрывокъ изъ жизни св. Тихона Задонскаго, въ чемъ ему и Тургеневъ помогалъ. Барантъ при этомъ сказалъ: вотъ тутъ видна истинно простота святая, безъ всякой примѣси. Этимъ бесѣда кончилась и Архимандритъ Игнатій съ Чихачовымъ возвратились домой.

Но въ то время дворъ французскій не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Русскимъ. Вотъ почему Государю не понравилось близкое знакомство Архимандрита Игнатія съ посланникомъ Барантомъ, что и было высказано Государемъ. Чрезъ нѣсколько времени Митрополитъ Серафимъ словесно объявилъ Архимандриту Игнатію запрещеніе [1]) выѣзжать изъ монастыря впредь до разрѣшенія Государя. Но, вскорѣ послѣ этого запрещенія Митрополитъ долженъ былъ спросить, можно ли Архимандриту ѣздить по благочинію въ монастыри, какъ это обязанъ дѣлать благочинный? И тогда же былъ полученъ словесный отвѣтъ Государя, что онъ не запрещаетъ ему бывать нигдѣ, гдѣ того требуетъ нужда по должности [2]). Съ тѣхъ же поръ и разрѣшено было ему бывать всюду, но такъ какъ разрѣшеніе это было только словесное, то недоброжелатели Архимандрита Игнатія не забывали пользоваться раннѣйшимъ запрещеніемъ въ подходящихъ случаяхъ. Такъ три года спустя, уже въ 1843 году, когда на Петербургскую каѳедру поступилъ, вмѣсто Митрополита Серафима, Митрополитъ Антоній [3]), недоброжелатели Архимандрита Игнатія увѣрили Владыку о широкомъ смыслѣ существующаго относительно Сергіевскаго настоятеля запрещенія, такъ что когда Кавелинъ, бывшій тогда военнымъ губернаторомъ съ 2 декабря 1842 года по 1846 годъ, пригласилъ Архимандрита Игнатія служить вмѣстѣ съ Митрополитомъ, на освященіи домовой церкви, то Митрополитъ объявилъ, что Сергіевскій Архимандритъ не можетъ быть у него въ домѣ по причинѣ Высочайшаго запрещенія. Тогда только Кавелинъ выяснилъ все это дѣло и доложилъ Государю. Въ результатѣ доклада Кавелина—Государь объявилъ Митрополиту въ присутствіи всѣхъ, что Онъ, только желая охранить и оберечь Архимандрита Игнатія отъ нареканій, ограничилъ его выѣзды, а если кто это иначе принялъ, тотъ Его не понимаетъ;

---

[1]) По сообщенію Чихачова Архимандритъ Игнатій получилъ Указъ отъ Митрополита, что по Именному повелѣнію ему запрещается выѣздъ изъ монастыря. Но въ архивѣ Сергіевой пустыни такого указа мы не нашли, а вмѣсто этого встрѣтили замѣтку, писанную рукой П. И. Яковлева, что письменнаго указа о невыѣздѣ настоятелю въ Петербургъ и не было и вообще по этому дѣлу никакихъ письменныхъ документовъ въ Сергіеву пустыню не поступало, а сдѣлано было лишь словесное сообщеніе Митрополитомъ Серафимомъ, что по этому предмету есть Высочайшая воля. Сообщеніе Митрополита Серафима было сдѣлано Архимандриту Игнатію 1-го февраля 1840 года. 1-е февраля въ 1840 году было въ четвергъ, 37-й недѣли, что предъ воскресеніемъ или недѣлею Мытаря и Фарисея. Объ этомъ первомъ числѣ февраля см. Аскетич. опыты, ч. I, стр. 91. Есть намекъ въ той же части на стр. 649, хотя на ней можетъ подразумѣваться дѣло № 80 за 1846 годъ, ниже цитируемое.

[2]) Очевидно это таинственное запрещеніе, по волѣ Государя, касалось только случаевъ, подобныхъ посѣщенію дома посланника Баранта.

[3]) Митрополитъ Антоній занималъ каѳедру съ 17 января 1843 года по 4 ноября 1848 года.

тогда же Государь выразилъ, какъ давно Онъ знаетъ и любитъ Игнатія Брянчанинова, потому что онъ вполнѣ того стоилъ и стоитъ [1]). Такъ, по милости Божіей, пережито было Архимандритомъ Игнатіемъ и это немалое для него искушеніе скорби, нашедшей на него при невольномъ участіи благодѣющей ему и дружественной руки. Весь этотъ случай еще разъ говоритъ о трудности служенія Архимандрита Игнатія, о сложности его жизненныхъ условій и суровости жизненной школы, когда въ связи съ наиболѣе благопріятными сторонами его служебной дѣятельности совершенно неожиданно возникали и наибольшія затрудненія, среди прекрасныхъ и утѣшающихъ розъ оказывались и наиболѣе колючіе шипы.

Скорби Архимандрита Игнатія вслѣдствіе коллизій съ Епархіальнымъ Начальствомъ, пережитыя имъ въ 1834 году, поначалу его настоятельства въ Сергіевой пустынѣ, и устраненныя благожелательствомъ Высшей Власти, возобновились сноза въ 1846 году на болѣе продолжительный, почти трехлѣтній періодъ. Причиной этихъ скорбей, какъ и въ первый разъ, были ограниченія, предъявляемыя Архимандриту Игнатію С.-Петербургской Консисторіей въ отношеніи къ выѣздамъ изъ обители въ Петербургъ.

31 октября 1846 года Архимандритомъ Игнатіемъ былъ полученъ Указъ С.-Петербургской духовной Консисторіи, отъ 15 октября 1846 г., за № 5014, которымъ, вслѣдствіе общаго предписанія Оберъ-Прокурора Свят. Синода о своевременномъ донесеніи о прибытіи въ столицу и выѣздѣ лицъ Архіерейскаго и Архимандричьяго сана, С.-Петербургская духовная Консисторія, съ утвержденія Митрополита, предписываетъ настоятелю Сергіевой пустыни Архимандриту Игнатію, чтобы онъ, по прибытіи въ С.-Петербургъ въ то же время давалъ знать краткими записками секретарю 1-й экспедиціи, какъ о времени своего пріѣзда, такъ и о квартирѣ, въ которой остановится, равно и о часѣ и мѣстѣ своего выѣзда изъ С.-Петербурга тѣмъ же порядкомъ, неупустительно, для исправнаго донесенія Г. Оберъ-Прокурору Свят. Правит. Синода. Въ 1847 году, Указомъ С.-Петербургской дух. Консисторіи, отъ 19 февраля 1847 года, за № 749, съ утвержденія Митрополита, Архимандриту Сергіевой пустыни вновь предписано было, чтобы всякій разъ по прибытіи въ столицу немедленно, подъ личною отвѣтственностію, онъ увѣдомлялъ канцелярію 2-й экспедиціи С.-Петербургской духовной Консисторіи, а равно и при выѣздѣ изъ столицы [2]). Подчиняясь утвержденнымъ Митрополи-

---

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 93—98.

[2]) Первоклассной Троице-Сергіевской пустыни „Дѣло“—О увѣдомленіи канцеляріи С.-Петербургской духовной Консисторіи каждый разъ по пріѣздѣ настоятеля сей пустыни въ С.-Петербургъ, какъ о томъ пріѣздѣ, такъ и о выѣздѣ изъ С.-Петербурга. По описи 1849 года, № 80, л.л. 1 и 2.

томъ требованіямъ Консисторіи, Архимандритъ Игнатій, во время своихъ весьма рѣдкихъ, въ виду изложенныхъ условій и его болѣзненнаго состоянія, поѣздокъ въ столицу, присылалъ на имя секретаря 2-й экспедиціи духовной Консисторіи А. В. Шрамченко увѣдомленіе о пріѣздѣ и выѣздѣ въ формѣ записки [1]). Но и этого оказалось для Консисторіи мало. Предложеніемъ, отъ 19 мая 1847 года, за № 204, Канцелярія 2-й экспедиціи С.-Петербургской духовной Консисторіи проситъ Архимандрита Игнатія присылать свѣдѣнія о его прибытіи въ столицу за надлежащимъ подписаніемъ [2]). Согласно этому требованію Архимандритъ Игнатій всякій разъ по пріѣздѣ въ Петербургъ на нѣсколько часовъ увѣдомлялъ 2-ю экспедицію С.-Петербургской духовной Консисторіи особыми рапортами за своей подписью и нумераціей по книгѣ бумагъ исходящихъ [3]).

Что чувствовала и переживала душа Игнатія Брянчанинова въ этихъ канцелярскихъ стѣсненіяхъ, какъ онъ относился къ явному недовѣрію и ограничительнымъ требованіямъ со стороны Епархіальной власти, явно вреднымъ для творимаго имъ живого дѣла, можно видѣть изъ прошенія его, которое онъ подалъ Митрополиту Антонію 19 мая 1847 года, ходатайствуя объ отмѣнѣ для него этихъ жизненныхъ веригъ. Въ этомъ замѣчательномъ по обстоятельности и тону прошеніи мы находимъ не только изложеніе всѣхъ обстоятельствъ разслѣдуемаго нами дѣла, но и отображеніе настроенія и душевной скорби Игнатія Брянчанинова. Давая подробную справку по содержанію извѣстныхъ намъ консисторскихъ Указовъ, отъ 15 октября 1846 г., за № 5014 и отъ 19 февраля 1847 г., за № 749, Архимандритъ Игнатій говоритъ: „Ни въ одномъ изъ этихъ Указовъ не обозначено, съ какового времени, кѣмъ я отчисленъ отъ С.-Петербургскаго духовенства, и куда я причисленъ, къ какому городу, къ какому уѣзду. Не видно, чтобы сіе обстоятельство соображено посредствомъ справки съ прежде бывшими обстоятельствами подобнаго же рода, также—съ обстоятельствами моими и ввѣренной управленію моему обители. Есть обстоятельство того же рода, находящееся въ неразрывной связи съ составляющимъ предметъ вышеприписанныхъ двухъ Консисторскихъ Указовъ. Сіе обстоятельство несравненно бо́льшей важности,

---

[1]) Того же „Дѣла“ л. 3. Записка 19 мая. Такая же записка была представлена 20 мая.

[2]) Того же „Дѣла“ л. 6.

[3]) Въ „Дѣлѣ“ за № 80 имѣется нѣсколько отпусковъ такихъ рапортовъ Архимандрита Игнатія. Это своеобразное дѣлопроизводство на время прекращается, когда Архимандритъ Игнатій по болѣзни отправился въ отпускъ въ Николо-Бабаевскій монастырь 10 іюля 1847 года и пробылъ тамъ до 31 мая 1848 года, послѣ чего рапорты о пріѣздѣ въ Петербургъ возобновляются.

изъ него второе вытекаетъ само по себѣ, какъ его послѣдствіе, и при разсматриваніи сего послѣдняго справка съ первымъ есть важная необходимость. Говорю здѣсь о распоряженіи относительно духовенства, пріѣзжающаго въ столицу, изображенномъ въ Указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, въ которомъ объявлена Высочайшая воля Его Императорскаго Величества, чтобы прибывающіе сюда въ С.-Петербургъ изъ монастырей являлись къ Синодальному Оберъ-Прокурору. Сіе Высочайшее Повелѣніе ко мнѣ не примѣнено, очевидно, по той причинѣ, что я принадлежу къ духовенству С.-Петербургскому. Кромѣ сего Указа существуетъ еще Святѣйшаго Синода Указъ, извѣстный мнѣ по подписямъ консисторскихъ секретарей чинимымъ на настоятельскихъ билетахъ, выдаваемыхъ мною, какъ благочиннымъ. Изъ сихъ подписей видно, что Святѣйшій Синодъ распространяетъ обязанности, изложенныя въ вышеупомянутомъ Указѣ на пріѣзжающихъ въ Царское Село, Петергофъ, Стрѣльну, яко мѣста, гдѣ бываетъ Высочайшее присутствіе, причисляя, такимъ образомъ, въ семъ отношеніи, эти мѣста къ столицѣ. Указъ сей Святѣйшаго Синода разосланъ по всѣмъ монастырямъ здѣшней епархіи, кромѣ Сергіевой пустыни. Опять, очевидно, потому, что какъ Сергіева пустынь, такъ и я принадлежимъ къ столицѣ.

Если бы сіи справки были наведены, то онѣ указали бы законный ходъ и при настоящихъ распоряженіяхъ Консисторіи и остановили бы ее дать мнѣ предписаніе, которое невозможно мнѣ исполнить, оставаясь настоятелемъ Сергіевой пустыни. Въ сихъ двухъ Указахъ Консисторіи заключается требованіе, чтобы я оставилъ сію должность.

Что такое Сергіева пустынь? Есть монастырь при С.-Петербургскомъ кладбищѣ; она не имѣетъ къ содержанію своему никакихъ собственныхъ средствъ, содержится единственно благотворителями С.-Петербурга. По сей ея организаціи, настоятель долженъ быть на выносахъ, долженъ посѣщать отъ времени до времени благотворителей монастыря и повѣрить иногда собственнымъ взглядомъ различныя монастырскія потребности, кои всѣ доставляются изъ Петербурга. Таковые выѣзды продолжаются нѣсколько часовъ, и настоятель Сергіевой пустыни никакой не имѣетъ возможности исполнять того, что такъ удобно исполняютъ настоятели, пріѣзжающіе въ столицу на нѣсколько недѣль и въ продолженіе сихъ недѣль пребывающіе безвыѣздно въ С.-Петербургѣ, занимаясь дѣлами своими. Пріѣзжая въ отдѣльную отъ Невской Лавры часть города на полчаса, на часъ, или два, какую я имѣю возможность извѣстить секретаря о часѣ пріѣзда, о часѣ выѣзда? Распоряженіе Консисторіи, сдѣланное относительно меня, съ такою же правильностію можетъ быть отнесено къ Преосвященному Викарію и о.о. Архимандритамъ, живущимъ въ Лаврѣ, потому

что въ томъ же одностороннемъ смыслѣ Невская Лавра, какъ и Сергіева пустыня, не есть городъ. Отношенія же къ С.-Петербургу Сергіевой пустыни суть совершенно тѣ же, какъ и Лавры. Порядокъ требовалъ бы еще многихъ словъ для окончательнаго развитія и объясненія, но я останавливаюсь на вышесказанномъ, чтобы слова мои, хотя и слова правды, не были по отношенію къ другимъ столь же отяготительными, какъ для меня отяготительно распоряженіе о мнѣ и тонъ его. О томъ только прошу Ваше Высокопреосвященство, дабы Вы, Милостивѣйшій Архипастырь, благоволили воззрѣть на то состояніе, въ которое поставляетъ меня сдѣланное надо мною распоряженіе. Оно меня отрѣзываетъ отъ всего духовенства С.-Петербургскаго, лишаетъ всѣхъ правъ, которыми пользуются монашествующіе и послушники Невской Лавры и Сергіевой пустыни и все духовенство Стрѣльнинское и Петергофское. Я, находясь въ санѣ Архимандрита, одинъ, рѣшительно изъ всего духовенства одинъ, поставленъ подъ непосредственный надзоръ свѣтскаго лица, — секретаря Консисторіи, которому долженъ я давать отчетъ о каждомъ мѣстѣ, гдѣ я бываю, о часѣ въѣзда и выѣзда. Поставленный въ сіе положеніе, имѣю весь видъ арестанта, а не настоятеля Сергіевой пустыни. Связанный по рукамъ и ногамъ, не имѣю возможности исполнять обязанностей настоятеля, отъ чего ввѣренный мнѣ монастырь неминуемо долженъ придти въ упадокъ, чего никакъ не могу допустить, безразсудно оставаясь въ должности настоятеля. Братія, видя таковыя отношенія ко мнѣ начальства, въ которыхъ они имѣютъ полное право предположить явное неблаговоленіе ко мнѣ и желаніе моего удаленія, теряютъ должное ко мнѣ уваженіе, а отъ сего необходимо должно послѣдовать нравственное разстройство. Благоволите, Милостивѣйшій Архипастырь, воззрѣть на всю затруднительность моего положенія и, если благоугодно Вашему Высокопреосвященству, чтобы я оставался настоятелемъ Сергіевой пустыни, то возвратите мнѣ возможность исправлять мою обязанность, какъ должно: ибо оной въ монастырѣ, не имѣющемъ почти никакихъ собственныхъ источниковъ, а наиболѣе зависящей отъ дѣятельности настоятеля, арестантъ исправлять не можетъ. Вамъ, Милостивѣйшій Архипастырь, удобно уничтожить произвольное о мнѣ распоряженіе Консисторіи по тому предмету, по которому Высочайшее повелѣніе ко мнѣ не примѣнено. Сіе прошеніе повергаю на милостивѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Высокопреосвященства“ [1]).

Не смотря на важность возбуждаемаго изложеннымъ прошеніемъ вопроса, какъ принципіально, такъ и примѣнительно къ исключительному положенію Архимандрита Игнатія, по прошенію его пись-

[1]) Цитированное „Дѣло“ за № 80, л.л. 4 и 5.

менная рѣшенія не послѣдовало [1]). Скорбная страница жизни Архимандрита Игнатія не была смягчена; въ началѣ іюня 1847 года онъ, разстроенный морально и физически, отправился въ продолжительный отпускъ—до 1 іюня 1848 года. Значительный срокъ отпуска не внесъ въ указанное положеніе Игнатія Брянчанинова чего либо особеннаго и утѣшительнаго, потому что мы видимъ въ дѣлахъ Сергіевой пустыни продолженіе дѣлопроизводства по регистраціи выѣздовъ настоятеля въ С.-Петербургъ. Положеніе продолжало быть для Архимандрита Игнатія невыносимо-тягостнымъ.

Въ апрѣлѣ 1849 года Архимандритъ Игнатій обратился къ Митрополиту Никанору съ рапортомъ по тому же вопросу и съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему выѣздовъ въ Петербургъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ Указѣ Свят. Синода и резолюціи Митрополита Серафима въ 1834 году. Аргументація, которою пользуется Архимандритъ Игнатій въ этомъ новомъ прошеніи въ обоснованіе своего взгляда, тождественна съ извѣстными намъ соображеніями его отъ 19 мая 1847 года, при чемъ смягчены лишь нѣкоторыя выраженія перваго прошенія. „Я имѣю“, пишетъ Архимандритъ Игнатій, „предъ подчиненными моими видъ лица, состоящаго подъ надзоромъ, а не настоятеля; они справедливо видѣли въ этомъ распоряженіи и другихъ подобныхъ неблаговоленіе ко мнѣ бывшаго моего начальства, его желаніе моего удаленія, отчего могли рѣшительно поколебаться въ повиновеніи ко мнѣ. Если братія сохранили ко мнѣ послушаніе, то причиною тому единственно было нравственное вліяніе. Во всѣхъ отношеніяхъ усматривая необходимость свободнаго въ Петербургъ выѣзда, коего я никогда не употреблялъ во зло, любя пребывать въ монастырѣ и не находя никакого утѣшенія ни въ какой веселости міра сего, я осмѣливаюсь повергнуть сіе мое всепокорнѣйшее прошеніе на благоусмотрѣніе Вашего Высокопреосвященства и ожидать на него Милостивѣйшей Вашей Архипастырской резолюціи“ [2]). Резолюція Митрополита Никанора на прошеніе Архимандрита Игнатія, дѣйствительно, послѣдовала, но, закрѣпляя существующее положеніе, она не была для просителя милостивой. Прошеніе Архимандрита Игнатія сдано было Митрополитомъ Никаноромъ въ Консисторію на справку. Какова была данная Консисторіей справка, изъ дѣла не видно. Но на справкѣ этой послѣдовала резолюція Митрополита Никанора отъ 16 апрѣля 1849 года такого содержанія: „Изъ справки не видно, чтобы о. Архи-

---

[1]) Тамъ же, л. 17 на оборотѣ. Несомнѣнно былъ какой нибудь устный отвѣтъ, потому что Архимандритъ Игнатій предъ отъѣздомъ въ отпускъ былъ у Владыки Митрополита.

[2]) Цитиров. „Дѣло“ № 80, л.л. 16—19. Рапортъ Архимандрита Игнатія отъ 4 апрѣля 1849 года за № 107.

мандритъ Игнатій состоялъ подъ надзоромъ секретаря Консисторіи. Если секретарь требуетъ отъ него записокъ, какъ о пріѣздѣ, такъ и о выѣздѣ изъ столицы, то это дѣлаетъ онъ на общемъ положеніи о всѣхъ пріѣзжающихъ въ столицу и выѣзжающихъ изъ оной настоятеляхъ, и при томъ это требованіе не есть надзоръ, который бы слѣдилъ за поведеніемъ настоятелей по всѣмъ путямъ ихъ во время пребыванія ихъ въ столицѣ. Начальство не полагаетъ, чтобы кто изъ настоятелей былъ сомнительнаго поведенія. Какъ же изъ рапорта его, о. Архимандрита, видно, что онъ, пріѣзжая въ столицу по дѣламъ и нуждамъ монастырскимъ прежде всегда останавливался въ Лаврѣ, а нынѣ въ свѣтскихъ домахъ якобы по неимѣнію въ Лаврѣ квартиры: то, находя помѣщеніе его въ тѣхъ домахъ неприличнымъ, предлагаю о. Архимандриту отнынѣ впредь всегда имѣть помѣщеніе въ Лаврѣ, въ кельѣ Лаврскаго казначея, исключая случаевъ, требующихъ его прибытія въ столицу на нѣсколько часовъ для выносовъ и отпѣваній. Такъ какъ о. Архимандритъ тяготится требованіемъ лично отъ него увѣдомительныхъ записокъ о его пріѣздѣ и о выѣздѣ, то велѣть казначею увѣдомлять о томъ секретаря Консисторіи неупустительно и безъ промедленія. Само собою разумѣется, что о. Архимандритъ, тщательно и ревностно заботясь о порядкѣ, подчиненности и послушаніи въ ввѣренной ему обители не оставитъ безъ вниманія общей обязанности настоятелей—являться ко мнѣ при пріѣздѣ и принимать благословеніе предъ отъѣздомъ. О сей резолюціи Консисторія увѣдомитъ о. Архимандрита Указомъ и сообщитъ въ канцелярію Лавры для зависящаго распоряженія“ [1]). Такъ закончилось это многолѣтнее „дѣло“,— коллизія формы и духа, закона и толкованія консисторской канцеляріи и духовной обители, обычнаго, ничѣмъ не замѣчательнаго секретаря Консисторіи—канцеляриста и выдающагося по своей духовной жизни и многополезной для монастыря дѣятельности Архимандрита, ибо прописанныя выше резолюціи объясняются, по нашему мнѣнію, только тѣмъ, что Митрополитъ за множествомъ дѣлъ не имѣлъ возможности вникнуть, коего духа Архимандритъ Игнатій, и руководствовался „справками“ Консисторіи, да тенденціозно-недоброжелательными дополненіями къ нимъ секретаря. Изъ всего хода дѣла, конечно, слѣдуетъ, что 1) обязательствомъ немедленнаго увѣдомленія о часѣ въѣзда и выѣзда въ Петербургъ и о мѣстѣ пребыванія Архимандритъ Игнатій становился подъ надзоръ и контроль секретаря Консисторіи, которому, при его

---

[1]) Цитиров. „Дѣло“ № 80, л. 20; Указъ С.-Петерб. духовной Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія отъ 27 апрѣля 1849 года за № 2039 (полученъ настоятелемъ почему то только 16 мая).

недоброжелательствѣ и формализмѣ, предоставлялся этимъ неограниченный просторъ для распространительнаго толкованія поѣздокъ Сергіевскаго Архимандрита въ столицу въ невыгодную для послѣдняго сторону.

2) Подведеніе Архимандрита Игнатія подъ общее положеніе пріѣзжающихъ въ столицу на нѣсколько дней или даже недѣль провинціальныхъ монастырскихъ настоятелей, помимо своей формальной необоснованности и притязательнаго примѣненія къ данному случаю Указа Святѣйшаго Синода по этому предмету, представляется по существу страннымъ, какъ видно изъ убѣдительной для насъ аргументаціи Архимандрита Игнатія, и для благоустроенія ввѣренной ему обители во всѣхъ отношеніяхъ неполезнымъ.

3) Пониманіе кратковременнаго, на нѣсколько часовъ, пребыванія Архимандрита Игнатія въ Петербургѣ—въ домахъ родственныхъ или высокихъ благотворителей обители, какъ неприличнаго и въ какомъ либо отношеніи предосудительнаго, представляется для него морально тяжелымъ, а для лицъ, къ нему расположенныхъ, оскорбительнымъ.

4) Забота о квартирѣ для Архимандрита Игнатія на время пребыванія въ Петербургѣ, за исключеніемъ случаевъ пріѣзда его на нѣсколько часовъ, особой необходимостію не вызывалась, такъ какъ пребываніе его въ столицѣ было почти всегда однодневнымъ, на нѣсколько часовъ, ночлегъ въ столицѣ допускался имъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и по крайней надобности.

5) Возложеніе обязательства доставленія увѣдомительныхъ записокъ секретарю Консисторіи о пріѣздѣ и выѣздѣ Архимандрита Игнатія изъ Петербурга на казначея Невской Лавры, вмѣсто видимаго облегченія Архимандрита Игнатія, ставило послѣдняго въ еще болѣе стѣснительное положеніе поднадзорнаго Лаврскому казначею.

6) Поставленіе на видъ Архимандриту Игнатію общей обязанности настоятелей являться къ Митрополиту при пріѣздѣ и брать благословеніе на выѣздъ—представляется существомъ дѣла не вызываемымъ и для Архимандрита Игнатія почти невыполнимымъ при однодневности, по большей части его пребыванія въ Петербургѣ, да и для самаго Митрополита обременительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Архимандритъ Игнатій пріѣзжаетъ въ Петербургъ на нѣсколько часовъ, съ возвратомъ къ ночи въ Сергіеву пустынь. За это время, сверхъ выполненія дѣлъ, ради которыхъ онъ явился въ городъ, онъ долженъ, по предъявленному къ нему порядку,—увѣдомить—секретаря Консисторіи о часѣ своего пріѣзда и отъѣзда и дважды побывать у Митрополита—одинъ разъ являясь для представленія по случаю пріѣзда въ столицу, другой разъ—за благословеніемъ на возвращеніе въ Сергіеву пустынь. Отношенія крайне осложненныя и для живого духа

крайне обременительныя. Только глубокое смиреніе Архимандрита Игнатія и его обѣтное монашеское послушаніе въ связи съ его воззрѣніемъ на жизненныя скорби, при помощи Божіей, помогли ему перенести тягостное жизненное искушеніе и не ослабѣть въ святой ревности монашескаго дѣланія и благоустроенія ввѣренной его управленію обители. Но подъ вліяніемъ этого и другихъ искушеній, смущавшихъ мощный духъ Игнатія Брянчанинова, съ дѣтства пережитые имъ, осложненные тяжелымъ монастырскимъ искусомъ послушничества и перенесенными за это время болѣзнями, при аскетическомъ образѣ жизни, недуги по временамъ усиливались до невыносимости, ломили противоборствующую волю и требовали отдохновенія отъ жизненнаго труда. Правда, вскорѣ послѣ пріѣзда въ обитель ему показалось даже, что онъ чувствуетъ себя лучше, и, сообщая письменно о своемъ назначеніи въ Сергіеву пустынь о. Варѳоломею въ Бѣлобережскую пустынь, онъ, между прочимъ, писалъ ему слѣдующее: „здоровье моего тѣла въ здѣшней обители немного поправилось; видно, еще Господь даетъ мнѣ время на покаяніе“... [1]) Но такъ продолжалось недолго: болѣзни вскорѣ же поразили слабый организмъ настоятеля. „Негостепріимно приняла меня обитель—Сергіева пустыня,—вспоминалъ онъ впослѣдствіи (въ 1847 году),—въ первый же годъ по прибытіи въ нее, я пораженъ былъ тяжкою болѣзнью, на другой—другою, на третій—третіею: онѣ унесли остатки скуднаго здоровья моего и силъ, сдѣлали меня изможденнымъ, непрестанно страждущимъ“ [2]). Если мы просмотримъ относящіяся къ этому періоду жизни Архиман-

---

[1]) Приводимъ полностью это письмо: „Преподобнѣйшій и Возлюбленнѣйшій о Господѣ отецъ Варѳоломей! Пріятнѣйшее письмо Ваше къ большому моему удовольствію получилъ. Простите меня за мою лѣность, по причинѣ которой не отвѣчалъ я Вамъ на послѣднее письмо ваше ко мнѣ, въ Лопотовъ монастырь написанное. Въ сей обители Вологодской мѣстоположеніе низменное, атмосфера наполнена гнилыми испареніями;—все сіе вмѣстѣ съ большимъ вредомъ дѣйствовало на мое здоровье, при слабомъ состояніи коего былъ я до избытка обремененъ трудами тѣлесными. Прошлаго 1833-го года въ маѣ мѣсяцѣ былъ произведенъ въ игумены. Между тѣмъ Государю Императору, коего былъ я воспитанникомъ, угодно было приказать, чтобы разыскали и увѣдомили Его, гдѣ я нахожусь. Въ то время Указомъ Св. Синода былъ я переведенъ въ Московскій Николаевскій Угрѣшскій монастырь. Государь Императоръ повелѣлъ Митрополиту вытребовать въ С.-Петербургъ, и потомъ далъ мнѣ Сергіевскую пустынь, въ которой нахожусь и понынѣ. При мнѣ живетъ о. Михаилъ и правитъ должность головщика на правомъ клиросѣ. Здоровье моего тѣла въ здѣшней обители немного поправилось; видно, еще Господь даетъ мнѣ время на покаяніе. Затѣмъ простите, Почтеннѣйшій отецъ Варѳоломей; поздравляю Васъ съ наступающими праздниками, прошу Святыхъ молитвъ и честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою и молитвенникомъ. Архимандритъ Игнатій. 1834 года, апрѣля 17 дня („Богословскій вѣстникъ“, февраль 1914 г., стр. 243).

[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 567.

дрита Игнатія (съ 1834 по 1847 г.г.) письма его, напр., къ отцу Варѳоломею или къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода Нечаеву, почти въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ нѣсколько строкъ, свидѣтельствующихъ о томъ, сколь часто и сколь много болѣлъ настоятель.

„Продолжительная болѣзнь не позволяетъ мнѣ и понынѣ быть въ Петербургѣ“, писалъ онъ въ Бѣлые берега о. Варѳоломею въ мартѣ 1836-го года.

„Много не могу писать по болѣзни глазъ“—въ мартѣ слѣдующаго 1837-го года.

„О себѣ имѣю честь увѣдомить, что въ сіе время довольно я похварываю; по слабости моего здоровья здѣшній климатъ имѣетъ превратное на меня вліяніе. Не говоря о прочемъ, страдаю часто глазами, что лишаетъ меня сладчайшаго и полезнѣйшаго занятія—чтенія“—въ іюнѣ 1838 года.

„Отъ времени до времени подвергаюсь тѣлеснымъ недугамъ, а въ душевныхъ пребываю постоянно“—въ ноябрѣ 1840-го года.

„Здоровье мое плохонько; почти всю зиму похварываю“—въ мартѣ 1841-го года.

„Я сталъ нынѣ крайне слабъ глазами, что приписываю дѣйствію здѣшняго приморскаго воздуха“—въ октябрѣ 1843-го года.

„Здоровье мое становится годъ отъ году плоше. По зимамъ почти не выхожу изъ келліи; ноги чрезвычайно зябнутъ, а отъ сего приливъ крови къ головѣ и разслабленіе во всемъ тѣлѣ“—въ 1845-омъ году.

„О себѣ увѣдомляю Васъ, что я здоровьемъ своимъ крайне поразстроился, все лѣто и осень хворалъ, и теперь тоже хвораю“ –въ январѣ 1846-го года [1]).

Точно также изъ писемъ Архимандрита Игнатія къ Нечаеву видно, сколь много самыхъ разнообразныхъ болѣзней пришлось ему перенести въ Сергіевой пустыни.

„Не могу и я похвастаться своимъ здоровьемъ. Передъ отъѣздомъ Вашимъ захворалъ, по отъѣздѣ очень расхворался, былъ боленъ въ продолженіе всего лѣта, и теперь дохварываю“,—писалъ онъ Нечаеву въ октябрѣ 1834-го года.

„Вчерашняго дня очень желалось мнѣ быть у Васъ, дабы проститься съ Вами и съ семействомъ Вашимъ; но лихорадка, довольно упрямая, не позволяетъ мнѣ выходить изъ комнаты“—въ іюнѣ 1835-го года.

„15-го я занемогъ, а 16-го слегъ въ постель; приключилась горячка; седмь дней не принималъ никакой пищи; теперь хотя и получше, но очень слабъ“—въ августѣ 1835-го года.

---

[1]) Богословскій вѣстникъ за февраль и мартъ 1914 г., стр. 238—253, 429—449.

„Или обременилъ я себя излишними письменными занятіями, или подѣйствовали на слабое мое тѣлосложеніе искушенія, или хроническая моя болѣзнь—солитеръ, или все вмѣстѣ привело меня въ срединѣ зимы въ такое болѣзненное положеніе, что я оставилъ пищу, почувствовалъ сильнѣйшую боль въ груди, въ продолженіе Великаго поста былъ такъ слабъ, что едва подписывалъ имя мое на аналоѣ; съ Страстной недѣли поправляюсь"—въ апрѣлѣ 1841-го года.

„Долго не отвѣчалъ я на почтеннѣйшее, дружеское письмо Ваше. Такъ прихворнулъ въ это время, что опасались воспаленія въ груди. Произведено кровопусканіе, приставлены піявки, и приговариваютъ къ повторенію кровопусканія. Сохраняю большую діэту отъ письма и пишу только въ крайнихъ случаяхъ: этому причиной большая слабость въ груди съ болью и потерею голоса. Такъ переплавляемся мы въ здѣшней жизни и, дай Боже, чтобы не безполезно!"—въ январѣ 1842-го года.

„Я страдаю глазною болѣзнію уже семь лѣтъ, и длинные зимніе вечера провожу въ своей комнатѣ безъ свѣчекъ; пишу и читаю только при свѣтѣ дневномъ; впрочемъ, и сіе безъ боли глазъ только съ нынѣшней зимы, послѣ того, какъ я сталъ привязывать къ глазамъ на ночь рубленную, или лучше мелко крошенную, свеклу въ платкѣ батистовомъ, на полчаса или часъ, предварительно намочивъ голову ромомъ, предпочтительно бѣлымъ, и обтерши имъ лицо...—Что сказать Вамъ о себѣ? Единообразно текутъ дни мои среди немощей душевныхъ и тѣлесныхъ. Сергіева пустынь расцвѣтаетъ годъ отъ году болѣе, а я годъ отъ году хилѣю, слабѣю, и по зимамъ почти не выхожу изъ своихъ комнатъ"—въ декабрѣ 1843-го года.

„Здоровье мое слабѣе и слабѣе: а съ этимъ вмѣстѣ и здѣшній міръ начинаетъ казаться чужимъ. Не мудрено, когда передъ глазами переселеніе!"—въ декабрѣ 1845-го года.

„Я продолжаю прихварывать: мои болѣзни сопряжены не столько съ тяжкими болями, сколько съ изнеможеніемъ и лихорадкою; въ теченіе нынѣшней зимы почти не выхожу изъ своихъ комнатъ, а съ половины генваря доселѣ—рѣшительно не выхожу. Буди воля Божія! Скудельные сосуды могутъ ли разсуждать, что для нихъ нужно и полезно?"—въ мартѣ 1846-го года [1]).

Этимъ объясняются служебные отпуски Архимандрита Игнатія, которыми онъ пользовался только три раза за время своего почти 24-лѣтняго настоятельства въ Сергіевой пустыни, каждый разъ съ надеждою личнаго подвижничества и освобожденія отъ настоятельства.

Позднѣе, опредѣляя для себя пристанище послѣдняго земного мѣ-

---

[1]) С. Г. Рункевичъ. „Письма аскета" (Христіанское чтеніе за 1895 г.).

стожительства Игнатій Брянчаниновъ, уже будучи въ санѣ Епископа Кавказскаго, неизмѣнно стремился къ удаленію въ глухую и съ хорошими монастырями епархію. „Весьма былъ бы радъ“, пишетъ онъ, „если бы дали епархію гдѣ вдали, но съ монастырями, чтобы можно было заблаговременно приготовить монастырекъ, а потомъ и удалиться въ него. Таково предположеніе человѣческое, но Господь строитъ Свое, и должно покоряться Его волѣ“ [1]). Въ то время ходили усиленные слухи о предстоящемъ перемѣщеніи Владыки Игнатія, но самъ онъ этимъ перемѣщеніемъ въ смыслѣ служебнаго повышенія не интересовался и отклоненію отъ себя видныхъ порученій только радовался [2]). Въ началѣ 1860 года, чувствуя особую болѣзненность Владыка Игнатій особенно занятъ былъ вопросомъ о монастырѣ для своего жительства. 17 февраля 1860 года онъ пишетъ Чихачову: „отъ болѣзней и

---

[1]) Письмо Епископа Игнатія къ Мих. Вас. Чихачову, отъ 10 октября 1860 года. (Изъ бумагъ Сенатора Н. С. Брянчанинова. См. „Приложенія“ къ второй части нашей книги, стр. 268, № 281).

[2]) Письмо къ Чихачову отъ 27 декабря 1860 года. (См. „Приложенія“, стр. 269): „Относительно себя скажу тебѣ прямо“, пишетъ онъ другу своей юности, „что я никакого виднаго мѣста себѣ не желаю, да и не въ силахъ, по болѣзненности моей, понести служеніе на видныхъ мѣстахъ, а искренне желаю гдѣ либо въ уединеніи и неизвѣстности окончить дни свои въ вниманіи себѣ и покаяніи“. 30 января 1861 г. онъ пишетъ Чихачову: „О мнѣ ходятъ здѣсь основательные слухи, что переведутъ. Чтожъ? Вся земля принадлежитъ одинаково Богу и я предаю себя всецѣло Его волѣ и водительству“. 16 февраля 1861 года пишетъ ему же: „Слухи о моемъ перемѣщеніи здѣсь продолжаются. Но ты не говори о нихъ для празднословія и со всякимъ. Услышавъ о кончинѣ Митрополита Григорія, я понялъ, что долженъ получить другое назначеніе, потому что съ перемѣною высшей власти обыкновенно бываетъ значительное измѣненіе въ административныхъ планахъ“. По поводу командировки въ Парижъ для освященія храма, Преосвященный Игнатій пишетъ Чихачову: „Назначеніе Преосвященнаго Леонида для освященія храма въ Парижѣ нахожу весьма основательнымъ, а желаніе нѣкоторыхъ, чтобы я былъ употребленъ для этого нахожу вполнѣ неосновательнымъ; за любовь же благодарю. Я очень устарѣлъ, лишился тѣлесныхъ силъ и душевныхъ способностей, пріѣхалъ сюда полумертвымъ, самъ не понимая, что я ужасно боленъ Лѣченіе на водахъ открыло всю важность моей болѣзни, сопровождавшейся даже нервнымъ разстройствомъ. Теперь хотя и чувствую нѣкоторое облегченіе, но не настолько, чтобы фигурировать въ видныхъ должностяхъ, къ которымъ не имѣю ни малѣйшаго сочувствія. Доля Преосвященнаго Тихона Воронежскаго—вотъ доля, достойная сочувствія, и соревнованія“! (Письмо отъ 11 іюня 1861 года). Въ письмѣ отъ 31 іюля 1861 года Мих. Чихачову Преосв. Игнатій пишетъ: „Я, видя, что дніе мои, яко сѣнь, уклоняются, а силы крайне слабѣютъ, сверхъ того, имѣя давнишнее желаніе окончить дни въ уединеніи, подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ объ увольненіи меня отъ управленія епархіею и о предоставленіи мнѣ въ управленіе общежительнаго Бабаевскаго монастыря Костромской епархіи. Сдѣлавъ это, я ощутилъ въ душѣ моей особенное чувство спокойствія и даже тихой радости, какъ по исполненіи своего долга. Не съ моимъ направленіемъ жить на видныхъ мѣстахъ и занимать видныя должности. А теперь—и не съ моими силами и здоровьемъ“. (См. „Приложенія“, стр. 269—271).

отъ лѣченія я такъ слабъ, что надо бы въ какой нибудь монастырекъ на покой, т. е. съ управленіемъ монастыремъ. Пришли мнѣ такую книгу, гдѣ бы русскіе монастыри были описаны, да собери—какія можно свѣдѣнія о монастыряхъ Задонскомъ и Калязинскомъ. Послѣдній былъ бы удобнѣе, какъ менѣе посѣщаемый знатью. Впрочемъ: это—помышленія человѣческія, а Богъ знаетъ, что дѣлать съ Своими созданіями". Онъ не думалъ возвратиться въ Сергіеву пустынь, ибо это было невозможно для него по цѣлому ряду причинъ—въ связи съ прежними служебными отношеніями по настоятельству въ этой обители и новыми осложняющими положеніе элементами, отношеній къ высшему Церковному управленію, да, кромѣ того, Сергіева пустынь, по своей близости къ столицѣ и неизбѣжности отношеній къ шумному внѣшнему міру, никогда не подходила подъ идеалъ уединенія и отрѣшенности отъ мірскихъ попеченій, которымъ руководился Преосвященный Игнатій.

Его вниманіе, съ этой стороны, было нѣкоторое время остановлено на симпатичной ему и хорошо извѣстной Оптиной пустыни. Съ этою цѣлію еще въ 1856 году, лѣтомъ, онъ изъ Сергіевой пустыни посѣтилъ Оптину, намѣреваясь имѣть тамъ послѣднее пристанище для себя и для Петра Александровича, когда тому можно будетъ уйти изъ міра[1]). Не смотря на совершенную серьезность намѣреній уда-

---

[1]) Серьезность этихъ намѣреній и настроеніе Преосвященнаго Игнатія видны изъ письма его къ Петру Александровичу отъ 11 іюня 1856 года. Приводимъ выдержку изъ этого письма: „На письмо твое отъ 27 апрѣля, полученное мною въ Петербургѣ, отвѣчаю изъ Оптиной пустыни, находящейся въ Калужской губерніи, въ 4-хъ верстахъ отъ г. Козельска.—Скажу тебѣ, что я очень радъ, что ты могъ уклониться отъ управленія имѣніемъ Николая Николаевича. Пожертвованіе, которое человѣкъ приноситъ собою достойному человѣку, особливо, когда съ такимъ пожертвованіемъ соединена польза отечества,—прекрасно, но пожертвованіе собою Богу, Которому мы и безъ того принадлежимъ, несравненно превосходнѣе. Сверхъ того послѣднее пожертвованіе собственно для насъ необходимо; необходимо намъ прежде смерти примириться и соединиться съ Богомъ посредствомъ покаянія, чтобы не услышать на судѣ Его: не вѣмъ васъ, отыдите отъ Мене, называвшіе Меня Господомъ Своимъ и нарушавшіе мои заповѣданія". Живя въ Сергіевой пустыни, которая—все таки монастырь, я не выдерживаю напора волнъ и вихрей житейскихъ, часто колеблюсь и падаю; что же сказать о жизни въ полной зависимости отъ міра и посредѣ его? Въ такомъ убѣжденіи я захотѣлъ соглядать собственными очами Оптину пустынь, которая въ настоящее время есть безспорно лучшій монастырь въ Россіи въ нравственномъ отношеніи, особливо скитъ ея, находящійся въ 100 саж. отъ самой пустыни, огражденный со всѣхъ сторонъ вѣковыми соснами на песчаномъ грунтѣ, недоступный для женскаго пола, можетъ удовлетворить благочестивымъ желаніямъ отшельника въ нашъ вѣкъ. Въ немъ живетъ много дворянъ, занимающихся духовною литературою; но тамошнее сокровище—духовникъ или старецъ ихъ, въ рукахъ котораго нравственное руководство скитской братіи и большей части братій монастырскихъ, т. е. всѣхъ благонамѣренныхъ и преуспѣвающихъ въ добродѣтели. Онъ—изъ дворянъ, 68 лѣтъ; со мною въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Соображая потребности души моей и моего тѣла, я избралъ скитъ мѣстомъ для окончанія дней моихъ

литься въ Оптину пустынь и рѣшительные шаги въ этомъ направленіи, Игнатію Брянчанинову не удалось переселиться изъ Сергіевой пустыни, вслѣдствіе недоразумѣній съ начальствомъ Оптиной, которое, вѣроятно, устрашилось принять въ свою среду столь вліятельнаго Архимандрита, да еще со множествомъ учениковъ [1]).

Первый разъ Архимандритъ Игнатій заявляетъ о своемъ болѣзненномъ состояніи въ 1847 году и, надо полагать, въ связи съ особо тяжелыми служебными обстоятельствами этого года.

1-го апрѣля 1847 года поступило на имя Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Антонія прошеніе Архимандрита Игнатія такого содержанія: „Всегдашнее болѣзненное состояніе мое возросло въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ до такой степени, что я усматриваю себя совершенно неспособнымъ далѣе нести занимаемыя мною должности—благочиннаго семи мужскихъ и одного женскаго монастырей С.-Петербургской епархіи и настоятеля первоклассной Троице-Сергіевой пустыни, а потому и нахожу необходимымъ искать пріюта въ числѣ больничныхъ такого монастыря, который бы по здоровому мѣстоположенію и благорастворенному климату способствовалъ къ нѣкоторому поддержанію и, можетъ быть, поправленію моего разстроеннаго здоровья. На таковой предметъ, избирая для помѣщенія своего Николаевскій Бабаевскій монастырь Костромской епархіи, осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ покорнѣйшей просьбою: благоволите Высокопреосвященнѣйшій Владыко, снисходя къ крайне болѣзненному моему состоянію, исходатайствовать откуда слѣдуетъ разрѣшеніе объ увольненіи меня отъ занимаемыхъ мною должностей—благочиннаго и настоятеля и о дозволеніи перемѣститься, какъ больничному, въ Николаевскій Бабаевскій монастырь

въ безмолвіи, и, чтобы дать этому начинанію нѣкоторую прочность, покупаю корпусъ деревянныхъ келлій. При этомъ дѣлѣ я упомянулъ здѣшнимъ главнымъ инокамъ, бесѣдовавшимъ со мною, и о тебѣ. Келліи требуютъ поправки, даже перестройки; для жительства онѣ будутъ годны лишь къ лѣту 1858 года. Таковы мои собственныя дѣйствія, въ которыхъ явствуетъ мое произволеніе и сужденіе, но это произволеніе, это сужденіе, эти дѣйствія вручаю волѣ Божіей, моля Ее руководить мною и располагать по Ея премудрымъ и всеблагимъ цѣлямъ“ (Изъ бумагъ Сенатора Н. С. Брянчанинова. Приложенія, стр. 178—179).

[1]) Въ письмѣ отъ 13 августа 1856 года Архимандритъ Игнатій пишетъ брату Петру Александровичу: „Несмотря на мое желаніе остаться въ Оптиной пустынѣ, я не сошелся съ настоятелемъ ея, и потому время моего удаленія изъ Сергіевской отсрочилось на неограниченное время. Отдаюсь на волю Божію. Приходится жить иначе, нежели какъ разсуждается жить. Такова участь не одного меня. По человѣческому сужденію общество скита Оптинскаго и духовникъ—отецъ Макарій—лучшее, чего бы можно было желать по настоящему состоянію христіанства и монашества въ Россіи; но Промыслъ Божій, руководящій нашею участію, мудрѣе сужденія человѣческаго“. (Тамъ-же, стр. 179—180; № 138).

Костромской епархіи. Въ удостовѣреніе же дѣйствительности моего болѣзненнаго состоянія и что точно прописываемая мною мѣра есть для меня необходимая, прилагаю при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Высокопреосвященства подлинное свидѣтельство пользовавшаго меня Стрѣльнинскаго Дворцоваго Вѣдомства медика-хирурга коллежскаго ассесора Бутузова, утвержденное лейбъ-медикомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Арендтомъ, данное мнѣ сего года марта 17 дня“ [1]).

Столь рѣшительное ходатайство Архимандрита Игнатія, вызываемое его дѣйствительною болѣзненностію, несомнѣнно имѣло въ основѣ своей и скрытый мотивъ—въ виду крайне неблагопріятнаго отношенія къ нему Епархіальнаго Начальства уйти на покой, уклонившись отъ зла формальной правды и творя благое и сродное его душѣ—спасительное подвижничество. Такое сужденіе наше подтверждается свидѣтельствомъ М. В. Чихачова, который говоритъ объ этомъ моментѣ такъ: „было время, что и духовное начальство хотѣло сжить Архимандрита и заставить его просить увольненія отъ должности, чтобъ самимъ управлять по ихъ желанію, но и того не удалось. Это было во время болѣзни Митрополита Антонія, когда всѣми епархіальными дѣлами управлялъ Викарный Епископъ Наѳанаилъ. Архимандритъ, видя и понимая все, подалъ прошеніе объ увольненіи, но Синодъ благоволилъ дать ему только на годъ отпускъ въ избранный имъ Бабаевскій монастырь Костромской епархіи [2]).

Рѣшительное прошеніе Архимандрита Игнатія объ увольненіи отъ занимаемыхъ должностей, какъ будто, смутило Епархіальное Начальство своею неожиданностію. На прошеніе Архимандрита Игнатія отъ 1 апрѣля резолюція Викарнаго Епископа послѣдовала только 11 апрѣля, и не на прошеніи, а на консисторской справкѣ. Просимое увольненіе на покой отклонялось и резолюціей отъ 11 апрѣля предлагалось Консисторіи спросить настоятеля Сергіевой пустыни Архимандрита Игнатія, не пожелаетъ ли онъ воспользоваться временнымъ отпускомъ для излѣченія и, въ такомъ случаѣ, Архимандритъ Игнатій въ отзывѣ своемъ имѣетъ рекомендовать то лицо, которому благонадежно можетъ быть ввѣрено исправленіе лежащихъ на Архимандритѣ обязанностей впредь до возвращенія его по выздоровленіи [3]). Въ

---

[1]) Первоклассной Троице-Сергіевой пустыни „Дѣло“, по описи 1847 года № 23, объ увольненіи настоятеля здѣшней Сергіевой пустыни о. Архимандрита Игнатія, по болѣзни, на покой, съ помѣщеніемъ въ число больничныхъ Николаевскаго Бабаевскаго монастыря Костромской епархіи“, л. 1.

[2]) Записки М. Чихачова, стр. 100—101

[3]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія, отъ 13-го апрѣля 1847 года, за № 1612.

отвѣтъ на запросъ Консисторіи по предмету резолюціи Епископа Наѳанаила, Архимандритъ Игнатій въ рапортѣ отъ 16 апрѣля 1847 года за № 155 далъ слѣдующій отзывъ: „принимая съ тщательностію таковое вниманіе ко мнѣ Его Преосвященства, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь донести Консисторіи, что я рѣшился утруждать Его Высокопреосвященство просьбою о совершенномъ увольненіи меня отъ занимаемыхъ мною должностей не иначе, какъ убѣдившись, и изъ собственныхъ наблюденій и изъ совѣщаній съ многими медиками, въ рѣшительной необходимости такой мѣры. Разстройство моего здоровья и крайній упадокъ тѣлесныхъ силъ, произведенный непрерывнымъ рядомъ болѣзней во многіе годы, требуетъ многихъ лѣтъ для нѣкотораго поправленія,—помѣщаю слово—для нѣкотораго, потому что на возстановленіе тѣлесныхъ силъ и на уничтоженіе полученной мною непомѣрной наклонности къ простудѣ я потерялъ надежду. Посему всепокорнѣйше прошу—просьбѣ моей о совершенномъ увольненіи меня отъ занимаемыхъ мною должностей дать надлежащее теченіе“ [1]). Однако, вмѣсто просимой отставки, Архимандритъ Игнатій, Указомъ Свят. Синода отъ 26 апрѣля 1847 года за № 213, уволенъ въ отпускъ въ Бабаевскій Костромской епархіи монастырь на шесть мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи этого срока онъ донесъ его Высокопреосвященству о состояніи своего здоровья и о томъ, будетъ ли находить себя въ силахъ вступить въ отправленіе своей должности. Управленіе Сергіевой пустынею на время отсутствія Архимандрита Игнатія поручено по порядку службы намѣстнику пустыни іеромонаху Игнатію, которому и сданы были денежныя суммы и все хозяйство и имущество обители по надлежащему и въ полной исправности [2]). Но полугодичное пребываніе въ Бабаевскомъ монастырѣ оказалось для Архимандрита Игнатія недостаточнымъ и, по новому его прошенію, отпускъ его былъ отсроченъ до 1 іюня 1848 года, „для окончанія продолжаемаго имъ нынѣ лѣченія съ тѣмъ, чтобы къ этому времени онъ явился къ своимъ должностямъ“ [3]). 31 мая 1848 года Архимандритъ Игнатій возвратился изъ отпуска въ сравнительно укрѣпленномъ состояніи здоровья и вступилъ въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей съ монашескимъ послушаніемъ и покорностію волѣ Божественнаго Промышленія къ радости всей братіи и знаемыхъ [4]). По свидѣтельству Чихачова, за время отпуска настоятеля, Государь, увидѣвъ Чихачова, спрашивалъ о здоровьѣ Архимандрита Игнатія и

---

[1]) Дѣло архива Троице-Сергіевой пустыни по описи 1847 г. № 23, л. 4.

[2]) Указъ С.-Петербург. дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія, отъ 9 мая 1847 года, за № 2036.

[3]) Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи, отъ 31 января 1848 года, за № 354.

[4]) Записки М. В. Чихачова, стр. 101.

приказалъ передать ему, что нетерпѣливо ожидаетъ его возвращенія [1]). Это ли вниманіе и память Государя объ Архимандритѣ Игнатіи, сознанная ли выдающаяся польза службы его для С.-Петербургской епархіи или его послушаніе и христіанское терпѣніе смягчили отношеніе къ нему С.-Петерб. дух. Консисторіи, только въ дѣлахъ Сергіевой пустыни за настоятельство Архимандрита Игнатія не видно уже столь притязательныхъ къ нему отношеній, какъ это было замѣчено выше, хотя отношенія и не были вполнѣ довѣрчивыми. Прошло время, пишетъ Чихачовъ, и не стало уже ни Митрополита Антонія, ни Викарія его; мѣста ихъ замѣнили другіе. Митрополитъ Никаноръ самъ былъ нѣкогда настоятелемъ Сергіевой пустыни, зналъ что было тогда и что сдѣлалось потомъ. При этомъ Владыкѣ было полегче, хотя и бывали нѣкоторыя недоумѣнія и недовѣрчивость къ настоятелю, но и то прошло. Митрополитъ Григорій, тоже бывшій настоятель Сергіевскій, хорошо зналъ и понималъ Архимандрита [2]).

Но болѣзненное состояніе Архимандрита Игнатія, временно ослабѣвая и поддаваясь лѣченію, опять возвращалось къ нему. Въ началѣ мая 1852 года Архимандритъ Игнатій вновь ходатайствуетъ о сокращеніи его служебныхъ обязанностей.

Еще въ лѣтахъ юности моей на 17 году я разстроилъ здоровье сильною простудою, пишетъ Архимандритъ Игнатій. Таковое разстройство продолжало постепенно усиливаться и на избранномъ мною тѣсномъ пути иночества. Въ началѣ же поступленія моего въ Сергіеву пустыню здоровье мое было особенно потрясено нервною горячкою въ 1834 году и желчною—въ 1835 году и за ними послѣдовавшею холериною. Послѣ этихъ болѣзней я почувствовалъ совершенное измѣненіе въ силахъ; но, хотя и съ величайшимъ трудомъ, продолжалъ исполненіе возложенныхъ на меня должностей, особливо должности благочиннаго монастырей, требовавшей поѣздокъ по монастырямъ во всякое время года, и поѣздокъ, по положенію нѣкоторыхъ монастырей, часто весьма затруднительныхъ. Въ 1846 году осенью, во время поѣздки въ Черменецкій монастырь по обязанности благочиннаго, я очень простудился, послѣ чего отнялись у меня ноги и въ теченіе цѣлой зимы я не выходилъ изъ своей комнаты. Считая свое здоровье окончательно потерянным (такое заключеніе послѣдствія оправдали и оправдываютъ), я просилъ объ увольненіи отъ должности настоятеля и благочиннаго, полагая окончить дни мои внѣ попеченій, не гармонирующихъ съ моими средствами, и въ климатѣ, болѣе снисходительномъ для простудныхъ болѣзней. Но внимательное и милостивое начальство дало мнѣ, вмѣсто полнаго увольн-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 102.

ненія, отпускъ, продолжавшійся съ отсрочкою одиннадцать мѣсяцевъ. Въ это время я могъ воспользоваться декоктомъ, который возвратилъ мнѣ употребленіе ногъ, но за то еще болѣе ослабилъ силы. По возвращеніи въ С.-Петербургъ и къ занимаемымъ прежде должностямъ, я исполнялъ ихъ съ величайшимъ усиліемъ, имѣя постоянно ощущеніе, конечно, вполнѣ постижимое только для подобныхъ мнѣ больныхъ, ощущеніе какъ бы облеченнаго въ чужое тѣло, весьма мало подчиняющееся душѣ. Во время же прошедшей зимы болѣзнь, доселѣ таившаяся только внутри, выступила наружу въ видѣ сыпей и опухолей, при сильной испаринѣ, особливо по ночамъ, при крайнемъ изнеможеніи силъ и ослабленіи всѣхъ составовъ тѣла, отъ какового ослабленія начали шататься зубы. Кромѣ слабости, постоянная испарина, сыпи и опухоли сдѣлали кожу крайне воспріимчивою къ простудѣ. Таковое положеніе мое вынуждаетъ меня прибѣгнуть къ милостивому снисхожденію Вашего Высокопреосвященства и всепокорнѣйше просить объ увольненіи отъ должности благочиннаго монастырей С.-Петербургской епархіи, съ оставленіемъ благочиннымъ надъ Сергіевою пустынею по примѣру прочихъ благочинныхъ столицы, которые, увольняясь отъ благочинія по другимъ церквамъ, остаются благочинными надъ тѣми церквами, которыхъ они настоятели“.[1])

---

[1]) Архива первоклассной Троице-Сергіевской пустыни Дѣло, по описи 1852 г. № 37. Объ увольненіи настоятеля здѣшней Сергіевской пустыни Архимандрита Игнатія отъ должности благочиннаго монастырей С.-Петербургской епархіи съ оставленіемъ благочиннымъ надъ Сергіевой пустыней.

Въ прошеніи Архимандрита Игнатія говорится далѣе о составленіи описанія С.-Петерб. епархіи, порученномъ ему: „Не лишнимъ считаю присовокупить, что къ составленію статистическаго и историческаго обозрѣнія С.-Петербургской епархіи, возложенному Вашимъ Высокопреосвященствомъ лично на меня, мною приняты должныя мѣры. Какъ Сергіева пустынь имѣетъ въ числѣ богомольцевъ извѣстнаго литератора Башуцкаго, по Высочайшей волѣ занимавшагося историческимъ и статистическимъ описаніемъ С.-Петербурга, также чиновника Стратоновича, кончившаго первымъ студентомъ курсъ въ Могилевской семинаріи и имѣющаго весьма хорошія литературныя способности; напротивъ же того, прочіе епархіальные монастыри не имѣютъ ни одного лица, способнаго къ подобнымъ занятіямъ: то мною и возложенъ разборъ всѣхъ монастырскихъ архивовъ и выписка изъ нихъ на на г. г. Башуцкаго и Стратоновича, съ тѣмъ, чтобы они посѣтили нынѣшнимъ лѣтомъ всѣ монастыри и трудъ свой представили мнѣ для окончательной работы. По вышеизложенной причинѣ, и какъ окончательная работа должна быть чисто кабинетною я, если на то послѣдуетъ Ваше Архипастырское соизволеніе, желалъ бы продолжать и окончить это порученіе, возложенное на меня Вашимъ Высокопреосвященствомъ“.

Указомъ С.-Петерб. дух. Консисторіи, отъ 12 февраля 1852 года, за № 651—во исполненіе опредѣленія Свят. Синода постановлено п. 2.—Описаніе девяти епархіальныхъ монастырей—семи мужскихъ и двухъ женскихъ поручить благочинному монастырей Архимандриту Игнатію при помощи Зеленецкаго Архимандрита Иннокентія:

Резолюціею Его Высокопреосвященства —исправленіе благочинни-ческой должности поручено Зеленецкому Архимандриту Иннокентію, впредь до выздоровленія о. Архимандрита Игнатія [1]).

Такимъ образомъ, и въ этотъ разъ Епархіальное Начальство вы разило стремленіе удержать Архимандрита Игнатія при всемъ объемѣ порученныхъ ему служебныхъ обязанностей.

Въ третій разъ Архимандритъ Игнатій пользовался отпускомъ по болѣзни лѣтомъ 1856 года съ 16 мая по 1 іюля, надлежаще обезпечивъ своими предварительными распоряженіями на время своего отсутствія правильное теченіе монастырской жизни [2]).

Эти постоянныя болѣзни не мѣшали, однако, Архимандриту Игнатію вести такой же строгій образъ жизни, какъ и прежде. Внимательно слѣдя за поведеніемъ ввѣреннаго ему духовнаго стада, дѣлясь съ каждымъ желающимъ сокровищами своего личнаго опыта въ иноческой жизни, никому не отказывая въ совѣтѣ, наставленіи, помощи и поддержкѣ, въ своей личной жизни настоятель оставался такимъ же строгимъ аскетомъ, какимъ былъ и тогда, когда физическія силы его были крѣпче. Столъ его былъ неприхотливъ: онъ употреблялъ болѣе растительную пищу, и какія-либо кашицы, и то весьма умѣренно. Келейная одежда его тоже была незатѣйлива: мухарчовый подрясникъ, незастегнутый на груди, на ногахъ катанки. Въ свободное отъ монастырскихъ дѣлъ время, бывало, быстро ходитъ онъ по кельѣ и потираетъ затылокъ или лобъ (въ такихъ формахъ, обыкновенно, выражалъ онъ свою радость и свои скорби), или лежитъ въ углу и читаетъ книгу, или пишетъ у стола [3]): строгій инокъ и здѣсь, несмотря на всѣ обременявшіе его труды, не оставлялъ своихъ келейныхъ занятій и, черпая изъ сокровищницъ Святыхъ Отцовъ неоцѣненныя богатства, выливалъ ихъ во вдохновенныхъ словахъ. „Онъ

п. 3. Свѣдѣнія о святыхъ Угодникахъ, почивающихъ въ монастыряхъ или другихъ мѣстахъ, съ приложеніемъ полныхъ списковъ ихъ житій, или записей о нихъ изъ лѣтописцевъ монастырскихъ, церковныхъ и другихъ поручить по монастырямъ благочинному монастырей Архимандриту Игнатію.

[1]) Указъ С.-Петербургской дух. Консисторіи на имя Архимандрита Игнатія, отъ 28 мая 1852 года, за № 2766. Сдавая дѣла благочинія Архимандриту Иннокентію, Архимандритъ Игнатій составилъ для него вѣдомость дѣлъ, не рѣшенныхъ по благочинію, съ обозначеніемъ причинъ, по которымъ они не рѣшены, для наблюденія за точнымъ и неопустительнымъ исполненіемъ со стороны настоятелей.

[2]) Архива первоклассной Сергіевской пустыни Дѣло, по описи 1856 года № 36 Объ увольненіи о. Архимандрита Игнатія въ отпускъ въ Орловскую и Калужскую епархію на шесть недѣль для поправленія здоровья. Прошеніе Архимандрита Игнатія на имя Митрополита Никанора отъ 7 мая 1856 года. Рапортъ его въ Консисторію, отъ 2 іюля 1856 г., за № 180—о явкѣ изъ отпуска и вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей.

[3]) Изъ воспоминаній Архим. Игнатія (Малышева).

имѣлъ особенный даръ смотрѣть на все духовно; малѣйшіе случаи, ничтожныя повидимому обстоятельства часто получали у него глубокій духовный смыслъ и всегда находили отголосокъ въ нравственномъ ученіи, которымъ онъ руководился; они доставляли обильную пищу его уму и сердцу и нерѣдко въ дивной мелодіи слова раздавались съ его духовно-поэтической лиры. Таковы его произведенія: „Блаженъ мужъ“, „Пѣснь подъ сѣнію креста“, „Молитва преслѣдуемаго человѣка“, „Плачъ инока“ и многія другія. Изъ такихъ особенностей духовнаго призванія и настроенія явствуетъ, что высказываться письменно было духовною потребностью Архимандрита Игнатія“ [1]).

Въ какомъ настроеніи бывалъ о. Игнатій, занимаясь сочиненіемъ своихъ поученій, мы узнаемъ изъ воспоминаній Маленькаго Игнатія, бывшаго въ то время его келейникомъ: „Много приходилось отцу Архимандриту переносить оскорбленій,—говоритъ этотъ послѣдній,—тогда какъ самъ онъ былъ необыкновенно добръ и благожелателенъ къ ближнимъ. Онъ глубоко сочувствовалъ всякому доброму дѣлу, а его грубо, невѣжественно оскорбляли; кто—несправедливыми притязаніями по службѣ, кто—дерзкими и лживыми порицаніями,—и все это дѣлалось по бѣсовской зависти, незаслуженно. Тогда, взволнованный скорбію, онъ обвинялъ антихриста и его сотрудниковъ; но вскорѣ успокоивался, и, если оскорбленіе было велико, то удалялся въ спальню, спускалъ густыя занавѣси на окнахъ, дѣлалъ изъ келліи темницу и запирался на недѣлю и на двѣ, объявляя себя больнымъ. Въ такое время никто не входилъ къ нему; онъ предавался молитвѣ и плачу до тѣхъ поръ, пока не придетъ благодатное посѣщеніе свыше и не осѣнитъ его неизреченною радостію. По выраженію его, не только душа, но и тѣло, и кости принимали участіе въ этой радости; по словамъ Спасителя нашего: Царствіе небесное внутрь васъ есть. Истиненъ глаголъ Господень! Человѣкъ, находясь въ такомъ состояніи, иного блаженства и представить себѣ не можетъ. Обычно небесному царству приходитъ послѣ тяжкой скорби: многими скорбми подобаетъ внити въ царство небесное. Вотъ тогда-то и совершалось преображеніе изъ враговъ во Ангеловъ свѣтлыхъ; объ этомъ онъ самъ выражается въ своемъ „Плачѣ“: „Я встрѣчалъ враговъ, ищущихъ головы моей, какъ Ангеловъ свѣтлыхъ“. Въ такомъ настроеніи духа Архимандритъ Игнатій занимался сочиненіемъ своихъ поученій. Послѣ долгаго затвора, всегда являлись на столѣ поучительныя его творенія, и самъ онъ выходилъ изъ своей темницы съ свѣтлымъ, необыкновенно радостнымъ лицомъ. Онъ не скрывалъ своихъ твореній отъ учениковъ, всегда, бывало, прочитаетъ, не изъ тщеславія, а какъ будто для провѣрки“ [2]).

---

[1]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія, составленное его учениками, стр. 81—82.

[2]) Изъ воспоминаній Архим. Игнатія, стр. 133—134.

Что это были за несправедливыя оскорбленія, притязанія и порицанія, отъ которыхъ приходилось страдать Архимандриту? Откуда взялись тѣ злоба и зависть, которыя зашумѣли вокругъ этого избраннаго раба Божія, не скрывшаго талантъ свой въ землю суеты мірской, ожидая случая уязвить его хоть въ пяту, если нельзя достать до головы? Что заставило его въ „Плачѣ“ своемъ воскликнуть: „Поднялись и зашипѣли зависть, злорѣчіе, клевета; здѣсь я подвергся тяжкимъ, продолжительнымъ, унизительнымъ наказаніямъ, безъ суда, безъ малѣйшаго изслѣдованія, какъ безсловесное животное, какъ истуканъ безчувственный; здѣсь я увидѣлъ враговъ, дышащихъ непримиримою злобой и жаждой погибели моей; здѣсь милосердный Господь сподобилъ меня познать невыразимые словомъ радость и миръ души; здѣсь сподобилъ Онъ меня вкусить духовную любовь и сладость въ то время, какъ я встрѣчалъ врага моего, искавшаго головы моей,—и содѣлалось лице этого врага въ глазахъ моихъ какъ бы лицемъ свѣтлаго Ангела. Опытно позналъ я таинственное значеніе молчанія Христова предъ Пилатомъ и архіереями іудейскими. Какое счастіе быть жертвою, подобно Іисусу! Или нѣтъ! Какое счастье быть распятымъ близъ Спасителя, какъ былъ нѣкогда распятъ блаженный разбойникъ, и вмѣстѣ съ этимъ разбойникомъ, отъ убѣжденія души, исповѣдывать: достойная по дѣламъ моимъ пріемлю: помяни меня, Господи, во царствіи Твоемъ“ [1]).

Личное настроеніе Архимандрита Игнатія во время настоятельства въ Сергіевой пустынѣ и его отношенія къ людямъ иллюстрируются письмомъ его къ К. П. Брюллову, писаннымъ 27 апрѣля 1847 года. Выражая сочувствіе Брюллову въ постигшей его болѣзни и выражая намѣреніе при первой возможности посѣтить болящаго художника, Архимандритъ Игнатій говоритъ о своемъ болѣзненномъ состояніи, которое лишаетъ его возможности выйти изъ комнаты и даже сидя писать. А свое настроеніе Архимандритъ Игнатій изображаетъ слѣдующими словами:—„Странствую я, окруженный съ младенчества бѣдствіями. Около меня сформировался кругъ друзей, искренне меня любящихъ, но еще не встрѣчался я съ душою, предъ которою могъ бы я вполнѣ открыться. И это не отъ того, чтобы я былъ скрытенъ; нѣтъ, я очень откровененъ, но душа, предъ которой я могъ бы открыться съ истинною пользою, должна быть способна понять меня, изслѣдовать меня,—должна постичь самое вдохновеніе мое, если есть во мнѣ какое вдохновеніе. Безъ этого откровенность безплодна. Мало этого, откровенность предъ непонимающимъ только наноситъ новую язву душѣ. Въ моемъ земномъ странничествѣ и одиночествѣ нашелъ я пристань вѣрную—истинное Богопознаніе. Не

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 567—568.

живые человѣки были моими наставниками, ими были почившіе тѣломъ, живые духомъ Святые Отцы. Въ ихъ писаніяхъ нашелъ я Евангеліе, осуществленное исполненіемъ; они удовлетворили душу мою. Оставилъ я міръ, не какъ односторонній искатель уединенія или чего другого, но какъ любитель высшей науки; и эта наука доставила мнѣ все: спокойствіе, хладность ко всѣмъ земнымъ пустякамъ, утѣшеніе въ скорбяхъ, силу въ борьбѣ съ собою,—доставила друзей, доставила счастіе на землѣ, какого почти не встрѣчалъ. Вы знаете, какъ я живу въ монастырѣ! Не какъ начальникъ, а какъ глава семейства. Нѣсколько лѣтъ, какъ разстроилось мое здоровье. По мѣсяцамъ, по полугодамъ не выхожу изъ комнаты, но религія вмѣстѣ съ этимъ обратилась для меня въ поэзію и держитъ въ непрерывномъ чудномъ вдохновеніи, въ бесѣдѣ съ видимымъ и невидимымъ мірами, въ несказанномъ наслажденіи. Скуки не знаю; время сократилось, понеслось съ чрезвычайною быстротою, какъ бы слилось съ вѣчностію; вѣчность какъ бы уже наступила. Тѣхъ, которыхъ угнетаетъ скорбь, пригоняетъ къ моей пристани, приглашаю войти въ мою пристань, въ пристань Божественныхъ помышленій и чувствованій. Они входятъ, отдыхаютъ, начинаютъ вкушать спокойствіе, утѣшеніе и дѣлаются моими друзьями". Въ концѣ письма Архимандритъ Игнатій приглашаетъ и болящаго знаменитаго художника войти въ эту пристань, выражая увѣренность, что его душа найдетъ успокоеніе въ этой пристани, потому что душа эта въ земномъ хаосѣ ищетъ красоты, а его картины рисуютъ жаждущую душу, которая удовлетворилась бы только тою картиною, которая была бы картиною изъ вѣчности, ибо таково требованіе истиннаго вдохновенія. По мнѣнію Игнатія Брянчанинова, „всякая красота, и видимая и невидимая, должна быть помазана Духомъ; безъ этого помазанія на ней печать тлѣнія; красота помогаетъ удовлетворить человѣка, водимаго истиннымъ вдохновеніемъ. Ему надо, чтобы красота отзывалась жизнію, вѣчною жизнію. Когда же изъ красоты дышетъ смерть, онъ отвращаетъ отъ такой красоты свои взоры". Желая болящему художнику выздоровленія о. Игнатій желаетъ ему еще „пожить для того, чтобы ближе ознакомиться съ вѣчностію, чтобы предъ вступленіемъ въ нее стяжать для души красоту небесную. Объятія Отца Небеснаго всегда отверсты для принятія всякаго, кто только захочетъ прибѣгнуть въ эти святыя, спасительныя объятія" [1]). Какъ видимъ, несмотря на необычайно сложные труды, болѣзненность и служебно-жизненныя скорби, настроеніе Игнатія Брянчанинова—бодрое, жизнерадостное и христіанское.

---

[1]) Письмо Архимандрита Игнатія къ К. П. Брюллову (изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова). Въ 1900 году письмо это было напечатано въ журналѣ „Русская старина" (Сентябрь).

Много и другихъ огорченій было этому самоотверженному и неутомимому труженику царствія Божія на землѣ; много терновыхъ иглъ язвило это чистое любящее сердце и вызывало его сердечные вопли: „Достигшій сорокалѣтняго возраста, уничтоженный болѣзнями, потрясенный многими скорбями, разслабленный, неспособный по самому истощенію тѣлесныхъ силъ къ жизни дѣятельной, что скажу о участи моей?—восклицаетъ онъ въ своемъ „Плачѣ“. Не вижу предъ собою человѣка, котораго участь была бы для меня вожделѣнна и завидна. Я—грѣшникъ, достойный казней, и временныхъ, и вѣчныхъ; но не завиденъ мнѣ жребій никого изъ человѣковъ. Когда воззрю на грѣхи мои, они наводятъ на меня ужасъ; но и для ужасныхъ грѣшниковъ есть Искупитель.—Владыки земли, Пастыри Церкви, Отцы и Братія! Я уже болѣе негоденъ въ служеніе вамъ. Къ какому служенію способенъ окованный недугами, прикованный ими къ одру, держимый безвыходно въ келліи? Извергните меня, извергните, какъ раба непотребнаго, служащаго только отягощеніемъ для васъ! Я не потревожу васъ никакими просьбами, никакою заботою о мнѣ. Мнѣ не нуженъ садъ съ роскошною тѣнью и благовонными цвѣтами; не нужны многіе слуги; послужитъ мнѣ ради имени Христова инокъ смиренный, пришлетъ мнѣ на пищу и одежду христолюбецъ; не нужны мнѣ покои обширные, не нужно мнѣ никакое увеселеніе, никакое развлеченіе земное. Отпустите меня, отпустите больного, ни къ чему неспособнаго! Обрѣту себѣ удаленный отъ шума столичнаго, удаленный отъ градовъ и весей, малоизвѣстный пріютъ, уединенный и тихій: тамъ въ одиночествѣ довлачу до гроба дни мои. Болѣзненность моя дѣлаетъ тишину уединенія необходимою для меня. Вы захотите знать, неужели въ душѣ моей не таится никакого желанія?—Могу удовлетворить ваше любопытство. Я—грѣшникъ: жажду покаянія [1])“.

Много испытаній пришлось перенести Архимандриту Игнатію въ Сергіевой пустыни, такъ много, что нѣтъ возможности исчислить ихъ... „Всѣ скорби и гоненія были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ обносила его обыденная клевета и людское злорѣчіе“, говоритъ по этому поводу біографъ его В. Аскоченскій: „Едва ли чье-либо имя было столько поносимо повсюду, яко зло, какъ имя Архимандрита Игнатія Брянчанинова. Даже лица, облеченныя саномъ священнымъ, лица, отказавшіяся отъ міра, не уклоняли слуха своего отъ нареканій на честное имя труженика. Все, что на языкѣ и подъ языкомъ человѣческимъ уготовляетъ другимъ трудъ и болѣзнь, все, къ чему способны злоба и легкомысліе,—все обрушивалось на побѣдную голову безкорыстнаго, честнаго и праведнаго подвижника жизни внутренней, духовной. Люди не хотѣли знать ничего изъ его предшествовавшей

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 568.

жизни; для нихъ не могло быть понятнымъ его самоотверженіе, его добровольное принятіе на себя креста Христова, его бѣгство отъ міра, при всѣхъ мірскихъ приманкахъ и обольщеніяхъ, его тайное, видное только Богу, труженичество,—передъ ними былъ Игнатій, пользующійся недоступнымъ для нихъ вниманіемъ Царей и особъ великихъ, бывшій „всѣмъ вся, да вся пріобрящетъ“, передъ ними былъ человѣкъ, коловшій имъ глаза своею всесторонней образованностью, своею неутомимой дѣятельностью, своимъ внутреннимъ величіемъ, уничтожавшимъ ихъ показныя совершенства, напуокныя достоинства; передъ ними былъ человѣкъ, понимавшій дѣло своей жизни и неуклонно стремившійся къ нему,—и они порѣшили вездѣ и во всемъ противостоять ему, а въ случаѣ неуспѣха, „проносить имя его, яко зло“. Тонкое деликатное обращеніе съ людьми всѣхъ званій и состояній, всѣхъ половъ и возрастовъ, умѣнье держать себя среди законодателей, поклонниковъ и поклонницъ свѣтской суеты, высокое, всестороннее образованіе, даже знаніе иностранныхъ языковъ,—все обращалось въ орудіе клеветы и злорѣчія, все вмѣнялось ему въ порокъ и преступленіе. Подобно своему патрону, св. Игнатію Богоносцу,

„И онъ злословія цѣпями
Когда-то весь опутанъ былъ,
И на него неслись звѣрями
Пособники враждебныхъ силъ.

Но, встрѣтивъ ихъ душою твердой,
Онъ шагу имъ не уступилъ,
И веліара замыслъ гордый
Своимъ смиреньемъ побѣдилъ [1])“...

Какъ относился смиренный подвижникъ къ своимъ незаслуженнымъ обидамъ и скорбямъ и въ чемъ единственно находилъ онъ поддержку и утѣшеніе, видно изъ его собственныхъ словъ: „Послѣдуемъ Христу! Смиримся подобно Ему!“—восклицаетъ онъ въ своемъ словѣ утѣшенія къ скорбящимъ инокамъ:—„подобно Ему не откажемся прослыть льстецами и умоизступленными; не пощадимъ чести нашей, не отвратимъ лица отъ заплеваній и ланитъ отъ заушеній; не будемъ искать ни славы, ни красоты, ни наслажденій, принадлежащихъ міру сему; совершимъ земное странствованіе, какъ странники, не имѣющіе гдѣ главу подклонить; примемъ, примемъ поношенія, уничиженія и презрѣніе отъ людей, какъ неотъемлемыя принадлежности избраннаго нами пути; будемъ явно и тайно бороться съ помыслами гордыни,

[1]) В. Аскоченскій. Преосвящ. Игнатій (Брянч.), Еп. Кавказскій. (Домашняя бесѣда за 1867 г., стр 690—691).

всеусильно низлагать эти помыслы нашего ветхаго человѣка, ищущаго оживить свое я, подъ различными правдоподобными предлогами. Тогда Сынъ Божій, сказавшій „вселюся въ нихъ, и похожду“ (2 Кор. VI, 16), явится въ сердцѣ нашемъ, и даруетъ намъ власть и силу связать крѣпкаго, расхитить сосуды его, наступить на аспида и василиска; попрать ихъ (Препод. Макарій. Слово 4, гл. 15).

Отвергнемъ ропотъ, отвергнемъ жалобу на судьбу нашу, отвергнемъ сердечную печаль и тоску, отъ которыхъ слабыя души страдаютъ болѣе, нежели отъ самыхъ скорбей. Отвергнемъ всякую мысль о мщеніи и воздаяніи зломъ за зло. „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, сказалъ Господь“ (Рим, XII, 19).

Хочешь ли переносить скорби съ легкостію и удобствомъ?—Смерть за Христа да будетъ вожделѣнна тебѣ. Эта смерть да предстоитъ непрестанно предъ очами твоими. Умерщвляй себя ежедневно воздержаніемъ отъ всѣхъ грѣховныхъ пожеланій плоти и духа; умерщвляй себя отверженіемъ своей воли и отверженіемъ самооправданій, приносимыхъ лжеименнымъ разумомъ и лукавою совѣстію ветхаго человѣка; умерщвляй себя, живо представляя себѣ и живописуя неминуемую смерть твою. Намъ дана заповѣдь послѣдовать Христу, взявъ крестъ свой. Это значитъ: мы должны быть всегда готовы съ радостію и веселіемъ умереть за Христа. Если такъ устроимъ себя: то легко будемъ переносить всякую скорбь, видимую и невидимую.

Желающій умереть за Христа, какой напасти, какого оскорбленія не претерпитъ великодушно?

Намъ представляются тяжелыми наши скорби, именно отъ того, что не хотимъ умереть за Христа, не хотимъ въ Немъ одномъ заключить всѣ наши желанія, всѣ наши надежды, весь нашъ разумъ, все наше достояніе, все существованіе наше.

Стремящійся послѣдовать Христу и быть сонаслѣдникомъ Его, долженъ быть ревностнымъ подражателемъ страданій Его. Любящіе Христа и послѣдователи Его обнаруживаютъ и доказываютъ свой сокровенный залогъ тѣмъ, что претерпѣваютъ всякую ниспосылаемую имъ скорбь не только съ благодушіемъ, но и съ усердіемъ, и съ ревностію, и съ радостью, и съ благодареніемъ, возлагая на Христа все упованіе. Такое терпѣніе—даръ Христовъ Этотъ даръ приметъ тотъ, кто испроситъ его смиренною и постоянною молитвою у Христа, доказывая искренность желанія получить безцѣнный духовный даръ терпѣнія принужденіемъ и болѣзненнымъ насиліемъ нехотящаго сердца къ терпѣнію всѣхъ встрѣчающихся и случающихся скорбей и искушеній [1])“.

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 353—354.

И этотъ безцѣнный духовный даръ терпѣнія былъ у Архим. Игнатія; „не месть врагамъ, не желаніе зла „возревновавшимъ ему въ пустыни Даѳанамъ и Авиронамъ и всему „сонму Кореову“, устремлявшемуся на него „въ ярости и гнѣвѣ“, несъ онъ въ кроткой и смиренной душѣ своей, а падалъ за нихъ передъ крестомъ Божественнаго Страдальца и благодарилъ: „благодарю Тебя, Господь и Богъ мой, за все совершившееся надо мной! Благодарю Тебя за всѣ скорби и искушенія, которыя посылалъ Ты мнѣ для очищенія осквернѣнныхъ грѣхами, для исцѣленія изъязвленныхъ грѣхами моихъ души и тѣла! Помилуй и спаси тѣ орудія, которыя Ты употреблялъ для моего врачеванія,—тѣхъ людей, которые наносили мнѣ оскорбленія! Благослови ихъ въ семъ и будущемъ вѣкѣ! Вмѣни имъ въ добродѣтели то, что они дѣлали для меня! Назначь имъ изъ вѣчныхъ Твоихъ сокровищъ обильныя награды!

Такъ истинный христіанинъ проклинаетъ враговъ своихъ [1])“!.

Такъ терпѣливо, безъ ропота несъ духовный крестоносецъ свой тяжелый крестъ; но всѣ эти скорби еще больше разстраивали и безъ того сломленное здоровье Архимандрита; наконецъ, нравственныя и физическія силы его не выдержали: всегдашняя душевная настроенность его, искавшая подвига, и постоянное болѣзненное состояніе, всегда державшее мысль его „на порогѣ вѣчности“,—все это побуждало его искать уединенія, бѣжать отъ хлопотливой жизни настоятеля многолюднаго монастыря, расположеннаго къ тому же такъ близко отъ столицы съ ея многообразной суетой, отзвуки которой не могли не проникать во всякомъ случаѣ и за монастырскія стѣны. Онъ мечталъ въ тихомъ уединеніи найти вожделѣнный покой для своей измученной души и всецѣло предаться сладостному покаянію. Свое горячее желаніе удалиться на покой о. Игнатій выразилъ въ своемъ „Плачѣ“ слѣдующими, умиляющими душу читателя, словами: „Непостижимый, всесильный, всеблагій, всепремудрый Богъ и Господь мой, Создатель и Спаситель! Въ слезахъ и прахѣ предъ Тобою ничтожная пылинка—я, Тобою призванный къ существованію, допущенный къ размышленію, желанію! Ты зришь сердце мое; Ты зришь, то ли въ сокровенной глубинѣ его хранится слово, которое намѣреваюсь произнести умомъ и устами! Ты вѣдаешь прежде моего прошенія, что я желаю просить; въ судьбахъ Твоихъ рѣшено уже, исполнить ли или отвергнуть мое прошеніе. Но Ты даровалъ мнѣ самовластіе, и я дерзаю принесть предъ Тебя, произнести передъ Тобою желаніе моего окаяннаго, моего бѣдствующаго, моего изъязвленнаго сердца! Не внимай моему сердцу, не внимай словамъ молитвы моей, не сотвори по

---

[1]) В. Аскоченскій. Преосв. Игнатій (Брянч.), Еп. Кавказскій. (Домашняя бесѣда за 1867 г., стр. 692).

волѣ моей; но сотвори то, что Тебѣ угодно, что избираетъ и назначаетъ для меня всесвятая, премудрая воля Твоя. Однакожъ я скажу желаніе моего сердца; выражу словомъ стремленія моего самовластія!.. Покаянія двери отверзи мнѣ, Человѣколюбче! блудно прожилъ я житіе мое, достигъ единодесятаго часа; всѣ силы мои изсякли; не могу совершать заповѣдей и служеній разслабѣвшимъ моимъ тѣломъ: даруй мнѣ принести Тебѣ хотя покаяніе, чтобъ не пришлось мнѣ уходить изъ гостинницы міра чуждымъ всякой надежды! Ты зришь мою немощь, немощь души и тѣла! Не могу стоять противу лица страстей и соблазновъ. Изведи меня въ уединеніе и безмолвіе, чтобы тамъ могъ я погрузиться весь, и умомъ, и сердцемъ, и тѣломъ, въ покаяніе... Покаянія жажду!.. Милосердный Господь, утоли мою неутолимую, снѣдающую меня жажду: даруй мнѣ покаяніе! Излившій на меня толикія, безчисленныя благодѣянія, наверши и преисполни ихъ дарованіемъ покаянія! Владыка всесвятый! Не лиши меня дарованія, о полученіи котораго, въ безуміи моемъ, столько времени умоляю Тебя, не вѣдая, чего прошу, не вѣдая, способенъ ли я къ полученію дара, не вѣдая, сохраню ли его, если получу. Одинъ изъ служителей Твоихъ, освященный и просвѣщенный Духомъ Святымъ, сказалъ: „Внѣ безмолвія нѣтъ истиннаго покаянія“ (Св. Исаакъ Сирскій, Слово 41). Поразило это слово грѣшную мою душу, водрузилось въ памяти, пронзаетъ меня, какъ мечомъ, каждый разъ, какъ ни возобновится воспоминаніемъ. Не видя въ себѣ покаянія, прихожу въ недоумѣніе; принуждаю себя къ покаянію, но встрѣчаюсь невольно съ попеченіями, развлеченіемъ,—они похищаютъ у меня покаяніе. Не могу удержать его среди молвъ и смущеній: уходитъ, ускользаетъ, оставляетъ меня съ пустотою и безнадежіемъ. Многомилостивый Господь, даруй мнѣ покаяніе, доставляемое безмолвіемъ, покаяніе постоянное, покаяніе, могущее очистить скверны души и тѣла, покаяніе, которое Ты даровалъ всѣмъ, кого избралъ и призвалъ къ Себѣ, чьи имена назначены къ внесенію въ книгу живота, кому опредѣлилъ вѣчно зрѣть славу Твою и вѣчно славословить милость Твою. Даръ покаянія мнѣ дороже и вожделѣннѣе сокровищъ всего міра. Очищенный покаяніемъ, да узрю волю Твою непорочную, путь къ тебѣ непогрѣшительный, и да возвѣщу о нихъ братіи моей!—Вы, искренніе друзья мои, связанные со мною узами дружбы о Господѣ, не посѣтуйте на меня, не поскорбите о моемъ отшествіи. Отхожу тѣломъ, чтобы приблизиться духомъ; повидимому теряюсь для васъ, по сущности вы пріобрѣтаете меня. Вручите меня покаянію: оно вамъ возвратитъ меня очищеннымъ, просвѣщеннымъ, и возвѣщу вамъ слово спасенія, слово Божіе.—Покаянія двери отверзи мнѣ, человѣколюбивый Господь, даруй мнѣ спасеніе вѣчное со всѣми друзьями моими, о Тебѣ возлюбившими меня, да всѣ въ вѣчномъ блаженствѣ, въ радости и наслажденіи неизглаголанномъ,

славословимъ Отца и Сына и Святаго Духа, Бога, Единаго и Триипостаснаго, явившаго роду человѣческому любовь и милость, превышую слова, превышую постиженія“ [1]).

Но этому желанію Архимандрита Игнатія—всецѣло предаться покаянію въ тихомъ уединеніи,—не суждено было сбыться такъ скоро: вмѣсто увольненія на покой ему разрѣшенъ былъ только 11-ти мѣсячный отпускъ для поправленія здоровья въ указанный имъ Бабаевскій монастырь. „Видя, что уже нѣтъ моихъ силъ ни для борьбы съ непомѣрно усилившеюся болѣзнію, ни для борьбы съ обстоятельствами, я захотѣлъ удалиться изъ Петербурга и отъ шумныхъ должностей навсегда“, писалъ объ этомъ самъ Архимандритъ Игнатій: „Не всѣмъ быть листьями, цвѣтами, плодами на древѣ государственномъ; надо же кому нибудь, подобно корнямъ, доставлять ему жизнь и силу занятіями неизвѣстными, тихими, существенно-полезными, существенно-необходимыми. Однимъ изъ такихъ занятій признаю утвержденіе ближнихъ въ христіанской вѣрѣ и нравственности. Это мирное, скромное занятіе живымъ словомъ и перомъ всегда поглощало у меня значительную часть времени; а при болѣзненности моей взяло бы и все время. Не совершилось по моему желанію, не сбылось по моему предположенію, а предполагалъ я, что навѣрное дадутъ увольненіе: столько было содѣйствователей къ полученію его! Мнѣ данъ временный отпускъ въ Бабаевскій монастырь для отдыха и лѣченія. Здѣсь нахожусь теперь“ [2]).

Во время отпуска 1856 года Архимандритъ Игнатій, какъ мы видѣли, направился въ Оптину пустынь съ цѣлію подготовить себѣ скитскую келлію для безмолвной, молитвенной подвижнической жизни. Для этого въ его настроеніи явился, кромѣ болѣзненности, еще одинъ побуждающій мотивъ—скорбное чувство по случаю кончины его Державнаго Покровителя Государя Императора Николая Павловича. Но Провидѣнію угодно было еще на значительное время удержать на церковно-общественномъ служеніи ищущаго уединенія подвижника и продлить его многополезное служеніе на славу Святой Божіей Церкви. Вмѣсто скончавшагося въ 1856 году Митрополита Никанора С.-Петербургскимъ Митрополитомъ былъ назначенъ Григорій, лично знавшій Игнатія Брянчанинова и доброжелательно относившійся къ нему. Митрополитъ Григорій предложилъ Архимандриту Игнатію принять санъ Епископа. Рѣшившись не уклоняться отъ предлагаемаго во славу Божію, Архимандритъ Игнатій изъявилъ согласіе на сдѣланное предложеніе. По свидѣтельству

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 569—570.

[2]) Письма Еп. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ его учениками, стр. 16—17.

Чихачова, Архимандрита Игнатія сначала предполагали назначить Епископомъ въ Новгородъ, куда онъ уже и готовился. Но вышло иначе. Въ Новгородъ посвятили другого, а Архимандрита Игнатія черезъ годъ послѣ этого назначили Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ для приведенія епархіи въ должный порядокъ [1]). Высочайшее повелѣніе о бытіи Архимандриту Игнатію Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ послѣдовало 13-го октября 1857-го года [2]). Нареченіе его во Епископа Кавказскаго и Черноморскаго произошло 23-го октября въ Святѣйшемъ Синодѣ, а Епископская хиротонія—27 октября 1857 года въ Казанскомъ соборѣ. Въ рѣчи своей при нареченіи во Епископа Архимандритъ Игнатій говорилъ о своемъ стремленіи съ юности въ глубокія пустыни, о томъ, что монашество нравилось ему и влекло его само по себѣ и ни о какомъ служеніи Церкви въ санѣ священства онъ не мыслилъ. Но непостижимый Божественный Промыслъ оковалъ его и опоясалъ, Десница Божія восхитила изъ глуши лѣсовъ и пустынь и поставила въ обитель Преподобнаго Сергія, на берегъ моря, на берегъ моря житейскаго, великаго и пространнаго. Общественное церковное служеніе Архимандритъ Игнатій признаетъ полезнымъ для себя, какъ избавляющее отъ мечтательности и самомнѣнія, выясняющее недуги души и пріучающее къ смиренію. Съ этимъ смиреніемъ и покорностію волѣ Божіей и принимаетъ Архимандритъ Игнатій санъ Епископа. [3]) На другой день новопоставленный Епископъ Игнатій совершилъ литургію въ Лаврской Крестовой церкви, а затѣмъ три дня ноября провелъ въ Сергіевой пустынѣ. 3-го ноября, въ воскресный день, Епископъ Игнатій отслужилъ въ пустынѣ божественную литургію, участвовалъ на общей братской трапезѣ и, простившись со всѣми, окончательно оставилъ Сергіеву пустынь и переѣхалъ въ Александро-Невскую Лавру. Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ Епископу Игнатію полное архіерейское облаченіе, устроенное на иждивеніе кабинета Его Императорскаго Величества [4]). 4-го ноября, по приглашенію вдовствующей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны Епископъ Игнатій ѣздилъ въ Царское Село для представленія Ея Величеству. Государыня милостиво приняла его и пожаловала ему панагію, укра-

---

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 102.

[2]) Указъ Свят. Синода, отъ 21 окт. 1857 г., за № 10157; Указъ С.-Петерб. духов. Консисторіи на имя намѣстника Троице-Сергіевой пустыни іеромонаха Игнатія, отъ 29 окт. 1857 г., за № 6129; Указъ Свят. Синода на имя Архимандрита Игнатія, отъ 21 окт. 1857 г., за № 10158.

[3]) Въ бумагахъ сенатора Н. С. Брянчанинова рѣчь эта помѣчена 18 октября 1857 года.

[4]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова. Отношеніе Оберъ-Прокурора Свят. Синода на имя Епископа Игнатія, отъ 4 ноября 1857 г., за № 6726.

шенную брилліантами и рубинами, и сказала при этомъ: „Съ соизволенія Государя, даю вамъ эту панагію на память обо мнѣ и о покойномъ Государѣ". 9-го ноября Епископъ Игнатій представлялся Великому Князю Константину Николаевичу и Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, причемъ имѣлъ продолжительную духовную бесѣду съ Великой Княгиней, а 10-го ноября имѣлъ въ Царскомъ Селѣ аудіенцію у Государя Императора и, особо, у Государыни Императрицы, при чемъ Государынѣ Императрицѣ угодно было говорить съ нимъ о монашествѣ вообще и о Сергіевой пустынѣ въ особенности. 17-го ноября Преосвященный Игнатій участвовалъ въ хиротоніи Соловецкаго Архимандрита Александра во Епископа Архангельскаго и Холмогорскаго. Въ этотъ же день намѣстникъ Троице-Сергіевой пустыни іеромонахъ Игнатій (Малышевъ) возведенъ былъ въ санъ Архимандрита и, по представленію Епископа Игнатія и единодушному желанію братства, назначенъ настоятелемъ Сергіевой пустыни [1]). Удаляясь изъ Сергіевой пустыни на далекій Кавказъ, Игнатій Брянчаниновъ, съ благословенія церковной Власти, оставилъ своимъ преемникомъ и продолжателемъ своихъ начинаній своего ученика и многолѣтняго келейника и воспитанника Игнатія Малышева и въ лицѣ его передалъ Сергіевой обители духъ своего иноческаго дѣланія.

Ушелъ Игнатій Брянчаниновъ на Кавказъ, черезъ четыре года переселился въ Бабайки, а по истеченіи шестилѣтняго тамъ пребыванія и совсѣмъ ушелъ изъ скорбнаго земного странствованія своего въ ту страну нескончаемой вѣчности, въ землю обѣтованія, которую онъ такъ ясно видѣлъ своимъ вѣрующимъ взоромъ. Но Троице-Сергіева пустынь до настоящаго времени служитъ краснорѣчивымъ и неопровержимымъ свидѣтелемъ его неутомимаго, многотруднаго дѣланія, а тотъ духъ и строй жизни Игнатіевой, который она старательно сохраняетъ, является нерукотворнымъ памятникомъ 24-лѣтняго подвижничества Игнатія Брянчанинова. Охраняя и умножая внѣшнее достояніе свое, собранное трудами Игнатія Брянчанинова и его достойныхъ преемниковъ, учениковъ и продолжателей его святого труда, обитель Сергіева не растратила и унаслѣдованныхъ отъ своего устроителя духовныхъ богатствъ, сохранивъ силу созиданія душевнаго спасенія своихъ постоянныхъ обитателей, назиданія приходящихъ на Богомоленіе, и доселѣ умиротворяя настроеніе обуреваемыхъ волнами моря житейскаго. Въ настоящее время, съ внѣшней стороны это благоустроенный, чистый, обширный монастырь. Съ сѣвера его—Балтійское взморье, зимой—это громадная снѣжная равнина, виденъ Крон-

[1]) Жизнеописаніе Епископа Игнатія Брянчанинова, составленное его учениками и почитателями, изд. 1881 г., стр. 89—90.

штадтъ, на западъ—Велико-княжескіе дворцы, Петергофъ и Александрія. На востокъ и югъ—низменность, покрытая тощимъ лѣсомъ. Виднѣется громада русской столицы Петербурга, во мглѣ и дымѣ котораго выдвигается величественный Исаакіевскій соборъ. Внутри монастыря—чистота и порядокъ во всемъ. Монастырь производитъ впечатлѣніе хорошей Лавры. Величественные мавзолеи сливаются съ храмами и келліями монашествующихъ. Живое и мертвое живетъ совмѣстною жизнію и, кажется, что для живущихъ смерть—это лишь неизбѣжный переѣздъ на новую квартиру, или, лучше,—въ собственный домъ, своими трудами и по своему вкусу устроенный: здѣсь, въ стѣнахъ обители легче поминать послѣдняя и не согрѣшать. Рядомъ, одной стѣной въ оградѣ Сергіевой пустыни—другой монастырь—Инвалидный домъ графовъ Зубовыхъ [1]), щедрыми жертвами и вниманіемъ устроителей содержимый въ образцовомъ порядкѣ, а по задачѣ основателей и вліянію обители—и въ строгихъ нравахъ: инвалиды живутъ какъ институтки.

---

[1]) Во время управленія Сергіевой пустыней Игнатіемъ Брянчаниновымъ графу Александру Николаевичу Зубову продано земли 29 саж. длиною, находящейся за Инвалиднымъ домомъ, за 7 тыс. рублей, съ тѣмъ, чтобы на этомъ мѣстѣ погребались лица только православнаго исповѣданія, мѣсто это было обнесено желѣзною рѣшеткою, съ двумя ключами у входныхъ дверей, чтобы изъ нихъ одинъ хранился у ризничаго, а другой у графа Зубова, чтобы рисунки рѣшетки и памятниковъ, которые впослѣдствіи могутъ быть воздвигнуты, непремѣнно представлялись монастырскимъ настоятелямъ на разсмотрѣніе (Условія эти графомъ Зубовымъ подписаны 4 августа 1835 года. Указъ С.-Петерб. дух. Консисторіи отъ 7 августа 1835 года за № 3268). Наряду съ этимъ Архимандритъ Игнатій, рапортомъ своимъ на имя Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, отъ 24 ноября 1835 года за № 5029, представилъ свой взглядъ на порядокъ управленія Инвалиднымъ домомъ графовъ Зубовыхъ, который, по сношеніи съ лицами фамилій графовъ Зубовыхъ, и положенъ въ основу опредѣленія Свят. Синода по сему предмету, отъ 11 декабря 1836 года, въ которомъ, по внимательномъ разсмотрѣніи всего дѣла, Синодъ находитъ, что по мѣстному положенію Инвалиднаго дома фамилій графовъ Зубовыхъ, который построенъ внутри ограды Сергіева монастыря и котораго фасадъ обращенъ на монастырскую церковь и келліи, образъ управленія имъ требуетъ особой опредѣлительности въ правилахъ, которыя согласовались бы и съ правилами монастырскими, тѣмъ болѣе, что по п. 4 Высочайше утвержденнаго проэкта положенія о домѣ настоятель и братія монастыря призываются къ нравственному утѣшеніями отъ вѣры вспомоществованію призрѣваемымъ, и можно предполагать, что первые учредители Инвалиднаго дома, не предполагали устранять монастырскаго начальства отъ всякаго соучастія въ попеченіи и надзорѣ за благоустройствомъ дома, столь тѣсно соединеннаго съ монастыремъ, а потому представляетъ необходимо нужнымъ изъяснить опредѣлительно правила объ Инвалидномъ домѣ и согласовать съ правилами монастырскими, которыя, какъ правила Церкви, не могутъ быть ни измѣняемы, ни нарушаемы. (Указъ Свят. Синода отъ 20 мая 1837 года за № 5831; Указъ С.-Петерб. Консисторіи отъ 16 іюня 1837 г. за № 2942). Такое согласованіе въ значительной мѣрѣ и достигнуто, и Инвалидный домъ графовъ Зубовыхъ по своимъ порядкамъ и благоустройству въ настоящее время не представляетъ дисгармоніи съ жизнію обители.

Общій видъ обители схватывается трудно—монастырь расположенъ на низменной и ровной площади и виденъ лишь вблизи, всего лучше со стороны вокзала желѣзной дороги. До вокзала около двухъ верстъ, дорога по прямой линіи: обитель и близко, и далеко—скоро не доѣдешь. Такъ и Царствіе Божіе. Близко всѣмъ и трудно достигается.

Вблизи отъ Троице-Сергіевой пустыни виднѣется дворецъ Великаго Князя Димитрія Константиновича, очень расположеннаго къ обители и ея теперешнему настоятелю Архимандриту Михаилу. Далѣе дворцы Великихъ Князей Михаила Николаевича, Александра Михаиловича, Николая Николаевича, Петергофъ и Государева резиденція—Александрія. Царскій дворецъ, дворцы Велико-княжескіе представляютъ собою какъ бы районъ прихода Троице-Сергіевой пустыни. Великіе князья и ихъ семьи получаютъ въ Троице-Сергіевой пустыни духовное утѣшеніе, заботятся объ обители и ея хозяйствѣ. Въ обширномъ хозяйствѣ пустыни есть цѣнныя лошади—даръ Великаго Князя Димитрія Константиновича. На стѣнѣ трапезной Троице-Сергіевой пустыни, вблизи аналоя чтеца, на видномъ мѣстѣ, можно читать помѣщенное въ золотой рамѣ слѣдующее, написанное дѣтскимъ почеркомъ письмо: „Петербургъ. 19 $\frac{6}{IV}$ 03. Дорогой батюшка! Узнавъ отъ Дяденьки, что Вы хотите сдѣлать въ трапезной каменный полъ, мы собрали, сколько могли, изъ нашихъ карманныхъ средствъ и просимъ Васъ принять эту лепту и помолиться о болящихъ Гавріилѣ и Олегѣ. Просимъ Вашего благословенія Іоаннъ, Татьяна, Константинъ, Олегъ и Игорь". Это трогательное письмо написали Архимандриту Михаилу (Горѣлышеву), —теперешнему настоятелю Сергіевой пустыни, дѣти Великаго Князя Константина Константиновича, а Дяденька ихъ, отъ котораго они узнали о нуждахъ обители,—Великій Князь Димитрій Константиновичъ. Ближайшій сосѣдъ обители, Великій Князь Димитрій Константиновичъ нерѣдко бываетъ въ ней, имѣетъ для себя даже комнату въ покояхъ настоятеля Архимандрита Михаила, къ которому относится съ трогательною любовью [1]). Братія Троице-Сергіевой пус-

[1]) Доказательствомъ высокаго вниманія Великаго Князя къ Архимандриту Михаилу является сердечное письмо при назначеніи послѣдняго на настоятельство Сергіевой пустыни, отъ 21 декабря 1901 года. „Мыза Стрѣльня. Глубокоуважаемый о. Михаилъ. Спѣшу препроводить Вамъ прилагаемую у сего телеграмму (телеграмма В. К. Саблера). Получивъ ее, я порадовался отъ всей души. Видно, такъ Богу угодно. Помоги Вамъ Господь въ святомъ, хотя и не легкомъ, дѣлѣ управленія обителью къ утвержденію Вѣры Православной и на радость и утѣшеніе всѣмъ почитающимъ нашу Свято-Троицкую Сергіеву пустынь, а также любящимъ и уважающимъ Васъ. Послѣ кончины покойнаго отца Архимандрита я молилъ Бога, чтобы назначеніе новаго настоятеля состоялось по Его Святой Водѣ,—чтобы Онъ вразумилъ Духомъ Своимъ Святымъ Владыку Антонія и указалъ, кого назначить Архимандритомъ. Еще

тыни, со времени Игнатія Брянчанинова, вмѣстѣ съ братіей Александро-Невской Лавры, во главѣ съ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ, ежегодно выѣзжаютъ для славленія Христа въ Царскій Дворецъ и къ Великимъ Князьямъ. Это положеніе великолѣпной монашеской обители вблизи обителей — Царевой и Велико-княжескихъ производитъ пріятное впечатлѣніе и вызываетъ духовное умиленіе: предметъ и источникъ духовнаго утѣшенія простыхъ русскихъ вѣрующихъ людей служитъ таковымъ же и для Державнаго Царственнаго Дома, является звеномъ, связующимъ Домъ Царскій и хижину бѣднаго простолюдина, любящаго родину, Царя и Церковь. Невольно является представленіе о величіи заслуги всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали устроенію и украшенію обители Троице-Сергіевой — здѣсь, на берегу моря, въ топи болотъ, на поученіе надменному сосѣду — иновѣрному и инославному иноземцу, на пораженіе и враждебному для спасенія человѣческаго сѣятелю зла — духу злобы. А Высокопоставленные Насельники Балтійскаго взморья, стѣсненные высокимъ положеніемъ своимъ, скованные цѣпями величія мірского, — гдѣ могли бы они просто видѣть обитель святости и мира, если бы въ тѣсномъ общеніи съ ними не находилась Троице-Сергіева пустынь.

Въ полномъ порядкѣ содержится хозяйство Троице-Сергіевой пустыни:

1) Молочное, гдѣ содержится свыше 20 породистыхъ и цѣнныхъ коровъ, чистота и порядокъ въ молочномъ хозяйствѣ замѣчательные.

2) Птичникъ—съ несмѣтными стаями совершенно ручныхъ куръ, устроены гнѣзда для несенія яицъ и высиживанія цыплятъ.

3) Конюшня, гдѣ есть очень цѣнныя лошади — даръ Великаго Князя Димитрія Константиновича.

4) Пчельникъ передъ окнами настоятеля, удовлетворяющій по количеству получаемаго меда потребностямъ обители.

5) Садъ съ фруктовыми деревьями.

6) Огородное и полевое земледѣльческое хозяйство. Общій бюджетъ обители въ настоящее время исчисляется въ суммѣ приблизительно 15,000 руб. годового дохода [1]).

разъ желая Вамъ отъ всей души помощи Божіей и полнѣйшихъ во всемъ успѣховъ, поручаю себя Вашимъ молитвамъ и остаюсь сердечно Васъ уважающій Дмитрій.

Я увѣренъ, что и покойный отецъ Варлаамъ радуется Вашему назначенію. Примите мой искренній поклонъ". (Изъ бумагъ настоятеля Троице-Сергіевой пустыни Архимандрита Михаила). Если бы не подпись подъ этимъ письмомъ, мы по содержанію и тону его склонны были бы считать его авторомъ Епископа или Митрополита.

[1]) Дѣло № 20 по описи дѣлъ первоклассной Троице-Сергіевой пустыни о срочныхъ свѣдѣніяхъ, представляемыхъ С.-Петербургскому Епархіальному начальству за 1913 годъ.

и 7) Больница Сергіевой пустыни съ амбулаторіей для приходящихъ больныхъ—чистое просторное зданіе. Больница построена нынѣшнимъ опытнымъ настоятелемъ; порядокъ и чистота; стѣны окрашены масляной краской, приличная прислуга, опрятныя кровати, изъ нихъ 10—для монаховъ. Ванна, электрическая машина, аптека. Внизу амбулаторія, принимающая въ годъ до 6000 больныхъ (въ 1913 году принято было 6534 человѣка). Фельдшеръ-монахъ, врачъ мірской. Больница производитъ пріятное впечатлѣніе.

Составъ братства исключаетъ всякія затрудненія по совершенію Богослуженія,—въ обители теперь: настоятель Архимандритъ Михаилъ, іеромонахи: намѣстникъ о. Іоасафъ, казначей о. Геннадій, ризничій о. Сергій и духовникъ о. Іона, сверхъ того 18 іеромонаховъ; всего 23 іеромонаха, 10 іеродіаконовъ, 3 монаха, указныхъ послушниковъ 10, проживающихъ для Богомоленія—41 [1]). Благодаря столь значительному составу братства и строю его, поддерживаемому со временъ Игнатія Брянчанинова, церковное Богослуженіе совершается уставно и выдержанно-стильно, по монастырски. Вездѣ какъ будто рѣетъ духъ Игнатія Брянчанинова, благословляя созданную имъ обитель, оживленную и процвѣтшую подъ его настоятельствомъ пустыню, яко кринъ. Съ 1834 года, въ теченіе 80 лѣтъ, Троице-Сергіева пустынь держитъ строй, порядокъ и направленіе, внесенные въ ея жизнь Игнатіемъ Брянчаниновымъ, ибо послѣдующіе настоятели питаются духомъ его, принадлежа къ его преемственнымъ ученикамъ [2]), съ любовію и усердіемъ поддерживаютъ тѣ начинанія Архимандрита Игнатія, которыми упрочилась слава обители. Особенное впечатлѣніе производитъ въ Сергіевой пустыни Богослуженіе, даже въ будни. Трогательный порядокъ, уставность службъ. Стройность движеній. Манатейные монахи всѣ въ мантіяхъ. Настоятель стоитъ взади храма, впереди свѣчного ящика. Отправляющіе церковное послушаніе подходятъ къ нему за благословеніемъ, чинно и стройно, тихо и благоговѣйно идутъ каждый къ своему дѣлу и мѣсту. Громадный, величественный, помѣстительный храмъ съ колоннадой и прекраснымъ иконостасомъ. Большіе, закрытые клироса; на нихъ два хора—въ общемъ до 40 человѣкъ. На вечернѣ на „Славу“ и „Свѣте тихій“—всѣ на средину, на стиховны—тоже. Шествіе красивое, клобуки, мантіи, полумракъ. Теноръ іеромонахъ, басъ іеродіаконъ. А на клиросѣ—чудные голоса, особенно басы. Іеродіаконъ басъ гудитъ низкими нотами. Въ его громадной фигурѣ, въ его густомъ басѣ слышится намъ невольно почти

---

[1]) Свѣдѣнія взяты отъ того-же „Дѣла“.

[2]) Игнатій Брянчаниновъ былъ настоятелемъ Сергіевой пустыни съ 1834 года по 1857 годъ,—24 года, послѣ него—Игнатій Малышевъ—40 лѣтъ, затѣмъ Варлаамъ—4 года и нынѣ здравствующій Архимандритъ Михаилъ—съ 1901 года.

сорокалѣтній подвижникъ Сергіевой пустыни схимонахъ Михаилъ (Чихачовъ), пѣвшій своей рѣдкой октавой Богу—„дондеже есмь“ [1]),

---

[1]) Въ поясненіе сказаннаго и въ качествѣ свидѣтельства о томъ незаурядномъ, могучемъ талантѣ, какимъ Господь наградилъ Михаила Васильевича Чихачова, и показателя того, въ какую область былъ направленъ этотъ Божій даръ—чудный голосъ его (октава), мы позволимъ себѣ привести здѣсь слѣдующій интересный и характерный фактъ, изложенный Лѣсковымъ въ его разсказѣ „Инженеры—безсеребренники“: одна изъ родственницъ Чихачова, Марія Павловна Ферморъ, была замужемъ за Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Кавелинымъ. Чихачовъ нерѣдко навѣщалъ ее. Однажды, когда онъ сидѣлъ у Кавелиной, къ ней пріѣхалъ съ прощальнымъ визитомъ извѣстный Рубини. Кавелина, знакомя встрѣтившихся гостей, сказала Рубини, что Чихачовъ—ея дядя, и что онъ хотя и монахъ, но прекрасно знаетъ музыку и обладаетъ превосходнымъ голосомъ.

— Но васъ онъ никогда не слыхалъ,—добавила Марія Павловна.

— Почему же это такъ?

— Это потому, что у насъ духовныя лица не могутъ ходить въ театры.

— Какая жалость,—отвѣчалъ Рубини:—музыка возвышаетъ чувства, и театръ можетъ наводить на очень глубокія размышленія.

— Ну, ужъ какъ бы это тамъ ни было, а у насъ такое правило, что монахи оперъ не слушаютъ.

— Но, все равно, вашъ дядюшка могъ быть въ моемъ концертѣ.

Кавелина улыбнулась и отвѣчала:

— Нашимъ монахамъ не позволено бывать и въ концертахъ.

— Это варварство!—воскликнулъ Рубини:—и, я думаю, вы не станете ему слѣдовать и не запретите мнѣ спѣть при вашемъ дядѣ.

— Я буду отъ этого въ восторгѣ.

— А вы ничего противъ этого не имѣете?—обратился, живо вставая съ мѣста, Рубини къ самому Чихачову.

— Я очень радъ слышать знаменитаго Рубини.

— Въ такомъ случаѣ Рубини поетъ съ двойной цѣлью, чтобы доставить удовольствіе хозяйкѣ дома и своему собрату, и въ тоже время, чтобы сдѣлать неудовольствіе грубымъ людямъ, непонимающимъ, что музыка есть высокое искусство.

Марія Павловна Кавелина открыла рояль и сѣла аккомпанировать, а Рубини всталъ и пропѣлъ для Чихачова нѣсколько лучшихъ своихъ арій.

Чихачовъ слушалъ съ глубочайшимъ вниманіемъ, и когда пѣніе было окончено, онъ сказалъ:

— Громкая слава ваша ни мало не преувеличиваетъ достоинствъ вашего голоса и умѣнья. Вы поете превосходно.

Такъ скромно и достойно выраженная похвала Чихачова чрезвычайно понравилась Рубини. Ему, конечно, давно уже надокучили и опротивѣли всѣ опошлѣвшіе возгласы дешеваго восторга, которыми люди банальныхъ вкусовъ считаютъ за необходимое привѣтствовать артистовъ. Въ словахъ Чихачова, дѣйствительно, была похвала, которую можно принять, не краснѣя за того, кто хвалитъ. И Рубини, сжавъ руку монаха, сказалъ:

— Я очень радъ, что мое пѣніе вамъ нравится, но я хотѣлъ бы имѣть понятіе о вашемъ пѣніи.

Чихачовъ сейчасъ-же, молча, всталъ, самъ сѣлъ за фортепіано и, самъ себя аккомпанируя, пропѣлъ что-то изъ какого-то духовнаго концерта.

Рубини пришелъ въ восхищеніе и сказалъ, что онъ въ жизнь свою не встрѣ-

этотъ жизнерадостный аскетъ, не носившій рубашки, а власяницу, купавшійся въ морѣ съ пробиваніемъ льда, энергичный и смиренный, большой и умаленный духъ, мощный и сильный, но послушливый и непритязательный, не видѣвшій свѣта, въ которомъ родился и къ которому могъ принадлежать по рожденію и связямъ, но зато облагодатствованный, думаемъ и вѣримъ,—„созерцатель вышнихъ Божіихъ таинъ“. И люди міра, даже Верховные Кормчіе мірского корабля чуяли духовную силу насельниковъ Сергіевой пустыни. Недаромъ сильный волею и духомъ, большой характеръ,—Императоръ Николай I, пріѣзжая въ обитель, обнималъ дружески Михаила Чихачова и, хлопая по плечамъ, сильно говорилъ: „мой, мой монахъ“. Не казалось ли тогда Царственному Самодержцу, что исканіе царства Божія и вѣрное стояніе на пути къ нему выше чертоговъ Царскихъ и порфиръ? Чихачовъ отказывался отъ священства, не хотѣлъ быть наставникомъ другихъ, былъ бѣденъ ради небесныхъ богатствъ. А когда нужно было ѣхать во Дворецъ, онъ надѣвалъ чужую рясу... Сергіева пустынь—приморская дача царственной особы! Многосмысленнымъ представляется намъ теперь это, такъ сказать, первобытное названіе территоріи Сергіевой пустыни. При какомъ морѣ нынѣ лежитъ эта дача“?—При томъ ли естественномъ географическомъ морѣ, откуда, по волѣ оживившаго пустынныя волны постройкою сѣверной столицы великаго Русскаго человѣка, Царственнаго Плотника, по Балтическимъ волнамъ плывутъ иноземные флаги и Русь Державная Православная будетъ давать тѣмъ гостямъ свои не только матеріальныя блага, но—и духовныя, выполняя тѣмъ свою высокую миссію народа—богоносца?...

чалъ такой удивительной октавы и жалѣетъ, что лучшіе композиторы не знаютъ о существованіи этого голоса.

— Къ чему же бы это послужило?—произнесъ Чихачовъ.

— Для вашего голоса могли быть написаны вдохновенныя партіи, и ваша слава, вѣроятно, была бы громче моей!

Чихачовъ молчалъ и, сидя бокомъ къ клавіатурѣ, тихо перебиралъ клавиши.

Рубини всталъ и началъ прощаться съ Кавелиной и съ ея гостемъ.

Подавъ руку Чихачову, онъ еще разъ сильно сжалъ его руку, посмотрѣлъ ему въ глаза и воскликнулъ съ восторгомъ:

— Ахъ, какой голосъ! какой голосъ пропадаетъ безвѣстно!

— Онъ не пропадаетъ: я имъ пою Богу моему дондеже есмь,—проговорилъ Чихачовъ по русски.

Рубини попросилъ перевести ему эту фразу и, подернувъ плечами, сказалъ:

— Ага!... Да, да... это другое дѣло.

Встрѣча Рубини съ Чихачовымъ въ гостиной генералъ-губернаторскаго дома и все, что тамъ произошло, очень быстро распространилось въ „свѣтѣ“ и было разнесено молвой по городу. Зналъ объ этомъ и Императоръ Николай, и отвѣтъ Чихачова: „Пою Богу моему“ чрезвычайно ему понравился.

(См. Собраніе сочиненій Лѣскова, т. IV, „Инженеры-безсребренники“, стр. 65—67).

Или при томъ морѣ житейскомъ, которое виднѣется отъ нея, по прямой линіи, въ 8 верстахъ, въ видѣ царственнаго города и безмѣрной страны, для обитателей которыхъ, обуреваемыхъ волнами житейскими, нужна обитель мира, пріютъ священный, мѣсто упокоенія, духовная лѣчебница. Конечно, второй смыслъ „Приморской дачи“ тоже примѣнимъ къ обители святой Троицы и Сергія преподобнаго [1]), а этотъ святой Подвижникъ, Небесный Гражданинъ своего земного отечества, оставленный вдали отъ царствующаго града съ перенесеніемъ столицы въ Петербургъ, духомъ перешелъ сюда для руководства царственными умами и видимымъ знакомъ этого утвердилъ здѣсь свою обитель новую, „Приморскую дачу“, а невидимо обитаетъ въ настроеніи насельниковъ ея, особенно со времени Игнатія Брянчанинова, усвоившаго подвигомъ своей жизни духъ подвижничества. И даже временно проживающій на „Богомоленіи“ чувствуетъ здѣсь пребываніе духа подвижничества, духа Игнатіева. Этотъ духъ Игнатія Брянчанинова чувствуется: 1) въ самомъ бытіи обители, въ ея благоустройствѣ, въ ея храмахъ, въ ихъ благолѣпіи;

2) въ ея общирномъ кладбищѣ знатныхъ людей, для которыхъ почести высокихъ земныхъ положеній обезцѣнивались нерѣдко при видѣ духовнаго богатства обители;

3) въ томъ эстетически-религіозномъ благочиніи, уставности, красотѣ и одухотворенности Богослуженія, которое хранится въ обители доселѣ;

4) въ чистотѣ и порядкѣ трапезной, украшенной художественными произведеніями,—необычной монастырской трапезной, гдѣ читаются житія святыхъ, составленныя Архим. Игнатіемъ.

5) Но особенно—въ духѣ и настроеніи теперешнихъ насельниковъ обители и ея руководителей,—„намѣстниковъ“ Игнатія Брянчанинова, унаслѣдовавшихъ этотъ духъ отъ него и простодушнаго и нестяжательнаго схимника Михаила Чихачова. Въ чемъ особый духъ этотъ? Аскеты-подвижники, вмѣнившіе богатство и славу, почести и удовольствія міра, „яко уметы—царствія ради Божія“, они сохранили духъ радостный, радостотворный и его передали своимъ духовнымъ потомкамъ. Они не омрачали лицъ своихъ, „яко да явятся человѣкомъ постящеся“, но были радостны и благодушны, отзывчивы и кротки, добры въ самой внѣшней суровости своей и это передали своимъ преемникамъ. Таковъ былъ Игнатій Брянчаниновъ, таковы были его соработники. Раны и отекъ ногъ мучили гиганта Михаила Чихачова, но не обнаруживалъ онъ страданій своихъ, даже тогда, когда его сила духовная ломилась подъ немощію тѣла, онъ вспоми-

---

[1]) Такое пониманіе положенія Сергіевой пустыни встрѣчается и у Архимандрита Игнатія (См. его рѣчь при нареченіи во Епископа).

налъ лишь о другѣ юности своей—Игнатіи, и душу, и вниманіе свое все устремлялъ къ Богу, вкладывая свое настроеніе въ выполняемыя пѣснопѣнія. А нынѣшній настоятель Сергіевой пустыни Архимандритъ Михаилъ при своихъ 66 годахъ юный, веселый, бодрый, жизнерадостный, дѣтски простой, не смотря на астму, сахарную болѣзнь и другіе недуги, чудный теноръ, пѣвшій еще съ Михаиломъ Чихачовымъ, вливаетъ бодрость и духовную радость во всѣхъ, кто входитъ въ сферу его жизни. А его ближайшій соработникъ ризничій о. Сергій, проникнутый духовной радостью и довѣрчивой простотой, подвижнически самоуглубленный, питаетъ ближнихъ своимъ ровнымъ христіанскимъ настроеніемъ, безъ рисовки и экзальтаціи. А намѣстникъ — благолѣпный и скромный о. Іоасафъ, съ увлеченіемъ несущій послушаніе руководства монастырскимъ пѣніемъ, весь ушедшій въ это святое дѣло и равнодушный къ всякимъ исканіямъ человѣческой славы. Таковы же и многіе другіе старцы и послушники святой обители Сергіевой, съ увлекательной простотой и ясностью относящіеся къ вопросу о жизни и смерти, между тѣмъ и другимъ—союзъ и братство: смерть—лишь возрожденіе къ вѣчной жизни. И это особенно живо чувствуется въ Сергіевой обители. Когда намъ приходилось проходить вечеромъ по обители, когда виднѣются въ темнотѣ горящія на могилахъ лампады, когда видѣли мы въ ночной часъ лампаду неугасимую въ трогательной часовнѣ трехъ старцевъ, намъ яснымъ становилось, что смерти настоящей нѣтъ; намъ казалось, что встанетъ о. Михаилъ Чихачовъ и загремитъ его октава: „Совѣтъ превѣчный“, или: „Далъ еси достояніе боящимся Тебе Господи“, или: „Христосъ воскресе“. Во время пребыванія въ Троице-Сергіевой пустыни мы переживали отрадную увѣренность, что живъ Владыка Игнатій Брянчаниновъ и въ устроенныхъ имъ обителяхъ, и въ твореніяхъ своихъ онъ вѣщаетъ всему вѣрующему міру отрадную и спасительную память о грядущей смерти, о вѣчной жизни: вѣрующій въ Бога не умретъ, но перейдетъ отъ смерти въ жизнь!

Глава третья.

Игнатій Брянчаниновъ, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

Монашество нравилось и нравится мнѣ само по себѣ, но я вовсе не мыслилъ о служеніи Церкви въ какомъ бы то ни было санѣ священства. Быть Епископомъ своего сердца и приносить въ жертву Христу помышленія и чувствованія, освященныя Духомъ,—вотъ высота, къ которой привлекались мои взоры"... (Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 313.

Особыя условія жизни Кавказской епархіи, основаніе и краткая исторія ея. Дѣятельность Епископа Игнатія Брянчанинова по управленію Кавказской епархіей. Состояніе Кавказской епархіи по наблюденіямъ Епископа Игнатія. Мѣры къ развитію церковной жизни. Участіе Епископа Игнатія Брянчанинова въ проведеніи въ жизнь Кавказской паствы великой крестьянской реформы по Манифесту 19 февраля 1861 года. Оставленіе Епископомъ Игнатіемъ Кавказской епархіи.

Съ принятіемъ монашества въ 1831 году и непрерывно до времени своего назначенія на Архіерейскую каѳедру въ 1857 году Игнатій Брянчаниновъ былъ занятъ кипучей и сложной дѣятельностію по приведенію въ порядокъ и устроенію ввѣренныхъ ему обителей—Григоріе-Лопотовой и Троице-Сергіевой. Въ томъ и другомъ монастырѣ нашелъ онъ разстройство всѣхъ сторонъ—и внѣшней и внутренней жизни. Тотъ и другой монастырь, особенно Сергіева пустынь—оставлены были имъ въ цвѣтущемъ состояніи. Таже дѣятельность устроенія и возведенія на должную высоту начатаго церковнаго дѣла выпала на его долю и въ положеніи епархіальнаго Епископа. Не продолженіе мирнаго правленія и поддержаніе христіанскаго настроенія въ благоустроенной епархіи досталось ему, но упорядоченіе и устроеніе въ религіозно-церковномъ отношеніи края воинствующаго, неустроеннаго

еще и въ гражданскомъ отношеніи, поглощеннаго во всѣхъ почти интересахъ многолѣтней военной борьбой. Здѣсь также, какъ и въ Сергіевой пустынѣ Игнатію Брянчанинову нужно было благоустроить внѣшность—Архіерейскую резиденцію и организацію церковнаго управленія и влить, по возможности, христіанское настроеніе, внести принципы христіанской жизни въ населеніе, занятое внѣшней борьбой, малоосѣдлое и воинственное. Отношенія къ военной и гражданской власти требовали зміиной мудрости и глубокаго такта и пониманія положенія края, отношенія къ духовенству—бдительнаго вниманія и настойчивости, оживленія духовной жизни паствы—силы молитвеннаго духа и христіанской любви, все церковное дѣло въ Кавказскомъ краѣ требовало Иліиной ревности и неутомимой энергіи, ума, такта и характера отъ того, кто взялъ на себя обязанность руководства этимъ дѣломъ. И эти свойства въ изобиліи принадлежали Игнатію Брянчанинову и обнаружились въ его дѣятельности по управленію Кавказской и Черноморской каѳедрой, не смотря на сравнительную кратковременность его пребыванія въ краѣ. Сильный духъ поддержалъ и укрѣпилъ болѣющее тѣло, недуги не помѣшали ему быть дѣятельнымъ и энергичнымъ Архіереемъ на молодой Епископской каѳедрѣ.

Кавказская и Черноморская каѳедра открыта съ 1 января 1843 года по ходатайству начальника Кавказской области П. Э. Граббе. Докладъ Святѣйшаго Синода по этому предмету утвержденъ былъ 4 апрѣля 1842 года. Въ составъ этой епархіи отошла изъ Новочеркасской епархіи вся Кавказская область и Черноморія [1]). Епископу

---

[1]) Русскія поселенія на рѣкѣ Терекѣ образовались въ половинѣ XVI вѣка и въ церковно—административномъ отношеніи принадлежали долгое время къ Астраханской епархіи. Епископъ этой епархіи со временъ Бориса Годунова назывался Астраханскимъ и Терскимъ. Въ 1722 году Петръ Великій на рѣкѣ Сулакѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Дагестанской области, построилъ крѣпость св. Креста или Ставрополь. Съ этого времени Епископы Астраханскіе стали именоваться не Терскими, а Ставропольскими. Территорія Астраханской епархіи была чрезвычайно обширна: къ ней принадлежали такіе отдаленные города, какъ Пенза, Саратовъ, Тамбовъ, Козловъ и Корсунь. При обширности территоріи и неудобствахъ путей сообщенія связь Терскаго края съ Астраханской каѳедрой выражалась почти только въ посвященіи Астраханскимъ архіереемъ священнослужителей для казачьихъ поселеній. Въ 1793 году, съ учрежденіемъ на короткое время — до 1799 года Моздокскаго викаріатства и назначеніемъ въ Викаріи Грузина Архимандрита Гаія церковное дѣло въ миссіонерскомъ отношеніи значительно улучшается, затѣмъ опять падаетъ за отдаленностію епископской каѳедры и слабостію руководства духовною жизнью края.

Въ то время, какъ восточная часть Сѣвернаго Кавказа по церковнымъ дѣламъ относилась къ Астраханской епархіи, западная часть—собственно Черноморія, со времени ея заселенія, находилась въ вѣдѣніи Екатеринославскихъ архіереевъ.

новой епархіи повелѣно было имѣть резиденцію въ г. Ставрополѣ и именоваться Кавказскимъ и Черноморскимъ. Высочайшимъ Указомъ отъ 1 января 1843 года первымъ Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ былъ назначенъ Викарій Кіевской Митрополіи, Епископъ Чигиринскій Іеремія, обладавшій, по отзывамъ современниковъ, высокими христіанскими совершенствами, подвижникъ, горѣвшій немерцающимъ свѣтомъ христіанской вѣры и добродѣтели, и отличавшійся въ то же время, широкой административной дѣятельностію. Другъ и односельчанинъ Преосвященнаго Иннокентія Борисова, онъ въ бытность Преосвященнаго Иннокентія Борисова ректоромъ Кіевской Академіи былъ инспекторомъ ея въ санѣ Архимандрита, а когда въ 1839 году Иннокентій Борисовъ былъ назначенъ Епископомъ Чигиринскимъ, Архимандритъ Іеремія Соловьевъ занялъ мѣсто Ректора Кіевской духовной Академіи до 1841 года, когда, съ перемѣщеніемъ Преосвященнаго Иннокентія въ Вологду, Архимандритъ Іеремія сталъ Епископомъ Чигиринскимъ, а 1 января 1843 года—Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ. Послѣ шестилѣтняго почти управленія Кавказской и Черноморской епархіей, положившаго здоровыя начала въ устроеніи духовныхъ дѣлъ на Сѣверномъ Кавказѣ, Преосвященный Іеремія былъ въ 1849 году переведенъ на Полтавскую епархіальную каѳедру [1]).

Вторымъ Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ былъ Преосвященный Іоанникій съ 1849 по 1857 годъ, въ концѣ котораго Архіерейскую каѳедру Кавказской и Черноморской епархіи занялъ Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ. Такимъ образомъ, Епископъ Игнатій Брянчаниновъ вступилъ на каѳедру Кавказской и Черноморской

Въ 1820 году церкви Черноморіи отошли въ вѣдѣніе Астраханскихъ Епископовъ, которые, такимъ образомъ, объединили теперь подъ своею властью церкви всего Сѣвернаго Кавказа. Главнымъ органомъ епархіальнаго правленія въ Черноморіи было тогда Екатеринодарское духовное Правленіе. Въ 1829 году Черноморія и Кавказская область вошли въ составъ вновь образованной Новочеркасской епархіи. Первымъ Епископомъ этой епархіи былъ Преосвященный Аѳанасій, называвшійся Новочеркасскимъ и Георгіевскимъ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на Кавказскій край, гдѣ по отдаленности отъ центра Епархіальнаго управленія до сихъ поръ не было и не могло быть должнаго порядка въ церковныхъ дѣлахъ. Въ 1830 г. открыто было Духовное Правленіе въ Моздокѣ взамѣнъ закрытаго Кизлярскаго Духовнаго Правленія. Управленіе Преосвященнаго Аѳанасія церковными дѣлами на Кавказѣ продолжалось до учрежденія самостоятельной Кавказской епархіи въ 1843 году (Свящ. Н. Т. Михайловъ. Справочникъ по Ставропольской епархіи. Екатеринодаръ 1910 года).

[1]) Преосвященный Іеремія умеръ въ 1884 г. О дѣятельности Преосвященнаго Іеремія за время управленія Кавказской и Черноморской епархіи даны достаточно опредѣленныя свѣдѣнія въ „Справочникѣ по Ставропольской епархіи", священника Михайлова, стр. 34—42 и въ Ставропольскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1907 г.

епархіи черезъ 14 лѣтъ послѣ ея учрежденія и былъ третьимъ Епископомъ на названной каѳедрѣ [1]).

Состояніе Кавказской и Черноморской епархіи, въ виду разнородности и неустойчивости населенія, военнаго положенія края и неблагоустроенности въ гражданскомъ отношеніи, ко времени епископства Игнатія Брянчанинова было таковымъ же неблагоустроеннымъ и въ духовномъ отношеніи и для энергіи, иниціативы и духовнаго опыта новаго Епископа былъ полный просторъ. Дѣятельность Епископа Игнатія Брянчанинова на Кавказской и Черноморской каѳедрѣ продолжалась менѣе четырехъ лѣтъ.

4-го января 1858 года вновь рукоположенный для Кавказской епархіи Преосвященный Игнатій прибылъ въ г. Ставрополь. Жители Кавказской епархіи радостно и привѣтливо встрѣтили Владыку Игнатія. Настроеніе Епископа Игнатія при вступленіи на Кавказскую каѳедру было полно покорности волѣ Провидѣнія и готовности неутомимо работать на пользу христіанскаго просвѣщенія ввѣренной ему епархіи. Недавно мечтавшій о томъ, чтобы подъ конецъ жизни куда нибудь уйти въ тихій край родной Россіи, подальше отъ Питера, который по климату и по всему былъ несроденъ ему, Архимандритъ Игнатій во всемъ полагался на волю Божію [2]). По принятіи благодати Архіерейства, онъ пишетъ своему другу и брату П. А. Брянчанинову, бывшему въ то время Ставропольскимъ вице-губернаторомъ: „Усердно желаю, чтобы ты остался въ Ставрополѣ и чтобы намъ Богъ благословилъ потрудиться вмѣстѣ для пользы христіанства и человѣчества,—иначе—для пользы Церкви Православной и тѣсно связанной съ нею пользы Отечества. Всесвятая воля Божія да совершается надъ нами и да даруетъ намъ грѣшнымъ спасеніе! Цѣль моей жизни въ Ставрополѣ—благочестіе. Усердно желаю и молю Господа, чтобы даровалъ мнѣ посвятить себя всецѣло ученію Христову, какъ этого и требуетъ моя обязанность, и этимъ ученіемъ напитывать себя и ближнихъ во спасеніе“ [3]). Такимъ же настроеніемъ проникнута и рѣчь

---

[1]) Послѣ Игнатія Брянчанинова Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ былъ Преосвященный Ѳеофилактъ изъ Викаріевъ Новгородской епархіи, послѣ него—съ 1872 года—Преосв. Германъ изъ Викаріевъ Харьковской епархіи. Съ открытіемъ въ 1885 году Владикавказской и Сухумской епархіи и измѣненіемъ границъ Кавказ. и Черном. епархій, послѣдняя была переименована въ Ставропольскую и Екатеринодарскую.

[2]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова, письмо Архим. Игнатія П. А. Брянчанинову отъ 22 мая 1857 г. (Приложенія къ второй части нашей книги, стр. 183, № 144).

[3]) Тамъ же. Письмо Архим. Игнатія къ П. А. Брянчанинову отъ 19 декабря 1857 года (Приложенія, стр. 184, № 147).

Епископа Игнатія при нареченіи во Епископа и первое вступительное слово его къ Ставропольской паствѣ [1]). Этимъ духомъ покорности волѣ Божіей, ревностію о христіанскомъ наученіи Богодарованной паствы, объ обезпеченіи для нея самыхъ условій и источниковъ духовнаго питанія чрезъ улучшеніе епархіальнаго Управленія, чрезъ возвышеніе умственнаго и нравственнаго уровня духовенства, этимъ духомъ проникнута даже неизбѣжная борьба съ недостатками епархіи и духовенства, но таже ревность о христіанскомъ совершенствованіи и душевномъ спасеніи паствы не позволяла Игнатію Брянчанинову идти на компромиссы и побуждала отстаивать самобытность жизненнаго взгляда, независимо отъ того, какъ это отразится на немъ самомъ, на его личной репутаціи, здоровьѣ и настроеніи.

Для ознакомленія съ дѣятельностію Епископа Игнатія въ положеніи епархіальнаго Архіерея по отношенію къ внутренней жизни епархіи имѣютъ наибольшее значеніе документы первыхъ двухъ лѣтъ его епархіальнаго служенія, а для характеристики его церковно-общественныхъ взглядовъ—документы, относящіеся ко второй половинѣ его епархіальнаго епископства, особенно касающіеся великой крестьянской реформы.

Въ первые два года епархіальнаго управленія Епископъ Игнатій подробно ознакомился съ состояніемъ Кавказской епархіи—путемъ личнаго посѣщенія церквей епархіи спеціально—съ цѣлію обозрѣнія, и по особымъ чрезвычайнымъ случаямъ епархіальной жизни, путемъ документальнымъ и при выполненіи обычныхъ функцій епархіальнаго Архіерея. Въ эти же два года Епископъ Игнатій составилъ свой опредѣленный взглядъ на состояніе епархіи и въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ свои планы ея желательнаго устройства.

Епископъ Игнатій не любилъ быть голословнымъ: и въ дѣлахъ епархіальныхъ, какъ и въ дѣлахъ духовной жизни опирался на впечатлѣнія своего личнаго опыта, но за то провѣренное имъ путемъ личныхъ впечатлѣній, пережитое въ собственномъ опытѣ и продуманное—давало ему основанія для сужденій вполнѣ опредѣленныхъ, для дѣйствій рѣшительныхъ и настойчивыхъ.

Отмѣченныя выше черты Епископа Игнатія Брянчанинова подтверждаются его сужденіями въ отчетахъ о состояніи епархіи, его дѣйствіями по благоустройству послѣдней. Представляя свой отчетъ о состояніи Кавказской епархіи за 1857 годъ, Епископъ Игнатій въ препроводительномъ рапортѣ Святѣйшему Синоду самъ признаетъ его теоретическимъ, потому что, прибывъ 4 января 1858 года на Кавказскую каѳедру, онъ не только не могъ пріобрѣсти практическихъ осно-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, т. IV, стр. 5—6.

вательныхъ понятій о епархіи ко времени составленія отчета, но даже не успѣлъ ознакомиться съ ея дѣлами, что могло бы доставить ему много свѣдѣній точныхъ и живыхъ. Перечитывая впослѣдствіи отчетъ этотъ, самъ Преосвященный Игнатій находилъ его безцвѣтнымъ и маложизненнымъ. Онъ и не могъ, конечно, имѣть другого характера, какъ составленный наскоро по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ разныхъ лицъ и изъ дѣлопроизводства, — по свѣдѣніямъ, которыя не могли быть подвергнуты должной критикѣ, по свѣдѣніямъ, можетъ быть, и правильнымъ, но голословнымъ и личнаго взгляда Епископа Игнатія на дѣло не выражаетъ. Но за то отчетъ о состояніи Кавказской епархіи за 1858 годъ представляетъ епархію Святѣйшему Синоду изображенною яснѣе и отчетливѣе. Но картина епархіальной жизни и по этому отчету Епископа Игнатія еще неполна. По причинѣ крайне поздней весны 1858 года, на Кавказѣ необыкновенной, Преосвященный Игнатій не могъ весною посѣтить области Черноморскихъ казаковъ. Поначалу онъ предполагалъ сдѣлать это осенью, которая въ 1858 году была необыкновенно хороша, подобна іюлю самаго лучшаго Петербургскаго лѣта. Но пріѣздъ рѣдкихъ и пріятныхъ гостей—Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей опредѣлилъ для него, какъ и для всѣхъ главныхъ лицъ Кавказскаго края, пребываніе въ Ставрополѣ для пріема Ихъ. Картина епархіальной жизни Кавказа дополняется отчетомъ Епископа Игнатія за 1859 годъ, въ который онъ включаетъ и свѣдѣнія о посѣщенной имъ въ этомъ году Черноморіи.

Вступивъ въ управленіе Кавказской епархіей, Епископъ Игнатій прежде всего озаботился надлежащимъ устроеніемъ и поднятіемъ на должную, сообразно съ своими идеями, высоту вспомогательныхъ въ отношеніи къ Епископу учрежденій—духовной Консисторіи и состава Окружныхъ благочинныхъ. Въ отношеніи къ составу Консисторіи дѣятельность Епископа Игнатія выразилась въ старательномъ и энергичномъ подборѣ трудолюбивыхъ, исполнительныхъ и честныхъ членовъ Консисторіи, съ устраненіемъ изъ состава Консисторіи носителей самовластія и личныхъ выгодъ, и заботами объ улучшеніи положенія канцелярскихъ служащихъ Консисторіи и условій ихъ труда. Въ первомъ отношеніи значительнымъ фактомъ, требовавшимъ отъ Епископа Игнатія немалой настойчивости и рѣшительности и доставившимъ ему существенныя для него огорченія, является удаленіе изъ состава Консисторіи протоіерея Крастилевскаго.

Въ 1858 году составъ Кавказской Консисторіи подъ вліяніемъ Епископа Игнатія значительно измѣнился. Уже въ концѣ 1857 года нѣкоторые члены Консисторіи, въ томъ числѣ бывшій ректоръ семинаріи Архимандритъ Іоанникій перестали присутствовать въ Консисторіи вслѣдствіе сдѣланнаго Святѣйшимъ Синодомъ распоряженія.

Въ началѣ 1858 года, вслѣдъ за Епископомъ Игнатіемъ, прибыли въ Ставрополь новый ректоръ семинаріи Архимандритъ Германъ и новый инспекторъ—соборный іеромонахъ Исаакій. Первый изъ нихъ, по усвоенному ректорамъ праву, началъ присутствовать въ Консисторіи, а второй—по предложенію Епископа. Вмѣстѣ съ этимъ предложеніемъ послѣдовало представленіе Епископа Игнатія Святѣйшему Синоду о назначеніи инспектора членомъ Консисторіи, каковое представленіе и удостоено удовлетворенія. Въ мартѣ мѣсяцѣ прибылъ и новый секретарь Консисторіи Григоревскій. Вступленіе двухъ новыхъ членовъ и секретаря въ Консисторію нѣсколько поколебало авторитетъ члена Консисторіи, каѳедральнаго протоіерея Крастилевскаго, который до тѣхъ поръ господствовалъ въ Консисторіи, отличаясь значительными способностями и опытностію въ дѣлахъ, пріобрѣтенною долговременной практикой, пользуясь особеннымъ довѣріемъ бывшаго Кавказскаго Преосвященнаго Іоанникія. Страхъ къ Крастилевскому нѣсколько ослабѣлъ въ прежнихъ членахъ, и членъ Консисторіи, протоіерей Сухаревъ, кандидатъ Московской Академіи, человѣкъ правдивый, началъ съ пользою для дѣла подавать голосъ свой. Но способности Крастилевскаго и знаніе дѣлъ, именно, Кавказскаго края, не могли не привлекать вниманіе прочихъ членовъ и секретаря къ его мнѣніямъ. Вслѣдъ за вниманіемъ начала привлекаться и довѣренность, тѣмъ болѣе, что ректоръ и инспекторъ, занятые семинарскими дѣлами, не могли удѣлять для дѣлъ Консисторіи столько времени, сколько эти дѣла требовали для основательнаго разсмотрѣнія ихъ. Превосходство въ знаніи дѣла предъ прочими членами, врожденная хитрость, доходящая до коварства, снова доставляли Крастилевскому первенство и преобладаніе въ Консисторіи и доставили бы его, если бы не было другой власти, его ограничивающей. Въ дѣлахъ почувствовалось ощутительное столкновеніе Крастилевскаго съ Епископской властью, можетъ быть, для многихъ непримѣтное: хитрый Крастилевскій, какъ только усматривалъ, что его противодѣйствіе становится примѣтнымъ, немедленно прибѣгалъ къ уклончивой уступчивости. Но эта при извѣстныхъ случаяхъ уступчивость не могла измѣнить общаго направленія, и столкновеніе сдѣлалось ощутительнымъ въ самой административной цѣли, въ цѣли нравственной и духовной. Епископъ Игнатій убѣдился, что исправленіе Крастилевскаго — дѣло невозможное и удаленіе его изъ Консисторіи—есть дѣло необходимое. Отъ края до края епархіи слышались жалобы на него; духовенство, привыкшее въ теченіе свыше десятка лѣтъ видѣть въ немъ неограниченнаго властелина, трепетало передъ нимъ. Въ 1858 году, съ вступленіемъ въ управленіе епархіей Епископа Игнатія, духовенство, хотя и замѣтило ограниченіе вліянія Крастилевскаго, но не довѣряло этому состоянію ограниченія, необычному для Крастилевскаго и, зная изъ

многолѣтняго опыта о его стойкости, ожидало вступленія его въ обычное самовластіе. Многія дѣла шли медленно, а иные вовсе не подвигались единственно по той причинѣ, что лица, которымъ они были поручены, зная взглядъ на нихъ Крастилевскаго, не осмѣливались дѣйствовать неблагоугодно ему. Послѣднее обстоятельство служило весьма важнымъ препятствіемъ къ приведенію епархіи въ порядокъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло породить самыя непріятныя и громкія событія, какъ это и обнаружилось при посѣщеніи Епископомъ Игнатіемъ города Моздока, когда депутація горцевъ заявила ему, что пониженіе христіанской настроенности въ ихъ средѣ стоитъ въ зависимости отъ несоотвѣтственныхъ ихъ потребностямъ церковныхъ порядковъ и назначенія въ ихъ среду священниковъ, незнакомыхъ съ настроеніемъ и языкомъ ихъ, поддерживаемыхъ вліяніемъ протоіерея Крастилевскаго. Горцы жаловались особенно на неблагопріятное вліяніе протоіерея Крастилевскаго, которому прежній протоіерей Моздока, находившійся въ то время подъ слѣдствіемъ, былъ родственникомъ. Медленность слѣдствія, производимаго о злоупотребленіяхъ прежняго протоіерея, приписываемая вліянію Крастилевскаго, сильно волновала горцевъ [1]). Они по настроенію и невыносимому положенію и своенравію своему замышляли похитить чудотворную икону Иверской Божіей Матери и удалиться съ нею въ горы [2]). Окончательно удостовѣрившись о прин-

---

[1]) О религіозно-нравственномъ настроеніи горцевъ будетъ сказано ниже.

[2]) Эта древняя святыня г. Моздока, находящаяся въ деревянной церкви Успенія Божіей Матери, весьма достопримѣчательна. Историческія свѣдѣнія о ней имѣются слѣдующія. Въ XII в. знаменитая Грузинская царица Тамара, послѣ кончины перваго супруга своего, Русскаго князя Георгія Андреевича, который былъ сыномъ Андрея Боголюбскаго, вступила въ бракъ съ княземъ осетинъ. Вмѣстѣ съ рукою своею она доставила князю и народу его христіанство. Благочестивая царица не щадила ни трудовъ, ни издержекъ для водворенія и утвержденія святой вѣры между осетинами. Въ странѣ ихъ многочисленныя развалины свидѣтельствуютъ о прежде бывшихъ въ ней христіанскихъ храмахъ. Созиданіе этихъ храмовъ приписывается Тамарѣ. Преданіе утверждаетъ, что одни изъ развалинъ въ Карталинскомъ ущеліи составляютъ остатокъ храма, въ которомъ помѣщалась и хранилась икона Иверской Божіей Матери, какъ драгоцѣннѣйшій даръ Боголюбивой Тамари осетинскому народу. Два раза храмъ былъ разрушенъ до основанія пожаромъ, и оба раза икону Божіей Матери находили цѣлою. Шестьсотъ лѣтъ икона пребывала въ Карталинскомъ ущеліи. Въ концѣ XVIII столѣтія магометанство, при посредствѣ турецкихъ миссіонеровъ, вторглось съ величайшимъ фанатизмомъ, болѣе политическимъ, чѣмъ религіознымъ въ Кавказскія горы. Оно уничтожило между народами горскими то слабое христіанство, которое еще держалось между ними, держалось болѣе номинально, нежели на самомъ дѣлѣ.

Осетины склонились къ исламизму подобно прочимъ горцамъ. Но они, какъ и всѣ горцы, не сдѣлались настоящими магометанами. Алкоранъ имъ неизвѣстенъ по незнанію горцами арабскаго языка, на которомъ написанъ Алкоранъ. Перевода на татарскій языкъ горцы не имѣютъ. Неизвѣстенъ Алкоранъ самымъ муллламъ горцевъ;

ципіально-вредномъ вліяніи протоіерея Крастилевскаго на церковное дѣло въ Кавказскомъ краѣ изъ разсматриванія дѣлъ не только на бумагѣ, но и въ ихъ результатахъ, Епископъ Игнатій, по возвращеніи своемъ изъ обозрѣнія епархіи, рѣшилъ устранить изъ епархіальной дѣятельности то начало, которое въ теченіе долгаго времени лишало епархіальную дѣятельность благотворной правильности и впредь, по усвоившемуся направленію, могло имѣть на дѣла вредное вліяніе. По возвращеніи изъ обозрѣнія епархіи, Епископъ Игнатій далъ Кав-

---

они считаютъ его недоступною, высшей мудрости, книгою. Магометанство горцевъ заключается въ соблюденіи нѣкоторыхъ наружныхъ магометанскихъ обрядовъ; они склонились къ нѣкоторымъ вѣрованіямъ, внушеннымъ имъ миссіонерами; большая часть понятій прежней неопредѣленной религіи, въ которой доселѣ видны признаки христіанства, осталась при нихъ. Главнѣйшей заботой турецкихъ миссіонеровъ было внушать горцамъ, что ихъ единственный законный государь есть Турецкій султанъ. Въ смутное въ религіозномъ отношеніи время, т. е. во время проповѣди магометанства между горцами въ концѣ XVIII в., икона Божіей Матери сохранила вѣрными христіанству многія семейства не только осетинъ, но и черкесовъ, сохранила вѣрными посредствомъ дивныхъ знаменій. Русское правительство во второй половинѣ XVIII вѣка пригласило горцевъ-христіанъ и горцевъ, желающихъ принять христіанство, переступить черезъ Терекъ и селиться близъ Моздока: вслѣдствіе приглашенія въ 1793 году партія горцевъ, наканунѣ преполовенія Пятидесятницы, прибыла къ Моздоку, имѣя съ собою икону Богоматери. Икона ознаменовала чудесами и путь свой и прибытіе въ православный городъ. Преосвященный Гаій, Епископъ Моздокскій и Маджарскій, узнавъ о прибытіи знаменитой на Кавказѣ иконы, вышелъ къ ней для поклоненія съ духовенствомъ, съ крестами и хоругвями. Архипастырь внесъ ее въ соборъ, предполагая здѣсь предоставить почетное мѣсто иконѣ. Но Богоматерь особеннымъ чудомъ извѣстила Епископа, что Она желаетъ пребывать внѣ города, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ Она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбѣ. Преосвященный Гаій поспѣшилъ соорудить часовню на указанномъ мѣстѣ; впослѣдствіи прихожане построили деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери. Икона имѣетъ одинъ аршинъ и 12 вершковъ вышины, одинъ аршинъ и семь вершковъ ширины. Икона, какъ видно, была написана по золотому фону. Иные утверждаютъ, что впослѣдствіи она была подновлена клеевыми красками; но Моздокскіе осетины утверждаютъ, что она покрылась копотію во время вышеупомянутыхъ пожаровъ въ ущеліи Карталинскомъ. Черты лица Божіей Матери на иконѣ—строгія; характеръ письма Грузинскій. Иконописецъ царицы Тамари, говоритъ преданіе, пріуготовлялся къ написанію иконы сорокодневнымъ постомъ и сорокодневными молитвами. Осетины признаютъ икону своею собственностью, питаютъ къ ней пламенную привязанность, съ которою нужно обращаться весьма осторожно и благоразумно. Икона славна въ горахъ. На поклоненіе ей стекается множество горцевъ магометанъ. Армяне Грегоріанскаго исповѣданія чествуютъ икону наравнѣ съ православными. Икона совершаетъ множество исцѣленій; подъ нею на шнурѣ висятъ многочисленныя серебряныя изображенія членовъ человѣческаго тѣла, привѣшенныя получившими исцѣленія. Многіе магометане, поражаемые чудесами, совершающимися при иконѣ, принимаютъ христіанство. Весьма многіе магометане, по той же причинѣ, питая довѣренность къ иконѣ, питаютъ довѣренность и къ христіанству. Икона является среди горцевъ Апостоломъ. (Отчетъ Епископа Игнатія Святѣйшему Синоду о состояніи Кавказской и Черноморской Епархіи за 1858 годъ).

казской духовной Консисторіи, отъ 24 сент. 1858 года за № 198, слѣдующее рѣшительное предложеніе.—„Ознакомившись съ большею частію ввѣренной мнѣ епархіи, признаю существенно нужнымъ слѣдующее распоряженіе: протоіерей Константинъ Крастилевскій увольняется отъ должности каѳедральнаго протоіерея и отъ присутствія въ Консисторіи. На мѣсто его назначается каѳедральный протоіерей города Георгіевска и благочинный Василій Поповъ, коему вмѣстѣ быть и присутствующимъ въ Консисторіи. Судный столъ передается протоіерею Петру Сухареву, какъ лицу, замѣченному мною особенно правдивымъ и понимающимъ всю важность того рода дѣлъ, кои имѣютъ сильное вліяніе на участь человѣковъ, а нерѣдко и рѣшаютъ ее. При семъ повѣрить суммы и имущество каѳедральнаго собора новому каѳедральному протоіерею Попову совокупно съ протоіереемъ Крастилевскимъ и братіею собора, причемъ въ качествѣ посредниковъ быть протоіереямъ Сухареву и Поспѣлову; по окончаніи повѣрки о послѣдующемъ донести мнѣ рапортомъ за подписью всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ повѣркѣ. Протоіерею Крастилевскому предоставится приличное мѣсто по полученіи изъ Святѣйшаго Синода совершеннаго увольненія его отъ званія члена Консисторіи, о чемъ я ходатайствую. Предлагаю Консисторіи привести мое распоряженіе въ исполненіе безъ малѣйшаго промедленія. Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій“ [1]). Въ виду этихъ соображеній, Епископъ Игнатій, по предоставленному ему праву, уволивъ Крастилевскаго отъ присутствія въ Консисторіи, представилъ Святѣйшему Синоду о совершенномъ увольненіи его отъ званія члена Консисторіи. Святѣйшій Синодъ уважилъ представленіе Епископа Игнатія. Крастилевскій былъ уволенъ изъ членовъ Консисторіи и вмѣсто него назначенъ Поповъ [2]). При этомъ, желая достигнуть рѣшительнаго освобожденія членовъ Консисторіи отъ вліянія протоіерея Крастилевскаго, Епископъ Игнатій рѣшилъ удалить его и изъ епархіальнаго города. Поэтому, по полученіи Указа Святѣйшаго Синода объ увольненіи Крастилевскаго изъ членовъ Консисторіи, Епископъ Игнатій резолюціей отъ 17 ноября 1858 года, за № 1457, предоставилъ протоіерею Крастилевскому настоятельство Моздокскаго собора, безъ всякаго, однако, вліянія на Успенскую загородную церковь, въ которой находится чудотворная икона Божіей Матери и прихожане которой

---

[1]) Архивъ Кавказской дух. Консисторіи по описи 1858 года, дѣло № 274 по первому столу, л. 1.

[2]) Согласно представленію Епископа Игнатія отъ 26 сент. 1858 г., за № 199, Указомъ Свят. Синода отъ 4 ноября 1858 года, членъ Консисторіи протоіерей Крастилевскій уволенъ отъ занимаемой имъ должности члена консисторіи, и на мѣсто его опредѣленъ каѳедральный протоіерей Василій Поповъ (Тамъ же, л. 3).

наиболѣе осетины и черкесы. Такъ рѣшительно поступилъ Епископъ Игнатій, стремясь сформировать составъ Консисторіи, соотвѣтствующій потребностямъ Кавказскаго края. Но дѣло протоіерея Крастилевскаго этимъ не кончилось. До полученія еще Синодальнаго Указа отъ 4 ноября 1858 года, за № 11099 объ увольненіи отъ должности члена Консисторіи и резолюціи епархіальнаго Преосвященнаго, за № 1457, протоіерей Крастилевскій отъ 16 октября, заявляя Епископу Игнатію о томъ, что увольненіе отъ должности члена Консисторіи онъ пріемлетъ съ сыновнею покорностію, во вниманіе къ своей многосемейности и трудамъ по устройству каѳедральнаго собора проситъ Епископа оставить его каѳедральнымъ протоіереемъ г. Ставрополя. Но, по полученіи Синодальнаго Указа оба увольненіи Крастилевскаго отъ должности члена Консисторіи, Епископъ Игнатій отказалъ Крастилевскому въ удовлетвореніи его просьбы, такъ какъ протоіерей Поповъ въ Указѣ Святѣйшаго Синода уже поименованъ каѳедральнымъ [1]). Но протоіерей Крастилевскій не согласился принять предоставленнаго ему штатнаго протоіерейскаго мѣста въ г. Моздокѣ, и, ссылаясь на состояніе своего здоровья, многосемейность и 36-лѣтнюю службу въ г. Ставрополѣ, 27 ноября просилъ Епископа Игнатія назначить его штатнымъ протоіереемъ въ Троицкій Ставропольскій соборъ. На этомъ прошеніи послѣдовала резолюція Епископа Игнатія отъ 24 ноября 1858 года за № 1519: „Въ Консисторію, какъ мною донесено Святѣйшему Синоду о предоставленіи протоіерею Крастилевскому настоятельскаго мѣста при Моздокскомъ соборѣ и указываемое имъ мѣсто при Троицкомъ соборѣ занято, то я нахожу неудобнымъ исполненіе его прошенія. Предлагаю о. протоіерею испытать то послушаніе, готовность къ которому онъ выразилъ въ прошеніи своемъ, на самомъ дѣлѣ: уповаю, что такое послушаніе его, согласное съ духомъ святой Церкви, не будетъ посрамлено, и препятствія и страхи, представляющіеся его воображенію, исчезнутъ яко дымъ. Уповаю, что о. протоіерей въ послушаніи своемъ найдетъ душевное спокойствіе и доставитъ себѣ въ матеріальномъ отношеніи удовлетворительное положеніе“ [2]).

Получивъ отказъ въ возвращеніи къ каѳедральному собору и назначеніи къ Троицкому собору, протоіерей Крастилевскій 4 декабря просилъ о предоставленіи ему священнослуженія и требоисправленія при церкви Ставропольскаго Тюремнаго замка. Но и въ этомъ Епископъ Игнатій, резолюціей отъ 12 декабря 1858 года, отказалъ ему, такъ какъ „священнослуженія и требы при церкви Тюремнаго замка

---

[1]) Резолюція Епископа Игнатія отъ 17 ноября 1858 года, за № 1458; Архивъ Кавказской дух. Конс. Дѣло 4-го стола, по описи 1858 года № 382, лл. 1—2.

[2]) Тамъ-же, лл. 4 и 5).

совершаютъ іеромонахи и другіе священнослужители, состоящіе при домѣ Архіерейскомъ. Содержаніе дома такъ скудно, что не нахожу возможнымъ лишить упомянутыхъ лицъ того малаго пособія, которое они получаютъ отъ Тюремнаго замка. Это понято и протоіереемъ Крастилевскимъ, который представилъ мнѣ новое прошеніе отъ 5 декабря, на каковомъ положена резолюція моя, за № 1647. Игнатій Е К и Ч.“.

Упорно не желая уходить изъ Ставрополя, протоіерей Крастилевскій, отъ 5 декабря 1858 года, просилъ Епископа Игнатія объ опредѣленіи въ штатъ Троицкаго Ставропольскаго собора, безъ упоминанія уже о настоятельствѣ. Резолюція Епископа Игнатія на этомъ прошеніи Крастилевскаго отъ 12 декабря 1858 года, за № 1647 таковая: „Въ Консисторію. Причтъ Троицкаго собора взошелъ ко мнѣ съ прошеніемъ объ уменьшеніи штата, что прямо противорѣчитъ сему прошенію, предметъ котораго умноженіе штата; почему прошеніе сіе оставивъ безъ послѣдствій, привести въ исполненіе мое снисходительное распоряженіе относительно Крастилевскаго, изображенное въ резолюціи подъ № 1629“. 12 декабря протоіерей Крастилевскій подалъ прошеніе объ опредѣленіи его къ Кладбищенской Успенской церкви, причисленной къ Ставропольскому Троицкому собору, съ предоставленіемъ ему въ іерархическомъ порядкѣ старшинства при Богослуженіяхъ. Епископъ Игнатій сдалъ это прошеніе Крастилевскаго въ Консисторію съ предложеніемъ—разсмотрѣть и представить ему мнѣніе, можетъ ли быть при Кладбищенской Успенской церкви открыто особое священническое мѣсто и на какомъ основаніи. По заключенію Консисторіи, такъ какъ на опредѣленіе отдѣльнаго причта къ Кладбищенской Успенской церкви, причисленной къ Ставропольскому Троицкому собору, по неимѣнію въ виду способовъ къ обезпеченію онаго, не настоитъ надобности, тѣмъ болѣе, что при трехъ наличныхъ священнослужителяхъ Троицкаго собора, къ коему приписана Кладбищенская церковь, она не остается безъ Богослуженія, прошеніе протоіерея Крастилевскаго надлежитъ оставить безъ удовлетворенія. Заключеніе Консисторіи Епископомъ Игнатіемъ утверждено.

Протоіерей Крастилевскій не согласился занять и другое предложенное ему протоіерейское мѣсто въ г. Георгіевскѣ, заявивъ въ прошеніи Епископу Игнатію отъ 22 апрѣля 1859 года, что онъ изъ города Ставрополя на служеніе никуда поступить не можетъ, а потому просилъ—зачисленное за нимъ въ г. Георгіевскѣ штатное протоіерейское мѣсто болѣе за нимъ не считать, а его, доколѣ не откроется приличное его сану и долговременной службѣ мѣсто въ г. Ставрополѣ, оставить въ заштатѣ. На этомъ прошеніи резолюція Епископа Игнатія отъ 24 апрѣля 1859 года за № 787 таковая: „Такъ какъ Георгіевскъ не можетъ далѣе оставаться безъ протоіерея, то мѣсто сіе, отъ котораго протоіерей Крастилевскій рѣшительно отказался, предо-

ставляется Пятигорской Скорбященской церкви священнику Льву Козыреву, коему немедленно вступить въ исправленіе обязанностей своихъ по новому назначенію, а явиться для производства въ санъ по возвращеніи моемъ изъ епархіи. Ему же быть и законоучителемъ Георгіевскаго училища. Священникъ Василій Ерастовъ переводится обратно къ Пятигорской Скорбященской церкви. Въ Пятигорскомъ училищѣ поручается законоучительство протоіерею Макарію Знаменскому. Собственно же по прошенію протоіерея Крастилевскаго заготовить отъ лица моего представленіе въ Свят. Синодъ И. Е К и Ч.“ Въ представленіи этомъ, въ концѣ апрѣля 1859 г., за № 2037, подробно излагая обстоятельства дѣла и давая подробную справку о Крастилевскомъ, Епископъ Игнатій доноситъ Свят. Синоду, что онъ уже не имѣетъ для протоіерея Крастилевскаго вакантныхъ мѣстъ за отказомъ его отъ тѣхъ, которыя были ему предоставляемы, а желаніе его состоять за штатомъ до полученія вновь мѣста, и, именно въ г. Ставрополѣ, находитъ желаніемъ новымъ, ибо лица, поступающія въ заштатъ, обыкновенно и остаются въ этомъ положеніи. Епископъ Игнатій проситъ дать протоіерею Крастилевскому мѣсто въ другой епархіи, потому что онъ, стяжавъ долговременную привычку неограниченно властвовать въ епархіи, сдѣлался здѣсь неспособнымъ къ покорности, а требуетъ и будетъ требовать настойчиво исполненія единственно его воли. Но въ началѣ мая 1859 года Епископъ Игнатій снизошелъ къ желанію Крастилевскаго остаться въ Ставрополѣ. Протоіерей Крастилевскій подалъ 5 мая 1859 года новое прошеніе Епископу Игнатію, въ которомъ пишетъ: „Хотя поданнымъ мною прошеніемъ отъ 22 апрѣля, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ въ г. Ставрополѣ я и просилъ Ваше Преосвященство впредь, доколѣ откроется таковое, оставить меня въ заштатѣ, но Ваше Преосвященство, съ отеческимъ сердоболіемъ входя въ семейный мой бытъ и снисходя къ стѣснительному моему положенію, благословили мнѣ возобновить просьбу о предоставленіи мнѣ мѣста при Петропавловской церкви, что въ Тюремномъ замкѣ; на основаніи сего, симъ смиреннѣйше прошу Ваше Преосвященство о предоставленіи мнѣ вышеупомянутаго мѣста, и когда послѣдуетъ на то разрѣшительное соизволеніе Ваше, тогда прошеніе мое объ отставкѣ оставить безъ дѣйствія. На этомъ прошеніи послѣдовала, того же 5 мая 1859 г., резолюція Преосвященнаго Игнатія за № 902 такого содержанія: „Въ Консисторію. Такъ какъ Архіерейскій домъ получилъ денежный окладъ вмѣсто мельницы и рыбной ловли, то просимое мѣсто при Тюремномъ замкѣ протоіерею Крастилевскому предоставляется. А какъ онъ уволенъ отъ должности каѳедральнаго протоіерея и члена Консисторіи по преклонности лѣтъ, то не утруждать его приглашеніями къ служенію въ соборѣ, къ молебнамъ и панихидамъ. Въ уваженіе же къ долговре-

менной его службѣ въ Кавказской епархіи, въ коей онъ занималъ первое мѣсто между бѣлымъ духовенствомъ, сіе мѣсто оставляется за нимъ при Богослуженіяхъ. Игнатій Е К и Ч.". Тогда же, т. е. 5 мая на раннѣйшемъ прошеніи Крастилевскаго отъ 22 апрѣля положена резолюція Епископа Игнатія таковая: „По случаю послѣдовавшаго и удовлетвореннаго прошенія протоіерея Крастилевскаго о помѣщеніи его при церкви Тюремнаго замка, сіе дѣло прекратить.— И. Е К и Ч." [1]). Такъ закончилось дѣло протоіерея Крастилевскаго.

Занявшій мѣсто Каѳедральнаго протоіерея въ Ставропольскомъ соборѣ и члена Кавказской Консисторіи, вмѣсто Крастилевскаго, протоіерей В. Поповъ, по аттестаціи Владыки Игнатія,—человѣкъ характера открытаго, прямого, направленія соотвѣтствующаго характеру, благонамѣренности и способностей, доказанныхъ 14-лѣтнимъ служеніемъ въ должности благочиннаго, которую онъ сохранилъ за собою, не смотря на холодность къ нему Крастилевскаго. Протоіерей Поповъ подробнымъ знаніемъ многихъ дѣлъ, правдивостію и благонамѣренностію въ обсужденіи ихъ, вскорѣ же успѣлъ оправдать свое избраніе и весьма замѣтно подѣйствовалъ на измѣненіе характера Консисторіи. Благодаря энергіи и вліянію Епископа Игнатія составъ Кавказской духовной Консисторіи и ея характеръ въ 1858 году совершенно измѣнились. Изъ прежняго состава Консисторіи остался только одинъ— протоіерей Гремяченскій, съ прежнимъ направленіемъ, но онъ, по способностямъ своимъ, на ходъ епархіальныхъ дѣлъ вліянія имѣть не могъ. Помощникъ секретаря Альбановъ, на котораго восходило нѣсколько жалобъ въ Свят. Синодъ, въ іюнѣ 1858 года оставилъ службу въ Консисторіи. Новые члены Консисторіи и секретарь присмотрѣлись къ дѣламъ и къ церковнымъ потребностямъ края. По заключенію Епископа Игнатія, мѣра благотворной строгости, употребленная Свят. Синодомъ относительно членовъ Кавказской Консисторіи, открыто вступившихъ въ противодѣйствіе Епископу, поддержанная удаленіемъ изъ Консисторіи Крастилевскаго, прикрывшаго свое противодѣйствіе уклончивостію, внушила наличнымъ членамъ Консисторіи особенное бодрствованіе надъ образомъ ихъ дѣятельности, доставила имъ единодушіе въ стремленіи къ общему церковному благу. Отъ этого бодрствованія, отъ этого единодушія дѣятельность Консисторіи внезапно получила особенную энергію и развитіе [2]).

---

[1]) Дѣло 1858 г., № 382, л.л. 16—20.

[2]) Отчетъ Епископа Игнатія Свят. Синоду о состояніи Кавказ. епархіи за 1858 г. Однако это быстрое и энергичное измѣненіе состава Консисторіи, особенно удаленіе 15 лѣтъ состоявшаго ея членомъ протоіерея Крастилевскаго, не прошло для самого Владыки Игнатія безслѣдно. Уже самый исходъ дѣла,—назначеніе Крастилевскаго къ Тюремной церкви г. Ставрополя послѣ рѣшительнаго отказа съ его стороны по

Тѣ же требованія честнаго труда, аккуратности и исполнительности предъявлялъ Владыка Игнатій и къ консисторской канцеляріи, наряду съ этимъ энергично заботясь объ улучшеніи условій труда канцелярскихъ тружениковъ.

Дѣлопроизводство обновленной Кавказской духовной Консисторіи, при усердіи членовъ и секретаря, по наблюденію Епископа Игнатія и къ его утѣшенію, приняло лучшій сравнительно съ прежнимъ характеръ. Оно могло бы быть въ еще болѣе удовлетворительномъ состояніи, еслибы консисторская канцелярія не находилась въ стѣснитель-

---

тождественному прошенію Крастилевскаго и донесеніе въ Свят. Синодъ говорятъ за то, что дѣло Крастилевскаго и обновленіе консисторскаго состава не было для Епископа Игнатія безпретковенннымъ. По жалобѣ протоіерея Крастилевскаго въ Свят. Синодъ, дѣлопроизводство по этому предмету было вытребовано и передано на заключеніе Митрополита Филарета.

17 ноября 1860 года, графъ А. П. Толстой писалъ С. П. Урусову, находившемуся въ то время въ Москвѣ: „Препровождая къ Вашему Сіятельству заготовленный о протоіереѣ Константинѣ Крастилевскомъ проектъ Синодальнаго протокола, покорнѣйше прошу Васъ представить его на усмотрѣніе Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета и просить его мнѣнія: слѣдуетъ ли вообще отказывать въ ходатайствахъ епархіальныхъ Преосвященныхъ объ удаленіи изъ ввѣренныхъ имъ епархій духовныхъ лицъ потому только, что къ обвиненію сихъ лицъ нѣтъ юридическихъ доказательствъ". Письмомъ своимъ къ графу А. П. Толстому, съ запискою по дѣлу протоіерея Кавказской епархіи Константина Крастилевскаго, отъ 24 ноября 1860 г. далъ Митрополитъ Филаретъ по указанному дѣлу слѣд. заключеніе.

Возвращая Вашему Сіятельству протоколъ по дѣлу протоіерея Крастилевскаго, прилагаю записку.

Она писана вчера вечеромъ, при самомъ чтеніи дѣла, и потому нѣкоторыя подробности, можетъ быть, потребуютъ повѣрки, тѣмъ паче, что въ протоколѣ нѣкоторыхъ частей дѣла показаны только заглавія, а не содержаніе.

Въ тридцатыхъ годахъ еще я полагалъ, что до Архимандрита Игнатія можетъ дойти жребій епископства и предлагалъ владыкѣ Серафиму ввести его въ Консисторію для ознакомленія съ дѣлами. Но сего не сдѣлано, и вотъ теперь Игнатій—епископъ безъ предварительныхъ приготовительныхъ познаній.

Какое бы Святѣйшій Синодъ не принялъ рѣшеніе по сему дѣлу: только, по моему мнѣнію, такая неполная резолюція, какая въ протоколѣ, неудовлетворительна. Послѣ ея протоіерей можетъ говорить, что на то или другое Св. Синодъ не обратилъ вниманія. Нужно яснымъ изложеніемъ недостатковъ и неправильностей убѣдить виновнаго протоіерея въ виновности, а Преосвященному указать лучшій порядокъ дѣлъ, чтобы не повторялись погрѣшности, которыя особенно вредны, когда, не доходя до Св. Синода, не получаютъ исправленія.

Правило же, чтобы удалять священнослужителя по желанію Архіерея, безъ ясныхъ доказательствъ вины, было бы въ тягость подчиненнымъ и въ искушеніе Архіереямъ.

Если безпокойный, можетъ быть, раздраженный неспокойнымъ дѣйствованіемъ Архіерея, пойдетъ безпокоить другого Архіерея, за что сей будетъ отягощенъ бременемъ, которое бросаетъ съ своихъ плечъ другой.

Первою причиною для удаленія протоіерея Крастилевскаго въ другую епархію

номъ положеніи по ограниченности получаемаго содержанія. Если канцелярія Консисторіи не оставалась еще пустою, то это потому только, что служащіе въ ней, большею частію, или не имѣли правъ на службу въ другихъ вѣдомствахъ, или получали вспоможенія отъ родителей и родственниковъ. Для вполнѣ отчетливаго и правильнаго взгляда на дѣлопроизводство, Епископъ Игнатій далъ предложеніе Консисторіи о составленіи со всею точностію и вѣрностію вѣдомости нерѣшенныхъ дѣлъ. Эта мѣра доставила дѣлопроизводству Консисторіи ясность и опредѣленность; но въ достиженіи этимъ дѣлопроиз-

---

представляется то, что онъ захватилъ власть въ епархіи во время Преосвященнаго Іоанникія. Но если сіе и справедливо, то это кончилось съ удаленіемъ допускавшаго сіе Преосвященнаго, и не нужно посему новое распоряженіе, и потому, что протоіерей удаленъ уже отъ Консисторіи, и потому, что нынѣшній Преосвященный своею законною твердостію, конечно, не допуститъ незаконнаго вліянія.

Вторая причина: протоіерею приписывается путь интриги и составленіе партіи. Но на сіе явныхъ доказательствъ въ донесеніи Преосвященнаго не представлено.

Третья причина: протоіерей помѣстилъ въ число дѣятелей свою супругу. Но ея дѣйствія видны въ дѣлѣ, какъ оно представлено отъ Преосвященнаго, только тѣ, что она просила отъ епархіальнаго начальства паспорта, и, не получивъ, взяла вмѣсто того, свидѣтельство отъ полиціи. Послѣднее дѣйствіе не совсѣмъ въ порядкѣ, но оно вынуждено отказомъ Консисторіи въ паспортѣ, и не составляетъ важнаго безпорядка въ епархіи.

Четвертая причина: протоіерей прикосновенъ къ дѣлу о убійствѣ смотрителя Устинскаго. Это дѣло важное, но какъ сіе показаніе основано только на запискѣ секретаря Васильева, который самъ осужденъ Св. Синодомъ, то изъ сего нельзя вывести никакого заключенія. Если же Преосвященный почитаетъ сіе обвиненіе неосновательнымъ, то должно подвергнуть оное изслѣдованію.

Пятая причина: словесный отзывъ Архимандрита Герасима. Это не имѣетъ законной силы въ оффиціальномъ дѣлѣ.

Шестая причина: протоіерей имѣетъ сердце самое жестокое. Но сердце вѣдаетъ Сердцевѣдецъ Богъ: человѣкъ долженъ судить по дѣйствіямъ доказаннымъ.

Седьмая причина: рапортъ секретаря Григоревскаго. Рапортъ безъ дознанія не есть законное доказательство, и въ рапортѣ не видно никакого преступленія протоіерея.

Осьмая причина: протоіерейша кричала въ присутствіи. Это не можетъ быть причиною изгнанія протоіерея изъ епархіи. При томъ о семъ нѣтъ журнала Консисторіи. Итакъ если сіе было, то секретарь виноватъ, что не предложилъ членамъ составить о семъ журналъ, а также и въ томъ, что неприлично назвалъ протоіерейшу бабою. При томъ секретарь обнаружилъ непониманіе закона, когда написалъ, что по закону паспорты выдаются только вдовамъ и дѣвицамъ: законъ ни мало не запрещаетъ выдать паспортъ протоіерейшѣ для богомолья, съ согласія мужа.

Девятая причина: письмо протоіерея. Въ семъ письмѣ несправедливо сужденіе протоіерея, будто Консисторія, по его просьбѣ о паспортѣ для него, обязана была выдать паспортъ женѣ его. Но это также не такая незаконность, за которую слѣдовало бы изгнать протоіерея изъ епархіи. Что протоіерей частью скромно, частью съ нетерпѣливостью намекаетъ на могущую встрѣтиться необходимость искать утѣшеніе инудѣ, и это великодушіе Преосвященнаго, конечно, не признаетъ требующимъ преслѣдованія.

водствомъ требуемой быстроты и отчетливости служила важнымъ, непреодолимымъ препятствіемъ скудость содержанія, получаемаго чиновниками. Это препятствіе могло быть устранено не иначе, какъ увеличеніемъ штата Канцеляріи и окладами жалованья, равнымъ окладамъ Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ г. Ставрополя. Канцелярія трудами своими и тщательностію, по заключенію Епископа Игнатія, заслуживала такого вниманія высшаго начальства. Особенно въ теченіе 1858 года, руководимая благонамѣреннымъ секретаремъ своимъ, канцелярія пріобрѣла характеръ благородный. Самая

Десятая причина: протоіерей не пошелъ на два преемственно назначенныя ему мѣста. Это неповиновеніе начальству, если нѣтъ особенныхъ обстоятельствъ. Посему надлежало протоіерея подвергнуть отвѣту за неповиновеніе, законно опредѣлить, въ какой степени онъ виноватъ, но сего не сдѣлано.

Одинн адцатая причина: протоіерей и при нынѣшнемъ Преосвященномъ приводитъ епархію въ колебаніе. Это страшное обвиненіе. Но въ доказательствахъ виденъ одинъ случай, неподписаніе ректоромъ и инспекторомъ протокола, и принятіе ими рапорта отъ протоіерея Крастилевскаго. Случай сей не такъ важенъ, чтобы подтвердить вышеозначенное обвиненіе. Впрочемъ, ректора и инспектора надобно спросить, почему они не подписали протокола и почему рѣшились принять рапортъ отъ протоіерея, не имѣя на то права.

Но тогда какъ представленія Преосвященнаго не имѣютъ законной ясности и силы къ обвиненію протоіерея Крастилевскаго, сей протоіерей самъ поставляетъ себя подъ обвиненіе прошеніемъ своей жены. Въ семъ прошеніи есть одинъ только предметъ, о которомъ протоіерейша имѣла право говорить, это ея осужденіе за выѣздъ безъ паспорта. Но она примѣшиваетъ къ сему разныя дѣла, въ которыя входить не имѣетъ ни права, ни нужды. Она пишетъ о дѣлахъ своего мужа, которыя онъ можетъ и долженъ защищать самъ. Она прописываетъ резолюцію Преосвященнаго и Указы Св. Синода, которыхъ никто ей не объявлялъ, и которые она могла узнать только незаконнымъ путемъ. Она пишетъ безыменно и бездоказательно, что Преосвященный Игнатій дурныхъ людей, не изучивъ ихъ характера, взыскалъ незаслуженными милостями. Она позволяетъ себѣ пересуживать дѣйствія начальства, какъ напримѣръ, что Поповъ произведенъ въ протоіерея изъ учениковъ втораго разряда, что въ Указѣ Св. Синода не объяснено причины увольненія мужа ея отъ Консисторіи. Что сіе прошеніе есть произведеніе не протоіерейши, а самаго протоіерея, сіе несомнительно потому, что прошеніе наполнено такими обстоятельствами, которыхъ она не могла знать, и которыя извѣстны ея мужу, какъ напримѣръ, что онъ 10 мѣсяцевъ завѣдывалъ суднымъ столомъ, что Преосвященный сказалъ ему, что ему не въ чемъ оправдываться, и прон.

Если справедливо, что протоіерей, которому Преосвященный сохранилъ резолюціею старшинство мѣста въ собраніяхъ, дѣйствительно сталъ въ церкви ниже священника, то это поступокъ неблагонамѣренный, имѣющій не иную цѣль, какъ возбудить ропотъ на Преосвященнаго, якобы не уважающаго званіе протоіерея и заслуженныхъ отличій.

И то достойно осужденія, что протоіерей подалъ рапортъ ректору и инспектору. По своей опытности, онъ не могъ не знать, что они не имѣютъ законнаго права принять оный, но пошелъ сею непрямою дорогою, и ввелъ въ искушеніе неопытныхъ.

наружная форма ея письменности далеко превзошла опрятностію и тщательностію другія присутственныя мѣста Ставрополя. Вниманіе Епископа Игнатія къ матеріальной необезпеченности канцелярскихъ чиновниковъ Консисторіи выразилось прежде всего въ его личныхъ жертвахъ на пособіе имъ. Въ началѣ марта 1858 года Епископъ Игнатій сдалъ въ Консисторію слѣдующее предложеніе.—„Обращая вниманіе на затруднительное положеніе чиновниковъ Кавказской Консисторіи, довольствующихся общимъ окладомъ жалованья, положеннымъ для канцелярій консисторскихъ въ Россіи вообще, между тѣмъ какъ

Изложенныя обстоятельства дѣла ведутъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Преосвященному изъяснить, что въ представленіяхъ его не достаетъ требуемой закономъ ясности и доказательности, и рекомендовать ему съ большею точностью держаться законнаго порядка, и обвиненія основывать на дѣлахъ доказанныхъ, а не на неопредѣленныхъ замѣчаніяхъ о характерахъ и свойствахъ лицъ. 2) Протоіерея, на дѣлѣ обнаружившаго расположеніе непрямыми и неправыми путями причинять затрудненія начальству, вывести въ другую епархію была бы предосторожность не излишняя. Если же сіе не угодно будетъ Св. Синоду, то, по крайней мѣрѣ, надобно укротить его строгимъ выговоромъ въ присутствіи Консисторіи, за вышепоказанные поступки, съ подтвержденіемъ, чтобы дѣйствовалъ прямодушно, и не выступалъ изъ предѣловъ закона. 3) Секретарю сдѣлать выговоръ или замѣчаніе, за неправильности вышесказанныя. 4) Предоставить Преосвященному взять отъ ректора и инспектора объясненіе, почему они не подписали опредѣленія, и почему приняли отъ протоіерея рапортъ, и представить Св. Синоду, съ мнѣніемъ. 5) По соображеніи съ 284 статьею Устава Консисторій, не преждевременно ли Преосвященный удалилъ отъ присутствованія ректора и инспектора. Опредѣлить сіе зависѣть будетъ отъ воззрѣнія Св. Синода на дѣло. За голосъ, въ судѣ несогласный съ другими, законъ не подвергаетъ отвѣтственности. 24 ноября, 1860 года.

Конечно, стоя на формально-дѣловой точкѣ зрѣнія въ оцѣнкѣ дѣла протоіерея Крастилевскаго, мы не можемъ не признать, что замѣчанія Владыки—Митрополита Филарета правильны, а дѣйствія Владыки—Игнатія стремительны и настойчивы безъ послабленій, вызываемыхъ человѣческою слабостію и заслугами прошлаго лицъ небезупречныхъ. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія формальной, въ дѣлѣ протоіерея Крастилевскаго мы находимъ много сужденій объ этомъ лицѣ, основанныхъ на общихъ „замѣчаніяхъ о характерахъ и свойствахъ лицъ“ и мало фактической обоснованности, кромѣ развѣ случая жалобы на дѣйствія Крастилевскаго со стороны депутаціи горцевъ въ Моздокѣ. Въ дѣлопроизводствѣ формальная законность, конечно, соблюдена не вполнѣ, хотя лично мы и не сомнѣваемся въ прямотѣ и правотѣ дѣйствій Владыки Игнатія. И неполнота и нѣкоторая неопредѣленность дѣлопроизводства о Крастилевскомъ объясняется, на нашъ взглядъ, не тѣмъ, что, какъ думаетъ мудрый Владыка Филаретъ, Владыка Игнатій не былъ членомъ Консисторіи, ибо канцелярское дѣлопроизводство имъ изучено достаточно за время всякаго рода слѣдствій по монастырямъ С.-Петербургской епархіи и др., а скорѣе тѣмъ, что Владыка Игнатій при властности, рѣшительности и настойчивости своего характера, въ случаѣ глубокой убѣжденности въ правотѣ своего взгляда, какъ это было въ дѣлѣ Крастилевскаго, и принципіальности вопроса, затрогивающаго дѣло вѣры и христіанской жизни ближнихъ, не хотѣлъ считаться съ условіями юридическими, рѣшая вопросъ на почвѣ моральной, а не номистической.

въ Ставрополѣ предметы продовольствія несравненно дороже, нежели въ Россіи вообще, я счелъ обязанностію своею явить мое пастырское дѣятельное участіе въ положеніи чиновниковъ Кавказской Консисторіи. Удовлетворяя требованію таковой пастырской обязанности моей, я предлагаю Консисторіи триста рублей серебромъ изъ моей собственности на раздачу чиновникамъ, по росписанію, которое предлагаю Консисторіи составить и представить на мое усмотрѣніе. Уповаемъ, что съ симъ скуднымъ даромъ нашимъ, яко съ даяніемъ Архипастыря, внидетъ благословеніе Божіе въ домы чиновниковъ, такъ какъ, напротивъ того, даянія незаконныя удаляютъ благословеніе Божіе отъ всѣхъ лицъ и домовъ, коими сіи незаконныя даянія привлекаются“ [1]). Въ отвѣтъ на это предложеніе, Консисторія, при особомъ докладѣ отъ 12 марта представляя росписаніе распредѣленія дарованной Епископомъ Игнатіемъ въ пособіе чиновникамъ суммы [2]), выражаетъ Архипастырю свою признательность за вниманіе въ такихъ словахъ: „Ваше Преосвященство съ прибытіемъ на Кавказскую каѳедру въ короткое время отеческимъ взоромъ вникли въ крайнее положеніе чиновниковъ Кавказской духовной Консисторіи, претерпѣваемое ими отъ недостаточности средствъ къ жизни при ограниченномъ окладѣ жалованія, и, по влеченію чувства сострадалія къ бѣднымъ чиновникамъ, благоволили 10 сего марта оказать имъ вспомоществованіе пожертвованіемъ въ пользу ихъ трехсотъ рублей.

Кавказская духовная Консисторія, сочувствуя положенію чиновниковъ ея, священнымъ долгомъ поставляетъ себѣ принесть Вамъ, Милостивѣйшій Архипастырь, глубокое благодареніе за оказанную Архипастырскую милость, и надѣется, что чиновники Консисторіи, принявъ даръ, едва ли еще ими заслуженный, при управленіи ввѣренною Вамъ епархіею, усугубятъ свое усердіе къ служебнымъ занятіямъ по силѣ и способностямъ каждаго, дабы оправдать излитое на нихъ отъ щедротъ Вашего Преосвященства благодѣяніе. При семъ Консисторія имѣетъ счастіе поднести на Архипастырское усмотрѣніе Вашего Преосвященства росписаніе о раздачѣ пособія и присовокупить, что она въ семъ случаѣ соображалась съ семейнымъ бытомъ чиновниковъ не безъ вниманія къ заслугамъ каждаго“.

Въ тѣхъ же видахъ улучшенія матеріальныхъ средствъ, съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства, для поддержанія Консисторіи, съ 1858 года, началось печатаніе въ Ставропольской типографіи бланко-

---

[1]) Архивъ Кавказской духовной Консисторіи. Дѣло 2-го стола, по описи 1858 года за № 30, л. 1. Предложеніе Епископа Игнатія отъ 10 марта 1858 года за № 29.

[2]) Тамъ-же, л.л. 2 и 3. Докладъ Консисторіи отъ 12 марта 1858 г. за № 496.

выхъ листовъ для обыскныхъ и приходорасходныхъ книгъ и клировыхъ вѣдомостей, съ разсылкою ихъ по церквамъ за плату въ размѣрѣ той, какую получаетъ Синодальная типографія за метрическіе и исповѣдные листы. Такимъ образомъ понемногу стали покрываться накопившіеся въ прежніе годы долги по Сенатской типографіи и стали пріобрѣтаться необходимые канцелярскіе матеріалы. За исключеніемъ этой мѣры, для поддержанія консисторской экономіи не предвидѣлось никакихъ средствъ, а штатной суммы, отпускаемой на содержаніе ея, не доставало на канцелярскіе матеріалы и отопленіе. Недостатокъ средствъ давалъ себя чувствовать на каждомъ шагу.

Какъ видно изъ приложеннаго къ докладу Консисторіи росписанія, 15 чиновниковъ Консисторіи получили пособіе изъ пожертвованной Епископомъ суммы. Вмѣстѣ съ этимъ, по распоряженію Епископа Игнатія, былъ подготовленъ Консисторіею проектъ штата Кавказской духовной Консисторіи. Представляя Святѣйшему Синоду этотъ проектъ, сравнительно съ штатами, Высочайше утвержденными для Кавказской Консисторіи 4 апрѣля 1842 года, Епископъ Игнатій въ рапортѣ своемъ по этому случаю проситъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ объ исходатайствованіи Высочайшаго утвержденія означеннаго проекта, по тому уваженію, что только симъ средствомъ можно Консисторію возвести на степень удовлетворительнаго служебнаго порядка и того нравственнаго достоинства, каковое долженствуетъ имѣть епархіальное присутственное мѣсто. Протоіереямъ и іереямъ Ставропольскимъ, членамъ Консисторіи, необходимо положить достаточное жалованье, такъ какъ служебное занятіе по Консисторіи отнимаетъ у нихъ много времени, а доходы Ставропольскаго городскаго духовенства значительно скуднѣе доходовъ сельскаго духовенства Ставропольской губерніи. Относительно же чиновниковъ, служащихъ въ канцеляріи Консисторіи, опыты показываютъ, что поступающіе на службу въ Консисторію молодые люди съ отличнѣйшими способностями, пріучившись къ дѣлопроизводству, въ самомъ скоромъ времени непремѣнно выходятъ въ гражданское вѣдомство, въ которомъ оклады жалованья впятеро болѣе консисторскихъ. За всѣмъ тѣмъ Кавказское гражданское начальство, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, нынѣ ходатайствуетъ объ увеличеніи своихъ окладовъ. Представляемый мною проектъ составленъ примѣнительно къ нынѣ существующимъ штатамъ Кавказскаго гражданскаго вѣдомства. Достойно примѣчанія и крайняго сожалѣнія, что лица, получившія образованіе въ духовныхъ Академіяхъ, удостоенныя ученой степени, служатъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, а въ Консисторіи не имѣется ни одного чиновника, который бы окончилъ курсъ въ семинаріи. Причина того—бѣдственнѣйшее состояніе консисторскихъ чиновниковъ. О бѣдности чиновниковъ можно ясно удостовѣриться изъ слѣдующаго факта: въ Конси-

сторіи наняты два сторожа, каждый изъ нихъ получаетъ содержаніе втрое болѣе, нежели канцелярскій чиновникъ. Естественно, что такое положеніе чиновниковъ подавляетъ усердіе къ службѣ и заставляетъ искать занятій внѣ службы для необходимаго насущнаго куска хлѣба, что неминуемо приноситъ крайній вредъ дѣлопроизводству Консисторіи, а воспрещаемо быть не можетъ по бѣдственному положенію чиновниковъ [1]). Ходатайство это было отложено до пересмотра консисторскихъ штатовъ.

Были попытки переустройства дома, принадлежащаго каѳедральному собору, занимаемаго Кавказской духовной Консисторіей, въ цѣляхъ наилучшаго приспособленія дома къ потребностямъ Консисторіи, но попытки эти остались безъ выполненія за неимѣніемъ спеціальныхъ для этого мѣстныхъ средствъ и за множествомъ другихъ неотложныхъ нуждъ Кавказской епархіи, удовлетвореніе которыхъ связано съ значительными денежными расходами [2]).

На ряду съ упорядоченіемъ консисторскаго дѣлопроизводства и заботами о соотвѣтственной назначенію высотѣ наличнаго состава Присутствія Кавказской духовной Консисторіи, ближайшее вниманіе Епископа Игнатія, на первыхъ же порахъ его епархіальной Архипастырской дѣятельности, обращено было на ознакомленіе съ составомъ благочинническаго окружного управленія съ преподаніемъ при этомъ о. о. благочиннымъ руководящихъ директивъ, примѣнительно къ пониманію Епископомъ Игнатіемъ задачъ дѣятельности благочинныхъ въ согласіи съ дѣятельностію епархіальнаго Преосвященнаго. Съ цѣлію дать развитіе благочинническому надзору Кавказской епархіи, Епископомъ Игнатіемъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія. Обязаны были всѣ священники, діаконы и причетники, въ случаѣ желанія ихъ перемѣститься изъ прихода въ приходъ и при другихъ подобныхъ обстоятельствахъ, представлять свидѣтельство о согласіи на то, или о безпрепятственности къ тому, благочиннаго, если оба прихода состоятъ въ вѣдѣніи одного благочиннаго. Если же приходы находятся въ разныхъ благочиніяхъ, то отъ просителей требовалось, чтобы они на прошеніяхъ своихъ имѣли свидѣтельства обоихъ благочинныхъ. Сверхъ того, діаконы и причетники обязаны были представлять свидѣтельства своихъ приходскихъ священниковъ. Эта мѣра закрѣпляла духовенство на мѣстахъ служенія, воспитывала осѣдлость и, въ общемъ, имѣла благотворнѣйшее вліяніе на духъ Кавказскаго духовенства, носящаго на себѣ отпечатокъ народнаго характера, свойственнаго и естественнаго краю—характера отваги и своево-

---

[1]) Архивъ Кавказской духовной Консисторіи. Дѣло 1-го стола, по описи 1859 г. № 112, л. 5—6.

[2]) Архивъ Кавказской духовной Консисторіи. Дѣло 2-го стола по описи 1858 г. № 41, л.л. 1, 6—9.

лія. Діаконы и причетники вынуждены были видѣть на самомъ опытѣ, что приходскіе священники—ихъ начальники, а духовенство стало видѣть въ своемъ благочинномъ начальника. Слѣдуетъ замѣтить, что распоряженія Епископа Игнатія,—„новшества“ на взглядъ духовенства, далеко не всегда проходили въ жизнь спокойно. Всѣ благонамѣренные члены духовенства приняли это распоряженіе съ любовію; но оно не понравилось членамъ немощнымъ. По причинѣ этого распоряженія многіе благонамѣренные и благонравные люди сдѣлались извѣстными Епископу и получили служебное движеніе; также характеры неспокойные и неустойчивой нравственности обнаружились. Наказаніе небольшою денежною пеней въ пользу епархіальнаго Попечительства за нарушеніе упомянутаго распоряженія было примѣняемо Епископомъ Игнатіемъ, какъ достаточное вразумленіе своевольныхъ и непокорныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ мѣра эта, кромѣ нравственнаго вліянія на духовенство, принесла и другую значительную пользу въ смыслѣ сокращенія канцелярской работы по Консисторіи.

Второю мѣрою для усиленія вліянія и значенія благочинныхъ Епископъ Игнатій призналъ измѣненіе существовавшаго дотолѣ порядка судебныхъ слѣдствій. Прежде, до Епископа Игнатія, назначались слѣдователями по разнымъ возникающимъ въ средѣ духовенства дѣламъ разные священники по усмотрѣнію Консисторіи. Вслѣдствіе этого многія дѣла по благочинію оставались мало извѣстными для благочинныхъ. Сверхъ того, слѣдователи священники, особенно тѣ изъ нихъ, которымъ чаще другихъ поручались слѣдствія, нерѣдко съ устраненіемъ отъ слѣдствія благочиннаго въ видахъ доставленія слѣдствію правильнаго хода, эти слѣдователи, вполнѣ сознавая свое значеніе въ отношеніи къ дѣлаемымъ имъ таинственнымъ порученіямъ, уже вмѣняли своихъ благочинныхъ ни во что. Для устраненія замѣченной въ указанномъ отношеніи неурядицы, такъ напоминающей русскую пословицу о мутной водѣ, Епископъ Игнатій предложилъ Консисторіи употреблять для слѣдствій по благочинію исключительно благочинныхъ. Хотя благочинные чаще всего состояли въ Кавказской епархіи при двухъ приходскихъ церквахъ и, въ случаѣ ихъ отсутствія по дѣламъ благочинія, могли быть замѣняемы сослуживцами по приходу, но, въ виду умноженія слѣдственныхъ дѣлъ и территоріальной разбросанности епархіи, Епископъ Игнатій предложилъ всѣмъ благочиннымъ избрать себѣ помощниковъ, утверждаемыхъ Епископомъ. Этимъ помощникамъ предоставлено было поручать дѣла второстепенной важности, примѣнительно къ ст. 69 Уст. дух. Консисторіи.

Третьимъ средствомъ къ усиленію благочинническаго надзора и вліянія благочинныхъ Епископъ Игнатій Брянчаниновъ призналъ сближеніе Епископа съ благочинными и опрощеніе между ними пись-

менныхъ сношеній. Благочиннымъ предоставлено было, между прочимъ, кромѣ оффиціальныхъ рапортовъ, получающихъ узаконенный ходъ, относиться къ Епископу и конфиденціальными рапортами, которые должны были оставаться въ кабинетѣ Епископа безъ огласки. Предметомъ этихъ рапортовъ могли быть свѣдѣнія, нетерпящія оффиціальности, но нужныя для полноты и ясности жизненной картины въ административномъ отношеніи.

Всѣ упомянутыя распоряженія изложены были Епископомъ Игнатіемъ на бумагѣ и объявлены были по епархіи циркулярами съ цѣлію, по возможности устранить недоумѣнія и освободить Консисторію отъ излишней переписки, отвлекающей отъ должнаго вниманія и труда по дѣламъ первостепенной важности къ незначительнымъ мелочамъ.

Кавказская епархія состояла при Епископѣ Игнатіи изъ 18 благочинническихъ Округовъ. Въ 1858 году были открыты вновь два Благочинія: 1) По каѳедральному собору съ назначеніемъ благочиннымъ вновь назначеннаго каѳедральнаго протоіерея В. Попова и 2) въ сѣверо-восточной части епархіи съ отдѣленіемъ, для удобства управленія, части приходовъ отъ Благочинія протоіерея г. Георгіевска, чтобы послѣдній могъ съ особенною тщательностію наблюдать за церквами городовъ Георгіевска и Пятигорска: черезъ первый изъ этихъ городовъ идетъ большая дорога изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ, а во второмъ бываетъ значительное стеченіе народа въ лѣтнее время для пользованія водами. Въ Кизлярѣ на вакансію протоіерея назначенъ былъ Епископомъ Игнатіемъ священникъ Алексѣй Іосселіановъ, изъ грузинъ, весьма знакомый съ нравами и жизнію города и любимый народонаселеніемъ; онъ же, раньше исправлявшій должность благочиннаго надъ церквами въ Кизлярѣ и его окрестностяхъ,—утвержденъ въ этой должности. По кротости же его характера и по отдаленности Кизляра, стоящаго при впаденіи Терека въ Каспійское море, отъ епархіальнаго начальства, Епископъ Игнатій нашелъ нужнымъ поручить нравственный конфиденціальный надзоръ за духовенствомъ Кизляра и его окрестностей настоятелю Кизлярскаго Крестовоздвиженскаго монастыря игумену Герману, внушившему къ себѣ особенное довѣріе. По этому порученію игуменъ получилъ право назидать духовенство, останавливать нарушителей благоповеденія, извѣщать Епископа вообще о нравственности духовенства и, въ частности, о тѣхъ лицахъ, которыя позволили поступки неприличные, несмотря на напоминаніе игумена. Но сношенія съ Консисторіею не входили въ обязанность игумена по этому порученію [1]). Однако, какъ оказалось впослѣдствіи

[1]) Какой характеръ имѣло въ дѣйствительности это, повидимому, болѣе моральное, въ духѣ старчества, наблюденіе игумена Германа за Кизлярскимъ духовен-

игуменъ Германъ не обнаружилъ соотвѣтствія своему назначенію и не оправдалъ довѣрія Епископа, оказавшись мелочнымъ и придирчивымъ и неимѣющимъ требуемой Епископомъ Игнатіемъ широты христіанскаго настроенія, а его отношенія къ Кизлярскому духовенству и Епархіальному Преосвященному въ скоромъ времени вошли въ форму отношеній слѣдователя и благочиннаго. Такимъ образомъ, идея старчества, столь близкая настроенію Владыки Игнатія, не вошла въ жизнь Кавказскаго духовенства, въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ неимѣнія лицъ, способныхъ проникнуться этой идеей и по

ствомъ, и какъ духовенство относилось къ игумену Герману, можно судить по возникшимъ въ связи съ даннымъ игумену Герману порученію дѣламъ: 1) Рапортомъ отъ 30 октября 1858 года за № 136 игуменъ Германъ доносилъ Епископу Игнатію о произведенномъ имъ дознаніи о поведеніи священника Кизлярскаго Казанскаго собора Иліи Хамбарадзева съ заключеніемъ при этомъ, что Хамбарадзевъ не можетъ быть законоучителемъ въ уѣздномъ училищѣ. На рапортѣ игумена Германа положена Епископомъ Игнатіемъ резолюція отъ 15 октября 1858 года за № 1274: „Консисторія имѣетъ опредѣлить на законахъ основанное наказаніе священнику Иліи Хамбарадзеву, дерзнувшему явиться и ко мнѣ въ хмельномъ видѣ, въ бытность мою въ Кизлярѣ. Игнатій Е. К. и Ч.“. Какъ видно изъ дѣла а) Игуменъ Германъ сдѣлалъ свое донесеніе Епископу Игнатію послѣ того, какъ обвиненіе Хамбарадзева въ нетрезвости по дознанію благочиннаго Іосселіанова оказалось необоснованнымъ и священникъ Хамбарадзевъ оправданъ (Указъ Кавк. Консисторіи на имя Благочиннаго протоіерея Алексѣя Іосселіанова отъ 30 іюля 1858 года за № 2738); б) сношенія игумена Германа съ Хамбарадзевымъ велись не только устно, но и письменно (напр. Рапортъ священника Хамбарадзева игумену Герману отъ 6 сентября 1858 г. № 10). По опредѣленію Консисторіи Хамбарадзевъ отбылъ по вышеизложенной причинѣ трехмѣсячную эпитимію въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ подъ наблюденіемъ того же игумена Германа, который, рапортомъ отъ 30 января 1859 года за № 22, доносилъ Епископу, что Хамбарадзевъ велъ себя въ монастырѣ трезво и послушно. На этомъ рапортѣ игумена Германа положена такая резолюція Епископа Игнатія отъ 20 февраля 1859 года за № 353: „Въ Консисторію. священнику Иліи Хамбарадзеву предоставляется прежнее мѣсто; понесенной имъ эпитиміи въ формулярѣ не вносить, какъ по молодости Хамбарадзева, такъ и потому что онъ велъ себя въ монастырѣ очень хорошо. Таковая милость да будетъ ободреніемъ священнику, да поощритъ его къ внимательной жизни и къ охраненію себя отъ пороковъ, которыхъ послѣдствія всегда бѣдственны. Игнатій Е. К и Ч.“. (Арх. Кавказ. дух. Консисторіи, Дѣло 3-го стола, по описи 1858 года за № 176, листы 1, 3, 4 и 29).

2) При рапортѣ отъ 29 октября 1858 года за № 6 игуменъ Германъ представилъ Епископу Игнатію произведенное имъ при депутатѣ слѣдствіе, по предложенію Епископа, отъ 5 сентября 1858 г. за № 186, о священникѣ селенія Тарумовки Кизлярскаго уѣзда Василіи Семеновѣ, замѣченномъ въ нетрезвости. На рапортѣ этомъ послѣдовала резолюція Епископа Игнатія отъ 12 ноября 1858 г. за № 1432 такого содержанія: „Въ Консисторію. Предписать благочинному, чтобы онъ сдѣлалъ увѣщаніе священнику Василію Семенову, чтобы онъ воздерживался отъ излишняго употребленія напитковъ и трубки не курилъ, такъ какъ послѣднее обстоятельство возбуждаетъ въ нашемъ народѣ сильный соблазнъ. Притомъ благочинный имѣетъ наблюдать за тѣмъ, въ какой мѣрѣ Семеновъ будетъ внимателенъ къ увѣщанію и доносить мнѣ о томъ пополугодно. Въ формуляръ Семенову сего дѣла не вносить. Иг-

своему нравственному авторитету способныхъ имѣть моральное вліяніе на духовенство.

По городу Ставрополю—благочинный Сухаревъ было уволенъ по прошенію отъ должности, а на его мѣсто назначенъ былъ протоіерей Троицкаго собора Ѳеодоръ Поспѣловъ, который въ цѣляхъ наилуч-

---

натій Е. К. и Ч." (Архивъ Кавк. дух. Консисторіи, Дѣло 3-го стола, по описи 1858 г. за № 199, л. 1).

3) Рапортомъ отъ 30 октября 1858 года за № 4 игуменъ Германъ доносилъ Епископу Игнатію о томъ, что священникъ церкви Живоноснаго Источника Артемій Какаевъ 20 октября при выносѣ тѣла армянки купчихи Мамаджановой произвелъ на колокольнѣ своего храма траурный колокольный звонъ, а на его запросъ по этому случаю отвѣтилъ грубостью. Послѣдовавшею на этомъ рапортѣ резолюціею Епископа Игнатія отъ 14 ноября 1858 года за № 1448 предписано было дать священнику Артемію Какаеву запросъ: 1) точно ли онъ приказалъ учинить траурный звонъ; 2) на какомъ основаніи дозволилъ онъ себѣ написать ругательное отношеніе къ игумену; 3) чтобы онъ объяснилъ по статьямъ основаніе своего письма. Рапортъ священника Какаева обстоятельно и обширно даетъ не только удовлетворительное объясненіе поведенія Какаева, но и рисуетъ самого игумена Германа человѣкомъ нетерпимымъ и рѣзкимъ, дѣйствующимъ несогласно съ наставленіями Епископа Игнатія,—сѣющимъ вражду между христіанскими племенами и допускающимъ поступки предосудительные, какъ напр. бросаніе камнями въ армянскую религіозную процессію, разрушеніе армянскихъ лавокъ и т. п. По рапорту священника Какаева, Епископъ Игнатій, резолюціей отъ 17 ноября 1858 г. за № 1455, предписалъ благочинному доставить подробныя свѣдѣнія по дѣлу, раздѣливъ ихъ: а) на точныя, б) по слухамъ, и донести рапортомъ самымъ подробнымъ и нелживымъ съ присовокупленіемъ мнѣнія о поведеніи священника Какаева.

Благочинный протоіерей Алексѣй Іосселіановъ, рапортомъ отъ 2 апрѣля 1859 года за № 119 докладывая Епископу Игнатію по содержанію дѣла игумена Германа и священника Артемія Какаева и подтверждая дѣйствительность столкновеній Германа съ армянами изъ за монастырскихъ интересовъ, въ то же время свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкоторые почтеннѣйшіе армяне уважаютъ церковь Живоноснаго Источника и дѣлаютъ въ пользу ея пожертвованія, напр. потомств. почетн. гражданинъ Мамаджановъ по усердію своему пожертвовалъ Евангеліе въ серебряной оправѣ, серебряный вызолоченный крестъ и значительную сумму денегъ на сооруженіе новаго храма взамѣнъ сгорѣвшаго; уважая правосл. духовенство, армяне съ признательностію и радушіемъ принимаютъ его во время праздниковъ. О священникѣ же Какаевѣ благочинный Іосселіановъ далъ одобрительный отзывъ.

На этомъ рапортѣ Благочиннаго Епископъ Игнатій положилъ такую резолюцію отъ 20 апрѣля 1859 года за № 761: „Въ Консисторію. Какъ изъ сего видно, что имѣется только личная непріязнь между о. игуменомъ и священникомъ Какаевымъ, то по прилагаемымъ при семъ документамъ никакого сужденія и распоряженія не производить, а только предписать благочинному Іосселіанову принять мѣры къ примиренію ссорящихся. Относительно же обхожденія съ армянами предписать Кизлярскому духовенству, чтобы оно обходилось съ ними весьма вѣжливо, любовно, охраняя цѣлость Православной Вѣры съ кротостію въ видахъ исполненія Апостольскихъ наставленій (Іак. V, 19—20). Ветхозавѣтная ревность въ Новозавѣтной церкви не имѣетъ мѣста. И. Е. К. и Ч. (Архивъ Кавказской дух. Консисторіи, Дѣло 3-го стола по описи 1858 года № 203, листы 4, 6—9, 21—22).

шаго исполненія обязанностей благочиннаго былъ освобожденъ отъ всѣхъ другихъ должностей [1]). Въ Ставропольскомъ уѣздѣ Епископъ Игнатій замѣнилъ исправлявшаго должность благочиннаго кроткаго священника Козьму Флегинскаго священникомъ Воскресенскимъ, соединяющимъ въ себѣ благонравіе и благонамѣренность съ отличными способностями и твердостію характера [2]). Таковы мѣропріятія Епископа Игнатія по благоустроенію важнѣйшаго органа Епархіальнаго управленія—благочинническаго надзора.

Немало энергіи потребовало отъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова дѣло постройки въ г. Ставрополѣ Архіерейскаго дома, стоившее ему большихъ хлопотъ и не обошедшееся для него безъ значительныхъ непріятностей. Архіерейскій домъ къ 1858-му году былъ почти уничтоженъ. 1) Деревянная ветхая тѣсная хижина, пожертвованная купцомъ Волобуевымъ для жительства Преосвященному Іереміи на короткій срокъ, до времени построенія Архіерейскаго дома, должна была служить гораздо долѣе этого срока пріютомъ Епископу. Неудобство и необыкновенная простота этого пріюта отнимали возможность у Епископа заниматься епархіальными дѣлами съ должною отчетливостію; сверхъ того хижина, пожертвованная уже ветхою, въ теченіе 14-ти лѣтъ пришла въ совершенную ветхость, начала разрушаться. Епископъ Игнатій долженъ былъ провести зиму 1857—1858 года въ частномъ домѣ. Самое мѣсто, довольно большое, было неудобно для архіерейскаго дома, который, по мысли Епископа Игнатія, долженъ стоять отдѣльно и имѣть характеръ монастыря. Мѣсто это утверждено Высочайшимъ повелѣніемъ за Архіерейскимъ домомъ еще въ 1858-мъ году, но не было передано къ 1858-му году подъ различными предлогами, въ епархіальное вѣдомство. 2) Другое мѣсто, въ лучшей части города, именуемой Воробьевскою, весьма удобное и живописное, куплено было Преосвященнымъ Іереміею у Штаба. При этомъ мѣстѣ была лѣсная дача съ плитною ломкою, пожертвованная дому городомъ. Относительно дачи производился процессъ съ частнымъ лицомъ, захватившимъ своевольно и насильственно значительный участокъ и старавшимся распространить свое владѣніе. Естественно, что при такомъ положеніи этого мѣста, при неизвѣстности, какимъ результатомъ разрѣшится дѣло, построеніе дома представлялось рановременнымъ. Составленъ былъ и проектъ дома, но проектъ былъ такъ недостаточенъ, что Епископъ Игнатій не могъ принять на себя представленіе проекта на утвержденіе Святѣйшаго Синода. 3) Кавказское начальство, ходатайствовавшее объ открытіи на Кавказѣ епархіи,

---

[1]) Архивъ Кавк. дух. Консисторіи, дѣло 1-го стола, по описи 1858 года № 300, л. 1—2; дѣло того же стола и года, № 47.

[2]) Отчетъ Епископа Игнатія Свят. Синоду о состояніи епархіи за 1858 годъ.

намѣревалось немедленно обезпечить содержаніе Епископа и его дома угодіями или суммою за угодія. Но обезпеченіе это, однако, не осуществлялось; какъ лицо, такъ и домъ Епископа оставались въ самомъ затруднительномъ положеніи. Епископамъ Іереміи и Іоанникію выдавались въ пособіе: 1000 руб. серебромъ въ дополненіе къ жалованію и 1500 серебр. на содержаніе дома; послѣдніе 1500 руб. были отпущены и въ 1858 году. 4) Съ открытіемъ епархіи даны были дому 44 служителя, избранные изъ казенныхъ поселянъ Ставропольской губерніи. Домъ, очевидно, не имѣлъ ни средствъ, ни мѣста къ поселенію этихъ штатныхъ служителей. Средства содержанія служителей заключались въ ихъ скуднѣйшемъ жалованьѣ и томъ скуднѣйшемъ пособіи, которое могъ давать имъ домъ. По этой причинѣ положеніе штатныхъ служителей, особенно семейныхъ, было въ полномъ смыслѣ безпріютное, бѣдственное. Мѣры къ извлеченію Кавказскаго Архіерейскаго дома изъ состоянія упадка и уничтоженія въ 1858-мъ году были приняты слѣдующія: 1) Употреблено было со стороны Епархіальнаго вѣдомства усиленное ходатайство предъ вѣдомствомъ Гражданскимъ о приведеніи Высочайшаго повелѣнія въ исполненіе введеніемъ во владѣніе участкомъ, пожертвованнымъ для временнаго пріюта Епископу. Вслѣдствіе таковаго ходатайства Архіерейскій домъ введенъ во владѣніе упомянутымъ участкомъ, и на владѣніе имъ доставлена дому Гражданскою палатою „Данная“. 2) Деревянная хижина, въ которой помѣщался Епископъ, оказалась настолько ветхою, что съ самаго фундамента должно было перестроить ее вновь. Въ теченіе лѣта это было исполнено [1]), причемъ дому дано другое расположеніе, болѣе удоб-

---

[1]) Приступая къ выполненію своего намѣренія относительно постройки архіерейскаго дома Епископъ Игнатій сдалъ въ Кавказскую духовную Консисторію предложеніе отъ 7 мая 1858 г. за № 60 слѣдующаго содержанія:

По прибытіи моемъ въ Ставрополь, между прочими предметами Епархіальной администраціи, обратившими на себя мое вниманіе, временный пріютъ Епископа невольно долженъ былъ въ особенной степени сдѣлаться предметомъ таковаго вниманія: ибо по ветхости сего скуднѣйшаго и неудобнѣйшаго пріюта жительство въ немъ Епископа содѣлалось совершенно невозможнымъ; столь же невозможнымъ сдѣлалось въ немъ отчетливое занятіе обязанностію Архипастыря, требующею помѣстительной комнаты, въ которой могли бы находиться всѣ книги, относящіяся къ религіи и администраціи, книги при пастырскихъ занятіяхъ для справки необходимыя, въ которой должны находиться и другіе многіе предметы, для упомянутыхъ занятій существенно нужные. Исправленіе сего пріюта оказалось не терпящимъ отлагательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что въ Архіерейскомъ домѣ нѣтъ никакой суммы.

Такое состояніе Архіерейскаго временнаго пріюта и состояніе хозяйственной его части принудили меня обратиться къ Богомъ врученной мнѣ паствѣ съ предложеніемъ оказать пособіе приношеніемъ посильнаго, доброхотнаго пожертвованія на приведеніе въ порядокъ упомянутаго

ное и нѣсколько большіе размѣры. Въ виду дороговизны строительныхъ матеріаловъ въ Ставрополѣ, новое временное помѣщеніе Епископа имѣло самый скромный характеръ, впрочемъ нечуждый изящества, доставляемаго зданію гармоническими архитектурными размѣрами, удобствомъ и простотою, которые были приданы дому опытнымъ строителемъ, какимъ былъ Епископъ Игнатій. Помѣщенный на концѣ города, вдали отъ шума, среди сада, Епископскій пріютъ напоминалъ собою уединенные монастыри и скиты Россійскіе, Геѳсиманію, Оптину пустыню и другія подобныя. Хотя этотъ временный пріютъ собственно для помѣщенія Епископа былъ недостаточно удобенъ, и Архіерейскій домъ предположено было выстроить на другомъ весьма удобномъ мѣстѣ; однако приняты были всѣ мѣры устроить этотъ пріютъ со всею тщательностію и прочностію по двумъ нижеслѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ: неизвѣстно было, сколько времени долженъ пріютъ быть занимаемъ Епископомъ, такъ какъ нельзя было опредѣлить, когда выстроится Епископскій домъ въ Ставрополѣ. Эта послѣдняя неизвѣстность основана была на другой неизвѣстности: останется ли, по переходному характеру края, губернскимъ городомъ Ставрополь, или подвергнется участи Георгіевска, быстро поднявшагося и

пріюта. Къ утѣшенію моему Кавказская паства отозвалась полнымъ сочувствіемъ къ нуждѣ и воззванію своего Архипастыря. Пожертвованныя и имѣющіяся на лицо деньги, такъ же деньги, имѣющіяся въ виду, даютъ мнѣ возможность немедленно приступить къ дѣлу, чего требуетъ настоятельная нужда Епископа въ помѣщеніи, сколько-нибудь соотвѣтствующемъ его сану и обязанностямъ.

Чтобъ дать дѣлу исправленія всю должную правильность и ясность, нахожу полезнымъ и благоприличнымъ учредить особую Строительную Коммиссію и ей поручить дѣло исправленія и пристройки по Епископскому пріюту. Предлагаю о.о. Архимандритамъ: Ректору и Инспектору семинаріи, быть во главѣ Коммисіи; предлагаю г. секретарю Консисторіи быть членомъ ея и принять на себя надзоръ за правильностію письменности; быть членомъ ея священнику Ѳеодору Орлову, какъ ближайшему сосѣду дома, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ окомъ Коммиссіи, и съ особенною тщательностію и постоянствомъ наблюдалъ за всѣмъ, до постройки касающимся. Какъ Ставропольское купечество предположило доставить значительное пособіе на исправленіе дома: то предлагаю членамъ Коммиссіи съ духовной стороны пригласить Ставропольскаго градского главу, г. Деревщикова къ оффиціальному участію въ Коммиссіи и къ принятію на себя званія члена Коммиссіи. Смотрителемъ матеріаловъ и работъ быть іеромонаху Савватію, который по возможности долженъ быть безотлучно при работѣ и наблюдать за точнымъ исполненіемъ рабочими распоряженій архитектора и за доброкачественностію матеріаловъ, о упущеніяхъ немедленно же извѣщать члена священника Ѳеодора Орлова; письмоводителемъ Коммиссіи быть письмоводителю моему Іоанну Васильеву. Архитекторъ Воскресенскій, приглашенный мною для составленія проэкта исправленію и пристройкѣ дома и для наблюденія техническаго за работами, будетъ получать вознагражденіе прямо отъ меня. За работу и матеріалы предлагаю деньги выдавать Коммисіи, смотря по успѣху работъ; строительную сумму Коммиссія будетъ получать отъ меня. Чтобъ не обременить Коммиссію письменностію, предлагаю ей имѣть: 1) приходо-расходную книгу для вписыванія въ

быстро упавшаго. Мѣсто Архіерейскаго дома представлялось Епископу Игнатію удобнымъ для помѣщенія духовнаго женскаго училища по близости семинаріи и духовнаго училища и удобства по этому для наставниковъ семинаріи и училища имѣть уроки и въ женскомъ училищѣ. Кромѣ того, потому, что строенія епископскаго пріюта находились внутри сада, окружены оградою, а въ саду были виноградныя лозы и фруктовыя деревья, уходу за коими могли, по мнѣнію Епископа Игнатія, обучаться дѣвицы, такъ какъ сады и виноградники приносятъ многимъ изъ Кавказскаго духовенства значительныя выгоды. Чтобы пріобрѣсти средства къ возстановленію епископскаго пріюта, Епископъ Игнатій обратился съ воззваніемъ къ паствѣ. Первоначально воззваніе сдѣлано было къ Ставропольскому купечеству, которое, несмотря на недавнее образованіе общества и скудныя свои средства, представило 3975 рублей серебромъ. По необыкновенной дороговизнѣ матеріаловъ въ Ставрополѣ, особенно лѣсныхъ, которые были вчетверо дороже, нежели въ Петербургѣ, эта сумма оказалась недостаточною. Переписка о доставленіи суммы на первоначальное обзаведеніе изъ Святѣйшаго Синода, которую сначала весьма живо вело Кавказское главное начальство, ходатайствовавшее объ учреж-

---

оную прихода и расхода суммы, 2) дѣлопроизводство изъ журнальныхъ статей, въ коихъ должно прописываться основаніе каждой выдачѣ денегъ и прочія обстоятельства, могущія встрѣтиться при постройкѣ. Только тѣ журнальныя статьи должны немедленно представляться мнѣ на утвержденіе, кои будутъ имѣть какую либо особенность и важность, сопряженную съ измѣненіемъ проекта; всѣ вообще журнальныя статьи должны представляться мнѣ на утвержденіе однажды въ мѣсяцъ. На расходы Коммиссіи представляются мною первоначально прилагаемыя при семъ двѣ тысячи четыреста сорокъ девять рублей серебромъ, выданныя въ задатокъ за лѣсной, каменный и другіе матеріалы Ставропольскому купцу Григорію Маслову, двѣсти рублей столяру, Ростовскому мѣщанину, Матвѣю Дундукину и сто рублей архитектору Воскресенскому, на кои прилагаются при семъ росписки.

Коммиссія имѣетъ немедленно открыть свои дѣйствія по прилагаемому при семъ проекту и смѣтѣ и, заключивъ съ подрядчикомъ Масловымъ и со столяромъ Дундукинымъ законные контракты, приступить къ дѣлу. Милосердый Господь да благословитъ благое начинаніе въ пользу Своей Святой Церкви, въ преуспѣяніе Христова ученія въ Кавказскомъ краѣ, и да воздастъ сторичными благами пожертвователямъ на устройство пріюта Епископу! Да услышатъ они въ свое время всерадостное привѣтствіе Господа: „Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе. **„Странень бѣхъ и введосте Мене. Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“.** (Матѳ. 25, 34, 35, 40). Аминь. (Архивъ Кавк. дух. Консисторіи. Дѣло по 2-му столу, по описи 1858 года, № 35, л.л. 1—2).

Такая идея вложена была строителемъ въ созиданіе Архіер. дома въ Ставрополѣ и такъ внимательно и съ пониманіемъ дѣла предусмотрѣнъ былъ наилучшій порядокъ этого важнаго начинанія Епископа Игнатія.

деніи епархіи, впослѣдствіи слабо была поддерживаема и неувѣнчалась никакимъ результатомъ. Если-бъ эта переписка и возбуждена была съ успѣхомъ, то плода отъ нея можно было бы ожидать чрезъ нѣсколько годовъ, и плодъ могъ быть весьма неудовлетворительнымъ. Между тѣмъ нужда въ помѣщеніи для Епископа не терпѣла отлагательствъ: безмездное помѣщеніе предоставлено было Г. Стасенковымъ Епископу только на полугодичное время, а Епископъ не только не получилъ квартирныхъ денегъ, но въ 1858 году не получилъ и той тысячи рублей вдобавокъ къ своему жалованію, которое получали его предшественники: наемъ квартиры, кромѣ совершеннаго неудобства, былъ весьма затруднителенъ. Такое положеніе само собою указывало на одинъ способъ: способъ усилить пожертвованія купечества другими даяніями. Для достиженія этой цѣли, сообразно предшествовавшимъ примѣрамъ въ Кавказской епархіи и примѣрамъ въ другихъ епархіяхъ, Епископъ Игнатій обратился къ причтамъ съ предложеніемъ, сдѣлать посильное пожертвованіе изъ кошельковой суммы на устройство пріюта для Епископа. Предложеніе это было принято духовенствомъ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ. Къ 1 января 1859 года поступило до 8000 рублей серебромъ. Этого количества денегъ оказалось достаточно для основательной и прочной постройки [1]). 3) Мѣсто въ Воробьевской части города, находившееся въ процессѣ съ чиновникомъ Крупинскимъ, къ 1858 году едва не отошло, при средствахъ неправды и насилія, въ значительной степени къ упомянутому чиновнику, захватившему своевольно всю средину дачи и, такимъ образомъ, отнявшему все достоинство у дачи, которой однѣ окраины оставались за Архіерейскимъ домомъ. При пріѣздѣ Епископа Игнатія оказалось, по особенно счастливому стеченію обстоятельствъ, возможнымъ остановить своевольное отмежеваніе земли, принадлежащей

---

[1]) Однако столь утѣшившая Епископа Игнатія отзывчивость Кавказскаго купечества, духовенства и общества на нужды постройки Архіерейскаго дома, имѣвшая существенное значеніе для окончанія этого предпріятія не встрѣтила одобренія Святѣйшаго Синода, и по содержанію рапорта Преосвященнаго Игнатія, отъ 26 января 1859 года, за № 6, съ ходатайствомъ о преподаніи благословенія Святѣйшаго Синода жертвователямъ на устроеніе въ г. Ставрополѣ дома для помѣщенія Епархіальнаго Архіерея,—послѣдовалъ Указъ Святѣйшаго Синода отъ 30 мая 1858 г., за № 4528, въ которомъ сказано: 1) Согласно съ представленіемъ Вашего Преосвященства, Ставропольскому почетному гражданству, купечеству и другимъ лицамъ, за усердныя приношенія ихъ на устройство въ г. Ставрополѣ дома для помѣщенія епархіальнаго Архіерея объявить благословеніе Святѣйшаго Синода. 2) Такъ какъ духовенство Кавказской епархіи денежное на этотъ предметъ пожертвованіе сдѣлало не изъ собственныхъ, а изъ церковныхъ суммъ, то Святѣйшій Синодъ не усматриваетъ основанія къ преподанію ему за сіе особаго своего благословенія. 3) Хотя сдѣланное Вашимъ Преосвященствомъ приглашеніе духовенства къ означенному пожертвованію оправдывается мѣстными обстоятельствами, но, тѣмъ не менѣе, на такую крайнюю

дому,—Г-ну Крупинскому, и препроводить все дѣло въ Святѣйшій Синодъ на основаніи 306 ст. IX том. Свода законовъ, изд. 1842 года коею постановляется, что никакое рѣшеніе, по которому отчуждается что-либо изъ дѣйствительнаго владѣнія монастырей и Архіерейскихъ домовъ, не можетъ быть приводимо въ дѣйствіе безъ пересмотра дѣла въ Сенатѣ и безъ утвержденія Императорскаго Величества. Несмотря на процессъ и протестъ, Г. Крупинскій продолжалъ владѣть захваченнымъ участкомъ, но остановился въ дальнѣйшемъ хищничествѣ. Между тѣмъ Кавказскій намѣстникъ уже далъ по этому дѣлу въ теченіе лѣта предписаніе Ставропольскому гражданскому Губернатору въ пользу Архіерейскаго дома.—4) Относительно надѣленія дома угодіями приняты были надлежащія мѣры; въ особенности сношенія по этому предмету съ намѣстникомъ Кавказскимъ княземъ Барятинскимъ оказались весьма успѣшными. Статсъ-Секретарь Крузенштернъ увѣдомилъ Епископа формальнымъ отношеніемъ отъ 25 сентября 1858 года за № 3702, что князь взошелъ съ докладомъ къ Государю Императору чрезъ Кавказскій Комитетъ о ежегодной выдачѣ Архіерейскому дому суммы въ 3800 руб. серебромъ вмѣсто угодій, которыхъ край предоставить не можетъ. 5) Штатные служители дома, по затруднительному положенію ихъ, въ обоихъ отношеніяхъ, т. е., въ отношеніи къ дому и въ отношеніи къ самимъ себѣ, не могли оставаться далѣе въ этомъ положеніи. По этой причинѣ Епископъ Игнатій вступилъ въ сношеніе съ Ставропольской Палатою Государственныхъ Имуществъ о томъ, нельзя ли замѣнить служителей деньгами, при томъ предложивъ это какъ временную мѣру, указываемую, такъ сказать, насиліемъ обстоятельствъ дѣла, по коимъ онъ не можетъ въ настоящее время своимъ штатно-служителямъ дать никакого пріюта, даже никакихъ средствъ къ содержанію. По совѣщанію Палаты съ крестьянскими обществами, на которое Епископъ изъявилъ

мѣру Вамъ надлежало предварительно испросить разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. О чемъ и объявить Вашему Преосвященству Указомъ къ свѣдѣнію и надлежащему по первому пункту исполненію". Въ виду этого, огорчительнаго для Епископа Игнатія, Указа, не только были прекращены новыя поступленія на постройку Архіерейскаго дома, но и пожертвованныя въ 1859 году причтами изъ своихъ собственныхъ доходовъ 280 рублей были возвращены имъ подъ собственноручныя росписки, о чемъ ключарь собора протоіерей Стефанъ Граниковъ рапортомъ отъ 12 августа 1859 года, за № 87, доложилъ Преосвященному Игнатію. На рапортѣ этомъ Епископомъ Игнатіемъ положена резолюція отъ 13 августа 1859 года, за № 1414 такого содержанія: „Въ Строительную Комиссію, которая, такъ какъ главнѣйшая постройка окончена, закрывается. Дѣлопроизводство ея передать въ Домовое управленіе, на которое возлагается обязанность озаботиться о предположенной отдѣлкѣ дома. Лицамъ, участвовавшимъ въ Комиссіи, объявляю мое Архипастырское благословеніе за понесенные ими труды". Такъ закончена была постройка Епископомъ Игнатіемъ Архіерейскаго дома въ г. Ставрополѣ.

свое согласіе, сдѣлано представленіе, въ видѣ временной мѣры, князю Намѣстнику о выдачѣ изъ Палаты въ Архіерейскій домъ, вмѣсто штатно-служителей, суммы въ 1760 руб. сер., считая по 40 руб. за человѣка. Мѣра эта удостоена Высочайшаго утвержденія.

Наряду съ организаціей и поддержаніемъ на должной высотѣ органовъ епархіальнаго управленія и улучшеніемъ условій правильнаго выполненія ими относящихся къ нимъ обязанностей, первостепенно важную сторону дѣятельности Епископа Игнатія по должности епархіальнаго Преосвященнаго, несомнѣнно, составляло, ознакомленіе его съ духовною жизнію своей разноплеменной паствы и энергичное руководство этою жизнію.

Взгляды Епископа Игнатія на духовное состояніе Кавказскаго народонаселенія, въ виду своеобразности и самобытности объекта наблюденія, представляются интересными, какъ сами по себѣ, такъ и въ отношеніи къ характеристикѣ личности Преосвященнаго Игнатія.

Кромѣ документальнаго, главнымъ образомъ, по дѣламъ епархіальнаго управленія—докладамъ и журналамъ Консисторіи и рапортамъ благочинныхъ, Епископъ Игнатій въ первые два года своего епархіальнаго служенія на Кавказѣ удѣлилъ много времени и труда на личное ознакомленіе съ состояніемъ врученной ему Богомъ паствы при посѣщеніи епархіи; въ этихъ же посѣщеніяхъ выразилось и его вліяніе на духовную жизнь паствы. Отчеты Епископа Игнатія о посѣщеніи епархіи интересны и въ томъ отношеніи, что даютъ свѣдѣнія о замѣчательныхъ храмахъ и мѣстахъ Кавказской епархіи.

Въ 1858 году Епископъ Игнатій посѣтилъ ту часть Кавказской епархіи, которую занимала Ставропольская губернія, а въ 1859 году—Черноморія. Въ 1860 году оставался въ Ставрополѣ, тѣмъ болѣе, что пребываніе его въ епархіальномъ городѣ вызывалось необходимостію, главнымъ образомъ, момента подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ: для выѣзда въ епархію не оставалось ни времени ни возможности [1]).

Посѣщенная Епископомъ Игнатіемъ въ 1858 году Ставропольская епархія въ южной и восточной части въ то время была разбро-

---

[1]) Ниже излагаемыя свѣдѣнія о посѣщеніяхъ Епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ Кавказской епархіи и о духовно-христіанскомъ состояніи края опираются на данныя собственноручныхъ отчетовъ—докладовъ Преосвященнаго Игнатія Святѣйшему Синоду за 1858 г., (представленъ Свят. Синоду въ октябрѣ 1859 г.), за 1859 г. (въ концѣ февраля 1860 г.) и за 1860 годъ (въ концѣ марта 1861 г.).

Поѣздки Епископа Игнатія по епархіи были и длительны и трудны—по состоянію края. Такъ, напр., въ 1859 году Преосвященный Игнатій выѣхалъ изъ Ставрополя для обозрѣнія церквей Черноморіи въ началѣ мая и вернулся въ началѣ августа: болѣе длительная остановка была только въ Тамани. За это время Епископомъ было

сана, подобно островамъ по морю, по области линейныхъ казаковъ.

Кавказская епархія во время управленія Игнатія Брянчанинова только къ сѣверо-западу граничила съ православнымъ народонаселеніемъ—съ землею Донскихъ казаковъ. На восточной оконечности своей она примыкала къ Каспійскому морю, на западѣ къ Азовскому и Черному. Значительная часть Ставропольской губерніи составляла необитаемую пустыню и весь край Кавказскій наиболѣе населенъ былъ по своимъ окраинамъ. Самая обширная грань къ югу; здѣсь жили сосѣди русскихъ—горскія племена магометанскаго вѣроисповѣданія. Какъ Китай отдѣляется отъ Монголіи стѣною, такъ мирныя селенія гражданскія Кавказскаго края отдѣляются отъ горскихъ народовъ непрерывною цѣпью станицъ Черноморскаго и Линейнаго казачьихъ войскъ. По берегу Каспійскаго моря граница епархіи весьма непродолжительна; по ней между русскими жили въ значительномъ количествѣ ногайцы и туркмены, народы татарскаго племени. Пространная сѣверная и сѣверовосточная граница занята была татарами-магометанами; небольшое количество калмыковъ идолопоклонниковъ (до 4000 душъ) кочевало на сѣверной оконечности епархіи. И такъ почти всю границу обширной по мѣстности епархіи занимали магометане татарскаго племени, или магометане-горцы; между послѣдними татарскій языкъ былъ общепринятымъ и общеупотребительнымъ, какъ между Европейцами французскій. Этого мало, горцы, въ значительномъ количествѣ, подъ названіемъ мирныхъ жили на русской сторонѣ цѣпи казачьихъ станицъ, внутри страны, или находились въ самой цѣпи; также татары жили въ значительномъ количествѣ въ селеніяхъ гражданскаго вѣдомства, или постоянно или временно, нанимаясь въ работники. Изъ такого положенія очевидна была для Преосвященнаго Игнатія главнѣйшая церковная потребность во время его управленія Кавказской епархіей: заключалась она въ томъ, чтобы основательное изученіе татарскаго языка развито было въ Кавказской семинаріи, чтобъ преподаваніе этого языка начиналось въ духовныхъ училищахъ, чтобъ воспитанники были ознакомлены съ языкомъ не только книжнымъ, но и разговорнымъ. Знаніе осетинскаго языка нужно было въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, нежели татарскаго. Осетинъ было немного; да и всѣ они, подобно прочимъ горцамъ, знали татарскій языкъ. Познаніе

посѣщено свыше 100 церквей, совершено 17 литургійныхъ служеній, проѣздъ исчисленъ въ 1866 верстъ. Кромѣ обычныхъ распоряженій относительно приготовленія лошадей предъ посѣщеніемъ епархіи, въ виду военнаго положенія края дѣлались распоряженія относительно достаточнаго военнаго конвоя (Дѣло канцеляріи Ставропольскаго гражданскаго губернатора по 1-му столу, по описи 1859 года № 154, листъ 1—15; Дѣло архива Кавказской дух. Консисторіи за 1859 годъ, по описи 1-го стола № 115, л.л. 1—3).

татарскаго языка дало бы возможность священникамъ имѣть общеніе съ горцами и татарами и склонять ихъ къ принятію христіанства, тѣмъ болѣе, что эти магометане имѣютъ о магометанской религіи самое сбивчивое и невѣрное понятіе. Познаніе татарскаго языка дало бы священникамъ возможность буквально исполнять ясное и дѣйствительное завѣщаніе, данное пастырямъ самимъ Господомъ: **„Шедше научите вся языки“** (Мѳ. XXVIII, 19). Вотъ та главная особенность и потребность, которая выдвинулась для Владыки Игнатія на первый планъ при тщательномъ разсмотрѣніи Кавказской епархіи, и нуждалась въ немедленномъ удовлетвореніи. Въ 1858 году посѣщена была Епископомъ Игнатіемъ та часть Кавказской епархіи, которую занимаетъ Ставропольская губернія, которой южная и восточная часть разбросана, подобно островамъ по морю, по области Линейныхъ казаковъ. Островами можно было со всею справедливостію назвать города Кизляръ, Моздокъ, Пятигорскъ, самый Ставрополь: они со всѣхъ сторонъ окружены были землями, принадлежащими линейнымъ казакамъ. Такое положеніе городовъ губерніи, тѣснящихся на небольшомъ уголкѣ земли, посреди другого вѣдомства, было соединено съ большими неудобствами и въ гражданскомъ отношеніи. Епископъ, посѣщая епархіальные города, по необходимости, долженъ былъ проѣзжать по казачьимъ станицамъ, въ которыхъ, вслѣдствіе сдѣланнаго Святѣйшимъ Синодомъ распоряженія, входилъ въ храмъ Божій и бесѣдовалъ съ станичнымъ народонаселеніемъ. Городъ Ставрополь недавно былъ казачьею станицею. Недавно въ ущеліяхъ его обитали горцы. Эти сыны дикой свободы, замѣтивъ, что водвореніе русскихъ здѣсь прочно, а осѣдлое жительство для горцевъ, въ ихъ характерѣ и направленіи, неудобно и даже невозможно, удалились въ горы. Аулъ замѣненъ станицею. Когда же климатъ Георгіевска оказался крайне вреднымъ для здоровья, а мѣстность, нынѣ занимаемая Ставрополемъ, одною изъ лучшихъ на Кавказѣ, весьма высокою, обилующую превосходными ключевыми водами, тогда перенесенъ былъ сюда губернскій городъ. Казачья станица съ деревянною своею церковію передвинулась на Кубань.

Холмъ, которымъ увѣнчивается Ставропольская возвышенность, занятъ холоднымъ Каѳедральнымъ соборомъ во имя Казанской Божіей Матери, архитектуры Тона. Издали виденъ храмъ стоящимъ, какъ бы на облакѣ, надъ всѣмъ городомъ; живописенъ и видъ на городъ съ площадки, на которой поставленъ храмъ. Къ сожалѣнію, Архіерейское служеніе могло быть отправляемо въ этомъ прекрасномъ и помѣстительномъ храмѣ только въ теченіе шести лѣтнихъ мѣсяцевъ. Онъ— холодный, еслибъ былъ теплымъ, то натапливать его было-бъ весьма трудно; потому что зимою свирѣпствуютъ въ Ставрополѣ сильнѣйшіе вѣтры, а храмъ выстроенъ изъ мѣстнаго весьма ноздреватаго камня,

неспособнаго выдерживать ни холода, ни вѣтра. Зимою торжественное Богослуженіе отправлялось въ теплой церкви, почти домовой, выстроенной надъ лавками гостиннаго двора, и потому именуемой рядской, во имя Спасителя. На большой улицѣ, ведущей отъ Петербургской заставы къ Тифлисской, въ виду Каѳедральнаго собора, находится Троицкій соборъ, также холодный, въ которомъ, однако, производилось Богослуженіе и зимою, такъ какъ онъ имѣетъ деревянный полъ, не такъ высокъ, какъ Казанскій, и стоитъ на мѣстности несравненно низшей, менѣе подверженной непогодамъ. Троицкій соборъ—архитектуры неопредѣленной, которая сдѣлалась еще неопредѣленнѣе отъ пристроекъ. Каѳедральный и Троицкій соборы имѣли каждый свои приходы; кромѣ ихъ, имѣли свои приходы церковь Великомученицы Варвары на юго-восточной оконечности города и церковь Великомученика Георгія на юго-западной оконечности. Крестовыхъ Архіерейскихъ церквей имѣлось двѣ, обѣ теплыя—Крестовоздвиженская при временномъ пріютѣ Епископа и во имя святого Андрея Первозваннаго на Воробьевскихъ высотахъ, гдѣ предположено выстроить Архіерейскій домъ. При этой церкви св. Андрея, стоящей на живописнѣйшемъ мѣстѣ, помѣстились нѣсколько иноковъ, въ штатѣ дома, прибывшихъ изъ пустынныхъ Россійскихъ монастырей. Одинъ изъ этихъ иноковъ, весьма опытный въ монашеской жизни, сдѣланъ былъ духовникомъ женской Іоанно-Маріинской общины, къ величайшему утѣшенію и назиданію сестеръ. Домовыхъ церквей было три: въ гимназіи, въ женскомъ пріютѣ и въ Тюремномъ замкѣ.

Церкви въ селахъ Ставропольской губерніи вообще были очень достаточны, нѣкоторыя очень богаты. Такое положеніе церквей естественно произошло и объясняется особеннымъ богатствомъ крестьянъ, богатствомъ, которое доставляется имъ необыкновеннымъ обиліемъ края, щедро вознаграждающимъ самый легкій трудъ. Многія селенія имѣютъ видъ уѣздныхъ городовъ, а народонаселеніе въ нѣсколько тысячъ душъ [1]).

Примѣчательнѣйшіе храмы находятся въ слѣдующихъ селеніяхъ. Храмъ Преображенія Господня въ селеніи Новоселицахъ-каменный, трехъ-предѣльный—къ сожалѣнію принадлежитъ къ неопредѣленной архитектурѣ, весьма недостаточенъ въ художественномъ отношеніи, худо расположенъ, оттого и тѣсенъ. Тоже должно сказать и о глав-

[1]) Хотя хлѣбъ родится изобильно, и по удобству сбыта, постоянно имѣетъ хорошую цѣну, но главнѣйшіе доходы жителей получаются отъ виноградниковъ, потомъ отъ скотоводства, а уже частію отъ хлѣбопашества, садоводства и огородничества. Иной крестьянинъ выдѣлываетъ вина до 10000 ведеръ; каждое ведро продается отъ 1 рубля до 2-хъ. Такой крестьянинъ имѣетъ до 150-ти лошадей и соотвѣтственное количество прочаго скота, питающагося почти ежегодно подножнымъ кормомъ.

номъ храмѣ Преображенія Господня въ селеніи Воронцовкѣ, принадлежащемъ князю Воронцову: этотъ храмъ еще громаднѣе, нежели храмъ въ Новоселицахъ. Храмъ Вознесенія Господня въ селеніи Прасковеи выстроенъ въ характерѣ первоначально употребленномъ г. архитекторомъ Тономъ, въ томъ характерѣ, который долгое время слылъ подъ именемъ Византійскаго. Этотъ храмъ размѣрами не уступаетъ холодному собору Ставропольскому,—расписанъ московскими художниками, соотвѣтственно вкусу и обилію края. Лучшимъ храмомъ во всемъ Кавказскомъ краѣ, по отношенію къ зодчеству, долженъ быть признанъ храмъ Святителя Николая въ обширномъ и богатомъ селеніи Петровскомъ. Онъ,—по свидѣтельству Епископа Игнатія, въ характерѣ первыхъ храмовъ Тона, очень похожъ на храмы св. Екатерины Великомученицы въ Коломнѣ и Введенія въ Семеновскомъ полку въ С.-Петербургѣ, но отдѣлка его гораздо грубѣе, размѣры этого храма удались необыкновенно, и по взаимной гармоніи частей своихъ онъ превосходнѣе Ставропольскаго собора, который послѣ него, есть лучшая церковь на Кавказѣ въ архитектурномъ отношеніи. Утварь и ризница повсюду достаточная,—при многихъ церквахъ богатая.

Около города Георгіевска находится Чурековскій аулъ, населенный тѣми горцами, которые, признавая надъ собою власть Русскаго Царя, изъявляли желаніе принять христіанство. Аулъ состоялъ изъ горцевъ-христіанъ: во время Епископа Игнатія эти горцы всѣ безъ исключенія были магометане. Печальное происшествіе это, по свидѣтельству Епископа Игнатія, совершилось весьма недавно—во время управленія краемъ князя Воронцова. Преосвященному Игнатію разсказывали достовѣрныя лица, хотя и разсказывали объ этомъ конфиденціально, что горцы Чурековскаго аула въ присутствіи многихъ просили князя дозволить имъ возвращеніе къ магометанству отъ христіанства. Князь отвѣчалъ имъ, что онъ предоставляетъ это вполнѣ ихъ волѣ, лишь бы они съ вѣрностію служили Государю. Слѣдствіемъ этого отвѣта было водвореніе магометанства въ аулѣ, въ которомъ немедленно выстроена была и мечеть. Невѣренъ, говоритъ Епископъ Игнатій, даже и политическій взглядъ, выразившійся въ вышеприведенномъ отвѣтѣ государственнаго лица! Распространеніе магометанства между горцами совершено турецкими миссіонерами наиболѣе въ концѣ XVIII столѣтія не столько въ видахъ религіозныхъ, сколько въ видахъ политическихъ. Горцы имѣютъ самое недостаточное понятіе о магометанской религіи. Ихъ муллы совершенно незнакомы съ языкомъ арабскимъ, а такъ какъ алкоранъ не переведенъ съ арабскаго на татарскій, общеупотребительный у горцевъ, то алкоранъ совершенно неизвѣстенъ не только народу, неизвѣстенъ и самимъ муллямъ. Но мысль, что Турецкій султанъ есть ихъ единственный закон-

ный государь, насаждена и вкоренена въ нихъ глубоко; очевидно, что сообщеніе этой мысли горцамъ наиболѣе интересовало турецкихъ миссіонеровъ, — такъ, какъ латинскую пропаганду наиболѣе интересуетъ мысль о главенствѣ папы. Послѣдствія этой господствующей мысли, выражающейся фактически, ясны. Но во время Епископа Игнатія взглядъ на магометанство сталъ проницательнѣе, и главное начальство Кавказа оказывало большее содѣйствіе къ обращенію магометанъ въ христіанство.

Существенная причина отпаденія горцевъ Чурековскаго аула заключалась въ томъ, что горцы, особенно женскій полъ, не знали русскаго языка, а православное духовенство не знало языка горцевъ, между которыми языкъ татарскій есть общеупотребительный. Сообщеніе между духовенствомъ и горцами-христіанами должно было, по необходимости, производиться при посредствѣ переводчиковъ, а это всегда затруднительно, а при совершеніи таинства исповѣди совершенно неудобно. При скудныхъ познаніяхъ о христіанствѣ, каковыя, по необходимости, должны были имѣть христіане-горцы, холодность ихъ къ христіанству и отпаденіе отъ него дѣлаются понятными.

Однако печальное событіе — упомянутое уклоненіе христіанъ въ магометанство — было событіемъ, не только передаваемымъ очевидцами, но и доказаннымъ письменными актами: въ церковномъ архивѣ станицы Горячеводской уцѣлѣли нѣкоторыя записки, изъ которыхъ видно, что изъ горъ присылаемы были выходцы для крещенія, согласно ихъ желанію, и поименованы священники, которымъ поручалось совершать надъ ними св. крещеніе. Аулъ принадлежалъ къ Успенской церкви, находившейся въ Георгіевской станицѣ, близъ города Георгіевска, впослѣдствіи перенесенной въ другое мѣсто. Исповѣдныя росписи за 1799, 1800, 1801 и 1821-й годы, принадлежавшія этой церкви, сохранились: въ нихъ обозначены имена магометанъ-горцевъ, принявшихъ христіанство и причисленныхъ къ Линейно-казачьему воинскому полку.

Сколько падалъ городъ Георгіевскъ, постепенно изъ губернскаго сдѣлавшійся уѣзднымъ и наконецъ заштатнымъ, столько возросталъ и начиналъ процвѣтать уѣздный городъ Пятигорскъ, по особенно обращенному на него вниманію правительства и значительному ежегодному стеченію публики къ цѣлительнымъ водамъ, находящимся въ самомъ Пятигорскѣ и въ его окрестностяхъ. На весьма удобномъ мѣстѣ г. Пятигорска выстроена каменная латинская церковь, обнесена каменною оградою. Православная церковь Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радости, деревянная, тѣсная, низменная, находится въ нижней части города близъ бульвара. Государь Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ въ 1837-мъ году Пятигорскъ, замѣтилъ, что церковь всѣхъ скорбящихъ крайне тѣсна и несоотвѣтствуетъ городу во

всѣхъ отношеніяхъ, будучи въ немъ самымъ, можетъ быть, скромнымъ зданіемъ. Для составленія строительнаго капитала Государь повелѣлъ объявить приглашеніе къ пожертвованіямъ по всей Россіи. Этимъ способомъ собрано было болѣе 50-ти тысячъ рублей серебромъ. Церковь заложена была въ 1847 году. Къ 1858-му году она выведена была до куполовъ. Явившіяся по всему зданію сильнѣйшія трещины заставили остановиться продолженіемъ работы, и, по освидѣтельствованіи поврежденій техниками, найдено было необходимымъ разобрать церковь до самаго основанія, такъ какъ самый фундаментъ оказался совсѣмъ слабымъ. Построеніемъ церкви занимался Комитетъ изъ гражданскихъ сановниковъ и чиновниковъ; два священника Скорбященской церкви участвовали въ Комитетѣ и доставляли свѣдѣнія о ходѣ дѣла Епархіальному начальству, которое не имѣло ни малѣйшаго вліянія на построеніе храма и не могло его имѣть, такъ какъ Комитетъ непосредственно во всемъ относился къ намѣстнику. Какія бы ни были причины неуспѣшныхъ дѣйствій Комитета, но недостатокъ города Пятигорска по отношенію къ церкви остался къ 1858-му году въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ усмотрѣнъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1838-мъ году. Епископъ Игнатій, посѣтивъ церковь Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радости, по совѣщаніи съ городскимъ духовенствомъ и гражданскими властями нашелъ возможнымъ распространить церковь и построить надъ нею деревянный куполъ, чтобы отвратить ту невыносимую духоту, которая дѣлалась въ церкви особенно въ лѣтніе жары. Составленъ былъ проектъ, одобренный Ставропольскою Комиссіею, жители Пятигорска приглашены къ пожертвованіямъ. Одушевленные благочестивою ревностію, граждане въ самомъ скоромъ времени собрали достаточную сумму денегъ и добыли изъ горъ превосходнаго достоинства лѣсной матеріалъ. Съ отъѣздомъ лѣтнихъ посѣтителей, именуемыхъ въ Пятигорскѣ курсовыми, дѣятельно началась работа изъ матеріала, заблаговременно приготовленнаго, и, къ несказанной радости жителей, двухъ-придѣльный обширный храмъ, увѣнчанный куполомъ, совершенно приведенъ къ окончанію и освященъ въ концѣ Рождественскаго поста. Праздникъ Рождества Христова Пятигорцы уже встрѣчали въ новомъ храмѣ, помѣщающемъ тройное число народа противъ прежней церкви. Церковная нужда города такимъ образомъ была удовлетворена.

Въ окрестностяхъ Пятигорска по станицамъ Линейно-казачьяго войска Ессентукской, Желѣзноводской и Кисловодской во время Архипастырства Епископа Игнатія имѣлись раскольники. Въ станицѣ Ессентукской находилась единовѣрческая церковь, впрочемъ съ малымъ числомъ прихожанъ.

Путь отъ Пятигорска къ Моздоку и отъ Моздока къ Кизляру

лежитъ по станицамъ Линейнаго войска [1]). Моздокъ былъ прежде мѣстопребываніемъ Епископа Моздокскаго и Маджарскаго. За городомъ, на равнинѣ, орошаемой Терекомъ, гдѣ находился Архіерейскій домъ, въ 1858 г. находилась одна деревянная церковь. При ней—городское кладбище. Городъ населенъ наиболѣе армянами, Грегоріанскаго исповѣданія, занимающимися торговлею и живущими достаточно; Русскихъ гораздо меньше; живутъ они гораздо скуднѣе. Соборный храмъ армянскій—каменный, гораздо обширнѣе и великолѣпнѣе православнаго, который—деревянный. Замѣчательную святыню Моздока составляетъ чудотворная икона Иверской Божіей Матери. Чудотворная икона Божіей Матери, по благоговѣйному убѣжденію Преосвященнаго Игнатія, совершаетъ въ Моздокскомъ краѣ служеніе Апостола, споспѣшествуя и свидѣтельствуя христіанству знаменіями. Нужно, чтобъ и человѣки, говоритъ Владыка Игнатій, оказывали усилія, имъ свойственныя, къ святому дѣлу просвѣщенія горцевъ свѣтомъ Христовымъ. Здѣсь Епископомъ Игнатіемъ найдено странное распоряженіе, а христіане-горцы найдены по причинѣ такового распоряженія въ самомъ тревожномъ состояніи. Многіе изъ христіанъ осетинъ и черкесовъ весьма мало понимаютъ русскій языкъ, многіе не знаютъ его; женскій полъ совершенно незнакомъ съ русскимъ языкомъ. Наоборотъ: всѣ священники при Успенской приходской церкви были Русскіе, совершенно незнакомые съ осетинскимъ и черкесскимъ языками, даже вовсе незнакомые съ татарскимъ, общеупотребительнымъ между горцами. По этой причинѣ сношенія между пастырями и паствою были крайне-затруднительны, во многихъ случаяхъ совершенно невозможны; особенно женскій полъ лишенъ былъ всякаго назиданія, всякой духовной пищи. Потребность въ этой пищѣ заставляла христіанъ-горцевъ приглашать къ себѣ въ дома муллъ, которые своими наставленіями крайне повредили христіанству между женскимъ поломъ и непремѣнно отвлекли бы отъ христіанства всѣхъ Моздокскихъ горцевъ, если-бы не удерживала ихъ въ христіанствѣ икона Божіей Матери. Азіатцы, говоритъ Владыка Игнатій, по необыкновенно пылкому характеру, придя въ разгоряченіе, теряютъ совершенно здравый смыслъ, и руководствуются единственно темпераментомъ своимъ. Ихъ тревожное положеніе сдѣлалось извѣстнымъ князю-намѣстнику, и онъ убѣдительно просилъ Преосвященнаго Іоанникія удалить отъ Успенской церкви того протоіерея изъ Русскихъ, которымъ горцы были особенно недовольны. Русскій протоіерей замѣненъ другимъ Русскимъ же протоіереемъ. По прибытіи Епископа Игнатія въ Моздокъ, депутація горцевъ представилась ему

[1]) Объ этихъ станицахъ и ихъ положеніи въ религіозномъ отношеніи будетъ сказано особо.

для объясненія своего затруднительнаго положенія по невозможности какъ понимать данныхъ имъ священниковъ, такъ и быть понимаемыми этими священниками. Горцы жаловались, что они совершенно лишены таинства Исповѣди, что они лишены возможности получить желаемыя ими понятія о христіанствѣ, по невозможности объясняться со своими священниками. Горцы уже замышляли похитить икону и удалиться съ нею въ горы. Этотъ замыселъ сдѣлался извѣстнымъ воинскому начальству и былъ бы исполненъ пламенными горцами, еслибъ они не были удовлетворены. Удовлетворенія ожидали они отъ новаго Епископа. Епископъ Игнатій предложилъ горцамъ священника Варѳоломея Синанова, изъ грузинъ, кончившаго курсъ въ Кавказской семинаріи въ первомъ разрядѣ, знающаго осетинскій языкъ, помѣщеннаго по какимъ-то страннымъ расчетамъ въ селеніе сосѣднее къ Калмыцкимъ кочевьямъ Астраханской губерніи. Осетины приняли это предложеніе съ восторгомъ; другой священникъ данъ имъ также изъ грузинъ, знающій татарскій и осетинскій языки; протоіерей изъ Русскихъ оставленъ впредь до усмотрѣнія. Чтобъ утѣшить и черкесовъ, Епископъ предложилъ имъ избрать изъ среды своей благонравнаго и способнаго юношу для приготовленія въ духовныхъ училищахъ къ служенію Церкви. Предложеніе это было принято съ величайшимъ удовольствіемъ: они избрали молодого человѣка изъ дворянскаго рода, получившаго нѣкоторое образованіе въ Моздокскомъ училищѣ гражданскаго вѣдомства. Епископъ вошелъ въ сношеніе съ княземъ намѣстникомъ объ увольненіи черкеса изъ Казачьяго сословія для поступленія въ духовное званіе. На это князь изъявилъ полное согласіе, и вошелъ съ представленіемъ къ Военному министру, который доложилъ о семъ Государю Императору. Его Величество благоволилъ весьма одобрить эту мѣру. Пока отчисленіе черкеса изъ казачьяго вѣдомства въ духовное приводилось въ исполненіе, онъ, по билету, выданному наказнымъ атаманомъ, жилъ въ Архіерейскомъ домѣ и, посѣщалъ семинарію и подготовился къ священству. Въ Моздокѣ съ чрезвычайною ясностію выразилась для Преосвященнаго Игнатія необходимость знанія Кавказскимъ духовенствомъ татарскаго языка, какъ общеупотребительнаго между горцами. Эта потребность очевидна повсюду въ станицахъ Черноморскаго и Линейнаго войска, граничащихъ съ аулами горцевъ, и въ особенности въ городахъ Моздокѣ и Кизлярѣ. Армяне, составляющіе большинство народонаселенія въ этихъ городахъ и торгующіе съ горскими народами, всѣ знаютъ татарскій языкъ: они съ дѣтства изучаютъ его въ видахъ успѣха въ промышленности. Почему же не изучать его съ дѣтства духовенству, для успѣховъ христіанства? справедливо замѣчаетъ Преосвященный Игнатій.

Принадлежащій къ Кавказской епархіи уѣздный городъ Кизляръ

долженъ быть названъ, по заключенію Владыки Игнатія, вполнѣ азіатскимъ, или правильнѣе армянскимъ городомъ. Жителями Кизляра какъ православными, такъ и армянами Грегоріанскаго исповѣданія, особенно уважается икона Живоноснаго Источника, признаваемая чудотворною по ея древности, по преданіямъ о совершившихся при ней чудесахъ, о которыхъ передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Икона эта находится въ приходской Живоносно-источнической церкви, и помѣщается за правымъ клиросомъ. Кизлярскій монастырь долженъ былъ бы имѣть весьма важное значеніе въ отношеніи къ церковной администраціи, такъ какъ онъ находится въ городѣ, населенномъ иновѣрцами, на самомъ концѣ епархіи, въ 500 верстахъ отъ Епископской каѳедры. Къ сожалѣнію, онъ не удовлетворялъ этой цѣли. Главною причиною этого должно признать то, что Кавказское начальство до того времени имѣло въ виду удовлетвореніе однѣхъ военныхъ потребностей, и приносило имъ въ жертву все прочее. Недавно начала развиваться въ краѣ гражданственность и гражданскій бытъ признаваться существеннымъ для человѣка, жителя земли; недавно начала проявляться мысль, что война и войско суть орудія, которыми водворяется и охраняется гражданственность. При прежде бывшемъ взглядѣ на край, весьма доходная рыбная ловля отнята у монастыря въ Военное вѣдомство. Частныя лица, видя этотъ образъ дѣйствій, также дозволили себѣ присваивать монастырскія угодія. Настоятель монастыря игуменъ Германъ, старецъ дѣятельный, трезвый, старинныхъ правилъ, провелъ двадцатилѣтнее управленіе свое въ непрестанныхъ процессахъ. Естественно, что при такомъ положеніи монастырь не получилъ должнаго развитія: должно считать счастіемъ, что онъ не уничтожился.—Собственно Русское духовенство въ Моздокѣ и Кизлярѣ, особенно въ Кизлярѣ, по малочисленности и бѣдности Русскаго народонаселенія, находилось въ крайне бѣдномъ состояніи. Польза Церкви требовала непремѣнно, чтобъ оно было поддержано. Господствующую часть населенія въ городахъ Моздокѣ и Кизлярѣ составляли армяне.

Религіозное состояніе армянъ, живущихъ въ значительномъ количествѣ во всей Кавказской епархіи, а въ городахъ Моздокѣ и Кизлярѣ составляющихъ большинство народонаселенія, представляется Преосвященнымъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ въ такомъ видѣ: кавказскіе армяне — Грегоріанскаго вѣроисповѣданія. Они не понимаютъ Евтихіевой ереси, слѣдовательно не понимаютъ того существеннаго догматическаго различія, которымъ отдѣляется ихъ Церковь отъ Церкви Восточной. Разъединеніе они приписываютъ разности въ обрядахъ. Къ обрядамъ они не имѣютъ той особенной привязанности, которая замѣтна въ русскомъ народѣ. Обрядъ свой, когда объяснится его несовмѣстность съ христіанствомъ, армяне оставляютъ легко. Такъ они

имѣли обычай разговляться въ Великую субботу, по окончаніи Богослуженій сего дня; нѣкоторое лицо изъ ихъ духовенства представило имъ странность этого обычая, указавъ на основательность обычая православныхъ, и армяне съ любовію, безъ всякихъ споровъ, согласились разговляться въ день Святыя Пасхи, послѣ литургіи. Вообще въ нихъ замѣтно непритворное, сердечное влеченіе сблизиться съ православными, съ русскими. Обстоятельство это имѣетъ, по мнѣнію Владыки Игнатія, особенную важность. Оно важно не только въ религіозномъ отношеніи, но и въ государственномъ. Еслибъ Провидѣніе благоволило, чтобъ армяне соединились съ православною Церковію, для чего нужно единственно объясненіе недоумѣній съ обѣихъ сторонъ, то государственная польза ихъ въ здѣшнемъ краѣ неисчислима. Торговля ихъ обнимаетъ собою не только Кавказскій и Закавказскій край, но и самыя горы. Зная татарскій языкъ, общеупотребительный между горцами, они свободно странствуютъ въ горахъ, посѣщаютъ аулы и мирныхъ и немирныхъ горцевъ, завели съ ними близкія сношенія. Они могли бы быть, подъ наружностію промышленниковъ, превосходными миссіонерами и превосходными политическими агентами, имѣя къ исполненію всѣхъ этихъ обязанностей отличныя врожденныя способности. Теперь нравственное положеніе армянъ—неопредѣленное. Оно и должно быть такимъ: у нихъ есть душевное влеченіе къ русскимъ; но недоумѣнія не устранены, единенія нѣтъ; естественное и логичное послѣдствіе этихъ условій—неопредѣленность.

Путь отъ самаго Ставрополя, чрезъ Георгіевскъ, Моздокъ, до кизляра лежитъ мимо станицъ Казачье-Линейнаго войска. Грустное впечатлѣніе произвела на Епископа Игнатія эта область, къ которой усиливались привить протестантское положеніе, несвойственное Православной Церкви, вопреки желанію народонаселенія. Церковный характеръ области есть характеръ раскола. Это вполнѣ ясно и ощутительно для всякаго, имѣющаго опредѣленное понятіе о Восточной Церкви; видятъ и ощущаютъ это сами казаки, изъ которыхъ весьма многіе изучаютъ и изучили вѣру. Повсюду въ станицахъ встрѣчали Епископа съ величайшимъ радушіемъ; въ нѣкоторыхъ являлись къ нему депутаціи съ изъявленіемъ своего искренняго желанія имѣть Архіерея во главѣ своей Церкви; даже былъ предлагаемъ вопросъ: „Скоро-ли мы будемъ принадлежать къ Православной Церкви?“ [1]).

---

[1]) Насколько вопросъ о церковномъ положеніи Казачье-Линейнаго войска и объ отношеніи его къ Кавказскому епархіальному Епископу интересовалъ собою Святѣйшій Синодъ, видно изъ того, что Свят. Синодъ, Указомъ отъ 6 марта 1858 г. за № 214 предписалъ Преосвященному Игнатію донести Святѣйшему Синоду о послѣдствіяхъ посѣщенія имъ станицъ Казачьяго Линейнаго войска. Въ послѣдствіе этого Преосвященный Игнатій, рапортомъ отъ 13 мая 1858 г., за № 95, донесъ Свят.

Этотъ вопросъ опредѣляетъ то понятіе, которое казаки имѣютъ о религіозномъ положеніи своемъ. Многіе между казаками очень тщательно изучали религію. Ихъ понятія о вѣрѣ никакъ не должно сравнивать съ понятіями о ней лицъ высшаго образованнаго круга. Самое развитіе между казаками раскола служитъ доказательствомъ, что вѣра составляетъ для нихъ предметъ глубокаго строгаго размышленія и изученія,—отнюдь не такой предметъ, къ которому они были бы равнодушны, на который они смотрѣли бы поверхностно и снисходительно. При всѣхъ вышеупомянутыхъ изъявленіяхъ сочувствія, Епископъ Игнатій отвѣчалъ, что настоящее положеніе Церквей Линейнаго войска есть слѣдствіе административныхъ соображеній, что въ удовлетвореніе набожному чувству православныхъ предписано Епископу посѣтить ихъ храмы и доставить имъ все желаемое христіанское назиданіе и утѣшеніе. Такой отвѣтъ, если не успокоивалъ вполнѣ, то налагалъ на уста молчаніе. Лицамъ болѣе образованнымъ онъ не могъ быть и предложенъ. Здѣсь всѣмъ извѣстно, говоритъ Епископъ Игнатій въ отчетѣ за 1858 годъ, религіозное направленіе князя Воронцова: онъ не останавливался публично оказывать особенныя вниманіе и расположеніе къ магометанскому духовенству, давая ему во многихъ случаяхъ предпочтеніе предъ духовенствомъ православнымъ. Какъ три

Синоду, что 12 мая имъ совершено было освященіе Георгіевскаго знамени, Высочайше пожалованнаго Линейному войску, въ станицѣ Михайловской, въ 7 верстахъ отъ Ставрополя. Къ празднеству собраны были избранные воины со всѣхъ полковъ, прибыли всѣ штабъ и оберъ-офицеры, которымъ возможно было оставить посты свои, съѣхалось Линейное духовенство въ довольномъ количествѣ. „Какъ съ самаго прибытія моего въ Ставрополь, гдѣ находится главная квартира Линейнаго войска, начальство его выразило ко мнѣ особенное вниманіе", пишетъ въ своемъ рапортѣ Преосвященный Игнатій, а впослѣдствіи начало уже выражать и особенное расположеніе, то Атаманъ пригласилъ меня совершить освященіе знамени; приглашено было и все старшее духовенство города. Встрѣча Линейнымъ духовенствомъ была сдѣлана мнѣ согласно распоряженію Святѣйшаго Синода. Всѣ обстоятельства, кажется, условились между собою и согласились, чтобы торжеству, вполнѣ особенному по своему характеру, доставить еще и особенное великолѣпіе. Воинское народонаселеніе пришло въ восторгъ. По окончаніи продолжительнаго Богослуженія была предложена общая трапеза въ особенной обширной палаткѣ, съ одной стороны совершенно открытой. Обѣдали духовенство, генералитетъ, военные и гражданскіе чины, а по обѣимъ сторонамъ палатки, у длинныхъ столовъ обѣдали воины, прибывшіе изъ прочихъ станицъ къ торжеству. По произнесеніи тостовъ за здравіе Государя Императора, Великаго Князя Наслѣдника, князя намѣстника Кавказскаго, Атаманъ провозгласилъ тостъ за здравіе Преосвященнаго. На сей тостъ войско отвѣчало громкимъ и продолжительнымъ „ура", киданіемъ шапокъ вверхъ и прочими ему свойственными выраженіями удовольствія. При отъѣздѣ моемъ войско окружило мою карету и отпустило меня при крикахъ „ура", а нѣкоторые всадники провожали до самаго моего дома, выказывая въ теченіе дороги лихость свою и свое веселіе джигитовкою. При семъ случаѣ особенно выразилось, какъ и постоянно съ прибытія моего выражалось,

іудейскіе отрока въ пещи и плѣну Вавилонскомъ исповѣдали, что Богъ истиною и судомъ навелъ сія вся грѣхъ ради ихъ (Дан. 3. 28): такъ и Кавказское епархіальное начальство должно разсуждать о своемъ положеніи относительно Церквей Казачье-Линейнаго войска. Духовенство области громко разсказывало Епископу Игнатію о бывшихъ злоупотребленіяхъ [1]), а высшія лица, разсуждая о времени разрыва, и, вспоминая это время, поставляли непремѣннымъ условіемъ при воссоединеніи, долженствующимъ рано или поздно послѣдовать, кротость и сохраненіе благоприличія при обращеніи съ ними. Виды административные, по которымъ князь Воронцовъ, по заключенію Епископа Игнатія, передалъ церкви цѣлой области въ управленіе пресвитеру, отнявъ ихъ у Епископа, въ противоположность постановленію Св. Духа, доселѣ не объяснены. Но они должны же быть объяснены когда-либо, хотя для исторіи, какъ нарушеніе неприкосновеннаго, святаго характера Православной Церкви. Такое объясненіе неминуемо должно оказаться весьма затруднительнымъ, а фраза, провозглашающая административное соображеніе, голословна, и потому неудовлетворительна. Защитники мѣры должны представить въ причину ея, какъ они и теперь выставляютъ, неправильность и несообразность въ дѣйствіяхъ, которыя допустилъ себѣ Епископъ Кавказскій [2]). Но это не оправды-

---

желаніе не только начальниковъ Линейнаго войска, но и самаго военнаго народонаселенія имѣть Епископа; въ этомъ желаніи участвуетъ и Линейное духовенство, для коего отношенія въ Тифлисъ, по отдаленности его, очень затруднительны, а сношенія, напротивъ того, съ Ставрополемъ вполнѣ естественны и по самымъ житейскимъ нуждамъ совершенно необходимы. Самое нравственное состояніе Линейнаго духовенства очень страдаетъ отъ его настоящаго положенія, что очень замѣтно было при торжествѣ 12-го мая, при коемъ Епархіальное духовенство держало себя гораздо благочиннѣе и благоприличнѣе. По окончаніи Божественной литургіи, предъ совершеніемъ послѣдованія, установленнаго для освященія знамени, мною произнесена была рѣчь. Начальство Казачьяго войска распорядилось о немедленномъ напечатаніи сей рѣчи для разсылки по всему Линейному войску". На рапортѣ вверху написано рукою Епископа Игнатія: „Секретно" (Изъ бумагъ Сенатора Н. С. Брянчанинова). Изъ содержанія этого рапорта представляется яснымъ, что церковный строй Казачье-Линейнаго войска на Кавказѣ, съ точки зрѣнія Церковнаго управленія и духовныхъ потребностей православной паствы, представлялся ненормальнымъ, отношенія православной паствы къ Епископу Игнатію подтверждаютъ это, и взгляды Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова на строй Церкви и отношенія пресвитера къ Епископу, выраженные въ ниже прилагаемой запискѣ его, правильны.

[1]) Въ злоупотребленіяхъ и религіозныхъ неустроеніяхъ жизни Казачье—Линейнаго войска собесѣдники Владыки Игнатія болѣе всего обвиняли протоіерея Крастилевскаго. Имя протоіерея Крастилевскаго произносилось, говоритъ Владыка Игнатій, съ ужасомъ, какъ имя Шамиля. Понятны, поэтому и энергичныя мѣры Епископа Игнатія противъ Крастилевскаго: духъ Шамиля слѣдовало обезвредить.

[2]) Разумѣется ревность перваго Епископа Кавказскаго Іереміи о сокращеніи раскола.

ваетъ мѣры, употребленной противъ такихъ дѣйствій. Церковное преданіе представляетъ, что во всѣ служенія, самыя святыя и высокія, начиная съ Апостольскаго, человѣкъ вносилъ злоупотребленіе и грѣхъ, усвоившіеся человѣчеству. При такихъ случаяхъ Церковь никогда не останавливалась устранять лицо, злоупотреблявшее служеніемъ; но самое служеніе, какъ установленное Св. Духомъ, она постоянно сохраняла неприкосновеннымъ. Апостолъ, оказавшійся недостойнымъ апостольскаго служенія, замѣненъ другимъ Апостоломъ. Патріархи и другіе архіереи, впавшіе въ ересь или обнаружившія дѣйствія несообразныя съ служеніемъ, были лишаемы и престоловъ и сановъ; престолъ и саны ихъ передавались лицамъ болѣе достойнымъ. Но, говоритъ Преосвященный Игнатій, замѣна для цѣлой области Епископа пресвитеромъ, съ употребленіемъ Епископа, какъ машины и орудія, для освященія храмовъ, рукоположеній и прочаго, для чего невозможно обойтись безъ Епископа, есть новость въ Православной Церкви. Новость эта представляется ничего незначущею для непонимающихъ православной вѣры; она имѣетъ огромное значеніе для понимающихъ вѣру. Она имѣетъ огромное значеніе и въ глазахъ раскольниковъ: ибо ученіе о Епископѣ принадлежитъ къ одному изъ важнѣйшихъ предметовъ ихъ размышленій и сужденій. Епископъ Кавказскій исполняетъ всѣ потребности церковныя для области Линейныхъ казаковъ, только не управляетъ этою своею паствою. Главный священникъ Кавказской арміи находится при штабѣ арміи, въ Закавказьи, въ краѣ совершенно отдѣленномъ существеннымъ естественнымъ разграниченіемъ отъ страны, собственно именуемой Кавказомъ, почти не имѣющей натуральныхъ отношеній къ Закавказью. Управленіе Церквами изъ такой дали вполнѣ неестественно и повергаетъ эти Церкви въ самое бѣдственное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Казачій атаманъ, его штабъ, главныя лица казачьяго управленія имѣютъ своимъ пребываніемъ Ставрополь, окруженный отовсюду станицами и церквами Казачье-Линейнаго войска. Сношенія о дѣлахъ, происходящихъ подъ глазами, должны дѣлаться съ Тифлисомъ на разстояніи 500 верстъ, за гигантскимъ хребтомъ сѣдоглаваго Кавказа, съ главнымъ священникомъ, имѣющимъ дома свою спеціальную обязанность и никакъ не могущимъ удовлетворять возложенному на него управленію Церквами Казачьяго войска по самой отдаленности ихъ и отчужденію отъ него. Положеніе, для котораго такъ трудно найти смыслъ, не должно быть продолжительнымъ, заключаетъ Преосвященный Игнатій [1]).

---

[1]) Отчетъ Епископа Игнатія о состояніи Кавказской епархіи за 1858 годъ, стр. 65—70.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ взглядомъ Епископа Игнатія на положеніе въ церковномъ отношеніи Казачьяго Линейнаго войска и общихъ его взгля-

Въ Кавказской епархіи при Епископѣ Игнатіи было два мужскихъ монастыря и одинъ женскій. Изъ нихъ: Екатерино-Лебяжинская пустыня находится въ области Черноморскихъ казаковъ. Она не имѣетъ класса по церковной іерархіи, но учреждена на особыхъ правахъ по Черноморскому положенію, Высочайше утвержденному. Маріинская женская пустыня—также въ области Черноморскихъ казаковъ, учреждена на особыхъ правахъ, предоставленныхъ Черноморскому войску [1]). Крестовоздвиженскій заштатный Кизлярскій монастырь находится въ противоположной оконечности епархіи, въ городѣ Кизлярѣ, неподалеку отъ Каспійскаго моря. Этотъ монастырь, имѣвшій до 2000 руб. сер. ежегоднаго дохода, былъ очень потрясенъ въ благосостояніи своемъ тѣми процессами о принадлежащихъ ему угодіяхъ, въ которые онъ былъ вовлеченъ. По такому географическому положенію епархіальныхъ монастырей оказалось возможнымъ только одинъ Маріинскій женскій монастырь подчинить благочинію Архимандрита Екатерино-Лебяжинской пустыни. Настоятель Кизлярскаго монастыря былъ вмѣстѣ и благочиннымъ его.

Монашеская жизнь находится, по наблюденію Епископа Игнатія, въ младенчествѣ въ области Кавказской епархіи, и трудно, чтобъ она въ скоромъ времени могла выйти изъ этого состоянія. Для иноческихъ духовныхъ успѣховъ необходимо мирное состояніе обителей. Но обѣ мужескія обители этого мирнаго состоянія не имѣли въ то время, и не предвидѣлось, чтобъ могли получить его, доколѣ свѣтская власть не придетъ въ то отношеніе къ духовной, въ какомъ она находится повсюду въ Россіи. А это можетъ совершиться только тогда, когда война перестанетъ быть исключительно началомъ, цѣлію, извиненіемъ правильнымъ или неправильнымъ всѣхъ соображеній и мѣстъ. Въ это время настоятели Кавказскихъ монастырей нуждались въ познаніяхъ и способностяхъ по преимуществу канцелярскихъ; канцеляр-

---

довъ по вопросу о строеніи Церкви, объ отношеніяхъ Епископа и пресвитера, о личности и обществѣ, объ отношеніяхъ гражданской и церковной власти, мы нашли полезнымъ приложить къ нашей книгѣ „Вопросъ начальника Кавказской Линіи и отвѣтъ Епископа о Кавказской каѳедрѣ по отношеніямъ ея къ Кавказскому Линейному Казачьему войску, значеніе Епископа и протоіерея въ православной церковной іерархіи". (См. Приложенія къ второй части нашей книги).

[1]) Во время управленія Епископа Игнатія Кавказскою епархіей, Черноморская Маріинская женская пустыня получила въ даръ отъ Государыни Императрицы Маріи Александровны полный кругъ церковно-богослужебныхъ книгъ на сумму 250 руб. серебромъ; сверхъ того Государыня Императрица Марія Александровна и Августѣйшая Мать Государя—Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна пожаловали той-же пустынѣ по 100 рублей серебромъ, Великая Княгиня Александра Іосифовна—25 рублей серебромъ (Архивъ Кавк. дух. Консисторіи, Дѣло 1-го стола, по описи 1858 г. № 98, л.л. 1—2).

скія занятія ихъ были особенно значительны. Въ Екатерино-Лебяжинской пустынѣ существовалъ въ то время подъ предсѣдательствомъ настоятеля Комитетъ, въ которомъ участвовали нѣкоторыя свѣтскія лица для управленія хозяйствомъ монастыря. Въ этомъ Комитетѣ долгое время господствовало большое разъединеніе между духовными и свѣтскими членами его, бывшее причиною весьма затруднительной переписки. При весьма хорошихъ отношеніяхъ Епископа Игнатія съ главнымъ Черноморскимъ начальствомъ, это разъединеніе было уничтожено; но невозможно было сдѣлать никакихъ существенныхъ измѣненій въ церковномъ характерѣ, по правиламъ церковнымъ: ни то, ни другое не вѣдается и не понимается, говоритъ Епископъ Игнатій. Одна привѣтливость способна дѣйствовать съ нѣкоторымъ успѣхомъ, противъ власти, находящей въ военныхъ соображеніяхъ средство быть неограниченною; одна она можетъ смягчать зло, производимое невниманіемъ къ постановленіямъ Церкви. Съ терпѣніемъ и покорностію Промыслу Божію надо ожидать, говоритъ Епископъ Игнатій, того времени, когда въ Кавказскихъ монастыряхъ окажется возможнымъ ввести такой уставъ, который начертанъ вообще для всѣхъ православныхъ монастырей преданіемъ св. Церкви, при которомъ только возможно нравственное и духовное благоустройство въ иноческихъ обителяхъ [1]).

Въ Кавказской епархіи при Епископѣ Игнатіи состояло всѣхъ вообще церквей 168.

Духовенство Кавказа первоначально собиралось въ этотъ отдаленный край изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Сначала оно не отличалось

---

[1]) О нравственномъ состояніи немногихъ монастырей Кавказской епархіи даются свѣдѣнія возникавшими, въ этомъ отношеніи, въ епархіальномъ Управленіи дѣлами: 1) Въ концѣ 1859 г. Преосвященный Игнатій сдалъ въ Консисторію такое предложеніе: „До свѣдѣнія моего дошло, что братство Черноморской Екатеринолебяжской пустыни весьма ослабѣло въ нравственномъ отношеніи. Собственныя мои наблюденія, при посѣщеніи нынѣшнимъ лѣтомъ обители сей, убѣдили меня въ томъ, что нравственное направленіе ея братства никакъ не должно быть оставлено безъ вниманія. На семъ основаніи предлагаю Консисторіи предписать благочинному священнику Гливенкѣ совмѣстно съ благочиннымъ Іоанномъ Потеряхинымъ посѣтить обитель и сдѣлать секретное, но самое строгое и точное дознаніе о поведеніи и нравственномъ направленіи каждаго лица изъ братіи, соображаясь съ особенною моею секретною инструкціей, которая вмѣстѣ съ симъ препровождается къ благочинному Гливенкѣ (Предложеніе отъ 2 ноября 1859 г., за № 103; дѣло архива Кавк. дух. Конс., по описи 2 стола за 1859 г. № 87, л. л. 11—20). 2) По тожественному случаю, вслѣдствіе рапорта настоятеля Черноморской Екатеринолебяжьей пустыни Архимандрита Никона отъ 5 августа 1860 г., за № 169, резолюціей Владыки Игнатія отъ 17 августа 1860 г., за № 1242 указано: „Предписать настоятелю, чтобы имѣлъ строжайшее наблюденіе за удаленіемъ всякаго кощунства и соблазна изъ нѣдръ обители, а извѣщенія о соблазнахъ и кощунствахъ принималъ благосклонно и разбиралъ внимательно. Игнатій Е. К. и Ч.“ (Архивъ Кавк. дух. Конс.; дѣло 1-го стола, по описи 1860 г. № 200, л. 1)

особеннымъ благонравіемъ: это была масса выходцевъ, не надѣявшихся на родинѣ на полученіе хорошихъ мѣстъ и устремившихся къ пустынному тогда Кавказу съ надеждою найти тамъ пріютъ и довольство. Расчетъ этотъ оказался безошибочнымъ. Дѣти пришельцевъ, получивъ образованіе въ учрежденной на Кавказѣ семинаріи, составили новое поколѣніе уже съ своимъ характеромъ, по мнѣнію Епископа Игнатія, весьма утѣшительнымъ: они проходятъ важное служеніе свое иначе, нежели, какъ проходили ихъ отцы,—проходятъ весьма удовлетворительно. На Кавказѣ просторно, кажется, и характеры образуются соотвѣтственно простору и довольству: въ характерѣ духовенства Кавказскаго замѣтны особенное радушіе, страннопріимство, откровенность. Послѣдняя черта особенно поразительна для лица новаго въ краѣ, какимъ былъ Владыка Игнатій. По свидѣтельству его, между священниками много было отличнаго достоинства людей.

Духовенство вообще въ отправленіи Богослуженій и назиданіи пасомыхъ нелѣностно. Конечно, были погрѣшности и упущенія, безъ чего не обходится ни одно человѣческое общество; но такія упущенія исправлялись мѣрами, въ полномъ обиліи доставляемыми нравственнымъ преданіемъ Церкви.

Опытъ доказываетъ, что со времени вступленія на поприще дѣятельности церковной новаго поколѣнія, вообще все духовенство постепенно измѣнилось, возвысилось, облагородилось. Если же еще и проявлялись невѣжество и грубые пороки: то они проявлялись преимущественно въ духовенствѣ Черноморскаго войска, которое составилось изъ казаковъ, научившихся читать и писать; но и тамъ нравственное состояніе духовенства начало улучшаться вслѣдствіе постепеннаго замѣщенія открывающихся священническихъ вакансій окончившими курсъ воспитанниками семинаріи.

Конечно, такое сужденіе о нравственномъ состояніи Кавказскаго духовенства за время управленія епархіей Преосвященнаго Игнатія не исключаетъ наличности въ массѣ духовенства отрицательныхъ явленій. Въ самой пріятной и прекрасной картинѣ найдутся тѣни: въ средѣ Кавказскаго духовенства мы уже и встрѣчались съ фактами неодобрительными. Архипастырская дѣятельность Владыки Игнатія на Кавказѣ по отношенію къ духовенству состояла не только въ преподаніи указаній и руководствѣ пастырской дѣятельностью пастырей добрыхъ, но и въ умиротвореніи враждующихъ, и въ увѣщаніи заблудшихъ, и въ наказаніи порочныхъ. Отличительная характерная черта въ дѣйствованіи Преосвященнаго Игнатія въ отношеніи проступковъ духовенства—примирительно-увѣщательный отеческій тонъ, стремленіе умалить внѣшне-формальную виновность допустившаго проступокъ лица и воздѣйствовать на него пастырскими мѣрами. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда Владыка убѣждался въ неисправимой и упорной

порочности духовнаго лица, онъ былъ грозенъ и безпощаденъ. Для иллюстраціи отношеній Епископа Игнатія Брянчанинова къ порочнымъ членамъ Кавказскаго духовенства отмѣтимъ нѣкоторые случаи изъ судебныхъ дѣлъ. 1) Въ селѣ Петровскомъ Ставропольскаго уѣзда священники—Мих. Гремяченскій и заштатный Василій Алексѣевъ, при взаимномъ недоброжелательствѣ, затрудняли другъ для друга исполненіе лежавшихъ на каждомъ церковныхъ обязанностей въ такой мѣрѣ, что потребовалось вмѣшательство епархіальнаго начальства. На журналѣ Консисторіи съ опредѣленіемъ по сему дѣлу, послѣдовавшимъ по рапорту благочиннаго священника Козьмы Флегинскаго, положена была резолюція Владыки Игнатія отъ 12 марта 1858 года такого содержанія: „Исполнить. По ст. 2-й Гремяченскому положить вмѣсто ста двѣнадцать поклоновъ, такъ какъ наказаніе, исходящее отъ церковной власти, должно болѣе дѣйствовать на духъ, нежели на тѣло. Возложить на благочиннаго благословенный трудъ примиренія священниковъ Гремяченскаго и запрещеннаго Алексѣева, которому внушить, чтобы онъ пѣлъ при священнослуженіи Гремяченскаго благоговѣйно и благопристойно, за чѣмъ имѣть наблюденіе благочинному и о результатахъ своихъ дѣйствій донести мнѣ". Благочинный Флегинскій рапортомъ отъ 19 авг. 1858 г., за № 135, донесъ Преосвященному, что священники Гремяченскій и Алексѣевъ между собою братски примирились, съ увѣреніемъ, что подобнаго между ними не будетъ никогда. На рапортѣ этомъ—резолюція Преосвященнаго Игнатія отъ 24 авг. 1858 г., за № 989: „въ Консисторію. Объявить священнику Козьмѣ Флегинскому наше Архипастырское благословеніе И. Е К. и Ч. [1])".

2) Благочинный г. Ейска протоіерей Николай Бѣллюстинъ рапортомъ отъ 9 марта 1858 г., за № 76, донесъ Преосвященному Игнатію о крайне неприличномъ и дерзкомъ поведеніи пономаря Надеждина, допускающаго вызывающіе поступки и угрозы по адресу благочиннаго и другихъ лицъ. На рапортѣ Епископъ Игнатій положилъ резолюцію отъ 18 марта 1858 г., за № 424: „Въ Консисторію. Предписать Бѣллюстину: 1) чтобы отнесся въ городскую полицію о содержаніи пономаря Надеждина въ оной подъ арестомъ впредь до окончанія дѣла. 2) По содержанію сего рапорта, чтобы собралъ письменныя показанія отъ священниковъ Ярошевича и Вердеревскаго, также отъ прочихъ лицъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, здѣсь поименованныхъ, и представить эти показанія мнѣ при рапортѣ своемъ. Игнатій Е. К. и Ч.". Но когда въ концѣ апрѣля того же года мать Надеждина прошеніемъ своимъ ходатайствовала объ освобожденіи

---

[1]) Архивъ Кавк. дух. Конс., дѣло по 3-му столу, по описи 1859 года № 1, листы 2—6.

сына изъ подъ ареста во вниманіе къ ея вдовству и пятилѣтней его службѣ, Владыка Игнатій внялъ слезному моленію матери и положилъ резолюцію отъ 24 апр. 1858 г., за № 563, таковую: „Въ Консисторію. Вытребовать причетника Надеждина въ Архіерейскій домъ для усмотрѣнія его поведенія на полугодичный срокъ. Прошеніе же Надеждиной о производствѣ слѣдствія оставить безъ вниманія, такъ какъ моею резолюціей отъ 18 марта, за № 424, сдѣлано распоряженіе, удовлетворяющее требованію законовъ и дѣла". Но Надеждинъ не оправдалъ рекомендаціи своей матери и вниманія Епископа, и уже въ іюлѣ, рапортомъ отъ 24 іюня 1858 г., за № 76, Ставропольскій городской благочинный протоіерей Ѳ. Поспѣловъ доносилъ Преосвященному Игнатію о нетрезвости, буйствѣ и крайне неприличномъ поведеніи Надеждина. Тогда Преосвященный Игнатій на рапортѣ Поспѣлова положилъ резолюцію отъ 30 іюля 1858 г., за № 906, таковую: „Въ Консисторію. Какъ Надеждинъ оказывается самаго буйнаго поведенія, находясь въ Ейскѣ, а будучи вызванъ въ Ставрополь для ближайшаго разсмотрѣнія его качествъ и здѣсь оказывается безнадежнымъ къ исправленію, то приступить къ обсужденію объ исключеніи его изъ духовнаго званія и исполнить сіе на законномъ основаніи. Игнатій Е К. и Ч. [1])".

3) По дѣлу о ссорѣ сотника Капустяна съ священникомъ станицы Ивановской Преосвященнымъ Игнатіемъ дана резолюція отъ 18 іюня 1858 г., за № 1208, таковая: „Переслать протоіерею Кучерову, который по сему дѣлу имѣетъ произвести дознаніе. Такъ какъ сотникъ Капустянъ изъявляетъ желаніе помириться съ священникомъ Лавровымъ, то протоіерей Кучеровъ имѣетъ озаботиться объ осуществленіи сего похвальнаго желанія. А чтобы миръ имѣлъ должную прочность, то протоіерей имѣетъ взять какъ отъ священника Лаврова, такъ и отъ сотника Капустяна письменное удостовѣреніе въ искренности ихъ примиренія. Затѣмъ всѣ документы дѣла представить мнѣ. Игнатій Е. К. и Ч. [2])".

4) Резолюціей Епископа Игнатія отъ 19 іюля 1858 г., за № 105, діаконъ Михайловскій, обличенный въ зазорномъ поведеніи, отправленъ въ Черноморскую пустынь на безсрочное время, съ тѣмъ, чтобы о. Архимандритъ имѣлъ тщательное наблюденіе за нравственностію діакона и доносилъ Епископу объ образѣ его жизни черезъ каждые

---

[1]) Архивъ Кавк. дух. Конс., дѣло 3 го стола, по описи 1858 года № 55, л. л. 1, 2, 4 и 7.

[2]) Архивъ Кавк. дух. Конс., дѣло 3-го стола, по описи 1858 г. № 77, листы 73, 77—78. Такой же характеръ и мѣсто резолюціи Владыки Игнатія въ дѣлахъ 1858 г. за № 97, л. л. 5 и 12 и № 101, л. л. 122—123 и др.

три мѣсяца [1]). Такой же характеръ склонности къ примиренію враждующихъ, къ увѣщанію порочныхъ, но и къ рѣшительности распоряженій, имѣютъ и другія резолюціи Преосвященнаго Игнатія по тождественнымъ судебнымъ дѣламъ [2]). Резолюціей отъ 31 дек. 1859 г., за № 2165, предписано: За проступки противъ благоповеденія немедленно препроводить дьячка Сергіева въ Кизлярскій монастырь для употребленія его въ монастырскіе труды въ теченіе полугодичнаго времени. По истеченіи же четырехъ мѣсяцевъ настоятель монастыря имѣетъ донести мнѣ о его поведеніи. И Е. К. и Ч. [3])".

Въ матеріальномъ отношеніи духовенство Кавказа, получая оклады жалованья отъ казны и пользуясь подаяніемъ отъ прихожанъ, по большей части, жило безбѣдно, кромѣ Черноморіи, гдѣ духовенство, получая жалованье, хотя и довольствовалось приношеніями отъ прихожанъ, но приношеніями весьма не обильными. Нѣкоторые изъ духовенства въ поддержаніе себя и къ воспитанію дѣтей своихъ въ учебныхъ заведеніяхъ занимались скотоводствомъ въ небольшихъ размѣрахъ, сильно стѣсняясь тѣмъ, что въ станичныхъ юртахъ не отведено ни сѣнокосныхъ, ни пашенныхъ мѣстъ, и при сѣнокошеніи всегда доставались на долю духовенства самыя невыгодныя мѣста.

Недостатка въ духовенствѣ въ количественномъ отношеніи Кавказская епархія не имѣла. На вакантныя причетническія мѣста приглашены были изъ другихъ епархій причетники и исключенные изъ духовныхъ училищъ ученики, которые и восполнили имѣвшійся недостатокъ, занявъ почти всѣ вакансіи.

Отношенія православнаго духовенства къ иновѣрному и къ жителямъ иновѣрнымъ, живущимъ въ городѣ Ставрополѣ, и преимущественно въ Кизлярѣ и Моздокѣ, были благопріятны: это видно изъ того, что армяне съ полною охотою посѣщали православные храмы, а въ городѣ Кизлярѣ, по ревности къ дому Божію, уничтоженному за нѣсколько лѣтъ предъ симъ пожаромъ, просили Епископа облечь ихъ въ званіе церковныхъ строителей, въ чемъ, конечно, нельзя не видѣть вліянія на нихъ духовенства.

Былъ въ Кавказской епархіи и расколъ. Расколъ въ Кавказской епархіи хотя незначителенъ численностію, но весьма упоренъ въ заблужденіяхъ. Существенною, главною, почти единственною причиною этого были сопредѣльныя станицы Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска. Можно сказать безошибочно, говоритъ Епископъ, что эти станицы, всѣ безъ исключенія, болѣе или менѣе заражены расколомъ.

---

[1]) Архива Кавк. дух. Консисторіи, дѣло 3-го стола, по описи № 245, л. 2.

[2]) Дѣло 1-го стола, по описи 1859 г. за № 196, л. 1. Дѣло 2-го стола, по описи 1859 г. № 86, листы 11—28.

[3]) Дѣло 4-го стола, по описи 1859 г. № 161, листы 6—7

Оттуда исходятъ ересеучители для совращенія въ расколъ жителей Ставропольской губерніи; тамъ совратившіеся въ расколъ жители Ставропольской губерніи находятъ подкрѣпленіе въ своихъ заблужденіяхъ, оттуда получаютъ наставниковъ, которые позволяютъ себѣ совершать таинства и утверждать, что только тамъ—въ станицахъ—сохраняется истинная Христова Церковь. При такомъ пагубномъ вліяніи станичнаго раскола, православное духовенство встрѣчаетъ непреодолимую преграду въ успѣхѣ обращенія своихъ раскольниковъ въ нѣдра православной Церкви. Кромѣ того, къ прискорбію Епископа Игнатія, на Кавказѣ открылось новое гнѣздо для раскола — въ ново-населяемомъ портовомъ городѣ Ейскѣ, куда во множествѣ стекались раскольники, пользуясь льготами, Высочайше дарованными этому городу и избѣгая преслѣдованія на прежнихъ мѣстахъ жительства. Были и печальные примѣры, что чада Христовой Церкви отторгались отъ стада Христова. Для пресѣченія этого зла Епархіальное начальство отнеслось къ г. намѣстнику Кавказскому съ просьбою воспретить принятіе въ Ейскъ лицъ, которые не представятъ отъ прежнихъ своихъ приходскихъ священниковъ свидѣтельства о своемъ православіи, и даже вовсе воспретить причисленіе въ городъ Ейскъ раскольниковъ. Протоіерею города Ейска, лицу весьма дѣятельному, предписано было тщательное наблюденіе за раскольниками, предупрежденіе совращеній и увѣщаніе заблуждающихся и совращенныхъ.

Кавказъ, богатый мѣстностію, постоянно принимаетъ къ себѣ новыхъ поселенцевъ, изъ которыхъ образуются самостоятельные приходы. Такъ, на земляхъ принадлежащихъ калмыкамъ, кочующимъ въ смежности съ Ставропольскою губерніею, поселено было по распоряженію правительства, нѣсколько станицъ, въ которыхъ устроялись молитвенные дома, и даже въ нѣкоторые опредѣлены для исправленія христіанскихъ требъ священники. Кромѣ того, Кавказская іерархія пріобрѣтала къ Церкви православныхъ чадъ изъ иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій и не христіанъ.

Къ утѣшенію Епископа Игнатія, чувство благочестія въ истинныхъ чадахъ Христовыхъ было весьма развито. Каждое поселеніе Кавказской епархіи заботится о созданіи храмовъ для общественныхъ молитвъ, и, не прибѣгая къ пособіямъ Правительства, отъ избытковъ своихъ приноситъ дары къ алтарю, не только достаточные на созданіе храмовъ, но и на обезпеченіе ихъ содержанія и ремонта.

Усердіе православныхъ къ посѣщенію храмовъ Божіихъ и исполненію долга христіанскаго, по милости Божіей, не оскудѣвало; рѣдки тѣ случаи, чтобы православный христіанинъ, по нерадѣнію или по слабости сознанія въ необходимости очищенія совѣсти исповѣдію, принуждаемъ былъ къ тому усиленными мѣрами.

Въ необразованномъ классѣ, чуждомъ грамотности, нельзя найти отчетливаго знанія молитвъ и полнаго разумѣнія заповѣдей, особенно же истинъ вѣры; но при всемъ томъ твердое убѣжденіе въ святости исповѣдуемой вѣры глубоко лежитъ и запечатлѣно въ сердцахъ православно-вѣрующаго народа. При благодѣтельной же попечительности Правительства, усиливающаго обученіе крестьянскихъ дѣтей въ школахъ, и въ семейства простого народа входили любовь и обычай къ назидательному чтенію, доставляющему яснѣйшее пониманіе начальныхъ истинъ вѣры и заповѣдей, вмѣстѣ способствующему къ изученію нужнѣйшихъ молитвъ. Духовное состояніе Кавказской епархіи представлялось Епископу Игнатію достаточно удовлетворительнымъ и для пастыря Христова стада не безотраднымъ [1]).

Пастырское дѣйствованіе представителей православной Церкви въ тѣхъ частяхъ Кавказской епархіи, которыя граничили съ непо-

---

[1]) Просматривая дѣла архива Кавк. дух. Консисторіи, имѣющія отношеніе къ характеристикѣ нравственнаго состоянія духовенства и паствы Кавк. епархіи за время управленія Игнатія Брянчанинова, авторъ встрѣтилъ странное по заглавію—Кавказской духовной Консисторіи по первому столу № 94 за 1861 г. „Дѣло о скворцахъ, признаваемыхъ Кизлярскими армянами чудотворными". Сущность этого любопытнаго и чисто мѣстнаго дѣла заключается въ слѣдующемъ.—Настоятель Кизлярскаго монастыря Архимандритъ Германъ рапортомъ отъ 17 марта 1861 г., за № 312, донесъ Преосвященному Игнатію о суевѣріи Кизлярскихъ армянъ относительно почитанія рябыхъ скворцовъ и воды, привозимой въ Кизляръ изъ Эчміадзинскаго монастыря. Армяне почитаютъ рябыхъ скворцовъ, какъ истребителей саранчи. Предусматривая появленіе саранчи въ извѣстный годъ, армяне ставятъ на поляхъ столбы, а на нихъ сосуды съ водой. Когда появляется саранча, то рябые скворцы инстинктивно бросаются на нее и бьютъ до изнеможенія; если поблизости есть вода, то рябые скворцы пьютъ ее, отдыхаютъ и снова бросаются на саранчу и тѣмъ спасаютъ отъ нея посѣвы. Архимандритъ Германъ въ донесеніи своемъ имѣетъ тенденцію суровыхъ мѣръ противъ армянскаго почитанія скворцовъ и запрещенія имъ привозить воду изъ Эчміадзина. Но Преосвященный Игнатій, при отношеніи отъ 12 іюля 1861 г., за № 2213, сообщилъ записку Архимандрита Германа Ставропольскому гражданскому губернатору П. А. Брянчанинову, брату своему, на разсмотрѣніе и для распоряженія, чтобы изложенное въ запискѣ не могло послужить вреднымъ разглашеніемъ армянъ православнымъ жителямъ г. Кизляра. Губернаторъ П. А. Брянчаниновъ, отъ 16 іюля 1861 г., за № 129, собственноручно писаннымъ отношеніемъ увѣдомилъ Преосвященнаго Игнатія, что привозка воды изъ Эчміадзина есть священный обрядъ Армяно-Григоріанской Церкви, соединенный съ постомъ, молитвами, сохраненіемъ чистоты и другими подвигами обрядовыми, которые при вѣротерпимости, составляющей основной законъ государства, составляютъ неотъемлемое право жителей Армяно-Григоріанскаго исповѣданія. Что касается до скворцовъ, истребляющихъ саранчу и будто бы привлекаемыхъ перенесеніемъ Эчміадзинской воды, то это повѣрье, которое дѣйствительно существовало между армянами, само собою должно упасть, когда, какъ говоритъ о. Германъ, оно не оправдалось въ дѣйствительности. На отношеніи П. А. Брянчанинова Преосвященный Игнатій положилъ резолюцію отъ 18 іюля 1861 г., за № 1167: „Въ Консисторію. Приложить къ дѣламъ, безъ всякаго по сему обстоятельству дальнѣйшаго дѣйствованія". Тѣмъ и закончилось дѣло о скворцахъ.

корными еще племенами было въ годы правленія Епископа Игнатія почти невозможно, а въ средѣ недавно покоренныхъ — крайне затруднительно. Покореніе горцевъ всего лѣваго крыла и двухъ племенъ праваго крыла, по недавности этого событія, не могло вызвать никакихъ дѣйствій въ пользу Церкви, пишетъ Преосвященный Игнатій въ 1860 году: извѣстно, что въ странѣ абадзековъ находятся остатки христіанскихъ храмовъ; въ самыхъ обычаяхъ этого народа остались признаки прежняго христіанства, а магометанство въ нихъ очень слабо. Кавказскому епархіальному начальству трудно было дѣйствовать на горцевъ, потому что на лѣвомъ крылѣ только церкви городовъ Кизляра и Моздока, находящіяся на самой границѣ съ покорившимися горскими народами, состояли въ епархіальномъ Вѣдомствѣ. Черноморія граничила съ непокорившимися шапсугами, по всему же прочему пространству обширнаго Кавказа расположены были на границѣ съ горцами станицы Казачье-Линейнаго войска.

Архипастырскія заботы Преосвященнаго Игнатія объ упорядоченіи и возвышеніи духовной жизни Кавказской паствы, конечно, были связаны съ надеждами его на повышеніе духовнаго уровня Кавказскаго духовенства. Если въ количественномъ отношеніи епархіальное духовенство было вполнѣ достаточно примѣнительно къ нуждамъ небольшой, но раскиданной по большому пространству епархіи, то въ отношеніи качественномъ и духовенство и монастыри оставляли мѣсто для безграничныхъ плановъ соотвѣтственно высокимъ идеаламъ Преосвященнаго Игнатія. Заботы Преосвященнаго Игнатія о повышеніи духовнаго уровня духовенства выразились въ принятыхъ имъ мѣрахъ къ наилучшей постановкѣ обученія и воспитанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ молодой семинаріи [1]), и въ рекомендаціи имъ средствъ самообразованія приходскаго духовенства.

Кавказская духовная семинарія, во время управленія Епископа Игнатія не имѣла своего собственнаго дома, но помѣщалась на квартирѣ въ частныхъ домахъ, устроенныхъ со спекулятивною цѣлію и помѣщавшихся на Большой улицѣ. По этой причинѣ невозможно было въ ней имѣть чистоту и удобство примѣнительно къ потребностямъ семинаріи, какъ это было бы въ спеціальномъ зданіи. Успѣхи

---

[1]) Ходатайство объ открытіи въ Ставрополѣ духовной семинаріи возбуждено было еще Преосвященнымъ Іереміей 17 дек. 1843 г. Но ходатайству этому данъ былъ лишь при оказанной поддержкѣ его со стороны начальника Кавк. области генералъ-лейтенанта Гурко и потомъ намѣстника Кавказа князя М. С. Воронцова. 20 іюля 1846 г. опредѣленіе Свят. Синода объ открытіи въ г. Ставрополѣ Кавказской семинаріи было Высочайше утверждено. Оффиціальное открытіе семинаріи состоялось 13 ноября 1846 года. Въ день открытія Кавказская семинарія имѣла 55 воспитанниковъ. (Справочникъ по Ставропольской епархіи священника Т. Михайлова, стр. 39—40).

воспитанниковъ и нравственность ихъ много зависятъ отъ занимаемаго ими помѣщенія, писалъ Преосвященный Игнатій въ 1859 году: уже то, что семинарія находится на лучшей улицѣ города, при бульварѣ, вблизи общественныхъ увеселеній, много дѣйствуетъ на воспитанниковъ. Ставрополь—городъ военный, городъ веселый. Другую квартиру, которая помѣстительностію удовлетворяла бы потребностямъ семинаріи и не представляла указанныхъ невыгодъ, найти было трудно [1]). Семинарія не имѣла ни церкви, ни сада и, сверхъ того, помѣщалась на низменномъ мѣстѣ [2]).

Оставшись въ 1860 году почти безвыѣздно въ Ставрополѣ, Преосвященный Игнатій озаботился пріисканіемъ и устроеніемъ для семинаріи болѣе удобнаго помѣщенія. Контрактъ на прежнія неудобныя квартиры закончилъ свой срокъ. Для семинаріи пріискано было другое помѣщеніе въ части города, именуемой Воробьевкою. Семинарія была въ трехъ частныхъ домахъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковію св. Апостола Андрея Первозваннаго, выстроенной на томъ мѣстѣ, гдѣ предположено было быть Архіерейскому дому. При этой церкви жило нѣсколько иноковъ, отправлявшихъ въ церкви Богослуженіе по монастырскому уставу. При церкви—садъ, а за нимъ роща, принадлежащая Архіерейскому дому. Сверхъ того, при одномъ изъ нанятыхъ домовъ, принадлежащемъ купцу Крутицкому, былъ также садъ. Квартира для семинаріи нанята была вблизи того мѣста, которое отведено для постройки семинаріи и которое принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ г. Ставрополя. Отъ князя намѣстника было получено Преосвященнымъ Игнатіемъ оффиціальное извѣщеніе, что не имѣется никакого препятствія къ построенію, какъ семинаріи, такъ и Архіерейскаго дома въ Ставрополѣ, такъ какъ городъ этотъ долженъ остаться главнымъ городомъ страны, что ранѣе было дѣломъ нерѣшеннымъ. Временное помѣщеніе семинаріи, вновь нанятое при содѣйствіи Преосвященнаго Игнатія, удовлетворяло его. Ректоръ и инспекторъ, писалъ Епископъ Игнатій въ 1860 г., равно преподаватели и воспитанники семинаріи имѣютъ всегда возможность быть у Божественной службы и освѣжаться чистымъ воздухомъ въ уединенной, недоступной для свѣтскихъ лицъ рощѣ [3]).

Обезпечивъ семинарію возможно удобнымъ и соотвѣтственнымъ потребностямъ ея временнымъ помѣщеніемъ, Преосвященный Игнатій по долгу епархіальнаго Архипастыря не оставлялъ безъ своего руководственнаго вліянія и внутреннюю жизнь семинаріи.

---

[1]) Отчетъ Епископа Игнатія о состояніи Кавк. епархіи за 1858 г.
[2]) Отчетъ Епископа Игнатія за 1859 г.
[3]) Отчетъ Епископа Игнатія о состояніи епархіи за 1860 г.

Заботясь объ улучшеніи состава Консисторіи и благочинническаго надзора, Преосвященный Игнатій не оставлялъ безъ своего попеченія и духовныя школы епархіи, особенно семинарію, какъ питомникъ будущаго духовенства. Его взгляды на характеръ воспитанія будущихъ пастырей Церкви выясняются изъ руководственныхъ резолюцій его на журналахъ семинарскаго Правленія, изъ прилагаемой къ нашему труду записки Владыки Игнатія по вопросу о постановкѣ воспитанія въ Морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ предложеній его Кавказскому духовенству по Крестьянскому вопросу, изъ его отчетовъ по епархіи и другихъ документовъ времени управленія Епископа Игнатія Кавказской епархіей.—Давая общія принципіальныя руководственныя указанія епархіальному духовенству по вопросамъ особо труднымъ и могущимъ вызывать сомнѣнія, Владыка Игнатій не забывалъ при этомъ и семинаріи, предлагая администраціи духовной школы ознакомлять съ таковыми указаніями будущихъ пастырей Церкви, какъ это было, напр., въ отношеніи Крестьянской реформы.

Владыка Игнатій много труда приложилъ къ тому, чтобы отношенія свои къ семинарскому начальству и семинаріи установить на началахъ монастырской жизни: таковъ былъ его принципіальный взглядъ по этому вопросу. Онъ полагалъ, что подготовка семинарскихъ воспитанниковъ къ высокому ихъ будущему служенію должна состоять не въ теоретическомъ только усвоеніи наукъ, но и, главнымъ образомъ, въ духовно-практическомъ дѣланіи, упражняющемъ волю и создающемъ пастырское настроеніе. Весьма значительнымъ является выраженіе его взгляда по вопросу о подготовкѣ пастырей Церкви, въ „Запискѣ о необходимости Собора для Русской Церкви“. Въ числѣ вопросовъ для необходимо нужнаго Собора Россійской православной Церкви на первомъ планѣ Владыка Игнатій ставитъ вопросъ о воспитаніи кандидатовъ священства. Наиболѣе сильнымъ выраженіемъ его взглядовъ по этому предмету можетъ быть отмѣченъ п. 8 его проекта вопросовъ, представляемыхъ на разрѣшеніе Собора. Соборъ долженъ составить уставъ для духовныхъ учебныхъ заведеній примѣнительно къ уставу монастырей, чтобы жизнь воспитанниковъ была практически и строго христіанская, чтобы они пріобрѣтали твердые навыки въ благочестіи, чтобы они хорошо ознакомились съ Богослуженіемъ, получили вкусъ къ церковнымъ молитвословіямъ и стояніямъ. Въ Англіи, говоритъ Епископъ Игнатій, данъ этотъ характеръ школѣ. Тамъ характеръ училищъ кладетъ на учениковъ сильную печать. У насъ воспитанники духовныхъ училищъ запечатлѣны впечатлѣніями міра, духомъ міра, и, къ величайшему удивленію, питаютъ протестантское отвращеніе къ монашеству, ораторствуютъ противъ него не слабѣе Лютера. Изъ кончившихъ курсъ семинаріи очень рѣдко вступаютъ въ монастырское монашество. Необходимо составить для духов-

ныхъ учебныхъ заведеній свои учебники, изъявъ изъ нихъ все языческое, даже косвенно влекущее къ вольнодумству, безнравственности... Особенное вниманіе обратить на философію, изъ которой должно преподавать съ особою полнотою логику. Исторію философіи должно преподавать кратко. Зрѣлыми мужами, изучившими и положительныя науки и философію и писанія Отцовъ Церкви, познавшими опытно значеніе христіанства, можетъ и должно быть составлено подробное изложеніе философіи, очень полезное и научное въ извѣстномъ отношеніи; оно должно быть разсмотрѣно и одобрено высшимъ духовенствомъ и служить предметомъ вниманія мужей, а не молодыхъ людей, столько способныхъ къ одностороннему увлеченію. Въ духовныхъ высшихъ училищахъ необходимо преподаваніе положительныхъ наукъ. Весьма справедливо признавалъ филос. Платонъ невозможнымъ обученіе философіи безъ знанія математики. Особливо нужно знаніе естественныхъ наукъ, потому что въ наше время нигилисты утверждаютъ свое ученіе якобы на естественныхъ наукахъ. Нужно знать, что они утверждаютъ зданіе нигилизма не на естественныхъ наукахъ, а на произвольныхъ нелѣпыхъ гипотезахъ. Природа возвѣщаетъ Бога, по свидѣтельству Свящ. Писанія: и науки, объясняющія законы природы, тѣмъ сильнѣе возвѣщаютъ Бога. Всѣ великіе ученые, математики и естествоиспытатели, какъ то: Невтонъ, Лейбницъ, Неккеръ, не только были деистами, но и признавали христіанство. Безбожниками были почти всѣ софисты, не знавшіе положительныхъ наукъ и предававшіеся необузданному дѣйствованію и мечтательности. Таковы взгляды Епископа Игнатія по вопросу о подготовкѣ кандидатовъ священства [1]).

Въ заботахъ объ усиленіи пастырскаго вліянія на населеніе Кавказской епархіи и для цѣлей православной миссіи, Владыка Игнатій, на основаніи опытнаго ознакомленія съ состояніемъ Кавказской паствы, признавалъ необходимымъ преподаваніе въ семинаріи столь распространеннаго на Кавказѣ татарскаго языка [2]).

Тѣми же соображеніями о преуспѣяніи православной вѣры среди горцевъ и цѣлями миссіонерскими объясняется попеченіе Владыки Игнатія о введеніи въ Кавказской семинаріи преподаванія осетинскаго языка. По отношенію къ этому вопросу интересными представляются слѣдующія справки изъ журналовъ Правленія Кавказской духовной семинаріи „по части внутренняго управленія". Изъ Архипа-

---

[1]) Болѣе подробно можно читать объ этомъ въ приложеніяхъ къ нашей книгѣ, гдѣ помѣщена самая записка Епископа Игнатія „О необходимости Собора, по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви" (См. Приложенія, стр. 58—69).

[2]) Представленіе Епископа Игнатія Свят. Синоду отъ 30 апрѣля 1859 годъ, за № 2057. (Архивъ Кавк. дух. Консисторіи, дѣло 1-го стола, по описи 1859 годъ № 114, л. 3).

стырскихъ резолюцій на этихъ журналахъ мы можемъ видѣть не только отношенія Владыки Игнатія къ разсматриваемому предмету и къ другимъ соприкосновеннымъ, но и руководственное вліяніе его на дѣлопроизводство семинарскаго Правленія: идеально поставленная канцелярія Сергіевой пустыни могла быть хорошимъ образцомъ и для канцеляріи консисторской и семинарскаго Правленія.

Къ иллюстраціи вопроса о преподаваніи осетинскаго языка въ Кавказской семинаріи имѣютъ отношеніе слѣдующія справки. Въ засѣданіи Правленія Кавказской духовной семинаріи 27 августа 1858 года было доложено прошеніе окончившаго курсъ Кавказской семинаріи Петра Кузьмина отъ 24 іюня 1858 года, коимъ, изъяснивъ, что въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ пребыванія въ семинаріи и исполняя обязанности ученическія, онъ, по приказанію семинарскаго начальства, исполнялъ и должность учителя осетинскаго языка и желаетъ остаться учителемъ осетинскаго языка и въ настоящее время,—по окончаніи семинарскаго курса,—проситъ объ опредѣленіи его учителемъ осетинскаго языка. Правленіемъ семинаріи постановлено: „согласно сему прошенію, впредь до рѣшенія дѣла о прекращеніи преподаванія осетинскаго языка въ Кавказской семинаріи, поручить студенту Петру Кузьмину быть въ должности преподавателя онаго, какъ занимавшему сію должность еще въ бытность его ученикомъ семинаріи, съ производствомъ ему положеннаго по штату жалованья, о чемъ объявить ему по надлежащему“. На постановленіи этомъ послѣдовала резолюція Преосвященнаго Игнатія такого содержанія: „22 сентября. Исполнить, а по ст. V имѣть въ виду мое мнѣніе, основанное на личномъ убѣжденіи при посѣщеніи епархіи, что преподаваніе осетинскаго языка въ Кавказской семинаріи необходимо нужно. Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій“. Между тѣмъ, до вступленія еще Преосвященнаго Игнатія на Кавказскую архіерейскую каѳедру, Правленіемъ Кавказской духовной семинаріи было возбуждено предъ Святѣйшимъ Синодомъ, чрезъ посредство Казанской академіи, ходатайство о прекращеніи преподаванія названнаго языка въ Кавказской семинаріи, которое, однако, не было уважено, что также усматривается изъ дѣлъ семинарскаго Правленія. Въ журналѣ Правленія Кавказской духовной семинаріи по части внутренняго управленія отъ 26 января 1859 года изложено предписаніе „Внѣшняго Правленія Казанской духовной академіи“ отъ 19 декабря 1859 года, за № 162, коимъ оно даетъ знать, что Св. Синодъ вслѣдствіе ходатайства Казанскаго академическаго Правленія о закрытіи въ Кавказской семинаріи класса осетинскаго языка, имѣя въ виду, что преподаваніе въ духовныхъ учебныхъ низшихъ заведеніяхъ мѣстныхъ языковъ, а въ томъ числѣ осетинскаго въ Кавказской семинаріи, признано уже полезнымъ, и что въ Кавказской епархіи находятся болѣе 4000 осе-

тинъ, а въ смежномъ съ нею Закавказскомъ краѣ число ихъ простирается до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ; и слѣдовательно, Кавказское духовенство можетъ встрѣчать частые случаи для сношенія съ симъ племенемъ, опредѣленіемъ отъ 17 ноября 1858 года постановилъ: оставивъ безъ послѣдствій представленіе Казанскаго академическаго Правленія о закрытіи въ Кавказской семинаріи класса осетинскаго языка, предписать Правленію семинаріи, чтобы на усиленіе преподаванія въ оной осетинскаго языка обращено было надлежащее вниманіе, и чтобы въ случаѣ недостатка свѣдущаго и опытнаго преподавателя сего языка, Правленіе снеслось съ Тифлисскимъ семинарскимъ Правленіемъ, которое безъ всякихъ затрудненій можетъ пріискать таковаго наставника". Правленіемъ Кавказской семинаріи постановлено: „1) Предписаніе сіе, принявъ къ свѣдѣнію, приложить къ дѣлу; 2) дѣло о введеніи въ Кавказской семинаріи преподаванія языковъ французскаго и нѣмецкаго почитать оконченнымъ; 3) для успѣшнаго хода преподаванія осетинскаго языка симъ журналомъ просить Его Преосвященство отнестись къ Его Высокопреосвященству Евсевію, экзарху Грузіи, о назначеніи въ Кавказскую семинарію достойнаго преподавателя сего языка изъ окончившихъ курсъ Тифлисской семинаріи; поелику студентъ Кузьминъ былъ назначенъ на эту должность только временно и имѣетъ занятія по Ставропольскому духовному училищу, которыя могутъ препятствовать точному оной исполненію; притомъ Правленіе семинаріи не увѣрено въ достаточности его свѣдѣній для званія преподавателя осетинскаго языка, которому самъ онъ обучался не долгое время". На журналѣ этомъ положена резолюція Преосвященнаго Игнатія отъ 5 февраля 1859 года: „Исполнить. По 5-му пункту не видно основанія, на каковомъ можно бы считать дѣло о преподаваніи французскаго и нѣмецкаго языка въ Кавказской семинаріи оконченнымъ. Также не видится, какимъ образомъ оно кончено: введено ли преподаваніе сихъ языковъ, или оно отмѣнено. Это нужно объяснить. И. Е. К и Ч". Но преподаваніе осетинскаго языка въ Кавказской семинаріи встрѣтило немалыя затрудненія въ недостаткѣ лицъ, способныхъ занять учрежденную должность. На отношеніе Епископа Игнатія по этому предмету Экзархъ Грузіи, Архіепископъ Евсевій, отношеніемъ отъ 14 іюля 1859 года, за № 594, увѣдомилъ, что между воспитанниками Тифлисской семинаріи прежнихъ курсовъ нѣтъ желающаго занять должность преподавателя осетинскаго языка въ Кавказской семинаріи, а въ числѣ кончившихъ курсъ ученія въ нынѣшнемъ году нѣтъ способнаго поступить на означенную должность, такъ какъ нѣтъ между ними природнаго осетина. На этомъ отношеніи значится резолюція Его Преосвященства: „Въ семинарское Правленіе, которое имѣетъ озаботиться объ удовлетвореніи потребности средствами, каковыя можетъ пред-

ставить Кавказская епархія. Правленіе Кавказской семинаріи 19 августа 1859 года по этому случаю постановило: Во исполненіе резолюціи Его Преосвященства, просить Кавказскую духовную Консисторію увѣдомить Правленіе семинаріи, не имѣетъ ли она въ виду по епархіальному Вѣдомству лицъ, могущихъ занять должность учителя осетинскаго языка при Кавказской семинаріи съ жалованьемъ 225 р. ежегодно, и если имѣетъ, то кого именно. На журналѣ Правленія семинаріи положена резолюція Преосвященнаго Игнатія: „20 августа. Исполнить. По п. VII обратить вниманіе на священника Брюховецкой станицы Синанова. И. Е. К. и Ч.“.

Указанный Епископомъ Игнатіемъ въ качествѣ возможнаго кандидата на должность учителя осетинскаго языка въ Кавказской семинаріи священникъ Іоаннъ Синановъ обратился съ прошеніемъ въ Правленіе Кавказской духовной семинаріи объ опредѣленіи его въ должность учителя осетинскаго языка при семинаріи и въ должность учителя въ Ставропольскомъ училищѣ. По содержанію прошенія священника Синанова Правленіемъ Кавказской семинаріи въ журналѣ отъ 27 авг. 1859 года постановлено: „Хотя Правленіе семинаріи не имѣетъ другихъ ручательствъ о познаніяхъ священника Синанова въ осетинскомъ языкѣ, кромѣ семинарскаго его аттестата и, хотя, по службѣ его въ Ставропольскомъ училищѣ, можно сомнѣваться въ способностяхъ его къ преподаванію, но такъ какъ другого болѣе благонамѣреннаго лица къ занятію должности учителя сего языка въ семинаріи не имѣется въ виду, то, согласно резолюціи Его Преосвященства, представить высшему начальству объ опредѣленіи его на сію должность. Что же касается до просимой имъ—Синановымъ—для себя должности учителя въ Ставропольскомъ училищѣ, то въ сей просьбѣ ему отказать, какъ потому, что въ настоящее время нѣтъ при этомъ училищѣ учительской вакансіи, такъ и потому, что онъ уже былъ на такой должности и училищное начальство представляло уволить его отъ оной для пользы службы, слѣдовательно, возвращеніе къ ней не можетъ доставить училищу пользы, а такъ какъ священнику Синанову однимъ жалованьемъ отъ семинаріи дѣйствительно, трудно содержаться, то симъ журналомъ просить Его Преосвященство открыть священнику Синанову, какъ имѣющему іерейскій санъ, вспомогательный источникъ содержанія опредѣленіемъ его къ какой-либо изъ градскихъ церквей или другими, находящимися въ Архипастырскомъ распоряженіи его, средствами. На этомъ постановленіи положена резолюція:“ 1 сентября. Исполнить. По 2-му пункту необходимо удостовѣриться въ способности священника Синанова быть преподавателемъ въ семинаріи осетинскаго языка. Мѣста въ городѣ для него нѣтъ и не имѣется возможности доставить оное, по малому количеству городскихъ священниковъ и по значительному числу лежащихъ

на нихъ обязанностей. Еслибъ можно было предоставить ему учительское мѣсто въ Ставропольскомъ духовномъ училищѣ, то эта мѣра уничтожила бы затрудненія по содержанію его. Предлагаю Правленію по обсужденіи всего вышеписаннаго, снова взойти ко мнѣ журнальною статьею или и особымъ представленіемъ о семъ предметѣ. И. Е. К. и Ч.".

Во исполненіе этой резолюціи, Правленіе Кавказской семинаріи постановило допустить священника Синанова къ преподаванію осетинскаго языка при семинаріи, такъ какъ нѣтъ болѣе лица, которое бы способно было усилить успѣхи учениковъ по сему предмету: о чемъ и представить внѣшнему Правленію Казанской духовной академіи, дабы благоволило ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ утвержденіи священника Синанова преподавателемъ осетинскаго языка при семинаріи съ производствомъ ему положеннаго по штату жалованья со дня вступленія въ должность. Что же касается до предоставленія ему учительскаго мѣста при Ставропольскомъ училищѣ, то имѣть его въ виду на случай, когда откроется при семъ училищѣ учительская вакансія.

На журналѣ этомъ положена Преосвященнымъ Игнатіемъ резолюція отъ 19 сент. 1859 такого содержанія: „Священникъ Синановъ не можетъ никакимъ образомъ вступить въ исполненіе должности преподавателя осетинскаго языка, если вмѣстѣ не представится ему мѣсто учителя въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, такъ какъ окладъ преподавателя осетинскаго языка далеко не достаточенъ для содержанія Синанова съ семействомъ, а при церквахъ Ставропольскихъ нѣтъ вакансій и не можетъ быть, по малочисленности и по той причинѣ, что всѣ священники, состоящіе при сихъ церквахъ, обременены до излишества разными обязанностями. И. Е. К. и Ч.".

Дѣло священника Синанова завершилось въ 1861 году слѣдующимъ образомъ. Кавказская духовная Консисторія при отношеніи отъ 17-го августа 1861 года, за № 2739, препровождая въ Правленіе Кавказской семинаріи прошеніе учителя осетинскаго языка Кавказской семинаріи и причетническаго класса Ставропольскаго духовнаго училища, священника Іоанна Синанова объ открытіи за неимѣніемъ въ городѣ Ставрополѣ вакантнаго священническаго мѣста, при какой-либо церкви штата, гдѣ бы онъ могъ пользоваться наравнѣ съ прочими священниками доходами, просила Правленіе семинаріи сообщить Консисторіи свое мнѣніе по содержанію прошенія.

Правленіемъ Семинаріи 24 августа 1861 г., по этому предмету постановлено: Объ оказавшемся по справкѣ увѣдомить Кавказскую духовную Консисторію отношеніемъ, изъяснивъ оной при этомъ, что со стороны семинарскаго Правленія на предоставленіе Синанову священническаго мѣста при одной изъ городскихъ церквей съ увольне-

ніемъ его отъ должности учителя причетническаго класса при Ставропольскомъ духовномъ училищѣ и съ оставленіемъ за нимъ одной только должности учителя осетинскаго языка при Кавказской семинаріи препятствій не имѣется.

На этомъ постановленіи семинарскаго Правленія положена резолюція Епископа Игнатія слѣдующаго содержанія: „29 августа. Нахожу, что исправленіе обязанностей приходскаго священника несовмѣстимо съ обязанностію преподавателя,—ибо самонужнѣйшія требы могутъ во всякое время отвлекать его отъ учительской должности, и во время самыхъ уроковъ, и внѣ оныхъ во время предуготовительныхъ кабинетныхъ занятій, не терпящихъ частаго развлеченія. Правда, осетинскій языкъ, по обстоятельствамъ края, пріобрѣлъ особенную важность въ Кавказской семинаріи; но, чтобъ преподаваніе этого языка сдѣлалось болѣе отчетливымъ и удовлетворительнымъ, нужна иная мѣра, а не предоставленіе прихода священнику—преподавателю, котораго занятія по приходу совершенно отвлекутъ отъ его занятій преподавателя. Нужны были особенныя заботы, чтобы доставить Синанову настоящее его положеніе, которымъ онъ долженъ довольствоваться, доколѣ семинарское правленіе не пріищетъ основательнаго средства возвысить преподаваніе осетинскаго языка въ семинаріи, о чемъ озаботиться сему правленію предлагаю. Это тѣмъ болѣе нужно, что Синановъ, по ходу его дѣйствій, оказывается непрочнымъ для семинаріи. Еслибъ прошеніе его было удовлетворено, то съ достовѣрностію можно усматривать, что по полученіи прихода, онъ, въ самомъ скоромъ времени, сталъ бы просить увольненіе отъ должности учителя, приводя въ причину множество занятій по приходу. И. Е. К. и Ч.“

Установивъ самъ въ дѣлопроизводствѣ Сергіевой пустыни и благочинія С.-Петербургской епархіи строгій порядокъ и замѣчательную отчетливость, Епископъ Игнатій стремился къ тому же и въ Епархіальномъ управленіи и въ Правленіи Кавказской семинаріи. Такъ, напр., резолюціей отъ 25 августа 1858 года, послѣдовавшей на журналѣ Правленія Кавказской семинаріи отъ 20 августа 1858 года Преосвященный Игнатій предлагаетъ „семинарскому Правленію, чтобы оно обратило на Канцелярію свою большее вниманіе: небрежность и въ составленіи журнальныхъ статей и въ перепискѣ ихъ слишкомъ очевидна“. Недостатки дѣлопроизводства семинарскаго Правленія иногда отмѣчались Епископомъ Игнатіемъ и болѣе опредѣленно. Такъ, въ началѣ сентября 1859 года, на представленіи семинарскаго Правленія съ приложеніемъ формулярныхъ списковъ для Архипастырскаго засвидѣтельствованія послѣдовала резолюція Его Преосвященства таковая: „формулярные списки съ отмѣтками моими возвращаются въ семинарское Правленіе. На нѣкоторыхъ изъ нихъ не означено времени составленія ихъ: означить оное. Два списка профессо-

ровъ Разумова и Костяша, замаранные, переписать и представить мнѣ". Правленіе семинаріи во исполненіе Архипастырской резолюціи журналомъ отъ 9 сентября 1859 года поставляетъ въ долгъ канцеляріи означить на формулярныхъ спискахъ время ихъ составленія, гдѣ сіе опущено, и, переписавъ нечаянно замаранные формулярные списки, представить оные вновь Его Преосвященству для Архипастырскаго засвидѣтельствованія.

Въ апрѣлѣ 1860 года Правленіемъ семинаріи возбуждено было предъ Преосвященнымъ Игнатіемъ ходатайство о представленіи штатнаго врача и преподавателя медицины въ семинаріи акушера Ставропольской врачебной управы коллежскаго ассесора Вл. Снигирева къ ордену св. Станислава 2-ой степени. Резолюція Преосвященнаго Игнатія отъ 25 апрѣля указываетъ направленіе и порядокъ означеннаго представленія [1]).

Преосвященный Игнатій и въ дѣлахъ семинарскаго Правленія заботился объ устраненіи житейскихъ треній и о примиреніи враждующихъ сторонъ. Для примѣра можно указать на случай недоразумѣній между Правленіемъ Кавказской семинаріи и епархіальнымъ ревизіоннымъ Комитетомъ по провѣркѣ экономическаго отчета семинаріи. Ревизіонный Комитетъ по отчетамъ Кавказской духовной семинаріи за 1860 годъ вошелъ въ семинарское Правленіе отношеніемъ отъ 20 мая 1861 года, за № 91, въ коемъ, изъяснивъ, что онъ „чрезъ одного изъ членовъ—учителя семинаріи Виктора Петровскаго, просилъ на основаніи § 8 Инструкціи словесно эконома семинаріи и секретаря семинарскаго Правленія снабдить Комитетъ канцелярскими матеріалами и письмоводителемъ для переписки журналовъ и бумагъ, относящихся до ревизіи, но получилъ отказъ относительно письмоводителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и канцелярскіе матеріалы не представляются. Это побуждаетъ ревизіонный Комитетъ безпокоить само Правленіе... просьбою снабдить Комитетъ и канцелярскими матеріалами и письмоводителемъ". По поводу этого отношенія ревизіоннаго Комитета Правленіемъ Кавказской семинаріи постановлено: [1]) на основаніи § 8 положенія объ образованіи временныхъ ревизіонныхъ Комитетовъ потребные для производства дѣлъ Комитета канцелярскіе матеріалы, препроводивъ въ Комитетъ, вручить подъ собственноручную росписку старшаго члена онаго Комитета протоіерея Александровскаго; 2), что касается требованія высылки для занятій въ Комитетъ письмоводителя, то, признавъ оное требованіе, на основаніи вышеозначеннаго § 8 положе-

---

[1]) Такой-же характеръ имѣютъ резолюціи Епископа Игнатія отъ 25 апрѣля 1860 года на журналѣ сем. Правленія, отъ 19 апрѣля 1860 года; отъ 20 октября 1859 года на журналѣ семинарскаго Правленія отъ 30 сентября 1859 года.

ній объ образованіи ревизіонныхъ Комитетовъ, неумѣстнымъ и незаконнымъ, оставить оное безъ удовлетворенія. На журналѣ этомъ послѣдовала резолюція Епископа Игнатія: „24 мая. Предлагаю семинарскому Правленію воздерживаться отъ жесткихъ выраженій, столько не соотвѣтствующихъ достоинству духовенства. Возраженіе и отказъ должны быть облекаемы въ вѣжливую форму. И. Е. К. и Ч.“.

По части духовно-воспитательной Епископа Игнатія весьма интересовало благонравіе учащихся,—будущихъ священниковъ Кавказской епархіи и, въ возможной мѣрѣ, при обремененности дѣлами мало упорядоченной епархіальной жизни, Владыка Игнатій обнаруживалъ свой интересъ къ поведенію учащихся. Такъ, онъ установилъ обычай доклада объ особо благонравныхъ ученикахъ въ дополненіе къ тѣмъ докладамъ о проступкахъ, которые обычно почти исключительно доставляются утружденному вниманію епархіальнаго Епископа. Такъ, уже въ мартѣ 1858 года инспекторъ Кавказской семинаріи іеромонахъ Исаакій представилъ въ семинарское Правленіе списокъ учениковъ семинаріи, отличившихся благонравіемъ за февраль 1858 года. Правленіе семинаріи въ засѣданіи 15 марта 1858 года постановило: ученикамъ, отличившимся благонравіемъ, объявить признательность Правленія семинаріи въ общемъ собраніи воспитанниковъ оной и качечества, какими кто изъ нихъ отличился, отмѣтить въ книгѣ поведенія учениковъ. На журналѣ этомъ Епископомъ Игнатіемъ положена резолюція: „Исполнить. По статьѣ VII: желая знать, кто именно изъ воспитанниковъ заслужилъ вниманіе своего начальства особеннымъ благонравіемъ, предлагаю семинарскому Правленію впредь означать сихъ воспитанниковъ поименно въ журнальной статьѣ. Игнатій, Епископъ К и Ч.“.

Резолюціей Епископа Игнатія 16 іюня 1858 года ученикамъ Кавказской семинаріи, отличившимся благонравіемъ, объявлено было Архипастырское благословеніе. Въ тѣхъ же воспитательныхъ видахъ, Владыка Игнатій, восполняя чисто формальное распоряженіе семинарскаго Правленія объ условіяхъ участія семинарскихъ воспитанниковъ въ Архіерейскомъ пѣвческомъ хорѣ, резолюціей отъ 25 ноября 1859 года на журналѣ Кавказской семинаріи отъ 19 ноября проситъ семинарское Правленіе „оказывать все зависящее отъ него содѣйствіе, чтобы хоръ былъ въ наилучшемъ видѣ, потому что это и народная потребность“. И Ставропольскіе старожилы съ восторгомъ вспоминаютъ отличный Архіерейскій хоръ времени Епископа Игнатія.

Въ отношеніи тѣхъ учениковъ духовной школы, которые неустойчивостью своего внѣшняго поведенія обнаруживали недостатокъ духовной дисциплины и свою духовную несродность съ задачами духовной школы, Владыка Игнатій былъ сторонникомъ мѣръ рѣшительныхъ и строгихъ. Для примѣра можно отмѣтить слѣдующій случай.

Инспекторъ Кавказской духовной семинаріи Архимандритъ Исаакій вошелъ въ семинарское Правленіе запиской отъ 26 февраля 1861 года, въ которой доложилъ, что 25 февраля ученики высшаго отдѣленія семинаріи, имъ въ запискѣ поименованные, не были при Богослуженіи безъ уважительной причины, при чемъ прибавилъ, что ученики эти, по замѣчанію его помощника профессора Цареградскаго и прежде уклонялись отъ Богослуженія, а одинъ изъ нихъ не ночевалъ ночь въ корпусѣ семинаріи. Правленіе семинаріи постановило: на основаніи записки о инспектора семинаріи и наведенныхъ справокъ, принимая во вниманіе прежнее поведеніе означенныхъ учениковъ, упорство во злѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, обнаруживающееся въ томъ, что они чаще, нежели другіе, позволяли себѣ уклоняться отъ исполненія главнѣйшей обязанности воспитанника духовно-учебнаго заведенія, и степень ихъ виновности въ настоящемъ случаѣ, 1) учениковъ... [1]) лишить казеннаго содержанія; 2) учениковъ... [2]) наказать заключеніемъ въ карцеръ на хлѣбъ и воду во время свободныхъ отъ ученія дней наступающей сырной недѣли—перваго на пять дней, остальныхъ двухъ на три дня, 3) кромѣ сего ученикамъ этимъ сдѣлать предостереженіе, что и они будутъ лишены казеннаго содержанія, ежели не исправятся.

На постановленіи этомъ Епископомъ Игнатіемъ положена резолюція: „28 февраля. Исполнить. Заключать въ карцеръ не болѣе, какъ на трои сутки; того, на кого такое заключеніе не произведетъ полезнаго впечатлѣнія, подвергать иного рода наказаніямъ, болѣе серьезнымъ, даже исключенію изъ семинаріи. Полагаю, что при такомъ взглядѣ и образѣ дѣйствія, значеніе духовнаго училища—семинаріи возвысится въ глазахъ учащихся, и они будутъ болѣе дорожить своимъ пребываніемъ въ немъ. Игнатій Е. К. и Ч.“.

Для проведенія своихъ взглядовъ въ жизнь семинаріи Владыка Игнатій всемѣрно заботился объ установленіи добрыхъ отношеній къ семинарскому начальству. Но въ этой сторонѣ Архипастырской дѣятельности Владыка Игнатій не избѣжалъ скорбей и искушеній, отчасти вслѣдствіе осложненія отношеній участіемъ ректора и инспектора семинаріи въ дѣлахъ Епархіальнаго управленія, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ протоіерея Крастилевскаго, отчасти вслѣдствіе характера лицъ, занимавшихъ при Игнатіи должности ректора и инспектора семинаріи, отчасти и вслѣдствіе ряда епархіальныхъ интригъ. Насколько Владыка Игнатій дорожилъ добрыми отношеніями къ семинарскому начальству,—видно, напр., изъ его писемъ къ Преосвященному Леониду Краснопѣвкову. „Письмо Ваше есть сокровище“—пишетъ Владыка Игнатій въ одномъ письмѣ. „Въ немъ показаны самыя вѣрныя отношенія Епископа къ ректору и ректора къ Епископу. Какъ

[1]) [2]) Слѣдуютъ имена и фамиліи.

эти отношенія установилъ у себя и этихъ отношеній постоянно держится мудрый и опытный Святитель Московскій, то я счелъ обязанностію своею держаться ихъ и держался постоянно въ сношеніяхъ моихъ съ Архимандритомъ Епифаніемъ. На дняхъ я счелъ долгомъ моимъ показать благодѣтельное письмо Архимандриту, чтобъ онъ увидѣлъ изъ письма тотъ образъ мыслей, который имѣютъ въ Москвѣ объ обязанностяхъ ректора предъ его епархіальнымъ Архіереемъ [1]). Однако добрыя отношенія не удавалось удержать Владыкѣ Игнатію и это было одной изъ скорбныхъ страницъ его многотрудной жизни, несомнѣнно имѣвшихъ значеніе и въ качествѣ мотивовъ, ускорившихъ оставленіе имъ Кавказской епархіи и удаленіе въ Бабайки [2]).

Въ цѣляхъ поддержанія христіанскаго просвѣщенія въ приходскомъ духовенствѣ и православной паствѣ, Преосвященный Игнатій заботился о поддержаніи и пополненіи церковныхъ и причтовыхъ библіотекъ. Въ мартѣ 1861 года по поводу Указа Святѣйшаго Синода относительно церковныхъ библіотекъ [3]) Преосвященный Игнатій въ ре-

---

[1]) Письмо Преосвященнаго Игнатія къ Преосвященному Леониду Краснопѣвкову отъ 22 апрѣля 1861 года (Изъ бумагъ Сенатора Н. С. Брянчанинова, См. Приложенія, стр. 162, № 114).

[2]) Ранѣе ректорства Архимандрита Епифанія, ректоръ семинаріи Архимандритъ Германъ и инспекторъ Архимандритъ Исаакій были удалены изъ Консисторіи вслѣдствіе разногласія съ Преосвященнымъ, а Архимандритъ Епифаній былъ вновь приглашенъ къ присутствованію въ Консисторіи. (Предложеніе Епископа Игнатія Кавказской дух. Консисторіи отъ 26 октября 1859 года, за № 100. Дѣло Архива Кавк. дух. Консисторіи по первому столу, по описи 1859 года № 252, л. 1). Отношенія съ Архимандритомъ Епифаніемъ также не отличались ровностію, причиною чего была неровность характера Архимандрита Епифанія, какъ это можно подтвердить письмами Владыки къ тому же Преосвященному Леониду. Отъ 3 іюня 1861 года Владыка Игнатій пишетъ Преосвященному Леониду: „О. ректоръ Епифаній написалъ просительное письмо къ г. Синодальному Оберъ-Прокурору о перемѣщеніи своемъ отсюда по неспособности выносить здѣшній климатъ. Я совѣтовалъ ему, написать и къ Первосвятителю Московскому. И я писалъ къ Его Высокопреосвященству, прося его не оставить о. Епифанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ о. ректоръ подалъ въ семинарское Правленіе записку о своей болѣзненности; несмотря на эту болѣзненность я просилъ его посѣщать меня отъ времени до времени, полагая, что моя бесѣда, не имѣющая другого достоинства, кромѣ благонамѣренности, можетъ успокоивать духъ его, въ чемъ онъ очень нуждается. Усмотрѣвъ, что онъ приходитъ въ совершенное изступленіе и самозабвеніе въ то время, какъ подвергнется вспыльчивости, что въ это состояніе онъ приводится другими и не замѣчаетъ того,—я заключилъ, что онъ неспособенъ къ должности ректора. Недавно онъ самъ высказалъ мнѣ эту мысль: слава Богу, если онъ говорилъ искренно. Понять свою неспособность великое благо! Очевидно, дѣйствительно, Архимандритъ Епифаній не могъ быть хорошимъ сотрудникомъ Святителя Игнатія. (См. Приложенія къ второй части нашей книги, стр. 163).

[3]) Указомъ Свят. Синода отъ 8 марта 1861 г., за № 892, поручено было Епархіальнымъ Преосвященнымъ, чтобы: 1) при рукоположеніи во священники воспитанниковъ семинаріи обязывали ихъ, а уже служащихъ обязали подписками непремѣнно

золюціи своей отъ 31 марта 1861 года, за № 575, писалъ: „Такъ какъ сочиненія Св. Григорія Богослова, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Кирилла Іерусалимскаго, Ефрема Сирина и другихъ Восточной Церкви Отцовъ получены и получаются въ „Твореніяхъ Святыхъ Отцовъ Церкви", издаваемыхъ Московскою духовною академіею, а Отцовъ Западной Церкви—въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи", также въ „Христіанскомъ чтеніи", то предписать, чтобы во всѣ церкви Кавказской епархіи пріобрѣтены были Богословіе, составленное Преосвященнымъ Антоніемъ, и Пространный Катихизисъ" [1]). Резолюціей Преосвященнаго Игнатія отъ 30 января 1861 г., за № 196, предписано всѣмъ церквамъ Кавказской епархіи, за исключеніемъ крайне бѣдныхъ, выписать журналъ „Труды Кіевской духовной академіи" [2]). Резолюціей отъ того же числа за № 206 предоставлено желающимъ изъ духовенства выписывать журналъ „Душеполезное чтеніе" и рекомендовано предлагать выписку его прихожанамъ, какъ журнала весьма соотвѣтствующаго своему названію [3]). Академическіе журналы въ рѣдкихъ епархіяхъ выписывались въ количествѣ, соотвѣтственномъ Ставропольской епархіи.

Время Архипастырскаго служенія Преосвященнаго Игнатія на Кавказской каѳедрѣ совпало съ временемъ великой Крестьянской реформы Императора Александра II. Съ начала 1859 года шли по мѣстамъ подготовительныя работы къ великому акту 19 февраля 1861 г. По ходатайству дворянства Ставропольской губерніи, Государь Императоръ Высочайшимъ рескриптомъ повелѣть соизволилъ—открыть въ г. Ставрополѣ особый Комитетъ по составленію проекта положенія

имѣть въ своихъ или церковныхъ библіотекахъ книги Священнаго Писанія, Догматическое Богословіе Преосвященнаго Антонія, Пространный Катихизисъ и книгу О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, пріобрѣтеніе каковыхъ книгъ, по дешевизнѣ ихъ никакъ не можетъ быть обременительно для поступающихъ на священническія мѣста; а также стараться пріобрѣтать въ церковную библіотеку книги, назначенныя для сего циркулярнымъ Указомъ Святѣйшаго Синода 15 февраля 1832 года, и книги, по особеннымъ обстоятельствамъ прихода, нужныя въ пособіе священнику; 2) чтобы наблюденіе за исполненіемъ сего возложили на благочинныхъ и обращали вниманіе на этотъ предметъ сами Преосвященные при обозрѣніи епархіи. Поименованныя въ резолюціи Епископа Игнатія книги отчасти значились въ общемъ спискѣ, разосланномъ при циркулярномъ указѣ 15 февраля 1832 года. (Архивъ Кавк. дух. Консисторіи. Дѣло 1-го стола, по описи 1861 года № 91, л. 1).

[1]) Тамъ же, л. 1.

[2]) Резолюція послѣдовала на оффиціальномъ письмѣ ректора Кіевской духовной Академіи Архимандрита Филарета отъ 7 января 1861 года, за № 395 (Архивъ Кавк. Консисторіи, Дѣло 2-го стола, по описи 1861 г. № 17, л. 1).

[3]) Резолюція послѣдовала на оффиціальномъ письмѣ редактора „Душеполезнаго чтенія" протоіерея Алексѣя Ключарева отъ 16 января 1861 г. (Арх. Кавк. дух. Конс., дѣло 2-го стола, по описи 1861 года № 16, листъ 1 и 2).

объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ губерніи. Ставропольскій Комитетъ по дѣлу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго Предводителя дворянства, по совершеніи торжественнаго молебствія въ городскомъ соборѣ, былъ открытъ 15 января 1859 г. Гражданскимъ Губернаторомъ генералъ-лейтенантомъ Волоцкимъ. Самый актъ 19 февраля 1861 г. произошелъ во время губернаторства въ г. Ставрополѣ П. А. Брянчанинова,— брата Владыки Игнатія. Затрогивая вопросъ о великой Крестьянской реформѣ Императора Александра II по отношенію къ Кавказскому краю, мы имѣемъ въ виду освѣтить и установить взглядъ на участіе въ этомъ дѣлѣ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова по должности епархіальнаго Епископа, какъ это представляется по документамъ, хранящимся въ архивѣ Ставропольской духовной Консисторіи и оказавшимся въ бумагахъ сенатора Н. С. Брянчанинова. Участіе Преосвященнаго Игнатія въ проведеніи крестьянской реформы на Кавказѣ выразилось въ глубоко продуманномъ и энергичномъ руководствѣ дѣятельностію и настроеніемъ Кавказскаго духовенства по отношенію къ великому дѣлу. Весьма естественно предполагая, что въ важномъ дѣлѣ устроенія и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, для руководства совѣстію и разумомъ особенно нуженъ благодѣтельный свѣтъ Христова ученія, исходящій изъ Евангелія и преподаваемый святою Церковію, и что какъ помѣщики, такъ и крестьяне будутъ обращаться къ пастырямъ Церкви за словомъ назиданія, за словомъ совѣта, за словомъ утѣшенія и успокоенія, Преосвященный Игнатій считаетъ своею священнѣйшею обязанностію преподать церковнымъ пастырямъ Кавказской епархіи во всей ясности и опредѣленности то направленіе, которое должны они стяжать и постоянно сохранять въ своихъ бесѣдахъ съ паствою по предмету столь важному— по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ[1]). Направленіе это опредѣляется Преосвященнымъ Игнатіемъ съ точки зрѣнія вѣчной задачи св. Церкви созиданія душевнаго спасенія христіанскаго. Обращая вниманіе на повѣствованіе съ отвѣтомъ Господа на просьбу нѣкоего человѣка о раздѣлѣ имущества съ братомъ (Лк. XII), Владыка Игнатій различаетъ въ отвѣтѣ этомъ двѣ части: во первыхъ, Господь упомянулъ о вещественной части дѣла, т, е. о самомъ раздѣлѣ имѣнія и благоволилъ отрѣчься отъ всякаго участія въ сужденіи о дѣлѣ со стороны его вещественной, гражданской; во вторыхъ,—Господь удостоилъ всего

---

[1]) Направленіе это и его мотивы подробно выразились въ обстоятельномъ предложеніи Епископа Игнатія, данномъ Кавказской дух. Консисторіи отъ 17 января 1859 года, за № 3. Арх. Кавк. дух. Консисторіи. Дѣло 2 стола, по описи 1859 г. № 24. Тоже—въ бумагахъ сенатора Н. С. Брянчанинова). Предложеніе это ниже прилагается въ копіи. (См. Приложенія, стр. 13—47).

Своего вниманія и глубокаго назиданія духовную сторону дѣла, указавъ, что въ этомъ дѣлѣ, а, слѣдовательно, и всякомъ однородномъ сему дѣлѣ, должно по преимуществу опасаться и остерегаться увлеченія скрытною частію лихоимства, отъ которой, какъ отъ сѣмени, несомнѣнно должны родиться другія страсти, болѣе явныя, уже очевидно гибельныя для частныхъ лицъ и для общества. Основываясь на такомъ пониманіи вопроса, Преосвященный Игнатій указываетъ священнѣйшую обязанность пастырей Церкви руководить къ добродѣтели и спасенію все христіанское братство, и, съ этой точки зрѣнія, рекомендуетъ духовенству въ предстоящемъ дѣлѣ бесѣды, совѣты и наставленія свои направить къ уклоненію пасомыхъ отъ увлеченія страстями. „Пастыри! научайте, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, которые будутъ обращаться къ вамъ за совѣтами, чтобы они въ кротости духа, въ благочестивомъ самоотверженіи, обращались съ частыми молитвами къ Богу, умоляя Его благостыню, да даруетъ мудро задумать, обработать, совершать великое отечественное дѣло, долженствующее возвести государство на высшую степень благоденствія. Научайте овецъ Христовыхъ, чтобы они постоянно паслись на пажити Христовой, т. е. постоянно питали душу ученіемъ Христовымъ, которое заповѣдуетъ тщательно и постоянно сохранять любовь, взаимный миръ, милосердіе, благость, которое отвергаетъ всѣ страсти, въ какое бы благовидное облаченіе и покровъ ни одѣвались эти страсти для обольщенія человѣковъ. Обратите все вниманіе ваше, чтобы въ дѣлѣ духовная сторона его, самимъ Закономъ Божіимъ, самимъ священнымъ призваніемъ вашимъ порученная вамъ, сохраняла свое достоинство, указанное ей ясно Евангеліемъ. Благочестивое и благоугодное направленіе душъ, которое вы будете питать и поддерживать, несомнѣнно подѣйствуетъ благодѣтельно и на вещественную сторону дѣла. Вмѣстѣ съ этимъ тщательно сторонитесь не только отъ вмѣшательства въ гражданскія распоряженія и отъ всякаго сужденія о нихъ, но и отъ всякихъ, даже частныхъ, какъ бы конфиденціальныхъ бесѣдъ и совѣтовъ о вещественной сторонѣ дѣла“ [1]). Взглядъ свой на должное отношеніе духовенства къ гражданскому дѣлу Преосвященный Игнатій подтверждаетъ и въ письмѣ своемъ на имя Гражданскаго Ставропольскаго Губернатора генералъ-лейтетанта А. А. Волоцкого отъ 18 января 1859 года, въ которомъ, прилагая копію своего предложенія Кавказской духовной Консисторіи отъ 17 января 1859 г., за № 3, пишетъ, что онъ счелъ священною обязанностію своею преподать духовенству епархіи то направленіе, котораго они должны не-

[1]) Предложеніе Епископа Игнатія Кавк. дух. Консисторіи отъ 17 января 1859 г., за № 3 (См. Приложенія, стр. 13—17).

уклонно держаться въ отношеніи проводимаго дѣла [1]). Появленіе въ мартовской книжкѣ журнала „Православный собесѣдникъ“ статей, относящихся къ дѣлу Крестьянской реформы, вызвало со стороны Преосвященнаго Игнатія предложеніе Кавказской духовной Консисторіи отъ 25 апрѣля 1859 года, за № 809, которымъ онъ подтверждаетъ духовенству Кавказской епархіи,—чтобы оно неуклонно руководствовалось тѣмъ направленіемъ, которое дано предложеніемъ Преосвященнаго Игнатія отъ 17 января 1859 г., за № 3, и согласно этому направленію руководствовало паству [2]). Но, не ограничиваясь этимъ общимъ подтвержденіемъ пастырской обязанности руководствоваться самимъ и питать пасомыхъ указаніями Слова Божія и голосомъ Церкви, сохраняя свободное отъ страстей и мирное настроеніе духа, Преосвященный Игнатій, по поводу журнальной статьи „Православнаго Собесѣдника“ подъ заглавіемъ „Голосъ древней русской Церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“ обратился снова съ Архипастырскимъ словомъ къ духовенству Кавказской епархіи чрезъ обширное предложеніе Кавказской духовной Консисторіи отъ 6 мая 1859 года, за № 916 [3]). Предложеніе это представляетъ собою обстоятельную статью съ изложеніемъ взгляда Преосвященнаго Игнатія на происхожденіе рабства на землѣ и, на ряду съ критическимъ разборомъ статьи „Православнаго Собесѣдника“ [4]), вы-

---

[1]) Изъ бумагъ Сенатора Н. С. Брянчанинова.

[2]) Архивъ Кавк. дух. Консисторіи. Дѣло 1-го стола, по описи 1859 г. № 24, л. 5. По содержанію этихъ предложеній Епископа Игнатія духовенство епархіи дало подписку въ неуклонномъ послѣдованіи данному въ нихъ наставленію.

[3]) Предложеніе отъ 6 мая 1859 г., за № 916, сохранившееся въ подлинникѣ въ бумагахъ сенатора Н. С. Брянчанинова, представляетъ обширную, въ 63 страницы убористаго мелкаго письма, тщательно написанную Преосвященнымъ Игнатіемъ рукопись, было напечатано въ количествѣ 170 экз. для разсылки по епархіи. Въ виду важности разсматриваемаго въ немъ вопроса по существу, историческаго его значенія и цѣнности для характеристики взглядовъ Преосвященнаго Игнатія и его литературныхъ трудовъ, мы помѣщаемъ это интересное предложеніе къ нашей книгѣ въ копіи (См. Приложенія, стр. 18—47).

[4]) Статья „Православнаго Собесѣдника“, подвергшаяся критикѣ Епископа Игнатія, какъ сообщающая дѣятельности духовенства нецерковное направленіе, написана была баккалавромъ Казанской духовной академіи Ае. Щаповымъ. Преосвящен. Игнатій, очевидно, интересовался личностію Щапова. Въ бумагахъ сенатора Н. С. Брянчанинова сохранилась слѣдующая небезынтересная замѣтка: Въ апрѣлѣ 1861 г. совершена была въ г. Казани, по просьбѣ студентовъ тамошняго университета, панихида по крестьянамъ, убитымъ въ с. Безднѣ. При панихидѣ сей находился бывшій баккалавръ тамошней духовной академіи Аѳанасій Щаповъ и произнесъ рѣчь съ амвона. Отъ Щапова списка съ этой рѣчи не получено, но, какъ видно изъ доставленныхъ слѣдователямъ по этому дѣлу мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣній, онъ между прочимъ, говорилъ: „Други, не человѣколюбиво убіенные! Самъ Христосъ возвѣщалъ народу искупительную свободу, братство и равенство во времена Римской Имперіи и

ражаетъ взглядъ Владыки Игнатія на желательный ходъ Крестьянской реформы и ея значеніе для будущности Русскаго государства. Устанавливая то положеніе, „что ни равенства, ни совершенной свободы, ни благоденствія на землѣ въ той степени, какъ этого желаютъ и это обѣщаютъ восторженные лжеучители, быть не можетъ, а несвободное состояніе людей, имѣющее многоразличныя формы, есть послѣдствіе ниспаденія человѣчества въ грѣхъ“, Преосвященный Игнатій говоритъ, что „доколѣ человѣчество подвержено вліянію грѣха и страстей, дотолѣ необходимы власть и подчиненность. Какое въ сущности значеніе имѣетъ улучшеніе быта крестьянъ? Это измѣненіе формы управ-

---

рабства народовъ и по Пилатскому суду кровію запечатлѣлъ Свое демократическое ученіе“. Митрополитъ Московскій Филаретъ, разсматривавшій означенное дѣло, нашелъ, что рѣчь Щапова заключала въ себѣ, съ одной стороны, неумѣстный и возмутительный протестъ противъ дѣйствія правительственнаго правосудія, а съ другой искаженіе ученія Христова, которое изъ духовнаго, нравственнаго, душеспасительнаго, превращается здѣсь въ политическое, демократическое.

Щаповъ по окончаніи курса Казанской духовной академіи въ 1856 году со степенью магистра опредѣленъ былъ въ академію баккалавромъ, а съ сентября 1860 года, не оставляя службы при академіи, поступилъ въ Казанскій университетъ для преподаванія Русской исторіи. Съ этого времени онъ болѣе и болѣе уклонялся отъ академіи, рѣдко и весьма неисправно посѣщалъ академическія лекціи, не являясь въ классы иногда по цѣлой недѣлѣ и болѣе, читалъ лекціи прошлаго курса. Въ отношеніи же къ воспитанникамъ Щаповъ держалъ себя благородно и былъ съ ними обходителенъ, безъ фамильярности. Вообще же Щаповъ человѣкъ весьма ученый и могъ бы быть полезнымъ и даже замѣчательнымъ наставникомъ, если бы не былъ способенъ увлекаться обстоятельствами, подъ вліяніемъ коихъ находился; такъ, преподаваніе его въ академіи не заключало ничего предосудительнаго ни въ духѣ, ни въ направленіи; а когда онъ поступилъ въ университетъ, то будучи увлеченъ одобреніемъ, съ которымъ встрѣтили его тамъ слушатели, позволилъ себѣ перейти границы строгой осторожности въ чтеніи своего предмета. Впрочемъ, по мнѣнію бывшаго Викарія Казанской епархіи Преосвященнаго Никодима, который по служебнымъ отношеніямъ своимъ къ академіи имѣлъ возможность близко узнать Щапова, постигшее его несчастіе можетъ возвратить его къ образу мыслей правильному, твердому, кроткому, столь общему всѣмъ воспитанникамъ нашихъ духовныхъ училищъ (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова).

Въ письмѣ своемъ къ брату П. А. Брянчанинову отъ 17 января 1862 года, Преосвященный Игнатій пишетъ: „Сюда (т. е. въ Николо—Бабаевскій монастырь) назначили Щапова для вразумленія его. Какая поздняя мѣра! Когда сочиненія его разошлись по Россіи, были читаны, а можетъ быть, и вѣроятно, и теперь читаются большинствомъ съ восторгомъ и увлеченіемъ, когда Щаповъ дѣло свое вполнѣ совершилъ, тогда присылаютъ его въ монастырь. Монастырь для лица, если къ нему есть милость Божія, можетъ быть полезенъ, но это лицо уже чуждо своему дѣлу, получившему собственныя и значеніе и самостоятельность. Оба воспитанника Кавказской семинаріи, посланные при мнѣ въ Казанскую академію, замѣшаны въ дѣлѣ. Это жертвы, жрецы въ сторонѣ“. (Приложенія, стр. 192—193, № 161). Письмомъ отъ 16 марта 1862 года Преосвященный Игнатій сообщилъ Петру Александровичу, что „г. Щаповъ прощенъ Государемъ Императоромъ и въ Бабаевскій монастырь не будетъ“ (См. Приложенія, стр. 196—197, № 167).

ленія ими. Имъ даруется свобода, но не своеволіе: они выходятъ изъ подъ вѣдомства помѣщиковъ, какъ бы изъ подъ надзора воспитателей и опекуновъ, въ служебное, личное отношеніе къ государству, чрезъ посредство начальства, которое надъ ними будетъ установлено Правительствомъ. Повелѣніе Государя ознаменовано счастливѣйшимъ началомъ, великолѣпнымъ исполненіемъ, изумляющимъ Европу. Европа привыкла видѣть государственные перевороты, сопровождаемые народнымъ смятеніемъ, ужаснымъ кровопролитіемъ: въ Россіи, напротивъ того, переворотъ совершается съ ненарушимымъ спокойствіемъ. Слова Государя, „что началомъ переворота по повелѣнію свыше предупреждается начало его снизу“ должны быть начертаны золотыми буквами на скрижаляхъ исторіи“. Значеніе статей „Православнаго Собесѣдника“ и вопросъ о крѣпостномъ состояніи крестьянъ, о великомъ актѣ освобожденія ихъ и о ихъ будущности, а также о должномъ дѣйствованіи духовенства, Преосвященный Игнатій разсматриваетъ по отношенію къ государственному законодательству, къ духовной литературѣ, къ отечественной исторіи и по отношенію къ Божественному откровенному христіанскому ученію.

Изложивъ ученіе Слова Божія и св. Церкви о рабствѣ и власти, о свободѣ духовной и гражданской, Преосвященный Игнатій приходитъ къ заключенію, 1) что „Слово Божіе и Церковь, какъ Вселенская такъ и Россійская, въ лицѣ Святыхъ Отцовъ, никогда и ничего не говорили о уничтоженіи гражданскаго рабства, что между духовною и гражданскою свободою нѣтъ ничего общаго, что какъ рабы, такъ и господа были постоянно научаемы Церковію точнѣйшему, самому добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, что нарушители Христова завѣщанія о любви подвергались обличеніямъ и вразумленіямъ; 2) что освобожденіе рабовъ всегда признавалось Церковію добрымъ дѣломъ, дѣломъ милости, дѣломъ братской христіанской любви“. „Изъ этого ученія Церкви“, говоритъ Владыка Игнатій, „взглядъ на настоящее отечественное событіе, на дѣло объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и о дарованіи имъ гражданской свободы величественъ, великолѣпенъ. Благочестивѣйшій Самодержецъ Россійскій указалъ дворянскому сословію совершеніе великаго христіанскаго дѣла, дѣла любви. Церковь призываетъ благословеніе Божіе на великое отечественное дѣло теплѣйшими молитвами! Ея пастыри приглашаютъ дворянство къ благородному самоотверженію, къ пожертвованію, къ пожертвованію срочному вещественными выгодами для выгодъ нравственныхъ, а крестьянъ наставляютъ принять даръ Царя съ должнымъ благоговѣніемъ и смиреніемъ—этими вѣрными залогами, что даръ будетъ употребленъ благоразумно и полезно. Не должно думать, что гражданская свобода возвыситъ нравственно однихъ крестьянъ: сословіе дворянъ должно непремѣнно вступить на высокую степень нрав-

ственнаго преуспѣянія, отказавшись отъ рабовладѣнія. Таково свойство самоотверженія и принесенія выгодъ матеріальныхъ въ жертву выгодамъ духовнымъ: оно возвышаетъ, измѣняетъ, совершенствуетъ человѣка". Представивъ яркую картину рабства ветхозавѣтнаго и указавъ на библейскихъ и подвижническихъ примѣрахъ вліяніе происшедшаго въ человѣкѣ нравственнаго переворота на матеріальные интересы и образъ жизни его, Преосвященный Игнатій заканчиваетъ свое наставленіе—предложеніе духовенству Кавказской епархіи интереснымъ архипастырскимъ и церковнымъ отвѣтомъ на вопросъ: что ожидаетъ насъ въ будущемъ? „Мы видимъ", говоритъ онъ, „необыкновенное матеріальное развитіе Европы: Россія, чтобы гармонировать съ Европою, поддержать въ ней свое значеніе, должна по необходимости, по необходимости государственной и политической, вводить у себя европейское матеріальное развитіе. Матеріальное развитіе охлаждаетъ человѣковъ къ христіанской вѣрѣ, допуская наиболѣе одно поверхностное занятіе ею. При усиленіи сношеній съ Европою—неизбѣженъ фактъ: усиленное вторженіе ея разнообразныхъ религіозныхъ ученій въ наше отечество. Всѣ эти ученія, съ папизма до деизма и атеизма, одинаково враждебны православной вѣрѣ. Между тѣмъ величіе Россіи должно возрастать. Положимъ, что она останется въ настоящихъ своихъ предѣлахъ въ теченіе цѣлаго вѣка; но въ это время ея собственное народонаселеніе должно возрасти, по законамъ статистики, до 200 милліоновъ. Россія не нуждается высылать избытки своего народонаселенія, подобно другимъ Европейскимъ государствамъ, за моря: она можетъ помѣстить свободно и широко на своемъ огромномъ пространствѣ сотни милліоновъ. Соотвѣтственно умножающемуся народонаселенію и матеріальному развитію возвышается значеніе государства; съ возвышеніемъ значенія государства возвышается значеніе служебнаго сословія. Уже теперь мы видимъ сановниковъ съ значеніемъ, какого не было въ началѣ XIX столѣтія. Таковы: Намѣстникъ Кавказскій, Намѣстникъ Царства Польскаго, Генералъ-Губернаторы Новороссійскій и Восточной Сибири; ихъ области—цѣлыя царства; они не могутъ стоять на одной степени съ воеводами Димитрія Донского, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича. При такомъ развитіи государственномъ, при такомъ матеріальномъ развитіи, при вторженіи въ Россію европейскихъ ученій, нѣтъ надежды, чтобы духовенство могло возвратиться къ тому значенію и въ нравственномъ и въ вещественномъ отношеніяхъ, которое оно имѣло въ дѣвственной Россіи. Скажутъ здѣсь: необходимо улучшить вещественное положеніе православной Церкви для самого государственнаго благосостоянія. Такъ! Но путь къ достиженію этой цѣли не тотъ, который указанъ „Собесѣдникомъ". Сила и существенное значеніе духовенства заключается въ его характерѣ. „Вы есте свѣтъ міра, вы есте соль

земли", говоритъ намъ, пастырямъ Церкви, Спаситель (Мѳ. V, 14). Окажемъ нашею жизнію повиновеніе Христу, стяжемъ въ себѣ Христа: Онъ содѣлаетъ насъ свѣтомъ для міра, солію для земли; братія наши всѣхъ сословій, увидѣвъ сіяющій изъ насъ свѣтъ, ощутивъ на себѣ дѣйствіе благодатной соли, которою мы должны быть пропитаны, воздадутъ намъ все должное и предоставятъ намъ все нужное для временной жизни. Это обѣтовалъ намъ Самъ Господь (Мѳ. VI, 33). Напротивъ того, если мы утратимъ характеръ нашъ, то братія наши ощутятъ къ намъ недовѣріе, отвратятся отъ насъ, окажутъ намъ всякое пренебреженіе. И это предвозвѣщено намъ Господомъ (Мѳ. V, 13). Увы, братія! Если мы замѣчаемъ, что человѣки презираютъ и попираютъ насъ: то не вѣрнѣе ли, не справедливѣе ли будетъ, когда мы, вмѣсто того, чтобы обвинять въ этомъ другія сословія, обратимъ взоры на самихъ себя, и постараемся исправить свое земное положеніе исправленіемъ себя по духу?

Нравственное знаменіе христіанства есть любовь. „О семъ разумѣютъ вси, сказалъ Спаситель, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою" (Іоан. XIII, 35). Это святое знаменіе должно быть, по преимуществу, знаменіемъ духовенства. Стяжемъ въ себѣ любовь, будемъ ее оказывать обильно всѣмъ сословіямъ: тогда всѣ сословія невольно проникнутся благоговѣніемъ къ намъ и удовлетворятъ всѣмъ нашимъ потребностямъ. Человѣкъ не можетъ не воздать почтенія любви, когда увидитъ и въ своемъ ближнемъ, особливо когда увидитъ ее въ пастырѣ,—потому что любовь есть Богъ, предъ Которымъ смиряется всякое Его созданіе (1 Іоан. IV, 16).

Вотъ основныя, на нашъ взглядъ, положенія этого замѣчательнаго наставленія Епископа Игнатія Брянчанинова Кавказскому духовенству.—1) Рабство и всѣ иныя жизненныя нестроенія являются необходимымъ слѣдствіемъ грѣховнаго состоянія человѣчества и ослабляются въ человѣчествѣ лишь въ мѣрѣ его духовнаго совершенствованія.

2) Раскрѣпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи должно произойти мирно и спокойно—сверху внизъ, а не снизу—вверхъ, державнымъ актомъ царской милости Государя Императора и самоотверженнымъ желаніемъ дворянства поступиться своими матеріальными преимуществами въ пользу своихъ меньшихъ братій, а эти послѣдніе должны съ смиреніемъ и благодарностію принять даруемую имъ милость.

3) Свобода гражданская и матеріальный успѣхъ жизни имѣютъ смыслъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой реализируется свобода нравственная, духовная, и въ какой люди смиренно совершаютъ свой важнѣйшій жизненный подвигъ душевнаго спасенія.

4) Дѣятельность духовенства должна заключаться не въ разбирательствѣ дѣлъ внѣшнихъ и не въ строеніи матеріальнаго блага, а въ служеніи душевному спасенію ближнихъ, въ проведеніи въ жизнь ихъ христіанской любви, въ возбужденіи въ нихъ расположенія къ подвигу духовному.

5) Высокая задача этой пастырской дѣятельности можетъ быть разрѣшена лишь въ мѣрѣ личнаго духовнаго подвига и нравственнаго совершенствованія пастырей Церкви; святыя начала Христовой любви для благотворнаго вліянія на окружающихъ должны прежде находить выраженіе въ жизни предстоятелей Церкви.

6) Будущее Русскаго народа, при колоссальномъ развитіи послѣдняго въ отношеніи количественномъ и матеріальномъ, находится въ зависимости отъ его моральнаго состоянія, служить которому и призвано Русское духовенство, тѣмъ выполняя и свое жизненное призваніе и свой гражданскій долгъ.

Вотъ тѣ, полагаемъ, безспорныя положенія, которыя выражены въ обширномъ предложеніи Преосвященнаго Игнатія Кавказской духовной Консисторіи отъ 6 мая 1859 года, за № 916.

Безспорно также, что предложеніе это написано съ замѣчательной богословской эрудиціей и вполнѣ выражаетъ аскетическое настроеніе Преосвященнаго Игнатія. Если бы Преосвященный Игнатій былъ предоставленъ самому себѣ, изъ него вышелъ, можетъ быть, другой человѣкъ, можетъ быть, какой нибудь великій, отрѣшенный отъ міра подвижникъ, но люди своими заботами о немъ сдѣлали его, по отношенію къ разсматриваемому періоду, игуменомъ, настоятелемъ и Епископомъ. Весьма возможно думать, что Игнатій Брянчаниновъ отказался бы отъ настоятельства въ Сергіевой пустынѣ, если бы не особая постановка предложенія Императоромъ Николаемъ I, который потребовалъ отъ него уплаты долга за воспитаніе и любовь и службы тамъ, гдѣ указалъ Императоръ. Одно то, что по переѣздѣ въ Сергіеву пустынь Игнатій Брянчаниновъ ослабѣлъ и первое время много хворалъ,—показываетъ довольно ясно, что новая сфера не оживляла его, не давала ему духовной силы. Между тѣмъ, онъ послѣ болѣзни переѣхалъ изъ Динабурга къ о. Леониду въ Александро-Свирскій монастырь, въ болѣе суровый климатъ, сразу принялся тамъ за тяжелыя работы, но чувствовалъ себя здоровымъ. Даже приказъ монахарыболова въ холодное время идти ему въ воду за неводомъ не причинилъ ему тяжелаго потрясенія въ здоровьѣ и принесъ только обыкновенную простуду. Этотъ характеръ подвижничества вполнѣ выразился и въ предложеніи Кавказской Консисторіи за № 916. Но, по назначенію документа, въ этомъ была до нѣкоторой степени слабая его сторона. Предложеніе это и для Кавказскаго духовенства, и для воспитанниковъ духовныхъ школъ было важнымъ духовно-про-

свѣтительнымъ документомъ, но въ этотъ моментъ оно было для обычныхъ людей не вполнѣ ясно: нужно было написать практическое и несложное наставленіе духовенству, какъ дѣйствовать на народъ, какъ руководить имъ въ мірской жизни, какъ вести себя при проведеніи въ жизнь великой крестьянской реформы. Что Преосвященный Игнатій вполнѣ сочувствовалъ Крестьянской реформѣ, доказываютъ, кромѣ этого предложенія, многіе факты его жизни. Не безъ значенія уже то, что еще задолго до освобожденія крестьянъ онъ не хотѣлъ пользоваться своими имущественными правами и ушелъ въ монахи. На первомъ шагу въ новой жизни онъ покорно подчинился своему бывшему рабу, повару въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. Сдѣлавшись настоятелемъ Сергіевой пустыни, онъ отдалъ крестьянамъ всю ту монастырскую землю, которою они давно пользовались. Есть письмо его къ бывшему Гражданскому Ставропольскому Губернатору А. А. Волоцкому [1]) отъ 22 марта 1861 г., которое также свидѣтельствуетъ о его освободительно-христіанскомъ настроеніи. Въ этомъ письмѣ Преосвященный Игнатій пишетъ Волоцкому: „20 марта былъ прочитанъ въ Каѳедральномъ соборѣ города Ставрополя Высочайшій Манифестъ, возвѣстившій государству великій подвигъ и великое дѣло, совершенные Государемъ Императоромъ—переходъ крѣпостныхъ людей къ состоянію сельскихъ обывателей свободныхъ. Пишу къ вамъ подъ свѣжимъ вліяніемъ Манифеста; мое письмо, вѣроятно, будетъ имѣть интересъ для Васъ, такъ какъ дѣло началось во время управленія Вами губерніею.

Манифестъ великолѣпенъ! Выслушанъ былъ съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, произвелъ на всѣ сословія самое благопріятное, спасительное впечатлѣніе. Общественное мнѣніе о дѣлѣ было искажено проникнувшимъ во всѣ слои общества журналомъ „Колоколъ“ и различными печатными статьями въ направленіи „Колокола“. На этомъ основаніи многіе ожидали Манифеста, если не вполнѣ въ томъ же направленіи, то, по крайней мѣрѣ, въ подобномъ, или сколько нибудь близкомъ. Является Манифестъ! Высокое направленіе его, величіе и правильность мыслей, величіе тона, необыкновенная ясность взгляда на дѣло, прямота и благородство выраженія, точное изображеніе несовмѣстности и несвоевременности устарѣвшей формы крѣпостного права и вмѣстѣ публичное оправданіе дворянства (которое подлые завистники его старались унизить, оклеветать, попрать и даже уничтожить при помощи софизмовъ по поводу крестьянскаго вопроса), проповѣдь Манифеста объ истинной свободѣ съ устраненіемъ своеволія и буйства, которыя невѣжествомъ и злонамѣрен-

[1]) Изъ бумагъ Сенатора Н. С. Брянчанинова.

ностію смѣшиваются съ идеею о свободѣ,—все это доставило Манифесту необыкновенную нравственную силу. Понятія ложныя, явившіяся и расплодившіяся по причинѣ глупыхъ и злыхъ разглашеній, разсѣялись и ниспали. Состояніе недоумѣнія, обымавшее умы, замѣнилось состояніемъ яснаго разумѣнія, спокойствія, довѣренности и глубокаго уваженія къ дѣйствіямъ Правительства. Манифестъ рѣшительно отдѣлился характеромъ своимъ отъ всѣхъ мелкихъ писаній по крестьянскому вопросу, и затмилъ ихъ свѣтомъ своимъ: такъ при появленіи солнца скрываются звѣзды. Онѣ не уничтожаются, продолжаютъ существовать и присутствовать на небѣ, но ихъ уже не видно. Манифестъ, служа разумнымъ изображеніемъ нашего Правительства, не можетъ не изливать истиннаго утѣшенія въ сердца всѣхъ благомыслящихъ и благонамѣренныхъ, фактически доказывая, что Правительство Русское шествуетъ по пути, самому правильному, самому благонадежному.

Мнѣ было очень пріятно увидѣть, что два предложенія мои, данныя Кавказской Консисторіи, еще въ бытность Вашу въ Ставрополѣ, для преподанія духовенству Кавказской епархіи должнаго направленія въ крестьянскомъ вопросѣ, рѣшительно сходствуютъ и по духу своему и по мыслямъ съ Манифестомъ, предупредивъ его двумя годами.

Противъ предложеній были здѣсь разные толки, особливо послѣ появленія ругательной статьи противъ меня въ „Колоколѣ“. Эти противные толки, въ которыхъ главную роль играла безсовѣстнѣйшая клевета, поневолѣ заставили духовенство обратить особенное вниманіе на предложенія, какъ получившія особый интересъ по возбудившейся вслѣдствіе нихъ полемикѣ. Предложенія были подробно разсмотрѣны, а потому изучены, и Манифестъ, явившись, нашелъ уже духовенство къ себѣ подготовленнымъ. Въ то время, какъ весь народъ благословляетъ Государя Императора за глубоко разумный Манифестъ, надо полагать, что издатель „Колокола“, съ небольшимъ числомъ единомысленной братіи своей, придетъ въ бѣшенство и ударитъ въ свой опошлившійся набатъ. Въ Манифестѣ, именно, упомянуты тѣ слова св. Апостола Павла къ Римлянамъ, по поводу которыхъ изступленный Искандеръ сказалъ, что Апостолъ Павелъ, произнесши ихъ, сдѣлалъ больше зла, чѣмъ Іуда Искаріотскій, предавши Христа. У васъ есть копія съ моихъ предложеній. Во второмъ изъ нихъ, отъ 7 мая 1859 года, Вы увидите развитіе понятій о Вопросѣ, точь въ точь тѣхъ же, какія развиты въ Манифестѣ (стр. 4, 5, 13, 20). Въ манифестѣ съ перваго слова до послѣдняго выраженъ принципъ Монархическій—залогъ общественнаго порядка и благоденствія Россіи.

Наканунѣ публикаціи Манифеста прочиталъ я въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ письмо Фальковскаго и Рескриптъ Государя князю Горчакову по поводу этого письма. Какой спокойный тонъ въ Рескриптѣ! Какое величественное, открытое изложеніе благихъ намѣреній Царя по отношенію къ народному прогрессу и твердости Царя по отношенію къ сохраненію порядка въ народѣ. Предъ Рескриптомъ, какъ предъ великаномъ, письмо Фальковскаго получаетъ характеръ такой мелочи, такихъ пустяковъ! Рескриптъ и Манифестъ преисполнены нравственной силы: предъ ними падаютъ и уничтожаются противныя имъ мнѣнія сами собою. Вотъ, дорогой мой, строки, которыя, уповаю, принесутъ Вамъ истинную радость наканунѣ той радости, которую доставитъ всесвятая Пасха. Слава и хвала Богу, хранящему Россію! Храненіе Богомъ Россіи явствуетъ для всякаго способнаго видѣть изъ Манифеста".

Предложеніе Преосвященнаго Игнатія за № 916 вызвало рѣзкіе нападки Герцена въ „Колоколѣ". Конечно, съ мірской точки зрѣнія предложеніе и должно было показаться страннымъ. Но Герценъ очень уронилъ себя нападками на Преосвященнаго Игнатія, потому что сдѣлалъ ихъ не во имя правды, а въ соображеніяхъ рисовки предъ профанами и свободомыслящими, сдѣлалъ это съ раздраженіемъ, потому что иначе, чѣмъ можно объяснить не только неприличныя инсинуаціи его въ отношеніи особы Преосвященнаго Игнатія, но даже и такіе грубые недосмотры, будто Игнатій Брянчаниновъ былъ настоятелемъ Сергіевой Лавры близъ Москвы [1]). Отвѣтъ Преосвященнаго Игнатія Герцену, помѣченный февралемъ 1860 г., имѣетъ полемическій характеръ, примѣнительно къ тону самого Герцена [2]).

---

[1]) См. ст. „Во Христѣ саперъ" (къ столкновенію А. И. Герцена и Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова) Богословскій Вѣстникъ за 1913 г., № 2, стр. 195—207.

[2]) Тамъ же. Нападки Герцена на Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, какъ человѣка иного жизненнаго лагеря и иныхъ взглядовъ по вопросу о жизненномъ прогрессѣ, вполнѣ понятны и, въ этой мѣрѣ, извинительны. Гораздо болѣе странными представляются неосторожныя сужденія нѣкоторыхъ представителей православнаго духовенства, съ попытками набросить нѣкоторую тѣнь на свѣтлую память покойнаго іерарха. Въ № 9 „Ставропольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей" за 1911 г. помѣщенъ юбилейный очеркъ на тему „Освобожденіе крестьянъ и духовенство". Очеркъ былъ доложенъ Епархіальнымъ миссіонеромъ протоіереемъ С. Никольскимъ 20 февр. 1911 г. Собранію ученыхъ Обществъ въ помѣщеніи Ставропольскаго Губернскаго Правленія. Въ „Очеркѣ" этомъ говорится всего болѣе объ обстоятельствахъ объявленія Манифеста 19 февр. 1861 г. въ Кавказской епархіи. Въ отношеніи къ Епископу Игнатію о. протоіерей Никольскій допускаетъ три тяжкія погрѣшности:

1) Будто бы въ предложеніи за № 916 Владыка Игнатій „стремится доказать, что рабство, какъ крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, вполнѣ законно и, какъ богоучрежденное, должно быть всегда, хотя въ различныхъ формахъ". Но изъ содержанія предложенія за № 916 такая мысль вовсе не слѣдуетъ, доказать ее

Картина объявленія Высочайшаго Манифеста 19 февр. 1861 года на Сѣверномъ Кавказѣ въ предложеніи Преосвященнаго Игнатія Кавказской духовной Консисторіи, отъ 19 марта 1861 г., за № 505, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Указъ Свят. Синода отъ 2 марта за № 765 съ приложеніемъ Высочайшаго Манифеста и приложеній къ нему былъ полученъ Преосвященнымъ Игнатіемъ 19 марта чрезъ

Владыка Игнатій не стремится и она противна его настроенію и опровергается его дѣятельностію вообще и по Крестьянской реформѣ въ особенности.

2) Протоіерей Никольскій ставитъ подъ подозрѣніе заявляемое Владыкой Игнатіемъ соотвѣтствіе предложеній его Кавказской Консисторіи за №№ 3 и 916 духу Высочайшаго Манифеста 19 февр. 1861 г. Между тѣмъ изъ сопоставленія названныхъ документовъ для насъ становится несомнѣннымъ ихъ идейное согласіе, подтверждаемое, въ особенности, письмомъ Епископа Игнатія къ А. А. Волоцкому.

3) Протоіерей Никольскій критически курсивомъ подчеркиваетъ ссылку Епископа Игнатія, въ отношеніи отъ 22 мая 1861 г. за № 1486 на имя Оберъ-Прокурора Свят. Синода, на свои предложенія Кавказской Консисторіи въ объясненіе мирнаго настроенія Кавказскаго населенія при объявленіи Высочайшаго Манифеста 19 февр. 1861 года, но ихъ мирный и твердый характеръ не подлежитъ сомнѣнію, а единственный случай перенесенія объявленія Манифеста съ 25 марта на 19 марта и сообщеніе Епископа Игнатія губернатору П. А. Брянчанинову о принадлежности нѣкоторыхъ станицъ вѣдѣнію главнаго священника Кавказской арміи и объясняются неоднократно и рѣшительно указаннымъ со стороны Преосвященнаго Игнатія ненормальнымъ положеніемъ церковнаго строя Кавказскаго края, при которомъ одна часть церквей находилась въ вѣдѣніи епархіальнаго Преосвященнаго, а другая была изъята изъ Епархіальнаго управленія.

Вообще юбилейный очеркъ протоіерея Симеона Никольскаго, посвященный событію 19 февр. 1861 г., производитъ непріятное впечатлѣніе своей тенденціей отмѣтить мнимое несочувствіе Преосвященнаго Игнатія Крестьянской реформѣ только потому, что онъ—изъ дворянъ и давно скончался, съ весьма понятнымъ при этомъ въ отношеніи о. Симеона Никольскаго кажденіемъ его по адресу современнаго „Очерку“ Ставропольскаго Преосвященнаго, бывшаго въ періодъ Крестьянской реформы сельскимъ священникомъ Яросл. епархіи.

Но наиболѣе непріятное впечатлѣніе изъ всего содержанія „Юбилейнаго очерка“ протоіерея Симеона Никольскаго производитъ примѣненіе имъ къ Преосвященному Игнатію Брянчанинову ходячаго анекдота объ офицерѣ, повѣнчавшемъ своего товарища и закрѣпленномъ въ рясѣ волею Императора Николая I-го. Передавая этотъ малоприличный для духовнаго лица анекдотъ, протоіерей Симеонъ Никольскій предпосылаетъ своему сообщенію недоумѣнный вопросъ: „желательно бы знать, насколько достовѣрно сказаніе о томъ... и т. д.“ Совершенно недостовѣрно и несомнѣнно тенденціозно, отвѣчаемъ мы о. Симеону Никольскому. Шагъ за шагомъ прослѣдивъ всю многотрудную жизнь Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова отъ его чистаго дѣтства и цѣломудренно-подвижнической юности до конца земного человѣческаго пришельствія, мы, къ утѣшенію нашему, имѣемъ достаточныя данныя для того, чтобы отвергнуть бременемъ падающіе на душу измышляющихъ всѣ подобнаго рода анекдоты, какъ имѣющіе характеръ праздныхъ фантазій, и полагаемъ, что сообщающіе ихъ въ особенности съ примѣненіемъ къ праведнымъ подвижникамъ и ревнителямъ Христовой истины могутъ искупить свой невольный грѣхъ на склонѣ лѣтъ искреннимъ покаяніемъ въ несвойственномъ возрасту легкомысліи.

г. начальника губерніи. Согласно Высочайшему повелѣнію, объявленіе Манифеста по Ставропольской губерніи должно было произвести однодневно съ объявленіемъ по землѣ войска Донского. Для этого г. Начальникъ губерніи отправлялъ въ Новочеркасскъ курьера и, вслѣдствіе соглашенія съ начальникомъ Донского войска, также вслѣдствіе распоряженія князя намѣстника Кавказскаго, положилъ объявить единовременно по всей Ставропольской губерніи, въ день Великой духовной вѣсти, Великую вѣсть государственную. Исполненіе Высочайшей воли, объявленной Государственнымъ Статсъ-Секретаремъ, было нарушено неожиданнымъ образомъ. Священникъ военнаго госпиталя, находящагося въ Ставропольѣ, въ военномъ вѣдомствѣ, прочиталъ 19 марта послѣ Божественной литургіи Манифестъ, безъ всякаго сношенія не только съ гражданскимъ Начальствомъ, но и съ военнымъ, несмотря на то, что Командующій войсками генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ находился въ Ставропольѣ. Вслѣдствіе такого объявленія возникли въ народонаселеніи г. Ставрополя неблагопріятные толки о Начальствѣ, якобы утаивающемъ Манифестъ. Чтобы утишить эти толки, оказалось необходимымъ немедленное объявленіе Манифеста въ городѣ. Для письменныхъ сношеній по этому предмету уже не было времени. По этой причинѣ, по соглашенію Преосвященнаго Игнатія съ военнымъ и гражданскимъ Начальствомъ, Высочайшій Манифестъ 19 февраля былъ объявленъ въ Ставропольскомъ Каѳедральномъ соборѣ послѣ Божественной литургіи 20 марта, а по прочимъ церквамъ Ставрополя и епархіи—25 марта, о чемъ сообщено было отношеніемъ къ Начальнику губерніи и рапортомъ въ Свят. Синодъ [1]). 30 апр. 1861 г., за № 2531, послѣдовало циркулярное пред-

---

[1]) Предложеніе Епископа Игнатія Кавк. дух. Консисторіи отъ 19 марта 1861 г. за № 505 (Архивъ Кавк Консисторіи, дѣло 1 стола, по описи 1861 г. № 74, л. 1 и 2). Указъ Консисторіи относительно обнародованія Высочайшаго Манифеста о Всемилостивѣйшемъ дарованія крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, отъ 19 марта 1861 г. за № 49, предписываетъ священникамъ въ сношеніи съ крестьянами и въ объявленіи имъ обязанностей ихъ „руководствоваться: 1) Высочайшимъ Манифестомъ, 2) копіями съ предложеній Его Преосвященства отъ 17 января и 6 мая 1859 года за №№ 3 и 916, такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ данъ дѣлу тотъ самый характеръ, каковой явствуетъ изъ Высочайшаго Манифеста“ (Въ томъ же „Дѣлѣ“, л.л. 12—15).

На отношеніе Ставропольскаго гражданскаго губернатора отъ 19 марта за № 28, по вопросу обнародованія Манифеста по церквамъ бывшаго Черноморскаго Казачьяго войска, съ приложеніемъ списка тѣхъ селеній, къ церквамъ которыхъ принадлежатъ приходами помѣщичьи имѣнія Ставропольской губерніи (Того же „Дѣла“, л.л. 8 и 9), Преосвященный Игнатій, отъ 19 марта 1861 г., за № 570, увѣдомилъ губернатора, что пять изъ поименованныхъ въ спискѣ селеній и церкви ихъ состоятъ въ вѣдѣніи г., главшаго священника Кавказской арміи и, слѣдовательно, внѣ сферы распоряженія Епархіальнаго Преосвященнаго (Тамъ же, л. 16).

ложеніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода графа А. А. Толстого на имя епархіальныхъ Преосвященныхъ, которымъ поручалось, въ предупрежденіе встрѣтившихся въ нѣкоторыхъ епархіяхъ случаевъ неправильныхъ объясненій духовенствомъ Манифеста, подающихъ поводъ къ крестьянскимъ волненіямъ, внушить духовенству, чтобы оно, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, всячески остерегалось отъ произвольныхъ, а тѣмъ болѣе неправильныхъ объясненій означеннаго Манифеста и постоянно, въ образѣ дѣйствованія на прихожанъ, поступало согласно правиламъ циркуляра, за № 890. „Духовенство прежде всего должно помнить, что главнѣйшая и существеннѣйшая обязанность духовныхъ лицъ въ семъ дѣлѣ быть не судьями, но миротворцами“. На этомъ циркулярѣ послѣдовала резолюція Епископа Игнатія отъ 11 мая 1861 года, за № 800: „Въ Консисторію. Копію съ сего отношенія при Указахъ разослать по церквамъ немедленно для охраненія духовенства отъ неправильныхъ дѣйствій по Крестьянскому вопросу. При семъ проектъ отношенія къ г. начальнику губерніи. И. Е. К. и Ч.“ [1]). Въ отношеніи же на имя начальника губерніи Преосвященный Игнатій полагалъ по важности документа разсылку копій сдѣлать какъ можно скорѣе, въ чемъ и просилъ содѣйствія Губернатора [2]).

Что касается циркуляра г. Оберъ-Прокурора Свят. Синода отъ 17 февр. 1861 г., за № 890, который упоминается въ отношеніи отъ 30 апр. за № 2531, то онъ, указывая, что при Крестьянской реформѣ „на духовенствѣ лежитъ священная обязанность, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказывать полное и всецѣлое содѣйствіе къ тому, чтобы эта благая мысль, при введеніи въ исполненіе, не была превратно понята и истолкована“, предлагаетъ слѣдующія руководственныя правила: 1) При введеніи въ дѣйствіе новыхъ постановленій, касающихся цѣлыхъ сословій въ государствѣ, нерѣдко случается, что оныя не всѣми принимаются съ должнымъ расположеніемъ, чему причиной могутъ быть иногда недоразумѣнія, иногда неправильныя внушенія отъ людей, управляемыхъ своими частными видами, иногда нѣкоторыя дѣйствительныя затрудненія, соединенныя съ новостью дѣла, прежде нежели къ нему приспособились. Подобные случаи могутъ встрѣтиться и при введеніи новаго постановленія объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Каждый вѣрноподданный, особенно достигшій нѣкоторой степени образованности, когда встрѣчается съ случаемъ сего рода, обязанъ, по мѣрѣ возможности, споспѣшествовать прекращенію недоразумѣній, ослабленію неправильнаго внушенія, уменьшенію и преодолѣнію затрудненій. Въ исполненіи сей об-

---

[1]) Тамъ же, л. 21. [2]) Тамъ же, л. 24.

щей обязанности, безъ сомнѣнія, должны принять, по мѣрѣ возможности, участіе сельскіе приходскіе священники, по самому служенію своему состоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. 2) Всегдашняя обязанность священниковъ есть, между прочимъ, поучать прихожанъ, чтобы они соблюдали вѣрность къ Государю и повиновеніе начальствамъ, отъ Него постановленнымъ, чтобы неуклонно и добросовѣстно соблюдали законныя повинности и платили опредѣленныя подати и наложенные или условленные оброки; чтобы, если находятъ себя неправильно отягощенными кѣмъ либо, или чѣмъ либо, искали защиты и облегченія, каждый по своей нуждѣ, законнымъ путемъ, не распространяя безпокойства въ обществѣ, и съ терпѣніемъ ожидали отъ начальства подлежащихъ распоряженій и дѣйствій правосудія. Такими наставленіями должны сельскіе приходскіе священники дѣйствовать и въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ въ церковныхъ поученіяхъ, такъ и въ домашнихъ собесѣдованіяхъ, при открывающихся къ тому случаяхъ. 3) Нѣтъ нужды и не должно давать сему дѣйствованію такой видъ, какъ бы священники особенно были назначены отъ Правительства дѣйствователями въ настоящихъ обстоятельствахъ. Они должны исполнять свою обыкновенную обязанность учить прихожанъ сколько благочестію, столько же и добрымъ дѣламъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи: но ученіе общее должно примѣнять, какъ благоразуміе требуетъ и всегда, къ особеннымъ открывающимся случаямъ и обстоятельствамъ. 4) Должно изъяснять крестьянамъ, что новое о нихъ постановленіе есть плодъ отеческаго о нихъ попеченія Государя Императора, который желаетъ возвысить ихъ благосостояніе, и Его довѣріе къ ихъ благоразумію, что они трудъ, который отнынѣ болѣе прежняго будетъ зависѣть отъ ихъ собственной доброй воли, разсудительно и нелѣностно употребятъ для своей и общей пользы. Посему они должны войти въ свое новое положеніе съ благодарностію и съ ревностнымъ желаніемъ оправдать попеченіе и надежду Государя. 5) Худо понятая мысль о свободѣ и неразсудительно преувеличенныя надежды могутъ имѣть послѣдствіемъ то, что нѣкоторые крестьяне найдутъ новое свое положеніе не столь удовлетворительнымъ, какъ ожидали. Таковымъ надлежитъ изъяснить, что свобода не въ томъ состоитъ, чтобы поступать по неограниченному произволу, причемъ не могло бы стоять никакое общество, но въ томъ, чтобы избирать и дѣлать добрыя и полезныя дѣла въ предѣлахъ, постановленныхъ закономъ. Когда Государь восхотѣлъ даровать крестьянамъ новыя права и льготы, тогда Онъ, внимая закону справедливости и Своей отеческой любви ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не могъ не позаботиться и о томъ, чтобы охранено было благосостояніе помѣщиковъ. 6) Такія вразумленія и объясненія, когда нужно, священникъ долженъ предлагать при-

хожанамъ, какъ свои размышленія и совѣты, которые предлагать побуждаетъ его доброжелательство къ нимъ и попеченіе о ихъ благѣ и спокойствіи. 7) Причетникамъ отъ священника должно быть сдѣлано двоякое вразумленіе: во первыхъ, чтобы они, слыша разсужденія о новыхъ постановленіяхъ для крестьянъ, не вмѣшивались въ оныя съ изъявленіемъ своихъ мнѣній, такъ какъ по недостаточному пониманію дѣла, они могутъ пристать къ ложнымъ мнѣніямъ другихъ, или другимъ сообщить свои погрѣшительныя мнѣнія, отъ чего могутъ произойти дурныя послѣдствія; во вторыхъ, чтобы они, если услышатъ между крестьянами толки, неблагопріятные дѣлу и общему спокойствію, немедленно и вѣрно доводили о томъ до свѣдѣнія священника. 8) Все указанное здѣсь дѣйствованіе приходскаго духовенства должно происходить съ необходимою въ подобномъ случаѣ тихостію и скромностію. Циркуляръ этотъ былъ полученъ Преосвященнымъ Игнатіемъ 1-го марта 1861 года. Резолюція Владыки на немъ положена 11 мая 1861 г., за № 801, такого содержанія: „Въ Консисторію для приложенія къ дѣлу и употребленію въ случаѣ надобности“ [1]). Сопоставленіе содержанія циркуляра г. Оберъ-Прокурора Свят. Синода за № 890 съ содержаніемъ предложеній Преосвященнаго Игнатія Кавказской Консисторіи за №№ 3 и 916 даетъ основанія для нѣкоторыхъ выводовъ въ объясненіе причинъ, почему циркуляръ г. Оберъ-Прокурора Свят. Синода за № 890, полученный 1-го марта и дающій руководственныя указанія по столь важному предмету, оставался въ кабинетѣ Епископа Игнатія до 11 мая, когда онъ, вмѣстѣ съ циркуляромъ отъ 30 апр. за № 2531, былъ сданъ „въ Консисторію для приложенія къ дѣлу и употребленію въ случаѣ надобности“.

1) Нѣкоторыя мысли циркуляра за № 890, совпадая съ наставленіями предложеній за № 3 и 916, (напр. различеніе свободы и произвола, мирное проведеніе реформы, поученіе прихожанъ благочестію, осторожность въ сужденіяхъ по предмету реформы), могли казаться Преосвященному Игнатію излишними, какъ введенныя уже имъ въ сознаніе духовенства въ выраженіяхъ болѣе сильныхъ и опредѣленныхъ.

2) Другія мысли циркуляра г. Оберъ-Прокурора за № 890, какъ напр. введеніе въ кругъ дѣятельности духовенства руководства исполненіемъ гражданскихъ обязанностей (напр. п. п. 2 и 3), будучи несогласны съ основнымъ взглядомъ Епископа Игнатія на дѣятельность духовенства, по преимуществу, въ сферѣ разъясненія началъ христіанства и руководства духовно-христіанскою жизнію въ цѣляхъ вѣчнаго спасенія, и представляясь ему не вполнѣ правильными, могли

---

[1]) Тамъ же, л.л. 26—27.

затруднять для него преподаніе духовенству циркуляра за № 890 изъ опасенія породить спутанность въ настроеніяхъ за обиліемъ и несогласіемъ наставленій.

3) Циркуляръ г. Оберъ-Прокурора за № 890 не опирается на соотвѣтственное повелѣніе Верховной власти и на опредѣленіе Свят. Синода—власти Церковной, а потому его можно было понимать, какъ распоряженіе—личное, канцелярское, даваемое свѣтскимъ лицомъ, мірянином, хотя и высокопоставленнымъ, епархіальнымъ Архіереямъ, носителямъ Божественной благодати и Апостольскаго жребія, а потому, съ точки зрѣнія церковно-общественныхъ воззрѣній Владыки Игнатія, могъ представляться къ исполненію не столь обязательнымъ, тѣмъ болѣе, что потребныя разъясненія по дѣлу уже были сдѣланы предложеніями Епископа. Циркуляръ за № 890, возможно, и остался бы подъ сукномъ въ Архіерейскомъ кабинетѣ для личныхъ соображеній Епископа, если бы 11 мая 1861 г. не былъ полученъ другой циркуляръ за № 2531, которымъ, наряду съ общимъ новымъ и болѣе опредѣленнымъ, согласнымъ съ воззрѣніями Преосвященнаго Игнатія, мнѣніемъ: „духовенство прежде всего должно помнить, что главнѣйшая и существеннѣйшая обязанность духовныхъ лицъ въ семъ дѣлѣ быть не судьями, но миротворцами“, циркуляръ за № 890 отмѣчался какъ обязательный къ исполненію. Но почему тогда менѣе сложный и не столь обстоятельный циркуляръ за № 2531 вызвалъ немедленную резолюцію Епископа Игнатія за № 800 и энергичныя дѣйствія въ отношеніи освѣдомленія по содержанію его приходскаго духовенства? Потому, полагаемъ, что содержаніе послѣдняго циркуляра г. Оберъ-Прокурора Свят. Синода гармонируетъ съ содержаніемъ предложеній Епископа, обращенныхъ уже въ церковное примѣненіе и еще болѣе потому, что съ циркулярнымъ распоряженіемъ отъ 30 апрѣля 1861 года, за № 2531 г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода обращается къ епархіальнымъ Преосвященнымъ уже не отъ себя лично, а по Высочайшему повелѣнію. Въ моментъ полученія послѣдняго циркуляра и явились резолюціи Епископа Игнатія отъ 11 мая за №№ 800 и 801, а немного позже—его властный и увѣренный отвѣтъ Оберъ-Прокурору, отъ 22 мая 1861 г., за № 1486. Въ отвѣтѣ этомъ, Преосвященный Игнатій, отъ 22 мая 1861 г., за № 1486, сообщилъ г. Оберъ-Прокурору Свят. Синода, что „въ Кавказской епархіи не было ни одного непріятнаго случая въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ циркулярѣ, по той причинѣ, что при самомъ открытіи дворянскаго Комитета по Крестьянскому вопросу доставлено Кавказскому духовенству должное направленіе. Это направленіе изложено было въ предложеніи моемъ Кавказской Консисторіи отъ 17 января 1859 года, за № 3. Когда же появились въ журналахъ и газетахъ статьи противнаго направленія, начавшія увлекать нѣкоторыхъ, то мною составлены

замѣчанія на сіи статьи. Замѣчаніями обнаруживалась неправильность статей и указывался тотъ вредъ, который могъ произойти отъ увлеченія ими. Замѣчанія разосланы по церквамъ и объявлены по семинаріи, что оказалось особенно нужнымъ. По объявленіи Высочайшаго Манифеста по Крестьянскому дѣлу, Кавказское духовенство увидѣло въ Манифестѣ тѣ самыя основанія мысли относительно дѣла, которыя были изложены за два года ихъ Архипастыремъ и, предуготованное замѣчаніями, направленіе не могло давать манифесту какого либо произвольнаго толкованія. Такимъ образомъ въ краѣ, въ которомъ недавно возникали безпорядки между помѣщичьими крестьянами отъ недоразумѣній, порождавшихся въ средѣ ихъ, сохранился, при обнародованіи манифеста, ничѣмъ не нарушенный порядокъ".

Такъ обнародована была въ Кавказскомъ краѣ благая вѣсть Высочайшаго Манифеста 19 февр. 1861 года и такъ опредѣленно выразился въ дѣятельности, связанной съ подготовленіемъ этой вѣсти, Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ, какъ духовно-просвѣщенный, обладающій обширной богословской эрудиціей, властный и убѣжденный Архипастырь церковно-аскетическаго направленія. Такимъ и является Владыка Игнатій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда широкой волной охватывающая духовно-церковные интересы человѣка военная и гражданская жизнь вызывала его опредѣлить свое къ ней отношеніе съ христіанской точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи замѣчательною представляется неизданная „рѣчь Преосвященнаго Игнатія, Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, на торжество по случаю покоренія Восточнаго Кавказа, произнесенная 25 авг. 1860 года въ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ г. Ставрополя Кавказскаго". Рѣчь Владыки основана на толкованіи Псалма XXIII и проводитъ параллель между завоеваніями пророка-полководца, достигшаго съ мечомъ въ рукѣ и береговъ Средиземнаго моря и береговъ Евфрата, доставившаго государству существенно необходимыя для него границы и вездѣ слышавшаго гласъ Господень, и покореніемъ Кавказа, которому предшествовалъ рядъ походовъ, кровопролитныхъ сраженій, громкихъ событій. Этотъ гласъ Господенъ слышенъ и въ совершившемся завоеваніи восточнаго Кавказа. „Гласъ Господень на безчисленныхъ горахъ Кавказа! Гласъ Господень на застывшихъ отъ вѣка водахъ, которыми украшены главы Кавказа, сіяющія бѣлизною и гордо возвышающіяся превыше облаковъ, какъ бы съ намѣреніемъ коснуться неба! Гласъ Господень надъ глубокими пропастями Кавказа, надъ непроходимыми дебрями его, надъ отвѣсными скалами и утесами! Гласъ Господень надъ разноплеменными народами Кавказа! Тщетно уповали они на высокія горы, на темные лѣса, на непроницаемыя ущелья, на стѣны изъ скалъ и утесовъ, тщетно считали ихъ непреодолимыми преградами хищническаго своеволія! Гласъ Господенъ!.. И на гласъ Госпо-

да измѣняется неизмѣнявшееся доселѣ. Кавказъ склоняетъ чело подъ благодѣтельную для него власть; дикіе народы принуждены отвергнуть буйную вольность для подчиненія и послѣдущаго за подчиненіемъ наслажденія истинною свободою. Истинная свобода человѣка состоитъ въ принятіи и усвоеніи человѣкомъ Закона Христова (Іоан. VIII, 31). Вознесемъ благодареніе и славословіе Господу за изліянныя на насъ благодѣянія! Излиты они въ крѣпости, дарованной братіямъ нашимъ, Христолюбивымъ воинамъ; излиты они въ благословеніи насъ вожделѣннымъ, счастливѣйшимъ миромъ. Вознесемъ теплѣйшія молитвы о Благочестивѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ, Великомъ Государѣ нашемъ, Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ! По верховнымъ попеченіямъ Его Величества поступилъ въ достояніе наше благонадежный миръ со всѣми обильными и разнообразными послѣдствіями его, стекающимися въ одно общее послѣдствіе: благоденствіе страны. Вознесемъ усердныя молитвы о знаменитомъ вождѣ Кавказскаго воинства и правителѣ Кавказскаго края, совершившемъ великое дѣло покоренія Кавказа, дѣло, надъ которымъ первые полководцы Россіи трудились полвѣка! Всеблагій Богъ да даруетъ избранному, увѣнчанному блистательнымъ подвигомъ Вождю создать на успѣхѣ военномъ преуспѣяніе христіанское, чтобы дѣло земное было вмѣстѣ и дѣломъ небеснымъ, дѣло временное—дѣломъ вѣчнымъ“ [1]). Такъ, успѣхи воинскаго и гражданскаго дѣла представляются Владыкѣ Игнатію цѣнными въ той лишь мѣрѣ, въ какой они обезпечиваютъ возможность преуспѣянія христіанскаго, земныя дѣла должны быть проникнуты небеснымъ настроеніемъ, дѣла времени должны въ основѣ имѣть вѣчность.

Аскетическое настроеніе и призваніе Преосвященнаго Игнатія отразилось на всей его дѣятельности и на отношеніи къ нему духовенства. Въ отношеніи къ дѣятельности это подтверждается многими вышеприведенными фактами его жизни изъ періода епархіальнаго управленія. Со стороны отношенія духовенства—подтверждается отзывами современниковъ и отчасти извѣстными намъ фактами изъ служенія Владыки Игнатія на Кавказской каѳедрѣ и въ Сергіевой пустынѣ. Духовенство, за исключеніемъ немногихъ лицъ, не любило Владыку Игнатія, и не потому только, что онъ стоялъ выше многихъ изъ нихъ по своему происхожденію и образованію, но и вслѣдствіе строгаго, властнаго характера и далекаго отъ міра настроенія Пресвященнаго Игнатія, отличавшаго его отъ людей не столь аскетическаго настроенія. Какъ поэтическій пророкъ и созерцатель небеснаго идеала, провозглашающій людямъ „любви и правды чистыя ученья“, любящій

[1]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова.

людей, вызывалъ со стороны ихъ презрѣніе, насмѣшки и гоненіе, такъ Игнатій Брянчаниновъ своимъ настроеніемъ возвышеннаго аскетическаго идеализма, прямотой и властнымъ характеромъ тяжелъ былъ для оземленившихся людей міра: они привыкли къ компромиссамъ земныхъ интересовъ съ небесными идеалами, плотской жизни съ завѣтами христіанства, они стремились и стремятся согласовать созерцаніе страны обѣтованія съ культомъ золотого тельца и интересами мясныхъ котловъ и хлѣба до сытости, а суровый и властный аскетъ и своими словами, и своею властію, и своимъ высокимъ личнымъ примѣромъ постоянно напоминаетъ людямъ о невозможности компромиссовъ, о преступности преклоненія предъ всякаго рода жизненными кумирами. Живя самъ напряженно-дѣятельною и трудовою жизнію, никогда не оставляя, въ тоже время, духовнаго подвига, онъ тоже рекомендуетъ и подвластному духовенству, призывая къ усиленію дѣятельности, къ самообразованію, къ духовному подвигу. Конечно, духовенству Кавказскому не легко было быть сколько-нибудь соотвѣтственнымъ и достойнымъ своего Архипастыря. Уважая мощь и духовную высоту человѣка, можно нелюбить его по обремененности настроенія нашего другими и съ нашей, и съ его точки зрѣнія неправыми интересами. Уважая Сократа, аѳиняне осудили его.

Высочайшимъ Указомъ, даннымъ 5-го августа 1861 года, Епископъ Кавказскій Игнатій, согласно его прошенію, Всемилостивѣйше уволенъ отъ управленія епархіею и согласно его личному желанію, опредѣленіемъ Свят. Синода отъ 9 авг. 1861 г., за № 1752, пребываніе ему назначено въ Николаевскомъ Бабаевскомъ монастырѣ Костромской епархіи, который предоставленъ былъ Преосвященному Игнатію въ главное управленіе, съ тѣмъ, чтобы настоятель и братія монастыря состояли къ нему въ такихъ же отношеніяхъ какъ бы къ епархіальному Преосвященному, съ пользованіемъ лучшими келліями, отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугою и экипажемъ, но безъ штатнаго по монастырю содержанія. Пенсія Преосвященному Игнатію назначена была въ суммѣ одной тысячи рублей въ годъ [1]). По Высочайшему повелѣнію отъ 9 ноября 1862 года пенсія была увеличена на пятьсотъ рублей въ годъ [2]).

По отношенію къ этой новой стадіи жизни Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова слѣдуетъ остановить вниманіе на двухъ обстоятельствахъ: а) что побудило его ходатайствовать объ увольненіи отъ управленія Кавказской епархіей и б) почему онъ выбралъ для

---

[1]) Архива Свят. Синода, Дѣло 1862 года, по описи архивной № 481, Опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 9 августа 1861 г., за № 1752, л.л. 5—7.

[2]) Отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Преосвященнаго Игнатія отъ 3 января 1863 года, за № 72 и отъ 10 ноября 1862 года, за № 7430. (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова).

конца своей жизни мѣстожительствомъ Николаевскій Бабаевскій монастырь? — Оба эти обстоятельства опредѣленно уясняются самимъ Преосвященнымъ Игнатіемъ въ рапортѣ его Святѣйшему Правительствующему Синоду отъ 24 іюля 1861 года, за № 1186. Въ рапортѣ этомъ Преосвященный Игнатій пишетъ слѣдующее.—„При всемъ стараніи моемъ разстроенное долговременными болѣзнями здоровье мое возстановить минеральными водами, я могъ получить въ теченіе проведенныхъ мною здѣсь трехъ съ половиною лѣтъ только нѣкоторое облегченіе, но вмѣстѣ чувствую особенный упадокъ силъ. Донося о такомъ положеніи моемъ, я вынужденнымъ нахожусь покорнѣйше просить Ваше Святѣйшество о оказаніи мнѣ милостивѣйшаго снисхожденія увольненіемъ меня отъ управленія Кавказскою епархіею и о предоставленіи мнѣ въ управленіе общежительнаго Николаевскаго Бабаевскаго монастыря Костромской епархіи по нижеслѣдующимъ побуждающимъ меня къ таковому избранію причинамъ: 1) пріобучался я къ монашеской жизни въ общежительныхъ монастыряхъ и настоятелемъ сдѣланъ первоначально въ общежительный монастырь, почему имѣю особенное сочувствіе къ общежитіямъ. 2) Братство упомянутаго монастыря достаточно для удовлетворенія потребностямъ архіерейскаго служенія. 3) Климатъ и мѣстность сего монастыря соотвѣтствуютъ слабому здоровью моему, заставляющему меня обращать особенное вниманіе на мѣсто жительства. Удовлетвореніе сей покорнѣйшей моей просьбы я сочту величайшимъ для меня благодѣяніемъ“ [1]). Такимъ образомъ, въ предѣлахъ приведеннаго прошенія, оставленіе Преосвященнымъ Игнатіемъ Кавказской каѳедры объясняется крайнимъ ослабленіемъ его здоровья, а выборъ для жительства Николаевскаго Бабаевскаго монастыря—приспособленностію этой обители къ духовнымъ и тѣлеснымъ потребностямъ Владыки Игнатія и болѣе пріятнымъ Владыкѣ общежительнымъ характеромъ обители. Къ этому, съ точки зрѣнія перваго положенія, т. е. въ отношеніи оставленія Кавказской каѳедры, имѣли немалое значеніе утомленіе напряженной и кипучей дѣятельностію трехъ съ половиною лѣтъ епархіальнаго управленія, боевой характеръ каѳедры и тѣ недоразумѣнія съ Высшею церковною властію, которыя особенно чувствительны были для Владыки Игнатія по дѣлу о постройкѣ Архіерейскаго дома, по столкновенію съ протоіереемъ Крастилевскимъ и архимандритомъ Епифаніемъ. Митрополитъ Филаретъ Московскій, уважая епископа Игнатія за высоту его нрав-

---

[1]) Архивъ Святѣйшаго Синода, Дѣло 1862 года, по архивной описи по 1 столу, 1 эксп. 1 отдѣленія, л. 1.

Въ томъ же „Дѣлѣ“—Высочайшій Указъ Святѣйшему Правит Синоду: „согласно его прошенію Всемилостивѣйше увольняемъ отъ управленія епархіею“,—за собственноручнымъ подписаніемъ Государя Императора Александра II (л. 4).

ственной жизни, относился къ нему безъ особеннаго расположенія, считая не вполнѣ подготовленнымъ къ епархіальному управленію, а уходъ его съ каѳедры объясняя желаніемъ имѣть лучшую каѳедру [1]).

Настроеніе, съ которымъ Преосвященный Игнатій оставлялъ Кавказскую каѳедру, было полно смиренія, покорности волѣ Божіей и довольства: земной странникъ получилъ возможность наилучшаго самоиспытанія предъ вступленіемъ въ вѣчность. Въ письмѣ отъ 31 авг. 1861 г., извѣщая П. А. Брянчанинова о согласіи Государя и Св. Синода уволить его отъ управленія епархіей, Преосвященный Игнатій пишетъ: „такова о мнѣ Всемилосердая воля Божія, дающая мнѣ время и удобства къ тщательному приготовленію себя къ переходу въ вѣчность, при посредствѣ тщательнаго покаянія“ [2]).

По отношенію къ второму положенію, т. е. къ выбору Преосвященнымъ Игнатіемъ для жительства себѣ, именно, Николо-Бабаевскаго монастыря, имѣли, наряду съ заявленными имъ мотивами, немалое значеніе добрыя, дружественныя отношенія къ Владыкѣ Игнатію мѣст-

---

[1]) Что въ дѣлѣ оставленія Епископомъ Игнатіемъ имѣли значеніе отношенія къ нему властей, видно изъ его писемъ къ брату, Ставропольскому губернатору П. А. Брянчанинову. Въ письмѣ отъ 11 сентября 1861 г. Владыка Игнатій пишетъ брату: „Я миренъ къ дѣйствіямъ Московскаго Митрополита и другихъ: ибо они совершаются не безъ попущенія Божія, а Богъ приводитъ человѣка къ духовнымъ цѣлямъ такими путями, которые по наружности имѣютъ характеръ непріятности и несчастій. Слава премудрости Всеблагого Бога нашего“. Тоже—въ письмѣ отъ 5 октября 1861 г.: „По милости Божіей я прибылъ благополучно 30 сентября вечеромъ въ Москву, остановился у Преосвященнаго Викарія, коимъ, равно какъ и Митрополитомъ, сверхъ чаянія моего, принятъ былъ очень ласково. Если они и дѣйствовали противъ меня, то дѣлали это въ омраченіи и увлеченіи, а не по злонамѣренности, такъ какъ искушеніе, изгнавшее меня изъ епархіи, было устроено демонами, по попущенію Бога, Который допустилъ и демоновъ и дѣйствуемыхъ ими людей дѣйствовать противъ меня, но тѣмъ содѣйствовать исполненію воли Божіей о мнѣ, благоволившей дать мнѣ время на покаяніе прежде кончины моей. При такомъ взглядѣ на дѣйствія Московскаго Митрополита и его Викарія, я привлекаю въ душу свою миръ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не нужно было имѣть съ ними осторожности особливо съ Митрополитомъ“. (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова. Приложенія, стр. 189, № 154; стр. 189—190 № 156).

[2]) Тамъ же. Въ письмѣ отъ 25 ноября 1861 г. Владыка пишетъ брату: „Въ твоихъ глазахъ устроилось мое исшествіе. Часъ единонадесятый! Поприще покаянія въ непродолжительномъ времени можетъ быть закрыто смертію. Заглядываться на стороны некогда“. Въ письмѣ отъ 11 сентября 1861 г.: „Слава Богу за все! Слава Богу, дарующему провести остатокъ дней внѣ развлеченія тому человѣку, который имѣетъ крайнюю и существенную нужду принести покаяніе въ согрѣшеніяхъ, содѣянныхъ при развлеченіи“. Въ письмѣ отъ 14 сентября: „11-го вечеромъ получилъ Синодскій указъ о предоставленіи мнѣ въ управленіе Бабаевскаго монастыря на правахъ епархіальнаго Архіерея, съ 1000 руб. сер. пенсіи. Остается благодарить и славословить Бога, дарующаго мнѣ положеніе, какого лучше желать нельзя“. (Приложенія, стр. 190, № 157; стр. 189, №№ 154—155).

ныхъ епархіальныхъ Преосвященныхъ—Архіепископа Нила Ярославскаго и Епископа Платона Костромского, въ епархіи котораго находился избранный Владыкою Игнатіемъ монастырь. Благодаря добрымъ отношеніямъ Преосвященнаго Платона Костромского, Владыка Игнатій, по взаимному согласію, съ разрѣшенія Свят. Синода получилъ въ свое вѣдѣніе Бабаевскій монастырь на правахъ епархіальнаго Епископа. Опредѣленность его положенія въ Бабаевскомъ монастырѣ установилась также по взаимному соглашенію съ Преосвященнымъ Платономъ Костромскимъ. Вступивъ 16 окт. 1861 г. въ управленіе Николо-Бабаевскимъ монастыремъ, Преосвященный Игнатій, въ виду необходимости при управленіи монастыремъ имѣть отношеніе къ какой-нибудь Консисторіи, просилъ Преосвященнаго Платона: „о учиненіи надлежащаго распоряженія, чтобы Костромская духовная Консисторія вступила со мною въ отношенія по Бабаевскому монастырю какъ бы съ епархіальнымъ Архіереемъ, такъ какъ ей удобно и свойственно это, ибо Бабаевскій монастырь до поступленія въ мое вѣдомство принадлежалъ вѣдомству Костромского епархіальнаго начальства и, по всей вѣроятности, по минованіи настоящаго времени и условнаго положенія, долженъ снова поступить въ это вѣдомство“ [1]). Преосвященный Платонъ предложилъ Костромской Консисторіи, чтобы ею были пополняемы по Бабаевскому монастырю распоряженія Преосвященнаго Игнатія, какъ бы епархіальнаго Архіерея [2]), Установленный путемъ взаимнаго соглашенія Преосвященныхъ Платона и Игнатія, порядокъ управленія Бабаевскимъ монастыремъ былъ представленъ на утвержденіе Свят. Синода [3]), который, признавая создавшееся положеніе правильнымъ, представленіе по сему предмету Преосвященнаго Игнатія пріобщилъ къ дѣлу [4]).

Такъ закончился немноголѣтній, но наиболѣе безпокойный періодъ общественнаго служенія Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова на Кавказской и Черноморской Архіерейской каѳедрѣ и начался новый также непродолжительный, но плодотворный періодъ усердной литературной дѣятельности и созерцательно-подвижнической жизни въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, въ преддверіи вѣчности, предъ взоромъ ожидающаго Бога.

---

[1]) Архивъ Свят. Синода; Дѣло 1 стола, 1-й эксп. 1 отд., по описи 1862 г. № 481, л. 17. Отношеніе Преосвященнаго Игнатія Епископу Платону отъ 19 декабря 1861 г., за № 1603.

[2]) Тамъ же, л. 16. Отношеніе Преосвященнаго Платона къ Епископу Игнатію отъ 27 декабря 1861 г., за № 207.

[3]) Тамъ же, л. 15. Представленіе Епископа Игнатія Святѣйшему Синоду отъ 10 сентября 1862 г., за № 283.

[4]) Тамъ же, л. 18. Опредѣленіе Свят. Синода отъ $\frac{17 \text{ декабря } 1862 \text{ г.}}{1 \text{ января } 1863 \text{ г.}}$, № 17.

Глава четвертая.

Жизнь въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ и блаженная кончина Епископа Игнатія. Личность Святителя Игнатія.

Жизнь Епископа Игнатія въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ.

Краткое описаніе монастыря. Вступленіе Епископа Игнатія въ Николо-Бабаевскую обитель. Состояніе монастыря ко времени управленія Епископа Игнатія. Настроеніе Епископа Игнатія при вступленіи въ монастырь. Образъ жизни Бабаевскаго отшельника. Благоустройство монастыря внѣшнее и внутреннее. Содѣйствіе этому П. А. Брянчанинова.

Блаженная кончина Епископа Игнатія Брянчанинова.

Завѣщаніе—письмо Владыки Игнатія къ П. А. Брянчанинову. Обстоятельства кончины и погребеніе Преосвященнаго Игнатія. Чудесныя видѣнія почитателей Святителя Игнатія.

Личность Святителя Игнатія.

Отличительныя черты личности Епископа Игнатія,—цѣльность личности. Жизнь въ Богѣ. Поэтическій талантъ его. Аскетическое настроеніе. Нестяжательность и доброта. Отношеніе его къ ученикамъ и роднымъ. Обособленность и своеобразность его духовнаго міра. Епископъ Игнатій въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ современниковъ. Широта и глубина его умственнаго кругозора. Церковно-общественные взгляды Святителя Игнатія. Богатство вѣры его. Заключеніе.

Жизнь въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ и блаженная кончина Епископа Игнатія.

„Скажу вамъ о Бабаевскомъ монастырѣ, что онъ мнѣ чрезвычайно нравится во всѣхъ отношеніяхъ. Мѣстоположеніе премилое. Какой воздухъ! Какія воды, какія кристальныя, ключевыя воды! Бьютъ, кипятъ изъ горы, и въ такомъ количествѣ, что было бы ихъ достаточно, думаю, для всего Петербурга. Какія рощи съ дубами! съ вѣковыми дубами! Какія поляны! Какая Волга! Какая тишина! Какая простота! Раскрываю книгу аскетическаго писателя, читаю ее,—вывожу, что здѣсь можно исполнить совѣты ея на самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ можно исполнять ихъ только въ воображеніи и желаніи. Словомъ сказать: для земнаго странствованія моего не желалъ бы другого лучшаго пріюта“ (Письма Преосвящ. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками и почитателями, стр. 2—3).

Прежде вступленія Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова въ управленіе Николо-Бабаевскимъ монастыремъ, въ составѣ братства этого монастыря произошли немалыя перемѣны и пополненія. Прежде оставленія должности епархіальнаго Архіерея Преосвященнымъ Игнатіемъ, экономъ Кавказскаго Архіерейскаго дома игуменъ Іустинъ сначала сдалъ должность регента Архіерейскаго хора, а потомъ и должность эконома и перемѣстился въ составъ братства Николаевскаго Бабаевскаго монастыря; туда же перемѣстился и ризничій Кавказскаго Архіерейскаго дома іеромонахъ Каллистъ. [1]) Туда же въ Николо-Бабаевскій монастырь перемѣстились близкіе и преданные Преосвященному Игнатію послушники Кавказскаго Архіерейскаго дома Моисей Слосманъ, Константинъ Павловъ, Василій Павловъ и іеромонахъ Ѳеофилъ [2]). Такимъ образомъ, ко времени перемѣщенія Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова въ Николо-Бабаевскій монастырь въ братствѣ послѣдняго было уже не менѣе шести лицъ, хорошо извѣстныхъ и беззавѣтно преданныхъ Владыкѣ Игнатію. Еще прежде пріѣзда его въ Бабайки, настоятель монастыря исходатайствовалъ себѣ другое настоятельское же мѣсто, а настоятелемъ Николо-Бабаевскаго монастыря назначенъ былъ глава Игнатіевой свиты игуменъ Іустинъ.

По мѣстоположенію своему, по составу братства, по характеру и направленію иноческой жизни Николо-Бабаевскій монастырь отвѣ-

---

[1]) Архивъ Кавк. дух. Консисторіи. Дѣла 2-го стола, по описи 1861 года № 145, л. 1; № 161, л. 3; № 163, л.л. 1—2.

[2]) Тамъ же. Дѣла 2-го стола 1861 г., №№ 147, 149—151.

чалъ въ значительной мѣрѣ потребностямъ послѣдняго земного пристанища Владыки Игнатія [1]).

„Скажу вамъ о Бабаевскомъ монастырѣ, что онъ мнѣ чрезвычайно нравится во всѣхъ отношеніяхъ“, писалъ онъ въ 1847 году своимъ друзьямъ: „Мѣстоположеніе премилое. Какой воздухъ! Какія воды, какія кристальныя, ключевыя воды! бьютъ, кипятъ изъ горы и

---

[1]) Николо-Бабаевскій, заштатный, общежительный монастырь, Костромской епархіи, расположенъ на правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Солоницы, образующемъ теченіемъ своимъ мысъ съ довольно возвышеннымъ берегомъ, принадлежащимъ монастырю. Рѣчка эта служитъ естественною границею, отдѣляющею въ этой мѣстности губернію Костромскую отъ Ярославской съ юго-западной стороны такъ, какъ рѣка Волга съ западной; послѣдняя, миновавъ монастырь, дѣлаетъ крутой уклонъ къ сѣверу. Монастырь находится на срединѣ зимняго и воднаго пути между городами Костромой и Ярославлемъ, въ 40 верстахъ отъ Костромы и въ 35 верстахъ отъ Ярославля. Но во время весенней распутицы, когда нѣтъ переправы черезъ Волгу, дорога въ Ярославль шла на село Тунушну, правымъ побережьемъ р. Волги и удлинялась на 20 верстъ. Время основанія Николаевскаго Бабаевскаго монастыря съ точностію опредѣлить трудно, потому что письменные документы его, какъ и многихъ другихъ Россійскихъ монастырей, истреблены пожарами. Пожарамъ подвергался и Бабаевскій монастырь, въ которомъ все строеніе, за исключеніемъ соборной церкви, встарину было деревянное и только въ началѣ XIX столѣтія замѣнено каменнымъ. Извѣстно также, что мѣстность, занимаемая нынѣ Бабаевскимъ монастыремъ, принадлежала Московскому Угрѣшскому монастырю, основанному Великимъ Княземъ Димитріемъ Донскимъ. Основаніе Бабаевскаго монастыря, такимъ образомъ, должно отнести ко временамъ преемниковъ Донского, а нѣкоторые относятъ этотъ фактъ къ концу XIV вѣка, утверждая, что монастырь основанъ по соизволенію самого Великаго Князя Димитрія Іоанновича и по благословенію Святителя Алексія, Митрополита всея Россіи, на что, будто бы, по устному преданію, были и грамоты, истребленныя въ XVI вѣкѣ бывшими двумя пожарами. — Никольскій Бабаевскій монастырь, по уставу своему, есть общежительный, а по іерархическому значенію—заштатный. Въ монастырѣ имѣются двѣ чудотворныя иконы: 1) Иверская Икона Божіей Матери и 2) Святителя Николая Чудотворца. При послѣдней иконѣ имѣется частица мощей угодника Божія, хранящаяся въ серебряной ракѣ. Икона Святителя была обрѣтена на Бабайкахъ, т. е. на веслахъ, которыя были сложены на берегу Волги и Солоницы. По этой причинѣ и икона и обитель названы Бабаевскими.

По опредѣленію Свят. Синода, состоявшемуся въ 1823 году, Бабаевскому монастырю предоставлено имѣть 30 монашествующихъ и столько же послушниковъ. Указомъ же Свят. Синода отъ 14 окт. 1865 года, за № 2576, предоставлено нештатнымъ монастырямъ принимать столько братіи, сколько обитель можетъ содержать. Въ 1866 году, т. е. при Владыкѣ Игнатіи, братство монастыря, съ пріобучающимися къ монашеской жизни и еще не принадлежащими къ духовному званію, состояло почти изъ ста человѣкъ; въ числѣ ихъ имѣлись увѣчные старцы и малолѣтнія сироты. Послѣднія обучались чтенію, чистописанію, Закону Божію и начальнымъ правиламъ ариѳметики. Церквей въ монастырѣ три: 1) теплая церковь во имя Святителя Николая, помѣстительная и весьма удобная; въ ней отправляется Богослуженіе зимой и лѣтомъ; 2) церковь во имя св. Іоанна Златоустаго и преподобнаго Сергія Радонежскаго, называемая больничною, потому что при ней имѣются четыре келліи, въ кото-

въ такомъ количествѣ, что было бы ихъ достаточно, думаю, для всего Петербурга. Какія рощи съ дубами! какая Волга! для земного странствованія моего, въ эту минуту, не желалъ бы другого, лучшаго пріюта [1]). Измученная душа, которой ничего не было нужно, кромѣ уединенія [2]), въ тихомъ пристанищѣ на живописныхъ берегахъ Волги, величественной и великолѣпной Волги, могла, наконецъ, найти вожделѣнный покой и съ благодарностію Господу Богу спокойно пре-

---

рыхъ помѣщаются больные и дряхлые иноки. Въ этой церкви отправляются раннія Литургіи и деннонощное чтеніе Псалтири съ поминовеніемъ за здравіе и за упокой братіи и благотворителей монастыря. Поминовеніе это совершается при гробницѣ Владыки Игнатія; 3) церковь во имя Успенія Божіей Матери надъ святыми вратами, очень небольшая; въ ней отправляется богослуженіе однажды въ годъ, въ день храмового праздника. Имѣвшаяся соборная церковь во имя Иверской Божіей Матери, крайне ветхая и тѣсная, весною 1864 года, съ Высочайшаго разрѣшенія, при ближайшемъ участіи Преосвященнаго Игнатія, разобрана и воздвигнутъ новый величественный храмъ, по Высочайше утвержденному проекту. Колокольня находится внутри монастыря, противъ святыхъ воротъ. Снабжена она достаточнымъ количествомъ колоколовъ, изъ которыхъ главный имѣетъ до 525 пудовъ вѣсу. Настоятельскія келліи, братская трапеза и значительная часть братскихъ келлій помѣщаются на западной сторонѣ монастыря, въ каменномъ двухъэтажномъ корпусѣ, одними окнами въ монастырь, а другими на Волгу. Корпусъ этотъ длиною въ 50 сажень. Посреди его находятся святыя врата, а на оконечностяхъ башни. На противоположныхъ углахъ также имѣются башни, въ которыхъ помѣщается братія. Въ верхнемъ этажѣ другого корпуса, въ 18 саж. длины, устроеннаго при больничной церкви, и помѣщался жившій на покоѣ Владыка Игнатій.

Ограду монастыря съ западной стороны составляетъ упомянутый длинный корпусъ келлій; съ южной стороны до половины ея—больничная церковь и корпусъ при ней; съ прочихъ сторонъ имѣется каменная ограда въ шесть аршинъ вышины. Ризница и библіотека монастыря находятся въ весьма удовлетворительномъ состояніи, послѣдняя особенно полна не по обычно монастырскому типу, благодаря заботамъ объ этомъ Преосвященнаго Игнатія. Земли пахотной, сѣнокосной, лѣсу, по преимуществу, дровянаго, также земли неудобной монастырь имѣетъ до 1000 дес., кромѣ того, монастырь имѣетъ въ г. Костромѣ каменную часовню, каменный двухъэтажный домъ, отдаваемый въ наемъ, двѣ каменныя лавки, двѣ мукомольныя мельницы, аренда съ которыхъ и поступаетъ на содержаніе обители. (Свѣдѣнія о монастырѣ болѣе подробно изложены въ „отчетѣ о состояніи заштатнаго общежительнаго Никольскаго Бабаевскаго монастыря, состоящаго въ управленіи Епископа Игнатія на правахъ епархіальнаго Архіерея за 1866 годъ“. Отчетъ составленъ и написанъ собственноручно Владыкой Игнатіемъ и представленъ Свят. Сиводу отъ 4 марта 1867 года, за № 63. Подлинный отчетъ хранится въ архивѣ Николо-Бабаевскаго монастыря). См. также—А. Воскресенскій. Николаевскій Бабаевскій монастырь и святыни его. Кострома 1912 года и А. А. Павловскій. Всеобщій иллюстрированный путеводитель по монастырямъ и св. мѣстамъ Россійской Имперіи и св. горы Аѳона. 1907 г., стр. 309—311.

[1]) Письма Еп. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 2.

[2]) „Мнѣ? Ничего не нужно! Что нужно мнѣ? что нужно для убогой души моей, того я просилъ: просилъ о увольненіи меня въ уединеніе“—писалъ Архим. Игнатій изъ Бабаекъ.

даться сладостному Богомыслію. „Благодарю милосерднаго Господа, приведшаго меня отдохнуть въ уединеніе отъ молвъ столичныхъ. Уже не незнакомы мнѣ чувства, посѣщающія человѣка въ уединеніи. Потому-то такъ удобно и сманила меня пустыня уединенная изъ Сергіевой пустыни, шумной. Укрѣпляетъ душу уединеніе, вдыхаетъ въ нее какое-то мужество, какое-то презрѣніе къ міру, чего въ прикосновеніи съ міромъ ощутить невозможно“,—писалъ о. Игнатій о своей уединенной жизни въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ: „Когда душа попретъ тлѣніе отреченіемъ отъ тлѣнія, тогда все тлѣнное, безъ исключенія, дѣлается тлѣннымъ, а на вѣсы сердца, которое не можетъ довольствоваться ничѣмъ, нисходитъ духовное созерцаніе. Оно дѣлаетъ жителя безмолвной келліи жителемъ, можно сказать, рая,—вводитъ его въ новый міръ, предъ которымъ здѣшній міръ очень тѣсенъ, ничтоженъ. Въ тишинѣ безмолвія душа плаваетъ какъ бы въ какомъ необъятномъ пространствѣ, смотритъ на минувшее, на настоящее, на землю, на небо, на время, на вѣчность. Такъ въ ясную погоду гуляетъ орелъ въ недосягаемой высотѣ, въ прозрачной, лазуревой безднѣ.

Чѣмъ обширнѣе пространство, занимаемое ландшафтомъ, тѣмъ великолѣпнѣе зрѣлище. Хороши красоты, которыя человѣкъ можетъ выразить, описать словомъ, но несравненно выше тѣ, которыя превышаютъ слово, приводятъ сердце въ восторгъ, а умъ какъ бы лишаютъ способности дѣйствовать. Говорятъ: въ Швейцаріи съ одной необыкновенной, утесистой высоты представляется взорамъ живописнѣйшій, восхитительнѣйшій ландшафтъ; нѣкоторые путешественники, взобравшись на эту ужасную высоту, такъ были поражены великолѣпіемъ зрѣлища, что отъ изумленія не устояли на ногахъ, низверглись съ высоты, разбились. Точно такъ дѣйствуетъ духовное созерцаніе! Кто внезапно увидитъ его, отъ изумленія ввергается въ эту бездну, умираетъ для міра! Не ожили вышеупомянутые путешественники: черные деревянные кресты надъ прахомъ этихъ сыновъ Британіи стоятъ у подошвы швейцарскаго утеса; я сказалъ бы: умерщвленный видѣніемъ духовнымъ для міра, не оживетъ уже для міра. Увы! я сказалъ бы несправедливо; а потому не могу сказать! Увы! Оживаетъ человѣкъ и для смерти! Ожилъ Соломонъ для смерти! Ожилъ для нея Іуда! Ожили для нея многіе!.. Увы! Какъ мы слабы, какъ перемѣнчивы!.. Гляжу на нашу немощь, гляжу со слезами!.. Взоры мои ищутъ отрады, утѣшенія, и внезапно они обращаются къ пустынѣ, къ уединенію!.. Тамъ, тамъ всего безопаснѣе!.. Туда стремись душа моя!.. Бѣги!.. Если ноги недостаточны для быстраго теченія, возьми крылья! Несись!.. Лети! спасайся отъ челюстей звѣря: міра! Будь подобна блаженной женѣ, побѣжавшей, улетѣвшей въ пустыню, той женѣ, которую видѣлъ зритель духовныхъ тайнъ—Іоаннъ. Ноги—здравый о Господѣ разумъ; крылья—

вѣра: машетъ ими, могучими крыльями, переносится черезъ дебри, воды, степи, горы—тотъ, кому ихъ далъ Христосъ. У Него будемъ просить вѣры; примѣръ показали намъ Апостолы; они говорили и молили: „Господи, приложи намъ вѣру".

„Да даруетъ намъ Господь на крыльяхъ вѣры перелетѣть черезъ житейское море и влетѣть въ блаженную пристань—Небо" [1]),—писалъ Архимандритъ Игнатій изъ своего сладостнаго временнаго уединенія на берегахъ великой русской рѣки, гдѣ находила себѣ покой и утѣшеніе душа его, душа того, „кто всю жизнь провелъ въ скорбяхъ, кто весь въ ранахъ, и радуется имъ, и благодаритъ за нихъ Бога" [2]).

Покаянныя рыданія и воздыханія подвижника о грѣхахъ смѣнялись въ тихомъ уединеніи „восхитительной радостью", „тихимъ, упоительнымъ веселіемъ": „вижу безконечную ко мнѣ милость Божію, вижу цѣпь безпрестанныхъ Божіихъ благодѣяній. За что излились они на меня? Недоумѣваю. Чѣмъ заплатилъ я за нихъ Благодѣтелю?—безпрерывными грѣхами. Смотрю на грѣхи мои и ужасаюсь, какъ бы смотрѣлъ я въ страшную глубокую пропасть, отъ одного взора въ которую начинаетъ кружиться голова. А что, если смѣрять эту пропасть?... И начинаю измѣрять ее скорбію, измѣрять воздыханіями и рыданіями!.. Еще рыдаю, внезапно измѣняется въ сердцѣ печаль на восхитительную радость, какъ будто кто-то говоритъ моему сердцу: „Непостижимый Благодѣтель-Богъ недоволенъ Своими благодѣяніями; Онъ еще хочетъ ввести тебя въ небо, содѣлать причастникомъ наслажденія вѣчнаго". Я вѣрю этому: всякаго благодѣянія, какъ бы оно ни было велико, можно ожидать отъ безмѣрной благости Божіей. Вѣрую,—и въ тихое, упоительное веселіе погружается все существо мое", читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Архимандрита Игнатія, посланныхъ имъ изъ Николо-Бабаевскаго монастыря [3]).

Такъ подъ кровомъ уединеннаго монастыря отдыхала душа подвижника; вмѣстѣ съ тѣмъ отдыхало и набиралось новыхъ силъ и его измученное болѣзнями тѣло. Этотъ монастырь сталъ мѣстомъ послѣдняго земного пристанища Епископа Игнатія [4]).

Видъ Николо-Бабаевскаго монастыря съ рѣки Волги замѣчательно красивъ, какъ по мѣстности, на которой онъ расположенъ, такъ

---

[1]) Письма Еп. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 25—27.

[2]) Тамъ же, стр. 19.

[3]) Тамъ же, стран. 81.

[4]) Между прочимъ здѣсь же написалъ онъ рядъ писемъ къ нѣкоему иноку Леониду, озаглавленныхъ такъ: „къ иноку, занимающемуся умнымъ дѣланіемъ"; здѣсь же написана не вошедшая въ собраніе сочиненій статья „Бородинскій монастырь", которую о. Игнатій написалъ послѣ посѣщенія этого монастыря.

и по монастырскимъ строеніямъ, картинно развернутымъ вдоль берега Волги. Изъ за лицевой линіи строеній виденъ подавшійся вглубь картины новый, величественный храмъ Иверской Божіей Матери, царящій надъ общимъ видомъ монастыря своею вѣнценосною главою, высоко возносящейся къ небу. Двадцать малыхъ главъ и шпицевъ, ее окружающихъ, соотвѣтствуютъ ей своими размѣрами. По берегу рѣки Солоницы, вверхъ по ея теченію, нѣсколько отступя отъ окраины, раскинулась болѣе, чѣмъ на полверсты роща дико растущихъ деревьевъ, группою вѣковыхъ дубовъ примыкающая къ южной сторонѣ монастыря. Западная сторона монастыря красиво оттѣняется поемными лугами и оживляется обильными источниками ключевыхъ чистѣйшихъ водъ, исторгающихся изъ нѣдръ земли и текущихъ ручьемъ въ Волгу. На восточной сторонѣ находится монастырская запашка, на сѣверной—расположена двухъэтажная гостинница для пріема и помѣщенія посѣтителей монастыря. Гостинница отдѣляется отъ стѣнъ монастыря улицею десятисаженной ширины. Далѣе за гостинницей виднѣются въ томъ же направленіи размѣщенныя другія хозяйственныя постройки, пополняющія картину монастыря, раскинувшагося по берегу рѣки—для наблюденія путника, ѣдущаго къ монастырю водою со стороны Ярославля или сухопутьемъ съ противоположнаго берега отъ с. Тимохина. Для ѣдущихъ водою отъ Костромы видъ этотъ много утрачиваетъ въ своемъ содержаніи, будучи закрытъ мысомъ рѣки Волги, дѣлающей ниже монастыря крутой поворотъ на сѣверо-востокъ. Сѣверная и восточная стороны монастыря обращены къ полямъ монастырскимъ, отдѣляющимъ обитель иноческую отъ жилищъ сосѣднихъ крестьянъ, ближайшее изъ которыхъ находится въ двухверстномъ разстояніи отъ монастыря. На противоположной сторонѣ—лѣвый берегъ Волги низменный. Видъ заволжья изъ монастыря прекрасный: зеленые луга окаймлены волнообразными возвышенностями со множествомъ селеній Ярославской губерніи. Напротивъ монастыря на большой баржѣ устроена отъ монастыря пароходная пристань для принятія пассажирскихъ пароходовъ. На пристани—помѣстительная часовня. Пріятный остатокъ временъ Игнатіевыхъ представляетъ собою служеніе молебновъ Николаю Чудотворцу на пароходной пристани во время остановокъ парохода. Ежедневно восемь пароходовъ останавливается у пристани Николо-Бабаевской—по одному отъ каждаго изъ четырехъ обществъ пароходства на Волгѣ, одинъ пароходъ внизъ, другой вверхъ по Волгѣ. На монастырской колокольнѣ дежуритъ послушникъ. Какъ только показывается въ отдаленіи пароходъ, послушникъ этотъ производитъ благовѣстъ въ маленькій колоколъ. По звуку этого колокола—къ пристани направляется вереница монаховъ и послушниковъ, туда же тянутся монастырскіе богомольцы, желающіе сѣсть на пароходъ, и дачники, проживающіе при монастырѣ на бого-

моленіи, въ номерахъ монастырской гостинницы. Въ передней части баржи, изображающей пристань, въ часовнѣ, съ иконостасомъ и аналойнымъ образомъ Николая Чудотворца очередной іеромонахъ совершаетъ молебствіе, поютъ послушники; путешественники выходятъ съ парохода на пристань помолиться и приложиться къ чудотворному образу. Рядомъ съ часовней, тутъ же, въ кіоскѣ продаются церковныя свѣчи и открытки съ видомъ монастыря. Въ моментъ отъѣзда, подъ свистки парохода, еще слышится пѣніе: „Святителю Отче Николае, моли Бога о насъ", а іеромонахъ, выйдя на бортъ пристани, кропилъ въ сторону парохода святой водой. Красивая панорама монастыря, его рощи и рѣчной громады—ласкаетъ взоръ, особенно въ вечернее время, гудитъ колоколъ предъ началомъ всенощной, призывая къ молитвѣ вблизи дорогой могилы Архипастыря-подвижника... Это молебствіе, да торжественное ношеніе святыхъ иконъ монастырскихъ по окрестностямъ до Костромы и Ярославля—вотъ наслѣдіе временъ Игнатіевыхъ.

Свыше пятидесяти лѣтъ тому назадъ тою же дорогою прибылъ къ Николо-Бабаевскому монастырю въ поискахъ уединенія и отрѣшенности отъ мірскихъ заботъ, ради духовно-сродной работы—Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Что несла съ собою его великая, многосодержательная душа, какіе замыслы питала она?—Конечно, не тѣ замыслы всероссійскаго владычества, о которыхъ говорилъ его недоброжелатель іеромонахъ Моисей въ письмѣ къ іеродіакону Паисію по поводу смутъ на Бабайкахъ среди почитателей Игнатія, послѣ его смерти,—ибо замысловъ владычества, путей митрополитства и даже настоятельства съ юности не искала душа Игнатіева. Не таково было настроеніе великаго Святителя. Когда приближаешься къ Бабайкамъ, послѣ краткой остановки въ Діевомъ Городищѣ, черезъ три часа отъѣзда изъ Ярославля, когда открывается красивая панорама монастыря и слышится звонъ колоколовъ, невольно думается, что иныя представленія занимали душу Бабаевскаго отшельника при избраніи имъ послѣдняго земного пристанища: а) Крайняя утружденность и многолѣтняя болѣзненность плоти Святителя побуждали его искать болѣе здоровой мѣстности, чѣмъ Лопотовъ, Семигородная пустынь, Сергіева пустынь—мѣста многолѣтняго обитанія Владыки. Чрезвычайная болѣзненность Преосвященнаго Игнатія видна изъ его собственнаго свидѣтельства, которымъ мы и пользуемся въ данномъ случаѣ. Въ бумагахъ Владыки Игнатія, доставшихся послѣ его смерти племяннику сенатору Алексѣю Петровичу Брянчанинову, а по смерти послѣдняго перешедшихъ къ другому племяннику сенатору Н. С. Брянчанинову, имѣется собственноручное описаніе болѣзненности Епископа Игнатія относящееся ко времени жизни его въ Бабайкахъ.—„1) Выросъ я очень рано. 15-ти лѣтъ достигъ того роста, который имѣю теперь. Въ

эти лѣта отданъ въ военную службу, несообразную съ силами и съ деликатностію здоровья и сложенія.

2) Будучи 13-ти лѣтъ простудился купаніемъ въ холодной водѣ; эта простуда не подлежала лѣченію; но послѣ ея я почувствовалъ въ себѣ измѣненіе, именно потому, что она не подлежала лѣченію.

3) На 17-мъ году я снова простудился. При этомъ нестолько отъ простуды, сколько отъ ошибочнаго лѣченія, я почувствовалъ въ себѣ измѣненіе особенное и рѣшительное; я сталъ чувствовать себя хуже и хуже. Въ обѣихъ этихъ простудахъ, должно быть, играла важную роль золотуха, которая не была примѣчена.

4) 20-ти лѣтъ вступилъ въ монастырскую жизнь, несоотвѣтственную ни силамъ, ни здоровью. 23-хъ лѣтъ простудился, получилъ тяжелую лихорадку въ отдаленномъ монастырѣ, въ которомъ никакихъ средствъ къ лѣченію не было. Отъ продолжительной болѣзни этой произошло изнуреніе и еще большее измѣненіе въ здоровьѣ. Я постоянно началъ хворать и чувствовать особенный недостатокъ силъ, даже особенное измѣненіе въ умственныхъ способностяхъ, которыя примѣтнымъ образомъ ослабѣли уже послѣ болѣзни на 17 году.

5) Съ 1834 года постоянно пользовался я пособіемъ врача, который въ 1848 году объявилъ мнѣ, по чувству особенной дружбы ко мнѣ, что врачи виноваты предо мною, не узнавъ присутствовавшей во мнѣ очень скрытно золотухи, которую они вогнали внутрь средствами, направленными противъ гемороя.

6) Въ 1846 году осенью во время продолжительной поѣздки по монастырямъ С.-Петербургской епархіи я очень простудился. Какъ будто соединенный химически теплородъ отдѣлился отъ моего тѣла, сдѣлавшагося съ этого времени чрезвычайно зябкимъ. Ноги у меня отнялись, и я цѣлую зиму не выходилъ изъ своихъ двухъ внутреннихъ комнатъ. Лѣчили меня отъ этой простуды сассапарельнымъ декоктомъ въ теченіе другой зимы въ безвыходномъ затворѣ, отчего владѣніе ногами возвратилось, но явилась вмѣстѣ необыкновенная наклонность къ изнурительной испаринѣ, которая продолжается въ значительной, хотя и меньшей степени понынѣ. Съ этого времени здоровье мое сдѣлалось рѣшительно разстроеннымъ; съ этого времени я тѣломъ не принадлежу къ числу вполнѣ живыхъ, но—какой то живой и вмѣстѣ мертвый.

7) Будучи 51-го года, я пользовался Кавказскими минеральными водами, которыя раскупорили скрывавшуюся во мнѣ золотуху; она повалила изъ меня разными путями, но привела въ совершенное разслабленіе и въ совершенную неспособность къ продолженію общественнаго служенія. Отдѣленіе золотухи продолжается и понынѣ; вмѣстѣ съ этимъ умножается истощеніе и ослабленіе силъ.

Заключеніе. Въ настоящее время необыкновенное истощеніе силъ, истощеніе самаго тѣлосложенія, содѣлавшагося уже неспособнымъ по крайнему изнеможенію выдерживать большую часть средствъ лѣченія, составляетъ главный признакъ болѣзненности. Затѣмъ:—Голова очень слаба. Зрѣніе слабо: не выдерживаетъ ни чтенія, ни занятія письмомъ, особливо при свѣчахъ; ощущается въ глазахъ присутствіе золотушной матеріи. Носъ болитъ; въ немъ ощущается присутствіе золотушной матеріи непрерывно съ осени 1858 года, послѣ пользованія водами. Во лбу и переносицѣ боль, усиливающаяся предъ особеннымъ отдѣленіемъ мокроты изъ носа. Затылокъ покрытъ лишаями и разными наростами, которые находятся въ связи съ насморкомъ, и нѣсколько разрѣшились; появились же первоначально послѣ сассапарельнаго декокта, а особенно послѣ купанія въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Спинной хребетъ и ребра болятъ. Въ груди болятъ нижнія ребра и подреберіе. Сильная одышка. Правой ноги ляшка простужена. Ступни обѣихъ ногъ болятъ, особливо правой; ноги простужены, особливо оконечности. Подошвы очень простужены, потѣютъ, и оконечности ихъ болятъ, также и пальцы, особливо у правой ноги. Оконечности, особливо у правой ноги припухаютъ. Иногда вдоль ноги являются стрѣляющія боли, иногда же ноги подергиваетъ. Прошедшую осень, зиму и весну натирался соленымъ спиртомъ, который произвелъ сильное дѣйствіе. Послѣ него потребовалось поставить много піявицъ, причемъ кровь оказалась чище, нежели какъ была прежде. Вообще чувствую тѣло свое болѣе легкимъ, но слабость неимовѣрная, и даже не могу ходить для прогулки на свѣжемъ воздухѣ. Послѣ кратчайшаго труда, напр.—простоявъ обѣдню въ церкви, чувствую ознобъ, какъ бы ни былъ одѣтъ тепло, вмѣстѣ испарину и изнеможеніе. По временамъ является мѣстами опухоль".

О своей крайней болѣзненности Владыка неоднократно говоритъ въ своихъ письмахъ, особенно къ о. Михаилу Чихачову, гдѣ выражаетъ и свое настроеніе по этому случаю: „Мое здоровье разстроено еще въ дѣтствѣ золотухою скрытною, которая не была понята, а потомъ—простудою, пишетъ Владыка въ письмѣ отъ 18 сент. 1859 г., Слава Богу за все! Для меня болѣзнь была какъ бы цѣпями, обуздывавшими горячность моего характера и сложенія; она препятствовала дѣятельности, вмѣстѣ препятствовала и большему развитію гордыни, которая часто развивается отъ успѣшной дѣятельности" [1]). б) Невольная углубленность въ мірскія и гражданскія заботы въ положеніи епархіальнаго Архіерея, близкій къ міру и общественный характеръ обители Троице-Сергіевой, при наклонности Святителя Игнатія къ созерцательно кабинетной и подвижнической жизни,—побуждали его

[1]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова, см. „Приложенія", стр. 262—263.

къ избранію мѣстожительства внѣ большого города, вдали отъ крупныхъ центровъ мірской суеты. в) Любовь Владыки Игнатія къ природѣ, проявленная въ немъ еще во дни его дѣтскихъ мечтаній въ тѣнистыхъ садахъ села Покровскаго, дѣлали Бабайки съ окружающей ихъ тѣнистой рощей—любимымъ мѣстомъ прогулокъ Владыки,—съ величественной Волгой,—мѣстомъ, удобнымъ для подвига духовнаго, для чтенія великой книги Божественнаго міроправленія, для самопознанія и самоотчета, на склонѣ лѣтъ, въ преддверіи смерти. А великая русская рѣка, своей мощью какъ бы воплощающая самобытность русскаго народа, могла символизировать въ глазахъ Преосвященнаго отшельника тѣ рѣки воды живой, которыми благодатно напояется духъ вѣрующаго человѣка. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно для насъ одно, что никакихъ честолюбивыхъ замысловъ Игнатій Брянчаниновъ не питалъ и въ жизни шелъ совершенно иными путями, чѣмъ—ведущіе къ славѣ человѣческой, а—скорбнымъ, тѣснымъ и уничиженнымъ путемъ тѣхъ, кто вся вмѣнилъ тщету и уметы Царствія ради Божія. Съ этой точки зрѣнія Бабаевскій монастырь своей уединенностью, мѣстоположеніемъ и общежительнымъ строемъ своимъ, въ связи съ дружественнымъ отношеніемъ къ нему сосѣднихъ, ближайшихъ Архипастырей, представлялъ для Преосвященнаго Игнатія пригодное и соотвѣтственное его потребностямъ послѣднее земное пристанище.

Братство Николо-Бабаевскаго монастыря, довольно многочисленное, во время жительства тамъ Владыки Игнатія, вело образъ жизни дѣятельный, трудовой. Богослуженіе отправлялось по чину, введенному во всѣхъ благоустроенныхъ общежительныхъ монастыряхъ. Уставъ заимствованъ первоначально отъ Саровской пустыни съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и примѣненіемъ къ мѣстнымъ обычаямъ. Примѣчательнѣйшее примѣненіе заключается въ служеніи по воскреснымъ днямъ молебна Божіей Матери и Святителю Николаю послѣ литургіи; въ чтеніи по средамъ акаѳиста Святителю Николаю послѣ вечерни; въ деннонощномъ чтеніи Псалтири между службами, въ церкви, въ теченіе первой недѣли Великаго поста [1]). Въ Бабаевскомъ монастырѣ братія, по общему обычаю общежитій, кромѣ участія въ Богослуженіи, занимаются, соотвѣтственно способностямъ и навыкамъ, разными монастырскими хозяйственными послушаніями. Лѣтомъ принимаютъ участіе въ трудахъ по сельскому хозяйству. Тяжелыя работы, какъ, напр., пашня, кошеніе травы, жнитво и другія исправляются вольнонаемными рабочими, а братство, имѣя во главѣ настоятеля, или кого

---

[1]) Свѣдѣнія эти значатся въ отчетѣ Владыки Игнатія о состояніи монастыря за 1866 г., стр. 26—27 (Архивъ Николо-Бабаевскаго монастыря). Этотъ порядокъ соблюдается и до настоящаго времени.

либо изъ старшихъ іеромонаховъ, оставивъ въ церкви очереднаго іеромонаха, іеродіакона и нѣсколько клиросныхъ для отправленія Богослуженія, выходитъ для уборки сѣна, для уборки сноповъ, для собиранія овощей съ огородовъ и тому подобныхъ трудовъ. Нѣкоторые изъ братій занимаются рыбною ловлею [1]).

Весьма содѣйствуя хозяйственному процвѣтанію обители, эти порядки общежительныхъ монастырей, какъ намъ случалось наблюдать въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ монастыряхъ, ослабляютъ духовную жизнь монастырскихъ насельниковъ, обращаютъ монастыри въ сельско-хозяйственныя фермы и уменьшаютъ спасительное памятованіе о единомъ на потребу. Это, безъ сомнѣнія, было и въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, къ прискорбію Владыки Игнатія, желавшаго видѣть въ монастырѣ, по-преимуществу, духовно-молитвенный подвигъ. Вообще, пишетъ Преосвященный Игнатій, въ братствѣ находится очень мало лицъ съ удовлетворительными способностями душевными и тѣлесными: по этой причинѣ монастырь имѣетъ значеніе очень близкое къ богадѣльнѣ въ вещественномъ и нравственномъ отношеніяхъ [2]). Но, къ глубокой скорби Владыки Игнатія, наблюдаемое имъ въ жизни Бабаевскаго монастыря умноженіе хозяйственныхъ заботъ—есть явленіе, для монастырской жизни почти повсемѣстное и въ Бабайкахъ оно имѣетъ меньшее выраженіе. Его взгляды на состояніе монастырской жизни отразились всего болѣе въ его письмахъ во время пребыванія въ Бабайкахъ. Въ письмѣ отъ 3-го янв. 1863 г. къ Антонію Бочкову, игумену Череменецкому, Владыка Игнатій, между прочимъ, пишетъ: „Положеніе монастырей подобно весеннему снѣгу въ послѣднихъ числахъ марта и первыхъ апрѣля: снаружи—снѣгъ, а подъ низомъ—повсюду ѣдкая весенняя вода, она съѣстъ этотъ снѣгъ при первой вспомогательной атмосферической перемѣнѣ. Важная примѣта кончины монашества—повсемѣстное оставленіе внутренняго дѣланія и удовлетвореніе себя наружностію напоказъ. Весьма часто актерскою наружностію маскируется страшная безнравственность. Истиннымъ монахамъ нѣтъ житья въ монастыряхъ отъ монаховъ актеровъ. За такое жительство, чуждое внутренняго дѣланія, этого единаго средства къ общенію съ Богомъ, человѣки дѣлаются непотребными для Бога, какъ Богъ объявилъ допотопнымъ прогрессистамъ. Однако, онъ даровалъ имъ 120 лѣтъ на покаяніе“ [3]). Въ другомъ письмѣ къ тому же игумену Антонію Бочкову выражается еще болѣе пессимистическій взглядъ на состояніе монастырей.—„О монашествѣ я писалъ Вамъ, что оно доживаетъ въ Россіи, даже повсюду, данный ему срокъ.

---

[1]) Тамъ же. Тѣ же порядки наблюдаются въ обители и въ настоящее время.
[2]) Отчетъ за 1866 г., стр. 27.
[3]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова.

Возстановленія не ожидаю. Возстановлять некому. Для этого нужны мужи духоносные, а нынѣ даже водящихся отчасти писаніями Отцовъ, при объясненіи ихъ душевнымъ разумомъ, каковъ былъ о. Макарій Оптинскій, нѣтъ. Правда, и нынѣ нѣкоторые разгоряченные верхогляды, даже изъ свѣтскихъ, берутся за поддержаніе монашества, не понимая, что оно—великая Божія тайна. Попытки такихъ людей лишь смѣшны и жалки: онѣ обличаютъ ихъ глубокое невѣдѣніе и судебъ Божіихъ и дѣла Божія. Такіе умницы и ревнители что ни сдѣлаютъ, все—ко вреду. Замѣтно, что древній змій употребляетъ ихъ въ орудія умноженія въ монастыряхъ житейской многопопечительности и подъяческаго характера, чѣмъ рѣшительно уничтожается духъ монашества, исполненный святой простоты. Надо покаряться самымъ попущеніямъ Божіимъ, какъ это прекрасно изложено въ молитвѣ святыхъ трехъ отроковъ, ввергнутыхъ въ пещь Вавилонскую. Въ современномъ монашескомъ обществѣ потеряно правильное понятіе о умномъ дѣланіи. Даже наружное благочинное поведеніе, какое введено было въ Оптиной пустынѣ о. Леонидомъ и Макаріемъ, почти повсюду оставлено... Удовлетворительнѣйшее лицо, съ которымъ пришлось встрѣтиться, былъ монахъ Никандръ, просфорякъ Бабаевскаго монастыря, мужъ благодатный. Съ нимъ бесѣдовалъ я въ 1847 году [1]). Онъ достигъ высшаго преуспѣянія въ умной молитвѣ, проходилъ этотъ подвигъ очень просто, естественно, не былъ во славѣ у человѣковъ. Прежде умное дѣланіе было очень распространено и между народомъ, еще не подвергшимся вліянію запада. Теперь все искоренилось; осталась личина благочестія; сила изсякла. Можетъ быть кроется гдѣ либо, какъ величайшая рѣдкость, какой либо остатокъ прежняго. Безъ истиннаго умнаго дѣланія монашество есть тѣло безъ души. О монашествѣ о. Никандръ понималъ такъ-же, какъ понимаю и я. Называлъ онъ монастыри пристанями,—по назначенію, данному имъ отъ Бога; говорилъ, что эти пристани обратились въ пучины, въ которыхъ вредятся и гибнутъ многіе такіе люди, которые посреди міра проводили весьма хорошую жизнь... По крайней мѣрѣ въ избраніи монастыря должно быть чрезвычайно осторожнымъ и осмотрительнымъ“ [2]).

При такомъ взглядѣ на состояніе монастырей, для Преосвященнаго Игнатія естественно было—въ разрѣшеніи вопроса о послѣднемъ земномъ пристанищѣ позаботиться объ устроеніи своего монастыря соотвѣтственно своимъ взглядамъ или о выборѣ изъ существующихъ монастырей—наиболѣе отвѣчающаго его потребностямъ. Повидимому,

---

[1]) Въ этомъ году Владыка, въ санѣ Архимандрита—настоятеля Сергіевой пустыни, жилъ въ Бабайкахъ на излѣченіи.

[2]) Тамъ же. Письма отъ 4 февр. и отъ 21 апр. 1864 года.

для изучившаго теоретически и практически монастырскую жизнь и опытно познавшаго подвигъ иноческаго дѣланія было бы удобно обоснованіе собственнаго монастыря при ближайшемъ участіи преданныхъ и единомышленныхъ людей. И мечты о такомъ монастырѣ, дѣйствительно, были у Преосвященнаго Игнатія совмѣстно съ братомъ—П. А. Брянчаниновымъ. Но самъ же Преосвященный Игнатій и отказался отъ этой мысли, какъ на долгое время отклоняющей отъ духовной жизни, какъ можно судить на основаніи переписки подвижниковъ-братьевъ. Въ одномъ письмѣ къ брату Преосвященный Игнатій пишетъ: „На мысль объ учрежденіи своего новаго монастыря, нахожу, что заведеніе своего монастыря повлечетъ насъ къ матеріальнымъ попеченіямъ, кои будутъ препятствовать попеченію о нашихъ душахъ. Сильная зависимость нашего духовнаго состоянія отъ нашего наружнаго состоянія, и познаніе человѣка, заимствованное изъ опытныхъ наставленій Св. Отцовъ, приводитъ къ тому заключенію, что мы возможемъ гораздо болѣе преуспѣть, когда будемъ странниками и пришельцами въ чужой сторонѣ, нежели если бы основали монастырекъ на своей родинѣ, гдѣ всѣ насъ знаютъ и многіе уважаютъ. Вотъ мое сужденіе о нашемъ общемъ жительствѣ—можетъ быть въ единонадесятый часъ нашей земной жизни“ [1]). Такимъ образомъ, мечты объ основаніи собственной обители въ предѣлахъ Вологодскаго края были оставлены, и, вмѣсто этого, Преосвященный Игнатій избралъ для жительства Бабаевскій монастырь. Настроеніе, съ которымъ Владыка Игнатій вступилъ въ Бабаевскую обитель, было настроеніемъ довольства и духовной удовлетворенности. „Никогда въ жизни моей я не былъ такъ доволенъ моимъ положеніемъ, какъ доволенъ имъ теперь“, пишетъ Владыка Игнатій Чихачову. „Кажется, мой ангелъ хранитель по повелѣнію Божію продиктовалъ Святѣйшему Синоду указъ о мнѣ;—такъ этотъ указъ удовлетворяетъ требованіямъ моего душевнаго настроенія и тѣлеснаго здравія“ [2]). Такое же настроеніе видно изъ письма къ брату: „Иногда взглянешь на мои двѣ комнатки—и онѣ представятся какъ бы раемъ. Вообще, положеніе мое на Бабайкахъ—самое соотвѣтствующее состоянію моего здравія и душевному настроенію, а потому — и самое удовлетворительное. Замѣтно, что оно становится лучше и лучше: это заставляетъ предполагать, что мы будемъ очень спокойны, когда пообживемся, да поустроимся, когда опасающіеся насъ убѣдятся, что нечего опасаться“ [3]). Не мудрено, что когда Вла-

---

[1]) Письмо Архим. Игнатія къ П. А. Брянчанинову отъ 14 февр. 1856 года (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова); см. „Приложенія“, стр. 175—177.

[2]) Тамъ же. Письмо отъ 18 окт. 1861 г.

[3]) Письмо отъ 14 окт. 1862 г. (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова), „Приложенія“, стр. 208. Тоже—въ письмахъ къ С. И. Снесаревой.

дыка Игнатій устроился въ Бабайкахъ, когда его мечты о тихой обители [1]) осуществились, онъ не хотѣлъ уже выплывать въ бурное житейское море, хотя и опасался возможной необходимости по стеченію обстоятельствъ въ родѣ тѣхъ, которыя переставили его изъ Лопотова монастыря въ Сергіеву пустынь. Съ поступленіемъ на должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора Ахматова, А. И. Муравьевъ писалъ Преосвященному Игнатію, чтобы онъ снова вступилъ, по поправленіи здоровья, въ общественное служеніе, но онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, хотя въ письмѣ къ брату и добавлялъ по этому случаю, что „по способности обстоятельствъ къ переворотамъ—ничего впередъ не узнаешь, а потому загадывать ничего нельзя, а также ничего настоящаго нельзя признавать за вѣрное“ [2]). Но самъ лично Преосвященный Игнатій смотрѣлъ на свой Бабаевскій затворъ, какъ на послѣднее жизненное пристанище, а свою связь съ церковно-общественною жизнію полагалъ въ молитвѣ и своей аскетически-литературной дѣятельности [3]). Къ этому подвигу молитвы и словеснаго выраженія своихъ духовно-аскетическихъ сокровищъ для блага ближняго и сведена была жизнь Преосвященнаго Игнатія въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ: суровый подвигъ аскетизма личнаго, подвигъ молитвенный и перенесеніе скорбей тѣлесной болѣзненности, заботы о благоустроеніи и преуспѣяніи обители, попеченіе о своемъ братѣ подвижникѣ, памятованіе о мѣстахъ своего жизненнаго служенія, усиленіе пере-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 22 мая 1857 года Владыка Игнатій писалъ брату П. А. Брянчанинову: „А мнѣ подъ конецъ жизни—куда нибудь, въ тихій край родной Россіи, подальше отъ Питера, который и по климату и по всему прочему для меня несроденъ. Впрочемъ не моя, а Божія воля да будетъ!“

[2]) Письмо къ П. А. Брянчанинову отъ 25 марта 1862 года.

[3]) „Для меня общественное служеніе невозможно“, пишетъ Владыка Игнатій брату. „Можно быть полезнымъ христіанскому обществу изъ уединенія, если въ уединеніе человѣкъ призванъ Богомъ. „Опыты“ никогда не вышли бы такими, какими оказываются нынѣ, еслибъ не были плодомъ уединенія. Современная потребность „Опытовъ“ будетъ ясно усмотрѣна всѣми, понимающими практическую христіанскую, особливо иноческую жизнь (Письмо отъ 20 ноября 1862 г.). Въ другомъ письмѣ къ брату онъ говоритъ о значеніи молитвы: „Въ настоящее время существенная нужда въ правильной молитвѣ, а ее то и не знаютъ! Не знаютъ, что она должна быть орудіемъ и выраженіемъ покаянія, ищутъ наслажденія и восторговъ, льстятъ себя, и орудіемъ, даннымъ во спасеніе, убиваютъ свои души. Существенно нужно правильное пониманіе молитвы въ наше время! Она—существенный, единственный руководитель въ наше время ко спасенію“ (Письмо отъ 29 января 1865 года). См. „Приложенія“, стр. 211 и 239. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „О моемъ уклоненіи отъ общественнаго служенія не жалѣйте и не думайте, что я могъ бы въ немъ принести какую либо пользу. По духу моему я рѣшительно чуждъ духа времени и былъ бы въ тягость другимъ. И теперь терпятъ мнѣ милостиво единственно потому, что нахожусь въ дали и глуши (Письмо къ Антонію Бочкову, игумену Черменецкому, отъ 4 февр. 1864 г.).

писки въ назиданіе ближнимъ, литературно-аскетическая дѣятельность, срѣдка отзвукъ на доносящіяся въ затворъ вѣсти внѣшняго міра, постоянное памятованіе о смерти и необходимости достойнаго приготовленія къ ней, — вотъ въ какомъ направленіи можетъ быть представлено содержаніе жизни Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ съ 16 октября 1861 года по 30 апрѣля 1867 года.

86-лѣтній старецъ монахъ Александръ, выполняющій послушаніе чтенія Псалтыри и помянника при гробницѣ Владыки Игнатія, жилъ въ Николо-Бабаевскимъ монастырѣ еще при Святителѣ Игнатіи. Въ его умилительно-назидательныхъ воспоминаніяхъ встаютъ предъ слушателемъ живые образы въ Бозѣ почившихъ трудниковъ душеспасительнаго подвига: самого Владыки Игнатія, его брата—Петра Александровича,—въ иночествѣ монаха Павла, сына послѣдняго Алексѣя Петровича, братіи, пришедшей съ Владыкой съ Кавказа. Преосвященный Игнатій, по воспоминаніямъ старца, вставалъ въ три часа утра и, послѣ молитвы, когда былъ здоровъ, отправлялся на кратковременную прогулку въ монастырскую рощу; остальное время пребывалъ дома, занимаясь молитвой и писаніемъ своихъ сочиненій. Въ своей жизни отличался строгимъ воздержаніемъ, безсмѣнно имѣя въ своемъ столѣ супъ и кашу, въ то время, какъ для паломниковъ и иноковъ монастыря предлагался болѣе содержательный обѣдъ. Въ обращеніи—отличался необыкновенной добротой и лаской. Изъ монастыря почти не выѣзжалъ, а всѣ хлопоты по монастыркимъ дѣламъ велъ П. А. Брянчаниновъ.

Изъ числа глубокопреданныхъ Епископу Игнатію и чтившихъ его во время жизни въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ и по смерти лицъ слѣдуетъ указать игуменію Московскаго Страстного монастыря Антонію. Игуменія Антонія неоднократно бывала въ Бабаевскомъ монастырѣ, но только уже по смерти Преосвященнаго Игнатія, который питалъ къ ней при жизни чувства глубокаго расположенія и уваженія. Въ близкихъ отношеніяхъ къ Николо-Бабаевскому монастырю во время проживанія тамъ Преосвященнаго Игнатія находился одинъ благочестивый Харьковскій помѣщикъ—Андрей Ѳеодоровичъ Ковалевскій. Считая Преосвященнаго Игнатія своимъ наставникомъ, онъ глубоко проникся его аскетическимъ духомъ и рѣшился удалиться отъ міра. Съ этою цѣлью онъ устроилъ въ своемъ имѣніи въ Зміевскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи иноческую обитель; долгое время это не былъ самостоятельный монастырь: въ немъ проживали иноки, присылаемые изъ Святогорскаго монастыря. Въ настоящее время эта обитель уже извѣстна подъ именемъ Высочинскаго Казанскаго монастыря. А. Ѳ. Ковалевскій хорошо изучивъ языкъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ, съ любовію занимался писаніемъ акаѳистовъ, изъ

которыхъ нѣкоторые уже давно введены съ надлежащаго разрѣшенія въ церковно-богослужебное употребленіе [1]).

Сдавъ хозяйственную часть монастыря настоятелю и довѣренному лицу Архимандриту Іустину съ ближайшей извѣстной ему братіей, Преосвященный Игнатій углубился въ подвигъ литературно-аскетическій и молитвенный. Но онъ не былъ равнодушенъ къ интересамъ пріютившей его обители. Въ отношеніи внѣшнемъ его заботы о Бабаевской обители выражались въ улучшеніи ея матеріальныхъ средствъ, особенно личными жертвами, въ благоустроеніи обители при личномъ руководствѣ, въ опытныхъ указаніяхъ его Петру Александровичу и братіи въ этомъ направленіи; въ отношеніи внутренней жизни Бабаевской обители,—попечительность святителя Игнатія выражалась въ мѣрахъ личнаго вліянія на поднятіе нравственной жизни монастырскаго братства. Опытный хозяинъ-руководитель, возродившій обители и обезпечившій внѣшнія потребности въ Лопотовомъ монастырѣ и Сергіевой пустыни, Владыка Игнатій, чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ, и здѣсь достигъ экономическаго и внѣшняго благоустройства обители. Хозяйство монастырское поставлено было на раціональныхъ началахъ; зданія всѣ были исправлены заново или устроены вновь. Чудотворная икона Святителя Николая съ 1865 г. стала износиться изъ монастыря въ Ярославль, Кострому и ихъ окрестности. Увеличился притокъ богомольцевъ въ Бабаевскій монастырь, привлекаемыхъ благолѣпнымъ Богослуженіемъ, чудотворными иконами и подвижническимъ именемъ Владыки Игнатія [2]). Все это вмѣстѣ содѣйствовало увеличенію и матеріальныхъ средствъ обители. Кромѣ того, личныя средства и матеріальныя цѣнности Владыки Игнатія, а равно и Петра Александровича Брянчанинова пошли на благоустройство обители. Владыка Игнатій свою пенсію, въ 1500 руб., и другія матеріальныя поступленія вносилъ въ кассу обители. Объ этомъ есть отчасти и документальныя свѣдѣнія, отчасти же это подтверждается тѣмъ, что въ числѣ скудной, оставшейся послѣ смерти Преосвященнаго Игнатія, матеріальной цѣнности денегъ не оказалось, а родственникамъ по плоти онъ денегъ не передавалъ, да и нуждающихся въ этомъ присныхъ по плоти у него не было [3]). Увеличившійся съ 1862 г.

---

[1]) Свящ. Григ. Орловъ. Игуменья Антонія, настоятельница Московскихъ монастырей—Страстного (1861—1871 г.) и Алексѣевскаго (1871—1897 г.), стр. 95—97.

[2]) Объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія есть въ назидательныхъ брошюрахъ А. Воскресенскаго: а., „Никольскій Бабаевскій монастырь“, стр. 12 и б., „Николо-Бабаевскій Святитель Преосвященный Епископъ Игнатій (Брянчаниновъ)—стр. 14.

[3]) Въ бумагахъ, принадлежащихъ родному племяннику Преосвященнаго Игнатія Н. С. Брянчанинову, имѣются слѣдующіе цѣнные въ этомъ отношеніи документы: 1) Рапорты настоятеля Николо-Бабаевскаго монастыря Архимандрита Іустина съ старшею братіею отъ 5 марта, 7 марта, 16 іюня и 30 августа 1862 года за №№ 37.

притокъ богомольцевъ въ Николо-Бабаевскій монастырь и умноженія, при личномъ участіи Владыки, матеріальныхъ средствъ, вызвали его на заботы о созданіи новаго соборнаго храма во имя Божіей Матери. Ветхая и тѣсная соборная церковь во имя Иверской Божіей Матери весною 1864 года была разобрана и тогда же заложенъ новый храмъ по Высочайше утвержденному проэкту архитектора, профессора Академіи художествъ И. И. Горностаева, который руководился при этомъ указаніями Преосвященнаго Игнатія. Двухъэтажный, обширный, величественный, прекрасный и единственный въ своемъ родѣ по всему Поволжью храмъ Иверской Божіей Матери, по внѣшнему виду своему имѣетъ нѣкоторое сходство съ церковію Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, съ главою, изображающею царскую корону и вмѣстѣ Архіерейскую митру, которыя обѣ принадлежатъ Главѣ Церкви—Господу Іисусу Христу. Въ построеніи этого храма Владыкѣ Игнатію было немало хлопотъ, но, предвидя ихъ, онъ возлагалъ свое упова-

---

39, 83 и 25, отъ 14 іюля 1864 г. за № 122 и отъ 6 іюля 1865 г. за № 113—о записи на приходъ и выраженіи благодарности за поименованные въ рапортахъ крупныя денежныя пожертвованія на нужды обители, поступившія подъ разными видами на нужды обители.

2) Отношеніе Кабинета Его Императорскаго Величества на имя Преосвященнаго Игнатія отъ 8 февр. 1862 г., за № 873, объ ассигнованіи ему 3.125 руб. серебромъ за купленную у него панагію, украшенную брилліантами,—деньги эти пошли на нужды обители.

3) Въ отчетѣ о состоянія Николо — Бабаевскаго монастыря за 1866 годъ, представленномъ Свят. Синоду при рапортѣ Владыки Игнатія отъ 4 марта 1867 г., за № 62, сверхъ отчетнаго прихода, въ суммѣ 14.681 руб. 95¾ коп, значатся поступившими на приходъ въ 1866 году отъ разныхъ лицъ на созиданіе строющагося соборнаго храма 7.854 руб. 98½ коп. Поступленіе по суммѣ своей и по сравненію съ годичнымъ бюджетомъ монастыря, особенно-захолустнаго и провинціальнаго—весьма необычное и мы предполагаемъ съ увѣренностію, что крупныя жертвы слагались изъ взносовъ самого Преосвященнаго Игнатія и его брата. Употребленіе этихъ пожертвованій, сродное съ тѣмъ, какое мы видѣли по Сергіевой пустынѣ, также подверждаетъ, на нашъ взглядъ ихъ происхожденіе. Въ отчетѣ Владыки Игнатія сказано: „Кромѣ содержанія братства, рабочихъ и предоставленія пищи посѣтителямъ безмездно по обычаю общежитій, деньги, получаемыя монастыремъ, употребляются: 1) на ремонтъ зданій, вообще очень запущенныхъ и непрочно выстроенныхъ, 2) на учрежденіе основательнаго хозяйства, могущаго служить важнымъ источникомъ къ поддержанію обители, имѣющей достаточное количество земли весьма хорошаго качества, но запущенной и требующей значительнаго расхода для того, чтобы быть ей приведенною въ то состояніе, при которомъ получаются хорошіе урожаи. Деньги, жертвуемыя на построеніе храма, записываются въ особую, имѣющуюся на сей предметъ книгу, и расходуются строительною комиссіею по докладамъ ея, представляемымъ мнѣ.

Вообще, о возобновленіи и устройствѣ монастыря принимается дѣятельное стараніе, сообразно скуднымъ средствамъ, которыя: 1) имѣетъ монастырь, 2) доставляются благотворителями и 3) пріобрѣтаются заботливостію братіи".

ніе на милость Божію и въ самыхъ затрудненіяхъ видѣлъ особый благопріятный для дѣла смыслъ. „Надъ построеніемъ храма Богоматери очевиденъ перстъ Богоматери“, писалъ онъ брату. „Даруется человѣкамъ, труждающимся въ дѣлѣ, помощь; вмѣстѣ даруется имъ побороться съ препятствіями и поскорбѣть для ихъ же душевной пользы, чтобы очистить дѣло отъ примѣси тщеславія и другихъ увлеченій, чтобъ оно было совершено въ Богоугодномъ смиреномудріи. Таковъ обычный ходъ дѣлъ, покровительствуемыхъ Богомъ“ [1]). Но дожить до окончанія постройки храма Иверской Божіей Матери Преосвященному Игнатію было не суждено: храмъ законченъ былъ лишь въ 1877 году. Заложенный при Владыкѣ Игнатіи, устроенный по его проэкту и идеѣ, обязанный своимъ существованіемъ его благочестивой ревности и средствамъ, соборный храмъ Иверской Богоматери служитъ прекраснымъ надгробнымъ памятникомъ самому Святителю Игнатію. Своей громадой онъ господствуетъ не только надъ строеніями Бабаевской обители, но и надъ всѣми окрестностями. По сторонамъ средней главы его размѣщено 12 изображеній наиболѣе чтимыхъ въ Россіи иконъ Божіей Матери, а по карнизу фонаря этой главы славянскими письменами начертана пѣснь Богородицѣ: „Достойно есть, яко воистину, блажити Тя, Богородице“... Чудотворная икона помѣщена на лѣвой сторонѣ главнаго иконостаса. Для благоговѣйнаго храненія ея сооружена великолѣпная сѣнь и кіотъ въ древне-русско византійскомъ стилѣ, рѣзные и позлащенные; сѣнь увѣнчана тремя таковыми же главками [2]).

Подъ верховнымъ управленіемъ многоопытнаго въ духовной жизни Архипастыря-подвижника Николо — Бабаевскій монастырь въ значительной мѣрѣ благоустроился и въ духовномъ отношеніи. Своимъ высокимъ духовнымъ авторитетомъ Преосвященный Игнатій оживилъ и поднялъ нравственную жизнь монастырскаго братства до небывалой, въ сравненіи съ прежнимъ состояніемъ, высоты, сдѣлавшись родоначальникомъ духовной иноческой дружины. Къ сожалѣнію, нарушеніе порядка преемственности въ назначеніи настоятелей Николо-Бабаевскаго монастыря отразилось постепенной утратой духа Игнатіева: лица изъ другихъ иногда далекихъ обителей, совершенно не знакомые съ настроеніемъ и трудами почивающаго подъ сводами Златоустовскаго храма подвижника — Архипастыря, сосредоточивая преимущественное вниманіе на хозяйственной сторонѣ монастырской жизни, на настоятельствѣ Николо-Бабаевскаго монастыря не удержали

---

[1]) Письмо Владыки Игнатія къ П. А. Брянчанинову отъ 11 мая 1864 г. (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова).

[2]) Объ этой иконѣ и другихъ святыняхъ Бабаевскаго монастыря довольно подробно сказано въ вышеупомянутыхъ брошюрахъ А. Воскресенскаго,

на должной высотѣ духовнаго наслѣдія, оставленнаго Игнатіемъ Брянчаниновымъ. Можно надѣяться, что нынѣшній настоятель обители—выходецъ строгой и славной обители Соловецкой Архимандритъ Анатолій, съ интересомъ относящійся къ личности Святителя Игнатія, оживитъ спасительныя воспоминанія о немъ въ средѣ Бабаевскаго монастырскаго братства.

Ближайшее участіе въ заботахъ Преосвященнаго Игнатія о благоустроеніи Бабаевской обители принималъ его братъ, другъ и усердный почитатель Петръ Александровичъ Брянчаниновъ. Въ свою очередь и многолѣтнія попеченія Владыки объ этомъ его братѣ по плоти и духу закончились также въ этотъ Бабаевскій періодъ жизни Святителя Игнатія опредѣленіемъ Петра Александровича Брянчанинова въ составъ братства Николо-Бабаевской обители. Личность П. А. Брянчанинова настолько содержательна и интересна, а жизнь его настолько поучительна, что требуетъ въ отношеніи къ себѣ особаго литературнаго труда [1]). И если мы касаемся высокой личности губернатора-подвижника, то лишь въ виду близкихъ отношеній его къ Епископу Игнатію и въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для полноты изображенія личности Преосвященнаго Игнатія. Начавшись еще въ дѣтствѣ, сложившись подъ кровомъ родительскаго дома, отношенія Владыки Игнатія къ младшему брату своему во все время жизни были отношеніями старца къ духовно-руководимому имъ. Еще въ письмѣ изъ Сергіевой пустыни, тогда еще Архимандритъ Игнатій, наряду съ отвѣтами по вопросамъ житейскимъ, всего болѣе даетъ наставленій духовно-аскетическихъ относительно вниманія къ себѣ, исповѣди, молитвы и возложенія всѣхъ упованій на милость Божію. Такой характеръ отношеній Епископа Игнатія къ П. А. Брянчанинову, по нашему мнѣнію, совершенно ясенъ изъ приложенной къ нашей книгѣ серіи писемъ Владыки Игнатія къ брату. Особенно духовно-аскетическая переписка братьевъ-подвижниковъ усилилась въ то время, когда Владыка Игнатій, освободившись отъ Кавказской каѳедры, поселился въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, тогда какъ П. А. Брянчаниновъ остался Ставропольскимъ губернаторомъ и, при тяготѣніи своемъ къ монастырю, долженъ былъ вершить гражданскія дѣла въ безпокойномъ и

---

[1]) Помимо стороны аскетически—подвижнической, приведшей Петра Александровича Брянчанинова на склонѣ лѣтъ къ монашеству, его личность интересна весьма по другимъ своимъ индивидуальнымъ проявленіямъ, въ связи съ временемъ, въ которое онъ жилъ и проходилъ военную и государственую службу, и съ лицами, съ которыми онъ сталкивался въ жизни личной и служебной. Свѣдѣнія о службѣ П. А. Брянчанинова отмѣчены въ „Приложеніяхъ“ къ второй части нашей книги, стр. 172—173; тамъ же можно читать и письма Преосвященнаго Игнатія къ П. А. Брянчанинову, характеризующія отношенія братьевъ—подвижниковъ (См. стр. 172—253).

неупорядоченномъ краѣ. Петръ Александровичъ, по отъѣздѣ Преосвященнаго брата, рвался въ монастырь. Владыка Игнатій, пріютивъ подъ своимъ попечительнымъ кровомъ своего племянника Алексѣя Петровича, сдерживалъ стремительность брата и придумывалъ для него форму начальнаго жительства въ монастырѣ во вниманіе къ семейному положенію его и своимъ планамъ внѣшняго благоустроенія обители, которое требовало средствъ и губернаторской пенсіей Петра Александровича могло быть въ значительной мѣрѣ обезпечено. Для иллюстраціи разсматриваемаго положенія, съ нашей точки зрѣнія, представляется весьма цѣннымъ письмо Преосвященнаго Игнатія къ П. А. Брянчанинову отъ 24 февр. 1862 года. Преосвященный Игнатій пишетъ: „Если послѣдуетъ на то Божіе соизволеніе, то нѣкоторый богомолецъ (т. е. П. А.) имѣетъ желаніе поступить въ Бабаевскій монастырь для сожительства со мною и приготовленія себя къ переходу въ вѣчность, къ каковому переходу и я призываюсь непрестанно возрастающими и умножающимися немощами моими. Святые Отцы утверждаютъ, что всякому желающему вступить въ монастырь, надо избрать образъ жизни, который бы соотвѣтствовалъ его духовной цѣли и велъ къ ней. Разсуждая о положеніи, которое приличествовало бы наиболѣе упомянутому богомольцу, я признаю наилучшимъ для него вступить въ отношенія къ монастырю монастырскаго ктитора. Оставаясь въ свѣтскомъ званіи и одеждѣ, онъ можетъ постоянно жить въ монастырѣ, дѣлая посильный произвольный денежный вкладъ, завѣдывая сельскимъ хозяйствомъ монастыря, которое непремѣнно должно улучшиться, завѣдывая постройками, занимаясь хожденіемъ по дѣламъ монастыря въ столицахъ и сосѣднихъ городахъ. Ктиторъ будетъ имѣть характеръ благотворителя предъ монастырскимъ братствомъ и вообще предъ духовенствомъ. Такое наружное положеніе соотвѣтствуетъ и душевной потребности вновь вступившаго въ монастырь и нуждающагося въ вещественныхъ занятіяхъ. Переходъ отъ свѣтскаго развлеченія къ нерушимому глубокому безмолвію долженъ быть постепененъ. Послѣ занятій, сопряженныхъ съ нѣкоторымъ общеполезнымъ и полезнымъ для монастыря и братства развлеченіемъ, Богъ устроятъ положеніе очень спокойное, основанное на предшествовавшихъ трудахъ, сопряженныхъ съ развлеченіемъ... Положеніе ктитора и для Алексѣя Петровича будетъ весьма полезно. Кто знаетъ, долго ли я потянусь. Очень истощенъ. Въ случаѣ моей кончины все о Господѣ братство понуждается въ защитникѣ съ значительнымъ вѣсомъ“. Такимъ образомъ, Владыка Игнатій заботится одновременно о пользѣ обители чрезъ привлеченіе къ ктиторскому о ней попечительству своего брата, и для послѣдняго устраиваетъ постепенность перехода отъ кипучей общественной дѣятельности въ должности Ставропольскаго губернатора къ смиренному подвигу монастырскаго по-

слушника. Въ послѣдующемъ рядѣ писемъ Преосвященный Игнатій убѣждаетъ брата не горячиться и не спѣшить исполненіемъ своего огнепальнаго желанія поступить въ монастырь: „непремѣнно дождись отставки“—пишетъ и подчеркиваетъ Владыка Игнатій. „Вѣра должна быть соединена съ благоразуміемъ, которое признается величайшею христіанскою добродѣтелію. Дѣйствуй благоразумно и осмотрительно. Самъ видишь, что вообще дѣла принимаютъ запутанный характеръ“ [1]). Медленно и осторожно ведетъ Владыка Игнатій своего брата къ иноческому жребію, ограничивая въ томъ же направленіи стремившагося Алексѣя Петровича, но въ то же время, внимательно заботясь о религіозной дисциплинированности его духа. По случаю поступленія Алексѣя Петровича въ Моск. университетъ, Владыка Игнатій съ Кавказа пишетъ Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому, отъ 24 янв. 1860 г.: „Позвольте просить милостиваго вниманія Вашего къ подателю сего письма, Алексѣю Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здѣшняго начальника губерніи. Алексѣй Петровичъ желаетъ вступить въ Московскій университетъ. Не откажите ему въ полезныхъ наставленіяхъ, въ которыхъ всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умноженіи соблазновъ, еще болѣе нуждаются. Мой братъ—самый религіозный человѣкъ; старался воспитать сына въ страхѣ Божіемъ, а теперь, отпуская изъ своего личнаго надзора, поручаетъ его Богу и Божіимъ служителямъ“ [2]). Письма Преосвященнаго Игнатія къ П. А. Брянчанинову и, отчасти, къ М. В. Чихачову—открываютъ интимную сторону души Владыки, его доброе сердце, его чуткость и бережное отношеніе къ душевной чистотѣ, глубокую вѣру въ Божественный Промыслъ и религіозное начало, какъ главные факторы жизненныхъ отношеній.

Петръ Александровичъ былъ многополезнымъ членомъ Бабаевскаго братства: онъ употреблялъ на нужды монастырскія свою губернаторскую пенсію, велъ разныя монастырскія дѣла въ Костромѣ, Ярославлѣ и Петербургѣ, содѣйствовалъ упорядоченію монастырскаго хозяйства, устраивалъ дѣла Владыки Игнатія по изданію его сочиненій и являлся выразителемъ и выполнителемъ его воли по всѣмъ направленіямъ, являлся, въ тоже время, другомъ и нравственной опорой утружденнаго недугами и отдѣленнаго отъ міра Владыки Игнатія. И, дѣлая въ преддверіи вѣчности послѣднія земныя распоряженія, Преосвященный Игнатій поручаетъ исполненіе своей воли брату П. А. Брянчанинову. Завѣщаніе—письмо Святителя Игнатія къ брату

---

[1]) Письмо отъ 9-го мая 1862 года. (См. „Приложенія“, стр. 201).

[2]) См. „Приложенія“, стр. 157—158.

отъ 9 іюля 1862 г. за № 209, ниже прилагаемое въ автографѣ [1]), говоритъ не только о глубокомъ довѣріи его къ послѣднему, но и раскрываетъ прочную почву ихъ духовной близости въ общихъ стремленіяхъ духа въ страну вѣчныхъ обѣтованій. „Ваше Превосходительство, любезнѣйшій братецъ, Петръ Александровичъ“, пишетъ Владыка Игнатій въ этомъ оффиціальномъ письмѣ. „Видя себя приведшимъ въ крайнее изнеможеніе и болѣзненность, знаменующія приближеніе общаго всѣмъ человѣкамъ переселенія изъ гостинницы земли въ вѣчность, покорнѣйше прошу Васъ принять на себя, въ случаѣ моей кончины, распоряженіе всѣмъ моимъ, впрочемъ, весьма небольшимъ, имуществомъ, согласно прилагаемой при семъ копіи съ предложенія моего Костромской духовной Консисторіи и согласно словесно сдѣланному мною Вамъ завѣщанію. Получивъ отъ Васъ значительное денежное пособіе во время нахожденія моего на Кавказской каѳедрѣ, я прошу Васъ принять тѣ вещи, какія найдете нужными и полезными для себя и для сына Вашего, Алексѣя Петровича, въ Вашу и его собственность; другія—отдать настоятелю и раздать братіямъ, преимущественно же тѣмъ изъ нихъ, которые послужили мнѣ лично. Главные предметы имущества моего состоятъ изъ: 1) библіотеки, 2) бѣлья: шубъ и разнаго платья, изъ котораго цвѣтныя и бархатныя рясы предназначены мною для ризницы Бабаевскаго монастыря, 3) экипажей: дормеза, кареты и зимняго возка.—Сочиненія мои, остающіяся въ рукописяхъ, передаю сполна въ Ваши собственность и распоряженіе.

Вамъ извѣстенъ мой образъ мыслей: почему понятно для Васъ и то желаніе мое, чтобы оставшееся послѣ меня имущество, какъ пріобрѣтенное при убогомъ служеніи моемъ Церкви, а не отъ родственниковъ, поступило въ пользу Церкви, ея служителей и нищей братіи. Я убѣжденъ, что Вы исполните отчетливѣе и лучше мое желаніе, нежели какъ исполнилъ бы его я самъ, и потому останавливаюсь отъ всякаго мелочного распоряженія, могущаго неожиданно затруднить Васъ въ Вашемъ дѣйствованіи.

Милосердый Господь, по единой милости Своей, да отверзетъ мнѣ врата милосердія Своего, да приметъ въ нихъ сиротствующую и нищую душу мою изъ среды многомятежнаго міра сего, да упокоитъ ее во Царствіи Своемъ. Въ свою чреду, которая непремѣнно наступаетъ для каждаго земного странника, воззваны будете и Вы предстать Богу. Отъ всея души желаю, чтобы это воззваніе было услышано Вами съ радостію, какъ призваніе къ радости вѣчной, не навѣтуемой

---

[1]) См. „Приложенія“, стр. 204—205.

уже никакою скорбію. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга и братъ Епископъ Игнатій“ [1]).

Само по себѣ назидательное, это завѣщаніе Владыки Игнатія ясно говоритъ намъ о единомысліи завѣщателя съ тѣмъ, кто дѣлается, послѣ его смерти, исполнителемъ его воли.

Со времени своего вступленія въ Николо-Бабаевскій монастырь, Владыка Игнатій съ особеннымъ вниманіемъ начинаетъ готовиться къ смерти, отрѣшаясь отъ своей связи съ вещественностію всякаго рода. Кромѣ вышеприведеннаго трогательнаго завѣщанія Владыки Игнатія и актовъ продажи драгоцѣнностей съ обращеніемъ вырученныхъ денегъ на нужды новостроющагося храма, въ бумагахъ сенатора Н. С. Брянчанинова есть еще выраженіе предсмертной воли Владыки. Въ маѣ 1862 года принадлежащій ему наперсный крестъ, украшенный бриллiантами, розами и сибирскими аметистами, препровожденъ былъ самимъ Преосвященнымъ Игнатіемъ въ даръ Троице-Сергіевой пустынѣ для употребленія его настоятелями при священнослуженіи [2]).

Въ 1865 году Преосвященнымъ Игнатіемъ была пожертвована въ Костромской Ипатьевскій монастырь панагія съ изображеніемъ Казанской Божіей Матери [3]).

Преосвященный Игнатій скончался на 61 году своей жизни 30-го апрѣля, 1867 года, во второй половинѣ 8-го часа утра, въ недѣлю женъ Мироносицъ.

По свидѣтельству благоговѣйнаго свидѣтеля праведной жизни святителя Игнатія, его келейника Василія Павлова — привычка окружающихъ видѣть Преосвященнаго всегда болѣзненнымъ, всегда сла-

---

[1]) Завѣщаніе это найдено въ бумагахъ, доставшихся послѣ смерти П. А. Брянчанинова его сыну сенатору А. П. Брянчанинову, а по смерти послѣдняго перешло къ другому племяннику Преосвященнаго Игнатія сенатору Ник. Сем. Брянчанинову.

[2]) Отношеніе настоятеля Сергіевой пустыни Архимандрита Игнатія (Малышева) къ Преосвященному Игнатію отъ 29 іюля 1862 г., за № 187. Къ отношенію этому приложена, въ копіи, опись наперснаго креста, составленная ювелиромъ Блюмомъ въ С. Петербургѣ 28 іюня 1862 года такого содержанія: Крестъ золотой, украшенный бриллiантами, розами и сибирскими аметистами; въ срединѣ креста аметистъ, на коемъ вырѣзано изображеніе Спаса Нерукотвореннаго. На трехъ оконечностяхъ по два аметиста, на нижней—4 аметиста.—Сіяніе или лучи изъ бриллiантовъ и розъ: бриллiантовъ 20 шт., розъ—120. Наверху корона изъ бриллiантовъ средней величины, счетомъ 46 штукъ, и одинъ бриллiантъ крупный въ глобусѣ; розъ 21 штука въ серебряной оправѣ. При крестѣ цѣпочка червоннаго золота, вѣсу въ ней 26 золотниковъ. Вѣсу въ крестѣ 14 золотниковъ. Цѣна креста съ цѣпочкою—четыреста пятьдесятъ рублей. Подлинную, съ приложеніемъ имянной печати, подписалъ ювелиръ Александръ Ивановъ Блюмъ“.

[3]) Отношеніемъ отъ 1 сентября 1865 года, за № 230, Преосвященный Платонъ Костромской благодаритъ Владыку Игнатія за „богатую жертву бѣдной Костромской каѳедрѣ“.

бымъ въ силахъ, но притомъ постоянно одѣтымъ и никогда непрекращавшимъ молитвенныхъ подвиговъ, была причиною, что все относившееся къ извѣщенію о близости кончины его, осталось непримѣченнымъ; а потому тѣ самые, которые три года видѣли его близкимъ къ смерти, изумились, когда внезапно услышали вѣсть объ отходѣ его въ вѣчность.

Только по истеченіи нѣкотораго времени, такъ сказать опомнившись, по соображеніи всѣхъ предшествовавшихъ кончинѣ Преосвященнаго дѣйствій и словъ его, становилось яснымъ, что онъ зналъ приближеніе конца жизни своей и высказывалъ объ этомъ въ выраженіяхъ, иногда прикровенныхъ, иногда весьма опредѣлительныхъ многимъ изъ окружающихъ, а особенно келейнику своему Василію Григорьеву Павлову, къ которому являлъ особенную духовную попечительность, какъ къ благочестивому мальчику, за его простоту и особое послушаніе. Изъ словъ Василія Павлова явствуетъ, что Преосвященный Игнатій началъ рѣшительно готовиться къ смерти съ перваго дня Пасхи. Отслуживъ въ этотъ день послѣднюю литургію [1]), онъ столько утомился, что съ трудомъ довели его до келліи. Требовался получасовый отдыхъ, чтобъ собрать силы и принять пищу. Съ этого же дня Преосвященный сдѣлалъ измѣненіе въ распредѣленіи часовъ для своихъ занятій, умноживъ число часовъ уединенія тѣмъ, что послѣ вечерни не сталъ принимать никого, не исключая и келейника. Причиною этого измѣненія онъ объявилъ: „мнѣ необходимо готовиться къ вѣчности“.—Вскорѣ, около этого времени, объясняя Архимандриту Іустину свое духовное состояніе, говорилъ, что „потерялъ всякое сочувствіе ко всему земному, потерялъ даже вниманіе ко вкусу пищи“. При этомъ онъ прибавилъ: „наблюдайте за мною, батюшка, я недолго протяну“. Степень помянутаго отторженія Преосвященнаго Игнатія отъ всего земного можно отчасти усмотрѣть въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: 23-го апр. ему доставлены были только что вышедшіе изъ печати 3 и 4 томы его сочиненій, но онъ не развернулъ, не посмотрѣвъ книгъ, не отослалъ назначенныхъ къ отсылкѣ Преосвященнымъ Костромскому и Ярославскому, даже не отдалъ слѣдовавшихъ къ раздачѣ окружающимъ его, сказавъ, что братъ Петръ Александровичъ пріѣдетъ, разошлетъ и раздастъ самъ, кому что слѣдуетъ. Такое равнодушіе совершенно противоположно заботливому и дѣятельному отъ природы ха-

[1]) На другой день Пасхи, 17 апрѣля, въ день рожденія Государя Императора Преосвященный Игнатій слушалъ литургію въ алтарѣ и выходилъ къ благодарственному молебну, при служеніи котораго читалъ окончательную благодарственную молитву съ столь сильнымъ, глубоко благодарнымъ выраженіемъ, что обратилъ общее вниманіе на это обстоятельство.

рактеру и прежнему вниманію Преосвященнаго къ изданію его сочиненій, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на обязательное исполненіе долга своего. Нельзя не замѣтить при томъ, что такъ какъ пріѣздъ Петра Александровича былъ обстоятельствомъ совершенно неопредѣленнымъ, то приведеннымъ распоряженіемъ Преосвященный совершенно отстранялъ себя отъ дѣла, которое въ естественномъ порядкѣ было ему, какъ пастыреначальнику и автору, ближайшимъ изъ всѣхъ его земныхъ дѣлъ.

Къ этому же времени относится разговоръ его съ келейникомъ Василіемъ. Владыка сказалъ ему: „Вася, Вася, какъ мнѣ тебя жаль“! Келейникъ спросилъ: развѣ я погибну, Владыко? „Нѣтъ, отвѣчалъ Старецъ, этого и помысла не допускай“. Но причины, почему жалѣлъ Васю, не объяснилъ. Въ послѣднее время Преосвященный неоднократно повторялъ ему, что очень полезно просить Господа, чтобы Господь извѣстилъ о кончинѣ. „Очень хорошо“, говорилъ онъ, „если кого Господь извѣститъ о приближающейся кончинѣ; только эти извѣщенія бываютъ всегда неясныя ради того, чтобъ человѣкъ пребывалъ въ непрестанномъ страхѣ. Святитель Тихонъ молилъ Господа: скажи мнѣ, Господи, когда я умру? Ему и сказано было: „въ день недѣльный“. Вотъ, хотя и сказано „въ день недѣльный“, но не сказано, въ какой именно. Значитъ и готовься на каждое воскресенье“. Разсказывая это, Василій замѣтилъ: „Владыка такъ часто повторялъ эти слова, что они точно врѣзались у меня въ памяти, и я думалъ, что онъ повторялъ мнѣ ихъ по причинѣ его старческой забывчивости“ [1]).

Въ четвергъ 27 апрѣля Владыка натирался мазью, по окончаніи натиранія просилъ прощенія у натиравшаго ученика своего іеромонаха Каллиста, что утруждалъ его этой услугой, и сказалъ, что „принялъ отъ него эту услугу въ послѣдній разъ“. На вопросъ іеромонаха: развѣ ему не нравится мазь, отвѣчалъ: „нѣтъ, но дни мои сочтены“.

Въ пятницу Владыка легъ по обычаю послѣ обѣда отдыхать, но вскорѣ позвалъ келейника и приказалъ дать чаю. Келейникъ замѣтилъ необыкновенную красноту лица и спросилъ о причинѣ. Владыка объяснилъ это слѣдствіемъ слабаго удара (который, однако-же не произвелъ никакого поврежденія), и говорилъ келейнику, что чувствуетъ себя столько нехорошо, что ожидаетъ смерти, почему и приказалъ сказать объ этомъ домоправителю—іеродіакону Никандру: „а то, если я умру, говорилъ Владыка, онъ оскорбится на

[1]) Въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли Владыка писалъ настоятелю Николо-Угрѣшскаго монастыря, Москов. епар. Архимандриту Пимену, что онъ такъ слабъ, что ждетъ смерти.—„Вчера (въ воскресенье) весь день пролежалъ, ждалъ смерти, а сегодня опять брожу“.

тебя, что ты ему не сказалъ о томъ, что я такъ труденъ". При этихъ словахъ, поразившихъ юношу скорбію и ужасомъ, первая мысль келейника выразилась вопросомъ: „какъ мнѣ жить безъ Васъ, Владыка? Вѣдь нынче очень трудно?" На это Владыка отвѣтилъ: „да, батюшка, очень, очень трудно, такъ трудно, что ты себѣ и представить не можешь; и я думалъ о тебѣ и предалъ, какъ себя, такъ и тебя волѣ Божіей". Когда пришелъ къ нему іеродіаконъ Никандръ и предложилъ послать въ городъ за докторомъ, то Владыка отвергнулъ это предложеніе. Прежде онъ говорилъ не разъ окружающимъ: „когда я буду умирать, не посылайте за докторами, дайте мнѣ умереть, какъ слѣдуетъ христіанину, во вниманіи, не смущая и не разсѣевая меня вашей тревогой". Архимандритъ Іустинъ сказываетъ, что еще въ началѣ прошлой зимы по поводу разговора о лицѣ, подвергшемся параличному удару, Владыка сказалъ „и я умру ударомъ" [1]). Архимандритъ началъ было возражать, говоря, что при его тѣлосложеніи, худобѣ и образѣ жизни это невѣроятно; но Владыка, кратко подтвердивъ свои слова, перемѣнилъ разговоръ. Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ [2]), разговаривая со мною о смерти, Владыка сказалъ: „матушка наша была также больна предъ смертью, какъ и я: все на ногахъ, а пришло время, въ три дня болѣзнь окончила свое дѣло".

Въ субботу 29 апрѣля утромъ Владыка былъ довольно бодръ, говорилъ, что ему лучше, „а вчера", прибавилъ, „чуть не умеръ, съ трудомъ отдохнулъ". Впрочемъ отмѣнилъ распоряженіе свое приготовить ему ванну, сказавъ: „уже не нужно".

Въ послѣднее время и особенно въ послѣдніе дни жизни своей, не исключая и пятницы, когда ему было очень трудно, Преосвященный Игнатій былъ воодушевленъ необыкновенною милостію ко всѣмъ, растворенною жалостію [3]). Эта милость и при ней неземная радость, сіявшія на лицѣ его, поддерживали въ окружающихъ убѣжденіе, что жизнь его еще продлится. Между тѣмъ онъ говорилъ келейнику своему, указывая на сердце: „ужасно болитъ сердце, да мнѣ не вѣрятъ" [4]). Въ одинъ изъ послѣднихъ дней, прощаясь съ этимъ келей-

---

[1]) Тоже самое онъ подтверждалъ и келейнику Василію.

[2]) 12 августа 1864 года.

[3]) Однажды келейникъ Василій, обращавшійся съ нимъ съ дѣтской простотой, спросилъ его: причащаются ли души въ царствіи небесномъ. Старецъ отвѣчалъ: „не любопытствуй", но затѣмъ, возведя руки, сказалъ, что ему извѣстно только, что онѣ въ священномъ изступленіи такъ предстоятъ Богу. Часто говорилъ Владыка Васѣ, что ему трудно низводить умъ къ земнымъ занятіямъ. Онъ уклонялся отъ общенія со всѣми и видимо уже не жилъ на землѣ.

[4]) Незадолго предъ кончиною Преосвященный писалъ одному духовному лицу, между прочимъ, слѣдующее: прошу Вашихъ молитвъ въ подкрѣпленіе моихъ немощей,

никомъ, Владыка отвѣтилъ на его поклонъ благоговѣйнымъ поклономъ до земли, сказавъ: „ты меня, батюшко, прости“. Исполненный благолѣпнаго смиренія видъ Преосвященнаго тронулъ келейника до слезъ.

Въ воскресенье, 30 апрѣля, къ 7 часамъ утра келейникъ Василій, войдя въ спальню Преосвященнаго, нашелъ орлецъ неубраннымъ предъ иконами, что рѣдко случалось. Преосвященный всегда во время келейныхъ молитвенныхъ стояній, стоявшій на орлецѣ, большею частію самъ убиралъ его [1]). Умывшись, онъ по обычаю пріобщился, выпилъ Богоявленской воды и, напившись чаю [2]), ушелъ въ свою внутреннюю келлію. Въ исходѣ 8-го часа, предъ самымъ благовѣстомъ къ поздней обѣднѣ, келейникъ, войдя къ нему, съ обычною молитвою, нашелъ его лежащимъ на постели, на лѣвомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ. Видя, что Владыка, всегда очень чуткій, не обращаетъ вниманія на входъ его, келейникъ приписалъ это особенному молитвенному дѣйствію, что иногда съ нимъ случалось. Постоявъ нѣсколько, Василій сталъ повторять молитвы, но не получалъ отвѣта. Вглядываясь пристальнѣе, онъ замѣтилъ, что рука Преосвященнаго покрыта смертною блѣдностію. Владыка уже скончался. Голова его, лежавшая на подушкѣ, была нѣсколько наклонена впередъ; ладонь лѣвой руки воздѣта кверху, какъ бы въ молитвѣ; правая рука, опущенная вдоль тѣла на кровать къ сторонѣ стѣны, лежала близъ раскрытаго каноника. Вообще благообразное положеніе тѣла было причиною, что келейникъ не могъ скоро

по причинѣ которыхъ уже не живу обычною жизнію, но тою, которую Писаніе назвало: „трудъ и болѣзнь“.

[1]) Представляется интереснымъ отмѣтить порядокъ дневныхъ занятій Преосвященнаго во время пребыванія его въ Бабаевскомъ монастырѣ. По частой болѣзненности своей, не имѣя опредѣленнаго времени для вставанья, онъ однако же любилъ вставать по возможности рано и посвящать утро моленію; въ семь часовъ умывался и пилъ чай; предъ чаемъ онъ ежедневно употреблялъ Богоявленскую воду. Сряду послѣ чаю занимался, нерѣдко даже лежа, чтеніемъ утреннихъ молитвъ, Евангелія или Псалтири до поздней обѣдни; затѣмъ занимался въ кабинетѣ письмомъ или чтеніемъ. Если бывали посѣтители, то принималъ ихъ послѣ обѣдни; обѣдалъ послѣ 12 часовъ и послѣ краткаго отдыха опять занимался до вечерняго чаю, который кушалъ въ 3-мъ часу. Остальное время дня продолжалъ заниматься въ кабинетѣ или принималъ учениковъ своихъ для духовнаго ихъ назиданія. Въ 8 часовъ затворялся въ своей кельѣ. Молитвы и моленія совершалъ стоя, сидя или лежа, смотря по состоянію силъ и здоровья, но совершалъ иногда въ продолженіе всей ночи, до утра. Сна принималъ вообще весьма мало.

[2]) Пока келейникъ приготовлялъ чай, Преосвященный занялся перепискою и исправленіемъ оконченнаго сочиненія своего „Судьбы Божіи“,—написанныя имъ нѣсколько строкъ относились къ разсужденію о существѣ человѣка, о смерти и жизни его. Замѣчательно, что въ этомъ разсужденіи онъ вставилъ наканунѣ своей смерти: „я подвергаюсь совершенному изсякновенію жизненной силы въ тѣлѣ моемъ: я умираю“.

рѣшиться признать его безжизненнымъ.—Смерть, придя къ Святителю Христову, нашла умъ его занятымъ молитвословіемъ; начавъ молитву на землѣ, онъ былъ призванъ къ безконечному славословію Бога на небѣ.—Давно готовился и ждалъ Епископъ Игнатій прихода смерти, вооруженный непрестанною молитвою именемъ Христа Іисуса, и смерть, побѣжденная Христомъ, почтила жизнь во Христѣ, она пришла къ рабу Христову, сообразно съ выраженнымъ имъ его желаніемъ [1]), въ тишинѣ уединенія въ часъ молитвы, при вниманіи, углубленномъ въ молитвословіе;—избрала даже то положеніе тѣла, которое не нарушило бы благостоянія отходившаго Святителя Христова, посвятившаго всю жизнь и особенно послѣдніе годы ея покаянію и плачу. Шедшій путемъ покаянія и плача не могъ не придти къ блаженствамъ, обѣтованнымъ Евангеліемъ за эти добродѣтели.

Какою смертію скончался Преосвященный Игнатій по терминологіи медицины?—Хотя онъ скончался на третій день отъ начала послѣдней болѣзни, но думаемъ, что конечный исходъ этой болѣзни былъ, именно, тотъ, который онъ самъ предвидѣлъ и объявилъ.—Дѣйствіе кратчайшее отдѣленія души отъ тѣла должно быть и самое безболѣзненное [2]),—но дѣйствіе это неизбѣжно должно выразиться въ самомъ тѣлѣ тѣмъ или другимъ окончательнымъ болѣзненнымъ исходомъ. Лицо покойнаго Епископа по перенесеніи тѣла на столъ, по единогласному показанію всѣхъ видѣвшихъ, сіяло радостію. На лѣвомъ вискѣ замѣтна была синяя жилка, спускавшаяся около уха по щекѣ полоской красноватаго цвѣта,—вѣроятно,—слѣдъ пути, которымъ смерть вошла и овладѣла тѣломъ.

По обычаю Аѳонскихъ подвижниковъ Преосвященный Игнатій во время пребыванія своего въ Бабаевскомъ монастырѣ ни разу не позволилъ себѣ лечь въ постель раздѣтымъ, малымъ сномъ онъ успокоивался одѣтый и обутый [3]). Несмотря на разнообразные недуги, которыми онъ былъ одержимъ постоянно, никто никогда не слыхалъ его болѣзненнаго стона. Онъ говорилъ, что заставляя себя не стонать въ болѣзни, онъ пріучалъ себя претерпѣвать все находящее. „Всякая явная добродѣтель—не моя добродѣтель, по ученію Самаго Господа, заповѣдавшаго все доброе дѣлать въ тайнѣ“, сказалъ онъ, бесѣдуя о дѣланіи Евангельскихъ заповѣдей. И точно,—все величіе подвига его, въ его неописанномъ объемѣ, есть тайна его душевной клѣти, исповѣданная и открытая, насколько то возможно было, въ его сочиненіяхъ, но въ полнотѣ своей вѣдомая единому Богу. Этою таинственностію,—отличительною чертою всей земной дѣятельности своей,

---

[1]) Аскет. Опыты, т. I й, стран. 393.

[2]) Аскет. Опыты, т. II-й, стран. 632, строк. 16—18.

[3]) Еванг. Луки, гл. 12, ст. 35—37.

по точному смыслу Евангельскихъ заповѣдей, запечатлѣлъ Преосвященный Игнатій и свой предсмертный подвигъ.

Для утѣшенія ученикамъ, лишившимся въ немъ духовнаго отца и наставника, онъ оставилъ указаніе о земномъ пути своемъ, о томъ, куда стремился жизнію и куда—вѣруемъ—достигъ: „Взятъ я, говоритъ онъ въ предисловіи къ 4-му тому сочиненій своихъ, восхищенъ съ широкаго пути, ведущаго къ вѣчной смерти, и поставленъ на путь тѣсный и прискорбный, ведущій въ животъ. Путь тѣсный имѣетъ самое глубокое значеніе: онъ подъемлетъ съ земли, выводитъ изъ омраченія суетою, возводитъ на небо, возводитъ въ рай, возводитъ къ Богу, представляетъ предъ Лице Его въ незаходимый свѣтъ для вѣчнаго блаженства“.

2-го мая, на третій день по кончинѣ, тѣло Епископа Игнатія было вынесено изъ келлій въ монастырскую церковь Святителя Николая, а 5 мая, въ шестой день, совершены литургія и отпѣваніе Преосвященнымъ Іонафаномъ, Епископомъ Кинешемскимъ, Викаріемъ Костромскимъ. Обрядъ отпѣванія, по распоряженію Преосвященнаго, совершенъ былъ по образу службы пасхальной. По окончаніи отпѣванія Преосвященный Іонафанъ, произнесъ надгробное слово, простился съ покойнымъ Святителемъ, по принятому обряду, за нимъ послѣдовали къ цѣлованію Архимандритъ съ братіею, а потомъ начальникъ Костромской губерніи В. И. Дорогобужиновъ и всѣ присутствовавшіе въ церкви. Затѣмъ тѣло Преосвященнаго Игнатія при крестномъ ходѣ, обнесенное кругомъ церкви Святителя Николая, было отнесено въ монастырскую больничную церковь Преп. Сергія Радонежскаго Чудотворца и Іоанна Златоустаго, гдѣ и преданы землѣ въ склепѣ, устроенномъ за лѣвымъ клиросомъ.

Начальникъ губерніи и всѣ присутствовавшіе мірскіе удивлялись мягкости руки и вообще покойному состоянію тѣла, которое нисколько не издавало обыкновеннаго запаха разложенія, и все погребеніе производило впечатлѣніе торжественнаго празднества. Блажени, яже избралъ и пріялъ еси Господи, память ихъ въ родъ и родъ.

Кончина и погребеніе Владыки Игнатія совпала съ весенней бездорожицей, затруднявшей особенно переправу черезъ Волгу. Несмотря на это почитатели Преосвященнаго Игнатія, перенося невзгоды испор-

---

[1]) По разсказамъ В. В. Боборыкиной, одна изъ племянницъ Преосвященнаго Игнатія рѣшилась ѣхать изъ Покровскаго въ Бабайки вопреки положительному запрещенію дѣдушки—Александра Семеновича, и, проѣхавъ 200-верстное разстояніе на лошадяхъ по весеннему сѣверному бездорожью, переправилась черезъ Волгу во время ледохода, нанявъ для этого лодочника за 5 руб. ниже тремя верстами Бабаекъ,

ченнаго саннаго пути и опасности переправы чрезъ бунтующую громадную рѣку, во множествѣ собрались къ гробу почившаго [1]).

На всеподданѣйшемъ докладѣ Оберъ-Прокурора Свят. Синода графа Д. А. Толстого Государю Императору Александру II о кончинѣ Преосвященнаго Игнатія Его Величество изволилъ собственноручно написать: „Искренно о немъ сожалѣю, какъ о старомъ моемъ знакомомъ“ [1]). Въ ряду сочувственныхъ писемъ, полученныхъ П. А. Брянчаниновымъ по случаю кончины Преосвященнаго Игнатія, выдѣляется письмо Преосвященнаго Леонида, Епископа Дмитровскаго, отъ 12 августа 1867 г., въ которомъ Владыка Леонидъ, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ о жизненномъ исходѣ почившаго, выражаетъ свой взглядъ на увѣковѣченіе памяти Святителя Игнатія изданіемъ его сочиненій. „Надобно было почтить Вашу печаль молчаніемъ или краткимъ только словомъ ограничиться, пока свѣжа была рана, внезапно нанесенная Вашему сердцу кончиною Вашего брата по плоти, отца по духу“, пишетъ Преосвященный Леонидъ. „Рана такъ глубока, что и теперь прикосновеніе къ ней не можетъ не произвести болѣзненнаго ощущенія; но теперь въ молитвѣ и смиреніи Вы, конечно, уже, нашли врачевство и оно начинаетъ производить свое дѣйствіе. Поэтому рѣшаюсь писать, не стараясь сдерживать сколь можно болѣе слово. Потеря, Вами понесенная, должна бы признана быть потерею всецерковною. Вамъ виднѣе, какъ событіе смерти Преосвященнаго Игнатія принято въ православномъ русскомъ обществѣ. Если и недовольно сочувственно, не должно сѣтовать. Смиреніе истинно-православныхъ Епископовъ таково, что они ищутъ себѣ безвѣстности такъ же усердно, какъ дѣти міра ищутъ знаменитости. Поэтому неудивительно, что о нихъ не широко ходитъ молва и не скоро оцѣниваются ихъ заслуги. За то ихъ слава, хотя медленно, но прочно утверждается и безопасно для ихъ смиренія, ибо, большею частію, по смерти (исключенія бываютъ рѣдки, хотя и бываютъ, какъ мы видѣли въ день 5-го августа) [2]). И слова эти не есть предметъ безплоднаго празднаго любованія толпы, а источникъ назиданія избранныхъ душъ. Я уповаю, что православные русскіе люди, мало по малу, усвоятъ себѣ покойнаго Святителя. Въ его жизни и писаніяхъ они постара-

---

такъ какъ противъ монастыря по случаю ледохода переправа была воспрещена и охранялась стражей.

[1]) Объ этомъ графъ Д. А. Толстой поставилъ въ извѣстность П. А. Брянчанинова письмомъ отъ 14 мая 1867 г., за № 2364.

[2]) Разумѣется 50-ти-лѣтній юбилей служенія въ священномъ санѣ Филарета, Митрополита Московскаго (Письмо Епископа Игнатія къ Преосвященному Леониду отъ 24 апр. 1867 г.

ются найти и найдутъ что̀ можетъ быть общедушепитательно. Думается, что, со временемъ, могли бы Вы для пользы иночества извлечь изъ его писаній то̀, что особенно общедоступно, понятно и назидательно, для тѣхъ иноковъ, кои человѣческою мудростію не богаты, но духомъ въ Бога богатѣютъ или желаютъ богатѣть, а также и то̀, что полезно для простыхъ читателей мірянъ". Таковыя пожеланія Преосвященнаго Леонида совпадали съ намѣреніями самого П. А. Брянчанинова, который по долгу завѣщанія и въ собственное утѣшеніе тщательно занялся собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ обширной переписки и другихъ еще неизданныхъ сочиненій своего Преосвященнаго брата, хотя и не успѣлъ въ этомъ.

Преданныя Преосвященному Игнатію и почитавшія его лица были охвачены жгучей скорбью по поводу его кончины и лишь въ молитвѣ и воспоминаніяхъ о почившемъ находили себѣ утѣшеніе. Въ числѣ почитателей Владыки Игнатія во время его жизни было нѣсколько лицъ, которыя самымъ убѣжденнѣйшимъ образомъ считали его святымъ по праведности его житія. Къ нимъ принадлежали отчасти сродники Владыки по плоти, отчасти сродники его по настроенію. Изъ нихъ нѣкоторые пережили, въ связи съ кончиною Преосвященнаго Игнатія, чудесныя видѣнія, какъ напр. А. В. Жандръ. [1])

Въ автобіографическихъ запискахъ Мих. Вас. Чихачова записано слѣдующее удивительное „явленіе Епископа Игнатія А. В. Ж. на 20 день по кончинѣ его, 1867 года 19 мая, описано видѣвшею въ Москвѣ". Приводимъ это видѣніе въ виду его глубоко-назидательнаго смысла по существу, а также для характеристики воззрѣній современниковъ на личность почившаго Святителя.—„Тяжелая скорбь подавила все существо мое съ той минуты, какъ дошла до меня вѣсть о кончинѣ Владыки. Скорбь эта не уступала и молитвѣ: самая мо-

---

[1]) Александра Васильевна Жандръ—двоюродная сестра Преосвященнаго Игнатія и внучка Александра Семеновича Брянчанинова; долгое время жила въ Покровскомъ у дѣдушки со своей больной матерью, которая тамъ и умерла. Александра Васильевна, по отзывамъ В. Н. Брянчанинова, была дѣвушка очень образованная и умная, но болѣзненная; вслѣдствіе сильной простуды страдала болѣзнью ногъ, сильно хромала и ходила всегда съ палкой. Еще задолго до смерти дѣда она переселилась въ Москву и владѣя весьма недурно перомъ, корреспондировала въ періодическихъ журналахъ и газетахъ. Была весьма близка къ семейству К. П. Побѣдоносцева; это было въ то время, когда К. П. Побѣдоносцевъ профессорствовалъ въ Москвѣ. Самостоятельныхъ средствъ А. В. Жандръ не имѣла и, кромѣ литературнаго заработка, вѣроятно, пользовалась помощію родственниковъ. Нѣкоторое время жила въ Вѣнѣ для лѣченія и оттуда посылала корреспонденціи въ „Московскія Вѣдомости" чрезъ посредство К. П. Побѣдоносцева. Кончила свою скитальческую жизнь въ Москвѣ. Къ Преосвященному Игнатію она относилась съ благоговѣйнымъ уваженіемъ.

литва была растворена скорбію, невыносимою, горькою. Ни днемъ, ни ночью не покидало сердца ощущеніе духовнаго сиротства. И душа и тѣло изнемогли до болѣзни. Такъ прошло время до 20 дня по кончинѣ Владыки. На этотъ день я готовилась пріобщиться Святыхъ Таинъ въ одномъ изъ женскихъ Московскихъ монастырей. Такъ сильно было чувство печали, что даже во время Таинства Исповѣди не покидало оно меня, не покидало и во все время совершенія литургіи. Но въ ту минуту, какъ Господь сподобилъ меня принять Святыя Тайны, внезапно въ душу мою сошла чудная тишина и молитва именемъ Господа нашего Іисуса Христа—живая ощутилась въ сердцѣ. Такъ же внезапно, для меня самой непонятно, печаль о кончинѣ Владыки исчезла. Прошло нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ я отошла на нѣсколько шаговъ отъ царскихъ вратъ, и, не сходя съ солеи, стала по указанію матери игуменьи на лѣвый клиросъ прямо противъ иконы Успенія Божіей Матери. Въ сердцѣ была молитва, мысль въ молчаніи сошла въ сердце, и вдругъ,—передъ внутренними глазами моими, какъ бы также въ сердцѣ, но прямо противъ меня у иконы Успенія, возлѣ одра, на которомъ возлежитъ Царица Небесная, изобразился ликъ усопшаго Святителя—красоты, славы, свѣта неописанныхъ! Свѣтъ озарялъ сверху весь ликъ, особенно сосредоточиваясь наверху главы. И внутри меня, опять въ сердцѣ, но вмѣстѣ и отъ лика, я услышала голосъ,—мысль, повѣданіе,—лучъ свѣта,—ощущеніе радости, проникнувшее все мое существо, которое безъ словъ, но какъ то дивно передало моему внутреннему человѣку слѣдующія слова: „Видишь, какъ тебѣ хорошо сегодня. А мнѣ—безъ сравненія такъ всегда хорошо и потому не должно скорбѣть о мнѣ“. Такъ ясно, такъ отчетливо я видѣла и слышала это, какъ бы сподобилась увидѣть Владыку и слышать отъ него лицомъ къ лицу. Несказанная радость объяла всю душу мою, живымъ отпечаткомъ отразилась на лицѣ моемъ такъ, что замѣтили окружающіе. По окончаніи литургіи, начали служить панихиду. И какая это была панихида! Въ обыкновенныхъ печальныхъ надгробныхъ пѣснопѣніяхъ слышалась мнѣ дивная пѣснь духовнаго торжества, радости неизглаголанной, блаженства и жизни безконечныхъ. То была пѣснь воцерковленія вновь перешедшаго изъ земной, воинствующей Церкви воина Христова въ Небесную Церковь, торжествующихъ въ невечерней славѣ праведниковъ. Мнѣ казалось, что былъ Христовъ день, такимъ праздникомъ ликовало все вокругъ меня, и въ сердцѣ тихая творилась молитва.

Вечеромъ того же дня (19-го мая) я легла въ постель: сна не было. Около полуночи, въ тишинѣ ночи, откуда то издалека донеслись до слуха моего звуки дивной гармоніи тысячи голосовъ. Все ближе и ближе приближались звуки: начали отдѣляться ноты цер-

ковнаго пѣнія ясно, наконецъ стали опредѣлительно, отчетливо выражаться слова... И такъ полно было гармоніи это пѣніе, что невольно приковывалось къ нему все вниманіе, вся жизнь... Мѣрно гудѣли густые басы, какъ гудитъ въ пасхальную ночь звонъ всѣхъ Московскихъ колоколовъ, и плавно сливался этотъ гулъ съ мягкими, бархатными тенорами, съ серебромъ разсыпавшимися альтами, и весь хоръ казался однимъ голосомъ—столько было въ немъ гармоніи! И все яснѣе и яснѣе выдѣлялись слова. Я отчетливо разслышала: „Архіереевъ Богодухновенное украшеніе, монашествующихъ славо и похвало“. И вмѣстѣ съ тѣмъ для самой меня необъяснимымъ извѣщеніемъ, безъ словъ, но совершенно ясно и понятно, сказалось внутреннему существу моему, что этимъ пѣніемъ встрѣчали Епископа Игнатія въ мірѣ небесныхъ духовъ. Невольный страхъ объялъ меня, и къ тому же пришло на память, что Владыка училъ не внимать подобнымъ видѣніямъ и слышаніямъ, чтобы не подвергнуться прелести. Усиленно старалась я не слышать и не слушать, заключая все вниманіе въ слова молитвы Іисусовой, но пѣніе все продолжалось помимо меня, такъ что мнѣ пришла мысль, не поютъ ли гдѣ на самомъ дѣлѣ въ окрестностяхъ. Я встала съ постели, подошла къ окну, отворила его: все было тихо, на востокѣ занималась заря.

Утромъ, проснувшись, къ удивленію моему, я припоминала не только напѣвъ, слышанный мною ночью, но и самыя слова. Цѣлый день, не смотря на множество случившихся житейскихъ занятій, я находилась подъ необычайнымъ впечатлѣніемъ слышаннаго. Отрывками, непослѣдовательно припоминались слова, хотя общая связь ихъ ускользала отъ памяти. Вечеромъ я была у всенощной: то была суббота—канунъ послѣдняго воскресенья шести недѣль по Пасхѣ: пѣли каноиъ Пасхи. Но ни эти пѣснопѣнія, ни стройный хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ не напоминали мнѣ слышаннаго наканунѣ: никакого сравненія нельзя было провести между тѣмъ и другимъ. Возвратившись домой, утомленная, усталая, я легла спать, но сна опять не было, и опять, только что началъ стихать городской шумъ, около полуночи, слуха моего снова коснулись знакомые звуки, только на этотъ разъ они были ближе, яснѣе, и слова врѣзывались въ памяти моей съ удивительной послѣдовательностію. Медленно и звучно пѣлъ невидимый хоръ: „Православія поборниче, покаянія и молитвы дѣлателю и учителю изрядный, Архіереевъ Богодухновенное украшеніе, монашествующихъ славо и похвало: писанми твоими вся ны уцѣломудрилъ еси. Цѣвнице духовная, новый Златоусте: моли Слова Христа Бога, Его же носилъ еси въ сердцѣ твоемъ,—даровати намъ прежде конца покаяніе!“. На этотъ разъ, несмотря на то, что я усиленно творила молитву Іисусову, пѣніе не разсѣевало вниманія, а еще какъ то неизъяснимымъ образомъ и моя сердечная молитва сливалась въ общую

гармонію слышаннаго пѣснопѣнія и сердце живо ощущало и знало, что то была торжественная пѣснь, которою небожители радостно привѣтствовали представившагося отъ земли къ небеснымъ—земного и небеснаго человѣка, Епископа Игнатія. На третью ночь, съ 21-го на 22 мая, повторилось тоже самое, при тѣхъ же самыхъ ощущеніяхъ. Это троекратное повтореніе утвердило вѣру и не оставило никакого смущенія, запечатлѣло въ памяти и слова „тропаря“ и тотъ напѣвъ, на который его пѣли, какъ бы давно знакомую молитву. Напѣвъ былъ сходенъ съ напѣвомъ кондаковъ въ акаѳистахъ. Послѣ мнѣ сказали, что это осьмый гласъ, когда я показала голосомъ, какой слышала напѣвъ [1]).

Объ А. В. Жандръ знавшія ее лица отзываются съ глубокимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ высокообразованномъ, глубоко религіозномъ и безупречно правдивомъ. Въ виду этого и завѣряемое ея свидѣтельствомъ небесное прославленіе Святителя Игнатія, помимо своего общаго назидательнаго смысла, вызываетъ на размышленіе о многотрудномъ житіи Владыки Игнатія, его напряженно-непрерывномъ подвигѣ совершенствованія, о его безконечно чистой и ясной дѣтской вѣрѣ въ страну обѣтованія, въ вѣчную радость Богообщенія и, ознакомившись съ повѣданіемъ А. В. Жандръ; читатель невольно склоняется въ душѣ своей къ сочувственному движенію: по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ и да не посрамитъ васъ упованіе ваше, а Святитель Игнатій дѣйствительно мыслится, какъ небесный предтеча своихъ учениковъ и чтителей, молящій Господа Бога—даровати имъ прежде конца покаяніе.

Не менѣе важнымъ по своему внутреннему смыслу представляется переданное М. В. Чихачову С. И. Снесаревой чудесное сновидѣніе о Епископѣ Игнатіи, по времени примыкающее къ ближайшимъ днямъ по смерти Святителя Игнатія. Разсказъ о сновидѣніи С. И. Снесаревой представляется въ слѣдующемъ видѣ.—Въ послѣднее свиданіе съ Преосвященнымъ Игнатіемъ, 13-го сентября 1866 года, онъ, прощаясь, сказалъ мнѣ: „С. И.! Вамъ, какъ другу, какъ себѣ говорю: готовьтесь къ смерти—она близка. Не заботьтесь о мірскомъ: одно нужно—спасеніе души! Понуждайте себя думать о смерти, заботьтесь о вѣчности! 1867 года 30 апрѣля, въ воскресенье (недѣлю Мироносицъ) скончался Преосвященный Игнатій въ Николаевскомъ Бабаевскомъ монастырѣ: я поѣхала на его погребеніе, совершившееся 5-го мая. Невыразима словомъ грустная радость, которую я испытала у гроба его.—Въ субботу 12 августа 1867 года, ночью худо спала, къ утру заснула. Вижу—пришелъ Владыка Игнатій въ монашескомъ одѣя-

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 146—153.

ніи, въ полномъ цвѣтѣ молодости, но съ грустію и сожалѣніемъ смотритъ на меня: „думайте о смерти“, говорилъ онъ. „Не заботьтесь о земномъ! Все это только сонъ, земная жизнь только сонъ! Все, что написано мною въ книгахъ, все—истина! Время близко, очищайтесь покаяніемъ, готовьтесь къ исходу. Сколько бы вы ни прожили здѣсь, все это одинъ мигъ, одинъ только сонъ“. На мое безпокойство о сынѣ Владыка сказалъ: „это не ваше дѣло; судьба его въ рукахъ Божіихъ! Вы же заботьтесь о переходѣ въ вѣчность“. Видя мое равнодушіе къ смерти и исполнясь состраданія къ моимъ немощамъ, онъ сталъ умолять меня обратиться къ покаянію и чувствовать страхъ смерти. „Вы слѣпы, ничего не видите, и потому не боитесь, но я открою вамъ глаза и покажу смертныя муки“. Я стала умирать. О, какой ужасъ! Мое тѣло стало мнѣ чуждо и ничтожно, какъ бы не мое, вся жизнь перешла въ лобъ и глаза; мое зрѣніе и умъ увидѣли то, что есть дѣйствительно, а не то, что намъ кажется въ этой жизни. Эта жизнь—сонъ, только сонъ! Всѣ блага и лишенія этой жизни не существуютъ, когда наступаетъ со смертію минута пробужденія. Нѣтъ ни вещей, ни друзей,—одно необъятное пространство, и все это пространство наполнено существами страшными, непостигаемыми нашимъ земнымъ ослѣпленіемъ; они кишатъ вокругъ насъ въ разныхъ образахъ, окружаютъ и держатъ насъ. У нихъ тоже есть тѣло, но тонкое, какъ будто слизь какая, ужасное! Они лѣзли на меня, лѣпились вокругъ меня, дергали меня за глаза, тянули мои мысли въ разныя стороны, не давали перевесть дыханія, чтобы не допустить меня призвать Бога на помощь. Я хотѣла молиться, хотѣла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, хотѣла слезами къ Богу, произношеніемъ имени Іисуса Христа избавиться отъ этой муки, отдалить отъ себя эти страшныя существа, но у меня не было ни словъ, ни силъ. А эти ужасные кричали на меня, что теперь уже поздно, нѣтъ молитвы послѣ смерти! Все тѣло мое деревенѣло, голова неподвижна, только глаза все видѣли и въ мозгу духъ все ощущалъ. Съ помощью какой то сверхъестественной силы, я немного подняла руку, до лба не донесла, но на воздухѣ я сдѣлала знаменіе креста, тогда страшныя корчились. Я усиливалась не устами и языкомъ, которые не принадлежали мнѣ, а духомъ представить имя Господа Іисуса Христа, тогда страшныя прожигались, какъ раскаленнымъ желѣзомъ, и кричали на меня: „не смѣй произносить этого имени, теперь поздно“! Мука неописанная! Лишь бы на одну минуту перевесть дыханіе! Но зрѣніе, умъ и дыханіе выносили невыразимую муку отъ того, что эти ужасныя страшилища лѣпились вокругъ нихъ и тащили въ разныя стороны, чтобы не дать мнѣ возможности произнести имя Спасителя. О, что это за страданіе! Опять—голосъ Владыки Игнатія: молитесь непрестанно, все истина, что написано въ моихъ книгахъ. Бросьте земныя попеченія, только о душѣ,

о душѣ заботьтесь". И съ этими словами онъ сталъ уходить отъ меня по воздуху какъ то кругообразно, все выше и выше надъ землею. Видъ его измѣнялся и переходилъ въ свѣтъ. Къ нему присоединился цѣлый сонмъ такихъ же свѣтлыхъ существъ, и все какъ будто ступенями необъятной, невыразимой словомъ лѣстницы. Какъ Владыка по мѣрѣ восхожденія становился неземнымъ, такъ и всѣ, присоединившіеся къ нему въ разныхъ видахъ, принимали невыразимо прекрасный, солнцеобразный свѣтъ. Смотря на нихъ и возносясь духомъ за этою безконечною полосою свѣта, я не обращала уже вниманія на страшилища, которыя въ это время бѣсновались вокругъ меня, чтобы привлечь мое вниманіе на нихъ новыми муками. Свѣтлые сонмы тоже имѣли тѣла, похожіе на дивные, лучезарные лучи, предъ которыми наше солнце—ничто.

Эти сонмы были различныхъ видовъ и свѣта, и чѣмъ выше ступени, тѣмъ свѣтлѣе. Преосвященный Игнатій поднимался все выше и выше. Но вотъ окружаетъ его сонмъ лучезарныхъ святителей, онъ самъ потерялъ свой земной видъ и сдѣлался такимъ же лучезарнымъ. Выше этой ступени мое зрѣніе не достигало. Съ этой высоты Владыка Игнатій еще бросилъ на меня взглядъ, полный состраданія. Вдругъ, не помня себя, я вырвалась изъ власти державшихъ меня и закричала: „Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего Преосвященнаго Игнатія и святыми его молитвами спаси и помилуй меня, меня грѣшную"! Мгновенно всѣ ужасы исчезли, настала тишина и миръ. Я проснулась въ жестокомъ потрясеніи.

Никогда ничего я не боялась и охотно оставалась одна одинехонька въ домѣ, но послѣ этого сна нѣсколько дней я чувствовала такой ужасъ, что не въ силахъ была оставаться одна. Много дней я ощущала необыкновенное чувство на срединѣ лба: не боль, а какое то особенное напряженіе, какъ будто вся жизнь собралась въ это мѣсто. Во время этого сна я узнала, что когда мой умъ сосредоточивается на мысли о Богѣ, на имени Іисуса Христа, ужасныя существа мигомъ удаляются, но лишь только мысль развлекается, въ тотъ же мигъ они окружали меня, чтобы мѣшать моей мысли обратиться къ Богу и молитвѣ Іисусовой" [1]). Отражая въ себѣ глубокое воспріятіе учениками покойнаго Святителя Игнатія, его великой вѣры въ загробную жизнь, его содержательныхъ уроковъ о таинствѣ посмертнаго существованія, приводимый нами разсказъ о сновидѣніи С. И. Снесаревой, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о глубокомъ убѣжденіи учениковъ и почитателей Преосвященнаго подвижника, что его духовное дѣланіе богоугодно, а по своимъ извѣстнымъ имъ нравст-

---

[1]) Записки М. В. Чихачова, стр. 154—161.

веннымъ свойствамъ и содержанію своей душеспасительной жизни Святитель Игнатій имѣетъ дерзновеніе благоговѣйнѣйшаго предстоянія престолу Божію и участія въ Царствѣ вѣчной немеркнущей славы. По многочисленнымъ свидѣтельствамъ знавшихъ Преосвященнаго Игнатія лицъ, они искренно считали его святымъ и завѣреніемъ неложности ихъ упованія и вѣры они полагали особо благодатное настроеніе при случаяхъ непосредственнаго духовнаго общенія съ нимъ. Въ духовной святости Святителя Игнатія былъ болѣе всѣхъ глубоко убѣжденъ подвижнически настроенный и жизненнымъ подвигомъ перепахавшій свою духовную ниву братъ Святителя П. А. Брянчаниновъ, въ званіи монаха Павла почившій вблизи чтимаго брата на кладбищѣ Николаевскаго Бабаевскаго монастыря. По трогательному свидѣтельству сенатора Н. С. Брянчанинова, въ праведности Святителя Игнатія былъ убѣжденъ и единственный изъ сыновей А. С. Брянчанинова, оставшійся въ мірѣ, отецъ Николая Семеновича—Семенъ Александровичъ Брянчаниновъ—братъ Владыки. Когда Семенъ Александровичъ отправлялъ своихъ сыновей студентовъ—Николая Семеновича и Александра Семеновича Брянчаниновыхъ осенью 1862 года въ университетъ, онъ указалъ имъ заѣхать къ дядѣ въ Бабайки и говорилъ съ сыновьями своими о немъ тономъ благоговѣйно-почтительнымъ, какъ о человѣкѣ праведномъ, прибавляя при этомъ въ особое назиданіе дѣтямъ въ своемъ отзывѣ о дядѣ: „я ручаюсь головой, что онъ—строгій дѣвственникъ“. И эти назидательные разсказы, эти наставленія Семена Александровича—Брянчанинова не по фамиліи только, но и по духу, а равно и личныя впечатлѣнія тогдашнихъ студентовъ при посѣщеніи Преосвященнаго дяди были столь сильны, глубоки и прочны, что и донынѣ въ почтенномъ и серьезномъ возрастѣ семидесятой жизненной годины одного изъ свидѣтелей этого отраднаго былого, они живы и жизненны, и вдохновенно и благоговѣйно воспроизводимые почтительнымъ и достойнымъ племянникомъ Святителя Игнатія сенаторомъ Н. С. Брянчаниновымъ охватываютъ душу особымъ неземнымъ вѣяніемъ и невольно склоняютъ насъ къ посильному сужденію о Владыкѣ Игнатіи, какъ о небесномъ предтечѣ его чтителей, дерзновенно умоляющемъ Господа „даровати намъ прежде конца покаяніе“.

П. А. Брянчаниновымъ внесена на вѣчное поминовеніе брата денежная сумма въ одну тысячу рублей, которое, согласно письму жертвователя на имя Преосвященнаго Платона Костромского и Указу Костромской духовной Консисторіи отъ 30 сентября 1867 года, за № 9556, на имя настоятеля и братіи Николо-Бабаевскаго монастыря, должно совершать по слѣдующему порядку: 1) Имя Преосвященнаго Епископа Игнатія поминать на проскомидіи обѣихъ литургій, на эктеніяхъ и литіяхъ ранней литургіи и на неусыпаемомъ чтеніи Псалтири;

2) каждую субботу отправлять надъ могилою покойнаго панихиду сряду послѣ ранней литургіи; 3) три раза въ году совершать соборныя заупокойныя позднія литургіи въ церкви, въ которой почиваетъ тѣло его, съ соборными по окончаніи литургіи панихидами; а именно—въ день рожденія его, въ день тезоименитства (29 янв.) и въ день кончины [1]).

Въ 1904 году сенаторомъ А. П. Брянчаниновымъ внесено 600 руб. въ Николо-Бабаевскій монастырь на ремонтъ и содержаніе въ исправности памятниковъ на могилахъ Епископа Игнатія и П. А. Брянчанинова [2]).

Около гробницы Святителя Игнатія все полно мира и отрады и тихая, радостотворная грусть невольно заполняетъ настроеніе чтущаго его паломника, и тогда звуковъ небесъ замѣнить не могутъ скучныя пѣсни земли. Дерзновенно и глубоко уповаемъ, что въ приложеніи къ Святителю Игнатію остаются неколеблемо вѣрными его слова: „Можно узнать, что почившій—подъ милостію Божіей, если при погребеніи тѣла его—печаль окружающихъ растворена какою то неостижимою отрадою“ [3]).

Личность Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова.

„Есть добрыя сердца, есть свѣтлые умы;
Они сіяютъ намъ, какъ утра блескъ багряный.
Въ хаосѣ шумныхъ дѣлъ, среди житейской тьмы,
Ихъ голоса звучатъ торжественной осанной“!

Отличительную черту личности Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова составляетъ, на нашъ взглядъ, ея внутренняя сосредоточенность и самособранность. Слѣдя за всѣмъ, извѣстнымъ намъ житейскимъ плаваніемъ Епископа Игнатія, мы всюду видимъ въ немъ преобладаніе жизни внутренней надъ внѣшней, съ соотвѣтствіемъ послѣдней направленію его жизни духовной. И съ этой точки зрѣнія Преосвященный Игнатій за всю свою жизнь представляетъ намъ рѣдкій примѣръ личности цѣльной, всегда себѣ равной. Въ садахъ села Покровскаго, въ Инженерномъ училищѣ, въ скорбяхъ послушническаго

---

[1]) Отношеніе Архимандрита Іустина на имя П. А. Брянчанинова отъ 26 окт. 1867 г., за № 135.

[2]) Указъ Костромской дух. Консисторіи отъ 28 іюня 1904 г., за № 9856.

[3]) Жизнеописаніе Епископа Игнатія Брянчанинова, составленное его учениками и почитателями. Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 80.

искуса, въ настоятельствѣ монастырскомъ, въ архипастырствѣ Кавказскомъ и въ тиши монастырскаго уединенія—предъ нами все одинъ Игнатій Брянчаниновъ,—самособранный, сосредоточенный аскетъ-подвижникъ, искатель и ревнитель душевнаго спасенія для себя и ближнихъ.

„Блаженни, ихъ-же избралъ и пріялъ еси, Господи“! Эти слова слышимъ мы, когда святая Православная Церковь предаетъ землѣ тѣло каждаго члена своего и возсылаетъ къ Богу духовъ и всякія плоти усердное моленіе, да проститъ Онъ почившему Своимъ безконечнымъ милосердіемъ всѣ его вольные и невольные грѣхи и да упокоитъ Онъ его душу въ лонѣ Авраама, въ свѣтломъ мѣстѣ, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“.

„Блаженни, ихъ-же избралъ и пріялъ еси, Господи“! Этими словами заканчиваетъ свое недлинное, но цѣнное жизнеописаніе Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова С. Г. Рункевичъ [1]), какъ бы подчеркивая этимъ, что почившій почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Святитель былъ въ числѣ блаженныхъ избранниковъ Божьихъ.

Окидывая общимъ взглядомъ всю многотрудную и многоболѣзную жизнь этого человѣка-подвижника, испытывая благоговѣйное удивленіе передъ величіемъ перенесшей такъ много скорбей души его, невольно преклоняясь передъ его неутомимой общественной дѣятельностью, направлявшейся всегда только къ одному—къ духовной пользѣ ближнихъ, мы скажемъ вмѣстѣ съ Рункевичемъ: да, почившій Епископъ былъ изъ небольшого числа тѣхъ людей, которые носятъ на себѣ духовную печать Божьяго избранія; онъ былъ изъ числа тѣхъ, „чьи голоса звучатъ въ хаосѣ шумныхъ дѣлъ, среди житейской тьмы, торжественной осанной“; онъ былъ изъ числа тѣхъ, ярко горящихъ въ темнотѣ жизненной ночи свѣтильниковъ, которые освѣщаютъ дорогу другимъ, направляютъ сбивающихся на правый путь, помогаютъ споткнувшимся, поднимаютъ упавшихъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ славныхъ мужей, „въ нихже созда Господь многу славу величіемъ Своимъ отъ вѣка“, мужей, „совѣтовавшихъ разумомъ своимъ, провѣщавшихъ въ пророчествахъ“, о которыхъ сказано: „Тѣлеса ихъ въ мирѣ погребени быша, а имена ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдятъ людіе, а похвалу ихъ исповѣсть Церковь!“ И мы можемъ сказать о немъ: „Въ словесѣхъ его Господь знаменія устави и прослави его предъ лицемъ царей. Заповѣда ему къ людямъ Своимъ и показа ему славу Свою. Въ вѣрѣ и кротости его освяти его, избра его отъ всякія плоти. Возставаша нань чуждіи и возревноваша ему въ пустыни, иже при Даѳанѣ и Авиронѣ, и сонмъ Кореовъ въ ярости и

---

[1]) С. Г. Рункевичъ. Письма аскета. (Христіанское чтеніе за 1895 г., ст. 59).

гнѣвѣ. Видѣ Господь и не благоволи, и скончашася яростію гнѣва“[1]).

Многоскорбная и многотрудная жизнь Преосвященнаго Игнатія, представляющая изъ себя рѣдко прерывающуюся цѣпь нравственныхъ и физическихъ страданій,—ибо множество скорбей и искушеній перенесъ его могучій духъ, и множество разнообразныхъ тяжкихъ болѣзней истощало его съ дѣтства слабое тѣло,—лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что это былъ мужъ богоизбранный, отмѣченный печатью Христовой. Утѣшая своихъ духовныхъ чадъ въ постигавшихъ ихъ скорбяхъ и болѣзняхъ, Епископъ Игнатій такъ говорилъ имъ: „Просвѣщенные словомъ Божіимъ, мы исповѣдуемъ, что временныя скорби суть великій даръ Божій, который даётся избраннымъ рабамъ Божіимъ, предуготовленнымъ къ вѣчному блаженству“ [2]).

„Христосъ знаменуетъ „Своихъ“ печатью страданій! И стоитъ отдѣльно малое стадо, часть Христова, отъ множества прочихъ людей; Христовы держатъ въ рукахъ своихъ признакъ избранія ихъ Христомъ—чашу Христову; на раменахъ ихъ знамя—Христовъ крестъ. Далеко, далеко отшатнулись отъ нихъ сыны міра! Безчисленной толпою, съ шумомъ, въ упоеніи странномъ гонятся они за попеченіями и наслажденіями временными“ [3]).

„Между духовнымъ раемъ и жизнью плотскою, душевною, обыкновенною, которою живутъ вообще всѣ люди, положены въ разграниченіе,—какъ бы обширное море,—крестъ и распятіе. Въ рай нѣтъ другого пути! Кого Богъ хочетъ возвести въ рай, того начинаетъ сперва наводить на путь къ Нему—на крестъ“. „Признакъ избранія Божія, сказалъ нѣкоторый святый аскетическій писатель, когда пошлются непрестанныя скорби человѣку“ [4]).

„Тѣсенъ и прискорбенъ путь, ведущій въ царство небесное. Изъ числа скорбей его суть и болѣзни, которыми тѣло и душа очищаются отъ грѣховнаго тлѣнія“ [5]).

Читая эти слова, которыми Епископъ Игнатій наставлялъ ко спасенію своихъ братьевъ по Христу, человѣку, знакомому со всѣмъ тѣмъ, что перенесъ за свою шестидесятилѣтнюю жизнь почившій Владыка, невольно должны придти мысли о томъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ избралъ Господь. Развѣ на его вдохновенномъ челѣ не лежитъ печать страданья, которою Христосъ знаменуетъ „Своихъ“? Развѣ на раменахъ его нѣтъ знамени—Христова креста? Развѣ путь, по которому онъ неуклонно шелъ всю свою жизнь,

---

[1]) Сирах. XL, 3—4, 22—23.

[2]) Богословскій вѣстникъ за сентябрь 1913 года, стр. 28.

[3]) Тамъ же, іюль—августъ 1913 г., стр. 501.

[4]) Тамъ же, стр. 505.

[5]) Тамъ же, сентябрь 1913 года, стр. 4.

не есть „тѣсный и прискорбный путь, ведущій въ животъ“—путь креста и страданій? Развѣ его тѣло и душа мало очищались болѣзнями? Развѣ мало было „поношающихъ, оскорбляющихъ и гонящихъ его“, безъ которыхъ никогда нельзя „прійти въ любовь ко врагамъ, заповѣданную Евангеліемъ, составляющую высшую заповѣдь между заповѣдями, данными людямъ по отношенію къ ближнему“ [1])? Развѣ онъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ не отвергся самого себя, чтобы, взявши крестъ свой, идти вслѣдъ за Учителемъ—Господомъ? Развѣ онъ не отвергся мудрости этого міра, чтобы уподобиться неученымъ, но просвѣщеннымъ дарами Духа Святаго, рыбарямъ? Развѣ онъ не оставилъ отца и мать, чтобы быть достойнымъ Небеснаго Отца?—Крестъ былъ не только на груди этого Божьяго избранника, онъ всегда былъ въ его неудержимо стремящемся къ Богу сердцѣ; это-же знамя, знамя креста, развѣвалось и надъ богословски-аскетическими писаніями его, которыми онъ направлялъ ко спасенію другихъ.

Окидывая взоромъ изобилующую скорбями и болѣзнями жизнь Преосвященнаго Игнатія, который, по собственному признанію, былъ „весь въ ранахъ“ [2]), мы невольно спрашиваемъ себя: что давало этому человѣку ту внутреннюю силу, которая съ раннихъ лѣтъ не допускала его уклониться отъ малаго по количеству стада Христова и перейти въ многочисленный станъ сыновъ міра, съ шумомъ и упоеніемъ гонящихся за временными попеченіями и наслажденіями? Что помогало этому, съ дѣтства болѣзненному и физически слабому человѣку переносить всѣ испытанія—нравственныя и физическія,—переносить ихъ не только безъ ропота и сокрушенія, но съ благодарностію Господу, посылающему ихъ? Что поддерживало блестящаго офицера, любимаго фельдфебеля Государя Императора Николая Павловича, когда въ простой послушнической одеждѣ онъ долженъ былъ держать зубами мучной мѣшокъ и безпрекословно исполнять всѣ требованія своего бывшаго слуги. (См. стр. 79)? Что помогало Архимандриту, на глазахъ у всѣхъ своихъ подчиненныхъ, безъ всякой вины переносить унизительное наказаніе тѣмъ, что ему былъ воспрещенъ выѣздъ изъ усадьбы Троице-Сергіевой пустыни? Какая сила успокоивала пастыря, несправедливо по злобѣ обвиняемаго и злословимаго врагами, напр., въ увѣщеваніи кающихся магдалинъ [3])?—Отвѣть на

---

[1]) Тамъ же, стр. 6.

[2]) Епископъ Игнатій писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Вамъ говоритъ это тотъ, кто всю жизнь провелъ въ скорбяхъ, кто самъ весь въ ранахъ“. (Письма Пр. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 19)

[3]) Въ своей статьѣ „Во Христѣ саперъ“, вызванной „Воззваніемъ“ Епископа Игнатія къ Ставропольской паствѣ, въ которомъ этотъ послѣдній предостерегалъ ду-

всѣ эти вопросы можетъ быть только одинъ: сила Преосвященнаго Игнатія была въ его никогда несокрушимой вѣрѣ, въ той истинно-христіанской вѣрѣ, которая, „взявъ человѣка за руку, поставляетъ его передъ Богомъ“ и какъ бы возноситъ его превыше міра, оставляя подъ его ногами мрачный хаосъ сомнѣній, невѣрія, заблужденій, умствованій напыщенныхъ и вмѣстѣ суетныхъ, „какъ подъ ногами того, кто взошелъ на вершину высокой горы: облака, утесы, пропасти, шумящіе и скачущіе по скаламъ водопады“ [1]).

Въ душѣ этого Божьяго избранника, возлюбившаго Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ разумѣніемъ своимъ и доказавшаго эту любовь соблюденіемъ Его всесвятого ученія, никогда не гасъ ясный, благодатный свѣтильникъ вѣры во Христа, освѣщающій людямъ путь въ вѣчное Царство Божіе; его жизненная дорога всегда озарялась путеводной звѣздой той правой, живой вѣры въ Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святаго, которая одна только — жизнь для христіанъ, ибо Спаситель сказалъ: „вѣруяй въ Мя, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день“. Его вѣра была вѣра тѣхъ угодниковъ Божьихъ, которые претерпѣли жестокія искушенія: „имѣя въ персяхъ богатство и наслажденіе живота вѣчнаго, они вмѣняли ни во что жизнь земную съ ея прелестями“, „принимали скорби и страданія, какъ дары отъ Бога, которыми снабдилъ ихъ Богъ подражать и причащаться Своему пребыванію на землѣ, когда Онъ благоволилъ единымъ изъ Лицъ Своихъ принять естество наше и совершить наше искупленіе“ [2]). Его вѣра, къ какой онъ призывалъ и всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей, была та, которая можетъ родиться только въ дѣтски-чистомъ сердцѣ и которая рождаетъ безмѣрное наслажденіе и такъ „поглощаетъ лютость скорби, что во время страданій ощущается только одно наслажденіе“. Его вѣра была та, которая, просвѣщая око ума, неуклонно смотря на Бога въ Промыслѣ Его и этому Божественному Промыслу приписывая всѣ внѣшнія наводненія, научаетъ душу принимать скорби и искушенія, какъ врачеванія своихъ недуговъ и, благодаря Врача Небеснаго, благословляетъ орудія своего врачеванія и этимъ входитъ въ любовь къ ближнимъ, а ею въ любовь къ Богу [3]).

Когда передъ нимъ внезапно открывалась мрачная, глубокая

ховенство своей епархіи отъ „якобинской“ пропаганды, Герценъ въ одномъ мѣстѣ безъ всякихъ основаній называетъ его „наставителемъ многихъ Московскихъ магдалинъ“, въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что онъ увѣщевалъ этихъ магдалинъ на французскомъ языкѣ. См. Богослов. вѣстникъ за февраль 1913 г., стр. 195—198.

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. IV, стр. 433.

[2]) Тамъ же, т. I, „Размышленіе о вѣрѣ“, стр. 177.

[3]) Тамъ же.

пропасть скорби, онъ переносился черезъ нее на крыльяхъ вѣры; онъ не испытывалъ волнъ недовѣрчивою стопою размышленія человѣческаго,—онъ смѣло шелъ по нимъ мужественными стопами вѣры, и мягкія, влажныя волны обращались подъ ногами его въ твердыя мраморныя или гранитныя плиты; робости и сомнѣнія не было въ его душѣ при зрѣніи моря скорбнаго, при зрѣніи крѣпкаго вѣтра искушеній, ибо онъ вѣрилъ, что призывающій его ходить по морю скорбей—Самъ Господь, отдѣляющій его для такового хожденія отъ прочей братіи. Крылья истинной вѣры и любви къ Творцу поднимали его съ земли, освобождали отъ мірскихъ оковъ, исторгали изъ среды мученій и возносили къ Небу... Онъ былъ тѣмъ блаженнымъ пловцомъ по бурному житейскому морю, который, не довѣряя измѣнчивой стихіи, часто устремляетъ взоры свои къ небу и, не пугаясь при буряхъ и волненіяхъ, направляетъ путь свой по свѣтиламъ небеснымъ: по солнцу—святому Евангелію, по лунѣ—Ветхому Завѣту и по звѣздамъ—писаніямъ Святыхъ Отцовъ православной Церкви [1]). Зная, что вѣра во Христа—единственная дверь къ Господу—открывается только передъ тѣмъ, кто отвергся отъ самого себя, отвергся отъ своего падшаго разума, противоборствующаго вѣрѣ, требующаго дерзостно отчета у Бога въ Его дѣйствіяхъ и доказательствъ въ открываемыхъ Имъ человѣку истинахъ; только передъ тѣмъ, кто отвергся отъ своего падшаго сердца, желающаго жить жизнью паденія, отъ своей плоти и крови,—онъ своею многострадальною жизнью далъ намъ образецъ полнаго самоотверженія, наивысочайшаго самозабвенія. Онъ отвергся отъ своего падшаго разума, отъ своего падшаго сердца, своей плоти и крови и всю свою жизнь отдавалъ въ руки Божьяго милосердія, научая этому и своихъ ближнихъ. „Всѣ мы во власти Божіей; Промыслъ Божій хранитъ всѣхъ, невидимо держитъ за руку Своихъ искреннихъ служителей, наставляетъ ихъ на путь Своихъ святыхъ хотѣній“, писалъ онъ къ одному духовному лицу, отправлявшемуся въ Іерусалимъ [1]).

„Все въ рукахъ Божіихъ: въ этихъ рукахъ и мы. Гораздо вѣрнѣе положиться на Бога, нежели на человѣческія умышленія“. „Все совершающееся совершается подъ недремлющими взорами Всеблагаго и Всемогущаго Бога, одно по волѣ Божіей, другое по попущенію Божію... Да совершается воля Божія“, писалъ онъ въ 1862-омъ году къ отцу Антонію Бочкову, Череменецкому игумену [2]).

---

[1]) Богословскій вѣстникъ за іюль—августъ 1913 года, стр. 496.

[2]) Письма Игнатія Брянчанинова, Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, къ Антонію Бочкову, игумену Череменецкому, стр. 21.

Отецъ Антоній, въ мірѣ Алексѣй Поликарповичъ Бочковъ происходилъ изъ Петербургскаго купеческаго сословія. Овдовѣвъ послѣ весьма краткой брачной жиз-

„Благодушествуйте посреди волненій, предайте себя волѣ Божіей, съ радостью и благодареніемъ переносите болѣзнь, вѣдая, что тѣлесными болѣзнями исцѣляется душа. Повторяйте почаще сію молитву: Господи! буди воля Твоя! Она кратка, но заключаетъ въ себѣ обширный смыслъ и весьма сильно дѣйствуетъ къ успокоенію человѣка, находящагося въ печали. Сіе узналъ я отчасти на собственномъ опытѣ. Но зачѣмъ ссылаюсь на ничтожный опытъ, когда Самъ Спаситель міра произносилъ сію священную молитву въ вертоградѣ и сею молитвою прегражадалъ прошенія, исторгаемыя немощью человѣчества", писалъ онъ Стефану Дмитріевичу Нечаеву въ 1834 году [1]). Эта вѣра въ то, что все находится въ рукахъ Божіихъ, что ни одинъ волосъ не падетъ съ главы человѣка безъ особаго Промысла Божія, наполняла тихою радостью сердце этого Божьяго избранника, этого истиннаго подвижника. „Считаю себя преполовившимъ дни жизни моей", писалъ онъ въ 1847-омъ году изъ Сергіевой пустыни къ нѣкоторому священно-иноку, находившемуся въ скорбныхъ обстоятельствахъ; „Уже виденъ противоположный берегъ! уже усилившаяся немощь, учащающіеся недуги возвѣщаютъ близость переселенія! Не знаю, какія бури еще предстоятъ мнѣ, но оглядываюсь назадъ,—и чувствую въ сердцѣ невольную радость. Видя многія волны, чрезъ которыя переплыла душа моя, видя опасныя мѣста, чрезъ которыя перенеслась ладья моя, радуюсь невольно. Сильные вѣтры устремлялись на нее; многіе подводные камни подстерегали и навѣтовали спасеніе ея, и я еще не погибъ. По соображенію человѣческому погибнуть надо бы давно. Увѣряюсь, что велъ меня странными и трудными стезями непостижимый Промыслъ Божій; увѣряюсь, что Онъ сдитъ надо мною и какъ бы держитъ меня за руку своею всемогущею десницей. Ему отдаюсь! пусть ведетъ меня, куда хочетъ; пусть приводитъ меня, какъ хочетъ, къ тихому пристанищу „идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе" [2]).

Вѣря, что все въ рукахъ Божіихъ, Преосвященный Игнатій за все посылаемое ему благодарилъ Бога, славословилъ и благословлялъ Его святую десницу, съ благоговѣніемъ и покорностью Божьей волѣ,

---

ни, онъ удалился изъ міра, постригся въ монахи, получилъ имя Антонія и провелъ въ разныхъ мѣстахъ 35 лѣтъ. Послѣднее его пребываніе было въ скитѣ Николо-Угрѣшскаго монастыря близъ Москвы, откуда онъ перешелъ въ Московскую больницу чернорабочихъ для исполненія тамъ духовныхъ требъ. Здѣсь онъ заразился тифомъ и умеръ въ 1872 году, 69 лѣтъ отъ роду. Погребенъ отецъ Антоній Бочковъ въ скиту Николо-Угрѣшскаго монастыря. Онъ былъ въ перепискѣ со многими духовными лицами и съ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ. Переписка эта сохранилась до настоящаго времени.

[1]) С. Г. Рункевичъ. Письма аскета. (Христіанское чтеніе за 1895 г., стр. 560).

[2]) Богословскій вѣстникъ за іюнь 1913 г., стр. 196.

принимая все, даже скорби. „Вамъ говоритъ это тотъ, кто всю жизнь провелъ въ скорбяхъ, кто самъ весь въ ранахъ, и радуется имъ, и благодаритъ за нихъ Бога“, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]).

„Слава Богу за все скорбное, случающееся съ нами! Кому попускаются скорби, тотъ, значитъ, помянутъ Богомъ въ царствіи Его; а кто живетъ безскорбно, тотъ забвенъ Богомъ“, говорилъ онъ [2]).

„По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, во очищеніе грѣховъ и грѣховности своей, я продолжаю чувствовать и болѣзнь, и крайнее изнеможеніе. Слава Богу, наказующему во времени. Прошу вашихъ святыхъ молитвъ, да даруется мнѣ переносить наказаніе Господне съ должною покорностію и должнымъ благодареніемъ“, писалъ онъ Бѣлобережскому игумену отцу Варѳоломею [3]), всегда помня, что преподобный Маркъ Подвижникъ совѣтуетъ при случающихся скорбяхъ искать не того, откуда и чрезъ кого пришла скорбь, но чтобъ перенести ее съ благодареніемъ“ [4]).

„Великая мудрость и великій источникъ утѣшенія—благодарить Бога за всѣ земныя скорби, какъ ниспосылаемыя намъ самимъ Промысломъ Божіимъ во спасеніе душъ нашихъ“, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сестрѣ Маріи Александровнѣ [5]).

Этой же мудрости и этому источнику утѣшенія наставлялъ онъ и другихъ возлюбленныхъ своихъ о Господѣ; такъ С. Д. Нечаеву онъ писалъ: „Да ниспошлетъ Господь въ минуты тяжкой скорби вашей благую мысль благодаренія Богу, славословія и благословенія десницы Его“ [6]). „Радуйтесь“!—писалъ онъ одному отцу, постигнутому скорбными обстоятельствами, „и паки реку: радуйтесь! Вы для того на берегу моря скорбей, чтобъ переплыть въ страну радостей“ [7]). Одну больную старицу, вступившую въ монастырь съ двумя своими дочерями, онъ поучалъ: „Положите себѣ за правило ежедневно благодарить Господа за вашу чашу, т. е. за недуги, за всѣ скорби ваши, за жребій дщерей вашихъ; въ особенности благодареніемъ Богу отгоняются помыслы скорбные; при нашествіи такихъ помысловъ „благодареніе“ произносится въ простыхъ словахъ, со вниманіемъ и часто,—доколѣ не принесется сердцу успокоеніе. Въ скорбныхъ помыслахъ

---

[1]) Письма Еп. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 19.

[2]) Богословскій вѣстникъ за апрѣль 1914 г., стр. 635.

[3]) Тамъ же, стр. 647.

[4]) Тамъ же, сентябрь 1913 г., стр. 28.

[5]) Тамъ же, январь 1914 г., стр. 11.

[6]) С. Г. Рункевичъ. Письма аскета. (Христіанское чтеніе за 1895 г., стр. 588).

[7]) Богословскій вѣстникъ за іюль—августъ 1913 г., стр. 505.

никакого нѣтъ толку: отъ скорби не избавляютъ, никакой помощи не приносятъ, только разстраиваютъ душу и тѣло. Значитъ: они отъ бѣсовъ—и надобно ихъ отгонять отъ себя. Отгоняются же скорбные помыслы „благодареніемъ“ Богу. „Благодареніе“ сперва успокаиваетъ сердце, потомъ приноситъ ему утѣшеніе, впослѣдствіи принесетъ и небесное радованіе—залогъ, предвкушеніе радости вѣчной. Будете благодарить—вѣнчикъ примѣряете. Мнѣ бы хотѣлось увидѣть на душѣ вашей примѣрянный вѣнчикъ небесный, вѣнчикъ радованія духовнаго!—„Благодареніе“ изъ простенькихъ и немногихъ словъ, а дѣла надѣлаетъ больше, нежели сдѣлаютъ его тысячи умнѣйшихъ книгъ. „Благодареніе“—оружіе, завѣщанное христіанамъ Духомъ Святымъ чрезъ Апостола. „Благодареніе“—Апостольское, Божіе ученіе и преданіе. Благодареніе Богу совершаетъ чудеса и знаменія! И зрятся эти знаменія не очами тѣлесными,—несравненно превосходнѣйшими ихъ очами душевными—и въ душевной клѣти: тамъ отъ Божественнаго прикосновенія оставляетъ болѣзненный огнь скорби тещу Петрову,—она начинаетъ услуживать Господу. Петръ—образъ вѣры; теща его—образъ души, ближайшей родственницы Петру. Благодареніе—сильно Богомъ всесильнымъ, Которому оно приносится! Благодареніе—сильно вѣрою, которая одна, рѣшительно одна, способна воспріять и объять неограниченную силу Божію: у вѣры нѣтъ границъ, какъ нѣтъ ихъ у Бога и у всего, что относится къ Богу. Разумъ, какъ ни разуменъ,—ограниченъ: не годится для дѣлъ Божіихъ. Все Божіе, всякое знаменіе онъ встрѣчаетъ отталкиваніемъ: „какъ“? „неужели“? „почему“?—Прочь, непотребный, отверженный Богомъ!.. Придите—святая вѣра и буйство проповѣди Христовой—спасите насъ!“ [1]).

Велика была вѣра этого истиннаго служителя Бога, за все благодарившаго своего Небеснаго Отца; жива и дѣятельна была вѣра этого Святителя, всю свою жизнь предоставлявшаго въ руки Божественнаго Промысла, и эта чистая христіанская вѣра—одна изъ самыхъ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей, вѣра столь рѣдкая въ наши дни, когда огромное большинство, если не предаетъ на поруганіе и поношеніе православную вѣру, то, въ лучшемъ случаѣ, вполнѣ безразлично относится къ ней, была такою же рѣдкостью и во дни, когда жилъ Преосвященный Епископъ Игнатій. Самъ онъ съ глубокой скорбью многократно отмѣчалъ это и въ своихъ богословски-аскетическихъ твореніяхъ, и въ перепискѣ своей съ частными лицами. „Религія въ народѣ падаетъ. Нигилизмъ проникаетъ въ мѣщанское общество, откуда не далеко и до крестьянъ. Во множествѣ крестьянъ явилось рѣшительное равнодушіе къ Церкви, явилось страш-

[1]) Тамъ же, стр. 498—499.

ное нравственное разстройство. Подрядчики, сосѣди здѣшняго монастыря, единогласно жалуются на утрату совѣсти въ мастеровыхъ. Преуспѣяніе во всемъ этомъ идетъ съ необыкновенною быстротой“ ...[1]). Какъ же было не скорбѣть объ этомъ душою тому, кто вѣрилъ, что православная вѣра—это духовно-нравственная сила нашего народа, та сила, которой всегда завидовали другіе европейскіе народы![2]).

„Говорятъ, что нынѣ въ книжныхъ лавкахъ обѣихъ столицъ вовсе прекратился расходъ на духовныя книги, или онъ такъ малъ, что можно признать его прекратившимся“[3]). „Къ добродѣтелямъ и преуспѣянію нашего времени очень трудно пристать человѣку, сформировавшему свой образъ мыслей по ученію Святыхъ Отцовъ православной Церкви“[4]), писалъ онъ къ отцу Антонію Бочкову.

Взоры Преосвященнаго Игнатія почти безпрестанно встрѣчали достойное горькаго рыданія зрѣлище: они видѣли христіанъ, незнающихъ, въ чемъ состоитъ христіанство! Рѣдко они бывали утѣшены противоположнымъ, точно утѣшительнымъ зрѣлищемъ! Рѣдко они могли въ многочисленной толпѣ именующихъ себя христіанами остановиться на христіанинѣ и именемъ, и самымъ дѣломъ[5]), какимъ былъ онъ самъ. Въ то время, когда жилъ почивающій нынѣ въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ Владыка, всякій имѣлъ свою религію, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемыми. Это многочисленное стадо христіанъ только по имени, потерявшее связь и единство въ истинѣ и духѣ, представлялось ему въ видѣ величайшаго безпорядка; онъ наблюдалъ, какъ каждая овца брела въ свою сторону, не зная, куда идетъ она; никто ее не останавливалъ, никто о ней не заботился. Оглушенные шумомъ земныхъ попеченій, шумомъ чувственныхъ увеселеній и земного преуспѣянія, рѣдкіе люди слышали своимъ отяжелѣлымъ слухомъ спасительный гласъ истиннаго Пастыря, раздававшійся изъ Его святой Церкви и возвѣщавшій имъ правый путь[6]).

---

[1]) [2]) [3]) Письма Игнатія Брянчанинова, Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, къ Антонію Бочкову, игумену Черменецкому, стр. 38, 31, 24—25.

[4]) Письма Еп. Игнатія Брянчанинова къ Антонію Бочкову, стр. 10.

[5]) Письма Еп. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 53.

[6]) Письма Еп. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 126.

Эта безрелигіозность современной Преосвященному Игнатію жизни яркими красками изображена въ одномъ изъ писемъ къ нему отца Антонія Бочкова, гдѣ этотъ послѣдній говоритъ: „Опьяненные XIX вѣкомъ и его открытіями, обманутые ложнымъ прогрессомъ, легкомысленные юноши и старики, еще болѣе презрѣнные, вопіютъ, о всеобщихъ надеждахъ и будущихъ завоеваніяхъ науки! Какое-то бѣсовское восхищеніе, какой-то сатанинскій праздникъ повсюду. Есть чему радоваться

Мало было такихъ избранниковъ, которые, оставивъ земное шли на этотъ голосъ Господа Іисуса Христа, съ величайшимъ усиліемъ и трудомъ пробиваясь сквозь окружающую ихъ густую толпу, несвязно шумящую, и отдавали на землѣ справедливость небесной правдѣ, какъ мало ихъ и въ переживаемое нами время, когда огромное большинство глухо къ Божьему ученью. Къ такимъ избранникамъ, къ такимъ истиннымъ христіанамъ не по названію только, а по дѣламъ, принадлежалъ благоговѣйно вспоминаемый нынѣ нами Епископъ Кавказскій и Черноморскій — Игнатій Брянчаниновъ, доказавшій принадлежность свою къ малому стаду овецъ Христовыхъ своимъ отреченіемъ отъ разумѣній своего падшаго естественнаго разума и отъ всякихъ разумѣній человѣческихъ, возвышенныхъ и привлекательныхъ только по наружности. Чтобы сохранить вѣрность Богу, онъ не стыдился, что міръ порицалъ и злословилъ его; онъ не только великодушно терпѣлъ гоненія отъ міра, но и самъ себя подвергалъ различнымъ лишеніямъ и тѣмъ сохранялъ въ себѣ „мертвость Іисусову и животъ Его“.

врагу человѣческаго рода! Въ праздники Невскіе мосты стучатъ отъ колесницъ, скачущихъ на пьяныя сборища по островамъ; желѣзныя дороги недостаточны для Царскосельскихъ и Павловскихъ гулякъ; по городу оставшіеся полунищіе ходятъ артелями, шатаясь и срамословя.

Когда случалось мнѣ бывать въ Петербургѣ въ праздничные дни послѣ полудня, то я съ какимъ-то темнымъ чувствомъ глядѣлъ на все окружающее, вовсе не христіанское зрѣлище, и самаго себя, свою одежду, съ горькою печалью окаявалъ, яко вовсе не подходящую къ этой модной грязи и столичной пыли. Монахъ на тротуарахъ Петербурга!.. Это самое жалкое по наружности существо. Каково было бы Самому Просвѣтителю душъ нашихъ, если бы Онъ благоизволилъ поискать Себѣ пристойнаго убѣжища? Едва ли сыщется и Лотъ, не только Авраамъ, въ этомъ Содомѣ!

А Москва, забывая свою святую историческо-русскую наружность, всячески старается не отстать отъ Петербурга въ модничаньѣ, даже неохотно слушаетъ похвалы своему вѣковому Кремлю, а указываетъ на свои новые дома и лавки и прочія заведенія суеты. Ей подражаютъ и всѣ Губернскіе города. Избави, Боже! Можно дожить до такого времени, когда монастыри и церкви будутъ колоть глаза, напоминая царство Божіе анархистамъ и безбожникамъ, а колокола и теперь уже стали безпокоить слухъ, пріученный къ цыганскимъ гикамъ, шарманкамъ и загородной музыкѣ. И вотъ, видимый всѣми, торжественный прогрессъ и его плоды, видимый въ праздничный день, или вечеръ праздничнаго дня, а другой цивилизаціи еще не видно!

На такихъ вечернихъ вакханаліяхъ собираются и дружатся всѣ, отъ профессора университета до безграмотнаго бурлака, отъ купца—раскольника до нынѣшняго джентельмена. Поэтому, гдѣ дается воля страстямъ, туда стремятся всѣ, какъ устремятся нѣкогда на праздники антихристовы. А гдѣ прибытокъ въ виду, то къ этой цѣли бѣгутъ бѣгомъ, отъ старухи барыни до ея лакея. Это гадкое зрѣлище видѣлъ Петербургъ при раздачѣ акцій водопроводовъ, которые возвышали на одинъ процентъ противу обыкновеннаго процента съ капитала. Ужасное и отвратительное позорище представляетъ нашъ міръ XIX вѣка, когда затронутся его интересы“! (Письма Игнатія Брянчанинова къ Антонію Бочкову, стр. 19—20).

Слыша самъ своимъ очищеннымъ молитвою и покаяніемъ слухомъ гласъ добраго, безконечно-милосерднаго къ людскимъ немощамъ Пастыря, зовущаго овецъ Своихъ на тѣсный, но блаженный путь спасенія и будущаго вѣчнаго блаженства, гласъ, который всегда неумолкаемо раздается для желающихъ внимать ему,—онъ старался, чтобы и ближніе его услышали этотъ призывъ Небеснаго Отца, и онъ могъ вѣщать другимъ слово Божіей правды, потому что Господь Богъ, дающій каждому человѣку тѣ дары, которыми этотъ послѣдній можетъ быть полезенъ окружающимъ его, наградилъ его, Своего вѣрнаго служителя—подвижника, могучимъ поэтическимъ талантомъ, чтобы внимая Его Божественнымъ глаголамъ и созерцая духовнымъ разумомъ Его Божественный Троическій Ликъ Отца, Сына и Святаго Духа, онъ могъ жечь своими проникновенными словами холодныя сердца людей и, исполненный Божьей волей, неустанно призывать ихъ на путь покаянія, вѣры и надежды, на путь святаго креста, провозглашать имъ „любви и правды чистыя ученья“, вести свою родную землю, „на путь Христа съ пути неправды настоящей!“ Этотъ поэтическій талантъ, который Епископъ Игнатій обнаруживалъ и будучи еще ребенкомъ, и сидя на ученической скамьѣ Петербургскаго Инженернаго училища, съ годами разгорался все ярче и ярче, и ко времени назначенія его настоятелемъ Троице-Сергіевой пустыни, запылалъ яркимъ, до конца его жизни уже непотухающимъ огнемъ, отъ котораго многіе зажгли свои душевные свѣтильники. Результаты обнаруженія этого поэтическаго таланта—произведенія Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, являются, наилучшимъ и наисправедливѣйшимъ матеріаломъ для характеристики его на рѣдкость богатой и на рѣдкость прекрасной личности. Всѣ качества, которыя мы отмѣчали уже и дальше отмѣтимъ, могутъ быть выведены и обоснованы столько же фактами его личной жизни, сколько и ссылками на его сочиненія, отражающія его дѣтски-чистую, религіозно-настроенную, всегда стремящуюся къ Господу душу, которой „звуковъ небесъ замѣнить не могли скучныя пѣсни земли“. Вотъ почему, желая дать характеристику личности Преосвященнаго Игнатія, мы ссылались и будемъ дальше ссылаться, главнымъ образомъ, на его сочиненія, такъ какъ нельзя не признать справедливымъ, что „его аскетическія писанія суть не что иное, какъ показательная стрѣлка или барометръ его внутренне-духовной жизни, точный двойникъ его психическаго или, точнѣе, его религіознаго „я“ [1]); по его собственнымъ словамъ, всѣ его аскетическія статьи, суть „отчетъ по согляданію“ имъ „земли обѣтованной, точащей духовные дары и блага“ [2]), т. е. отчетъ о внутренней жизни его души.

[1]) Іером. Игнатій Садковскій. Въ поискахъ Живаго Бога, стр. 75.

[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 82.

И если считать справедливымъ, относительно какого бы то ни было писателя,—духовнаго или свѣтскаго, что въ его литературной физіономіи, т. е. въ содержаніи его произведеній, въ манерѣ изображенія имъ дѣйствительности и въ отношеніи его къ ней выражаются особенности его натуры и его характера, его понятія, чувства и воззрѣнія на человѣческую природу,—то мы должны сказать, что, если-бы у насъ не было никакихъ свѣдѣній о многотрудной и богатой искушеніями и скорбями жизни этого подвижника, а передъ нами лежали только томы его превосходныхъ твореній, больше или меньше извѣстныхъ всѣмъ, хоть немного знакомымъ съ нашей духовной словесностью,—образъ безкорыстнаго, чистаго душой и богатаго истинной вѣрой инока-святителя и тогда былъ бы ясенъ намъ своими духовными чертами.

Вѣрный рабъ Божіей воли, всю жизнь стремившійся не на словахъ только, а на дѣлѣ исполнить заповѣди своего Небеснаго Отца, излившаго на него при крещеніи неизреченныя милости и благодѣянія еще тогда, когда онъ былъ несознательнымъ младенцемъ и ничѣмъ не могъ заслужить ихъ,—онъ не уподобился непотребному рабу, зарывшему въ землю талантъ, данный ему Господиномъ; онъ не побоялся трудовъ, опасностей и огорченій, неминуемыхъ для того, кто умножаетъ на пользу другимъ данное ему Господомъ богатство, и его духовно-поэтическая лира всю его жизнь звучала для тѣхъ, кто желалъ внимать ея звукамъ, кто желалъ черпать въ этомъ обильномъ источникѣ духовныя сокровища и поучаться ими; звучитъ она и теперь для желающихъ.

На что же былъ направленъ поэтическій талантъ Преосвященнаго Игнатія, о чемъ считалъ онъ нужнымъ поучать ближнихъ своими словами, идущими отъ сердца, полнаго любви къ грѣшному человѣку и искренняго желанія для него спасенія? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ выдержкой изъ его-же собственныхъ писемъ: „Не всѣмъ быть листьями, цвѣтами, плодами на древѣ государственномъ“; — говорилъ онъ: „надо-же кому-нибудь, подобно корнямъ, доставлять ему жизнь и силу занятіями неизвѣстными, тихими, существенно-полезными, существенно-необходимыми. Однимъ изъ такихъ занятій признаю утвержденіе ближнихъ въ христіанской вѣрѣ и нравственности Это мирное, скромное занятіе живымъ словомъ и перомъ всегда поглощало у меня значительную часть времени“ [1]). „Одинъ родъ служенія ближнему, которое мнѣ нравится, мнѣ по душѣ,—служеніе словомъ богоугоднымъ и полезнымъ, руководствующимъ во спасеніе“ [2]).—Богоугодное и полез-

---

[1]) Письма Преосв. Игнатія Брянчанинова, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 16.

[2]) Тамъ же, стр. 124.

ное слово, руководствующее во спасеніе; утвержденіе ближнихъ въ христіанской вѣрѣ и нравственности — вотъ какъ кратко и опредѣленно можно выразить, все содержаніе духовно-аскетическихъ твореній Епископа Игнатія.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ самъ проникнутый духомъ истиннаго, внутренняго подвижничества, никогда не увлекавшійся житейской мишурой, а всегда заботившійся только о душѣ, — онъ, своими твореніями, и другихъ велъ на тѣсный и прискорбный путь, ведущій въ животъ, указывалъ и другимъ способы получить „величайшее, единственное благо для человѣка—познаніе Бога", то благо, по сравненію съ которымъ всѣ прочія недостойны называться благами, ибо только одно это благо—познаніе Бога—вѣрный залогъ вѣчнаго блаженства, только оно одно доставляетъ намъ высшія и обильнѣйшія утѣшенія въ самомъ земномъ странствованіи нашемъ, и сохраняетъ всю свою силу и тогда, когда постигаютъ насъ величайшія бѣдствія и скорби и когда всѣ прочія утѣшенія дѣлаются недостаточными, безсильными [1]).

Узнавши самъ изъ твореній Святыхъ Отцовъ православной Церкви, „что сдѣлалъ Христосъ для человѣчества, въ чемъ состоитъ паденіе человѣка, почему необходимъ Искупитель, въ чемъ заключается спасеніе, доставленное и доставляемое Искупителемъ" [2]), Епископъ Игнатій и съ другими дѣлился этими свѣдѣніями, нужными каждому изъ людей для спасенія души, такъ же, какъ дѣлился каждой своей копейкой съ тѣмъ, кто нуждался въ вещественной помощи.

Вѣря всѣмъ сердцемъ въ слова Господа, сказавшаго, что за всякое праздное слово, произнесенное человѣкомъ, будетъ взыскано съ него въ день судный, и сознавая, что это особенно относится къ тѣмъ, кому данъ милосердіемъ небеснымъ особый даръ слова—поэтическій талантъ; къ тому же никогда не забывая, что онъ—пастырь духовнаго стада, а пастырь долженъ будетъ дать отвѣтъ за всякую овцу своего стада, которое онъ долженъ неуклонно и заботливо наставлять ко спасенію,—Владыка Игнатій могъ писать только духовно-нравственныя произведенія, могъ призывать своихъ учениковъ и своихъ читателей только къ одному: „къ храбрости, побѣдѣ, завоеванію мира таинственное воинство израильское: помышленія и чувствованія христіанина!" [3]).

О томъ, что духовный пастырь долженъ употреблять свой поэтическій талантъ только для того, чтобы наставлять другихъ на путь спасенія, онъ такими словами писалъ отцу Антонію, Черменецкому игумену, познакомившись со стихотвореніями этого послѣдняго: „Осо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 125.

[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 561.

[3]) Письма Преосв. Игнатія Брянчанинова, помѣщенныя при о жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 19.

бенно признателенъ вамъ за то, что вы захотѣли познакомить меня со стихотвореніями вашими, съ вашимъ прекраснымъ талантомъ, которому даю всю справедливую цѣну. Всѣ дары Бога человѣку достойны уваженія. Даръ слова несомнѣнно принадлежитъ къ величайшимъ дарамъ. Имъ уподобляется человѣкъ Богу, имѣющему Свое Слово. Слово человѣческое подобно Слову Божію, постоянно пребываетъ при отцѣ своемъ и въ отцѣ своемъ — умѣ, будучи съ нимъ едино, и вмѣстѣ отдѣляясь отъ него неотдѣльно. Слово человѣческое вѣдомо одному уму, изъ котораго оно постоянно рождается и тѣмъ выражаетъ существованіе ума. Существованіе ума безъ слова и слова безъ ума мы не можемъ представить себѣ. Когда умъ захочетъ сообщиться уму ближнихъ, онъ употребляетъ для этого свое слово. Слово, чтобы пріобрѣсти способность общенія, облекается въ звуки или буквы. Тогда невещественное слово дѣлается какъ бы вещественнымъ, пребывая въ сущности своей неизмѣннымъ. И Слово Божіе, чтобъ вступить въ общеніе съ человѣками и спасти ихъ, вочеловѣчилось.

При основательномъ взглядѣ на слово человѣческое дѣлается понятна и причина строгаго приговора Господня, которымъ опредѣлено и возвѣщено, что человѣки дадутъ отчетъ въ каждомъ праздномъ словѣ. Божественная цѣль слова въ писателяхъ, во всѣхъ учителяхъ, а паче въ пастыряхъ,—наставленіе и спасеніе человѣковъ. Какой же страшный отвѣтъ дадутъ тѣ, которые обратили слово назиданія и спасенія въ средство развращенія и погубленія! Святый Григорій Богословъ писалъ стихами съ возвышенною, глубоко-благочестивою цѣлію: доставить христіанскому юношеству чтеніе и образцы въ поэзіи, сдѣлать для нихъ ненужнымъ изученіе языческихъ поэтовъ, дышащихъ сладострастіемъ и прочими страстями, дышащихъ богохульствомъ. Искренно желаю и для васъ цѣли Богослова, находя васъ способнымъ въ извѣстной степени удовлетворить этой цѣли, и мзда ваша будетъ многа на землѣ и на небѣ. Возложите на себя иго этой цѣли, какъ обязанный въ свое время представить отчетъ въ данномъ вамъ талантѣ Подателю его. Возложите на себя трудъ достигнуть этой цѣли. Займитесь постоянно и смиренно, устранивъ отъ себя всякое разгоряченіе, молитвою покаянія, которою вы занимаетесь: изъ нея черпайте вдохновеніе для писаній вашихъ. Затѣмъ подвергните собственной строгой критикѣ писанія ваши, и, при свѣтѣ совѣсти вашей, просвѣщенной молитвою покаянія, извергните безпощадно изъ вашихъ сочиненій все, что принадлежитъ къ духу міра, что чуждо духу Христову. Горе смѣющимся нынѣ! Это слова Христовы! Это опредѣленіе, исшедшее отъ Бога! Невозможно устранить ихъ никакимъ словоизвиненіемъ. Судя себя и разсматривая себя, вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное въ духѣ міра сего, кладетъ на душу печать свою, которою запечатлѣвается усвоеніе души

міродержцу. Необходимо въ такихъ словахъ, исторгнутыхъ увлеченіемъ и невѣдѣніемъ, покаяніе. Необходимо установить въ сердцѣ залогъ вѣрности Христу, а отпаденіе сердца отъ вѣрности, по немощи нашей, врачевать немедленно покаяніемъ и устраненіемъ отъ себя дѣйствій, внушенныхъ невѣрностію, содѣланныхъ подъ вліяніемъ духа и духовъ, намъ льстящихъ и вмѣстѣ жаждущихъ погибели нашей“ [1]).

Если Преосвященный Игнатій давалъ такіе совѣты другому духовному лицу, то мы съ увѣренностію можемъ сказать, что онъ дѣлалъ это на основаніи собственнаго опыта, и что тѣ требованія, которыя онъ предъявлялъ къ произведеніямъ другого пастыря, онъ еще строже предъявлялъ къ самому себѣ: самъ онъ занимался своимъ духовно-поэтическимъ творчествомъ, устранивъ отъ себя всякое разгоряченіе, самъ онъ почерпывалъ вдохновеніе для своихъ писаній изъ молитвы покаянія; самъ онъ подвергалъ собственной строгой критикѣ свои аскетическія творенія и при свѣтѣ своей совѣсти, просвѣщенной вѣрой и молитвой, извергалъ безпощадно изъ сочиненій своихъ все, что чуждо духу Христову, много разъ исправляя написанное. Объ этомъ онъ самъ такъ говорилъ въ своемъ другомъ письмѣ къ тому же Череменецкому игумену, отцу Антонію Бочкову: „Въ стихотвореніяхъ вашихъ встрѣчается то чувство, котораго нѣтъ ни въ одномъ писателѣ свѣтскомъ, писавшемъ о духовныхъ предметахъ, не смотря на отчетливость стиха ихъ. Они постоянно ниспадаютъ въ свое чувственное, и святое духовное передѣлываютъ въ свое чувственное. Душа не находитъ въ нихъ удовлетворенія, пищи. Какъ прекрасенъ стихъ въ Аббадонѣ Жуковскаго и какъ натянуто чувство! Очевидно: въ душѣ писателя не было ни правильнаго пониманія описываемаго предмета, ни истиннаго сочувствія ему. По причинѣ неимѣнія истины онъ сочинилъ ее и для ума, и для сердца, написалъ ложную мечту, не могущую найти сочувствія въ душѣ разумнаго и истинно-образованнаго, тѣмъ болѣе благочестиваго читателя.

Мнѣ очень нравился методъ Пушкина по отношенію къ его сочиненіямъ. Онъ подвергалъ ихъ самой строгой собственной критикѣ, пользуясь охотно и замѣчаніями другихъ литераторовъ. Затѣмъ онъ безпощадно вымарывалъ въ своихъ сочиненіяхъ излишнія слова и выраженія, также слова и выраженія сколько-нибудь натянутыя, тяжелыя, неестественныя. Отъ такой вычистки и выработки его сочиненія получали необыкновенную чистоту слога и ясность смысла. Какъ они читаются легко! въ нихъ нѣтъ слова лишняго! Отчего? Отъ безпощадной вычистки. Прочитавъ ваши стихотворенія и давъ въ себѣ

---

[1]) Письма Игнатія Брянчанинова, Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, къ Антонію Бочкову, игумену Череменецкому, стр. 27—28.

сформироваться впечатлѣнію отъ нихъ, нахожу, что и вамъ необходимъ этотъ трудъ. Какъ ваши сочиненія легко читаются! сказалъ Пушкину его знакомый. Оттого, отвѣчалъ Пушкинъ, что пишутся и вырабатываются съ великимъ трудомъ. Смѣю сказать, что и я стараюсь держаться этого правила“ [1]).

Эти послѣднія слова объясняютъ намъ, почему, говоря о сочиненіяхъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, считаютъ эти послѣднія замѣчательными не только по высотѣ и глубинѣ излагаемаго въ нихъ ученія и по богатству собранныхъ въ нихъ свѣдѣній, но также и по чистотѣ и художественной правильности его духовно-литературнаго языка [2]).

Усердно трудясь надъ обработкой своихъ аскетическихъ твореній прежде, чѣмъ познакомить съ ними другихъ, Епископъ Игнатій не только самъ много разъ исправлялъ ихъ, но и къ другимъ, кому они были извѣстны, обращался съ просьбой присылать ему свои замѣчанія. Такъ отца Антонія Бочкова онъ просилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Постепенно читая „Опыты“, не откажитесь записывать и ваши замѣчанія. Укажите, что найдете неяснымъ, неполнымъ, неправильнымъ, и, въ свое время, сообщите мнѣ. Стараюсь воспользоваться замѣчаніями, чтобы сдѣлать въ книгѣ пополненія и исправленія“ [3]) Въ другомъ письмѣ къ нему же онъ говорилъ: „Съ искреннею благодарностью приму замѣчанія ваши... Признаю за особенное одолженіе трудъ благонамѣренныхъ и знающихъ лицъ, заключающійся въ тщательномъ пересмотрѣ „Опытовъ“ и въ сообщеніи мнѣ замѣчаній, которыми постараюсь воспользоваться соотвѣтственно возможности моей“ [4]).

Безкорыстный и нестяжательный во всемъ, никогда незаботившійся о матеріальныхъ выгодахъ, этотъ Божій избранникъ и на сочиненія свои никогда не смотрѣлъ, какъ на средство улучшить свое матеріальное положеніе; онъ писалъ ихъ только для того, чтобы „подать голосъ“ другимъ христіанамъ, заблудившимся душой въ многолюдномъ городѣ,—подобно тому, какъ можно заблудиться въ обширномъ лѣсу,—чтобы голосомъ своимъ вывести этихъ заблудившихся на путь истинной жизни, ведущей къ Небесному Отцу, какъ благодѣтельный звукъ церковнаго колокола выводитъ изъ лѣсной чащи.

---

[1]) Тамъ же, стр. 29.

[2]) См. отзывы о сочиненіяхъ Еп. Игнатія, приведенныя въ введеніи второй части.

[3]) Письма Игнатія Брянчанинова къ Антонію Бочкову, стр. 35.

[4]) Тамъ же, стр. 36.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ такъ говоритъ объ этомъ: „Не помню съ котораго времени,—а очень, очень давно,—мнѣ особенно нравились слова Апостоловъ: „Не угодно есть намъ оставльшимъ слово Божіе, служити трапезамъ... мы въ молитвѣ и служеніи Слова пребудемъ“ (Дѣян. 6, 4). Служеніе братіи Словомъ Божіимъ!.. Какою восхитительною, насладительною картиной, представлялось очамъ души моей это служеніе!.. „Ни одинъ нашъ даръ“, сказалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ: „столько не благопріятенъ Богу, какъ приношеніе Ему словесной души покаяніемъ. Весь видимый міръ не равночестенъ одной душѣ: онъ преходитъ, а она нетлѣнна, и пребываетъ во вѣки“. Что-же?—Безконечно милосердный Богъ подалъ мнѣ въ руки это служеніе!—Не только подалъ мнѣ въ руки, но и извѣщаетъ многимъ душамъ искать отъ меня этого служенія! Теперь все время мое взято этимъ служеніемъ. Какъ утѣшительно перекликаются со мною многія души среди таинственной ночи міра сего съ различныхъ странъ своихъ!—иная съ одра болѣзни, другая изъ изгнанія, иная съ берега Волхова, иная съ берега Двины, иная съ поля Бородинскаго, иная изъ хижины, иная изъ дворца царскаго. Душа, гдѣ бы она ни была поставлена, если не убита нечувствіемъ, вездѣ ощущаетъ нужду въ словѣ Божіемъ, вездѣ паденіе гнететъ ее, давитъ. Произношу Слово Божіе въ бесѣдахъ личныхъ, пишу его въ бесѣдахъ заочныхъ,—составляю нѣкоторыя книги, которыя могли бы удовлетворить нуждамъ нынѣшняго христіанства, служить при нынѣшнемъ голодѣ какимъ-нибудь утѣшеніемъ и наставленіемъ. Отъ служенія Слову раздается въ душѣ моей какой-то неизреченно-радостный голосъ удостовѣренія въ спасеніи“... [1]).

Епископъ Игнатій писалъ свои творенія тогда, когда Божественный глаголъ касался его чуткаго уха, когда въ его сердцѣ появлялось „слово“, посланное Господомъ: „Бывали въ жизни моей минуты, писалъ онъ С. Д. Нечаеву, или во время тяжкихъ скорбей, или послѣ продолжительнаго безмолвія, минуты, въ которыя появлялось въ сердцѣ моемъ „слово“. Это слово было не мое. Оно утѣшало меня, наставляло, исполняло нетлѣнной жизни и радости,—и потомъ отходило. Искалъ я его въ себѣ старался, чтобы этотъ голосъ мира и покоя во мнѣ раздался—тщетно! Случалось записывать мысли, которыя такъ ярко свѣтили въ сіи блаженныя минуты.—Читаю послѣ—читаю не свое, читаю слова, изъ какой-то высшей сферы нисходившія и остающіяся наставленіемъ“ [2]). Этимъ объясняется то, что свои творенія

---

[1]) Богословскій вѣстникъ за ноябрь 1913 года, стр. 467.

[2]) С. Г. Рункевичъ. Письма аскета (Христіанское чтеніе за 1895 г., стр. 583).

Преосвященный Игнатій никогда не считалъ своею собственностію: „Признаю эту книгу никакъ не моею собственностію, а достояніемъ христіанскаго православнаго общества“ [1]), писалъ онъ отцу Антонію Бочкову о своихъ „Аскетическихъ опытахъ“ въ одномъ письмѣ, и въ другомъ: „Я признаю эту книгу не моею собственностью, а собственностью всѣхъ современныхъ подвижниковъ православной Церкви“ [2]).

Этотъ Божій избранникъ, этотъ истинный инокъ-подвижникъ, повторяемъ, всегда стремился употребить богатѣйшій талантъ свой только на пользу ближнихъ своихъ, и видя пользу эту въ наставленіи душъ ихъ ко спасенію, писалъ только о томъ, что могло наставить къ этому его читателей. Его рука всегда неустанно трудилась только для блага и утѣшенія меньшихъ, нуждающихся въ словѣ укрѣпленія [3]). Достигалъ онъ этого и своими сочиненіями, и своими частными письмами къ возлюбленнымъ своимъ во Христѣ; самъ больной, усталый отъ трудовъ, измученный скорбями и непріятностями, онъ всегда находилъ время и силы для переписки съ тѣми, кто нуждался въ его любящемъ и наставляющемъ словѣ „руководствующемъ во спасеніе“.

И вполнѣ правъ былъ отецъ Антоній Бочковъ, говоря Владыкѣ Игнатію: „Ваша христіанская ко всѣмъ любовь и ваше монашеское смиреніе всегда побѣждали ваши немощи тѣлесныя: вы всегда готовы были дать отвѣтъ меньшимъ братіямъ своимъ о Христѣ; такъ и нынѣ въ перепискѣ со мной забываете великое разстояніе между вами и мной; съ одобреніемъ пріемлете мои нескладныя письма и отвѣчаете на нихъ съ отеческою снисходительностію“ [4]).

Своими письмами и своими произведеніями желая только „услужить ближнимъ на пути ихъ ко Христу“ [5]), Епископъ Игнатій своими поученіями вовсе не хотѣлъ показать другимъ своего превосходства надъ ними; онъ никогда не считалъ себя достойнѣе и опытнѣе ихъ, а училъ другихъ только потому, что видѣлъ „оскудѣніе истиннаго духовнаго знанія“, недостатокъ духовнаго „хлѣба“.—„Получивъ

---

[1]) Письма Игнатія Брянчанинова къ Антонію Бочкову, стр. 35.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

[3]) „Нижайше васъ благодарю и заочно цѣлую руку, которая много трудилась и донынѣ трудится для блага и утѣшенія меньшихъ насъ, нуждающихся въ словѣ укрѣпленія“,—писалъ отцу Игнатію Антоній Бочковъ. См. письма, стр. 8.

[4]) Письма Игнатія Брянч. къ Антонію Бочкову, стр. 18.

[5]) Епископъ Игнатій писалъ брату, занимавшемуся умной молитвой: „На слова письма твоего: „Возьми меня, добрый пастырь, и причти къ овцамъ твоего стада“, отвѣтъ мой: „прими меня, ближній мой, въ услуженіе тебѣ на пути твоемъ ко Христу“. См. Богословскій вѣстникъ за ноябрь 1913, ст. 463.

письмо ваше", писалъ онъ къ нѣкоторому настоятелю, „я умилился окаяннымъ сердцемъ моимъ и беру перо для отвѣта вамъ, единственно съ тою надеждой, что милосердный Господь, видя истинную нужду души вашей и вѣру вашу, даруетъ слово полезное, а мнѣ проститъ мое дерзновеніе по тѣснотѣ нынѣшняго времени, въ которое весьма оскудѣло истинное духовное знаніе" [1]).

„Чему уподобить слово, теперь мною вамъ произносимое, ради Господа, къ пользѣ души вашей?"—спрашивалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Уподоблю васъ и прочихъ, желающихъ спастись, въ числѣ которыхъ, прельщая себя, думаю, что нахожусь и я,—путникамъ, идущимъ по дорогѣ. Путь этотъ всегда былъ тѣсенъ и прискорбенъ, но нынѣ еще прибавилось на немъ неудобство—недостатокъ въ хлѣбѣ. Этотъ недостатокъ такъ великъ, что многіе, замѣтя въ моей сумкѣ нѣсколько заплеснѣвшихъ кусковъ, просятъ, чтобы я ими подѣлился. Я дѣлюсь" [2]).

Въ своемъ истинно-монашескомъ смиреніи, Преосвященный Игнатій училъ другихъ только потому, что считалъ свои слова не собственнымъ своимъ ученіемъ, а ученіемъ Святыхъ Отцовъ православной Церкви. „Призываю васъ: „пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ", не потому, чтобъ доволенъ я былъ самъ по себѣ научить кого чему-либо, но потому, что ученіе мое—нѣсть мое, но заимствовано отъ Святыхъ Отцовъ, перомъ которыхъ водилъ Духъ Святый", [3]), писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ своимъ духовнымъ дѣтямъ.

И этимъ своимъ ученіемъ, заимствованнымъ отъ Святыхъ Отцовъ православной Церкви, такъ же, какъ и своими письмами, Епископъ Игнатій дѣйствительно приносилъ другимъ пользу, ибо своею могучей и свѣтлой мыслью онъ ясно видѣлъ, въ чемъ эта польза заключается.

Съ дѣтскихъ лѣтъ одаренный выдающимися способностями, умѣвшій схватить въ каждомъ преподаваемомъ ему предметѣ самую необходимую сущность, съ годами онъ все больше и больше развивалъ свой природный умъ, питая его изучаемыми то въ родномъ домѣ, то въ Инженерномъ училищѣ науками. По его собственному признанію, въ молодые годы умъ его былъ „весь погруженъ въ науки" онъ „устремился къ наукамъ всѣми силами души" [4]), желая отыскать Истину.

---

[1]) Богословскій вѣстникъ за октябрь 1913 года, стр. 234.

[2]) Тамъ же, іюнь 1913 года, стр. 205—6.

[3]) Тамъ же, стр. 213.

[4]) Сочиненія Епископа Игнатія, томъ I, „Плачъ мой", стр. 555, 556.

Если признать справедливымъ мнѣніе, что чѣмъ слабѣе человѣческій умъ, тѣмъ меньше онъ ищетъ, и, наоборотъ, что могучій, сильный умъ постоянно находится въ поискахъ, постоянно спѣшитъ туда, куда его зоветъ блистающая впереди, какъ путеводная звѣзда, истина,—то мы должны сказать, что у Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова былъ столь могучій, столь неутомимый въ этихъ поискахъ умъ, какой рѣдко дается людямъ и, если онъ могъ въ своемъ безсмертномъ „Плачѣ“ написать критику, аналитическій разборъ всѣхъ наукъ, когда предъ взорами его предстали „грани знаній человѣческихъ въ высшихъ, окончательныхъ наукахъ“,—то только потому, что онъ не поверхностно, а глубоко изучилъ всѣ эти науки, отыскивая въ нихъ желанную истину.

Истина! Всѣ люди знаютъ это многоговорящее слово, всѣ, такъ или иначе, больше или меньше, но стремятся къ ней, ибо, какъ говоритъ поэтъ, „нѣтъ выше доли ее искать, и ей служить, съ ея могучей, вѣчной волей всю жизнь свою стараться слить“! Кто нашелъ ее, эту свѣтлую истину, тому не страшны уже терніи жизненной дороги: „что всѣ гоненья, всѣ угрозы, всѣ терніи ея пути, и оскорбленій тяжкихъ слезы для тѣхъ, кому ее найти далось сквозь долгій мракъ исканій, сквозь боль тоски о ней одной, сквозь мглу паденій и страданій души, сомнѣніемъ больной“! Если же нѣтъ истины, жизнь не жизнь. „Что жизнь безъ Истины?—Ничто, тѣнь жизни, жалкое томленье, одинъ намекъ на бытіе, слѣпцовъ пустое сновидѣнье“...[1]).

Правда, Истина, подобно счастью и красотѣ, принадлежитъ къ такимъ благамъ нашей быстротекущей жизни, которыя всякій опредѣляетъ по своему: что „истина“ для одного, то „ложь“ для другого; что „истина“ для человѣка сейчасъ, то, можетъ быть, не будетъ уже для него „истиной“ черезъ нѣкоторое время. Для Преосвященнаго Игнатія „Истина“ отожествлялась съ Божьей правдой, неутомимой жаждой которой горѣлъ весь его умъ, и, увидя, что этой истины въ наукахъ человѣческихъ нѣтъ, ибо онѣ даютъ только знанія, „оканчивающіяся землею, немогущія существовать по разлученіи души съ тѣломъ“, а не даютъ ничего вѣчнаго, положительнаго, ничѣмъ неотъемлемаго и вѣрнаго, достойнаго назваться собственностію человѣка, которая должна быть вѣчна, ибо самъ человѣкъ вѣченъ [2]),—онъ отрекся отъ этой мудрости міра во имя мудрости духовной, открывшейся его внутреннему зрѣнію въ писаніяхъ Святыхъ Отцовъ Православной Церкви.—„Чей умъ горитъ безсонной жаждой Правды Божьей,—говоритъ тотъ же поэтъ, тотъ, отыскавъ ее, спѣшитъ порвать съ своей

---

[1]) И. Горбуновъ-Посадовъ. „Когда звѣздою путеводной тебѣ чуть Истина блеснетъ“...

[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I. „Плачъ мой“, стр. 556—559.

и общей ложью"! И Епископъ Игнатій, дѣйствительно оправдалъ на себѣ эти слова. Рано познавши, что „ученость—пріобрѣтеніе и храненіе впечатлѣній и познаній, накопленныхъ человѣками во время жизни падшаго міра; свѣтильникъ ветхаго человѣка, которымъ мракъ тьмы во вѣки блюдется"; рано убѣдившись, что „познаніе истины, которая открыта человѣкамъ Господомъ, къ которой доступъ только вѣрой, неприступной для падшаго разума человѣческаго, замѣняется въ учености гаданіями, предположеніями"; рано узнавши, что „мудрость этого міра, въ которой почетное мѣсто занимаютъ многіе язычники и безбожники, прямо противоположна, по самымъ началамъ своимъ, мудрости духовной, Божественной, и, слѣдовательно, нельзя быть послѣдователемъ той и другой вмѣстѣ, а одной непремѣнно должно отречься [1]), онъ отрекся отъ мірской мудрости, покоривши свой могучій умъ въ простоту вѣрованія. „Прочь, непотребный, отверженный Богомъ"! воскликнулъ онъ разуму, всякое Божіе знаменіе встрѣчающему отталкиваніемъ: „какъ"? „неужели"? „почему"? и этимъ негодному для Божіихъ дѣлъ, и отвергши падшій разумъ, онъ призвалъ къ себѣ святую вѣру и буйство проповѣди Христовой, и всю силу, всю неутомимую пытливость своего ума направилъ на жадное и глубокое изслѣдованіе и изученіе писаній Святыхъ Отцовъ Православной Церкви. И въ этихъ величественно-чудныхъ писаніяхъ, подобныхъ безчисленнымъ звѣздамъ различныхъ размѣровъ, усѣивающимъ чистое небо въ ясную осеннюю ночь и испускающимъ всѣмъ вмѣстѣ единый свѣтъ; въ этихъ писаніяхъ, подобныхъ многочисленному и многоголосому хору, въ изящной и строгой гармоніи поющему единую Божественную пѣснь, онъ нашелъ желанную Истину, къ которой всегда стремился своимъ пытливымъ, неудовлетвореннымъ „науками человѣческими" умомъ, и, найдя ее, началъ открывать ее желающимъ въ своихъ твореніяхъ и наставленіяхъ.

Только чистая и тихая вода, гдѣ нѣтъ мути и волненія, можетъ отражать ясно-голубое небо; только кристально-чистое зеркало способно правильно отражать находящіеся передъ нимъ предметы; только истинный духовный разумъ, находящійся въ неразлучномъ союзѣ съ вѣрой и смиреніемъ, противнымъ разуму плотскому, душевному, можетъ достаточно правильно отразить свою высоту, глубину и чистоту изслѣдуемыхъ имъ отеческихъ твореній. Духовный разумъ Преосвященнаго Игнатія, освященный вѣрою и смиреніемъ, былъ такой чистой водой, такимъ правильнымъ зеркаломъ, и это отмѣчали многіе, знакомые съ его твореніями.

„Нижайше благодарю Ваше Преосвященство за отвѣтъ, которымъ

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 501.

вы меня удостоили, и за довѣренность къ моему взгляду на ваши сочиненія, взгляду помраченному и страстями, и сопребываніемъ съ міромъ, который уничтожаетъ нашу духовную зоркость своею пестротою“,—писалъ отецъ Антоній Бочковъ Епископу Игнатію въ отвѣтъ на просьбу этого послѣдняго сообщить ему замѣчанія объ „Аскетическихъ опытахъ“: Только чистая и тихая вода отражаетъ небо. Обозрѣть зданіе, весьма высокое, надобна лѣстница; основаніе зданія глубокое, твердое и со многими тайниками, нельзя повѣрить безъ свѣтильника и путеводной нити. Страшно взглянуть внизъ съ безмѣрной высоты и не легко чувствуется во глубинѣ.

Не сознаю въ себѣ достаточныхъ силъ для обозрѣнія и оцѣнки вашихъ твореній, потому именно, что никто изъ моихъ современниковъ-писателей духовныхъ по профессіи и аскетовъ по жизни не постигалъ столько той высоты Отеческихъ писаній и ея глубины, какъ Ваше Преосвященство. Объ этомъ я говорилъ однажды бывшему Оберъ-Прокурору, графу Толстому. Онъ былъ нѣсколько удивленъ моими словами: тогда ваши сочиненія были менѣе извѣстны и то немногимъ и не всѣ въ совокупности. Теперь Его Сіятельство можетъ повѣрить мои слова на самомъ дѣлѣ, если только онъ читаетъ духовныя книги. Сознавая всегда великость вашихъ духовныхъ знаній и вашихъ трудовъ, я всегда сознавалъ въ себѣ неспособность слѣдовать вашему примѣру, и по причинѣ моей жизни, протекшей до знакомства съ вами въ мірской суетѣ, и по моему, нѣсколько разстроенному воображенію, которое всегда своими красками расцвѣчало духовные очерки, требующіе не яркости, а правильности и точности, всегда въ опредѣленный кругъ православія вносило свои произвольныя прибавки; и многаго труда стоило покорить умъ въ простоту вѣрованія“ [1]).

Въ другомъ письмѣ своемъ отецъ Антоній Бочковъ такъ выражалъ свое благоговѣйное удивленіе передъ духовнымъ разумомъ Преосвященнаго Игнатія, то удивленіе, которое невольно испытываетъ каждый, знакомясь съ его твореніями: „Приношу мою убогую благодарность за богатое дарованіе ваше—за два тома вашихъ сочиненій. Нѣкоторыя мнѣ извѣстны; остальныя читаю со вниманіемъ, учася изъ нихъ многому, позабытому: намъ такъ свойственно забывать душеполезное и помнить прежнее, мало назидательное, но оставившее въ крови нашей свои αἷμα-графическіе отпечатки. Простите, что написалъ греческое слово, связавъ его съ греко-русскимъ: иначе не могу выразить свою мысль. Кровяная наша душа, т. е. вся жизнь, движущая

---

[1]) Письма Игнатія Брянчанинова, Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, къ отцу Антонію Бочкову, стр. 31—32.

наше тѣло и получившая съ дѣтства внѣшнія, здѣшнія, впечатлѣнія, образы міра сего преходящаго, часто вовсе забываетъ о своемъ тонкомъ, чистомъ духѣ, высшемъ ея, забываетъ, или не знаетъ, о тайнѣ сердца своего, забываетъ благодатныя, при крещеніи вдунутыя въ него Божія дарованія, забываетъ часто до того, что человѣка дѣлаетъ всего душевнымъ, а не духовнымъ, и кровію своею, какъ густымъ, непроницаемымъ туманомъ, окружаетъ умъ и предноситъ предъ него свои образы и часто фантазіи. Увы! какъ трудно облегчиться отъ этой кровавой густой плевы, какъ трудно сдѣлаться кристалломъ духовнымъ, пропущающимъ лучи свѣта!

Въ сочиненіяхъ Вашего Преосвященства столь много сокровищъ, утаенныхъ отъ міра, столько недоступнаго для душевныхъ, подобно мнѣ людей, что немногіе отдадутъ имъ истинную дань удивленія. А между тѣмъ это все пріобрѣтено вашимъ опытомъ, и любовію къ Отеческимъ писаніямъ. Въ эти-то зерцала, отражающія Божественный свѣтъ, Вы часто смотрѣли: потому и на вашихъ твореніяхъ онъ отражается“ [1]).

Такое удивленіе передъ глубиной и силой свѣтлаго духовнаго разума Владыки Игнатія, удивленіе, близкое къ благоговѣнію, испытывалъ не одинъ только отецъ Антоній Бочковъ, познакомившись съ произведеніями его духовно-поэтической лиры: это отмѣчаютъ всѣ тѣ, чьи отзывы о его твореніяхъ сохранились до нашего времени.

И такой могучій и свѣтлый умъ былъ соединенъ не съ гордымъ превознощеніемъ, не съ обычнымъ дерзкимъ самомнѣніемъ, а съ истинно-монашескимъ смиреніемъ, которое требуетъ отъ носителя своего признать себя хуже всѣхъ человѣковъ. Зная, что Апостолъ не просто сказалъ, что онъ первый изъ грѣшниковъ, а былъ убѣжденъ въ этомъ, и что люди тоже должны въ этомъ убѣдить себя [2]), Преосвященный Игнатій не находилъ въ себѣ ничего, льстящаго его самомнѣнію, наоборотъ, находилъ многое, достойное сѣтованій и воздыханій, достойное горькихъ и продолжительныхъ слезъ. Онъ считалъ себя грѣшникомъ, достойнымъ казней временныхъ и вѣчныхъ [3]), называлъ себя всегда „непотребнымъ грѣшникомъ, имѣющимъ крайнюю нужду въ милосердіи Божіемъ“; его совѣсть, взвѣшивая и оцѣнивая его собственное достоинство, поставляла его „ниже всѣхъ преступниковъ“, и не позволяя ему судить, а тѣмъ болѣе осуждать кого-либо, тѣмъ самымъ какъ бы склоняла его такимъ образомъ мыслей къ ногамъ ближнихъ [4]). Онъ искренно считалъ всю жизнь свою цѣпью по-

---

[1]) Письма Игнатія Брянчанинова къ Антонію Бочкову, стр. 33—34.

[2]) Богословскій вѣстникъ за ноябрь 1913 г., стр. 448.

[3]) Собраніе сочиненій Еп. Игнатія, т. I, стр. 568.

[4]) Письма Еп. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 23.

грѣшностей, цѣпью паденій. Духовный взоръ его видѣлъ на собственной душѣ только язвы, болѣзни и немощи. Приведемъ его собственныя слова объ этомъ: „Обращу ли взоры ума на протекшіе дни мои? Это цѣпь обольщеній, цѣпь грѣховъ, цѣпь паденій!— Взгляну ли на ту часть жизни, которая еще предлежитъ мнѣ на поприщѣ земнаго странствованія?—Объемлетъ меня ужасъ: его производитъ немощь моя, доказанная мнѣ безчисленными опытами. Воззрю ли на душу мою?— Нѣтъ ничего утѣшительнаго! Вся она въ грѣховныхъ язвахъ; нѣтъ грѣха, которому бы она была непричастна; нѣтъ преступленія, которымъ бы она себя не запечатлѣла!—Тѣло мое, бѣдное тѣло! обоняваю смрадъ твоего тлѣнія. „Тлѣніе нетлѣнія не наслѣдствуетъ“ (1, Кор. XV, 50). Жребій твой—по смерти въ темницѣ гроба, по воскресеніи— въ темницѣ ада! Какая участь ожидаетъ мою душу по разлученіи ея съ тѣломъ? Благо было бы, если бъ предсталъ ей Ангелъ мирный и свѣтлый, воспарилъ бы съ нею въ блаженныя обители Едема! Но за что онъ предстанетъ? Какую добродѣтель, какой подвигъ найдетъ въ ней, достойные небожителей? Нѣтъ! скорѣе окружатъ ее полчища мрачныхъ демоновъ, ангеловъ падшихъ, найдутъ въ ней сродство съ собою, свое паденіе, свои свойства грѣховныя, свою волю богопротивную,—отведутъ, увлекутъ ее въ свои жилища, жилища вѣчной, лютой скорби, жилища вѣчнаго мрака и вмѣстѣ огня неугасающаго, жилища мукъ и стенаній непрерывныхъ, безконечныхъ“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Преосвященный Игнатій такъ восклицаетъ о своей грѣховности и недостойности предъ Господомъ Богомъ: „Предъ лицомъ Истины стою и, освѣщаемый ея свѣтомъ, смотрю на душу мою. Что-жъ вижу? Вижу на душѣ моей язвы, вижу многочисленныя ея болѣзни, вижу немощи, изъ которыхъ однѣ природныя, другія— слѣдствія язвъ и болѣзней, прошедшихъ и настоящихъ. Обращаюсь на протекшую жизнь мою: вижу—это цѣпь погрѣшностей, цѣпь паденій; на каждомъ почти шагу я былъ посмѣянъ и поруганъ діаволомъ по недостатку духовной мудрости, по избытку гордости, не склоняющейся вопросить совѣта у ближняго. Въ такомъ положеніи душа моя, когда путь жизни моей уже протянулся за преполовеніе дней моихъ. Между тѣмъ тѣло мое ослабѣло; его прободаютъ и разсѣкаютъ различные недуги. Они—вѣстники: возвѣщаютъ мнѣ приближеніе разлученія души съ тѣломъ. Скоро, скоро буду лежать на одрѣ, не для того, чтобъ дать преутружденному тѣлу временное отдохновеніе, но чтобъ сложить его съ себя въ гробовой ковчегъ, въ нѣдра земли, изъ неяже взятъ есмь, до будущаго общаго воскресенія. Помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ, ибо душа моя въ язвахъ, а тѣло запечат-

---

[1]) Собраніе сочиненій Еп. Игнатія, т. I., „Плачъ мой“, стр. 552.

лѣно грѣхомъ. По этому состоянію моему всего-бъ приличнѣе для меня было оставить все, и внѣ всего предаться неутѣшному плачу; когда все утрачено, не утратить по крайней мѣрѣ раскаянія“ [1]). И Преосвященный Игнатій постоянно предавался покаянному плачу о своихъ грѣхахъ: „Стенанія скопились въ груди моей, тѣснятся въ ней, хотятъ исторгнуться; но, предупреждаясь одно другимъ, возвращаются въ грудь, производятъ въ ней странное колебаніе“, говоритъ онъ въ своемъ „Плачѣ“: „То тихо скудныя капли слезъ, подобныя каплямъ росы, лишь орошаютъ зѣницы очей моихъ; то крупный слезный дождь катится по ланитамъ на одежды, или ложе; то слезы вовсе изсыхаютъ,—и одинъ болѣзненный плачъ объемлетъ душу. Плачу умомъ, плачу сердцемъ, плачу тѣломъ, плачу всѣмъ существомъ моимъ; ощущаю плачъ не только въ груди моей,—во всѣхъ членахъ тѣла моего. Они странно и несказанно участвуютъ въ плачѣ, болѣзнуютъ отъ него“ [2]). „Плачу плачемъ покаянія и любви“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: „погружаюсь въ печаль спасительную, не въ ту, которая наводитъ смерть человѣку: плачу не о чемъ-либо суетномъ, тлѣнномъ, преходящемъ,—объемлетъ меня плачъ—наслѣдство прародителя моего Адама, который обратился къ плачу, началъ искать въ немъ утѣшенія, послѣ утраты сладостей райскихъ. Этотъ плачъ—отблескъ вѣчнаго блаженства, этотъ плачъ—свидѣтельство, что вѣчное блаженство было нѣкогда достояніемъ человѣка: этотъ плачъ—средство къ возвращенію потеряннаго блаженства“ [3]).

И это были не одни только слова: истинный служитель Божій, дѣйствительно, исполнялъ земную проповѣдь Богочеловѣка, возвѣстившаго людямъ: „покайтеся“!—Онъ скорбѣлъ о грѣхахъ своихъ и каялся въ нихъ передъ милосерднымъ всемогущимъ Врачемъ, ибо это былъ истинный монахъ, внутреннимъ дѣланіемъ, а не показною наружностью доказавшій принадлежность свою къ избранному стаду Христову. Это не былъ монахъ только по одеждѣ и наименованію, это былъ монахъ по душѣ своей, всегда стремившійся не къ достиженію какого-нибудь высшаго сана, не къ полученію какой-нибудь награды или отличія, не къ матеріальной наживѣ, а только къ тому, чтобы угодить Богу; и днемъ и ночью онъ только и думалъ, только и помышлялъ лишь о томъ, какъ бы поближе придѣпиться къ Господу, какъ бы потеплѣе помолиться Ему, побольше поплакать передъ Нимъ. Это влеченіе къ Господу у него было какъ бы нестерпимымъ. Ни въ чемъ не находилъ онъ такой отрады и успокоенія, какъ лишь въ молитвѣ и въ плачѣ. Послѣ такой покаянной молитвы, въ лицѣ его изображалось

---

[1]) Богословскій вѣстникъ за сентябрь 1913 г., стр. 14.
[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 552—553.
[3]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. V, стр. 387.

всегда что-то неземное. Въ своемъ благоговѣйномъ воспоминаніи о Преосвященномъ Игнатіи послѣдній келейникъ его Василій[1]) говоритъ, что, если случалось въ такія минуты подходить къ нему по какому-нибудь дѣлу, онъ не видѣлъ и не слышалъ обращавшагося къ нему; изъ глазъ его свѣтилось что-то неземное, было видно, что онъ умомъ находился гдѣ-то далеко. Какая-то необъяснимая тишина вѣяла отъ него и всякій грѣховный помыслъ далеко уходилъ отъ пришедшаго исповѣдывать его ему[2]). Онъ „истаивалъ на ложѣ своемъ въ своихъ пламенныхъ молитвахъ передъ величіемъ Божіимъ"; онъ часто стоялъ у аналоя съ воздѣтыми къ небу руками, въ страхѣ и трепетѣ, орошая ланиты теплыми слезами, очищая душу свою стонами, воплями, рыданіями и воздыханіями[3]).

То, что это былъ истинный монахъ, монахъ въ душѣ, видно изъ многихъ фактовъ его особенной жизни: его не привлекала къ себѣ заманчиво улыбавшаяся ему, любимцу Государя Императора, блестящая карьера офицера-инженера, сулившая и матеріальныя блага, и почести; его не пугалъ гнѣвъ родителей, не желавшихъ видѣть сына своего въ скромномъ монашескомъ одѣяніи, и связанная съ этимъ гнѣвомъ матеріальная нужда; его не остановила непрестанная болѣзненность съ дѣтства слабаго тѣла, вопіявшаго къ нему: „Куда ты ведешь меня? жизнь въ монастырѣ для тебя невыносима и по моей немощи, и по воспитанію твоему, и по всѣмъ прочимъ причинамъ"[4]), его не устрашили злыя насмѣшки и презрительныя клички, вродѣ „сапера во Христѣ"—онъ поборолъ всѣ препятствія, выроставшія по дорогѣ его въ монастырь и отдалъ всю свою жизнь на служеніе Небесному Царю; и, хотя потомъ онъ и былъ отличенъ епископскимъ саномъ, но, поступая въ монашество, которое „нравилось ему само по себѣ", онъ не могъ на это разсчитывать, потому что не имѣлъ образовательнаго духовнаго ценза, и грѣхъ хоть на одну минуту подумать, что на путь иночества толкала этого смиреннаго, Боголюбиваго инока-подвижника мысль о будущей карьерѣ или мысль о матеріальномъ обезпеченіи: нестяжательность, доброта и отзывчивость его души была извѣстна всѣмъ окружающимъ. Его любимый келейникъ въ Троице-Сергіевой пустыни, маленькій Игнатій (Малышевъ) въ своихъ благоговѣйныхъ воспоминаніяхъ о жизни Епископа Игнатія, пишетъ: „Архимандритъ Игнатій былъ замѣчательно нестяжателенъ и несребролюбивъ; бывало, казначей принесетъ ему жалованіе или долю по раз-

---

[1]) Этого келейника Епископъ Игнатій называлъ всегда не Василіемъ, а Веніаминомъ, какъ бы предвидя, что онъ уже послѣдній.

[2]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія, составленное его учениками, стр. 137.

[3]) Тамъ же, стр. 138—139.

[4]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, „Плачъ мой", стр. 562.

дѣлу братской кружки,— онъ и въ руки не возьметъ, и даже не сосчитаетъ, а скажетъ казначею: „Положи, батинька, въ налойчикъ“, а изъ налойчика этого брали келейники и расходовали по его распоряженію [1]).

„Монашество было для этого человѣка не карьерой и не средствомъ нажить капиталы. Онъ раздавалъ всегда почти все, что имѣлъ“, пишетъ родная внучка почившаго Владыки Игнатія—Купреянова въ своихъ „Семейныхъ воспоминаніяхъ“ [2]).

Когда онъ уѣзжалъ изъ Сергіевой пустыни, гдѣ неустанно потрудился 23 года, у него не было собственныхъ средствъ на дальнюю дорогу въ Ставрополь Кавказскій.

Когда онъ умеръ, послѣ него не осталось наслѣдства; въ карманѣ его подрясника нашли 14 копеекъ. Это было все, что онъ имѣлъ, потому что лишь за два или три дня до смерти онъ далъ семьдесятъ пять рублей крестьянину, у котораго пала лошадь. Онъ былъ монахъ [3])...

Нестяжательный и несребролюбивый, въ своихъ отношеніяхъ съ другими людьми онъ никогда не старался получить какую-нибудь личную пользу и никогда не цѣнилъ людей съ точки зрѣнія той матеріальной выгоды, которую могло принести ему знакомство съ ними.

„Подобна морю жизнь человѣческая“, говоритъ одинъ изъ нашихъ современныхъ писателей: „плаваютъ въ этомъ морѣ люди и непрестанно ищутъ: одни—жемчужины богатства, другіе—жемчужины славы, иные же, презрѣвъ блага сіи, ищутъ жемчужины души человѣческой“. Что Преосвященный Игнатій принадлежалъ къ числу такихъ искателей душевнаго жемчуга, видно изъ его же собственныхъ словъ: „Я сотворенъ, чтобъ любить души человѣческія, чтобъ любоваться душами человѣческими! За то и онѣ предо мною какими ангелами! предстаютъ взорамъ сердца моего такъ плѣнительно, такъ утѣшительно! Вотъ зрѣлище, картина, на которую гляжу, заглядываюсь, снова гляжу, не могу наглядѣться! И странно! Лицо, форму, черты тотчасъ забываю, душу помню. Много душъ, прекрасныхъ душъ, на моей картинѣ, которую писала любовь, которую вѣрная память хранитъ въ цѣлости, въ живости колорита“ [4]). „Я глядѣлъ на душу; для лица и для всего вещественнаго я — точно безъ глазъ. Черты физіономіи какъ разъ забываю; черты души, и самыя тонкія, остаются запечатлѣнными въ памяти“ [5]).

---

[1]) Біографія Епископа Игнатія, составленная его учениками, стр. 135.

[2]) Богословскій вѣстникъ за май 1914 года, стр. 9.

[3]) Тамъ же, стр. 16.

[4]) Письма Епископа Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 6—7.

[5]) Богословскій вѣстникъ за ноябрь 1913 г., стр. 469.

Какъ истинный послѣдователь ученія Христова, заповѣдующаго человѣку „возлюбить ближняго своего, какъ самого себя“, Преосвященный Игнатій, дѣйствительно, и любилъ ближнихъ своихъ такою любовью. Для своей собственной души онъ всегда неизмѣнно желалъ только одного блага — душевнаго спасенія; только къ одному этому благу онъ стремился всю свою жизнь, только къ этому онъ направлялъ всегда стопы своего сердца! Только этого же блага желалъ онъ и ближнимъ своимъ, выражая, какъ истинный монахъ, любовь свою къ человѣческой душѣ въ пожеланіи ей не матеріальныхъ богатствъ, не временныхъ наслажденій, а въ пожеланіи ей спасенія, въ приготовленіи ея къ тому, чтобы она была достойнымъ храмомъ Святаго Духа. Это мы видимъ въ отношеніяхъ его и къ роднымъ по крови, и къ роднымъ по духу. „Вы изволите знать мое усердное желаніе добра всѣмъ членамъ нашего семейства“, писалъ онъ въ 1835-мъ году отцу своему Александру Семеновичу: „Но сужденіе мое односторонне; оно согласуется съ родомъ жизни, который я провожу“ [1]). Любимой сестрѣ своей Маріи Александровнѣ онъ писалъ: „Обыкновенныя письма свѣтскихъ людей, состоявшія въ различныхъ поздравленіяхъ и увѣреніяхъ, не составляютъ обязанности монаха. Въ словѣ о душевной пользѣ я отказать не могу; такое слово есть милостыня, которую непремѣнно долженъ подавать монахъ не только для душевной пользы ближняго, но и для своей“ [2]). И любящій братъ, искренно желающій сестрѣ своей душевнаго спасенія (онъ и подписывался такъ въ нѣкоторыхъ письмахъ: „Усердно любящій тебя и желающій тебѣ душевнаго спасенія“ [3]), никогда не отказывалъ ей въ такомъ словѣ „руководствующемъ во спасеніе“. „Познакомься съ Богомъ заблаговременно, частыми молитвами стяжи дерзновеніе, дабы, когда должно будетъ предстать на страшный судъ, могла ты упросить Судію быть къ тебѣ милосерднымъ. Оставь угожденіе діаволу въ различныхъ мірскихъ забавахъ, послушайся Спасителя, возвѣстившаго: горе смѣющимся нынѣ! горе насыщеннымъ нынѣ! Займись чтеніемъ Божественныхъ книгъ, съ благоразумною умѣренностію, сохраняющею надолго вкусъ и утончающею оный и уничтожающею сердечную жажду Божественной правды, сими книгами повѣдаемой. Обрати къ вѣчности очи ума твоего и сердца“ [4]), наставлялъ онъ ее на путь благочестія. Такъ же выражалъ онъ свою сердечную любовь и къ сестрѣ своей Софіи Александровнѣ (по мужу Боборыкиной), съ которой, по его собственному

---

[1]) Тамъ же, январь 1914 г., стр. 5.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

[3]) См. письма Еп. Игнатія къ сестрѣ его, Маріи Алекс., помѣщенныя въ Богословскомъ вѣстникѣ за январь 1914 года, стр. 6—12.

[4]) Тамъ же, стр. 6—7.

признанію, былъ связанъ „узами исключительной дружбы“. Когда она умерла, онъ написалъ письмо Маріи Александровнѣ, прося сообщить ему подробности о ея послѣднихъ дняхъ жизни, и прибавлялъ, что „надѣется увидаться съ нею въ будущей жизни по слову Св. Писанія: „Богъ вселяетъ единомысленныя въ домъ“ [1])...

Такими же чистыми узами духовной дружбы былъ связанъ Владыка Игнатій и со слѣдующимъ за нимъ по старшинству братомъ своимъ Петромъ Александровичемъ, который въ послѣдніе годы своей жизни послѣдовалъ за нимъ въ монастырскія стѣны.

Такъ точно и любовь свою къ ученикамъ Преосвященный Игнатій обнаруживалъ наставленіемъ ихъ ко спасенію; дверь его кельи всегда была для всѣхъ открыта, и маленькій Игнатій, келейникъ его, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ продолженіе 24 лѣтъ онъ не помнитъ ни одного случая, чтобы отецъ Архимандритъ отказалъ кому-нибудь въ пріемѣ и поученіи. Ни немощность и слабость постоянно истощаемаго болѣзнями тѣла, ни масса заботъ и трудовъ по внѣшнему устройству тѣхъ обителей, гдѣ Господу-Богу угодно было помѣщать его,—ничто не мѣшало ему давать желающимъ получить отъ него наставленіе „слово, руководствующее во спасеніе“, слово, наставляющее ближнихъ въ православной вѣрѣ и нравственности. Недаромъ бывшій ученикъ его, Игнатій Малышевъ, начинаетъ свои благоговѣйныя воспоминанія о немъ словами: „Архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ умѣлъ любить чадъ своихъ духовныхъ, но умѣлъ и учить ихъ; много пострадалъ онъ за нихъ, много вынесъ на своихъ плечахъ клеветы и порицаній“ [2]), и дальше говоритъ: „Онъ училъ и воспитывалъ каждаго ученика по его силамъ и способностямъ, не щадя своихъ силъ, не жалѣя времени, и если его ученикамъ бывало не легко принимать его ученія и усвоивать себѣ его правила, то и ему не мало трудовъ стоило каждаго отдѣльно воспитать, внушить любовь къ урокамъ и возводить въ духовное состояніе“ [3]).

Любя ближнихъ своихъ, какъ самого себя, Преосвященный Игнатій желалъ сдѣлать изъ учениковъ своихъ и изъ всѣхъ, прибѣгавшихъ къ его духовнымъ совѣтамъ, истинныхъ монаховъ, монаховъ по настроенію душевному, а не монаховъ только по одеждѣ, а для этого онъ никогда не уставалъ и устно, и письменно повторять имъ: „Братія! не проводите жизни вашей въ пустыхъ занятіяхъ; не промотайте жизни земной, краткой, данной намъ для пріобрѣтенія вѣчныхъ. Она пробѣжитъ, промчится, и не возвратится; потеря ея—не-

---

[1]) Богословскій Вѣстникъ за май 1914 г., стр. 9—10 („Изъ семейныхъ воспоминаній“ Купреяновой).

[2]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія, составленное его учениками, стр. 121.

[3]) Тамъ же, стр. 122.

вознаградима; проводящіе ее въ суетахъ и играніяхъ лишаютъ сами себя блаженной вѣчности, уготованной намъ Богомъ. Употребите ее на изученіе воли Божіей, благой и совершенной, изложенной въ Священномъ и Святомъ писаніяхъ“ [1]).

Считая, какъ отмѣчено выше, собственную жизнь свою цѣпью паденій, заблужденій и ошибокъ и чувствуя ужасъ при воззрѣніи на свои грѣхи, достойные, какъ ему казалось, только казней и временныхъ, и вѣчныхъ, Епископъ Игнатій своими наставленіями хотѣлъ предостеречь тѣхъ путешественниковъ, которые плыли по тому же бурному житейскому морю, „воздвизаемому напастей бурею“, въ которомъ онъ претерпѣлъ уже страшныя бѣдствія. „Потрясенія, которыми я испытанъ, были потрясеніями и горькими, и тяжкими, и жестокими, и упорнотомительно продолжительными“; говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ „Аскетическихъ опытовъ“: „Потрясенія по наружному положенію, на судъ совѣсти моей, ничего не значатъ въ сравненіи съ потрясеніями, которымъ подверглась душа. Свирѣпы волны житейскаго моря; на немъ господствуетъ мракъ и мгла: непрестанно воздвизаются на немъ бури лютыми вѣтрами—духами отверженными; корабли лишены кормчихъ; благонадежныя гавани превратились въ водовороты, въ гибельныя пучины; всяка гора и островъ отъ духовныхъ мѣстъ своихъ двигнушася (Апок. VII, 14); потопленіе представляется неизбѣжнымъ. Оно и было бы неизбѣжнымъ, если-бъ непостижимый Промыслъ Бога и столько же непостижимое милосердіе не спасали избранныхъ Его. Много пришельствова душа моя (Пс. 119, 6), не находя пристанища вѣрнаго ни внѣ, ни внутри себя. „Углѣбохъ въ тименіи глубины, и нѣсть постоянія“—правильнаго и твердаго настроенія души, непоколебимаго въ добродѣтели,—„пріидохъ въ глубины морскія, и буря потопи мя. Утрудихся зовый, измолче гортань мой, исчезостѣ очи мои, отъ еже уповати ми на Бога моего (Пс. 68, 3—4): яко погна врагъ душу мою, смирилъ есть въ землю животъ мой, посадилъ мя есть въ темныхъ“ (Пс. 142, 3), „Яко вода изліяхся, и разсыпашася вся кости моя, изсше яко скудель крѣпость моя“ (Пс. 21, 15, 16), „одержаша мя болѣзни смертныя, и потоцы беззаконія смятоша мя; болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя сѣти смертныя (Пс. 17, 5—6); уны во мнѣ духъ мой, смятеся сердце мое“ (Пс. 142, 4). Изъ этого состоянія подаю голосъ отцамъ и братіямъ, голосъ заботливаго предостереженія. Такъ поступаетъ путешественникъ, претерпѣвшій страшныя бѣдствія въ многотрудномъ и продолжительномъ путешествіи! свои замѣтки, драгоцѣнное сокровище, онъ передаетъ тѣмъ, которые намѣрены предпринять подобно путешествіе, или уже и вступили въ путь, не

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. II, стр. 48—49.

зная его, или ознакомясь съ нимъ лишь поверхностно по описаніямъ устарѣвшимъ... Святый Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что нѣкоторые, проходя по болотистымъ мѣстамъ, увязли въ грязи и, покрытые ею, повѣдали о томъ, какъ это случилось съ ними, другимъ, которые тутъ проходили, для спасенія ихъ. За спасеніе ближнихъ Всемогущій избавилъ изъ болота и тѣхъ, которые, попавши въ него, предостерегли ближнихъ отъ впаденія въ него (Лѣствица, сл. 26, гл. 14). „Права теченія твори ногама твоима, и пути твоя исправляй: не уклонися ни на десно, ни на шуе: отврати же ногу твою отъ пути зла. Пути бо десныя вѣсть Господь, развращены же суть, иже ошуюю. Той же права творитъ теченія твоя и хожденія твоя въ мірѣ поспѣшитъ“ (Притч. IV, 26—29)[1]).

Въ біографіи Епископа Игнатія мы указывали примѣры добраго вліянія его, исходящихъ изъ любящаго ближнихъ сердца, наставленій на души младшихъ братій его о Христѣ: вспомнимъ Платона Яновскаго, котораго Архимандритъ Игнатій своимъ отеческимъ обращеніемъ сохранилъ отъ явной гибели; вспомнимъ протодіакона Василія Петровича Малева, котораго онъ никогда не уставалъ направлять на правый путь, или Мызникова, котораго онъ своими наставленіями довелъ до дѣтскаго смиренія, уничтоживши его самомнѣніе. А сколько же было еще никому неизвѣстныхъ случаевъ добраго нравственнаго вліянія на другихъ Епископа Игнатія!

Всю жизнь стремясь къ уединенію, чтобы „свободно предаваться странствованію въ областяхъ духовнаго міра“, куда переселились съ земли его мысль и сердце, этотъ Божій избранникъ считалъ себя „неспособнымъ къ должностямъ общественнымъ“[2]), и это должно быть понятно каждому, знакомому съ внутреннимъ настроеніемъ его всегда стремившейся въ горній міръ души; какъ истинный монахъ, монахъ по внутреннему призванію, онъ хотѣлъ бы всю свою жизнь посвятить только на приготовленіе себя и ближнихъ своихъ, возлюбленныхъ имъ во Христѣ, къ вѣчности, куда каждый странникъ по гостинницѣ—землѣ неминуемо долженъ притти. Но непостижимый нашимъ человѣческимъ умомъ Божественный Промыслъ, бдящій о спасеніи рабовъ своихъ, судилъ ему иное, и, какъ неослушный слуга своего Небеснаго Господина, онъ съ покорностію принималъ свой жребій и выполнялъ всегда возлагаемое на него общественное дѣло такъ, какъ того требовала неподкупная честность его дѣтски-чистой души, внутреннее сознаніе долга, искреннее желаніе принести другимъ

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія Брянчанинова, т. V, стр. III—V.

[2]) Письма Епископа Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 82.

пользу и не только своими духовными наставленіями и поученіями, но и какъ общественный дѣятель, и, главное, какъ того требовало его желаніе неослушно исполнять волю Божію. Это ясно видно изъ его превосходнѣйшей рѣчи, которую онъ произнесъ при нареченіи его Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ и въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражается его духовный обликъ. Вотъ эта рѣчь:

„Ваше Святѣйшество! въ настоящія священныя и страшныя для меня минуты невольно вспоминаются мнѣ слова, сказанныя Господомъ ученику Его: „Егда былъ еси юнъ, поясался еси самъ, и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси, егда же состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои, и инъ тя пояшетъ и ведетъ, аможе не хощеши“ (Іоан. XXI, 18). Во дни юности моей я стремился въ глубокія пустыни. „Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія“, которымъ обличается въ человѣкѣ недостатокъ благодатнаго развитія, и „отъ бури“ страстей, воздвигаемой обманчивыми и скорогибнущими прелестями міра (Пс. 54, 8, 9). Монашество нравилось и нравится мнѣ само по себѣ! но я вовсе не мыслилъ о служеніи Церкви въ какомъ бы то ни было санѣ священства. Быть епископомъ (см. Іоан. Лѣствич. сл. 28, гл. 51) своего сердца, и приносить въ жертву Христу помышленія и чувствованія, освященныя Духомъ: вотъ высота, къ которой привлекались мои взоры.

Недолго пользовался я свободою юности: вскорѣ былъ опоясанъ и окованъ непостижимымъ Божественнымъ Промысломъ. Всемогущая десница Его, въ противоположность предположенію моему, внезапно восхитила меня изъ глуши лѣсовъ и пустынь, — поставила въ обитель преподобнаго Сергія, на берегъ моря, на берегъ моря житейскаго, великаго и пространнаго (Пс. 105, 25). Трудно испытывать пути Божіи! Только Духъ Божій испытуетъ глубины Божія (1 Кор. II, 10). Просвѣщенные духомъ, святые наставники монашества утверждаютъ, что для новоначальныхъ иноковъ опасно глубокое уединеніе, въ которомъ они могутъ удобно впасть въ мечтательность и самомнѣніе, что имъ необходимо, какъ училище и врачебница, общество человѣческое. При многоразличныхъ столкновеніяхъ съ ближними обнаруживаются для инока его страсти, таящіяся отъ него самого въ сокровенностяхъ сердца, и врачуются всесильнымъ врачествомъ—ученіемъ Христовымъ (Исаака Сир. сл. 55; препод. Варсонофія Вел. отвѣты 2, 108, 311, 342 и др.; преподоб. Іоанна Лѣств. Сл. 4, гл. 35, 36, 74. Сл. 28, гл. 1; преподоб. Нила Сорскаго сл. 11).

Всматриваясь въ недуги души моей, признавалъ я такое положеніе существенно-нужнымъ для меня. Но какъ объясню себѣ то призваніе, которымъ вы, Святѣйшіе Отцы, нынѣ призываете меня? Что обрѣли вы во мнѣ и что я могу представить вамъ, кромѣ множества недостатковъ моихъ? Страшенъ для меня санъ Епископа при

мысли о немощи моей. Страшусь, чтобы вмѣсто назиданія не принести мнѣ соблазна братіямъ моимъ и не уготовать себѣ большаго осужденія на судѣ Христовомъ. Счелъ бы я болѣе сообразнымъ съ силами моими провести остатокъ дней моихъ, какъ и начало ихъ, въ безмолвіи пустынь, въ созерцаніи грѣха моего.

И опять я страшусь!... Страшусь воли моей, чтобъ, послѣдуя ей, не послѣдовать вмѣсто Бога самому себѣ и тѣмъ не навлечь на себя непредвидимаго бѣдствія (Препод. Ав. Дороѳей, поуч. 5). „Тѣсно ми отвсюду“ (Дан. XIII, 22). Въ недоумѣніи моемъ, отрицаюсь себя, предаю и временную, и вѣчную участь мою въ руцѣ Бога моего. Связанный избраніемъ вашимъ и повелѣніемъ Августѣйшаго Помазанника Божія, съ покорностью и трепетомъ преклоняю главу подъ бремя, могущее сокрушить недостойнаго.

Не преставайте укрѣплять меня назиданіями Вашими! Не отриньте, когда по завѣщанію Святаго Духа прійду къ вамъ за словомъ разума, за словомъ душеспасительнымъ. Духъ Святый заповѣдалъ: „вопроси отца твоего и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя, и рекутъ тебѣ“ (Второз. XXIII, 7). Простирая на меня руки, чтобъ облачить меня великимъ саномъ Архіерейства, прострите ихъ и молитвенно о мнѣ къ Богу, являющему силу Свою въ слабости человѣческой. Что-жъ касается до меня, то я, въ сей грозный для меня часъ, ищу успокоенія совѣсти моей и нахожу его въ безусловной преданности „волѣ Божіей, въ сознаніи и исповѣданіи передъ вами обилія моихъ немощей“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ „Аскетическихъ опытовъ“ Преосвященный Игнатій такъ писалъ объ этомъ же: „Земныя служенія наши, наши земныя обязанности будемъ нести, какъ возложенныя на насъ Богомъ, исполняя ихъ какъ бы предъ взорами Бога, добросовѣстно, съ усердіемъ, приготовляясь отдать отчетъ въ исполненіи ихъ Богу. Да не окрадываютъ, да не оскверняютъ этихъ служеній грѣховныя побужденія и цѣли! Дѣла земныя будемъ совершать съ цѣлью Богоугожденія, и дѣла земныя содѣлаются дѣлами небесными. Главнымъ и существеннымъ занятіемъ нашимъ да будетъ служеніе Богу, стремленіе усвоиться Ему! Служеніе Богу заключается въ непрестанномъ памятованіи Бога и Его велѣній, въ исполненіи этихъ велѣній всѣмъ поведеніемъ своимъ, видимымъ и невидимымъ“ [2]). И Преосвященный Игнатій самъ, дѣйствительно, выполнялъ эти наставленія, которыя онъ давалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: онъ несъ свои земныя общественныя обязанности, какъ возложенныя на него Небеснымъ Господиномъ

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, томъ III, стр. 313—315.

[2]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, „Житейское море“, стр. 364.

выполнялъ ихъ всегда какъ бы предъ взорами Господа-Бога, выполнялъ такъ добросовѣстно, съ такимъ усердіемъ и стараніемъ, что всегда былъ готовъ дать отчетъ въ нихъ Верховному Владыкѣ. Стремясь всегда усвоиться Богу, онъ непрестанно помнилъ Его и стараясь всѣмъ своимъ поведеніемъ—видимымъ и невидимымъ—исполнять Его святыя велѣнія, онъ совершалъ свои земныя дѣла съ единственной цѣлью Богоугожденія. И они, эти земныя дѣла Епископа Игнатія, содѣлывались, вѣримъ мы, небесными! Неутомимые труды его, какъ Архимандрита, по внутреннему и внѣшнему возобновленію и новому устройству Троице-Сергіевой пустыни; громадные труды его, какъ Епископа, по упорядоченію Кавказской и Черноморской епархіи,—вызываютъ чувства благоговѣйнаго удивленія и уваженія и отмѣчаются всѣми біографами его, какъ такіе, которые могъ выполнить только такой Божій избранникъ, какимъ былъ онъ.

Но приводя въ порядокъ запустѣлый Лопотовъ монастырь; возобновляя и дѣлая образцомъ для другихъ монастырей Троице-Сергіеву пустынь; устраивая разоренную Кавказскую и Черноморскую епархію, Преосвященный Игнатій, повторяемъ, неустанно трудился не для того, чтобы получить внѣшнія почести и отличія, заслужить благодарность людей и другія земныя награды: своимъ исполненіемъ возложеннаго на него Господнимъ Промысломъ общественнаго дѣла, онъ хотѣлъ только испросить себѣ награду на небѣ, награду, получаемую не слугами міра, а слугами Христовыми.

„Ничто тлѣнное, преходящее не можетъ удовлетворить человѣка. Если оно кажется удовлетворяющимъ,—не вѣрьте ему: оно только льститъ. Не долго будетъ льстить, обманетъ, ускользнетъ, исчезнетъ,—оставитъ человѣка во всѣхъ ужасахъ нищеты и бѣдствія. Божіе—положительно, вѣчно. Въ началѣ оно, подобно малѣйшему зерну, появляется въ сердцѣ въ видѣ малѣйшаго благого влеченія, желанія; потомъ начнетъ выростать мало-по-малу, обыметъ всѣ мысли, всѣ чувства, обыметъ и душу, и тѣло, сдѣлается подобнымъ древу, великому и вѣтвистому. Птицы небесныя, т. е. ангельскія помышленія и созерцанія, придутъ витать на вѣтвяхъ его. Это должно совершиться надъ христіаниномъ во время земной его жизни. Надъ кѣмъ оно совершится, тотъ, при вступленіи въ вѣчность, увидитъ себя обладающимъ духовными сокровищами—залогами неконечающагося блаженства“ [1]),—говорилъ Епископъ Игнатій въ одномъ изъ своихъ писемъ. Эти же слова мы можемъ примѣнить и къ нему самому. Ничто тлѣнное, преходящее съ самыхъ малыхъ дѣтскихъ лѣтъ не удовлетворяло

[1]) Письма Еп. Игнатія, помѣщенныя при жизнеописаніи его, составленномъ учениками, стр. 133.

этого Божьяго избранника; съ самаго ранняго дѣтства возростало въ сердцѣ его благое зерно „Божьяго—положительнаго, вѣчнаго", и зерно это разрослось на удобренной молитвою и покаяніемъ почвѣ его чистой, любящей Господа души въ великое и вѣтвистое древо.

Преосвященный Игнатій такъ писалъ однажды Стефану Дмитріевичу Нечаеву: „Сколько есть служеній славныхъ, приманивающихъ честолюбіе, занимающихъ и воспламеняющихъ воображеніе: но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Приходитъ смерть, призываетъ къ жизни безъ призраковъ; на это приглашеніе, какъ бы оно горько ни было, никто не можетъ сдѣлать отказа. Идутъ цари, не свершивъ огромныхъ предположенныхъ плановъ, отъ исполненія которыхъ могли бы благоденствовать милліоны народа; идутъ геніи, покинувъ начатое для удивленія потомства; идутъ законодатели, не достроивъ законодательныхъ сводовъ; въ одно мгновеніе отлагаются знаки отличія и громкіе титулы, на пріобрѣтеніе коихъ употреблена вся жизнь. Богатые вѣрой, напротивъ, становятся еще богаче: ибо смертію вступаютъ въ существенное обладаніе тѣмъ, чѣмъ до смерти обладали только вѣрою"[1]).

Епископъ Игнатій никогда не стремился къ служеніямъ, приманивающимъ честолюбіе: онъ никогда не мыслилъ о служеніи Церкви въ какомъ бы то ни было санѣ священства; онъ не заботился пріобрѣтать титулы, знаки отличія и матеріальное богатство; онъ не употреблялъ своей жизни на достиженіе почестей и славы, и тамъ, гдѣ возможно было избѣжать внѣшней помпы и почестей, непремѣнно связанныхъ съ его саномъ, то Архимандрита Троице-Сергіевой пустыни, то Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, онъ всегда старался уклониться отъ нихъ.

Въ своихъ „Семейныхъ воспоминаніяхъ" внучка покойнаго нынѣ Владыки Игнатія—Купреянова передаетъ такой, характерный въ этомъ отношеніи, случай: „Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Сергіевой пустыни, лично извѣстный Государю, уважаемый Наслѣдникомъ и Великими Князьями, отецъ Игнатій захотѣлъ побывать въ родныхъ мѣстахъ. Жизнь на виду, съ неизбѣжными непріятностями, наравнѣ съ неизбѣжнымъ оффиціальнымъ почетомъ, утомили его, и онъ жаждалъ природы, сердечности и простоты. Но въ Покровскомъ ему была устроена торжественная встрѣча, „сообразная его положенію". Конечно, съѣхались всѣ родные и ходили около него съ такимъ благоговѣніемъ, точно онъ былъ заживо канонизованъ. Александръ Семеновичъ самъ давалъ тонъ такого крайняго почета въ своемъ отношеніи къ сыну. Въ день пріѣзда отецъ Игнатій былъ, конечно, на могилѣ матери; и

---

[1]) С. Г. Рункевичъ. Письма аскета (Христіанское чтеніе за 1895 г., стр. 565).

оставался на могилѣ еще долго послѣ того, какъ священникъ отслужилъ панихиду.

На завтра было назначено торжественное Богослуженіе въ Покровской церкви. Пріѣхали сосѣди, сошлись толпы крестьянъ посмотрѣть на Архимандрита; надѣялись, что отецъ Игнатій, если и не будетъ служить, то скажетъ, можетъ быть, рѣчь...

Утромъ, когда все семейство собралось въ угловой „бильярдной“ въ ожиданіи перваго удара колокола, отецъ Игнатій сѣлъ на диванъ возлѣ двухъ дѣвочекъ Боборыкиныхъ и сказалъ:

Батюшка, я не пойду сегодня въ церковь. Не очень здоровъ. Вы всѣ идите, Богъ васъ благословитъ, а я останусь вотъ съ ними,— показываетъ на дѣтей.

Дѣдъ былъ пораженъ, развелъ руками, но... возражать не рѣшился.

Оставшись одинъ, отецъ Игнатій позвалъ своего келейника, вышелъ съ дѣтьми въ садъ и тамъ, съ помощью этого келейника, Николеньки, каталъ племянницъ на горѣ все время, пока въ церкви шла служба,—на той, превосходно устроенной въ саду горѣ, на которой самъ онъ катался въ дѣтствѣ.

Чего онъ желалъ, то и случилось: парада не вышло, и многіе подумали: „какой же это святой, если онъ играетъ съ дѣтьми вмѣсто того, чтобъ молиться въ церкви?“ [1]).

Родственныя отношенія въ духовной жизни Преосвященнаго Игнатія не представляютъ выдающейся стороны. Лелѣя съ отроческаго возраста мечту о жизни богоугодной и къ Богу близкой, онъ естественно отдалился отъ тѣхъ плановъ жизненныхъ, которые „по человѣку“, также естественно питали его родители, особенно Александръ Семеновичъ, отецъ его. Лишь по особому требованію обстоятельствъ, въ преддверіи юности, Преосвященный Игнатій выражалъ, на вопросы отца о желательномъ жизненномъ устроеніи, свою мечту—пойти въ монахи и, не находя себѣ поддержки и сочувствія, невольно замыкался въ себѣ, развивая свой внутренній міръ, укрѣпляя свои духовныя позиціи. Позднѣе, съ смертью матери, его связь съ роднымъ домомъ ослабилась еще болѣе и порвалась почти рѣшительно съ тѣхъ поръ, когда, за отсутствіемъ хозяйки дома въ жизни Александра Семеновича допущены были нѣкоторыя послабленія и отклоненія отъ идеальнаго семейнаго строя, вызвавшія Архимандрита Игнатія на очень серьезный разговоръ съ отцомъ, въ которомъ два большихъ, Брянчаниновскихъ, характера встрѣтились на почвѣ серьезныхъ принципіальныхъ разногласій и, не придя къ соглашенію, разошлись на-

---

[1]) „Изъ семейныхъ воспоминаній“ Купреяновой. (Богословскій вѣстникъ за май 1914 г., стр. 10—11).

всегда: одинъ остался въ Покровскомъ съ неизбѣжностью естественнаго и по человѣчески понятнаго, въ жизни нерѣдкаго, моральнаго компромисса, другой отправился въ свое скорбное, но и спасительное земное странствованіе въ санѣ инока, неся съ собою всю жизнь святые завѣты, чуждые плотскому мудрованію.

Въ своемъ письмѣ къ художнику К. П. Брюллову Владыка Игнатій рисуетъ обособленность своего духовнаго міра при вполнѣ искреннемъ и сердечномъ взаимномъ отношеніи къ людямъ [1]).

Внутренній міръ Святителя Игнатія представлялся необычайно возвышеннымъ. Мы чувствуемъ, за всѣми его вдохновенными твореніями великую, особенную, праведную человѣческую душу, которая жила видѣніемъ небеснаго, хожденіемъ предъ Богомъ, созерцала вѣчность, ея неизвѣданныя нами побѣды, слышала, „неизреченные глаголы, ихже не-лѣть есть человѣку глаголати“. Конечно, Божественныя видѣнія, духовныя озаренія, подвиги подготовительнаго духовнаго крестоношенія—во всей полнотѣ и не могли быть открыты другому человѣку, хотя на этой, именно, почвѣ Владыка Игнатій и являлся наиболѣе откровеннымъ и яснымъ; эта сторона его богато одареннаго духа наиболѣе доступна и нашему духовному постиженію. И онъ вовсе не представляется самозамкнутымъ аскетомъ, всецѣло ушедшимъ въ личный подвигъ свой, наоборотъ является всюду и вездѣ, даже въ скорбяхъ и недугахъ своихъ жизнерадостнымъ, свѣтлымъ и бодрымъ, не скудѣетъ сила его, и, сильный самъ, онъ носитъ на себѣ немощи немощныхъ. Онъ обнаруживаетъ дѣтскую, чистую, родственную интимность въ перепискѣ съ братомъ Петромъ Александровичемъ Брянчаниновымъ, съ Михаиломъ Васильевичемъ Чихачовымъ, съ Преосвященнымъ Леонидомъ (Краснопѣвковымъ). Но особенно цѣнными въ этомъ отношеніи являются его письма къ брату. Мы не входимъ въ подробный анализъ этой переписки изъ опасенія обременить свою книгу и въ томъ убѣжденіи, что непосредственныя впечатлѣнія нѣкоторыхъ писемъ, приложенныхъ къ нашему труду, лучше уяснятъ отмѣченную сторону духа Игнатіева. Петръ Александровичъ является для него братомъ не только по плоти, но и по духу, неизмѣннымъ его жизненнымъ спутникомъ, особенно со времени совмѣстнаго служенія въ Ставрополѣ; ихъ соединяютъ одни завѣты, сближаютъ одни упованія, но и въ этихъ отношеніяхъ Владыка Игнатій идетъ впереди, является старшимъ братомъ, руководителемъ въ дѣлахъ мірского служенія и еще болѣе въ подготовленіи духовныхъ благъ, въ созиданіи душевнаго спасенія. Само собою усвоенная еще въ дѣтствѣ руководящая роль Владыки Игнатія по отно-

[1]) См. выше, стр. 193—194

шенію къ младшихъ сродникамъ по плоти, остается за нимъ на всю жизнь. Онъ осторожно, но и увѣренно воспитываетъ и руководитъ своего младшаго брата въ его порывахъ къ подвижнической жизни, сдерживаетъ стремительность, обдумываетъ и подготовляетъ самую форму вступленія Петра Александровича въ монастырь. Его искренность, чистота стремленій и трогательная любовь къ брату для читателей его писемъ къ послѣднему, совершенно ясны, но и въ этой перепискѣ и въ жизненныхъ отношеніяхъ къ Петру Александровичу Брянчанинову Владыка Игнатій остается старшимъ братомъ, руководителемъ, наставникомъ, духовнымъ покровителемъ: Владыка Игнатій—личность болѣе крупная и сильная, чѣмъ его младшій братъ. А какъ трогательны отношенія Владыки Игнатія къ племяннику—Алексѣю Петровичу, сыну Петра Александровича! Соотвѣтственныя мѣста писемъ Владыки Игнатія свидѣтельствуютъ намъ о томъ, какъ не тѣсно вмѣщаются въ его сердцѣ братъ и племянникъ, но опять, замѣтимъ, не потому лишь, что они—сродники его по плоти—отъ единыя крови, но и еще болѣе потому, что они—присные по духу, что для того и другого идеалы душевнаго спасенія выше всѣхъ мірскихъ преимуществъ. Въ этомъ духовномъ единеніи Брянчаниновыхъ намъ чувствуется не столько мірское общеніе единомышленныхъ людей, сколько малая Церковь, по слову Христову возникающая тамъ, гдѣ двое или трое собраны во имя Христово. Съ этой церковно-религіозной стороны, намъ кажется, болѣе всего цѣнитъ Владыка Игнатій своихъ сродниковъ по плоти. Поручая Алексѣя Петровича при вступленіи его въ Московскій университетъ попеченію Преосвященнаго Леонида (Краснопѣвкова), Преосвященный Игнатій съ любовію аттестуетъ брата и племянника, по преимуществу, со стороны ихъ религіозной настроенности. „Позвольте просить“, пишетъ онъ изъ Ставрополя Преосвященному Леониду: „милостиваго вниманія вашего къ подателю сего письма, Алексѣю Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здѣшняго начальника губерніи. Алексѣй Петровичъ желаетъ вступить въ Московскій университетъ. Не откажите ему въ полезныхъ наставленіяхъ, въ которыхъ всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умноженіи соблазновъ, еще болѣе нуждаются. Мой братъ—самый религіозный человѣкъ; старался воспитать сына въ страхѣ Божіемъ, и теперь, отпуская изъ своего личнаго надзора, поручаетъ его Богу и Божіимъ служителямъ“ [1]). Въ письмахъ къ брату Преосвященный Игнатій часто говоритъ о племянникѣ и его жизненномъ устроеніи. Онъ замед-

[1]) Письмо къ Преосвященному Леониду отъ 24 января 1860 г. (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова; см. „Приложенія“, стр. 157—158).

ляетъ поступленіе въ монастырь Петра Александровича, указывая ему на необходимость его руководства для сына [1]). Онъ задерживаетъ раннее поступленіе въ монастырь Алексѣя Петровича, но указываетъ мірской путь подготовленія къ монашеству: „Пусть Алеша пріучаетъ себя къ монастырскому послушанію послушаніемъ родителю, пусть приготовляетъ себѣ занятія въ монастырѣ, соотвѣтственныя своему происхожденію, правиламъ и силамъ, тщательнымъ изученіемъ наукъ, русской литературы, языковъ, хорошо бы латинскаго и греческаго. Не надо пренебрегать и каллиграфіей. Ученость дастъ возможность сохранить въ монастырѣ уединеніе при келейныхъ занятіяхъ и можетъ сдѣлать инока полезнымъ обществу въ нравственномъ отношеніи [2]). Позднѣе, когда Алексѣй Петровичъ поселился при дядѣ въ Бабаевскомъ монастырѣ, Владыка Игнатій внимательно присматривается къ его духовному строю и обнаруживаетъ къ нему самое нѣжное вниманіе. „Алексѣй поживаетъ благополучно“, пишетъ Владыка брату: „занимается монашескою жизнію со вниманіемъ и усердіемъ. Богъ да благословитъ это милое дитя!“ [3]). Въ письмѣ отъ 24 февраля 1862 г. Преосвященный Игнатій сообщаетъ брату: „Алексѣй Петровичъ сегодня пріобщался Святыхъ Таинъ. Послѣ пріобщенія лицо его получило необыкновенно пріятное выраженіе. О. Ѳеофанъ свидѣтельствуетъ, что у него самое мягкое сердце“ [4]).

Та же сторона глубокой религіозной родственности и попечительности обнаруживалась въ Преосвященномъ Игнатіи и при его случайныхъ свиданіяхъ съ родственниками. По свидѣтельству другого племянника Епископа Игнатія, нынѣ сенатора Николая Семеновича Брянчанинова, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ Семеновичемъ посѣтившаго Николо-Бабаевскій монастырь во время жительства тамъ Епископа Игнатія, свиданіе ихъ съ Преосвященнымъ дядей оставило въ молодыхъ студентахъ на всю жизнь глубокое впечатлѣніе родственной сердечности, необычайной простоты, духовной близости, при которой совершенно не чувствовалось превосходство старца-подвижника предъ племянниками-юношами и въ то же время, глубокая содержательность созерцательнаго, мощнаго духа невольно поднимала до себя настроеніе почтительныхъ племянниковъ: сильный духъ не сознавалъ своей мощи, проявлялъ ее смиренно и естественно и никого своимъ превосходствомъ не давилъ и не отталкивалъ, а напротивъ неудержимо привлекалъ къ себѣ. Цѣня и высоко ставя славу и велелѣпіе, какъ верховный представитель Церкви въ званіи Епископа,

---

[1]) Письмо отъ 20 іюня 1852 г; см „Приложенія“, стр. 172—173.
[2]) Письмо отъ 14 февр. 1856 года; см. „Приложенія“, стр. 175—177.
[3]) Письмо отъ 25 ноября 1861 г. См. „Приложенія“, стр. 190.
[4]) Письмо отъ 24 февраля 1862 г. См. „Приложенія“, стр. 195—196.

при своихъ выѣздахъ по епархіи, въ церковномъ Богослуженіи, при всякаго рода представительствахъ и, не относя воздаваемый почетъ къ своей личности, а къ величію и святости Христовой Церкви, Святитель Игнатій въ своей личной жизни былъ чуждъ всякой показности: въ аскетически-подвижнической жизни своей онъ самъ не омрачалъ лицо свое и такіе же совѣты давалъ и своимъ родичамъ и знаемымъ въ ихъ порывахъ къ послѣдованію за нимъ. Почтенная Варвара Васильевна Боборыкина, племянница Владыки Игнатія, передавала намъ нѣкоторые случаи обращенія къ Преосвященному Игнатію его благочестивыхъ родственниковъ и почитателей за благословеніемъ,—оставаясь въ мірѣ, держать иноческій подвигъ и уставъ иноческой жизни. Примѣнительно къ личности обращавшагося, Владыка Игнатій благословлялъ обращавшагося на уподобленіе порядкомъ личной жизни и настроенія подвижникамъ благочестія, но при этомъ онъ всегда почти былъ противъ перемѣны внѣшности жизни, одежды и всякаго черничества, справедливо полагая возможность фарисейскаго самопревознощенія при выдѣленности изъ массы другихъ людей, и иноческому подвигу полагалъ необходимымъ предпосылать предварительный самоиспытующій искусъ. Долгимъ искусомъ послушничества подготовившись самъ къ отреченію отъ міра, онъ опытно считалъ это необходимымъ и для другихъ въ избѣжаніе поздняго и тягостнаго раскаянія.

Близко знаемымъ людямъ Владыка Игнатій внушалъ глубокое уваженіе и беззавѣтную преданность. Настроеніе беззавѣтной преданности, горячей любви и глубокаго почтенія собирало около Епископа Игнатія тѣсный кругъ преданнѣйшихъ ему людей, охотно и безъ размышленія слѣдовавшимъ за нимъ по путямъ земного странствованія. Таковы всѣ тѣ лица, которыя, подобно Архимандритамъ Іустину, Агаѳангелу и Игнатію Малышеву, долгое время безропотно и съ радостію несли продолжительный искусъ послушничества и, проявивъ, подъ вліяніемъ Владыки Игнатія, наивысшую степень своихъ богодарованныхъ талантовъ, съ его благословеніемъ и подъ его руководствомъ, вступали въ жизнь, обнаруживая такую высоту духовнаго развитія, которая исключала для нихъ необходимость школьныхъ дипломовъ и общепринятыхъ жизненныхъ патентовъ. Таковъ Павелъ Петровичъ Яковлевъ и трогательный другъ Владыки Игнатія М. В. Чихачовъ. Таковы родственные ему по плоти и духу лица многочисленнаго Брянчаниновскаго рода, по смерти Владыки Игнатія удостоенныя чудесныхъ видѣній и находившія утѣшеніе въ неложныхъ упованіяхъ своихъ. Весьма цѣннымъ для характеристики настроенія учениковъ Игнатіевыхъ по отношенію къ ихъ духовному Аввѣ является сохранившійся въ бумагахъ сенатора Н. С. Брянчанинова „Отзывъ современника“ Преосвященнаго Игнатія, помѣченный 6 и 19 мая 1867

года, слѣдовательно, представляющій собою надгробный вѣнокъ на могилу Святителя Игнатія. Считаемъ необходимымъ отмѣтить существенное изъ этого замѣчательнаго документа, который не только свидѣтельствуетъ о настроеніи современниковъ—почитателей Владыки Игнатія, но и отмѣчаетъ весьма важныя черты почившаго Святителя.

„Вся седмица Мироносицъ по своему Евангелію дневному какъ бы назначена для усопшаго: всѣ дни Евангеліе Іоанна о хлѣбѣ животномъ, его же ядый не умираетъ, раздѣлено для поминовенія. Вся Вселенская Церковь", пишетъ современникъ Святителя Игнатія: „воздаетъ теперь эту духовную честь новопреставленному, столь убѣдительно, ясно и съ теплымъ чувствомъ передавшему свое христіанское убѣжденіе о Хлѣбѣ, сходящемъ съ небеси. Владыка всегда былъ готовъ къ исходу: потому кончина его не можетъ быть внезапною, хотя бы онъ былъ призванъ скоро, даже мгновенно. Это сдѣлано по чину небесному, что доказывается и совпаденіемъ дней съ пророческимъ, преподобническимъ и Евангельскимъ уставомъ. Именно къ этимъ днямъ ему назначено было отойти, написавши свое завѣщаніе и передавши сребро свое кущамъ". Современникъ интересуется обстоятельствами кончины и погребенія Святителя Игнатія, называя его великимъ старцемъ и отцомъ. „Я такъ и думалъ", пишетъ онъ, „что онъ умретъ безъ свидѣтелей. Господь сотворилъ это по своему Божескому суду. Преосвященный Игнатій былъ паче всего монахъ, и Господь наградилъ его одинокою кончиною, между душою отходящею и Богомъ не было посредниковъ; ничто не отвлекало душу праведную отъ всецѣлаго себя преданія въ руцѣ Божіи". Современникъ характеризуетъ Преосвященнаго Игнатія, какъ аскета—подвижника и отшельника, для котораго жизнь на людяхъ и общественное служеніе были подвигомъ послушанія. „Жизнь Преосвященнаго Игнатія была невольное служеніе ближнимъ, а по волѣ онъ хотѣлъ и любилъ оставаться одинокимъ: лучшіе его друзья и собесѣдники были Св. Отцы и его свѣтлыя мысли и строгій умъ, внимающій себѣ. Друзья, ученики, ближніе ничего принести ему и придать не могли, кромѣ искушеній. Кто съ небольшимъ въ 20 лѣтъ могъ восплакать плачемъ инока, тотъ былъ совершенъ и безъ сѣдинъ опытности и старости, и никто, кромѣ Преосвященнаго Игнатія, не могъ въ такомъ раннемъ возрастѣ высказать такія мысли. Едва ли кто и повѣритъ, что эта книга написана почти несовершеннолѣтнимъ юношею; никто не повѣритъ потому, что никому, первымъ духовнымъ литераторамъ, это дѣло не подъ силу въ такіе годы.

Настоятельство и Архіерейство не возвысило и не измѣнило Игнатія Брянчанинова. Любитель безмолвія былъ не на своемъ мѣстѣ, чужихъ мертвецовъ на похоронахъ и отпѣваніяхъ. Ему хотѣлось

бы ненасытно плакать Адамлимъ плачемъ только о своемъ изгнаніи изъ рая. Ему тяжело было въ гостяхъ, въ мірской молвѣ, въ общей маниловщинѣ, гдѣ часто радуются со скрежетомъ зубовъ и плачутъ съ радостію въ сердцѣ. Даже священнослуженіе не могло возвысить возвышенный, неразлучный съ Богомъ умъ, и, знаю я, Преосвященный, будучи еще настоятелемъ обители, оплакивалъ горестную необходимость участвовать въ мірскихъ дѣлахъ.

Его стыдила, какъ другихъ возвышаетъ, великолѣпная обстановка, столь мало согласная съ иноческимъ постояннымъ настроеніемъ, и князи вѣка сего не знали, съ какою тугою сердца принималъ онъ ихъ скоро преходящіе визиты, ничего не оставляющіе кромѣ запаха суеты. Оставаясь наединѣ или съ ближайшими, онъ отдыхалъ, и лицо его принимало иное, болѣе благовидное выраженіе, нежели при гостяхъ. „Я бы заперъ ворота монастырскія и никого бы не пускалъ изъ мірскихъ, если бы Сергіева пустыня могла существовать, какъ Юрьевъ монастырь, своими средствами", говаривалъ онъ.

Столповое пѣніе, имъ столько любимое, не могло нравиться испорченному уху Питерцевъ и даже большей части избалованной братіи, какъ шумъ и музыка въ искусственномъ саду, какими сдѣлалась постепенно Сергіева пустыня.

Кто зналъ, какъ Преосвященный Игнатій любилъ монашество и постигалъ сущность его, тотъ только повѣритъ, что онъ не порадовался своему Архіерейству. Да и Господь не попустилъ возлюбленнаго своего благословлять чуждые винограды, хотя бы и Кавказскіе, и пасти овецъ, хотя бы и съ черкесскимъ руномъ. Паси (не овцы моя, а скорѣе и вѣрнѣе можно сказать) усмиряй свирѣпыхъ звѣрей моихъ, такое слово было ближе къ назначенію Преосвященнаго Игнатія, и на такой подвигъ онъ былъ назначенъ. Поневолѣ иногда, рыкая яко левъ и терзая себя, онъ страшилъ другихъ— и взоромъ, и словомъ. Одинъ изъ близкихъ ему говаривалъ: „есть величіе и красота живописная въ гнѣвѣ, и это выраженіе и было на лицѣ Епископа Игнатія". Гнѣвъ иныхъ не страшитъ, но Преосвященный Игнатій бывалъ иногда истинно грозенъ.

Кораблекрушеніе праведника содѣлывается пристанищемъ грѣшниковъ. Сергіева пустыня, хотя и не была крушеніемъ для о. Игнатія, но въ ней остановился, и надолго, его корабль, тяжело нагруженный духовнымъ богатствомъ, и принялъ въ раззолоченныя ребра свои множество погибавшихъ въ житейскомъ морѣ. Далѣе итти онъ не могъ, потому что командѣ полюбились Питерскіе берега, камарилья не пускала Адмирала своего плыть далѣе, хотя бы въ пустыни Ледовитаго океана. И она то, эта стоянка съ домашними льстецами—врагами изможднла силы великаго духовнаго плавателя. Между учениками были истинные предатели, которые вились безъ угрызенія до-

толѣ на отеческой, ихъ отогрѣвшей, груди, доколѣ видѣли въ старцѣ царскаго любимца и всемогущаго настоятеля, готоваго возвысить ихъ вровень съ собою, и шипѣвшіе на отца, когда онъ, утомленный своею ношею,—а на плечахъ своихъ онъ выносилъ почти всѣхъ,—падалъ иногда въ немощи и равнялся немощію съ ближними.

Духовное дѣланіе въ немъ, какъ дыханіе, не прекращалось никогда, и онъ не сходилъ долу съ Лѣствицы Лѣствичника, но не этого хотѣла бо́льшая часть камарильи С—ской. Имъ хотѣлось, чтобы о. Игнатій восходилъ с ъ н и м и все выше, выше по ступенямъ Царскаго трона. Дѣйствительно, онъ бы могъ быть новымъ Ришелье, и могъ бы управить не хуже знаменитаго кардинала кормою царства; могъ бы даже быть и Никономъ на время, но этого то и не попустилъ Господь, какъ нѣкогда великаго поэта и лирика Григорія Назіанзина, вырвалъ на теплыя воды, изъ мелкой драматической игры съ испорченными житейскими актерами...

Тихая Волга приняла, наконецъ, на берегъ свой истомленнаго, измученнаго старца, и лишь только онъ вступилъ въ любимую свою тишину кабинетную, какъ все и успокоилось—и въ немъ, и около него, и собесѣдниками стали снова мертвые—безсмертные друзья—Св. Отцы. Что для другихъ было дѣло,—для него—отдыхъ отъ болѣе труднаго дѣланія; постройка заняла его. Онъ невольно созидалъ свой будущій великолѣпный мавзолей. „И благоговѣйный чтитель памяти Игнатіевой, современникъ его уповаетъ, что и при перенесеніи изъ церкви въ церковь, можетъ быть, явитъ Господь нетлѣніе тѣла преподобнаго“... Такъ дерзновенно возвышенны и благоговѣйны думы и упованія почитателей Владыки Игнатія. Высокимъ представлялся непосредственнымъ свидѣтелямъ жизни Святителя его личный нравственный обликъ въ ореолѣ праведности и подвижничества, облагодатствованными являлись его церковно-общественныя дѣянія, назидательно-дѣйственнымъ слово его устное, личное и письменное—на разстояніи. Достопримѣчательнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ представляются письмо и даръ Святителя Игнатія Адмиралу Нахимову.

Въ рукописныхъ „Запискахъ“ С. И. Снесаревой передается замѣчательный случай молитвеннаго утѣшенія Архимандритомъ Игнатіемъ самоотверженныхъ подвижниковъ жизни для блага ближняго. Имѣемъ въ виду благословеніе иконой Святителя Митрофана адмирала Нахимова. Случай этотъ изображается въ „Запискахъ“ такимъ образомъ.—„У насъ война съ Турками. Ночью просыпаюсь; мнѣ стыдно спать спокойно, когда мои соотечественники, когда Русскіе страдаютъ и терпятъ всѣ бѣдствія. Битва при Синопѣ отозвалась въ сердцѣ каждаго Русскаго. Я была у батюшки Игнатія. Я просила его, нельзя ли послать Нахимову письмо и благословеніе образомъ Святителя Ми-

трофана? „Почему же Святителя Митрофана“? спросилъ онъ. А потому, что на его деньги Петръ I положилъ основаніе Черноморскому флоту. Какъ Воронежская уроженка, я не могла не знать подвиги нашего Угодника. „Если Вы доставите мнѣ историческіе факты, то я очень радъ исполнить ваше желаніе“. Въ Императорской библіотекѣ отыскала Голикова, переписала все касающееся до этого событія и отправила Батюшкѣ. Добрый, милостивый отецъ! Онъ заказалъ образъ Святителя Митрофана и прислалъ мнѣ прочитать письмо, написанное имъ къ Нахимову. Такъ кратко и такъ ясно,—тутъ все было: и сочувствіе, и молитва, и благодарность. Чрезъ нѣсколько времени Нахимовъ прислалъ отвѣтъ, полный смиренія и благодарности: „не приписывайте мнѣ что-нибудь, а если хотите мнѣ показать сочувствіе,—помолитесь за упокой души Лазарева, который все сдѣлалъ для Черноморскаго флота“. Архимандритъ Игнатій созвалъ братію, прочиталъ имъ письмо, и всѣ вмѣстѣ вознесли къ Богу молитвы за Михаила (Лазарева).

Убитъ Нахимовъ! Я была у Сергія... Тамъ вмѣстѣ съ Россіей оплакивали благороднаго воина, и батюшка Игнатій служилъ за упокой его души, и долго молились за него. Прошло много лѣтъ. Сестра гостила у меня и попросила какъ-то прочитать молитвы въ слухъ. Какихъ это трехъ Павловъ поминаешь ты за упокой, спросила она. Павелъ Э., Павелъ—племянникъ, а третьяго никого нѣтъ. Это вамъ показалось.—Нѣтъ, хоть посмотри въ записку, ты трехъ поминала, я замѣтила. Взглянула,—да, трехъ—я ошиблась, лишняго записала, надо вычеркнуть. Перо не попалось подъ руку, такъ и забыла. Вижу я сонъ. Крестный ходъ, хоругви развѣваются, священнослужители поютъ, народъ толпится,—смотрю—все знакомыя лица, все друзья, которые уже умерли. Вдругъ отдѣляется отъ толпы человѣкъ, въ морской шляпѣ, сутуловатый, немомодой, лицо суровое, и—прямо ко мнѣ. Тутъ же при всѣхъ онъ начинаетъ стыдить и бранить меня. Да за что же?—говорю я сквозь слезы, я не знаю васъ. Не знаю—то-то и есть, что забыла. Такъ зачѣмъ было обѣщать, чтобы забыть? Я не просилъ, но если обѣщать, такъ надо и слово держать, а не забывать. Но кто же вы?—Павелъ. Нахимовъ!—закричала я въ испугѣ и проснулась.

Вскорѣ послѣ этого я ѣхала въ Царское Село съ сыномъ. Въ вокзалѣ мы увидѣли молодого моряка на костыляхъ, съ подвязанной рукой и перевязаннымъ лицомъ. Онъ уронилъ папироску и не могъ поднять ее. Сынъ мой поднялъ ее ему. Онъ сѣлъ съ нами и всю дорогу разсказывалъ о Севастополѣ, о Нахимовѣ. Самъ онъ служилъ на кораблѣ „Двѣнадцать Апостоловъ“ и былъ при Синопѣ. Нахимова, по словамъ его, обожалъ весь флотъ, каждый матросъ видѣлъ въ немъ отца и готовъ былъ съ нимъ и въ огонь и въ воду. Нахимова не любило Высшее Начальство, и жизнь его была грустная. Но послѣ

битвы при Синопѣ, онъ узналъ сочувствіе своего народа. Со всѣхъ сторонъ Россіи неслись къ нему слова любви и благодарности соотечественниковъ. Но ни одно письмо не было для него такъ пріятно, какъ письмо отъ знаменитаго Архимандрита Сергіевой пустыни Брянчанинова. Вѣроятно, вы слыхали о немъ. Это письмо такъ глубоко тронуло его, что онъ тотчасъ созвалъ всѣхъ офицеровъ и прочелъ имъ письмо это съ глубокимъ умиленіемъ. Образъ Святителя Митрофана былъ поставленъ въ залу на кораблѣ „Двѣнадцать Апостоловъ“; въ ту же минуту священникъ отслужилъ молебенъ Воронежскому Чудотворцу, который, какъ мы узнали изъ прекраснаго письма Архимандрита Игнатія, былъ основателемъ нашего флота;—всѣ мы, начиная отъ Нахимова, усердно поклонились Святителю и приложились къ его образу. Нахимовъ сказалъ: „Этотъ образъ сохранится здѣсь, пока будетъ существовать корабль“! Бывало, идешь мимо, взглянешь на образъ и помолишься, и такъ привыкли, что невольно сама рука поднималась, когда идешь, и сколько бы разъ ни пришлось пройти мимо. Спасибо Архимандриту Игнатію, утѣшилъ нашего Адмирала. Я слушала, притаивъ дыханіе: и страшно, и пріятно“[1]).

И такое впечатлѣніе оставлялъ Владыка Игнатій не только въ тѣхъ людяхъ, которые входили въ сферу его пастырскаго или Архипастырскаго воздѣйствія, но и во всѣхъ тѣхъ, кто даже при равенствѣ жизненныхъ положеній, безпристрастно наблюдалъ высокую личность Святителя Божія. Въ этомъ отношеніи авторитетными и цѣнными представляются намъ отзывы о Святителѣ Игнатіи Преосвященныхъ Леонида Дмитровскаго и Платона Костромского. Въ письмѣ своемъ отъ 12 авг. 1867 года, на имя Петра Александровича Брянчанинова, Преосвященный Леонидъ, Епископъ Дмитровскій, между прочимъ, пишетъ: „Потеря, вами понесенная, должна бы признана быть потерею всецерковною... Я уповаю, что православные русскіе люди, мало по малу, усвоятъ себѣ покойнаго Святителя. Въ его жизни и писаніяхъ они постараются найти и найдутъ, что можетъ быть обще-душеспасительно. Думается, что со временемъ могли бы вы для пользы иночества извлечь изъ его писаній то, что особенно общедоступно, понятно и назидательно для тѣхъ иноковъ, кои человѣческою мудростію не богаты, но духомъ въ Бога богатѣютъ или желаютъ богатѣть, а также то, что полезно для простыхъ читателей мірянъ [2]). Такимъ же глубокимъ уваженіемъ проникнуты воспоминанія о Преосвященномъ Игнатіи Высокопреосвященнаго Платона, Архіепископа Костромского. Привѣтствуя Петра Александровича Брян-

---

[1]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова. (Записки С. И. С—вой).

[2]) Письмо Преосв. Леонида Дмитровскаго къ П. А. Брянчанинову (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова.

чанинова съ праздникомъ Св. Пасхи 1870 г. и называя его „вѣрующимъ и творящимъ сыномъ Церкви", Высокопреосвященный Платонъ пишетъ: „Какъ скоро дѣла и люди даютъ мнѣ случаи и возможность, то я беру въ руки святоотеческія писанія, въ числѣ ихъ и Преосвященнаго Игнатія. Читая ихъ, я мысленно переносился къ вамъ и свои мысли теперь хочу передать вамъ. Немного среди насъ осталось такихъ Архіереевъ, какъ Преосвященный Игнатій. Надобно память о его жизни сохранить для вѣковъ или именъ послѣдующихъ. На васъ, достопочтеннѣйшій Петръ Александровичъ, лежитъ обязанность собрать всѣ, какія только возможно, свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Преосвященнаго Игнатія. Вы знаете и мѣста и лица, откуда можно получить свѣдѣнія. Собирайте всякое сказаніе, всякое свѣдѣніе. Обязанность эта возлагается на васъ не связію только родственною съ почившимъ, но Церковію. Васъ никто не можетъ въ этомъ случаѣ замѣнить. Ни на часъ не откладывайте сего дѣла, возлагаемаго на васъ Церковію. Люди преходятъ, и нынѣ бываетъ сдѣлать невозможно то, что вчера ничего не стоило сдѣлать. Запишите, что сами слышали отъ покойнаго. Соберите и сохраните всѣ письма его. Господь да поможетъ вамъ исполнить это послушаніе не только любви, но и долга. [1]). Въ письмѣ отъ 22 ноября 1870 года Владыка Платонъ пишетъ Петру Александровичу: „Вы знаете, какъ я дорожу писаніями богомудраго Святителя Игнатія,—и поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ буду ждать отъ васъ его „Отечника". Между нами теперь уже немного такихъ старцевъ; уже другой духъ вѣетъ, и поставляютъ намъ въ вину иноческое направленіе; а иночество есть сила и краса Православія и, могу сказать, жизнь. Не забудьте, достопочтеннѣйшій Петръ Александровичъ, мою просьбу о собраніи всѣхъ, доступныхъ вамъ свѣдѣній о Преосвященномъ Игнатіи. Если время и обстоятельства теперь не позволятъ всему явиться на свѣтъ, то все пригодится къ другому времени. Вы обязаны принять на себя это послушаніе: не какъ братъ только, но какъ православный христіанинъ, желающій блага Церкви". [2]).

Такимъ образомъ, почитатели и современники Владыки Игнатія Брянчанинова и непосредственные зрители земныхъ дѣлъ его чтили въ немъ прежде всего его личный примѣръ подвижнической жизни, глубину и ясность его душеполезнаго міровоззрѣнія и, съ этой точки зрѣнія, желали широкаго распространенія его взглядовъ на цѣль че-

---

[1]) Письмо Высокопреосв. Платона, Архіепископа Костромского, отъ 17 апрѣля 1870 года (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова).

[2]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова. Въ письмѣ отъ 18 янв. 1873 г. Архіепископъ Платонъ называетъ Святителя Игнатія „приснопамятнымъ іерархомъ".

ловѣческой жизни чрезъ популяризацію его твореній, по существу и характеру своему близкихъ къ святоотеческимъ.

Но Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ, будучи аскетомъ по направленію и зрителемъ вышнихъ Божіихъ таинъ по своему благодатному озаренію, не остался, какъ мы знаемъ, въ сокровенныхъ молитвенной кельи своей, но былъ поставленъ „на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть". Призванный Провидѣніемъ и волею Церковной и Государственной власти къ настоятельству первоклассной обители и предстоятельству Церкви воинствующей, Владыка Игнатій орлинымъ взоромъ окинулъ всю обширную площадь жизни и всему зналъ цѣну съ точки зрѣнія единственно цѣннаго для него въ земномъ странствованіи—исканія Царствія Божія и правды его, на все смотрѣлъ взоромъ мудреца и всякому, испытующему о упованіи его, готовъ былъ дать отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ могъ быть иногда для вопрошающихъ непріемлемымъ, иногда тягостнымъ, какъ и все вѣчно незыблемое слово о единомъ на потребу: „жестоко слово сіе, кто можетъ его послушати", но это былъ отвѣтъ опредѣленный, оригинальный, продуманный, а потому интересный, а потому—и исключалъ возможность безразличнаго къ нему отношенія. Таковы его замѣчательные отвѣты въ той, особенно, области, гдѣ онъ, почти четыре десятилѣтія, былъ дѣлателемъ добрымъ и нелицемѣрнымъ, право правящимъ слово Христовой истины,—въ области созиданія Церкви и опредѣленія путей земного странника къ небесному Отечеству, къ горнему Іерусалиму. Церковно-общественное сознаніе Владыки Игнатія Брянчанинова было не тѣсно, но оно не знало и земныхъ компромиссовъ, и права небеснаго первородства не продавало за чечевичную похлебку соблазнительныхъ земныхъ позицій. Онъ свидѣтельствовалъ истину безбоязненно и нелицепріятно, онъ говорилъ то, что думалъ и что считалъ себя обязаннымъ сказать по долгу своего церковнаго призванія, а вопрошавшіе иногда „единъ по единому" отходили отъ неизбѣжныхъ логическихъ выводовъ, „обличаемые отъ своея совѣсти". Таковы его, письменно закрѣпленные, взгляды по вопросу объ участіи духовенства въ гражданской жизни, объ отношеніи къ назрѣвавшей крестьянской реформѣ, о происхожденіи рабства на землѣ, объ условіяхъ его устраненія, о свободѣ духа и проч., выраженные въ извѣстномъ уже намъ трактатѣ—предложеніи его Кавказскому духовенству отъ 6 мая 1859 г. за № 916, предлагаемомъ нами полностію въ особомъ приложеніи; таковы его сужденія въ отвѣтъ на рѣзкія выходки Герцена. Но особенно его церковно-общественные и административные взгляды нашли себѣ выраженіе въ двухъ замѣчательныхъ документахъ: 1) отвѣтѣ начальнику Кавказской линіи и 2) запискѣ о необходимости Собора для Россійской Церкви.

Первый документъ носитъ такое заглавіе: „Вопросъ начальника

Кавказской линіи и отвѣты Епископа о Кавказской каѳедрѣ по отношеніямъ ея къ Кавказскому Линейному казачьему войску, значеніе Епископа и протоіерея въ православной церковной іерархіи" 1858 г. Эта записка Епископа Игнатія послѣдовала въ отвѣтъ на запросъ намѣстника Кавказскаго, князя Александра Ивановича Барятинскаго, отъ 20 сент. 1858 года, за № 719,—изложить духовныя основанія учрежденія Епархіальнаго управленія въ православныхъ поселеніяхъ Линейнаго казачьяго войска въ цѣляхъ устраненія печальныхъ фактовъ жизни, каковыми отмѣчены: „упадокъ православія, крѣпость и торжество раскола и общая безнравственность, защищаемые отъ мѣропріятій правительственныхъ отвагою и мужествомъ боевыхъ частей войскъ". При этомъ, какъ на причину усиленія раскола въ казачьемъ Линейномъ войскѣ, указывается на дѣйствія перваго Кавказскаго Преосвященнаго Іереміи, осложнившія положенія и затрудняющія нынѣ подчиненіе Линейнаго войска въ церковномъ отношеніи православному Епископу.

Отвѣчая на „совершенно конфиденціальный" запросъ о мѣрахъ наилучшаго устроенія Линейнаго казачьяго войска въ церковномъ отношеніи также „совершенно конфиденціально", Преосвященный Игнатій, прежде всего, отмѣчаетъ необходимость возможно частаго и неспѣшнаго посѣщенія Епископомъ своей воинствующей паствы, а для этого считаетъ полезнымъ въ помощь епархіальному Епископу учрежденіе викаріатства, съ помѣщеніемъ викарнаго Преосвященнаго въ епархіальномъ городѣ, чтобы его дѣятельность могла сливаться въ одно съ направленіемъ и дѣятельностію епархіальнаго Архіерея. Но самымъ важнымъ, существенно-нужнымъ для оживленія духовно-религіозной жизни Линейнаго казачьяго войска признаетъ онъ возсоединеніе послѣдняго съ православною паствою Кавказа и подъ управленіемъ одного епархіальнаго Епископа. „Кавказская епархія", пишетъ Епископъ Игнатій, „первоначально учреждена была для всего Кавказскаго края, который въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ составляетъ цѣлое. Этотъ характеръ цѣлости, признаваемый сокровищемъ для всякой страны и вѣдомства въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, былъ нарушенъ отчисленіемъ отъ Епархіальнаго вѣдомства Церквей казачьяго Линейнаго войска. Произведенное раздѣленіе епархіи отчисленіемъ казачьихъ Церквей лишено смысла, есть вмѣстѣ раздѣленіе и смѣшеніе. Во всей Россіи нѣтъ подобной безсмыслицы. Напрасно прикрываютъ ее громкой фразой, что она сдѣлана въ цѣляхъ административныхъ. Это ошибочно: плодомъ административнаго соображенія должно быть положеніе самое удобное; здѣсь видно противное. Распоряженіе, противоположное всѣмъ правиламъ современной науки, уличаемое опытомъ въ совершенной негодности, приведенное въ исполненіе съ необыкновенною

поспѣшностію, само свидѣтельствуетъ о себѣ, что оно плодъ столкновенія страстей. Говорю откровенно, движимый любовію для пользы дѣла и единственно въ тайной бесѣдѣ съ государственнымъ человѣкомъ. Утаеніе истины предъ государственнымъ человѣкомъ есть государственное преступленіе". Наблюдаемые недостатки и нестроенія въ духовно-церковной жизни Линейнаго казачьяго войска Владыка Игнатій считаетъ печальными послѣдствіями настоящаго управленія Церквами казачьяго Линейнаго войска и, обращая вниманіе вопрошающаго сановника къ самымъ началамъ, изъ которыхъ проистекли и должны проистекать наблюдаемые недостатки, даетъ отвѣтъ по существу поставленнаго вопроса, указывая основанія его изъ Закона Божія, постановленій церковныхъ, изъ Священнаго Писанія и Святыхъ Отцовъ, излагая ученіе, признаваемое всею православною Церковію Божественнымъ, каково оно и есть, а не человѣческимъ. Взгляды Преосвященнаго Игнатія по вопросу о положеніи и отношеніи Епископа и Пресвитера въ Православной Церкви и о правильномъ порядкѣ управленія церковною жизнію Линейнаго казачьяго войска выражаются въ слѣдующемъ:

Епископъ составляетъ собою начало церковной іерархіи; онъ—преемникъ Апостоловъ, представитель на землѣ Господа. Епископъ рукополагаетъ пресвитера и діакона; онъ освящаетъ храмъ или существеннѣйшую часть храма—Антиминсъ, онъ освящаетъ святое Миро; этого тысячи собравшихся во едино пресвитеровъ совершить не могутъ. Онъ есть начало и источникъ всѣхъ христіанскихъ Таинствъ и самаго Богослуженія: Церковь христіанская существовать безъ него не можетъ. Апостолы, проповѣдуя Евангеліе во вселенной, по всѣмъ городамъ и областямъ поставляли Епископовъ, а Епископы рукополагали пресвитеровъ (священниковъ) для полнаго удовлетворенія потребности христіанъ. Въ церковномъ смыслѣ священники суть орудія Епископа: эти орудія дѣйствуютъ дотолѣ, доколѣ ими дѣйствуетъ Епископъ; когда онъ перестаетъ дѣйствовать ими, тогда они лишаются всей своей силы: ибо сила ихъ и дѣйствительность не свои, а заимствованныя. Все вообще общество христіанъ именовалось Вселенскою Церковію, а Церковію частною и помѣстною именовалось и именуется общество христіанъ въ городѣ или области: помѣстными были Церковь Римская, Іерусалимская, Коринѳская, Карѳагенская, Аѳинская.

Пресвитеръ никогда не былъ и не могъ быть начальникомъ Церкви по той ясной причинѣ, что онъ дѣйствуетъ не собственною властію, а предоставленною, предоставляемою и прекращаемою его началомъ, которое—Епископъ. Когда пресвитеръ Павлинъ сталъ во главѣ нѣкоторой части Антіохійскаго народа, отдѣлясь отъ Епископа Мелетія, нисколько впрочемъ не отдѣляясь отъ единства вѣры, то Вселенская Церковь принимала всѣ зависѣвшія отъ нея мѣры, чтобы

устранить этотъ безпорядокъ, и называла его не иначе, какъ расколомъ [1]). Это обстоятельство извѣстно въ Церковной исторіи подъ именемъ восточнаго раскола, такъ какъ Антіохія, столица Сиріи, съ сопредѣльными странами: Месопотаміею, Арменіею и Грузіею называлась Востокомъ, составляя восточную оконечность Римской имперіи; Персія уже не разумѣлась въ составѣ Востока. Характеръ, подобный характеру восточнаго раскола, имѣетъ и настоящее управленіе Церквами Линейнаго войска. Весьма естественно, что главные пастыри Россійскіе, составляющіе собою Святѣйшій Синодъ, смотрятъ на это обстоятельство въ церковномъ смыслѣ и желали бы, при могущей открыться возможности, устранить нарушеніе церковнаго порядка и постановленія, тѣмъ болѣе, что онъ служитъ причиною скорби для истинныхъ сыновъ Церкви, причиною соблазна для весьма многихъ, не понимающихъ нуждъ и видовъ административныхъ, и начинающихъ, на этомъ основаніи сомнѣваться въ самомъ Православіи нашей Церкви; раскольники же, на этомъ основаніи, внутри и внѣ Россіи упрекаютъ, обвиняютъ и уличаютъ нашу Церковь въ отступленіи отъ Православія. По причинѣ такихъ соблазновъ, которые нерѣдко вторгаются въ Церковь подъ вліяніемъ болѣе или менѣе яснымъ Запада, многіе совращаются въ расколъ, непрестанно растущій въ нашемъ отечествѣ. Это доказывается фактически: при Императорѣ Петрѣ I, когда народонаселеніе Россіи простиралось до 17 милліоновъ, раскольниковъ было до 700 тысячъ. Еслибъ они умножались пропорціонально народонаселенію, то, при настоящемъ народонаселеніи въ 70 милліоновъ, число раскольниковъ должно бы не превышать 3-хъ милліоновъ; но число ихъ простирается за 12 милліоновъ. Такъ какъ въ открытыхъ отчетахъ, читаемыхъ публикою, почти не видно совращенія въ расколъ, а видно только одно обращеніе изъ раскола къ Православію, между тѣмъ расколъ быстро растетъ и принялъ уже гигантскіе размѣры, то это приводитъ къ логическому и практическому заключенію: расколъ распространяется въ Россіи наиболѣе путями и средствами, неизвѣстными Правительству или дѣлающимися извѣстными только тогда, когда они совершатъ свое дѣло и принесутъ обильный плодъ. Одно изъ надежнѣйшихъ оружій къ ограниченію и уменьшенію раскола заключается въ благоговѣніи предъ святѣйшими

---

[1]) Расколомъ называется собственно отдѣленіе отъ Вселенской Церкви, безъ нарушенія единенія въ догматахъ. Нарушеніе единенія въ догматахъ уже есть ересь. На этомъ основаніи почти всѣ русскіе раскольники суть собственно уже не раскольники только, но и еретики. Западная Церковь называетъ Восточныхъ христіанъ раскольниками, какъ не могущая уличить ихъ въ измѣненіи какого-либо догмата Первенствующей Вселенской Церкви, а Восточная признаетъ папистовъ еретиками, какъ допустившихъ нововведеніе въ самыхъ догматахъ. Примѣч. Епископа Игнатія.

постановленіями Святой Церкви, кои суть постановленія Божіи, постановленія Святаго Духа,—въ охраненіи ихъ. Протоіерей имѣетъ только право, по церковному своему сану и значенію, занимать первое мѣсто между братіею своею—священниками [1]); онъ отнюдь не имѣетъ церковнаго права управлять Церквами цѣлой области; усвоеніе этого права священнику принадлежитъ характеру протестантизма, и такъ понимается всѣми, основательно изучившими христіанскую религію. Для всякой помѣстной Церкви лишеніе Епископа есть лишеніе Богомъ установленной церковной власти, лишеніе религіознаго начала, лишеніе источника Таинствъ, источника іерархической власти и суда, источника православнаго церковнаго вѣроученія и нравоученія: это—отъятіе главы у тѣла, отъятіе родителей у дѣтей, изгнаніе изъ Церкви изображенія Христова, Христова представителя. Неминуемымъ слѣдствіемъ такового разъединенія долженъ быть упадокъ вѣроученія, отчего развиваются въ странѣ расколы и ереси и упадокъ нравоученія, отчего развивается въ странѣ грѣховная, развратная и неруководимая совѣстію жизнь, что все усмотрѣно Вашимъ Превосходительствомъ. Но какъ Православная Церковь страны не можетъ существовать безъ Епископа, сего единственнаго источника христіанскихъ Таинствъ; то для Церквей Линейнаго войска рукополагаются священники и діаконы, освящаются Антиминсы и все прочее, для чего нужны власть и санъ архіерейскіе, Кавказскимъ Епископомъ по распоряженію Святѣйшаго Синода, имѣющему характеръ снисхожденія къ требованію обстоятельствъ, но не сообразно правиламъ и духу Православной Церкви. По церковнымъ правиламъ Епископъ долженъ производить рукоположенія только въ предѣлахъ своей епархіи, отнюдь не внѣ ея. Онъ долженъ пріуготовить къ рукоположенію лицо обильнымъ назиданіемъ и изученіемъ лица, по посвященіи онъ долженъ назидать посвященнаго и наблюдать за нимъ [2]).

Хиротонія—великое Таинство: при посредствѣ его человѣкъ перерождается внезапно изъ словесной овцы въ пастыря. Совершитель этого перерожденія—Епископъ. По причинѣ духовнаго перерожденія при посредствѣ хиротоніи Епископъ вступаетъ въ духовное родство

---

[1]) При производствѣ іерея въ протоіерея въ единственной молитвѣ для сего обряда читается нижеслѣдующее: „Одѣнь Твоею благодатію брата нашего, и честностію украси его, въ началѣ стояти пресвитеровъ люда Твоего". Вотъ и все значеніе церковное протоіерея: онъ, при богослуженіи, имѣетъ право занимать первое мѣсто между прочими священниками. (См. чинъ хиротоніи). Примѣчаніе Епископа Игнатія.

[2]) Такъ заповѣдали дѣйствовать и дѣйствовали Святые Апостолы. „Три лѣта", говоритъ Св. Апостолъ Павелъ пресвитерамъ Ефесскимъ—„нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ. (Дѣян. XX, 31).

съ посвященнымъ [1]). Живо ощущаютъ это родство и совершитель Таинства и тотъ, надъ которымъ совершено Таинство. Епископъ видитъ въ посвященномъ духовное свое чадо, плодъ рукоположенія, плодъ Духа, а рукоположенный видитъ въ Епископѣ своего отца, доставившаго ему новое бытіе, видитъ образъ Творца своего, претворившаго его изъ овцы въ пастыря. Духовная печать, налагаемая на душу хиротоніею, неизгладима, потому что она Божественна: **еже Богъ сочета;** говоритъ Евангеліе, **человѣкъ да не разлучаетъ** (Мѳ. XIX, 6). Отлученіе Епископа отъ пресвитеровъ, имъ рукоположенныхъ, отлученіе Епископа отъ паствы, для которой онъ исполняетъ всѣ обязанности Епископа, подобно насильственному отлученію родителей отъ рожденныхъ ими дѣтей немедленно по рожденіи ихъ; употребленіе Епископа, какъ машины, для рукоположеній и прочихъ церковныхъ потребностей подобно употребленію родителей только для рожденія дѣтей: въ одномъ случаѣ—нарушеніе закона естественнаго, установленнаго Богомъ; въ другомъ случаѣ—нарушеніе закона духовнаго, установленнаго также Богомъ. Упомянутое мною выше отдѣленіе пресвитера Павлина отъ Антіохійскаго Епископа продолжалось долго, потому что было поддерживаемо Правительствомъ, которое нерѣдко въ видахъ административныхъ требовало отъ Церкви разныхъ уступокъ, и по кроткому духу Церкви получало ихъ, когда не сопряжено было съ ними нарушеніе самыхъ д о г м а т о в ъ. Но Церковная исторія фактически свидѣтельствуетъ, что самая вѣрная и надежная административная мѣра состоитъ въ тщательномъ охраненіи церковныхъ постановленій; уклоненіе отъ нихъ, въ видахъ административныхъ, казавшееся первоначально полезнымъ, впослѣдствіи, въ результатахъ своихъ оказывалось вреднымъ, способствуя разъединенію народа и ослабленію Государства [2]). Таково мнѣніе Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова объ отношеніи лицъ церковной іерархіи и его ясный отвѣтъ по вопросу о желательномъ церковномъ строѣ Линейнаго казачьяго войска, а вмѣстѣ—и рѣшительность, съ которою онъ выражается, и побужденія, имъ въ этомъ случаѣ руководящія. По возбуждаемымъ жизнію вопросамъ церковной жизни Епи-

---

[1]) Епископъ, рукополагая пресвитера, въ молитвѣ своей читаетъ между прочимъ слѣдующее: „Сего, его же благоволилъ еси проучествовати отъ мене, въ непорочномъ жительствѣ и неуклонной вѣрѣ благоволи подъяти великую сію благодать Святаго Твоего Духа"...—ясно выражая этими словами духовное происхожденіе, рожденіе пресвитера отъ Епископа, посредствомъ рукоположенія. (См. чинъ хиротоніи). Примѣч. Епископа Игнатія.

[2]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова. Вопросъ начальника Кавказской Линіи и отвѣтъ Епископа о Кавказской каѳедрѣ по отношеніямъ ея къ Кавказскому Линейному казачьему войску, значеніе Епископа и протоіерея въ православной церковной іерархіи.

скопъ Игнатій имѣетъ опредѣленный взглядъ, что свидѣтельствуетъ не только о его теоретическихъ знаніяхъ по соприкосновеннымъ предметамъ, но и о томъ, что онъ болѣетъ о нуждахъ церковныхъ. Свои сужденія по вопросамъ церковной жизни Владыка Игнатій обосновываетъ на разумѣ Св. Вселенской Церкви, Слова Божія и Церковнаго Преданія. Взгляды эти стройны, опредѣленны, и не гадательны, а способъ ихъ выраженія рѣшителенъ и исключаетъ всякіе компромиссы, хотя бы и ставилъ его въ неизбѣжную коллизію съ цѣлымъ рядомъ негармонирующихъ съ его рѣшеніями жизненныхъ условій, какъ это, напримѣръ, совершенно несомнѣнно изъ его сужденій по вопросу о церковномъ строѣ войсковыхъ частей его разнородной паствы. Его рѣшительное сужденіе о необходимости подчиненія всѣхъ Церквей Линейнаго казачьяго войска православному Епископу съ устраненіемъ нынѣшняго пресвитерскаго управленія воинскими частями ничуть не проистекаетъ изъ какихъ-либо честолюбивыхъ плановъ Епископа, какъ это могло бы кому-нибудь показаться, но—вполнѣ понятны изъ изложенныхъ имъ идейныхъ соображеній о мистически-благодатныхъ основахъ церковнаго управленія и отношеній Епископа къ пресвитерамъ. Эти мистически-благодатныя основы должны проникать, по убѣжденію Епископа Игнатія, всѣ стороны человѣческой жизни въ христіанской Церкви. Тѣсный союзъ власти государственной и церковной представляется ему необходимымъ для блага человѣческаго. По поводу засвидѣтельствованнаго добраго отношенія Государя Императора и Государыни Императрицы къ Митрополиту Филарету, Владыка Игнатій съ утѣшеніемъ говоритъ, что эти отношенія—добро общественное. Богъ соединилъ царей и іереевъ для блага человѣчества, странствующаго на землѣ, поручивъ первымъ устроять временное благоденствіе общества человѣческаго, а вторымъ приготовлять это общество къ переселенію въ вѣчность и къ блаженству въ вѣчности. Представители обоихъ служеній должны находиться въ единодушіи, какъ призванные къ этому единодушію самимъ Богомъ, и изъ благочестиваго единодушія своего дѣйствовать. Сатана всегда старается разстроить порядокъ, учрежденный Богомъ, обманывая человѣковъ софизмами и употребляя самихъ же человѣковъ къ разрушенію ихъ временнаго и вѣчнаго благополучія“ [1]). Таковъ взглядъ Бабаевскаго отшельника, который „изъ уединенія своего смотритъ на міръ, плывущій вдалекѣ, и объ одномъ молитъ, чтобы онъ плаваніе свое совершалъ подъ покровомъ милости Божіей“ [2]). Съ той же, конечно, мистически-благодатной точки зрѣнія смотритъ

---

[1]) Письмо Епископа Игнатія къ Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому, отъ 3 января 1863 г. (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова).

[2]) Тамъ же. „Приложенія“, стр. 164—165.

Святитель Игнатій и на всѣ другія стороны жизни; съ этой точки зрѣнія понятна глубокая скорбь Святителя Божія о паденіи христіанскаго настроенія въ современномъ ему обществѣ и, особенно, въ той части этого общества, которая имѣетъ преимущественное назначеніе направленія жизни въ соотвѣтствіи съ христіанскими идеалами. Поставляя существенной задачей церковнаго служенія—примиреніе главныхъ сословій отечества, которыхъ разрознило европейское ученіе, подчинившее себѣ и духовенство, и дворянство, Владыка Игнатій полагаетъ, что „Церковь и духовенство пострадали, страдаютъ и, кажется, должны пострадать отъ европейскихъ ученій, а не отъ какихъ-либо сословій". Его глубоко печалитъ отклоненіе отъ основъ національной русской жизни русскихъ людей—купцовъ, погостившихъ въ западной Европѣ, дѣтей духовенства, образованныхъ по-европейски [1]), а между тѣмъ, въ основахъ психологіи русскаго человѣка такъ много задатковъ для устроенія жизни на самобытныхъ началахъ. Познакомившись ближе съ бѣлымъ духовенствомъ, Владыка Игнатій свидѣтельствуетъ, что въ средѣ его „имѣются самые добрые люди, что все вообще духовенство можетъ быть направлено прекрасно, что оно очень дѣвственно, что его погрѣшности и недостатки болѣе грубы, нежели глубоки, только „нужно воспитаніе и направленіе, болѣе опредѣленныя" [2]). Его печалитъ упадокъ монашеской жизни, затрудненіе найти монастырь благоустроенный. „Во многихъ обителяхъ воздвигаются различныя зданія значительныхъ размѣровъ, которыя даютъ обители видъ какъ будто процвѣтанія. Но это обманъ для поверхностнаго взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный подвигъ почти повсемѣстно отвергнутъ: самое понятіе о немъ потеряно. Тѣлесный трудъ и многопопечительность о вещественномъ развитіи уничтожаютъ душевное развитіе" [3]).

Его печалитъ упадокъ духовной школы, ослабленіе въ ней церковныхъ идеаловъ, матеріализація жизненныхъ интересовъ, неопредѣленность направленія, а потому и—результатовъ воспитанія въ духовной школѣ. „У насъ выходитъ воспитанникъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ направленіемъ: онъ желаетъ получить священническое мѣсто, если оно выгодно; если по случаю представится болѣе выгодное мѣсто въ приказныхъ, то онъ нисколько не останавливается принять его. При бесѣдахъ всегда слышишь на первомъ планѣ мысль о выгодѣ. По причинѣ этой холодности у насъ почти нѣтъ монаше-

---

[1]) Письмо къ Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому, отъ 4 мая 1859 года.

[2]) Тамъ же. (См. „Приложенія" стр. 167—168.

[3]) Письмо къ Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому (число не обозначено).

ствующихъ изъ воспитанниковъ семинарій. Не идутъ въ монастыри! Не ощутили расположенія къ самоотверженію, къ духовному развитію. Отъ этого монастыри въ большомъ упадкѣ, будучи пристанищемъ для одной неграмотной ревности. Если бы воспитанники семинарій шли въ монастыри, то монастыри были бы совсѣмъ въ другомъ положеніи“ [1]).

Печалится Епископъ Игнатій и о томъ, что „нынѣ очень трудно найти истиннаго слугу Божія, хотя по наружности никакое время не обиловало такъ въ слугахъ Божіихъ, какъ обилуетъ наше время, провозглашающее о своей положительности. Есть много вѣдущихъ Бога и угодныхъ Богу по свидѣтельству человѣческому, но трудно найти засвидѣтельствованнаго Богомъ Боговѣдца и Богочтеца“ [2]).

Владыку Игнатія печалитъ духовное растлѣніе, приносимое европейскимъ просвѣщеніемъ съ его блудомъ; его страшитъ, что лица, получившія высшее образованіе, заражены безвѣріемъ и преобладаніемъ матеріальныхъ интересовъ надъ всѣми прочими и съ такимъ духовнымъ настроеніемъ становятся въ разрядъ руководителей народной жизни [3]).

Свидѣтельствуя о небезучастномъ отношеніи Преосвященнаго Игнатія къ жизни, о его жизненной наблюдательности и широкомъ кругозорѣ, практически-полученные изъ жизни и своего духовнаго опыта печальные выводы его не остаются безплодными сѣтованіями и жалобами на жизненное неблагоустройство, но вызываютъ у него энергичныя и опредѣленныя соображенія о мѣрахъ къ поднятію духовнаго уровня русской жизни на желательную и вполнѣ посильную высоту. На первомъ планѣ въ качествѣ мѣры къ поднятію духовнаго уровня русской жизни, по мнѣнію Преосвященнаго Игнатія, слѣдуетъ поставить усиленіе воспитательнаго элемента въ учебныхъ заведеніяхъ и ослабленіе теоретической стороны учебнаго курса въ пользу выработки практическихъ навыковъ примѣнительно къ спеціальному назначенію того или иного учебнаго заведенія. Самое вступленіе въ учебное заведеніе съ опредѣленнымъ спеціальнымъ назначеніемъ должно опредѣляться не соображеніями матеріальной обезпеченности въ будущемъ, не побужденіями карьеры, не приспособленіемъ этого заведенія къ потребностямъ того или иного общественнаго класса и преимуществами службы родителей, а внутренно-сознаваемымъ призваніемъ и очевиднымъ преобладаніемъ наклонностей и подготовки въ сторону подготовляемой учебнымъ заведеніемъ дѣятельности.

---

[1]) Тамъ же. (См. „Приложенія“ стр. 167—168).

[2]) Письмо къ Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому, отъ 23 іюня 1859 г.

[3]) Тамъ же („Приложенія“, стр. 170—171).

Опредѣленныя въ этомъ отношеніи сужденія Преосвященнаго Игнатія выражаются въ его замѣчаніяхъ по содержанію проекта преобразованія Морскихъ учебныхъ заведеній и въ соображеніяхъ по вопросу о возвышеніи духовно-учебныхъ заведеній и вообще уровня духовной жизни русскаго общества.

Отвѣчая на довѣрительное предложеніе Его Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, отъ 7 окт. 1860 г., за № 2263,— „принять на себя трудъ, въ особенное, личное Мнѣ одолженіе, сообщить Мнѣ, совершенно откровенно, свои замѣчанія" по содержанію „составленнаго адмираломъ графомъ Путятинымъ проэкта преобразованія Морскихъ учебныхъ заведеній съ учрежденіемъ въ Петербургѣ новой гимназіи, Преосвященный Игнатій не ограничивается общими сужденіями о пригодности названнаго проэкта, но тщательно и обстоятельно отмѣчаетъ желательныя примѣненія при постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ вышеотмѣченныхъ условій вступленія въ учебное заведеніе по призванію и при должной подготовкѣ, онъ дѣлаетъ рядъ основательныхъ замѣчаній относительно практическихъ занятій, относительно устраненія многопредметности, ибо „излишество познаній отнимаетъ у нихъ качество", необходимости опредѣленныхъ руководствъ, постановки воспитательной части и требованій, которыя слѣдуетъ предъявлять къ начальнику учебнаго заведенія и его помощникамъ. Высоко понимая задачу воспитывающаго обученія, Преосвященный Игнатій признаетъ, что „на начальникѣ учебнаго заведенія и его помощникахъ лежитъ важная обязанность стяжать христіанскія нравственныя правила и со всею тщательностію наблюдать во-первыхъ за собою, удерживая себя отъ увлеченія страстями". Воспитателю „необходимо наблюденіе за собою при свѣтѣ Евангельскаго ученія. Предпринявшій изученіе высокой науки въ самомъ себѣ—христіанской психологіи, сколько ни будетъ усовершать себя, всегда найдетъ необходимымъ еще большее совершенствованіе и будетъ пользоваться всѣми способами, доставляющими ему совершенное познаніе".

Предъявляя столь высокія требованія къ начальникамъ и прочимъ дѣятелямъ учебно-воспитательныхъ заведеній, Преосвященный Игнатій, въ то же время, важнымъ воспитательнымъ факторомъ по отношенію къ воспитываемой личности полагаетъ бережное къ ней отношеніе. „Нѣтъ ничего вреднѣе для нравственности человѣка, какъ лишеніе его правъ, принадлежащихъ ему, можетъ быть не понимаемыхъ имъ съ отчетливостію, но непремѣнно ощущаемыхъ въ духѣ. Человѣкъ, котораго права попраны, теряетъ уваженіе къ правамъ другихъ. Воспитанникъ, дитя и юноша, имѣетъ свои права, какъ человѣкъ и гражданинъ. Ему необходимо дать правильное понятіе объ этихъ правахъ, ввести его въ правильное познаніе правъ, принадле-

жащихъ его ближнимъ, усвоить ему уваженіе правъ. Чтобы онъ уважалъ права другихъ, необходимо уважать его права. Истинно-свободнымъ должно признать то гражданское общество, которому доставлены всѣ права, которыми только можно пользоваться на землѣ человѣческому обществу безвредно для себя, котораго члены получили правильное понятіе о правахъ своихъ и свято хранятъ эти права во всѣхъ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такого состоянія не можетъ достичь общество иначе, какъ правильнымъ воспитаніемъ юношества въ нравственномъ отношеніи. Воспитанный въ такомъ направленіи молодой человѣкъ сдѣлается наилучшимъ подчиненнымъ: понимая и уважая права гражданскаго общества, въ томъ числѣ и свои, онъ будетъ понимать и уважать права своего начальника, онъ будетъ ненарушимо хранить ихъ, исполнять его приказанія, одинаково и предъ глазами его и внѣ его взоровъ. Такой образъ воспитанія формируетъ характеры благородные, съ искренностію и прямотою, неспособные къ лести“ [1]).

Весьма понятно, что изложенные взгляды Владыки Игнатія по вопросамъ воспитанія приложимы не только къ Морскимъ учебнымъ заведеніямъ, но имѣютъ общее, принципіальное значеніе, свидѣтельствуя о широтѣ его духовнаго кругозора и высокомъ его авторитетѣ, побуждавшемъ правительственныхъ лицъ предлагать преобразовательные проэкты на безпристрастное, предварительное заключеніе Епископа Игнатія.

Такой же принципіальный и высокій характеръ имѣютъ и высказанные Преосвященнымъ Игнатіемъ взгляды по вопросамъ о преобразованіи духовныхъ училищъ и о мѣрахъ къ возвышенію церковно-религіозной жизни, которую онъ справедливо считаетъ основою жизни гражданской.

Преосвященный Игнатій искренне желаетъ, „чтобы реформы по духовнымъ училищамъ достигли благихъ результатовъ. Весьма полезно“, пишетъ онъ, „воспитанниковъ духовныхъ училищъ удалять, по возможности, отъ соблазнительныхъ впечатлѣній міра и самому образованію дать характеръ болѣе сильный и опредѣленный, чтобы образованіе дѣйствовало не только на умъ, но и на сердце, чтобъ образованный въ духовномъ училищѣ воспитанникъ получалъ рѣшительный характеръ православнаго христіанина, приготовившагося служить Церкви отъ всея души“ [2]). А этотъ „рѣшительный обликъ пра-

[1]) Приведенныя мысли Преосвященнаго Игнатія изложены имъ въ „Замѣчаніяхъ на проэктъ преобразованія Морскихъ учебныхъ заведеній“, которыя, въ виду важности ихъ и новизны, напечатаны нами въ „Приложеніи“ къ нашему труду.

[2]) Письмо къ Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому (Изъ бумагъ сенатора Н С Брянчанинова; „Приложенія“, стр. 169—170).

вославнаго христіанина", по мнѣнію Святителя Игнатія, пріобрѣтается строемъ и направленіемъ преподаванія въ духовныхъ училищахъ, съ одной стороны, и постановкой воспитанія—съ другой. Въ первомъ отношеніи, Владыка Игнатій желаетъ придать самому обученію воспитывающій характеръ, а область школьной подготовки къ прохожденію іерархическаго служенія Церкви расширить за предѣлы собственно школы чрезъ обращеніе въ средѣ благочестивыхъ и близкихъ духу Церкви мірянъ духовно-богословскихъ книгъ. „Чтобы доставить возможность благочестивымъ людямъ всѣхъ сословій приготовить себя къ іерархическимъ степенямъ, должно составить: а) Богословіе не въ характерѣ школьномъ, а въ характерѣ общепонятномъ, въ полномъ согласіи съ Богослуженіемъ Православной Церкви, чтобы познанія, оглашаемыя Богослуженіемъ всенародно, были возвѣщаемы и Богословіемъ; б) подробнѣйшую Священную и Церковную исторію, которая ознакомитъ, во-первыхъ, подробно съ ученіемъ Православной Церкви. Это ученіе тѣмъ яснѣе понимается, чѣмъ подробнѣе излагается борьба Церкви съ многочисленными, возставшими противъ нея ересями. Во вторыхъ,—подробная Церковная исторія ознакомитъ съ характерами и дѣйствіями святыхъ мужей. Извѣстно, что характеръ и правила читателя образуются по тѣмъ образцамъ, которые представитъ ему исторія подробно и живописно" [1]). Такимъ же должно быть и школьное преподаваніе. „Необходимо подробное преподаваніе Церковной исторіи, чтобъ воспитанники имѣли понятіе о характерахъ историческихъ лицъ и сами формировались по характерамъ истинныхъ служителей Церкви. Отъ преподаванія, дѣйствующаго исключительно на умъ, происходитъ холодность къ церковному дѣлу и является, по преимуществу, матеріальное направленіе. По причинѣ этой холодности у насъ почти нѣтъ монашествующихъ изъ воспитанниковъ семинаріи" [2]). „Необходимо составить для этихъ учебныхъ заведеній свои учебники, какъ то курсъ словесности и пр., изъявъ изъ нихъ все языческое, все, даже косвенно влекущее къ вольнодумству, безнравственности, ироніи, къ шуткѣ, къ игривости, что все, такъ противно духу христіанства и такъ заразительно дѣйствуетъ на испорченную

---

[1]) О необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви. Записки Епископа Игнатія Брянчанинова.

Записки эти до настоящаго времени не были изданы. Въ виду ихъ важности они напечатаны нами въ особомъ приложеніи къ нашей книгѣ.

[2]) Письмо къ Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому. Въ другомъ мѣстѣ Владыка Игнатій печалится, что и духовныя училища столько чужды духа православной вѣры, что вступленіе въ монастырь кончившаго курсъ семинаріи есть величайшая рѣдкость. (О необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви).

натуру человѣческую“ [1]). Мы видѣли выше, что, по мнѣнію Преосвященнаго Игнатія, уставъ для духовно-учебныхъ заведеній долженъ быть составленъ примѣнительно къ уставу монастырей, чтобы жизнь воспитанниковъ была практическая и строго христіанская, чтобы они хорошо ознакомились съ Богослуженіемъ, получили вкусъ къ церковнымъ молитвословіямъ и стояніямъ. Преосвященный Игнатій вообще полагаетъ, что освоенность съ духомъ православнаго монашества усиливаетъ подготовку христіанина къ церковному служенію. Въ качествѣ примѣра правильной и полной подготовки къ церковному служенію и усвоенія себѣ пастырской настроенности, духовному взору Владыки Игнатія предносятся великіе Святые Отцы христіанской древности—Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Неокесарійскій, Іоаннъ Златоустъ, по окончаніи курса ученія вступавшіе въ монашество, въ монастыри пустынные, тамъ воздѣлавшіе себя иноческими подвигами [2]). „Какъ хорошо“, говоритъ онъ, „поступали наши древніе Отцы Церкви Православной! Они, обучившись наукамъ человѣческимъ, воспринимали на себя иго Христово и, на поприщѣ самоотверженія подъ руководствомъ креста Христова, научались Божественной премудрости, и содѣлывалась для нихъ человѣческая ученость уничиженною рабою, которую они употребляли въ услуженіе Божественной Премудрости, для преподаванія этой премудрости своимъ ближнимъ“ [3]).

Такимъ образомъ, наряду съ тщательной и цѣлепригодной теоретической подготовкой, кандидаты священства должны, по мнѣнію Святителя Игнатія, пройти практически искусъ духовнаго подвига въ обстановкѣ монастырской или подобной ей. Замѣнить это практически—опытное познаніе духовной жизни ничто не можетъ и никакое, самое возвышенное образованіе возмѣстить не въ силахъ. А такъ какъ опытное познаніе духовной жизни и направленное къ нему вольное и дѣятельное подвижничество составляетъ существенную сторону жизни монашеской, то, по справедливому заключенію Владыки Игнатія, монашество составляетъ наиважнѣйшій факторъ жизни церковной, необходимое условіе возвышенія и развитія духовно-религіозной жизни, ибо монастырскіе уставы и правила изложены Святыми Отцами „по откровенію Божію, по внушенію Святаго Духа, а не по какому-нибудь соображенію человѣческому“. Испорченные „гордынею и невѣжествомъ разныхъ умствователей, дѣйствовавшихъ по сти-

---

[1]) Изъ записки Епископа Игнатія о необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви.

[2]) Тамъ же.

[3]) Письмо къ Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому, отъ 22 іюня 1859 года.

хіямъ западнаго протестантизма и атеизма" монастыри, для блага Церкви, должны быть возвращены къ своему первоначальному назначенію, а не уничтожены: „для Православной Церкви необходимо монашество, она не можетъ существовать безъ него. Монахи достигаютъ христіанскаго совершенства, безстрастія, ощутительнаго дѣйствія въ себѣ Святаго Духа, почему стяжеваютъ понятіе о христіанствѣ живое. И тѣни такого познанія не можетъ преподать никакая наука человѣческая; всѣ профессоры, магистры и доктора Богословія, производимые Университетами и Академіями суть невѣжды въ сравненіи съ монахомъ, одушевленнымъ благодатію Божіею за послѣдованіе Христу исполненіемъ Его заповѣдей" [1]). Такъ опредѣленны, оригинальны и тверды взгляды Преосвященнаго Игнатія по отмѣченнымъ выше вопросамъ. Его мнѣнія не случайны, сужденія не разрозненны, а объединены гармонически въ одномъ стройномъ и возвышенномъ міровоззрѣніи, проникающемъ его церковно-общественную дѣятельность, личный жизненный подвигъ и его литературно-назидательные труды. Замѣчательнымъ выраженіемъ его церковно-общественныхъ взглядовъ является неоднократно выше цитированная нами его „Записка о необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви". Въ запискѣ этой Владыка Игнатій, отмѣчая широкіе размѣры отступленія отъ православно-христіанской вѣры, укорененіе безнравственности въ обществѣ, исключающее, повидимому, возможность возвращенія къ истинному христіанству, приходитъ къ заключенію о рѣшительной необходимости созванія церковнаго Собора. Потребность въ этомъ Соборѣ тѣмъ настоятельнѣе, что въ теченіе двухъ столѣтій положеніе Россійской Церкви не разсматривалось и не повѣрялось Соборомъ. Съ послѣднихъ годовъ XVII столѣтія западнымъ вѣтромъ нанесено много грязной пыли въ нѣдра Церкви и въ нѣдра Государства ко вреду для вѣры, нравственности и народности. Невѣдѣніе православной вѣры, взгляды на нее и на Церковь изъ идей, доставленныхъ развратомъ, протестантизмомъ и атеизмомъ, были причиною, что вкрались и насильно внесены въ Православную Церковь постороннія, чуждыя и враждебныя духу Церкви, противныя правиламъ и ученію Православной Церкви постановленія". Растетъ недовольство церковною жизнію, къ настоящему положенію Церкви выражается недовѣрчивость.

Церковь Россійская долго пребывала изолированною, отсѣченною отъ прочаго Православнаго Востока, вслѣдствіе этого „немедленное созваніе Собора, на которомъ непремѣнно должны быть уполномоченные представители Восточныхъ Патріарховъ, представляется небезо-

[1]) Записка Епископа Игнатія Брянчанинова „О необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви".

паснымъ“ въ томъ отношеніи, что потребуется измѣненіе въ привычномъ и установившемся строѣ Русской Церкви. И Преосвященный Игнатій намѣчаетъ рядъ предварительныхъ мѣръ, подготовляющихъ созваніе Собора Всероссійской Православной Церкви, и рядъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Собора и опредѣляетъ важное значеніе ожидаемаго Собора для возвышенія и оживленія духовно-религіозной жизни Всероссійской Православной Церкви.

Въ числѣ мѣръ, подготовительныхъ къ созыву Всероссійскаго Церковнаго Собора, Преосвященный Игнатій намѣчаетъ слѣдующія:—1) Необходимо „составить полное собраніе всѣхъ постановленій, которыя Всероссійская Церковь приняла и установила собственно для себя со времени царствованія Императора Петра I или даже со времени Собора, осудившаго Патріарха Никона, ибо постановленія эти еще не были контролированы Вселенскою Церковію, чего требуетъ духъ истинной Христовой Церкви.

2) Должно получить по всѣмъ предметамъ церковнаго ученія и управленія полное свѣдѣніе отъ Восточныхъ Патріарховъ. Также должно получить отъ нихъ полное собраніе тѣхъ постановленій, которыя сдѣланы со времени отчужденія Россійской Церкви отъ Церкви Восточной и которыя въ Россійской Церкви наиболѣе неизвѣстны.

3) Пригласить отъ Константинопольскаго Патріарха съ согласія прочихъ Патріарховъ, одно лицо или два лица, которыя бы были и очень свѣдущи въ вѣрѣ и очень благочестны, которыя бы пользовались полною довѣренностію Патріарховъ и, совмѣстно съ этими лицами, пріуготовить все, что должно быть разсмотрѣно на Соборѣ. Предварительное разсмотрѣніе и соглашеніе должно облегчать Собору дѣйствованія его и устранить рѣзкія столкновенія.

Составъ Всероссійскаго Церковнаго Собора представляется Преосвященнымъ Игнатіемъ въ слѣдующемъ видѣ.—Соборъ долженъ имѣть характеръ Вселенскаго. Онъ долженъ пользоваться полною свободою. На немъ должны быть представители всѣхъ Восточныхъ Патріарховъ и всѣ Россійскіе Архіереи или лично или чрезъ повѣренныхъ своихъ.

На Соборѣ должны быть депутаты: 1) отъ монастырскаго монашества русскаго, по избранію этого монашества; 2) отъ бѣлаго духовенства русскаго, по избранію этого духовенства; 3) отъ православныхъ мірянъ, по избранію мірянъ. Примѣрно каждая епархія должна избрать по два депутата изъ каждаго разряда, всего каждая епархія должна дать по шести депутатовъ. Правительство должно отрядить нѣсколько сановниковъ изъ лицъ, наиболѣе знакомыхъ съ вѣрою для наблюденія—подобно тому, какъ было на Халкидонскомъ Вселенскомъ Соборѣ, чтобы Соборъ совершился свободно и правильно“.

„Главнѣйшими предметами занятій Собора должны быть нижеслѣдующіе: 1) Разсмотрѣніе постановленій, которыми руководствуется нынѣ Россійская Церковь; за этимъ должно послѣдовать уничтоженіе постановленій, несогласныхъ съ постановленіями Православной Восточной Церкви.

2) Уничтоженіе касты такъ называемаго духовнаго званія, какъ неправильности, которая вкралась сама собою въ противоположность правиламъ Св. Апостоловъ. Необходимо возстановить древнѣйшій обычай Церкви: епархія да избираетъ отъ себя Архіерея, а приходъ—іерея, діакона и причетника, свидѣтельствуя о ихъ благочестіи.

3) Отреченіе для всѣхъ служителей алтаря отъ почестей и занятій міра сего, а для монаховъ, въ какихъ бы они ни были церковно-іерархическихъ степеняхъ, отъ всякаго излишняго имущества, даже денегъ. Остающіяся деньги и имущество послѣ монаховъ должны быть собственностію монастырей,—никакъ—не родственниковъ по плоти. Необходимо для всего духовенства устраненіе отъ спекуляцій и всѣхъ происковъ къ обогащенію, необходимо отреченіе отъ всѣхъ суетныхъ почестей, необходимо удаленіе отъ роскоши, необходима скромность, а для монаховъ необходимо нестяжаніе.

4) Возстановленіе въ монастыряхъ уставовъ и правилъ Святыхъ Отцовъ, изложившихъ уставы и правила для монашества по откровенію Божію, по внушенію Святаго Духа, а не по какому-нибудь соображенію человѣческому.

5) Подаваемыя на Соборѣ мнѣнія должны быть записываемы, какъ то было на Вселенскихъ Соборахъ, послѣ каждаго засѣданія повторяемы, и, по окончаніи Собора, оглашены печатно во всеувѣдѣніе.

6) Долженъ быть составленъ проэктъ Уложенія или Законовъ и правилъ, которыми могла бы руководствоваться Россійская Церковь при настоящей ея обстановкѣ.

7) Необходимо пересмотрѣть Катехизисы и Богословіе и пополнить, давъ имъ характеръ православно-восточный, подобный характеру Богослуженія Православной Церкви, такъ чтобы познанія, оглашаемыя Богослуженіемъ всенародно, были возвѣщаемы и Катехизисами.

8) Составить уставъ для духовныхъ учебныхъ заведеній примѣнительно къ уставу монастырей.

9) Собрать и напечатать Преданіе Вселенской Церкви (Cursus completus Patrologiae) на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. И Преданіе Вселенской Восточной Церкви, выясненное со всею вѣрностію, по достовѣрнѣйшимъ документамъ, должно подѣйствовать въ пользу Православной Церкви.

10) Синоду дать правильную организацію и уничтожить въ духовенствѣ рабство, по мысли указаній Святыхъ Апостоловъ.

11) Уничтожить наказанія, вновь придуманныя для духовенства, принадлежащія по характеру своему къ тираніи, столь чуждой духа Церкви, служащія къ окончательному нравственному разстройству тѣхъ, которые подвергаются имъ".

Сверхъ того, въ запискѣ Епископа Игнатія „О необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви" много мѣста удѣлено вопросу о положеніи свѣтскихъ лицъ въ составѣ высшаго Церковнаго управленія и особенно объ Оберъ-Прокурорской власти. Эта сторона высшаго Церковнаго управленія должна имѣть по проекту Преосвященнаго Игнатія слѣдующую постановку: „Духъ времени и опыты доказываютъ совершенную и рѣшительную необходимость въ лицѣ свѣтскомъ для Церкви, которое заботилось бы о пользахъ ея, охраняло ихъ, приводило ихъ въ гармонію съ пользою государства, сносилось съ министрами и всѣми высшими инстанціями, имѣло непосредственный докладъ у Государя.

Лицо это должно быть наравнѣ съ первѣйшими сановниками государства. Оно постановлено уже на это мѣсто неотразимымъ насиліемъ обстоятельствъ и духа времени. Положеніе Оберъ-Прокурора, въ которое онъ поставляется современными требованіями, никакъ не сходится съ положеніемъ, которое дано Оберъ-Прокурору государственнымъ учрежденіемъ этой должности.

По этой причинѣ всякій Оберъ-Прокуроръ по необходимости усиливается выйти изъ положенія, въ которое ставитъ его первоначальное учрежденіе, какъ изъ положенія фальшиваго, стѣсняющаго требованія его дѣятельности въ величайшій вредъ дѣлу Церкви. Это вводитъ его въ столкновеніе и борьбу съ Синодомъ, съ духовенствомъ, съ Церковію, которая имѣетъ свои іерархическіе уставы, данные ей Апостолами по завѣщанію Богочеловѣка. Уставовъ этихъ никакая власть отмѣнить не можетъ". Для устраненія возможныхъ треній между собственно церковно-синодальною и гражданско-церковною оберъ-прокурорскою властію Преосвященный Игнатій проэктируетъ возвращеніе оберъ-прокурорской должности въ состояніе ея первоначальнаго назначенія, но одновременно предполагаетъ учрежденіе, наряду съ должностію Оберъ-Прокурора, должности Попечителя Церкви. Отношеніе этихъ лицъ къ Церковному управленію представляется у Преосвященнаго Игнатія въ слѣдующемъ видѣ.—Для Церкви нуженъ Попечитель, Ктиторъ, церковный Староста. При Попечителѣ, къ которому долженъ перейти товарищъ и канцелярія нынѣшняго Оберъ-Прокурора, можетъ оставаться особый Оберъ-Прокуроръ при Святѣйшемъ Синодѣ, въ положеніи, даваемомъ ему первоначальнымъ учрежденіемъ. Въ этомъ положеніи отъ Оберъ-Прокурора не

требуется, чтобы онъ былъ придворнымъ; требуется, чтобы онъ былъ правовѣдъ, законовѣдъ, дѣлецъ кабинетный и канцелярскій. Какъ всеподданнѣйшіе доклады и всѣ административныя сношенія должны совершаться чрезъ Попечителя, то прокуроръ всегда будетъ контролированъ предъ Попечителемъ членами Синода, а члены—Прокуроромъ. Стремленіе Оберъ-Прокурора перейти въ положеніе министра уже не будетъ имѣть ни мѣста, ни основанія. Учрежденіе должности Попечителя никакъ не будетъ нововведеніемъ въ Церкви, будучи согласно съ духомъ Церкви, будучи уже осуществлено во всѣхъ приходскихъ Церквахъ, а требуется оно настоятельно современнымъ положеніемъ и духомъ общества. Синодъ значительно усилится при Попечителѣ для величайшаго блага государству, блага, которое навѣтуется страшнымъ упадкомъ религіи и правъ ея во всѣхъ сословіяхъ. Внутренняя борьба въ Синодѣ, потрясающая и разрушающая его, борьба между свѣтскою и духовною властями, борьба непрестающая, хотя и не всегда явная, уничтожится. Попечитель, имѣя значеніе и права высшаго сановника, будучи членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, будучи Попечителемъ, а не министромъ, не встрѣтитъ причинъ для борьбы, которая возникаетъ изъ стремленія къ возвышенію, стремленія, вызываемаго необходимостію.

Правду сказать, учрежденіе Попечителя уже имѣется налицо. Оберъ-Прокуроры значительно перешли въ это положеніе. Но положеніе это—случайность; оно—плодъ связей, придворнаго вліянія и не имѣетъ прочнаго основанія; весь православный людъ смотритъ на него недовѣрчиво. Нельзя быть иначе. Министерство есть нѣчто вродѣ патріаршества; по этой причинѣ всякій Оберъ-Прокуроръ, достигши значенія министра, остается въ положеніи фальшивомъ, неопредѣленномъ и ставитъ въ такое же положеніе всю Церковь.

Оберъ-Прокуроръ очень удобно можетъ быть переименованъ въ Попечителя, а правитель Синодской канцеляріи—въ Оберъ-Прокурора. При этомъ фальшивое положеніе всѣхъ исчезнетъ само собою: всѣ вступятъ въ отношенія правильныя, указываемыя закономъ церковнымъ и гражданскимъ. Благонамѣренный и благоразумный Попечитель, болѣе, нежели кто-либо другой, будетъ имѣть средства къ приведенію его въ исполненіе. Попечителю должно быть пріятнымъ созваніе Собора, потому что Соборъ, для собственной силы и свободы, будетъ стараться о томъ, чтобы возвысить значеніе Попечителя и имѣть въ немъ надежное орудіе для дѣйствія въ пользу Церкви и для обороны ея противъ личностей, враждебныхъ Церкви. Напротивъ того, Соборъ непремѣнно озаботится объ ограниченіи министерской власти Оберъ-Прокурора, именно по сходству ея съ властію Патріарха. Это поведетъ къ столкновеніямъ и интригамъ, сдѣлаетъ собраніе Собора безполезнымъ. Попечитель Православной Церкви непремѣнно

долженъ быть министромъ всѣхъ прочихъ исповѣданій: это поставитъ прочія вѣроисповѣданія въ правильное отношеніе къ господствующему вѣроисповѣданію, которое, въ настоящемъ положеніи его, часто получаетъ характеръ исключительно угнетаемаго и гонимаго".

Тщательно подготовленный, успѣшно проведенный, при намѣченномъ составѣ членовъ, и въ направленіи выше перечисленныхъ важнѣйшихъ вопросовъ обсужденія, Всероссійскій Соборъ Православной Церкви, по убѣжденію Преосвященнаго Игнатія, будетъ имѣть весьма важное значеніе и принесетъ благотворные результаты не только въ церковно-религіозномъ, но и въ гражданско-государственномъ отношеніи. „Если Милосердіе Божіе даруетъ Собору совершиться съ вожделѣннымъ успѣхомъ, какъ совершились Вселенскіе и Помѣстные Соборы Православной Церкви, то благотворные плоды Собора, и въ духовномъ, и въ гражданскомъ отношеніяхъ будутъ поразительно величественны и велики. Въ духовномъ отношеніи доставится торжество истинному Христову ученію, о которомъ у насъ почти не смѣли говорить доселѣ. Когда же Христово ученіе объяснится со всею откровенностію, тогда падутъ, или, по крайней мѣрѣ, очень ослабѣютъ всѣ еретическія ученія, православный народъ утвердится въ православіи и многіе иновѣрцы притекутъ подъ кровъ православія. Православіе должно быть принято во всей цѣлости и полности его. Въ гражданскомъ отношеніи такой Соборъ соединитъ православно-вѣрующій людъ во единъ народъ, хотя бы этотъ людъ и находился въ различныхъ государствахъ и подъ различнымъ гражданскимъ управленіемъ. Въ Россіи такой соборъ долженъ сильно подѣйствовать на расколъ, который въ настоящее время имѣетъ много опоры для себя въ правилахъ и постановленіяхъ Вселенской Церкви. Американцы и англичане вынуждены будутъ не насиліемъ, а здравымъ смысломъ принять православную вѣру, какъ она есть, безъ всякихъ измѣненій и исключеній. Россія со временъ Петра I часто и много принесла пожертвованій въ ущербъ вѣры, въ ущербъ истины и духа, для пустыхъ и ложныхъ соображеній политическихъ, которыми прикрывало развращенное сердце ненависть и презрѣніе къ правиламъ Церкви и къ Закону Божію. Всѣ эти соображенія, поколебавъ страшно православную вѣру, оказались рѣшительно вредными для государства и администраціи. Съ сознаніемъ ошибки, съ самоотверженіемъ должно отказаться отъ всѣхъ уклоненій человѣко-угодливыхъ, преступныхъ въ отношеніи къ Богу. Въ противномъ случаѣ, безъ этой рѣшимости, лучше не созывать Собора". Такъ ясенъ и опредѣленъ Преосвященный Игнатій въ своихъ церковно-общественныхъ взглядахъ. Не преслѣдуя никакихъ личныхъ цѣлей, отрекшись отъ земныхъ стяжаній, Владыка Игнатій выше всего ставитъ душевное спасеніе, выше всего цѣнитъ богатство вѣры. И онъ богатъ этою вѣрою.

Не заботясь никогда о пріобрѣтеніи земныхъ богатствъ, этотъ Божій избранникъ—Епископъ Игнатій былъ царски богатъ вѣрой во Христа, вѣрой живой и дѣятельной, ибо она осуществлялась дѣлами, а не словами; и мы можемъ уподобить душу его великому кораблю, плававшему по водамъ житейскаго моря, преисполненному духовными разнообразными сокровищами, непрестанно пріумножающему ихъ на пути своемъ. Такъ драгоцѣнны эти богатства, что всѣ богатства этого міра въ сравненіи съ ними—ничто. Завидуетъ міръ этимъ богатствамъ, дышетъ ненавистію къ стяжавшему ихъ. Корабль этотъ, не смотря на прочность строенія и на величину свою, бываетъ угрожаемъ противными вѣтрами, бурями, подводными камнями, мелями, ибо каждый христіанинъ, несмотря на то, что онъ облеченъ во Христа, долженъ совершить земное странствованіе среди многочисленныхъ опасностей. И какъ обыкновенный корабль всегда стремится къ пристани, останавливаясь на пути только на краткое время, при нуждѣ, такъ и корабль его души всеусильно и неуклонно стремился только къ небу, только къ вѣчности, и ни къ чему временному, ни къ чему земному не пристращался сердцемъ своимъ [1]).

Мы можемъ уподобить его тому страннику по жизненной дорогѣ, который, когда останавливается на пути въ странноприимномъ домѣ—землѣ, не обращаетъ на этотъ домъ особеннаго вниманія. Къ чему вниманіе, когда онъ пріютился въ домѣ только на кратчайшее время? Онъ довольствуется однимъ необходимымъ; старается не истратить денегъ, которыя ему нужны на продолженіе пути и на содержаніе въ томъ великомъ городѣ, въ который онъ шествуетъ; недостатки и неудобства претерпѣваетъ великодушно, зная, что они—случайность, которой подвергаются всѣ путешественники, что ненарушимое спокойствіе ожидаетъ его на томъ мѣстѣ, куда онъ стремится. Не привязывается онъ сердцемъ ни къ какому предмету въ гостинницѣ, какъ бы предметъ ни казался привлекательнымъ. Не теряетъ онъ времени для постороннихъ занятій: ему нужно оно для совершенія многотруднаго путешествія. Постоянно углубленъ онъ въ размышленіе о великолѣпной царской столицѣ, въ которую направился, о тѣхъ значительныхъ препятствіяхъ, которыя должно преодолѣть, о средствахъ, могущихъ облегчить путешествіе, о разбойничьихъ засадахъ, навѣтующихъ путь, о несчастной участи тѣхъ, которымъ не удалось совершить этотъ путь благополучно, о счастливѣйшемъ положеніи совершившихъ его съ желаннымъ успѣхомъ. Пробывъ нужное время въ гостинницѣ, онъ благодаритъ хозяина ея за оказанное ему госте-

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, „Житейское море“, стр. 363—364.

пріимство, и, ушедши, забываетъ о гостинницѣ или помнитъ о ней поверхностно, потому что хладно было къ ней сердце его [1]).

Мы можемъ уподобить его тому страннику, который стоитъ на берегу волнующагося моря. Яростно сѣдыя волны подступаютъ къ ногамъ странника и, ударившись о песокъ, разсыпаются у ногъ его въ мелкія брызги. Море препираясь съ вихремъ, реветъ, становитъ волны, какъ горы, кипитъ, клокочетъ; волны рождаютъ и снѣдаютъ одна другую; главы ихъ увѣнчаны бѣлоснѣжною пѣной; море, покрытое ими, представляетъ одну необъятную пасть страшнаго чудовища, унизанную зубами. На это грозное зрѣлище со спокойною думою смотритъ таинственный странникъ. Одни глаза его на морѣ, а гдѣ мысль его, гдѣ сердце?—мысль его—во вратахъ смерти; сердце—на судѣ Христовомъ. Здѣсь онъ уже предстоитъ умомъ, здѣсь онъ предстоитъ ощущеніемъ, здѣсь его заботы, здѣсь страхъ его: отъ этого страха бѣжитъ страхъ земныхъ искушеній [2]).

И мы вѣримъ, что, когда чистая душа того, кто самъ не находилъ въ себѣ никакой добродѣтели, никакого подвига, достойнаго небожителей, разлучалась съ тѣломъ, полчища мрачныхъ демоновъ не могли найти въ ней ни сродства съ собою, ни своего паденія, ни своихъ свойствъ грѣховныхъ, ни своей богопротивной воли; эти надшіе ангелы не могли увлечь ее, эту возлюбившую Господа душу, въ свои жилища вѣчной, лютой скорби, вѣчнаго мрака и вмѣстѣ неугасающаго огня, жилища мукъ и непрерывныхъ, безконечныхъ стенаній. Мы вѣримъ, что этой избранной Богомъ душѣ, очищенной молитвою и покаяніемъ, исполнявшей заповѣди своего Небеснаго Отца, предсталъ мирный и свѣтлый Ангелъ и воспарилъ съ нею къ престолу Божію, и только тамъ, предъ лицомъ Вѣчнаго Справедливаго Судіи, тотъ, кто всю жизнь считалъ себя непотребнымъ грѣшникомъ, достойнымъ только казни и наказанія, долженъ былъ увидѣть самого себя „гобзующимъ духовными сокровищами—залогами неконачающагося блаженства“. Мы, какъ и келейникъ его Василій, вѣримъ, что, когда тѣло его сокрылось въ гробъ, его крылатая душа унеслась туда, гдѣ всегда пребывали его мысли и чувствованія, гдѣ всегда жило его сердце: на небо. И вмѣстѣ съ Василіемъ мы восклицаемъ: „Тамъ ты, тамъ ты! Какъ хорошо тебѣ, Владыка! Ты блаженствуешь нынѣ, забывъ все скорбное земное, всѣ подвиги и труды, подъятые для неба. Ты стоишь предъ неприступнымъ величіемъ Божества, у незаходимаго Свѣта,—и самъ исполненъ свѣта; ты насыщаешься непрестаннымъ видѣніемъ Бога, пылаешь, подобно серафимамъ, любовію

---

[1]) Тамъ-же, стр. 93—94.
[2]) Тамъ-же, стр. 183.

къ Нему; сердце твое горитъ, таетъ какъ воскъ, будучи палимо огнемъ-Богомъ“ [1]).

Мы говоримъ такъ, потому что мы вѣримъ, что только одно пріобрѣтеніе, сдѣланное нами на землѣ, можетъ остаться навсегда нашею неотъемлемою собственностью—наше спасеніе. „Кто употребилъ земную жизнь на накопленіе богатствъ, тотъ оставитъ богатства при переходѣ въ вѣчность; кто употребилъ земную жизнь на пріобрѣтеніе почестей и славы, у того отниметъ ихъ жестокая смерть. Кто же употребилъ земную жизнь на стяжаніе своего спасенія, тотъ возьметъ съ собою спасеніе свое въ вѣчность и на небѣ будетъ вѣчно утѣшаться пріобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ на землѣ“ [2]). Вся жизнь Епископа Игнатія была направлена только къ пріобрѣтенію этого неотъемлемаго сокровища—спасенія, которое онъ унесъ съ собою въ вѣчность. И еще разъ обозрѣвая всю жизнь этого строгаго подвижника, этого дѣятельнаго настоятеля, іерарха и духовнаго писателя, болѣе сорока лѣтъ подвизавшагося на поприщѣ многотрудномъ, но свободно имъ избранномъ, мы скажемъ, что онъ оставилъ по себѣ незабвенную память, какъ смиренно-мудрый инокъ, искусный и ревностный настоятель, іерархъ, дѣятельно проповѣдывавшій слово Божіе, но не упускавшій изъ вида и вещественнаго благосостоянія епархіи, и какъ духовно-аскетическій писатель, умѣвшій такъ обильно, такъ ясно, и такъ художественно просто передать сущность тѣхъ свѣдѣній, которыми обиловала его богатая память, черпавшая въ самомъ источникѣ, присно-текущемъ и источающемъ свои многоцѣлебныя и живительныя струи—въ Священномъ Писаніи и въ писаніяхъ Святыхъ Отцовъ православной Церкви. Почти пятьдесятъ лѣтъ прошло съ того дня, какъ предалъ Господу душу свою Преосвященный Игнатій, но онъ живъ донынѣ въ своихъ твореніяхъ, служащихъ незамѣнимымъ руководствомъ для всѣхъ „хотящихъ благочестно жити о Христѣ“; и праведное имя этого Божьяго избранника молитвенно чтится не только Россійскимъ, но и Святогорскимъ иночествомъ. Вѣра твердая въ его молитвенное предстательство предъ Богомъ еще въ недавнее время побудила нѣкоторыхъ подвижниковъ благочестія съ далекой святой горы Аѳонской притечь въ Николо-Бабаевскій монастырь для молитвеннаго поклоненія его гробу [3]). Мысленно стоя у этого гроба, мы, заканчивая характеристику свѣтлой и праведной личности, Епископа Игнатія озаренной яркимъ свѣтомъ Божьяго избранія, восклицаемъ: вѣчная

---

[1]) Жизнеописаніе Еп. Игнатія, составленное его учениками, стр. 138.

[2]) Поученіе Епископа Игнатія о спасеніи. (Богословскій вѣстникъ за январь 1914 года, стр. 1).

[3]) А. Воскресенскій. „Николо-Бабаевскій Святитель, Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ“, стр. 16.

память тебѣ, достоблаженный Святитель! Господь Богъ да ублажитъ и упокоитъ подвиголюбивую душу твою, съ праведными сопричтетъ и насъ твоими молитвами помилуетъ и спасетъ, яко Благій и Человѣколюбецъ! Видя непорочные пути твоей богоугодной жизни, мы вѣримъ въ молитвы твои и просимъ тебя, поборника православія, дѣлателя и учителя покаянія и молитвы: не оставь насъ во время исхода нашего изъ этой временной жизни! Когда души наши будутъ разлучаться съ нашими бренными тѣлами, когда, по причинѣ многихъ грѣховъ нашихъ, обступятъ ихъ темные духи,—помоги намъ въ этотъ горькій часъ избавиться отъ нихъ, чтобы они не увлекли насъ съ собою въ темницу ада. Надежда наша въ эти грозныя минуты—безконечная Божія благость, предстательство святыхъ Божіихъ и твои молитвы. Моли Христа-Бога, Его-же носилъ еси съ сердцѣ твоемъ, даровати намъ прежде конца покаяніе!

И намъ кажется, что теперь, когда ты, добрый пастырь, всю свою жизнь проповѣдывавшій Божіе Слово—Христово ученіе, лежишь подъ холоднымъ безгласнымъ камнемъ, самая могила твоя, безъ звуковъ, въ которыхъ нуждается только земное слово, возвѣщаетъ намъ громкую проповѣдь, шлетъ намъ, мятущимся, шумящимъ на земной поверхности искателямъ тлѣнія, убѣдительнѣйшее увѣщаніе: земная жизнь—мгновенное, обманчивое сновидѣніе. Вѣчность—неизбѣжна. Есть и бѣдственная вѣчность!.. Стяжите-жъ вѣчность блаженную вниманіемъ, повиновеніемъ всесвятому закону Всесвятаго Бога,—и приходите на вѣрное, некончающееся наслажденіе, каждый въ свое, Самимъ и Единымъ Богомъ назначенное время!..

Обозрѣніе содержанія первой части.

Введеніе.—Мотивы, задачи, обозрѣніе источниковъ, объемъ и планъ нашей работы . . . . . Стр. 5—15.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ до принятія монашества . . . . . Стр. 17—100.

I. Характеристика времени жизни и дѣятельности Преосвященнаго Игнатія . . . . . Стр. 17—26.

1) Западно-европейскія вліянія и ихъ отраженіе въ жизни передового класса русскаго общества . . . . . Стр. 17—20.

2) Сохраненіе русской національной самобытности, вѣрности Церкви и историческимъ традиціямъ въ помѣщичьемъ классѣ, къ которому по рожденію и воспитанію принадлежалъ Архипастырь-подвижникъ Игнатій . . . . . Стр. 20—21.

3) Моральный обликъ фамиліи Брянчаниновыхъ, внѣшняя жизнь, домашній режимъ. Мѣсто и условія первоначальнаго воспитанія Преосвященнаго Игнатія . . . . . Стр. 22—26.

II. Жизнь Игнатія Брянчанинова до принятія монашества.

А. **Въ родномъ домѣ** . . . . . Стр. 26—48.

1) Село Покровское—родина Д. А. Брянчанинова—въ настоящее время и сто лѣтъ назадъ . . . Стр. 26—31.

2) Родители Д. А. Брянчанинова—Александръ Семеновичъ и Софья Аѳанасьевна Брянчаниновы . . . . . Стр. 31—35.

3) Воспитаніе молодыхъ Брянчаниновыхъ—дѣтей Александра Семеновича. (Лучшіе учителя, развитіе талантовъ, французскія гувернантки, няня Евфимовна, дядька Доримедонтъ). . . . . Стр. 35—42.

4) Дѣти Брянчаниновыхъ, ихъ общее настроеніе. Стр. 42—45.

5) Митенька—старшій сынъ Брянчаниновыхъ. (Блестящія способности; чистота и правдивость души, вліяніе на братьевъ и сестеръ; задумчивость и любовь къ уединенію; искренность и глубина религіозной настроенности; любовь къ молитвѣ; неудовлетворенность окружающимъ; нравственное одиночество; скорбь стремящагося къ Богу сердца; благодареніе Богу за Его благодѣянія; чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія; желаніе оставить міръ и послужить одному только Богу; отношеніе родителей къ этому желанію сына) . . . . . Стр. 45—48.

Б. **Въ военномъ Инженерномъ училищѣ** . . . . . Стр. 49—76.

1) Въ волнахъ мірской суеты. (Поступленіе Димитрія Брянчанинова въ Петербурское военное Инженерное училище; вниманіе и благорасположеніе къ молодому воспитаннику училищнаго начальства и Генералъ-Инспектора—Великаго Князя Николая Павловича; блестящіе успѣхи въ наукахъ; успѣхи въ свѣтскомъ обществѣ; знакомство съ литературными знаменитостями того времени) . Стр. 49—50.

2) Разочарованіе въ мудрости этого міра и обращеніе къ мудрости духовной, Божественной. (Усиленныя занятія науками человѣческими; послѣдствія этихъ занятій; безпощадный анализъ наукъ—математики, физики, химіи, философіи и др., несостоятельность ихъ для вѣчности; разочарованіе „въ мудрости этого міра“; поиски вѣры истинной, святой; изученіе писаній Св. Отцовъ; рѣшеніе оставить міръ) . . . . . Стр. 50—59.

3) Дружба Димитрія Александровича Брянчанинова съ Михаиломъ Васильевичемъ Чихачовымъ. (Условія жизни М. В. Чихачова до поступленія его въ Инженерное училище; видимая противоположность характеровъ Брянчанинова и Чихачова и никому невидимое духовное сродство ихъ; начало дружбы; ея особый, аскетическій характеръ; отношеніе къ друзьямъ со стороны школьныхъ товарищей) . . . . . Стр. 59—63.

4) Жизнь „монаховъ“ въ Инженерномъ училищѣ. (Склонность къ молитвѣ; частое посѣщеніе церкви; еженедѣльная Исповѣдь и Причащеніе; отношеніе училищнаго духовника къ идеальнымъ порывамъ юныхъ друзей; отношеніе къ нимъ училищнаго начальства; посѣщеніе ими Александро-Невской Лавры и Валаамскаго подворья; знакомство въ Александро-Невской Лаврѣ съ учени-

ками старца Леонида; стремленіе А. С. Брянчанинова удержать сына въ свѣтѣ) . . . . . Стр. 63—68.

5) Препятствія на пути въ монастырь. („Монахи"—офицеры на частной квартирѣ; сохраненіе прежняго порядка жизни; препятствія со стороны родителей; бесѣда Д. А. Брянчанинова съ Митрополитомъ; серьезная болѣзнь молодого Брянчанинова; знакомство его съ старцемъ Леонидомъ; безрезультатныя попытки получить родительское согласіе на поступленіе въ монастырь; прошеніе объ увольненіи отъ службы и отношеніе къ этому Государя Императора Николая Павловича; служба въ Динабургской крѣпости; полученіе отставки) . . . . . Стр 68—76.

В. По монастырямъ . . . . . Стр. 77—100.

1) Въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. (Вступленіе Д. А. Брянчанинова въ монастырь; отношеніе молодого послушника къ старцу Леониду; его кротость, смиреніе и терпѣніе; послушанія, налагаемыя на него старцемъ; отношеніе къ нему монастырской братіи; стремленіе къ уединенію; переходъ вмѣстѣ съ старцемъ Леонидомъ въ другой монастырь; свиданіе съ Чихачовымъ при проѣздѣ чрезъ столицу) . . . . . Стр. 77—81.

2) Въ Площанской пустынѣ. (Встрѣча друзей—пріѣздъ въ Площанскую пустынь Чихачова; порядокъ жизни въ Площанской пустынѣ; стремленіе молодыхъ подвижниковъ къ болѣе уединенной жизни; чудесное видѣніе Д. А. Брянчанинову; отшельническая жизнь юныхъ друзей; особо повышенное религіозное настроеніе). Стр. 81—86.

3) Въ Оптиной пустынѣ. (Переходъ въ Оптину пустынь старца Леонида; переселеніе въ слѣдъ за нимъ Брянчанинова и Чихачова въ Оптину пустынь; старецъ Леонидъ въ Оптиной пустынѣ—введеніе имъ старчества; гоненія противъ него; трудные дни Брянчанинова и Чихачова; отправленіе друзей въ Покровское и жизнь ихъ на родинѣ Брянчанинова) . . . . . Стр. 86—92.

4) Въ Кирилло-Новоезерскомъ монастырѣ. (Возвращеніе юныхъ подвижниковъ подъ монастырскую сѣнь; болѣзнь Брянчанинова и вторичное пребываніе въ родной семьѣ; жизнь Чихачова въ домѣ родителей) . . . . . Стр. 92—96.

5) Въ Семигородной Успенской пустынѣ. (Подвижническая жизнь Д. А. Брянчанинова въ Семигородной пустынѣ; „Плачъ инока") . . . . . Стр. 95—98.

6) Въ Глушицкомъ монастырѣ. (Сладость уединенія въ Глушицкомъ монастырѣ; знакомство Д. А. Брянчанинова съ Архимандритомъ Пименомъ,—отзывъ послѣдняго о Брянчаниновѣ). Стр. 98.

7) Осуществленіе желанія Д. А. Брянчанинова. (Постриженіе Д. А. Брянчанинова въ монашество; рукоположеніе его въ іеродіакона и іеромонаха; обученіе священнодѣйствію въ церкви Спаса Обыденнаго; отношеніе къ монашеству Брянчанинова со стороны Вологодскаго общества; назначеніе іеромонаха Игнатія Брянчанинова строителемъ въ Лопотовъ монастырь) . . . . . Стр. 99—100.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Игнатій Брянчаниновъ въ должности настоятеля монастырей . . . . . Стр. 101—210.

А. **Въ Лопотовомъ монастырѣ** . . . . . „ 102—116.

1) Лопотовъ монастырь до прибытія въ него іеромонаха Игнатія Брянчанинова (Мѣстоположеніе Лопотова монастыря; климатъ мѣстности; бѣдственное состояніе монастыря въ началѣ XIX вѣка—ветхость церкви и прочихъ построекъ; скудость доходовъ; малочисленность братіи; крайняя бѣдность; нравственное состояніе обители; предположенія объ упраздненіи ея). Стр. 102—104.

2) Дѣятельность іеромонаха Игнатія въ Лопотовомъ монастырѣ (Внѣшнее благоустройство обители—обновленіе храма, благолѣпіе церковнаго богослуженія, отличный хоръ, постройка новыхъ братскихъ и настоятельскихъ келлій; увеличеніе братства; богомольцы; помощникъ о. Игнатія—М. В. Чихачевъ, его пріѣздъ въ обитель, устройство церковнаго хора, поѣздка на родину; знакомство съ графиней А. А. Орловой-Чесменской; ея помощь Лопотовой обители; нравственное обновленіе Лопотова монастыря о. Игнатіемъ—его идеалъ иноческой жизни, трудность его осуществленія; болѣзнь игумена Игнатія и желаніе перемѣщенія въ другой монастырь; хлопоты Чихачова по этому предмету). . . . . Стр. 104—114.

3) Желаніе Императора Николая Павловича видѣть игумена Игнатія Брянчанинова настоятелемъ Сергіевой пустыни. (Желаніе Государя Императора видѣть своего бывшаго воспитанника; вызовъ въ Петербургъ Лопотовскаго игумена; Брянчаниновъ во дворцѣ; назначеніе въ Сергіеву пустынь и посвященіе въ санъ Архимандрита; отправленіе Игнатія Брянчанинова на новое мѣсто служенія) . . . . . Стр. 114—116.

Б. **Архимандритъ Игнатій — настоятель Троице-Сергіевой пустыни** . . . . . Стр. 117—210.

1) Обстоятельства назначенія Игнатія Брянчанинова на настоятельство Троице-Сергіевой пустыни,

желаніе Императора Николая Павловича видѣть Игнатія Брянчанинова настоятелемъ Сергіевой пустыни. . . . . Стр. 117—123.

2) Троице-Сергіева пустыня до прибытія Архимандрита Игнатія Брянчанинова. (Мѣстоположеніе Сергіевой пустыни. Краткая исторія монастыря. Бѣдственное состояніе пустыни подъ управленіемъ Петербургскихъ викаріевъ—внѣшній и внутренній упадокъ обители. Необходимость привести Сергіеву пустынь въ должный порядокъ) . . . . . Стр. 124—127.

3) Труды Архимандрита Игнатія Брянчанинова по внѣшнему благоустройству Сергіевой пустыни. (Возобновленіе и устроеніе монастырскихъ зданій. Высокое вниманіе къ Архимандриту Игнатію и къ нуждамъ обители со стороны Государя Императора. Пожертвованія въ пользу обители графини А. А. Орловой-Чесменской, М. В. Макарова и М. В. Чихачова. Упорядоченіе земельной собственности монастыря; улучшеніе монастырскаго хозяйства; улучшеніе хозяйственной части и внѣшней жизни обители) . . . . . Стр. 127—139.

4) Труды Архимандрита Игнатія по благоустройству монастырской жизни. (Интересъ и тяготѣніе мірянъ къ Сергіевой обители. Благолѣпіе церковнаго богослуженія. Строгій выборъ насельниковъ Троице-Сергіевой пустыни,—критерій, которымъ въ этомъ случаѣ руководился Архимандритъ Игнатій; твердость его въ примѣненіи установленнаго принципа; умѣлый выборъ людей; авторитетъ Архимандрита Игнатія въ этомъ отношеніи. Возведеніе Троице-Сергіевой пустыни на степень первокласснаго монастыря; инструкція для намѣстника и казначея пустыни. Административная дѣятельность Архимандрита Игнатія по благочинію монастырей С.-Петербургской епархіи) . . . . . Стр. 140—158.

5) Труды Архимандрита Игнатія по руководству духовною жизнью Троице-Сергіевой пустыни. (Установленіе новаго строгаго порядка въ жизни монашествующихъ. Откровеніе помысловъ и его польза для иноковъ. Воспоминанія перваго келейника Архимандрита Игнатія Брянчанинова о пріемахъ воспитанія имъ духовныхъ чадъ. Качества, поощряемыя и преслѣдуемыя Архимандритомъ Игнатіемъ въ его ученикахъ. Примѣры добраго вліянія Архимандрита Игнатія на человѣческія души. Возрожденіе Сергіевой пустыни) . . . . . Стр. 158—167.

6) Личная жизнь Архимандрита Игнатія въ Сергіевой пустыни. (Его болѣзненность. Аскетическій образъ жизни. Чтеніе твореній Св. Отцовъ, духовно-поэтическое творчество. Скорби, перенесенныя Архимандритомъ Игнатіемъ въ Троице-Сергіевой пустыни, ихъ характеръ и причины. Отношеніе Архимандрита Игнатія

къ скорбямъ и искушеніямъ личной жизни. Источники его духовнаго утѣшенія. Жажда уединенія и покоя. Отпуски по болѣзни. Ходатайство объ освобожденіи отъ административныхъ должностей.

ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе о бытіи Архимандриту Игнатію Брянчанинову Епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ . Стр. 167—210.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Игнатій Брянчаниновъ, Епископъ Кавказскій и Черноморскій . . . . . Стр. 211—300.

1) Особыя условія жизни Кавказской епархіи. Основаніе и краткая исторія епархіи . . . . . Стр. 211—214.

2) Дѣятельность Епископа Игнатія Брянчанинова по управленію Кавказской епархіей. (Вступленіе Игнатія Брянчанинова въ Кавказскую епархію. Двухлѣтнее ознакомленіе Игнатія Брянчанинова съ состояніемъ Кавказской епархіи. Заботы Епископа Игнатія объ организаціи и возвышеніи состава Консисторіи. Дѣло протоіерея Крастилевскаго. Заботы о матеріальномъ обезпеченіи чиновниковъ Кавказской Консисторіи. Упорядоченіе и возвышеніе благочиннического надзора. Постройка въ г. Ставрополѣ архіерейскаго дома и заботы о его обезпеченіи) . . . . . Стр. 214—242.

3) Ознакомленіе Епископа Игнатія Брянчанинова съ Кавказской епархіей. Состояніе Кавказской епархіи по наблюденіямъ Епископа Игнатія. (Территорія Кавказской и Черноморской епархіи. Составъ населенія. Замѣчательные приходы и храмы. Религіозное состояніе паствы. Вліяніе на эту сторону жизни горцевъ со стороны гражданской власти. Предпринятыя Епископомъ Игнатіемъ мѣры къ возвышенію религіозно-нравственнаго состоянія паствы и къ упроченію среди нея православія. Недовольство его церковнымъ строемъ Линейнаго казачьяго войска. Монастыри и монастырская жизнь на Кавказѣ при Епископѣ Игнатіи. Нравственное состояніе и матеріальное положеніе Кавказскаго духовенства. Нравственное состояніе Кавказскаго населенія. Мѣры къ возвышенію духовнаго уровня духовенства и паствы) . Стр. 242—277.

4) Участіе Епископа Игнатія Брянчанинова въ проведеніи въ жизнь Кавказской паствы великой крестьянской реформы по Манифесту 19 февраля 1861 года. (Открытіе въ Ставрополѣ Комитета по вопросу объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Предложенія Епископа Игнатія Кавказскому духовенству отъ 17 янв. 1859 г. за № 3 и отъ 6 мая 1859 г. за № 916. Взгляды Епископа Игнатія по вопросу о рабствѣ и подчи-

ненности, о свободѣ и особенномъ укладѣ русской жизни, объ отношеніи духовенства къ событіямъ гражданской жизни и о будущемъ Россіи. Письмо Игнатія Брянчанинова къ А. А. Волоцкому по вопросу о крестьянской реформѣ. Объявленіе Манифеста 19 февр. 1861 г. въ Кавказской епархіи) . . . . . Стр. 277—296.

5) Оставленіе Епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ Кавказской епархіи . . . . . Стр. 296—300.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жизнь въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ и блаженная кончина Епископа Игнатія. Личность Святителя Игнатія . . . . Стр. 301—408.

1) Жизнь Епископа Игнатія въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ. (Краткое описаніе монастыря. Вступленіе Епископа Игнатія въ Николо-Бабаевскую обитель. Состояніе монастыря ко времени управленія Епископа Игнатія. Настроеніе Епископа Игнатія при вступленіи въ монастырь. Образъ жизни Бабаевскаго отшельника. Благоустройство Николо-Бабаевскаго монастыря внѣшнее и внутреннее. Содѣйствіе этому П. А. Брянчанинова) . . . . . Стр. 301—322.

2) Блаженная кончина Епископа Игнатія Брянчанинова. (Завѣщаніе—письмо Владыки Игнатія къ П. А. Брянчанинову. Обстоятельства кончины и погребеніе Преосвященнаго Игнатія. Чудесныя видѣнія почитателей Преосвященнаго Игнатія). Стр. 322—339.

3) Личность Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова. (Внутренняя сосредоточенность и самособранность, какъ общія отличительныя черты Епископа Игнатія. Цѣльность личности Епископа Игнатія. Печать Божьяго избранія. Жизнь въ Богѣ. Самоотверженіе и покорность Промыслу Божію. Поэтическій талантъ Епископа Игнатія и отраженіе его въ связи съ его душевными свойствами въ твореніяхъ Владыки Игнатія. Свѣтлый умъ. Поиски истины и обрѣтеніе ея. Аскетическое настроеніе. Нестяжательность и доброта. Любовь къ людямъ и ея выраженіе въ отношеніи къ ученикамъ и къ роднымъ. Обособленность и своеобразность его духовнаго міра. Глубокое почтеніе къ Владыкѣ Игнатію и преданность ему со стороны его учениковъ. Епископъ Игнатій въ оцѣнкѣ современниковъ. Широта и глубина его духовнаго кругозора. Церковно-общественные взгляды Святителя Игнатія. Богатство вѣры Святителя Игнатія; оставленное имъ наслѣдіе. Заключеніе) . . . . . Стр. 339—408.

Замѣченныя опечатки:

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдовало напечатать:
32	12 сверху.	Алексадръ	Александръ
85	20 снизу.	преобразовательнымъ	прообразовательнымъ
89	8 снизу.	призрѣть	презрѣть
116	2 снизу.	забронаго	заброшеннаго
154	2 снизу.	также	выше
168	4 снизу.	опредѣленнаго	опредѣленною
170	8 сверху.	пустынн	пустыни
221	12 сверху.	оба	объ
239	11 сверху.	Епископъ	Епископъ
244	14 снизу.	обилующую	обилующею
306	18 сверху.	кружитьея	кружиться
306	20 сверху.	сердце	сердцѣ
334	16 снизу.	каноиъ	канонъ
361	18 сверху.	Сіятельетво	Сіятельство

Леонидъ Соколовъ

Епископъ Игнатій Брянчаниновъ

Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія.

Въ двухъ частяхъ съ приложеніями.

Часть вторая

Кіевъ. 1915 г.

Леонидъ Соколовъ.

Епископъ Игнатій Брянчаниновъ

Его жизнь, личность и морально-аскетическія воззрѣнія.

Въ двухъ частяхъ съ приложеніями.

Часть вторая.

Кіевъ. 1915 г.

Введеніе.

Общее обозрѣніе литературныхъ трудовъ Епископа Игнатія Брянчанинова.

Поставляя своей задачей во второй части нашей книги изложеніе и уясненіе морально-аскетическихъ воззрѣній Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова въ ихъ основныхъ, принципіальныхъ положеніяхъ, поскольку они выразились, главнымъ образомъ, въ его литературныхъ твореніяхъ, мы полагаемъ необходимымъ сдѣлать предварительно общее обозрѣніе литературныхъ трудовъ Святителя Игнатія съ цѣлію опредѣленія оставленнаго имъ въ наше устроеніе духовнаго наслѣдства и его общей цѣнности.

Въ настоящее время въ печати извѣстны сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова въ шести томахъ, вышедшія въ 1905 году третьимъ изданіемъ Игн. Л. Тузова. Сочиненія эти въ отдѣльности носятъ слѣдующія названія: т.т. I—III—„Аскетическіе опыты“, всего въ трехъ томахъ 1297 страницъ; т. IV—„Аскетическая проповѣдь“ и письма къ мірянамъ“—537 стр., т. V—„Приношеніе современному монашеству“—404 стр.; т. VI—„Отечникъ“. Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ, собранныя Епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, съ приложеніемъ снимка съ его рукописи: „Предисловіе къ первому тому аскетическихъ опытовъ“, изд. 4-е Спб. 1903 г.—549 стр.; всего въ шести томахъ—2787 страницъ. Сверхъ шести томовъ сочиненій Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова въ печати извѣстны въ особыхъ изданіяхъ слѣдующіе труды его:—1) „Слово о смерти и прибавленіе къ нему“, составлено, исправлено и дополнено Епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, изд. 6-е, Спб. 1906 г.—249 стр. Слово это представляетъ перепечатку изъ т. III полнаго собранія сочиненій Епископа Игнатія, стр. 69—311.

2) „Правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ“. Составлены Епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, изд. 7-е, Спб.

1907 г. Правила эти взяты изъ т. V Полнаго Собранія сочиненій Епископа Игнатія, стр. 7—28.

3) „О терпѣніи скорбей", ученіе Св. Отцовъ, собранное Епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, изд. 4-е 1904 г. Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній 2 сент. 1884 года, 175 стр. Книга эта представляетъ перепечатку изъ т. V Полнаго Собранія сочиненій, стр. 151—261; только выдержки безъ наставленій автора.

4) „О кончинѣ міра". Три поученія изъ сочиненій Епископа Игнатія Брянчанинова, Ученымъ Комит. Минист. Нар. Просвѣщ. одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; изд. 4-е 1899 года. Эта книга представляетъ перепечатку выдержекъ изъ т. IV, стр. 209—225, 266—273 и 39—44.

5) „Судьбы Божіи". Предсмертное твореніе Епископа Игнатія Брянчанинова, Спб. 1867 г.; при немъ очень цѣнное предисловіе Петра Александровича Брянчанинова. Статья эта помѣщена въ т. II Полн. Собр. сочин., стр. 77—109.

6) „О молитвѣ Іисусовой". (Въ Полн. Собр. сочиненій Епископа Игнатія, т. I, стр. 205—298; т. V, стр. 107—118; т. II, стр. 233—314).

7) „Чаша Христова", Спб. 1863 г. Статья эта напечатана въ т. I, стр. 544—552.

8) „Плачъ инока о братѣ его, впадшемъ въ искушеніе грѣховное" Спб. 1867 г. Статья помѣщена въ Полн. Собр. сочиненій Епископа Игнатія, т. V, стр. 38—464.

9) „Приготовленіе къ таинствамъ Исповѣди и Св. Причастія", изд. 3-е, Спб. 1900 г. (Въ Полн. Собр. сочин., т. IV, стр. 45—68).

10) Письма Преосвященнаго Игнатія, приложенныя къ „Жизнеописанію Епископа Игнатія Брянчанинова", изд. въ 1881 г. стр. 1—144.

11) Письма Епископа Игнатія Брянчанинова къ разнымъ лицамъ, напечатанныя въ журналѣ „Богословскій вѣстникъ" за 1913 и 1914 г.г. іеромонахомъ Игнатіемъ (Садковскимъ)

и 12) Изреченія Епископа Игнатія Брянчанинова, извлеченныя изъ писемъ его къ монахамъ. (Сообщилъ іеромонахъ Игнатій Садковскій; напечатаны въ „Богословскомъ вѣстникѣ" за 1913 годъ).

Всѣ почти означенныя творенія Преосвященнаго Игнатія по времени своего написанія относятся къ періоду его церковно-общественнаго служенія, но начало литературной его дѣятельности положено еще въ дни его юности. Въ числѣ оставшихся отъ Преосвященнаго Игнатія бумагъ, нынѣ принадлежащихъ сенатору Н. С. Брянчанинову, имѣются древнія тетради первыхъ литературныхъ трудовъ Епископа Игнатія, а именно: 1) „Нѣкоторые Совѣты къ сохраненію Заповѣдей Господнихъ", съ обозначеніемъ въ послѣсловіи, что „это писано въ С.-Петербургѣ со словъ Дмитрія Александровича

Брянчанинова, что нынѣ Архимандритъ Игнатій въ первоклассной Троицкой Сергіевой пустынѣ, при проѣздѣ его съ отцомъ Леонидомъ, старцемъ его, изъ Свирскаго монастыря въ Введенскую Оптину пустынь на первомъ году поступленія своего въ жизнь иноческую 1827-го года".

2) „Жизнеописаніе схимонаха Ѳеодора". 1829 года Площанская пустынь Орловской губерніи. Соч. Д. А. Брянчаниновъ. (О схимонахѣ Ѳеодорѣ см. „Жизнеописанія отеч. подвижн. благочестія 18 и 19 вв." Апр., стр. 77—80).

3) „Плачъ инока о присномъ его братѣ, впадшемъ въ нѣкоторое искушеніе грѣховное. Сочинено другомъ для друга и для брата братомъ. Къ взаимной пользѣ и сочинителя и читателя". „Печаль пріять мя отъ грѣшникъ, оставляющихъ Законъ Твой". Семигородная пустынь Вологодской губерніи. Сочинилъ Д. А. Брянчаниновъ 1830 г.". Эта рукопись имѣется въ двухъ экземплярахъ. Въ одной изъ тетрадей помѣщено и извѣстное намъ „Воззваніе къ кельѣ моей, т. е. къ міру и къ тѣлу моему" и вслѣдъ за нимъ переложеніе этого воззванія въ стихахъ И. И. Мордвинова. Изъ перечисленныхъ здѣсь произведеній Епископа Игнатія „Плачъ инока" вошелъ въ Полное Собраніе сочиненій Епископа Игнатія Брянчанинова и помѣщенъ въ т. V, стр. 387—464. „Нѣкоторые совѣты къ сохраненію Заповѣдей Господнихъ", „Плачъ инока" и „Жизнеописаніе схимонаха Ѳеодора" имѣютъ особое значеніе въ качествѣ раннихъ произведеній Святителя Игнатія, свидѣтельствуя объ устойчивости его духовно-аскетическаго настроенія въ возрастѣ юношескомъ, прежде иночества, о пониманіи имъ основъ подвижнической жизни и глубокой наблюдательности въ отношеніи къ почившимъ и живымъ подвижникамъ благочестія, которые нерѣдко проходятъ безслѣдно для мірского взора. „Нѣкоторые совѣты къ сохраненію Заповѣдей Господнихъ", написанные Игнатіемъ Брянчаниновымъ въ 20 лѣтнемъ возрастѣ, свидѣтельствуютъ о его начитанности въ святоотеческихъ твореніяхъ и пониманіи имъ хода духовной жизни. „Духовная жизнь внутренняго человѣка, по сказанію Святыхъ Отецъ", говоритъ юноша Брянчаниновъ „раздѣляется на двѣ части: дѣятельную и умозрительную. Первая часть есть сѣятва добродѣтелей на сердечную ниву исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ, а вторая есть духовная жатва,—есть бракъ души, очищенной отъ страстей заповѣдями, съ Женихомъ Христомъ, совершаемый въ тайныхъ сердечныхъ чертогахъ. Кто взойдетъ въ бракъ сей не въ брачной одеждѣ, а въ рубищахъ, т. е. кто несмысленно и дерзостно прежде первой части дерзнетъ вступить во вторую, которая есть духовное соединеніе человѣка съ Богомъ, и прямо изъ блудилища страстей ищетъ прикасаться чистѣйшему Владыкѣ, таковому, по словамъ Евангельскимъ, связываются и руки и ноги, т. е. прекращается теченіе его по пути благо-

честія, погибаютъ всѣ труды его и ввергается онъ во тьму кромѣшную, т. е. въ невѣжество, горшее всякаго другого невѣжества, рождающееся отъ гордыни, въ которомъ человѣкъ мечтаетъ, что все знаетъ, между тѣмъ какъ онъ ничего не знаетъ". Такимъ образомъ, въ юношескомъ еще возрастѣ Игнатій Брянчаниновъ уже имѣетъ опредѣленный взглядъ на соотношеніе добродѣтелей и христіанскаго настроенія; выше подвиговъ поста и молитвы ставитъ кротость и смиреніе, самоотверженную готовность служенія ближнимъ добрыми дѣлами: любовнымъ хожденіемъ за больными, одѣваніемъ нагихъ, принятіемъ странныхъ, посѣщеніемъ заключенныхъ въ темницахъ. „Исполненіе заповѣдей рождаетъ любовь и желающій пріобрѣсть оную, пріобрѣтаетъ исполненіемъ заповѣдей". Благочестивый юноша предусматриваетъ возможность возраженій со стороны подвижниковъ личнаго благочестія и благоразумно даетъ отвѣтъ по вопросу о мѣстѣ и значеніи аскетическаго подвига и о возрастахъ духовной жизни. „Плачъ инока", въ особенности, въ соотношеніи съ возрастомъ автора, поражаетъ силою лиризма и глубиной покаяннаго настроенія.

„Жизнеописаніе схимонаха Ѳеодора" свидѣтельствуетъ о глубокомъ пониманіи юношею Брянчаниновымъ подвижнической жизни, поражаетъ красотою стиля, религіозною содержательностію самого автора.

Сочиненія Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, собранныя лично имъ въ отмѣченномъ выше составѣ, въ количествѣ четырехъ первыхъ томовъ, были изданы впервые, во время жизни Святителя Игнатія въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ въ 1867 году, за два мѣсяца до его блаженной кончины и самимъ имъ, при собственноручныхъ письмахъ были разосланы близкимъ къ нему лицамъ. Хлопоты по изданію принялъ на себя братъ покойнаго П. А. Брянчаниновъ, а издателемъ былъ книгопродавецъ Глазуновъ, такъ какъ братья-безсребренники не имѣли достаточныхъ средствъ на покрытіе расходовъ по изданію [1]). „Слово о смерти", кромѣ помѣщенія въ „Аскетическихъ

---

[1]) Объ участіи П. А. Брянчанинова въ первомъ изданіи сочиненій Преосвященнаго Игнатія можно читать въ письмахъ послѣдняго къ брату (см. Приложенія къ нашей книгѣ, стр. 175, 207—210, 212, 214, 216—219, 221, 232, 245, 248), и въ предисловіи къ первому изданію предсмертнаго творенія Епископа Игнатія „Судьбы Божіи" Спб. 1867 г. Объ изданіи первыхъ четырехъ томовъ на средства Глазунова самъ Преосвященный Игнатій неоднократно говоритъ въ своихъ письмахъ. Такъ, напр., препровождая г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, графу Дмитрію Андреевичу Толстому вышедшія изъ печати сочиненія свои по отдѣлу Аскетическаго Богословія для представленія Его Императорскому Величеству, Государю Императору Александру Николаевичу, Преосвященный Игнатій, между прочимъ проситъ, г. Оберъ-Прокурора довести до свѣдѣнія Государя Императора и то, что сочиненія его напечатаны на иждивеніе и въ типографіи С.-Петербургскаго почетнаго гражданина Гла-

опытахъ“ было напечатано въ журналѣ В. И. Аскоченскаго „Домашняя бесѣда“ и потомъ издано отдѣльно въ 1869 году. Дальнѣйшія посмертныя изданія сочиненій Преосвященнаго Игнатія перешли уже къ И. Л. Тузову—по соглашенію съ наслѣдниками Владыки [1]).

Духовная личность Епископа Игнатія Брянчанинова въ его литературныхъ твореніяхъ выдѣляется изъ ряда современныхъ ему ду-

---

зунова, такъ какъ „я“, пишетъ Владыка Игнатій, „въ противность разглашеніямъ Герцена и компаніи, не имѣю никакого собственнаго капитала, ниже въ сто рублей. Настоятели, возводящіе монастыри изъ разрушенія и разоренія, обыкновенно не имѣютъ денегъ и не могутъ имѣть ихъ“. (Письмо отъ 4 марта 1867 года за № 57).

[1]) По духовному завѣщанію Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, утвержденному постановленіемъ Костромской Палаты Гражданскаго Суда 21 іюля 1867 года, всѣ, безъ изъятія, сочиненія покойнаго Преосвященнаго Игнатія составляютъ литературную собственность Петра Александровича Брянчанинова, съ исключительнымъ правомъ изданія ихъ въ свѣтъ по частямъ и въ цѣломъ, о чемъ П. А. Брянчаниновъ и объявилъ въ газетѣ С.-Петербургскія вѣдомости за 17 сентября 1867 г., № 57, стр. 4, предувѣдомляя, что „всякое появленіе въ печати, помимо его вѣдома, какой либо статьи Преосвященнаго Игнатія будетъ противозаконнымъ нарушеніемъ правъ литературной собственности, на основаніи постановленій о литературной собственности издателей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ П. А. Брянчаниновъ сообщаетъ всѣмъ ученикамъ Преосвященнаго Игнатія его завѣщаніе, чтобы ни одно изъ писемъ его не было напечатано, кромѣ тѣхъ, кои, по важности ихъ духовнаго содержанія, были имъ самимъ пересмотрѣны, исправлены и собраны, и имѣютъ быть изданными, по приведеніи въ порядокъ всѣхъ рукописей, оставшихся по кончинѣ Преосвященнаго. Изъ остальныхъ его писемъ, которыхъ собрано немало, предполагается сдѣлать и издать выборку духовно-назидательныхъ изреченій, совѣтовъ, мыслей и повѣданій“. Петръ Александровичъ до самой своей смерти усердно занимался собираніемъ, приведеніемъ въ порядокъ и подготовленіемъ къ печати бумагъ своего брата, но закончить свой святой трудъ не успѣлъ. Въ дальнѣйшемъ, изданіе сочиненій Преосвященнаго Игнатія, по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи документамъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. 1) 15 января 1880 года Софья Васильевна Боборыкина, по довѣренности дяди Петра Александровича Брянчанинова, и С.-Петербургскій купецъ Игнатій Лукьяновичъ Тузовъ заключили условіе въ томъ, что С. В. Боборыкина уступила Тузову право на одно изданіе и на продажу книгъ: „Отечникъ“ и „Слово о смерти“ въ количествѣ двухъ заводовъ или 2.400 экз. каждой книги за 350 рублей на слѣд. условіяхъ: а) Тузовъ обязывается не иначе допускать печатаніе той или другой книги изъ означенныхъ сочиненій Епископа Игнатія, какъ если весь текстъ будетъ пропущенъ цензурою безъ всякихъ исправленій, сокращеній, поясненій или какихъ либо измѣненій; б) по окончательномъ отпечатаніи учредить надлежащую считку и веденіе корректуры поручить г-жѣ Софьѣ Ивановнѣ Снессаревой; в) сдѣлать самую тщательную выборку опечатокъ и всѣ безъ исключенія помѣстить въ концѣ книги; г) немедленно по отпечатаніи означенныхъ сочиненій Епископа Игнатія, до выпуска ихъ въ продажу, взамѣнъ вышеозначенной продажной суммы—350 руб. доставить П. А. Брянчанинову на счетъ Тузова двѣсти экземпляровъ „Отечника“ и двѣсти экземпляровъ „Слово о смерти“, всего 400 книгъ въ жительство г. Брянчанинова—въ Николо-Бабаевскій монастырь Костромской губерніи, послѣ чего всякіе счеты между Тузовымъ и Брянчаниновымъ кончаются, причемъ С. В. Боборыкина, за своего довѣрителя, обязывается въ теченіе пяти лѣтъ означенныхъ книгъ не печатать и права изданія ихъ никому не уступать.

2) 23 апрѣля 1886 года дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Алексан-

ховныхъ дѣятелей особенной своей цѣльностію и адекватностію съ начала и до конца его земного странствованія. Особенную сторону его жизни составляетъ, по свидѣтельству его современниковъ и почитателей, „полное самоотверженіе ради точнаго исполненія евангельскихъ заповѣдей въ потаенномъ иноческомъ духовномъ подвигѣ, послужившемъ предметомъ новаго, аскетически-богословскаго ученія

дровичъ Брянчаниновъ и С.-Петербургскій 2-й гильдіи купецъ Игнатій Лукьяновичъ Тузовъ заключили условіе, по которому Брянчаниновъ, состоя наслѣдникомъ литературныхъ произведеній въ Бозѣ почившаго брата своего „Епископа Игнатія Александровича Брянчанинова, право изданія этихъ произведеній передаетъ г. Тузову, на слѣдующихъ условіяхъ: а) шрифтъ, форматъ и достоинство бумаги употребить такіе, какіе употреблены въ изданіи поученій протоіерея Родіона Путятина; б) въ началѣ I-го тома помѣстить жизнеописаніе Епископа Игнатія, съ портретомъ его, вновь снятымъ съ послѣдняго портрета почившаго Епископа; в) при IV томѣ, послѣ „Аскетической проповѣди“, помѣстить „Письма къ мірянамъ“; г) къ печатанію „Отечника“ приступить тогда, когда разойдется изданіе этой книги, сдѣланное въ 1886 году; д) если Тузову представится удобнымъ сдѣлать изданіе отдѣльной брошюрой (кромѣ писемъ) которой либо изъ статей Владыки Игнатія,—новыхъ условій не дѣлать, а издавать, сообщая Брянчанинову лишь къ свѣдѣнію, съ уплатою за это ста экземпляровъ съ каждаго завода; е) все полное собраніе твореній Епископа Игнатія (первыхъ пяти томовъ) Тузовъ обязуется окончить напечатаніемъ къ первому января 1887 года; ж) издатель обязанъ наблюсти, чтобы текстъ книги остался неизмѣненнымъ и всѣ сдѣланныя пополненія помѣщены въ указанныя имъ мѣста; з) корректура должна быть тщательнѣйшая и лежитъ на обязанности издателя, какъ равно и выборка опечатокъ для приложенія ихъ къ книгамъ къ каждой по принадлежности; и) издатель даетъ собственнику твореній сто полныхъ экземпляровъ вознагражденія за текстъ—за право настоящаго изданія, въ количествѣ одного завода въ 1200 экз.; і) срокъ невозобновленія этого изданія продолжается 12 лѣтъ, а на выходящія въ продажу книги кончается съ выходомъ въ расходъ тысячи экземпляровъ каждой (Копія договора, засвидѣтельствованная нотаріусомъ Елагинымъ 24 апрѣля 1886 г., по реестру № 2383). Въ октябрѣ 1886 года полное собраніе сочиненій Епископа Игнатія уже вышло изъ печати, о чемъ книжный магазинъ И. Л. Тузова сообщилъ П. А. Брянчанинову отъ 7 октября 1886 г.

3) Письмомъ отъ 3 октября 1890 г. Тузовъ сообщалъ П. А. Брянчанинову о своемъ намѣреніи напечатать новое изданіе „Отечника“ въ 2400 экз. и брошюры: „О кончинѣ міра“—3600 экземпляровъ, такъ какъ имѣющіяся изданія этихъ произведеній приходятъ къ концу. Согласіе Петра Александровича на новое изданіе выражено письмомъ къ Тузову отъ 15 октября 1890 г.

4) За послѣдовавшею 25 іюня 1891 года кончиною Петра Александровича Брянчанинова, наслѣдственныя издательскія права перешли къ его сыну, племяннику Преосвященнаго Игнатія Алексѣю Петровичу Брянчанинову, состоявшему въ должности помощника управляющаго дѣлами комитета министровъ въ чинѣ Тайнаго Совѣтника. Вслѣдствіе письма Тузова отъ 12 октября 1893 года, А. П. Брянчаниновымъ отъ 22 октября 1893 года, на основаніи п. 4 договора съ П. А. Брянчаниновымъ отъ 24 апрѣля 1886 года, изъявлено согласіе на предоставленіе Тузову права изданія сочиненія Епископа Игнатія: „Правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ“, съ тѣмъ, чтобы названное сочиненіе было напечатано въ количествѣ

въ нашей духовной литературѣ,—ученія о внутреннемъ совершенствованіи человѣка въ быту монашескомъ и отношеніи его къ другимъ духовнымъ существамъ, вліяющимъ на него, какъ по внутреннему человѣку, такъ и со стороны внѣшней или физической. Вотъ та особенность, которая отличаетъ Преосвященнаго Игнатія въ ряду прочихъ духовныхъ писателей его времени,—особенность рѣзкая,

---

3600 экз., съ вознагражденіемъ собственнику въ видѣ 300 экз. книги и съ продолженіемъ силы разрѣшенія на 12 лѣтъ, считая съ 24 октября 1893 года.

5) Вслѣдствіе письма отъ 28 іюня 1899 г., А. П. Брянчаниновъ, отъ 3 іюля 1899 г. изъявилъ согласіе на изданіе сочиненій Епископа Игнатія: а) „О кончинѣ міра"; б) „Приготовленіе къ таинствамъ Исповѣди и Св. Причащенію"; и в) „Слово о смерти", въ количествѣ 3600 экз. каждое сочиненіе, съ уплатою собственнику за всѣ книги 262 рубля 50 к., или 300 экз. каждаго изданія, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 12 лѣтъ, начиная съ 3 іюня 1899 года, означенныя сочиненія не были печатаемы, кромѣ какъ въ полномъ собраніи сочиненій Епископа Игнатія.

6) По договору Тузова съ А. П. Брянчаниновымъ отъ 28 сентября 1902 года, книгоиздательствомъ И. Л. Тузова напечатаны слѣдующія произведенія Епископа Игнатія: а) четвертымъ изданіемъ: „Отечникъ". Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ, съ приложеніемъ снимка съ рукописи Епископа Игнатія: „Предисловіе къ первому тому аскетическихъ опытовъ", въ количествѣ 3000 экз.; б) „О терпѣніи скорбей", четвертымъ изданіемъ, въ количествѣ 3000 экз.; в) „Правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ", шестымъ изданіемъ, въ количествѣ 6000 экз., съ тѣмъ, чтобы въ теченіе десяти лѣтъ эти сочиненія отдѣльно не издавались. За всѣ означенныя изданія Тузовымъ выдано А. П. Брянчанинову 300 руб. Деньги эти А. П. Брянчаниновымъ 30 сентября 1902 г. внесены въ Николо-Бабаевскій монастырь, въ дополненіе къ внесеннымъ ранѣе 600 руб., для обращенія въ процентныя бумаги, съ обращеніемъ дохода съ нихъ на исправное содержаніе памятниковъ Петра Александровича и Епископа Игнатія Брянчаниновыхъ (Письмо настоятеля Николо-Бабаевскаго монастыря игумена Иліи отъ 15 октября 1902 года; увѣдомленіе Костромской дух. Консисторіи отъ 5 ноября 1902 года за № 11731).

7) По договору отъ 12 апрѣля 1904 года тайный совѣтникъ сенаторъ А. П. Брянчаниновъ предоставилъ потомственному почетному гражданину И. Л. Тузову право печатанія третьимъ изданіемъ, по три тысячи экземпляровъ каждаго тома, сочиненій Епископа Игнатія Брянчанинова, въ пяти томахъ, съ приложеніемъ портрета и его жизнеописаніемъ, составленнымъ его ближайшими учениками въ 1881 году, содержащихъ въ себѣ—томы первый, второй и третій—„Аскетическіе опыты", томъ четвертый—„Аскетическая проповѣдь и письма къ мірянамъ" и томъ пятый—„Приношеніе современному монашеству", что составитъ всего 15000 книгъ. При этомъ А. П. Брянчаниновъ обязывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ и правопреемниковъ въ теченіе тринадцати лѣтъ и 18 дней, т. е. до 30 апрѣля 1917 года не приступать къ новому изданію всѣхъ пяти томовъ вышепоименованныхъ сочиненій Преосвященнаго Игнатія. За право третьяго изданія пяти томовъ сочиненій Епископа Игнатія, всего въ количествѣ 15000 книгъ Тузовымъ внесено А. П. Брянчанинову 750 руб.

8) Наконецъ, 30-го октября 1906 года сенаторъ А. П. Брянчаниновъ предоставилъ книгопродавцу—издателю И. Л. Тузову напечатать новыми изданіями двѣ брошюры: а) „О кончинѣ міра"—въ количествѣ 10.000 экземпляровъ и б) „Правила наружнаго поведенія новоначальныхъ иноковъ",—въ количествѣ 5000 экземпляровъ; за право изданія Тузовымъ уплачено 200 руб.

однако не всѣми точно усматриваемая, вѣрно различаемая“ [1]). Анализъ духовнаго дѣланія, уясненіе его основъ и процесса духовнаго возрожденія человѣка на пути къ Богоуподобленію—вотъ, по нашему мнѣнію, основное положеніе воззрѣній Епископа Игнатія. Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться?—вотъ основной вопросъ для размышленій Епископа Игнатія, какъ писателя-богослова. И значеніе Святителя Игнатія въ этомъ отношеніи опредѣляется тѣмъ болѣе, что въ постановкѣ названнаго вопроса, въ литературномъ его разрѣшеніи, да и въ подвигѣ личнаго усвоенія началъ спасенія и особенно проповѣди ихъ грѣховному міру Преосвященный Игнатій предшествуетъ Преосвященному Ѳеофану-Затворнику и другимъ духовнымъ писателямъ того же типа. Въ лицѣ Епископа Игнатія Брянчанинова мы имѣемъ предъ собою писателя-аскета по духу и направленію его литературныхъ твореній и подвижника-аскета по духу и направленію его жизни, который и въ дѣятельности своей и, еще болѣе, въ писаніяхъ является славнымъ предтечей самобытнаго сонма нашихъ рус-

---

Примѣнительно къ вышеприведенной справкѣ, количество напечатанныхъ сочиненій Епископа Игнатія представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) „Собраніе сочиненій“ въ пяти томахъ—не менѣе 5000 экз. или	25.000	кн.
2) „Отечникъ“ въ трехъ изданіяхъ Тузова 1880, 1890 1902 г.г.	7800	экз.
3) „Слово о смерти“ въ изд. 1880 и 1899 г.г.	6000	„
4) „О кончинѣ міра“ въ изд. 1890, 1899 и 1906 г.г.	17.200	„
5) „Правила наружнаго поведенія новоначальныхъ иноковъ“ въ изд. 1893, 1902 и 1906 г.г.	14.600	„
6) „Приготовленіе къ таинствамъ Исповѣди и Св. Причастія“ изд. 1899 г.	3600	„
7) „О терпѣніи скорбей“ изд. 1902 г. (4-е)	3000	„

Такимъ образомъ, въ перечисленныхъ въ настоящей справкѣ изданіяхъ И. Л. Тузова выпущено изъ печати не менѣе 69.400 книгъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, но справка эта недостаточно полна, что мы имѣемъ право утверждать, основываясь на печатномъ каталогѣ книжнаго магазина И. Л. Тузова за 1914 годъ, гдѣ на стр. 100 указаны имѣющіяся въ магазинѣ сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, причемъ значится: „Отечникъ“, — 4-мъ изд. 1903 года, „Слово о смерти“— 6 изд. 1901 г., „О кончинѣ міра“—5 изд. 1907 года, „Правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ“—7 изд. 1907 года, „Приготовленіе къ таинствамъ Исповѣди и Св. Причастія“—3 изд. 1900 г.; „О терпѣніи скорбей“—4 изд. 1904 г., что въ значительной степени увеличиваетъ сумму тиража разошедшихся сочиненій Еп. Игнатія. Въ доходъ Брянчаниновыхъ по изданіямъ сочиненій Епископа Игнатія поступило немного больше 1000 руб., остальное пошло въ прибыль книгоиздателямъ, оставляя въ безкорыстныхъ сродникахъ Владыки Игнатія пріятную увѣренность, что высокія настроенія подвижника Игнатія—сродника ихъ усвояются ищущими спасенія русскими людьми.

[1]) Жизнеописаніе Епископа Игнатія Брянчанинова, сост. его учениками и почитателями въ 1881 г. Вступленіе.

скихъ писателей-аскетовъ, богослововъ, сконцентрировавшихъ свое вниманіе, по преимуществу, на вопросахъ душевнаго спасенія и стремящихся, подобно Преосвященному Θеофану, о. Іоанну Кронштадтскому, о. Амвросію и другимъ Оптинскимъ старцамъ, воплотить завѣты душевнаго спасенія въ жизни своей и къ тому же расположить настроеніе страждущихъ отъ грѣховной язвы братій своихъ и тѣмъ послужить желанному возрожденію міра.

Общее содержаніе перечисленныхъ твореній Епископа Игнатія и мотивы ихъ напечатанія, по мысли самого Преосвященнаго автора, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ первыхъ трехъ томахъ сочиненій Епископа Игнатія Брянчанинова, подъ заглавіемъ „Аскетическіе опыты", по мысли самого Преосвященнаго автора, изложено ученіе Св. Отцовъ „о наукѣ изъ наукъ—о монашествѣ,—ученіе примѣненное къ требованіямъ современности"[1]). Самое примѣненіе къ требованіямъ современности вызывается особыми условіями русской монашеской жизни въ XIX вѣкѣ и выражается въ стремленіи составить полное и обстоятельное руководство для духовнаго подвига ищущихъ совершенной жизни и нуждающихся въ живомъ руководителѣ. „Главная черта, которою отличается дѣятельность древняго монашества отъ дѣятельности новѣйшаго заключается въ томъ, что монашествующіе первыхъ вѣковъ христіанства были руководимы боговдохновенными наставниками, а нынѣ, замѣчаетъ препод. Нилъ Сорскій согласно съ другими позднѣйшими отцами,—монашествующіе должны наиболѣе руководиться Священнымъ Писаніемъ и Писаніями Отеческими, по причинѣ крайняго оскуденія живыхъ сосудовъ Божественной благодати. Объясненіе этого направленія и необходимости въ немъ составляетъ основную мысль „Аскетическихъ опытовъ" на всемъ ихъ пространствѣ", по намѣренію самого Преосвященнаго автора[2]).

Время написанія „Аскетическихъ опытовъ", т. е. первыхъ трехъ томовъ, авторомъ точно не указывается и самъ онъ свидѣтельствуетъ, что статьи, изъ которыхъ состоитъ эта книга написаны въ разныя времена, по разнымъ причинамъ, преимущественно по поводу возникавшихъ аскетическихъ вопросовъ въ обществѣ иноковъ и боголюбивыхъ мірянъ, находившихся въ духовномъ общеніи съ нимъ.

Статьи, помѣщенныя въ „Аскетическихъ опытахъ", написаны Игнатіемъ Брянчаниновымъ въ санѣ Архимандрита, т. е. до 1857 года, кромѣ статей,—о различныхъ состояніяхъ естества человѣческаго по

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, т. I, Предисловіе.

[2]) Тамъ же. Тоже предисловіе въ автографѣ, приложенномъ къ „Отечнику". Написаніе „Предисловія" относится къ 1863 году въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ.

отношенію къ добру и злу и о видѣніи духовъ, которыя, по мнѣнію извѣстнаго составителя біографіи Преосвященнаго Игнатія, написаны имъ на Кавказѣ [1]).

Мотивы изданія первыхъ трехъ томовъ, т. е. „Аскетическихъ опытовъ“ точно объясняется самимъ Преосвященнымъ Игнатіемъ въ „Предисловіи“ къ нимъ и къ „Отечнику“ въ слѣдующемъ видѣ. „Оканчивая земное странствованіе, я счелъ долгомъ моимъ пересмотрѣть, исправить, пополнить, собрать воедино, и издать печатно всѣ статьи, написанныя мною въ санѣ Архимандрита. Счелъ я долгомъ моимъ сдѣлать это по двумъ причинамъ: во первыхъ—по той, что многія статьи распространились въ рукописяхъ съ большими или меньшими погрѣшностями; во вторыхъ—по той, что признаю себя обязаннымъ представить христіанскому обществу отчетъ по созерцанію мною земли обѣтованной, точащей духовные дары и блага,—по созерцанію монашеской жизни, какою она является въ Святомъ Преданіи Православной Восточной Церкви и какою Промыслъ Божій привелъ созерцать ее въ нѣкоторыхъ живыхъ представителяхъ ея. Затѣмъ остается мнѣ просить у читателей снисхожденія къ моему скудоумію и молитвъ о убогой душѣ моей“ [2]). Такимъ образомъ, мотивами печатнаго изданія „Аскетическихъ опытовъ“ для Преосвященнаго Игнатія было 1) широкое распространеніе его назидательныхъ статей въ рукописяхъ, съ неизбѣжными при этомъ погрѣшностями, вызывавшими на исправленіе и устраненіе ихъ въ будущемъ, и 2) сознаніе обязанности дать христіанскому обществу отчетъ о пережитомъ авторомъ „созерцаніи земли обѣтованной“, т. е. истинно-христіанской жизни.

Четвертый томъ „Сочиненій Епископа Игнатія Брянчанинова“ въ изданіи И. Л. Тузова, вмѣщаетъ въ себѣ „Аскетическую проповѣдь и письма къ мірянамъ“. Въ предисловіи къ первому изданію этого тома, вышедшему незадолго до смерти Преосвященнаго автора, написанномъ самимъ Епископомъ Игнатіемъ въ 1866 году, авторъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ томѣ «предлагается пересмотрѣнное и пополненное собраніе поученій, бесѣдъ и словъ, произнесенныхъ и непроизнесенныхъ, написанныхъ для чтенія въ церкви и для чтенія келейнаго. При этомъ характеръ ихъ сдѣлался еще опредѣленнѣе, и названіе „Аскетической проповѣди“ оказалось названіемъ, для нихъ вполнѣ соотвѣтствующимъ. Ознакомившіеся съ „Аскетическими опытами“, написанными мною въ санѣ Архимандрита», говоритъ Преосвя-

---

[1]) Изъ бумагъ сенатора Н. С Брянчанинова.

[2]) „Предисловіе“, приложенное къ „Отечнику“, помѣчено 1863 годомъ—временемъ его первоначальнаго написанія, а при первомъ томѣ „Аскетическихъ опытовъ“, 1865 г.—временемъ печатанія этого тома.

щенный авторъ, „ясно увидятъ, что образъ мыслей, изложенный въ „Аскетической проповѣди“, естественно вытекаетъ изъ монашескаго жительства и находится съ нимъ въ неразрывной связи. Проповѣдь служитъ пополненіемъ къ описанію духовнаго христіанскаго подвига, значительно объясняетъ его. Изъ этого“, по мнѣнію автора, „отнюдь не слѣдуетъ, чтобы чтеніе ея приличествовало однимъ монашествующимъ: оно приличествуетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, желающимъ ознакомиться съ подвижническою жизнію по разуму Святыхъ Отцовъ, по разуму Церкви“ [1]).

Въ пятомъ томѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Приношеніе современному монашеству“, помѣщены: 1) „Правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ“; 2) „Совѣты относительно душевнаго иноческаго дѣланія“ въ пятидесяти главахъ, и 3) „Плачъ инока о братѣ его, впадшемъ въ искушеніе грѣховное“. Въ предисловіи къ этому тому Преосвященный Игнатій называетъ его содержаніе духовнымъ завѣщаніемъ на духовныя блага, которыми ущедрила его десница Божія. Завѣщаніе это онъ составляетъ, приближаясь къ концу земного странствованія. „Завѣщаніемъ“, говоритъ онъ, „я называю душеспасительное слово: исполнители этого слова вступаютъ во владѣніе духовными благами. Завѣщаніе приношу въ даръ возлюбленнымъ отцамъ и братіямъ, современнымъ инокамъ. Духовнымъ благомъ, объемлющимъ и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ прочія блага, называю монашество, къ которому я призванъ съ дѣтства чуднымъ призваніемъ и неизреченною милостію. Не предоставлено было мнѣ принести жизнь мою въ жертву суетѣ и тлѣнію! Взятъ я, восхищенъ съ широкаго пути, ведущаго къ вѣчной смерти, и поставленъ на путь тѣсный и прискорбный, ведущій въ животъ. Путь тѣсный имѣетъ самое глубокое значеніе: подъемлетъ съ земли, выводитъ изъ омраченія суетою, возводитъ на небо, возводитъ въ рай, возводитъ къ Богу, поставляетъ предъ Лице Его въ незаходимый свѣтъ для вѣчнаго блаженства. Чтобы доставить возможную удовлетворительность завѣщанію, потребовалось изложить его въ книгѣ. Книга содержитъ въ себѣ пра-

---

[1]) Предисловіе къ IV т.

Письма къ мірянамъ—замѣчательны, какъ рѣдкое произведеніе Епископа Игнатія. Въ этихъ письмахъ онъ, отрѣшившись отъ исключительно-аскетическаго настроенія, идетъ въ міръ съ словомъ, проникнутымъ высокимъ духомъ христіанскаго ученія, яснымъ для образованнаго человѣка. Письма къ мірянамъ написаны человѣкомъ убѣжденнымъ, знакомымъ съ богословіемъ и примѣнительно къ понятіямъ мірского человѣка. По искреннему и глубокому убѣжденію въ величіи ученія Христова и по изящной простотѣ рѣчи, письма къ мірянамъ стоятъ въ параллели съ дневникомъ о. Іоанна Кронштадтскаго или твореніями Епископа Ѳеофана. Эти три духовные писателя по христіанскому вдохновенію въ твореніяхъ своихъ сходны между собою: они не сочиняютъ, а исповѣдуютъ искреннія свои убѣжденія.

вила для наружнаго поведенія иноковъ и совѣты имъ о душевномъ подвигѣ или дѣланіи. Со всею справедливостію могу назвать сочиненіе это моею таинственною исповѣдію. Прошу принять исповѣдь съ вниманіемъ и христіанскимъ снисхожденіемъ: она достойна того и другого. Предлагаемое мною ученіе вполнѣ заимствовано изъ святого ученія Святыхъ Отцовъ Православной Церкви, и теоретически и опытно ознакомившихся съ ученіемъ Евангелія, усвоившихъ себѣ это ученіе". Въ этомъ, полномъ субъективнаго лиризма, предисловіи Преосвященный авторъ свидѣтельствуетъ, что спасительно-назидательное духовное завѣщаніе его литературныхъ твореній представляетъ собою многополезный плодъ его личной духовной жизни: не только его восхищеннаго „созерцанія земли обѣтованной", исполненной всякаго духовнаго обилія и радости, но и пережитыхъ имъ искушеній и скорбей—отъ недостатковъ окружающей жизни и отъ смиренно сознаваемыхъ имъ нестроеній жизни личной. „Упущенія и увлеченія мои, недостаточно твердое и неуклонное послѣдованіе наставленіямъ Отцовъ, неимѣніе руководителя благодатнаго, частая, почти постоянная встрѣча съ руководителями, болѣзновавшими слѣпотою и самообольщеніемъ, вольная и невольная зависимость отъ нихъ, обстановка отовсюду предметами соблазна, а не назиданія, вниманіе къ ученію, которому міръ, враждебный Богу, придавалъ блескъ и важность высшей мудрости и святости, которое, будучи тьма и скверна, заслуживало лишь презрѣніе и отверженіе, были причиною для меня многихъ потрясеній. Потрясенія, которыми я испытанъ, были потрясеніями и горькими, и тяжкими, и жестокими, и упорно, томительно продолжительными. Потрясенія по наружному положенію, на судъ совѣсти моей, ничего не значатъ съ потрясеніями, которыми подвергалась душа. Свирѣпы волны житейскаго моря; на немъ господствуютъ мракъ и мгла; непрестанно воздвизаются на немъ бури лютыми вѣтрами—духами отверженными; корабли лишены кормчихъ; благонадежныя гавани превратились въ водовороты, въ гибельныя пучины, потопленіе представляется неизбѣжнымъ. Много пришельствова душа моя, не находя пристанища вѣрнаго ни внѣ, ни внутри себя". Изобразивъ трудныя внѣшнія условія спасенія и неизбѣжный при борьбѣ съ грѣхомъ разладъ внутренній, авторъ, въ писаніяхъ своихъ, изъ этого состоянія подаетъ голосъ отцамъ и братіямъ, голосъ заботливаго предостереженія. „Такъ поступаетъ путешественникъ, претерпѣвшій страшныя бѣдствія въ многотрудномъ и продолжительномъ путешествіи. Свои замѣтки, драгоцѣнное сокровище, онъ передаетъ тѣмъ, которые намѣрены предпринять подобное путешествіе, или уже и вступили въ путь, не зная его, или ознакомясь съ нимъ лишь поверхностно по описаніямъ устарѣвшимъ". Но авторъ совершенно чуждъ намѣренія вносить какое либо новое ученіе въ сознаніе ищущихъ спасенія и,

согласно своимъ гипотезамъ, измѣнять направленіе подвижнической и общей христіанской жизни. Онъ стремится указать нѣкоторыя измѣненія, „измѣненія не въ сущности, а въ обстановкѣ, имѣющей на сущность существенное вліяніе“; онъ хочетъ указать, „какимъ образомъ должно пользоваться писаніями древнихъ и примѣнять ихъ къ современности, избѣгая того ложнаго положенія съ его послѣдствіями, въ которое поставляется всякій, непонявшій и непримѣтившій необходимости примѣненія“ [1]).

Шестой томъ сочиненій Епископа Игнатія Брянчанинова, носящій названіе „Отечникъ“, содержитъ въ себѣ избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ ихъ жизни, собранныя Епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ. Въ этомъ объемистомъ, въ 549 страницъ, томѣ сочиненій Епископа Игнатія собраны изреченія преподобныхъ подвижниковъ-Отцовъ, преимущественно египетскихъ, и повѣсти изъ житія этихъ Отцовъ, изъ которыхъ 80 подвижниковъ поименованы и изреченія ихъ и повѣсти о нихъ расположены въ „Отечникѣ“ въ алфавитномъ порядкѣ ихъ именъ. Сверхъ того, въ „Отечникѣ“ помѣщены назидательныя изреченія старцевъ, имена которыхъ не сохранились. Приведенныя въ книгѣ изреченія и повѣсти Отцовъ—подвижниковъ сопровождаются примѣчаніями составителя „Отечника“. Главнымъ предметомъ собранныхъ Преосвященнымъ Игнатіемъ подвижническихъ изреченій является грѣховность человѣческой души, необходимость борьбы съ ней и указаніе средствъ и путей для этого. Въ главѣ о реальномъ состояніи души по наблюденію Епископа Игнатія мы отчасти остановимъ вниманіе читателя на содержаніи „Отечника“, но, по мнѣнію Преосвященнаго Игнатія, и по нашему личному впечатлѣнію,—научный анализъ этихъ изреченій, уясняя идейное и психологическое ихъ содержаніе, не исчерпываетъ сполна ихъ значенія для ратниковъ борьбы со зломъ: они сильны, кромѣ того, ихъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ на читателя, впечатлѣніемъ „святой простоты и истиннаго служенія Богу, осѣненныхъ обильно Божественною благодатію“.

Творенія Епископа Игнатія написаны вполнѣ литературнымъ языкомъ, подтверждая, вмѣстѣ съ тѣмъ, ту мысль, что обыкновенная правильная литературная рѣчь способна къ выраженію высокихъ идей, имѣющихъ отношеніе къ возрожденію и Богоуподобленію человѣка.

Въ отношеніи источниковъ духовно-умственной эрудиціи, свидѣтельствуемой твореніями Преосвященнаго Игнатія, мы, прежде всего, склонны и имѣемъ основанія отмѣтить въ нихъ строго церковную и православную школу духовно-богословскаго вѣдѣнія.

---

[1]) Предисловіе къ т. V Сочиненій Епископа Игнатія.

Обратившись по глубокой духовной потребности, еще во дни своего отрочества въ тѣнистыхъ аллеяхъ Покровскаго сада, въ обширной библіотекѣ Брянчаниновскаго дома, къ чтенію Священнаго Писанія и Святоотеческихъ и подвижническихъ твореній, Преосвященный Игнатій въ своей литературной дѣятельности является предъ нами замѣчательнымъ знатокомъ въ этой области, а соотношеніе впитанныхъ имъ источниковъ вѣдѣнія съ опытомъ его духовной жизни и жизнь сердца въ Богѣ придали его богословскимъ познаніямъ духовно-органическое единство и удивительную жизненность, выражаясь въ его вдохновенныхъ и полныхъ лиризма гимнахъ-размышленіяхъ, въ тѣхъ особенно случаяхъ, гдѣ онъ говоритъ объ этихъ особо учительныхъ для него писаніяхъ, о грѣховности души человѣческой, о покаяніи, о созиданіи внутренняго человѣка, о таинственной помощи Божьей, о природѣ, вѣщающей Бога, о неопровержимой проповѣди уединенія и т. п. Его изложеніе притчей, объясненіе молитвы Господней, изъясненіе псалмовъ и т. п. даютъ намъ немало поводовъ для полезнаго размышленія о назидательномъ и воспитательномъ направленіи преподаванія Закона Божія въ нашихъ школахъ и въ церковной проповѣди. Но, кромѣ книгъ Священнаго Писанія, Святоотеческой письменности и подвижническихъ твореній, Святитель Игнатій поражаетъ насъ обширностію своей богословской эрудиціи, обнаруживаемой въ безконечныхъ цитатахъ его твореній, свидѣтельствующихъ о глубокой любознательности подвижника-Архипастыря и его стремленіяхъ къ всестороннему выясненію предмета. Въ первыхъ пяти томахъ его твореній мы видимъ цитируемыя: Четьи-Минеи, Патерикъ Скитскій, Добротолюбіе, церковно-богослужебныя книги, творенія Св. Тихона Воронежскаго, Серафима Саровскаго и литературные труды о нихъ, Св. Димитрія Ростовскаго, Благовѣстникъ Ѳеофилакта Болгарскаго, Псалтырь съ толкованіями на брезѣ (изд. Кіево-Печерской Лавры), рукописныя житія святыхъ (напр. Св. Авраамія Ростовскаго, преп. Иларіона Суздальскаго), рукописи монастырскихъ библіотекъ (напр., Валаамскаго монастыря), точное изложеніе Православной вѣры Іоанна Дамаскина, сочиненія Митрополита Филарета, Догматическое богословіе Преосвященнаго Макарія, энциклопедическіе словари и богословскіе журналы; мы видимъ знакомство его съ соприкосновенной предметамъ его духовныхъ интересовъ литературой иностранной: мы видимъ въ его книгахъ разборъ сочиненій Ѳомы Кемпійскаго „Подражаніе Христу“, мнѣній Декарта, цитаты и выдержки изъ книгъ и ученыхъ изданій, напр., Vie des Peres des déserts d'Orient par le R. P. Michel-Ange-Manin, Histoire du Christianisme par Fleury, S. Hieronimi. Liber de nominibus hebraicis, Cassiani collatio, Patrologiae Graecae T.t. XXXIV, XXXVI, XL, LXXIII, XXXIV, XXVI, XXIII, XXIX; Dictionnaire Theologique par Bergier и др. свыше пятидесяти цитиру-

емыхъ имъ книгъ и изданій, сверхъ подвижнической и Свято-отеческой литературы. Сверхъ того, Святитель Игнатій извлекаетъ все необходимое изъ свѣтской, мірской науки, полезное для раскрытія и обоснованія близкихъ его духу идей и понятій, поддерживая въ читателяхъ глубокое убѣжденіе свое въ неизбѣжномъ согласіи истинной науки съ поученіями святой вѣры.

Такимъ образомъ, источниками и средствами обоснованія религіозно-богословскаго вѣдѣнія для Преосвященнаго Игнатія являются: книги Священнаго Писанія, творенія Свв. Отцовъ и аскетовъ-подвижниковъ древней и новой Церкви, церковно-историческія и богословскія сочиненія современной ему богословской науки—русскія и иностранныя, свидѣтельства и доводы науки мірской по соприкосновеннымъ вопросамъ, богатый запасъ личныхъ наблюденій и внутренній опытъ личной подвижнической жизни. Его мышленіе послѣдовательно и методично: оно движется къ намѣченной цѣли по преимуществу путемъ индуктивно-аналитическимъ и, анализируя свидѣтельства Слова Божія, церковнаго Преданія, аскетически-подвижнической литературы, онъ естественно подводитъ читателя къ точно-опредѣленному выводу, усиливая его, гдѣ возможно, данными своего опыта и давая своимъ соображеніямъ ясную формулировку и излагая ихъ въ формѣ безукоризненно-литературной, во многихъ случаяхъ художественной рѣчи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда исповѣдуемыя имъ религіозно-христіанскія упованія по той или иной сторонѣ встрѣчаются съ отрицательными или противорѣчивыми сужденіями—русской или, еще чаще и болѣе, западно-европейской литературы, Преосвященный Игнатій съ успѣхомъ пользуется методомъ критическимъ, обнаруживая замѣчательную выдержанность и послѣдовательность мысли, какъ это можно, особенно, видѣть во второй части т. III, гдѣ Владыка Игнатій подвергаетъ разбору мнѣніе западныхъ писателей-богослововъ о духахъ, адѣ и раѣ.

На твореніяхъ Святителя Игнатія весьма опредѣленно отразилась пройденная имъ основательная и многолѣтняя школа его церковно-богословскаго вѣдѣнія. Святые Отцы и аскеты-подвижники древней Церкви, воспитавшіе его духъ, руководившіе имъ въ суровые годы послушничества, сопутствуютъ ему и остаются его руководителями и въ его литературныхъ трудахъ, и онъ ни въ коемъ случаѣ не стремится къ освобожденію отъ этого вліянія, а напротивъ свое согласіе съ Отцами Церкви и Словомъ Божіимъ всегда выдвигаетъ, какъ наилучшее завѣреніе правоты своихъ взглядовъ. Въ характерѣ выдвигаемыхъ имъ вопросовъ церковно-богословской мысли и направленіи его богословскаго мышленія видна постоянно святоотеческая и подвижническая школа, но сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, въ то же время, даже въ своихъ наименѣе самостоятельныхъ

отдѣлахъ, какъ напр. „Отечникъ“, являются для насъ отраженіемъ личности автора, являясь плодомъ какъ вдумчиваго книжнаго ученія, такъ и еще болѣе—его содержательнаго многолѣтняго личнаго духовнаго опыта. Сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова являются яснымъ отраженіемъ и полученнаго имъ свѣтскаго образованія и культурныхъ условій общественности за подготовительный и самостоятельный періоды его жизни. Аскетъ-подвижникъ, истинный послушникъ святоотеческой школы, является предъ нами въ жизненныхъ условіяхъ XIX вѣка и, въ лицѣ Игнатія Брянчанинова, ставитъ предъ нами вопросъ о смыслѣ аскетизма, внутренняго и внѣшняго, слѣдуетъ ли его считать пережиткомъ благочестивой и обвѣянной Духомъ Божіимъ старины, а связанное съ нимъ восторженно-созерцательное, спасительное настроеніе предметомъ пріятныхъ воспоминаній невозвратнаго дѣтства духовнаго человѣка, нынѣ окончательно утратившаго способность къ переживанію искренно-покаянныхъ движеній грѣховнаго сердца, или, наоборотъ, аскетизмъ, какъ испытанная вѣками школа воспитанія духа въ послушаніи Христову Закону, также простъ и вѣченъ, какъ само породившее его христіанство. И Преосвященный Игнатій въ своихъ твореніяхъ и жизни, полагаемъ, убѣждаетъ насъ, что не только отдаленныя пустыни Сиріи и Египта могли являть міру силу человѣческаго духа въ борьбѣ со страстями и грѣховнымъ направленіемъ жизни, но что соименныя имъ пустыни—Семигородная и Троице-Сергіева, Кавказъ и Николо-Бабаевская обитель въ преполовеніи XIX столѣтія были свидѣтелями того многолѣтняго и многотруднаго духовнаго дѣланія, въ которомъ благородный потомокъ древне-русскаго дворянскаго рода и его истинные духовные сродники и ученики „перепахивали свою духовную ниву“ и мы, изучающіе творенія наставника и его жизнь, имѣемъ въ образѣ подвижника спасительный примѣръ, да послѣдуемъ стопамъ его.

Его основная точка зрѣнія на жизнь въ томъ, что она—школа душевнаго спасенія и никакого мірского выкупа не можетъ человѣкъ дать за душу свою: спасеніе души есть самоважнѣйшая и первая потребность жизни и неотложная обязанность человѣка. Сознаніе имъ недостатковъ жизни и противоборствующихъ началъ въ жизни личной и общественной еще болѣе побуждаютъ его къ усердному слѣдованію голосу Св. Церкви,—отсюда основная идея твореній Святителя Игнатія Брянчанинова есть созиданіе душевнаго спасенія по разуму Св. Православной Церкви.

Далѣе, замѣтную особенность твореній Игнатія Брянчанинова составляетъ выражаемая въ нихъ глубокая убѣжденность его въ истинѣ Православія сравнительно съ инославіемъ—католицизмомъ и, конечно, еще того безмѣрно болѣе,—лютеранствомъ. Конечно, всякій православный богословъ въ своихъ сужденіяхъ по церковно-религі-

озпымъ вопросамъ исходитъ изъ присущей ему такой же убѣжденности, но Игнатій Брянчаниновъ болѣе сталкивается съ взглядами западныхъ богослововъ и, въ силу своего аскетическаго направленія особенно живо чувствуетъ ихъ неправоту, а потому и особенно рѣшительно и убѣжденно свидѣтельствуетъ о правдѣ православнаго—церковнаго ученія. Отсюда—особая важность трудовъ Епископа Игнатія, какъ выраженія опытно-познаннаго православно-христіанскаго ученія о спасеніи, какъ православно-христіанской психологіи душевнаго спасенія.

Разсматривая творенія Игнатія Брянчанинова, какъ психологію душевнаго спасенія, мы, въ согласіи съ общепринятымъ православно-христіанскимъ воззрѣніемъ, естественно намѣчаемъ ученіе о борьбѣ съ грѣхомъ, духовномъ возрожденіи и совершенствованіи человѣка, какъ преобладающее содержаніе твореній Епископа Игнатія.

Отсюда планъ анализа твореній Игнатія Брянчанинова намѣчается нами въ слѣдующемъ порядкѣ.—Въ трехъ главахъ второй части нашего труда, мы разсмотримъ въ первой главѣ—ученіе Епископа Игнатія о духовномъ мірѣ и общихъ условіяхъ душевнаго спасенія, какъ необходимыхъ предпосылкахъ православно-христіанскаго подвига; во второй главѣ—пониманіе имъ грѣховнаго состоянія человѣка или реальной стороны духовной жизни; и, наконецъ, содержаніе третьей главы составитъ ученіе о православно-христіанскомъ подвигѣ въ его порядкѣ и постепенности, о душевномъ спасеніи, или объ идеальной сторонѣ духовной жизни.

Въ заключеніе общаго обозрѣнія литературной дѣятельности Преосвященнаго Игнатія мы считаемъ умѣстнымъ остановить наше вниманіе на той оцѣнкѣ, которою сопровождалось первое появленіе въ печати его твореній, главнымъ образомъ—„Аскетическихъ опытовъ“.

Смотря на свою литературную дѣятельность, какъ на долгъ, завѣщанный отъ Бога, какъ на обязанность дать отчетъ современникамъ и потомкамъ по „согляданію земли обѣтованной“, т. е. вѣчнаго душевнаго спасенія и совершенно не интересуясь матеріальной стороной своихъ твореній, Святитель Игнатій лично, и, по его порученію, П. А. Брянчаниновъ—разослали немалое количество томовъ перваго изданія приснымъ и знаемымъ Владыки Игнатія для ознакомленія и распространенія. Получавшіе этотъ даръ отвѣчали Преосвященному Игнатію письмами, выражая въ нихъ благодарность за доставленіе книгъ, или, еще чаще, входя въ оцѣнку ихъ значенія для читателя, дѣлая иногда обстоятельные отзывы о твореніяхъ Епископа Игнатія. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ отзывовъ останавливаютъ на

себѣ наше вниманіе [1]). Высокопреосвященный Митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ, въ письмѣ отъ 7 апр. 1867 года, полученномъ Преосвященнымъ Игнатіемъ за шесть дней до смерти, пишетъ: „Получивъ сегодня 3 и 4 томы сочиненій Вашего Преосвященства, спѣшу принести Вамъ искреннюю признательность за полезные труды Ваши, свидѣтельствующіе о глубокомъ изученіи Вами душеспасительнаго ученія Богомудрыхъ подвижниковъ благочестія и истинныхъ руководителей въ иноческой жизни. Не могу не выразить при семъ душевнаго сожалѣнія, что слабѣющія силы Ваши отказываются служить крѣпкому духу Вашему въ продолженіи подвиговъ на томъ духовно-ученомъ поприщѣ, на которомъ мы давно не видали столь усердныхъ тружениковъ. Благодать Божія, въ немощехъ человѣческихъ совершающая силу свою да приложитъ Вамъ дни на дни и лѣта на лѣта на пользу Св. Церкви. Радуйтесь о Господѣ и помяните въ молитвахъ Вашихъ уважающаго Васъ и искренне преданнаго покорнѣйшаго слугу Исидора Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго“ [2]).

Замѣчательный отзывъ объ „Аскетическихъ опытахъ“ и ихъ авторѣ даетъ Преосвященный Платонъ, Епископъ Костромской, въ письмѣ отъ 12 мая 1865 года, въ которомъ онъ пишетъ: „Рѣдко я по множеству дѣлъ моихъ могу снабдѣвать мою душу Святоотеческими писаніями. Вчера, улучивъ нѣсколько минутъ свободныхъ, взялъ въ руки Добротолюбіе и среди чтенія Преп. Дамаскина Петра подали мнѣ Ваши аскетическія писанія. Тотчасъ беру въ руки ихъ и слышу въ нихъ звуки Святоотеческой гармоніи, наслаждаюсь духомъ

---

[1]) Въ бумагахъ племянника Преосвященнаго Игнатія—сенатора Н. С. Брянчанинова сохранилось не менѣе 50 отдѣльныхъ писемъ разныхъ лицъ—свѣтскихъ и духовныхъ, касающихся содержанія „Аскетическихъ опытовъ“ и другихъ книгъ Епископа Игнатія.

[2]) Подобный смыслъ имѣютъ письма къ Преосвященному Игнатію: 1) Высокопреосвященнаго Евсевія, Экзарха Грузіи, отъ 7 іюня 1865 года; 2) Преосвященнаго Леонида, Епископа Дмитровскаго, отъ 26 мая 1865 г., который называетъ Владыку Игнатія своимъ духовнымъ руководителемъ; 3) Преосвященнаго Іоанна, Епископа Выборгскаго, ректора С.-Петербургской духовной академіи, отъ 30 мая 1865 г., который молитъ Бога, „чтобы Онъ благословилъ благочестивые труды Ваши и оправдалъ ихъ, какъ спасеніемъ Вашей собственной души, такъ и преспѣяніемъ на пути спасенія тѣхъ, которые съ чистою мыслію о пользѣ души и духовномъ самоусовершеніи будутъ углубляться въ Ваши труды“. 4) Преосвященнаго Саввы, Епископа Можайскаго, Викарія Московскаго, отъ 25 мая 1865 года; 5) Преосвященнаго Агаѳангела, Епископа Вятскаго, отъ 18 мая 1865 года; 6) Преосвященнаго Христофора, Епископа Вологодскаго, отъ 25 мая 1865 года, въ которомъ, кромѣ отзыва объ „Аскетическихъ опытахъ“, дается отзывъ о монастыряхъ Вологодской епархіи; 7) Преосвященнаго Владиміра, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, на имя П. А. Брянчанинова, отъ 12 августа 1888 года.

древнихъ Отцовъ. Нѣкоторыя изъ Вашихъ писаній мнѣ были извѣстны прежде. Раскрылъ прежде всего: „Плачъ мой“. Такъ и чувствуется св. Ефремъ. Примите, Владыко Святый, живѣйшую благодарность за доставленіе мнѣ трудовъ Вашихъ. Да послужатъ они во благо Церкви, какъ труды Святителя Тихона и да сподобитъ Васъ Господь части Святителя Тихона и Преподобныхъ и Богоносныхъ Отцовъ. Въ Церкви Вы оставили памятникъ своего духовнаго дѣланія. Нынѣ же я рекомендую всей епархіи писанія Ваши. Да возродится во всемъ духовенствѣ жажда къ пріобрѣтенію и усердіе къ чтенію Вашихъ подвижническихъ писаній“. Таковы сужденія нѣкоторыхъ современныхъ Владыкѣ Игнатію Архипастырей Русской Церкви о значеніи его „Аскетическихъ опытовъ“.

Особенно замѣтнымъ явленіемъ были литературные труды Преосвященнаго Игнатія для иноческаго міра. Съ этой стороны мы слышимъ о нихъ особенно проникновенные отзывы.—Кіево-Печерской Лавры больничный докторъ іеромонахъ Филаретъ, дворянинъ, медикъ по образованію, замѣчательный въ свое время по выдающейся мірской дѣятельности, свидѣтельствуя дружественному и близкому къ нему лицу о своихъ тяжелыхъ скорбяхъ, говорилъ ему: „Много потерпѣлъ я, много сокрушался, но вотъ Господь послалъ мнѣ великую книгу—сочиненія Епископа Игнатія—въ утѣшеніе, которая разрѣшаетъ мои сомнѣнія, поучаетъ въ недоразумѣніяхъ, утѣшаетъ въ скорбяхъ. Благословенъ человѣкъ, написавшій ее. Много понесъ онъ скорби, много онъ выстрадалъ, затѣмъ, чтобы все испытать, принести пользу человѣчеству и, въ особенности, монашеству. Я вѣрилъ прежде, что это человѣкъ свѣтскій, аристократъ, честолюбецъ. Прочитывая его книги, я понялъ, сколько клеветы и злобы онъ понесъ: нѣтъ, такъ не напишешь, если самъ на себѣ не провѣришь всего, если самъ не прошелъ по пути скорби, гоненій. Эта книга—„Аскетическіе опыты“ Епископа Игнатія Брянчанинова, вотъ она—всегда у меня подъ рукой, сказалъ онъ посѣтителю, указывая на книгу, лежавшую при немъ; говорилъ, что не можетъ читать безъ слезъ: „Плачъ мой“,—слезы льются, душа плачетъ“... Интересны отзывы цензора, читавшаго сначала первые два тома „Аскетическихъ опытовъ“ — а потомъ, черезъ два года, третій томъ и томъ четвертый—„Аскетическая проповѣдь“ и „Письма къ мірянамъ“. Въ письмѣ своемъ отъ 3 марта 1864 года цензоръ Архимандритъ Фотій пишетъ автору „Аскетическихъ опытовъ“: „Счастливымъ почитаю себя, что получилъ милостивое рукописаніе Вашего Преосвященства, сугубо счастливъ, что выпалъ мнѣ,—и, вѣрно, выпалъ отъ руки Божіей,—благой жребій—прочитать произведенія Ваши. Это было для меня—не трудъ, а пріятнѣйшее занятіе и наслажденіе. Грѣхомъ считаю льстить, особенно—предъ святительскою особою Вашего Преосвященства; не смѣю и вполнѣ хва-

лить Вашихъ произведеній, по своему убѣжденію, но не могу искренно не высказать моего впечатлѣнія, которое произвело во мнѣ чтеніе ихъ. Я поглощалъ ихъ, такъ они отрадны и питательны: почему и держалъ ихъ у себя болѣе, нежели сколько должно было,—о чемъ можетъ сообщить Вашему Преосвященству и Его Превосходительству—Петръ Александровичъ. Я учился отъ сихъ назидательныхъ рукописей. Смѣю доложить Вашему Преосвященству,—двадцать пять лѣтъ платилъ я дань школѣ, бывши въ это время и наставникомъ тринадцать лѣтъ въ двухъ академіяхъ—Кіевской и Казанской,—но въ этихъ предметахъ есмь сущій невѣжда: такое уже у насъ ученіе. Область аскетическихъ предметовъ у насъ—земля невѣдомая. Произведенія Вашего Преосвященства первыя въ этой области, особенно въ новѣйшее время. Великій и важный трудъ подъяли Вы, и многополезные, спасительные плоды предлагаете тѣмъ, кои ищутъ спасенія". Отъ 3-го ноября того же года тотъ же цензоръ—архимандритъ Фотій, ознакомившись съ слѣдующими томами сочиненій Епископа Игнатія Брянчанинова, пишетъ автору: „Напитался отъ произведеній Вашихъ духовною отрадою. Истинно повѣдаю Вашему Преосвященству,—да не будетъ ми льстити святительской особѣ,—по прочтеніи „Аскетической проповѣди" и „Приношенія монашеству", не имѣлось охотности къ чтенію, кромѣ оффиціальныхъ, какихъ либо другихъ произведеній, даже доброй литературы духовной: такъ произведенія эти казались мелковаты и маловкусны по вкушеніи отъ духовно-сладкихъ плодовъ" [1]). Изъ отзывовъ лицъ бѣлаго духовенства особо интересными представляются впечатлѣнія отъ чтенія сочиненій Епископа Игнатія, выраженныя знаменитымъ въ свое время въ Вологдѣ по уму и прямотѣ характера, замѣчательнымъ проповѣдникомъ—Вологодскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ Василіемъ Ивановичемъ Нордовымъ. Въ письмѣ отъ 22 іюня 1862 года, представляя Епископу Игнатію свою книгу проповѣдей, Нордовъ свидѣтельствуетъ свое глубокое почтеніе Епископу Игнатію и сочувствіе его уединенію въ Бабайкахъ. Въ краткомъ письмѣ отъ 27 ноября 1864 года протоіерей Нордовъ пишетъ: „Пріимите любо-благоутробно еще малое и убогое произведеніе старческаго пера. Приноситъ это именующійся

[1]) Цѣлый рядъ монашествующихъ лицъ даетъ отзывы о сочиненіяхъ Епископа Игнатія въ смыслѣ признанія ихъ необыкновенной душевной пользы и свидѣтельствуетъ о сильномъ впечатлѣніи по прочтеніи ихъ. Таковы, напр., письма: Архимандрита Игнатія (Малышева) отъ 20 апрѣля 1865 г.; Архимандрита Димитрія отъ 13 іюня 1866 года и отъ 10 апрѣля 1867 года; Архимандрита Іустина—ректора Ярославской семинаріи—отъ 29 сентября 1865 года: Архимандрита Иларіона—отъ 30 янв. 1866 г.; Коневскаго игумена Израиля отъ 10 іюля и отъ 12 ноября 1865 года; іеромонаха Ефрема; Валаамскаго игумена Дамаскина—отъ 17 февраля 1866 года; игумении Серафимы, монахини Маріи и др. монашествующихъ лицъ.

магистромъ доктору Богословія не именемъ, а вещію и проситъ Вашего Архипастырскаго благословенія и молитвъ". Въ письмѣ отъ 26 іюня 1865 года протоіерей Нордовъ дѣлаетъ болѣе подробную оцѣнку писаній Епископа Игнатія и его личности. „Сочиненія Ваши", пишетъ Нордовъ Епископу Игнатію: „безцѣнное сокровище. Такія дорогія и огромныя двѣ духовно-назидательныя лепты вложили Вы въ сокровищницу Православной Церкви Христовой. Вы представляете въ наше время одного изъ древнихъ Пастырей—Учителей, которые и сами изучили практически и другимъ сообщили высокую науку жизни христіанской. Сочиненія Ваши живо напоминаютъ намъ творенія великихъ мужей, на поприщѣ пустынномъ и на престолахъ святительскихъ ученіемъ и разумомъ просіявшихъ. Таковъ подобаетъ быти каждый архіерей. Безъ слова, безъ жизни (какъ нерѣдко, къ прискорбію видимъ), съ однимъ бумажнымъ, свойственнымъ подъяческому люду, дѣломъ, что за Святитель. Страшно подумать,—а съ нашимъ школьнымъ просвѣщеніемъ Церковь Божія не только низошла, но и высшими духовными лицами забыта. И ежели и прежде было, кольми паче нынѣ естественно и нужно удаляться бѣгая и водворяться въ пустыни. Ваше Преосвященство лучше и скорѣе всѣхъ поняли эту справедливую и спасительную потребность". Въ письмѣ отъ 30 августа 1869 года, на имя Петра Александровича Брянчанинова, тотъ же протоіерей Нордовъ, самъ въ ожиданіи смертнаго часа, еще разъ входитъ въ оцѣнку писаній Святителя Игнатія: „Получилъ Вашъ драгоцѣнный подарокъ (вѣроятно V-й т. и „Отечникъ") къ неоцѣненному моему утѣшенію, облобызавъ, принялъ, прочиталъ и буду хранить, какъ завѣтный памятникъ Вашего расположенія и какъ дѣло великаго опытнаго ума блаженнаго писателя, съ благоговѣніемъ. Дивный мужъ, великій, неподражаемый пастырь былъ братъ Вашъ. Какую высокую духовную премудрость стяжалъ онъ природнымъ умомъ и долговременнымъ опытомъ духовнаго дѣланія. Творенія его,—именно, святоотеческія,—сокровище истинныхъ христіанъ,—слава нашей отечественной Церкви. Не могу не назвать блаженною утробу, которая носила и родила такого дивнаго христіанскаго пастыря, такого великаго Святителя и Учителя. Да упокоитъ обоихъ ихъ и прославитъ въ царствѣ небесномъ Господь и Владыка всѣхъ, къ которому они отошли отъ сего привременнаго бѣдственнаго живота. Да сподобитъ Господь молитвами нашего великаго Святителя и Учителя и насъ христіански окончить наше плаваніе въ житейскомъ морѣ и пристать къ тихому пристанищу будущаго вѣка безъ крушенія" [1]).

---

[1]) Такимъ же характеромъ глубокой почтительности къ Преосвященному Игнатію и удовлетворенности его трудами исполнены также письма протоіерея Некрасова (Арзамасъ), протоіерея Троицкаго Ставропольскаго собора Александровскаго, священника Иліи Троицкаго и др. духовныхъ лицъ.

Появленіе въ печати „Аскетическихъ опытовъ“ и другихъ литературныхъ твореній Епископа Игнатія привѣтствовали и многія просвѣщенныя свѣтскія лица, изъ отзывовъ которыхъ можно видѣть широкую извѣстность и духовный авторитетъ Епископа Игнатія. Письмомъ отъ 4 марта 1867 года, за № 60, Преосвященный Игнатій просилъ графа Бориса Алексѣевича Перовскаго поднести четыре тома своихъ произведеній Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу. Въ отвѣтъ на это письмо послѣдовало сообщеніе графа Перовскаго Епископу Игнатію отъ 7 апр. 1867 года, въ которомъ графъ Перовскій, между прочимъ, пишетъ: „Я представилъ четыре книги сочиненій Вашихъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Цесаревичу, который поручилъ мнѣ очень благодарить Васъ и сказать Вамъ, что онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминаетъ о посѣщеніи Николо-Бабаевскаго монастыря и о минутахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ Вами“ [1]).

Въ бумагахъ Епископа Игнатія сохранились два письма Авраама Сергѣевича Норова, бывшаго министромъ Народнаго Просвѣщенія. Ознакомившись съ сочиненіями Епископа Игнатія, А. С. Норовъ, отъ 20 апрѣля 1865 года, между прочимъ, пишетъ Епископу Игнатію: „Ваши „Аскетическіе опыты“ есть перлъ многоцѣнный въ нашей духовной литературѣ; я говорю многоцѣнный недаромъ, ибо этотъ трудъ для насъ совершенно новъ, и несмотря на строгость своего аскетизма, сладокъ и отраденъ для души и сердца, особенно для тѣхъ, которые, живя среди міра, познали уже всю его тщету, книги

---

[1]) Въ письмѣ своемъ на имя графа Перовскаго Преосвященный Игнатій пишетъ: „Имѣвъ счастіе удостоиться посѣщенія въ скромномъ пріютѣ моемъ Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича, я позволяю себѣ поднести Его Высочеству экземпляръ сочиненій моихъ, въ четырехъ книгахъ, нынѣ вышедшихъ изъ печати Ваше Сіятельство! примите на себя трудъ представить Его Высочеству прилагаемыя при семъ книги, какъ слабую дань моего сердца, исполненнаго преданности и благихъ желаній Государю Цесаревичу“ (Изъ бумагъ Николо-Бабаевскаго монастыря). Четыре тома сочиненій Епископа Игнатія были представлены и Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру II. Интересны мотивы этого поднесенія, выраженные въ письмѣ Епископа Игнатія на имя графа Димитрія Андреевича Толстого, Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1867 года, за № 57: „Имѣвъ счастіе именоваться воспитанникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, признаю долгомъ своимъ представить нынѣ окончательно вышедшія изъ печати сочиненія мои по отдѣлу Аскетическаго богословія Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Николаевичу. Полагаю этимъ исполнить во первыхъ—мою священную обязанность предъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ, который, несмотря на мою совершенную болѣзненность и оставленіе моего служебнаго поприща, не престаетъ выражать Всемилостивѣйшее Монаршее вниманіе ко мнѣ, во вторыхъ—мою священность предъ Августѣйшими

Ваши будутъ настольныя, руководящія и укрѣпляющія въ борьбѣ съ суетнымъ міромъ. Таковыми считаю я ихъ для себя,—хотя и ропщу нѣсколько за моего друга Ѳому Кемпійскаго. Утѣшителенъ и успѣхъ Вашей книги; слава Господу! Любы не изсякла въ сердцахъ. Пишу Вамъ наканунѣ самаго горестнаго въ моей жизни дня, когда я разлучился на землѣ съ охранявшею меня здѣсь блаженною душою жены моей. Ѣду завтра рано поутру на два дня въ Сергіеву пустынь, исполненную воспоминаній о Васъ, гдѣ Ваши книги теперь составляютъ мое любимое чтеніе". Въ письмѣ отъ 9 апр. 1867 года, по полученіи III и IV томовъ сочиненій Епископа Игнатія, А. С. Норовъ пишетъ Владыкѣ Игнатію: „Глубоко утѣшенный драгоцѣннымъ даромъ 3-й и 4-й части высоковдохновительныхъ трудовъ Вашихъ, полученныхъ мною передъ самою Страстною седмицею, въ день воскресенія св. Лазаря,—спѣшу принести мою теплую сердечную благодарность. Благодарю Васъ, Святой Отецъ, что Вы сблизили меня съ тѣми, для которыхъ здѣшній міръ не представляетъ уже утѣшеній. Я сроднился съ Вашими книгами; они услаждаютъ меня и въ городѣ и въ Сергіевой пустынѣ, полной Вашихъ воспоминаній; тамъ онѣ всегда лежатъ приготовленныя на столѣ комнаты, для меня усвоенной" [1]). Преосвященный Леонидъ, Епископъ Дмитровскій, въ письмѣ отъ 12 августа 1867 года, выражая свое глубокое христіанское сочувствіе Петру Александровичу Брянчанинову по случаю кончины Епископа Игнатія и опредѣляя послѣднюю, какъ потерю всецерковную, совѣтуетъ ему новое изданіе сочиненій Епископа Игнатія въ извле-

---

Родителями Его Величества. Вручая Государю Императору составленныя мною книги, я какъ бы вручаю ихъ Его Августѣйшимъ Родителямъ. Да ощутятъ Они въ области вѣчности это воспоминаніе о нихъ въ области времени, воспоминаніе сердца, воспоминаніе человѣка"... А въ письмѣ на имя графа Д. А. Толстого отъ того же 4 марта 1867 года, за № 58, Преосвященный Игнатій выражаетъ и свое пониманіе назначенія первыхъ четырехъ томовъ: „Чрезъ Ваше Сіятельство сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ благоугодно было обратить Всемилостивѣйшее вниманіе на мой убогій келейный письменный трудъ. Основываясь на этомъ, признаю моею священною обязанностію представить воззрѣнію Ея Величества прилагаемый при семъ экземпляръ моихъ сочиненій, нынѣ окончательно вышедшій изъ печати, по отдѣлу Аскетическаго богословія. Ваше Сіятельство! примите на себя трудъ представить Государынѣ Императрицѣ сочиненія мои и доложить, что они написаны почти исключительно для монашествующихъ и для тѣхъ подвижниковъ, живущихъ среди міра, которые всецѣло посвятили себя на служеніе Богу; въ особенности это относится къ четвертому тому" (Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова).

[1]) Въ томъ же духѣ оцѣнки „Аскетическихъ опытовъ" и другихъ литературныхъ трудовъ Епископа Игнатія письма Военнаго министра Д. В. Милютина отъ 25 мая 1865 года, В. Дорогобужинова—отъ 9 марта 1867 года, Л. А. Михайловскаго—Данилевскаго, В. И. Авчинникова, Ю. Толстого, Н. В. Елагина; послѣдній въ письмѣ отъ 17 апрѣля 1865 года свидѣтельствуетъ: „Какъ раскроешь книгу, не хочется за-

ченіяхъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей иноковъ и благочестивыхъ мірянъ. А Высокопреосвященный Платонъ, Архіепископъ Костромской, въ письмѣ отъ 22 ноября 1870 года, напоминаетъ Петру Александровичу свою просьбу „о собраніи всѣхъ доступныхъ свѣдѣній о Преосвященномъ Игнатіи. Если время и обстоятельства теперь не позволятъ всему явиться на свѣтъ, то все пригодится къ другому времени". Собраніе, изданіе и распространеніе свѣдѣній о Епископѣ Игнатіи и его сочиненій Архіепископъ Платонъ полагаетъ обязанностію П. А. Брянчанинова не только, какъ брата покойнаго, но какъ православнаго христіанина, желающаго блага Церкви. Раздѣляя мнѣнія и отзывы почитателей и знаемыхъ Епископа Игнатія, самъ всю жизнь являясь благоговѣйнымъ послѣдователемъ своего подвижника—брата, П. А. Брянчаниновъ немало употребилъ труда на собираніе матеріала для освѣщенія личности его, тщательно узнавая о мѣстонахожденіи писемъ его и внимательно группируя ихъ. Но полностію своей задачи онъ не осуществилъ, потому что за изданіемъ въ 1878 году „Отечника" печатаніе трудовъ Епископа Игнатія надолго прекратилось. Дѣлая, съ разрѣшенія сенатора Н. С. Брянчанинова, приложеніе къ нашей книгѣ нѣкоторыхъ писемъ Преосвященнаго Игнатія къ близкимъ ему лицамъ и его статей-трактатовъ по вопросамъ церковно-общественнымъ, мы полагаемъ, что этимъ отчасти исполнимъ завѣты почившихъ Святителей, современниковъ Владыки Игнатія и П. А. Брянчанинова и чрезъ то уповаемъ пріобщиться къ великому дѣланію благоговѣйно чтимаго нами Святителя Игнатія и его спутника-брата П. А. Брянчанинова.

крить ея: столько тамъ прекрасныхъ мыслей, столько назидательныхъ примѣровъ; душа исполняется благоговѣніемъ къ Всевышнему и чувствуется крайняя необходимость къ исправленію себя; прочтеніе книги дѣлаетъ человѣка лучшимъ. Такое впечатлѣніе произвела она на меня, хотя еще не прочелъ обѣихъ частей. Нѣсколькимъ уже лицамъ я указалъ воспользоваться для спасенія души. Увѣренъ, что всѣ почти будутъ такого же мнѣнія о ней".

Глава первая.

Духовный міръ и условія душевнаго спасенія.

(Необходимыя предпосылки православно-христіанскаго подвига).

„Да даруетъ намъ Господь на крыльяхъ вѣры перелетѣть чрезъ житейское море, и влетѣть въ блаженную пристань—Небо"! (Еп. Игнатій, т. IV, стр. 450).

Сущность и важное значеніе намѣченнаго вопроса.
Духовный міръ: Богъ, Ангелы, люди.
Богъ: Его образъ и свойства.
Духи и ихъ природа. I. Условія разрѣшенія вопроса.
II. Природа духа по существу и въ условіяхъ являемости. Отношеніе духовъ къ внѣшнему міру вообще и къ условіямъ пространства и времени—въ особенности.
III. Условія и способы познанія духовнаго міра—чувственное и духовное видѣніе духовъ.
IV. Разномысліе по вопросу о духовномъ мірѣ между Епископами—Игнатіемъ Брянчаниновымъ и Ѳеофаномъ Затворникомъ.
V. Время и вѣчность. Жизнь, смерть и безсмертіе. Таинство смерти. Разлученіе души съ тѣломъ. Участь души по смерти. Путь къ вѣчности. Смерть и жизнь. Адъ и рай. Блаженство и муки.
VI. Приготовленіе къ вѣчности и условія духовнаго возрожденія человѣка.—Воплощеніе Сына Божія. Церковь и Таинства, благодать Божія. Вѣра человѣка, свобода воли, совѣсть.
VII. Заключеніе.—На пути къ вѣчности. Человѣкъ предъ Лицомъ Вѣчнаго.

Въ содержаніи, духѣ и силѣ, цѣли и условіяхъ православно-христіанскаго подвига спасенія души имѣетъ исключительную важность глубокое, искреннее и живое, опытное и ясно сознаваемое убѣжденіе въ бытіи духовнаго міра и нашей близости къ нему, въ возможности постояннаго общенія съ этимъ міромъ, въ невозмож-

ности устроять даже нашу временную жизнь безъ всякаго соотношенія этого устроенія къ вѣчности. Этотъ подвигъ спасенія души имѣетъ смыслъ въ томъ лишь случаѣ, если предъ духовнымъ взоромъ содѣлывающаго со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе въ условіяхъ временнаго земного странствованія человѣка-христіанина постоянно виденъ горній Іерусалимъ, если христіанинъ въ условіяхъ земной жизни можетъ мыслить себя, со всею искренностію, не имѣющимъ пребывающаго града, но взыскующимъ грядущаго, а этотъ послѣдній для него такъ же несомнѣненъ, какъ извѣстный ему своими святынями и обильный мѣстами и предметами духовно-религіознаго утѣшенія древній городъ его родной страны, какъ несомнѣнны для насъ, напримѣръ, Кіевъ, Москва, Сергіева и Почаевская Лавры и другія центральныя въ нашемъ вниманіи мѣста нашего обширнаго отечества. Этотъ подвигъ возможенъ и составляетъ для христіанина единственно-правильное разрѣшеніе всѣхъ мятущихъ его сознаніе вопросовъ жизни при томъ лишь условіи, что въ бытіи человѣческомъ нѣтъ конца и перерыва, что духъ человѣческій безсмертенъ, вѣченъ въ смыслѣ не только неуничтожаемости, но и непрерывности жизни, и что смерть тѣла есть только начало новаго жизненнаго періода, болѣе сознательнаго, подобно тому, какъ, проживши безпечныя игры и беззаботный смѣхъ дѣтства, веселье и увлеченія нерѣдко безумныхъ лѣтъ юности, мы вступаемъ въ періодъ зрѣлаго возраста съ яснымъ видѣніемъ жизни, ея колебаній и устоевъ, не утрачивая, однако, памятованія о быломъ. Вѣра въ Бога, въ бытіе духовнаго міра—добраго и злого, въ безсмертіе души, въ духовность и разумную свободу человѣка, въ загробную жизнь и посмертное воздаяніе каждому по дѣламъ его — составляютъ необходимыя предпосылки православно-христіанскаго подвига спасенія души въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ яснѣе православно-христіанское сознаніе человѣка, чѣмъ яснѣе для него преимущество принадлежности къ Святой Православной Церкви. И существенной особенностью, главнѣйшимъ преимуществомъ принадлежности этой является, въ пониманіи православныхъ богослововъ, личное участіе человѣка-христіанина въ высокомъ подвигѣ душевнаго спасенія и наслѣдованія Царства Божія.

Православно-христіанское пониманіе вопроса о спасеніи съ нравственно-богословской точки зрѣнія выяснено въ нашей богословской наукѣ съ достаточной обстоятельностью въ трудахъ Преосвященнаго Θеофана Затворника, протопресвитера І. Л. Янышева [1]), Высокопреосвященныхъ Архіепископовъ: Антонія Харьковскаго [2]), Иннокентія

---

[1]) І. Л. Янышевъ. Православно-христіанское ученіе о нравственности, изданіе 2-ое, Спб. 1906 г.

[2]) Особенно цѣннымъ въ данномъ отношеніи представляется совершенно новое

Херсонскаго [1]) и особенно въ спеціально посвященной выясненію вопроса о спасеніи книгѣ Архіепископа Финляндскаго Сергія: „Православное ученіе о спасеніи“ [2]), а также въ трудахъ по Нравственному богословію профессоровъ-богослововъ: Кіевской Духовной Академіи,— М. А. Олесницкаго [3]) и Петроградской—А. А. Бронзова [4]), И. П. Архангельскаго [5]), въ трудахъ Архіепископа Стефана [6]) и др. [7]). Но самымъ полнымъ и обстоятельнымъ раскрытіемъ основъ и процесса православно-христіанскаго духовнаго подвига съ точки зрѣнія принципа душевнаго спасенія являются морально-аскетическія творенія Преосвя-

---

въ нашей богословской литературѣ объясненіе нравственнаго смысла основныхъ христіанскихъ догматовъ. См. полное собраніе сочиненій Архіепископа Антонія, т. II, Казань, 1900 г.

[1]) Православно-христіанское нравственное ученіе по сочиненіямъ Иннокентія, Архіеп. Херсонскаго, въ 2-хъ томахъ (т. I : XIII+536+XV; т. II : 468+XI стр.).

[2]) Книга Архіепископа Сергія „Православное ученіе о спасеніи“,—опытъ раскрытія нравственно-субъективной стороны спасенія на основаніи Свящ. Писанія и твореній Свято-отеческихъ, существующая теперь въ четвертомъ уже изданіи—И. Л. Тузова 1910 года, помимо научной обоснованности положеній и метода ихъ раскрытія, возбуждаетъ къ себѣ особый интересъ важностью затронутаго вопроса и ясностью его раскрытія.—Въ отношеніи къ задачамъ нашей работы книга Архіепископа Сергія представляется особо интересною въ томъ отношеніи, что совершенно выясняетъ вопросъ о спасеніи въ его нравственно христіанскомъ пониманіи въ отличіе отъ правового пониманія этого вопроса въ католичествѣ и протестантствѣ и устраняетъ при этомъ всякую возможность безразличнаго отношенія къ формѣ вѣроисповѣданія, столь нерѣдкаго въ современномъ обществѣ, равнымъ образомъ, согласно съ убѣжденіями Волынскаго, нынѣ Харьковскаго Архіепископа Антонія, исключаетъ для православно-христіанскаго сознанія автономистическое пониманіе морали, устанавливая тѣсное соотношеніе между догматами и нравственностію.

[3]) Къ трактуемому вопросу имѣетъ отношеніе трудъ М. А. Олесницкаго, подъ заглавіемъ: „Изъ системы христіанскаго нравоученія“, начатый печатаніемъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1888 годъ и вышедшій отдѣльною книгой въ 1896 году.

[4]) Ясное выраженіе симпатій А. А. Бронзова къ разрѣшенію трактуемаго вопроса въ духѣ православно-христіанскаго жизнепониманія можно видѣть изъ его систематичнаго сбозрѣнія литературы изъ области православно-христіанской морали въ книгѣ: „Нравственное богословіе въ Россіи въ теченіе XIX столѣтія. Спб. 1901 г.

[5]) И. П. Архангельскій. „Задача, содержаніе и планъ системы православно христіанскаго нравоученія“. Симбирскъ, 1894 г.

[6]) Особенное значеніе въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу имѣютъ книги Высокопреосвященнаго Стефана: „Православно-христіанское нравственное ученіе по сочиненіямъ Иннокентія, Архіеп. Херсонскаго“ и „Къ вопросу о системѣ христіанскаго нравоученія“. Могилевъ 1910 г. Въ послѣдней книгѣ дано систематическое обозрѣніе выдающихся трудовъ по нравственному богословію съ опредѣленіемъ при этомъ ихъ сравнительной цѣнности съ точки зрѣнія вопроса о спасеніи.

[7]) Полное и обстоятельное обозрѣніе литературы по вопросамъ православно-христіанскаго нравственнаго богословія съ указаніемъ особенно цѣнныхъ трудовъ можно видѣть въ книгѣ проф. А. А. Бронзова и Высокопреосвященнаго Стефана.

щеннаго Ѳеофана-Затворника: „Путь ко спасенію“ и „Начертаніе православно-христіанскаго нравоученія“ [1]) и—Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова.

Въ вопросѣ о душевномъ спасеніи каждое христіанское вѣроисповѣданіе ставится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, съ реальнымъ бытіемъ, причемъ яснѣе всего обнаруживается сравнительное обладаніе истиной того или другого вѣроисповѣданія [2]), а въ связи съ этимъ, конечно, рѣшается важный вопросъ и о томъ, гдѣ находится истинная Вселенская Христова Церковь. И вотъ, въ противовѣсъ католическому жизнепониманію въ отношеніи вопроса о спасеніи въ духѣ правовомъ, юридическомъ—объединенія себялюбій взаимнодоговаривающихся сторонъ [3]) и таковому же жизнепониманію въ лютеранствѣ, которое поняло духовную жизнь, несмотря на критику католицизма, также съ правовой точки зрѣнія, и желая принести миръ совѣсти, поняло этотъ миръ по-правовому, въ смыслѣ чувства безнаказанности за совершенные грѣхи, уясняется православное ученіе о спасеніи. Человѣкъ боится наказанія, и вотъ ему указывается въ инославіи на крестную смерть Іисуса Христа, какъ на такое великое, чрезмѣрное удовлетвореніе правдѣ Божіей, что эта правда уже никакъ не можетъ,—не въ правѣ требовать еще чего-нибудь отъ человѣка, какихъ-нибудь другихъ удовлетвореній. Человѣкъ, разъ онъ вѣритъ въ Евангеліе, долженъ успокоиться на счетъ себя [4]). Но при такомъ пониманіи оправдывающей вѣры протестанты усвоили величайшую и утѣшительнѣйшую тайну нашего спасенія не во всей ея глубинѣ и жизненности. Православная же Церковь, указывая грѣшнику и на эту, наиболѣе понятную ему сторону тайны спасенія, не думаетъ изъ-за нея позабывать и другихъ болѣе ободряющихъ сторонъ тайны спасенія, видя въ Христѣ не страдательное

---

[1]) А равно и другіе морально аскетическіе труды Преосвященнаго Затворника. Явившись въ печати послѣ трудовъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, они по духу своему сродны съ этими послѣдними. О соотношеніи этихъ трудовъ, а также и о взаимныхъ отношеніяхъ Преосвященныхъ аскетовъ—Игнатія Брянчанинова и Ѳеофана Говорова мы говоримъ ниже. Самыми ранними трудами по вопросу о православно-христіанскомъ пониманіи спасенія являются творенія Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, высокая цѣнность которыхъ обусловливается не научностью богословскаго образованія, въ которомъ онъ стоитъ ниже многихъ, потрудившихся на указанной нивѣ, но личнымъ духовно-христіанскихъ опытомъ, сознательно пережитымъ, критически провѣреннымъ, съ голосомъ Св. Православно-христіанской Церкви, согласованнымъ и къ подвигу личной жизни своей и современниковъ приложеннымъ.

[2]) Архіепископъ Сергій. „Православное ученіе о спасеніи“, изданіе 4 ое. Сбп. 1910 г., стр. 5.

[3]) Тамъ же, стр. 14—19, 58—76.

[4]) Тамъ же, стр. 23.

орудіе умилостивленія, а Возстановителя нашего падшаго естества, Первенца изъ умершихъ, которыхъ онъ избавилъ отъ смерти [1]). Въ виду этого православное христіанство не спрашиваетъ, за что человѣкъ получаетъ спасеніе, а спрашиваетъ, какъ человѣкъ содѣваетъ свое спасеніе, а при этомъ вѣра и дѣла получаютъ значеніе не внѣшнихъ основаній, сила которыхъ только въ томъ, что они привлекаютъ къ человѣку доселѣ закрытую для него милость Божію, а становятся причинами, производящими то расположеніе души, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ къ воспріятію милости Божіей, къ общенію со Всесвятымъ Богомъ [2]).

Такое пониманіе спасенія, преимущественно во внутреннемъ и субъективно-психологическомъ смыслѣ, ясно выражается въ системѣ Преосвященнаго Иннокентія (Борисова), по мнѣнію котораго спасеніе есть очищеніе нашей природы отъ гнѣздящагося въ ней зла и наполненіе ея благодатію Божіей, а съ нею—и всѣми добродѣтелями [3]). Душевное спасеніе или „дѣло душевное" [4]) можетъ быть разсматриваемо съ различныхъ сторонъ: какъ спасеніе вѣчное [5]), или какъ подвигъ, совершаемый человѣкомъ-христіаниномъ во время его земного странствованія; съ другой стороны—оно можетъ быть разсматриваемо въ отношеніи внутренне-субъективномъ, какъ возрожденіе и созиданіе внутренняго человѣка, преобразованіе нашего грѣховнаго я въ мужа совершенна по Христу, или, наоборотъ,—со стороны объективно-внѣшней, какъ преобразованіе эмпирической реальности, жизненныхъ дѣлъ человѣка соотвѣтственно внутреннему настроенію христіанина. Спасеніе можетъ быть понимаемо, наконецъ, въ отношеніи условій его совершенія: самодѣятельности человѣка и содѣйствія Божественной благодати.

Съ точки зрѣнія задачъ нашей работы мы понимаемъ въ дальнѣйшемъ душевное спасеніе по преимуществу съ его внутренне-субъективной психологической стороны и со стороны условій его совершенія. Съ этой, именно, точки зрѣнія намъ представляются имѣющими для насъ руководящее значеніе мнѣнія тѣхъ православныхъ богослововъ, которые съ особою опредѣленностію переводятъ свое вниманіе на процессуально-психологическую сторону спасенія и ея условія. Для насъ является яснымъ, что спасеніе человѣка на землѣ не есть

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 208—210 и др.

[3]) Епископъ Стефанъ. Къ вопросу о системѣ православно-христіанскаго нравоученія. Могилевъ 1910 г., стр. 22.

[4]) По выраженію благочестиваго свѣтскаго писателя—Н. В. Гоголя.

[5]) Въ этомъ отношеніи спасеніе въ обычныхъ сужденіяхъ и даже въ богословскихъ трудахъ ошибочно отождествляется исключительно съ состояніемъ блаженства.

то же, что созданіе въ немъ безъ его участія добродѣтели или субъективныхъ нравственныхъ благъ, и не то же, что созданіе объективныхъ благъ или внѣшняго, соотвѣтственнаго нравственному достоинству человѣка благополучія, зависящаго не только отъ его самодѣятельности, но и отъ другихъ людей, вообще—отъ внѣшняго міра [1]).

Созиданіе добродѣтели или субъективныхъ нравственныхъ благъ, или что тоже, пріобрѣтеніе святости,—конечно, входитъ въ понятіе спасенія и составляетъ въ немъ важнѣйшій элементъ, но оно возможно не иначе, какъ при условіи самодѣятельности въ силу возстановленной, при содѣйствіи Божественной благодати, свободы, какъ возможности добродѣтели. Съ другой стороны, созданіе объективныхъ благъ или внѣшняго, соотвѣтственнаго нравственному достоинству человѣка благополучія, зависящаго отъ внѣшнихъ жизненныхъ условій, иначе сказать—созданіе братскихъ отношеній между людьми въ духѣ первоначальнаго христіанства, конечно, также входитъ въ наши религіозно-христіанскія упованія, но осуществляется оно, въ земной относительности, не на началахъ правовыхъ—юридическихъ и не путемъ изощренія взаимной классовой борьбы, а въ мѣрѣ возможно глубокаго и захватывающаго болѣе и болѣе расширяющуюся область человѣческихъ отношеній сознанія, что единое на потребу для всѣхъ сторонъ человѣческой жизни есть подвигъ душевнаго спасенія, самая высшая наука—есть знаніе того, для чего человѣку жить нужно, и единственное оправданіе и основаніе нашихъ дѣйствій—есть подчиненіе временнаго вѣчному, жизнь для вѣчности. И то, истинно-человѣческое и христіанское сознаніе, которое рѣшаетъ вопросы временности не подъ угломъ зрѣнія злободневныхъ запросовъ настоящаго, но въ созерцаніи потусторонняго вѣчнаго смысла бытія человѣческаго, неминуемо приходитъ къ выводу, что душевное спасеніе есть единственно достовѣрная и самодовлѣющая цѣль человѣческой жизни и что осуществленіе этой цѣли есть подвигъ всей жизни человѣческой, возможной для ограниченнаго и слабаго человѣка единственно при условіи содѣйствія Божественной благодати, а, въ виду несомнѣнности этого послѣдняго, подлинная духовная жизнь возможна только для христіанина, только въ нѣдрахъ Святой Православной Церкви, только при условіи живости религіознаго сознанія, только при условіи жизни въ Богѣ и спослѣдованіи Христу, только при постоянномъ проникновеніи нравственной дѣятельности человѣка спасительными началами святой вѣры христіанской, при тѣсной связи нравственности съ религіей, при которой для христіанина-подвижни-

---

[1]) Протопресв. І. Л. Янышевъ. Православно-христіанское ученіе о нравственности. Изд. 2-ое. Спб. 1906, стр. 278.

ка жизнь имѣетъ смыслъ только, какъ жизнь въ Богѣ, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ догматы вѣры и положенія, а, главное,— переживанія нравственныя становятся нераздѣльными и не въ смыслѣ нравственнаго приложенія, догматическаго ученія, а въ смыслѣ принадлежности нравственной идеи самому существу христіанскихъ догматовъ [1]).

Въ этомъ смыслѣ понимаемое, какъ нравственно добрая благодатная жизнь человѣка, какъ непрерывный подвигъ дѣятельнаго совершенствованія, подготовляющій человѣку вѣчное спасеніе и блаженство въ жизни загробной, душевное спасеніе, совершаемое въ предѣлахъ временнаго бытія, составляетъ исходный пунктъ христіанскаго самоопредѣленія и основу всего жизненнаго устроенія, а потому—и центръ нравственно-богословскаго ученія [2]). Но самая возможность осуществленія этого подвига и его идейный смыслъ обусловлены совершенной несомнѣнностію для нашего сознанія его не-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ дается рѣшительное, ясное, убѣдительное и безспорное разъясненіе (проф. Бронзовъ. Нравственное Богословіе въ Россіи за XIX вѣкъ, Спб. 1901 г., стр. 293) связи нравственности съ религіей и опредѣленіе нравственной идеи, заключающейся въ важнѣйшихъ христіанскихъ догматахъ: о Пресвятой Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа, о Святомъ Духѣ и Церкви, въ трактатахъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ Высокопреосвящ. Антоніемъ, Архіепископомъ Волынскимъ, нынѣ Харьковскимъ (см. Полное собраніе сочиненій, Казань 1900 г., т. II, стр. 5—24, 57—74, 83—93, а также въ религіозно-философской библіотекѣ, вып. X, XI и XIX и Вышній Волочекъ 1906 года, и въ сочиненіяхъ проф. В. Д. Кудрявцева-Платонова и А. Ѳ. Гусева, въ твореніяхъ о. Іоанна Кронштадскаго). Этимъ глубокимъ субъективно-психологическимъ объединеніемъ вѣры и нравственности въ духовной жизни христіанина проникнуты излагаемыя ниже воззрѣнія Преосвященнаго аскета Игнатія Брянчанинова и его содружественнаго современника Преосвященнаго Ѳеофана Говорова.

[2]) Ниже, въ III главѣ нашей книги мы излагаемъ ученіе Преосвященнаго Игнатія по вопросу о спасеніи. Высказываемыми же въ настоящемъ случаѣ соображеніями мы пытаемся отмѣтить лишь ту особенность православно-христіанскаго нравственнаго богословія, въ силу которой центромъ его является душевное спасеніе въ вышеотмѣченномъ пониманіи. Но эта особенность, такое пониманіе задачи нравственнаго богословія въ системахъ православно-христіанскихъ практическаго осуществленія до настоящаго времени не имѣетъ, а труды православно-христіанскихъ писателей моралистовъ пока еще подготовляютъ матеріалъ для построенія системы въ указанномъ духѣ. Въ установленіи основъ системы православно-христіанскаго нравственнаго богословія русская богословская наука имѣетъ немалую исторію.

1) Лѣтъ 200 тому назадъ, въ эпоху Петра Великаго, когда подъ перомъ его знаменитаго и преданнаго сподвижника Ѳеофана Прокоповича, на схоластической почвѣ и основѣ, зарождалась у насъ въ Россіи наука нравственнаго богословія, во времена увлеченія вождей Россіи просвѣщеннымъ Западомъ, діалектически непобѣдимой схоластикой, предметомъ Нравственнаго Богословія ставились добрыя дѣла, обозначаемыя въ Писаніи именемъ любви, различаемой по двумъ направленіямъ—въ отношеніи къ Богу, и ближнимъ. Въ это время задача нравственнаго богословія по

обходимыхъ предпосылокъ, о которыхъ мы говорили выше. Итакъ вопросъ о душевномъ спасеніи, тѣсно связанный съ основнымъ содержаніемъ христіанскихъ вѣрованій, имѣетъ, вмѣстѣ же съ ними, исключительную важность, какъ съ точки зрѣнія теоретической, такъ и еще болѣе съ точки зрѣнія практической. Со стороны теоретической, вопросъ о душевномъ спасеніи, неминуемо связанный съ отказомъ отъ себялюбія въ отношеніи познанія, эмоцій и еще болѣе въ области жизненно-волевой, требующій непрерывности тщательнаго наблюденія за собой и искорененія въ себѣ грѣховныхъ помысловъ и склонностей, былъ бы непонятною борьбою съ природою нашею, неразумнымъ ограниченіемъ такъ называемыхъ естественныхъ потребностей, если бы въ нашей душѣ наряду съ нимъ не проявлялось на каждомъ шагу сознаніе горняго духовнаго бытія, вѣчности и безсмертія духа въ зависимости отъ содержанія нашей духовной жизни въ условіяхъ бытія временнаго. Мы вѣримъ, что есть Богъ и духовный міръ, мало этого—вѣримъ, мы знаемъ, мы видимъ умными, а

нималась въ распредѣленіи обязанностей человѣка по двумъ направленіямъ въ порядкѣ десятословія—обязанности по отношенію къ Богу и ближнимъ, а цѣль науки считалась достигнутою, коль скоро установлена строгая система обязанностей человѣка по отношенію къ Богу и ближнимъ и каждая группа изъ этихъ двухъ подраздѣлена на двѣ градаціи поступковъ—положительныхъ и отрицательныхъ, грѣховъ и добродѣтелей. Моисеевы скрижали оказались на мѣстѣ Евангелія, а порядокъ жизни ветхозавѣтнаго іудея оказался идеаломъ нравственной жизни христіанина.

2) Лѣтъ 50 спустя послѣ появленія Ѳеофановой нравоучительной системы, богословская мысль въ лицѣ Ѳеофилакта Горскаго и послѣдовавшаго за нимъ цѣлаго ряда богослововъ пришла къ сознанію узости пониманія цѣли и задачъ нравственнаго богословія въ прошломъ и взамѣнъ Ѳеофанова пониманія нравственнаго богословія, какъ этики вообще и этики ветхозавѣтной, установила особое понятіе этики христіанской, выдвинула новое направленіе, указывая требованія нравственнаго закона христіанскаго и обязанностей христіанина. Но вліяніе Ѳеофановой точки зрѣнія не прекратилось: при расширеніи объема науки остался сродный по природѣ принципъ классификаціи матеріала и условій его разсмотрѣнія, и цѣль науки нравственнаго богословія опредѣлялась для богослововъ въ предѣлахъ этой классификаціи. Такое положеніе въ постановкѣ нравственнаго богословія продолжалось почти до конца XIX вѣка, со школьнымъ господствомъ при этомъ по преимуществу системы прот. Солярскаго. При всѣхъ удобствахъ распредѣленія и систематизаціи матеріала нравоучительнаго курса по отмѣченнымъ выше основаніямъ и принципамъ, маложизненность и сухость системъ нравственнаго богословія давно сознавались православными богословами и понуждали ихъ къ опредѣленію новыхъ основаній для построенія системы этой науки.

3) Въ весьма понятномъ стремленіи къ этому, въ поискахъ и опредѣленіяхъ той цѣли, къ которой должно направляться въ своихъ изслѣдованіяхъ нравственное богословіе, православные богословы въ концѣ XIX вѣка, въ лицѣ профессора Кіевской Духовной Академіи М. А. Олесницкаго и его послѣдователей, пришли къ заключенію, что наступила пора въ основаніе христіанскаго нравоученія положить идею Царства Божія, какъ самую объемистую и основную нравственную идею. Съ этой

подчасъ и тѣлесными очами, бытіе духовнаго міра, ощутительно сознаемъ его, мы сознаемъ невозможность для насъ смерти одновременно съ распаденіемъ нашей тѣлесной оболочки, мы смотримъ на жизнь очами вѣры и нестѣсненнаго матеріальностью духовнаго видѣнія,—если все это для нашего духовнаго опыта несомнѣнно, мы не можемъ не признать, что „дѣло душевное"—есть дѣло первѣйшей важности, что душевное спасеніе и все, съ нимъ связанное, не есть дѣло благочестивой и успокоительной традиціи, а подлинный подвигъ, всего болѣе необходимый для насъ, и въ нашей жизненной практикѣ мы не можемъ забывать о немъ безъ опасенія вѣчной гибели. Совершенно другое положеніе получается въ томъ случаѣ, когда наше отношеніе къ духовному міру и ко всѣмъ связаннымъ съ нимъ вопросамъ вѣчности опредѣляется теплохладною и маложизненною традиціей. Не дѣлаясь черезъ это отрицателями духовнаго бытія, но и сторонясь жизненнаго исповѣдничества своей вѣры, мы мало чѣмъ отличаемся въ жизненныхъ условіяхъ своихъ отъ людей

точки зрѣнія, задача нравственнаго богословія сводилась: а) къ уясненію идеи Царства Божія, ея вліянія на религіо. о-нравственную жизнь; б) содержанія и признаковъ Царства Божія и в) психологи. ески-нравственныхъ средствъ и условій къ достиженію Царства Божія. Установле. іе этого принципа построенія системы, разумѣется, могло содѣйствовать оживленію и углубленію науки. Но принципъ этотъ не былъ долговѣченъ и практическаго осуществленія не нашелъ. И причина этого заключается не въ томъ лишь, что представители этой точки зрѣнія въ наукѣ не достигли полной опредѣленности въ пониманіи Царства Божія, но и въ непомѣрной широтѣ указанной руководящей идеи, которая по существу совпадаетъ съ идеей всего христіанства.

4) Поэтому сами же богословы, поставившіе цѣлью нравственнаго богословія уясненіе Царства Божія, должны были сосредоточить свое вниманіе на изученіи процесса спасенія, поставивъ его исходнымъ пунктомъ системы христіанскаго нравоученія. Эта точка зрѣнія на задачи и цѣль нравственнаго богословія указана была впервые Преосвященнымъ Иннокентіемъ (Смирновымъ). Эта точка зрѣнія была полнѣе всего развита въ лекціяхъ по нравственному богословію, читанныхъ въ Кіевской Духовной Академіи Высокопреосвящ. Иннокентіемъ, Архіепископомъ Херсонскимъ, преимущественное вниманіе котораго было сосредоточено на той великой перемѣнѣ, которую производитъ въ человѣкѣ Духъ Божій, направляя наше злое сердце до совершеннаго искорененія въ немъ грѣха, обновленія всѣхъ силъ нашего духа и всей нашей жизни, до возстановленія въ нашемъ духѣ образа Божія, до вселенія въ насъ Христа и воскресенія съ Нимъ въ духѣ и, наконецъ, соединенія съ Богомъ. Въ трудахъ русскихъ богослововъ—моралистовъ XIX вѣка и видны попытки осуществленія этой цѣли—описанія объективно-субъективнаго спасенія или нравственнаго совершенства человѣка. Эта цѣль въ полной и законченной системѣ, особенно пригодной для духовно-школьнаго изученія, не осуществлена. Но въ духѣ этого взгляда должна разрабатываться въ дальнѣйшемъ система православно-христіанскаго нравственнаго богословія. Этотъ же взглядъ на цѣль нравственнаго богословія проводится въ программѣ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ въ 1906 году. Объ этомъ подробнѣе можно читать въ отмѣченныхъ выше книгахъ Преосвященнаго Стефана.

невѣрующихъ, и колоритъ вѣчнаго на переживаніяхъ временности проявляется лишь въ рѣдкія минуты нашего духовнаго просвѣтленія. Еще безотраднѣе, конечно, жизненная картина въ случаѣ положительнаго забвенія о вѣчномъ или смертельно-грѣховнаго отрицанія людьми духовнаго бытія и отчужденія всего сверхчувственнаго. Изощряя свои силы въ устроеніи временнаго бытія и на нѣкоторое время находя въ томъ удовлетвореніе, человѣкъ развиваетъ въ себѣ ужасающій эгоизмъ, осложняетъ жизненную борьбу и въ миражѣ культурнаго и соціальнаго прогресса тщетно думаетъ найти успокоеніе подавляемыхъ и скрытыхъ въ немъ надземныхъ запросовъ, а когда эти послѣдніе настоятельно начинаютъ заявлять о себѣ въ наиболѣе чуткихъ, хотя и грѣховныхъ душахъ, эти души испытываютъ невыносимую тоску неудовлетворенности, утрачиваютъ сладость бытія и стремятся къ самовольному разсчету съ жизнью, въ ложномъ представленіи освобожденія отъ своей безвѣрной муки разрушеніемъ тѣла, которое для ихъ души стало гибельной темницей. Конечно, эта самовольная ликвидація земныхъ дѣлъ не есть исключительный и обычный исходъ безвѣрнаго состоянія. При меньшей требовательности къ себѣ, при болѣе слабомъ сознаніи идеальныхъ стремленій, возможно столь распространенное жалкое переползаніе изо дня въ день „жалкаго существователя“, по выраженію покаянно-настроеннаго Гоголя, причемъ люди, по словамъ даже крайняго себялюбца—Ницше, недоумѣваютъ, что такое солнце, что такое радость, что такое смѣхъ, потому что утратили дающій значеніе солнцу, радости и звѣздамъ вѣчный смыслъ бытія. И, наоборотъ, отрѣшаясь, хотя бы на время, отъ житейскихъ заботъ, давая просторъ идеальнымъ стремленіямъ своего духа, сосредоточивая свое вниманіе на уясненіи цѣли жизни и созерцаніи духовнаго бытія, человѣкъ находитъ для себя высшій источникъ подлиннаго блаженства, а ясное видѣніе духовнаго бытія въ относительной мѣрѣ приводитъ къ признанію призрачности и кратковременности чувственнаго.

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ изложенію данныхъ духовнаго опыта и подвижнической жизни Преосвященнаго Игнатія (Брянчанинова), мы, для уясненія силы и убѣдительности его писаній по вопросамъ о совершеніи человѣкомъ духовно-христіанскаго подвига спасенія, какъ для него самого, такъ и по отношенію къ руководимой имъ духовной паствѣ, должны остановить свое немалое вниманіе на взглядахъ Преосвященнаго Игнатія на духовный міръ и связанныя съ нимъ положенія духовно-христіанской настроенности.

Всѣ вопросы относительно христіанскаго подвига душевнаго спасенія—и борьба съ грѣхомъ человѣческой природы, и совершенствованіе въ добродѣтели—рѣшаются Преосвященнымъ Игнатіемъ съ точки зрѣнія несомнѣнности бытія духовнаго міра и отсюда—особаго смысла

всей земной жизни и пониманія ея задачъ и ошибочно цѣнимыхъ людьми преимуществъ.

Когда оглушаетъ человѣка шумъ міра и тревожимый и возмущаемый мірскими помышленіями, лишенный своего первозданнаго достоинства умъ занятъ мірскими попеченіями, духъ человѣческій не слышитъ звуковъ небесъ, и вѣщанія Божественнаго Писанія кажутся обычными земными повѣствованіями. Но въ тиши уединенія, въ настроеніи духовной собранности, какъ бы новая способность вниманія къ духовному и пониманія его открывается въ человѣческой душѣ. И вотъ, въ эти минуты духовной настроенности, для человѣческаго сознанія обезцѣниваются всѣ предметы обычныхъ эгоистическихъ жизненныхъ интересовъ, и тайна спасенія и блаженство Богопознанія и добродѣтельной жизни заполняетъ человѣческое настроеніе, вытѣсняя обычныя житейскія привязанности. Съ точки зрѣнія тайны спасенія, съ высоты безсмертія и загробной нескончаемости, человѣкъ видитъ тогда тщету житейской погони за удовольствіями и наслажденіями, тягостность высокаго престола царскаго, непрочность славы побѣдоносца и завоевателя, безсмысліе богатства, недостаточную полноту даже высокаго общественнаго подвига, незаконченность подвиговъ пустыннаго уединенія и даже минутъ вдохновенія. Высшимъ всего земного, единственно сроднымъ душѣ человѣческой и удовлетворяющимъ во всей полнотѣ возвышенные запросы человѣческаго духа представляется человѣку въ эти спасительныя минуты—отчужденіе отъ грѣха, отраженіе его, въ какомъ бы видѣ онъ не являлся человѣку—въ беззаконномъ ли поступкѣ, въ искушающемъ ли помышленіи, или въ чувствѣ, приносящемъ наслажденіе и упоеніе грѣховное. Блаженною представляется тогда человѣку воля, преданная въ водительство Закона Божія, блаженнымъ является сердце, горящее ревностію Божественною, пылающее ненасытнымъ желаніемъ Божіей воли, сладостно и нестерпимо страждущее любовію къ Богу [1]). Въ эти минуты духовнаго паренія и христіански-философскихъ созерцаній такъ ясны становятся двѣ жизненныя дороги и очевидны основанія предпочтенія той или другой изъ нихъ, того или иного направленія и заполненія жизненнаго дня. Восходитъ солнце: люди спѣшатъ къ занятіямъ своимъ. У каждаго своя цѣль, свое намѣреніе. Одинъ заботится и трудится для снисканія тлѣнныхъ сокровищъ; другой—для доставленія себѣ обильныхъ наслажденій, иной—для пріобрѣтенія земной суетной славы; наконецъ, иной говоритъ, думаетъ, что его дѣйствія имѣютъ цѣлію государственную и общественную пользу. Въ это время наперсникъ Закона Божія во всѣхъ упражненіяхъ, во

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, т. II, стр 4—5.

всѣхъ дѣлахъ своихъ имѣетъ цѣлію Богоугожденіе. Міръ обращается для него въ книгу заповѣдей Господнихъ. Прочитываетъ онъ эту книгу дѣлами, поведеніемъ, жизнію. Сердце его, чѣмъ болѣе прочитываетъ эту книгу, тѣмъ болѣе просвѣщается духовнымъ разумомъ, тѣмъ болѣе разгорячается къ теченію по пути благочестія и добродѣтели. Оно стяжеваетъ огненныя крылья вѣры, начинаетъ попирать всякій страхъ враждебный, переноситься черезъ всякую пропасть, дерзать на всякое благое начинаніе [1]). Такой контрастъ представляетъ собою не совнѣ только, не съ фактической только стороны, а, главнымъ образомъ, по духу и настроенію жизнь христіански-духовная и жизнь мірская. Со стороны фактической дѣятельность людей того и другого настроенія можетъ быть почти совершенно одинаковою, но духъ и мотивы различны, и, конечно, ясно, что ни добро, ни зло въ міровой жизни не пропадаютъ безслѣдно, что то и другое цѣнны не по тому лишь удовлетворенію, которое они доставляютъ человѣку—дѣятелю и носителю ихъ, но и по своимъ общественнымъ результатамъ, и что въ мѣрѣ расширенія жизненной площади въ сторону духовно-христіанскихъ вліяній совершенствуется и атмосфера жизни, при торжествѣ началъ противоположныхъ жизнь становится для всѣхъ невыносимою, а для христіанина-подвижника—вѣчнымъ страданіемъ, непрерывнымъ восхожденіемъ на Голгоѳу. Но, несмотря на это, путь добра безъ сравненія и неизмѣримо преимуществуетъ для христіанскаго сознанія предъ разсѣянными и грѣховными путями міра, какъ по его значенію для міровой жизни, такъ и особенно по тому духовному утѣшенію, которое связано съ его прохожденіемъ. Вотъ почему скрытый отъ міра подвигъ душесозиданія и спасенія даетъ человѣку незамѣнимо-содержательныя и цѣнныя радости въ противовѣсъ неустойчивымъ и малоцѣннымъ радостямъ мірского пути. Различны по своему содержанію не только день, но и ночь безпечнаго о спасеніи и ревнующаго о немъ. Приходитъ ночь съ ея тѣнями, съ блѣднымъ свѣтомъ, который издаютъ ночные свѣтильники неба, собираетъ людей съ поверхности земной въ ихъ шатры, въ ихъ пріюты. Въ этихъ пріютахъ—скука, пустота души; люди стараются заглушить свое мученіе безумнымъ развлеченіемъ; праздность, испорченность нравовъ предаются шумнымъ увеселеніямъ, и сосуды храма Божія — умъ, сердце, тѣло—употреблены Валтасаромъ на употребленіе преступное. Рабъ земли, рабъ временныхъ житейскихъ попеченій, едва вырвавшійся изъ заботъ, въ которыхъ онъ утопалъ въ теченіе дня, приготовляетъ въ тишинѣ ночной новыя заботы къ слѣдующему дню; и дни его, и ночи, вся жизнь—жертва суетѣ и тлѣнію [2]). Но и въ то

---

[1]) Тамъ же, стр. 6.
[2]) Тамъ же, стр. 7.

самое время, когда коллективный Валтасаръ дерзко и хульно предаетъ священные сосуды вѣчнаго духовнаго храма на недостойное употребленіе, какъ бы испытывая долготерпѣніе Божіе, и вызывая Божественную десницу къ начертанію роковыхъ для него словъ, предрекающихъ ему вѣчную гибель,—полный попеченія о душѣ своей и опредѣляющій временное предъ взоромъ Вѣчнаго христіанинъ и часы своего отдохновенія отъ дневной дѣятельности посвящаетъ созиданію духовнаго храма, собирая нужныя для него сокровища и, въ связи съ этимъ, переживая высочайшее утѣшеніе. Теплится смиренная лампада предъ святыми иконами, разливаетъ томный свѣтъ въ ложницѣ праведника. И онъ съ своей заботой, съ непрестающимъ, съ снѣдающимъ его попеченіемъ. Онъ приноситъ въ ложницу воспоминанія дневной дѣятельности своей; сличаетъ ее съ скрижалями, на которыхъ начертана откровенная человѣку воля Бога—съ Писаніемъ; недостатки въ своихъ поступкахъ, въ помышленіяхъ, въ сердечныхъ движеніяхъ врачуетъ покаяніемъ, омываетъ слезами; для возобновленія и усиленія подвиговъ проситъ у Неба новыхъ силъ, новаго свѣта. Благодатный свѣтъ, вышеестественная сила нисходитъ отъ Бога въ душу, приносящую молитвы съ болѣзненнымъ ощущеніемъ нищеты, слабости, удобоподательности человѣческой. Такая жизнь—непрестающій успѣхъ, непрерывныя пріобрѣтенія, пріобрѣтенія вѣчныя [1]). И въ связи съ этимъ безспорнымъ превосходствомъ спасительнаго пути предъ путями погибели, вѣчныхъ цѣлей предъ временными, духа предъ плотію,—конечно, исключительную важность для христіанскаго сознанія имѣетъ все то, что содѣйствуетъ уясненію истинной жизненной цѣли, условій и средствъ ея достиженія. Такую, именно, важность и имѣетъ для христіанина познаніе духовнаго міра, возможное проникновеніе въ область таинственнаго, но сроднаго духу человѣческому бытія духовнаго, для того, чтобы, уяснивъ для себя этотъ скрытый въ обычномъ видѣніи міръ, сообразно съ этимъ наиболѣе цѣннымъ для человѣка знаніемъ располагать свой жизненный подвигъ.

Духовный міръ въ понятіяхъ человѣческихъ можетъ быть разсматриваемъ въ трехъ отношеніяхъ: а) какъ бытіе Божественное, б) какъ міръ Ангеловъ и в) какъ міръ человѣческій—въ его по-преимуществу духовной сторонѣ. Естественно близкій интересамъ и настроенію человѣка, ревнующаго о своемъ спасеніи и серьезно относящагося къ своей подлинной, премірной жизненной задачѣ, этотъ духовный міръ представляетъ собою вѣчную проблему, скучную и малоинтересную для настроенія людей, равнодушныхъ въ отношеніи къ задачѣ спасенія. Немудрено, что сужденія людей истинно-вѣрующихъ и ре-

---

[1]) Тамъ же.

лигіозно-индифферентныхъ, а тѣмъ болѣе невѣрующихъ, по вопросамъ духовнаго бытія рѣзко различаются между собою, а самая углубленность людей вѣры въ Богопознаніе и другіе вопросы духовнаго бытія для людей міра представляется величайшимъ юродствомъ. Понятно, что и Богомысліе и, еще болѣе, сужденіе о мірѣ Ангеловъ, о духовности души человѣческой, о тайнѣ смерти и спасенія вызываетъ въ людяхъ недоразумѣніе, равнодушіе, а иногда и прямое недоброжелательство, создающее изъ жизни для подвижниковъ вѣры арену исповѣдничества. И все это происходитъ не въ отдаленныя времена первичнаго распространенія христіанства, а и въ наше, и во всѣ послѣдующія времена, отмѣчается оно, какъ особенность мірского настроенія, и въ недалекое отъ насъ время подвижничества Епископа Игнатія Брянчанинова. Мы нерѣдко встрѣчаемъ въ его твореніяхъ восторженную исповѣдь въ защиту бытія духовнаго, и горькія жалобы на духовную косность современниковъ, и убѣжденность въ несомнѣнности бытія духовнаго, а, въ связи съ этимъ, и первостепенной важности задачъ душевнаго спасенія.

Для духовнаго взора подвижника—Епископа, всѣмъ строемъ независящей отъ него жизни и воспитанія введеннаго въ кругъ наукъ земныхъ и свѣтскихъ, только одно Богопознаніе—истинная и подлинная наука, наука изъ наукъ, небесная наука, сообщенная человѣку Богомъ. Ея стези совершенно отдѣльны отъ тѣхъ обыкновенныхъ стезей, которыми идутъ науки земныя, науки человѣческія, науки, рожденныя нашимъ падшимъ разумомъ изъ собственнаго его свѣта, для нашего состоянія въ паденіи. Кичатъ, напыщаютъ умъ науки человѣческія, осуществляютъ, растятъ человѣческое *я*. Божественная наука открывается душѣ, предуготовленной, сотренной, углажденной самоотверженіемъ, содѣлавшейся зеркаломъ, способнымъ принимать и отражать Божественныя начертанія. Такова Божественная наука. Такова премудрость Божія. Она—откровеніе Божіе. Въ ней—Богъ. Но разумъ, и сердце, и тѣло падшаго человѣка враждебно настроены къ Закону Божію. Разумъ падшій не пріемлетъ разума Божія; падшее сердце противится волѣ Божіей; самое тѣло, подвергшись тлѣнію, стяжало свою отдѣльную волю, данную ему грѣхопаденіемъ, обильно сообщившимъ человѣку смертоносное познаніе добра и зла [1]). Таковы условія Богопознанія и вообще познанія духовнаго бытія въ душѣ человѣческой. Очевидно, что, отражаясь въ жизни человѣческой, эти условія дѣлаютъ для человѣка затруднительнымъ воспріятіе глаголовъ жизни вѣчной. И обращаясь своимъ пастырскимъ наблюденіемъ къ современной ему жизни, Пре-

[1]) Тамъ же, стр. 8.

освященный Игнатій даетъ довольно обычную для нашего времени, но и безотрадную въ отношеніи вѣчныхъ задачъ, жизненную картину. Люди равнодушны ко храму Божію и молитвѣ; въ молитвенной обстановкѣ храма, вмѣсто духовнаго питанія, испытываютъ скуку и не ощущаютъ дѣйствія молитвы, и потому не спѣшатъ въ храмъ Божій, а стараются придти въ него, когда значительная часть Богослуженія уже отправлена [1]). Косный въ отношеніи духовномъ, человѣкъ испытываетъ способность только къ грѣховнымъ ощущеніямъ [2]). Формально исполняя церковные обряды и даже дерзая приступать къ Св. Тайнѣ Причащенія, люди повергаются въ грѣхъ сразу послѣ принятія Таинъ и, не видя надъ собою немедленнаго наказанія, полагаютъ, что никогда не послѣдуетъ никакого наказанія [3]). Они утратили живую непосредственную вѣру, ту святую дѣтскую вѣру, по которой простѣйшій человѣкъ, не имѣющій никакого развитія по стихіямъ міра, спасается одинаково съ ученымъ и мудрецомъ, ту вѣру, которая отъ искренности сердца замѣняетъ для младенца и простеца разумѣніе, и въ которой мудрецъ находитъ неисчерпаемую глубину, недосягаемую высоту премудрости, при которой христіанинъ и можетъ стяжать правильное познаніе о человѣкѣ, о духахъ святыхъ и отверженныхъ, о мірѣ, невидимомъ тѣлесными очами. Сердце современныхъ людей сдѣлалось плотскимъ, дебелымъ отъ плотской жизни; оно сдѣлалось слѣпымъ, глухимъ, мертвымъ ко всему духовному, къ вѣчному и Божественному [4]). При слабости вѣры, наступило духовное нечувствіе или умерщвленіе духовныхъ ощущеній, невидимая смерть духа человѣческаго по отношенію къ духовнымъ предметамъ при полномъ развитіи жизни по отношенію къ предметамъ вещественнымъ. Долговременная нерадивая жизнь среди постояннаго развлеченія, среди постоянныхъ произвольныхъ согрѣшеній, при забвеніи о Богѣ, о вѣчности, при невниманіи или при вниманіи самомъ поверхностномъ заповѣдямъ и ученію Евангелія, отнимаетъ у нашего духа сочувствіе къ духовнымъ предметамъ, умерщвляетъ его по отношенію къ нимъ. Существуя, они перестаютъ существовать для него, потому что жизнь его для нихъ прекратилась: всѣ силы его направлены къ одному вещественному, суетному, грѣховному. Присматриваясь къ состоянію своей души, мы сами можемъ видѣть развитіе въ ней нечувствія къ духовному, омертвеніе духа. Подтверждающими фактами духовнаго нечувствія нашего является скука при чтеніи Слова Божія и сухость нашей молитвы. Когда мы захотимъ заняться чтеніемъ Слова Божія,

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 32—33.
[2]) Тамъ же. Поученіе въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста, стр. 76—77.
[3]) Тамъ же. Слово въ Великій четвертокъ на Литургіи, стр. 129.
[4]) Томъ IV, поученіе въ недѣлю Антипасхи. О христіанствѣ, стр. 144—145.

на насъ нападаетъ скука; все, читаемое нами, представляется намъ малопонятнымъ, незаслуживающимъ вниманія, страннымъ. Мы не сочувствуемъ Слову Божію. Когда мы встанемъ на молитву, ощущаемъ сухость и холодность, мы спѣшимъ окончить наше поверхностное, исполненное развлеченія моленіе, потому что мы чужды Богу: мы вѣруемъ существованію Бога мертвою вѣрою, Его нѣтъ для ощущенія нашего. Вѣчность забыта нами, но свою временную жизнь мы устраиваемъ, какъ будто она вѣчна [1]). Служеніе Богу замѣнилось служеніемъ мамонѣ грѣховности [2]). Самоизмышленное разумѣніе жизни, съ утратою живой религіозной вѣры, придаетъ жизни человѣческой мірской, земляной характеръ, налагаетъ отпечатокъ на отношенія людей къ тѣлу и душѣ, къ ближнимъ, къ имуществу, къ духовнымъ предметамъ, къ неизбѣжной для всѣхъ смерти. Омраченный грѣхомъ, невѣдѣніемъ, примѣромъ другихъ, принятыми обычаями въ обществѣ человѣческомъ, человѣкъ считаетъ жизнію только жизнь одного тѣла, оставивъ безъ вниманія жизнь души: онъ захотѣлъ развить исключительно жизнь тѣла, доставляя ему всевозможныя наслажденія, употребивъ всѣ способности души въ служеніе тѣлу. Такъ поступаетъ человѣкъ съ собственною душою, такъ поступилъ и съ ближними—пренебрегъ ими. Не пренебрегаетъ человѣкъ лишь тѣми изъ нихъ, которыхъ употребляетъ въ орудія своей воли, которые могутъ быть споспѣшниками этой воли. Имущество свое онъ признаетъ во всѣхъ отношеніяхъ собственностію, а себя—въ правѣ употреблять эту собственность по произволу. И имущество, и земную жизнь употребляетъ на угожденіе плоти [3]). Люди легко забываютъ Бога, вѣчность, блаженство и страданія, до такой степени, что представляютъ ихъ вовсе несуществующими. Отвергая бытіе Бога, невидимаго міра, самой души, люди готовы отвергать и самую видимую смерть, если бы возможно было отвергнуть ее. Они отвергаютъ значеніе смерти, называя ее уничтоженіемъ человѣка. Такое понятіе миритъ съ плотскою жизнью, одобряетъ плотскую жизнь [4]), отдаляетъ очередь смерти и совсѣмъ устраняетъ мысль о ней, и люди проводятъ жизнь, какъ будто никогда не видали умирающихъ, не слыхали о существованіи смерти, какъ будто имъ, не въ примѣръ другимъ, назначено навсегда остаться на землѣ. Человѣкъ связанъ безчисленными пристрастіями; любовь человѣческая расточена на множество предметовъ, а мѣста и времени для любви къ Богу не

---

[1]) Поученіе въ недѣлю женъ мироносицъ, третію по Пасхѣ. О мертвости духа человѣческаго. Т. IV, стр. 152—153.

[2]) Бесѣда въ недѣлю тринадесятую. О причинѣ отступленія человѣковъ отъ Бога. Т. IV, стр. 223.

[3]) Бесѣда въ недѣлю двадесять вторую. Т. IV, стр. 231.

[4]) Тамъ же, т. V, стр. 450.

остается [1]). Но утрата любви къ Богу тѣсно связана съ утратой любви и къ ближнимъ, и если вражда къ Богу выражается пренебреженіемъ заповѣдей Божіихъ, жительствомъ по своей волѣ и разуму, то утрата любви къ ближнимъ заполняется вставшею вмѣсто нея враждою во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Благодарность стала рѣдкою добродѣтелью между людьми. Къ несчастію, часто слышится торжественный возгласъ, сопровождаемый торжественнымъ хохотомъ: „я сорвалъ то-то и съ того-то". Этимъ возгласомъ характеризуется страшная пустота и испорченность души. Возгласъ этотъ знаменуетъ, что извлечено благодѣяніе лестію, притворствомъ и другими подобными средствами, что лицо, подчинившееся обману и оказавшее благодѣяніе, подвергается поруганію за самое благодѣяніе свое. Часто благодѣянія посѣваютъ въ облагодѣтельствованномъ къ благодѣтелю чувство непримиримой, изступленной ненависти. Такъ часто встрѣчается эта противоестественная странность, что по ней образовалась народная пословица: „Не скормя, не споя, не наживешь врага". Отравленные грѣхомъ люди ненавидятъ своихъ благодѣтелей—людей, но еще болѣе ненавидятъ Бога [2]). Взаимныя отношенія людей отравлены лицемѣріемъ. Когда люди сходятся для дружеской бесѣды, часто, если не всегда, большая часть этой бесѣды заключается въ пересудахъ о ближнемъ, въ насмѣшкахъ надъ нимъ, въ оклеветаніи, уничиженіи, очерненіи его. Льются острыя слова рѣкою, смѣхъ и хохотъ раздаются, какъ знаки одобренія: въ это несчастное время самозабвенія и самообольщенія души наши пріобщаются свойствамъ демонскимъ и напитываются ядомъ лицемѣрства [3]). Но самообольщенные, руководящіеся только эгоизмомъ и самолюбіемъ въ своихъ цѣляхъ, люди, лишенные вѣры, не любятъ и самихъ себя, потому что истинная любовь къ себѣ невозможна, безъ любви къ Богу и ближнему. Въ любви къ Богу и любви къ ближнему сосредоточивается весь законъ Божій, потому что любовь есть та добродѣтель, которая, какъ союзъ совершенства, составляется изъ полноты всѣхъ прочихъ добродѣтелей. И для любви къ ближнему, нужно человѣку правильно любить себя. Несмотря на странность вопроса: любимъ ли мы себя, должно сказать, что весьма рѣдкій изъ людей любитъ себя. Большая часть людей ненавидитъ себя, старается сдѣлать себѣ какъ можно больше зла. Если измѣрить зло, сдѣланное человѣку въ его жизни, то окажется, что лютѣйшій врагъ не сдѣлалъ ему столько зла, сколько сдѣлалъ зла человѣкъ самъ себѣ. Постоянно и ненасытно желая себѣ добра, мы почти без-

---

[1]) Поученіе въ недѣлю двадцать пятую, т. IV, стр. 253.
[2]) Поученіе въ двадесять девятую недѣлю, т. IV, стр. 285.
[3]) Поученіе въ двадесять седьмую недѣлю, т. IV, стр. 279.

престанно дѣлаемъ себѣ зло [1]). Себялюбивые люди неспособны услышать призывъ на вечерю любви, а если и слышатъ, то не въ состояніи пойти по этому зову по причинамъ различнымъ, но имѣющимъ связь съ нашими земными отношеніями, представляющимися особо важными. Иной приписалъ такую важность занятіямъ ученымъ, должностнымъ, прихотливымъ, что счелъ позволительнымъ пренебреженіе Богомъ; иной предался семейнымъ заботамъ и забылъ Бога; иной, наконецъ, увлекся страстями, погрязъ въ грубыхъ плотскихъ наслажденіяхъ и сдѣлался совершенно чуждымъ Бога. Духовное сокровище отнимается у насъ всякимъ земнымъ занятіемъ, всякимъ земнымъ положеніемъ, когда къ нимъ всецѣло привлечена и прикована душа [2]). Среди христіанства званными на Христову вечерю должны быть признаны славные, богатые, ученые, благополучные въ мірѣ семъ: Богомъ дарованныя имъ преимущества предъ другими, сопряженное съ этими преимуществами удобство къ Богопознанію и Богослуженію выражаютъ, безъ сомнѣнія, призваніе къ спасенію и высшему блаженству, но званные пребываютъ какъ камни, невнимательными къ Призывающему [3]). А люди незванные, но призываемые впослѣдствіи, также нерѣдко противятся зову, какъ бы недовѣряя зову, или еще болѣе потому, что свыклись съ своимъ состояніемъ [4]). И духовная вечеря Господня остается незаполненною за отказомъ званныхъ, за косностью призываемыхъ, за дебелостью въ отношеніи къ духовному, по причинѣ сомнѣнія въ вѣчности и спасеніи. Блага культуры и матеріальнаго прогресса вытѣснили изъ сознанія современныхъ людей „единое на потребу“ —вѣчное спасеніе, матеріальнымъ затмилось духовное, видимымъ—невидимое, и въ очарованіи успѣхами генія прогресса люди не видятъ жизни во всей полнотѣ, не видятъ ея изнанки и слабыхъ сторонъ, столь очевидныхъ для ясновидѣнія вѣрующаго, взирающаго на временность взоромъ потусторонности.

И причиною близкаго къ адскому, состоянія земной человѣческой жизни, за исключеніемъ общихъ условій коренной человѣческой грѣховности послѣ грѣхопаденія, о чемъ рѣчь впереди, является, по справедливому мнѣнію Преосвященнаго Игнатія, упадокъ вѣры и крайнее развитіе раціонализма и вольнодумства, начало которому прочно положено французскимъ вольномысленнымъ просвѣщеніемъ XVIII вѣка. Можно ждать самыхъ пагубныхъ послѣдствій безвѣрнаго состоянія, какъ можно ждать печальнаго исхода для человѣка, давно-

---

[1]) Поученіе въ недѣлю двадесять пятую, т. IV, стр. 259.
[2]) Поученіе въ двадесять осьмую недѣлю, т. IV, стр. 282.
[3]) Тамъ же, стр. 283.
[4]) Тамъ же.

давно страдавшаго и изможденнаго неисцѣльнымъ недугомъ, заживо умерщвленнаго этимъ недугомъ, прежде умерщвленія смертію. Такимъ больнымъ духовно человѣкомъ представляется Преосвященному Игнатію образованная Европа и такъ называемый просвѣщенный міръ. Раціонализмъ со своими постановленіями не можетъ остановиться въ движеніи своемъ, какъ имѣющій основаніемъ непрестанно измѣняющійся разумъ человѣческій. Надо ожидать большаго и большаго развитія болѣзни. Она начала потрясать спокойствіе народовъ съ конца XVIII столѣтія; чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣйствіе ея обширнѣе, разрушительнѣе. Въ связи съ развитіемъ безвѣрія и ослабленіемъ духовной жизни ставитъ Епископъ-подвижникъ грядущее явленіе въ человѣчествѣ антихриста [1]). Но что болѣе всего поражаетъ Преосвященнаго Игнатія въ ходѣ человѣческой жизни, такъ это—общее стремленіе всѣхъ исключительно къ одному вещественному, будто бы оно было вѣчно,—забвеніе вѣчнаго, какъ бы несуществующаго,—насмѣшки и ругательства надъ христіанствомъ,—утонченное и лютое гоненіе на Церковь, гоненіе на жизнь ея, на Святаго Духа, замѣненіе Духа и Его уставовъ лжеименнымъ разумомъ и уставами, исходящими отъ міродержца,—общая всесвѣтная молва, какъ бы при столпотвореніи,—повсемѣстное устройство желѣзныхъ дорогъ,—работа, подобная столпотворенію. Современная жизнь, направленная на зло, и пріобрѣтенія культуры дѣлаетъ орудіемъ для быстраго развитія грѣховности. Богъ съ тою цѣлью смѣсилъ языки и раздѣлилъ народъ на народы, чтобы лишить людей возможности всѣ грѣховныя предпріятія приводить въ исполненіе общими силами всего соединеннаго человѣчества: паровозы возвращаютъ людямъ эту возможность [2]).

Крайнее пониженіе чуткости къ духовному бытію, почти утрата духовнаго ощущенія, равнодушіе къ сверхчувственному, иногда даже отрицаніе потусторонняго бытія, оземлененіе духа, преобладаніе интересовъ мірскихъ и плотяныхъ, себялюбивая вѣра въ силу человѣческаго генія и матеріальнаго прогресса и, наряду съ этимъ, состояніе духовнаго разлада личности и вражды во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ,—вотъ въ общихъ чертахъ та атмосфера, въ которой приходится духовно-опытному подвижнику говорить о томъ, что „духовнѣ востязуется“,—о Богѣ, о духовномъ мірѣ, о вѣчности, о спасеніи души. Но чѣмъ значительнѣе болѣзнь времени, тѣмъ нужнѣе ея врачеваніе; чѣмъ больше темноты въ духовныхъ понятіяхъ человѣка, тѣмъ болѣе потребенъ духовный вождь; чѣмъ слабѣе духовный опытъ людей, тѣмъ большую надобность имѣютъ они въ сокровищахъ непо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 485.

[2]) Тамъ же, письмо 31, стр. 485.

средственной духовной жизни мужа спасенія. По этимъ соображеніямъ, чуждый всякаго самомнѣнія, смиренный подвижникъ-Епископъ передаетъ мятущемуся и темному современному міру и въ духовное утѣшеніе грядущимъ поколѣніямъ свой духовный опытъ, тѣ отрадныя видѣнія и многолѣтнія размышленія, которыя, на нашъ взглядъ, способны пробудить духовную жизнь, или, по крайней мѣрѣ, желаніе ея, даже въ омертвѣлой душѣ. Когда опытно извѣдавшій радость духовной жизни, познавшій горестность грѣха, непосредственно созерцавшій бытіе духовное, предлагаетъ намъ слово о спасеніи изъ любви къ намъ, предлагаетъ духовное руководство намъ, въ мірѣ живущимъ и плоть носящимъ, въ то время, когда самъ онъ готовъ освободиться отъ тлѣнной тѣлесной оболочки, оканчивая земное странствованіе и признавая себя обязаннымъ представить христіанскому обществу отчетъ по согляданію имъ земли обѣтованной, точащей духовные дары и блага[1]), нужно быть слишкомъ нечувствительнымъ и духовно мертвымъ, чтобы отказаться отъ зовущаго голоса, чтобы равнодушно прослушать уроки спасенія, безъ всякаго слѣда для исправленія жизни нашей, какъ та толпа, которая, въ поэтическомъ изображеніи, снисходительно предлагаетъ озаренному духовно человѣку давать ей смѣлые уроки, расчитывая на одно лишь пассивное вниманіе: „Ты можешь, ближняго любя, давать намъ смѣлые уроки, а мы послушаемъ тебя“. Но если въ душахъ нашихъ сохранилась искра желанія духовной жизни и подлинной вѣры, мы не можемъ остаться равнодушными къ слову спасенія, и нашу душу посѣтитъ, быть можетъ, желаніе вкусить духовныхъ восторговъ и видѣнія подвижника. И голосъ послѣдняго тѣмъ болѣе цѣненъ для насъ, что онъ не является лишь результатомъ книжнаго изученія или вообще умственнаго познанія, но плодомъ лично-пережитаго духовнаго опыта. И когда Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ говоритъ намъ о Богѣ, о духовномъ мірѣ— Ангеловъ и демоновъ, о тайнѣ смерти тѣлесной и загробнаго бытія человѣческаго, о раѣ и адѣ, о спасеніи души, мы слышимъ не ученаго богослова, не начитаннаго благочестиваго человѣка, хотя все это и принадлежитъ ему, по нашему мнѣнію, въ высокой мѣрѣ: ибо онъ издѣтска изучилъ Святое Писаніе, могущее умудрить во спасеніе, онъ прошелъ длительную и многолѣтнюю школу вдумчиваго изученія отеческихъ преданій, онъ прослѣдилъ житія богоносныхъ подвижниковъ прошедшаго и современнаго ему вѣка, онъ тайноводственно позналъ высокую эстетику и глубокое ученіе христіанскаго богослуженія, и выносилъ свое міровоззрѣніе въ теченіе слишкомъ полувѣкового духовнаго подвига. И мы не можемъ не слушать его и не вѣрить ему,

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 84.

наша душа склоняется къ правдѣ словъ Игнатіевыхъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ хотѣли бы не быть лишенными вѣчнаго наслѣдія земли обѣтованной, которую соглядалъ онъ еще при жизни. Конечно, человѣкъ великъ въ своихъ духовныхъ порывахъ, но и духовная косность доходитъ до того, что люди, имѣя Моисея, и пророковъ, и Евангеліе самовидцевъ Слова,—не слушаютъ ихъ, но для такихъ, если-бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, они не послушали бы... И, конечно, не для нихъ сокровища духовнаго опыта Игнатія Брянчанинова.

Переходя къ изложенію богатства аскетическаго опыта Преосвященнаго Игнатія по вопросамъ духовнаго бытія, мы съ удобствомъ распредѣляемъ относящійся къ этой области матеріалъ его твореній на три весьма неравномѣрные отдѣла—о Богѣ, о духахъ тварныхъ и о человѣкѣ. Изъ этихъ трехъ отдѣловъ исключительная обоснованность, полнота и всесторонность разслѣдованія, наряду съ оригинальностію сужденій, принадлежатъ второму отдѣлу, на которомъ мы, поэтому, и остановимъ свое продолжительное вниманіе.

По вопросу о Богѣ мы не найдемъ въ твореніяхъ Епископа Игнатія привычныхъ для богослова и философа-интеллигента доказательствъ бытія Божія, потому, вѣроятно, что, опираясь сами на предварительное ощущеніе Божества въ человѣческой душѣ и имѣя смыслъ при условіи прирожденности душѣ человѣческой религіозной идеи, доказательства эти удовлетворяютъ разсудочно-логической, главнымъ образомъ, потребности духа человѣческаго, въ духовныхъ переживаніяхъ подвижника аскета обычно стоящей на весьма отдаленномъ планѣ, тогда какъ вся духовная жизнь такого Богоискателя заполнена видѣніемъ Божества, жизнію въ Богѣ. Мы не найдемъ здѣсь даже полнаго раскрытія идеи о Богѣ и Существѣ Божіемъ на основахъ Священнаго Писанія и Святоотеческихъ твореній, потому, вѣроятно, что ознакомленіе съ этими первоисточниками христіанскаго вѣдѣнія, въ отношеніи къ Епископу Игнатію совершенно несомнѣнное, ничуть не затѣняетъ и не умаляетъ Богоощущенія, но лишь усиливаетъ его, и, въ качествѣ источника Богопознанія, жизнь въ Богѣ исключаетъ всѣ остальныя основы богословскаго вѣдѣнія. Наконецъ, еще болѣе значенія, на нашъ взглядъ, въ качествѣ мотива, ограничивающаго подробное разсмотрѣніе въ подвижнической литературѣ, съ какою мы въ настоящее время имѣемъ дѣло, понятія о Богѣ или Существа Божія имѣетъ необычайное благоговѣніе аскета-подвижника, живущаго въ Богѣ, предъ мыслію о Немъ, боязнь его своими ограниченно-человѣческими познавательными средствами касаться Существа Непостижимаго и вводить Его въ ограниченныя логическія нормы нашей мысли, что, какъ мы знаемъ, имѣло мѣсто даже для философовъ, построяющихъ доказательства бытія Божія. И потому, не стремясь къ логическому раскрытію понятія о Богѣ, подвижническая ли-

тература, въ большинствѣ случаевъ, ограничивается образнымъ выраженіемъ своихъ видѣній, обращая главное вниманіе свое не на раскрытіе Существа Божія, а на условія приближенія человѣка къ Богу и усвоенія милости Божіей, на указаніе Его свойствъ, доступныхъ человѣку чрезъ природу и духъ, которыя, проникая въ человѣческое сознаніе, аскетически-воспитательно дѣйствуютъ на духъ человѣка, призывая его къ покаянію и усвоенію благодати Божіей, взамѣнъ ложно-горделивой увѣренности въ безпредѣльности человѣческаго познанія [1]).

Такое же ученіе о Богѣ мы найдемъ и въ твореніяхъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, глубоко изучившаго аскетовъ-подвижниковъ и усвоившаго духъ ихъ опытомъ многолѣтней подвижнической жизни. И вотъ, для глубоко вѣрующаго подвижническаго духа Епископа Игнатія не представляются нужными логическія доказательства бытія Божія: въ блескѣ солнечнаго дня нѣтъ надобности доказывать бытіе свѣта и солнца; охваченный величіемъ и стихійностью наступившей грозы не имѣетъ нужды въ доказательствахъ наличности этого явленія природы—непосредственное ощущеніе и его самоочевидность исключаютъ смыслъ логическихъ разсужденій по этому вопросу, оставляя за человѣкомъ въ полной силѣ потребность уясненія этихъ явленій и ихъ вліянія на человѣка, тѣхъ переживаній, которыя связаны съ ихъ воспріятіемъ. Ищущій спасенія долженъ и можетъ непрестанно взирать на Бога, Его видѣть очами вѣры и надежды, чтобы сохраниться въ постоянствѣ и терпѣніи [2]). Только въ этомъ видѣніи Бога, въ соединеніи съ Нимъ истинная жизнь души и усиленіе ея способности къ Богообщенію [3]). Отрѣшаясь отъ грѣха и принося во всесожженіе свои естественныя свойства, разумный духъ человѣка становится способнымъ къ общенію съ Богомъ, ибо Богъ нашъ—Духъ, несравнимый ни съ какимъ сотвореннымъ духомъ, какъ во всѣхъ отношеніяхъ безконечно отличающійся отъ всѣхъ тварей [4]). Богъ нашъ—огнь, научаетъ Писаніе, говоритъ Епископъ Игнатій въ другомъ мѣстѣ. Отъ дѣйствія этого огня постепенно угасаетъ, наконецъ, совершенно потухаетъ огнь грѣховный, огнь плотской и душевный. Божественный огнь чистъ, тонокъ, свѣтелъ,—сообщаетъ

---

[1]) Такого метода въ раскрытіи ученія о Богѣ держатся, по нашему мнѣнію, Преп. Максимъ Исповѣдникъ, Симеонъ Новый Богословъ, Нилъ Синайскій, Антоній Великій, Макарій Египетскій и др. подвижники, указанные въ Добротолюбіи, для которыхъ на первомъ планѣ стоятъ не вопросы богословскаго знанія, а непремѣнно вопросы человѣческаго спасенія и соотвѣтственнаго этой высокой цѣли аскетическаго подвига грѣшнаго человѣка.

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 141.

[3]) Тамъ же, т. III, стр. 120.

[4]) Тамъ же, слово I-ое въ недѣлю цвѣтоносную Т. IV, стр. 113.

уму истину, а сердцу—чудное спокойствіе, чудную хладность ко всему земному, обиліе кротости, смиренія, благости [1]). Но ни это, ни всѣ другія подобія не уясняютъ природы Существа Божія, и къ этому не нужно стремиться. Цѣлымъ рядомъ изреченій Священнаго Писанія и Святоотеческихъ твореній Преосвященный Игнатій утверждаетъ мысль о всесовершенствѣ Божіемъ и Его непостижимости. Богъ есть существо всесовершенное, не имѣющее ничего общаго съ существами сотворенными. Существованіе разумныхъ тварей и жизнь ихъ отличаются отъ Жизни-Бога, подобно тому, какъ отличается свѣтъ, который издаютъ отъ себя предметы, освѣщенные солнцемъ, отъ свѣта, изливающагося собственно изъ солнца, изъ источника свѣта. Бытіе и жизнь тварей есть слабѣйшее отраженіе бытія и жизни, составляющихъ собственно Божіе свойство [2]). Въ Существѣ Своемъ Богъ неприступенъ не только для человѣка, но и для высшихъ силъ. Никто изъ человѣковъ не могъ видѣть Существа Божія такимъ, каково Оно есть: но Богъ, приспособляя Себя къ немощи человѣческой, принималъ соотвѣтствующій этой немощи образъ, и часто Онъ, безплотный, являлся имъ въ образѣ человѣка, облеченнаго плотію [3]). Самымъ важнымъ для душевнаго дѣла по вопросу о Богѣ для подвижника является не полнота логическаго раскрытія Божественной природы и свойствъ Божества, не глубокое ихъ обоснованіе, но живое и дѣятельное ощущеніе Бога въ Его отношеніи къ міру и человѣку. Различая вѣру догматическую и дѣятельную [4]), Епископъ Игнатій отдаетъ предпочтеніе послѣдней, полагая ея существеннымъ свойствомъ увѣренность, что Богъ управляетъ участію міра и каждаго человѣка и, какъ слѣдствіе этой увѣренности, смиренную покорность Богу, отступленіе смущеній, миръ души и силу мужества, благоговѣніе предъ непостижимыми для насъ судьбами Божіими во всѣхъ попущеніяхъ Божіихъ—частныхъ и общественныхъ, гражданскихъ, нравственныхъ и духовныхъ [5]). И то, и другое—и самоочевидную увѣренность въ бытіи Божіемъ, въ Богоощущеніи, и глубокосмиренную преданность Божественной волѣ, являющіяся въ результатѣ напряженнаго и длительнаго аскетическаго подвига [6]),—Епископъ Игнатій выражаетъ въ полномъ вдохновеннаго лиризма исповѣданіи своей вѣры въ обращеніи къ Превышающему человѣческое разумѣніе и

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 496.

[2]) Прибавленіе къ „Слову о смерти", т. III, стр. 197—199.

[3]) Тамъ же, стр. 201—203.

[4]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, гл. XIV, стр. 84.

[5]) Тамъ же.

[6]) Объ этомъ подвигѣ, по воззрѣніямъ Епископа Игнатія, мы говоримъ во II и, особенно, III главѣ настоящей части нашего изслѣдованія.

Посѣщающему храмину человѣческой души Божественному Страннику [1]).

Въ возможной мѣрѣ сопутствуя вдохновенному исповѣданію подвижника-ясновидца, поднимаясь на высоту его таинственнаго созерцанія, припоминая свои личныя, подобныя изложеннымъ, восторженныя духовныя переживанія во дни нашихъ юношескихъ религіозныхъ порывовъ, въ особо святыя минуты нашей жизни, въ часы свободные отъ заботъ житейскихъ, предъ Святою Чашею спасенія, или въ созерцаніи Святой Плащаницы при звукахъ погребально-воскресныхъ пѣснопѣній, въ радости воскресенія Христова; припоминая всѣ лучшія минуты нашей духовной жизни, когда наша жизненная „пѣснь рабовъ однообразная", по выраженію поэта, получала въ свое содержаніе элементы радости Богоощущенія, радости видѣнія Того, Кого не видитъ око, но Кто близокъ душѣ, какъ печаль и мечта, Того, Кто далъ законы звѣздамъ алмазнымъ и свободу нашей душѣ, Кто ощущается нами, какъ живой источникъ мыслей святыхъ и тайныхъ, Кто дышетъ на возрастаніе на духовной нивѣ сѣмянъ вѣры; воспроизводя эти и подобныя переживанія свои, мы поймемъ, думается, и это чудное собесѣдованіе подвижника-аскета съ Божественнымъ Странникомъ, поймемъ возможность и смыслъ Богоощущенія, которое поднимаетъ человѣка надъ землею, уноситъ его на крыльяхъ вѣры даже до третьяго неба, дѣлаетъ способнымъ къ слышанію глаголовъ жизни вѣчной, ихъ же не лѣть есть человѣку глаголати, которые не передаются словами языка человѣческаго, но и безъ этихъ словъ понятны вѣрующей и озаренной душѣ; мы приблизимъ это состояніе къ своему пониманію въ духѣ тѣхъ великихъ и незабываемыхъ картинъ, когда человѣкъ—Боговидецъ на вершинѣ горы получаетъ завѣтъ Божій человѣку и, видя потомъ совершающееся у подножія святой горы, разбиваетъ скрижали, не терпя измѣны Богу-Вождю, или когда другой пророкъ-ясновидецъ выражаетъ готовность самоотверженной проповѣди спасенія по Слову Божію, несмотря на смиренно-сознаваемую немощь, или когда иной еще великій пророкъ, видя Господа на высокомъ и превознесенномъ престолѣ, приходитъ въ священный ужасъ отъ сознанія своей грѣховности и недостоинства. Мы поймемъ, конечно, тогда, что для совершенія тайны спасенія душевнаго нужны не препретельныя слова человѣческой мудрости, а, именно, эта постоянно проводимая въ сочиненіяхъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова способность Богоощущенія, совершенно измѣняющая человѣческое отношеніе къ міру и его благамъ. А при этомъ благоговѣй-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 315—321. Это выраженіе Богоощущенія спасающейся души приводится нами ниже—въ гл. III настоящей части.

номъ Богоощущеніи духовный подъемъ человѣка и восторгъ непосредственнаго исповѣданія не находитъ словъ для выраженія своего, и въ то же время Божественный Странникъ, Чудный Гость, Свѣтлый и Просвѣщающій Наставникъ, Этотъ „Орошающій Огнь“ такъ непосредственно ясенъ въ душѣ посѣщеннаго Имъ человѣка, Его воля такъ открыта, что слова человѣческія не нужны: Божественные глаголы по особому, нематеріально звучатъ въ душѣ человѣка и влекутъ его на путь спасенія, уясняютъ взглядъ на окружающее. И хотя Божественный Странникъ уходитъ отъ человѣка, т. е. способность Богоощущенія, какъ и способность поэтическаго озаренія, не составляетъ постояннаго, въ одномъ уровнѣ, состоянія человѣка, но разъ опытно извѣдавшій таинственную радость Богоощущенія всѣмъ подвигомъ жизни своей стремится къ привлеченію въ свою душу Небеснаго Гостя и Божественнаго Странника, и на всѣ предметы природы и явленія бытія взираетъ уже очами вѣры, ему во всемъ видится возможность посѣщенія Божественнаго Странника, ибо неизвѣстно, гдѣ и при какихъ условіяхъ откроется Онъ ищущему человѣку—въ явленіяхъ ли сотворенной имъ природы, въ людяхъ ли—ближнихъ нашихъ, въ состояніяхъ ли нашего духа, въ обстоятельствахъ ли нашей повседневной жизни, человѣкъ уже полонъ пережитыхъ впечатлѣній, бытіе для него полно тайны, и на тайну эту онъ взираетъ новыми очами,—очами ясновидящей вѣры. И существенныя черты этой вѣры и новаго для человѣка смысла бытія—откровеніе въ бытіи Бога. Божественный Странникъ для духовнаго взора человѣческаго уясняется, какъ Творецъ и Промыслитель міра, Всемогущій, Благой и Милосердно-человѣколюбивый, но Нелицепріятный Судія міра.

Для вѣрующаго христіанина въ судьбахъ міра открываются судьбы Божіи. Нѣтъ слѣпого случая! Богъ управляетъ міромъ, и все, совершающееся на небѣ и въ поднебесной, совершается по суду Премудраго и Всемогущаго Бога, Непостижимаго въ премудрости въ всемогуществѣ Своемъ, непостижимаго въ управленіи Своемъ. Богъ управляетъ міромъ, и только слѣпотствующіе грѣшники не видятъ этого управленія. Таинство Евангельской правды и таинство судебъ Божіихъ открыто однимъ избранникамъ, сподобившимся увидѣть чистымъ умомъ Бога въ промыслѣ и управленіи Его [1]). Управляетъ Богъ вселенною; управляетъ Онъ и жизнію каждаго человѣка во всей подробности ея. Такое управленіе, входящее въ самыя мелочныя, ничтожнѣйшія, повидимому, условія существованія тварей, соотвѣтствуетъ безконечному совершенству свойствъ Божіихъ. Законъ такого управленія прочитывается въ природѣ, прочитывается въ общественной

[1]) Судьбы Божіи. Сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, т. II, стр. 77—78.

и частной жизни людей, прочитывается въ Священномъ Писаніи. Вѣрю всесвятымъ словамъ! Не могу не вѣрить имъ: они изображаютъ съ точностію совершенство Бога моего [1]). И въ этой всеобъемлемости Божественнаго промысла настроеніе Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова ничуть не колеблется проявленіями грѣха въ человѣкѣ, непорядковъ и нестроеній въ мірѣ нравственномъ и въ мірѣ премірно-духовномъ, но, съ другой стороны, онъ и не чуждъ сознанія міровыхъ и личныхъ недостатковъ. Подводя все, совершающееся во вселенной, подъ область судебъ Божіихъ, Епископъ Игнатій различаетъ совершающееся по волѣ Божіей и по попущенію Божію и, въ качествѣ примѣра, указываетъ проявленіе Божественной воли и Божественнаго попущенія. Дѣйствіемъ воли Божіей сотворены міры—видимый и невидимый, сотворенъ и искупленъ человѣкъ, совершены и совершаются всѣ событія, общественныя и частныя, изъ которыхъ свѣтитъ, какъ солнце съ неба, Божія благость, Божіе всемогущество, Божія премудрость. По попущенію Божію, по произволу тварей, явилось зло со всѣми послѣдствіями его: по попущенію Божію, по собственному произволенію пали ангелы; палъ человѣкъ, не приняли Бога и отступили отъ Бога люди, искупленные вочеловѣчившимся Богомъ; по попущенію Божію, по злому произволенію ангеловъ отверженныхъ и падшихъ человѣковъ, растлилась земля преступленіями и нечестіемъ этихъ ангеловъ и этихъ человѣковъ. По попущенію и суду Божію карають и будутъ карать вселенную различныя скорби и бѣдствія, общественныя и частныя; по попущенію и суду Божію постигнетъ отступниковъ отъ Бога, враговъ Божіихъ, вѣчная мука въ огненной безднѣ адской, для которой они приготовили себя произвольно [2]). Въ мысли о безконечности Божіей и о Его безконечномъ совершенствѣ находитъ Преосвященный Игнатій отвѣтъ обычному недоразумѣнію, можетъ ли сохраниться Божественное совершенство при наличности зла въ мірѣ. Безконечное, по свойству своему, не уменьшается при всевозможныхъ численныхъ вычитаніяхъ изъ него и не увеличивается при всѣхъ такихъ приложеніяхъ къ нему. Ни зло, ни добро тварей не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого вліянія ни на Бога, ни на дѣйствія Его. Судьбы Божіи стоятъ на высотѣ недоступной и неприкосновенной; онѣ стоятъ на высотѣ, независящей отъ дѣйствій и демонскихъ и человѣческихъ [3]).

Съ понятіемъ о судьбахъ Божіихъ, въ твореніяхъ Епископа Игнатія сопоставляется и тожественное съ нимъ по содержанію понятіе о Божественномъ предопредѣленіи. Признавая понятіе о Божественномъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 79.
[2]) Тамъ же, стр. 80.
[3]) Тамъ же, стр. 82.

предопредѣленіи точно установленнымъ въ Священномъ Писаніи и принимая его, какъ незыблемое, Преосвященный Игнатій уясняетъ его изъ свойства Божественной вѣчности и абсолютности —Время не существуетъ для Бога, и Богъ не подлежитъ вѣчности. Время и его измѣренія составились у людей отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ перемѣнами явленій въ природѣ. Нѣтъ времени для Бога: нѣтъ для Него и будущаго времени. Имѣющее совершиться предстоитъ уже совершившимся Лицу Божію, и загробная участь каждаго человѣка, долженствующая истечь, какъ естественное слѣдствіе, изъ земной произвольной дѣятельности, извѣстна уже Богу, уже рѣшена Богомъ [1]). Но, будучи совершенно несомнѣннымъ для вѣрующаго сознанія фактомъ, Божественное предопредѣленіе должно быть глубочайшимъ основаніемъ для усиленія нашего благоговѣйнаго чувства къ Богу въ представленіи Его безмѣрности и всесовершенства, но никоимъ образомъ не ослаблять вниманія человѣка къ своему спасенію. И только равнодушіе къ своему „душевному дѣлу“ и косность въ отношеніи духовной жизни, въ связи съ забвеніемъ самыхъ основъ ея даютъ мнимое побужденіе склоннымъ къ плотской жизни людямъ выбирать путь жизненныхъ удовольствій и временныхъ очарованій въ безосновательной ссылкѣ на Божественное предопредѣленіе, которое человѣкъ измѣнить не въ силахъ [2]). Съ точки же зрѣнія подвижнической, предопредѣленіе, показывая человѣку величіе Божіе и пребывая тайною, извѣстною Единому Богу, нисколько не стѣсняетъ свободной дѣятельности человѣческой на всемъ поприщѣ земной жизни, не имѣетъ никакого вліянія на эту дѣятельность человѣка; предопредѣленіе Божіе не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого вліянія и на послѣдствія этой дѣятельности, на спасеніе и погибель человѣка. Въ руководители поведенію нашему даны съ одной стороны—разумъ и свободное произволеніе, съ другой—откровенное ученіе Божіе. Откровенное ученіе Божіе возвѣщаетъ съ удовлетворительнѣйшею подробностью волю Божію въ средство спасенія, возвѣщаетъ благоволеніе Божіе, чтобы спаслись всѣ человѣки, возвѣщаетъ муку вѣчную за попраніе воли Божіей. Отсюда ясное слѣдствіе: спасеніе и погибель человѣка зависятъ единственно отъ произвола его, а не отъ неизвѣстнаго ему опредѣленія Божія [3]). Такимъ образомъ, съ близкой Епископу Игнатію точки зрѣнія, Божественное предопредѣленіе обнимаетъ весь міръ—дѣятельность человѣческую и каждаго человѣка; но человѣкъ въ своей дѣятельности долженъ руководиться своимъ желаніемъ спасенія и указаніями Слова Божія и Св. Церкви и соотвѣт-

---

[1]) Тамъ же, стр. 85.
[2]) Тамъ же, стр. 86.
[3]) Тамъ же, стр. 87.

ственнымъ образомъ располагать свой жизненный подвигъ къ спасительной цѣли, не предполагая гибельно-искусительнаго для себя, но совершенно по существу неизвѣстнаго предопредѣленія къ погибели. Конечно, въ связи съ вопросомъ о Божественномъ промыслѣ и предопредѣленіи въ обычномъ любопытствующемъ житейскомъ знаніи стоитъ цѣлый рядъ другихъ, частныхъ вопросовъ о разныхъ неправдахъ жизни, которыя приковываютъ къ себѣ преимущественное вниманіе практическаго человѣка, возбуждая въ немъ не только грѣховное отрицаніе Божественнаго міроправительнаго промысла, но и стремленіе устроять жизненныя судьбы самолично, своими силами, въ ошибочномъ представленіи, „яко міръ сей есть самобытенъ, и вся въ немъ безъ промысла Божія совершаются“. Искусительные для горделиваго духа человѣческаго, увѣреннаго въ постижимости плановъ Божественнаго міроправленія, факты міровой, главнымъ образомъ, человѣческой жизни, какъ, напримѣръ, неповинныя страданія, неравномѣрность въ распредѣленіи земныхъ благъ, слезы, которыми пропитана земля, переводятъ вниманіе человѣка на непорядки міровые, вмѣсто вниманія къ нестроенію духовному, и на борьбу внѣшнюю, вмѣсто борьбы съ грѣхомъ, и заставляютъ его, подобно Ивану Карамазову у Достоевскаго, отрицать смыслъ бытія и кощунственно возвращать Богу билетъ на жизнь. Изъ опасенія такого гибельнаго для спасенія души исхода, человѣкъ, по мнѣнію Епископа Игнатія, долженъ заниматься не изысканіемъ непорядковъ жизни, а борьбой съ грѣхомъ своей природы, тѣмъ болѣе, что устраненіе жизненныхъ непорядковъ и насажденіе міровой гармоніи не находится въ его власти, а для подвига спасенія ему даны всѣ силы къ животу и благочестію. Отчего одинъ родится въ богатствѣ и знатности, другой—въ нищетѣ, въ средѣ людей, презираемыхъ и угнетаемыхъ, обреченныхъ на всежизненный тѣлесный трудъ въ потѣ лица, лишенныхъ средства къ развитію умственному? Отчего иной умираетъ дряхлымъ старцемъ, иной въ цвѣтѣ юношескаго или мужескаго возраста, иной дитятею и даже кратковременнымъ младенцемъ? Отчего одинъ пользуется постоянно здравіемъ и благополучіемъ, другой томится въ болѣзняхъ, передается скорбями скорбямъ, бѣдствіями бѣдствіямъ, какъ бы съ рукъ на руки? Эти и этимъ подобные вопросы заняли однажды великаго пустынножителя Египетскаго Антонія, и тщетно искалъ разрѣшенія ихъ пустынножитель въ собственномъ разумѣ, осѣненномъ Божественною благодатію, способномъ углубляться въ разсматриваніе таинъ Божіихъ. Когда святый старецъ утомился размышленіемъ безплоднымъ, послѣдовалъ къ нему съ неба гласъ: Антоній! Это—судьбы Божіи. Изслѣдованіе ихъ душевредно. Себѣ внимай! [1]) Въ виду этого, на первомъ

[1]) Тамъ же, стр. 87.

планѣ для христіанина долженъ стоять вопросъ о душевномъ спасеніи, объ условіяхъ и задачахъ собственной дѣятельности человѣка въ руководствѣ Словомъ Божіимъ и ученіемъ Святой Православной Церкви, а самъ онъ долженъ не испытывать судьбы Божіи, а славить непостижимую благость Божію [1]), особенное милосердіе Его къ кающемуся грѣшнику, котораго не могутъ постичь первородные сыны Отца Небеснаго, готовность къ прощенію и исцѣленію и призывъ къ нему, безъ всякаго при этомъ лицепріятія и различенія людей чѣмъ либо другимъ, кромѣ ихъ стремленія къ спасенію, въ силу чего тотъ сподобляется особыхъ даровъ Божіихъ въ особенномъ обиліи и духовномъ изяществѣ, который съ большимъ самоотверженіемъ устремится къ Богу [2]). Таковы сужденія Преосвященнаго Игнатія о Богѣ и Его свойствахъ. Мы видимъ, что сила ихъ заключается не въ теоретически-умственномъ постиженіи Непостижимаго, а въ Богоощущеніи и Богообщеніи, долженствующемъ, какъ увидимъ ниже, преобразить нашу жизнь, ибо тому, кто искренно и подлинно ощущаетъ Бога, для кого вѣра въ Божественный промыслъ не есть дѣло традиціи, а подлиннаго убѣжденія въ томъ, что Богъ управляетъ міромъ и промышляетъ, и что безъ этой вѣры нельзя міру и человѣку стоять и быть, для такого вѣрующаго человѣка, сподобившагося радости Богообщенія, уже нельзя жить по стихіямъ міра, а непремѣнно по волѣ Божіей, по образу Христову, по слову Св. Писанія и Церкви.

И эта вѣра въ вездѣприсутствіе Божіе, въ промыслительную о мірѣ дѣятельность [3]) стоитъ у Преосвященнаго Игнатія въ тѣсномъ соотношеніи съ его столь же глубокой вѣрой въ бытіе міра духовнаго, въ посмертное бытіе человѣка. Къ изображенію этой вѣры Епископа-подвижника мы дальше и переходимъ.

Излагая ученіе Епископа Игнатія о духовномъ мірѣ, мы, прежде всего, должны остановить свое, по возможности, глубокое вниманіе, на изображеніи имъ бытія духовъ и условій ихъ познанія и отноше-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 48—49.

[2]) Тамъ же, стр. 38, 53, 151, 218.

[3]) Главныя положенія по вопросу о Божественномъ промышленіи можно читать по статьѣ Преосвященнаго Игнатія подъ заглавіемъ: „Судьбы Божіи“ (т. II, стр. 77—108). Статья эта издана впервые сразу послѣ блаженной кончины Епископа Игнатія въ 1867 году подъ тѣмъ же заглавіемъ братомъ автора—П. А. Брянчаниновымъ, который въ предисловіи къ ней свидѣтельствуетъ, что статья „Судьбы Божіи“, предсмертный трудъ почившаго Святителя,—вѣнецъ его пастырскаго служенія христіанству, его послѣднее слово, объемлющее сущность всѣхъ его писаній. Написанная въ 1866 году, статья эта была пересмотрѣна и пополнена Преосвященнымъ въ послѣдніе дни его жизни. Собственноручно началъ онъ переписывать ее, и въ день блаженной кончины своей написалъ еще нѣсколько строкъ. Статья эта и цѣнна потому особо, какъ выраженіе всежизненныхъ убѣжденій Святителя Игнатія.

нія ихъ къ человѣку съ точки зрѣнія коренного для человѣка вопроса о вѣчномъ спасеніи. Ученіе Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова объ этомъ предметѣ требуетъ особеннаго вниманія въ виду: а) особой полноты и обстоятельности этого ученія, б) исключительной важности, по мнѣнію Епископа-подвижника, этого ученія въ системѣ христіанскаго нравоученія и въ совершеніи духовно-христіанскаго подвига спасенія и в) въ виду особой оригинальности ученія этого въ общемъ строѣ воззрѣній Игнатія Брянчанинова и исключительнаго вниманія, которое удѣляетъ ему авторъ. Изъ всѣхъ вопросовъ христіанскаго нравоученія, соприкосновенныхъ съ подвигомъ душевнаго спасенія, нѣтъ другихъ вопросовъ, которымъ Игнатій Брянчаниновъ удѣлялъ бы большее или даже равномѣрное вниманіе, какъ вопросъ о духахъ, молитвѣ и загробной участи человѣка. Какъ количественно, по размѣру занятыхъ этими вопросами страницъ твореній Епископа Игнатія, такъ и качественно—по широтѣ обозрѣнія, обстоятельности изученія, всесторонности обоснованія дѣлаемыхъ выводовъ и картинности освѣщенія, вопросы эти въ твореніяхъ аскета-подвижника невольно привлекаютъ особое вниманіе изслѣдователя.

Въ системѣ христіанскаго нравоученія вопросы эти занимаютъ, по убѣжденію Игнатія Брянчанинова, существенное мѣсто и имѣютъ столь существенное значеніе, что легкомысленное сужденіе или, тѣмъ болѣе, невѣріе по этому вопросу, по мнѣнію Епископа Игнатія, равносильно отверженію христіанства.

Сужденія Епископа Игнатія по этимъ вопросамъ отличаются особо глубокой убѣжденностью и особой оригинальностію до такой степени, что невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя, и онъ не охотно разстается съ этими отдѣлами, готовъ многократно къ нимъ обращаться, а достаточно внимательное изученіе его воззрѣній въ этой области невольно вызываетъ читателя на глубокія думы о смыслѣ жизни и самоочевидной реальности и нескончаемости посмертнаго бытія человѣческаго. Около этихъ вопросовъ въ изложеніи и пониманіи ихъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ возникла интересная полемика между нимъ и другимъ Епископомъ-подвижникомъ—Ѳеофаномъ-Затворникомъ; въ связи съ этимъ вопросомъ Игнатій Брянчаниновъ разсматриваетъ ученіе инославія о духовномъ мірѣ и выясняетъ незыблемую правду православія. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ вопросъ о духовномъ мірѣ и посмертномъ бытіи человѣка особенно интереснымъ для изслѣдователя твореній Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова.

Вопросъ о бытіи духовъ и духовнаго міра, по воззрѣніямъ Епископа Игнатія, представляется существенно-важнымъ вопросомъ до такой степени, что отвергающіе существованіе духовъ непремѣнно вмѣстѣ съ этимъ отвергаютъ и христіанство. „Сего ради явися Сынъ

Божій, да разрушитъ дѣла діавола, да смертію упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола" (Іоан. III, 8; Евр. II, 14). Если нѣтъ падшихъ духовъ, то вочеловѣченіе Бога не имѣетъ ни причины, ни цѣли [1]). Между тѣмъ, въ силу особой, явившейся послѣ грѣховнаго паденія духовной слѣпоты, не сознаваемой самими ослѣпленными людьми, большинство людей чуждо всякаго понятія о духахъ, или имѣетъ о нихъ только одно теоретическое, самое поверхностное, самое неясное и неопредѣленное понятіе, почти равновѣсное совершенному незнанію. Современное Игнатію Брянчанинову и недалекое отъ нашего времени общество человѣческое, преимущественно общество образованное, въ большинствѣ своихъ членовъ сомнѣвается въ существованіи духовъ, многіе отвергаютъ его [2]). Сомнѣваются въ бытіи духовъ и отвергаютъ его даже и тѣ, которые признаютъ существованіе души своей, признаютъ ея безсмертіе или существованіе ея послѣ смерти, признаютъ ее духомъ [3]). Но если мы отъ современныхъ Игнатію Брянчанинову сужденій о духовномъ мірѣ перенесемъ свое вниманіе къ переживаемой современности, то мы, безъ сомнѣнія, увидимъ, что вопросъ о бытіи духовъ не только не имѣетъ лучшей почвы для своего разрѣшенія, но и положительно стоитъ въ условіяхъ неблагопріятныхъ въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ переживается большая слабость христіанской убѣжденности и настроенности. Попробуйте въ современномъ образованномъ обществѣ вести серьезный разговоръ о духовности души, ея безсмертіи, загробной участи человѣка, о раѣ, адѣ, и страшномъ Судѣ, вы очень часто, въ лучшемъ случаѣ, встрѣтите снисходительно обидное вниманіе, иногда скептическую улыбку, иногда возраженіе, а иногда и злобную насмѣшку и обвиненіе въ обскурантизмѣ и отсталости. И такое положеніе тѣмъ печальнѣе, что сужденія подобнаго рода мы можемъ встрѣтить въ средѣ людей, нечуждыхъ христіанскихъ понятій, считающихъ себя христіанами, только никогда серьезно о христіанствѣ не размышляющихъ и жизненнаго значенія ему не придающихъ. Но даже и при болѣе повышенномъ моральномъ уровнѣ вашихъ собесѣдниковъ, признающихъ безсмертіе и вопросы спасенія, такіе вопросы, какъ о бытіи духовъ и загробнаго воздаянія въ видѣ рая и ада, кажутся несерьезными, важнаго значенія неимѣющими, въ лучшемъ случаѣ образными выраженіями понятій совершенно иного рода, чѣмъ какія имъ принадлежатъ по существу. Въ средѣ знакомыхъ вамъ людей многіе ли серьезно думаютъ и вѣрятъ въ бытіе духовъ—злыхъ и добрыхъ, демона-искусителя и

---

[1]) Слово о чувственномъ и духовномъ видѣніи духовъ. Сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, т. III, стр. 4.

[2]) Тамъ же, стр. 3.

[3]) Тамъ же.

Ангела-хранителя. Не представляется ли людямъ въ очень многихъ случаяхъ ученіе Св. Писанія и Церкви объ Ангелѣ-хранителѣ лишь яркимъ образомъ прирожденныхъ душѣ человѣка идеальныхъ стремленій, въ томъ смыслѣ, какъ представляется ангелъ съ его пѣснію о блаженствѣ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова, а духъ злобы и зла не является ли въ представленіи человѣческомъ лишь обобщающимъ образомъ мірового зла въ видѣ Лермонтовскаго демона, а вѣчность адскихъ мученій рисуется нерѣдко въ томъ же кощунственно-дерзкомъ видѣ, какъ это дѣлаетъ Ѳедоръ Карамазовъ у Достоевскаго. Рѣчь о соблазнахъ бѣса, объ искушеніяхъ духа зла представляется современному образованному человѣку пережиткомъ миѳологическаго періода, однимъ изъ суевѣрій простонародной темной массы, а самое темное царство лукавыхъ бѣсовъ—духовъ, отторгшихся своего Начальства и оставившихъ свое жилище, представляется въ лучшемъ случаѣ метафизическимъ обозначеніемъ наблюдаемаго въ человѣкѣ внутренняго разлада. А если ко всему вышеотмѣченному мы прибавимъ еще рѣчь о смертномъ часѣ и посмертномъ бытіи человѣка, о борьбѣ ангеловъ съ воздушными властями, о мытарствахъ, проходимыхъ человѣческой душой, то мы увидимъ, что между современнымъ настроеніемъ интеллигентнаго общества и вѣрою простодушныхъ чадъ Церкви—пропасть велика утвердися. Но эта пропасть должна быть устранена, черезъ нее долженъ быть переходъ, и вопросъ о духовномъ мірѣ долженъ быть уясненъ раньше наступленія нашего смертнаго часа, его уясненіе имѣетъ существенное значеніе для нашего спасенія. И въ этомъ случаѣ опредѣленные отвѣты подвижниковъ, пришедшихъ къ точнымъ выводамъ по вопросамъ бытія духовнаго на основаніи внимательнаго изученія Слова Божія и Церковнаго Преданія, утвердившихся въ своихъ взглядахъ личнымъ опытомъ своей подвижнически-созерцательной жизни, имѣютъ существенное значеніе, какъ голосъ человѣка, видѣвшаго страну вѣчнаго обѣтованія лицомъ къ лицу, а не въ зерцалѣ гаданія. И съ этой точки зрѣнія, ученіе Преосвященнаго Игнатія о духовномъ мірѣ, по своей полнотѣ и обстоятельности, научной обоснованности, опытно-подвижническому раскрытію, опредѣленности и ясности, представляется намъ имѣющимъ весьма важное значеніе для нравственной жизни современнаго человѣчества. Вотъ почему, и по особому личному интересу къ рѣшаемому Епископомъ Игнатіемъ вопросу, мы обращаемъ на изложеніе этого ученія его особое вниманіе.

По сужденію Преосвященнаго Игнатія, познаніе духовъ, ихъ бытія, свойствъ, законовъ и условій ихъ дѣятельности, отношенія къ Богу и людямъ имѣетъ столь важное значеніе, что неясность мнѣній по этому вопросу граничитъ съ нетвердымъ пониманіемъ христіан-

ства, и еще менѣе твердымъ христіанскимъ настроеніемъ и дѣятельностію. Если люди убѣждены въ бытіи своей души послѣ разлученія ея съ тѣломъ, то они должны быть убѣждены и въ бытіи духовъ. Если души злодѣевъ не умираютъ наравнѣ съ душами людей добродѣтельныхъ, то, значитъ, существуютъ и духи добрые и злые. Они существуютъ. Существованіе ихъ дѣлается вполнѣ яснымъ и очевиднымъ для того, кто занялся правильнымъ и подробнымъ изученіемъ христіанства. Существованіе духовъ остается предметомъ темнымъ для тѣхъ, которые не изучали христіанства или изучали его поверхностно, по буквѣ, между тѣмъ, какъ Господомъ Іисусомъ Христомъ заповѣдано и установлено обученіе христіанству и проповѣдію его, и соблюденіемъ евангельскихъ заповѣдей (Мѳ. XXVIII, 19—20) [1]). По сужденіямъ Епископа Игнатія, полнота христіанскаго вѣдѣнія можетъ быть достигнута лишь тѣмъ христіаниномъ, который съ изученіемъ христіанства теоретически-научнымъ соединитъ практически-подвижническое. Подобно тому, какъ въ обыкновенныхъ человѣческихъ наукахъ ихъ результаты и условія достиженія этихъ результатовъ могутъ быть понятны для людей, занимавшихся этими науками: въ высокой наукѣ христіанской, наукѣ, сшедшей съ небесъ, дарованной человѣчеству Богомъ, совершенно измѣняющей человѣка, претворяющей его изъ плотскаго и душевнаго въ духовнаго,—результаты и способъ ихъ достиженія остаются недоступными для тѣхъ, которые не занимались изученіемъ его законно, по способу, установленному Богомъ. Господь заповѣдалъ намъ изученіе христіанства и теоретическое, и практическое, соединилъ эти два изученія неразрывною связью, повелѣлъ, чтобы за теоретическимъ познаніемъ непремѣнно послѣдовало практическое. Безъ второго первое не имѣетъ никакой цѣны передъ Богомъ. Безъ второго первое не можетъ принести намъ никакой пользы (Мѳ. VII, 21—23). Нынѣ, болѣе, чѣмъ когда-либо, настала крайняя нужда въ основательной проповѣди и изученіи христіанства. Но теоретическое изученіе требуетъ, чтобы непремѣнно ему сопутствовало и ему послѣдовало ученіе дѣятельное. Христіанскій книжникъ долженъ научиться Царству Небесному не только отъ слышанія проповѣди о Немъ, но и опытно (Мѳ. XIII, 52). Ученіе по буквѣ, будучи предоставлено самому себѣ, немедленно рождаетъ самомнѣніе и гордость, отчуждаетъ человѣка отъ Бога. Представляясь по наружности познаніемъ Бога, оно въ сущности можетъ быть совершеннымъ незнаніемъ, отверженіемъ Его. Проповѣдуя вѣру, можно утопать въ невѣріи. Тайны, открытыя для некнижныхъ христіанъ, весьма часто остаются закрытыми для мужей ученѣйшихъ, удовлетворившихся однимъ школь-

[1]) Тамъ же, стр. 4.

нымъ изученіемъ богословія, какъ единой изъ наукъ человѣческихъ [1]), поэтому современныя сомнѣнія въ бытіи духовъ и совершенное отрицаніе ихъ бытія въ современномъ обществѣ, Преосвященный Игнатій объясняетъ слабостію духовной жизни христіанъ, затемненностію ихъ духовныхъ очей. Скептики и отрицатели хотѣли бы явныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ бытія духовнаго міра, хотѣли бы видѣть результаты духовной науки христіанства, раскрыть тайны его, къ которымъ принадлежитъ и познаніе духовнаго міра, но это возможно только въ связи съ дѣятельнымъ изученіемъ христіанства, въ связи съ прохожденіемъ духовно-христіанскаго подвига. Хотите ли знать тайны христіанства? Изучите его [2]). А такъ какъ, при современномъ упадкѣ духовной жизни, лицъ, дѣятельно изучающихъ христіанство, становится все меньше, то сокращаются и источники вѣдѣнія духовнаго міра. По недостатку въ опытномъ познаніи христіанства, въ наше время очень трудно услышать правильное, основательное ученіе о видѣніи духовъ, столько нужное для каждаго, желающаго заняться душевнымъ подвигомъ [3]). И, желая восполнить ощущаемый недостатокъ, Игнатій Брянчаниновъ предлагаетъ ученіе о видѣніи духовъ и ихъ сущности. Не самомнѣніе руководитъ имъ въ этомъ случаѣ, а сознаваемая нужда жизни и обязанность человѣка, который, въ силу условій своей духовной жизни, всталъ близко къ трактуемому вопросу и, въ смиренномъ сознаніи своего недостоинства, чувствуетъ себя, однако, вынужденнымъ говорить и писать въ назиданіе, чтобы не оставить ближнихъ своихъ безъ всякаго назиданія [4]).

Необходимыми условіями для выясненія сущности и характера, какъ предпосылокъ христіанскаго подвига спасенія, такъ и самаго совершенія дѣла спасенія, Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ полагаетъ личный духовный опытъ христіанина, переживаніе имъ процесса спасенія и, непремѣнно,—дѣятельную и сознательную принадлежность къ Святой Православной Церкви. Для Епископа Игнатія нѣтъ морали христіанской вообще, нѣтъ морали, безразличной и независимой отъ формъ христіанскаго вѣроисповѣданія, и нѣтъ индифферентизма теплохладности въ отношеніи къ истинѣ нравоученія, а самая истина христіанскаго спасенія только одна, и заключается истина эта—въ ученіи Святой Православной Церкви. Въ инославіи—односторонность, неполнота, неточность и заблужденіе, въ православіи—свѣтъ и истина Богопознанія, указаніе истинныхъ путей вѣчной жизни, подаяніе спасительныхъ таинъ и даровъ Божественной благо-

[1]) Тамъ же, стр. 5.
[2]) Тамъ же, стр. 4.
[3]) Тамъ же, стр. 5.
[4]) Тамъ же, стр. 7.

дати, ясное указаніе условій душевнаго спасенія. Православіе, по сознанію Епископа-подвижника, есть истинное Богопознаніе и Богопочитаніе; православіе есть поклоненія Богу духомъ и истиною; православіе есть прославленіе Бога истиннымъ познаніемъ Его и поклоненіемъ Ему; православіе есть прославленіе Богомъ человѣка, истиннаго служителя Божія, дарованіемъ ему благодати Всесвятаго Духа. Духъ есть слава христіанъ (Іоан. VII, 39). Гдѣ нѣтъ Духа, тамъ нѣтъ православія [1]). Неизмѣримо и невыразимо въ словахъ человѣческихъ во всей полнотѣ вселенское значеніе христіанства, но истиннымъ выраженіемъ подлиннаго вселенскаго христіанства служитъ только православіе. Христіанство постигается въ истинѣ и глубинѣ своей, со стороны человѣка, двумя путями: а) стяжаніемъ вѣры отъ слуха, которою доставляется ясное теоретическое познаніе христіанства и б) стяжаніемъ вѣры отъ дѣлъ, доставляющей дѣятельное познаніе христіанства. Отъ этихъ двухъ познаній возводится стяжавшій ихъ, возводится Самимъ Богомъ, какъ засвидѣтельствовавшій зависѣвшими отъ него и возможными ему свидѣтельствами искренность желанія познать Бога, возводится къ таинственному, существенному духовному познанію, всегда соединенному съ живою вѣрою [2]). Вселенскій характеръ христіанства изображается у Преосвященнаго Игнатія подъ образомъ обширной превосходной гавани. Христіанство, говоритъ онъ, можно уподобить превосходной, обширнѣйшей гавани, въ которой съ одинаковымъ удобствомъ могутъ приставать суда всѣхъ размѣровъ и всѣхъ родовъ устройства. Находитъ себѣ пріютъ въ этой гавани и смиренный челнокъ рыбаря, и огромный корабль купца, нагруженный разнообразнымъ товаромъ, и броненосный исполинъ, вооруженный безчисленными средствами разрушенія и смерти, и разукрашенная яхта царя и вельможи, назначенная для торжественныхъ и увеселительныхъ поѣздокъ. Христіанство принимаетъ въ нѣдра свои человѣка во всякомъ возрастѣ, во всякомъ состояніи и положеніи, при всякихъ способностяхъ, при всякой степени образованія: принимаетъ и спасаетъ. Простѣйшій человѣкъ, не имѣющій никакого развитія по стихіямъ міра, спасается при посредствѣ христіанства одинаково съ ученѣйшимъ и мудрецомъ. Христіанство, какъ даръ всесовершеннаго Бога, удовлетворяетъ преизобильно всѣхъ: вѣра отъ искренности сердца замѣняетъ для младенца и простеца разумѣніе, а мудрецъ, который приступитъ къ христіанству узаконеннымъ образомъ (1 Кор., III, 18), найдетъ въ немъ неисчерпаемую глубину, недосягаемую высоту премудрости. Въ христіанствѣ сокровенно и истинное богословіе, и неподдѣльная психологія и ме-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, т. IV. Слово въ первую недѣлю Великаго поста, стр. 78.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 143. Римл. X, 17; Іоан. II, 18; Іоан. XIV, 21.

тафизика. Только христіанинъ можетъ стяжать правильное познаніе, доступное человѣку,—о человѣкѣ, о духахъ святыхъ и отверженныхъ, о мірѣ, невидимомъ тѣлесными очами [1]). Такимъ образомъ, дѣятельная принадлежность человѣка къ христіанству возводитъ его на высоту единственно нужнаго человѣку знанія—о духовномъ мірѣ, невидимомъ тѣлесными очами, а его всеобъемлемость и общедоступность дѣлаютъ безотвѣтными отвергающихъ его и, вслѣдствіе этого, блуждающихъ по стихіямъ міра и отвергающихъ міръ духовный и премірное бытіе. Христіанство преподано съ такою опредѣленностію, что нѣтъ оправданія для тѣхъ, которые не знаютъ его. Причина незнанія—одно произволеніе. Какъ солнце свѣтитъ съ неба, такъ свѣтитъ христіанство. Закрывающій произвольно глаза, да приписываетъ свое невидѣніе и невѣдѣніе собственному произволенію, а не отсутствію свѣта [2]). Странно нынѣшнее невѣріе многихъ христіанству, сіяющему лучами яснѣйшей истины. Изученіе христіанства доказываетъ со всею опредѣленностію и рѣшительностію истину его. Убѣжденіе, доставляемое правильнымъ изученіемъ христіанства, убѣжденіе въ существованіи всего невидимаго, преподаваемое христіанствомъ, гораздо сильнѣе, нежели убѣжденіе въ существованіи видимаго, доставляемое чувствами. Такъ вѣрно это убѣжденіе, что тысячи тысячъ человѣкъ оставили видимое, чтобы стяжать невидимое, не остановились запечатлѣть кровію убѣжденіе, не устрашились лютыхъ казней, которыми безуміе и изступленіе пыталось исторгнуть у нихъ отреченіе отъ ихъ убѣжденія [3]). Такимъ образомъ, съ самымъ существомъ христіанскихъ вѣрованій, съ духомъ христіанства связано убѣжденіе въ бытіи горняго духовнаго міра, и истинно-христіанское состояніе человѣка дѣлаетъ для него бытіе невидимаго духовнаго міра и другихъ началъ, условій и предпосылокъ духовно-христіанскаго подвига, ихъ смыслъ и ближайшее отношеніе къ существу духовной жизни человѣка-христіанина болѣе несомнѣнными и очевидными, чѣмъ свидѣтельствуемое опытомъ, бытіе міра видимаго—чувственнаго и времени, нами переживаемаго. Вопросъ о духовномъ бытіи, о бытіи духовъ и, въ связи съ нимъ, вопросъ о смерти, вѣчности и вѣчной жизни, о раѣ и адѣ и условіяхъ спасенія рѣшается Преосвященнымъ Игнатіемъ при свѣтѣ христіанскаго ученія—слышанія вѣры, и при содѣйствіи и свѣтѣ опытно-дѣятельной духовной жизни—ясновидящей вѣры отъ дѣлъ. Иначе сказать, въ дальнѣйшемъ мы изложимъ по твореніямъ Епископа Игнатія точное и опредѣленное ученіе по намѣченнымъ вопросамъ. Но и этого мало. Внимательно изучившій

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія Брянчанинова, т. IV, стр. 143—144.
[2]) Тамъ же, стр. 308.
[3]) Тамъ же, стр. 145.

истину христіанскаго вѣдѣнія отъ слышанія вѣры, Епископъ—подвижникъ и въ этомъ чуткомъ и внимательномъ слышаніи вѣры и, еще болѣе, въ дѣятельномъ опытѣ духовно-христіанскаго подвига пришелъ къ совершенно несомнѣнному для него убѣжденію въ истинѣ православія, къ убѣжденію въ томъ, что вопросы духовной вѣчной жизни, вѣры и спасенія могутъ имѣть вѣрное разрѣшеніе единственно въ лонѣ Православной Церкви и только для разума, плѣненнаго въ послушаніе вѣры. Только одна Православная Церковь способна похвалить Бога похвалою Богоугодною; одни истинные сыны ея, вѣрные нѣдру ея ея догматическому и нравственному преданію—способны наслѣдовать благословеніе. Богъ открываетъ ученіе спасенія всѣмъ членамъ Православной Церкви; но таинство евангельской правды и таинство судебъ Своихъ открываетъ, насколько оно можетъ быть постигнуто, однимъ избранникамъ, сподобившимся увидѣть чистымъ умомъ Бога въ промыслѣ и управленіи Его [1]). Святая Церковь—чадолюбивая мать вѣрующихъ, родившая ихъ во спасеніе и принимающая на себя всѣ заботы, чтобы чада ея не лишились своего наслѣдія—Неба [2]). Краеугольный камень, на которомъ воздвигнуто живое духовное зданіе—Царство Божіе, новозавѣтная Церковь, народъ Божій, освященный, святый, новый Израиль, этотъ краеугольный камень есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ [3]). Въ виду этого, и для точнаго уразумѣнія духа Христова, для точнаго и вѣрнаго разрѣшенія вопросовъ спасенія и жизни вѣчной, для стяжанія живой и спасительной вѣры, необходимо принадлежать къ святой Церкви Православной. Духовный чертогъ, въ которомъ хранится и изъ котораго неоскудно преподается духовное сокровище—истинная вѣра, есть единая святая Православная Церковь. По этой причинѣ необходимо для спасенія принадлежать къ Православной Церкви [4]). Святую истину хранитъ въ лонѣ своемъ святая Церковь. Принадлежа ей и повинуясь ей, можно имѣть правильный образъ мыслей о Богѣ, о человѣкѣ, о добрѣ, о злѣ, слѣдовательно,—и о спасеніи. Не имѣя правильнаго образа мыслей о спасеніи, невозможно имѣть и самаго спасенія. Начало спасенія—истина. Начало спасенія—правильная мысль. Залогъ погибели—отступленіе отъ истины мыслію ложною. Всякое уклоненіе отъ ученія святой истины и принятіе мысли ложной, противной этому ученію, сопряжено со страшнымъ грѣхомъ богохульства и отреченія

---

[1]) Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Судьбы Божіи. Спб. 1867 г., стр. 8. Тоже, Собраніе сочиненій, т. II, стр. 77—78.

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 34.

[3]) Тамъ же, стр. 220.

[4]) Еп. Игнатій Брянчаниновъ. Бесѣда въ недѣлю двенадесятую. Собраніе сочиненій, т. IV, стр. 207.

отъ Бога [1]). Мы отмѣчаемъ здѣсь глубокое убѣжденіе Епископа-подвижника, что принадлежность къ святой Православной Церкви есть не только необходимое условіе душевнаго спасенія, но и столь же необходимое условіе духовнаго разумѣнія, важнѣйшее, чѣмъ личный подвижническій опытъ, и этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ свою руководящую значимость только при условіи непрерывнаго общенія подвижника съ духомъ святой Церкви. Внѣ неуклоннаго послушанія Церкви нѣтъ ни истиннаго смиренія, ни истиннаго духовнаго разума; тамъ обширная область, темное царство лжи и производимаго ею самообольщенія [2]). Напротивъ, непремѣннымъ признакомъ истинныхъ избранниковъ Божіихъ является точное послушаніе святой Церкви, вѣрность Святой Истинѣ и Святому Духу. Святой Духъ—Пресвятъ, Пречистъ, почиваетъ въ однихъ чистыхъ и святыхъ, любитъ смиренныхъ, доказывающихъ свое смиреніе не чѣмъ-либо наружнымъ, но повиновеніемъ ума Евангелію и Церкви. Онъ отвращается отъ своеразумныхъ, отдѣляющихся отъ единства Церкви для какой-нибудь мысли, льстящей уму и сердцу [3]). Ниже мы встрѣтимся съ отношеніемъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова къ инославію—латинству и лютеранству, ознакомимся съ его воззрѣніемъ на условія возникновенія въ единомъ христіанствѣ различныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ, причемъ носителемъ вселенской Христовой истины является, по его глубокому убѣжденію, только Православіе. Въ данномъ случаѣ, приступая къ изложенію оригинальнаго и самобытнаго ученія Епископа Игнатія Брянчанинова о духовномъ мірѣ, мы хотимъ отмѣтить лишь особую его чуткость къ истинѣ Православія, особую ревность о сохраненіи своей вѣрности Православію, глубокое убѣжденіе въ возможности истинно-богословскихъ воззрѣній лишь въ строгомъ послушаніи голосу Вселенской Православной Церкви, въ силу каковыхъ взглядовъ своихъ, излагая свое ученіе о мірѣ духовномъ, Преосвященный Игнатій ни на одну іоту не хочетъ отступить отъ истины Вселенскаго Православія, чутко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы согласовать свое ученіе съ голосомъ Православной Церкви и Слова Божія. А при этомъ соображеніи ученіе Игнатія Брянчанинова по данному вопросу пріобрѣтаетъ для насъ особый смыслъ, и тѣмъ высшею становится практическая цѣнность этого ученія, затрогивающаго наименѣе ясный вопросъ христіанскаго міровоззрѣнія, наиболѣе волнующій вѣрующаго человѣка и имѣющій, какъ это мы будемъ видѣть, исключительное практическое значеніе въ области христіанской морали.

---

[1]) Тамъ же, стр 208.
[2]) Тамъ же, стр. 446.
[3]) Тамъ же, стр. 525.

Излагая ученіе Епископа Игнатія Брянчанинова о духовномъ мірѣ, мы предполагаемъ слѣдовать такому порядку: I изложимъ сужденія о духахъ и ихъ природѣ по ученію Православія въ пониманіи его Игнатіемъ Брянчаниновымъ, и приведемъ мнѣнія инославныхъ писателей о духовномъ мірѣ, обратившія на себя критическое вниманіе Епископа Игнатія, и отмѣтимъ ихъ несоотвѣтствіе, по пониманію Преосвященнаго Игнатія, Святоотеческому ученію объ этомъ предметѣ.

II. Отмѣтимъ условія и способы познанія духовнаго міра—чувственнаго и духовнаго.

III. Попытаемся разобраться въ разномыслій по вопросу о духовномъ мірѣ между Епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ и Преосвященнымъ Θеофаномъ-Затворникомъ.

I. По первому намѣченному вопросу о природѣ духовъ—для характеристики воззрѣній Епископа Игнатія по этому предмету представляется возможнымъ опредѣлить: 1) устанавливаемыя имъ условія разрѣшенія вопроса; 2) пониманіе имъ природы духовъ и отношенія ихъ къ внѣшнему міру, главнымъ образомъ,—къ условіямъ пространства и времени.

Преосвященный Игнатій полагаетъ вопросъ о бытіи и сущности духовнаго міра весьма важнымъ въ отношеніи къ нравственной дѣятельности и, особенно, къ душевному спасенію человѣка и этимъ объясняетъ свое долговременное занятіе этимъ вопросомъ. „По вступленіи моемъ въ жизнь аскетическую и потомъ въ монастырь“ пишетъ онъ: „хотя и случались со мною разные опыты, свойственные этому пути, но о душѣ и духахъ я имѣлъ понятіе неопредѣленное, признавая и называя ихъ, по общему поверхностному пониманію, безплотными и невещественными; нужды входить въ дальнѣйшее разсматриваніе не представлялось. Вступилъ я въ монастырь въ 1827 году, а началъ заниматься Писаніемъ и Отцами гораздо раньше,—можно сказать съ дѣтства. Съ 1843 года, независимо отъ меня, необходимость заставила вникать подробнѣе и точнѣе въ значеніе души и сотворенныхъ духовъ. Справедливо сказалъ Антоній Великій, что это познаніе крайне нужно для подвижниковъ. Особенно нуждаются въ немъ тѣ подвижники, которые въ подвигѣ своемъ введены перстомъ Божіимъ въ брань съ духами. Да и для всѣхъ оно имѣетъ существенную пользу: лучше ознакомиться съ міромъ духовъ прежде смерти, нежели при наступленіи смерти, какъ ознакомились многіе къ величайшему удивленію и ужасу своему. Опытъ доказываетъ вѣрность ученія Отцовъ со всею рѣшительностію. Темное и загадочное дѣлается очень яснымъ и простымъ“ [1]). Затруднительность познанія нашего о духов-

[1]) Письмо Епископа Игнатія къ нѣкоторому духовному лицу (Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 311).

номъ мірѣ и условіяхъ его непонятной намъ жизни, по мнѣнію Епископа Игнатія, объясняется плотскимъ характеромъ нашей жизни и ограниченностію и субъективностію нашего чувственнаго познанія. Мы должны сознаться, что мы слишкомъ малы среди громады міросданія, наши средства къ пріобрѣтенію познаній сравнительно ничтожны, самыя познанія—ограничены, а потому мы нуждаемся въ Божественномъ откровеніи [1]). Мы не видимъ ясно духовнаго міра. Но, вѣдь, и во внѣшнемъ, видимомъ мірѣ мы познаемъ лишь малѣйшую часть предметовъ, ничто въ сравненіи съ цѣлымъ. Въ этомъ уличаютъ насъ и телескопъ, и микроскопъ, уличаютъ обоняніе и осязаніе наши, которыя ощущаютъ газы, невидимые для глаза, и тѣмъ открываютъ существованіе ихъ, скрывающееся отъ зрѣнія; уличаетъ насъ пространство, ограничивающее и затрудняющее взоръ нашъ тѣснымъ, непрестанно измѣняющимся горизонтомъ; уличаетъ непроницаемость земли и многихъ другихъ предметовъ на ея поверхности. Что видимъ мы изъ видимой природы?—ничтожнѣйшую ея частичку. И нашу привычку къ ограниченности нашего зрѣнія считаемъ зрѣніемъ полнымъ и удовлетворительнымъ! Изъ познанія ограниченности нашей, познанія смиреннаго и вѣрнаго, благоговѣйно устремимъ взоры ума къ тѣмъ предметамъ, которые скрыты отъ нашихъ грубыхъ чувствъ, но открываются намъ милосердіемъ и благодатію Божіею [2]). Намъ извѣстно отчасти вещество, принадлежащее землѣ: вещество въ несравненно большемъ объемѣ, внѣ земли, за гранями ея атмосферы, остается для насъ неизвѣстнымъ. Мало этого,—оно недоступно для нашего изслѣдованія. Но вещество это существуетъ, потому—что все въ пространствѣ и все, ограничиваемое пространствомъ, есть вещество [3])... Принимающіеся судить о веществѣ, не имѣя о немъ основательныхъ познаній, приводятся, по мнѣнію Епископа Игнатія, посредствомъ неправильнаго сужденія къ неправильнымъ заключеніямъ. Такіе господа съ величайшею увѣренностію провозглашаютъ о мірѣ видимомъ и невидимомъ, полагая, что такое понятіе есть неопровержимая аксіома, никакъ не понимая, что это раздѣленіе—вполнѣ относительное, что, въ сущности, нѣтъ его. Что значитъ міръ видимый? Это тотъ, который мы видимъ. Что—міръ невидимый? Это тотъ, который мы не видимъ. Христіанство, изучаемое по завѣщанію Спасителя, путемъ всежизненнаго аскетизма, приводитъ къ познанію, что чувства наши извращены паденіемъ, подвержены перемѣнчивости и потому никакъ не могутъ служить нормою для упомянутаго раздѣленія; оно никакъ не можетъ

---

[1]) Слово о смерти (Сочиненія Епископа Игнатія. т. III, стр. 80).

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 224.

быть правильнымъ. Наука приходитъ къ подтвержденію этого понятія, расширяя различными механическими средствами область нашего зрѣнія и содѣлывая посредствомъ увеличительныхъ стеколъ, телескоповъ и микроскоповъ многое невидимое видимымъ. При такомъ понятіи о мірахъ видимомъ и невидимомъ, непремѣнно должно измѣниться понятіе о веществѣ. Оно и измѣнилось при современныхъ успѣхахъ химіи: многое, казавшееся невещественнымъ, оказалось вещественнымъ. Очевидно, что вещество простирается за предѣлы нашихъ чувствъ на неизмѣримый объемъ въ безчисленныхъ, неизвѣстныхъ намъ формахъ, подъ управленіемъ законовъ, недоступныхъ для постиженія нашего. Наука приводитъ къ этой великолѣпной идеѣ, къ этой величественной истинѣ, при которой открывается для ума обширнѣйшее священное созерцаніе, при которой созерцается съ особенною ясностію и правильностію въ таинственной картинѣ видимаго міра наше ничтожество и величіе Творца-Бога [1]). Такимъ образомъ, наши понятія о веществѣ, о видимомъ и невидимомъ—относительны: темное и неясное въ одно время, становится яснымъ въ другое время. Точно также относительны и наши понятія о жизни, о вещественности и духовности [2]). Науки, разсматривающія вещество, достигли въ новѣйшее время величайшаго развитія. Между многими услугами, оказанными человѣку науками въ настоящемъ развитіи ихъ, не послѣднее мѣсто должно дать познанію чрезвычайной ограниченности нашихъ познаній. Когда наука была скуднѣе, человѣкъ считалъ себя ученѣе. Когда человѣкъ полагалъ, что небо есть сводъ надъ землею, что небо и земля сходятся окраинами своими и соприкасаются,—онъ былъ въ глазахъ своихъ больше, нежели какимъ представляется себѣ теперь, когда открыто, что надъ нами необъятное пространство, что земля въ отношеніи къ этому пространству едва примѣтная кроха. Жизнь тѣла недоступна для постиженія нашего. Анатомія разсматриваетъ трупы, а не тѣла. Жизни тѣла она не видитъ: не видитъ также собственно тѣла. Тѣло пребываетъ тѣломъ до той минуты, до которой не оставила его жизнь. Оставленіемъ его жизнію начинается разложеніе его. Болѣе: этимъ оставленіемъ разложеніе совершается; дальнѣйшее разложеніе есть только послѣдствіе главнаго, существеннаго разложенія. Разложеніе вещества, по законамъ химіи, не иначе можетъ совершиться, какъ отдѣленіемъ отъ него одной или многихъ составныхъ частей его. Здѣсь, по мнѣнію Епископа Игнатія, указаніе науки на вещественность души: отдѣленіе чего либо невещественнаго, отвлеченнаго, не произвело бы на вещество никакого вліянія. Но душа невидима. Что до того? Невидимъ и

---

1) Тамъ же, стр. 262—263.

2) Тамъ же, стр. 294—295.

теплородъ. Онъ — невзвѣшиваемое начало; но отдѣляется онъ химически отъ воды отдѣленіемъ, незамѣтнымъ и непостижимымъ для чувствъ, и вода обращается въ другое вещество, въ ледъ. Едва жизнь оставила тѣло, оно—уже не тѣло: оно трупъ. Чувствованія и свойства тѣла могутъ быть описаны, а не опредѣлены. Никакъ не могутъ замѣнить опредѣленій предположенія, какъ бы они не были замысловаты. Злоупотребленіе наукою можетъ блестящими предположеніями удовлетворять любопытству невѣжества и заграждать ему уста. Вводить человѣковъ въ обманъ именемъ науки—недобросовѣстно. Наука, доставленіемъ познаній истинныхъ и точныхъ, обязана поставлять человѣка въ самыя правильныя отношенія ко всему.

Химія положительно указала, что все ограниченное имѣетъ свою степень вещественности. Математика столь же положительно доказала, что все ограниченное подчинено пространству. На этомъ основаніи совершенно невещественнымъ, независящимъ ни отъ пространства, ни отъ времени, безконечнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, не подверженнымъ никакому измѣненію, никакому постороннему вліянію, неограниченнымъ и по существу своему и по свойствамъ своимъ, безконечно различествующимъ отъ всѣхъ тварей и по существу и по свойствамъ, исповѣдуется Богъ. На этомъ же основаніи сотворенные духи, будучи тварями, суть существа ограниченныя; они по необходимости должны имѣть свою степень вещественности, должны быть подчинены пространству. Ограниченное по существу должно имѣть и ограниченныя свойства. Приписаніе неограниченнаго свойства или неограниченныхъ свойствъ существу ограниченному—чуждо смысла (нонсенсъ).

Химія отвергаетъ младенческое опредѣленіе вещества на основаніи нашихъ чувствъ. Вещество должно быть опредѣляемо своими свойствами. Оно можетъ простираться и простирается далеко за предѣлы нашихъ чувствъ, кругъ дѣйствія которыхъ очень ограниченъ. Существованіе чего либо вещественнаго, неимѣющаго дѣйствія на наши чувства, или имѣющаго дѣйствіе, котораго не понимаемъ и не замѣчаемъ, не только не противно ея ученію, явствуетъ изъ ея ученія. Существованіе духовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно преподается православнымъ богословіемъ, нисколько не противно ученію химіи и математики: оно вполнѣ совпадаетъ и согласуется съ положительно доказанною теоріею этихъ наукъ. Замѣтимъ: эти науки, отдѣливъ Бога отъ тварей безконечною разницею, какъ бы отворяютъ дверь вѣрѣ, объясняя необходимость откровеннаго Богопознанія. Отвергнуть его онѣ не могутъ по причинѣ признаннаго ими всемогущества Божія и независимости дѣйствій Его отъ сужденія человѣческаго. Вотъ источники понятія о духахъ въ обществѣ человѣческомъ. Изъ нихъ человѣчество не могло составить и не можетъ составить

правильнаго познанія по неясности однихъ понятій, по лживости другихъ, и по причинѣ собственнаго паденія: падшій человѣкъ находится въ общеніи только съ падшими духами; онъ чуждъ общенія съ духами святыми. По этой причинѣ христіанинъ, желающій стяжать непогрѣшительное понятіе о духахъ, долженъ оставить безъ вниманія всѣ понятія, доставляемыя преданіемъ человѣческимъ, ученостію, магіею, магнетизмомъ, спиритизмомъ и другими, подобными средствами, какъ могущими доставлять одни неправильныя и ошибочныя понятія, въ которыхъ человѣкъ, не обновленный Божественною благодатію, никакъ не отдѣлитъ истины отъ обильной примѣси лжи [1]).

Основанія, которыми руководствуется самъ Епископъ Игнатій и которыми рекомендуетъ руководиться всѣмъ интересующимся вопросомъ о духовномъ мірѣ, заимствуются имъ изъ очень многихъ и разносторонних источниковъ. Полнота и разнообразіе этихъ источниковъ представляются Епископомъ Игнатіемъ въ порядкѣ сравнительной важности для достиженія искомыхъ результатовъ. Наиболѣе важными источниками для уясненія вопроса о духахъ и духовномъ мірѣ представляются Священное Писаніе, Священное Преданіе, подвижническая литература, православно-христіанское Богослуженіе, личный духовно-аскетическій опытъ и православно-христіанское богословіе.

Для полученія точнаго познанія о духахъ, говоритъ Владыка Игнатій,—единственное средство: христіанство, изучаемое въ Священномъ Писаніи, въ святыхъ Отцахъ Православной Церкви и благочестивою подвижническою жизнію по нравственному Преданію Православной Церкви. Для первоначальнаго теоретическаго познанія духовъ вполнѣ достаточно того ученія, которое преподается въ православномъ богословіи. Невидимая борьба съ духами въ помыслахъ, мечтаніяхъ и ощущеніяхъ составляетъ принадлежность подвижниковъ, иноковъ, занимающихся правильнымъ подвигомъ въ иноческихъ общежитіяхъ. Они стяжеваютъ соотвѣтственное своему жительству нравственное понятіе о падшихъ духахъ. Такое познаніе духовъ въ полнотѣ своей доставляется внимательною иноческою жизнію. Оно—даръ Божій, которымъ увѣнчавается собственный, посильный подвигъ подвижника, усиливающагося усмотрѣть невещественныя лица демоновъ, какъ въ зеркалѣ, въ Священномъ Писаніи, въ писаніяхъ Святыхъ Отцовъ и въ собственной дѣятельности. Оно—„разсужденіе духовомъ“, (1 Кор. XII, 10), даръ Святаго Духа [2]).

Но еще болѣе, чѣмъ Священнымъ Писаніемъ, въ уясненіи вопроса о духахъ Преосвященный Игнатій пользуется Святоотеческимъ

---

[1]) „Прибавленіе къ Слову о смерти“ (т. III, стр. 298—300).

[2]) Тамъ же, стр. 300—301. Примѣръ пользованія Свящ. Писаніемъ для уясненія понятія о духахъ можно видить неоднократно въ „Словѣ о смерти“, напр. стр. 28.

Преданіемъ. Его религіозно-христіанское воодушевленіе и живой интересъ къ выдвинутому вопросу о духахъ, при многолѣтнемъ и внимательномъ изученіи Святоотеческихъ твореній, помогаютъ ему извлекать изъ сокровищницы Святоотеческаго ученія яркія картины духовнаго міра въ его отношеніи къ міру человѣческому, что сообщаетъ выводамъ самого Преосвященнаго Игнатія индуктивное обоснованіе. Таковы всѣ тѣ страницы „Слова о смерти“ и „Прибавленія“ къ нему, гдѣ говорится о внѣшнихъ выраженіяхъ таинственнаго духовнаго міра [1]). Широко пользуется также Преосвященный Игнатій хорошо ему извѣстной аскетически-подвижнической литературой [2]) и Богослуженіемъ Православной Церкви [3]). Пользуется также Преосвященный Игнатій системами догматическаго богословія Православной Каѳолической Восточной Церкви [4]), сочиненіями церковно-историческими и духовно-назидательными, причемъ неоднократно приходитъ къ заключенію, что ученіе Отцовъ о духахъ тождественно съ ученіемъ Священнаго Писанія, а ученіе о духахъ, изложенное въ православномъ богословіи, тождественно съ ученіемъ Священнаго Писанія и Святыхъ Отцовъ [5]). Но по своей православно-христіанской настроенности, въ особенности—по духовно-аскетическому направленію, въ разслѣдованіи вопроса о духовномъ бытіи о духовномъ мірѣ, становясь подъ руководство Слова Божія, Священнаго Преданія и водительство Православной Церкви въ ея вѣчно живомъ Богослуженіи, Преосвященный Игнатій широко пользуется и полученнымъ имъ свѣтскимъ образованіемъ и общею начитанностію для усиленія обоснованія своихъ сужденій по данному вопросу въ избранномъ направленіи. Онъ умѣло привлекаетъ къ разрѣшенію занимающаго его вопроса вспомогательныя области человѣческаго вѣдѣнія. Онъ обращаетъ вниманіе, свое на философію, особенно въ системѣ Декарта, которую подвергаетъ, съ своей точки зрѣнія, внимательному разбору [6]), на матема-

---

[1]) Таковы, напр. въ III т. Сочиненій Епископа Игнатія, стр. 138—147; 187—188 253—260; 268; 270—271 и др.

[2]) Напр. въ III т., стр. 246 и слѣд.

[3]) Такъ, напр., по вопросу о мытарствахъ Преосв. Игнатій цитируетъ и анализируетъ „Канонъ молебный ко Господу Іисусу Христу и къ Божіей Матери“, молитвы послѣ каѳизмъ, положенныя на келейномъ правилѣ, „Чинъ разлученія души отъ тѣла, внегда человѣкъ долго страждетъ“, „Канонъ Ангелу хранителю и многія церковныя молитвословія. См. напр. въ III т., стр. 149—151.

[4]) Особенно догматическимъ богословіемъ Преосв. Антонія въ его 7-мъ изданіи 1857 года. Напр. въ т. III, стр. 192—215.

[5]) Тамъ же, стр. 281.

[6]) Ученіе Декарта о матеріи и духѣ, особенно объ отношеніи послѣдняго къ пространству подвергается Епископомъ Игнатіемъ критикѣ въ „Словѣ о смерти“ и „Прибавленіи“ къ нему (Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 188—194, 206—211 282—285 и др.).

тику [1]), химію [2]), и во всѣхъ почти случаяхъ приходитъ къ отрадному выводу, что истинная, непредубѣжденная наука ученіемъ своимъ о веществѣ вступаетъ въ чудную гармонію съ Писаніемъ [3]).

---

[1]) Математику Преосвященный Игнатій признаетъ особенно сродною и согласною съ богословіемъ, а глубокое знаніе математики и философіи считаетъ необходимымъ условіемъ для богослова, намѣревающагося создать полную и основательную систему христіанства. Выдающимся въ этомъ отношеніи мѣстомъ сочиненій Епископа Игнатія представляется его разсужденіе о безконечномъ—въ богословіи и математикѣ.

Понятіе безконечности въ отношеніи бытія Божія, вѣчности и безконечности адскихъ мукъ, по мнѣнію Преосвященнаго Игнатія, заимствовано изъ математической теоріи о безконечномъ. Въ собственномъ смыслѣ непостижимыя и необъяснимыя отношенія тварей къ Творцу не можетъ объяснить ни одна наука, кромѣ математики. Вселенная есть число и всѣ составныя части ея суть числа. Всѣ числа, столько различныя между собою, вмѣстѣ совершенно равны одно съ другимъ въ отношеніи къ безконечному. Причина такого равенства заключается въ безконечной, слѣдовательно, постоянно равной разницѣ между безконечнымъ и какимъ бы то ни было числомъ. Понятіе о числѣ есть относительное, а не существенное. Безконечное, объемля собою всѣ числа, вмѣстѣ съ этимъ пребываетъ превысшимъ всякаго впечатлѣнія, иначе оно подверглось бы измѣненіямъ, что свойственно числамъ и несвойственно безконечному. Если же число не имѣетъ существеннаго значенія, то вполнѣ естественно міру быть сотвореннымъ изъ ничего дѣйствіемъ безконечнаго, которое одно имѣетъ существенное значеніе. Естественно дѣйствію безконечнаго быть превыше постиженія человѣческаго. Таковы неопровержимыя истины, добытыя уму человѣческому математикой: ея нуль, изображающій идею о несуществующемъ, обращается въ число, когда дѣйствуетъ на него безконечное. Всякое число есть явленіе. Одно безконечное совмѣщаетъ въ себѣ всю жизнь; одно оно есть въ собственномъ смыслѣ существо. Если такъ, то сотвореніе міра Богомъ есть математическая необходимость и истина. Сколько вѣрна эта истина, столько вѣрна и та истина, что мірозданіе, какъ дѣло ума неограниченнаго, не можетъ быть постигнуто, обсуждено и повѣрено ограниченнымъ умомъ человѣческимъ. Съ неба гремитъ намъ апостолъ Іоаннъ Богословъ: **„Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“**. Математика отвѣчаетъ съ земли: „Истина, всесвятая Истина! Иначе быть не можетъ. Таково свойство безконечнаго: оно, одно оно, живетъ въ себѣ и собою. Оно—саможизнь. Дѣйствія его на числа, какъ бы ни были громадны, не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого вліянія на образъ существованія безконечнаго, отдѣленнаго отъ всѣхъ тварей безконечнымъ различіемъ, существующаго среди тварей вполнѣ независимо отъ тварей и несмѣсно съ ними. Опять гремитъ Богословъ: **„Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть“**. И опять отвѣчаетъ математика: „Истина, всесвятая Истина! Явленія, какъ и числа, должны имѣть свой источникъ, источникъ неизсякаемый,—и такой источникъ есть безконечное, есть Богъ“! **„Бога никтоже видѣ нигдѣже“**, продолжаетъ провозглашать человѣчеству небесный Вѣстникъ, и опять въ сретеніе его исповѣдуетъ математика: „Истина, всесвятая Истина! По безконечному различію, которымъ отличается безконечное отъ всякаго числа, нѣтъ возможности никакому ограниченному существу, какъ бы оно ни было возвышено, видѣть Бога,—ни чувственнымъ зрѣніемъ, ни постиженіемъ ума“. Богъ пребываетъ въ свѣтѣ неприступномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Необходимо усвоить себѣ понятія о безконечномъ различіи безконечнаго, и по естеству и по свойствамъ, отъ чиселъ, и при сужденіяхъ о Богѣ повсюду имѣть въ виду это различіе, опредѣлять его, чтобъ не увлечься къ

Такимъ образомъ, относительно условій, въ предѣлахъ которыхъ рѣшается Епископомъ Игнатіемъ вопросъ о духовномъ мірѣ, мы имѣемъ слѣдующія, опредѣленныя данныя: 1) общая ограниченность

сужденіямъ, превышающимъ нашу способность пониманія. Мечтатели сдѣлались безбожниками, а изучившіе глубоко математику всегда признавали не только Бога, но и христіанство, хотя и не знали христіанства, какъ должно. Желательно, чтобы кто либо изъ православныхъ христіанъ, изучивъ положительныя науки, изучилъ потомъ подвижничество Православной Церкви, и даровалъ человѣчеству истинную философію, основанную на точныхъ знаніяхъ, а не на произвольныхъ гипотезахъ. Мудрецъ Греческій Платонъ воспрещалъ упражненіе въ философіи безъ предварительнаго изученія математики съ зиждущимися на ней другими науками и безъ дѣятельныхъ и благодатныхъ познаній въ христіанствѣ невозможно въ наше время изложеніе правильной философской системы. Многіе, признающіе себя свѣдущими въ философіи, но не знакомые съ математикою и естественными науками, встрѣчая въ сочиненіяхъ матеріалистовъ произвольныя мечты и гипотезы, никакъ не могутъ отличить ихъ отъ знаній, составляющихъ собственность науки, никакъ не могутъ дать удовлетворительнаго отзыва и опроверженія на самый нелѣпый бредъ какого либо мечтателя, очень часто сами увлекаются этимъ бредомъ въ заблужденіе, признавъ его доказанною истиною. Одна логика можетъ обойтись безъ математики Но и логика въ сущности неразрывно связана съ математикой, и отъ послѣдней можетъ заимствовать особенную точность и положительность. Что такое силлогизмъ? Это—алгебраическое уравненіе. Что такое пропорція и прогрессія? Это—логичная послѣдовательность понятій. („Слово о смерти", Сочиненія Еп. Игнатія, т. III, стр. 122—125). Приводя эту выдержку изъ „Слова о смерти", мы имѣемъ въ виду наглядно подтвердить глубокую убѣжденность Епископа Игнатія о тѣсномъ соотношеніи между наукой и вѣрой, иллюстрировать его методъ изложенія истинъ своего христіанскаго упованія и взглядъ его по вопросу о должномъ построеніи христіанской философіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ эта, такъ и другія нижеприводимыя цитаты подтверждаютъ глубокое и разностороннее образованіе Епископа Игнатія и вдумчивое отношеніе его къ вопросамъ христіанской морали. (См. также стр. 193—194 и 236 того же тома).

[2]) Напр. Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 129—130. По его убѣжденію, наука ученіемъ своимъ о веществѣ вступаетъ въ чудную гармонію съ Писаніемъ. Она признаетъ повсюду вещество, гдѣ есть пространство. Понятіе о вещественности съ понятіемъ о пространствѣ—неразлучны, нераздѣлимы. Наука изслѣдовала и доказала, что газы, принадлежащіе землѣ и извѣстные намъ, ложатся слоями въ атмосферѣ, соотвѣтственно своей удѣльной тяжести. Въ подобной пропорціи должны слѣдовать за газами нашей атмосферы другіе газы, намъ неизвѣстные, болѣе легкіе и тонкіе. Эти газы, которые въ общемъ употребленіи называются эоиромъ, непремѣнно должны существовать, потому что никакое пространство не можетъ обойтись безъ свойственнаго ему вещества. Пространство, которое мы называемъ небомъ, непремѣнно должно имѣть свое вещество. („Прибавл. къ Слову о смерти", стр. 236).

Намъ кажется, что оригинальныя и несвободныя отъ возраженій сужденія Епископа Игнатія по вопросу о духовномъ мірѣ, впослѣдствіи вызвавшія недомысліе его съ преосвященнымъ Ѳеофаномъ Затворникомъ, объясняются, въ значительной мѣрѣ, особой точкой зрѣнія его на этотъ предметъ подъ вліяніемъ наукъ положительныхъ. Наше мнѣніе, думаемъ, подтверждается ниже приводимымъ сужденіемъ Епископа Игнатія.—Химія измѣнила понятіе о веществѣ, опредѣливъ сложность въ томъ, что признавалось простымъ, доказавъ вещественность въ томъ, что признавалось невещественнымъ, достигнувъ самымъ точнымъ математическимъ процессомъ познанія,

человѣческаго познанія, обусловливающая его повсюдную относительность, имѣетъ полное значеніе въ приложеніи къ вопросу о духовномъ мірѣ. 2) Разрѣшеніе этого вопроса въ сочиненіяхъ Епископа Игнатія предпринимается по мотивамъ душевнаго спасенія и ради

что все, кромѣ безконечнаго, вещественно. Всѣ замысловатыя предположенія, весь великолѣпный бредъ философовъ, незнакомыхъ съ положительными науками, отвергается и низлагается въ прахъ положительными науками. Новѣйшіе опыты единогласно свидѣтельствуютъ, что душа присутствуетъ во всѣхъ членахъ тѣла. Всѣ человѣки, безъ всякаго исключенія, лишившіеся рукъ или ногъ, чувствуютъ явственно присутствіе этихъ членовъ, чувствуютъ способность дѣйствовать ими. Нѣкоторые полагаютъ, что это—игра нервовъ. Несправедливо! Нервы дѣйствуютъ только въ тѣлѣ; дѣйствовать внѣ тѣла они не имѣютъ никакой возможности: это ясно ощущаемые члены души, съ способностію дѣйствія, которая остается безъ употребленія, по причинѣ соединенія главныхъ частей души съ тѣломъ („Прибавл. къ Слову о смерти", стр. 270—271). Изъ этого видно, что стремленіе къ наглядности и точности представленія о душѣ, подъ вліяніемъ его внѣцерковнаго образованія, повлекло Епископа Игнатія къ оригинальному мнѣнію о многочленности и эоирности души, вызывая противъ него неизбѣжныя возраженія въ матеріализаціи духовнаго бытія, отъ которыхъ, однако, по нашему убѣжденію, Владыка Игнатій совершенно свободенъ, хотя многія его выраженія затрудняютъ его защиту. Такъ, напр., онъ говоритъ: не смотря на разнообразіе свойствъ души и тѣла, между ними находится неразрывная связь. Связь души съ тѣломъ доказываетъ, что, не смотря на значительное различіе между тѣломъ и душою, тѣло и душа имѣютъ между собою нѣчто общее, имѣютъ, употребимъ выраженіе химіи,—сродство. Еслибъ не было сродства, не могло бы быть никакой связи. Если же есть сродство, то душа необходимо должна имѣть нѣкоторую свойственную себѣ вещественность. (Тамъ же стр. 295). Выраженія: „нѣкоторую" и „свойственную себѣ вещественность" даютъ намъ основанія думать, что Епископъ Игнатій даже въ такихъ сильныхъ мѣстахъ его сочиненій не имѣетъ въ виду матеріализаціи души, а заботится лишь о наглядности представленія и о выясненіи способовъ руководственно-управляющаго дѣйствія души по отношенію къ тѣлу. Самое понятіе эоира, вводимое Преосвященнымъ Игнатіемъ въ поясненіе тонкой вещественности души, по своему общенаучному и до настоящаго времени, повидимому, безнадежно-гипотетическому характеру, мало удобно, на нашъ взглядъ, для сужденія о матеріализаціи души, ибо, и по опредѣленію Епископа Игнатія, химія называетъ словомъ эоиръ матерію, совершенно отличную отъ газовъ, принадлежащихъ землѣ, несравненно тончайшую, но неопредѣленную, вовсе неизвѣстную человѣкамъ. Существованіе же ея признается по той необходимой причинѣ, что пространство за земною атмосферою, какъ и вообще всякое пространство, не можетъ быть чуждымъ матеріи. Естество духовъ, какъ и естество души, пребываетъ неопредѣленнымъ для насъ по невозможности опредѣлить его (Письмо Епископа Игнатія, т. III Сочиненій, стр. 312).

[8]) Гипотетически понимаемая съ точки зрѣнія научной, сущность явленій и вещей, особенно сущность духа, не раскрываются, однако, вполнѣ и Божественнымъ Откровеніемъ. Божественное Откровеніе объяснило намъ сотворенныхъ духовъ, нашу душу, наше тѣло, въ той степени, въ какой это познаніе нужно для нашего спасенія. Какъ созданіе Божіе, духи, душа, самое тѣло наше, всѣ предметы видимой природы, остаются въ сущности тайною для насъ, будучи постижимы только отчасти (Прибавл. къ Слову о смерти, т. III, стр. 302).

усиленія свободнаго подвига человѣка въ этомъ направленіи. 3) Рѣшеніе вопроса о духовномъ мірѣ происходитъ на почвѣ ученія объ этомъ предметѣ Слова Божія, Святоотеческой и аскетической письменности, богослужебныхъ чинопослѣдованій, православнаго богословія, личнаго духовнаго опыта и раціональныхъ соображеній съ пользованіемъ при этомъ доводами естественныхъ наукъ по соприкосновеннымъ предметамъ.

По содержанію второй половины намѣченнаго нами вопроса—о природѣ духовъ мы обращаемъ наше вниманіе на пониманіе Епископомъ Игнатіемъ ихъ сущности, отчасти—ихъ проявленій и отношенія ихъ къ пространству и времени.

Согласно разсужденіямъ Епископа Игнатія, понятіе о духахъ по степени своей достовѣрности не стоитъ выше другихъ понятій, имѣющихъ относительное значеніе. Понятіе о духѣ, говоритъ Епископъ Игнатій, явилось у человѣка прежде всего изъ разсматриванія самого себя. Человѣкъ ощущаетъ въ себѣ присутствіе существа, совершенно отличающагося отъ тѣла. Онъ видитъ гораздо большее развитіе жизни въ этомъ существѣ, нежели въ своемъ тѣлѣ. Когда человѣкъ живетъ, процессъ жизни совершается при непрерывномъ дыханіи. Дыханіе есть существенный, очевидный признакъ жизни. Когда человѣкъ умираетъ,—окончательный процессъ умиранія совершается при сильномъ дыханіи, или при нѣсколькихъ повторенныхъ вздохахъ. При такомъ усиленномъ дыханіи душа оставляетъ тѣло. Оставленіе душою тѣла совершается при усиленномъ дыханіи; послѣ оставленія душою тѣла дыханіе прекращается; до оставленія душою тѣла дыханіе служитъ признакомъ присутствія души въ тѣлѣ; душа послѣ исшествія ея изъ тѣла невидима: на основаніи этихъ данныхъ весьма было естественно назвать существо, живущее внутри тѣла, духомъ и душою. Столько же было естественно признать душу или духъ существомъ невидимымъ, безплотнымъ, невещественнымъ, какъ отличнымъ отъ всего, что видимъ въ веществѣ, подверженномъ нашимъ чувствамъ. Опять столько же естественно было признать въ душѣ свойственную ей вещественность, обозначаемую особою полнотою дыханія, при которомъ она выходитъ. Признаніе существованія души послѣ разлученія ея съ тѣломъ и смерти тѣла естественно проистекаетъ изъ ощущенія и сознанія себя безсмертнымъ, которыя находятся въ каждомъ человѣкѣ. Не смотря на достовѣрнѣйшее познаніе того, что каждый человѣкъ умираетъ по тѣлу,—каждый человѣкъ чувствуетъ, внутренно сознаетъ себя безсмертнымъ, живетъ и дѣйствуетъ, какъ безсмертный; это—ощущеніе и сознаніе души [1]). Такимъ образомъ по

[1]) Прибавленіе къ „Слову о смерти“, стр. 245—296.

этому толкованію, понятіе о духѣ, какъ отличной отъ тѣла сущности, является въ результатѣ самосознанія и самонаблюденія, въ связи съ присущею человѣку вѣрою въ безсмертіе. И съ этой точки зрѣнія, душа, какъ духъ, имѣетъ всѣ признаки невещественности, отличаясь „силою словесности", къ которой относится нетолько способность мыслить, но и способность къ ощущеніямъ духовнымъ, каковы ощущенія высокаго, ощущеніе изящнаго, ощущеніе добродѣтели. Въ этомъ отношеніи значеніе словъ: „душа" и „духъ" весьма различно, хотя въ обществѣ человѣческомъ оба слова употребляются безразлично, одно вмѣсто другого. И все человѣчество, которое не входитъ въ глубокое разсмотрѣніе естества души, довольствуясь познаніемъ поверхностнымъ, общепринятымъ, безразлично называетъ невидимую часть существа нашего, живущаго въ тѣлѣ и составляющаго его сущность, и душою, и духомъ [1]). Но, съ другой стороны, такое происхожденіе понятія о духѣ, для этой же индифферентной и поверхностной массы человѣчества давало естественный поводъ признать въ душѣ нѣкоторую вещественность [2]).

Но понятія о духовности и невещественности, по утвержденію Епископа Игнатія, относительны. Только одно Безконечное изъ всего существующаго можетъ быть независимымъ отъ пространства и времени; поэтому—безконечное едино, не можетъ быть двухъ безконечныхъ, иначе они явились бы числами, а, слѣдовательно, и ограниченными; по тому же самому только Безконечное есть Духъ въ собственномъ смыслѣ, хотя точныя опредѣленія въ этомъ случаѣ невозможны. Богъ со всею точностію изображается безконечнымъ. На основаніи законовъ математики Богъ долженъ быть признанъ существомъ, превышимъ всякаго опредѣленія, неимѣющимъ ничего общаго съ существами, которыя могутъ и должны быть изображены числами, каковы духи. Если Богъ—существо, то всѣ безъ исключенія твари, одаренныя жизнію, уже—не существа, а нѣчто иное. Если же они существа, то Богъ есть нѣчто Иное, превышее того, что тутъ называется существомъ. Идея о точкѣ или нулѣ составилась отъ постепеннаго уменьшенія чиселъ. Точка есть величина, неимѣющая ни какого пространства ни въ длину, ни въ ширину, ни въ высоту, ни въ глубину. Очевидно, что нѣтъ въ природѣ ни точки, ни пути или слѣда точки—линіи. Въ природѣ существуютъ одни тѣла, т. е. предметы, имѣющіе три измѣренія. Все, что ни есть въ пространствѣ, есть тѣло. Отымите пространство у какого либо предмета,—и вы, не имѣя возможности возвести ограниченное къ безконечному, по необходи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 296.

[2]) Тамъ же.

мости должны низвести его къ точкѣ или нулю, т. е. отвергнуть существованіе предмета. Такимъ образомъ, по мнѣнію Епископа Игнатія, со всею ясностію доказывается совершенная нелѣпость вполнѣ отвлеченнаго понятія о духахъ, которое составили себѣ многіе,—разумѣется, не изучившіе предмета съ основательностію, доступною для одного христіанина-аскета. Отвлеченное понятіе о духахъ, заключаетъ Епископъ Игнатій, есть отверженіе существованія духовъ [1]). Иначе сказать, математическое уясненіе идеи Божества и ограниченнаго духа приводитъ его къ выводу, что, въ виду абсолютности Божества, никакой тварный духъ не можетъ быть мыслимъ внѣ условій пространства, а такъ какъ все, существующее въ пространствѣ, вещественно, то и духи въ условіяхъ временнаго бытія мыслятся до нѣкоторой степени вещественными, но самая эта вещественность имѣетъ особый характеръ, понятный лишь для христіанина-аскета.

Въ основу своего пониманія природы духа въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ церковнаго ученія по этому предмету Епископъ Игнатій полагаетъ ученіе химіи о газахъ и міровомъ эѳирѣ. Признавая за этимъ ученіемъ лишь гипотетическую цѣнность [2]), онъ признаетъ, однако, это ученіе очень удобнымъ для приближенія къ нашему пониманію природы духа. Ангелъ и душа, говоритъ онъ, называются безплотными, какъ неимѣющіе нашей плоти, называются духомъ, какъ существа тонкія, совершенно отличающіяся отъ предметовъ, составляющихъ вещественный міръ. Вещество ихъ несравненно тоньше вещества земныхъ предметовъ, нами видимыхъ. Вѣтеръ, воздухъ, разные газы и испаренія называются обыкновенно, и даже въ Священномъ Писаніи и Отеческихъ Писаніяхъ духомъ. Такъ Господь уподобилъ дѣйствіе Святаго Духа дѣйствію вѣтра; вѣтеръ въ этомъ мѣстѣ Евангелія названъ духомъ (Іоан. III, 8). Вникнувъ въ писанія Отцовъ, найдемъ, что словомъ духъ, по современному имъ понятію, весьма недавно утратившемуся, всегда именовались газы и пары, наиболѣе воздухъ, вѣтеръ и человѣческое дыханіе [3]). Но въ тоже время, Епископъ Игнатій замѣчаетъ, что пониманіе природы духовъ должно быть духовнымъ, а не въ обычномъ смыслѣ понятія вещественности. Итакъ, о природѣ души человѣческой Епископъ Игнатій учитъ, что она—существо тонкое, эѳирное [4]), что Ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тѣла. Они тѣла тонкія, эѳирныя, тогда какъ наши земныя тѣла очень вещественны и грубы. Грубое человѣческое тѣло

---

[1]) Прибавленіе къ „Слову о смерти", стр. 208—209.
[2]) Слово о смерти, стр. 129—130.
[3]) Тамъ же, стр. 76—77.
[4]) Тамъ же, стр. 69.

служитъ одеждою для тонкаго тѣла—души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащія душѣ, надѣты подобные члены тѣла. Когда душа разлучается съ тѣломъ, она совлекается его какъ бы одежды [1]). Если человѣческая душа, Ангелы и духи вообще по существу своему эѳирны, суть тонкія, въ обычномъ смыслѣ—невещественныя тѣла, то они должны имѣть какой либо внѣшній видъ. И, дѣйствительно, Преосвященный Игнатій признаетъ, что духъ имѣетъ внѣшній видъ, доступный созерцанію очищеннаго и одухотвореннаго зрѣнія. Совершеннѣйшіе изъ христіанъ, очищенные и просвѣщенные Святымъ Духомъ, видятъ образъ души. И вотъ, по свидѣтельству этихъ немногихъ избранниковъ Божіихъ и тайнозрителей, душа эѳирное, весьма тонкое, летучее тѣло, имѣющее весь видъ нашего грубаго тѣла, всѣ его члены, даже волосы, его характеръ лица, словомъ—полное сходство съ нимъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ, онъ приходитъ „къ убѣжденію, что сотворенные духи и человѣческая душа имѣютъ свойственную имъ вещественность, имѣютъ наружный видъ, подобный виду человѣка въ его тѣлѣ; подобно человѣкамъ, духи зависятъ отъ пространства и времени, имѣютъ движеніе. Вещество духовъ гораздо тоньше, нежели вещество тѣла человѣческаго: по этой причинѣ духи въ дѣйствіяхъ своихъ гораздо свободнѣе, въ способностяхъ гораздо развитѣе, нежели человѣки. Таково вообще свойство вещества. Оно въ утонченномъ состояніи своемъ дѣйствуетъ несравненно сильнѣе и обширнѣе, нежели какъ дѣйствовало въ состояніи грубомъ“ [3]). „Ангелы подобны душѣ: имѣютъ члены, главу, очи, уста, перси, руки, ноги, власы,—словомъ—полное подобіе видимаго человѣка въ его тѣлѣ. Красота добродѣтели и Божія благодать сіяютъ на лицахъ святыхъ Ангеловъ; этотъ характеръ напечатлѣнъ на лицахъ и добродѣтельнѣйшихъ христіанъ. Отчаянная злоба составляетъ характеръ падшихъ ангеловъ; лица ихъ похожи на безобразныя лица злодѣевъ и преступниковъ между человѣками. Такъ повѣдаютъ видѣвшіе Ангеловъ свѣта и ангеловъ тьмы“ [4]). Разсматривая многочисленныя мѣста Свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о явленіи человѣку Ангела или духа тьмы, о душѣ человѣческой, Преосвященный Игнатій приходитъ къ совершенно опредѣленнымъ и не весьма обычнымъ выводамъ, что сотворенные духи суть существа ограниченныя, одаренныя силою словесности. Духами названы они въ Писаніи потому, что въ немъ всякое газовидное вещество называется духомъ: этимъ названіемъ обозначается тонкость естества духовъ, ко-

---

[1]) Тамъ же, стр. 74.
[2]) Тамъ же, стр. 74—75, 88.
[3]) Т. III, стр. 235, 227—234.
[4]) Т. III, стр. 75, 130. Томъ V, стр. 319—329.

торою они отличаются отъ видимаго нами грубаго вещества. Впрочемъ такое отличіе лишь относительное: оно родилось лишь отъ ограниченности познаній человѣка, принявшаго за норму свое тѣло въ состояніи паденія его. Душа человѣка, подобно сотвореннымъ духамъ, называется въ Писаніи духомъ, но она облечена въ грубое тѣло: вотъ въ чемъ единственное отличіе человѣка отъ сотворенныхъ духовъ. Духи, какъ не имѣющіе человѣческаго тѣла или плоти, называются безтѣлесными, безплотными: они называются невидимыми, потому что мы не видимъ ихъ тѣлесными глазами. Ангелы суть существа свойства газовъ въ соединеніи съ теплородомъ, такъ какъ Писаніе называетъ собственно духомъ движущіеся газы [1]). Основываясь на приведенныхъ выдержкахъ изъ сочиненій Епископа Игнатія, мы въ правѣ установить слѣдующее пониманіе Преосвященнымъ Игнатіемъ природы духа.—Ангелы и души, хотя и очень тонки по своему существу, однако, при всей тонкости своей суть тѣла. Они тѣла тонкія, эоирныя, газообразныя, тогда какъ наши земныя тѣла очень вещественны и грубы. Грубое человѣческое тѣло служитъ одеждою для тонкаго тѣла—души. Душѣ, различающейся многоразличіемъ членовъ, дано тѣло, какъ одежда. Когда душа со смертію тѣла разлучается съ нимъ, она совлекается его, какъ одежды. Ангелы также эоирны, газообразны и имѣютъ внѣшній видъ, все подобіе видимаго человѣка, доступное созерцанію утонченнаго и очищеннаго человѣческаго зрѣнія. Такъ понимаетъ Преосвященный Игнатій, такъ сказать, внѣшнюю природу души, усвояя ей и духу видимый, хотя бы и утонченнымъ зрѣніемъ, ей по существу принадлежащій внѣшній обликъ. Эта, именно, сторона въ ученіи Епископа Игнатія о духовномъ мірѣ представляется наиболѣе оригинальною, интересною, назидательною, хотя и всего болѣе не свободною отъ основательныхъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, возраженій.

По вопросу о внутренней природѣ духовъ вниманіе Преосвященнаго Игнатія сосредоточивается, по преимуществу, на существенныхъ, въ этомъ отношеніи, чертахъ духовъ злыхъ или падшихъ, по подобію съ которыми, съ немалыми, однако, количественными ограниченіями, понимаются и духовныя свойства пораженной грѣхомъ природы человѣческой. Сродство и различіе духовной природы падшихъ ангеловъ и людей представляется въ слѣдующемъ видѣ. Духи злобы—падшіе ангелы. Богъ сотворилъ ихъ вмѣстѣ съ прочими Ангелами, сотворилъ непорочными, благими, святыми, ущедрилъ ихъ многими естественными благодатными дарованіями. Но духи, омрачившись гордостію, приписали самимъ себѣ свое обиліе способностей,

---

[1]) Слово о смерти (т. III, стр. 215—217).

свои изящныя свойства, самое обиліе даровъ благодати. Они исключили себя изъ разряда созданій, признали самобытными существами, забывъ о своемъ созданіи. Къ такому самомнѣнію и самообольщенію они были увлечены однимъ изъ главнѣйшихъ ангеловъ. Духи, отвергшіе повиновеніе Богу, низвергнуты съ неба. Они пресмыкаются по землѣ, наполняютъ пространство между небомъ и землею, отчего называются воздушными, и во внутренности земли. Число падшихъ духовъ весьма значительно; нѣкоторые, основываясь на свидѣтельствѣ Апокалипсиса (Апок. XII, 4), полагаютъ, что цѣлая треть ангеловъ подверглась паденію.

Въ замѣнъ падшихъ ангеловъ Богъ сотворилъ новую разумную тварь—человѣковъ, и помѣстилъ ихъ въ рай, находящійся на низшемъ небѣ и состоявшій прежде въ вѣдѣніи главнаго херувима. Люди подъ вліяніемъ духовъ злобы, хотя и были обольщены ими, но произвольно отверглись повиновенія Богу, а потому причислились къ лику духовъ падшихъ по душѣ. Злодѣяніе, совершенное падшими ангелами надъ людьми, окончательно рѣшило участь падшихъ ангеловъ: окончательно отступила отъ нихъ милость Божія, они запечатлѣлись въ своемъ паденіи. Человѣкъ чрезъ грѣхопаденіе причислился къ падшимъ ангеламъ, но паденіе его, по способу, какимъ оно совершилось, получило совсѣмъ иной характеръ, нежели паденіе ангеловъ. Ангелы пали сознательно, намѣренно, сами въ себѣ произвели зло; по этимъ причинамъ они вполнѣ лишились добра, преисполнились зломъ, имѣютъ единое зло своимъ качествомъ. Человѣкъ палъ несознательно, ненамѣренно, будучи обольщенъ и обманутъ: по этой причинѣ его естественное добро не уничтожилось, а смѣшалось со зломъ падшихъ ангеловъ. Падшіе духи дѣлаютъ зло для зла, находя наслажденіе и славу въ твореніи зла. Человѣкъ наиболѣе дѣлаетъ зло, думая дѣлать добро, не видя зла, облеченнаго личиною добра, по причинѣ омраченія своихъ разума и совѣсти [1]). Таково сходство между духами злобными и душами человѣческими въ ихъ природѣ, таково различіе—по состоянію послѣ грѣхопаденія.

Внутренній обликъ духа грѣшнаго характеризуется Епископомъ Игнатіемъ чертами плотскаго мудрованія, удобопреклонности ко злу, гордости предъ Богомъ, богохульства, лукавства и лицемѣрія [2]). Падшіе духи низошли съ высоты духовнаго достоинства; они ниспали въ плотское мудрованіе болѣе, чѣмъ люди. Люди могутъ переходить отъ плотскаго мудрованія къ духовному; падшіе духи лишены этой воз-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V; гл. XLIII „О падшихъ ангелахъ", стр. 319—321.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 25—30, 50—51.

можности. Люди не подвержены столько сильному вліянію плотскаго мудрованія, потому что въ нихъ естественное добро не уничтожено, какъ въ духахъ, паденіемъ. Въ людяхъ добро смѣшано со зломъ, а потому непотребно; въ падшихъ духахъ господствуетъ и дѣйствуетъ одно зло. Плотское мудрованіе въ области духовъ получило обширнѣйшее, полное развитіе, какого оно только можетъ достигнуть. Главнѣйшій грѣхъ — изступленная ненависть къ Богу, выражающаяся страшнымъ, непрестаннымъ богохульствомъ. Они возгордились надъ самимъ Богомъ. Паденіе ихъ глубоко, язва вѣчной смерти, которою они поражены, неисцѣлима. Содержа въ себѣ начало всѣхъ грѣховъ, падшіе духи стараются вовлечь людей во всѣ грѣхи съ цѣлію и жаждою погубленія ихъ [1]), для чего пользуются свойственнымъ имъ пониманіемъ человѣческой природы, предвидѣніемъ будущаго [2]) и легкостію пространственнаго передвиженія, которое объясняется особой утонченностію ихъ существа.

Для пониманія природы духа и дѣйствованія его въ ограниченныхъ условіяхъ человѣческаго бытія, необходимо отмѣтить взглядъ Епископа Игнатія на отношеніе духовъ къ условіямъ пространства и времени. Будучи эѳирно-газообразными по своей природѣ, тонко—вещественными „по новѣйшему пониманію вещественности“, духи, по пониманію Игнатія Брянчанинова, подчинены условіямъ пространства и времени: „съ понятіемъ о вещественности и ограниченности неразрывно соединено понятіе о зависимости отъ пространства и времени. Дѣйствіе ограниченнаго существа въ пространствѣ съ перемѣною мѣста есть движеніе. Ограниченное существо, дѣйствующее въ пространствѣ и имѣющее движеніе, непремѣнно должно имѣть видъ: этому закону подчиняется всякое вещество“ [3]). Поэтому и духи имѣютъ опредѣленное преимущественное мѣстопребываніе и въ дѣйствіяхъ ихъ наблюдается обычная для человѣка пространственность и послѣдовательность моментовъ. Ангелы жительствуютъ на небѣ; нисходятъ на землю и дѣйствуютъ на ней. Мѣсто жительства злыхъ духовъ—поднебесная или воздухъ, поверхность земли и внутренность земли или преисподняя. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ они дѣйствуютъ по закону существъ ограниченныхъ, которому подчинены и ангелы. Духи вліяютъ на вещество, и вещество вліяетъ на духовъ. Они могутъ осязать людей,—люди могутъ чувствовать ихъ осязаніе. Писаніе упоминаетъ о ихъ лицѣ, персяхъ, рукахъ, ногахъ, одеждѣ;—повѣствуетъ, что они ходятъ, летаютъ, сидятъ, говорятъ, слышатъ го-

---

[1]) Слово въ первую недѣлю Великаго поста. О православіи (т. IV, стр. 80—81).

[2]) Т. III, стр. 10, 154 и др. О пониманіи Епископомъ Игнатіемъ условій этого предвѣдѣнія будетъ сказано ниже.

[3]) Тамъ же, стр. 217.

воримое имъ. Писаніе приписываетъ имъ чувства, какія имѣетъ человѣкъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе [1]). Ангелы, какъ святые, такъ и падшіе, подчинены времени и пространству. Отвергнувъ понятіе о подчиненіи ангеловъ пространству, должно или вовсе отвергнуть ихъ существованіе, или признать ихъ безпредѣльными, т. е. приписать имъ Божеское вездѣсущіе [2]) Передвиженіе духовъ въ предѣлахъ пространства, совершается обычнымъ порядкомъ, хотя и ускоренно, а въ своемъ пребываніи среди людей они занимаютъ опредѣленное мѣсто въ пространствѣ. Напр. архангелъ Гавріилъ явился пророку Захаріи во храмѣ, причемъ стоялъ одесную алтаря кадильнаго (Лк. I, 11). Тотъ же архангелъ Гавріилъ былъ посланъ Богомъ въ галилейскій городъ Назаретъ къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, вошелъ въ Ея жилище (Лк. I, 26—28). Марія Магдалина, пришедши къ гробовой пещерѣ, наклонилась и посмотрѣла во внутренность пещеры; при этомъ она увидѣла двухъ Ангеловъ въ бѣлыхъ ризахъ; Ангелы сидѣли въ тѣсной гробовой пещерѣ: одинъ сидѣлъ у головы, другой у ногъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло Господа Іисуса (Іоан. XX, 11—12). Такую же способность къ передвиженію съ одного мѣста на другое и къ странствованію по разнымъ мѣстамъ имѣютъ и демоны. Такъ, напр., сатана, представъ предъ Господа въ сонмѣ Ангеловъ, на вопросъ Господа, откуда онъ пришелъ, отвѣчалъ: обшедъ землю, и прошедъ поднебесную, се есмь (Іов. I, 7). Въ этомъ же смыслѣ Преосвященный Игнатій указываетъ и многія другія мѣста Слова Божія [3]). Вращаясь въ сферѣ вещества, Ангелы и демоны дѣйствуютъ на вещество, и вещество дѣйствуетъ на нихъ. Для подтвержденія этой мысли своей Преосвященный Игнатій ссылается на многія мѣста Священнаго Писанія [4]). При этомъ Преосвященный Игнатій необычныя дѣйствія духовъ на вещество весьма склоненъ объяснять наилучшимъ знаніемъ ими свойствъ вещества, неизвѣстныхъ людямъ по дебелости ихъ тѣлъ и внѣшнихъ чувствъ [5]), признавая, что есть какія то отношенія между веществомъ, нами невидимымъ и намъ неизвѣстнымъ, съ веществомъ, нами видимымъ и намъ извѣстнымъ [6]). Передвиженіе духовъ въ предѣлахъ про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 216, 222 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 77—78 примѣч.

[3]) Напр. Мѳ. XII, 43—45. IV, 1—11. Числ. XXII, 22—23. См. Прибавленіе къ „Слову о смерти“, (т. III, стр. 222—225; 240—250).

[4]) Напр. Іов. I, 16, 9. Апок. XII, 9. XIII, 2, 13. Суд. VI, 11—22. Осіи. XII, 3—4. Быт. XXXII, 24—31. 3 Цар. XIX, 4—8. Дѣян. XII, 1—11. VIII, 39—40. Дан. XIV, 31—39 и мн. др. См. Прибавленіе къ „Слову о смерти“ (стр. 219—220, 224—227, 230—232 и друг.).

[5]) Тамъ же, стр. 219.

[6]) Тамъ же, стр. 225.

странства совершается тѣмъ же порядкомъ, которымъ опредѣляются наши собственныя пространственныя передвиженія. Но, будучи болѣе тонкими и газообразными по своему существу, по пониманію Преосвященнаго Игнатія, духи имѣютъ легчайшій и ускоренный способъ передвиженія въ пространствѣ, то расширяя, то сокращая предѣлъ своей пространственной емкости. Демоны собственно не знаютъ будущаго, но, подобно тому, какъ умные и опытные люди изъ событій, совершившихся или совершающихся, предусматриваютъ и предугадываютъ событія, имѣющія совершиться, такъ и хитрые, многоопытные, лукавые духи могутъ иногда предполагать съ достовѣрностію и предсказывать будущее. Иногда же они могутъ предвозвѣстить событіе, которое уже предназначено въ мірѣ духовъ, но между человѣками не приведено еще въ исполненіе [1]). Они, имѣя тѣла, болѣе легкія, нежели каковы тѣла человѣческія, и увидѣвъ кого либо отправляющимся въ дорогу, приходятъ прежде его и возвѣщаютъ о немъ, какъ ѣдущіе на лошадяхъ могутъ предупреждать пѣшеходовъ, или — какъ опытные и искусные врачи, изучивъ какую либо болѣзнь на многихъ больныхъ, очень часто предсказываютъ послѣдствія ея; или, какъ кормчіе и земледѣльцы, постоянно наблюдающіе за состояніемъ воздуха, предсказываютъ ясную и пасмурную погоду [2]).

Въ „Прибавленіи“ къ „Слову о смерти“, помѣщенномъ въ III т. его сочиненій на стр. 185—311, Преосвященный Игнатій подвергаетъ критическому разсмотрѣнію мнѣніе западныхъ богослововъ по вопросу о духахъ, раѣ и адѣ, причемъ большая часть этого „Прибавленія“ (стр. 185—302) занята изложеніемъ вопроса о духовномъ мірѣ. По этому вопросу Преосвященный Игнатій, желая „ознакомить чадъ Православной Церкви съ мнѣніемъ западныхъ о духахъ, обличить неосновательность и невѣрность этого мнѣнія“, дѣлаетъ по этому предмету 23 выписки [3]), которыя и подвергаетъ послѣдовательному, а затѣмъ—и общему разбору. Сущность этихъ выписокъ сводится къ утвержденію богословскаго мнѣнія о совершенной невещественности духовъ (вып. 1—3), къ отрицанію выписанными мнѣніями тонкой вещественности ангеловъ (вып. 4—5), къ признанію крайней относительности всѣхъ нашихъ познаній о духовномъ мірѣ (вып. 6—11, 13—23), отрицанію подчиненности духовъ пространству и времени (вып. 12). По поводу каждой сдѣланной выписки Преосвященный Игнатій дѣлаетъ критическія замѣчанія и, отмѣтивъ всѣ соображенія въ пользу абсолютной невещественности духа, подвергаетъ ихъ об-

---

[1]) Слово о чувств. и дух. видѣніи духовъ (т. III, стр. 10—11).

[2]) Тамъ же, стр. 35—37.

[3]) Свѣдѣнія по вопросу о духовномъ мірѣ заимствуются Преосв. Игнатіемъ изъ книги Западнаго писателя Бержье (Dictionnaire de Théologie par L'abbé Bergier).

щей критикѣ съ точки зрѣнія Свящ. Писанія, Святоотеческихъ твореній, духовнаго опыта, Православно-христіанской догматики и соображеній разума. Въ существѣ своемъ дѣлаемыя Преосвященнымъ Игнатіемъ критическія замѣчанія и приводимыя имъ собственныя соображенія сводятся къ рѣшительному утвержденію извѣстныхъ уже намъ его мнѣній о природѣ духа и отношеніи его къ необходимымъ условіямъ жизнепроявленій ограниченнаго тварнаго существа съ тою разницею, что здѣсь утвержденія Епископа Игнатія въ ихъ полемической постановкѣ болѣе опредѣленны и рѣшительны. Преосвященный Игнатій рѣшительно утверждаетъ въ этой критикѣ, что 1) Святые Отцы не признавали ангеловъ только облеченными въ тонкое тѣло: они признавали самую сущность ихъ тонкимъ тѣломъ [1]).

2) Гипотеза о совершенной невещественности сотворенныхъ духовъ, не подчиняющейся ни времени, ни пространству, гипотеза, приписывающая сотвореннымъ духамъ одинаковую сущность съ Богомъ, явилась въ XVII столѣтіи и заимствована Декартомъ у древнихъ языческихъ философовъ [2]).

3) Безплотность духовъ только относительная и Священное Писаніе называетъ духовъ безплотными сравнительно съ людьми, а ученіе Декарта о совершенной невещественности духовъ и ихъ независимости отъ времени и пространства, будучи повѣрено наукою, является равновѣснымъ отрицанію существованія духовъ, потому что, выставляя ихъ равными Богу по существу, оно дѣлаетъ невозможнымъ ихъ существованіе. Наоборотъ, съ признаніемъ природы духовъ тонко-вещественною, въ смыслѣ, эѳирности, газообразности, достигается единеніе истины вѣры съ истиною науки. „Всякій математикъ и химикъ по необходимости долженъ отвергнуть нелѣпое ученіе о духахъ, которое принадлежитъ Декарту и западнымъ, которое западные выставляютъ за ученіе вѣры. Большинство математиковъ и химиковъ усумнились въ христіанствѣ и сдѣлались деистами: имъ нельзя быть атеистами, какъ открывшимъ множество чудныхъ законовъ въ природѣ и увѣреннымъ въ ихъ безчисленномъ множествѣ, свидѣтельствующемъ о безпредѣльномъ умѣ Творца и о безпредѣльности свойствъ Его. Впали эти личности въ деизмъ единственно потому, что предъ ними оклеветана и искажена вѣра [3]).

4) Духи въ существѣ своемъ суть тонкія тѣла въ противоположность нашему дебелому тѣлу. Необходимость мыслить ихъ тонкими тѣлами слѣдуетъ логически изъ ихъ ограниченности. „Это положеніе

---

[1]) Прибавленіе къ „Слову о смерти“ (т. III, стр. 193).
[2]) Тамъ же, стр. 206.
[3]) Тамъ же, стр. 207—208, 211, 188, 191 и др.

очень естественно. Если сотворенные духи ограниченны, то и существо ихъ и свойства ограниченны. Если существо ихъ и свойства—ограниченны, то и духовность ихъ—ограниченна. Если духовность ихъ—ограниченна, то они по необходимости должны имѣть извѣстную степень вещественности, свойственную ихъ природѣ. Напротивъ того, если мы припишемъ имъ совершенную невещественность, т. е. неограниченную духовность, то вмѣстѣ съ симъ по необходимости должны приписать имъ неограниченность существа, потому что только одно неограниченное существо можетъ имѣть и должно имѣть неограниченныя свойства“ [1]). А потому и „душа человѣческая имѣетъ видъ человѣка въ его тѣлѣ, подобна прочимъ сотвореннымъ духамъ и по наружному виду, и по существу, и по свойствамъ“ [2]).

5) Будучи по сущности своей тонко-эѳирными или газообразными тѣлами, духи вслѣдствіе того обладаютъ и меньшей зависимостію въ отношеніи къ пространству, то простираясь въ его безмѣрность, то сжимаясь до крайне ограниченныхъ предѣловъ: „демоны не только живутъ на земной поверхности, но входятъ иногда въ человѣковъ и скотовъ всѣмъ газообразнымъ существомъ своимъ. Они входятъ во внутренность тѣла человѣческаго подобно тому, какъ входитъ въ нее воздухъ, привлекаемый механизмомъ дыханія—подобно тому, какъ могутъ входить другіе газы. Демонъ, войдя въ человѣка, не смѣшивается съ душою, но пребываетъ въ тѣлѣ, обладая насильственно душою и тѣломъ. Газы имѣютъ въ особенномъ развитіи свойство упругости, т. е. свойство принимать различной мѣры объемъ: очевидно, что и демоны имѣютъ это свойство, по которому множество ихъ можетъ помѣщаться въ одномъ человѣкѣ, какъ говоритъ объ этомъ Евангеліе“ (Лк. VIII, 29) [3]). Въ такомъ смыслѣ понимаетъ Преосвященный Игнатій передаваемый въ Четьи-Минеяхъ, подъ 7 сентября, случай съ св. Іоанномъ, Архіепископомъ Новгородскимъ, который молитвою и крестнымъ знаменіемъ заключилъ бѣса-искусителя въ умывальницѣ, потомъ „именемъ Господа освободилъ его изъ заключенія въ сосудѣ и повелѣлъ ему быть въ подобіи коня у дверей кельи. Демонъ вышелъ изъ сосуда въ видѣ темнаго воздуха или дыма, т. е. газа, а въ видѣ коня всталъ у входа въ келлію святаго“. Св. Іоаннъ Новгородскій путешествовалъ на бѣсѣ въ Іерусалимъ и былъ обратно принесенъ имъ въ Новгородъ, на что потребовалось времени около трехъ часовъ [4]). Въ такомъ же смыслѣ понимается Преосвященнымъ Игнатіемъ сущность Свв. Ангеловъ и душъ чело-

---

[1]) Тамъ же, стр. 202.
[2]) Тамъ же, стр. 233—234.
[3]) Тамъ же, стр. 232, т. V, стр. 334—336.
[4]) Тамъ же, стр. 246 и слѣд.

вѣческихъ. „И нынѣ Св. Ангелы являются въ видѣ крылатыхъ прекрасныхъ юношей; и нынѣ души святыхъ человѣковъ являются въ образѣ человѣка въ его тѣлѣ, въ небесной славѣ; и нынѣ демоны являются въ безобразномъ, отвратительномъ и ужасномъ видѣ чудовищъ, но чудовищъ, имѣющихъ образъ человѣка“ [1]). Но души человѣческія и духи ангеловъ и демоновъ по сущности своей еще болѣе тонки, чѣмъ земные газы и эѳиръ: „зная газы, принадлежащіе землѣ, и умозаключая о существованіи эѳира или собранія газовъ, непринадлежащихъ землѣ, мы можемъ только сказать, что ангелы принадлежатъ къ природѣ эѳирной или газовой [2]).

6) Кромѣ свойствъ тонкой вещественности, душѣ принадлежитъ свойство словесности, словесная сила, въ которой напечатлѣнъ образъ Божій и которою душа человѣческая отличается отъ души животныхъ, и слово „духъ“ нерѣдко употребляется для обозначенія нравственныхъ свойствъ [3]).

7) Такое пониманіе сущности духовнаго міра, по сужденію Преосвященнаго Игнатія, нисколько не противорѣчитъ установленнымъ понятіямъ о творческомъ дѣйствованіи Бога въ отношеніи къ міру существъ ограниченныхъ и отображеніи этими послѣдними свойствъ Божества. „Богъ, не только по существу, но и по свойствамъ, совершенно отличается отъ сотворенныхъ духовъ и души человѣческой. Его свойства неограниченны и существо неограниченно. Свойства сотворенныхъ духовъ ограниченны: по необходимости ограниченно и существо ихъ. Если существо ихъ ограниченно, то и духовность ограниченна. Напротивъ того, духовность Бога—безпредѣльная: она—совершенная и рѣшительная духовность. Никакъ не требуется отъ образа, чтобы онъ былъ тождественнаго существа съ своимъ подлинникомъ. Это видимъ на изображеніяхъ человѣческихъ. И портретъ и статуя могутъ имѣть ближайшее сходство съ своимъ подлинникомъ: никакъ не слѣдуетъ, чтобъ самое существо ихъ было тождественно съ существомъ подлинника“ [4]).

8) Изложивъ въ выпискахъ, главнымъ образомъ, изъ Бержье, пониманіе души человѣковъ и духа демоновъ и Ангеловъ въ смыслѣ абсолютной безплотности и невещественности, отмѣтивъ, при этомъ, позднѣйшее происхожденіе этого ученія, Преосвященный Игнатій находитъ въ ученіи этомъ внутреннія противорѣчія: „западные, принявшіе въ недавнее время много ученій, чуждыхъ и противныхъ Православной Церкви, недавно приняли и противное ей ученіе о со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 251 и далѣе см. чудесные случаи, на стр. 248—252.
[2]) Тамъ же, стр. 260.
[3]) Тамъ же, стр. 186,192, 203.
[4]) Тамъ же, стр. 190 и слѣд.

вершенной невещественности сотворенныхъ духовъ, приписали имъ духовность въ той степени, въ какой имѣетъ ее Богъ. Они поставили Бога, Творца всѣхъ и всего, въ одинъ разрядъ существъ съ сотворенными духами, признаютъ ихъ независимость отъ пространства, отрицаютъ въ нихъ подобную тѣламъ способность къ передвиженію, словомъ сказать, приписываютъ существу ихъ свойства, одинаковыя съ Богомъ, не переставая, впрочемъ, признавать ихъ созданными и ограниченными. Въ этомъ ученіи заключается явное противорѣчіе: это ученіе уничтожаетъ само себя". Раскрывая несостоятельность ученія западныхъ богослововъ о духахъ, Преосвященный Игнатій для обоснованія и подтвержденія своего взгляда по этому предмету приводитъ: 1) свидѣтельства Слова Божія, 2) Отцовъ Церкви и 3) соображенія научнаго характера, чѣмъ и стремится засвидѣтельствовать свое пониманіе правоты и святости ученія, преподаваемаго Православною Церковію [1]).

При этомъ, излагая свое пониманіе духовнаго міра, и, какъ будто предусматривая возможныя недоразумѣнія и возраженія, Преосвященный Игнатій неоднократно напоминаетъ, что для правильнаго пониманія и объясненія Отцовъ, писавшихъ при содѣйствіи Божественной благодати и при пособіи аскетическихъ опытовъ, нужно содѣйствіе и

---

[1]) Тамъ же, стр. 197. Въ подтвержденіе своего пониманія природы души и духовъ и отношенія ихъ къ условіямъ земной жизни, своего мнѣнія объ эѳирности душъ, ангеловъ и демоновъ, о принадлежности имъ внѣшняго вида, подобнаго виду человѣческому, и вообще о человѣкообразности вида и дѣйствій, Преосвященный Игнатій 1) приводитъ свидѣтельства Слова Божія: Быт. XXXI, 24 (явленіе ангела Лавану), III, 1, 24; XVIII, 1—2; XXXII, 1; XIX, 1—24; XXXII, 24—31. Исх. III, 14; VII, 11; XXII, 8—17. Числ. XXII (видѣніе Валааму). Второз. XIII, 4. Іов I, XLI, 9—13. II, 1—17. XXIX—XLI. Псал. CIII, 4. XLVII, 8. CXLVII, 8. LXXIII, 19. XLV, 4. 1 Цар. XXVIII, 14. 2 Цар. VII, 6. XVIII, 24. XXIV, 15—17. 3 Цар. XXII, 19—23. XVII, 21. XIX, 4—8. VIII, 27. 4 Цар. VI, 17—20 (видѣніе пророка Елисея). XIX, 35. Ис. VI, 1—2. Дан. XIV, 31—39. III, 49—50. 81—95. IX. 21. X, 5—6, 12. XII, 7. Ос. XII, 3. IV, 12. Мѳ. VIII, 31. XXVIII, 2—5. IV, 10—11, XII, 43—45. XIII, 28. XXIV, 31. XXV, 31. XXVI, 64. Мр. I, 24. XVI, 5. IX, 25. Лк V, 34. XXIV, 4, 16—31. IV, 41. Лк. XI, 14. XIX, 35; I, 11—13. Лк. II, 8—15. X, 18. XIII, 10—16, XVI, 22. Іоан. VIII, 44. III, 8. XX, 11—12. 1 Кор. XV, 40—44. 2 Кор. XI, 14—15. XII, 2. 2 Еф. VI. 12. II, 2. 1 Тимоѳ. VI, 15—16. Дѣян. XVI, 17. XII, 13—15, 23, 1—11. VIII, 39—40. I, 10—11. X, 30. V, 19—20. Іис Нав. V, 13—15. 1 Петр. V, 8. Евр. I, 7—14. XII, 29. Апок XII, XIII, XXII, 8—9. Суд. VI, VII, 11—22 (видѣніе Гедеономъ ангела) XIII, 6—20 (Явленіе ангела матери Сампсона). 1 Паралип. XXI, 15—27. Тов. III, 8. VI, 8—18; VIII, 2—3. Зах. XII, 1. 2) Приводимъ свидѣтельства Св. Отцовъ: Василія Великаго (стр. 253—258); Григорія Богослова (стр. 258—263); Іоанна Златоустаго (стр. 199—200, 271—274); Аѳанасія Великаго (стр. 263—270); Іоанна Дамаскина (стр. 197—198); Макарія Великаго (стр. 201—203). 3) Ссылается на житія Святыхъ. 4) Приводитъ указанія изъ богослужебнаго чина Православной Церкви (напр. 92—96).

этихъ опытовъ и благодати [1]). Онъ напоминаетъ, что правильное понятіе о видѣніи духовъ, какъ чувственномъ, такъ и духовномъ, не можетъ быть пріобрѣтено иначе, какъ опытомъ. При темнотѣ понятія о духахъ, полученнаго единственно изъ повѣданія, хотя и святого, тѣмъ опаснѣе давать волю воображенію и истолковывать соотвѣтственно своей мечтѣ то, что и при опытномъ познаніи не можетъ быть объяснено съ удовлетворительностію въ странѣ вещества [2]). Онъ напоминаетъ, наконецъ, что и самое „Слово о смерти", въ которомъ всего болѣе, опредѣленнѣе и яснѣе изложено его ученіе о духовномъ мірѣ, „было написано единственно съ аскетическою цѣлію" [3]). Всѣ эти указанія Преосвященнаго автора „Слова о смерти" мы и должны особенно имѣть въ виду при размышленіи по предмету оригинальнаго ученія Епископа Игнатія о духовномъ мірѣ.

II., Изложивъ ученіе Епископа Игнатія о природѣ духовъ о отношеніи ихъ къ общеміровымъ условіямъ пространства и времени, мы, для полноты пониманія этого предмета, должны отмѣтить способы, средства и условія познанія духовнаго міра, какъ они представляются въ твореніяхъ его.

Существующія познанія духовнаго міра представляются Преосвященному Игнатію весьма недостаточными по своему, по преимуществу, теоретическому характеру. Ученіе школьное, по буквѣ, конечно, важно, полезно и необходимо, какъ доставляющее точныя и подробныя познанія о христіанствѣ по преданію Православной Церкви. Но теоретическое изученіе требуетъ, чтобы ему непремѣнно сопутствовало и ему послѣдовало ученіе дѣятельное [4]). Такимъ совмѣстнымъ методомъ особенно необходимо изучить міръ духовъ, къ которымъ мы принадлежимъ нашей душой и съ которыми мы должны раздѣлить и вѣчное блаженство и вѣчную муку (Мѳ. XXII 30, XXV, 41) [5]). Но это необходимое познаніе затруднено нашей грѣховностію. Преосвященный Игнатій признаетъ возможнымъ и различаетъ двоякое видѣніе духовъ: есть чувственное видѣніе духовъ, когда видимъ ихъ чув-

---

[1]) Тамъ же, стр. 262.

[2]) Тамъ же, стр. 286—287. Преосвященный Игнатій поясняетъ при этомъ, что какъ чувственное видѣніе—для слѣпого, или слышаніе—для глухого не можетъ быть объяснено словами, а только чрезъ ощущеніе, такъ и видѣніе и относительное постиженіе духовнаго міра можетъ быть доступно лишь опытно извѣдавшему это подвижнику. Здоровые глаза не нуждаются въ обученіи зрѣнію, потому что зрѣніе естественно человѣку; такъ точно очищенные покаяніемъ очи ума и сердца начинаютъ прозирать въ тайны Божіи и въ духовный міръ, потому что это естественно человѣческой природѣ.

[3]) Тамъ же, стр. 185.

[4]) Слово о чувственномъ и духовномъ видѣніи духовъ (т. III, стр. 5).

[5]) Тамъ же, стр. 6.

ственными, тѣлесными очами, и есть духовное видѣніе духовъ, когда видимъ ихъ душевными очами, умомъ и сердцемъ, очищенными Божіею благодатію. Въ обыкновенномъ состояніи паденія, въ которомъ пребываетъ все человѣчество, мы не видимъ духовъ ни чувственно, ни духовно; мы поражены сугубою слѣпотою. Для слѣпыхъ разные цвѣта и предметы чувственнаго міра какъ бы не существуютъ, такъ и для ослѣпленныхъ паденіемъ міръ духовный и духи какъ бы не существуютъ. Невидѣніе нами чего либо никакъ не служитъ признакомъ небытія его [1]). Между тѣмъ борьба съ духами злобы и сближенія съ царствомъ свѣта составляютъ непремѣнное условіе душевнаго спасенія. Въ виду этого существенно необходимо для душевнаго спасенія познаніе духовнаго міра: чтобы бороться съ врагомъ, надо непремѣнно видѣть его [2]).

Чувственное видѣніе духовъ было доступно человѣку до грѣхопаденія, когда тѣло человѣка было безсмертно, чуждо недуговъ, свойственной ему нынѣ дебелости и тяжести. Тогда чувства человѣка были несравненно тоньше, дѣйствіе ихъ было несравненно обширнѣе, вполнѣ свободно. Облеченный въ такое тѣло, съ такими органами чувствъ, человѣкъ былъ способенъ къ чувственному видѣнію духовъ, къ разряду которыхъ онъ принадлежалъ душою, былъ способенъ къ общенію съ ними, къ тому Боговидѣнію и общенію съ Богомъ, которыя сродны святымъ духамъ. Паденіемъ измѣнились душа и тѣло человѣческія. Въ настоящемъ грѣховномъ состояніи человѣка его тѣлесныя чувства неспособны къ общенію съ духами, не видятъ ихъ, не слышатъ, не ощущаютъ. Святые духи уклонились отъ общенія съ людьми, какъ съ недостойными такого общенія, духи падшіе, увлекшіе насъ въ свое паденіе, смѣсились съ нами, и чтобы удобнѣе содержать насъ въ плѣну, стараются сдѣлать и себя и свои цѣпи для насъ незамѣтными. Поэтому, всѣмъ намъ, находящимся въ рабствѣ у грѣха, надо знать, что общеніе съ святыми Ангелами несвойственно намъ по причинѣ нашего отчужденія отъ нихъ паденіемъ, что намъ свойственно, по той же причинѣ, общеніе съ духами отверженными, къ разряду которыхъ мы принадлежимъ душою, что чувственно являющіеся людямъ, пребывающимъ въ грѣховности и паденіи, суть демоны, а никакъ ни святые Ангелы [3]). Въ виду затрудненности грѣховнымъ состояніемъ тѣла и духа чувственнаго видѣнія духовъ, общее правило для всѣхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы

---

[1]) Тамъ же.

[2]) О падшихъ ангелахъ (т. V, гл. XLIII, стр. 331); т. III стр. 7, 195.

[3]) О чувственномъ видѣніи духовъ (т. III, стр. 7—9). Могутъ быть особенные случаи смотрѣнія Божія, выражающіеся въ чувственномъ видѣніи духовъ добра, но они представляютъ исключеніе (стр. 11)

никакъ не ввѣряться духамъ, когда они явятся чувственнымъ образомъ, не входить въ бесѣду съ ними, не обращать на нихъ никакого вниманія, признавать явленіе ихъ величайшимъ и опаснѣйшимъ искушеніемъ, устремлять мысль и сердце къ Богу съ молитвою о помилованіи и объ избавленіи отъ искушенія [1]). И эта дебелость тѣла, невоспріимчивость чувствъ къ духовному міру, хотя и являются слѣдствіемъ грѣхопаденія,— для человѣка являются благодѣтельными: „если бы мы находились въ чувственномъ общеніи съ демонами, то они, въ кратчайшее время, окончательно развратили бы человѣковъ, непрестанно внушая зло, явно и непрестанно содѣйствуя злу, заражая примѣрами своей постоянно преступной и враждебной Богу дѣятельности. Въ кратчайшее время человѣки, по преуспѣянію во злѣ, содѣлались бы демонами; покаяніе и возстаніе изъ паденія были бы для насъ невозможны. Премудрость и благость Божія положила преграду между человѣками, низверженными на землю изъ рая, и духами, низверженными на землю съ неба,—грубую вещественность тѣла человѣческаго. Такъ земныя правительства отдѣляютъ темничною стѣною злодѣевъ отъ общества человѣческаго, чтобъ они по произволу не вредили этому обществу и не развращали прочихъ человѣковъ“ [2]). Подобно этому и душа, облеченная въ тѣло, закрытая и отдѣленная имъ отъ міра духовъ, постепенно образуетъ себя изученіемъ Закона Божія, или, что тоже, изученіемъ христіанства и получаетъ способность различать добро отъ зла. Тогда даруется ей духовное видѣніе духовъ и, если то окажется сообразнымъ съ цѣлями руководствующаго ею Бога, чувственное, такъ какъ обманъ и обольщеніе для нея уже гораздо менѣе опасны, а опытность и знаніе полезны. При разлученіи души отъ тѣла видимаго смертію мы снова вступаемъ въ разрядъ и общество духовъ. Изъ этого видно, что для благополучнаго вступленія въ міръ духовъ, необходимо благовременное образованіе себя закономъ Божіимъ, что, именно, для этого образованія и предоставлено намъ нѣкоторое время, опредѣляемое каждому человѣку Богомъ для странствованія по землѣ. Это странствованіе называется земною жизнію [3]). Такимъ образомъ, чувственное видѣніе духовъ во время земной жизни человѣка, по его грѣховности и для его же пользы, представляется невозможнымъ и затрудненнымъ. Но иногда люди, по особому изволенію промысла Божія, пріобрѣтаютъ временно способность чувственнаго видѣнія духовъ. Это или—праведники, утвердившіеся въ добрѣ и огражденные своей добродѣтельной душенастроен-

---

[1]) Всякую пытливость человѣка въ отношеніи чувственнаго видѣнія духовъ Преосвященный Игнатій считаетъ грѣховною и опасною (т. III, стр. 11)

[2]) Тамъ же, стр. 11—12.

[3]) Тамъ же, стр. 13.

ностію отъ вреднаго дѣйствія духовъ, или обычные и даже грѣшные люди, являющіеся орудіемъ воли Божіей. Святые Отцы, достигшіе чистоты и совершенства, видѣли духовъ и тѣлесными очами [1]).

Способность чувственнаго видѣнія духовъ опредѣляется Епископомъ Игнатіемъ, какъ измѣненіе чувствъ, которое совершается непримѣтнымъ и необъяснимымъ для человѣка образомъ. Онъ только замѣчаетъ въ себѣ, что внезапно началъ видѣть то, чего доселѣ не видѣлъ и чего не видятъ другіе,—слышать то, чего доселѣ не слышалъ. Для испытавшихъ на себѣ такое измѣненіе чувствъ, оно очень просто и естественно, хотя необъяснимо для себя и для другихъ; для неиспытавшихъ—оно странно и непонятно. Измѣненіе чувствъ, при которомъ человѣкъ входитъ въ чувственное общеніе съ существами невидимаго міра, называется въ Священномъ Писаніи отверзеніемъ чувствъ [2]). Въ качествѣ примѣра такого отверзенія чувствъ, Епископъ Игнатій указываетъ видѣніе Валаама (Числ. XXII, 31), видѣніе пророка Елисея (4 Цар. VI, 17—20), отверзеніе очей двухъ учениковъ Господнихъ по дорогѣ изъ Іерусалима въ Эммаусъ (Лк. XXIV, 16—31).

Побужденія, условія и мотивы, по которымъ человѣкъ входитъ въ чувственное видѣніе духовъ, не всегда одинаковы. Весьма рѣдко, но бываетъ, что человѣкъ по волѣ Божіей вводится въ чувственное видѣніе духовъ, но это допускается съ спасительною для насъ предосторожностію, съ цѣлію величайшей душевной пользы. По смотрѣнію Божію являются духи только во время крайней нужды, съ цѣлію спасенія и исправленія людей, являются такимъ образомъ, что явленіе ихъ не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій. Такое видѣніе имѣютъ, по преимуществу, совершеннѣйшіе христіане, преимущественно изъ иноковъ [3]). Помимо смотрѣнія Божія, независящаго отъ воли человѣка, непозволительно человѣку собственными средствами отверзать свои чувства и входить въ явное общеніе съ духами. Но и это случается. Очевидно, однако, что собственными средствами можно достигнуть общенія только съ падшими духами. Святымъ Ангеламъ несвойственно принять участіе въ дѣлѣ, несогласномъ съ волею Божіею, въ дѣлѣ, неблагоугодномъ Богу. Чѣмъ же влекутся люди къ вступленію въ открытое общеніе съ духами? Легкомысленные и незнающіе дѣятельнаго христіанства увлекаются любопытствомъ, незнаніемъ, невѣріемъ, не понимая, что, вступивъ въ такое общеніе, они могутъ нанести себѣ величайшій вредъ; люди, предавшіеся грѣховности и отступившіе отъ Бога, вступаютъ въ это общеніе по самымъ порочнымъ побужденіямъ и для самыхъ порочныхъ цѣлей [4]).

---

[1]) Т. V, стр. 331—336.
[2]) Т. III, стр. 13—14.
[3]) Тамъ же, стр. 15—18.
[4]) Тамъ же, стр. 14—15.

Люди думаютъ обычно, что чувственное видѣніе духовъ есть что то чрезвычайно важное. Это мнѣніе весьма ошибочно. По мнѣнію Преосвященнаго Игнатія, чувственное видѣніе духовъ, когда оно совершается собственнымъ человѣческимъ произволеніемъ и помимо воли Божіей, свидѣтельствуетъ лишь объ особой порочности ясновидцевъ или о весьма опасномъ и искусительномъ состояніи ихъ. Къ чувственному видѣнію духовъ, говоритъ онъ, наиболѣе способны люди самой порочной жизни. Кто видитъ духовъ и находится въ чувственномъ общеніи съ ними? Волхвы, отрекшіеся отъ Бога и признавшіе богомъ сатану; люди, предавшіеся страстямъ и, для удовлетворенія ихъ, прибѣгшіе къ волхвамъ, при посредствѣ ихъ вступившіе въ явное общеніе съ падшими духами, что совершается подъ непремѣннымъ условіемъ отреченія отъ Христа; люди, истощенные пьянствомъ и развратною жизнію; подвижники, впавшіе въ самомнѣніе и гордость. Весьма немногіе способны къ нему по естественному сложенію, весьма немногимъ являются духи по поводу какого либо особеннаго обстоятельства въ жизни. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ человѣкъ не подлежитъ порицанію, но долженъ приложить все стараніе, чтобы выйти изъ этого положенія, какъ весьма опаснаго. Къ такимъ же опаснымъ явленіямъ относится и общеніе съ духами посредствомъ магнетизма, причемъ падшіе духи обыкновенно являются въ видѣ свѣтлыхъ Ангеловъ, обольщаютъ и обманываютъ разными интересными сказками, всегда причиняютъ крайнее душевное и даже умственное разстройство [1]).

Различаясь по условіямъ возникновенія—или въ волѣ Божіей, или въ самохотной волѣ человѣческой, чувственное видѣніе духовъ, въ зависимости отъ этого, различается весьма ярко и по своимъ отраженіямъ въ душѣ человѣческой: видѣнія, посылаемыя Богомъ, приносятъ душѣ смиреніе и умиленіе, исполняютъ ее страха Божія, сознанія своей грѣховности и ничтожества. Напротивъ того, видѣнія, въ которыя мы вторгаемся произвольно, въ противность волѣ Божіей, вводятъ насъ въ высокоуміе, въ самомнѣніе, доставляютъ радость, которая ничто иное, какъ непонимаемое нами удовлетвореніе нашихъ тщеславія и самомнѣнія. Демоны, являясь наиболѣе въ видѣ ангеловъ, стараются польстить человѣку похвалою, потѣшить его любопытство и тщеславіе; затѣмъ они удобно ввергаютъ его въ самообольщеніе и наносятъ ему сильнѣйшій, болѣе или менѣе явный, душевный вредъ [2]). Такое различіе въ послѣдствіяхъ и цѣляхъ чувственнаго видѣнія, духовъ, переживаемаго человѣкомъ по волѣ Божіей или по произво-

---

[1]) Тамъ же, стр. 19.
[2]) Тамъ же, стр. 18.

ленію человѣческому, подтверждается у Преосвященнаго Игнатія значительнымъ рядомъ конкретныхъ назидательныхъ примѣровъ [1]). Сравнительная цѣнность чувственнаго и духовнаго видѣнія духовъ опредѣляется Преосвященнымъ Игнатіемъ въ сторону предпочтенія послѣдняго предъ первымъ. По его убѣжденію, видѣніе чувственными очами духовъ приноситъ всегда большій или меньшій вредъ тѣмъ людямъ, которые не имѣютъ духовнаго видѣнія. Видящій чувственно духовъ легко можетъ быть обманутъ въ свое поврежденіе и погибель. Если же онъ при видѣніи духовъ окажетъ довѣренность къ нимъ, или легковѣріе, то онъ непремѣнно будетъ обманутъ, непремѣнно будетъ увлеченъ, непремѣнно будетъ запечатлѣнъ непонятною для неопытныхъ печатію обольщенія, печатію страшнаго поврежденія въ своемъ духѣ, причемъ часто теряется возможность исправленія и спасенія [2]). Поэтому Святые Отцы предпочитали всякое духовное видѣніе видѣнію чувственному. Тѣ преподобные иноки, которые сподобились обильнаго видѣнія духовнаго, обиловали духовнымъ разсужденіемъ и другими возвышеннѣйшими дарованіями Св. Духа: скудны были ими тѣ преподобные Отцы, которые за простоту свою и чистоту удостоены были одного чувственнаго видѣнія духовъ [3]). Поэтому и не нужно стремиться къ чувственному видѣнію духовнаго міра, потому что это ви-

---

[1]) Примѣромъ чувственнаго видѣнія духовъ, переживаемаго человѣкомъ по волѣ Божіей, Святителемъ Игнатіемъ приводятся: видѣніе Петра мытаря (см. стр. 15), видѣніе Кіево-Печерскаго инока Ареѳы и слѣпого старца Ѳеофила (стр. 16—18). Изложивъ эти видѣнія, Епископъ Игнатій говоритъ: „По смотрѣнію Божію являются духи только во время крайней нужды, съ цѣлію спасенія и исправленія человѣковъ; являются такимъ образомъ, что явленіе ихъ не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій. Петръ и Ареѳа извлечены были изъ пропасти грѣховной страхомъ отъ видѣннаго ими состязанія ангеловъ съ бѣсами, а Ѳеофилъ, котораго недостатокъ заключался не въ образѣ жизни, а въ образѣ мыслей, наставленъ смиреномудрію и вмѣстѣ извѣщенъ объ ожидающемъ его блаженствѣ“ (т. III, стр. 18). Такой же характеръ имѣютъ явленія ангеловъ, духовъ и душъ, передаваемыя въ Словѣ Божіемъ (См. сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 217—231). Таковы видѣнія: св. великомученицы Параскевы, препод. Тита Печерскаго, св. Амфилохія Иконійскаго, препод. Пимена Многострадальнаго, Кіево-Печерскаго, препод. Алипія Печерскаго, особенно святаго Андрея Юродиваго, препод. Никона Сухаго, Кіево-Печерскаго инока, св. Іоанна Новгородскаго, отрока Михаила, свв. Сергія и Вакха, препод. Петра Аѳонскаго, Валаамскаго схимонаха Кириака, св. Нифонта (т. III, стр. 237—251). Во всѣхъ выше перечисленныхъ случаяхъ явленіе духовъ людямъ, воспринимаемое послѣдними чрезъ внѣшнія чувства, имѣло цѣлію или вразумленіе людей, или укрѣпленіе ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ для благочестиваго подвига, или избавленіе ихъ и другихъ людей отъ грозившей имъ опасности, при чемъ сподобившіеся чудесныхъ явленій были чужды гордости и самомнѣнія, а наоборотъ—полны смиренія и покорности волѣ Божіей.

[2]) Т. III, стр. 24.

[3]) Тамъ же, стр. 21.

дѣніе, прежде и независимо отъ духовнаго совершенства ясновидящаго, только гибельно для него. Нужно помнить, что правильный, законный входъ въ міръ духовъ доставляется только христіанскимъ подвижничествомъ. Всѣ прочія средства незаконны и должны быть отвергнуты, какъ непотребныя и пагубныя. Истиннаго Христова подвижника вводитъ въ видѣніе самъ Богъ. Когда руководитъ Богъ, тогда отдѣляются призраки истины, въ которые облекается ложь отъ истины; тогда даруется подвижнику во первыхъ духовное видѣніе духовъ, подробно и съ точностію обнаруживающее предъ нимъ свойства этихъ духовъ. Уже послѣ этого даруется нѣкоторымъ подвижникамъ чувственное видѣніе духовъ, которымъ пополняются познанія о нихъ, доставленныя видѣніемъ духовнымъ [1]). Помимо духовнаго подвига, напряженнаго и постояннаго памятованія о спасительныхъ страданіяхъ Христовыхъ, чувственное видѣніе духовнаго міра вводитъ человѣка въ общеніе только съ падшими духами, а когда послѣдніе, помимо воли и хотѣнія человѣка являются ему, то ихъ явленіе имѣетъ цѣлію овладѣть настроеніемъ подвижника и совратить его съ душеспасительнаго пути. Въ такомъ видѣ пользуются падшіе духи доступными имъ способами чувственнаго дѣйствія на человѣка. Духи злобы прежде всего смущаютъ настроеніе человѣка грѣховными помышленіями. Не успѣвъ въ этомъ, они дѣйствуютъ на человѣка чувственными привидѣніями. Далѣе, они увлекаютъ человѣка въ сторону отъ спасительнаго пути предсказаніями будущаго и, наконецъ, устрашающимъ и открытымъ чувственнымъ дѣйствіемъ своей злобной природы, или, какъ выражаются подвижники, приводятъ съ собою своего начальника [2]). Но всѣ эти и многія подобныя чувственныя явленія духовъ человѣку, переданныя въ житіяхъ св. угодниковъ Божіихъ и въ аскетической литературѣ, совершенно безопасны для душевнаго спасенія подвижника, если онъ отнесется къ нимъ спокойно и съ упованіемъ на милость Божію. И прежде всего, чистая жизнь и вѣра въ Бога, постъ, молитва, кротость, сердечное безмолвіе, презрѣніе денегъ и суетной славы, дѣятельная любовь къ ближнимъ и благодатная помощь Божія являются великимъ оружіемъ Божіимъ противъ чувственно нападающихъ духовъ. Человѣку, наряду съ пользованіемъ указаннымъ оружіемъ, необходимо пріобрѣтать „даръ разсужденія духовомъ“ и не ввѣряться „всякому духу“ (1 Іоан. IV, 1) и, внимая себѣ, по наблюдаемымъ состояніямъ опредѣлять качество дѣйствующаго духа [3]). Вниманіе себѣ и „разсужденіе духовъ“ по характеру

[1]) Тамъ же, стр. 24, тоже самое усиленно подчеркивается на стр. 53, 284 и 300 того же III тома.

[2]) Тамъ же, стр. 27—33.

[3]) Тамъ же, стр. 40.

наводимыхъ ими на душу человѣка разсужденій въ связи съ указанными выше средствами, сильны оберечь насъ отъ подчиненія духу зла и самое дѣйствіе его на насъ сдѣлать безопаснымъ для душевнаго спасенія. „Тѣ, которые не стяжали дара разсужденія духовъ, не усмотрѣли въ себѣ своего паденія, не поняли, что Христосъ для христіанина—все; что должно отвергнуть самое добро падшаго естества и отречься души своей, которые по этой причинѣ способны къ самомнѣнію въ большей или меньшей степени,—подверглись великимъ бѣдствіямъ и самой погибели отъ чувственнаго видѣнія духовъ, послѣдовавшаго по поводу изнуренія плоти тѣлесными подвигами и вкравшагося въ душу самомнѣнія“ [1]). Разсужденіе духовъ, вниманіе себѣ и непрерывность духовнаго подвига ограждаютъ христіанина отъ чувственнаго и душевреднаго видѣнія духовъ, а, въ содержаніи своей религіозной вѣры христіанинъ находитъ достаточныя основанія своей духовной бодрости. Внимающій себѣ и ревнующій о душевномъ спасеніи христіанинъ всѣ силы своего духа сосредоточиваетъ на познаніи спасительнаго пути и прохожденія его и совершенно отказывается отъ видѣнія духовъ и отъ общенія съ ними, признавая себя къ такимъ видѣнію и общенію неспособнымъ [2]).

Основанія духовной бодрости христіанина въ борьбѣ съ врагами спасенія заключаются, наряду съ нашимъ знаніемъ о природѣ духовъ, въ спасительной тайнѣ искупленія человѣчества Богочеловѣкомъ; это знаніе укрѣпляетъ человѣка и вмѣстѣ ограничиваетъ душевредное самомнѣніе [3]). Эта вѣра въ спасительную тайну искупленія является, впрочемъ, важнѣйшимъ орудіемъ борьбы съ духами злобы не въ чувственномъ только видѣніи духовъ, но и въ духовномъ.

Если чувственное видѣніе духовъ и самая возможность его трудно принимается въ обычныхъ житейскихъ благочестивыхъ разсужденіяхъ и въ отношеніи объективномъ представляется малодостовѣрнымъ, то духовное познаніе, духовное видѣніе духовъ представляется болѣе вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ со стороны грѣховнаго воздѣйствія на человѣка и производимыхъ имъ искусительныхъ склоненій въ сторону грѣха, злые духи охотно принимаются нечуждыми духовно-тѣлеснаго подвига людьми, какъ причина непрочности ихъ святыхъ настроеній и сдруженія ихъ помысловъ съ грѣхомъ. Наше равнодушіе къ дѣлу спасенія, кратковременность нашихъ святыхъ настроеній, легкое склоненіе въ пользу зла, порабощеніе душевныхъ влеченій злу

---

[1]) Тамъ же, стр. 44. Епископъ Игнатій въ изобиліи приводитъ примѣры, разъясняющія условія распознанія чувственныхъ явленій духовъ, напр. стр. 38—40, того же III тома.

[2]) Тамъ же, стр. 46.

[3]) Тамъ же, стр. 45, 195.

объясняется нами, какъ результатъ демонскаго искушенія, тѣмъ охотнѣе, что, ссылаясь на искусительное дѣйствіе духа зла, мы невольно слагаемъ на послѣдняго немалую долю нравственной вмѣняемости намъ нашей измѣны добру. Тѣмъ не менѣе, эти обычныя разсужденія объ искушеніяхъ духа зла не представляются ни достаточно серьезными и глубокими, ни достаточно ясными. Сужденія по этому предмету Епископа Игнатія вносятъ въ наши представленія о духовномъ видѣніи духовъ ясность, глубину и опредѣленность.

Недостатокъ чувственнаго видѣнія духовъ представляется менѣе тягостнымъ, чѣмъ духовная слѣпота, произведенная грѣхомъ и затрудняющая для христіанина духовное видѣніе дѣйствій враговъ спасенія. Конечно, мудрецы міра, справедливо замѣчаетъ Епископъ Игнатій, будутъ отрицать слѣпоту духа, немедленно назовутъ пустословіемъ и нелѣпостію возвѣщеніе о слѣпотѣ человѣческаго духа, о мертвости его. Такова эта слѣпота! Ее безошибочно можно назвать и смертію [1]). Въ чемъ же эта слѣпота?—Слѣпотою поражены наши умъ и сердце. По причинѣ этой слѣпоты умъ не можетъ различать истинныхъ помысловъ отъ ложныхъ, а сердце не можетъ различать ощущеній духовныхъ отъ ощущеній душевныхъ и грѣховныхъ, особенно когда послѣднія не очень грубы. По причинѣ слѣпоты духа вся дѣятельность наша дѣлается ложною [2]). Отсюда слѣдуетъ, что для сообщенія нашей дѣятельности истинно-христіанскаго направленія необходимо побѣдить нашу духовную слѣпоту, т. е. сообщить нашему сердцу способность духовныхъ ощущеній, а уму—легкость различенія помысловъ истинныхъ и ложныхъ, иначе сказать усвоить, взамѣнъ духовной слѣпоты, способность духовнаго видѣнія. Возвращеніе способности духовнаго видѣнія совершается человѣкомъ при содѣйствіи Божественной благодати. Подъ воздѣйствіемъ благодати Божіей, человѣкъ мало по малу начинаетъ переживать духовное умиленіе, которое и есть первое духовное ощущеніе, доставляемое сердцу осѣнившею его Божественною благодатію. Это умиленіе, состоящее изъ вкушенія Богоугодной печали, растворенная благодатнымъ утѣшеніемъ, открываетъ предъ умомъ доселѣ невидѣнное имъ зрѣлище. Будучи плодомъ Св. Духа, это видѣніе и называется духовнымъ. Видѣніе это свойственно однимъ очищающимъ себя посредствомъ покаянія; является оно не по произволу человѣка, но отъ прикосновенія къ духу нашему Духа Божія, слѣдовательно по всесвятой волѣ Всесвятаго Духа. Къ духовному видѣнію приводитъ человѣка смиреніе. Желающему постоянно пребывать въ умиленіи и духовномъ видѣніи, нужно заботиться о

---

[1]) О духовномъ видѣніи духовъ (Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 54).
[2]) Тамъ же.

постоянномъ пребываніи въ смиреніи, изгоняя изъ себя самооправданіе и осужденіе ближнихъ, вводя смиреніе самоукореніемъ и сознаніемъ своей грѣховности предъ Богомъ и людьми. Духовное видѣніе есть чтеніе и пріятіе духомъ Новаго Завѣта [1]).

Освободившись, при помощи благодати Божіей, отъ духовной слѣпоты своей, христіанинъ и достигаетъ духовнаго видѣнія. Что же является предметомъ этого духовнаго видѣнія?—Духовное видѣніе, прежде всего, открываетъ человѣку его—а) собственные грѣхи, оно есть, прежде всего, видѣніе своихъ согрѣшеній, доселѣ прикрывавшихся забвеніемъ и невѣдѣніемъ. Увидѣвъ, при посредствѣ умиленія, свои согрѣшенія, свою душевную нечистоту, христіанинъ немедленно получаетъ опытное познаніе о предшествовавшей слѣпотѣ духа своего, при которой существующее и существовавшее представлялось ему вовсе несуществовавшимъ и несуществующимъ. Это существующее, при отступленіи умиленія, опять скрывается въ небытіе и снова представляется несуществующимъ. При появленіи умиленія оно опять является. Отсюда понятны колебанія духовной жизни. б) Отъ сознанія грѣховъ, далѣе, христіанинъ, духовно прозрѣвшій, опытно переходитъ къ познанію своей грѣховности, которою поражена падшая природа, къ познанію страстей и другихъ недуговъ грѣховной природы. в) Отъ видѣнія своего паденія онъ переходитъ постепенно къ видѣнію паденія, которымъ объято все естество человѣческое. г) Сознаніе паденія всего человѣчества приводитъ христіанина къ познанію міровой причины зла, открывается ему постепенно міръ падшихъ духовъ: онъ изучаетъ ихъ проявленіе въ своихъ страстяхъ, въ борьбѣ съ ними, въ приносимыхъ духами помыслахъ, мечтаніяхъ и ощущеніяхъ. д) Наряду съ духовнымъ видѣніемъ этихъ условій духовной жизни, отнимается у христіанина обольстительное и обманчивое воззрѣніе на земную жизнь, доселѣ представлявшуюся ему безконечною: онъ начинаетъ видѣть грань ея—смерть; онъ начинаетъ восхищаться, т. е. переноситься духомъ, ощущеніемъ къ самому часу смерти, къ часу нелицепріятнаго суда Божія. е) Опредѣливъ себѣ, такимъ образомъ, жизненное положеніе свое и неизбѣжную жизненную грань, христіанинъ изъ паденія своего усматриваетъ необходимость Искупителя, а прилагая заповѣданія Господа къ своимъ недугамъ и усматривая цѣлительное и животворное дѣйствіе этихъ заповѣдей на недуги и на страждущую душу, стяжеваетъ живую вѣру въ Евангеліе и начинаетъ жизнію исповѣдывать Евангеліе. Въ Евангеліи, какъ бы въ зеркалѣ, еще яснѣе видитъ и падшее естество свое, и паденіе человѣчества,

---

[1]) Тамъ же, стр. 54—55, 60—61.

и лукавыхъ духовъ. ж) Чтобы отвлечь насъ отъ жительства по евангельскимъ заповѣдямъ, отъ Христоподражательнаго смиренія, отъ умиленія, отъ духовнаго видѣнія, отъ освобожденія изъ рабства страстей, или отъ безстрастія, отъ воскресенія душою, чтобы удержать въ слѣпотѣ, въ смерти, въ плѣну у себя, падшіе духи ведутъ съ подвижниками ожесточенную брань. Въ этой брани истощаютъ они всю свойственную имъ злобу, все, свойственное имъ отъ произвольнаго паденія, лукавство [1]). Въ борьбѣ этой, подвижникъ Христовъ и упражняется въ непрестанномъ духовномъ видѣніи духовъ, съ различеніемъ при этомъ, „аще отъ Бога суть“ (1 Іоан. IV, 1), или изъ царства тьмы и непріязни. А злые духи въ этой борьбѣ дѣйствуютъ на человѣка помыслами (Іоан. XIII, 2, 27), мечтаніями (Лк. IV, 5) и прикосновеніемъ (Іов. I, II; Лк. XIII, 10—16). Конечно, всѣ эти способы бѣсовскихъ устремленій на человѣка можно изучать теоретически, читая жизнеописанія Святыхъ и Отеческія сочиненія. Но изученіе изъ чтенія очень недостаточно: для удовлетворительнаго познанія духовъ и ихъ дѣйствій необходимо изученіе опытомъ. Когда же Божественною благодатію начнетъ очищаться духъ человѣческій, тогда онъ постепенно приходитъ отъ познанія духовъ къ духовному видѣнію ихъ. Это видѣніе совершается умомъ и сердцемъ, даруется Духомъ Святымъ. Оно естественно уму и сердцу обновленнымъ: такъ чувственное зрѣніе естественно чувственному оку, которое видитъ не по причинѣ наученія, но по естественному свойству, а не видитъ только по случаю болѣзни, препятствующей естественному дѣйствію или прекращающей его [2]). Такимъ образомъ, сдѣланныя выше краткія извлеченія изъ ученія Епископа Игнатія о чувственномъ и духовномъ видѣніи духовъ въ достаточной мѣрѣ, полагаемъ, убѣждаютъ насъ въ предпочтительности духовнаго видѣнія предъ чувственнымъ видѣніемъ духовъ съ точки зрѣнія нашего душевнаго спасенія. Въ то время, какъ чувственное видѣніе духовъ или имѣетъ искусительный и самохотный со стороны человѣка характеръ и отдаетъ самого созерцателя въ подчиненіе духамъ злобы до безнадежности спасенія, или, что гораздо рѣже, служитъ знаменіемъ особаго совершенства Христова подвижника или милости Божіей къ нему, причемъ отъ сподобившагося такого видѣнія требуется особая духовная высота и осмотрительность,—видѣніе духовное, всѣмъ строемъ своимъ, по пониманію Владыки Игнатія, вводитъ христіанина въ наилучшія условія духовно-христіанскаго подвига, являясь не какъ самочинное проникновеніе въ область сокровеннаго, а какъ естественный плодъ смирен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 56—57.

[2]) Тамъ же, стр. 58—59. См. т. IV, стр. 100—101. Подробнѣе о борьбѣ человѣка съ духомъ зла сказано будетъ въ слѣдующихъ главахъ.

наго самопознанія, сознанія своей грѣховности, ея причинъ индивидуальныхъ и общеміровыхъ, въ связи съ глубокою вѣрою въ Искупителя и готовностію—со страхомъ и трепетомъ совершать свое спасеніе. Понятно, отсюда, почему Епископъ Игнатій заканчиваетъ свое разсужденіе о чувственномъ и духовномъ видѣніи духовъ призывомъ къ молитвѣ Богу о дарованіи намъ чистоты и смиреномудрія, плодомъ которыхъ бываетъ духовное разсужденіе, съ вѣрностію отличающее добро отъ зла, о дарованіи намъ духовнаго видѣнія духовъ, при посредствѣ котораго могли бы мы усматривать ихъ въ приносимыхъ ими намъ помыслахъ и мечтаніяхъ, расторгнуть общеніе съ ними въ духѣ нашемъ, свергнуть съ себя иго ихъ, избавиться изъ плѣна. Епископъ Игнатій призываетъ удерживаться отъ невѣжественнаго, пагубнаго желанія и стремленія къ видѣніямъ чувственнымъ, внѣ установленнаго Богомъ порядка, съ покорностію и благоговѣніемъ слѣдуя ученію Святыхъ Отцовъ, преданію Православной Церкви, съ благоговѣніемъ подчиняясь установленію Бога, покрывшаго души наши густыми занавѣсами и пеленами тѣлъ на время нашего земного странствованія, отдѣлившаго ими насъ отъ духовъ сотворенныхъ, заслонившаго и защитившаго ими отъ духовъ падшихъ. Намъ не нужно чувственнаго видѣнія духовъ для совершенія нашего земного, многотруднаго странствованія. Для этого нуженъ иной свѣтильникъ, и онъ данъ намъ: „Свѣтильникъ ногама моима—Законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ“ (Псал. CXVIII, 105). Путешествующіе при постоянномъ сіяніи свѣтильника—Закона Божія—не будутъ обмануты ни страстями своими, ни падшими духами. Недоступность чувственному взору духовнаго міра нисколько не колеблетъ нашей вѣры въ его бытіе, ибо духовное видѣніе міра духовнаго въ относительной мѣрѣ доступно христіанину, а неизбѣжная для него жизненная грань—смерть вводитъ человѣка въ міръ духовъ. Важно, поэтому, такъ провести жизнь земную, чтобы мы еще во время ея расторгли общеніе съ духами падшими, вступили въ общеніе съ духами святыми, чтобы мы, на этомъ основаніи, совлекшись тѣла, были причислены къ святымъ духамъ, а не къ духамъ отверженнымъ. По глубокому убѣжденію Святителя Игнатія, невольно передаваемому и его читателямъ, по смерти тѣла и по совершеніи христіанскаго подвига, мы „въ неизреченной радости увидимъ и чины святыхъ Ангеловъ, и чины святыхъ человѣковъ въ ихъ чудныхъ, нерукотворенныхъ обителяхъ, на ихъ вѣчномъ духовномъ праздникѣ. Тогда познаемъ и узримъ падшаго херувима съ его темными полчищами: тогда Богомъ даруемое зрѣніе демоновъ,—этихъ несчастнѣйшихъ существъ,—удовлетворитъ вполнѣ нашей о Господѣ любознательности, безъ всякой опасности для насъ, какъ запечатлѣнныхъ перстомъ Божіимъ въ неизмѣняемости и неспособности къ обольще-

нію и поврежденію зломъ“ [1]). Таково въ своихъ существенныхъ чертахъ ученіе Епископа Игнатія о духовномъ мірѣ и условіяхъ чувственнаго и духовнаго познанія этого міра. Въ ученіи этомъ особо выдѣляются: 1) глубокая и ясновидящая вѣра въ бытіе духовнаго міра и признанія въ этомъ бытіи одного изъ важнѣйшихъ условій духовно-христіанскаго спасительнаго подвига; 2) признаніе эѳирности душъ человѣческихъ и духовъ премірныхъ по существу и 3) опредѣленіе условій познанія сверхчувственнаго бытія.

III. Если по существу перваго изъ этихъ положеній, тѣсно связаннаго съ коренными основаніями не только христіанской, но и вообще—религіозной вѣры, мы не встрѣчаемъ возраженій, а заслугу Преосвященнаго Игнатія полагаемъ въ сообщеніи читателямъ своей глубокой убѣжденности, въ оживленіи въ нихъ конкретными данными вѣры въ духовный міръ и въ выясненіи тѣснаго отношенія вѣры въ бытіе духовнаго міра къ подвигу душевнаго спасенія, послѣ чего уже представляется совершенно ясно неправильность современнаго распространеннаго заблужденія людей, не чуждыхъ религіи, что можно не признавать бытія Ангеловъ и демоновъ и въ то же время спастись вѣрою въ Бога,—то положеніе второе и, отчасти, третье по вопросу о существѣ духовнаго міра и условіяхъ его познанія представляются несвободными отъ очень сильныхъ возраженій, причемъ третье положеніе встрѣчаетъ возраженія лишь въ отношеніи сущности познаваемыхъ нами въ духовномъ бытіи объектовъ, а вся сила возраженій сосредоточивается на пунктѣ второмъ: можно ли признать правильнымъ съ православно-христіанской точки зрѣнія ученіе Епископа Игнатія о тонко-эѳирной сущности душъ, Ангеловъ и демоновъ. Мнѣніе о газообразной, тонко-эѳирной сущности душъ человѣческихъ, Ангеловъ и демоновъ было выражено Преосвященнымъ Игнатіемъ въ 1863 году въ „Словѣ о смерти“ и тогда же вызвало краткія, но сильныя замѣтки по своему содержанію. Замѣтки эти были напечатаны въ сентябрьской книжкѣ журнала „Странникъ“. Критическая замѣтка на „Слово о смерти“, напечатанная въ „Странникѣ“ за сентябрь 1863 года принадлежитъ священнику Павлу Матвѣевскому и носитъ слѣдующее заглавіе: „Поученія Игнатія, Епископа бывшаго Кавказскаго и Черноморскаго“, изд. В. Аскоченскаго. Спб. 1863 г., II и 353 стр. Слово о смерти, составленное имъ же, изд. В. Аскоченскаго. Спб. 1863 г. 188 стр. и Чаша Христова, сочиненіе его же, изданіе В. Аскоченскаго. Спб. 1863 г., 16 стр.

1) Разсматривая тридцать поученій Епископа Игнатія, произнесенныхъ имъ въ разное время и при разныхъ обстоятель-

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 66—67.

ствахъ, авторъ рецензіи находитъ ихъ заслуживающими вниманія, какъ со стороны выбора содержанія, такъ и со стороны изложенія. Содержаніе поученій разнообразно. Во дни, отличенные особымъ воспоминаніемъ, проповѣдникъ приспособляется къ воспоминаемому событію (Богоявленіе, Великій пятокъ), въ другое время онъ говоритъ своей паствѣ: о постѣ, о покаяніи, о смиреніи, о борьбѣ съ себялюбіемъ, о любви къ ближнему, объ удаленіи отъ тщеславія и лицемѣрія, о поклоненіи Богу духомъ и истиною, о взятіи креста и послѣдованіи Господу, о второмъ пришествіи Іисуса Христа, объясняетъ евангельскія притчи. Направленіе поученій, по преимуществу, аскетическое. Раскрывая евангельскія истины, онъ ссылается на подвижниковъ писателей.

2) „Слово о смерти“, по отзыву рецензента, есть богословская диссертація, написанная авторомъ съ назидательною цѣлію. Въ ней можно читать о непостижимости смерти, участи тѣла и души по смерти, о раѣ, адѣ, разлученіи души съ тѣломъ, смерти праведныхъ и грѣшныхъ, душевной смерти, вѣчной смерти, памятованіи смерти. Нельзя не признать, говоритъ рецензентъ, что еще ни одна эсхатологія не входила въ такое подробное рѣшеніе этихъ вопросовъ, какое сдѣлано авторомъ. Богословіе, какъ наука, не принимало на себя обязанности рѣшать эти вопросы такъ, какъ разрѣшилъ ихъ составитель „Слова о смерти“, потому что относя такіе и подобные вопросы къ области человѣческой пытливости, желающей простереться даже за предѣлы человѣческой ограниченности, всегда сообщало о душѣ, раѣ, адѣ и злыхъ духахъ свѣдѣнія безспорныя, основанныя на Св. Писаніи и согласномъ ученіи Вселенской Церкви. Несмотря на то, что диссертація составлена на основаніи аскетическихъ преданій, въ ней, по мнѣнію рецензента, много такого, къ чему мы не иначе можемъ отнестись, съ богословской точки зрѣнія, какъ отрицательно. Авторъ рецензіи не находитъ возможнымъ согласиться съ ученіемъ Епископа Игнатія: а) о тѣлесности души и духовъ; б) о чувственности рая; в) о нахожденіи ада во внутренности земли и г) о расположеніи злыхъ духовъ и мытарствъ въ воздухѣ. Но въ дальнѣйшемъ авторъ подробно останавливается почти только на ученіи Епископа Игнатія о природѣ духовъ. Изложивъ извѣстное намъ ученіе Епископа Игнатія о природѣ духовъ, о ихъ видѣ, объ отношеніи къ пространству и времени и объ относительности духовности ихъ, авторъ дѣлаетъ противъ этого ученія слѣдующія замѣчанія.—а) Мнѣніе Епископа Игнатія объ относительности духовности души и ангеловъ не представляется обоснованнымъ. б) Ученіе Свящ. Писанія, по мнѣнію рецензента, не даетъ основанія къ различенію души и духа, потому что, по его мнѣнію, самыя ясныя, по этому вопросу, свидѣтельства Священнаго Писанія: различаютъ душу—духъ отъ тѣла (πνεῦμα

и σάρξ)—Мѳ. XXVI, 41; Римл. VIII, 10; Гал. V, 17; 1 Кор. V, 3—5; V, 7, 34; 2 Кор. VII, 1; Іак. I, 26 и др.); въ другихъ мѣстахъ въ значеніи πνεῦμα употребляется ψυχὴ (Мѳ. X, 28; XVI, 26; 3 Цар. XIX, 4; Іов. XXVII, 8; Дѣян. II, 27; Лк. IX, 56; XXI, 19; Римл. II, 29 и нѣкот. др.). Тотъ и другой терминъ для обозначенія души употребляются безразлично, ибо душѣ, обозначаемой ψυχή, приписывается самосознательная личность (Прем. XVI, 14; Лк. XXV, 26; Дѣян. VII, 59; 1 Кор. II, 11). Если въ двухъ мѣстахъ Св. Писанія различаетъ душу, духъ и тѣло (1 Сол. V, 23) и душу и духъ (Евр. IV, 12), то такъ какъ и душа (ψυχή)—1 Цар. XIX, 5; Лк. XII, 19; Дѣян. II, 43; XV, 26; Мѳ. II, 20; XX, 28; Іоан. X, 15; Рим. XI, 3;—и духъ (πνεῦμα)—Мѳ. XXVII, 50; Лк. VIII, 55; XXIII, 46 и др.—употребляются въ значеніи начала, оживляющаго тѣло человѣка, то по мнѣнію автора, это не означаетъ трехчастнаго состава человѣка. Изъ приводимыхъ мѣстъ Св. Писанія, по точному ихъ смыслу, по мнѣнію рецензента, слѣдуетъ, что душа съ личнымъ сознаніемъ духовна не въ смыслѣ тонко-вещественности, а въ прямомъ и дѣйствительномъ. Не можетъ рецензентъ признать и внѣшняго вида души и ея пространственности и, отрицая мнѣніе Епископа Игнатія по этому вопросу, рецензентъ говоритъ: мы признаемся, что не знаемъ, занимаютъ ли ангелы и души какое мѣсто въ пространствѣ, какъ не знаемъ и многихъ другихъ тайнъ міра, но мы знаемъ, что если дать малѣйшую вещественность душамъ и духамъ, то должно отказать имъ въ вѣчномъ продолженіи бытія, а это для духа было бы равносильно уничтоженію. Рецензентъ видитъ также существенное затрудненіе примирить съ вещественностію души всѣ ея свободныя и разумныя обнаруженія—дѣйствія мысли, чувства, желанія, и опасается возможности матеріалистическихъ выводовъ.

б) По вопросу о чувственности рая рецензентъ, не принимая мнѣнія автора „Слова о смерти“, отказывается отъ опредѣленнаго сужденія, „такъ какъ Церковь не высказала своей мысли, что такое рай и гдѣ онъ находится“.

в) Къ такому же сужденію приходитъ рецензентъ и по вопросу о мѣстонахожденіи ада, въ виду того, что опредѣленнаго сужденія объ этомъ нѣтъ ни въ катихизисѣ, ни въ другихъ символическихъ книгахъ.

г) Столь же уклончиво сужденіе рецензента по вопросу о мѣстопребываніи падшихъ духовъ, потому что, по его мнѣнію, „и о мытарствахъ, и о жилищѣ злыхъ духовъ, наша Церковь не произнесла своего сужденія, а потому мы и не знаемъ, что сказать объ этомъ. Впрочемъ думаемъ, говоритъ рецензентъ, что въ строго богословскомъ сочиненіи едва ли не лучше обходить такіе и подобные вопросы простого любопытства, не имѣющіе нравственнаго значенія и говорящіе только воображенію“. Заканчивая свои замѣчанія по

содержанію „Слова о смерти“, авторъ сознается, что онъ охотно многое прошелъ бы молчаніемъ, „если бы самая особенность взглядовъ автора не налагала обязанности выставить эти взгляды на видъ.—Мы не придаемъ своимъ замѣчаніямъ другого какого значенія, кромѣ значенія совершенно частнаго мнѣнія, отличающагося по указаннымъ пунктамъ отъ мнѣнія самого автора“.

3) О третьемъ сочиненіи Преосвященнаго Игнатія: „Чаша Христова“ рецензентъ съ похвалою отзывается, что „многое, написанное въ этой книжкѣ, глубоко прочувствовано и дознано на опытѣ; оттого она читается съ особеннымъ назиданіемъ“ [1]).

Такимъ образомъ, сила возраженія рецензента направлена, главнымъ образомъ, противъ ученія о тонко-вещественности души. Не исчерпывая всѣхъ, приводимыхъ Епископомъ Игнатіемъ, основаній его ученія о духовномъ мірѣ, раѣ и адѣ и посмертной участи человѣка, рецензентъ уклоняется отъ опредѣленныхъ сужденій по этимъ вопросамъ, потому что Церковь не произнесла своего сужденія по этимъ вопросамъ. Не представляется возможнымъ согласиться съ выводами рецензента, что: 1) Церковь не высказала своего сужденія по этимъ вопросамъ, когда мы слышимъ немолчную проповѣдь объ этомъ въ христіанскомъ богослуженіи; 2) что вопросы о духовномъ мірѣ и загробной участи человѣка—вопросы праздная любопытства: Епископъ Игнатій такими вопросами не занимался и вопросы эти человѣку любопытному и равнодушному къ вопросамъ спасенія въ голову не приходятъ; 3) что вопросы эти не имѣютъ нравственнаго значенія и говорятъ только воображенію: мы чувствуемъ, какъ склоняется наша голова при глубокой думѣ о посмертной участи нашей, какъ серьезною представляется намъ жизнь, какъ вопросы морали усиливаются и какъ все это невольно вліяетъ на наше настроеніе и поведеніе. Епископъ Игнатій вопросамъ любопытства вниманія не удѣлялъ и воображенію простора не предоставлялъ, рекомендуя ограниченіе способности соображенія: „Не должно представлять себѣ въ воображеніи ни рая, ни неба, ни престола Божія, ни сіянія славы Божіей, ни Ангела, ни Мученика, ни Святителя, ни Преподобнаго, ни Божіей Матери, ни Самого Христа. Падшіе духи стараются возбудить въ насъ дѣйствіе воображенія, иногда же и сами являются въ разныхъ ложныхъ и обольстительныхъ призракахъ: по этой причинѣ воспрещена намъ не только мечтательность, какъ бы она ни была благовидна, но и довѣренность къ, какому бы то ни было явленію изъ невидимаго міра. Образъ свѣтлыхъ Ангеловъ, святыхъ отшедшихъ человѣковъ и Самого Христа принимаютъ на себя демоны для обольщенія и погубленія не только новоначальныхъ, но и пре-

[1]) „Странникъ“ за 1863 годъ, т. III, сент., стр. 26—36.

успѣвшихъ въ подвигѣ. Дозволяется живое представленіе адскаго пламени, тьмы вѣчной, подземной, страшной темницы и прочихъ ужасовъ предсмертныхъ и посмертныхъ единственно при возникновеніи плотскихъ ощущеній, помышленій и мечтаній; дозволяется это употребленіе воображенія только въ часъ нужды, по мимованіи которой оружіе тотчасъ отлагается [1]).

Изъ приведенныхъ словъ, полагаемъ, ясно, были ли для Епископа Игнатія затрогиваемые имъ важные вопросы душевнаго спасенія вопросами любопытства, давалъ ли онъ просторъ воображенію и преслѣдовалъ ли иныя цѣли, кромѣ душевнаго спасенія и духовно-нравственнаго назиданія. По поводу критическихъ замѣчаній на „Слово о смерти“ Преосвященнымъ Игнатіемъ написано „Прибавленіе“ къ „Слову о смерти“ съ цѣлію, въ противовѣсъ критикѣ, выставить новыя соображенія и доводы въ пользу высказанныхъ въ „Словѣ о смерти“ мыслей.

Статья священника Матвѣевскаго, сверхъ напечатаннаго самимъ Преосвященнымъ Игнатіемъ „Прибавленія“ къ „Слову о смерти“, вызвала противъ себя немалое возбужденіе среди учениковъ и почитателей Епископа Игнатія. Между прочимъ, въ бумагахъ Преосв. Игнатія сохранилось письмо Александра Алексѣевича Карачева изъ Казани отъ 12 мая 1864 г., въ которомъ авторъ пишетъ: „Прочитавъ въ сентябрьской книжкѣ „Странника“ разборъ Вашихъ сочиненій, въ порывѣ справедливаго негодованія я написалъ сильное догматическое возраженіе: за васъ возстаютъ первые свѣтильники Церкви. Благословите, Святый Владыко, къ Вамъ прислать на предварительный просмотръ“. Самое возраженіе, написанное въ защиту взглядовъ Епископа Игнатія, носитъ заглавіе: „Голосъ изъ Казани о томъ, насколько свѣдущъ, добросовѣстенъ, православенъ рецензентъ „Странника“. Содержаніе этой защитительной замѣтки сводится къ слѣдующему. Авторъ замѣтки заявляетъ, что, по ознакомленіи съ критической статьей „Странника“, онъ первоначально усвоилъ ея положенія и отнесся къ автору „Слова о смерти“ съ предубѣжденіемъ, предполагая въ немъ недостаточную богословскую освѣдомленность и, наоборотъ, довѣряя богословскому авторитету рецензента; къ изученію критической статьи и „Слова о смерти“ отнесся съ полнымъ вниманіемъ и осторожностію, опираясь, какъ на твердый камень, на ученіе Слова Божія, и стараясь на этой почвѣ рѣшить вопросъ, кто дышитъ духомъ лестчимъ—авторъ или рецензентъ? Послѣдовательно разсматривая содержаніе критической замѣтки „Странника“, авторъ защитительной статьи становится на сторону Епископа Игнатія по вопросу о тонковещественности духа,

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, „Прибавленіе“ къ „Слову о смерти“, стр. 287—288.

опираясь на свидѣтельство Св. Іоанна Дамаскина, что духъ „безтѣлеснымъ и невещественнымъ называется по сравненію съ нами, ибо все въ сравненіи съ Богомъ, единымъ несравнимымъ, оказывается грубымъ и вещественнымъ. Одно только Божество въ строгомъ смыслѣ невещественно и безтѣлесно“ (Кн. II, гл. III). Опираясь на свидѣтельства того же Св. Дамаскина, авторъ поясняетъ, что „Ангелъ, душа и демоны хотя и не имѣютъ грубости тѣлесной, но также имѣютъ видъ и ограниченность, свойственную своей природѣ. Одно Божество—существо неописанно, совершенно безвидно, необразно и неограниченно“. Туже мысль онъ подтверждаетъ авторитетомъ Св. Василія Великаго, препод. Макарія и Кассіана, словами Священнаго Писанія (Евр. I, 7; Пс. CIII, 4). Вселенская Церковь, говоритъ онъ далѣе, пріемлетъ, что воскресеніе мертвыхъ будетъ возстаніе изъ персти нашихъ тѣлъ и соединеніе съ душами, да пріиметъ кійждо яже съ тѣломъ содѣла или блага или зла, а тѣла оставшихся въ живыхъ измѣнятся (1 Кор. XV, 52). Какъ Спаситель по воскресеніи являлся сквозь затворенныя двери, такъ и наши тѣла будутъ тонки, духовны (1 Кор. XV, 44), подобны ангельскимъ (Мѳ. XXII, 30). Авторъ отстаиваетъ далѣе ученіе о тонко-вещественности духовъ указаніемъ на посмертную участь человѣка. Принимая взглядъ рецензента, говоритъ онъ, должно видѣть въ душѣ отрѣшенное существо, чуждое всякой вещественности, неподчиненное пространству и времени, свободное отъ всякаго вліянія матеріи, т. е. по разлученіи отъ тѣла долженствующее, какъ незамѣтный атомъ, исчезнуть въ необъятной громадѣ вселенной, или какъ газъ разлетѣться, или какъ паръ исчезнуть, не подлежа матеріальнымъ мукамъ, вѣчному огню и червю неумирающему, тьмѣ вѣчной и скрежету зубовъ. Обращая вниманіе на отношеніе критика къ ученію Церкви о борьбѣ святыхъ съ духами злобы, на его скептицизмъ по вопросу о мѣстонахожденіи ада и рая, духовъ и мытарствъ, авторъ противъ него выдвигаетъ безспорный авторитетъ Свят. Синода, по благословенію котораго печатаются церковно-богослужебныя книги, ведущія живую проповѣдь о посмертной участи человѣка въ духѣ воззрѣній Епископа Игнатія. Ученіе Епископа Игнатія о духовномъ мірѣ не ново, какъ утверждаетъ рецензентъ, а малоизвѣстно, такъ какъ вопросы, имъ взятые, нерѣдко обходятся; ученіе его не своемышленно, ибо онъ все говоритъ на основаніи Св. Апостоловъ и Отцовъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу. Авторъ статьи обращаетъ вниманіе на правильность различенія духа и души (Апок. III, 1; 1 Кор. II, 12—15; XV, 44—46, и др.). У апостола Павла, говоритъ онъ, различаются не въ двухъ только мѣстахъ, признаваемыхъ рецензентомъ (1 Кор. V, 23; Евр. IV, 12) утверждается различіе духа и души: духъ міра и духъ отъ Бога—познавательная способность (1 Кор. II, 12), человѣкъ душевный и духовный (1 Кор. XIV, 15); духъ его

(а не душа) не стѣсняется мѣстностію (1 Кор. V, 4); духомъ соединяется съ Господомъ (1 Кор. VI, 17), а душею Его прославляетъ (1 Кор. VI, 20). Различаются дѣла плоти (Гал. V, 19—21) и духа (Гал. V, 22—23; Еф. V, 9); жизнь по духу (Еф. V, 25); посѣвъ въ плоть и въ духъ (Еф. VI, 8), исполненіе духовъ (Еф. V, 18), молитва духомъ (Еф. VI, 18; 1 Кор. XIV, 14—16). Ап. Іаковъ небесной премудрости, чуждой страстей, противополагаетъ душевную. Дуси и души праведныхъ восхвалятъ Тя, Господи, воспѣваетъ Св. Церковь. Напрасно рецензентъ издѣвается надъ положеніемъ, что душа имѣетъ форму человѣкообразную. Самъ Господь возвѣстилъ муки—огнь и червь. Рецензентъ отвергаетъ чувственность рая: предлагаемъ ему, говоритъ авторъ статьи, прочесть первые стихи XXII гл. Апокалипсиса и сравнить: Іоан. XIV, 2; Лк. XII, 33; XVI, 9; XVIII, 22; XXII, 29—30; Мѳ. XIX, 28; Лк. XVI, 23. Да къ этому скажемъ,—Іаковъ, братъ Божій, при возношеніи безкровной жертвы молится Богу: „упокоить усопшихъ въ селеніи живыхъ, въ царствіи Твоемъ, въ пріятностяхъ рая, въ нѣдрѣхъ Авраама, Исаака и Іакова, Святыхъ Отецъ нашихъ“. По вопросу о мѣстонахожденіи ада авторъ статьи въ подтвержденіе ученія Епископа Игнатія указываетъ 1 Петр. III, 49; IV, 6; Еф. IV, 9; Римл. X, 7; 2 Петр. II, 14. О переходѣ въ вѣчность и о состояніи душъ за гробомъ подробнѣе прочихъ, говоритъ авторъ, свидѣтельствуютъ Свв. Григорій Двоесловъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Епифаній Кипрскій, Дамаскинъ, Григорій Нисскій, Ириней Ліонскій, Иларій, Іустинъ философъ. Прослѣдивъ рецензію „Странника“, авторъ статьи заключаетъ, что рецензентъ дышитъ духомъ лестчимъ, что онъ—вольнодумъ, а его ученіе—злоученіе, отмѣченное въ Апок. XIII, 18 : В—2, о—70; л—30; н—50; о—70; д—4; у—400; м—40 = 666. S—6; л—30; о—70; у—400; ч—90; е—5; н—50; і—10; е—5 = 666 [1]). Статья эта не была напечатана, ибо Владыка Игнатій не хотѣлъ дѣлать духовно-назидательное ученіе предметомъ журнальнаго и, тѣмъ болѣе, газетнаго обсужденія.

Въ 1867 году, послѣ выхода изъ печати „Сочиненій Епископа Игнатія Брянчанинова“ и уже по смерти его, появилась критическая статья Преосвященнаго Ѳеофана Говорова, посвященная разбору „Слова о смерти“ и Прибавленія къ „Слову о смерти“ [2]). Въ цѣляхъ полноты

---

[1]) Изъ бумагъ сенатора Н. С. Брянчанинова.

[2]) Статья Преосвященнаго Ѳеофана первоначально была напечатана въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1867 годъ, №№ 19—23 и 1868 г. №№ 1—3 и отсюда оттиснута была небольшою книжкой въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Послѣ этого, по просьбѣ редактора-издателя „Домашней бесѣды“ В. И. Аскоченскаго, въ исправленномъ и дополненномъ самимъ авторомъ видѣ, перепечатана была въ „Домашней бесѣдѣ“ за 1869 годъ, вып. 1—15 и 18—21. подъ заглавіемъ:

и всесторонности сужденія по вопросу о духовномъ мірѣ въ воззрѣніяхъ Епископа Игнатія, намъ представляется необходимымъ остановить свое достаточное вниманіе на статьѣ Епископа Ѳеофана. Содержаніе критической статьи Преосвященнаго Ѳеофана представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Преосвященный Ѳеофанъ называетъ „Слово о смерти"—словомъ многопоучительнымъ, въ которомъ, однако, высказаны, между прочимъ, мнѣнія мало извѣстныя въ христіанскомъ мірѣ, каково, наприм., мнѣніе о тѣлесности естества души и ангеловъ, въ ослабленіе и противъ котораго и направлена критическая статья Епископа Ѳеофана. Авторъ статьи называетъ мнѣнія Епископа Игнатія о сущности духовнаго міра новымъ ученіемъ, сущность котораго замѣчается въ признаніи, что „Ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тѣла. Они—тѣла тонкія, эѳирныя, тогда какъ, напротивъ, наши земныя тѣла очень вещественны и грубы. Грубое человѣческое тѣло служитъ одеждою для тонкаго тѣла души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащія душѣ, надѣты подобные члены тѣла. Когда душа разлучается съ тѣломъ посредствомъ смерти, она совлекается его, какъ бы одежды. Ангелы, подобно душѣ, имѣютъ члены—голову, очи, уста, перси, руки, ноги, власы,—словомъ, все подобіе видимаго человѣка въ его тѣлѣ. Одинъ Богъ—Духъ. Нѣтъ существа одноестественнаго Богу. И потому, кромѣ Бога, нѣтъ другого существа духовнаго по естеству". Сдѣлавъ эту выписку изъ „Слова о смерти", Епископъ Ѳеофанъ видитъ въ изложенномъ ученіи о природѣ души ангеловъ противорѣчіе между признаніемъ вещественности духа и принадлежностью ему сознанія, свободы, разсужденія, страха Божія, совѣсти [1]). Мы видѣли выше, что Преосвященный Игнатій признаетъ принадлежащею душѣ человѣческой особенную способность, называемую силою словесности; къ ней относятся способность мыслить и способность къ ощущеніямъ духовнымъ, каковы ощущенія высокаго, ощущенія изящнаго, ощущенія добродѣтели. Преосвященный Ѳеофанъ справедливо видитъ логическую несообразность признанія вещественности духа при столь высокихъ и особо духовныхъ переживаніяхъ; несообразность въ томъ, что при названномъ ученіи, въ буквальномъ его пониманіи, „тонкое, эѳирное тѣло, т. е. вещество, нынѣ разсуждаетъ, сознаетъ себя, свободно дѣйствуетъ, являетъ совѣстность и страхъ

„Душа и ангелъ не есть нѣчто тѣлесное, а чистый духъ". Наконецъ, въ 1891 году статья эта была напечана Аѳонскими иноками въ Москвѣ, отдѣльной книгой подъ своимъ первоначальнымъ заглавіемъ: „Душа и Ангелъ—не тѣло, а духъ" (Противъ брошюръ: „Слово о смерти" и „Прибавленіе" къ нему).

[1]) Епископъ Ѳеофанъ. Душа и ангелъ—не тѣло, а духъ М. 1891 г., стр. 7—8.

Божій, вообще обнаруживаетъ всѣ тѣ духовныя свойства, которыя разумные люди никакъ не могли и не могутъ приписывать веществу“ [1]). Въ виду этого, Епископъ Ѳеофанъ признаетъ мнѣніе, выраженное въ „Словѣ о смерти“ и поддержанное въ „Прибавленіи“ къ нему, ультраматеріализмомъ и объясняетъ крайности этого взгляда тѣмъ, что авторъ брошюръ не ставилъ себя лицомъ къ лицу съ вопросомъ: какъ объяснить совершенно духовныя дѣйствія души, когда она есть эѳирное тѣло; лишь въ одномъ мѣстѣ онъ допускаетъ, что мысль и прочія высшія проявленія духовности суть способность души, какъ и обыкновенно говорятъ, забывъ какъ будто про свое положеніе, что душа наша есть эѳиръ—не болѣе, тотъ эѳиръ, изъ котораго точныя науки производятъ свѣтъ, теплоту, электричество и проч. [2]). Критикъ особо оттѣняетъ, что новое ученіе обосновываетъ себя не столько на данныхъ науки, сколько на началахъ св. вѣры христіанской, на основаніи Слова Божія и Отеческихъ писаній. Тѣмъ не менѣе, ученіе это, по мнѣнію Преосвященнаго Ѳеофана, несознательно идетъ противъ ученія Церкви и противъ всеобщаго христіанскаго вѣрованія, а свойственное послѣднему пониманіе невещественности или безплотности духовъ объясняетъ относительностію нашего познанія, въ силу котораго термины: „невещественный“, „духовный“ слѣдуетъ принимать съ ограниченіемъ. Невидимы души и ангелы только для нашихъ грубыхъ чувствъ; сами же по себѣ, въ естествѣ своемъ, они видимы, и бываютъ, дѣйствительно, видимы, когда кому открываются очи видѣть ихъ. Равно, когда они называются духовными, то этимъ не означается особое качество ихъ естества, а выражается тоже самое, что словомъ „невидимый“ [3]).

Подвергая критической оцѣнкѣ ученіе Епископа Игнатія въ отмѣченныхъ положеніяхъ, Преосвященный Ѳеофанъ разсматриваетъ ученіе о естествѣ души и Ангеловъ въ трехъ направленіяхъ:—1) съ точки зрѣнія Св. Отцовъ, 2) свидѣтельствъ Свящ. Писанія и 3) научныхъ соображеній ума.—Въ первомъ отдѣлѣ, критическая статья Епископа Ѳеофана разсматриваетъ свидѣтельства по вопросу о естествѣ души и Ангеловъ св. Іоанна Дамаскина и св. Макарія Египетскаго, вселенскихъ великихъ Святителей и учителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; потомъ касается мнѣній св. Аѳанасія Великаго, св. Кирилла Александрійскаго, Меѳодія, Кассіана, блаж. Августина, Ѳеодорита, Максима Исповѣдника и Григорія Нисскаго. Общее направленіе критическихъ сужденій Епископа Ѳеофана сводится къ признанію, что цитируемыя въ „Словѣ о смерти“ и „При-

[1]) Тамъ же, стр. 9.
[2]) Тамъ же, стр. 11—12.
[3]) Тамъ же, стр. 15—16.

бавленіи“ къ нему святоотеческія мнѣнія или совсѣмъ не содержатъ въ себѣ мысли о вещественности души и Ангеловъ, или имѣютъ относительный и примѣнительный смыслъ, ограничиваемый существенно другими мѣстами тѣхъ же Святоотеческихъ твореній [1]). На основаніи разсмотрѣнія Святоотеческихъ мнѣній по затронутому вопросу, Епископъ Ѳеофанъ приходитъ къ заключенію, что по ученію Св. Православной Церкви, въ естествѣ души и Ангеловъ рѣшительно отрицается вещественность, и, надобно разумѣть, — всякая вещественность, не грубая только, но и тонкая, потому что утонченность вещества не дѣлаетъ его невещественнымъ. Какъ ни тонокъ эѳиръ, говоритъ Епископъ Ѳеофанъ, однако никто не назоветъ его невещественнымъ; слѣдовательно, отрицая вещественность въ естествѣ души и Ангеловъ, Св. Церковь отрицаетъ и ихъ эѳирность. Когда Ангелы именуются умнымъ или мысленнымъ міромъ, то этимъ внушается, что какъ мысль не имѣетъ ничего вещественнаго, такъ

---

[1]) Наиболѣе сильнымъ основаніемъ ученія о вещественности природы духовъ представляются Епископу Ѳеофану свидѣтельства св. Іоанна Дамаскина и Макарія Великаго. Свидѣтельство Іоанна Дамаскина говоритъ, что „Ангелъ есть естество мысленное, приснодвижное, самовластное, безтѣлесное, Богу служащее, по благодати въ природѣ своей безсмертіе пріявшее, каковаго естества видъ и предѣлъ вѣдаетъ одинъ Творецъ. Безтѣлеснымъ же и невещественнымъ называется оно, поколику поставляется въ сравненіи съ нами: ибо все, будучи поставляемо въ сравненіе съ Богомъ, единымъ, несравненнымъ, оказывается грубымъ и вещественнымъ, одно Божество есть собственно невещественно и безтѣлесно. Но и это свидѣтельство, говоритъ Епископъ Ѳеофанъ, не можетъ быть понимаемо въ смыслѣ рѣшительнаго ученія о тѣлесности естества ангельскаго; оно говоритъ лишь, что если поставить естество ангельское въ сравненіе съ Богомъ, то оно окажется грубымъ и вещественнымъ, пребывая невещественнымъ само въ себѣ („Душа и Ангелъ—не тѣло, а духъ“, стр. 23—24). Прямая мысль св. Дамаскина та, что ангелы и души суть существа мысленныя, невещественныя, безтѣлесныя; таже мысль, что они таковы сравнительно съ нами, ставится въ оговоркѣ; а это—не одно и тоже, что прямо говорить (стр. 27). Хотя св. Іоаннъ Дамаскинъ и учитъ, что Ангелъ тамъ, мысленно представляется, гдѣ и дѣйствуетъ, ибо не можетъ онъ въ одно и тоже время дѣйствовать въ разныхъ мѣстахъ, но Ангелъ не содержится въ мѣстѣ подобно тѣламъ, такъ чтобы принимать образъ какой или видъ (стр. 31).

По свидѣтельству св. Макарія Великаго,—всякая тварь, и ангелъ, и душа, и демонъ, по собственной природѣ своей, суть тѣло, потому что, хотя и утончены они, однакожъ въ существѣ своемъ, по отличительнымъ чертамъ и по образу, соотвѣтственно утонченности своего естества, суть тѣла тонкія, тогда какъ наше тѣло, въ существѣ своемъ, дебело (стр. 33—34). Въ ослабленіе этого свидѣтельства, по смыслу гармонирующаго съ мнѣніемъ Епископа Игнатія, Епископъ Ѳеофанъ говоритъ о затруднительности пониманія его основной мысли и признаетъ его частнымъ мнѣніемъ отдѣльнаго лица, не выражающимъ ученія Церкви (стр. 34—35), но еще болѣе признаетъ, что св. Макарій принадлежитъ

ничего вещественнаго не имѣетъ и естество Ангеловъ умныхъ, а вмѣстѣ съ ними и душъ разумныхъ [1]).

Отмѣтивъ Святоотеческія мнѣнія по вопросу о природѣ души, несогласныя съ утвержденіемъ ихъ тонко-вещественной или эѳирной сущности, Преосвященный Ѳеофанъ приводитъ, далѣе, свидѣтельства Свящ. Писанія по тому же вопросу, какъ указанныя въ ст. „Слово о смерти“ и „Прибавленіи“ къ нему, такъ и не указанныя, но имѣющія въ данномъ отношеніи важное значеніе, какъ sedes doctrinae. Въ этомъ направленіи отмѣчено библейское повѣствованіе о сотвореніи перваго человѣка, о поклоненіи Богу духомъ и истиною, о служебныхъ духахъ, въ служеніе посылаемыхъ за хотящихъ наслѣдовать спасеніе; отмѣчены свидѣтельства Слова Божія о томъ, что „духъ плоти и кости не имать“ (Лк. XXIV, 39), о духовной борьбѣ съ духами злобы (Еф. VI, 12) и проч. Изъ всѣхъ отмѣченныхъ свидѣтельствъ Слова Божія Епископъ Ѳеофанъ находитъ возможнымъ сдѣлать выводъ только о чистой духовности естества душъ и Ангеловъ и о ихъ являемости въ тонко-вещественной оболочкѣ. О природѣ Ангеловъ, говоритъ онъ, изъ обстоятельствъ ихъ явленія прямо вывесть ничего нельзя. Вѣдь нельзя же сказать, что если Ангелы являлись въ тѣлесномъ видѣ, то они суть тѣло. Единственный ходъ разсужденія въ этомъ случаѣ долженъ быть таковъ: Ангелы въ обыкновенномъ порядкѣ невидимы, но когда являются къ намъ, бываютъ видимы въ тѣлесномъ видѣ.

къ тѣмъ св. Отцамъ, кои и душу и ангеловъ признавали облеченными въ тонкое эѳирное тѣло (стр. 39). Ссылку „Слова о смерти“ и „Прибавленія“ къ нему на свидѣтельство св. Василія Великаго, критикъ ослабляетъ указаніемъ въ твореніяхъ св. Отца мѣстъ, гдѣ признается невещественность и безтѣлесность духовъ (стр. 49—50), въ которыхъ выражается понятіе о душѣ, какъ о силѣ духовной, совершенно невещественной (стр. 50—54). Точно также, критикъ отмѣчаетъ основанія ученія о невещественности души и духовъ въ твореніяхъ св. Григорія Богослова (стр. 57—58), св. Іоанна Златоустаго (стр. 63—64, 66—70). Въ твореніяхъ св. Аѳанасія Великаго отмѣчается мысль о признаніи вещественной оболочки въ явленіяхъ духовъ при духовности ихъ существа (стр. 72—73) и о невещественности души (стр. 76—77), мысль, что святые и ангелы безтѣлесны и не только безтѣлесны, но и нетѣлесны, т. е. по естеству невещественны, что душа не есть не только грубое тѣло, но даже и эѳирное (стр. 84—86). Изъ свидѣтельствъ св. Кирила Александрійскаго критику представляется возможнымъ лишь тотъ выводъ, что въ мірѣ духовъ внѣшній образъ бытія и взаимныхъ отношеній такой же, какъ и между людьми на землѣ, что Ангелы, души и демоны суть духи, облеченные въ тонкое эѳирное тѣло, и послѣднее не касается ихъ существа, что, наоборотъ, нѣтъ сомнѣнія, что св. Кириллъ Александрійскій признавалъ душу духовною и невещественною (стр. 88—90, 95—96). Такой же порядокъ и выводы по обозрѣнію ученія о духахъ св. Меѳодія, (стр. 97), блаж. Августина (стр. 98—100), св. Кассіана (стр. 103), св. Григорія Нискаго (стр. 104—109) и Максима Исповѣдника (стр. 110—118).

[1]) Епископъ Ѳеофанъ. Душа и ангелъ—не тѣло, а духъ, стр. 15—16.

Что это значитъ? Это значитъ,—должно отвѣчать,—*или то, что Ангелы, духи невидимые и безтѣлесные, принимаютъ на себя тѣло, когда повелѣніемъ Божіимъ посылаются къ намъ, или то, что они носятъ постоянно, какъ естественную часть своего состава—тѣло, способное быть видимымъ и невидимымъ, осязаемымъ и неуловимымъ: или что они суть тѣло.* Если къ этому нельзя прибавить еще четвертаго предположенія, то слѣдовало бы потомъ умствовать такъ: но ни перваго, ни второго сказать нельзя, слѣдовательно остается вѣрнымъ третье. Новое ученіе наше не сдѣлало этого; стало быть оно не хотѣло подчиниться подъ иго логическимъ закономъ опредѣленнаго теченія мыслей и поступило самочинно и произвольно. Отъ того и выводъ, составляющій его основную мысль, есть выводъ произвольный, не имѣющій законнаго основанія въ приведенныхъ фактахъ. Слѣдовало ему напередъ доказать, что невозможно согласиться *ни на то, что Ангелы, духи невещественные и безтѣлесные, принимаютъ на себя тѣло, ни на то, что они, будучи внутренно духами, носятъ внѣшнее, тонкое тѣло*, способное дѣлаться видимымъ и осязаемымъ: тогда, можетъ быть, и вышло бы третье мнѣніе. А то прямо выведши такое третье мнѣніе, оно погрѣшило противъ логики и оставило мысль свою бездоказательною [1]). Этимъ послѣднимъ заявленіемъ Епископъ Ѳеофанъ отмѣчаетъ въ ученіи о тонко-вещественной сущности душъ и Ангеловъ логическую непослѣдовательность и недостаточную обоснованность до тѣхъ поръ, пока не окажется совершенно невозможнымъ объяснять явленія духовно-тѣлеснаго міра при признаніи духовности душъ и Ангеловъ по ихъ существу.

Въ третьей части своей критической статьи Епископъ Ѳеофанъ разсматриваетъ разсудочныя соображенія въ пользу мнѣнія о тонковещественной природѣ души и Ангеловъ, раздѣляя ихъ на двѣ группы: одни соображенія, преимущественно объ Ангелахъ, черпаются изъ богословскихъ понятій о безпредѣльности Божіей и ограниченности Ангеловъ; другія, преимущественно о душѣ, берутся изъ ея отношеній къ тѣлу. *Первое соображеніе* можно выразить такъ: Богъ ничего общаго не имѣетъ съ тварями; Онъ отличенъ отъ нихъ безконечнымъ отличіемъ. Но Онъ есть духъ; поэтому,—быть не можетъ, чтобы были духи между тварями, потому что нельзя ставить тварь на одну линію съ Богомъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ. Въ этомъ умствованіи, замѣчаетъ Епископъ Ѳеофанъ, похвально благоговѣніе предъ величіемъ Божіимъ, но выводъ, дѣлаемый изъ того, нельзя считать основательнымъ; потому что духовность не есть такое благо, которое

[1]) Тамъ же, стр. 139—140.

невозможно сообщить тварямъ, причастнымъ прочихъ Божескихъ благъ [1]). Въ пользу мнѣнія о тонко-вещественной сущности душъ и духовъ Епископомъ Игнатіемъ указывается наибольшее соотвѣтствіе этого мнѣнія несомнѣнной тварности и ограниченности духовъ. Средоточнымъ пунктомъ соображеній въ этомъ случаѣ является мысль о томъ, что если духовность сотворенныхъ духовъ ограниченна, то они, по необходимости, должны имѣть извѣстную степень вещественности, свойственную ихъ природѣ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Епископъ Ѳеофанъ, при понятіи о невещественности тварей, ихъ ограниченность можетъ быть принята не въ смыслѣ количества экстенсивнаго, но въ смыслѣ количества интенсивнаго степени напряженія духовныхъ силъ и умственно-нравственныхъ качествъ [2]). Равнымъ образомъ, въ отношеніи второго соображенія объ отношеніи души къ тѣлу и внѣшнему міру, нѣтъ надобности душѣ, по естеству духовной, быть тѣломъ, чтобы быть въ связи и взаимодѣйствіи съ тѣломъ, потому что, кромѣ матеріальнаго сродства, есть еще сродство динамическое, интенсивное, состоящее въ единствѣ формъ и законовъ дѣйствованія. Достаточно предположить, что душа, будучи духовною субстанціею, получила для своей дѣятельности законы и формы, одинаковые съ законами и формами вещественнаго міра и своего тѣла, чтобы понять, какъ она дѣйствуетъ посредствомъ ихъ на тѣло и обратно принимаетъ дѣйствіе отъ тѣла, не будучи сама тѣломъ [3]). И наоборотъ, общеизвѣстное понятіе о законахъ химическаго сродства и доводы математическіе Епископъ Ѳеофанъ считаетъ непригодными для уясненія духовнаго бытія, потому что химія вращается въ средѣ элементовъ и предметовъ матеріальныхъ, а не духовныхъ [4]). Что лежитъ за предѣлами нашихъ чувствъ и дѣйствія чего не замѣчаемъ мы, того ни химія, ни всѣ естественныя науки знать не знаютъ и знать не хотятъ. Касаться того—не ихъ дѣло. Ихъ дѣло замѣчать, что поддается замѣчанію, подводить подъ разныя чувства, дѣлать опыты, сличать, обобщать, дѣлать наведенія и проч. Но все это—въ области замѣчаемой, если не всѣми, то хотя однимъ чувствомъ. Что касается химіи, то у ней кислородъ, водородъ, азотъ—самыя тонкія, тоньше ихъ нѣтъ,—не имѣютъ ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса, но все же они не суть незамѣчаемы. Она ихъ добываетъ, закупориваетъ въ банки, взвѣшиваетъ, соединяетъ, опредѣляетъ паи, въ какихъ они съ какимъ веществомъ соединяются и проч. Они въ ея рукахъ, подъ непрестанными ея замѣтками; она слѣдитъ за ихъ дѣйствіями всюду и тѣмъ опредѣляетъ ихъ. Это—ея область. Что за

---

[1]) Тамъ же, стр. 159—160 и слѣд.
[2]) Тамъ же, стр. 173—174.
[3]) Тамъ же, стр. 179.
[4]) Тамъ же, стр. 182.

предѣлами этого, того химія не касается, о томъ она ни да, ни нѣтъ. И до существованія духовъ ей дѣла нѣтъ [1]). Критикъ высказывается также противъ сближенія богословія съ химіей и математикой. Химія и математика, говоритъ онъ, отодвинули идею о Богѣ подальше, чтобы совсѣмъ обойтись безъ Бога. Помышленіе о Богѣ онѣ забросили за себя назадъ. Химія не знаетъ ничего кромѣ вещества; математика тоже, въ приложеніяхъ своихъ выкладокъ, все упираетъ только на вещественное. Плохіе они руководители къ вѣрѣ въ Бога. Не отворяютъ, а затворяютъ онѣ эту дверь. Особенно химія воткнулась въ стихіи, и гдѣ ей приподнять голову, чтобы воззрѣть на небо? Есть у меня стихіи, говоритъ она, да законъ сродства,—чего жъ еще хотѣть? Ни въ какой сторонней силѣ не имѣю я нужды. Благочестивый химикъ и математикъ, изумляясь, какъ все премудро устроено мѣрою, вѣсомъ и числомъ, будетъ тѣмъ возгрѣвать въ себѣ религіозное чувство: но самыя науки, какъ науки, въ производствахъ своихъ работъ совершенно обходятся безъ помышленія о Богѣ [2]).

Конечные выводы Епископа Ѳеофана въ отношеніи мнѣнія о тонко-вещественной, газообразной сущности души и Ангеловъ сводятся къ слѣдующимъ, вполнѣ опредѣленнымъ положеніямъ.

1) Признаніе существа духа эѳирнымъ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, опредѣляя: а) простоту души и допуская ея многочленность, что требуетъ привлеченія въ ея природу другихъ элементовъ кромѣ эѳира, а это ведетъ къ отрицанію существеннаго признака простоты; б) признавая эѳирность, слѣд.—вещественность души и усвояя ей силу словесности и прочія психическія отправленія.

2) Признаніе вещественности природы души не обезпечиваетъ собою возможности удовлетворительнаго объясненія всѣхъ связанныхъ съ обнаруженіями нашей личности явленій—мыслей, желаній, чувствъ, дѣйствій свободы, страха Божія и совѣсти. Душа имѣетъ видъ человѣка со всѣмъ разнообразіемъ частей тѣла его и дѣйствуетъ подобно ему. Въ цѣломъ все это есть душа, мыслящая, свободно дѣйствующая, себя сознающая. Если всякое дѣйствіе исходитъ отъ души и душою пріемлется, а душа вся въ цѣломъ, то всякое дѣйствіе должно исходить отъ всего и во всемъ отражаться. Мыслить должна не одна часть, а все тѣло—душа, сознавать—тоже; равно и дѣйствіе совнѣ должна принимать тоже вся душа—тѣло, а не часть ея какая, а это невозможно примирить съ многочленностію души. Точно также, мысль о томъ, что душа есть эѳирное тѣло въ образѣ человѣка, невоз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 191—192.
[2]) Тамъ же, стр. 197—199.

можно примирить съ мыслію о способностяхъ души и о духовныхъ проявленіяхъ ея индивидуальности. Наконецъ, и возможное признаніе души, въ смыслѣ эѳирнаго тѣла, субстанціей, съ пониманіемъ при этомъ мыслительной способности и другихъ душевныхъ способностей выраженіемъ присущей этой субстанціи силы, не устраняетъ всѣ возможныя недоразумѣнія по данному вопросу, потому что въ этомъ случаѣ субстанція и сила являются одна другой несоотвѣтствующими [1]). Таковы возраженія Епископа Ѳеофана противъ пониманія Епископомъ Игнатіемъ природы духа, которое послѣдній выражаетъ въ сочиненіи „Слово о смерти“ и „Прибавленіи“ къ нему [2]).

Сопоставляя изложенное выше ученіе Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова о духовномъ мірѣ и сдѣланныя противъ него Епископомъ Ѳеофаномъ Говоровымъ возраженія, мы естественно становимся въ положеніе необходимости высказать свое сужденіе по поводу возникшаго между ними немаловажнаго разногласія по одному изъ существенныхъ вопросовъ христіанскаго спасенія и притти къ возможно-опредѣленному выводу: какъ смотрѣть на это разногласіе между авторитетными подвижниками? Есть ли оно—выраженіе происшедшаго между ними раскола, или въ этомъ разногласіи слѣдуетъ видѣть только серьезное недоразумѣніе, недомысліе, не препятствую-

---

[1]) Тамъ же, стр. 200—210.

[2]) Сверхъ изложенныхъ нами сужденій по вопросу о духовности души и Ангеловъ, въ связи съ трудами по этому предмету Епископа Игнатія Брянчанинова, высказанныхъ Карачевымъ, священникомъ Матвѣевскимъ и Преосвященнымъ Ѳеофаномъ-Затворникомъ, было въ моментъ появленія въ печати „Слова о смерти“ и „Прибавленія“ къ нему, очевидно немало и другихъ мнѣній по затронутому вопросу. Во время печатанія нашей книги появилась въ печати весьма интересная статья заслуженнаго профессора Императорской Кіевской духовной академіи митрофорнаго протоіерея І. Н. Королькова, подъ заглавіемъ: „Преосвященный Ѳеофанъ, бывшій Епископъ Владимірскій, и полковникъ С. А. Первухинъ въ ихъ взаимной перепискѣ (къ столѣтію со дня рожденія Епископа Ѳеофана“). Изъ статьи этой мы узнаемъ, что переписка между Преосвященнымъ Ѳеофаномъ и полковникомъ С. А. Первухинымъ, продолжавшаяся около 23 лѣтъ, началась съ обсужденія извѣстнаго намъ ученія Епископа Игнатія Брянчанинова о духовномъ мірѣ.

Ознакомившись съ статьею Преосвященнаго Ѳеофана и съ „Словомъ о смерти“ Епископа Игнатія, Первухинъ вступаетъ съ Преосвященнымъ Ѳеофаномъ въ переписку 27 дек. 1869 г. и, свидѣтельствуя Преосвященному Ѳеофану свое глубокое почтеніе, въ письмѣ своемъ рѣшительно говоритъ, что душа и ангелъ непремѣнно имѣютъ форму, зримую только чисто духовными очами, но не человѣкообразную. Преосвященный Ѳеофанъ въ отвѣтѣ на это письмо рекомендуетъ мысли о формѣ души и ангеловъ отложить въ сторону и лучше говорить: они—духъ, а какъ они есть,—не вѣдаю. Разсужденіями о формѣ, по его мнѣнію, затемняется мысль о духовности. Дополнительно къ указанной справкѣ полезно обратиться къ самой статьѣ профессора-протоіерея Королькова (Труды Императорской Кіевской дух. Академіи за 1915 г. январь, стр. 151—159).

щее Преосвященнымъ Игнатію и Ѳеофану быть единомысленными и опытными вождями духовно-христіанской жизни, старцами-руководителями на пути къ спасенію.

Если бы критикомъ взглядовъ Игнатія Брянчанинова былъ писатель свѣтскій, въ духовно-христіанской жизни не утвержденный и опытно ея не познавшій, мы, конечно, могли бы всецѣло возложить на него отвѣтственность по поводу возникшаго недомыслія, памятуя настойчивое заявленіе Владыки Игнатія о необходимости опытно-подвижническаго изученія путей спасенія и высказанное имъ въ предисловіи „Прибавленіи къ „Слову о смерти“ указаніе, что послѣднее написано „съ аскетическою цѣлію“, т. е. тѣмъ самымъ, для ограниченнаго и особо воспріимчиваго въ отношеніи подобныхъ вопросовъ круга читателей. Но коль скоро возраженіе идетъ со стороны одинаково опытнаго въ духовной жизни аскета-подвижника, возникшее недомысліе пріобрѣтаетъ болѣе серьезный смыслъ и требуетъ болѣе серьезнаго къ себѣ отношенія.

Современникъ Преосвященнаго Игнатія по времени жизни [1]), Святитель Ѳеофанъ-Затворникъ имѣетъ съ нимъ немалое сходство въ характерѣ личности, въ строѣ жизни и содержаніи и предметахъ духовно-аскетическихъ писаній. Оба названные Святителя со дней юности и до смертнаго часа сохранили одинаковую склонность къ духовно-созерцательной жизни; чуждаясь міра въ его грѣховныхъ сторонахъ, оба были готовы служить благу и душевному спасенію человѣческому; тотъ и другой подвижникъ сходны между собою со стороны любви къ природѣ, ласки въ отношеніи къ людямъ, простоты жизненной обстановки, значенія родственныхъ связей, нестяжательности, аскетическаго образа жизни и постоянной склонности къ отшельничеству. Въ жизни того и другого подвижника главнымъ содержаніемъ было совершеніе душевнаго спасенія, уясненіе христіанской жизни и способовъ настроиться на нее; къ этой главнѣйшей ихъ жизненной цѣли направлено было ихъ добродѣланіе внѣшнее и дѣланіе душевное; оба поддерживали и воспитывали свое христіанское душенастроеніе непрестаннымъ чтеніемъ молитвы Іисусовой, памятованіемъ о смерти, вѣчныхъ мукъ грѣшника, сознаніемъ вездѣприсутствія Божія, испытаніемъ своей совѣсти. Тоже ближайшее сродство замѣчается и въ духовно-аскетическомъ характерѣ и содержаніи литературныхъ твореній Епископовъ Игнатія и Ѳеофана, и, за исключеніемъ вопроса о природѣ духовъ, кажется,—нѣтъ другихъ вопросовъ и предметовъ православно-христіанскаго вѣдѣнія, въ которыхъ Святители-подвижники не были бы согласны между собой.

---

[1]) Преосвященный Ѳеофанъ родился 10 янв. 1815 г., а умеръ 6 января 1894 г.

Литературная дѣятельность Епископа Игнатія начинается и оканчивается раньше, чѣмъ таковая же дѣятельность Епископа Ѳеофана[1]); но, освобождая этимъ Епископа Игнатія отъ всякой литературной зависимости въ отношеніи къ Епископу Ѳеофану, мы далеки отъ утвержденія по данному вопросу обратной зависимости, хотя и имѣемъ основанія утверждать, что первые шаги самостоятельной литературной дѣятельности Епископа Ѳеофана были сдѣланы подъ руководствомъ Епископа Игнатія, авторитетъ котораго стоялъ въ сознаніи Епископа Ѳеофана очень высоко. „Путь ко спасенію“ (краткій очеркъ аскетики) — наиболѣе популярный, судя по количеству изданій[2]) и значительный, по научной оцѣнкѣ православныхъ богослововъ,—трудъ Епископа Ѳеофана, по его собственному признанію являющійся девизомъ всей его подвижнически-литературной дѣятельности, создавался авторомъ при участіи и подъ руководствомъ Преосвященнаго Игнатія. „Путь ко спасенію“, а также и „Письма о христіанской жизни“ являются результатомъ научныхъ занятій Епископа Ѳеофана по каѳедрѣ Нравственнаго богословія въ С.-Петербугской духовной академіи, о чемъ неоднократно свидѣтельствуетъ самъ Преосвященный авторъ. Въ письмѣ своемъ отъ 16 іюня 1888 года Епископъ Ѳеофанъ говоритъ: „Прочитали путь ко спасенію. Добрѣ... И еще прочитайте когда нибудь. Тутъ все, что мною писалось, пишется и будетъ писаться. Это мои уроки студентамъ С.-Петербургской Академіи. Конспектъ пересмотрѣнъ съ о. Архимандритомъ Игнатіемъ,—послѣ бывшимъ Архіереемъ Брянчаниновымъ, и имъ одобренъ. Это было въ 46—7 годахъ“[3]). Изъ этихъ словъ Епископа Ѳеофана можно видѣть, насколько значителенъ былъ для этого ученаго православнаго богослова авторитетъ не прошедшаго богословской школы Епископа Игна-

---

[1]) Литературная дѣятельность Епископа Ѳеофана Говорова обнимаетъ главнымъ образомъ 28-лѣтній періодъ между 1866—1894 г.г.; до этого времени имъ напечатаны лишь „Письма о христіанской жизни“ въ 1860 году да отдѣльныя проповѣди въ Тамб. Епарх. Вѣдомостяхъ со времени основанія этого органа Епископомъ Ѳеофаномъ въ 1863 году. „Путь ко спасенію“ (Краткій очеркъ аскетики), вып. 1—3 напечатанъ въ 1868—1869 г.г. Этотъ, наиболѣе популярный трудъ Епископа Ѳеофана первоначально, въ 1868 году печатался отдѣльными статьями въ „Домашней бесѣдѣ“ „Путь ко спасенію“, „Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться“—являются основою всѣхъ твореній Преосвященнаго Ѳеофана и выраженіемъ его собственнаго жизненнаго пути. Основами его сужденій по даннымъ вопросамъ были повѣданія Слова Божія, творенія Св. Отцовъ Церкви, духовно-аскетическая литература и собственный духовно-жизненный опытъ, т. е. по предметамъ, источникамъ и цѣлямъ своей литературной дѣятельности Епископъ Ѳеофанъ и Епископъ Игнатій другъ другу сопутствуютъ.

[2]) Изданіе 1908 года—девятое.

[3]) Собраніе писемъ Святителя Ѳеофана. М. 1898 года, изд. Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря, вып. I, стр. 222.

тія, если онъ заявляетъ объ этомъ спустя болѣе 40 лѣтъ послѣ преподанныхъ ему совѣтовъ. Въ другомъ мѣстѣ, высказывая свой взглядъ по вопросу о молитвѣ и условіяхъ пріобрѣтенія молитвеннаго настроенія, Епископъ Ѳеофанъ, въ обоснованіе своего взгляда, опять ссылается на авторитетъ Преосвященнаго Игнатія [1]). А по общей оцѣнкѣ своей личности Святителя Игнатія, Преосвященный Ѳеофанъ высказываетъ мнѣніе о Богоугодности жизни Епископа Игнатія [2]).

Какъ видно, разногласіе по вопросу о духовномъ мірѣ между Епископомъ Игнатіемъ и Ѳеофаномъ ничуть не поколебало высокаго почтенія послѣдняго къ первому, что само по себѣ уже побуждаетъ насъ склониться къ заключенію, что, и въ указанномъ случаѣ по вопросу о духовномъ мірѣ, мы имѣемъ дѣло не столько съ разногласіемъ, сколько съ недомысліемъ или недоразумѣніемъ, которое легко могло быть совершенно устранено личною бесѣдою или даже перепискою Епископовъ-подвижниковъ, если бы оно возникло уже не послѣ смерти Игнатія Брянчанинова.

Выступая въ концѣ 1867 и 1868 году противъ мысли Епископа Игнатія Брянчанинова о газообразности естества души и Ангеловъ и утверждая, что душа и Ангелъ не есть нѣчто тѣлесное, а чистый духъ, Преосвященный Ѳеофанъ 1) свое рѣшительное утвержденіе полной и чистой духовности духа направляетъ исключительно на сущность или естество духа, а не на его явленія или феноменальную сторону бытія; 2) въ этомъ рѣшительномъ утвержденіи всего болѣе имѣетъ въ виду возможные вредные результаты, недомыслія и заблужденія малосмысленныхъ въ богословіи въ руководствѣ взглядами Епископа Игнатія. Доказывая мысль о совершенной безтѣлесности, чистой духовности естества Ангеловъ и души человѣческой, и въ этомъ отношеніи расходясь съ выводами автора „Слова о смерти“ и „Прибавленій“ къ нему, Преосвященный Ѳеофанъ въ объясненіе явленій Ангеловъ и душъ умершихъ и живыхъ людей, которыя въ изобиліи отмѣчены Епископомъ Игнатіемъ, также предполагалъ

---

[1]) Собраніе писемъ Святителя Ѳеофана, вып. II, стр. 94, письмо 256, отъ 17 янв. 1877 года.

[2]) „Сонъ о Преосвященномъ Игнатіи — мудреный. Что Преосвященный угодилъ Богу,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія“ (Собр. писемъ святителя Ѳеофана, вып. II, стр. 54). Дѣлая возраженія противъ ученія Игнатія Брянчанинова о природѣ души и ангела, Преосвященный Ѳеофанъ остается въ неизмѣнно глубокомъ уваженіи къ Святителю Игнатію. „Долгомъ считаю предъявить, что, возставая противъ показанныхъ статей, я не касаюсь лица автора, котораго глубоко уважаю, и буду вести рѣчь съ однимъ его ученіемъ“, пишетъ онъ въ своей критикѣ („Домашняя бесѣда“, 1869 г., стр. 6). Приведенныя слова Преосвященнаго Ѳеофана въ отдѣльномъ изданіи опущены (Проф.-протоіерей І. Н. Корольковъ, цитиров. статья; „Труды Императорской Кіевской дух. Академіи“ за 1915 г., январь, стр. 149).

нѣкоторую тонкую эѳирную оболочку. Въ концѣ 1869 года, посылая свою книжку „Душа и Ангелъ—не тѣло, а духъ“ въ Кіевъ протоіерею Н. И. Флоринскому, Преосвященный Ѳеофанъ пишетъ: „Споръ о душѣ. Вся книга моя направлена къ доказанію, что естество души и ангела не можетъ быть вещественно. Но иное дѣло естество, иное—образъ бытія. Кто не хочетъ принимать душу безъ оболочки; тотъ пусть допускаетъ сію оболочку, помимо естества души, которое должно быть духовно. Допустивъ оболочку—тонкую, эѳирную, получитъ форму и останется доволенъ“ [1]). Вообще по вопросу о феноменальной сторонѣ духовъ, о ихъ моральной сущности, объ отношеніи ихъ къ человѣку и борьбѣ послѣдняго съ злыми духами, разногласія между обоими подвижниками не наблюдается [2]). А сила и рѣшительность возраженій Епископа Ѳеофана противъ „Слова о смерти“ и „Прибавленій“ къ нему, въ значительной мѣрѣ, на нашъ взглядъ, объясняется весьма основательными предположеніями критика о возможныхъ вредныхъ выводахъ и дальнѣйшихъ умствованіяхъ мало опытныхъ въ богословствованіи людей въ приложеніи къ пониманію существа Божія. Съ этой точки зрѣнія утвержденія автора „Слова о смерти“ и „Прибавленій“ къ нему представляются Епископу Ѳеофану опасными, потому что если слово „духъ“ одинаково, и даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ прилагается и къ Богу и къ Ангеламъ и къ душамъ, то, когда въ отношеніи къ симъ послѣднимъ дается ему значеніе только тонкотѣлесности невидимой,—мысль неопытная удобно можетъ перенести такое значеніе и на Божеское естество. Чтобы не впасть въ такое опасное заключеніе, новое ученіе не даетъ никакого руководства, не указываетъ никакого критерія для различенія значенія слова „духъ“ при употребленіи его въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ душамъ и Ангеламъ [3]). Если къ существу Ангеловъ и духовъ заключать изъ являемости ихъ въ вещественныхъ образахъ, то, справедливо замѣчаетъ критикъ, необходимо будетъ заключить, что и Богъ—тѣло, ибо и Богъ являлся тѣлесно [4]). Помимо же этихъ, естественно возможныхъ послѣдствій, тонко-вещественнаго пониманія природы духовнаго міра, Преосвященный Ѳеофанъ находитъ безпрепятственнымъ принятіе тонковещественной оболочки духовъ. Было и есть, говоритъ онъ, два мнѣнія объ образѣ бытія души и Ангеловъ: одни думали и думаютъ, что души

---

[1]) Письма Святителя Ѳеофана, вып. II, стр. 4., письмо 205, отъ 28 окт. 1869 г. Въ письмѣ подъ № 298 (стр. 156) Епископъ Ѳеофанъ говоритъ: „Обратите вниманіе на „Душа и тѣло... это духовный револьверъ, игрушечка... что ни страница, то выстрѣлъ. Можете поупражняться въ стрѣляніи и навыкнуть стрѣлять“.

[2]) Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія письма подъ №№ 106 и 185 (Письма Свят. Ѳеофана, вып. I, стр. 97—100; вып. II, стр. 203—213).

[3]) Епископъ Ѳеофанъ. Душа и ангелъ—не тѣло, а духъ, стр. 125.

[4]) Тамъ же, стр. 141—143, 168—170 и особ. 171.

и Ангелы суть духовныя существа, облеченныя тонкой вещественной оболочкой; другіе полагали и полагаютъ, что души и Ангелы суть чистые духи, не имѣющіе никакой оболочки. По первому мнѣнію,—въ составѣ человѣка, духовное существо посредствуется въ союзѣ съ этимъ грубымъ тѣломъ, тѣломъ тонкимъ эоирнымъ,—и то, что выходитъ изъ тѣла по смерти человѣка, будетъ духъ, облеченный эоирною, или вообще вещественною тонкою оболочкою; равно и Ангелъ, являющійся или самъ въ себѣ сущій въ своей области, тоже будетъ духъ, облеченный подобною же оболочкою. Это образъ представленія бытія души и Ангеловъ самый удобный для понятія, совершенно мирящійся со всѣми сказаніями о явленіяхъ Ангеловъ и душъ, и легко рѣшающій всѣ относящіеся сюда вопросы. По второму мнѣнію духъ—не отвлеченность какая либо мысленная, а существо, реально существующее между другими реальностями, которое, въ силу этой реальности своего существованія, непосредственно входитъ въ человѣкѣ—въ союзъ съ тѣломъ и въ Ангелахъ,—въ воздѣйствіе на міръ внѣшній. Изъ этихъ двухъ мнѣній кто какого хочетъ держаться, того и держись, потому что и въ первомъ и во второмъ существенное въ ангелѣ и въ человѣкѣ, мыслящее, свободно дѣйствующее, себя сознающее, признается существомъ духовнымъ; а на этомъ, въ ученіи о естествѣ души и Ангеловъ, главнымъ образомъ и настаивать должно. Мнѣніе же, выраженное въ „Словѣ о смерти“ и поддержанное въ „Прибавленіи“ къ нему, терпимо быть не можетъ [1]). Въ этомъ смыслѣ различенія существа и явленій, ноумена и феномена понимаетъ Епископъ Ѳеофанъ и тѣ, приводимыя въ „Словѣ о смерти“, мѣста Святоотеческихъ твореній, гдѣ говорится о чувственномъ явленіи духовъ [2]). Но расходясь съ Преосвященнымъ Игнатіемъ по вопросу о пониманіи с у щ н о с т и

---

[1]) Тамъ же, стр. 9—10

[2]) Напр. въ такомъ смыслѣ разсматривается весьма сильное свидѣтельство св. Аѳанасія Великаго по вопросу о духахъ. Въ писаніяхъ св. Аѳанасія, говоритъ Епископъ Ѳеофанъ, о естествѣ ангеловъ почти ничего не говорится. Въ жизнеописаніи св. Антонія говорится: „что удивительнаго, если они, пользуясь тончайшими паче человѣческаго тѣлами и увидѣвъ вступившихъ въ путь, предваряютъ ихъ въ шествіи и возвѣщаютъ о нихъ“. Употребленное здѣсь слово—пользуясь—даетъ намъ право видѣть у св. Аѳанасія ту мысль, что демоны не суть тѣло и не носятъ тѣла, а только временно пользуются имъ, когда нужно. Но если понять и такъ, что они постоянно пользуются симъ тончайшимъ тѣломъ,—все таки надобно отличать пользующагося отъ того, чѣмъ онъ пользуется,—и слѣдовательно, все таки у св. Аѳанасія та мысль, что падшіе ангелы суть духи, лишь облеченные тончайшими тѣлами. А если падшіе духи таковы, то таковы же и непадшіе, ибо падшіе не перемѣнили естества. Какъ ни понимайте это мѣсто, оно все таки противъ новаго ученія (Тамъ же, стр. 72—73). Употребляющееся у св. Меѳодія выраженіе: „души суть тѣла разумныя“ представляются понятіями несочетаемыми и противорѣчивыми; противорѣчіе устраняется лишь при условіи пониманія тѣла въ смыслѣ субстанціи (стр. 96).

природы, или естества духовъ, Епископъ Ѳеофанъ понимаетъ согласно съ нимъ являемость ихъ, смыслъ и назначеніе ихъ явленій людямъ и условія успѣшной борьбы съ духами зла. Въ пониманіи борьбы людей съ духами зла въ смыслѣ, по преимуществу, духовномъ, какъ совершающейся въ помышленіяхъ и движеніяхъ человѣческаго сердца [1]), въ естественномъ допущеніи воздѣйствія души на тѣло, духа на вещество и вещественныя стихіи, какъ въ условіяхъ земного существованія человѣка, такъ и внѣ его, между подвижниками нѣтъ разногласія [2]).

Такимъ образомъ, сущность и сила всѣхъ возраженій Епископа Ѳеофана противъ „Слова о смерти“ и „Прибавленій“ къ нему по вопросу о духовномъ бытіи заключается въ справедливомъ указаніи невозможности признать вещественность души и Ангеловъ по ихъ существу безъ неизбѣжныхъ въ дальнѣйшемъ, для большинства, ложныхъ выводовъ въ приложеніи къ Существу Божію и къ задачамъ личнаго духовно-нравственнаго совершенствованія. Опасенія критика въ этомъ отношеніи представляются намъ весьма основательными, и въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе мы представляемъ себѣ безконечно развитый и распространенный въ средѣ небогословствующихъ христіанъ антропоморфическій способъ пониманія духовнаго міра—Бога и Ангеловъ. Но, съ другой стороны, въ этой же обычной склонности общечеловѣческаго представленія безсомнѣнно существующаго духовнаго, невидимаго міра, въ видѣ антропоморфическомъ и съ подчиненіемъ его условіямъ пространства и времени и даже чувственнаго воспріятія заключается и наилучшая, съ точки зрѣнія практической, защита для Епископа Игнатія. Конечно, справедливо, что понятіе тѣла, по принадлежащему ему свойству инерціи, хотя бы и тонкаго и тонковещественнаго, исключаетъ возможность движеній. Двигать его должна

---

[1]) Тамъ же, стр. 47.

[2]) Справедливо утверждая, что душа есть дѣйствительная, живая сила, хотя и умная, чисто духовная, Епископъ Ѳеофанъ, согласно съ Епископомъ Игнатіемъ, понимаетъ, что своею бытовою, такъ сказать, физическою стороною она устрояетъ тѣло, оживляетъ его, движетъ и дѣйствуетъ черезъ него; а другою стороною—высшею въ тоже время сознаетъ себя, свободно дѣйствуетъ, созерцаетъ пренебесное, размышляетъ о земномъ и стремится къ Божественному и вѣчному. Изъ этого выводится еще и то заключеніе, что если душѣ свойственна сила дѣйствовать на вещественное, пока она въ тѣлѣ, то нѣтъ основанія представлять ее неимѣющей этой силы, когда она разлучится съ тѣломъ, и что какъ Ангеламъ свойственна естественная сила дѣйствовать на вещественныя стихіи, такъ свойственна такая же сила и душамъ отшедшихъ и что, слѣдовательно, когда отшедшіе изъ сей жизни являются, для объясненія этого нѣтъ нужды предполагать, что они имѣютъ оболочку, а тѣмъ менѣе думать, что они суть тѣлс, а достаточно убѣдиться, что душѣ естественно-свойственна сила дѣйствовать на стихіи, которыя она можетъ привлекать къ себѣ и отрывать отъ себя, когда требуется (стр. 53—54).

сторонняя сила [1]), т. е. на этомъ основаніи признать вещественность духа, съ точки зрѣнія обычныхъ понятій о веществѣ, представляется невозможнымъ. Имѣя способность чувственнаго воспріятія, сродную съ животными, человѣкъ, однако, превосходитъ ихъ тѣмъ, что имѣетъ душу совершенно невещественную и, вслѣдствіе того, способную отрѣшаться отъ законовъ, какими связано все вещественное, и умъ человѣческій—не одно и то же съ тѣлесными чувствами, и душа человѣческая—съ тѣломъ и всѣмъ тѣлеснымъ вообще [2]). Самодвижность души есть разительнѣйшее доказательство, что она не есть какое либо тѣло утонченное, эѳирное. Косность, неподвижность есть неотъемлемая принадлежность вещества. Электричество пребудетъ въ бездѣйствіи вѣкъ, если не возбудить его; и эѳиръ не свѣтитъ, если не приводится въ сотрясеніе, или, какъ говорятъ, въ дрожательное состояніе. Но то и другое производится дѣйствіемъ сознѣ. Самодѣятельности и слѣда нѣтъ въ этихъ, повидимому, очень тонкихъ веществахъ. Откуда же возьмется самодѣятельность въ душѣ, если она по естеству эѳиръ? И если она самодѣятельна, не значитъ ли это, что она—эѳиръ [3]). Признавая допустимость эѳирныхъ тѣлъ въ феноменальности души, т. е. эѳирную оболочку въ ея явленіяхъ, никакъ нельзя признать эѳирности самою сущностью души [4]). Съ этой точки зрѣнія, неоднократное утвержденіе Епископа Игнатія, что душа и духъ суть эѳирныя тѣла,—является крайностію, ошибкою, которая можетъ для ума недуховнаго и чуждаго аскетическаго подвига явиться душевреднымъ заблужденіемъ. Но мы весьма склонны думать, что въ устахъ и писаніяхъ самого Преосвященнаго Игнатія указанное утвержденіе не было заблужденіемъ, и возникшую въ отношеніи къ автору „Слова о смерти“ полемику со стороны Епископа Ѳеофана мы склонны считать не разногласіемъ между подвижниками, а лишь недомысліемъ въ достаточной мѣрѣ оправдываемымъ и извиняемымъ.

Епископъ Ѳеофанъ совершенно правъ а) въ своихъ обоснованіяхъ мысли и духовности души и духовъ тварныхъ по существу, б) въ своихъ опасеніяхъ за возможность душевредныхъ выводовъ въ отношеніи къ Божеству со стороны ума малоопытныхъ; в) въ свидѣтельствуемой имъ невозможности объясненія чисто психическихъ явленій при признаніи тонко-вещественности души. Но мы не считаемъ возможнымъ принять во всей силѣ слово осужденія въ приложеніи къ подвижнику Епископу, Игнатію и въ защиту его по изложенному

---

[1]) Тамъ же, стр. 57—58.
[2]) Тамъ же, стр. 76—77.
[3]) Тамъ же, стр. 80—81.
[4]) Тамъ же, стр. 84—85, 89—90, 98.

нами случаю богословскаго недомыслія имѣемъ побужденія высказать слѣдующія соображенія.

1) Вопросъ о духахъ, Ангелахъ и душѣ не представляется въ его источникахъ—достаточно опредѣленнымъ и вполнѣ яснымъ. Мы видѣли, что авторъ „Слова о смерти“ и его критикъ, вращаясь съ сферѣ однихъ и тѣхъ же данныхъ церковной письменности, находятъ подтвержденіе и иллюстраціи для своихъ несогласныхъ выводовъ. Если нѣкоторые изъ Отцовъ и учителей Восточной Церкви признаютъ духовъ безтѣлесными (ἀσώματος), то другіе допускаютъ вещественность ихъ природы въ томъ смыслѣ, какъ вещественны—вѣтеръ, огонь, дымъ, воздухъ [1]). А при существующихъ по данному вопросу до нѣкоторой степени разнорѣчіяхъ вполнѣ естественно было и Преосвященному Игнатію выбрать которое либо изъ двухъ существующихъ мнѣній, и, именно, то, которое представлялось ему болѣе наглядным, согласнымъ съ общедоступными свидѣтельствами Слова Божія и живою проповѣдью пѣснопѣній православно-христіанскаго богослуженія, а потому и въ высокой мѣрѣ назидательнымъ.

2) Для уясненія и наглядная представленія природы духовъ и души человѣческой Преосвященный Игнатій пользуется понятіемъ о міровомъ эѳирѣ, тонкой, невѣсомой матеріи, которая служитъ посредствующей средой при передачѣ дѣйствій міровыхъ силъ. Но самое это понятіе о міровомъ эѳирѣ является лишь гипотезой, удобной и необходимой для объясненія явленій вещественнаго міра, но недостаточно опредѣленной и по своему основному смыслу несвободной отъ внутреннихъ противорѣчій, въ виду, напр., признанія тонко-вещественности эѳира и, въ то же время, его невѣсомости. Въ силу этой неполной вещественности, эѳиръ, полагаемъ, и являлся для Преосвященнаго Игнатія удобнымъ символомъ для обозначенія очевидной по своимъ проявленіямъ природы духа, вслѣдствіе чего, пользуясь этимъ понятіемъ, Епископъ Игнатій далекъ былъ отъ мысли о матеріализаціи духа [2]), заботясь болѣе всего о наглядности представленій, при-

---

[1]) Въ современной Епископу Игнатію духовной литературѣ и по поводу „Слова о смерти“ мнѣнія эти были сгруппированы и изложены въ ст. священника Павла Матвѣевскаго, рецензента сочиненій Епископа Игнатія (Журн. „Странникъ“ за 1864 годъ, ноябрь, стр. 65—88) подъ заглавіемъ: „Мнѣнія Св. Отцовъ и учителей Церкви о природѣ духовъ“.

[2]) Гипотеза мірового эѳира имѣетъ нѣсколько стадій развитія: а) до времени Декарта понятіе „эѳиръ“ употребляется въ различномъ значеніи. У древнихъ философовъ терминомъ эѳиръ чаще всего обозначается одна изъ стихій, или иначе одинъ изъ элементовъ міра. Для пиѳагорейцевъ эѳиръ—одна изъ составныхъ частей воздуха, воды, души; послѣдняя—отрывокъ эѳира. Позже эѳиръ получилъ смыслъ чего то матеріальнаго, то нематеріальнаго, являющагося причиной движенія. Анаксагоръ, напр., называлъ эѳиромъ силу, дѣйствующую въ высшихъ областяхъ міра.

роды духа и опасаясь при допустимости его чистой духовности вступить въ сферу умозаключающей отвлеченности.

3) Признавая силу дѣлаемыхъ Епископомъ Ѳеофаномъ возраженій противъ „Слова о смерти“ и соглашаясь съ непріемлемостію ученія о тонко-вещественной, газообразной природѣ духа, съ возможностію, въ то же время, этой тонко-вещественности въ приложеніи къ феноменальной сторонѣ духовнаго міра, мы видимъ въ способахъ представленія и уясненія духовнаго міра по методу Епископа Игнатія громадное практическое, духовно-воспитательное значеніе. Громадное большинство вѣрующихъ и благочестиво-настроенныхъ людей, конечно, не сдѣлаютъ изъ ученія Епископа Игнатія никакихъ матеріалистическихъ выводовъ, но, усваивая его ученіе, они получаютъ глубокую убѣжденность въ духовномъ бытіи, наглядность въ представленіяхъ о немъ, почувствуютъ укрѣпляющій мотивъ въ отношеніи къ своему духовному совершенствованію, а въ этомъ уже немалая защита для Епископа Игнатія, ибо всякое богословское знаніе важно не столько само по себѣ, какъ удовлетвореніе пытливой любознательности нашего духа, сколько по тому вліянію, которое оно имѣетъ на нашъ духъ въ отношеніи его безконечнаго совершенствованія и вѣчнаго спасенія.

Аристотель считаетъ эѳиръ нѣкоторымъ божественнымъ, безсмертнымъ тѣломъ, которое получило свое имя вслѣдствіе своего вѣчнаго движенія (ἀεί—всегда, θέω—бѣгу). Съ эпохи возрожденія эѳиръ и ему подобныя н е в ѣ с о м ы я тѣла начали фигурировать въ физическихъ и иныхъ теоріяхъ. Эѳиръ понимается при этомъ болѣе тонкимъ, чѣмъ воздухъ и огонь. б) С о в р е м е н и Д е к а р т а, эѳиръ понимается, какъ среда, заполняющая промежутки между молекулами. Эта среда находится и въ небесномъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ обычной матеріи. Декартъ считаетъ эѳиръ принадлежащимъ къ той же группѣ тѣлъ, къ которой относятся жидкости и газы (Н. А. Любимовъ. „Философія Декарта“, Спб. 1886 г.). Этотъ эѳиръ Декарта имѣетъ структуру; его части, болѣе мелкія, чѣмъ части обычныхъ тѣлъ имѣютъ и болѣе быстрыя движенія. Совокупность этихъ частей образуетъ нѣкоторую очень тонкую жидкость, передающую на разстояніе свѣтъ. в) Къ послѣдней четверти XVII вѣка представленія о важной роли, которую играетъ эѳиръ въ явленіяхъ природы, получили широкое распространеніе. Н ь ю т о н ъ говоритъ о немъ, какъ о тончайшемъ газѣ, проникающемъ во всѣ твердыя тѣла и содержащемся въ нихъ; г) Въ XIX вѣкѣ понятіе эѳиръ по содержанію и общему своему смыслу крайне оразнообразилось, еще болѣе увеличивъ свойственную ему неопредѣленность. д) Согласно современнымъ воззрѣніямъ, свойство эѳира, какъ міровой матеріи, въ количественномъ отношеніи, приближаютъ его къ понятію простого тѣла; мы не наблюдаемъ въ немъ цѣлаго ряда явленій, наблюдаемыхъ въ обычной матеріи; въ такомъ эѳирѣ нѣтъ процессовъ теплопроводности, электропроводности, нѣтъ волнъ звука, не наблюдается явленій свѣторазсѣянія и свѣтопоглощенія. О немъ менѣе извѣстно, чѣмъ вообще о матеріи, и потому его труднѣе изучить. Допуская цѣлый рядъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ объ эѳирѣ, современные ученые признаютъ, что это очень тонкіе вопросы, которыхъ опытное рѣшеніе наступитъ, вѣроятно, не скоро. (Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XLI, стр. 220—224).

Съ этой точки зрѣнія и Преосвященный Ѳеофанъ признаетъ Игнатіево „Слово о смерти“ „многопоучительнымъ“.

4) Немалымъ внутреннимъ мотивомъ ученія Епископа Игнатія о тонко-вещественной, газообразной, эѳирной природѣ духовъ является для него глубочайшее смиреніе предъ величіемъ Божіимъ, съ признаніемъ, при этомъ, невозможности поставить грѣховную человѣческую природу и сотворенныхъ духовъ въ уровень съ Божествомъ: исповѣдуя величіе Божества, Епископъ Игнатій и признаетъ возможнымъ мыслить природу всѣхъ тварныхъ духовъ тонко-вещественною.

5) Но и Преосвященный Игнатій и Епископъ Ѳеофанъ совершенно согласны въ томъ, что „духовный міръ есть для насъ нѣчто таинственное, чего представить намъ въ подлинной его дѣйствительности нѣтъ возможности. Когда приходилось кому домыслиться до положенія тамошнихъ дѣлъ, или Господу угодно было дать откровеніе о томъ, то и другое дѣлалось подъ образами нашей земной жизни. Эти образы представляютъ дѣйствительность, но не суть самая дѣйствительность. Она духовна, мысленна, не имѣющая въ себѣ ничего плотскаго. Апостолъ Павелъ былъ восхищенъ на небо,—и что сказалъ о немъ? О томъ, что тамъ есть, говоритъ онъ, не лѣть есть глаголати человѣку. Словъ нѣтъ у насъ на выраженіе того. Наши слова грубы, чувственны, образны. Принявъ во вниманіе эту замѣтку, надлежитъ намъ укротить свою умозаключительность по поводу сказаній о томъ, что бываетъ въ духовномъ мірѣ. Читай, углубляйся, назидайся; но положенія какія либо рѣшительныя выводить изъ того не спѣши. Ибо что тамъ, того око не видѣло, ухо не слышало и на сердце человѣку не всходило“ [1]).

6) Конечно, изъ этого слѣдовало бы, что совсѣмъ не нужно вдаваться въ разсужденіе о томъ, что превышаетъ силу человѣческаго пониманія и еще болѣе—слововыраженія. И если Преосвященный Игнатій много говоритъ о духовномъ мірѣ, посвящая этому таинственному бытію цѣлую книгу, то онъ не отступаетъ отъ смиреннаго сознанія трудновыразимости умопостигаемаго, и, вдаваясь въ изъясненіе неизъяснимаго, преслѣдуетъ цѣли назиданія и возрождающаго покаянія. Вотъ почему онъ очень мало говоритъ объ Ангелахъ свѣта и много объ ангелахъ тьмы, меньше о раѣ, больше—объ адѣ, не говоритъ о достоинствахъ человѣка, а—о его грѣхахъ и необходимости покаянія. Святые Отцы, поучаетъ онъ, строго воспрещаютъ употребленіе способности воображенія, повелѣваютъ содержать умъ вполнѣ безвиднымъ, незапечатлѣннымъ никакою печатію вещественнаго. Не

[1]) Епископъ Ѳеофанъ. Душа и ангелъ—не тѣло, а духъ, стр. 93—94. Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 82—83.

должно представлять себѣ въ воображеніи ни рая, ни неба, ни престола Божія, ни сіянія славы Божіей, ни Ангела, ни Мученика, ни Святителя, ни Преподобнаго, ни Божіей Матери, ни Самого Христа. Падшіе духи стараются возбудить въ насъ дѣйствіе воображенія, иногда же и сами являются въ разныхъ ложныхъ и обольстительныхъ призракахъ: по этой причинѣ воспрещена намъ не только мечтательность, какъ бы она ни была благовидна, но и довѣренность къ какому бы то ни было явленію изъ невидимаго міра. Образы свѣтлыхъ Ангеловъ, святыхъ отшедшихъ человѣковъ и Самого Христа принимаютъ на себя демоны для обольщенія и погубленія не только новоначальныхъ, но и преуспѣвшихъ въ подвигѣ. Дозволяется живое представленіе адскаго пламени, тьмы вѣчной, подземной, страшной темницы и прочихъ ужасовъ предсмертныхъ и посмертныхъ единственно при возникновеніи плотскихъ ощущеній, помышленій и мечтаній; дозволяется это употребленіе воображенія только въ часъ нужды, по минованіи которой оружіе тотчасъ отложится. Будучи употребляемо безъ нужды, оно можетъ нанести вредъ уму, сдѣлавъ его удобопреклоннымъ къ мечтательности и самообольщенію [1]).

Тѣми же цѣлями назиданія въ отношеніи ищущихъ душевнаго спасенія, особенно—аскетовъ, объясняется и вниманіе Епископа Игнатія къ духовному міру: онъ не стремился къ созданію богословскаго трактата по данному вопросу, а хотѣлъ дать матеріалъ для духовно-назидательныхъ размышленій, не стремился къ удовлетворенію пытливости ума, но имѣлъ въ виду возбужденіе и поддержаніе покаяннаго настроенія. И знакомясь съ сочиненіями Владыки Игнатія, мы получаемъ глубокое убѣжденіе, что этой, именно, цѣли онъ съ успѣхомъ достигаетъ.

7) Трактатъ Епископа Θеофана, направленный въ ограниченіе ученія Епископа Игнатія о природѣ духовъ появился въ 1867 и 1868 г.г.—послѣ смерти Преосвященнаго Игнатія, и мы не можемъ съ полною достовѣрностію сказать, какъ бы отнесся къ критикѣ самъ авторъ „Слова о смерти“ и „Прибавленій“ къ нему. Но на основаніи нашего знакомства съ личностію и сочиненіями Епископа Игнатія, мы съ увѣренностію предполагаемъ, что онъ не остался бы безучастнымъ къ замѣчаніямъ Владыки Θеофана, и, если бы послѣдній предъявилъ ему возможные, особенно для разсудочнаго и маловѣрнаго сознанія, выводы изъ пониманія ѳѳирности природы духовъ, то Владыка Игнатій, можетъ быть, предполагаемъ мы, и смягчилъ бы категоричность своихъ сужденій по данному вопросу. Освобожденное отъ крайней рѣши-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 287—288.

тельности заключеній о газообразности духовъ и душъ, съ перенесеніемъ всей силы высказанныхъ сужденій съ сущности духовъ на ихъ феноменальность или являемость, ученіе Епископа Игнатія о духовномъ мірѣ, обоснованное на свидѣтельствахъ Слова Божія, согласное съ разумомъ Святыхъ Отцовъ и созвучное православно-христіанскому Богослуженію, сохраняетъ за собою высокую степень назидательности и весьма важное духовно-воспитательное значеніе для серьезно относящихся къ великой задачѣ душевнаго спасенія.

Останавливая свое продолжительное и усиленное вниманіе на изложеніи ученія Епископа Игнатія о духовномъ мірѣ, мы руководились не только своеобразной опредѣленностію и оригинальностію этой несомнѣнно интересной стороны въ твореніяхъ Епископа-подвижника, но и тѣмъ громаднымъ значеніемъ, которое имѣетъ ученіе о духовномъ мірѣ, по ученію Игнатія Брянчанинова и по нашему убѣжденію, для совершенія подвига душевнаго спасенія и вообще для нравственной жизни человѣка. Скептическое или даже—индифферентное отношеніе къ указанному вопросу лишаетъ человѣческую нравственность ея важнѣйшихъ основъ,—глубокая вѣра въ Бога и міръ духовный—Ангеловъ и демоновъ, увѣренность въ возможности и даже неизбѣжности такого или иного отношенія къ нему и общенія съ нимъ—сообщаютъ всей жизни человѣка особый, высшій смыслъ, расширяютъ и проясняютъ взглядъ человѣка на міръ, устраняютъ дряблость чувствъ, апатичность настроенія и сообщаютъ волѣ спасительную энергію. Но совершеніе человѣкомъ душеспасительнаго подвига, воззрѣніе на жизнь, какъ на путь къ достиженію вѣчнаго спасенія и готовность на безпрерывное, со страхомъ и трепетомъ, совершеніе своего спасенія само собою предполагаютъ въ качествѣ необходимыхъ элементовъ христіанскаго міровоззрѣнія и основныхъ предпосылокъ духовно-христіанскаго подвига, наряду съ вѣрою въ Бога и міръ духовъ и духовность души, сознаніе человѣкомъ грѣховности своей природы, пониманіе смерти тѣлесной, какъ перехода въ міръ духовъ, къ бытію нескончаемому, чаяніе загробнаго праведнаго воздаянія каждому по дѣламъ его, вѣру въ благодатныя средства духовнаго возрожденія христіанина, и, въ связи со всѣмъ этимъ, воззрѣніе на временную жизнь съ точки зрѣнія вѣчности и совершеніе временнаго жизненнаго пути предъ Лицомъ Вѣчнаго.

Поставивъ своей задачей въ настоящей главѣ выясненіе основъ душевнаго спасенія или необходимыхъ предпосылокъ духовно-христіанскаго подвига по ученію Игнатія Брянчанинова, мы имѣемъ обязанность въ остающейся части этой главы отмѣтить сужденія Преосвященнаго Игнатія по указаннымъ вопросамъ.

Жажда душевнаго спасенія и наслѣдія вѣчныхъ благъ предпо-

лагаетъ сознаніе человѣкомъ неудовлетворенности своимъ настоящимъ состояніемъ. Если бы человѣкъ полагалъ свое настоящее земное состояніе вполнѣ удовлетворительнымъ и нормальнымъ и выполненіе своихъ жизненныхъ задачъ ограничивалъ тѣсными рамками земной дѣйствительности, то для духовно-аскетическаго душеспасительнаго подвига въ его сознаніи не было бы достаточныхъ мотивовъ: равнодушіе къ вопросамъ спасенія, по большей части, и связано съ подобнымъ ограниченіемъ. Вотъ почему Преосвященный Игнатій въ своихъ сочиненіяхъ и поученіяхъ, въ цѣляхъ пробужденія въ людяхъ покаянія и жажды душеспасительнаго подвига, стремится оживить въ человѣкѣ сознаніе утраченной имъ первозданной чистоты и своего настоящаго грѣховнаго состоянія, настойчиво ставитъ предъ человѣкомъ смиряющій его вопросъ: чѣмъ человѣкъ *былъ* до грѣха и чѣмъ онъ *сталъ* послѣ грѣхопаденія. Сознаніе послѣдняго состоянія пробуждаетъ въ человѣкѣ желаніе возвратить утраченное первое.

Состояніе утраченной первозданной чистоты характеризуется въ твореніяхъ Епископа Игнатія чистотою, какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ душевномъ отношеніи, чистотою всего состава человѣческаго. Назначенное быть храмомъ Святаго Духа, отъ земли было взято *тѣло человѣческое*, но сотворено не для земли. Оно ниспало въ тлѣніе, но сотворено было не для тлѣнія. Сотворенное, благоукрашенное Создателемъ для вѣчности и вѣчнымъ, оно, немедленно по сотвореніи, оживлено безсмертною и святою душою, вмѣстѣ съ нею восхищено съ земли въ свѣтлый рай для пребыванія въ немъ, для духовной дѣятельности, для духовнаго наслажденія, для плотскихъ наслажденій оно было неспособно. Оно не могло выдти изъ рукъ Всесвятаго Творца иначе, какъ вполнѣ чистымъ и святымъ; впослѣдствіи исказилъ, обезобразилъ его грѣхъ. Его око было такъ непорочно, что не видѣло наготы прочихъ членовъ, которые, въ свою очередь, не представляли ничего, что бы нуждалось быть прикрытымъ. Душа не была обуреваема и волнуема страстями; не было волнуемо ими и тѣло. Не закипала кровь отъ гнѣва и не охлаждалась она отъ печали и унынія. Смерть была несвойственна этому тѣлу; несвойственны ему были недуги; не имѣло оно нужды ограждаться отъ вліянія стихій; оно не было узами и темницею для души: оно было для нея чудною, вѣчно новою одеждою [1]). Такимъ образомъ, состояніе первозданной чистоты въ тѣлесномъ отношеніи характеризуется безсмертіемъ, неспособностію къ плотскимъ наслажденіямъ, чистотою и святостію, неподверженностію болѣзнямъ. Тѣмъ большею чистотою и высотою отличался въ первозданномъ состояніи *человѣческій духъ*, въ которомъ, по

[1]) Поученіе въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста (т. IV, стр. 73—74, 253).

благоволенію Божію, отразилась всесовершенная благость, т. е. Существо Божіе, какъ отражается солнце на предметахъ, которыхъ оно касается лучами. И духи, и человѣкъ, и вся прочая тварь вышли изъ рукъ Создателя совершенными, относительно ограниченному естеству своему, исполненными цѣльнаго добра, безъ малѣйшей примѣси зла. Духи и человѣкъ содѣлались между тварями ближайшимъ и яснѣйшимъ отраженіемъ Бога. Въ самомъ существѣ ихъ Творецъ начерталъ Свой образъ; этотъ образъ Онъ украсилъ качествами, подобными тѣмъ качествамъ, которыя въ безпредѣльности и совокупности своей составляютъ сущность Бога. Богъ—благость: и разумныхъ тварей Онъ содѣлалъ благими. Богъ—премудрость: и разумныхъ тварей Онъ содѣлалъ премудрыми. Въ рѣшительный оттѣнокъ подобія Онъ даровалъ разумнымъ тварямъ Святаго Духа Своего,—этимъ соединилъ духъ ихъ, все существо ихъ съ Собою [1]). Иначе сказать, въ первозданно-чистомъ видѣ своемъ человѣческій духъ является яснымъ отпечатлѣніемъ образа Божія, исполненъ безпримѣснаго добра, въ возможной степени вмѣщаетъ въ себѣ Божественную премудрость и благость, является вмѣстилищемъ даровъ Св. Духа. Сотворенный благимъ, человѣкъ вкушалъ постоянную благость и святой миръ сердца [2]), обладалъ духовно-царственнымъ достоинствомъ [3]). Но все это первозданное достоинство человѣческой природы, утраченное произвольнымъ паденіемъ, не можетъ быть яснымъ для человѣка въ настоящемъ состояніи грѣховной затемненности. Человѣкъ палъ. Грѣхъ поразилъ смертію и душу его и тѣло его. Область смерти надъ человѣчествомъ такъ всеобща и такъ могущественна, что ни одинъ изъ многочисленной семьи человѣческой не избѣгъ ея; каждый человѣкъ родится уже съ началомъ смерти въ себѣ, можетъ подвергнуться ей ежечасно во время земной жизни, и непремѣнно подвергается въ свой извѣстный часъ. Что наша жизнь на землѣ, какъ не непрестанная борьба съ смертію? Изъ этого состоянія, столь далекаго отъ состоянія первозданной чистоты, мы никакъ не можемъ умозаключать о состояніи, которое было естественнымъ человѣку до его паденія: по тѣлу нашему никакъ не можемъ судить о тѣлѣ первозданныхъ. Первозданное блаженное и безсмертное состояніе мы можемъ созерцать только въ Божественномъ откровеніи. Мы можемъ видѣть опытное, полное доказательство его въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и частію—въ тѣхъ избранникахъ Божіихъ, которые проявили не только въ душахъ, но и въ тѣлахъ своихъ силу искупленія, дарованнаго Богочеловѣ-

---

[1]) Слово въ Великій четвергъ на литургіи (т. IV, стр. 118—119, 53).
[2]) Поученіе во вторникъ II-ой недѣли (т. IV, стр. 191).
[3]) Т. IV, стр. 10.

комъ человѣчеству [1]). Сладостное созерцаніе первозданной чистоты перваго Адама, его безпрепятственнаго общенія съ Богомъ и міромъ ангельскимъ, горестное сознаніе утраты грѣхомъ первозданнаго образа—безусловно необходимы въ совершеніи душеспасительнаго подвига, ибо при этихъ условіяхъ возбуждается въ человѣкѣ спасительное покаяніе и жажда дѣятельнаго возсоединенія съ Богомъ. Время нашей земной жизни, какъ бы оно длительно или кратко ни было, день единъ или тысяча лѣтъ, переживается вѣрующимъ и неравнодушнымъ къ душевному спасенію человѣкомъ въ возможно—живомъ представленіи безконечной вѣчности, и эта послѣдняя такъ же безпредѣльна въ сравненіи съ первымъ, какъ безконечное величіе Бога безпредѣльно высоко предъ ограниченностію человѣка. Въ созерцаніи первозданной чистоты, въ сознаніи своего настоящаго грѣховнаго состоянія, самая жизнь пріобрѣтаетъ особый смыслъ, какъ осуществленіе безсмертія, и фактъ неизбѣжной смерти разсматривается, какъ переходъ къ безсмертію. Такъ сближаются жизнь и безсмертіе, а смерть опредѣляется, какъ величайшее таинство начала новой, безсмертной жизни. Смерть—великое, сокровенное таинство. Она—рожденіе человѣка изъ земной временной жизни въ вѣчность. При совершеніи смертнаго таинства, мы сложимъ съ себя нашу грубую оболочку—тѣло и душевнымъ существомъ переходимъ въ другой міръ, въ обитель существъ, однородныхъ душѣ [2]). Постичь это таинство, опредѣлить свое отношеніе къ нему, проникнуть въ его глубину и за его предѣлы въ еще болѣе таинственную область потусторонней дѣйствительности, уяснить условія своего перехода къ ней является не дѣломъ только пытливости нашего ума, но и насущною потребностію всего нашего существа, во всѣхъ людяхъ—отъ простолюдина до величайшаго мудреца—носящаго въ себѣ жажду безсмертія, стремленіе къ нему, увѣренность въ немъ. Разгадать тайну смерти и загробнаго бытія человѣкъ не можетъ ни посредствомъ нашего чувственнаго познанія, ни чрезъ разсудочныя умозаключенія въ виду ихъ ограниченности. Существо смерти и загробное посмертное бытіе, въ обычныхъ условіяхъ нашей жизни, чувственному воспріятію не подлежатъ. Міръ загробный, міръ духовъ недоступенъ для грубыхъ органовъ тѣла, чрезъ которые, во время пребыванія нашего на землѣ, дѣйствуютъ чувства, принадлежащія, впрочемъ, собственно душѣ [3]). Душа, испед-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 74. Подробнѣе объ идеальномъ и реальномъ состояніи человѣческой природы будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ этой части.

[2]) Слово о смерти (т. III, стр. 69).

[3]) Особенность пониманія Епископомъ Игнатіемъ природы духа и души выше отмѣчена нами, поэтому во всѣхъ случаяхъ, гдѣ далѣе придется намъ встрѣтиться съ сужденіями его по данному вопросу, мы будемъ приводить ихъ безъ оговорокъ.

шая изъ тѣла, невидима и недоступна для насъ, подобно прочимъ предметамъ невидимаго міра. Видимъ только при совершеніи смертнаго тайнодѣйствія бездыханность, внезапную безжизненность тѣла; потомъ оно начинаетъ разлагаться и мы спѣшимъ скрыть его въ землѣ; тамъ оно дѣлается жертвою тлѣнія, червей, забвенія. Такъ вымерли и забыты безчисленныя поколѣнія человѣковъ. Что совершилось и совершается съ душею, покинувшею тѣло, это остается для насъ, при собственныхъ нашихъ средствахъ къ познанію, неизвѣстнымъ [1]). Но кратковременнымъ земнымъ странникамъ на землѣ необходимо узнать возможную участь въ вѣчности. Если во время краткаго здѣшняго странствованія наши заботы сосредоточены на томъ, чтобы устранить отъ себя все печальное и окружить себя всѣмъ пріятнымъ, тѣмъ болѣе должны мы озаботиться объ участи нашей въ вѣчности [2]).

Для вѣрующаго и небезучастнаго къ своему загробному жребію человѣка вопросы, касающіеся посмертнаго состоянія, являются вопросами первостепенной важности. Что совершаетъ съ нами смерть? Что предстоитъ душѣ за предѣломъ вещественности? Неужели тамъ нѣтъ воздаянія за добро и зло, совершаемыя человѣками на землѣ произвольно и невольно? Неужели нѣтъ этого воздаянія, тогда какъ зло на землѣ по большей части преуспѣваетъ и торжествуетъ, а добро гонимо и страдаетъ? Необходимо, необходимо намъ раскрыть таинство смерти, и увидѣть невидимую тѣлесными очами загробную будущность человѣка [3]). И Преосвященный Игнатій выясняетъ эти и близкіе къ нимъ вопросы эсхатологическаго порядка и незримое тѣлесными очами обычнаго человѣка дѣлаетъ доступнымъ для нашего постиженія, для созерцанія очами вѣры. Методъ, которымъ онъ въ этомъ случаѣ пользуется, есть аналитико-индуктивный: отъ анализа фактовъ и явленій къ обобщающимъ опредѣленіямъ и выводамъ. А основанія для этихъ выводовъ и опредѣленій въ отношеніи незримому и неопредѣлимому, факты для соотвѣтственныхъ наблюденій онъ благоговѣйно созерцаетъ въ Словѣ Божіемъ, Святоотеческой и подвижнической литературѣ. Какъ таинство смерти, такъ и другія сокровенныя положенія бытія посмертнаго, объясняются намъ Словомъ Божіимъ, а посредствомъ дѣйствія Святаго Духа содѣлываются даже доступными и открытыми для чувствъ, очищенныхъ и утонченныхъ благодатію. Общія положенія по вопросу о смерти и посмертной участи человѣка представляются по сочиненіямъ Епископа Игнатія въ слѣдующемъ видѣ. 1) Смерть—разлученіе души съ тѣломъ, соединенныхъ волею Божіею и волею Божіею паки раздѣляемыхъ. Смерть—разлу-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 69.
[2]) Тамъ же, стр. 70.
[3]) Тамъ же.

ченіе души съ тѣломъ вслѣдствіе нашего паденія, отъ котораго тѣло престало быть нетлѣннымъ, какимъ первоначально создано Создателемъ. Смерть—казнь безсмертнаго человѣка, которою онъ пораженъ за преслушаніе Бога. Смертію болѣзненно разсѣкается и раздирается человѣкъ на двѣ части, его составляющія, и по смерти уже нѣтъ человѣка: отдѣльно существуетъ душа его и отдѣльно существуетъ тѣло его.

2) И тѣло продолжаетъ существовать, хотя видимъ, что оно разрушается и обращается въ землю, изъ которой взято: оно продолжаетъ существовать въ самомъ тлѣніи своемъ, какъ сѣмя въ землѣ, въ ожиданіи вторичнаго соединенія съ душою, послѣ котораго оно содѣлается уже неприкосновеннымъ для этой видимой смерти. Тѣла особенныхъ избранниковъ Божіихъ противостоятъ тлѣнію, будучи проникнуты обильно благодатію Божіею.

3) Въ то время, какъ тѣло уснуло сномъ смертнымъ, что совершается съ душою? Слово Божіе открываетъ намъ, что наши души, по разлученіи ихъ съ тѣлами, присоединяются—соотвѣтственно усвоеннымъ ими въ земной жизни добрымъ, или злымъ качествамъ—къ Ангеламъ свѣта, или къ ангеламъ падшимъ [1]).

4) Унаслѣдованіе общенія съ Ангелами свѣта или съ духами зла зависитъ отъ вѣры и добродѣланія въ земной жизни. Христіане, одни православные христіане, и, притомъ, проведшіе земную жизнь благочестиво, или очистившіе себя отъ грѣховъ искреннимъ раскаяніемъ, исповѣдію предъ отцомъ духовнымъ и исправленіемъ себя, наслѣдуютъ вмѣстѣ съ свѣтлыми Ангелами вѣчное блаженство. Напротивъ того, злочестивые, т. е. еретики, и тѣ изъ православныхъ христіанъ, которые проводили жизнь въ грѣхахъ, или впали въ какой либо смертный грѣхъ и не уврачевали себя покаяніемъ, наслѣдуютъ вѣчное мученіе вмѣстѣ съ падшими ангелами [2]). Всѣ эти положенія Епископъ Игнатій подтверждаетъ свидѣтельствами Слова Божія [3]), святыхъ подвижниковъ и посланіемъ восточныхъ патріарховъ.

Сдѣлавъ общія указанія по вопросу о смерти и посмертной участи человѣка, Епископъ Игнатій въ своемъ „Словѣ о смерти“ входитъ далѣе въ подробное обсужденіе обстоятельствъ и условій смерти, пути къ вѣчности и самыхъ вѣчныхъ посмертныхъ состояній человѣка соотвѣтственно его нравственному состоянію. Такъ намѣчается его ученіе: 1) о смерти, 2) о мытарствахъ и 3) о раѣ и адѣ,—на которомъ мы далѣе и остановимъ свое вниманіе.

---

[1]) Слово о смерти (т. III, стр. 70—71).

[2]) Тамъ же, стр. 72.

[3]) Лк. XVI, 19—31; XXIII, 43. Апок. VI, 10—11; XX, 13; Іоан. V, 25; Пс. IX, 18. Мѳ. XX, 30; Лк. XX, 36. Мѳ. XXV, 34—41. Лк. XII, 47—48.

1) Образъ исшествія души изъ тѣла и обстоятельства, сопровождающія таинство смерти, рисуются Епископомъ Игнатіемъ въ яркихъ образахъ, заимствуемыхъ имъ, по преимуществу, изъ подвижнической литературы. На основаніи видѣній святыхъ подвижниковъ можно представить, какъ души вѣрныхъ и невѣрныхъ выходятъ изъ тѣлъ. Въ часъ смертный окружаютъ душу и Ангелы, и демоны; послѣдніе особенно приступаютъ къ увлекавшимся страстями. Видя Ангеловъ, готовыхъ принять душу по повелѣнію Божію, душа приходитъ въ испугъ, устрашаясь присутствія страшныхъ и грозныхъ ангеловъ. Она слышитъ и понимаетъ слезы и рыданія окружающихъ ее человѣковъ, но не можетъ произнести ни одного слова, ни подать голоса, потому что никогда не случалось ей испытать такого требованія объ исшествіи. Къ тому же она томится скорбію по причинѣ привязанности къ тѣлу; она болѣзнуетъ и тоскуетъ о разлученіи и разъединеніи съ нимъ. Она приходитъ въ смущеніе, волнуется, мятется, прибѣгаетъ къ Ангеламъ Божіимъ [1]). Хотя смерть праведниковъ и вполнѣ покаявшихся грѣшниковъ совершенно или, по крайней мѣрѣ, во многомъ отличается отъ смерти грѣшниковъ отверженныхъ и грѣшниковъ, недостаточно покаявшихся; но страхъ и томленіе свойственны каждому человѣку при его кончинѣ. Это такъ и должно быть: смерть есть казнь. Хотя казнь и смягчается для праведниковъ, но казнь пребываетъ казнію. Самъ Богочеловѣкъ, пріуготовляясь къ пріятію вольной смерти для спасенія рода человѣческаго, былъ въ подвигѣ, скорбѣлъ и тужилъ; капли пота Его падали на землю каплями крови: „прискорбна есть душа Моя до смерти“ (Мѳ. XXVI, 38 и 39), сказалъ Онъ апостоламъ, уснувшимъ отъ печали и нечувствовавшимъ приближавшейся напасти. Предсмертный страхъ ощущала Пресвятая Дѣва Богоматерь предъ Своимъ блаженнымъ успеніемъ, хотя Ей предвозвѣщены были Архангеломъ Гавріиломъ Ея переселеніе въ горнія обители и слава, тамъ ожидающая Ее, хотя Духъ Святый, обильно обитавшій въ Ней, увлекъ всѣ помышленія и всѣ желанія Ея на небо. Страхомъ и плачемъ приготовляли себя къ роковому смертному часу всѣ Святые: они понимали значеніе этого часа для человѣка [2]).

Но несмотря на общую для всѣхъ людей мучительность смертнаго часа, всѣми переживаемый страхъ смертный и томленіе души, одинаковую неизбѣжность посмертныхъ испытаній или воздушныхъ

---

[1]) Уясненіе образа смертнаго часа и переживаній души при разлученіи съ тѣломъ дѣлается Преосвященнымъ Игнатіемъ на основаніи видѣній препод. Макарія Александрійскаго, св. Кирилла, патріарха Александрійскаго, преп. Ѳеодора Студита, воина Таксіота (Четьи-Минеи за 28 марта), препод. Ѳеодоры и др. См. т. III, стр. 99—107.

[2]) Тамъ же, стр. 106—107.

мытарствъ, есть существенное различіе въ смертномъ часѣ праведника и грѣшника. Утѣшительна повѣсть о смерти праведниковъ, поучительно и душеспасительно сказаніе о томъ, съ какимъ сокрушеніемъ и смиреніемъ сердца они приготовлялись къ ней, съ какимъ святымъ страхомъ они встрѣчали ее. Особо томителенъ и страшенъ, мучителенъ и связанъ съ отчаяніемъ смертный часъ грѣшника; для праведника онъ смягчается его покаяннымъ чувствомъ и еще болѣе—внутренно переживаемымъ тяготѣніемъ къ небесной отчизнѣ, и смертное страданіе для него смягчается сердечнымъ умиленіемъ и видѣніемъ небесной славы. Но этой блаженной участи смягченія и облегченія смертнаго часа сподобляются и грѣшники, принесшіе искреннее раскаяніе во грѣхахъ [1]).

Всѣ отмѣченные признаки и особенности характеризуютъ смерть въ смыслѣ разлученія души съ тѣломъ, смерть въ обычномъ житейскомъ смыслѣ этого слова, и, уясняя душевное состояніе человѣка въ часъ смертный, не исчерпываютъ всего содержанія понятія смерть, ибо въ объемѣ послѣдняго, наряду съ понятіемъ смерти тѣлесной, мыслится понятіе смерти душевной. Та и другая, объединяясь въ въ общемъ понятіи смерти, одинаково являются естественными послѣдствіями произвольнаго нарушенія человѣкомъ Божественной воли и самохотнаго внесенія язвы грѣха въ человѣческую природу. Въ собственномъ смыслѣ разлученіе души съ тѣломъ не есть смерть; оно—только послѣдствіе смерти. Есть смерть, несравненно болѣе страшная. Есть смерть—начало и источникъ всѣхъ болѣзней человѣка, и душевныхъ, и тѣлесныхъ, и лютой болѣзни, исключительно именуемой у насъ смертію [2]). Причиною появленія душевной смерти является нарушеніе человѣкомъ Божественной воли. Несмотря на страшную угрозу смертію (Быт. II, 16—17), человѣкъ преступилъ заповѣдь, и, по преступленіи, немедленно умеръ; смерть мгновенно явилась во всѣхъ движеніяхъ души и въ ощущеніяхъ тѣла. Святый Духъ, обитавшій въ человѣкѣ, сообщавшій безсмертіе душѣ и тѣлу, бывшій ихъ жизнію, отступилъ отъ нихъ, какъ отъ нарушившихъ общеніе съ Богомъ произвольнымъ отверженіемъ заповѣди Божіей и столько же произвольнымъ вступленіемъ въ единомысліе и союзъ съ сатаною. Разлученіе Бога отъ души есть смерть души. Въ этомъ собственно заключается душевная смерть [3]). Послѣдствіями душевной смерти является не только непотребность и приниженіе духа, но и страданіе и тлѣніе тѣла. Тѣ люди, которые не обращаютъ вниманія

---

[1]) Всѣ эти сужденія въ твореніяхъ Епископа Игнатія иллюстрируются живыми примѣрами жизни святыхъ подвижниковъ, см., напр., т. III, стр. 108—113.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

[3]) Тамъ же, стр. 114.

на всесвятое ученіе Христово, необходимое для спасенія, единое на потребу для истинной жизни человѣка, съ духовной точки зрѣнія являются мертвецами еще при жизни ихъ плотію на землѣ. Мертвыми наименовалъ Господь тѣхъ живыхъ по плоти, которые были поистинѣ мертвы, какъ умерщвленные душою [1]). Эта душевная смерть является временною для тѣхъ, кто сподобляется спасительныхъ тайнъ крещенія и покаянія, и—вѣчною для небрегущихъ о своемъ духовномъ воскресеніи. Первое воскресеніе совершается при посредствѣ двухъ таинствъ: крещенія и покаянія. Чрезъ святое крещеніе воскресаетъ душа отъ гроба невѣрія и нечестія, или отъ первороднаго грѣха и собственныхъ грѣховъ, содѣланныхъ въ нечестіи, а чрезъ покаяніе уже вѣрующая душа воскресаетъ отъ смерти, нанесенной ей смертными грѣхами, или нерадивою, любосластною жизнію, по крещеніи. Совершитель воскресенія—Духъ Святый. Се воскресеніе первое (Апок. XX, 4—5), состоящее въ оживленіи души изъ ея смерти вѣрою въ Господа Іисуса Христа въ омовеніи грѣховъ святымъ крещеніемъ, въ жизни по завѣщанію Христову и въ очищеніи покаяніемъ грѣховъ, содѣланныхъ послѣ крещенія. Для людей, пользующихся святыми таинствами, нѣтъ смерти. Для нихъ разлученіе души съ тѣломъ—не смерть, но переходъ отъ скорбнаго земного странствованія къ вѣчной радости и упокоенію. Смерть вторая, т. е. окончательное осужденіе на вѣчныя адскія муки и преданіе имъ, не имѣетъ власти надъ воскресшими первымъ воскресеніемъ. Егда скончается тысяща лѣтъ (Апок. XX, 6), исполнятся времена, и созрѣетъ весь словесный плодъ земли,—послѣдуетъ воскресеніе второе, воскресеніе тѣлъ. Послѣ него усугубится блаженство праведниковъ, благовременно воскресшихъ первымъ воскресеніемъ; усугубится послѣ него смерть отверженныхъ грѣшниковъ, лишившихся перваго воскресенія [2]). Вышеприведенными сужденіями Епископа Игнатія для вѣрующей души раскрывается, въ относительной мѣрѣ поясняется великое

---

[1]) Тамъ же, стр. 115—116.

[2]) Тамъ же, стр. 117—119. Апокалипсическую тысячу лѣтъ Преосвященный Игнатій не понимаетъ въ буквальномъ смыслѣ. Тысяча лѣтъ, говоритъ онъ, по объясненію, общепринятому Святою Церковію, не знаменуетъ опредѣленнаго числа годовъ, а знаменуетъ весьма значительное пространство времени, данное милосердіемъ и долготерпѣніемъ Божіимъ, чтобъ весь плодъ земли, достойный неба, созрѣлъ, и чтобъ ни едино зерно, годное для горней житницы, не было утрачено. Онъ понимаетъ эту тысячу лѣтъ въ смыслѣ св. Андрея, архіепископа Кесарійскаго, какъ время отъ вочеловѣченія Христова до второго славнаго Его пришествія... Тысяча лѣтъ—время, въ теченіе котораго будетъ благовѣствоваться Евангеліе. Съ начала этого тысячелѣтія открылось и нынѣ продолжаетъ открываться первое, таинственное, существенное воскресеніе мертвыхъ, оно будетъ продолжаться до конца времени (тамъ же, стр. 116—117).

таинство смерти: смерть тѣлесная—разлученіе души съ тѣломъ, какъ послѣдствіе первороднаго грѣха, смерть душевная, смерть первая послѣдуемая въ первородномъ грѣхѣ для всего человѣчества и утверждаемая для каждаго въ отдѣльности человѣка его личною произвольною грѣховностію, и смерть вторая и послѣдняя—вѣчное отторженіе души, не познавшей Бога въ теченіе земного поприща, отъ союза съ Богомъ и осужденіе на вѣчныя мученія по второмъ славномъ пришествіи Христа Спасителя „судити живымъ и мертвымъ". Таковъ ходъ жизни тѣхъ людей, которые подверглись растлѣвающей язвѣ грѣха смертнаго, такова участь грѣшниковъ нераскаянныхъ. Для тѣхъ же сыновъ первозданнаго Адама, которые живутъ вѣрою въ Сына Божія и жизнь земную опредѣляютъ, какъ путь къ Іерусалиму небесному, для вѣрующихъ въ Бога и грѣшныхъ, но искренно и глубоко покаявшихся людей, хотя такъ же, какъ и для первыхъ, неизбѣжна смерть тѣлесная, нестрашна смерть душевная—ни первая, устраняемая благодатію спасительныхъ таинъ крещенія и покаянія, ни вторая—въ упованіи на спасительную тайну Божественнаго искупленія, вѣрою въ „Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ". Жизнь этихъ ревнующихъ о душевномъ спасеніи людей есть постоянное крестоношеніе, постепенное и постоянное, при содѣйствіи Божественной благодати воскресеніе первое отъ темныхъ дѣлъ, ихъ не страшитъ и смертный исходъ, ибо умираютъ они съ вѣрою въ воскресеніе второе, съ чаяніемъ общаго „воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка".

Но какъ смерть тѣлесная со всѣми принадлежащими ей скорбями и грѣховное вліяніе въ душѣ—первородное наслѣдіе грѣховныхъ сыновъ Адамовыхъ и неизбѣжны для всѣхъ людей, хотя количественно и различаются, въ зависимости отъ свободно избираемаго человѣкомъ грѣховнаго или спасительнаго жизненнаго пути и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, привлеченія Божественной благодати въ душу человѣческую или, наоборотъ, подчиненія ея духу зла и сдруженія съ грѣховными помыслами и дѣлами,—такъ точно для праведника и грѣшника, для умершаго съ надеждою воскресенія въ царство славы и для оканчивающаго свой земной путь безнадежнымъ переходомъ въ погибель неизбѣжно пройти путь къ вѣчности или воздушныя мытарства. Вѣрующее сознаніе Святителя Игнатія находитъ въ церковномъ ученіи о мытарствахъ обильную школу смиренія и покаянія и, съ этой точки зрѣнія, авторъ „Слова о смерти" особенно внимательно останавливается на вопросѣ о мытарствахъ и, пользуясь хорошо ему извѣстною подвижническою литературою, прибѣгая къ Слову Божію и къ тайноводственно-воспитательному Бого-

служенію Православной Церкви, даетъ живую и яркую картину посмертныхъ и пожизненныхъ мытарствъ.

Посмертныя мытарства—для вѣрующаго сознанія—неподлежащій сомнѣнію фактъ. Тому ручательствомъ служатъ запечатлѣнныя въ Словѣ Божіемъ видѣнія святыхъ Божіихъ людей [1]), засвидѣтельствованныя святыми подвижниками случаи отверзенія очей и воспріятія чудныхъ видѣній [2]), живое поученіе Святой Православной Церкви, въ призывѣ къ покаянію указывающей своимъ чадамъ на неизбѣжность воздушныхъ посмертныхъ мытарствъ [3]).

По изложенному уже нами выше пониманію Епископомъ Игнатіемъ духовнаго міра, духи имѣютъ тонко-вещественную, газообразную природу, и, если невидимы для большинства людей, то лишь вслѣдствіе плотскаго состоянія ихъ чувствъ и грѣховности настроеній. Сознающимъ это людямъ надлежитъ внимать тѣмъ, кому, по прикосновенію перста Божія, дано было видѣть и увѣдѣть невидимое и невѣдомое для плотскихъ и душевныхъ умовъ. И Слово Божіе и содѣйствующій слову Духъ открываютъ намъ, при посредствѣ избранныхъ сосудовъ своихъ, что пространство между небомъ и землею, вся видимая нами лазуревая бездна, воздухъ, поднебесная, служитъ жилищемъ для падшихъ ангеловъ, низвергнутыхъ съ неба. Въ книгѣ Іова (I, 7) падшій ангелъ представляется блуждающимъ въ неизмѣримомъ пространствѣ поднебесной; онъ скитается въ ней, быстро пролетаетъ ее, томимый ненасытною злобою къ роду человѣческому. Св.

---

[1]) Напр. Дѣян. VII, 55—56. Псал. CXLI; Апок. XII. 7—8. Іезек. XXVIII, 16. Іов. I, 7. 1 Петр. V, 8. Мѳ. XII, 36—37.

Ефес. VI, 12—13. День лютый, объясняетъ Епископъ Игнатій,—година жестокаго діавольскаго искушенія и нападенія, которымъ подвергаются мужественные воины Христовы во время земного странствованія и при которыхъ побѣдители переходятъ отъ вѣчной смерти къ воскресенію души: для прочихъ христіанъ день лютъ—день разлученія души отъ тѣла, день шествія по воздушнымъ мытарствамъ (Сочин. Еп. Игнатія, т. III, стр. 162).

[2]) Таковы видѣнія и толкованія препод. Іоанна Колова, св. Антонія Великаго, препод. Макарія Великаго, св. Аѳанасія Великаго, св. Іоанна Златоустаго, свв. Великомучениковъ Евстратія и Георгія, св. Нифонта, препод. Симеона, Христа ради юродиваго, блаж. Іоанна Милостиваго, преп. Симеона Столпника, Іоанна Раифскаго, Исаіи Отшельника, Аввы Дороѳея, св. Іоанна Карпаѳійскаго, св. Исихія, преп. Ѳеогноста, особенно—повѣданія препод. Ѳеодоры. (См. въ т. III сочин. Еп. Игнатія, особ. стр. 129—163).

[3]) По отношенію къ данному вопросу, Преосвященнымъ Игнатіемъ особенно отмѣчены: а) канонъ молебный ко Господу Іисусу Христу и къ Божіей Матери, положенный при кончинѣ каждаго православнаго; б) келейное правило; в) молитва предъ кондаками и икосами акаѳиста Божіей Матери; г) чинъ на разлученіе души отъ тѣла, внегда человѣкъ долго страждетъ; д) молитва святителю Николаю; е) молитва препод. Сергію Радонежскому и многимъ другимъ святымъ (т. III, стр. 149—151)

Апостолъ Павелъ называетъ падшихъ ангеловъ духами злобы поднебесными, а главу ихъ—княземъ власти воздушной [1]). Падшіе ангелы разсѣяны во множествѣ по всей прозрачной безднѣ, которую мы видимъ надъ собою [2]). И вотъ когда душа христіанина, оставивъ свою земную храмину, начинаетъ стремиться чрезъ воздушное пространство въ горнее отечество, демоны останавливаютъ ее, стараются найти въ ней сродство съ собою, свою грѣховность, свое паденіе и низвести ее въ адъ. Такъ дѣйствуютъ они по праву, пріобрѣтенному ими [3]). Это право принадлежитъ духамъ злымъ по причинѣ человѣческаго грѣхопаденія. Прародители наши преступили повелѣніе Божіе и исполнили совѣтованіе всезлобнаго врага своего, духа мрачнаго, духа богохульнаго, льстиваго и лживаго. Этимъ поступкомъ, по весьма естественному порядку, они нарушили свое общеніе съ Богомъ, и не только вступили въ общеніе съ діаволомъ, но и произвольно подчинили себя ему, а съ собою и ту часть созданія, которая сотворена была для нихъ и надъ которою Богомъ предоставлено было имъ владычество. Наряду съ херувимомъ, охраняющимъ путь къ древу жизни, другой херувимъ сталъ на пути человѣка къ раю, тотъ херувимъ, который не пощадилъ своего дивнаго величія, начальникъ и родитель зла и смерти, ниспавшій въ пропасть погибели, увлекшій туда множество ангеловъ и весь родъ человѣческій. Этотъ херувимъ, по справедливому попущенію Божію, съ сонмомъ ангеловъ падшихъ, князь воздушный, князь міра и вѣка сего, князь и глава добровольно ему покорившихся ангеловъ и человѣковъ, сталъ на пути отъ земли къ раю, и съ того времени до спасительнаго страданія и животворной смерти Христовой не пропустилъ по пути тому ни одной души человѣческой, разлучившейся съ тѣломъ. Врата небесныя заключились для человѣковъ навсегда. И праведники и грѣшники нисходили во адъ. Врата вѣчныя и пути непроходимые открылись передъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Но и по искупленіи рода человѣческаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, по предоставленной человѣкамъ свободѣ въ избраніи жизни и смерти, въ принятіи Искупителя и искупленія, или въ отверженіи ихъ, многіе пожелали остаться въ общеніи съ сатаною. Многіе также, вписавъ себя въ Христово воинство и объявивъ себя Его служителями, нарушаютъ обѣтъ вѣрности Ему,—дѣйствіями своими, явными и тайными, вступаютъ въ союзъ съ духами злобы. Всѣ, явно отвергшіе Искупителя, отселѣ составляютъ достояніе сатаны: души ихъ, по разлученіи съ тѣлами, нисходятъ прямо во адъ. Но и христіане, уклоняющіеся ко грѣху,

---

[1]) Ефес. VI, 12; II, 2.

[2]) Сочин. Еп. Игнатія, т. III, стр. 129—133; 101—114.

[3]) Тамъ же, стр. 133.

недостойны немедленнаго переселенія изъ земной жизни въ блаженную вѣчность. Самая справедливость требуетъ, чтобы эти уклоненія ко грѣху, эти измѣны Искупителю были взвѣшены и оцѣнены. Необходимы судъ и разборъ, чтобы опредѣлить степень уклоненія ко грѣху христіанской души, чтобы опредѣлить, что преобладаетъ въ ней—вѣчная жизнь, или вѣчная смерть. И ожидаетъ каждую христіанскую душу, по исшествіи ея изъ тѣла, нелицепріятный судъ Божій (Евр. IX, 27). Правосудіе Божіе совершаетъ судъ надъ христіанскими душами, исшедшими изъ тѣлъ своихъ, посредствомъ ангеловъ, какъ святыхъ такъ и злобныхъ. Первые въ теченіе земной жизни человѣка, замѣчаютъ всѣ его добрыя дѣла, а вторые замѣчаютъ всѣ его законопреступленія. Когда душа христіанина начнетъ восходить къ небу, руководимая святыми Ангелами, темные духи обличаютъ ее неизглаженными покаяніемъ грѣхами ея, какъ жертвами сатанѣ, какъ залогами общенія и одинаковой вѣчной участи съ нимъ.

Для истязанія душъ, проходящихъ воздушное пространство, установлены темными властями отдѣльныя судилища и стражи въ замѣчательномъ порядкѣ. По слоямъ поднебесной, отъ земли до самаго неба, стоятъ сторожевые полки падшихъ духовъ. Каждое отдѣленіе завѣдываетъ особеннымъ видомъ грѣха и истязываетъ въ немъ душу. Воздушныя бѣсовскія стражи и судилища называются въ Отеческихъ писаніяхъ мытарствами [1]). Ученіе о мытарствахъ есть ученіе Церкви. Это ученіе находимъ въ древнѣйшемъ церковномъ преданіи и въ церковныхъ молитвословіяхъ. Истязанію на воздушныхъ мытарствахъ подлежатъ всѣ грѣхи, содѣланные послѣ крещенія, а у посвятившихъ себя Богу чрезъ иноческое служеніе—всѣ грѣхи, содѣланные по принятіи монашества [2]). Добродѣланіе [3]) и покаяніе облегчаютъ душѣ прохожденіе мытарствъ: всѣ грѣшники, исповѣдающіе со смиреніемъ и слезами грѣхи свои, примутъ прощеніе по милости Божіей; умирающимъ же безъ покаянія судитъ Богъ [4]). Преосвященный Игнатій даетъ многочисленные яркіе примѣры посмертныхъ мытарствъ, проходимыхъ душою, заимствуя эти примѣры изъ пѣснопѣній Св. Православной Церкви и изъ видѣній св. подвижниковъ; особенно подробно останавливается онъ на повѣданіи преподобной Ѳеодоры о видѣнныхъ и пройденныхъ ею 20 мытарствахъ [5]). Въ связи съ изображеніемъ мы-

---

[1]) Слово о смерти (т. III, стр. 134—136).

[2]) Тамъ же, стр. 138—139.

[3]) Тамъ же, стр. 139.

[4]) Тамъ же, стр. 142.

[5]) На первомъ мытарствѣ—истязуются грѣхи человѣческіе словомъ (празднословіе, сквернословіе, насмѣшки, кощунство и т. д.). Второе мытарство—лжи (ложь, клятвопреступленіе, призываніе Имени Божія всуе, неисполненіе обѣ-

тарствъ разрѣшаются нѣкоторые, связанные съ ними вопросы. 1) Послѣ четвертаго мытарства на недоумѣніе преп. Ѳеодоры, что люди, кажется, не знаютъ участи души послѣ смерти, св. Ангелы отвѣчаютъ ей, что знать это они могутъ, такъ какъ объ этомъ говоритъ имъ Божественное слово, ежедневно читаемое въ церквахъ и проповѣдуемое служителями Божіими, но люди, безпечно прилѣпившись къ суетѣ мірской, не обращаютъ вниманія на Слово Божіе и Святое Писаніе считаютъ баснею. 2) Послѣ тринадцатаго мытарства на вопросъ преп. Ѳеодоры объ источникахъ знанія злыми духами дѣлъ человѣческихъ, Ангелы отвѣтили ей, что духъ зла всюду наблюдаетъ за человѣкомъ и, склоняя его ко грѣху, замѣчаетъ всѣ его паденія—и дѣломъ и мыслію. Ангелы пояснили также, сколь важное значеніе имѣютъ молитвы Церкви за умершихъ, что воздушнымъ мытарствамъ подвергаются только просвѣщенные святою христіанскою вѣрою и омовенные святымъ крещеніемъ. 3) Послѣ пятнадцатаго мытарства, святые Ангелы поясняютъ преп. Ѳеодорѣ, что мытарства неизбѣжны, что нѣтъ другого пути для христіанскихъ душъ, восходящихъ къ небу; всѣ проходятъ ихъ, но не всѣ бываютъ такъ истязуемы, какъ истязуются подвергшіеся грѣхопаденіямъ и не вполнѣ исповѣдавшіеся въ нихъ, стыдившіеся отца духовнаго и утаивавшіе предъ нимъ свои постыдныя дѣла. Раскаявшіеся же и чистые съ радостію восходятъ къ Престолу благодати [1]). Великіе угодники Божіи проходятъ честными душами своими воздушныя бѣсовскія мытарства съ необыкновенною быстротою и великою славою. Объясняется эта быстрота прохожденія

товъ, утаеніе грѣховъ на исповѣди). Третье мытарство—клеветы (оклеветаніе ближняго, осужденіе, обезславливаніе). Четвертое мытарство—чревоугодія (объяденіе, пьянство, нарушеніе постовъ, пресыщеніе). Пятое мытарство—лѣности (лѣность, нерадѣніе о служеніи Богу, тунеядство). Шестое мытарство—воровства (всѣ виды воровства и хищенія, явныя и тайныя, грубыя и благовидныя). Седьмое мытарство—сребролюбія и скупости. Восьмое мытарство—лихвы (ростовщики, лихоимцы и присвоители чужого). Девятое мытарство—неправды (пристрастіе въ судѣ, обманъ въ торговыхъ и др. дѣлахъ). Десятое мытарство—зависти. Одиннадцатое мытарство—гордости (гордость, тщеславіе, самомнѣніе, непочтеніе къ родителямъ и неповиновеніе власти) Двѣнадцатое мытарство—гнѣва и ярости. Тринадцатое—памятозлобія. Четырнадцатое мытарство—убійства. Пятнадцатое—волхвованія (чародѣйство, наговоры, призываніе бѣсовъ). Шестнадцатое мытарство—блуда (любодѣяніе, соуслажденіе на грѣхъ, услажденіе грѣхомъ). Семнадцатое мытарство—прелюбодѣйное (блудные грѣхи лицъ, живущихъ въ супружествѣ). Восемнадцатое мытарство—содомское (блудные противоестественные грѣхи). Девятнадцатое мытарство—ересей (неправильное мудрованіе о вѣрѣ, сомнѣніе въ вѣрѣ, отступничество отъ православной вѣры, богохульство). Двадцатое мытарство—немилосердія.

[1]) Тамъ же, стр. 151—157.

воздушныхъ мытарствъ угодниками Божіими въ виду совершеннаго ими при жизни перехода отъ естества ветхаго Адама въ естество Новаго Адама и потому, что имъ свойственно пожизненное прохожденіе мытарствъ, съ такою великою свободою великіе угодники Божіи проходятъ воздушныя стражи темныхъ властей потому, что въ земной жизни вступаютъ въ непримиримую брань съ ними и, одержавъ надъ ними побѣду, въ глубинѣ сердца стяжаваютъ совершенную свободу отъ грѣха, содѣлываются храмомъ и святилищемъ Святаго Духа, содѣлывающаго словесную обитель свою неприступною для падшаго ангела [1]).

Опредѣленные выводы Епископа Игнатія по вопросу о мытарствахъ можно выразить слѣдующимъ образомъ:

1) По смерти тѣла и прежде вступленія въ область вѣчности душа человѣческая неизбѣжно проходитъ воздушныя мытарства, опредѣляющія ея вѣчную участь.

2) Ученіе о мытарствахъ есть ученіе церковное, возвѣщаемое Словомъ Божіимъ, святыми подвижниками и православно-христіанскимъ Богослуженіемъ.

3) Наряду съ посмертнымъ прохожденіемъ мытарствъ существуетъ пожизненное прохожденіе ихъ въ подвигѣ христіанской жизни. Какъ воскресеніе христіанской души изъ грѣховной смерти совершается во время земнаго ея странствованія, точно такъ таинственно совершается здѣсь, на землѣ, ея истязаніе воздушными властями, ея плѣненіе ими или освобожденіе отъ нихъ; при шествіи черезъ воздухъ эти свобода и плѣнъ только обнаруживаются [2]).

Основнымъ положеніемъ морально-аскетическихъ воззрѣній Епископа Игнатія является, такимъ образомъ,—воззрѣніе на жизнь, какъ на подготовленіе къ смерти и посмертному жребію, причемъ самый жребій этотъ находится въ зависимости отъ направленія и характера земной жизни, а—посмертное прохожденіе пути къ вѣчности находится въ зависимости отъ того, насколько человѣкъ за время своей земной жизни памятовалъ эту вѣчность; прохожденіе мытарствъ воздушныхъ облегчается въ зависимости отъ степени прохожденія мытарствъ пожизненныхъ въ подвигѣ добродѣтельной жизни, въ борьбѣ съ духами зла, дѣйствующими чрезъ страсти и грѣховныя влеченія падшей человѣческой природы. Въ зависимости отъ этого опредѣляется и посмертная участь человѣка, какъ блаженство или муки, какъ рай или адъ.

---

[1]) Особенно назидательнымъ въ этомъ отношеніи представляется примѣръ прохожденія воздушныхъ мытарствъ преп. Маркомъ Ораческимъ (См. стр. 158—159).

[2]) Тамъ же, стр. 159.

По вопросу о посмертной участи человѣка воззрѣнія Епископа Игнатія вполнѣ опредѣленны, ясны и глубоко назидательны. Адъ и рай—для Епископа Игнатія не отвлеченныя понятія о различной посмертной участи или состояніи людей, а вполнѣ опредѣленныя и качественно различныя, какъ и духовныя настроенія людей, въ зависимости отъ характера и направленія ихъ земной жизни. И въ раскрытіи этого вопроса Преосвященный Игнатій идетъ своимъ обычнымъ методомъ, обосновывая свои понятія о раѣ и адѣ и о посмертномъ состояніи душъ не на самочинныхъ измышленіяхъ разсудка, а на свидѣтельствахъ Слова Божія [1]), Священнаго Преданія и подвижниковъ Православной Церкви [2]) и немолчной живой проповѣди въ Богослуженіи Православной Церкви [3]). Въ то же время воззрѣнія Епископа Игнатія по вопросу о посмертной участи людей находятся въ соотвѣтствіи съ пониманіемъ имъ природы духовнаго міра. Будущія жилища душъ, говоритъ онъ, соотвѣтствуютъ естеству ихъ, т. е. ихъ эѳирной природѣ. Соот-

---

[1]) Въ подтвержденіе своихъ разъясненій по вопросу объ адѣ и раѣ Епископъ Игнатій приводитъ слѣдующія мѣста Священнаго Писанія: Быт. III, 19–24; II, 9—10. Лк. XXIII, 43. 2 Кор. XII, 3—4. 1 Кор. II, 9—10. Ис. VI, 5. Быт. XXXVII, 37. Іов. X, 20—22. Числ. XVI, 29—35. Псал. LXXXV. 13. 1 Цар. XXVIII, 14. Исх. XIV, 15. Іез. XXXI, 16—18. Мѳ. XII, 40. Еф. IV, 9. 1 Пет. III, 19. Іоан. I, 2–5. Осіи XIII, 14. Іон. II, 3—7. Мѳ. XXV. 41—46. Лк. XVI, 29. Мр. IX, 48. Лк. XII, 4—5 и др

[2]) Напр. видѣніе св Андрея Юродиваго, повѣданіе преп. Ѳеодоры, свидѣтельства св. Іоанна Златоустаго, св. Іоанна Лѣствичника, св. Аѳанасія Великаго, св. Кирилла Александрійскаго, св. Григорія Паламы и др.

[3]) Въ этомъ отношеніи особенно сильна проповѣдь Богослуженія страстной седмицы, а особенно—Великой субботы и святой Пасхи. Празднуя и воспѣвая спасеніе людей пострадавшимъ за нихъ Богочеловѣкомъ, поправшимъ смертію смерть, сокрушившимъ врата и заклепы адовы, воскресившимъ человѣчество въ Себѣ и съ Собою, Церковь съ особенною ясностію выражаетъ свое мнѣніе о мѣстонахожденіи, какъ ада, такъ и рая. Церковь не занимается, говоритъ Преосвященный Игнатій, собственно изысканіемъ, гдѣ адъ и гдѣ рай, но, славословя Господа, и говоря о адѣ и о раѣ, по необходимости, хотя и мимоходно, высказываетъ свое мнѣніе о мѣстѣ ихъ, говоритъ объ этомъ, какъ о предметѣ общеизвѣстномъ. Величественное пѣснопѣніе на утрени Великой субботы, послѣ прочтенія шестопсалмія и великой ектеніи, начинается съ двухъ глубоко умилительныхъ и вмѣстѣ изящно-поэтическихъ тропарей, изъ которыхъ въ первомъ воспѣвается погребеніе Господа, во второмъ—нисшествіе Его въ адъ. Въ возглашаемыхъ затѣмъ похвалахъ Господу, соединенныхъ съ стихами CXVIII Псалма, съ наибольшею ясностію упоминается о томъ, что адъ находится внутри земли (Особ. похвалы къ стихамъ Псалма CXVIII—56, 17, 25, 48, 53, 59, 80, 58, 117, 160, 46, 47). Въ похвалахъ къ ст. 46 и 47 Церковь во всенародное услышаніе объявляетъ не только о мѣстонахожденіи ада, но и о мѣстонахожденіи рая. Человѣки, въ праотцахъ своихъ, низвержены на землю изъ рая: Церковь опредѣляетъ мѣсто рая, говоря, что человѣки ниспали с ъ н е б а. То же мнѣніе о мѣстонахожденіи ада и рая видимъ въ службѣ на святую Пасху. Но, кромѣ того, мнѣніе о мѣстонахожденіи ада внутри земли усматривается на всемъ пространствѣ Богослуженія православной Церкви (См. Сочин. Епископа Игнатія, т. III, стр. 95—96.)

вѣтствуетъ этой природѣ Эдемъ или рай, соотвѣтствуетъ ей и адъ. Кромѣ духовнаго наслажденія и внутренняго царства святой души, раскрывающагося въ ней уже отсюда, по мѣрѣ ея очищенія, она помѣщается въ страну и обитель, каковымъ подобаетъ быть мѣстопребыванію души, удостоенной милостію Божіею вѣчнаго блаженства. Душа грѣшная, отвергнутая Богомъ, не только мучится своею совѣстію и своимъ состояніемъ отверженія, но и заключается въ страшную подземную темницу, именуемую адомъ, тартаромъ, геенною, гдѣ подвергается лютымъ мукамъ, способнымъ терзать ея эѳирную природу. Все это сказано въ Священномъ Писаніи, и открывается Святымъ Духомъ, по Его избранію и усмотрѣнію, человѣкамъ, достойнымъ такого откровенія, откровенія душеполезнѣйшаго [1]). Онъ приходитъ къ мысли, что земная природа подобна раю красотами своими и напоминаетъ его собою падшему человѣку. Когда видимъ великолѣпіе нашего изгнанія земли, невольно восклицаемъ: это рай! Боговидецъ Моисей изображаетъ рай изящнѣйшимъ и обширнѣйшимъ садомъ (Быт. II, 9). Точно такимъ видѣли рай многіе угодники Божіи Новозавѣтной Церкви. Таковъ онъ и на самомъ дѣлѣ, но вещество его и природа тонки, соотвѣтствуютъ естеству его жителей—духовъ, и потому недоступны для нашихъ чувствъ, огрубѣвшихъ и притупѣвшихъ отъ паденія [2]). Природа рая, благолѣпіе небесъ, изобиліе тамъ благодатнаго блаженства.—превышаютъ все изящное и пріятное земное. Паденіе человѣка такъ глубоко, что онъ въ состояніи паденія уже не можетъ самъ собою получить никакого понятія о потерянномъ своемъ блаженствѣ. Водворивъ царство Божіе въ человѣкѣ, Духъ Святый нерѣдко возводитъ достойныхъ служителей Своихъ въ страны премірныя, въ обители, уготованныя праведникамъ для вѣчнаго ихъ праздника [3]). Мѣсто рая опредѣляется Священнымъ Писаніемъ—на востокѣ. Въ такомъ направленіи находится рай по отношенію къ землѣ [4]).

Столь же опредѣленно мнѣніе Епископа Игнатія объ адѣ. Адъ помѣщается во внутренности земли [5]). Мнѣніе о мѣстонахожденіи ада внутри земли усматривается на всемъ пространствѣ Богослуженія Православной Церкви [6]). Если рай просвѣщенъ вѣчнымъ свѣтомъ и исполненъ обильными и неизреченными благами, то адъ—напол-

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. III, стр. 79.
[2]) Тамъ же, стр. 81.
[3]) Тамъ же, стр. 83—89, 129; т. IV, стр. 479—480.
[4]) Тамъ же, т. III, стр. 82.
[5]) Тамъ же, стр. 89, 79.
[6]) Тамъ же, стр. 89—95, 133.

ненъ непроницаемою тьмою, неугасающимъ огнемъ и вѣчными мученіями [1]).

Совершенно опредѣленное мнѣніе имѣетъ Преосвященный Игнатій и о степени, качествѣ и длительности райскаго или адскаго состоянія людей соотвѣтственно ихъ нравственному достоинству. Ожидающія грѣшниковъ во адѣ муки—вѣчны; онѣ такъ ужасны, что человѣкъ живущій на землѣ, не можетъ получить о нихъ яснаго понятія безъ особеннаго откровенія Божія. Всѣ наши лютыя болѣзни и злоключенія, всѣ страшнѣйшія земныя страданія и скорби ничтожны въ сравненіи съ адскими муками. Преисподнія темницы представляютъ странное и страшное уничтоженіе жизни при сохраненіи жизни. Тамъ полное прекращеніе всякой дѣятельности; тамъ—одно страданіе; тамъ господствуетъ лютѣйшій изъ сердечныхъ недуговъ—отчаяніе; тамъ плачи и стоны, непривлекающіе никакого утѣшенія душѣ, раздираемой ими; тамъ узы и оковы неразрѣшимыя; тамъ тьма непроницаемая, несмотря на обиліе пламени; тамъ царство вѣчной смерти. Такъ ужасны адскія муки, что ничтожна предъ ними лютѣйшая изъ земныхъ мукъ—насильственная смерть [2]). Напротивъ, состояніе райскаго блаженства праведниковъ превышаетъ всякое человѣческое представленіе о пріятномъ и изящномъ земномъ [3]). Предощущеніе вѣчной благодатной жизни сообщается человѣку, ревнующему о своемъ спасеніи, какъ духовная радость, полная смиреномудрія, благодаренія Богу, сопутствуемая слезною молитвою, исповѣданіемъ и славословіемъ Бога, умерщвленіемъ міру. Въ этомъ состояніи душа, ощутивъ осѣненіе Св. Духа, увидѣвъ себя побѣдительницею грѣховныхъ помысловъ и мечтаній, начинаетъ ощущать неизъяснимую радость спасенія [4]).

Высказавъ взглядъ свой по вопросу объ адѣ и раѣ, о характерѣ адскихъ мученій и райскаго блаженства, Преосвященный Игнатій касается и близкаго къ этому вопроса о длительности этихъ состояній. Посмертное состояніе адскихъ мученій или райскаго блаженства будетъ вѣчнымъ. И если ученіе о вѣчномъ райскомъ блаженствѣ легко пріемлется обычнымъ человѣкомъ, мало ревнующимъ о своемъ спасеніи, въ упованіи на милосердіе Божіе и помилованіе себя въ отношеніи неизбѣжной участи грѣшника, иначе сказать,—если противъ вѣчности райскаго блаженства никто ничего не имѣетъ изъ обычныхъ нечуждыхъ вѣрѣ людей жизни, то вѣчность адскихъ мученій вызы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 97—98.

[2]) Стр. 125. См. примѣры адскихъ мукъ изъ видѣній св подвижниковъ, тамъ же, стр. 126—129.

[3]) Тамъ же, стр. 82, 84—87.

[4]) Тамъ же, стр. 167.

ваетъ противъ себя возраженія въ отношеніи справедливости и жестокости и т. д. Утверждая мысль о вѣчности адскихъ мученій, Преосвященный Игнатій не оставляетъ безъ вниманія возраженій противъ вѣчности адскихъ мученій.

Умертвившій во время земной жизни духъ свой похотями и страстями будетъ осужденъ и преданъ нестерпимой и непрестанной мукѣ. Напрасно вопіютъ сладострастные эпикурейцы, говоритъ Святитель Игнатій. Не можетъ быть, возражаютъ эпикурейцы, чтобы адская мука, если только она существуетъ, была такъ жестока, была вѣчна! Это несообразно ни съ милосердіемъ Божіимъ, ни съ здравымъ разумомъ. Человѣкъ существуетъ на землѣ для наслажденія; онъ окруженъ предметами наслажденія: почему жъ ему не пользоваться ими? Что тутъ худого и грѣховнаго? Оставляя этотъ кличъ на произволъ произносящимъ его и противопоставляющимъ его Божественному откровенію и ученію, сынъ святой Церкви, пребывающій на землѣ для покаянія, долженъ руководствоваться въ понятіяхъ своихъ о вѣчности и лютости адскихъ мукъ Словомъ Божіимъ. Священное Писаніе повсюду называетъ адскія муки вѣчными: это ученіе постоянно проповѣдывалось и проповѣдуется святою Церковію. Господь нашъ Іисусъ Христосъ нѣсколько разъ въ святомъ Евангеліи подтвердилъ грозную истину. Вѣчныя муки существуютъ. Грѣхъ всякой ограниченной твари предъ ея Творцомъ, безконечно совершеннымъ, есть грѣхъ безконечный; а такой грѣхъ требуетъ безконечнаго наказанія. Наказаніе твари за грѣхъ предъ ея Творцомъ должно вполнѣ растлить ея существованіе: адъ со своими лютыми и вѣчными муками удовлетворяетъ этому требованію неумолимой справедливости [1]). Такимъ образомъ пониманіе длительности адскихъ мукъ въ смыслѣ вѣчности представляется соотвѣтственнымъ требованіямъ справедливости, а возраженіе противъ нихъ обусловливается стремленіемъ грѣховной мысли къ угожденію разслабленной волѣ.

Въ другомъ случаѣ, Преосвященный Игнатій еще болѣе сильно высказывается въ отношеніи пониманія вѣчности адскихъ мученій. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, между прочимъ, по этому предмету слѣдующее.—Ты сомнѣваешься въ существованіи ада и вѣчныхъ мукъ? Повторяешь нынѣшнее модное возраженіе: „это несообразно съ милосердіемъ такого благого существа, какъ Богъ“. Ахъ, другъ мой! Можетъ ли такое слабое, ограниченное существо, какъ человѣкъ, судить самъ собою о Богѣ, Существѣ безпредѣльномъ, превышемъ всякаго постиженія и сужденія,—выводить положительныя заключенія о Богѣ изъ взглядовъ въ себя? Оставь твои собственныя

---

[1]) Тамъ же, стр. 121—124.

сужденія и вѣрь отъ всего сердца всему, чему научаетъ насъ Евангеліе. Самъ Спаситель сказалъ: „И идутъ сіи въ муку вѣчную“ (Мѳ. XXV, 46); въ другомъ мѣстѣ сказалъ: „во адѣ возведъ очи свои“ (Лк. XVI, 23). Спаситель сказалъ, что есть адъ, есть вѣчныя муки;—къ чему твое возраженіе! Если ты дашь мѣсто этому возраженію, значитъ сомнѣваешься въ истинѣ словъ Спасителя, отвергаешь ихъ. Кто изъ ученія Христова отвергаетъ хотя одинъ догматъ, тотъ отрицается Христа [1]). Вопросъ объ адѣ и раѣ, съ точки зрѣнія теоретическаго знанія, не долженъ подлежать обсужденію. По глубокому убѣжденію Святителя Игнатія, ученіе о раѣ и адѣ, какъ имѣющее догматическую цѣнность, опирающееся на свидѣтельства Священнаго Писанія, подтверждаемое голосомъ Церкви и духоносныхъ мужей, должно быть твердо и безсомнѣнно усвоено христіаниномъ, ревнующимъ о своемъ спасеніи, и, какъ всякій догматъ, должно отразиться на нравственной дѣятельности и настроеніи христіанина особенно по тѣсной связи этого догмата—съ догматомъ Божественнаго Искупленія. Мы можемъ закончить изложеніе и анализъ сужденій Епископа Игнатія по вопросу о посмертной участи человѣка его прекрасными изреченіями: „Земля—предверіе ада съ первоначальными казнями для преступныхъ. Спаситель содѣлалъ ее предверіемъ рая“ [2]); „Адъ есть, и мука вѣчная есть; благочестивою жизнію сдѣлай ихъ для себя несуществующими“ [3]). Принимая ученіе Епископа Игнатія о раѣ и адѣ, о вѣчности адскихъ мукъ и райскаго благодатнаго блаженства, въ тѣсной связи его съ ученіемъ объ исходѣ души и посмертныхъ мытарствахъ, какъ основанное на Священномъ Писаніи и голосѣ св. Церкви, и, сверхъ сего, и по этому самому имѣющее чрезвычайное назидательно-моральное значеніе, мы оставляемъ безъ ограниченій его ученіе объ эеирности душъ въ виду того, что вызываемыя этимъ ученіемъ критическія соображенія высказаны нами выше, при изложеніи ученія Епископа Игнатія о природѣ духовъ. Ученіе Святителя о раѣ и адѣ и вѣчныхъ мукахъ изложено имъ, по преимуществу, въ „Словѣ о смерти“. „Слово“ это подвергнуто Епископомъ Ѳеофаномъ подробному разбору по вопросу о природѣ духовъ, однако—и въ этомъ случаѣ пониманіе ада, рая, мукъ и блаженства оставлено Преосвященнымъ Ѳеофаномъ безъ всякихъ замѣчаній, что, на нашъ взглядъ, является немаловажнымъ подтвержденіемъ авторитета Епископа Игнатія въ виду единомыслія подвижниковъ по этому вопросу [4]). Однако, въ дополненіе къ высказаннымъ выше соображеніямъ нашимъ

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 479.

[2]) Тамъ же, стр. 484.

[3]) Тамъ же, стр. 482.

[4]) Собраніе писемъ Святителя Ѳеофана, вып. II, письмо 345, стр, 213.

по вопросу о природѣ духовъ, мы полагаемъ справедливымъ отмѣтить очевидную для насъ неточность въ пониманіи Святителемъ Игнатіемъ природы или сущности души. Какъ видѣли мы выше, все недоумѣніе между Епископами Ѳеофаномъ и Игнатіемъ выражается въ томъ, что Епископъ Игнатій полагаетъ эѳирность души *самою сущностью ея природы*, а Епископъ Ѳеофанъ, справедливо отстаивая чистую *духовность души по существу*, допускаетъ тонковещественность въ отношеніи къ феноменальной сторонѣ души. Въ этомъ случаѣ правымъ является Преосвященный Ѳеофанъ, тѣмъ болѣе, что при тонко-эѳирной сущности души никакъ невозможно объяснить чистой духовности ея чисто-психическихъ переживаній, а Преосвященный Игнатій сущность души съ ея проявленіями, съ указанной точки зрѣнія, не сопоставлялъ. Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ раздѣленіемъ и разногласіемъ, а лишь съ недомысліемъ,— это, по нашему мнѣнію, подтверждается только что отмѣченнымъ нами пониманіемъ въ ученіи Епископа Игнатія рая и ада, мукъ и блаженства. Признавая эѳирность душъ и соотвѣтствіе ей по природѣ ада и рая, мукъ и блаженства, Преосвященный Игнатій весьма различаетъ: 1) для праведной души—страну и обитель вѣчнаго блаженства, а для грѣшной души—страшную подземную темницу, именуемую адомъ, и вѣчныя лютыя муки въ немъ; 2) сверхъ того—и раньше того—для праведной души—духовное наслажденіе и внутреннее царство святости, а для грѣшной души—сверхъ адскихъ мукъ и подземной темницы—внутреннее, духовное мученіе своею совѣстію и сознаваемымъ состояніемъ отверженія, т. е., иначе сказать наряду съ явленіями жизни, относящимися къ тонко-эѳирной оболочкѣ, душа наша переживаетъ чисто-психическія, абсолютно-духовныя, исключающія всякую вещественность состоянія, утверждающія ея духовную субстанцію, при допустимой вещественности оболочки въ ея феноменальныхъ состояніяхъ. Въ этомъ случаѣ для насъ еще болѣе выясняется характеръ возникшаго по вопросу о духовномъ мірѣ недомыслія.

Ученіе о духовномъ мірѣ, о душѣ, о смерти, о мытарствахъ, объ адѣ, раѣ и посмертной участи человѣка, все это имѣетъ величайшее, съ точки зрѣнія Епископа Игнатія, назидательное значеніе въ томъ отношеніи, что выясняетъ и подтверждаетъ для насъ совершенную необходимость смотрѣть на нашу земную жизнь, какъ на подготовленіе къ жизни вѣчной, съ точки зрѣнія вѣчности. Это основная мысль Епископа Игнатія неоднократно высказывается имъ въ указанномъ отношеніи. Нужно готовиться къ вѣчности во время земной жизни, въ этомъ предвѣріи вѣчности. Если мы оцѣнимъ справедливо то краткое мгновеніе, на которое мы поставлены здѣсь на землѣ, сравнивъ его съ неизмѣримою и величественною вѣчностію, то найдемъ только одно правильное употребленіе земной жизни. Употребляется

она правильно, когда проводится въ приготовленіи къ вѣчности, когда сокровище человѣка, находясь на небѣ, влечетъ его къ небу, когда земныя обстоятельства такъ устраиваются и человѣкъ такъ живетъ, что непрестанно готовъ къ смерти [1]). Но такого настроенія, такого ежедневнаго переселенія въ вѣчность достигаютъ весьма немногіе изъ христіанъ, даже проводящихъ жизнь въ святыхъ обителяхъ; тѣмъ менѣе доступно это духовное состояніе христіанамъ, живущимъ посреди міра. Но если трудно постоянно пребывать въ области вѣчнаго и духовнаго, то возможно обращаться къ ней часто и благовременно приготовляться къ смерти. Однимъ изъ превосходнѣйшихъ способовъ приготовленія къ смерти служитъ воспоминаніе и размышленіе о смерти [2]). Постоянное памятованіе смерти есть благодать дивная, удѣлъ святыхъ Божіихъ, преимущественно предавшихся ...ательному покаянію въ нерушимомъ безмолвіи. Но и всѣмъ людямъ необходимо принуждать себя къ воспоминанію о смерти, усвоивать сердцу навыкъ размышленія о ней, хотя такое размышленіе и крайне противно сердцу грѣхолюбивому и міролюбивому. Для такого обученія, по наставленію Святыхъ Отцовъ, полезно удѣлять ежедневно извѣстный часъ и посвящать его на спасительное воспоминаніе страшной, неминуемой смерти. Какъ ни вѣрно это событіе для каждаго человѣка, но сначала съ величайшимъ трудомъ можно принудить себя даже къ холодному воспоминанію о смерти, что служитъ однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ паденія нашей природы, помѣщенныхъ въ ней самой. Постоянное развлеченіе мыслей, намъ усвоившееся, и мрачное забвеніе непрестанно похищаютъ мысль о смерти у начинающихъ трудиться въ частомъ воспоминаніи ея [3]). Полезно возбуждать въ себѣ воспоминаніе о смерти посѣщеніемъ кладбища, посѣщеніемъ болящихъ, присутствіемъ при кончинѣ и погребеніи ближнихъ, частымъ разсматриваніемъ и обновленіемъ въ памяти различныхъ современныхъ смертей, слышанныхъ и видѣнныхъ нами. Воспоминаніе о смерти, о сопровождающихъ ее и о послѣдующихъ ей страхахъ, воспоминаніе, сопряженное съ усердною молитвою и плачемъ о себѣ, можетъ замѣнить всѣ подвиги, объять всю жизнь человѣка, доставить ему чистоту сердца, привлечь къ нему благодать Св. Духа и тѣмъ даровать ему свободное вознесеніе на небо мимо воздушныхъ властей [4]). А заканчивая свое знаменитое „Слово о смерти“, Преосвященный Игнатій въ полныхъ высоко-религіознаго лиризма словахъ призываетъ своихъ ближнихъ къ познанію Бога, къ познанію себя, къ устроенію своей

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. III, стр. 171—172.
[2]) Тамъ же, стр. 173—174.
[3]) Тамъ же, стр. 179; также стр. 180—181, 177—178.
[4]) Тамъ же, стр. 181, т. V, гл. XXVIII О памятованіи смерти, стр. 120—123.

вѣчной участи, къ памятованію, что не для увеселеній, не для торжества, не для играній мы находимся на землѣ, но для того, чтобы вѣрою, покаяніемъ и крестомъ убить убившую насъ смерть и возвратить себѣ утраченный рай [1].

Твердая вѣра въ Бога и духовный міръ—ангеловъ и демоновъ, въ духовность души, проникновенное сознаніе ея грѣховнаго паденія, живое представленіе вѣчности и неизбѣжной участи человѣка—ада или рая, воззрѣніе на смерть, какъ на переходъ отъ временнаго бытія къ вѣчному, нескончаемому,—служатъ, по ученію Епископа Игнатія необходимыми предпосылками православно-христіанскаго душеспасительнаго подвига въ томъ отношеніи, что пробуждаютъ въ душѣ человѣческой сознательное противопоставленіе догрѣховнаго и грѣховнаго состоянія природы человѣческой, пробуждаютъ въ человѣкѣ сознаніе необходимости возстановить въ душѣ первозданную чистоту и, совлекшись перваго Адама, облечься въ Новаго Адама и пробуждаютъ въ человѣкѣ огнепальное желаніе возрожденія и воссоединенія съ Богомъ.

Но сознаніе необходимости и желаніе возсоединенія съ Богомъ для надлежащей реализаціи ихъ въ настроеніи и внѣшнемъ поведеніи человѣка или,—для совершенія самымъ дѣломъ подвига душевнаго спасенія должны быть дополнены не менѣе глубокою вѣрою въ возможность возрожденія и увѣренность въ доступности человѣку средствъ для этого. Иначе сказать,—въ ряду необходимыхъ предпосылокъ православно-христіанскаго подвига весьма важное мѣсто составляютъ условія духовнаго возрожденія человѣка.

Въ качествѣ нашей дальнѣйшей задачи мы ставимъ выясненіе ученія Епископа Игнатія объ условіяхъ духовнаго возрожденія человѣка. Условія эти въ сужденіяхъ Епископа Игнатія по данному вопросу совершенно естественно раздѣляются, съ точки зрѣнія самого ищущаго душевнаго спасенія человѣка, на внѣшнія и внутреннія или на объективныя и субъективныя условія духовнаго возрожденія. Но поскольку первыя условія становятся дѣйственными въ отношеніи къ человѣческой душѣ лишь въ мѣрѣ внутренняго усвоенія послѣднею спасительной тайны возрожденія, и дѣятельнаго подвига борьбы съ грѣхомъ при содѣйствіи благодати Божіей, постольку дѣленіе это является лишь теоретическимъ, для удобства уясненія вопроса, а въ дѣйствительности благодатный подвигъ душевнаго спасенія остается цѣлостнымъ и нераздѣльнымъ.

Необходимыми условіями духовнаго возрожденія человѣка со стороны объективной—являются—Искупительный

[1]) Слово о смерти (т. III, стр. 182—183.

подвигъ Христа Спасителя, учрежденная Господомъ Іисусомъ Христомъ для спасенія людей св. Церковь и преподаваемая ею чрезъ посредство святыхъ Таинствъ спасительная благодать Божія. Къ условіямъ субъективнымъ слѣдуетъ отнести—свободное произволеніе, совѣсть, вѣру и всежизненное несеніе христіанскаго подвига или пожизненное крестоношеніе.

Благоговѣйная рѣчь о Божественномъ искупленіи рода человѣческаго чрезъ воплощеніе Бога Слова и чрезъ страданія, крестную смерть, погребеніе и воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа немолчно раздается въ твореніяхъ Святителя Игнатія. Но самою полною, наиболѣе обстоятельною и особо назидательною представляется намъ рѣчь Епископа Игнатія о спасительной тайнѣ Божественнаго искупленія въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Изложеніе ученія православной Церкви о Божіей Матери“ [1]). Въ статьѣ этой, уясняя для своего христіанскаго сознанія величіе Богоматери, Епископъ Игнатій руководствуется точными и подробными понятіями о непостижимомъ дѣяніи всемогущаго Бога—о вочеловѣченіи Бога—Слова. Спасительная тайна Божественнаго искупленія уясняется Епископомъ Игнатіемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Предвѣчное Слово—Сынъ Божій—силою творчества Своего составилъ себѣ плоть въ утробѣ Дѣвы: зачался Богочеловѣкъ и родился Богочеловѣкъ. Сынъ по Божественному естеству содѣлался сыномъ и по естеству человѣческому. Родился отъ Дѣвы Іисусъ Христосъ, одно Лице въ двухъ нераздѣльныхъ и неслитныхъ естествахъ, Божескомъ и человѣческомъ. Божеское естество, несмотря на Свою безпредѣльность, не уничтожало естества человѣческаго, и человѣческое естество, несмотря на свое неслитное существованіе, нисколько не стѣсняло безпредѣльности естества Божественнаго. Такое чудное соединеніе, принимаемое вѣрою и рождаемымъ ею духовнымъ разумомъ, непостижимое для разума плотскаго и душевнаго, произведено всемогуществомъ Божества. Вочеловѣчившійся Господь имѣлъ всѣ принадлежности человѣка: духъ, душу и тѣло. Именемъ духа обозначается разумная часть человѣка: его умъ, его мысль, его словесныя сердечныя ощущенія, чуждыя естеству звѣрей и скотовъ, общія естеству человѣческому и ангельскому. Собственно душа выражается въ жизненной силѣ; душѣ свойственны желаніе или воля, и энергія или естественный гнѣвъ, не переходящій въ раздражительность. Эти свойства видимъ и въ животныхъ. Человѣческій духъ Христовъ упраж-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 391—429. По замѣчанію самого Епископа Игнатія, статья эта составлена была въ Ставрополѣ Кавказскомъ по желанію нѣкоторыхъ членовъ общества, въ которомъ былъ тогда предметомъ сужденія новый догматъ папистовъ.

нялся молитвою и изложеніемъ словами человѣческими Слова Божія; душа Христова выражала радость, скорбь, гнѣвъ, томленіе; тѣло Христово зачалось, родилось, питалось, возрастало, утруждалось, ощущало голодъ и жажду, упокоевалось сномъ, страдало, было распято и погребено, воскресло. По нераздѣльности естествъ во всѣхъ случаяхъ, когда проявилось естество человѣческое какъ бы дѣйствующимъ исключительно,—содѣйствовало ему нераздѣльно и неразлучно, хотя и неслитно, естество Божіе, дѣйствуя сообразно Себѣ. Такимъ образомъ, хотя зачался въ утробѣ Дѣвы человѣкъ, но Онъ въ самомъ зачатіи уже былъ и Богъ; хотя родился отъ Дѣвы человѣкъ, но вмѣстѣ родился и Богъ; возрасталъ, вкушалъ пищу, утруждался отъ пути, былъ связанъ въ саду Геѳсиманскомъ, ударяемъ по ланитамъ, ударяемъ жезломъ по главѣ, увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ, распятъ человѣкъ, но вмѣстѣ и Богъ. Такимъ образомъ Апостолы были очевидцами, учениками, посланниками Бога (Лк. I, 2); Іуда Искаріотскій предалъ Бога (кондакъ въ Великій четвертокъ, гласъ 2-й), архіереи Іудейскіе и Пилатъ суть Богоубійцы (Тропарь въ Великій пятокъ); Приснодѣва есть Божія Матерь. По нераздѣльности естествъ въ одномъ Лицѣ, совершавшееся относительно одного естества неизбѣжно относилось и къ другому [1]). Дѣва, о зачатіи Которой возвѣстилъ Ангелъ молящимся и оплакивающимъ свое неплодіе родителямъ, Которая содѣлалась плодомъ слезныхъ молитвъ и постовъ, Которая была дщерію праведниковъ, Которая ими посвящена отъ самаго рожденія Богу, и сама по настроенію духа своего посвятила себя всецѣло на служеніе Богу,—Дѣва была уже сама по себѣ сосудомъ весьма чистымъ. Чистота Дѣвы тѣмъ была неприкосновеннѣе для ощущеній чувственныхъ, что умъ Ея, постоянно направленный и прилѣпленный къ Богу, даже не сходилъ къ помышленіямъ о бракѣ. Низошелъ Духъ Святый на чистую Дѣву, и еще ее очистилъ. Чистая Дѣва содѣлалась Пречистою, чуждою всякой скверны помышляемой и ощущаемой, содѣлалась благодатно-чистою, Духоносною, Божественною Дѣвою [2]). Дѣва, зачавъ и родивъ Бога и человѣка въ одномъ лицѣ, содѣлалась Матерію Бога въ точномъ смыслѣ, потому что рожденный ею былъ Богъ, хотя вмѣстѣ и былъ человѣкъ [3]). Божія Матерь, зачавъ и родивъ Богочеловѣка, содѣлалась превыше всѣхъ святыхъ человѣковъ и святыхъ Ангеловъ [4]). Родившійся отъ Маріи Богочеловѣкъ содѣлалъ Дѣву Матерію, а Матерь сохранилъ Дѣвою. Богъ и Творецъ Дѣвы содѣлался Ея Сыномъ, пребывая Ея Богомъ и Творцомъ; содѣлавшись

---

[1]) Тамъ же, стр. 391—393.
[2]) Тамъ же, стр. 394.
[3]) Тамъ же, стр. 395.
[4]) Тамъ же, стр. 404.

Ея Сыномъ, Онъ содѣлался Ея Искупителемъ и Спасителемъ [1]). Богочеловѣкъ имѣлъ естество человѣческое вполнѣ непорочное, но ограниченное. Оно было ограниченное: ограниченное не только тою ограниченностію, съ которою человѣкъ созданъ, но и тою, которая въ гораздо большей степени явилась въ естествѣ человѣка по его паденіи. Богочеловѣкъ не имѣлъ грѣха, вовсе былъ непричастенъ грѣху, даже въ самомалѣйшихъ его видахъ: естественныя свойства Его не были измѣнены, какъ въ насъ, въ страсти; свойства эти находились въ Немъ въ естественномъ порядкѣ, въ постоянномъ подчиненіи духу, въ управленіи духомъ, а духъ находился въ постоянномъ управленіи Божества, соединеннаго съ человѣчествомъ. Богочеловѣкъ имѣлъ свойство печалиться и скорбѣть; но печаль никогда не овладѣвала Имъ, какъ случается съ нами, а постоянно была управляема духомъ. Господь огорчился смертію Лазаря, пролилъ при гробѣ его слезы (Іоан. XI, 33—38). Господь плакалъ о Іерусалимѣ, предрекая разрушеніе его за отверженіе имъ Мессіи (Лк. XIX, 41). Господь допустилъ въ Себѣ такое предсмертное томленіе въ саду Геѳсиманскомъ, что это состояніе души Его названо въ Евангеліи подвигомъ и смертельною скорбію. Оно сопровождалось такимъ страдальческимъ напряженіемъ тѣла, что тѣло дало изъ себя и пролило на землю потъ, котораго капли были подобны каплямъ крови (Мѳ. XXVI, 38—39; Лк. XXII, 43—44). Но и при этомъ усиленномъ подвигѣ тяжкая скорбь находилась въ покорности духу (Мѳ. XXVI, 38).

---

[1]) Тамъ же, стр 405. Но при всемъ величіи Божіей Матери, Ея зачатіе и рожденіе совершились по общему закону человѣчества; слѣдовательно общее исповѣданіе рода человѣческаго о зачатіи въ беззаконіяхъ и рожденіи во грѣхѣ принадлежитъ и Богоматери (тамъ же). Уяснивъ обстоятельно ученіе Церкви о рожденіи Пресвятой Дѣвы Маріи, Преосвященный Игнатій съ полною рѣшительностію утверждаетъ очевидную нелѣпость двухъ противоположныхъ ученій Запада, изъ которыхъ ученіе папистовъ приписываетъ Божіей Матери зачатіе внѣ первороднаго грѣха, подобное зачатію Спасителя, а ученіе протестантовъ Дѣву не признаетъ Приснодѣвою. Не должно думать, что догматъ о зачатіи Божіей Матери внѣ первороднаго грѣха (immaculata conceptio) есть современная новость у латинянъ, говоритъ Епископъ Игнатій. Въ настоящее время догматъ только принятъ оффиціально, провозглашенъ папою. Онъ приводитъ свидѣтельство писателя XVIII вѣка Бержье о томъ, что опредѣленіе Базельскаго собора 1439 года принято было Парижскимъ университетомъ, вслѣдствіе чего богословскій факультетъ университета постановилъ въ 1497 году опредѣленіе, по которому никто не могъ быть удостоенъ степени доктора, если предварительно не обяжетъ себя клятвою исповѣдывать принятый догматъ о Божіей Матери (стр. 409). Особенно внимательно подвергаетъ Епископъ Игнатій подробному разбору богохульное ученіе протестантовъ о Пресвятой Дѣвѣ, онъ рѣшительно выступаетъ на защиту святости дѣвства и утверждаетъ, что дерзкія и хульныя сужденія о Богоматери свойственны только растлѣннымъ людямъ, вступившимъ въ единеніе съ духами отверженными (См. стр. 411—429).

Богочеловѣкъ имѣлъ свойство гнѣва; но гнѣвъ дѣйствовалъ въ Немъ, какъ святая душевная сила, какъ характеръ, какъ энергія, постоянно сохраняя достоинство человѣка, никогда не обнаруживъ никакого увлеченія (Мр. X, 14; III, 5; Мѳ. XXIII; Іоан. V, VII, VIII, X). Величественное духовное зрѣлище представляютъ собою человѣческія свойства Христовы во время Его страданій за человѣчество. Господь, во все продолженіе этихъ страданій, пребываетъ постоянно вѣрнымъ Самому Себѣ; ни на минуту не явились въ Немъ ни разгоряченіе, ни восторгъ, обыкновенно одушевляющіе земныхъ героевъ; ни на минуту не явились въ Немъ многословіе и краснорѣчіе этихъ героевъ; ни на минуту не выказалась въ Немъ никакая перемѣнчивость; постоянно дѣйствовала въ Немъ неколеблющаяся равная сила, безъ ослабленія и безъ напряженія; эта сила постоянно выражала и могущество свое и подчиненность святой власти, руководившей ею. Если кто вникнетъ въ характеръ Іисуса Христа при разумномъ чтеніи Евангелія—тотъ по одному этому характеру исповѣдуетъ Іисуса Богомъ, какъ исповѣдалъ Его Богомъ апостолъ Петръ единственно за Его слово жизни (Іоан. VI, 68). Такого характера, постоянно и вполнѣ свободнаго и открытаго, постоянно одинаковаго, никогда не увлекающагося, не измѣняющагося ни отъ укоризнъ, ни отъ похвалъ, ниже предъ лицемъ убійцъ и смерти—такого другого характера между характерами человѣческими—нѣтъ. Хотя свойства плоти Богочеловѣка были человѣческія, но вмѣстѣ всѣ они были обоженныя, какъ принадлежащія одному Лицу, которое—Богъ и человѣкъ. По этой же причинѣ человѣческія свойства Богочеловѣка были вмѣстѣ и естественны и сверхестественны въ отношеніи къ человѣческому естеству. Святость плоти Бога и Господа была безконечно выше святости, въ которой сотворена плоть твари—Адама [1]). Богочеловѣкъ, какъ искупительная Жертва, принялъ на Себя всѣ немощи человѣческія—послѣдствія паденія—кромѣ грѣха, чтобъ, искупивъ человѣчество, избавить его отъ бремени этихъ немощей, явить его въ обновленномъ состояніи, явить его безъ тѣхъ немощей, которыя привлечены въ естество наше паденіемъ. Богочеловѣкъ воспріялъ и носилъ наши немощи произвольно, а отнюдь не былъ имъ подчиненъ необходимостію естества: будучи совершеннымъ человѣкомъ, Онъ былъ и совершеннымъ Богомъ, Творцомъ человѣческаго естества, неограниченнымъ Владыкою этого естества. По этой причинѣ Онъ являлъ Свое человѣчество такъ, какъ Ему было благоугодно. Иногда онъ являлъ Свое человѣчество въ немощи естества падшаго: утруждался, жаждалъ, принималъ упокоеніе сномъ, былъ схваченъ и связанъ въ

[1]) Тамъ же, стр. 397—398.

саду Геѳсиманскомъ, претерпѣлъ біеніе и поруганіе, былъ распятъ и погребенъ. Иногда Онъ являлъ человѣчество Свое въ правахъ естества, съ какими оно создано: ходилъ по водамъ, въѣхалъ въ Іерусалимъ на необъѣзженномъ жребцѣ, на котораго изъ человѣковъ еще никто не садился; эта власть была первоначально достояніемъ Адама. Иногда Господь являлъ Свое человѣческое естество въ томъ состояніи славы и величія, которое Онъ даровалъ человѣческому естеству, совокупивъ въ Себѣ, въ одномъ Лицѣ, Божество и человѣчество, котораго оно отнюдь не имѣло по сотвореніи, въ самомъ состояніи невинности и безсмертія: это состояніе величія и славы Онъ явилъ дивными знаменіями, преимущественно же явилъ избраннымъ ученикамъ при преображеніи Своемъ, явилъ въ такой степени, въ какой они способны были видѣть, а не въ той, въ какой Оно есть. Божество Богочеловѣка соединено неслитно, но вполнѣ соединено съ Его человѣчествомъ: Божество Богочеловѣка соединено съ Его человѣческимъ духомъ, съ Его душою, съ Его тѣломъ. Когда душа Христова разлучилась съ тѣломъ Христовымъ посредствомъ смерти, то Божество Христово пребыло неразлучнымъ, какъ съ душою Его, такъ и съ тѣломъ Его [1]).

Тѣло Богочеловѣка имѣло необыкновенную стройность и красоту, какъ и воспѣлъ о Немъ пророчественно праотецъ Его святой пророкъ Давидъ (Пс. XLIV, 2). Оно всеобильно подавало Божественную благодать всѣмъ, взиравшимъ на него, прикасавшимся ему (Лк. VI, 19; Мр. VI, 56). Тѣло Христово при погребеніи было положено въ тѣсную пѣщеру, изсѣченную въ камнѣ, т. е. въ холмѣ, составлявшемъ собою цѣльный камень. По внесеніи во гробъ тѣла Христова, ко входу въ гробъ Его былъ приваленъ камень значительной величины (Мѳ. XXVII, 60). Но Божественное тѣло воскресло, оставя и естественныя препятствія и человѣческія предосторожности неприкосновенными. Оно проникло сквозь толстое, цѣльное и твердое вещество пещеры: камень остался приваленнымъ, печать нетронутою; стражи, поставленные для надзора и насилія, не сподобились ни ощутить воскресенія, ни увидѣть воскресшаго. Уже по воскресеніи Христовомъ низшелъ Ангелъ, сломилъ печать, отвалилъ камень и возвѣстилъ совершившееся воскресеніе: стражи отъ одного видѣнія Ангела попадали замертво на землю (Мѳ. XXVIII, 2—4). Божественное тѣло по воскресеніи проникло сквозь затворенную дверь къ собраннымъ Апостоламъ (Іоан. XX, 19). Оно не было узнано двумя учениками шествовавшими въ Еммаусъ; когда же они узнали Его при преломленіи хлѣба, оно внезапно содѣлалось невидимымъ (Лк. XXIV, 31). Это

---

[1]) Тамъ же, стр. 399. Тропарь на часахъ святыя Пасхи.

тѣло, въ виду всѣхъ Апостоловъ, отдѣлилось отъ земли, начало возвышаться и проникать воздухъ, какъ крылатое, скрылось отъ очей Апостольскихъ въ недосягаемой высотѣ, вступило въ небо (Дѣян. I, 9). На небѣ его увидѣлъ первомученикъ Стефанъ (Дѣян. VII, 56). Съ такими сверхъестественными преимуществами явилъ, постоянно являлъ и являетъ Богочеловѣкъ Свое человѣческое тѣло по воскресеніи. Эти преимущества—нетлѣнный духовный вѣнецъ, которымъ съ справедливостію тѣло Богочеловѣка увѣнчано Имъ, какъ побѣдившее и поправшее смертію смерть. Не должно думать, что тѣло Христово получило такія свойства только по воскресеніи. Нѣтъ, оно, какъ тѣло всесовершеннаго Бога, всегда имѣло ихъ, а по воскресеніи лишь постоянно проявляло ихъ [1]). Таково ясное ученіе Святителя Игнатія о спасительной тайнѣ Боговоплощенія. И хотя христіанинъ приходитъ въ недоумѣніе предъ величіемъ благости Божіей, созерцаемой въ воченовѣченіи Бога—Слова и въ содѣланномъ Имъ спасеніи человѣковъ [2]), но онъ вѣруетъ, онъ вѣдаетъ, что на крестѣ совершено искупленіе рода человѣческаго, что Сынъ Божій благоизволилъ взойти на крестъ и принести Себя въ примирительную жертву за отверженное человѣчество, что при посредствѣ непостижнаго Искупленія, при посредствѣ Господа нашего Іисуса Христа излиты на родъ человѣческій благодѣянія безчисленныя и неизреченныя: совершено не только искупленіе человѣковъ, совершено усыновленіе ихъ Богу [3]). Созерцаніемъ спасительной тайны Боговоплощенія и крестнаго Искупленія возбуждаются въ христіанинѣ обильное славословіе и благодареніе Бога; созерцаніемъ этимъ возжигается пламенное усердіе къ жительству по заповѣдямъ Евангелія, къ послѣдованію Христу по пути тѣсному и прискорбному. Когда встанетъ христіанинъ на тѣсный путь, тогда усматриваетъ онъ гибельное обольщеніе, господствующее на пути широкомъ. Когда онъ вкуситъ духовное утѣшеніе, которымъ питаетъ Спаситель шествующихъ по пути скорбному, какъ питалъ Онъ израильтянъ манною въ пустынѣ, тогда возгнушается наставленіемъ плотскимъ и грѣховнымъ, которымъ такъ обилуетъ Египетъ [4]). Таковъ и ближайшій плодъ созерцанія тайны крестнаго Искупленія. Сущность спасенія заключается въ возвращеніи общенія съ Богомъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 401—402, 39, 57. По принятому Епископомъ Игнатіемъ методу, онъ, наряду съ прочими доводами, и по данному вопросу въ изобиліи цитируетъ богослужебныя пѣснопѣнія св. православной Церкви.

[2]) Тамъ же, стр. 291.

[3]) Тамъ же, стр. 138—139.

[4]) Тамъ же, стр. 291; т. II, стр. 102—121, 223. Въ этомъ отношеніи особенно выразительны стр. 452—454 изъ т. V (Плачъ инока).

[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 470.

Необходимыми средствами для этого, со стороны объективной, является какъ мы видѣли выше, принадлежность къ св. православной Церкви, и пользованіе спасительными Таинствами Церкви и ея руководствомъ, ибо въ неприкосновенной цѣлости хранится откровенное ученіе Божіе единственно и исключительно въ лонѣ православной Восточной Церкви [1]) Вполнѣ опредѣленный и совершенно ясный въ этомъ отношеніи отвѣтъ неоднократно преподается въ твореніяхъ Владыки Игнатія. Исходя изъ безспорнаго положенія, что полученіе спасенія вожделѣнно всѣмъ христіанамъ и доступно всѣмъ христіанамъ, Преосвященный Игнатій указываетъ необходимыя условія спасенія. 1) Необходимо для желающаго спастись в ѣ р о в а т ь в ъ Б о г а, Создателя и Искупителя. Необходимо для желающаго спастись—п р и н а д л е ж а т ь к ъ п р а в о с л а в н о й Ц е р к в и, единой истинной Церкви и повиноваться ея установленіямъ. Преслушающаго Церковь Господь уподобилъ язычнику, чуждому Бога (Мѳ. XVIII, 17). Каждый изъ насъ, произнося Символъ Вѣры, исповѣдуетъ, что онъ вѣруетъ въ Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, исповѣдуетъ, слѣдовательно, что, кромѣ Единой Церкви, нѣтъ другой Церкви, тѣмъ болѣе—нѣтъ другихъ Церквей, хотя бы разныя общества человѣческія и присвоивали себѣ наименованіе Церкви [2]). Важнѣйшими Божественными установленіями, содержимыми православною Церковію, являются спасительныя Таинства, посредствомъ которыхъ преподается ищущему духовнаго возрожденія человѣчеству обновляющая и зиждительная благодать Божія. Господь зиждетъ насъ церковными таинствами, зиждетъ евангельскими заповѣдями, зиждетъ многоразличными скорбями и искушеніями, зиждетъ благодатію Своею [3]). Ощутившая осѣненіе Божественной благодати душа человѣческая переживаетъ радость и веселіе, оживленіе по случаю освобожденія своего отъ плѣна грѣху и діаволу [4]). Осѣнивъ избранниковъ Божіихъ своею силою, Божественная благодать дѣлаетъ для нихъ недѣйствительными обольщенія обольстителя, негрозными—угрозы его, презрѣнными—чудеса его, она возводитъ ихъ на эшафоты, какъ на царскіе престолы, какъ на брачный пиръ; она даетъ имъ ощущенія любви къ Богу, сладостнѣйшее ощущеніе жизни. Муки за Христа и насильственная смерть за Него составляютъ собою начало вѣчныхъ радостей райскихъ. Это видимъ ясно изъ дѣйствія Божественной благодати въ отношеніи къ мученикамъ первыхъ вѣковъ христіанства: первоначально предоставлялось имъ явить свое произволеніе; по принятіи ими первыхъ мукъ, нисхо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 85

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, 327—328, 366.

[3]) Тамъ же, т. V, стр. 133.

[4]) Тамъ же, т. II, стр. 322—323.

дила къ нимъ помощь свыше, содѣлывала для нихъ и муки и смерть за Христа вожделѣнными [1]). Зная это, опытно постигая, что заповѣди Божіи исполняются только при обильномъ содѣйствіи Божіей благодати, испрашивая себѣ непрестанно молитвою это содѣйствіе, Христіанинъ не можетъ не приписывать всѣхъ добрыхъ дѣлъ своихъ Божіей благодати [2]).

Правильно понимаемый христіанскій подвигъ безъ помощи Божественной благодати не можетъ быть совершенъ. А потому благодать Всесвятаго Духа есть милость Божія и мы должны непрестанно просить ея у Бога [3]). Благодать Божія проявлялась въ человѣчествѣ и до христіанства [4]). Но ея высшіе и усиленные дары, при посредствѣ которыхъ человѣкъ вступаетъ въ существенное общеніе съ Господомъ и пребываетъ въ этомъ общеніи, сообщаются при посредствѣ церковныхъ Таинствъ [5]). Церковь Бога живаго есть столпъ и утвержденіе истины. Богъ дѣйствуетъ во всѣхъ вѣрующихъ Таинствами, а въ избранныхъ, сверхъ Таинствъ, многоразличными явными благодатными дарованіями. Этимъ доказывается твердость и непоколебимость въ истинѣ Восточной Церкви [6]). Многократно свидѣтельствуя о необходимости благодати Божіей для спасенія человѣка, Епископъ Игнатій нерѣдко останавливаетъ вниманіе христіанина на отдѣльныхъ Таинствахъ православной Церкви, преподающихъ вѣрующей душѣ особую благодать Божію, необходимо нужную для спасенія. Необходимо для желающаго спастись быть крещеннымъ въ нѣдрѣ православной Церкви во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Необходимо для желающаго спастись раскаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ и очищеніе ихъ исповѣдію. Таинствомъ покаянія поддерживается и возобновляется чистота, пріобрѣтенная при крещеніи, поддерживается и возобновляется наше единеніе съ Христомъ, дарованное намъ святымъ крещеніемъ. Необходимо для желающаго спастись пріобщаться святыхъ Христовыхъ Таинъ, всесвятаго Тѣла Христова и всесвятой Крови Христовой. Итакъ, для желающаго спастись необходимо, чтобы онъ правильно вѣровалъ въ Бога, принадлежалъ православной Церкви, въ нѣдрѣ ея былъ крещенъ, миропомазанъ, очищался отъ грѣховъ покаяніемъ, пріобщался святыхъ Христовыхъ Таинъ, а затѣмъ—необходимо соблюденіе заповѣдей Божіихъ [7]).

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 325.
[2]) Тамъ же, стр. 24.
[3]) Тамъ же, стр. 31—48.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 25.
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 142.
[6]) Тамъ же, т. II, стр. 138—139.
[7]) Тамъ же, т. IV, стр. 328—329. Уясняя спасительныя средства пріобщенія бла-

Въ сочиненіяхъ Епископа Игнатія немало особыхъ поучительныхъ разсужденій объ отдѣльныхъ Таинствахъ св. православной Церкви, съ указаніемъ при этомъ сущности Таинства, подаваемой въ немъ Божественной благодати и достойномъ приготовленіи христіанина къ принятію ея[1]). Субъективными условіями усвоенія человѣку спасительной благодати Божіей являются вѣра, совѣсть, свободное произволеніе и добродѣланіе. По естественной внутренней взаимной близости этихъ условій между собою уясненіе ихъ въ твореніяхъ Епископа Игнатія по большей части идетъ совмѣстно, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ онъ не ставитъ себѣ задачъ богословскаго трактата, а преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, цѣли назидательныя.

Два свойства, говоритъ онъ, двѣ способности насаждены милосердымъ Богомъ въ человѣческое естество, при помощи которыхъ оно, по паденіи своемъ и по отчужденіи отъ Бога, можетъ возник-

---

годати Божіей въ таинствахъ православной Церкви, Преосвященный Игнатій и въ этомъ случаѣ не оставляетъ отмѣтить истинность Восточнаго Православія предъ инославіемъ. Такъ, по отношенію къ Таинству крещенія онъ замѣчаетъ погруженіе, какъ древній и правильный способъ совершенія крещенія, какъ по значенію термина Βαπτισμα—крещеніе, такъ и потому, что во всей вселенной святое Таинство крещенія совершалось посредствомъ погруженія въ теченіе двѣнадцати столѣтій по Рождествѣ Христовомъ; съ XII вѣка на Западѣ начали употреблять обливаніе вмѣсто погруженія; впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ Западныхъ обществахъ замѣнили обливаніе кропленіемъ. По отношенію къ Таинству покаянія замѣчаетъ: Таинство покаянія измѣнено на Западѣ, а протестантами отвергнуто. По отношенію къ Таинству причащенія говоритъ слѣдующее. Великое таинство пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы совершается чрезъ призываніе и наитіе Святаго Духа при предшествующихъ и послѣдствующихъ молитвахъ, которыя въ совокупности составляютъ Божественную Литургію. Безъ Божественной Литургіи, совершенной православнымъ архіереемъ или іереемъ, не можетъ послѣдовать пресуществленія въ тѣло Христово предложеннаго хлѣба, а въ кровь Христову предложеннаго вина. Всѣ древнія Литургіи вселенной, говоритъ онъ, въ существенныхъ частяхъ совершенно сходны между собою: во всѣхъ для пресуществленія призывается Святый Духъ и благословляются священнослужащимъ предложенные образы, т. е. предуготовленные хлѣбъ и вино. Въ позднѣйшія времена изъ римской Литургіи исключено призываніе Святаго Духа, а протестанты вовсе отвергли Литургію.

[1]) Такъ, напр., о Таинствѣ Крещенія: т. IV, стр. 75, 119; т II, 55; т. III, стр. 112—118, 156; т. II, 336—337, 385, 377—378, 386—387, 394.

О Таинствѣ Покаянія: т. IV, стр. 65; т. III, 112; II, 61; т. IV, 49, 52, 469; т. II, стр. 390—397.

О Таинствѣ Причащенія: т. IV, 73, 117, 120—123, 135; т. II, 34—44, 338; т. IV, 75, 126, 128, 132.

О Миропомазаніи: т. IV, стр 330.

Наибольшею обстоятельностію отличаются поученія Епископа Игнатія о покаяніи (т. IV, стр. 8—20) и о приготовленіи къ Таинству исповѣди (т. IV, стр. 45—68). Наставленія Епископа Игнатія о приготовленіи къ Таинствамъ покаянія и причащенія существуютъ въ особомъ изданіи И. Л. Тузова.

нуть изъ паденія и возстановить общеніе съ Богомъ. Эти два свойства: свойство покаянія и свойство вѣры. За покаяніе Богъ даруетъ прощеніе грѣховъ и доступъ къ себѣ, а вѣрѣ открываетъ Себя, и даруетъ то Богопознаніе, къ какому только способенъ человѣкъ, какого онъ собственными средствами пріобрѣсть никакъ не можетъ [1]). Епископомъ Игнатіемъ различаются три вида вѣры: вѣра естественная, теоретическая [2]), которая есть даръ Божій нашей природѣ; мы имѣемъ этотъ даръ въ зависимости отъ произволенія нашего, имѣемъ, когда захотимъ. Эту вѣру естественную, которую мы можемъ увѣровать въ Бога, должно отличать отъ вѣры дѣятельной, практической [3]), являющейся въ душѣ отъ исполненія евангельскихъ заповѣдей и отъ вѣры живой, изливаемой въ сердце Святымъ Духомъ. Увѣровать въ Бога и въ Евангеліе могутъ всѣ; дѣятельную вѣру стяжаютъ подвижники Христовы; живая вѣра есть даръ Божій, достояніе однихъ святыхъ Божіихъ [4]). Вѣра во Христа доставляетъ познаніе Истины; вѣра, выражаемая исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ, привлекаетъ въ сердце вѣрующаго благодать Святаго Духа. Одинъ истинный христіанинъ, христіанинъ вѣрою и дѣлами, можетъ быть истиннымъ поклонникомъ Бога, покланяющимся и служащимъ Богу, какъ Отцу, духомъ и истиною [5]). Вѣра является для человѣка орудіемъ для борьбы съ падшими духами и съ прелестями міра [6]). Вѣра во Христа является необходимымъ условіемъ душевнаго спасенія. Стяжавъ вѣру своимъ произволеніемъ, человѣкъ достигаетъ видѣнія Бога; вслѣдъ за этимъ переходитъ онъ къ дѣламъ вѣры; дѣла вѣры приводятъ его къ вѣрѣ живой; только этой вѣрѣ является Господь [7]). Живая вѣра во Христа выражается всею жизнію, всѣмъ существомъ человѣка: она объемлетъ его мысли, его сердечныя чувствованія, всю дѣятельность его. Живая вѣра—зрѣніе и познаніе Бога; живая вѣра — жизнь, посвященная всецѣло благочестію и умерщвленію для міра. Только при посредствѣ живой вѣры можетъ человѣкъ отречься отъ мнимыхъ достоинствъ падшаго естества своего, содѣлаться ученикомъ и послѣдователемъ Господа разумомъ и дѣятельностію, подобающими естеству обновленному [8]). Такая вѣра приближаетъ человѣка къ Богу и усвояетъ человѣка Богу; она представитъ человѣка

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. IV, стр. 11.

[2]) Тамъ же, стр. 14.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 12; т. I, стр. 177; т. II, стр. 8—9. Иначе различается еще вѣра дѣятельная и догматическая (См. т. V, стр. 84, 277 и 129 примѣч.).

[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 169.

[6]) Тамъ же, стр. 100—101, 190.

[7]) Тамъ же, стр. 273—274.

[8]) Тамъ же, стр. 207, 433, 486, 529.

предъ Лице Божіе и поставитъ его въ послѣдній день жизни міра сего, въ началѣ вѣчнаго дня, одесную престола Божія для вѣчнаго видѣнія Бога, для вѣчнаго наслажденія въ Богѣ, для вѣчнаго соцарствія Богу [1]). Но эта спасающая и ясновидящая вѣра является результатомъ вѣры дѣятельной, возникающей по произволенію человѣка, такая живая вѣра есть вѣра благодатная, она—даръ Божій [2]). Избраніе человѣкомъ пути дѣятельной вѣры для стяжанія спасительной вѣры живой, благодатной, происходитъ по свободному произволенію человѣка, и весь вообще подвигъ духовнаго возрожденія предполагаетъ принадлежащую человѣку свободу нравственную, какъ необходимое субъективное условіе душеспасительнаго подвига. Хотя при ближайшемъ наблюденіи своего внутренняго міра, человѣкъ и усматриваетъ рѣшительное разстройство своей собственной воли, непокорность ея разуму, также малоспособному руководить волей, тѣмъ не менѣе человѣкъ сознаетъ, что его воля свободна въ избраніи добра и зла [3]). Какъ произвольно отступилъ человѣкъ отъ Богообщенія, такъ же произвольно предоставлено человѣку принять или отвергнуть спасеніе. Ему дана возможность, дана благодатная сила исторгнуться изъ разряда падшихъ духовъ, свергнуть иго ихъ, но предоставлено на произволъ и оставаться въ прежнемъ состояніи общенія съ ними, порабощенія имъ. Для человѣковъ неизбѣжны или плѣнъ или борьба. Благочестивый подвигъ есть ничто иное, какъ дѣятельное принятіе спасенія, какъ явленіе нашего произволенія, показываемое и доказываемое самымъ опытомъ, самою жизнію [4]). Непостижимый Богъ, по сотвореніи человѣка, даровавъ ему всѣ средства къ сохраненію жизни, предоставилъ избраніе жизни или смерти его свободному произволенію. Точно такъ и при искупленіи Непостижимый, и въ благости, и въ разумѣ Своемъ Богъ, совершивъ искупленіе, предоставилъ нашему произволенію принятіе или отверженіе искупленія. Онъ предварительно вложилъ въ насъ свойство покаянія, но безъ произволенія естественная способность покаянія пребываетъ бездѣйственною. Спасеніе наше совершено Богомъ, а потому, убѣждаетъ Епископъ Игнатій, произвольно отвергните смерть, принятую вами произвольно; произвольно примите блаженную вѣчную жизнь, отвергнутую вами произвольно; употребите для этого благовременно вложенное въ васъ свойство покаянія, вполнѣ зависящее отъ вашего произволенія [5]). Совершенно и истинно свободнымъ становится только тотъ, кто по произволенію

---

[1]) Тамъ же, стр. 141.
[2]) Тамъ же, стр. 207.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 96—97, 343.
[4]) Тамъ же, т. III, стр. 51—52.
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 13.

становится рабомъ Бога своего [1]). Таково заключительное сужденіе Епископа Игнатія по вопросу о нравственной свободѣ человѣка.

Показателемъ духовной свободы и вообще—нравственнаго состоянія человѣка является совѣсть. По вопросу о совѣсти въ сочиненіяхъ Епископа Игнатія нѣтъ спеціальнаго богословскаго трактата; но, уясняя основы и условія душевнаго спасенія, онъ отмѣчаетъ важное значеніе среди нихъ совѣсти и уясняетъ, какъ ея проявленіе въ человѣкѣ и значеніе ея въ духовной жизни человѣка, такъ и ея природу. По первому вопросу о проявленіи и значеніи совѣсти въ духовной жизни человѣка мы находимъ въ сочиненіяхъ Епископа Игнатія немало глубокихъ наблюденій и яркихъ конкретныхъ подобій, выясняющихъ намъ вопросъ о совѣсти въ пониманіи Епископа-подвижника.

Для борьбы съ грѣхомъ и совершенствованія своей природы, для совершенія, вообще, душевнаго спасенія человѣку потребно глубокое и точное самопознаніе и, особенно, „зрѣніе грѣха своего“. Для этой цѣли, для безпристрастнаго и правильнаго самопознанія, обусловливающаго духовный подвигъ человѣка, имѣетъ исключительную важность вниманіе къ своей совѣсти, а сама совѣсть является, въ этомъ случаѣ, книгою самопознанія. Характеръ этой книги и условія ея изученія представляются въ признакахъ, типичныхъ для нашего грѣховнаго состоянія, а потому и особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя твореній Игнатіевыхъ. Подъ вліяніемъ живаго и сильнаго предощущенія грознаго часа Божественнаго суда, съ трепетомъ спѣшу, говоритъ Епископъ Игнатій, погрузиться въ разсматриваніе себя, спѣшу повѣрить въ книгѣ совѣсти моей отмѣченныя согрѣшенія мои дѣломъ, словомъ, помышленіемъ. Давно нечитанныя, застоявшіяся въ шкафахъ книги пропитываются пылью, истачиваются молью. Взявшій такую книгу встрѣчаетъ большое затрудненіе въ чтеніи ея. Такова моя совѣсть. Давно не пересматриваемая, она съ трудомъ могла быть открыта. Открывъ ее, я не нахожу никакого удовлетворенія. Только крупные грѣхи значатся довольно ясно; мелкія письмена, которыхъ множество, почти изгладились,—и не разобрать теперь, что было изображено ими. Богъ, одинъ Богъ можетъ поблѣднѣвшимъ письменамъ возвратить яркость и избавить человѣка отъ совѣсти лукавой. Одинъ Богъ можетъ даровать человѣку зрѣніе грѣховъ его и зрѣніе грѣха его—его паденія, въ которомъ корень, сѣмя, зародышъ, совокупность всѣхъ человѣческихъ согрѣшеній. Призвавъ на помощь милость и силу Божію, призвавъ ихъ на помощь теплѣйшею молитвою, соединенною съ благоразумнымъ постомъ, соединенною съ пла-

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 97.

чемъ и рыданіемъ сердца, снова раскрываю книгу совѣсти, снова всматриваюсь въ количество и качество грѣховъ моихъ; всматриваюсь, что породили для меня содѣланныя мною согрѣшенія [1]). Такимъ образомъ, изъ приведеннаго сравненія уясняется для насъ, что 1) совѣсть есть свойство самой духовной природы человѣка; 2) вмѣстѣ со всей природой души совѣсть извращена грѣхомъ; 3) ея нормальное проявленіе въ грѣшномъ человѣкѣ возможно только при условіи благодатнаго озаренія; 4) что чуткость совѣсти и вниманіе къ ней со стороны человѣка являются необходимымъ условіемъ спасительнаго самопознанія. Ощущенія совѣсти сосредоточены въ духѣ человѣческомъ [2]); чистота совѣсти даетъ человѣку истинное Богопознаніе и ощущеніе вѣры, нарушеніе непорочности совѣсти произвольнымъ уклоненіемъ въ грѣхи лишаетъ человѣка и истиннаго Богопознанія и возможности чистой нравственной дѣятельности; постоянство въ православномъ исповѣданіи догматовъ вѣры питается и хранится дѣлами вѣры и непорочностію совѣсти [3]). Въ многотрудномъ плаваніи по житейскому морю, совѣсть, по видѣнію Епископа Игнатія, является компасною стрѣлкою, на которую долженъ постоянно и внимательно смотрѣть кормчій духовнаго корабля—умъ: пусть этотъ кормчій стремится неуклонно къ блаженной вѣчности, памятуя, что забвеніе о вѣчномъ блаженствѣ приводитъ къ вѣчному бѣдствію. Пусть присматривается онъ часто, какъ бы къ компасной стрѣлкѣ, къ совѣсти, чтобы не принять направленія, несогласнаго съ направленіемъ, указываемымъ совѣстію [4]). Поставляя себѣ конечною жизненною цѣлію душевное спасеніе и наслѣдіе блаженной вѣчности, христіанинъ въ разсматриваніи своей совѣсти и въ опредѣленіи по ея свидѣтельству своего душевнаго состоянія долженъ руководствоваться Евангельскими заповѣдями [5]).

По вопросу о природѣ совѣсти и сферѣ ея обнаруженія Преосвященный Игнатій высказываетъ слѣдующія опредѣленныя сужденія: 1) Совѣсть—чувство духа человѣческаго, тонкое, свѣтлое, различающее добро отъ зла. Это чувство яснѣе различаетъ

---

[1]) Зрѣніе грѣха моего (т. II, стр. 118). То же—т. IV, стр. 61.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 299.

[3]) Тамъ же, стр. 137—138; т. I, стр. 145.

[4]) Т. I, стр. 365 ст. „Житейское море").

[5]) Въ качествѣ примѣра опредѣленія своего нравственнаго состоянія при свѣтѣ совѣсти въ руководствѣ Словомъ Божіимъ, Епископъ Игнатій указываетъ на самоиспытаніе исполненія нѣкоторыхъ заповѣдей Христовыхъ, изложенныхъ въ V главѣ Евангелія отъ Матѳея: Не гнѣвались ли мы всуе на ближняго? Не имѣли ли, доселѣ не имѣемъ ли съ кѣмъ ссоры? Не дѣйствуетъ ли въ насъ памятозлобіе? Не произносили ли мы словъ укоризненныхъ и ругательныхъ? Удерживались ли отъ взоровъ,

добро отъ зла, нежели умъ. И съ обольщеннымъ умомъ, подкрѣпляемымъ грѣхолюбивою волею, долго борется совѣсть.

2) Совѣсть—естественный законъ. Совѣсть руководствовала человѣка до закона письменнаго. Падшее человѣчество постепенно усвоивало себѣ неправильный образъ мыслей о Богѣ, о добрѣ и злѣ; лжеименный разумъ сообщилъ свою неправильность совѣсти. Письменный законъ содѣлался необходимостію для руководства къ истинному Богопознанію и къ Богоугодной дѣятельности.

3) Ученіе Христово, запечатлѣнное святымъ крещеніемъ, исцѣляетъ совѣсть отъ лукавства, которымъ заразилъ ее грѣхъ (Евр. X, 22). Возвращенное намъ правильное дѣйствіе совѣсти поддерживается и возвышается послѣдованіемъ ученію Христову.

4) Здравое состояніе и правильное дѣйствіе совѣсти возможно только въ нѣдрѣ православной Церкви, потому что всякая принятая неправильная мысль имѣетъ вліяніе на совѣсть,—уклоняетъ ее отъ правильнаго дѣйствія.

5) Потемняютъ, притупляютъ, заглушаютъ, усыпляютъ совѣсть—произвольныя согрѣшенія. Всякій грѣхъ, не очищенный покаяніемъ, оставляетъ вредное впечатлѣніе на совѣсти. Постоянная и произвольная грѣховная жизнь какъ бы умерщвляетъ ее. Умертвить совѣсть невозможно. Она будетъ сопровождать человѣка до страшнаго суда Христова: тамъ обличитъ ослушника своего.

6) Совѣсть—соперникъ человѣка, упоминаемый въ Евангеліи (Мѳ. V, 25; Осіи, V, 11), потому что она противится противузаконному начинанію нашему. Но совѣсть непорочная—свидѣтель вѣрный (Причт. XIV, 25), избавляющій душу отъ согрѣшеній до наступленія смерти и отъ вѣчныхъ мукъ по смерти.

7) Совѣсть просвѣщается изученіемъ и изощряется исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей. Противленіе человѣка и невниманіе голосу совѣсти лишаетъ его духовной свободы. Пренебреженіе къ напоминаніямъ совѣсти, пораждая нечувствіе, дѣлаетъ человѣка рабомъ грѣха.

ощущеній, помысловъ сладострастныхъ? Не воздавали ли зломъ за зло? Были ли такъ кротки, чтобъ не противиться злу? Любили ли враговъ нашихъ? Благословляли ли проклинающихъ насъ? Дѣлали ли добро ненавидящимъ насъ? Молились ли за творящихъ намъ напасть?

Конечно, и эти немногіе вопросы затруднятъ и обличатъ совѣсть нашу Что же можетъ произойти при дальнѣйшемъ и подробнѣйшемъ разсматриваніи? Отверзутся очи наши на грѣхи наши, насадится въ сердца наши чувство непрестанной печали о нашемъ недостоинствѣ; мы научимся сокрушаться о тѣхъ согрѣшеніяхъ, которыя въ омраченіи нашемъ казались намъ малыми, но по самой вещи лишаютъ насъ усыновленія Богу и блаженной вѣчности (т. IV, стр. 59).

8) Сфера проявленія совѣсти обнимаетъ всѣ стороны жизни человѣка, всѣ его жизненныя отношенія и обязанности:

а) къ Богу: исполняй всѣ повелѣнія Божіи, какъ видимыя всѣмъ, такъ и никому невидимыя, видимыя и вѣдомыя только одному Богу и твоей совѣсти;

б) къ ближнему: не довольствуйся одною благовидностію твоего поведенія къ ближнимъ; требуй отъ себя, чтобы самая совѣсть твоя удовлетворялась этимъ поведеніемъ, чтобы не только дѣла, но и сердце твое были поставлены въ отношеніе къ ближнему, заповѣданное Евангеліемъ;

в) къ вещамъ: удаляйся излишества, роскоши, небреженія, помня, что всѣ вещи, которыми ты пользуешься,—творенія Божіи, дары Божіи человѣку;

г) къ самому себѣ: не забывай, что ты—образъ и подобіе Бога, что ты обязанъ представить этотъ образъ въ чистотѣ и святости Самому Богу.

9) Совѣсть—неумолкающій, нелицепріятный блюститель и напоминатель нашего душеспасительнаго подвига; слѣдуя голосу чистой совѣсти, христіанинъ избавляется вѣчныхъ мукъ и стяжаваетъ радость вѣчнаго Богообщенія, когда Господь приметъ къ Себѣ душу человѣческую, признаетъ въ ней сходство съ Собою, увидитъ въ ней ту красоту, которую Онъ, по безконечной благости Своей, усвоилъ ей при сотвореніи, возстановилъ и умножилъ при искупленіи, которую повелѣлъ соблюдать въ непорочной цѣлости удаленіемъ отъ всякаго грѣха, храненіемъ всѣхъ евангельскихъ заповѣдей [1]). Такое важное значеніе имѣетъ совѣсть въ духовной жизни человѣка и при совершеніи душеспасительнаго жизненнаго подвига.

Обозрѣвая сдѣланное нами въ настоящей главѣ изложеніе основныхъ взглядовъ Епископа Игнатія по вопросу о духовномъ мірѣ и условіяхъ душевнаго спасенія, мы поражаемся глубиною, живостію и ясностію его религіозно-моральнаго сознанія, напряженностію и содержательностію его духовной жизни.

Живая, глубокая и опытно-искушенная его вѣра въ Бога, міръ духовный, духовность и безсмертіе человѣческой души являются, прежде всего, существенными элементами его православно-христіанскаго міровоззрѣнія. Его вѣра прошла, полагаемъ, всѣ ступени возрастанія—вѣры теоретической или вѣры ума, вѣры дѣятельной и вѣры живой—благодатной и, открывъ его духовному взору великое таинство жизни

---

[1]) Статья: „Совѣсть“ (Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 369—372).

въ Богѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ прояснила взоръ его на глубину человѣческаго грѣховнаго паденія, задачи и смыслъ человѣческаго бытія и возможность ихъ осуществленія при смиренномъ и рѣшительномъ обращеніи къ Богу и содѣйствіи благодатной помощи Божіей чрезъ усвоеніе человѣку спасительной тайны Божественнаго искупленія.

А познавъ все это и умственно и путемъ дѣятельнаго подвижническаго опыта, Святитель Игнатій вступилъ на путь къ вѣчности и временную земную жизнь опредѣлилъ, какъ временное странствованіе на пути къ небесному отечеству, прохожденіе временной жизни предъ Лицомъ Вѣчнаго, въ созерцаніи неизбѣжной и вожделѣнной вѣчности. Онъ постоянно видитъ предъ собою эту вѣчность и печалуется о забвеніи міромъ вѣчности, о потемненіи духовнаго взора человѣческаго, дѣлающемъ затруднительнымъ или даже недоступнымъ видѣніе вѣчнаго. Дѣйствіемъ врага спасенія, по попущенію Божію, сердце человѣческое приковано къ земнымъ занятіямъ: одни заняли себя пріобрѣтеніемъ дорогихъ и рѣдкихъ вещей и, пригвоздивъ къ нимъ мысль, отчуждили ее отъ Бога. Другіе занялись изученіемъ различныхъ наукъ и художествъ, лишь годныхъ для земли, и липились существенно нужнаго знанія о Богѣ. Третьи занялись стяжаніями, разведеніемъ садовъ, огородовъ, пашни, луговъ, скотоводства, и забыли Бога. Четвертые отвлеклись отъ Бога убранствомъ жилища своего и отдалились отъ Бога. Иные обратили особенное вниманіе на постъ и прочіе тѣлесные подвиги, придавъ особенное значеніе сухарямъ, грибамъ, капустѣ, гороху, и святые духовные подвиги превратили въ плотскіе. Иные прилѣпились исключительно къ церковному обряду, затмивъ въ послѣднемъ духовную сторону. Люди прилѣпились къ землѣ, земнымъ попеченіямъ и вещественному развитію, занялись устройствомъ земли, какъ бы она была вѣчнымъ жилищемъ ихъ [1]). Люди должны непрестанно имѣть предъ мысленными очами вѣчность и на поприщѣ временной жизни устраивать свою участь въ вѣчности, употребляя земную жизнь на стяжаніе спасенія [2]). А они живутъ, какъ мертвые душою, никогда не думая о неизреченныхъ будущихъ благахъ и участи грѣшниковъ, какъ бы были вѣчны на землѣ [3]). Человѣчество не видитъ своего бѣдственнаго положенія въ нравственномъ и духовномъ отношеніяхъ; оно трубитъ о своемъ преуспѣяніи, будучи ослѣплено преуспѣяніемъ въ вещественномъ развитіи для времени и земли, отвергнувъ развитіе христіанское для духа, для вѣчности, для Бога. Кратковременная земная жизнь принимается за вѣчность, всѣ силы души и тѣла истощаются человѣкомъ не для приготовленія себя къ

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 829—830.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 206.
[3]) Тамъ же, стр. 47.

вѣчности: истощаются онѣ, приносятся въ жертву несбыточной мечтѣ, истощаются на устройство высшаго плотскаго благоденствія и блаженства въ гостиницѣ земной, какъ въ самомъ прочномъ вѣчномъ жилищѣ [1]). А между тѣмъ, взору христіанскаго подвижника открытъ міръ вѣчности. Отворились широко врата его предъ изумленными взорами души, и взоры души жадно устремились въ эти безпредѣльныя пространства, тонутъ въ нихъ, заглядываются на вновь открывшееся, доселѣ незнакомое зрѣлище, приковались къ нему, не могутъ оторваться. Всѣ живущіе въ мірѣ представляются ему не какъ постоянные жители, а только какъ путешественники; онъ убѣждается, что назначеніе человѣка—не для земли, а для неба [2]). Сподобившись самъ благодатнаго видѣнія вѣчности, Святитель Игнатій исповѣдуетъ это видѣніе въ писаніяхъ своихъ и, приближаясь къ концу земного странствованія, считаетъ долгомъ составить духовное завѣщаніе на духовныя блага, которыми ущедрила его десница Божія [3]). Живя временною жизнію для вѣчности, опытно познавъ тернистость душеспасительнаго пути, но—и его отраду и утѣшеніе, Святитель Игнатій своими писаніями убѣждаетъ и учитъ насъ жизни во Христѣ, раскрываетъ путь спасенія душевнаго примѣнительно къ условіямъ жизни нашей, онъ учитъ своего читателя „ходить предъ Богомъ“, жить предъ Лицомъ Вѣчнаго.

---

[1]) Тамъ же, стр. 270.
[2]) Тамъ же, стр. 454,
[3]) Тамъ же, т. V. Предисловіе, стр. III.

Глава вторая.

Реальная сторона духовной жизни.

(Грѣховное состояніе человѣка).

„Блаженна душа, узрѣвшая гнѣздящійся въ себѣ грѣхъ, блаженна душа, узрѣвшая въ себѣ паденіе праотцевъ, ветхость ветхаго Адама!

Блаженна душа, которая сознала себя вполнѣ недостойною Бога, которая осудила себя, какъ окаянную и грѣшную: она—на пути спасенія, нѣтъ въ ней самообольщенія". (Аскетич. опыты, т. II, стр. 123).

Основанія, мотивы, источники и сущность взглядовъ Епископа Игнатія по вопросу о грѣховности человѣка. Сущность грѣха, его происхожденіе и отношеніе къ природѣ человѣка. Проявленіе грѣха въ области психологіи человѣка: поврежденіе ума, его самость и плотское мудрованіе; поврежденіе сердца—міролюбіе; поврежденіе воли—утрата истинной свободы, порабощеніе грѣху. Общій внутренній разладъ, сближеніе съ міромъ зла, отчужденіе отъ Бога. Проявленіе грѣха въ области внѣшней жизни: смертность тѣла; высшій идеалъ—благополучіе самости, оземлененіе человѣка. Наслѣдственность грѣха. Нравственное безсиліе естественнаго человѣка. Психологическая сущность добра и зла. Развитіе и разнообразіе грѣховныхъ состояній человѣка. Грѣховныя состоянія, ихъ классификація и отличительныя черты. Общій взглядъ на духовную жизнь человѣка въ состояніи грѣховности.

Не задачи богословско-психологическаго трактата, не систематическое изложеніе ученія православной Церкви о грѣхѣ и добродѣтели преслѣдуетъ въ своихъ твореніяхъ Преосвященный Игнатій; его задачею является самопознаніе и призывъ къ нему ближнихъ, возбужденіе въ себѣ самомъ и ближнихъ покаяннаго настроенія, подвижническаго смиренія и жажды духовнаго обновленія для соединенія съ Богомъ. Не соображенія своего разума и личную наблюдательность

ставитъ онъ въ основу своихъ душеспасительныхъ бесѣдъ,—въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, онъ полонъ смиренія,—а ученіе Слова Божія, голосъ Святыхъ Отцовъ и подвижниковъ, зовъ св. Церкви православной въ воспріятіи личной, многотрудной подвижнической жизни. Живая вѣра въ Бога и томленіе духовною жаждою вѣчнаго спасенія, развившись въ душѣ Игнатія Брянчанинова еще во дни его дѣтства, въ родительскомъ домѣ, въ тѣнистыхъ садахъ села Покровскаго, въ суровомъ величіи сѣверной природы, стали господствующимъ настроеніемъ его духа, доставивъ ему блаженную участь жизни въ Богѣ еще въ предѣлахъ земного странствованія и всѣ силы его сосредоточивъ на уясненіи и совершеніи душевнаго спасенія, на согласованіи временной жизни съ неисповѣдимыми путями Вѣчнаго, указанными для ищущихъ спасенія въ источникахъ Божественнаго откровенія. Ставя своей важнѣйшей задачей въ настоящей главѣ изложеніе ученія Епископа Игнатія о грѣхѣ, мы стремимся, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы уяснить и оживить для насъ воззрѣнія Святителя на реальную сторону душевной жизни, на грѣховность падшей человѣческой природы въ ея внутреннихъ и внѣшнихъ выраженіяхъ.

Полный живой вѣры въ Бога, благоговѣйно настроенный ревнитель душевнаго спасенія, авторъ „Аскетическихъ опытовъ“ и „Аскетической проповѣди“ постоянно чувствуетъ необходимость знанія природы человѣческой въ ея существѣ и премірныхъ задачахъ, ибо это знаніе—первостепенной важности, ибо отъ этого знанія зависитъ вожделѣнная для человѣка святость и возсоединеніе съ Богомъ [1]). Его самоиспытующему духовному взору виденъ въ себѣ самомъ, по преимуществу, грѣхъ непрестанный, какъ непрестанное нарушеніе святѣйшихъ заповѣдей Бога Создателя и Искупителя. И Богъ видитъ грѣхи человѣческіе, видитъ ихъ всѣ, видитъ безчисленность ихъ, а человѣкъ, при взглядѣ на свое духовное приниженіе, предъ очами Всесвятаго и Всесовершеннаго Бога испытываетъ ужасъ, но сознаніе, въ тоже время, чуднаго долготерпѣнія Божія приводитъ его въ благодарное умиленіе и пробуждаетъ въ немъ покаянное чувство [2]). Какъ высшій мотивъ изученія духовной природы и жизни, постоянно стоитъ предъ Епископомъ Игнатіемъ надежда духовнаго обновленія и сознаніе, съ этой точки зрѣнія, цѣнности настоящей жизни: призывъ покаянія и обновленія непрерывно слышится въ его душѣ, а познаніе Бога и примиреніе съ Нимъ при посредствѣ Искупителя являются для него существенно нужнымъ знаніемъ и дѣломъ [3]). Онъ

---

[1]) Аскетическіе опыты, т. I, стр. 155.
[2]) Тамъ же, стр. 386.
[3]) Тамъ же, стр. 98—99.

предостерегаетъ своихъ духовныхъ братій отъ опасности—промотать жизнь въ занятіяхъ пустыхъ [1]), а наряду съ этимъ—надѣется и для самого себя уяснить путь спасенія, ибо, „замѣтилъ я", говоритъ онъ, „что тѣ предметы духовнаго ученія, которые изложу письменно, особенно объясняются для меня самого и иногда бываютъ небезполезны для возлюбленныхъ братій моихъ по современности изложенія", и онъ пишетъ слова о грѣхѣ и о покаяніи—въ возбужденіе себѣ и въ увѣщаніе себя и другихъ къ жительству подвижническому" [2]).

Источниками познанія нравственнаго состоянія человѣческой души для Епископа Игнатія служатъ Слово Божіе, особенно Св. Евангеліе, творенія Св. Отцовъ, чтеніе Божественныхъ книгъ вообще, и личный подвижническій духовный опытъ, а при всѣхъ этихъ условіяхъ и вся обширная область человѣческой жизни и книга природы являются также источниками самопознанія и самообличенія.

Волнуемый вопросами о смыслѣ и цѣли жизни и условіяхъ ихъ жизненнаго осуществленія, человѣкъ переживаетъ настоятельную нужду, чтобы кто нибудь объявилъ и объяснилъ ему его назначеніе, чтобъ указалъ ему дѣятельность правильную и тѣмъ предохранилъ отъ дѣятельности безъ смысла и безъ цѣли. Эту настоятельную нужду, эту необходимость призналъ Самъ Богъ. Призналъ Онъ ее и даровалъ людямъ откровенное ученіе, которое возводитъ насъ къ познаніямъ, недоступнымъ для собственнаго постиженія нашего. Въ Богооткровенномъ ученіи Богъ открылъ Себя человѣку, насколько ограниченному человѣку можетъ быть объясненъ и открытъ неограниченный и необъяснимый Богъ. Въ Богооткровенномъ ученіи открылъ Богъ человѣку значеніе и назначеніе человѣка, его отношеніе къ Богу и къ мірамъ—видимому и невидимому. Божественное откровенное ученіе, будучи сличено съ познаніями, доставляемыми человѣку точнымъ разсматриваніемъ себя, подтверждается этими познаніями и подтверждаетъ ихъ. Познанія, подтверждаясь одни другими, предстоятъ предъ человѣчествомъ въ яркомъ свѣтѣ неопровержимой истины [3]). Являясь источникомъ Богопознанія и самопознанія для человѣка, Священное и святое Писаніе сообщаетъ человѣку силу Божію. Эта сила, эта жизнь для человѣка—Духъ Святый, обитающій въ Священномъ и святомъ Писаніи, обитающій въ заповѣдяхъ Евангелія. Кто углубляется постоянно въ Писаніе, изучаетъ его въ смиреніи духа, испрашивая у Бога разумѣніе молитвою; кто направляетъ по евангельскимъ заповѣдямъ всѣ дѣла свои, всѣ сокровенныя движенія души, тотъ

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 49.
[2]) Тамъ же, стр. 357.
[3]) Аскетическіе опыты, т. II, стр. 95.

непремѣнно содѣлывается причастникомъ живущаго въ нихъ Святаго Духа [1]).

Священное и святое Писаніе даютъ человѣку критерій самооцѣнки и руководствуютъ его въ правильномъ и безпристрастномъ самопознаніи, а личный духовный опытъ даетъ для этой самооцѣнки достаточный матеріалъ. Сопоставляя вѣщанія Слова Божія, Святыхъ Отцовъ, подвижниковъ и назиданія св. Церкви православной съ выясняемыми путемъ самоиспытующаго наблюденія состояніями своего духа, человѣкъ, нечуждый христіански-аскетическаго подвига, получаетъ 1) наилучшее познаніе своего наличнаго нравственнаго состоянія, узнаетъ себя самого; 2) сознаніе отраженія въ своей личной грѣховности—паденія исконнаго, общечеловѣческаго; 3) опредѣляетъ для себя нравственную обязательность борьбы съ грѣхомъ въ цѣляхъ возстановленія утраченнаго общенія съ Богомъ, какъ самодовлѣющую и высшую жизненную задачу; 4) выясняетъ для себя условія и средства ея нравственнаго разрѣшенія.

Преосвященный Игнатій часто и съ подробностію останавливаетъ вниманіе ревнителя спасенія на только что указанныхъ положеніяхъ, особенно—на самопознаніи путемъ чтенія Св. Евангелія. Святое Евангеліе, говоритъ онъ, можно уподобить зеркалу. Каждый изъ насъ, если захочетъ, увидитъ въ немъ состояніе души своей и то всемогущее врачеваніе, которое предлагается всемогущимъ врачемъ Богомъ. Въ евангельскомъ зеркалѣ видимъ мы грѣшника, увлеченнаго страстями, осуждаемаго человѣками, но оправдываемаго Богомъ за его вѣру и истинное покаяніе [2]). При чтеніи Евангелія не нужно искать наслажденія, восторговъ, блестящихъ мыслей, нужно искать видѣнія непогрѣшительной святой Истины. Не довольствуйся однимъ безплоднымъ чтеніемъ Евангелія, наставляетъ Святитель Игнатій, старайся исполнять его заповѣданія, читай его дѣлами. Это—книга жизни, и надо читать ее жизнію. Не думай, что безъ причины священнѣйшая изъ книгъ,—Четверо-Евангеліе, начинается Евангеліемъ отъ Матѳея, а оканчивается Евангеліемъ отъ Іоанна. Матѳей научаетъ болѣе, какъ исполнять волю Божію, и его наставленія особенно приличествуютъ начинающимъ путь Божій; Іоаннъ излагаетъ образъ соединенія Бога съ человѣкомъ, обновленнымъ заповѣдями, что доступно однимъ преуспѣвшимъ на пути Божіемъ. Раскрывая для чтенія книгу—святое Евангеліе, вспомни, что она рѣшитъ твою вѣчную участь. По ней мы будемъ судимы, и, смотря по тому, каковы были здѣсь на землѣ по отношенію къ ней, получимъ въ удѣлъ или вѣч-

---

[1]) Тамъ же, стр. 8.

[2]) Аскетическая проповѣдь—т. IV, стр. 344—345.

ное блаженство, или вѣчныя казни. Богъ открылъ Свою волю ничтожной пылинкѣ—человѣку! Книга, въ которой изложена эта великая и всесвятая воля,—въ твоихъ рукахъ. Ты можешь и принять и отвергнуть волю Создателя и Спасителя твоего, смотря по тому, какъ тебѣ угодно. Твои вѣчная жизнь и вѣчная смерть въ рукахъ твоихъ: разсуди же, сколько нужно тебѣ быть осторожну, благоразумну. Не играй своею участью вѣчною!

Молись въ сокрушеніи духа Господу, чтобъ Онъ открылъ тебѣ очи видѣть чудеса, сокровенныя въ законѣ Его, который—Евангеліе. Открываются очи,—и усматривается чудное исцѣленіе души отъ грѣха, совершаемое Словомъ Божіимъ. Исцѣленіе тѣлесныхъ недуговъ было только доказательствомъ исцѣленія души, доказательствомъ для плотскихъ людей, для умовъ, заслѣпленныхъ чувственностію. Читай Евангеліе съ крайнимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ. Въ немъ не сочти ничего маловажнымъ, малодостойнымъ разсматриванія. Каждая іота его испущаетъ лучъ жизни. Пренебреженіе жизни—смерть. Читая о прокаженныхъ, разслабленныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, бѣснующихся, которыхъ исцѣлилъ Господь, помышляй, что душа твоя, носящая многоразличныя язвы грѣха, находящаяся въ плѣну у демоновъ, подобна этимъ больнымъ. Научайся изъ Евангелія вѣрѣ, что Господь, исцѣлившій ихъ, исцѣлитъ и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его о исцѣленіи твоемъ. Стяжи такое расположеніе души, чтобы тебѣ быть способнымъ къ полученію исцѣленія. Способны получить его сознающіеся въ своей грѣховности, рѣшившіеся оставить ее (Іоан. IX, 39—41). Горделивому праведнику, т. е. грѣшнику, не видящему своей грѣховности, ненуженъ, безполезенъ Спаситель (Мѳ. IX, 13). Зрѣніе грѣховъ, зрѣніе того паденія, въ которомъ находится весь родъ человѣческій, есть особенный даръ Божій. Испроси себѣ этотъ даръ, и понятнѣе будетъ для тебя книга Небеснаго Врача—Евангеліе. Постарайся, чтобъ Евангеліе усвоилось твоему уму и сердцу, чтобы умъ твой, такъ сказать, плавалъ въ немъ, жилъ въ немъ: тогда и дѣятельность твоя удобно содѣлается евангельскою. Этого можно достичь непрестаннымъ благоговѣйнымъ чтеніемъ, изученіемъ Евангелія. Владыка Игнатій указываетъ на примѣръ людей, внимательно изучавшихъ Евангеліе. Преподобный Пахомій Великій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ древнихъ Отцовъ, зналъ наизусть Святое Евангеліе и вмѣнялъ ученикамъ своимъ, по откровенію Божію, въ непремѣнную обязанность выучить его. Такимъ образомъ, Евангеліе сопутствовало имъ повсюду, постоянно руководило ихъ. Зналъ Евангеліе наизусть Св. Тихонъ Воронежскій. И нынѣ, говоритъ Владыка Игнатій, отчего бы христіанскимъ воспитателямъ не украсить памяти невиннаго дитяти Евангеліемъ, чѣмъ засорять ее изученіемъ Эзоповыхъ басней и прочихъ ничтожностей! Какое счастіе, какое богатство—стяжаніе Евангелія

памятью! Нельзя предвидѣть переворотовъ и бѣдствій, могущихъ случиться съ нами въ теченіе земной жизни. Евангеліе, принадлежащее памяти, читается слѣпымъ, узнику сопутствуетъ въ темницу, говоритъ съ земледѣльцемъ на нивѣ, орошаемой его потомъ, наставляетъ судію во время самаго присутствія [1]), руководитъ купца на торгу, увеселяетъ больного во время томительной безсонницы и тяжкаго одиночества. „На кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ (Ис. LXVI, 2), говоритъ Господь. Таковъ будь относительно Евангелія и присутствующаго въ немъ Господа. Оставь грѣховную жизнь, оставь земныя пристрастія и наслажденія, отрекись души своей, тогда сдѣлается для тебя доступнымъ и понятнымъ Евангеліе. Для любящаго душу свою, для того, кто не рѣшается на самоотверженіе, закрыто Евангеліе: онъ читаетъ букву; но слово жизни, какъ духъ, остается для него подъ непроницаемою завѣсою. Когда Господь былъ на землѣ пресвятою плотію,—многіе видѣли Его и, вмѣстѣ, не видѣли. Что пользы, когда человѣкъ смотритъ тѣлесными очами, общими у него съ животными, а ничего не видитъ очами души—умомъ и сердцемъ. И нынѣ многіе ежедневно читаютъ Евангеліе, и вмѣстѣ никогда не читали его, вовсе не знаютъ его! Евангеліе, сказалъ нѣкоторый преподобный пустынножитель, умомъ чистымъ читается, понимается по мѣрѣ исполненія его самымъ дѣломъ. Но точнаго и совершеннаго раскрытія Евангелія невозможно стяжать въ себѣ собственными усиліями: это—даръ Христовъ. Духъ Святый, вселившись въ истиннаго и вѣрнаго служителя Своего, содѣлываетъ его и совершеннымъ читателемъ и истиннымъ исполнителемъ Евангелія. Евангеліе есть изображеніе свойствъ новаго человѣка, который—Господь съ небесе. Этотъ новый человѣкъ—Богъ по естеству. Святое племя Свое человѣковъ, въ него вѣрующихъ и по Нему преобразившихся, Онъ содѣлываетъ богами по благости [2]).

Таково значеніе благодатнаго чтенія Св. Евангелія въ пониманіи Епископа Игнатія. Наставленія въ духѣ вышеприведенныхъ нерѣдко

---

[1]) Мы лично знаемъ и съ глубокимъ уваженіемъ непрестанно памятуемъ одного изъ сродниковъ Владыки Игнатія по плоти и духу, который, занимая въ теченіе многихъ лѣтъ должность городского судьи въ Вологдѣ, при строго-аскетическомъ образѣ личной жизни, ежедневно присутствовалъ за ранней Литургіей въ одномъ изъ приходскихъ храмовъ, выполняя низшія послушанія церковнаго служенія, и, послѣ Литургіи отправлялся въ свою судейскую камеру и, подъ впечатлѣніемъ святыхъ словъ Евангелія и христіанскаго Богослуженія, совершалъ судъ человѣческій какъ бы предъ очами Божіими, вникалъ въ обстоятельства судимыхъ имъ земныхъ нестроеній своимъ вѣрующимъ умомъ съ точки зрѣнія конечныхъ причинъ грѣха мірового и всемѣрно и съ нерѣдкимъ успѣхомъ склонялъ судящихся къ взаимному примиренію. Блаженни миротворцы!

[2]) Аскетическіе опыты, т. I, стр. 108—111.

слышатся въ твореніяхъ Епископа Игнатія. Обращеніе къ Слову Божію онъ считаетъ необходимымъ условіемъ для расцѣнки нравственной личности человѣка. Придетъ ли, говоритъ онъ, къ тебѣ благая мысль,— остановись; никакъ не устремись къ исполненію ея съ опрометчивостію, необдуманно. Ощутишь ли въ сердцѣ какое благое влеченіе?— остановись; не дерзай увлечься имъ. Справься съ Евангеліемъ. Разсмотри, согласны ли со всесвятымъ ученіемъ Господа благая мысль твоя и твое благое влеченіе сердечное. Вскорѣ усмотришь, что нѣтъ никакого согласія между евангельскимъ добромъ и добромъ падшаго человѣческаго естества. Добро нашего падшаго естества перемѣшано со зломъ, а потому и само это добро сдѣлалось зломъ, какъ дѣлается ядомъ вкусная и здоровая пища, когда перемѣшаютъ ее съ ядомъ. Хранись дѣлать добро падшаго естества! Дѣлая это добро, разовьешь свое паденіе, разовьешь самомнѣніе и гордость, достигнешь ближайшаго сходства съ демонами. Напротивъ того, дѣлая евангельское добро, какъ истинный и вѣрный ученикъ Богочеловѣка, содѣлаешься подобнымъ Богочеловѣку [1]). Изученіе Евангелія, по совѣту Епископа Игнатія, нужно начать съ изученія заповѣдей Господа въ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Луки, а потомъ переходить къ изученію прочихъ Писаній Новаго Завѣта, который можетъ быть весь названъ Евангеліемъ, какъ содержащій одно евангельское ученіе [2]). Такимъ образомъ, внимательное изученіе Слова Божія, сопровождаемое подвигомъ благочестивой жизни и молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, является, при содѣйствіи благодати Божіей, наилучшимъ средствомъ христіанскаго самопознанія и уясненія премірной жизненной цѣли и средствъ ея осуществленія.

Дополнительно къ этому—творенія св. Отцовъ и духоносныхъ мужей указываются Преосвященнымъ Игнатіемъ, какъ весьма важное руководство въ самопознаніи и духовно-христіанскомъ подвигѣ. Естественное человѣческое познаніе представляется недостаточнымъ для человѣка въ отношеніи опредѣленія сущности и цѣлей человѣческой жизни. Въ этомъ отношеніи высшее ученіе получаетъ человѣкъ изъ священнаго преданія Православной Церкви [3]). Слѣдуя въ своей духовно-христіанской жизни указаніямъ Слова Божія, православный христіанинъ въ пониманіи послѣдняго долженъ руководствоваться истолкованіями Св. Отцовъ Церкви православной. Не дерзай самъ истолковывать Евангеліе и прочія книги Священнаго Писанія, говоритъ Епископъ Игнатій. Писаніе произнесено св. Пророками

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 45, 37—39.
[2]) Тамъ же, стр. 50; т. IV, стр. 371—373.
[3]) Аскетическіе опыты, т. II, стр. 88—89.

и Апостолами не произвольно, но по внушенію Св. Духа. Какъ же не безумно истолковывать его произвольно? Святый Духъ, произнесшій чрезъ Пророковъ и Апостоловъ Слово Божіе, истолковалъ его чрезъ Св. Отцовъ. И Слово Божіе и толкованіе его—даръ Святаго Духа. Только это одно истолкованіе принимаетъ святая православная Церковь. Только это одно истолкованіе принимаютъ ея истинныя чада. Кто объясняетъ Евангеліе и все Писаніе произвольно, тотъ этимъ самымъ отвергаетъ истолкованіе его Святыми Отцами, Святымъ Духомъ. Кто отвергаетъ истолкованіе Писанія Святымъ Духомъ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, отвергаетъ и самое Священное Писаніе. И бываетъ Слово Божіе, слово спасенія, для дерзкихъ толкователей его, вонею въ смерть, мечемъ обоюдуострымъ, которымъ они закалаютъ сами себя въ вѣчную погибель. Имъ убили себя навѣчно Арій, Несторій, Евтихій и прочіе еретики, впавшіе произвольнымъ и дерзкимъ толкованіемъ Писанія въ богохульство [1]).

Чтеніе Святыхъ Отцовъ Епископъ Игнатій считаетъ необходимымъ руководствомъ къ уразумѣнію Евангелія, къ пониманію и усвоенію пути спасенія, къ глубокому самопознанію. Его многочисленныя наставленія относительно душеспасительности чтенія Св. Отцовъ не менѣе трогательны, глубоки и оригинальны, чѣмъ наставленія относительно чтенія Слова Божія. Чтеніе твореній Святыхъ Отцовъ имѣетъ высшую цѣнность: 1) потому, что оно вводитъ читателя въ духовное общеніе съ ними, дѣлая участникомъ ихъ настроенія, 2) потому, что подготовляетъ и руководствуетъ въ чтеніи Св. Евангелія и 3), самое важное, потому, что ставитъ читателя на истинный путь душевнаго спасенія и ведетъ по нему. Бесѣда и общество ближнихъ очень дѣйствуютъ на человѣка, говоритъ Святитель Игнатій. Бесѣда и знакомство съ ученымъ сообщаетъ много свѣдѣній, съ поэтомъ—много возвышенныхъ мыслей и чувствованій, съ путешественникомъ—много познаній о странахъ, о нравахъ и обычаяхъ народныхъ. Очевидно: бесѣда и знакомство со святыми сообщаетъ святость. Отнынѣ, наставляетъ онъ, познакомься со святыми. Ты хочешь принадлежать на небѣ къ ихъ обществу, хочешь быть участникомъ ихъ блаженства? Отнынѣ поступи въ общеніе съ ними. Когда выйдешь изъ храмины тѣла твоего,—они примутъ тебя къ себѣ, какъ своего знакомаго, какъ своего друга. Нѣтъ ближе знакомства, нѣтъ тѣснѣе связи, какъ связь единствомъ мыслей, единствомъ чувствованій, единствомъ цѣли. Гдѣ единомысліе, тамъ непремѣнно и единодушіе, тамъ непремѣнно одна цѣль, одинаковый успѣхъ въ достиженіи цѣли. Усвой себѣ мысли и духъ Святыхъ Отцовъ чтеніемъ ихъ писаній. Святые Отцы достигли

---

[1]) Аскетическіе опыты, т. I, стр. 110.

цѣли—спасенія. И ты достигнешь этой цѣли по естественному ходу вещей. Какъ единомысленный и единодушный Святымъ Отцамъ, ты спасешься.

Небо приняло въ свое блаженное нѣдро Святыхъ Отцовъ. Этимъ оно засвидѣтельствовало, что мысли, чувствованія, дѣянія Святыхъ Отцовъ благоугодны ему. Святые Отцы изложили свои мысли, свое сердце, образъ своихъ дѣйствій въ своихъ писаніяхъ. Значитъ: какое вѣрное руководство къ небу, засвидѣтельствованное самимъ небомъ, писанія Отцовъ. Писанія Святыхъ Отцовъ всѣ составлены по внушенію или подъ вліяніемъ Святаго Духа. Чудное въ нихъ согласіе, чудное помазаніе! Руководствующійся ими имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, руководителемъ Святаго Духа.

Всѣ воды земли стекаются въ океанъ, и, можетъ быть, океанъ служитъ началомъ для всѣхъ водъ земныхъ. Писанія Отцовъ соединяются всѣ въ Евангеліи, всѣ клонятся къ тому, чтобы научить насъ точному исполненію заповѣданій Господа нашего Іисуса Христа; всѣхъ ихъ и источникъ и конецъ—Святое Евангеліе. Святые Отцы научаютъ, какъ приступать къ Евангелію, какъ читать его, какъ правильно понимать его, что́ содѣйствуетъ, что препятствуетъ къ уразумѣнію его. И потому сначала болѣе занимайся чтеніемъ Святыхъ Отцовъ. Когда же они научатъ тебя читать Евангеліе, тогда уже преимущественно читай Евангеліе. Не сочти для себя достаточнымъ чтеніе одного Евангелія, безъ чтенія Святыхъ Отцовъ. Это—мысль гордая, опасная. Лучше пусть приведутъ тебя къ Евангелію Святые Отцы, какъ возлюбленное свое дитя, получившее предварительное воспитаніе и образованіе посредствомъ ихъ писаній. Многіе, всѣ, отвергшіе безумно, кичливо Святыхъ Отцовъ, приступившіе непосредственно, съ слѣпою дерзостію, съ нечистымъ умомъ и сердцемъ къ Евангелію, впали въ гибельное заблужденіе. Ихъ отвергло Евангеліе: оно допускаетъ къ себѣ однихъ смиренныхъ. Чтеніе писаній отеческихъ—родитель и царь всѣхъ добродѣтелей. Изъ чтенія отеческихъ писаній научаемся истинному разумѣнію Священнаго Писанія, вѣрѣ правовой, жительству по заповѣдямъ евангельскимъ, глубокому уваженію, которое должно имѣть къ евангельскимъ заповѣдямъ, словомъ сказать,—спасенію и христіанскому совершенству. Чтеніе отеческихъ писаній, по умаленіи духоносныхъ наставниковъ, содѣлалось главнымъ руководителемъ для желающихъ спастись и даже достигнуть христіанскаго совершенства. Книги Святыхъ Отцовъ,—по выраженіе одного изъ нихъ, подобны зеркалу: смотрясь въ нихъ внимательно и часто, душа можетъ увидѣть всѣ свои недостатки. Опять—эти книги подобны богатому собранію врачебныхъ средствъ: въ немъ душа можетъ пріискать для каждаго изъ своихъ недуговъ

спасительное врачевство. А потому каждый избери себѣ чтеніе Отцовъ, соотвѣтствующее своему образу жизни. Отшельникъ пусть читаетъ Отцовъ, писавшихъ о безмолвіи, инокъ, живущій въ общежитіи,—Отцовъ, написавшихъ наставленія для монашескихъ общежитій; христіанинъ, живущій посреди міра,—Святыхъ Отцовъ, произнесшихъ свои поученія вообще для всего христіанства. Каждый, въ какомъ бы званіи ни былъ, почерпай обильное наставленіе въ писаніяхъ Отцовъ.

Непремѣнно нужно чтеніе, соотвѣтствующее образу жизни. Иначе будешь наполняться мыслями, хотя и святыми, но неисполнимыми самымъ дѣломъ, возбуждающими безплодную дѣятельность только въ воображеніи и желаніи; дѣла благочестія, приличествующія твоему образу жизни, будутъ ускользать изъ рукъ твоихъ. Мало того, что ты сдѣлаешься безплоднымъ мечтателемъ,—мысли твои находясь въ безпрестанномъ противорѣчіи съ кругомъ дѣйствій, будутъ непремѣнно рождать въ твоемъ сердцѣ смущеніе, а въ поведеніи неопредѣленность, тягостныя, вредныя для тебя и для ближнихъ. При неправильномъ чтеніи Священнаго Писанія и Святыхъ Отцовъ легко можно уклониться съ спасительнаго пути въ непроходимыя дебри и глубокія пропасти, что и случилось со многими[1]). Изъ твореній святоотеческихъ дышетъ самоотверженіе, дышетъ благоуханіе Святаго Духа, мертвящее страсти. Отъ этого благоуханія бѣгутъ прочь сыны міра, какъ осы улетаютъ прочь отъ курящагося ѳиміама. Епископъ Игнатій скорбитъ о томъ, что сочиненія Западныхъ писателей, написавшихъ изъ состоянія самообольщенія, находятъ многочисленныхъ читателей,

---

[1]) Аскетическіе опыты, т. I, стр. 112—114. Неоднократно и настоятельно отмѣчая душеспасительность чтенія святоотеческихъ твореній, Епископъ Игнатій иногда намѣчаетъ точную программу такого чтенія, напр.—При чтеніи Евангелистовъ, говоритъ онъ, должно читать и Благовѣстникъ, т. е. объясненіе Евангелія Блаженнымъ Ѳеофилактомъ, архіепископомъ Болгарскимъ. Чтеніе Благовѣстника необходимо: оно способствуетъ правильному пониманію Евангелія, и, слѣдовательно, точнѣйшему исполненію его. Въ программѣ душеспасительнаго чтенія имъ указываются творенія св. Тихона Воронежскаго; книги, написанныя для общежительныхъ монаховъ, каковы: поученія преподобнаго Аввы Дороѳея, оглашенія преподобнаго Ѳеодора Студійскаго, руководство къ духовной жизни преподобныхъ Варсонофія Великаго и Іоанна Пророка (съ отвѣта 216), слова святаго Іоанна Лѣствичника. творенія преподобнаго Ефрема Сирскаго, общежительныя постановленія и собесѣдованія преподобнаго Кассіана Римлянина. Потомъ, по прошествіи значительнаго времени, можно читать и книги, написанныя Отцами для безмолвниковъ, какъ то: Добротолюбіе, Патерикъ Скитскій, слова преподобнаго Исаіи отшельника, слова святаго Исаака Сирскаго, Слова Марка подвижника, слова и бесѣды преподобнаго Марка подвижника, Макарія Великаго, сочиненія стихами и прозой преподобнаго Симеона Новаго Богослова. Всѣ перечисленныя книги относятся къ порядку подвижническихъ (Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 50—51).

переводятся не разъ на русскій языкъ, печатаются, перепечатываются; имъ произносятся, пишутся и печатаются громкія похвалы; то, что исполнено смертоноснаго яда, одобряется и утверждается. Сочиненія Святыхъ Отцовъ забыты. То, что они съ давнихъ поръ, приняты святою Церковію, признавалось единымъ правильнымъ руководствомъ въ подвижнической жизни, нисколько не принимается въ уваженіе. Ихъ сочиненія критикуютъ, находятъ въ нихъ несообразности, противорѣчіе Священному Писанію.

Всему этому причиною то, что Святые Отцы наставлены были Духомъ Святымъ, что они отвергли премудрость міра для стяжанія премудрости Духа [1]).

Наряду съ изученіемъ Слова Божія и чтеніемъ святоотеческихъ твореній,—для опредѣленія своего нравственнаго состоянія имѣетъ большое значеніе развиваемый подъ руководствомъ Слова Божія и церковнаго преданія личный подвижническій опытъ. Томясь иногда долгое время въ нерѣшенной борьбѣ съ страстями и духами, посреди надежды и безнадежія, посреди частныхъ побѣдъ и побѣжденій, въ это трудное время подвижники основательно поучаются опытному знанію разнообразныхъ страстей и демонскихъ козней, основательно изучаются евангельскимъ заповѣдямъ, которыя содѣлываются достояніемъ ихъ отъ продолжительнаго и тщательнаго изученія. Въ это трудное время подвижники основательно приготовляются къ принятію и храненію Божественной благодати [2]). Преосвященный Игнатій многократно различаетъ познаніе духовнаго пути—теоретическое и практическое [3]). Даже то благодатное познаніе пути спасенія, которое сообщается человѣку въ Словѣ Божіемъ и преданіи Церкви, не будетъ истиннымъ знаніемъ и не принесетъ человѣку существенной, ему принадлежащей пользы, если оно опредѣляется лишь теоретическими цѣлями и не соединится одновременно съ личнымъ дѣятельнымъ подвигомъ познающаго. Истинно духовное знаніе отличается ясностію и отчетливостію въ отношеніи цѣли духовной жизни человѣка, а со стороны послѣдняго сопровождается чувствомъ глубокаго смиренія и покаянія. Тѣ, говоритъ Преосвященный Игнатій словами Лѣствичника, которые стараются познать Христово ученіе не для него самого, но съ цѣлію постороннею, земною, съ цѣлію пріобрѣтенія корысти или чести, никогда не возмогутъ получить истиннаго духовнаго разума, потому что онъ есть даръ Божій, даруемый смиреннымъ по мѣрѣ вѣры ихъ, очищенія отъ страстей и самоотверженія. Если увидишь,

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 500.

[2]) Тамъ же, стр. 351; т. III, стр. 4—5; т. II, стр. 152—153.

[3]) Письма Епископа Игнатія (Богосл. вѣстникъ за 1913 г., ноябрь, стр. 451—452.

что именующіе себя учителями и мнящіеся знать Христа, предаются спорамъ, зависти, злорѣчію, подозрительности, ненависти и прочимъ страстямъ, то знай, что они имѣютъ одно мертвое знаніе отъ слуха, а умъ и сердце ихъ во мракѣ и недугѣ, какъ неисцѣленные и неочищенные дѣланіемъ заповѣдей евангельскихъ. Кто позналъ, что родъ человѣческій находится въ паденіи, что земля есть мѣсто нашего изгнанія, наша темница, гдѣ пробывъ краткое время, мы выходимъ для полученія или вѣчнаго блаженства, или вѣчной казни, тотъ, конечно, позналъ и то, что единое сокровище человѣка на землѣ—Христосъ, Спаситель погибшихъ. Слѣдовательно, единое и неоцѣненное пріобрѣтеніе человѣка на землѣ—познаніе Христа и усвоеніе Христу [1]). Личный духовный опытъ въ дѣлѣ познанія путей спасенія не можетъ быть замѣненъ никакою земною ученостію, ибо послѣдняя, имѣя своимъ началомъ паденіе человѣчества, не можетъ принимать никакого участія въ дѣлѣ обновленія человѣчества Искупителемъ, а внутреннее духовное дѣланіе выше тѣлеснаго [2]). И предлагая своимъ читателямъ ученіе о природѣ человѣческой въ ея падшемъ состояніи, о ея премірныхъ задачахъ обновленія и возсоединенія съ Богомъ, объ условіяхъ душеспасительнаго подвига, Преосвященный Игнатій кромѣ руководства Словомъ Божіимъ и Священнымъ Преданіемъ, опирается на личный опытъ многотрудной жизни и словами своими старается возбудить ревность душевнаго спасенія, обращаясь къ современникамъ съ глаголами вѣчной жизни примѣнительно къ современности. Свои сочиненія онъ называетъ духовнымъ завѣщаніемъ своимъ братіямъ на духовное наслѣдіе, своею таинственною исповѣдію и, прося принять предлагаемое ученіе съ вниманіемъ и христіанскимъ снисхожденіемъ, Епископъ Игнатій, однако, свидѣтельствуетъ, что ученіе его заимствовано изъ святаго ученія Святыхъ Отцовъ православной Церкви, и *теоретически и опытно* познакомившихся съ ученіемъ Евангелія, усвоившихъ себѣ это ученіе. Какъ путешественникъ, претерпѣвшій страшныя бѣдствія въ многотрудномъ и продолжительномъ путешествіи, Епископъ Игнатій передаетъ свои наблюденія тѣмъ, которые намѣрены предпринять подобное путешествіе, или уже вступили въ путь, не зная его, или ознакомясь съ нимъ лишь поверхностно по описаніямъ устарѣвшимъ. Сдѣланныя въ предлагаемомъ ученіи измѣненія касаются не сущности, а постановки, имѣющей на сущность существенное вліяніе; ученіе Епископа Игнатія о спасеніи имѣетъ цѣлію указать, какимъ образомъ должно пользоваться писаніями древнихъ и примѣнять ихъ къ со-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 144—145.
[2]) Отечникъ, стр. 48—49.

временности, избѣгая того ложнаго положенія съ его послѣдствіями, въ которое поставляется всякій непонявшій и непримѣтившій необходимости примѣненія [1]). Такимъ образомъ, приведенныя сужденія Епископа Игнатія сводятся къ признанію величайшаго значенія за изученіемъ человѣкомъ своей духовной жизни, а средствами самопознанія—являются благодатное и смиренное вниманіе къ Слову Божію и церковному преданію наряду съ личнымъ непрерывнымъ вниманіемъ себѣ.

Что же открываютъ ревнителю душевнаго спасенія эти источники самопознанія въ отношеніи реальной стороны духовной жизни человѣка—личности и общества?

Углубленіе въ подвигъ душевнаго спасенія, критическое разсмотрѣніе своей внутренней духовной жизни и жизни внѣшней при руководствѣ Слова Божія и церковнаго преданія, при содѣйствіи благодати Божіей—открываютъ человѣку подлинную наличность его собственнаго духовнаго міра и истинную картину жизни внѣшней—личной и общественной. Какъ внутренняя наша личная жизнь, такъ и внѣшняя, въ зависимости отъ первой, даютъ, по наблюденіямъ Епископа Игнатія, тяжелую картину грѣховнаго паденія человѣчества, выясняютъ его причину, сущность и результаты, вслѣдствіе чего уясняется реальная сторона душевной жизни человѣчества въ состояніи паденія, а въ связи съ этимъ проясняется и нашъ духовный взоръ въ отношеніи къ опредѣленію внѣшней жизни человѣчества. Вслѣдъ затѣмъ опредѣляется, съ духовно-христіанской точки зрѣнія, борьба человѣка съ грѣхомъ своей природы для возвращенія послѣдней въ состояніе первозданной чистоты. Такимъ образомъ въ психологіи грѣховнаго человѣка намѣчается двѣ стороны—борьба съ грѣхомъ и развитіе добра.

По дѣйствію Божественной благодати, духовному взору ревнителя спасенія открывается паденіе человѣчества вообще и проникновеніе грѣха во всѣ стороны душевной жизни, свое собственное духовное паденіе въ частности; становится яснымъ, что мы всѣ отравлены грѣхомъ, что отравлено имъ самое естество наше; мы видимъ тогда дѣйствіе на себя и на человѣчество падшихъ ангеловъ и тяжкій плѣнъ, въ которомъ мы находимся у этихъ враговъ Божіихъ и нашихъ. Для просвѣщеннаго благодатію Св. Духа взора становятся ясными двѣ области жизни—царство грѣха и царство добродѣтели, явны—чада Божіи и чада діаволовы; признакъ различія ихъ ясенъ, обманъ невозможенъ.—Проводящіе произвольную грѣховную жизнь, утопающіе въ плотскихъ наслажденіяхъ, хотя бы и назывались

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, предисловіе, стр. III—V.

христіанами, суть чада діавола; напротивъ того, признакъ чадъ Божіихъ состоитъ въ томъ, что они проводятъ жизнь по завѣщанію Евангелія и святой Церкви, а грѣхи, въ которые впадаютъ по немощи, поспѣшно врачуютъ покаяніемъ [1]).

Отмѣтивъ въ средѣ человѣческой два царства—царство дѣтей Божіихъ и царство духа зла, Преосвященный Игнатій, по особенному свойству воззрѣній своихъ на путь спасенія, съ исключительнымъ вниманіемъ останавливается на изображеніи грѣховнаго царства. Это исключительное вниманіе къ состоянію грѣховности объясняется тѣмъ взглядомъ Игнатія Брянчанинова, что для возбужденія въ себѣ жажды душеспасительнаго подвига человѣку нужно не столько созерцаніе Царства Божіей славы, сколько сознаніе грѣховъ своихъ, возбужденіе покаянія и смиренія. Въ виду этого, его „Аскетическая проповѣдь“ является, по преимуществу, призывомъ къ покаянію и вѣрѣ во Евангеліе, а его „Аскетическіе опыты“—по преимуществу уясненіемъ сущности грѣха, его проявленій въ душѣ человѣческой, его внѣшнихъ отраженій и плодотворной борьбы съ нимъ при помощи Божіей.

Излагая, въ дальнѣйшемъ психологію грѣха, мы ставимъ себѣ ближайшей задачей отмѣтить: 1) сужденія Владыки Игнатія по вопросу о сущности грѣха, 2) пониманіе имъ проявленія грѣха въ душѣ человѣка и отраженія его во внѣшней жизни человѣчества и порядкѣ нашей духовной жизни въ грѣховномъ состояніи.

Глубокое и искреннее желаніе душевнаго спасенія можетъ быть осуществлено, прежде всего, при условіи установленія правильной точки зрѣнія на свое духовное состояніе. Подвижникъ Христовъ, чтобы вѣрно судить о себѣ и правильно дѣйствовать относительно себя, имѣетъ необходимую нужду въ правильномъ понятіи о своемъ естествѣ [2]). Устанавливая это правильное понятіе о природѣ своей въ состояніи грѣховнаго поврежденія, мы тѣмъ самымъ подходимъ къ опредѣленію сущности и условій спасенія.

Понятія Игнатія Брянчанинова о духовной жизни, какъ мы знаемъ, сложились въ условіяхъ необычныхъ. Не школьное систематическое, а потому и преимущественно теоретическое, изученіе Слова Божія и церковнаго преданія предшествовало образованію взглядовъ Святителя Игнатія, а его длительный, многолѣтній личный подвигъ душевной жизни въ руководствѣ Словомъ Божіимъ, внимательное—неспѣшное и опытное изученіе Св. Отцовъ и подвижниковъ, его по-

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 18—19, 25.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 362.

нятія о духовной жизни сложились на почвѣ духовнаго опыта въ благодатномъ Богообщеніи и подъ руководствомъ св. Церкви православной, а потому, въ представленіи всего этого, они пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ высшій, непререкаемый авторитетъ, руководственное значеніе въ отношеніи къ нашему личному душеспасительному подвигу.

Сущность добра и зла опредѣляется Игнатіемъ Брянчаниновымъ съ точки зрѣнія Богообщенія, какъ величайшаго блага человѣческаго. Великое и блаженное дѣло, когда мы возвеличимъ въ себѣ Христа. Великое несчастіе—несчастіе, состоящее въ отчужденіи отъ Бога и во времени и въ вѣчности,—когда мы разовьемъ въ себѣ свое падшее *я*. Великое злополучіе для человѣка—отчужденіе отъ Бога и во времени и вѣчности [1]). Въ связи съ преслушаніемъ Богу, нарушеніемъ заповѣдей Божіихъ, нарушеніемъ единенія съ Богомъ онъ лишилъ себя достоинства и благодати [2]) и вступилъ въ общеніе съ діаволомъ и царствомъ зла [3]). Грѣхъ и падшіе духи властвуютъ въ человѣкѣ, находящемся въ грѣховномъ состояніи. Связаны руки и ноги его, т. е. утрачена способность къ богоугодному жительству и къ духовному преуспѣянію [4]). Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ Игнатія Брянчанинова, сущность грѣховнаго зла въ человѣкѣ заключается въ утратѣ Богообщенія, въ отдаленіи отъ Бога, въ сближеніи съ діаволомъ, въ лишеніи Божественной благодати и, вслѣдствіе этого, въ извращеніи всей духовной природы и въ ослабленіи способности добродѣланія. Въ этомъ величайшее зло для человѣка. Далѣе, изображая грѣховное состояніе человѣка по сочиненіямъ Игнатія Брянчанинова, мы постоянно будемъ видѣть, какъ далекъ онъ отъ инославнаго правового пониманія грѣхопаденія и спасенія, какъ обособляется его чисто православное воззрѣніе на духовную жизнь человѣка. Не нарушеніе завѣта-договора съ Богомъ само по себѣ составляетъ зло, а утрата спасительнаго Богообщенія и направленіе всей духовной жизни по самочиннымъ путямъ, ведущимъ въ погибель. Въ связи съ этимъ, и спасеніе человѣка не есть возстановленіе завѣта-договора, а есть возвратъ Богообщенія и приближенія къ человѣку Божественной благодати съ соотвѣтственнымъ дальнѣйшимъ отраженіемъ на духовной и внѣшней дѣятельности человѣка. Существенно-важное вліяніе грѣховнаго состоянія на природу и жизнь человѣка достаточно мотивируетъ для него необходимость самопознанія въ этомъ состояніи для самой рѣшительной борьбы со

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 363.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 3.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 232.
[4]) Тамъ же, стр. 106.

зломъ. Глубина грѣховнаго паденія и его характеръ и послѣдствія весьма затрудняютъ спасительное самопознаніе, и самое зрѣніе грѣха своего становится возможнымъ лишь при благодѣющемъ содѣйствіи Божественной благодати по молитвенному зову грѣшника [1]). Въ виду этого и въ силу особеннаго взгляда на ходъ духовной жизни, Преосвященный Игнатій особенно много вниманія отдаетъ познанію грѣховной природы человѣка—„зрѣнію грѣха своего“; весьма часто совпадая по этому вопросу съ ученіемъ другихъ православныхъ богослововъ, иногда обособляясь отъ нихъ—не по сущности своихъ воззрѣній, но по особенному освѣщенію хода спасенія и дѣйствія грѣха въ человѣкѣ съ точки зрѣнія своего подвижнически-дѣятельнаго опыта.

Чтобы избѣгнуть великаго злополучія—отчужденія отъ Бога во времени и въ вѣчности, необходимо вступить на стези правыя и святыя. Чтобы стяжать правильную христіанскую дѣятельность, необходимо, говоритъ Владыка Игнатій, изучить естество человѣческое въ трехъ его состояніяхъ: въ состояніи по сотвореніи—естественномъ, въ состояніи по паденіи—нижеестественномъ, въ состояніи по искупленіи—сверхъестественномъ. Только тогда можетъ быть правильною, душеспасительною, Богоугодною дѣятельность христіанина, когда онъ дѣйствуетъ, или старается дѣйствовать по законамъ естества человѣческаго обновленнаго [2]). Для уясненія грѣховнаго состоянія человѣческой природы, Епископъ Игнатій пользуется сопоставленіемъ его съ состояніемъ догрѣховнымъ. Въ состояніи по сотвореніи человѣческое естество было вовсе непричастно злу. Въ немъ жило и дѣйствовало одно цѣльное добро. Никакого опытнаго понятія о злѣ человѣчество не имѣло. Оно знало только, что существуетъ зло, что опытное познаніе зла пагубно для человѣчества. Теоретическое, поверхностное познаніе о злѣ, не могло имѣть никакого вреднаго вліянія на человѣческое естество, какъ познаніе мертвое, равновѣсное незнанію въ отношеніи къ внутренней и внѣшней дѣятельности человѣка. Паденіе человѣка совершилось при посредствѣ дѣятельнаго, опытнаго познанія зла; паденіе человѣка заключается въ дѣятельномъ, опытномъ познаніи зла, въ усвоеніи себѣ зла. Такъ теоретическое понятіе о ядѣ не причиняетъ смерти, напротивъ того предостерегаетъ отъ нея; практическое познаніе яда, т. е. вкушеніе его, приноситъ смерть [3]). Причиною духовнаго паденія человѣка является дѣйствіе на человѣка духа зла, воспринимаемое произвольнымъ влеченіемъ духа человѣческаго ко злу. Зло явилось въ мірѣ отъ свобод-

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 127, 371.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 363.
[3]) Тамъ же.

наго произволенія разумныхъ тварей. Зачали зло въ себѣ и родили его въ отрицательное бытіе его—духи.

Ядъ зла они сообщили всему человѣческому роду, заразивъ зломъ корень рода—праотца, обольстивъ праотца обѣщаніемъ состоянія равнаго Богу [1]). Такимъ образомъ, мрачные духи злобы совершили два тяжкія преступленія: первое было причиною ихъ изверженія изъ сонма святыхъ Ангеловъ; второе преступленіе было причиною ихъ невозвратнаго отверженія. На небѣ они возмутились противъ Бога; предводитель ихъ, ослѣпленный самомнѣніемъ, захотѣлъ сдѣлаться равнымъ Богу. За преступную попытку свергнутые съ неба въ поднебесную, они позавидовали блаженству новосозданнаго человѣка и совершили новое преступленіе: обольстивъ человѣка, увлекли его въ свое паденіе [2]).

Общее состояніе человѣческой природы послѣ произвольнаго паденія характеризуется смѣшеніемъ добра и зла. Въ падшемъ естествѣ человѣческомъ добро смѣшано со зломъ. Прившедшее въ человѣка зло такъ смѣшалось и слилось съ природнымъ добромъ человѣка, что природное добро никогда не можетъ дѣйствовать отдѣльно, безъ того, чтобы не дѣйствовало вмѣстѣ и зло. Человѣкъ вкушеніемъ грѣха, т. е. опытнымъ познаніемъ зла, отравленъ. Отрава проникла во всѣ члены тѣла, во всѣ силы и свойства души: поражены недугомъ грѣховнымъ и тѣло, и сердце, и умъ. Здравымъ разумъ былъ до паденія; по паденіи у всѣхъ человѣковъ, безъ исключенія, онъ сдѣлался лжеименнымъ и для спасенія долженъ быть отвергнутъ. Сердце было добрымъ до паденія; по паденіи добро его смѣшалось со зломъ, и для спасенія должно быть отвергнуто, какъ оскверненное. Отъ грѣховной заразы все въ человѣкѣ пришло въ разстройство; все дѣйствуетъ неправильно; все дѣйствуетъ подъ вліяніемъ лжи и самообольщенія. Такъ дѣйствуетъ его воля; такъ дѣйствуютъ всѣ его сердечныя чувствованія; такъ дѣйствуютъ всѣ его помышленія. Глубоко наше паденіе [3])! Какъ ни тяжела картина духовнаго состоянія человѣка, зараженнаго ядомъ грѣха, однако—она не безотрадна сравнительно съ состояніемъ злыхъ духовъ и носитъ въ себѣ залогъ возрожденія даже съ чисто субъективной, психологической стороны, и потому, именно, что поврежденіе людей заключается въ смѣшеніи въ нихъ добра со зломъ, тогда какъ поврежденіе падшихъ духовъ заключается въ полномъ преобладаніи зла, при совершенномъ отсутствіи добра. Далѣе ограниченность духа человѣческаго и по существу, сравнительно съ падшими ангелами, и по заключенности его въ дебелое

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 119.
[2]) Тамъ же, стр. 97, 207.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 364.

и плотяное тѣло является условіемъ меньшей грѣховности человѣка сравнительно съ таковою же—злыхъ духовъ. Наконецъ, самая ограниченность человѣческаго земного существованія и его кратковременность обусловливаютъ меньшую погруженность человѣка въ тину грѣха сравнительно съ духами злобы, потому что люди должны поневолѣ удовлетвориться тою опытностію во злѣ, которую они стяжеваютъ во время краткой земной жизни, ихъ злыя намѣренія уничтожаются сами собою въ тотъ часъ, когда они поневолѣ оставляютъ поприще земной жизни, будучи востребованы на судъ Божій и въ вѣчность. Демонамъ, напротивъ, предоставлено пребывать на землѣ со времени ихъ окончательнаго паденія до кончины міра. Отсюда легко представить себѣ, какую опытность въ твореніи зла стяжали они въ такое продолжительное время, при ихъ способностяхъ и при постоянной злонамѣренности, нисколько не растворенной никакимъ благимъ стремленіемъ или увлеченіемъ [1]).

Такимъ образомъ, самая ограниченность человѣка по существу, дебелость плоти его, сравнительная кратковременность его земного существованія обусловливаютъ меньшую грѣховность человѣка сравнительно съ демонами, меньшую углубленность въ немъ злотворныхъ началъ, и тѣмъ не менѣе грѣховное зараженіе человѣческаго духа столь значительно и существенно, зло такъ проникло въ самое начало человѣка, что отдѣленіе собственными усиліями прившедшаго зла отъ природнаго добра сдѣлалось для человѣка невозможнымъ [2]), зло по необходимости проникаетъ изъ естества, искажаетъ его добро и низлагаетъ замыслы ума, тщетно покушающагося ввести въ душевный храмъ истинное служеніе Богу. Съ самаго рожденія своего человѣкъ не имѣетъ ни одного дѣла, ни одного слова, ни одного помышленія, ни одного чувствованія, ниже на кратчайшую минуту, въ которыхъ бы добро было безъ большей или меньшей примѣси зла [3]). Но природа человѣческая сподобилась обновленія чрезъ искупительный подвигъ Христа Спасителя. Каково же ея состояніе по обновленіи, каково въ отношеніи къ естеству человѣческому дѣйствіе благодати искупительной, какъ относится зло къ обновленной Христомъ человѣческой природѣ? Отвѣчая на эти вопросы, Епископъ Игнатій изображаетъ намъ духовное состояніе человѣка по искупленіи.

Искупленіемъ обновлено человѣческое естество. Богочеловѣкъ обновилъ его Собою и въ Себѣ. Такое обновленное Господомъ естество человѣческое прививается, такъ сказать, къ естеству падшему

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 23—24, т. II, стр. 333. Письма Епископа Игнатія (Богослов. вѣстникъ, 1913 г., іюль—августъ, стр. 490—497).

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 364—365, 374.

[3]) Тамъ же стр. 364—365.

посредствомъ крещенія. Крещеніе, не уничтожая естества, уничтожаетъ его состояніе паденія; не дѣлая естества инымъ, измѣняетъ его состояніе, пріобщивъ человѣческое естество естеству Божію. Крещеніе есть вмѣстѣ и умерщвленіе и оживотвореніе—вмѣстѣ и погребеніе и рожденіе. Въ купель крещенія погружается, въ ней погребается и умираетъ грѣховное поврежденіе падшаго естества, и изъ купели возстаетъ естество обновленное; въ купель погружается сынъ ветхаго Адама,—изъ купели выходитъ сынъ Новаго Адама. Святый Духъ, принявъ въ купель крещенія плотскаго человѣка, какимъ человѣкъ сдѣлался по паденіи, извлекаетъ изъ купели того же человѣка, но уже духовнымъ, умертвивъ въ немъ грѣховное плотское состояніе и родивъ духовное. При крещеніи человѣку прощается первородный грѣхъ, заимствованный отъ праотцевъ, и собственные грѣхи, содѣланные до крещенія. При крещеніи человѣку даруется духовная свобода: онъ уже не насилуется грѣхомъ, но по произволу можетъ избирать добро или зло. Произволу крещеннаго человѣка предоставляется — или пребывать храмомъ Божіимъ и быть свободнымъ отъ сатаны, или удалить изъ себя Бога и снова содѣлаться жилищемъ сатаны. При крещеніи изливается на человѣка обильно благодать Всесвятаго Духа, которая отступила отъ преступившаго заповѣдь Божію въ раю, отъ послѣдовавшаго грѣховному разуму и волѣ падшаго ангела. Благодать снова приступаетъ къ искупленному кровію Богочеловѣка, къ примиряющемуся съ Богомъ, къ отрекающемуся своего разума и воли, къ погребающему въ купели крещенія влеченія падшаго естества, его жизнь—причину смерти. Крещенный человѣкъ, дѣлая добро, принадлежащее естеству обновленному, развиваетъ въ себѣ благодать Всесвятаго Духа, полученную при крещеніи, которая, будучи неизмѣняема сама по себѣ, свѣтлѣе сіяетъ въ человѣкѣ по мѣрѣ дѣлаемаго имъ Христова добра: такъ свѣтлѣе сіяетъ неизмѣняющійся самъ по себѣ солнечный лучъ по мѣрѣ того, какъ освобождается небо отъ облаковъ. Напротивъ того, дѣлая по крещеніи зло, доставляя дѣятельность падшему естеству, оживляя его, человѣкъ теряетъ болѣе или менѣе духовную свободу: грѣхъ снова получаетъ насильственную власть надъ человѣками; діаволъ снова входитъ въ человѣка, содѣлывается его владыкою и руководителемъ. Избавленный отъ горестнаго и тяжкаго плѣна всемогущею десницею Божіею, опять является въ цѣпяхъ, въ плѣну, въ темницѣ, во адѣ, по собственному произволу[1]). Дѣйствіе Божественной благодати въ человѣкѣ Преосвященный Игнатій представляетъ подъ образомъ прививки къ дикой яблонѣ сучка съ благородной яблони съ предварительнымъ отсѣченіемъ вѣтвей ди-

[1]) Тамъ же, стр. 376—378.

кой яблони, но съ сохраненіемъ при этомъ природнаго ствола, который тянетъ соки изъ земли посредствомъ природныхъ корней—словомъ, жизнь свою неразрывно соединяетъ съ жизнію природнаго древа. Такое древо начинаетъ приносить превосходные плоды, которые принадлежатъ природному древу, и вмѣстѣ вполнѣ отличаются отъ плодовъ, приносимыхъ природнымъ древомъ въ его дикомъ состояніи. Потомъ, во все время существованія древа въ саду, садовникъ тщательно наблюдаетъ, чтобъ изъ ствола и отъ корня не пошли отрасли, принадлежащія природному древу, потому что онѣ опять будутъ приносить свой негодный плодъ, и, привлекая въ себя соки, отнимутъ ихъ у привитыхъ вѣтвей, отнимутъ у этихъ вѣтвей силу приносить свой прекрасный плодъ, высушатъ, погубятъ ихъ. Для сохраненія достоинства, здравія и силы въ яблонѣ необходимо, чтобы всѣ ея вѣтви произрастали единственно изъ привитаго сучка.

Подобное обряду прививанія благороднаго сучка къ дикой яблонѣ совершается въ таинствѣ крещенія съ крещаемымъ человѣкомъ; подобное поведенію садовника относительно привитой яблони должно совершаться относительно крещеннаго человѣка. Въ крещеніи не отсѣкается наше бытіе, имѣющее началомъ зачатіе въ беззаконіяхъ и рожденіе во грѣхахъ: отсѣкается тѣло грѣха, отсѣкается плотское и душевное состояніе естества, могущее производить добро лишь въ смѣшеніи со зломъ; къ бытію, къ жизни, къ существу человѣка прививается обновленное Богочеловѣкомъ естество человѣческое [1]). Оживаетъ и воскресаетъ посредствомъ святаго крещенія сынъ первозданнаго Адама, но уже не въ томъ состояніи непорочности и святости, въ которомъ былъ созданъ Адамъ: оживаетъ и воскресаетъ онъ въ состояніи несравненно высшемъ, въ состояніи, доставленномъ человѣчеству Богомъ, принявшимъ человѣчество. Обновляемые крещеніемъ человѣки облекаются не въ первоначальный, непорочный образъ первозданнаго человѣка, но въ образъ человѣка небеснаго, Богочеловѣка [2]). Это высокое измѣненіе естества человѣческаго чрезъ таинственную благодать святаго крещенія вполнѣ ясно, можетъ быть вполнѣ ощущаемо; однако это измѣненіе остается для большей части христіанъ неизвѣстнымъ: мы крещаемся въ младенчествѣ, съ дѣтства предаемся занятіямъ, принадлежащимъ преходящему міру и падшему естеству, помрачаемъ въ себѣ духовный даръ, преподанный святымъ крещеніемъ, какъ помрачается сіяніе солнца густыми тучами. Но даръ не уничтожается: онъ продолжаетъ пребывать въ насъ во все время земной жизни нашей. Такъ не уничтожается и продолжаетъ существо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 379—380.
[2]) Тамъ же, стр. 385.

вать солнце, закрытое облаками. Лишь крещенный человѣкъ оставитъ дѣятельность падшаго естества, начнетъ омывать свои согрѣшенія слезами покаянія, распнетъ плоть со страстьми и похотьми, вступитъ въ поприще дѣятельности Новаго Человѣка, даръ Духа снова начинаетъ обнаруживать свое присутствіе въ крещенномъ, развиваться, преобладать. Очищеніе покаяніемъ есть послѣдствіе и дѣйствіе благодати, насажденной крещеніемъ. Покаяніе есть возобновленіе, возвращеніе состоянія, произведеннаго крещеніемъ. Очистившійся покаяніемъ можетъ имѣть опытное понятіе объ измѣненіи, произведенномъ въ человѣкѣ крещеніемъ [1]). Такимъ образомъ чрезъ христіанское крещеніе грѣшный человѣкъ совлекается ветхаго человѣка и пріобщается святой благодати искупленія. Это привитіе благодати искупленія представляется замѣтно—ощутительнымъ и естественно-понятнымъ для человѣка взрослаго, принявшаго крещеніе въ полнотѣ сознательной жизни, но оно не вполнѣ сознательно для принявшихъ крещеніе въ младенчествѣ, ибо произвольное обращеніе ко грѣху съ постепеннымъ возростаніемъ человѣка, подъ вліяніемъ искусительныхъ условій жизни внѣшней, затемняетъ въ душѣ человѣческой спасительный даръ благодати Божіей. Но этотъ даръ возвѣщается душѣ, возобновляется въ ней въ спасительной тайнѣ покаянія. И тѣ изъ насъ, которые сподобились искренняго, глубокаго и сознательнаго покаянія, въ состояніи понять, ощутить въ себѣ дѣйствіе возрождающей благодати Божіей [2]).

Давая общую характеристику трехъ состояній человѣка въ отношеніи къ добру и злу: по сотвореніи, послѣ грѣхопаденія и по искупленіи, Епископъ Игнатій предвидитъ естественность вопроса: какое отношеніе имѣетъ обновленный человѣкъ ко злу? Онъ не можетъ не имѣть точнаго познанія о злѣ. Мы знаемъ, что невинное естество человѣческое, въ состояніи его по сотвореніи, едва получило такое познаніе, какъ и погибло отъ него. Тѣмъ нужнѣе знать отношеніе естества обновленнаго къ познанію зла [3]). Игнатій Брянчаниновъ не признаетъ пользы за теоретическимъ, научнымъ и, такъ сказать, любопытнымъ познаніемъ зла, изъ теоретическаго лишь къ нему интереса—такое познаніе можетъ быть причиною усиленія грѣховности въ человѣкѣ, привнося новый познавательный элементъ—зла въ настроеніе чело-

---

[1]) Тамъ же, стр. 386.

[2]) Въ качествѣ подтверждающаго примѣра ощутительнаго переживанія возрождающей Божественной благодати, Епископъ Игнатій указываетъ на обращеніе къ христіанству въ 304 году по Рождествѣ Христовѣ, въ Римѣ, комическаго актера Генезія, сподобившагося при содѣйствіи благодати Божіей радостно принять вѣнецъ мученичества за Христа (т. II, стр. 387—388).

[3]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 407.

вѣка и не противопоставляя ему начала положительнаго и, особенно, противоборствующихъ стремленій воли. Въ одномъ только случаѣ познаніе зла нашей природы полезно—когда мы изучаемъ дѣйствіе въ душѣ злыхъ началъ ради немедленной и непримиримой борьбы съ ними. Въ виду этого, онъ особенно охотно останавливается на тѣхъ духовныхъ упражненіяхъ, которыя ведутъ человѣка не къ теоретическому лишь познанію зла, ради знанія о немъ, но къ дѣятельной борьбѣ съ нимъ въ своей собственной природѣ, пробуждаютъ въ человѣкѣ покаянное чувство и жажду Богообщенія, въ которомъ и состоитъ душевное спасеніе и вѣчное блаженство человѣка. Онъ говоритъ о вожделѣнной чистотѣ сердца, какъ о духовномъ состояніи обновленнаго естества человѣческаго, въ этомъ и понимаетъ Евангельское блаженство, доставляющее человѣку Боговидѣніе [1]). Оно указываетъ духовные подвиги, которые открываютъ для подвижника его внутренній плѣнъ, его грѣховность. Такими упражненіями онъ называетъ истинное послушаніе, чтеніе, изученіе и исполненіе евангельскихъ заповѣдей, которыя, отсѣкая дѣятельный грѣхъ, по преимуществу истребляютъ грѣхъ въ самомъ умѣ, въ самомъ сердцѣ. Къ такимъ упражненіямъ относится терпѣніе скорбей жизненныхъ, внимательная молитва. Эти упражненія являются средствомъ для необходимаго въ великомъ дѣлѣ душевнаго спасенія—*зрѣнія грѣха своего*,—зрѣнія, вызывающаго въ душѣ человѣческой спасительное покаяніе и дѣятельную борьбу съ грѣхомъ [2]).

Указанными упражненіями обусловливается опытное зрѣніе проявленій грѣха въ своей природѣ, ибо принятіе *послушанія*—руководству ли духовнаго отца, или евангельскимъ заповѣдямъ и голосу православной Церкви возбуждаетъ къ противодѣйствію гордаго падшаго ангела и тѣмъ открываетъ его присутствіе въ насъ; ищущій спасенія всемѣрно отвлекается духомъ зла отъ избраннаго пути, въ немъ возбуждаются разнообразныя грѣховныя мечтанія, помышленія, ощущенія, увлеченія, и тѣмъ *обнаружитъ зло*, въ необыкновенной обширности таившееся въ глубинѣ сердечной и представлявшееся вовсе несуществующимъ. Точно также, *чтеніе, изученіе и исполненіе евангельскихъ заповѣдей*, отсѣкая дѣятельный грѣхъ, по преимуществу истребляетъ грѣхъ въ самомъ умѣ, въ самомъ сердцѣ. Исполненіе евангельскихъ заповѣдей, или, правильнѣе, усиліе къ исполненію заповѣдей, по необходимости обличаетъ живущій внутри насъ грѣхъ и возбуждаетъ жестокую внутреннюю борьбу, въ которой принимаютъ сильнѣйшее участіе духи злобы. *Скорби* также

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 127, 371.

обнаруживаютъ таящійся въ глубинѣ нашей души грѣхъ. Скорбь по той причинѣ и называется искушеніемъ, что она открываетъ сокровенное состояніе сердца. Естественно, что въ человѣкѣ, находящемся подъ властію грѣха, она обличаетъ живущій въ глубинѣ души грѣхъ, который обнаруживается сердечнымъ огорченіемъ, печалію, помыслами ропота, негодованія, самооправданія, мщенія, ненависти. Точно также, внимательная молитва, особенно молитва именемъ Господа нашего Іисуса Христа, при усиліи соединять сердце съ умомъ, обличаетъ гнѣздящагося въ сердечной глубинѣ змѣя и, уязвляя его, побуждаетъ къ движенію; молитва даетъ человѣку зрѣніе сокровеннаго въ сердцѣ грѣха, но она же раскрываетъ и таящееся въ сердцѣ добро, т. е. благодать Божію, насажденную въ каждаго православнаго христіанина святымъ крещеніемъ [1]). Преосвященный Игнатій признаетъ, что такое опытное познаніе человѣческаго паденія трудно, даже недоступно для христіанина, живущаго посреди міра, связаннаго попеченіями, отторгаемаго отъ самозрѣнія непрерывнымъ развлеченіемъ: живущій среди міра христіанинъ добрыми дѣлами въ нѣдрѣ православной Церкви, особенно милостынею и цѣломудріемъ, изработываетъ свое спасеніе [2]). И его рѣчь о духовномъ подвигѣ имѣетъ въ виду по преимуществу подвижниковъ благочестія. Но пути спасенія, какъ для инока, отрѣшеннаго отъ міра, такъ и для стремящагося быть истиннымъ христіаниномъ,—одни и тѣже: необходимо познаніе своей грѣховности, зрѣніе грѣха, борьба съ нимъ и созиданіе спасенія по разуму православной Церкви. Для вѣрующаго христіанина вопросъ о душевномъ спасеніи—вопросъ преимущественной, исключительной важности, вопросъ неизбѣжный. Познаніе себя и дѣятельная борьба съ грѣхомъ—непремѣнное условіе спасенія. Отрекшіеся отъ міра произвольно—находятся въ лучшихъ условіяхъ спасенія, чѣмъ пребывающіе въ мірѣ. Но и нерѣшающіеся на произвольное отреченіе отъ себя и отъ міра насильно вынуждаются совершить то и другое. Когда придетъ неумолимая и неотразимая смерть, тогда они разстаются со всѣмъ, къ чему были привязаны, самоотверженіе простираютъ до того, что скидаютъ съ себя самое тѣло свое, повергаютъ его, оставляютъ на землѣ въ снѣдь червямъ и тлѣнію [3]). Важность вопроса о душевномъ спасеніи и связанномъ съ нимъ самопознаніи и борьбѣ съ грѣхомъ рѣшительно выясняется въ представленіи неизбѣжности смерти и соотвѣтственной духовному состоянію вѣчности. Отсюда,—спасительна для человѣка память смертная, возбуждающая жажду вѣчности и подчеркивающая бренность земного.

---

[1]) Тамъ же, стр. 369—371.
[2]) Тамъ же, стр. 368.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 87.

Вотъ почему, возбуждая насъ къ покаянному самопознанію, Епископъ Игнатій многократно и многообразно говоритъ о посмертной вѣчности и земномъ странствованіи. Нужно помнить, пишетъ онъ своимъ читателямъ, что участь, постигшая отцовъ и братій моихъ, постигнетъ и меня. Умерли они: умру и я. Оставлю келлію мою, оставлю въ ней и книги мои, и одежды мои, и письменный столъ мой, за которымъ проводилъ я многіе часы; оставлю все, въ чемъ нуждался, или думалъ нуждаться во время земной жизни. Вынесутъ мое тѣло изъ этихъ келлій, въ которыхъ живу, какъ бы въ преддверіи къ другой жизни и странѣ; вынесутъ мое тѣло и предадутъ землѣ, послужившей началомъ для тѣла человѣческаго. Точно тоже постигнетъ и васъ, братія, которые читаете эти строки. Умрете и вы: оставите на землѣ все земное; однѣми душами вашими вступите въ вѣчность. Душа человѣка стяжаваетъ качества, соотвѣтственныя своей дѣятельности. Какъ въ зеркалѣ изображаются предметы, противъ которыхъ оно будетъ поставлено: такъ и душа запечатлѣвается впечатлѣніями соотвѣтственно своимъ занятіямъ и дѣламъ, соотвѣтственно своей обстановкѣ. Въ зеркалѣ безчувственномъ образы исчезаютъ при удаленіи предметовъ отъ зеркала; въ словесной душѣ впечатлѣнія остаются. Они могутъ быть изглаждаемы и замѣняемы другими, но для этого требуется и трудъ и время. Впечатлѣнія, составляющія состояніе души въ часъ смерти ея, остаются достояніемъ ея навѣки, служатъ залогомъ или ея вѣчнаго блаженства, или ея вѣчнаго бѣдствія [1]). Вотъ общее сильнѣйшее побужденіе къ спасительному самопознанію, зрѣнію грѣха, къ борьбѣ съ нимъ и къ созиданію спасенія. Это побужденіе было постояннымъ въ душѣ Святителя Игнатія, оно должно быть таковымъ для всѣхъ, и для насъ. И если сами мы далеки отъ благопріятныхъ условій духовнаго дѣланія, не находимъ времени и силы къ зрѣнію грѣха своего, а дѣла житейски-временныя заполняютъ наше настроеніе въ безмѣрномъ превосходствѣ сравнительно съ задачами вѣчности, если духовная косность вяжетъ насъ, то тѣмъ болѣе нужды для насъ въ представленіи духовнаго опыта того, кто дѣятельному совершенію подвига душевнаго спасенія отдалъ всю жизнь свою— съ дѣтства и до гробовой доски. Быть можетъ, уповаемъ мы, раскрытіе пути спасенія по опыту Святителя Божія, согрѣетъ и наши сердца ревностію по Богѣ, ослабитъ нашу теплохладность и дастъ силу освобожденія отъ земныхъ привязанностей во имя стяжаній вѣчныхъ. Съ этими побужденіями мы и слѣдуемъ голосу Епископа Игнатія въ познаніи реальной стороны духовной жизни, какъ она представлялась, при свѣтѣ Божественныхъ Писаній и въ дѣятельномъ личномъ подвигѣ, взору подвижника.

---

[1]) Тамъ же, стр. 89.

Изображая въ дальнѣйшемъ психическое состояніе грѣховнаго человѣка по сочиненіямъ Епископа Игнатія, мы стремимся къ тому, чтобы уловить его жизненно-моральный оттѣнокъ въ дѣйствительныхъ переживаніяхъ и въ жизненныхъ наблюденіяхъ. Насъ интересуютъ, въ данномъ случаѣ, не догматическія, съ дѣтства усвояемыя православнымъ христіаниномъ положенія о преслушаніи человѣкомъ воли Божіей, изгнаніи изъ рая сладости, прившедшей въ человѣчество смерти и внутренне-наслѣдственномъ проявленіи грѣха, намъ хотѣлось бы уловить пониманіе Святителемъ Игнатіемъ психологіи грѣшнаго человѣка, въ результатѣ котораго пробуждается въ человѣкѣ жажда возрожденія и становится невозможнымъ для грѣшника равнодушное пребываніе въ грѣхѣ, теплохладное отношеніе къ своему наличному и должному состоянію. Мы хотѣли бы ясно услышать и понять, что намъ скажетъ о грѣховномъ состояніи человѣческомъ тотъ подвижникъ Божій, который при свѣтѣ Слова Божія и святоотеческихъ писаній, въ неослабномъ вниманіи къ голосу матери—Церкви, изучалъ всю жизнь себя и ближнихъ, дѣятельно служилъ спасенію себя и ближнихъ и былъ тѣмъ, чѣмъ онъ и хотѣлъ быть,— Епископомъ своего сердца.

Мы хотѣли бы сдѣлать выписки изъ отчета этого Епископа души человѣческой по обозрѣнію и многолѣтнему изученію имъ этой расхищенной и разстроенной зломъ духовной епархіи, услышать его бодрящія слова объ условіяхъ благодатнаго устроенія этой епархіи на началахъ ея премірнаго Богоучрежденія. Выполняя намѣчаемую задачу, мы 1) изложимъ ученіе Епископа Игнатія о грѣховномъ состояніи человѣка въ направленіи ума, сердца и воли; 2) изобразимъ послѣдствія этого грѣховнаго состоянія въ отношеніи субъективно-моральномъ и объективно-внѣшнемъ, т. е. въ области общей психологіи человѣка и его внѣшней жизни—личной и общественной; 3) отмѣтимъ развитіе и виды грѣховныхъ состояній человѣка и сдѣлаемъ общіе выводы изъ ученія Епископа Игнатія о реальной сторонѣ духовной жизни человѣка, поврежденнаго грѣхомъ.

1) Все человѣческое познаніе, чего бы оно ни касалось—внѣшняго міра, жизни человѣческой, тѣла человѣческаго, или—души и духовной жизни,—носитъ на себѣ печать ограниченности и потому, въ отношеніи цѣнности своей, является относительнымъ, а не абсолютнымъ. Примѣняя обычные во всемъ человѣческомъ познаніи пріемы анализа и обобщеній къ изученію и нашей морально-психической жизни, мы убѣждаемся лишь въ цѣлостности, единствѣ, единоначаліи нашей психической жизни, хотя и затрудняемся точно опредѣлить соединеніе отдѣльныхъ сторонъ или способностей души съ ея единой природой. Образъ соединенія силъ или способностей души съ ея

единою природой представляется непостижимымъ, но и несомнѣннымъ [1]). Въ силу этого единства психической жизни, общее духовное состояніе человѣка отражается на всѣхъ сторонахъ его психологіи. Въ силу единства психическаго начала, его грѣховное пораженіе отражается грѣховнымъ разложеніемъ и ослабленіемъ и уклоненіемъ отъ своего первозданнаго направленія всѣхъ способностей души. Въ силу этихъ же условій единства психической жизни грѣховность природы человѣческой отражается и на ея умственной сторонѣ, ея сердцѣ и волѣ.

Пользуясь общеупотребительнымъ образнымъ выраженіемъ для обозначенія многосложной жизни, Епископъ Игнатій неоднократно рисуетъ ходъ духовной жизни человѣка въ видѣ плаванія по житейскому морю. Въ этомъ плаваніи кормчимъ корабля человѣческой жизни долженъ быть умъ. На житейскомъ морѣ нѣтъ путей; для истиннаго христіанина повсюду путь: онъ вѣруетъ, что все, совершающееся съ нимъ, совершается по волѣ Бога. Умъ нашъ долженъ постоянно устремлять взоры на духовное небо—Евангеліе, изъ котораго, подобно солнцу, сіяетъ ученіе Христово. Умъ долженъ постоянно наблюдать за сердцемъ, за совѣстію, за дѣятельностію внутреннею и внѣшнею. Умъ долженъ воздерживать сердце отъ увлеченія пристрастіемъ къ суетному и тлѣнному, отъ охлажденія ради тлѣнія къ нетлѣнному, ради суетнаго—къ истинному и существенному. Умъ долженъ часто присматриваться какъ бы къ компасной стрѣлкѣ, къ совѣсти, чтобы не принять направленія, несогласнаго съ направленіемъ, указываемымъ совѣстію. Умъ долженъ руководить всю дѣятельность благоугодно Богу, чтобъ заоблачная пристань вѣчности отверзла врата свои и впустила въ нѣдро свое корабль, обремененный духовными сокровищами [2]). Умъ человѣка долженъ быть занятъ самовоззрѣніемъ при свѣтѣ Евангелія [3]). Умъ долженъ усвоить образъ мыслей, предлагаемый намъ Господомъ въ Его святомъ Евангеліи, долженъ слѣдовать Истинѣ и наслѣдовать Истину. Истина освобождаетъ умъ человѣческій отъ невидимыхъ узъ заблужденія, которымъ оковалъ его грѣхъ. Этого мало. Всесильная Истина, доставивъ духовную свободу уму, обновивъ, ожививъ его жизнію свыше—Словомъ Божіимъ, выводитъ его на путь заповѣдей Христовыхъ [4]).

Умъ является руководящимъ началомъ духовной жизни чело-

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 89—91. Въ отношеніи основъ психической жизни Епископъ Игнатій пользуется терминомъ „силы души“, вмѣсто ученія о способностяхъ души, въ то время еще неизвѣстнаго.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 364—365.

[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 127.

[4]) Тамъ же, стр. 168.

вѣка: Господь повелѣлъ хранить умъ, потому что онъ—вождь человѣка. Если умъ собьется съ пути истиннаго,—вся жизнь человѣка дѣлается заблужденіемъ. Чтобы сбиться уму съ пути истиннаго, надо немного: одна какая нибудь ложная мысль [1]). Умъ долженъ слѣдовать Христу, т. е. изучать Евангеліе, имѣть Евангеліе единственнымъ руководителемъ своимъ, заимствовать свой образъ мыслей изъ Евангелія, а затѣмъ—настроить сердечныя чувствованія по Евангелію и служить выраженіемъ Евангелія всѣми поступками, всѣми движеніями, тайными и явными [2]). Таковъ долженъ быть умъ. Но не таковъ умъ въ дѣйствительности, въ его грѣховномъ состояніи. Не голосу Божію внимаетъ онъ, а голосу чужому и душевредному. Съ этого началось исконное человѣческое паденіе: паденіе праотцевъ нашихъ началось съ вниманія праматери чужому гласу [3]); съ этого же преемственно начинается духовное паденіе и во всякое дальнѣйшее время. Началомъ духовнаго паденія человѣка является мысль—помыслъ, возмущающій и нарушающій спокойствіе сердца. Помрачается разумъ, закрытый густымъ облакомъ помысловъ, во время бури сердечной. Забываются наставленія Священнаго Писанія и Святыхъ Отцовъ, не дѣйствуетъ благотворно ни бесѣда съ друзьями, ни душеназидательное чтеніе [4]). Вмѣсто вниманія къ волѣ Божіей, разумъ человѣческій враждебно настроенъ къ Закону Божію [5]). Мысли человѣка, прежде парившія постоянно къ Богу, возносившіяся къ Нему, пребывавшія при Немъ чистою молитвою и размышленіемъ священнымъ, нынѣ, послѣ грѣхопаденія, пресмыкаются по землѣ, вращаются въ одномъ тяжкомъ и суетномъ. Умъ человѣческій лишился царскаго достоинства своего: прежде господствовалъ онъ надъ пожеланіями сердца и тѣла,—нынѣ, послѣ грѣхопаденія, увлекается ими, служитъ имъ раболѣпно [6]). Лучшимъ и сильнымъ выраженіемъ грѣховнаго поврежденія духа человѣческаго, и, особенно, ума, представляется, по нашему мнѣнію, статья Преосвященнаго Игнатія:—„Совѣщаніе души съ умомъ“ [7]). Грѣховное состояніе человѣка представляется образно въ видѣ бесѣды души съ умомъ, въ которой выясняется два основныхъ положенія: а) руководящее значеніе ума въ духовной жизни человѣка и б) грѣховное поврежденіе ума съ соотвѣтственнымъ отраженіемъ на общемъ строѣ духовной жизни человѣка. Скорбная, нигдѣ не находящая

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 481.
[2]) Тамъ же, стр. 95.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 95.
[4]) Тамъ же, т. IV, стр. 186.
[5]) Тамъ же, т. II, стр. 9.
[6]) Тамъ же, т. V, стр. 405.
[7]) Тамъ же, т. II, стр. 109—118

себѣ отрады, но и внимающая себѣ грѣшная душа человѣческая, самоиспытующимъ размышленіемъ опредѣливъ свое безысходно-горестное состояніе, обращается къ уму своему съ запросомъ объ условіяхъ исхода изъ облегающаго все существо ея разлада и мрака. „Умъ мой! ты—руководитель души. Наставь меня! Введи въ меня блаженное спокойствіе! Научи меня, какъ мнѣ затворить въ себя входъ впечатлѣніямъ міра, какъ мнѣ обуздать и подавить страсти, которыя возникаютъ во мнѣ самой. Міръ и страсти измучили, истерзали меня. Но неутѣшительнымъ является отвѣтъ ума. И я, говоритъ умъ, вмѣстѣ съ тобою, душа, пораженъ грѣхомъ. То, о чемъ ты говорила, мнѣ вполнѣ извѣстно. Въ непрерывной дѣятельности моей, дарованной мнѣ Творцомъ и составляющей мое свойство, я непрерывно подчиняюсь постороннему вліянію. Вліяніе это—вліяніе грѣха, которымъ я побѣжденъ и разстроенъ. Это вліяніе непрестанно отвлекаетъ меня отъ Бога, отъ вѣчности, влечетъ въ обольщеніе собою, въ обольщеніе грѣхомъ, въ обольщеніе ангелами падшими. Мой существенный недостатокъ заключается въ непрестанно насилующемъ меня развлеченіи. Пораженный развлеченіемъ я парю, скитаюсь безъ нужды и безъ пользы, подобно прочимъ духамъ отверженнымъ. Я желалъ бы остановиться, и не могу: развлеченіе расхищаетъ, уноситъ меня. Расхищаемый развлеченіемъ, я не могу взглянуть, какъ должно, ни на тебя, душа, ни на самого себя. Отъ развлеченіи я не могу внимать, какъ должно, Слову Божію: по наружности представляюсь внимательнымъ, но въ то время, какъ усиливаюсь внимать, невольно уклоняюсь во всѣ страны; уношусь очень далеко, къ предметамъ вполнѣ постороннимъ, которыхъ разсматриваніе не только ненужно для меня, но и чрезвычайно вредно. Отъ убійственнаго развлеченія не могу принести Богу сильной, дѣйствительной молитвы, и запечатлѣться страхомъ Божіимъ, которымъ уничтожилась бы моя разсѣянность и помыслы мои содѣлались бы послушными мнѣ, которымъ сообщились бы тебѣ, душа, сердечное сокрушеніе и умиленіе. Отъ моего развлеченія ты пребываешь въ ожесточеніи; при твоемъ ожесточеніи и нечувствіи я развлекаюсь еще болѣе. Развлеченіе—причина моей слабости въ борьбѣ съ грѣховными помыслами. Отъ развлеченія я ощущаю омраченіе и тяжесть: когда предстанетъ помыслъ грѣховный, я не вдругъ и не скоро узнаю его, если онъ прикрытъ оправданіемъ. Если же онъ и явенъ, то я, вооружаясь противъ него, не обнаруживаю къ нему рѣшительной и непримиримой ненависти, услаждаюсь смертоноснымъ ядомъ, который онъ лукаво влагаетъ въ меня. Рѣдко бываю я побѣдителемъ, часто побѣжденнымъ. По причинѣ развлеченія моего объемлетъ меня забывчивость: я забываю Бога, я забываю вѣчность,

я забываю превратность и обманчивость міра, влекусь къ нему, увлекаю, душа, тебя съ собою. Я забываю грѣхи мои. Я забываю паденіе мое, я забываю бѣдственное положеніе мое: въ омраченіи и самообольщеніи моемъ, начинаю находить въ себѣ и въ тебѣ достоинства. Я начинаю искать, требовать признанія этихъ достоинствъ отъ лживаго міра, готоваго на минуту согласиться, чтобы послѣ злѣе насмѣяться. Достоинствъ нѣтъ въ насъ: достоинство человѣка всецѣло осквернено паденіемъ, и онъ справедливо будетъ думать о себѣ, если, какъ совѣтуетъ нѣкоторый великій подвижникъ, сочтетъ себя мерзостію. Мы, душа, составляемъ одно духовное существо: я помышляю, ты чувствуешь. Но мы не только повреждены грѣхомъ, мы разсѣчены имъ какъ бы на два отдѣльныя существа, дѣйствующія почти всегда противоположно одно другому. Мы разъединены, противопоставлены другъ другу, мы отдѣлены отъ Бога! Живущимъ въ насъ грѣхомъ мы противопоставлены Самому Всесвятому и Всесовершенному Богу [1]). Изъ этого лирическаго размышленія Епископа Игнатія мы видимъ, что умъ понимается, какъ руководитель духовной жизни человѣка по существу; грѣховное паденіе человѣка въ отношеніи познавательномъ отразилось въ отчужденіи ума отъ Богомыслія, въ удобопреклонности къ развлекающимъ грѣховнымъ вліяніямъ, въ забвеніи Бога, вѣчности и грѣховности, въ самопревозносящемся сознаніи достоинствъ своихъ, въ самости мысли. Вникая въ условія побѣды надъ внутреннимъ разладомъ, душа человѣческая опредѣляетъ отношенія между различными сторонами своими. Душа замѣчаетъ, что ея чувствованія соотвѣтствуютъ помышленіямъ ума, содержанію мысли. Сердце не можетъ долго бороться съ мыслію: оно всегда покоряется ей, а когда и противится, то противится только на краткое время [2]). Умъ человѣка можетъ быть, съ этой точки зрѣнія, путеводителемъ и ко грѣху и къ добродѣтели. Грѣховная прелесть дѣйствуетъ первоначально на образъ мыслей; будучи принята и извративъ образъ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращаетъ сердечныя ощущенія; овладѣвъ сущностью человѣка, она разливается на всю дѣятельность его; состояніе прелести ума есть состояніе погибели или вѣчной смерти [3]). Умъ нашъ навѣтуетъ насъ, этотъ путеводитель нерѣдко самъ сбивается съ пути, и всю жизнь нашу увлекаетъ за собою въ заблужденіе [4]). Сердце человѣка недолго противится мысли. Но по причинѣ разстройства и поврежденія ума грѣхомъ, его мысли чрезвычайно непостоянны. Нерѣдко съ утра онѣ

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 111—113.
[2]) Тамъ же, стр. 113.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 231—232.
[4]) Тамъ же, стр. 366.

душеспасительны, правильны и основательны, къ полудню—замѣняются другими, къ вечеру—еще новыми, а ночью человѣкъ мятется иногда иными помыслами, которые въ теченіе дня скрывались гдѣ то, какъ бы въ засадѣ, чтобы внезапно предстать человѣку во время безмолвія ночного, возмутить душу обворожительною и убійственною живописью грѣха [1]). Будучи главнымъ виновникомъ общаго духовнаго паденія, отверженія, бѣдствія, временной и вѣчной смерти души [2]), искушающе и растлѣвающе дѣйствуя на сердце человѣка, разстроенный грѣхомъ умъ человѣка душевредно дѣйствуетъ и на волю его, ибо содержитъ человѣка въ порабощеніи посредствомъ неправильныхъ и ложныхъ понятій [3]).

Столкновеніе и противоборство грѣховнаго и спасительнаго начала въ познавательной сторонѣ человѣческаго духа изображается Епископомъ Игнатіемъ подъ образомъ столкновеній Саула и Давида. Сауломъ называетъ онъ умъ, тревожимый, возмущаемый помышленіями, исходящими отъ міродержца. Умъ человѣческій, говоритъ Епископъ Игнатій, поставленъ Богомъ при установленіи царства Израильскаго—при сотвореніи, и потомъ—при искупленіи человѣка—въ царя, владыку души и тѣла, но преслушаніемъ Богу, нарушеніемъ уединенія съ Богомъ онъ лишилъ себя достоинства и благодати. Напротивъ, подъ именемъ Давида изображаетъ Владыка Игнатій противоборствующее грѣху доброе начало ума человѣческаго.

Поетъ святый Давидъ, вѣщаетъ слова неба, и звуки псалтыри его—звуки небесные. Предметъ пѣснопѣнія—блаженство человѣка [4]). Но звуковъ небесныхъ не воспринимаетъ оземленившійся грѣховный разумъ человѣка. Не Давидъ поетъ въ душѣ и вѣщаетъ слова неба, а Саулъ возмущаетъ, безпокоитъ и увлекаетъ душу человѣческую: познавательная дѣятельность человѣка въ грѣховномъ состояніи по ея характеру, направленію и методу является плотскимъ мудрованіемъ, грѣховный разумъ человѣка есть лжеименный разумъ, существенное поврежденіе умственно-познавательной стороны человѣка грѣхомъ выражается въ самости ума. Самость ума заключается въ горделивомъ признаніи своей силы мысли въ ущербъ смиренному вѣрованію: Святые Отцы всѣхъ временъ постоянно выражали свое отношеніе къ откровенному Божію ученію словомъ вѣрую; въ современномъ обществѣ, которое величаетъ себя по преимуществу образованнымъ и христіанскимъ, непрестанно раздается выраженіе сердечнаго отношенія, залога къ Божественному откровенію въ словѣ:

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, стр. 114.
[2]) Тамъ же, стр. 116.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 168; т. V, стр. 66.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 3.

я думаю. Выраженіе это возникло, говоритъ Владыка Игнатій, изъ незнанія христіанства и ведетъ оно къ тому горестному явленію, что сынъ Восточной Церкви, противно ея ученію Божественному, разсуждаетъ своевольно, невѣжественно, богохульно, и отторгается отъ руководства святой Церкви [1]). Ослабивъ на нѣкоторое время свое вниманіе къ голосу Церкви или Слова Божія и святоотеческаго, христіанинъ создаетъ въ познавательной области условія, благопріятныя для самости. Занятія умственныя особенно требуютъ вниманія человѣка къ своему духовному оку. Занятія умственныя особенно способны отвлекать человѣка отъ смиренія и Бога, привлекать къ самомнѣнію и поклоненію своему я. При умственныхъ занятіяхъ надо съ особенною тщательностію внимать, чтобы дѣло наше совершалось во славу Божію и для общественной пользы, а не для нашихъ тщеславія и самолюбія [2]), т. е. самость мысли всего легче возникаетъ при умственныхъ занятіяхъ по мотивамъ тщеславія и самолюбія, а не славы Божіей и блага ближнихъ. Духовное просвѣщеніе, доставляемое христіанствомъ, сообщаетъ Епископу Игнатію опредѣленное воззрѣніе на человѣческую ученость, отчужденную истиннаго Богопознанія, какъ на буйство. Естественныя помышленія или познанія человѣка относятся къ одному временному и суетному, приводятъ человѣка къ тщеславію и гордости, къ самообольщенію, къ погубленію жизни въ заботахъ объ одномъ тлѣнномъ и преходящемъ, къ грѣховной жизни, къ отверженію и забвенію Бога и вѣчности. Когда же человѣкъ, не озаренный свѣтомъ Христовымъ, дерзнетъ разсуждать о предметахъ духовныхъ, тогда умъ его блуждаетъ какъ бы въ мрачной безпредѣльной пустынѣ и вмѣсто истинныхъ познаній, къ пріобрѣтенію которыхъ онъ не имѣетъ никакой возможности, сочиняетъ мнѣнія и мечты, облекаетъ ихъ въ темное и хитросложное слово, обманываетъ ими себя и ближнихъ, признавая мудрость тамъ, гдѣ со всею справедливостію должно признать умоизступленіе и умоповрежденіе [3]). Сужденія въ духѣ вышеизложеннаго обычно въ жизни человѣческой оправдываются ссылками на, такъ называемый, здравый разумъ. Но внимающій голосу Церкви и сознающій свою грѣховность не можетъ признать достаточнымъ завѣреніемъ истины здравый разумъ. Основаніемъ духовнаго разсужденія можетъ быть только Богъ. Называемый же людьми здравымъ естественный разумъ, съ христіанской точки зрѣнія, является разумомъ столько болѣзненнымъ, столько омрачившимся и заблудшимъ, что уврачеваніе его иначе и не можетъ совершиться, какъ отсѣченіемъ всѣхъ знаній, его составляющихъ, мечемъ вѣры и отвер-

---

[1]) Тамъ же, стр. 360.
[2]) Тамъ же, т. V, стр. 328.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 144.

женіемъ ихъ. Если же признать его здравымъ, то онъ непремѣнно отвергнетъ и Христа [1]). Недостаточность здраваго разума объясняется неизбѣжнымъ свойствомъ его грѣховности. Евангеліе научаетъ насъ, что паденіемъ мы стяжали лжемнимый, лжеименный разумъ, что разумъ падшаго естества нашего, какого бы онъ ни былъ достоинства природнаго, какъ бы ни былъ извращенъ ученостію міра, сохраняетъ достоинство, доставленное ему паденіемъ, пребываетъ лжеименнымъ разумомъ [2]). Такимъ образомъ, въ понятіи Епископа Игнатія, естественный здравый разумъ и лжеименный отождествляются и степень достовѣрности его завѣреній, особенно въ отношеніи предметовъ духовнаго познанія, принижается до послѣдней степени. Будучи лжеименнымъ, по присущей ему грѣховной самости, разумъ въ практическомъ примѣненіи своемъ выражается, какъ плотское мудрованіе. Изъ сопоставленія различныхъ случаевъ примѣненія Епископомъ Игнатіемъ этого термина, мы приходимъ къ заключенію, что подъ именемъ плотскаго мудрованія онъ разумѣетъ: а) стремленіе грѣховнаго человѣческаго разума къ эмпирическому и чувственному пониманію бытія, исключительное довѣріе его къ показаніямъ внѣшнихъ чувствъ и вообще опытно-чувственной дѣйствительности; б) его самость въ рѣшеніи вопросовъ вышечувственныхъ и, особенно, моральныхъ, эсхатологическихъ и другихъ, безъ руководства Словомъ Божіимъ и голосомъ Церкви, и в) какъ необходимый результатъ такого направленія

---

[1]) Тамъ же, стр. 473.

[2]) Тамъ же, стр. 472. Ложь и заблужденія естественнаго и внѣцерковнаго познанія и объясняется, въ пониманіи Владыки Игнатія, лжеименностію человѣческаго разума. Науки являются, говоритъ онъ, плодомъ нашего паденія; ученость—есть пріобрѣтеніе и храненіе впечатлѣній и познаній, накопленныхъ человѣками во время жизни падшаго міра. Мудрость этого міра, въ которой почетное мѣсто занимаютъ многіе язычники и безбожники, прямо противоположна, по самымъ началамъ своимъ, мудрости духовной, божественной. Падшій человѣкъ—ложь, и изъ умствованій его составляется „лжеименный разумъ", т. е. образъ мыслей, собраніе понятій и познаній ложныхъ, имѣющіе только наружность разума, а въ сущности своей—шатаніе, бредъ, бѣснованіе ума, пораженнаго смертною язвою грѣха и паденія Этотъ недугъ ума особенно въ полнотѣ выражается въ наукахъ философскихъ (тамъ же, стр. 500—501). Такое мнѣніе Епископа Игнатія о наукахъ человѣческихъ подтверждается имъ указаніемъ на ихъ соотвѣтствіе и приспособленіе къ вещественному развитію земной жизни: люди послѣ паденія начали воздѣлывать землю, начали нуждаться въ одеждѣ и другихъ многочисленныхъ потребностяхъ, которыми сопровождается наше земное странничество; словомъ сказать, они начали нуждаться въ вещественномъ развитіи, стремленіе къ которому—отличительная черта нашего вѣка (тамъ же). Отсюда—борьба грѣховнаго разума противъ Богопознанія. Мы томимся, отовсюду окруженные умами, нарушившими вѣрность истинѣ, вступившими въ блудную связь съ ложью, заразившимися ненавистью противъ писаній, вдохновенныхъ Богомъ, вооружившихся на нихъ хулою, клеветою и насмѣшкою адскою (тамъ же, стр. 514, 480—481, 472—476).

познавательной и вообще духовной жизни человѣка—религіозныя заблужденія и ереси.

а) Послѣ грѣхопаденія люди ниспали во мракъ и мглу плотскаго мудрованія: сердца и умы ихъ ослѣпли. Въ такомъ состояніи человѣкъ мало способенъ воспринять возвышенно-духовныя идеи внѣ чувственныхъ подтвержденій и образовъ, чѣмъ вызывается необходимость примѣненія, приспособленія къ немощному состоянію человѣческому. Плотское мудрованіе не видитъ ни душевныхъ недуговъ, ни вѣчной смерти; но недуги тѣлесные и смерть тѣла оно видитъ, оно признаетъ ихъ, они очень сильно дѣйствуютъ на него, озабочиваютъ его. Поэтому то, по особенному снисхожденію къ болѣзненному состоянію людей, какъ методъ проведенія въ человѣческое сознаніе необходимости спасительнаго покаянія и сознанія грѣха, какъ причины всѣхъ золъ земныхъ, имѣютъ значеніе чудесныя знаменія Божіей силы, возбуждающія грѣшнаго человѣка отъ его духовной спячки и равнодушія къ своему поврежденному состоянію: чрезъ чувственно воспринимаемыя знаменія вниманіе человѣческое возводилось къ пониманію грѣха, какъ главнаго и коренного бѣдствія человѣческой жизни [1]). Невидимые благодатные дары несравненно выше видимыхъ, какъ, напримѣръ,—даръ руководить души человѣческія ко спасенію и врачевать ихъ отъ страстей, но эти дары не понимаются и не примѣчаются міромъ: міръ не только не прославляетъ служителей Божіихъ,

---

[1]) Такой смыслъ и цѣль, по ученію Епископа Игнатія, имѣли чудеса Христа Спасителя. Хотя они и сами по себѣ были великими благодѣяніями, но въ видахъ Божественнаго смотрѣнія служили только свидѣтельствомъ и доказательствомъ благодѣянія, несравненно высшаго. Господь, принявъ человѣчество, принесъ человѣкамъ вѣчный, духовный, безцѣнный даръ: спасеніе, исцѣленіе отъ грѣха, воскресеніе изъ вѣчной смерти. Слово Господа и образъ жизни являли этотъ даръ со всею удовлетворительностію: по жизни Господь былъ безгрѣшенъ, всесвятъ (Іоан. VIII, 46), слово Его было преисполнено силы (Мр. I, 42). Но по состоянію духовной слѣпоты и плотскаго мудрованія людей, оказалось нужнымъ особенное снисхожденіе къ болѣзненному состоянію человѣковъ; оказалось нужнымъ дать ясное свидѣтельство для тѣлесныхъ чувствъ ихъ; оказалось нужнымъ посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ сообщить жизненныя познанія уму и сердцу, которые умерли свойственною имъ смертію, смертію вѣчною. Въ помощь Слову Божію даны Божіи чудеса. Господь, исцѣляя единымъ словомъ, единымъ повелѣніемъ всѣхъ больныхъ, воскрешая мертвыхъ, повелѣвая нечистымъ духамъ, явилъ власть Свою, явилъ власть Бога надъ человѣкомъ, надъ грѣхомъ, надъ падшими духами, явилъ очевидно для тѣлесныхъ чувствъ, для самаго плотскаго мудрованія. Оно, видя и осязая эту власть, могло и должно было, по логичной послѣдовательности, признать власть Господа надъ самою душою, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ чудесахъ Господа, какъ напримѣръ,—въ воскресеніи мертвыхъ, являлась неограниченная Божеская власть Его и надъ тѣломъ и надъ душою (т. IV, стр. 302—303). Знаменія имѣютъ значеніе для убѣжденія и приведенія къ вѣрѣ людей чувственныхъ, занятыхъ попеченіями міра. Это—низшій разрядъ вѣрующихъ во Христа (т. IV, стр. 306).

имѣющихъ эти дары, но и гонитъ ихъ, какъ дѣйствующихъ противъ началъ міра [1]).

б) Такое отношеніе къ вопросамъ вѣры и нравственности, невидѣніе чудесъ въ области нравственной жизни и соотвѣтственное отношеніе къ служащимъ Богу духомъ и истиною совершенно объясняются, именно, самостью ума, его ложными мыслями, отрѣшенностію отъ началъ истиннаго Богопознанія. Послѣдствіемъ усвоенія самости уму являются ложныя мысли, растлѣвающія умъ, ослабляющія правильность совѣсти въ ея показаніяхъ, заражающія грѣховностію всѣ духовныя ощущенія, т. е. человѣку, растлѣнному умомъ, уже невозможно быть причастникомъ истинной вѣры: у него мѣсто вѣры занято лжеименнымъ разумомъ. Растлѣніе ума всегда сопряжено съ растлѣніемъ прочихъ духовныхъ свойствъ, почему растлѣніе ума и растлѣніе духа имѣютъ тождественное значеніе по своему послѣдствію. Принятіемъ ложныхъ мыслей о Богѣ, искаженіемъ откровеннаго Богомъ догматическаго и нравственнаго ученія при посредствѣ лжеученія совершается растлѣніе духа человѣческаго [2]). Растлѣвается духъ человѣка принятіемъ лжеученія,—ученія, исходящаго отъ міра и сатаны, ученія, противнаго откровенному Божественному ученію, ученію Христову, ученію Вселенской Восточной Церкви [3]). Самость ума въ дѣлѣ Богопознанія и христіанскаго нравоученія и выражается въ расторженіи союза съ Церковію, въ упованіи на силу собственной мысли, въ признаніи силъ разума грѣховнаго самодовлѣющимъ началомъ въ рѣшеніи всѣхъ коренныхъ вопросовъ жизни. Въ результатѣ—лжеученія, каковы: атеизмъ, деизмъ, ереси и всѣ тѣ ученія современности, которыя проповѣдуютъ матеріальный прогрессъ безъ всякаго соотношенія къ началамъ церковно-общественнымъ [4]).

в) Самость ума въ дѣлѣ Богопознанія и христіанскаго нравоученія имѣетъ своимъ необходимымъ теоретическимъ послѣдствіемъ ересь, а практическимъ результатомъ—упадокъ нравственной жизни, ибо между вѣрою и жизнію, догматомъ и моралью—соотношеніе тѣс-

---

[1]) Тамъ же, стр. 314. Напротивъ, люди, потерявъ благоговѣніе и уваженіе ко всему священному, потерявъ смиреніе, признающее себя недостойнымъ не только совершать знаменія, но и видѣть ихъ, жаждутъ чудесъ болѣе, нежели когда либо. Въ упоеніи самомнѣніемъ, самонадѣянностію, невѣжествомъ, люди стремятся ко всему чудесному. Такое направленіе опасно болѣе, нежели когда либо (см. т. IV, стр. 323—326).

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 361—362.

[3]) Тамъ же, стр. 364.

[4]) Въ ряду лжеученій Епископомъ Игнатіемъ перечисляются слѣдующія ученія: ученіе, отвергающее бытіе Бога или атеизмъ; ученіе, отвергающее Христа и христіанство, признающее бытіе Бога, но отвергающее всѣ отношенія между Богомъ и людьми, или деизмъ; ученія, не отвергающія прямо христіанства, но искажаю-

нѣйшее и необходимое. Лжеименный разумъ и плотское мудрованіе естественно ведутъ къ ереси, а ея послѣдствіемъ является вѣчная смерть. Причиняютъ вѣчную смерть всѣ ученія человѣческія, вводящія свое умствованіе, почерпаемое изъ лжеименнаго разума, изъ плотскаго мудрованія, этого общаго достоянія падшихъ духовъ и человѣковъ, въ Богомъ открытое ученіе о Богѣ. Человѣческое умствованіе, введенное въ ученіе вѣры христіанской, называется ересію, а послѣдованіе этому ученію—зловѣріемъ [1]). Яснымъ признакомъ истиннаго христіанина является точное послушаніе святой Церкви, вѣрность святой истинѣ и Святому Духу, эти признаки Епископъ Игнатій считаетъ необходимыми условіями спасенія; отступленіе отъ нихъ—признакомъ паденія и допустившихъ его людей считаетъ несчастными. Неправы тѣ, омраченные сыны міра сего, которые думаютъ, что мыслить о Богѣ такъ или иначе—небольшая бѣда. Напротивъ, изъ ложныхъ мыслей и ощущеній составляется такъ называемая „прелесть“, или самообольщеніе [2]). Самость ума въ ереси приводитъ къ явному или прикровенному богохульству, которое составляетъ сущность всякой ереси. Богохульство прикрывается въ ереси великолѣпными наименованіями, пышнымъ краснорѣчіемъ, возвышенною философіею, и при всемъ этомъ ересь служитъ важнѣйшимъ орудіемъ злыхъ духовъ для соблазна людей. Посредствомъ ереси губятся цѣлые народы, у нихъ незамѣтно похищается истинное христіанство, замѣняется богохульнымъ ученіемъ, которое украшается наименованіемъ очищеннаго, истиннаго, возстановленнаго христіанства. Ересь есть грѣхъ, совершаемый преимущественно въ умѣ [3]). Но между вѣрою и жизнію естественно возникаетъ близкое соотношеніе. Догматы вѣры имѣютъ тѣснѣйшее отношеніе къ христіанской морали. А потому истинная вѣра христіанская отражается и въ истинной жизни христіанской—духовной и внѣшней. Равнымъ образомъ, и самость мысли и ересь также отражаются въ жизни. Отчуждивъ духъ человѣческій отъ Бога, соединивъ его съ духомъ сатаны по главному грѣху его—богохульству, ереси подвергаютъ человѣка порабощенію страстей, какъ

щія Богооткровенное ученіе произвольнымъ, человѣческимъ, богохульнымъ ученіемъ, которымъ уничтожается сущность христіанства, каковы всѣ ереси; ученія, не отвергающія прямо христіанства, но отвергающія дѣла вѣры, или нравственное евангельское и церковное преданіе, пріемлющія дѣятельность языческую, этимъ умерщвляющія вѣру и уничтожающія сущность христіанства. Таковъ наиболѣе и современный прогрессъ, или преуспѣяніе въ безнравственности и въ совершенномъ невѣдѣніи христіанства, а слѣдовательно въ совершенномъ удаленіи и отчужденіи отъ Бога (т. V, стр. 364).

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 525.

[3]) Тамъ же, стр. 82, 474.

оставленнаго Богомъ, какъ преданнаго собственному своему падшему естеству [1]). Грѣхъ ереси, будучи принятъ умомъ, сообщается духу, разливается на тѣло, оскверняетъ самое тѣло наше, но грѣхъ этотъ малопримѣтенъ и малопонятенъ [2]), но тѣмъ онъ губительнѣе и тѣмъ труднѣе борьба съ нимъ, тѣмъ рѣшительнѣе и опредѣленнѣе сужденія Епископа Игнатія по этому вопросу. Для Святителя Игнатія, теоретически, чрезъ ученіе, и жизнію—опытно познавшаго истину православной вѣры, по трактуемому вопросу нѣтъ и не можетъ быть двухъ различныхъ сужденій. Для спасенія нужно право исповѣдывать христіанскую вѣру, для этого необходимо принадлежать къ православной Церкви, пріобщиться тайноводственной благодати Божіей, всемѣрно избѣгать самости мысли и вѣру свою являть подвигомъ благочестивой христіанской жизни. И онъ рѣшительно отвергаетъ возможныя по этому вопросу, обычныя въ жизни разслабляющія наше спасительное настроеніе сужденія. „Одно“, говоритъ онъ, „доброе дѣло нужно намъ для спасенія: вѣра;—но вѣра—дѣло. Вѣрою, одною вѣрою мы можемъ войти въ общеніе съ Богомъ при посредствѣ дарованныхъ Имъ таинствъ. Поэтому ошибочно думать и говорить, что добрые люди между магометанами и язычниками спасутся, т. е. вступятъ въ общеніе съ Богомъ. Церковь всегда признавала, что одно средство спасенія—Искупитель“ [3]). Но и въ христіанствѣ тѣ, которые по гордости усвоили себѣ самость ума и впали въ ересь,—чужды спасенія, ибо чужды Св. Церкви и Божественнаго откровенія. Послѣднее сужденіе не только нынѣ, но и во время Игнатія Брянчанинова и въ средѣ лицъ, имѣвшихъ къ нему духовное отношеніе встрѣчало сильныя возраженія съ точки зрѣнія значенія добрыхъ дѣлъ для спасенія въ виду признанія, что еретики—тѣже христіане. Возражая таковымъ собесѣдникамъ своимъ, Епископъ Игнатій указываетъ на невозможность признанія христіаниномъ того, кто чуждъ истинной вѣры во Христа и святую вѣру христіанскую не можетъ отличить отъ чада клятвы – богохульной ереси. Онъ указываетъ на то, что многочисленные сонмы святыхъ пріяли вѣнецъ мученическій, предпочли лютѣйшія и продолжительныя муки, темницу, изгнаніе, нежели согласиться на участіе съ еретиками въ ихъ богохульномъ ученіи, а Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертнымъ грѣхомъ, всегда признавала, что человѣкъ, зараженный страшнымъ недугомъ ереси, мертвъ душою, чуждъ благодати и спасенія, въ общеніи съ діаволомъ и его погибелію [4]). Съ точки зрѣнія Епископа Игнатія, яв-

---

[1]) Тамъ же, стр. 80.
[2]) Тамъ же, стр. 82.
[3]) Тамъ же, стр. 471.
[4]) Тамъ же, стр. 474.

ственными признаками грѣховности ереси, возникающей изъ самости ума по плотскому мудрованію, служитъ: а) подмѣна вѣры въ Богочеловѣка—Искупителя иною вѣрою и б) наблюдаемый въ людяхъ внѣблагодатныхъ упадокъ нравственной жизни. Отчужденіе отъ Церкви и благодати, такъ же, какъ и первичное паденіе, обнаруживаясь въ самости мысли, лишаетъ человѣка духовнаго разума способности понять истинную вѣру. Святая вѣра, надъ которой смѣялись и смѣются раціоналисты, называя ее слѣпою, столько тонка и возвышенна, что можетъ быть постигнута и преподана только однимъ духовнымъ разумомъ. Разумъ міра противенъ ей, отвергаетъ ее. Когда же по какой нибудь матеріальной необходимости найдетъ ее нужною или терпимою, тогда понимаетъ ее ложно и объясняетъ ее ложно, потому что слѣпота, приписываемая имъ вѣрѣ, есть его неотъемлемая принадлежность. Идолопоклонники замѣняютъ вѣру истинную вѣрою въ своихъ кумировъ, мусульмане—въ лжепророка Магомета и коранъ, еретики—въ свои богохульные догматы и въ своихъ ересіарховъ, раціоналисты—въ падшій разумъ человѣческій. Такою, чуждою христіанству вѣрою, будутъ вѣровать въ антихриста его послѣдователи [1]). Другимъ признакомъ плотскаго мудрованія, лжеименнаго разума и отклоненія отъ началъ истиннаго Богопознанія является, по ученію Епископа Игнатія, упадокъ нравственной жизни, незамѣтно для самого грѣшника сопровождающій его религіозное заблужденіе. Кто, говоритъ Преосвященный Игнатій, прочитаетъ со вниманіемъ „Дѣянія соборовъ“, тотъ легко убѣдится, что характеръ еретиковъ—вполнѣ сатанинскій. Онъ увидитъ ихъ ужасное лицемѣріе, непомѣрную гордость,—увидитъ поведеніе, составленное изъ непрерывной лжи, увидитъ, что они преданы различнымъ низкимъ страстямъ, увидитъ, что они, когда имѣютъ возможность, рѣшаются на всѣ ужаснѣйшія

---

[1]) Тамъ же, стр. 529—530. Для сохраненія разума отъ самости и для уразумѣнія основъ истинной вѣры, Преосвященный Игнатій многократно рекомендуетъ основательное изученіе Восточной Церкви по ея преданію, заключающемуся въ писаніяхъ Святыхъ Отцовъ, указывая при этомъ на примѣръ инославныхъ въ отношеніи къ ихъ ученію. Ты принадлежишь къ Восточной Церкви?—спрашиваетъ Епископъ Игнатій. Твоя обязанность узнать ее, какъ должно. Посмотри, какъ твердо знаютъ свою религію инославные Запада! Папистъ—лишь увѣровалъ въ папу, какъ въ Бога, сдѣлалъ все: онъ папистъ въ совершенствѣ, можетъ сумасбродствовать сколько хочетъ. Протестантъ—лишь сомнѣвается во всемъ преданіи, протестуетъ противъ всего Христова ученія, удерживая впрочемъ себѣ имя христіанства,—сдѣлалъ все: онъ—вполнѣ протестантъ. Достигши такого совершенства, и римлянинъ, и протестантъ пишутъ многотомныя сочиненія, ихъ творенія ѣдутъ въ Россію искать читателей. Не читай того, что писали эти люди, сами не понимая, что пишутъ. Ты такъ мало знаешь, по общей нынѣшней модѣ, христіанскую религію, что очень удобно можешь усвоить себѣ какую нибудь ложную мысль и повредить ею свою душу (т. IV, стр. 482).

преступленія и злодѣянія. Въ особенности замѣчательна ихъ непримиримая ненависть къ чадамъ истинной Церкви и жажда къ крови ихъ! Ересь сопряжена съ ожесточеніемъ сердца, съ страшнымъ помраченіемъ и поврежденіемъ ума,—упорно держится въ зараженной ею душѣ и трудно для человѣка исцѣленіе отъ этого недуга [1]). Всякая ересь содержитъ въ себѣ хулу на Духа Святаго: она или хулитъ догматъ Святаго Духа, или дѣйствіе Святаго Духа, но хулитъ непремѣнно Святаго Духа. Сущность всякой ереси—богохульство [2]). Но гордость, тщеславіе, лицемѣріе, лживость и т. п. сдѣлались, при упадкѣ духовной жизни христіанскаго общества, состояніями, настолько обычными, что не вызываютъ особеннаго осужденія и встрѣчаются довольно равнодушно. Какъ бы въ отвѣтъ на подобное настроеніе, Епископъ Игнатій указываетъ душевредность ереси и связанныхъ съ нею грѣховныхъ состояній съ точки зрѣнія расторженія союза съ Церковію и отчужденія отъ благодати Святаго Духа. Конечно, говоритъ Владыка Игнатій, въ ереси вы не видите ни разбоя, ни воровства. Можетъ быть, единственно поэтому не считаете ее грѣхомъ? Тутъ отвергнутъ Сынъ Божій, тутъ отвергнутъ и похуленъ Духъ Святый—только! Принявшій и содержащій ученіе богохульное, произносящій богохульство не разбойничаетъ, не крадетъ, даже дѣлаетъ добрыя дѣла естества падшаго—онъ прекрасный человѣкъ. Вся причина подобнаго рода недоразумѣній, такихъ недоумѣній, такъ же, какъ и всѣхъ прочихъ, заключается въ глубокомъ незнаніи христіанства [3]). Основная, существенная причина душевредности ереси заключается въ прямомъ или косвенномъ отверженіи Боговоплощенія. Замѣчательно: всѣ древнія ереси, подъ различными измѣняющимися личинами, стремились къ одной цѣли—онѣ отвергали Божество Слова и искажали догматъ воплощенія. Новѣйшія наиболѣе стремятся отвергнуть дѣйствія Святаго Духа: съ ужасными хулами они отвергли Божественную Литургію, всѣ таинства, все, все, гдѣ Вселенская Церковь всегда признавала дѣйствіе Святаго Духа. Они назвали это установленіями человѣческими,—дерзче: суевѣріемъ, заблужденіемъ. При недостаточномъ знаніи христіанства можно принять мысль ложную, богохульную за истинную, усвоить ее себѣ, а вмѣстѣ съ нею усвоить и вѣчную погибель [4]).

---

[1]) Преосвященный Игнатій неоднократно приводитъ примѣры, подтверждающіе, что отклоненіе отъ началъ истинной вѣры выражается упадкомъ нравственной жизни. Онъ отмѣчаетъ, что поведеніе ересіарховъ было развратное: Аполлинарій имѣлъ прелюбодѣйную связь, Евтихій былъ особенно порабощенъ страсти сребролюбія, Арій былъ развратенъ до невѣроятности (т. IV, стр. 80).

[2]) Тамъ же, стр. 474—475.

[3]) Тамъ же, стр. 476.

[4]) Тамъ же.

Таково духовное состояніе грѣшнаго человѣка въ умственно познавательномъ отношеніи: оно характеризуется отчужденіемъ отъ Бога, невѣдѣніемъ своего грѣха, самостью и плотскимъ мудрованіемъ мысли, въ результатѣ которыхъ неизбѣжно являются религіозныя заблужденія или ереси. Но такое состояніе познающаго человѣка, несмотря на всю существенность грѣховнаго пораженія, не внушаетъ ищущему спасенія человѣку мысли о безысходности паденія, не должно порождать въ немъ отчаянія, ибо и умственно-познавательная сторона человѣка, въ состояніи грѣховномъ, не утратила способности къ воспріятію зова Божія.

При всей немощи ума, при всемъ омраченіи, при всей мертвости его, Слово Божіе еще дѣйствуетъ на умъ и доставляетъ ему возможность различать добро отъ зла, въ чемъ заключается величайшая трудность. Состоянію и содержанію ума соотвѣтствуетъ и общее содержаніе и состояніе души. Вслѣдъ за умомъ, и вся душа, ощущая смущеніе и разстройство, вмѣстѣ ощущаетъ неправильность своего состоянія, ощущаетъ недовѣріе и недовольство къ такому состоянію, стремится свергнуть съ себя состояніе, ей неестественное и враждебное. Напротивъ того, когда умъ остановится, хотя на краткое время, какъ бы въ родныхъ объятіяхъ, въ помышленіяхъ, почерпнутыхъ изъ Слова Божія,—душа чувствуетъ неизъяснимое утѣшеніе. Изъ глубины души, изъ самыхъ сердечныхъ сокровищъ начинаетъ возсылаться тогда славословіе Богу. Душу объемлетъ тогда благоговѣніе предъ величіемъ Бога, тогда открывающагося ей. Душа кажется тогда сама себѣ ничтожною пылинкою посреди громаднаго и разнообразнаго мірозданія. Благодатная тишина, какъ бы наносимая дыханіемъ райскаго вѣтра, начинаетъ вѣять въ душѣ и прохлаждать ее, истомленную зноемъ и бездождіемъ. Сладкая и цѣлительная слеза, зародившись въ сердцѣ, восходитъ въ главу и вытекаетъ на разгорѣвшуюся ланиту изъ смиреннаго и кроткаго ока, смотрящаго на всѣхъ и все такъ мирно, такъ любовно. Душа начинаетъ тогда чувствовать исцѣленіе естества своего, уничтожается тогда ея внутренняя борьба, тогда душевныя силы, разсѣченныя и раздробленныя грѣхомъ, соединяются воедино. Содѣлавшись едино съ умомъ и съ прочими силами своими, привлекши къ этому единству самое тѣло, душа чувствуетъ милость Создателя къ Его падшему созданію, познаетъ дѣятельно значеніе и силу Искупителя, исцѣляющаго душу Своею всесильною и животворящею заповѣдію. Вслѣдъ за умомъ душа исповѣдуетъ Бога. Она видитъ тогда дѣйствіе поклоняемаго Всесвятаго Духа, отъ Отца исходящаго и Сыномъ посылаемаго. Душа видитъ дѣйствіе Бога—Духа, вводимаго Богомъ—Словомъ, являющаго Божество Свое творческою Своею силою, при посредствѣ которой сосудъ сокрушенный является какъ бы никогда не подвергавшимся сокрушенію, въ первобытной

прелести и красотѣ [1]). Въ контрастъ съ прежде указаннымъ грѣховнымъ состояніемъ мысли и послѣдствій этого состоянія, только что приведенное облагодатствованное настроеніе души, спослѣдствующее за обращеніемъ ума къ Богу, еще болѣе уясняетъ состояніе грѣховности, возбуждаетъ жажду Богообщенія и указываетъ средство для этого въ отреченіи отъ лжеименнаго разума, въ послушаніи Слову Божію и вниманіи къ Божественно-благодатному зову. Умъ человѣческій долженъ обратиться къ Слову Божію и поискать тамъ отрады для души. Конечно, это еще не рѣшаетъ вопроса объ избавленіи отъ грѣховнаго состоянія, ибо многіе изъ людей, услышавъ Слово Духа и истолковавъ его себѣ плотскимъ разумѣніемъ, сказали о животворящемъ Божіемъ Словѣ: Жестоко есть Слово сіе, и кто можетъ его послушати (Іоан. VI, 60). Оно не является таковымъ, т. е. жестокимъ, а дѣйственнымъ во спасеніе лишь при условіи отреченія отъ самолюбія, сдѣлавшагося жизнію грѣшной души. Самолюбіе боготворитъ свой падшій лжеименный разумъ,—старается во всемъ и постоянно удовлетворять своей падшей, ложно-направленной волѣ. Самолюбіе выражается по отношенію къ ближнимъ или посредствомъ ненависти, или посредствомъ человѣкоугодія, т. е. угожденія страстямъ человѣческимъ, а—къ предметамъ міра, которыми онъ всегда злоупотребляетъ,—посредствомъ пристрастія. Для уничтоженія самолюбія умъ долженъ отвергнуть всѣ свои разумѣнія, хотя бы онъ былъ очень богатъ разумѣніями, доставляемыми ученіемъ міра и по стихіямъ міра. Умъ долженъ погрузиться въ нищету духа и, обнаженный этою нищетою, омовенный плачемъ, углаждаемый, смягченный кротостію, чистотою и милостію, принять разумѣніе, которое начертала на умѣ человѣческомъ десница Искупителя. Эта десница—Евангеліе. При условіи неуклоннаго пребыванія въ Словѣ Божіемъ и отреченіи отъ самости и плотскаго мудрованія, и поврежденный грѣхомъ умъ человѣческій можетъ быть вождемъ души во слѣдъ велѣній Божіихъ [2]).

Сущность человѣка со стороны сердечной, по пониманію Игнатія Брянчанинова, выражается въ совокупности сердечныхъ чувствъ, принадлежащихъ душѣ словесной и безсмертной, чуждыхъ душамъ скотовъ и звѣрей. Сердце человѣка отличается, говоритъ онъ, отъ сердца животныхъ духомъ своимъ. Сердца животныхъ имѣютъ ощущенія, зависящія отъ крови и нервовъ, не имѣютъ ощущенія духовнаго—этой черты Божественнаго образа, исключительной принадлежности человѣка. Нравственная сила человѣка—духъ его. Духъ человѣка проявляется и въ тайныхъ движеніяхъ сердца, и въ образѣ

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 115—116.
[2]) Тамъ же, стр. 117, 9.

мыслей, и во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка [1]). Слѣдовательно, особенность человѣка съ сердечной стороны составляетъ способность его къ духовнымъ или нравственнымъ переживаніямъ. Эта способность или сторона человѣческаго духа, по единству духовной жизни, имѣетъ ближайшее отношеніе къ сторонѣ умственной, и такое или иное состояніе послѣдней отражается на сердцѣ и наоборотъ: сердце вліяетъ на мысль. Чистота мысли даетъ уму власть надъ сердцемъ и ощущенія сердечныя повинуются ему. Отраженіе грѣховныхъ прилоговъ и пребываніе въ ученіи Евангелія сообщаетъ уму царственную власть надъ сердцемъ, ведетъ къ порядку и высотѣ въ жизни внутренней, а за ней—и къ правильному дѣйствію относительно человѣчества. Чистота ума, достигаемая Богомысліемъ, даетъ уму власть надъ сердцемъ и доставляетъ сердцу миръ и радость [2]). Но когда духовный разумъ человѣка ослабляется, мышленіе и дѣятельность по Евангелію ослабѣваютъ и начинается дѣятельность по собственнымъ соображеніямъ,—разумъ нисходитъ съ высоты состоянія духовнаго въ состояніе плотское, чувство благости оставляетъ сердце, въ сердце вступаютъ раздраженныя изгнаніемъ своимъ страсти, миръ замѣняется разнообразными возмущеніями [3]). Заполненное же страстными настроеніями сердце соотвѣтственно вліяетъ на умъ. Если, съ одной стороны, сердце недолго противится мысли, то, съ другой стороны, послѣ минутной покорности, сердце нерѣдко возстаетъ противъ самой правильной, самой Богоугодной мысли, возстаетъ съ такою силою и ожесточеніемъ, что почти всегда низлагаетъ и увлекаетъ умъ. А низложивъ умъ, сердце начинаетъ плодить въ умѣ самыя нелѣпыя помышленія, служащія выраженіемъ и обнаруженіемъ сокровенныхъ страстей [4]). Такимъ образомъ, несмотря на тѣсное отношеніе и взаимное вліяніе, умъ и сердце человѣка сохраняютъ самостоятельность дѣйствованія и, въ грѣховномъ состояніи человѣка, они разъединены и нерѣдко противоборствуютъ другъ другу. И если умъ является руководителемъ духовной жизни и внѣшней дѣятельности человѣка, то это руководство реализируется, получаетъ дѣйствительность, силу и, главное, нравственный смыслъ въ томъ лишь случаѣ, если получитъ соотвѣтственную санкцію со стороны сердца, во внутренней храминѣ души. Сердце есть, такимъ образомъ, средоточіе духовно-нравственной жизни, субъективно-интимная сторона духа, по которой человѣкъ лучше всего, при испытующемъ самовоззрѣніи, можетъ опредѣлить свою нравственную личность. Насколько эта область духовной жизни самостоятельна

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 131.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 191.
[3]) Тамъ же, стр. 192.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 113.

и существенна, можно видѣть изъ того, что самые убѣдительные доводы нашего ума нерѣдко не встрѣчаютъ сочувственнаго движенія сердца, и остаются въ области нашихъ теоретическихъ пожеланій, не переходя въ соотвѣтственную дѣятельность, и умъ, занятый Богомысліемъ, нерѣдко не можетъ изгнать грѣховнаго Валтасара, пирующаго въ сердцѣ. Мы видимъ и на нашей современной дѣйствительности убѣждаемся, что теоретическая, умственная только и неполная, такъ сказать, головная принадлежность къ христіанству не только въ индивидуумѣ, но и въ цѣлыхъ народахъ уживается съ крайнимъ озлобленіемъ, язычествомъ, жестокостью и, даже, животностію сердца, и, когда дѣло доходитъ до практическихъ жизнепроявленій, умственно и внѣшне только культурный человѣкъ обнаруживаетъ въ себѣ дикаря, превосходитъ животныхъ по жестокости, кровожадности и алчности, иллюстрируя Божественное изреченіе: **„Приближаются ко Мнѣ людіе сіи усты своими, устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя“**. Область сердца и моральныхъ чувствованій является средоточіемъ духовно-нравственной жизни и такое или иное состояніе послѣдней зависитъ, всего болѣе, отъ языческаго или христіанскаго состоянія нашего сердца. Вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ погружается умомъ въ Богомысліе, умъ прежде всего взыскуетъ соединенія съ сердцемъ, и не всегда успѣшно. Убѣдительной и краснорѣчивой иллюстраціей указаннаго взаимоотношенія ума и сердца въ грѣховномъ человѣкѣ можетъ служить слѣдующее лирическое размышленіе Епископа Игнатія по данному вопросу. Затворились двери чувствъ: языкъ безмолвствуетъ, глаза закрылись, слухъ не внемлетъ ничему, что внѣ меня. Умъ, одѣянный въ молитву, сложивъ бремя земныхъ помышленій, нисходитъ къ сердечной клѣти. Двери клѣти замкнуты; повсюду темнота, мракъ непроницаемый. И умъ, въ недоумѣніи, начинаетъ стучаться молитвою въ двери сердца; стоитъ терпѣливо при дверяхъ, стучится, ждетъ, опять молится. Нѣтъ никакого отвѣта, не раздается никакого голоса. Мертвая тишина и мракъ отвѣчаютъ гробовымъ молчаніемъ. Умъ отходитъ отъ дверей сердца, печальный, и въ горькомъ плачѣ ищетъ отрады. Онъ не былъ допущенъ предстать Царю царей въ святилищѣ внутренней клѣти. Умъ, сердце и тѣло разобщены страшнымъ паденіемъ человѣка. Такъ и въ данномъ случаѣ, какъ слѣпецъ при вратахъ Іерихона, тщетно взываетъ умомъ только человѣкъ о просвѣтленіи и единеніи: сердце человѣка—Іерихонъ, обитаемый грѣхомъ, какъ и умъ, нуждается въ благодатномъ исцѣленіи. Путь къ исцѣленію—извѣстенъ, часъ—не назначенъ [1]). Но когда молитвенно настроенному уму удается углубиться

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 301—302.

въ сердце, и сердце, по милости Божіей, двинется молитвенно къ уму, то весь человѣкъ, со включеніемъ тѣла, приходитъ въ священное духовное состояніе, невыразимое словами, превысшее всѣхъ страстей, постижимое однимъ опытомъ, ему становятся понятнымъ восхищеніе человѣка къ Богу [1]). Это, въ высшей степени одухотворенное благодатное состояніе, сообщаетъ уму истину, а сердцу чудное спокойствіе, чудную хладность ко всему земному, обиліе кротости, смиренія, благости. Отъ благодатнаго дѣйствія Святаго Духа бѣжатъ страсти, а умъ и сердце человѣка переселяются на небо. Душа, ощутивъ въ себѣ благодатныя свойства, начинаетъ вкушать чудный покой—залогъ и начало вѣчнаго покоя праведныхъ въ селеніяхъ вѣчнаго блаженства [2]). Но грѣховная реальность средоточія духовно-нравственной жизни далека отъ этого идеальнаго состоянія. Въ печальной дѣйствительности нашей духовной жизни наше сердце, какъ обширное море, навѣтуется и возмущается чуждыми его идеальной природѣ вѣтрами страстей: то обуреваетъ насъ печаль, то возмущены мы гнѣвомъ, то увлечены сладострастіемъ, то восхищены тщеславіемъ и гордостію; вѣтры грѣховныхъ помысловъ иногда бываютъ такъ сильны, что мы не находимъ средствъ противостать ему, теряемся, приходимъ въ уныніе, въ отчаяніе, приближаемся къ погибели [3]).

Если грѣховный разумъ не пріемлетъ разума Божія, который для него является „юродствомъ“, то и падшее сердце человѣка противится волѣ Божіей [4]). Наряду съ омраченіемъ и самостью разума, послѣдствіемъ грѣха является разстройство сердца, упорствующаго и враждующаго въ своей испорченности противъ ученія Христова [5]). Наряду съ слѣпотою ума, послѣдствіемъ грѣховности является ожесточеніе, нечувствіе сердца. Если умъ закоренѣлаго грѣшника не видитъ ни добра, ни зла, сердце его теряетъ способность къ духовнымъ ощущеніямъ. Если даже, оставя грѣховную жизнь, человѣкъ этотъ обратится къ благочестивымъ подвигамъ, то сердце его, какъ бы чужое, не сочувствуетъ его стремленію къ Богу [6]). Утративъ или сильно ослабивъ способность къ духовнымъ ощущеніямъ, человѣкъ путемъ грѣха стяжалъ новое, по природѣ чуждое душѣ, состояніе плотяности сердца: паденіе подчинило сердце владычеству крови и посредствомъ крови владычеству міродержителя; самое глубокое выраженіе сердца въ любви къ ближнему чрезъ грѣхопаденіе стало плотянымъ. Сама лю-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 5.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 496.
[3]) Тамъ же, стр. 184.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 9.
[5]) Тамъ же, стр. 68.
[6]) Тамъ же, стр. 119.

бовь, въ ея естественно-сердечномъ выраженіи, повреждена паденіемъ [1]). Плотское мудрованіе выражается и въ плотскомъ направленіи жизни, въ связи съ которымъ отягощается, грубѣетъ, ожесточается сердце, весь человѣкъ становится плотскимъ, пригвождается къ землѣ, неспособенъ къ помышленіямъ и ощущеніямъ духовнымъ. Вслѣдствіе плотского направленія жизни, утрачивается не только перевѣсъ духа надъ плотью, но даже и равновѣсіе ихъ; наоборотъ, дебелость и мгла мало по малу сообщаются тѣломъ сердцу, а сердцемъ уму. Тогда эти душевныя очи—сердце и умъ притупляются; вѣчность скрывается отъ нихъ; земная жизнь представляется для болѣзненнаго зрѣнія безконечною [2]). Закрытость сердца для ощущеній духовныхъ влечетъ за собою обильное возрастаніе плевелъ самомнѣнія, высокомудрія и тщеславія [3]). Грѣховное состояніе, которое выражается въ сферѣ умственно-познавательной, какъ плотское мудрованіе, въ области нравственной выражается въ удобопреклонности сердца человѣческаго къ переживаніямъ грѣховно-плотскимъ, страстнымъ, въ открытости для грѣха и ожесточеніи сердца и мертвенности его, въ естественныхъ условіяхъ, для добра. Самоиспытующій умственный взоръ человѣка, направленный во внутреннюю, сердечную храмину души,—находитъ заполненность души грѣхомъ, устойчивость создавшагося грѣховнаго настроенія, нечуткость и неспособность къ духовнымъ, возрождающимъ переживаніямъ безъ содѣйствія Божественной благодати. Душа человѣческая, отвращаясь отъ міра, осуждая его, снова и снова влечется къ нему сердцемъ своимъ. Обращая тоскующій и пытливый взоръ отъ міра внѣшняго къ своему внутреннему міру, ревнующая о спасеніи душа видитъ въ своемъ сердцѣ обиліе грѣховныхъ страстей, непрерывное осквернѣніе разнообразными согрѣшеніями; то мучатъ душу гнѣвъ и памятозлобіе, то чувствуетъ она, что горитъ пламенемъ любодѣянія. Волнуется кровь, разгорячается воображеніе отъ какого то дѣйствія, душѣ чуждаго, враждебнаго.

Сердце увлекается соблазнительными образами, влекущими къ мечтанію грѣха, къ услажденію губительнымъ соблазномъ. И бѣжать отъ этихъ соблазнительныхъ образовъ душа не можетъ: невольно, насильно приковываются къ нимъ болѣзненныя духовныя очи. И бѣжать некуда. И въ пустыню идутъ за человѣкомъ картины грѣха, и тамъ предстаютъ съ особенною, убійственною живостію. Не существуютъ эти образы, но вмѣстѣ—они живы,—и ничто, ни самое время, ни дряхлая старость, не можетъ умертвить ихъ [4]). Но не обиліемъ только

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 123—124.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 86—87, 89.
[3]) Тамъ же, стр. 103.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 110.

страстныхъ состояній характеризуется грѣховное пораженіе человѣческаго сердца, но, и еще больше, невозможностію возрождающей борьбы безъ содѣйствія милости Божіей, потому что добродѣланіе для грѣховнаго существа является непосильнымъ и самое добро грѣшнаго человѣка переплетено со зломъ. Знаю я, что грѣховные соблазны смываются съ воображенія слезою покаянія, но слезы покаянія нѣтъ у меня. Ихъ сглаждаетъ съ воображенія молитва смиренная, соединенная съ плачемъ сердца: такой молитвы нѣтъ у меня. Сердце мое лишено умиленія, лишено спасительнаго плача: оно во мнѣ неподвижно, какъ осколокъ безчувственнаго камня. Несмотря на мою ужасную грѣховность, я рѣдко вижу свою грѣховность. Несмотря на то, что во мнѣ добро смѣшано со зломъ, и сдѣлалось зломъ, какъ дѣлается ядомъ прекрасная пища, смѣшанная съ ядомъ, я забываю бѣдственное положеніе добра, даннаго мнѣ при сотвореніи, поврежденнаго, искаженнаго при паденіи. Я начинаю видѣть въ себѣ мое добро цѣльнымъ, непорочнымъ и любоваться имъ: мое тщеславіе уноситъ меня съ плодоносной и тучной пажити покаянія въ далекую страну, въ страну каменистую и безплодную, въ страну терній и плевелъ, въ страну лжи, самообольщенія, погибели. Я оставляю исполненіе заповѣдей Христовыхъ и начинаю исполнять внушенія моего сердца, послѣдовать его чувствованіямъ, его волѣ; я дерзко называю ощущенія падшаго естества добрыми, его дѣянія—добродѣтелію;—это добро и эту добродѣтель достойными наградъ земныхъ и небесныхъ, человѣческихъ и Божіихъ. Но вслѣдъ за этимъ самообольщеніемъ являются въ душѣ печаль, унынie и какой то страшный мракъ [1]). Плотское, дебелое сердце стало слѣпымъ и глухимъ, оно стало мертвымъ ко всему духовному, къ вѣчному и Божественному [2]). Ожесточеніе сердца, подобно желѣзнымъ, крѣпко замкнутымъ вратамъ, не впускаетъ въ наше сердце Божественнаго дара искупленія [3]). Напротивъ, въ сердце, которое не ограждено и не запечатлѣно памятованіемъ Бога и страхомъ Божіимъ, удобно входятъ всѣ страсти; въ него входитъ нравственный мракъ, въ него входитъ невѣдѣніе Бога [4]). Какъ земля, по причинѣ поразившаго ее проклятія, не престаетъ изъ поврежденнаго естества своего, сама собою, производить волчцы и терніе, такъ и сердце, отравленное грѣхомъ, не перестаетъ рождать изъ себя, изъ своего поврежденнаго естества, грѣховныя ощущенія и помышленія [5]). Между тѣмъ, для истинно-духовной жизни и требуется больше

---

[1]) Тамъ же, стр. 109—110.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 145.
[3]) Тамъ же, стр. 246.
[4]) Тамъ же, стр. 272.
[5]) Тамъ же, т. V, стр. 271.

всего чистота, простота и искренность сердца, что со всею опредѣленностію подтверждается изученіемъ христіанства [1]). Сердце наше должно быть храмомъ, оно и было храмомъ Божіимъ до грѣхопаденія; пріобщившись грѣху, сердце стало гробомъ. Въ него входитъ Христосъ посредствомъ Таинства крещенія, чтобы обитать въ насъ и дѣйствовать въ насъ. Тогда сердце освящается въ храмъ Богу. Но мы отнимаемъ у Христа возможность къ дѣйствованію, оживляя нашего ветхаго человѣка, дѣйствуя постоянно по влеченію нашей падшей воли, нашего отравленнаго лжею разума. Нерукотворимый храмъ Божій превращается въ тѣсный и темный гробъ, къ которому приваленъ „велій зѣло“ камень нашего сердечнаго нечувствія. Сердце, пораженное нерадивою жизнію, какъ смертельною язвою, не обнаруживаетъ никакого признака жизни. Тщетно собираетъ умъ помышленія о смерти, о судѣ Божіемъ, о множествѣ согрѣшеній своихъ, о мукахъ ада, о наслажденіи рая; тщетно старается умъ ударять въ сердце этими помышленіями: оно пребываетъ безъ сочувствія къ нимъ, какъ бы и адъ, и рай, и судъ Божій, и согрѣшенія, и состояніе паденія и погибели не имѣли къ сердцу никакого отношенія. Оно спитъ глубокимъ сномъ, сномъ мертвымъ: оно спитъ, напоенное и упоенное грѣховною отравою [2]). Но вялое и равнодушное въ отношеніи духовныхъ ощущеній, чуждое благодатныхъ настроеній, грѣховное сердце человѣческое весьма небезразлично въ отношеніи чувствованій, проистекающихъ изъ плотскаго мудрованія. Имѣя въ виду всѣ мѣста твореній Игнатія Брянчанинова, гдѣ онъ говоритъ о человѣческомъ сердцѣ, какъ средоточномъ пунктѣ всѣхъ духовныхъ переживаній человѣка, мы приходимъ къ заключенію, что существеннымъ выраженіемъ грѣховности человѣческаго сердца является міролюбіе.

Уясняя это наиболѣе широкое, общее и весьма точное понятіе, обозначающее состояніе и преобладающее направленіе жизни пораженнаго грѣхомъ человѣческаго сердца, Преосвященный Игнатій устанавливаетъ смыслъ понятія міръ и, въ приложеніи къ нему, сруженіе съ міромъ грѣховнымъ человѣческаго сердца. По его изображенію слово „міръ“ имѣетъ въ Священномъ Писаніи два значенія.

1) Словомъ „міръ“ обозначается все человѣчество (Іоан. I, 29,— Іоан. III, 16—19); 2) словомъ „міръ“ обозначаются тѣ человѣки, которые проводятъ грѣховное, противное волѣ Божіей жительство, живутъ для времени, а не для вѣчности (Іоан. XV, 18—19; 1 Іоан. II,

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 145—148.

[2]) Тамъ же, стр. 151—154. По особому богатству духовныхъ наблюденій и ихъ анализу указанныя страницы заслуживаютъ особаго вниманія. См. тамъ же, стр. 333—336, 486—487, 252—253.

15—17; Іак. IV, 4, Іак. I, 9—11). Сверхъ того, въ аскетической литературѣ понятіе „міръ“ есть общее имя для всѣхъ страстей, причемъ въ поясненіе аскеты указываютъ, что, если человѣкъ не узнаетъ прежде, что есть міръ, то онъ не достигнетъ узнать и того, сколькими членами онъ удалился отъ міра и сколькими привязанъ къ нему. По изслѣдованію духовнаго разума, для составленія общаго имени, объемлющаго отдѣльныя страсти, употребляется слово „міръ“. Когда мы хотимъ наименовать страсти общимъ именемъ, именуемъ ихъ міромъ, когда же намѣреваемся распредѣлить ихъ по частнымъ ихъ названіямъ, тогда именуемъ ихъ страстями. Гдѣ страсть перестанетъ дѣйствовать, тамъ міръ умеръ [1]). Основываясь на этихъ понятіяхъ о мірѣ, преподаваемыхъ Священнымъ Писаніемъ и Святыми Отцами, Епископъ Игнатій опредѣляетъ настроеніе грѣховности, чуждое заботы о конечномъ и вѣчномъ, какъ міролюбіе [2]). Міролюбіе и служеніе Богу и любовь къ Нему не уживаются. Другъ міра содѣлывается непремѣнно, можетъ быть, незамѣтно для себя, злѣйшимъ врагомъ Бога и своего спасенія. Міролюбіе вкрадывается въ душу человѣка, какъ тать, пользуясь мракомъ ночи—нерадѣніемъ и невниманіемъ себѣ. Исторія человѣчества подтверждаетъ, что міролюбіе способно совершать величайшія беззаконія, величайшія злодѣянія [3]). Міролюбіе и исполненіе Христова Закона несовмѣстимы, міролюбіе извращаетъ духовную дѣятельность человѣка, ибо зараженное пристрастіемъ къ міру сердце не можетъ исполнить чистой и святой воли Христовой съ подобающей святостію и чистотою. Исполняя волю свою вмѣсто воли Христовой, и упорствуя показывать, что творимъ волю Христову, мы впадаемъ въ лицемѣріе. Міролюбіе искажаетъ всѣ добрыя намѣренія человѣка и всѣ дѣла его направляетъ къ цѣлямъ земнымъ, лишая ихъ истинно-нравственнаго смысла [4]). Настроеніе міролюбія сложное, а значеніе его въ духовно-нравственной жизни человѣка огромное; заполненіе міролюбіемъ духовной жизни нашей есть величайшее нравственное бѣдствіе: главными страстями грѣховнаго человѣка являются сребролюбіе, славолюбіе и сластолюбіе, а изъ этихъ трехъ главныхъ страстей составляется міролюбіе [5]). Таково грѣховное состояніе человѣческаго сердца. Поколебленное при первичномъ паденіи, постоянно потрясаемое различными страстями, заполняемое міролюбіемъ, оно само по себѣ поддерживаетъ лжеименность разума, вліяя на нашу

---

[1]) Такое понятіе о мірѣ, какъ совокупности страстей, устанавливается въ поученіяхъ Препод. Исаака Сирина (См. сочин. Епископа Игнатія, т. V, стр. 304—305).

[2]) Тамъ же, стр. 305.

[3]) См замѣчательныя стран. т. V, 306—311.

[4]) Тамъ же, т. II, стр. 144; Тамъ же, т. IV, стр. 176, 223—225.

[5]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 312.

мысль [1]), увлекая волю насиліемъ преобладающаго въ душѣ грѣха [2]). Но какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, подробно анализируя духовное состояніе человѣка, Преосвященный Игнатій старается возбудить въ себѣ и ближнихъ желаніе душевнаго спасенія, выяснить его первостепенную важность и изъ покаяннаго самопознанія придти къ спасительному Богопознанію, привлекающему къ человѣку возрождающую благодать Божію. Анализируя грѣховное сердце и яркими красками изображая губительное міролюбіе, Владыка Игнатій убѣждаетъ читателей и учениковъ своихъ быть внимательными къ сердцу своему, въ изученіи состояній котораго открывается намъ глубина паденія не только собственнаго, но и всего человѣчества [3]). Вниманіе къ своему сердцу, сообщая человѣку зрѣніе грѣховъ своихъ, уже тѣмъ самымъ ставитъ человѣка на путь спасенія, избавляя его отъ разсѣянности личной и осужденія ближнихъ. «Какое блаженство—смотрѣть въ сердце свое! Кто засмотрится въ сердце свое, тотъ забудетъ, что на землѣ находятся грѣшники, кромѣ его одного. Если онъ и взглянетъ когда на ближнихъ, то всѣ ему кажутся непорочными, прекрасными, какъ Ангелы. Глядя въ себя, разсматривая свои грѣховныя пятна, онъ убѣждается, что для спасенія его единое средство—милость Божія, что онъ рабъ неключимый, не только по нарушенію, но и по недостаточному исполненію заповѣдей Божіихъ, по исполненію, болѣе похожему на искаженіе, нежели на исполненіе. Нуждаясь самъ въ милости, онъ обильно изливаетъ ее на ближнихъ, имѣетъ для нихъ одну милость. Страшно—непризнать себя грѣшникомъ! Отъ непризнающаго себя грѣшникомъ отрекается Іисусъ: „не пріидохъ“, говоритъ Онъ, „призвати праведныя, но грѣшныя на покаяніе“ (Мѳ. XII, 7; IX, 13). Какое блаженство—признать себя грѣшникомъ! Признавшій себя грѣшникомъ получаетъ доступъ къ Іисусу» [4]). Покорность волѣ Божіей уже сама по себѣ успокоиваетъ человѣческое сердце [5]), пріобрѣтаемая при этомъ постепенно способность къ молитвѣ служитъ признакомъ побѣды надъ міролюбіемъ [6]), а благодатная помощь Божія, сообщаемая въ таинствахъ Церкви, умиротворяетъ мятущееся грѣховное сердце и заполняетъ его чувствованіями душеполезными [7]). Каждая сторона нашего духа, въ силу активности его природы, нуждается въ постоянной дѣятельности, и, устраняя познаваемую нами

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 113.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 115.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 157.
[4]) Тамъ же, стр. 412.
[5]) Тамъ же, т. II, стр. 96.
[6]) Тамъ же, т. IV, стр. 256.
[7]) Тамъ же, стр. 124.

путемъ самоиспытующаго вниманія дѣятельность грѣховную, нужно взамѣнъ ея давать душѣ дѣятельность спасительную. Изъ того, что умъ непрестанно родитъ мысли, а сердце—чувствованія, очевидно и дѣланіе, которое нужно дать душѣ своей: уму надо предоставить упражненіе въ богоугодныхъ мысляхъ, а сердцу—въ богоугодныхъ чувствованіяхъ. Иначе сказать: надо, чтобы умъ и сердце приняли и усвоили Евангеліе. Въ помощь желающему стяжать спасительно душевное дѣланіе Епископъ Игнатій и предлагаетъ цѣлый рядъ совѣтовъ, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія и писаній отеческихъ [1]).

Вліяніе произвольнаго грѣхопаденія въ области волевой характеризуется въ твореніяхъ Епископа Игнатія всего болѣе, какъ утрата истинной свободы воли и порабощеніе грѣху. Со времени перваго грѣхопаденія вся природа человѣка, зараженная ядомъ зла, стремится произвольно и невольно ко злу, которое представляется добромъ и наслажденіемъ искаженной волѣ, извращенному разуму, извращенному сердечному чувству. Произвольно, потому что въ насъ есть еще остатокъ свободы въ избраніи добра и зла. Невольно, потому что этотъ остатокъ свободы не дѣйствуетъ, какъ полная свобода; онъ дѣйствуетъ подъ неотъемлемымъ вліяніемъ поврежденія грѣхомъ. Мы родимся такими, это состояніе по необходимости принадлежитъ каждому человѣку [2]). Воля человѣческая, какъ сила исполнительная, дѣйствуетъ не самостоятельно, а подъ вліяніемъ разума [3]). Но грѣховное состояніе разума характеризуется, какъ мы видѣли, его лжеименностію и плотскимъ мудрованіемъ, при которыхъ разумъ самъ утрачиваетъ способность къ правильному руководству воли [4]), а грѣховное направленіе разума совпадаетъ съ таковымъ же состояніемъ воли, которая, потому самому, въ состояніи паденія, враждебна волѣ Божіей и по слѣпотѣ своей и по состоянію вражды къ Богу постоянно усиливается противодѣйствовать волѣ Божіей, а слабое познаніе грѣшнымъ человѣкомъ воли Божіей еще болѣе усиливаетъ косность воли во злѣ [5]). Плотское мудрованіе, будучи господствующимъ направленіемъ ума и сердца, соотвѣтственнымъ образомъ отражается и на волѣ человѣка: и воля дѣлается плотскою [6]) и, при безнравственной жизни человѣка, дѣлается упорною и ожесточенною [7]), въ отношеніи къ духовному

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 31; см. далѣе гл. I—L.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 232.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 115.
[4]) Тамъ же. стр. 97.
[5]) Тамъ же, т. V, стр. 82; т. II, стр. 358.
[6]) Тамъ же, т. IV, стр. 111.
[7]) Тамъ же, стр. 217.

подвигу—нерадивою [1]), а, при общемъ грѣховномъ состояніи духа, и воля становится въ подчиненно-рабское отношеніе къ грѣху [2]). Грѣховное направленіе воли, въ свою очередь, поддерживается грѣховнымъ и плотски мудрствующимъ разумомъ, который произвольными соображеніями относительно условій настоящей грѣховной жизни старается оправдать ея строй и утвердить зловредную мысль о безразличіи для спасенія личнаго произволенія человѣка мнимымъ довѣріемъ къ волѣ Божіей и Божественному предопредѣленію. Не вѣдая таинъ христіанскаго спасенія, лжеименный разумъ и плотское мудрованіе грѣшнаго человѣка въ извиненіе и ослабленіе противонравственнаго направленія своей жизни охотно ссылаются на Божественное предопредѣленіе, на невозможность противиться ему или измѣнять его рѣшеніе. „Зачѣмъ принуждать себя къ неумолимо-строгой христіанской добродѣтели? Зачѣмъ подвергать себя безчисленнымъ лишеніямъ и жить, постоянно отрекаясь отъ жизни?—вопрошаетъ наше плотское мудрованіе. Поживу, какъ хочется и нравится. Поспѣшу къ тому, къ чему приманиваетъ меня мечта моя, рисуя предъ взорами моими очаровательныя картины! Потѣшусь досыта всѣми наслажденіями, хотя бы и грѣховными! Съ роскошью разсыпаны они по вселенной, и нестерпимое любопытство влечетъ вкусить и познать ихъ опытно! Если предопредѣлено мнѣ спастись, то, несмотря на всю порочность мою, Богъ спасетъ меня. Если жъ суждено мнѣ погибнуть, то погибну, несмотря на всѣ усилія мои стяжать спасеніе“. Это богохульное, несчастное, вполнѣ ошибочное умствованіе признается и принимается многими за неопровержимую истину: на немъ зиждется жительство своевольное, жительство беззаконное и развратное. На земномъ порочномъ жительствѣ зиждется жительство вѣчно-горестное, жительство вѣчно-бѣдственное, въ странѣ загробной [3]). Мы должны сознаться, что сужденія высказаннаго порядка нерѣдки въ окружающей насъ жизни.—Недостаточно твердая вѣра въ Бога и безсмертіе, при прирожденномъ, однако, влеченіи къ Богу и безсмертію, дряблость и разлѣненность воли при опасеніи, однако, загробной отвѣтственности предъ Судомъ Божіимъ съ неизбѣжнымъ возмездіемъ, рядъ грѣховныхъ пристрастій въ сердцѣ, при затруднительности борьбы съ ними, все вообще антиморальное направленіе нашей жизни, крайне поверхностное пониманіе христіанства, при безразличіи нашемъ къ вѣроисповѣднымъ, однако, весьма существеннымъ разностямъ, и назойливо и глубоко подъ двухвѣковымъ вліяніемъ еретичествующихъ иноземцевъ вкоренившееся въ насъ столь

---

[1]) Тамъ же, стр. 50, 115.
[2]) Тамъ же, стр. 247.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 85—86.

удобное для нашей грѣховной природы правовое пониманіе спасенія, вопреки ясному и опредѣленному ученію объ этомъ православно-христіанской Церкви и внутреннему многовѣковому духовному опыту нашего народа-крестоносца и Богоносца, а также свидѣтельству первыхъ вѣковъ христіанства,—распологаютъ многихъ современныхъ, нечуждыхъ идеѣ спасенія христіанъ принимать и повторять подобнаго рода сужденія, ими извиняя свою душевную теплохладность. Мы знаемъ людей, безразлично относящихся къ духовному подвигу, не видящихъ въ немъ ни смысла, ни возможности, благодушно утверждающихъ общее спасеніе съ обоснованіемъ его на свойствѣ Божественной благости и формально возлагающихъ надежду спасенія личнаго на Божественное предопредѣленіе—не по смиренному сознанію грѣховности своей, а при теплохладности или индифферентизмѣ къ духовно-христіанскому подвигу. Современная матеріально преуспѣвающая и оскудѣвшая благочестіемъ современность говоритъ намъ о равнодушіи къ подвигу спасенія весьма недвусмысленно. Разбираясь въ указанныхъ разсужденіяхъ, по отношенію къ грѣховной волѣ весьма губительныхъ и разслабляющихъ, Преосвященный Игнатій находитъ, что ложное, душепагубное умствованіе о предопредѣленіи и судьбѣ возникло изъ смѣшенія дѣйствій, свойственныхъ Единому Богу, съ дѣйствіями человѣческими. Поставивъ себя судіею дѣйствій Божіихъ, человѣкъ по необходимости приписалъ Богу тоже отношеніе къ добру и злу, какое имѣетъ къ нимъ человѣкъ. Свойства Божіи призналъ онъ тождественными съ свойствами человѣческими; мышленіе Божіе подчинилъ онъ законамъ мышленія человѣческаго: онъ постановилъ и нѣкоторое различіе, но различіе не безконечное, а какое то свое, неопредѣленное, чуждое правильности и смысла. Отдѣлимъ отъ себя на безконечное разстояніе и существо Бога, и свойства Его, и дѣйствія Его: тогда сужденіе наше о судьбахъ и предопредѣленіи получитъ должную основательность.

Предопредѣленіе участи человѣка вполнѣ приличествуетъ Богу по неограниченному совершенству ума Божія, по независимости Бога отъ времени. Предопредѣленіе, показывая человѣку величіе Божіе, и пребывая тайною, извѣстною Единому Богу, нисколько не стѣсняетъ свободной дѣятельности человѣческой на всемъ поприщѣ земной жизни, не имѣетъ никакого вліянія на эту дѣятельность, никакого соотношенія къ ней. Не имѣя никакого вліянія на дѣятельность человѣка, предопредѣленіе Божіе не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого вліянія на послѣдствія этой дѣятельности, на спасеніе и погибель человѣка. Въ руководители поведенію нашему даны, съ одной стороны, разумъ и свободное произволеніе, съ другой—откровенное ученіе Божіе. Откровенное ученіе Божіе возвѣщаетъ съ удовлетворительнѣйшею подробностію волю Божію въ средство спасенія, возвѣ-

щаетъ благоволеніе Божіе, чтобы спаслись всѣ человѣки, возвѣщаетъ муку вѣчную за попраніе воли Божіей. Отсюда ясное слѣдствіе: спасеніе и погибель человѣка зависятъ единственно отъ произволенія его, а не отъ неизвѣстнаго ему опредѣленія Божія [1]). Такимъ образомъ, никакія послабляющія соображенія разсудка не въ состояніи извинить равнодушія человѣка къ своему душевному спасенію: послѣднее зависитъ отъ произволенія или свободнаго хотѣнія человѣка. Но степень этого произволенія въ отношеніи къ добру весьма ослаблена произвольнымъ паденіемъ человѣка. Воля человѣка изъ состоянія послушанія волѣ Божіей перешла въ состояніе удобоподчиненности грѣху. Со времени паденія человѣка діаволъ получилъ къ нему постоянно свободный доступъ: его власти человѣкъ подчинилъ себя произвольно, отвергнувъ повиновеніе Богу [2]). Святые Отцы утверждаютъ, что до искупленія всѣ люди были обладаемы грѣхомъ, творили волю грѣха и противъ желанія своего. По искупленіи рода человѣческаго Богочеловѣкомъ, увѣровавшіе во Христа и обновленные святымъ крещеніемъ уже не насилуются грѣхомъ, но имѣютъ свободу: свободу или противиться грѣху, или послѣдовать внушеніямъ его [3]). Искупленному человѣку предоставлена свобода повиноваться, или Богу, или діаволу, а чтобы свобода эта вынаружилась непринужденно, оставленъ діаволу доступъ къ человѣку. Очень естественно, что діаволъ употребляетъ всѣ усилія удержать человѣка въ прежнемъ отношеніи къ себѣ, или даже привести въ большее порабощеніе. Для этого онъ пользуется страстями, усиливается склонить человѣка къ удовлетворенію страстямъ. Вѣрный Слову Божію не дозволяетъ себѣ этого удовлетворенія, обуздываетъ страсти, отражаетъ нападенія врага; дѣйствуя подъ руководствомъ Евангелія противъ собственнаго самообольщенія, укрощая страсти, этимъ уничтожая мало по малу вліяніе на себя падшихъ духовъ, онъ мало по малу выходитъ изъ состоянія прелести въ область истины и свободы. Невѣрный ученію Христову, послѣдующій своей волѣ и разуму теряетъ остатокъ своей свободы, вступаетъ въ полное подчиненіе діаволу [4]). Произвольно покоряющіеся грѣху опять теряютъ свободу и подпадаютъ насильственному преобладанію грѣха [5]).

Идеаломъ нравственной дѣятельности человѣка въ отношеніи волевомъ является реальное возстановленіе свободы воли и соединеніе ея съ волей Божіей. Всецѣлое соединеніе воли человѣческой съ

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 86—87.
[2]) Тамъ же, т I, стр. 232.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр 158.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 232.
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 158.

волею Божіею есть состояніе совершенства, какого можетъ только достичь разумное созданіе Божіе. Въ теченіе кратковременнаго срока земной жизни человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы дѣйствовала исключительно воля Божія во всемъ существѣ человѣка, во всѣхъ составныхъ частяхъ его—въ духѣ, душѣ и тѣлѣ, соединяя съ собою и въ себѣ разъединенную паденіемъ волю этихъ частей. Только волею Божіею можетъ исцѣлиться воля человѣческая, отравленная грѣхомъ; только въ волѣ Божіей и при посредствѣ ея, пожеланія составныхъ частей человѣка, принявшія различное, противное другъ другу направленіе, могутъ перейти отъ разногласія къ согласію, соединиться въ одно желаніе; только оживленная волею Божіею воля человѣческая можетъ отторгнуться отъ земли, вознестись на небо [1]). Но въ реальномъ состояніи злые навыки связываютъ нравственную свободу человѣка [2]). И для спасенія душа должна отречься своей извращенной грѣхомъ воли, какъ бы это ни было тягостно для сердца, хотя бы чувствованія и влеченія сердца казались человѣку самыми праведными и самыми изящными. Вмѣсто своей воли, душа должна исполнять волю Христа Бога и Спасителя нашего, какъ бы это ни было противнымъ и жестокимъ для самолюбиваго сердца. Это смерть нашего грѣховнаго *я*, которой отъ насъ требуетъ Богъ, чтобъ мы добровольною смертію уничтожили смерть, живущую въ насъ насильственно, и получили въ даръ воскресеніе и жизнь, источающіяся изъ Господа Іисуса [3]). Наилучшею жизненною формою для осуществленія духовно-возрождающаго подвига Преосвященный Игнатій справедливо полагаетъ православное монашество, о которомъ онъ многократно и подробно, съ любовію, говоритъ въ своихъ дивныхъ твореніяхъ. Въ частности, для борьбы съ грѣховностію воли иноческое послушаніе есть наилучшее средство: въ томъ видѣ и характерѣ, какъ оно проходилось въ средѣ древняго монашества, иноческое послушаніе есть высокое духовное таинство. И хотя постиженіе и полное подражаніе ему сдѣлались для насъ невозможными, но возможно благоговѣйное, благоразумное разсматриваніе его, возможно усвоеніе духа его [4]).

2) Разстроенная грѣхомъ въ отдѣльныхъ сторонахъ своихъ, духовная жизнь человѣка и въ общемъ строѣ своемъ являетъ тяжелыя картины разлада мрака и борьбы, разлада, тѣмъ болѣе яснаго въ своей существенности, чѣмъ болѣе внимаетъ человѣкъ себѣ и чѣмъ яснѣе представляетъ себѣ по контрасту состояніе свое въ чистотѣ

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 243.
[2]) Тамъ же, т I, стр. 377—381.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 117.
[4]) Тамъ же, т. V, стр. 75

первозданности, въ отображеніи свойствъ своего Всеблагаго Творца. Желая усилить въ человѣкѣ сознаніе своей грѣховности, Преосвященный Игнатій осторожно, благоговѣйно и радостно изображаетъ черты образа Божія въ человѣкѣ, полагая существеннымъ выраженіемъ образа Божія внутреннее нераздѣльно-несліянное единеніе духа въ трехъ основныхъ его сторонахъ. Онъ благоговѣйно воспоминаетъ священный и таинственный совѣтъ предъ сотвореніемъ человѣка [1]). Человѣкъ—образъ и подобіе Бога. Богъ, неприступный въ величіи Своемъ, Богъ, превысшій всякаго образа, изобразился въ человѣкѣ, изобразился съ ясностію и славою. Такъ изображается солнце въ смиренной каплѣ воды. Существо человѣка, верховная его сила, которою онъ отличается отъ всѣхъ земныхъ животныхъ, которою онъ равенъ Ангеламъ, духъ его, есть образъ существа Божія; свойства духа человѣческаго служатъ въ состояніи непорочности своей подобіемъ свойствъ Бога, Который, начертавъ всемогущею десницею Свое подобіе на человѣкѣ, пребываетъ превыше всякаго подобія и сравненія [2]). Образъ Троицы Бога—троица—человѣкъ. Три лица въ троицѣ-человѣкѣ—три силы его духа, которыми проявляется существованіе духа [3]). Милосердый Господь—украсилъ Свой образъ и подобіемъ Своимъ. Нашъ умъ, слово и духъ, по единовременности своего начала и по своимъ взаимнымъ отношеніямъ, служатъ образомъ Отца, Сына и Святаго Духа, совѣчныхъ, собезначальныхъ, равночестныхъ, единоестественныхъ. Образъ Бога—самое существо души; подобіе—душевныя свойства. И по паденіи въ грѣхъ, душа пребываетъ образомъ. И вверженная въ пламень ада душа грѣшная, въ самомъ пламени ада, пребываетъ образомъ Божіимъ. Воспѣваетъ святая Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ: „Образъ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрѣшеній“ [4]). Но совершилось величайшее бѣдствіе: образъ Божій палъ, паденіе это осуществилось разъединеніемъ съ волею Божіею, образъ сталъ непотребнымъ, исказилось Божественное подобіе. Сознаніе этого разстройства образа и подобія Божія сопутствуется ужаснымъ мученіемъ. Если человѣкъ внимательно, въ уединеніи, въ теченіе значительнаго времени, постоянно будетъ смотрѣть въ себя, то онъ убѣдится, что это мученіе дѣйствуетъ непрерывно—раскры-

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 128.

[2]) Тамъ же.

[3]) Три силы духа различаются Епископомъ Игнатіемъ, какъ умъ, мысль или слово и духъ. Умомъ называется самый источникъ, самое начало и мыслей и ощущеній духовныхъ. Духомъ, въ частномъ значеніи, называется способность духовнаго ощущенія, или нравственная сторона человѣка. Мы полагаемъ, что этимъ выражается у Епископа Игнатія тѣсное единеніе въ человѣкѣ умственно-познавательной и нравственной стороны духа нашего съ самою сущностію его.

[4]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 130—131.

вается и закрывается, смотря по тому, много или мало заглушаетъ его развлеченіе [1]).

Бѣдствіе грѣхопаденія, выражаясь въ отношеніи отдѣльныхъ сторонъ духа, какъ мы видѣли,—плотскимъ мудрованіемъ ума, міролюбіемъ сердца и приниженіемъ свободы, по отношенію къ общему нашему духовному состоянію всего болѣе характеризуется разладомъ, разъединеніемъ, внутренней и внѣшней борьбой. Вслѣдъ за областію внутренне-духовною грѣховный разладъ и борьба переходятъ и въ область внѣшней жизни, извращая послѣднюю и придавая ей многоразличные признаки усвоиваемыхъ грѣхомъ адскихъ мученій. Вслѣдствіе грѣха человѣкъ сдѣлался игралищемъ страстей. То волнуется душа моя гнѣвомъ и памятозлобіемъ; въ воображеніи моемъ сверкаетъ кинжалъ надъ главою врага и сердце упивается удовлетвореннымъ мщеніемъ, совершеннымъ мечтою. То представляются мнѣ разсыпанныя кучи золота. Вслѣдъ за ними рисуются великолѣпныя палаты, сады, всѣ предметы роскоши, сладострастія, гордости, которые доставляются золотомъ, и за которые грѣхолюбивый человѣкъ поклоняется этому идолу—средству осуществленія всѣхъ тлѣнныхъ пожеланій. То прельщаюсь почестями и властію, влекусь, занимаюсь мечтаніями объ управленіи людьми и странами, о доставленіи имъ пріобрѣтеній тлѣнныхъ, а себѣ тлѣнной славы. То, какъ бы очевидно, предстоятъ мнѣ столы съ дымящимися и благоухающими яствами; смѣшно и вмѣстѣ жалостно услаждаюсь я представляющимися предо мною обольщеніями. То внезапно вижу себя праведнымъ, или, правильнѣе, сердце мое лицемѣрствуетъ, усиливается присвоить себѣ праведность, льститъ само себѣ, заботится о похвалѣ человѣческой какъ бы привлечь ее себѣ. Чуть только опомнится умъ человѣка, захочетъ направиться къ добру, противится уму сердце, привыкшее къ наслажденіямъ грѣховнымъ, противится уму тѣло человѣка, стяжавшее пожеланія скотскія. Разнородныя части, составляющія существо человѣческое—умъ, сердце и тѣло—разсѣчены, разъединены, дѣйствуютъ разногласно, противодѣйствуютъ одна другой; тогда только дѣйствуютъ въ минутномъ, богопротивномъ согласіи, когда работаютъ грѣху. Таково состояніе грѣшника. Оно—смерть души при жизни тѣла. Но человѣкъ доволенъ своимъ состояніемъ, доволенъ не по причинѣ смиренія,—по причинѣ слѣпоты своей, по причинѣ ожесточенія своего. Не чувствуетъ душа умерщвленія своего, какъ не чувствуетъ его и тѣло, разлученное отъ души смертію [2]).

Характеризующія грѣховное состояніе человѣка борьба и разладъ,—естественныя послѣдствія грѣхопаденія, захватываютъ всю об-

---

[1]) Тамъ же, стр. 132.

[2]) Тамъ же, стр. 121—122: ср. стр. 68.

ласть жизни человѣка, отражаясь во внутренней жизни души разногласіемъ ея сторонъ, какъ борьба человѣка съ самимъ собою; въ борьбѣ съ духами зла и навѣваемыми со стороны ихъ грѣховными соблазнами, въ борьбѣ съ дебелостію и животностію тѣла, въ противленіи закону Божію [1]). Этотъ общій характеръ разнообразится и индивидуализируется въ отдѣльныхъ людяхъ примѣнительно къ личности нашей. Каждый христіанинъ имѣетъ и долженъ нести свой крестъ. Это значитъ, что каждый христіанинъ долженъ терпѣливо переносить именно тѣ оскорбленія и тѣ гоненія отъ міра, которыя его постигаютъ, а не какія либо другія. Это значитъ, что каждый христіанинъ долженъ съ мужествомъ и постоянствомъ бороться именно съ тѣми страстями и съ тѣми грѣховными помыслами, которые возникаютъ въ немъ. Это значитъ, что каждый христіанинъ долженъ съ покорностію, съ преданностію волѣ Божіей, съ исповѣданіемъ правосудія и милосердія Божія, съ благодареніемъ Богу переносить тѣ именно скорби и лишенія, какія попуститъ ему Божественный Промыслъ, а не другія какія либо, рисуемыя и предлагаемыя гордостнымъ мечтаніемъ. Это значитъ—довольствоваться именно тѣми тѣлесными подвигами, которые соотвѣтственны нашимъ тѣлеснымъ силамъ, а отнюдь не стремиться, увлекаясь тщеславнымъ усердіемъ къ усиленному посту, къ усиленному бдѣнію и прочему безмѣрію въ подвигахъ, разрушающему тѣлесное здравіе и направляющему духъ къ самомнѣнію и самообольщенію [2]). Для однихъ людей и въ одномъ случаѣ это есть борьба съ духами зла, которые съ изступленіемъ нападаютъ на человѣка въ особенно трогательныя моменты его жизни, расхищаютъ мысли человѣка, наводятъ на сердце холодность и ожесточеніе, приносятъ тяжкія грѣховныя мечтанія и воспоминанія, стараются осквернить совѣсть, поколебать вѣру, вселить въ душу сомнѣніе [3]). Для другихъ и въ другихъ случаяхъ, это—борьба съ дебелостію и животностію плоти, порождающей свойственныя ея грѣховному состоянію страсти, напряженное вниманіе къ воздержанію тѣла въ пищѣ и питіи, къ обузданію неосторожныхъ и любопытныхъ взоровъ, впечатлѣній осязанія, слуха и прочихъ тѣлесныхъ чувствъ, которыми грѣхъ входитъ въ душу, оскверняетъ и тѣло и душу [4]). Въ иныхъ случаяхъ, это—борьба и вражда падшаго естества противъ заповѣдей Божіихъ, противленіе самой идеѣ обновленія жизни [5]). Извращая природу человѣческую, грѣхъ является коренною причиною

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 92.
[2]) Тамъ же, стр. 94.
[3]) Тамъ же, стр. 122, 184.
[4]) Тамъ же, стр. 132.
[5]) Тамъ же, т. V, стр. 48—49.

всѣхъ скорбей, страданій и бѣдствій человѣчества, источникомъ всѣхъ прочихъ согрѣшеній человѣческихъ—общественныхъ и частныхъ [1]). Въ грѣховномъ состояніи лишенія благодати, даже добрыя по внѣшности и считаемыя за добрыя по внутреннему убѣжденію человѣка, естественныя добрыя дѣла человѣческія, истекающія изъ падшаго естества нашего, въ которомъ добро смѣшано со зломъ, въ которомъ добро по большей части едва примѣтно во множествѣ зла, недостойны Бога, ибо въ дѣлахъ этихъ всегда проявляется гордыня, самохвальство или отверженіе благодати. Падшая природа наша прославляетъ свои громкія и великія добрыя дѣла. Такое самохвальство есть невольное обличеніе качества громкихъ дѣлъ человѣческихъ, возбуждаемыхъ и питаемыхъ тщеславіемъ. Гордыня, которую вмѣщаютъ они, – мерзостна предъ Богомъ: благопріятенъ Ему симіамъ смиренія [2]). Даже милость и правосудіе и всѣ прочія добрыя дѣла падшаго человѣка, основанныя на падшемъ разумѣ человѣческомъ, на падшей волѣ его, на падшемъ его духѣ, носятъ на себѣ печать паденія, лишены чистоты, лишены святости, осквернены грѣхомъ [3]). При нѣкоторомъ вниманіи къ своей духовной жизни, нетрудно замѣтить, что всѣ наши, самыя добрыя начинанія, направленныя къ возрожденію и душевному спасенію, парализуются не положительными проявленіями зла, которыхъ можетъ, въ данномъ случаѣ, и не быть, а духовнымъ нечувствіемъ или умерщвленіемъ духовныхъ ощущеній, тогда какъ наша внѣшняя жизнь, можетъ быть, бьетъ ключомъ. Состояніе это, опредѣляющее общую картину духовной жизни нашей, Владыка Игнатій выясняетъ путемъ подобія. „Случается“, говоритъ онъ, „что отъ долговременной тѣлесной болѣзни истощатся всѣ силы, увянуть всѣ способности тѣла; тогда болѣзнь, не находя себѣ пищи, перестаетъ терзать тѣлосложеніе; она покидаетъ больного, оставя его изнуреннымъ, какъ бы умерщвленнымъ, неспособнымъ къ дѣятельности по причинѣ изнуренія страданіями, по причинѣ страшной, нѣмой болѣзненности, невыражающейся никакимъ особеннымъ страданіемъ. Тоже самое совершается и съ духомъ человѣческимъ. Долговременная нерадивая жизнь среди постояннаго развлеченія, среди постоянныхъ произвольныхъ согрѣшеній, при забвеніи о Богѣ, о вѣчности при невниманіи или при вниманіи самомъ поверхностномъ къ заповѣдямъ и ученію Евангелія, отнимаетъ у нашего духа сочувствіе къ духовнымъ предметамъ, умерщвляетъ его по отношенію къ нимъ.

Существуя, они перестаютъ существовать для него, потому что жизнь его для нихъ прекратилась: всѣ силы

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 156—162, 285—290.
[2]) Тамъ же, стр. 167.
[3]) Тамъ же, стр. 189—194.

его направлены къ одному вещественному, временному, суетному, грѣховному. Всякій, кто захочетъ безпристрастно и основательно изслѣдовать состояніе души своей, усмотритъ въ ней недугъ нечувствія, усмотритъ обширность значенія его, усмотритъ тяжесть и важность его, сознается, что онъ—проявленіе и свидѣтельство мертвости духа. Когда мы захотимъ заняться чтеніемъ Слова Божія, какая нападаетъ на насъ скука, какъ все, читаемое нами, представляется намъ малопонятнымъ, незаслуживающимъ вниманія, страннымъ! Какъ желаемъ мы освободиться скорѣе отъ этого чтенія! Отчего это? Оттого, что мы несочувствуемъ Слову Божію. Когда мы встанемъ на молитву, какую ощущаемъ сухость, холодность! Какъ спѣшимъ окончить наше поверхностное, исполненное развлеченія моленіе! Это отчего?—Оттого, что мы чужды Богу: мы вѣруемъ существованію Бога мертвою вѣрою. Его нѣтъ для ощущенія нашего. Мы проводимъ безъ отягощенія многіе часы въ пустѣйшихъ увеселеніяхъ, не находимъ сытости въ нихъ, стараемся одно суетное занятіе замѣнить другимъ, а кратчайшаго времени не хотимъ посвятить на разсматриваніе согрѣшеній нашихъ. Мы стяжали сочувствіе ко грѣху, ко всему суетному, ко всему, чѣмъ вводится грѣхъ въ человѣка и чѣмъ хранится въ человѣкѣ. Мы утратили сочувствіе ко всѣмъ упражненіямъ, умножающимъ и хранящимъ въ человѣкѣ боголюбезныя добродѣтели. Нечувствіе насаждается въ душу враждебнымъ Богу міромъ и враждебными Богу падшими ангелами при содѣйствіи нашего произволенія. Оно возрастаетъ и укрѣпляется жизнію по началамъ міра; оно возрастаетъ и укрѣпляется отъ послѣдованія своимъ падшимъ разуму и волѣ, отъ оставленія служенія Богу и отъ небрежнаго служенія Богу [1]). Привлекая къ себѣ и обольщая вкусъ сердца, поврежденный паденіемъ, зло и грѣхъ разстраиваютъ только человѣческія свойства. Но человѣкъ сотворенъ для неба: одно только истинное добро можетъ служить для него удовлетворительною, жизнеподательною пищею [2]). И когда это назначеніе воспомянетъ человѣкъ,—для него выясняется ужасная пустота, которую производитъ въ душѣ грѣховная жизнь. Тяжесть этой пустоты душевной столь невыносима, что терзаемый ею человѣкъ, отщетившись благодати Божіей и замкнувшись въ грѣхѣ, впадаетъ въ гибельное для временной и вѣчной жизни отчаяніе [3]). Но какъ ни тягостенъ этотъ анализъ грѣховной жизни нашей, нашихъ обуреваемыхъ грѣхомъ настроеній, онъ и необходимъ, и спасителенъ для насъ, если одновременно съ нимъ мы обращаемся подъ сѣнь креста, если обращаемся къ помощи Божіей.

---

[1]) Тамъ же, стр. 152—153.
[2]) Тамъ же, стр. 37.
[3]) Тамъ же, стр. 336, 37.

Для духовной жизни нашей, для ея начала и первыхъ шаговъ этотъ самоизслѣдующій анализъ совершенно необходимъ. Въ высшей степени полезно увидѣть въ себѣ самомъ, какъ свое собственное паденіе, такъ и паденіе всего человѣчества. Существенно нужно узнать и изучить грѣховное паденіе въ собственныхъ сердечныхъ и мысленныхъ опытахъ, въ своемъ опытѣ нужно увидѣть немощь человѣческаго разума, немощь человѣческой воли. Видѣніе своего паденія есть видѣніе духовное. Видѣніе своей немощи есть видѣніе духовное. Въ немъ зритель умъ. Видѣніе доставляется благодатію, насажденною въ насъ крещеніемъ: дѣйствіемъ благодати разрѣшается въ насъ слѣпота ума, и онъ начинаетъ на поприщѣ подвига своего ясно видѣть то, чего доселѣ не видѣлъ, находясь внѣ этого поприща. Онъ познаетъ существованіе того, о существованіи чего вовсе не подозрѣвалъ [1]). Человѣкъ начинаетъ видѣть тогда, что мысль о незначительности, объ извинительности или, даже, естественности грѣховъ нашихъ принижаетъ нашу духовную энергію и вкореняетъ зло въ нашу природу, а связанное съ этимъ особо развитое вниманіе къ погрѣшностямъ другихъ людей является хитрымъ орудіемъ духа зла для того, чтобы принизить и ослабить нашу духовную чуткость, закрѣпить насъ въ области зла [2]). При смиренномъ вниманіи къ себѣ, для человѣка выясняется, что себялюбіе, столь обычное и господственное въ жизни нашей, есть величайшая ненависть къ себѣ, а грѣховныя состоянія и дѣйствія наши, еще болѣе подчиняющія насъ грѣху, являются наиболѣе очевиднымъ выраженіемъ нашего самоненавидѣнія, нашей странной ненависти къ себѣ. По справедливому убѣжденію Преосвященнаго Игнатія, съ его духовной точки зрѣнія, должно сказать, что „весьма рѣдкій изъ человѣковъ любитъ себя. Большая часть людей ненавидитъ себя, старается сдѣлать себѣ какъ можно больше зла. Если измѣрить зло, содѣланное человѣку въ его жизни, то найдется, что лютѣйшій врагъ не сдѣлалъ ему столько зла, сколько сдѣлалъ зла человѣкъ самъ себѣ". Взглянувъ безпристрастно въ свою совѣсть, каждый найдетъ это замѣчаніе справедливымъ. Причина того, что мы почти безпрестанно дѣлаемъ себѣ зло, между тѣмъ какъ постоянно и ненасытно желаемъ себѣ добра, заключается въ томъ, что мы правильную любовь къ себѣ замѣнили самолюбіемъ, которое внушаетъ намъ стремиться къ безразборчивому исполненію пожеланій нашихъ, нашей падшей воли, руководимой лжеименнымъ разумомъ и лукавою совѣстію. Мы увлекаемся и корыстолюбіемъ, и честолюбіемъ, и мщеніемъ, и памятозлобіемъ, и всѣми грѣховными прихотями. Мы льстимъ

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 48.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 198 - 201.

себѣ и обманываемъ себя, думая удовлетворять любви къ себѣ, между тѣмъ какъ удовлетворяемъ только неудовлетворимому самолюбію нашему, мы злодѣйствуемъ себѣ, губимъ себя [1]).

Самая трудность различенія добра и зла и нечуткость человѣка въ этомъ отношеніи уже является свидѣтельствомъ грѣховнаго состоянія духа человѣческаго, въ которомъ добро и зло смѣшаны, а ихъ различаемость ослаблена. Умъ человѣческій не въ состояніи отличить добра отъ зла; замаскированное зло легко, почти всегда, обманываетъ его. Различать добро отъ зла принадлежитъ сердцу,—его дѣло. Но нуженъ подвигъ, нужно время, нужно укосненіе въ заповѣдяхъ евангельскихъ, чтобы сердце стяжало тонкость вкуса къ отличію вина цѣльнаго отъ вина поддѣльнаго. Отличается добро отъ зла многими признаками, которые познаются по мѣрѣ духовнаго преуспѣянія [2]). А при столь распространенной слабости его, міръ грѣховный дѣйствуетъ на человѣка чрезъ помышленія и настроенія, міръ вещественный—чрезъ чувства тѣлесныя. Человѣкъ слышитъ въ душѣ своей исконно-соблазнительное: „вкуси, узнай“, или горделивое „будете, яко бози“ [3]). Сверхъ собственной, личной грѣховности и удобопреклонности ко злу, наше грѣховное настроеніе, въ условіяхъ дѣйствительности, впитываетъ въ себя грѣховно-искусительные элементы противо-духовнаго общественнаго мнѣнія, которое окончательно разслабляюще дѣйствуетъ на неустойчивый въ добрѣ духъ [4]).

Послѣдствіемъ грѣха по отношенію къ внѣшней сторонѣ человѣческой жизни являются смертность и дебелость тѣла и проклятіе земли. Человѣкъ палъ. Грѣхъ поразилъ смертію и душу его и тѣло его [5]). Печатію, свидѣтельствомъ паденія запечатлѣно тѣло человѣка. Съ самаго рожденія своего оно во враждѣ, въ борьбѣ со всѣмъ окружающимъ, и съ самою живущею внутри его душою. Навѣтуютъ противъ него всѣ стихіи; наконецъ утомленное внутренними и внѣшними бранями, поражаемое недугами, угнетаемое старостію, оно падаетъ на косу смерти, хотя и сотворено безсмертнымъ—разсыпается въ прахъ [6]).

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 259—260. Въ молитвѣ предъ Херувимскою пѣснію Архіерей молится объ избавленіи отъ совѣсти лукавой, т. е. омраченной грѣхомъ и ложными понятіями, причемъ зло признается добромъ и совершается какъ бы добро. Съ особенною очевидностію лукавая совѣсть проявляется въ дѣятельности варварскихъ народовъ; но для христіанина наблюдателя она столько же очевидна и вообще въ дѣятельности человѣческой, а особенно въ своей собственной дѣятельности. Примѣч. Епископа Игнатія.

[2]) Тамъ же, стр. 445—446.

[3]) Тамъ же, стр. 441.

[4]) Тамъ же, стр. 342, 346.

[5]) Тамъ же, стр. 74; т. V, стр. 267.

[6]) Тамъ же, т. II, стр. 133.

Преосвященный Игнатій, устанавливая очень интересную параллель между состояніями духа и тѣла, выводитъ заключеніе о необходимости вниманія къ своимъ тѣлеснымъ свойствамъ, чтобы можно было всегда удерживать тѣло въ положеніи орудія для цѣлей духа. Наблюденія его интересны тѣмъ, что указываютъ индивидуальныя условія тѣлесныхъ душеспасительныхъ подвиговъ [1]).

Соотвѣтственнымъ духовному паденію человѣка представляется и состояніе внѣшнихъ условій его земного обитанія, гдѣ наблюдается тотъ же разладъ, взаимная борьба и вражда, что и въ природѣ человѣка. Земля проклята за преступленія человѣка: она, утративъ свое первобытное состояніе, преобразилась въ состояніе, какое должна имѣть обитель изгнанниковъ съ неба за попраніе на небѣ заповѣди Божіей. Враждебное настроеніе къ намъ всей видимой природы встрѣчаемъ мы на каждомъ шагу, на каждомъ шагу встрѣчаемъ ея укоризну, ея порицаніе, ея несогласіе на наше поведеніе. Предъ человѣкомъ, отвергшимъ покорность Богу, отвергла покорность тварь бездушная и одушевленная. Она была покорна человѣку, доколѣ онъ пребывалъ покорнымъ Богу. Теперь она повинуется человѣку насильно, упорствуетъ, часто нарушаетъ повиновеніе, часто сокрушаетъ своего повелителя, жестоко и неожиданно возмутившись противъ него [2]). Земля то колеблется и поглощаетъ цѣлые грады и веси; то выступаютъ на поверхность ея свирѣпыя воды и губятъ цѣлыя страны; то проходятъ по ней бури съ вихремъ, молніей, громомъ, градомъ, оставляя слѣдомъ своимъ разрушеніе. Неумолимая и ненасытная смерть ходитъ по землѣ и постоянно истребляетъ поколѣнія человѣческія. Животныя, населяющія землю, возстали одни противъ другихъ, непощадно истребляютъ другъ друга. Самыя стихіи находятся въ непримиримой враждѣ и непрерывномъ бореніи между собою. На землѣ все сражается, все страдаетъ, все стремится къ взаимному уничтоженію [3]).

Естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нашей грѣховности внутренней, при проявленіи нашей личности во внѣшней жизни, являются разладъ и зло въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе грѣховности человѣка, земля стала юдолью изгнанія, юдолью непрерывающагося безпорядка и смятенія, юдолью срочнаго страдальческаго пребыванія существъ, утратившихъ свое первобытное достоинство и жилище, утратившихъ здравый смыслъ [4]). Человѣчество, живущее на землѣ, находится въ непрестанной борьбѣ, и частной и общественной, представляя собою обширное зрѣлище разнообразнаго

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 268—270.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 99.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 85.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 98.

страданія, неумолкающаго труда, безчисленныхъ грѣховъ, страшныхъ преступленій, вавилонскаго столпотворенія. Добродѣтель едва находитъ въ ней тѣсный и скорбный пріютъ [1]). Безчисленными образами страданія страдаютъ люди въ юдоли жизненной. Страдаютъ они и подъ гнетомъ нищеты и въ обиліи богатства; страдаютъ и въ убогихъ хижинахъ и въ великолѣпныхъ царскихъ чертогахъ; страдаютъ отъ бѣдствій извнѣ и отъ того страшнаго разстройства, которымъ поражена природа человѣческая, душа и тѣло его, которымъ извращенъ и ослѣпленъ умъ его [2]).

Съ дней дѣтства и чистой юности своей утвердившись въ мысли о необходимости жизни для Бога и вѣчности, отрекшись отъ плотского мудрованія и лжеименнаго разума, искоренивъ въ себѣ грѣховное міролюбіе, отдавшись въ водительство Слова Божія и святой Церкви православной, подвижникъ спасенія Владыка Игнатій съ грустію и тугою сердечною созерцаетъ торжество грѣха въ мірѣ человѣческомъ, забвеніе людьми вѣчности, преуспѣяніе самости и міролюбія и, въ связи съ этимъ, величайшее страданіе человѣчества и торжество сатаны. Въ одну изъ особо грустныхъ минутъ столкновенія съ грѣховною самостію мысли человѣческой, противорѣчущей Само-Истинѣ-Христу, Владыка Игнатій въ одномъ кратковременномъ созерцаніи пережилъ полно-назидательное видѣніе грѣховныхъ страданій человѣчества, совершенно обезцѣнивающихъ жизнь самости и мотивирующихъ неколебимый смыслъ жизни для вѣчности и душевнаго спасенія. Видѣніе это Владыка Игнатій изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Грустно было на сердцѣ“, пишетъ онъ. „Никакая впрочемъ особенная мысль меня не занимала. Какъ не остаться грустному впечатлѣнію, когда я видѣлъ, что отвергается милость Божія,— которую способно принять и сохранить одно правое исповѣданіе догматовъ вѣры христіанской, которую подаетъ Самъ Богъ, и въ предлогъ такого отверженія приводится суетное человѣческое умствованіе о милосердіи Божіемъ. Внезапно предстала мнѣ мысль, предлагающая путешествіе по всему свѣту. Мысль была такъ свѣтла, произвела во мнѣ такое пріятное ощущеніе, что я нисколько не задумался о ней. Съ довѣрчивостію соглашаюсь. Водимый ею, лечу какъ бы въ воздушномъ шарѣ. Вижу всѣ страны, ничто не останавливаетъ меня на пути моемъ, несусь мимо заоблачныхъ горъ, переношусь быстро чрезъ рѣки, чрезъ озера, чрезъ моря. Въ кратчайшее время осмотрѣлъ всю вселенную,—притомъ сидя спокойно въ моихъ креслахъ. Что я видѣлъ во время моего путешествія?—Страданіе человѣчества. Да! Я

---

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 85.
[2]) Тамъ же, т. II, стр 98.

видѣлъ мученія и физическія и нравственныя,—не встрѣтилъ ни одного человѣка, который бы не страдалъ. Я видѣлъ страданіе во дворцахъ и на тронѣ; я видѣлъ его среди преливающагося изобилія. Гдѣ тѣло было здраво и насыщено, тамъ сердце было гладно, больно,—не стерпѣвая лютой болѣзни, произносило непрестанные стоны. Я видѣлъ заключенныхъ, потребенныхъ на всю жизнь въ душныя и мрачныя темницы; видѣлъ роющихся въ пропастяхъ земныхъ, куда не достигаетъ свѣтъ солнечный, гдѣ при звукахъ цѣпей и ударахъ молотовъ и сѣкиръ добывается золото—средство къ наслажденіямъ однихъ чрезъ постоянное бѣдствіе тѣхъ, которые добываютъ. Я видѣлъ въ государствахъ образованнѣйшихъ цѣлыя семейства, умирающія съ голода; видѣлъ большую часть населенія въ бѣдствіи отъ нищеты и недостатка нравственности. Я видѣлъ человѣчество, униженное преступленіями! Я видѣлъ человѣчество, искаженное заблужденіями! Я видѣлъ человѣчество, обезображенное варварствомъ! Я видѣлъ человѣчество, низведенное до подобія скотовъ безсловесныхъ и звѣрей хищныхъ! Тамъ производится ловля людей, какъ бы животныхъ; тамъ торгуютъ ими, какъ товаромъ бездушнымъ, какъ скотомъ,—и на этомъ торжищѣ человѣкъ—товаръ малоцѣнный: цѣна ему меньше, чѣмъ цѣна домашнему скоту. Тамъ человѣкъ живетъ почти какъ безсловесное животное; а тамъ живетъ онъ, какъ звѣрь лютый, находя наслажденіе въ пролитіи крови, пожирая съ бѣшенымъ, изступленнымъ веселіемъ себѣ подобныхъ. Ахъ, лучше бы не существовать, чѣмъ существовать такъ неистово, такъ ужасно. Такова картина обыкновеннаго человѣческаго быта на землѣ. Надо вспомнить и о бѣдствіяхъ, которымъ подвергается человѣчество по временамъ и мѣстами: о землетрясеніяхъ, моровыхъ язвахъ, междоусобіяхъ, о мечѣ завоевателей, такъ обильно льющемъ кровь, когда онъ въ рукѣ Батыя, или Тамерлана. И вотъ—уже нѣсколько тысячелѣтій, какъ смѣняется на землѣ одно поколѣніе другимъ, смѣняется единственно для страданій [1]). Исключительныя проявленія страданій человѣчества производятъ на Епископа Игнатія впечатлѣніе извѣстія о смерти человѣка, давно-давно страдавшаго и изможденнаго неисцѣльнымъ недугомъ, заживо умерщвленнаго этимъ недугомъ прежде умерщвленія смертію. Такимъ жестоко больнымъ человѣкомъ представляется Епископу Игнатію особенно образованная Европа, или такъ называемый просвѣщенный міръ [2]). И причина всѣхъ настроеній, бѣдствій и страданій человѣчества—для Епископа Игнатія совершенно ясна: она—въ самости мысли, въ плотскомъ мудрованіи, въ міролюбіи, въ служеніи грѣху, въ

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 482—484.
[2]) Тамъ же, стр. 485.

забвеніи вѣчности. Причина страданій человѣчества въ томъ, что нынѣ во многомъ люди дерзнули въ установленія Святаго Духа ввести свои установленія. По этой причинѣ сдѣлались установленія небесныя земными, духовныя—плотскими, святыя—грѣховными, мудрыя—нелѣпыми. Люди видятъ несообразность, видятъ текущее изъ нея разрушеніе, но не видятъ начала, изъ котораго текутъ бѣдствія, потому что смотрятъ при свѣтѣ собственнаго падшаго разума, а не при свѣтѣ Божіемъ. Начало бѣдствій заключается въ непозволительномъ и гордомъ презрѣніи велѣній Святаго Духа, въ замѣнѣ ихъ своими уставами. Вотъ гдѣ причина всеобщаго разстройства, причина паденія христіанства, паденія нравственнаго, всегда предшествующаго разстройству гражданскому, предвѣщающаго это разстройство [1]). И дѣло здѣсь не въ частномъ только и индивидуальномъ грѣхѣ, но и еще болѣе—въ грѣхѣ общественномъ: въ отторженіи отъ союза съ Христомъ, въ расторженіи взаимнаго нашего союза христіанскаго, при которомъ мы едино во Христѣ; дѣло—въ ослабленіи нашего церковно-христіанскаго самосознанія. Есть, говоритъ Владыка Игнатій,—въ частности христіане, но утрачено общее одинаковое знаніе Истины, которымъ бы всѣ соединялись въ одно духовное тѣло, съ однимъ образомъ мыслей, въ одномъ духѣ, подъ одною общею Главою– Христомъ. Нынѣ всякій имѣетъ болѣе или менѣе свой образъ мыслей, свою религію, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемыя правильными, или только оправдываемые. Это безчисленное стадо, потерявшее связь и единство въ истинѣ и духѣ, представляетъ духовному наблюдателю видъ величайшаго безпорядка: каждая овца бредетъ въ свою сторону, не зная куда идетъ она; никто ее не останавливаетъ, никто о ней не заботится; люди уже болѣе не слышатъ,—такъ отяжелѣлъ слухъ ихъ,—спасительнаго гласа истиннаго Пастыря, раздающагося изъ Его святой Церкви, который еще громко обличаетъ ихъ неправду, возвѣщаетъ имъ о пути правомъ, указываетъ его. Оглушилъ ихъ шумъ земныхъ, лютыхъ попеченій, шумъ увеселеній чувственныхъ, шумъ земного преуспѣянія [2]).

Самость мысли и плотское мудрованіе усиливаютъ интересъ человѣка къ земному, вещественному развитію и, порождая міролюбіе, исключаютъ возможность душеспасительнаго подвига, ибо когда же думать о Богѣ, когда воздѣлывать свое спасеніе тому человѣку, который постоянно и исключительно занятъ земными дѣлами, вещественнымъ развитіемъ [3]). Но идея безсмертія нашего такъ тѣсно связана съ самымъ существомъ духа человѣческаго, что даже плотское мудро-

---

[1]) Тамъ же, стр 524.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 268—269.

ваніе и плотяность нашего настроенія не могутъ ее уничтожить, но по міролюбію нашему и плотскому мудрованію духовная идея безсмертія реализируется человѣкомъ въ условіяхъ его временной дѣятельности, прилагается имъ къ строенію его земной жизни,—и не въ смыслѣ одухотворенія послѣдней, а въ смыслѣ признанія временной тѣлесной жизни на землѣ за послѣднюю единственную, конца неимѣющую. Человѣкъ забываетъ о неизвѣстности часа, въ который мы будемъ позваны къ жизни вѣчной. Мы какъ будто не видимъ, что иной, начавъ только путь земной жизни, восхищается съ него въ вѣчность; иной преемлется по совершеніи весьма немногаго пути; иной—съ средины пути; иной, значительно не кончивъ его. Рѣдкій достигаетъ полноты дней и оставляетъ свою земную хижину—тѣло, когда она сдѣлается неспособною для жительства въ ней. Во время совершенія нами земного странствованія, оно, по извращенному въ насъ паденіемъ ощущенію безсмертія, представляется намъ безконечнымъ, исполненнымъ обильнѣйшей, плодоноснѣйшей дѣятельности. Это ощущеніе имѣютъ и дитя, и юноша, и мужъ, и старецъ: всѣ они созданы безсмертными, безсмертными по душѣ; они должны бы быть безсмертны и по тѣлу; паденія своего, поразившаго смертію и душу и тѣло, они или вовсе не знаютъ, или знать не хотятъ, или знаютъ его недостаточно. Оттого взглядъ ума и ощущеніе сердца по отношенію къ земной жизни ложны и исполнены самообольщенія; оттого земная жизнь обманчиво представляется всякому возрасту вѣчнымъ достояніемъ человѣка. И хотя по совершеніи земного странствованія, во вратахъ смерти, путь, представлявшійся безконечнымъ въ будущности, въ прошедшемъ является самымъ краткимъ, а обширная дѣятельность, совершенная не для вѣчности, является пагубнѣйшею, безвозвратною потерею времени и всѣхъ средствъ, данныхъ для спасенія [1]), однако въ условіяхъ своего временнаго странствованія, понуждаемые идеей безсмертія, но водимые плотскимъ мудрованіемъ, люди принимаютъ временное за вѣчное и, занимаясь вещественнымъ развитіемъ, стремятся къ тому, чтобы обратить обреченную на сожженіе землю въ свой рай, въ самообольщеніи своемъ отвергая и осмѣивая заботы о приготовленіи себя къ вѣчности, ибо для тѣхъ, которыхъ мысли всецѣло устремлены къ землѣ и заняты землею, нѣтъ Бога [2]). Такое отношеніе къ земной жизни, антихристіанское строеніе жизни, являющее антихристіанское настроеніе духа строителей, представляется весьма благопріятнымъ для жизнепроявленія тѣхъ, кто одержимъ гордынею, руководствуется

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 266—267.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 353, 360; 231—237.

плотскимъ мудрованіемъ; такое отношеніе къ земной жизни подготовляетъ почву для появленія антихриста. Въ условіяхъ и свойствахъ человѣческой жизни ко времени появленія антихриста будетъ сконцентрировано все, что относится къ самости, гордости, плотскому мудрованію, грѣху. Изображеніе условій и свойствъ антихристіанскаго направленія земной жизни въ сочиненіяхъ Владыки Игнатія представляется интереснымъ само по себѣ и вызываетъ на небезполезныя и недалекія отъ современности размышленія. Придетъ, говоритъ Владыка Игнатій, придетъ антихристъ въ свое, предопредѣленное ему время. Пришествіе его предварится общимъ отступленіемъ въ большинствѣ человѣковъ отъ христіанской вѣры. Отступленіемъ отъ Христа человѣчество приготовится къ принятію антихриста. Въ самомъ настроеніи человѣческаго духа возникнетъ требованіе, приглашеніе антихриста, сочувствіе ему, какъ въ состояніи сильнаго недуга возникаетъ жажда къ убійственному напитку. Произносится приглашеніе, раздается призывный голосъ въ обществѣ человѣческомъ, выражающемъ настоятельную потребность въ геніѣ изъ геніевъ, который бы возвелъ вещественное развитіе и преуспѣяніе на высшую степень, водворилъ на землѣ то благоденствіе, при которомъ рай и небо дѣлаются для человѣка излишними. Антихристъ будетъ логичнымъ, справедливымъ, естественнымъ послѣдствіемъ общаго нравственнаго и духовнаго направленія человѣковъ [1]). Отклоненіе отъ истиннаго христіанскаго направленія и уклоненіе въ сторону антихристіанскаго строенія жизни, которое подготовляетъ собою временное торжество врага Божія и дѣлаетъ логичнымъ послѣдствіемъ появленіе на землѣ, въ преддверіи новаго неба и новой земли, антихриста, справедливо поставляется Преосвященнымъ Игнатіемъ въ связь съ грѣховнымъ настроеніемъ человѣка и, особенно и всего болѣе, съ самостію плотскаго мудрованія грѣховнаго лжеименнаго разума, которому очень трудно остановиться въ морально-разрушительной работѣ отрицанія спасительныхъ началъ Христовой вѣры. Раціонализмъ, по мнѣнію Владыки Игнатія, не можетъ остановиться въ движеніи своемъ, какъ имѣющій основаніемъ своимъ непрестанно измѣняющійся разумъ человѣческій. Надо ожидать большаго и большаго развитія болѣзни [2]). Выше всего ставя душеспасительный подвигъ и опредѣленіе задачъ временнаго земнаго бытія человѣческаго съ точки зрѣнія цѣлей вѣчности, справедливо полагая грѣхъ единственнымъ условіемъ всѣхъ коллизій и столкновеній жизни, самъ служа всю жизнь уясненію христіанскаго спасенія и духовному созиданію ближнихъ, Святитель Игнатій смот-

---

[1]) Тамъ же, стр. 308—309.
[2]) Тамъ же, стр. 485.

ритъ на матеріалистическое и раціоналистическое строеніе человѣческой жизни, какъ на величайшее бѣдствіе, какъ на болѣзнь. Болѣзнь эта, по его наблюденію, особенно начала потрясать спокойствіе народовъ съ конца XVIII вѣка; чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣйствіе ея обширнѣе, разрушительнѣе. Изъ окончательнаго, всемірнаго дѣйствія этой болѣзни долженъ возникнуть „беззаконникъ", геній изъ геніевъ, какъ изъ французской революціи родился его предъизображеніе—коллоссальный геній—Наполеонъ [1]). Причиной всѣхъ внѣшнихъ жизненныхъ нестроеній жизни Владыкѣ Игнатію представляется гоненіе на Церковь Христову и возвѣщаемыя ею начала вѣчнаго спасенія и нравственнаго совершенства. Его поражаетъ общее стремленіе всѣхъ исключительно къ одному вещественному, будто бы оно было вѣчно, — забвеніе вѣчнаго, какъ бы несуществующаго, — насмѣшки и ругательства надъ христіанствомъ,—утонченное и лютое гоненіе на Церковь, гоненіе на жизнь ея, замѣна Духа и Его уставовъ лжеименнымъ разумомъ и уставами, исходящими отъ міродержца, — общая всесвѣтная молва, какъ бы при столпотвореніи. Желѣзныя дороги, паровозы и техническое совершенствованіе жизни, при наблюдаемомъ упадкѣ вѣры и нравственности, представляются ему горделивой работой Вавилонскаго столпотворенія, ведущей къ послѣдствіямъ, тождественнымъ съ послѣдствіями Вавилонской горделивой затѣи. Единственное спасеніе отъ этихъ душепагубныхъ послѣдствій заключается въ огражденіи души человѣческой началами святой вѣры [2]). Важнѣйшими знаками антихристіанскаго направленія жизни Преосвященный Игнатій указываетъ: ослабленіе духовнаго знанія и разсужденія, усиленіе гордыни и плотскаго мудрованія, стремленіе къ исключительному устроенію своего земного благополучія. Выразителемъ этого грѣховнаго состоянія человѣчества и является антихристъ. Антихристъ „вострубитъ о себѣ, какъ трубили о себѣ предтечи и иконы его; назоветъ себя проповѣдникомъ и возстановителемъ истиннаго Богопознанія: непонимающіе христіанства увидятъ въ немъ представителя и поборника истинной религіи, присоединятся къ нему. Вострубитъ онъ, назоветъ себя обѣтованнымъ Мессіею: воскликнутъ въ срѣтеніе ему питомцы плотскаго мудрованія; увидятъ славу его, могущество, геніальныя способности, обширнѣйшее развитіе по стихіямъ міра, провозгласятъ его богомъ, содѣлаются его споспѣшниками [3]). Явитъ себя антихристъ кроткимъ, милостивымъ, исполненнымъ любви, исполненнымъ всякой добродѣтели: признаютъ его и покорятся ему по причинѣ возвышеннѣйшей его добродѣтели тѣ, которые признаютъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 485—486.

[3]) Преподоб. Ефремъ Сирскій, слово 106, ч. II.

правдою падшую человѣческую правду и не отреклись отъ нея для правды Евангелія [1]). Предложитъ антихристъ человѣчеству устроеніе высшаго земного благосостоянія и благоденствія, предложитъ почести, богатство, великолѣпіе, плотскія удобства и наслажденія: искатели земного примутъ антихриста, назовутъ его своимъ владыкою [2]). Откроетъ антихристъ предъ человѣчествомъ позорище поразительныхъ чудесъ, необъяснимыхъ современною наукою; онъ наведетъ страхъ грозою и дивомъ чудесъ своихъ, удовлетворитъ ими безразсудному любопытству и грубому невѣжеству, удовлетворитъ тщеславію и гордости человѣческой, удовлетворитъ плотскому мудрованію, удовлетворитъ суевѣрію, приведетъ въ недоумѣніе человѣческую ученость: всѣ человѣки, руководствующіеся свѣтомъ падшаго естества своего, отчуждившіеся отъ руководства свѣтомъ Божіимъ, увлекутся въ повиновеніе обольстителю [3]).

Знаменія антихриста дополнятъ дѣйствія его ухищреннаго поведенія, уловятъ въ послѣдованіе ему большинство человѣковъ. Противники антихриста сочтутся возмутителями, врагами общественнаго блага и порядка, подвергнутся и прикрытому и открытому преслѣдованію, подвергнутся пыткамъ и казнямъ. Лукавые духи, разосланные по вселенной, будутъ возбуждать въ человѣкахъ общее возвышеннѣйшее мнѣніе объ антихристѣ, общій восторгъ, непреодолимое влеченіе къ нему. Испытаніе для святыхъ Божіихъ настанетъ страшное: лукавство, лицемѣрство, чудеса гонителя будутъ усиливаться обмануть и обольстить ихъ; утонченныя, придуманныя и прикрытыя коварною изобрѣтательностію преслѣдованія и стѣсненія, неограниченная власть мучителя, поставятъ ихъ въ самое затруднительное положеніе; малое число ихъ будетъ казаться ничтожнымъ предъ всѣмъ человѣчествомъ и мнѣнію ихъ будутъ придавать особенную немощь; общее презрѣніе, ненависть, клевета, притѣсненія, насильственная смерть содѣлается ихъ жребіемъ. Лишь при особенномъ содѣйствіи Божественной благодати, подъ руководствомъ ея, избранные Божіи возмогутъ противостать врагу Божію, исповѣдать предъ нимъ и предъ человѣками Господа Іисуса [4]). Антихристіанское направленіе жизни общества проникаетъ и отношенія семейныя, чѣмъ еще болѣе осложняется духовное положеніе ревнителя спасенія: ведя борьбу съ антихристомъ въ душѣ своей, противоборствуя ему въ дѣлахъ строенія внѣшней жизни по плотскому мудрованію, служитель Христовъ подвергается тому же вліянію и въ предѣлахъ семейныхъ, что еще болѣе затрудняетъ совер-

---

[1]) Преподоб. Макарій Великій. Бесѣда XXXI, гл. IV.
[2]) Благовѣстникъ, Объясненіе на Іоан. V, 43.
[3]) Апок. XIII, 8 (Цит. 1—3 Преосвящ. Игнатія).
[4]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV стр. 297—299.

шеніе имъ душеспасительнаго подвига, ибо зависимость семейная сильнѣе зависимости отъ человѣческаго общества и удобнѣе уклониться отъ подчиненія требованіямъ общественнымъ, нежели уклониться отъ подчиненія требованіямъ семейнымъ. Требованіямъ семейнымъ вспомоществуетъ законъ естественный, и, когда эти требованія согласны съ закономъ Божіимъ, вспомоществуетъ имъ самый Законъ Божій, а въ случаѣ разногласія—для христіанина неизбѣжна и обязательна борьба съ противо-христіанскими вліяніями, откуда бы они ни исходили [1]). Прикровенность и видимая благовидность противо-христіанскихъ вліяній ложно успокоиваютъ грѣховную совѣсть человѣка, и уклоненіе отъ подвига душевнаго спасенія рѣдко имѣетъ очевидный обликъ противленія Христову зову, будучи извиняемо иногда высшими и, во всякомъ случаѣ, для плотского человѣка разумными мотивами. Поведеніе людей въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Владыки Игнатія, наглядно представляется въ притчѣ о званныхъ на вечерю.

Всѣ званные, какъ бы сговорясь, извинились и отказались отъ вечери. Что это за заговоръ, что это за единодушіе въ противленіи Богу? Это—дѣйствіе паденія, всѣмъ общаго; это доказательство благоволенія къ своему состоянію паденія, произвольное пребываніе въ немъ; это—признакъ умерщвленія грѣхомъ души, немогущей и нехотящей возбудиться отъ сна смертнаго, нижѐ на призывный голосъ Сына Божія. Въ причину нежеланія притти на вечерю званные выставили свои земныя отношенія. Иной приписалъ такую важность занятіямъ ученымъ, должностнымъ, что счелъ себѣ позволительнымъ пренебреженіе Богомъ; иной предался семейнымъ заботамъ и забылъ Бога; иной, наконецъ, увлекся страстями, погрязъ въ грубыхъ плотскихъ наслажденіяхъ, и сдѣлался совершенно чуждымъ Бога. Не одинъ очевидный грѣхъ отнимаетъ у насъ наше духовное сокровище: отнимаетъ его всякое земное занятіе, всякое земное положеніе, когда къ нимъ всецѣло будетъ привлечена и прикована душа [2]), чудный Рабъ долженъ былъ уговорить и убѣдить людей, чтобы они пришли на вечерю: намъ сроднилось и полюбилось наше паденіе, тяжело разлучаться съ нимъ. Собственное естество наше сдѣлалось неспособнымъ къ добру, и безъ Спасителя оно не можетъ сдѣлать никакого истиннаго, цѣльнаго добра [3]). Съ этою только Божественною помощію, человѣкъ имѣетъ возможность бороться въ себѣ съ грѣховнымъ міролюбіемъ временнаго во имя вѣчности [4]). Но къ сознанію этого человѣкъ приходитъ путемъ долговременнаго и мучи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 176—177.
[2]) Тамъ же, стр. 282.
[3]) Тамъ же, стр. 283.
[4]) См. убѣдит. призывъ къ вѣчному, т. V, стр. 308—312.

тельнаго опыта: иногда нужно бываетъ много переворотовъ, чтобы человѣкъ увидѣлъ всю суетность міра и понялъ, что „быть и мѣсто безскорбные на землѣ—несбыточная мечта, которой ищутъ умы и сердца, чуждые Божественнаго просвѣщенія, обольщенные бѣсами. Земля—мѣсто воздыханій, и блаженны воздыхающіе на ней: они утѣшатся на небѣ. Мѣсто и жизнь безскорбныя—когда сердце обрящетъ смиреніе, и смиреніемъ войдетъ въ терпѣніе. Водимый лучомъ Слова Божія, выходитъ странникъ земной на пажить спасительную, духовную, отсюда предначинаетъ жизнь вѣчную“ [1]).

При такомъ воззрѣніи Епископа Игнатія на земную дѣйствительность, для него признаки земного уничиженія и крайняго смиренія являются свидѣтельствомъ наличности душеспасительнаго подвига и небеснаго направленія земной жизни. Когда взору его, смотрящему на вселенную изъ христіанскаго благочестія, представятся гордыя великолѣпныя палаты, воздвигнутыя человѣчествомъ для изобильнаго земного увеселенія, для торжества и наслажденія своимъ паденіемъ, для того, чтобы развивать, печатлѣть, упрочивать, содѣлывать неотъемлемымъ достояніемъ это паденіе, тогда сердце благочестиваго зрителя жизни исполняется неизъяснимой горести и страха. Напротивъ того, оно исполняется тихаго утѣшенія, когда взору представится смиренное жилище иноковъ, ихъ убогія келліи, свидѣтельствующія, что это—станъ духовнаго Израиля, странствующаго по пустынѣ земной жизни, стремящагося въ землю обѣтованную—на небо [2]).

Земля покрыта грѣхами человѣческими, грѣхи проникаютъ всю человѣческую дѣятельность въ ея естественномъ видѣ, даже въ случаѣ дѣланія человѣкомъ добра. Грѣховность всеобща и наслѣдственно переходитъ на всѣхъ потомковъ Адамовыхъ [3]), а потому—коренная задача человѣческой жизни есть борьба съ грѣхомъ и его послѣдствіями, эта задача есть духовное возрожденіе человѣка, стяжаемое спасительнымъ покаяніемъ при содѣйствіи благодати Божіей, и земля должна быть мѣстомъ покаянія и возрожденія, вотъ—одинъ изъ главнѣйшихъ выводовъ, къ которому пришелъ Святитель Игнатій, изучая реальную сторону духовной жизни человѣка. Наслѣдственность грѣховности подтверждается всѣмъ строемъ жизни человѣческой—общественной и личной, внѣшней и внутренней, человѣчество является разрядомъ существъ, томящихся въ разнообразномъ бѣдствіи [4]). Но грѣховно-изворотливый умъ человѣческій обычно охотно останавливается на картинахъ и обсужденіи общей грѣховности чело-

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 50—51.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 362.

[3]) О наслѣдственности грѣха, см. Сочиненія Еп. Игнатія, напр., т. II, стр. 93, 329; IV, 119 157; V, 322.

[4]) Тамъ же, т. II, стр. 97—98.

вѣчества, какъ бы стремясь сознаніемъ общечеловѣческой грѣховности ослабить сознаніе грѣховности личной и въ общихъ грѣховно-искусительныхъ условіяхъ—найти извиненіе грѣховности личной. Вникая въ это свойство грѣховнаго человѣка, Владыка Игнатій преимущественно старается перевести вниманіе человѣка съ общей грѣховности всѣхъ людей на нашу личную грѣховность и, уяснивъ, сколько необходимо знать о грѣховности всего рода человѣческаго и о грѣховности обществъ человѣческихъ, обращаетъ особенное вниманіе на частную грѣховность, которую каждый человѣкъ имѣетъ свою. Это разсматриваніе существенно нужно для насъ и существенно полезно. Оно можетъ имѣть спасительное вліяніе на дѣятельность нашу, отвративъ ее отъ пути беззаконій, направивъ по волѣ Божіей. Просвѣщаемые закономъ Божіимъ, мы научимся, что Богъ, при неограниченной милости, и правосуденъ совершенно, что Онъ непремѣнно воздастъ за грѣховную жизнь соотвѣтствующимъ наказаніемъ. Такое убѣжденіе внушитъ намъ употребить всѣ усилія къ освобожденію себя отъ увлеченія и собственными страстями и порочными обычаями общества, къ избавленію себя отъ временныхъ и вѣчныхъ казней Божіихъ [1]).

Если общая грѣховность окружающихъ искусительно дѣйствуетъ на слабаго человѣка, на индивидуума, то сдруженіе этого послѣдняго съ царствомъ грѣховности возникаетъ лишь потому, что еще раньше оно существуетъ въ душѣ человѣка. Увлеченный и ослѣпленный собственнымъ грѣхомъ не можетъ не увлечься общественнымъ грѣховнымъ настроеніемъ: онъ не усмотритъ его съ ясностію, не поймѣтъ его какъ должно, не отречется отъ него съ самоотверженіемъ, принадлежа къ нему сердцемъ [2]).

3) Подобно своимъ великимъ и всежизненнымъ наставникамъ—Святымъ Отцамъ и аскетамъ древней Восточной Церкви, Преосвященный Игнатій, уясняя душеспасительный и возрождающій подвигъ, вращается болѣе всего въ области психологіи человѣка, глубоко понимая, что причина всѣхъ міровыхъ нестроеній заключается въ грѣхѣ, а грѣхъ есть начало не матеріальное, а психологическое. Поэтому и борьба съ злымъ началомъ жизни должна быть направлена, именно, противъ этой психологической причины, къ возрожденію и созиданію въ природѣ человѣка новыхъ психическихъ условій, при которыхъ во внутреннемъ человѣкѣ возникаетъ и укрѣпляется царство добра [3]). И для Преосвященнаго Игнатія, сущность подвига противъ

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 158.

[2]) Тамъ же, стр. 159.

[3]) Объ этомъ см. мою кн. „Психологія грѣха и добродѣтели по ученію св. подвижниковъ древней Церкви". Вологда 1905 г., стр. 5.

грѣха, подвига, которымъ обязанъ подвизаться каждый христіанинъ, заключается въ борьбѣ противъ грѣха, въ расторженіи дружбы съ нимъ, въ побѣжденіи грѣха въ самой душѣ, въ умѣ и сердцѣ, которымъ не можетъ не сочувствовать тѣло. Эта борьба, этотъ подвигъ являются всежизненными, на землѣ неокончающимися, ибо хотя грѣховность и побѣждена въ праведныхъ людяхъ, хотя вѣчная смерть уничтожена присутствіемъ въ нихъ Святаго Духа, но имъ не предоставлена неизмѣняемость въ добрѣ на всемъ протяженіи земного странствованія: не отнята и у нихъ свобода въ избраніи добра и зла. Неизмѣняемость въ добрѣ—принадлежность будущаго вѣка. Земная жизнь до послѣдняго часа ея—поприще подвиговъ произвольныхъ и невольныхъ [1]). И сущность этихъ подвиговъ заключается для человѣка въ самоотреченіи, или отреченіи отъ своего грѣховнаго *я*, которое такъ сроднилось съ человѣкомъ, что стало его второю природой и отреченіе отъ грѣха становится отреченіемъ отъ самого себя. „Грѣхъ, при посредствѣ котораго совершилось наше паденіе, такъ объялъ все естество наше, что сдѣлался для насъ какъ бы природнымъ: отреченіе отъ грѣха сдѣлалось отреченіемъ отъ естества; отреченіе отъ естества есть отреченіе отъ себя. Вѣчная смерть, поразившая нашу душу, обратилась для насъ въ жизнь. Она требуетъ пищи своей—грѣха, своего наслажденія—грѣха: при посредствѣ такой пищи и такого наслажденія вѣчная смерть поддерживаетъ и сохраняетъ свое владычество надъ человѣкомъ. Но падшій человѣкъ признаетъ поддержаніе и развитіе въ себѣ владычества смерти развитіемъ и преуспѣяніемъ жизни“ [2]).

Самоотреченіе, какъ связанное съ кореннымъ духовнымъ переворотомъ и потому непосильное для самого человѣка въ его естественномъ состояніи, возможно только при содѣйствіи спасительной благодати Божіей. По наставленію Святыхъ Отцовъ, говоритъ Владыка Игнатій, для уничтоженія нечувствія нужно со стороны человѣка постоянное, терпѣливое, непрерывное дѣйствіе противъ нечувствія, нужна постоянная, благочестивая, внимательная жизнь. Но одними собственными усиліями человѣка не умерщвляется эта смерть духа человѣческаго: уничтожается нечувствіе дѣйствіемъ Божественной благодати. Ангелъ Божій, по повелѣнію Бога, нисходитъ въ помощь къ труждающейся и утружденной душѣ, отваливаетъ камень ожесточенія отъ сердца, исполняетъ сердце умиленія, возвѣщаетъ душѣ воскресеніе, которое является обычнымъ послѣдствіемъ постояннаго умиленія. Умиленіе есть первый признакъ оживленія

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія т. IV, стр. 159.

[2]) Тамъ же, стр. 91.

сердца въ отношеніи къ Богу и къ вѣчности [1]). Самое видѣніе своей грѣховности и мысль о борьбѣ съ ней есть уже плодъ дѣйствія благодати [2]). Такимъ образомъ, совершеніе подвига душевнаго спасенія есть плодъ взаимодѣйствія ограниченныхъ силъ человѣческихъ и Божіей благодати, а областью его осуществленія является, по-преимуществу, человѣческая душа, область психологіи человѣка. Уясняя себѣ область грѣха въ душѣ человѣческой, по ученію Игнатія Брянчанинова, мы стремимся въ дальнѣйшемъ къ тому, чтобы установить сущность грѣховныхъ состояній и отмѣтить ихъ послѣдовательное развитіе.

Понятія, въ средѣ которыхъ, по вопросу о зарожденіи и развитіи грѣха, вращается мысль Преосвященнаго Игнатія, въ существѣ своемъ напоминаютъ намъ тождественныя по объему и содержанію понятія древнеаскетической духовной литературы, что вполнѣ естественно: Епископъ Игнатій въ XIX вѣкѣ является ученикомъ духоносныхъ старцевъ и подвижниковъ святой древности. Но при этомъ интересъ къ изученію сужденій Владыки Игнатія нимало не ослабѣваетъ, ибо, несмотря на зависимость и вліяніе, аскетическія и учительныя понятія въ твореніяхъ Епископа Игнатія заполняются современнымъ ему содержаніемъ, проникаются лично-опытнымъ его настроеніемъ, выражаются его литературнымъ языкомъ, подтверждаются примѣрами живой, современной ему и недалекой отъ насъ дѣйствительности, словомъ носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды его индивидуальности, а потому имѣютъ оригинальность, свѣжесть, новизну и воспитательную силу. Въ объемѣ сужденій Преосвященнаго Игнатія о грѣхѣ и его развитіи, объ условіяхъ борьбы съ нимъ,—невольно возбуждается наше личное спасительное самонаблюденіе, наше моральное „*я*“ выходитъ изъ обычнаго для него затѣненія и загона, выявляется на первый планъ нашей духовной жизни, и мы, хотя бы то было на очень короткое время, останавливаемъ по-настоящему, серьезно, свое вниманіе на задачѣ спасенія, впервые, можетъ быть, въ жизни по-настоящему думаемъ о томъ, насколько духовные аскеты по содержанію своей внутренней жизни дѣлали должное, обязательное и для насъ, а въ своихъ душеспасительныхъ рѣчахъ вѣщаютъ намъ о томъ, что всего болѣе нужно намъ, хотя и всего болѣе забывается,—единое на потребу спасеніе души. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изученіе твореній Владыки Игнатія многократно убѣждаетъ въ томъ, что Λόγος ἀσκητικός, а такъ можно назвать большинство его сочиненій,—есть и вѣчно современное слово, не измѣняющее своего значенія для христіанина при колебаніи условій жизни внѣшней, и самый аскетизмъ въ его основѣ—

---

[1]) Тамъ же, стр. 154.

[2]) Тамъ же, стр. 63, 18, 20—26.

имѣетъ жизненность и смыслъ, несмотря на весьма распространенныя сужденія современныхъ ослабѣвшихъ христіанъ объ его историческомъ лишь значеніи.

Грѣхъ изслѣдованъ аскетами-подвижниками отъ зарожденія его до окончательнаго развитія и превращенія въ страсть. Первичный актъ грѣховнаго настроенія души называется у аскетовъ помысломъ. Это—зерно грѣха. Постепенно развиваясь и укрѣпляясь въ душѣ человѣческой, помыслъ переходитъ въ грѣховное направленіе, а это послѣднее, въ свою очередь, завершается во внѣшнемъ фактѣ. Различаясь по предмету и содержанію, грѣховные помыслы въ своемъ возникновеніи и развитіи слѣдуютъ одному порядку и проходятъ, по ученію св. аскетовъ, одни и тѣже необходимыя ступени. Первичное возникновеніе грѣховныхъ помысловъ происходитъ безъ участія нашей личности: они являются независимо отъ того, имѣетъ или нѣтъ воля человѣка согласіе съ ними. Но переходъ помысла въ личное настроеніе нашей души ни въ какомъ случаѣ не можетъ совершиться безъ участія нашей воли. Ходъ развитія помысла въ нашей душѣ отмѣчается въ аскетическихъ твореніяхъ въ слѣдующихъ шести моментахъ.—На поверхности сознанія человѣка является представленіе о какомъ нибудь злѣ дѣлѣ, это есть простое напоминаніе намъ со стороны духа злобы о существованіи извѣстнаго преступнаго явленія. Это попытка духа злобы—склонить человѣка на грѣхъ, нарушить ровное состояніе его души введеніемъ въ область сознанія грѣховнаго представленія. На языкѣ аскетовъ этотъ первичный актъ помысла называется прираженіемъ [1]), или прилогомъ [2]). На чистомъ и ясномъ полѣ сознанія, по дѣйствію духа злобы, является прилогъ, или грѣховное представленіе. Прилогъ является больше извнѣ, но бываетъ часто и внутреннимъ [3]). Воля человѣка въ этомъ первомъ моментѣ помысла совершенно бездѣйствуетъ, поэтому первый моментъ помысла у аскетовъ понимается, какъ не подлежащій нравственному вмѣненію. Вслѣдъ за прираженіемъ, или прилогомъ наступаетъ второй моментъ помысла—сруженіе [4]), или сочетаніе [5]); это—принятіе помысла, внушаемаго врагомъ, какъ бы занятіе имъ и съ удовольствіемъ соединенное собесѣдованіе съ

---

[1]) Преп. Ефрема Сирина, Творенія, т. V, сл. 129. Термины для обозначенія моментовъ движенія помысла мы беремъ у Препод. Ефрема Сирина въ виду полноты ихъ и ясности по сравненію съ другими аскетами.

[2]) Преп. Исихія. Добротолюбіе, т. II, стр. 177.

[3]) Преп. Исихія, тамъ же, стр. 176; Преп. Нила Синайскаго, слова о молитвѣ. Доброт. т. II, стр. 224, 10, 231, 232.

[4]) Ефремъ Сиринъ.

[5]) У преп. Исихія (Добротолюбіе, т. II, стр. 183—191).

нимъ, происходящее уже по произволенію человѣка [1]). Помыслы человѣческіе и помыслы демонскіе въ этотъ моментъ одинаково являются въ предѣлахъ нашего сознанія, но безъ активнаго вліянія на волю [2]). Въ этотъ моментъ помысла воля вступаетъ въ свое дѣйствіе, но послѣднее не носитъ еще опредѣленнаго содержанія и характера. Когда въ сознаніи является представленіе грѣховнаго прилога, воля спускается какъ бы въ тайники человѣческой души на внутренній совѣтъ. Она приводитъ въ сознаніе человѣка два новыхъ представленія: съ одной стороны,—представленіе соотвѣтствія демонскаго прилога гнѣздящемуся въ душѣ первородному злу; съ другой, представленіе высшихъ нормъ нравственной жизни. Воля какъ бы дѣлаетъ справку о томъ, сколько въ душѣ данныхъ за и противъ согласія съ грѣхомъ, но не склоняется еще ни на сторону добра, ни на сторону грѣховнаго прилога. Полнаго нравственнаго вмѣненія духовное состояніе человѣка въ этомъ случаѣ имѣть еще не можетъ въ силу своей неопредѣленности, но обличаетъ уже нѣкоторое несовершенство воли, выражающееся въ ея колебаніи между добромъ и зломъ, тогда какъ при совершествѣ воли душа, въ виду грѣховнаго прилога, склоняется къ добру, какъ единственно надежной пристани противъ ухищреній лукаваго. Вслѣдъ за этимъ наступаетъ послѣдній моментъ, который препод. Ефремъ обозначаетъ терминомъ „страсть“, не въ обычномъ смыслѣ страстей, какъ опредѣленныхъ порочныхъ состояній, а въ смыслѣ „навыка къ помыслу“ [3]). Зло въ душѣ человѣка склоненіемъ воли соединяется съ прилогомъ и осложняется направленіемъ ко злу [4]). Душа соуслаждается уже съ демонскимъ прилогомъ, искушается къ совершенію злого дѣла; но своего полнаго согласія еще не дала. Этотъ моментъ какъ бы начало духовной болѣзни. Наступаетъ четвертый моментъ—внутренняя борьба представленій добра и зла. Моментъ этотъ можетъ быть болѣе или менѣе продолжительнымъ смотря по тому, насколько наша душа привязана къ добру и готова противостоять этому прилогу. Это именно то состояніе, о которомъ Ап. Павелъ сказалъ: плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся (Гал. V, 17) Внутренняя борьба добра со зломъ кончается въ пятый моментъ плѣненіемъ, т. е. рѣшительнымъ наклономъ воли въ сторону зла. Наконецъ, когда воля опредѣлила себя къ тому или другому направленію, сдѣлала выборъ между до-

---

[1]) Преп. Ефрема Сир. т. V, стр. 123.
[2]) Преп. Исихія. Доброт. т. II, стр. 177.
[3]) Преп. Ефрема Сир., тамъ же.
[4]) Преп. Исихія, Доброт. т. II, стр. 177.

бромъ и зломъ, дается согласіе души на приведеніе помысла въ извѣстное дѣло. Въ данномъ случаѣ, въ случаѣ наклона воли къ злу, душа даетъ согласіе на совершеніе грѣха. Въ томъ именно и состоитъ грѣховность помысла, приводящаго къ грѣху, что онъ является въ результатѣ сопоставленія добра и зла, въ результатѣ сознательной борьбы между добромъ и зломъ. „Благодать Божія во всякое время посѣщаетъ наши сердца и если находитъ себѣ упокоеніе, то вошедши постоянно обитаетъ въ нашей душѣ, если же не находитъ чистаго сердца, тотчасъ отступаетъ. Когда благодать приходитъ посѣтить насъ, встрѣчаетъ въ сердцахъ нашихъ зловоніе нечистыхъ помысловъ, тотчасъ отступаетъ, не находя себѣ входа, чтобы вселиться и обитать въ насъ, какъ ей угодно; и развѣ только свѣтоносною своею сладостію производитъ впечатлѣніе на сердце, чтобы ощутилъ человѣкъ, что благодать посѣщала его, но не нашла себѣ входа, и чтобы, такимъ образомъ, усладившись озареніемъ благодати, взыскалъ онъ ея [1]). Въ виду постоянной готовности со стороны Божественной благодати—озарить сердце человѣка, просвѣтить его внутреннее око, возродить помышленіе, онъ совершенно безотвѣтенъ предъ вѣчною правдою и не имѣетъ никакого нравственнаго права ссылаться на свою безпомощность, на непроизвольное плѣненіе грѣхомъ. Отмѣтивъ общіе отличительные моменты въ развитіи грѣховныхъ состояній, независимо отъ ихъ спеціальнаго характера и содержанія, по ученію св. аскетовъ-подвижниковъ, мы переходимъ къ изложенію сужденій Епископа Игнатія по тому же вопросу, съ цѣлію выяснить индивидуальность и современность, а потому и наибольшую близость къ нашему настроенію его сужденій сравнительно съ таковыми же сужденіями древнихъ аскетическихъ писателей.

Возводя весь сложный подвигъ духовнаго дѣланія къ области психологіи человѣка, Преосвященный Игнатій призываетъ христіанина къ особо-бдительному наблюденію за всѣмъ ходомъ своей жизни, рекомендуя, какъ особо нужное подвижнику качество трезвенія, или молитвенную бдительность надъ собою—состояніе весьма содержательное и сложное [2]). Выработавшій въ себѣ свойство трезвенія или духовнаго вниманія, христіанинъ тѣмъ самымъ обезпечиваетъ возможность наблюденія за возникновеніемъ въ душѣ грѣха, а слѣдовательно—и борьбы съ нимъ въ самомъ корнѣ. Обладающій состояніемъ и способностію трезвенія при искусительномъ дѣйствіи грѣха, прежде всего подмѣчаетъ возникновеніе въ душѣ слова тайнаго. Подъ

---

[1]) Препод. Ефрема Сир., т. I, стр. 279.

[2]) Состояніе это въ его существѣ, происхожденіи и значеніи для духовной жизни уяснено Преосвященнымъ Игнатіемъ въ гл. XXXIV, т. V, стр. 264—270.

этимъ библейскимъ (Втор. XV, 9) терминомъ Преосвященный Игнатій разумѣетъ и единомысленное представленіе какой нибудь лукавой и богоненавистной вещи, что Отцы называютъ прилогомъ, приносимое сердцу діаволомъ“ [1]). Какъ мимолетное, случайное и независимо отъ воли человѣка возникающее представленіе, грѣховный прилогъ, при нашемъ духовномъ вниманіи или трезвеніи, проходитъ въ нашей душѣ безслѣдно и безвредно для нашего духовнаго состоянія. Но при нѣкоторой остановкѣ мысли на грѣховномъ представленіи—прилогъ задерживается въ нашей душѣ на нѣкоторое, хотя бы малое время становится содержаніемъ нашей мысли, мимолетное представленіе переходитъ въ помыслъ, для духовнаго состоянія нашего уже не безвредный. Возникновеніе и развитіе помысла въ душѣ человѣка иногда происходитъ полусознательно и со стороны переживающаго—безотчетно, какъ это бываетъ, напр. въ состояніяхъ искусительныхъ сновидѣній, внушающихъ человѣку преувеличенное о себѣ представленіе [2]), но всего болѣе помыслъ возникаетъ въ сознательномъ состояніи души. Развитіе и выраженіе грѣховнаго и душепагубнаго помысла наглядно выражается Преосвященнымъ Игнатіемъ на слѣдующихъ примѣрахъ.—Для живущаго міролюбіемъ и временными интересами человѣка трудно отрѣшиться отъ привычной теплохладной въ отношеніи къ добру жизни; направленіе жизни къ цѣлямъ душевнаго спасенія представляется дѣломъ труднымъ, положить начало дѣлу спасенія представляется въ каждый данный моментъ непосильнымъ, и вся эта грѣховная придавленность, разслабленіе человѣка находятъ соотвѣтственное оправданіе въ человѣческихъ помыслахъ. Помыслы падшаго человѣческаго естества, не повинуясь Слову Божію или дѣйствуя подъ вліяніемъ духовъ отверженныхъ и лукавыхъ, представляютъ возможность покаянія въ старости или при концѣ жизни, и тѣмъ удерживаютъ въ грѣхѣ. Искусительные помыслы указываютъ человѣку на множество грѣшащихъ и на ничтожное число воздерживающихся отъ грѣховъ и тѣмъ умаляютъ значеніе грѣха. Помыслы извиняютъ жизнь сладострастную требованіемъ естества, юностію, качествомъ тѣлосложенія,—этимъ усиливаются облегчить тяжесть грѣха предъ совѣстію грѣшащаго. Они ложно объясняютъ тайну милосердія Божія и тайну покаянія, тѣмъ отвлекая отъ истиннаго покаянія, не допускаютъ человѣка въ отеческія объятія благости Божіей [3]). Ослабляя въ насъ сознаніе грѣховности и, въ значительной мѣрѣ, примиряя съ своимъ малохристіанскимъ настроеніемъ, грѣховный помыслъ искусительно усиливаетъ въ насъ міролюбіе и тяготѣніе къ міру.

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 265, 338.

[2]) Тамъ же, стр. 346—349.

[3]) Сочиненія Епископа Игнатія. „Плачъ инока“ т. V, стр. 413

Діаволъ дѣйствуетъ на насъ всего болѣе помысломъ грѣховнымъ и грѣховнымъ мечтаніемъ. Предъ нашимъ воображеніемъ онъ живописно рисуетъ преходящій міръ съ прелестями и наслажденіями, и вмѣстѣ входитъ въ бесѣду съ душою объ осуществленіи несбыточныхъ мечтаній. Онъ предлагаетъ намъ земную славу, предлагаетъ богатство, пресыщенія, наслажденія плотскими нечистотами. Онъ предлагаетъ намъ все это въ мечтаніи, и вмѣстѣ указываетъ на способы противозаконные къ осуществленію мечтаній противозаконныхъ, ввергая въ печаль, въ уныніе, въ отчаяніе,—и явнымъ грѣхомъ, и грѣхомъ, прикрытымъ личиною добра, умащеннымъ приманкою наслажденія [1]). Но особенно настойчивыми и ухищренными представляются дѣйствія душевреднаго помысла около молитвенныхъ настроеній человѣка. Наблюденія Епископа Игнатія надъ проявленіемъ грѣховныхъ помысловъ при молитвѣ особенно подробны. Какъ бы имѣя въ виду особенную спасительность искренней молитвы и понимая, что оставляющій молитву оставляетъ свое спасеніе, духъ зла особенно затрудняетъ грѣховными помыслами молитвенныя переживанія. Въ связи съ этимъ, мы скоро замѣтимъ, что къ тому самому времени, когда надо заняться молитвою, является у насъ мысль о другихъ занятіяхъ, которыя представляются намъ преважными и нетерпящими отлагательства. Дѣла эти иногда совершенно отнимаютъ у насъ время молитвы. Но если этого и нѣтъ и если мы выполняемъ молитвенный подвигъ, хотя и кратковременно, то грѣховный помыслъ окрадываетъ и оскверниетъ молитву нашу. Помыслы облекаются въ личину правды, чтобы придать имъ болѣе силы и убѣжденія, а мечтанія представляются въ обольстительнѣйшей живописи. Окрадывается, оскверняется и уничтожается молитва наша, когда, во время совершенія ея, умъ не внимаетъ словамъ молитвы, но занятъ пустыми помыслами и мечтаніями [2]). Нѣкоторые изъ дѣйствующихъ на человѣка во время молитвы помысловъ благовидны и правдивы, представляются невинными, или даже плодомъ вдохновенія и небесныхъ видѣній, но принятіе ихъ ведетъ одинаково къ утратѣ свободы настроенія и къ дальнѣйшему развитію грѣха. Эта послѣдовательность и непрерывность въ развитіи грѣховныхъ помысловъ объясняется наблюдаемымъ нами сродствомъ, какъ между состояніями грѣха, такъ и между состояніями добродѣтели, что, при единствѣ духовной жизни нашей, и выражается въ наростаніи содержанія нашей духовной жизни соотвѣтственно принятому направленію. Примѣромъ постепеннаго осложненія грѣховнаго помысла можетъ быть слѣдующая картина нерѣдкой утраты нами молитвеннаго настроенія. Будучи весьма близкими къ чистому молитвенному на-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 100, 107, 109; т. III, стр. 161, 170.
[2]) Тамъ же, т. V, стр. 355.

строенію въ началѣ молитвы, мы подъ вліяніемъ грѣховнаго помысла незамѣтно для себя совершенно утрачиваемъ первичное состояніе свое. Во время молитвеннаго подвига мы иногда неожиданно вспоминаемъ всѣхъ оскорбившихъ насъ; оскорбленія и обиды, нанесенныя намъ, представляются въ яркой живописи; возмездіе за нихъ и сопротивленіе имъ выставляется требованіемъ справедливости, здраваго смысла, общественной пользы, самосохраненія, необходимости. Этимъ колеблется самое основаніе молитвеннаго подвига—незлобіе и кротость. Это такъ и бываетъ, потому что памятозлобный и неотпустившій ближнему согрѣшеній его никакъ не можетъ сосредоточиться при молитвѣ своей и придти въ умиленіе. Помыслы гнѣвные разсѣеваютъ молитву, они разносятъ ее въ стороны, какъ порывистый вѣтеръ разноситъ сѣмена, бросаемыя сѣятелемъ на его ниву, и нива сердечная остается незасѣянною, а усиленный трудъ подвижника—тщетнымъ [1]). Наряду съ этими, очевидно враждебными молитвенному настроенію помыслами нерѣдко возникаютъ прикровенныя мечтанія, имѣющія положительное содержаніе и, повидимому, ведущія къ положительнымъ цѣлямъ. Въ настраивающуюся молитвенно душу привходятъ помышленія и мечтанія о земномъ преуспѣяніи: то въ обольстительной картинѣ представляется слава человѣческая, какъ справедливая или счастливая дань добродѣтели, какъ будто узнанной и признанной, наконецъ, людьми, то въ столь же обольстительной картинѣ представляется обиліе земныхъ средствъ, на основаніи которыхъ будто бы должна процвѣсти и усилиться христіанская добродѣтель [2]). Такъ помыслами земной славы, земного преуспѣянія, земного обилія, радостями мечтаній и размышленій, уничтожающихъ въ насъ сокрушеніе духа, вводятся въ нашу душу сомнѣніе и разсѣянность, составляющія благопріятную почву для развитія другихъ грѣховныхъ помысловъ. Соглашеніе наше съ указанными грѣховными помыслами открываетъ нашу душу для помысловъ блуда и уныній. За помыслами блудной страсти и уныній послѣдуетъ нашествіе помысловъ и ощущеній печали, невѣрія, безнадежія, ожесточенія, омраченія, хулы и отчаянія [3]). Вообще необходимо знать, говоритъ Епископъ Игнатій, что всѣ грѣховные помыслы, мечтанія, грѣхи и страсти имѣютъ сродство между собою. По причинѣ этого сродства произвольное подчиненіе одному грѣховному помыслу влечетъ невольное подчиненіе другому; стяжаніе одной грѣховной страсти влечетъ въ душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершеніе одного грѣха влечетъ къ невольному впаденію въ другой грѣхъ, рождаемый первымъ. Злоба не тер-

---

[1]) Тамъ же, стр. 356—357.
[2]) Тамъ же, стр. 357.
[3]) Тамъ же, стр. 358.

пить пребывать безсупружною въ сердцѣ. Пояснимъ это примѣрами.— Кто осудилъ ближняго, тотъ естественно ощутилъ презрѣніе къ нему; ощутившій презрѣніе, стяжалъ гордость. Отъ презрѣнія ближняго, при высокомъ мнѣніи о себѣ,– а эти два состоянія неразлучны,—является ненависть къ ближнему. Отъ ненависти и памятозлобія является ожесточеніе сердца. По причинѣ ожесточенія сердца начинаютъ преобладать въ человѣкѣ плотскія ощущенія и плотское мудрованіе, а отъ этого возжигается блудная страсть, умерщвляется вѣра въ Бога и надежда на Него, является стремленіе къ корыстолюбію и славѣ человѣческой, приводящія человѣка къ совершенному забвенію Бога и отступленію отъ Него [1]). Въ виду этой тѣсной связи между порочными помыслами, необходимо воздерживаться отъ всѣхъ помышленій и мечтаній, несогласныхъ съ ученіемъ Евангелія, а случающіяся увлеченія врачевать покаяніемъ. И Владыка Игнатій умоляетъ возлюбленныхъ братій своихъ обратить вниманіе на эту непрерывность и цѣлостность духовной жизни, въ силу которой невозможно человѣку быть порочнымъ въ одномъ отношеніи и добродѣтельнымъ въ другомъ, невозможно вести порочную жизнь въ надеждѣ на искупительное значеніе нѣкоторыхъ своихъ добродѣтельныхъ дѣяній, особенныхъ вводимыхъ въ кругъ жизнеповеденія по обязанности, а не по произвольной потребности, невозможно услажденіе грѣхомъ въ одномъ лишь направленіи безъ вліянія на общій ходъ духовной жизни. Незнающіе этого и необращающіе вниманія на это, терпятъ величайшій вредъ и лишаютъ сами себя духовнаго преуспѣянія. Напримѣръ, многіе, хранясь отъ блудныхъ помысловъ и мечтаній, считаютъ ничего незначущими услажденіе помыслами и мечтаніями корыстолюбія и тщеславія, между тѣмъ какъ по духовному закону помыслы и мечтанія о имуществѣ, о почестяхъ, о славѣ человѣческой суть тѣ же блудные. Такое значеніе имѣютъ всѣ грѣховные помыслы и мечтанія въ отношеніяхъ человѣка къ Богу, какъ отвлекающіе человѣка отъ любви Божіей [2]). Вниманіе къ помысламъ и борьба съ ними имѣютъ естественнымъ плодомъ своимъ духовное утѣшеніе [3]).

Изъ приведенныхъ сужденій Епископа Игнатія о сущности грѣха въ его возникновеніи, полагаемъ, слѣдуетъ, что основа грѣха—психологическая, что грѣховный прилогъ, являясь мимолетнымъ и независимымъ отъ воли человѣка представленіемъ, переходитъ въ подлинное грѣховное, вмѣняемое человѣку состояніе лишь въ мѣрѣ участія въ немъ нашей души. Степень этого участія нашей души въ грѣховномъ состояніи своемъ опредѣляется въ направленіи всѣхъ сторонъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 352; т. II, стр. 212—213; т. IV, стр. 358.
[2]) Тамъ же, стр. 352—353; т. IV, стр. 335.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 186—187.

души: со стороны ума, какъ остановка мысли на грѣховномъ прилогѣ, или задержаніе прилога въ мысли; со стороны сердца, какъ сдруженіе настроенія, хотя бы и мимолетное съ объектомъ грѣховнаго прилога и, слѣдовательно, омраченіе душевной чистоты; со стороны воли, какъ сосредоточеніе душевной энергіи, хотя бы кратковременное и неглубокое, на направленіи грѣховнаго прилога. Уже одна остановка нашей мысли на объектѣ грѣховнаго прилога обозначаетъ грѣховность нашего настроенія, ибо по сродству и единству различныхъ сторонъ душевной жизни такая или иная заполненность нашихъ переживаній въ одной сторонѣ не можетъ оставаться безрезультатною въ отношеніи къ общему содержанію нашей духовной жизни и къ состоянію всѣхъ другихъ сторонъ нашего духовнаго существа. Занятость нашей мысли грѣховнымъ прилогомъ влечетъ за собою въ большинствѣ случаевъ возникновеніе въ нашемъ воспоминаніи другихъ представленій или односодержательныхъ съ грѣховнымъ прилогомъ, или ему противоположныхъ. Въ первомъ случаѣ грѣховный прилогъ получаетъ крайнее развитіе грѣховнаго помысла, во второмъ случаѣ—возникаетъ имѣющая важное значеніе въ духовной жизни борьба помысловъ добра и зла, исходъ которой въ сторону грѣха или спасенія зависитъ, конечно, не отъ теоретическихъ доводовъ и убѣжденій, а отъ степени чистоты сердца и послушанія воли тому или иному мудрованію мысли. Весь этотъ сложный, а иногда и длительный внутренній процессъ, возникшій подъ вліяніемъ грѣховнаго прилога, заканчивается полной и опредѣленной выраженностію помысла, какъ психической утвержденности души къ дѣятельности въ добромъ или злымъ направленіи. Когда грѣховный помыслъ закончилъ свое естественное развитіе, грѣхъ, какъ явленіе психическое, уже опредѣлился: произведенъ выборъ мотивовъ и цѣлей, духъ человѣческій пережилъ рѣшимость и склонился къ фактическому выраженію въ дѣйствіи. Конечно, дѣйствія можетъ и не произойти—или вслѣдствіе измѣнившихся внѣшнихъ условій, или вслѣдствіе возникшихъ въ душѣ противоборствующихъ мотивовъ, тѣмъ не менѣе въ виду полной психологической опредѣленности и наличности въ немъ элемента свободнаго произволенія, грѣховный помыслъ во всемъ объемѣ своего содержанія подлежитъ нравственному вмѣненію. Вотъ почему борьба противъ грѣха и все спасительное дѣланіе духовнаго возрожденія естественно сосредоточивается въ области нашихъ настроеній съ соотвѣтственнымъ, конечно, отображеніемъ на нашемъ жизненномъ подвигѣ и дѣланіи внѣшнемъ. Вотъ почему Преосвященный Игнатій съ дней своей юности сосредоточилъ свое вниманіе по преимуществу на подвигѣ духовнаго дѣланія, въ этомъ направленіи тщетно искалъ себѣ руководителя—старца въ годы своего послушническаго искуса, въ этомъ направленіи сосредоточилъ свое литератур-

ное старчество, въ томъ же направленіи стремился воспитывать настроеніе тѣхъ, кто въ сознаніи духовной скудости міра сего обращался къ возмѣщенію своей духовной бѣдности изъ его духовной сокровищницы.

Самымъ общимъ наименованіемъ для обозначенія грѣховнаго состоянія души, какъ въ твореніяхъ аскетовъ древности, такъ и у Епископа Игнатія, является терминъ —страсть.

Подъ этимъ наименованіемъ въ аскетическихъ твореніяхъ нерѣдко разумѣется, во первыхъ, страстность, несовершенство или общая грѣховность человѣческой природы, не имѣющая, быть можетъ, рѣзкой индивидуальной выраженности въ настроеніи даннаго человѣка. Во вторыхъ, подъ терминомъ страсть разумѣется состояніе опредѣленнаго духовнаго обращенія въ какую либо сторону отъ своего первичнаго состоянія, напр. отъ вышеуказаннаго состоянія общей грѣховности наслѣдственной—въ сторону грѣховности индивидуальной и произвольнаго образованія въ этомъ направленіи страсти въ смыслѣ грѣховнаго навыка. Въ этомъ же смыслѣ терминъ страсть употребляется иногда для обозначенія спасительнаго преуспѣянія въ борьбѣ съ грѣхомъ и готовности непрерывнаго подвига въ указанномъ направленіи. Въ томъ и другомъ случаѣ, вмѣняемость человѣку его духовнаго состоянія опредѣляется степенью произвольности или волящей проявляемости его существа. Въ тѣхъ случаяхъ, и это гораздо чаще и болѣе обычно, —когда подъ страстію разумѣются порочныя состоянія человѣка, въ нихъ выдвигается на первый планъ элементъ произвольности. Для характеристики взглядовъ Епископа Игнатія по этому вопросу особенное значеніе имѣютъ слѣдующія сужденія подвижника.

Отмѣчая условія отторженности человѣка отъ спасенія, Епископъ Игнатій въ ряду ихъ на первомъ планѣ ставитъ страсти. Лишены, говоритъ онъ, надежды спасенія и тѣ православные христіане, которые стяжали грѣховныя страсти и посредствомъ ихъ вступили въ общеніе съ сатаною, расторгнувъ общеніе съ Богомъ [1]), т. е. въ данномъ случаѣ обращеніе души въ сторону грѣха, понимается, какъ страсть. Въ природѣ страстнаго состоянія имѣетъ преимущественное значеніе элементъ произвольности или волевой. Страсти суть грѣховные навыки души, обратившіеся отъ долгаго времени и частаго упражненія въ грѣхѣ, какъ бы въ природныя качества. Каждая изъ страстей, обратившись въ характеръ человѣка и какъ бы въ правило его жизни, содѣлываетъ его неспособнымъ къ духовному наслажденію на землѣ и на небѣ, хотя бы человѣкъ и не впадалъ въ смерт-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 165.

ный грѣхъ [1]). Въ условіяхъ происхожденія страстей имѣетъ большое значеніе устойчивость или вкорененность грѣховныхъ помысловъ. Страсть не всегда выражается дѣломъ; она можетъ тайно жить въ сердцѣ человѣка, обладая его чувствованіями и помышленіями. Страсть познается изъ того, когда человѣкъ не перестаетъ воображать грѣхъ и услаждаться мечтаніемъ его, когда плѣненный имъ, онъ уже не въ силахъ противиться увлекающей силѣ грѣховныхъ помышленій и картинъ, которыя поглощаютъ всю его мудрость и крѣпость. Страстный не перестаетъ совершать грѣхъ въ мечтаніи и сердечномъ чувствѣ, чрезъ что поддерживаетъ свое общеніе съ темными духами и свою подчиненность имъ, а потому и свою вѣчную погибель [2]). Страсть составляется изъ помысловъ, чуждыхъ душѣ, отъ которыхъ она томится и болѣзнуетъ, какъ отъ состоянія противоестественнаго [3]). Страсти обнаруживаются помыслами, мечтаніями и ощущеніями грѣховными. Помыслы и мечтанія эти иногда внезапно являются уму, иногда тайнымъ образомъ подкрадываются къ нему. Грѣховные помыслы, мечтанія и ощущенія влекутъ къ совершенію грѣха на самомъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ услажденію и плѣненію грѣховными помыслами, мечтаніями, ощущеніями, къ совершенію грѣха въ воображеніи и чувствѣ [4]). Иногда подъ общимъ терминомъ страсти разумѣется грѣхъ вообще и понятія грѣхъ и страсти употребляются, какъ синонимичныя: страсти, иначе—грѣхъ въ обширномъ значеніи этого слова. Апостолъ, когда говоритъ о грѣхѣ, живущемъ въ человѣкѣ (Римл. VII, 14; XVII, 20), разумѣетъ подъ словомъ грѣхъ заразу зломъ всего естества человѣческаго, разумѣетъ страсти [5]). Терминомъ страсти, такимъ образомъ, обозначается и общая грѣховность человѣка. Исконною основою страстей является первородный грѣхъ: въ первородномъ грѣхѣ заключается сѣмя всѣхъ страстей, мы родимся съ наклонностію ко всѣмъ видамъ грѣха, и потому не должно удивляться проявленію и возстанію ни одной страсти, какъ чему нибудь необыкновенному и странному [6]). Этимъ отношеніемъ страстей къ первородному грѣху опредѣляется ихъ положеніе въ природѣ человѣческой. Въ силу наслѣдственности первороднаго грѣха, страсти или грѣховные недуги души и тѣла свойственны нашему падшему естеству. Но, будучи недугами души, страсти тѣмъ самымъ противоестественны

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же, стр. 166.
[3]) Тамъ же, стр. 167.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 529.
[5]) Тамъ же, стр. 524.
[6]) Тамъ же, стр. 527.

непорочному естеству нашему, какимъ оно было создано; противоестественны страсти и естеству обновленному; онѣ естественны падшей природѣ. Такъ естественны всякой тѣлесной болѣзни свойства этой болѣзни; такъ естественны болѣзни и смерть нашему тѣлу, утратившему безсмертіе и свойства безсмертія. До паденія безсмертіе было естественно нашему тѣлу,— болѣзни и смерть неестественны [1]). Съ изложенной точки зрѣнія пріобрѣтаютъ для насъ вполнѣ опредѣленный смыслъ нерѣдкія жизненныя сужденія разслабленнаго въ отношеніи духовной жизни человѣка о естественности страстей, а потому и о безполезности и ненадобности борьбы съ ними, какъ противоестественной и, будто бы, нарушающей законы природы. Ясно, что борьба съ грѣховными страстями есть борьба противъ природы грѣховной и за возстановленіе природы неповрежденной или обновленной. Но, будучи тѣсно связаны съ грѣхомъ первороднымъ и наслѣдственнымъ, грѣховныя страсти, тѣмъ самымъ, являются, дѣйствительно, связанными съ свойствами нашей грѣховной природы, или для грѣховнаго человѣка естественными и непроизвольными, чѣмъ, съ одной стороны, опредѣляется пожизненная длительность вліянія грѣховныхъ страстей на душу человѣка, съ другой—ихъ непроизвольность въ грѣховно-естественномъ состояніи и осложненность грѣховно-страстнаго состоянія въ зависимости отъ проявляемаго въ отношеніи къ нему человѣческаго свободнаго произволенія. Въ первомъ отношеніи, періодъ проявленія страстей въ человѣкѣ совпадаетъ со временемъ земной жизни человѣка. Смерть, говоритъ Епископъ Игнатій, только одна смерть вполнѣ освобождаетъ даже святыхъ Божіихъ отъ вліянія на нихъ грѣха. Безстыдны страсти: могутъ возстать онѣ и въ лежащемъ на смертномъ одрѣ. Даже на смертномъ одрѣ невозможно прекратить бдительности надъ собою. Повѣрь безстрастію тѣла твоего тогда, когда оно уляжется въ гробъ [2]). Эти страсти, связанныя съ самымъ существомъ поврежденной грѣхомъ природы человѣческой, дѣйствуютъ въ человѣкѣ непроизвольно, независимо отъ человѣческаго произволенія и, потому, являются непроизвольными. По свойствамъ души и тѣла, по вліянію обстоятельствъ, въ одномъ человѣкѣ дѣйствуетъ и развивается съ особенною силою одна страсть, въ другомъ—другая; въ иномъ замѣтна особенная наклонность къ сребролюбію, въ другомъ—къ объяденію; одинъ увлекается плотскимъ вожделѣніемъ, другой—жаждою суетныхъ почестей. Неувлекающійся какою либо страстію не долженъ думать, что нѣтъ въ немъ этой

---

[1]) Тамъ же, стр. 524.
[2]) Тамъ же, стр. 526.

страсти: только не было случая къ обнаруженію ея [1]). Но, кромѣ страстно-грѣховныхъ влеченій, связанныхъ съ общими свойствами поврежденной грѣхомъ человѣческой природы, въ душѣ человѣка проявляются и тѣмъ большее имѣютъ вліяніе на ходъ духовной жизни человѣка страсти, возникающія произвольно, по самохотному рѣшенію человѣческой воли, потому самому имѣющія большее значеніе въ духовной жизни человѣка и подлежащія большему нравственному вмѣненію. Страсти, свойственныя падшему естеству, различаются величайшимъ различіемъ отъ страстей, усвоиваемыхъ произвольно каждымъ человѣкомъ. Сила вторыхъ несравненно значительнѣе силы первыхъ. Но тѣ и другія страсти врачуются истиннымъ покаяніемъ [2]). Сознаніе же человѣкомъ своей подчиненности духовному недугу страстей, какъ по общей наслѣдственной грѣховности, такъ и по произвольно усвояемой въ силу грѣховной удобопреклонности воли ко злу, является для христіанина сильнымъ побужденіемъ къ духовному трезвенію и, вызывая его на непрерывную борьбу со зломъ, тѣмъ самымъ ставитъ его на путь духовнаго совершенствованія.

По сужденію Епископа Игнатія, страсти, пребывая въ христіанинѣ, постоянно принуждая его быть на стражѣ, постоянно вызывая его на борьбу, содѣйствуютъ его духовному преуспѣянію. Жесткій и тяжеловѣсный жерновъ стираетъ зерна пшеницы въ муку, пшеницу содѣлываетъ способною къ печенію изъ нея хлѣбовъ. Тяжкая борьба со страстями стираетъ сердце человѣка, сминаетъ надменный духъ его, заставляетъ сознаться въ состояніи паденія, опытно обнаруживая это состояніе,—заставляетъ сознаться въ необходимости искупленія, уничтожаетъ надежду на себя, переноситъ всю надежду на Искупителя [3]). Такимъ образомъ, въ самомъ состояніи грѣховности, въ сознаніи ея, Епископомъ Игнатіемъ представляется духовная польза—побуждающій мотивъ духовной борьбы, условіе покаяннаго смиренія и жажда спасительнаго искупленія. Душеспасительный подвигъ переносится Епископомъ Игнатіемъ въ преобладающемъ содержаніи своемъ—въ область психологіи человѣка; въ отношеніи послѣдней Владыка Игнатій полагаетъ особо цѣнными элементами духовной жизни сознательность и самопроизвольность въ покаянномъ настроеніи человѣка. Эта сторона его воззрѣній, на нашъ взглядъ, опредѣленно выясняется глубокими размышленіями его о степени вмѣняемости человѣку его грѣха, о его простительности или губительности для грѣховнаго человѣка.

---

[1]) Тамъ же, стр. 527.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 526.

По значенію въ духовной жизни человѣка и по вліянію на посмертную участь человѣка Епископомъ Игнатіемъ различаются грѣхи смертные и простительные. Что такое грѣхъ смертный?—ставитъ онъ вопросъ и отвѣчаетъ на него.—Смертный грѣхъ есть тотъ, который убиваетъ вѣчною смертію душу человѣка, совершившаго такой грѣхъ. Если человѣкъ умретъ въ смертномъ грѣхѣ, не принесши въ немъ должнаго покаянія, то демоны похищаютъ его душу и низводятъ ее въ подземныя, мрачныя и душныя пропасти, во адъ, на вѣчное мученіе. Смертные грѣхи суть слѣдующіе: ересь, расколъ, отступничество отъ вѣры христіанской, богохульство, волшебство и колдовство, человѣкоубійство и самоубійство, блудъ, прелюбодѣяніе, противоестественные блудные грѣхи, пьянство, святотатство, грабежъ, воровство и всякая жестокая, безчеловѣчная обида [1]). Если человѣкъ впадетъ хотя однажды въ одинъ изъ этихъ грѣховъ, онъ умираетъ душою [2]). Но такое естественное послѣдствіе грѣха не должно, однако, ввергать человѣка въ отчаяніе, ибо и противъ смертнаго грѣха дѣйствительно врачевство покаянія. Изъ смертныхъ грѣховъ только для одного самоубійства нѣтъ покаянія; прочіе же смертные грѣхи, по великой, неизреченной милости Божіей къ падшему человѣчеству, врачуются покаяніемъ. Покаяніе въ смертномъ грѣхѣ состоитъ въ томъ, чтобы исповѣдать грѣхъ духовному отцу, принявъ отъ него эпитимію, и впредь въ этотъ грѣхъ не впадать [3]). Пребывающій въ смертныхъ грѣхахъ признается умершимъ душою; пребывающій въ этихъ грѣхахъ не допускается правилами святой Церкви къ пріобщенію святыхъ Христовыхъ Таинъ, къ участію въ Богослуженіи. Если смерть постигнетъ его непокаявшимся въ этихъ грѣхахъ, то вѣчная гибель его несомнѣнна. Покаяніе человѣка, пребывающаго въ смертномъ грѣхѣ, тогда только можетъ быть признано истиннымъ, когда онъ оставитъ смертный грѣхъ свой. Тогда онъ только можетъ быть допущенъ къ соединенію со Христомъ чрезъ пріобщеніе святыхъ Таинъ. И потому, заключаетъ Епископъ Игнатій, послѣ главнаго грѣха отчаянія и самоубійства, надо съ особенною тщательностію охраняться отъ смертныхъ грѣховъ, съ твердымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ въ душѣ—не впадать въ нихъ. Если жъ случится несчастіе впасть въ какой смертный грѣхъ, то надо оставить его немедленно, исцѣлиться покаяніемъ и всячески храниться, чтобы снова не впасть въ него. Если же по какому нибудь несчастному стеченію обстоятельствъ, случится снова впасть въ смерт-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 373—374. Къ смертнымъ грѣхамъ принадлежитъ отчаяніе т. III, стр. 163.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 164.

[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 374.

ный грѣхъ, не должно предаваться отчаянію,—должно снова прибѣгать къ Богомъ дарованному врачевству душевному, покаянію, сохраняющему всю силу и дѣйствительность свою до самаго конца жизни нашей [1]). Такимъ образомъ, губительная сущность, такъ сказать, смертельность смертнаго грѣха заключается въ глубокомъ и произвольномъ нарушеніи Божіей воли, знаменующемъ смерть души для добра; его губительнымъ для человѣка послѣдствіемъ является отчужденіе Божественной благодати, предрѣшающее вѣчную гибель души; единственнымъ условіемъ спасенія человѣка отъ духовной смерти является искреннее и глубокое покаяніе съ произвольнымъ и рѣшительнымъ осужденіемъ грѣха и глубокою, произвольною рѣшимостію болѣе не грѣшить. Какъ далеки эти сужденія отъ нерѣдкаго въ жизни, чисто формальнаго и правового воззрѣнія на сущность духовной жизни! Какъ сильно осуждается ими нерѣдкое въ жизни легкомысленное отношеніе къ спасенію съ дерзостнымъ и неглубокимъ намѣреніемъ покаянія въ концѣ жизни, съ еще болѣе дерзостною готовностію грѣшить съ расчетомъ на покаяніе: согрѣшимъ и покаемся; какъ усиливаетъ подобное настроеніе легкомыслія и безъ того тягостную смертность грѣха. Какъ ясно подобныя сужденія Епископа Игнатія опровергаютъ нерѣдкое въ жизни легкомысленное и невѣжественное обвиненіе христіанства въ разслабляющемъ вліяніи на человѣческую нравственность чрезъ призывъ къ покаянію, будто бы предоставляющій возможность безконечной грѣховности съ безотвѣтственностію при этомъ за свою духовную участь и состояніе: лишь бы грѣхи были сказаны духовнику,—они тѣмъ самымъ прощены! Если паденіе всѣхъ сторонъ христіанской жизни не осталось безрезультатнымъ и въ отношеніи людей къ условіямъ спасительнаго возрожденія, понизивъ вниманіе къ подвигу святой исповѣди, если повсюдно наблюдается упадокъ духовной дисциплины и жизни, то въ этомъ неповинно православно-христіанское ученіе: оно въ лицѣ лучшихъ и Богоизбранныхъ исповѣдниковъ своихъ, въ голосѣ святой Церкви немолчно зоветъ людей къ искреннему и глубокому покаянію, къ духовному перевороту, къ осужденію грѣха, къ отказу отъ него, при этомъ лишь условіи утѣшая человѣка надеждою благодатнаго Богообщенія! Усиливающимъ мотивомъ духовной бдительности и незамедлительнаго покаянія является, далѣе, по ученію Епископа Игнатія, смертельность грѣха и неизвѣстность жизненнаго исхода: „какъ многимъ, впавшимъ въ смертный грѣхъ, не оказалось возможности принести покаяніе во грѣхѣ! Иной упился виномъ, и въ этомъ состояніи душа его разлучилась отъ тѣла; иной пошелъ на воров-

[1]) Тамъ же, стр. 468.

ство и грабежъ, и гнѣвъ Божій поразилъ его на самомъ злодѣяніи! Берегитесь, братія, смертныхъ грѣховъ! Повторяю вамъ: смертный грѣхъ убиваетъ душу. Если кто умретъ въ смертномъ грѣхѣ, не успѣвъ покаяться въ немъ, того душа идетъ въ адъ. Ей нѣтъ никакой надежды къ спасенію" [1]). Но подобный духовно-гибельный исходъ могутъ имѣть грѣхи и несмертные при легкомысленномъ и безпечномъ отношеніи къ нимъ человѣка и равнодушіи его къ добродѣланію. Какіе же это грѣхи несмертные? Это грѣхи помышленіемъ, словомъ, дѣломъ, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, которые не убиваютъ души, но только болѣе или менѣе уязвляютъ ее. Этихъ грѣховъ не чужды и святые, но святые бодрствуютъ надъ собою, и, замѣтивъ согрѣшеніе, въ которое увлекла ихъ общая человѣкамъ немощь, тотчасъ врачуютъ его покаяніемъ. Если послѣдуетъ разлученіе души съ тѣломъ въ то время, какъ человѣкъ не успѣлъ омыть свои несмертные грѣхи покаяніемъ, то душа не низводится по причинѣ этихъ грѣховъ во адъ; ей попускается на пути къ небу, на воздухѣ, истязаніе отъ духовъ лукавыхъ, въ соучастіи съ которыми совершаются человѣками грѣхи, и предоставляется искупить согрѣшенія добрыми дѣлами. Если душа имѣетъ достаточно добрыхъ дѣлъ, въ особенности если она во время земной жизни подавала много милостыни, то она искупаетъ этою милостынею и прочими добрыми дѣлами согрѣшенія; ей отверзаются врата небесныя, и она входитъ на небо для вѣчнаго упокоенія и радованія. Но случается, что у души бываетъ такъ много несмертныхъ грѣховъ и такъ мало добродѣтелей, что она за множество грѣховъ несмертныхъ низводится во адъ. Святые Отцы уподобляютъ смертный грѣхъ тяжелому камню, а несмертный грѣхъ ничтожному зерну песка. Если навязать одинъ большой камень на шею человѣка и погрузить его въ глубину, то онъ потонетъ: такъ достаточно одного смертнаго грѣха, чтобъ потопить душу въ пропастяхъ ада. Нѣсколько зеренъ песка не составляютъ почти никакого груза: такъ и въ святыхъ Божіихъ несмертный грѣхъ, весьма умалившійся и измельчившійся постояннымъ наблюденіемъ за собою и постояннымъ покаяніемъ, не имѣетъ почти никакого вліянія на ихъ вѣчную участь. Но этотъ же несмертный грѣхъ въ душахъ, преданныхъ земнымъ попеченіямъ, въ особенности земнымъ увеселеніямъ, получаетъ необыкновенную тяжесть и наравнѣ съ смертнымъ грѣхомъ низвлачаетъ окаянную душу во адъ. Несмертные грѣхи многочисленностію своею могутъ принести туже погибель душѣ, какую приноситъ ей смертный грѣхъ. Такъ, мѣшокъ, набитый мелкимъ пескомъ и навязанный на шею человѣка, можетъ потопить его столько же удобно, какъ можетъ потопить и

---

[1]) Тамъ же, стр. 374.

самый тяжелый камень [1]). Несмертность или простительность нѣкоторыхъ грѣховъ обусловливается ихъ возникновеніемъ изъ общей наслѣдственной грѣховности человѣка, при неглубокомъ увлеченіи помысла, чувства и воли человѣка, при незамедлительномъ сознаніи вины своей и раскаяніи. Естественнымъ показателемъ такой простительности является духовная чуткость человѣка; при утратѣ же послѣдней и при длительности и безпечности пребыванія въ грѣхахъ, само по себѣ простительныхъ, простительные грѣхи отъ небреженія нашего дѣлаются страстію, низводящею въ адъ наравнѣ съ смертнымъ грѣхомъ, обращаясь въ гибельную страсть безпечности и нерадѣнія о своемъ спасеніи [2]). Сущность страсти, какъ причины духовной ги-

---

[1]) Тамъ же, стр. 374—375. Тѣмъ же подобіемъ для уясненія значенія грѣховъ несмертныхъ пользуется Епископъ Игнатій въ другомъ мѣстѣ (т. III, стр. 168), гдѣ указываются и нѣкоторые виды грѣха простительнаго, несмертнаго. Такъ, если случится кому увлечься чревообъяденіемъ, блуднымъ воззрѣніемъ и помышленіемъ, произнести гнилое слово, солгать, украсть что либо маловажное, потщеславиться, погордиться, прогнѣваться, на короткое время огорчиться или воспамятозлобствовать на ближняго,—во всѣхъ такихъ увлеченіяхъ по немощи человѣческой, когда за ними слѣдуетъ сознаніе и раскаяніе, мы удобно получаемъ прощеніе отъ милосердаго Бога. Простительный грѣхъ не разлучаетъ человѣка съ Божественною благодатію и не умерщвляетъ души его, какъ дѣлаетъ то смертный грѣхъ; но и простительные грѣхи пагубны, когда не раскаиваемся въ нихъ, а только умножаемъ бремя ихъ. (т. III, стр. 168).

Въ другомъ мѣстѣ, въ ряду несмертныхъ грѣховъ Владыка Игнатій отмѣчаетъ объяденіе, лакомство, роскошь, празднословіе, смѣхословіе. Но тутъ же отмѣчаетъ, что эти и другіе несмертные грѣхи, выросши и объявши человѣка, обратившись, такъ сказать, въ направленіе жизни, могутъ близко подойти къ грѣхамъ смертнымъ. И потому никакъ не должно пренебрегать грѣхами несмертными, особенно должно наблюдать, чтобъ какой нибудь грѣхъ не выросъ, и не образовалась въ навыкѣ къ нему страсть. Для очищенія отъ такихъ грѣховъ и для лучшаго наблюденія за собою, св Церковь положила каждому православному никакъ не менѣе четырехъ разъ въ годъ прибѣгать къ святому Таинству исповѣди.

Есть грѣхи, совершаемые словомъ. Ихъ никакъ не должно считать маловажными: отъ слова шуточнаго до слова преступнаго—самое краткое разстояніе. Есть грѣхи, совершаемые мыслію, ощущеніями сердечными, движеніями тѣла. Всѣ они не малы, всѣ-вражда на Бога. Но когда мысль и сердце наслаждаются грѣхомъ, любятъ какъ бы осуществлять его мечтаніемъ испещреннымъ, украшеннымъ и продолжительнымъ, таковой тайный душевный грѣхъ близокъ къ грѣху, совершаемому самымъ дѣломъ (Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 468—469).

Такимъ образомъ различіе между простительными и смертными грѣхами заключается не въ содержаніи или предметѣ ихъ, а въ субъективныхъ условіяхъ ихъ переживанія, въ отношеніи къ нимъ мысли, сердечныхъ ощущеній и воли, отъ вкорененности или поверхностности отношенія къ грѣху, отъ случайности или постоянства направленія жизни.

Грѣхи простительные при безпечности и нерадѣніи легко становятся гибельными и опасными для человѣческаго спасенія.

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. III, стр. 168.

бели человѣка, заключается не въ содержаніи ея самой по себѣ, а въ степени власти ея надъ человѣческой душой, въ степени подчиненности души грѣху: грѣхъ, овладѣвшій человѣкомъ, называется страстію [1]). Понятно отсюда, что и менѣе значительные, простительные грѣхи при безпечности и нерадѣніи становятся гибельными для человѣка, и грѣхи смертные, при искреннемъ и глубокомъ раскаяніи, съ рѣшимостью навсегда отказаться отъ повторенія грѣха, прощаются милосердіемъ Божіимъ. Понятно поэтому, что всѣ смертные грѣхи, кромѣ самоубійства, врачуются покаяніемъ. Покаяніе же тогда только признается истиннымъ и дѣйствительнымъ, когда послѣдствіемъ его бываетъ оставленіе грѣха смертнаго. Безъ этого послѣдствія покаяніе безплодно. Если же при покаяніи смертный грѣхъ не оставляется по привязанности къ нему, не оставляется по произволенію; если кающійся не удаляетъ отъ себя причинъ грѣха, или и самъ не удаляется отъ нихъ произвольно, то покаяніе такое—покаяніе слабое, двоедушное, поверхностное, причисляется къ дѣяніямъ лицемѣрства. Оно—гибельная попытка обмануть и Бога и себя [2]).

Спасеніе человѣка совершается, такимъ образомъ, во внутренней храминѣ души человѣческой, при самодѣятельномъ участіи человѣка, въ покаянномъ порывѣ къ престолу Божію привлекающаго къ себѣ содѣйствующую благодать Божію. Не отступая отъ грѣховъ, сдружаясь съ ними, человѣкъ обрекаетъ себя на вѣчную погибель; но и отчаяваясь въ своемъ спасеніи, считая грѣхи свои непроницаемой стѣной между собою и Богомъ, человѣкъ тѣмъ самымъ преграждаетъ себѣ путь благодатнаго возрожденія. Сознаніе совершенныхъ грѣховъ только учитъ человѣка понимать милость и всепрощающую любовь Божію, а не возбуждаетъ въ человѣкѣ ужаса предъ гнѣвомъ Божіимъ [3]). Такъ и Преосвященный Игнатій утверждаетъ, что „самый тяжкій грѣхъ—о т ч а я н і е. Этотъ грѣхъ уничижаетъ всесвятую кровь Господа Нашего Іисуса Христа, отвергаетъ Его всемогущество, отвергаетъ спасеніе, Имъ дарованное,—показываетъ, что въ этой душѣ прежде господствовали самонадѣянность и гордость, что вѣра и смиреніе были чужды ей. Болѣе, нежели отъ всѣхъ другихъ грѣховъ, надо храниться, какъ отъ смертоноснаго яда, какъ отъ лютаго звѣря, отъ отчаянія. Повторяю: отчаяніе—злѣйшій грѣхъ между всѣми грѣхами. Созрѣвшее отчаяніе обыкновенно выражается самоубійствомъ или дѣйствіями, тождественными самоубійству. Самоубійство—тягчайшій грѣхъ! Совер-

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 468.

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія т. V, стр. 460.

[3]) Архіеп. Сергій. Православное ученіе о спасеніи, изд. 4-е Спб. 1910 года, стр. 160.

шившій его лишилъ себя покаянія и всякой надежды спасенія“ [1]). Такъ аскетъ-подвижникъ и православный аскетъ-богословъ объединяются въ воззрѣніяхъ на существо духовной жизни человѣка по данному вопросу.

Переходя отъ обозрѣнія общихъ условій проявленія грѣха въ человѣческой индивидуальности и данныхъ его вмѣняемости къ изложенію сужденій Епископа Игнатія о частныхъ видахъ грѣховъ или страстей, мы полагаемъ полезнымъ въ данномъ случаѣ сопоставленіе ученія Епископа Игнатія о видахъ грѣха съ ученіемъ духоносныхъ аскетовъ-подвижниковъ по тому же вопросу, въ виду того, что эти послѣдніе, въ области познанія падшаго духа человѣческаго и путей къ его возстановленію въ состояніе первозданной чистоты, были духовными наставниками Владыки Игнатія Брянчанинова. На основаніи пройденнаго уже нами значительнаго пути сравнительнаго обозрѣнія ученія аскетовъ-подвижниковъ и Епископа Игнатія, мы апріорно уже предполагаемъ согласіе изучаемаго нами подвижника съ его наставниками, то трогательное и чистое единомысліе исповѣданія правды Божіей и путей къ ней, которое для Игнатія Брянчанинова было предметомъ религіозно-эстетическаго и моральнаго восхищенія въ писаніяхъ Свв. Отцовъ. Отмѣчая это единомысліе Епископа Игнатія съ его наставниками по вопросамъ духовной жизни, цѣня это единомысліе, какъ завѣреніе незыблемой правды наставленій Епископа Игнатія, мы полагаемъ свою задачу, въ данномъ случаѣ, въ томъ, чтобы уловить оригинальность формулировки вопросовъ духовнаго познанія въ твореніяхъ Епископа Игнатія, обособленность приводимыхъ имъ примѣровъ, увлекающую самобытность настроенія и по всѣмъ этимъ основаніямъ—особую привлекательность. Если въ VI т. своихъ твореній,—въ „Отечникѣ“ Владыка Игнатій даетъ сборникъ святоотеческихъ и аскетическихъ изреченій по вопросамъ духовной, преимущественно иноческой жизни, то въ первыхъ пяти томахъ, при ссылкахъ на первоисточники своихъ взглядовъ и цитаціи ихъ, Владыка Игнатій выражаетъ плоды своей духовной жизни и наблюденія своимъ словомъ, пользуется примѣрами своего опыта, прошедшими чрезъ его мысль, обнаруживаетъ свойственный ему религіозный лиризмъ, привлекаетъ не только назидательностію своихъ сужденій о духовной жизни, но и простотою и опредѣленностію своего взгляда на условія, законы и цѣли ея, чѣмъ легко достигаетъ руководственнаго вліянія и на нашу личную духовную жизнь, привлекая къ себѣ вниманіе новыхъ и новыхъ учениковъ.

Аскеты-подвижники, внимательнымъ ученикомъ которыхъ яв-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 467—468.

ляется Епископъ Игнатій и которыхъ наставленія онъ обильно цитируетъ, особенно въ своемъ „Отечникѣ", анализируя грѣховное состояніе человѣка въ сферѣ помысла, обращали свое вниманіе и на частные виды грѣха. Въ классификаціи грѣховныхъ состояній Епископъ Игнатій и слѣдуетъ своимъ наставникамъ, въ данномъ случаѣ не обнаруживая оригинальности, что и подтверждается краткимъ сопоставленіемъ его ученія по этому вопросу съ ученіемъ древнихъ аскетовъ, изъ котораго мы и полагаемъ полезнымъ сдѣлать необходимую справку, примѣнительно къ задачѣ настоящей главы—изображенію духовной жизни человѣка въ грѣховномъ состояніи.

Грѣховный помыслъ самъ по себѣ носитъ всегда опредѣленное содержаніе: грѣхъ извѣстенъ намъ, какъ фактъ съ опредѣленнымъ грѣховнымъ состояніемъ, но не какъ грѣхъ вообще. Элементарныхъ грѣховныхъ помысловъ у всѣхъ св. аскетовъ указывается восемь. Сообразно этимъ осьми грѣховнымъ помысламъ въ душѣ человѣка образуются страсти того или другого рода. Вся осмерица страстей раздѣляется различно. Всего естественнѣе, намъ кажется, дѣленіе ихъ на плотскія и душевныя, предлагаемое св. Іоанномъ Кассіаномъ [1]). Плотскія страсти въ тѣлѣ зарождаются и тѣло питаютъ и услаждаютъ, а душевныя изъ душевныхъ склонностей исходятъ и душу питаютъ, на тѣло же нерѣдко дѣйствуютъ разрушительно. Эти послѣднія врачуются простымъ врачеваніемъ сердца внутреннимъ, а плотскія двоякимъ лѣкарствомъ врачуются—и внѣшнимъ и внутреннимъ [2]). Но какое было дѣленіе страстей мы ни взяли у св. аскетовъ, оно ни въ какомъ случаѣ не указывается у нихъ, какъ послѣднее и рѣшительное. Напротивъ, сообразно грѣховной индивидуальности каждаго человѣка это дѣленіе можетъ измѣняться до безконечности, смотря по тому, какая страсть преобладаетъ въ душѣ и въ какой мѣрѣ она вліяетъ на все его грѣховное настроеніе [3]). Но какое бы дѣленіе мы ни взяли, мы нигдѣ не найдемъ страсти, какъ исключительно внѣшняго физическаго грѣховнаго направленія, вездѣ центръ тяжести будетъ въ душѣ. Даже самыя, повидимому, тѣлесныя страсти при ближайшемъ разсмотрѣніи суть, выражаясь языкомъ науки, состоянія психо-физическія. Такъ страсти чревоугодія и блуда, коренясь въ тѣлѣ, возбуждаются иногда безъ содѣйствія души, влекутъ за собою и душу по ея связи съ тѣломъ [4]). По наблюденію св. аскетовъ въ ходѣ духовной жизни одно психическое состояніе

---

[1]) Добротолюбіе, т. II, стр. 21.

[2]) Тамъ же.

[3]) Добротолюбіе, т. II, 466. Лѣствица, стр. 278. Пр. Варсанофія и Іоанна, стр. 337.

[4]) Св. І. Кассіана. О страстяхъ. Добротолюбіе, т. II, стр. 21.

внутренно тѣсно связано съ другимъ, одно составляетъ необходимое условіе для возникновенія другого. Одна добродѣтель рождаетъ и воспитываетъ другую, точно также и грѣхъ неизбѣжно влечетъ за собой другой грѣхъ. Всѣ восемь, такъ сказать, основныхъ страстей имѣютъ между собою тѣсную связь. Очень интересную градацію представляютъ онѣ у св. Іоанна Кассіана. Восемь страстей, говоритъ онъ, хотя имѣютъ разное происхожденіе и разныя дѣйствія, однако шесть первыхъ соединены между собою особымъ нѣкіимъ сродствомъ, по которому излишество предъидущей даетъ начало послѣдующей [1]). Чревоугодіе необходимо влечетъ за собой блудную похоть, отъ блуда происходитъ сребролюбіе, отъ сребролюбія гнѣвъ, отъ гнѣва печаль, отъ печали уныніе. Поэтому и борьба съ ними, по ученію св. Аввы, должна идти въ томъ же порядкѣ, переходя отъ предъидущихъ къ послѣдующимъ [2]). Остальныя двѣ страсти,—тщеславіе и гордость, такимъ же способомъ соединяются между собой, т. е. усиленіе первой даетъ начало второй, отъ чрезмѣрнаго тщеславія рождается страсть гордости [3]). Но и съ первыми шестью страстями двѣ послѣднія не разрознены окончательно. Весьма часто онѣ служатъ въ свою очередь ступенями духовнаго паденія, но самое печальное то, что они являются иногда по истребленіи первыхъ шести [4]). Первыя шесть страстей по истребленіи оставляютъ въ душѣ какъ бы грѣховный слѣдъ или сѣмя гораздо болѣе опасныхъ духовныхъ болѣзней, подобно тому, какъ ядовитое насѣкомое, будучи удалено съ тѣла, оставляетъ зародышъ ужасной заразы. Не вдаваясь въ психологическое уясненіе себѣ аскетическихъ воззрѣній на единство страстей, мы находимъ возможнымъ приблизить указанное ученіе къ своему пониманію съ точки зрѣнія единства духовнаго существа человѣка. Психическая жизнь представляетъ единство, при которомъ мы не можемъ указать ни одного психическаго состоянія, какъ проявленія одной какой нибудь психической силы, при чемъ всѣ другія силы души совершенно безучастны по отношенію къ данному состоянію, какъ будто они вышли за предѣлы души. Если принять еще во вниманіе тѣсную органическую связь души съ тѣломъ, то для насъ будетъ ясно, что одно грѣховное состояніе естественно и законосообразно переходитъ въ другое и т. д. Оставляя болѣе подробную классификацію страстей и порочныхъ состояній души, мы отмѣтимъ кратко психологію указанныхъ осьми страстей, какъ она выражается въ аскетическихъ твореніяхъ. Для удоб-

---

[1]) Св. Іоанна Кассіана о страстяхъ. Добротолюбіе, т. II, 22.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.

ства изученія психологіи страстей всю ихъ осмерицу можно раздѣлить на четыре пары, какъ это сдѣлано у св. Кассіана [1]). Дѣленіе это не механическое, но психологическое. Къ первой парѣ естественно должны быть отнесены страсти чревоугодія и блуда, сродныя какъ по своему источнику, такъ и потому, что они всегда вмѣстѣ обуреваютъ плотского человѣка. Сила страстей чревоугодія и блуда объясняется тѣмъ, что они происходятъ изъ естественныхъ, хотя и извращенныхъ потребностей человѣка [2]). Поэтому весьма обычно было и во времена св. аскетовъ, и въ настоящее время мнѣніе, что чревоугодіе и развратъ не касаются души, а только тѣла. „Сластолюбцы съ безстыднымъ лицомъ говорятъ другъ другу, свидѣтельствуетъ преп. Ефремъ Сиринъ, не судитъ за это (блудъ) Богъ, потому что касается сіе одного тѣла. Возражаютъ они такимъ образомъ, чтобы въ сердцѣ ближняго истребить страхъ Божія правосудія, и имъ самимъ небоязненно и неудержимо исполнять свои пожеланія, не имѣя себѣ обличителя. Какъ многихъ ввели въ заблужденіе слова сіи, какъ многихъ развратили, какъ многихъ погубили [3])! Кому неизвѣстно, что подобное мнѣніе весьма сильно и въ наши дни? И теперь нерѣдко приходится слышать, что чревоугодіе и развратъ вполнѣ естественны и законны, потому что исходятъ изъ естественныхъ потребностей природы и направляются къ поддержанію ея отправленій. Грѣховная сущность страстей чревоугодія и блуда состоитъ, по ученію св. подвижниковъ, въ перенесеніи центра тяжести жизни на плоть и предпочтеніи плотскихъ интересовъ жизни духовнымъ. Перенесеніе центра тяжести на плоть естественно ослабляетъ душу [4]). Естественно-нормальными отношеніями между тѣломъ и душою несомнѣнно должно признать такія, при которыхъ психофизическій организмъ человѣка сохраняетъ совершенную гармонію, т. е. отправленія души и тѣла совершаются безпрепятственно, тѣло всегда готово быть для души служебнымъ органомъ. Этому именно способствуетъ тѣлесное воздержаніе отъ чревоугодія и блуда [5]). Но коль скоро мы уступаемъ страстямъ чревоугодія и блуда, мы тѣмъ самымъ рѣшительно выбираемъ служеніе плоти и ослабляемъ духовную жизнь [6]). Во всякомъ грѣхѣ, а особенно въ такихъ, повидимому, исключительно физическихъ грѣхахъ, какъ чревоугодіе и блудъ, весьма трудно провести рѣшительную грань между физическимъ и психическимъ элементомъ. Иные говорятъ, что

---

[1]) Добротолюбіе, т. II, 22.
[2]) Лѣствица, стр. 174, 178, 304.
[3]) Препод Ефрема, т. IV, стр. 24.
[4]) Свят. Іоанна Кассіана. Добр., т. II, стр. 26, 28.
[5]) Лѣствица, стр. 167.
[6]) Тамъ же, 162.

отъ сердечныхъ помысловъ тѣло приходитъ въ страсть, другіе утверждаютъ напротивъ, что отъ тѣлесныхъ чувствъ рождаются лукавые помыслы[1]). Источники возникновенія этихъ грѣховъ бываютъ какъ извнѣ, такъ и внутренніе. Иногда отъ духовнаго нерадѣнія возникаетъ у насъ въ душѣ представленіе блуда, которое и дѣйствуетъ на волю искусительно. Если воля поддается этому искушенію внутренняго врага, то у насъ возникаетъ грѣховное настроеніе обычнымъ путемъ развитія помысловъ, которое и переходитъ во внѣшне осуществляющійся грѣхъ. Иногда, напротивъ, извнѣ является искушеніе, чрезъ слабость нашей воли вліяетъ на образованіе грѣховнаго представленія и затѣмъ доводитъ человѣка до грѣха[2]). Такимъ образомъ источникъ блуднаго грѣха можетъ быть и физическій и психологическій. Но въ томъ и другомъ случаѣ тѣлесное паденіе есть, главнымъ образомъ, фактъ психологическій. Нравственному вмѣненію блудъ и чревоугодіе подлежатъ не какъ естественныя отправленія организма, а какъ психическія состоянія паденія и именно постольку, поскольку блудный и чревоугодный помыслъ срастворяется съ нашимъ духомъ, поскольку наша душа сочетавается съ обольстительнымъ въ ней отпечатлѣніемъ[3]). Дѣлая замѣчанія о сладострастіи глазъ, Іисусъ Христосъ, говоритъ Іоаннъ Кассіанъ, не столько обличаетъ ихъ, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется услугою ихъ, сердце больное и уязвленное стрѣлою похотѣнія[4]). Но такъ какъ чистота сердца не можетъ быть достояніемъ нашей души, если мы не обуздаемъ позывовъ чревоугодія[5]), то послѣднее является внѣшнею причиною грѣха, какъ психическаго явленія. Грѣхъ, какъ нѣчто исключительно физическое, есть дѣло невозможное. Самое отнесеніе грѣха на физическую сторону предмета есть само по себѣ тяжелый нравственный грѣхъ. Сущность его, конечно, въ томъ, что человѣкъ дѣлится на ся и, оправдывая грѣхъ физическій яко бы законами природы, онъ въ то же время противопоставляетъ ему свою мнимую духовную чистоту, сопоставляетъ свою духовную и физическую природу, какъ будто каждая изъ нихъ самобытна и какъ будто онъ не обязанъ управлять тѣломъ съ неменьшимъ искусствомъ, какъ душою. Но горе тому, кто пребываетъ во грѣхахъ и не знаетъ времени покаянія. Горе тому, кто говоритъ: въ настоящее время наслаждусь плотію, а въ старости покаюсь, потому что подобно сѣти внезапно накроетъ его смерть и ожиданіе его погибнетъ[6]). Напрасно онъ думаетъ, что грѣхъ есть что-то физи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 190.
[2]) Преп. Варсанофія, стр. 250.
[3]) Преп. Нила Синайскаго. О блудѣ. Добротолюбіе, т. II, стр. 253.
[4]) Добротолюбіе, т. II, стр. 72.
[5]) Тамъ же.
[6]) Преп. Ефр. Сир., т. III. стр. 163.

ческое и не касается души. Самое дерзостное намѣреніе совершить грѣхъ, а потомъ покаяться съ призрачною надеждою на невинность души, переноситъ грѣхъ всецѣло въ психическую область. Но физическое осуществленіе грѣха весьма усиливаетъ его нравственную значимость. Между грѣховнымъ настроеніемъ и его практическимъ осуществленіемъ лежитъ все-таки великая пропасть. На краю этой пропасти человѣкъ можетъ, при помощи благодати Божіей, вести побѣдоносную борьбу противъ грѣха, можетъ выйти изъ этой борьбы нравственно чистымъ, какъ, напримѣръ, святый Іоаннъ Многострадальный. Физическое же совершеніе грѣха есть завершеніе духовнаго паденія и совершенное отверженіе Божественной благодати [1]). На языкѣ современныхъ сластолюбцевъ ни чревоугодіе, ни блудъ не суть грѣхи важные; они болѣе готовы говорить противъ сребролюбія и гордости, конечно, не на христіанской почвѣ, но чревоугодіе и блудъ они извиняютъ самоизмышленными высшими духовными цѣлями. Но не такъ учили и учатъ подвижники вѣры. Только тотъ непороченъ, кто любовь отразилъ любовію и огонь угасилъ огнемъ невещественнымъ [2]), т. е. настолько развилъ въ себѣ духовную природу—любовь къ Богу и ближнимъ и желаніе духовныхъ благъ, что она сама по себѣ носитъ противоядіе для страстнаго яда. Св. подвижники не дерзали и помыслить, что грѣхъ не касается души, а напротивъ, со всею рѣшительностію своего подвижническаго авторитета утверждали, что блудъ и чревоугодіе совершенно подавляютъ душу [3]). Все, что составляетъ духовную жизнь, умираетъ въ человѣкѣ, одержимомъ ядомъ чревоугодія. Онъ не боится Бога, памятованіе мученія пренебрегаетъ, отвращается отъ молитвы, бываетъ какъ бы не въ умѣ, а въ изступленіи и если бы не сокращались дни духа чревоугодія, то не спаслась бы ни одна душа.

Вторую пару страстей составляютъ сребролюбіе и гнѣвъ. На языкѣ святыхъ подвижниковъ сребролюбіе называется страстію, приходящею извнѣ и гнуснѣйшею чревоугодія [4]). Ея психологическій смыслъ, какъ страсти, состоитъ въ томъ, что она совершенно овладѣваетъ душою человѣка, привязываетъ ее къ землѣ и совершенно препятствуетъ ровному ходу духовной жизни [5]). Житейскій опытъ настоящаго времени, именуемаго практическимъ, представляетъ яркія иллюстраціи пагубнаго вліянія страсти сребролюбія на ходъ ду-

---

[1]) Добролюбіе, т. II, стр. 420—421.

[2]) Лѣствица, слово 15, стр. 171.

[3]) Лѣствица, стр. 175.

[4]) Преп. Іоаннъ Кассіанъ. Добротолюбіе. т. II, стр. 47.

[5]) Болѣе подробное изложеніе психологіи этой страсти см. у Іоанна Кассіана о сребролюбіи. Добротолюбіе, т. II, стр. 49—51.

ховной жизни. Если когда, то особенно въ переживаемое нами время можно наблюдать судорожную погоню за презрѣннымъ, но все таки любимымъ металломъ. Статистика представляетъ намъ слишкомъ много несчастныхъ и безотрадныхъ съ нравственной точки зрѣнія случаевъ, когда духовное существо человѣка, всецѣло порабощенное золотому тельцу, приноситъ ему въ жертву и Бога, подобно Іудѣ, и ближнихъ, и даже свои завѣтныя мечты и идеи. Человѣкъ настолько привязывается къ стяжаніямъ, что въ нихъ полагаетъ цѣль своей жизни, къ нимъ направляетъ всю свою дѣятельность и вслѣдствіе этого неизбѣжно создаетъ изъ жизни мертвое море пресловутой борьбы за существованіе, не той борьбы со зломъ и духомъ злобы, которая намъ завѣщана Христомъ, но борьбы противъ Бога и ближнихъ и противъ забываемыхъ, но дѣйствительныхъ своихъ собственныхъ духовныхъ интересовъ. Въ виду этого совершенно понятна психологическая связь между сребролюбіемъ и гнѣвомъ, какая указывается у аскетовъ. Психологическое значеніе гнѣва, какъ страсти, состоитъ въ томъ, что онъ ослѣпляетъ душу человѣка, и пока онъ находится въ нашемъ сердцѣ, мы не можемъ „ни стяжать правильнаго различенія добра и зла и остроты досточестнаго созерцанія, ни обладать зрѣлостію совѣта, ни быть причастниками жизни, ни держаться неуклонно правды, ни даже воспринимать истинный духовный свѣтъ“ [1]). Гнѣвъ въ своей рѣзкой формѣ проявляется нерѣдко, но гораздо чаще онъ наблюдается въ менѣе тяжкихъ, но не менѣе грѣховныхъ и душевредныхъ съ точки зрѣнія христіанскаго совершенства формахъ лжи и осужденія. Гнѣвъ въ его рѣзкой формѣ и обыкновенно понимается, какъ грѣховная страсть, или по меньшей мѣрѣ, какъ значительный недостатокъ; но ложь и осужденіе ближнихъ совершенно другое. Эти формы гнѣва въ наличномъ общежитіи признаются самыми обычными и естественными формами человѣческихъ отношеній, и даже имъ придается нравственный характеръ, такъ что ихъ практика возводится въ принципъ взаимныхъ отношеній. Но христіанскіе подвижники духа разсуждаютъ иначе. У нихъ мы не найдемъ ни малѣйшаго оправданія указанныхъ видоизмѣненій гнѣва, напротивъ и ложь и осужденіе одинаково признаются виновными съ нравственной точки зрѣнія. Никто изъ здравомыслящихъ не думаетъ, говоритъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ, что грѣхъ лжи есть какой нибудь маловажный. Ложь есть уничтоженіе любви [2]). „Встрѣтились другъ съ другомъ раздражительный и при-

---

[1]) Св. Іоанна Кассіана. Борьба съ духомъ гнѣва. Добролюбіе, т. II, стр 59. Препод. Нила Синайскаго. О гнѣвѣ, тамъ же, стр. 266, §§ 5 и 6, стр. 267; §§ 6, 18, 268. §§ 20, 25. Лѣствица, стр. 135.

[2]) Лѣствица, слово XII, стр. 154.

творный, и въ разговорѣ ихъ невозможно найти ни одного праваго слова. Заглянувъ въ сердце перваго, найдешь бѣшенство, разсмотрѣвъ душу другого, увидишь лукавство [1]), съ такою поразительною ясностію опредѣляетъ онъ психическое состояніе руководящихся ложью. Преп. Авва Дороѳей указываетъ три рода лжи. Одинъ лжетъ мыслію, другой лжетъ словомъ, а иной лжетъ самою жизнію своею [2]). Перваго рода ложь есть просто недовѣріе къ ближнимъ и ихъ намѣреніямъ, болѣзненно развитая подозрительность, заставляющая видѣть въ окружающихъ людяхъ недоброжелательство къ своей личности. Психическое значеніе ея, какъ страсти, въ томъ, что она неизбѣжно служитъ источникомъ грѣховъ злословія и осужденія и порождаетъ вражду между людьми, заставляя въ каждомъ ближнемъ видѣть недоброжелательство. Ложь словомъ это самый обычный разладъ между дѣйствительнымъ душевнымъ состояніемъ и его словеснымъ выраженіемъ; лгать словомъ значитъ говорить одно, а думать другое [3]). Въ жизненной практикѣ она проявляется, какъ необыкновенная словоизворотливость; скрытая цѣль словесной лжи въ томъ, чтобы прикрыть свой эгоизмъ и свои личныя эгоистическія намѣренія мотивировать какими нибудь высшими, нравственными, даже общественнаго характера цѣлями. Ложь словомъ есть эгоистическое идеализированіе своей личности. Такова же по существу и ложь жизнію, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь уже не психическая злая настроенность прикрывается словомъ, но самая грѣховная жизнь. „Жизнію лжетъ тотъ, кто, будучи блудникомъ, притворяется воздержнымъ или, будучи корыстолюбивымъ, говоритъ о милостынѣ и хвалитъ милосердіе, или, будучи надмененъ, похваляетъ смиренномудріе. „Такова же ложь жизни и у того, чья внѣшняя жизнь представляетъ видимое осуществленіе добра, но добро еще не коснулось сердца. Это ложь внѣшняго благочестія и внутренняго нечестія. Вліяніе этой страсти не только личное, но и общественное, потому что, проходя въ жизнь подъ покровомъ фразерства и лжи, она становится цѣлымъ жизненнымъ направленіемъ, въ которомъ добродѣтель и христіанство только на словахъ, а на дѣлѣ, въ жизни, оно всецѣло выражаетъ подчиненіе духу злобы. „Лживый человѣкъ, или боясь стыда, или желая обольстить кого и повредить кому, говоритъ о добродѣтеляхъ и хвалитъ ихъ, и удивляется имъ, какъ будто самъ поступалъ такъ и знаетъ ихъ по опыту: такой человѣкъ лжетъ самою жизнію своею, это не простой человѣкъ, но двойственный, ибо иной внутри и иной снаружи, и жизнь его двойственна и лукава [4]). Не часто ли мы, можемъ видѣть такую двой-

[1]) Тамъ же, стр. 241, § 13.
[2]) Препод. Дороѳея, поуч. 9, ст. 111.
[3]) Тамъ же, стр. 117.
[4]) Тамъ же, стр. 118.

ственность и въ настоящее время и не приходится ли намъ поэтому изучать психологію этой обманчивой страсти на самихъ себѣ. Старайся, чадо, всегда быть простосердечнымъ и искреннимъ, увѣщеваетъ преп. Ефремъ Сиринъ, и не держи одно на сердцѣ, а другое на устахъ, потому что это коварство. Будь правдолюбивъ и не лживъ, потому что ложь отъ лукаваго [1]). Страсть осужденія точно также есть выраженіе отсутствія любви къ ближнимъ. Она стала столь обычна въ наши дни, что не признается почти и грѣхомъ. Если же и случается говорить о ней, то почти всегда стараются мотивировать ее горячимъ, пылкимъ сердцемъ, любовію къ ближнимъ и желаніемъ исправить ихъ недостатки, или, наконецъ, даже мнимою невинностію этой страсти. Обычно говорятъ: какая важность въ осужденіи; но отъ этого образуется злой навыкъ и человѣкъ начинаетъ нерадѣть о великомъ [2]). Отъ того, что человѣкъ дозволитъ себѣ малое зазрѣніе ближняго, умъ его начинаетъ оставлять свои грѣхи безъ вниманія и замѣчать грѣхи ближняго. Отъ этого происходитъ, что мы осуждаемъ, злословимъ, укоряемъ ближняго и, наконецъ, впадаемъ въ то самое, что осуждаемъ. Ничто столько не прогнѣвляетъ Бога, ничто такъ не обнажаетъ человѣка и не приводитъ его къ погибели, какъ злословіе, осужденіе и укореніе ближняго [3]). Злорѣчіе есть изчадіе ненависти, говоритъ другой св. подвижникъ. Осужденіе есть похищеніе Божія достоинства и губительство своей души [4]). „Если видишь согрѣшающаго, не разглашай его грѣха и не осуждай его, не питай къ нему ненависти, чтобы и тебѣ не впасть въ тотъ же грѣхъ [5]). Такъ учатъ св. подвижники о страсти осужденія. Свв. подвижники учатъ одинаково избѣгать и лжи и осужденія. Вотъ образецъ ихъ правилъ для правильныхъ отношеній къ ближнимъ. „Когда встрѣтишься съ ближнимъ, принуждай себя оказывать ему честь свыше мѣры его. Когда разлучишься съ нимъ, говори о немъ все хорошее и что ни есть досточестнаго. Пусть всегда будетъ у тебя этотъ нравъ—ко всѣмъ быть благопривѣтливымъ и почтительнымъ. Если даже кто тебя злословитъ, не гнѣвайся, но со скромностію, показавъ улыбку на лицѣ, раздраженіе перемѣни на миръ [6]). Но избѣгая такимъ образомъ осужденія, они ни въ какомъ случаѣ не впадаютъ въ ложь и постыдную лесть, подобно сынамъ вѣка сего. Ихъ привѣтливость по отношенію къ ближнимъ не есть Іудино лобзаніе, ихъ похвала и почтеніе чужды

---

[1]) Пр. Ефр. Сир., т. III, стр. 222.

[2]) Пр. Дороѳея стр. 82, сл. VI-е о томъ, чтобы не судить ближняго.

[3]) Тамъ же, стр. 83.

[4]) Лѣствица. Слово 10. §§ 1—2. 12—14. Стр. 146—150.

[5]) Пр. Ефрема Сирина, т. III, стр. 222—223. Преп. Исаака Сир., стр. 372—372.

[6]) Преп. Исаака Сир. стр. 372—373; Добр., т. II, стр. 431. § 118.

лести и человѣкоугодія, потому что внѣшнему обращенію соотвѣтствуетъ и доброе расположеніе души. Научая встрѣчать врага съ веселымъ лицомъ, они понимаютъ эту веселость психологически, почему и научаютъ: „помни, что улыбка при раздраженіи возбуждаетъ въ другомъ большой гнѣвъ. Умиротвори прежде сердце, потомъ веди рѣчь съ улыбкою. Огонь не гаснится огнемъ, и ты любовію и благодушіемъ утоли гнѣвъ раздраженнаго“ [1]). Нельзя поэтому укорять свв. подвижниковъ въ двоедушіи и лицемѣріи; образъ поведенія ихъ объясняется изъ глубокой любви къ ближнимъ [2]). Но скажутъ, что такое настроеніе непонятно и трудно достижимо. Послѣднее мы признаемъ, а первое отрицаемъ. Совершенное неосужденіе и снисходительность къ ближнимъ достигается великимъ трудомъ и только путемъ дѣятельной любви. При смиренномъ сознаніи своего недостоинства весьма понятно, что мы не можемъ съ чистымъ сердцемъ быть снисходительными и въ то же время правдивыми въ отношеніи къ ближнему. „Бесѣдующій съ другими долженъ показывать имъ лице и слово веселое, внутри же себя имѣть помыслъ воздыхающій“ [3]). Любовь къ ближнему, сознаніе присущаго ему добра и случайность факта паденія даютъ силы быть снисходительными къ нему и избѣжать осужденія. А сознаніе своихъ духовныхъ немощей и переживаніе паденія ближняго, какъ паденія всего человѣчества и своего собственнаго, создаетъ въ душѣ благодѣтельное покаянное настроеніе, какъ бы ту міровую скорбь, о которой проповѣдывалъ у насъ Достоевскій; проникновеніе же этой міровой скорбію есть уже само по себѣ залогъ добродѣтели и неосужденіе падшихъ. Но такое благодѣтельное духовное настроеніе есть особенный даръ Божій человѣку и единственно надежный исходъ изъ коллизій самолюбія. Исходъ этотъ возможенъ только въ случаѣ направленія воли человѣка къ добру. Если же воля болѣе склонна къ злу, чѣмъ къ добру, то является другой исходъ изъ душевной борьбы при всѣхъ предъидущихъ страстяхъ. Осужденіе ближнихъ, гнѣвъ на нихъ, лживость въ отношеніяхъ, все это есть тяжелая болѣзнь, которая въ себѣ самой исхода не находитъ. При отсутствіи или недостаткѣ у человѣка любви, кризисъ этой болѣзни разрѣшается въ страсти печали и унынія.

Печаль и унынiе суть необходимое слѣдствіе или совершенно неправильнаго, или неустановившагося и разшатаннаго міровоззрѣнія. Поставленіе своего блага въ качествѣ жизненной цѣли, будетъ ли то эгоистически—животное или духовное благо,—все равно, поставленіе

---

[1]) Доброт. т. II, стр. 431, § 118.

[2]) Позднѣе, при изложеніи ученія аскетовъ о любви, какъ главномъ мотивѣ дѣятельности человѣка, мы постараемся выяснить это положеніе подробнѣе

[3]) Пр. Варсануфія, отв. 456, стр. 396.

своего „я“ выше всего неизбѣжно влечетъ за собой страсти печали и унынія, какъ естественныя патологическія состоянія души при растратѣ и ослабленіи ея силъ. „Печаль раждается изъ предшествовавшей ей страсти или гнѣва, или похотѣнія, или любостяжанія, когда кто испытываетъ въ умѣ потерю предвзятой надежды удовлетворенія или дѣлами, или вещами по роду ихъ“ [1]). Печаль происходитъ „или отъ предшествовавшаго гнѣва, или отъ потери прибыли и понесенія убытка, или отъ нанесенной намъ обиды“ [2]). Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи печаль является въ формѣ унынія [3]). Уныніе есть изнеможеніе души [4]), разслабленіе ума, нерадѣніе о подвижничествѣ, ненависть къ данному обѣту [5]); уныніе есть ослабленіе духовной жизни [6]). Уныніе различается у свв. подвижниковъ, какъ уныніе отъ діавола и уныніе естественное. Первое есть въ собственномъ смыслѣ грѣховная и опасная страсть, обличающая въ насъ ослабленіе духовной жизни и оземленѣніе нашихъ интересовъ. Второе, естественное, есть просто результатъ физическаго переутомленія, чрезвычайной работы [7]). Наконецъ, послѣдняя, естественная стадія въ развитіи печали есть отчаяніе, какъ состояніе совершеннаго духовнаго угнетенія и безнадежности. „Отчаяніе происходитъ вслѣдствіе множества грѣховъ, обременной совѣсти и невыносимой печали о томъ, что душа покрыта множествомъ язвъ. Еще постигаетъ насъ отчаяніе вслѣдствіе гордости и самомнѣнія, когда почитаетъ кто себя какъ бы незаслуживающимъ приключившагося ему паденія [8]). Авва Исаакъ указываетъ еще новую психологическую причину печали во всѣхъ ея видахъ; печаль и уныніе, говоритъ онъ, происходятъ отъ паренія ума, а пареніе ума отъ празднословія, чтенія и суетныхъ бесѣдъ, или отъ пресыщенія чрева [9]). Всѣ указываемыя богомудрыми подвижниками причины печали, унынія и отчаянія можно кратко выразить такъ: указанныя патологическія состоянія души происходятъ, какъ результатъ всѣхъ страстей, отъ сознанія неудовлетворенности началами эгоизма. Поставляетъ ли человѣкъ себя цѣлію своей жизнедѣятельности, цѣлію для всѣхъ окружающихъ, возводитъ ли эгоизмъ въ принципъ своей дѣятельности, онъ одинаково приходитъ къ сознанію, что начало эгоизма не даетъ полнаго удовлетворенія, что то благо, которое онъ хотѣлъ

---

[1]) Доброт., т. II, стр. 70, § 101.
[2]) Тамъ же, стр. 72, § 107, стр. 270, § 1, II. Лѣствица, слово 13, стр. 160.
[3]) Доброт., т. II, стр. 72, § 108.
[4]) Доброт., т. II, стр. 274, § 1.
[5]) Лѣствица, слово 13, § 2.
[6]) Варс. отв. 470, стр. 404.
[7]) Варс. отв. 559, стр. 468
[8]) Лѣств., сл. 26, стр. 286—287, § 89.
[9]) Преп. Исаак. Сир. стр. 169.

бы сдѣлать исключительно своимъ, не дается ему, такъ какъ есть много другихъ равноправныхъ ему существъ, которыя тоже хотятъ жить. Даже и въ томъ случаѣ, если эгоистъ достигаетъ цѣли своихъ стремленій, даже если онъ достигаетъ того, что всѣ признаютъ его цѣлію своей личности,—и въ этомъ случаѣ онъ не можетъ найти полнаго удовлетворенія, потому что съ одной стороны является желаніе еще большей славы, почета и превозношенія своего „я“, а съ другой—просыпается въ глубинѣ души червь совѣсти, который свидѣтельствуетъ ему, что гордая вавилонская башня, воздвигнутая эгоизмомъ, построена на пескѣ и легко разрушима; онъ приходитъ къ сознанію, что есть другія равноправныя и свободныя существа, которыхъ онъ поработилъ и сдѣлалъ средствомъ для себя. Въ томъ и другомъ случаѣ, то есть, возникаетъ ли сознаніе неудовлетворенности отъ новыхъ непомѣрныхъ требованій эгоизма, или отъ укоровъ проснувшейся совѣсти, благо личности нарушено и душевный кризисъ разрѣшается въ новые недуги: печали, уныніи и отчаянія. Такимъ образомъ, печаль и ея спутники одинаково сопровождаютъ какъ плотскія, такъ и духовныя страсти. Иногда во время самого отчаянія и сознанія полной неудовлетворенности матеріальнымъ благомъ, рабъ страстей получаетъ грѣховную радость, что можно еще быть счастливымъ, что до сихъ поръ онъ слѣпо отдавался своимъ страстямъ и потому неудовлетворенъ, что можно подчинить ихъ и все своему „я“, и тогда его благо обезпечено. Такимъ образомъ изъ печали и отчаянія выраждается гордость и тщеславіе [1]), на развалинахъ страстей плотскихъ выростаетъ древо тщеславія и гордости. Тщеславіе и гордость не суть какія либо единичныя, изолированныя страсти, какъ напр. чревоугодіе и сребролюбіе. Каждая изъ нихъ можетъ порабощать человѣка и при отсутствіи другой. Тщеславіе и гордость, напротивъ, сопровождаютъ всѣ страсти, соприсутствуютъ каждой изъ нихъ [2]). Всѣ прочія страсти могутъ быть истреблены и истребляются добродѣтелями, напр. чревоугодіе—постомъ, блудъ—воздержаніемъ, сребролюбіе—милосердіемъ къ бѣднымъ и т. п.; но страсти тщеславія и гордости сопровождаютъ самыя добродѣтели и губятъ ихъ [3]). Психологически эти страсти такъ тѣсно связаны между собой, что нѣтъ возможности сдѣлать точное разграниченіе ихъ. Св. подвижники, если дѣлаютъ какое различіе между тщеславіемъ и гордостію, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что признаютъ первое слабѣйшею формою, или первоисточникомъ по-

---

[1]) Лѣств. стр. 124. § 47, стр. 127. §§ 13—14.

[2]) Преп. Варсан., отв. 154, стр. 149. Преп. Дороѳ., поуч. 1, стр. 24—25. Добр., т. II, стр. 86, § 132.

[3]) Добр., т. II, стр 89, § 137.

слѣдней [1]). Инымъ угодно отдѣлять тщеславіе отъ гордости и назначать ему особое мѣсто и слово, но между ними нѣтъ разности, говоритъ св. Лѣствичникъ, ибо кто, побѣдивъ тщеславіе, имѣетъ въ себѣ гордость? Одно—начало, другое—конецъ [2]). Гордость есть совершенно развившееся въ душѣ тщеславіе. Св. подвижники поучаютъ, что во первыхъ, тщеславіе есть первая и губительнѣйшая изъ всѣхъ страстей, гордость и тщеславіе порождаютъ всякое зло,—во вторыхъ,—есть зло, наиболѣе присущее душѣ человѣческой и трудно искоренимое. Гордость есть первое зло и источникъ золъ, потому что гордостію палъ лучшій изъ ангеловъ [3]), гордостію же сначала падаютъ и всѣ люди. Богодарованныя достоинства человѣческой природы въ гордомъ помышленіи принимаются за свои личныя достоинства, источникъ и Даровавшій ихъ забываются. Въ своемъ развитіи гордость бываетъ двухъ родовъ. Первый родъ гордости состоитъ въ разрывѣ союза съ ближними, оскудѣніи любви къ нимъ и превозношеніи надъ ними, соединенномъ съ желаніемъ обратить ихъ въ средство для своего эгоизма [4]). Это первый періодъ гордости. Если человѣкъ не слѣдитъ за своимъ духовнымъ развитіемъ, не борется противъ самомнѣнія, то за первымъ періодомъ скоро наступаетъ второй періодъ: гордость на самого Бога. Въ первомъ періодѣ гордящійся считаетъ себя лучше и нравственно выше своего ближняго и послѣдняго уничижаетъ, во второмъ приписываетъ свои подвиги и добродѣтели себѣ самому, а не Богу; существенный признакъ этого періода есть отрицаніе Божественной благодати, какъ дѣятельной споспѣшницы въ добродѣтели. Начинается эта духовная болѣзнь обыкновенно съ горделиваго, но считаемаго у насъ невиннымъ, самопревозношенія. Обнаруженіе достоинствъ ближняго или въ дѣятельности его, или въ общественномъ мнѣніи болѣзненно поражаетъ наше самолюбіе и побуждаетъ осудить ближняго, указавъ въ немъ какой нибудь недостатокъ, или отрицая очевидное его достоинство указаніемъ на другихъ, достойнѣйшихъ. При этомъ эгоистическая подкладка нашихъ рѣчей совсѣмъ не въ томъ, что мы хотимъ исправить мнѣніе о ближнемъ, но выставить на видъ, хотя бы только въ своей душѣ, свои собственныя достоинства. Самое указаніе на недостатки ближняго, или сомнѣніе въ подлинности его добраго настроенія, всегда и непремѣнно предполагаетъ себялюбивое сознаніе отсутствія этихъ недостатковъ въ своей личности и горделивое превозношеніе надъ ближнимъ. Тотъ братъ, который на увѣщанія старца не быть гордымъ сказалъ: извини, отецъ.

---

[1]) Преп. Варсан. отв. 457, 295. Лѣств., сл. 23, § 2, стр. 227.
[2]) Лѣств., сл. 22, стр. 217, § 1.
[3]) Добр. т. II, стр. 87, § 135.
[4]) Преп. Дороѳея, стр. 42.

я не гордъ, былъ уже гордъ и его горделивое самосвидѣтельство было яснѣйшимъ доказательствомъ его гордости [1]). Сознаніе своихъ достоинствъ, при мнимомъ отсутствіи недостатковъ, есть первая ступень въ развитіи тщеславія; гордое сознаніе своихъ достоинствъ влечетъ за собой критическое отношеніе къ ближнимъ, замѣчаніе и осужденіе ихъ недостатковъ, имѣющее цѣлію отчасти оттѣнить и выставить на видъ свои достоинства, отчасти оградить себя, свое „я“ отъ всякаго притязанія со стороны ближнихъ; потому что самолюбивый и гордый человѣкъ всегда подозрителенъ и склоненъ видѣть во всѣхъ попытки свергнуть его съ сатанинскаго пьедестала гордости.

Человѣкъ съ задатками гордости встрѣчаетъ каждое жизненное явленіе, а особенно явленіе міра нравственнаго, съ нѣкоторымъ внутреннимъ разсужденіемъ. Вслѣдствіе искушенія гордости онъ притупляетъ или теряетъ способность проникнуть въ психологическую сущность даннаго явленія. Въ его душѣ въ виду добраго нравственнаго поступка ближняго является представленіе о недостаткахъ ближняго, но не о его достоинствахъ. Наряду съ этимъ является представленіе собственныхъ достоинствъ, но не недостатковъ. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ представленій въ отношеніи къ волѣ разрѣшается психологически въ горделивое превозношеніе надъ ближнимъ. Слѣдующее по времени подобное же явленіе проходитъ уже безъ вышеуказанныхъ представленій, а прямо получаетъ свою оцѣнку съ точки зрѣнія эгоизма. Право оцѣнки поступковъ ближняго и свое личное достоинство признаются уже безспорными. Здѣсь человѣкъ посягнулъ уже на права Божественныя, поскольку призналъ за собой безспорное право самооцѣнки и высшаго суда надъ нравственною личностію ближняго. Это—средняя ступень въ развитіи гордости. Самомнѣніе, самооцѣнка и судъ надъ ближними, интенсивно развиваясь, переходятъ въ послѣднюю ступень гордости. Самомнѣніе еще болѣе усиливается, самооцѣнка, хотя и горделивая, исчезаетъ изъ духовной жизни, потому что человѣкъ считаетъ себя въ этомъ состояніи стоящимъ выше всякаго суда, хотя бы это былъ пристрастный судъ себялюбія; самый вопросъ о его подсудности кому нибудь для него кажется нелѣпымъ и невозможнымъ. Напротивъ, право суда надъ ближними, суда высшаго и безаппелляціоннаго мало-по-малу признается за нѣчто безспорное и естественное. Человѣкъ здѣсь уже оставилъ Бога и отринулъ Его помощь; и если иногда событія жизни, міра нравственнаго или общеніе съ ближними дѣлаютъ гордецу напоминаніе о бытіи Бога, то онъ встрѣчаетъ это напоминаніе съ величайшимъ неудовольствіемъ, какъ посягательство на свою личность. Это уже гордость сатанинская. Его обращеніе къ Богу въ этотъ послѣдній періодъ

[1]) Лѣствица, слово 23, стран. 229, § 14.

духовнаго умиранія возможно, думается намъ, только теоретически въ виду благости Божіей и готовности Божественной благодати взыскать и спасти погибшую овцу; но оно невозможно практически, поскольку воля грѣшника закоренѣла во злѣ, она готова противиться Божественной истинѣ, но не принимать ее въ себя. Послѣдній періодъ въ развитіи гордости есть уже смертный грѣхъ, хула на Бога и противленіе Духу Святому.

Такимъ образомъ, духовная жизнь человѣка имѣетъ, по ученію свв. подвижниковъ, только два исхода, два пути: путь добра и путь зла. Шествующій по пространному пути зла подвергается различнымъ духовнымъ болѣзнямъ, именуемымъ страстями въ смыслѣ патологическихъ состояній духа. Страсти раздѣляются на духовныя [1]) и плотскія [2]). Человѣкъ одинаково можетъ подвергнуться каждой изъ этихъ страстей, и даже иногда можетъ подвергнуться нѣсколькимъ одновременно. Но у каждаго изъ людей есть какая нибудь преобладающая страсть, которая, въ сильной степени покоряя волю, въ то же время порождаетъ другія страсти и низводитъ человѣка въ глубину духовнаго паденія, потому что всѣ страсти психологически сродны между собою [3]), такъ что какая бы страсть ни преобладала въ духовномъ организмѣ человѣка, она одинаково можетъ при благопріятныхъ условіяхъ быть вредною для духа, можетъ быть смертнымъ грѣхомъ. Послѣднее мнѣніе оправдывается слѣдующими двумя соображеніями. Во первыхъ, мы должны принять во вниманіе, что всѣ страсти, по ученію свв. подвижниковъ, сродны между собою и проистекаютъ изъ одного источника, такъ что какую бы страсть мы ни взяли въ теоретическій разсчетъ, все равно практически она однородна съ другими и непремѣнно носитъ характеръ общаго всѣмъ духовнымъ недугамъ источника. Источникъ этотъ—гордость, не въ смыслѣ смертнаго грѣха и послѣдней ступени духовнаго умиранія, но въ смыслѣ именно преобладающей и проникающей другіе духовные недуги страсти, въ смыслѣ самолюбія. Каждое изъ грѣховныхъ состояній, какое бы мы ни взяли, плотского или духовнаго характера, носитъ на себѣ характеръ и печать самолюбія и имъ руководится отъ самого своего грѣховнаго зарожденія и до полной духовной погибели человѣка. Мы видѣли, что въ страстяхъ плотского характера [4]) человѣкъ поставляетъ себя мѣрою всѣхъ вещей и свое матеріальное благо выше всего, т. е. всецѣло руководится началомъ эгоизма, самолюбія. Этимъ именно и объясняется то поразительное обстоятель-

---

[1]) Гордость, тщеславіе, гнѣвъ, печаль, унынie, сребролюбіе.

[2]) Чревоугодіе и блудъ.

[3]) Добр., т. II, стр. 466, 476. Лѣствица, сл. 15, стр. 179, § 42.

[4]) Чревоугодіе и блудъ.

ство, что поставленіе матеріальнаго блага цѣлію жизни необходимо порождаетъ борьбу за существованіе, т. е. столкновеніе самолюбій. Преобладаніе самолюбія надъ прочими страстями еще яснѣе, если мы возьмемъ духовныя страсти. Мы выше видѣли, что въ каждой изъ нихъ человѣкъ непремѣнно возвышаетъ себя на пьедесталъ превосходства надъ другими, себѣ подобными, возводитъ эгоизмъ и себялюбіе въ принципъ жизни, а свое „я“ считаетъ за мѣру всѣхъ вещей. Такъ что всѣ страсти отличаются однимъ характеромъ, характеромъ самолюбія и гордости и, слѣдовательно, всѣ могутъ быть смертельными въ духовномъ смыслѣ, потому что ихъ источное начало, гордость въ себѣ самомъ, по существу носитъ духовную смерть. Второе соображеніе въ пользу нашей мысли состоитъ въ томъ, что всѣ страсти суть явленія, по преимуществу и почти исключительно, психологическія. Мы видѣли, что таково мнѣніе о страстяхъ у всѣхъ свв. подвижниковъ. Внѣшнему факту грѣха отводится слишкомъ невидное мѣсто [1]) въ законѣ нравственнаго вмѣненія. Св. подвижники признаютъ грѣхъ явленіемъ психологическимъ и, какъ таковой, считаютъ подлежащимъ нравственному вмѣненію. Внѣшній фактъ никогда не отдѣляется у нихъ отъ его психологической подкладки и въ то же время никогда не считается чѣмъ то совершенно невиннымъ и неподлежащимъ нравственной оцѣнкѣ. Всѣ грѣхи грѣховны по ихъ психологической основѣ.

Итакъ, всякій грѣхъ есть фактъ психологическій и подлежитъ нравственному вмѣненію. Каждый внѣшній поступокъ христіанина, будетъ ли то добродѣтельный или грѣховный, долженъ быть разсматриваемъ по своей внутренней психологической подкладкѣ, фактъ внѣшній должно возводить къ его психологическимъ основаніямъ. Наконецъ, третья характерная черта въ ученіи свв. подвижниковъ о страстяхъ и грѣхахъ, это—всецѣлое отнесеніе грѣховнаго явленія къ области воли, но не ума. Каждый грѣховный поступокъ человѣка подлежитъ нравственному вмѣненію и есть грѣхъ, какъ таковой, лишь въ той мѣрѣ, въ какой участвовало въ немъ свободное произволеніе человѣка. Иначе говоря, грѣхъ подлежитъ нравственному вмѣненію, какъ фактъ волевой. Ясныя подтвержденія данной мысли мы видѣли у свв. подвижниковъ при изученіи движеній и развитія помысловъ и страстей. Мы видѣли, что самый грѣховный помыслъ не подлежитъ нравственному вмѣненію и осужденію, если онъ остался теоретическимъ представленіемъ, но не воспринятъ волею. Поэтому свв. подвижники и научаютъ, что „иногда и помыслившій только хуже сдѣ-

---

[1]) 1/8 всего грѣха, какъ думаетъ Авва Дороѳей.

лавшаго, потому что онъ не имѣетъ мѣста покаянію. Хамъ, умыслившій подвергнуть отца осмѣянію, отверженъ, а Давидъ, сдѣлавшій грѣхъ съ вѣдѣніемъ, разрѣшенъ. Соумышленники Кореевы пожжены, хотя вовсе ничего не говорили и не дѣлали. Подобно сему потерпѣли и посланные къ Иліи. Но цѣлый сонмъ, поклонявшихся тельцу, по вразумленіи, освободилъ Богъ отъ казни. И въ Евангеліи Симонъ, поступившій неблагочестиво при видѣніи своего заблужденія, несомнѣнно признается достойнымъ прощенія, а Елима, воспротивившійся проповѣди, ослѣпленъ. Грѣхъ въ помыслѣ совершается соизволеніемъ на оный. Іуда предатель, подобно Исаву, отвергнутъ, ибо онъ зналъ, что дѣлалъ, потому что опытно извѣдалъ благодать Божію. И сознавая Божество, онъ побѣжденъ былъ сребролюбіемъ. Итакъ, великая разность есть. Много есть разности въ самомъ вѣдѣніи грѣха, но есть также разность въ самой силѣ рѣшимости на грѣхъ. Разсмотри поступокъ, и узнаешь различіе, обрати вниманіе на соизволеніе, и увидишь основаніе правды" [1]). Итакъ въ грѣховномъ помыслѣ вмѣняется въ грѣхъ не представленіе, а соизволеніе помыслу моей воли. Даже тяжелый богохульный помыслъ, какой посѣщаетъ насъ иногда въ самыя святыя минуты, чтобы сдѣлать насъ недостойными святыни [2]), даже этотъ богохульный помыслъ, если только онъ остается теоретическимъ въ формѣ искушенія, но не привлечетъ къ соучастію волю, не подлежитъ осужденію [3]), тогда какъ тотъ же самый помыслъ, оставаясь достояніемъ воли, дѣлается смертнымъ грѣхомъ. Корень душевныхъ явленій, какъ явленій личныхъ человѣческихъ, лежитъ не въ умѣ, а въ сердцѣ и волѣ [4]). Какое же, однако, значеніе имѣетъ умъ въ нравственной жизни, какое же вліяніе оказываетъ представленіе на волю? Умъ дѣйствуетъ на волю подобно тому, какъ ощущеніе даетъ намъ знать объ окружающемъ насъ мірѣ, умъ—ощущеніе души. Смотря потому, насколько ясны, основательны и убѣдительны наши умственныя представленія, настолько умъ вліяетъ на волю и даетъ ей сообразно съ своими идеями направленіе. Умъ—око души. Чрезъ него входятъ и добро и зло, и внушенія Высшаго ума и соблазны духа злобы, и какъ бы человѣкъ ни отклонялся отъ нихъ, они неизбѣжно присутствуютъ въ его сознаніи, такъ что самые святые люди, повидимому оградившіе себя отъ грѣха совершенно, не были, однако, свободны отъ грѣховныхъ помысловъ. Не во власти человѣка избѣжать помысловъ да это и не нужно въ цѣляхъ

---

[1]) Преп. Ефр. Сир., сл. VIII. Обличеніе себѣ самому и исповѣдь, т. I, стр. 243—245.

[2]) Лѣств., сл. 23, стр. 325.

[3]) Тамъ же, стр. 236, § 46.

[4]) Исаака Сир., Творенія, стр. 29.

духовной жизни. Но во власти человѣка бороться съ помыслами, препятствовать имъ овладѣвать душею, принимать добрые помыслы и отвергать злые. Какъ есть такіе люди, которые предпочитаютъ смотрѣть какую нибудь грязную уличную сцену, чѣмъ восхищаться видами природы; такъ точно и въ духовной жизни весьма обычны аномаліи, когда человѣкъ предпочитаетъ зло предъ добромъ и, услаждаясь злыми грѣховными помыслами, онъ не находитъ въ себѣ силъ на соучастіе съ добрыми. Такимъ образомъ, представленія ума имѣютъ весьма важное значеніе въ духовной жизни, въ духовной жизни они подобны тому первому штриху, который дѣлаетъ учащійся писать. Однако сами по себѣ представленія ни грѣхъ и не добро, а становятся таковыми лишь въ той мѣрѣ, въ какой они вліяютъ на волю и привлекаютъ ее къ соучастію въ своей дѣятельности. Итакъ, грѣхъ и добро суть факты, во-первыхъ, психологическіе, во вторыхъ—волевые. Изъ этихъ двухъ сторонъ слагается всякое духовное состояніе, и съ точки зрѣнія этихъ двухъ элементовъ оно подлежитъ нравственному вмѣненію.

Подобно своимъ наставникамъ—аскетамъ древности, Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ при классификаціи страстей и добродѣтелей держится большинствомъ принятой осьмерицы. Классифицируя грѣховныя состоянія, Преосвященный Игнатій указываетъ восемь главныхъ видовъ страстей съ ихъ подраздѣленіями и отраслями. Основными страстями грѣховной души отмѣчаются: чревообъяденіе, любодѣяніе, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе, тщеславіе, гордость [1]). Осьмеричная классификація страстей представляетъ удобное средство для отчетливаго представленія строя душевной жизни, ея содержанія, связности и послѣдовательности. Какъ основныя, такъ и производныя и второстепенныя грѣховныя состоянія человѣка, въ сужденіяхъ Епископа Игнатія оцѣниваются съ его основной точки зрѣнія—необходимости духовнаго дѣланія для достиженія вѣчнаго спасенія и борьбы съ плотскимъ мудрованіемъ, какъ главнымъ препятствіемъ душевнаго спасенія. Такъ, разсуждая о преимущественно развитомъ въ жизни иноческой тѣлесномъ подвигѣ, онъ цѣнитъ его не по принадлежности тѣлу, но по той пользѣ, которую онъ приноситъ преимущественно для ума и сердца. Ему видно послѣдствіе излишняго употребленія пищи и питья, послѣдствіе страшное и душепагубное, ибо отъ угожденія чреву отягощается, грубѣетъ, ожесточается сердце, умъ лишается своей легкости и духовности, человѣкъ содѣлывается плотскимъ, пригвожденнымъ къ землѣ, неспособнымъ къ помышле-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 168–172.

ніямъ и ощущеніямъ духовнымъ [1]). Точно также, по отношенію къ страсти блудной и связаннымъ съ нею грѣховнымъ состояніямъ [2]), преобладающимъ содержаніемъ грѣховности отмѣчается удаленіе и отчужденіе отъ Бога, истощеніе силъ ума, сердца и тѣла и пустота души, образующаяся отъ грѣховной жизни, произвольное стремленіе человѣка слѣдовать собственнымъ грѣховнымъ пожеланіямъ [3]). Въ страсти сребролюбія со всѣми ея видами [4]) главнымъ предметомъ нравственной вмѣняемости является духовная сторона: многопопечительность, отводящая умъ и сердце отъ Бога, грубость и нечувствіе души, забвеніе памяти смертной, помраченіе ума и вѣры въ Божественный Промыслъ, умираніе для добра [5]). Сребролюбіе является грѣхомъ и корнемъ всѣхъ грѣховъ по тѣсной соприкосновенности его съ цѣлымъ рядомъ злодѣяній и грѣховныхъ настроеній. Изъ за любви къ деньгамъ Іуда совершилъ ужаснѣйшее преступленіе между преступленіями человѣческими: предалъ Господа. Изъ за любви къ деньгамъ совершаются безчисленныя злодѣянія: нарушаются законы Божескіе и государственные, попирается правда, покровительствуется неправда, угнетается нищій, обогащается на погибель свою мздоимецъ. Сердце сребролюбца затворяется для милосердія, и онъ лишаетъ самъ себя милости Божіей, или спасенія, которое даруется однимъ милостивымъ [6]). Сравнительно съ чревоугодіемъ, блудомъ и ихъ послѣдствіями, сребролюбіе имѣетъ, по наблюденію Владыки Игнатія, большую нравственную вмѣняемость и обозначаетъ болѣе глубокую грѣховность человѣка не по матеріальной сторонѣ своей, а по большей сознательности и произвольности. Злодѣянія блуда и чревоугодія не могутъ сравниться съ злодѣяніями сребролюбца, котораго злодѣянія обдуманы, прикрыты личиною правды, дальновидны, проникнуты и преисполнены лукавствомъ сатанинскимъ, дѣйствуютъ нерѣдко въ самомъ обширномъ значеніи и размѣрѣ, потрясая и подрывая благосостояніе цѣлыхъ народовъ [7]). Четвертое мѣсто, по степени нравственной тяготы, въ ряду страстей занимаетъ гнѣвъ и памятозлобіе съ производными изъ него страстями [8]). Гнѣвъ наблюдается нами, какъ видимое проявленіе сокровенной ненависти или памятозлобія [9]).

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 86—87; т. II, стр. 205—211. Относящіяся къ категоріи чревоугодія грѣхи перечислены въ т. I, стр. 168.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 168.

[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 36.

[4]) Тамъ же, т. I, стр. 168—169.

[5]) Тамъ же, т. II, стр. 145, 214; т. IV, стр. 9.

[6]) Тамъ же, т. IV, стр. 375.

[7]) Тамъ же, стр. 376.

[8]) Тамъ же, т. I, стр. 169.

[9]) Тамъ же, т. V, стр. 217.

По вліянію своему на человѣка эта страсть тождественна съ другими ранѣе указанными, но болѣе глубока по своимъ результатамъ. Если мы допустимъ дѣйствовать памятозлобію,—оно опустошитъ душу, содѣлаетъ всѣ подвиги и добродѣтели наши безплодными, лишитъ насъ милости Божіей. Поэтому христіанинъ долженъ обращать особенное вниманіе на душевный недугъ памятозлобія, изгонять его при первомъ появленіи, не дозволять ему возгнѣздиться въ душѣ ни подъ какимъ предлогомъ, какъ бы этотъ предлогъ ни показался праведнымъ при первомъ взглядѣ на него [1]). Видное мѣсто въ ряду порочныхъ состояній гнѣва занимаетъ о с у ж д е н і е и к л е в е т а. Преосвященный Игнатій въ своихъ поученіяхъ нерѣдко говоритъ о широкомъ жизненномъ распространеніи осужденія и необходимости изъ послушанія слову Евангелія (Лк. VI, 37) воздерживаться отъ сужденія о ближнемъ. Сперва человѣки позволяютъ себѣ сужденіе о дѣлахъ ближняго, а потомъ невольно впадаютъ въ осужденіе. Не посѣемъ сѣмени—и не возрастутъ плевелы: воспретимъ себѣ ненужное сужденіе о ближнихъ—и не будемъ осуждены. Осужденіе является признакомъ лицемѣрія и тѣсно съ нимъ связано. Осуждающій и уничижающій ближняго невольно выставляетъ себя праведникомъ, можетъ быть, не произнося этого словомъ и даже не понимая этого [2]). Для своего грѣха мы ищемъ снисхожденія и милости, для грѣховъ ближняго—взысканій и казней [3]). Тѣмъ болѣе нужно остерегаться отъ клеветы, причиною которой бываетъ злоба, а условіемъ распространенія легковѣріе легкомысленныхъ,—злоба злохитрыхъ изображаетъ клевету и передаетъ ее легкомысленнымъ и скудоумнымъ для посѣва въ обществѣ человѣческомъ [4]).

Во вопросу о п е ч а л и и у н ы н і и Епископъ Игнатій ограничивается указаніемъ этихъ страстей въ ряду прочихъ и соприкосновенныхъ съ ними другихъ страстей, да приводитъ изреченія подвижниковъ о проявленіи этихъ страстей и борьбѣ съ ними [5]). Но за то онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на страстяхъ тщеславія и гордости.

Въ ряду отдѣльныхъ проявленій т щ е с л а в і я указываются многіе современные пороки, неизвѣстные подвижникамъ древности, какъ напр.:—исканіе славы человѣческой, хвастовство, желаніе и исканіе земныхъ почестей, любовь къ красивымъ одеждамъ, экипажамъ, при-

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 246; т. V, стр. 188. Хорошіе примѣры памятозлобія см. на стр. 294—297, т. V.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 278—279.

[3]) Тамъ же, стр. 201—202.

[4]) Тамъ же, стр. 198.

[5]) Тамъ же. т. I, стр. 169, также „Отечникъ“ (т. VI).

слугѣ и келейнымъ вещамъ; вниманіе къ красотѣ своего лица, пріятности голоса и прочимъ качествамъ тѣла, расположеніе къ наукамъ и искусствамъ гибнущимъ сего вѣка, исканіе утѣхи въ нихъ для пріобрѣтенія временной земной славы; человѣкоугодіе, безсовѣстность и др. [1]). Всего ближе къ тщеславію лицемѣріе. Лицемѣріе, истребляющее всю сущность добродѣтели, рождается изъ тщеславія. Тщеславіе есть суетное желаніе и исканіе временной славы и похвалы человѣческой. Тщеславіе является отъ глубокаго невѣдѣнія Бога, или отъ глубокаго забвенія Бога, отъ забвенія вѣчности и небесной славы, и потому оно, въ омраченіи своемъ, ненасытно стремится къ пріобрѣтенію земной временной славы. Эта слава представляется тщеславію, какъ и жизнь земная, вѣчнымъ, неотъемлемымъ достояніемъ. Тщеславіе, ищущее не самой добродѣтели, а только похвалы за добродѣтель, заботится и трудится единственно о томъ, чтобы выставить предъ взоры человѣческіе личину добродѣтели. И предстоитъ лицемѣръ человѣчеству, облеченный въ ризу сугубаго обмана: на наружности его видна добродѣтель, которой въ сущности онъ вовсе не имѣетъ; въ душѣ его видны самодовольство и напыщенность, потому что онъ прежде всего обольщенъ и обманутъ въ самомъ себѣ. Болѣзненно наслаждается онъ убивающимъ его тщеславіемъ, болѣзненно наслаждается обманомъ ближнихъ, болѣзненно наслаждается удавшимся лицемѣрствомъ. Пагубны тщеславіе и рождаемое имъ лицемѣрство въ самомъ началѣ своемъ: они лишаютъ человѣка всякой награды небесной, въ единственную награду предоставляя ему избранную имъ вожделѣнную суетную похвалу человѣческую! Ужасны тщеславіе и лицемѣрство въ развитіи своемъ и зрѣлости своей, когда они возобладаютъ человѣкомъ, когда они обратятся въ правило дѣятельности, въ характеръ. Ими образуется фарисей, стремящійся съ изступленною и слѣпою рѣшимостію къ совершенію всѣхъ беззаконій и злодѣяній; ими образуется фарисей, нуждающійся въ личинѣ добродѣтели только для того, чтобъ свободнѣе и успѣшнѣе утопать въ злодѣяніяхъ. Такова плачевная картина нравственнаго опустошенія, нравственныхъ бѣдствій, совершаемыхъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ въ падшей человѣческой природѣ. Тщеславіе—страсть многообразная, тонкая неудобостижимая. Всѣ прочія страсти, возмущая спокойствіе человѣка, немедленно обличаются совѣстію; страсть тщеславія, напротивъ того, льститъ падшему сыну Адама, приноситъ ему какъ бы наслажденіе, представляется утѣшеніемъ духовнымъ за совершенное доброе дѣло. Всѣ прочія страсти прямо нарушаютъ противоположныя имъ добродѣтели: такъ объяденіемъ нарушается воздержаніе, гнѣвомъ—

[1]) Тамъ же, стр. 169—170.

кротость, сребролюбіемъ—щедрость. Тщеславіе, повидимому, не нарушаетъ ни одной добродѣтели; оно, татебнымъ образомъ отъявъ у человѣка памятованіе о Богѣ, о несказанномъ величіи Божіемъ, увлекаетъ падшаго человѣка взглянуть на себя съ одобреніемъ и удовольствіемъ, полюбоваться собою. Чуждое духовнаго дара, оно ищетъ представить себя имѣющимъ даръ, или по крайней мѣрѣ внушить подозрѣніе къ себѣ въ людяхъ, какъ бы къ чему либо вышеестественному; оно ищетъ этимъ обманомъ бѣдственно утѣшить себя. Оно присутствуетъ подвижнику при его постѣ, при его молитвѣ, при его милостынѣ, при его бдѣніяхъ, при его колѣнопреклоненіяхъ, стараясь восхитить жертву, приносимую Богу, и, осквернивъ ее человѣкоугодіемъ, содѣлать непотребною. Оно преслѣдуетъ раба Христова въ уединеніи келліи его, въ его затворѣ; не имѣя возможности доставить подвижнику душепагубную похвалу отъ постороннихъ зрителей, приноситъ ему похвалу въ помыслахъ, рисуетъ и изображаетъ обольстительно въ воображеніи славу человѣческую. Часто оно дѣйствуетъ безъ помысла и мечтанія; но познается единственно по отсутствію изъ сердца блаженнаго умиленія, блаженнаго памятованія и сокрушенія о согрѣшеніяхъ [1]). Тщеславіе преслѣдуетъ даже добрыя дѣла человѣка [2]), даже духовное наставленіе ближнихъ нерѣдко предваряются и сопровождаются тщеславіемъ [3]). Тщеславіе можетъ заражать иногда настроеніе цѣлаго братства, которое можетъ тщеславиться не только по причинѣ вещественныхъ преимуществъ своего монастыря, но и по причинѣ высокаго мнѣнія мірянъ объ особенномъ благочестіи его устава [4]). Тщеславіе почти всегда дѣйствуетъ вмѣстѣ съ утонченнымъ сладострастіемъ и доставляетъ человѣку самое тонкое грѣховное наслажденіе. Ядъ этого наслажденія такъ тонокъ, что многіе признаютъ наслажденіе тщеславіемъ и сладострастіемъ за утѣшеніе совѣсти, даже за дѣйствіе Божественной благодати. Обольщаемый этимъ наслажденіемъ подвижникъ мало по малу приходитъ въ состояніе самообольщенія; признавая самообольщеніе состояніемъ благодатнымъ, онъ постепенно поступаетъ въ полную власть падшаго ангела, постоянно принимающаго видъ Ангела свѣтлаго,—дѣлается орудіемъ, апостоломъ отверженныхъ духовъ. Изъ этого состоянія написаны цѣлыя книги, восхваляемыя слѣпотствующимъ міромъ и читаемыя неочистившимися отъ страстей людьми съ наслажденіемъ и восхищеніемъ. Это мнимое духовное наслажденіе есть ничто иное, какъ наслажденіе

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 68—71.
[2]) Тамъ же, т. V, стр. 279.
[3]) Тамъ же, стр. 77.
[4]) Тамъ же, стр. 41.

утонченными тщеславіемъ, высокоумiемъ и сладострастiемъ. Тщеславіе растлѣваетъ душу точно такъ же, какъ блудная страсть растлѣваетъ душу и тѣло. Тщеславіе дѣлаетъ душу неспособною для духовныхъ движенiй, которыя тогда начинаются, когда умолкнутъ движенія душевныхъ страстей, будучи остановлены смиренiемъ. Тщеславіе влечетъ къ противозаконному пріобщенію славѣ человѣческой, и, прикасаясь къ сердцу, приводитъ въ нестройное сладостное движеніе кровь,— этимъ движенiемъ измѣняетъ все расположеніе человѣка, вводя въ него соединеніе съ дебелымъ и мрачнымъ духомъ міра, и, такимъ образомъ, отчуждая его отъ Духа Божія [1]). Тщеславный лицемѣръ неспособенъ ни къ вѣрѣ, ни къ Богопознанію [2]). Столь душевредное дѣйствіе тщеславія и лицемѣрія на человѣка, по уясненію Владыки Игнатія, мотивируется тѣмъ, что страсти эти затрудняютъ, дѣлаютъ невозможнымъ переживаніе спасительнаго покаянія и лишаютъ человѣка сознанія своей грѣховности. Лицемѣрство есть тотъ родъ грѣховности, который особенно противодѣйствуетъ познанію Христа и христіанства. Начало обращенія ко Христу заключается въ познаніи своей грѣховности, своего паденія: отъ такого взгляда на себя человѣкъ признаетъ нужду въ Искупителѣ и приступаетъ ко Христу посредствомъ смиренія, вѣры и покаянія. Но лицемѣръ, недугуя недовольно примѣтными для человѣковъ страстями,—тщеславіемъ, гордынею, сребролюбіемъ, завистью, лукавствомъ, злобою, прикрывая ихъ лицемѣрствомъ и притворствомъ, неспособенъ, какъ неспособенъ сатана, къ признанію себя грѣшникомъ. И добродѣтели и страсти дѣлаются отъ навыка какъ бы природными, такъ и лицемѣрство отъ навыка къ нему дѣлается какъ бы естественнымъ качествомъ. Обладаемый имъ уже не видитъ въ лицемѣрствѣ душепагубнѣйшаго порока,— дѣла лицемѣрства совершаетъ какъ бы дѣла правды. Лицемѣріе— грѣховная закваска для человѣческаго настроенія, потому что оно, вкравшись въ душу, проникаетъ во всѣ мысли, во всѣ чувствованія, во всѣ дѣла человѣка, дѣлается его характеромъ, какъ бы душою его [3]). Въ тѣсной связи съ тщеславіемъ стоитъ человѣкоугодіе. Тщеславный, въ своемъ стремленіи къ славѣ человѣческой, вынуждается къ человѣкоугодію. Тщеславіе питается похвалою человѣческою и преимуществами, изобрѣтаемыми плотскимъ мудрованіемъ и возникающими изъ нашего паденія. Оно питается богатствомъ, знатностію рода, громкими именами, которыми увѣнчивается служеніе и угодливость міру и прочими суетными почестями. Путь искателя славы человѣческой—по-

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 215—216.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 276.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 277—278, 275—276.

стоянное и разнообразное человѣкоугодіе. Правильно или неправильно, законно или беззаконно это человѣкоугодіе, до того дѣла нѣтъ искателямъ человѣческой славы, лишь бы оно достигало своей цѣли [1]). Овладѣвая, при безпечности духовной жизни, душою человѣческою, тщеславіе отдаляетъ человѣка отъ спасенія и, развиваясь и усиливаясь, переходитъ въ страсть гордости и самомнѣнія. Лицемѣрство, рождаясь отъ тщеславія, т. е. отъ исканія похвалы и славы человѣческой, питаетъ успѣхами своими тщеславіе. Когда же тщеславіе достигнетъ зрѣлаго возраста, тогда дѣйствіе его изъ порывовъ обращается въ постоянное стремленіе, тогда изъ тщеславія образуется безумная и слѣпая страсть—гордость. Гордость есть смерть души въ духовномъ отношеніи: душа, объятая гордостію, неспособна ни къ смиренію, ни къ покаянію, ни къ милости, ни къ какому помышленію и чувству духовнымъ, доставляющимъ живое познаніе Искупителя и усвоеніе Ему [2]). Гордый смотритъ на себя, какъ на самобытное существо, а не какъ на созданіе Божіе; земная жизнь представляется ему безконечною, смерть и вѣчность—несуществующими. Промысла Божія нѣтъ для него: онъ признаетъ правителемъ міра—разумъ человѣческій. Всѣ помышленія его пресмыкаются по землѣ, жизнь его принесена всецѣло въ жертву землѣ, на которой хотѣлось бы ему учредить непрестанное наслажденіе грѣхомъ [3]). Удѣломъ людей горделивыхъ, преисполненныхъ самомнѣнія и плотскаго мудрованія, является вѣчная смерть, смерть души, состоящая въ рѣшительномъ отчужденіи отъ Бога, въ усвоеніи себѣ ненависти къ Богу и человѣчеству [4]). Главнымъ, неотъемлемымъ, существеннымъ характеромъ плотскаго мудрованія является гордость, служащая дверію для всѣхъ грѣховъ и пороковъ [5]). Плотское мудрованіе или общее антихристіанское направленіе жизни имѣетъ своимъ наиболѣе очевиднымъ выраженіемъ гордость и самомнѣніе, съ которыми неизбѣжно связанъ полный упадокъ духовно-христіанской жизни. Гордый чуждъ Богопочитанія, чуждъ страха Божія, уваженія къ закону Божію и гражданскому, чуждъ уваженія къ ближнему, къ его пользамъ, благосостоянію, къ самой жизни, чуждъ самопознанія, чуждъ добродѣтели, врагъ и злодѣй человѣкамъ и себѣ. Онъ способенъ ко всѣмъ беззаконіямъ, какъ бы имѣющій на совершеніе ихъ какое то особенное право. Гордый—это человѣкъ съ

---

[1]) Тамъ же, т. V, стр. 287.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 27.
[3]) Тамъ же, стр. 170—171, 380, 386.
[4]) Тамъ же, стр. 387.
[5]) Тамъ же, стр. 196.

окаменѣвшимъ сердцемъ и съ умомъ демонскимъ [1]). Яркимъ выраженіемъ гордости, тщеславія, лицемѣрія и, вообще, антихристіанскаго настроенія по плотскому мудрованію и лжеименному разуму является жизненное направленіе фарисейства. Все свое вниманіе направляя въ сторону духовнаго дѣланія и душеспасительнаго подвига, а въ плотскомъ мудрованіи и горделивомъ самообольщеніи справедливо видя главную причину духовной гибели человѣка, Преосвященный Игнатій многократно и сильно говоритъ о фарисействѣ, характеризуя его и предостерегая своихъ ближнихъ отъ этой коренной и въ жизни малопримѣтной духовной опасности. Въ направленіи фарисейства какъ бы сконцентрирована вся грѣховность человѣческая: ея субъективно-внутреннее и внѣшнее выраженіе. Въ фарисействѣ легко находитъ себѣ мѣсто и оправданіе и невидѣніе своихъ грѣховъ, ихъ извиненіе, и зоркость въ отношеніи грѣховъ ближняго, и пренебреженіе къ нему, и самодовольство, и правовое воззрѣніе на свой духовный подвигъ, въ силу котораго дѣла наши мыслятся, какъ заслуги передъ Богомъ. Принимая и усвоивая ложныя понятія о существѣ духовной жизни, фарисейство всегда связано съ самообольщеніемъ и духовною прелестію въ отношеніи къ себѣ самому и съ мрачнымъ, горделиво-презрительнымъ взглядомъ изъ самодовольства на человѣчество. Фарисей смотритъ на свои дѣла, какъ на жертвы, какъ на заслуги предъ Богомъ; такой взглядъ общій всѣмъ фарисеямъ. Наряду съ этимъ, ближніе—носители духа Христова являются для фарисея предметомъ соблазна. Фарисеи требуютъ соотвѣтственнаго своему поведенія и отъ другихъ людей; не видя его, они соблазняются и осуждаютъ. Свойственно фарисеямъ, говоритъ Владыка Игнатій, соблазняться на тѣхъ, въ которыхъ они не видятъ фарисейства; свойственно имъ соблазняться на тѣхъ, которые, гнушаясь самолюбіемъ и человѣкоугодіемъ, стараются угождать въ простотѣ и тайнѣ сердца Богу; свойственно имъ видѣть грѣхъ и злонамѣренность тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ; свойственно имъ осуждать, ненавидѣть и преслѣдовать истинныхъ служителей Божіихъ. Ихъ преслѣдованіямъ и ненависти постоянно подвергаются или кающіеся грѣшники, примиряющіеся съ Богомъ и дѣлающіеся праведниками посредствомъ покаянія, или ученики и послѣдователи вочеловѣчившагося Бога, но всѣхъ болѣе—Самъ вочеловѣчившійся, всесовершенный Богъ. Занимаясь изученіемъ закона Божія только по буквѣ, а не опытно, не исполненіемъ закона, они получаютъ не смиреніе, въ которое приводится человѣкъ истиннымъ познаніемъ Бога, но—необыкновенную напыщенность и надменность. Обрядовымъ постановленіямъ

---

[1]) Тамъ же.

они придаютъ гораздо большую важность, нежели какую слѣдовало имъ давать, а заповѣди Божіи, составляющія сущность закона, оставляютъ безъ вниманія. Извративъ значеніе закона сообразно своему лжеименному разуму и развращенному сердцу, они, въ то время, какъ служатъ и угождаютъ единственно самолюбію, ошибочно для себя и другихъ представляются служащими и угождающими Богу. Они стремятся служить и угождать Богу исполненіемъ с в о е й в о л и и с в о и х ъ р а з у м ѣ н і й, признавая ихъ навѣрно добрыми и истинными, что неестественно для падшаго человѣческаго естества, а не тщательнѣйшимъ изслѣдованіемъ и исполненіемъ воли Божіей. При такомъ образѣ дѣятельности человѣкъ почти постоянно дѣлаетъ зло, признавая его добромъ, а когда дѣлаетъ и добро, то дѣлаетъ его изъ себя, почему приписываетъ его себѣ, какъ приписывалъ фарисей. При этомъ самое добро дѣлается причиною зла, вводя въ человѣка самомнѣніе, насаждая, питая и возращая въ немъ пагубнѣйшую изъ страстей гордость [1]). Фарисейство характеризуется отверженіемъ Бога, поклоненіемъ себѣ и внѣшней религіозностію при внутреннемъ ея отчужденіи [2]). Самое внѣшнее поведеніе фарисея, выражая по существу его настроеніе самодовольства къ себѣ и презрѣнія къ ближнимъ, мотивируется имъ общественной пользой и благомъ ближнихъ. Фарисей идетъ и становится впереди, чтобы послужить назиданіемъ собравшемуся народу и привлечь его вниманіе къ себѣ для пользы его же народа. Такъ, обыкновенно, оправдываетъ и прикрываетъ свои дѣйствія тщеславіе. Фарисей свободно воздымаетъ горѣ свое надменное око, онъ окрыленъ самомнѣніемъ и самоувѣренностію, его лицо сіяетъ самодовольствомъ. Иногда фарисеи обнаруживаютъ видимое смиреніе, они становятся, напримѣръ, и въ самой глубинѣ храма, особливо когда они—особы сановныя, потомъ внезапно выходятъ предъ народъ, чтобъ сильнѣе поразить вмѣстѣ и явленіемъ сана и предшествовавшимъ явленіемъ смиренія. Не всегда и лица ихъ выражаютъ самодовольство; они принимаютъ различные виды, смотря по надобности; но они всегда сочиненныя [3]). Но особенно подробно и глубоко характеризуетъ Преосвященный Игнатій настроеніе фарисейства въ спеціальной статьѣ по этому вопросу въ т. I подъ заглавіемъ: „Фарисей“ [4]). Существенные признаки и основные элементы фарисейскаго настроенія изображаются Преосвященнымъ Игнатіемъ въ слѣдующемъ яркомъ видѣ. Причиной фарисейскаго настроенія является недостатокъ смиренія, крайне препятствующій духовному преуспѣянію. Въ то

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 21—23.
[2]) Тамъ же, стр. 25.
[3]) Тамъ же, стр. 26.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 410—427.

время, какъ падшіе въ тяжкіе грѣхи, съ горящею ревностію и въ сокрушеніи духа приносятъ покаяніе, забываютъ весь міръ, видятъ непрестанно грѣхъ свой и оплакиваютъ его предъ Богомъ,—взоры фарисея двоятся. Грѣхъ его, показывающійся предъ нимъ незначительнымъ, не привлекаетъ къ себѣ всего вниманія его. Онъ помнитъ, знаетъ нѣкоторыя добрыя дѣла свои и на нихъ возлагаетъ надежду. Онъ видитъ недостатки ближнихъ; сравнивая ихъ съ своими, признаетъ свои легкими, извинительными. Чѣмъ болѣе возростаетъ въ глазахъ его собственная правда, тѣмъ болѣе умаляется оправданіе благодатное, туне даруемое кающимся. Отъ этого ослабѣваетъ истребляется чувство покаянія. Съ умаленіемъ чувства покаянія затрудняется шествіе къ духовному преуспѣянію; съ уничтоженіемъ чувства покаянія совращается человѣкъ съ спасительнаго пути на путь самомнѣнія и самообольщенія. Онъ дѣлается чуждымъ святой любви къ Богу и ближнимъ. Зараженный недугомъ фарисейства лишается преуспѣянія духовнаго. Жестка почва его сердечной нивы, не приноситъ жатвы: для духовнаго плодоносія необходимо сердце, воздѣланное покаяніемъ, смягченное, увлаженное умиленіемъ и слезами. Лишеніе преуспѣянія есть уже существенный ущербъ. Но вредъ, происходящій отъ фарисейства, не ограничивается безплодіемъ души: смертоносная зараза фарисействомъ, по большей части, сопряжена съ послѣдствіями самыми гибельными. Фарисейство не только содѣлываетъ безплодными для человѣка добрыя дѣла его, но направляетъ ихъ во зло душѣ его, къ его осужденію предъ Богомъ [1]). Фарисей исчисляетъ явныя согрѣшенія, которыя могутъ быть видимы всѣми; но о душевныхъ страстяхъ, о гордости, лукавствѣ, ненависти, зависти, лицемѣріи, не говоритъ ни слова. А онѣ то и составляютъ фарисея. Онѣ то уничтожаютъ любовь къ ближнему и рождаютъ исполненный хлада, гордыни и ненависти соблазнъ. Онѣ то и омрачаютъ, мертвятъ его душу, содѣлываютъ ее неспособною къ покаянію. Когда фарисейство усилится и созрѣетъ, овладѣетъ душою, то плоды его—ужасны. Историческіе фарисеи осмѣлились назвать Сына Божія бѣснующимся. Фарисеи позволяли себѣ утверждать, что вочеловѣчившійся Богъ, пришедшій на землю Спаситель, опасенъ для общественнаго благосостоянія, для гражданскаго быта іудеевъ. И всѣ эти переплетенные вымыслы нужны для того, чтобы подъ прикрытіемъ наружной справедливости, подъ личиною охраненія народности, законовъ, религіи, насытить ненасытимую злобу свою кровію, принесть кровь въ жертву зависти и тщеславію, чтобы

[1]) Тамъ же, стр. 414.

совершить Богоубійство. Фарисейство—страшный ядъ; фарисейство—ужасный душевный недугъ [1]). Преосвященный Игнатій полагаетъ необходимымъ ясное изображеніе и представленіе фарисейства для того, чтобы оберечь себя „отъ кваса фарисейска“. Продолжая это изображеніе, Епископъ Игнатій характеризуетъ фарисея слѣдующими чертами. Фарисей, довольствуясь наружнымъ исполненіемъ обрядовъ религіи и совершеніемъ нѣкоторыхъ видимыхъ добрыхъ дѣлъ, нечуждыхъ и язычникамъ, раболѣпно служитъ страстямъ, которыя старается постоянно прикрывать, которыхъ въ значительной степени не видитъ въ себѣ и не понимаетъ, которыя производятъ въ немъ совершенную слѣпоту по отношенію къ Богу и всему Божественному ученію. Хотя онъ и занимается чтеніемъ Писанія, но онъ, неспособный къ покаянію, неспособенъ зрѣть свѣта заповѣдей Божіихъ, онѣ ускользаютъ отъ взоровъ его, и онъ замѣняетъ ихъ своими умствованіями, нелѣпыми, уродливыми. Оставляя исполненіе заповѣдей Божіихъ, составляющихъ сущность Закона, стремится къ утонченному исполненію наружныхъ мелочей, хотя бы это было съ очевиднымъ нарушеніемъ заповѣдей. Самая скрытная изъ всѣхъ душевныхъ страстей есть тщеславіе. Эта страсть болѣе всѣхъ другихъ маскируется предъ сердцемъ человѣческимъ, доставляя ему удовольствіе, часто принимаемое за утѣшеніе совѣсти, за утѣшеніе Божественное. И на тщеславіи то заквашенъ фарисей. Онъ все дѣлаетъ для похвалы человѣческой. Онъ любитъ, чтобы и милостыня, и постъ его, и молитва его имѣли свидѣтелей. Онъ не можетъ быть ученикомъ Господа Іисуса, повелѣвающаго послѣдователямъ своимъ пренебрегать славою человѣческою, итти путемъ уничиженія, лишеній, страданій. Крестъ Іисуса служитъ для фарисея соблазномъ. Ему нуженъ Мессія, похожій на Александра Македонскаго, или Наполеона I, съ громкою славою завоевателя, съ трофеями, съ добычею. Мысль о славѣ небесной, духовной, о славѣ Божіей, вѣчной, о самой вѣчности, недоступна для души его, пресмыкающейся по землѣ, въ земномъ прахѣ и тлѣніи. Фарисей сребролюбивъ. Сердце его тамъ, гдѣ его сокровище. Тамъ вѣра его, тамъ чувства его, тамъ надежда, тамъ любовь. Устами, краемъ языка онъ исповѣдуетъ Бога, а сердцемъ онъ отвергается Его. Никогда онъ не ощущаетъ присутствія Божія, не зритъ промысла Божія, не знаетъ опытомъ, что значитъ страхъ Божій. Для сердца его нѣтъ Бога, нѣтъ ближнихъ. Онъ—весь земной, весь плотскій, весь во власти страстей душевныхъ, движется ими, управляется ими, влечется ко всякому беззаконію, живетъ и дѣйствуетъ единственно для самолюбія. Въ душѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 415—416.

фарисея воздвигнутъ идолъ „Я“. Идолу курится непрестанный ѳиміамъ, закалаются непрестанныя жертвы. Душа фарисея—гробъ, украшенный снаружи для чувственныхъ глазъ человѣческихъ, внутри исполненный мертвыхъ костей, зловонія, червей, всего нечистаго. Фарисей, будучи чуждъ Бога, имѣетъ нужду казаться предъ людьми служителемъ Бога; будучи исполненъ всѣхъ беззаконій, имѣетъ нужду казаться предъ людьми добродѣтельнымъ; стремясь удовлетворить своимъ страстямъ, онъ имѣетъ нужду доставить поступкамъ своимъ благовидность. Для фарисея необходима личина. Отнюдь не желая быть истинно благочестивымъ и добродѣтельнымъ, только желая считаться между людьми за такого, фарисей облекается въ лицемѣріе. Все въ немъ—сочиненіе, все—вымыселъ. Дѣла, слова, вся жизнь его—ложь непрестанная. Его сердце дышитъ на ближняго чувствомъ соблазна и осужденія. Фарисей осуждаетъ въ ближнихъ не зло, не порокъ, не нарушеніе закона, стрѣлы его направлены на добродѣтель. Но, чтобы вѣрнѣе были удары, онъ оклеветываетъ добродѣтель, приписываетъ ей зло, соблазняется на это зло, и, повидимому, поражая его, убиваетъ ненавистнаго ему раба Христова [1]). Фарисеи желаютъ лишь казаться праведными, заботятся только о томъ, чтобы выставить и выставлять себя слугами Бога передъ обществомъ людей, предъ массою, обыкновенно малоразборчивою. И нынѣ можно видѣть, что фарисеи прибѣгаютъ ко всевозможнымъ изворотамъ, чтобы дѣла ихъ, имѣющія наружность добрыхъ, блистали какъ можно ярче предъ глазами людей, а злодѣянія были извинены политическою необходимостію, личиною правосудія и мудрой предусмотрительности, желаніемъ предупредить допущеніемъ меньшаго зла зло большее и прочими оправданіями, такъ обильно источающимися изъ сердца, наполненнаго лукавствомъ [2]). Такъ сложно по своему содержанію и глубоко по своему значенію для духовной жизни человѣка весьма распространенное въ жизни и малопримѣтное для порабощенныхъ ему грѣховное настроеніе фарисейства.

Въ ряду страстей, коренящихся въ гордости, ею объясняемыхъ и ее усиливающихъ, Преосвященнымъ Игнатіемъ отмѣчаются: презрѣніе ближняго, предпочтеніе себя всѣмъ, дерзость; омраченіе, дебелость ума и сердца; пригвожденіе ихъ къ земному; невѣріе, прелесть, лжеименный разумъ; непокорность Закону Божію и Церкви; послѣдованіе своей плотской волѣ; чтеніе книгъ еретическихъ, развратныхъ и суетныхъ; неповиновеніе властямъ, колкое насмѣшничество; оставленіе христоподражательнаго смиренія; потеря простоты, потеря любви

[1]) Тамъ же, стр. 417—418.
[2]) Тамъ же, стр. 420.

къ Богу и ближнему; ложная философія, ересь, безбожіе, невѣжество [1]). Многообразны, сложны, сильны и глубоки страсти, дѣйствующія на грѣшнаго человѣка, отнимающія его вѣчное спасеніе. Ихъ дѣйствіе тѣмъ сильнѣе и глубже, что корень ихъ заключается въ поврежденіи самой природы человѣческой произвольнымъ грѣхомъ. Ихъ опасность для человѣка тѣмъ значительнѣе, что въ немногихъ лишь случаяхъ она ясна, что въ большинствѣ случаевъ грѣховныя опасности дѣйствуютъ на человѣка прикровенно и для него малосознательно, и духовное зрѣлище воинствующихъ на человѣка страстей для обычнаго человѣка въ увлеченіи жизненнымъ процессомъ неясно. Подъ знаменіемъ святого креста ведетъ Владыка Игнатій своихъ читателей на невидимое обычными очами зрѣлище духовной брани. По примѣру руководителя своего Антонія, пустынножителя египетскаго, видитъ Святитель Игнатій и показываетъ намъ для посильнаго вниманія грѣховныя сѣти діавола, распростертыя по всему міру для уловленія человѣковъ въ погибель. Погружается онъ задумчиво въ разсматриваніе сѣтей діавола. Онѣ разставлены внѣ и внутри человѣка. Одна сѣть близко присоединена къ другой; въ иныхъ мѣстахъ сѣти стоятъ въ нѣсколько рядовъ; въ другихъ—сдѣланы широкія отверстія, которыя, однако, ведутъ къ самымъ многочисленнымъ изгибамъ сѣтей, избавленіе отъ которыхъ кажется уже невозможнымъ. Разставлены сѣти для ума человѣческаго въ различныхъ книгахъ, именующихъ себя свѣтомъ, а содержащихъ въ себѣ ученіе тьмы, написанныхъ подъ явнымъ или прикрытымъ вліяніемъ мрачнаго и всезлобнаго міродержца, изъ разума, поврежденнаго грѣхопаденіемъ, писателями, которые „безъ ума дмятся отъ ума плоти своея“ (Колос. II, 18). Ближній, въ любви къ которому долженъ я искать спасенія, содѣлывается для меня сѣтію, уловляющею меня въ погибель, когда умъ его уловленъ сѣтями ученія, мудрованія лживыхъ и льстивыхъ. Мой собственный умъ носитъ на себѣ печати паденія, покрытъ покрываломъ мрака, зараженъ ядомъ лжи: самъ онъ, обольщаемый міродержителемъ, разставляетъ для себя сѣти, съ дерзостію упивается онъ чашею знанія ядовитаго и тѣмъ рѣшительно уничтожаетъ вкусъ и вожделѣніе къ Божественной чашѣ знанія спасительнаго. Для сердца моего сколько сѣтей! Духовному взору подвижника видны сѣти грубыя и сѣти тонкія, и неясно, которыя изъ нихъ болѣе опасны и страшны. Ловецъ искусенъ,—и кто ускользнетъ отъ сѣтей грубыхъ, того онъ уловляетъ въ сѣти тонкія. Конецъ ловитвы одинъ—погибель. Сѣти прикрыты всячески, съ отличнымъ искусствомъ. Паденіе облечено во всѣ виды торжества; человѣкоугодіе, лицемѣрство, тщеславіе—во всѣ виды до-

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 170.

бродѣтели. Обманъ, темная прелесть, носятъ личину духовнаго, небеснаго. Любовь душевная, часто порочная, прикрыта наружностію любви святой; сладость ложная, мечтательная, выдается за сладость духовную. Для тѣла сколько сѣтей! Оно само какая сѣть! Какъ пользуется имъ міродержецъ! Забывается Богъ, небо, вѣчность, назначеніе человѣка. Міродержитель старается содержать насъ въ непрестанномъ развлеченіи, омраченіи, посредствомъ наслажденій тѣлесныхъ. Чрезъ чувства, эти двери въ душу, которыми она сообщается съ видимымъ міромъ, онъ непрестанно вводитъ въ нее чувственное наслажденіе, неразлучные съ нимъ грѣхъ и плѣнъ. Гремитъ въ знаменитыхъ земныхъ концертахъ музыка, выражающая и возбуждающая различныя страсти; эти страсти представлены на земныхъ театрахъ, взволнованы въ земныхъ увеселеніяхъ: человѣкъ всѣми возможными средствами приводится къ наслажденію убившимъ его зломъ. Въ упоеніи имъ онъ забываетъ спасающее его добро Божественное и кровь Богочеловѣка, которою мы искуплены [1]). Начертывая сѣти, разставленныя міродержцемъ для уловленія христіанъ, Владыка Игнатій словесною кистію своей, водимою Словомъ Божіимъ, изображаетъ новыя, ему современныя черты сѣтей міродержца. Сѣти діавола, говоритъ онъ, умножились въ сравненіи съ временами первенствующей Церкви Христовой, умножились до безконечности. Умножились книги, содержащія лжеученіе; умножились умы, содержащіе и сообщающіе другимъ лжеученіе; умалились, умалились до крайности послѣдователи святой Истины; усилилось уваженіе къ добродѣтелямъ естественнымъ, доступнымъ для іудеевъ и язычниковъ; явилось уваженіе къ добродѣтелямъ прямо языческимъ, противнымъ самому естеству, взирающему на нихъ, какъ на зло; умалилось понятіе о добродѣтеляхъ христіанскихъ, почти уничтожилось исполненіе ихъ на самомъ дѣлѣ; развилась жизнь вещественная; изчезаетъ жизнь духовная; наслажденія и попеченія тѣлесныя пожираютъ все время; некогда даже вспомнить о Богѣ. И это все обращается въ обязанность, въ законъ. Невольно является вопросъ: Кто же можетъ избѣжать этихъ сѣтей [2]). Вотъ вопросъ, который по существу является главнымъ мотивомъ для Епископа Игнатія въ обозрѣніи имъ мрачной юдоли грѣха. Вотъ вопросъ, отвѣтомъ на который для себя и ближнихъ занята мысль Игнатія Брянчанинова на всемъ протяженіи его аскетическихъ твореній, выясненіемъ этого отвѣта мы и займемся въ слѣдующей главѣ. Въ минуты умиленія, въ которыя открываются очи ума для самопознанія, которыя приходятъ нечасто, пишетъ Владыка Игнатій картину чело-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 395—397.

[2]) Тамъ же, стр. 397.

вѣческой грѣховности, пишетъ, по собственнымъ словамъ его,—въ обличеніе себѣ, въ увѣщаніе, напоминаніе, наставленіе [1]): Стараясь уяснить себѣ сѣти міродержца, простертыя надъ душами человѣческими, смиренно размышляя о своей грѣховности, Владыка Игнатій имѣетъ въ виду одну цѣль—возбудить въ грѣшникѣ вниманіе къ своей духовной жизни, возбудить жажду душеспасительнаго подвига, стремленіе къ воздѣлыванію своей духовной нивы. Опытный, лично познавшій жажду покаянія и спасенія аскетъ, онъ не совѣтуетъ своему мірскому читателю въ ходѣ своего духовнаго подвига входить въ подробное и тонкое разбирательство грѣховъ и грѣховныхъ качествъ своихъ, потому что стремленіе къ тонкому анализу своихъ грѣховныхъ качествъ составляетъ для человѣка ловушку, ставимую намъ врагомъ нашего спасенія. Владыка Игнатій совѣтуетъ своему мірскому читателю собрать всѣ грѣхи свои въ одинъ сосудъ покаянія и ввергнуть въ бездну милосердія Божія, онъ призываетъ своего мірского читателя проводить жизнь въ постоянномъ покаяніи, признавая себя грѣшнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и вѣруя, что Милосердый Господь всякаго, лишь признавшаго грѣховность свою, пріемлетъ въ объятія Своего милосердія, въ нѣдро спасенія [2]). Владыка Игнатій проситъ своего мірского читателя, который съ вѣрою и любовію о Христѣ прочитаетъ его призывъ къ покаянію и спасенію и найдетъ въ немъ что нибудь полезное себѣ, „принести сердечный вздохъ и молитву о душѣ, много пострадавшей отъ волнъ грѣховныхъ, видѣвшей часто предъ собою потопленіе и погибель, находившей отдохновеніе въ одномъ пристанищѣ, въ исповѣданіи своихъ грѣхопаденій“ [3]). На основаніи внимательнаго и всежизненнаго изученія Слова Божія и святоотеческихъ твореній и личнаго духовнаго опыта Владыка Игнатій позналъ грѣховность души человѣческой и смиренно-покаянное чувство усвоилъ, какъ постоянное и преобладающее настроеніе души своей. Для этой цѣли, т. е. для возбужденія въ себѣ жажды душевнаго спасенія и покаяннаго чувства, совѣтуетъ онъ и своему читателю изучать грѣховную природу человѣческую, познавать грѣховность души своей и тѣмъ положить начало своему спасенію, ибо, по слову его, „начало обращенія ко Христу заключается въ познаніи своей грѣховности, своего паденія: отъ такого взгляда на себя человѣкъ признаетъ нужду въ Искупителѣ, и приступаетъ ко Христу посредствомъ смиренія, вѣры и покаянія“ [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 172.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 440—441.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 172.
[4]) Тамъ же, т. IV, стр. 277; Тамъ же, т. I, стр. 106.

Глава третья.

Идеальная сторона духовной жизни.

(Христіанскій подвигъ душевнаго спасенія въ его порядкѣ и постепенности.

„Блаженна душа, непрестанно поучающаяся въ Законѣ Божіемъ: въ немъ можетъ она увидѣть образъ и красоты Новаго Человѣка, по нимъ усмотрѣть и исправить свои недостатки!

Блаженна душа, купившая село покаянія умерщвленіемъ себя по отношенію къ начинаніямъ грѣховнымъ: на этомъ селѣ найдетъ она безцѣнное сокровище спасенія"! (Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 123).

Душевное спасеніе, его сущность, цѣль и значеніе по ученію Епископа Игнатія. Православіе и инославіе по вопросу о сущности спасенія Постепенность душеспасительнаго подвига. Условія пробужденія жажды спасенія. Душеспасительные подвиги—тѣлесные и духовные, ихъ сущность и значеніе. Постъ, молитва, покаяніе. Содѣйствующая христіанскому подвигу спасительная благодать Св. Таинствъ. Ученіе Епископа Игнатія о христіанской добродѣтели въ сопоставленіи съ ученіемъ аскетовъ-подвижниковъ по тому же вопросу. Христіанская любовь въ пониманіи Епископа Игнатія. Заключеніе.

Вопросъ о душевномъ спасеніи въ содержаніи христіанскаго міросозерцанія занимаетъ важнѣйшее, центральное мѣсто. Вопросъ этотъ безконечно близокъ христіанскому настроенію, ибо въ дѣйствительности для христіанина нѣтъ ничего болѣе важнаго, нѣтъ ничего болѣе тѣсно связаннаго съ самымъ существомъ христіанскаго духа, какъ вѣчное душевное спасеніе. Оно важно и близко душевному настроенію, какъ конечная, потусторонняя цѣль, къ которой направляются лучшія чаянія человѣческаго духа; оно такъ-же близко и какъ всежизненный, земной, самодѣятельный и облагодатствованный

подвигъ, составляющій средство для указанной вѣчной цѣли. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, вопросъ о душевномъ спасеніи пріобрѣтаетъ еще высшую, особенную важность, какъ одно изъ коренныхъ основаній для уясненія абсолютной истины нашего святого православія, ибо вопросъ о личномъ спасеніи представляетъ въ системѣ нашего вѣроученія, именно, такой пунктъ, въ которомъ это послѣднее становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію, съ реальнымъ бытіемъ, и хочетъ въ жизни, въ практикѣ показать, въ чемъ заключается та истина, которую оно проповѣдуетъ [1]). Указывая важность и близость душевному настроенію человѣка спасенія, какъ цѣли и средства человѣческой жизни, мы полагаемъ себя въ этомъ утвержденіи свободными отъ противорѣчія, въ томъ соображеніи, что съ понятіемъ цѣли жизни мы соединяемъ мысль о вѣчномъ спасеніи, какъ состояніи осуществленномъ и потустороннемъ, посмертномъ, а въ понятіи средства къ достиженію указанной цѣли мы мыслимъ всежизненный душеспасительный подвигъ, составляющій содержаніе христіанской земной жизни, гармонирующее съ спасеніемъ вѣчнымъ.

Не смотря на близость вопроса о душевномъ спасеніи православно-христіанскому настроенію человѣка, уясненіе этого вопроса и выраженіе его въ ясныхъ логическихъ понятіяхъ, къ чему мы стремимся въ настоящей главѣ нашей книги, представляется намъ весьма труднымъ,—и не потому, чтобы для разрѣшенія этого вопроса мы располагали смутными основаніями или недостаточнымъ необходимымъ матеріаломъ: въ этомъ отношеніи мы имѣемъ достаточные источники духовнаго назиданія, кромѣ Слова Божія, Священнаго Преданія и богословской литературы, и въ твореніяхъ Епископа Игнатія,—но потому, главнымъ образомъ, что вполнѣ удовлетворительное и обстоятельное разрѣшеніе вопроса о душевномъ спасеніи возможно лишь при условіи не теоретическаго только отношенія къ указанному вопросу, не познавательныхъ только интересовъ, но и подлинной духовной жизни и практическаго осуществленія душеспасительнаго подвига, когда при самодѣятельномъ, при содѣйствіи благодати Божіей, совершеніи душеспасительнаго подвига, христіанинъ опытомъ духовной жизни своей познаетъ священную тайну спасенія. Вотъ почему, смиренно сознавая свои несовершенства, свою недостаточную твердость въ подвигѣ благочестивой жизни, мы видимъ въ этомъ немаловажное препятствіе къ вполнѣ удовлетворительному изображенію душеспасительнаго подвига въ его порядкѣ и постепенности [2]). По

---

[1]) Архіеп. Сергій. Православное ученіе о спасеніи, стр. 5.

[2]) По той же причинѣ—сознанія нами необходимости лично-опытнаго прохожденія душеспасительнаго пути для отчетливаго и яснаго его изображенія, мы оставляемъ въ своей книгѣ безъ подробнаго изложенія и анализа ученіе Епископа Игна-

указанному, для нашего сознанія достаточно сильному мотиву, мы ограничиваемъ задачу настоящей главы нашего изслѣдованія изложеніемъ и систематизированіемъ ученія Епископа Игнатія о душевномъ спасеніи примѣнительно къ интересующимъ насъ въ этомъ отдѣлѣ вопросамъ—о сущности, условіяхъ, выраженіи и постепенности душеспасительнаго подвига. Соотвѣтственно намѣчаемой нами задачѣ, мы предполагаемъ въ дальнѣйшемъ, на основаніи твореній Епископа Игнатія, дать отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: I. Что такое спасеніе? II. Каковъ долженъ быть послѣдовательный ходъ душевнаго спасенія? III. Какъ возникаетъ въ человѣкѣ желаніе душевнаго спасенія? IV. Что служитъ необходимымъ условіемъ душеспасительнаго подвига, каковы условія спасенія? V. Въ чемъ выражается душевное спасеніе?

I. Вопросъ о душевномъ спасеніи и въ твореніяхъ Епископа Игнатія представляется вопросомъ труднымъ по существу и по недостаточной ясности его для тѣхъ даже людей, которые желаютъ спастись. Изъ этихъ послѣднихъ, многіе говорятъ о спасеніи, многіе желаютъ спастись, но если спросить ихъ, въ чемъ заключается спасеніе, то отвѣтъ для нихъ дѣлается весьма затруднительнымъ. Незнаніе же, въ чемъ состоитъ спасеніе, сообщаетъ, по мнѣнію Епископа Игнатія, дѣйствіямъ нашимъ на поприщѣ добродѣтели неопредѣленность, неправильность, при которыхъ, дѣлая, повидимому, много добрыхъ дѣлъ, мы мало дѣлаемъ для спасенія, потому что не знаемъ, въ чемъ состоитъ наше спасеніе [1]). Тщательное, съ дней юности, изученіе Слова Божія и святоотеческихъ твореній, и непрерывный всежизненный личный духовный опытъ дѣлаютъ Епископа Игнатія мудрымъ наставникомъ и руководителемъ спасенія. И,

---

тія о монашествѣ, какъ превосходномъ пути душевнаго спасенія, и объ умномъ дѣланіи и молитвѣ Іисусовой, несмотря на значительность въ его твореніяхъ матеріала по этимъ вопросамъ.

Къ вопросу о монашествѣ имѣютъ особенное отношеніе слѣдующія мѣста сочиненій Епископа Игнатія.—Въ первомъ томѣ: ст. „О монашествѣ“ (Разговоръ между православными христіанами, мірянином и монахомъ), гдѣ говорится о происхожденіи и значеніи монашества, о причинѣ и цѣли его, о состояніи между монастыремъ и школой и жизнью, о причинахъ упадка монастырской жизни и идеальномъ строѣ ея, стр. 455—496; въ томъ же т. стр. 428—455; 563—570. Во второмъ томѣ: „Посланіе къ братіи Сергіевой пустыни изъ Бабаевскаго монастыря“, стр. 48—51. „Размышленіе, заимствованное изъ I посл Святаго Апостола Павла къ Тимоѳею, относящееся преимущественно къ монашеской жизни“, стр. 137—147; „О существенномъ дѣланіи монаха“, стр. 148—159; „Духъ молитвы новоначальнаго“, стр. 160—169; „Слово о спасеніи и христіанскомъ совершенствѣ“, стр. 328—361. Въ четвертомъ томѣ стр. 326—341; 59, 225, 360—362, 379, 432, 449—452, 490—496, 201, 440, 479, 512—513, 519, 523 и др. и все содержаніе пятаго тома, а также т. III.

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 328.

съ точки зрѣнія пройденной имъ подвижнической школы, Владыка Игнатій даетъ намъ по вопросу о сущности спасенія *опредѣленный и полный отвѣтъ*. Чтобы знать, въ чемъ состоитъ спасеніе наше, говоритъ Епископъ Игнатій, надо знать напередъ, въ чемъ состоитъ наша погибель, потому что спасеніе нужно только для погибшихъ. Ищущій спасенія, этимъ самымъ, по необходимости, признаетъ себя погибшимъ, иначе для чего бы ему искать спасенія? Сущность духовной гибели нашей заключается въ уничтоженіи общенія нашего съ Богомъ и вступленіи въ общеніе съ падшими и отверженными духами. *Спасеніе наше заключается въ расторженіи общенія съ сатаною и въ возстановленіи общенія съ Богомъ*[1]. Такимъ образомъ, въ спасеніи можно различать двѣ стороны: *отрицательную*—въ расторженіи общенія съ началомъ грѣха и въ борьбѣ съ грѣхомъ, и *положительную*—въ возстановленіи общенія съ Богомъ. Отрицательная сторона—борьба съ грѣхомъ подготовляетъ къ достиженію положительной—къ возстановленію общенія съ Богомъ. Положительная сторона—возстановленіе общенія съ Богомъ состоитъ для христіанина въ томъ, чтобы усвоить себя Искупителю, пребывать въ этомъ усвоеніи во время всей земной жизни, а по смерти, по причинѣ такого усвоенія Искупителю, перенестись душою въ селенія блаженныхъ духовъ, съ ними наслаждаться святымъ наслажденіемъ въ ожиданіи всеобщаго воскресенія мертвыхъ; потомъ, по воскресеніи мертвыхъ, соединиться съ тѣломъ, которое оживитъ Господь, содѣлаетъ нетлѣннымъ, и съ тѣломъ наслѣдовать сугубое, вѣчное блаженство[2]. Въ приведенныхъ словахъ Епископа Игнатія съ очевидностію различаются два состоянія спасенія:—спасеніе, какъ *пожизненный подвигъ* человѣка борьбы съ грѣхомъ и *усвоенія Искупителю*, и спасеніе, какъ *вѣчное блаженство Богообщенія*.

Понимаемое съ точки зрѣнія *отрицательной*, душевное *спасеніе есть пожизненный процессъ борьбы съ грѣхомъ* и грѣховнымъ началомъ нашей падшей природы. Въ этомъ отношеніи душевное спасеніе есть сознаніе своей грѣховности, раскаяніе въ содѣланныхъ грѣхахъ и въ грѣховной жизни, рѣшеніе отказаться отъ грѣховъ, исповѣдать ихъ, извергнуть изъ себя преступную любовь къ грѣху искреннимъ обличеніемъ грѣха[3], не только въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, но и въ сокровенныхъ помыслахъ и ощущеніяхъ грѣховныхъ[4].

---

1) Тамъ же.
2) Тамъ же, т. IV, стр. 330.
3) Тамъ же, стр. 17; т. I, стр. 412, 423, 524—534.
4) Тамъ же, т. IV, стр. 54—55.

Понимаемое въ смыслѣ отреченія отъ грѣха, душевное спасеніе частнѣе мыслится, какъ отреченіе отъ міра и отреченіе отъ самого себя,—самоотреченіе. Отреченіе отъ міра, являясь знакомъ особой ревности христіанина о духовномъ совершенствѣ и, потому, въ полномъ объемѣ своемъ составляя удѣлъ особо избранныхъ душъ [1]), по существу своему обязательно и естественно для каждаго ревнителя спасенія, какъ отреченіе и освобожденіе отъ грѣховнаго пристрастія къ міру, служащаго очевиднымъ знакомъ грѣховности человѣка: отреченіе отъ міра предшествуетъ послѣдованію за Христомъ, второе не имѣетъ мѣста въ душѣ, если не совершится въ ней предварительно первое (Мр. VIII, 34—35; Лк. XIV, 26—27) [2]). Отреченіе отъ міра есть посильное освобожденіе отъ грѣховныхъ пристрастій и, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, оно есть отреченіе отъ субъективнаго, грѣховнаго настроенія, порождаемаго, всего болѣе, впечатлѣніями внѣшняго окружающаго міра. По глубокому грѣховному извращенію человѣческой природы, отреченіе отъ міра и грѣха, служащее необходимымъ условіемъ начала новой жизни, мыслится нами, какъ отреченіе отъ себя, самоотреченіе, а по осуществленію своему переносится грѣховнымъ человѣкомъ такъ же болѣзненно, какъ лишеніе жизни. Отсюда,—отказъ отъ грѣха, рѣшительный разрывъ съ грѣхомъ въ душѣ понимается, какъ самоотреченіе и погубленіе жизни своей—погубленіе жизни своего грѣховнаго „я". Въ этомъ смыслѣ понимаетъ Преосвященный Игнатій слова Христа Спасителя о погубленіи и спасеніи души (Мр. VIII, 34—35): этими словами, по толкованію Епископа Игнатія, требуется отверженіе не бытія, а отверженіе падшаго естества, его воли, его разума, его правды. Грѣхъ и состояніе паденія такъ усвоились намъ, такъ слились съ существованіемъ нашимъ, что отреченіе отъ нихъ сдѣлалось отреченіемъ отъ себя, погубленіемъ души своей. Для спасенія души содѣлалось совершенною необходимостію погубленіе души; для спасенія себя сдѣлалось совершенною необходимостію отреченіе отъ себя, отъ своего падшаго *я*, несознающагося въ паденіи. Доколѣ это *я* существуетъ, дотолѣ Христосъ не можетъ принести намъ никакой пользы (Лк. XIV, 26; Мѳ. X, 38—39). Христосъ заповѣдалъ погубленіе души не только ради Его, но и ради Евангелія, объясняя послѣднимъ первое. Погубленіе души ради Господа есть отверженіе разума, правды, воли, принадлежащихъ падшему естеству, для исполненія воли и правды Божіей, изображенныхъ въ Евангеліи, для послѣдованія разуму Божію, сіяющему изъ Евангелія. Всѣ, которые понуждали себя исполнять Евангельское уче-

---

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія т. II, стр. 345; т. V, стр. 45.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 86.

ніе, опытно знаютъ, какъ противоположны и враждебны Евангелію разумъ, правда и воля падшаго естества. Примиреніе и соглашеніе — невозможны. Отверженіе падшаго естества есть неизбѣжная, осязательная необходимость спасенія. Совершаетъ это отверженіе тотъ, кто непрестанно изучаетъ Евангеліе и старается оживлять его въ себѣ всею дѣятельностію своею [1]). Отверженіе грѣха, сроднившагося душѣ, сдѣлалось отверженіемъ души. Содѣлывается способнымъ къ усвоенію себѣ разума Божія тотъ, кто отвергнетъ свой разумъ; содѣлывается способнымъ къ исполненію воли Божіей тотъ, кто отречется отъ исполненія своей воли. Такое отверженіе души необходимо для спасенія души [2]). Безъ самоотверженія человѣкъ неспособенъ къ вѣрѣ; его падшій разумъ противоборствуетъ вѣрѣ, требуя дерзостно отчета у Бога въ Его дѣйствіяхъ и доказательствъ въ открываемыхъ Имъ человѣку истинахъ; падшее сердце хочетъ жить жизнію паденія, къ умерщвленію которой стремится вѣра; плоть и кровь, несмотря на предстоящій имъ ежечасно гробъ, также хотятъ жить жизнію своею, жизнію тлѣнія и грѣха, потому то отверженіе паденія и стало отверженіемъ какъ бы жизни; безъ этого отверженія невозможно спасеніе [3]). Это самоотреченіе является необходимымъ условіемъ вступленія на положительный путь спасенія [4]). Но, будучи связано съ инымъ направленіемъ всей нашей жизни, съ отказомъ отъ самой грѣховной природы своей, спасительное самоотреченіе является для грѣховнаго человѣка сверхчеловѣческимъ, непосильнымъ для слабыхъ человѣческихъ силъ подвигомъ, съ точки зрѣнія сыновъ міра и рабовъ грѣха неестественнымъ и ненужнымъ. Именно, съ точки зрѣнія самоотреченія, путь спасенія и мыслится, какъ путь тѣсный [5]) какъ тягостный для грѣховнаго человѣка крестъ [6]). Но для ученика и послѣдователя Христова крестъ самоотреченія и скорби становится крестомъ Христовымъ, поприщемъ высшаго духовнаго наслажденія, и это наслажденіе такъ велико, что скорбь грѣховнаго человѣка вполнѣ заглушается наслажденіемъ, и послѣдователь Христовъ среди лютѣйшихъ томленій ощущаетъ одно наслажденіе [7]). Таково спасеніе съ точки зрѣнія отрицательной: оно есть самоотреченіе, т. е. отказъ, отреченіе отъ грѣховнаго направленія, отъ грѣховныхъ пристрастій, осужденіе грѣха и рѣшительная перемѣна жизненнаго направленія,

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 381—382.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 87.
[3]) Тамъ же, стр. 498—500.
[4]) Тамъ же, т. V, стр. 261—262.
[5]) Тамъ же, стр. 124—126, 151—264.
[6]) Тамъ же, т. IV, стр. 331, 527.
[7]) Тамъ же, т. I, стр 357.

выражающаяся въ готовности и активномъ осуществленіи пожизненной борьбы съ грѣхомъ.

Понимаемое съ точки зрѣнія положительной, душевное спасеніе изображается въ твореніяхъ Епископа Игнатія, какъ Богообщеніе: жизнь въ Богѣ [1]), видѣніе Бога очами вѣры [2]), ощущеніе жизни вѣчной [3]). Усыновленіе Богу въ Таинствѣ крещенія выражается въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Богомъ въ Таинствѣ святого причащенія. Чистота и обновленіе, доставленныя святымъ Крещеніемъ, возстановляются Покаяніемъ, а единеніе съ Богомъ питается жительствомъ по Евангелію и, по возможности, частымъ причащеніемъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Христосъ находится съ вѣрующими въ Него въ святомъ Евангеліи и Таинствахъ церковныхъ, Его нѣтъ для тѣхъ, которые не вѣруютъ въ Евангеліе: они не видятъ Его, будучи ослѣплены невѣріемъ. Хочешь ли услышать Христа?—Онъ говоритъ тебѣ Евангеліемъ. Не пренебреги Его спасительнымъ голосомъ: уклонись отъ грѣховной жизни и слушай со вниманіемъ ученіе Христово, которое—животъ вѣчный. Хочешь ли, чтобы тебѣ явился Христосъ? Онъ научаетъ тебя, какъ это получить: **Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцомъ Моимъ и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ** (Іоан. XIV, 21). Епископъ Игнатій рекомендуетъ храниться отъ мечтательности, которая можетъ представить человѣку, что онъ видитъ Господа Іисуса Христа, осязаетъ Его. Это—пустая игра напыщеннаго, гордаго самомнѣнія. Исполняй заповѣди Господа—и чуднымъ образомъ увидишь Господа въ себѣ, въ своихъ свойствахъ. Такъ видѣлъ въ себѣ Господа святый Апостолъ Павелъ: онъ требовалъ этого видѣнія отъ христіанъ; тѣхъ, которые его не имѣли, называлъ недостигшими состоянія, должнаго христіанамъ [4]). Это внутренно переживаемое Богообщеніе есть прямое послѣдствіе примиренія съ Богомъ чрезъ покаяніе [5]), это Богообщеніе сближаетъ насъ духовно съ нашими ближними [6]) и служитъ внутреннимъ источникомъ христіанскихъ добродѣтелей [7]).

Отрицательная сторона спасенія, т. е. самоотреченіе, тѣсно связана съ положительной стороной, т. е. съ Богообщеніемъ, первая приводитъ ко второй, подготовляетъ вторую. Спасеніе состоитъ въ Богообщеніи, въ усвоеніи человѣкомъ Христа; въ усвоеніи Христомъ че-

---

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 120.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 141.
[3]) Тамъ же, стр. 139.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 104—105
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 11, 13.
[6]) Тамъ же, стр. 532.
[7]) Тамъ же, стр. 32.

ловѣка, но кто хочетъ достигнуть этого, долженъ отречься отъ себя, т. е. отъ всего своего грѣховнаго существа. Онъ долженъ признать грѣхи свои грѣхами, а правды свои смраднымъ рубищемъ блудницы—души, вступившей въ преступное общеніе съ грѣхомъ. Правда наша, столько изящная въ состояніи непорочности, до паденія, осквернена паденіемъ, содѣлалась непотребною. Того, кто отвергнется себя, и изъ состоянія самоотверженія приступитъ ко Христу, Христосъ пріемлетъ: искупаетъ, замѣнивъ его Собою; спасаетъ, соединивъ съ Собою. Сохраняя свою грѣховность, невозможно усвоиться Христу. Онъ усвоивается одними чистыми, т. е. такими, которые изъ нечистыхъ содѣлались чистыми посредствомъ покаянія. Усвоеніе Христу является невозможнымъ не только тогда, когда не оставляется человѣкомъ его грѣховность; невозможно оно и тогда, когда не оставляется человѣкомъ его праведность. Отъ праведныхъ **своею праведностію** отрицается Христосъ, отвергаетъ ихъ [1]). Отреченіе человѣка отъ грѣховнаго начала самости, выражающагося и въ грѣхѣ и въ видимомъ добрѣ, отреченіе, выражающееся въ смиреніи и покаяніи, является необходимымъ условіемъ достиженія положительной стороны спасенія, т. е. усвоенія Христу. Смиреніе и рождающееся изъ него покаяніе—единственное условіе, при которомъ пріемлется Христосъ; смиреніе и покаяніе—единственная цѣна, которою покупается познаніе Христа; смиреніе и покаяніе—единственное нравственное состояніе, изъ котораго можно приступить ко Христу, усвоиться Ему [2]). Какъ требующее отъ человѣка самоотреченія—не только отъ грѣха своего, но и отъ правды своей, благодатное **спасеніе** по условіямъ возникновенія и созиданія необходимо мыслится, какъ дѣйствіе Божественное, какъ **духовное таинство**. Эта сторона спасенія естественно постигается тѣмъ человѣкомъ, который, дѣйствительно, вступилъ на путь спасенія, но она непонятна для человѣка грѣховнаго: спасеніе, какъ духовное таинство, непостижимо для зла, которое слѣпо по отношенію къ Божественному добру, какъ вполнѣ чуждое его, а понимаетъ только свое, т. е. или одностороннее зло, или добро падшаго естества, смѣшанное со зломъ и отравленное зломъ [3]); только чистое сердце способно восходить къ спасительному Богообщенію [4]). Божественный Учитель завѣщаваетъ всѣмъ, увѣровавшимъ въ Него, **отреченіе** отъ наслажденій міра и отреченіе отъ себя для вѣры въ Него и для усвоенія Ему [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 180—181.
[2]) Тамъ же, стр. 182; т. I, стр. 124, 544—551.
[3]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 144.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 137.
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 146.

Разсматриваемое со стороны психологической, спасеніе есть величайшая, благодатная гармонія человѣческаго духа. Со стороны психологической, спасеніе есть царствіе Божіе внутри насъ, царствіе мира Христова. Въ душѣ, въ которой отъ покорности Богу утихли страсти, царствуетъ Богъ, царствуетъ миръ Христовъ. Миръ Христовъ—святъ. Миръ Христовъ—весь во Христѣ. Миръ Христовъ насѣвается въ душѣ Словомъ Божіимъ, зараждается отъ воздѣлыванія сердечной нивы заповѣдями Христовыми,—питается этимъ невидимымъ, но небезтруднымъ подвигомъ, возрастаетъ отъ него. Отъ дѣйствія Святаго Духа миръ Христовъ объемлетъ умъ, сердце и тѣло совершеннаго христіанина, соединяетъ эти части, разсѣченныя и разединенныя грѣхомъ, воедино; человѣка, примиреннаго въ себѣ и съ самимъ собою, составляющаго уже собою единое и цѣлое, какимъ онъ былъ до паденія, соединяетъ съ Богомъ [1]). Въ вышеприведенномъ пониманіи душевное спасеніе мыслится, какъ ощущеніе въ душѣ человѣка благодатнаго царства Божія, которое зараждается въ душѣ отъ воздѣлыванія сердечной нивы борьбою съ грѣхомъ и исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ, питается этимъ подвигомъ, возрастаетъ отъ него, приводитъ по дѣйствію благодати Св. Духа къ внутренней гармоніи духа и соединяетъ человѣка съ Богомъ. Внутренняя благодатная гармонія спасеннаго Искупителемъ духа христіанскаго изображается у Преосвященнаго Игнатія уподобленіемъ духовнаго единства и нераздѣльности спасеннаго христіанскаго духа единству Святой Троицы. Образъ Троицы—Бога—троица—человѣкъ. Три лица въ троицѣ—человѣкѣ—три силы его духа, которыми проявляется существованіе духа [2]). Какъ въ Троицѣ-Богѣ три Лица неслитно и нераздѣльно составляютъ одно Божественное Существо, такъ въ троицѣ-человѣкѣ три лица составляютъ одно существо, не смѣшиваясь между собою, не сливаясь въ одно лицо, не раздѣляясь на три существа [3]). Разстройство образа и подобія Божія въ человѣкѣ, внутренній разладъ и разстройство, произведенные въ немъ грѣховнымъ паденіемъ [4]), уничтожаются, и внутренняя гармонія духа, благодатное единеніе,—снова возстановляются и возводятся къ высшей высотѣ чрезъ тайну Искупленія, въ которой участвуютъ всѣ Лица Троицы-Бога; троица-человѣкъ исцѣляется Троицею-Богомъ: Словомъ исцѣляется мысль, переводится изъ области лжи, изъ области самообольщенія, въ область Истины; Духомъ Святымъ оживотворяется духъ, переводится изъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 5, 112.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 129.
[3]) Тамъ же, стр. 130.
[4]) Тамъ же.

ощущеній плотскихъ и душевныхъ въ ощущенія духовныя; уму является Отецъ—и умъ содѣлывается умомъ Божіимъ. Красота подобія возстановляется Духомъ, какъ образъ, при крещеніи. Она развивается и усовершается исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей. Образецъ этой красоты, полнота этой красоты—Богочеловѣкъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Богъ—Троица, при искупленіи образа Своего—человѣка, далъ такую возможность къ преуспѣянію въ усовершеніи подобія, что подобіе обращается въ соединеніи образа съ Подлинникомъ, бѣдной твари съ всесовершеннымъ Творцомъ ея [1]). Итакъ, въ понятіе душевнаго спасенія, въ качествѣ необходимыхъ элементовъ, входятъ: самоотреченіе, непрерывный подвигъ борьбы со зломъ и усовершенія въ добрѣ при помощи благодати Божіей и, въ связи съ этимъ, безконечно возрастающая гармонія человѣческаго духа и Богообщеніе или царство Божіе въ душѣ человѣческой. Въ направленіи ума къ Истинѣ, въ пребываніи ума въ святой Истинѣ—Христѣ, заключается сущность спасенія нашего [2]). Положительную сторону душевнаго спасенія мы, на основаніи изученія твореній Преосвященнаго Игнатія, полагаемъ: а) въ непрерывномъ подвигѣ совершенствованія, б) въ Богообщеніи и в) въ проистекающемъ отсюда состояніи блаженства или величайшаго, свойственнаго человѣку состоянія духовной удовлетворенности; въ силу этого и все вообще душевное спасеніе должно быть мыслимо христіаниномъ не иначе, какъ самое высшее, искомое имъ и вожделѣнное благо.

Состояніе Богообщенія и Богоощущенія, не въ теоретическомъ разъясненіи, а въ духовно-аскетическомъ переживаніи Епископа Игнатія представляется наглядно-самоочевиднымъ и для переживающаго это благодатное Богоощущеніе совершенно несомнѣннымъ, въ слѣдующихъ чертахъ, изображенныхъ Владыкою Игнатіемъ въ духовно-поэтическомъ видѣніи подъ заглавіемъ: „Странникъ“, изъ котораго мы полагаемъ полезнымъ отмѣтить выдающіяся мѣста, представляющія анализъ духовно-аскетическаго состоянія Богоощущенія. Въ восхищенномъ, почти близкомъ къ состоянію св. Апостола Павла—„аще въ тѣлѣ, аще кромѣ тѣла“,—Богообщеніи, не постоянно—непрерывномъ, а колеблющемся и по грѣховности человѣка ослабѣвающемъ,—Господь, толкущій у дверей человѣческаго сердца и входящій въ него, „аще гласъ Его слышатъ“ и вечеряющій въ человѣческой душѣ, представляется просвѣтленному взору человѣческому—благодатнымъ Странникомъ [3]) и Гостемъ, и удостоившійся Божественнаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 134—135.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 114.

[3]) Наименованіе Бога Странникомъ, по объясненію Епископа Игнатія, заимствовано имъ изъ IV-й бесѣды преподобнаго Макарія Великаго.

посѣщенія въ храминѣ души своей, христіанинъ смиренно, но и дерзновенно обращается къ Небесному Страннику съ пытливыми, но и благоговѣйными вопросами—словами.—Откуда Ты шествуешь? Гдѣ Твое обычное селеніе? Гдѣ Ты былъ доселѣ? Почто доселѣ оставлялъ меня въ одиночествѣ, въ сиротствѣ, въ нищетѣ, въ смерти ужасной? Познавъ Тебя, я позналъ, что безъ Тебя такимъ было мое состояніе! Не оставляй меня! Не могу быть безъ Тебя! Если оставишь,—опять я въ дверяхъ ада, опять въ пропасти, опять въ бѣдствіи невыносимомъ и невыразимомъ. Ты приходишь!—я не вижу образа шествія Твоего; вижу Твое пришествіе, вижу не плотскими очами—ощущеніемъ. Ты не даешь ни времени, ни способа размыслить—кто Ты? Неожиданно являешься въ душѣ, Невидимый и Непостижимый! являешься съ несказанною тихостію и тонкостію, вмѣстѣ съ властію и силою Творца, потому что измѣняешь всего человѣка: измѣняешь, претворяешь, возсозидаешь, обновляешь и умъ, и сердце, и тѣло! Ты—Сильный—входишь въ домъ, связываешь крѣпкаго, расхищаешь сосуды дома, расхищаешь не въ погибель—во спасеніе! И домъ, и сосуды были прежде Твоими; Ты ихъ устроилъ, устроилъ для Себя; они сами отдались въ горестный плѣнъ хищнику. И были они доселѣ—умъ мой, душа моя, тѣло мое—подъ властію лютаго властелина, дѣйствовали подъ его вліяніемъ. Ты приходишь: они отнынѣ поступаютъ въ Твое распоряженіе, начинаютъ дѣйствовать подъ Твоимъ вліяніемъ, святымъ, блаженнымъ. Какъ назову Тебя? Какъ скажу о Тебѣ братіи моей? Какъ передамъ имъ имя Странника, уклонившагося подъ кровъ души моей, подъ кровъ обветшавшій, пришедшій въ окончательное разрушеніе, открытый для вѣтровъ порывистыхъ, для дождя и снѣга,—подъ кровъ, лишь годный для стоялища безсловесныхъ? Что нашелъ Ты въ сердцѣ моемъ, къ которому приходили попеременно различныя грѣховныя помышленія, входили въ него безпрепятственно, находили въ немъ, какъ въ ясляхъ, какъ въ корытѣ свиней, лакомую пищу разнообразныхъ страстныхъ чувствованій? Мнѣ кажется: я знаю имя Господа моего! Но, взирая на нечистоту мою, страшусь произнести имя. Одно неблаговѣйное произнесеніе великаго и всесвятаго имени можетъ подвергнуть осужденію! Сколько страшнѣе самое присутствіе Именуемаго! Но Ты присутствуешь! Твоя безмѣрная благость привела Тебя къ скверному грѣшнику, чтобы грѣшникъ, познавъ достоинство и назначеніе человѣка, вкусивъ самымъ опытомъ, увидѣвъ ощущеніемъ, яко благъ Господь (Пс. XXXIII, 9), оставилъ пути беззаконій, позаботился о стяжаніи чистоты покаяніемъ, сдѣлался Твоимъ храмомъ и жилищемъ. Какъ же назову витающаго у меня, витающаго во мнѣ Странника? Какъ назову чуднаго Гостя, пришедшаго утѣшить меня въ моемъ изгнаніи, исцѣлить отъ болѣзни неисцѣлимой, изъять изъ про-

пасти мрачной, вывести на поле Господне злачное, наставить на стези правыя и святыя, пришедшаго отъять непроницаемую завѣсу, которая доселѣ распростиралась предъ очами моими, закрывала отъ меня величественную вѣчность и Бога моего? Какъ назову Наставника, возвѣщающаго мнѣ ученіе о Богѣ, ученіе новое и вмѣстѣ древнее, ученіе Божественное, а не человѣческое? Назову ли Наставника свѣтомъ? Я не вижу свѣта; но Онъ просвѣщаетъ умъ мой и сердце превыше всякаго слова, превыше всякаго земного ученія, безъ словъ, съ несказанною быстротою, какимъ то страннымъ—такъ выражу невыразимое—прикосновеніемъ къ уму; или дѣйствіемъ внутри самого ума. Назову ли Его огнемъ?—но Онъ не сожигаетъ; напротивъ того—орошаетъ пріятно, и прохлаждаетъ. Онъ—нѣкій „гласъ хлада тонка“ (3 Цар. XIX, 12), но отъ Него бѣжитъ, какъ отъ огня, всякая страсть, всякій грѣховный помыслъ. Онъ не произноситъ никакого слова,—не произноситъ; и вмѣстѣ глаголетъ, учитъ, воспѣваетъ чудно, таинственно, съ несказанною тихостію, тонкостію, измѣняя, обновляя умъ и сердце, прислушивающіеся Ему въ безмолвіи, въ душевной клѣти. Онъ не имѣетъ никакого образа, ни вида, ничего въ Немъ нѣтъ чувственнаго. Онъ вполнѣ невещественъ, невидимъ, крайне тонокъ: внезапно, неожиданно, съ несказанною тихостію является въ умѣ, въ сердцѣ, постепенно разливается во всю душу, во все тѣло, овладѣваетъ ими, удаляетъ изъ нихъ все грѣховное, останавливаетъ дѣйствіе плоти и крови, соединяетъ разсѣченныя части человѣка воедино, являетъ цѣлымъ наше естество, которое разсыпалось отъ страшнаго паденія, какъ разсыпается отъ паденія сосудъ скудельный. Кто, видя возсозиданіе, не познаетъ руки Создателя, единаго имѣющаго власть созидать и возсозидать? Доселѣ говорю лишь о дѣйствіи, не называя, кто—дѣйствующій. Наименовать мнѣ Его—страшно! Осмотрите меня, братія! разглядите совершающееся во мнѣ! Вы скажите мнѣ, что во мнѣ совершается? Вы скажите мнѣ, кто—совершающій?—Чувствую, ощущаю въ себѣ присутствіе Странника. Откуда Онъ пришелъ, какъ ко мнѣ явился,—не знаю. Явившись, Онъ пребываетъ невидимымъ, вполнѣ непостижимымъ. Но Онъ присутствуетъ, потому что дѣйствуетъ во мнѣ, потому что обладаетъ мною, не уничтожая моей свободной воли, увлекая ее въ Свою волю несказанною святостію Своей воли. Невидимою рукою взялъ Онъ умъ мой, взялъ сердце, взялъ душу, взялъ тѣло мое. Едва они ощутили эту руку, какъ ожили! Явилось въ нихъ новое ощущеніе, новое движеніе,—ощущеніе и движеніе духовныя! Я не зналъ доселѣ этихъ ощущеній и движеній, даже не вѣдалъ, не предполагалъ существованія ихъ. Они явились, и отъ явленія ихъ скрылись или оковались ощущенія и движенія плотскія и душевныя; они явились, какъ жизнь, и исчезло, какъ смерть,

прежнее состояніе. Отъ прикосновенія руки ко всему существу моему, умъ, сердце и тѣло соединились между собою; какъ нѣчто цѣлое, единое; потомъ погрузились въ Бога,—пребываютъ тамъ, доколѣ ихъ держитъ тамъ невидимая, непостижимая, всемогущая рука. Какое же чувство объемлетъ меня тамъ? Объемлется все существо мое глубокимъ таинственнымъ молчаніемъ, внѣ всякой мысли, внѣ всякаго мечтанія, внѣ всякаго душевнаго движенія, производимаго кровію; субботствуетъ и вмѣстѣ дѣйствуетъ все существо мое подъ управленіемъ Святаго Духа. Управленіе это необъяснимо словомъ. Пребываю, какъ упоенный, забываю все, питаюсь недовѣдомою, нетлѣнною пищею, нахожусь внѣ всего чувственнаго, въ области невещественнаго, въ области, которая превыше не только вещества, превыше всякой мысли, всякаго понятія; не чувствую самаго тѣла моего. Очи мои смотрятъ, и не смотрятъ,—видятъ, и не видятъ; уши слышатъ, и не слышатъ; всѣ члены мои упоены,—и я шатаюсь на ногахъ моихъ, держусь за что нибудь руками, чтобъ не упасть мнѣ, или лежу, поверженный на одръ, какъ бы въ болѣзни безболѣзненной и въ разслабленіи, происшедшемъ отъ преизобилія силы. Чаша Господня, чаша Духа упояваетъ державно (Пс. XXII, 5). Такъ провожу дни, недѣли, и сокращается время!.. Молчаніе дивное, объемлющее умъ, сердце, душу, устремившихся всею крѣпостію своею къ Богу и потерявшихся, такъ сказать, въ безконечномъ движеніи къ безпредѣльному; молчаніе это—вмѣстѣ и бесѣда, но безъ словъ, безъ всякаго разнообразія, безъ мыслей, превыше мыслей. Странникъ, совершающій все это, имѣетъ и гласъ и слово необычное, безъ словъ и звука говорящіе и слышимые таинственно. Ищу въ Писаніи, гдѣ бы сказано было о такихъ дѣйствіяхъ, чтобъ познать чуднаго Странника, и невольно останавливаюсь предъ словами Спасителя: „Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ и камо идетъ, тако есть всякъ человѣкъ, рожденный отъ Духа“ (Іоан. III, 8). Какъ же назвать самое дѣйствіе?—Оно примиряетъ, соединяетъ человѣка съ самимъ собою, а потомъ съ Богомъ; невозможно неузнать въ этомъ дѣйствіи вѣянія благодатнаго мира Божія „превышающаго всякъ умъ, соблюдающаго сердце и помышленія во Христѣ Іисусѣ“ (Филип. IV, 7), подаемаго приходящимъ къ человѣку, обновляющимъ человѣка Святымъ Духомъ. При этомъ дѣйствіи умъ и сердце содѣлываются евангельскими, Христовыми: человѣкъ зритъ Евангеліе начертаннымъ въ себѣ, на скрижаляхъ души, перстомъ Духа.

Божественный Странникъ отходитъ, скрывается такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно приходитъ и является. Но Онъ оставляетъ во всемъ существѣ моемъ благоуханіе безсмертія, невещественное, какъ и Самъ Онъ невещественъ, благоуханіе духовное, живительное, ощу-

щаемое новымъ ощущеніемъ, которое Онъ насадилъ, или воскресилъ во мнѣ. Божественное дѣйствіе—невещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, необъяснимо никакимъ сравненіемъ, заимствованнымъ изъ сего вѣка; приходитъ, дѣйствуетъ таинственно. Сперва показываетъ человѣку грѣхъ его, раститъ въ очахъ человѣка грѣхъ его, непрестанно держитъ страшный грѣхъ предъ его очами, приводитъ душу въ самоосужденіе, являетъ ей паденіе наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть погибели, въ которую ниспалъ родъ нашъ согрѣшеніемъ нашего праотца; потомъ мало по малу даруетъ сугубое вниманіе и сокрушеніе сердца при молитвѣ. Приготовивъ, такимъ образомъ, сосудъ, внезапно, неожиданно, невещественно прикасается разсѣченнымъ частямъ,—и онѣ соединяются воедино. Какъ прикоснулся? Не могу объяснить: я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, но вижу себя измѣненнымъ, внезапно ощутилъ себя такимъ отъ дѣйствія самовластнаго. Создатель подѣйствовалъ при возсозданіи, какъ дѣйствовалъ Онъ при созданіи. Скажи: слѣпленное изъ земли тѣло Адама, когда лежало еще не оживленное душою предъ Создателемъ, могло ли имѣть понятіе о жизни, ощущеніе ея? Когда внезапно оживилось душою, могло ли прежде размыслить, принять ли душу, или отвергнуть ее? Созданный Адамъ внезапно ощутилъ себя живымъ, мыслящимъ, желающимъ! Съ такою же внезапностію совершается и возсозданіе. Создатель былъ и есть неограниченный Владыка,—дѣйствуетъ самовластно, вышеестественно, превыше всякой мысли, всякаго постиженія, безконечно тонко, духовно вполнѣ, невещественно“ [1]).

Таково состояніе Богообщенія по изображенію подвижника, на основаніи его личнаго духовнаго опыта. Состояніе это исключительное, необычное, особо возвышенное, а потому и трудно поддающееся словесному выраженію и психологическому анализу даже въ сознаніи самого переживающаго, по милости Божіей, подобное состояніе: какъ то не достаетъ словъ для выраженія этого состоянія, слова человѣческаго языка для выраженія и уясненія подобнаго состоянія Богоощущенія представляются какъ то не вполнѣ точными, даже по сознанію самого пережившаго названное состояніе. Состояніе это въ высшей степени духовное, а потому слово человѣческое, носящее на себѣ неизбѣжный признакъ нѣкоторой плотяности, является слабымъ для точнаго его выраженія. Только тождественныя по содержанію, хотя и кратковременныя, соотвѣтственныя переживанія наши личныя, которыми призываетъ Господь къ покаянію грѣшника, приближаютъ указанное состояніе къ нашему пониманію и вводятъ насъ въ духов-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 314—320.

ное видѣніе начертанной Преосвященнымъ Игнатіемъ картины Богообщенія, давая возможность до нѣкоторой степени уяснить и ея необычайную сложность въ наше духовное назиданіе. Созерцаемая нами по слову Владыки Игнатія духовная картина Богообщенія необычайно сложна. Здѣсь и ощутительное сознаніе непосредственной близости къ Богу, и ужасъ въ представленіи прежняго состоянія грѣховности, и опасеніе, боязнь за переживаемую въ данный моментъ духовную чистоту, и сознаніе милости Божіей въ самомъ освобожденіи отъ грѣха и благодатномъ Богообщеніи. Здѣсь очевидна далѣе ревность и попеченіе о сохраненіи чистоты духа своего, какъ содѣлавшагося храмомъ Святаго Духа, и благоговѣйное сознаніе величія и непостижимости Божества, и непосредственное, по внутреннему переживанію, постиженіе воли Божіей о человѣкѣ и готовность исполнять ее. Здѣсь чистая абсолютная духовность восхищенія къ Богу, это—въ высокой мѣрѣ созерцательное состояніе ума, радостное волненіе сердца, охватъ всей души высокимъ переживаніемъ. Здѣсь—радостно, но и опасливо созерцаемая чистота души своей, одухотворенность всего существа, здѣсь вожделѣнная духовная гармонія, миръ духа, предрекающій гармонію міровую, здѣсь чувствуемое обновленіе всего существа человѣческаго, свѣтлый порывъ къ исполненію воли Божіей, полное и неколеблемое послушаніе ей съ пріобрѣтеніемъ и сохраненіемъ при этомъ полной и высшей свободы духа. Въ состояніи Богообщенія человѣкъ переживаетъ возможность, уже осуществленную для него, возможность смерти для грѣха, одухотворенности своего тѣла и всего вещественнаго, призрачность и кратковременность вещественнаго и вѣчность духа; онъ переживаетъ новое, духовное рожденіе и на волнующійся грѣховный міръ взираетъ новыми очами; онъ чувствуетъ наступившее для него безконечное движеніе къ безпредѣльному, вступленіе въ область высокаго и таинственнаго, „ихже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша“ и затруднительность для словеснаго объясненія всего, съ нимъ происходящаго. Сподобившись Богообщенія и, по человѣчеству, снова переживая состояніе духовнаго приниженія и грѣховности людей, въ мірѣ сущихъ и плоть носящихъ, подвижникъ Божій уже не въ силахъ, не можетъ коснѣть въ грѣхѣ, онъ ревностно борется съ нимъ въ себѣ, и въ мірѣ внѣшнемъ, себя и ближнихъ своихъ возбуждаетъ къ спасительному стремленію въ высь и надземность Богообщенія. Подобно изображенному древнимъ мудрецомъ рабу жизненной пещеры, которому удалось порвать приковывавшую его къ мрачной пещерѣ, съ тѣневымъ лишь видѣніемъ жизни, цѣпь, видѣть красоту и величіе подлиннаго міра за предѣлами

пещеры и потомъ жить, хотя и въ пещерѣ, но не ея тѣнями, а пережитымъ видѣніемъ, подвижникъ Божій, вкусивъ Богообщенія, въ дальнѣйшемъ уже не можетъ, не хочетъ быть рабомъ грѣха, рабомъ міра и всей плотяности и земности, которыя подвергаются въ немъ переоцѣнкѣ своихъ цѣнностей. Подобно поэтически изображенной душѣ, которая, выслушавъ на пути въ міръ печали и слезъ надземную пѣснь Ангела о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ и о Богѣ великомъ, томится на свѣтѣ, „желаніемъ чуднымъ полна и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли“,—душа, сподобившагося Богоощущенія, свободная отъ земныхъ пристрастій, желаетъ болѣе всего на свѣтѣ „глаголомъ вольнымъ Бога славить“, нести мучительное бремя, идя на жизненномъ пути, нести за Господомъ оковы, его страданіемъ страдать, и крестъ Его на плечи взять и на главу вѣнецъ терновый; къ Господу направлены всѣ ея упованія, въ Немъ ея—и сила и покровъ, „Ему онъ хочетъ всѣ мышленья, Ему всѣхъ пѣсней благодать, и думы дня, и ночи бдѣнья, и сердца каждое біенье, и душу всю свою отдать“. Такъ представляется намъ состояніе Богообщенія и Богоощущенія по прочтеніи отчета Владыка Игнатія по созерцанію имъ земли обѣтованной—пути спасительнаго къ Царству Божіей славы.

Ознакомленіе съ чуднымъ состояніемъ Богоощущенія естественно вызываетъ у насъ два вопроса: 1) какимъ образомъ возможно согласить переживаніе подобнаго состоянія съ грѣховностію падшаго человѣка и 2) какъ оберечь себя отъ возможной въ этомъ отношеніи искусительной прелести и самообольщенія? По тому и другому вопросу Преосвященный Игнатій даетъ намъ вполнѣ опредѣленный и ясный отвѣтъ.

По первому вопросу, какъ возможно согласить Богоощущеніе съ грѣховностію человѣка и дѣйствіе Святаго Духа въ грѣшникѣ, Преосвященный Игнатій указываетъ на милость и благость Божію, привлекаемую къ грѣшному человѣку ради его спасенія. „Не требуютъ“, говорилъ Господь, „здравіи врача, но болящіи. Не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе“ (Мѳ. IX, 12). Такъ говорилъ Спаситель, такъ и дѣйствовалъ. Возлежалъ Онъ съ мытарями, грѣшниками, вводилъ ихъ чрезъ обращеніе къ вѣрѣ и добродѣтели въ духовное родство съ Авраамомъ и прочими праведниками. Тебя удивляетъ, поражаетъ безконечная благость Сына Божія? Знай, что столько же благъ и Всесвятый Духъ,—столько же жаждетъ спасенія человѣческаго, столько же кротокъ, незлобивъ, долготерпѣливъ, многомилолостивъ Духъ—едино изъ трехъ равночестныхъ Лицъ Всесвятыя Троицы, составляющихъ Собою, неслитно и нераздѣльно, единое Божественное Существо, имѣющихъ единое естество! И грѣхъ то привлекаетъ Святаго Духа къ человѣку! Привлекаетъ Его грѣхъ, не

осуществляемый совершеніемъ, но зримый въ себѣ, признаваемый, оплакиваемый! Чѣмъ болѣе человѣкъ вглядывается въ грѣхъ свой, чѣмъ болѣе вдается въ плачъ о себѣ, тѣмъ онъ пріятнѣе, доступнѣе для Духа Святаго, Который, какъ врачъ, приступаетъ только къ признающимъ себя больными, напротивъ того, отвращается отъ богатящихся суетнымъ своимъ самомнѣніемъ. Весь вдайся въ зрѣніе грѣха своего, въ плачъ о немъ! Тогда, въ свое время, узришь возсозданіе твое непостижимымъ, тѣмъ болѣе необъяснимымъ дѣйствіемъ Святаго Духа. Онъ придетъ къ тебѣ, когда ты не чаешь Его,—воздѣйствуетъ въ тебѣ, когда ты признаешь себя вполнѣ недостойнымъ Его! Но если въ тебѣ кроется ожиданіе благодати,—остерегись: ты въ опасномъ положеніи! Такое ожиданіе свидѣтельствуетъ о скрытномъ удостоеніи себя, а удостоеніе свидѣтельствуетъ о таящемся самомнѣніи, въ которомъ гордость. За гордостію удобно послѣдуетъ, къ ней удобно прилѣпляется прелесть [1]). Итакъ, переживаніе Богоощущенія возможно для грѣшнаго человѣка въ молитвенно-покаянномъ настроеніи, привлекающемъ къ нему благодать Божію и само по себѣ оно есть плодъ дѣйствія благодати въ сердцѣ сокрушенномъ и смиренномъ, въ душѣ боголюбивой и чуждой самомнѣнія.

По второму намѣченному вопросу,—какъ отличить истинное состояніе Богоощущенія отъ мнимаго, отъ прелести, какъ въ данномъ случаѣ оберечь себя отъ искусительной прелести,—Владыка Игнатій даетъ также вполнѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ, сопоставляя состояніе самомнительной прелести и благодатнаго Богоощущенія. Прелесть есть уклоненіе отъ истины и содѣйствующаго истинѣ Святаго Духа, уклоненіе ко лжи и содѣйствующимъ лжи духамъ отверженнымъ. Прелесть существуетъ уже въ самомнѣніи, существуетъ въ удостоеніи себя, въ самомъ ожиданіи благодати. Это ея первоначальные виды; такъ почка, цвѣтъ, зародышъ—первоначальные виды зрѣлаго плода. Отъ ложныхъ понятій являются ложныя ощущенія. Изъ ложныхъ понятій и ощущеній составляется самообольщеніе. Къ дѣйствію самообольщенія присоединяется обольстительное дѣйствіе демоновъ. Такое состояніе—состояніе прелести. Въ него входимъ, въ него низвергаемся за гордость нашу и самолюбіе [2]). Въ содержаніи состоянія прелести необходимымъ элементомъ является самомнѣніе, гордость и самоуслажденіе, совершенно чуждыя Богоощущенію. Сверхъ того, спасительное Богоощущеніе всемѣрно отличается отъ прелести и по дѣйствію своему на человѣка, по внутреннимъ, переживаемымъ человѣкомъ признакамъ, непосредственно

[1]) Тамъ же, стр. 320—321.
[2]) Тамъ же, стр. 321.

имъ сознаваемымъ. Богоощущеніе имѣетъ столь очевидные внутреннiе признаки, что самое сомнѣніе въ немъ или критическое къ нему отношеніе, потому лишь, что его носителемъ является грѣшный человѣкъ, кажется Преосвященному Игнатію помышленіемъ хульнымъ. Не таково дѣйствіе, не таковы свойства прелести. Скажи, вопрошаетъ Владыка Игнатій: свойственно ли діаволу, врагу, убійцѣ человѣковъ, дѣлаться врачемъ ихъ? Свойственно ли діаволу соединять воедино разсѣченныя грѣхомъ части и силы человѣка, изводить ихъ изъ порабощенія грѣху на свободу, изводить изъ состоянія противодѣйствія, борьбы междоусобной, въ состояніе священнаго о Господѣ мира? Свойственно ли діаволу извлекать изъ глубокой пропасти невѣдѣнія Бога и доставлять живое, опытное Богопознаніе, уже не нуждающееся ни въ какихъ доказательствахъ извнѣ? Свойственно ли діаволу проповѣдывать и подробно объяснять Искупителя, проповѣдывать и объяснять приближеніе къ Искупителю покаяніемъ? Свойственно ли діаволу возставлять въ человѣкѣ падшій образъ, приводить въ порядокъ разстроенное подобіе? Свойственно ли приносить вкушеніе нищеты духовной, а вмѣстѣ воскресенія, обновленія, соединенія съ Богомъ? Свойственно ли діаволу возносить на высоту Богословія, на которой человѣкъ бываетъ, какъ ничто, безъ мысли, безъ желанія, весь погруженный въ чудное молчаніе? Это молчаніе есть изсякновеніе всѣхъ силъ существа человѣческаго, устремившихся къ Богу, и—такъ сказать—исчезающихъ предъ безконечнымъ величіемъ Бога. Иначе дѣйствуетъ прелесть, и иначе Богъ, безпредѣльный Владыка человѣковъ, Который былъ и нынѣ есть ихъ Создатель. Тотъ, Кто создалъ и возсозидаетъ, не пребываетъ ли Создателемъ? Итакъ, услышь, возлюбленнѣйшій братъ, услышь, чѣмъ различается дѣйствіе прелести отъ дѣйствія Божественнаго! Прелесть, когда приступаетъ къ человѣку, мыслію ли, или мечтаніемъ, или тонкимъ мнѣніемъ, или какимъ явленіемъ, зримымъ чувственными очами, или гласомъ изъ поднебесной, слышимымъ чувственными ушами,—приступаетъ не какъ неограниченная властительница, но какъ обольстительница, ищущая въ человѣкѣ согласія, отъ согласія его пріемлющая власть надъ нимъ. Всегда дѣйствіе ея, внутри ли оно, или снаружи человѣка, есть дѣйствіе извнѣ; человѣкъ можетъ отвергнуть его. Всегда встрѣчается прелесть первоначально нѣкоторымъ сомнѣніемъ сердца; не сомнѣваются о ней тѣ, которыми она рѣшительно возобладала. Никогда не соединяетъ прелесть разсѣченнаго грѣхомъ человѣка, не останавливаетъ движеній крови, не наставляетъ подвижника на покаяніе, не умаляетъ его предъ нимъ самимъ; напротивъ того, возбуждаетъ въ немъ мечтательность, приводитъ въ движеніе кровь,

приноситъ ему какое то безвкусное, ядовитое наслажденіе, тонкольститъ ему, внушаетъ самомнѣніе, устанавливаетъ въ душѣ идолъ *я*[1]). Сопоставляя указанные признаки проявленія въ душѣ человѣка грѣховной прелести съ отмѣченными выше элементами благодатнаго Богоощущенія, мы приходимъ къ заключенію, что послѣднее въ душѣ переживающаго имѣетъ, по опыту подвижника, самоочевидную опредѣленность, главнымъ образомъ,—элементами духовной собранности, внутренняго мира, смиренія, близости къ Богу, созерцательности, покаянія и отсутствія самости.

Понимаемое, какъ облагодатствованная побѣда надъ грѣхомъ и осуществленное Богоощущеніе или Богообщеніе, душевное спасеніе тѣмъ самымъ необходимо мыслится, какъ высочайшее благо человѣка, съ которымъ не могутъ имѣть никакого сравненія не только внѣшнія, но и духовныя блага временнаго человѣческаго бытія. Коль скоро христіанинъ уразумѣлъ—не теоретически, а опытно извѣдалъ тайну Богообщенія и душевнаго спасенія, онъ неминуемо произведетъ переоцѣнку прежнихъ грѣховныхъ, плотскихъ и мірскихъ цѣнностей, и курсъ послѣднихъ рѣзко понизится и, мало по малу, дойдетъ до полнаго обезцѣненія. Такое вліяніе душеспасительной жизни на отношеніе христіанина къ интересамъ жизни земной отмѣчается Преосвященнымъ Игнатіемъ въ его толкованіи на начало Псалтири, гдѣ онъ картинно изображаетъ, что для вѣдущаго пути Божіи душевное спасеніе есть высочайшее благо, наивысшая цѣнность жизни, безмѣрно превосходящая почести и высокое положеніе царскаго званія, славу полководца, богатство и другія земныя утѣшенія, даже жизнь пустынную;—храненіе отъ грѣха и благодатное единеніе души съ Господомъ, или душевное спасеніе,—вотъ высшее блаженство человѣка, не только осмысливающее его земную жизнь, но и созидающее блаженную посмертную вѣчность[2]). Путемъ изложеннаго обозрѣнія сужденій Епископа Игнатія по вопросу о спасеніи, мы приходимъ, полагаемъ, къ вполнѣ обоснованному выводу, что, по ученію Епископа Игнатія, душевное спасеніе есть Богообщеніе, достигаемое чрезъ смиренное совершеніе, при содѣйствіи благодати Божіей, подвига борьбы съ грѣхомъ и преуспѣянія въ совершенствѣ; Богоощущеніе и Богообщеніе по этому пониманію обусловлено самоотреченіемъ и самодѣятельною борьбою съ грѣхомъ.

Такое уясненіе понятія о душевномъ спасеніи становится для насъ еще болѣе опредѣленнымъ, если мы остановимъ свое вниманіе на сопоставленіи Епископомъ Игнатіемъ православнаго пониманія

---

[1]) Тамъ же, стр. 318—319; т. IV, стр. 17.
[2]) Тамъ же, стр. 3—12; т. IV, стр. 235—236.

душевнаго спасенія съ пониманіемъ инославнымъ и на рѣшительномъ осужденіи имъ инославнаго ученія о спасеніи. Сопоставленіе православнаго и инославнаго ученія о спасеніи дѣлается Владыкою Игнатіемъ, главнымъ образомъ, въ связи съ рѣшительнымъ осужденіемъ имъ весьма распространенной въ его время, особенно въ свѣтскомъ обществѣ, книги Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу". Для полноты пониманія вопроса о спасеніи отмѣтимъ сужденія Владыки Игнатія по указанному предмету.

Занимаясь изученіемъ „изреченій святыхъ пустынножителей Египта", на славянскомъ, русскомъ и другихъ языкахъ, Преосвященный Игнатій особо цѣнитъ въ нихъ выраженіе православно-христіанскаго настроенія: христоподражательное смиреніе, младенческую простоту и незлобіе, ангелоподобное безстрастіе, разсужденіе и мудрость духовныя [1]), а отличительными чертами святыхъ подвижниковъ указываетъ глубочайшее смиреніе, постоянное размышленіе ихъ о паденіи человѣка и сокрушеніе о грѣхахъ своихъ [2]). Въ противовѣсъ этому, подвижники западной Церкви и писатели ея о христіанскомъ подвигѣ, „со времени разлученія этой Церкви отъ Восточной и отпаденія ея въ гибельную тьму ереси", получили другое направленіе. Прежде. Венедиктъ, святый папа Григорій Двоесловъ еще согласны съ аскетическими наставниками Востока; но уже Бернардъ отличается отъ нихъ рѣзкою чертою; позднѣйшіе уклонились еще болѣе. Они тотчасъ влекутся и влекутъ читателей своихъ къ высотамъ, недоступнымъ для новоначальнаго, заносятся и заносятъ. Разгоряченная, часто изступленная мечтательность замѣняетъ у нихъ все духовное, о которомъ они не имѣютъ никакого понятія. Эта мечтательность признана ими благодатію. Святые Отцы Восточной Церкви приводятъ читателя своего не въ объятія любви, не на высоты видѣній,—приводятъ къ разсматриванію грѣха своего, своего паденія, къ исповѣданію Искупителя, къ плачу о себѣ предъ милосердіемъ Создателя. Они сперва научаютъ обуздывать нечистыя стремленія нашего тѣла, содѣлывать его легкимъ, способнымъ къ духовной дѣятельности; потомъ обращаются къ уму, выправляютъ его образъ мыслей, его разумъ, очищая его отъ мыслей, усвоившихся намъ по паденіи нашемъ, замѣняя ихъ мыслями обновленнаго естества человѣческаго, живо изображеннаго въ Евангеліи. Съ исправленіемъ ума Святые Отцы заботятся о исправленіи сердца, о измѣненіи его навыковъ и ощущеній. Очистить сердце труднѣе, нежели очистить

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія т. IV, стр. 497.
[2]) Тамъ же, стр. 498.

умъ: умъ, убѣдясь въ справедливости новой мысли, легко отбрасываетъ старую, легко усвояетъ себѣ новую; но замѣнить навыкъ навыкомъ, свойство свойствомъ, чувствованіе другимъ чувствованіемъ, чувствованіемъ противоположнымъ, это—трудъ, это усильная продолжительная работа, это—борьба неимовѣрная. Значитъ, надо умертвить всѣ грѣховныя пожеланія плоти и крови, всѣ движенія ума и сердца, зависящія отъ плоти и крови. Надо ввести и тѣло, и умъ, и сердце въ управленіе духа. Кровь и нервы приводятся въ движеніе многими страстями: и гнѣвомъ, и сребролюбіемъ, и сластолюбіемъ, и тщеславіемъ. Тщеславіе стремится преждевременно къ духовнымъ состояніямъ, къ которымъ человѣкъ еще неспособенъ по нечистотѣ своей, за недостиженіемъ истины—сочиняетъ себѣ мечты. А сладострастіе, присоединяя свое дѣйствіе къ дѣйствію тщеславія, производитъ въ сердцѣ обольстительныя, ложныя утѣшенія, наслажденія и упоенія. Такое состояніе есть состояніе самообольщенія. Всѣ, незаконно подвизающіеся, находятся въ этомъ состояніи. Оно развивается въ нихъ больше или меньше, смотря потому, сколько они усиливаютъ свои подвиги. Изъ этого состоянія написано западными писателями множество книгъ. На нихъ то съ жадностію кидается, ихъ то проповѣдуетъ преимущественно святыми и духовными, достойными стоять возлѣ Свящ. Писанія слѣпотствующій и гордый міръ, признающій себя просвѣщеннымъ въ высшей степени, и потому ненуждающимся держаться неотступно преданій Восточной Церкви. Въ Святыхъ Отцахъ Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченнаго состоянія крови. Они никогда не приходятъ въ энтузіазмъ, который, будучи рожденіемъ крови, часто на Западѣ искалъ пролитія крови [1]).

Душеспасительное настроеніе характеризуется внутренне—спокойствіемъ, ясностью, миромъ, расположеніемъ къ покаянію, къ углубленію въ себя, къ безнадежію на себя, къ утѣшительной надеждѣ на Бога; настроеніе душевредное познается по производимому имъ мраку, смущенію, неопредѣлительности, перемѣнчивости, развлеченію, мечтательности, или же по самодовольству и какому то неясному, мутному настроенію [2]). Въ этомъ отношеніи—православно-христіанскимъ святоотеческимъ твореніямъ Епископъ Игнатій противополагаетъ книгу Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу", которая нерѣдко является въ его сужденіяхъ символомъ неправославнаго и душевреднаго настроенія въ противовѣсъ спасительности святого Православія. Между прочими обманчивыми тлетворными зефирами, навѣвающими на сердце страшную тишину, это бѣдственное, гибель-

---

[1]) Тамъ же, стр. 498—499.

[2]) Тамъ же, стр. 445.

ное наслажденіе, говоритъ Владыка Игнатій, навѣваетъ на него и чтеніе извѣстной книжки Ѳомы Кемпійскаго, западнаго монаха, находившагося въ бѣсовской прелести, книжки:—„Подражаніе“. Обольстительное наслажденіе питается самомнѣніемъ, которое рождается отъ тонко дѣйствующаго тщеславія, ослѣпляющаго умъ и сердце; оно любитъ высказать себя, оно позволяетъ себѣ отклоняться отъ точнаго повиновенія святой Церкви,—умнѣе ея, оно, какъ и всѣ прелести, козни діавола, какъ самъ діаволъ и его чадо грѣхъ,—не терпятъ благоуханія, для нихъ смертоноснаго, убійственнаго благоуханія, которое издаютъ изъ себя покаяніе и его плодъ—смиреніе. Спаситель міра сказалъ: „блаженни нищіи духомъ, блаженни алчущіи нынѣ, блаженни плачущіи нынѣ, и—горе вамъ насыщеннїи нынѣ“ [1]). Книга Ѳомы Кемпійскаго „Подражаніе Іисусу Христу“, съ точки зрѣнія православно-аскетическаго пониманія Епископа Игнатія, представляется образцомъ аскетической книги, написанной изъ состоянія прелести, именуемой мнѣніемъ. Книга эта, говоритъ Владыка Игнатій, дышетъ утонченнымъ сладострастіемъ и высокоуміемъ, которыя въ людяхъ, ослѣпленныхъ и преисполненныхъ страстями, производятъ наслажденіе, признаваемое ими вкушеніемъ Божественной благодати. Несчастные и омраченные, они не понимаютъ, что, обонявъ утонченную воню живущихъ въ себѣ страстей, они наслаждаются ею, признаютъ ее въ слѣпотѣ своей вонею благодати. Они не понимаютъ, что къ духовному наслажденію способны одни святые, что духовному наслажденію должно предшествовать покаяніе и очищеніе отъ страстей, что грѣшникъ неспособенъ къ духовному наслажденію, что онъ долженъ сознавать себя недостойнымъ наслажденія, отвергать его, если оно начнетъ приходить къ нему, отвергать, какъ несвойственное себѣ, какъ явное и пагубное самообольщеніе, какъ утонченное движеніе тщеславія, высокоумія и сладострастія [2]). Конечно,

---

[1]) Тамъ же, стр. 445.

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія т. V, стр. 69. Въ примѣръ людей, въ подвижничествѣ впавшихъ въ бѣсовскую прелесть, Владыка Игнатій указываетъ Франциска Ассизскаго, Игнатія Лойолу и другихъ подвижниковъ Латинства по отпаденіи Западной Церкви отъ Восточной, признаваемыхъ въ нѣдрѣ его святыми. Когда Франциск былъ восхищенъ на небо,—говоритъ писатель житія его, то Богъ Отецъ, увидѣвъ его, пришелъ на минуту въ недоумѣніе, кому отдать преимущество, Сыну ли Своему по естеству, или сыну по благодати—Франциску“. Что можетъ быть страшнѣе, уродливѣе этой хулы, печальнѣе этой прелести!—справедливо восклицаетъ Владыка Игнатій (Тамъ же).

Владыка Игнатій свидѣтельствуетъ, что изъ прелести и самомнѣнія возникли пагубныя ереси, расколы, безбожіе, богохульство. Несчастнѣйшее видимое послѣдствіе прелести есть неправильная, зловредная для себя и для ближнихъ дѣятельность,—зло, несмотря на ясность его и обширность, мало примѣчаемое и мало понимаемое. Случаются, съ зараженными „мнѣніемъ“ дѣлателями молитвы, и несчастія,

существуютъ и состоянія духовныя, производимыя Божественною благодатію, въ которыхъ вкушается духовная сладость и радость, открываются тайны христіанства, ощущается въ сердцѣ присутствіе Святаго Духа, при которыхъ подвижникъ Христовъ сподобляется духовныхъ видѣній, но они существуютъ только въ христіанахъ, достигшихъ христіанскаго совершенства, предварительно очищенныхъ и пріуготовленныхъ покаяніемъ. Постепенное дѣйствіе покаянія вообще, выражаемаго всѣми видами смиренія, въ особенности молитвою, приносимою изъ нищеты духа, изъ плача, постепенно ослабляетъ въ человѣкѣ дѣйствіе грѣха. Для этого нужно значительное время. И дается оно истиннымъ, благонамѣреннымъ подвижникамъ Промысломъ Божіимъ, неусыпно бдящимъ надъ нами. Борьба съ страстями—необыкновенно полезна: она, болѣе всего, приводитъ къ нищетѣ духа. Когда очень ослабѣютъ страсти,—это совершается наиболѣе къ концу жизни,—тогда мало по малу начнутъ появляться состоянія духовныя, различающіяся безконечнымъ различіемъ отъ состояній, сочиняемыхъ „мнѣніемъ“. Плотской человѣкъ никакъ, никоимъ способомъ, не можетъ

очевидныя для всѣхъ, но рѣдко. На Валаамскомъ островѣ, разсказываетъ Владыка Игнатій, въ отдаленной пустынной хижинѣ, жилъ схимонахъ Порфирій, котораго и я видѣлъ. Онъ занимался подвигомъ молитвы. Какого рода былъ этотъ подвигъ,—положительно не знаю. Можно догадываться о неправильности его по любимому чтенію схимонаха: онъ высоко цѣнилъ книгу западнаго писателя Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Іисусу Христу“ и руководствовался ею. Книга эта написана изъ „мнѣнія“. Порфирій однажды вечеромъ, въ осеннее время, посѣтилъ старцевъ скита, отъ котораго невдалекѣ была его пустыня. Когда онъ прощался со старцами, они предостерегали его, говоря: „не вздумай пройти по льду: ледъ только что всталъ и очень тонокъ“. Пустыня Порфирія отдѣлялась отъ скита глубокимъ заливомъ Ладожскаго озера, который надо было обходить. Схимонахъ отвѣчалъ тихимъ голосомъ, съ наружною скромностію: „Я уже легокъ сталъ“. Онъ ушелъ. Чрезъ короткое время послышался отчаянный крикъ Скитскіе старцы встревожились, выбѣжали. Было темно; не скоро нашли мѣсто, на которомъ совершилось несчастіе; не скоро нашли средство достать утопшаго: вытащили тѣло, уже оставленное душою. (Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 253—254).

Преосвященный Игнатій положительно признаетъ книгу Ѳомы Кемпійскаго вредною для православно-христіанскаго настроенія—и считаетъ плодомъ величайшаго недоразумѣнія широкое распространеніе ея среди чадъ православной Церкви. Ея почитатели изъ русскихъ православныхъ читателей только по непониманію въ восторгѣ отъ ея достоинства, по убѣжденію Владыки Игнатія. Въ предисловіи русскаго переводчика въ книгѣ „Подражаніе“, изд. 1834 г., напеч. въ Москвѣ, сказано: „Одинъ высокопросвѣщенный мужъ“, русскій, православный, „говаривалъ: „еслибъ нужно было мое мнѣніе, то я бы смѣло послѣ Священнаго Писанія поставилъ Кемписа о подражаніи Іисусу Христу“. Въ этомъ, столь рѣшительномъ приговорѣ дается инославному писателю полное предпочтеніе предъ всѣми Святыми Отцами православной Церкви, а своему взгляду дается предпочтеніе предъ опредѣленіями всей Церкви, которая на святыхъ Соборахъ признала писанія Святыхъ Отцовъ Богодухновенными, и завѣщала чтеніе ихъ не только въ душеназиданіе всѣмъ чадамъ своимъ, но и въ

даже представить себѣ состояній духовныхъ: познаніе этихъ состояній пріобрѣтается не иначе, какъ опытомъ. Общій признакъ состояній духовныхъ—глубокое смиреніе и смиренномудріе, соединенное съ предпочтеніемъ себѣ всѣхъ ближнихъ, евангельскою любовію ко всѣмъ ближнимъ, съ стремленіемъ къ неизвѣстности, къ удаленію отъ міра. „Мнѣнію“ тутъ мало мѣста, потому что смиреніе состоитъ въ отреченіи отъ всѣхъ собственныхъ достоинствъ, въ существенномъ исповѣданіи Искупителя. Одержимые

руководство при рѣшеніи церковныхъ вопросовъ. Въ писаніяхъ Отцовъ хранится великое духовное, христіанское и церковное сокровище: догматическое и нравственное преданіе святой Церкви. Очевидно, что книга „Подражаніе“ привела упомянутаго мужа въ то настроеніе, изъ котораго онъ выразился такъ опрометчиво, такъ ошибочно, такъ грустно. Это—самообольщеніе, это—прелесть. Составилась она изъ ложныхъ понятій; ложныя понятія родились изъ неправильныхъ ощущеній, сообщенныхъ книгою. Въ книгѣ жительствуетъ и изъ книги дышетъ помазаніе лукаваго духа, льстящаго читателямъ, упоевающаго ихъ отравою лжи, услажденнаго утонченными приправами изъ высокоумія, тщеславія и сладострастія. Книга ведетъ своихъ читателей прямо къ общенію съ Богомъ, безъ предочищенія—покаяніемъ, почему и вызываетъ особенное сочувствіе къ себѣ въ людяхъ страстныхъ, незнакомыхъ съ путемъ покаянія, не предохраненныхъ отъ самообольщенія и прелести, не наставленныхъ правильному жительству ученіемъ Святыхъ Отцовъ православной Церкви. Книга производитъ сильное дѣйствіе на кровь и нервы, возбуждаетъ ихъ,—и потому особенно нравится она людямъ, порабощеннымъ чувственности: книгою можно наслаждаться, не отказываясь отъ грубыхъ наслажденій чувственностію. Высокоуміе, утонченное сладострастіе и тщеславіе выставляются книгою за дѣйствіе благодати Божіей. Обонявъ блудъ свой въ его утонченномъ дѣйствіи, плотскіе люди приходятъ въ восторгъ отъ наслажденія, отъ упоенія, доставляемыхъ безтрудно, безъ самоотверженія, безъ покаянія, безъ распятія плоти со страстьми и похотьми, съ ласкательствомъ состоянію паденія. Радостно переходятъ они, водимые слѣпотою своею и гордостію, съ ложа любви скотоподобной на ложе любви болѣе преступной, господствующей въ блудилищѣ духовъ отверженныхъ. Нѣкоторая особа, принадлежавшая по земному положенію къ высшему и образованнѣйшему обществу, а по наружности къ православной Церкви, выразилась слѣдующимъ образомъ о скончавшейся лютеранкѣ, признанной этою особою за святую: „она любила Бога страстно; она думала только о Богѣ; она видѣла только Бога; она читала только Евангеліе и „Подражаніе“, которое—второе Евангеліе (Восторженное изреченіе произнесено на французскомъ языкѣ, столько способномъ для сцены: „elle aimait Dieu avec passion; elle ne pensait qu'à Dieu; elle ne voyait que Dieu; elle ne lisait que l'Evangil et l'Imitation, qui est un second Evangil“). Этими словами выражено, именно, то состояніе, въ которое приводятся читатели и чтители „Подражанія“. Тождественно, въ сущности своей, съ этою фразою изреченіе знаменитой французской писательницы, г-жи де-Севинье о знаменитомъ французскомъ поэтѣ, Расинѣ старшемъ: „Il aime Dieu“, дозволила себѣ сказать г-жа Севинье, „comme il aimait ses maîtresses“. Извѣстный критикъ Ла-Гарпъ, бывшій сперва безбожникомъ, потомъ перешедшій къ неправильно понятному и извращенному имъ христіанству, одобряя выраженіе г-жи Севинье, сказалъ: „C'est avec le, même coer, qu'on aime le Créateur, ou la créature quoique les effets soient aussi différents, que les objets“. Мы вѣруемъ, что въ сердцѣ человѣческомъ имѣется вожделѣніе

„мнѣніемъ", по большей части, преданы сладострастію, несмотря на то, что приписываютъ себѣ возвышеннѣйшія духовныя состоянія, безпримѣрныя въ правильномъ православномъ подвижничествѣ; немногіе изъ нихъ воздерживаются отъ грубаго порабощенія сладострастію,— воздерживаются единственно по преобладанію въ нихъ грѣха изъ грѣховъ—гордости [1]). Такимъ образомъ, въ видимомъ добродѣланіи можетъ проявляться душевредный духъ гордыни, если это добродѣланіе не имѣетъ въ основѣ своей смиренно-покаяннаго самоотреченія и благоговѣйной вѣры въ Искупителя.

скотоподобное, внесенное въ него паденіемъ, находящееся въ соотношеніи съ вожделѣніемъ падшихъ духовъ; мы вѣруемъ, что имѣется въ сердцѣ и вожделѣніе духовное, съ которымъ мы сотворены, которымъ любится естественно и правильно Богъ и ближній, которое находится въ гармоніи съ вожделѣніемъ святыхъ Ангеловъ. Чтобы возлюбить Бога и въ Богѣ ближняго, необходимо очиститься отъ вожделѣнія скотоподобнаго. Очищеніе совершаетъ Святый Духъ въ человѣкѣ, выражающемъ жизнію произволеніе къ очищенію. Собственно и называется сердцемъ, въ нравственномъ значеніи, вожделѣніе и прочія душевныя силы, а не членъ плоти—сердце. Силы сосредоточены въ этомъ членѣ,—и перенесено общимъ употребленіемъ наименованіе отъ члена къ собранію силъ.

Въ противоположность ощущенію плотскихъ людей, духовные мужи, обонявъ воню зла, притворившагося добромъ, немедленно ощущаютъ отвращеніе отъ книги, издающей изъ себя эту воню. Старцу Исаіи, иноку, безмолвствовавшему въ Никифоровской пустынѣ, Олонецкой епархіи, преуспѣвшему въ умной молитвѣ и сподобившемуся благодатнаго осѣненія, былъ прочитанъ отрывокъ изъ „Подражанія". Старецъ тотчасъ проникъ въ значеніе книги. Онъ засмѣялся и воскликнулъ: „О! это написано изъ мнѣнія. Тутъ ничего нѣтъ истиннаго, тутъ всѣ - придуманное! Какими представлялись Ѳомѣ духовныя состоянія и какъ онъ мнилъ о нихъ, не зная ихъ по опыту, такъ и описалъ ихъ". Прелесть, какъ несчастіе, представляетъ собою явленіе горестное; какъ нелѣпость, она—зрѣлище смѣшное. Извѣстный по строгой жизни Архимандритъ Кирилло-Новоезерскаго монастыря Ѳеофанъ, занимавшійся въ простотѣ сердца почти исключительно тѣлеснымъ подвигомъ, и о подвигѣ душевномъ имѣвшій самое умѣренное понятіе, сперва предлагалъ лицамъ, совѣтовавшимся съ нимъ и находившимся подъ его руководствомъ, чтеніе книги „Подражаніе", за немного лѣтъ до кончины своей онъ началъ воспрещать чтеніе ея, говоря съ святою простотою: „прежде признавалъ я эту книгу душеполезною, но Богъ открылъ мнѣ, что она—душевредна". Такого же мнѣнія о „Подражаніи" былъ извѣстный дѣятельною монашескою опытностію іеросхимонахъ Леонидъ, положившій начало нравственному благоустройству въ Оптиной пустынѣ. Всѣ упомянутые подвижники были знакомы мнѣ лично. Нѣкоторый помѣщикъ, воспитанный въ духѣ православія, коротко знавшій, такъ называемый, большой свѣтъ, т. е. міръ въ высшихъ слояхъ его, увидѣлъ однажды книгу „Подражаніе" въ рукахъ дочери своей. Онъ воспретилъ ей чтеніе книги, сказавъ: „я не хочу, чтобы ты послѣдовала модѣ, и кокетничала предъ Богомъ". Самая вѣрная оцѣнка книгѣ, справедливо замѣчаетъ Владыка Игнатій (Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 253—257).

[1]) Тамъ же, стр. 252—253.

Въ отношеніи къ вопросу о сущности спасенія, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, для Преосвященнаго Игнатія истина святого Православія, въ сравненіи съ другими христіанскими исповѣданіями, безмѣрно высока и строго опредѣленна, а книга Ѳомы Кемпійскаго является для него лишь поводомъ къ тому, чтобы высказаться въ этомъ направленіи. Какъ превосходенъ, говоритъ онъ, характеръ сына Восточной Церкви! Какъ онъ простъ, величественъ и святъ! Протестантъ холодно-уменъ; Римлянинъ—восторженъ, увлекаетъ, уносится; сынъ Восточной Церкви проникнутъ святою истиною и кроткимъ миромъ. Первые два характера—земные; послѣдній низшелъ съ неба и предстоитъ нашимъ взорамъ въ Евангеліи. Этотъ характеръ воспитывается въ православномъ христіанинѣ чтеніемъ Священнаго Писанія и твореній Святыхъ Отцовъ; христіанинъ, напитываясь этимъ чтеніемъ, содѣлывается наперсникомъ Истины и причастникомъ подаемаго Ею Святого Духа [1]). Особенно сильнымъ и яркимъ выраженіемъ убѣжденности Епископа Игнатія въ безмѣрной высотѣ Православія представляется намъ дѣлаемое имъ сопоставленіе выдержекъ изъ „Подражанія“ съ священными пѣснопѣніями православной Церкви. Такъ, Преосвященный Игнатій, приводя выдержку изъ книги Ѳомы Кемпійскаго, кн. III, гл. 2, гдѣ христіанинъ выражаетъ готовность слушать, Господа: „Говори, Господи, ибо рабъ твой слышитъ“, видитъ въ этихъ словахъ дерзостное стремленіе къ Богу безъ предварительнаго покаяннаго и аскетическаго подвига [2]). Вышеприведен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 446—447, особ. 447.

[2]) Указываемое мѣсто „Подражанія“, въ которомъ, по мнѣнію Владыки Игнатія, отражается разгораченіе, самомнѣніе и самообольщеніе западнаго писателя, приводится во II т. Твореній Епископа Игнатія въ слѣдующемъ видѣ: „Говори Господи, ибо рабъ Твой слышитъ. Я—рабъ Твой! Вразуми меня, да познаю свидѣтельства Твои. Приклони сердце мое къ словамъ устъ Твоихъ, и да снидетъ, какъ роса, глаголъ Твой. Сыны Израилевы говорили нѣкогда Моисею: говори Ты къ намъ, и мы будемъ слушать; Господь же да не говоритъ къ намъ, дабы намъ не умереть. Не такъ, Господи, не такъ молю я! Но паче съ пророкомъ Самуиломъ смиренно и ревностно умоляю: говори, Господи, ибо рабъ Твой слышитъ. Да не говоритъ мнѣ Моисей, или другой кто изъ пророковъ, но паче говори Ты, Господи Боже, дарующій вдохновеніе и просвѣщеніе всѣмъ пророкамъ. Ты единъ, безъ нихъ, можешь совершенно научить меня, они же безъ тебя не могутъ имѣть никакого успѣха. Могутъ звучать слова ихъ, но Духа не сообщаютъ. Они изящно говорятъ, но, когда Ты молчишь, не воспламеняютъ сердца. Они передаютъ буквы, но Ты отверзаешь смыслъ! Они изрекаютъ таинства, но Ты, отверзаешь разумъ иносказаній. Они объясняютъ Твои велѣнія, но Ты подаешь силу къ исполненію. Они показываютъ путь, но Ты даешь крѣпость проходить его! Они дѣйствуютъ только извнѣ, но Ты наставляешь и просвѣщаешь сердца! Они орошаютъ внѣшно, но Ты даруешь плодоносіе! Они взываютъ словами, но Ты даешь слуху разумѣніе! И потому да не говоритъ мнѣ Моисей! Говори Ты, Господи, Боже мой, вѣчная Истина! Да не умру и останусь безплоднымъ, если буду наставляемъ только наружно,

ныя слова юнаго пророка: „глаголи, Господи, яко слышитъ рабъ твой“, Преосвященный Игнатій, въ связи съ контекстомъ (I Цар. 1—20), справедливо понимаетъ въ смыслѣ обнаруженнаго Самуиломъ высшаго послушанія священнику Илію, тѣмъ самымъ привлекающаго къ юному пророку благодать Божію: услышалъ возвавшаго его Господа юный пророкъ Самуилъ, и, не признавая себя достойнымъ бесѣды съ Господомъ, предсталъ своему престарѣлому наставнику, испрашивая у него наставленія для своего поведенія. Услышалъ Самуилъ во второй разъ тотъ же призывающій голосъ, и опять предсталъ наставнику. Наставникъ понялъ, что голосъ призывавшаго былъ голосъ Божій. Наставникъ повелѣлъ юношѣ, когда онъ услышитъ подобное призваніе, отвѣчать поворящему: „Глаголи, Господи, яко слышитъ рабъ твой“.

Тоже, замѣчаетъ Владыка Игнатій, дерзаетъ говорить сладострастный, надменный мечтатель, никѣмъ не призываемый, упоенный тщеславнымъ мнѣніемъ, сочиняющій въ себѣ гласы и утѣшенія, ими льстящій надменному своему сердцу, ими обманывающій себя и легковѣрныхъ своихъ послѣдователей [1]). Приведенная въ примѣчаніи выдержка изъ „Подражанія“ наводитъ ужасъ и глубокую печаль на душу Епископа Игнатія, воспитанную ученіемъ православной Церкви. Его печалитъ, что устранено тутъ покаяніе, устранено сокрушеніе духа, и, наоборотъ, обнаруживается дерзкое и рѣшительное стремленіе къ ближайшему и тѣснѣйшему соединенію съ Богомъ. Таково, по его заключенію, вообще настроеніе аскетическихъ западныхъ писателей. Одинъ изъ нихъ, выражая свое неправильное пониманіе достоинства Божіей Матери, заключаетъ изступленное велерѣчіе словами: „Итакъ, кинемся въ объятія Богоматери“. Противоположно это настроеніе настроенію, которое преподаетъ святая Восточная Церковь своимъ чадамъ. „Аще не быхомъ святыя Твоя имѣли молитвенники“, говоритъ она въ одномъ изъ пѣснопѣній своихъ, „и благостыню Твою, милующую насъ, како смѣли быхомъ, Спасе, пѣти Тя, Его же славословятъ непрестанно Ангели“ [2]). Въ другомъ пѣснопѣніи она говоритъ: „Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ, грѣшніи и смиренніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: Вла-

---

внутренно же не буду воспламененъ, и да не будетъ мнѣ въ судъ слово слышанное и неисполненное,—познанное и любовію необъятое, увѣрованное, и не соблюденное. Итакъ, говори, Господи, ибо рабъ Твой слышитъ: Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной!“ (т. II, стр. 124). По сдѣланному далѣе замѣчанію Епископа Игнатія, потрудившійся перевести „Подражаніе“ съ латинскаго языка на русскій помѣстилъ въ концѣ своей книги наставленія для читателя.

[1]) Тамъ же, стр. 123—124.

[2]) Тропарь на Великомъ повечеріи.

дычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися: погибаемъ отъ множества прегрѣшеній! Не отврати твоя рабы тщи: Тя бо едину надежду имамы“ [1]). Какъ это глубоко-умилительное, такъ и вышеотмѣченное состояніе самообольщенія и бѣсовской прелести непонятно для тѣхъ, которые не воспитаны духовнымъ подвигомъ по преданію православной Церкви: признаютъ они бѣдственное состояніе самообольщенія за состояніе самое правильное и благодатное [2]). И охраняя душу свою и своихъ ближнихъ отъ душевредной прелести самообольщенія и гордости, Преосвященный Игнатій указываетъ необходимость послушанія голосу единой, святой и истинной Восточной Церкви, руководству Святыхъ Отцовъ Церкви, многочастно и многообразно выясняетъ спасительность смиренія и покаянія, рекомендуетъ оберегать себя отъ всякаго самообольстительнаго видѣнія, отъ всякаго гласа внѣшняго и внутренняго прежде обновленія явственнымъ дѣйствіемъ Святаго Духа. Исканіе съ ожиданіемъ высокихъ Божіихъ даровъ отвергнуто Церковію Божіею, это—не признакъ любви къ Богу; это—недугъ души.

Наоборотъ, зрѣніе грѣха своего и рождаемое имъ покаяніе суть дѣланія, не имѣющія окончанія на землѣ: зрѣніемъ грѣха возбуждается покаяніе; покаяніемъ доставляется очищеніе; постепенно очищаемое око ума начинаетъ усматривать такіе недостатки и поврежденія во всемъ существѣ человѣческомъ, которыхъ оно прежде, въ омраченіи своемъ, совсѣмъ не примѣчало [3]). Такимъ образомъ, существенный элементъ душевнаго спасенія, какъ произвольно избираемаго человѣкомъ подвига земной жизни, привлекающаго къ нему благодать Божію, составляетъ, по православному пониманію Епископа Игнатія, дѣланіе покаянія, которое, очищая душу грѣшника, привлекая къ нему благодать Божію и уничтожая самость, вводитъ человѣка еще въ условіяхъ земного странствованія въ спасительное Богообщеніе, въ которомъ заключается другой основной элементъ душевнаго спасенія, составляющій конечную цѣль всего нашего жизненнаго крестоношенія.

II. Въ постепенномъ ходѣ душевнаго спасенія, какъ совершаемаго человѣкомъ подвига земной жизни, Божественное и человѣческое вступаютъ въ таинственное взаимоотношеніе: человѣкъ покаяніемъ и трудомъ добродѣланія и борьбы со страстями, уничтожая свою грѣховную самость, привлекаетъ къ себѣ спасительную благодать Божію и приближается къ Богу, и Милосердый Богъ, таинственно присут-

---

[1]) Канонъ молебный ко Пресвятой Богородицѣ.
[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 124—125.
[3]) Тамъ же, стр. 125—127.

ствующій при дверяхъ человѣческаго сердца и толкующій въ нихъ, видя вѣру и покаяніе, отверзеніе дверей очищеннаго отъ грѣха сердца и слухъ, приклоненный къ глаголамъ жизни вѣчной, входитъ въ душевную храмину человѣка и вечеряетъ съ нимъ, и той вечеряетъ съ Богомъ—Спасителемъ. Въ направленіи спасительнаго покаянія человѣка и Богообщенія проникновенно уясняется Владыкой Игнатіемъ премірная Тайна Божественнаго Искупленія рода человѣческаго—въ ея догматическомъ и нравственномъ смыслѣ [1]).

Нелегкіе для теоретическаго познанія вопросы богословскаго вѣдѣнія—о соотношеніи свободы человѣка и благодати Божіей, о значеніи для спасенія вѣры и дѣлъ человѣка, о евангельскихъ заповѣдяхъ и евангельскихъ блаженствахъ, въ духовно-подвижническомъ опытѣ Святителя Игнатія получаютъ, въ связи съ личнымъ участіемъ человѣка въ подвигѣ спасенія, вполнѣ доступное и ясное освѣщеніе.

Рѣшительное произволеніе, осѣняемое и укрѣпляемое благодатію Христовою, можетъ побѣдить самые закоснѣлые грѣховные навыки. Личной самодѣятельности человѣка, спасаемаго благодатію Божіею, предоставляется полный просторъ. Слуга Христовъ долженъ быть какъ можно свободнѣе отъ худыхъ навыковъ, чтобы они не возбранили ему шествіе ко Христу. Онъ долженъ удаляться отъ навыковъ, не

---

[1]) Въ приложеніи къ данному вопросу, намъ представляется высоко интересною обширная статья Владыки Игнатія подъ заглавіемъ: „Изложеніе ученія Православной Церкви о Божіей Матери“ (т. IV, стр. 391—429). Изложеніе это, по свидѣтельству автора, составлено въ Ставрополѣ—Кавказскомъ вслѣдствіе желанія нѣкоторыхъ лицъ общества, въ которомъ тогда предметомъ сужденія былъ новый догматъ папистовъ. См. выше стр. 152. Осторожнымъ, выразительнымъ и вдумчивымъ словомъ излагая православно-христіанское ученіе о спасительной тайнѣ Боговоплощенія, о приснодѣвствѣ Богоматери, Епископъ Игнатій уясняетъ догматическую и нравственную сторону указанныхъ догматовъ и, сверхъ того, подвергаетъ критикѣ ученіе папистовъ о непорочномъ зачатіи (т. IV, стр. 408—410) и протестантовъ—съ ихъ кощунственнымъ ученіемъ о Богоматери (стр. 411—420). Такое же значеніе для уясненія и воспріятія читателямъ нравственно-назидательнаго смысла христіанскихъ догматовъ имѣютъ и многія другія мѣста твореній Епископа Игнатія, напр. т. II, стр. 133—135, 101—102, 140—121, 223 и особ. 329—333; т. IV стр. 211—212, гдѣ говорится, что „плодомъ благословенія Божія, доставленнаго Богочеловѣкомъ человѣчеству, сдѣлалось примиреніе человѣковъ съ Богомъ (Лк. XIV, 2), усвоеніе естеству человѣческому естества Божія (2 Петр. I, 4), при посредствѣ усвоенія естеству Божію естества человѣческаго, естеству Творца естества твари. Плодъ этого благословенія—усыновленіе человѣковъ Богу: Сынъ Божій, пріявъ человѣчество, содѣлался Сыномъ Человѣческимъ, и братію Свою,—сыновъ человѣческихъ, содѣлываетъ сынами Божіими“: IV, 160—161, 145; V, 126—130, и „нѣтъ иного ключа, который бы отверзалъ врата въ Царство Божіе, кромѣ креста Христова. Ключъ этотъ подается десницею Божіею тѣмъ, которые произволяютъ войти въ Царство Божіе, и они сами стараются пріобрѣсти его, о пріобрѣтенномъ радуются и веселятся, какъ о залогѣ вѣчнаго, неизреченнаго блаженства (т. V, стр. 291).

только прямо грѣховныхъ, но и отъ всѣхъ, приводящихъ ко грѣху, какъ то отъ навыковъ къ роскоши, къ изнѣженности, къ разсѣянности. Иногда ничтожнѣйшій навыкъ связываетъ насъ и оставляетъ насъ на землѣ, между тѣмъ какъ мы должны бы быть на небѣ. Потому то Владыка Игнатій и призываетъ христіанина всемѣрно и во всѣхъ положеніяхъ отстаивать свою нравственную свободу.—Юноша! Даю тебѣ совѣтъ спасительный: доколѣ ты находишься въ нравственной свободѣ, избѣгай злыхъ навыковъ, какъ оковъ и темницы; пріобрѣтай навыки добрые, которыми хранится, утверждается, запечатлѣвается нравственная свобода. Но и въ зрѣломъ возрастѣ побѣда надъ злыми навыками не невозможна при Божіей помощи. Рѣшительное произволеніе, осѣняемое и укрѣпляемое благодатію Христовою, можетъ побѣдить самые закоснѣлые навыки. Если въ продолженіе борьбы случится тебѣ, по какому нибудь неожиданному обстоятельству, быть побѣжденнымъ, не смутись, не впади въ безнадежіе: снова начинай борьбу. Насильственная борьба противъ порочныхъ навыковъ вмѣняется Богомъ человѣку въ мученичество, и одержавшій въ этой борьбѣ побѣду вѣнчается вѣнцомъ исповѣдниковъ, какъ подвизающійся ради закона Христова. Милосердый и всемогущій Господь принимаетъ всякаго приходящаго къ Нему, простираетъ десницу для поддержанія немощи нашей. И потому хотя бы ты былъ весь въ злыхъ навыкахъ, какъ въ тяжкихъ цѣпяхъ, не отчаявайся въ полученіи свободы. Вступи въ невидимую брань, сражайся мужественно и постоянно, съ великодушіемъ переноси свои побѣжденія. По временамъ предоставляетъ Богъ насъ самимъ себѣ, чтобъ мы познали опытомъ, какъ мы слабы въ нашемъ одиночествѣ, и по причинѣ этого познанія неотступно держались Бога, Который Единъ можетъ быть побѣдителемъ грѣха въ истинно-произволяющихъ узрѣть въ себѣ грѣхъ побѣжденнымъ [1]). Такъ ясно въ этихъ словахъ Епископа Игнатія соотношеніе свободы и благодати въ душеспасительномъ подвигѣ: человѣкъ произволяетъ на борьбу съ грѣхомъ въ цѣляхъ рѣшительной и полной побѣды надъ нимъ,—благодать Божія укрѣпляетъ эту рѣшимость и содѣйствуетъ человѣку въ борьбѣ съ грѣхомъ.

Произволеніе человѣка на подвигъ спасенія—борьбы съ грѣхомъ и стремленія къ Богообщенію—естественно и по милости Божіей выражается въ вѣрѣ и добродѣланіи, отношеніе между которыми также привлекаетъ къ себѣ въ достаточной мѣрѣ вниманіе Владыки Игнатія. Добродѣланіе человѣческое въ твореніяхъ Епископа Игнатія не

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 380—381).

мыслится, какъ явленіе сосуществующее или послѣдующее подвигу спасенія, но и какъ начало, созидающее спасеніе: вѣра мыслится, какъ выраженіе нашей готовности къ душеспасительному подвигу, нашей рѣшимости замѣнить эгоистически-грѣховное міропониманіе и жизненное самоопредѣленіе—христіанскими, и добродѣланіе есть фактическое выраженіе нашихъ усилій и труда въ данномъ направленіи, приводящее христіанина къ нравственному состоянію добродѣтели или святости, которыя и составляютъ сами по себѣ высшее благо христіанина. „Покайтеся и вѣруйте въ Евангеліе“ (Мр. I, 15) увѣщеваетъ насъ Евангеліе. Просто, истинно, свято это увѣщаніе: надо покаяться, оставить грѣховную жизнь, чтобы сдѣлаться способнымъ приступить къ Евангелію. Чтобы принять Евангеліе, надо въ него увѣровать. А въ актѣ вѣры уже проявляется рѣшимость и желаніе спасенія: къ вѣрѣ способна только та душа, которая рѣшительнымъ произволеніемъ отверглась грѣха, исправилась всею волею и силою своею къ Божественному добру [1]). Живая вѣра—шествіе въ міръ духовный, въ міръ Божій. Не можетъ пребывать она въ томъ, кто пригвожденъ къ міру дольнему, гдѣ господствуютъ плоть и грѣхъ. Только вѣрою можно приступить ко Христу; только вѣрою можно послѣдовать Христу. Вѣра—дверь къ Богу. Эта дверь постепенно отворяется предъ тѣмъ, кто очищаетъ себя непрестаннымъ покаяніемъ; широко отверста она предъ чистымъ сердцемъ; затворена она для грѣхолюбца [2]). Такимъ образомъ, самая возможность вѣры предполагаетъ уже небезразличное отношеніе къ своему духовному состоянію, уясненіе и укрѣпленіе вѣры предполагаетъ уже добродѣланіе: истинная вѣра не можетъ быть состояніемъ теоретическимъ. По наставленію Епископа Игнатія, необходимо вѣровать въ догматы, проповѣдуемые Евангеліемъ, разумѣть и исповѣдывать ихъ по точному ученію православной Восточной Церкви, которая одна содержитъ евангельское ученіе во всей чистотѣ его и правильности. Необходимо вѣровать въ Таинства, установленныя въ Церкви Самимъ Господомъ, хранимыя Восточною Церковію во всей полнотѣ ихъ. Необходимо вѣровать въ святыя, животворящія евангельскія заповѣди, правильное исполненіе которыхъ возможно только въ нѣдрѣ истинной Церкви, исполненіе которыхъ составляетъ, такъ называемую Святыми Отцами, дѣятельную вѣру христіанина [3]).

Исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей поддерживается соединеніе христіанина со Христомъ, благодатно-достигаемое вѣрою чрезъ посредство святыхъ Таинствъ: иначе не можетъ христіанинъ пребы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 497.
[2]) Тамъ же, стр. 498.
[3]) Тамъ же, стр. 499—500.

вать въ единеніи со Христомъ, какъ дѣйствуя изъ Его воли, изъ Его разума. И воля и разумъ Христовы изображены въ евангельскихъ заповѣдяхъ. Руководителемъ христіанина долженъ быть Духъ Святый. „Православная вѣра во Христа, запечатлѣнная Таинствомъ крещенія, одна достаточна для спасенія, безъ дѣлъ, когда совершить ихъ человѣкъ не имѣетъ времени, потому что вѣра замѣняетъ человѣка Христомъ, а добрыя дѣла человѣческія заслугами Христовыми. Но при продолженіи земной жизни непремѣнно требуются дѣла. Только тѣ дѣла въ христіанинѣ признаются дѣлами добрыми, которыя служатъ исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей, которыми питается, живетъ его вѣра, которыми поддерживается его жизнь во Христѣ, потому что единымъ дѣятелемъ въ христіанинѣ долженъ быть Христосъ. Истинная вѣра во Христа есть единственное средство спасенія, но вѣра живая, выражаемая всѣмъ существомъ человѣка. Этой живой вѣры требуетъ отъ христіанина святой Апостолъ Іаковъ, когда онъ возвѣщаетъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва, что отъ дѣлъ совершается вѣра (Іак. II, 17, 22) [1]). Обогатившіеся живою вѣрою во Христа измѣняются въ отношеніи къ видимому міру и земной жизни: законъ и приговоръ тлѣнія, измѣненія и конца въ тлѣнныхъ предметахъ видимаго міра дѣлается для чистыхъ взоровъ ихъ очевиднымъ; земныя преимущества, какъ маловременныя, предъ этими чистыми взорами ничтожны. Обогатившіеся живою вѣрою во Христа, перелетаютъ, какъ крылатые, чрезъ всѣ скорби, чрезъ всѣ затруднительнѣйшія обстоятельства. Упоенные вѣрою во всесильнаго Бога, они въ трудѣ не видятъ труда, въ болѣзняхъ не ощущаютъ болѣзней. Они признаютъ единымъ дѣятелемъ во вселенной Бога, они содѣлали Его своимъ живою вѣрою въ Него. Живая вѣра, сдѣлавшись внутреннимъ настроеніемъ человѣка, жизнію его въ Богѣ, естественно и непремѣнно требуетъ отъ христіанина исполненія евангельскихъ заповѣдей, награждая за это исполненіе надеждою несомнѣннаго спасенія. Она содѣлываетъ христіанина на землѣ послѣдователемъ Христовымъ, сонаслѣдникомъ Его на небѣ [2]). Такъ же сильно и ясно подтверждается Преосвященнымъ Игнатіемъ естественность и необходимость добродѣланія для вѣрующаго живою вѣрою христіанина въ подробномъ уясненіи имъ смысла и значенія евангельскихъ заповѣдей, гдѣ, указывая превосходство новозавѣтнаго добродѣланія предъ ветхозавѣтнымъ, онъ рѣшительно говоритъ, что для вѣрующаго христіанина условіемъ пребыванія въ любви Божіей и въ соединеніи съ Богомъ является соблюденіе евангельскихъ заповѣдей [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 501—502.
[2]) Тамъ же, стр. 505—506.
[3]) Тамъ же, стр. 507—519.

Произвольное, при содѣйствіи благодати Божіей, исполненіе евангельскихъ заповѣдей вводитъ христіанина на путь спасенія и ведетъ его непрерывно по этому пути все выше и выше, въ высь и безпредѣльность нескончаемую по подобію совершенства Небеснаго Отца. Этимъ вступленіемъ на путь спасенія и шествіемъ по нему не только разрѣшается задача личнаго, вѣчнаго спасенія человѣка, но и даются наилучшія, незыблемыя основы для разрѣшенія разнаго рода жизненныхъ коллизій, и даже не представляется надобности въ принятомъ разграниченіи нравственныхъ обязанностей христіанина: такъ легко онѣ слѣдуютъ и выясняются изъ душеспасительнаго христіанскаго настроенія. Благодатное обновленіе духа человѣческаго христіанскою вѣрою и душеспасительнымъ подвигомъ обнаруживаетъ въ духѣ человѣческомъ способность къ особымъ духовнымъ ощущеніямъ, особымъ возвышеннымъ переживаніямъ, для плотского и суетнаго человѣка малопонятнымъ. Сподобившись по милости Божіей вступить на путь спасенія, христіанинъ можетъ видѣть очами вѣры и нескончаемость, и необычайную высоту этого пути, ему открывается вмѣстѣ христіанскій подвигъ въ его порядкѣ и постепенности, открывается таинственная лѣствица добродѣтелей и духовныхъ утѣшеній христіанина. Эта духовная лѣствица открывается духовному взору Святителя Игнатія въ градаціи и постепенности блаженствъ евангельскихъ въ пониманіи ихъ въ духѣ святоотеческаго руководительства. По содержанію блаженствъ евангельскихъ Владыка Игнатій высказываетъ слѣдующія соображенія, мотивирующія для него въ дальнѣйшемъ непрерывность и постепенность душеспасительнаго подвига.— Для вступленія на путь спасенія необходимо добродѣланіе въ духѣ евангельскихъ заповѣдей. Отъ исполненія евангельскихъ заповѣдей являются въ душѣ ощущенія, чуждыя естеству падшему и незнакомыя ему ощущенія духовныя. Первое ощущеніе, являющееся въ душѣ отъ исполненія евангельскихъ заповѣдей, есть нищета духа. Едва христіанинъ захочетъ осуществлять въ дѣйствіяхъ своихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, евангельскія заповѣди, какъ увидитъ поврежденную свою природу, возстающую противъ Евангелія, упорно противодѣйствующую Евангелію. Христіанинъ, при свѣтѣ Евангелія, видитъ въ себѣ паденіе человѣчества. Отъ этого зрѣнія естественно рождается смиренное понятіе о себѣ, называемое въ Евангеліи нищетою духа (Мѳ. V, 3).

Нищета духа—блаженство, первое въ евангельскомъ порядкѣ, первое въ порядкѣ духовнаго преуспѣянія, первое состояніе духовное, первая ступень въ лѣствицѣ блаженствъ. Всякое ощущеніе и состояніе, принадлежащія естеству обновленному, составляютъ по необходимости и блаженство, какъ проявленіе въ душѣ небеснаго Царства, какъ залогъ спасенія, какъ предощущеніе вѣчнаго

блаженства. Зрѣніе паденія своего уже есть блаженство для падшаго человѣка. Видящій паденіе свое способенъ признать необходимость спасенія, Спасителя,—способенъ увѣровать въ Евангеліе живою вѣрою. Такое состояніе—даръ благодати, дѣйствіе благодати, ея плодъ, а потому и блаженство.

Вторую ступень въ лѣствицѣ блаженствъ составляетъ плачъ о грѣхахъ или благочестивая печаль вѣрной души, глядящейся въ зеркало Евангелія, видящей въ этомъ зеркалѣ безчисленныя свои грѣховныя пятна. Такая душа омываетъ свои пятна святою водою—слезами, стираетъ пятна святою печалію. Нищему свойственно печалиться о нищетѣ своей. Нищета духа и порождаетъ слѣдующее за нимъ состояніе покаяннаго сокрушенія и вмѣстѣ второе евангельское блаженство—плачъ. Несказанное утѣшеніе, несказанная легость проливаются въ сердце послѣ пролитія спасительныхъ слезъ о грѣхахъ, о паденіи,—слезъ, являющихся по причинѣ ощущенія нищеты духовной. Въ связи съ сознаніемъ личной грѣховности нашей и покаяннаго сокрушенія о ней находится и наше отношеніе къ ближнимъ. Кто занятъ глубокимъ разсматриваніемъ самого себя, кто видитъ себя оскверненнымъ безчисленными грѣхами, кто признаетъ себя достойнымъ вѣчной муки, и уже оплакиваетъ, какъ присужденнаго къ ней,—тотъ мало видитъ, или вовсе не видитъ недостатковъ въ ближнемъ, удобно извиняетъ тѣ недостатки, которые видитъ,—охотно, отъ сердца прощаетъ всѣ обиды и оскорбленія. Состояніе души, при которомъ устранены изъ нея гнѣвъ, ненависть, памятозлобіе и осужденіе, есть новое блаженство, оно называется—кротость. Третью ступень въ лѣствицѣ блаженствъ и составляетъ кротость. Естественное послѣдствіе кротости—наслѣдіе земли и обладаніе ею понимается Преосвященнымъ Игнатіемъ въ смыслѣ пріобрѣтенія самообладанія, власти надъ собою, дотолѣ отнятой грѣхомъ.

Четвертую ступень въ лѣствицѣ блаженствъ составляетъ алканіе и жажда правды Божіей: возобладавъ землею, человѣкъ начинаетъ желать неба, входить въ новое состояніе, устрояемое въ немъ благодатію, въ новое блаженство. Исканіе правды Божіей вызываетъ въ христіанинѣ стремленіе уподобиться Богу совершеннымъ милосердіемъ, ибо Божественная правда явилась человѣчеству въ Божественномъ милосердіи. Состояніе милосердія составляетъ пятую ступень лѣствицы блаженствъ. Милосердіе никого не осуждаетъ, любитъ враговъ, полагаетъ душу за друзей, содѣлываетъ человѣка Богоподобнымъ. Достигнувъ состоянія милосердія, любви къ врагамъ и готовности душу положить за други своя, человѣкъ тѣмъ самымъ овладѣваетъ чистотою сердца; чистота сердца, открывающая человѣку путь къ Боговидѣнію, составляетъ шестую ступень лѣствицы блаженствъ. Сердце, объятое

милостію, не можетъ имѣть никакого помышленія о злѣ; всѣ помыслы его—благость. То сердце, въ которомъ движется одно добро, есть сердце чистое, способное къ Богозрѣнію. Въ чистое сердце нисходитъ миръ Божій, соединяетъ дотолѣ раздѣленные умъ, душу и тѣло, воссоздаетъ человѣка, содѣлываетъ его потомкомъ Новаго Адама. Миръ Божій, какъ настроеніе и умиротвореніе христіанскаго духа, отражаются вовнѣ—въ умиротворяющемъ дѣйствіи христіанина на ближнихъ. Миръ Божій и умиротвореніе являются седьмою ступенью лѣствицы добродѣтелей. Миръ Божій—удѣлъ святыхъ Божіихъ: посредствомъ святого мира, христіанинъ, совершивъ поприще покаянія, примиряется съ Богомъ, со всѣми обстоятельствами, со всѣми ближними, съ самимъ собою; онъ содѣлывается сыномъ Божіимъ по благодати. Миръ Божій сопутствуется явственнымъ присутствіемъ въ человѣкѣ Святаго Духа; онъ—дѣйствіе, плодъ Святаго Духа. Стяжавъ въ себя миръ Божій, христіанинъ дѣлается способнымъ вступить на восьмую ступень блаженствъ евангельскихъ—претерпѣть изгнаніе правды ради, и—на девятую ступень—радостное терпѣніе поношеній, клеветъ и прочихъ напастей. Стяжавшій миръ Божій не страшится внѣшнихъ волнъ: на вѣсахъ сердца его утѣшеніе благодатное уничтожило всю цѣнность земного великаго и сладостнаго, всю тягость земного, горькаго и скорбнаго[1]). Такова данная намъ въ Евангеліи, святоотеческими и подвижническими наставленіями и словомъ Преосвященнаго Игнатія уясненная лѣствица христіанскаго духовнаго преуспѣянія и сопровождающихъ его блаженствъ. Созерцая ее своимъ вѣрующимъ взоромъ, въ послушаніи духовному руководству Богопросвѣщенныхъ мужей, мы можемъ опредѣлить предстоящую человѣку задачу безконечнаго восхожденія по ея ступенямъ и вмѣстѣ почувствовать и опредѣлить, приступили ли мы къ начертанному словами Евангелія восхожденію. Здѣсь не мѣсто мечтательности и самомнѣнію, здѣсь неизбѣжно смиреніе, покаяніе и всемѣрная ревность о томъ, чтобы вступить на первую ступень тайноводственной лѣствицы: осмотри величественную духовную лѣствицу блаженствъ евангельскихъ, осмотри каждую ступень. Хорошо быть на высотѣ этой лѣствицы; но поистинѣ блаженъ и тотъ, кто находится хотя на первой ступени ея. На этой лѣствицѣ, по уясненію Владыки Игнатія, скачки невозможны: непремѣнно должно восходить со ступени на ступень. Ведетъ по нимъ Божественная благодать: возводитъ человѣка на слѣдующую ступень не тогда, когда онъ удостоиваетъ себя этого, но когда она признаетъ его достойнымъ. Достойны возвышенія

---

[1]) Тамъ же, стр. 520—523.

смиренные. Не сочини самъ себѣ блаженства: гордое и глупое самомнѣніе можетъ сочинить для человѣка такое блаженство, и оно въ теченіе всей жизни будетъ обманывать тебя, льстить тебѣ,—лишитъ истиннаго блага на землѣ и на небѣ [1]). Поэтому, избѣгая самомнѣнія, нужно искать нищеты духовной. Исканіе этого блаженства позволительно и похвально. Оно—основаніе, податель всѣхъ прочихъ блаженствъ. Когда поколеблется основаніе, тогда и тотъ, кто стоялъ на высшей степени духовнаго преуспѣянія, обрушивается внизъ и часто разбивается до смерти. Существенно полезный и необходимый для человѣка духовный даръ отъ Бога—нищета духа [2]). Такова лѣствица душеспасительнаго подвига! Обозрѣваемая очами вѣры, духовнымъ и благоговѣйно настроеннымъ взоромъ нашимъ, она безмѣрно высока и прекрасна, обязательное для христіанина восхожденіе по ней строго непрерывно, постепенно и длительно, для человѣка грѣховнаго не только восхожденіе, но и самое вступленіе на лѣствицу подвига крайне трудно. Порывъ въ сторону спасенія, нерѣдкая въ нашихъ настроеніяхъ восторженная мечтательность съ элементомъ скрытаго себялюбія вводятъ въ нашу душу представленіе о возможности непосредственнаго вступленія на одну изъ высшихъ ступеней включительно до послѣдней, присвоивая себѣ задачи миротворчества или состояніе гонимаго за правду и поносимаго людьми,—но Епископъ Игнатій, вмѣстѣ съ другими подвижниками, увѣщеваетъ и предостерегаетъ искателя совершенства, что восхожденіе по таинственной лѣствицѣ должно быть непремѣнно постепеннымъ, безъ скачковъ, съ переходомъ на послѣдующую ступень не иначе, какъ послѣ утвержденія на предыдущей, и не по собственному почину и рѣшенію, а по внутреннему и для истиннаго христіанина понятному благодатному призыву Божію. Замѣчательно при этомъ, что въ приведенномъ пониманіи лѣствицы духовно-христіанскаго совершенствованія душеспасительный подвигъ, ведущій къ совершенству, не разсматривается, какъ чисто внѣшнее средство для достиженія внѣ его лежащей высокой цѣли, но понимается, какъ цѣль сама по себѣ; понятіе средства и цѣлей въ данномъ случаѣ совпадаютъ. Иначе сказать, душевное спасеніе не понимается, какъ состояніе человѣка, овладѣваемое имъ по прохожденіи всей лѣствицы, и не составляетъ внѣшней награды за трудный подвигъ восхожденія, но совпадаетъ съ самымъ восхожденіемъ, т. е. вступившій на первую ступень лѣствицы тѣмъ самымъ не только началъ свое спасеніе, но и въ соотвѣтственной мѣрѣ овладѣлъ имъ. И никакой

---

[1]) Тамъ же, стр. 523.
[2]) Тамъ же.

внѣшней награды за подвигъ не должно представлять: она въ самомъ подвигѣ, въ мѣрѣ постепеннаго его осуществленія. И, несмотря на это, судя почеловѣчески, ревнитель спасенія получаетъ наивысшую мыслимую для него награду—въ искорененіи грѣха, въ приближеніи къ Богу, въ пріятіи благодати, въ общеніи съ Богомъ, въ новомъ воззрѣніи на волнующійся грѣховный міръ, его радости и печали. Поэтому то лѣствица духовно-христіанскаго подвига и мыслится, какъ лѣствица блаженствъ евангельскихъ: понятіе душевнаго спасенія и понятіе высшаго блага или блаженства совпадаютъ. Конечно, намѣченный путь спасительнаго совершенствованія, съ точки зрѣнія человѣческихъ настроеній и жизнеопредѣленій, встрѣчаетъ разнообразную до противоположности сужденій оцѣнку и отношеніе. Люди, занятые суетою міра и въ предѣлахъ временности земной юдоли полагающіе всѣ интересы свои, въ ряду привычныхъ для нихъ соображеній и стремленій не только не найдутъ мѣста уясняемому нами пути спасенія, но и рѣшительно отвергнутъ его, какъ вредную и для нихъ неинтересную мечтательность, затрудняющую для людей надлежащее выполненіе ихъ жизненныхъ обязанностей. Люди, не чуждые понятія о спасеніи, но не желающіе и боящіеся всякаго рода подвиговъ по ихъ дѣйствительной трудности, поверхностно воспринявъ рѣчь о душевномъ спасеніи, самое совершеніе послѣдняго легкомысленно возложатъ на ходъ обстоятельствъ, дерзновенно припишутъ исключительно благодати Божіей, низводя себя, по легкомысленной разлѣненности, на степень пассивнаго матеріала. Иные склонны опредѣлить начертанный путь спасенія, какъ исключительно принадлежащій избраннымъ натурамъ, людямъ особо сильнымъ или отмѣченнымъ печатію особаго Божьяго призванія. Иные, признавая обязательность и для себя прохожденія спасительнаго пути, или, по крайней мѣрѣ, необходимость вступленія на этотъ путь, но и взвѣшивая свои жизненныя условія, душевные интересы и склонности, не найдутъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы начать подвигъ спасенія, пассивно отдадутся механическому теченію жизни, а призывающій голосъ совѣсти заглушатъ шумомъ и разноголосицей земныхъ интересовъ. Наконецъ, большая часть совсѣмъ не задаются вопросомъ о спасеніи или за его безполезностію по мнѣнію однихъ, или по его трудности—для другихъ, или—за недостаткомъ времени серьезно подумать о душѣ и ея жизненномъ назначеніи. Но и признавая полную для себя обязательность и необходимость душеспасительнаго подвига, цѣня его, какъ высшее и самодовлѣющее благо нашей души, и даже желая пріобщиться высокому духовному дѣланію святыхъ подвижниковъ Божіихъ, мы весьма часто не находимъ въ себѣ силъ положить начало своему душевному спасенію; отдавая все вниманіе своимъ житейскимъ дѣламъ и интересамъ земнымъ, мы не

можемъ удѣлить серьезнаго вниманія душеспасительному подвигу и тѣмъ болѣе по настоящему, безповоротно рѣшиться на него: „желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать добро,—того не нахожу“ (Римл. VII, 18).

Въ виду отмѣченнаго выше отношенія людей къ вопросу и, главное, къ подвигу спасенія и затруднительности начать душеспасительный подвигъ, представляется весьма важнымъ поискать въ подвижническихъ твореніяхъ людей, не теоретически, но опытно познавшихъ духовный подвигъ, отвѣта на вопросъ о началѣ душеспасительнаго подвига. Вотъ почему, и при изученіи морально-аскетическихъ воззрѣній Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, мы желаемъ въ дальнѣйшемъ получить изъ твореній Святителя Игнатія отвѣтъ на вопросъ: какъ можетъ возникнуть въ человѣкѣ желаніе спасенія, какъ начать душеспасительный подвигъ.

III. Какъ возникаетъ въ человѣкѣ желаніе душевнаго спасенія?—Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе для тѣхъ, кто искренно хочетъ правильно совершать душеспасительный подвигъ, въ возможной степени уже не чуждъ его, но желалъ бы: а) провѣрить свое пониманіе, правильно ли онъ понимаетъ духовную жизнь, и б) усилить свою христіанскую настроенность и углубить свой душеспасительный подвигъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, стряхнувши съ себя бо́льшую долю суетныхъ житейскихъ заботъ. Но вопросъ этотъ не имѣетъ смысла и не вызываетъ интереса со стороны тѣхъ, кто въ христіанскомъ аскетизмѣ видитъ пережитокъ прошлаго, а дѣла христіанской добродѣтели замѣнилъ добрыми дѣлами міра. Для совершенія добрыхъ дѣлъ падшаго естества не нужно быть христіаниномъ:—они принадлежатъ всему падшему человѣчеству. Тамъ, гдѣ совершаются добрыя дѣла падшаго естества при громѣ похвалъ отъ міра, исключенъ, отторгнутъ Спаситель міра. Дѣла вѣры, дѣла спасенія или, что тоже, исполненіе евангельскихъ заповѣдей, принадлежатъ однимъ христіанамъ. Гордый міръ презрительно смотритъ на дѣла вѣры христіанской. Дѣла вѣры христіанской, каковы—сознаніе своей грѣховности, покаяніе, исповѣданіе Христа,—представляются для міра ничтожными въ сравненіи съ громкими и живописными дѣлами міра [1]). Имѣя въ виду важность вопроса о спасеніи, близость этого вопроса нашему сознанію и тѣсную связь съ высшимъ благомъ нашей жизни и нашу обычную въ жизни малосознательность и безпечность, весьма нерѣдкое сознательное перенесеніе этого вопроса на конецъ жизни нашей,—какъ будто это намъ хорошо извѣстно,—мы хотѣли бы слышать совѣтъ Владыки Игнатія по этому вопросу: что

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 359—360.

нужно дѣлать для того, чтобы возникло въ насъ желаніе спасенія, чтобы вопросъ этотъ былъ не послѣднимъ въ ряду другихъ, менѣе важныхъ вопросовъ жизни?

Мы видѣли выше взглядъ Владыки Игнатія на самопознаніе, на условія, при которыхъ оно можетъ быть правильнымъ; только что видѣли чудную лѣствицу духовнаго восхожденія, первую ступень которой составляетъ нищета духа. Между спасительнымъ самопознаніемъ и вступленіемъ христіанина на первую ступень лѣствицы совершенствованія—самое тѣсное соотношеніе: истинное самопознаніе даже до христіанства (Сократъ) обнаруживаетъ въ человѣкѣ нищету духа и поиски высшей помощи. Поэтому условія самопознанія и вступленія на путь спасенія тождественны. Отвѣчая на вопросъ о самопознаніи и началѣ спасенія, Владыка Игнатій указываетъ намъ на средства, которыя у насъ подъ руками, намъ доступны, но пользованіе ими предполагаетъ свободное съ нашей стороны произволеніе, при условіи котораго и вступленіе на путь спасенія не затруднительно. Обрѣтается нищета духа изученіемъ Евангелія, исполненіемъ его велѣній, сличеніемъ своихъ качествъ и дѣйствій съ велѣніями Евангелія, принужденіемъ своего сердца къ великодушному перенесенію обидъ, самоукореніемъ, молитвою о полученіи сердца сокрушеннаго и смиреннаго. Прошенія гордыя Богъ отвергаетъ, ненужныя не исполняетъ, но когда Его созданіе проситъ у него дара, существенно полезнаго и необходимаго,—Онъ ниспосылаетъ его изъ неоскудѣвающихъ Своихъ сокровищъ [1]). Необходимыми условіями совершенія душевнаго спасенія являются вѣра въ Бога, принятіе христіанства, хранящагося во всей чистотѣ и полнотѣ въ нѣдрѣ православной Церкви; вѣра эта, по естественному свойству своему, способна принять и усвоить уму и сердцу то, что непостижимо для ума и не можетъ быть принято обыкновеннымъ путемъ сужденія. Для спасенія необходимо, далѣе, покаяніе въ прежней произвольно грѣховной жизни и твердое рѣшеніе проводить жизнь Богоугодную. Вступленіе на путь спасенія совершается посредствомъ крещенія и другихъ Таинствъ. Пребываніе въ усыновленіи Богу, доставляемомъ чрезъ Таинства, поддерживается жизнію по евангельскимъ заповѣдямъ; теряется пребываніе въ усыновленіи отступленіемъ отъ жизни по евангельскимъ заповѣдямъ [2]). Къ условіямъ охраненія насъ на пути спасенія относятся далѣе, милостыня—душевная, состоящая въ прощеніи ближнимъ ихъ согрѣшеній, т. е. оскорбленій и обидъ, нанесенныхъ намъ ближними, и тѣлесная—состоящая въ вещественномъ вспо-

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 523.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 335—338.

моженіи ближнему, а также великодушное перенесеніе всѣхъ скорбей, которыя будутъ намъ попущены во время земного странствованія [1]). Таковы общія условія, утверждающія христіанина на пути спасенія. И хотя прощеніе человѣку грѣховъ, освобожденіе отъ насилія грѣховныхъ навыковъ, очищеніе отъ грѣховныхъ качествъ, усвоившихся падшей природѣ человѣка, совершается дѣйствіемъ Всесвятаго и Всесильнаго Духа Божія, но для первоначальнаго оставленія грѣха и грѣховной жизни необходимы собственное произволеніе и усиліе человѣка [2]), какъ бы открывающія входъ Божественной благодати въ человѣческое сердце. Вотъ для проявленія въ человѣкѣ этого произволенія и усилія начать дѣятельную борьбу съ грѣхомъ и нужно особое благодатное прикосновеніе къ безпечному и нерадивому духу человѣческому, какъ бы пробуждающее его отъ грѣховной спячки и равнодушія. Весьма обычнымъ для мірского человѣка духовнымъ состояніемъ является состояніе беззаботности, безпечности и нерадѣнія въ отношеніи къ своему спасенію, при которыхъ начало спасенія отлагается на неопредѣленное время. Если и блеснетъ въ сознаніи такого человѣка мысль о покаяніи и о необходимости душеспасительнаго подвига, онъ не даетъ этой мысли задержаться на полѣ вниманія, представляя цѣлый рядъ ослабляющихъ мотивовъ. Начало душеспасительнаго подвига чаще всего откладывается на время старости, или на время неопредѣленное—до выполненія всѣхъ мірскихъ дѣлъ и надобностей. Душеспасительный подвигъ нерѣдко отстраняется, признается малообязательнымъ съ точки зрѣнія спасительности для христіанина уже самой принадлежности къ христіанству. Обязательность душеспасительнаго подвига ослабляется искусительно выдвигаемымъ на первый планъ представленіемъ своихъ положительныхъ сторонъ и совершенствъ съ разслабляющимъ духъ, хотя, повидимому, и безобиднымъ выводомъ, что и мы не хуже другихъ. Начало душеспасительнаго подвига замедляется искусительнымъ представленіемъ порочности нашихъ ближнихъ, сужденіемъ о нихъ, сознаніемъ нашей высоты сравнительно съ ними. Начало душеспасительнаго подвига замедляется представленіемъ общей грѣховности людей: „всѣ люди, всѣ человѣки“, „никто не безъ грѣха“, и т. д. Начало спасенія замедляется дерзкимъ упованіемъ на милость Божію при полномъ нашемъ равнодушіи къ очищенію своей души. Какъ часто, приступая къ Таинству св. исповѣди, мы чувствуемъ полную духовную дряблость, не сознаемъ никакихъ особыхъ грѣховъ, ничего насъ безпокоящаго или препятствующаго нашему спасенію. Какъ же устраняются

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 368—372.
[2]) Тамъ же, стр. 114.

вышеприведенные и подобные имъ мотивы, вредоносные для дѣла спасенія; какъ побѣдить нашу теплохладность и пробудить сознаніе необходимости для насъ душеспасительнаго подвига и живое и искреннее желаніе начать его? Какъ бы въ отвѣтъ на поставленные вопросы, Владыка Игнатій отмѣчаетъ въ своихъ твореніяхъ цѣлый рядъ такихъ, вполнѣ доступныхъ и обычныхъ для насъ впечатлѣній, путемъ которыхъ, только при устойчивости нашего вниманія къ нимъ, входитъ въ нашу душу призывающая благодать Божія, и мы начинаемъ чувствовать невозможность для насъ былой теплохладности. Эти спасительныя впечатлѣнія получаются вѣрующимъ человѣкомъ изъ природы внѣшней, изъ вдумчиваго чтенія св. Евангелія и святоотеческихъ твореній, изъ содержанія назиданій церковныхъ и изъ неизбѣжно переживаемыхъ каждымъ человѣкомъ жизненныхъ скорбей.

Св. подвижники всегда считали книгу природы источникомъ Богопознанія и назидательныхъ впечатлѣній, а глубокое и всестороннее вниманіе къ ней—залогомъ широты и силы христіанскаго кругозора и настроенія. Владыка Игнатій и въ этомъ случаѣ является достойнымъ ученикомъ своихъ великихъ наставниковъ. Тѣ мѣста твореній Игнатіевыхъ, въ которыхъ авторъ касается впечатлѣній природы, являются—не только высокими образцами духовно-христіанской поэзіи, но и полными глубокихъ назиданій наставленіями о томъ, что природа вѣщаетъ душѣ человѣческой Бога и чрезъ впечатлѣнія природы входитъ въ душу человѣческую спасительная зовущая благодать Божія, исключающая возможность гибельной духовной теплохладности.

Тихая погода, ясные солнечные дни, обширный садъ, нагота деревьевъ, покрытыхъ снѣжнымъ покрываломъ, мертвенный величественный покой зимней природы привлекаютъ къ себѣ задумчивые взоры подвижника и возбуждаютъ въ немъ пытливость назидающей мысли. Завѣса упадаетъ съ очей души его, упадаетъ внезапно, и предъ этими очами открывается к н и г а п р и р о д ы, данная для чтенія первозданному Адаму и содержащая въ себѣ слова Духа, подобно Божественному писанію. Эта книга сообщаетъ Владыкѣ Игнатію ученіе о воскресеніи мертвыхъ, ученіе сильное изображеніемъ дѣйствія, подобнаго воскресенію. Въ этой страницѣ книги естественнаго Богопознанія Владыка Игнатій читаетъ убѣдительное ученіе не только о в о с к р е с е н і и м е р т в ы х ъ, но и о будущей судьбѣ праведника и грѣшника. Ежегодно повторяетъ природа предъ глазами всего человѣчества ученіе о воскресеніи мертвыхъ, живописуя его прообразовательнымъ, таинственнымъ дѣйствіемъ [1]). Стоящее предъ окнами кел-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 179—180. Отмѣчая нѣкоторыя мысли Епископа Игнатія по вопросу о дѣйствіи благодати Божіей на человѣческую душу

ліи дерево, разоблаченное морозами, какъ скелетъ, разоблаченный смертію, является для христіанина религіознымъ утѣшеніемъ: оно утѣшаетъ его надеждою обновленія человѣческой души [1]). Картина моря вызываетъ въ христіански-настроенной душѣ глубокую думу о жизненномъ положеніи человѣка, о высочайшемъ благѣ послѣдняго чрезъ вступленіе на путь спасенія и о необходимости тщательнаго вниманія къ себѣ для безопаснаго перехода чрезъ море житейское въ пристань спасенія [2]). Величественное кладбище села Покровскаго—родины Владыки Игнатія, шелестъ листьевъ вѣковыхъ деревьевъ, могилы праотцевъ, огражденныя кругомъ вѣковыхъ деревьевъ, въ связи съ звуками молитвенно-погребальныхъ пѣснопѣній, вызываютъ въ душѣ христіанина мысль о бренности и кратковременности земной жизни, которая почти то-же, что жизнь листка на деревѣ, и о грядущей вѣчности [3]). Родственная могила рано умершаго друга въ сумракѣ тихаго лѣтняго вечера вызываетъ въ душѣ Владыки Игнатія глубокую задумчивость, и почившій, изъ могилы, вѣщаетъ ему загробную рѣчь, таинственную бесѣду, чудную проповѣдь—о временности земного странствованія, о вѣчности посмертнаго бытія, о необходимости согласовать нашу временную жизнь съ задачами спасительной вѣчности [4]). Синее, безоблачное небо прекраснаго лѣтняго дня, яркое солнце, обширный лугъ, покрытый густою, нѣжною травою, разнородными дикими цвѣтами, обильная, упавшая на лугъ роса, виднѣющаяся капельками въ каждомъ цвѣткѣ, въ каждомъ стебелькѣ, отраженіе солнечнаго блеска въ каждой каплѣ, дви-

---

чрезъ впечатлѣнія природы, мы полагаемъ весьма интереснымъ и душеполезнымъ для благочестиваго читателя и для любителя эстетическихъ впечатлѣній живописующаго слова непосредственное обращеніе къ этимъ мѣстамъ твореній Преосвященнаго Игнатія. Такой характеръ духовной поэзіи и высокихъ, спасительныхъ назиданій, полученныхъ изъ природы, являются слѣдующія статьи: „Садъ во время зимы“ (т. I, стр. 179—180); „Древо зимой предъ окнами келліи“ (т. I, стр. 181—182); „Дума на берегу моря“ (т. I, стр. 183—184); „Кладбище“ (т. I, стр. 186); „Голосъ изъ вѣчности“ (дума на могилѣ)—т. I, стр. 187—190; „Роса“ (т. I, стр. 359—361); „Житейское море“ (т. I, стр. 362—368); „Размышленіе при захожденіи солнца“ (т. I. стр. 404—409); „Посѣщеніе Валаамскаго монастыря“ (т. I, стр. 428—454).

Замѣчательно, что первыя двѣ изъ указанныхъ статей имѣютъ въ виду впечатлѣнія, полученныя авторомъ въ самомъ началѣ его подвижническаго искуса—въ 1828 и 1829 годахъ, и, слѣдовательно, выражаютъ особую чуткость его къ голосу природы въ томъ юномъ возрастѣ, когда онъ призванъ былъ Божественною благодатію къ подвижнической жизни. Это было время пребыванія Д. А. Брянчанинова въ Александро Свирскомъ монастырѣ и въ Площанской пустынѣ.

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 181.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 183—184.

[3]) Тамъ же, стр. 186.

[4]) Тамъ же, стр. 187—190.

жущіяся при этомъ съ большой, мірской дороги толпы народа, горящіе отъ солнца кресты величественнаго храма—все это сообщаетъ глубоко-содержательное и спасительное настроеніе душѣ инока, готовящагося къ совершенію Божественной Литургіи. Настроеніе это мѣсяцами, годами, всю жизнь живетъ въ душѣ и, какъ въ день первоначальнаго ощущенія, назидаетъ: оно говоритъ объ отраженіи Христа Спасителя въ каждой вѣрующей душѣ, въ каждой православной христіанской Церкви. И это священное тайнозрѣніе приходитъ къ человѣку независимо отъ него, благодатно и неожиданно: отъ человѣка нужно только пребываніе въ покаяніи и сокрушеніе о грѣхахъ [1]). Картина Сѣвернаго моря вызываетъ въ душѣ Епископа Игнатія въ параллель картину моря житейскаго и наводитъ на мысль о безопасности плаванія по нему только въ кораблѣ Церкви и только въ направленіи къ тихому Господню пристанищу [2]). Величественная картина заходящаго солнца вызываетъ въ немъ покаянное размышленіе о неясности нашего духовнаго видѣнія Солнца Правды по причинѣ грѣховности нашей и о возможности для насъ Богообщенія лишь при условіи принадлежности къ св. Церкви [3]). Тоже настроеніе сообщаетъ человѣку и суровая природа Валаама [4]). Вообще, милосердіе Божіе живописно изобразило въ видимой природѣ таинственныя ученія христіанства. Оживленіе всѣхъ произрастеній весною служитъ образомъ воскресенія людей; дѣйствіе нѣкоторыхъ лекарствъ, сперва обнаруживающихъ болѣзнь и какъ бы усиливающихъ ее, а потомъ уже исцѣляющихъ, служитъ образомъ духовнаго подвига, который сперва обличаетъ въ человѣкѣ тайныя его страсти, приводитъ ихъ въ движеніе, а потомъ мало по малу уничтожаетъ [5]). Но, конечно, книга природы, пробуждающая въ человѣкѣ мысли о спасеніи, доступная для всѣхъ, лучше и глубже читается ревнителемъ спасенія. Книга эта постоянно открывается для тѣхъ, которые не перестаютъ очищать себя покаяніемъ и удаленіемъ отъ всякаго грѣховнаго начинанія, и грубаго, и тонкаго. Она открывается для тѣхъ, которые отреклись отъ наслажденій земныхъ, отъ суетной разсѣянности. Она открывается для послѣдователей и учениковъ Евангелія, для любителей славы небесной и наслажденій вѣчныхъ, для любителей скромнаго и тихаго уединенія, возлюбившихъ уединеніе съ тѣмъ, чтобы въ немъ снискать обильное познаніе Бога устраненіемъ изъ себя всего, что закрываетъ и удаляетъ отъ насъ Бога. Но великая книга природы запе-

---

[1]) Тамъ же, стр. 359—361.
[2]) Тамъ же, стр. 362—368.
[3]) Тамъ же, стр. 404—409.
[4]) Тамъ же, стр. 428—454.
[5]) Тамъ же, т. II, стр. 379.

чатлѣна для читателей нечистыхъ, омраченныхъ грѣхомъ, порабощенныхъ грѣху, погруженныхъ въ наслажденія плотскія, закруженныхъ, отуманенныхъ суетнымъ развлеченіемъ. Напрасно, по гордости своей, мнятъ они о себѣ, что и они—читатели ея. Читаютъ они въ ней мертвую, вещественную букву; не прочитываютъ—Бога. Содержаніе книги природы: Богъ неописанно описанъ, воспѣтъ громкими пѣснопѣніями Духа, неслышимымъ ухомъ плотскимъ, изящными, священными, поражающими и плѣняющими слухъ души возрожденной [1]). Сопоставляя приведенныя выше мысли Епископа Игнатія, мы приходимъ къ заключенію, что впечатлѣнія природы и явленія жизни человѣческой, наиболѣе доступныя съ своей внутренней стороны для воспріятія человѣка, уже вступившаго на путь спасенія, имѣютъ силу пробудить мысль о вѣчности, о безсмертіи, о Богѣ, о спасеніи души, и въ человѣкѣ, къ спасенію равнодушномъ и, такъ сказать, поставить его на путь спасенія. Конечно, это поставленіе можетъ быть кратковременнымъ и остаться безъ значительныхъ послѣдствій, но оно можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ и непрерывность душеспасительнаго подвига,—это зависитъ отъ произволенія человѣка, души котораго коснулась благодать Божія чрезъ впечатлѣнія природы и жизни. Мы не должны упускать безъ вниманія и кратковременныхъ и нечастыхъ моментовъ нашего духовнаго просвѣтленія: моментное просвѣтленіе можетъ исчезнуть, но можетъ и развиться въ возрождающее настроеніе души. Какъ только мы ощутимъ состояніе просвѣтленія, вѣяніе благодати въ душѣ, такъ сразу же и должны открыть гостепріимно двери нашего сердца, не откладывая своего попеченія о душевномъ спасеніи до какого то лучшаго и болѣе благопріятнаго момента: онъ можетъ и не наступить, а окамененіе сердца нашего можетъ усилиться. А потому нужно быть внимательными къ вразумляющимъ насъ впечатлѣніямъ жизни и природы. Книга природы должна быть для насъ и источникомъ духовныхъ впечатлѣній.

Но есть книга еще выше и божественнѣе, блаженнѣе и страшнѣе, нежели книга природы, эта книга—Евангеліе. Евангеліе приводитъ понятливаго и благоразумнаго читателя, читающаго эту книгу жизни жизнію, къ Самому Богу, соединяетъ человѣка съ Богомъ. Книга природы ставитъ своего читателя въ ликѣ Ангеловъ и содѣлываетъ его зрителемъ и проповѣдникомъ величія Божія. Ангелы, когда увидѣли книгу видимой природы, воспѣли пѣснь хвалы Создателю; подобно имъ воспѣваетъ, славословитъ Бога человѣкъ, очищеннымъ окомъ смотрящій на природу. Евангеліе строже осуждаетъ непонятливость читателя, нежели природа. Христіанинъ будетъ судимъ по Еван-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 404—405.

гелію (Іоан. XII, 48). Въ книгѣ природы, хотя читается Богъ, всемогущій, премудрый, всеблагій, безконечно высшій всякой твари, достойный поклоненія отъ твари разумной, какъ Творецъ и Благодѣтель; но читается Богъ, по существу Своему недоступный для постиженія, для составленія о Немъ какого бы то ни было опредѣленнаго понятія, какъ превысшій всякаго постиженія и понятія. Евангеліе открываетъ намъ Бога, по существу Единаго и Триипостаснаго; открываетъ начало—Отца, открываетъ рожденнаго Отцомъ, совѣчнаго Отцу, Сына, открываетъ исходящаго отъ Отца, со Отцомъ и Сыномъ поклоняемаго и славимаго Духа, какъ равнаго, единосущнаго Имъ; открываетъ и благовѣствуетъ Искупителя, приводитъ человѣка не только къ поклоненію истинному Богу, но и къ усыновленію Богу, къ соединенію съ Богомъ. Книга природы освѣщена видимымъ, величественнымъ исполиномъ, огромнымъ и лучезарнымъ— солнцемъ; въ Евангеліи и изъ Евангелія свѣтитъ Солнце правды—Богъ, смирившійся до вочеловѣченія, до яслей и вертепа, до казни преступниковъ, Перворожденный изъ мертвыхъ, Отецъ будущаго вѣка, Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ. Слѣпецъ не можетъ быть зрителемъ чудесъ природы: омраченный грѣхомъ, рабъ міра и міродержца не можетъ познать Христа и Его святого Евангелія [1]). Спасительное настроеніе человѣка есть настроеніе, согласное съ Евангеліемъ [2]). Чтеніе Евангелія даетъ человѣку спасительное зрѣніе грѣховъ своихъ и путей спасенія [3]). Святые подвижники поучали внимательному изученію Евангелія личнымъ примѣромъ своимъ: иноки, подчиненные Пахомію Великому, обязывались выучить Евангеліе на память, чтобъ имѣть узаконенія Богочеловѣка, какъ бы въ постоянно отверстой книгѣ, въ памяти, чтобъ имѣть ихъ непрестанно предъ очами ума, имѣть ихъ начертанными на самой душѣ, для удобнѣйшаго и неуклоннаго исполненія. Блаженный старецъ прп. Серафимъ Саровскій говорилъ: „надо такъ пріучить себя, чтобы умъ какъ бы плавалъ въ законѣ Господнемъ, которымъ руководствуясь, должно управлять жизнь свою“. Святый Тихонъ Воронежскій зналъ на память Евангеліе и Псалтирь. Изучая Евангеліе, стараясь исполнять его велѣнія дѣлами, словами, помышленіями, христіанинъ будетъ слѣдовать завѣщанію Господа и нравственному преданію православной Церкви. Евангеліе въ непродолжительное время возводитъ христіанина отъ младенческаго возраста къ зрѣлому возрасту о Христѣ [4]). Столь великое значеніе Св. Евангелія въ духовной жизни христіанина опредѣляетъ и необходимость обращенія къ этому

---

[1]) Тамъ же, стр. 405—406.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 133.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 108—111, 410, 420.
[4]) Тамъ же, т. V, стр. 37; т. I, стр. 109; т. IV, стр. 224, 344.

откровенію воли Божіей и въ началѣ духовной жизни. Желающіе приступить къ Господу и соединиться съ Нимъ навѣки, должны начать это святое дѣло съ тщательнѣйшаго изученія Слова Божія, должны начать съ изученія Евангелія, въ которомъ сокровенъ Христосъ, изъ котораго говоритъ и дѣйствуетъ Христосъ. Оно плотскаго человѣка претворяетъ въ духовнаго, и душу, умерщвленную грѣхомъ и житейскою суетностію, оживотворяетъ [1]). Такимъ образомъ, желающій начать душеспасительный подвигъ имѣетъ удобный для этого путь въ чтеніи Евангелія, Чтеніе это даетъ человѣку спасительное познаніе воли Божіей; подчиняетъ вначалѣ мысль человѣка волѣ Божіей, вызываетъ на сравненіе своего настроенія и жизни съ должными настроеніемъ и жизнію по Евангелію и вызываетъ покаянное настроеніе и сознаніе нищеты духовной и, такимъ образомъ, вводитъ человѣка на путь спасенія.

Но бѣдственно приступать къ Евангелію и живущему въ Евангеліи Господу Іисусу Христу безъ должнаго благоговѣнія, съ дерзостію и самонадѣянностію. Желающіе приступить къ Господу, чтобы услышать Его Божественное ученіе, Имъ оживотвориться и спастись, должны сдѣлать это благоговѣйно и смиренно. И тогда возглаголетъ къ нимъ Господь изъ святаго Евангелія Своего, какъ къ возлюбленнымъ ученикамъ Своимъ, а Святые Отцы, истолковавшіе святое Евангеліе по дару Святаго Духа будутъ для нихъ руководителями къ точному и непогрѣшительному разумѣнію святаго Евангелія [2]). На недоумѣнный вопросъ, почему необходимо чтеніе Святыхъ Отцовъ и не довольно ли руководствоваться однимъ Священнымъ Писаніемъ—чистымъ Словомъ Божіимъ, Владыка Игнатій отвѣчаетъ: „непремѣнно нужно при чтеніи Писанія чтеніе Святыхъ Отцовъ Восточной Церкви. Духъ произнесъ Священное Писаніе, и только Духъ можетъ истолковать его. Вдохновенные Богомъ мужи, Пророки и Апостолы написали его; вдохновенные Богомъ мужи, Святые Отцы истолковали его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познаніе Священнаго Писанія, необходимо чтеніе Святыхъ Отцовъ“ [3]).

Въ твореніяхъ Владыки Игнатія мы многократно встрѣчаемъ наставленія о неуклонномъ слѣдованіи святоотеческому ученію, какъ руководству къ вѣчности: „Ученіе Святыхъ Отцовъ Восточной Церкви—вѣрно: оно ученіе Святаго Духа. Умоляю Васъ,—держитесь этого ученія: оно будетъ руководить васъ къ блаженной вѣчности. Истинный, законный подвигъ во Христѣ Іисусѣ и Святомъ Духѣ, въ огра-

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 7, 23, 230.
[2]) Тамъ же, стр. 7.
[3]) Тамъ же, стр. 515—518.

дѣ святой Восточной Церкви“ [1]). Помимо наилучшаго руководства въ пониманіи Священнаго Писанія, чтеніе святоотеческихъ твореній представляется полезнымъ и само по себѣ для пробужденія въ насъ духовной жизни и жажды спасенія, какъ общеніе со святыми, сообщающее святость [2]). Но писанія Отцовъ, по мнѣнію Епископа Игнатія, можно уподобить аптекѣ, въ которой находится множество цѣлительнѣйшихъ лѣкарствъ, но больной можетъ затрудниться въ выборѣ того, что приличествуетъ его болѣзни [3]). Поэтому необходимо избрать себѣ чтеніе Отцовъ, соотвѣтствующее своему образу жизни, и тогда каждый, въ какомъ бы званіи онъ ни былъ, можетъ почерпнуть обильное наставленіе въ Писаніяхъ Отцовъ [4]). Христіанину, котораго жребій—проводить и окончить жизнь среди міра, должно читать Святыхъ Отцовъ, писавшихъ вообще для всѣхъ христіанъ. Таковы, по указанію Святителя Игнатія: Св. Іоаннъ Златоустый, Св. Димитрій Ростовскій, Святитель Тихонъ Воронежскій, Никифоръ Астраханскій, Георгій Затворникъ [5]). Такимъ образомъ, чтеніе святоотеческихъ твореній, начинаемое хотя бы по чисто теоретическимъ, познавательнымъ соображеніямъ, вводя христіанина въ общеніе съ духоносными мужами, невольно останавливаетъ его вниманіе на вопросахъ душевнаго спасенія, выясняетъ ихъ, вызываетъ на сравненіе съ изображаемымъ ими должнымъ строемъ христіанской жизни, своего личнаго настроенія и содѣйствуетъ пробужденію жажды спасенія, помимо даже того, что такое чтеніе вообще является наилучшимъ руководствомъ духовной жизни и изученія Священнаго Писанія.

Такое же значеніе для оживленія религіозно-христіанскаго настроенія и для возбужденія желанія начать истинно-христіанскую жизнь имѣетъ внимательное изученіе исторіи христіанства. Слабая освѣдомленность нашего христіанскаго общества по вопросамъ религіознымъ, церковно-историческимъ и нравственнымъ фактъ общеизвѣстный. Стремленіе скрыть свою слабую освѣдомленность по указаннымъ вопросамъ тамъ, гдѣ она представляется неудобною, заставляетъ многихъ христіанъ, переводитъ свои сужденія въ область общихъ этическихъ вопросовъ и разсужденій о христіанствѣ въ сферу попреимуществу отвлеченную, при чемъ до извѣстной степени питается умъ, но остается совершенно незатронутымъ и не питаемымъ сердце. Отсюда естественная теплохладность въ отношеніи духовной жизни. Между тѣмъ изученіе исторіи христіанской Церкви

---

[1]) Тамъ же, стр. 497, 499—502; т. V, стр. 50—54, 76, 117.
[2]) Тамъ же, стр. 112—114.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 276—277 и слѣд.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 114.
[5]) Тамъ же, т. IV, стр. 460.

уже одно приводитъ къ болѣе опредѣленному убѣжденію въ Божественности его, оживляетъ и укрѣпляетъ душу. Конечно, самое сильное убѣжденіе въ Божественности христіанства является отъ жизни по евангельскимъ заповѣдямъ, но и ознакомленіе съ ученіемъ христіанскимъ и съ судьбами святой Церкви сильно пробудить въ человѣкѣ жажду спасенія, желаніе пріобщиться лику истинныхъ чадъ Божіихъ. По разуму міра, говоритъ Владыка Игнатій, учрежденіе христіанства чуждо смысла; предположенія Учредителя—несбыточная мечта увлеченнаго воображеніемъ и славолюбіемъ; средства и орудія исполненія—ничтожны, странны, смѣшны. Только три года были употреблены Учителемъ на образованіе учениковъ; не принято никакой заботы, чтобы познакомить ихъ, хотя съ грамотностію, необходимою для чтенія Священнаго Писанія, необезпечено ничѣмъ ихъ содержаніе; напротивъ—имъ заповѣдана нестяжательность, а вмѣсто наличныхъ средствъ дано обѣтованіе, что промысломъ Божіимъ будетъ доставляться имъ все нужное для временной жизни. Такое необъяснимое разумомъ человѣческимъ зрѣлище созерцается въ самомъ установленіи христіанства; затѣмъ новое, столько же чудное зрѣлище представляютъ собою событія, послѣдовавшія немедленно за установленіемъ. Трехвѣковая борьба язычества противъ христіанства увѣнчалась побѣдою послѣдняго и орудіе казни - крестъ сдѣлался предметомъ величайшей чести. Изученіе исторіи христіанства убѣждаетъ въ его Божественности, открываетъ дѣйствующую въ немъ Божію волю, Божію силу, Божіе дѣйствіе, превышающія разумъ и силы человѣческія и склоняетъ наше настроеніе къ дѣятельному воплощенію завѣтовъ Христовыхъ и въ нашей личной жизни [1]). Во всѣ вѣка христіанства на скрижаляхъ церковной исторіи записаны опыты, обнаруживающіе въ святыхъ Божіихъ дѣйствія, превысшія человѣческаго естества, принадлежащія не человѣку, но Богу, обитавшему и царствовавшему въ святыхъ человѣкахъ [2]). Впечатлѣніе святости и Божественной силы христіанства и способно оживить нашъ мертвѣющій духъ и возбудить въ немъ ревность о душевномъ спасеніи.

Наряду съ законами гражданскими, нормирующими нашу внѣшнюю жизнь, имѣютъ громадное значеніе въ нашей жизни обычаи послѣдней, установившійся укладъ нашей жизни. Закрѣпляя выработанныя жизнію нормы взаимныхъ человѣческихъ отношеній, укладъ жизни и обычаи придаютъ нашей жизни опредѣленное направленіе и предохраняютъ отъ значительныхъ уклоновъ и колебаній. Въ жизни религіозно-нравственной имѣетъ также весьма большое значеніе цер-

---

[1]) Тамъ же, стр. 146—149.
[2]) Тамъ же, стр. 241.

ковно-религіозный укладъ нашей жизни, который не только обезпечиваетъ въ нашей жизни церковную дисциплину, но и способствуетъ простому и естественному возникновенію и переживанію религіозныхъ настроеній: церковное Богослуженіе, молитва, церковныя времена, не теоретически только изучаемыя, но вводимыя въ строй жизни нашей, весьма содѣйствуютъ оживленію въ насъ религіозно-нравственной жизни, не даютъ ей возможности замереть и, наоборотъ, поддерживаютъ духъ въ настроеніи религіознаго исповѣданія. Отсюда, понятны и настойчивыя повторенія Владыки Игнатія, что желающій спастись долженъ принадлежать единой, святой, православной Церкви, быть ея вѣрнымъ сыномъ, во всемъ покоряться ея установленіямъ [1]).

Этимъ обезпечивается, на вѣрный путь ставится совершеніе имъ душевнаго спасенія. Кто вѣрный сынъ православной Церкви, кто ежедневно, а еще лучше, если ежечасно, на всякомъ мѣстѣ владычества Божія, вспоминаетъ Бога и проситъ у Него милости и помощи, кто по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ тщательно посѣщаетъ храмъ Божій, а дома молится каждое утро и вечеръ, кто милостивъ къ нищимъ и страннымъ, кто приноситъ раскаяніе въ своихъ грѣхахъ и пріобщается Святыхъ Христовыхъ Таинъ, кто терпитъ великодушно посылаемыя ему Богомъ скорби, кто тщательно занимается изученіемъ Слова Божія,—тотъ имѣетъ у себя драгоцѣнный залогъ спасенія. Ему предлежитъ подвигъ: онъ необходимо долженъ хранить свое сокровище—свое спасеніе отъ грѣховъ [2]). Такимъ образомъ, и стремясь къ оживленію въ себѣ желанія спасенія, но сознавая трудно-преодолимую холодность настроенія и равнодушіе къ душеспасительному подвигу, мы имѣемъ средство къ ослабленію указанныхъ вредныхъ условій въ сознательномъ подчиненіи себя и своей жизни церковно-религіозному укладу и послушанію святой Церкви, въ надеждѣ, что по мѣрѣ тщательнаго, хотя бы и малоодушевленнаго подчиненія нашего церковной дисциплинѣ, въ насъ, по милости Божіей, возжется пламя спасительной ревности и борьба съ грѣхомъ будетъ для насъ не обязанностію только, но и глубокою потребностію нашего духа.

Въ ряду прочихъ элементовъ церковно-религіознаго уклада христіанской жизни, благотворно дѣйствующихъ на возникновеніе и поддержаніе душеспасительнаго настроенія, Преосвященнымъ Игнатіемъ нерѣдко выдѣляется церковное Богослуженіе. Душа христіанская сливается въ своихъ переживаніяхъ съ содержаніемъ Богослуженія, душа христіанская выражается въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, всѣмъ соста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 366.
[2]) Тамъ же, стр. 373.

вомъ своимъ Богослуженіе создаетъ душеспасительное настроеніе, усиливаетъ и поддерживаетъ его, разбиваетъ гибельное равнодушіе, устраняетъ вялость, сообщаетъ бодрость и проникновенное вдохновеніе, освящаетъ душу. Для иллюстраціи взглядовъ Епископа Игнатія по этому вопросу мы можемъ отмѣтить его впечатлѣнія отъ Богослуженія въ Валаамской обители. Богослуженіе на Валаамѣ отправляется по церковному уставу,—состоитъ изъ утрени или всенощной передъ праздникомъ, двухъ литургій—ранней и поздней, вечерни и правила, которое совершается послѣ ужина и заключается въ чтеніи молитвъ на сонъ грядущимъ, помянника и въ нѣсколькихъ поклонахъ. Напѣвъ употребляется знаменный или такъ называемый столповый—старинный Русскій. Тоны этого напѣва величественны, протяжны, заунывны; изображаютъ стоны души, кающейся, воздыхающей въ странѣ своего изгнанія о блаженной, желанной странѣ радованія вѣчнаго, наслажденія чистаго, святого. Такъ, эти самые тоны, а не иные, должны раздаваться въ этой обители, которой самыя зданія имѣютъ образъ темницы, назначенной для рыданій, для плача о своемъ плѣнѣ, для думъ глубокихъ, для размышленій о вѣчности Эти тоны—въ гармоніи съ дикою, строгою природой, съ громадными массами гранита, съ темнымъ лѣсомъ, съ глубокими водами. Эти тоны то тянутся плачевно, тоскливо, какъ вѣтеръ пустынный, то постепенно исчезаютъ, какъ эхо среди скалъ и ущелій, то гремятъ внезапно. Они, то съ тихою скорбію приносятъ жалобу на грѣховность, выражаютъ томящую и снѣдающую скорбь по причинѣ грѣховнаго бремени, то, какъ бы отъ невыносимой тяжести этого бремени, отъ ударовъ грѣха, начинаютъ вопіять и призывать помощь неба: тогда они гремятъ! Величественное „Господи помилуй“ подобно вѣтру пустынному: такъ оно плачевно, умилительно, протяжно! Падшій человѣкъ ощутилъ, при помощи уединенія и самовоззрѣнія, свое паденіе, увидѣлъ его въ себѣ, убѣдился въ немъ, и предался непрестанному стенанію въ надеждѣ помилованія. Пѣснь „Тебѣ поемъ“ оканчивается протяжнымъ, переливающимся звукомъ, постепенно стихающимъ, теряющимся незамѣтно подъ сводами храма, какъ теряется эхо въ пространствѣ воздушномъ. Когда же братія запоютъ на вечернѣ: „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя“, то звуки сперва какъ бы исходятъ изъ глубокой пропасти, потомъ съ быстротою и громомъ исторгаются изъ нея, несутся къ небу, несутъ туда мысль и желаніе, пламенныя, какъ молнія: тогда они гремятъ! Художникъ найдетъ въ пѣніи Валаамскомъ много негладкостей, недостатковъ въ исполненіи, но онъ же и признаетъ въ немъ полное преобладаніе благоговѣнія и набожности, необыкновенную энергію, которая и умиляетъ, и потрясаетъ душу. Здѣсь все должно быть важно, грандіозно. Все веселое, легкое, игривое, показалось бы страннымъ, уродливымъ. Не устрашитесь отъ этого

сказанія, сказанія правдиваго. Не подумайте, что здѣсь живетъ, можетъ жить только несчастіе. Нѣтъ! И здѣсь есть свое утѣшеніе: утѣшеніе плачущихъ, возвѣщенное въ Евангеліи [1]). Таковы впечатлѣнія уставнаго, строгаго православнаго Богослуженія по совершенно понятнымъ намъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ Епископа Игнатія. Служа выраженіемъ чувствъ и настроеній христіанскихъ, Богослуженіе въ свою очередь будитъ и поддерживаетъ ихъ въ христіанской душѣ. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ особый смыслъ попеченія Владыки Игнатія объ устроеніи Богослуженія въ мѣстахъ его иноческаго подвига, особенно въ Сергіевой пустынѣ, гдѣ оно такъ близко къ Валаамскому и также пробуждаетъ и питаетъ духъ. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ особо-высокій смыслъ всежизненный подвигъ клиросно-пѣвческаго послушанія схимонаха Михаила (Чихачова), считавшаго это послушаніе оправданіемъ жизни своей: „Пою Богу моему, дондеже есмь“. Ищущій спасительныхъ настроеній имѣетъ для себя въ этомъ отношеніи обильный источникъ въ православно-христіанскомъ Богослуженіи.

Въ ряду жизненныхъ условій и средствъ, которыми вводится христіанинъ на путь спасенія, при которыхъ вспоминаетъ о Богѣ-Искупителѣ и приходитъ къ сознанію нищеты духовной, по ученію Епископа Игнатія, весьма важное значеніе имѣютъ жизненныя испытанія и скорби. Наряду съ изученіемъ и исполненіемъ воли Божіей, путь спасенія открывается христіанину въ безропотномъ и благодушномъ терпѣніи всѣхъ попускаемыхъ промысломъ Божіимъ скорбей, при признаніи себя отъ искренности сердца достойнымъ этихъ скорбей [2]). Съ точки зрѣнія христіанскаго подвижничества, скорби понимаются вообще, какъ знакъ милости Божіей: онѣ воспитываютъ, очищаютъ, усовершаютъ христіанина. Скорби не попускаются грѣшникамъ, живущимъ на землѣ для земныхъ наслажденій и для земного преуспѣянія. Они не понесутъ скорбей съ благодареніемъ, а только — съ ропотомъ, уныніемъ, хулою на Бога, отчаяніемъ умножатъ грѣхи свои. Господь предоставляетъ имъ пользоваться земными благами до самой кончины, чтобъ они опомнились хотя по причинѣ благоденствія своего. Господь посылаетъ скорби только тѣмъ грѣшникамъ, въ которыхъ предвидитъ обращеніе, которые въ книгѣ живота, по предвѣдѣнію Божію, уже внесены въ число праведниковъ, оправданныхъ правдою Искупителя. Грѣшниковъ намѣренныхъ и произвольныхъ, въ которыхъ нѣтъ залога къ исправленію и покаянію, Господь не признаетъ достойными скорбей, какъ непринявшихъ ученія Христова,

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 440—441.

[2]) Тамъ же, т. V, стр. 143.

неоказавшихъ никакого усердія послѣдовать Христу, вступившихъ на путь неправды не по увлеченію и не по невѣдѣнію [1]). Спасительное значеніе скорбей для пробужденія жажды спасенія заключается въ томъ, что 1) онѣ убѣждаютъ человѣка въ непрочности его земныхъ начинаній, 2) вскрываютъ для него самого скрытые въ немъ духовные недуги. Скорби міра доставляютъ христіанину опытное познаніе, какъ земная жизнь превратна и обманчива, что все сладостное, вожделѣнное и великое земли оканчивается пустотою и горестію; отъ этихъ опытныхъ познаній христіанинъ получаетъ равнодушіе къ земной жизни, къ землѣ, ко всему, что признается на ней вожделѣннымъ для сыновъ міра, обращаетъ взоры ума и сердца къ вѣчности, и начинаетъ усерднѣйшими молитвами ходатайствовать предъ Богомъ о своей загробной участи. Такой же спасительный смыслъ имѣютъ для христіанина и скорби, постигающія отъ другихъ людей [2]). Кромѣ показанія непрочности всѣхъ земныхъ стремленій и привязанностей христіанина, скорби спасительны и потому еще, что обнаруживаютъ сокровенныя страсти въ самомъ сердцѣ человѣческомъ, приводя ихъ въ движеніе. До скорби человѣкъ представляется самъ себѣ спокойнымъ и мирнымъ, но, когда придетъ скорбь, тогда возстаютъ и открываются нерѣдко невѣданныя страсти, особенно—гнѣвъ, печаль, уныніе, гордость, невѣріе. А это весьма важно, потому что для христіанина существенно нужно и полезно обличеніе грѣха, гнѣздящагося въ немъ втайнѣ. Сверхъ того, скорби, принимаемыя и переносимыя, какъ должно, усиливаютъ вѣру; онѣ показываютъ человѣку его немощь и доставляютъ смиреніе, низлагая самомнѣніе [3]). Не нужно самовольно разыскивать скорби и произвольно впадать въ напасти, но тѣ скорби и напасти, которыя приходятъ намъ невольно, слѣдовательно попускаются и устраиваются промысломъ Божіимъ, должно принимать съ величайшимъ благоговѣніемъ, какъ дары Божіи, какъ врачевства душевныхъ недуговъ нашихъ, какъ залоги избранія и вѣчнаго спасенія. Плодъ скорбей, заключающійся въ очищеніи души, въ возношеніи ея въ духовное состояніе, должно хранить, какъ драгоцѣнное сокровище. Хранится этотъ плодъ, когда подвергшійся скорбямъ употребитъ въ это время все свое стараніе пребыть въ евангельскихъ заповѣдяхъ, не увлекаясь страстями, обнаруженными и приведенными въ движеніе искушеніемъ [4]). Конечно, причиной всѣхъ скорбей и искушеній является коренное міровое зло, но ихъ послѣдствія могутъ быть душеполезны или душевредны въ зависимости отъ отношенія къ нимъ

[1]) Тамъ же, стр. 130.
[2]) Тамъ же, стр. 145.
[3]) Тамъ же, стр. 131—132.
[4]) Тамъ же, стр. 133—134.

человѣка. На рабовъ Божіихъ искушенія и скорби дѣйствуютъ душеспасительно, доставляя имъ возможность совершать возвышеннѣйшія евангельскія заповѣди, послѣдовать Христу, взявъ кресть свой, содѣлаться ближайшими учениками Господа. Напротивъ того, скорби и искушенія дѣйствуютъ гибельно на сыновъ погибели и увеличиваютъ ихъ грѣховность [1]). Поэтому то, по убѣжденію Владыки Игнатія, зная, что скорби приходятъ по попущенію Божію, нужно переносить ихъ съ терпѣніемъ, принося за нихъ славословіе и благодареніе Богу, зная, что противящійся скорбямъ и ищущій отклонить отъ себя скорбный путь дѣйствуетъ противъ своего спасенія, стремится по слѣпотѣ своей разрушить порядокъ и способъ спасенія, установленный Богомъ для всѣхъ рабовъ Его [2]). Таково значеніе скорбей для пробужденія въ грѣховномъ духѣ человѣческомъ жажды спасенія.

Итакъ, по вопросу о началѣ духовной жизни, о пробужденіи въ человѣкѣ жажды спасенія, мы имѣемъ въ подвижническомъ опытѣ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Человѣку нужно внимательно прислушиваться къ зову Божественной благодати, къ тому благодатному прикосновенію, которое по временамъ воспринимается нашимъ сердцемъ. Наша обычная жизнь, заполненная изо дня въ день заботами и дѣлами мірскими, нужными для нашей временной и тѣлесной жизни, по временамъ имѣетъ проблески праздничныхъ въ духовномъ смыслѣ озареній. Наша будничная, по выраженію поэта,—„пѣснь рабовъ однообразная“, по временамъ, хотя бы на мгновенія, смѣняется звуками небесъ, мы, хотя и не надолго, чувствуемъ себя внѣ рамокъ нашей временной жизни,—дѣтьми Божіими, братьми между собою, мы чувствуемъ себя людьми, имѣющими самостоятельныя задачи жизни внѣ и выше заботъ нашего житейскаго дня. Владыка Игнатій учитъ насъ, какъ усилить воспріимчивость нашего духовнаго слуха къ звукамъ небесъ, какъ продлить пребываніе благодатнаго зова въ нашей душѣ, наконецъ,—гдѣ, въ какихъ формахъ и условіяхъ мы можемъ воспринимать этотъ небесный призывъ къ вѣчному спасенію. Владыка Игнатій опытно свидѣтельствуетъ намъ, что благодать Божія, немолчно зовущая насъ къ спасительному подвигу, какъ бы разлита въ окружающей жизни, и намъ нужно имѣть только отверстыми свои духовныя очи, незатво-

---

[1]) Тамъ же, стр. 146

[2]) Тамъ же, стр. 147. Со стороны ознакомленія съ взглядами Епископа Игнатія на скорби заслуживаютъ слѣдующія мѣста въ его письмахъ и произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ „Приложеніи“ къ нашей книгѣ: а) скорби—печать Божьяго избранія—стр. 87, 93, 116, 141, 151, 154, 220; б) скорби—необходимы для спасенія—стр. 36, 88, 100, 116, 261; в) должное отношеніе къ нимъ—стр. 36, 37, 87—89, 91, 100, 116, 118, 134, 141, 146, 148, 152; г) дѣйствіе ихъ на душу—стр. 150, 151 и 231.

реннымъ духовный слухъ свой. Этотъ спасительный призывъ къ духовному возрожденію слышится намъ въ вѣщаніяхъ природы, онъ несмолкаемо слышится въ Божественныхъ глаголахъ святого Евангелія, путь спасенія раскрывается въ твореніяхъ Святыхъ Отцовъ, въ таинственныхъ судьбахъ Церкви Христовой, изображенныхъ въ церковной исторіи, понятно и общедоступно проповѣдуется Богослуженіемъ православной Церкви, настойчиво внѣдряется въ наше сознаніе неизбѣжными скорбями нашей временной жизни. Намъ нужно только побороть грѣховную разсѣянность, усилить духовную чуткость къ вѣяніямъ благодати Божіей, а когда ихъ ощутитъ наше бѣдное сердце, нужно удержать ихъ въ душѣ своей или, по крайней мѣрѣ, продлить ихъ пребываніе въ нашей душѣ и доставить себѣ возможность новыхъ и новыхъ воспріятій благодатнаго зова. И усиленіе душевной чуткости къ Божьему зову и возможность болѣе длительнаго переживанія благодатнаго настроенія въ нашей душѣ достигается посредствомъ душеспасительныхъ христіанскихъ подвиговъ и при особомъ содѣйствіи благодати Божіей въ таинствахъ Церкви.

Душеспасительными условіями, усиливающими нашу духовную чуткость и содѣйствующими нашему спасенію, являются постъ, молитва и покаяніе. Совершеніе этихъ подвиговъ подготовляетъ насъ и само посредствуется особымъ дѣйствіемъ благодати Божіей въ святыхъ Таинствахъ православной Церкви. Уясняя намѣченныя положенія по твореніямъ Епископа Игнатія, мы будемъ имѣть возможность получить отвѣтъ на поставленный нами вопросъ.—

IV. Что служитъ необходимымъ условіемъ душеспасительнаго подвига, каковы условія спасенія въ жизни человѣка? Иначе сказать, въ чемъ выражается и какими средствами поддерживается въ человѣкѣ душеспасительное настроеніе?—Средствами для духовнаго и тѣлеснаго воспитанія человѣка примѣнительно къ потребностямъ душевнаго спасенія являются, по ученію Игнатія Брянчанинова, согласно съ другими аскетами, благочестивые подвиги христіанина, или тѣ благочестивыя упражненія, которыми усиливается въ человѣкѣ одухотворенность и ослабляется грѣховность и плотяность. Общее назначеніе подвиговъ—не жертва Богу, а охраненіе насъ самихъ отъ гордости, самости и уничиженія ближнихъ. Если наши благочестивыя упражненія не имѣютъ этой цѣли, то, при благочестивой видимости, они могутъ быть источниками гордости, прелести и усиливать грѣховное состояніе человѣка [1]). Соотвѣтственно природѣ человѣческой, благочестивыя упражненія раз-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 20.

дѣляются на душевныя и тѣлесныя. Тѣ и другія упражненія объединяются въ единствѣ душеспасительной цѣли и связаны между собою строгою послѣдовательностію: тѣлесный трудъ занимаетъ первое мѣсто въ подвижнической жизни ученика Христова. Тѣлеснымъ дѣланіемъ предваряется душевное. Нестяжавшій тѣлеснаго дѣланія не можетъ имѣть дѣланія душевнаго: второе рождается отъ перваго [1]). Тѣ и другіе подвиги и упражненія направлены къ исполненію заповѣдей Божіихъ. Тѣлесный подвигъ заключается въ исполненіи евангельскихъ заповѣдей тѣлесно. Сюда относятся: подаяніе вещественной милостыни, принятіе странныхъ, участіе въ разнообразныхъ нуждахъ и страданіяхъ нуждающагося и страждущаго человѣчества. Къ тѣлесному же подвигу Епископъ Игнатій относитъ цѣломудріе тѣла, воздержаніе отъ гнѣва, отъ роскоши, отъ увеселеній и разсѣянности, отъ насмѣшекъ и пересудовъ, отъ всѣхъ словъ, которыми выражается злоба и нечистота сердца. Сюда относятся постъ, бдѣніе, псалмопѣніе, колѣнопреклоненія, стояніе на молитвѣ въ храмѣ и въ келліи. Сюда относятся монастырскія послушанія и другіе наружные подвиги. Таковъ составъ тѣлесныхъ подвиговъ. Сущность тѣлеснаго подвига заключается въ томъ, что онъ требуетъ непрерывной дѣятельности тѣла, переходитъ отъ одного тѣлеснаго добраго дѣла къ другому, а иногда соединяетъ въ себѣ и нѣсколько благихъ дѣланій, совершая ихъ въ одно время. Значеніе тѣлеснаго подвига заключается въ томъ, что онъ постепенно очищаетъ душу отъ страстей и знакомитъ ее съ духомъ Евангелія. Евангельскія заповѣди, будучи исполняемы на дѣлѣ, мало по малу передаютъ исполнителю Истину, Духъ и Жизнь. Тѣлесный подвигъ имѣетъ свой предѣлъ и конецъ: эти конецъ и предѣлъ заключаются въ рѣшительномъ переходѣ подвижника къ подвигу духовному. Рѣшительнымъ переходомъ увѣнчивается переходъ постепенный. Служеніе Евангельской Маѳы окончилось, когда угощеніе Господа было совершено [2]). Существенными чертами грѣховности человѣка, какъ мы видѣли выше, являются плотское мудрованіе и самость. Для начала добродѣтельной жизни необходимо ослабить эти грѣховныя начала и подготовить душу къ насажденію добродѣтели. Это и достигается посредствомъ тѣлесныхъ подвиговъ. Земля для обработки нуждается въ различныхъ полезныхъ орудіяхъ, плугахъ, боронахъ, лопатахъ, которыми она переворачивается, разрыхляется, смягчается,—такъ и наше сердце, средоточіе плотскихъ ощущеній и плотскаго мудрованія, нуждается въ обработкѣ постомъ, бдѣніемъ, колѣнопреклоненіями и прочими удрученіями тѣла, чтобы преобладаніе плотскаго, страстнаго ощущенія уступило преобладанію ощу-

---

[1]) Тамъ же, стр. 354.

[2]) Тамъ же, стр. 354—355.

щенія духовнаго, а вліяніе плотскихъ, страстныхъ помысловъ на умъ лишилось той непреодолимой силы, которую оно имѣетъ въ людяхъ, отвергшихъ подвижничество или небрегущихъ о немъ. Кто вздумалъ бы посѣять сѣмена на землѣ, не воздѣлавъ ее, тотъ лишь погубитъ сѣмена, не получитъ никакой прибыли, причинитъ себѣ вѣрный убытокъ,—точно такъ и тотъ, кто, необуздавъ плотскихъ влеченій сердца и плотскихъ помышленій ума подобающими тѣлесными подвигами, вздумалъ бы заняться умною молитвою и насажденіемъ въ сердцѣ заповѣдей Христовыхъ, не только будетъ трудиться напрасно, но и можетъ подвергнуться душевному бѣдствію, самообольщенію и бѣсовской прелести навлечь на себя гнѣвъ Божій, какъ навлекъ его пришедшій на брачный пиръ въ небрачной одеждѣ (Мѳ. XXII, 12). Тотъ, кто вздумалъ бы воздѣлать землю, не употребляя земледѣльческихъ орудій, потрудится много, и потрудится напрасно, такъ и тотъ, кто безъ тѣлесныхъ подвиговъ захочетъ стяжать добродѣтели, будетъ трудиться напрасно, потеряетъ время невознаградимое, невозвращающееся, истратитъ душевныя и тѣлесныя силы, не пріобрѣтетъ ничего. Тѣлесные подвиги необходимы для того, чтобы землю тѣлесную содѣлать способною къ принятію духовныхъ сѣмянъ и къ принесенію духовныхъ плодовъ; оставленіе подвиговъ или небреженіе о нихъ содѣлываетъ землю неспособною къ посѣву и плоду; излишество въ нихъ, упованіе на нихъ столько же или болѣе вредно, чѣмъ оставленіе ихъ. Оставленіе тѣлесныхъ подвиговъ содѣлываетъ человѣковъ подобными скотамъ, способствуя расположенію и усиленію душевныхъ страстей. Оставляющіе тѣлесный подвигъ подвергаются чревообъядѣнію, блуду, гнѣву въ грубыхъ его проявленіяхъ; несущіе неумѣренный тѣлесный подвигъ, безразсудно употребляющіе его, или возлагающіе на него все упованіе свое, видящіе въ немъ свою заслугу передъ Богомъ, свое достоинство, впадаютъ въ тщеславіе, самомнѣніе, высокоуміе, гордость, ожесточеніе, въ презрѣніе ближнихъ, уничтоженіе и осужденіе ихъ, въ памятозлобіе, ненависть, хулу, расколъ, ересь, въ самообольщеніе и бѣсовскую прелесть. Тѣлесный подвигъ нуженъ даже и для святыхъ, содѣлавшихся храмами Святаго Духа, чтобы тѣло, оставленное безъ обузданія, не ожило для страстныхъ движеній и не послужило причиною появленія въ освященномъ человѣкѣ сквернихъ ощущеній и помысловъ, столько несвойственныхъ для нерукотвореннаго, духовнаго храма Божія [1]). Выяснивъ сущность и значеніе тѣлеснаго подвига для духовной жизни христіанина, цѣня тѣлесные подвиги, какъ орудіе, необходимое для стяжанія добродѣтелей, какъ средство одухотворенія пло-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. V, стр. 372 - 374, т. IV, стр. 358.

ти, распятія ея со страстями и похотями и подчиненія плоти духу [1]), Владыка Игнатій считаетъ тѣлесные подвиги не достаточными для духовной жизни, и даже въ самомъ тѣлесномъ подвигѣ, въ его исключительности, видитъ недостатки и духовную опасность. Тѣлесный подвигъ, говоритъ онъ, часто окрадывается весьма важнымъ недостаткомъ. Недостатокъ этотъ заключается въ томъ, что христіанинъ упражняется въ подвигѣ безразсудно, когда даетъ подвигу излишнюю цѣну, когда совершаетъ тѣлесные подвиги для нихъ самихъ, ошибочно заключая въ нихъ и ограничивая ими все жительство свое, все Богоугожденіе свое. Съ такою неправильною оцѣнкою всегда связано уничтоженіе духовнаго подвига, стремленіе отвлечь отъ него занимающихся имъ. И, по свидѣтельству Владыки Игнатія, тѣлесный подвигъ, еще не озаренный духовнымъ разумомъ, всегда имѣетъ въ себѣ много суетнаго, излишняго. Трудящійся въ немъ, хотя и трудится ради Бога, но трудится въ ветхомъ человѣкѣ, на нивѣ его съ пшеницею выростаютъ плевелы; онъ не можетъ быть свободнымъ отъ вліянія на его образъ мыслей и дѣятельность плотскаго мудрованія. Поэтому необходимо—добрыя дѣла наши, совершаемыя при посредствѣ тѣла, совершать съ величайшимъ смиреніемъ, подобно рабамъ, обязаннымъ исполнять волю Господа Своего, немогущимъ исполнять эту волю, какъ должно, по причинѣ немощи и грѣховнаго поврежденія. Занимающимся тѣлеснымъ подвигомъ очень полезно знать, что есть другой подвигъ, подвигъ несравненно высшій, подвигъ душевный, осѣняемый Божественною благодатію [2]).

Имѣя довольно опредѣленное понятіе о подвигѣ тѣлесномъ и сравнительно охотно внося его въ укладъ своей религіозно-нравственной жизни, значительное количество ревнующихъ о спасеніи христіанъ не имѣютъ яснаго понятія о подвигахъ духовныхъ. Жизнь монастырскихъ насельниковъ и многихъ благочестивыхъ мірскихъ христіанъ сводится, по преимуществу, къ подвигамъ тѣлеснымъ. Между тѣмъ послѣдніе, по ученію Игнатія Брянчанинова, имѣютъ, хотя и важное, но лишь подготовительное значеніе въ строѣ общаго нашего душеспасительнаго дѣланія, и, не сопровождаемые подвигомъ духовнымъ, сами тѣлесные подвиги нерѣдко являются причиною и почвою для усиленія страстей, особенно самомнѣнія и уничиженія ближнихъ. Земля, воздѣланная самымъ тщательнымъ образомъ, сильно удобренная, мелко разрыхленная, но оставленная незасѣянною, тѣмъ съ большею силою родитъ плевелы; такъ и сердце, воздѣланное тѣлесными подвигами, но не усвоившее себѣ евангельскихъ заповѣдей, тѣмъ сильнѣе произращаетъ изъ себя плевелы тщеславія, гордыни и блуда. Чѣмъ лучше воздѣлана и удобрена земля, тѣмъ

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 94, 74, 76, 62—63.

[2]) Тамъ же, стр. 356.

она способнѣе къ произращенію густыхъ и сочныхъ плевеловъ,—чѣмъ сильнѣе тѣлесный подвигъ небрегущаго о евангельскихъ заповѣдяхъ, тѣмъ сильнѣе и неизлѣчимѣе въ немъ самомнѣніе. Земледѣлецъ, имѣющій у себя много превосходныхъ земледѣльческихъ орудій, восхищающійся этимъ, не воздѣлывающій ими земли, только обольщаетъ и обманываетъ себя, не получая никакой прибыли,—такъ и подвижникъ, имѣющій постъ, бдѣніе и другіе тѣлесные подвиги, но небрегущій о разсматриваніи себя и управленіи собою при свѣтѣ Евангелія, только обманываетъ себя, надѣясь тщетно и ошибочно на подвиги; онъ не получитъ никакого духовнаго плода, не накопитъ духовнаго богатства. Кто вздумаетъ постоянно перепахивать свою землю, тотъ никогда ничего не посѣетъ и не пожнетъ,—такъ и тотъ, кто непрестанно будетъ заниматься однимъ тѣлеснымъ подвигомъ, утратитъ возможность заняться душевнымъ подвигомъ, насажденіемъ въ себя евангельскихъ заповѣдей, отъ которыхъ въ свое время рождаются духовные плоды [1]). Такимъ образомъ, всѣ тѣ благочестивыя упражненія, которыя мыслятся въ объемѣ понятія о тѣлесномъ подвигѣ, не имѣютъ значенія, какъ подвиги самостоятельные и самоцѣнные, они не могутъ быть мыслимы, какъ добродѣтель и, тѣмъ болѣе, какая либо заслуга человѣка предъ Богомъ,—значеніе подвига тѣлеснаго понимается лишь въ смыслѣ средства для подготовленія къ подвигу духовному, для очищенія духа отъ стѣсняющихъ его проявленіе, главнымъ образомъ, тѣлесныхъ условій. Между тѣмъ, въ условіяхъ дѣйствительной нашей религіозно-нравственной жизни, всѣмъ упражненіямъ подвига тѣлеснаго придается обычно значеніе самостоятельное, они мыслятся, какъ добродѣтели и, къ сожалѣнію, вмѣняются человѣку въ заслугу, какъ со стороны ближнихъ, такъ, и еще хуже, со стороны его собственнаго духовно-малопросвѣщеннаго сознанія. Въ условіяхъ религіозно-нравственной жизни безъ всякаго колебанія мыслятся, какъ положительныя добродѣтели—его вниманіе къ посту тѣлесному, колѣнопреклоненія, стояніе на молитвѣ въ храмѣ и дома и другіе наружные подвиги. Эти подвиги въ средѣ людей религіозныхъ общеизвѣстны и общепонятны, между тѣмъ тѣже самые ревнители душеспасительнаго подвига, какъ изъ иноковъ, такъ и изъ благочестивыхъ мірянъ, въ въ очень многихъ случаяхъ не имѣютъ сколько нибудь яснаго понятія о подвигѣ духовномъ, въ которомъ и получаютъ свое оправданіе и смыслъ подвиги тѣлесные. Состояніе духовнаго подвига уясняется Преосвященнымъ Игнатіемъ въ слѣдующемъ видѣ. Положеніе, принятое евангельскою Маріею, служитъ изображеніемъ состоянія души,

---

[1]) Тамъ же, т. V, стр. 272—273.

удостоившейся вступить въ духовный подвигъ. Состояніе это есть состояніе вмѣстѣ и спокойствія и смиренія. Достигшій служенія Богу духомъ, оставляетъ наружныя дѣланія, оставляетъ попеченія о иныхъ способахъ Богоугожденія, или употребляетъ ихъ умѣренно и рѣдко, въ случаяхъ особенной нужды. Духомъ своимъ онъ поверженъ къ ногамъ Спасителя, внимаетъ единственно Его слову, сознаетъ себя созданіемъ Божіимъ, а не самобытнымъ существомъ (Пс. XCIX, 3) сознаетъ себя воздѣлываемымъ, а Бога дѣлателемъ (Іоан. XV, 1), предаетъ себя всецѣло волѣ и водительству Спасителя. Очевидно, что такое состояніе доставляется душѣ болѣе или менѣе продолжительнымъ тѣлеснымъ подвигомъ. И евангельская Марія не могла бы сидѣть у ногъ Господа и устремлять все вниманіе къ ученію Его, еслибъ Марѳа не приняла на себя попеченіе о пріемѣ. Служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истиною есть та благая часть, есть то блаженное состояніе, которое, начавшись во время земной жизни, не прекращается, какъ прекращаются тѣлесные подвиги, съ окончаніемъ земной жизни. Благая часть пребываетъ неотъемлемою принадлежностію души въ вѣчности, въ вѣчности получаетъ полное развитіе. Благая часть не отъемлется отъ души, стяжавшей ее, пребываетъ навсегда ея собственностію [1]). Какъ же проявляется эта благая часть—духовный подвигъ въ его непосредственномъ переживаніи, каково его внутреннее содержаніе?—Возникаетъ это состояніе по мѣрѣ прохожденія тѣлеснаго подвига и подъ воздѣйствіемъ благодати Божіей.

Когда благодать Божія обильно осѣнитъ подвижника, тогда открывается въ немъ обильный духовный подвигъ, руководствующій къ христіанскому совершенству. Тогда открывается душѣ ея грѣховность, доселѣ закрывавшаяся отъ нея. Тогда отъемлется отъ взоровъ ея завѣса, предстаетъ душѣ необъятная, величественная вѣчность, доселѣ скрывавшаяся отъ нея. Тогда часъ смерти, стоявшій гдѣ-то далеко-далеко, приближается, и становится предъ самою душою, предъ ея взорами. Тогда земная жизнь, представлявшаяся доселѣ безконечною, сокращается въ самые краткіе размѣры: протекшая жизнь, какъ сонъ протекшей ночи, остающееся поприще жизни сливается въ одинъ предсмертный часъ. Тогда изъ глубины души возникаютъ стенанія, доселѣ ей незнакомыя; возникаетъ плачъ, котораго доселѣ она не ощущала; возникаетъ молитва, какой доселѣ она не произносила. Возникаютъ молитва и плачъ въ самой глубинѣ души, произносятся умомъ и сердцемъ при молчаніи устъ, возносятся къ небу,

---

[1]) Соч. Еп. Игнатія, т. IV, стр. 355—356.

повергаютъ молящагося къ ногамъ Спасителя: душа въ исповѣданіи своей грѣховности и безконечнаго величія Божія, входитъ въ совершенство, вводится въ совершенство десницею всеблагаго Бога, Который и создалъ человѣка, и возсозидаетъ его [1]).

Мысленно представляя себѣ изображенное Епископомъ Игнатіемъ высоко-духовное состояніе подвижническаго духа, мы представляемъ себѣ ясно: 1) его необычайную высоту и трудно-достижимость, 2) необходимость длительнаго и непрерывнаго усерднаго подвига тѣлеснаго, который, въ силу этого, и пріобрѣтаетъ свой душеспасительный смыслъ во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ благочестивыхъ упражненіяхъ и видахъ, какъ единственное, во власти человѣка находящееся средство достиженія спасительнаго состоянія Богообщенія, которое и составляетъ главное содержаніе подвига духовнаго и конечную цѣль всего душеполезнаго подвига.

Въ ряду благочестивыхъ подвиговъ Преосвященный Игнатій всего болѣе и чаще говоритъ о посту, молитвѣ и покаяніи, поэтому и мы, уясняя условія и ходъ душевнаго спасенія по твореніямъ аскета-архипастыря, остановимъ свое вниманіе на этихъ подвигахъ. При этомъ, не ставя своей задачей полное изложеніе ученія Епископа Игнатія по этимъ вопросамъ, мы остановимъ свое вниманіе на подвигахъ поста, молитвы и покаянія, главнымъ образомъ, въ отношеніи къ возбужденію, выясненію. развитію и осуществленію въ нашей душевной жизни потребности спасенія, иначе сказать, постараемся опредѣлить взглядъ Епископа Игнатія на указанные подвиги, какъ на средства душевнаго спасенія.

Установленіе поста—Божіе установленіе. Первая заповѣдь, данная Богомъ человѣчеству,—заповѣдь о постѣ. Если она была необходимо нужною для насъ въ раю, до паденія нашего, тѣмъ нужнѣе она по паденіи. И заповѣдь эта повторена въ Евангеліи (Лк. XXI, 34) [2]). Постъ есть постоянная умѣренность въ пищѣ съ благоразумною разборчивостію въ ней [3]). Но—постъ не въ одномъ количественномъ воздержаніи отъ пищи, но и въ различеніи качества ея. Вновь созданному человѣку, введенному въ рай, дана единственная заповѣдь, заповѣдь о постѣ. Конечно дана одна заповѣдь потому, что она была достаточна для сохраненія первозданнаго человѣка въ его непорочности. Заповѣдь не говорила о количествѣ пищи, а воспрещала только качество. Да умолкнутъ же тѣ, которые признаютъ постъ только въ количествѣ пищи, а не въ качествѣ ея.

---

[1]) Тамъ же, стр. 358—359.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 86.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 133.

Углубясь въ опытное познаніе поста, они увидятъ значеніе качества пищи [1]). Разсуждая о сущности тѣлеснаго поста, Преосвященный Игнатій различаетъ въ немъ количественную и качественную сторону, признаетъ необходимость поста въ томъ и другомъ отношеніи. Количественно—желаніе пищи выправляется простою трапезою и воздержаніемъ отъ пресыщенія и наслажденія пищею. Сперва должно оставить пресыщеніе и наслажденіе: этимъ и изощряется желаніе пищи, и получаетъ правильность. Когда же желаніе сдѣлается правильнымъ, тогда оно удовлетворяется простою пищею. Напротивъ того, желаніе пищи, удовлетворяемое пресыщеніемъ и наслажденіемъ, притупляется. Для возбужденія его мы прибѣгаемъ къ разнообразнымъ вкуснымъ яствамъ и напиткамъ. Желаніе сперва представляется удовлетвореннымъ; потомъ дѣлается прихотливѣе, и, наконецъ, обращается въ болѣзненную страсть, ищущую непрестаннаго наслажденія и пресыщенія, постоянно пребывающую неудовлетворенною [2]). Но весьма важно качество пищи. Запрещенный райскій плодъ былъ прекраснымъ на видъ и вкуснымъ, но пагубно дѣйствовалъ на душу. И нынѣ пища продолжаетъ сильно дѣйствовать на душу, что особенно замѣтно при употребленіи вина. Такое дѣйствіе пищи основано на разнообразномъ дѣйствіи ея на плоть и кровь, и на томъ, что пары ея и газы отъ желудка подымаются въ мозгъ и имѣютъ вліяніе на умъ [3]). И Преосвященный Игнатій разсматриваетъ, съ точки зрѣнія назначенія поста, различные продукты питанія: охмеляющіе напитки, перецъ, имбирь и другія пряности, касается мясной, рыбной и растительной пищи, отдавая предпочтеніе, въ отношеніи развитія духовной жизни, растительному питанію организма. Растительная пища, говоритъ онъ, есть наилучшая. Она наименѣе горячитъ кровь, наименѣе утучняетъ плоть; пары и газы, отдѣляющіеся отъ нея и восходящіе въ мозгъ, наименѣе дѣйствуютъ на него; наконецъ, она—самая здоровая, какъ наименѣе производящая слизей въ желудкѣ. По этимъ причинамъ, при употребленіи ея, съ особеннымъ удобствомъ сохраняется чистота и бодрость ума, а съ ними и его власть надъ всѣмъ человѣкомъ; при употребленіи ея слабѣе дѣйствуютъ страсти, и человѣкъ болѣе способенъ заниматься подвигами благочестія [4]). Но особенное вниманіе обращаетъ на значеніе поста для духовной жизни человѣка, онъ цѣнитъ постъ, какъ основаніе добродѣтелей [5]), какъ средство освобожденія и усиленія духа. По его настой-

---

[1]) Тамъ, же.
[2]) Тамъ же, стр. 135—136.
[3]) Тамъ же, стр. 137.
[4]) Тамъ же, стр. 137—139; т. IV, стр. 89.
[5]) Тамъ же, т. I, стр. 133; т. IV, стр. 90, 106.

чивому и многократному утвержденію, только при помощи поста мы можемъ отторгнуться отъ земли, только при помощи поста мы можемъ противостать увлекательной силѣ земныхъ наслажденій, только при помощи поста мы можемъ разорвать союзъ съ грѣхомъ. Только при помощи поста духъ нашъ можетъ освободиться отъ тяжкихъ оковъ плоти. Только при помощи поста мысль наша можетъ возникнуть отъ земли и воззрѣть къ Богу. По мѣрѣ того, какъ мы возлагаемъ на себя благое иго поста, духъ нашъ пріобрѣтаетъ большую свободу: онъ устремляется въ область духовъ, ему родственную, начинаетъ часто обращаться къ созерцанію Бога. Благодатная легость и тонкость духа сообщается тѣлу: тѣло влечется къ ощущеніямъ духовнымъ [1]). Постъ благотворно вліяетъ на душу и на тѣло человѣка [2]). Одухотворяя человѣка, сообщаетъ духу человѣческому державныя права и самостоятельность. Въ этомъ то благотворномъ и укрѣпляющемъ дѣйствіи поста на духъ и заключается его значеніе. Законъ поста, будучи по наружности закономъ для чрева, въ сущности есть законъ для ума. Умъ, этотъ царь въ человѣкѣ, если желаетъ вступить въ права своего самодержавія и сохранить ихъ, долженъ прежде всего подчиниться закону поста. Только тогда онъ будетъ постоянно бодръ и свѣтелъ; только тогда онъ можетъ властвовать надъ пожеланіями сердца и тѣла; только при постоянной трезвенности онъ можетъ изучать заповѣди евангельскія и послѣдовать имъ. Основаніе добродѣтелей—постъ. Гордый человѣкъ, ты мечтаешь такъ много и такъ высоко о умѣ твоемъ, а онъ—въ совершенной и непрерывной зависимости отъ желудка [3]). Плотской человѣкъ всецѣло погруженъ въ грѣховныя наслажденія. Онъ сладострастенъ и по тѣлу, и по сердцу, и по уму, онъ неспособенъ не только къ духовному наслажденію и къ пріятію Божественной благодати, но и къ покаянію. Онъ неспособенъ вообще къ духовнымъ занятіямъ: онъ пригвожденъ къ землѣ, утонулъ въ вещественности, заживо—мертвъ душою. Напротивъ того постъ вводитъ христіанина въ состояніе духовное. Очищенный постомъ—смиренъ духомъ, цѣломудренъ, скроменъ, молчаливъ, тонокъ по чувствамъ сердечнымъ и мыслямъ, легокъ по тѣлу, способенъ къ духовнымъ подвигамъ и умозрѣніямъ, способенъ къ пріятію Божественной благодати [4]). Подвигъ поста относится по преимуществу къ подвигамъ тѣлеснымъ, но правильное и серьезное отношеніе къ нему естественно подготовляетъ и возводитъ

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 88.
[2]) Тамъ же, стр. 101—102.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 133.
[4]) Тамъ же, стр. 134; т. IV, стр. 39, 62, 96—97, 104, 108—109.

христіанина на путь подвиговъ духовныхъ и истинно-христіанскаго добродѣланія [1]).

Въ ряду подвиговъ духовныхъ особенное вниманіе Епископа Игнатія останавливаютъ на себѣ молитва и покаяніе.

Ученіе объ этихъ духовныхъ подвигахъ въ твореніяхъ Преосвященнаго Игнатія развито съ такою обстоятельностію и полнотою, что требуетъ и заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Въ примѣненіи къ своей задачѣ, мы полагаемъ остановить вниманіе читателя лишь на трехъ главныхъ вопросахъ, касающихся отмѣченныхъ подвиговъ: въ чемъ ихъ сущность, жизненное выраженіе и значеніе для нашей духовной жизни, какъ извѣстныхъ стадій послѣдней.

Подвигъ поста подготовляетъ и возводитъ христіанина къ подвигу молитвы. Будучи основаніемъ и огражденіемъ всякой добродѣтели, предшествуя всѣмъ добрымъ дѣламъ, постъ подготовляетъ духъ нашъ къ подвигу молитвы. Какъ послѣдуетъ здравію очей желаніе свѣта, такъ посту, совершаемому съ разсужденіемъ, послѣдуетъ желаніе молитвы. Когда кто начнетъ поститься, тогда отъ поста приходитъ въ желаніе бесѣды съ Богомъ въ умѣ своемъ [2]). Предлагая ученіе о качествѣ молитвы, свойственной начинающему идти къ Господу путемъ покаянія, Преосвященный Игнатій даетъ рядъ опредѣленныхъ указаній о сущности, основаніяхъ, условіяхъ и значеніи молитвеннаго подвига. Молитва есть возношеніе прошеній нашихъ къ Богу. Основаніе молитвы заключается въ томъ, что человѣкъ—существо падшее. Онъ стремится къ полученію того блаженства, которое имѣлъ, но потерялъ, и потому—молится. Пристанище молитвы—въ великомъ милосердіи Божіемъ къ роду человѣческому. Сынъ Божій для спасенія насъ принесъ Себя Отцу Своему въ умилостивительную, примирительную жертву: на этомъ основаніи, желая заняться молитвою, отвергни сомнѣніе и двоедушіе. Приготовленіемъ къ молитвѣ служатъ: непресыщенное чрево, отсѣченіе попеченій мечемъ вѣры, прощеніе отъ искренности сердца всѣхъ обидъ, благодареніе Богу за всѣ скорбные случаи жизни, удаленіе отъ себя разсѣянности и мечтательности, благоговѣйный страхъ, который такъ свойственно имѣть созданію, когда оно будетъ допущено къ бесѣдѣ съ Создателемъ своимъ по неизреченной благости Создателя къ созданію. Истинная молитва есть голосъ истиннаго покаянія. Господь, научая насъ молитвѣ, уподобляетъ молящуюся душу вдовицѣ, обижаемой соперникомъ, присѣдящей неотступно судіи безпристрастному и нелицепріятному (Мѳ. IV, 17). Не удаляйся расположеніемъ души при молитвѣ отъ этого подобія. Молитва твоя да

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 205—211, 356.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 205.

будетъ, такъ сказать, постоянною жалобою на насилующій тебя грѣхъ [1]). Достоинство молитвы состоитъ единственно въ качествѣ, а не въ количествѣ. Тогда похвально количество, когда оно приводитъ къ качеству. Качество всегда приводитъ къ количеству; количество приводитъ къ качеству, когда молящійся молится тщательно. Качество истинной молитвы состоитъ въ томъ, когда умъ во время молитвы находится во вниманіи, а сердце сочувствуетъ уму. Во время истинной молитвы достигается полное объединеніе и гармонія духа человѣческаго, умъ сосредоточивается и заключается въ словахъ молитвы и тѣмъ привлекаетъ сердце въ сочувствіе себѣ. Это сочувствіе сердца уму выражается умиленіемъ, которое есть благочестивое чувство, соединяющее въ себѣ печаль съ тихимъ, кроткимъ утѣшеніемъ [2]). Не нужно во время молитвы искать восторговъ; наоборотъ, по наставленію Епископа Игнатія, необходимо содержать сердце въ глубокомъ спокойствіи, въ которое оно приводится чувствомъ покаянія, а духовно-

---

[1]) Тамъ же, стр. 160—161. Не предполагая на этихъ страницахъ дать полное изложеніе ученія Игнатія Брянчанинова о подвигѣ молитвенномъ, мы, для удобства благочестиваго и любознательнаго читателя въ восполненіе неизбѣжно допускаемаго нами пробѣла, полагаемъ небезполезнымъ отмѣтить важнѣйшія мѣста твореній Епископа Игнатія, относящіяся къ вопросу о молитвѣ. Такое значеніе для уясненія ученія Епископа Игнатія о молитвѣ имѣютъ слѣдующія мѣста.

Въ первомъ томѣ:—статья о молитвѣ (стр. 140—167), въ которой излагается ученіе о сущности, значеніи молитвы, объ условіяхъ молитвеннаго подвига и возрастаніи духа человѣческаго въ ходѣ этого подвига. Ст. „Молитва преслѣдуемаго человѣками“ (стр. 185). Ст. „О молитвѣ Іисусовой“,—бесѣда старца съ ученикомъ (стр. 205—297), въ которой изложено полно и обстоятельно ученіе о названномъ молитвенномъ подвигѣ. Ст. „Чинъ вниманія себѣ для живущаго посреди міра“ (стр. 298—300). Ст. „Молящійся умъ взыскуетъ соединенія съ сердцемъ“ (стр. 301—302).

Во второмъ томѣ:—Ст. „О существенномъ дѣланіи монаха“ (стр. 148—159), ст. „Духъ молитвы новоначальнаго“ (стр. 160—169). Ст. „Слово о келейномъ молитвенномъ правилѣ“ (стр. 170—176), гдѣ излагается ученіе о домашней молитвѣ. Ст. „Слово о церковной молитвѣ“ (стр. 177—182), въ которой говорится о вещественномъ Божіемъ храмѣ, созданномъ руками человѣческими, о молитвословіяхъ, отправляемыхъ въ немъ, о обязанности христіанина тщательно посѣщать храмъ Божій, о пользѣ таковаго посѣщенія. Ст. „Слово о молитвѣ устной и гласной“ (стр. 183—188). О молитвѣ и моленіи (стр. 191), о дѣйствіи молитвы на душу (стр. 195). Ст. „Слово о молитвѣ умной, сердечной и душевной“ (стр. 202—232), въ которой уясняются указанные виды молитвы. Ст. „Слово о молитвѣ Іисусовой“ (стр. 233—313), служащая дополненіемъ соотвѣтственной статьи перваго тома.

Въ четвертомъ томѣ:—О молитвѣ и покаяніи (стр. 28—34), гдѣ говорится о свойствахъ молитвы и ея значеніи. Объ отношеніи поста и молитвы (стр. 102—109); объясненіе молитвы Господней (стр. 237—248); о молитвѣ (стр. 345—352).

Въ пятомъ томѣ:—имѣютъ ближайшее отношеніе къ вопросу о молитвѣ гл. XVII—XXVII (стр. 93—120): О молитвѣ, о приготовленіи къ молитвѣ, о келейномъ правилѣ, о поклонахъ, о молитвѣ Іисусовой, о постоянствѣ молитвеннаго подвига и проч.

[2]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 163.

благодатное утѣшеніе снисходитъ въ душу по мѣрѣ молитвеннаго подвига. Духовныя блага молитвы отнимаются разсѣянностію и мечтательностію. Разсѣянность окрадываетъ молитву. Помолившійся съ разсѣянностію ощущаетъ въ себѣ безотчетливую пустоту и сухость. Постоянно молящійся съ разсѣянностію лишается всѣхъ плодовъ духовныхъ, обыкновенно рождающихся отъ внимательной молитвы, усвоиваетъ себѣ состояніе сухости и пустоты. Изъ этого состоянія рождается хладность къ Богу, уныніе, омраченіе ума, ослабленіе вѣры, и отъ нихъ—мертвость въ отношеніи къ вѣчной, духовной жизни. Все же это, вмѣстѣ взятое, служитъ явнымъ признакомъ, что такая молитва не принимается Богомъ. Мечтательность въ молитвѣ еще вреднѣе разсѣянности. Разсѣянность дѣлаетъ молитву безплодною, а мечтательность служитъ причиною плодовъ ложныхъ:—самообольщенія и бѣсовской прелести [1]). Значеніе истинной молитвы заключается въ томъ, что она ставитъ человѣка на путь Богообщенія и добродѣтели. Внимательная молитва, чуждая разсѣянности и мечтательности, есть видѣніе невидимаго Бога, влекущаго къ себѣ зрѣніе ума и желанія сердца. Тогда умъ зритъ безвидно и вполнѣ удовлетворяется невидѣніемъ, превышимъ всякаго видѣнія. Причина этого блаженнаго невидѣнія есть безконечная тонкость и непостижимость предмета, къ которому направлено зрѣніе. Невидимое Солнце правды —Богъ испускаетъ и лучи невидимые, но познаваемые явственнымъ ощущеніемъ души: они исполняютъ сердце чуднымъ спокойствіемъ, вѣрою, мужествомъ, кротостію, милосердіемъ, любовію къ ближнимъ и Богу. По этимъ дѣйствіямъ, зримымъ во внутренней, сердечной клѣти, человѣкъ признаетъ несомнѣнно, что молитва его принята Богомъ, начинаетъ вѣровать живою вѣрою и твердо уповать на Любящаго и Любимаго. Вотъ начало оживленія души для Бога и блаженной вѣчности. Плодами истинной молитвы являются:—святой миръ души, соединенный съ тихою, молчаливою радостію, чуждою мечтательности, самомнѣнія и разгоряченныхъ порывовъ и движеній; любовь къ ближнимъ, неразличающая для любви добрыхъ и злыхъ, достойныхъ отъ недостойныхъ, но ходатайствующая о всѣхъ предъ Богомъ, какъ о себѣ, какъ о своихъ собственныхъ членахъ. Изъ такой любви къ ближнимъ возсіяваетъ чистѣйшая любовь къ Богу. Такая молитва есть высшее упражненіе для ума. Такая молитва есть мать всѣхъ истинныхъ, Божественныхъ добродѣтелей [2]). Уясняя значеніе истинной молитвы для возрастанія нашей духовной жизни, Преосвященный Игнатій подробно разсматриваетъ различные виды молитвы.

---

[1]) Тамъ же, стр. 164—165.

[2]) Тамъ же, стр. 166, 168; т. I, стр. 140, 141, 245, 298—302; т. IV, 335.

Многія изъ посвященныхъ молитвенному подвигу страницъ твореній Игнатіевыхъ особенно назидательны, трогательны и оставляютъ въ читателѣ глубокое впечатлѣніе, нерѣдко возбуждая въ немъ желаніе духовной жизни. Таковыми являются, напр., его наставленія о келейномъ молитвенномъ правилѣ, въ которомъ онъ говоритъ объ уединеніи и сосредоточенности молитвы домашней, объ опасности приносить Богу молитвы многоглагольныя и краснорѣчивыя, сочиненныя самимъ молящимся вмѣсто того, чтобы вложить умъ въ слова существующихъ Божественныхъ молитвъ; объ участіи тѣла въ молитвенномъ подвигѣ, о соблюденіи относительно времени и порядка молитвъ преподаннаго Святыми Отцами молитвеннаго правила; „возлюбленный братъ", молитъ Владыка Игнатій, „покори свою свободу правилу: оно, лишивъ тебя свободы пагубной, свяжетъ тебя только для того, чтобы доставить тебѣ свободу духовную, свободу о Христѣ" [1]). Особо трогательными являются наставленія Епископа Игнатія о церковной молитвѣ, въ которыхъ авторъ говоритъ о составѣ и строѣ церковныхъ молитвословій, о ихъ установленіи и, особенно, о значеніи для духовной жизни христіанина. „Въ этихъ молитвословіяхъ каждый христіанинъ можетъ принимать участіе, и неграмотный усвоиваетъ себѣ познанія, краснорѣчіе, поэзію духовныхъ, святыхъ витій и книжниковъ христіанства. При этихъ молитвословіяхъ желающій можетъ весьма удобно обучиться умственной молитвѣ: количество молитвы приводитъ къ качеству, сказали Отцы, и потому продолжительныя монастырскія молитвословія очень способствуютъ подвижнику перейти отъ устной молитвы къ умственной и сердечной. Церковныя молитвословія содержатъ въ себѣ пространное христіанское догматическое и нравственное богословіе: посѣщающій неопустительно Церковь и тщательно внимающій ея чтенію и пѣснопѣнію можетъ отчетливо изучиться всему нужному для православнаго христіанина на поприщѣ вѣры" [2]). Такое же значеніе имѣютъ наставленія Епископа Игнатія о молитвѣ устной и гласной и о переходѣ отъ нея къ молитвѣ умной въ безмолвіи внутренней клѣти. Въ основаніе молитвеннаго подвига должна быть положена внимательная устная и гласная молитва, за каковую Господь даруетъ въ свое время постоянному, терпѣливому, смиренному подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную [3]). Внимая въ себѣ высокому состоянію молитвы умной, сердечной и душевной, Владыка Игнатій предостерегаетъ христіанина отъ дерзостнаго и преждевременнаго стремленія къ этимъ

---

[1]) Эти назидательныя наставленія, заслуживающія особаго вниманія читателя, помѣщены въ т. II твореній Епископа Игнатія, стр. 170—176.

[2]) Тамъ же, стр. 177—182.

[3]) Тамъ же, стр. 188.

видамъ молитвеннаго подвига, признавая, что время, приличествующее для умной и сердечной молитвы, есть зрѣлый возрастъ, при которомъ естественно укрощаются въ человѣкѣ порывы и страсти, хотя не отвергается отъ этого подвига и юность, когда она имѣетъ качество зрѣлости, въ особенности, когда имѣетъ руководителя [1]). Внимательная молитва подобна благотворному дождю, орошающему засѣянное поле, она укрѣпляетъ душу нашу, врачуетъ скорби, утишаетъ душевныя бури, подготовляетъ душу нашу къ принятію откровенія и благодати Божіей [2]). Необходимо молиться о покаяніи, о нисхожденіи царствія Божія въ нашу душу, о сліяніи нашей воли съ волей Божіей, о хлѣбѣ жизни, о милости къ ближнимъ, объ избавленіи отъ плѣна діаволу [3]), но особенно о покаяніи и спасеніи. Истинная молитва всегда отражается въ сердцѣ блаженною печалію о грѣхахъ, которая и есть заповѣданное Богомъ покаяніе [4]). Такимъ образомъ, въ тѣсной, внутренней связи съ молитвою стоитъ подвигъ покаянія.

Многократно и многообразно говоритъ Святитель Игнатій о душеспасительномъ подвигѣ покаянія, справедливо полагая въ немъ существенное и необходимое условіе начала духовной жизни и совершенія душевнаго спасенія. Покаяніе мыслится имъ нерѣдко, какъ всеобъемлющее настроеніе христіанской души. Покаяніе нужно, чтобы увѣровать въ Господа нашего Іисуса Христа; чтобы пребывать въ этой спасительной вѣрѣ, нужно покаяніе; чтобы преуспѣть въ ней, нужно покаяніе; чтобы наслѣдовать царство небесное, нужно покаяніе [5]). Оно необходимо не только для того, чтобы увѣровать во Христа: оно необходимо для пребыванія въ вѣрѣ, оно необходимо для живой вѣры во Христа; это—необходимое условіе душевнаго спасенія [6]). Покаяніе заключается въ сознаніи своихъ согрѣшеній и своей грѣховности, въ сожалѣніи о нихъ, въ принесеніи этихъ сознанія и соболѣзнованія посредствомъ искренней исповѣди и усердной молитвы предъ Лице Божіе, съ рѣшительностію и обѣщаніемъ оставить грѣховную жизнь и принять въ правило поведенія евангельскія заповѣди. За такимъ покаяніемъ послѣдуетъ прощеніе грѣховъ, примиреніе съ Богомъ, усвоеніе Богу [7]). Трудно, крайне трудно начать покаянный подвигъ при нашей ду-

---

[1]) Тамъ же, стр. 216.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 33, 107—109, 186—187.

[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 238—249.

[4]) Тамъ же, стр. 33.

[5]) Тамъ же, стр. 8—9.

[6]) Тамъ же, стр. 10—12.

[7]) Тамъ же, стр. 13. Вопросъ о подвигѣ покаянія для разсмотрѣнія его во всей полнотѣ потребовалъ бы особой главы въ виду обилія относящагося къ этому вопросу, въ твореніяхъ Епископа Игнатія, матеріала. Касаясь этого вопроса лишь въ

ховной теплохладности, при нашемъ духовномъ равнодушіи. Останавливая вниманіе на нашемъ личномъ духовномъ опытѣ, мы должны сознаться, что критическая вдумчивость въ отношеніи нашихъ личныхъ настроеній, столь существенная въ покаянномъ подвигѣ, представляетъ въ нашемъ духовномъ опытѣ весьма рѣдкое явленіе. Мы съ большей охотой останавливаемъ свое вниманіе на явленіяхъ общественной или государственной жизни, критикуемъ дѣйствія нашихъ ближнихъ, подчасъ рѣдко осуждаемъ ихъ недостатки, волнуемся и возмущаемся по поводу того или иного хода внѣшней жизни, но мы, по большей части, почти совершенно спокойны въ отношеніи къ содержанію нашей духовной жизни, какъ будто въ ней все обстоитъ благополучно и никакихъ опасеній не вызываетъ. Мы дерзновенно приступаемъ къ Св. Тайнамъ исповѣди и причащенія, сознаемъ необходимость должнаго къ воспріятію благодати Божіей приготовленія, но какъ трудно намъ выполнить это послѣднее: до такой степени намъ все представляется въ нашей духовной жизни благополучнымъ, одежда нашей души представляется приличною и чуждою замѣтныхъ грѣховныхъ пятенъ, и у насъ подчасъ совершенно не оказывается воли къ пересмотру нашей духовной жизни при свѣтѣ Евангелія и совѣсти. Но, разъ вступивъ на путь покаяннаго подвига, мы получаемъ возможность безпрерывнаго его развитія, ибо, по ученію Епископа Игнатія, подвигъ этотъ совпадаетъ съ общимъ ходомъ нравственнаго совершенствованія. И начало покаяннаго подвига, и его безпрерывность находятся подъ воздѣйствіемъ благодатнаго призыва Божія, къ которому, однако, иногда глухо и равнодушно наше сердце. Собственный свѣтъ падшаго естества, какъ поврежденный грѣхомъ, слабо озаряетъ дѣятельность человѣка; при этомъ свѣтѣ мы усматриваемъ немного нашихъ погрѣшностей, видимъ однѣ, самыя грубыя и осязательныя.

связи съ другими условіями и основными элементами душеспасительнаго настроенія, мы не имѣемъ задачи полнаго изложенія ученія Епископа Игнатія о подвигѣ покаянія. Въ приложеніи къ этому вопросу вниманія любознательнаго, благочестиваго читателя заслуживаютъ слѣдующія мѣста твореній Епископа Игнатія Брянчанинова.— Въ первомъ томѣ: ст. „О покаяніи“ (стр. 97—103); „О плачѣ“ и „О слезахъ“ (стр. 191—204); „Плачъ мой“ (стр. 552—570). Во второмъ томѣ:—„Совѣщаніе души съ умомъ“ (стр. 109—117); „Зрѣніе грѣха своего“ (стр. 118—127). Въ четвертомъ томѣ: „Поученіе на Богоявленіе“ (стр. 6—8) Два поученія въ недѣлю по Богоявленіи—о покаяніи (стр. 8—19). „Характеръ мытаря и фарисея“ (стр. 20—28). „О молитвѣ и покаяніи“ (стр. 28—34). „Поученіе въ недѣлю блуднаго сына. О покаяніи“ (стр. 34—38). „Бесѣда въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста. Приготовленіе къ таинству исповѣди“ (стр. 45—68). Въ пятомъ томѣ—гл. I: „О покаяніи и плачѣ“ (стр. 366—382) и „Плачъ инока о братѣ его, впадшемъ въ искушеніе грѣховное“ (стр. 387—464). Вопросъ о покаяніи и возрожденіи выясняется, какъ вопросъ первостепенной важности, при изученіи III т. сочиненій Епископа Игнатія, а въ т. VI мы встрѣчаемъ въ изобиліи наставленія, касающіяся покаяннаго подвига.

Когда же дѣятельность наша озарится свѣтомъ Христовыхъ заповѣдей, тогда самовоззрѣніе наше измѣняется; мы начинаемъ усматривать въ себѣ множество недостатковъ, которыхъ прежде вовсе не примѣчали. Въ поразительномъ разнообразіи является тогда предъ мысленными очами наше поврежденіе грѣхомъ. Открывается намъ и та грѣховность, которая составляетъ общее печальное достояніе наше съ прочими людьми, и та частная грѣховность, которая усвояется въ собственность каждымъ человѣкомъ отъ его невнимательной, безразсудной жизни, предшествовавшей жизни, посвященной благочестію. Съ умноженіемъ побудительныхъ причинъ къ покаянію усиливается и усугубляется самое покаяніе. Оно очищаетъ око души. Очищенное око видитъ больше пятенъ на душевной ризѣ, нежели сколько ихъ видѣло, будучи засорено, изъязвлено грѣхомъ; естественно, что отъ такого зрѣнія усиливается и усугубляется покаяніе. Оно дѣйствуетъ въ преуспѣвшихъ подвижникахъ несравненно больше, нежели въ начинающихъ подвигъ. Нравственное христіанское преуспѣяніе есть преуспѣяніе въ покаяніи, потому что преуспѣяніе въ покаяніи является отъ особенно-тщательнаго исполненія евангельскихъ заповѣдей. Будучи осѣнено Божественною благодатію, покаяніе возводитъ своего дѣлателя къ вышеестественному жительству [1]). Покаяніе возможно только при дѣйствительномъ стремленіи нашемъ къ истинно-христіанской жизни. Какъ спасительный даръ Божій, покаяніе должно быть принято съ величайшимъ благоговѣніемъ и тщательностію. Покаяніе не можетъ быть совмѣщено съ произвольною грѣховною жизнію. Какъ христіанскій подвигъ, оно требуетъ непрерывности. Тѣ люди, которые, пребывая въ грѣховной жизни по сочувствію ей, по привязанности къ ней, въ извѣстныя времена прибѣгаютъ къ покаянію, чтобы, омывшись на минуту, снова погрузиться въ грѣховную скверну, только обманываютъ себя и утрачиваютъ свою грѣховную жизнь [2]). Наоборотъ, вступившіе по надлежащему на путь покаянія, испытываютъ потребность постоянства въ этомъ состояніи и сознаютъ, что вся наша жизнь должна состоять изъ непрестаннаго покаянія, если бы жизнь наша соотвѣтствовала имени нашему [3]).

Имѣющій столь важное значеніе въ ходѣ нашей нравственной жизни, подвигъ покаянія, а равно и всѣ другіе подвиги, пріобрѣтаютъ въ дѣлѣ нашего спасенія исключительный и должный для нихъ смыслъ, какъ условія, приготовляющія насъ къ принятію особой благодати Божіей въ Таинствахъ исповѣди и причащенія. Нравствен-

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 14—15, 24—25.
[2]) Тамъ же, стр. 18.
[3]) Тамъ же, стр. 45.

ное значеніе святыхъ Таинствъ въ нашемъ душеспасительномъ подвигѣ также почасту вызываетъ Епископа Игнатія на благоговѣйное размышленіе. Тайна св. покаянія изображается у него подъ выразительными образами—второго крещенія, духовной врачебницы [1]) духовнаго воскресенія [2]). Богъ даровалъ намъ Таинство исповѣди для поддержанія немощи нашей, для врачеванія язвъ грѣховныхъ, получаемыхъ нами послѣ крещенія, для поддержанія святыни, которою запечатлѣны мы святымъ крещеніемъ, въ цѣлости. Этимъ Таинствомъ возобновляется и возстановляется состояніе, доставляемое святымъ крещеніемъ. Къ Таинству исповѣди должно прибѣгать, по возможности, часто: душа того человѣка, который имѣетъ обычай часто исповѣдывать свои согрѣшенія, удерживается отъ согрѣшеній воспоминаніемъ о предстоящей исповѣди; напротивъ того, неисповѣдуемыя согрѣшенія удобно повторяются, какъ бы совершенныя въ потемкахъ или ночью [3]). Покаяніе обновляетъ нашу духовную природу, поврежденную грѣхомъ и возстановляетъ въ насъ чистоту духовнаго образа, полученную чрезъ крещеніе. Желающіе стяжать опытное познаніе святого крещенія, желающіе открыть сокровенное таинство и безцѣнный духовный даръ, вложенный неизреченною благостію Божіею въ душевную сокровищницу, желающіе узрѣть свое естество въ состояніи обновленія и пакибытія, желающіе ощутить и узрѣть въ себѣ Христа, могутъ достичь всего этого покаяніемъ. Крещеніемъ, единственно, по неизреченной благости Божіей, сообщается человѣку даръ Божій,—и при покаяніи христіанина, допустившаго себѣ по крещеніи дѣятельность и жизнь падшаго естества, оживившаго въ себѣ смерть, убившаго въ себѣ жизнь, возвращается даръ единственно благостію Божію. При крещеніи мы рождаемся водою и Духомъ; при покаяніи возрождаемся слезами и Духомъ [4]). Такъ существенно нужный для христіанина, все—жизненный покаянный подвигъ вспомоществуется и закрѣпляется Таинствомъ покаянія. Какъ бы отвѣчая не легкомысленное соображеніе, нерѣдко встрѣчающееся въ жизни, будто покаяніе разслабляюще дѣйствуетъ на человѣческую нравственность, давая возможность спокойной грѣховности въ легкомысленной надеждѣ на покаяніе: согрѣшимъ—и покаемся—Преосвященный Игнатій говоритъ, что кто въ надеждѣ на покаяніе позволяетъ себѣ согрѣшать произвольно и намѣренно, тотъ поступаетъ въ отношеніи къ Богу коварно. Грѣшащаго произвольно и намѣренно, въ надеждѣ на покаяніе, поражаетъ неожиданно для него смерть, и не

---

[1]) Тамъ же, стр. 65.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 118.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 338—339.
[4]) Тамъ же, стр. 395; т. V, стр. 366—381, 412.

дается ему времени, которое онъ предполагалъ посвятить добродѣтели [1]). Да кромѣ того, уже отмѣченныя выше черты подготовительнаго къ Таинству исповѣди покаяннаго подвига говорятъ о томъ, что необходимымъ условіемъ достойнаго принятія благодати Божіей является искреннее и глубокое раскаяніе, наряду съ рѣшимостію всемѣрно удаляться отъ грѣха и начать новую, добродѣтельную жизнь. Въ томъ и особенность православно-христіанскаго ученія о спасеніи, что душеспасительный подвигъ, невозможный безъ благодатнаго содѣйствія Божія, непремѣнно совершается и самимъ спасающимся, отъ свободнаго рѣшенія котораго зависитъ, быть ли достойнымъ даровъ благодати Божіей, или воспринять ее въ судъ и во осужденіе, не разсуждая о ея спасительности. Того же взгляда держится Святитель Игнатій и въ ученіи о Таинствѣ св. причащенія. Посредствомъ чуднаго таинства Евхаристіи, ядущій всесвятое тѣло Христово и піющій всесвятую кровь Христову, при посредствѣ такой полноты вкушенія, приходитъ въ совершенное соединеніе съ Богочеловѣкомъ: тѣло его дѣлается тѣломъ Богочеловѣка, кровь его содѣлывается кровію Богочеловѣка [2]). Духовно питающая, возрождающая и возвращающая благодать Св. Евхаристіи ощущается непосредственно сподобившимся неосужденно причаститься Св. Таинъ. „Ясно ощущается при причащеніи Св. Таинъ прикосновеніе души Христовой къ душѣ причащающагося,—соединеніе души Христовой съ душою причащающагося. Безъ словъ, безъ наставленія словами, начинаетъ душа ощущать въ себѣ чуждыя падшему естеству ея успокоеніе, кротость, смиреніе, любовь ко всѣмъ, холодность къ тлѣнному и преходящему, сочувствіе къ будущему вѣку“ [3]). Всякій пріобщившійся съ вниманіемъ и благоговѣніемъ, съ должнымъ приготовленіемъ, съ вѣрою, чувствуетъ въ себѣ измѣненіе, если не тотчасъ по причащеніи, то по прошествіи нѣкотораго времени. Чудный миръ нисходитъ на умъ и сердце; облекаются спокойствіемъ члены тѣла; печать благодати ложится на лицо; мысли и чувствованія связываются священными, духовными узами, воспрещающими безразсудную вольность и легкость, обуздывающими ихъ. При постоянно благочестивой и внимательной жизни дѣйствіе Св. Таинъ дѣлается яснѣе, ощущительнѣе, обильнѣе [4]). Тѣло и кровь Христовы оживотворяютъ христіанина, возбуждаютъ въ немъ новыя, доселѣ бывшія ему вовсе неизвѣстными духовныя высшія разумѣнія и ощущенія, открываютъ Божественныя таинства, исполняютъ дѣйствія Святаго Духа, доставляютъ смиреніе. Соединившись

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 102; т. V, стр. 439, 460—464.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 75, 116—117; т. II, стр. 338.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 121.
[4]) Тамъ же, стр. 123.

съ Господомъ, человѣкъ содѣлывается духовнымъ, заимствуя изъ Духа Господня духовныя свойства, причемъ отдѣляются и отпадаютъ отъ него, какъ струпъ отъ заживленной раны, свойства скотоподобныя, которыми заразило его паденіе [1]). Но это чудное возрожденіе человѣка, его духовное преображеніе, совершаемое благодатію Божіею, не происходитъ, однако, механически, но подготовляется и сопутствуется непрерывною дѣятельностію христіанина. Жительство по евангельскимъ заповѣдямъ, молитва въ сокрушеніи духа вводятъ въ соединеніе съ Господомъ: навершается это соединеніе Божественною благодатію и причащеніемъ всесвятыхъ Божественныхъ тѣла и крови Христовыхъ [2]). Но достойное причащеніе Святыхъ Таинъ возможно только при постоянно-благочестивой жизни, или послѣ рѣшительнаго раскаянія въ жизни грѣховной и рѣшительнаго оставленія ея, засвидѣтельствованнаго и запечатлѣннаго принесеніемъ покаянія по наставленію святой Церкви. И недостойное причащеніе Св. Таинъ, при произвольно и намѣренно грѣховной жизни, при впаденіи въ смертные грѣхи, при невѣріи и зловѣріи, является, по понятію Епископа Игнатія, безпримѣрнымъ преступленіемъ. Причащающіеся въ такомъ состояніи совершаютъ преступленіе, навлекающее казни уже не исправительныя, казни рѣшительныя, навлекающее вѣчную муку. Преступленіе это равно преступленію, которое совершили убійцы Богочеловѣка, осыпавшіе Его поруганіями, покрывавшіе заплеваніями Его лице, истерзавшіе тѣло Его жестокимъ біеніемъ, гвоздями, распятіемъ [3]). Воспріятіе благодати Божіей и спасительное Богообщеніе не усвояются и не переживаются механически, а требуютъ тщательнаго и самодѣятельнаго подвига приготовленія. И если человѣкъ погрязъ въ сквернѣ грѣховной, пусть онъ устранится страшнаго причащенія, чтобы не навершить и чтобы не запечатлѣть грѣховъ своихъ самымъ тяжкимъ грѣхомъ: наруганіемъ надъ святыми Тайнами Христовыми, наруганіемъ надъ Христомъ. Прежде дерзновеннаго вшествія на бракъ къ Сыну Божію, да позаботится о своей душевной ризѣ: она измывается, очищается отъ грѣховныхъ пятенъ, каковы бы эти пятна ни были, неизреченною милостію Господа при нашемъ покаяніи [4]). Такъ возрожденіе и обновленіе грѣшной души человѣческой таинственно, невидимо для тѣлеснаго и духовно-оземленившагося взора, совершается въ трогательномъ союзѣ свободной рѣшимости человѣка и благодатной помощи Божіей: свободно начатый для возрожденія души спасительный подвигъ поста, молитвы или покаянія привлекаетъ къ душѣ человѣка благодатную

---

[1]) Тамъ же, стр. 134.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 127—128.
[4]) Тамъ же, стр. 128—129.

силу Божію, которая, укрѣпляя слабыя человѣческія начинанія, углубляетъ и освящаетъ подвиги человѣческіе и создавая спасительное настроеніе, тѣмъ самымъ вводитъ человѣка въ возможность чистаго христіанскаго добродѣланія, ставитъ христіанина на путь добродѣтелей.

V. Предваряемые и сопутствуемые очищающими духовную ниву подвигами поста, молитвы и покаянія, укрѣпляемые и освящаемые благодатію Божіею, христіанскія добродѣтели являются естественнымъ жизненнымъ выраженіемъ нашего душеспасительнаго настроенія и направленія нашей жизни по путямъ вѣчности. Живя на землѣ, христіанинъ дѣйствуетъ для Бога и для неба, а не для людей, т. е. его дѣятельность чужда человѣкоугодія. Христіанинъ дѣйствуетъ и для человѣковъ, но не съ тѣмъ, чтобы исторгать у нихъ похвалу себѣ, а съ тѣмъ, чтобы приносить имъ истинную услугу и пользу, хотя въ обычныхъ условіяхъ мірской жизни люди часто растерзываютъ своихъ благодѣтелей, какъ глупые и свирѣпые звѣри, часто растерзываютъ тѣхъ, которые за ними ухаживаютъ и ихъ кормятъ. Кромѣ того, постоянное стремленіе къ исполненію воли Божіей является и наилучшимъ средствомъ для воздѣлыванія нашей духовной нивы: оно мало по малу истребляетъ въ насъ удовлетвореніе собою и облекаетъ въ блаженную нищету духа [1]), т. е. тѣмъ самымъ ставитъ насъ на первую, основную ступень духовно-христіанскаго совершенства. Христіанскія добродѣтели естественно слѣдуютъ изъ христіанскихъ подвиговъ—поста, молитвы и покаянія, въ нихъ христіанинъ является не слышателемъ лишь закона Божія, но и творцомъ или исполнителемъ его, а самыя добродѣтели являются плодомъ достойнымъ покаянія, а потому—и путями нашими къ Господу и путями Господа и стезями Его въ души человѣческія, ибо христіанскія добродѣтели служатъ выраженіемъ соотвѣтственнаго имъ образа мыслей и сердечныхъ чувствованій. Путь добродѣтелей, какъ и весь вообще путь спасенія, необычайно сложенъ и труденъ. Въ составъ этого пути входитъ непрерывная борьба съ грѣхомъ—въ настроеніи и дѣлахъ, непрерывная замѣна грѣха,—въ настроеніи и дѣлахъ, соотвѣтственно—противоположными добродѣтелями, непрерывное прохожденіе пути добродѣтели въ духовной и внѣшней жизни. Чтобы вполнѣ стяжать христіанское спасительное настроеніе, надо, по наставленію Епископа Игнатія, наполнить и сгладить всѣ духовныя дебри, т. е. по всѣмъ низменнымъ, непроходимымъ мѣстамъ надо сдѣлать насыпи для удобнаго шествія Господу: надо оставить пьянство, объяденіе, любодѣяніе, плотскія наслажденія, такъ называемыя невинныя игры и увеселенія—

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 27—28.

словомъ, все, составляющее собою плотскую и грѣховную жизнь, низводящее человѣка къ достоинству несмысленныхъ скотовъ и звѣрей. Надо замѣнить ихъ противоположными добродѣтелями: воздержаніемъ, трезвеніемъ и цѣломудріемъ. Грѣховная и плотская жизнь заграждаетъ Господу путь въ человѣческое сердце. Далѣе, нужно смирить и изгладить изъ души самомнѣніе и гордость во всѣхъ ихъ видахъ, и въ мнимо-значительныхъ и въ самыхъ мелочныхъ. Наконецъ, надо отвергнуть всѣ неправильныя и своевольныя понятія о вѣрѣ, вполнѣ подчинившись ученію Божію, хранимому въ непорочности единою, православною Восточною Церковію. Тогда всѣ кривизны выпрямятся, всѣ неровности сгладятся: путь для Господа сдѣлается совершенно свободнымъ; всякій человѣкъ удобно получитъ спасеніе. Спасеніе входитъ въ душу вмѣстѣ съ вошедшимъ въ нее Господомъ [1]). Отсюда совершенно ясно, что путь христіанскаго добродѣланія совсѣмъ несвободенъ отъ внѣшней и, особенно, внутренней борьбы съ грѣхомъ или страстію. Весьма ошибочно поступаютъ тѣ, которые, находясь подъ властію страстей, требуютъ отъ себя безстрастія. При такомъ неправильномъ требованіи отъ себя, происходящемъ отъ неправильнаго понятія о себѣ, они приходятъ въ необыкновенное смущеніе, когда проявится какимъ либо образомъ живущій въ нихъ грѣхъ. Они приходятъ въ уныніе, въ безнадежіе. Имъ представляется, по неправильному взгляду ихъ на себя, проявленіе грѣха чѣмъ то необычнымъ, чѣмъ то совершающимся внѣ порядка. Между тѣмъ проявленіе грѣха въ помыслахъ, чувствованіяхъ, словахъ и дѣлахъ (здѣсь говорится не о смертныхъ грѣхахъ и не о грѣхахъ произвольныхъ, но объ увлеченіяхъ), есть проявленіе логичное, естественное, необходимое [2]). По той же причинѣ грѣховныхъ проявленій въ нашей душѣ въ связи съ добродѣланіемъ, человѣческая добродѣтель, по нравственно-христіанскому пониманію Епископа Игнатія, должна быть полна смиренія и неключимости, сознанія нищеты духовной, а не восторговъ и экстаза. При всѣхъ добродѣтеляхъ нужно терпѣніе. Ни одна добродѣтель не можетъ состояться безъ терпѣнія; добродѣтель, чтобы пребыть добродѣтелію, нуждается въ терпѣніи. Кто же поколеблется въ добродѣтели, не претерпитъ въ ней до конца, тотъ теряетъ свою добродѣтель. „Не люблю я“, пишетъ Епископъ Игнатій одному благочестивому человѣку, „не люблю я, чтобы странники земные были безумно веселы: это нейдетъ странникамъ, изгнанникамъ, которыхъ ждетъ смерть, судъ, двоякая вѣчность, блаженная или горестная. Люблю, чтобы они были спокойны: спокойствіе—признакъ, что странникъ съ благосло-

---

[1]) Тамъ же, стр. 390—391.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 371.

венною надеждою въ сердцѣ“ [1]). А это благодѣтельное спокойствіе человѣка порождается вѣрою въ Бога, упованіемъ на Него и представляемою имъ возможностію спасенія только по милости Божіей. Потому то, Епископъ Игнатій, подобно другимъ аскетическимъ писателямъ, какъ увидимъ ниже, считаетъ смиреніе важною добродѣтелію, основою добродѣтелей. Насколько горестно и пагубно для человѣка самомнѣніе и самообольщеніе, настолько, напротивъ, спасительно противоположное самомнѣнію смиреніе. Чрезъ смиреніе добродѣтель какъ бы входитъ въ жизнь нашу. Смиреніе есть благое и блаженное состояніе духа, есть, по преимуществу, добродѣтель ума. По этой причинѣ она весьма часто именуется смиренномудріемъ. Что такое смиренномудріе? Смиренномудріе есть правильное понятіе человѣка о человѣчествѣ, слѣдовательно оно есть правильное понятіе человѣка о самомъ себѣ. Прямое дѣйствіе смиренія, или смиренномудрія, заключается въ томъ, что правильное понятіе человѣка о человѣчествѣ и о самомъ себѣ примиряетъ человѣка съ собою, съ человѣческимъ обществомъ, съ его страстями, недостатками, злоупотребленіями, съ обстоятельствами частными и общественными,—примиряетъ съ землею и небомъ. Добродѣтель смиренія получила свое наименованіе отъ рождаемаго ею внутренняго сердечнаго мира. Когда имѣемъ въ виду одно успокоительное, радостное, блаженное состояніе, производимое въ насъ добродѣтелію, то называемъ ее смиреніемъ. Когда же намѣреваемся вмѣстѣ съ состояніемъ указать и на источникъ состоянія, тогда именуемъ ее смиренномудріемъ. Святое смиреніе въ понятіяхъ Епископа Игнатія отождествляется съ духовною свободою [2]). Смиреніе является необходимымъ условіемъ и основою добродѣтелей христіанина и сообщаетъ имъ истинно-христіанскій характеръ. Смиренномудрому на пути жизни сопутствуетъ воспоминаніе о смерти, наставляетъ его дѣйствовать на землѣ для вѣчности, и самыя дѣйствія его воодушевляетъ особою благотворностію. Смиренномудрый дѣйствуетъ для добродѣтели, а не по побужденію страстей и не для удовлетворенія страстямъ. Смиренномудрый видитъ себя ничтожною пылинкою среди громаднаго мірозданія, среди временъ, поколѣній и событій человѣческихъ, протекшихъ и грядущихъ. Умъ и сердце смиренномудраго способны принять Божественное христіанское ученіе и непрестанно преуспѣвать въ христіанскихъ добродѣтеляхъ; умъ и сердце смиренномудраго видятъ и ощущаютъ паденіе природы человѣческой, и потому способны признать и принять Искупителя [3]). Изъ указанныхъ и многихъ другихъ, имѣющихъ мѣсто въ твореніяхъ

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 434—435.
[2]) Тамъ же, стр. 170—171.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 172.

Епископа Игнатія сужденій, мы приходимъ къ выводу, что смиреніе и смиренномудріе составляютъ основную, существенную черту христіанской добродѣтели, душу, такъ сказать, христіанскаго душеспасительнаго настроенія, первую ступень добродѣтельнаго пути. Этою именно чертою, полагаемъ мы, возможно вполнѣ ясно и опредѣленно различить православно-христіанскую добродѣтель отъ мірского и внѣхристіанскаго добродѣланія, на возможность котораго такъ охотно ссылаются противники православно-христіанскаго подвига, утверждая, что для добрыхъ дѣлъ совершенно нѣтъ надобности быть христіаниномъ и, особенно,—православнымъ христіаниномъ. Имѣя предъ собою великій облакъ свидѣтелей Истины и, въ томъ числѣ, Святителя Игнатія, мы совершенно опредѣленно видимъ, что дѣла добродѣтельныя сыновъ вѣка сего, имѣя образъ благочестія и христіанской добродѣтели, совершенно отверглись силы его и, съ точки зрѣнія христіанской, являются даже дѣлами злыми, какъ проистекающія изъ гордыни и самомнѣнія, прямо противоположныхъ должному настроенію христіанина. Взоры христіанина устремлены къ небу и созерцанію грѣха своего, взоры и настроенія добродѣлателя внѣхристіанскаго питаются самостью и гордыней. Смиренномудріе не видитъ достоинствъ въ падшей природѣ человѣческой: оно созерцаетъ человѣчество, какъ превосходное созданіе Божіе, но вмѣстѣ созерцаетъ и грѣхъ, проникшій во все существо человѣка, отравившій это существо; смиренномудріе, признавая великолѣпіе созданія Божія, признаетъ вмѣстѣ и безобразіе созданія, искаженнаго грѣхомъ; оно постоянно сѣтуетъ объ этомъ бѣдствіи. Оно смотритъ на землю, какъ на страну своего изгнанія, стремится покаяніемъ возвратить себѣ небо, утраченное самомнѣніемъ. Но гордость и самомнѣніе, исходатайствовавъ паденіе и погибель человѣчеству, не видятъ и не сознаютъ паденія въ природѣ человѣческой: они видятъ въ ней одни достоинства, одни совершенства и изящества, самые недуги душевные, самыя страсти почитаютъ доблестями. Такой взглядъ на человѣчество дѣлаетъ мысль объ Искупителѣ совершенно излишнею и чуждою. Видѣніе гордыхъ есть ужасная слѣпота, а невидѣніе смиренныхъ есть способность къ видѣнію Истины [1]). Привнесеніе элемента смиренія въ человѣческія добродѣтели достигается сопоставленіемъ послѣднихъ съ абсолютнымъ совершенствомъ Божества. Ярко свѣтятся на чистомъ небѣ ночною порою безчисленныя звѣзды, препираясь одна съ другою обиліемъ свѣта; но при появленіи солнца звѣзды исчезаютъ,—исчезаютъ, какъ бы дѣлаясь вовсе несуществующими, хотя въ сущности всѣ онѣ остаются на своихъ мѣстахъ. Такъ

[1]) Тамъ же, стр. 172.

и добродѣтели человѣческія, когда сличаются однѣ съ другими, имѣютъ свой свѣтъ: при появленіи же добра Божественнаго онѣ исчезаютъ предъ свѣтомъ Божества [1]). Такимъ образомъ, первою, основною христіанскою добродѣтелію и существеннымъ элементомъ всѣхъ другихъ христіанскихъ добродѣтелей является смиреніе. Но если вѣрующая мысль православнаго христіанина, въ послушаніи голосу исповѣдниковъ названной добродѣтели, принимаетъ, хотя и не съ полною для себя достовѣрностію, смиреніе, какъ особо нужное для спасенія состояніе, то мірское настроеніе самости, гордости и тщеславія не мирится съ этою добродѣтелію, признавая, какъ мы слышимъ нерѣдко, неестественность, труднодостижимость, безполезность и даже вредъ смиренія. Для мірского грѣховнаго настроенія представляется совершенно неестественнымъ смиреніе, закрывающее глаза на очевидныя преимущества добродѣланія, на ясныя для другихъ достоинства человѣка. Смиреніе представляется мірскому человѣку состояніемъ труднодостижимымъ, какъ связанное съ отказомъ отъ самолюбія, которое представляется мірскому взору не только естественнымъ настроеніемъ, достоинствомъ нашимъ, но и положительнымъ факторомъ нашей жизни. Смиреніе представляется мірскому человѣку состояніемъ и явленіемъ даже вреднымъ, потому, что при наличности этого настроенія въ насъ, наша жизненная уступчивость не знаетъ предѣловъ, и, благодаря этому, вредные жизненные элементы и факторы берутъ верхъ, оставляя добродѣтель въ загонѣ и угнетеніи. Опытное познаніе пути и условій христіанскаго добродѣланія даетъ Владыкѣ Игнатію Брянчанинову достаточныя основанія для вполнѣ опредѣленнаго и убѣдительнаго отвѣта на всѣ указанныя и другія возможныя недоумѣнія по вопросу о духѣ и существѣ православно-христіанской добродѣтели — смиренія. Въ спеціальной статьѣ по вопросу о смиреніи [2]), на вопросъ ученика: „Что есть смиреніе“, старецъ,—выразитель мыслей Святителя Игнатія, опредѣляетъ: „смиреніе есть евангельская добродѣтель, совокупляющая силы человѣка воедино миромъ Христовымъ, превышая человѣческаго постиженія“. Хотя она превыше постиженія, но о существованіи ея мы узнаемъ, при посредствѣ вѣры, изъ Евангелія, а самую добродѣтель узнаемъ опытно по мѣрѣ пріобрѣтенія ея. Но и по пріобрѣтеніи ея она остается непостижимою, какъ Божественная, какъ свойство и дѣйствіе Христово: „научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Мѳ. XI, 29). Достигается смиреніе исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей, преимущественно же молитвою [3]). Путь пріобрѣтенія

[1]) Тамъ же, стр. 173.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 306—319.
[3]) Тамъ же, стр. 306.

добродѣтели смиренія и ея естественность и дѣйствіе въ душѣ и жизни ревнующаго о спасеніи христіанина представляются въ слѣдующемъ видѣ. Желающій пріобрѣсти смиреніе долженъ съ тщательностію изучать Евангеліе, съ такою же тщательностію исполнять всѣ заповѣданія Господа нашего Іисуса Христа. Дѣлатель евангельскихъ заповѣдей можетъ придти въ познаніе своей собственной грѣховности и грѣховности всего человѣчества, наконецъ—въ сознаніе и убѣжденіе, что онъ—грѣшнѣйшій и худшій всѣхъ человѣковъ [1]). Съ обычно-житейской, мірской точки зрѣнія, представляется несообразнымъ, что тотъ, кто со всею тщательностію исполняетъ евангельскія заповѣди, приходитъ къ сознанію, что онъ—величайшій грѣшникъ. Кажется,—послѣдствіемъ должно бы быть противное. Кто совершаетъ постоянно добродѣтели, и совершаетъ съ особеннымъ усердіемъ, тотъ не можетъ не видѣть себя добродѣтельнымъ. На это обычное и естественное соображеніе мірского настроенія Владыка Игнатій отвѣчаетъ, что такое сознаніе себя добродѣтельнымъ относится къ дѣлающимъ мнимое добро изъ себя, изъ своего падшаго естества. Дѣлающій такое добро по своему разумѣнію, по влеченію и указаніямъ нашего сердца, не можетъ не видѣть этого добра, не можетъ не удовлетворяться, не восхищаться имъ; самъ совершитель добрыхъ дѣлъ, не стяжавшій смиренія, тщеславится ими, услаждается похвалами человѣческими, ищетъ, требуетъ ихъ; прогнѣвляется и враждуетъ на отказывающихъ въ похвалѣ. Онъ исчисляетъ свои добрыя дѣла: по множеству ихъ составляетъ мнѣніе о себѣ, и, по мнѣнію о себѣ, мнѣніе о ближнихъ. Такого рода дѣятельность приводитъ къ мнѣнію о своей праведности, образуетъ праведниковъ, отвергаемыхъ Господомъ и отвергающихъ Господа, или только поверхностно и хладно исповѣдающихъ Его мертвымъ исповѣданіемъ (Мѳ. IX, 13). Противоположный характеръ имѣютъ добродѣтели христіанскія и противоположныя послѣдствія являются отъ исполненія евангельскихъ заповѣдей. Подвижникъ только что начнетъ исполнять ихъ, какъ и увидитъ, что онъ исполняетъ ихъ весьма недостаточно, нечисто, что онъ ежечасно увлекается страстями своими, т. е. поврежденною волею, къ дѣятельности, воспрещаемой заповѣдями. Затѣмъ онъ съ ясностію усмотритъ, что падшее естество враждебно Евангелію. Усиленная дѣятельность по Евангелію яснѣе и яснѣе открываетъ ему недостаточность его добрыхъ дѣлъ, множество его уклоненій и побѣжденій, несчастное состояніе падшаго естества, отчуждившагося отъ Бога, стяжавшаго въ отношеніи къ Богу враждебное настроеніе. Озираясь на протекшую жизнь свою, онъ видитъ, что она—непрерывная цѣпь согрѣшеній, паденій, дѣйствій, прогнѣвляющихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 307.

Бога, и отъ искренности сердца признаетъ себя величайшимъ грѣшникомъ, достойнымъ временныхъ и вѣчныхъ казней, вполнѣ нуждающимся въ Искупителѣ, имѣющимъ въ Немъ единственную надежду спасенія. Образуется у него незамѣтнымъ образомъ такое мнѣніе о себѣ отъ дѣланія заповѣдей. Съ достовѣрностію можно утверждать, заключаетъ Епископъ Игнатій, что руководствующійся въ жительствѣ Евангеліемъ не остановится принести полное удостовѣреніе въ томъ, что онъ не знаетъ за собою ни одного добраго дѣла. И нельзя думать, что такое воззрѣніе на себя приведетъ къ унынію или отчаянію; напротивъ,—оно приведетъ къ христіанству. Для такихъ то грѣшниковъ и снизошелъ Господь на землю, какъ Онъ Самъ объявилъ: „Не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе“ (Мѳ. IX, 13). Такіе то грѣшники могутъ отъ всей души принять и исповѣдать Искупителя [1]). Такимъ образомъ серьезное и глубокое вниманіе къ себѣ съ точки зрѣнія евангельскихъ заповѣдей открываетъ въ душѣ нашей элементы грѣховной самости и духовной нечистоты, наличность которыхъ, по сознанію подвижника, въ обычно-жительскихъ проявленіяхъ добродѣланія исключаетъ возможность самоуслажденія и приводитъ къ смиренію. Далѣе, въ обычныхъ житейскихъ проявленіяхъ нашей самооцѣнки достиженіе нами добродѣтели смиренія затрудняется весьма естественнымъ и искусительнымъ видѣніемъ нами грѣховъ нашихъ ближнихъ, особенною зоркостью нашею въ этомъ отношеніи, при затуманенности и духовной нашей близорукости въ отношеніи къ самимъ себѣ, при которыхъ, видя сучецъ въ глазѣ брата своего, мы не чувствуемъ бревна въ собственномъ глазѣ. Въ критическомъ отношеніи къ дѣятельности нашего ближняго ослабляется наше вниманіе къ себѣ самимъ, а замѣчаемые нами наши личные проступки умаляются въ сравненіи съ очевидными для насъ грѣхами ближнихъ: малоспособные зрѣти своя согрѣшенія, мы оказываемся сильными и неутомимыми ко еже осуждати брата своего. И такая дѣятельность наша кажется въ обычныхъ условіяхъ жизни вполнѣ естественною, а зрѣніе грѣха нашего при неосужденіи виновнаго нашего ближняго кажется труднымъ и почти неестественнымъ. Какъ же достичь смиренія въ этомъ случаѣ и сохранить чистоту добродѣтели? Положимъ, что дѣятельность по евангельскимъ заповѣдямъ приводитъ къ познанію и сознанію своей грѣховности; но какъ же достичь того, чтобы признать себя болѣе грѣшнымъ, нежели всѣ человѣки, между которыми имѣются ужасные преступники, злодѣи? Это, отвѣчаетъ Епископъ Игнатій, опять естественное послѣдствіе подвига. Если предъ взорами нашими находятся два

---

[1]) Тамъ же, стр. 308—309.

предмета, и одинъ изъ нихъ мы разсматриваемъ со всевозможнымъ вниманіемъ и непрестанно, а на другой не обращаемъ никакого вниманія, то о первомъ получаемъ ясное, подробное, опредѣленное понятіе, а по отношенію къ второму остаемся при понятіи самомъ поверхностномъ. У дѣлателя евангельскихъ заповѣдей взоры ума постоянно устремлены на свою грѣховность; съ исповѣданіемъ ея Богу и плачемъ, онъ заботится объ открытіи въ себѣ новыхъ язвъ и пятенъ. Открывая ихъ при помощи Божіей, онъ стремится еще къ новымъ открытіямъ, влекомый желаніемъ Богопріятной чистоты. На согрѣшенія ближнихъ онъ не смотритъ. Если по какому либо случаю придется ему взглянуть на согрѣшеніе ближняго, то взглядъ его бываетъ самымъ поверхностнымъ и мимоходнымъ, какъ обыкновенно у людей, занятыхъ чѣмъ либо особеннымъ. Изъ самаго порядка его жизни вытекаетъ естественно и логически признаніе себя грѣшникомъ изъ грѣшниковъ [1]). Такимъ образомъ добродѣтель смиренія пріобрѣтается для насъ усиленіемъ нашего вниманія къ себѣ съ точки зрѣнія евангельскихъ заповѣдей предпочтительно предъ изученіемъ жизни и настроеній нашего ближняго. Образъ мыслей нашихъ, заимствованный всецѣло изъ Евангелія, изъ Христа, называется смиренномудріемъ. Отъ смиренномудрія возникаетъ смиреніе. Смиреніе есть сердечное чувство, есть залогъ сердечный, соотвѣтствующій смиренномудрію. Этимъ обусловливается и постепенность ихъ пріобрѣтенія. Сначала должно пріобучаться къ смиренномудрію; по мѣрѣ упражненія въ смиренномудріи, душа пріобрѣтаетъ смиреніе, потому что состояніе сердца всегда зависитъ отъ мыслей, усвоившихся уму. Когда же дѣланіе человѣка осѣнится Божественною благодатію, тогда смиренномудріе и смиреніе въ изобиліи начнутъ рождать и усиливать другъ друга при помощи молитвы [2]). Въ объемѣ понятія о смиреніи, какъ добродѣтели, Епископомъ Игнатіемъ мыслятся между прочимъ: страхъ Божій, глубокое познаніе своего ничтожества; измѣненіе взора на ближнихъ, причемъ они, безъ всякаго принужденія, кажутся такъ смирившемуся превосходнѣе его по всѣмъ отношеніямъ; ненависть къ похвалѣ человѣческой; постоянное обвиненіе и укореніе себя, правота и прямота, безпристрастіе, познаніе таинства сокровеннаго въ крестѣ Христовомъ; желаніе распять себя міру и страстямъ, стремленіе къ этому распятію. Отверженіе и забвеніе льстивыхъ обычаевъ и словъ, скромныхъ по принужденію, или умыслу или навыку притворяться. Отверженіе мудрости земной, какъ непотребной для неба. Презрѣніе всего, что въ человѣкахъ высоко и мерзость предъ Богомъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 309—310.

[2]) Тамъ же, стр. 316; по вопросу о смиреніи см. въ томъ же томѣ, стр. 535—544; т. II, стр. 227; Богосл. вѣстн. за іюнь 1913 г., стр. 219—221.

Оставленіе словоопрaвданія; молчаніе предъ обижающими. Отложеніе всѣхъ собственныхъ умствованій и отверженіе разума евангельскаго. Смиренномудріе, или духовное разсужденіе. Сознательное во всемъ послушаніе Церкви [1]). Изъ сказаннаго видно, что духовное разсужденіе отождествляется съ смиренномудріемъ. Послѣдній выводъ представляется, съ нашей точки зрѣнія, особо примѣчательнымъ въ виду того, что въ другихъ мѣстахъ твореній Епископа Игнатія во главѣ всѣхъ добродѣтелей поставляется духовное разсужденіе, что, при отождествленіи послѣдняго съ смиренномудріемъ, весьма опрощаетъ пониманіе сущности добродѣтели. Какъ увидимъ, духовное разсужденіе характеризуется совершенно однородно съ смиренномудріемъ, какъ въ отношеніи къ содержанію нашей личной жизни, такъ и въ отношеніи къ нравственной оцѣнкѣ нашихъ ближнихъ. Богоугодный судъ долженъ предварять не только всѣ дѣйствія наши относительно ближняго, чтобы избѣжать осужденія и обвиненія людей невинныхъ и праведныхъ, или принятія жестокихъ мѣръ противъ согрѣшеній, которыя совсѣмъ не вызываютъ такихъ мѣръ: онъ долженъ предварять вообще всѣ наши дѣйствія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія. Этотъ судъ Святые Отцы называютъ духовнымъ разсужденіемъ, тою главною добродѣтелію, отъ которой зависитъ правильность, а слѣдовательно и все достоинство всѣхъ прочихъ добродѣтелей. Добродѣтель можетъ быть неправильною, и зло можетъ облекаться личиною добродѣтели. Естественное добро наше смѣшано со зломъ и повреждено имъ; по причинѣ поврежденія нашего мы никакъ не можемъ довѣрять являющимся въ насъ ни благимъ, повидимому, мыслямъ, ни благимъ, повидимому, сердечнымъ влеченіямъ. И ограниченность наша, и состояніе паденія требуютъ, чтобы дѣйствія наши непремѣнно были предваряемы разсмотрѣніемъ [2]). Разсужденіе, разсматривая всѣ помышленія и дѣла человѣка, устраняетъ всякую мысль и намѣренія лукавыя, неугодныя Богу, и удаляетъ отъ насъ прелесть. Въ разсужденіи соединены премудрость, разумъ, духовное чувство, различающее добро отъ зла (Евр. V, 14), безъ которыхъ ниже зиждется нашъ внутренній домъ, ниже можетъ быть собрано духовное богатство (Притч. XXIV, 3—4). Безъ дара разсужденія не можетъ ни одна добродѣтель ни состояться, ни пребыть твердою до конца. Всѣхъ добродѣтелей мать и хранительница—разсужденіе [3]). Духовное разсужденіе есть дверь въ чертогъ добродѣтелей и въ сокровищницу духовныхъ благъ [4]). Въ другомъ мѣстѣ, отождествляя духовный разумъ съ

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 174—175.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 203.
[3]) Тамъ же, стр. 204.
[4]) Тамъ же, стр. 205.

смиренномудріемъ, Епископъ Игнатій видитъ въ немъ единственное средство къ уразумѣнію добродѣтельнаго пути, къ борьбѣ съ грѣхомъ, къ видѣнію и пониманію христіанства: свѣтомъ духовнаго разума должно быть озарено воззрѣніе душевнаго ока на знаменія и чудеса, чтобы избѣжать тѣхъ бѣдствій, въ которыя можетъ вовлечь воззрѣніе на нихъ плотскаго мудрованія. Смиренномудріе неразлучно съ духовнымъ разумомъ. Живая вѣра открываетъ взорамъ души Бога: Слово Божіе соединяетъ душу съ Богомъ. Узрѣвшій, такимъ образомъ, Бога усматриваетъ свое ничтожество, исполняется неизреченнаго благоговѣнія къ Богу, ко всѣмъ дѣламъ Его, ко всѣмъ велѣніямъ Его, ко всему ученію Его, стяжаваетъ смиренномудріе. Смиренномудрый не осмѣлится даже полюбопытствовать о томъ, что совершается внѣ воли Божіей, что благовременно осуждено Словомъ Божіимъ [1]). Таинственное и не вполнѣ ясное для мірского человѣка добродѣтельное состояніе смиренія, въ относительной мѣрѣ открывается и уясняется намъ при условіи внимательной сосредоточенной молитвы, какъ послѣдствіе и плодъ ея. Если кто при молитвѣ своей сподобляется умиленія, которое рождается отъ внимательной молитвы, тотъ опытно знаетъ, что именно въ драгоцѣнныя минуты умиленія являются въ немъ помыслы смиренномудрія, преподающіе ощущеніе смиренія. Особенно совершается это тогда, когда умиленіе сопровождается слезами. Чѣмъ чаще приходятъ времена умиленія, тѣмъ чаще дѣлатель молитвы бываетъ слышателемъ таинственнаго ученія о смиреніи, тѣмъ глубже это ученіе проникаетъ въ его сердце. Благодатное дѣйствіе молитвы и смиренія одно и тоже дѣйстіе. Это дѣйствіе является въ двухъ видахъ: въ Христоподражательномъ смиреніи и въ Божественной любви, которая есть высшее дѣйствіе молитвы. Дѣйствіе это принадлежитъ Господу нашему Іисусу Христу, жительствующему и дѣйствующему при посредствѣ Святаго Духа, несказанно и непостижимо, въ избранныхъ сосудахъ Своихъ [2]). Изложенныя черты и условія возникновенія добродѣтели смиренія, по нашему мнѣнію, не только въ достаточной мѣрѣ уясняютъ взглядъ Епископа Игнатія относительно названной добродѣтели, но и убѣждаютъ въ его безусловной справедливости въ томъ отношеніи, что смиреніе есть не только высокое и истинно христіанское спасительное настроеніе, но и непремѣнное условіе и основа всѣхъ другихъ христіанскихъ добродѣтелей, которыя безъ смиренія утрачиваютъ свой подлинно-христіанскій характеръ и становятся въ разрядъ добродѣтелей внѣхристіанскихъ, для христіанина не только не спаси-

---

[1]) Тамъ же, стр. 324.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 318—319.

тельныхъ, но и душевредныхъ. Будучи существенною чертою и духовною основою всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей смиреніе приводитъ христіанина къ сознанію духовной нищеты, или ставитъ на первую существенно основную ступень христіанскаго совершенства. Будучи основною христіанской добродѣтелію и душою всѣхъ прочихъ добродѣтелей, смиреніе вводитъ христіанина въ пониманіе, усвоеніе и дѣятельное переживаніе высшей христіанской добродѣтели—любви. Изображенію и раскрытію этой величайшей и, по преимуществу христіанской добродѣтели Епископъ Игнатій удѣляетъ особенное вниманіе. Соотвѣтственно этому, стремясь къ уясненію положительной стороны спасенія по твореніямъ Епископа Игнатія, мы въ дальнѣйшемъ предполагаемъ немало остановиться на вопросѣ о христіанской любви. Что же касается ученія о другихъ добродѣтеляхъ, то этотъ вопросъ о частныхъ проявленіяхъ спасающейся души, по нашему мнѣнію, достаточно разрѣшается сопоставленіемъ ученія Епископа Игнатія съ ученіемъ чтимыхъ имъ духовныхъ наставниковъ аскетовъ. Сопоставленіе это уясняетъ для насъ, съ одной стороны, глубокое сродство Святителя Игнатія съ аскетами—подвижниками, не только по вопросу о видахъ добродѣтелей, о сущности ихъ, но и по вопросу о христіанской любви, при всемъ томъ его ученіе носитъ отпечатокъ его, извѣстной намъ, духовной индивидуальности.

Задача жизни человѣка на землѣ—въ борьбѣ со страстями, чтобы, очистившись отъ нихъ, войти въ общеніе съ Богомъ и стяжать драгоцѣнные плоды этого общенія. Грѣховная страсть есть фактъ психологическій и волевой по преимуществу; слѣдовательно и борьба противъ страстей должна сосредоточиваться въ области психической и направляться преимущественно къ оздоровленію грѣховной воли. У всѣхъ святыхъ подвижниковъ мы находимъ ученіе, что каждая страсть имѣетъ противоположную ей добродѣтель и чтобы истребить страсть, необходимъ соотвѣтствующій подвигъ или добродѣтель. Напр., противъ чревоугодія—постъ, противъ блуда—воздержаніе, противъ сребролюбія—раздаваніе милости и пр. Словомъ, для истребленія страсти нужно творить противоположное ей добро. Но съ другой стороны, хотя всѣ грѣховныя состоянія внутренне соединены между собой, такъ что каждый изъ людей впадаетъ въ самые различные грѣхи, однако у каждаго изъ людей есть какая нибудь преобладающая страсть [1]), и для истребленія страстей вообще онъ долженъ все свое вниманіе обратить на эту главную страсть, чтобы, истребивъ ее, освободиться отъ всѣхъ страстей, „убивъ египтянина, увидѣть Бога

[1]) Добротолюбіе, т. II, стр. 466, § 35 Лѣствица, слово 15, стр. 179, § 42.

въ купинѣ смиренія". Но подобный ходъ духовной борьбы, т. е. когда мы будемъ вмѣсто грѣха творить противоположное ему добро, можетъ сдѣлаться совершенно механическимъ и не принести никакой пользы. Такой родъ борьбы полезенъ лишь въ томъ случаѣ, если у насъ есть здоровая психическая почва для созиданія добродѣтели; иначе наши добродѣтели будутъ внѣшними, фарисейскими и будутъ совершенно безплодны для нашей души. Вѣдь видимъ же мы постоянно, что внѣшне исполняемое добро соединяется съ душевною грубостію и холодностію. Такой человѣкъ творитъ и добро и зло, у него есть въ душѣ и доля добра и доля зла, но безъ преобладанія перваго надъ послѣднимъ. Это свойство души называется у св. подвижниковъ „теплохладностію".

Въ практикѣ врачей тѣлесныхъ противъ каждой болѣзни употребляется свое лѣкарство, но въ тоже время обращается усиленное вниманіе на діэту и на общее здоровое состояніе человѣка. Если тѣло здорово и имѣетъ въ себѣ достаточно жизненной силы, то прописываемыя врачемъ врачебныя средства принесутъ пользу, въ противномъ случаѣ они остаются безполезными и даже могутъ быть вредными, т. е. врачебныя средства дѣйствуютъ оздоровляюще на физическій организмъ лишь въ случаѣ ихъ соединенія и взаимодѣйствія съ жизненною силою самого организма. Такъ и въ жизни духовной. Св. подвижники, какъ опытные духовные врачи, совершенно вѣрно указываютъ на добродѣтели, какъ врачебныя средства противъ извѣстнаго рода страсти. Психологически это вѣрно. Но въ тоже время они отнюдь не приписываютъ этимъ добродѣтелямъ механическаго дѣйствія на духовное оздоровленіе. Они не смотрятъ на добродѣланіе внѣшнее и признаютъ его нравственно-цѣннымъ и благотворнымъ для духовной жизни лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно соединяется съ внутренней борьбой, съ любовью сердца къ добру и ненавистью ко злу. Поэтому въ цѣляхъ христіанскаго совершенства важно не то, сколько мы можемъ и должны исполнить добрыхъ дѣлъ, но важно уловить, опредѣлить и стяжать себѣ общую существенную основу всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей.

Какъ извѣстно, отцы подвижники исходнымъ пунктомъ грѣха признали эгоизмъ, себялюбивое возведеніе своего „я" въ цѣль своей жизнедѣятельности. Результатомъ эгоизма является разторженіе міровой гармоніи, разрывъ союза съ Богомъ и людьми и постоянная борьба за существованіе. Всѣ грѣхи и страсти являются, какъ прямое слѣдствіе этой борьбы, какъ прямое проявленіе себялюбія. Такова сущность жизни грѣховной. Весьма ясно, что жизнь по Богѣ, истинно человѣческая и христіанская жизнь должна быть противоположна грѣховной. Если тамъ, въ грѣхѣ мы поставляемъ свое „я" жизненнымъ принципомъ,—выше всего и свою волю—міровымъ закономъ, един-

ственно для насъ обязательнымъ; то здѣсь, въ жизни духа и силы,—мы должны поставить въ жизненный принципъ отреченіе отъ своего „я“ и отъ своей воли, отъ того и отъ другого отказаться и принять на себя иго Христово, принять Его волю за законъ своей жизнедѣятельности. Въ грѣховной жизни мы вели борьбу съ людьми изъ-за своего „я“, одушевлялись взаимною ненавистью: здѣсь, въ духовно-христіанской жизни мы должны стремиться къ соединенію съ людьми, руководясь не ненавистью, а любовью къ нимъ. Итакъ, вотъ **два начала, изъ которыхъ слагается духовная жизнь** отреченіе отъ своего „я“ и своей воли—начало отрицательное, любовь къ Богу и ближнимъ—начало положительное, созидающее. Оба эти начала въ ихъ полномъ усвоеніи человѣкомъ представляютъ собою конечную цѣль подвижничества, а путь къ ней состоитъ въ томъ, чтобы постепенно развивать тѣ зачатки этихъ совершенствъ, которые даны въ природѣ человѣка и возстановлены въ немъ благодатію. Отмѣтимъ по аскетическимъ твореніямъ сущность той и другой стороны дѣла спасенія.—Отреченіе отъ своего „я“ и своей воли происходитъ путемъ самоукоренія и смиренномудрія. При полномъ и тщательномъ вниманіи къ своей духовной жизни, при трезвеніи, какъ называютъ его св. подвижники [1]), человѣкъ скоро можетъ замѣтить, что себялюбіе проявляется въ немъ прежде всего, какъ любовь къ міру. Отсюда отреченіе отъ міра, поскольку этотъ грѣховный міръ становится достояніемъ моего „я“, и отреченіе отъ своихъ грѣховъ и страстей. Отреченіе отъ міра есть распятіе міру. „Человѣкъ распинается міру, когда, освободившись отъ внѣшнихъ вещей, онъ подвизается и противъ самыхъ услажденій, или противъ самаго вожделѣнія вещей, и противъ своихъ пожеланій [2]). **Отреченіе отъ міра и внутреннее распятіе ему** есть постепенное стяжаніе полнаго безпристрастія къ міру, предпочтеніе души предъ плотію. Человѣкъ живетъ такъ, что внѣшній міръ подчиняетъ своимъ высшимъ цѣлямъ и на все смотритъ лишь со стороны его отношенія къ чисто духовной жизни. Въ области себялюбія душевнаго подвижникъ распятъ міру, что выражается въ полной холодности къ людской похвалѣ и къ лишеніямъ міра [3]). Онъ одинаково холоденъ къ людскому порицанію и къ людской похвалѣ [4]). Эту холодность, конечно, нужно понимать не какъ безчувствіе души и равнодушіе ея къ людямъ. Напротивъ, человѣкъ равнодушный къ похваламъ и поношеніямъ людей есть лучшій ихъ другъ. Онъ холоденъ и равнодушенъ къ похваламъ лишь постольку, поскольку онѣ

---

[1]) Добротолюбіе, т. II, стр. 165.
[2]) Препод. Доросей, стр. 29.
[3]) Лѣствица, стр. 224, § 36.
[4]) Добротолюбіе, т. II, стр. 447, § 269. Преп. Варсанофій, стр. 112.

касаются всецѣло его грѣховнаго „я“ и могутъ возбудить въ немъ тщеславіе. Онъ холоденъ къ поношеніямъ людей опять же въ отношеніи своего себялюбія, т. е. поскольку они, направляясь противъ его дѣйствительныхъ недостатковъ, могутъ, однако, оскорбить его грѣховное самолюбіе. Такой человѣкъ можетъ имѣть славу больше своего дѣланія, это дѣло міра, потому что она не вредитъ ни любвеобильному отношенію къ ближнимъ, ни собственному духовному его совершенствованію [1]). Первая ступень въ отреченіи отъ своего „я“ есть распятіе міру, т. е. подчиненіе міра своей личности, поставленіе себя въ царственное положеніе въ отношеніи къ міру. Средствомъ къ такому равнодушію къ міру служитъ самоукореніе. Съ искреннимъ желаніемъ совершенства вступившій на путь Христовъ не только не услаждается похвалою міра и не уязвляется хулами, но чѣмъ болѣе похваляется людьми, тѣмъ болѣе признаетъ себя грѣховнымъ и достойнымъ порицанія. Онъ признаетъ себя таковымъ, исповѣдуя предъ собою свои тайныя, невѣдомыя міру прегрѣшенія, и въ самыхъ похвалахъ міра слышитъ себѣ укоръ [2]). Если человѣкъ совершитъ тьмы добродѣтелей, но не будетъ держаться пути самоукоренія, онъ никогда не перестанетъ оскорбляться и оскорблять другихъ, теряя чрезъ то всѣ труды свои, и какую радость, какое спокойствіе имѣетъ тотъ, кто укоряетъ себя [3]). Если кто внимательно, со страхомъ Божіимъ, разсмотритъ самого себя и строго испытаетъ свою совѣсть, то онъ непремѣнно найдетъ себя виновнымъ [4]). Трудность самоукоренія и внутренняя склонность къ самовосхваленію у насъ объясняется тѣмъ, что „каждый изъ насъ старается во всякомъ дѣлѣ сложить вину на брата своего и на него возложить всю тяготу, каждый изъ насъ лѣнится и не соблюдаетъ ни одной заповѣди, а отъ ближняго требуетъ исполненія всѣхъ заповѣдей [5]). Но если мы во всемъ, что съ нами ни случится, будемъ считать виновными самихъ себя, а не другихъ, то это принесетъ намъ много добра и доставитъ душевное спокойствіе [6]). Что слѣдуетъ признать себя виновникомъ своихъ дѣйствительно совершенныхъ дѣлъ, это еще намъ понятно. Если я допустилъ грѣховный поступокъ и за то обличаюсь отъ людей, я могу еще, при достаточномъ вниманіи къ себѣ, смириться и душевно сказать: да, я сдѣлалъ это и грѣшенъ. Но какъ возможно смирить свой помыслъ и признать

---

[1]) Преп. Варсан., творенія, стр. 112.

[2]) Преп. Дороѳея, стр. 93.

[3]) Тамъ же, стр. 94. Варсан. отв. 160, стр. 157. Отв. 447, стр. 385. Отв. 690, стр. 566.

[4]) Преп. Дороѳея, стр. 95.

[5]) Тамъ же, стр. 98.

[6]) Тамъ же, стр. 96.

себя грѣшнымъ въ томъ случаѣ, если мы безспорно совершили доброе дѣло и если упрекъ ближняго является, такимъ образомъ, несправедливымъ? Психологическая возможность самоосужденія и въ этомъ случаѣ остается лишь за взошедшимъ на третью ступень отреченія отъ своего „я“. Если простое самоукореніе возможно для насъ только при нѣкоторомъ ограниченіи своего самолюбія и внимательномъ отношеніи къ себѣ; то для того, чтобы признать себя грѣшнымъ, даже при невозможности юридически обосновать свою виновность въ грѣхѣ, — необходимо полное отреченіе отъ своего грѣховнаго „я“. Подобное настроеніе и называется у св. подвижниковъ смиренномудріемъ [1]). Сознавая высоту и святость добра, сознавая свою грѣховность, смиренномудрый можетъ всегда считать себя грѣшнымъ. Даже въ то время, когда люди восхваляютъ его подвиги и добрыя дѣла, въ то время, какъ окружаютъ его ореоломъ святости и совершенной нравственной чистоты, самъ смиренномудрый чувствуетъ себя великимъ грѣшникомъ. Ты знаешь, что ты святъ, говорилъ аввѣ Зосимѣ нѣкій софистъ. Развѣ ты не знаешь, что ты имѣешь добродѣтели? Вѣдь ты видишь, какъ исполняешь заповѣди: какъ же ты, поступая такъ, считаешь себя грѣшнымъ? Но Авва смиренно отвѣчалъ: „не смущай меня, но я подлинно считаю себя грѣшнымъ“ [2]). Точно также разсуждалъ одинъ блаженный авва предъ самою смертію. Братія говорили ему, „и ты ли боишися, отче“? Онъ отвѣчалъ: „сколько могъ, я понуждалъ себя сохранять заповѣди, но я человѣкъ и почему могу знать, угодно ли мое дѣло Богу. Ибо иной судъ Божій и иной судъ человѣческій“ [3]). И подобное самоуничиженіе не изливается только на словахъ, но преимущественно и глубоко чувствуется въ душѣ смиренномудраго. Это не раболѣпное ласкательство, а напротивъ глубокое внутреннее самоуничиженіе, сознаніе своей духовной немощи и недовольства: вслѣдствіе чего человѣкъ не только не приписываетъ себѣ права судить ближнихъ, но сознавая свои заблужденія, готовъ считать себя хуже всѣхъ. Таковой смиряетъ себя и предъ ближними, и предъ Богомъ. Смиреніе предъ ближнимъ состоитъ въ томъ, чтобы почитать брата своего разумнѣе себя и по всему превосходнѣе, почитать себя ниже всѣхъ [4]). Второй родъ смиренія состоитъ въ томъ, чтобы всѣ свои добрыя дѣла и подвиги приписывать Богу. Оно естественно рождается въ душѣ человѣка отъ исполненія заповѣдей. Духовное само-

---

[1]) Въ пониманіи этого состоянія замѣчаются нѣкоторые оттѣнки несущественнаго характера; см., напр. Лѣствица, слово 28, стр. 246—247, § 3; Аввы Варсан. отв. 183, стр. 180; Аввы Дороѳея, поученіе 2-е, стр. 39—40 и др. по Добротолюбію, т. II, стр. 447—453.

[2]) Преп. Дороѳея, Творенія, стр. 46.

[3]) Тамъ же, стр. 47.

[4]) Тамъ же, стр. 44.

наблюденіе даетъ слишкомъ ощутительное понятіе о нашемъ безсиліи творить добро. Мы видимъ, что мы безсильны осуществить самыя добрыя начинанія нашего духа, провести въ жизнь самыя дорогія и чистѣйшія свои стремленія, и не по внѣшней невозможности, а именно въ силу совершеннаго духовнаго безсилія, когда въ противовѣсъ каждому доброму начинанію противостаетъ упорство духа злобы. Такимъ образомъ, отреченіе отъ своего грѣховнаго „я“ и своей воли состоитъ изъ трехъ началъ духовной жизни: распятія міру, самоукоренія и смиренномудрія. Идеально сознаваемая наша личность, какъ совершенство духовное, при полномъ развитіи нашихъ лучшихъ силъ и стремленій, или жизнь въ неуклонномъ направленіи къ Высшему добру, Истинѣ и Красотѣ есть, напротивъ, цѣль всѣхъ подвиговъ. Но наша личность въ томъ видѣ, какъ она является въ дѣйствительности, слишкомъ далека отъ своего идеальнаго образа и нормальной цѣли своего бытія. Къ ней примѣшалось много такого, что не принадлежитъ ей по природѣ [1]).

Наши духовныя силы идутъ наперекоръ своему назначенію, данному имъ Творцомъ, наша воля хочетъ путемъ насилія не только надъ внѣшнимъ міромъ, но даже путемъ насилія надъ нашею собственною личностію все подчинить себѣ и, конечно, ничего, не достигаетъ. Сознавая, что въ моей душѣ жизнь не такъ идетъ, какъ ей нужно, сознавая, что моя личность, умаленная малымъ чимъ отъ Ангелъ, далеко уже не такова въ дѣйствительности, я въ то-же время вижу, что этотъ разладъ произошелъ отъ извращенія моей воли. Поэтому при содѣйствіи Божіемъ я пріобрѣтаю рѣшимость отказаться отъ своей воли, отъ своего „я“, какъ истинныхъ виновниковъ паденія моей личности. Это отреченіе, такимъ образомъ, есть дѣло естественное въ высшемъ смыслѣ слова, напротивъ, руководство своей волею есть дѣло противоестественное, потому что воля моя извратилась. Но отрекаясь отъ своей воли и отъ своего грѣховнаго „я“ ради христіанскаго совершенства, человѣкъ, такимъ образомъ, не теряетъ своей личности. Напротивъ, здѣсь, въ актѣ самоотреченія, личность и является въ своемъ истинномъ свѣтѣ, очищенная отъ чуждыхъ ей примѣсей горделиваго самовосхваленія. Грѣховная воля препятствовала человѣку быть достойнымъ своего званія, онъ и отсѣкаетъ ее и чрезъ то возвращаетъ свое достоинство. Свв. подвижники своимъ духовнымъ опытомъ извѣдали психологическое значеніе самоотреченія и, поэтому, нелицемѣрно свидѣтельствуютъ намъ, что если мы хотимъ измѣниться и освободиться отъ владычества міра, то должны научиться отсѣкать свои хотѣнія и, такимъ образомъ,

---

[1]) Лѣствица, слово 26, стр. 304, § 156; стр. 281, §§ 67—70.

мало по малу достигать безсмертія. Ибо говорятъ св. подвижники, ничто не приноситъ такой пользы людямъ, какъ отсѣченіе своей воли, и поистинѣ отъ сего человѣкъ преуспѣваетъ болѣе, нежели отъ всякой другой добродѣтели [1]). Отреченіе отъ своей воли—совершенство, или носитъ въ себѣ законъ совершенства. Отреченіе отъ своей воли, отнюдь не есть состояніе апатіи, когда человѣку положительно все равно, какъ онъ ни живетъ, что съ нимъ ни случается; апатичный одинаково холоденъ ко всякому жизненному явленію. Но апатія—состояніе патологическое, тогда какъ христіанское отсѣченіе своей воли есть состояніе нормальное, есть высшій расцвѣтъ нравственнаго здоровья. Самоотреченіе необходимо соединяется съ сильнымъ нравственнымъ подъемомъ духа. Тѣ нравственныя силы, которыя почти бездѣйствовали въ человѣкѣ подъ гнетомъ его грѣховной воли, съ отреченіемъ отъ послѣдней выступаютъ на борьбу съ ветхимъ міромъ; грѣховный покровъ души уничтоженъ, личность выступаетъ во всей своей нравственной красѣ. Человѣкъ не хочетъ исполнять велѣній своего грѣховнаго „я“ и чрезъ то получаетъ нравственную возможность достигать осуществленія прирожденныхъ ему духовныхъ стремленій. Это и значитъ, что въ то время, какъ человѣкъ не хочетъ исполнять свою грѣховную волю, оказывается, что его идеальная воля, состоящая по природѣ въ согласіи съ волею Божественною, исполняется. Но самоотреченіе есть только отрицательный элементъ дѣла спасенія, самоотреченіе никогда не остается одинокимъ и безжизненнымъ въ духовной жизни, напротивъ, оно всегда и необходимо проявляется, какъ въ психической дѣятельности, такъ и во внѣшней, какъ дѣятельное начало, какъ л ю б о в ь. Существенный признакъ любви самоотреченіе и самоотверженіе: самоотреченіе предшествуетъ любви, а самоотверженіе составляетъ самую ея сущность. Самоотреченіе, какъ мы видѣли, понимается у подвижниковъ, какъ отсѣченіе своей грѣховной воли и отказъ исполнить волю своего извращеннаго „я“. Вмѣсто самолюбиваго идола поставляется Богъ, воля человѣческая подчиняется Божественной. Человѣческая личность чрезъ актъ самоотреченія вступаетъ въ лучшій періодъ своего развитія, получаетъ направленіе, вполнѣ согласное съ ея идеальнымъ назначеніемъ. Въ глубинѣ человѣческой души таится начало иной жизни, начало любви, которая у грѣшника подавлялась другимъ, противоположнымъ ей началомъ себялюбія, а по умерщвленіи послѣдняго подвижничествомъ обнаруживается во всей своей силѣ, уже не какъ начало отрицательное, но какъ постоянная радость о Богѣ и Церкви. Сподобив-

---

[1]) Препод Дороѳея, стр. 33. Варс., отв. 160, стр. 157—158, отв. 690, стр. 566; преп. Макарія Египет., Посл. стр. 431, бесѣд. V; стр. 61—62.

шіеся духовныхъ утѣшеній любви, пишетъ авва Макарій, иногда веселятся, какъ бы на царской какой вечери и радуются какою-то невыразимою радостію; то соуслаждаются духовно, какъ невѣста съ женихомъ; то, какъ безплотные Ангелы, чувствуютъ такую удобоподвижность и легкость въ тѣлѣ, что не почитаютъ себя даже облеченными въ тѣло; иногда упоеваются невыразимымъ упоеніемъ духовныхъ таинъ, иногда же въ плачѣ и сѣтованіи слезно молятся они о спасеніи всѣхъ человѣковъ, потому что, горя божественною любовію ко всѣмъ человѣкамъ, воспріемлютъ въ себя плачъ цѣлаго Адама; а иногда при услажденіи духа, неописуемомъ словами, возгораются такою любовію, что если бы можно было, всякаго человѣка сердобольно укрыли-бы въ собственномъ лонѣ своемъ, не дѣлая никакого различія между худымъ и добрымъ [1]). Итакъ, вотъ сущность любви. Это есть жизнь въ Богѣ и ближнемъ, но не въ себѣ самомъ. Кто испыталъ на себѣ какой нибудь родъ любви, тотъ весьма удобно можетъ найти подтвержденіе данныхъ мыслей, потому что такой любящій человѣкъ несомнѣнно испытывалъ, что любовь обнаруживалась въ немъ настолько сильно, что какъ-бы душа его выходила изъ него [2]). Сущность любви—въ отказѣ отъ своей личности для другого существа, перенесеніе своей личной жизни на другое существо.

Та обособленность личности, которую мы можемъ наблюдать въ современной жизни, есть уклоненіе отъ нормы и объясняется единственно грѣховною порчею человѣка. Этой обособленности быть не должно. Господь для того пришелъ на землю, да вси едино будутъ. Всѣ люди, отсѣкая самолюбіе и злую волю, чрезъ благодатные подвиги должны стремиться постепенно къ соединенію со Христомъ и другъ съ другомъ въ одно цѣлое во взаимной любви, такъ что насколько кто соединяется съ ближнимъ, настолько соединяется съ Богомъ и наоборотъ [3]). Любовь имѣетъ въ себѣ силу открывать намъ то, чего мы до нея нигдѣ не видали и не знали. Если мы проникаемся любовію къ ближнему, мы открываемъ въ нашемъ духѣ способность перенесенія жизненнаго центра въ душу ближняго, а въ послѣдней намъ открывается внутреннее добро, которое для себялюбивыхъ взоровъ не видно, какъ для засоренныхъ глазъ подлинная красота предметовъ. Съ другой стороны, сила любви, открывающаяся въ нашемъ духѣ, и сила любви, какую мы находимъ въ духѣ нашего ближняго, въ своемъ сое-

---

[1]) Преп. Макарія, слово VI, о любви. Гл. VI, стр. 548—49. Подобныя же мысли мы находимъ и у другихъ подвижниковъ, напр. преп. Дороѳея, стр. 90, 91, 214. Преп. Варсанофія, отв. 236, стр. 307—398; отв. 339, стр. 310—311. Преп. Исаака Сирина, стр. 512. Добротолюбіе, т. II, стр. 120, 129—130.

[2]) Преп. Макарія Египет., тамъ же, стр. 552.

[3]) Преп. Дороѳея, Поученія, VI, стр. 98.

диненіи просвѣщаютъ нашъ разумъ и становятся силою, которая, переходя предѣлы пространства и времени, открываетъ намъ премірное Божіе и соединяетъ насъ съ нимъ въ одну общую благодатную жизнь любви. Такую именно любовь имѣлъ въ виду Ап. Павелъ, когда для выраженія своей любви къ Богу употребилъ выраженіе: „живу же не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“. Любовь и безъ множества жертвъ и пышныхъ дѣлъ достигаетъ великихъ нравственныхъ цѣлей.

Не сказалъ Господь: дайте Мнѣ въ даръ имѣніе, или тельцовъ, или постъ, или бдѣніе, но что легко, удобно, непродолжительно, то и повелѣлъ. Прости согрѣшенія брату твоему, и я прощу тебѣ твои грѣхи. Когда не будешь имѣть ни на кого вражды, когда солнце не зайдетъ во гнѣвѣ твоемъ, когда со всѣми у тебя будутъ миръ и любовь; тогда и молитва твоя благопріятна и приношеніе твое благоугодно и самъ ты блаженъ [1]). Любовь даетъ истинное благо и соединяетъ съ Богомъ, тогда какъ дѣла милости безъ любви и всепрощенія—мерзость предъ Господомъ. Это потому, что причина всѣхъ золъ въ эгоизмѣ и отсутствіи любви къ ближнимъ. Если я творю дѣла милости безъ любви, я ничего не дѣлаю добраго, потому что причина мірового разлада остается во мнѣ самомъ. Внѣшнимъ дѣломъ грѣхъ не упраздняется, потому что подлинная причина грѣха, лежащая въ моемъ „я“, всегда, и даже въ самый моментъ совершенія добраго дѣла, готова разорвать по внѣшности заключенный нашъ союзъ съ ближнимъ. Но коль скоро я стираю главу змія себялюбія, уничтожаю внутреннюю причину міроваго разлада, я тѣмъ самымъ, конечно, устраиваю миръ съ людьми и единеніе съ Богомъ; потому что, даже при отсутствіи добрыхъ дѣлъ, созидающая сила моей любви къ ближнимъ готова каждую минуту на жертву и доброе дѣло, если только ихъ потребуетъ благо ближнихъ. Идолъ себялюбія вынесенъ изъ святилища сердца и на очищенномъ престолѣ совѣсти водворяется Богъ мира и любви. Любовь, какъ начало жизненное и созидающее, проявляется въ дѣлахъ милости духовной и тѣлесной. Но тѣ и другія проявленія любви, тѣ или другія дѣла внѣшнія пріобрѣтаютъ нравственное значеніе только въ той мѣрѣ, въ какой они всецѣло являются выраженіемъ любви и имѣютъ цѣлію утвержденіе любви. Такъ, напримѣръ, нравственное значеніе молитвы, какъ христіанскаго подвига, можетъ быть разсматриваемо, съ точки зрѣнія любви, въ отношеніи къ Богу и ближнему. Забвеніе объ окружающей мірской суетѣ, отвращеніе отъ собственной духовной суеты, напряженное восхищеніе души приближаетъ человѣка къ Богу и соединяетъ съ Нимъ. Плодомъ такого соединенія является уничтоженіе гордости и себялюбія [2]). Непрестанно

---

[1]) Тамъ же, стр. 274.

[2]) Препод. Доровея, поученія, II, стр. 48.

молящійся Богу, если и сподобится совершить что либо доброе, знаетъ, почему онъ совершилъ это, и не можетъ возгордиться, потому что всѣ свои успѣхи приписываетъ Богу, всегда благодаритъ Его, всегда признаетъ Его, трепещетъ, какъ-бы не лишиться Божественной помощи, чрезъ что и обнаружится его немощь и безсиліе. Онъ со смиреніемъ молится, и молитвой смиряется и чѣмъ болѣе преуспѣваетъ въ добродѣтели, тѣмъ болѣе всегда смиряется. Исходя изъ начала любви, молитва сама есть воспитывающее средство, потому что она въ себѣ самой носитъ духовную силу, разрушающую средостѣніе между землею и небомъ, между человѣкомъ и Богомъ, между духомъ и плотію и между человѣкомъ и ближними его. Молитвенно распявшись гордости, человѣкъ получаетъ внутреннюю возможность и даже потребность примириться съ врагами и все и всѣхъ соединить въ одной гармоніи любви. Грѣховная язва гордости и вражды уничтожается только любовію и молитвою. Если человѣкъ молится за брата своего, это есть знакъ состраданія и любви, а гдѣ состраданіе и любовь, тамъ ни раздражительность, ни злопамятность, ни всякая другая страсть не могутъ успѣть [1]). Чрезъ молитву и любовь излѣчивается самая большая и гнойная язва въ человѣчествѣ—язва гордости, себялюбія и эгоизма. Человѣкъ соединяется съ человѣкомъ, и сердце одного отвѣчаетъ душѣ другаго. Здѣсь именно—въ началѣ любви кроется глубочайшее психологическое начало молитвы за другихъ болѣе, чѣмъ за себя. Подобно Христу Спасителю, увѣдавшій тайну и сладость молитвы, молится теперь уже не о себѣ только, но о всемъ мірѣ. Я имѣю молитву, говоритъ одинъ блаженный авва, но я не могу помолиться о своей душѣ болѣе, чѣмъ о душѣ ближняго, ибо трепещу Того, Кто говоритъ: возлюби ближняго твоего, яко самъ себе. Я дѣлаю по силѣ своей, милость же зависитъ отъ Бога [2]). Человѣкъ путемъ любви и молитвы получаетъ нравственную потребность, забывая о себѣ самомъ, молиться о всякой христіанской душѣ, скорбящей и озлобленной, требующей помощи и милости Божіей. Онъ чувствуетъ и переживаетъ всю міровую скорбь, все человѣческое страданіе, съ какимъ только приходится ему встрѣчаться. Итакъ значеніе молитвы въ томъ, что она во 1-хъ, очищаетъ душу отъ грѣховъ, во 2-хъ, приближаетъ къ Богу, въ 3-хъ, соединяетъ любовію съ ближними и въ 4-хъ, сообщаетъ силу на новые подвиги. Также опредѣляется значеніе и другихъ добродѣтелей въ отношеніи христіанской любви.

Христіанская добродѣтель—явленіе не случайное и временное, она прямое выраженіе въ жизни Христовой любви, а потому она постоянна. Всѣ добродѣтели связаны одна съ другою, какъ звенья од-

---

[1]) Препод. Дороѳея, поученія, VIII, стр. 109.

[2]) Препод. Варс., отв. 504, стр. 430.

ной духовной цѣпи [1]), такъ что исполняя одну христіанскую обязанность, мы можемъ исполнить и другую, равнымъ образомъ, нарушеніе одной вредно отзывается на всей духовной жизни христіанина. Поэтому христіанинъ долженъ пріобрѣтать отъ каждой добро, для какого представляется случай [2]). При своемъ многообразіи истинная добродѣтель постоянна: „желающіе научиться духовному дѣланію должны день и ночь поучаться въ томъ, какъ бы пріобрѣсти его“ [3]). Весьма часто встрѣчающіеся намъ переходы отъ воздержанія къ непотребству, отъ кротости и смиренія къ гордости и высокомѣрію и т. п. [4]) столь же чужды истиннаго христіанства и даже болѣе, чѣмъ совершенное язычество. Всѣ указанныя колебанія нравственной жизни объясняются непониманіемъ истиннаго христіанства, и, главнымъ образомъ, отсутствіемъ любви. Любовь къ Богу и ближнимъ—вотъ прочное основаніе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, вотъ залогъ постоянства христіанской нравственной дѣятельности и залогъ вѣчной жизни! Въ любви—всѣ добродѣтели, безъ нея нѣтъ ничего, остаются лишь призраки и голыя имена добродѣтелей. Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій. Если я раздамъ все имѣніе свое и отдамъ тѣло свое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Любовь все покрываетъ, всего надѣется, все переноситъ (1 Кор. XIII, 1, 3—7). Любовь носитъ въ себѣ залогъ будущей вѣчной жизни. Любовь никогда не перестаетъ, говоритъ Ап. Павелъ (1 Кор. XIII, 8). Она переживаетъ всѣ предѣлы и условія и приводитъ человѣка къ вѣчному единенію съ Вѣчною и Всесовершенною Любовію. Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и ближняго твоего, яко самъ себе (Лук. X, 27); въ этихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ и все христіанство (Галат. V, 14).

Соотвѣтственно наставленіямъ аскетовъ-подвижниковъ, Епископъ Игнатій говоритъ также объ осьмерицѣ добродѣтелей, противоположныхъ осьми главнымъ грѣховнымъ страстямъ. Въ числѣ этихъ восьми

---

[1]) Преп. Макарія, бесѣда 40, стр. 348.

[2]) Препод. Доровея, поученіе 14, стр. 164—165.

[3]) Тамъ же, поученіе 10, стр. 121. Препод. Исаака Сирина, слово 48, стр. 253—255.

[4]) Добротолюбіе, т. II, стр. 458.

добродѣтелей, въ соотвѣтствіи съ указанными выше[1]) страстями, указываются слѣдующія. 1) Воздержаніе, къ области котораго относится ограниченіе излишняго употребленія пищи и питія, въ особенности употребленія въ излишествѣ вина; храненіе точное постовъ, установленныхъ Церковію; обузданіе плоти умѣреннымъ и постоянно одинаковымъ употребленіемъ пищи, отчего начинаютъ ослабѣвать всѣ вообще страсти, а въ особенности самолюбіе, выражающееся въ плотскомъ направленіи жизни. 2) Цѣломудріе, т. е. уклоненіе отъ всякаго рода блудныхъ дѣлъ, словъ и мыслей. Въ отдѣлѣ этой добродѣтели значится служеніе больнымъ и увѣчнымъ. Началомъ цѣломудрія указывается—неколеблющійся отъ блудныхъ помысловъ и мечтаній умъ; совершенствомъ цѣломудрія является чистота, зрящая Бога. 3) Нестяжаніе; къ области этой добродѣтели относится удовлетвореніе себя однимъ необходимымъ, ненависть къ роскоши и нѣгѣ, милосердіе къ нищимъ, упованіе на промыслъ Божій; послѣдованіе Христовымъ заповѣдямъ; спокойствіе и свобода духа, безпопечительность, мягкость сердца. 4) Кротость; въ объемѣ этого понятія мыслятся: уклоненіе отъ гнѣвливыхъ помысловъ и отъ возмущенія сердца яростію; терпѣніе, послѣдованіе Христу, призывающему ученика Своего на крестъ; миръ сердечный; тишина ума; твердость и мужество христіанскія; неощущеніе оскорбленій; незлобіе. 5) Блаженный плачъ—ощущеніе паденія, общаго всѣмъ человѣкамъ и собственной нищеты духовной; отсюда—благодатное утѣшеніе, легкость совѣсти и радованіе, покорное переношеніе скорбей, желаніе молитвы, уединенія, послушанія, смиренія, исповѣданія грѣховъ своихъ. 6) Трезвеніе—усердіе ко всякому доброму дѣлу; нелѣностное исполненіе церковнаго и келейнаго правила, вниманіе при молитвѣ и тщательное наблюденіе за всѣми дѣлами, словами и помышленіями, любовь вообще къ душеспасительному подвигу. 7) Смиреніе—сознаніе собственной грѣховности, измѣненіе своего взора въ отношеніи къ ближнимъ, познаніе крестнаго таинства, сознательное во всемъ послушаніе Церкви. 8) Любовь,—содержаніе этой верховной добродѣтели раскрывается Епископомъ Игнатіемъ съ особенной полнотой. Въ составъ связанныхъ съ нею переживаній входятъ: измѣненіе во время молитвы страха Божія въ любовь Божію; вѣрность къ Господу, доказываемая постояннымъ отверженіемъ всякаго грѣховнаго помысла и ощущенія. Несказанное, сладостное влеченіе всего человѣка любовію къ Господу Іисусу Христу и къ поклоняемой Святой Троицѣ. Зрѣніе въ ближнихъ образа Божія и Христа; проистекающее отъ этого духовнаго видѣнія предпочтеніе себѣ всѣхъ ближнихъ и благоговѣйное почитаніе ихъ о Господѣ. Любовь къ ближнимъ брат-

[1]) См. гл. II, стр. 274—285 настоящей части нашей книги.

ская, чистая, ко всѣмъ равная, безпристрастная, радостная, пламенѣющая одинаково къ друзьямъ и врагамъ. Восхищеніе въ молитву и любовь ума, сердца и всего тѣла. Несказанное наслажденіе тѣла радостію духовною. Упоеніе духовное. Разслабленіе тѣлесныхъ членовъ при духовномъ утѣшеніи. Бездѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ при молитвѣ. Разрѣшеніе отъ нѣмоты сердечнаго языка. Прекращеніе молитвы отъ духовной сладости. Молчаніе ума. Просвѣщеніе ума и сердца. Молитвенная сила, побѣждающая грѣхъ. Миръ Христовъ. Отступленіе всѣхъ страстей. Поглощеніе всѣхъ разумѣній превосходящимъ разумомъ Христовымъ. Богословіе. Познаніе существъ безтѣлесныхъ. Немощь грѣховныхъ помысловъ, немогущихъ изобразиться въ умѣ. Сладость и обильное утѣшеніе при скорбяхъ. Зрѣніе устроеній человѣческихъ. Глубина смиренія и уничиженнѣйшаго о себѣ мнѣнія... Конецъ безконеченъ! [1]).

Въ этой общей классификаціи христіанскихъ добродѣтелей наше вниманіе останавливаетъ на себѣ соотвѣтствіе лѣствицы добродѣтелей порядку грѣховнаго паденія – въ осьмеричности ихъ числа и въ противоположеніи содержанія грѣховъ и добродѣтелей. Далѣе, обращаетъ на себя вниманіе, по преимуществу, духовный характеръ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Даже тѣ изъ нихъ, которыя возникаютъ и развиваются въ условіяхъ жизни тѣлесной, какъ, напр., воздержаніе и цѣломудріе, или тѣ, которыя возникаютъ и развиваются въ условіяхъ жизни внѣшней, какъ—нестяжаніе и кротость, являются особо цѣнными по своему духовному характеру и по своимъ послѣдствіямъ для нашей духовной жизни, въ связи съ ослабленіемъ страстей, въ особенности самолюбія, съ достиженіемъ духовной чистоты, спокойствія и свободы духа, безпопечительности и мягкости сердца, мира сердечнаго, тишины ума, незлобія. Тѣмъ болѣе, конечно, имѣютъ духовный характеръ послѣднія четыре добродѣтели. Завершеніемъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей является любовь. Внѣ подвижническаго опыта представляется крайне затруднительный подробный анализъ всѣхъ тѣхъ возвышенно-духовныхъ переживаній, которыя связаны по классификаціи Епископа Игнатія съ добродѣтелію христіанской любви, но нѣкоторыя изъ этихъ переживаній представляются болѣе доступными и близкими къ нашему духовному опыту, и, путемъ сопоставленія съ другими мѣстами твореній Игнатія Брянчанинова, уясняютъ для насъ относительно—въ достаточной мѣрѣ, добродѣтель христіанской любви, ея происхожденія, виды и свойства.

1) По вопросу о происхожденіи христіанской любви въ твореніяхъ Епископа Игнатія выясняется, что она можетъ явиться у христіанина лишь въ результатѣ длительнаго и непрерывнаго под-

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. I, стр. 173—175.

вига. Ощущеніе любви, которое преписываетъ себѣ грѣшникъ, непрестающій утопать въ грѣхахъ, которое приписываетъ онъ себѣ неестественно и гордо, есть ничто иное, какъ одна обманчивая, принужденная игра чувствъ, безотчетливое созданіе мечтательности и самомнѣнія [1]). Наука Богопознанія, преподаваемая гражданами пустынь, вертеповъ и пропастей земныхъ, что любовь къ Богу обрѣтается на селѣ сердца лишь послѣ продолжительнаго подвига искорененія страстей, по мѣрѣ очищенія души покаяніемъ, чрезъ посредство страха Божія; достигнутая этимъ путемъ, любовь христіанина выражается въ соблюденіи вѣрности волѣ Божіей не изъ за страха казней, не для того, чтобы избѣгнуть вѣчной муки, но потому что христіанинъ опытно познаетъ сладость Богообщенія, и, чуждый вводительнаго страха, боится, однако, отпасть отъ любви Божіей, утратить Богообщеніе [2]). Выше мы видѣли, что непремѣннымъ условіемъ измѣненія страха Божія въ любовь Божію является молитва [3]). Въ другомъ мѣстѣ Святитель Игнатій поясняетъ, что любовь рождается отъ чистоты сердца, непорочной совѣсти и нелицемѣрной вѣры. Необходимо воздѣлывать эти добродѣтели, сохраняя вниманіе къ себѣ и молчаніе, чтобы достичь любви, которая—верхъ и совокупность христіанскаго совершенства. Чистота сердца нарушается принятіемъ грѣховныхъ помысловъ, въ особенности блудныхъ; непорочность совѣсти—произвольными грѣхами; вѣра ослабляется упованіемъ на свой разумъ, неискренностію и самолюбіемъ. Кто захочетъ разсуждать объ истинѣ, безъ просвѣщенія свыше,—тотъ только вдается въ пустыя бесѣды и пренія, уклонится отъ пути, ведущаго въ любовь [4]). Такимъ образомъ, необходимымъ условіемъ достиженія нами христіанской любви является непрерывность душеспасительнаго подвига и постоянство въ прохожденіи пути добродѣтелей. При этомъ не нужно, конечно, представлять дѣло такъ, что христіанская любовь, завершающая циклъ добродѣтелей, является механически лишь послѣ полнаго осуществленія предшествующихъ семи добродѣтелей. Наоборотъ, по единству и простотѣ духовной жизни нашей, душеспасительные подвиги и христіанскія добродѣтели, очищая душу нашу, возводя ее къ совершенству отъ силы въ силу, постепенно вводятъ ее и въ возглавляющее состояніе христіанской любви, ибо всѣ подвиги и добродѣтели подготовляютъ для человѣка возможность спасительнаго Богообщенія, столь существеннаго въ отношеніи къ любви. Устойчивость и постоянство нашего душеспасительнаго подвига и преуспѣяніе въ христіанской

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 57.
[2]) Тамъ же, стр. 57—67.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 175; т. II, стр. 73—75.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 137.

жизни—приводятъ въ состояніе любви, колебаніе и пониженіе нашей духовной жизни—отдаляютъ отъ насъ эту добродѣтель и доводятъ насъ до затрудненительности даже теоретически ясно представить себѣ высоту, значеніе и возможность христіанской любви. По наставленію Епископа Игнатія, степень нашей любви къ Богу мы усматриваемъ съ особенною ясностію при молитвѣ, которая служитъ выраженіемъ этой любви и очень правильно названа въ отеческихъ писаніяхъ зерцаломъ духовнаго преуспѣянія. Когда при молитвѣ мы подвергаемся постоянной разсѣянности,—это служитъ признакомъ, что сердце наше находится въ плѣну у земныхъ пристрастій и попеченій, которыя не допускаютъ ему устремиться всецѣло къ Богу и пребывать при Немъ. Внимательная молитва служитъ признакомъ, что сердце расторгло нити пристрастій, и потому уже свободно направляется къ Богу, прилѣпляется къ Нему, усвоивается Ему.

На переходъ отъ разсѣянной молитвы къ молитвѣ внимательной, или отъ любви міра къ любви Бога, требуется продолжительное время, многія усилія, многія пособія. Нужно пособіе отъ поста, нужно пособіе отъ цѣломудрія и чистоты, нужно пособіе отъ нестяжательности, нужно пособіе отъ вѣры, нужно пособіе отъ смиренія, нужно пособіе отъ милости, нужно пособіе отъ Божественной благодати. При совокупномъ дѣйствіи этихъ пособій сердце отторгается отъ любви къ міру: человѣкъ, освобожденный отъ невидимыхъ цѣпей паденія и грѣховности, устремляется всѣмъ существомъ своимъ къ Богу. Познавъ высоту и блаженство этого состоянія, онъ старается чаще быть въ немъ. Любовь Божія доказываетъ ему опытно свое присутствіе въ немъ, и онъ доказываетъ свою любовь къ Богу внимательною, постоянною молитвою, нерасхищаемою помышленіями о предметахъ и дѣлахъ преходящаго міра. Первое духовное проявленіе любви къ Богу открывается въ ощущеніи страха Божія. Естественно, страху Божію быть началомъ любви и первымъ плодомъ внимательной молитвы. Какое иное чувство можетъ быть чувствомъ человѣка, обремененнаго безчисленными грѣхами и немощами, когда онъ ощутитъ присутствіе Бога и свое предстояніе Богу лицемъ къ лицу, какъ не чувство страха и глубочайшаго благоговѣнія? Когда мы бываемъ приглашены земнымъ царемъ, по его особенному благоволенію къ намъ, то первое чувство, объемлющее насъ при представленіи ему, есть чувство страха. Оно внушается и величіемъ царскаго сана, и великолѣпіемъ обстановки его, и ничтожностію нашего значенія предъ царемъ. Постепенно, при благосклонности пріема, страхъ начинаетъ изглаждаться, уступая чувствамъ удовольствія и любви. Въ отношеніяхъ нашихъ съ Богомъ совершается тоже. При появленіи въ душѣ блаженной чистоты, которою зрится Богъ, первоначально объемлетъ душу страхъ. Страхъ Божій, будучи дѣйствіемъ Божественной благодати, имѣетъ

свойственное себѣ духовное услажденіе. При постепенномъ усвоеніи нашемъ Богу это услажденіе усиливается и, наконецъ, преобразуется въ любовь, которая есть обильнѣйшее дѣйствіе той же Божественной благодати. Посильный трудъ человѣческій увѣнчивается даромъ Божіимъ.

Если не предваритъ со стороны человѣка трудъ, и не докажется вѣрность произволенія опытно,—не ниспосылается даръ свыше. Если не ниспошлется даръ, тщетенъ трудъ: окраденъ и поврежденъ онъ или небрежнымъ и двоедушнымъ совершеніемъ его, или примѣсію къ нему тщеславія и человѣкоугодія. За искреннее желаніе любви, за правильное стремленіе къ любви христіанинъ увѣнчивается даромъ христіанской любви. Любовь ко всему, что ни представляетъ преходящій міръ въ предметы любви, должна расторгнуться по неустранимому опредѣленію Божію, по которому мы должны въ свое время разстаться съ этими предметами; напротивъ, стяжавшій любовь къ Богу, стяжалъ Бога, который, содѣлавшись здѣсь, на землѣ, предметомъ любви и достояніемъ человѣка, пребываетъ имъ вѣчно [1]). Въ любви къ Богу и ближнему сосредоточивается весь законъ Божій, потому что любовь есть та добродѣтель, которая составляется изъ полноты всѣхъ прочихъ добродѣтелей [2]). Въ соображеніи сказаннаго выше о происхожденіи, сущности и значеніи любви, мы приходимъ къ заключенію, что христіанская любовь, какъ нравственное состояніе человѣка, а) пріобрѣтается всѣмъ ходомъ душеспасительнаго подвига, б) придаетъ послѣднему истинно-христіанскій смыслъ, в) возможна только при условіи напряженной самодѣятельности человѣка и помощи Божественной благодати, г) проникая собою весь душеспасительный процессъ и, еще болѣе, завершая и возглавляя его, христіанская любовь совпадаетъ съ душевнымъ спасеніемъ, понятія христіанской любви и вѣчнаго душевнаго спасенія по объему своему совпадаютъ.

2) По вопросу о частныхъ свойствахъ и видахъ христіанской любви, ученіе Епископа Игнатія, какъ и отмѣченное выше ученіе подвижниковъ-аскетовъ, имѣетъ съ одной стороны—особо-жизненную содержательность, а съ другой—въ сопоставленіи съ обычно жизненнымъ и схоластическимъ дѣленіемъ видовъ,—значительную оригинальность въ пониманіи этого предмета. Отмѣчаемыя особенности воззрѣній Епископа Игнатія по вопросу о христіанской любви въ достаточной мѣрѣ уясняются для насъ путемъ сопоставленія сужденій его по этому предмету.

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 257—259.

[2]) Тамъ же, стр. 2 9.

Понимая искупительный подвигъ Христа Спасителя, какъ величайшее и непостижимое дѣяніе Божественной Любви, дѣяніе Бога Любви, Епископъ Игнатій понимаетъ весь душеспасительный подвигъ какъ отзвукъ и пріобщеніе любовію человѣка къ Богу, къ Божественной Любви. Спасеніе святыхъ мучениковъ, преподобныхъ, спасеніе многихъ грѣшниковъ, угнетенныхъ скорбями и болѣзнями въ томъ и состояло, что они сраствориліись своею любовію съ Любовію Божественною. И потому, вообще, для спасенія необходимо отозваться на любовь къ намъ Господа нашего сочувствіемъ Его любви, жизнію по Его всесвятымъ заповѣдямъ. Этого знаменія любви Онъ требуетъ отъ насъ, и только это знаменіе любви Онъ пріемлетъ отъ насъ (Іоан. XIV, 23—24). Если мы не отзовемся на любовь Господа къ намъ любовію къ Нему, то кровь Богочеловѣка не пролита ли за насъ напрасно? Не напрасно ли возложена на крестный жертвенникъ и заклана Великая Жертва? [1]) Свойственно любви часто вспоминать и помышлять о любимомъ, свойственно любви часто направляться и устремляться сердцемъ и душою къ любимому. Непрестанно помнить любимаго и помышлять о немъ, непрестанно ощущать себя привлеченнымъ къ любимому свойственно любви совершенной. Богу угодно, чтобы такою совершенною любовію мы любили Его. Это естественно. Богъ—совершенъ, и Онъ долженъ быть любимъ любовію совершенною. Заповѣдь о любви къ Богу требуетъ, чтобы мы направили всецѣло къ Богу сердце, душу, умъ, и, прежде всего, оставили грѣховную жизнь [2]). Мы обязаны направить къ Богу всю волю свою. Какъ заботимся исполнять желанія любимыхъ нами, и для этого стараемся узнать ихъ желанія, изучить наклонности: такъ должны поступить и относительно Бога. Мы должны тщательно и подробно ознакомиться съ волею Божіею. Воля Божія открыта намъ въ законѣ Божіемъ, который—Евангеліе. Узнавъ волю Божію, мы должны исполнить ее, потому что этого требуетъ любовь. Она не довольствуется изученіемъ воли любимыхъ: она жаждетъ исполнять ее. Она для исполненія предается изученію; изучивъ, предается исполненію. Изученіе и исполненіе воли Божіей признается вѣрнымъ признакомъ любви къ Богу Самимъ Богомъ (Іоан. XIV, 21—24 [3]). Любящій Бога непрестанно памятуетъ Его. Живое и постоянное памятованіе Бога есть видѣніе Бога. Измѣняется душа, когда откроется въ ней духовное ощущеніе, при посредствѣ котораго ощущается присутствіе Божіе, и Невидимый содѣлывается Видимымъ. Жизнь человѣка начинаетъ протекать подъ взорами недремлющаго ока Божія, неуклонно смотрящаго на все и

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія т. IV, стр. 139.
[2]) Тамъ же, стр 250.
[3]) Тамъ же, стр. 252.

видящаго все, совершаемое нами и совершающееся съ нами. Жительствуя и дѣйствуя подъ взорами Бога, человѣкъ охраняется съ особенною тщательностію отъ грѣховъ, заботится съ особенною ревностію объ исполненіи заповѣдей Божіихъ. Когда настанетъ часъ разлученія души съ тѣломъ, вступленія въ вѣчность, тогда предстанетъ ему исполненное радости и утѣшенія сознаніе: сознаніе, что земная жизнь проведена не въ самозабвеніи, не въ самообольщеніи и увлеченіи суетностію и грѣхами, не въ забвеніи Бога,—а въ непрестанномъ памятованіи о Немъ, въ исполненіи Его всесвятой воли, подъ Его всесвятымъ руководствомъ [1]). Выражаясь въ напряженномъ памятованіи о Богѣ, въ изученіи и исполненіи воли Его, истинно-христіанская любовь къ Богу неразлучна съ смиреніемъ сердца и сокрушеніемъ духа [2]). Такимъ образомъ, любовь къ Богу вмѣщаетъ въ себѣ и совершенное Богопознаніе, и тщательное изученіе закона Божія, и неуклонное исполненіе воли Божіей, и достигаемое, при помощи благодати Божіей Богоощущеніе, переживаемое человѣкомъ, ревнующимъ о своемъ спасеніи, во время земной жизни и переходящее съ нимъ въ вѣчность, иначе сказать, въ такомъ пониманіи идея христіанской любви совпадаетъ съ идеей душевнаго спасенія. И хотя пріобрѣтеніе и осуществленіе христіанской любви къ Богу составляетъ всежизненное дѣланіе человѣка, для грѣшнаго человѣка часто представляющееся непосильнымъ, тѣмъ не менѣе необходимо всеусильно стремиться къ достиженію святой любви, но—непремѣнно тѣмъ путемъ, который указанъ намъ Самимъ Богомъ [3]).

Съ любовію къ Богу тѣсно связана **любовь къ ближнему**, и послѣдняя является важнѣйшимъ средствомъ для достиженія первой. Соотношеніе между любовію къ Богу и любовію къ ближнимъ, указанное св. Евангеліемъ (Мѳ. XXV, 40), малопонятно грѣшному человѣку. Нуженъ значительный душевный подвигъ, нужно содѣйствіе Божественной благодати, чтобы усвоить это понятіе сердцу, поврежденному грѣхомъ, чтобы имѣть его непрестанно въ памяти при сношеніи съ братіею. Когда же это понятіе по милости Божіей усвоится намъ, тогда оно сдѣлается источникомъ чистѣйшей любви къ ближнимъ, любви ко всѣмъ одинаковой. Причина такой любви одна—Христосъ, почитаемый и любимый въ каждомъ ближнемъ [4]). Хотя запо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 254—255, 257.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 129; „Богосл. вѣстникъ" за 1913 г., стр. 513, Сочиненія Епископа Игнатія, т. II, стр. 61.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 67. Къ вопросу о любви къ Богу имѣютъ ближайшее отношеніе слѣдующія мѣста твореній Епископа Игнатія: **Въ первомъ томѣ**: стр. 129—132, 175. **Во второмъ томѣ**: стр. 314—325. **Въ четвертомъ томѣ**: стр. 249—259. **Въ пятомъ томѣ**: стр. 87—90.

[4]) Соч. Еп. Игнатія, т. V, стр. 90, 191.

вѣдь о любви къ Богу столько возвышеннѣе заповѣди о любви къ образу Божію—человѣку, сколько Богъ возвышеннѣе Своего образа, однако заповѣдь о любви къ ближнему служитъ основаніемъ заповѣди о любви къ Богу. Кто не положилъ основанія, тотъ тщетно трудится надъ построеніемъ зданія: оно никакъ не можетъ устоять, не имѣя основанія. Любовію къ ближнему мы входимъ въ любовь къ Богу. Любовь къ Богу христіанина есть любовь ко Христу (1 Іоан. II, 23); а любовь къ ближнему есть любовь ко Христу въ ближнемъ: полюбивъ ближняго, полюбивъ его о Господѣ, т. е. по заповѣдямъ Господа, мы стяжаваемъ любовь ко Христу, и любовь ко Христу есть любовь къ Богу. Союзъ любви къ Богу съ любовію къ ближнему превосходно изображенъ въ посланіяхъ св. Евангелиста Іоанна Богослова [1]). Любовь къ ближнему въ обычныхъ разсужденіяхъ нерѣдко представляется болѣе доступною и легче исполнимою, чѣмъ любовь къ Богу, особенно когда идутъ разсужденія о любви къ человѣчеству, о любви къ ближнему вообще, безъ опредѣленія сферы приложенія такой любви къ условіямъ нашего житейскаго опыта. Въ минуту мягкосердечія и благонастроенности, при нашемъ личномъ благополучіи, представляется доступнымъ и даже легкимъ полюбить ближняго. Но при столкновеніи съ дѣйствительностію естественныя стремленія любви къ ближнему не выдерживаютъ самаго легкаго испытанія. Не подумай, возлюбленнѣйшій братъ, наставляетъ Святитель Игнатій, чтобы заповѣдь о любви къ ближнему была такъ близка къ нашему падшему сердцу: заповѣдь духовна, а нашимъ сердцемъ овладѣли плоть и кровь; заповѣдь новая, а сердце наше—ветхое [2]). Различаются два вида любви къ ближнему—естественная и благодатная. Для первой непонятными представляются и даже уродливыми свойства второй. Тотъ, кто по естеству способенъ съ горячностію любить ближняго, долженъ дѣлать себѣ необыкновенное принужденіе, чтобы полюбить его такъ, какъ повелѣваетъ любить Евангеліе. Пламеннѣйшая естественная любовь легко обращается въ отвращеніе, въ непримиримую ненависть (2 Цар. XIII, 15). Естественная любовь выражается и кинжаломъ. Въ язвахъ наша любовь естественная [3]). А любовь евангельская, благодатная, молится за враговъ, благословляетъ клянущихъ, творитъ добро ненавидящимъ, оставляетъ ближнему все, чтобы онъ ни сдѣлалъ противъ насъ [4]). Христіанская любовь къ ближнимъ связана съ самоотреченіемъ; ощутившій любовь духовную съ омерзеніемъ будетъ взирать на любовь плотскую, какъ на уродливое искаженіе любви [5]). Наперс-

---

[1]) Тамъ же, стр. 87; т. II, стр. 123, 128; т. IV, стр. 256.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 123.
[3]) Тамъ же, стр. 124.
[4]) Тамъ же, стр. 125.
[5]) Тамъ же, стр. 126.

никъ любви къ ближнему входитъ ею въ любовь къ Богу. Но если ты думаешь, что любишь Бога, а въ сердцѣ твоемъ живетъ непріятное расположеніе хотя къ одному человѣку, то ты—въ горестномъ самообольщеніи [1]). Совершенство любви заключается въ соединеніи съ Богомъ. И хотя преуспѣяніе въ любви сопряжено съ неизъяснимымъ духовнымъ утѣшеніемъ, наслажденіемъ и просвѣщеніемъ, но въ началѣ подвига ученикъ любви долженъ выдержать жестокую борьбу съ самимъ собою, съ глубоко поврежденнымъ естествомъ своимъ: зло, природившееся грѣхопаденіемъ естеству, сдѣлалось для него закономъ, воюющимъ и возмущающимъ противъ закона Божія, противъ закона святой любви. Любовь къ Богу основывается на любви къ ближнему [2]). Вѣрнымъ и яснымъ признакомъ нашего пріобщенія къ добродѣтели христіанской любви, по разъясненію Игнатія Брянчанинова, можетъ служить измѣненіе нашего отношенія къ ближнему: когда изгладится въ тебѣ памятозлобіе, тогда ты близокъ къ любви. Когда сердце твое осѣнится святымъ, благодатнымъ миромъ ко всему человѣчеству, тогда ты при самыхъ дверяхъ любви. Но эти двери отверзаются однимъ только Духомъ Святымъ. Любовь къ Богу есть даръ Божій въ человѣкѣ, приготовившемъ себя для принятія этого дара чистотою сердца, ума и тѣла. По степени приготовленія бываетъ и степень дара [3]). Но искорененіе въ сердцѣ памятозлобія къ ближнему и осѣненіе миромъ ко всему человѣчеству, благопріятное для стяжанія христіанской любви, никоимъ образомъ не мыслится въ твореніяхъ Игнатія Брянчанинова, какъ отвлеченное и общее: можно разсуждать о памятозлобіи и проявлять его въ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ, можно ничего не имѣть противъ человѣчества вообще, и, однако, быть завистливымъ и враждебнымъ въ отношеніи къ ближнему. По наставленіямъ Епископа Игнатія, христіанская любовь къ ближнему должна проникать собою всѣ наши отношенія къ людямъ. Слѣдующимъ образомъ возлюби ближняго: не гнѣвайся и не памятозлобствуй на него; не позволяй себѣ говорить ближнему никакихъ укорительныхъ, бранныхъ, насмѣшливыхъ, колкихъ словъ; сохраняй съ нимъ миръ по возможности своей; смиряйся предъ нимъ; не мсти ему ни прямо, ни косвенно; во всемъ, въ чемъ можно уступить ему, уступай; отучись отъ прекословія и спора, отвергни ихъ, какъ знаменіе гордыни и самолюбія; говори хорошо о злословящихъ тебя; плати добромъ за зло; молись за тѣхъ, которые устраиваютъ тебѣ различныя оскорбленія, обиды, напасти, гоненія (Мѳ. V, 21—48). Никакъ, ни подъ какимъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 128.
[2]) Тамъ же, стр. 130.
[3]) Тамъ же.

предлогомъ, не осуждай никого, даже не суди ни о комъ, хорошъ ли онъ или худъ, имѣя предъ глазами того одного худого человѣка, за котораго ты долженъ отвѣчать предъ Богомъ,—себя. Поступай относительно ближнихъ такъ, какъ бы ты желалъ, чтобы было поступлено относительно тебя (Мѳ. VII, 1—12). Ведя себя такъ по отношенію къ ближнему, ты окажешь и стяжешь къ нему заповѣданную Богомъ и Богу угодную любовь; ею отворишь себѣ входъ къ любви Божіей [1]). Но проявленіе миролюбія и уступчивости въ отношеніи къ ближнимъ, уклоненіе отъ осужденія ихъ, готовность самоотверженнаго служенія ихъ нуждамъ и желаніямъ, проявляемая нѣкоторыми христіанами, весьма часто осуждается другими и истолковывается въ смыслѣ искательства и человѣкоугодія. Какъ бы имѣя въ виду возможность недомыслій по вопросу о христіанской любви къ ближнему, Владыка Игнатій выясняетъ двѣ замѣчательныя черты христіанской любви къ ближнимъ: а) соотвѣтствіе ея ученію Евангелія о назначеніи человѣка и б) свободу любви къ ближнимъ отъ всякаго личнаго пристрастія.

а) Въ поясненіе перваго отмѣченнаго нами положенія— Владыка Игнатій, какъ мы только что замѣтили, разграничиваетъ любовь къ ближнему естественную и христіанскую. Естественная любовь къ ближнимъ выражается въ томъ, что сыны міра, недугующіе самолюбіемъ и порабощенные ему, выражаютъ любовь къ ближнему безразборчивымъ исполненіемъ всѣхъ пожеланій ближняго. Ученики Евангелія выражаютъ любовь къ ближнимъ исполненіемъ относительно ихъ всесвятыхъ заповѣданій Господа своего; удовлетвореніе пожеланіямъ и прихотямъ человѣческимъ они признаютъ душепагубнымъ человѣкоугодіемъ, и страшатся его столько же, сколько страшатся и убѣгаютъ самолюбія. Самолюбіе есть искаженіе любви по отношенію къ себѣ самому, человѣкоугодіе есть искаженіе любви по отношенію къ ближнему. Самолюбецъ губитъ себя, а человѣкоугодникъ губитъ и себя и ближняго. Самолюбіе—горестное самообольщеніе; человѣкоугодіе усиливается и ближняго содѣлать общникомъ этого самообольщенія [2]). Конечно, съ точки зрѣнія обычнаго, мірского настроенія, самоотверженіе христіанской любви въ отношеніи къ себѣ придаетъ несвойственную ей суровость, а отъ исключительнаго исполненія евангельскихъ заповѣдей христіанская любовь утрачиваетъ теплоту, дѣлается чѣмъ то холоднымъ и машинальнымъ. Но, съ точки зрѣнія христіанской, евангельскія заповѣди изгоняютъ изъ сердца плотскій огнь, который очень скоро потухаетъ при какой либо, иногда самомалѣйшей противности; но онѣ вводятъ огнь духовный, котораго не

---

[1]) Тамъ же, т. V, стр. 88—89.

[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 261. Письма Еп. Игнатія, напечат. въ „Богосл. вѣстн." за 1913 г. іюнь, стр. 201—202.

могутъ погасить не только злодѣянія человѣческія, но и самыя усилія падшихъ ангеловъ (Римл. VIII, 38). По утвержденію Святителя Игнатія,—только при условіи рѣшительной борьбы съ самолюбіемъ и самоотверженія возможно исполнить относительно ближняго нашего всесвятую заповѣдь Господа о любви [1]). Изъ приведенныхъ соображеній мы приходимъ къ выводу, что христіанская любовь къ ближнимъ, какъ тѣсно связанная съ самоотверженіемъ, совершенно чужда человѣкоугодія и ласкательства, а въ содержаніи своемъ всего болѣе проявляетъ элементы вѣчнаго спасенія.

б) По содержанію второго положенія—о безпристрастіи и безстрастіи христіанской любви къ ближнимъ, Епископъ Игнатій отмѣчаетъ особенную легкость, благополучіе, блаженную чистоту, когда человѣкъ не останавливаетъ въ себѣ чувствъ расположенія къ ближнимъ, но служитъ только проводникомъ ихъ къ святому чистому небу, когда онъ говоритъ Богу о возлюбленныхъ своихъ: „Боже, они—Твое достояніе,—Твои созданія! Твое Тебѣ принадлежитъ, а я—что?—Кратковременный странникъ на землѣ, внезапно на ней являющійся и внезапно съ нея исчезающій“. Кто такимъ образомъ очищаетъ любовь отъ самолюбія и пристрастія, тотъ обрѣтаетъ въ себѣ чистую любовь, любовь въ Богѣ [2]). По этому наставленію христіанская любовь къ ближнимъ: а) чужда всякаго пристрастія и самаго тонкаго своекорыстія: не есть любовь для себя; б) возможна лишь при условіи самоотверженія, когда человѣкъ рѣшительно всталъ на путь спасенія, и в) имѣетъ главнымъ мотивомъ вѣчность и душевное спасеніе свое и ближнихъ. При наличности этихъ элементовъ въ христіанской душѣ—человѣкоугодіе и искательство становятся совершенно чуждыми ей. При наличности этихъ элементовъ въ христіанской душѣ для нея становится не только понятною, доступною познанію, но и осуществимою въ жизни духовной и внѣшней христіанская любовь къ врагамъ, столь непонятная и даже неестественная съ точки зрѣнія грѣховнаго міра. Любовь къ врагамъ есть высшая степень узаконенной Евангеліемъ любви къ ближнему. Достигшій любви къ врагамъ, достигъ совершенства въ любви къ ближнему, и ему сами собою отворились врата любви къ Богу. Всѣ препятствія отклонены. Вѣчные затворы и замки разслабѣли и развернлись. Уже христіанинъ не осуждаетъ ближняго; уже онъ отпустилъ ему всѣ согрѣшенія его; уже онъ молится за него, какъ за своего сочлена, принадлежащаго одному тѣлу; уже онъ призналъ и исповѣдалъ, что всѣ скорби, случающіяся рабу Божію, по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 261—262.
[2]) Тамъ же, стр. 493—494.

пускаются не иначе, какъ по мановенію Божію; уже онъ покорился волѣ Божіей во всѣхъ обстоятельствахъ, частныхъ и общественныхъ, и потому, съ свободою, какъ наперсникъ священнаго мира, какъ исполнившій относительно ближняго все, повелѣнное Богомъ, вступаетъ въ объятія Божественной любви. Этого христіанинъ не можетъ достичь, если не подвергнется различнымъ искушеніямъ отъ человѣковъ, и по причинѣ искушеній не извергнетъ изъ себя, какъ бы отъ дѣйствія очистительнаго врачевства, всей злобы и гордыни, которыми заразилось падшее естество [1]). Такимъ образомъ, любовь къ врагамъ: а) есть высшее проявленіе христіанской любви; б) она является, какъ завершительная высшая ступень въ несеніи христіанскаго подвига—скорбей и искушеній; в) она возможна при условіи полнаго самоотверженія; г) она выражается не только въ переживаемомъ внутреннемъ настроеніи всепрощенія и духовнаго мира въ отношеніи къ врагамъ, но—и во внѣшнихъ проявленіяхъ. По евангельскому наставленію (Мѳ. V, 44), любовь къ врагамъ должна выражаться въ прощеніи нанесенныхъ ими обидъ, въ молитвѣ за нихъ, въ благословеніи ихъ, т. е. въ благихъ словахъ о нихъ и въ благодареніи Бога за наносимыя ими напасти, въ благотвореніи имъ соотвѣтственно силамъ и духовному преуспѣянію, въ благотвореніи, которое можетъ простираться до принятія тѣлесной смерти для спасенія врага; но эта любовь не должна быть слѣпою, безразсудною, но освѣщенною духовнымъ разсужденіемъ (Мѳ. X, 16, 22) [2]). Владыка Игнатій въ подлежащихъ случаяхъ внушаетъ взглядъ на враговъ, какъ на орудія нашего спасенія, какъ на средство войти въ чистоту сердечную, которою является и любится Богъ, а заповѣдь о любви къ врагамъ называетъ высшею между заповѣдями, данными намъ по отношенію къ ближнему [3]). Такого рода просвѣтленная и всеобъемлющая любовь къ ближнимъ и даже къ врагамъ своимъ есть высшее проявленіе христіанской любви и есть даръ Божій.

Часто и усердно наставляя ближнихъ о любви къ Богу и ближнимъ, примѣняя заповѣдь о любви къ различнымъ условіямъ и потребностямъ быта и жизни, Владыка Игнатій весьма рѣдко и совсѣмъ въ необычномъ смыслѣ говоритъ о любви къ себѣ. Мы привыкли къ схоластической классификаціи по данному вопросу, привыкли различать любовь къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ и, ставя послѣдній видъ любви по естественному, грѣховному человѣку выше всѣхъ, съ точки зрѣнія ея привычно опредѣлять наши отношенія къ Богу и

---

[1]) Тамъ же, т. V, стр. 145—146.

[2]) Тамъ же, т IV, стр. 521—522.

[3]) Письма Епископа Игнатія („Богосл. вѣстникъ", стр. 711—714, за 1913 г., сентябрь, стр. 6.

ближнимъ. Не такъ, однако, по нашему пониманію, мыслятъ по этому вопросу аскеты, а за ними иначе, необычно для насъ мыслитъ по этому вопросу и Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Наша собственная личность, естественная, грѣховная, себялюбивая, завистливая, полная самости мысли и душепагубнаго міролюбія, съ точки зрѣнія душевнаго спасенія, можетъ вызывать только отрицательное къ себѣ отношеніе и ни въ какомъ случаѣ—не любовь; любить нашу грѣховную, извращенную личность, нашу дѣйствительную, реальную въ условіяхъ земной жизни личность, намъ рѣшительно не за что, она не можетъ вызывать нашей любви, и если эта любовь и проявляется въ насъ „по человѣку глаголя“, и даже ставится на первый планъ, то, въ отношеніи къ душевному спасенію, это—весьма печальное и скорбное явленіе. Любовь къ себѣ для спасенія надо отвергнуть; для спасенія нужно самоотреченіе и самоотверженіе, отреченіе отъ всего, что нашъ грѣховный человѣкъ считаетъ богатствомъ и пріобрѣтеніемъ въ вѣкѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ; для спасенія необходимо отвергнуть самость, міролюбіе и себялюбіе; для спасенія необходима естественно слѣдующая за самоотреченіемъ нищета духовная и медленное восхожденіе по лѣствицѣ спасенія путемъ борьбы съ грѣхомъ и евангельскаго добродѣланія. Любовь къ ближнему и, особенно, къ врагамъ нашимъ евангельски естественна, для спасенія необходима; любовь къ ближнимъ есть путь ко спасенію: она вводитъ въ любовь къ Богу, вводитъ насъ въ Богообщеніе, вводитъ, такимъ образомъ, въ обитель спасенія. И если я, по милости Божіей, достигъ способности христіанскаго самовоззрѣнія, зрѣнія грѣха своего,—то я убѣждаюсь въ томъ, что зло прилежитъ мнѣ отъ юности моей, что нѣтъ добра моего, которое не осквернялъ бы и не принижалъ бы во мнѣ грѣхъ; любить свое грѣховное *я* ревнителю спасенія неестественно, тогда какъ любовь къ ближнему не только естественна для ищущаго спасенія, но и положительно необходима, хотя бы уже по тому одному, что она помогаетъ спасающемуся избавиться отъ душепагубнаго себялюбія. Намъ понятно, полагаемъ отсюда, почему Святитель Игнатій нигдѣ не говоритъ о любви къ себѣ въ обычномъ, принятомъ смыслѣ этого понятія, и много говоритъ о самоотверженіи и любви къ ближнимъ; если же онъ говоритъ когда либо о христіанской любви къ себѣ, то—совершенно въ иномъ, противъ обычнаго, смыслѣ: говоритъ о любви къ путямъ и условіямъ спасенія, которыя для спасающагося становятся *его путями и условіями*, моими путями, моею жизнію; въ нихъ выражается мое спасающееся *я*. Въ этомъ смыслѣ разсужденія о любви къ себѣ имѣютъ мѣсто въ твореніяхъ Епископа Игнатія. Человѣкъ, который окажется способнымъ для милости къ самому себѣ и сотворитъ эту милость, напитавъ Словомъ Божіимъ гладную душу свою, напоивъ ее ощущеніями, исходящими изъ Святаго Духа, отвлекши

отъ гибельнаго странствованія по различнымъ видамъ грѣха, введши въ домъ благочестія и добродѣтели, одѣявъ ее добрыми дѣлами, исцѣливъ прежнія согрѣшенія исповѣданіемъ ихъ и противоположною имъ дѣятельностію, изведши себя изъ темницы плотскаго мудрованія и состоянія въ разумъ и состояніе духовные,—признанъ будетъ содѣлавшимъ все это Самому Господу Іисусу Христу. Любовь—союзъ христіанскаго совершенства (Кол. III, 14) [1]). По наставленію Епископа Игнатія, правильная любовь къ себѣ заключается въ исполненіи животворящихъ Христовыхъ заповѣдей. Если ты не гнѣваешься и не памятозлобствуешь, то—любишь себя. Если не клянешься и не лжешь,—любишь себя. Если не обижаешь, не похищаешь, не мстишь; если долготерпѣдивъ къ ближнему твоему, кротокъ и незлобивъ,—ты любишь себя. Если благословляешь клянущихъ тебя, творишь добро ненавидящимъ тебя, молишься за причиняющихъ тебѣ напасти и воздвигающихъ на тебя гоненіе,—то любишь себя; ты—сынъ Отца Небеснаго, Который Своимъ солнцемъ сіяетъ на злыхъ и благихъ, Который посылаетъ дожди Свои и праведнымъ и неправеднымъ. Если приносишь Богу тщательныя и теплыя молитвы изъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго, то любишь себя. Если ты воздерженъ, не тщеславенъ, трезвенъ, то любишь себя. Если ты милостынею къ нищей братіи переносишь твое достояніе съ земли на небо, и твое тлѣнное имѣніе содѣлываешь нетлѣннымъ, а временную собственность—собственностію вѣчною и неотъемлемую,—то ты любишь себя. Если ты до того милостивъ, что соболѣзнуешь всѣмъ немощамъ и недостаткамъ ближняго твоего и отрицаешься отъ осужденія и уничиженія твоего ближняго, то ты любишь себя. Въ то время, какъ ты воспрещаешь себѣ сужденіе и осужденіе ближняго, какъ не имѣющій на это права,—правосудный и милосердый Богъ устраняетъ праведное сужденіе и отмѣняетъ праведное осужденіе, заслуженныя тобою за многіе грѣхи твои. Желающій правильно любить себя, не обольщаться и не увлекаться самолюбіемъ, т. е. своею падшею волею, руководимою лжеименнымъ разумомъ, долженъ тщательно изучить евангельскія заповѣди, которыя заключаютъ въ себѣ духовный разумъ и приводятъ исполнителя къ ощущеніямъ новаго человѣка [2]). Таково пониманіе Епископомъ Игнатіемъ христіанской любви къ себѣ: любовь къ себѣ—безъ самолюбія, любовь съ самоотреченіемъ и самоотверженіемъ, любовь къ себѣ съ самозабвеніемъ, съ видѣніемъ предъ собою только Бога и ближняго, съ любовію къ послѣднему въ той мѣрѣ и силѣ, какъ въ обычной суетной жизни не думающій о спасеніи человѣкъ любитъ свое грѣховное *я*, которое для него выше всего. Обычная, въ мірскомъ

---

[1]) Сочиненія Епископа Игнатія, т. IV, стр. 43—44, 494.

[2]) Тамъ же, стр. 260, 259, 261.

смыслѣ, любовь къ себѣ въ вышеприведенномъ пониманіи явно отрицается. Для грѣшнаго человѣка, конечно, —„жестоко слово сіе“. Но не чувствуя себя въ силахъ войти въ добродѣтель любви христіанской въ полной мѣрѣ, мы не должны отказываться отъ нея всецѣло и рѣшительно, а—усиливаться внимательно и съ понужденіемъ осуществлять эту душеспасительную добродѣтель въ мѣрѣ относительной; равнымъ образомъ, не умѣя и не имѣя силъ молиться истинною молитвою, нельзя отклоняться отъ молитвеннаго подвига, а—понуждать себя къ молитвѣ несовершенной, чтобы, по мѣрѣ длительности подвига и добродѣланія и являемаго нами усердія, Господь сподобилъ насъ дара истинной молитвы и самоотверженной истинно-христіанской любви. Не имѣя силъ и навыка къ обильному воздѣлыванію духовной нивы, мы должны терпѣливо [1]) сѣять на ней хотя бы понемногу, хотя бы и нечисто, чтобы не умереть съ голоду [2]). Упражненіе въ добродѣтели должно соотвѣтствовать образу жизни и духовнаго развитія, добродѣтель должна индивидуализироваться. Упражненіе въ добродѣтеляхъ, не соотвѣтствующихъ образу жизни, дѣлаетъ жизнь безплодною. И жизнь истощается напрасно, и пропадаютъ добродѣтели: душа не можетъ долго удержать ихъ при себѣ, должна ихъ скоро оставить, потому что они ей не подъ силу. Превышающее силы и способности, упражненіе въ возвышенныхъ добродѣтеляхъ нерѣдко повреждаетъ душу неисцѣльно, растраиваетъ ее, надолго, иногда на всю жизнь, дѣлаетъ неспособною къ подвигамъ благочестія. Не думайте, говоритъ Владыка Игнатій, что возвышенный подвигъ, для котораго еще не созрѣла душа ваша, поможетъ вамъ. Нѣтъ! Онъ больше разстроитъ васъ: вы должны будете оставить его, а въ душѣ вашей явится уныніе, безнадежіе, омраченіе, ожесточеніе. Въ такомъ расположеніи вы попустите себѣ большія погрѣшности, большія нарушенія закона Божія, нежели въ какія впадали прежде. Къ ветхой ризѣ не приставляютъ заплаты новой [3]). Помимо примѣнительной къ состоянію нашему высоты добродѣтелей и подвиговъ, необходима примѣнительность и въ отношеніи къ роду добродѣтелей. Здѣшняя жизнь —точно поле, усѣянное различными посѣвами хлѣба и овощей, усаженное многочисленными, разнородными плодовитыми деревьями и кустарниками; люди—точно дѣлатели; одинъ способенъ водиться за виноградными лозами, другой— за овощами, иной—сѣять хлѣбъ, иной—орать землю, иной—лишь исторгать терніе. Каждый да трудится въ томъ участкѣ добродѣтелей, къ которымъ онъ способенъ, къ которымъ призванъ Богомъ, являющимъ призваніе Свое разумному созданію

[1]) Тамъ же, стр. 434, 442; т. I, стр. 320—332.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 487.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 502.

тѣми способностями душевными, которыя Онъ даровалъ этому созданію [1]). Выдѣляясь и видоизмѣняясь примѣнительно къ духовной индивидуальности человѣка, къ возрастамъ [2]) и жизненнымъ положеніямъ человѣка, добродѣтели христіанскія имѣютъ цѣлію прежде всего и по преимуществу, конечно, душевное спасеніе человѣка: вглядываясь въ Евангеліе и узнавая недостатки свои, мы должны выбрасывать изъ себя понятія и свойства ветхости нашей, замѣнять ихъ мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми. Въ этомъ состоитъ задача, урокъ, которые долженъ разрѣшить, выполнить христіанинъ во время земной жизни своей. Надо изобразить на душѣ портретъ Христовъ, сообщить ей сходство съ ея первообразомъ. Портреты, лишенные сходства, будутъ отвергнуты на той всеобщей выставкѣ, на которой каждый изъ человѣковъ будетъ испытанъ, въ какой степени онъ сохранилъ и обновилъ въ себѣ образъ и подобіе Творца и Бога своего. Образы, на которыхъ столько искажены всѣ черты и краски, что потеряно все сходство, все подобіе, услышатъ: „не вѣмъ васъ“! Они не будутъ узнаны. Отъ нихъ откажется Господь [3])! Но духовно, индивидуально и сокровенно совершаемый христіаниномъ подвигъ душевнаго спасенія—для вѣчности отражается по необходимости и на дѣлахъ временности и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ выше и вліятельнѣе внѣшнее земное положеніе человѣка. Добродѣтель необходима въ совершеніи дѣлъ временности въ предѣлахъ семьи, духовнаго и гражданскаго начальствованія и руководства народною жизнію. Подлинный успѣхъ или неуспѣхъ всякаго рода общественной дѣятельности зависитъ, по убѣжденію Епископа Игнатія, отъ степени духовнаго добродѣланія. Правитель обязанъ возстановить во первыхъ законное, Богомъ предначертанное управленіе въ самомъ себѣ, чтобы стяжать власть надъ самимъ собою. Иначе возможетъ ли онъ удержаться отъ дѣйствій по внушенію пристрастій и страстей? Послѣдствіе такихъ дѣйствій—разстройство общества; послѣдствіе такихъ дѣйствій—частныя и общественныя злодѣянія, возрастающія нерѣдко до громадныхъ размѣровъ. Стяжавъ власть надъ собою, правитель долженъ стяжать власть надъ страстями второстепенныхъ, подчиненныхъ ему распорядителей, чтобы не увлекаться ихъ страстями, ихъ лжеименнымъ разумомъ, ихъ лестію, ихъ наговорами, чтобы изъ правителя не сдѣлаться рабомъ, чтобы сила не обратилась въ орудіе. Только при свѣтѣ духовнаго разума онъ возможетъ разоблачать въ своихъ ближнихъ лукавство, обманъ, предательство, злоумышленія, клеветы, своекорыстіе. Дѣйствія

---

[1]) Тамъ же, стр. 458.
[2]) Тамъ же, стр. 444.
[3]) Тамъ же, стр. 504—506, 529.

пристрастныя, хотя бы они имѣли видъ величайшихъ добрыхъ дѣлъ, въ сущности всегда имѣютъ видъ дѣлъ злыхъ: увѣнчивается имъ порокъ, попирается ими добродѣтель, попирается благо частное и общественное, А потому не должно увлекаться ни сладкимъ словомъ, ни райскою улыбкою, сіяющею на устахъ, никакою наружностію; не должно судить о людяхъ изъ плотскаго мудрованія; нужно доставить своему разуму правильность и святость, и тогда уже судить о людяхъ по плодамъ ихъ. Правосудіе, истекающее изъ духовнаго разума, исполнено премудрости, спокойствія, благости: оно чуждо жестокости; оно не воспламеняется гнѣвомъ на согрѣшающихъ человѣковъ; оно сострадаетъ имъ, милосердствуетъ о нихъ; оно съ твердостію врачуетъ и обуздываетъ согрѣшенія; оно безсмысленныя и безчеловѣчныя казни замѣняетъ мѣрами болѣе дѣйствительными, мѣрами мудрыми [1]). По справедливому убѣжденію Епископа Игнатія, живость, ясность и опредѣленность христіанскаго настроенія въ отношеніи къ вопросу о спасеніи благотворно отражается и на всѣхъ внѣшнихъ житейскихъ и временныхъ дѣлахъ. По его мнѣнію, величайшее пріобрѣтеніе для государственнаго человѣка—взглянуть на землю съ высоты христіанскаго идеала. Это—пріобрѣтеніе для христіанина и человѣка вообще, какъ наслѣдника вѣчности. Опредѣлительность въ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ имѣетъ необыкновенную цѣну; неопредѣлительность—большой недостатокъ, отзывающійся на всѣхъ дѣйствіяхъ шаткостію, непрочностію. Изученіе духа даетъ человѣку характеръ постоянный, соотвѣтствующій вѣчности. Горизонтъ для него расширяется; взоры его досягаютъ за предѣлы вещества и времени, оттуда приносятъ твердость неземную [2]). Служа наилучшимъ средствомъ самопознанія [3]), христіанскія добродѣтели ведутъ къ очищенію души и тѣмъ усиливаютъ религіозно-нравственную убѣжденность и соотвѣтственную духовную жизнь человѣка. Конечная цѣль подвиговъ и добродѣтелей христіанскихъ заключается въ душевномъ спасеніи, а для осуществленія этой цѣли необходимо тщательно перепахать свою духовную ниву: свой гордый и слѣпой умъ и извращенную волю склонить въ послушаніе заповѣдямъ Христовымъ, согласить испорченное, упорное сердце съ ученіемъ Христовымъ, на путь спасенія поставить самую тѣлесную жизнь [4]). Трудъ христіанскаго добродѣланія въ общемъ строѣ душеспасительнаго подвига составляетъ необходимое звено: созиданіе души, основанное не на исполненіи заповѣдей, но на однихъ подвигахъ, непрочно, суетно; не

---

[1]) Тамъ же, стр. 192—194.
[2]) Тамъ же, стр. 444.
[3]) Тамъ же, стр. 23—24.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 68.

можетъ оно выдержать ни скорбей отъ человѣковъ, ни искушеній отъ бѣсовъ, чуждо свѣта, полно мрака и самообольщенія. Не замѣнится исполненіе заповѣдей никакими подвигами, не замѣнятъ ихъ даже чудеса [1]). Различны и многообразны пути земного добродѣланія, но всѣ они приводятъ ко Христу и душевному спасенію. Добродѣтель приведетъ ко Христу всѣхъ питомцевъ своихъ. Она приведетъ тѣхъ, которые совершали ее вещественно, которые насыщали алчущую братію, принимали въ домы странниковъ, одѣвали нагихъ, посѣщали болящихъ и заключенныхъ въ темницѣ. Приведетъ милость, и вообще христіанская добродѣтель, предъ Христа тѣхъ, которые творили ее сокровенно въ душахъ своихъ и миловали ближняго, охраняясь осуждать ближняго при его преткновеніяхъ, прощая ему оскорбленія и обиды, воздавая ему за клятву благословеніемъ и за злодѣяніе благотвореніемъ. Приведетъ она предъ Христа пастырей церковныхъ, которые преподавали братіи своей нетлѣнную пищу—Слово Божіе, которые обнаженныхъ грѣхомъ одѣвали въ ризы добродѣтелей, доставляли духовное врачевство болящимъ душамъ и долготерпѣливо посѣщали назиданіями своими заключенныхъ въ темницахъ невѣрія или мрачнаго заблужденія. Приведетъ милость предъ Христа смиренныхъ иноковъ, которые стяжали таинственное и существенное познаніе живущаго въ себѣ Христа, взалкались блаженною алчбою евангельской правды, потщались облечь себя въ преподобіе и святыню, очистились отъ самыхъ утонченныхъ недуговъ человѣчества—житейскихъ пристрастій и тѣмъ достигли евангельской свободы. Приведетъ милость предъ Христа и тѣхъ, которые возмогли оказать милость лишь самимъ себѣ, посѣтивъ себя разсматриваніемъ себя и освободивъ себя отъ нищеты, отъ болѣзни, отъ темницы грѣховной покаяніемъ. Имѣя въ виду всѣ христіанскія добродѣтели, какъ путеводительныя ко Христу, Епископъ Игнатій особенно говоритъ о милости, которая болѣе всего потребуется на судѣ Христовомъ, какъ дѣятельное выраженіе и опытное доказательство любви [2]). И это дѣятельное проявленіе нашего христіанскаго настроенія возможно и доступно для христіанина на всѣхъ ступеняхъ жизненной лѣствицы, во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ и состояніяхъ, вездѣ христіанину дана возможность сообразно добродѣтельному жительству на землѣ устроять душевное спасеніе въ вѣчности [3]). Исполненіе евангельскихъ заповѣдей увѣнчивается соединеніемъ человѣка съ Богомъ, исцѣлившись отъ злобы на ближняго, направивъ всѣ силы души и тѣла къ Богу, ученикъ Христовъ признается любящимъ Бога и достигаетъ Богообще-

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 60.
[2]) Тамъ же, стр. 42—43.
[3]) Тамъ же, стр. 234—235.

нія. „Любяй Мя", говоритъ Спаситель, „возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ. Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ" (Іоан. XIV, 21, 23). Человѣкъ дѣлается способнымъ къ любви Божіей отъ исполненія любви къ ближнему и путемъ самоотреченія [1]). Вступленіе на путь спасенія совершается съ понужденіемъ нашей грѣховной природы (Мѳ. XI, 12), но оно уже сообщаетъ отраду Богообщенія, безконечнаго, вѣчнаго, ибо „конецъ—безконеченъ" [2]).

Изъ обильной духовной житницы твореній Епископа Игнатія Брянчанинова мы получили довольное и душеполезное питаніе „единое на потребу"; усвояя себѣ это вожделѣнное питаніе, мы, можетъ быть,—и это желательно и необходимо,—почувствуемъ духовную алчбу, будемъ усиленно томиться духовной жаждой, а жизнь въ духовномъ отношеніи будетъ представляться намъ мрачною и малоплодною пустыней,—но окормляющій насъ духовно Святитель Игнатій не только не лишаетъ насъ безконечно-повторнаго питанія, но и ведетъ насъ къ неистощимымъ, намъ доступнымъ, но нами забываемымъ, источникамъ духовнаго возрожденія, указываетъ пути къ нимъ и руководитъ нашимъ восхожденіемъ.

Изъ богатой духовной сокровищницы всежизненнаго и неутомимаго собирателя спасительныхъ цѣнностей мы изнесли на духовную потребу свою и единомысленныхъ ближнихъ нашихъ безконечно богатящія насъ духовныя драхмы, сосуды златы и сребряны, довольные, при условіи нашего смиреннаго и неослабнаго труда въ дальнѣйшемъ надъ приращеніемъ полученныхъ талантовъ, сдѣлать насъ, ничего неимѣющихъ,—богатящими себя и многихъ; и хотя, какъ то бываетъ и съ владѣльцами сокровищъ мамоны неправды,—получивъ духовныя цѣнности, постепенно при помощи Божіей усвояя ихъ и безконечно умножая, мы будемъ совершенно искренно мыслить себя не богатыми, а нищими духомъ, но—сокровищница нашего духовнаго благодѣтеля всегда открыта для насъ; владѣя ея достояніемъ, мы отверзаемъ очи свои къ видѣнію другихъ источниковъ неисчерпаемыхъ духовныхъ богатствъ, богатствъ неиждиваемыхъ и безмѣрно возрастающихъ по мѣрѣ траты ихъ на наше и ближнихъ душевное созиданіе, и, наоборотъ, мы подлежимъ карѣ за сокрытіе богатящихъ даровъ, подобно зарывшему талантъ господина въ землю и возвратившему безъ пріумноженія.

Изъ отчета Епископа Игнатія по согляданію имъ земли обѣто-

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 518—519.
[2]) Тамъ же, стр. 175.

ванной, точащей духовные дары и блага [1]), путей и средствъ къ спасенію вѣчному,—мы извлекли многія, по нашему мнѣнію, наиболѣе цѣнныя страницы, содержаніе которыхъ представляется, при помощи Божіей, осуществимымъ не въ условіяхъ только исключительно-высокаго подвига жизни иноческой, но и въ строѣ жизни мірской, разумѣется, при необходимомъ согласованіи ея съ премірными задачами временнаго бытія. Мы прослѣдили и въ относительной мѣрѣ усвоили многія страницы изъ отчета Епископа человѣческаго сердца [2]), человѣческой души, своей души и своего сердца, являющіяся результатомъ многолѣтняго наблюденія и духовнаго опыта, и приходимъ къ заключенію, что эти страницы наблюденій невольно будятъ и нашу личную наблюдательность, усиливаютъ ее, и не даютъ возможности оставаться равнодушными въ отношеніи къ вопросамъ душевнаго спасенія, къ вопросамъ вѣчности.

Творенія Епископа Игнатія Брянчанинова оживляютъ наше сознаніе въ отношеніи исключительной важности и необходимости душевнаго спасенія. Жизнь представляется Епископу Игнатію въ нѣкоторомъ отношеніи обширнымъ лѣсомъ, въ которомъ блуждаютъ сбившіеся съ дороги путники. И ему хотѣлось бы иногда, чтобы призывный голосъ его, изъ монастырскаго уединенія несущійся въ жизнь, былъ бы подобенъ благодѣтельному звону церковнаго колокола, который на сѣверѣ въ темную туманную ночь или во время зимней метели и вьюги указываетъ направленіе дороги для подвергающихся опасности путниковъ [3]). Изучая творенія Владыки Игнатія, мы и приходимъ къ заключенію, что голосъ и мысли его, дѣйствительно, имѣютъ для духовной жизни значеніе путеводнаго маяка или призывнаго колокола, ибо они ясно и опредѣленно указываютъ путь жизни, путь душевнаго спасенія, настойчиво и немолчно, но—и отечески участливо увѣщеваютъ своихъ братій во Христѣ къ пересмотру своей духовной жизни, къ спасительному самоиспытанію, ясно и содержательно указываютъ сущность и порядокъ душевнаго спасенія, отмѣчая послѣднее, какъ громадный и важнѣйшій всежизненный вопросъ, а не случайную и незначительную задачу, выполняемую человѣкомъ лишь между прочимъ и попутно. Творенія Святителя Игнатія заставляютъ читателя подумать о своемъ душевномъ спасеніи, подумать и о жизни временной съ точки зрѣнія посмертной вѣчности; они возбуждаютъ жажду душевнаго спасенія и гонятъ губительную теплохладность. Будучи по замыслу Преосвященнаго автора духовнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ въ концѣ земного

[1]) Сочиненія Еп. Игнатія, т. I, стр. 84.
[2]) Тамъ же, т. III. стр. 313.
[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 437.

странствованія, на духовныя блага, которыми ущедрила его десница Божія [1]), творенія его невольно сродняютъ читателя съ блаженною душою завѣщателя и, призывая къ исполненію завѣщанія, тѣмъ самымъ вводятъ исполнителей во владѣніе духовными благами, опытно познанными завѣщателемъ, и даже, если мы, по косности и теплохладности своей духовной, остаемся лишь слушателями и не находимъ силъ быть безотлагательно и немедленно исполнителями доставшагося намъ завѣщанія,—святая правда послѣдняго и безспорная цѣнность отмѣченныхъ въ немъ духовныхъ пріобрѣтеній и богатствъ не подлежатъ для насъ никакому сомнѣнію, и, будучи слушателями и читателями завѣщанія, и, отказываясь или замедляя приступить къ его исполненію, мы не можемъ освободиться отъ укоризны, не можемъ считать себя безвинными, какъ и наслѣдники богатствъ временныхъ, небрегущіе о волѣ завѣщателя. По богатству и обилію своего содержанія завѣщаніе Владыки Игнатія,—его шеститомныя сочиненія являются весьма цѣннымъ источникомъ богословскаго вѣдѣнія по отдѣлу православно-христіанскаго нравоученія и аскетики. Имѣя главнымъ своимъ предметомъ вопросъ о душевномъ спасеніи, объ основаніяхъ, условіяхъ и источникахъ его разрѣшенія,—не въ интересахъ лишь познавательныхъ, а и преимущественно, какъ вопросъ нашей духовной жизни: „Что есть духовная жизнь, и какъ на нее настроиться“? „Какъ понимать и какъ осуществить въ подвигѣ жизни своей душевное спасеніе“?,— „Аскетическіе опыты“. „Аскетическая проповѣдь“, „Приношеніе современному монашеству“ и „Отечникъ“, какъ духовное завѣщаніе Святителя Игнатія, назначаются не къ ограниченному, хотя и весьма обширному, кругу его непосредственныхъ учениковъ и почитателей современниковъ, но и ко всѣмъ ревнителямъ спасенія, тѣмъ самымъ вступающимъ въ духовное родство съ подвижникомъ-завѣщателемъ. Намъ кажется, что заключительныя слова духовнаго завѣщанія Святителя брату-послушнику и подвижнику П. А. Брянчанинову неизгладимо вписаны на всѣхъ многочисленныхъ страницахъ его душеспасительныхъ твореній. „Милосердый Господь, по единой милости Своей да отверзетъ мнѣ врата милосердія Своего, да приметъ въ нихъ сиротствующую и нищую душу мою изъ среды многомятежнаго міра сего, да упокоитъ ее во Царствіи Своемъ. Въ свою чреду, которая непремѣнно наступаетъ для каждаго земного странника, воззваны будете и вы предстать Господу. Отъ всея души желаю, чтобы это воззваніе было услышано вами съ радостію, какъ призваніе къ радости вѣчной, не навѣтуемой и непресѣкаемой уже никакою скорбію“. Выраженное въ

[1]) Тамъ же, т. V, предисловіе.

этихъ словахъ молитвенное пожеланіе вѣчнаго наслѣдія по милости Божіей есть наилучшее пожеланіе каждаго православнаго христіанина. Указанная въ концѣ завѣщанія неизбѣжность жизненнаго исхода и радостное воззрѣніе на него, какъ на призывъ „къ радости вѣчной, ненавѣтуемой и непресѣкаемой уже никакою скорбію“, есть опредѣленное и ясное выраженіе христіанскаго упованія Святителя Игнатія и его братски отеческихъ пожеланій всѣмъ, усвояющимъ его.

Благоговѣйный ученикъ Евангелія, смиренный и подвиголюбивый послушникъ Святыхъ Отцовъ Церкви и подвижниковъ благочестивой древности, усердный и неослабный дѣлатель Божіей нивы, перепахавшій свою духовную ниву до уподобленія ея плодоноснымъ нивамъ своихъ наставниковъ, Святитель Игнатій бережно и осторожно, но и рѣшительно и увѣренно вводитъ насъ въ высшую школу богословскаго вѣдѣнія, терпѣливо наставляетъ и внимательно руководствуетъ насъ въ подвигѣ душевнаго спасенія, являясь нашимъ духовнымъ старцемъ и отцомъ, отцомъ Церкви Россійской православной, всѣхъ вѣрныхъ сыновъ ея, хотящихъ благочестно жити о Христѣ. Памятны намъ наставленія родителей нашихъ по плоти, совѣты наставниковъ юности нашей, благословеніемъ отчимъ утверждаются домы наши (Сирах. III, 9),—память нашихъ духовныхъ отцовъ и духоносныхъ наставниковъ должна быть для насъ священна и неизгладима; мы должны изучать ихъ наставленія и усвоять ихъ себѣ, усвоять не только ученіе, но и личность ихъ соотвѣтственнымъ направленіемъ нашей жизни. Вмѣстѣ съ другими почитателями блаженной памяти воспоминаемаго подвижника, мы уповаемъ, что православные русскіе люди, мало по малу, усвоятъ себѣ Святителя Игнатія Брянчанинова, въ его жизни и писаніяхъ они постараются найти и, найдутъ, что можетъ быть душеспасительно [1]) для нихъ, его душеспасительныя писанія будутъ изучать въ ряду святоотеческихъ, а память о его жизни и личности сохранятъ для вѣковъ и именъ послѣдующихъ [2]), какъ отца Церкви Русской, духовное общеніе съ которымъ въ подвигахъ поста, молитвы и покаянія и христіанскомъ добродѣланіи въ послушаніи св. Церкви православной, по нашему глубокому убѣжденію, подаетъ обильную надежду,—вмѣстѣ съ Святителемъ Игнатіемъ вожделѣнную „часть спасаемыхъ улучити“.

---

[1]) Письмо Преосвящ. Леонида, Епископа Дмитровскаго (см. стр. 384 первой части нашей книги).

[2]) Письмо Высокопреосвящ. Платона, Архіепископа Костромского (Тамъ же, стр. 385).

Обозрѣніе содержанія второй части.

ВВЕДЕНІЕ.

Общее обозрѣніе литературныхъ трудовъ Епископа Игнатія Брянчанинова. Ихъ составъ, порядокъ и время появленія. Особенность воззрѣній Епископа Игнатія. Характеристика его, какъ писателя-богослова. Общее содержаніе литературныхъ трудовъ Святителя Игнатія, ихъ мотивы. Ихъ источники и методъ. Зависимость Епископа Игнатія отъ источниковъ и вліяніе послѣднихъ на содержаніе и характеръ его богословскаго мышленія. Сочиненія Епископа Игнатія, какъ отраженіе его личности и плодъ содержательнаго, многолѣтняго, личнаго духовнаго опыта. Отраженіе въ сочиненіяхъ Епископа Игнатія его образованія и культурныхъ условій жизни. Его основная точка зрѣнія на жизнь, сознаніе имъ недостатковъ современности и отсюда—основная идея его твореній—созиданіе душевнаго спасенія по разуму св. православной Церкви. Глубокая убѣжденность Епископа Игнатія въ истинѣ Православія сравнительно съ инославіемъ и, отсюда, особая важность трудовъ Епископа Игнатія, какъ выраженія опытно-познаннаго православно-христіанскаго ученія о спасеніи. Психологія душевнаго спасенія: борьба съ грѣхомъ, духовное возрожденіе и совершенствованіе, какъ преобладающее содержаніе твореній Епископа Игнатія. Планъ анализа трудовъ Епископа Игнатія. Литературныя творенія Епископа Игнатія въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ современниковъ . . . . . Стр. 5—28.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Духовный міръ и условія душевнаго спасенія.

(Необходимыя предпосылки православно-христіанскаго подвига) . . . . . **стр. 29—166.**

Сущность и важное значеніе намѣченнаго вопроса стр. 29—41.

Духовный міръ: Богъ, ангелы, люди . . . . . стр. 41—57.

Духи и ихъ природа.—I. Условія разрѣшенія вопроса стр. 57—66.

II. Природа духа—по существу и въ условіяхъ являемости. Отношеніе духовъ къ внѣшнему міру вообще и къ условіямъ пространства и времени—въ особенности . . . . . стр. 66—89.

III. Условія и способы познанія духовнаго міра—чувственное и духовное видѣніе духовъ . . . . . стр. 89—101.

IV. Недомысліе по вопросу о духовномъ мірѣ между Епископами Игнатіемъ Брянчаниновымъ и Ѳеофаномъ Затворникомъ. стр. 101—127.

V. Время и вѣчность. Жизнь, смерть и безсмертіе. Таинство смерти. Разлученіе души съ тѣломъ. Участь души по смерти. Путь къ вѣчности. Смерть и жизнь. Адъ и рай. Блаженство и муки . . . . . стр. 127—149.

VI. Приготовленіе къ вѣчности и условія духовнаго возрожденія человѣка.—Воплощеніе Сына Божія. Церковь и Таинства, благодать Божія. Вѣра человѣка, свобода воли, совѣсть . . . . . стр. 149—164.

VII. Заключеніе. На пути къ вѣчности. Человѣкъ предъ Лицомъ Вѣчнаго . . . . . стр. 164—166

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Реальная сторона духовной жизни.

(Грѣховное состояніе человѣка)

Основанія, мотивы, источники и сущность взглядовъ Епископа Игнатія по вопросу о грѣховности человѣка . . . . . стр. 167—179.

Сущность грѣха, его происхожденіе и отношеніе къ природѣ человѣка . . . . . стр. 179—190.

Проявленіе грѣха въ области психологіи человѣка (поврежденіе ума, его самость и плотское мудрованіе; поврежденіе сердца—міролюбіе; поврежденіе воли—утрата истинной свободы, порабощеніе грѣху. Общій внутренній разладъ, сближеніе съ міромъ зла, отчужденіе отъ Бога) . . . . . стр. 191—226.

Проявленіе грѣха въ области внѣшней жизни (смертность тѣла; высшій идеалъ—благополучіе самости, оземлененіе человѣка) . . . . . стр. 226—236.

Наслѣдственность грѣха. Нравственное безсиліе естественнаго

человѣка. Психологическая сущность добра и зла. Развитіе и разнообразіе грѣховныхъ состояній человѣка . . . . . стр. 236—257
Грѣховныя состоянія, ихъ классификація и отличительныя черты. Общій взглядъ на духовную природу человѣка въ состояніи грѣховности . . . . . стр. 257—288

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Идеальная сторона духовной жизни.

(Христіанскій подвигъ душевнаго спасенія въ его порядкѣ и постепенности) . . . . . стр. 288—403.
Душевное спасеніе, его сущность, цѣль и значеніе по ученію Епископа Игнатія. Православіе и инославіе по вопросу о сущности спасенія . . . . . стр. 288—316.
Постепенность душеспасительнаго подвига . . . стр. 316—326.
Условія пробужденія жажды спасенія . . . . . стр. 326—342.
Душеспасительные подвиги—тѣлесные и духовные, ихъ сущность и значеніе. Постъ, молитва, покаяніе. Содѣйствующая христіанскому подвигу спасительная благодать святыхъ Таинствъ . стр. 342—361.
Ученіе Епископа Игнатія о христіанской добродѣтели въ сопоставленіи съ ученіемъ аскетовъ-подвижниковъ по тому же вопросу . . . . . стр. 361—383.
Христіанская любовь въ пониманіи Епископа Игнатія. Заключеніе . . . . . стр. 383—403.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Статьи по вопросамъ церковно-общественнымъ.

3-го октября 1858 года.

I. Вопросъ Начальника Кавказской Линіи и отвѣтъ Епископа о Кавказской Каѳедрѣ по отношеніямъ ея къ Кавказскому Линейному Казачьему Войску, значеніе Епископа и Протоіерея въ Православной Церковной Іерархіи [1]).

Совершенно конфиденціально.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Намѣстникъ Кавказскій князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, въ видахъ административныхъ, предложилъ весь Кавказскій Край [2]) раздѣлить на двѣ Области [2]), Кубанскую и Терскую, введя въ Управленіе Областей всѣ части разнородныхъ администрацій на особенныхъ началахъ.

Въ Кубанскую Область должны войти: все Черноморское войско и часть казачьяго Линейнаго съ населеніями Закубанскими, большая часть гражданскаго населенія Ставропольской Губерніи, съ ихъ Управленіями,—которыя по составленному предположенію въ гражданскомъ отношеніи имѣютъ составить одно общее цѣлое, такъ какъ остальныя

---

[1]) Печатаемый ниже подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ документъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ троякое значеніе: а) оно характеризуетъ состояніе Кавказской паствы въ религіозно-нравственномъ и церковно-административномъ отношеніи по наблюденіямъ свѣтской и церковной власти; б) знакомитъ насъ съ взглядами Епископа Игнатія относительно мѣръ къ возвышенію Церковной жизни на Кавказѣ и в) уясняетъ церковно-административные взгляды Епископа Игнатія, принципіально имѣющіе приложеніе и къ послѣдующему времени.

[2]) При печатаніи сохраняется правописаніе подлинниковъ.

части Края имѣютъ войти въ одно общее цѣлое гражданскаго управленія Терской Области.

Такое раздѣленіе Края, измѣняя большую часть существующихъ отношеній и зависимостей мѣстъ и лицъ, потребуетъ естественно вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненія и самыхъ пунктовъ пребыванія Правительственныхъ учрежденій.—Пункты эти должны быть опредѣлены центральностію новыхъ областей и возможнымъ сближеніемъ съ настоящими нашими военными операціонными линіями.

Неразрывность связи всѣхъ этихъ измѣненій требуетъ соотвѣтственныхъ измѣненій и устройствъ по управленію Епархіальному.

Въ этомъ убѣжденіи имѣю честь просить Ваше Преосвященство взять на себя трудъ изложить Ваше мнѣніе и соображенія объ устройствѣ Епархіи, которая бы обнимала обѣ Области въ одномъ управленіи.

Обширность всего Края, трудность путешествій въ немъ и необходимость частаго посѣщенія Епископомъ, непрестанно воинствующаго Православнаго населенія, рождаютъ мысль или о раздѣленіи Епархіи или объ учрежденіи Викаріатства. Эту мысль мою передаю Вашему Преосвященству на ближайшее усмотрѣніе, соотвѣтственно духовнымъ потребностямъ, которыя Вамъ ближе знакомы.

По управленію Православною Церковію въ населеніяхъ Линейныхъ казаковъ существуетъ нынѣ управленіе чрезъ Оберъ-Священника. По отношенію къ той части этого войска, которая должна войти въ составъ Кубанской Области я признаю необходимость соединить управленіе Церкви въ лицѣ одного Пастыре-Начальника — Епископа. Это личное убѣжденіе мое основано между прочимъ и на близкомъ, сравнительномъ изученіи нравовъ и религіозныхъ началъ казаковъ Черноморскихъ и Линейскихъ; но,—считая одни убѣжденія видимыя недостаточными, обращаюсь къ Вашему Преосвященству съ просьбою изложить и духовныя основанія учрежденія Епархіальнаго управленія въ Православныхъ населеніяхъ для того, чтобъ я или могъ поддержать факты, замѣченные мною въ Линейномъ казачьемъ войскѣ;—факты эти составляютъ: упадокъ православія, крѣпость и торжество раскола и общая безнравственность, защищаемыя отъ мѣропріятій Правительственныхъ отвагою и мужествомъ боевыхъ частей войскъ.

При этомъ считаю нужнымъ обратить вниманіе Вашего Преосвященства на истинно скорбныя послѣдствія дѣйствій, по отношенію къ Линейнымъ казакамъ—раскольникамъ, перваго Кавказскаго Преосвященнаго Іереміи;—ихъ ставятъ въ вину главною причиною, препятствующею возстановленію въ населеніяхъ Кавказскаго Линейнаго Казачьяго войска этой Церковной власти.

Вполнѣ понимаю, что характеръ личности очень можетъ разнствовать съ характеромъ и духомъ Церкви;—но затрудняюсь въ пред-

ставленіи основаній духовныхъ, которыя бы поддержали мои убѣжденія административныя; а потому я бы просилъ Ваше Преосвященство сообщить мнѣ и по этому обстоятельству Вашъ взглядъ и Ваше мнѣніе.

Состоящему при мнѣ Статскому Совѣтнику Б. я поручилъ передать Вашему Преосвященству словесно всѣ дополнительныя свѣдѣнія, въ которыхъ вы встрѣтите надобность по выше сказанному предположенному образованію Областей.

Поручая себя и проч.

20 Сентября 1858 г.
г. Ставрополь.
№ 719-й.

Совершенно Конфиденціально.

Ваше Превосходительство,

Милостивѣйшій Государь!

На письмо Вашего Превосходительства отъ 20 сентября сего 1858 года за № 719 имѣю честь представить отвѣтъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

1) Совершенно раздѣляя мнѣніе Вашего Превосходительства, что обширность и разнообразіе Кавказскаго Края, быстрое его развитіе, обѣщающее многознаменательную будущность, особенныя его требованія, особливо при раздѣленіи его на двѣ Области, изъ которыхъ каждая должна имѣть свое отдѣльное и Военное и Гражданское начальство, указываютъ на необходимость измѣненій и пополненій, въ отношеніи къ Духовному Вѣдомству Края,—я полагаю, на первый случай, довольствоваться доставленіемъ въ помощь Епархіальному Епископу Епископа Викарія и усиленіемъ Кавказской Консисторіи. Учрежденіе двухъ Епархій я признаю рановременнымъ, основываясь на слѣдующихъ фактахъ: а) Кавказская Епархія, обширная по пространству, весьма мало населена; по числу народонаселенія своего и по числу церквей она равняется $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$ даже $^1/_{10}$ другихъ Россійскихъ Епархій, почему, при раздѣленіи на двѣ Епархіи, эти Епархіи сдѣлались бы непомѣрно малы, особливо Терская Епархія, — по малости своей непомѣрно слабы въ дѣйствіяхъ и вліяніи. б) При учрежденіи двухъ Епархій понадобились бы два штата для двухъ Архіерейскихъ Домовъ, двѣ Консисторіи, двѣ Семинаріи: все это потребовало бы двойныхъ расходовъ для учрежденія и двойныхъ расходовъ для содержанія. Между тѣмъ существенная духовная потребность Края есть именно та, которую Вы проницательно усмотрѣли и на которую Вы указали: потребность въ частомъ, внимательномъ, отнюдь не спѣш-

номъ и не поверхностномъ посѣщеніи обширнаго Края Епископомъ, по путямъ, часто труднымъ и не безопаснымъ. Такой потребности можетъ вполнѣ удовлетворить Викарій.

2) Такъ какъ Край находится въ переходномъ состояніи, и въ настоящее время невозможно опредѣлить, гдѣ будетъ главный его городъ, даже гдѣ будутъ его главные города, ибо потребности Края въ настоящее время никакъ не могутъ быть его потребностями въ его будущности: то я нахожу еще невозможнымъ указать и того, гдѣ быть мѣстопребыванію Епархіальнаго Архіерея. Очевидно, что Ставрополь долженъ остаться на нѣкоторое, неопредѣленное время епархіальнымъ городомъ. Событія доказываютъ, что онъ былъ только лагеремъ для главныхъ военныхъ и гражданскихъ властей Кавказа: пусть онъ будетъ на время духовнымъ станомъ для Кавказскаго Епархіальнаго Вѣдомства; изъ этого стана оно совершитъ первоначальныя свои распоряженія, и усмотритъ открываемое временемъ и обстоятельствами свое постоянное и прочное мѣстопребываніе. Ставрополь—центральный пунктъ страны; въ немъ уже имѣется свой пріютъ для Архіерея, имѣется свое помѣщеніе для Консисторіи; съ удаленіемъ многихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ многія зданія останутся пустыми и могутъ служить временнымъ помѣщеніемъ для Семинаріи и даже для Епископа Викарія, который, по мнѣнію моему, чтобъ быть существенно полезнымъ, долженъ непремѣнно жить въ одномъ городѣ съ Епархіальнымъ Епископомъ, по примѣру Викаріевъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго. Направленіе и дѣятельность Викарія должны сливаться въ одно съ направленіемъ и дѣятельностью Епархіальнаго Архіерея. Сколько нужно частое посѣщеніе Епархіи Викаріемъ, столько же нужно постоянное пребываніе Епархіальнаго Архіерея при томъ пунктѣ, откуда истекаютъ всѣ распоряженія. Тщательное наблюденіе и опытъ убѣдили меня въ сей послѣдней истинѣ, которая, увѣренъ, очевидна и для Вашего Превосходительства.

3) Епархіи въ Православной Церкви Россійской раздѣляются на три разряда или класса: 1-й классъ усвоенъ Митрополіямъ, 2-й Епархіямъ особенно важнымъ по значенію въ Государствѣ, особенно обширнымъ или многолюднымъ, управляемымъ наиболѣе Генералъ-Губернаторами,—3-й Епархіямъ, наименѣе значущимъ въ государственномъ отношеніи, управляемымъ губернаторами. Очевидно, что Кавказская Епархія, долженствующая, при новомъ административномъ раздѣленіи Края, совмѣщать въ себѣ двѣ Области, изъ которыхъ каждая будетъ управляться лицемъ, облеченнымъ правами и властью Генералъ-Губернатора, должна быть причислена къ Епархіямъ второго класса, какъ сіе сдѣлано относительно нѣкоторыхъ Епархій, напр., относительно Донской, Рижской, Варшавской. Нынѣ Кавказская Епархія состоитъ въ третьемъ классѣ.

4) Необходимо нужно исходатайствовать Кавказской Епархіи штатъ и окладъ данный Западнымъ Епархіямъ, по тому рѣшительному сходству въ отношеніяхъ къ средствамъ содержанія, которое имѣетъ Кавказская Епархія съ Западными Епархіями, и по рѣшительной невозможности существовать по нынѣ усвоенному ей окладу. Въ настоящее время ей предоставленъ окладъ наравнѣ съ древними Россійскими Епархіями. Но въ древнихъ Россійскихъ Епархіяхъ Архіерейскіе дома или находятся при монастыряхъ, имѣющихъ особенно хорошій доходъ, или къ нимъ приписаны монастыри, имѣющіе хорошій доходъ. Частію этого дохода пополняется ничтожный денежной окладъ, издревле отпускаемый изъ казны Архіерею и его штату. Такъ, напримѣръ, Курскій Епископъ получаетъ къ своему жалованью—285 рублей серебромъ въ годъ, каковая сумма составляетъ и годичное жалованіе Кавказскаго Епископа, 7500 руб. сер. изъ монастырскихъ доходовъ. Соотвѣтственно Епископу и лица, составляющія штатъ его, получаютъ къ жалованію пополненія изъ доходовъ. Подобно приведенному образцу и въ прочихъ древнихъ Епархіяхъ ничтожность денежнаго казеннаго оклада вполнѣ и обильно пополняется доходомъ. Такого дохода Кавказская Епархія не имѣетъ, и не можетъ имѣть: ибо чудотворныя иконы и святыя мощи, составляющія причину доходовъ въ монастыряхъ внутри Россіи, никакъ не могутъ быть принадлежностію Края, въ христіанскомъ отношеніи совершенно новаго. Слѣдовательно единственнымъ средствомъ содержанія Епископа и всего Кавказскаго Епархіальнаго Вѣдомства долженъ быть отпускаемый изъ казны денежный окладъ. А какъ въ подобномъ положеніи находящіяся Западныя Епархіи, такъ же не имѣющія мѣстныхъ доходовъ, вознаграждены окладомъ, то средство сіе, по логической послѣдовательности, можетъ и должно быть примѣнено къ Кавказской Епархіи. Росписаніе окладовъ Западной Епархіи второго класса при семъ прилагается (см. прил. № 1-й). Для удостовѣренія въ томъ, достаточенъ ли древній, существующій для внутреннихъ Россійскихъ Епархій окладъ, на содержаніе Кавказскаго Епископа и его штата, прилагается при семъ расписаніе его оклада. (См. прил. № 2). Ниценскій, такъ можно выразиться со всею справедливостію, окладъ служилъ одною изъ тѣхъ главныхъ причинъ, по которой Кавказская Епархія, со времени учрежденія своего (въ теченіи 15-ти лѣтъ), не только не развилась, но, едва учрежденная, уже почти уничтожилась. Этотъ окладъ былъ причиною значительныхъ безпорядковъ, вторгнувшихся къ Кавказское Епархіальное управленіе: онъ вынудилъ многихъ членовъ управленія прибѣгать къ злоупотребленіямъ для доставленія себѣ куска насущнаго хлѣба, такъ какъ за чертою, проведенною закономъ, лежитъ безпредѣльное пространство зла, то нѣкоторые перешли отъ стремленія удовлетворить необходимому къ стремленію обогатиться. Этотъ окладъ

не допускалъ и не допускаетъ ни одного достойнаго чиновника къ служенію въ Консисторской Канцеляріи: тамъ служатъ только тѣ чиновники, которые по насилію обстоятельствъ не могутъ служить въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ Кавказское Епархіальное Вѣдомство, предоставленное самому себѣ и нищетѣ своей во многихъ случаяхъ послужило не назиданіемъ, а соблазномъ для Кавказской паствы.

Не съ цѣлію порицать какое-либо распоряженіе или лице, но чтобъ дать точное понятіе о настоящемъ положеніи Кавказской Епархіи, и тѣмъ доставить поводъ къ исправленію того, что сдѣлано ошибочно, къ пополненію того, что сдѣлано недостаточно, я нахожу нужнымъ сказать нижеслѣдующее. Кавказская Епархія первоначально учреждена была для всего Кавказскаго Края, который въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ составляетъ цѣлое. Этотъ характеръ цѣлости, признаваемый сокровищемъ для всякой страны и вѣдомства въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, былъ нарушенъ изъ Епархіальнаго Вѣдомства Церквей Казачьяго Линейнаго Войска. Произведенное этимъ отчисленіемъ раздѣленіе совершенно отличается отъ нынѣ предположеннаго раздѣленія. Нынѣ раздѣляется страна правильно, со смысломъ административнымъ и хозяйственнымъ; произведенное раздѣленіе Епархіи отчисленіемъ Казачьихъ Церквей лишено смысла, есть вмѣстѣ раздѣленіе и смѣшеніе. Пишу это, имѣя подъ рукою карту Кавказскаго Края, на которой изображено разбросанное по Краю Епархіальное Вѣдомство. Оно подобно разбитому сосуду, котораго составныя части всѣ на лицо, но находятся въ отдѣльномъ состояніи, который по этой самой причинѣ негоденъ для употребленія. На правомъ флангѣ Церкви Линейнаго Войска глубоко вдались въ Епархіальное Вѣдомство; напротивъ того, начиная отъ центра, Епархіальное Вѣдомство разсыпано по землѣ Линейнаго Войска, подобно островамъ по морю. Уже самъ Ставрополь составляетъ отрывокъ; отдѣльный отрывокъ составляется Георгіевскомъ; отдѣльный отрывокъ Пятигорскомъ; большой отдѣльный островъ благочиніями Миловидова и Замятина. Далѣе опять отдѣльные островки: Ростовановка, Моздокъ, Кизляръ съ Тарумовкой и Чернымъ Рынкомъ. Во всей Россіи нѣтъ подобной безсмыслицы. Напрасно прикрываютъ ее громкою фразою, говоря, что она сдѣлана въ видахъ административныхъ. Это ошибочно: плодомъ административнаго соображенія должно быть положеніе самое удобное; здѣсь видно противное. Расположеніе противуположное всѣмъ правиламъ современной науки, уличаемое опытомъ въ современной негодности, приведенное въ исполненіе съ необыкновенною поспѣшностію, само сознается о себѣ, что оно—плодъ столкновенія страстей. Повторяю, что я говорю это отнюдь не для порицанія кого либо; знаю, что ошибки и увлеченія свойственны всѣмъ человѣкамъ, особенно удобны для

тѣхъ, которые не наблюдаютъ строго за своимъ умомъ и сердцемъ при свѣтѣ Евангелія; говорю откровенно, движимый любовію, для пользы дѣла и единственно въ тайной бесѣдѣ съ Государственнымъ Человѣкомъ. Утаеніе истины предъ Государственнымъ Человѣкомъ есть государственное преступленіе.

Тоже должно сказать о духовныхъ учрежденіяхъ въ Ставрополѣ. Въ избраніи для нихъ мѣста, въ самыхъ проектахъ ихъ не видно никакой системы. Всѣ онѣ разбросаны по разнымъ частямъ и оконечностямъ немощеннаго города; сообщеніе между ними крайне затруднительно въ теченіи осени, зимы и весны; между тѣмъ лица, имъ принадлежащія, должны наиболѣе ходить пѣшкомъ. Учредители и строители должны всегда непремѣнно имѣть въ виду не только построеніе и учрежденіе чего либо, но и доставленіе удобствъ, доставленіе средствъ къ содержанію и ремонту учрежденій и зданій. Съ этою цѣлію разумные предки наши по большей части соединяли въ одномъ мѣстѣ, и Каѳедральный Соборъ, и Архіерейскій Домъ, и Консисторію, и Семинарію. Подражаніе этому порядку съ цѣлью пользы административной и хозяйственной необходимо, особливо тогда, когда Епархіальное вѣдомство получитъ возможность оставить свой временный станъ—Ставрополь—и водвориться въ томъ городѣ, который сдѣлается главнымъ городомъ Края, или, точнѣе, праваго фланга, имѣющаго надъ лѣвымъ огромное преимущество соотвѣтственно огромному преимуществу Чернаго моря надъ Каспійскимъ и въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ.

Для того, чтобъ дѣйствія Епархіальнаго Вѣдомства и самое существованіе его приняло должное развитіе, необходимо нужно содѣйствіе, а не противодѣйствіе Гражданскаго Вѣдомства. Настоящія отношенія сихъ двухъ вѣдомствъ изображаются слѣдующими фактами: 1) На дняхъ только получена мною данная на мѣсто, занимаемое временнымъ пріютомъ Епископа, несмотря на то, что Высочайшимъ повелѣніемъ приказано передать это мѣсто въ военное Вѣдомство еще при Преосвященномъ Іереміи, почти вслѣдъ за открытіемъ Епархіи. 2) Дача, находившаяся при открытіи Епархіи въ концѣ города, а теперь находящаяся на одномъ изъ лучшихъ мѣстъ его, частію отданная городскимъ обществомъ въ Епархіальное вѣдомство для постройки на ней Архіерейскаго Дома съ службами, частію пріобрѣтенная покупкою, нынѣ находится въ процессѣ. По наружности—это процессъ чиновника Крупинскаго, захватившаго всю середину дачи, но въ сущности это процессъ, во главѣ котораго стоитъ Управляющій Гражданскою частію; онъ, прикрываясь извѣстною юридическою софизмою, которою усиливается прикрыться хищничество,—яко бы желаніемъ общественной пользы—стремится при превышеніи своей власти, при попраніи законовъ, произволомъ, похитить у Архіерейскаго

Дома всю центральную часть дачи и передать въ частныя руки, чѣмъ должно уничтожиться все достоинство дачи; сей продолжительный и утомительный для Епархіальнаго Вѣдомства процессъ дѣлалъ доселѣ невозможнымъ построеніе Архіерейскаго Дома на отведенномъ мѣстѣ. 3) До сихъ поръ Гражданское начальство не отвело угодій, слѣдующихъ по закону, для содержанія и поддержанія Архіерейскаго Дома съ его принадлежностями, что слѣдовало бы сдѣлать единовременно съ учрежденіемъ Епархіи; вмѣсто угодій по неимѣнію ихъ вблизи, Кавказское Епархіальное Начальство ходатайствуетъ о денежномъ вознагражденіи. Менѣе значительные факты выражаютъ одно и то же сочувствіе и расположеніе. Такія отношенія я засталъ сформировавшимися при прибытіи моемъ на Епархію и трудно уже нынѣшнему Гражданскому Начальству перемѣнить принятое имъ направленіе. Но мои личныя отношенія съ Губернаторомъ и Генералъ-Лейтенантомъ Волоцкимъ—наилучшія.

5) Въ письмѣ Вашемъ Вы указали усмотрѣнныя Вашимъ Превосходительствомъ печальныя послѣдствія настоящаго управленія Церквами Казачьяго Линейнаго Войска, и съ логическою послѣдовательностью обращаете наблюдательный взоръ Вашъ къ самымъ началамъ, изъ которыхъ проистекли и должны проистекать таковыя послѣдствія. Отвѣтъ мой извлекаю изъ Закона Божія, изъ постановленій Церковныхъ, изъ Священнаго Писанія и Святыхъ Отцовъ; буду Вамъ говорить не мои собственныя мнѣнія, но буду излагать ученіе, признаваемое всею Православною Церковію, признаваемое ею Божественнымъ, каково оно и есть, а не человѣческимъ. Епископъ составляетъ собою начало Церковной Іерархіи; онъ преемникъ Апостоловъ, представитель на землѣ Господа. [1]) Онъ рукополагаетъ Пресвитера и Діакона, онъ освящаетъ храмъ или существеннѣйшую часть храма,—Антиминсъ, онъ освящаетъ Святое Мyро; этого тысячи собравшихся во едино пресвитеровъ совершить не могутъ. Онъ есть начало и источникъ всѣхъ христіанскихъ таинствъ и самаго Богослуженія: церковь христіанская существовать безъ него не можетъ. Апостолы, проповѣдуя Евангеліе во вселенной, по всѣмъ городамъ и областямъ поставляли Епископовъ, а Епископы рукополагали Пресвитеровъ (священниковъ) для полнаго удовлетворенія потребности христіанъ. Въ церковномъ смыслѣ священники суть орудія Епископа: эти орудія дѣйствуютъ дотолѣ, доколѣ ими дѣйствуетъ Епископъ; когда онъ престаетъ дѣйствовать ими, тогда они лишаются всей своей силы, ибо силы ихъ и

[1]) Различіе между Епископомъ и Пресвитеромъ превосходно изложено въ книгѣ Истинно-Древняя и Истинно-Православная Христова Церковь. (Стр. 81). Изложеніе это тѣмъ особенно важно, что оно указываетъ на Св. Отцовъ Православной Церкви и, вмѣстѣ на раскольничьи книги, говорящія о томъ же предметѣ. По сему отдѣлу вѣроученія большая часть раскольниковъ согласна съ православною Церковью.

дѣйствительность не свои, а заимствованные.—Все вообще общество христіанъ именовалось Вселенскою Церковію, а Церковію частною и помѣстною именовалось и именуется общество христіанъ въ городѣ или области: помѣстными были церковь Римская, Іерусалимская, Коринѳская, Карѳагенская, Аѳинская. Пресвитеръ никогда не былъ и не могъ быть начальникомъ церкви, по той ясной причинѣ, что онъ дѣйствуетъ не собственною властью, а предоставленною, предоставляемою и прекращаемою его началомъ, которое—Епископъ. Когда пресвитеръ Павлинъ сталъ во главѣ нѣкоторой части Антіохійскаго народа, отдѣлясь отъ Епископа Мелетія, нисколько впрочемъ не отдѣляясь отъ единства вѣры, то Вселенская Церковь принимала всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобъ устранить этотъ безпорядокъ, и называла его не иначе, какъ раскольникомъ. [1]) Это обстоятельство извѣстно въ Церковной Исторіи подъ именемъ Восточнаго Раскола, такъ какъ Антіохія, столица Сиріи, съ сопредѣленными странами, Месопотаміею, Арменіею и Грузіею называлась Востокомъ, составляя Восточную оконечность Римской Имперіи; Персія уже не разумѣлась въ составѣ Востока. Характеръ, подобный характеру Восточнаго Раскола, имѣетъ и настоящее управленіе церквами Линейнаго Войска. Весьма естественно, что главные пастыри Россійскіе, составляющіе собою Святѣйшій Синодъ, смотрятъ на это обстоятельство въ церковномъ смыслѣ и желали бы, при могущей открыться возможности, устранить нарушеніе церковнаго порядка и постановленія, тѣмъ болѣе, что онъ служитъ причиною скорби для истинныхъ сыновъ церкви, причиною соблазна для весьма многихъ, не понимающихъ нуждъ и видовъ административныхъ и начинающихъ сомнѣваться на этомъ основаніи въ самомъ Православіи нашей Церкви; раскольники же на этомъ основаніи, внутри и внѣ Россіи, упрекаютъ, обвиняютъ и уличаютъ нашу Церковь въ отступленіи отъ православія. По причинѣ такихъ соблазновъ, которые нерѣдко вторгаются въ Церковь подъ вліяніемъ, болѣе или менѣе яснымъ, Запада; многіе совращаются въ расколъ, непрестанно растущій въ нашемъ отечествѣ. Это доказывается фактически: при Императорѣ Петрѣ I-мъ, когда народонаселеніе Россіи простиралось до 17-ти милліоновъ, раскольниковъ было до 700 тысячъ. Еслибъ они умножались пропорціонально народонаселенію, то при настоящемъ народонаселеніи въ 70 милліоновъ, число раскольниковъ должно бы не превышать 3-хъ милліоновъ; но число ихъ простирается до 12 милліоновъ. Такъ какъ въ

---

[1]) Расколомъ называется собственно отдѣленіе отъ Вселенской Церкви, безъ нарушенія единенія въ догматахъ. Нарушеніе единенія въ догматахъ уже есть ересь. На этомъ основаніи почти всѣ русскіе раскольники суть собственно уже не раскольники только, но и еретеки. Западная церковь называетъ Восточныхъ христіанъ раскольниками, какъ не могущая уличить ихъ въ измѣненіи какого-либо догмата Первенствующей Вселенской церкви; а Восточная признаетъ папистовъ еретиками, какъ допустившихъ нововведенія въ самыхъ догматахъ.

открытыхъ отчетахъ, читаемыхъ публикою почти не видно совращенія въ расколъ, а видно только одно обращеніе изъ раскола къ православію, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ расколъ быстро растетъ и уже принялъ гигантскіе размѣры, то это приводитъ къ логическому и практическому заключенію: расколъ распространяется въ Россіи наиболѣе путями и средствами, неизвѣстными Правительству, или дѣлающимися извѣстными только тогда, когда они совершатъ свое дѣло и принесутъ обильный плодъ. Одно изъ надежнѣйшихъ оружій къ ограниченію и уменьшенію раскола заключается въ благоговѣніи предъ святѣйшими постановленіями Святой Церкви, кои суть постановленія Божіи, постановленія Святаго Духа въ охраненіи ихъ. Протоіерей имѣетъ только право, по церковному своему сану и значенію, занимать первое мѣсто между братіею своею и—священниками [1]), онъ отнюдь не имѣетъ церковнаго права управлять церквами цѣлой области; усвоеніе этого права священнику, принадлежитъ характеру протестантизма, и такъ понимается всѣми, основательно изучившими Христіанскую религію. Для всякой помѣстной церкви лишеніе Епископа есть лишеніе Богомъ установленной церковной власти, лишеніе религіознаго начала, лишеніе источника таинствъ, источника іерархической власти и суда, источника церковнаго православнаго вѣроученія и нравоученія: это—отъятіе главы у тѣла, отъятіе родителей у дѣтей, изгнаніе изъ Церкви изображенія Христова, Христова представителя.—Неминуемымъ слѣдствіемъ таковаго разъединенія долженъ быть упадокъ вѣроученія, отчего развиваются въ странѣ расколы и ереси, и упадокъ нравоученія, отчего развивается въ странѣ грѣховная, развратная и неруководимая совѣстію жизнь, что все усмотрѣно Вашимъ Превосходительствомъ. Но какъ Православная Церковь страны не можетъ существовать безъ Епископа, сего единственнаго источника Христіанскихъ таинствъ: то для церквей Линейнаго Войска рукополагаются священники и діаконы, освящаются Антиминсы и все прочее, для чего нужны власть и санъ Архіерейскіе Кавказскимъ Епископамъ по распоряженію Святѣйшаго Синода, имѣющему характеръ снисхожденія, къ требованію обстоятельствъ, но не сообразно правиламъ и духу Православной Церкви. По церковнымъ правиламъ Епископъ долженъ производить рукоположенія, только въ предѣлахъ своей епархіи, отнюдь не внѣ ея. Онъ долженъ пріуготовить къ рукоположенію лице обильнымъ назиданіемъ и изученіемъ лица, по посвященіи онъ дол-

---

[1]) При производствѣ іерея въ протоіерея въ единственной молитвѣ для сего обряда читается нижеслѣдующее: „Одѣй Твоею благодатію брата нашего, и честностію украси его, **въ началѣ стояти просвитеровъ** люда Твоего". Вотъ и все значеніе церковное протоіерея: онъ, при богослуженіи, имѣетъ право занимать первое мѣсто между прочими священниками. (См. чинъ хиротоніи).

женъ снова назидать посвященнаго и наблюдать за нимъ.[1]) Хиротонія великое таинство: при посредствѣ его человѣкъ перерождается внезапно изъ словесной овцы въ Пастыря. Совершитель этого перерожденія—Епископъ. По причинѣ духовнаго перерожденія при посредствѣ хиротоніи Епископъ вступаетъ въ духовное родство съ посвященнымъ.[2]) Живо ощущаютъ это родство и совершитель таинства и тотъ, надъ которымъ совершено таинство. Епископъ видитъ въ посвященномъ духовное свое чадо, плодъ рукоположенія, плодъ Духа, а рукоположенный видитъ въ Епископѣ своего отца, доставившаго ему новое бытіе, видитъ образъ Творца своего претворившаго его изъ овцы въ пастыря. Духовная печать, налагаемая на душу хиротоніею, неизгладима, потому что она Божественна: **„еже Богъ сочета“** говоритъ Евангеліе, **„человѣкъ да не разлучаетъ“** (Матѳ. 19. 6). Отлученіе Епископа отъ пресвитеровъ имъ рукоположенныхъ, отлученіе Епископа отъ паствы, для которой онъ исполняетъ всѣ обязанности Епископа, подобно насильственному отлученію родителей отъ рожденныхъ ими дѣтей немедленно по рожденіи ихъ; употребленіе Епископа, какъ машины для рукоположенія и прочихъ церковныхъ потребностей, подобно употребленію родителей только для рожденія дѣтей: въ одномъ случаѣ—нарушеніе закона естественнаго, установленнаго Богомъ,—въ другомъ случаѣ—нарушеніе закона духовнаго, установленнаго также Богомъ. Упомянутое мною выше отдѣленіе пресвитера Павлина отъ Антіохійскаго Епископа продолжалось долго, потому что было поддерживаемо Правительствомъ, которое нерѣдко въ видахъ административныхъ требовало отъ Церкви разныхъ уступокъ, и по кроткому духу Церкви получало ихъ, когда не сопряжено было съ ними нарушеніе самыхъ д о г м а т о в ъ. Но церковная исторія фактически свидѣтельствуетъ, что самая вѣрная и надежная административная мѣра состоитъ въ тщательномъ охраненіи Церковныхъ Постановленій; уклоненіе отъ нихъ въ видахъ административныхъ, казавшееся первоначально полезнымъ въ послѣдствіи, въ результатахъ своихъ оказывалось вреднымъ, способствуя разъединенію народа и ослабленію Государства.

6) Весьма основательно замѣчаніе Вашего Превосходительства, что характеръ личности, облеченной Церковнымъ саномъ, долженъ

---

[1]) Такъ заповѣдали дѣйствовать и дѣйствовали Святые Апостолы. *„Три лѣта*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ пресвитерамъ Ефесскимъ—*нощь и день не переставяхъ уча со слезами единаго когождо васъ“*. Дѣян., 20, 31.

[2]) Епископъ, рукополагая Пресвитера, въ молитвѣ своей читаетъ между прочимъ слѣдующее: „Сего, его же благоволилъ еси проручествоватися отъ меня, въ непорочномъ жительствѣ и неклонной вѣрѣ благоволи подъяти великую сію благодать Святого Твоего Духа“..., ясно выражая этими словами духовное происхожденіе, пресвитера отъ Епископа, посредствомъ рукоположенія. (См. 4 Хиротоніи).

быть вполнѣ отличенъ отъ характера, предначертаннаго Церковію для сана. Какъ въ обществѣ человѣческомъ, такъ и въ часности въ каждомъ человѣкѣ, зло перемѣшано съ добромъ: такое смѣшеніе служитъ однимъ изъ практическихъ, неотразимыхъ доказательствъ того, что человѣчество составляетъ собою рядъ существъ падшихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно даетъ раскаянію и покаянію достоинство человѣческихъ добродѣтелей, и очищеніе отъ зла, какъ частнаго, такъ и общественнаго, содѣлываетъ непремѣннымъ долгомъ человѣковъ. Зло и добро я принимаю въ самомъ обширномъ, правильномъ смыслѣ, признавая зломъ и недостатокъ благоразумія и недостатокъ самопознанія [1]). Никакіе земные саны, никакія высшія призванія, начиная съ апостольскаго не остались неосквернеными паденіемъ человѣчества; а потому Православная Церковь никогда не останавливалась замѣнять личность, недостаточную или недостойную, другой личностію, болѣе удовлетворительною. Этой участи подвергались и Патріархи, и Митрополиты, и Епископы, словомъ сказать, всѣ чины Церковной Іерархіи; но самое чиноположеніе, какъ установленіе Божіе, Церковію всегда свято сохранялось.

7) Вы изволили упомянуть въ письмѣ Вашемъ о Преосвященномъ Іереміи, первомъ Кавказскомъ Епископѣ: я съ нимъ не знакомъ, и никогда не видалъ его; также въ здѣшнемъ Консисторскомъ архивѣ нѣтъ никакого дѣла, которое бы изображало характеръ его дѣйствій относительно раскольниковъ. Вообще должно сказать, что ревность и восторженность, всегда очень пріятныя для массы народной, всегда лишены правильнаго взгляда на Православную Христіанскую Вѣру. Знаменитый Церковный писатель Святый Исаакъ Сирскій назвалъ такое направленіе чуждымъ духовнаго разума, и указалъ на кротость, какъ на признакъ душевной силы, могущей благотворно дѣйствовать на человѣческія немощи [2]). Но люди, съ поверхностнымъ понятіемъ о Христіанствѣ, признаютъ восторженность и ревность святостію. Такая ревность самое ненадежное оружіе противъ зараженныхъ лжеученіемъ. Ересь и расколъ суть грѣхи ума. Какъ каждый образъ мыслей сопутствуется и содѣйствуется сообразнымъ ему духомъ или состояніемъ сердечнымъ, то ересь и расколъ всегда сопровождаются ожесточеніемъ сердца; ревность способна усилить это ожесточеніе. „Желающій успѣшно сражаться противъ ереси“, сказалъ нѣкоторый духовный Писатель, „долженъ быть вполнѣ чуждъ тщеславія и вражды къ ближнему, чтобъ не выразить ихъ какою либо насмѣшкою, какимъ

---

1) Великое зло—невѣдѣніе, сказалъ Іоаннъ Златоустъ. Невѣдѣніе не вѣдаетъ своего невѣдѣнія. Невѣдѣніе, полагая дѣлать добро, дѣлаетъ зло.

2) Слово 89-ое. Здѣсь разумѣется ревность матеріальная, душевная: она унижаетъ сама себя въ матеріальности производимымъ ею разгоряченіемъ крови. Духовная ревность всегда вѣрна Закону Божію и чужда разгорячія.

либо колкимъ или жесткимъ словомъ, какимъ либо словомъ блестящимъ, могущимъ отозваться въ гордой душѣ еретика, возбудить и возмутить въ ней страсть ея. Помазуй струпъ и язву ближняго, какъ бы цѣльнымъ елеемъ, единственно словами любви и смиренія, да призритъ милосердый Господь на любовь твою и на смиреніе твое, да возвѣстятся онѣ сердцу ближняго твоего, и да даруется тебѣ Великій Божій даръ—спасеніе ближняго твоего. Гордость, дерзость, упорство, восторженность еретика имѣютъ только видъ энергіи: въ сущности онъ немощь, нуждающаяся въ благоразумномъ соболѣзнованіи. Эта немощь только умножается и свирѣпѣетъ, когда противъ нея дѣйствуютъ безразсудною ревностію, выражающеюся жесткимъ обличеніемъ". Таковъ, по мнѣнію моему, долженъ быть характеръ дѣятельности Православнаго Архипастыря по отношенію и ереси, и расколу.

Полагаю, что въ сихъ строкахъ я изложилъ отвѣтъ на вопросы, предложенные мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ въ письмѣ Вашемъ, отвѣтъ на столько удовлетворительный, сколько позволили мои скудныя способности и познанія. Остается мнѣ желать, чтобъ милосердный Господь, Податель всѣхъ благъ и начала ихъ—благой мысли, ниспослалъ Вамъ изъ духовной сокровищницы Своей помышленія мудрыя и преподобныя, да положитъ ихъ въ основаніе порученнаго Вамъ дѣла.

Съ чувствомъ отличнаго уваженія и проч.

3 октября 1858 г.
№ 205.
Ставропольскій Кавказскій.

II. Архипастырскія воззванія Епископа Игнатія Брянчанинова къ Кавказскому духовенству по вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости[1]).

1) Отъ 17 января 1859 года за № 3.

Въ Кавказскую Духовную Консисторію.

Дворянство Ставропольской Губерніи ходатайствовало у Его Императорскаго Величества Государя Императора о составленіи изъ среды себя особаго Комитета, который бы составилъ проэктъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ сей губерніи. Государь Императоръ удостоивъ принять это ходатайство, Высочайшимъ рескриптомъ повелѣть соизво-

[1]) Печатаемыя здѣсь воззванія Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова къ Кавказскому духовенству, отъ 17 января 1859 г. за № 3, отъ 25 апрѣля 1859 г. за № 809 и отъ 6 мая того же года за № 916, имѣютъ отношеніе къ подготовленію и введенію въ жизнь Кавказскаго Края великой освободительной реформы Государя Императо-

лилъ: открыть въ городѣ Ставрополѣ по этому дѣлу особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Г. Губернскаго Предводителя Дворянства. Во исполненіе Высочайшей воли, Ставропольскій Комитетъ по дѣлу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, по совершеніи торжественнаго молебствія въ Градской Соборной церкви, открытъ Г-номъ Гражданскимъ Губернаторомъ, Генералъ-Лейтенантомъ Волоцкимъ 15 января 1859 года. Весьма естественно, что въ этомъ важномъ дѣлѣ, въ которомъ для руководства совѣстію и разумомъ особенно нуженъ благодѣтельный свѣтъ Христова ученія, исходящій изъ Евангелія и преподаваемый Святою Церковью, какъ помѣщики, такъ и крестьяне будутъ обращаться къ Пастырямъ Церкви за словомъ назиданія, за словомъ совѣта, за словомъ утѣшенія и успокоенія. По сей причинѣ я считаю священнѣйшею своею обязанностію преподать Церковнымъ пастырямъ Кавказской Епархіи во всей ясности и опредѣленности то направленіе, которое должны они стяжать и постоянно сохранять въ своихъ бесѣдахъ съ паствою по предмету столь важному: по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Это направленіе уже преподано самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и хранится, какъ въ сокровищницѣ, въ Божественномъ Евангеліи, въ которомъ внимательный и благоговѣйный читатель найдетъ разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній и наставленій къ благо-

---

ра Александра II и выражаютъ взгляды Епископа Игнатія по вопросу о гражданскихъ реформахъ съ точки зрѣнія Церковно-христіанской и объ участіи духовенства въ дѣлахъ мірскихъ. При немъ началось и выполнено было великое дѣло русской исторіи, по которому готовились Императоры Александръ I и Николай I и осуществить которое выпало на долю Императора Александра II—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ эту эпоху Преосвященный Игнатій былъ Епархіальнымъ Епископомъ на Кавказѣ. Тотчасъ послѣ учрежденія Особаго Комитета Дворянства Ставропольской губерніи для составленія проэкта положенія объ улучшеніи быта крестьянъ, Преосвященный Игнатій сдѣлалъ предложеніе Кавказской духовной Консисторіи отъ 17 января 1859 года за № 3, которымъ пастырямъ Кавказской Церкви дается наставленіе и опредѣляется направленіе, котораго они должны держаться въ своихъ бесѣдахъ съ прихожанами, какъ помѣщиками, такъ и крестьянами. Епископъ Игнатій предлагаетъ пастырямъ вносить всюду слова назиданія, совѣта и утѣшенія, руководствуясь отвѣтомъ Христа Спасителя человѣку, обратившемуся къ Нему за совѣтомъ о раздѣлѣ имѣнія съ братомъ (Лк. XII). Преосвященный Игнатій выдѣляетъ въ отвѣтѣ Христа Спасителя два положенія: 1) что Господь отстранилъ себя отъ вопроса о раздѣлѣ имѣнія или отъ гражданской стороны дѣла; 2) далъ наставленіе только по духовной сторонѣ дѣла—не допускать себѣ лихоимства, зависти и происходящихъ отъ нихъ, какъ отъ сѣмени, вражды и ссоры съ ихъ горестными послѣдствіями. Поэтому Епископъ Игнатій предложилъ священникамъ давать прихожанамъ совѣтъ молиться и совершать новое великое дѣло, не увлекаясь страстями, и въ гражданскія отношенія не вмѣшиваться, считая эту сторону неподлежащею компетенціи духовенства.

Въ мартѣ 1859 года въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“, издаваемомъ Казанскою духовною Академіею, появилась статья въ видѣ проповѣди въ день вошествія на престолъ Государя Императора, озаглавленная такъ: „Слово объ освобожденіи крестьянъ въ день 19 февраля 1859 года“. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ,

разумнѣйшему и общеполезнѣйшему поведенію во всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Святый Евангелистъ Лука повѣствуетъ (гл. 12, зач. 65 и 66), что однажды приступилъ къ Господу Іисусу Христу нѣкоторый человѣкъ и просилъ, чтобъ Господь взошелъ въ дѣло по раздѣлу имѣнія между симъ неизвѣстнымъ человѣкомъ и его братомъ. Господь произнесъ въ отвѣтъ слѣдующія достопримѣчательныя, исполненныя глубокой мудрости и святости слова: „Человѣче! кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами? Блюдите и хранитеся отъ лихоимства". Далѣе Господь изобразилъ въ притчѣ, всѣмъ удобопонятной, какъ опасна страсть лихоимства, какъ обманчивы обольстительныя мечты, рисуемыя этой страстію въ воображеніи, что они никогда не сбываются на самомъ дѣлѣ, а только отнимаютъ у увлекающагося человѣка добродѣтель и вѣнчающее временную добродѣтель вѣчное спасеніе. Отвѣтъ Спасителя нашего и Его поведеніе въ вышеупомянутомъ случаѣ могутъ быть, а потому должны быть вполнѣ удовлетворительнымъ, вполнѣ опредѣлительнымъ образомъ для поведенія и бесѣдъ пастырямъ церкви въ настоящемъ отечественномъ вопросѣ. Со всею ясностію видно, что отвѣтъ Господа человѣку занятому раздѣломъ имѣнія съ братомъ, заключаетъ въ себѣ двѣ части отдѣла. Во первыхъ Господь упомянулъ о вещественной части дѣла, то есть, о самомъ раздѣлѣ имѣнія и благоволилъ отречься отъ всякаго участія въ сужденіи о дѣлѣ со стороны его вещественной, гражданской. Во вторыхъ Господь удостоилъ всего своего вниманія и глубокаго назиданія духовную сторону дѣла, указавъ, что въ этомъ дѣлѣ, а

статья эта принадлежитъ перу баккалавра духовной академіи Щапова. Еще ранѣе этого, въ январѣ мѣсяцѣ, въ томъ же журналѣ была помѣщена статья о „Словѣ Даніила Заточника, извѣстнымъ подъ именемъ Плача". Статьи эти произвели на Преосвященнаго Игнатія неблагопріятное впечатлѣніе и, въ устраненіе вреднаго вліянія этихъ статей на духовенство Кавказской епархіи, онъ сдалъ второе предложеніе Кавказской Консисторіи отъ 6 мая 1859 г. за № 916, въ которомъ подвергъ подробному и обстоятельному разбору, какъ „Слово объ освобожденіи крестьянъ", такъ и статью о „Моленіи Даніила Заточника". Предложеніе за № 916, какъ можно видѣть изъ печатаемаго подлинника, представляетъ собою цѣлый трактатъ о рабствѣ и отношеніи къ нему христіанства, о крѣпостной зависимости и объ особенностяхъ русской жизни. Предложеніе отъ 6 мая 1859 г. за № 916 написано съ замѣчательной богословской эрудиціей и вполнѣ выражены пастырски — аскетическое направленіе Преосвященнаго Игнатія, опредѣляя его взглядъ на отношеніе духовенства къ гражданскимъ дѣламъ и на участіе его въ мірской жизни паствы. Что Преосвященный Игнатій вполнѣ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ,—доказываютъ многіе факты его жизни. Не безъ значенія уже то обстоятельство, что еще задолго до освобожденія крестьянъ онъ, не хотѣлъ пользоваться своими имущественными правами и ушелъ въ монахи; на первомъ шагу въ новой жизни покорно подчинялся своему бывшему рабу, повару въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. Сдѣлавшись настоятелемъ Сергіевой Пустыни, онъ отдалъ крестьянамъ всю ту монастырскую землю, которою они давно, хотя и неправильно, пользовались. И въ условіяхъ архипастырской жизни его властный духъ цѣнилъ не рабское, а разумно-сознательное послушаніе

слѣдовательно и всякомъ однородномъ сему дѣлу, должно по преимуществу опасаться и остерегаться увлеченія скрытнаго частію лихоимства, отъ которой, какъ отъ сѣмени, несомнѣнно, должны родиться другія страсти, болѣе явныя уже очевидно гибельныя для частныхъ лицъ и для общества. Таковы: зависть, подозрѣнія, клеветы, ропотъ, наконецъ—явная ненависть, вражда, ссора, съ ихъ горестными послѣдствіями. Начало этихъ послѣдствій—страсть лихоимства, и прозорливо указалъ Господь, яко Всевѣдущій Богъ, людямъ, коимъ предлежалъ раздѣлъ имѣнія, на сокровенное начало зла, служащее въ такомъ обстоятельствѣ источникомъ всѣхъ прочихъ видовъ зла,—на страсть къ лихоимству.

Мы умъ Христовъ имамы (1 кор. 2, 16), сказалъ Святой Апостолъ Павелъ отъ лица всей Христіанской Церкви. Мы, христіане, должны мыслить, должны разсуждать, должны говорить, какъ мыслилъ, понималъ, говорилъ вочеловѣчившійся Богъ нашъ. Такое единеніе съ Господомъ должны по преимуществу тщательно насаждать, тщательно возращать, тщательно сохранять въ себѣ Пастыри Церкви, какъ носящіе на себѣ священнѣйшую обязанность руководить къ добродѣтели и спасенію все Христіанское братство.—Въ предстоящемъ дѣлѣ бесѣды, совѣты, наставленія пастырей да будутъ направлены къ уклоненію пасомыхъ отъ увлеченія страстями. Пастыри! научайте какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, которые будутъ обращаться къ вамъ за совѣтами, чтобы они въ кротости духа, въ благочестивомъ самоотверженіи, обращались съ частыми молитвами къ Богу, умоляя Его благостыню, да даруетъ мудро задумать, обработать, совершать великое отечественное дѣло, долженствующее возвести государство на высшую степень благоденствія. Научайте овецъ Христовыхъ, чтобъ они постоянно паслись на пажити Христовой, то есть, постоянно питали душу ученіемъ Христовымъ, которое заповѣдуетъ тщательно и постоянно сохранять любовь, взаимный миръ, милосердіе, благость, которое отвергаетъ всѣ страсти, въ какое бы благовидное облаченіе и покровъ ни одѣвались эти страсти для обольщенія человѣковъ. Гдѣ обнаруживается разгорячение, тамъ непремѣнно тайный двигатель—страсть. Истинная добродѣтель всегда сопутствуется невозмущеннымъ состояніемъ духа, тихою и сильною кротостію, которая постоянно служитъ признакомъ, что сердце находится подъ руководствомъ и властію здраваго разума. Пастыри! Неуклонно и свято храните и держитесь преподаннаго вамъ здѣсь наставленія. Обратите все вниманіе ваше, чтобъ въ дѣлѣ, духовная сторона его самимъ Закономъ Божіимъ, самимъ священнымъ призваніемъ вашимъ порученная вамъ, сохраняла свое достоинство, указанное ей ясно Евангеліемъ. Благочестивое и благоугодное направленіе душъ, которое вы будете питать и поддерживать, несомнѣнно подѣйствуетъ благодѣтельно и на вещественную

сторону дѣла. Вмѣстѣ съ симъ тщательно охранитесь не только отъ вмѣшательства въ гражданскія распоряженія и отъ всякаго сужденія о нихъ, но и отъ всякихъ, даже частныхъ, какъ бы конфиденціальныхъ бесѣдъ и совѣтовъ о вещественной сторонѣ дѣла. Это воспрещается вамъ и закономъ Божіимъ и закономъ Государственнымъ. Съ вѣрностію исполняя священный долгъ нашъ, преподанный и врученный намъ Богомъ, мы исполнимъ обязанность нашу христіанъ, которою мы должны Господу и обязанность подданныхъ, которою мы должны Благочестивѣйшему Государю Императору нашему. Нашъ Царь, водимый Ангельскою добротою своего сердца, желаетъ доставить всѣмъ безъ исключенія своимъ подданнымъ высшее благоденствіе.

Консисторія имѣетъ разослать сіе воззваніе ко всѣмъ благочиннымъ Ставропольской губерніи съ тѣмъ, чтобъ они немедленно сообщили его всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ причтамъ, обязавъ ихъ подпискою съ точностію и не уклонно держаться преподаннаго здѣсь наставленія. Сообщить его и въ Семинарское Правленіе для неуклоннаго руководства имъ и благовременнаго ознакомленія съ нимъ воспитанниковъ Духовнаго Училища—будущихъ церковныхъ пастырей.

Игнатій, Епископъ Кавказскій Черноморскій.

№ 3.

17 января 1859 года.

---

2) Отъ 25 апрѣля 1859 года за № 809.

Въ Кавказскую Духовную Консисторію.

Такъ какъ въ разныхъ журналахъ появились статьи отъ имени Церкви, но не принадлежащія Церкви, о бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ, то я считаю нужнымъ снова подтвердить духовенству, чтобъ оно неуклонно руководствовалось тѣмъ направленіемъ, которое изложено мною въ предложеніи моемъ Консисторіи отъ 17 января сего года за № 3, и согласно сему направленію руководствовало паству; для удобнѣйшаго чтенія препровождаю въ Консисторію 170 печатныхъ копій съ упомянутаго предложенія, коими Консисторія имѣетъ распорядиться слѣдуемымъ образомъ: 1 экземпляръ оставить въ Консисторіи, препроводить 2 экземпляра въ Домовое Управленіе для двухъ церквей, по 1 экз. въ Семинарское Правленіе, въ Ставропольское, Екатеринодарское и Моздокское Духовныя училища, въ Екатеринодарское Духовное Правленіе, во всѣ монастыри и во всѣ приходскія церкви Кавказской Епархіи.

Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

№ 809.

25 апрѣля 1859 года.

3) Отъ 6 мая 1859 года за № 916.

Въ Кавказскую Духовную Консисторію.

Въ предложеніи моемъ Духовной Консисторіи отъ 17-го января сего года за № 3-мъ, по случаю открытія въ городѣ Ставропольѣ Высочайше утвержденнаго Комитета по предмету улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, я изложилъ то направленіе, котораго должно держаться Кавказское Духовенство въ этомъ важномъ дѣлѣ. Предложенное мною направленіе основано на Законахъ Божіемъ и Государственномъ. Появленіе статей о семъ предметѣ въ „Православномъ Собесѣдникѣ", журналѣ, издаваемомъ Казанскою Духовною Академіею, принуждаетъ меня снова обратиться съ архипастырскимъ моимъ словомъ къ пастырямъ церквей Богомъ врученной мнѣ Кавказской Епархіи. Собесѣдникъ въ статьяхъ своихъ не только излагаетъ ученіе новое, неслыханное въ Православной Церкви, но даже дѣлаетъ воззваніе къ сельскимъ священникамъ [1]), такимъ образомъ въ Епархію, порученную Епископу, вноситъ свое распоряженіе, оставляя однако на отвѣтственности Епископа послѣдствія этого распоряженія. Такимъ дѣйствіемъ Собесѣдникъ явно нарушаетъ Церковный Законъ, воспрещающій какому-бы то ни было Начальству или присутственному мѣсту непосредственно входить, мимо Святѣйшаго Синода и Епархіальнаго Архіерея, въ дѣла Епархіи и позволять себѣ въ ней распоряженія (Уставъ Дух. Консист. ст. 2). Грустно и тягостно произносить обличительное слово! но вижу въ этомъ совершенную необходимость. Необходимо мнѣ предохранить ввѣренную мнѣ паству, чтобъ кто-либо изъ духовенства не увлекся статьями Собесѣдника къ неправильнымъ дѣйствіямъ, не преступилъ Закона Божія и Государственнаго, не нарушилъ общественнаго спокойствія и порядка, не подвергся бѣдствію, и не подвергъ нареканію Церковь и Духовенство; тѣмъ болѣе это необходимо, что статья Собесѣдника „Слово объ освобожденіи крестьянъ" перепечатана въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ, очень огласилась въ народѣ и служитъ поводомъ къ толкамъ. Я убѣжденъ, что Кавказское Духовенство приметъ съ довѣренностью и любовью мое слово, произносимое по внушенію любви, по требованію долга.

Государственный Законъ, опредѣляющій обязанности Духовенства по отношенію къ помѣщичьимъ крестьянамъ, пребываетъ неизмѣннымъ. Въ новѣйшемъ изданіи Свода Законовъ Имперіи 1857 года, присланномъ Кавказскому Епархіальному Начальству Святѣйшимъ Синодомъ, вышеупомянутая обязанность Духовенства изложена такъ: „Духовные, наипаче же Священники Приходскіе, имѣютъ обязанность предостерегать прихожанъ своихъ противу ложныхъ и вредныхъ раз-

[1]) Собесѣдникъ, стр. 354, мѣсяцъ мартъ.

глашеній, утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ, всемѣрно стараться предупреждать возмущенія крестьянъ и ихъ отъ того удерживать (ст. 380. Раздѣлъ IV, Томъ XIV)". Обязанности помѣщичьихъ крестьянъ изображены такъ: „Всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне и дворовые люди должны спокойно пребывать въ ихъ званіи, быть послушными помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, и исполнять въ точности обязанности, законами на нихъ возложенныя (ст. 378, тамъ же)". Въ томѣ XV, Раздѣлъ IV, изложены Законы о наказаніяхъ за неповиновеніе Правительству и установленнымъ отъ него Властямъ. Статья 300 говоритъ: „Возстаніемъ противъ Властей, Правительствомъ установленныхъ, почитается и всякое возмущеніе крестьянъ или дворовыхъ людей противъ своихъ помѣщиковъ, владѣльцевъ или управляющихъ и противъ волостныхъ и общественныхъ управленій". Порядокъ, спокойствіе, и благосостояніе Государства основаны на повиновеніи Правительству и Властямъ: по этой причинѣ весьма строги и наказанія, которымъ подвергаютъ себя свергающіе благое и необходимое иго покорности, равно какъ и зачинщики или учители возмущенія. Участіе въ этомъ преступленіи большею частью сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; значительное участіе влечетъ за собою самыя тяжкія наказанія. Очевидно, что всякій, кто бы ни увлекся статьями Собесѣдника, будетъ судимъ и наказанъ не по статьямъ этимъ, а по Закону. Какъ же понимать, спросятъ здѣсь, дѣло о улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ? Надо понимать его такъ, какъ оно есть. Дѣло поручено Государемъ Императоромъ не духовенству; ходъ дѣла духовенству не извѣстенъ; вмѣшательство въ матеріальную сторону дѣла духовенству воспрещено [1]). Когда дѣло приведено будетъ къ окончанію: тогда разумѣется, для управленія крестьянами составятся и обнародуются правила; до того времени настоящія постановленія, какъ неотмѣненныя, сохраняютъ всю свою силу. Въ отношеніи къ Государственнымъ Законамъ статьи Собесѣдника неминуемо принадлежатъ къ вреднымъ разглашеніямъ. Онѣ не только принадлежатъ къ вреднымъ разглашеніямъ, но и къ разглашеніямъ ложнымъ, какъ это будетъ объяснено далѣе. Ложныя понятія всегда ведутъ къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ.

Въ литературномъ отношеніи статьи Собесѣдника — новость въ русской духовной литературѣ. Какъ новость, онѣ могутъ показаться особенно занимательными. Иностранная литература богата такого рода сочиненіями, надъ составленіемъ которыхъ неусыпно трудится партія революціи и безпорядка. Методъ во всѣхъ такихъ сочиненіяхъ одинъ: онѣ, выставляя злоупотребленіе властію нѣкоторыхъ лицъ, на этомъ

---

[1]) См. Предложеніе Кавказскаго Епископа Консисторіи отъ 17-го января № 3-й.

основаніи возстаютъ противъ всякой власти, проповѣдуютъ равенство и совершенное благоденствіе человѣковъ на землѣ. Революціонныя сочиненія имѣли и имѣютъ повсюду множество читателей и чтителей. Это—естественно: онѣ—произведенія разгоряченнаго воображенія, не руководимаго ни благоразуміемъ, ни отчетливымъ знаніемъ, разгорячаютъ, воспламеняютъ, увлекаютъ неопытныхъ читателей. Часто дѣйствуя, повидимому, противъ одного рода власти, онѣ всегда дѣйствуютъ противъ всѣхъ властей, по свойству своего метода [1]). Неправильность заключеній отъ частнаго къ общему тщетно твердится и повторяется здравою логикою: большинство человѣковъ не обращаетъ вниманія на это правило, и не знаетъ его. Ни равенства, ни совершенной свободы, ни благоденствія на землѣ въ той степени, какъ этого желаютъ и это обѣщаютъ восторженные лжеучители, быть не можетъ. Это возвѣщено намъ Словомъ Божіимъ; доказано опытомъ. Несвободное состояніе людей, имѣющее многоразличные формы, какъ это должно быть извѣстно и понятно всякому образованному, есть послѣдствіе ниспаденія человѣчества во грѣхъ [2]). Первою властію была объявлена власть мужа; первою зависимостію—зависимость жены. Съ этой минуты власть сопряжена съ насиліемъ, подчиненіе сопряжено съ страданіемъ. Такими онѣ остаются по нынѣ; такими останутся до окончанія міра. Спаситель нашъ даровалъ человѣчеству духовную свободу; но Онъ не только не устранилъ никакихъ властей,—Самъ во время своего земного странствованія подчинился вліянію властей, злоупотреблявшихъ властію, подчиняясь бремени, которое человѣчество привлекло на себя грѣхомъ. Господь уклонился отъ всякаго вмѣшательства въ временное управленіе міромъ, возвѣстилъ, что Царство Его не здѣшнее (Іоанн. 18, 36), а неправедному суди Своему сказалъ, что онъ не имѣлъ бы надъ Нимъ никакой власти, еслибъ она не дана ему была свыше (Іоан. 19, 11). Отношенія власти и подчиненности рушатся съ разрушеніемъ міра: тогда прекратятся начальство и власть (1. Кор. 15, 24); тогда установятся братство, равенство, свобода; тогда причиною единенія, власти и подчиненности будетъ не страхъ, а любовь. Такимъ единеніемъ поглотятся власть и подчиненіе: существуя, онѣ вмѣстѣ уже не будутъ существовать. Въ противуположность Слову Божію, революціонные писатели провозглашаютъ уничтоженіе властей, равенство и братство во время жизни міра. Во Франціи не разъ удавалось мечтателямъ увлекать

---

[1]) Собесѣдникъ подчинился этому насилію принятаго имъ метода. Признавъ несвободное состояніе, состояніе холопа, унизительнымъ и неестественнымъ для человѣчества, онъ устами Даніила Заточника называетъ холопами вельможъ и бояръ Царя. Умалчиваемая здѣсь мысль очень ясна, очень сильна: она—необходимое послѣдствіе сказаннаго. (Январь, стр. 48).

[2]) Св. Іоанна Златоустаго толкованіе на посланіе къ Ефесеямъ. Patrologiae Cursus Completus. Chrisostomi in Epist. od Ephes. Homilia XXII.

народъ къ усиліямъ осуществить эту мечту, могущую существовать въ одномъ воображеніи. Какія же были послѣдствія?—Послѣдствіями были потоки крови, потрясеніе Государства внутреннимъ безпорядкомъ. Для изшествія изъ затруднительнаго положенія народъ долженъ былъ возстановлять власть и власти. Опытъ доказалъ, что при возстановленіи порядка власть облекается особенными правами и дѣйствуетъ съ особенною энергіею. „Власти отъ Бога учинены суть. Противляйся власти, Божію повелѣнію противляется", сказалъ Апостолъ (Рим. 13, 1, 2). Невозможно слабому человѣку устранить опредѣленіе и распоряженіе Божіи. Доколѣ человѣчество подвержено вліянію грѣха и страстей; дотолѣ необходима власть и подчиненность. Онѣ непремѣнно будутъ существовать въ теченіе всей жизни міра: только могутъ являться, являются, будутъ являться въ различныхъ формахъ.

Православный Собесѣдникъ въ своемъ Голосѣ Древней Русской Церкви о улучшеніи быта несвободныхъ людей скрылъ ходъ образованія въ Россіи несвободныхъ людей, а выставилъ однѣ злоупотребленія. Такимъ образомъ историческая сторона статьи лишена исторической истины. Это должно было послужить для статьи неминуемымъ источникомъ ложныхъ выводовъ. Злоупотребленія, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакое дѣло, никакое общество, никакое сословіе человѣческія, были; но онѣ въ сравненіи съ главнымъ фактомъ, оказываются мелочными частностями. Россія, съ самаго начала существованія своего почти до новѣйшихъ временъ, представляетъ собою обширный воинскій станъ. Исторія ея есть исторія непрерывающейся войны. Россія то нападаетъ на сосѣднихъ народовъ, то отражаетъ ихъ нападенія, два вѣка занимается не умолкающею междуусобною войною, непрекращая войны съ сосѣдями; потомъ воюетъ для сверженія ига татарскаго, воюетъ для возстановленія единодержавія, воюетъ для вступленія въ тѣ предѣлы, въ которыхъ она была при Равноапостольномъ Владимірѣ; воюетъ, чтобъ открыть себѣ сообщеніе съ Европою, чтобъ занять мѣсто въ числѣ ея державъ; наконецъ воюетъ противъ всей Европы для освобожденія Европы. При военномъ характерѣ Государства невозможно, чтобъ военное сословіе не первенствовало въ Государствѣ. Въ особенности въ древней и средней Россіи военный элементъ поглащалъ, затмѣвалъ собою всѣ прочіе элементы. По древнему обучаю всѣхъ народовъ, плѣнные обращались въ рабовъ, и этотъ-то разрядъ несвободныхъ людей первоначально получилъ названіе холоповъ и халдеевъ, такъ какъ плѣнные принадлежали наиболѣе татарскому племени, которое русскіе называли племенемъ агарянскимъ, не очень раздѣляя Татаръ отъ Измаильтянъ и Халдеевъ, не очень гоняясь за историческою истиною. Другой разрядъ несвободныхъ людей составился изъ изгоевъ, то есть, сиротъ, нищихъ и другихъ людей, славянскаго племени, лишившихся своего крова по разнымъ несчастнымъ

обстоятельствамъ, столько свойственнымъ временамъ варварства. Богатые бояре и воеводы имѣли обширныя земли; изгои обрабатывали боярскія земли по найму, а нѣкоторые изъ нихъ кабалились, то есть, записывали себя и свои семейства въ потомственное владѣніе боярамъ, находя въ это время государственной неурядицы болѣе выгоднымъ для себя принадлежать сильному и доброму боярину, нежели пользуясь тщетнымъ именемъ свободы, бѣдствовать безъ пріюта и оставаться беззащитною жертвою для всякаго рода насилій. Съ водвореніемъ Христіанства въ Россіи, военные люди заботились о просвѣщеніи своихъ плѣнниковъ Вѣрою Христовою и давали имъ осѣдлость. Земледѣльцы—Христіане, и свободные, и несвободные, получили названіе крестьянъ, равносильное наименованіе христіанъ. Гораздо болѣе образовалось несвободныхъ людей, когда потомки Рюрика размножились до черезвычайности, а владѣнія ихъ измельчились до невѣроятности. Не только ничтожные города,—многія волости имѣли своихъ отдѣльныхъ князей. Единодержавіе установлялось въ Россіи очень медленно, въ продолженіи двухъ столѣтій. Независимые князья, постепенно дѣлаясь подданными Великаго Князя Московскаго, не тотчасъ утрачивали всю власть въ своихъ удѣлахъ: въ ихъ завѣдываніи оставались сперва города, потомъ помѣстья съ крестьянами. Необходимость обуздывать своеволіе простого народа и невозможность имѣть полицію въ государствѣ неорганизованномъ заставили Царя Бориса Годунова прикрѣпить крестьянъ къ землямъ. Тогда всѣ крестьяне русскіе обратились въ крестьянъ несвободныхъ. Какой же фактъ представляетъ отечественная исторія того времени?—Во время укрѣпленія крестьянъ менѣе чѣмъ $^1/_{11}$ часть ихъ принадлежала къ числу несвободныхъ; $^{10}/_{11}$ были свободными, т.—е. на 100 человѣкъ свободныхъ не насчитывали 10-ти человѣкъ несвободныхъ [1]), несмотря на вышеизложенный ходъ образованія несвободнаго сословія и на тѣ злоупотребленія, которыми у свободныхъ отнималась свобода и которыя такъ живописно выставлены Собесѣдникомъ. Одни изъ крестьянъ сдѣлались удѣльными Царя, другіе помѣщичьими, а нѣкоторые церковными, такъ какъ часть потомства изгоевъ занимала земли церковныя. Набожность царей и дворянства русскаго, въ составъ котораго вошли всѣ потомки Рюрика, надѣлила монастыри многими помѣстьями и деревнями. По простотѣ нравовъ и благочестію народа этотъ порядокъ держался около двухъ съ половиною столѣтій, не представляя собой ничего страннаго. Къ царствованію Императрицы Екатерины II-й число помѣщичьихъ крестьянъ уже было гораздо менѣе числа крестьянъ, принадлежавшихъ монастырямъ и Архіерейскимъ домамъ. Россія, постепенно возрастая, ощутила много нуждъ, которыхъ въ состояніи младенчества не ощу-

[1]) Русская Бесѣда, 1859 года, книжка 14, Крестьяне на Руси, стр. 94.

щала: по этой причинѣ и по духу времени при Императрицѣ Екатеринѣ монастырскіе крестьяне были переданы въ вѣдомство Государства: вотъ образованіе казенныхъ крестьянъ. Но и эта Государыня видѣла еще нужду въ помѣщикахъ по недостаточному устройству Государства, именно по недостатку полиціи, какъ выражалась Императрица. Она раздала многія сотни тысячъ крестьянъ лицамъ, оказавшимъ особенныя услуги Государству. Императоръ Павелъ I-й продолжалъ жаловать своихъ сановниковъ крестьянами. За всею этою раздачею казенныхъ крестьянъ помѣщикамъ, число помѣщичьихъ крестьянъ только сравнялось съ казенными. Со времени Александра I-го взглядъ на предметъ измѣнился: государство окончательно организовалось, полиція изъ чиновниковъ повсюду устроилась; народъ началъ выходить изъ состоянія дѣтства, получилъ новыя идеи, ощутилъ новыя потребности; дворянство начало тяготиться своимъ состояніемъ пѣстунства при крестьянахъ; крестьяне начали тяготиться стѣсненіемъ своей свободы, своимъ патріархальнымъ бытомъ. Все это стало сильно обнаруживаться и высказываться во вторую половину царствованія Императора Николая I-го. Нынѣ благополучно царствующій Императоръ Александръ II-й засталъ дѣло подготовленнымъ, и нашелъ необходимымъ измѣнить форму управленія помѣщичьими крестьянами. Какое въ сущности значеніе имѣетъ улучшеніе быта крестьянъ? Это измѣненіе формы управленія ими. Имъ даруется свобода, но не своеволіе: они выходятъ изъ подъ вѣдомства помѣщиковъ, какъ бы изъ подъ надзора воспитателей и опекуновъ, въ служебное, личное отношеніе къ Государству, чрезъ посредство начальства, которое надъ ними установлено будетъ Правительствомъ. Повелѣніе Государя ознаменовано счастливѣйшимъ началомъ, великолѣпнымъ исполненіемъ, изумляющимъ Европу. Европа привыкла видѣть государственные перевороты сопровождаемыми народнымъ смятеніемъ, ужаснымъ кровопролитіемъ: въ Россіи, напротивъ того, переворотъ совершается съ ненарушимымъ спокойствіемъ. Слова Государя, что „началомъ переворота по повелѣнію Свыше предупреждается начало его снизу“ должны быть начертаны золотыми буквами на скрижаляхъ исторіи: надобно бы было Собесѣднику обратить вниманіе на эти слова, и не начинать того дѣйствія, которое Государь желаетъ предупредить. Дворянство содѣйствуетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ отсталыхъ личностей, со всею ревностію къ благополучному совершенію переворота, благодѣтельнаго для обоихъ сословій, и дворянскаго и крестьянскаго. То и другое были въ отношеніи патріархальномъ другъ къ другу: этимъ отношеніемъ они стѣснялись и связывались. Онѣ переходятъ теперь къ гражданскому отношенію: земледѣльцы останутся земледѣльцами за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ богатыхъ людей, могущихъ перейти въ купеческое сословіе; предъ дворянствомъ открывается обширное поприще новой дѣятельности въ странѣ, преизобилующей матерьяльными средствами. Эти

условія—залогъ ожидающаго дворянское сословіе благосостоянія, благосостоянія совсѣмъ въ иной формѣ, болѣе прочнаго и обширнаго. Представленное здѣсь краткое историческое изложеніе показываетъ всю односторонность и неправильность взгляда на дѣло, доставляемый Собесѣдникомъ читателямъ его чрезъ указаніе на однѣ частныя злоупотребленія, которыми сопровождалось пріобрѣтеніе несвободныхъ людей и владѣніе ими. Судя по этимъ частностямъ и не зная метода, которому подчинился Собесѣдникъ, легко можно подумать, что несвободное сословіе образовалось единственно чрезъ насилія, что періодъ владѣнія помѣщиковъ крестьянами въ Россіи былъ періодомъ непрерывнаго, повсемѣстнаго тиранства, а дворянское сословіе всегда состояло изъ лицъ самыхъ безчеловѣчныхъ и безбожныхъ. По точному изслѣдованію статистиковъ оказывается совсѣмъ противное, быть помѣщичьихъ крестьянъ, несмотря на частныя злоупотребленія, въ своемъ общемъ составѣ далеко превосходнѣе быта крестьянъ во всѣхъ прочихъ Европейскихъ Государствахъ; многіе помѣщичьи крестьяне равняются богатствомъ съ первѣйшими купцами; но бытъ этотъ устарѣлъ въ нравственномъ и государственномъ отношеніяхъ. Благочестіе и усердіе къ Церкви, древнихъ русскихъ князей и бояръ достаточно доказывается уже тѣмъ, что они половину своихъ крестьянъ передали монастырямъ. Безпрекословное и радушное принятіе монастырями въ свое владѣніе крестьянъ есть фактическій голосъ древней русской Церкви, какъ о самомъ бытѣ, такъ и объ улучшеніи быта несвободныхъ людей.

Опредѣливъ значеніе статей Собесѣдника по отношенію къ Государственному Законодательству, къ духовной литературѣ, и къ отечественной исторіи, остается опредѣлить значеніе ихъ по отношенію къ Божественному Откровенному Христіанскому Ученію, къ ученію Православной Восточной Церкви, хотя это значеніе уже довольно обнаруживается изъ вышесказаннаго. Господь заповѣдалъ: „Внемлите же отъ лживыхъ пророкъ (т.-е. отъ лжеучителей и лжеученія), иже приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы: отъ плодъ ихъ узнаете ихъ (Мат. 7, 15, 16). Плодъ духовный, сказалъ Апостолъ, есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе“ (Гал. 5, 22). Ученіе истинное, богоугодное, имѣетъ непремѣнно своимъ послѣдствіемъ плодъ духовный, изображенный Апостоломъ; если же ученіе не свидѣтельствуется этимъ плодомъ, то оно—ложное, хотя-бы произносящій носилъ имя пророка, то-есть, какое-бы то ни было важное и громкое наименованіе, соединенное съ понятіемъ о превосходныхъ знаніи и учености. Эта заповѣдь Божія требуетъ особенной разсмотрительности, и въ началѣ ея Господь помѣстилъ знаменательное слово, „внемлите“. Точно: она, для исполненія, требуетъ тщательнѣйшаго вниманія и разсужденія! лже-

ученіе весьма часто излагается блистательно и увлекательно. Не всякій можетъ дать лжеученію должную цѣну по разбору мыслей, въ немъ заключающихся; но по плодамъ своимъ оно тотчасъ познается, разоблачается, оцѣнивается. Святый Великій Варсонофій нѣкоторому иноку сказалъ: „Знай, братъ мой, что всякій помыселъ, которому не предшествуетъ тишина смиренія, не отъ Бога происходитъ, но явно отъ лѣвой стороны. Господь нашъ приходитъ съ тихостію; все же вражеское бываетъ съ смущеніемъ и мятежомъ. Хотя бѣсы и показываются облеченными въ одежду овчую, но, будучи внутренно волками хищными, обнаруживаются посредствомъ производимаго имъ смущенія, какъ сказано: отъ плодъ ихъ познаете ихъ (Матѳ. 7, 15, 16). Да вразумитъ Господь всѣхъ насъ, чтобъ не увлечься ихъ правдою“ [1]). Преподобный Макарій Великій говоритъ: „Человѣку, любящему добродѣтель, весьма стараться надлежитъ о различеніи вещей, дабы разнствіе между благими и злыми совершенно вѣдалъ, и различные демонскіе козни, ими же подъ видомъ добрыхъ уму представленій, многихъ навыклъ развращати, испытывати могълъ и разумѣвати: ибо во всѣхъ случаяхъ полезно осторожну для избѣжанія опасныхъ послѣдствій быти. По слабости убо ума скоро не вдавай себе побужденіямъ духовъ на прельщеніе твое можетъ быть строимымъ, аще бы тіи и небесніи были ангелы: но стой непоколебимъ, прилежнѣйшему вся предая изслѣдованію, и тогда еже благо быти усмотриши, пріемли; а еже зло суще явится, отрини. Не бо не извѣстны суть дѣйствія благодати, ихъ же грѣхъ, аще бы и благого дѣла видъ на себя воспріялъ, никакоже подати можетъ. Ибо хотя по Апостолу и вѣсть сатана преобразитеся во ангела свѣтла (2 Кор. 11, 14), да тако прельститъ человѣка: но хотя бы и свѣтлыя видѣнія представлялъ; благого обаче дѣйствія, якоже речено есть, подати отнюдь не возможетъ: чрезъ что и извѣстный знакъ его дѣлъ бываетъ. Ибо ни любви, яже къ Богу или ближнему, ни кротости, ни смиренія, ни радости, ни мира, ни обузданія помысловъ, ни возненавидѣнія міра, ни спокойствія духовнаго, ни пожеланія небесныхъ дѣйствій дати не можетъ, ниже страсти и похоти укротити, яже явственна суть дѣйствія благодати: плодъ, бо глаголаетъ, духовный есть любы, радость, миръ и проч. (Гал. 5, 22); удобно же гордость паче и высокоуміе вложити въ человѣка можетъ, яко на сіе зело склоненный и пресильный. Изъ дѣйствія убо познаеши возсіявшій въ душѣ твоей умный свѣтъ, отъ Бога ли, или отъ сатаны произведенъ“ [2]). Таково вѣрное и глубокое ученіе Божіе, ученіе Св. Православной Церкви о началахъ добра и зла, о самыхъ тончайшихъ необъяснимыхъ помыслахъ, объясняемыхъ по ихъ пло-

[1]) Отвѣтъ 21.

[2]) Слово IV по московскому изданію 1833 года.

дамъ и дѣйствіямъ. Какой же плодъ статей Собесѣдника? онѣ напыщаютъ умъ, разгорячаютъ воображеніе и кровь, даютъ о предметахъ неправильныя понятія, постоянно заключая отъ частнаго къ цѣлому, нарушаютъ миръ между сословіями, влекутъ ихъ къ взаимной враждѣ и столкновенію. Эти послѣдствія уже очень печальны; но за ними, въ будущности, стоятъ послѣдствія самыя мрачныя. Такое дѣйствіе статей есть вѣрное свидѣтельство о качествѣ ихъ по отношеніи къ Богу и къ Церкви, и о ихъ началахъ. Всякаго блага начало—правильная мысль; всякаго бѣдствія начало—мысль ложная, по свидѣтельству Евангелія, которое показываетъ неразрывую связь лжи съ гибелію человѣчества (Іоан. 8, 44). Собесѣдникъ назвавъ первую статью свою Голосомъ Древней Русской Церкви о улучшеніи быта несвободныхъ людей, не представилъ однако этого голоса въ обѣщанномъ значеніи, при которомъ необходимо изложеніе Ученія Церкви, какъ Вселенской, такъ и Россійской, о томъ, дозволяется ли въ Христіанствѣ владѣніе рабами, или оно воспрещается. Собесѣдникъ представилъ только голосъ Церкви противъ злоупотребленій; приведенные имъ Отцы Россійской Церкви возстаютъ съ святою ревностію противъ злоупотребленій властію, а не противъ самой власти, не противъ правъ ея; въ этомъ они послѣдовали пастырямъ Вселенской Церкви и Великому Учителю Вселенскому, Іоанну Златоустому, особенно чтимому древнею Русскою Церковію, запечатлѣвшему свои обличенія неправды и насилія мученическою кончиною. Ученіе Церкви о рабовладѣніи и гражданской свободѣ, ученіе, котораго точное объясненіе такъ было необходимо для статьи, написанной духовнымъ лицемъ и отъ имени всей Церкви, Собесѣдникъ излагаетъ въ своемъ „Словѣ о освобожденіи крестьянъ“. Въ этомъ Словѣ, чтобъ поддержать свое собственное ученіе и выдать за Ученіе Церкви, Собесѣдникъ прибѣгаетъ: 1) къ измѣненію текста въ посланіи Св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ, который читается въ Славянскомъ переводѣ такъ: „Аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себѣ“ (1. Кор. 7, 21). 2) къ объясненію этого текста противоположно тому, какъ объясняетъ его Церковь. Такое поведеніе Собесѣдника требуетъ, чтобъ здѣсь изложено было точное Ученіе Православной Церкви о рабствѣ и рабовладѣніи.—Гражданское рабство есть послѣдствіе грѣха,—грѣха въ обширномъ смыслѣ, или той вѣчной смерти, которою заразился родъ человѣческій въ своемъ корнѣ, въ праотцахъ [1]). Собесѣдникъ находитъ начало рабства въ проклятіи, произнесенномъ Ноемъ на Ханаана, сына Хамова, сбывшемся надъ отдаленнымъ потомствомъ Ханаана; но сказавъ это Казанскій Журналъ далѣе говоритъ, что начало рабства—грѣхъ. „О! восклицаетъ онъ, еслибъ не было на землѣ грѣха: не было бы и раб-

[1]) См. выше: выноску № 4.

ства!“ [1]). Грѣхъ, объявшій, охватившій человѣчество и землю, какъ ядъ, какъ зараза, дѣйствующая съ быстротою электричества, совершивъ чудовищное превращеніе въ природѣ человѣка и въ природѣ земли сряду по паденіи Адама, сряду по произнесеніи проклятія на человѣка и землю Богомъ, а не во времена Ноя. Изъ повѣданій библейскихъ видимъ, что величайшіе Праведники Вѣтхозавѣтной Церкви, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іовъ, имѣли рабовъ и передавали ихъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. Этого мало: „Взя Авимелехъ“ (Царь Герарскій), говоритъ Книга Бытія, „тысящу дідрахмъ сребра, и овцы, и тѣльцы, и рабы, и рабыни, и даде Аврааму“ (Быт. 20, 14). Авимелехъ даритъ рабовъ; Праведный Авраамъ принимаетъ въ подарокъ рабовъ. Такой же подарокъ изъ рабовъ и рабынь получилъ Великій Авраамъ отъ Царя Египетскаго (Быт. 12, 16). Святая Сарра, супруга Авраама, по причинѣ неплодства своего возводитъ вмѣсто себя на ложе Святаго мужа рабыню—Агарь, Египтяньню. Агарь, зачала отъ Авраама, и по этому поводу возгордилась. Сарра пожаловалась мужу на поведеніе наложницы. Авраамъ отвѣчалъ ей: „Се раба твоя въ руку твою: твори ей, якоже ти есть угодно. И озлоби ю Сарра: и отбѣже отъ лица ея“ (Быт. 16, 1—6). Когда Агарь убѣжала отъ Сарры, и скиталась въ пустынѣ, явился ей Ангелъ, и сказалъ: „Возвратися къ госпожѣ твоей, и покорися подъ руку ея“ (9). Эти событія объясняются паденіемъ человѣка; по нимъ истинный Христіанинъ можетъ изслѣдовать всю глубину человѣческаго паденія, такъ какъ событія касаются величайшихъ Ветхозавѣтныхъ Праведниковъ. Достойно замѣчанія, что Ангелъ Божій заповѣдаетъ рабѣ покорность госпожѣ, огорчившей рабу. Поведеніе Ветхозавѣтныхъ Праведниковъ относительно ихъ рабовъ было иное, нежели паденіе рабовладѣльцевъ—язычниковъ, которые поступали и нынѣ поступаютъ съ рабами своими несравненно хуже, нежели съ домашнимъ скотомъ. Жителямъ Кавказа извѣстно обращеніе сосѣдей—горцевъ съ рабами! По особенности отношеній Ветхозавѣтныхъ Праведниковъ къ рабамъ, рабы ихъ названы въ Священномъ Писаніи домочадцами. Моиссевъ законъ допускалъ рабство срочное для Израильтянина у Израильтянина, допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ и безсрочное (Исх. 21, 2—6)—о безсрочномъ рабствѣ умолчано Собесѣдникомъ—но вообще требовалъ человѣколюбиваго обращенія съ единоплеменными рабами; этотъ же Законъ говоритъ: „И рабъ и рабыня, иже аще будутъ у тебѣ отъ языкъ, иже окрестъ тебе суть, отъ тѣхъ да притяжете рабы и рабыню. И отъ сыновъ присельничныхъ, иже суть въ васъ, отъ сихъ притяжите, и отъ сродниковъ ихъ, елицы аще будутъ въ земли вашей, да будутъ вамъ во одержаніе. И да раздѣлите я дѣтемъ вашимъ по васъ, и да будутъ вамъ во одержаніе во вѣкъ“ (Лев. 25, 44, 45). Это постановленіе Мои-

[1]) Мартъ, стр. 335, 336, 337.

сеева Закона умолчано Собесѣдникомъ, а оно слѣдуетъ тотчасъ послѣ тѣхъ словъ, которые привелъ Собесѣдникъ изъ Левитской Книги, и пополняетъ понятіе о рабствѣ у Израильтянъ. Далѣе Моисей говоритъ: „Братіи же вашей, сыновъ Израилевыхъ кійждо брата своего да не отяготитъ его въ трудахъ“ (46). Изъ этихъ словъ и всего постановленія о рабахъ вполнѣ явствуетъ, что Израильскій Законодатель заботился о томъ, чтобъ поставить Израильскій народъ, какъ избранный, выше всѣхъ прочихъ народовъ, а прочіе народы предъ нимъ унизить. Съ этою цѣлію Моисей полагаетъ шестилѣтній срокъ рабству Еврея у Еврея, и предоставляетъ Еврею пріобрѣтать рабовъ изъ другихъ народовъ въ безсрочное и потомственное владѣніе. Если взглянуть съ высоты духовнаго созерданія на рабство, въ особенности на прежнее и современное рабство у язычниковъ, на всѣ другія разнородныя безчисленныя бѣдствія, которымъ подвергается на землѣ человѣчество, то нельзя не сознаться, что оно содѣлалось чрезъ паденіе разрядомъ существъ, отверженныхъ Богомъ, которыхъ вѣчныя страданія начинаются съ краткаго земного странствованія, и получаютъ полное развитіе съ вступленіемъ въ вѣчность. Спаситель совершилъ искупленіе рода человѣческаго, совершилъ его для всѣхъ человѣковъ, но вмѣстѣ совершилъ только для тѣхъ, которые захотятъ принять его произвольно. Спаситель оставилъ скорби земного странствованія человѣческаго, въ числѣ ихъ и рабство, неприкосновенными, требуя отъ вѣрующихъ въ Него человѣковъ не только сердечной и устной, но и дѣятельной исповѣди своего паденія, дѣятельной исповѣди того, что для человѣковъ необходимъ Искупитель,—исповѣди состоящей въ признаніи земныхъ скорбей справедливымъ слѣдствіемъ паденія и въ покорномъ подчиненіи имъ. Самъ Богочеловѣкъ подчинился этимъ скорбямъ, чтобъ мы съ Нимъ подчинялись имъ; Онъ требуетъ, чтобъ Его уды—истинные Христіане—проводили земное странствованіе такъ, какъ Онъ проводилъ: невозможно удамъ быть въ иномъ состояніи отъ Тѣла и Главы, отъ Церкви и Христа. По этой причинѣ Св. Апостолъ Петръ сказалъ, что христіане призваны во время своего земного странствованія на добрыя дѣла и страданія, „зане“, говоритъ Апостолъ, „и Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его: иже грѣха не сотвори, не обрѣтеся лесть во устѣхъ Его „(1 Петр. 2, 21, 22). По какому поводу сказалъ это Апостолъ?—сказалъ, обращаясь къ Христіанамъ, принадлежавшимъ въ гражданскомъ отношеніи къ сословію рабовъ. „Раби“, говоритъ онъ, „повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ“ (18). „Не твое дѣло, что господинъ твой безчеловѣченъ: ему за это судитъ Богъ; ты неси твой крестъ, данный тебѣ Богомъ для твоего спасенія, неси безропотно, благодаря и славословя Бога съ креста твоего: потому что и съ тебя потребуется Богомъ отчетъ, каково ты несъ Богомъ дарованный крестъ твой“. Спаситель міра установилъ на

землѣ Свое Царство, но Царство духовное, могущее пребывать во всякомъ человѣческомъ обществѣ, какъ бы это общество по гражданскому устройству своему не называлось, монархіею или республикою, или чѣмъ другимъ: потому что Царство Христово, будучи не отъ міра сего (Іоан. 18, 36), не имѣетъ никакого отношенія къ гражданской формѣ государствъ, доставляя впрочемъ всякому государству самыхъ добродѣтельныхъ и потому самыхъ полезныхъ членовъ. Точно такъ и свободу Господь даровалъ духовную, не уничтоживъ ни одной власти гражданской; ибо свободный духовно, при всей гражданской подчиненности своей, не подчиненъ грѣху и страстямъ, не подчиненъ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ и превратностямъ земной жизни, не подчиненъ страху, ставъ силою вѣры во Христа и наслажденіемъ во Христѣ превыше человѣческаго страха и превыше всѣхъ земныхъ бѣдствій. Вліяніе и человѣческаго страха и земныхъ бѣдствій служитъ признакомъ лицемѣрнаго, поверхностнаго, непонятнаго Христіанства. Если скажутъ на это, что многіе изъ Христіанъ подчиняются вліянію злоключеній и ниспадаютъ подъ бременемъ ихъ: то на это уже имѣется готовымъ отвѣтъ самого Спасителя: „Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкій путь земного благоденствія вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ. Что узкая врата и тѣсный путь, вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его (Матѳ. 7, 13, 14). Иже не пріиметъ креста своего и вслѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ „(Матѳ. 10, 38). Слыша эти рѣшительныя слова Христовы, лучше плакать предъ Нимъ о своей немощи, нежели витійствовать земнымъ плотскимъ мудрованіемъ и витійствомъ противъ Креста Христова и противъ тѣснаго пути, того единственнаго пути, который вводитъ во спасеніе. Какая существенная причина таковаго разлагольствованія?—Отверженіе тѣснаго пути, желаніе пути широкаго—отверженіе Креста Христова.—„Намъ же“, братія, „да не будемъ хралитися токмо о Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа: намъ же, намъ міръ распяся, и мы міру „(Гал. 6, 12, 14). Такъ научаетъ насъ Апостолъ. Кто живъ для міра, вступается съ разгорячѣніемъ и увлеченіемъ въ дѣла его, тотъ доказываетъ и показываетъ свою мертвость для Христа.—Церковная Новозавѣтная Исторія представляетъ многихъ святыхъ и праведныхъ Христіанъ, которые имѣли рабовъ и передавали ихъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, что они покупали и продавали рабовъ, какъ напримѣръ Отецъ Святаго Іоанна Дамаскина купилъ преподобнаго Косьму. Нѣкоторый Христолюбецъ вопросилъ Великаго во Святыхъ Варсонофія: „Отецъ мой, я хочу пріобрѣсти себѣ слугъ, но сомнѣваюсь, будутъ-ли они мнѣ полезны. Скажи мнѣ должно ли ихъ взять? и какъ мнѣ поступить“?—Великій отвѣчалъ: „Будемъ помнить, что и мы имѣемъ Владыку. Если мы будемъ повиноваться Владыкѣ нашему, то Онъ

сотворитъ, что и слуги наши будутъ повиноваться намъ. Вотъ ты слышишь: поди же и возьми ихъ во имя Господне“ [1]). Изъ этого видно во первыхъ, что Первенствующая Христіанская Церковь не возбраняла Христіанамъ имѣть рабовъ,—во вторыхъ, что постановленіе Моисеева Закона о рабствѣ Евреевъ у Евреевъ не было обязательнымъ для Христіанъ. Тѣ изъ Христіанъ, которые стремились къ Христіанскому совершенству,—давали рабамъ своимъ свободу, а имѣніе свое продавали и раздавали нищимъ, исполняя этимъ всесвятый совѣтъ Господа: „аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти имаше сокровище на небеси, и иди вслѣдъ Мене“ (Матѳ. 19, 21). Святый Великомученикъ Георгій предъ изшествіемъ на подвигъ мученичества освободилъ всѣхъ рабовъ своихъ. Такъ поступали почти всѣ мученики; такъ поступали всѣ, вступившіе въ духовное мученичество, въ монашество. Святый Петръ Мытарь не только освободилъ всѣхъ рабовъ своихъ, но и себя продалъ въ рабство; Святый Павлинъ, Епископъ Нолы, продалъ себя въ рабство, чтобъ искупить сына вдовицы. Такое поведеніе многихъ Избранниковъ Божіихъ, Христіанъ совершенныхъ, отнюдь не было общимъ правиломъ для всѣхъ Христіанъ. Общимъ Христіанскимъ правиломъ была и есть любовь къ ближнимъ, слѣдовательно и къ рабамъ. Рабы Христіанъ были по преимуществу домочадцами: они не были рабами. Тотъ Христіанинъ, который позволялъ себѣ жестокость относительно рабовъ, былъ обличаемъ и научаемъ Церковію. Жестокіе, безчеловѣчные, развратные господа между христіанскими господами были; но не является ли попраніе заповѣдей Божіихъ и въ прочихъ всѣхъ сословіяхъ? Не являлись ли жестокость и развратъ во всѣхъ сословіяхъ, между самыми Пастырями и Архипастырями? Таковъ падшій человѣкъ! Самыя ближайшія сношенія съ воплотившимся Богомъ, самый санъ Апостольскій, высочайшій изъ всѣхъ сановъ человѣческихъ, не уклонили отъ величайшаго изъ человѣческихъ преступленій того человѣка, который произвольно избралъ для себя зло.—Божественное Новозавѣтное ученіе о господахъ и рабахъ изложено со всею точностію и удовлетворительностію въ посланіяхъ Святаго Апостола Павла. Мы предлагаемъ здѣсь это ученіе, по истолкованію его (Святаго Апостола Павла) Святымъ Іоанномъ Златоустымъ, общепринятому Святою Церковію и особенно уважаемому древнею Россійскою Церковію Святый Іоаннъ Златоустъ, приступая къ объясненію 13-ой главы Посланія къ Римлянамъ, въ которой сказано, что начальство и власти суть Божіе учрежденіе, обращаетъ вниманіе читателя на предшествующую главу, въ которой и вѣрно и свято и живописно изображена нравственность истиннаго Христіанина. „Замѣть“, говоритъ Златоустый, „какъ кстати

[1]) Великаго Варсонофія отвѣтъ 656-й.

Апостолъ завелъ рѣчь о семъ предметѣ. Послѣ того, какъ предложилъ слушателямъ различныя требованія Христіанскаго любомудрія, настроилъ ихъ жить въ мірѣ съ друзьями и врагами, научилъ быть полезными и для счастливыхъ и несчастныхъ и для нуждающихся, коротко сказать, для всѣхъ, насадилъ уставы общежитія, приличные Ангеламъ, истощилъ гнѣвъ, низложилъ высокоуміе, и совершенно умягчилъ ихъ сердца, послѣ всего того предлагаетъ свои увѣщанія о повиновеніи властямъ". Очевидно, что только тотъ Христіанинъ, въ душѣ котораго глубоко насаждены правила Христіанской нравственности, въ душѣ котораго преобладаетъ вѣра, который старается умерщвлять себя для міра, который смотритъ на земныя человѣческія отношенія и на земныя человѣческія положенія окомъ странника изъ разума Христова, который проводитъ жизнь на землѣ какъ въ предверіи къ вѣчности, можетъ богоугодно и душеполезно нести иго подчиненности, тогда какъ власть земная почти всегда сопряжена съ большими или меньшими злоупотребленіями, по свойству падшаго человѣка, по его грѣховности, по его ограниченности. Не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что Святый Іоаннъ Златоустъ объясняетъ законоположенныя Святымъ Духомъ отношенія властей и подчиненныхъ сряду по окончаніи вѣковъ мученичества, когда власть почти непрерывно въ теченіи трехъ столѣтій обнаруживала такое чудовищное звѣрство и безчеловѣчіе, какого не представляли лѣтописи міра ни прежде, ни послѣ. Это тотъ Златоустъ, который произнесъ самыя сильныя обличенія противъ злоупотребленій богатствомъ и властію, и сдѣлался жертвой мести за свои обличенія. Златоустъ говоритъ: „(Апостолъ) желая внушить, что заповѣдь его о (подчиненности) простирается не на однихъ мірскихъ людей, но на всѣхъ, и на священниковъ, и на монаховъ, объявляетъ о томъ напередъ, говоря такъ: Всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется. Хотя бы ты былъ Апостолъ, хотя бы Евангелистъ, хотя бы Пророкъ, хотя бы другой кто, повинуйся. Подчиненіе власти не подрываетъ благочестія. Апостолъ здѣсь разумѣетъ не простое повиновеніе, но подчиненіе. Первое основаніе такового установленія, удовлетворяющее разуму вѣрныхъ, состоитъ въ томъ, что власти учреждены отъ Бога". Златоустъ утверждаетъ, что Апостолъ говоритъ въ этой главѣ о подчиненности какъ слугъ господамъ, такъ и подначальныхъ начальникамъ. Исчисляя Богомъ установленные виды начальства и подчиненности, Златоустъ упоминаетъ о отношеніяхъ, „между мужемъ и женою, между сыномъ и отцомъ, между старцемъ и юношею, между рабомъ и свободнымъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, между учителемъ и ученикомъ".—Собесѣдникъ, располагаясь, говоритъ отъ имени Церкви о улучшеніи быта несвободныхъ людей, сохранилъ ли вѣрность нравственному Христіанскому началу, изложенному въ 12-й главѣ

посланія къ Римлянамъ, тому началу, изъ котораго, только одного, можно разсуждать о предложенномъ предметѣ, въ характерѣ истиннаго христіанства, въ характерѣ Святой Православной Церкви? Къ сожалѣнію нѣтъ! Собесѣдникъ отвергъ назиданіе Апостола, отвергъ нравственное начало, предложенное Апостоломъ; онъ не побѣдилъ благимъ злое. Напротивъ того, онъ выставилъ на позоръ всѣмъ свое явное побѣжденіе зломъ. Напрасно говоритъ для него Апостолъ: „благословляйте гонящія вы; благословите, а не кляните, ни единому же зла за зло воздающе. Не себе отмщающе, но дадите мѣсто гнѣву: писано бо есть: Мнѣ отмщеніе: Азъ воздамъ, глаголетъ Господь“ (Рим. 12). Собесѣдникъ, вмѣсто краткаго вразумленія ошибающихся, вступилъ въ перебранку съ свѣтскими писателями, на колкости отвѣчаетъ колкостями. Собесѣдникомъ униженъ святый и важный характеръ Церкви, искаженъ ея святый голосъ, предъ которымъ всѣ благоговѣютъ и умолкаютъ. Собесѣдникъ, отвергши достоинство, которое ему доставлялось Церковію, далъ право свѣтскимъ писателямъ на рѣзкіе отвѣты. А для отвѣтовъ можетъ послужить обильнымъ источникомъ методъ, употребленный Собесѣдникомъ, методъ живописной и красивой публикаціи частныхъ злоупотребленій, и заключенія о цѣломъ отъ частнаго. Потерявъ настроеніе мира и любви, при которыхъ только можетъ разумъ сохранять вѣрность Божественной Истинѣ—Христу и единеніе съ Всесвятою Истиною, Собесѣдникъ не могъ не вдаться во всѣ пути ложнаго умствованія. Онъ позволилъ себѣ, въ разгорячены и увлеченіи своемъ, измѣнить слова Священнаго Писанія, и дать имъ произвольное толкованіе, сообразное своей цѣли, отвергнувъ общепринятое толкованіе Церковію, между тѣмъ какъ Православная Церковь именно отвергаетъ произвольное разнорѣчивое толкованіе Писанія, а принимаемъ толкованіе его Святыми Отцами: слово, изреченное Святымъ Духомъ, можетъ быть и объяснено только Святымъ Духомъ. „Вотъ“, говоритъ Собесѣдникъ, „прямое ученіе Христіанства о рабствѣ: Каждый будь вѣренъ, говоритъ Слово Божіе, тому званію, къ какому призванъ (Богомъ). Рабомъ ли кто призванъ, не смущайся; но если можешь сдѣлаться свободнымъ, тѣмъ лучше, умѣй воспользоваться этимъ. Ибо призванный въ Господѣ (т.-е. въ Христіанствѣ) рабомъ, есть свободный (человѣкъ) Господа; и призванный свободнымъ есть рабъ Господа. Вы искуплены дорогою цѣною: не дѣлайтесь же рабами человѣковъ (1 кор. 7, 20—23).“ [1]). Въ русскомъ переводѣ Новаго Завѣта, изданномъ по благословленію Святѣйшаго Синода 21-й стихъ читается такъ: „Рабомъ ли ты призванъ, не безпокойся: но ежели можешь сдѣлаться и свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся“. Умолчаніе слова *этимъ* даетъ другой смыслъ! Въ

[1]) Собесѣдникъ, мартъ стр. 337.

Славянскомъ же текстѣ читаемъ: „но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи“ себѣ. Итакъ! Въ славянскомъ текстѣ открываемъ мысль, совершенно противоположную той, которую желаетъ видѣть и высказать Собесѣдникъ. Въ изданномъ по благословенію Святѣйшаго Синода, въ 1765 году, толкованіи Святого Іоанна Златоуста на 14 посланій Святого Апостола Павла упомянутый текстъ читается такъ: Но „аще и можеши свободенъ быти, наипаче употребляй сего“. Это самый буквальный переводъ съ греческаго; на краю выставленъ тоже весьма точный переводъ, болѣе понятный, болѣе обнаруживающій мысль Апостола: „больше поработи себѣ“. На сей текстъ имѣется слѣдующее толкованіе Златоустаго: „Это значитъ: тѣмъ больше поработи себя. И почему повелѣваетъ пребывать рабомъ могущему освободиться? Чтобы показать, что рабство не приноситъ никакого вреда, напротивъ—приноситъ пользу. Не невѣдаемъ, что нѣкоторые это *наипаче употребляй* думаютъ сказаннымъ о свободѣ, говоря: если можешь освободиться, освободись. Это изреченіе было бы вполнѣ противно цѣли Павла, еслибъ оно имѣло такое значеніе. „Онъ не могъ приказывать рабу отыскивать свободу въ то время, какъ утѣшаетъ раба и объясняетъ ему, что онъ нисколько не повреждается (отъ рабства)“. Употребляй сего значитъ: употреби рабство посредствомъ смиренія въ сильное средство спасенія. Слова Апостола цѣною куплены есте: не будите раби человѣкомъ Златоустый объясняетъ такъ: „это сказано не только рабамъ, но и свободнымъ. Можетъ рабъ, будучи рабомъ, не быть рабомъ, но можетъ быть рабомъ и тотъ, кто свободенъ. Какимъ образомъ можетъ не быть рабомъ, будучи рабомъ? Дѣлая все ради Бога, безъ притворства, работая не только предъ глазами (господъ): это-то значитъ работать человѣкомъ и (вмѣстѣ) быть свободнымъ. Опять: какъ можетъ кто-нибудь, будучи свободнымъ, содѣлаться рабомъ?“ (Это совершается), когда кто-нибудь проходитъ между человѣками служеніе лукаво, или ради чревообъяденія, или ради страсти къ деньгамъ или съ цѣлью властолюбія. „Кто таковъ, тотъ порабощенъ болѣе всякаго раба“[1]). Что изъясненіе мысли Святого Апостола Павла понято и преподается Златоустымъ съ совершенною правильностію, это видно изъ наставленія Апостола рабамъ и господамъ въ посланіи его къ Ефесянамъ: „Раби“, говоритъ онъ, „послушайте господій своихъ по плоти, со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа: не предъ очима точію работающе яко человѣкоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божію отъ души. Со благоразуміемъ служаше якоже Господу, а не яко человѣкомъ: вѣдяще, яко кійждо, еже аще сотворитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа, аще рабъ, аще свободъ. И господіе, таяжде творите къ нимъ; послабляюще имъ

[1]) Homilia XIX.

прещенія: вѣдуще, яко и вамъ самѣмъ и тѣмъ Господь есть на небесѣхъ, и обиновенія нѣсть у него" (Еф. 6, 5—9). Изъ посланія Апостола Павла къ Филимону видно не что иное, какъ уваженіе Апостола къ правамъ господина и ходатайство такого Лица, которое могло приказывать, о рабѣ, содѣлавшемся изъ сосуда неправды сосудомъ Божіимъ. Непонятно для чего Собесѣдникъ приводитъ это посланіе въ поддержаніе своей идеи, которой посланіе явно противорѣчитъ! [1]) развѣ въ надеждѣ скрыть точный смыслъ посланія отъ неопытнаго читателя и представить свой взглядъ на предметъ взглядомъ Святого Апостола Павла. Также непонятна причина, по которой Собесѣдникъ приводитъ ученіе Господа о духовной свободѣ, между которою и свободою гражданскою нѣтъ никакихъ отношеній [2]). Имѣющій духовную свободу нисколько не нуждается въ гражданской: онъ—въ рабствѣ, въ тюрьмѣ, въ оковахъ, въ рукахъ полача—свободенъ. Напротивъ того лишенный духовной свободы, хотя бы пользовался гражданскою свободою, хотя-бы пользовался полнымъ гражданскимъ благоденствіемъ, есть рабъ грѣха и страстей, есть узникъ и рабъ вѣчный. Справедливо замѣчаетъ Блаженный Ѳеофилактъ Болгарскій, что ученіе Господа о духовной свободѣ не удовлетворило такихъ Его учениковъ, которые были учениками только по имени и по положенію, и, не пріемля, какъ слѣдуетъ Слова Господня, которое Духъ и Жизнь (Іоан. 6, 63), желали приспособить это слово къ земному своему благосостоянію, т. е., дать Слову Божію плотское значеніе и дѣйствіе. Знаменіе Христа—Крестъ; Слово Христа—Слово Крестное: оно было и есть для Іудеевъ—соблазнъ, для Елиновъ безуміе (1. Кор. 1, 23).— Изложенное здѣсь ученіе Церкви, при всей краткости, показываетъ: 1) Что и Слово Божіе и Церковь, какъ Вселенская, такъ и Россійская, въ лицѣ Святыхъ Отцевъ, никогда и ничего не говорили о уничтоженіи гражданскаго рабства, что между духовною и гражданскою свободою нѣтъ ничего общаго, что какъ рабы, такъ и господа были постоянно научаемы Церковію точнѣйшему, самому добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, что нарушители Христова завѣщанія о любви подвергались обличеніямъ и вразумленіямъ; 2) Что освобожденіе рабовъ всегда признавалось Церковію добрымъ дѣломъ, дѣломъ милости, дѣломъ братской Христіанской любви. Изъ этого ученія Церкви взглядъ на настоящее отечественное событіе, на дѣло о улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ по дарованіи имъ гражданской свободы, величественъ, великолѣпенъ. Благочестивѣйшій Самодержецъ Россійскій указалъ дворянскому сословію совершеніе великаго Христіанскаго дѣла, дѣла любви. Церковь призываетъ благословеніе Божіе на великое отечественное дѣло теплѣйшими молитва-

---

[1]) Собесѣдникъ, Мартъ, стр. 347, 348.

[2]) Тамъ же, стр. 336, 337.

ми! Ея пастыри приглашаютъ дворянство къ благородному самоотверженію, къ пожертвованію, къ пожертвованію срочному вещественными выгодами для выгодъ нравственныхъ, а крестьянъ наставляютъ принять даръ Царя съ должнымъ благоговѣніемъ и смиреніемъ—этими вѣрными залогами, что даръ будетъ употребленъ благоразумно и полезно. Не должно думать, что гражданская свобода возвыситъ нравственно однихъ крестьянъ: сословіе дворянъ должно непремѣнно вступить на высокую степень нравственнаго преуспѣянія, отказавшись отъ рабовладѣнія. Таково свойство самоотверженія и принесенія выгодъ матерьяльныхъ въ жертву выгодамъ духовнымъ: оно возвышаетъ, измѣняетъ, совершенствуетъ человѣка.

Нельзя оставить безъ вниманія нѣкоторыхъ частностей, которыми Собесѣдникъ усиливается придти къ заключенію о цѣломъ. Съ такою цѣлію выставленъ Собесѣдникомъ плачъ Даніила Заточника, ссыльнаго холопа [1]). Заточникъ представленъ невиннымъ страдальцемъ; плачъ его разносится по всей древней Россіи, съ сочувствіемъ повторяется всѣмъ древнимъ русскимъ народомъ, на голосъ его отзывается древняя русская Церковь; впрочемъ ни одинъ Церковный Писатель съ мнѣніемъ о плачѣ заточника не указанъ. Какъ ни трогательно это описаніе, но столько важные факты нуждаются въ удовлетворительномъ доказательствѣ. Собесѣдникъ говоритъ, что „въ голосѣ заточника слышится какая-то горькая насмѣшка, что-то въ родѣ сатирическаго озлобленія“ [2]). Неужели никто изъ современныхъ заточнику пастырей не понялъ, что правильное Христіанское настроеніе не допускаетъ въ душу ни чувства горькой насмѣшки, ни сатирическаго озлобленія? Не скорѣе ли признать клеветою на Церковь приписываемый ей немедленный откликъ на голосъ ропота и злохуленія, подобный тому, который услышался изъ устъ одного изъ разбойниковъ, распятыхъ съ Господомъ. О этомъ разбойникѣ Церковь говоритъ, что онъ тяжестію хуленія низвлеченъ во адъ [3]). Она научаетъ чадъ своихъ, изъ среды злоключеній земныхъ, произносить и повторять слова другого разбойника: „достойное по дѣломъ моимъ пріемлю: помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ“. Одно средство облегчить свое трудное положеніе, привлечь въ душу спокойствіе, доставить ей духовное утѣшеніе и наслажденіе: это—признать себя достойнымъ труднаго положенія, а трудное положеніе—попущеніемъ Божіимъ. „Нѣтъ ничего крѣпче смиреномудрія, сказалъ Преподобный Авва Дороѳей, ничто не побѣждаетъ его. Если со смиреннымъ случится что либо скорбное, онъ тотчасъ обращается къ себѣ, тотчасъ осуждаетъ себя, что онъ достоинъ того,—не станетъ укорять никого, не

[1]) Собесѣдникъ, Январь, стр. 46—48.
[2]) Собесѣдникъ, Январь, стран. 47.
[3]) Кондакъ девятаго часа.

будетъ на другого возлагать вину, и такимъ образомъ переносить случившееся безъ смущенія, безъ скорби, съ совершеннымъ спокойствіемъ“ [1]). Каждый долженъ правильно признать себя достойнымъ скорби и наказанія: каждый зачатъ въ беззаконіяхъ и рожденъ во грѣхѣ, имѣетъ внутри себя живущія и дѣйствующія грѣховныя страсти, эту грѣховную заразу, непрестающую рождать грѣхъ, если не въ дѣлахъ, то въ помыслахъ и ощущеніяхъ. Спаситель міра сказалъ: „Иже не пріиметъ креста своего, и вслѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ“ (Мато. 10, 38). Крестомъ, по объясненію Святыхъ Отцевъ, названы тѣ скорби, которыя Богу угодно попустить намъ во время нашего земного странствованія. Скорби разнообразны; каждый изъ человѣковъ имѣетъ свои скорби; скорби наиболѣе соотвѣтствуютъ страстямъ каждаго; по этой причинѣ каждый имѣетъ свой крестъ. Этотъ свой крестъ повелѣно каждому изъ насъ принять, то есть, повелѣно каждому признавать себя достойнымъ посланной ему скорби, переносить ее благодушно, послѣдуя Христу, заимствуя отъ Него смиреніе, посредствомъ котораго переносится скорбь. Въ вышеприведенныхъ словахъ Господа, заключается страшный приговоръ на непереносящихъ скорби терпѣливо: Господь отвергаетъ ихъ. Они, произнося среди скорбей ропотъ и злорѣчіе, этимъ самымъ произносятъ исповѣдь, что ихъ разумъ и сердце не озарены Божественною Благодатію, что Господь чуждъ имъ: ибо никто иной, а именно Господь, научаетъ смиренію истинныхъ рабовъ Своихъ. „Научитесь не отъ Ангела, говоритъ Онъ, не отъ человѣка, не изъ книги, но отъ Меня, то есть, отъ Моего усвоенія вамъ, осіянія васъ, дѣйствія на васъ, яко кроткъ есмь и смиренъ сердцемъ, и помысломъ, и образомъ мыслей: и обрящете покой оборенія (внутренняго), и облегченія душамъ вашимъ отъ помысловъ „(Мато. 11, 29) [2]). Скорбь потому и называется искушеніемъ или испытаніемъ, что она обнаруживаетъ сокровенное устроеніе души [3]). Святый Исаакъ Сирскій говоритъ: „Всякое затруднительное положеніе и всякая скорбь, не сопровождаемыя терпѣніемъ, производятъ сугубое мученіе. Терпѣніе человѣка противостоитъ его злоключеніямъ, а малодушіе—мать мученія... Оно рождаетъ въ человѣкѣ превозмогающую его силу уныніе, отъ котораго ощущается душевная удава—это предвкушеніе геенны. Симъ наводится на человѣка духъ изступленія, отъ котораго истощается тьма искушеній: смущеніе, ярость, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы... „Какое врачевство всему этому?—смиренномудріе сердца... По мѣрѣ смиренномудрія дается тебѣ терпѣніе въ злоключеніяхъ твоихъ. По мѣрѣ терпѣнія твоего, облегчается для тебя тяжесть скорбей твоихъ,

[1]) Поученіе Второе о Смиреномудріи.

[2]) Пр. Іоанна Лѣствичника Слово 25.

[3]) Пр. Каллиста и Игнатія гл. 16-ая, о томъ, яко доблественнѣ подобаетъ терпѣти искушенія. Добротол. ч. 2.

и пріемлешь утѣшеніе. По мѣрѣ утѣшенія, получаемаго тобою, возвеличивается любовь твоя къ Богу. Соотвѣтственно любви твоей, увеличивается твоя радость, доставляемая Святымъ Духомъ. Милосерный Отецъ нашъ, когда возблаговолитъ извести изъ искушенія истинныхъ сыновъ Своихъ, то не взимаетъ у нихъ самаго искушенія, но подаетъ имъ терпѣніе въ искушеніи, и они принимаютъ рукою терпѣнія всѣ, (вышепоименованныя) блага, къ утвержденію душъ своихъ. Христосъ Богъ своею благодатію да сподобитъ и насъ по любви къ Нему претерпѣть съ благодареніемъ отъ сердца все лютое“ [1]). Вотъ ученіе Церкви! Вотъ голосъ Церкви! Вотъ ея отзывъ на голосъ Даніила Заточника.—Въ концѣ прошедшаго столѣтія нѣкоторое духовное лицо, въ Архіерейскомъ санѣ, подверглось заточенію. Затворъ былъ продолжителенъ и до того строгъ, что заточенному воспрещены были чернила и бумага. Заточенный скончался въ заточеніи. Въ его комнатѣ нашли нацарапанную надпись на стѣнѣ. „Благо мнѣ, Господи, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ“ (Пс. 118, 71). Вотъ голосъ Заточника, который можно и должно признать голосомъ вполнѣ принадлежащимъ Церкви! вотъ тотъ голосъ, на который Церковь должна отозваться отзывомъ одобренія! Всѣ земныя бѣдствія ничего не значатъ предъ душевнымъ бѣдствіемъ: предъ отчужденіемъ ума и сердца отъ Богомъ преданнаго намъ смиренія. На голосъ Даніила Заточника Церковь можетъ отозваться только голосомъ болѣзненнаго плача о этой заблудшей и омрачившейся душѣ, которую да покроетъ милость Божія. Эта милость Божія да избавитъ отъ подражанія Даніилу всѣхъ нынѣ подвергающихся и впредь имѣющихъ подвергаться тюремному заключенію, ссылкѣ и прочимъ земнымъ, временнымъ бѣдствіямъ! да наставитъ ихъ благодать Божія смиренію. А человѣкъ, доколѣ будетъ существовать на землѣ въ состояніи своего паденія, дотолѣ сдѣлаетъ неизбѣжными, и тюрьму, и ссылку, и другія безчисленныя бѣдствія—послѣдствія паденія. Имъ будетъ онъ подвергаться правильно и неправильно: таковъ—человѣкъ! такова—земная жизнь!

На страницахъ Собесѣдника явилась невѣроятная, приводящая въ ужасъ сцена [2]). Это — судъ надъ душой давно умершаго господина, судъ, воспрещенный Богомъ, какъ похищеніе сана Божія, судъ надъ душею, которая давно уже предстала суду Божію и выслушала о себѣ изреченіе Божіе. Духовное завѣщаніе, по поводу котораго производится Собесѣдникомъ судъ и въ которомъ почившій исповѣдалъ и исчислилъ свои грѣхопаденія, уже оказывается блѣднымъ и слабымъ предъ формою суда, произносимаго Собесѣдникомъ. Судъ и форма, по своему характеру раздраженія, выступаютъ на первый планъ, являются сами преступленіемъ, приводящимъ

[1]) Слово 79-е.
[2]) Январь, стр. 69, 71.—Мартъ, стр. 342—345.

въ ужасъ и содроганіе, тѣмъ болѣе, что судъ произносится съ церковной каѳедры, во имя Церкви, съ явнымъ попраніемъ Закона Божія и Закона Церкви, изъ которыхъ первый воспрещаетъ судить и осуждать, второй воспрещаетъ обнародывать исповѣдь грѣшника. Если исповѣдь и сохранилась на бумагѣ,—изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ относительно ея, правило Церкви было устраняемо. Судъ выраженъ съ необыкновенною жестокостію. Сочинитель недоволенъ покаяніемъ грѣшника, отвергаетъ, уничтожаетъ это покаяніе; однако не видно, чтобъ сочинителю были коротко извѣстны всѣ обстоятельства кончины грѣшника, чтобъ была извѣстна загробная участь грѣшника. А эти свѣдѣнія необходимы для точнаго опредѣленія, каково было достоинство покаянія, принесеннаго грѣшникомъ. Сочинитель недоволенъ тѣмъ, что дана свобода половинѣ рабовъ, а другая половина предоставлена оставшемуся семейству господина, считая уже дѣломъ доказаннымъ и рѣшеннымъ, что всѣ доселѣ бывшіе рабовладѣльцы суть преступники и попратели Закона Божія! Мы вѣруемъ, что при покаяніи Всесильная Благодать Божія изглаживаетъ одинаково всѣ грѣхи, и малые, и великіе; подвиги человѣческіе при покаяніи принимаются единственно какъ свидѣтельство искренности въ покаяніи: по этой причинѣ и видимъ, что пришедшіе въ вертоградъ покаянія уже въ единодесятый часъ своей жизни получали такой же пенязь спасенія, какой получали и тѣ, которые трудились въ вертоградѣ отъ нѣжной юности (Матѳ. 20, 1—16). Достоинство покаянія можетъ оцѣнить одинъ Сердцевѣдецъ—Богъ. Его судъ совершенно отличенъ отъ суда человѣческаго: „не тако зритъ человѣкъ, яко зритъ Богъ: яко человѣкъ зритъ на лице, Богъ же зритъ на сердце“. (1 Цар. 16 — 17). Изъ Евангелія мы видимъ, что фарисеи постоянно ошибались въ сужденіяхъ своихъ о грѣшникахъ, приносившихъ покаяніе. Фарисей Симонъ погрѣшилъ въ сужденіи своемъ о женщинѣ блудницѣ, извѣстной всему городу по ея развратной жизни: въ то время, какъ онъ соблазнялся и осуждалъ не только женщину, но самаго Богочеловѣка, произнесено Господомъ изреченіе о грѣшницѣ, что ей отпущаются грѣхи, что она больше любитъ Бога, чѣмъ фарисей, признававшій себя праведнымъ, т. е. невидѣвшій грѣховъ своихъ (Лук. 8).—Іудеи роптали на Господа за то, что Онъ посѣтилъ извѣстнаго грѣшника, Закхея Мытаря. Закхей, принявъ Господа, немедленно рѣшился перемѣнить образъ жизни и представилъ свидѣтельство искренности покаянія почти такъ-же, какое видно въ завѣщаніи, на которое негодуетъ Собесѣдникъ. Закхей сказалъ: „се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ: и еще кого чѣмъ обидѣхъ, возвращу четверицею. На это Господь отвѣчалъ: днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть. Пріиде бо Сынъ Человѣческій взыскати и спасти погибшаго“. (Лук. 19, 8, 9, 10). Слово Божіе открыва-

етъ намъ, что Закхей точно былъ грѣшникъ, уже погибшій, но что покаяніе его принято Богомъ, и погибшій грѣшникъ внезапно причислился къ лику спасенныхъ. Очевидно, что люди не могли знать дѣйствительности этого покаянія и, преступая заповѣдь Божію воспрещающую осуждать, согрѣшили и предъ Богомъ и предъ ближнимъ. Книжники и фарисеи привели предъ Господа женщину, пойманную въ прелюбодѣяніи. Они, требуя суда отъ Господа, ссылались на Законъ Моисеевъ, повелѣвающій побивать камнями прелюбодѣевъ. Господь сказалъ фарисеямъ: „иже есть безъ грѣха въ васъ, прежде верзи камень на ню". Они, будучи обличаемы совѣстію, одинъ за другимъ вышли, и оставили несчастную женщину одну предъ Господомъ. Господь изрекъ ей прощеніе въ слѣдующей смиреннѣйшей формѣ: „жено, гдѣ суть, иже важдаху на тя? никій же ли тебе осуди?... ни Азъ тебе осуждаю: иди, и отселѣ ктому не согрѣшай" (Іоан. 8, 3—11). Изъ этого видно, что причиною непомѣрно строгаго сужденія ближнихъ есть собственная грѣховность, на которую не обращено вниманія. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ повѣствуетъ, что въ монастырь къ нѣкоторому Великому Отцу пришелъ для покаянія и поступленія въ число иноковъ разбойникъ. Этотъ разбойникъ принесъ публичную исповѣдь въ своихъ грѣхахъ, самыхъ тяжкихъ, и Великій Отецъ увидѣлъ явившагося нѣкотораго свѣтоноснаго мужа, державшаго хартію въ рукахъ и изглаждавшаго написанные на ней страшные грѣхи разбойника по мѣрѣ обнаруженія ихъ исповѣдію [1]). Такова сила исповѣди: она основана на безконечности цѣны, которою мы искуплены. Собесѣдникъ требуетъ строжайшаго покаянія отъ души почившаго, несмотря на исповѣдь почившаго, не только произнесенную предъ духовникомъ, но и изложенную письменно во увѣдѣніе всѣхъ; Собесѣдникъ истязуетъ душу почившяго, какъ она можетъ быть, не была истязана на пути своемъ загробномъ: удовлетворительный отвѣтъ Собесѣднику можетъ дать одинъ Всевѣдущій Богъ. Но тотъ служитель Ново-завѣтнаго Алтаря, который увлекается раздражительностію и гнѣвомъ, не можетъ быть непогрѣшительнымъ проповѣдникомъ покаянія, которое—явленіе любви и милости Божіей къ падшему и осквернившемуся грѣхами человѣку. Господь не разъ говорилъ фарисеямъ: „Шедше, научитеся что есть, милости хощу, а не жертвы. Не пріидохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе" (Матѳ. 19, 13). Методъ Собесѣдника въ этомъ отдѣлѣ высказывается съ особенною яркостію. Сдѣлавъ выписку изъ упомянутаго духовнаго завѣщанія, онъ восклицаетъ: „Можно ли слышать это равнодушно. Можно ли простить безъ суда этому умирающему Господству? и прочее". Точно такія восклицанія дѣлаетъ извѣстный Фран-

[1]) Лѣствицы Слово IV.

цузскій писатель Ламене, принадлежавшій къ революціонной партіи, въ толкованіи своемъ на 14-ую главу отъ Матѳея; такое же разсыпаетъ краснорѣчіе, чтобъ увлечь читателя къ заключенію отъ частнаго о цѣломъ. Революціонные писатели во Франціи, при помощи своего метода, котораго нелѣпость въ основаніи и выводахъ непонятна для массы, живописно выставляли погрѣшности властей, этимъ потрясли власти,—живописно выставляли погрѣшности духовенства, этимъ потрясли Вѣру въ народѣ, произвели волненіе въ Государствѣ, подвергли его ужаснымъ переворотамъ. Собесѣдникъ очень разсчитываетъ на эффектъ, выставленной имъ сцены, потому что повторяетъ ее дважды, и въ Голосѣ, и въ Словѣ. Въ этомъ расчетѣ онъ не ошибся. Да покроетъ милость Божія Православную Россію!

Нельзя пропустить безъ вниманія настойчивое желаніе Собесѣдника, чтобъ Дворянскіе Комитеты обратили вниманіе на законъ Моисеевъ по отношенію къ рабамъ; при этомъ, какъ выше замѣчено, Собесѣдникъ лишаетъ приводимое имъ законодательство характера. Православное Духовенство не можетъ принять участія въ такомъ требованіи: потому что Соборъ Апостоловъ опредѣлительно положилъ, что для христіанъ изъ язычниковъ ни обрядовыя, ни гражданскія постановленія Іудеевъ отнюдь не обязательны (Дѣян. 15). Іудейскій Законъ о рабахъ не только не обязателенъ, но и непримѣнимъ ни въ Россіи, ни въ какомъ другомъ Христіанскомъ Государствѣ, подобно обрядовому Іудейскому Закону. Понятіе, на которомъ основано Моисеево Законодательство о рабахъ, заключается въ томъ, что одинъ Израильскій народъ есть народъ Божій, а прочіе народы отверженные Богомъ, какъ бы исключенные изъ человѣчества. По этой причинѣ Законъ Моисеевъ установилъ срочное рабство у Евреевъ только для Евреевъ, предоставивъ пріобрѣтать рабовъ въ безсрочное и потомственное владѣніе изъ сосѣднихъ народовъ. Поведеніе Евреевъ при такомъ пріобрѣтеніи рабовъ изъ сосѣднихъ народовъ, обращеніе съ плѣнными, вообще обращеніе съ другими народами и расположеніе къ нимъ—ужасны: онѣ объясняются вышеприведеннымъ понятіемъ. Представимъ изъ многихъ немногіе образчики. Весь народъ Гаваонитскій Израильтяне обратили въ потомственныхъ рабовъ. „Прокляти есте“, сказалъ имъ побѣдоносный вождь Израильскій: „и не оскудѣетъ отъ васъ рабъ, ниже дровосѣчецъ, ниже водоносецъ, мнѣ и Богу моему“. (Іис. Нав. 9, 23). По взятіи земли Мадіамской, Израильтяне истребили остріемъ меча всѣхъ плѣнныхъ отъ младенца до старца, убили всѣхъ женщинъ, оставивъ въ живыхъ только дѣвицъ, въ числѣ 32 тысячъ, для рабства (Числ. 31), это сдѣлано по повелѣнію Моисея. Когда Св. Царь Давидъ овладѣлъ столицею Аммонитянъ, Равваѳомъ, то люди, „сущія въ немъ, изведе, и положили на пилы, и на трезубы желѣзны, и сѣкиры желѣзны, и провождаше ихъ сквозь пещь плинѳяну: и тако сотвори всѣмъ градомъ сыновъ Аммонихъ“.(2

Цар. 12, 31). Въ псалмахъ читаемъ: „Дщи Вавилоня окаянная... Блаженъ, иже имѣетъ и разбіетъ младенцы твоя о камень“ (Пс. 136, 8, 9). Очень понятно, что съ искупленіемъ рода человѣческаго Господомъ, преимущественно народа Израильскаго надъ другими народами уничтожилось: цѣною каждаго Христіанина содѣлался Господь; а потому христіане всѣхъ народовъ сдѣлались въ духовномъ отношеніи братіями, равными другъ другу; „нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, Варваръ и Скиѳъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ“ (Кол. 3, 11). По этой причинѣ Гражданскій Законъ Моисеевъ не только не могъ имѣть мѣста у Христіанъ изъ язычниковъ, но и отъ Іудеевъ, принимавшихъ Христіанство, требовалось оставленіе этого гражданскаго закона, отдѣлявшаго ихъ отъ всѣхъ народовъ преимуществомъ по плоти. „Не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама“, уже говорилъ фарисеямъ Святый Іоаннъ Предтеча въ самомъ началѣ проповѣди Евангельской (Матѳ. 3, 9). Плотскимъ преимуществомъ своимъ, даннымъ на время, Іудеи были чрезвычайно заняты и напыщены. Съ этимъ то преимуществомъ они не хотѣли разстаться, и ради его отвергли Христіанство; они отъ Господа Іисуса ожидали и искали блистательнаго осуществленія по плоти преимущества, предоставленнаго Закономъ Моисеевымъ, и, услыша Слово Крестное, требованіе отреченія отъ плотскаго преимущества, отвергли Господа. И теперь Іудеи ожидаютъ, что они будутъ удовлетворены именно преимуществомъ по плоти; еслибъ они составляли самостоятельное Государство, то и теперь они поступали-бы съ прочими народами по указаніямъ Ветхаго своего Закона. Святые Отцы Православной Церкви никогда не ссылаются на Моисеевъ Законъ въ его буквальномъ смыслѣ, а приводятъ его и образы исполненія его въ смыслѣ прообразовательномъ и таинственномъ: онъ имѣетъ по отношенію къ Христіанству свойство какъ бы тѣни, которою изображается не съ полною точностію предметъ, но неясное подобіе предмета. Такъ ненавистію и омерзѣніемъ, которые имѣли Іудеи къ иноплеменникамъ, изображается та ненависть и то омерзеніе, которыя долженъ имѣть нашъ внутренній человѣкъ къ разнороднымъ видамъ грѣха. Непощадное истребленіе языческихъ народовъ, заповѣданное Израильтянамъ Моисеевымъ Закономъ, есть образъ Новозавѣтной Заповѣди, повелѣвающей Христіанину съ рѣшительностію убивать въ себѣ всѣ грѣховные помыслы и ощущенія (Матѳ. 5). Безсрочное и потомственное владѣніе рабами изъ другихъ народовъ есть образъ постояннаго обладанія страстями и преподаяніе способа владѣть ими Христіанскому Племени. Подъ именемъ дщери Вавилонской разумѣется грѣховная зараза въ человѣкѣ, отъ которой рождаются непрестанно разнородные дѣятельные грѣхи; блаженнымъ названъ тотъ человѣкъ, который убиваетъ грѣхи въ младенческомъ состояніи ихъ, въ первоначальномъ помыслѣ, доколѣ

они не возмужали и не усилились въ человѣкѣ; подъ именемъ камня, о который убиваются такіе младенцы, разумѣется Евангельское Ученіе, на основаніи котораго опровергаются грѣховные помыслы (Мате. 15, 19), и такъ далѣе. Собесѣдникъ увлекся въ статьяхъ своихъ Іудейскимъ направленіемъ: онъ хочетъ, чтобъ Ученіе Христово вмѣшивалось въ гражданскіе дѣла, подавало свое мнѣніе о гражданскомъ рабствѣ и въ гражданскомъ смыслѣ, а не въ духовномъ, доставляло преимущество по плоти, и дѣлалось орудіемъ земной цѣли,—короче сказать: чтобъ это Всесвятое и Небесное Ученіе престало быть тѣмъ, что оно есть—Словомъ Крестнымъ. По этой причинѣ Собесѣдникъ обратился къ необязательнымъ для Христіанства и непримѣнимымъ къ Христіанству Іудейскимъ постановленіямъ, справедливо надѣясь въ нихъ найти опору своему плотскому мудрованію и неправедно навязывая ихъ Христіанскому обществу. Вполнѣ излишнія заботы! повелѣніе и воля Государя всегда священны для Русскихъ, а Ученіе Христово завѣщаваетъ всѣмъ Христіанамъ неуклонное и рѣшительное повиновеніе Верховной Власти во всѣхъ ея гражданскихъ распоряженіяхъ.—Святые Апостолы, отвергнувъ на своемъ Святомъ Соборѣ требованіе нѣкоторыхъ іудействовавшихъ Христіанъ, написали посланіе къ Христіанамъ изъ язычниковъ. Это посланіе начинается такъ: „Нѣціи отъ насъ изшедше возмутиша васъ словесы, развращающе души ваша, глаголюще обрѣзатися и блюсти законъ (Моисеевъ) имъ-же мы не завѣщахомъ“. (Дѣян. 15, 24). Если въ первенствующей Церкви, членами Церкви, отъ имени Церкви, но самопроизвольно, было сдѣлано требованіе, смутившее Общество: то не должно дивиться подобному событію и въ наше время, самопроизвольному, но отъ имени Церкви и членомъ Церкви. Апостолы далѣе говорятъ въ посланіи, что они освобождаютъ Христіанъ язычниковъ отъ соблюденія Моисеева Закона по волѣ Святаго Духа (15, 28).

Призываю духовенство къ святому о Господѣ созерцанію той картины, которую представляетъ собою человѣческое рабство въ Ветхомъ Завѣтѣ. Взойдемъ съ Моисеемъ на гору, посмотримъ съ этой горы на землю обѣтованную; посмотримъ изъ Моисеева Закона на Новозавѣтныя Таинства.—Картина, открывающаяся предъ нами, поразительна. Священное писаніе, какъ выше мы видѣли, исчисляя предметы, составлявшіе подарокъ и Царя Герарскаго и Фараона Ветхозавѣтному Праведнику Аврааму, въ одномъ разрядѣ съ овцами и тельцами поставляетъ рабовъ и рабынь; этого мало! человѣкъ стоитъ наравнѣ съ бездушнымъ веществомъ, съ дидрахмами, т. е. съ деньгами, съ монетою. Что значитъ это?.. Моисей, на Законъ котораго ссылается и опирается Собесѣдникъ, повелѣваетъ по случаю упомянутаго выше истребленія Мадіанитовъ, обращенія ихъ дѣвицъ въ рабство и завладѣнія ихъ имуществомъ: „Отлучите дань Господу отъ

людей военныхъ, ходившихъ на брань, едину душу отъ пяти сотъ, отъ человѣкъ, и отъ скотовъ, и отъ воловъ, и отъ овецъ, и отъ ослятъ" (Числ. 31, 28). Далѣе исчисляются предметы корысти, полученные Израильтянами: „Овецъ шестьсотъ семдесятъ пять тысящь, и воловъ семдесятъ двѣ тысящи, иословъ шестьдесятъ едина тысяща, и душъ человѣческихъ отъ женска полу, иже не познаша ложа мужеска, всѣхъ душъ тридесятъ двѣ тысящи" (31.33—35). Опять человѣкъ въ одномъ разрядѣ съ скотами!—Что же это значитъ?.. А это непремѣнно должно имѣть свое значеніе: строки, въ которыхъ человѣкъ поставленъ въ одинъ разрядъ со скотами и бездушнымъ веществомъ, внесены въ Священное Писаніе по мановенію Святаго Духа. Это—тѣ живописныя, осязательныя, вѣрныя черты, которыми изображается глубина паденія человѣческаго. Какъ падшій Ангелъ по причинѣ паденія своего причисленъ къ звѣрямъ земнымъ (Быт. 3): такъ падшій человѣкъ по причинѣ паденія своего „приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ". (Пс. 48, 31). Въ эту нравственную пропасть низошелъ Богочеловѣкъ, для извлеченія изъ нея человѣка! Онъ— „Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра" (Іоан. 1, 29).—Не только принялъ зракъ раба, но и возблаговолилъ уподобить себя скоту, уготовленному на заколеніе: такъ выразилось о вочеловѣчившемся Господѣ Священное Писаніе (Пс. 48, 21 по переводу съ Еврейскаго). Первое состояніе ума и сердца, производимое осѣненіемъ ихъ благодатію, первое состояніе ума и сердца, знаменующее ихъ изшествіе изъ плотскаго мудрованія, есть нищета духа. Такъ опредѣлилъ Господь: „Блаженіи нищіи духомъ: яко тѣхъ есть Царствіе Небесное" (Мате. 5, 3). Нищета духа есть первое изъ блаженствъ, основаніе всѣхъ блаженствъ, начальное условіе ихъ. Когда человѣкъ разсматриваетъ свое падшее естество изъ блаженной, благодатной нищеты духа: тогда онъ видитъ, что это естество посредствомъ паденія утратило все свое достоинство, содѣлалось вполнѣ непотребнымъ. При такомъ взглядѣ на себя дѣлается понятною необходимость Искупителя. Точно! нищихъ духомъ есть Царствіе Небесное, то есть, для однихъ нищихъ духомъ доступно истинное познаніе и принятіе Искупителя, Который уже Собою составляетъ все достоинство обновленнаго Имъ человѣка: „вмѣняю вся умѣты быти да Христа пріобрящу", говоритъ Апостолъ, „и обрящуся въ Немъ, не умый моея правды, яже отъ Закона, но яже вѣрою Іисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду въ вѣрѣ" (1 Филип. 3, 8, 9). Раціоналисты чужды нищеты духа. Они разсуждаютъ и умозаключаютъ о естествѣ человѣческомъ, отвергая или упуская понятіе о его паденіи, они видятъ въ этомъ естествѣ всѣ возможныя достоинства, никакъ не примѣчая, что въ немъ добро перемѣшано со зломъ, и потому самое его добро сдѣлалось зломъ, какъ дѣлается ядомъ, прекрасная пища, перемѣшанная съ ядомъ [1]). По этой причинѣ христіан-

[1]) Великаго Варсонофія отвѣтъ 59 й.

ство ими унижено и искажено, Слово Крестное ими отвергнуто; они ищутъ и требуютъ для падшаго естества такихъ преимуществъ, которыя тогда только могли бы быть представлены естеству, когда-бъ оно не подверглось паденію. Изъ ложныхъ идей вышли самыя чудовищныя дѣйствія и послѣдствія. Представивъ человѣкамъ ихъ естество не въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть дѣйствительно, доставивъ человѣкамъ положеніе—этого иногда раціоналисты достигали на самое краткое время, котораго человѣчество не можетъ вывести въ состояніи своего паденія, раціоналисты произвели ужаснѣйшіе безпорядки вездѣ, гдѣ ихъ ученіе было принято, и, чтобъ возвратиться къ порядку, благородное, возвышенное существо — падшій человѣкъ— ощутилъ неизбѣжную нужду и въ тюрьмѣ, и въ цѣпяхъ, и въ плахѣ, и въ вѣселицѣ. „Мудрованіе плотское“, говоритъ Апостолъ, „смерть есть: а мудрованіе духовное, животъ и миръ. Зане мудрованіе плотское вражда на Бога: Закону бо Божію не покоряется, ниже бо можетъ“ (Рим. 8, 6, 7). На этомъ основаніи Апостолъ обращается отъ лица Божія ко всѣмъ вѣрующимъ со слѣдующимъ завѣщаніемъ: „Глаголю благодатію, давшейся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати; но мудрствовати въ цѣломудріи, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры, не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся“ (Римл. 12, 3, 16).

Воззваніе Собесѣдника къ сельскому духовенству [1]), мимо Епархіальныхъ Архипастырей съ очевиднымъ устраненіемъ Архипастырей есть явное и непозволительнѣйшее нарушеніе іерархическаго порядка. Святѣйшій Синодъ, одинъ Святѣйшій Синодъ имѣетъ право на такое воззваніе, которому обязаны и вниманіемъ и послушаніемъ и Архипастыри и Пастыри. Академія имѣетъ свое назначеніе: она должна наставлять порученное ей юношество, подъ главнымъ надзоромъ мѣстнаго Архіерея. Обращеніе члена Академіи съ воззваніемъ и наставленіемъ къ Пастырямъ, ему отнюдь неподвѣдомственнымъ ни въ какомъ отношеніи, есть превышеніе права, превышеніе власти. Такимъ поведеніемъ уже достаточно оцѣнивается и духовное достоинство воззванія. Мечта, что помѣщичьи крестьяне „съ полновластныхъ рукъ господъ“, какъ выражается Собесѣдникъ, „перейдутъ на пастырскія руки сельскихъ Священниковъ, что власть господъ замѣнится властію духовною“ [2]), есть мечта вполнѣ ложная. Помѣщичьи крестьяне перейдутъ въ гражданскомъ отношеніи съ рукъ помѣщиковъ на руки чиновниковъ, подобно тому, какъ въ завѣдываніи чиновниковъ находятся казенные и удѣльные крестьяне. При устройствѣ новаго управленія помѣщичьими крестьянами вліяніе на нихъ чиновниковъ должно быть очень сильно по двумъ причинамъ: во первыхъ по необходимости пріучить крестьянъ къ пра-

[1]) Стр. 354.

[2]) Мартъ, стр. 354.

вильному пониманію и употребленію свободы; во вторыхъ по необходимости выполненія предъ государствомъ тѣхъ условій и вознагражденія тѣхъ издержекъ, которыя будутъ сдѣланы при дарованіи свободы. Опытныя лица изъ сельскаго духовенства, практически знакомые съ бытомъ крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ, очень понимаютъ то положеніе, которое ихъ ожидаетъ по отношенію къ помѣщичьимъ крестьянамъ по дарованіи свободы: да руководятъ они своими совѣтами молодое духовенство, могущее увлечься статьями Собесѣдника—Господь сказалъ: „Всяко царство, раздѣлившееся на ся запустѣетъ: и всякъ градъ или домъ раздѣливыйся на ся не станетъ“ (Мате. 12, 25): таковъ долженъ быть неминуемый плодъ столкновенія сословій, того столкновенія, къ которому влечетъ Собесѣдникъ. Тоже самое предвѣщаетъ Апостолъ: „аще другъ друга угрезаете и снѣдаете“, говоритъ онъ, „блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете“. (Гал. 5, 15). Апостолъ показываетъ и причину, по которой можетъ и должно произойти столкновеніе: она заключается въ зависти къ земнымъ преимуществамъ, а причина зависти есть тщеславіе, т. е. стремленіе къ земнымъ преимуществамъ (5, 26). Вотъ побудительныя причины витійства вообще якобинскаго.—Собесѣдникъ видитъ въ настоящемъ событіи паденіе дворянства, — видитъ въ возвышеніи дворянства, послѣдовавшемъ въ прошедшемъ столѣтіи, униженіе духовенства: и то и другое—вполнѣ ложно. Враждебно противъ церкви, а слѣдовательно противъ духовнаго и вещественнаго благосостоянія Духовенства, подѣйствовали европейскія ученія: онѣ имѣли вліяніе на всѣ сословія. Дѣйствіе европейскихъ ученій на Россію непрестанно усиливается: должны усиливаться и послѣдствія этого дѣйствія. Минутное противоположное дѣйствіе ненадежно: оно должно быть уничтожено, увлечено всесокрушающимъ потокомъ. Настоящее событіе отнюдь не есть паденіе дворянства. Дворянство въ Россіи не можетъ быть уничтожено по весьма ясной причинѣ: по той, что въ обширномъ Россійскомъ Государствѣ между Самодержцемъ и многочисленнымъ народонаселеніемъ непремѣнно должно стоять служащее сословіе. Могутъ пасть старинные дворянскіе роды; могутъ явиться новыя личности и вступить въ дворянское сословіе; но все это—факты, уже повторявшіеся и повторяющіеся, неуничтожившіе сословія, необходимаго въ государствѣ. Когда Россія была погружена въ невѣжество, раздиралась междоусобіями, угнеталась игомъ татаръ, естественно, что Духовенство занимало въ ней самое важное мѣсто, связывало между собою отдѣльныя части, входило въ дѣла государственныя: Духовенство было пестуномъ и воспитателемъ младенчествовавшей Россіи. Столько же естественно, что оно, по учрежденіи единодержавія, постепенно устранялось отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла, ограничиваясь завѣдываніемъ дѣлъ, собственно духовныхъ. Въ про-

шедшемъ столѣтіи Россія необыкновенно раздвинула свои предѣлы, вступила въ число первостепенныхъ европейскихъ государствъ, образовалась по образу этихъ государствъ. Опять естественно, что вмѣстѣ со значеніемъ государства возвысилось значеніе государственныхъ людей и всего служащаго сословія; естественно, что по духу европейской цивилизаціи православное духовенство еще болѣе стѣснилось въ кругѣ своихъ дѣйствій. Что ожидаетъ насъ въ будущемъ? Мы видимъ необыкновенное матерьяльное развитіе Европы: Россія, чтобы гармонировать съ Европою, поддержать въ ней свое значеніе, должна по необходимости, по необходимости государственной и политической, вводить у себя Европейское матеріальнее развитіе. Матеріальное развитіе охлаждаетъ человѣковъ къ Христіанской вѣрѣ, допуская наиболѣе одно поверхностное занятіе ею. При усиленіи сношеній съ Европою неизбѣженъ фактъ: усиленное вторженіе ея разнообразныхъ религіозныхъ ученій въ наше отечество. Всѣ эти ученія, съ папизма до деизма и атеизма, одинаково враждебны Православной Вѣрѣ. Между тѣмъ величіе Россіи должно возрастать. Положимъ, что она останется въ настоящихъ ея предѣлахъ въ теченіи цѣлаго вѣка; но въ это время ея собственное народонаселеніе должно возрасти, по законамъ статистики до 200 милліоновъ. Россія не нуждается высылать избытки своего народонаселенія, подобно другимъ европейскимъ государствамъ, за моря: она можетъ помѣстить свободно и широко на своемъ огромномъ пространствѣ сотни милліоновъ. Соотвѣтственно умножающемуся народонаселенію и матерьяльному развитію возвышается значеніе государства; съ возвышеніемъ значенія государства возвышается значеніе служебнаго сословія. Уже теперь мы видимъ сановниковъ съ значеніемъ, какого не было въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Таковы: намѣстникъ Кавказскій, Намѣстникъ Царства Польскаго, Генералъ-Губернаторы Новороссійскій и Восточной Сибири; ихъ области—цѣлыя царства; они не могутъ стоять на одной степени съ воеводами Димитрія Донского, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича. При такомъ развитіи государственномъ, при такомъ матерьяльномъ развитіи, при вторженіи въ Россію европейскихъ ученій, нѣтъ надежды, чтобъ духовенство могло возвратиться къ тому значенію и въ нравственномъ и въ вещественномъ отношеніяхъ, которое оно имѣло въ дѣвственной Россіи.—Скажутъ здѣсь: необходимо улучшить вещественное положеніе Православной церкви для самаго государственнаго благосостоянія Такъ! но путь къ достиженію этой цѣли не тотъ, который указанъ Собесѣдникомъ. Сила и существенное значеніе духовенства заключается въ его характерѣ. „Вы есте свѣтъ міра, вы есте соль земли“, говоритъ намъ, Пастырямъ Церкви, Спаситель (Матѳ. 5, 14, 13). Окажемъ нашею жизнію повиновеніе Христу, стяжемъ въ себѣ Христа; Онъ содѣлаетъ насъ свѣтомъ для міра, солію для земли; братія наши всѣхъ

сословій, увидѣвъ сіяющій изъ насъ свѣтъ, ощутивъ на себѣ дѣйствіе благодатной соли, которою мы должны быть пропитаны, воздадутъ намъ все должное и предоставятъ намъ все нужное для временной жизни. Это обѣтовалъ намъ самъ Господь. Онъ сказалъ: „Не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся... Ищите же прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ". (Матѳ. 6, 33). Напротивъ того, если мы утратимъ характеръ нашъ, то братія наши ощутятъ къ намъ недовѣріе, отвратятся отъ насъ, окажутъ намъ всякое пренебреженіе. И это предвозвѣщено намъ Господомъ: „аще соль обуяетъ", сказалъ Онъ, „чимъ осолится? нивочтоже будетъ къ тому, точію да изсыпана будетъ вонъ и попираема человѣки „(Матѳ. 5, 13)... Увы, братія! если мы замѣчаемъ, что человѣки презираютъ и попираютъ насъ: то не вѣрнѣе—ли, не справедливѣе—ли будетъ, когда мы, вмѣсто того, чтобъ обвинять въ томъ другія сословія, обратимъ взоры на самихъ себя, и постараемся исправить свое земное положеніе исправленіемъ себя по духу? Нравственное знаменіе Христіанства есть любовь. „О семъ разумѣютъ вси", сказалъ Спаситель, „яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою" (Іоан, 13. 35). Это святое знаменіе должно быть по преимуществу знаменіемъ духовенства. Стяжемъ въ себѣ любовь, будемъ ее оказывать обильно всѣмъ сословіямъ: тогда всѣ сословія невольно проникнутся благоговѣніемъ къ намъ и удовлетворятъ всѣмъ нашимъ потребностямъ. Человѣкъ не можетъ не воздать почтенія любви, когда увидитъ ее въ своемъ ближнемъ, особливо когда увидитъ ее въ Пастырѣ: потому что любовь есть Богъ, предъ которымъ смиряется всякое Его созданіе (1 Іоан. 4, 16). Ему слава во вѣки вѣковъ Аминь.

При семъ предложеніи препровождается 170 копій съ него для таковой же разсылки этихъ копій, каковая была предписана предложеніемъ моимъ отъ 25 Апрѣля за № 809-мъ.

Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

№ 916.
Мая 6-го дня, 1859 года.

Декабрь 1860 года.

III. Замѣчанія Епископа Игнатія Брянчанинова на Проэктъ преобразованія Морскихъ Учебныхъ заведеній.

(Отвѣтъ Великому Князю Константину Николаевичу [1]).

Ваше Императорское Высочество!

Исполняя волю Вашу имѣю честь представить мои примѣчанія на Проектъ преобразованія Морскихъ Учебныхъ Заведеній.

Проектъ составленъ при такомъ обиліи теоретическихъ познаній, при такомъ обиліи практическихъ познаній, доставленныхъ опытомъ и наблюдательностію, что онъ представляется внимательно прочитавшему его изящнымъ, стройнымъ, цѣлымъ, радующимъ взоръ ума и прочностію своею и опредѣленностію и размѣрами. Здравая критика должна, по мнѣнію моему, не предпринимать тщетныхъ усилій къ изысканію недостатковъ, но оцѣнить трудъ и высказать предъ публикою полное сочувствіе къ нему, какъ къ одному изъ залоговъ государственнаго благосостоянія. Очень можетъ случиться, что при приведеніи проекта въ исполненіе нѣкоторыя мелочи потребуютъ измѣненія, но потребуютъ измѣненія ничтожныя мелочи, которыя и могутъ быть примѣчены при примѣненіи проекта къ дѣлу. Проектъ можно уподобить кораблю тщательно выстроенному на берегу, и благовременно обезпеченному противъ трудностей плаванія, противъ бурь и вѣтровъ: таковъ проектъ и въ отношеніи къ исполненію его, и въ отношеніи къ возраженіямъ, если-бы онѣ возникли противъ него.

Этимъ краткимъ отзывомъ я могъ бы ограничиться: онъ вполнѣ и со всею искренностію выражаетъ то сознаніе, которое образовалось во мнѣ отъ прочитанія проекта. Но не могу воспретить себѣ и нижеслѣдующихъ указаній на нѣкоторыя частности проекта, возбудившіе во мнѣ особенное утѣшительное сочувствіе. Указанія послужатъ фактическимъ свидѣтельствомъ предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ того, что я исполняю Вашу волю: говорю со всею откровен-

[1]) Какъ человѣкъ глубоко образованный, Преосвященный Игнатій былъ всегда на сторонѣ всего разумнаго и сочувствовалъ всякому прогрессивному движенію. Въ 1860 г. Великій Князь Константинъ Николаевичъ обратился къ нему съ письмомъ отъ 7 окт. 1860 г. за № 2263, въ которомъ, препровождая Преосвященному Игнатію экземпляръ составленнаго Адмираломъ Графомъ Путятинымъ проэкта преобразованія Морскихъ Учебныхъ Заведеній съ учрежденіемъ въ Петербургѣ новой гимназіи, просилъ Владыку Игнатія—„принять на себя трудъ, въ особенное личное Мнѣ одолженіе, сообщить Мнѣ, совершенно откровенно, свои замѣчанія на этотъ проэктъ“. Въ послѣдствіе этого письма и явился печатаемый нами отвѣтъ Великому Князю.

ностію. Указанія эти малочисленныя: окажите милостивѣйшую снисходительность къ неспеціалисту! уже тридцать три года отдѣляютъ меня отъ мірской жизни и ея занятій, даже ученыхъ.

1) Проектъ устраняетъ прежній порядокъ пріема воспитанниковъ, и представляетъ тому, кто считаетъ себя способнымъ, взять, такъ сказать, штурмомъ помѣщеніе въ корпусѣ на публичномъ, состязательномъ, экзаменѣ. Нельзя не порадоваться этой мѣрѣ, результаты которой должны быть исполнены обильной пользы, общественной и частной. Для ратоборства на экзаменѣ явятся одни способные къ морской службѣ, одни любители моря. Если же явится на экзаменъ тотъ, кто имѣетъ о себѣ ложное понятіе, признавая себя способнымъ и будучи неспособенъ: такому доставится правильное понятіе о себѣ. Это для молодого человѣка—великое благодѣяніе. Прежній порядокъ пріема вполнѣ неоснователенъ. Принимали за заслуги отца, дяди, по протекціи: попадало много дѣтей въ спеціальное училище безъ всякаго призванія, безъ всякихъ способностей къ наукамъ, преподаваемымъ въ училищѣ. Какія были послѣдствія? Изъ сорока, примѣрно, учениковъ въ классѣ училось должнымъ образомъ десять, прочіе же не занимались или занимались поверхностно по недостатку способностей, или будучи увлекаемы призваніемъ къ другимъ предметамъ. Мертвость неспособныхъ и не желающихъ учиться очень вредно дѣйствуетъ на способныхъ и любителей науки. По выпускѣ изъ спеціальнаго училища всѣ нечувствовавшіе призванія къ роду службы и неспособные къ нему, спѣшили при первой возможности, перейти въ другой родъ службы, къ которому они чувствовали наклонность и способность, тѣмъ болѣе, что неспособные къ одному разряду наукъ часто бываютъ весьма способны къ другому. Правительство тратилось напрасно, тщетно трудясь надъ спеціальнымъ образованіемъ неспособныхъ къ нему многихъ молодыхъ людей, а для этихъ молодыхъ людей драгоцѣнные годы, проведенные въ училищѣ, были невозвратно потеряны. Новый способъ пріема устраняетъ невзгоды, и служебную и частныя. Въ Морскія Училища вступаетъ группа молодыхъ людей съ одностороннимъ, исключительнымъ направленіемъ, съ способностями, соотвѣтствующими направленію. Это доставитъ единство обществу учащихся: оно, какъ единомысленное общество живыхъ членовъ, должно оказать несравненно лучшіе успѣхи въ наукахъ, нежели общество съ направленіемъ разностороннимъ и съ многими мертвыми членами. Чтобъ сохранить энергію въ обществѣ учащихся необходимо безъ всякой задумчивости исключить изъ него тѣхъ членовъ, въ которыхъ начнетъ замѣчаться мертвость.

2) Столько же важенъ по отношенію къ служебной и частной пользѣ тщательный медицинскій осмотръ вступающихъ въ учебное заведеніе. Родители, родственники и протекторы отдаютъ въ учили-

ще дитя, лишь-бы помѣстить его куда нибудь, по большей части не зная состоянія здоровья дитяти, суммы его тѣлесныхъ силъ и того, какихъ силъ и какого здоровья требуетъ родъ службы, предназначаемый для дитяти. По этой причинѣ случается, что дѣти слабыхъ силъ и здоровья, но способные и прилежные, усиливаются учиться хорошо, оказываютъ хорошіе успѣхи, поддерживаются начальствомъ, но постепенно, непримѣтнымъ образомъ, истощаются, теряютъ окончательно здоровье, и на всю жизнь дѣлаются безполезными для себя и для общества.

3) Нельзя не порадоваться отъ души предполагаемому соединенію въ Морскихъ Училищахъ теоретическаго преподаванія съ обильнымъ практическимъ. Это предположеніе Проекта должно быть принято всѣми спеціальными военными учебными заведеніями: такъ оно вѣрно! такой обильнѣйшій плодъ ясно усматривается въ результатахъ его всякимъ, опытно знакомымъ съ недостатками прежняго преподаванія! Въ старинные времена инженерный офицеръ впервые видѣлъ крѣпость тогда, когда пріѣзжалъ въ нее на дѣйствительную службу. Коротко извѣстное ему изъ науки и по чертежамъ дѣлалось вполнѣ новымъ, когда онъ въ первый разъ видѣлъ—это коротко извѣстное въ натурѣ. Таково свойство способности человѣка воспріимать впечатлѣнія. Получить впечатлѣнія отъ чертежей совсѣмъ не точно получить впечатлѣнія отъ самыхъ предметовъ. Стяжавшій впечатлѣнія отъ чертежей и имѣетъ только впечатлѣнія чертежей: впечатлѣнія отъ предметовъ ему надо пріобрѣтать снова, потому что предметъ и чертежъ предмета суть два различествующіе между собою предметы, а отнюдь не одно и тоже. Это относится ко всей матеріальной... и фортификаціи и артиллеріи и мореходнаго искусства. Даже и изученіе дѣятельной Богословіи является совершенно инымъ въ результатахъ своихъ, когда не довольствуются однимъ теоретическимъ изученіемъ христіанскихъ добродѣтелей, а къ теоретическому присовокупляютъ практическое. Чертежи очень помогаютъ къ точнѣйшему изученію предмета, когда онъ извѣстенъ въ натурѣ. По этой причинѣ при осмотрѣ предметовъ особенно полезна съемка ихъ отъ руки, какъ то съ рѣшительностію доказалъ самый опытъ. Такая съемка не отнимаетъ много времени, но необыкновенно усиливаетъ впечатлѣніе, производимое предметами, развиваетъ понятіе о предметахъ, и изощряетъ способности. Напримѣръ: кто ознакомился изъ науки съ артиллерійскими орудіями и разсмотрѣлъ ихъ по чертежамъ, тотъ имѣетъ о нихъ теоретическое полное познаніе; кто, сверхъ того, имѣлъ возможность осмотрѣть орудія въ натурѣ, тотъ имѣетъ о нихъ познаніе уже болѣе отчетливое и самостоятельное; кто же потрудился заняться съемкою орудій отъ руки, тотъ только, можно съ достовѣрностью сказать, изучилъ ихъ окончательно и вполнѣ удовлетворительно. Пра-

вильная съемка отнимаетъ много времени для одного какого либо предмета, и препятствуетъ ознакомленію съ другими предметами, столько же нужными; она должна быть извѣстна офицерамъ, назначеннымъ не для чертежной, въ извѣстной степени; но съемкѣ отъ руки необходимо дать развитіе. Способность подчиняться впечатлѣніямъ такъ важна въ человѣкѣ, что даже при изученіи математики тѣ учащіеся, которые изучаютъ ее единственно по книгѣ, оказываютъ гораздо меньшіе успѣхи, нежели тѣ, которые принимаютъ на себя трудъ собственноручно на бумагѣ или на грифельной доскѣ практиковаться въ математическихъ выводахъ. Занимавшіеся при помощи сего способа сознавались и увѣряли, что анализъ какой либо теоремы, тщательно ими написанный на бумагѣ или на доскѣ, напечатлѣвался по подобію картины въ ихъ воображеніи, и способствовалъ къ самому ясному пониманію истины, заключавшейся въ теоремѣ. Способность принимать впечатлѣнія особенно сильно дѣйствуетъ въ дѣтяхъ и молодыхъ людяхъ. Этою способностію, хотя и большею, но ограниченною по ограниченности всѣхъ свойствъ человѣка, надо пользоваться весьма благоразумно и осторожно, не тратя ее понапрасну, не допуская ей развлекаться по множеству предметовъ, но сосредоточивая ее на существенно нужномъ по назначенію человѣка. Надо ожидать величайшей пользы, если стѣны комнатъ въ Морскихъ Училищахъ будутъ усѣяны правильными рисунками знаменитѣйшихъ европейскихъ судовъ, гаваней, приморскихъ крѣпостей; дитя, въ минуты свободы, разсматривая рисунки для удовлетворенія любопытству, подвергается, незамѣтно для самого себя, полезнѣйшимъ впечатлѣніямъ. Рисунки должны быть правильны: разсматриваніе рисунковъ, при составленіи которыхъ допущена свобода воображенію художника, столько же вредно для правильности понятій о предметахъ, сколько чтеніе историческихъ романовъ для пріобрѣтенія и сохраненія вѣрныхъ познаній въ исторіи. Самый плацъ или дворъ, гдѣ играютъ дѣти, долженъ быть наполненъ моделями пушекъ, батарей, и прочихъ предметовъ, впечатлѣніями которыхъ должно наполняться воображеніе дѣтей. По возможности всѣ эти предметы должны быть въ натуральномъ видѣ для правильности впечатлѣній, и столько простой работы и дешевой цѣны, чтобъ могли быть удобно починиваемы и замѣняемы новыми въ случаѣ поврежденія. Во времена оныя въ Инженерномъ Училищѣ, имѣлись весьма дорогія, затѣйливыя модели нѣкоторыхъ европейскихъ крѣпостей; даже домы, находившіеся въ крѣпостяхъ, были и въ моделяхъ, а въ домахъ была мебель. Эти дорогія модели показывались тщательно посѣтителямъ училища, а учащіеся почти не видали ихъ, будучи недопускаемы къ нимъ съ тою цѣлію, чтобъ кто нибудь изъ нихъ по неосторожности не повредилъ столика или стулика въ какомъ нибудь домикѣ драгоцѣнной модели.

4) Положенное Проектомъ количество наукъ для Морскихъ Учебныхъ Заведеній и распредѣленіе преподаванія ихъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Доселѣ не обращаемо было должнаго вниманія на то, что излишество познаній отнимаетъ у нихъ качество. Умъ человѣческій, если предоставлено ему будетъ обширное поприще дѣятельности въ длину и въ ширину, или на поверхности, никакъ не можетъ дѣйствовать въ глубину, или: умъ, пріобрѣтая во множествѣ познанія, не можетъ пріобрѣтать познаній основательныхъ. При такомъ, можно сказать, великолѣпномъ благоустройствѣ, которое ожидаетъ Морскія Учебныя Заведенія, нельзя непожелать, чтобъ, въ свое время, учебныя руководства явились въ печатныхъ книгахъ, а не въ однѣхъ литографированныхъ запискахъ. Печатные учебники составятся, по естественному ходу дѣлъ человѣческихъ, несравненно отчетливѣе, нежели записки, неизвѣстные публикѣ; преподаваніе получитъ большую опредѣленность и положительность.

5) Проектъ проницательно усмотрѣлъ важное условіе въ душѣ человѣческой, ея естественную логику, отмѣнивъ тѣлесное наказаніе, давъ прочимъ наказаніямъ благородный характеръ необходимыхъ послѣдствій справедливости и цѣли исправленія, въ чемъ заключаются уваженіе и любовь къ человѣчеству, воспретивъ дѣйствіе по увлеченію страстей, въ чемъ заключается презрѣніе и ненависть къ человѣчеству. Увлекающіеся страстію и необдуманностію при выговорѣ или наказаніи во первыхъ унижаетъ и попираетъ человѣчество въ самомъ себѣ, и потомъ въ лицѣ, подвергшемся взысканію, смѣшивая порокъ съ человѣкомъ, между тѣмъ, какъ существенная цѣль всякаго исправленія и состоитъ въ томъ, чтобъ отдѣлить порокъ отъ человѣка. Замѣчено, что выговоръ имѣетъ самое спасительное дѣйствіе, когда дѣлающій его энергически выставляетъ черную сторону порока и его пагубныя послѣдствія предъ впадшимъ въ порокъ, выражая вмѣстѣ съ этимъ искренное чувство сожалѣнія и благожеланія къ впавшему въ порокъ. Столько же спасительно дѣйствіе наказанія, когда при назначеніи и исполненіи его, дѣйствіе истекаетъ изъ вышепредложеннаго взгляда и ощущенія. Дѣйствующаго такъ можно уподобить вытаскивающему погрязшаго въ болото, очищающему его отъ грязи и тины, въ которыя онъ попалъ. Но тотъ, кто при выговорахъ и наказаніяхъ, смѣшиваетъ порокъ съ человѣкомъ, и принадлежащее пороку приписываетъ лицу, по всей справедливости можетъ быть уподобленъ нашедшему своего ближняго погрязшимъ въ болото, пришедшему за это въ негодованіе на ближняго и, затѣмъ, втоптавшему его еще глубже въ зловредную грязь и тину, въ которыхъ можно даже утонуть. [1]) И топятъ ближнихъ своихъ, не подозрѣвая

[1]) Эта мысль принадлежитъ Преподобному Антонію Великому. Достопамятныя сказанія Отцевъ, гл. 29.

этого свойства въ своихъ дѣйствіяхъ, многіе, думающіе исправлять ихъ. При тщательномъ, долговременномъ практическомъ изученіи наказаній для молодыхъ людей, должно сознаться, что только два наказанія должны быть допущены, какъ существенно нужныя и полезныя: выговоръ и арестъ. Арестъ непремѣнно долженъ сопровождаться діэтою и удаленіемъ отъ всякаго, самократчайшаго, по времени, общенія съ товарищами и со всякимъ лицомъ, могущимъ повредить безразсуднымъ соболѣзнованіемъ и совѣтомъ тотъ образъ мыслей, который долженъ сформироваться у арестованнаго во время его ареста. Діэта необходима по той причинѣ, что при ней только умъ виновнаго можетъ возобладать надъ своимъ душевнымъ волненіемъ и ожесточеніемъ. Удаленіе отъ общенія съ товарищами и со всѣми посторонними лицами необходимо потому, что разумно наказанному чрезвычайно вредно, когда онъ услышитъ, что онъ наказанъ слишкомъ строго, что онъ страдаетъ невинно, что подвергнувшіе его наказанію —такіе и такіе. Безразсудное соболѣзнованіе уничтожаетъ цѣль ареста, заключающуюся въ томъ, чтобъ молодой человѣкъ одумался, сознался свой проступокъ, и раскаялся въ немъ. Чтобъ помочь ему въ этомъ, долженъ посѣщать его наставникъ, который обязанъ съ кротостію внушать ему несообразность и низость его проступка, и совѣтовать ему принести чистосердечное раскаяніе, потому что только при искреннемъ раскаяніи возможно прочное исправленіе, относительно подвергшагося аресту необходимо соблюдать кротость, соединенную съ твердостію. Кротость спасительно дѣйствуетъ на наказаннаго, фактически удостовѣряя его, что къ нему нѣтъ враждебнаго чувства, а твердость необходимо для того, чтобъ наказаніе принесло плодъ свой. Иначе оно можетъ быть только вреднымъ. Срокъ ареста долженъ быть опредѣленъ раскаяніемъ арестованнаго. Когда онъ принесетъ раскаяніе: то это служитъ признакомъ, что врачевство—наказаніе—произвело спасительное дѣйствіе; дальнѣйшій пріемъ лекарства былъ бы вполнѣ нелогиченъ. Напротивъ того, выпускъ изъ подъ ареста прежде принесенія раскаянія арестованнымъ можетъ подѣйствовать на его нравственность весьма вредно. Въ нѣкоторой Иноческой обители Настоятель занимался, по преданію Православной Церкви, нравственнымъ воспитаніемъ молодыхъ людей, вступавшихъ въ эту обитель. Помощникомъ его былъ Іеромонахъ, весьма благочестивой жизни, сочувствовавшій ему въ его занятіи. Наказаніями были выговоръ въ вышеприведенномъ духѣ и арестъ. Іеромонахъ посѣщалъ трижды въ день арестованнаго, доставляя ему все нужное, наблюдая, чтобъ прописанная діэта сохранялась въ точности, чтобъ устраненіе отъ общенія со всѣми, непонимающими таинствъ исправительной системы, соблюдалось со всею строгостью, увѣщавая самою кроткою и наблюдательною бесѣдою арестованнаго,

чтобъ онъ созналь себя виновнымъ, а наказаніе справедливою мѣрою и раскаялся. Послѣ каждаго посѣщенія Іеромонахъ приходилъ къ Настоятелю, и передавалъ ему о состояніи арестованнаго, называя его несозрѣвшимъ или созрѣвшимъ. Несозрѣвшимъ назывался тотъ, кто признавалъ себя правымъ, наказаннымъ излишне строго, кто осуждалъ начальство; созрѣвшимъ назывался пришедшій въ сознаніе виновности своей и въ раскаяніе. Созрѣвшій, по докладѣ о немъ Іеромонаха Настоятелю, обязывался написать къ Настоятелю письмо, въ которомъ излагался взглядъ, пріобрѣтенный арестованнымъ во время ареста на его проступокъ, раскаяніе и обѣщаніе исправленія. Послѣ сего Іеромонахъ выводилъ заключеннаго изъ уединенія его, и представлялъ Настоятелю, который уже со всею любовію и участіемъ дѣлалъ ему наставленіе о преимуществахъ добродѣтельной жизни и о средствахъ, воспомоществующихъ молодому человѣку стяжать благонравіе. Послѣ сильнаго наказанія необходимо явленіе любви, хотя и въ весьма серіозной формѣ, какъ послѣ операціи нужны мягчительные и цѣлительные пластырь и мазь. Таковъ совѣтъ Св. Іоанна Лѣствичника [1]). Выпустить несозрѣвшаго изъ подъ ареста значитъ нанести ему и его товарищамъ величайшій вредъ, какъ доказали единогласно всѣ опыты. Вышедшій изъ уединенія съ чувствами самомнѣнія и ожесточенія, усваиваетъ себѣ эти чувства. Усвоеніе этихъ чувствъ кладетъ печать на его характеръ и дальнѣйшее поведеніе. Онъ получаетъ нерасположеніе къ начальству; настроеніе своего духа онъ сообщаетъ товарищамъ. „Нечто взяли!“—въ такомъ родѣ обыкновенно выражается несозрѣвшій по выпускѣ изъ подъ ареста предъ товарищами своими „морили цѣлые сутки или двои подъ арестомъ безбожные! сами бы попробовали на однихъ щахъ и хлѣбѣ съ водою побыть! допытывали, допрашивали—ничего не сказалъ! Правъ, да правъ, да и только! Скажи-ка я, что такой то нищій принесъ мнѣ водки! Нищаго ушлютъ, оставятъ безъ насущнаго хлѣба, и лазейку плотно закупорятъ: тутъ и прободай всѣ. Странное и глупое требованіе людей, отживающихъ вѣкъ, отъ молодого человѣка, чтобъ онъ никогда не повеселился въ просторѣ души. Безъ простора нѣтъ веселья. Я сказалъ имъ: хоть недѣлю держите, а я ничего знать не знаю: вамъ показалось, что я пьянъ! у васъ обо мнѣ, не знаю съ чего, самыя дурныя мысли! между тѣмъ я получилъ письмо, что мой дядюшка, который былъ мнѣ вмѣсто отца, умеръ, и я съ печали сдѣлался самъ не свой... При этихъ словахъ я навзрыдъ заплакалъ; плачу, а въ душѣ хохочу! Повѣрили, дураки: выпустили. Вотъ какъ надо съ ними дѣлать! не то что такой то! посидѣлъ всего восемь часовъ, и расплылся; все имъ сказалъ, а они, уже извѣстно, по своему распорядились“.

[1]) Лѣствица, слово къ Пастырю

Грѣхъ имѣетъ свою ломку, свою правду, свою силу слова! Такой ядъ быстро разливается въ обществѣ юности: а потому одно условіе освобожденія отъ ареста есть истинное раскаяніе, фактически доказываемое немедленнымъ исправленіемъ. Неспособный къ раскаянію долженъ быть тотчасъ исключаемъ изъ общества, какъ давшій знать о себѣ, что онъ неисправимъ, и какъ вѣрный залогъ общественнаго повреждения. Молодежь смѣтлива. Если она увидитъ, что власть начальника и воспитателя, несмотря на свою кротость, исполнена твердости и рѣшительности, что она не колеблется ни нѣжностію, ни лестію, заставляющими начальника отступать отъ требованій благоразумія и истиной любви: то получаетъ уваженіе и довѣренность къ власти, и принимаетъ относительно ея стройное, почтительное положеніе. Кроткая, вѣжливая просьба начальника признается приказаніемъ, которое надо исполнить и исполнить.

Свойственно человѣку думать о ближнемъ такъ, какъ о немъ думали или думаютъ, поступать съ ближнимъ такъ, какъ съ нимъ поступали или поступаютъ. Особливо дитя смотритъ почти всегда на своихъ воспитателей и учителей безъ анализа, съ довѣрчивостію и усвоиваетъ себѣ на всю жизнь ихъ понятія и правила. По этой причинѣ на Начальникѣ Учебнаго Заведенія и его помощникахъ лежитъ важная обязанность стяжать христіанскія нравственныя правила и со всею тщательностью наблюдать во первыхъ за собою, удерживая себя отъ увлеченія страстями, въ особенности удерживая себя отъ всякаго дѣйствія въ минуту увлеченія страстію. Человѣкъ не можетъ не имѣть страстей: надо научиться владѣть ими. Образъ обращенія и дѣйствія воспитателей по отношенію къ воспитанникамъ впослѣдствіи будетъ служить руководствомъ для воспитанниковъ въ обращеніи и образѣ дѣйствій ихъ относительно человѣчества. Надо имѣть убѣжденіе, а оно очень скоро пріобрѣтается наблюденіемъ за собою и за другими, что во время увлеченія гнѣвомъ человѣкъ говоритъ и дѣлаетъ однѣ глупости,—что въ то время, когда онъ увлекается тщеславіемъ, тогда онъ дѣлается смѣшнымъ и очень способнымъ къ обольщенію. Начальники, предающіеся этимъ двумъ страстямъ предъ своими подчиненными, теряютъ ихъ уваженіе и уничтожаютъ искренность въ отношеніяхъ съ собою.—Тѣлесныя наказанія, жестокіе выговоры, проявленіе страстей въ воспитателѣ, проявленіе его эгоизма, дѣйствуютъ убійственно на нравственность воспитанниковъ. Неправильный взглядъ на человѣка видѣлъ въ такомъ обращеніи необходимое условіе подчиненности: опытъ показываетъ совершенно противное. Нѣтъ ничего вреднѣе для подчиненности и вообще для нравственности человѣка, какъ лишеніе его правъ, принадлежащихъ ему, можетъ быть непонимаемыхъ имъ съ отчетливостію, но непремѣнно ощущаемый въ духѣ. Человѣкъ, котораго права попраны, теряетъ уваженіе къ правамъ дру-

гихъ. Воспитанникъ, дитя и юноша, имѣетъ свои права, какъ человѣкъ и гражданинъ. Ему необходимо дать правильное понятіе о этихъ правахъ, ввести его въ правильное познаніе правъ, принадлежащихъ его ближнимъ, усвоить ему уваженіе правъ. Чтобъ онъ уважалъ права другихъ, необходимо уважать его права. Какъ гражданское общество должно признать истинно свободнымъ? то, которому доставлены всѣ права, которыми только можно пользоваться на землѣ человѣческому обществу, безвредно для себя, котораго члены получили правильное понятіе о правахъ своихъ, и свято хранятъ эти права во всѣхъ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такого состоянія не можетъ достичь общество иначе, какъ правильнымъ воспитаніемъ юношества въ нравственномъ отношеніи. Воспитанный въ такомъ направленіи молодой человѣкъ сдѣлается наилучшимъ подчиненнымъ: понимая и уважая права гражданскаго общества, въ томъ числѣ и свои, онъ будетъ понимать и уважать права своего начальника, онъ будетъ ненарушимо хранить ихъ, исполнять его приказанія одинаково и предъ глазами его и внѣ его взоровъ. Такой образъ воспитанія формируетъ характеры благородные, съ искренностію и прямотою, неспособные къ лести. Воспитатель имѣетъ необходимую нужду научиться различенію слова искренняго и прямаго отъ слова дерзкаго, различенію уваженія и вѣжливости отъ ласкательства, непремѣнно соединеннаго съ неблагонамѣренностію. Всему этому можетъ наставить наблюденіе за собою при свѣтѣ Евангельскаго Ученія. Предпринявшій изученіе высокой науки въ самомъ себѣ — Христіанской Психологіи сколько ни будетъ усовершать себя, всегда найдетъ необходимымъ еще большее совершенствованіе, и будетъ пользоваться всѣми способами, доставляющими ему совершенное познаніе. Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ изученію человѣка въ самомъ себѣ есть искренность съ нами нашихъ близкихъ. Словомъ прямымъ никакъ нельзя оскорбляться, лишь бы оно не было вмѣстѣ и дерзко. Отвергающій искренность и прямоту ближняго, отвергаетъ свое нравственное совершенствованіе, и, какъ нравственность не можетъ быть безъ движенія, подвергается нравственному упадку. — Когда при воспитаніи, при неправильномъ понятіи воспитателя о подчиненности, будутъ попраны всѣ права воспитанника, будетъ стоптано въ грязь то уваженіе, которое онъ долженъ имѣть къ себѣ, какъ къ человѣку, какъ къ образу Божію: тогда въ воспитанникѣ уничтожается чувство чести. Здѣсь говорится не о тщеславіи и любви къ почестямъ, но о сознаніи и чувствѣ своего назначенія и достоинства, своихъ правъ. Съ утратою чувства чести, съ утратою сознанія правъ своихъ, въ молодомъ человѣкѣ уничтожается сознаніе правъ всего человѣчества. Добросовѣстность, благонамѣренность, стремленіе къ общественному благу замѣняются унизительнымъ, мелкимъ эгоизмомъ. Подчиненность замѣняется одною человѣкоугодливостію, столько порица-

емою въ Священномъ Писаніи, [1]) состоящею въ угожденіи страстямъ Начальника при полномъ презрѣніи къ нему, ко всѣмъ его предначертаніямъ, распоряженіямъ и приказаніямъ. Человѣкоугодливость пресмыкается предъ начальствомъ въ глазахъ его, льститъ ему, лицемѣрствуетъ и притворяется; за глазами она насмѣхается надъ нимъ, хвастается своимъ умѣніемъ обманывать, дурачить его своими нарушеніями его воли, своимъ искуснымъ искаженіемъ и уничтоженіемъ его плановъ. Благополучіе и достояніе ближнихъ, благополучіе и достояніе государства не составляютъ неприкосновенной святыни для потерявшаго честь и совѣсть, для потерявшаго понятіе о правахъ. Онъ надъ всѣмъ смѣется, какъ утратившій уваженіе ко всему, и считаетъ глупостію не принести въ жертву, когда на то представляется случай и возможность, общественную пользу своимъ эгоистическимъ, гнуснымъ по ихъ низости и зловредности, видамъ. Вся забота утратившаго честь заключается въ томъ, чтобы соблюсти нѣкоторую благовидность при помощи лжи, лицемѣрства, обмана, клеветы и прочихъ всѣхъ подлостей. Воспитаніе, которое Проектъ предполагаетъ доставить молодымъ людямъ въ Морскихъ Учебныхъ Заведеніяхъ, ручается за то, что эти Заведенія доставятъ Государству должностныхъ людей, высоко цѣнящихъ благо ближняго и общественное. Замѣчено, что шалунами обыкновенно бываютъ незанимающіеся науками. Спасительна мѣра для общества молодыхъ людей—немедленно исключать изъ этого общества членовъ, оказавшихся малонадежными по способностямъ и поведенію, а не тратить понапрасну времени и трудовъ на исправленіе неисправимыхъ, отравляющихъ все общество. Скажутъ: такое исключеніе изъ общества можетъ слишкомъ уменьшить общество, а желающихъ вступить въ него напугать и отклонить отъ вступленія. Опытъ доказываетъ противное. Повторимъ: молодежь смѣтлива. Можно ручаться, основываясь на опытахъ, что исключеніе немногихъ членовъ приведетъ оставшихся къ необыкновенной бдительности надъ собою, сдѣлаетъ наказанія почти ненужными и крайне рѣдкими, а чрезъ это возвыситъ общество въ нравственномъ отношеніи, вселитъ уваженіе и довѣренность къ нему въ публикѣ, привлечетъ въ него множество самыхъ полезныхъ членовъ.

Этимъ ограничиваю мои замѣчанія. Мнѣ остается принести Вашему Императорскому Высочеству всесовершенную признательность за доставленіе мнѣ истиннаго сердечнаго утѣшенія ознакомленіемъ меня съ Проектомъ преобразованія Морскихъ Учебныхъ Заведеній. Въ немъ я нашелъ опору многимъ моимъ думамъ; нашелъ отчетливо изложеннымъ то, что сознавалъ безотчетливо; нашелъ много наставле-

[1]) Псал. 52, 6.—Галат. 1, 10.—Ефес. 17, 6.—Колос. 3, 22.

ній, которыя пригодятся мнѣ, если на то послѣдуетъ Божіе благоволѣніе, въ моемъ служеніи.—Остается мнѣ пожелать, чтобъ предначертаніе Вашего Высочества увѣнчалось благополучнѣйшимъ успѣхомъ, по завѣщанію Священнаго Писанія, которое говоритъ: **начный въ васъ дѣло благое совершитъ** è (Филип. 1, 6).

Призывая на это дѣло всеобильное благословеніе Божіе съ чувствами глубочайшаго почтенія и всесовершенной преданности имѣю счастье быть

Вашего Императорскаго Высочества

IV. О необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви. Записки Епископа Игнатія Брянчанинова. 1862—1866 г.г.

Дѣйствія, существенно нужныя для Россійской Церкви.

Духъ времени таковъ и отступленіе отъ православно-христіанской вѣры начало распространяться въ такомъ сильномъ размѣрѣ, безнравственность такъ всеобща и такъ укоренилась, что возвращеніе къ христіанству представляется невозможнымъ: **волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва** (Евр. 10, 24), сказалъ Апостолъ Іудеямъ, принявшимъ христіанство и отъ христіанства обратившимся снова въ Іудейство, захотѣвшимъ соединить христіанство съ іудействомъ. Христосъ содѣлался невидимъ для іудеевъ, и, невидимый ими, удалился изъ среды ихъ, когда они хотѣли убить Его (Іоан. 8, 59): христіанство содѣлывается невидимымъ для насъ, удаляется отъ насъ, когда мы покушаемся убить его распутною жизнію, принятіемъ разныхъ лжеученій, когда мы покушаемся смѣсить христіанство съ служеніемъ міру. Господь сказалъ: **Всякъ дѣлаяй злая ненавидитъ Свѣта и не приходитъ къ Свѣту.** (Іоан. 3, 2) [1]). Нынѣ всѣ, всею душею устремились къ разврату, назвали его „наслажденіемъ жизнію“,—и пребываніе въ христіанствѣ, возвращеніе къ христіанству сдѣлались невозможными для человѣчества. Для того и другого необходимо всецѣлое оставленіе разврата, всецѣлое подчиненіе себя строгой христіанской нравственности. Она воспрещаетъ не только блудъ, но и все, что приводитъ къ блуду, чѣмъ внѣдряется въ душу сладострастіе, какъ то театры, плясанія, карты и прочія игры сатанинскія, языческую литературу: оно требуетъ полнаго отрѣченія отъ ветхаго естества (Лук. 14, 26).

Не будемъ вводить ничего новаго! послѣдуемъ съ точностію уче-

[1]) Свѣтомъ назвалъ Господь Себя.

нію, преданному Св. Церковію, ученію, преданному Святыми Апостолами и Святыми Отцами! Таковъ возгласъ, повторенный почти на всѣхъ Вселенскихъ и помѣстныхъ Соборахъ святыми Святителями и стятыми Отцами, присутствовавшими на этихъ Соборахъ.

При всѣхъ возникавшихъ въ Церкви затруднительныхъ вопросахъ, начиная со временъ Апостольскихъ, Церковь, для разрѣшенія ихъ, постоянно составляла Соборы: на соборахъ разсматривались недоумѣнія и повѣрялось состояніе Церкви [1]). По настоящему, затруднительному положенію Всероссійской Церкви, созваніе Собора сдѣлалось рѣшительною необходимостію. Вмѣстѣ съ этимъ созваніе Собора, по духу времени, не возможно безъ извѣстнаго приготовленія къ столько святому начинанію. Необходимъ Соборъ правильный, на всѣхъ правахъ прежнихъ Соборовъ, а Соборъ самочинный, по собственному усмотрѣнію лица, или лицъ, руководствующихся не правилами Церкви, а своею самостію, только повредитъ дѣлу, еще болѣе поколеблетъ Церковь Всероссійскую,—положеніе Ея едѣлаетъ еще болѣе запутаннымъ. Послѣднимъ Соборомъ Россійскимъ, по правиламъ и въ характерѣ православной Церкви, должно признавать Соборъ, собиравшійся въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; на этомъ Соборѣ низложенъ патріархъ Никонъ. Этотъ Соборъ имѣетъ не только всѣ свойства Собора правильнаго, но и Собора Вселенскаго. На немъ присутствовали всѣ россійскіе Епископы и полномочные представители Православнаго Востока, два патріарха. Отцы Собора имѣли право высказать свободно свое мнѣніе. Можно сказать: на этомъ Соборѣ вся Православная Восточная Церковь выразила во услышаніи вселенной свое пониманіе вѣры и свой духъ.

Въ теченіе двухъ столѣтій положеніе Россійской Церкви не разсматривалось и не повѣрялось Соборомъ. Съ послѣднихъ годовъ XVII-го столѣтія Западнымъ вѣтромъ нанесено много грязной пыли въ нѣдра Церкви и въ нѣдро Государства ко вреду для вѣры, нравственности и народности. Невѣденіе православной вѣры, взгляды на нее и на Церковь изъ идей, доставленныхъ развратомъ, протестантизмомъ и атеизмомъ, были причиною, что вкрались и насильно внесены въ Православную Церковь постороннія, чуждыя и враждебныя духу Церкви постановленія, противныя правиламъ и ученію православной Церкви. Вслѣдствіе этого раздаются обвиненія на Всероссійскую Церковь; раздаются обвиненія столько сильныя, что опроверженія противъ нихъ слишкомъ слабы [2]). Обвиненія раздаются не только изъ среды старообрядчества, не только изъ среды иногласныхъ испо-

[1]) Такъ на 6-мъ Вселенскомъ Соборѣ подвергнуты повѣркѣ нѣкоторые обычаи Римской Церкви.

[2]) Христіанское Чтеніе, декабрь 1864 года, статья Иг. Нильскаго,—страницы 484, 485, 486...

вѣданій, но и изъ устъ первыхъ святителей православнаго Востока; между чадами православной Россійской Церкви, знакомыми съ ученіемъ и преданіемъ православія, слышится ропотъ, выражается неудовольствіе на настоящее положеніе Церкви, недовѣренность къ нему.

Церковь Россійская такъ долго пребывала изолированною, отсѣченною отъ прочаго православнаго Востока, что немедленное созваніе Собора, на которомъ непремѣнно должны быть уполномоченные представители Восточныхъ Патріарховъ, представляется даже не безопаснымъ, и въ томъ отношеніи, что Восточные неминуемо потребуютъ значительнаго возвращенія отъ уклоненій, возвращенія, необходимаго для возстановленія во Всероссійской Церкви духа Церкви Вселенской, отъ котораго она уклонилась преимущественно въ своемъ Синодѣ тщетно именуемомъ Святѣйшимъ, и въ своихъ духовныхъ училищахъ, производящихъ почти наиболѣе протестантовъ и атеистовъ [1]). Признаются нужными, крайне нужными слѣдующія предуготовительныя дѣйствія:

1) Должно составить полное собраніе всѣхъ постановленій, которыя Всероссійская Церковь приняла и установила собственно для себя, со времени царствованія Императора Петра I, или съ того времени, которое протекло послѣ упомянутаго Собора, имѣющаго характеръ Вселенскаго. Постановленія эти еще не были контролированы Вселенскою Церковію, чего требуетъ духъ истинной Христовой Церкви: ибо и святый верховный Апостолъ Павелъ ходилъ нарочно въ Іерусалимъ, чтобъ тамъ предложить на разслѣдованіе и повѣрку другимъ Апостоламъ благовѣствованіе, которое имъ было проповѣдано язычникамъ (Галат. 22).

2) Должно получить по всѣмъ предметамъ Церковнаго ученія и управленія полное свѣдѣніе отъ Восточныхъ Патріарховъ. Также должно получить отъ нихъ полное собраніе тѣхъ постановленій, которыя сдѣланы со времени отчужденія Россійской Церкви отъ Церкви Восточной, и которыя въ Россійской Церкви наиболѣе неизвѣстны.

3) Пригласить отъ Константинопольскаго Патріарха, съ согласія прочихъ Патріарховъ, одно лицо или два лица, которыя бы были и очень свѣдущи въ Вѣрѣ и очень благочестны, которые бы пользовались полною довѣренностію Патріарховъ, и, совокупно съ этими лицами, пріуготовить все, что должно быть разсмотрѣно на Соборѣ. Предварительное разсмотрѣніе и соглашеніе должно облегчить Собору дѣйствованіе его и устранить рѣзкія столкновенія.

Соборъ долженъ имѣть характеръ Вселенскаго. Онъ долженъ пользоваться полною свободою. На немъ должны быть представители

---

[1]) Православное бѣлое и черное духовенство въ Россіи, Лейпцигъ 1866 года; книга, приписываемая экспрофессору П. С.-б-ской Дух. Ак. Рославлеву.

всѣхъ Восточныхъ Патріарховъ и всѣ Россійскіе Архіереи или лично или чрезъ повѣренныхъ своихъ.

На Соборѣ должны быть депутаты: 1) Отъ монастырскаго монашества русскаго, по избранію этого монашества, 2) отъ бѣлаго духовенства русскаго, по избранію этого духовенства, 3) отъ православныхъ мірянъ, по избранію мірянъ. Примѣрно каждая епархія должна избрать по два депутата изъ каждаго разряда, всего каждая епархія должна дать по шести депутатовъ.

Правительство должно отрядить нѣсколько сановниковъ изъ лицъ, наиболѣе знакомыхъ съ вѣрою для наблюденія—подобно тому, какъ было на Халкидонскомъ Вселенскомъ Соборѣ—чтобы Соборъ совершился свободно и правильно.

Если Соборъ будетъ совершаться подъ вліяніемъ интриги и уклонится отъ цѣли Богоугожденія къ цѣли человѣкоугодія, то лучше не быть ему: столько онъ принесетъ вреда, произведши рѣшительное и гласное разъединеніе! Напротивъ того, если милосердіе Божіе даруетъ Собору совершиться съ вожделѣннымъ успѣхомъ, какъ совершились Вселенскіе и Помѣстные Соборы православной Церкви: то благотворные плоды Собора, и въ духовномъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ, будутъ поразительно величественны и велики.

Въ духовномъ отношеніи доставится торжество истинному Христову ученію, о которомъ у насъ почти не смѣли говорить доселѣ. Когда же Христово ученіе объяснится, со всею откровенностію: тогда падутъ или, по крайней мѣрѣ, очень ослабѣютъ всѣ еретическія ученія, православный народъ утвердится въ Православіи, и многіе иновѣрцы притекутъ подъ кровъ Православія. Православіе должно быть принято во всей цѣлости и полнотѣ его, безъ допущенія хулы на Святаго Духа ни покакому предмету.

Въ гражданскомъ отношеніи такой Соборъ соединитъ православно-вѣрующій людъ во единъ народъ, хотя бы этотъ людъ и находился въ различныхъ Государствахъ, и подъ различнымъ гражданскимъ управленіемъ. Въ Россіи такой Соборъ долженъ сильно подѣйствовать на расколъ, который въ настоящее время имѣетъ много опоры для себя въ правилахъ и постановленіяхъ Вселенской Церкви. Американцы и англичане вынуждены будутъ не насиліемъ, а здравымъ смысломъ принять православную вѣру такъ, какъ она есть, безъ всякихъ измѣненій и исключеній.

Россія, со временъ Петра I-го, часто и много принесла пожертвованій въ ущербъ вѣры, въ ущербъ Истины и Духа, для пустыхъ и ложныхъ соображеній политическихъ, которыми прикрывало развращенное сердце ненависть и презрѣніе къ правиламъ Церкви и къ закону Божію. Всѣ эти соображенія, поколебавъ страшно православную Вѣру, оказались рѣшительно вреднымъ для Государства и администт-

раціи. Съ сознаніемъ ошибки, съ самоотверженіемъ должно отказаться отъ всѣхъ уклоненій человѣкоугодливыхъ, преступныхъ въ отношеніи къ Богу. Въ противномъ случаѣ, безъ этой рѣшимости, лучше не созывать Собора.[1])

Главнѣйшія предметы занятій Собора должны быть нижеслѣдующіе:

1) Разсмотрѣніе постановленій, которыми руководствуется нынѣ Россійская Церковь, за чѣмъ должно послѣдовать уничтоженіе постановленій, не согласныхъ съ постановленіями православной Восточной Церкви.

2) Уничтоженіе касты, такъ называемаго духовнаго званія, какъ неправильности, которая вкралась сама собою, въ противность правиламъ Св. Апостоловъ [2]) Возстановить древнѣйшій обычай церкви: Епархія да избираетъ для себя архіерея, а приходъ іерея, діакона и причетника, свидѣтельствуя о ихъ благочестіи. Чтобъ доставить возможность благочестивымъ людямъ всѣхъ сословій приготивить себя къ іерархическимъ степенямъ, должно составить: а) Богословіе, не въ характерѣ школьномъ, а въ характерѣ общепонятномъ, въ полномъ согласіи съ Богослуженіемъ православной церкви, чтобъ познанія, оглашаемыя Богослуженіемъ всенародно, были возвѣщаемы и Богословіемъ, в) подробнѣйшую Священную и Церковную Исторію, которая ознакомитъ во первыхъ подробно съ ученіемъ православной Церкви. Это ученіе тѣмъ яснѣе понимается, чѣмъ подробнѣе излагается борьба Церкви съ многочисленными, возставшими противъ нея ересями. Во вторыхъ подробная Церковная исторія ознакомитъ съ характерами и дѣйствіями Святыхъ мужей. Извѣстно, что характеръ и правила читателя образуются по тѣмъ образцамъ, которые представитъ ему исторія подробно и живописно.

3) Отреченіе для всѣхъ служителей алтаря отъ почестей и занятій міра сего, а для монаховъ, въ какихъ бы они ни были церковно-іерархическихъ степеняхъ отъ всякаго излишняго имущества, даже денегъ. Оставшіяся деньги и имущество послѣ монаховъ должны быть собственностію монастырей,—никакъ не родственниковъ по плоти. **Люды міра сего вражда Богу есть: иже бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ** (Іаков. 4, 4) научаетъ насъ Св. Писаніе. Въ Іудейской Церкви фарисеи, въ латинской вообще все духовенство этой церкви, а наиболѣе езуиты опытно доказали всю справедливость словъ Писанія. Посему правила Святыхъ Апостоловъ повелѣваютъ: „Епископъ или пресвитеръ, или діаконъ, да не пріемлетъ на себя

---

[1]) Между почтеннѣйшими мужами Греческаго духовенства передается предсказаніе, что въ послѣднія времена явится усиліе созвать Соборъ, но что духъ времени не допуститъ Собору собраться.

[2]) Правило 76-е.

мірскихъ попеченій. А иначе да будетъ извержень“.[1]) „Не подобаетъ Епископу, или пресвитеру, вдаваться въ народныя управленія, но неупустительно быть при дѣлахъ церковныхъ. Или да будетъ убѣжденъ сего не творити, или да будетъ извержень. Ибо **никто-же можетъ двумъ господамъ работать**, по Господней Заповѣди“.[2]) Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, въ воинскомъ дѣлѣ упражняющійся и хотящій удержати обоя, то есть, Римское начальство (кавалерство) и служеніе священства: да будетъ извержень изъ священнаго чина. **Ибо Кесарева Кесареви и Божія Богови.**[3]) Для всѣхъ вообще служителей Божіихъ пагубно міролюбіе и никакъ не можетъ совмѣститься съ служеніемъ Богу: **Не любите міра, ни, яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любы Отчи въ немъ**[4]). Необходимо для всего духовенства устраненіе отъ спекуляцій и всѣхъ происковъ къ обогаченію, необходимо отреченіе отъ всѣхъ суетныхъ почестей, необходимо удаленіе отъ роскоши, необходима скромность, а для монаховъ необходимо нестяжаніе.

4) Возстановленіе въ монастыряхъ уставовъ и правилъ Святыхъ Отцовъ, изложившихъ уставы и правила для монашества по откровенію Божію, по внушенію Святаго Духа, а не по какому нибудь соображенію человѣческому, причемъ необходимо устраненіе изъ монастырей всего, введеннаго плотскимъ мудрованіемъ, введеннаго духомъ самочинія, самомнѣнія, духомъ презрѣнія и ненависти къ монашеству, духомъ презрѣнія и ненависти къ Святому Духу, къ истинному Христіанству. Монастыри испорчены гордынею и невѣжествомъ разныхъ умствователей, умствовавшихъ и дѣйствовавшихъ по стихіямъ Западнаго протестантизма и атеизма. Для православной Церкви необходимо монашество: она не можетъ существовать безъ него. Монахи достигаютъ христіанскаго совершенства безстрастія, ощутительнаго дѣйствія въ себѣ Святаго Духа, почему стяжеваютъ понятіе о Христіанствѣ живое. И тѣни такого познанія не можетъ преподать никакая наука человѣческая; всѣ профессоры, магистры и доктора Богословія, производимые университетами и академіями суть невѣжды въ сравненіи съ монахомъ, обновленнымъ благодатію Божіею за послѣдованіе Христу исполненіемъ Заповѣдей Его. У насъ монастыри извращены; извращено въ нихъ все, извращено самое значеніе ихъ. Духовныя училища столько чужды духа православной вѣры, что вступленіе въ монастырь кончившаго курсъ Семинаріи есть величайшая рѣдкость и не было примѣра въ 50 лѣтъ со времени учрежденія духовныхъ Академій въ Россіи, чтобъ кто-либо, хотя одинъ человѣкъ, окончивъ

---

[1]) Правило 7.
[2]) Матѳ. 6, 24.—Правило 81
[3]) Матѳ. 22, 21.—Прав. 83.
[4]) 1. Іоан. 2, 15.

курсъ въ Академіи, вступилъ въ монастырь, между тѣмъ какъ въ древности великіе Святые: Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Неокесарійскій, Іоаннъ Златоустъ, по окончаніи курса ученія, вступили въ монашество, въ монастыри пустынные, тамъ воздѣлали себя иноческими подвигами. Въ Россіи представляется странное явленіе: въ монастыри вступали и доселѣ изрѣдка вступаютъ лица изъ университетовъ и другихъ высшихъ училищъ свѣтскихъ, а изъ духовныхъ Академій не вступилъ никто, развѣ сосланъ кто либо вдавшійся въ неисцѣльную страсть пьянства. Это имѣетъ свое значеніе. У насъ монастыри въ крайнемъ упадкѣ. Повторяемъ: они извращены. Вступаютъ въ нихъ личности почти исключительно изъ черни, занимаются они исключительно тѣлеснымъ подвигомъ, почти всегда безплодно или съ плодами ложными, принявъ средство и пособіе за цѣль и сущность. Но и тѣлесный подвигъ сдѣлался нынѣ рѣдкостію: нынѣ монастыри обратились въ пристанища разврата, мѣстами открытаго, мѣстами прикрываемаго лицедѣйствомъ, въ мѣста ссылки, въ мѣста лихоимства и прочаго разнообразнаго злоупотребленія. Такими сдѣлала ихъ каста, смотрящая на нихъ, какъ на свои аренды, ненавидящая и презирающая ихъ, испражняющаяся въ нихъ одними своими исчадіями, нетерпимыми въ средѣ міра по причинѣ необузданнаго разврата этихъ исчадій.

5) Подаваемыя на Соборѣ мнѣнія должны быть записываемы, какъ то было на Вселенскихъ Соборахъ, послѣ каждаго засѣданія повѣряемы, и, по окончаніи Собора, оглашены печатно во всеувѣденіе.

6) Долженъ быть составленъ проэктъ Уложенія или Законовъ и правилъ, которыми могла бы руководствоваться Россійская Церковь при настоящей ея обстановкѣ. Эти правила нужны, разумѣется, только для тѣхъ частностей, для которыхъ нѣтъ правилъ въ постановленіяхъ Вселенской Церкви.

7) Пересмотрѣть Катехизисы и Богословіе и пополнить, давъ имъ характеръ православно Восточный, подобный характеру Богослуженія Православной Церкви, такъ, чтобы познанія, оглашаемыя Богослуженіемъ всенародно, были возвѣщаемы и Катехизисами. Катехизисы эти и Богословія, изъ которыхъ одни должны быть кратче, другіе пространнѣе, третіе самые полные и пространные, перевесть на главные европейскіе языки, что послужитъ сильнѣйшимъ средствомъ привлеченія къ Православной Вѣрѣ.

8) Составить уставъ для духовныхъ учебныхъ заведеній, примѣнительно къ уставу монастырей, чтобъ жизнь воспитанниковъ была практически и строго христіанская, чтобъ они пріобрѣтали твердые навыки въ благочестіи [1]), чтобъ они хорошо ознакомились съ Бого-

[1]) Въ Англіи данъ этотъ характеръ. Тамъ характеръ училищъ кладетъ на учениковъ сильную печать. У насъ воспитанники духовныхъ училищъ запечатлѣны

служеніемъ, получили вкусъ къ церковнымъ молитвословіямъ и стояніямъ. Составить для этихъ учебныхъ заведеній собственно свои учебники, какъ-то курсъ Словесности и проч.,—изъявъ изъ нихъ все языческое, все, даже косвенно влекущее къ вольнодумству, безнравственности костицизму, ироніи, къ шуткѣ, къ игривости, что все такъ противно духу христіанства и такъ заразительно дѣйствуетъ на испорченную натуру человѣческую.—Особенное вниманіе обратить на философію, изъ которой должно преподавать съ удивительною полнотою логику, впрочемъ уклоняясь отъ утонченностей, отвлеченностей и схоластицизма, вредно дѣйствующихъ на природную способность,—на умъ. Исторію философіи должно преподавать кратко, объясняя учащимся, что основанія, на которыхъ философы всѣхъ временъ создали свои системы, произвольны, по этой причинѣ не имѣютъ никакой прочности и противорѣчатъ одна другой, что человѣческая философія должна быть признана никѣмъ другимъ, какъ только игрою воображенія, и собраніемъ мнѣній, чуждыхъ истины. Того, кто эту игру воображенія, эти произвольныя мнѣнія, приметъ за ученіе истины, философія вводитъ, по необходимости, естественно въ заблужденіе и умоповрежденіе. А это совершается сряду. Что значатъ ученія безбожниковъ? Это—ипотезы, принятыя за аксіомы. Сказалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ: **чуждеумна, прежде силы духовны, не проходи словеса: тмы бо суще глаголи, немощныхъ помрачаютъ.** Это правило необходимо сохранить по отношенію къ юношеству. Къ истинной философіи приводитъ одно христіанство: только при посредствѣ его можно быть непогрѣшительнымъ психологомъ и метафизикомъ. Зрѣлыми мужами, изучившими и положительныя науки, и философію и писанія Отцевъ Церкви, познавшими опытно значеніе христіанства, можетъ и должно быть составлено подробное изложеніе философіи очень полезное и научное въ извѣстномъ отношеніи; оно должно быть разсмотрѣно и одобренно высшимъ духовенствомъ, и служить предметомъ вниманія мужей, а не молодыхъ людей, столько способныхъ къ одностороннему увлеченію. Въ духовныхъ высшихъ училищахъ необходимо преподаваніе положительныхъ наукъ. Весьма справедливо признавалъ Платонъ невозможнымъ обученіе философіи безъ знанія математики. Особливо нужно знаніе естественныхъ наукъ: потому что въ наше время нигилисты утверждаютъ свое ученіе якобы на естественныхъ наукахъ. Нужно знать, что они утверждаютъ зданіе нигилизма не на естественныхъ наукахъ, а на произвольныхъ, нелѣпыхъ ипотезахъ, т. е. предположеніяхъ или вымыслахъ, которыхъ

впечатлѣніями міра, духомъ міра, и, къ величайшему удивленію питаютъ протестантское отвращеніе отъ монашества, ораторствуютъ противъ него не слабѣе Лютера. Изъ кончившихъ курсъ въ семинаріяхъ очень рѣдко вступаютъ въ монастырское монашество.

нѣтъ возможности доказать тѣми доказательствами, при которыхъ единственно наука признаетъ познаніе вѣрнымъ, и безъ которыхъ всѣ блестящія ипотезы остаются при достоинствѣ игры воображенія, при достоинствѣ бреда. Природа возвѣщаетъ Бога по свидѣтельству Св. Писанія [1]), и науки, объясняющія законы природы, тѣмъ сильнѣе возвѣщаютъ Бога. Всѣ великіе ученые, математики и естествоиспытатели, какъ-то: Невтонъ, Лейбницъ, Неккеръ не только были деистами, но и признавали христіанство. Безбожниками были почти всѣ софисты, незнавшіе положительныхъ наукъ и предававшіеся необузданному умствованію и мечтательности.

9) Собрать и напечатать Преданіе Вселенской Церкви (cursus completus Patrologiae) на Греческомъ, Латинскомъ, Славянскомъ и Русскомъ языкахъ. И Преданіе Вселенской Восточной Церкви, выясненное со всею вѣрностію, по достовѣрнѣйшимъ документамъ должно подѣйствовать въ пользу Православной Церкви.

10) Синоду дать правильную организацію и уничтожить въ духовенствѣ рабство, по мысли и указанію Святыхъ Апостоловъ (1 Петр. 5, 2, 3). Для достиженія сего необходимо уничтоженіе касты, и приготовленіе въ приходскіе священники избранныхъ лицъ приходомъ, а во епископы—епархіею по древнему обычаю Церкви и по преданію Апостольскому.

11) Уничтожить наказанія, вновь придуманныя для духовенства, принадлежащія по характеру своему къ тираніи, столь чуждой духа Церкви, служащія—можно рѣшительно сказать—всегда къ окончательному нравственному разстройству тѣхъ, которые подвергаются имъ. Напротивъ того, ввести наказаніе, установленное Апостолами, и по нынѣ читаемое въ правилахъ ихъ,—ввести отлученія и извержения—то есть лишеніе духовнаго сана и исключеніе изъ духовенства, котораго нынѣ такъ избѣгаютъ, подъ предлогомъ народнаго соблазна. Но изверженіе необходимо для очищенія Церкви отъ недостойныхъ служителей; напротивъ того нынѣшнія мѣры, состоящія наиболѣе въ варварскомъ обычаѣ, введенномъ въ царствованіе Іоанна Грознаго, и состоящемъ въ сохраненіи гнилыхъ членовъ въ нѣдрѣ Церкви, въ помѣщеніи ихъ въ монастыри, растлили монастыри, обратили ихъ въ нравственныя отхожія мѣста, а лицамъ бѣлаго духовенства внушаютъ рѣшительное безстрашіе. По древнему обычаю Церкви должно предоставлять на произволъ лишеннымъ духовнаго сана распоряженіе собою, если не сдѣлано никакого преступленія предъ гражданскими законами. Эта мѣра въ самомъ скоромъ времени возвыситъ духовенство въ нравственномъ и духовномъ отношеніяхъ, безобидно для членовъ, устраненныхъ изъ него,

[1]) Псал. 103.—Римл. 1, 19, 20.

Заключеніе. Главная причина нестроенія Церкви заключается въ томъ, что правила Святыхъ Апостоловъ, Соборовъ и Отцовъ оставлены безъ вниманія, даже забыты, а замѣнены они выдумками, чуждыми духа Церкви, заимствованными изъ духа враждебнаго православной Церкви, уничтожающими самый духъ Церкви при оставленіи одного наружнаго благоприличія въ нѣкоторой степени и формѣ.

Примѣчаніе. Здѣсь необходимо упомянуть объ Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода, хотя учрежденіе его есть чисто гражданское. Духъ времени и опыты доказываютъ совершенную и рѣшительную необходимость въ лицѣ свѣтскомъ для Церкви, которое заботилось бы о пользахъ ея, охраняло ихъ, приводило ихъ въ гармонію съ пользами государства, сносилось съ министрами и всѣми высшими инстанціями, имѣло непосредственный докладъ у Государя. Лице это должно стоять наравнѣ съ первѣйшими сановниками государства. Оно поставлено уже на это мѣсто неотразимымъ насиліемъ обстоятельствъ и духа времени! Положеніе Оберъ-Прокурора, въ которое онъ уставляется современными требованіями, никакъ не сходится съ положеніемъ, которое дано Оберъ-Прокурору первоначальнымъ государственнымъ учрежденіемъ этой должности. По этой причинѣ всякій Оберъ-Прокуроръ по необходимости усиливается выйти изъ положенія, въ которое ставитъ его первоначальное учрежденіе, какъ изъ положенія фальшиваго, стѣсняющаго требованія его дѣятельности въ величайшій вредъ дѣлу Церкви. Это вводитъ его въ столкновеніе и борьбу съ Синодомъ, съ духовенствомъ, съ Церковію, которая имѣетъ свои Іерархическіе уставы, данные ей Апостолами, по завѣщанію Богочеловѣка. Уставовъ этихъ никакая власть отмѣнить не можетъ: всякое отмѣненіе признается беззаконіемъ и насиліемъ. Молчаніе предъ насиліемъ власти никакъ не есть выраженіе согласія: расколъ можетъ быть не только видимымъ, но и невидимымъ; этотъ невидимый расколъ имѣетъ на сторонѣ своей Церковную правду, которой не можетъ измѣнить ни одинъ христіанинъ въ душѣ своей, доколѣ онъ остается истиннымъ христіаниномъ. Когда князь Голицынъ и графъ Протасовъ достигли того положенія, которое было нужно имъ: тогда они сдѣлались самыми полезными людьми для Церкви въ матеріальномъ отношеніи, самыми ревностными защитниками правъ ея, защитниками сильными, болѣе сильными, чѣмъ самъ Синодъ. Они были сильны по той причинѣ, что были равны первымъ вельможамъ; они были сильны, какъ приближенные Царя, ненуждавшіеся уступать и угождать другимъ приближеннымъ. Тогда графъ Протасовъ примирился съ тѣми личностями изъ духовенства, съ которыми въ началѣ своего подвига былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Для Церкви нуженъ Попечитель, Ктиторъ, Церковный Староста. При Попечителѣ, къ которому долженъ перейти Товарищъ и Канцелярія нынѣшняго Оберъ-Проку-

рора, можетъ оставаться особый Оберъ-Прокуроръ при Святѣйшемъ Синодѣ, въ положеніи, даемомъ ему первоначальнымъ учрежденіемъ. Въ этомъ положеніи отъ Оберъ-Прокурора не требуется, чтобъ онъ былъ придворнымъ; требуется—чтобъ онъ былъ правовѣдъ, законовѣдъ, дѣлецъ кабинетный и канцелярскій. Какъ всеподданнѣйшіе доклады и всѣ административныя сношенія должны совершаться чрезъ попечителя: то Прокуроръ всегда будетъ контролированъ предъ Попечителемъ, Членами Синода, а Члены—Прокуроромъ. Стремленіе Оберъ-Прокурора перейти въ положеніе Министра уже не будетъ имѣть ни мѣста, ни основанія. Попечителемъ въ нѣкоторой степени, безъ соглашенія и опредѣленныхъ правъ былъ Князь Голицынъ при Оберъ-Прокурорахъ Князѣ Мещерскомъ и Нечаевѣ, а сколько важно знаніе канцелярской дѣятельности для Оберъ-Прокурора, доказали Нечаевъ и Карасевскій, при которыхъ дѣлопроизводство имѣло особый характеръ отчетливости и порядка. Учрежденіе Попечителя никакъ не будетъ нововведеніемъ въ Церкви, будучи согласно съ духомъ Церкви, будучи уже осуществлено во всѣхъ приходскихъ Церквахъ, а требуется оно настоятельно современнымъ положеніемъ и духомъ общества. Святый Іоаннъ Злотоустъ желалъ, чтобы матеріальныя заботы о Церкви возложены были на мірскихъ людей, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ и преданностію Церкви; многіе Византійскіе вельможи имѣли характеръ Попечителей. И нынѣ Синодъ, по отношенію къ другимъ вѣдомствамъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе его Оберъ-Прокуроръ; собственно на Синодъ начинаютъ мало смотрѣть. Синодъ значительно усилится при Попечителѣ, для величайшаго блага Государству, блага, которое навѣтуется страшнымъ упадкомъ религіи и правъ ея во всѣхъ сословіяхъ. Внутренняя борьба въ Синодѣ, потрясающая и разрушающая его, борьба между свѣтскою и духовною властями, борьба непрестающая, хотя и не всегда явная, уничтожится: Попечитель, имѣя значеніе и права высшаго сановника (будучи членомъ Госуд. Совѣта и Ком. Министровъ) будучи Попечителемъ, а не Министромъ, не встрѣтитъ причинъ для борьбы, которая возникаетъ изъ стремленія къ возвышенію, стремленія, вызываемаго необходимостію. Правду сказать: учрежденіе Попечителя уже имѣется на лицо. Оберъ-Прокуроры значительно перешли въ это положеніе.—Но положеніе это—случайность; оно плодъ связей, придворнаго вліянія, и не имѣетъ прочнаго основанія: весь православный людъ смотритъ на него недовѣрчиво. Нельзя быть иначе! Министерство есть нѣчто вродѣ Патріаршества, по этой причинѣ всякій Оберъ-Прокуроръ, достигши значенія министра, остается въ положеніи фальшивомъ, неопредѣленномъ и ставитъ въ такое-же положеніе всю Церковь. Оберъ-Прокуроръ очень удобно можетъ быть переименованъ въ Попечителя, а Правитель Синодской Канцеляріи въ Оберъ-Прокурора. При этомъ фальшивое по-

ложеніе всѣхъ изчезнетъ само собою: всѣ вступятъ въ отношенія правильныя, указываемыя закономъ Церковнымъ и гражданскимъ. Благонамѣренный и Благоразумный Попечитель, болѣе, нежели кто либо другой будетъ имѣть средства къ приведенію его въ исполненіе. Попечителю должно быть очень пріятнымъ созваніе Собора: потому что Соборъ, для собственной силы и свободы, будетъ стараться о томъ, чтобъ возвысить значеніе Попечителя и имѣть въ немъ надежное орудіе для дѣйствія въ пользу Церкви и для обороны ея противъ личностей, враждебныхъ Церкви. Напротивъ того Соборъ непремѣнно озаботится объ ограниченіи министерской власти Оберъ-Прокурора именно по сходству ея съ властью Патріарха. Это поведетъ къ столкновеніямъ и интригамъ, сдѣлаетъ собраніе Собора безплоднымъ. Попечитель Православной Церкви непремѣнно долженъ быть Министромъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій: это поставитъ прочія вѣроисповѣданія въ правильное отношеніе къ господствующему вѣроисповѣданію, которое въ настоящемъ положеніи его часто получаетъ характеръ исключительно угнетаемаго и гонимаго. Случалось, что даже магометанству отдавалось предпочтеніе, и православная Вѣра въ православной Россіи была унижена, обезчещена, стоптана предъ магометанствомъ.

Уроки словесности, преподанные Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Игнатіемъ [1]).

УРОКЪ I.

Понятіе о Словесности.

Словесность есть разумная способность души человѣческой. Эта способность выражается разнообразно, напримѣръ въ различныхъ художествахъ, ремеслахъ и работахъ; преимущественно-же она выражается въ словѣ. Отъ преимущественнаго или главнаго выраженія своего разумная способность получила названіе свое.

Къ числу другихъ способностей души человѣческой принадлежатъ воображеніе и память. Этими двумя способностями одарены и животныя. Посредствомъ воображенія предметы видимаго міра напечатлѣваются въ душѣ; посредствомъ памяти впечатлѣнія сохраняются въ душѣ.

Умъ можетъ изъ впечатлѣній, доставленныхъ воображеніемъ, составлять по произволу своему разныя картины; умъ можетъ даже придумывать предметы несуществующіе и составлять изъ нихъ соотвѣтствующія картины, доставляя имъ при посредствѣ воображенія какъ бы существованіе. Составленіе этихъ картинъ и самыя картины называются мечтаніемъ и фантазіею. Мечтанія не имѣютъ животныя, какъ лишенныя ума, составителя мечтаній.

---

[1]) Въ ряду наиболѣе важныхъ предметовъ, которыми долженъ заняться, по мысли Епископа Игнатія, проектируемый имъ Соборъ Россійской Православной Церкви, значится и преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній съ приспособленіемъ ихъ къ задачамъ духовнаго воспитанія и богословскаго образованія. Преосвященный Игнатій проектируетъ въ п. 8 составленіе учебниковъ для духовно-учебныхъ заведеній, съ изъятіемъ изъ нихъ всего языческаго и безнравственнаго. Печатаемые нами впервые „Уроки словесности", полагаемъ, иллюстрируютъ мысль Владыки Игнатія о должномъ направленіи преподаванія этого предмета.

Умъ подобнымъ образомъ дѣйствуетъ и чрезъ память. Память, въ зависимости отъ ума, накопляетъ впечатлѣнія нетолько изъ вещественнаго міра, но и изъ міра духовнаго, изъ области умственной. Сумма впечатлѣній, накопленныхъ памятію, составляютъ познанія человѣка.

Умъ есть способность мыслить.

Умъ, облеченный въ усвоенныя имъ мысли или познанія, называется разумомъ. Усвоенныя мысли умомъ способны измѣняться, а потому и разумъ бываетъ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Онъ бываетъ дѣтскимъ, зрѣлымъ, истиннымъ, ложнымъ, плотскимъ, духовнымъ.

Умъ, какъ природная способность, бываетъ свѣтлымъ, острымъ, обширнымъ, глубокимъ, тупымъ, скуднымъ.

Мысль есть выраженіе разума о чемъ либо, или: мысль есть выраженіе какого-либо одного познанія. Напримѣръ: свѣча горитъ, дитя учится, любовь есть высшая между добродѣтелями. Хотя мысль естественно родится изъ ума, но какъ умъ человѣка всегда имѣетъ усвоенный себѣ образъ мыслей, и производитъ новыя мысли соотвѣтственно этому образу, иначе производить ихъ не можетъ, то опредѣленіе мысли человѣческой, нами сдѣланное, есть самое точное. Тоже должно сказать и о мысли всѣхъ разумныхъ тварей; но въ существѣ всесовершенномъ, Богѣ, мысль есть выраженіе ума.

Ощущеніе добродѣтелей и изящнаго, также порока и зла, принадлежитъ къ словесности человѣка, находится въ зависимости отъ ума, потому что ощущеніе это не можетъ существовать и не существуетъ въ животныхъ, не имѣющихъ ума, имѣющихъ другія ощущенія, подобныя человѣческимъ. Это ощущеніе, самая способность этого ощущенія называется духомъ человѣка. Духъ находится въ согласованіи съ разумомъ; ощущенія могутъ быть истинными, ложными, плотскими, духовными, добрыми, грѣховными.

Когда посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ и способности воображать усвоится душѣ впечатлѣніе изъ видимаго міра: тогда это впечатлѣніе называется понятіемъ.

Пріобрѣтенныя человѣкомъ понятія имѣютъ разныя степени. Они могутъ быть

Ясныя, когда отличаемъ предметъ отъ другихъ предметовъ, хотя и не имѣемъ о немъ полныхъ свѣденій. Таковы вообще понятія человѣковъ о небѣ, о водѣ, о землѣ, о травѣ, о деревьяхъ и прочихъ подобныхъ предметахъ. Не зная въ точности, что значатъ эти предметы, человѣки отличаютъ ихъ одинъ отъ другаго.

Подробныя понятія подобны яснымъ, но уже не такъ поверхностны. Они предполагаютъ знаніе многихъ признаковъ предмета,

которыми онъ отличается отъ другихъ предметовъ. Имѣющій такое понятіе можетъ описать предметъ.

Полныя или совершенныя понятія,—когда знаемъ столько признаковъ предмета, что можемъ указать на совершенное различіе его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ, отдѣлить его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ, иначе опредѣлить.

Въ понятіяхъ о предметахъ мы замѣчаемъ связь и постепенность. Иные изъ предметовъ составляютъ нѣчто цѣлое, другіе имѣютъ значеніе частей. Соотвѣтственно предметамъ понятія о предметахъ имѣютъ свою постепенность и свои отношенія.

Цѣлое есть то, что состоитъ изъ частей. Часть есть то, что съ другими подобными предметами составляетъ цѣлое. Предметъ можетъ имѣть значеніе цѣлаго по отношенію къ частямъ своимъ, и вмѣстѣ быть частію по отношенію къ другому предмету. Напр.: Губернія по отношенію къ ея уѣздамъ, есть цѣлое, а по отношенію къ Государству есть часть. Государство есть цѣлое, по отношенію къ областямъ своимъ; оно—часть по отношенію къ той части свѣта, въ которой находится.

Усмотрѣно между предметами и другое, подобное отношеніе. Оно изображается наименованіями: нераздѣльное, видъ и родъ.

Нераздѣльное имѣетъ сходственное значеніе съ значеніемъ части: нераздѣльное есть то, что имѣетъ свое собственное, отдѣльное существованіе. Напримѣръ: Ярославль, Кострома, Вологда, Тула, Вятка. Каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ свое отдѣльное существованіе, и въ отношеніи къ самому себѣ составляетъ нераздѣльное.

Когда многіе нераздѣльные имѣютъ одно общее свойство, тогда это общее свойство ихъ называется видомъ. Такъ: Ярославль, Кострома, Вологда, Тула, Вятка имѣютъ то общее имъ свойство, что они—губернскіе города.

Когда многіе виды имѣютъ одно, общее имъ свойство: то это общее свойство называется родомъ. Такъ: Столицы, Губернскіе города, уѣздные, заштатные, села, посады, деревни, имѣютъ общее свойство человѣческаго селенія.

Это подраздѣленіе необходимо при составленіи опредѣленій.

Опредѣленіе есть полное и совершенное понятіе, выраженное словомъ. Чтобъ составить опредѣленіе предмету, который имѣетъ значеніе нераздѣльнаго, пріискивается видъ его и то различіе, которымъ предметъ рѣшительно отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ одного съ нимъ вида. Напримѣръ: Симферополь есть губернскій городъ Таврической губерніи; Вятка есть губернскій городъ Вятской губерніи. Чтобъ точнѣе опредѣлить нераздѣльное, должно совокупить вмѣстѣ нѣсколько самыхъ отличительныхъ признаковъ

этого нераздѣльнаго. Такимъ образомъ будетъ болѣе точнымъ опредѣленіе: Симферополь есть губернскій городъ Таврической губерніи, въ Россійскомъ Государствѣ, подъ такими то градусами долготы и широты.

Чтобъ опредѣлить видъ пріискивается родъ его и то различіе, которымъ онъ отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ одного съ нимъ рода. Напримѣръ: Губернскій городъ есть тотъ городъ въ каждой губерніи Россійскаго Государства, въ которомъ сосредоточено главное управленіе губерніи.

Описаніе подходитъ къ опредѣленію, какъ исчисляющее многіе признаки предмета; но отъ него не требуется доставленія того рѣшительнаго отличія предмету отъ всѣхъ прочихъ предметовъ, какъ требуется отъ опредѣленія. Описаніе чѣмъ болѣе исчислитъ признаковъ предмета, тѣмъ бываетъ полнѣе; чѣмъ признаки эти существеннѣе, тѣмъ оно опредѣленнѣе.

Сказанное о понятіяхъ, доставляемыхъ предметами вещественнаго міра, относится и къ понятіямъ, получаемымъ изъ умственной области и изъ духовнаго міра. Перваго рода понятія, какъ пріобрѣтаемыя при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ, называются чувственными; понятія втораго рода—отвлеченными. Отвлеченныя понятія суть впечатлѣнія, производимыя на насъ нашимъ разумомъ и нашими ощущеніями. Таковы понятія о добрѣ, о злѣ, о вѣрѣ, о учености и проч.

Отвлеченныя понятія могутъ быть также ясными, подробными и полными. Отвлеченные предметы также могутъ быть подраздѣляемы на цѣлое и части, могутъ имѣть характеръ нераздѣльнаго, вида и рода. Напримѣръ: Добродѣтель—это родъ; смиреніе, любовь, терпѣніе—это виды; смиренномудріе по отношенію къ смиренію есть часть и нераздѣльное; смиреніе въ отношеніи къ смиренномудрію есть цѣлое и видъ. Смиренномудріе можно опредѣлить такъ: Смиренномудріе есть смиреніе ума.

Понятіе, выраженное голосомъ или письменно, называется словомъ или реченіемъ, и на оборотъ: всякое слово есть выраженіе какого либо понятія, за исключеніемъ глагола, который есть выраженіе мысли, и который по этой причинѣ преимущественно предъ прочими словами называется словомъ (verbum), глаголомъ. Но въ неокончательномъ наклоненіи онъ выражаетъ также понятіе. Примѣры понятій выраженныхъ словами: Человѣкъ, пріятный, онъ, который, любить, очень потому-что, гдѣ, ахъ!

Выраженіе одной мысли словомъ или словами называется логическимъ предложеніемъ. Наприм. Люблю есть логическое предложеніе, какъ вполнѣ выражающее одну мысль; напротивъ

того: Образованный, умный, пріятный, ловкій человѣкъ есть только понятіе.

Выраженіе вообще мыслей словами называется рѣчью.

Наука правильно употреблять слова называется Грамматикою.

Искусство воспроизводить правильно и изящно рѣчь называется Риторикою.

Изученіе грамматики предполагается по учебнику Г. Востокова: почему здѣсь отъ понятій о способности человѣческой, называемой словесностію, мы переходимъ къ искусству правильно и пріятно воспроизводить рѣчь—къ Риторикѣ.

УРОКЪ II.

О превращеніи предложеній въ періоды.

Рѣчь, въ начальномъ ея видѣ, есть предложеніе. Или:

Предложеніе есть выраженіе одного какого-либо познанія, одной какой либо мысли, относящихся къ ясному понятію.

Примѣры выставлены выше.

Предложеніе состоитъ изъ двухъ частей: подлежащаго и сказуемаго. Подлежащее есть то, о чемъ говорится. Сказуемое есть то, что говорится о подлежащемъ [1]).

По такому свойству своему предложеніе должно выражаться только самыми необходимыми словами, чтобъ ими изобразилась простая мысль, въ первоначальномъ ея появленіи. Воспроизведенное такимъ образомъ предложеніе, будетъ воспроизведено самымъ правильнымъ образомъ. Изложеніе, по причинѣ правильности, должно быть и пріятнымъ: потому что во всѣхъ видахъ рѣчи существенное достоинство и изящество доставляются ей правильностію.

Не всегда предложеніе можетъ быть изображено однѣми необходимыми словами для одного яснаго понятія: часто мысль требуетъ многихъ словъ для удовлетворительнаго объясненія своего, для изложенія подробнаго и полнаго понятія, какъ о подлежащемъ, такъ и о сказуемомъ. Предложеніе, выраженное многими словами называется періодомъ. По такому отношенію предложенія къ періоду, изъ всякаго предложенія можно составить періодъ, и изъ всякаго

---

[1]) Подробное ученіе о предложеніи, о подлежащемъ, сказуемомъ и связи смотри въ Грамматикѣ Востокова о Словосочиненіи.

періода извлечь предложеніе, заключающее въ себѣ главную, основную мысль.

Періодъ есть то-же предложеніе, изображенное большимъ количествомъ словъ для полноты понятія.

Цѣль, съ которою прибѣгаемъ къ большему количеству словъ, заключается въ томъ, чтобъ о мысли, о которой въ предложеніи дано лишь ясное понятіе, дать понятіе, по возможности, точное, полное, Сообразно этой цѣли, укажемъ на способы, посредствомъ которыхъ предложеніе превращается въ періодъ. Совершается это посредствомъ присовокупленія къ словамъ предложенія.

1) Словъ опредѣлительныхъ и дополнительныхъ [1]),

Примѣръ. Человѣкъ созданъ Богомъ: это—предложеніе. Первый человѣкъ, Адамъ, чудно созданъ изъ ничего всемогущимъ и всеблагимъ Богомъ. Здѣсь подчеркнуты опредѣленія и дополненія.

2) Словъ и выраженій подобозначащихъ, но никакъ не тождезначащихъ,

Примѣръ. Превосходнѣйшее изъ всѣхъ земныхъ созданій, человѣкъ, чудно сотворенъ изъ ничего всемогущимъ и всеблагимъ Богомъ, Творцемъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей.

3) Придаточныхъ предложеній,

Примѣръ. Превосходнѣйшее изъ всѣхъ земныхъ созданій, человѣкъ, чудно сотворенъ изъ ничего всемогущимъ и всеблагимъ Богомъ, который заключилъ все дѣло творенія сотвореніемъ человѣка,

или: Превосходнѣйшее изъ всѣхъ земныхъ созданій, человѣкъ, чудно сотворенъ всемогущимъ и всеблагимъ Богомъ, Который, какъ-бы возлагая священную печать на дѣло творенія, сотворилъ послѣ всѣхъ тварей человѣка.

Въ первомъ примѣрѣ одно придаточное предложеніе; во второмъ два придаточныя предложенія.

4) Словъ и выраженій означающихъ противное,

Примѣръ. Превосходнѣйшее изъ всѣхъ земныхъ созданій, человѣкъ, въ противоположность грубымъ массамъ безчувственнаго вещества, явившимся въ началѣ дѣлъ Творца, сотворенъ послѣ всѣхъ тварей всемогущимъ и всеблагимъ Богомъ, Который, какъ-бы возлагая священную печать на дѣло творенія, сотворилъ наконецъ человѣка.

---

[1]) Смотри о нихъ въ грамматикѣ Востокова, о словосочиненіи.

5) Когда исчисляемъ, служащее къ объясненію мысли въ предложеніи по вопросамъ: кто? что? гдѣ? при какой помощи? для чего? какъ? когда? Эти вопросы изображаются стихомъ на латинскомъ языкѣ: quis? quid? ubi? quibus avxilüs? cur? quomodo? quando?

Примѣръ. Кто? Человѣкъ,
Что? } это превосходнѣйшее изъ всѣхъ земныхъ созданій,
и гдѣ? } чудно сотворенъ Богомъ;
При какой помощи? единственно по волѣ и благости Творца
для чего? для наслажденія вѣчнымъ блаженствомъ,
какъ? въ печать всему дѣлу созданія,
когда? послѣ всѣхъ тварей.

При превращеніи предложенія въ періодъ, сообразно цѣли этого превращенія, должно стремиться единственно къ тому, чтобъ мысль была выражена какъ можно полнѣе и точнѣе. Для этого нетолько должно заботиться о томъ, чтобъ пріисканы были всѣ выраженія и слова, доставляющія мысли опредѣленность, но и о томъ, чтобъ не были вставлены въ рѣчь слова и выраженія излишнія, затемняющія рѣчь и отнимающія у рѣчи ясность и опредѣленность. Русской рѣчи нейдутъ длинные періоды. Русскій человѣкъ говоритъ отрывисто, замѣтилъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ. И потому, если имѣется много понятій и мыслей, которыя всѣ очень нужны для объясненія главной мысли, и не могутъ быть упущены: то рѣчь должно раздѣлить на два періода.

Примѣръ. Превосходнѣйшее изъ всѣхъ видимыхъ созданій, человѣкъ, сотворенъ послѣ всѣхъ тварей всемогущимъ и всеблагимъ Богомъ. Богъ, какъ бы возлагая священную печать на великое дѣло творенія, сотворилъ человѣка.

При превращеніи предложеній въ періоды должно смотрѣть на средства къ превращенію единственно какъ на средства, какъ на пособія. Указаніе на нихъ никакъ не возлагаетъ на писателя обязанности, чтобъ онъ при составленіи каждаго періода употреблялъ въ дѣло всѣ средства. Но справиться съ ними—никакъ не лишнее: это воспрепятствуетъ сдѣлать важныя упущенія. Повторяемъ: писателю должно крайне остерегаться отъ излишества и пустословія. Излишество по большей части вреднѣе самаго недостаточества, особливо когда послѣднее маловажно.

Всякая рѣчь состоитъ изъ предложеній и періодовъ: и потому правильное и изящное составленіе предложеній и періодовъ служитъ основаніемъ правильности и изящности во всякой рѣчи большаго объема. Всякая рѣчь пишется періодами и предложеніями. Когда въ рѣчи находится нѣсколько предложеній сряду, тогда такой отрывокъ рѣчи называется рѣчью прерывистою.

Примѣръ. Солнце сокрылось за густыми облаками; въ самый полдень сдѣлалось сумрачно; черныя, грозныя тучи обложили небосклонъ; заревѣлъ сильный вѣтеръ: приготовлялась страшная буря; въ это время одинокій путникъ шелъ по обширной, какъ море, степи.

Переходы отъ періодовъ къ прерывистой рѣчи, также умѣстное помѣщеніе въ ряду періодовъ краткой мысли, наиболѣе общей, доставляетъ рѣчи разнообразіе, живость и занимательность.

Примѣръ. Владиміръ Великій совокупилъ въ короткое время всѣ отдѣльныя области обширной Россіи подъ благотворный скипетръ единовластія. Но мы не оцѣниваемъ, какъ должно, того, что достается намъ легко. Владиміръ, составившій величественное цѣлое, составившій громадное, сильное Государство изъ отдѣльныхъ областей, часто враждебныхъ между собою, уничтожавшихъ одна другую, самъ же и разрушилъ свое дѣло: онъ разрушилъ образованное имъ Государство, раздѣливъ Россію, какъ дѣлятъ вотчину, на княжества по числу двѣнадцати сыновей своихъ. Послѣдствіемъ этого поступка были продолжительныя бѣдствія: междоусобія, покореніе сильной Россіи, обезсиленной раздѣленіемъ, ордою Татаръ, распаденіе Россіи на двѣ части, восточную и западную. Единовластіе пришло спасти погибавшее отечество; но оно не могло не дѣйствовать медленно, возсоздая разрушенное, возсоединяя раздѣленное и раздробленное. Безсознательно нанесенная рана еще не исцѣлена совершенно! Въ обладаніе нѣкоторыми странами, которыя уже были подчинены Владиміру, какъ напримѣръ западнымъ Кавказомъ, Россія вступила весьма недавно, а Галиція, подвластная Владиміру, Галиція— природная Русь, доселѣ еще страждетъ подъ игомъ чуждымъ.

Подчеркнуты краткія мысли, вставленныя между періодами.

УРОКЪ III.

О періодахъ.

На основаніи вышесказаннаго и для дальнѣйшаго развитія понятій, даемъ періоду, сверхъ даннаго ему опредѣленія, еще слѣдующее опредѣленіе:

Періодъ есть рѣчь, выражающая полный и совершенный смыслъ, т. е. рѣчь, выражающая одну какую либо мысль подробно и опредѣленно, сообразно требованію нужды.

Очевидно, что это опредѣленіе тождественно съ опредѣленіемъ даннымъ выше: Періодъ есть тоже предложеніе, но выраженное многими словами для доставленія мысли удовлетворительной полноты и опредѣленности.

Періодъ, въ которомъ выражена одна какая либо главная мысль, называется простымъ. Послѣ него, какъ послѣ такой рѣчи, которая имѣетъ свой отдѣльный смыслъ, ставится точка (.). Ставится точка и послѣ предложенія, имѣющаго это свойство.

Нерѣдко случается, что главная мысль, изъ которой составленъ простый періодъ, находится въ нѣкоторомъ отношеніи, въ нѣкоторой зависимости отъ другой мысли, которую также должно изложить отдѣльно, давъ ей полный смыслъ, но вмѣстѣ и соединить съ главною мыслію: тогда составляютъ періодъ сложный. Это значитъ: составляютъ для главной мысли простый періодъ, также и для мысли, сопряженной съ главною какимъ либо отношеніемъ, другой простый періодъ; эти два простые періода уже не называются періодами, а членами, и ставятъ между ими не точку (.), а двоеточіе (:). Тогда вся рѣчь, т. е. оба члена вмѣстѣ, называется періодомъ, и точка (.) ставится въ концѣ такого періода.

Примѣръ. Скорби должно переносить благодушно, возложивши себя на Бога: Богъ воспитываетъ скорбями и приготовляетъ къ блаженной вѣчности каждаго человѣка, посвятившаго себя въ служеніе Богу.

Членъ сложнаго періода, въ которомъ изложена главная мысль называется пониженіемъ: потому что при произнесеніи ея обыкновенно понижается голосъ. Мысль приставная называется повышеніемъ: потому что при произнесеніи ея повышается голосъ.

Отношеніе прибавочной или приставной мысли къ мысли главной бываетъ различное. На основаніи этого различія сложный періодъ имѣетъ различныя наименованія.

1) Когда прибавочная мысль заключаетъ въ себѣ причину | по славянски вину | главной: тогда періодъ называется винословнымъ.

Примѣръ. Истинный христіанинъ переноситъ скорби благодушно; | потому что | онъ находитъ утѣшеніе въ вѣрѣ.

2) Когда мысль, содержащая въ себѣ причину, излагается прежде главной, а главная поставляется послѣ ея, въ видѣ истекающаго изъ нея послѣдствія: тогда періодъ называется заключительнымъ.

Примѣръ. Вѣра научаетъ насъ, что все, случающееся съ нами, случается не безъ промысла Божія: | и потому | истинный христіанинъ переноситъ всѣ скорби земной жизни благодушно.

3) Иногда прибавочная мысль соединена съ главною отношеніемъ условія: тогда періодъ называется условнымъ.

Примѣръ. | Если | все, случающееся съ нами, случается по волѣ Божіей: | то | самыя скорби и напасти должно переносить благодушно въ упованіи на Бога и въ преданности Его святой волѣ.

4) Иногда прибавочная мысль находится въ отношеніи противоположности къ главной и содержитъ въ себѣ нѣкоторое ограниченіе ея: тогда періодъ называется противительнымъ.

Примѣръ. | Хотя | скорби тягостны для сердца человѣческаго: | но | ихъ должно переносить великодушно, какъ попущенія Божія.

5) Иногда прибавочная мысль изображаетъ нѣчто подобное главной: тогда періодъ называется сравнительнымъ.

Примѣръ. | Какъ | древо, пустившее глубоко въ землю корни, удобно переноситъ вихри и бури: такъ и сердце, утвержденное вѣрою, мужественно и благодушно выдерживаетъ всѣ скорби и напасти земной жизни.

6) Иногда къ прибавочной мысли прилагается какое либо предшествующее обстоятельство тому обстоятельству, которое изложено въ главной мысли: тогда періодъ называется послѣдовательнымъ.

Примѣръ. Когда размыслимъ, что все, совершающееся съ нами, совершается по волѣ всеблагого и премудраго Бога: тогда успокаивается наше сердце, возмущенное бурею скорбей.

7) Когда прибавочная мысль въ отношеніи къ главной выражаетъ нѣкоторую соразмѣрность и сообразность: тогда періодъ называется относительнымъ.

Примѣръ. Кто постоянно покаряетъ свое сердце волѣ Божіей: тотъ великодушно переноситъ самыя тягостныя скорби.

Или: Насколько сердце наше предано волѣ Божіей: настолько оно способно къ терпѣнію скорбей и напастей.

Или: Чѣмъ болѣе мы преуспѣваемъ въ живой вѣрѣ, научаясь изъ опытовъ жизни, что надъ нами неусыпно бдитъ и располагаетъ нашею участію промыслъ Божій: тѣмъ удобнѣе переносимъ съ благодушіемъ всѣ превратности и скорби земной жизни.

Въ слѣдующихъ періодахъ не ставится двоеточіе между пониженіемъ и повышеніемъ. Таковы суть періоды:

8) Соединительный. Такъ называется періодъ, когда главная мысль находится въ нѣкоторой зависимости отъ прибавочной, какъ-бы вытекаетъ изъ нея, но вмѣстѣ имѣетъ отдѣльное значеніе и отдѣль-

ный смыслъ. Въ соединительномъ періодѣ послѣ прибавочной мысли ставится знакъ мыслеотдѣлительный (,—).

Примѣръ. Вѣра въ Бога научаетъ насъ, что все, случающееся съ нами, случается по промыслу или попущенію Божію, —и мужественно переноситъ вѣрующій всякую напасть, всякое искушеніе.

9) Раздѣлительный,—когда придаточная мысль противна главной, и предоставляется самому читателю избраніе и предпочтеніе одной изъ двухъ противоположныхъ мыслей. Члены раздѣлительнаго періода отдѣляются запятою.

Примѣръ. Или необходимо отвергнуть промыслъ Божій и Его управленіе участію каждаго человѣка, или мы обязаны переносить великодушно всѣ превратности земной жизни.

10) Противоположительный, когда содержаніе прибавочной мысли противоположно главной. Въ противоположномъ періодѣ члены отдѣляются одинъ отъ другаго союзами *а*, но, напротивъ того, и запятою, или запятою съ тире. Тире ставится вмѣсто союза.

Примѣръ. Вѣрующій въ Бога переноситъ великодушно всѣ, самыя тягчайшія скорби, *а* невѣрующій впадаетъ въ уныніе и разслабленіе отъ ничтожнѣйшей непріятности.

Или: Вѣрующій въ Бога переноситъ великодушно всѣ, самыя тягчайшія скорби,—невѣрующій впадаетъ въ уныніе и разслабленіе отъ ничтожнѣйшей непріятности.

11) Изъяснительный, когда прибавочная мысль содержитъ въ себѣ нѣкоторое изъясненіе главной. Члены въ этомъ періодѣ отдѣляются другъ отъ друга запятою.

Примѣръ. Вѣра въ Бога и преданность Его святой волѣ такъ укрѣпляетъ слабое сердце человѣка, что оно содѣлывается способнымъ къ великодушному перенесенію величайшихъ бѣдствій.

12) Соединительный, когда придаточная мысль подобна главной, и придается къ ней для усиленія ея. Члены отдѣляются запятою.

Примѣръ. Вѣрующій въ Бога и возложившій все упованіе на Него нетолько переноситъ съ твердостію духа превратности земной жизни, но и встрѣчаетъ съ радостію всякое искушеніе, всякую скорбь, попускаемыя промысломъ Божіимъ въ назиданіе человѣка.

13.) Постепенный, когда придаточная мысль содержитъ предшествующее обстоятельство тому, которое выражено въ главной. Въ этомъ періодѣ члены отдѣляются точкою съ запятою (;).

Примѣръ. Сперва скорби переносятся очень трудно сердцемъ, необученнымъ смиренію и терпѣнію; потомъ самыя скорби научаютъ способу переносить ихъ, поражая смертоносными ударами гордость, живущую въ сердцѣ, и препятствующую великодушному терпѣнію скорбей.

Сложные періоды, состоящіе изъ двухъ членовъ называются двучленными.

Обыкновенно для болѣе яснаго раздѣленія членовъ въ періодѣ употребляются приличные союзы [1]). Въ иныхъ періодахъ, какъ-то, въ соединительномъ, раздѣлительномъ, изъяснительномъ, союзы необходимы; но, по свойству русскаго языка, лучше избѣгать ихъ по возможности, довольствуясь знакомъ препинанія. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ указана возможность избѣгать союзовъ: для этого тѣ союзы, безъ которыхъ можно обойтись, поставлены въ скобкахъ.

Иногда встрѣчается нужда двѣ мысли сложнаго періода пополнить третіею, давъ ей свой полный смыслъ, давъ ей форму члена: тогда періодъ называется трехчленнымъ, и третій членъ приставляется къ одному изъ двухъ первыхъ, судя по надобности, отдѣляясь отъ него точкою съ запятою (;).

Примѣръ. Истинный христіанинъ переноситъ скорби благодушно: потому что онъ находитъ утѣшеніе въ вѣрѣ; безъ вѣры мы падаемъ подъ ударами скорбей.

Иногда встрѣчается нужда въ изложеніи нѣсколько прибавочныхъ мыслей одного свойства: тогда дается каждой мысли форма члена, и эти члены отдѣляются одинъ отъ другого точкою съ запятою, а отъ главной мысли двоеточіемъ.

Примѣръ. Древо, пустившее глубоко въ землю корни, удобно переноситъ бури; черныя облака не имѣютъ никакого вліянія на недосягаемое для нихъ солнце; на воду, покоющуюся въ морскихъ пропастяхъ, не дѣйствуютъ самые сильные вѣтры: такъ и сердце, исполненное вѣры, не страшится скорбей земныхъ.

Такимъ образомъ сложные періоды могутъ быть двучленными, трехчленными, четырехчленными, пятичленными. Повторимъ здѣсь вышесказанное: Русскій языкъ не любитъ длинныхъ періодовъ. Когда постепенный періодъ имѣетъ много членовъ, къ чему онъ способенъ, и послѣдній членъ, содержащій главную мысль, имѣетъ характеръ слѣдствія, истекающаго изъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ пред-

[1]) О союзахъ смотри Грамматика Востокова, о словосочиненіи.

шествовавшихъ членахъ: то послѣдній членъ можетъ отдѣляться отъ прочихъ двоеточіемъ.

Примѣръ. Сперва скорби переносятся очень трудно сердцемъ, необученнымъ терпѣнію и смиренію; потомъ, мало по малу, самыя скорби научаютъ таинственному способу переносить ихъ, поражая смертоносными ударами гордость, живущую въ сердцѣ, препятствующую великодушному терпѣнію скорбей: наконецъ изливается изъ скорбей непостижимое утѣшеніе въ душу истиннаго служителя Христова, и самыя скорби служатъ для него источникомъ духовной радости [1]).

---

[1]) Напечатанныя въ первомъ отдѣленіи настоящихъ „Приложеній“ статьи Епископа Игнатія по вопросамъ церковно-общественнымъ заимствованы нами изъ Семейнаго архива племянника Преосвященнаго Игнатія, Сенатора Николая Семеновича Брянчанинова и изъ архива Кавказской духовной Консисторіи.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Письма Епископа Игнатія Брянчанинова къ разнымъ лицамъ [1]).

1824 годъ.

Письма къ родной сестрѣ.

№ 1. О земной жизни и смиреніи.

Искренне говорю тебѣ—ты счастлива, потому что идешь путемъ спасенія, потому что ты познала, что человѣкъ долженъ искать свое счастіе не во временномъ и земномъ, но въ Божественномъ и вѣчномъ. Что человѣкъ на землѣ?—Путникъ.—Что такое смерть?—Эпоха, съ которой начинается наша дѣйствительная жизнь.—Продолжительно странствуя въ этой тьмѣ ночной, посреди слабостей и искушеній,

---

[1]) Изъ обширной переписки Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова до настоящаго времени напечатаны:

1) **23 письма его къ Стефану Дмитріевичу Нечаеву**, бывшему Оберъ-Прокурору Свят. Синода. Эти письма подъ заглавіемъ: „Письма аскета“, вмѣстѣ съ краткими, но цѣнными по своей достовѣрности біографическими свѣдѣніями, были помѣщены въ 1895 году С. Г. Рункевичемъ на страницахъ журнала „Христіанское чтеніе“ (см. „Христіанское чтеніе“ за 1895 г., стр. 553—595).

2) **25 писемъ Преосвященнаго Игнатія къ о. Антонію Бочкову, игумену Череменецкому.** Эти письма вмѣстѣ съ пятью отвѣтными письмами къ нему о. Антонія Бочкова и съ краткимъ предисловіемъ, изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ 1875 году подъ заглавіемъ: „Письма Игнатія Брянчанинова, Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, къ Антонію Бочкову, Епископу Череменецкому. Изданіе это распродано и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

3) **92 письма Епископа Игнатія къ различнымъ лицамъ** (къ инокамъ, къ инокинямъ, къ настоятелямъ и послушникамъ монастырей, къ мірянамъ, просившимъ у него наставленія). Письма эти напечатаны въ журналѣ „Богословскій вѣстникъ“ за 1913 годъ, мѣс.—Іюнь—Декабрь.

4) **Письма Преосвященнаго Игнатія къ роднымъ:** одно письмо къ отцу его Александру Семеновичу Брянчанинову и десять писемъ къ сестрѣ Маріи Алексан-

руководимые свѣтомъ истинной вѣры мы достигаемъ, наконецъ, до той грани, которою отдѣляется свѣтъ отъ тьмы.—Счастливъ человѣкъ, бывшій истиннымъ христіаниномъ.

Димитрій.

№ 2. О молитвѣ.

Ты, упомянувъ о моихъ молитвахъ, меня громомъ поразила. Разумѣется, молиться другъ за друга мы должны не только, какъ христіане, но и какъ единокровные... мою грѣшную молитву нельзя еще назвать и молитвой; ибо, что такое молитва?—Молитва есть разговоръ человѣка съ Богомъ; признаюсь тебѣ съ горестною откровенностію, что почти всегда языкъ мой только произноситъ кое-какъ молебныя слова безъ всякаго участія ума и сердца. И такъ молюсь-ли я? Нѣтъ, болѣе грѣшу, чѣмъ молюсь; однако, надѣюсь на Всемилостиваго Господа, что поможетъ мнѣ нѣкогда вкусить и силу молитвы.

Димитрій.

1830 года.

№ 3. О терпѣніи, о промыслѣ Божіемъ и другихъ предметахъ.

Дѣло твое совершенно не удалось—слава Богу! Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Никто у Бога не забытъ и надъ каждымъ бдитъ недремлю-

---

дровнѣ. Письма эти помѣщены въ журналѣ: „Богословскій вѣстникъ“ за 1914 годъ (Январь—Февраль).

5) **59 писемъ Епископа Игнатія къ Бѣлобережскому Игумену о. Варѳоломею.** Письма эти напечатаны въ журналѣ: „Богословскій вѣстникъ“ за 1914 годъ (см. Февраль—Апрѣль).

6) **65 писемъ Преосвященнаго Игнатія къ неизвѣстнымъ лицамъ** (безъ обращеній). Помѣщены они при IV томѣ его сочиненій („Аскетическая проповѣдь и письма къ мірянамъ“), а также при жизнеописаніи его, составленномъ его ближайшими учениками и почитателями.

7) **Письмо Преосвященнаго Игнатія къ К. П. Брюллову** (напечатано въ „Русской старинѣ“ 1900 года).

Содержаніе всѣхъ этихъ, изданныхъ уже, писемъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова частію автобіографическаго, частію духовно—назидательнаго характера. Въ нашемъ жизнеописаніи Епископа Игнатія и характеристикѣ его личности мы неоднократно ссылаемся на нихъ. Издаваемыя нами письма Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова заимствованы нами или изъ собственноручныхъ тетрадей брата его—Петра Александровича Брянчанинова, бывшаго Ставропольскаго Губернатора, или представляютъ собою перепечатку подлинныхъ писемъ Владыки Игнатія; послѣднія, въ нашемъ изданіи оттѣняются наличностію въ нихъ обращенія къ адресату и подписи писавшаго. Тѣ и другія письма Владыки Игнатія получены нами отъ родного племянника его Сенатора Н. С. Брянчанинова, который письмомъ отъ 3-го сентября 1914 года, участливо и съ сочувствіемъ нашей задачи, разрѣшилъ издать часть писемъ Епископа Игнатія въ видѣ приложенія къ жизнеописанію Владыки. Издаваемыя нами впервые письма Владыки Игнатія имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, также

щее око Божіе и строитъ все къ его пользѣ. Итакъ, положись на Бога и оставь излишнее жалѣніе, которое тебѣ приноситъ врагъ, чтобъ смутить тебя.

Знаю, что трудно и очень трудно тебѣ бываетъ. Но что дѣлать? Нѣтъ другаго средства, кромѣ терпѣнія и благодаренія Богу, на насъ пристально Смотрящему. Зачѣмъ-же ты сердишься при твоихъ занятіяхъ? „Помысли“, говоритъ Великій Варсонофій, „что всѣ земныя занятія пройдутъ, а терпѣніе, которое окажешь при этихъ занятіяхъ—то, останется съ тобою, пойдетъ за гробъ и оправдаетъ или осудитъ тебя передъ Богомъ. Смотри не погубляй этого хлѣба насущнаго (т. е. терпѣнія), который тебѣ понадобится на дорогу отъ земли на небо“. Точно понадобится! Пишешь, что нынѣ лишена совершенно внутренней радости.—Иногда благодать Божія утѣшаетъ человѣка, а иногда скрывается, а все это дѣлаетъ по премудрѣйшему своему усмотрѣнію, а потому всѣ таковые случаи и перемѣны должно пененосить съ терпѣніемъ и почитать себя недостойною радости или утѣшенія духовнаго. Въ свое время опять ощутишь отраду.

Также не должно человѣку отчаяваться, какъ-бы велики грѣхи его ни были: ибо **человѣкъ спасается** не своими добрыми дѣлами, **единою вѣрою во Христа Спасителя;** а только дѣлами должно доказывать свою вѣру. Подумай, что **„и оный великій Петръ плакася горько“.**

духовный, общеназидательный характеръ, потому что—и въ родственной и въ дружеской перепискѣ Владыка Игнатій очень мало удѣлялъ мѣста обычнымъ житейскимъ мелочамъ и повседневнымъ интересамъ, все свое вниманіе и своихъ друзей и родныхъ сосредоточивая на „единомъ на потребу“—спасеніи человѣка. Мало говорилъ въ своихъ письмахъ Владыка Игнатій о внѣшнемъ мірѣ, больше—о внутреннемъ мірѣ человѣческой души: „съ дѣтства тѣлесныя чувства мои не были воспріимчивы, слабо дѣйствовалъ на меня посредствомъ ихъ вещественный міръ. Я былъ нелюбопытенъ, ко всему холоденъ. Но на человѣка никогда не могъ смотрѣть равнодушно. Я сотворенъ, чтобы любить души человѣческія, чтобъ любоваться душами человѣческими“. (Письма Преосвященнаго Игнатія, приложенныя къ его жизнеописанію, составленному учениками и почитателями; письмо 5-е, стр. 6). Въ письмахъ Епископа Игнатія и открывается его любящая, братолюбивая душа и вниманіе читателя невольно сосредоточивается на красотѣ и высшихъ задачахъ человѣческой души, а вопросы спасенія и попеченія о душевномъ благѣ невольно выдвигаются въ сознаніи читателя на первый планъ, какъ вопросы первостепенной и безмѣрной цѣнности. Очень многіе изъ печатаемыхъ писемъ, пройдя предварительную редакцію И. А. Брянчанинова, получили благословеніе самого Автора—Преосвященнаго Игнатія, что мы утверждаемъ на основаніи сдѣланныхъ рукою Петра Александровича на нѣкоторыхъ письмахъ карандашныхъ отмѣткахъ: „дано Владыкой“ или „дано Владыкой для внесенія“ и т. п. Поэтому, печатая эти письма, мы полагаемъ въ этомъ исполненіе намѣреній П. А. Брянчанинова и поступаемъ согласно съ волею Владыки Игнатія, преслѣдуя въ этомъ случаѣ, въ особенности, цѣли общаго назиданія, усвоенія міру святителя Игнатія и наибольшую освидомленность вѣрующаго и живущаго духовными интересами міра о томъ, что касается личности подвижника—Святителя.

Средства перемѣнить мѣсто-жительства теперь не предвидится (развѣ что сострoитъ Господь непредвидимо) и потому должно укрѣпиться всевозможнымъ терпѣніемъ и благою надеждою. Зачѣмъ ты отчаяваешься? Или считаешь Бога немилостивымъ? Какъ можно! Онъ то и есть самое добро. Надѣйся на Него и крѣпись. Не забывай молитвы: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя“. Молитва эта можетъ совершаться при всѣхъ занятіяхъ, сверхъ того отгоняетъ скверные помыслы и разливаетъ въ насъ веселіе. Прости!

26 апрѣля 1838 г.

№ 4. О вдовствѣ.

Богу угодно было освободить тебя отъ супружества. Свобода твоя должна быть для тебя средствомъ работать Господу. Ему жертвуй этой свободой и не оковывай ее узами плотскими. Есть у тебя дитя, которому, давъ бытіе существенное, должна ты дать и жизнь духовную, т. е. научить вѣровать во Христа и исполнять Его святыя заповѣди, въ коихъ заключается любовь. Хранящій заповѣди Христовы любитъ Христа, нехранящій заповѣдей чуждъ любви.

Господь да благословитъ и матерь и чадо. Архим. И.

10-е мая 1838 г.

№ 5. О хульныхъ помыслахъ и о скорбяхъ.

Приношу тебѣ искреннѣйшую благодарность за то, что ты вспомнила меня грѣшнаго и больнаго въ дни величайшаго христіанскаго праздника! Да благословитъ тебя Богъ за это доброе воспоминаніе! Да утѣшитъ тебя въ скорбяхъ твоихъ! Да даруетъ тебѣ силы переносить ихъ съ великодушіемъ и терпѣніемъ! Ибо и утѣшеніе и силу терпѣнія проливаетъ въ насъ единая милость Божія, единая благодать Божія!

О приходящихъ помыслахъ невѣрія и хулы не смущайся. Эта явная бѣсовская брань, которая случалась со многими святыми, и продолжалась весьма долго. Такою бранью томимъ былъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ Святый Нифонтъ. Посмотри житіе его въ Четьихъ Минеяхъ, 23 декабря. Въ такихъ браняхъ никакъ не надо смущаться, не надо приходить въ отчаяніе, но повергаться предъ всевидящимъ и всемогущимъ Богомъ и, предавая въ Его волю душу свою, просить у Него милости. Отъ смущенія и отчаянія укрѣпляется на насъ брань вражеская, а если будемъ смотрѣть на эту брань съ великодушіемъ, говоря себѣ; „Что-жъ? Господь видитъ эту брань и попускаетъ ее—значитъ такова Его святая воля и мнѣ это на душевную пользу“; тогда брань ослабѣваетъ и умаляется.

Потерпи и узришь милость Божію! За всю жизнь твою, съ самаго младенчества твоего, были попущены тебѣ скорби. Это признакъ, какъ утверждаютъ Святые Отцы, особеннаго Промысла Божія. Богъ хощетъ содѣлать тебя участницей вѣчнаго блаженства и подаетъ тебѣ чашу спасительную скорбей. Успокойся и молись. Благословіе Божіе да почіетъ надъ тобой и надъ чадомъ твоимъ. А. И.

№ 6. О скорбяхъ.

Богъ да подкрѣпить тебя въ скорбяхъ твоихъ! Прими и мое грѣшное и недостаточное слово утѣшенія, которое присылаю тебѣ въ этихъ строкахъ, чтобъ утѣшить тебя Богомъ, какъ и Пророкъ Давидъ сказалъ: **„Отвержеся утѣшитися душа моя; помянухъ Бога и возвеселихся“**. Во-первыхъ каждый христіанинъ долженъ вѣровать, что онъ находится подъ непрестаннымъ Промысломъ Божіимъ. Этому научаетъ насъ Евангеліе. Самъ Спаситель говоритъ: **„И власы главъ вашихъ изочтены суть“**. Поэтому христіанинъ, когда будутъ ему попущены скорби, долженъ несомнѣнно вѣровать, что эти скорби попущены ему Самимъ всеблагимъ и премудрымъ Богомъ, Который предвозвѣстилъ Своимъ возлюбленнымъ: **„Въ мірѣ скорбни будете“**. Итакъ, не должно считать страннымъ, видя себя въ скорбяхъ, не должно предаваться унынію; напротивъ того должно благодарить Бога за скорби, какъ за знакъ избранія къ блаженной вѣчности. Отъ благодаренія не только притупляется лютое жало скорби, но и вселяется въ сердце благодарящаго небесное, духовное утѣшеніе. Благодарить можно словами праведнаго Іова.

Во-вторыхъ—всѣ мы грѣшники предъ Богомъ. Грѣшникъ не долженъ считать страннымъ, когда ему посылается наказаніе. Нѣтъ! Онъ долженъ открыться предъ Богомъ, признавать себя достойнымъ посланной на него скорби и радоваться, что въ земной жизни пріемлетъ наказаніе за согрѣшенія въ вѣдѣніи и невѣдѣніи и тѣмъ избавляется отъ вѣчныхъ мукъ. При такомъ размышленіи полезно произносить со святымъ разбойникомъ: **„достойное по дѣломъ моимъ воспріемлю, помяни, Господи, во Царствіи Твоемъ“**.

Христосъ совершилъ земное теченіе Свое въ непрестанныхъ страданіяхъ. Едва Онъ родился, какъ уже люди устремились на убіеніе Его. Учениковъ Своихъ Онъ приглашаетъ къ страданіямъ, а тому, кто не хочетъ страдать, говоритъ: „Иже не возьметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ“. Разсмотри житія всѣхъ Апостоловъ: всѣ они проводили жизнь и окончили въ страданіяхъ. Разсмотри житія мучениковъ: они кровію и безчисленными муками купили себѣ небо. Разсмотри житія преподобныхъ: не была-ли вся жизнь ихъ продолжительнымъ, невидимымъ мученичествомъ? **„Въ**

пустынехъ скитающеся, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, лишени, скорбящи, озлоблени", по словамъ Апостола, **„многими кровьми и смертьми"**, по выраженію Требника, наслѣдовали они блаженную вѣчность. **„Никто-же взыде на небо съ ослабою"**, говоритъ святой, великій Исаакъ Сирскій, **„напротивъ того о семъ познавается человѣкъ, находящійся подъ особеннымъ Промысломъ Божіимъ, когда ему пошлются непрестанныя скорби"**. Итакъ, благодари, смиряйся, вѣруй, предавайся волѣ Божіей, молись за тѣхъ, въ коихъ сердце не мирно. Въ сихъ только возможешь найти утѣшеніе и исцѣленіе.

А. И.

16 октября 1846 года.

№ 7. О безмѣрной скорби о грѣхахъ и другихъ предметахъ

Письмо твое отъ 2-го октября я получилъ. Милосердый Господь да не оставитъ тебя! Онъ попущаетъ намъ скорбь для очищенія нашего отъ грѣховъ; Онъ посылаетъ намъ и утѣшеніе, чтобъ мы не до конца изнемогли подъ бременемъ скорби.

Безмѣрная скорбь о грѣхахъ, доходящая до отчаянія, отвергается по ученію Святыхъ Отцовъ. Скорбь эту должно растворять надеждою на милосердіе Божіе; должно вмѣстѣ печалиться и надѣяться; печалиться,—потому что мы грѣхами своими прогнѣвляемъ Бога, удаляемся отъ Бога; надѣяться—потому что мы имѣемъ всесильнаго Врача для грѣховъ нашихъ, Господа Іисуса Христа, пролившаго за насъ кровь Свою.

Когда приходятъ хульные помыслы невѣрія, сомнѣнія и тому подобные, то по ученію Святыхъ Отцовъ не должно этимъ смущаться, а знать, что эти помыслы не принадлежатъ душѣ нашей, а врагу нашему діаволу. Не должно ими смущаться, не должно принимать ихъ и укоснѣвать въ нихъ.

Больному человѣку полезнѣе частая молитва, но краткая. Хорошо молиться нѣсколько разъ въ день по краткому времени. Прекрасны молитвы: **„Боже, очисти мя грѣшнаго"** и **„Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ"**. Ихъ должно произносить не спѣшно, заключая умъ въ слова молитвы, какъ выражается святый Іоаннъ Лѣствичникъ. Милосердый Господь да поможетъ тебѣ и да благословитъ тебя и дщерь твою!

А. И.

8-е января 1846 года.

№ 8. О болѣзни тѣлесной.

Благодарю тебя за письмо твое. Слышалъ о твоей болѣзни. Что дѣлать? Ни въ чемъ другомъ невозможно найти утѣшенія, какъ въ

терпѣніи, которое раждается отъ смиренія. Смиреніе состоитъ въ томъ, чтобъ мы признавали себя достойными скорби, попущенной на насъ Промысломъ Божіимъ. **„Достойная по дѣломъ наю воспріемлева“**, говорилъ благоразумный разбойникъ, и за осужденіе себя удостоился высшихъ разумѣній и ощущеній, за которыми слѣдуетъ Царствіе Небесное. Скорби всегда были достояніемъ спасающихся особливо же они свойственны нынѣшнему времени, когда человѣки ослабѣли къ совершенію добродѣтелей. Итакъ, не молодушествуй, но въ терпѣніи и смиреніи предавай себя волѣ Божіей и благодари Его Святый Промыселъ за все, тебѣ посланное. Благословеніе Божіе буди надъ тобою и надъ твоимъ чадомъ. Господь съ тобою. А. И.

16 января 1848 года.

№ 9. По обязанностямъ болѣзненной матери къ воспитанію дочери.

Поздравляю тебя съ опредѣленіемъ дочери твоей въ Екатерининскій Институтъ пансіонеркой Государыни Императрицы. Моли Бога о здравіи и благоденствіи Царицы—доброй, какъ Ангелъ. Будь мирна: ты сдѣлала относительно твоей дочери все, что зависѣло отъ тебя. Поручи ее Богу! а сама займись въ тишинѣ твоей пустыни и занятій благочестивыхъ поправленіемъ твоего здоровья. Отъ спокойствія оно можетъ поправиться. Христосъ съ тобою. Молись обо мнѣ.

А. И.

13 апрѣля 1848 года.

№ 10. Поощреніе къ терпѣнію болѣзни.

Христосъ Воскресе!

Воскресшій Христосъ да облегчитъ твои страданія, да даруетъ терпѣніе и благую спасительную мысль переносить временную болѣзнь съ великодушнымъ терпѣніемъ и мужествомъ, съ благодареніемъ Богу, временными скорбями устрояющему нашу вѣчную рядость. Благодарю тебя за письмо твое. Даруй Богъ тебѣ поправиться. Уединеніе много поможетъ тебѣ:—уединеніе, соединенное съ занятіями простыми, одушевляемыми любовію къ ближнимъ и благочестіемъ.

А. И.

23 мая 1848, с. Покровское.

№ 11. Поощреніе къ терпѣнію.

Благодарю тебя за добрѣйшее письмо твое. Хотя я не видѣлъ тебя здѣсь очами тѣлесными, но вижу очами души. Богъ да подкрѣ-

пить тебя, да даруетъ тебѣ нести крестъ твой съ терпѣніемъ и надеждою. Всѣ мы созданія—не что другое. Отдадимъ себя въ руцѣ Создателя: да творитъ съ нами то, что Ему угодно. Я хотѣлъ заѣхать къ тебѣ, но время такъ коротко, что мнѣ не возможно этого сдѣлать. Такъ то будемъ поживать въ пустыняхъ: я въ Сергіевской, а ты въ пустынѣ Маслинской; будемъ заботиться объ исцѣленіи нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ, предаваясь волѣ Божіей. Христосъ съ тобою. А. И.

1 октяб. 1848 г.

№ 12. Поощреніе не оставлять деревни.

Чудесное письмо твое отъ 18 сентября я получилъ. Какая до сихъ поръ прекрасная рука! Какъ похожа на руку покойной матушки. Богъ да укрѣпитъ тебя, да утѣшитъ тебя! Пожалуйста живи безвыѣздно въ Маслинѣ, пока не поправишься: спокойствіе необходимо при нервномъ разстройствѣ,—спокойствіе и удаленіе отъ предметовъ трогающихъ сердце. Иначе болѣзнь можетъ возрасти и обратиться во что-либо серіозное, неисправимое. Прими мой искренній совѣтъ. А. И.

14 апрѣля 1849 г.

№ 13. О борьбѣ со страстями.

Воистину Христосъ Воскресе!

Благодарю тебя за дружеское письмо твое и поздравленіе съ Праздникомъ Праздниковъ Воскресеніемъ Христовымъ, съ которымъ я равнымъ образомъ поздравляю тебя, желая тебѣ всѣхъ истинныхъ благъ, Христосъ, поправшій Своею смертію смерть человѣковъ и воскресеніемъ Своимъ даровавшій воскресеніе всѣмъ вѣрующимъ въ Него, уже одержалъ побѣду и надъ всѣми скорбями твоими, а со Христомъ одержала и ты эту побѣду. Терпи великодушно яростныя волны, терпи великодушно напоръ свирѣпыхъ вѣтровъ, терпи силою вѣры—и Христосъ приведетъ тебя въ свое время въ покой свой. По множеству болѣзней, которыя тебя посѣщаютъ въ этой временной жизни, великія утѣшенія ожидаютъ тебя въ вѣчной жизни. Не тревожься возстающими страстями, старайся по возможности противиться имъ: человѣкъ, доколѣ на землѣ и облеченъ въ бренное тѣло, дотолѣ поверженъ измѣненіямъ, то чувствуетъ сердечный миръ и спокойствіе, не возмущаемое никакою страстію, то находится въ обуреваніи страстей. Такая измѣняемость научаетъ насъ самопознанію, смиренію; научаетъ прибѣгать непрестанно къ помощи Божіей, которая

только что насъ оставитъ, хотя бы на одну минуту, то мы падаемъ и совершаемъ безстрашно беззаконія. Призывающій на тебя благословеніе Божіе А. И.

7 декабря 1849 г.

№ 14. Объ оставленіи міра

„Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы“, сказалъ Господь. Благо будетъ и тебѣ, обремененной многими скорбями душевными и тѣлесными, послушаться этого призванія спасительнаго и оставляя міръ, котораго попеченіями тебѣ заниматься уже не подъ силу, взойти въ тихое монастырское пристанище.

Твое намѣреніе—не видѣть дочь твою во время твоей земной жизни я благословляю: да приметъ отъ тебя Богъ эту существенно-нужную жертву и да наставитъ тебя на путь Свой:

Призывающій на тебя благословеніе Божіе А. И. [1])

Къ А. А. Ж.

7 января 1855 г.

№ 15. О терпѣніи скорбей.

Посылаемыя Господомъ земныя скорби суть залогъ вѣчнаго спасенія: почему ихъ должно переносить съ терпѣніемъ, а терпеніе тогда изливается въ душу человѣка, когда человѣкъ за свои скорби благодарить и славословить Создателя. Мы здѣсь на земли—странники: и хорошее и худое положеніе человѣка мимоидетъ яко сонъ. Сокровище наше—Господь.

О дочери не скорби, а предоставь ее волѣ Божіей. Не съ твоею болѣзненностію усильно заботиться о ней.

14 апрѣля 1855 г.

Къ ней-же.

№ 16.

Совѣтую тебѣ предоставить дочь попеченію сестеръ въ вѣрѣ и надеждѣ на Господа, а сама прилѣпляйся Господу милостынею и мо-

---

[1]) Сестра эта въ монастырь не поступила по причинѣ усилившихся болѣзненныхъ припадковъ, но вела жизнь самую уединенную строго-благочестивую въ Масленской деревнѣ своей; съ дочерью не видалась почти до послѣдняго года жизни, которую окончила 19 мая 1855 года въ с. Покровскомъ, куда, предчувствуя кончину свою, пріѣхала 13-го того же мѣсяца собственно для того, чтобъ умереть въ родовомъ селѣ. До послѣдняго вечера была на ногахъ и не жаловалась на особенную болѣзненность, кромѣ обычнаго давняго ея общаго болѣзненнаго состоянія. Примѣч. П. А. Брянчанинова.

литвою; предоставивъ С. сестрамъ или Батюшкѣ, ты сдѣлаешь пользу и ей и себѣ. А засуждать ее не надо: мы всѣ немощны, и гордостію зараженъ весь падшій родъ человѣческій. А. И.

1830 г.

Къ сестрѣ С. А. Б—к—ной.

№ 17. Объ искушеніи скорбями.

Усердно желаю тебѣ и тѣлеснаго и душевнаго здоровья. Да укрѣпитъ тебя всеблагій Господь нашъ Іисусъ Христосъ, искупившій насъ Своею неоцѣненною кровію; да даруетъ тебѣ терпѣніе въ твоихъ болѣзняхъ и прочихъ скорбяхъ, да внушитъ тебѣ благодареніе за нихъ, какъ за величайшія благодѣянія. Услышь Его святѣйшій гласъ, вѣщающій: **„Азъ ихъ же аще люблю, обличаю и наказую“** (Апок. 3, 19). Вспомяни праведнаго Іова, лишеннаго чадъ своихъ и всего имѣнія, покрытаго смердящими струпами, сидящаго на гноищѣ и говорящаго: **„Господь даде, Господь и отъя, буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка“**. Вспомяни Пророка Іону, отъ чрева китова исповѣдающаго свое прегрѣшеніе и прославляющаго правосудіе Божіе. Вспомяни трехъ отроковъ, ввержденныхъ въ пещь огненную и изъ сердца пещи благословляющихъ Бога. Вспомяни всѣхъ святыхъ и путь, коимъ они достигли спасенія. Не тѣсный-ли и прискорбный путь искушеній ввелъ ихъ въ обители живота?

Вспомяни все это и поревнуй жребію святыхъ, скажи твоимъ молодушнымъ помысламъ: и власы всѣ главы моей изочтены у Бога, то какъ могу я унывать? **„Не пошлю,“** обѣщаетъ Онъ мнѣ устами Своего Апостола, **„искушенія выше мѣры твоей“**; но въ самомъ искушеніи сокровенно дарую тебѣ избавленіе отъ искушенія. Нарочно токмо тебя болѣзнями, поражаю тебя напастями, чтобъ ты не пристрастился къ чему-либо суетному, но въ сокрушеніи сердца поискалъ прилѣпиться ко Мнѣ, Создателю твоему, исполненіемъ Моихъ заповѣдей а стяжалъ Меня въ себѣ; а когда стяжалъ Меня въ себѣ, тогда взыграютъ всѣ уды твои неконча емымъ веселіемъ: ибо Я есмь Само—благость и Само—блаженство неоскудѣваемое и непремѣняемое.

Благодаря за все милосердаго Бога, будемъ молить Его, чтобъ сохранилъ насъ въ любви и согласіи во славу святаго имени Своего Прости и моли о многогрѣшномъ Димитріи.

Къ А. В. Ж.

30-е декабря 1858 г.

№ 18. О болѣзни тѣла.

Господь Богъ да помянетъ тебя милостію Своею. Болѣзненностію восполняются подвиги. Болѣзнь—готовое спасеніе, когда больной

удаляется отъ дурныхъ словъ, помышленій и мечтаній;—когда онъ предается волѣ Божіей; когда благодаритъ за болѣзнь, удаляющую его отъ міра: чего бы онъ не сдѣлалъ единственно по собственному произволенію.

Извини: пишу мало, хотя и написалъ много. Я слабъ силами, а по причинѣ золотухи, обратившейся къ глазамъ, долженъ беречь глаза.—Призывающій на тебя благословеніе Божіе.

Игнатій Е. К. и Ч.

29 декабря 1859 г.

№ 19. Скорби—печать избранія.

Благодарю тебя за письмо твое отъ 15 декабря и поздравляю съ наступившими праздниками. Очень справедливо и богоугодно разсуждаешь, говоря, что болѣзненность и сопряженныя съ нею тѣсноты посланы тебѣ Богомъ для охраненія отъ грѣховъ и грѣховныхъ соблазновъ, которыми нынѣ преисполненъ міръ. Но и нынѣ избранные спасаются. Печать избранія суть скорби. Господь и кого пріемлетъ въ ближайшее усвоеніе Себѣ, тому посылаетъ скорби, и кого хочетъ поддержать въ усвоеніе съ Собою, тому посылаетъ скорби, и кого хочетъ увѣнчать, того подвергаетъ многимъ и различнымъ скорбямъ, чтобъ душа, патрясаемая скорбями, прозрѣла и увидѣла Бога въ Его Промыслѣ. Въ скорбяхъ очень полезно предаваться волѣ Божіей и благодарить Бога за посланную скорбь. Скорбящимъ полезно читать житіе Великомученика Евстафія—Плакиды (Четьи Миней 20 сент.). Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою. И. Еп. К. и Ч.

4 января 1861 г.

№ 20. О Богоугожденіи и человѣкоугодіи.

Благодарю тебя за воспоминаніе обо мнѣ и поздравленіе съ Праздниками, взаимно поздравляю тебя, желаю тебѣ всѣхъ истинныхъ благъ отъ десницы Божіей.

Предпринимая что-либо, надо во-первыхъ разсудить благоугодно ли дѣло предпринимаемое Богу и душеполезно-ли, потомъ пріятно-ли или полезно ли оно нашимъ ближнимъ?

Угожденіе Богу и свою душевную пользу, всегда сопряженную съ этимъ угожденіемъ, надо предпочитать всему,—такъ научаетъ насъ Евангеліе. Угожденіе человѣкомъ, когда оно сообразно заповѣдямъ Божіимъ и доставляетъ душевную пользу, также весьма полезно, какъ изъявленіе любви къ ближнему, заповѣданной Евангеліемъ. Если жъ угожденіе человѣкамъ не богоугодно и душевредно, то оно

называется человѣкоугодіемъ и воспрещается Богомъ. По этимъ признакамъ разсмотри свое положеніе и поступи по волѣ Божіей.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою.

И. Е. К. и Ч.

1 февраля 1862 года.

№ 21. Благоразумное самовоззрѣніе и тѣсный путь.

Очень хорошо, когда человѣкъ постоянно видитъ и исповѣдуетъ себя грѣшнымъ. Отъ таковаго самовоззрѣнія духъ чловѣка пребываетъ постоянно въ смиреніи и Боголюбезной печали. Но надобно, чтобы такое самовоззрѣніе было растворено благоразуміемъ и не переходило должной мѣры. Въ послѣднемъ случаѣ оно можетъ быть вреднымъ, можетъ поставить человѣка въ совершенное недоумѣніе относительно его жительства.

Естество наше повреждено грѣхомъ. По этой причинѣ сердце каждаго человѣка производитъ само собою въ большемъ количествѣ плевелы. И потому, кто видитъ возникающіе въ себѣ плевелы, никакъ не долженъ удивляться этому, какъ чему-нибудь необыкновенному, не долженъ приходить въ недоумѣніе и малодушіе. Такъ быть должно! Плевелы сордечные дѣлаютъ свое: растутъ и растутъ; будучи выполоты, снова появляются. И мы должны дѣлать свое: полоть и полоть плевелы. Такимъ положеніемъ укореняется въ человѣкѣ смиреніе. Къ смиренію нисходитъ милость Божія. Всесильный и всеблагій Богъ неуклонно смотритъ на насъ. Онъ потому и попускаетъ намъ положеніе, приводящее насъ къ смиренію, чтобъ даровать намъ свою милость. На все есть свое время: есть время обработки земли подъ посѣвъ хлѣба, есть другое время для посѣва, опять другое для жатвы, для молоченія, для превращенія въ муку, для печенія, наконецъ для вкушенія хлѣба.

Душа каждаго человѣка, предавшагося въ служеніе Богу безъ всякой лукавой, земной цѣли съ цѣлью Богоугожденія и своего спасенія находится въ рукѣ Божіей. Такую душу никто и ничто не исхититъ изъ руки Божіей. Такой душѣ Богъ даруетъ на время земнаго странствованія тѣсный путь, состоящій изъ различныхъ скорбей и лишеній, потому что по широкому пути невозможно придти къ Богу. Съ вѣрою предай себя волѣ Божіей, отвергая отъ себя не трудовое попеченіе о себѣ, но попеченія мечтательныя. Когда придутъ такія попеченія, гораздо лучше обращаться съ молитвою о себѣ Богу, нежели вдаваться въ сочиненіе и живопись разныхъ плановъ всегда несбыточныхъ. Благословленіе Божіе да почіетъ надъ тобою.

Недостойный Е. И.

20 апрѣля 1862 г.

№ 22. О земной жизни.

Спаси Господи за поздравленіе съ Праздникомъ Воскресенія Христова, съ которымъ и я поздравлялъ тебя, искренно желая встрѣтиться съ тобою на вѣчномъ Праздникѣ, уготованномъ для всѣхъ христіанъ воскресшимъ Христомъ.

Давно-ли видѣлъ я тебя въ Москвѣ? Кажется очень недавно, а съ того времени пролетѣло болѣе полугода. Такъ пролетитъ и вся земная жизнь. Она дана намъ для приготовленія къ вѣчности. Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою.

8 ноября 1862 г.

№ 23. О помыслахъ, о преданности волѣ Божіей и о вѣрѣ Богу, побѣждающей безнадежіе спасенія.

Когда человѣка особенно безпокоятъ помыслы противъ его воли это знакъ, что къ тому человѣку есть милость Божія. Нечистые духи завидуютъ такому человѣку и стараются смутить его. Такихъ помысловъ не должно разбирать и обращать на нихъ особое вниманіе, потому что отъ этого усиливается смущеніе. Не найти порядка въ тѣхъ, въ которыхъ все безпорядокъ. На всѣ смущенія должно отвѣчать краткими словами: „я отдалъ себя въ волю Божію“.

Также и въ молитвѣ надо ежедневно просить у Бога, чтобъ Онъ сотворилъ надъ нами Свою святую волю и затѣмъ утверждается вѣрою въ Бога, безъ воли Котораго ничего съ нами случиться не можетъ.

Воспоминаніе о смерти, о судѣ Божіемъ, о вѣчныхъ мукахъ—хорошо; но когдл при этомъ приходитъ безнадежіе, уныніе, отчаяніе, то надо знать, что тутъ есть и примѣсь бѣсовская, которая прогоняется вѣрою. Священное Писаніе называетъ Бога в ѣ р н ы м ъ, а человѣка—л о ж ь ю. Богъ вѣренъ и никакъ не лишитъ спасенія того человѣка, который желаетъ спастись; также не пошлетъ преждевременной и безвременной смерти такому человѣку, но дастъ ему все время на приготовленіе.

Укрѣпись вѣрою и предавайся волѣ Божіей. Милость Божія и благословленіе Божіе да почіетъ надъ тобою.

24 марта 1863 г.

№ 24. О вниманіи въ молитвѣ.

Общее правило для всѣхъ, занимающихся молитвою: „заключать умъ въ слова молитвы“, т. е. молиться со вниманіемъ. Что душа для

тѣла, то вниманіе для молитвы: безъ вниманія она мертва, не имѣетъ никакого значенія. Заботиться о заключеніи ума въ слова молитвы должно и при моленіи молитвою Іисусовою и при чтеніи акаѳистовъ и прочихъ молитвословій. Святые Отцы совѣтуютъ желающему преуспѣть въ молитвѣ заниматься и моленіемъ молитвою Іисусовою и чтеніемъ правилъ, попеременно. Такое разнообразіе облегчаетъ молитвенный подвигъ и способствуетъ преуспѣянію. Новоначальнымъ должно заниматься молитвою понемногу, но часто, чтобъ сохранить вкусъ къ молитвѣ и не произвести въ умѣ утомленія, отъ котораго происходитъ оставленіе молитвы.

Когда находишься одинъ,—молись нѣсколько вслухъ, чтобъ слышать самому себя: это способствуетъ къ вниманію. На приходящіе помыслы какъ бы они ни были явственны, не должно обращать никакого вниманія. **„Свѣтъ стезямъ моимъ—законъ Твой“**, сказалъ Пророкъ, а нечто иное. Если при молитвѣ не имѣешь должнаго вниманія, то этимъ не смущайся. Богъ дастъ вниманіе въ свое время тому, кто постоянствомъ въ упражненіи молитвою и въ побужденіи себя ко вниманію докажетъ, что онъ дѣйствительно желаетъ молиться со вниманіемъ. Одинъ святой сказалъ; „Я всѣ мои немощи возложилъ на Бога и отдалъ себя совершенно въ Его волю“. И ты говори о себѣ такъ и успокоишься. Благословленіе Божіе и милость Божія да почіютъ надъ тобою.

Къ К. В. Г.

1 іюня 1863 г.

№ 25. Правило молитвенное.

Святые Отцы, восхваляя правило молитвенное и исповѣдуя необходимость его, не только пользу наставляютъ имѣть его умѣренное, соразмѣрное съ силами, съ состояніемъ душевнаго преуспѣянія и съ обстоятельствами, въ которыя поставленъ человѣкъ Промысломъ Божіимъ. Сущность исполненія молитвеннаго правила заключается въ томъ, чтобъ исполнялось оно со вниманіемъ. Отъ вниманія духъ нашъ приходитъ въ смиреніе; отъ смиренія рождается покаяніе. Чтобъ можно было совершать правило не спѣшно, надо правилу быть умѣреннымъ. Святые Отцы, очень похваляя умѣренное правило, совѣтуютъ исполнять его неупустительно. Слѣдующее правило, можетъ быть полезнымъ для васъ и на первый случай удовлетворительнымъ: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ; Царю Небесный, Трисвятое, Отче нашъ, Господи помилуй 12, Пріидите поклонимся, Псаломъ 50, Символъ Вѣры, Богородице, Дѣво, радуйся трижды, Послѣ этого 20 молитвъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя“; при каждой молитвѣ земной поклонъ.

Затѣмъ другія 20 такихъ же молитвъ, и при каждой поясной поклонъ, Достойно есть, яко во истину; Молитвами Святыхъ Отецъ нашихъ; Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ.

Это молитвенное правило должно совершать утромъ и вечеромъ. Поклоны должно полагать очень не спѣшно, съ чувствомъ покаянія, какъ бы стоя предъ Самимъ Господомъ, припадая къ стопамъ Его и умоляя о помилованіи, но отнюдь не воображая Господа, а только вѣруя Его присутствію и тому, что Онъ взираетъ на васъ и видитъ васъ. Вы имѣете письменное наставленіе о молитвѣ: старайтесь заимствовать изъ него направленіе для духа вашего во время молитвы. Изъ прочихъ молитвословій болѣе другихъ полезенъ для новоначальнаго акаѳистъ Господу Іисусу. Прочитывайте его въ недѣлю однажды, стоя или сидя, какъ вамъ будетъ удобнѣе, но непремѣнно со вниманіемъ и не спѣшно. Также никакъ не позволяйте себѣ читать поверхностно и бѣгло Евангеліе и прочія священныя книги: читайте ихъ не спѣшно и со вниманіемъ. При чтеніи наблюдайте умѣренность. Умѣренность поддерживаетъ постоянную охоту къ чтенію, а пресыщеніе чтеніемъ производитъ отвращеніе отъ него.

Книга писемъ Задонскаго затворника Георгія можетъ быть для васъ очень полезною. Она одного духа и направленія съ сочиненіями Святителя Тихона Воронежскаго. Позволяю себѣ сказать, что она одного духа и съ моими грѣшными писаніями, которыя вамъ можно читать всѣ: потому что въ нихъ объяснено, что идетъ для новоначальнаго и что идетъ для преуспѣвшаго.

Не забывайте непрестанно предавать себя волѣ Божіей и благодарить Бога за всѣ Его благодѣянія, сдѣланныя вамъ. Всѣ мы должны быть увѣрены, что не заслуживаемъ тѣхъ Божіихъ благодѣяній, какія имѣемъ, что мы заслуживаемъ несравненно большія непріятности, нежели тѣ, какія встрѣчаются намъ. При такомъ воззрѣніи на себя христіанинъ пребываетъ мирнымъ по причинѣ покорности своей Богу и благодаритъ Бога за все случающееся съ нимъ.

Къ А. А. С.

23 іюня 1863 г.

№ 26. О принятіи Святыхъ Таинъ.

Христосъ пришелъ на землю спасти грѣшниковъ, а не праведниковъ. Точно такъ нисходитъ Онъ Своимъ святымъ тѣломъ и Своею всесвятою кровію въ грѣшнаго человѣка и спасаетъ его. Не сочувствіе къ нашей праведности и къ нашимъ достоинствамъ привлекаетъ къ намъ Господа, но Его милосердіе къ нашей грѣховности и немощи, нами сознаваемой и оплакиваемой. Кто по возможности употребляетъ всѣ усилія, чтобы воздерживаться отъ грѣховъ и при со-

знаніи своей грѣховности и немощи приступаетъ къ Господу: того Господь пріемлетъ. Онъ отвращается отъ тѣхъ грѣшниковъ, которые приступаютъ къ нему безъ благоговѣнія и безъ намѣренія оставить грѣховную жизнь. Такія принимаютъ святыя Тайны въ осужденіе себѣ.

8 августа 1863 г.

№ 27. О претерпѣніи болѣзни тѣлесной.

Находящійся въ болѣзненномъ состояніи подобенъ закованному въ тяжкіе оковы извнѣ и внутри. Но оно посылается или попускается Богомъ, Который „наказуетъ всякаго, его же пріемлетъ". По этой причинѣ болѣзнь сопричисляется къ тѣмъ подвигамъ, которыми изработывается наше спасеніе. Отъ всякаго подвига требуется, чтобъ онъ былъ правиленъ. Тогда подвизается человѣкъ правильно въ трудѣ болѣзни своей, когда благодарить за нее Бога. Святые Отцы причисляютъ болѣзнь, сопровождаемую благодареніемъ Богу и славословіемъ Бога за Его отеческое наказаніе, руководствующее къ вѣчному блаженству,—къ двумъ величайшимъ иноческимъ подвигамъ: къ безмолвію и послушанію.

№ 28. О претерпѣніи болѣзни тѣлесной.

Пишу Вамъ, потому что вы находитесь въ болѣзномъ состояніи. Знаю на опытѣ трудность этого положенія. У тѣла отнимаются силы и способности; вмѣстѣ отнимаются силы и способности у души; разстройство нервовъ сообщается духу, потому что душа связана съ тѣломъ союзомъ непостижимымъ и тѣснѣйшимъ, по причинѣ котораго не могутъ не вліять другъ на друга душа и тѣло. Присылаю вамъ духовный рецептъ, которымъ совѣтую вамъ употреблять предлагаемое лѣкарство по нѣскольку разъ въ день, особливо въ минуты усиленныхъ страданій и душевныхъ и тѣлесныхъ. Не замедлится при употребленіи вынаруженіе силы и цѣлительности, сокровенныхъ во врачествѣ по наружности своей самомъ смиренномъ.

Уединясь, произносите неспѣшно, вслухъ самому себѣ, заключая умъ въ слова (такъ совѣтуетъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ) слѣдующее: **„Слава Тебѣ, Боже мой, за посланную скорбь; достойное по дѣламъ моимъ пріемлю: помяни мя во Царствіи Твоемъ"**. Такъ какъ сущность этого упражненія заключается въ сосредоточенномъ вниманіи, то тѣлу надо давать спокойное положеніе, чтобъ движенія тѣла и происходящія отъ нихъ разгоряченія крови не препятствовали уму сосредоточиваться. Лучшее положеніе—лежащаго на одрѣ. И въ Евангеліи сказано, что больной въ такомъ положеніи представленъ былъ Господу и получилъ милость отъ Господа. Съ тою же цѣлію удоб-

нѣйшаго вниманія повелѣвается заключать умъ въ слова молитвы, должно произносить молитву крайне н е с п ѣ ш н о. Сказавъ молитву однажды, нѣсколько отдохните. Потомъ опять скажите и опять отдохните. Продолжайте такъ молиться минутъ 5 или 10, доколѣ не ощутите вашу душу успокоенною и утѣшенною. Вы увидите: послѣ трехъ сказанныхъ такимъ образомъ молитвъ, начнете чувствовать, что успокоеніе входитъ въ вашу душу и уничтожаетъ терзавшее ее смущеніе и недоумѣніе. Причина этому ясна: благодать и сила Божія заключается въ славословіи Бога, а не въ краснорѣчіи и многословіи. Славословіе же и благодареніе суть дѣланія, преподанныя намъ Самимъ Богомъ,—отнюдь не вымиселъ человѣческій. Апостолъ заповѣдуетъ это дѣланіе отъ лица Божія (1 Солун. 5, 18).

Предадимся добровольно волѣ Божіей: потому что, хотимъ или не хотимъ, а находимся и будемъ находиться въ рукахъ Божіихъ, хотя на нѣкоторое время и предоставляется намъ свобода въ дѣйствіяхъ, чтобъ высказались наше произволеніе и залогъ сердечный.

Вмѣстѣ со мною свидѣтельствуетъ вамъ N. N. свое совершенное почтеніе и преданность. Причиною чувствъ этихъ—ученіе Христово. О! сей драгоцѣнный бисеръ, столько малопримѣрный на землѣ, сокровенный въ уничиженіяхъ, въ страданіяхъ, въ которыя была облечена земная жизнь Спасителя, да будетъ для насъ залогомъ вѣчнаго, раскрытаго и блистающаго Божественнымъ свѣтомъ небеснаго блаженства.

Къ С. И. Сн-ой.

22 августа 1863 г.

№ 29. О Промыслѣ Божіемъ.

Земная жизнь—школа. Находясь 25 лѣтъ въ этой школѣ Н. Н-чъ увидѣлъ звѣзду хранящую его. Звѣзда это Промыслъ Божій. Звѣзды усматриваются ночью на чистомъ небѣ; при наступленіи дня онѣ, оставаясь на своихъ мѣстахъ, дѣлаются непримѣтными по причинѣ появившагося преимущественно свѣта, разливаемаго солнцемъ. Солнце—Христосъ. Теперь познанія въ религіи сына вашего подобны свѣтлой ночи, и потому онъ замѣтилъ непостижимый, превысшій описаній, но дѣйствительно существующій Промыслъ Божій. Когда же разумъ его, по особенной милости Божіей, освѣтится христіанствомъ, тогда религіозныя познанія его изъ поверхностныхъ, скудныхъ неясныхъ преобразятся въ свѣтлыя, обширныя, глубокія и высокія, преизобильно удовлетворительныя; они сдѣлаются подобными прекрасному лѣтнему дню, въ теченіе котораго умный и расположенный къ добру человѣкъ возможетъ совершить свое спасеніе, т. е. устроить свою жизнь и участь въ вѣчности во благо себѣ.

„Отчего, мама, ты такъ сильно безпокоишься обо мнѣ“? Оттого, душенька, что у мамы слаба вѣра въ Бога, Который воспретилъ суетныя попеченія, не приносящія и не могущія принести никакой пользы, производящія только безпокойство и смущеніе, разстраивающія душу и тѣло. Немощной человѣкъ хочетъ дѣйствовать и дѣйствовать; хочетъ дѣйствовать по своему, хочетъ дѣйствовать и тамъ, гдѣ дѣйствіе невозможно для него. Повсюду онъ простеръ бы свою сильную руку; вездѣ бы указалъ образъ дѣйствія по своему мудрѣйшему соображенію. Признать Бога дѣятелемъ достаточно могущественнымъ и разумнымъ, на этомъ основаніи постоянно прибѣгать къ Богу молитвою онъ не хочетъ. Между тѣмъ только что прибѣгнетъ человѣкъ къ Богу смиренною молитвою,—не плотскою, нервною, разгоряченною движеніемъ крови,—предавая себя и ближнихъ своихъ милости и волѣ Божіей, какъ и успокоится.

Молитесь о сынѣ! тщательнымъ чтеніемъ убогихъ сочиненій моихъ входите въ ближайшее соотношеніе съ душою моею, чтобъ соединиться въ томъ мірѣ и градѣ, гдѣ „нѣсть мужескій полъ и женскій“, но всѣ истинные слуги Бога составляютъ едино въ Богѣ, какъ различные члены тѣла, соединяемые во едино существо оживотворяющею ихъ душою. Е. И.

P. S. Будущее извѣстно одному Богу; въ наше переходное время можетъ легко случиться измѣненіе положенія монастырей и очень скоро. Мое здоровье очень плохо; уже мнѣ не до земныхъ дѣлъ! должно больше думать о переселеніи въ иной міръ. Впрочемъ по обязательному отношенію моему къ монастырю я долженъ заботиться о его внутреннемъ и наружномъ, духовномъ и вещественномъ благосостояніи, что и стараюсь исполнять по силамъ, охраняясь, чтобъ дѣйствіе въ пользу монастыря не было сопряжено съ отягощеніемъ и непріятностію для ближняго.

№ 30. Скорби, послушаніе, страхъ, стояніе во храмѣ Божіемъ, не засуживаніе себя и другіе предметы.

Многими скорбьми не малыми, замѣтьте, но многими и разнообразными—**подобаетъ намъ внити въ Царствіе Божіе.** Такъ опредѣлило Слово Божіе. Это же всесвятое Слово повелѣло намъ не бояться скорбей, потому что онѣ попускаются намъ Промысломъ Божіимъ, а Промыслъ Божій, попуская намъ ихъ, по существенной необходимости и пользѣ ихъ для насъ, неусыпно бдитъ надъ нами и хранитъ насъ. Такъ врачъ для исцѣленія больного даетъ ему горькія, отвратительныя и мучительныя лѣкарства и въ то же время тщательно ухаживаетъ за нимъ. Вѣруйте этому и переносите постигшую васъ болѣзнь благодушно, благодаря за нее Бога.

Послушаніе есть спасительнѣйшій подвигъ. Сила и жизнь всѣхъ страстей человѣка сосредоточены въ его испорченной волѣ: послушаніе, связывая и убивая волю, связываетъ и убиваетъ совокупно всѣ страсти. Другіе ищутъ всеусильно и всеусердно этого подвига, а для васъ онъ устроился самъ собою. Старайтесь преуспѣвать въ послушаніи разумно и благочестно и благодарите Бога даровавшаго вамъ этотъ подвигъ. Послушаніе полезнѣе всѣхъ произвольныхъ подвиговъ, хотя и представляется при поверхностномъ взглядѣ, что положеніе въ послушаніи препятствуетъ духовному преуспѣянію, препятствуя совершенію произвольныхъ подвиговъ. Такой взглядъ ошибоченъ. Въ Египетскомъ Скиту — мѣстопребываніе величайшихъ Святыхъ — жилъ юный инокъ Захарія при родномъ отцѣ своемъ Каріонѣ, который былъ и старцемъ его. Захарію осѣнила благодать Божія, и онъ пришелъ отъ этого въ особое состояніе. О сверхъестественномъ состояніи своемъ онъ повѣдалъ старцу. Старецъ занимался однимъ тѣлеснымъ подвигомъ и не понималъ ни духовнаго подвига, ни обстановки его. Онъ началъ бить Захарію, говоря, что совершившееся съ нимъ есть слѣдствіе самообольщенія и дѣйствіе бѣсовское. Захарія принужденъ былъ сходить тайно къ одному ихъ святыхъ Отцовъ для совѣщанія. Отецъ далъ такой совѣтъ: „Твое состояніе—отъ дѣйствія Божественной благодати, но иди и пребудь въ повиновеніи у твоего старца“. Очевидно, что святой Отецъ оставилъ за Захаріею положеніе, положеніе послушанія, на которомъ, какъ на основаніи, воздвигалось его душевное преуспѣяніе. Съ отъятіемъ основанія могло бы рушиться и воздвигнутое на основаніи.

Страхъ, приходящій вамъ по вечерамъ должно отражать вѣрою. Напоминая себѣ, что вы въ десницѣ Бога и подъ Его взорами, прогоняйте страхъ, неимѣющій никакого смысла.

Въ церкви никакъ особенныхъ молитвъ не читайте, а внимайте Богослуженію. Хорошо пріучиться къ молитвѣ мытаря, которая одобрена Господомъ и которую мытарь, какъ видно изъ Евангелія, произносилъ, находясь въ церкви. Эта молитва читается такъ: „Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшнику“, или „Боже, очисти мя грѣшнаго“. Этой молитвѣ равносильна молитва: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“, или же „Господи, помилуй“. Читайте изъ этихъ молитвъ ту, которую найдете удобнѣйшею для себя. Но читайте непремѣнно не спѣша и со вниманіемъ. Совѣтую держаться второй (т. е. Г. І. Х. С. Б. п. м. г.). Первыя двѣ молитвы—тождезначущи; третія—сокращеніе второй. Въ церкви иногда внимайте Богослуженію, а иногда умомъ произносите молитву, непреставая внимать и Богослуженію. Можно вмѣстѣ и молиться умомъ и внимать церковному молитвословію. Первое споспѣшествуетъ второму, а второе первому.

Церковную службу, когда остаетесь дома, можно замѣнить чтеніемъ котораго либо изъ акаѳистовъ: акаѳиста Господу Іисусу или акаѳиста Божіей Матери.

Въ церкви не становитесь на колѣни и вообще по наружности не отдѣляйтесь отъ прочихъ какими-либо особенностями; но сохраняйте и внутреннее и наружное благоговѣніе. Поклоновъ кладите какъ можно меньше. Земныхъ поклоновъ полагайте всего два въ теченіе Литургіи, въ концѣ ея: когда дважды выносятъ Чашу со Святыми Тайнами. Удерживайте себя отъ разгоряченія и отъ всѣхъ порывовъ, столько противныхъ смиренію. Требуйте отъ себя тишины и вниманія и при молитвѣ, и при чтеніи, и при всѣхъ дѣйствіяхъ вашихъ. Такимъ поведеніемъ доставляется духу смиреніе. Смиреніе осѣняетъ милость Божія.

Никакими мелочами не связывайте себя и не засужайте себя по причинѣ мелочныхъ погрѣшностей и простуиковъ. То и другое служитъ источникомъ смущенія и унынія. Мелочныя погрѣшности, въ которыя впадаетъ ежечасно каждый человѣкъ, врачуются ежечаснымъ покаяніемъ предъ Богомъ, покаяніемъ, состоящимъ изъ немногихъ словъ при сочувствіи имъ сердца. Нерѣдко оказывается возможнымъ слово покаянія произнести только умомъ: и этого достаточно, лишь бы они произнесены были со вниманіемъ. Въ церкви, когда найдете нужнымъ сѣсть, садитесь, потому что Богъ внимаетъ не тому, кто сидитъ или стоитъ, а тому, чей умъ устремленъ къ Нему съ должнымъ благоговѣніемъ. Стремленіе къ Богу, благоговѣніе предъ Богомъ и страхъ Божій пріобрѣтаются вниманіемъ къ себѣ. Читайте, что читали. Чтеніе Апокалипсиса приводитъ къ страху Божію; воздержитесь отъ объясненія этой таинственной книги, довольствуясь производимымъ его дѣйствіемъ на вашу душу. Когда найдете нужнымъ прибавить или убавить что въ вашемъ молитвословіи и чтеніи по случаю немощи или встрѣтившихси независимо отъ васъ другихъ занятій, дѣлайте это, несомнѣваясь и не смущаясь. Будьте свободны! не связывайте себя никакою скрупулезностію. Правила для человѣка, а не человѣкъ для правилъ. Противнымъ сему пониманіемъ производятся лишь недоумѣнія и разстройства.

Мнѣ пріятно, что вы поняли причину, по которой предложено вамъ чтеніе сочиненій Святого Тихона. Теперь уже нѣтъ для васъ повода колебаться, когда вамъ будутъ предлагать для чтенія ту или другую духовно-нравственную святую книгу. Идите своимъ путемъ, уважая и благословляя пути всѣхъ другихъ, благочестно спасающихся. Письма затворника Георгія одного духа съ сочиненіями Святителя Тихона.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ вами.

№ 31. О молитвѣ.

Желающій заниматься богоугодно молитвою долженъ заботиться только о томъ, чтобъ во время молитвы умъ его сохранялъ вниманіе, а сердце содѣйствовало уму чувствомъ покаянія. Иногда молитва сопутствуется обильнымъ умиленіемъ, которое приходитъ человѣку независимо отъ него, а иногда при молитвѣ чувствуется особенная сухость также безъ видимой причины. На эти перемѣны должно смотрѣть равнодушно, какъ смотритъ на перемѣны погоды опытный земледѣлецъ, зная, что послѣ ненастья бываетъ ведро, а послѣ ведра—ненастье. Земледѣлецъ заботится о томъ, чтобъ успѣшно произвести сѣятву и собрать жатву, хотя бы то было сопряжено съ большимъ трудомъ и съ большими препятствіями отъ непогоды: такъ и занимающійся молитвою, заботится о томъ, чтобъ молитва его была правильною и чтобъ при воздѣланіи себя ею получить отъ Бога даръ спасенія, хотя-бъ молитвенный подвигъ сопровождался трудомъ и скорбями, былъ навѣтуемъ разными искушеніями. На скорби и искушенія онъ смотритъ, какъ на бури, которыя приходятъ и уходятъ.

Святые Отцы сказали, что человѣку, занимающемуся внимательною молитвою, особенно завидуетъ діаволъ и наводитъ на него различныя искушенія. Это совершается не безъ Промысла Божія, для нашей существенной пользы, и потому искушенія вражескія должно переносить великодушно, предавая себя волѣ Божіей. Также Отцы сказали: „Помолясь, какъ должно, ожидай противнаго“. Это значитъ: послѣ внимательной молитвы,—когда намъ даруется обильное умиленіе, всегда случается какое-либо смущеніе или искушеніе. Отъ смущенія должно храниться, т. е., отвергать его, когда оно придетъ, а тому, что оно приходитъ не должно удивляться.

Нападеніе на насъ грѣховныхъ помысловъ попущено намъ для нашей пользы, потому что оно приводитъ насъ къ смиренію, къ опытному познанію нашего паденія, нашей грѣховности. Отцы признаютъ нашествіе грѣховныхъ помысловъ на занимающагося молитвою хорошимъ признакомъ: отъ борьбы съ грѣховными помыслами получаются дѣятельный разумъ и твердость духа. Грѣховнымъ помысламъ должно противиться, а увлеченія ими немедленно врачевать поканіемъ.

Не входи въ тонкое разсматриваніе твоихъ страстей: это тебѣ не подъ силу и непремѣнно повредитъ тебѣ. Знай, что паденіе наше насадило въ каждомъ изъ насъ сѣмя всѣхъ грѣховъ, и потому паденіе по необходимости должно проявлять свое присутствіе въ насъ разными грѣховными помыслами и ощущеніями. Этому не должно удивляться какъ чему-либо странному! Этому слѣдуетъ быть! Но грѣховные помыслы и ощущенія не должно разсматривать, чтобъ они не

вкрались въ душу и не заразили ее, должно ихъ немедленно отвергать, а самому повергаться въ пучину милосердія Божія.

Благодареніе благости Божіей за то душевное успокоеніе, которое ты получила, посѣтивъ святую Обитель! Всѣ блага, которыми пользуются человѣки, принадлежатъ Богу, Его—дары. Ему—слава во вѣки. Аминь.

3 декабря 1863 года.

№ 32. О дѣйствіи умной молитвы; о жительствѣ желающаго спастись.

Свойственно умной молитвѣ открывать страсти, скрывающіяся и тайно живущія въ сердцѣ человѣческомъ! Она и открываетъ ихъ и укрощаетъ.

Свойственно умной молитвѣ открывать тотъ плѣнъ, въ которомъ мы находимся у падшихъ духовъ. Она открываетъ этотъ плѣнъ и освобождаетъ отъ него.

Слѣдовательно не должно смущаться и недоумѣвать, когда возстаютъ страсти изъ падшаго естества, или когда они возбуждаются духами.

А какъ страсти укрощаются молитвою, то и должно, когда они возстанутъ, творить умомъ неспѣшно и очень тихо молитву Іисусову, которая мало по малу уйметъ возставшія страсти. Иногда возстаніе страстей и нашествіе вражескихъ помысловъ бываетъ такъ сильно, что возводитъ въ великій душевный подвигъ. Это—время невидимаго мученичества. Надо исповѣдать Господа предъ лицемъ страстей и бѣсовъ молитвою продолжительною, которая непремѣнно доставитъ побѣду.

Очень хороша книжка преподобнаго Нила Сорскаго: тебѣ не мѣшало-бы завестись ею.

Не занимайся тонкимъ разсматриваніемъ твоихъ помысловъ и состояній. Это превышаетъ твои силы. Твое разсматриваніе непремѣнно должно быть ошибочнымъ и имѣть вредное вліяніе на твое жительство. Одинъ Святый сказалъ: „Я возложилъ всѣ немощи мои и погрѣшности на Господа и на Его Пречистую Матерь“. Такъ поступи и ты.

Ходи предъ Богомъ по мысленному пути съ простотою. Знай, что ты зараженъ грѣховностію, что эта грѣховность естественно должна отзываться во всѣхъ твоихъ дѣйствіяхъ, и потому плачь молитвенно предъ Богомъ и только. Богъ отнюдь не казнитель, какъ тебѣ представилось, но воспитатель. Иногда Онъ посылаетъ въ утѣшеніе благодатныя ощущенія, а иногда попускаетъ для смиренія взволноваться страстямъ и подвергнуться нападенію духовъ: то и другое дѣлается по великой милости къ намъ, съ цѣлію существенной пользы нашей.

Благодарю за увѣдомленіе о печальныхъ событіяхъ. Это—плодъ сѣятвы, какъ Апостолъ сказалъ: „Богъ поругаемъ не бываетъ: что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ“. (Галат. 6). Заботились о своей славѣ всѣми непозволительными средствами, а истинною славою Божіею пренебрегли: то Богъ и попустилъ обезславиться. Вообще положеніе монастырей въ Россіи въ нравственномъ и духовномъ отношеніяхъ самое бѣдственное. За сто лѣтъ до насъ Святитель Тихонъ сказалъ, что истинное благочестіе почти исчезло, а замѣнено оно лицемѣрствомъ для обмана людей съ цѣлію вещественной выгоды. Надо понимать духъ времени и не признавать прежнія пристанища пристанищами, потому что они наиболѣе превратились въ гибельные омуты и пропасти.

8 апрѣля 1864 г.

№ 33. О внутренней жизни. Видѣніе. Необходимость открываться—съ разсмотрѣніемъ лица для того избираемаго.

Христосъ Воскресе!

По сравненію сдѣланному Святыми Отцами, внутренняя жизнь подвижника Христова подобна погодѣ: иногда бываетъ ясно и тепло, а иногда пасмурно, ненастно и холодно. По ихъ же сравненію эта жизнь подобна урожаямъ хлѣба, которые иногда бываютъ очень обильны, а иногда очень скудны. Люди опытные не надѣются на постоянство хорошей погоды и не приходятъ въ смущеніе отъ погоды дурной, зная, что одна постоянно смѣняется другою. Также при хорошемъ урожаѣ они не полагаются на него и не престаютъ отъ труда, а при худомъ урожаѣ не впадаютъ въ уныніе и равнымъ образомъ не престаютъ отъ воздѣлыванія земли. Таковъ законъ природы. Подобенъ ему и законъ подвижничества. Иногда бываетъ посѣщеніе благодати, и душа утѣшается, а иногда возстаютъ волны искушеній, и она поставляется въ затруднительное положеніе. Таковъ былъ путь всѣхъ Святыхъ Отцовъ. Они повелѣваютъ всякому, желающему подвизаться правильно, чтобъ онъ подчинился съ покорностію этому закону, подвижничества, установленному Самимъ Богомъ для странника земного. Отъ постоянно ясной погоды высыхаетъ земля и заводятся во множествѣ черви и прочія вредныя насѣкомыя. Подобно этому дѣйствуетъ на душу продолжительное спокойствіе, даже производимое благодатію: въ душѣ зарождается высокоуміе, самомнѣніе, самонадѣянность, презрѣніе къ ближнимъ, уничиженіе и осужденіе ихъ и тому подобные недуги духа человѣческаго, самые опасные и самые страшные.

Великое дѣло: признавать себя достойнымъ искушенія, и предаваться волѣ Божіей, когда придетъ искушеніе. Это очень помогаетъ

и при страхованіяхъ. Признаніе себя достойнымъ всякаго наказанія, и даже явнаго бѣсовскаго, приводитъ къ самоотверженію и къ преданности волѣ Божіей. Отъ самоотверженія и преданности волѣ Божіей уничтожается страхъ, наводимый бѣсовскимъ искушеніемъ. Діаволъ ничего не можетъ сдѣлать безъ попущенія Божія; онъ находится постоянно во всемогущей рукѣ Божіей и имѣетъ не иное значеніе въ этой рукѣ, какъ значеніе бича, который, самъ по себѣ лишенъ всякой способности къ дѣйствію. Тебѣ послано было духовное видѣніе низшаго разряда, видѣніе грѣховности твоей и того общенія, въ которомъ человѣкъ содержится при посредствѣ грѣха съ духами отверженными. Врагъ позавидовалъ этому и захотѣлъ восхитить изъ души твоей плодъ, то есть чувство плача. Онъ сдѣлалъ это хитро, внушивъ неправильную мысль, которая всегда бываетъ началомъ зла. Ему попустилось сдѣлать это для твоего искуса, чтобъ ты опытно познала діавольскія козни и постоянно была на стражѣ. Духовныя сокровища должно хранить и хранить. Впрочемъ посѣщенію благодати обыкновенно предшествуетъ или послѣдуетъ искушеніе.

Все, случающееся съ подвижникомъ, свидѣтельствуетъ само о себѣ. Но это могутъ понимать только тѣ, которые проходятъ подвигъ правильно. Обольщенные также довольны въ слѣпотѣ своей своими состояніями и случающимся съ ними: ихъ довольство, есть самодовольство, основывающееся на удовлетворяющемъ ихъ и ласкательствующемъ имъ мнѣніи ихъ о себѣ, а не на зрѣніи своей грѣховности и окаянства. Очень хорошо повѣрять себя, открывая о томъ, что случается внѣ обыкновеннаго порядка. Открывать должно предъ знающими дѣло, а не предъ умницами, прославляемыми и выставляемыми міромъ за святыхъ и духовныхъ. „Міръ любитъ свое“, сказалъ Спаситель. Міръ—въ прелести и сочувствуетъ однимъ тѣмъ, которые находятся въ прелести. Служителей истины онъ отвергаетъ и ненавидитъ.

Наступаютъ времена трудныя въ духовномъ отношеніи; они наступили уже давно, какъ пишетъ Святый Тихонъ Воронежскій, но затруднительность постоянно увеличивается, отступничество принимаетъ огромные размѣры. Это—попущеніе Божіе, предсказанное въ словѣ Божіемъ. Предъ непостижимыми судьбами Божіими должно благоговѣть. Что—мы предъ Богомъ?—Ничтожные червячки, призванные Его неизрѣченною милостію въ бытіе и что выше бытія, въ познаніе Бога, въ общеніе съ Богомъ. Будемъ прославлять Его благоволѣніе о насъ, Его милость къ намъ! Будемъ молить Его, да совершитъ до конца милость Свою надъ нами! Недостойный Е. И.

3-е марта 1864 г.

№ 34. Къ И. И—чу Глазунову по предпринятому имъ изданію „Аскетическихъ Опытовъ".

Богу благоугодно было внушить вамъ расположеніе пріобщиться моему убогому труду изданіемъ составленныхъ мною Аскетическихъ Опытовъ. Эта книга въ собственномъ смыслѣ принадлежитъ не мнѣ: она вся заимствована изъ Святыхъ Отцовъ православной Церкви. Мой трудъ состоитъ въ томъ, что въ теченіи всей жизни моей я занимался изученіемъ Отеческихъ Писаній и сдѣлалъ изъ нихъ такое извлеченіе, какое возможно сдѣлать только по долговременномъ изученіи сихъ исканій. Ученіе, принадлежащее Святымъ Отцамъ, должно принести существенную пользу современнымъ христіанамъ, желающимъ проводить жизнь благочестивую и богоугодную, но не имѣющимъ возможности основательно и подробно изучить Отеческія Писанія. То, что, говорю, доказано опытомъ: многіе, читавшіе въ рукописи наставленія о покаяніи, молитвѣ, о кратковременности земной жизни, находящіяся въ книгѣ моей, почувствовали на себѣ сильное дѣйствіе чтенія, способствовавшаго ихъ духовному преуспѣянію. Такъ и должно быть! Аскетическіе Опыты—книга практическая. Она—единственная потому, что со времени введенія въ Россіи образованія никто еще не писывалъ въ этомъ родѣ.

Святые Отцы сказали, что милостыня, оказываемая душѣ, на столько выше милостыни, оказываемой тѣлу, насколько душа выше тѣла. Такой милостынею призналъ я книгу—Аскетическіе Опыты. Промысломъ Божіимъ дано было мнѣ, во спасеніе души моей, пріуготовить эту милостыню: этимъ же Божіимъ Промысломъ дается вамъ, во спасеніе души вашей, передать эту милостыню духовную нуждающимся въ ней христіанамъ. Дѣло Божіе, И. И—чъ, надо дѣлать со тщаніемъ, чтобъ дѣло данное во спасеніе не было повреждено небреженіемъ и не послужило въ осужденіе. Я по силѣ моей постарался дать возможную отчетливость и исправность книгѣ, приготовляя ее съ 1840 года, пересматривая, выправляя, дополняя ее, чтобъ ученіе Отцовъ, изложенное въ ней имѣло удовлетворительную ясность и полноту: такъ и вы озаботьтесь, чтобъ книга была издана исправно и въ должный срокъ. Многія благочестивыя души жаждутъ этой пищи духовной и желаютъ имѣть книгу въ руководство жительства своего именно по той причинѣ, что она есть сборникъ ученія Святыхъ Отцовъ православной Церкви о главныхъ добродѣтеляхъ христіанскихъ и о духовномъ подвигѣ.

Призывая обильное благословеніе Божіе на васъ и на семейство ваше, съ чувствами совершеннаго почтенія и искренней преданности и т. д.

3-е марта 1864 г.

№ 35. О корректурѣ „Опытовъ“ и разныхъ предметахъ.

Не ошиблись вы, вручивъ сына вашего покровительству Божіей Матери. Вслѣдствіе этого покровительства ему посчастливилось на службѣ. Слышу, что вы нездоровы. Въ такомъ положеніи нахожусь и я. Должно положиться на Бога и стараться о благоугожденіи Ему. Находясь постоянно въ Его полной волѣ и власти, мы должны непремѣнно предстать на судъ Его, на которомъ рѣшится наша вѣчная участь, смотря по тому, приблизились ли мы къ Богу или отдалились отъ Него во время нашего земного странствованія.

Относительно корректуры „Опытовъ“ убѣдительно прошу васъ поступить со всею искренностію и прямотою. Если этотъ трудъ удобенъ для васъ, возьмите его на себя; если же онъ сколько-нибудь неудобенъ, то откажитесь отъ него. Поступивъ искренне, вы поступите самымъ пріятнѣйшимъ образомъ для меня.

Что это значитъ? Вѣетъ отъ міра какою-то пустынею, или потому что я самъ живу въ пустынѣ, или потому, что и многолюдное общество, когда оно отчуждилось отъ Слова Божія, получаетъ характеръ пустыни.

Благословеніе и милость Божіи да почіютъ надъ вами и сыномъ вашимъ.

4 мая 1864 г.

№ 36. Въ отвѣтъ соблазняющимся на „Слово о Смерти“.

М. Г. Г. Ив—чъ, искренне благодарю васъ за письмо ваше! Я не утрудилъ бы васъ отвѣтомъ моимъ, еслибъ вы не упомянули о соблазнѣ нѣкоторыхъ по поводу „Слова о Смерти“, и еслибъ мы не имѣли ученія Святыхъ Отцовъ относительно такого рода соблазна. Ученіе это признаю долгомъ моимъ сообщить вамъ. Оно изложено въ 54-мъ словѣ святого Исаака Сирскаго, признаваемаго Церковію однимъ изъ первѣйшихъ наставниковъ христіанскаго аскетизма. „Блаженный Павелъ“, говоритъ этотъ Отецъ, написалъ: „**слово крестное погибающимъ юродство есть**“ (1 кор. 1, 18). Что-жъ изъ этого? Долженствовало-ли Павлу умолкнуть и прекратить проповѣдь по той причинѣ, что слово крестное вмѣнено было въ юродство тѣми, которые не ощутили силы этого слова? Ученіе крестное и до нынѣ служитъ преткновеніемъ для Іудеевъ и Еллиновъ. Итакъ, молчать-ли намъ объ истинѣ, чтобъ таковые не соблазнились? Павелъ не только не умолкъ, но и воззвалъ, говоря: „**Мнѣ да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа**“ (Гал. 6, 14). Хваленіе

о крестѣ повѣдано Святымъ не для того, чтобъ соблазнить иныхъ, но для того, чтобъ была проповѣдываема великая сила Креста. Сообразно сему, и ты, о святый! совершай жительство твое съ тою цѣлію, которую ты положилъ себѣ предъ Богомъ, чтобъ не осуждала тебя совѣсть твоя, и жительство твое разсматривай по Божественному Писанію и по Преданію, которое ты пріялъ отъ Святыхъ Отцовъ. Если не будешь осуждаемъ ими (Св. Писаніемъ и Св. Преданіемъ), то не убойся соблазна, которому подвергнутся нѣкоторые. Никто изъ человѣковъ не возможетъ удовлетворить равно всѣхъ или угодить всѣмъ и въ тоже время угодить Богу и совѣсти своей".

„Слово о Смерти" написано мною въ Сергіевой Пустынѣ вслѣдствіе просьбы нѣкоторыхъ знакомыхъ. Не было у меня ни намѣренія, ни надежды напечатать его. Это могу сказать и о прочихъ сочиненіяхъ моихъ. Особенными обстоятельствами устроилось напечатаніе ихъ и, какъ понимаю, не безъ Промысла Божія. Объ этомъ писали мнѣ нѣкоторыя лица, предавшія себя въ монастырѣ и внѣ монастыря всецѣло теоретическому и практическому изученію христіанства: они выразили мнѣ искреннюю благодарность за изложеніе ученія святой Церкви православной, въ которомъ они существенно нуждались, и по такому предмету, который существенно важенъ для всякаго человѣка. Даже священникъ Матвѣевскій, написавшій рецензію въ „Странникѣ", сознается (стран. 28), что „еще ни одна эсхатологія, или часть богословія, разсматривающая послѣднія событія, касающіяся міра и человѣка, не входила въ такое подробное рѣшеніе этихъ вопросовъ, какое сдѣлано въ „Словѣ о Смерти". Рецензія сама по себѣ не имѣетъ ничего предосудительнаго, напротивъ того, она была очень полезною, предложивъ вопросы, которые затрудняли рецензента и, разумѣется, ни его одного. Разрѣшеніе ихъ должно было принести общую пользу. Было бы желательно, чтобъ предложеніе вопросовъ въ духовномъ журналѣ не смахивало на выходки Герцена. У насъ Богословіе постепенно принимаетъ характеръ болѣе и болѣе опредѣленный, православно-восточный. Это тотчасъ дѣлается яснымъ при сличеніи Богословія, составленнаго Терновскимъ, съ Богословіемъ Преосвященныхъ Антонія и Макарія. Естественно, что по мѣрѣ перевода на русскій языкъ Отцовъ Восточной Церкви, преданіе этой церкви обозначается отчетливѣе. Вообще мы еще не довольно знакомы съ преданіемъ нашей Церкви и непримѣтнымъ образомъ усвоились намъ чуждыя ей нѣкоторыя мнѣнія Запада. По этой причинѣ „Слово о Смерти" сначала было принято многими неблагосклонно, но основательнѣйшія лица изъ духовенства на сторонѣ его, а въ Академіяхъ, гдѣ библіотеки очень удовлетворительны, вѣроятно займутся тщательною обработкою этой части Богословія и изложатъ ее въ обычной системѣ.

Петербургъ очень удобенъ для уединенной жизни: это я испыталъ на себѣ въ свѣтскомъ быту; напротивъ того, для монашествующихъ онъ очень неудобенъ. Впрочемъ, гдѣ-бы кто ни жилъ, если живетъ по заповѣдямъ Божіимъ и руководствуется Словомъ Божіимъ, то живетъ въ предверіи къ вѣчному блаженству.

Милостивый Господь да даруетъ это блаженство и мнѣ и Вамъ и всему вашему благословенному семейству. Е. И.

2 мая 1864 года.

№ 37. О сочиненіяхъ Епископа Игнатія, изданныхъ и издававшихся.

Воистину Воскресе Христосъ! Предсказанное Словомъ Божіимъ должно совершиться. Нашъ священный долгъ — благоговѣть предъ судьбами непостижимыми Бога Господа и, понимая глубокое значеніе совершающагося, обратить все вниманіе, вниманіе усиленнѣйшее на усвоеніе себя Христу, какъ Святые Отцы сказали: „Спасаяй, да спасетъ душу свою“. Спаситель заповѣдалъ: „бдите и молитеся, да не внидите въ напасть“. Предъ наступленіемъ великихъ скорбей должно молиться съ особенною тщательностію и умолять Бога о помилованіи.

Благодарю за увѣдомленіе о мнѣніи различныхъ личностей о „Словѣ о Смерти“ и другихъ сочиненій, находящихся въ связи съ этимъ „Словомъ“. Въ Петербургѣ подобное явленіе. Именно: большинство духовенства сначала были противъ „Слова“, но нѣкоторые изъ духовенства—весьма немногіе—были и за него. Когда же пообдумались, особливо послѣ появленія статьи „Взглядъ“ на мнѣніе западныхъ, тогда всѣ замолкли, впрочемъ не по причинѣ согласія. Нельзя было отвергать служителямъ православной Церкви ученіе, провозглашаемое Церковію всенародно на всемъ пространствѣ ея Богослуженія. Хотѣли отомстить иначе; но рука Божія отвратила ударъ, направленный при посредствѣ Б. Б., стоящаго во главѣ шайки издателей реформаціоннаго и вкупѣ революціоннаго журнала „Странникъ“. Писанія мои мнѣ не принадлежатъ; ихъ источникъ—Отцы, они принадлежатъ Отцамъ православной Церкви. Избраніе меня Промысломъ Божіимъ въ орудіе преподанія этой жизненной духовной пищи современному остатку вѣрующихъ есть и имъ и мнѣ благодѣяніе Божіе. „Міръ любитъ свое“, сказалъ Спаситель. Когда міръ услышитъ Слово Божіе, провозглашаемое по стихіямъ и въ духѣ міра, т. е., когда онъ услышитъ ученіе свое, прикрытое личиною ученія Божія, тогда онъ превозноситъ его похвалами. Когда же онъ ощутитъ въ словѣ присутствіе инаго духа, дѣйствующаго разрушительно на влады-

чество міра: тогда онъ заражается ненавистію къ слову, установляетъ гоненіе на произнесшаго слово. Очень опасно пріобрѣтать познанія не во Христѣ, а развивая свое собственное падшее естество пребывать по духу въ общеніи съ міромъ. Дѣйствуя въ области послѣдняго способа люди непремѣнно заражаются враждою къ Святому Духу, какъ заразилось этою смертоносною враждою Іудейское духовенство, въ чемъ и обличено оно первомученикомъ Стефаномъ. (Дѣян. гл. 7, ст. 51). Эти ученые по буквѣ не нашли словъ, чтобъ противупоставить ихъ словамъ Духа, которыя произносилъ Стефанъ, и потому возгорѣлись къ сосуду Духа завистію и ненавистію. На слова они отвѣчали камнями; на преподаніе истины возразили убійствомъ. Слово Божіе всегда было гонимо міромъ; гоненіе отъ міра всегда было свидѣтельствомъ ученія, исходящаго отъ Бога.

П. А. заботится объ изданіи „Аскетическихъ Опытовъ“, въ которыхъ съ особенною подробностію и разнообразіемъ преподается понятіе о правильной молитвѣ, также и другихъ существенно нужныхъ и важныхъ подвигахъ духовныхъ, безъ которыхъ одни тѣлесные безполезны и даже могутъ быть очень вредными, душепагубными. „Опыты“ должны доставить основательное понятія о такихъ предметахъ, о которыхъ нынѣ въ обществѣ христіанскомъ имѣется познаніе самое поверхностное, по большей части самое превратное, душевредное и душепагубное. „Опыты“ должны удовлетворить настоятельной нуждѣ подвизающихся и спасающихся въ наше время, въ которое изсякли благодатные наставники, умножились и лжеучители. Напечатаніе „Опытовъ“ устроилось особеннымъ Божіимъ Промысломъ. Отступленіе начало совершаться съ нѣкотораго времени очень быстро, свободно и открыто. Послѣдствія должны быть самыя скорбныя. Воля Божія да будетъ! Милость Божія да покроетъ насъ!

Призывающій на тебя благословеніе и благодать Божію. Е. И.

14 мая 1864 года.

№ 38. Объ явленіяхъ истинныхъ и ложныхъ.—О духовникахъ.

Святые Отцы повелѣваютъ подвижнику молитвы при случающихся явленіяхъ внѣ и внутри себя пребывать равнодушнымъ къ нимъ и не внимать имъ, не признавая себя достойнымъ видѣнія святаго. Они завѣщаваютъ съ одной стороны не порицать являнія, чтобъ не подвергнуть порицанію святое, а съ другой никакъ не ввѣряться явленію, поспѣшно признавъ его истиннымъ, чтобъ не впасть въ сѣть лукаваго духа, старающагося обольстить и обмануть подвижника, съ цѣлію повредить или погубить его. По миновании явленія, иногда чрезъ значительное время, является въ сердечномъ чувствѣ объясне-

ніе значенія, которое должно дать явленію. Вообще замѣчено Святыми Отцами, что тѣхъ, которыхъ Богъ посѣтилъ истиннымъ явленіемъ, сатана начинаетъ искушать явленіями ложными. На это тебѣ нужно обратить особенное вниманіе для предосторожности.

Видѣть настоящее положеніе духовныхъ руководителей необходимо, чтобъ охраниться отъ обмана; вмѣстѣ должно очень остеречься отъ осужденія ихъ, непрестанно обращаясь ко вниманію себѣ. Откровенность очень опасна въ наше время, потому что нѣкоторые по превратному пониманію своего положенія, считаютъ обязанностію своею вывѣдывать, чтобъ потомъ вывѣданное передавать. Вѣроятно это дѣлается и съ цѣлію подслужиться.

Потрудись передать К. И. мою искреннѣйшую благодарность за воспоминаніе обо мнѣ. О здоровьѣ моемъ не могу сказать ничего положительнаго. Внутри боли уменьшились. Въ теченіе Великаго поста безпокоили чирьи, а теперь—полнокровіе. Кровь значительно улучшилась. Пришлось провести жизнь трудную, почти постоянно быть въ занятіяхъ, превышающихъ тѣлесныя силы и несоотвѣтствующихъ состоянію здоровья.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою. Е. И.

1 іюля 1864 года.

№ 39. Двумъ сестрамъ. О жизни христіанской.

Искренне желаю, чтобъ вы уподобились благочестивымъ сестрамъ, Мареѣ и Маріи, упоминаемымъ въ Евангеліи, которыя сподобились принять Господа въ домъ свой и благоугодить Ему вниманіемъ слову Его и усерднымъ служеніемъ Ему. Господь сказалъ: „Гдѣ два или три собраны о имени Моемъ“, т. е. живутъ вмѣстѣ съ цѣлію истинно-христіанскою, „ту есмь посредѣ ихъ“. Да совершится это надъ вами! Призывающій на васъ благословеніе Божіе вашъ покорнѣйшій слуга. Е. И.

2 апрѣля 1866 года.

№ 40.

Земля сама собою производитъ разныя сорныя травы (плевелы). Никто не садитъ ихъ: они растутъ сами. Причина тому—извращенное свойство земли. Безразсудно желать отъ земли не свойственнаго ей, т. е., чтобъ земля не производила плевеловъ. Зная такое свойство земли, земледѣльцы съ тщательностію и терпѣніемъ выдергиваютъ изъ земли плевелы по мѣрѣ, какъ они показываются; иначе плевелы заглушатъ собою и уничтожатъ полезныя произрастанія. Точно такъ должно поступать и съ проявленіемъ страстей, когда они будутъ воз-

никать изъ сердца.—Свойственно нашему падшему сердцу рождать изъ себя разныя грѣховныя пожеланія. Отъ этого не должно приходить въ уныніе: должно врачевать страстныя проявленія и увлеченія покаяніемъ и исправленіемъ себя.

12 апрѣля 1866 года.

№ 41. Объ обязанностяхъ супруга православнаго къ супругѣ инославной и о прочемъ.

На письмо ваше нельзя не отвѣчать. Богъ отверзъ сердце ваше къ писаніямъ о покаяніи. Всѣ Святые Православной Церкви въ теченіе всей жизни своей неотступно держались покаянія, держались его и тогда, когда благодать Божія дѣйствовала на нихъ явно. Нынѣ, при занятіи религіею болѣе ищутъ или холоднаго познанія по буквѣ или обольстительнаго наслажденія. То и другое принадлежитъ міру сему, а не Христу.

За послушаніе молюсь о васъ и о чадахъ вашихъ. Милосердный Господь да возстановитъ здравіе супруги вашей. По истинной любви христіанской, которая ищетъ не угождать, а доставлять существенную пользу ближнему, постарайтесь внушить супругѣ вашей во спасеніе ея, что у западныхъ вѣрованій остались лишь буква и самообольщеніе, а въ Православной Церкви, несмотря на наше крайнее изнеможеніе, дѣйствуютъ еще Истина и Святый Духъ въ сосудахъ, приспособленныхъ къ тому правильнымъ, по возможности человѣческой, жительствомъ христіанскимъ. Необходимо вступить въ общеніе съ Духомъ Божіимъ посредствомъ Истины; необходимо сдѣлать это во время земной жизни: безъ этого нѣтъ спасенія. За искренность слова вашего примите, какъ священное возмездіе, искренность моего слова,—и да благословитъ Васъ Богъ!

Апостолъ завѣщаетъ мужу вѣрному заботиться о доставленіи безцѣннаго сокровища истинной вѣры женѣ (1 Кор. гл. 7, 12—16), когда она не имѣетъ его. О, какое счастіе доставить ближнему блаженство въ вѣчности. Е. И.

14 ноября 1864 г.

№ 42. О преимуществахъ отдѣльныхъ положеній отъ общества лицъ, ищущихъ спасенія.

Справедливо говоришь, что милость Божія къ тѣмъ, которые устранены Промысломъ Божіимъ отъ общаго стремленія массы въ отдѣльныя положенія, какъ бы на острова, съ которыхъ только видна и слышна буря морская, и то тогда, когда житель острова оста-

вить глубину его—вниманіе къ себѣ, и приблизится къ берегу—начнетъ внимать совершающемуся на житейскомъ морѣ. Эта милость Божія возвѣщена и Священнымъ Писаніемъ (Пс. 30, 20, 21, 22). Святые Отцы предвозвѣстили, что въ послѣднія времена спасающіеся скроются отъ входовъ человѣческихъ и пойдутъ смиреннымъ путемъ дѣланія, хранясь осуждать отступниковъ, предавая все волѣ Божіей и суду Божію, благоговѣя предъ самыми попущеніями Божіими.

Не отъ кого ожидать возстановленія христіанству! Сосуды Святаго Духа изсякли окончательно повсюду, даже въ монастыряхъ, этихъ сокровищницахъ благочестія и благодати, а дѣло Духа Божія можетъ быть поддерживаемо и возстановляемо только Его орудіями. Милосердое долготерпѣніе Божіе длитъ время и отстрочиваетъ рѣшительную развязку для небольшого остатка спасающихся, между тѣмъ гніющее и почти согнившее достигаетъ полноты тлѣнія. Спасающіеся должны понимать это и пользоваться временемъ, даннымъ для спасенія, „ яко время сокращено есть“, и отъ всякаго изъ насъ переходъ въ вѣчность не далекъ.

№ 43. О строеніи Церкви Божіей.

Воля Божія да совершается надъ нами! Недавно занимался я книгою, въ которой собраны сочиненія различныхъ Святыхъ, между прочимъ Антонія Великаго. Въ числѣ другихъ изреченій Отца помѣщено, что онъ видѣлъ нисшествіе Святаго Духа на авву Аѳанасія и на авву Пахомія, при этомъ первому дано дарованіе патріаршества, а второму—настоятельства надъ общежительными монастырями. Также въ Евангеліи сказано, что Господь заповѣдалъ Апостоламъ пребывать неисходно въ Іерусалимѣ, доколѣ они не облекутся силою Свыше, т. е., доколѣ не низойдетъ на нихъ Святый Духъ. Уже обличенные силою Свыше, не прежде, они вышли на проповѣдь и насѣяли во вселенной истинное Богопознаніе. Святый Духъ былъ учредителемъ и воспитателемъ христіанства! Святый Духъ основалъ Церковь! Святый Духъ поддерживалъ Церковь чрезъ посредство избранныхъ мужей, служившихъ Духу только орудіями! Человѣки отвергли эту сверхъестественную Силу, Которую они сочли юродствомъ, недостойнымъ ихъ, и хотятъ дѣйствовать силами и средствами своего падшаго естества. Но падшее естество заражено враждою къ Богу: какъ-же оно можетъ дѣйствовать въ пользу тѣла Божія? Это—противоестественно ему! Это невозможно для него! Рѣшительная невозможность доказывается опытомъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ. Оказалось, что люди, вздумавшіе дѣйствовать изъ себя въ пользу дѣла Божія, сдѣлались главными врагами этого дѣла, разрушителями его. Жить проще—вѣрнѣе. Стараться исполнить волю Божію и положиться во всемъ на Бога—самое лучшее дѣло. Е. И.

1 февраля 1865 года.

№ 44

Статья „Странника“ очень слаба. „Взглядъ на ученіе Западныхъ“ очень пополненъ мною. Онъ будетъ напечатанъ во второмъ томѣ „Аскетическихъ Опытовъ“ и можетъ служить весьма удовлетворительнымъ отвѣтомъ на статью „Странника“. Въ „Христіанскомъ Чтеніи“ (книжка за декабрь) протекшаго 1864 года помѣщена очень важная статья подъ названіемъ: „Новыя изданія по расколу И. Нильскаго“. Въ ней изложены обвиненія старообрядцевъ, имѣющихъ австрійскихъ архіереевъ на Великороссійскую Церковь. Эти обвиненія, хотя не вполнѣ одобрены съ нѣкоторою уклончивостію въ общихъ словахъ, въ сущности не отвергаются. На страницѣ 486 сказано: „При Александрѣ I архіереи сдѣлались масонами и издавали и читали тысячи книгъ масонскихъ и безбожныхъ; издавали духовные журналы, какъ-то: „Сіонскій Вѣстникъ“, „Угрозъ Свѣтовостоковъ“, самыя еретическія книги; даже „Христіанское Чтеніе“ какихъ не содержитъ въ себѣ ересей“... „Кому въ Церкви Россійской разсуждать о догматахъ, о вѣрѣ? По апостольскому примѣру надлежитъ разсуждать соборне, а въ Церкви Всероссійской какіе соборы? Синодъ занимается только дѣлами внѣшними, о догматахъ же не разсуждаетъ, потому всякъ ученый пишетъ на свой образецъ. То жили безъ преданія по Лютерову смыслу, то обратились къ преданіямъ Святыхъ Отецъ и прибавили сіе ученіе въ Катихизисъ, обличая симъ, что прежде уклонялись отъ православной вѣры, но передѣлали на свой ладъ, показуя симъ, что не одинаково мыслятъ съ Восточными патріархами. Исчисливъ другія несообразности, говорится (стр. 487): „А все оттого, что учатъ не по Святымъ Отцамъ, а по книгамъ латинскимъ и лютеранскимъ“.

Отовсюду слышно, что расколъ, съ одной стороны, безбожіе, съ другой необыкновенно усиливаются. Нельзя этому не быть. Вышеприведенному голосу поповцевъ какъ не имѣть значенія и силы? Въ ноябрской книжкѣ „Странника“ публикована книга: „26 Московскихъ лжепророковъ“ и проч.—Что-же? Въ первыхъ двухъ статьяхъ, особливо въ первой объ Иванѣ Яковлевичѣ, выставлено участникомъ ихъ лицо, предметъ общаго уваженія, и превращено въ предметъ насмѣшки. Опять: какъ этой брошюрѣ не имѣть своего дѣйствія на легкомысленныхъ! Новыя философскія книги сбиваютъ съ толку ученыхъ.

Надо бы принять благовременно мѣры, но онѣ не принимаются и потомъ превращается въ потокъ. Е. И.

1866 года.

№ 45.

Братъ привезъ мнѣ извѣстіе, что ты подвергался тяжкой болѣзни, почему и пишу я тебѣ эти утѣшительныя строки. Святые Отцы совѣ-

тують благодарить Бога за тѣ скорби, которыя намъ посылаются, и исповѣдывать въ молитвѣ нашей, что мы достойны наказанія за грѣхи наши. Такимъ образомъ принимаемая скорбь послужитъ намъ непремѣнно въ очищеніе грѣховъ нашихъ и залогомъ къ полученію вѣчнаго блаженства. Мы по свойству недугующаго паденіемъ естества нашего, заботимся наиболѣе объ устроеніи нашего земного положенія, а Богъ устраиваетъ наше вѣчное положеніе, о которомъ мы забыли бы, еслибъ земное наше положеніе не было потрясаемо скорбями, еслибъ скорби, посылаемыя по временамъ Промысломъ Божіимъ, не напоминали намъ, что все временное и земное преходитъ и что главныя заботы должны быть о вѣчномъ. Писаніе говоритъ: „Господь, его же любитъ, наказуетъ“. Скорби, вразумляющія посылаются отъ Бога тѣмъ, которыхъ Онъ хочетъ помиловать, а отверженнымъ посылаются скорби сокрушительныя и рѣшительныя, наиболѣе на самомъ концѣ жизни, какъ-то, или скоропостижемая смерть или лишеніе разсудка и тому подобное.

Великъ Богъ нашъ! Великое дѣло—искупленіе человѣковъ Богомъ! страшные дни—паденіе человѣка! Необходимо нужно основательно познать это, чтобъ не погибнуть навѣки. Е. И.

22 іюня 1866 года.

№ 46.

Подвижникамъ, занимающимся умственнымъ подвигомъ, попускаются преимущественно предъ тѣлесными подвигами болѣзни и другія скорби: отъ дѣйствія ихъ подвижникъ по необходимости долженъ возлагать надежду на Бога. Отъ усиленія надежды на Бога слабѣетъ самонадѣянность; съ уменьшеніемъ самонадѣянности уменьшается самомнѣніе. Съ ослабленіемъ этихъ недуговъ начинаетъ зараждаться въ душѣ истинное смиреніе, на которомъ основаны правильность и прочность всякаго подвига.

Это сказано въ утѣшеніе тебѣ въ постигшей тебя болѣзни. Будемъ предаваться волѣ Божіей и дѣлать сами то, что зависитъ отъ насъ.

Е. И.

29 іюля 1866 года.

№ 47. О терпѣніи скорбей и упованіи на Бога.

Тому человѣку, котораго Богъ избираетъ въ служеніе Себѣ, посылаются различныя скорби. За скорби должно благодарить и славословить Бога, моля Его, чтобъ даровалъ покорность Ему и терпѣніе. Очень хорошо сказалъ святый Исаакъ Сирскій, увѣщавая покоряться Богу: „Ты не умнѣе Бога“. Просто и вѣрно.

Послѣ послѣдняго пріема сиропа чувствую необыкновенную слабость. Ноги не служатъ. Боль въ сердцѣ, которая была уже очень сильною въ Сергіевой Пустынѣ, обнаружилась послѣ сиропа съ особенною ясностію. Проведши жизнь подъ игомъ различныхъ немощей, въ постоянныхъ преткновеніяхъ, въ постоянномъ упущеніи обязанностей моихъ, имѣю тотъ счастливый результатъ изъ такой жизни, что всю надежду спасенія моего долженъ возлагать на единаго Бога.

Е. И.

29 ноября 1866 года.

№ 48. Объ упованіи на Бога.

Жизнь христіанина на землѣ есть цѣпь страданій. Должно бороться съ тѣломъ своимъ, со страстями, съ духами злобы. Въ этой борьбѣ—наша надежда. Наше спасеніе есть Богъ нашъ. Возложившись на Бога, должно переносить съ терпѣніемъ время борьбы. Искушенія какъ-бы топчутъ человѣка, претворяя зерно въ муку. Они попускаются намъ по Промыслу Божію, къ великой душевной пользѣ нашей: отъ нихъ получаемъ сердце сокрушенно и смиренно, которое Богъ не уничижитъ.

Прошу твоихъ святыхъ молитвъ обо мнѣ, изнемогающемъ и тѣломъ и душею. Призывающій на тебя благословеніе Божіе.

Е. И.

27 декабря 1866 года.

№ 49. Изреченіе Святителя Тихона о христіанствѣ.

Съ мѣсяцъ, какъ я чувствую во всей нижней части груди особеннѣйшую боль и истощаніе. Отъ ничтожнѣйшаго занятія письмомъ утомлюсь неимовѣрно.

П. А. довольно хлопотъ съ изданіемъ моихъ сочиненій! Но эти хлопоты тѣмъ полезныя ему, что дали возможность всмотрѣться въ состояніе Церкви, которое грустно. Святитель Тихонъ, смотря проницательно на направленіе, принимаемое современниками его, сказалъ: „Должно опасаться, чтобы христіанство, будучи жизнь, таинство и духъ, не удалилось непримѣтнымъ образомъ изъ того человѣческаго общества, которое не умѣетъ хранить этотъ безцѣнный даръ Божій“.

Прошу твоихъ молитвъ обо мнѣ. Призывающій на тебя обильное благословеніе Божіе.

Е. И.

1 февраля 1867 года.

№ 50. О скорбяхъ и жизни христіанина въ міру и о христіанствѣ.

Приношу искреннѣйшую благодарность за воспоминаніе о мнѣ немощномъ и грѣшномъ. Неизреченное милосердіе Божіе да даруетъ и мнѣ и тебѣ нести попускаемыя намъ скорби съ преданностію волѣ Божіей, съ благодареніемъ Богу, съ исповѣданіемъ своей грѣховности, отъ которыхъ является въ душѣ терпѣніе.

Жизнь человѣка въ міру, въ свѣтской жизни, хотя бы и молодого, не снимаетъ съ него обязанности вести себя благочестно. Благочестіе необходимо не только въ отношеніи къ вѣчности, но и къ временному благополучію его: одно благочестіе можетъ удержать его отъ пагубныхъ увлеченій, которыми онъ вредитъ себѣ и потрясаетъ любящихъ его истинно.

Времена чѣмъ далѣе, тѣмъ тяжеле. Христіанство, какъ Духъ, не примѣтнымъ образомъ для суетящейся и служащей міру толпы очень примѣтнымъ образомъ для внимающихъ себѣ удаляется изъ среды человѣчества, предоставляя его паденію его. Сущіе во Іудеи да бѣжатъ въ горы.

№ 51. Чтеніе Слова Божія—простота Евангельская, жизнь по вѣрѣ, духовныя разумѣнія Евангельскихъ заповѣдей.

Какой сладостный, духовный, высокій плодъ пожинаютъ погружающіеся умомъ и сердцемъ въ Словѣ Божіемъ, повѣряющіе по глаголамъ этой небесной Премудрости опыты своего земнаго странствованія! Таковые достигаютъ того, чего желалъ отъ вѣрующихъ во Христа Христовъ Апостолъ, когда онъ писалъ имъ: „Молю вы, братіе, да будете утвержденни въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли“. Событіе сихъ словъ я ощущалъ въ себѣ, читая ваши строки, которыя изливало сердце, пронзенное многими скорбями, нашедшее отраду въ язвахъ Іисуса, прозрѣвшее яснѣе на будущность, видящее яснѣе Промыслъ Божій, истинное назначеніе человѣка, ничтожность и быстрое исчезаніе всего временнаго и суетнаго. Читая ваши строки, я какъ будто размышлялъ самъ съ собою; въ отвѣтъ я могъ бы послать вамъ письмо ваше, подписавъ подъ нимъ мое имя. Давно не видимся другъ съ другомъ, не бесѣдуемъ лицомъ къ лицу, пишемъ другъ къ другу не часто, а сближаемся другъ съ другомъ болѣе и болѣе! Вотъ плодъ ученія Христова! Письмо ваше сказало мнѣ, что вы часто прибѣгаете къ Слову Божію и къ молитвѣ, просвѣщающимъ человѣка. По мыслямъ раждающимся въ душѣ, можно узнавать, какія впечатлѣнія на нее дѣйствуютъ! Принимайте слова мои съ простотою сердца, потому что и я ихъ произношу отъ искренняго сердца. Въ словахъ

моихъ нѣтъ ничего лестнаго! Льстящіе льстятъ для того, чтобъ уловить, насмѣяться, повредить. Нѣтъ, не имѣю этой цѣли! Говорю для истины, для любви: языкъ ихъ конечно вы можете отличить отъ языка, которымъ говоритъ льстивое и лживое человѣкоугодіе. Ваши размышленія о простосердечіи и лукавствѣ, извлеченныя изъ опытовъ жизни христіанской и внимательной, такъ мнѣ понравились, что я благословилъ искреннимъ ученикамъ моимъ списать письмо ваше въ ихъ письменныя книги, въ которыя вносится особенно примѣчательное современное съ цѣлію душевной пользы.

Какое условіе христіанской простоты?—Послѣдованіе закону Божію. Добродѣтельный и благонамѣренный не нуждается представляться таковымъ: напротивъ того, кто любитъ грѣхъ, чья воля въ грѣхѣ, тому нужна личина. Вѣра рождаетъ простоту. Вѣрующій идетъ путемъ жизни, надѣясь на Промыслителя своего, какъ говоритъ Писаніе: „ходяй просто, ходитъ надѣяся“. Невѣрующій не видитъ Божественнаго Промысла,—думаетъ, что судьба его зависитъ отъ ухищреній его разума;—все благо полагаетъ въ земномъ; стремясь къ нему, лукавствуетъ мыслію, словомъ и дѣломъ. Чѣмъ болѣе будемъ углубляться въ Слово Божіе, чѣмъ болѣе будемъ возрастать возрастомъ духовнымъ, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться, что приблизиться къ Богу невозможно иначе, какъ простотою, въ которой и вѣра, и чистота совѣсти, и образъ мыслей, созданные заповѣданіями Вышняго. Одни простосердечные способны преуспѣвать духовно, какъ говоритъ Писаніе: „Въ душу злохудожну не внидетъ Премудрость“: Простосердечные подвергаются страданіямъ; но не безъ причины: небесный Виноградарь отребляетъ лозы Свои. Онъ видитъ ихъ способность къ плодоносію. Вѣтвь безплодная не привлекаетъ къ себѣ Его вниманія и заботъ до той поры злосчастной, какъ придетъ время ее отрѣзать и выкинуть изъ виноградника. Тогда подбираютъ ее нищіе земли для топлива своего! Подъ именемъ нищихъ разумѣю здѣсь лишенныхъ всякаго блага бѣсовъ, заботящихся, чтобъ ихъ вѣчная печь горѣла жарче. Знаменательны приведенныя вами слова Спасителя: „Еже твориши, сотвори скоро“. Такой же обширный смыслъ имѣетъ и молчаніе Христово предъ судьями беззаконными, судившими для того, чтобъ обвинить, чтобъ найти какой-нибудь предлогъ обвиненія праведнаго, для исполненія злобнаго замысла, давно замышляемаго въ сердцѣ преступномъ и злобномъ и лукавомъ. Посреди этого Божественнаго молчанія возгремѣли въ наставленіе наше слова Спасителя къ Пилату, слова тихія по наружности, но страшныя, какъ громъ и молнія, по смыслу: „Не имаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше“. (Ев. Іоан.). Какое глубокое и обширное наставленіе для страждущихъ о Христѣ, научающее ихъ смотрѣть на своихъ Пилатовъ, какъ бы на бездушное оружіе Промысла Божія, подающаго возлюблен-

ному своему чашу Христову, залогъ блаженства вѣчнаго со Христомъ. Здѣсь уже совершается отдѣленіе пшеницы отъ плевеловъ и производится Божій судъ надъ ними. Послѣдователь Христовъ страждетъ въ великодушномъ молчаніи, познавая крестомъ Христа; а Пилатъ съ холодностію вопрошаетъ объ Истинѣ, не думаетъ и не желаетъ знать о Ней, потому что не хочетъ даже выслушать, дождаться отвѣта. Между тѣмъ Само—Истина Христосъ ему предстоитъ въ смиреніи и высокимъ молчаніемъ о Себѣ сказуетъ: „Удивися разумъ мой отъ Тебе“, молитвенно взывалъ къ Богу святый Давидъ, удивится Евангелію и его глубокому ученію, ученію Божественному, христіанинъ, читающій его съ вѣрою и чистотою совѣсти при озареніи свыше. Живые жизнію, заимствованною отъ ветхаго Адама по закону чадородія, находятся въ состояніи паденія; это состояніе свое доказываютъ непрестаннымъ самообольщеніемъ, почитая землю, мѣсто своего изгнанія, мѣстомъ наслажденій безконечныхъ. Новый Адамъ—Христосъ крестомъ спасаетъ падшихъ: умерщвляется жизнь паденія отъятіемъ наслажденій земныхъ; а изъ нѣдръ этой смерти возникаетъ жизнь о Христѣ, находящая наслажденіе въ лишеніяхъ. Отсюда переселяется человѣкъ мыслями, желаніями, надеждами на Небо и ожидаетъ съ извѣщенною вѣрою обѣтованія Свыше, обновленія Духомъ Святымъ. Намъ должно странствовать со Христомъ, страдать съ Нимъ, претерпѣть распятіе, вкусить смерть, быть погребенными, воскреснуть и вознестись. Этого желаю вамъ и себѣ, почему произношу вмѣстѣ съ вами, исполненную духовнаго разума, утѣшительнѣйшую молитву: „Господи! совершай надъ нами волю Твою; а намъ даруй мыслить, чувствовать дѣйствовать по Твоей волѣ. Сего единаго у тебя просимъ; въ семъ единомъ заключаемъ всѣ наши желанія и моленія“. Аминь.

№ 52 О книгѣ Н. Гоголя: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

Съ благодарностію возвращаю вамъ книгу, которую вы мнѣ доставляли. Услышьте мое мнѣніе о ней. Виденъ человѣкъ, обратившійся къ Богу съ горячностію сердца. Но въ дѣлѣ религіи этого мало. Чтобъ она была истиннымъ свѣтомъ собственно для человѣка и издавала изъ него неподдѣльный свѣтъ для ближнихъ его, необходимо нужно въ ней опредѣлительность. Опредѣлительность заключается въ точномъ познаніи Истины, въ отдѣленіи Ея отъ всего ложнаго, отъ всего лишь кажущагося истиннымъ. Это сказалъ Самъ Спаситель: „**Истина свободитъ вы**“. Въ другомъ мѣстѣ Писанія сказано: „**Слово Твое Истина есть**“. Почему желающій стяжать опредѣлительность глубоко вникаетъ въ Евангеліе, соображаясь съ ученіемъ Господа, выправляетъ свои мысли и чувствованія. Когда человѣкъ со-

вершитъ этотъ трудъ, тогда онъ возмогаетъ отдѣлить въ себѣ правильныя, добрыя мысли и чувствованія отъ поддѣльно, мнимо правильныхъ и добрыхъ. Тогда вступаетъ въ чистоту, какъ и Господь послѣ тайной вечери сказалъ ученикамъ Своимъ, образованнымъ уже ученіемъ Истины: **„Вы чисты есте за слово, еже рѣхъ вамъ“**.

Но одной чистоты недостаточно для человѣка: ему нужно оживленіе, вдохновеніе. Такъ,—чтобъ свѣтилъ фонарь, недостаточно чисто вимытыхъ стеколъ, нужно, чтобъ внутри его зажжена была свѣча. Такъ сдѣлалъ Господь съ учениками Своими. Очистивъ ихъ истиною, Онъ оживилъ ихъ Духомъ Святымъ,—и они содѣлались свѣтомъ для человѣковъ. До пріятія Духа Святаго Апостолы не были способны научать человѣчество, хотя уже и были чисты.

Такой ходъ долженъ совершиться съ каждымъ христіаниномъ, христіаниномъ на самомъ дѣлѣ, а не по одному имени: сперва очищеніе Истиною, а потомъ просвѣщеніе Духомъ.

Правда, есть и у человѣка врожденное вдохновеніе, болѣе или менѣе развитое, происходящее отъ движенія чувствъ сердечныхъ. Истина отвергаетъ это вдохновеніе, какъ смѣшанное, умерщвляетъ его, чтобъ Духъ, пришедши, воскресилъ его въ обновленномъ состояніи. Если же человѣкъ прежде очищенія Истиною будетъ руководствоваться своимъ вдохновеніемъ, то онъ будетъ издавать для себя и для другихъ не чистый свѣтъ, но смѣшанный, обманчивый, потому что въ сердцѣ его живетъ не простое добро, но добро смѣшанное со зломъ болѣе или менѣе. Всякій взгляни въ себя и повѣрь сердечными опытами слова мои!—Они точны и справедливы, скопированы съ самой натури.

Примѣнивъ эти основанія къ книгѣ Гоголя, можно сказать, что она издаетъ изъ себя и свѣтъ и тьму. Религіозныя его понятія неопредѣленны, движутся по направленію сердечнаго вдохновенія неяснаго, безотчетливаго, душевнаго, а не духовнаго. Онъ писатель, а въ писателѣ непремѣнно **„отъ избытка сердца уста глаголютъ“**, или: сочиненіе есть непремѣнная исповѣдь сочинителя, по большей части имъ не понимаемая, а понимаемая только такимъ христіаниномъ, который возведенъ Евангеліемъ въ отвлеченную страну помысловъ и чувствъ въ ней различилъ свѣтъ отъ тьмы; книга Гоголя не можетъ быть принята цѣликомъ и за чистые глаголы Истины. Тутъ смѣшеніе; тутъ между многими правильными мыслями много неправильныхъ.

Желательно, чтобъ этотъ человѣкъ, въ которомъ замѣтно самоотверженіе, причалилъ къ пристанищу Истины, гдѣ начало всѣхъ духовныхъ благъ.

По этой причинѣ совѣтую всѣмъ друзьямъ моимъ заниматься по отношенію къ религіи единственно чтеніемъ Святыхъ Отцовъ, стя-

жавшихъ очищеніе и просвѣщеніе по подобію Апостоловъ, потомъ уже написавшихъ свои книги, изъ которыхъ свѣтитъ чистая Истина и которыя читателямъ сообщаютъ вдохновенія Святаго Духа. Внѣ этого пути, сначала узкаго и прискорбнаго для ума и сердца,—всюду мракъ, всюду стремнины и пропасти! Аминь.

№ 53. О живописи церковной.

Нахожу, что описаніе двухъ картоновъ, сдѣланное вами, украшаетъ эти картоны многими прекрасными мыслями. Этимъ описаніемъ приготовляется воображеніе, приготовляются взоры, чтобъ увидѣть прекрасныя иконы,—почти живыя, говорящія поучительнѣйшую проповѣдь. По крайней мѣрѣ я получилъ такое настроеніе. Но когда перенеслись взоры изъ чтенія на рисунки, мое ожиданіе не осуществилось:—я увидѣлъ не иконы нашей Православной Церкви, но карикатуры иконъ. Словно—еслибъ пѣвецъ съ италіанской сцены началъ пѣть на свой ладъ съ изліяніемъ романическаго чувства нашу величественную Херувимскую Пѣснь.

О картонѣ Б—и.

Прекрасная, возвышенная мысль—неизобразимое изображеніемъ Божество изобразить словомъ Сый, отъ Котораго—лучи!

Для чего же Ангелы отвратили взоры свои отъ изображеннаго такъ превосходно Божества? Они должны бы были учить предстоящихъ благоговѣнію предъ Божествомъ; въ нихъ бы должно показать стремленіе къ Божеству всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ помышленіемъ, всею крѣпостію, какъ этого требуетъ, этому научаетъ Самъ Спаситель. Въ этомъ состояніи находятся по самой вещи Ангелы, предстоящіе славѣ Божіей, какъ открываетъ намъ Писаніе. Напротивъ—здѣсь Ангелы оказываютъ мало вниманія и уваженія Божеству, ни одинъ не удостоиваетъ взглянуть на Него, всѣ зѣваютъ (извините за выраженіе) по сторонамъ. И стоитъ уединенно величественный Сый, отдѣленный, отсѣченный отъ всей картины! Неужели у художника таилось въ душѣ намѣреніе написать критику на наше время, намекнуть намъ, что Богъ нами забытъ, что повидимому мы простираемъ къ Нему руки, а по самой вещи отвратились отъ Него.

Четыре верхніе Ангелы суть фигуры женскія. Этимъ нарушено преданіе Православной Церкви, которая всегда изображаетъ Ангеловъ прекрасными юношами. Нѣтъ примѣра во всемъ Священномъ Писаніи, чтобъ Ангелъ явился въ образѣ женщины. Здѣсь дамы и не важныя дамы. Судя по ихъ физіономіямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего

Божественнаго, которыя слишкомъ обыкновенны, надо предполагать, что натурщицами были не болѣе, какъ горничныя дѣвушки, а натурщицею для верхней фигуры на лѣвой сторонѣ—какая-нибудь кастеляныша нѣмочка, уже, какъ видно, пожилая, съ выраженіемъ беззаботнаго выраженія на лицѣ,—вѣроятно того чувства, которое было въ ея душѣ въ то время, когда она стояла предъ художникомъ. Отымите у фигуръ крылья, вмѣсто Сый поставьте люстру и спросите, что представляетъ картина?—Пляску.

Для нижнихъ трехъ Ангеловъ служили образцами мальчики. И на картинѣ—мальчишки. Даже нѣтъ усилія произвести ихъ въ Ангеловъ. Средній—смотритъ изъ окошка со всѣмъ должнымъ вниманіемъ ребенка, на ходящій на улицѣ народъ и ѣздящіе экипажи; а два ассистента рѣзвились, играли и на что-то мимоходомъ взглянули—только не на Бога. До Него имъ совсѣмъ нѣтъ дѣла! Въ благовоспитанныхъ мальчикахъ преобладающее чувство—невинность и нѣжность. А здѣсь — здоровенькаго сложенія ребятишки, способные пошалить, для которыхъ розга—не лишнее. Какъ долженъ быть осмотрителенъ, строгъ выборъ натурщиковъ! Ихъ чувства, ихъ характеры, ихъ нравственность, ихъ способности переходятъ на картины. Отъ недостатка столь нужной священной критики у насъ на новѣйшихъ иконахъ, въ которыхъ искусство живописи достигло неоспоримо высокой степени развитія, вмѣстѣ видны и рѣзкія несообразности. Не намѣренъ я исчислять ихъ, потому что онѣ безчисленны, но выскажу ту несообразность, которая часто терзала мои взоры, когда они въ тѣхъ глазахъ, изъ которыхъ должна бы сіять Божественная Премудрость, усматривали выраженіе недостатка умственныхъ способностей. Нѣкоторый кучеръ, видный, но очень ограниченнаго ума, поступивъ ко мнѣ въ услугу, самъ мнѣ сказывалъ: „Я былъ натурщикомъ въ Академіи семь лѣтъ, въ такой-то церкви такая-то икона писана съ меня“. Онъ исчислялъ иконы, для которыхъ служилъ оригиналомъ, которыхъ не хочу наименовать! этого не стерпитъ мое сердце! Но вотъ причина глупыхъ глазъ на иконѣ: она—вѣрный портретъ статнаго кучера съ глупыми глазами.

Иконописецъ долженъ твердо знать догматы православной Церкви и вести жизнь глубоко-благочестивую, потому что назначеніе иконы—наставлять народъ изображеніями. Посему иконы должны сообщать понятія истинныя, чувствованія благоговѣйныя, точно-благочестивыя. Въ противномъ случаѣ икона будетъ дѣйствовать такъ, какъ бы дѣйствовалъ съ каѳедры проповѣдникъ, зараженный лжеученіемъ или съ одними познаніями литературными безъ познаній богословскихъ.

О картонѣ Р—а.

Древніе воины ни за что бы не остались въ каскахъ предъ священнымъ изображеніемъ Живоначальной Троицы, вынесеннымъ длани великаго угодника Божія, знаменитаго преславными чудотвореніями! Древніе благочестивые воины преклонили бы колѣна! Перенеситесь къ самому событію: Преподобный Сергій благословляетъ Димитрія Донского на походъ противъ Мамая. При этомъ обстоятельствѣ какое было благоговѣніе! Какія серьезныя мысли и ощущенія должны были наполнять всѣхъ и каждаго. Шли на кровавую Куликовскую битву, противъ несмѣтныхъ полчищъ татарскихъ, имѣвшихъ на своей сторонѣ не только превосходство въ числѣ, но нравственную огромную силу—воспоминаніе двувѣковыхъ побѣдъ и владычества. Россіяне ясно видѣли, что побѣда для нихъ была крайне сомнительна, что слѣдствія побѣжденія должны быть самыя бѣдственныя. Предъ очами всѣхъ носилась смерть! Она украшалась лишь тѣмъ, что съ мыслію о ней соединялась мысль о вѣнцѣ мученическомъ, потому что въ походѣ противъ Мамая всѣ признавали не только необходимость отечественную, но и необходимость религіозную. И точно! Походъ этотъ былъ болѣе плодомъ вѣры, нежели политическихъ расчетовъ; походъ—благословенъ Преподобнымъ Сергіемъ!

При совершеніи этого благословенія могла ли имѣть мѣсто легкость и вѣтренность, которая замѣтна въ другихъ и даже въ нѣкоторыхъ инокахъ? Здѣсь воины не могли имѣть того чувства, которое имѣютъ наши современные герои, когда они въ манежѣ ожидаютъ развода. Есть картина—поставленіе въ Царя Михаила Ѳеодоревича Романова. Тамъ довольно удовлетворительно выражено на всѣхъ лицахъ и въ постановкахъ фигуръ чувство благоговѣнія и благочестія. Это чувство даетъ картинѣ единство дѣйствія, моральное и религіозное достоинство, достоинство иконы.

Не мое дѣло судить о самомъ искусствѣ, и потому не обращаю вниманія на то, что фигура Димитрія Донского кажется мнѣ въ неестественномъ положеніи. Но долженъ сказать, что и понынѣ благочестивые военные люди, намѣреваясь приложиться къ Святынѣ, снимаютъ съ себя и отлагаютъ оружіе. Къ чему Димитрій подноситъ такъ близко къ иконѣ мечъ свой? Не для благословенія ли? Для этого мечу довольно лежать повергнутымъ на землю. Не сходно съ чувствами и понятіями проникнутаго глубокимъ благочестіемъ князя, чтобъ онъ дерзнулъ поднести такъ близко къ Святынѣ оружіе, проливающее кровь человѣческую. Вообще картонъ Р—а, не оживленный благоговѣніемъ и прочими священными ощущеніями, напротивъ того, изображающій много свѣтскости, далеко отстоитъ отъ достоинства иконы, имѣя, можетъ быть, все достоинство картины.

Въ вашемъ описаніи, вы похвалили произведенія художниковъ, какъ художниковъ,—и похвалили прекрасно, какъ литераторъ. Примите мои слова,—это искреннее, прямое выраженіе чувствъ моихъ; я не остановился предъ нѣкоторыми выраженіями довольно рѣзкими для того, чтобы нисколько не пострадала Правда. Пусть лучше немного пострадаетъ ухо и нѣжный вкусъ! Согласитесь! Сколько должно страдать сердце, самые глаза истиннаго сына Православной Восточной Церкви, когда онъ видитъ на мѣстахъ, принадлежащихъ святымъ иконамъ—лишь картины, часто прекрасной кисти, но почти всегда чуждой Богословскаго познанія и чувства.

Письма къ С. И. С—вой.

24 мая 1848 года.

№ 54.

Вы нисколько не ошибетесь добрѣйшая С. И., если всю жизнь нашу уподобите продолжительной войнѣ. Каждому изъ насъ предназначено взять у иноплеменниковъ свой Іерусалимъ и свой Царьградъ. Слава на небѣ ожидаетъ побѣдителя и завоевателя,—безчестіе вѣчное ожидаетъ рѣшительно побѣжденнаго, допустившаго себѣ паденіе, изъ котораго нѣтъ возстанія. Не желайте, прежде рѣшительной побѣды, ни мира, ни отдыха. Сражайтесь! если чувствуете изнеможеніе, если побѣждаетесь въ мысли: то снова ободряйте себя, старайтесь не быть побѣжденною на самомъ дѣлѣ и обучиться со временемъ къ побѣдѣ при столкновеніи однихъ мыслей. Доставивъ Колѣ земное счастіе, постарайтесь доставить ему и небесное. Вотъ работа послѣ работы. Ваша добродѣтель будетъ привлекать благословеніе Божіе на Вашего сына; а за согрѣшеніе Ваше можетъ разразиться надъ нимъ гнѣвъ Божій. Помните это и укрѣпляйтесь. Богъ, доселѣ неоставлявшій Васъ, не оставитъ и на будущее время. Благословеніе Его да почіетъ надъ вами.

Вамъ преданнѣйшій А. И.

М. Г. С. Г.

17 сентября 1849 года.

№ 55.

Примите мое усерднѣйшее поздравленіе съ днемъ Ангела Вашего. Да хранитъ онъ дни Ваши въ полномъ благополучіи, какое можетъ быть на земли, и да наставляетъ душу Вашу на стези правыя и святыя, ведущія въ блаженство вѣчное. Примите на себя трудъ передать мое поздравленіе Софіи В. Въ этотъ день была именинница моя ма-

тушка: ее звали Софіею, были именинницами четыре родныя сестры— всѣ почившія.

Призывающій на Васъ благословеніе Божіе н. А. И.

23 августа 1846 года.

№ 56.

Нѣтъ въ моемъ сердцѣ для васъ укоризны. Есть въ немъ желаніе вамъ душевной пользы, есть искренность. Принимайте слова мои съ простотою и любовію, потому что они говорятся съ простотою и любовію. Любовь не подозрительна, исполнена вѣры, я говорю о любви духовной; плотская любовь всегда растворена ревностію и подозрительностію.

Кумирами называю, или лучше научился называть, научился у святыхъ Отцовъ, въ ихъ писаніяхъ, земные предметы и образы ихъ, приковывающіе къ себѣ мысль и сердце. Эти кумиры падаютъ, когда произносится въ храмѣ душевномъ всемогущее и спасительное имя Іисуса. Желаю, чтобъ это совершилось во мнѣ, а потому и въ Васъ. Что Вы находите въ этомъ желаніи жестокаго? Правда—оно ведетъ къ тѣсному и прискорбному пути, совершаемому мыслями и чувствованіями о Господѣ, но путь сей выводитъ къ блаженству. Не сѣтую на васъ за равнодушіе ко всѣмъ; не ищу отъ васъ пламенной любви къ Спасителю. Ищу сердца сокрушеннаго и смиреннаго, котораго Богъ не уничижитъ. Что значитъ *не уничижитъ*? Значитъ, что въ смиренное сердце, сокрушающееся блаженною печалію о множествѣ согрѣшеній и недостатковъ, Богъ изливаетъ изъ Себя любовь къ Себѣ. Свидѣтель сему св. Ап. Павелъ, который говоритъ, что въ него излилась любовь Божія Духомъ Святымъ, даннымъ ему (Рим. 5, 5). Любовь Божія умерщвляетъ любовь плотскую, душевную. Она—Духъ. *Она пребываетъ въ тонкомъ хладѣ*, всегда ровная, какъ въ Евангеліи, но научаетъ уязвленнаго ею полагать душу за ближняго своего. Ибо ощущеніе этой любви сладостнѣе ощущенія жизни. Она поставляетъ человѣка въ правильное отношеніе ко всѣмъ и ко всему. Она въ святомъ мирѣ, и миръ въ ней. Она въ святой чистотѣ, и чистота въ ней. Въ чистоту входимъ покаяніемъ; покаяніе должно насъ умалить, привести въ состояніе дѣтей. Поцѣлуйте за меня Колю и полюбуйтесь имъ: намъ надо быть такимъ, какъ онъ, чтобъ войти въ Царство небесное, которое есть Божественная Любовь.

Вамъ преданнѣйшій А. И.

9 мая 1846 года.

№ 57.

Извѣщая Васъ, что мой „Валаамъ“ конченъ и желая, чтобъ онъ былъ помѣщенъ въ Б. для чтенія, я прошу Васъ примите на себя

трудъ передать это Г. Сенковскому. Но таится во мнѣ условіе—и я сейчасъ же его Вамъ скажу. Мнѣ очень желалось бы познакомиться съ Г. Сенковскимъ не только по настоящему обстоятельству, но какъ съ литераторомъ, котораго судъ мнѣ будетъ навѣрно полезенъ, а потому нуженъ. Отъ времени до времени можетъ выходить изъ-подъ пера моего брошюрка съ поэтическимъ размахомъ и посему служить для его журнала не совсѣмъ лишнею мебелью. Куда нибудь въ уголокъ! Картины мои пишу съ двухъ пріемовъ. Въ первый—творю, во второй—занимаюсь отдѣлкой. Первымъ пріемомъ „Валаамъ“ конченъ и мнѣ хотѣлось бы съ приступленіемъ къ второму познакомъться съ Г. С., услышать его мнѣніе, употребить его съ пользою; первую картину я Вамъ читалъ, далѣе пошли картины все разнообразныя, поддерживающія, варьирующія чувство читателя. На послѣдней финальной картинѣ рука моя расходилась—и кажется послѣдняя картина выше всѣхъ смѣлостію живописи. Извините—оставляю скромность для искренности, которая въ сихъ случаяхъ необходима. Я былъ бы очень благодаренъ, если-бы Г. С. пожаловалъ ко мнѣ поскорѣе; я свободенъ утромъ до 12, а послѣ обѣда съ 4-хъ часовъ до глубокаго вечера. Ожидаю Вашего отвѣта. А. И.

№ 58.

Благодарю Васъ за прекрасные стихи: не говоря уже о наружной отдѣлкѣ, которая до мелочности изящна, въ нихъ много силы и много логики,—того и другаго больше нежели въ стихахъ Майкова. Мнѣ понравились два стихотворенія воспитанника дворянскаго полка Василія Пето: „Молитва“ и „Пѣсня“, напечатанныя въ „Инвалидѣ“. Видно дитя, виденъ подражатель Лермонтова, но виденъ вмѣстѣ и истинный талантъ, видна необыкновенная глубина чувствъ,... какой... какой... нѣтъ ни въ комъ изъ современныхъ поэтовъ.—Если Вы такъ добры, что принимаете на себя взять заказанную для меня аптечку, то исполните это. Возьмите къ ней руководство, если имѣется какое сообенное. А. И.

№ 59.

Милѣйшее письмо Ваше, письмо предоброе Е. И., милое письмецо Коли—получилъ; а отвѣчаю очень мало, потому что отъ спасительнаго дѣйствія лѣкарства весьма слабъ: Не имѣю наличнаго капитала, повѣрите-ли Вы мнѣ въ долгъ? Этотъ долгъ состоитъ въ томъ чтобъ написать Вамъ, Е. И—нѣ, Колѣ по особенному письмецу, когда поокрѣпну.

Христосъ съ Вами! Привѣтствую всѣхъ васъ вмѣстѣ,—странники на земли, какъ и я!... Всѣмъ намъ одна пристань!.. А. И.

29 октября.

№ 60.

„Долгъ красенъ платежемъ", говоритъ русская пословица добрая, справедливая пословица. Это мнѣ надо исполнить относительно Васъ: отвѣчать Вамъ сколько-нибудь порядочно на предоброе письмо Ваше, на премилое письмо. Когда, въ послѣдній разъ, писалъ я къ Вамъ,—былъ самъ не свой;—и теперь еще не свой. Это—отъ дѣйствія лѣкарства, дѣйствія спасительнаго, но держащаго въ какомъ—то онѣмѣніи, въ состояніи полужизни. Вмѣсто обширнаго письма, писылаю Вамъ статью „Чаша Христова".—Такихъ статей у меня написано 15-ть, назначаются составить книгу—„Мой даръ друзьямъ моимъ", мою уплату за ту любовь, которую многіе имѣютъ ко мнѣ въ такой степени. Образъ изложенія, наружная форма, самый слогъ,—можетъ быть новость въ духовной русской литературѣ. Такъ мнѣ внушилось,—и я дѣйствую просто по внушенію. Мнѣ хочется, чтобъ книга моя была другомъ, всегда утѣшительнымъ, никогда не обременительнымъ. Читатель найдетъ вездѣ начало, вездѣ конецъ. Захочетъ прочитать всю статью,—найдетъ общую связь. Хочу, чтобъ книга удобоприступна была каждому, какъ другъ; и—чтобъ гордый умъ смиряла высотою истинъ и глубиною чувствъ: другъ долженъ быть съ характеромъ. Книга должна состоять изъ 4-хъ частей. Статьи первой—нравственные совѣты—Вы имѣете образчикъ. Статьи второй—элегіи; душа разсматриваетъ себя, свои отношенія къ землѣ, къ небу и пр. Статьи третьей: внутреннія дѣйствія религіи Христіанской. Статьи четвертой: приготовленіе къ причащенію Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Каждая часть имѣетъ свой тонъ.—Прочитайте „Чашу", скажите Ваше мнѣніе о такомъ родѣ сочиненія. Еслибъ Іосифу Ивановичу выпала минута и онъ бы передалъ Вамъ свой совѣтъ и мнѣніе,—я былъ-бы особенно благодаренъ.

Воспоминаніе о Бородинскомъ монастырѣ, какое у меня было въ душѣ, такое и вышло на бумагу. Въ этомъ заключается все мое оправданіе предъ справедливымъ обвиненіемъ въ краткости. Чадъ своихъ не отдаю въ ортопедическое заведеніе—вытягивать члены, рожденные на свѣтъ короткими!—Есть у меня нѣкоторыя вещи и болѣе обширныя чѣмъ „Воспоминаніе", но не знаю идутъ-ли онѣ въ свѣтскій журналъ. Пришлю что-нибудь когда поокрѣпну и предоставлю благоразсмотрѣнію І. И—ча напечатать или нѣтъ.

„Чашу" сохраните въ тайнѣ съ сестрицею Вашею. Пейте вдвоемъ изъ нее духовное утѣшеніе въ скорбяхъ Вашихъ. Вы конечно не поскорбите на меня за слѣдующее: прочитавъ „Чашу", отдайте ее въ собственность Е. И.—Я хотѣлъ ей написать,—но изнемогаю, долженъ идти, лечь на постель. А хочется передъ ней не быть въ долгу, потому предлагаю Вамъ эту просьбу. п. А. И.

1 декабря.

4 августа 1848 года.

№ 61.

Письмо мое къ І. И. и рукопись „Іосифъ“ возвратили, приведя причину отсутствія І. И., и яко-бы уже не онъ, а кто-то другой занимается изданіемъ Биб. для ч. Почему препровождаю къ Вамъ и письмо мое и рукопись, примите на себя трудъ, то и другое доставить І. И—чу.

В. п. А. И.

1851 г.

№ 62.

Добрѣйшее письмо Ваше и при немъ письмо І. И. я получилъ очень жалѣю, что почтеннѣйшій І. И., при болѣзненности своей, принялъ на себя трудъ написать письмо, отнявшее у него много драгоцѣнныхъ минутъ, которыя можно бы было отдать или полезному труду или столько же полезному отдохновенію. Это письмо останется у меня, какъ щитъ противъ цензуры духовной. Оставляя теперь говорить о всемъ прочемъ, выскажу только то, что надо же осуществить когда-нибудь доброе намѣреніе І. И. и его супруги посѣтить Сергіеву п. заботу о томъ, чтобы устроить это примите на себя. Это будетъ тою казнію, которой Вы просите отъ меня въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ за постоянное расположеніе Ваше ко мнѣ.

На дняхъ получилъ его Письма съ Востока. Это сочиненіе мнѣ нравится. Оно—болѣе скромно и зрѣло, чѣмъ другія его сочиненія.

М. Г. С. И.

№ 63.

Имѣю честь препроводить „Бесѣду предуготовительную къ таинству Исповѣди“. Я согласенъ по слову Вашему, чтобъ она была напечатана почтеннѣйшимъ издателемъ Б. д. ч., въ отдѣльной книжкѣ, въ видѣ подарка подписчикамъ. Но долженъ сказать Вамъ, что эта бесѣда—подражаніе огласительнымъ бесѣдамъ св. Кирилла Іерусалимскаго—очень покажется новою въ настоящее время для духовныхъ цензоровъ, почему и предлагаю Г-ну Ст—му (а лучше-бъ І. И. взялъ на себя этотъ трудъ) побывать у К. С. Сербиновича, питающаго къ изданіямъ І. И. особенное уваженіе. Если К. С—чъ одобритъ бесѣду къ напечатанію, то пусть Г-нъ С. выпроситъ у него з а п и с о ч к у къ цензору о. Архим. Іоанникію, при такой записочкѣ о. Іоанникій очень ко мнѣ расположенный, нисколько не затруднится пропустить бесѣду, пропуститъ скоро, и не подвергая операціи. Если-жъ бесѣда

будетъ искажена перемарками и реторикой, низведена изъ антологическаго рода, въ которомъ она написана, то я на напечатаніе ее не согласенъ.—Записочка, записочка отъ К. С.! Она будетъ имѣть магическую силу! Будьте здоровы! В. п. А. И.

27 марта 1854 года.

№ 64.

Вамъ надо пожаловать ко мнѣ прочитать отвѣтъ Нахимова, назидательный своимъ смиреніемъ и благочестіемъ. Это откликъ на Ваше смиреніе и благочестіе; водимые ими вы передали мнѣ Ваше желаніе послать ему икону Святителя Митрофана, привили мнѣ это желаніе. В. п. А. И.

Епископскіе.

М. Г. С. И.

8 февраля 1860 года.

№ 65.

Вчера я имѣлъ истинное удовольствіе получить письмо Ваше черезъ полковника Х. Сердечно благодарю Васъ за воспоминаніе Ваше о мнѣ; я былъ увѣренъ, что Вы меня не забыли,—и надо-же было придти Вашему письму для подтвержденія моего убѣжденія, въ тѣ именно дни, когда за минуту предстала мнѣ мысль о противномъ.

Милостивый Господь да благословитъ Васъ и сына Вашего. Будьте утѣшеніемъ другъ другу. Слово Божіе да будетъ Вашимъ руководителемъ. Оно постоянно вѣщаетъ страннику земному о его вѣчномъ отечествѣ. Это—пѣснь небесная, которая непрестанно напоминаетъ о небѣ изгнаннику съ неба. Если мы не будемъ внимать Слову Божію, то легко можемъ обмануться, счесть землю своимъ вѣчнымъ жилищемъ и употребить единственно для земли всѣ силы души и тѣла, потомъ внезапно и неожиданно предстать въ вѣчность по призыву Всесильнаго Бога, между тѣмъ, какъ занятые исключительно временнымъ, мы ничего не сдѣлали для вѣчности, т. е. для вѣчности блаженной.

По милости Божіей я живу очень спокойно, но леченіе водами очень тяжело по застарѣлости моей болѣзни. За все слава Богу. Оканчиваю это письмо прекрасною молитвою: „Сами себя, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“.

Вашъ покорнѣйшій слуга Иг. Еп. К. и Ч.

22 іюня 1862 года.

№ 66.

Что сказать Вамъ на письмо Ваше отъ 10 іюня? **„Молитеся, да не внидите въ напасть“**, говорилъ Господь ученикамъ своимъ предъ наступленіемъ напасти. Бываетъ время сѣянія; бываетъ и время жатвы. Непреложенъ нравственный законъ, по которому люди должны неизбѣжно пожать то, что они посѣяли произвольно. Но всемогущество Божіе и неограниченная милость Божія могутъ измѣнить или смягчить и законную, логичную послѣдовательность твердаго нравственнаго закона.

Благословленіе Божіе да почіетъ надъ Вами и надъ чадомъ Вашимъ, а милость Божія да сохранитъ Васъ отъ всякаго зла.

В. п. с. Еп. Иг.

М. Г. С. И.

8 ноября 1862 года.

№ 67.

Я къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою! Мой родной братъ П. А. Б., издаетъ нѣкоторыя мои сочиненія. Они нуждаются не только въ отчетливой корректурѣ, но и въ поправкѣ грамматическихъ ошибокъ, которыхъ я дѣлаю много.—Возьмите этотъ трудъ на себя, если онъ не обременитъ Васъ.

Призывая на Васъ и на милѣйшаго сына Вашего и проч.

М. Г. С. И.

5 января 1863 года.

№ 68.

Спаси Васъ Господи за письмо Ваше отъ 26 ноября. Милосердіе Божіе да покроетъ Васъ и сына Вашего, какъ на поприщѣ наступившаго Новаго года, такъ и на поприщѣ всей земной жизни. Это поприще самое невѣрное, измѣнчивое. Когда съ него потребуютъ, немедленно предаетъ и выдаетъ, сколько бы повидимому ни ласкало и ни убѣждало въ вѣрности.

Назначеніе В. К. на Кавказъ очень утѣшаетъ меня, разумѣется по желанію блага краю. Не повлечется-ли туда сынъ Вашъ? На этотъ вопросъ скажу опять, милость Божія да будетъ съ Вами. Искренне желалъ бы, чтобъ время Ваше и силы души Вашей употреблялись на

что-нибудь не столько Богопротивное и враждебное Богу, сколько враждебны Богу новѣйшіе журналы, усиливающіеся истребить въ народѣ проповѣдію своею вѣру и нравственность. За это потребуется грозный отвѣтъ.—Милосердіе Божіе да устроитъ для Васъ иное занятіе. Вы знаете, какъ я Васъ люблю! Въ писаніи сказано; **Вѣровахъ тѣмъ-же возглаголахъ.** А я могу сказать: **Возлюбилъ, тѣмъ же возглаголахъ.**

Напишите о себѣ и о миломъ сынѣ Вашемъ. Напишите также въ какомъ положеніи печатаніе моихъ сочиненій.—Прошедшій декабрь я очень изнемогалъ, особенно изнемогалъ, паче того изнеможенія, въ которомъ нахожусь постоянно.

Благословленіе Божіе да почіетъ надъ Вами и надъ чадомъ Вашимъ.

Съ чувствами искренней преданности и уваженія имѣю честь быть

В. п. с. Е. И.

М. Г. С. И.

18 апрѣля 1863 года.

№ 69.

Искренне благодарю Васъ за воспоминаніе ваше обо мнѣ въ письмѣ вашемъ къ П. А. и за трудъ Вашъ по моимъ сочиненіямъ.

Признаю себя состоящимъ въ долгу передъ Вами и передъ многими. Я говорилъ Вамъ о вѣрѣ не столько, сколько слѣдовало бы говорить. Думаю уплатить этотъ долгъ изданіемъ моихъ писаній, причемъ я постараюсь тщательно пересмотрѣть, исправить и пополнить написанное мною съ 1840 г. Съ этого времени я началъ писать о духовныхъ предметахъ, но болѣе съ 1844-го года, на что была своя причина.

Вы знаете, что я всегда особенно любилъ Васъ. Имѣю любовь и довѣренность и къ уму и къ сердцу Вашему. Мнѣ всегда желалось, чтобъ этотъ умъ и это сердце направились къ Богу, усвоились Ему. Теперь приходитъ мнѣ мысль: не исполняется-ли это нынѣ, по неожиданному стеченію обстоятельствъ, какъ выражаются свѣтскіе,—по особому устроенію Промысла Божія, какъ позволю себѣ выразиться по моему сознанію. Вы, перечитывая мои сочиненія, заимствуете изъ нихъ всѣ мысли и чувствованія въ Вашу собственность—такъ понимаю — соединяетесь со мною въ одно направленіе, въ одинъ духъ. Направленіе заимствовано мною всецѣло изъ ученія Святыхъ Отцовъ Православной, Восточной Церкви.

Сердечно радуюсь, что Ивану Ильичу пришла благая мысль издать мои сочиненія на свой кредитъ. Смѣю думать, что онъ сдѣлаетъ благодѣяніе всему отечественному христіанскому обществу, доставивъ духовное чтеніе не изъ того образованія, которое даетъ школа, сообщающая одни знанія по буквѣ, но которое пріобрѣтено монастырскою жизнію. Школа сообщаетъ знанія, которыя принимаются умомъ къ свѣдѣнію, и только: монастырская жизнь сообщаетъ дѣятельныя христіанскія знанія, которыя непремѣнно производятъ спасительное вліяніе на направленіе, настроеніе, дѣятельность читателя. Св. Исаакъ Сирскій уподобилъ перваго рода занятія источникамъ водъ и плодамъ, изображеннымъ на стѣнѣ живописью, на нихъ можно съ пріятностію поглядѣть, если они хорошо написаны, и только. Познанія второго рода этотъ Святый уподобилъ самымъ источникамъ водъ, самымъ плодамъ, могущимъ служить къ питанію человѣка. „Сколько выше тѣла—душа“, говоритъ Св. Іоаннъ Лѣствичникъ, столько милостыня душевная выше тѣлесной. Еслибъ мои сочиненія могли быть признанными душевною милостынею, то смѣю думать, что Ив. Ил—чъ, напечатавъ ихъ, сдѣлаетъ не столько дѣло коммерческое, сколько дѣло благочестія христіанскаго. Время подумать о христіанскомъ благочестіи! Я за денежными выгодами не гонюсь, и если какія будутъ, желаю, по обычаю моему, употребить въ пользу человѣчества и христіанства. Моя единственная цѣль; не скрыть то, что можетъ быть полезнымъ для многихъ. Если не ошибаюсь, то въ этомъ родѣ у насъ почти нѣтъ духовныхъ сочиненій. Мнѣ и брату моему сдѣлаетъ Иванъ Ильичъ также духовное добро, потому что избавитъ насъ отъ вещественныхъ хлопотъ о напечатаніи, дастъ возможность намъ предаться всецѣло нашимъ занятіямъ духовнымъ, съ которыми несовмѣстимо развлеченіе.

Уповаю на милость Божію, что Вы поймете все, сказанное здѣсь мною: оно довольно глубоко, и несмотря на простоту и ясность дѣла, не всякій пойметъ его. Объясните сказанное мною Ан. В. и Л. Ив—нѣ. Скажите имъ отъ меня, что я приглашаю ихъ принять участіе въ оказаніи духовнаго благодѣянія, въ подачѣ духовной милости обществу, весьма нуждающемуся въ здоровой и питательной духовной пищѣ. Объ эти дамы всегда были хорошо расположены ко мнѣ. Что стоитъ имъ побывать въ Бабаевскомъ монастырѣ? А съ ними и Вамъ удобно совершить пріятную, для Васъ полезную прогулку.

Призываю бл. Бож. на В. и на с. В. Уповаю на Бога, а прибѣгающаго къ Богу Богъ сохраняетъ и среди опасностей. Съ чувствами искр. предан. и уваж. и. ч. б. В. п. с. Е. И.

М. Г. С. И.

14 мая 1863 года.

№ 70.

То, что сказали Вы въ письмѣ Вашемъ отъ 21 апрѣля о сынѣ Вашемъ, могла сказать только такая нѣжная мать, какъ Вы. Онъ — Вашъ воздухъ, Ваше солнце. Кажется я никогда не забуду этого выраженія, хотя сдѣлался забывчивымъ до-нельзя. Вѣдь не забылъ я боброваго воротника, украшеннаго сѣдинами, на шинели у Коли, когда я увидѣлъ его въ первый разъ офицеромъ въ соборной церкви въ Сергіевой пустынѣ! По моей необыкновенной впечатлительности и чувствительности мнѣ представилось, что въ этомъ роскошномъ, можно сказать, воротникѣ каждый волосокъ—трудъ рукъ Вашихъ: и остался этотъ воротникъ изображеннымъ въ моей памяти по причинѣ того впечатлѣнія, которое поразило меня при взглядѣ самомъ мимоходномъ.

Сопутствуйте сыну Вашему молитвою Вашею! Бываютъ скорби и частныя и общественныя. Постигаютъ людей тѣ и другія не безъ попущенія Божія. Гордый разумъ человѣческій признаетъ себя правителемъ міра, потому что не видитъ Бога, правящаго міромъ: и потому при скорбяхъ, превышающихъ постиженіе человѣческое, впадаетъ въ уныніе и безнадежіе. Но кто признаетъ Бога правителемъ міра, тотъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, обращается къ нему и сверхъ чаянія получаетъ помощь.

Б. Б. да почіетъ и проч.

8 апрѣля 1864 года.

№ 71.

Прежде всего скажу Вамъ, что сонъ Вашъ не имѣетъ никакого значенія. Ваше вниманіе къ нему было ошибочное, Вы познаете это изъ того, что вниманіе къ нему производило въ Васъ смущеніе, т. е. приводило Вашу душу въ неправильное состояніе, а невниманіе успокоитъ, т. е. приведетъ душу въ правильное состояніе. Таковы дѣйствія лжи и истины на душу.

Далѣе скажу: если чувствуете себя въ силахъ, возьмите на себя корректуру „Аскетическихъ Опытовъ“. На это имѣются существеннаго значенія причины: 1) полагаю, что тщательный пересмотръ „Опытовъ“ подѣйствуетъ благотворно на Вашу душу, уже привыкшую входить въ общеніе съ духомъ Святыхъ Отцовъ православной Церкви и находить пищу и утѣшеніе, болѣе,—оживленіе въ этомъ общеніи; 2) по Вашей преданности мнѣ, по сочувствію, которое пи-

таете къ моимъ убогимъ писаніямъ, по Вашему знанію и навыку въ этомъ дѣлѣ я не могу указать ни на кого другого, который бы исполнилъ служеніе въ общую пользу христіанства съ такимъ усердіемъ и съ такою исправностію, какъ Вы; 3) Вы хорошо знакомы съ Глазуновымъ и можете болѣе, нежели другой, похозяйничать въ его типографіи.

Затѣмъ Господь да благословитъ Васъ на этотъ трудъ.

28 іюня 1864 года.

№ 72.

Съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ я Васъ въ уединенной обители Бабаевской; съ особеннымъ удовольствіемъ слышалъ отъ П. А. повѣданіе о томъ впечатлѣніи, которое произведено на Вашу душу посѣщеніемъ обители. Это повѣданіе совершенно согласно съ письмомъ Вашимъ отъ 20 іюня, полученнымъ мною 26-го. Вы видѣли меня много измѣнившимся, приближавшимся къ окончанію земнаго странствованія. И Вы подвинулись на этомъ пути. Загробная жизнь уже не есть странствованіе, а въ полномъ смыслѣ жизнь, жизнь неизмѣняющаяся или въ вѣчномъ блаженствѣ, или вѣчномъ бѣдствіи.

Божія Матерь, Которой Вы предали Вашего сына, да осѣнитъ его Своею милостію и да наставитъ провести земное странствованіе правильно. И Вамъ искренно желаю дѣйствовать въ пользу сына Вашего, не согрѣшая передъ Господомъ Богомъ занятіями, Ему неблагоугодными. Вступающіе въ общеніе съ духами отверженными во время земной жизни своими помышленіями и сердечными ощущеніями будутъ отчислены по смерти къ страшному обществу этихъ духовъ. При занятіяхъ богоугодныхъ молитва Ваша о сынѣ Вашемъ получитъ силу предъ Богомъ и привлечетъ благословеніе Божіе на Васъ и на сына Вашего. Милосердіе Божіе да даруетъ Вамъ найти занятіе богоугодное. Искренне благодарю Васъ за присланныя брошюрки о Дарьюшкѣ: такія простыя христіанскія души, какъ Дарьюшка, очень близки къ Богу, между ими и Богомъ нѣтъ тѣхъ ширмъ, той каменной стѣны, которыя поставляются образованностію и обычаями міра сего.

Очень пріятенъ мнѣ трудъ Вашъ по корректурѣ „Аскетическихъ Опытовъ“, которые въ христіанскомъ отношеніи имѣютъ огромное значеніе. Это не мое сочиненіе: по этой причинѣ выражаюсь о немъ такъ свободно. Я былъ только орудіемъ милости Божіей къ современнымъ православнымъ христіанамъ, крайнѣ нуждающимся въ ясномъ изложеніи душевнаго христіанскаго подвига, рѣшающаго на вѣчную участь каждаго христіанина. Очень легко вдаться въ неправильный подвигъ, а посредствомъ его вполнѣ отчуждиться отъ Бога.

Занимаясь корректурой „Опытовъ“, Вы трудитесь и для общей пользы и для собственной Вашей. Смѣю думать, что Промыслъ Божій доставилъ Вамъ этотъ трудъ; чтобъ духъ Вашъ оторвался отъ духа міра сего и усвоился духу Божію, въ чемъ сущность спасенія. Въ „Пет. б –кѣ“ вышла очень замѣчательная брошюра: „Объ ужасахъ и искушеніяхъ, какіе душа можетъ испытывать при переходѣ своемъ въ загробную жизнь“. Священникомъ, какъ видно академикомъ, описанъ опытъ, бывшій надъ нимъ въ 1862-мъ году. Опытъ служитъ подтвержденіемъ „Слова о смерти“ и „Слова о видѣніи духовъ“. Совѣтую Вамъ прочитать для Вашей душевной пользы.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Вами.

Вашъ преданнѣйшій слуга и другъ Е. И.

Брошюра эта составлена Архимандритомъ Макаріемъ, бывшимъ Ректоромъ Тверской семинаріи (нынѣ цензоръ) изъ собственнаго опыта. Ему же принадлежитъ брошюра „Покайтеся“, изданная въ началѣ 1865-го года въ пользу Аѳонскаго монастыря св. Пантелеймона.

М. Г. С. И.

18 августа 1864 года

№ 73.

Пишу Вамъ, чтобъ поблагодарить Васъ и чтобъ утѣшить Васъ. Продолжительное неполученіе письма съ границъ Персіи и Турціи (отъ сына) очень естественно. Тамъ нѣтъ комфорта городовъ: не вдругъ сыщется время написать письмо; не вдругъ сыщется время переслать его; на пути своемъ оно легко можетъ залежаться и даже затеряться. Вы поспѣшили предаться безмѣрной печали. Ее нанесли Вамъ мечты Ваши. Вы поручили сына Вашего Божіей Матери: отдайте же его волѣ Великомощной Покровительницы этой и успокойтесь.

Искренне благодарю Васъ за труды по корректурѣ „Опытовъ“.— Радуюсь, что Вы читаете и перечитываете мою книгу: этимъ Вы снимаете бремя съ моей совѣсти, упрекавшей меня въ томъ, что я мало сообщалъ Вамъ познаній духовныхъ.

М. Г. С. И.

24 ноября 1864 года.

№ 74.

На добрѣйшее письмо Ваше отъ 16 ноября скажу Вамъ, что я, оканчивая мое земное странствованіе, обращаюсь съ привѣтомъ любви ко всему человѣчеству, желая всѣмъ всѣхъ истинныхъ благъ. Съ

особенною благодарностію обращаюсь къ тѣмъ немногимъ, которые оказывали мнѣ особенную любовь. Въ числѣ этихъ немногихъ, очень немногихъ—Вы. Благодарю Васъ за сочувствія Ваши ко мнѣ.

Какое великое дѣло Вы сдѣлали! Вы поручили, совсѣмъ отдали, какъ пишете, Вашего сына Божіей Матери. Будьте увѣрены, что Божія Матерь приняла его, а онъ пусть потщится быть достойнымъ Высокой и Великомощной Покровительницы своей!

Больше не пишу Вамъ, потому что очень немощенъ. Странно, что письма уже изнуряютъ. Вотъ! до чего дожилъ или до чего отжилъ. Слава Богу!

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Вами и надъ сыномъ Вашимъ.

М. Г. С. И.

25 января 1866 года.

№ 75.

Богу угодно дозволить, чтобъ и остальные 2 тома моихъ сочиненій были напечатаны. Когда я прочиталъ въ письмѣ Вашемъ къ П. А. намекъ на нѣкоторую надежду склонить И. И—ча къ исполненію намѣренія его, высказаннаго имъ съ самаго начала, то почувствовалъ побужденіе написать объ этомъ Отцу Игнатію. И Богъ благословилъ начинаніе, истекшее отъ Васъ.

Покойный іеросхим. Сер. Пуст. Стефанъ передъ смертію своею постоянно читалъ „Слово о смерти“ и не разъ повторялъ мнѣ слѣдующія слова: „Это не Вы писали: это Богъ далъ Вамъ написать“. Очень вѣрно! Тоже долженъ я сказать вообще о всѣхъ моихъ убогихъ сочиненіяхъ. Такой отзывъ слышу отъ самыхъ глубокихъ людей о „Аскетическихъ Опытахъ“. Такъ угодно Богу. Теперь вижу, что послѣдніе два тома служатъ пополненіемъ къ первымъ двумъ. Увѣренъ, когда прочитаете ихъ, то и Вы увидите это.

Признаю за милость Божію къ себѣ Ваше участіе въ этомъ дѣлѣ. Занятіе Ваше имъ восполняетъ долгъ мой предъ Вами. Помню, я уже писалъ Вамъ объ этомъ. О себѣ скажу, я необыкновенно слабъ. Но такъ какъ это сдѣлалось по попущенію Божію, то я долженъ признавать мое положеніе благомъ, исшедшимъ отъ руки Божіей. Призываю благословеніе Божіе на Васъ и на Н. А. Судя по ходу дѣлъ, дѣловымъ людямъ будетъ много дѣла. Отъ души желаю Н. А—чу быть полезнымъ отечеству и себѣ во времени, не забывая о вѣчности. Я отживаю и утвердительно могу сказать, что все временное и земное срочно, что срокъ, на который оно дается, очень коротокъ. Нужно

быть очень осторожнымъ и не допустить временному и срочному обмануть себя. А оно дѣлаетъ это. И какъ?—Представясь вѣчнымъ и неотъемлемымъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга и другъ Е. И.

М. Г, С. И,

22 февраля 1866 года.

№ 76.

Какъ Вамъ, такъ и мнѣ, несмотря на нашу хворость, даруется продолженіе земного странствованія для основательнаго приготовленія къ вѣчности. Милосердіе Господне подающее намъ даръ, да подастъ и разумъ воспользоваться даромъ.

Вы справедливо говорите, что „Опыты“ не суть мое сочиненіе. Они—даръ Божій современнымъ православнымъ христіанамъ. Я былъ только орудіемъ. Тоже долженъ сказать и о тѣхъ двухъ томахъ, которые поступили нынѣ въ типографію. Время страшное! Рѣшительно оскудѣли живые органы Божественной благодати; въ облаченіи ихъ явились волки: обманываютъ и губятъ овецъ. Это понять необходимо, но понимаютъ немногіе.

Очень сочувствую Вашей скорби, причиненной кончиною матушки В. Судьбы Божіи—бездна многа. Въ рѣдкихъ случаяхъ мы можемъ быть правильными судьями кончины человѣка, и это дается тогда, когда того требуетъ душевная польза по особенному смотрѣнію Божію. Въ описываемомъ Вами случаѣ всего лучше положиться на Бога и постараться тщательнымъ поминовеніемъ усопшей вознаградить упущеніе, сдѣланное при ея кончинѣ.

Прошу Вашихъ молитвъ о мнѣ во исполненіе заповѣди Божіей, которая повелѣваетъ молиться другъ за друга. По этой заповѣди и я молюсь о Васъ, хотя и знаю, что моя молитва вполнѣ недостойна Бога.

Е. И.

5 февраля 1847 года.

№ 77.

То, что всѣ мы, любезнѣйшій князь, кратковременные странники на землѣ есть осязательная истина. То, что мы обращаемъ такъ мало вниманія на вѣчность, забываемъ ее,—есть вѣрный признакъ нашего паденія, паденія не только въ тѣлѣ, но еще болѣе въ умѣ, въ сердце. Глядя на себя, мы въ себѣ увидимъ, что намъ нужно спасеніе, нуженъ Спаситель.

Познаніе Спасителя, а черезъ то и полученіе блаженной вѣчности, есть первое счастіе на земли, есть единственное сокровище человѣка. Богъ привелъ Екат. П—ну получить это сокровище; потомъ, очистивъ страданіями, призвалъ въ вѣчность и въ вѣчность блаженную. Кончина ея оставляетъ въ истинно расположенныхъ къ ней воспоминаніе, въ которомъ соединяется чувство спокойное, чувство вѣрное съ обыкновеннымъ чувствомъ грусти объ отшедшемъ. По крайней мѣрѣ я такъ чувствую! И это чувство для меня не ново: его оставляли мнѣ нѣкоторые отшедшіе отсюда послѣ жизни (на землѣ) благочестивой о Господѣ.

Утѣшаетъ меня, что милосердый Господь привелъ меня послужить Е. П. душеспасительнымъ словомъ, хотя и очень недостаточно. Видя, что Богъ внушаетъ многимъ прибѣгать къ моему скудному слову, я не могу не признать, что Богъ назначаетъ мнѣ въ удѣлъ служеніе ближнимъ словомъ Божіимъ. Почему желаю относительно Васъ проходить это служеніе ближнимъ и возвѣщать Вамъ Слово Божіе, сколько при нерадѣніи и немощи моей я могъ познать оное изъ Священнаго Писанія и писаній Святыхъ Отцовъ.

Милосердый Господь да утѣшитъ Васъ, да укрѣпитъ Васъ! Быстро, быстро промчится время и наступитъ и для Васъ часъ переселенія въ вѣчность. Употребите земные дни Ваши на приготовленіе къ ней. Вы видѣли въ супругѣ Вашей, какъ хорошо—приготовиться къ вѣчности. Это приготовленіе растворяетъ даже здѣшнія скорби утѣшеніемъ и тѣмъ доказываетъ, что это приготовленіе есть приготовленіе къ блаженству.

О Господѣ Вамъ преданнѣйшій А. И.

15 февраля 1847 года.

№ 78.

М. Г. Ан. Алексѣевна!

„**Господь, его же любитъ, наказуетъ**“, и кому пріуготовляетъ блаженную вѣчность, тому посылаетъ скорби и болѣзни. Поэтому тотъ, кому послана будетъ болѣзнь, долженъ проводить время въ благодареніи Богу, въ славословіи Бога. Благодареніемъ душа содержится въ терпѣніи и мирѣ и такимъ образомъ усугубляетъ мзду свою на небеси.

Благодарить Бога надо такъ: „Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, за все, что Ты благоволилъ послать мнѣ для очищенія грѣховъ моихъ. Буди воля Твоя“.

Славословить Бога надо такъ: „Господи, слава Тебѣ за все совершающееся надо мною! Буди святая воля Твоя!“

Совѣтую Вамъ въ теченіе дня повторять почаще благодареніе и славословіе. Съ ними мало по малу внидетъ въ душу Вашу спокойствіе и утѣшеніе, которые будутъ для Васъ уже отселѣ залогомъ вѣчнаго утѣшенія. Суетныя же занятія отложите.

Примите мой усердный совѣтъ въ утѣшеніи и спасеніи души Вашей. Духовное упражненіе Ваше да будетъ благопріятно Богу, яко кадило благовонное, яко всесожженіе тучное.

Вашъ усерднѣйшій Богомолецъ иг. А. И.

Письма къ С. П. Титовой.

21 декабря 1842 года.

№ 79.

Вотъ по желанію Вашему отвѣчаю Вамъ. Милосердый Господь да отверзетъ мнѣ уста, а Вамъ слухъ для Слова Его. Христіанинъ никогда и ничѣмъ не долженъ смущаться, ибо Промыслъ Божій носитъ его на рукахъ своихъ. Наше попеченіе должно состоять въ томъ, чтобъ мы пребывали вѣрными Господу. Если къ самому Господу вочеловѣчившемуся дерзнулъ приступить искуситель, то не должно удивляться, что онъ приступаетъ къ намъ, хотя бы то было и по принятіи нами въ сосудъ свой Господа. Чѣмъ больше сокровище, тѣмъ болѣе тати покушаются украсть его. Чѣмъ болѣе сокровище, тѣмъ болѣе должно бдѣть о храненіи его. Послѣ пріобщенія Святыхъ Таинъ послѣ усердной молитвы, послѣ всякаго особенно полезнаго для души дѣла нужно, по опытному наставленію Отцовъ, особенное наблюденіе за собою, ибо тогда особенно разжигается врагъ противъ насъ завистію и злобою; видя, что земля и пепелъ восходитъ на небо, откуда онъ низверженъ. Духовный рай, который, по ученію Спасителя, внутри насъ, должно воздѣлывать и хранить, какъ это при самомъ сотвореніи заповѣдано Богомъ, въ лицѣ Адама, всѣмъ человѣкамъ. По обыкновенному ходу я предполагалъ, что послѣ смущеній, должно быть, Вы чувствовали утѣшеніе, которое посылаетъ Господь законно подвизающимся рабамъ Своимъ въ подкрѣпленіе, во умноженіе вѣры, надежды и любви. Понимаете-ли, что Вы одолжены Господу болѣе, чѣмъ были прежде, какъ получившіе залогъ и извѣщеніе обѣтованій! „Ему-же дано болѣе, съ того болѣе и взыщется“, говоритъ Писаніе. Познавъ это, блюдите како опасно ходите, т. е. живите съ осторожностію и вниманіемъ.

Теперь хочу побранить Васъ. Вы пишете мнѣ рѣшительно: „Я отъѣзжаю въ среду“. Хотя бы прибавили Вы: Если Богъ велитъ. Прочитайте въ соборномъ посланіи Іакова слова Духа о таковыхъ словахъ человѣческихъ, которыми наносится безчестіе Промыслу Божію, въ

которыхъ нѣтъ вѣры и смиренія. Если Вы просите прощенія, то милосердый Господь чрезъ меня непотребнаго и грѣшнаго Своего іерея да проститъ Васъ и да наставитъ благоугождать Ему дѣлами, словами и помышленіями, какъ это заповѣдалъ Онъ въ Святомъ Своемъ Евангеліи, которое повелѣваетъ не раззорять и малыхъ заповѣдей (Матѳ. 5) Святые сказали: „Кто въ маломъ соблюдаетъ заповѣди, тотъ соблюдаетъ ихъ и въ великомъ“. Миръ Вамъ!

25 января 1843 года.

№ 80.

Когда Вы вдали и не можете принести ко мнѣ болѣзнующаго Вашего сердца, то я прихожу къ Вамъ и приношу слово утѣшенія. Дни наши суть дни скорбей, а утѣшеніе наше—Крестъ Спасителя. Когда сыны Заведеовы просили у Господа престоловъ славы, тогда Онъ обѣщалъ имъ чашу скорбей, безъ которой невозможно получить престолы вѣчной славы, которая есть Духъ Святый. И такъ молитесь Господу, чтобъ даровалъ Вамъ терпѣніе въ скорбяхъ, чтобъ Вы видѣли постоянно надъ собою Промыслъ Божій, чтобъ отъ этого возрастала ваша вѣра и вѣрность къ Богу; и тогда пусть Васъ пронзаютъ скорби, очищаютъ отъ земнаго и приготовляютъ къ небесному. Не удивляйтесь слабостямъ и грѣхамъ человѣческимъ. На нихъ смотритъ Праведный Господь и милуетъ грѣшниковъ ожидая покаянія ихъ; а мы кто такіе, чтобъ распаляться на братію, недугующую грѣхомъ, между тѣмъ какъ сами нечисты предъ Всевидящимъ и Пречистымъ? Оставимъ все, независящее отъ насъ, на волю Божію, а что зависитъ отъ насъ, будемъ то сообразовать волѣ Божіей или исполненіемъ или покаяніемъ въ неисполненіи. „Въ терпѣніи Вашемъ стежите души Ваши“, завѣщалъ намъ Господь въ Евангеліи Миръ Божій да почіетъ надъ Вами.

№ 81.

Прихожу къ Вамъ не тѣломъ, но духомъ; нося къ Вамъ искреннее слово сердца въ отвѣтъ на письмо Ваше отъ 19 января, которое я получилъ 14 февраля. Наружныя Ваши обстоятельства возложите на Промыслъ Божій, и какъ они устроятся, такъ пусть и устроятся; а Вы будьте мирны и покойны, безпокоясь единственно о душѣ Вашей, которую Вы обѣщались представить Христу очищенною покаяніемъ.

Познаніе немощей своихъ есть познаніе существенно нужное для христіанина. Оно ведетъ къ смиренномудрію, а это—къ духовному разуму. Кому Господь восхощетъ даровать Свой разумъ, тому Онъ

открываетъ особенно его немощи. Вамъ онѣ открываются сообразно состоянію души Вашей; а полнаго ихъ открытія, если оно есть, Вы не можете еще понести. Въ Васъ велика привязанность по законамъ плоти; это оттого, что Вы мало познали Христа. Огонь плотскій погашается огнемъ духовнымъ; когда возжется вторый, то непремѣнно погасаетъ первый, по ученію Духоносныхъ Отцовъ и отчасти по самому опыту. Пишете, что многіе находятъ, что поѣздка Ваша къ сестрицѣ Вашей есть пріятная жертва Богу, а Вы не смѣете прилагать сердца къ этой мысли, которую однако Вы называете утѣшительною. Господь повелѣлъ ученикамъ Своимъ, когда они все повелѣнное исполнятъ, называть себя рабами неключимыми и почитать себя должниками заповѣдей. Я въ Вашемъ поступкѣ не вижу никакой жертвы, — одно стремленіе души къ исполненію заповѣди любви, стремленіе, въ которомъ желательно, чтобъ Господь нашелъ что либо для себя чистое, благопотребное. Великій угодникъ Божій Агафонъ, весь погрузившійся въ любовь Божію отъ любви къ образу Божію—ближнему, когда предъ кончиною разсматривалъ себя и долгое время сидѣлъ въ молчаніи, то ученики его спросили: „или и ты, отче, боишься?“ Онъ отвѣчалъ: „Я старался по силѣ исполнять заповѣди, но какъ могу знать, будучи человѣкъ, угодно-ли мое дѣланіе Богу: ибо инъ судъ Божій и инъ человѣческій“. Тѣмъ болѣе мы, недостаточные по всему, должны страшиться и трепетать похвальнаго заключенія о нашихъ поступкахъ, опасаясь, чтобъ мнимое утѣшительное чувство не было только тонкимъ удовлетвореніемъ тщеславія. Сказалъ Пророкъ: „Всѣ правды наши суть нечистоты“. А другой Пророкъ: „Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ“.

Написали Вы о страхованіи и утѣшеніи при молитвѣ, но каковыя онѣ были и въ чемъ именно состояли, того не написали; а и это необходимо, если хотите слышать мое сужденіе о нихъ по Богѣ.

Во время путешествія Вы находились два раза въ опасности, и рука Божія Васъ спасала. Таковые опыты воспитываютъ въ человѣкѣ вѣру и случались со многими, коимъ Господь хотѣлъ даровать великое богатство вѣры.

О имени Господа благословляю Вамъ приходить по пяти четокъ въ день,—не болѣе. По нимъ должно молиться сидя, умомъ внимая языку, языкомъ произнося молитву такъ, чтобъ слышали только Вы однѣ. По Вашему жительству посреди міра и по недавности и новости на пути этомъ Вамъ нейдетъ сильно вдаваться въ молитву, что требуетъ или большей духовной опытности или близости руководителя; да и въ послѣднемъ случаѣ людей новыхъ въ подвигѣ благочестивомъ болѣе нудятъ къ смиренію, которое есть основаніе въ зданіи

добродѣтелей. Въ свободное время занимайтесь болѣе рукодѣліемъ, какое найдете болѣе удобнымъ.

Господь да проститъ Васъ въ прошедшемъ и да укрѣпитъ въ благомъ на будущее время. Миръ Вамъ!

№ 82.

Что сказать Вамъ на письмо Ваше!—То, что жизнь наша есть цѣпь скорбей, оканчивающихся смертію, этою величайшею скорбію для человѣковъ, особливо для забывающихъ свое назначеніе истинное, въ вѣчности. Цѣпь эту надо перебирать терпѣніемъ звено по звену, чтобъ кончить съ благимъ упованіемъ. Терпѣніе выпрашивается у Господа молитвою. Душа входитъ въ домъ терпѣнія, когда скажетъ Богу: Да будетъ воля Твоя. Аминь.

15 апрѣля 1843 года.

№ 83.

Воистину воскресе Христосъ!

На письмо Ваше отвѣчаю письмомъ. Нѣкоторое утѣшеніе, Вами ощущаемое, не есть прелесть, но обыкновенное слѣдствіе пути Вашего, или правильнѣе сказать, пути Божія. Начало просвѣщенія души есть зрѣніе грѣховъ своихъ и своей ничтожности. Поелику же это есть плодъ благодати, данной намъ при крещеніи, то оно сопровождается сладостію, утѣшеніемъ, слезами, въ которыхъ печаль смѣшана съ радостію, слезами совершенно другими, нежели каковы слезы людей вѣка сего. Вкусите и видите, яко благъ Господь. Вкушеніе это отверзаетъ очи и рождаетъ вѣру живую, ясновидящую, совсѣмъ противную той, которую называютъ слѣпцы слѣпою, которая по истинѣ слѣпа и мертва,—существуетъ только на краю языка.

Погружайтесь въ смиреніе и любовь къ ближнему, отрекаясь себя. Такимъ образомъ найдете Господа. Аминь.

8 октября 1843 года.

№ 84.

Желающій научиться истинной премудрости, т. е. стяжать Христа, Божію силу и Божію премудрость, „буй да бываетъ“, по словамъ Апостола. Старайтесь сохранять то буйство, которое имѣете, и стяжавать большее, не вдаваясь въ многоразличный разумъ, который есть свидѣтельство пустоты душевной. Когда сестра Ваша будетъ входить съ Вами въ разговоръ, предлагая вопросы, какъ она предлагала и

здѣсь Иг. маленькому о недоумѣнномъ, то на эти вопросы неполезно отвѣчать рѣшеніемъ вопроса, а должно приводить ее къ простотѣ и покаянію, рѣшительно говоря, что занимающійся размышленіями о высокихъ предметахъ не можетъ избѣжать заблужденія и, проводя, по мнѣнію своему, духовную жизнь, будетъ далеко отстоять отъ пути спасенія. Менѣе полезно узнать подробно небо и землю, чѣмъ познать свои недостатки и согрѣшенія. Это послѣднее знаніе столько полезно, вмѣстѣ столько высоко, что оно есть даръ благодати, ниспосылаемой Богомъ, и испрашиваемый молитвою. Человѣкъ собственными усиліями не можетъ войти въ это знаніе. Собственное усиліе нужно, какъ свидѣтельство искренности желанія получить отъ Бога знаніе. Свидѣтельствуйте это сестрѣ Вашей, доказывая справедливость словъ Вашихъ особенно первыми четырьмя главами 1-го посланія къ Коринѳянамъ.

Недостаткомъ уединенія не скучайте. Обстоятельства, или правильнѣе, Промыслъ Божій, приводитъ Васъ упражняться въ услуженіи и утѣшеніи ближнихъ Вашихъ. И трудитесь на этой нивѣ, на которой поставлены, не предаваясь съ одной стороны развлеченію, а съ другой безразсудному усердію, при которомъ непремѣнно вкрадывается мысль, что Вы доставляете утѣшеніе, а не Богъ доставляетъ Вами утѣшеніе другимъ, а Вамъ быть утѣшеніемъ для другихъ. Сладость уединенія проистекаетъ изъ исполненія Христовыхъ заповѣдей, совершенныхъ въ общежитіи.

Наконецъ—Вы больны. Подобаетъ тому, кто хочетъ приблизиться къ Богу, пройти душею и тѣломъ сквозь многія скорби и болѣзни. Говорите болѣзнямъ Вашимъ: „Придите, Богомъ посылаемыя, помучьте грѣшное тѣло, пожгите его, потерзайте его за тѣ беззаконія, коихъ жилищемъ оно было! Къ правилу безмѣрно не нудьтесь во время болѣзни: взамѣнъ его приносите Господу жертву хвалы и благодаренія. Миръ Вамъ.

1 февраля 1844 года.

№ 85.

Бываетъ болѣзнь и бываетъ мнѣніе болѣзни. Наконецъ бываетъ, что человѣкъ точно боленъ, а врагъ ему внушаетъ, что онъ не боленъ, но только мнитъ о себѣ, что боленъ. Съ Вами послѣднее. Оставьте на время поклоны: ихъ замѣнила болѣзнь; но не оставляйте молитвы съ сердечнымъ сокрушеніемъ. Когда придетъ къ Вамъ порочная мысль, или порочное чувство,—отвергайте ихъ и укорите себя. Вы не должны думать о себѣ, что въ Васъ какой-либо порокъ умалился; напротивъ помышляйте, что Вы вмѣстилище всѣхъ пороковъ. Вы не должны смущаться, когда обнаруживаются въ Васъ немощи душевныя и

тѣлесныя; напротивъ переносить Ваши немощи съ терпѣніемъ и великодушіемъ. Въ Васъ есть потаенная гордость; Вы не твердо помните, что Вы—грѣшница; еслибъ Вы это помнили, какъ должно, то, видя въ себѣ немощи, не смущались бы, а говорили бы себѣ: „Въ такой грѣшницѣ, какъ я, и должны быть такіе недостатки". Господь да научитъ Васъ смиренію, отъ котораго истекаетъ всякое спокойствіе и изливается въ сердце миръ и тишина. Богъ да благословитъ Васъ.

8 апрѣля 1844 года.

№ 86.

Вся наша жизнь должна состоять изъ покаянія: ибо мы дотолѣ внѣ истины, доколѣ не вполнѣ во Христѣ, чего ожидать можемъ только послѣ смерти. Чѣмъ больше погружаемся въ покаяніе, тѣмъ болѣе находимъ, что нуждаемся въ немъ. Чѣмъ болѣе очищаемся, тѣмъ болѣе находимъ, что мы далеки отъ Пресвятаго и Пречистаго. Кто весь очерненъ, тотъ не видитъ на себѣ ни одного пятна.

Относительно чувствъ, которыя Вы имѣли предъ причащеніемъ и послѣ онаго, скажу Вамъ: всегда надо считать себя недостойнымъ Христа и приступать къ Нему, Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ, въ числѣ прокаженныхъ, слѣпыхъ, бѣснующихся, потому что мы таковы по душѣ. Но должно наблюдать, чтобъ сердечное с о к р у ш е н і е не переходило въ безнадежіе, которое происходитъ отъ надежды на себя, а не на щедроты Христовы. Посмотрите попристальнѣе! Предъ исповѣдью между благими помыслами Вы имѣли помыслъ мелкой расчетливости, хотѣли на исповѣди сказать все, хотѣли расплатиться со Христомъ, хотѣли уже не быть должными Ему!—И вышли, неся въ себѣ не удовлетворительное чувство, а лукавый помыслъ, подучавшій къ мелкой расчетливости, началъ смущать, говоря: „ты не все сказала на исповѣди".—Повѣрьте! Говоримъ на исповѣди, что видимъ въ себѣ, но несравненно большее число грѣховъ не видимъ, почему множество вѣдомыхъ и невѣдомыхъ грѣховъ нашихъ повергаемъ въ море щедротъ Христовыхъ и послѣ таинства Исповѣди ощущаемъ удовлетворяющее насъ чувство спокойствія не по причинѣ дѣлъ нашихъ, но по причинѣ Христовыхъ щедротъ и пребываемъ Ему должными долгомъ неоплатнымъ.

Относительно правила Вашего, что скажете? Оно было дано Вамъ, когда умъ Вашъ былъ мертвъ и когда тѣлесный трудъ при молитвѣ краткой и единообразной способствовалъ къ оживленію ума умерщвленіемъ мечтательности. Теперь, если этотъ трудъ слишкомъ обременителенъ для тѣла, можно его сократить, предоставя уму, освобожденному отъ мечтательности, плавать въ словахъ Духа, въ псалмѣхъ, пѣніяхъ и пѣснѣхъ духовныхъ, поюще не только устами и мыслію, но и въ сердцѣ Господеви.

29 августа 1844 года.

№ 87.

На пути благочестивой жизни руководитель—Богъ. „Никто не можетъ придти ко Мнѣ“, говоритъ Спаситель, „аще не Отецъ Мой Небесный привлечетъ его“. На семъ пути положено и опытное узнаніе того, что человѣкъ есть существо падшее, поврежденное по уму, по сердцу, по тѣлу. Этого опытнаго знанія мы не могли бы получить, еслибъ не нидѣли, что въ умѣ нашемъ противъ воли нашей возникаютъ грѣховные помыслы, въ сердцѣ—чувствованія, а въ тѣлѣ—движенія. Таковое состояніе свое, по ученію Святыхъ Отцовъ, должно переносить съ терпѣніемъ, смиряясь предъ Господомъ и благодушно ожидая исцѣленія отъ единаго Врача душъ и тѣлесъ нашихъ. Желаю, чтобъ Вы вникнули въ 3-ю главу 1-го посланія Св. Ап. Павла къ Коринѳянамъ. Вполнѣ пренебрегаете мною, какъ сквернымъ грѣшникомъ, и принадлежите единственно Богу, тогда будетъ правъ путь Вашъ. Итакъ, употребляю слова Ап. Павла: „Никто не хвались человѣками, чтобъ Вамъ не остаться безъ Христа“. Когда Ап. Петръ мыслилъ человѣческое, а не Божеское, хотя это человѣческое повидимому и было доброе, тогда Господь назвалъ его сатаною. Правда внѣ Креста не пріемлется. Вамъ надобно стяжать мертвыхъ для пріятія жизни, погубить душу свою, чтобъ пріобрѣсти ее. Посмотрите, куда Вы увлеклись, и постарайтесь исправиться. Благочестивая жизнь требуетъ трезвенія и невозможно обойтись безъ невидимыхъ паденій. Сокровиществуя изъ нихъ смиреніе и опытность, не будемъ унывать, но вставая отъ паденія, шествовать далѣе.

2 ноября 1846 года.

№ 88.

Какимъ бы образомъ не пришелъ намъ конецъ земного кратковременнаго житія, а придти онъ всячески долженъ. Рабъ Христовъ въ волю Христову предаетъ и душу и тѣло свое. А грѣхи куда дѣвать? Куда дѣвать наши безчисленныя немощи?—И ихъ предадимъ всемогущему Христу, понесшему немощи и грѣхи всего міра. Если намъ подана будетъ чаша страданій, приемъ ее, какъ чашу спасенія, какъ залогъ вѣчной радости. Скажемъ съ разбойникомъ: „Достойная по дѣломъ наю воспріемлемъ, помяни насъ, Господи, во Царствіи Твоемъ“. Сердце отвѣтитъ намъ спокойствіемъ, предвкушеніемъ вѣчнаго покоя. Миръ Вамъ.

Недостойный Архим. И.

№ 89.

Безчисленныя немощи нашихъ душъ и тѣлесъ мы повергаемъ въ пучину милосердія Божія. Вся надежда наша на милосердіе Божіе, а не на правду нашу. Болѣзни тѣлесныя бываютъ очень сложны, тѣмъ сложнѣе душевныя болѣзни. Говоря о нихъ, Свят. Пророкъ уподобилъ ихъ не какой-нибудь частной ранѣ, а цѣльному струпу, покрывшему всю душу. И такую-то душу повергаемъ въ пучину милосердія Божія! Послѣ погруженія въ него душа выходитъ совершенно чистою и исцѣленною. Такое погруженіе совершается всегда, когда душа чрезъ посредство покаянія и исповѣданія своихъ согрѣшеній, особливо же при таинствѣ исповѣди, обращается къ Богу. Поэтому Ваше состояніе не должно Васъ смущать. Есть несомнѣнно тѣлесная болѣзнь, есть при болѣзни и притворство, какъ это часто случается съ больными. Отъ сего не должно смущаться и унывать, напротивъ того должно струпы свои, притворство и родителей его тщеславіе свое и сладострастіе обнажать предъ Всесильнымъ и Всеблагимъ. Впрочемъ, прося у Него исцѣленія и нося крестъ страстей своихъ съ терпѣніемъ доколѣ самъ Господь не возьметъ его отъ насъ. Носите иго Навуходоносорово! увѣщевалъ таинственно Пророкъ израильтянъ. Это путь спасенія; ходите имъ. Миръ Вамъ отъ Господа!

М. Г. С. П.

№ 90.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Вами и благодать Божія да руководитъ Васъ на краткомъ поприщѣ земной жизни къ спасенію въ вѣчности.

Сердечно утѣшаюсь, что духовная семья, собранная перстомъ Божіимъ въ Обители и около Обители Преподобнаго Сергія, хранится симъ же перстомъ Божіимъ. Въ кругу ея Вы можете находить удовлетвореніе Вашимъ духовнымъ нуждамъ. За сіе Вы должны непрестанно благодарить Бога, ибо это благо имѣютъ весьма немногіе. Поручаю себя Вашему молитвенному воспоминанію.

В. п. слуга И., Еп. К. и Ч.

Письма къ А. А. Плещееву.

№ 91.

Любезнѣйшій другъ А. А—чъ!

Господь да утѣшитъ Васъ и семейство Ваше въ постигшей Васъ горести. Разсматривайте благость Божію къ Вамъ, Его чудный о Васъ

Промыселъ и этимъ утоляйте скорбь сердца Вашего, приводите его къ чувствамъ благодаренія.

Старецъ Вашъ въ послѣдніе дни жизни своей (днями я называю и годы) посвятилъ себя Богу, успѣлъ болѣе приготовить себя къ вѣчности, нежели какъ то бываетъ нынѣ обыкновенно въ свѣтѣ. Къ этому вела его невидимая рука Божія, въ этомъ видна особенная къ нему милость Божія. Отторгнемъ отъ земли мысль нашу, придѣпившуюся къ землѣ, подумаемъ, повѣримъ, что есть вѣчность, передъ которой наше земное странствованіе кратче, нежели минута, сравненная съ столѣтіемъ! Разсудимъ, что здѣшняя жизнь намъ дана единственно, какъ приготовленіе къ вѣчности! Познаемъ, что родъ человѣческій находится въ состояніи паденія изъ того самаго, что мы не хотимъ и думать о вѣчности. Живемъ на землѣ, какъ бы вѣчные на ней. Обратимъ взоры ко Христу, Спасителю нашему! Что представится тогда нашимъ мысленнымъ взорамъ?—Необыкновенная благость Божія къ Вашему дому, который приведенъ странными путями Промысла къ Богопознанію и Богопочитанію, мало извѣстнымъ намъ въ мірѣ.

Съ какимъ кроткимъ смиреніемъ послѣдовалъ Старецъ Вашъ общему стремленію семейства. Тѣмъ удивительнѣе его смиреніе, что онъ въ этомъ стремленіи не былъ первымъ, а только послѣдователемъ, что для старцевъ особенно трудно. При отшествіи его въ будущность должно болѣе радоваться, нежели предаваться скорби: ибо очевидно, что Богъ его избралъ и теперь пріемлетъ въ вѣчное блаженство.

Это написалъ я въ утѣшеніе Ваше; благодать Божія да произнесетъ въ сердцахъ Вашихъ слово утѣшенія, коими взаимно утѣшайте другъ друга, взирая на тотъ путь, который всѣмъ намъ предлежитъ, и плотскія слезы обращайте на духовныя, въ которыхъ вмѣстѣ печаль и радость.

Вамъ преданнѣйшій А. И.

Дочери его Лидіи.

№ 92.

„Никтоже въ насъ себѣ живетъ“, сказалъ Апостолъ „и никто же себѣ умираетъ“. Оставшись жить на землѣ, живи не себѣ, но Господу: живетъ Господу тотъ, кто живетъ для исполненія Его воли; живетъ себѣ тотъ, кто живетъ для исполненія своихъ пожеланій. Послѣдній хотя и кажется для чувственныхъ очей движущимся, живущимъ, но душею мертвъ для Господа, вмѣняется у Бога какъ бы несуществующимъ, не вписанъ въ книгу Живота; въ другихъ книгахъ внесено его имя. Первый—не умираетъ и не можетъ умереть: онъ переходитъ смертію только въ большое развитіе жизни. Блюди, чтобъ не ожить для себя! Жизнію о Господѣ умерщвляйся для себя и тѣмъ сохрани себя въ животъ вѣчный.

26 ноября 1844 года.

№ 93.

Дражайшій Ал. Ал—чъ!

Услышавъ о случающихся съ Вами припадкахъ, я этимъ очень потревожился. Прошу Васъ по дружбѣ Вашей ко мнѣ пожаловать въ монастырь часамъ къ 9-ти. Вытребуемъ нашего доктора, и если Вамъ нужно пустить кровь, то онъ пуститъ Вамъ. Я не встрѣчалъ ни доктора, ни фельдшера, который бы пускалъ кровь съ такою отчетливостію, какъ Б. Послушайтесь меня грѣшнаго; уповаю, что Вы не будете раскаяваться въ послушаніи Вашемъ.

Примѣчаніе П. А. Б. Такого рода писемъ, указывающихъ на продолжительно-постоянно неизмѣнныя дружественнѣйшія отношенія къ Ал. Ал. Плещееву, было много. Слѣдующее за симъ письмо было какъ бы напутствіемъ Плещееву, писано къ нему за мѣсяцъ до смерти его, когда еще никто не говорилъ и не думалъ о близости смертнаго его часа. Покойный Плещеевъ назвалъ это письмо подорожной своей въ вѣчность, хранилъ его во всѣ послѣдніе дни подъ подушкой; болѣзнь препятствовала Архим. Игнатію самому пріѣхать къ умиравшему другу.

№ 94.

Возлюбленнѣйшій о Господѣ Алекс. Александ—чъ!

„Божественная Премудрость“, говоритъ Писаніе, „созда себѣ домъ“, т. е. святую Церковь: въ этомъ домѣ все дышетъ создавшею его Божественною Премудростію. Свѣтитъ эта премудрость и въ томъ, что всякій рядъ прошеній Церковныхъ, или эктенія, заключается сими словами: „сами себе, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“. Мудрое и святое заключеніе прошеній! Нынѣ предстоитъ Вамъ исполнить его на самомъ дѣлѣ и исполнить его съ живою вѣрою во Христа. Сильна вѣра во Христа исповѣдуемымъ его Христомъ; полна плодовъ скудныхъ вѣра во что-либо ложное! Вѣра во Христа даруетъ вѣрующему Христа; а Христу можно съ благодареніемъ и радостію ввѣрить все: и себя, и ближнихъ своихъ. Такое размышленіе да утѣшаетъ Васъ въ послѣднія минуты земной жизни Вашей. Обращая произвольные взоры на Ваше семейство, вручайте его Христу. Онъ устроилъ такъ, что Вы были опорою Вашего семейства: теперь Онъ же призываетъ Васъ къ Себѣ. Вы были Его орудіемъ: отлагая одно орудіе, Онъ можетъ взять во всемогущую Свою десницу другое орудіе. Разлучаетесь съ Вашими ближними, разлучаетесь ненадолго! Вы можете выводить правильное заключеніе о земной чело-

вѣческой жизни! Вы можете исчислить, какъ она скоротечна! Скоро пробѣжала мимошедшая жизнь! Скоро пробѣжитъ для тѣхъ, которымъ суждено еще повитать на землѣ, ихъ будущая земная жизнь. Идите на небо, въ вѣчность, куда Васъ призываетъ Христосъ. „Блаженъ грядый“ въ вѣчность „во имя Господне“. Идите на Небо на безконечный и радостнѣйшій праздникъ Христовъ. Туда Вы призваны Христомъ, призывъ туда Вы приняли живою вѣрою во Христа и ею вписались въ Книгу Живота. Туда скоро придутъ Ваши ближніе навѣки соединиться съ Вами. Здѣсь на землѣ они раздѣляли съ Вами скорби, утѣшались вѣрою: достойно и праведно раздѣлить имъ съ Вами радости небесныя, приготовляемыя и доставляемыя вѣрою и земными скорбями въ вѣрѣ во Христа.

На Небѣ, въ вѣчномъ радованіи, на свѣтломъ пиру Христовомъ помяните и тѣхъ, которые Вамъ говорили Слово Божіе, да обрящутъ милость на судѣ Христовомъ, на которомъ будутъ судимы, дѣла, слова и помышленія человѣческія, каковы они были предъ Богомъ, не предъ человѣками, смотрящими только на наружность.

Къ д. е. Л.

№ 95.

Что Вамъ сказать о тѣхъ страданіяхъ, которымъ подвергаетъ Васъ врачебная необходимость? Не отказывайтесь отъ этихъ страданій! Они могутъ быть вознаграждены пріятностію выздоровленія. Кромѣ этой пользы есть въ нихъ еще другая польза, несравненно важнѣйшая: это обновленіе души Вашей. Вы можете сдѣлаться способною благодарить Богу и приблизиться къ Нему. Для этого нѣтъ другого средства, кромѣ креста, то есть, великодушнаго терпѣнія всѣхъ страданій, ниспосылаемыхъ Промысломъ. Свергающіе съ себя крестъ дѣлаются непотребными для Бога. Сила Божія можетъ Васъ подкрѣпить вполнѣ, несмотря на Вашу юность. Воодушевляемые этою силою могутъ побѣдить всякій страхъ, всякое мученіе.

Когда мысль Ваша дѣлается тиха, и какая-то спокойная печаль, подобна дождевой тучѣ, найдетъ на душу Вашу,—потомъ въ Васъ дѣлается ясно и радостно, то знайте, что это есть дѣйствіе душевнаго плача, который въ Васъ появился за Ваши страданія и за то, что въ нихъ стараетесь прибѣгать къ Богу. Будьте внимательны и благоговѣйны, потому что духовныя ощущенія тонки и уходятъ отъ невнимательныхъ и неблагоговѣйныхъ. Если будете внимательны, то тучи отъ времени до времени будутъ дѣлаться гуще, наконецъ разразятся и произведутъ слезы, каковыми Вы не плакивали. Наслажденіе этими слезами будетъ величайшимъ утѣшеніемъ и подкрѣпленіемъ въ Ва-

шей болѣзни. Въ Васъ завѣетъ тишина и спокойствіе чудныя! Но пребудьте вѣрною Богу! Аминь.

24 сентября 1847 г. Ник. Баб. монастырь.

№ 96.

М. Г--рь, Ал. Ал—чъ съ супругою и со всѣмъ Богоспасаемымъ семействомъ Вашимъ! Здравствуйте! Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Вами. Очень часто вспоминаю о Васъ съ любовію сердечною о Господѣ. Особеннаго больше мнѣ сказать Вамъ нечего: по милости Божіей путь спасенія Вамъ извѣстенъ съ довольною подробностію. А еще поживете въ заповѣдяхъ Господнихъ, еще болѣе узнаете.

Проѣхалъ я довольно пространства, видѣлъ людей набожныхъ посреди міра и въ монастыряхъ: Эти люди нынѣ крайне рѣдки и то съ весьма малымъ знаніемъ, а иные со смѣшанными понятіями, а оттого, что въ медъ подливаютъ деготь, т. е. читаютъ Святыхъ Отцовъ Православной Церкви, да не оставляютъ и поддѣльныхъ святыхъ темнаго Запада. И сбывается русская пословица: бочка меду, да ложка дегтю. Все и выкидывай вонъ! Оскудѣло истинное духовное знаніе и духовные наставники. Нѣчто иные повираютъ не хуже нашего брата,—да ученіе какое-то непросвѣтительное, все кругомъ ходятъ, а въ двери не попадаютъ,—словно въ жмурки играютъ.

Мѣстечко, въ которомъ живу, хорошенькое: нашему обществу жить бы въ такомъ мѣстечкѣ. Гостинница двухъ-этажная, каменная. Здѣсь можно соединить удобства общежитія съ удобствами уединенія. Я лечусь и потому не выхожу изъ комнаты и къ себѣ почти никого не принимаю. Извините, что мало и дурно написалъ. Писать нечего, а написалъ только для того, чтобъ Вы на меня не скорбѣли.

Просящій Вашихъ молитвъ нед. А. И.

Письма къ А. П—нѣ П.

№ 97.

Кого Господь возлюбитъ и кого восхощетъ избрать для блаженной вѣчности, тому посылаетъ непрестанныя скорби, въ особенности, когда душа, избираемая, заражена миролюбіемъ. Дѣйствіе, производимое скорбями, подобно дѣйствію, производимому ядомъ. Какъ тѣло, принявшее ядъ, умираетъ отъ естественной ему жизни, такъ и душа, вкушающая скорби, умираетъ для міра, для плотской жизни, родившейся изъ паденія и составляющей истинную смерть. Посему кто отказывается отъ скорбей, тотъ отказывается отъ спасенія: ибо Самъ

Господь сказалъ, что „неидущіе за Нимъ съ крестомъ своимъ не достоинъ Его“, что „желающій спасти душу свою въ вѣкѣ семъ погубитъ ее для вѣчности“. Слова Христовы неприложны и всячески сбудутся, почему и должно распинаться по слову Его, или яснѣе, на крестѣ словесъ Его, хотя плоть и вопіетъ противъ распятія. Для благодушнаго и мужественнаго перенесенія скорбей должно имѣть вѣру, т. е. вѣровать, что всякая скорбь приходитъ къ намъ не безъ попущенія Божія. Если власъ главы нашей не падаетъ безъ воли Отца Небеснаго, тѣмъ болѣе безъ воли Его не можетъ случиться съ нами что-либо важнѣйшее, нежели паденіе съ головы волоса. Далѣе—рождается въ скорбяхъ благодушіе, когда мы предаемся волѣ Божіей и просимъ, чтобъ она всегда надъ нами совершалась. Также въ скорбяхъ утѣшаетъ благодареніе, когда благодаримъ за все случающееся съ нами.

Напротивъ того ропотъ, жалобы, расположеніе плотское, т. е. по стихіямъ міра, только умножаютъ скорбь и содѣлываютъ ее нестерпимою. Святый Исаакъ сказалъ, что „тотъ больной, который при операціи сопротивляется оператору, умножаетъ только свое мученіе“, почему, покоримся Богу не однимъ словомъ, но и мыслію, и сердцемъ, и дѣлами. Презримъ міръ и мнѣніе его, потому что Спаситель говоритъ намъ: „кто постыдится словесъ Моихъ въ семъ родѣ грѣшномъ и прелюбодѣйномъ, того и Азъ постыжусь предъ Отцемъ Моимъ и Ангелами Его“. Отъ угожденія міру теряется дерзновеніе къ Богу, а отъ презрѣнія къ міру дѣлается христіанинъ Богу свой и со многимъ дерзновеніемъ обращается къ дому Его, вѣруя слову Его, какъ Слову Божію, а не съ двоедушіемъ, отъ котораго ослабляется дѣйствіе Слова Божія за невѣріе, сопряженное съ двоедушіемъ.

Уснувшіе сномъ уннія—возстаньте! Разслабившіе себя двоедушіемъ укрѣпите себя вѣрою! Смягчите ожесточенныя сердца Ваши усердною молитвою и слезами. Приступите къ Господу со смиреніемъ, и вмѣстится въ Васъ Слово Его, и благодать Его, и воскреситъ мертвыя души Ваши! Если слово судится и осуждается, то оно остается безъ пользы; если же примется со смиреніемъ, то хотя наружность его жестка, но плодъ—духовное утѣшеніе, рождающееся отъ познанія и пріятія Истины, въ которой спасеніе.

№ 98.

Святые Отцы сказали: „Когда видишь утопающаго, простри къ нему конецъ жезла твоего и сдѣлай все, что можешь для его спасенія; но руки твоей не давай ему, чтобъ онъ не увлекъ тебя съ собою въ пропасть“. Богъ да даруетъ Вамъ мудрость поступить по сему совѣту.

Приступающій къ Богу долженъ приступать съ вѣрою въ Его всемогущество, а не съ двоедушіемъ и тогда получитъ помощь свыше. Зло, желая удержать человѣка въ оковахъ, всегда его стращаетъ; угрозъ этихъ бояться не должно: сильный Богъ избавитъ приступающихъ къ Нему отъ всѣхъ нападеній грѣха.

Написалъ я вамъ было нѣчто по французски, а, написавши, увидѣлъ, что образъ моей рѣчи Вамъ нейдетъ. Поелику же для Васъ написано, то у Васъ пусть и будетъ.

15 іюня 1844 года.

№ 99.

По порученію отца Игнатія—маленькаго отвѣчаю Вамъ, добрѣйшая А. П—на, вмѣсто него. Миръ имѣйте въ мысляхъ и сердцѣ; отгоняйте смущеніе благодушіемъ. Говорите себѣ, когда разные помыслы начнутъ Васъ смущать: „предаюсь Богу со всѣми немощами моими и обстоятельствами моими. Пусть Онъ творитъ надо мною Свою святую волю. Промыслъ Божій устроилъ такъ, что народъ Его при исшествіи изъ Египта получилъ мзду свою за работы, произведенныя въ Египтѣ. Поѣхали вы въ Ревель для пользованія Л—и Ал—ны и будьте мирны; исполняйте съ тщательностію то, за чѣмъ поѣхали и храните душу Вашу, которую Вы должны соблюсти на судъ Христовъ. Когда не можете сохраниться отъ шумнаго общества, то старайтесь сохраниться отъ многословія и излишнихъ шутокъ, а когда и отъ сего не сохранитесь, то умывайтесь въ покаяніи. Храните въ себѣ миръ! Знайте, что если есть въ Васъ смущеніе, то это знакъ, что закралась къ Вамъ какая-либо фальшивая мысль. Въ Васъ, какъ и во мнѣ, нѣтъ вѣры, нѣтъ смиренья! Предаваясь волѣ Божіей, Вы будете входить въ то и другое и будете обрѣтать въ сердцѣ миръ. Миръ Вамъ! миръ С. П.! Л. и А. въ миръ. Миръ всѣмъ и мнѣ грѣшному. Аминь.

№ 100.

Наконецъ получилъ я отъ тебя, истинный о Господѣ другъ мой письмо по мысли моей, по сердцу! Когда прочиталъ я его, то услышались мнѣ слова Св. Апостола Павла: „нѣсть Скифъ и варваръ, Іудей и Еллинъ, мужескъ полъ и женскъ, но нова тварь о Христѣ Іисусѣ“. Спаси тебя, Господи, за то, что ты меня утѣшила, дала увидать Евангеліе, напечатанное на душѣ, а не на бумагѣ. Пойми всю простоту сію, и всю глубину сію, и всю широту сію, и всю высоту сію. Да дастъ тебѣ Богъ разумъ обо всемъ. „Хотяй спасти душу свою да погубитъ ю“, и когда погубитъ ее, тогда узритъ ее пріобрѣ-

тенною. Погубляй до конца: ибо вѣра выше разума. Разумъ истязуетъ; вѣра—въ Богѣ. Христосъ съ тобою и твоими.

Грѣшникъ Игнатій.

М. Г. А. П.

№ 101.

Примите отъ меня грѣшнаго послушаніе. Потрудитесь устроить, чтобъ составлено было описаніе видѣнія Г. Ильинской со всею подробностію, пиша въ полъ-листа, чтобъ мнѣ можно было поправить. Данное Богомъ знаменіе не должно оставлять безъ вниманія: ибо оно и дано было для того, чтобъ мы хладные и маловѣрные обратили вниманіе отъ прелестей міра къ спасенію душъ нашихъ, пропадающихъ отъ нашего нерадѣнія. Дерзаемъ же разсуждать и слѣдующее: поелику душа эта приняла истязаніе отъ духовъ нечистыхъ, будучи еще въ тѣлѣ, то спасеніе ея не подлежитъ сомнѣнію.

Вашъ преданнѣйшій А. И.

1846 года.

№ 102.

Не волнуйтесь, но въ спокойствіи духа предавайтесь волѣ Божіей. Богъ вѣдаетъ, что творитъ и все, что ни творитъ, творитъ по великой благости Своей, по премудрѣйшимъ и неизслѣдимымъ судьбамъ Своимъ. Говорите чаще себѣ: „буди воля Божія". Въ сію успокоительную и священную мысль да погружается умъ Вашъ и сердце. Да удовлетворяются они ею. Богъ Васъ да благословитъ и да дастъ Вамъ разумъ истины и покорность Его святой волѣ, отчего прозябаетъ миръ душевный.

Вашъ преданнѣйшій о Господѣ Арх. И.

М. Г. А. П.

17 января 1858 года.

№ 103.

Приношу искреннѣйшую благодарность за воспоминаніе Ваше обо мнѣ и призываю на Васъ и семейство Ваше благословеніе Божіе. Скорби Ваши—знаменіе избранія Божія. Да будетъ благословенна милость Божія, печатлѣющая Васъ печатью избранія. Каждый вздохъ страждущихъ о Господѣ слышится на небѣ и вписывается въ книгу Божію для сторичнаго воздаянія. Благодать Божія да покроетъ святую Обитель, при которой Вы пріютились, да покроетъ Ваше семейство, да покроетъ всѣхъ и вся.

Вашъ покорнѣйшій слуга И. Еп. Кавк. и Черн.

М. Г. А. П.

1 февраля 1860 г.

№ 104.

Примите мою искреннѣйшую признательность за воспоминаніе Ваше обо мнѣ предъ днемъ воспоминанія святою Церковію о Священномученикѣ Игнатіи Богоносцѣ. Милосердный Господь да помянетъ Васъ и чадъ Вашихъ во Царствіи Своемъ, которое подобаетъ наслѣдовать многими земными скорбями. Господь послалъ Вамъ скорби въ залогъ Царствія.

Поручаю себя Вашей о Господѣ любви и остаюсь навсегда Вашъ преданнѣйшій слуга И. Е. К. и Ч.

М. Г. А. П.

№ 105.

Благодарю Васъ искренне за письмо Ваше отъ 18-го апрѣля. Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Вами и надъ домомъ Вашимъ. Онъ да руководитъ Васъ къ блаженной вѣчности. Всѣ мы преисполнены немощей; но того изъ насъ, который хочетъ благоугодить Господу, Господь врачуетъ отъ немощей закономъ Своимъ и судьбами Своими.

Все, что слышу о Сергіевой пустынѣ, очень утѣшаетъ меня. Въ назначеніи от. Игнатія настоятелемъ этой Обители вижу милость Божію къ Обители и ко мнѣ. Надѣюсь, что и на будущее время Господь не оставитъ всѣхъ насъ Своею милостію.

И паки призывая на Васъ благословеніе Божіе, съ чувствами искреннѣйшаго уваженія и преданности м. ч. б. В. п. слугой И., Еп. Кавк. и Черном.

М. Г. А. П.

24 января 1861 г.

№ 106.

Приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за воспоминаніе Ваше обо мнѣ! Поздравляю Васъ и все благочестивое семейство Ваше съ наступающимъ Новымъ годомъ, сердечно желаю Вамъ протекать поприще его подъ сѣнію милости Божіей.

Блаженны тѣ, которые вдали отъ мірского шума и житейскихъ попеченій, могутъ посвящать все свое время на служеніе Богу, на

приготовленіе себя къ вѣчности. Господь назвалъ такое положеніе человѣка благою частію. Эта благая часть да не отъемлется отъ Васъ во вся дни земного житія Вашего! Да пребудетъ она постояннымъ достояніемъ Вашимъ и вѣрнымъ залогомъ вѣчной радости.

Призывая на Васъ и семейство Ваше благословеніе Божіе и проч.

М. Г. А. П.

24 іюня 1861 г.

№ 107.

Искренне благодарю Васъ за воспоминаніе Ваше обо мнѣ. Вы справедливо говорите, что Промыслъ Божій обо мнѣ достоинъ удивленія и славословія. Положеніе мое устроилось такъ удовлетворительно, какъ я и желать не смѣлъ. Извините и меня, что пишу къ Вамъ рѣдко. Еще въ Ставрополѣ очень сократилъ свою переписку, а теперь необходимо и еще сократить, ограничась необходимѣйшимъ.

Спасайтесь! Господь да благословитъ Васъ и семейство Ваше и да наставитъ Васъ на путь спасенія.

Вашъ п. о. Еп. Игнатій.

Письмо къ А. В. Ж.

22 іюня 1866 г.

№ 108.

Подвижникамъ, занимающимся умственнымъ подвигомъ, попускаются преимущественно предъ тѣлесными подвигами болѣзни и другія скорби: отъ дѣйствія ихъ подвижникъ по необходимости долженъ возлагать надежду на Бога. Отъ усиленія надежды на Бога слабѣетъ самонадѣянность; съ уменьшеніемъ самонадѣянности уменьшается самомнѣніе. Съ ослабленіемъ этихъ недуговъ начинаетъ зарождаться въ душѣ истинное смиреніе, на которомъ основаны правильность и прочность всякаго подвига.

Это сказано въ утѣшеніе тебѣ въ постигшей тебя болѣзни. Будемъ предаваться волѣ Божіей и дѣлать сами то, что зависитъ отъ насъ.

Сего 22-го іюня я получилъ письмо изъ М. отъ 15-го отъ П. А—ча. Какъ онъ извѣщаетъ меня въ этомъ письмѣ, что 14-го выѣзжаетъ въ П. б. гъ, то потрудись переслать ему это письмо мое въ подлинникѣ. Въ немъ отвѣтъ на его письмо. 15-го мая кончилъ я употребленіе (хрѣноваго) сиропа, и до сихъ поръ онъ дѣйствуетъ сильно противъ худосочія, производя во мнѣ туже неимовѣрную слабость,

какую производилъ прошедшаго лѣта, и которая тогда значительно миновалась съ прекращеніемъ дѣйствія сиропа.

Церковь наша выходитъ необыкновенно хорошею, далеко лучшею, нежели какова она на чертежѣ, такъ что рука Божія выказывается въ этомъ дѣлѣ со всею очевидностію.

Призывающій на тебя обильное благословеніе Божіе тебѣ преданнѣйшій слуга и родственникъ Е. И.

I. Письма къ Преосвященному Леониду (Краснопѣвкову), Епископу Дмитровскому 1859—1867 [1].

24 января 1860 года,

№ 109.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Позвольте просить милостиваго вниманія Вашего къ подателю сего письма, Алексѣю Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здѣшняго Начальника Губерніи. Алексѣй Петровичъ желаетъ вступить въ Московскій Университетъ. Не откажите ему въ полезныхъ наставленіяхъ, въ которыхъ всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умноженіи соблазновъ,

---

1) **Высокопреосвященный Леонидъ, Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій**, въ мірѣ Левъ Васильевичъ Краснопѣвковъ, сынъ товарища Герольдмейстера, род. 16 февраля 1817 года. Въ августѣ 1829 года, на тринадцатомъ году своей жизни Краснопѣвковъ помѣщенъ былъ родителями въ Горный кадетскій корпусъ. Въ 1832 г. Краснопѣвковъ оставилъ горный корпусъ и, послѣ домашняго приготовленія поступилъ юнкеромъ въ Балтійскій флотъ. Въ февралѣ 1836 года Краснопѣвковъ зачисленъ въ 14-й флотскій экипажъ. Въ это время онъ познакомился (по свидѣтельству П. А. Брянчанинова—въ 1834 году) съ Архимандритомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, бывшимъ въ то время Настоятелемъ Сергіевой пустыни близъ Петербурга. Архимандритъ Игнатій познакомилъ его съ жизнію монашескою и утвердилъ въ рѣшимости принять монашество. Въ 1840 году Краснопѣвковъ поступилъ въ Московскую Духовную Академію, причемъ Филаретъ, Митрополитъ Московскій, писалъ отъ 30 іюня того года Намѣстнику Лавры Архимандриту Антонію: „въ Академію поступаетъ чиновникъ изъ дворянъ Краснопѣвковъ. Это не то, что нѣкоторые бывшіе предъ симъ. Примите его со вниманіемъ и дайте ему право узнать обитель и монашество". По окончаніи Академіи Лейтенантъ Краснопѣвковъ поступилъ преподавателемъ гражд. исторіи въ Виѳанскую дух. семинарію и въ сентябрѣ 1845 года принялъ монашество, съ именемъ Леонида. Съ апрѣля 1848 года по ноябрь 1849 года іеромонахъ Леонидъ состоялъ бокалавромъ Московской Духовной Академіи по классу патристики и помощникомъ

еще болѣе нуждаются. Мой братъ—самый религіозный человѣкъ; старался васпитать сына въ страхѣ Божіемъ, а теперь, отпуская изъ своего личнаго надзора, поручаетъ его Богу и Божіимъ служителямъ.

Московскіе журналы открыли войну противъ монашества. Они называютъ его анахронизмомъ. Надо бы говорить откровеннѣе, и сказать, что христіанство становится анахронизмомъ. Смотря на современный прогрессъ, нельзя не сознаться, что онъ во всѣхъ началахъ своихъ противорѣчитъ христіанству, и вступаетъ въ отношенія къ нему самыя враждебныя. Это видятъ на самомъ опытѣ сельскія священники: положеніе священниковъ, особливо благонамѣренныхъ, становится самое трудное. Все это видитъ Богъ. Да совершится воля Божія! Да покроетъ насъ милость Божія!

О. Епифаній поживаетъ благополучно. Я доволенъ имъ; кажется, и онъ доволенъ своимъ положеніемъ. Поручая себя Вашимъ святымъ молитвамъ, съ чувствами искреннѣйшаго уваженія и преданности. имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою
Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

24 Января 1860 года.

библіотекаря. Въ ноябрѣ 1849 года назначенъ былъ Ректоромъ Виѳанской духовной семинаріи, въ 1853 году Ректоромъ Московской духовной семинаріи. Въ мартѣ 1859 г. Архимандритъ Леонидъ былъ избранъ Св. Синодомъ и Высочайше утвержденъ во Епископа Дмитровскаго; въ маѣ 1870 года назначенъ Архіепископомъ Ярославскимъ; скончался 15 декабря 1876 года въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ Костромской Епархіи (о Высокопреосвященнѣйшемъ Леонидѣ подробно можно читать въ интересной книгѣ Высокопреосвященнаго Саввы: „Воспоминанія о Высокопреосвященномъ Леонидѣ, Архіепископѣ Ярославскомъ и Ростовскомъ". Харьковъ. 1877 г.). Въ Николо-Бабаевскій монастырь Архіепископъ Леонидъ пріѣхалъ 13 декабря, и въ церкви Преп. Сергія Радонежскаго слушалъ соборную панихиду по Преосвященномъ Игнатіи Брянчаниновѣ; по окончаніи панихиды, Высокопреосвященный Леонидъ подошелъ къ самой могилѣ Владыки Игнатія, земнымъ поклономъ привѣтствовалъ почившаго и, обратившись къ братіи, объяснилъ имъ свои духовныя отношенія къ нему. Тѣло почившаго Іерарха, по омовеніи и облаченіи, было покрыто мантіей Епископа Игнатія. „Судьбы Божіи привели монахолюбиваго Іерарха Леонида окончить дни свои въ пустынномъ монастырѣ, въ которомъ опочилъ іерархъ Игнатій, насадившій въ немъ рѣшимость оставить служеніе міру и принявшій его, отшедшаго въ вѣчность въ свое единеніе, въ свою обитель, что выразилъ осязательнымъ выраженіемъ и покрытіемъ тѣла представльшагося своей епископской мантіей. „Не безъ Промысла Божія", замѣчаетъ П. А. Брянчаниновъ, „сподобилъ Господь и меня,—брата Епископа Игнатія,—послужить въ этотъ великій часъ Преосвященнѣйшему Леониду" (Петръ Брянчаниновъ. „Послѣдніе два дня жизни Высокопреосвященнаго Леонида". Церковный вѣстникъ. 1877 годъ, январь, № 1, стр. 11—12).

25 декабря 1859 года.

№ 110.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Примите мое усерднѣйшее поздравленіе съ наступающими Праздниками и Новымъ годомъ и вмѣстѣ искреннѣйшую благодарность за письмо Ваше. Безымянка получена мною изъ Санктпетербургской Духовной Академіи, но Лицо, которое тамъ чернится этою безымянкою, оказывается доселѣ хорошимъ. Его сердце тамъ не пріютилось. О Московской Академіи онъ относится съ любовію и уваженіемъ. Мои отношенія къ Ректору тѣ самыя, какія вы описываете. Къ сожалѣнію о. Германъ отвергъ тѣ отношенія, которыя ему по той же системѣ слѣдовало имѣть Ректору къ Епископу, отвергъ и ту любовь, съ которою я его принялъ. Онъ счелъ нужнымъ составить изъ лица своего оппозицію Епископу по епархіальнымъ дѣламъ, подъ руководствомъ нѣкоего протоіерея, удаленнаго изъ консисторіи Св. Синодомъ. Къ счастію о. Германа скоро перевели отсюда: безъ сего онъ сдѣлался бы жертвою своей неопытности и увлеченія.—Искренне благодарю Васъ за увѣдомленія о здравіи Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита. Немудрено, что прозорливый Старецъ ведетъ самую уединенную жизнь: изъ тишины своей келліи онъ видитъ тѣ тучи, которыя скопляются на горизонтѣ.

Поручая себя Вашимъ Святымъ молитвамъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою

Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

19 апрѣля 1860 года.

№ 111.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Примите мое усерднѣйшее поздравленіе съ наступившею Всесвятою Пасхою, мое усерднѣйшее желаніе Вашему Преосвященству всѣхъ истинныхъ и совершенныхъ благъ и всерадостное привѣтствіе: Христосъ Воскресе!

Сегодня имѣлъ истинное удовольствіе получить письмо Ваше отъ 30 марта, и приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за милостивѣйшія заботы Ваши о моемъ убогомъ Словѣ. Сердечно радуюсь, что Слово Божіе будетъ въ общемъ употребленіи на русскомъ языкѣ.

Сего же дня получилъ я изъ Петербурга письмо отъ одного знакомаго, который пишетъ, что высылаетъ мнѣ вновь изданное Евангеліе. Слава Богу! Кажется Духъ Святый, сообщивъ Апостоламъ въ день Пятидесятницы знаніе языковъ, со всею ясностію указалъ волю Божію, состоящую въ томъ, чтобъ Слово Божіе имѣлось и провозглашалось на всѣхъ языкахъ...

На четвертой недѣлѣ Великаго поста я очень болѣлъ летучею оспою. Къ принятію этой болѣзни меня приготовило употребленіе здѣшнихъ минеральныхъ водъ. Эти воды на людей, пораженныхъ застарѣлыми болѣзнями, дѣйствуютъ не во время лѣтняго пользованія водами, а на слѣдующую зиму и въ теченіе всей зимы. Дѣйствіе водъ заключается въ особеннаго рода болѣзни, которою изгоняется застарѣлая болѣзнь. Болѣзнь моя была очень сильна; упадокъ силъ—необыкновенный. Пасхальную недѣлю провелъ въ постели, на ней провожу и теперь большую часть времени.—Весьма благодарю Васъ за извѣстіе о Высокопреосвященнѣйшемъ Митрополитѣ. Всеблагій Господь да подкрѣпитъ его силы въ настоящее трудное время, въ которое начинаютъ заигрывать многоразличныя бури. Принимаю сердечное участіе въ Г-нѣ Горскомъ. Да даруетъ ему Господь и благоденствіе и домоденствіе и да преисполнитъ его всѣхъ истинныхъ благъ.

Поручая себя Вашимъ Святымъ Молитвамъ и о Господѣ любви, съ чувствами совершеннаго почтенія о искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ послушникомъ
Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

5 апрѣля 1860 года.

№ 112.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Почтенный Гражданинъ Первопрестольнаго Града Москвы Владиміръ Андреевичъ Сапелкинъ доставилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ раскольникамъ, находящимся на Кавказѣ, въ средѣ Линейно—Казачьяго Войска, и просилъ, чтобъ отвѣтъ мой передалъ я ему чрезъ Особу Вашего Преосвященства. Исполняя такое Владиміра Андреевича, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять на Себя трудъ о передачѣ нижеслѣдующаго отвѣта: „Я не имѣю никакого вліянія на Казачье Войско, и не имѣю никакого права вмѣшиваться въ дѣла Войска. Но по хорошимъ отношеніямъ моимъ съ Атаманомъ Зудзевичемъ, я передалъ ему частію сообщенныя мнѣ

свѣдѣнія. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ посѣтилъ меня Главный Священникъ Кавказской Арміи, Стефанъ Ивановичъ Гумилевскій, и говорилъ мнѣ, что Главному Начальству въ Тифлисѣ извѣстно появленіе въ станицахъ Лже-епископовъ изъ Австріи.

На этихъ основаніяхъ я полагалъ-бы весьма полезнымъ войти въ прямыя сношенія Владимиру Андреевичу съ Главнымъ Священникомъ Кавказской Арміи. Собственно въ Кавказской Епархіи раскольниковъ весьма мало.

У насъ совершается въ значительныхъ размѣрахъ переселеніе магометанъ въ Турцію. Это очень ослабляетъ остающихся горцевъ, даетъ перевѣсъ Русскимъ и успокаиваетъ край. Вотъ одна вѣсть, которую могу сообщить Вашему Преосвященству изъ отдаленныхъ пустынь Кавказа.

Поручая себя Вашей о Господѣ любви, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою
Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

P. S. Епифаній поживаетъ благополучно и трудится усердно. Я очень доволенъ имъ.

12 января 1861 года.

№ 113.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырь!

Благодареніе, которое принесъ я Вашему Преосвященству за оказанное мнѣ гостепріимство въ Москвѣ, пополняю повтореніемъ благодаренія, Гостепріимство, оказанное мнѣ, такъ преисполнено было любви, что по необходимости возбуждалось благодареніемъ каждый разъ, какъ ни вспомяну объ этомъ гостепріимствѣ. Господь да спасетъ Васъ!

Не откажитесь оказать покровительство подателю письма сего, казначею Бабаевской Общины, если ему придется обезпокоить Васъ какою либо просьбою. Положеніемъ моимъ, дарованнымъ мнѣ неизреченною милостію Божіею, я доволенъ и предоволенъ. Кажется, и здоровье мое начало поправляться. Случившійся со мною припадокъ въ Москвѣ, повторившійся въ сильнѣйшей степени здѣсь,—онъ былъ послѣдствіемъ хроническої болѣзни моей и леченія водами,—доселѣ остался не безъ послѣдствій. Спокойство и уединеніе въ Бабаевской Обители—неоцѣненныя. Кому онѣ нужны и даже необходимы, тотъ не можетъ не радоваться такому пріюту.

Поручая себя Вашимъ Святительскимъ молитвамъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою

Епископъ Игнатій.

22 апрѣля 1861 года.

№ 114.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Примите мое усерднѣйшее поздравленіе съ наступающимъ Праздникомъ праздниковъ и мое усердное желаніе Вашему Преосвященству истинныхъ и совершенныхъ благъ.

Письмо Ваше отъ 1-го декабря 1859-го года я храню, какъ сокровище. Оно и есть сокровище. Въ немъ показаны самыя вѣрныя отношенія Епископа къ Ректору и Ректора къ Епископу. Какъ эти отношенія установилъ у себя и этихъ отношеній постоянно держится мудрый и опытный Святитель Московскій, то я счелъ обязанностію своею держаться ихъ и держаться постоянно въ сношеніяхъ моихъ съ Арх. Епифаніемъ. На дняхъ я счелъ долгомъ моимъ показать благодѣтельное письмо Архимандриту, чтобъ онъ увидѣлъ изъ письма тотъ образъ мыслей, который имѣютъ въ Москвѣ о обязанностяхъ Ректора предъ его Епархіальнымъ Архіереемъ.

Позволяю себѣ обезпокоить Ваше Преосвященство покорнѣйшею просьбою. Если Вы получили отъ О. Епифанія какую либо жалобу на меня, не откажитесь, ради любви о Господѣ, сообщить ее предварительно мнѣ, въ какомъ Вамъ благоугодно видѣ, чтобъ и я могъ что нибудь сказать, и тѣмъ отъять у жалобы односторонность. Этимъ Вы окажете обоимъ намъ истинное благодѣяніе: мнѣ доставите возможность исправиться въ моей погрѣшности и впредь быть благоразумнѣе, а о. Епифанія Вы сохраните въ благоприличныхъ предѣлахъ необходимой для инока скромности, отъ попытокъ писать на своего Архипастыря нелѣпости и колебать въ Епархіальномъ Вѣдомствѣ необходимую для него субординацію [1]).

Поручая себя братской любви Вашей и прося Вашихъ святыхъ молитвъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою

Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

---

[1]) Здѣсь ходитъ молва, что письмо Ректора пущено въ С. Синодъ, разумѣется, не оффиціально.

3 іюня 1861 года.

№ 115.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Искреннѣйше благодарю Ваше Преосвященство за любвеобильное письмо Ваше отъ 17 іюня. Милосердый Господь да воздастъ Вамъ за любовь Вашу.

О. Ректоръ Епифаній написалъ просительное письмо къ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору о перемѣщеніи своемъ отсюда по неспособности выносить здѣшній климатъ. Я совѣтовалъ написать ему и къ Первосвятителю Московскому, что онъ, какъ говоритъ, и исполнилъ. И я писалъ къ Его Высокопреосвященству, прося Его не оставить о. Епифанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ о. Ректоръ подалъ въ Семинарское правленіе записку о своей болѣзненности; несмотря на эту болѣзненность я просилъ его посѣщать меня отъ времени до времени, полагая, что моя бесѣда, не имѣющая другого достоинства, кромѣ благонамѣренности, можетъ успокоивать духъ его, въ чемъ онъ очень нуждается. Усмотрѣвъ, что онъ приходитъ въ совершенное изступленіе и самозабвеніе въ то время, какъ подвергнется вспыльчивости, что въ это состояніе онъ приводится другими и не замѣчаетъ того,—я заключилъ, что онъ неспособенъ къ должности Ректора. Недавно онъ самъ высказалъ эту мысль: слава Богу, если онъ говорилъ искренно. Понять свою неспособность—великое благо! Очень понимаю, какъ Вы пишете, что одинъ Первосвятитель старался и старается ввести въ Высшую Іерархію новый элементъ. Такое мнѣніе раздѣлялъ и нашъ покойный Митрополитъ Григорій. Но, кажется, одной Особѣ Вашего Преосвященства суждено оправдать избраніе и мысль Московскаго Первосвятителя. Господь да осѣнитъ Васъ своею благодатію, да укрѣпитъ Васъ своею силою, чтобъ Вы болѣе и болѣе доставляли утѣшеніе и подкрѣпленіе нуждающимся въ немъ и прибѣгающимъ къ Вамъ за ними. Судьбы Божіи—бездна многа! И всякое поношеніе не лишено своихъ утѣшеній, когда человѣкъ за свое положеніе возсылаетъ благодареніе Богу.

Поручая себя Вашимъ святымъ молитвамъ, Вашей отеческой и братской любви, съ чувствами совершеннаго почтенія и искренней преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою
Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

24 октября 1861 года.

№ 116.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Примите мою искреннѣйшую признательность за любвеобильный пріемъ, оказанный мнѣ Вашимъ Преосвященствомъ. Вы произвели на меня самое благопріятное впечатлѣніе, которымъ наслаждаюсь и понынѣ.

Дорогу совершилъ я благополучно. Но послѣдній день путешествія былъ труденъ и простуда въ ногѣ моей усилилась. По прибытіи въ монастырь, черезъ нѣсколько дней слегъ въ постель. Теперь лучше, встаю по временамъ съ постели, и сегодня началъ уже немного заниматься письменностію.

Поручая себя Вашимъ Святительскимъ молитвамъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою

Епископъ Игнатій.

3 января 1863 года.

№ 117.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Примите мою искреннѣйшую признательность за одолжительное посланіе Ваше отъ 27-го декабря. Съ особеннымъ утѣшеніемъ прочиталъ и описаніе отношеній Государя Императора и Государыни Императрицы къ Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту. Это добро есть добро общественное. Богъ соединилъ Царей и Іереевъ для блага человѣчества, странствующаго на землѣ, поручивъ первымъ устроять временное благоденствіе общества человѣческаго, а вторымъ приготовлять это общество къ переселенію въ вѣчность и къ блаженству въ вѣчности. Представители обоихъ служеній должны находиться въ единодушіи, какъ призванные къ этому единодушію Самимъ Богомъ, и изъ благочестиваго единодушія своего дѣйствовать. Сатана всегда старается разстроить порядокъ, учрежденный Богомъ, обманывая человѣковъ софизмами, и употребляя самихъ же человѣковъ къ разрушенію ихъ временного и вѣчнаго благополучія. О! Какъ человѣкъ (сужу по себѣ) слѣпъ и легковѣренъ. Съ великимъ трудомъ онъ рѣ-

шается повѣрить Богу, съ величайшею скоростію, очертя голову, какъ говорится, вѣритъ сатанѣ.

Изъ уединенія моего смотрю на міръ, какъ на корабль, плывущій вдалекѣ, и исполняюсь желанія, чтобъ онъ плаваніе свое совершалъ подъ покровомъ милости Божіей. О! да не предастъ она насъ водительству лженменнаго разума—этого источника бѣдствій человѣческихъ.

Поручая себя Вашимъ Святительскимъ молитвамъ и о Господѣ любви, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца покорнѣйшимъ слугою.

Епископъ Игнатій.

P. S. Приношу Вашему Преосвященству искреннѣйшую благодарность за милостивое воспоминаніе о ближнихъ моихъ, которые сами будутъ благодарить Васъ.

15 декабря 1863 года.

№ 118.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Примите мое усерднѣйшее поздравленіе съ наступившимъ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ годомъ и мое усерднѣйшее желаніе Вашему Преосвященству вожделѣннаго здравія и всѣхъ истинныхъ и совершенныхъ благъ. Вотъ уже третій годъ наступилъ съ того времени, какъ я имѣлъ честь видѣть Васъ въ Москвѣ! Съ того времени и Вы успѣли похворать. Мое дѣло—конченное: выздоровленіе, по причинѣ совершеннаго истощенія силъ, произведеннаго сорокалѣтнею болѣзнею, невозможно. Вашему Преосвященству искренно желаю возстановленія здравія и силъ для Вашей и общественной пользы.

Поручая себя Вашимъ Святительскимъ молитвамъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца покорнѣйшимъ слугою

Епископъ Игнатій.

1 іюня 1865 года.

№ 119.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за благосклонное принятіе труда моего, книги „Аскетическіе Опыты“. Примите и покорнѣйшую мою просьбу: не откажитесь предложить извѣстнымъ Вашему Преосвященству монашествующимъ и вообще аскетамъ эту книгу, предохраняющую отъ злоупотребленій въ молитвенномъ подвигѣ, злоупотребленій, ведущихъ къ самообольщенію.

Поручая себя Вашимъ Святительскимъ молитвамъ съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца покорнѣйшимъ послушникомъ

Епископъ Игнатій.

27 декабря 1865 года.

№ 120.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Приношу Вамъ искреннѣйшую признательность за милостивое воспоминаніе Ваше о мнѣ и усерднѣйшее поздравленіе съ наступившимъ праздникомъ Рождества Христова и наступающимъ Новымъ годомъ, который желаю Вамъ препроводить въ вожделѣнномъ здравіи и благополучіи.

Спаси Васъ Господи за любовь Вашу къ монашеству. Многіе нынѣ жалуются на него, видя, или отыскивая въ немъ разные недостатки; но монашество барометръ, который, стоя въ уединенной комнатѣ, со всѣхъ сторонъ замкнутой, съ точностію показываетъ состояніе погоды на улицѣ. Старыя зданія должно исправлять съ большою осмотрительностію и знаніемъ дѣла: иначе исправленіе можетъ превратиться въ разрушеніе. Буди воля Божія!

Прося Вашихъ Святительскихъ молитвъ въ подкрѣпленіе моихъ немощей душевныхъ и тѣлесныхъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца покорнѣйшимъ слугою

Епископъ Игнатій.

Примите на себя трудъ передать мой усерднѣйшій поклонъ о. Арх. Пимену и искреннѣйшую благодарность за его воспоминаніе о мнѣ.

10 января 1867 года.

№ 121.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Благодарю Васъ за воспоминаніе о мнѣ, и взаимно привѣтствую съ прошедшими праздниками и наступившимъ Новымъ годомъ, отъ души желая Вашему Преосвященству всѣхъ истинныхъ и совершенныхъ благъ.

Въ настоящее время—такъ какъ и въ ноябрѣ и декабрѣ прошедшаго года—чувствую себя особенно больнымъ и слабымъ, сижу лишеннымъ способности заниматься не только письмомъ, но и чтеніемъ; посему и спѣшу закончить сіи строки испрошеніемъ Вашихъ Святительскихъ молитвъ въ подкрѣпленіе немощей моихъ многихъ.

Вашего Преосвященства покорнѣйшій послушникъ

Епископъ Игнатій

4 марта 1867 года.

№ 122.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Покорнѣйше прошу принять послѣдніе два тома 3-й и 4-й моихъ сочиненій и покрыть любовію и снисхожденіемъ мои недостатки.

Поручая себя Вашимъ Святительскимъ молитвамъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца покорнѣйшимъ слугою

Епископъ Игнатій.

4 мая 1859 года.

№ 123.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь.

Приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за письмо Ваше отъ 25-го апрѣля. Вы не ошиблись, почтивъ меня увѣдомленіемъ о предоставленіи Вамъ Епископскаго сана! Я искренно порадовался

этой вѣсти, и уповаю на милость Божію, что Вы будете проходить великое служеніе, на Васъ возлагаемое, во славу Божію, для существенной пользы святой Церкви.

На васъ лежитъ великая обязанность: примирять главныя сословія отечества, которыхъ разрознило Европейское ученіе. Вліянію этого ученія много подчинились и духовенство и дворянство. Я читалъ съ ужасомъ январскіе и мартовскіе статьи Казанскаго Православнаго Собесѣдника, въ которыхъ столкновеніе сословій выражено очень ярко. Церковь и духовенство пострадали, страдаютъ, и, кажется, должны пострадать отъ европейскихъ ученій, а не отъ какого либо сословія. Я видѣлъ въ Петербургѣ купцовъ, погостившихъ въ Европѣ, и подивился тому удаленію, той дикости, которыя они начали являть къ Церкви и духовенству. Видѣлъ тамъ дѣтей священническихъ, образованныхъ по европейски: то же самое! Здѣсь я познакомился съ бѣлымъ духовенствомъ гораздо болѣе, чѣмъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ, и нахожу, что между ними имѣются самые добрые люди, что все вообще духовенство можетъ быть направлено прекрасно, что оно очень дѣвственно, что его погрѣшности и недостатки болѣе трубы, нежели глубоки. Воля Ваша: нужно воспитаніе и направленіе болѣе опредѣленныя. Труды на этомъ поприщѣ принадлежатъ Вашему Преосвященству. Вы очень близко ознакомились съ духовенствомъ и съ духовнымъ сословіемъ: Вамъ ясны тѣ средства, при помощи которыхъ оно можетъ быть удовлетворено и сближено съ другими сословіями, что необходимо для пользы Церкви, для пользы общественной. Благодарю Бога: здѣшнее духовенство являетъ ко мнѣ особенное расположеніе; но я старъ, сформировался въ монастырѣ и для монастыря, не могу проникнуть въ бытъ духовенства такъ, чтобъ я могъ судить о немъ вполнѣ основательно.

Поручая себя Вашей братской о Господѣ любви и Вашимъ святымъ молитвамъ, съ искреннимъ желаніемъ Вамъ всѣхъ истинныхъ благъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою
Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

№ 124.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Нѣсколько замедлилъ я отвѣтомъ на письмо Вашего Преосвященства, желая сказать Вамъ что-нибудь удовлетворительное о Д. Вильямсѣ. Но здѣсь никто и ничего не знаетъ о немъ.

Приношу Вамъ искреннейшую признательность за попеченія Ваши о „Словѣ о Смерти“. Со мною часто бесѣдуютъ о смерти мои недуги. Назидательна эта бесѣда! Послѣ нея міръ со всѣми его событіями представляется совершенно въ иномъ видѣ. Око странника смотритъ иначе, нежели око постояннаго жителя.

Порадовали меня свѣдѣнія, начертанныя въ письмѣ Вашемъ о Угрѣшскомъ монастырѣ. Спаси Господи отца Пимена, употребившаго и употребляющаго свои способности во Славу Божію! Нынѣ трудно найти монастырь благоустроенный! Во многихъ обителяхъ воздвигаются различныя зданія значительныхъ размѣровъ, которыя даютъ обители видъ какъ будто процвѣтанія. Но это обманъ для поверхностнаго взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный подвигъ почти повсемѣстно отвергнутъ; самое понятіе о немъ потеряно. Этого мало! во многихъ обителяхъ совершенно потеряна нравственность. Говорю такъ, имѣя подъ глазами самое печальное зрѣлище—Черноморскую пустыню, монастырь съ весьма значительными средствами, расположенный на весьма уединенномъ мѣстѣ. Имѣются въ здѣшней епархіи два женскихъ монастыря: въ нихъ нравственность хороша, но тѣлесный трудъ и многопопечительность о вещественномъ развитіи уничтожаютъ душевное развитіе.

Искренно желаю, чтобъ реформы по духовнымъ училищамъ достигли благихъ результатовъ. Весьма полезно воспитанниковъ духовныхъ училищъ удалять, по возможности, отъ соблазнительныхъ впечатлѣній міра и самому образованію дать характеръ болѣе сильный и опредѣленный, чтобъ образованіе дѣйствовало не только на умъ, но и на сердце, чтобъ образованный въ духовномъ училищѣ воспитанникъ получалъ рѣшительный характеръ православнаго христіанина, приготовившагося служить Церкви отъ всей души. У насъ выходитъ воспитанникъ съ какимъ то неопредѣленнымъ направленіемъ: онъ желаетъ получить священническое мѣсто, если оно выгодно; если, по случаю, представится болѣе выгодное мѣсто въ приказныхъ, то онъ нисколько не останавливается принять его. При бесѣдахъ всегда слышишь на первомъ планѣ мысль о выгодѣ. Необходимо подробное преподаваніе Церковной Исторіи, чтобъ воспитанники имѣли понятіе о характерахъ историческихъ лицъ, и сами формировались по характерамъ истинныхъ служителей Церкви. Отъ преподаванія, дѣйствующаго исключительно на умъ, происходитъ холодность къ Церковному дѣлу, и является по преимуществу матеріальное направленіе. По причинѣ этой холодности у насъ почти нѣтъ монашествующихъ изъ воспитанниковъ семинарій. Нейдутъ въ монастыри! не ощутили расположенія къ самоотверженію, къ духовному развитію. Отъ этого монастыри въ большомъ упадкѣ, будучи пристанищемъ для одной неграмотной ревности. Еслибъ воспитанники семинарій шли въ

монастыри, то монастыри были бы совсѣмъ въ другомъ положеніи. Буди воля Божія! Ничего не сдѣлаешь противъ покушенія.

Поручая себя Вашимъ святымъ молитвамъ, съ чувствами искреннѣйшей преданности и уваженія имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою
Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

22 іюня 1859 года.

№ 125.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Съ сердечною радостію и благодарностію прочиталъ я письмо Ваше отъ 25-го мая, письмо уже Епископа, и пожелалъ Вамъ изъ глубины души моей всею полнотою моего желанія, истинныхъ и вѣчныхъ благъ и даровъ, свойственныхъ истиннымъ рабамъ и ученикамъ Христовымъ. Благодарю Васъ и за святую икону, которая будетъ мнѣ постоянно напоминать о Васъ. Не прерывайте любви Вашей ко мнѣ: я странствую по пути земной жизни весьма одиноко.

Нынѣ очень трудно найти истиннаго слугу Божія, хотя по наружности никакое время не обиловало такъ въ слугахъ Божіихъ, какъ обилуетъ наше время, провозглашающее о своей положительности (1 сол. 5, 3). Есть много вѣдущихъ Бога и угодныхъ Богу по свидѣтельству человѣческому, но трудно найти засвидѣтельствованнаго Богомъ Боговѣдца и Богочтеца. Свидѣтельство Божіе ясно какъ солнце, но міръ слѣпъ и потому не видитъ свидѣтельства Божія; не видя свидѣтельства Божія, онъ замѣняетъ свидѣтельство Божіе свидѣтельствомъ своимъ и мнитъ удовлетворяться. Какъ хорошо поступали наши Древніе Отцы Церкви Православной! они обучившись наукамъ человѣческимъ, воспринимали на себя иго Христово и на поприщѣ самоотверженія, подъ руководствомъ Креста Христова, научились Божественной Премудрости, и содѣлывалась для нихъ человѣческая ученость уничиженною рабою, которую они употребляли въ услуженіе Божественной Премудрости для преподаванія этой Премудрости своимъ ближнимъ.

Книжникъ, научившійся Царствію Небесному можетъ износить изъ себя и ветхое и новое, покоривъ ветхое новому и приспособивъ къ нему; а ненаучившійся, очевидно, можетъ износить только одно ветхое, которое есть смерть и вражда на Бога, которое производитъ и на ближнихъ свойственное себѣ впечатлѣніе, хотя бы и говорили имъ о Богѣ, хотя бы и чесало слухъ души, возбуждая въ ней тон-

чайшее прелюбодѣйное движеніе страстей, признаваемое многими за дѣйствіе благодати. Спаси насъ, Господи! Гибнемъ отъ себя, возлюбивъ собственныя свои ученія и отвергнувъ или мало цѣня ученіе, ниспосланное намъ Богомъ.

Въ настоящее время совершаю путешествіе по западной половинѣ моей Епархіи,—по Черноморію, не такъ растлѣнному, какъ другія мѣста. Но и сюда проникло Европейское просвѣщеніе съ блудомъ своимъ, а о казенныхъ крестьянахъ и говорить нечего. Чиновники у нихъ голые и голодные, кончили курсъ въ разныхъ университетахъ, вѣруютъ, кажется, въ однѣ деньги; на корнѣ зла выростаютъ всѣ вѣтви зла. Что изъ этого будетъ? по всей вѣроятности такіе кончившіе курсъ въ университетахъ вскорости сдѣлаются правителями и руководителями всего простого народа. Вотъ вамъ результаты, весьма скромно высказанные, практическихъ взглядовъ на русскую землю.

Поручая себя снова Вашей Отеческой и братской любви, прося Вашихъ Святыхъ молитвъ съ чувствами отличнаго уваженія и совершенной преданности имѣю честь быть

Вашего Преосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца покорнѣйшимъ послушникомъ

Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

Тамань.

№ 126.

Возлюбленнѣйшій о Господѣ

Отецъ Архимандритъ Пименъ! [1])

Приношу тебѣ искреннѣйшую благодарность за воспоминаніе о мнѣ грѣшномъ и за поздравленіе съ Праздникомъ Праздниковъ, съ которымъ взаимно поздравляю тебя, желая тебѣ всѣхъ истинныхъ благъ, и привѣтствуя всерадостнымъ привѣтствіемъ: Христосъ Воскресе!

Равнымъ образомъ очень благодаренъ тебѣ за увѣдомленіе, что 5-го августа сего года совершится 50 лѣтъ служенія Его Высокопреосвященства, Митрополита Филарета, въ санѣ Епископа. Весьма желательно, чтобъ адресъ Его Высокопреосвященству отъ общежительныхъ монастырей былъ выполненъ удовлетворительно. Самое дѣло показываетъ, что составленіе адреса должно быть поручено лицу: 1) знающему монашескую жизнь; 2) знающему дѣйствія Митрополита въ пользу вообще монашества по Синоду; 3) знающему дѣйствіе Митро-

[1]) Архимандритъ Пименъ—настоятель Николо-Угрѣшскаго монастыря Московской епархіи.

полита по Московской Епархіи; 4) знающему Его частныя дѣйствія. Адресъ можетъ быть силенъ единственно по числу и достоинству фактовъ. Очевидно тутъ нечего дѣлать писателю, вполнѣ чуждому свѣдѣній по послѣднимъ тремъ пунктамъ, хотя бы онъ и мороковалъ что нибудь по первому.

Письмо твое полежало на почтѣ въ Ярославлѣ, потому что распутица уничтожила на это время сообщеніе монастыря съ городами. Получилъ я письмо 23-го. Въ этотъ день я такъ ослабѣлъ, что слегъ въ постель, едва дышащій. Когда я проѣзжалъ черезъ Москву на Бабайки, то былъ несравненно крѣпче, нежели теперь, хотя и тогда былъ уже крайне плохъ. Служить вовсе не могу: нѣтъ груди, нѣтъ дыханія, нѣтъ ногъ, спина какъ бы сломанная. И келейнымъ дѣломъ почти не занимаюсь, хотя зимою рѣшительно не выхожу изъ келліи.

Прошу твоихъ святыхъ молитвъ. Тебѣ преданнѣйшій слуга

Е. Игнатій.

24-го апрѣля 1867 года.

Письма къ родному брату Петру Александровичу Брянчанинову [1].

20 іюня 1852 года.

№ 127. Объ удаленіи отъ міра.

Что сказать Тебѣ въ отвѣтъ на Твои мысли объ удаленіи отъ міра? Господь, благословившій и установившій такое удаленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ заповѣдалъ сперва сосчитать имѣніе свое,—достаточно ли оно для созиданія этой высокой жизни,—и количество силъ своихъ для борьбы съ силами противными. Совѣтую Тебѣ сводить этотъ счетъ молитвою, отдаваясь на волю Божію. Я сколько ни молилъ Бога, чтобы даровалъ мнѣ уединенную жизнь, но и до сихъ поръ остаюсь въ Сергіевой пустыни, подвергаясь развлеченіямъ различнаго рода.

---

[1] **Петръ Александровичъ Брянчаниновъ,** младшій братъ Преосвященнаго Игнатія, получилъ образованіе въ Военно-Инженерномъ училищѣ. Въ службу вступилъ кондукторомъ въ Кондукторскую роту Главнаго Инженернаго училища 3-го іюня 1824 года. По экзамену произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики 20 ноября 1827 года съ оставленіемъ въ томъ же училищѣ. Переведенъ въ 7-й піонерный батальонъ 20 декабря 1828 года. За отличіе въ сраженіи противъ Турокъ произведенъ въ подпоручики 30 августа 1829 года. Произведенъ въ поручики 26 марта 1832 года. Произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ въ Бородинскій Егерскій полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику Главнаго Штаба бывшей 1-й арміи генералъ-адъютанту Муравьеву 1-му—23 ноября 1834 года Произведенъ въ капитаны 29 декабря 1835 года;—въ майоры—26 марта 1839 года; въ подполковники—6 декабря 1847 года. За выходомъ въ отставку 14 марта 1848 года Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому Вѣдомству причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Высочайшимъ приказомъ назначенъ Костромскимъ Вице-Губернаторомъ 16 декабря 1852 года.

Не достаточно, чтобъ мы хотѣли: надо, чтобъ волѣ Божіей сообразно было наше хотѣніе. Мы хотимъ теперь, а Богъ уготовляетъ иногда это же самое чрезъ многіе годы. Въ настоящее время Ты необходимъ для Алеши, на котораго, въ случаѣ Твоего удаленія, съ полнымъ правомъ накинется его дѣдъ и сдѣлаетъ его несчастнымъ по душѣ и по тѣлу.

Описанныя Тобою видѣнія не должны привлекать Твоего вниманія: путь Л. А. особенный, а отъ такихъ особенностей Св. Отцы велятъ отстраняться тѣмъ, которымъ предназначено итти общимъ христіанскимъ путемъ. Мой совѣтъ—занимайся душеполезнымъ чтеніемъ, имъ руководствуйся въ дѣйствіяхъ, врачуй покаяніемъ согрѣшенія, и предавайся волѣ Божіей, предлагая Богу тайную мысль свою и намѣреніе.

28 марта 1853 года.

№ 128. О выборѣ духовника.

Много виноватъ передъ Тобою тѣмъ, что долго не отвѣчалъ на письмо Твое по извѣстной Тебѣ моей хворости и множеству занятій,

---

Высочайшимъ приказомъ 24 октября 1855 года назначенъ Ставропольскимъ Вице-Губернаторомъ; Высочайшимъ приказомъ 1 августа 1859 года назначенъ Ставропольскимъ Губернаторомъ и 17 декабря 1859 года произведенъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 21 іюня 1862 года, Высочайшимъ указомъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ службы, съ производствомъ ему, во вниманіе къ особой служебной ревности и трудамъ, сверхъ слѣдуемой пенсіи, по смерть, полнаго оклада Губернаторскаго содержанія (Служебный Аттестатъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. А. Брянчанинова отъ 27 сентября 1862 года за № 537). Съ удаленіемъ на покой старшаго брата Епископа Игнатія, Петръ Александровичъ сталъ усиленно стремиться къ оставленію гражданской службы для послушанія монастырскаго и, по увольненіи въ отставку въ іюнѣ 1862 года, поселился въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ въ положеніи послушника. Въ маѣ 1887 года выдано было изъ Костромской Духовной Консисторіи „Проживающему въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, на правахъ богомольца, бывшему Ставропольскому Гражданскому Губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Петру Александровичу Брянчанинову свидѣтельство въ томъ, что ему, г-ну Брянчанинову, во вниманіе къ его долговременному проживанію въ помянутомъ монастырѣ, по благословенію Преосвященнѣйшаго Александра, Епископа Костромского и Галичскаго, разрѣшено носить рясу и клобукъ, безъ перемѣны званія, съ сохраненіемъ того званія и тѣхъ правъ, кои усвоены ему по происхожденію и по Государственной службѣ". (Свидѣтельство Костромской Духовной Консисторіи отъ 18 мая 1887 года за № 3765). Свидѣтельство Консисторіи удостовѣряетъ безпрепятственность отлучекъ П. А. Брянчанинова изъ монастыря и право ношенія монашескаго одѣянія внѣ монастыря. Передъ смертію П. А. Брянчаниновъ былъ постриженъ въ монашество и съ именемъ монаха Павла скончался 25 іюня 1891 года 82-хъ лѣтъ отъ роду и похороненъ на кладбищѣ Николо-Бабаевскаго монастыря Костромской епархіи, который всѣмъ своимъ благоустройствомъ обязанъ святой ревности и попечительности братьевъ-подвижниковъ Епископа Игнатія и П. А. Брянчаниновыхъ.

увеличившихся нынѣ великопостною службою. Первую недѣлю служилъ самъ ежедневно, и силъ только хватало на служеніе и на необходимый пріемъ посѣтителей.

Въ духовникѣ, по мнѣнію моему, великое достоинство—простота, неуклонное послѣдованіе ученію Церкви, чужды всякихъ своихъ умствованій. Есть строгіе, есть умные; но строгіе и умные по-своему, никуда не годятся для душевнаго назиданія. И строгій, и умный, и милостивый, и снисходительный, и простосердечный, но вѣрный сынъ Церкви, могутъ быть одинаково полезны. Да даруетъ Тебѣ Богъ духовника по желанію Твоему.

29 апрѣля 1853 года.

№ 129. Объ отношеніи къ духовнымъ лицамъ.

Весьма благоразумно дѣлаешь, что не сводишь близкаго знакомства ни съ однимъ духовнымъ лицомъ: такое знакомство можетъ очень легко послужить ко вреду и весьма, весьма рѣдко къ пользѣ. Совѣтуйся съ книгами Святителя Тихона, Димитрія Ростовскаго и Георгія Затворника, а изъ древнихъ—Златоуста; говори духовнику грѣхи Твои—и только. Люди нашего вѣка, въ рясѣ ли они, или во фракѣ, прежде всего внушаютъ осторожность. Молитвы читай утромъ и вечеромъ слѣдующія: Трисвятое, Отче нашъ, 12 Господи помилуй, Псаломъ 50-ый, Символъ вѣры, Богородице и нѣкоторыя поминанія; послѣ сего клади 10 поясныхъ поклоновъ съ молитвою: Боже, очисти мя грѣшнаго.

18 сентября 1854 года.

№ 130. О войнѣ.

Воодушевленіе народа (по случаю войны) здѣсь необыкновенно. Смѣшны французы и англичане! Фактически доказываютъ, что Россіи необходимо владѣть Босфоромъ, безъ чего ея береговыя владѣнія на Черномъ морѣ всегда могутъ подвергаться, и на большемъ протяженіи, нападенію враговъ.

3 августа 1855 года.

№ 131. О Н. Н. Муравьевѣ.

Николай Николаевичъ (Муравьевъ) глубоко-добрый человѣкъ. Многіе отнюдь не подозрѣваютъ въ немъ этого качества, напротивъ того, считаютъ холоднымъ, потому что онъ не льстивъ и не ласковъ,

между тѣмъ какъ истинная любовь строга и, являясь въ дѣлахъ, не нуждается въ личинѣ—ласковости и льстивости, которыми непремѣнно прикрываетъ себя самолюбіе для обмана ближнихъ.

17 сентября 1855 года.

№ 132. О статьѣ „Слово о смерти".

Мнѣ бы желалось переслать къ Тебѣ „Слово о смерти"; надѣюсь это сдѣлать по прошествіи нѣкотораго времени, когда мы справимся здѣсь съ этою статьею, потому что она очень велика, съ подробностью излагаетъ таинство смертное и показываетъ, какъ надо жить, чтобы умереть благополучно.

Мое здоровье очень плохо: совсѣмъ не выношу воздуха; пока въ келіи—чувствую себя порядочно, лишь вышелъ, какъ начинаю пухнуть.

5 февраля 1856 года.

№ 133. О собственномъ стремленіи въ уединеніе.

Мое желаніе перемѣститься изъ шумной Сергіевой пустыни въ уединеніе, чтобы тамъ тщательнѣе приготовиться къ переходу въ вѣчность, разгорается болѣе и болѣе. Когда получу отъ Тебя письмо изъ Ставрополя, тогда напишу объ этомъ подробнѣе.

14 февраля 1856 года.

№ 134. О монашествѣ, объ Оптиной пустыни, объ основаніи своего монастыря, о нежеланіи собственнаго возвышенія и друг. предметахъ.

Чѣмъ больше прохожу путь жизни и приближаюсь къ концу его, тѣмъ болѣе радуюсь, что вступилъ въ монашество, тѣмъ болѣе воспламеняюсь сердечною ревностію достигнуть той цѣли, для которой Духъ Святый установилъ въ Церкви монашество. Монашество не есть учрежденіе человѣческое, а Божеское, и цѣль его, отдаливъ христіанина отъ суетъ и попеченій міра, соединить его, посредствомъ покаянія и плача, съ Богомъ, раскрывъ въ немъ отселѣ Царствіе Божіе. Милость изъ милостей Царя Царей—когда Онъ призоветъ человѣка къ монашеской жизни, когда въ ней даруетъ ему молитвенный плачъ и когда причастіемъ Святаго Духа освободитъ его отъ насилія страстей и введетъ въ предвкушеніе вѣчнаго блаженства. Людей, достигшихъ сего, случилось видѣть.

Но что пріобрѣли прочіе люди, гонявшіеся за суетою въ теченіе всей своей земной жизни? Ничего; а если и пріобрѣли что временное, то оно отнято у нихъ неумолимою и неизбѣжною смертію, которая оставила при нихъ одни грѣхи ихъ. Посему велика милость Божія къ тому человѣку, котораго сердце не вполнѣ прилѣпилось къ землѣ и котораго Богъ призываетъ къ монашеской жизни таинственнымъ призваніемъ. **„Днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ Вашихъ“**. (Евр. гл. III).

Вотъ мой отвѣтъ на Твое намѣреніе окончить дни Твои въ монастырѣ для покаянія и для прочнаго примиренія съ Богомъ.

Относительно же сына Твоего: нелицепріятный Богъ принялъ и его желаніе, только въ настоящее время этого исполнить невозможно, не потому, чтобы дитя не могло вступить въ монастырь, но потому, что въ наше время монастыри находятся въ ужаснѣйшемъ положеніи, и многіе хорошіе люди, вступивъ въ нихъ безъ должнаго приготовленія, разстроились и погибли. Пусть Алеша пріучаетъ себя къ монастырскому послушанію послушаніемъ родителю; пусть приготовляетъ себѣ занятія въ монастырѣ, соотвѣтственныя своему происхожденію, правиламъ и силамъ, тщательнымъ изученіемъ наукъ, русской литературы, языковъ, хорошо бы латинскаго и греческаго, между прочимъ. Не надо пренебрегать и каллиграфіей. Ученость даетъ возможность сохранить въ монастырѣ уединеніе при келейныхъ занятіяхъ и можетъ сдѣлать инока полезнымъ обществу въ нравственномъ отношеніи.

Для уединеннаго жительства и для удобства къ покаянію у меня есть въ виду Оптина пустынь, Калужской губерніи, близъ города Козельска, въ пяти верстахъ. Удобства этого мѣста суть: при пустыни находится скитъ, куда запрещенъ входъ женскому полу, окруженный мачтовыми соснами, слѣдовательно, защищенный отъ вѣтра вполнѣ; въ этомъ скиту живетъ довольно дворянъ, подъ руководствомъ старца, также изъ дворянъ, весьма хорошей жизни; занимаются переводомъ съ греческаго Св. Отцовъ и изданіемъ ихъ. Вотъ нравственная сторона: есть уединеніе и есть духовное общество, свое, благородное, а этого нѣтъ ни въ одномъ монастырѣ русскомъ. Св. Пименъ Великій сказалъ: всего важнѣе хорошее общество. И такъ, что особенно важно въ мірскомъ быту для благовоспитаннаго человѣка, то остается особенно важнымъ и въ монашествѣ. Это, важное для насъ, будетъ чрезвычайно важно для тѣхъ юношей, которые будутъ сопутствовать намъ: умирая, мы будемъ утѣшаться мыслію, что оставляемъ ихъ на хорошихъ рукахъ. Въ матеріальномъ отношеніи Оптина пустынь также хороша; невыгодная сторона состоитъ въ томъ, что живой рыбы мало и дорога, также и дрова дороги.

На мысль объ учрежденіи своего новаго монастыря скажу, что заведеніе своего монастыря повлечетъ насъ къ матеріальнымъ попеченіямъ, кои будутъ препятствовать попеченію о нашихъ душахъ. Сильная зависимость нашего духовнаго состоянія отъ нашего наружнаго состоянія и познаніе человѣка, заимствованное изъ опытныхъ наставленій Св. Отцовъ, приводитъ къ тому заключенію, что гораздо больше можно преуспѣть, живя странниками и пришельцами въ чужой сторонѣ, нежели, если-бъ мы основали монастырекъ на своей родинѣ, гдѣ насъ всѣ знаютъ и многіе уважаютъ. Вотъ мое сужденіе о нашемъ общемъ жительствѣ, можетъ быть, въ единонадесятый часъ нашей земной жизни.

Что касается собственно до меня, то я обязанъ многимъ людямъ за многое и, между прочимъ, за дружеское расположеніе, мною ничѣмъ незаслуженное, я обязанъ Николаю Николаевичу (Муравьеву). Но Богу я обязанъ безмѣрно: потому что Онъ посѣтилъ меня милостію свыше, которой я долженъ соотвѣтствовать моимъ поведеніемъ. Это соотвѣтствіе можетъ заключаться, по моему мнѣнію, только въ томъ, если я проведу остатокъ дней моихъ въ глубокомъ и строгомъ уединеніи. Это непонятно для другихъ, для которыхъ сокрыта моя совѣсть и которые могутъ судить о мнѣ только по наружности, но для меня вполнѣ ясно. Всякая добродѣтель съ развлеченіемъ—не моя. Исканіе или желаніе какого-либо высшаго сана для меня—грѣхъ и безуміе. Если увидишься съ Н. Н., то объясни ему это. Впрочемъ я и самъ хочу написать ему и просить его, чтобъ онъ оставилъ свои виды на меня. По особенному недовѣрію такъ именуемаго духовнаго званія къ дворянству, представятся Н—ю Н—чу большія затрудненія въ исполненіи его намѣренія, даже можно предсказывать вѣрную неудачу. Я не желаю, чтобы онъ компрометировалъ себя ради меня; не желаю, чтобъ изъ за меня высшія духовныя лица взволновались; наконецъ, и для себя нахожу болѣе выгоднымъ удаленіе, нежели возвышеніе, и возвышеніе безплодное, на короткое время остатка земной жизни.

Призывающій на Тебя...

3 апрѣля 1856 года.

№ 135. Объ удаленіи отъ міра.

Господь да исполнитъ Твои благочестивыя намѣренія и да укажетъ Тебѣ путь, по которому возможешь приблизиться къ Нему. О семъ и Ты молись. Что-нибудь рѣшительное Тебѣ тогда только можно будетъ предпринять, когда я перемѣщусь въ Оптину; если Н. Н. захочетъ перемѣстить Тебя въ Тифлисъ, перемѣщайся въ видахъ пользы его самого; многіе имъ приближенные худо ему платятъ!

11 іюня 1856 года.

№ 136. О собственномъ желаніи удалиться въ Оптину пустынь и о др. предметахъ.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,

Петръ Александровичъ!

На письмо Твое отъ 24-го апрѣля, полученное мною въ Петербургѣ, отвѣчаю изъ Оптиной пустыни, находящейся въ Калужской губерніи, въ 4-хъ верстахъ отъ города Козельска.—Скажу Тебѣ, что я очень радъ, что Ты могъ уклониться отъ управленія имѣніемъ Николая Николаевича. Пожертвованіе, которое человѣкъ приноситъ собою достойному человѣку, особливо, когда съ такимъ пожертвованіемъ соединена польза отечества,—прекрасно; но пожертвованіе собою Богу, Которому мы и безъ того принадлежимъ, несравненно превосходнѣе. Сверхъ того послѣднее пожертвованіе собственно для насъ необходимо; необходимо намъ прежде смерти примириться и соединиться съ Богомъ, посредствомъ покаянія, чтобъ не услышать на судѣ Его: „не вѣмъ васъ: отыдите отъ Мене, называвшіе Меня Господомъ своимъ и нарушавшіе Мои заповѣданія“. Живя въ Сергіевой пустыни, которая, все-таки, монастырь, я не выдерживаю напора волнъ и вихрей житейскихъ, часто колеблюсь и падаю; что-жъ сказать о жизни въ полной зависимости отъ міра и посредѣ его?

Въ такомъ убѣжденіи я захотѣлъ соглядать собственными очами Оптину пустыню, которая въ настоящее время есть безспорно лучшій монастырь въ Россіи въ нравственномъ отношеніи, особливо Скитъ ея, находящійся въ 100 саженяхъ отъ самой Пустыни, огражденный со всѣхъ сторонъ вѣковыми соснами, на песчаномъ грунтѣ, недоступный для женскаго пола, можетъ удовлетворить благочестивымъ желаніямъ отшельника въ нашъ вѣкъ. Въ немъ живетъ много дворянъ, занимающихся духовною литературою; но тамошнее сокровище —духовникъ или старецъ ихъ, въ рукахъ котораго нравственное руководство скитской братіи и бо́льшей части братій монастырскихъ, т. е. всѣхъ благонамѣренныхъ и преуспѣвающихъ въ добродѣтели. Онъ—изъ дворянъ, 68-ми лѣтъ; со мною въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Соображая потребности души моей и моего тѣла, я избралъ скитъ мѣстомъ для окончанія дней моихъ въ безмолвіи, и, чтобъ дать этому начинанію нѣкоторую прочность, покупаю корпусъ деревянныхъ келлій. При этомъ дѣлѣ я упомянулъ здѣшнимъ главнымъ инокамъ, бесѣдовавшимъ со мною, и о тебѣ. Келліи требуютъ поправки, даже перестройки; для жительства онѣ будутъ годны лишь къ лѣту 1858-го года. Таковы мои собственныя дѣйствія, въ которыхъ

явствуетъ мое произволеніе и сужденіе; но это произволеніе, это сужденіе, эти дѣйствія вручаю волѣ Божіей, моля Ее руководить мною и располагать по Ея премудрымъ и всеблагимъ цѣлямъ.

Весьма хорошо сдѣлаешь, отдавъ Алешу въ семейство Муравьевыхъ и потому, что образовать его въ Тифлисѣ гораздо удобнѣе, и потому, что Тебѣ, вѣроятно, придется проводить много времени въ разъѣздахъ. Кромѣ того молодой человѣкъ, воспитываясь на чужихъ рукахъ, лучше обтирается; семейство же Муравьева строгой нравственности. Николай Николаевичъ, кажется, проченъ на своемъ мѣстѣ. Много было толковъ въ Петербургѣ, что съ нимъ никто (?) не уживается, что по этой причинѣ дадутъ ему другое назначеніе; но предъ моимъ отъѣздомъ уже толковали, что не уживаются съ нимъ взяточники и прочія лица, расположенныя къ злоупотребленіямъ, что по этой причинѣ надо подержать его на Кавказѣ, чтобъ онъ успѣлъ истребить гнѣздо взяточниковъ и завести семью благонамѣренныхъ людей.

Остается мнѣ пожелать Тебѣ благополучнаго лѣченія въ Пятигорскѣ, о чемъ не оставь написать по окончаніи курса водъ подробно, и прочихъ всѣхъ временныхъ и вѣчныхъ благъ.

Тебѣ преданнѣйшій братъ Арх. Игнатій.

12 іюля 1856 года.

№ 137.

На намѣреніе наше нужно Божіе благоволеніе и благословеніе, особливо въ наше время, въ которое страсть къ деньгамъ прокралась во всѣ сословія и саны, заглушила и подавила всѣ благія побужденія и всѣ священнѣйшія обязанности.

Хотѣлось бы написать статью „Человѣкъ“, съ тою цѣлью, чтобы уяснить цѣль существованія человѣка на землѣ; но не знаю, буду ли имѣть время на это занятіе и возможность, потому что для такихъ занятій нужно уединеніе и здоровье. Того и другого я почти лишенъ. Грудь ужасно слаба и силы очень слабы; истощаюсь чрезвычайно скоро отъ самаго малаго труда, особливо письменнаго.

13 августа 1856 года.

№ 138. О препятствіяхъ для удаленія въ Оптину пустынь, о наилучшей книгѣ, объясняющей христіанство и др. предметахъ.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,
Петръ Александровичъ!

Письмо Твое отъ 26-го іюля я получилъ 13-го августа. Прежде всего скажу Тебѣ въ дополненіе къ прежнимъ письмамъ, что,

несмотря на мое желаніе остаться въ Оптиной пустыни, я не сошелся съ настоятелемъ ея, и потому время удаленія моего изъ Сергіевской отсрочилось на неограниченное время. Отдаюсь на волю Божію. Приходится жить иначе, нежели какъ разсуждается. Такова участь не одного меня.—По человѣческому сужденію общество скита Оптинскаго и духовникъ—отецъ Макарій—лучшее, чего бы можно было желать по настоящему состоянію христіанства и монашества въ Россіи; но Промыслъ Божій, руководящій нашей участью, мудрѣе сужденія человѣческаго.

Относительно книги для чтенія, къ сожалѣнію, должно сказать, что у насъ удовлетворительно объясняющей христіанство нѣтъ. За неимѣніемъ лучшей, полагаю прислать Богословіе Макарія, которая много повреждена школьною системой, данною книгѣ. Странно видѣть систему, по которой изложены механика, аналитика и прочее тому подобное, приложенною къ изученію Бога! Впрочемъ эта книга есть наилучшая у насъ.

Очень радуюсь, что воды подѣйствовали благодѣтельно на Алешу. Можетъ быть, къ тому времени, какъ онъ будетъ въ состояніи управлять самъ собою, Твое и мое желаніе уединенія сдѣлается удобоисполнимѣе.

Призывающій на Тебя и на него обильное Божіе благословеніе
Тебѣ преданнѣйшій братъ, Архимандритъ Игнатій.

2 декабря 1856 года.

№ 139.

Мое положеніе здѣсь представляется мнѣ очень непрочнымъ; хорошіе мои знакомые вымерли, самъ я сдѣлался крайне хворъ. Впрочемъ—таковъ мой взглядъ и судъ человѣческій. Но судъ Божій бываетъ иной, и Промыслъ Божій о человѣкѣ недовѣдомъ.

23 января 1857 года.

№ 140.

Съ праздниковъ долго времени я хворалъ; мои болѣзни не могутъ помириться со здѣшнимъ климатомъ; но всѣ попытки мои вырваться отсюда остаются тщетными, почему я вполнѣ предался волѣ Божіей, отвергнувъ въ сторону всѣ мои разумѣнія и разсужденія.

Неминуемо благотворный климатъ Кавказа долженъ быть полезенъ для Твоего здоровья, а усиленная дѣятельность для Твоей души. И при дѣятельности можно внимать себѣ въ страхѣ Божіемъ, наблюдая, чтобъ душевными движеніями и зависящими отъ нихъ дѣйст-

віями управляло не разгорячение безсловесное, но здравый разумъ, основывающійся на желаніи общественнаго и потомъ частнаго блага, озаряющійся свѣтомъ Евангелія.

16 марта 1857 года.

№ 141. О предоставленіи себя волѣ Божіей, о необходимости неотложнаго покаянія и о др. предметахъ.

Относительно образа Твоей жизни признаю лучшимъ избранное мною и для меня самого: предаться волѣ Божіей, потому что мы не знаемъ навѣрно, гдѣ встрѣтитъ насъ душевная польза и гдѣ встрѣтитъ душевный вредъ. Надо постоянно молиться Богу, чтобъ Онъ, по безконечной Его благости, премудрости и силѣ, наставилъ насъ на путь спасенія и устроилъ намъ его. Поползновенія свои должно врачевать покаяніемъ и терпѣливо переносить самую удобопоползновенность свою, доколѣ сила Вышняго не осѣнитъ насъ и не освободитъ отъ работы грѣху. Въ свое время Богъ покажетъ намъ, что дѣлать съ собою.

Мое здоровье—такъ себѣ; обстоятельства—такъ себѣ. При нынѣшнемъ общемъ оборотѣ дѣлъ, гдѣ все стремится къ обширнѣйшему матеріальному развитію и потому безъ умолку и отдыха суетится, работаетъ, торопится, было бы несправедливымъ (уже такъ представляется) и въ самомъ монастырѣ искать спокойствія. Поэтому каждый долженъ дорожить своимъ мѣстомъ и временемъ, не поддаваясь лестному совѣту врага нашего, внушающаго намъ: „сегодня веди себя какъ-нибудь; придетъ время, дастся удобное мѣсто; тогда уже поведешь себя, какъ должно“. Въ противность сему совѣту, поведемъ себя каждый день и вездѣ, какъ должно, а нарушенія въ должномъ уврачуемъ покаяніемъ. Врагъ льститъ, чтобъ украсть все время, данное на покаяніе. Но мы, уразумѣвъ лесть врага, каждый день должны прибѣгать къ покаянію и полагать благое начало. Человѣку, который отдалъ себя Богу, надо считать свое нынѣ лучшимъ временемъ для спасенія.

Книга сочиненія преп. Аввы Дороѳея помогаетъ разсматривать себя, также доставляетъ превосходное руководство для воспитанія молодыхъ людей.

30 марта 1857 года.

№ 142. О должномъ воспитаніи дѣтей, о душевномъ одиночествѣ.

Письмо Твое отъ 14 марта я получилъ 30-го. Охрани сына отъ ядовитыхъ еретиковъ. Нареканій отъ него за недостатокъ погибель-

ной, излишней свѣтскости—не бойся; убойся того грознаго изреченія Господня, которое ожидаетъ родителей на страшномъ судѣ Христовомъ за воспитаніе дѣтей для вѣчной погибели; убойся тѣхъ отчаянныхъ и безполезныхъ слезъ и проклятій на родителей, которыя тогда произнесутъ дѣти, воспитанныя для ада.

Ты грустишь въ Твоемъ одиночествѣ по духу? Это состояніе—состояніе почти всѣхъ. 38 лѣтъ лежалъ разслабленный въ притворѣ Соломоновомъ среди многолюднѣйшаго Іерусалима; но когда подошелъ къ одру его вочеловѣчившійся Господь, то онъ принесъ Ему жалобу: „человѣка не имамъ". Разслабленный не могъ завестись человѣкомъ въ продолженіе 38 лѣтъ!—И въ этомъ случаѣ надо положиться на Бога: Онъ попускаетъ человѣку потомиться голодомъ, чтобъ человѣкъ далъ должную цѣну пищѣ въ то время, когда она будетъ ему предложена. „Душа сытая", говоритъ Писаніе, „сотомъ рыгается". Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Тобою и Твоимъ сыномъ!

5 мая 1857 года.

№ 143. О необходимости смиренія и терпѣнія при душевныхъ нестроеніяхъ.

Надъ всѣми нами да будетъ воля Господа Бога нашего, гораздо болѣе, нежели мы, вѣдающаго, что полезно намъ. Съ вѣрою предадимъ себя Ему. Такая вѣра,—смиреніе, какъ сказалъ одинъ Св. Отецъ: потому что смиреніе есть полная преданность Богу при полномъ недовѣріи къ себѣ. Не смущайся, что по временамъ чувствуешь ожесточеніе, хладность и дѣйствіе страстей. Эти періоды душевнаго нестроенія надо переносить съ терпѣніемъ. Св. Макарій Великій сказалъ: „въ каждомъ изъ насъ бываютъ перемѣны, какъ въ воздухѣ: то стоитъ ясная погода, то льются дожди, шумитъ вѣтеръ и стоитъ ненастье"... Другой святой, преп. Исаакъ, приводя и объясняя эти слова преп. Макарія, говоритъ: „замѣть слово: въ каждомъ. Оно поставлено не безъ цѣли, но употреблено съ тою цѣлью, чтобъ показать, что всѣ человѣки, безъ изъятія, не только грѣшные, но и святые, по временамъ обуреваются страстями. Постоянной непогрѣшительности и постояннаго душевнаго состоянія нѣтъ на землѣ. Непремѣняемость есть достояніе будущаго вѣка". Поэтому должно смотрѣть на свои душевныя перемѣны съ благоразуміемъ, какъ бы показывая и открывая Богу свою грѣховность, и вмѣстѣ съ тѣмъ предаваясь Его Святой волѣ и прося Его милости и помощи.

22 мая 1857 года.

№ 144.

Весьма радуюсь, что К. Н. обратилъ на Тебя свое вниманіе: усердно желаю, чтобы это вниманіе не было однимъ лишь привѣтствіемъ, нужнымъ по времени и на время. Таково мое для Тебя желаніе по человѣку; а по духу—сами себя, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ, ибо Онъ Единъ знаетъ, что намъ полезно, и устраиваетъ наши судьбы для вѣчныхъ пользъ нашихъ, попуская въ здѣшней временной и кратчайшей жизни поскорбѣть, соотвѣтственно нашимъ силамъ, дабы души наши не прилѣпились къ землѣ, а постоянно отторгались отъ нея различными скорбями и обращались, тѣснимыя отовсюду, къ Господу Богу нашему.—Мое положеніе похоже на твое: сватаютъ, сватаютъ и не просватываютъ. Впрочемъ и въ Сергіевой пустыни пользуюсь такимъ благоденствіемъ, какое рѣдко можно встрѣтить на землѣ въ настоящее время,—особенно въ духовномъ отношеніи. Слѣдовательно, священная обязанность моя: не желать ничего по моему разумѣнію, волѣ и самооправданію,—желать, чтобъ во всемъ совершалась воля Божія. Новый Митрополитъ Григорій—весьма благочестивый пастырь; ко мнѣ являетъ особенное расположеніе. Здоровье мое такъ себѣ. По особенной милости Божіей мой докторъ открылъ, что въ весьма сложной болѣзни моей очень значительную роль играетъ золотуха. Противозолотушныя средства дѣйствуютъ отлично, особенно Аделаидскія воды, имѣющія въ себѣ іодъ, и при нихъ мазь, которою замѣняются ванны, почти невозможныя въ здѣшнемъ климатѣ и при моихъ обязанностяхъ.—Въ чужіе края уѣхало множество: бѣгутъ отъ петербургскаго убійственнаго климата. А мнѣ, подъ конецъ жизни, куда-нибудь въ тихій край родной Россіи, подальше отъ Питера, который и по климату, и по всему прочему для меня не сроденъ. Впрочемъ, не моя, но Божія воля да будетъ. Призываю Божіе благословеніе на Тебя и на Твоего сына.

26 іюня 1857 года.

№ 145.

Письмо Твое отъ 10 іюня я получилъ сейчасъ и, нисколько не медля, отвѣчаю на него.

Богъ, управляющій всѣмъ, особенно бдитъ надъ людьми, желающими служить Ему, хотя бы они и побѣждались своими немощами. Онъ ведетъ ихъ путемъ скорбнымъ, скорбями отрѣшая отъ міра и приводя къ Себѣ. Потомъ избавляетъ ихъ отъ всѣхъ скорбей, чтобы они зрѣли Его всеблагій Промыслъ и стяжали вѣру въ Него. Надо помнить смерть, устрашать себя неизвѣстностью ея часа и грознымъ

истязаніемъ, вслѣдъ за нею ожидающимъ каждаго человѣка; но и то надо знать, что по увѣренію Св. Отцовъ внезапная смерть не случается съ людьми, желающими очистить себя покаяніемъ, хотя бы они по временамъ и побѣждались своими немощами; но Правосудный и Милосердный Богъ даетъ имъ кончину, сообразную ихъ намѣреніямъ.

30 сентября 1857 года.

№ 146.

Отъ всей души желаю, чтобы Милосердный Господь устроилъ Твои обстоятельства наилучшимъ образомъ и ко временному, и къ вѣчному Твоему благу. Надо предаваться волѣ Божіей и всѣ помыслы—непокорства смирять, сколько бы разъ эти помыслы не возставали. Мое здоровье плохо, такъ плохо, что служу съ величайшимъ трудомъ и усиліемъ. Доктора признаютъ, что здѣшній климатъ причиною моей болѣзненности. Опять: да будетъ воля Божія. Милаго Алешу цѣлую.

Письма епископскія.

19 декабря 1857 года.

№ 147.

18 декабря прибылъ я въ Харьковъ, гдѣ нашелъ отъ Тебя письма, за которыя премного благодарю. Усердно желаю, чтобъ Ты остался въ Ставрополѣ и чтобъ намъ Богъ благословилъ потрудиться вмѣстѣ для пользы христіанства и человѣчества, иначе для пользы Церкви православной и тѣсно связанной съ нею пользы отечества. Въ Петербургѣ говорили мнѣ весьма вѣрные люди, что князь Б. къ Тебѣ очень расположенъ. Всесвятая воля Божія да совершается надъ нами и да даруетъ намъ грѣшнымъ спасеніе!

Цѣль моей жизни въ Ставрополѣ—благочестіе. Усердно желаю и молю Господа, чтобы даровалъ мнѣ посвятить себя всецѣло ученію Христову, какъ этого и требуетъ моя обязанность, и этимъ ученіемъ пропитывать себя и ближнихъ во спасеніе.

24 октября 1858 года.

№ 148. О распространеніи христіанства на Кавказѣ.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,
Петръ Александровичъ!

Письмо Твое отъ 13-го октября я получилъ 23-го. Долго странствовало письмо Твое. Благодарю Тебя за всѣ Твои дѣйствія въ пользу Кавказской Церкви.

Мнѣ чрезвычайно пріятно, что мы совпадаемъ съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Крузенштерномъ въ одно понятіе о дѣйствіи религіозномъ на горцевъ. По моему мнѣнію, Моздокъ, въ настоящее время, есть единственный пунктъ, изъ котораго можно дѣйствовать съ успѣхомъ; можетъ быть впослѣдствіи на правомъ флангѣ будетъ служить подобнымъ пунктомъ резиденція командующаго. Но то впереди: прежде надо сдѣлать то, что подъ руками,—надо образовать и усилить то, что уже дѣйствуетъ, будучи предоставлено само себѣ.—Въ Моздокѣ есть Апостолъ для горцевъ, несравнимый ни съ какими миссіонерами: чудотворная икона Божіей Матери, къ которой во множествѣ притекаютъ даже магометане горцы. При церкви, въ которой пребываетъ Икона, имѣется 800 душъ мужескаго пола осетинъ-христіанъ и 700 душъ христіанъ-черкессовъ. Церковь, гдѣ Икона,—премаленькая и преветхая. Для построенія новой собрано нѣсколько тысячъ денегъ; если къ нимъ прибавить отъ казны небольшую сумму, то можно выстроить прекрасную церковь, которая приведетъ осетинъ и черкессовъ въ восторгъ. Надо учредить крестные ходы съ Иконою за Терекъ. Весьма бы хорошо учредить при церкви и Иконѣ монастырь общежительный: монахи—наилучшіе миссіонеры; сверхъ того въ монастырь могли бы вступать въ число братства осетины и черкессы, къ чему они наклонны. Въ Моздокѣ имѣется духовное училище, въ бѣднѣйшемъ положеніи: его надо привести въ порядокъ, и надо дать ему возможность обучать черкесскихъ и осетинскихъ дѣтей, съ цѣлью приготовить изъ нихъ причетниковъ. Бывъ нынѣ въ Моздокѣ, я велѣлъ взять въ училище четырехъ мальчиковъ, и одинъ умненькій 15-ти лѣтній юноша пріѣхалъ ко мнѣ въ Ставрополь, чтобъ приготовиться къ принятію священства. При всѣхъ этихъ распоряженіяхъ непрестанно является вопросъ о средствахъ, потому что безъ нихъ ничего не сдѣлаешь, а ихъ то и нѣтъ. Въ здѣшней Семинаріи я предложилъ усилить преподаваніе осетинскаго языка; надо бы ввести и развить въ Семинаріи преподаваніе и прочихъ мѣстныхъ языковъ и нарѣчій, именно въ видахъ церковной пользы края, а здѣсь хотѣли было уничтожить преподаваніе осетинскаго языка, развить же преподаваніе французскаго и нѣмецкаго. Изволь видѣть направленіе! Оно не безъ начальной причины и мысли, и не безъ цѣли.

Посылаю къ Василію Антоновичу при письмѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я могъ найти объ обѣихъ суммахъ. Причиною, что мнѣ не высланы деньги,—новость графа Толстого въ дѣлахъ и крайняя безпамятливость Митрополита Григорія съ одной стороны, съ другой нерасположеніе ко мнѣ мелкихъ чиновниковъ Синода, служащихъ по этой части, каковымъ нерасположеніемъ я постоянно пользовался, и—горжусь!

Алешу я не разъ приглашалъ къ себѣ по Твоемъ отъѣздѣ, а

вслѣдствіе Твоего письма и приказаніе далъ, чтобъ при всякомъ свободномъ времени являлся ко мнѣ. Мои очень кланяются Тебѣ и благодарятъ за воспоминаніе. Домикъ мой необыкновенно комфортенъ и тепелъ. Весьма хорошо сдѣлаешь, если послѣдишь за дѣлами въ въ Тифлисѣ, и послѣдишь вполнѣ: дѣла, какъ дѣти, имѣютъ необходимую нужду въ нянькѣ. Безъ попечительной няньки, того и смотри, подѣлаются уродами. Потрудись написать мнѣ Твой адресъ. Воды продолжаютъ сильно дѣйствовать на меня: теперь въ переборѣ голова.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Тобою. Будь здоровъ и благополученъ. Тебѣ преданнѣйшій братъ

Игнатій, Епископъ Кавказскій и Черноморскій.

Потрудись выписать для меня Кавказскій календарь и газету „Кавказъ“ на слѣдующій 1859-ный годъ.

29 іюня 1858 года.

№ 149. Пожеланіе ко дню Ангела—познать Господа.

Отъ души поздравляю Тебя со днемъ Твоего Ангела. Верховный Апостолъ Петръ, когда исповѣдалъ Господа Іисуса Христа Богомъ и Сыномъ Божіимъ, тогда услышалъ отъ Господа, что это открылъ ему Самъ Отецъ Небесный. Итакъ, познаніе Господа есть не что-нибудь случайное, но особенный даръ Божій. Душа, принявшая этотъ даръ, да возрадуется о Господѣ.—Это я Тебѣ говаривалъ, а въ день Твоего Ангела этимъ и письменно Тебя привѣтствую. Да продлитъ Господь надъ Тобою Свою милость до конца, чтобъ Ты данный Тебѣ даръ воздѣлалъ и явился Лицу Господню съ усугубленнымъ талантомъ.

15 августа 1859 года.

№ 150.

Поздравляю Тебя съ милостію Божіей, по мановенію которой дѣйствуетъ и милость человѣческая. Господь да направитъ и остальную часть земного странствованія Твоего, по Святой Его волѣ, къ блаженному вѣчному пристанищу.

17 августа 1861 года [1]).

№ 151.

Графъ Евдокимовъ просилъ меня сообщить Тебѣ, что депешей изъ Петербурга извѣщаютъ его о прибытіи Государя Императора на Кавказъ. Въ Ставрополѣ Государь не будетъ.

---

[1]) До августа мѣсяца 1861 года, по случаю совмѣстнаго пребыванія въ Ставрополѣ, переписка если и случалась, то весьма, весьма рѣдко и притомъ житейская,

Изъ Питера я получилъ оффиціальное увѣдомленіе, что бумаги мои прибыли 1-го августа и того же дня розданы по адресамъ. Государь выѣзжаетъ изъ Петербурга 7-го или 8-го.

Заключаетъ Церковь всѣ свои разнообразныя прошенія къ Богу слѣдующими словами: „сами себе, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“! Заключаю этими словами и письмо мое.

31 августа 1861 года.

№ 152 О собственномъ удаленіи на покой и о намѣреніи Петра Александровича посвятить Богу остатокъ дней своихъ.

На письмо Твое отъ 22 августа изъ Херсона отвѣчаю: я уже не Кавказскій и Черноморскій Епископъ. 21-го августа получено мною письмо отъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора слѣдующаго содержанія: „По Высочайшему повелѣнію имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство, что всеподданнѣйшее письмо Ваше отъ 24-го минувшаго іюля Его Императорскимъ Величествомъ принято благосклонно и выраженныя въ немъ желанія Ваши удовлетворены. 6-го августа 1861 года“.—По частнымъ письмамъ, Государь сдалъ письмо мое въ Синодъ 4-го августа; Синодъ выразилъ свое согласіе на удовлетвореніе моего желанія 5-го.

Такова о мнѣ всемилосердная воля Божія, дающая мнѣ время и удобство къ тщательному приготовленію себя къ переходу въ вѣчность при посредствѣ тщательнаго покаянія. Нѣкоторые полагаютъ, что мнѣ нужно бы было оставаться на поприщѣ служебномъ, для общественной пользы. На это имѣется отвѣтъ въ Евангеліи, которое говоритъ: **„Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ“**? занявшись пріобрѣтеніемъ души моей для Бога, я могу тѣмъ удобнѣе помогать тѣмъ моимъ ближнимъ, которые имѣютъ намѣреніе пріобрѣсти свою душу, будучи неразвлекаемъ внѣшними попеченіями о церковной администраціи, въ которую вкралось много не церковнаго.

Не будучи уже Епископомъ Черноморіи, я не имѣю права встрѣчать Государя въ Екатеринодарѣ.

Въ отвѣтъ на письмо Твое отъ 18-го услышь слѣдующее наставленіе Св. Отцовъ: „Корабль, доколѣ находится въ морѣ, по необходимости долженъ подвергаться многообразному вліянію стихій; когда же войдетъ въ пристанище, тогда наслаждается спокойствіемъ, и хозяинъ

ограничивавшаяся дневными случайными потребностями. Въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца Преосвященный Игнатій просилъ письмомъ на имя Государя о Всемилостивѣйшемъ увольненіи его на покой. Въ это время я былъ въ отпуску, что было причиною возстановленія переписки. Примѣчаніе Петра Александровича.

корабля производитъ прибыльнѣйшую для него куплю. Послѣдняго, т. е. спокойствія и выгодной торговли никакъ бы не было, еслибъ не было предпринято многотрудное плаваніе по морю и еслибъ не преодолѣны были всѣ препятствія и бѣдствія". Отнеси это къ себѣ и утверждай себя надеждою на Бога, Которому Ты вознамѣрился послужить и присоединиться. Плыви и переплывай о Господѣ бурную пучину. Поврежденія, которымъ нельзя не случаться, исправляй покаяніемъ. Вѣруй и никакъ не разслабляйся. При этомъ непремѣнно спасешься. Ибо Богъ никакъ не оставляетъ того человѣка, который самъ не оставляетъ Бога, несмотря на встрѣчающіяся преткновенія по немощи и поврежденію естества грѣхомъ. Такового Богъ приведетъ непремѣнно къ спасенію. А указывать Богу: такъ и такъ меня спаси— невозможно. Потому что спасеніе, какъ даръ Божій, выше постиженія человѣческаго. Почему желающій спастись долженъ просить себѣ спасенія у Бога, какъ неизреченной милости Божіей, предавая себя вполнѣ волѣ Божіей.

4 сентября 1861 года.

№ 153. О необходимости для спасенія скорбей и искушеній.

Указа объ увольненіи меня на покой еще нѣтъ,—впрочемъ, я наготовѣ. Такимъ образомъ всесвятая и всеблагая воля Божія о мнѣ опредѣлилась. Она доставляетъ мнѣ возможность быть полезнымъ для себя и для ближнихъ въ духовномъ отношеніи, въ отношеніи существенно-нужномъ и полезномъ. Слава Промыслу и Милосердію Божію!— Какъ уволенный отъ управленія епархіей, я не счелъ себя вправѣ выѣзжать въ Екатеринодаръ.

Относительно преткновеній, случающихся христіанину, доколѣ онъ по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ находится среди міра, было написано слѣдующее мнѣніе Св. Отцовъ, которое повторить не мѣшаетъ. Христіанинъ подобенъ кораблю, а жизнь христіанина, посредѣ человѣковъ и міра, подобна плаванію корабля по морю. Корабль, доколѣ находится въ морѣ, подвергается вліянію вѣтровъ, теченіямъ, бурнымъ волнамъ, ударяется о подводные камни, сталкивается съ другими кораблями, подвергается многоразличнымъ опасностямъ, терпитъ многоразличныя поврежденія, которыя исцѣляются покаяніемъ. Когда же онъ войдетъ въ пристань, тогда бываетъ внѣ всякой опасности; хозяинъ выгружаетъ товары, которыми былъ наполненъ корабль, производитъ торговлю и наживаетъ большіе барыши. Невозможно требовать для корабля, когда онъ находится въ открытомъ морѣ, того спокойствія, которымъ онъ пользуется въ пристани; нельзя на открытомъ морѣ производить торговли имѣющимся на кораблѣ

товаромъ. Опять невозможно кораблю войти въ тихое пристанище, если онъ не подвергнется сперва многотрудному плаванію въ открытомъ морѣ. Точно такъ и человѣку, доколѣ онъ находится среди человѣковъ, невозможно не подвергаться много-различнымъ напастямъ, возникающимъ изъ міра и изъ собственнаго паденія, доколѣ Богъ не приведетъ его въ тихое пристанище. Богъ вѣдаетъ, сколько человѣка должно продержать среди волнъ и бурь житейскаго моря, и когда ввести его въ тихое пристанище неразвлекаемаго волнами покаянія. Но обильный плодъ, собираемый въ уединеніи, есть послѣдствіе многотруднаго пребыванія между человѣками. Второе есть основаніе для перваго, и первое не можетъ состояться, если ему не предшествуетъ второе. Почему всѣ, желающіе непогрѣшительно спастись, должны предать себя съ полною вѣрой Всесвятой волѣ Божіей и молить Бога, чтобъ даровалъ имъ спасеніе, ибо спасеніе не есть человѣческое начинаніе или человѣческое дѣло, но дѣло Божіе и даръ Божій человѣку.

11 сентября 1861 года.

№ 154.

Слава Богу за все! Слава Богу, дарующему провести остатокъ дней внѣ развлеченія тому человѣку, который имѣетъ крайнюю и существенную нужду принести покаяніе въ согрѣшеніяхъ, содѣянныхъ при развлеченіи.

Я миренъ къ дѣйствіямъ Московскаго Митрополита и другихъ: ибо они совершаются не безъ попущенія Божія, а Богъ приводитъ человѣка къ духовнымъ цѣлямъ такими путями, которые по наружности имѣютъ характеръ непріятностей и несчастій. Слава Премудрости Всеблагого Бога нашего.

14 сентября 1861 года.

№ 155.

11 вечеромъ получилъ Синодскій указъ о предоставленіи мнѣ въ управленіе Бабаевскаго монастыря на правахъ епархіальнаго Архіерея съ 1000 руб. сер. пенсіи. Остается благодарить и славословить Бога, дарующаго мнѣ положеніе, какого лучше желать нельзя. Полагаю выѣхать 15-го. Синодъ не далъ ни прогоновъ, ни подъемныхъ. Изъ Тифлиса также нѣтъ ничего.

5 октября 1861 года.

№ 156. О должномъ отношеніи къ искушеніямъ.

По милости Божіей я прибылъ благополучно 30 сентября вечеромъ въ Москву, остановился у Пр. Викарія, коимъ, равно какъ и

Митрополитомъ, принятъ былъ очень ласково. Если они и дѣйствовали противъ меня, то дѣлали это въ омраченіи и увлеченіи, а не по злонамѣренности, такъ какъ искушеніе, изгнавшее меня изъ епархіи, было устроено демонами, по попущенію Бога, Который допустилъ и демоновъ, и дѣйствовавшихъ подъ ихъ вліяніемъ людей дѣйствовать противъ меня, но тѣмъ содѣйствовать исполненію воли Божіей о мнѣ, благоволившей даровать мнѣ время на покаяніе прежде кончины моей. Препод. Маркъ Подвижникъ сказалъ: „пришедшу искушенію, не ищи какъ и отъ кого оно пришло, а ищи того, чтобъ перенести его съ благодареніемъ“. Воспрещенное Преп. Маркомъ разбирательство приводитъ только душу въ смущеніе и способствуетъ насѣяться въ ней сѣменамъ ненависти и памятозлобія къ ближнимъ; а благодареніе Бога за посланное искушеніе вводитъ душу въ пристанище вѣры, миритъ съ ближними и служитъ причиною духовной радости. При такомъ взглядѣ на дѣйствія враждебныхъ людей я привлекаю въ душу свою миръ.

А. я нашелъ въ самомъ удовлетворительномъ положеніи. Онъ вступаетъ на истинный путь и начинаетъ понимать монашество, какъ оно есть. Въ этомъ вижу неизреченное благословеніе Божіе и благоволеніе къ Тебѣ и къ А. Всѣ недоумѣнія, посѣянныя врагомъ между имъ и Тобою, разсѣялись сами собой по милости и мановенію Божію. Тебѣ остается утѣшаться и благодарить Бога; на основаніи полученныхъ духовныхъ благодѣяній надѣяться, что и впредь эти благодѣянія будутъ изливаться, вмѣстѣ съ тѣмъ бодрствовать и трезвиться, чтобъ даемыя благодѣянія не были исхищены изъ самыхъ рукъ нашихъ невидимыми и недремлющими врагами. Спасайся!

Недостойный Е. Игнатій.

25 ноября 1861 года.

№ 157.

Письмо Твое изъ Курска получилъ. А—й поживаетъ благополучно; примѣтно поправляется въ здоровьи; занимается монашескою жизнію со вниманіемъ и усердіемъ. Богъ да благословитъ это милое дитя!

Особенная милость Божія привела меня въ тихое пристанище. Кто желаетъ служить Богу, тотъ долженъ молить Бога, чтобы Богъ принялъ такое его намѣреніе и устроилъ для него исшествіе изъ міра. Въ Твоихъ глазахъ устроилось мое исшествіе. Когда же представится удобство, то и самому не должно предаваться двоедушію. Часъ единонадесятый! Поприще покаянія въ непродолжительномъ времени можетъ быть закрыто смертью. Заглядываться на стороны некогда.

9 декабря 1861 года.

№ 158.

Письмо Твое отъ 26-го ноября получилъ. Живемъ благополучно; я въ немощи очень отягощаюсь недостаточнымъ тепломъ въ помѣщеніи, а Алексѣй Петровичъ очень поправился здоровьемъ, пріучается къ истинной духовной жизни.

Все помѣщеніе требуетъ значительной переправки. Въ моихъ келліяхъ комнатная температура съ трудомъ возвышается до 12°.

Спасеніе есть даръ Божій. Кто хочетъ получить спасеніе, тотъ долженъ молить Бога, чтобы Онъ даровалъ ему Свой даръ.

Бабаевскій монастырь очень уединененъ, особливо зимою, а потому здѣсь ощутительно дѣйствуютъ бѣсовскія брани; но Богъ—Царь міра и Вседержитель, почему для предавшагося Богу бѣсовскія брани не страшны, а способствуютъ къ преуспѣянію.

25 декабря 1861 года.

№ 159.

Поздравляю Тебя съ праздниками и Новымъ годомъ. Милость Божія да покроетъ Тебя. Желающій спастись долженъ предаться волѣ Божіей и молить Бога, чтобъ Богъ с к а з а л ъ, т. е. указалъ ему путь спасенія. Человѣку неизвѣстно, что предназначено ему Промысломъ Божіимъ. Особливо въ наше время всеобщаго колебанія всякое положеніе дѣлается невѣрнымъ и непрочнымъ, если Богъ Своею всесильною Десницей не упрочитъ его и не сдѣлаетъ вѣрнымъ.

7 января 1862 года.

№ 160 Объ оставленіи Петромъ Александровичемъ службы и о др. предметахъ.

Письмо Твое отъ 17-го декабря я получилъ 3-го января. Да устроитъ Тебя Господь по Своей всесвятой волѣ и по Своей неизреченной милости. Положись на Бога. Если пришло время Твоему увольненію, то уволятъ; если же остановятъ, то будь миренъ и старайся жить въ угожденіи Богу, удаляясь отъ грѣха, особенно смертнаго. Богу мы не говоримъ: такъ и такъ спаси меня, но говоримъ: **„Имиже вѣси судьбами спаси мя“**. Спасеніе—даръ Божій, а не человѣческое изобрѣтеніе. Если есть воля Божія на то, чтобъ тебя уволили, то всѣ обстоятельства будутъ споспѣшествовать увольненію. Въ Твоихъ глазахъ совершилось случившееся надо мною: выхватило вдругъ изъ одного положенія, какъ бы вихремъ, и поставило въ другое. Но и это дру-

гое положеніе еще не можетъ быть признано основательнымъ по неосновательности обстоятельствъ: нужно нѣкоторое время, чтобъ оно обозначилось опредѣленнѣе.

Алексѣй очень поправился и уже съ румянцемъ на щекахъ.

Желательно, чтобъ Тебѣ дали обѣщанную пенсію: Твои годы идутъ къ старости, и недостаточность содержанія очень стѣснитъ, а достаточное—доставитъ удобства, которыя можно назвать необходимыми. Деньги А. П. должно оставить неприкосновенными, ибо такова его мысль, и противное ей распоряженіе можетъ очень смутить его. Мысль основательная при наступающихъ обстоятельствахъ! Можетъ быть придется юношѣ оканчивать монашескую жизнь внѣ монастыря. Изъ выходящихъ въ свѣтъ сочиненій видно, что все образованное общество во всѣхъ сословіяхъ приняло новое направленіе, долженствующее имѣть соотвѣтствующіе себѣ результаты. Хлѣбъ повсемѣстно дорожаетъ; по сильной убавкѣ посѣвовъ надо ожидать значительной дороговизны его и при хорошихъ урожаяхъ. Безденежье—повсемѣстное! Впрочемъ, вѣсти изъ столицъ доходятъ сюда труднѣе, нежели на Кавказъ; часто приходятъ сюда очень искаженными. Бабаевскій монастырь—какъ отдѣльный міръ! Такое достоинство его доставляется ему его необыкновеннымъ уединеніемъ.

15 января 1862 года.

№ 161.

Богъ да устроитъ Тебя по Своей святой волѣ! Земная жизнь ничего не значитъ передъ вѣчною. Первая дана единственно для приготовленія ко второй. Не должно терять времени, иначе непримѣтнымъ образомъ подкрадется смерть и восхититъ на судъ Божій неприготовленнымъ. Впрочемъ повторяю: положиться надо на волю Божію. Нынѣ не поймешь и не предусмотришь, что надо дѣлать и какъ должно поступить. **„Не вѣси, что породитъ настоящій день“**, говоритъ Священное Писаніе. При нынѣшнемъ направленіи умовъ неизвѣстно, долго ли подержатся монастыри и насколько благонадеженъ пріютъ въ нихъ. По этой причинѣ я смотрю съ соболѣзнованіемъ на Алексѣя! Мы стары, отживаемъ вѣкъ нашъ, а онъ начинаетъ жить. Надо молить Бога, чтобъ Онъ совершилъ надъ нами Свою святую волю, а не упорствовать въ послѣдованіи своей, хотя она и благонамѣренна.

Сюда назначили г. Щапова, для вразумленія его. Какая поздняя мѣра! Когда сочиненія его разошлись по Россіи, были читаны, а, вѣроятно, и теперь читаются большинствомъ съ восторгомъ и увлеченіемъ; когда Щаповъ дѣло свое вполнѣ совершилъ,—тогда присылаютъ его въ монастырь. Монастырь для лица, если къ нему есть милость Божія, можетъ быть полезенъ; но это лицо уже чуждо своему

дѣлу, получившему собственныя и значеніе и самостоятельность. Оба воспитанника Кавказской Семинаріи, посланные при мнѣ въ Казанскую Академію, замѣшаны въ дѣлѣ. Это жертвы; жрецы въ сторонѣ. Всякій пустякъ, который нынѣ выходитъ печатно, пропитанъ революціоннымъ духомъ. Направленіе сдѣлалось всеобщимъ. Вопросъ крестьянскій сдѣлался вопросомъ всероссійскимъ. Умаленіе средствъ у помѣщиковъ отозвалось на благосостояніи купечества; возвышеніе цѣны на хлѣбъ и прочіе жизненные припасы, цѣны, постоянно возвыщающіяся и долженствующія возвышаться, отзываются на положеніи всѣхъ городскихъ жителей. Крестьяне заражаются самымъ буйнымъ духомъ, который распространяютъ въ нихъ разные неблагонамѣренные извнѣ и изъ среды ихъ.

Будь здоровъ и благополученъ. Милость Божія да хранитъ Тебя. Храни и храни Твою душу среди общаго нравственнаго потопа.

22 января 1862 года.

№ 162. О современной Преосвящ. Игнатію общественной жизни.

Тобою съ Твоей стороны сдѣлано все, остальное да устроитъ Милосердный Господь по Своей Святой Волѣ. **„Дніе лукавы суть“**, говоритъ Св. Писаніе. Непримѣтнымъ образомъ утекаютъ одинъ за другимъ. Нынѣ вѣкъ идетъ быстро; кажется, съ осени, съ моего пріѣзда сюда, пошелъ еще быстрѣе; осеннія событія дали большой толчекъ, сдѣлали значительный переворотъ. Игнатьевъ, Путятинъ, замѣнены людьми иного направленія. Направленіе старое уступаетъ мѣсто направленію новому; новое еще не опредѣлено. Не знаешь, что дѣлать и какъ быть. О ходѣ болѣзни князя Барятинскаго положительно ничего не слышно; слышно только, что онъ неисцѣлимо боленъ. Какъ все въ жизни превратно! Того и смотри, что онъ, или кто подобный, и подобные ему сойдутъ со сцены.—Цѣны на хлѣбъ возрастаютъ. Въ Питерѣ купцы, торгующіе предметами роскоши и удобства, не знаютъ, что и дѣлать: покупателей нѣтъ. Предметы необходимой потребности идутъ, но цѣны на все очень высоки. Рабочія руки вздорожали. Великое дѣло освобожденія крестьянъ сопряжено съ значительными трудностями, для преодолѣнія которыхъ, во первыхъ, нужна особенная помощь Божія, а потомъ—самая мудрая, недремлющая человѣческая дѣятельность. Тебѣ, какъ губернатору, нужны эти свѣдѣнія къ соображенію.

Я никуда не выхожу: очень плохъ здоровьемъ. Съ этимъ состояніемъ я свыкся, а потому оно и не представляется мнѣ очень тяжелымъ.

Такъ какъ очевидно, что хлѣбъ будетъ болѣе и болѣе возвышаться въ цѣнѣ, то хочу усилить монастырское хлѣбопашество. Что

Богъ дастъ; все невѣрно; всякое положеніе невѣрно; ничего серьезнаго, требующаго для исполненія времени, предпринять нельзя.—Надо подумать объ Алексѣѣ. Мы стары, отживаемъ; онъ—дитя, лишь вступаетъ въ жизнь.

9 февраля 1862 года.

№ 163.

Вижу, что рука Божія Тебя выводитъ изъ Кавказа. Н. Н. написалъ тебѣ подъ вліяніемъ современныхъ обстоятельствъ, которыя, со времени его письма, далеко подвинулись впередъ. О перемѣнѣ власти на Кавказѣ ничего не слышно; но перемѣна непремѣнно должна послѣдовать, какъ логичное послѣдствіе прочихъ перемѣнъ. О новостяхъ Петербургскихъ ничего не пишу. Ходъ непрестанно ускоряется и принимаетъ характеръ рѣшительный. Едва начатое можно считать оконченнымъ. Лица прежняго направленія почти всѣ сошли съ служебнаго поприща, они замѣняются людьми новаго направленія, молодыми, способными къ ихъ дѣлу, полными энергіи, дѣйствующими единодушно. Вѣроятно, и добрый знакомый нашъ, Невѣровъ, пойдетъ въ ходъ. Настало трудное время!

17 февраля 1862 года.

№ 164.

На этой почтѣ получилъ отношеніе изъ Кабинета о выдачѣ мнѣ въ пенсію 3000 р. сер. изъ Ярославскаго казначейства. Мнѣ бы желалось изъ этихъ денегъ дать что-нибудь въ монастырь, но и на устройство пріюта съ мебелью нужно больше этой суммы.—Я не выхожу изъ комнаты и при строжайшей діэтѣ чувствую необыкновенное умноженіе крови.

Здѣшнее уединеніе очень утѣшительно; оно производитъ спасительное вліяніе на душу, изглаждая мало по малу воспоминанія мірскія. Что Богу угодно, то и будетъ съ нами въ нынѣшній трудный вѣкъ!

20 февраля 1862 года.

№ 165.

Благодарю за поздравленіе съ днемъ рожденія во временную жизнь. Точно; поздравлять не съ чѣмъ! Неизвѣстно, чего причиною послужитъ это рожденіе—вѣчной ли радости или вѣчнаго горя. Когда душа, миновавъ, по милости Божіей, бѣсовскія мытарства, всту-

пить въ небо, тогда встрѣчаютъ ее небожители съ любовью и радостью, приносятъ ей поздравленіе. Вотъ поздравленіе правильное, безошибочное.

А. П. сдѣлалъ большую ошибку; не понимаетъ положенія: дитя. Онъ еще не развился. Милое, доброе дитя, овечка. Дѣла идутъ чрезвычайно быстро. Съ того времени, какъ Ты былъ здѣсь, протекло какъ бы десять лѣтъ. Мое положеніе мудреное. Но у Бога и мудреное не мудрено. Молись, Батюшка, о мнѣ Богу, чтобъ онъ сподобилъ меня вести себя, какъ подобаетъ рабу Христову, и не попустилъ увлечься внушеніями сатаны. Сами себѣ, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.

24 февраля 1862 года.

№ 166. О намѣреніи Петра Александровича удалиться отъ міра въ Бабаевскій монастырь.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,

Петръ Александровичъ!

Если послѣдуетъ на то Божіе соизволеніе, то нѣкоторый Богомолецъ имѣетъ желаніе поступить въ Баб. монастырь для сожительства со мною и приготовленія себя къ переходу въ вѣчность, къ каковому переходу и я призываюсь непрестанно возростающими и умножающимися немощами моими.

Святые Отцы утверждаютъ, что всякому желающему вступить въ монастырь, надо избрать образъ жизни, который соотвѣтствовалъ бы его духовной цѣли, и велъ къ ней. Разсуждая о положеніи, которое приличествовало бы наиболѣе упомянутому Богомольцу, я признаю наилучшимъ для него вступить въ отношенія къ монастырю монастырскаго ктитора. Оставаясь въ свѣтскомъ званіи и одеждѣ, онъ можетъ постоянно жить въ монастырѣ; дѣлая посильный произвольный денежный вкладъ, завѣдуя сельскимъ хозяйствомъ монастыря, которое непремѣнно должно улучшиться, завѣдуя постройками, занимаясь хожденіемъ по дѣламъ монастыря въ столицахъ и сосѣднихъ городахъ; ктиторъ будетъ имѣть характеръ благотворителя предъ монастырскимъ братствомъ и вообще предъ духовенствомъ. Такое наружное положеніе соотвѣтствуетъ и душевной потребности вновь вступившаго въ монастырь и нуждающагося въ вещественныхъ занятіяхъ. Переходъ отъ свѣтскаго развлеченія къ нерушимому глубокому безмолвію долженъ быть постепененъ. Послѣ занятій, сопряженныхъ съ нѣкоторымъ общеполезнымъ и полезнымъ для монастыря и братства трудомъ, Богъ устроитъ

положеніе очень спокойное, основанное на предшествовавшихъ трудахъ, сопряженныхъ съ развлеченіемъ. Этотъ общій порядокъ указываютъ Св. Отцы при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ. Но при общественныхъ переворотахъ и злоключеніяхъ бываетъ иначе, и никакъ нельзя предугадать, что послѣдуетъ, чѣмъ и какъ кончится земное странствованіе. Мы должны исполнить свое и предоставить Богу приводить въ исполненіе недовѣдомыя судьбы Его. Смотря на настоящее благоденствіе и всеобщее спокойствіе, представляются баснеподобными бѣдствія отъ Батыя или литовцевъ. Однакожъ, они были, наступили, когда ихъ вовсе не ждали, застали народъ неприготовленнымъ къ нимъ. Кажется, бѣдствія отъ литовцевъ были тяжелѣе, нежели отъ Батыя. Этотъ прошелъ по Россіи скоротечною бурею, истребляя почти одни города, а литовцы гнѣздились долгое время, губя и города, и села. Въ Черменецкомъ монастырѣ С.-Петерб. Епархіи сохранилось свѣдѣніе, что они перерѣзали все братство этого монастыря. Такъ поступали они съ весьма многими монастырями. Кончина, представляющаяся по наружности несчастною, можетъ быть въ сущности самою блаженною. Конечно, въ эти тяжкія времена многіе изъ православныхъ увѣнчались вѣнцомъ.

Алексѣй П. сегодня пріобщался св. Тайнъ. Послѣ пріобщенія лицо его получило необыкновенно-пріятное выраженіе. .О. Ѳеофанъ свидѣтельствуетъ, что у него самое мягкое сердце. Положеніе ктитора и для Алексѣя П. будетъ весьма полезно, кто знаетъ, долго ли я потянусь. Очень истощенъ! Въ случаѣ моей кончины, все о Господѣ братство понуждается въ защитникѣ съ значительнымъ вѣсомъ.

Будь здравъ и благополученъ. Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Тобою. Тебѣ преданнѣйшій братъ

Епископъ Игнатій.

10 марта 1862 года.

№ 167. О необходимости предаться волѣ Божіей и о др. предметахъ.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,

Петръ Александровичъ!

Письмо Твое отъ 14-го февраля я получилъ сего 10-го марта. Такъ какъ отвѣтъ этотъ долженъ придти къ Тебѣ около 23-го марта, то и поздравляю Тебя съ днемъ рожденія, усердно желая, чтобы день вступленія въ бытіе былъ для Тебя истинно счастливымъ днемъ, какъ залогъ вѣчнаго блаженства. Новоявленный угодникъ Божій Тихонъ говорилъ о своемъ времени, что оно очень трудно для спасающихся по умножившемуся числу людей противнаго направленія; что же

сказать теперь? Да совершается воля Всесвятаго Бога, какъ въ дѣйствіяхъ Его, такъ и въ попущеніяхъ Его.

Деньги за панагію 3125 р. сер. я получилъ 4-го марта. 1000 отдалъ въ монастырь, а остальныя храню до Твоего пріѣзда или до опредѣленности Твоего положенія, какое получится имъ направленіе. Положись на волю Божію. Ты сдѣлалъ свое. Мы не знаемъ будущаго; судимъ сообразно своей недальновидности, а потому въ рѣшеніи дѣлъ должны полагаться на Бога, Который все предусматриваетъ и нерѣдко не даетъ намъ того, что мы признаемъ за необходимое для насъ добро, и что, будучи само по себѣ точно добрымъ, намъ не дается, потому что для насъ оно можетъ имѣть другія послѣдствія. Предайся волѣ Божіей и будь миренъ.

Алексѣй Петровичъ принималъ нѣкоторое время въ самомъ маломъ количествѣ salfur, отчего золотуха начала высыпать наружу, на лицо и голову. Это хорошо. Думаетъ продолжать употребленіе полезнаго лекарства. Вообще гомеопатія дѣйствуетъ здѣсь съ отличнымъ успѣхомъ.—Особенныхъ новостей здѣсь нѣтъ. Назначенъ новый оберъ-прокуроръ въ Синодъ—Ахматовъ, бывшій Харьковскій военный губернаторъ; Толстой—въ Государственный Совѣтъ. Въ концѣ февраля получилъ увѣдомленіе, что г. Щаповъ прощенъ Государемъ Императоромъ и въ Бабаевскій монастырь не прибудетъ.

Будь здоровъ и благополученъ. Обильное благословеніе Божіе да почіетъ надъ Тобою. Тебѣ преданнѣйшій братъ

Епископъ Игнатій.

P. S. Я писалъ въ С.-Петербургъ къ Сергіевскому Архимандриту, чтобъ онъ поторопилъ Горностаева относительно высылки плановъ Моздокской церкви.

18 марта 1862 года.

№ 168. Объ Алексѣѣ Петровичѣ.

Всего болѣе озабочиваетъ меня Алексѣй. Дитя! Онъ желалъ быть постриженнымъ въ рясофоръ, но я отложилъ до Твоего пріѣзда. Время трудное! Далѣе еще труднѣе! Онъ этого не видитъ и никакъ не подозрѣваетъ, что при дѣйствіяхъ для настоящаго надо очень серьезно думать о будущемъ. Въ нравственномъ отношеніи онъ утѣшаетъ. Имѣетъ очень мягкое сердце.

Милосердный Господь да даруетъ Тебѣ окончить Твои дѣла благополучно. У тебя ничего нѣтъ въ семъ мірѣ. Одинъ сынъ! и тотъ въ обители.

25 марта 1862 года.

№ 169.

Новые молодые министры подвизаются съ дѣятельностью, и, вѣроятно, успѣхъ увѣнчаетъ ихъ работу. Въ Синодѣ новый оберъ-прокуроръ Ахматовъ, хорошій знакомый Андрея Муравьева, который писалъ ко мнѣ, выражая желаніе, чтобы я вступилъ снова, по поправленіи моего здоровья, въ общественное служеніе. Я отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, но по способности обстоятельствъ къ переворотамъ, ничего впредь не узнаешь, а потому загадывать ничего нельзя. Также ничего настоящаго нельзя признавать за вѣрное.

Милосердный Господь да устроитъ Твои обстоятельства по Своей Всесвятой волѣ и Своей великой милости. Неизреченная милость Божія, когда Богъ призоветъ кого во время сей жизни къ покаянію и къ тщательному приготовленію къ вѣчности.

30 марта 1862 года.

№ 170. О предсмертныхъ видѣніяхъ и должномъ отношеніи къ нимъ.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,

Петръ Александровичъ!

Письмо Твое отъ 15-го марта я получилъ сейчасъ и спѣшу отвѣчать: потому что Николай мой завтра ѣдетъ въ Ярославль по послѣднѣйшему и уже очень трудному зимнему пути; затѣмъ надо ожидать распутицы, при которой недѣли съ двѣ не будетъ сообщенія между монастыремъ и сосѣдними ему губернскими городами.

Съ сердечнымъ участіемъ услышалъ я вѣсть о кончинѣ Александры Ивановны Марковой, къ которой я очень расположился. Потрудись передать Сергѣю Александровичу мое благословеніе и усердный поклонъ. Богъ, по неизслѣдимымъ судьбамъ Своимъ, попустившій ему тяжелую скорбь, силенъ послать и духовное утѣшеніе. Во временныхъ скорбяхъ часто приноситъ его, особливо при смерти близкихъ, мысль о своей собственной смерти.

О предсмертныхъ явленіяхъ не полезно любопытствовать. Еслибъ Богу было угодно показать что нибудь съ ясностью, то оно и было бы такъ показано. Всѣ человѣки, безъ исключенія, вступаютъ смертью въ міръ духовъ. Инымъ этотъ міръ открывается раньше, другимъ позже. Въ Петербургѣ одна свѣтская дама, въ бытность мою насто-

ятелемъ Сергіевой пустыни, три дня была истязуема въ услышаніе всѣхъ присутствующихъ. Путей Божіихъ не понять. Иногда дается чудо самымъ невѣрующимъ и ожесточеннымъ людямъ, и они остаются въ своемъ невѣріи и ожесточеніи. Судя по тому, что Ты пишешь, надо понимать, что почившая имѣла передъ смертью видѣніе. Тоже можно заключать относительно покойнаго о. Александра—Андрюши, скончавшагося при мнѣ; я во время его кончины сидѣлъ у его кровати. Неясное, какъ я сказалъ, лучше оставлять безъ истолкованія, потому что попытка къ истолкованію можетъ быть душевредна, можетъ послужить поводомъ къ непримѣтному увлеченію себя въ обманъ, къ полученію настроенія, способнаго къ обману себя.

Очень жаль князя Барятинскаго, какъ человѣка. Вотъ одинъ изъ печальныхъ образцовъ земного счастія. Какъ все здѣшнее суетно, превратно, непрочно, ничтожно! Князь—посреди счастія—несчастливецъ, посреди наслажденій—страдалецъ. Всѣ блестящія земныя положенія измѣнчивостью своею подобны его положенію, съ тою ничтожною разницею, что одни положенія скорѣе рушатся, а другія не такъ скоро. Въ сравненіи же съ вѣчностію и скорое и нескорое земное одинаково скоры.

Мы поживаемъ благополучно. Давно никакія извѣстія изъ шумнаго свѣта не приходили въ нашу тихую обитель. Здоровье мое какъ будто получше. Гомеопатія начала дѣйствовать на меня благотворно послѣ кровопусканія, которое было ничто иное, какъ послѣдствіе лѣченія водами. Однако говорятъ мои спутники, что я очень измѣнился въ лицѣ. Предаюсь волѣ и милости Божіей.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ Тобою.

Тебѣ преданнѣйшій братъ Епископъ Игнатій.

26 апрѣля 1862 года.

№ 171. О необходимости покаянія и др. предметахъ.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,

Петръ Александровичъ!

Приношу Тебѣ искреннѣйшую благодарность за поздравленіе съ Праздникомъ Праздниковъ въ письмѣ Твоемъ съ 11-го по 12-ое апрѣля. Можетъ быть этотъ отвѣтъ мой найдетъ Тебя еще въ Ставрополѣ, и потому не останавливаюсь писать.

Святые Отцы уподобляютъ жизнь христіанина плаванію корабля въ морѣ, а удаленіе въ уединеніе вступленію корабля въ пристань.

Доколѣ ты въ морѣ, говоритъ Св. Варсонофій, жди вѣтровъ и бурь; рѣдко бываетъ тамъ тишина или вполнѣ попутный вѣтеръ. Слѣдовательно, нельзя и не должно требовать отъ сердца постояннаго пребыванія въ святыхъ ощущеніяхъ: и то хорошо, что эти ощущенія даются хоть на нѣкоторое время, оставляя потомъ свѣдѣніе въ душѣ о своемъ существованіи.

Въ дѣлахъ Твоихъ положись на волю Божію. Намъ обоимъ уже недолго странствовать на землѣ. Моли Бога, чтобъ даровалъ остатокъ земной жизни провести въ покаяніи; это великій даръ Божій, даръ вѣчный, какъ имѣющій рѣшительное вліяніе на нашу судьбу въ вѣчности. Св. Тихонъ Воронежскій передъ кончиною своею особенно благодарилъ Бога за то, что ему данъ былъ этотъ даръ. Точно: при кончинѣ именно окажется вся драгоцѣнность этого дара. Такъ мы разсуждаемъ, и такъ должны молиться. Но, говоритъ Св. Исаакъ Сирскій, если ты помолишься Богу о чемъ-либо, и Онъ медлитъ дарованіемъ просимаго, то ты не скорби; ты не премудрѣе Бога. Это случается по разнымъ причинамъ, непостижимымъ для ограниченнаго человѣка. А потому вполнѣ справедливо при самыхъ благихъ желаніяхъ и начинаніяхъ предавать себя волѣ Божіей.

Мы поживаемъ благополучно. Кажется, гомеопатія начинаетъ помогать мнѣ. Ея дѣйствіе можно уподобить дѣйствію долота и рѣзчика, для которыхъ нужно предварительное дѣйствіе топора и другихъ грубыхъ инструментовъ, дѣйствію которыхъ уподобляю дѣйствіе на меня кавказскихъ водъ.—Алексѣй Петровичъ растетъ. Справедливо твое замѣчаніе, что къ нему особенная милость Божія, приведшая его въ монастырь въ самое трудное время жизни въ нравственномъ отношеніи. Особливо здѣшній монастырь драгоцѣненъ по уединенію своему отъ предметовъ соблазна; къ тому же юноша вступилъ въ близкое и частое сношеніе съ духовникомъ своимъ, о. Ѳеофаномъ, который и утѣшаетъ его и побраниваетъ: то и другое—благотворно. Невозможно требовать съ Алексѣя, чтобъ онъ понималъ современность, но моя обязанность, въ особенности Твоя, предохранить его отъ пропасти, въ которую онъ легко можетъ вринуться по слѣпотѣ своей. Милосердный Господь, начавшій устроять путь его, да устроитъ и до конца.

Михаилъ Чихачовъ, пишутъ мнѣ, начинаетъ терять здоровье, разваливается. На все свое время. Всѣ мы—гости на землѣ.

Благословеніе и милость Божіи да почіютъ надъ Тобою.

Тебѣ преданнѣйшій братъ Епископъ Игнатій.

9 мая 1862 года.

№ 172. О необходимости покаянія и др. предметахъ.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,

Петръ Александровичъ!

Письмо Твое отъ 22-го апрѣля получено мною 7-го мая. Отвѣчаю, полагая, что отвѣтъ мой можетъ еще застать Тебя въ Ставрополѣ.

Благо, что Ты сдѣлалъ относительно себя все то, что зависѣло отъ Тебя, остальное возлагаешь на Господа Бога. Приходящее Тебѣ страхованіе приходитъ съ лѣвой стороны. Докажется это тѣмъ, что оно отойдетъ отъ помысловъ вѣры, когда возложишься на Бога, въ волѣ Котораго и жизнь наша и смерть. Умереть каждому изъ насъ непремѣнно надо. Благовременное приготовленіе къ смерти есть драгоцѣнный даръ Божій, и потому невидимые враги наши усиливаются похитить его у насъ. Милосердный Господь да упразднитъ ихъ, пославъ намъ правильный взглядъ на временную и вѣчную жизнь, чтобъ мы, для снисканія блаженства во второй, должнымъ образомъ употребили первую, которая сама по себѣ, какъ быстро-преходящая, не имѣла бы никакого значенія, еслибъ не рѣшала нашей вѣчной участи. Святителя Тихона, когда онъ оставилъ Епархію и помѣстился въ монастырь, лукавые помыслы въ теченіе года выманивали изъ монастыря, представляя ему, что онъ можетъ быть полезенъ среди міра. Когда Святый понялъ, что это козни вражеская, покушающаяся, подъ благовиднымъ предлогомъ, похитить у него данное Богомъ время на покаяніе, тогда онъ успокоился и обратилъ все вниманіе на то, чтобъ воспользоваться даромъ Божіимъ.

Когда сіи строки были написаны 8-го мая вечеромъ, то во время благовѣста ко всенощному бдѣнію (9-го—храмовой Праздникъ монастыря) я получилъ письмо Твое отъ 25-го апрѣля черезъ Александру Ивановну Самарину, и спѣшу отвѣчать на него, чтобъ сегодня же письмо мое могло быть отправлено въ Ярославль съ тѣмъ лицомъ, которое доставило мнѣ Твое письмо.

Непремѣнно дождись отставки. Вѣра должна быть соединена съ благоразуміемъ, которое признается величайшей христіанской добродѣтелью. Не требуй отъ себя праведности и не смущайся возникающими грѣховными помыслами и ощущеніями; въ противномъ случаѣ вся дѣятельность Твоя приметъ фальшивое направленіе. Надо противиться грѣху и не увлекаться имъ. Дѣйствуй благоразумно и осмотрительно. Самъ видишь, что вообще дѣла принимаютъ запутанный характеръ. **„Блюдите, како опасно ходите“**, говоритъ Священное Писаніе. Милосердный Господь да вразумитъ и благословитъ Тебя.

Тебѣ преданнѣйшій братъ Епископъ Игнатій.

21 мая 1862 года.

№ 173. О предстоящихъ реформахъ общественной жизни.

Любезнѣйшій Другъ и Братъ,
Петръ Александровичъ!

Письма Твои отъ 4-го и 9-го мая я получилъ 20-го въ день Ангела Алексѣя Петровича. На вопросъ главный Твой и на прочіе второстепенные вопросы я отвѣчалъ Тебѣ. Спасибо доброму совѣту изъ Тифлиса: онъ гласитъ также, что надо ожидать рѣшенія, т. е. отставки. Дѣла вообще таковы, что надо дѣйствовать ради Бога, руководствуясь Богомъ данными закономъ и разумомъ, остальное все возлагая на Бога: ибо никакой нѣтъ возможности признавать какое-либо благоразумнѣйшее соображеніе вѣрнымъ, такъ все шатко. Здѣсь носятся слухи, которые должно считать правдоподобными, что Государь Императоръ по внушенію Ангельскаго своего сердца хочетъ по случаю наступающаго тысячелѣтія Россіи даровать подданнымъ своимъ очень многое. Вслѣдъ за рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса должно послѣдовать рѣшеніе другого или другихъ вопросовъ, не менѣе важныхъ, а какихъ—не знаю, да и не любопытствую знать, будучи занятъ своею болѣзненностію по преимуществу. Извѣстно же, что вслѣдъ за вопросами передовыми всегда стоятъ или возникаютъ вопросы имъ послѣдующіе, о существованіи которыхъ часто не предполагается, между тѣмъ какъ они важностью своею покрываютъ отцовъ и матерей своихъ. Такъ, когда выводятъ фундаментъ, то работа кажется куда какою огромною; но, когда построится зданіе, то фундаментъ совершенно дѣлается невиднымъ. Неизвѣстно, что изъ всего этого выйдетъ; всячески надо ожидать большихъ реформъ. Милость Божія да покроетъ Россію!

Кажется, я писалъ Тебѣ, что не должно преступать воли Божіей своею волею, а, сдѣлавъ съ своей стороны должное, остальное предоставлять Богу.

Благодарю Бога за устройство Кавказской каѳедры, въ чемъ Ты принялъ значительное участіе и за что благословеніе Божіе да почіетъ надъ Тобою. Не оставь безъ вниманія дѣла дома Архіерейскаго съ Крупенскимъ.

Мое здоровье какъ будто поправляется отъ гомеопатіи, дѣйствующей особенно хорошо послѣ водъ; это дѣйствіе мелкихъ долотъ послѣ топора. Потрудись передать всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ мой усерднѣйшій поклонъ, а Голоушевымъ—сердечную радость о выздоровленіи главы семейства. Съ особенною благодарностью вспоминаю о ихъ расположеніи ко мнѣ.

Твое чадо и прочіи братія усерднѣйше Тебѣ кланяются.

Тебѣ преданнѣйшій другъ и братъ Епископъ Игнатій.

27 мая 1862 года.

№ 174. О грѣховныхъ помыслахъ.

Въ Словѣ о различныхъ отношеніяхъ естества человѣческаго къ добру и злу описано съ подробностью, какъ въ человѣкѣ, начинающемъ истинно-богоугодную жизнь, начинаютъ возникать различные грѣховные помыслы, черезъ что фактически обнаруживается передъ нимъ состояніе паденія, въ которомъ находится все человѣчество. Такое воззрѣніе на себя приводитъ къ истинному покаянію. Слѣдовательно, нисколько не должно смущаться отъ возникающихъ во множествѣ помысловъ. Это облако пыли, нанесенное вѣтромъ. Вѣтеръ съ другой стороны унесетъ его.

5 іюня 1862 года.

№ 175.

Милосердный Господь устроитъ Твой путь и доставитъ Тебѣ спасеніе, имиже вѣсть судьбами Своими. Повторяю изреченіе Исаака Сирскаго: „Если молишься Богу о чемъ либо, и Онъ медлитъ услышать Тебя, не скорби объ этомъ; ты не умнѣе Бога. Дѣлается же это такъ по премудрѣйшему Промышленію Божію, непостижимому человѣческимъ разумомъ“. А тому, что Богъ любитъ насъ несравненно болѣе, нежели сколько мы любимъ и можемъ любить себя, надо вѣровать несомнѣнно. „Все“, заключаетъ Святый сужденіе свое объ этомъ предметѣ, „удобно достигаемое и утрачивается скоро. Все же, обрѣтенное съ болѣзнью сердца, хранится тщательно“.

Да совершается надъ всѣми все благоугодное Богу, все попускаемое Богомъ, а намъ надо внимать себѣ и не заглядываться на стороны, ибо переселеніе наше въ вѣчность приблизилось. Нечего засматриваться на гостиницу—землю и на совершающееся въ ней.

14 іюня 1862 года.

№ 176. Объ уходѣ Петра Александровича изъ міра.

Благословенъ Богъ, освободившій Тебя отъ узъ міра и дарующій Тебѣ возможность приготовиться покаяніемъ къ переходу въ вѣчность. Бабаевскій монастырь есть весьма удобное мѣсто для такой жизни, съ такой цѣлью, съ цѣлью приготовленія себя въ вѣчность. Монастырь очень уединененъ, не только зимой, но и лѣтомъ. Въ бытность Твою въ Москвѣ Тебѣ не мѣшаетъ побывать у Митрополита и у Викарія и принять благословеніе ихъ, какъ у Святителей.

№ 177.

Ваше Превосходительство,

Любезнейший Братецъ,

Петръ Александровичъ!

Видя себя принужденнымъ въ крайнія изнеможеніе и болѣзненность, заставляющія прибѣгнуть всѣмъ человѣческимъ средствамъ къ возстановленію моего здоровья, поспѣшаю просить Васъ принять на себя, (въ случаѣ моей кончины,) распоряженіе всѣмъ моимъ, впрочемъ весьма небольшимъ, имуществомъ, согласно прилагаемой при семъ духовной моей къ Вамъ, согласно моего Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Никанора, и согласно словесно сдѣланному мною Вамъ завѣщанію, получивъ отъ Васъ значительное денежное пособіе во время нахожденія моего на Кавказской Каѳедрѣ, и прошу Васъ принять, изъ вещей какія найдете нужными и полезными для себя и дѣтей моихъ Вашего, Алексѣя Петровича, въ Вашу и ихъ собственность; другія же оставьте настоятелю раздать братіямъ, преимущественно-же тѣмъ изъ нихъ, которые помогали мнѣ много. Главные предметы имущества моего состоятъ изъ: 1) Библіотеки, 2) Вещи, изъ коихъ и рясы-пятьи, изъ которыхъ цвѣтныя и бархатныя рясы предназначаю моимъ дѣтямъ, рясницы Бабаевскаго Монастыря, 3) Экипажей: фаэтона, коляски и зимняго возка. — Сочиненія мои, остающіяся въ рукописяхъ, передаю сполна въ Ваши собственность и распоряженіе.

Вамъ извѣстенъ мой образъ мыслей: почему понятно для Васъ и то желаніе мое, чтобъ оставшееся послѣ меня имущество, какъ пріобрѣтенное при убогомъ служеніи моемъ Церкви а не отъ родственниковъ, поступило въ пользу Церкви, ее служителей и нищей Братіи. Я убѣжденъ, что Вы исполните отчетливые и скорые мое желаніе, нежели какъ исполнить бы это я самъ, и потому останавливаюсь отъ всякаго многочалого распоряженія, могущаго неожиданно затруднить Васъ въ Вашемъ архійствованіи.

Милосердый Господь, по данной милости Своей, да отверзетъ имъ врата милосердія своего, да приметъ въ нихъ страстствующую и нищую душу мою изъ среды сего многопечальнаго міра сего, да упокоитъ ее во Царствіи Своемъ. Въ свое время, которое неотмѣнно наступаетъ для каждаго изъ странниковъ, воззванъ будете и Вы предстать Богу. Отъ всей души желаю, чтобъ это воззваніе было услышано Вами съ радостію, какъ призваніе къ радостной Вѣчности, не имѣющей и непрестающей уже никакого скорбію.

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга Братъ

Епископъ Макарій

№ 209

іюня 9-го дня, 1862-го года.

На подлинномъ завѣщаніи Епископа Игнатія имѣются слѣдующія надписи:

1). „Что сіе письмо написано и подписано рукою Его Преосвященства Епископа Игнатія, въ томъ удостовѣряю. Костромской губернскій прокуроръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Петръ Николаевъ Кащіевъ. Что сіе письмо написано и подписано рукою Его Преосвященства Епископа Игнатія, въ томъ удостовѣряю—Совѣтникъ Костромского губернскаго Правленія Надворный Совѣтникъ Александръ Васильевъ Поповъ. Въ томъ же удостовѣряю Предсѣдатель Костромской гражданской Палаты Коллежскій Ассесоръ Петръ Ивановъ Коровинъ.

2) „По Указу Его Императорскаго Величества учинена сія надпись въ томъ, что настоящее домашнее духовное завѣщаніе, по смерти завѣщателя Преосвященнаго Епископа Игнатія, послѣдовавшей 30-го апрѣля сего 1867 года, къ явкѣ въ Костромскую Палату Гражданскаго Суда представлено 12-го мая сего же года при прошеніи роднаго брата завѣщателя Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Петра Александровича Брянчанинова. Гражданская Палата по отобраніи отъ подписавшихся подъ завѣщаніемъ лицъ установленныхъ допросовъ, постановленіемъ, состоявшимся 20 сего іюля, заключила: усматривая, что домашнее духовное завѣщаніе Преосвященнаго Епископа Игнатія въ формѣ своей составлено согласно 1014, 1046, 1050, 1051 и 1054 ст. I ч. X т., къ явкѣ представлено въ установленный 1060 и 1063 ст. срокъ, подлинность его удостовѣрена законнымъ числомъ свидѣтелей и спора на завѣщаніе ни отъ кого не объявлено, Гражданская Палата, не входя, за силою 1042 ст. I ч. X т., въ разсмотрѣніе законности содержащихся въ завѣщаніи распоряженій, опредѣляетъ: подлинность сего завѣщанія засвидѣтельствовать со внесеніемъ въ крѣпостную книгу и о томъ учинить на завѣщаніи установленную 917 ст. I ч. X т. надпись, выдать оное предъявителю Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Петру Александровичу Брянчанинову, при чемъ взыскать съ него за актъ 3 р., гербовыя пошлины за употребленную по этому дѣлу вмѣсто гербовой простую, пять листовъ, бумагу—2 р. и за листъ, слѣдующій для написанія завѣщанія, по цѣнѣ имѣнія 700 р. и по количеству не полученной завѣщателемъ пенсіи 250, итого девятьсотъ пятидесяти рублей,—3 р. 50 к., а всего восемь рублей 50 к., крѣпостныхъ же пошлинъ съ цѣны завѣщаннаго имѣнія, на основаніи 372 ст. т. V Уст. о пошлинѣ и 376 ст. того же тома и устава по продолженію 1864 года, не взыскивать, такъ какъ имѣніе переходитъ къ родному брату завѣщателя съ выдачею изъ онаго нѣкоторыхъ вещей братіи Николаевскаго Бабаевскаго монастыря. О запискѣ

денегъ 8 р. 50 к. въ приходъ приходорасходчику дать указъ. Вслѣдствіе чего означенныя пошлины 8 р. 50 к. взысканы и въ приходъ записаны, а сіе домашнее духовное завѣщаніе, по запискѣ подлинникомъ въ крѣпостную книгу подъ № 35-мъ выдано Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Петру Александровичу Брянчанинову съ роспискою въ той книгѣ іюля 25 дня 1867 года. За предсѣдателя товарищъ его Н. Френевъ, секретарь Николай Баскаковъ, И. д. столоначальника Ремщовъ. Печать Костромской Гражданской Палаты.

30 сентября 1862 года.

№ 178. Объ изданіи сочиненій Епископа Игнатія.

Милосердый Господь да благословитъ твое путешествіе и да даруетъ изъ духовной сокровищницы Своей разумъ и премудрость совершить все по Его святой волѣ, во славу Его святого имени и къ пользѣ душъ нашихъ.

Когда я жилъ въ Сергіевой пустыни, тогда не благоволили, чтобъ мои сочиненія были издаваемы печатно, имѣя на то свои причины. Можетъ быть эти причины существуютъ и доселѣ. Что-жъ касается до меня, я никакъ не ищу напечатанія моихъ сочиненій, никакъ не признаю ихъ достойными напечатанія или способными къ назиданію христіанскаго общества. Слѣдовательно, если встрѣтится препятствіе къ напечатанію, то не усиливайся, чтобъ напечатали. Сначала мнѣ не указывали прямо; на отказъ употребляемъ былъ свой пріемъ. Именно: такъ перемарывали рукопись и такъ измѣняли сочиненіе, что рукопись дѣлалась никуда негодною, а сочиненіе дѣлалось чуждымъ мнѣ и получало искаженный видъ, могущій соблазнить читателя, а автора сдѣлать посмѣшищемъ публики. Впослѣдствіи одинъ цензоръ былъ столько добръ, что сказалъ о существованіи тайнаго приказанія относительно моихъ сочиненій, послѣ чего я не сталъ безпокоить цензуру представленіемъ туда трудовъ моихъ [1]). И теперь буду вполнѣ миренъ, если откажутъ въ напечатаніи. Вообще писанія людей, проводившихъ аскетическую жизнь, гораздо удобнѣе печатать по смерти ихъ. Итакъ, если предварительно изъявятъ согласіе, то пусть напечатаются тѣ сочиненія, которыя я назначилъ къ напечатанію. Еслижъ увидишь сомнѣнія и колебанія, то это—вѣрный

---

[1]) Не знаю, о комъ хотѣлъ сказать Пр. Игнатій, не назвавъ цензора, передавшаго ему тайное распоряженіе, но знаю вѣрно, что Варшавскій Архіепископъ Іоанникій, бывшій нѣкогда также цензоромъ, то же самое передавалъ С.П.-Бургской купеческой женѣ Татьянѣ Семеновнѣ Митрополовой (Никифоровой).

Примѣч. П. А. Брянчанинова.

признакъ нежеланія. Никакъ не попусти, батюшка мой, измарать рукопись „Поученій“. Она у насъ одна, и можетъ быть полезною для келейнаго нашего употребленія. Богъ да устроитъ лучше! Можетъ быть, отказъ въ напечатаніи послужитъ мнѣ же, и вообще намъ, къ добру: охранитъ отъ многихъ непріятностей, которыя могутъ возникнуть изъ самаго напечатанія, по духу времени и по множеству недоброжелателей. Нашъ вѣкъ очень мудръ и требуетъ особенной мудрости въ поведеніи.

Впрочемъ, да даруетъ тебѣ Господь поступить съ мудростію. По мнѣнію моему, должно охранять съ величайшимъ тщаніемъ наше положеніе, намъ устроенное и даруемое Самимъ Богомъ для нашего приготовленія къ переходу въ вѣчность, къ гранямъ которой мы оба приблизились, особливо приблизился я.

14 октября 1862 года.

№ 179.

Мое здоровье какъ и было. То поотдастъ, то опять такъ прижметъ, что поневолѣ начнешь думать о смерти. Въ моей спальнѣ повѣсили густыя ситцевыя занавѣси, отчего эта келлія приняла характеръ затворническій.—Никогда помѣщеніемъ своимъ я не былъ такъ доволенъ! Иногда взглянешь на мои двѣ комнатки,—и онѣ представляются какъ бы раемъ. Вообще положеніе мое на Бабайкахъ самое соотвѣтствующее состоянію моего здоровья и душевному настроенію, а потому и самое удовлетворительное. Замѣтно, что оно становится лучше и лучше! это заставляетъ предполагать, что мы будемъ очень спокойны, когда пообживемся да устроимся,—когда опасающіеся насъ убѣдятся, что нечего опасаться.

18 октября 1862 года.

№ 180. О сочиненіяхъ Епископа Игнатія и о другихъ предметахъ.

Во первыхъ: милость и благословеніе Божіе да покроютъ насъ и да даруютъ Тебѣ устроить все по святой волѣ Божіей къ нашему спасенію и спокойствію; къ спасенію и спокойствію сожительствующимъ намъ отцамъ и братіямъ. О сочиненіяхъ моихъ. Не безъ Промысла Божія устраивается напечатаніе ихъ, доселѣ встрѣчавшее затрудненія. Недавно мы говорили съ о. Іустиномъ, что древнія отеческія книги для монаховъ никакъ не могутъ быть примѣнены вполнѣ къ современному русскому монашеству. Наиболѣе примѣнимая книга—

это—Преп. Нила Сорскаго, но и та написана именно для безмолвниковъ. Чтожъ я увидѣлъ недавно, пересматривая написанное мною для переписки о. Моисеемъ. Увидѣлъ, что мои грѣшныя сочиненія содержатъ въ себѣ приспособленіе ученія Преп. Нила къ современному монашеству, а именно „Аскетическіе Опыты“ могутъ удовлетворить этой цѣли. Ихъ и переписываетъ о. Моисей.

Сердечно радуюсь, что ты сошелся съ П. И. Соломономъ. Лично я его не знаю, но съ Евдокіей Ст. и А. В. нахожусь въ лучшихъ отношеніяхъ. Вѣроятно, я знакомъ съ супругою Соломона, но не помню ее и не знаю имени; напиши мнѣ его. Не подивись пріему Ахматова: люди, хорошо знающіе свѣтъ, обыкновенно недовѣрчивы, и это очень умно; а кто довѣрчивъ, того горькіе опыты выучатъ быть недовѣрчивымъ. Наши нужды очень мелочны. О нихъ не стоитъ безпокоить Оберъ-Прокурора. Если будетъ внимателенъ къ нимъ П. И—чъ,—этого предовольно. Очень буду радъ лично познакомиться съ П. И. и его семействомъ, если они посѣтятъ Бабаевскій монастырь, который по направленію братства и по уставу очень похожъ на Оптину. Монастырь здѣшній менѣе посѣщаемъ, и братство проще.

Объ о. Іустинѣ и старшей братіи. Совѣтъ П. И. считаю очень основательнымъ, а потому и не буду дѣлать иного представленія. Надо дать время, чтобъ въ насъ всмотрѣлись и въ насъ удостовѣрились. Св. Тихонъ Воронежскій пишетъ въ келейныхъ письмахъ, что люди судятъ по себѣ. Ты думаешь насъ не подозрѣваютъ въ какой либо земной цѣли тѣ, которые кромѣ земной цѣли иной не имѣютъ? Подозрѣваютъ, знай навѣрное.

Милостыню подавай понемногу, лишь бы не огорчить просящихъ отказомъ. Относительно себя, благодушествуй. Пр. Варсонофій Великій писалъ Пр. Іоанну, который прежде вступленія въ безмолвіе долженъ былъ похлопотать и потрудиться для устройства обители, для чего и ѣздилъ изъ Палестины въ Египетъ: „Не унывай въ скорбяхъ и трудахъ тѣлесныхъ, которые несешь, трудясь ради насъ и ради нашего общежитія, ибо и это также значитъ **положить душу свою за братій.** Надѣюсь, что велика будетъ награда за трудъ сей (Отв. 9-й). На настоящемъ Твоемъ развлеченіи основано твое будущее,—прочность твоего спокойствія.

25 октября 1862 года.

№ 181.

Сегодня получилъ письмо Твое отъ 20-го. Сонъ твой прими, какъ напоминаніе о смерти, не приписывая ему ничего особеннаго и не отвергая его: такъ завѣщаютъ Св. Отцы. На Валаамѣ іеросхимонаху Клеопѣ явился на яву Ангелъ и объявилъ ему, чтобъ онъ приготовлялся

къ смерти, что іеросхимонахъ и исполнилъ, но скончался черезъ девять лѣтъ. „У Бога день одинъ, яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ, яко день одинъ“, сказалъ Апостолъ.

28 октября 1862 года.

№ 182.

Справедливо и весьма справедливо говоришь, что равнодушіе, выказываемое намъ, можетъ обратиться къ особенной пользѣ нашей,— доставить намъ, какъ забытымъ и устранившимся отъ общества, спокойно окончить остатокъ земного странствованія нашего въ приготовленіи къ будущей жизни. Выраженное участіе могло бы притягивать насъ къ міру. Прекращеніе сношеній съ П. П. также можетъ обратиться къ умноженію спокойствія, преградивъ возможность разсуждать съ нимъ о положеніи Церкви, о которой печется Всемогущій Господь, которою Онъ невидимо управляетъ, попуская то, что Ему благоугодно попущать. Св. Отцы не велятъ безмолвствующимъ вдаваться и въ благую, повидимому, заботу о Церкви, такъ какъ они на это не призваны, а внимать себѣ.

8 ноября 1862 года.

№ 183. Объ изданіи сочиненій Еп. Игнатія и др. предметахъ.

Сердечно буду радъ, если всѣхъ сочиненій моихъ будетъ издателемъ В. И. Аскоченскій и прошу его объ этомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ онъ—двигатель этого дѣла! Я вполнѣ уважаю то самоотверженіе, съ которымъ онъ дѣйствуетъ. Нападки прогрессистовъ, которымъ онъ подвергается, въ глазахъ моихъ, суть величайшія похвалы для него, такъ какъ нападки бѣсовъ на угодниковъ Божіихъ.

Очень былъ бы я радъ, еслибъ извѣстное тебѣ предположеніе мое оказалось несправедливымъ! Я такъ напуганъ, столько видѣлъ злонамѣренности, что почти потерялъ вѣру въ существованіе благонамѣренности. Вчера получилъ письмо отъ Угрѣшскаго Архимандрита Пимена; пишетъ, что его покровитель Пр. Леонидъ бесѣдуетъ съ митрополитомъ о предоставленіи мнѣ епархіи, что до нихъ дошли слухи о впаденіи моемъ въ уныніе и проч. Я отвѣчалъ, что настоящимъ моимъ положеніемъ я вполнѣ доволенъ и что болѣзненность моя дѣлаетъ для меня невозможнымъ исправленіе служебной обязанности.

Посылка изъ Петербурга получена. Спаси Господи за труды твои. Вообще, какъ полагаю, поѣздка твоя уясняетъ, опредѣляетъ наше положеніе. Доставя спокойствіе и пособіе всему обществу, самъ непре-

мѣнно ощутишь спокойствіе, даже увидишь, что духовное занятіе пойдетъ успѣшнѣе.

В. И., какъ издатель, можетъ разослать и всѣ мои сочиненія отъ себя. Отсюда разсылать очень неудобно.

20 ноября 1862 года.

№ 184. О склонности Еп. Игнатія къ уединенію и о др. предметахъ.

Весьма благодаренъ Тебѣ, что Ты далъ всѣмъ правильное понятіе о моемъ положеніи. Надѣюсь, что и П. И. убѣдится, что для меня общественное служеніе невозможно и что можно быть полезнымъ христіанскому обществу изъ уединенія, если въ уединеніе человѣкъ призванъ Богомъ. „Опыты“ никогда не вышли бы такими, какими оказываются нынѣ, еслибъ не были плодомъ уединенія. Современная потребность „Опытовъ“ будетъ ясно усмотрѣна всѣми, понимающими практическую христіанскую, особливо иноческую жизнь.

Съ особеннымъ участіемъ прочиталъ я извѣстіе о кончинѣ А. А. Сухарева и объ опасной болѣзни князя Барятинскаго. Въ тотъ путь, въ который одинъ ушелъ, а другой собирается, подобаетъ непремѣнно въ свое время, назначенное Богомъ, отправиться всѣмъ намъ. При видѣ приходящей смерти теряютъ всякое значеніе всѣ земныя пріобрѣтенія.

22 ноября 1862 года.

№ 185. Объ о. Макаріи Оптинскомъ и о другихъ предметахъ.

Начало письма моего будетъ отвѣтъ на конецъ твоего, отъ 8-го ноября. Невозможно среди молвы удерживать свое настроеніе въ одинаковомъ положеніи, какъ это возможно въ уединеніи. Впрочемъ, и въ уединеніи случаются уклоненія, производимыя страстями падшаго естества, которыя не могутъ не проявлять своего присутствія въ человѣкѣ. На эти измѣненія должно смотрѣть благоразумно, какъ бы на перемѣны погоды, по сравненію, сдѣланному Пр. Макаріемъ Великимъ, и не оставаться долго въ увлеченіи, скорѣе выходить изъ него.

Потрудись передать П. В., что я хотя и не знакомъ съ нею лично, но по духу весьма знакомъ и очень радуюсь ея знакомству съ Оптинскими старцами. Судьбы Божіи—непостижимы, но по человѣческому сужденію нельзя довольно не пожалѣть о кончинѣ о. Макарія Оптинскаго. Этотъ человѣкъ былъ неоцѣненное сокровище для христіанъ, живущихъ среди міра. Онъ былъ приготовленъ и предназна-

ченъ для того служенія, которое проходилъ. Простота и свобода въ обращеніи, любовь и смиреніе врожденныя, образованіе себя чтеніемъ Отеческихъ книгъ, повиновеніемъ искуснымъ старцамъ дали ему возможность рано сдѣлаться духовникомъ и наставникомъ, а долговременный опытъ усовершилъ его въ этомъ служеніи. Совѣтъ его А. В. былъ бы существенно полезнымъ. Мой путь былъ совсѣмъ другой: я былъ часто и подолгу боленъ, подолгу не выходилъ изъ своей келліи, терпѣлъ много непріятностей. Все это отдѣляло меня отъ общества человѣческаго и сосредоточивало въ себѣ. Такое душевное положеніе лишило меня знанія человѣковъ. Чѣмъ далѣе иду путемъ жизни, тѣмъ болѣе удаляется отъ меня это знаніе, потому что иду очень одиноко. Тебѣ извѣстно, что и монахъ тогда только можетъ взойти въ сношеніе со мною, когда очень, очень приглядится ко мнѣ. Странное дѣло! Когда мое самовоззрѣніе увидятъ написаннымъ, тогда оно нравится. Почему? Потому что привлекаетъ также къ самовоззрѣнію. Полагаю, что о. Антоній Бочковъ можетъ быть гораздо удовлетворительнѣе меня: онъ гораздо знакомѣе меня съ человѣками. Если же А. В. угодно будетъ что написать мнѣ черезъ П. В., то я сочту обязанностью своею отвѣчать тѣмъ же путемъ, что Богу угодно будетъ даровать въ отвѣтъ.

Рѣпный сокъ очень сильно гонитъ мокроты золотушныя и ревматическія. Совѣты съ врачами отлагаю до весны. Хотѣлъ бы не лѣчиться вовсе—отвлекаетъ отъ духовнаго дѣланія.

21 ноября 1862 года.

№ 186. О сочиненіяхъ Епископа Игнатія.

Сегодня кончено перепискою „Слово о страхѣ Божіемъ и о любви Божіей“. Выправка даетъ статьямъ, написаннымъ въ разныя времена и давно и очень давно, характеръ зрѣлости и характеръ цѣлаго. Какъ въ настоящій трудъ я взошелъ не самопроизвольно, а какъ-то введенъ стеченіемъ обстоятельствъ, при томъ вижу, что выходитъ что-то особенное, то и позволяю себѣ полагать, что совершающееся совершается не безъ Промысла Божія. Когда возвратишься сюда и займешься чтеніемъ того, что переписано, самъ увидишь значеніе, которое получаютъ „Опыты“. Составленіе ихъ не отношу къ себѣ, а къ милости Божіей, во-первыхъ, ко мнѣ, а во-вторыхъ, къ ближнимъ моимъ. Открытая жизнь моя въ Петербургѣ, въ которой наружнымъ блескомъ прикрывалось страданіе, соблазняла многихъ и еще теперь многихъ удерживаетъ въ соблазнѣ. „Опыты“ могутъ значительно соблазнившихся уврачевать, а съ меня снять грѣхъ, хотя отчасти, соблазна ближнихъ моихъ. При томъ, эта книга можетъ быть очень полезною,

какъ я тебѣ писалъ, для всѣхъ иноковъ, даже мірянъ, которые желаютъ быть христіанами на самомъ дѣлѣ, практически. Какъ книга ни скудна въ сравненіи съ твореніями Духоносныхъ Мужей, но она изъ нихъ заимствована, а это слабое заимствованіе куплено мною цѣною жизни.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ, когда возвратился старцемъ на жительство въ обитель Препод. Саввы, гдѣ онъ и началъ свое монашество, то занялся пересмотромъ и исправленіемъ своихъ сочиненій. Блаженный Августинъ въ старости составилъ отдѣльную книгу, которую назвалъ „Retractiones". Въ ней онъ изложилъ тѣ измѣненія, которыя признавалъ нужными въ своихъ сочиненіяхъ, такъ какъ самыхъ сочиненій, уже распространившихся по всему свѣту, по сей причинѣ, исправлять было невозможно. Прочитывая теперь сочиненія, написанныя мною, тогда какъ мнѣ было сорокъ лѣтъ, нахожу много незрѣлаго, недостаточно понятаго, а потому, недостаточно объясненнаго.

Примѣчаніе П. А. Брянчанинова. Въ молодости своей еще юнкеромъ, инженернымъ офицеромъ, находясь часто въ кругу современныхъ литераторовъ и пользуясь особымъ расположеніемъ одного изъ нихъ, Гнѣдича, преосвященный Игнатій принялъ за правило и часто повторялъ совѣтъ Гнѣдича: чтобъ сочиненія, писанныя до сорока лѣтъ, безъ всякаго исключенія считать рѣшительно неоконченными, въ томъ убѣжденіи, что съ этихъ только лѣтъ въ авторѣ можетъ быть признаваема достаточная зрѣлость ума, опыта и вкуса, а потому все, вышедшее изъ подъ пера до сорока лѣтъ, слѣдуетъ не издавать печатно, а оставлять до упомянутаго періода жизни, въ который, пересмотрѣвъ сочиненіе, переправить оное и тогда произнести о немъ свой судъ или отдавать въ печать, или уничтожить. Это правило, котораго держался Преосвященный Игнатій, служитъ объясненіемъ того, почему онъ, говоря о своихъ сочиненіяхъ, считаетъ всѣ, написанныя имъ до сорока лѣтъ, какъ бы не существующими, а тѣ, которыя написаны имъ въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, онъ признаетъ въ вышеприведенномъ письмѣ незрѣлыми относительно настоящей духовной высоты его пониманія.

3 ноября 1863 года.

№ 187.

Живущему въ Петербургѣ. Напечатаніе „Словъ" состоялось по особенному Промыслу Божію. Этимъ же Промысломъ Божіимъ могутъ охраниться книги отъ злонамѣренныхъ замысловъ.

Смущенія твои возложи на Бога, Который предвозвѣстилъ, что соблазнамъ подобаетъ придти. Намъ надо внимать себѣ, своему спасенію, и знать, что предреченіе Святаго Писанія о всеобщемъ отступленіи отъ православной вѣры должно совершиться въ свое время.

17 ноября 1863 года.

№ 188.

Монахъ Авель, предсказавшій взятіе Москвы французами, говорилъ, что наступитъ время, когда монаховъ сгонятъ въ нѣсколько монастырей, а прочіе монастыри уничтожатъ. Надо понимать духъ времени и не увлекаться прежними понятіями и впечатлѣніями, которыхъ въ настоящее время осуществить невозможно. Важность—въ христіанствѣ, а не въ монашествѣ; монашество въ той степени важно, въ какой оно приводитъ къ совершенному христіанству. И самыя церковныя бѣдствія безъ попущенія Божія совершаться не могутъ.

„Аскетическіе Опыты“ и „Аскетическая Проповѣдь“ должны составить чтеніе крайне полезное для современныхъ истинныхъ христіанъ, крайне нужное для нихъ по духу и настроенію современнымъ. Надо каяться, молиться и охраняться отъ прелести, потому что въ настоящее время бо́льшая часть желающихъ благочестно жить и мнящихъ о себѣ, что они живутъ благочестно, разгорячены вещественнымъ разгоряченіемъ, и находятся въ большемъ или меньшемъ самообольщеніи.

27 ноября 1863 года.

№ 189.

Всѣ мы подъ Промысломъ Божіимъ. Устройство внѣшнихъ дѣлъ въ настоящее время приготовитъ спокойствіе къ тому времени, когда спокойствіе внѣшнее будетъ нужно по причинѣ пріобрѣтеннаго внутренняго спокойствія. Теперь тебѣ нужно изучить въ себѣ паденіе человѣка. „Отдай долгъ страстямъ“, сказалъ св. Исаакъ Сирскій. Я во внѣшнихъ дѣлахъ мало знаю толку, и умъ мой, будучи съ юности направленъ къ самовоззрѣнію, мало способенъ къ удовлетворительному обзору внѣшней, временной, земной обстановки человѣка.

Слышу, что писанія мои, заимствованныя изъ изученія Отцовъ, встрѣтили нареканія и нѣкоторыя гоненія: это благой признакъ. Богъ праведенъ и возмѣряетъ въ мѣру, въ которой человѣкъ возмѣрилъ своимъ ближнимъ. За насыщеніе душъ духовною пищею твоя душа будетъ насыщена ею. Это не мое слово, это слово Евангелія. Лишь бы дѣло дѣлано было не для человѣкоугодія и не для тщеславія, а во славу Божію и въ пользу христіанства. Много многіе соблазнялись: пусть, уврачуются, по милости Божіей, назидательнымъ словомъ во спасеніе свое и мое.

Тебѣ съ сыномъ остается благодарить Бога и хранить дарованное вамъ Богомъ стремленіе ко спасенію яко вся земная мимо идутъ, а

пріобрѣтенное во времени вѣчное спасеніе сопутствуетъ человѣку въ область загробную и вводитъ его въ небо.

Такъ назрѣло въ монастыряхъ внутреннее разстройство, что ему необходимо разразиться самыми ужасными приключеніями. Общее нравственное разстройство и утрата вѣры предсказаны въ Св. Писаніи: намъ надо внимать себѣ.

Какія времена! Не къ кому обратиться съ довѣренностью. Милость Божія привела насъ въ уединеннѣйшій уголокъ, и притомъ когда я уже потерялъ всю надежду видѣть на земли живой Сосудъ Святаго Духа, открыла такой Сосудъ и ввела въ ближайшее общеніе съ Нимъ.

22 декабря 1863 года.

№ 190. Объ отсѣченіи собственной воли и о др. предметахъ.

Господь не оставляетъ тѣхъ, которые предаютъ себя въ служеніе Ему: попуская имъ разлиться скорби для ихъ обученія и воспитанія, Онъ держитъ ихъ въ десницѣ Своей, храня, яко зѣницу ока. По временамъ приходятъ брани: да кому же онѣ не приходятъ? Онѣ необходимы для духовнаго преуспѣянія.

Плотскія чувства, истекающія изъ плотскаго родства, препятствуютъ усвоенію чувствъ духовныхъ и самой дѣятельности по закону духовному, требующему распятія для плотскаго мудрованія. Духовнаго преуспѣянія тебѣ надо искать въ отсѣченіи твоей воли. Это дѣло умерщвляетъ страсти, и изводитъ, какъ изъ ада, изъ плотскаго мудрованія. Въ отсѣкающемъ свою волю дѣйствіе молитвы является само собою при упражненіи во внимательной молитвѣ съ заключеніемъ ума въ слова молитвы. Если предварительно не очистится человѣкъ отсѣченіемъ воли, то истиннаго молитвеннаго дѣйствія въ немъ никогда не откроется. Когда же откроется молитвенное дѣйствіе, тогда сдѣлается яснымъ, что оно—ничто иное, какъ полное отверженіе своей воли ради воли Божіей.

24 декабря 1863 года.

№ 191.

Сейчасъ должна быть у меня всенощная. Въ эти часы, въ 1827 году, я прибылъ въ Александро-Свирскій монастырь на жительство, прямо изъ офицерскаго мундира.

27 декабря 1863 года.

№ 192. О сочиненіяхъ Епископа Игнатія.

Въ разговорѣ о монашествѣ то мѣсто, которое измѣнено при напечатаніи въ „Домашней Бесѣдѣ", я вовсе выкинулъ, замѣнивъ десять страницъ двумя, благочестиво и назидательно (въ частномъ смыслѣ), отказавшись отъ сужденія о приведеніи монастырей въ порядокъ, хотя недавно, въ сочиненіяхъ Преподобнаго Антонія Великаго, прочиталъ именно такое предсказаніе о монастыряхъ и о причинѣ ихъ упадка, какое было написано мною. Не хочу, чтобъ отъ меня выходило подло-уклончивое и колеблющееся свидѣтельство объ истинѣ. Не желаютъ слушать? такъ лучше молчать. Возгласятъ событія. Заразительная смертоносная болѣзнь, когда ее не лѣчатъ правильно, а только прикрываютъ,—усиливается и усиливается. Должна-жъ она и разразиться. „Опыты" доказали это.

Темное и отвлеченное понятіе о духахъ, заимствованное у западныхъ схоластиковъ, равновѣсно совершенному отверженію ихъ и можетъ рѣшительно сбивать съ толку истинныхъ подвижниковъ, какъ это дѣлаютъ многія новѣйшія сочиненія, написанныя изъ одного знанія по буквѣ, по наружности своей принадлежащія Православной Церкви, но по духу, болѣе или менѣе отдѣлившіяся отъ нея. Цѣль Матвѣевскаго (критикъ „Слова о Смерти") и партіи его состояла и состоитъ въ томъ, чтобъ отвлечь читателей отъ сочиненій опредѣленно-православныхъ, а для достиженія цѣли нужно было закидать сочиненія грязью. Этимъ я не смущаюсь, напротивъ того, ободряюсь и утѣшаюсь. Наруганія служатъ очищеніемъ для меня. Притомъ, изъ Церковной Исторіи видно, что лица и писанія точно—церковныя были встрѣчаемы и преслѣдуемы ненавистью сыновъ міра. Но сила Божія являлась изъ немощи человѣческой, и тогда гонимые и угнетаемые одерживали побѣду надъ сильными гонителями своими въ результатѣ борьбы.

Монастырская жизнь открываетъ человѣку его немощи. Св. Исаакъ Сирскій сказалъ о себѣ, что онъ получилъ въ этой жизни безчисленныя уязвленія отъ врага. Не кто иной—Богъ попускаетъ врагу ударять насъ для нашего смиренія. Будь миренъ и спокоенъ, хранясь отъ поползновеній и не требуя отъ себя непоползновенности.

1 января 1864 года.

№ 193. Объ отсѣченіи собственной воли.

Говорилъ я Тебѣ о необходимости отсѣкать волю твою. Это относится именно къ молитвенному подвигу. Ты долженъ отречься самъ

въ себѣ отъ всякаго сознанія въ достоинствѣ къ преуспѣяніи и въ нищетѣ духа (что и есть отсѣченіе воли), во вниманіи словамъ и страхѣ Божіемъ предстоять мысленно Богу, вопіять о помилованіи и всего ожидать отъ милости Божіей. Онъ сотворитъ съ нами по волѣ Своей и по милости Своей: тогда ясно будетъ, что дарованное Богомъ совсѣмъ иное, нежели что предполагалъ получить человѣкъ. Для неотрекшихся отъ своей воли опасна прелесть. Говорю существенно нужное для тебя.

Кому поддержать Церковь? Для этого нужны люди благодатные, а плотское мудрованіе способно только повреждать и разрушать, хотя оно въ гордости и слѣпотѣ своей мечтаетъ и провозглашаетъ о созиданіи.

8 января 1864 года.

№ 194.

Сочиненія принадлежатъ не мнѣ, а милости Божіей, которая захотѣла или вознаградить мое убогое произволеніе, данное ею же, и тѣ лютыя скорби и гоненія, которыя мнѣ были попущены и отъ которыхъ Господь избавилъ меня, выведя изъ житейскаго моря въ пристанище уединенія.

„Странникъ", журналъ вредный для духовенства, какъ отдѣляющій его отъ народа въ касту, и не только не укрощающій, но и разжигающій ненависть касты къ прочимъ сословіямъ. Для овецъ оружіе волковъ неестественно. Овцы покоряли волковъ любовію и кротостію, а если въ дѣло пошли зубы, то овцамъ не устоять, особливо при нынѣшнемъ охлажденіи мірянъ къ религіи, а паче къ духовенству.

Объ епархіи думать мнѣ невозможно по растроенному моему здоровью и по отдѣльному, отдѣльному совершенно характеру моему отъ всѣхъ архіереевъ. Они—воспитанники Академій, а я—воспитанникъ монастыря, слѣдовательно, персона рѣшительно отсталая, нисколько не подходящая къ цѣлому составу. Настоящее мое положеніе—самое нормальное.

10 января 1864 года.

№ 195.

Напечатаніе моихъ сочиненій, очевидно, дѣло Промысла. И я, и ты, и о. Фотій, и В. И. Аскоченскій, и Глазуновъ, и С. И.—орудія. Всѣмъ дано дѣло въ общую пользу, а слѣдовательно и въ свою.

Изучающіе христіанство по буквѣ и утратившіе дѣятельное изученіе его имѣютъ одно ученіе для себя, а другое для другихъ.

11 января 1864 года.

№ 196. О молитвѣ.

При молитвѣ нужно отрицаться отъ себя, т. е. не признавать себя достойными какого-либо преуспѣянія, а рѣшительно положиться на Бога. Даже не должно думать о преуспѣяніи, а заботиться о томъ, чтобъ молитва была совершаема со вниманіемъ. Впослѣдствіи увидишь, что всѣ твои стремленія къ преуспѣянію были ничто иное, какъ увлеченія—по причинѣ вещественнаго разгоряченія, безъ чего невозможно обойтись всякому, вновь начинающему молитвенный подвигъ, въ которомъ сосредоточиваются и для котораго предпринимаются, какъ служебные ему, всѣ другіе подвиги. Съ разгоряченіемъ всегда соединено самомнѣніе. Отъ самоотверженія, которое выше объяснено, является истинное смиреніе духа, нищеты духа, а такое смиреніе привлекаетъ къ человѣку милость Божію.

Когда человѣкъ сподобится ощутить что-либо духовное, т. е. ощущеніе отъ Бога, тогда онъ пойметь, что всѣ собственныя душевныя ощущенія—ничтожны, сопряжены съ самообольщеніемъ. Къ землѣ обѣтованной надобно пройти чрезъ пустыню. Идя по этой пустынѣ, надо знать что она—пустыня, а не земля обѣтованная, чтобъ не принять какого-либо оазиса пустыннаго съ роскошною и богатою природою за землю обѣтованную и по этой причинѣ не лишиться земли обѣтованной. Оазисы суть тѣ утѣшенія и особенно ясныя самовозрѣнія, которыя даются по временамъ новоначальному въ подвигѣ молитвы. На нихъ не должно обращать особеннаго вниманія. Первый духовный даръ есть благодарное вниманіе при молитвѣ, какового при одномъ собственномъ усиліи невозможно имѣть.

16 января 1864 года.

№ 197.

Когда старые люди съ растраченнымъ здоровьемъ, оставя направленіе, котораго держались вѣкъ свой, усиливаются итти на ряду съ молодыми, то положеніе ихъ дѣлается страннымъ. Только мѣшаютъ!

Добрыя дѣла сопряжены съ трудомъ и скорбями. „Добродѣтель, сказалъ нѣкоторый отецъ, „не сопровождаемая скорбью, не есть добродѣтель“.

1 февраля 1864 года.

№ 198. О сочиненіяхъ Епископа Игнатія.

Очень согласенъ я напечатать „Взглядъ“ въ „Домашней Бесѣдѣ“, равно и „Дополнительныя цитаты къ Слову о Смерти о мѣстонахож-

деніи рая и ада". Эти статьи могутъ служить матеріаломъ или справкою для тѣхъ, которые захотятъ заняться составленіемъ систематическаго сочиненія по сему предмету. Такъ оглашено Богослужебными книгами и вообще Церковными, издаваемыми по опредѣленію или одобренію Святѣйшаго Синода, что возглашеніемъ противъ этого ученія, сдѣланнымъ священникомъ Матвѣевскимъ, возбуждено негодованіе многихъ православныхъ, о чемъ писали мнѣ многіе, предлагая подать свой голосъ. При этомъ дѣлаемы были вопросы: чему намъ прикажутъ вѣрить, когда велятъ отвергать то, чему мы научаемся вѣровать изъ Богослуженія нашего и при чтеніи книгъ Св. Отцовъ Православной Церкви. Въ Питерѣ пятьдесятъ священниковъ соблазнились на „Отзывъ" въ минуту разгоряченія, а въ Россіи все читающее Православіе соблазнилось на возглашеніе священника, соблазнилось какъ на содержаніе его, такъ и на образъ изложенія.

Пастырямъ Петербургскимъ надо быть подальновиднѣе, понимать, что переходное состояніе для всѣхъ переходное, и не отталкивать отъ себя паствы, изъ которой верхній слой склоняется болѣе, нежели къ индифферентизму, а нижній къ отпаденію въ расколъ. И первые и вторые подчиняются неблагопріятному на нихъ вліянію по той причинѣ, что не видятъ вѣры и плодовъ ея тамъ, гдѣ должно видѣть ихъ. Что же еще, когда и голосъ раздается противъ Церкви? Я знаю Петербургское духовенство. Очень добрые люди и сердятся на меня не въ первый разъ. Могу къ нимъ относиться, какъ къ знакомымъ, почему прошу В. И. передать имъ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія. Право, осмотрительность и благоразуміе нужны. Увлеченіе можетъ очень повредить. Напечатанное въ „Домашней Бесѣдѣ", что нѣкій мусье обѣщалъ сынку своему ребенку, что ко времени его вступленія въ супружество поповъ не будетъ, произносится многими мусье.

Потрудись передать отъ меня В. И., что онъ подвижникъ, какъ единственный современный голосъ, противящійся реформаціонному въ дѣлѣ вѣры и Церкви началу, и за это подвергающійся скорбямъ и поношеніямъ, которыя поставляютъ его на почетное и высокое мѣсто въ глазахъ Православныхъ. Это не мой отзывъ исключительно: это общій отзывъ. Добродѣтель, сказали Отцы, неискушенная напастью, не есть добродѣтель.

Смотря на происходящее въ мірѣ, смотря на назначеніе тѣхъ или другихъ лицъ на тѣ, или другія мѣста, положимся, батюшка, на Бога и возблагоговѣемъ предъ самыми попущеніями Его. Онъ промышляетъ о всѣхъ. Напримѣръ; взгляни на себя: хлопоты твои о духовныхъ книгахъ сколько раскрыли тебѣ глаза! А это необходимо въ основаніе жительства духовнаго. Слѣпой праведникъ тотчасъ въ яму ввалится. Ты самъ можешь уже понимать, какъ слѣпота и неправильность взглядовъ вредны. Все дѣло портятъ.

3 февраля 1864 года.

№ 199.

Посылаю „Взглядъ“ и дополнительныя цитаты къ „Слову о Смерти“. Они составляютъ собою матеріалъ для разработки вопроса безъ всякой полемики. Въ сущности, матеріалъ этотъ таковъ, что онъ заградитъ уста, отверзающіяся противъ прямого и открытаго ученія Церкви. Изъ „Взгляда“ видно, что всѣ понятія заимствованы рецензентомъ изъ западнаго ученія, противнаго ученію Восточной Церкви.

7 февраля 1864 года.

№ 200. По вопросу о выборѣ жительства желающему спастись.

На монастыри плоха надежда: они внутри выпрѣли и уничтожились, ихъ еще поддерживаетъ рука Божія ради нѣсколькихъ благонамѣренныхъ иноковъ, какъ обѣтовано было Богомъ пощадить Содомъ и Гомору, еслибъ нашлось въ нихъ десять праведныхъ людей. Іеромонахъ И. въ Семинаріи былъ недавно на большомъ обѣдѣ, и когда начался разговоръ о монашествѣ, то, сказываютъ, онъ подалъ голосъ и витійствовалъ, что надо бы уничтожить это безполезное сословіе тунеядцевъ. Также нѣкоторый архимандритъ, высоко стоящій въ епархіи, говорилъ о себѣ, что онъ непремѣнно оставилъ бы монашество, еслибъ не затрудняли его постановленія для оставляющихъ оное. Не всѣ такъ откровенны, но большинство такъ думаетъ, т. е. большинство настоятелей, преимущественно изъ духовнаго званія. Многіе монастыри изъ пристанищъ для нравственности и благочестія обратились въ пропасти безнравственности и нечестія: самому твердому характеру не устоять. По этой причинѣ нужна молитва, усердная молитва къ Богу, чтобы Онъ наставилъ N. на путь Свой по Своей святой волѣ. Мнѣніе разгоряченное слѣпцовъ, которые все видятъ въ цвѣтущемъ видѣ, не должно имѣть никакого вѣса.

Всѣ дѣла, которыя дѣлаются ради Бога, сопряжены со скорбями. Святые Отцы признаютъ добродѣтель, не сопряженную со скорбію, отверженною Богомъ. На впечатлѣніи, производимомъ въ душѣ добрыми дѣлами, сопряженными со скорбями, зиждется истинная молитва.

Писанія Отеческія были запечатлѣны скорбями написавшихъ оныя Отцовъ. Преподобному Максиму отрубили кисти руки за его сочиненія противъ монофелитовъ. Итакъ, не дивись нашимъ малымъ скорбямъ и не унывай отъ нихъ, паче же смотри на нихъ, какъ на свидѣтельство милости Божіей.

5 февраля 1864 года [1]).

№ 201. О сочиненіяхъ Епископа Игнатія.

Памфлетъ Матвѣевскаго (этой ругательной и злобной рецензіи иначе назвать нельзя) напечатанъ безпрепятственно, несмотря на то, что въ немъ отвергается ученіе, преподаваемое въ Православномъ Богословіи, общепринятомъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ по опредѣленію Св. Синода. „Отзывъ“ на этотъ памфлетъ также напечатанъ во успокоеніе остающихся чадъ Православной Церкви. Если напечатаются „Цитаты“ и „Взглядъ“, то для успокоенія чадъ Церкви болѣе ничего и не надо. Возгласы священниковъ, если и будутъ напечатаны, не будутъ имѣть никакого значенія для чадъ Церкви, кромѣ того значенія, что эти священники отступили отъ ученія Церкви. Полемику съ нашей стороны можно будетъ признать конченною. Если духовное начальство захочетъ принять мѣры къ прекращенію соблазна, то это его добрая воля. Соблазнъ истекаетъ изъ дѣйствій „Странника“, но намъ никакъ входить въ это дѣло не должно. Вѣроятно, если что и сдѣлаютъ, то сдѣлаютъ подъ рукою. Напечатаніе же „Цитатъ“ и „Взгляда“ для всѣхъ будетъ полезно, потому что рѣдко кто знаетъ, что въ Богослужебныхъ книгахъ нашихъ выражается съ такою опредѣленностью мѣстонахожденіе рая и ада. Стихиры и тропари, въ которыхъ излагается это ученіе, читаются наиболѣе наскоро и безъ вниманія, а потому остаются непримѣченными большинствомъ даже священнослужителей. Изъ дѣла скорбнаго и непріятнаго, можетъ, по милости Божіей, выдти дѣло общеполезное.

Объ „Отзывѣ“, сдѣлай милость, никому, никому изъ духовныхъ не говори: это ихъ только обезпокоитъ и намъ принесетъ непремѣнно вредъ. Какъ будто ничего не было. Дѣлу не должно давать вида серьезнаго. Прочитаютъ „Цитаты“ и „Взглядъ“ и сами поймутъ, что не ловко имъ выставить себя передъ публикою отступниками отъ Церкви. Такимъ образомъ дѣло затихнетъ, и на будущее время будутъ осторожнѣе изъ опасенія „Отзыва“. Я ихъ знаю: самые добрые люди.

10 февраля 1864 года.

№ 202.

Монастырь принесъ N. несомнѣнную пользу, далъ ему благочестивое направленіе, которое обыкновенно остается на всю жизнь, иногда засыпаетъ на время, но потомъ снова пробуждается.

---

[1]) Писано въ отвѣтъ на предложеніе дѣйствовать противъ распространенія злоученія рецензіи Матвѣевскаго чрезъ высшее духовное начальство.

Нисколько не смутись выходомъ N. изъ монастыря. Насильственному и фальшивому его положенію въ монастырь непремѣнно долженъ былъ послѣдовать какой-либо исходъ. Слава Богу, что исходъ устраивается разумный, а не комическій, или трагическій. Я принадлежу къ ревностнѣйшимъ монахамъ и признаю монашество учрежденіемъ Божественнымъ. Чтожъ дѣлать, когда человѣки передѣлали его по своему плотскому мудрованію въ каррикатуру, и истинное монашество захотѣли замѣнить въ глазахъ человѣческихъ актерствомъ, мысль о Богѣ и Его вездѣсущіи и совершенствѣ, обозрѣвающихъ все и глубины сердца, оставивъ въ сторонѣ и забытіи.

Положимся на Бога, Который предвозвѣстилъ, что придутъ соблазны и отступленія. Когда таково попущеніе Божіе, то намъ нечего говорить и не подобаетъ смущаться. Пусть все дѣлается такъ, какъ попускаетъ всему дѣлаться Богъ. Мы должны благоговѣть предъ судьбами Его.

14 февраля 1864 года.

№ 203.

Не смущайся по причинѣ этого скорбнаго обстоятельства, но со смиреніемъ, безъ порывовъ, изливай твою печаль предъ Богомъ, моли Бога, чтобъ Онъ покрылъ сына твоего милостью Своею и предай его волѣ Божіей, а самъ позаботься о спасеніи души твоей; это нужно тѣмъ болѣе, что уже немного времени остается тебѣ для земного странствованія и для приготовленія себя къ вѣчности. Переживаемъ трудное время въ духовномъ отношеніи! За сто лѣтъ до насъ Св. Тихонъ говорилъ: „Нынѣ почти нѣтъ истиннаго благочестія, а одно лицемѣрство“. Пороки зрѣютъ отъ времени. Нынѣ лицемѣрство достигло до неимовѣрной наглости и безстыдства. Опытность духовная дорого дается. Лучше выдти изъ монастыря и проводить въ мірѣ жизнь, соотвѣтствующую своему расположенію, нежели, живя въ монастырѣ съ враждебнымъ къ нему чувствомъ, проводить жизнь, нисколько не сообразную съ монашескими правилами, чего неминуемымъ послѣдствіемъ обыкновенно бываетъ самый ужасный развратъ.

20 февраля 1864 года.

№ 204.

Слава Богу за все! Да совершается Его всесвятая воля надъ нами, а намъ да даруется благоговѣніе и покорность, которыя мы обязаны имѣть къ судьбамъ Божіимъ. Не смущайся совершающимся, но положись на Бога о сынѣ твоемъ, нуждающемся въ особенной

милости Божіей. Я продолжаю бесѣдовать съ нимъ за послѣобѣденнымъ чаемъ: цѣлію моею при этихъ бесѣдахъ—желаніе доставить ему правильное направленіе при вступленіи его въ новую жизнь и укрѣпить въ немъ вѣру, къ которой начало раскрываться сердце его и которой онъ прежде не понималъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтую N. принести раскаяніе предъ Богомъ, чтобъ получить отъ Бога прощеніе и привлечь на послѣдующую жизнь свою Божіе благословеніе. Я говорю съ любовію, даже съ веселостью, хотя и положительно: онъ выслушиваетъ со вниманіемъ, и, можетъ быть, съ душевною пользою.

Святый Іовъ сказалъ, что вся земная жизнь человѣка сплошное искушеніе. Когда такъ опредѣлено Богомъ, то мы должны съ покорностію переносить скорби отъ постигающихъ насъ искушеній, и вразумляться ими для дальнѣйшей нашей дѣятельности. Преподобный Нилъ Сорскій говоритъ: „Мнозѣмъ ненавидимо веліе сіе еже по Бозѣ своея воли отсѣченіе, но кійждо нынѣ свое лихоимствуетъ оправданіе“. О таковыхъ въ „Божественной Лѣствицѣ“ рѣчеся: „Лучше есть отгнати отъ Обители, нежели оставить послушника свою волю творити: отгнавый бо множицею отгнаннаго смиреннѣйша сотвори, и свою прочее научи отсѣкати волю“, а кто, подъ видомъ человѣколюбія снисходитъ къ таковымъ, тотъ ихъ доводитъ до того, что они во время исхода ужасно проклинаютъ его. Въ этой же статьѣ преподобный Нилъ говоритъ, что непремѣнно подобаетъ монашествующему жить по преданію Св. Отцовъ: хотя мы и не можемъ сравниться съ Отцами, но непремѣнно должны жительствовать въ ихъ направленіи и стяжать съ ними единеніе въ духѣ. (Тамъ-же).

Святые Отцы смотрѣли на жительство отца съ сыномъ въ монастырѣ слѣдующимъ образомъ: „Преподобный Мукій пожелалъ помѣститься съ осьмилѣтнимъ сыномъ своимъ въ нѣкоторомъ епископскомъ общежитіи, коего игуменъ былъ мужъ благодатный. Онъ уразумѣлъ, что къ Мукію есть особенная милость Божія, и принялъ обоихъ, отца и сына. По принятіи они были разъединены, и, чтобы ввести Мукія въ опытное познаніе самоотверженія, сынъ его подвергнутъ былъ и постоянно подвергаемъ разнымъ скорбямъ, особенно тогда, когда онъ находился въ глазахъ отца. Мукій пребылъ твердымъ, при помощи того старца, которому онъ былъ вученъ и началъ ощущать по причинѣ самоотверженія своего духовное преуспѣяніе. Игуменъ, прозрѣвъ это, восхотѣлъ возвести его въ болѣе трудный подвигъ. Однажды, представясь разсерженнымъ на сына, онъ приказывалъ отцу кинуть его въ рѣку. Отецъ немедленно исполнилъ это, но у самаго берега удержанъ былъ братіями, которые предварительно были тутъ посажены. Въ то же время послѣдовало игумену Божественное Откровеніе о Мукіи, и когда игуменъ кончался, то онъ, никого иного, а Мукія назначилъ своимъ преемникомъ, какъ достигшаго высшей степени само-

отверженія, послушанія и вѣры. Эту повѣсть передаетъ преподобный Кассіанъ въ общее назиданіе монашествующимъ. Чтобъ дѣйствовать точно такъ, надо имѣть благодать Св. Игумена съ одной стороны и силу произволенія Мукія съ другой, но дѣйствовать въ этомъ духѣ—необходимо. Противное этому дѣйствіе признается въ духовномъ отношеніи прелюбодѣяніемъ, и сопричисляется къ дѣйствіямъ во спасеніе души въ вѣцѣ семъ для погубленія ея въ вѣчности, въ противность заповѣди Спасителя, Который повелѣлъ погублять душу свою въ вѣцѣ семъ для спасенія ея въ вѣчности. Таково плотское милосердіе, упоминаемое преподобнымъ Ниломъ: это то милосердіе слѣпое, которое губитъ и себя и того, о комъ оно милосердствуетъ. Пишу это, чтобы ты уразумѣлъ козни вражескую. Монастырская жизнь—дѣло мудреное: на ней врагъ старается уловить и повредить подвижника своими непотребными правдами. Познается же дѣйствіе вражеское по отъятію у сердца спокойствія и по состоянію недоумѣнія, въ которое приводится человѣкъ. „**Трезвитеся, бодрствуйте**“ говоритъ Св. Апостолъ Петръ, „**зане супостатъ вашъ діаволъ яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити**“. Діаволъ дѣйствуетъ именно противъ желающихъ спастись, а не противъ преданныхъ грѣху и суетѣ, яко самоуловленныхъ. Богъ же попускаетъ все это для нашего смиренія, чтобы мы видѣли, какъ легко бываемъ поруганы невидимымъ врагомъ и какъ удобна для него погибель наша по причинѣ нашего скудоумія и нетвердости въ вѣрѣ: тогда Господь изъемлетъ насъ Промысломъ Своимъ и являетъ тѣмъ неизреченную Свою любовь и милость къ намъ, а сѣть врага расторгается, какъ бы паутинная. Это все ясно видно изъ бывшаго искушенія.

Ты видишь теперь, какъ важно для спасенія направленіе, доставляемое изученіемъ Святыхъ Отцовъ, какъ оно рѣдко и какъ доселѣ сильно и непреоборимо. Ты видишь, какъ козни демонскія тонки, какъ онѣ опутываютъ человѣка непримѣтно для него; ты видишь, какъ современные люди плутоваты, какъ легко спасающійся (который по свойству жительства своего обыкновенно стяжеваетъ простоту сердца) можетъ быть обманутымъ. Горе единому, говорили Св. Отцы, братъ же отъ брата укрѣпляемъ, яко градъ утвержденъ. Молю милосердаго Господа, чтобъ Онъ благословилъ намѣреніе твое и мое не разлучаться намъ до смерти. О. Іустинъ есть единственное лицо, вступившее со мною въ единеніе по духу, имѣющее самоотверженіе и способно носить немощи ближнихъ. Онъ понимаетъ Тебя съ совершенною правильностію и видитъ Твою способность къ самоотверженію. Это тотъ человѣкъ, которому послѣ меня, наиболѣе свойственно быть близкимъ къ Тебѣ. О. слабаго характера и побѣжденъ глубоко прелестью, которую захватили въ Никифоровской, ища наслажденія

прежде покаянія. Онъ разстроилъ этимъ духъ свой, скривилъ умъ, а самомнѣніемъ и гордостью прелесть въ немъ поддерживается.

У насъ въ Россіи люди болѣе православны по чувству сердца, нежели по умственному убѣжденію.

24 февраля 1864 года.

№ 205. О должномъ отношеніи къ искушеніямъ.

Первое слово этого письма отъ N. Онъ продолжаетъ бесѣдовать со мною на послѣобѣденномъ чаѣ. Сознаніе, въ какой бы степени оно ни было, вывело его изъ фальшиваго, напряженнаго состоянія въ болѣе правильное, а потому и болѣе спокойное. Совѣтъ мой, что нужно принести Богу покаяніе въ драматическомъ вступленіи въ монастырь и въ драматическомъ пребываніи въ монастырѣ для отвращенія гнѣва Божія и для привлеченія благословенія Божія на послѣдующую жизнь, онъ принялъ и занятъ этимъ въ настоящее время съ очевидною пользою для себя. Слава Богу!

Что касается до меня, то я гляжу на попущенное искушеніе, какъ на свое, по выраженію Св. Отцовъ, т. е. какъ на такое, которое было необходимо для душевной пользы моей, и потому именно было попущено Промысломъ Божіимъ. По этой причинѣ ни на кого никакой претензіи не имѣю, тѣмъ паче на N., а забота моя сосредоточена на томъ, чтобъ плодъ искушенія былъ обращенъ въ пользу, какъ его, такъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ искушеніе касалось. О. Іустинъ, единодушно со мною, находится въ такомъ же настроеніи, какъ и я. Относительно N. сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобъ жительство его въ монастырѣ оставило на немъ благое впечатлѣніе. Это должно имѣть вліяніе на всю жизнь его, на его вѣру, на его спасеніе. Сообщая это тебѣ, желаю, чтобъ и ты вступилъ въ одно настроеніе со мною, т. е. сознялъ, что искушеніе было нужнымъ для тебя, что оно очень полезно тебѣ, какъ открывшее тебѣ глаза на людей и на современное религіозное направленіе. Затѣмъ, поведеніе твое относительно N. должно быть благоразумнымъ и Богоугоднымъ. Безъ перваго не можетъ быть второе. Необходимо оставить плотскую нѣжность, какъ средство обольщенія, а дѣйствовать по правиламъ любви, заповѣданной Словомъ Божіимъ. Прошедшее надо оставить, не входя подробно въ тонкіе разспросы и вопросы, что вовлечетъ его въ ложь и обманы и уничтожитъ благіе плоды, явившіеся въ душѣ отъ нѣкотораго сознанія, къ какому онъ былъ способенъ. Способность сознаваться является не вдругъ, но отъ понужденія себя къ постоянному сознанію и отъ навыка. Все нужное должно предоставить Богу, умоляя Его о милости. Въ этихъ случаяхъ молитва бываетъ сильнѣе собственныхъ дѣйствій.

Не скорби, что нѣкоторые изъ сослуживцевъ твоихъ холодны къ тебѣ. Святитель Тихонъ написалъ изъ своего опыта, что когда человѣкъ посвятилъ себя Богу, тогда знакомые и ближніе его становятся вдали отъ него, и чѣмъ онъ будетъ болѣе приближаться къ Богу, тѣмъ они будутъ болѣе отдаляться. Недолго осталось намъ пространствовать на землѣ! Великая милость, что Онъ даровалъ тебѣ стремленіе къ Богопознанію и спасенію, что едино на потребу и что будетъ сопутствовать тебѣ за гробъ.

25 февраля 1864 года.

№ 206. О необходимости предаться волѣ Божіей, о взглядѣ Еп. Игнатія на свои сочиненія и о др. предметахъ.

Постоянное благоговѣніе предъ судьбами Божіими необходимо для правильности духовнаго жительства. Въ это благоговѣніе и въ покорность Богу должно приводить себя вѣрою. Все совершающееся совершается или по милости Божіей, или по попущенію Божію, т. е. все совершающееся совершается по судьбамъ Божіимъ, непостижимымъ для человѣка. Святые три отрока въ пещи Вавилонской исповѣдали Бога, исповѣдали, что всѣ гражданскія и духовныя бѣдствія, попущенныя на нихъ, и на Израильскій народъ, попущены по праведному суду Божію. Такое воззрѣніе привлекаетъ въ душу миръ, не попускаетъ увлекаться разгораченіемъ, направляетъ зрѣніе ума къ вѣчности, доставляетъ терпѣніе въ скорбяхъ, которыя и представляются кратковременными, ничтожными случайностями и мелочами. Всякій, призванный Богомъ къ спасенію, долженъ благодарить Бога за призваніе и стараться воспользоваться имъ. Слова, сказанныя Господомъ Апостоламъ Его: **„не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ вы“**, относятся ко всѣмъ, призваннымъ во спасеніе. Повѣряю это по своей жизни, и по жизни извѣстныхъ мнѣ спасающихся: повѣряя, нахожу высказанное мною мнѣніе вполнѣ оправдываемымъ опытами.

„Отзывъ Православнаго“ сдѣлалъ свое дѣло и имѣетъ свое значеніе. Онъ объяснилъ православнымъ Церковное Преданіе, особенно важное для аскетовъ, а людямъ противнаго мнѣнія заградитъ уста.

Матвѣевскій, хотя имѣлъ намѣреніе подорвать мнѣніе о „Словѣ“ читающей публики, но послужилъ къ оглашенію и къ усовершенствованію „Слова“, которое сверхъ достоинства аскетическаго получило достоинство Богословскаго сочиненія, перваго по этому предмету на отечественномъ языкѣ, какъ говоритъ это Матвѣевскій въ своей рецензіи. Промыслъ Божій устроилъ напечатаніе „Слова о Смерти“ и „Опытовъ“ точно также, какъ Онъ устроилъ и написаніе ихъ. Не признаю эти сочиненія принадлежащими мнѣ. Они истекли изъ Отеческихъ Писа-

ній и изъ милости Божіей, а написать ихъ даровано мнѣ для пользы многихъ душъ, слѣдовательно и для пользы души моей. Также и тебѣ даровано въ этомъ дѣлѣ потрудиться для спасенія души твоей. Самъ видишь, какая настаетъ нужда, чтобы дѣятельное ученіе Отцовъ, нравственное преданіе Церкви, почти совершенно забытое, было напомянуто. Служеніе Слову Божію всегда было сопряжено со скорбями, какъ противное духу міра. Но и надъ попущеніемъ скорбей бодрствуетъ Промыслъ Божій, попускаетъ каждому дѣлателю поскорбѣть столько и такъ, чтобъ дѣло Божіе было совершено съ великимъ смиреніемъ и очищено было отъ примѣси тщеславія и превозношенія.

По особенной милости Божіей, N начинаетъ усматривать всю неправильность своего вступленія въ монастырь и своего поведенія въ монастырѣ. Я стараюсь ему помогать въ необходимомъ для него покаяніи, выказывалъ точно такъ, какъ тебѣ написано, фальшивость и мрачность его поступковъ, чтобы покаяніе его было истиннымъ и послужило прочнымъ основаніемъ для предлежащаго ему теченія по поприщу земной жизни. Отверзши двери въ свое сердце для убогихъ словъ моихъ посредствомъ малѣйшаго сознанія, онъ постепенно переходитъ къ большему сознанію, доставляющему ему спасительное самовоззрѣніе. По причинѣ этого самовоззрѣнія онъ пришелъ въ правильное душевное настроеніе, за которое я благодарю Бога. Онъ понялъ, что слова мои, несмотря на наружную горесть ихъ, существенно полезны для него. Дѣло дошло до того, что онъ проситъ меня на будущее время не оставлять его, по причинѣ того благодѣтельнаго сближенія, къ которому привела его искренность, что я ему и обѣщалъ. Сознаніе должно храниться въ человѣкѣ, какъ величайшее духовное сокровище, какъ основаніе всѣхъ благъ духовныхъ.

Извини, что безпокою тебя заботами по дѣлу о постройкѣ Церкви. Тебѣ извѣстно, какъ я не желалъ затѣвать въ монастырѣ никакой постройки, но необходимость приводитъ къ попеченіямъ. Живемъ не такъ, какъ бы желалось, но какъ Богъ приводитъ жить. Онъ вѣдаетъ полезнѣйшее, и настоящее положеніе должно признавать Его великою милостью.

26—27 февраля 1864 года.

№ 207.

Да совершается воля Бога нашего, Управляющаго и судьбою обществъ и судьбою каждаго человѣка въ частности, и потому слава Богу и въ дѣйствіяхъ Его и въ попущеніяхъ Его!

У петербургскихъ во взглядѣ ихъ обыкновенно бываетъ такъ называемая arrière pensée, дающая взгляду—недовѣрчивость и подозрѣніе,

что въ извѣстномъ отношеніи имѣетъ свое основаніе. Но отъ arrière-pensée болѣе терпятъ благонамѣренные люди, всегда имѣющіе въ сердцахъ простоту и прямоту, какъ бы они ни были умны и способны для дѣла, нежели люди неблагонамѣренные и своекорыстные, которые обыкновенно бываютъ хитры, какъ бы они ни были ограниченны. Въ этомъ я убѣдился долговременными наблюденіями. Слѣдовательно, ежели окажется возможнымъ, постарайся, кому нужно, дать правильный взглядъ на мое положеніе. Я увѣренъ, что многіе въ Петербургѣ подозрѣваютъ во мнѣ искательство и замыслы. Не имѣя понятія объ истинномъ монашествѣ, находятъ монашество тамъ, гдѣ одно лицемѣрство и ханжество и не видятъ его тамъ, гдѣ оно точно есть, или судя по себѣ, не понимая, что даже можетъ существовать исканіе вѣчнаго. Я увѣренъ, что многіе не вѣрятъ, что я такъ ужасно боленъ и истощенъ, какъ я точно боленъ и истощенъ, сочиняютъ для меня настроенія, сообразно своему настроенію и принимаютъ противъ этихъ сочиненныхъ ими намѣреній свои мѣры. На это я имѣю доказательство. Намъ надо сдѣлать то, что зависитъ отъ насъ. Затѣмъ: да будетъ воля Божія!

Когда священникъ Красноцвѣтовъ издалъ „Исторію Новаго Завѣта“, въ которой говорилось, что Божія Матерь по Рожденіи Богочеловѣка престала быть Дѣвою, и множество подобныхъ хулъ, то многіе изъ Петербургскаго духовенства ужасно разсердились на меня за то, что я въ Сергіевой пустынѣ остановилъ эту книгу и препроводилъ ее къ высшему начальству. Подобное видѣніе въ Церковной Исторіи: духовникъ Константія, аріанинъ, постоянно дѣйствовалъ противъ Св. Аѳанасія, патріарха Александрійскаго; такъ и аріане постоянно направляли императрицу Іустину противъ Св. Амвросія Медіоланскаго. Поборники Церкви всегда были гонимы. Слава Богу!

2 марта 1864 года.

№ 208.

Пребываніе въ монастырѣ безъ искренняго желанія вести жизнь монашескую, и потому устраняя отъ себя то поведеніе, которое требуется правилами Св. Отцовъ, можетъ служить только вредомъ и поведетъ насилуемаго къ такой жизни къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ.

Назначеніе архимандрита Іоанна и другія назначенія нисколько не заслуживаютъ ни твоего, ни моего вниманія. Это—въ характерѣ современныхъ событій, послѣдствія которыхъ ясны. Къ Іоанну не расположена партія Б-ва; вѣроятно она будетъ интриговать противъ этого назначенія. Равно и воззваніе „Русскаго Вѣстника“ не будетъ имѣть никакого значенія; не таковъ духъ времени.

3 марта 1864 года.

№ 209. О вступленіи въ монастырь.

Монашество есть установленіе Божественное, при посредствѣ котораго христіанство достигаетъ своего высшаго развитія. Въ числѣ правилъ этого Божественнаго установленія имѣется и то, чтобъ вступали въ монашество люди съ истиннымъ произволеніемъ и подвергали это произволеніе прежде принятія обѣтовъ строгому разсматриванію и испытанію.

Имѣющимъ холодное и колеблющееся произволеніе, строго воспрещено вступленіе въ монашество. Я вижу, какъ и прежде видѣлъ, что N. нисколько не былъ приготовленъ къ монашеской жизни, что онъ не могъ имѣть къ ней правильнаго и основательнаго произволенія, не имѣя о ней никакого понятія. Что въ настоящее время смягчилось его сердце отъ сознанія, и онъ вслѣдствіе такого смягченія располагаетъ послѣдовать моему совѣту, то такое расположеніе никакъ нельзя признать за произволеніе къ монашеству. Оно—только слѣдствіе сознанія и той довѣренности, которая обыкновенно является во всякомъ, получившемъ облегченіе и успокоеніе отъ сознанія. Воспользоваться такимъ временнымъ чувствомъ для склоненія къ монашеству было бы съ моей стороны преступнымъ. Почему я признаю исшествіе изъ монастыря для N. необходимостію, по неимѣнію имъ произволенія, а потому и нужныхъ способностей къ монашеской жизни, исшествіе же, при чувствѣ сознанія всей грѣховности своего поведенія въ монастырѣ, при чувствѣ раскаянія признаю особенною милостью Божіею. Это можетъ служить основаніемъ для Божія благословенія на будущую его жизнь. Еслижъ теперь остановить его въ монастырѣ, то впослѣдствіи, и даже въ самомъ скоромъ времени, недостатокъ истиннаго произволенія возбудилъ бы въ немъ самое непріятное чувство къ монастырю и къ тѣмъ, которые воспользовались бы безразсудно и въ противность святымъ правиламъ минутною сердечною мягкостью молодого человѣка. Затѣмъ помѣщеніе въ В. близъ людей, которые могутъ поддержать N., признаю самымъ лучшимъ для него.

7 марта 1864 года.

№ 210.

N. необходимы опыты жизни. Опыты всегда имѣютъ свою горесть и свой трудъ. Но безъ нихъ человѣкъ остается на всю жизнь свою куклою пустою. Опыты при жизни въ В. будутъ наилегчайшіе. Тамъ нѣтъ такихъ бурь и пропастей, какія въ шумномъ свѣтѣ. Надо,

чтобъ мы поступили по волѣ Божіей, а не по чувствамъ обманчивой и пагубной нѣжности: остальное Богъ устроитъ судьбами Своими. Выходъ N. изъ искушенія устроился милостью Божіею къ пользѣ души его, приведши его къ сознанію и къ плодамъ сознанія, что все доселѣ было незнакомо ему. Послѣ сознанія, поступивъ по совѣту моему, онъ ощутилъ особенное облегченіе. Это признакъ дѣйствія истины. Ты хорошо сдѣлаешь, не позволивъ себѣ подробныхъ разспросовъ, потому что Святые Отцы воспрещаютъ ихъ дѣлать прикоснувшемуся спасительнаго сознанія. Очевидно: отъ стѣснительныхъ разспросовъ человѣкъ, лишь сознавшійся и сознавшійся съ большою экономіей, можетъ перейти опять отъ сознанія къ запирательству и обманамъ, причемъ все благое дѣйствіе, произведенное сознаніемъ, изгладится изъ души. Непремѣнно надо, чтобъ оно осталось. Вѣроятно онъ и самъ выскажетъ тебѣ что-нибудь, изъ чего можешь заключить и о всемъ.

Храмъ вчернѣ долженъ строиться три года. О! какъ много времени для старыхъ и больныхъ! И для всѣхъ вообще! Въ такое время можетъ случиться много вовсе неожиданнаго. Сдѣлаемъ, что можно и что требуетъ долгъ предъ ближними, а объ остальномъ положимся на Бога. Твое призваніе къ наслѣдованію спасенія очевидно. Ты помнишь, какъ долго въ Ставрополѣ я останавливался говорить тебѣ многое о христіанствѣ, вообще будучи не охотникъ тратить слова объ этомъ святомъ предметѣ напрасно. Но твое сердце согрѣлось по милости Божіей и послѣдствіемъ твоего вниманія и усердія служитъ дарованіе Богомъ тебѣ твоего единонадесятаго часа на усвоеніе Ему.

10 марта 1864 года.

№ 211.

Когда метутъ комнату, то не занимаются разсматриваніемъ сору, а все въ кучу да и вонъ. Такъ поступай и ты. Исповѣдуй свои грѣхи духовнику, да и только, а въ разсматриванье ихъ не входи. Св. Отцы очень запрещаютъ это тѣмъ, которые не могутъ правильно разсматривать себя: такое разсматриванье сбиваетъ съ толку, приводитъ въ разслабленіе и разстройство. Отъ грѣховъ остерегайся, въ сдѣланныхъ по немощи и увлеченію, раскаивайся, не позволяя себѣ при раскаяніи приходить въ недоумѣніе и уныніе, а безгрѣшности отъ себя не жди.

12 марта 1864 года.

№ 212.

N. процвѣлъ: очевидно отъ прекращенія внутренняго смущенія. Твое замѣчаніе справедливо, что впослѣдствіи онъ будетъ жалѣть о

своемъ поступкѣ; но дѣло дѣлается согласно его произволенію, по требованію совѣсти и отеческихъ постановленій: еслибъ это произволеніе насиловать, то такое насиліе въ скорѣйшемъ времени привело бы его въ разстройство, котораго уже и не поправить.

15 марта 1864 года.

№ 213. О скорбяхъ.

Скорбями обучается каждый человѣкъ, котораго благоволилъ Богъ приблизить Себѣ. Скорби дѣйствуютъ подобно Vomitivum, извергая изъ внутренности зло и обличая его предъ подвижникомъ, да исцѣлится покаяніемъ.

21 марта 1864 года.

№ 214.

N. очень поправился и очень веселъ, несмотря на Великій постъ. Тяжкое бремя свергнуто съ души! Произволенія проводить монашескую жизнь у него не было и нѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь принесъ ему существенную пользу, давъ спасительно продолжительный отдыхъ отъ гибельнаго кутежа и ознакомивъ съ христіанскою вѣрою. По его собственному сознанію онъ ничему не вѣрилъ, когда выѣхалъ съ Кавказа. Весьма хорошо сдѣлаешь, взявъ Пасху въ Петербургѣ, иначе остатокъ поста будетъ потерянъ и для тебя и для N.: онъ отнимется возмущающими духовное настроеніе бесѣдами и объясненіями.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою за труды твои о дѣлахъ монастыря и напечатаніи книгъ, существенно нужныхъ для христіанства. Не думай, что эти труды устроились для тебя безъ Промысла Божія: труды эти и сопряженныя съ ними скорбишки были для тебя вполнѣ полезны, открывъ тебѣ глаза на многое, и доставивъ много случаевъ смириться. Къ келейному безмолвію ты еще не созрѣлъ.

2 апрѣля 1864 года.

№ 215.

За № 101-мъ донесено Синоду о спасеніи 14 человѣкъ отъ потопленія. Ихъ принесло предъ монастырь на тихвинкѣ и затерло льдомъ ближе къ противоположному берегу. Поднялся вопль народа, находившагося на суднѣ и увидѣвшаго опасность своего положенія; нѣкоторые стояли съ воздѣтыми къ небу руками, какъ видно, на молитвѣ. Помощь казалась невозможною, потому что рѣка была по-

крыта ледяными глыбами. Одно извѣстное тебѣ самоотверженіе о. Іустина могло воодушевить нѣкоторыхъ изъ братій. Они, имѣя во главѣ настоятеля, отправились на рѣку и, подвергая себя очевидной опасности, спасли жизнь 14-ти человѣкамъ. Особенно отличились іеромонахъ и іеродіаконъ Никодимъ.

12 апрѣля 1864 года.

№ 216. О трудахъ, предшествующихъ безмолвію, и о др. предметахъ.

Промыслъ Божій доставилъ тебѣ такіе труды, которыми приготовляется истинное, сердечное, духовное, безмолвіе, основанное на служеніи духа, а потому чуждое прелести, труды, которыми устраивается такому безмолвію прочное основаніе. Можешь самъ замѣтить, что въ этихъ трудахъ, скорбь соединена съ утѣшеніемъ, а сами труды соединены со смиреніемъ, а не съ тщеславнымъ блескомъ. Образецъ такихъ трудовъ можно видѣть въ перепискѣ Преподобнаго Варсонофія Великаго съ Іоанномъ. Съ этой переписки начинается книга Варсонофія.

N. послѣ сознанія своего становится ко мнѣ ближе и ближе. Онъ скорбитъ, что долженъ оставить монастырь, но видитъ и необходимость этого, не имѣя къ монастырской жизни ни произволенія, ни призванія.

Время много способствуетъ къ тому, чтобъ установился правильный взглядъ на предметы. Это могу сказать по отношенію къ „Аскетическимъ опытамъ“. Напечатаніе ихъ устроилось Промысломъ Божіимъ. Сличая ихъ съ писаніями Св. Отцовъ, вижу, что „Опыты“ преподаютъ самое новоначальное духовное дѣланіе, въ разнообразной литературной формѣ, облегчающей чтеніе и заинтересовывающей къ нему, что для настоящаго христіанскаго поколѣнія крайне нужно и полезно. Отцы, по возвышенности своей, несмотря на простоту слога, мало понятны для этого поколѣнія, въ которомъ христіанство до крайности слабо.

20 апрѣля 1864 года.

№ 217. О наименованіи своихъ сочиненій „Аскетическ. Опытами“.

Получилъ книги „Патрологіи“. Какъ жаль, что наша Церковь лишена подобнаго сокровища, на стяжаніе котораго употреблены были огромныя средства. Видно, таково попущеніе Божіе! Занялись не прославленіемъ Бога, а суетнымъ прославленіемъ себя и „студъ“ лица нашего покрылъ насъ.

Относительно наименованія книги моей „Аскетическими Опытами“, остаюсь при прежнемъ моемъ мнѣніи. Теперь, по пересмотрѣ, значительнѣйшемъ исправленіи и огромномъ пополненіи статьями иного рода, не видится возможности безъ серьезнаго и точнаго наименованія: того требуетъ свойство книги.—Это книга мученика! Мученика за грѣхи свои и отъ грѣховъ своихъ, но мученика. Книга легка по духу, но мысли и чувствованія въ ней глубокія и высокія. Легкое названіе, названіе нѣжное,—не идетъ къ ея характеру серьезному: она должна носить наименованіе строгое.

11 мая 1864 года.

№ 218. О построеніи храма Богородицы и о др. предметахъ.

Надъ построеніемъ храма Богоматери очевиденъ перстъ Богоматери; даруется человѣкамъ, труждающимся въ дѣлѣ, помощь; вмѣстѣ даруется имъ побороться съ препятствіями и поскорбѣть для ихъ же душевной пользы, чтобъ очистить дѣло отъ примѣси тщеславія и другихъ увлеченій, чтобъ оно было совершено въ Богоугодномъ смиренномудріи. Таковъ обычный ходъ дѣлъ, покровительствуемыхъ Богомъ.

Апостолъ Павелъ нишетъ, что ему сатана дважды возбранялъ придти къ Солунянамъ для благовѣстія Христова. Іерусалимскій храмъ выстроенъ во второй разъ при многихъ препятствіяхъ, а въ первый при споспѣшествованіи всѣхъ обстоятельствъ; но духовную славу перваго храма далеко превзошла слава второго храма, удостоившись пріять въ свои нѣдра вочеловѣчившагося Бога. Преподобный Антоній Печерскій говорилъ, что многіе богатые князья и бояре съ чувствомъ самонадѣянности и тщеславія выстроили монастыри и храмы на свое иждивеніе, безтрудно; но храмы и монастыри, выстроенные иноческими слезами, молитвами ихъ и усердіемъ лицъ, имѣвшихъ смиренное положеніе въ мірѣ, оказались много превосходнѣйшими первыхъ. Богъ не любитъ разгоряченія и не любитъ, чтобы дѣло ему благоугодное дѣлалось съ разгоряченіемъ, а любитъ, чтобъ оно дѣлалось съ упованіемъ на Него, Всемогущаго и Всеблагого, съ терпѣніемъ и смиреніемъ съ благоразуміемъ, которое невозможно соблюсти при увлеченіи въ разгоряченіе. **„Съ премудростію зиждется домъ“**, говоритъ Писаніе **„и съ разумомъ исправляется“** (Притч. гл. XXIV, ст. 3). Надо послѣдовать наставленію Писанія: торопливость можетъ испортить дѣло.

N. очень миренъ и очень миренъ по духу, но его озабочиваетъ предстоящая перемѣна жизни. Сознаніе, столько новое для души его, произвело въ немъ сильный переворотъ. Въ монастырѣ, и именно въ Бабаевскомъ монастырѣ, онъ пріобрѣлъ вѣру, которой не имѣлъ до

вступленія въ этотъ монастырь. Онъ очень сблизился со мною и на дняхъ опять просилъ меня, чтобъ я не прерывалъ сношеній съ нимъ, что я ему и обѣщалъ. Онъ увидѣлъ многое въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ оно ему представлялось доселѣ. Дальнѣйшая его судьба въ рукѣ Божіей, какъ и каждаго изъ насъ.

14 мая 1864 года.

№ 219.

N. отъ сознанія, что онъ поступилъ въ монастырь легкомысленно и въ немъ велъ себя неправильно, перешелъ къ правильному и прочному настроенію христіанина, сколько я могу то понимать. Чувство, которое онъ ощутилъ, обыкновенно не забывается во всю жизнь и является Ангеломъ-Хранителемъ даже при увлеченіяхъ, извлекая блаженнымъ воспоминаніемъ о себѣ изъ самой бездны.

Надъ всѣми нами да будетъ воля Божія!

17 мая 1864 года.

№ 220.

Да совершается воля Божія по отношенію къ храму Божію въ Бабаевской обители! Да совершается воля Божія во всѣхъ дѣлахъ Божіихъ и во всѣхъ попущеніяхъ Божіихъ. Намъ должно внимать себѣ и молить Бога, чтобъ Онъ даровалъ намъ окончить дни наши въ покаяніи.

23 мая 1864 года.

№ 221.

Необходима преданность волѣ Божіей въ самыхъ попущеніяхъ Божіихъ. Очевидно, что христіанство—этотъ таинственный духовный даръ человѣкамъ удаляется непримѣтнымъ образомъ для невнимающихъ своему спасенію изъ общества человѣческаго, пренебрегшаго этимъ даромъ. Надо увидѣть это, чтобы не быть обманутымъ актерами и актерствомъ благочестія; увидѣвъ, надо отвратить взоры отъ грустнаго зрѣлища, чтобъ не подвергнуться пороку осужденія ближнихъ, надо обратить взоры на самихъ себя, позаботиться о собственномъ спасеніи, т. к. милость Божія еще даруетъ возможность спастись тѣмъ, которые произволяютъ спастись.

NB. „Опыты“, будучи книгою чисто духовною, должны быть полезными отечеству и въ гражданскомъ отношеніи. Книга производитъ сильное впечатлѣніе на многихъ, впечатлѣніе, совершенно отдѣльное

отъ впечатлѣнія, производимаго современными духовными сочиненіями. Она становитъ внимательнаго читателя въ разрядъ истинныхъ православныхъ христіанъ и даетъ ему рѣшительное, одностороннее, спасительное направленіе. Отъ развитія идей православія и отъ твердости въ православіи зависитъ энергія народа нашего, самостоятельность его духа.

28 мая 1864 года.

№ 222.

Слава Богу за все! Поздравляю тебя съ окончаніемъ трудовъ твоихъ, которые возложились на тебя по Промыслу Божію, велись подъ покровомъ Божіимъ, окончились по милости Божіей. Уповаемъ, что милость Божія покроетъ насъ и на будущее время, попуская необходимыя скорби для обученія и вразумленія нашего и дивно изводя изъ нихъ съ плодомъ терпѣнія и смиренія.

22 октября 1864 года.

№ 223.

Относительно непріятности твоей по имѣнію, то она ничто иное, какъ искушеніе, подобное прочимъ искушеніямъ. Осуждать себя полезно: это приводитъ къ с м и р е н і ю. Засуждать себя вредно: это ввергаетъ въ унынie и разслабленіе. Дѣло кидать не должно, тѣмъ болѣе, что ты положилъ намѣреніе употребить деньги на добрыя дѣла, также оставленіе дѣла на произволъ дѣйствующимъ неправильно, есть какъ бы принятіе участія въ неправильномъ дѣйствіи, ко вреду ихъ душъ и ко вреду души твоей.

19 декабря 1864 года.

№ 224.

Время наше—время тяжкое для истинныхъ христіанъ по всеобщему охлажденію народа къ вѣрѣ и благочестію. Пріѣхали наши сборщики съ Кавказа, насбиравъ всего на все 100 р. с. Они передавали мнѣ слова нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей: „Прошло только 3 года, какъ Владыка уѣхалъ съ Кавказа, но еслибъ онъ возвратился теперь, то не узналъ бы направленія народа, устремившагося всецѣло къ „свѣтскости“. На обратномъ пути сборщики видѣли тоже направленіе. Совершается предреченіе Писанія объ отступленіи отъ христіанства народовъ, перешедшихъ къ христіанству отъ язычества.

NB. Книга „О п ы т ы“ доставитъ существенную пользу желающимъ спастись (въ послѣднее время), существенно—необходимое для нихъ ученіе о молитвѣ и о прочихъ, содѣйствующихъ молитвѣ, христіанскихъ добродѣтеляхъ.

22 декабря 1864 года.

№ 225.

Сочувствую тому, чтобъ на 1-й разъ были напечатаны одни „Опыты“; не могу дать яснаго отчета, почему я желалъ этого, но желалъ. Устроилось такъ милостивою судьбою къ намъ, грѣшнымъ, поставившею насъ на путь душеполезныхъ скорбей и явно покровительствующаго на этомъ пути.

29 декабря 1864 года.

№ 226.

Скудныя вѣсти, приходящія въ нашъ монастырь, о состояніи христіанской вѣры въ Россіи, крайне неутѣшительны. Съ одной стороны расколъ, съ другой—рѣшительное отступничество. Общая безнравственность приготовляетъ отступничество въ огромныхъ размѣрахъ. Спасаяй, да спасаетъ свою душу! Нынѣшнимъ подвижникамъ предоставленъ путь скорбей, внѣшнихъ и внутреннихъ, какъ самый благонадежный.

6 января 1865 года.

№ 227. О современной Еп. Игнатію общественной жизни и о др. предметахъ.

Заѣзжалъ ко мнѣ протоіерей изъ того села, въ которомъ живутъ потомки Сусанина, человѣкъ довольно умный. Онъ сказывалъ, что крестьяне пропились и обнищали донельзя, что этого тока ничѣмъ удержать нельзя, потому что вдавшіеся въ пьянство будутъ пить водку и тогда, когда бы вздумали повысить на нее цѣну. Это доказано опытами. Вмѣстѣ съ разгульною жизнію явилось особенное охлажденіе къ Церкви и духовенству. Кутилы изъ крестьянъ кутятъ и впали въ индефферентизмъ по отношенію къ религіи; некутилы обращаются въ большомъ количествѣ къ расколу. Дворянство бѣдно и не можетъ помогать церквамъ и духовенству, какъ помогали прежде. Содержаніе духовенства с к у д ѣ е т ъ и с к у д ѣ е т ъ. Протоіерей, имѣющій практическій взглядъ, говорилъ, что этому положенію не видно исхода, и что послѣдствія этого положенія должны быть многоплодны.

Прогрессъ идетъ изумительно быстрыми шагами. Кто остановитъ его?

P. S. Занимаюсь Изреченіями. Какое было время для монашества! Какое обиліе духовныхъ старцевъ! Сколько было тогда созидающихъ ближняго! а нынѣ сколько разрушающихъ и губящихъ ближняго! Намъ надо благодарить Бога за изліянную Имъ милость на насъ, рѣдкую въ наше время, и милость Его да совершитъ эту милость до конца.

Съ замѣчаніями С. И. въ значительной степени я согласенъ. Ищу, какъ сокровищъ, замѣчаній, исходящихъ изъ истиннаго расположенія и изъ знанія. Желаю пересмотрѣть послѣдніе два тома наиболѣе и почти единственно для слога. Самые „Опыты“ требуютъ пересмотра, что я и намѣренъ сдѣлать, на всякій случай. Всегда признавалъ я строгую критику, тщательный пересмотръ и безпощадное очищеніе лучшими средствами къ доставленію сочиненіямъ совершенства. Вообще разговоры, какъ то: объ Іисусовой молитвѣ, о смиреніи и о монашествѣ недовольно пересмотрѣны и очищены. У нихъ слогъ иной и долженъ быть инымъ, нежели у поэтическихъ сочиненій, каковы „Плачъ“, „Блаженъ мужъ“ „Чаша“, „Зрѣніе грѣха своего“. Опять иной слогъ у статей Богословскихъ (напр. о Евангельскихъ заповѣдяхъ), иной у статей, принадлежащихъ къ христіанской нравственности и философіи, напр. объ истинномъ и ложномъ смиреніи. „Аскетическая Проповѣдь“ имѣетъ свой отдѣльный слогъ, но вообще эта „Проповѣдь“ недостаточно пересмотрѣна и вычищена. Разнообразіе слога нахожу неизбѣжнымъ; будучи естественнымъ,—оно составляетъ одно изъ достоинствъ собранія сочиненій. Здоровье имѣетъ большое вліяніе на слогъ: у больного слогъ больной.

11 января 1865 года.

№ 228.

Очевидно, что отступленіе отъ вѣры православной всеобщее въ народѣ. Кто открытый безбожникъ, кто деистъ, кто протестантъ, кто индефферентистъ, кто раскольникъ. Этой язвѣ нѣтъ ни врачеванія, ни исцѣленія. Спасаяй, да спасаетъ свою душу! Замѣтно, что нынѣ всѣмъ, желающимъ спастись, посылаются скорби. Это совершается и надъ

А. В. Ж.

14 января 1865 года.

№ 229.

И тому я очень радъ, что „Опытами“ закончится теперь печатаніе моихъ сочиненій. Необходимо выждать болѣе благопріятнаго

положенія. Если Богу угодно, чтобъ устроилось напечатаніе, то Онъ устроитъ. Если же неугодно Богу, то и я не желаю. Намъ драгоцѣннѣе всего то, чтобъ состоять подъ водительствомъ воли Божіей, и внѣ ея не дѣлать ничего, каковы бы ни были представленія плотскаго мудрованія нашего и другихъ людей.

16 января 1865 года.

№ 230.

И здѣсь предъ Крещеніемъ была самая тяжелая погода, долго шелъ проливной дождь и было очень тяжко отъ густоты облаковъ. Сами себѣ, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ— такъ молится святая Церковь и такъ научаетъ насъ молиться.

21 января 1865 года.

№ 231. О молитвѣ.

На дняхъ прочиталъ я внимательно „Слово о Іисусовой молитвѣ". Въ немъ со всею ясностію изложено, что моленіе съ заключеніемъ ума въ слова молитвы есть самое полезное и безопасное, что механизмъ чрезъ ноздренное дыханіе съ усиліемъ взойти умомъ въ сердце воспрещенъ Святыми Отцами для несозрѣвшихъ къ такому моленію! Тебѣ необходимо молиться первымъ способомъ, принимая въ руководство общее правило и не принимая въ руководство исключеній изъ общаго правила, совершившихся по особенному смотрѣнію Божію. Я стараюсь пріобучаться единственно къ первому способу, какъ необходимому для вниманія. Вниманіе—душа молитвы. Стараюсь даже устранять все прочее, чтобъ дѣланіе было вполнѣ безкорыстнымъ, чтобъ преуспѣяніе было вполнѣ предоставлено волѣ Божіей.

29 января 1865 года.

№ 232. Объ изданіи сочиненій Еп. Игнатія, о правильномъ пониманіи молитвы и о др. предметахъ.

На дняхъ я взглянулъ въ книгу Варсонофія Великаго; открылась книга на стран. 362-й, гдѣ, на первой-же строчкѣ сказано: „Благому непремѣнно сопротивляется скорбь отъ зависти діавольской, но молитвою оное благое умножается". Это можно отнести и къ напечатанію „Опытовъ". Видно и дѣйствіе противъ напечатанія и дѣйствіе, содѣйствующее напечатанію, устрояемое Промысломъ Божіимъ. Помяни, Батюшка мой, какіе труды и скорби потерпѣли всѣ, распространявшіе

Слово Божіе и истинное ученіе о Богѣ. Скорби служатъ свидѣтельствомъ послѣдованія истинѣ въ этомъ дѣлѣ. Напротивъ того, съ невозбраннымъ отъ міродержца успѣхомъ, съ наградою отъ міра, печатаются книги въ духѣ и видахъ міродержца, хотя бы онѣ и носили названіе, заимствованное изъ христіанства.

Въ настоящее время—существенная нужда въ правильной молитвѣ, а ее то и не знаютъ! Не знаютъ, что она должна быть орудіемъ и выраженіемъ покаянія, ищутъ наслажденія и восторговъ, льстятъ себѣ и орудіемъ, даннымъ во спасеніе, убиваютъ свои души. Существенно нужно правильное пониманіе молитвы въ наше время! Она—существенный, единственный руководитель въ наше время ко спасенію. Наставниковъ нѣтъ! Лучшіе, сколько извѣстно, наставники Оптинскіе. Но они исключительно тѣлесные дѣлатели, и потому сами во тьмѣ ходятъ и послѣдующихъ имъ держатъ во тьмѣ, удовлетворяясь сами и требуя отъ другихъ единственно тѣлеснаго исполненія заповѣдей.

Іоаннъ, по открытости своей, нравился мнѣ болѣе, нежели современные ему академисты. И тогда многіе баре восхищались его проповѣдями, направленными къ освобожденію крестьянъ, не понявъ, что Іоаннъ отнюдь не духовный проповѣдникъ, а рьяный фанатикъ сословный и что у него замаскирована мысль о рѣзнѣ дворянъ и о предоставленіи своей паствѣ первенства и въ гражданскомъ и церковномъ служеніи. Другіе, имѣя эту же мысль, лучше скрываютъ ее, а потому Іоаннъ, какъ откровеннѣе другихъ высказывающійся, нравственно выше другихъ. Въ книжкѣ „Христіанскаго чтенія“ за декабрь имѣется примѣчательная статья „Новыя изданія по расколу“ И. Нильскаго. Тутъ смѣло выставлены уклоненія Великороссійской Церкви. Сильно задѣтъ Филаретъ по участію въ массонскомъ ученіи.

Всѣ мы, хотимъ ли, или не хотимъ, находимся въ руцѣ Божіей. Почему, дѣйствуя по степени данныхъ отъ Бога разума и совѣсти, остальное должны возлагать на Бога, Промыслителя нашего.

6 февраля 1865 года.

№ 233.

Приношу тебѣ искреннѣйшую благодарность за поздравленіе меня грѣшнаго съ днемъ Ангела. Мое единое желаніе: да даруетъ мнѣ милосердый Господь покаяніе и прощеніе грѣховъ моихъ, а даровъ духовныхъ я недостоинъ и неспособенъ должнымъ образомъ сохранять ихъ.—(Образъ мыслей, на которомъ должна быть основана вся дѣятельность христіанина, желающаго и ищущаго спасенія).

12 февраля 1865 года.

№ 234. О молитвѣ.

Хотимъ ли мы, или не хотимъ,—находимся во всемогущей волѣ Божіей. Самое правильное послѣдствіе такого понятія состоитъ въ томъ, чтобъ мы покорились волѣ Бога нашего и изъ этого чувства покорности умоляли Его, да сотворитъ милость съ нами. Я писалъ тебѣ, что очень нужно тебѣ вчитываться въ „Слово“ объ Іисусовой молитвѣ (Аскет. Опыты. Томъ 2-й). Тамъ изложено съ ясностію, кому какой механизмъ приличествуетъ. Держись рѣшительно заключенія ума въ слова молитвы. Если при этомъ явится какой-либо иной механизмъ, самъ собою, то пусть дѣйствуетъ, доколѣ не отойдетъ. Если отойдетъ, то не смущайся. У тебя молитва еще вполнѣ вещественна. И потому самые механизмы, которыхъ ты прежде держался неправильно, могутъ исправиться заключеніемъ ума въ слова молитвы. При этомъ послѣднемъ механизмѣ является въ свое время неоцѣненное молитвенное дѣйствіе, вполнѣ духовное.

Весьма ошибочно твое исканіе мѣста сердечнаго! Если будешь заключать умъ въ слова, то сердце придетъ въ сочувствіе уму. Сперва надо молиться при этомъ сочувствіи. Такая молитва есть молитва покаянія. Когда же чрезъ покаяніе очистится человѣкъ, то мѣсто сердечное обозначится само собою.

Когда при молитвѣ ощущается нечувствіе, то, несмотря на это состояніе нечувствія, полезно нудиться къ внимательной молитвѣ, и не оставлять молитвеннаго подвига, творя молитву гласно и неспѣшно, потому что послѣ нечувствія внезапно прикасается къ сердцу благодать Божія и оно приходитъ въ умиленіе.

Періодомъ борьбы со страстями никакъ не должно отягощаться. Періодъ этотъ назначается Богомъ, по Его премудрому смотрѣнію. Писаніе говоритъ: **„Терпя, потерпѣхъ Господа, и внятъ ми“**. Также: „Гнѣвъ Господень подвину, яко согрѣшихъ Ему“. Преждевременное освобожденіе отъ внутреннихъ браней душевредно.

24 февраля 1865 года.

№ 235.

Благую часть ты избралъ, оставя всѣ механизмы и довольствуясь заключеніемъ ума въ слова: это поведетъ къ самымъ правильнымъ результатамъ, безъ всякой примѣси прелести, которой ты могъ подвергнуться и отчасти уже подвергался, употребляя механизмы, которые тебѣ нейдутъ. Для себя я держусь, когда держусь, единственно заключенія ума въ слова молитвы: все прочее является, когда является, само собою.

Относительно моего примиренія съ Преосвященнымъ Іоанномъ, то оно, если совершится, будетъ для меня событіемъ самымъ пріятнымъ. Расположенію его къ монашеству очень радъ и нахожу, что по открытости и прямотѣ его характера онъ очень способенъ къ принятію истиннаго монашества и даже къ благодатному ощущенію милости Божіей, отъ чего является въ человѣкѣ живая вѣра. Я и не ссорился съ Іоанномъ, а только далъ отзывъ на статьи Г. Щапова, которыя на Кавказѣ такъ разгорячили, что „потребовали крови“. Сколько неправиленъ и вреденъ образъ мыслей въ этихъ статьяхъ, доказали опыты и еще докажутъ. Именно, статьи забыты, но въ духѣ ихъ и пишется и говорится,—духъ и направленіе получаютъ огромный объемъ.

Состоящіе подъ руководствомъ старца не должны выходить изъ его системы наставленія. Этого и я требую отъ тѣхъ, которые руководствуются моими совѣтами, особливо въ отношеніи чтенія книгъ, даже отеческихъ.

Къ положенію Церкви должно мириться, хотя вмѣстѣ должно и понимать его. Это—попущеніе Свыше, котораго мы понять не можемъ. Старецъ Исаія говорилъ мнѣ: „Пойми время. Не жди благоустройства въ общемъ церковномъ составѣ, а будь доволенъ тѣмъ, что предоставлено въ частности спасаться людямъ, желающимъ спастись“. Сколько могу понять: не предвижу, по духу времени и вообще по нравственности всего народа, чтобъ могло быть возстановленіе Церкви въ древней красотѣ ея, также, какъ и монашества. И то должно будетъ счесть великою милостію Божіею, если не послѣдуетъ вскорѣ какого-либо тяжкаго удара на монастыри.

1 марта 1865 года.

№ 236. О правильной молитвѣ, объ искушеніяхъ, о сочиненіяхъ Еп. Игнатія и о др. предметахъ.

Съ тѣмъ, кто вступилъ въ служеніе Богу, начинаются искушенія особенныя. „Отдай долгъ страстямъ“, сказалъ Св. Исаакъ Сирскій, „борьбою съ ними“. На поприщѣ борьбы бываютъ побѣды и побѣжденія. Побѣжденія должно врачевать покаяніемъ. Оно врачуетъ ихъ со всею удовлетворительностью.

Для преуспѣянія въ молитвѣ и для избѣжанія прелести необходимо самоотверженіе, научающее искать въ молитвѣ одного вниманія. Тогда подвигъ молитвенный упростится и облегчится; облегчатся и искушенія, которыя, однако, всегда сопутствуютъ подвигу. Если же кто преждевременно стремится къ раскрытію въ себѣ дѣйствій сердечной молитвы, „тому“, говоритъ Пр. Нилъ Сорскій, „согласно съ прочими Св. Отцами, попускаются тяжкія, превыше силъ,

искушенія отъ бѣсовъ". Слово второе. Прочитай его. Такому стремленію служатъ основаніемъ непонимаемыя превозношеніе и высокоуміе, представляющіяся усердіемъ.

Разсматривая книгу „Опытовъ" и то вліяніе, которое она производитъ на другихъ, полагаю, что второе изданіе ея неминуемо. Когда и какъ оно устроится—это дѣло Божіе, а моя обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ доставить книгѣ возможную удовлетворительность и усовершенствованіе. Отношенія мои къ книгѣ изложены въ письмѣ къ братіи Оптинской пустыни, списокъ съ котораго прилагаю. (См. ниже).

Алексѣю Петровичу не ставь всякое лыко въ строку; предостереги его слегка: это будетъ дѣйствительнѣе.

Сновидѣнія С. И. я признаю милостью къ ней Божіею, призывающею ее къ истинно-благочестивой жизни. Они—не изъ прелести и не своего сочиненія.

Знакомство съ пр. I. показало и тебѣ и мнѣ положеніе Церкви. Въ высшихъ пастыряхъ ея осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное пониманіе по буквѣ, убивающей духовную жизнь въ христіанскомъ обществѣ, уничтожающей христіанство, которое есть дѣло, а не буква. I. откровеннѣе другихъ—только. Искать ни въ комъ нечего! Должно бѣжать въ горы—въ положенія изолированныя! Богъ даровалъ намъ такое положеніе. Очевидно, что примиреніе можетъ быть лишь наружное, а не въ духѣ. И того довольно. Для наружнаго примиренія нужна книга въ переплетѣ. Также очевидно, что не должно безпокоить просьбою о составленіи замѣчанія на книгу, тѣмъ болѣе, что я не отвѣчаю на послѣднюю статью Матвѣевскаго, несмотря на то, что отвѣтъ на нее очень простъ: онъ навязалъ Отцамъ пониманіе Декарта о невещественности духовъ, отнялъ у нихъ собственное ихъ пониманіе и на этомъ основалъ столкновенія между ними и разнорѣчія, которыхъ нѣтъ. Передай это Игнатію [1]). Полемика можетъ соблазнить благочестивый людъ, котораго образъ мыслей сформировался на чтеніи Четьи-Миней и прочихъ подобныхъ книгъ. Академическій журналъ „Христіанское чтеніе" выше „Странника", въ которомъ помѣщены двѣ статьи Матвѣевскаго противъ моихъ сочиненій, и много статей о современныхъ случаяхъ явленія духовъ, за мои сочиненія. Мысль о разборѣ моихъ сочиненій въ „Христіанскомъ чтеніи" надо оставить, хотя и невозможно будетъ сказать того печатно, что онъ сказалъ при свиданіи. Отцовъ онъ не знаетъ.

Батюшка мой! Понеси благодушно твой трудъ въ столицѣ. Соверши этотъ трудъ съ оконченностью. Ты трудишься для пользы и

[1]) Архимандритъ Сергіевой Пустыни.

истинной нужды остатка истинныхъ христіанъ. По этой причинѣ противъ книги дѣйствуетъ зависть діавола, служащая свидѣтельствомъ милости Божіей и къ книгѣ и къ твоему труду. Теперь о. Іустинъ почитываетъ братьямъ статьи изъ „Опытовъ“ и видитъ ихъ дѣйствіе, что за книгу крѣпко возьмутся и будутъ держаться ея всѣ желающіе спастись. Іустинъ рѣдкій монахъ и настоятель въ наше время, далеко выше Сергіевскаго Игнатія, который, впрочемъ, имѣетъ особенную способность и находчивость въ своихъ сношеніяхъ съ свѣтскими.

16 марта 1865 года.

№ 237. О правильномъ молитвенномъ подвигѣ и о др. предметахъ.

Если оставишь всякое стремленіе къ мнимому преуспѣянію, возложивъ дѣло преуспѣянія твоего на Бога и вручивъ временную и вѣчную участь твою волѣ Божіей,—будешь заботиться при молитвѣ твоей единственно о вниманіи, отъ котораго обыкновенно является и которому обыкновенно содѣйствуетъ умиленіе, то молитвенный подвигъ твой получитъ правильность. Это значительно успокоитъ тебя. Спокойствіе будетъ знаменіемъ милости Божіей. Также я не совѣтовалъ бы тебѣ очень вдаваться въ разсматриванье своей грѣховности. Достаточно, если будешь знать это. Духовный подвигъ долженъ быть какъ можно менѣе сложнымъ.

Разборъ „Опытовъ“ въ „Христіанскомъ чтеніи“ едва ли удобенъ для самаго этого журнала, который—органъ Академіи. Впрочемъ, какъ угодно. „Взглядъ“ въ настоящемъ его видѣ такъ силенъ, что трудно справиться съ нимъ критику, незнакомому съ Отцами и съ монашескимъ подвижничествомъ. Если и напишутъ что, то это послужитъ поводомъ къ болѣе точному опредѣленію предметовъ, которые подвергнутся критикѣ, слѣдовательно, дадутъ возможность усовершить книгу къ второму изданію, какого усовершенствованія я сердечно желаю для общей пользы современнаго христіанства.

22 марта 1865 года.

№ 238.

Приношу тебѣ искреннѣйшее поздравленіе съ наступающимъ днемъ рожденія твоего. Искренно желаю тебѣ, чтобъ это рожденіе въ земную жизнь было вмѣстѣ и рожденіемъ въ жизнь вѣчную, въ вѣчное блаженство.

Въ подарокъ посылаю тебѣ одно изъ изреченій Пр. Пимена Великаго, великаго дѣлателя умной молитвы. Предостерегая учениковъ

своихъ отъ козней діавольскихъ, онъ говоритъ: „Все, что превыше мѣры,—отъ бѣсовъ“. Познается же приносимое бѣсами по смущенію—этому непремѣнному и неизбѣжному плоду ихъ дѣйствія. Въ умномъ дѣланіи, въ самомъ покаяніи, должно избѣгать чрезмѣрности. Надо дѣлать въ великой тихости. Правильность такого дѣланія свидѣтельствуется миромъ, приносимымъ душѣ.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою.

24 марта 1865 года.

№ 239. О сочиненіяхъ еп. Игнатія.

Велія милость Божія—напечатаніе „Опытовъ“. Милость Божія ко всѣмъ, потрудившимся въ этомъ дѣлѣ для пользы христіанскаго общества. „Взглядъ“ выходитъ въ настоящемъ его видѣ гораздо сильнѣе нежели въ его видѣ первобытномъ. Преважно опредѣленіе слова духъ Святаго Кирилла Іерусалимскаго. Не всѣ академики упорно держатся мнѣнія Декарта о духахъ: основательные изъ нихъ на моей сторонѣ. И я не скоро получилъ то понятіе, которое имѣю теперь. Въ теченіе долгаго времени мое пониманіе духовъ оставалось очень темнымъ и неопредѣленнымъ.

29 марта 1865 года.

№ 240. О молитвенномъ подвигѣ и о др. предметахъ.

Печально—современное религіозное и нравственное направленіе народа. Въ теченіе трехлѣтняго пребыванія нашего въ Бабаевскомъ монастырѣ это несчастное настроеніе подвинулось гигантскими шагами впередъ и приняло обширнѣйшіе размѣры. Все совершающееся да совершается подъ взорами Бога.

Относительно раздачи книгъ, доставшихся на нашу часть, не должно торопиться. Много нужно намъ здѣсь на подарки братіи и благотворителямъ. Можетъ быть, черезъ годъ времени понадобится новая пропорція въ Оптину. По монастырямъ же безъ разбору посылать нечего: во многихъ интересуются исключительно „Колоколомъ“, „Искрою“ и проч.

Молитвенный подвигъ, Батюшка мой, есть подвигъ. Надо потрудиться. Кто терпѣливо молится своею осквернённою молитвою, сказалъ Св. Іоаннъ Лѣствичникъ, и не покидаетъ ея, наскучивъ ея скверною, тому Богъ въ свое время даетъ истинную молитву. Внимай себѣ, т. е. словамъ молитвы, а не внимай помы-

сламъ, приходящимъ во время ея. Не вдавайся въ разбирательство себя. Это разбирательство замѣни чтеніемъ статей о молитвѣ въ „Опытахъ“. Тебѣ должно очень устраняться отъ того дробнаго анализа, къ которому ты привыкъ и на основаніи котораго врагъ смущаетъ тебя помыслами.

На вопросъ твой о странницѣ Глинки („Разговоръ Ѳ. Н. Глинки съ странницей“, помѣщенный въ „Дом. Бесѣдѣ“ 1865 г.) скажу тебѣ, что я читалъ эту статью, но ничего особеннаго не нашелъ, весьма вѣроятно по той причинѣ, что я воспитанъ ученіемъ Святыхъ Иноковъ и отъ всякаго пути особеннаго устраняюсь. Путемъ особеннымъ, по особенному избранію и призванію Божіимъ можетъ итти угодникъ Божій, что случается очень рѣдко. Наиболѣе путемъ особеннымъ идутъ или находящіеся въ самообольщеніи, или направившіеся къ самообольщенію. Намъ должно держаться вдали и въ осторожности отъ всѣхъ, идущихъ путемъ особеннымъ, загадочнымъ.

О. Іустинъ принялъ отказъ о возведеніи въ санъ архимандрита съ такимъ благодушіемъ, какъ подобаетъ монаху. Промыслъ Божій ведетъ его не по цвѣтамъ, а по пути прискорбному, посреди поношенія человѣческаго, чѣмъ отмѣчается человѣкъ, любимый Богомъ. Отказъ этотъ душеполезенъ и для него и для меня. Принимаемъ его какъ отъ руки Божіей.

Очень грустно положеніе митрополита въ Синодѣ. Грустно оно не для личности, но для митрополита и какъ перевѣсъ, взятый священниками надъ архіереями. Дѣло православной вѣры можно признавать приближающимся къ рѣшительной развязкѣ. Паденіе монастырей, значительно совершившееся, неминуемо. Одна особенная милость Божія можетъ остановить нравственную, всегубящую эпидемію, — остановить на нѣкоторое время, потому что надо же исполниться предреченному Писаніемъ.

15 апрѣля 1865 года.

№ 241. О сочиненіяхъ Еп. Игнатія.

Письмо твое отъ 5-го апрѣля получено. На этой же почтѣ получилъ письмо отъ А. Н. М., которому, какъ видно, „Опыты“ не понравились, — вѣроятно, какъ конкуренція на литературномъ поприщѣ. Особливо „Плачъ“ смутилъ его, по его выраженію. Я отвѣчаю, что этой статьи не хотѣлъ печатать, но она оказалась нужною для тѣхъ, которые находятся въ подобныхъ обстоятельствахъ на граняхъ между монашествомъ и міромъ, и напечатана для нихъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ,

1 мая 1865 года.

№ 242. Объ изданіи сочиненій Еп. Игнатія.

Спаси Господи за труды твои по напечатанію книги „Аскетическіе Опыты“ и поздравляю съ окончаніемъ этого труда, за который да воздастъ тебѣ милосердый Господь. Дай Богъ, чтобъ книга была сколько нибудь полезна современному христіанству. Получилъ отъ архимандрита Игнатія и отъ Норова письма, въ которыхъ видно ихъ сердечное сочувствіе къ ученію, изложенному въ „Опытахъ“.

Положеніе Церкви и христіанства самое горестное, горестное повсемѣстно. Предсказанное въ Писаніи совершается: охлажденіе къ вѣрѣ объяло и нашъ народъ и всѣ страны, въ которыхъ доселѣ держалось православіе. Въ особенной чистотѣ оно было сохраняемо въ Молдавіи, Валахіи, Сербіи.

Никакъ не бери на себя напечатанія остальныхъ двухъ процензурованныхъ частей моихъ сочиненій. Это вовлечетъ тебя въ самое затруднительное положеніе, сопряженное съ душевнымъ разстройствомъ. Слава Богу за то, что напечатаны „Аскетическіе Опыты“. Въ нихъ—великая помощь для желающихъ истинно молиться и истинно подвизаться.

25 октября 1864 года.

№ 243.

По поводу клеветы, взведенной гласно посредствомъ печатной статьи „Одесскаго Вѣстника“, въ которой П. А. Б. былъ обвиненъ несправедливо въ недобросовѣстныхъ дѣйствіяхъ.

Искушеніе, постигшее тебя, есть ничто иное, какъ искушеніе, которое, по милости Божіей, мимо идетъ. Этимъ искушеніемъ свидѣтельствуется избранный тобою путь. Въ дѣланіи терпѣнія имѣются свои мѣры и степени. Совершенные сохраняютъ совершенное молчаніе при обвиненіяхъ, соотвѣтствующее степени ихъ самоотверженія и терпятъ всѣ послѣдствія такого молчанія, какъ, наприм., Св. Андрей и Симеонъ, Христа ради юродивые Тебѣ это дѣланіе не только нейдетъ, какъ превышающее мѣры твои, но и крайне душевредно, потому что тебѣ не выдержать его. На отзывъ сдѣлай печатный отзывъ безъ разгоряченія; дай отзыву силу фактами; дѣло же поведи законно и съ твердостью, призвавъ помощь Божію. Съ сердечными чувствами злобы и мщенія поборись. Именно при такихъ случаяхъ и притупляется памятозлобіе борьбою съ нимъ; ничѣмъ не затрогиваемое оно остается жить въ сердцѣ непримѣченнымъ. Очищеніе твоего имени необходимо для тебя и для твоего сына, по вашему положенію благо-

честивыхъ мірянъ. И Апостолъ Павелъ просилъ суда и аппеляціи у Кесаря. Успокойся, Батюшка мой, Господь не оставитъ тебя. Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою.

Къ П. А. Брянчанинову, отлучавшемуся въ П.б—гъ.

7 января 1866 года.

№ 244.

Юму нельзя вѣрить. Такіе господа говорятъ и предсказываютъ иногда удачно съ тою цѣлію, чтобъ завладѣть довѣренностію людей и тѣмъ вѣрнѣе вредить имъ. Такъ наставляетъ преподобный Антоній Великій. Богъ измѣнялъ свои опредѣленія, объявленныя чрезъ святыхъ пророковъ, какъ то пророчество пророка Іоны о ниневитянахъ, Иліи о Ахавѣ (3 Царств. 21, 29), Исаіи о Езекіи (4 Царств. 20, 1—11); тѣмъ удобнѣе не сбыться предсказанію лжепророка, еслибъ оно и имѣло какое основаніе. Кто предалъ себя и все волѣ Божіей, тому ничего не нужно знать впередъ. Надъ всѣми нами да будетъ воля и милость Божія.

12 января 1866 года.

№ 245.

Милосердый Господь да покроетъ останокъ вѣрующихъ въ Него! Но останокъ этотъ скуденъ; дѣлается скуднѣе и скуднѣе. Н. Я. Ш. не могъ умиротворить себя и окончательно вышелъ изъ монастыря. Я не счелъ себя въ правѣ удерживать его уговариваніемъ: это было бъ противъ совѣсти; а посовѣтовалъ ему вступить въ законный бракъ и жить благочестно въ мірѣ. На монастыри дѣлаютъ нападки извнѣ, но они и внутри себя истлѣли.

Должно благодарить В. И. Аскоченскаго и много благодарить! Судя по отзыву Филарета (Московскаго) они рѣшились написать что нибудь, послѣдуя примѣру и вызову Аскоченскаго. Пусть напишутъ что нибудь. Это что нибудь можетъ имѣть какое нибудь значеніе для людей, непонимающихъ ничего, и отстрочить на сколько нибудь времени затѣи реформаторовъ. Очень вѣрно отвѣчалъ Константинопольскій Патріархъ лютеранамъ, извѣстившимъ его о своихъ дѣйствіяхъ „Вы х о р о ш о сдѣлали, что отвергли заблужденія папистовъ, но сдѣлали х у д о, замѣнивъ эти заблужденія своими заблужденіями: вамъ слѣдовало бы обратиться къ преданію вселенской первенствующей Церкви“. Тоже можно сказать и о монастыряхъ: для исправленія уклоненій должно возвратиться къ правиламъ святыхъ Отцовъ. Этого не

захотятъ сдѣлать защитники монашества изъ сонма Филаретовъ: имъ нужно сохранить многія уклоненія для защиты выгодъ своихъ. И потому съ обѣихъ сторонъ порождается софистика. Для дѣла Божія не выйдетъ никакого результата, кромѣ развѣ того, что при посредствѣ этой мѣры Господь потерпитъ еще нѣсколько времени нашей немощи, нашему разслабленію, нашей грѣховности. И за это—слава Богу.

Въ „Дом. Бесѣдѣ“ за 1865 годъ, въ выпускѣ 50-мъ помѣщена статья „Новое Миссіонерское общество въ Россіи“. Я прочиталъ ее нарочно для того, чтобъ ознакомиться съ духомъ современной дѣятельности Синода. Видна пламенная ревность, за которою намъ никакъ не поспѣть, а потому должно быть очень осторожнымъ и благочестивымъ.

Сейчасъ приходилъ ко мнѣ Матѳей [1]) съ сознаніемъ, что онъ письма мои привезъ обратно съ собою сюда и сжегъ ихъ въ печи. Вотъ каково общее состояніе нравственности въ христіанскомъ обществѣ. Чего требовать отъ монастырей, когда міръ доставляетъ имъ людей испорченныхъ, когда они отвсюду окружены безнравственностію, когда сверху гнететъ ихъ безнравственность? Язва, которая исцѣляется одною смертію.

15 января 1866 года.

№ 246. О сочиненіяхъ Еп. Игнатія.

Очень благодарю тебя за письмо твое отъ 10 января. Ничего нѣтъ лучше, какъ успокоить людей и для враговъ сдѣлать ненужнымъ враждованіе. Важнѣйшее смущеніе, служеніе слову Божію, остается на долю уклонившагося отъ служенія суетности по преимуществу. Утѣшай и успокаивай всѣхъ извѣстіемъ, что мое здоровье разстроено окончательно, что сущая правда.

Свѣдѣнія, получаемыя мною о томъ, какъ принимаются „Опыты“ личностями, истинно ищущими спасенія, очень утѣшаютъ меня. „Аскетическая Проповѣдь“ и „Совѣты“ пополнятъ назидательное чтеніе, дающее читателямъ рѣшительно православное направленіе. Дѣлается яснымъ, что эти книги распространятся и водворятся между упомянутыми личностями. Изъ Бѣжецка пишутъ: „Опыты“ приняты съ великою любовію, эта книга замѣняетъ „Добротолюбіе“ для насъ, будучи гораздо понятнѣе, чѣмъ „Добротолюбіе“ и содержа все, о чемъ говорится въ „Добротолюбіи“. Такой взглядъ очень вѣренъ,

[1]) Возвращенный изъ сбора послушникъ—сборщикъ, обнаружившій неблагонадежныя наклонности—хотя по виду казался самой безукоризненной наружности.

и на немъ я основываю свое мнѣніе, что книга в о д в о р и т с я. Ее будутъ читать и перечитывать для питанія, повѣрки и поддержки своего подвижничества. Теперь оказывается очень важнымъ напечатаніе 3-го и 4-го томовъ, которыми п о д в и ж н и ч е с т в о объясняется еще удовлетворительнѣе, точнѣе.

25 января 1866 года.

№ 247.

24-го я получилъ оба письма твои: отъ души благодарю тебя за подвигъ твой. Слава Богу, изливающему на меня милости свои. Къ концу моей жизни, когда мнѣ существенно нуженъ покой, когда уже мои нервы не выдерживаютъ потрясеній, когда мнѣ необходимо приготовиться къ переходу въ вѣчность при мирномъ настроеніи души,— насталъ впервые Оберъ-Прокуроръ, выразившій сочувствіе ко мнѣ. Будетъ расположенъ Графъ, будутъ расположены члены Синода. Какое время! Для поддержанія Церкви нужно быть во главѣ управленія свѣтскому лицу, потому что обуявшая соль способна только быть попираемою человѣками. Впрочемъ св. Аѳанасій Великій говоритъ, что однимъ изъ признаковъ приблизившагося пришествія антихриста будетъ переходъ церковнаго управленія изъ рукъ архипастырей въ руки свѣтскихъ сановниковъ. Признакъ очень вѣрный! Это не можетъ состояться иначе, какъ при утратѣ духовенствомъ своего существеннаго духовнаго значенія, своей энергіи, порождаемой рѣшительнымъ отрѣшеніемъ отъ міра. Справедливо замѣтилъ Графъ, что чиновничествомъ уничтожено въ Церкви существенное значеніе Іерархіи, уничтожена связь между пастырями и паствою, а міролюбіе, ненасытное стремленіе къ суетнымъ почестямъ, къ накопленію капиталовъ уничтожило въ пастыряхъ христіанъ, оставило въ нихъ лишь презрѣнныхъ ненавистныхъ полицейскихъ по ненависти ихъ къ народу, по злоупотребленіямъ и безнравственности.

28 января 1866 года.

№ 248.

У насъ скончался іеродіаконъ Никодимъ, драгоцѣнный человѣкъ для монастыря и въ цвѣтѣ лѣтъ. Сплелись кишки, затѣмъ послѣдовалъ антоновъ огонь. При насъ—сюда не поступилъ ни одинъ благонадежный человѣкъ, а изъ прежняго братства приблизился болѣе всѣхъ другихъ Никодимъ, и имѣлъ расположеніе послужить обители. Буди воля Божія! но на мой взглядъ все въ монастыряхъ, и самыхъ благоустроенныхъ, идетъ къ упадку. Сущность дѣла, что благонадеж-

ные и способные люди дѣлаются крайне рѣдкими. Естественно: діаволъ видитъ это и нападаетъ извнѣ. Матеей вышелъ.

Къ Сухареву написалъ по этой почтѣ. Вышли ему экземпляръ „Опытовъ“ изъ Москвы. Книга на новую почву, которую пошевелили скорби, можетъ наложить рѣшительную печать.

2 февраля 1866 года.

№ 249.

Буди надъ всѣми нами воля Божія и милость Божія! Милость Божія и Промыслъ Божій могутъ даровать способъ спасенія тѣмъ христіанамъ, которые желаютъ истинно спастись, а не стремятся къ земному преуспѣянію, прикрываясь личиною благочестія.

Очень жалокъ отзывъ М. А. о статьѣ „Земледѣльца“ [1]). Служители и верховные служители слова, остаются безъ слова и рады спрятаться подъ покровъ слова, имѣющаго исключительный характеръ частной защиты по частному дѣлу.

Очень жалѣю С. И! Дай Богъ ей выздоровѣть! Она не разъ была больна очень опасно, и Богъ возвращалъ ее къ жизни. И теперь да будетъ надъ ней милость и воля Божія. Судя по духу времени и по броженію умовъ, должно полагать, что зданіе Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостать. Предпринимаемыя мѣры поддержки заимствуются изъ стихіи міра, враждебнаго Церкви, и скорѣе ускорятъ паденіе ея, нежели остановятъ. Опять скажу: буди воля Божія! Что посѣютъ, то и пожнутъ! Что посѣяли, то и жнутъ! Послѣднее можно сказать о духовныхъ журналахъ и о преподаваніи закона Божія Маловыми съ братіею.

13 февраля 1866 года.

№ 250.

Благодарю тебя за воспоминаніе дня моего рожденія. 59 лѣтъ! Прожито довольно; остается жить уже очень мало, судя по постоянно увеличивающемуся истощенію силъ. 12-го и 13 выходилъ въ Церковь; посмотрѣлъ на Братію и порадовался милости Божіей къ намъ въ такое время, въ какое живемъ. Все подвигается очень быстро. Буди воля Божія!

---

[1]) „Земледѣлецъ“, статья „Домашней Бесѣды“, въ отвѣтъ статьѣ „Дня“ нападавшей на монастыри вообще и на Сергіеву Пустыню, что близъ С.-П.б-га въ особенности,

Потрудись передать мой усерднѣйшій поклонъ С. И. Уповаю на милость Божію, что она выздоровѣетъ. Жизнь ей нужна по той же причинѣ, по которой нужна и мнѣ,—для приготовленія къ вѣчности. Несмотря на всю трудность нашего времени, всемогущая десница Божія не оставляетъ тѣхъ человѣковъ, которые возложились на Бога при посильномъ служеніи Ему.

18 февраля 1866 года.

№ 251.

Въ разговорѣ мірянина съ монахомъ [1]) предвозвѣщено, что прикосновеніе къ монастырямъ такое, какое проповѣдуютъ газеты, послужитъ къ окончательному сокрушенію монастырей, которые сокрушены уже при отобраніи у нихъ имѣній за сто лѣтъ до сего. Вообще монастыри обстраивать некому. Долженъ обстраивать монахъ. А что сказать монаху? Нечего и некому. Можетъ быть нѣкоторые монастыри будутъ выгорожены по какому-либо особому ходатайству, какъ случилось и за сто лѣтъ.

24 февраля 1866 года.

№ 252. О паденіи монашества.

Такъ какъ дѣло о напечатаніи 3 и 4 томовъ получило надлежащій ходъ, то зачѣмъ оставаться тебѣ въ П.б - гѣ?

Съ сердечнымъ сожалѣніемъ смотрю на неминуемое паденіе монашества, что служитъ признакомъ паденія христіанства. Кто приходитъ въ монастырь? Люди изъ низшаго класса почти исключительно; почти всѣ приходящіе уже разстроили свою нравственность среди міра. Нѣтъ условій въ самомъ народѣ для того, чтобъ существованіе монашества продлилось; такъ въ высохшемъ деревѣ нѣтъ условій, чтобъ оно давало листъ и плодъ! сверхъ того бури извнѣ усиливаются сорвать его съ лица земли. По причинѣ направленія, принятаго высшими слоями общества, и по причинѣ скудости высылаемыхъ подаяній, не трудись печатать приглашеній въ вѣдомостяхъ. Саровская пустыня приняла „Опыты“ съ особенною любовію.

28 февраля 1866 года.

№ 253. О монашествѣ.

Изъ письма М. Д. увидишь, какъ приняты „Аск. Опыты“ въ Саровской пустынѣ и какое тамъ дается значеніе имъ. Это показываетъ

[1]) „Аскетическіе Опыты“. Томъ I-й.

всю важность, которую должны имѣть 3 и 4 томы. 4-й томъ изображаетъ монашескую жизнь съ опредѣленностію, а первые три тома служатъ какъ бы оттушевкою рисунка. Тутъ дѣйствуетъ Перстъ Божій, благодѣтельствующій всѣмъ участвующимъ и въ изданіи и въ чтеніи „Опытовъ“.

Потрудись передать С. И. С., что лучшая статья о монашествѣ, о пользѣ, принесенной монашествомъ христіанству и человѣчеству, помѣщена въ „Dictionnaire de théologie par l'abbé Bergier. Tom. 5 article: Moine, Monastéres, Etat Monastique“. Авторъ показываетъ, какой вредъ государствамъ причинили европейскіе государи, уничтоживъ монастыри, въ предположеніи этою мѣрою обогатить государство. При пособіи разговора монаха съ мірянином въ „Аскет. Оп—хъ“, гдѣ отчетливѣе разобрана духовная сторона монашества, упомянутая статья Бержье можетъ подѣйствовать наилучшимъ образомъ на современное общество, на общество легкомысленное, малосвѣдущее. Бержье писалъ наканунѣ переворота во Франціи. Надо взглянуть и на статьи того-же лексикона: Anachorete, Celibat и проч. На нихъ указывается въ главной статьѣ. Извлеченіями изъ этой статьи удачно воспользовались у насъ послѣ 1825 года. Противники монашества уступили.

11 іюня 1866 года.

№ 254. О болѣзненности Еп. Игнатія и о др. предметахъ.

У меня былъ Кюне, докторъ, съ какимъ я еще не встрѣчался. Онъ нашелъ золотуху и простуду моею болѣзнію второстепенною, а главною, отъ которой происходитъ общее разстройство, поврежденіе сердца, что и доказалъ положительно, ощупавъ больныя мѣста и сказавъ о такихъ припадкахъ, о которыхъ я не говорилъ ему. Первоначально прописалъ промывательное изъ воды и Карлсбадскую соль, которую должно растворять въ стаканѣ воды и пить, какъ пьютъ минеральныя воды. Болѣзнь призналъ онъ неизлѣчимою, много схожею по послѣдствіямъ съ чахоткою, но дѣйствующею очень медленно, почему, при условіи совершеннаго спокойствія, полагаетъ, что жизнь можетъ продлиться долго. Служеніе призналъ для меня невозможнымъ, равно какъ и всякое движеніе и занятіе быстрое и усиленное; особенно вредны душевныя потрясенія, отъ которыхъ и произошла болѣзнь.

Костромскому и Нижегородскому епископамъ даны викаріи, преимущественно для обращенія раскольниковъ. Дай Богъ, чтобы благонамѣренный графъ хотя на нѣсколько замедлилъ ужасное распространеніе въ народѣ разврата и невѣрія. Зло легко привилось и приви-

вается къ человѣчеству, а исцѣлять человѣчество отъ зла можетъ единъ Богъ.

Потрудись передать А. В. мой усердный поклонъ и мое убогое благословеніе. Желаю ей мужества и терпѣнія въ постигающихъ ее скорбяхъ. Въ сношеніяхъ моихъ стараюсь передавать духовныя и нравственныя понятія, почерпнутыя изъ ученія православной Церкви, а до внѣшнихъ дѣлъ не касаюсь, или касаюсь очень поверхностно.

P. S. Сочиненіе Юрія Самарина о іезуитахъ писано въ духѣ Новикова „Гусъ и Лютеръ“, но слогъ у Самарина лучше. Сочиненіе Самарина признаю полезнымъ и нужнымъ, а соч. Гр. Толстого „Il Catholicisme Romain“ даже необходимымъ.

Письмо къ Н. В. Голоушевой.

17 февраля 1862 года.

№ 255. О спасеніи.

М. Г. Н. В.

Приношу вамъ и С. Ф. мою искреннѣйшую признательность за воспоминаніе ваше обо мнѣ въ Новый Годъ и въ день моего Ангела. Благословеніе Божіе да почіетъ надъ вами и надъ чадомъ вашимъ! Во всякомъ дѣлѣ начальное условіе успѣха есть правильный взглядъ на дѣло; такъ и въ дѣлѣ спасенія, для полученія желаемаго спасенія необходимъ правильный взглядъ на себя и на спасеніе. По причинѣ поврежденія грѣхомъ нашей природы въ насъ смѣшано добро со зломъ и сердечная земля наша не престаетъ производить зло, а и добру не даетъ произрастать одному, цѣльному, но всегда съ примѣсью зла. Этотъ процессъ намъ естественъ не потому, чтоъ мы такъ были сотворены, но потому, что мы произвольно впустили въ свое естество ядъ грѣха, который уже не можемъ отдѣлить отъ своего естества собственными усиліями. Это отдѣленіе совершаетъ намъ Искупитель, ища отъ насъ и собственныхъ нашихъ усилій къ истребленію въ себѣ зла, какъ дѣятельныхъ доказательствъ въ истинномъ пріятіи спасенія, даруемаго Богомъ туне. И такъ, не должно унывать; видя возникающее въ себѣ разнообразное зло, должно постоянно противиться ему и исторгать его изъ себя. Трудъ и подвигъ пожизненные! Въ свое время, когда мало-по-малу начнетъ изнемогать зло, начнетъ являться и миръ душевный, признакъ здравія души. Но полнаго мира въ странѣ брани и бореній нѣтъ. Онъ то является, то опять скрывается: мѣсто постояннаго мира на небѣ и въ вѣчности. Все это нужно знать, чтобъ не требовать отъ себя того, что намъ не естественно,

и опять для того, чтобъ не унывать въ пожизненномъ подвигѣ, борясь мужественно со зломъ, возстающимъ противъ насъ и внутри и извнѣ насъ. Когда такимъ подвигомъ мы докажемъ вѣрность нашу Богу, то даръ благодати Божіей—спасеніе, таинственно вложенный въ насъ крещеніемъ и заключающійся въ соединеніи естества человѣческаго съ Божіимъ естествомъ и въ исцѣленіи перваго отъ прикосновенія ко второму, начнетъ яснѣе обнаруживать свое присутствіе въ насъ, доставляя намъ болѣе рѣшительную побѣду надъ зломъ, производя въ насъ глубокій миръ и утѣшая надеждою блаженной вѣчности. Желаю вамъ правильно подвизаться подъ руководствомъ Слова Божія и увѣнчаться вѣнцомъ спасенія по неизреченной милости Божіей.

Съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть вашимъ

п. с. Е. И.

26 мая 1864 года.

№ 256.

Необходима преданность волѣ Божіей въ самыхъ попущеніяхъ Божіихъ. Очевидно, что христіанство—этотъ таинственный духовный даръ Божій человѣкамъ—удаляется непримѣтнымъ образомъ (для невнимающихъ своему спасенію) изъ общества человѣческаго, пренебрегшаго этимъ даромъ. Надо увидѣть это, чтобъ не быть обманутымъ актерами и актерствомъ благочестія; увидѣвъ, надо отвратить взоры отъ грустнаго зрѣлища, чтобъ не подвергнуться пороку осужденія ближнихъ, надо обратить взоры на самихъ себя, позаботиться о собственномъ спасеніи, такъ какъ милость Божія еще даруетъ возможность спастись тѣмъ, которые произволяютъ спастись.

23 мая 1865 года.

№ 257. О должномъ отношеніи ко лжи.

Волки, облеченные въ овечью кожу, являются и познаются отъ дѣлъ и плодовъ своихъ. Тяжело видѣть, кому ввѣрены или кому попались въ руки овцы Христовы, кому предоставлено ихъ руководство и спасеніе. Но это—попущеніе Божіе. Сущіе во Іудеи да бѣжатъ въ горы.

13 февраля 1865 года.

№ 258.

5 февраля день моего рожденія. Въ этотъ день сдѣланъ мнѣ подарокъ, неизъяснимо пріятный. Въ этотъ день напечатана въ „Мос-

ковскомъ Вѣстникѣ“ статья, въ которой въ основную мысль поставлено, что ложь можетъ имѣть только минутныя торжества, что ложно ничего нельзя взять прочно, что она не усиливаетъ, а ослабляетъ и роняетъ дѣло, которому служитъ. Это великая, величайшей важности истина! Ее надо начертать золотыми буквами! Ее надо знать и знать всякому, кто хочетъ правильно управлять собою, въ особенности кто хочетъ правильно управлять людьми и общественными дѣлами. Чтожъ оказывается? Въ „Аскетическихъ Опытахъ“ эта мысль развивается во всей ясности и подробности: она высказывается въ статьѣ „Разговоръ объ Іисусовой Молитвѣ“ (стр. 121), въ началѣ статьи о монастырѣ (стр. 437) и во многихъ другихъ мѣстахъ. Отчего случается иногда, что люди становятся въ фальшивое положеніе и дѣйствуютъ во вредъ себѣ и всѣмъ? Отъ принятія и усвоенія ложныхъ мыслей и понятій, отъ дѣйствія изъ области человѣкоубійственной лжи. Вся исторія человѣчества доказываетъ это поразительнѣйшими фактами. О, когда бы у насъ въ Россіи развилось величественное и благотворное для временнаго и вѣчнаго быта человѣковъ правильное понятіе о святой Истинѣ! когда бы вся дѣятельность и частная и общественная потекли изъ этого Божественнаго источника!

Ложь не усиливаетъ, а роняетъ дѣло, которому она служитъ! Какъ вѣрно! Особливо это вѣрно выказывается въ дѣлахъ религіи. Между прочимъ, доказательствами этому служитъ недавно вышедшая въ Москвѣ книжка 26 московскихъ лжепророковъ. Книжка публикована въ журналѣ „Странникъ“, и въ книжкѣ наведена тѣнь на святость лица неназваннаго, но мною угадываемаго. Ходъ дѣлъ таковъ, что обличеніе въ большихъ размѣрахъ неминуемо.

№ 259.

Въ религіозномъ отношеніи наше время—очень трудно: разнообразное отступничество отъ православной вѣры приняло обширный размѣръ и начало дѣйствовать съ необыкновенною энергіею и свободою. Это предсказано Словомъ Божіимъ и, даже у насъ, совершается давно.

Надъ судьбами міра и каждаго человѣка неусыпно бдитъ Промыслъ всемогущаго Бога,—и все совершающееся совершается или по волѣ или по попущенію Божіимъ. Намъ должно обращать взоры ума на себя и умолять Господа, чтобъ Онъ сохранилъ насъ въ вѣрности православной Церкви, открылъ намъ всесвятую волю Свою и непретковенный путь къ Себѣ, источнику истинной жизни и спасенія. Спасеніе человѣковъ есть даръ Божій человѣкамъ, отнюдь не собственное ихъ изобрѣтеніе и пріобрѣтеніе: и потому оно не можетъ иначе выра-

ботаться, какъ подъ водительствомъ Бога,—Его милостію и благодатію. Эта милость Божія избавила тебя отъ видѣній, оставивъ при душеполезнѣйшемъ, безопасномъ видѣніи: при видѣніи грѣховъ своихъ. Милость Божія свидѣтельствуется успокоеніемъ сердца.

20 февраля 1865 года.

№ 260. Письмо къ Оптинскимъ.

Высокопреподобнѣйшій о. Игуменъ, и преподобнѣйшіе Отцы и Братія Богоспасаемой Введенской Оптинской Пустыни!

По изволенію Божію оканчивается печатаніемъ убогій трудъ мой, книга, подъ названіемъ „Аскетическіе Опыты“. Экземпляръ этой книги имѣетъ быть препровожденъ къ Вамъ въ знакъ моего уваженія и сердечнаго расположенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю Вамъ мою покорнѣйшую просьбу, исполненіе которой сочту для себя величайшимъ одолженіемъ. Примите на себя трудъ составить на эту книгу замѣчанія, нисколько не стѣсняясь и не останавливаясь отъ какого либо замѣчанія, при мысли, что оно можетъ огорчить меня. Книгу не признаю моею собственностью, а собственностію всего монашества и православнаго христіанства. Слѣдовательно, обязанность моя—выслушать всякое замѣчаніе съ благодарностію, еслибъ я и не былъ согласенъ съ нимъ, потому что замѣчанія, высказанныя съ любовію, дадутъ мнѣ возможность усовершить книгу ко второму ея изданію и тѣмъ полнѣе удовлетворить ея назначенію. Поручая себя Вашимъ Св. молитвамъ и проч.

Глазунову.

25 октября 1864 года.

№ 261. О добрыхъ дѣлахъ.

Всѣ добрыя дѣла навѣтуются скорбями, между тѣмъ Св. Писаніе говоритъ, что начавшій доброе дѣло да совершитъ его. Въ наше время распространенію ученія Св. Отцовъ особливо противодѣйствуютъ отверженные духи, влагая разныя помышленія плотскаго мудрованія и, возставляя людей, руководимыхъ плотскимъ мудрованіемъ. Почему я полагалъ бы, что вамъ надо придержаться съ твердостью принятаго вами благого намѣренія, а приходящія помышленія и внушенія людскія принять за знакъ того, что дѣло ваше пріятно Богу и полезно христіанству, потому именно, что противъ такихъ дѣлъ воздвигаются всегда препятствія и скорби, по мнѣнію Св. Отцовъ. Препятствіями свидѣтельствуются такія дѣла. Напротивъ того дѣла, совер-

шаемыя въ духѣ міра сего, во вредъ и въ осужденіе души своей и душъ ближнихъ текутъ какъ по маслу. Вамъ всего ближе видѣть это: вы видите, какъ быстро распространяются книги, губящія и вѣру и нравственность, какіе расходы дѣлаются на напечатаніе ихъ, съ какимъ усердіемъ одни стараются распространить ихъ, а другіе покупаютъ. Какъ вы думаете, каково это предъ взорами Бога? И чего должно ожидать за это на судѣ Божіемъ?.. Невѣрующіе кричатъ, что нѣтъ Бога, нѣтъ и суда Божія. Изъ за такого крика, которымъ развратъ усиливается только заглушить представленія совѣсти, Богъ не пересталъ существовать. Онъ есть, непремѣнно воздаетъ каждому человеку по дѣламъ его. Самое отступничество предсказано со всею ясностію Св. Писаніемъ и служитъ свидѣтельствомъ того, сколько вѣрно и истинно все, сказанное въ Писаніи.

Сими строками я исполнилъ долгъ мой предъ вами и предо мною; впрочемъ Богъ предоставилъ каждому человѣку во время его земной жизни на произволъ дѣлать добро, или не дѣлать его. Вы сами видите: какая нынѣ нужда въ ученіи Св. Отцовъ для христіанскаго общества, обуреваемаго разными нечестивыми ученіями. Сдѣлавъ свое дѣло, т. е. отдавъ вамъ безвозмездно для напечатанія мой двадцатилѣтній трудъ, я въ остальномъ полагаюсь на волю Божію и желаю пребывать въ мирѣ душевномъ, на основаніи покорности волѣ Божіей.

Примѣчаніе П. А. Б. Письмо это къ И. И. Г. написано вслѣдствіе принятаго имъ намѣренія отложить напечатаніе сочиненій епископа на свое иждивеніе и требованія печатать ихъ на иждивеніе епископа и брата его въ противность прежде данному обѣщанію напечатать всѣ сочиненія на его, Глазунова, иждивеніе. Въ этихъ видахъ были оставлены всѣ типографскія работы на неоконченномъ II-мъ томѣ. По полученіи письма II-й томъ „Опытовъ“ оконченъ печатно, но два остальные остались ненапечатанными.

20 февраля 1865 года.

№ 262. Письмо къ Высокопреосвященному Митрополиту С.-П. Бургскому Исидору.

Благосклонному и благочестивому вниманію Вашего Высокопреосвященства имѣю честь представить трудъ мой—книгу, подъ названіемъ „Аскетическіе Опыты“. Въ книгѣ изложены тѣ понятія о духовномъ подвигѣ, которыя почерпнуты мною въ теченіе долговре-

меннаго созерцанія монашества, какъ въ живыхъ представителяхъ его, такъ и въ писаніяхъ Святыхъ Отцовъ.

По настоящему положенію монашества въ Россіи и вмѣстѣ по состоянію общества въ духовно-нравственномъ отношеніи, ближайшее ознакомленіе и монашества и общества съ правильнымъ образомъ подвижничества оказывается особенно нужнымъ и полезнымъ. Уваженіе къ тѣлесному подвигу, когда онъ предоставленъ лишь самому себѣ, уваженіе, воздававшееся во времена простоты, миновалось. Миновалось оно по той весьма естественной причинѣ, что монахи, занимающіеся исключительно тѣлеснымъ подвигомъ, не могутъ дать должнаго отчета въ монашеской жизни ни себѣ, ни братіямъ своимъ, живущимъ посреди міра. При томъ занятіе тѣлеснымъ подвигомъ въ той степени, въ какой занимались имъ старинные монахи, нынѣ очень, очень ослабѣло по причинѣ общаго упадка силъ и здоровья въ человѣкахъ. Занятіе это уже не воспроизводитъ атлетовъ, которые возбуждали бы удивленіе къ себѣ, обнаруживая что-либо сверхъ-естественное.

Духовный подвигъ образуетъ истинныхъ, сознательныхъ монаховъ и его-то вызываетъ, такъ сказать, на поприще дѣятельности современная образованность. Онъ, одинъ онъ, можетъ ввести въ монастыри и поддерживать въ монастыряхъ строго-нравственный порядокъ, доставляя братству точныя, правильныя, глубокія понятія о христіанствѣ, доставляя братству разумную свободу, соединенную съ разумнымъ духовнымъ подчиненіемъ, образуя въ братствѣ духовную силу и связь. Онъ, одинъ онъ, можетъ облечь монаха во всеоружіе для отраженія современныхъ, враждебныхъ Церкви ученій, сообщая монаху ощущеніе гармоніи между Евангельскимъ ученіемъ и свойствами души человѣческой. Онъ вводитъ монаха въ правильное самовоззрѣніе и истекающее изъ этого самовоззрѣнія сознаніе своего паденія и необходимости въ Искупителѣ. Самый тѣлесный подвигъ, приведенный къ нормальному значенію своему подвигомъ духовнымъ, дѣйствуетъ въ подвижникѣ съ особенною благотворностію, которой онъ чуждъ, когда дѣйствуетъ одинъ.

Расположеніе и покровительство, оказываемыя Вашимъ Высокопреосвященствомъ монашеству, Ваше усердіе и ревность къ поддержанію его и къ возведенію въ преуспѣяніе, предначертанное церковнымъ преданіемъ, внушили мнѣ дерзновеніе представить взорамъ Вашимъ составленную мною книгу. Экземпляръ ея, равно какъ и записку о мѣстахъ продажи по цѣнѣ ея—цѣна назначена книгопродавцемъ, отпечатавшимъ книгу на свое иждивеніе—представитъ Вашему Высокопреосвященству мой родной братъ, Петръ Александровичъ Брянчаниновъ. Можетъ быть благоугодно будетъ Вашему Высокопре-

освященству, по разсмотрѣніи книги, оказать Архипастырское содѣйствіе къ распространенію ея въ монастыряхъ епархіи Вашихъ.

Испрашивая себѣ Ваше Архипастырское благословеніе и поручая себя Вашимъ Святительскимъ молитвамъ съ чувствами глубочайшаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства милостивѣйшаго Архипастыря и Отца.

Къ Мельникову.

№ 263.

Милостивѣйшій Государь,

Димитрій Алексѣевичъ!

За посѣщеніе Ваше въ Ставрополѣ не могу заплатить личнымъ приходомъ къ Вамъ. Прихожу моею книгою. Примите ее съ любовію, и въ минуты свободы заглядывайте въ нее. Эта книга—книга самовоззрѣнія. Книга возвѣщаетъ христіанство не извнѣ—изъ изслѣдованія человѣкомъ самого себя.

Всѣ земныя положенія срочны. Земная жизнь наша—школа, въ которой мы должны приготовиться къ вѣчности. Неупражненіе во всякой наукѣ служитъ причиною незнанія ея, и близкая къ намъ вѣчность становится въ безконечную даль, облекается въ глубокій мракъ для тѣхъ, которые не разсматриваютъ ее. Въ изученіи всякой науки требуется, чтобъ изученіе было правильнымъ; безъ этого приходимъ къ пустымъ или ложнымъ результатамъ: точно такъ и въ изученіи христіанства необходима правильность; безъ нея человѣкъ непремѣнно уклонится въ многообразное заблужденіе, тамъ, гдѣ господствуетъ истина, нѣтъ мѣста для запечатлѣнныхъ ложью.

Желая Вамъ благъ временныхъ, еще болѣе желаю благъ вѣчныхъ. Съ чувствами совершеннаго почтенія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства.

Князю Горчакову.

№ 264.

Милостивѣйшій Государь,

Князь Александръ Михайловичъ!

Когда вы были посланникомъ въ Виртембергѣ, а я былъ настоятелемъ въ Сергіевой пустынѣ, тогда послѣ кончины супруги Вашей,

Вы посѣтили упомянутую мною обитель и удостоили посѣщенія Вашего мои келліи. Имѣлъ я честь принимать Ваше Сіятельство на балконѣ. Рѣчь зашла о сочиненіи Ѳомы Кемпійскаго: я сказалъ вамъ мое мнѣніе о его книгѣ „Подражаніе“. Но клѣть душевная—глубины неизмѣримой! Свиданіе было слишкомъ кратко,—и мнѣніе мое, основанное на долговременномъ изученіи Отцовъ православной Церкви, не могло быть изложено съ удовлетворительностію. Недостатокъ сказаннаго мною восполняю представленіемъ Вамъ книги „Аскетическіе Опыты“. Въ нихъ Вы прочитаете ученіе нашихъ Отцовъ о внутреннемъ духовномъ подвигѣ. Это ученіе отличается отъ ученія западнаго писателя тѣмъ, что Отцы ведутъ писателя своего къ покаянію и плачу о себѣ, а западный писатель ведетъ къ наслажденію и довольству собою.

Всякое земное положеніе преходитъ, незамѣтно приближается и приближается человѣкъ къ вратамъ вѣчности. Если истинная любовь желаетъ ближнему истинныхъ благъ, то это желаніе необходимо отнести къ благамъ вѣчнымъ. Примите отъ меня такое желаніе! Взглянувъ въ книгу, Вы встрѣтите на каждой страницѣ ея это желаніе высказаннымъ безъ лести падшему человѣку. Съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности имѣю честь быть

Вашего Сіятельства.

Замѣчаніе Еп. Игнатія.

На повѣданіе архимандрита Макарія, бывшаго ректора Тверской семинаріи, нынѣ цензора, что духи злые ему сказывали, что несмѣтное число злыхъ духовъ выпущено для борьбы противъ Церкви православной, въ единеніи съ папизмомъ и магометанизмомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствіе духовъ—усиленное. Но повѣданіямъ ихъ вѣрить невозможно: если они скажутъ иногда и истину, то для того, чтобъ ею прикрыть коварство или заслужить довѣренность и потомъ тѣмъ вѣрнѣе нанести вредъ. Въ настоящее время главный трудъ ихъ заключается въ томъ, чтобъ уронить всѣ истинныя идеи о Богѣ и о всемъ Божественномъ и возвеличить идеи о человѣкѣ въ падшемъ естествѣ его,—тѣмъ приготовить возвеличеніе того человѣка, который превозносится паче Бога по предреченію св. Ап. Павла. Та же идея, которая сгубила человѣковъ въ раю! только она теперь развивается обширнѣе. Какой папизмъ! Какое магометанство! Это—только маскировка; это—частныя дѣйствія. Папа, Магометъ служатъ предъизображеніемъ антихриста; самый близкій его образъ—Гришка Отрепьевъ.

Письма къ Михаилу Васильевичу Чихачову.

(впослѣдствіи—схимонаху Михаилу) [1]).

27 января 1859 года.

№ 265. О милостынѣ для души.

...Имущество приманчиво: рѣдкій человѣкъ можетъ устоять противъ производимаго имъ соблазна. Покажи старичку въ „Словѣ къ Пастырю“ святаго Іоанна Лѣствичника то мѣсто, гдѣ сей святой говоритъ, что милостыня, оказываемая для душъ, столько выше милостыни, оказываемой для тѣлъ, сколько душа выше тѣла. Такую милостыню, или намѣреніе совершить такую милостыню, могущую старичку открыть путь по мытарствамъ и доставить блаженную кончину и вѣчность, всячески будутъ стараться похитить наши невидимые враги, то самому старичку влагая правдоподобные помыслы, оттягивающіе отъ исполненія на дѣлѣ задуманнаго, то дѣйствуя черезъ людей. Надо это замѣтить и остеречься, противупоставляя помысламъ бѣсовскимъ и людскимъ рѣчамъ, оттягивающимъ отъ исполненія, вышеупомянутое изреченіе Писанія, которое именно и сказано въ предосторожность противъ лукавыхъ помысловъ, приносимыхъ діаволомъ, и подучающихъ отсрочивать задуманное добро, съ тѣмъ, чтобы и совершенно похитить его у человѣка.

14 іюля 1859 года.

№ 266. О необходимости для спасенія скорбей.

Получивъ письмо твое отъ 15 мая, я отвѣчалъ на него. Послѣ этого я не имѣлъ отъ тебя письма, а читалъ посланное къ О. І., и порадовался, что при болѣзни твоей приходитъ тебѣ мысль о смерти и что ты понимаешь опасность твоей болѣзни. Воспоминаніе о смерти не приближаетъ къ смерти, а только приготовляетъ къ ней, располагая къ покаянію. Твоя рана и боль отъ нея—это отеческое наказаніе отъ Бога, Который его-же любитъ, наказуетъ. Я провелъ всю жизнь въ болѣзняхъ и скорбяхъ, какъ тебѣ извѣстно: но нынѣ не будь скорбей—нечѣмъ спастись. Подвиговъ нѣтъ, истиннаго монашества—нѣтъ, руководителей—нѣтъ: однѣ скорби замѣняютъ собою все. Подвигъ сопряженъ съ тщеславіемъ; тщеславіе трудно замѣтить въ себѣ, тѣмъ болѣе очиститься отъ него; скорбь же чужда тщеславія, и по-

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ другѣ Владыки Игнатія можно читать въ первой части нашей книги, особенно въ гл. 1 отд. Б. и В.

тому доставляетъ человѣку богоугодный, невольный подвигъ, который посылается Промыслителемъ нашимъ сообразно произволенію.....

Въ мои годы и при моей болѣзненности надо искать покаянія, а уже не до земныхъ сіятельствъ. Все придетъ своимъ чередомъ во мракъ могилы забвенія: только служеніе Богу и покаяніе предъ Нимъ будутъ имѣть вѣчную цѣну. Кажется на землѣ затѣвается большая война; но борьба со страстьми и похотями совсѣмъ оставлена. Очень замѣтно общее ослабленіе въ вѣрѣ. Утѣшайся! Господь тебя да утѣшитъ и покроетъ Своею милостію. Е. И.

27 августа 1859 года.

№ 267. О тѣлесныхъ болѣзняхъ.

Спаси Господи за письмо твое отъ 14 августа. Мы живемъ очень спокойно и тихо. О. Александръ (бывшій Андрюша) по сознанію всѣхъ врачей безнадеженъ по отношенію къ выздоровленію. Но это насъ не огорчаетъ! Полагаемся на волю Божію, бесѣдуемъ часто о спасеніи и смерти, разсуждая, что гораздо лучше умереть при покаяніи и съ должнымъ приготовленіемъ молодому, нежели старому безъ покаянія и безъ приготовленія. Нынѣ соблазны умножились въ такой степени, даже въ нѣдрѣ Святыхъ Обителей, что каждаго желающаго спастись объемлетъ страхъ и недоумѣніе по причинѣ множества козней вражескихъ: такую кончину, какую Богъ даетъ о. Александру, должно признать особенною милостію Божіею... Теперь твоя очередь похворать. Похворай, батюшка, съ терпѣніемъ и самоукореніемъ; болѣзнь многому доброму учительница; сверхъ того, она—посланіе Божіе взамѣнъ и пополненіе нашихъ недостаточныхъ подвиговъ.

18 сентября 1859 года.

№ 268. О необходимости положиться на волю Божію и за все благодарить Бога.

Благодарю тебя за письмо твое отъ 1 сентября и искренне желаю, чтобъ здоровье твое поправилось; знаю по собственному опыту, что больной человѣкъ и себѣ и другимъ не слуга. Здоровье потерять легко, а возвратить трудно. Лѣчившись здѣсь въ теченіе двухъ сезоновъ, только нынѣ начинаю чувствовать значительное облегченіе послѣ продолжительной сыпи, и то облегченіе, а не выздоровленіе. Мое здоровье разстроено еще въ дѣтствѣ золотухою скрытною, которая не была понята, а потому не лѣчена, а потомъ—простудою. Слава Богу за все! для меня болѣзнь была какъ бы цѣпями, обуздывавшими

горячность моего характера и сложенія; она препятствовала дѣятельности, вмѣстѣ препятствовала и большему развитію гордыни, которая часто развивается отъ успѣшной дѣятельности. Слава Богу, Промыслителю нашему за все.—О намѣреніи подать просьбу Царю одного изъ здѣшнихъ я знаю... трудно такой просьбѣ имѣть успѣхъ. Да еслибъ и получила она какой успѣхъ, то я полагаюсь на волю Божію, которая часто разными противностями устрояетъ человѣку спасеніе, о коемъ мнѣ въ мои лѣта слѣдуетъ думать и думать. Буди воля Божія и за все, имѣющее случиться, слава Богу.

О. Александръ очень слабъ, но благодушествуетъ, ежедневно бесѣдуетъ со мною о смерти и о томъ, что надо человѣку предаваться волѣ Божіей.

10 октября 1859 года.

№ 269.

Благодарю за извѣщеніе объ освященіи церкви преподобнаго Сергія, чѣмъ я весьма утѣшился. Да славится имя Божіе на землѣ бѣднымъ созданіемъ Божіимъ—человѣкомъ, и да достигнетъ сіе бѣдное созданіе зрѣнія вѣчной славы Божіей на небеси.

О. Александръ таетъ постепенно, чрезвычайно слабъ. Я на него любуюсь, какъ на небеснаго жителя, физіономія у него ангельская.

15 января 1860 года.

№ 270.

Промыслъ Божій бдитъ неусыпно надъ судьбами Своей Церкви и надъ судьбами міра. Воля Божія да совершается! Ты живешь при моемъ ближайшемъ ученикѣ и въ монастырѣ, который почти основанъ мною: слѣдовательно, ты не удалялся отъ меня и не расходился со мною. Не сунулся же по увлеченію глупой фантазіи куда нибудь, а пребылъ въ своемъ мѣстѣ и по отношенію ко мнѣ проходилъ послушаніе корреспондента. Леонидъ и Ювеналій избрали свой путь, отвергнувъ то предложеніе, которое имъ было сдѣлано. Дай Богъ имъ всего добраго! желать имъ всего добраго можно и должно, а соваться съ какимъ либо своимъ предложеніемъ или совѣтомъ невозможно. Даруй Господи всѣмъ вся на временную и вѣчную пользу!

17 февраля 1860 года.

№ 271. О должномъ отношеніи къ тѣлеснымъ болѣзнямъ.

Судьбы Божіи помогаютъ тѣмъ, которые имѣютъ искреннее, хотя и немощное намѣреніе спастись. Тебѣ извѣстно, какъ рано посланы

были мнѣ болѣзни, постепенно отнимавшія возможность подвига и уничтожавшія способность къ занятіямъ. Вижу, что болѣзненность моя есть даръ Божій: она обуздывала меня, и, лишая временнаго благоденствія, привлекала ко мнѣ вѣчную милость Божію.—Теперь пришло время похворать и тебѣ. Радуюсь, что ты переносишь болѣзнь должнымъ образомъ, повторяя слова разбойника, который былъ распятъ одесную Господа и за сознаніе свое получилъ входъ въ рай. Болѣзнь твоя есть Богомъ данная эпитимія. Милосердый Господь да даруетъ тебѣ переносить эпитимію съ благодареніемъ Богу..... И отъ болѣзней и отъ лѣченія я такъ слабъ, что надо бы въ какой либо монастырь на покой, т. е., съ управленіемъ монастыремъ. Пришли мнѣ такую книгу, гдѣ бы русскіе монастыри были описаны, да собери какія можно свѣдѣнія о монастыряхъ Задонскомъ и Колязинскомъ. Послѣдній былъ бы удобнѣе: какъ менѣе посѣщаемый знатью. Впрочемъ: это помышленія человѣческія, а Богъ знаетъ, что дѣлаетъ съ своими созданіями.

Потрудись передать мой поклонъ П. П—чу и скажи ему, что пора перестать сердиться на меня и простить меня. Передай мой поклонъ всей братіи.

23 апрѣля 1860 года.

№ 272.

Спаси Господи за всю любовь твою ко мнѣ грѣшнику. За все слава Богу!—Не начинаемъ жить, а оканчиваемъ земную жизнь. Довольно наглядѣлись на все земное: кажется, надо бы научиться, и твердо знать, что все земное превратно, что всякая горесть и радость земныя минутны, яко сонъ обманчивый проходятъ и не возвращаются.

12 мая 1860 года.

№ 273 О тѣлесныхъ болѣзняхъ и о намѣреніи Чихачова постричься въ схиму.

Болѣзнь твою надо признавать милостію Божіею. Всеблагій Господь отеческимъ наказаніемъ Своимъ дополняетъ недостатокъ произвольнаго человѣческаго подвига. Пишешь, что О. Іустинъ рѣдкой души человѣкъ. Точно: къ нему имѣется особенная милость Божія. Я долженъ благодарить Бога, что Онъ, по великой милости Своей, послалъ мнѣ на старость, при крайней немощи моей, человѣка, несущаго о Господѣ тяготу мою. И Каллистъ очень милъ, становится почтеннымъ.—Дѣло о постриженіи въ схиму надо начинать по окончаніи дѣла о лѣченіи. Лѣченіе очень развлекаетъ мысль лѣчащихся, это знаю

по собственному опыту; схимнику же по постриженіи непремѣнно надо имѣть мысль, сосредоточенную въ себѣ: первоначальное расположеніе духа, воспринятое по постриженіи, будетъ дѣйствовать на всю остальную жизнь.

25 мая 1860 года.

№ 274.

Богъ устроилъ тебѣ на старости лѣтъ поболѣть и въ келліи посидѣть, чтобъ грѣхи юности помянуть, и въ нихъ принести Богу покаяніе, а отъ Бога получить прощеніе. Слава Богу, устрояющему намъ спасеніе Его премудрыми судьбами. Изъ постигшей тебя болѣзни должно понимать, что Богъ принялъ твое произволеніе по отношенію къ твоему вступленію въ монастырь и награждаетъ за твое посильное служеніе Ему въ монастырѣ. Апостолъ говоритъ, что Богъ **„біетъ всякаго сына, егоже пріемлетъ“**. (Евр. 12. 6). И такъ, хотя теперь идутъ побои, но они знакъ принятія, и должны быть приняты съ радостію и благодареніемъ. Отъ благодаренія—терпѣніе; отъ терпѣнія—надежда спасенія.

17 іюня 1860 года.

№ 275.

Благодарю за увѣдомленіе о почившемъ Епископѣ и о отходящемъ. Такія вѣсти поучительны: и намъ предстоитъ путь туда же. Надо приготовиться. И Господь приготовляетъ судьбами своими тѣхъ, кто по силѣ самъ приготовляется.

27 іюня 1860 года.

№ 276.

Спаси Господи за увѣдомленіе, о кончинѣ Митрополита Григорія. Хотя и скорбная вѣсть, но судьбы Божіи неизслѣдимы, и имъ должно покоряться.

Да даруетъ тебѣ Богъ благополучно пожить при указѣ. Я и самъ находилъ твою поѣздку сюда излишнею. Мы не мірскіе люди! разговору у меня съ тобою хватило бы только на пять минутъ. Гораздо лучше внимать себѣ, не оставляя мѣста, даннаго Богомъ для спасенія. Часъ призыва въ вѣчность для каждаго изъ насъ неизвѣстенъ, но непремѣнно будетъ, и по большей части подкрадывается, яко татъ въ нощи.

11 іюля 1860 года.

№ 277. О пріобрѣтеніи села покаянія.

Недавно попало мнѣ въ руки завѣщаніе Святителя Тихона Воронежскаго. Въ этомъ завѣщаніи между многими благодареніями, праведникъ возсылаетъ благодареніе Богу за то, что даровалъ ему прежде кончины село покаянія, на коемъ сокровенна драгоцѣнная жемчужина спасенія. Но чтобъ купить село покаянія, надо, по наставленію Евангелія, продать все имущество, то есть, пожертвовать видным земнымъ положеніемъ, приводящимъ въ разсѣянность, и всѣми земными пріятными отношеніями, развлекающими сердце и недопускающими углубиться въ покаяніе. Въ такомъ расположеніи души, сами себя, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.

28 іюня 1860 года.

№ 278 О стяжаніи покаянія

Я молю Бога, чтобъ Онъ даровалъ мнѣ поприще покаянія. По моему мнѣнію: я еще не начиналъ покаянія, и вполнѣ раздѣляю мнѣніе преподобнаго Исаіи Отшельника, высказанное имъ въ посланіи къ ученику его, аввѣ Петру, что доколѣ человѣкъ находится въ развлеченіи и попеченіи, дотолѣ онъ не можетъ стяжать покаянія.

10 августа 1860 года.

№ 279. О земномъ благополучіи и земныхъ скорбяхъ, о печатаніи собственныхъ сочиненій и о др. предметахъ.

Господь являетъ милость Свою къ рабамъ Своимъ не въ земномъ благополучіи, а въ земныхъ скорбяхъ. Очень утѣшительно изложена эта мысль въ житіи Великомученика Евстафія Плакиды: тамъ сказано, что если Господь и дастъ земное благополучіе рабамъ своимъ, то на короткое время, чтобъ они не испортились. Благополучіе неизмѣнное очень портитъ сердце. При нынѣшнихъ перемѣнахъ я могу ожидать, что предложатъ на покой: надо это счесть за великую милость Божію, дарующую время для тщательнаго покаянія.

Извини меня предъ А. С., что не затѣваю съ нимъ переписки, хотя и сохраняю всю прежнюю любовь. Я вообще прекратилъ переписку со всѣми, и пишу только при крайней нуждѣ. Въ мои годы и при слабости моего здоровья мнѣ не до переписки и не до земныхъ

помышленій, а какъ бы почаще вспоминать о смерти и приносить Богу покаяніе, пока поприще покаянія не отъято.

Относительно моихъ сочиненій передай о. Архимандриту, что я никакъ не желаю, чтобъ нынѣ они были напечатаны, по многимъ причинамъ, между прочимъ и по той, что я ихъ выправляю и пополняю. Такъ Правила для наружнаго поведенія новоначальныхъ выправлены и къ нимъ придѣлана другая половина, въ пять разъ больше первой, о душевномъ дѣланіи для новоначальныхъ. „Слово о смерти“ я выправилъ и послалъ къ Московскому Митрополиту съ прошеніемъ о разрѣшеніи напечатать, какъ опытъ аскетическихъ трудовъ моихъ. Что будетъ? не знаю!— Если Богу угодно будетъ, то мнѣ желалось бы напечатать собраніе моихъ сочиненій, пересмотрѣвши тщательно, и напечатать подъ собственнымъ моимъ наблюденіемъ. Если же этого Богу не будетъ угодно, то выправленная рукопись можетъ остаться по смерти моей тому, въ чьи руки Богъ приведетъ ее, и можетъ быть, напечатана, или и ненапечатанною послужитъ кому либо въ душевную пользу. У о. Архимандрита имѣется снимокъ многихъ моихъ сочиненій въ память о мнѣ грѣшномъ и въ память того, что я, хотя самъ мало зналъ, но что зналъ, то братіи сообщалъ въ общее спасеніе. Почему прошу и молю о. Архимандрита моихъ сочиненій не печатать, ни въ цѣломъ видѣ, ни въ выпискахъ, ни въ передѣланномъ видѣ. Мнѣ старецъ Исаія говаривалъ: не пиши! не для кого!

26 сентября 1860 года.

№ 280.

Вотъ уже истина, сказанная въ Св. Писаніи, что всякій человѣкъ расцвѣтаетъ для земной жизни на короткое время! Глядишь: расцвѣтетъ, поцвѣтетъ, а тамъ и блекнетъ. И богатырь Кн. О. отходитъ. Въ Оптиной 7 сентября скончался іеросхимонахъ Макарій Ивановъ, знаменитый старецъ: онъ постоянно переписывался со мною съ того времени, какъ я на Кавказѣ. Скажи Ш—ву, что я сердечно радуюсь воздвигнутой имъ обители для иноковъ; за это, по всей вѣроятности, онъ найдетъ въ той жизни уготованную себѣ богозданную обитель вѣчную. Не могутъ остаться безъ исполненія слова Христовы: **„въ мѣру, въ нюже мѣрите, возмѣрится вамъ“**. Полагаю, что 25-го Митрополитъ былъ у васъ въ пустынѣ: сердечно желаю, чтобъ онъ далъ дожить о. Игнатію и братіи въ той обители, въ которую они вступили, когда она состояла въ развалинахъ, и когда, по милости Божіей, превратилась въ благолѣпнѣйшій монастырь съ такими прекрасными зданіями, какихъ нѣтъ ни въ какой другой обители. О благочиніи и благонравіи судитъ Богъ. Но и въ этомъ отношеніи Сер-

гіева пустыня далеко выше многихъ другихъ монастырей, даже знаменитыхъ святостію. Впрочемъ воля Божія да будетъ! если и послѣдуетъ съ Игнатьюшкой какое искушеніе, то оно будетъ служить признакомъ особеннаго Божія благоволенія.

По милости Божіей начинаю чувствовать значительное облегченіе послѣ сильнѣйшаго и мучительнаго дѣйствія водъ, которое, впрочемъ, продолжается въ значительной степени и доселѣ. Веду жизнь весьма уединенную. Не могу довольно возблагодарить Бога, извлекшаго меня изъ Петербургскаго омута: кажется, я нарочно былъ поставленъ туда, чтобъ вблизи увидѣть всю суету міра, познать ея обманчивую прелесть, и окончательно возненавидѣть ее. Никифоровскіе поживаютъ здѣсь мирно, и со мною очень поладили. Въ городѣ ими назидаются. Слава Богу, дающему время на покаяніе и на ознакомленіе съ будущностію прежде вступленія въ будущность.

10 октября 1860 года.

№ 281.

Весьма бы радъ былъ, еслибъ дали епархію гдѣ вдали, но съ монастырями, чтобъ можно было заблаговременно приготовить монастырекъ, а потомъ и удалиться въ него. Таково предположеніе человѣческое, но Господь строитъ Свое, и должно покаряться волѣ Его.

15 ноября 1860 года

№ 282. О кончинѣ о. Макарія Оптинскаго и о др. предметахъ.

Письмо твое отъ 31 октября получилъ, и порадовался извѣстію, что новый митрополитъ расположился къ Сергіевой пустынѣ и ея настоятелю. Искренне желаю, чтобъ это расположеніе пришлось и упрочилось для блага обители, для мира и спасенія живущихъ въ ней, и для самого святителя, который впервые въ жизни своей имѣетъ дѣло съ монашествующими, понимающими монашество. Оттолкнуть отъ себя монаховъ и разогнать очень легко, а собрать и образовать—весьма трудно, даже невозможно безъ особеннаго дара Божія. О. Архимандритъ Моисей извѣстилъ меня о кончинѣ старца іеросхимонаха Макарія и просилъ брошюру сочиненія о. Леонида Кавелина. Оптина лишилась души своей. О. Макарій, хотя и былъ наиболѣе тѣлеснымъ исполнителемъ заповѣдей, но имѣлъ любовь къ ближнему и ею поддерживалъ братство. Онъ незамѣнимъ по моему мнѣнію и взгляду! оставшіеся слишкомъ тѣлесные дѣлатели. Св. Исаакъ Сирскій сказалъ, что тѣлесное дѣланіе безъ душевнаго къ разуму Божію приближаться не можетъ, а весьма способно къ доставленію мнѣнія

о себѣ. Міръ прославляетъ Оптинскихъ, какъ святыхъ; но мнѣніе міра всегда бываетъ противно истинѣ. Оскудѣло монашество, и еще болѣе должно оскудѣть. Спасаяй да спасетъ свою душу. Всей братіи мой усерднѣйшій поклонъ. Е. И.

14 декабря 1860 года.

№ 283.

О дамахъ, вышедшихъ замужъ за границей, сожалѣю. Вѣкъ такой! вкусъ такой! залоги такіе! О бывшей К. Е. очень сожалѣю. Такъ люблю все ихъ семейство, что пріятности ихъ и непріятности живо трогаютъ меня.

27 декабря 1860 года.

№ 284.

Усердно желаю тебѣ принять святый ангельскій образъ во спасеніе души твоея и окончательное отрѣшеніе отъ міра.

Относительно себя скажу тебѣ прямо, что я никакого виднаго мѣста для себя не желаю, да и не въ силахъ, по болѣзненности и по истощенію отъ болѣзненности, понести служенія на видныхъ мѣстахъ, а искренне желаю гдѣ либо въ уединеніи и неизвѣстности окончить дни свои во вниманіи себѣ и покаяніи.

30 января 1861 года.

№ 285. О собственной грѣховности, объ обманчивости земного благополучія и о др. предметахъ.

Спаси Господи за все, и за свидѣтельство о мнѣ, что я отъ продолжительной болѣзни истощился. Это совершенная правда. Грѣшную мою жизнь всю перезабылъ; пиши, что знаешь и хочешь, а я только то знаю и помню, что жизнь моя была и есть цѣпь грѣховъ.

Справедливо Святые Отцы называютъ земную жизнь обманчивымъ сномъ, а счастіе, которое не остается собственностію человѣка на вѣчность, самообольщеніемъ. Сколько примѣровъ земного довольства и величія, рушившихся предъ нашими глазами! А теперь живой примѣръ К. О.—И богатъ, и славенъ, да по разсудку въ дѣтскомъ состояніи, а потому и слава, и богатство составляютъ лишенную почти всякаго значенія обстановку, которую смерть вполнѣ отъиметъ. Велика къ намъ милость Божія, приведшая насъ въ монастырь. Это благо выше всѣхъ земныхъ благъ.

О мнѣ ходятъ здѣсь основательные слухи, что переведутъ. Что-жъ? Вся земля принадлежитъ одинаково Богу, и я предаю себя всецѣло Его волѣ и водительству. Богъ нерѣдко устраиваетъ для тѣхъ, которые вручили себя Ему, душеполезное положеніе, обстоятельствами противными. Тихона Воронежскаго обвиняли въ излишней горячности; по причинѣ такого обвиненія онъ долженъ былъ удалиться въ монастырь, гдѣ сподобился особенной милости Божіей. Въ предсмертномъ завѣщаніи своемъ Святитель именно приноситъ Богу особенную благодарность за то, что даровано ему было приготовиться къ переходу въ вѣчность тщательнымъ покаяніемъ. Вотъ что сочтено духовнымъ мужемъ за благодѣяніе Божіе: изгнаніе съ каѳедры и смиренное пребываніе въ монастырѣ. Самое правильное сужденіе!

Отцу Архимандриту и всей братіи потрудись передать мой усерднѣйшій поклонъ. Будь здравъ и благополученъ. Молись о мнѣ.

Е. И.

16 февраля 1861 года.

№ 286. О необходимости предать себя волѣ Божіей.

Спаси Господи за письмо твое отъ 31-го января.

Св. Іоаннъ Златоустъ и другіе Святые Отцы, начиная говорить о чемъ либо, всегда старались начинать съ слѣдующихъ словъ: „Буди воля Божія надъ всѣми нами! Слава Богу за все совершающееся, хотя бы совершающееся было и тяжкимъ и горькимъ“. Богъ и въ благодѣяніяхъ Своихъ многомилостивъ, и въ наказаніяхъ Своихъ многомилостивъ. Дѣло каждаго христіанина понять и признать эту истину.

Нерѣдко случается, что, по смотрѣнію Божію, отнимается что-либо вещественное и временное, а въ замѣнъ его дается нравственное и духовное, вѣчное. А люди, привязанные къ веществу и временной жизни, скорбятъ, непонимая, что они возводятся къ безцѣннымъ, высшимъ благамъ. Преданіе себя волѣ Божіей приноситъ сердцу успокоеніе и утѣшеніе при всѣхъ скорбяхъ. Это я говорю по своимъ частымъ опытамъ; но увѣренъ, что и опыты каждаго человѣка подтвердятъ тоже, если онъ настроитъ себя по духу Святыхъ Отцовъ. Слухи о моемъ перемѣщеніи здѣсь продолжаются; но ты не говори о нихъ для празднословія и со всякимъ. Услышавъ о кончинѣ Митрополита Григорія, я понялъ, что долженъ получить другое назначеніе, потому что съ перемѣною высшей власти обыкновенно бываетъ значительное измѣненіе въ административныхъ планахъ.

Е. И.

11 іюня 1861 года.

№ 287. О собственной болѣзненности.

Назначеніе Преосвященнаго Леонида для освященія храма въ Парижѣ нахожу весьма основательнымъ, а желаніе нѣкоторыхъ, чтобъ я былъ употребленъ для этого, нахожу вполнѣ неосновательнымъ; за любовь же благодарю. Я очень устарѣлъ, лишился тѣлесныхъ силъ и душевныхъ способностей, пріѣхалъ сюда полумертвымъ, самъ не понимая, что я ужасно боленъ. Лѣченіе на водахъ открыло всю важность моей болѣзни, сопровождавшейся даже нервнымъ разстройствомъ. Теперь хотя и чувствую нѣкоторое облегченіе, но не настолько, чтобъ фигурировать въ видныхъ должностяхъ, къ которымъ не имѣю ни малѣйшаго сочувствія. Доля Пр—го Тихона Воронежскаго,—вотъ доля, достойная сочувствія и соревнованія!

31 іюля 1861 года.

№ 288. О собственномъ стремленіи въ уединеніе.

К. С. Н—ну весьма благодаренъ за участіе, которое онъ принимаетъ во мнѣ. Но я, видя, что дніе мои, яко сѣнь, уклоняются, а силы крайне слабѣютъ, сверхъ того имѣя давнишнее желаніе окончить дни свои въ уединеніи, подалъ прошеніе въ Св—ій Синодъ объ увольненіи меня отъ управленія епархіею и о предоставленіи мнѣ въ управленіе общежительнаго Бабаевскаго Монастыря Костр. епархіи. Сдѣлавъ это, я ощутилъ въ душѣ моей особенное чувство спокойствія и даже тихой радости, какъ по исполненіи своего долга. Не съ моимъ направленіемъ жить въ видныхъ мѣстахъ и занимать видныя должности. А теперь—и не съ моими силами и здоровьемъ. Если-же поколебаться отъ двоедушія и благое намѣреніе удаленія для покаянія отлагать день за день, къ чему лестью влечетъ врагъ спасенія нашего, подъ различными предлогами благовидными, то можно въ такомъ двоедушіи и нерѣшительности провести всю земную жизнь и быть застигнутымъ смертію въ неготовности. Бабайки—мѣсто уединенное, мало посѣщаемое, особливо зимою вовсе не посѣщаемое, сухое и здоровое, при рѣкѣ Волгѣ. Если Богъ даруетъ мнѣ этотъ пріютъ: то онъ можетъ сдѣлаться пріютомъ для многихъ истинно желающихъ спасенія вдали отъ шумнаго міра.

Попроси отъ меня о. Арх. И., чтобъ онъ поговорилъ о мнѣ Митрополиту, а если нельзя прямо, то черезъ Преосвященнаго Викарія. Основаніе въ томъ, что многіе ученые монахи имѣютъ о мнѣ самое превратное понятіе, судя по себѣ. Преподобный Исаія Отшельникъ

сказалъ: „какъ полотно сохраняетъ признакъ той краски, въ которую оно было окрашено въ первый разъ, сколько бы его послѣ не перекрашивали: такъ и монахъ сохраняетъ въ себѣ на всю жизнь отпечатокъ того направленія, которое онъ получилъ первоначально, вступая въ монастырь". Совершенная истина! вижу это на себѣ и на другихъ. Академическіе иноки, вступая въ монашество съ цѣлію служенія Церкви въ ученомъ и административномъ отношеніяхъ, сохраняютъ это направленіе, и новоявленный Угодникъ Божій Святитель Тихонъ, оставивъ епископскую каѳедру, сперва скучалъ въ монастырскомъ уединеніи, будучи лишенъ административной дѣятельности. Тоже самое замѣчено и на другихъ. Я, напротивъ того, проведя начало моего иночества въ уединеннѣйшихъ монастыряхъ и напитавшись понятіями самой строгой аскетики, сохранялъ это направленіе въ Сергіевской пустыни, такъ что въ моей гостиной я былъ репрезентабельнымъ архимандритомъ, а въ кабинетѣ скитяниномъ. Здѣсь продолжается тоже самое, только въ большей степени: такъ сроднился съ келліею, что съ трудомъ могу принудить себя выдти въ садъ, чтобъ доставить себѣ необходимое для здоровья уединеніе. Такого направленія моего многіе и не подозрѣваютъ, а потому сочиняютъ для меня направленіе, вполнѣ чуждое мнѣ, что мнѣ и писалъ покойный Митрополитъ Григорій. Удовлетворивъ моему прошенію, доставятъ двойную плату: 1) меня не только успокоятъ,—облагодѣтельствуютъ, предоставивъ мнѣ жительство, удовлетворяющее моему направленію; 2) успокоятъ тѣхъ, которые видятъ во мнѣ разные замыслы, опасные или непріятные для нихъ. И второй пунктъ для меня очень важенъ. Преподобный Пименъ Великій сказалъ: „не живи тамъ и такъ, чтобъ жительство твое приносило смущеніе ближнимъ, иначе и ты лишаешься духовнаго плода единственно по той причинѣ, что жительство твое приводитъ ближнихъ въ смущеніе".

Кромѣ просьбы въ Синодъ я писалъ и просительныя письма къ Митрополитамъ Московскому и Петербургскому и Оберъ-Прокурору. Прошеніе послано 24-го іюля, слѣдовательно переговоромъ надо поторопиться. Е. И.

24 августа 1861 года.

№ 289.

Спаси Господи за письмо твое отъ 8-го августа и увѣдомленіе. Я уже получилъ формальное увѣдомленіе отъ Оберъ-Прокурора въ понедѣльникъ 21-го августа. Особенное чувство радости и спокойствія меня исполняетъ, а истощеніе тѣлесныхъ силъ—необыкновенное. Къ 1-му октября потрудись написать мнѣ въ Николо-Бабаевскій монастырь, въ Нерехту.

18 октября 1861 года.

№ 290. О Николо-Бабаевскомъ монастырѣ.

Пріѣхавъ 14 октября въ Пустынную обитель Святителя Николая, Бабаевскую, я нашелъ тамъ письмо твое отъ 29 сентября. Путь совершилъ я съ трудомъ по слабости тѣла, истощеннаго болѣзнями, а въ Москвѣ захворалъ серіозно. Больнымъ выѣхалъ изъ Москвы и больнымъ пріѣхалъ сюда, несмотря на то, что къ заболѣвшей ногѣ приставлено было въ Москвѣ 120 пьявокъ.

Монастырь Бабаевскій заштатный, общежительный строительскій. Настоятели за многія достоинства возводятся въ игумены и, изрѣдка, въ архимандриты. Имѣется 36 манатейныхъ вакансій, но на лицо находится только 18 монаховъ. Монастырь въ упадкѣ и по нравственному и по матеріальному отношеніямъ; расположенъ на весьма здоровой и довольно пріятной мѣстности, весьма удобенъ для монашеской жизни. Будущее монастыря во власти Божіей.

Никогда въ жизни моей я не былъ такъ доволенъ моимъ положеніемъ, какъ доволенъ имъ теперь [1]). Кажется мой Ангелъ хранитель по повелѣнію Божію продиктовалъ Св. Синоду указъ о мнѣ;— такъ этотъ указъ удовлетворяетъ требованіямъ моего душевнаго настроенія и тѣлеснаго здоровья. Государь, бывъ на Кавказѣ, послалъ мнѣ орденъ. Если же къ 1000 руб. пенсіи прибавлены еще 500, то я уже не знаю, что сказать о такомъ обиліи милостей. Адресъ мой въ Ярославль, н. Е. И.

30 октября 1861 года.

№ 291.

Не могу нарадоваться настоящему моему положенію. Послѣ долгихъ страданій среди бурнаго житейскаго моря Богъ привелъ въ тихое пристанище. Все устроилось какъ нельзя лучше. Еще прежде моего прибытія здѣшній настоятель исходатайствовалъ себѣ другое настоятельское мѣсто, а потому естественно, что Іустинъ заступилъ его мѣсто къ общему удовольствію братства, коего на лицо болѣе 80 чел. Монастырь—особенно удобный для монашеской жизни во всѣхъ отношеніяхъ! Воздухъ и вода прездоровые. Е. И.

10 декабря 1861 года.

№ 292.

Я очень доволенъ тѣмъ, что дали, полагалъ, что вовсе ничего не дадутъ. Когда данное достаточно: то не сообразно съ монашескою

[1]) Настроеніе довольства не оставляло Епископа Игнатія до самой его кончины.

совѣстію хлопотать о большемъ. Если что здѣсь поудержали, то встрѣтимъ многоумноженнымъ въ будущемъ вѣкѣ. Время наступило такое, въ которое наиболѣе надо думать о вѣчности: годы ушли, здоровье и силы оставили. Не видать, какъ подкрадется и смерть. Мѣстомъ я очень доволенъ: самое уединенное! никто не безпокоитъ. Выздоровленія ожидать мнѣ нельзя: потому что очень истощился и болѣзнями и лѣченіемъ. Развѣ послѣдуетъ какое особенное чудо по Промыслу Божію. Не должно льстить себѣ предположеніемъ долгой земной жизни: вѣрнѣе частымъ воспоминаніемъ о смерти стараться сдѣлать ее менѣе страшною въ часъ ея прихода.—Минеральныя воды сильно погнали изъ меня простуду и золотуху: это продолжается и теперь, держитъ всегда въ трудномъ положеніи, а по временамъ приводитъ и въ весьма трудное. За все слава Богу! Е. И.

P. S. При проѣздѣ черезъ Москву посмотрѣлъ на преуспѣвшихъ земнымъ преуспѣяніемъ. Ничего завиднаго нѣтъ; напротивъ того, многое показалось достойнымъ сожалѣнія.

15 января 1862 года.

№ 293.

Кто окончательно будетъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ,—увѣдомь. Въ здѣшнюю глушь,—таковъ Бабаевскій монастырь, въ зимнее время—никакихъ свѣдѣній не приходитъ: живьемъ какъ-бы въ иномъ мірѣ, чѣмъ я очень доволенъ. Лѣтомъ здѣсь пріятно: если вздумаешь посѣтить,—милости просимъ и съ тезкой. Я становлюсь какъ будто посвѣжѣе; съ пріѣзда былъ очень плохъ.

13 февраля 1862 года.

№ 294.

Я, по обыкновенію, похварываю; только 4 раза былъ въ церкви, сижу безвыходно въ келліи; ни разу не прогуливался ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ.

26 февраля 1862 года.

№ 295.

Вообще я всѣмъ очень доволенъ, а чего не достаетъ, то, надѣюсь, милосердый Господь устроитъ для меня грѣшнаго. Потрудись передать письма мои Чернявскому и Рудавскому. Не важно, что эти дѣти вспомнили меня: важно то, что вспомнили себя. Безъ послѣдняго перваго не было бы. Е. И.

10 марта 1862 года.

№ 296.

Спаси Господи за письмо твое и за благодушіе, съ которымъ претерпѣваешь находящая. Все мимо идетъ, и хорошее, и худое, а ни человѣки, ни бѣсы не могутъ сдѣлать того, чего Богъ не попуститъ. Если встрѣтилъ затрудненіе въ полученіи отпуска: то лучше и не начинать, тѣмъ болѣе, что въ поѣздкѣ никакой крайности нѣтъ. Въ особенности же о. Архимандритъ долженъ быть осторожнымъ и для себя и для обители. Я отнюдь не желаю видѣть васъ чувственными очами, а желаю видѣть душевными очами въ благочестивомъ преуспѣяніи, въ жительствѣ во страхѣ Божіемъ. Сего для меня предовольно. Сегодня въ 4-й разъ въ теченіе зимы вышелъ изъ келліи въ церковь.

Слава Богу за все! Въ 1856 году, кажется, я именно для того и возобновилъ знакомство съ Оптинскими, чтобъ еще болѣе разойтись съ ними. Промыслъ Божій избавилъ и отъ Ювеналія, который не понесъ бы моихъ немощей. Теперь я въ своемъ кругу! среди братій, несущихъ мои немощи. Весьма сошелся съ о. Ѳеофаномъ, бывшимъ Никифоровскимъ, который здѣсь помаленьку старчествуетъ. И прежнее братство Бабаевское простое, съ пустыннымъ направленіемъ, мнѣ, старику, на руку. Монастырь преуединенный, особливо зимою. Слава Богу, давшему покой послѣ продолжительнаго обуреванія. Здоровьишко очень слабо. И за то слава Богу! Е. И.

22 апрѣля 1862 года.

№ 297. О земной и о будущей жизни и о др. предметахъ.

Хотя и недавно писалъ тебѣ, но и на письмо твое отъ 15 апрѣля отвѣчаю, видя изъ письма твоего, что ты нездоровъ. Милосердый Господь да даруетъ тебѣ терпѣніе, которое является въ душѣ тогда, когда мы отдаемъ себя волѣ Божіей, и благодаримъ Бога за скорбь, посланную во очищеніе грѣховъ нашихъ. Прекрасно сказалъ Св. Мученикъ Тивуртій о земной жизни (Четьи Минеи 22 нояб.) **„мнится быти и нѣсть.“** Точно! она будто и предъ глазами и въ рукахъ, а все ускользаетъ. О будущей жизни Тивуртій сказалъ: **„мнится не быти, и есть.“** Точно, когда здѣсь живемъ, то представляется, что и всегда здѣсь останемся жить; будущая жизнь представляется несуществующею. Но нѣтъ! не видать, какъ наступитъ, и наступитъ непремѣнно. Блаженны тѣ, которыхъ Богъ приготовляетъ къ вѣчности болѣзнями и другими скорбями, которые изъ среды скорбей своихъ исповѣдаются Богу. **„Достойное по дѣломъ нашимъ пріемлемъ! Помяни насъ, Господи, во царствіи Твоемъ“!**

У меня болятъ руки и ноги, особливо очень болитъ правая нога; очень болитъ голова, но главная боль въ лѣвомъ боку, по всей нижней части груди и реберъ даже съ лѣваго плеча, паче же около сердца. Въ этомъ мѣстѣ по временамъ чувствую боль, какъ бы отъ язвы копіемъ, отчего прихожу въ крайнее изнеможеніе, и чувствую себя какъ бы умирающимъ. Спаси Господи за извѣщеніе о кончинѣ Шереметьева. Господь посѣтилъ его тяжкою болѣзнію. Полезно слышать о смерти знакомыхъ, такими извѣстіями своя смерть напоминается.

Какъ внезапно, безъ особенной видимой причины, самыя свѣжія кровь и плоть зачинаютъ въ себѣ и изъ себя зародышъ смерти! Этотъ зародышъ начинаетъ развиваться, и вдругъ разовьется въ неизлѣчимую болѣзнь, которая укладываетъ человѣка во гробъ.

Е. И.

12 іюня 1862 года.

№ 298.

И сюда доходятъ извѣстія о скорбяхъ, постигшихъ столицу. Жаль, очень жаль! Умножились люди, пренебрегающіе закономъ Божіимъ и не останавливающіеся ввергать ближнихъ въ бѣды и напасти. Жаль и о. Ираклія, рѣшившагося поднять голосъ противъ братіи своей. Милосердый Господь да заградитъ источники искушеній, если бы мы сдѣлались немощны. По крайней мѣрѣ о себѣ скажу, что я сдѣлался крайне немощенъ, и всякая малость обезпокоиваетъ и дѣйствуетъ вредно на здоровье.

На дняхъ ѣздилъ въ Ярославль и Кострому къ тамошнимъ Святителямъ и былъ принятъ очень благосклонно,—всѣхъ привѣтствовалъ и со всѣми простился, сказавъ, что имѣю намѣреніе не выѣзжать изъ монастыря, чего требуетъ и крайне разстроенное здоровье и соотвѣтствующее ему настроеніе душевное. Поѣздка была для меня затруднительнымъ подвигомъ.

27 іюня 1863 года.

№ 299.

Въ настоящее время живу въ келліяхъ о. Игумена, потому что моимъ доставляютъ необходимый комфортъ соотвѣтственно моему здоровью, которое весьма плохо. Здѣсь получено извѣстіе о кончинѣ нашего сосѣда и моего добраго знакомаго Н. П. Полозова. Почти всѣ близкіе мнѣ перебрались въ вѣчность; наступила или наступитъ и моя чреда.—

Здѣсь, съ іюня мѣсяца наступила хорошая погода, перепадаютъ дожди, но вокругъ монастыря нѣтъ грязи; хлѣба и травы хороши.

Посѣтителей монастырь почти не имѣетъ; лѣтомъ уединеніе почти такое же, какъ и зимой. Простолюдины посѣщаютъ монастырь въ значительномъ числѣ: но они приходятъ къ Богослуженію, и послѣ него уходятъ въ свои села или на гостинницу, не безпокоя прихотливыми требованіями братію.

Къ Ах. я писалъ форменное отношеніе, что никакой возможности не имѣю заниматься съ подначальными, которыхъ расположился присылать ко мнѣ Гр. Т., по совершенному разстройству моего здоровья. Это вполнѣ справедливо! и нынѣ чувствую ужасную боль въ лѣвомъ боку: видно, образовался сильнѣйшій аневризмъ[1]), который требуетъ пребыванія въ совершенномъ спокойствіи и уединеніи. Видно: настало время заняться исправленіемъ себя, а не другихъ, и приготовленіемъ къ переходу въ вѣчность. Е. И.

6 сентября 1862 года.

№ 300. Объ особомъ характерѣ собственныхъ сочиненій и о причинахъ этого.

Потрудись передать мой искреннѣйшій привѣтъ Виктору Ипатьевичу. Уважаю его подвигъ, совершаемый съ такимъ самоотверженіемъ и съ такою пользою для православныхъ христіанъ. Петръ Александровичъ, принадлежащій къ числу ревностнѣйшихъ читателей Виктора Ипатьевича, желаетъ познакомиться съ нимъ лично, будучи очень знакомъ заочно.

Относительно моихъ сочиненій тебѣ извѣстно, что я писалъ ихъ для себя и для короткихъ, немногихъ знакомыхъ моихъ, изъ настроенія, полученнаго и усвоеннаго монастырскою жизнію. Не удивительно, что это настроеніе въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ представляется отдѣляющимся отъ настроенія благочестивыхъ иноковъ, даже святыхъ, но заимствовавшихъ свое настроеніе въ духовныхъ училищахъ. Для примѣра укажу на превосходныя во всѣхъ отношеніяхъ сочиненія Святаго Тихона Воронежскаго. Мои сочиненія, не смотря на многія ихъ недостатки въ духовномъ и ученомъ отношеніяхъ, иного характера. Я полагаю необходимымъ сохранить этотъ характеръ, и не перекраивать ихъ на Академическій образецъ; въ противномъ случаѣ оставить ненапечатанными, тѣмъ болѣе, что они не съ этою цѣлію были писаны и самимъ мною признаются недостойными того. Здѣсь,

---

[1]) Этотъ припадокъ совсѣмъ, казалось, прошелъ весною 1863 года, но онъ скоро вновь появился и развился въ смертную причину. Примѣчаніе П. А. Брянчанинова.

въ уединеніи, оглядываясь на прошедшую жизнь и усиливаясь раскаяніемъ ослабить силу моихъ согрѣшеній, приношу раскаяніе и въ составленныхъ сочиненіяхъ, признавая ихъ грѣшными предъ Богомъ, и слова ихъ недостойными предмета. При всемъ томъ и для многихъ монаховъ, славныхъ своею аскетическою жизнію, напримѣръ для Оптинскихъ, мое настроеніе остается очень неяснымъ: ибо ихъ настроеніе образовалось отъ дѣятельной жизни тѣлесной, столько видной для міра и прославляемой имъ, а мое отъ вынужденнаго болѣзнями и другими обстоятельствами затвора и сопряженнаго съ нимъ душевнаго дѣланія и подвига, невиднаго и непонятнаго для міра. Это то настроеніе и проявляется повсюду въ моихъ сочиненіяхъ, какъ они недостаточны, и дѣлаетъ ихъ своехарактерными. Они по характеру подходятъ къ писаніямъ древнихъ аскетовъ.

Настала осень; закупориваютъ на зиму окна, и я закупориваюсь въ моихъ комнатахъ по необходимости, не только по произволу. Что дѣлать? надо идти тѣмъ путемъ, который указанъ Промысломъ Божіимъ.

Испрашивающій твоихъ Святыхъ молитвъ нед. Е. И.

19 іюля 1862 года.

№ 301.

Спаси Господи за письмо твое отъ 6 іюля и за твои благія желанія. Какъ я, такъ и Петръ Александровичъ ищемъ единаго: окончить дни наши въ покаяніи. Сего единаго просимъ у Бога; развитіе же монастыря или неразвитіе предоставляемъ всесвятой волѣ Божіей, единой вѣдущей полезное. Мы же боимся вещественныхъ попеченій и молвы, яко отводящихъ отъ попеченія о душѣ. Бабаевскій монастырь, весьма уединенный зимою, оказывается весьма уединеннымъ и въ лѣтнее время. Здоровье мое очень слабо: силъ нѣтъ, и являются припадки параличнаго свойства.

Спаси Господи за заботы о мнѣ. О смерти: не избрать человѣку, какою ему болѣзнію умереть; умереть тою, какую Богъ пошлетъ. Святитель Тихонъ, новоявленный Угодникъ Божій, заболѣлъ отъ удара параличомъ. У меня давно прекратился открытый геморой и съ того времени начали дѣлаться припадочки параличнаго свойства.

Какъ ни умереть, а дай Богъ умереть съ покаяніемъ. О. Гедеонъ, іеродіаконъ, умираетъ при весьма хорошемъ пріуготовленіи.

Е. И.

31 октября 1862 года.

№ 302.

Здоровье мое очень слабо. Паче всего силы окончательно истощены. Перемѣны бываютъ не по днямъ, а по часамъ: то поотдаетъ, то опять схватитъ. Не могу нарадоваться спокойному пріюту, который дарованъ мнѣ Богомъ и который столько соотвѣтствуетъ моему положенію.

Спаси Господи, Батюшка мой, за трудъ, который ты принималъ на себя, пиша ко мнѣ довольно часто. Уже не утруждай себя столько. Весьма буду благодаренъ, если напишешь изрѣдка или при какой особенной нуждѣ.

17 января 1863 года.

№ 303.

Спаси тебя Господи за письмо твое отъ 5 января. Справедливо говорилъ, что Богъ даровалъ мнѣ въ свое, извѣстное Богу время, то, чего я давно и постоянно желалъ, но къ чему не былъ готовъ. „Безмолвіе“, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, „неопытныхъ погубляетъ“. Прошу твоихъ молитвъ, чтобъ дарована была мнѣ премудрость употребить должнымъ образомъ время, дарованное на покаяніе и приготовленіе себя къ вѣчности.

О себѣ разсуждай съ осмотрительностію. Здѣшнее мѣсто не Сергіева пустыня.

Такъ называемыми талантами, при которыхъ позволяютъ себѣ гордость, самоволіе и другія послабленія, здѣсь не дорожатъ, а дорожатъ сохраненіемъ монашескаго направленія. Нарушителю монастырскихъ правилъ и благочинія, кто бы онъ ни былъ, выдается немедленно билетъ для пріисканія себѣ другаго мѣста. А потому желающій здѣсь жить, долженъ предварительно пріуготовиться къ покаянію, которое опредѣляется Св. Іоанномъ Лѣствичникомъ такъ: „покаяніе состоитъ въ постоянномъ утѣсненіи чрева и сокрушеніи духа“. Съ инымъ уготовленіемъ лучше сюда не вступать. Мѣсто здѣшнее — уединенное, способствующее вниманію себѣ и покаянію; въ города и села братіи не позволяется отлучаться, въ гостинницу безъ спросу не ходятъ, женскаго пола въ келліи къ себѣ не принимаютъ.

Очень буду радъ посѣщенію о. Архимандрита, но заблаговременно могу сказать, что къ совѣтамъ я потерялъ способность, если и имѣлъ ее Потрудись передать мой усердный поклонъ и благослове-

ніе братіи и болящему Іоанну Дементьевичу, коему желаю скончать земное теченіе свое въ покаяніи и надеждѣ на единственную надежду нашу—Господа Іисуса Христа, Бога и Искупителя нашего.

И паки прошу твоихъ святыхъ молитвъ. Е. И.

Примѣчаніе. Во всѣхъ письмахъ къ М. В. Чихачову обозначалось время полученія письма, постоянно посылались благословенія всей братіи Сергіевой пустыни, но какъ эти, такъ и другія случайныя, но не имѣвшія никакого особаго значенія обстоятельства, выпускались изъ писемъ, сохранялись лишь наставленія и главнѣйшія, лично до Владыки относящіяся обстоятельства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Статьи по вопросамъ церковно-общественнымъ.

Стран.

I. Вопросъ Начальника Кавказской Линіи и отвѣтъ Епископа о Кавказской Каѳедрѣ по отношеніямъ ея къ Кавказскому Линейному Казачьему Войску, значеніе Епископа и Протоіерея въ Православной Церковной Іерархіи . . . . . 1—13.

II. Архипастырскія воззванія Епископа Игнатія Брянчанинова къ Кавказскому духовенству по вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости . . . . . 13—47.

III. Замѣчанія Епископа Игнатія Брянчанинова на проэктъ преобразованія Морскихъ Учебныхъ заведеній. . . 48—58.

IV. О необходимости Собора по нынѣшнему состоянію Россійской Православной Церкви. Записки Епископа Игнатія Брянчанинова (1862—1866 г.г.) . . . . . 58—69.

V. Уроки словесности, преподанные Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Игнатіемъ. . . . . 70—82.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Письма Епископа Игнатія Брянчанинова къ разнымъ лицамъ.

1. Письма къ родной сестрѣ (№№ 1—14) . . . . . 83—91.
2. Письма къ А. А. Ж. (№№ 15—16) . . . . . 91—92.
3. Письмо къ сестрѣ С. А. Б—к—ной (№ 17) . . . . . 92.
4. Письма къ А. В. Ж. (№№ 18—24) . . . . . 92—96.

Стран.

5. Письмо къ К. В. Г. (№ 25) . . . . . 96—97
6. Письма къ А. А. С. (№№ 26—28) . . . . . 97—99
7. Письма къ С. И. Сн—ой (№№ 29—33) . . . . . 99—106
8. Письма къ И. И—чу Глазунову (№№ 34—35). . . . . 106—108
9. Въ отвѣтъ соблазняющимся на „Слово о Смерти“ (№ 36) . 108—110
10. О сочиненіяхъ Епископа Игнатія (№ 37) . . . . . 110—111
11. О явленіяхъ истинныхъ и ложныхъ (№ 38) . . . . . 111—112
12. О жизни христіанской (№ 39) 112
13. Письмо отъ 12 Апрѣля 1866 года (№ 40). 112
14. Объ обязанностяхъ супруга православнаго къ супругѣ инославной (№ 41) 113
15. О преимуществахъ отдѣльныхъ положеній отъ общества лицъ, ищущихъ спасенія (№ 42) . . . . . 113—114
16. О строеніи Церкви Божіей (№ 43) 114
17. Письмо отъ 1 февраля 1865 года (№ 44) 115
18. Письмо отъ 1866 года (№ 45). . . . . 115—116
19. Письмо отъ 22 іюня 1866 года (№ 46) 116
20. О терпѣніи скорбей и упованіи на Бога (№№ 47—48). . 116—117
21. Изреченіе Святителя Тихона о христіанствѣ (№ 49) . . . 117
22. О скорбяхъ, о жизни христіанина въ міру, о христіанствѣ (№ 50). 118
23. Чтеніе Слова Божія—простота евангельская, жизнь по вѣрѣ, духовныя разумѣнія евангельскихъ заповѣдей (№ 51). . . . . 118—120
24. О книгѣ Н. Гоголя: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ (№ 52) . . . . . 120—122
25. О живописи церковной (№ 53) . . . . . 122—125
26. Письма къ С. И. С—вой (№№ 54—77) . . . . . 125—139
27. Письмо къ А. А. Орловой-Чесменской (№ 78). . . . . 139—140
28. Письма къ С. П. Титовой (№№ 79—90). . . . . 140—147
29. Письма къ А. А. Плещееву и дочери его Лидіи (№№ 91—96) . . . . . 147—151
30. Письма къ А. П—нѣ П. (№№ 97—107). . . . . 151—156
31. Письмо къ А. В. Ж. (№ 108). . . . . 156—157
32. Письма къ Преосвященному Леониду (Краснопѣвкову), Епископу Дмитровскому (№№ 109—125) . . . . . 157—171
33. Письмо къ Архимандриту Пимену (№ 126) . . . . . 171—172
34. Письма къ родному брату Петру Александровичу Брянчанинову (№№ 127—254). . . . . 172—253
35. Письмо къ Н. В. Голоушевой (№ 255) . . . . . 253—254
36. Письмо отъ 23 мая 1865 года (№ 256) 254
37. О должномъ отношеніи ко лжи (№№ 257—258) . . . . . 254—255

Стран.
38. Письмо отъ 20 февраля 1865 года (№ 259) . . . . . 255—256
39. Письмо къ Оптинскимъ инокамъ (№ 260) 256
40. Письмо къ Глазунову (№ 261) . . . . . 256—257
41. Письмо къ Высокопреосвященному Митрополиту СПБ. Исидору (№ 262) . . . . . 257—259
42. Письмо къ Мельникову (№ 263) 259
43. Письмо къ князю Горчакову (№ 264). . . . . 259—260
44. Письма къ Михаилу Васильевичу Чихачову (№№ 265—303). . . . . 261—280

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Указатель собственныхъ именъ и важнѣйшихъ предметовъ 281—290.

Указатель собственныхъ именъ и важнѣйшихъ предметовъ [1]).

Августинъ Блаженный—II, 109, 111; III, 213.

Авимелехъ, царь Герарскій—III, 27, 42.

Авраамъ—III, 27, 41, 42.

Агаѳодоръ, Архіепископ. Ставропольскій—I, 12, 289.

Адскія мученія—II, 144—147.

Адъ—II, 142—144.

Александро-Свирскій монаст. Олонецкой епархіи—I, 77—81, 104; III, 15, 215.

Александръ, Еп. Костромской и Галичскій,—III, 173.

Александръ, монахъ Николо-Бабаевскаго монастыря,—I, 10, 316; III, 262, 263.

Анатолій Архим., настоятель Николо-Бабаевскаго монастыря,—I, 320.

Андроникъ іеромонахъ, завѣдующій дѣлопроизводствомъ Сергіевой Пустыни,—I, 12.

Антоній Бочковъ, игуменъ Черменецкій,—I, 13, 312, 315, 344, 348, 349, 357, 352—357, 361, 362; III, 88, 212.

Антоній Великій—II, 50, 67; III, 52, 114, 216, 247.

Антоній, Митрополитъ Новгородскій и СПБ.,—I, 186.

Антоній (Храповицкій), Архіеписк. Харьковскій,—I, 156; II, 30, 31, 35.

„Аскетическая проповѣдь и письма къ мірянамъ“ (произв. Еп. Игнатія Брянч.)—III, 214, 237, 248.

„Аскетическіе опыты“ (произв. Еп. Игнатія Брянч.)—III, 108, 134, 137, 138, 209, 211, 216, 226, 232—234, 237, 238, 242—246, 248—252, 255—260;

— отзывы о нихъ—II, 21—27;

— назначеніе этой книги—III, 107, 111, 133, 135, 166, 212—214, 236.

Аскеты, ихъ ученіе о душевномъ спасеніи и христіанской добродѣтели—II, 239—242; 257—274; 371—381.

Аскоченскій В. И.—I, 13; II, 9; III, 210, 217, 247.

Ахматовъ—I, 315; III, 197, 198, 209.

Св. Аѳанасій Великій—II, 109, 111, 120; III, 228, 249.

Вабаевскій Николаевскій монастырь Костромской епархіи—I, 9, 20, 297, 298, 300, 302—304, 306—308, 311—320, 323, 324, 329, 335, 338, 348, 378, 407; II, 8, 20; III, 133,

[1]) Въ виду приложенныхъ къ каждой главѣ книги плановъ и подробнаго обозрѣнія содержанія въ концѣ каждой части,—въ указатель внесены лишь важнѣйшіе предметы; съ большею подробностію составленъ указатель „Приложеній“. Знаками I и II обозначены въ Указателѣ части книги, а знакомъ III—„Приложенія“.

135, 151, 158, 161, 173, 189, 191, 192, 195, 197, 203, 204, 206, 207, 209, 233, 234, 244, 271—274, 278.
Барковъ Николай Акимовичъ—I, 80.
Барятинскій Алекс. Ивановичъ, князь, Намѣстн. Кавказскій,— I, 290, 387; III, 1, 193, 199, 211.
Благодареніе Бога, необходимость его для христіанина—III, 85, 88, 89, 91, 92, 97.
Благодать Божія, необходимость ея для христіанскаго подвига—II, 157;
— благодать и свобода—II, 317—320, 328.
— благодать св. Таинствъ—II, 357—361.
— благодатное дѣйствіе молитвы и смиренія—II, 353—355, 361—364, 370—371.
Блаженства евангельскія—II, 321—326.
Боборыкина Варвара Васильевна—I, 10, 18, 330, 379.
Боборыкина Софья Васильевна—II, 9.
Богообщеніе, анализъ этого состоянія—II, 292, 295, 298—304.
— возможность его для человѣка—II, 304—305.
— отличіе отъ духовной прелести—II, 305—307.
Богослуженіе—II, 337—339.
Богоугожденіе и угожденіе міру, необходимость перваго для христіанина—III, 93, 152.
Болѣзнь тѣлесная, должное отношеніе къ ней—III, 89, 98, 139, 264, 265;
— какъ средство для спасенія—III, 92, 93, 98, 139, 144, 262, 264.
Болѣзнь Еп. Игнатія Брянчанинова—III, 93, 100, 112, 117, 130, 137, 151, 156, 157, 160, 161, 164, 165, 167, 172—175, 179, 180, 183, 184, 199, 202, 208, 212, 228, 248, 252, 262, 268, 271, 273, 274, 276, 278, 279.
Бронзовъ, проф. П. Д. Ак.,—II, 31, 35.
Брюлловъ К. П.—I, 132, 193, 376; III, 84.
Брянко Михаилъ, родоначальникъ фамиліи Брянчаниновыхъ, —I, 31.
Брянчанинова Александра Александр. (въ замужествѣ Жандръ), сестра Епископа Игнатія,—I, 36, 39, 45; III, 91—92.
Брянчанинова Елизавета Алексан., (въ замужествѣ Паренсова), сестра Епископа Игнатія,—I, 36, 39, 45.
Брянчанинова Марія Александр., (въ замужествѣ—Купреянова), сестра Епископа Игнатія, —I, 36, 39, 44, 45; III, 83—91.
Брянчанинова Софія Александр., (въ замужествѣ Боборыкина), сестра Епископа Игнатія,—I, 36, 39, 45; III, 92.
Брянчанинова Софія Алексѣевна—I, 11.
Брянчанинова Софія Аѳанасьевна, мать Епископа Игнатія,—I, 30, 31, 33, 35, 38, 91, 103, 104.
Брянчанинова Софія Борисовна—I, 30.
Брянчаниновъ Александръ Александр., братъ Еп. Игнатія,—I, 23.
Брянчаниновъ Александръ Николаевичъ,—I, 32.
Брянчаниновъ Александръ Семеновичъ, отецъ Епископа Игнатія,—I, 11, 18, 21, 27, 30—45, 66—68, 91, 100, 103, 330, 367, 374—376; III, 83.
Брянчаниновъ Александръ Семеновичъ, сенаторъ, племянникъ Еп. Игнатія,—I, 22, 30, 338, 378.
Брянчаниновъ Алексѣй Петровичъ, сенаторъ, племянникъ Еп. Игнатія,—I, 10, 11, 23, 31, 316, 321—323, 339, 377, 378; III, 157, 173, 176, 179, 180, 184, 185, 190—192, 194—197, 200, 202, 204, 242.
Брянчаниновъ Валеріанъ Николаевичъ—I, 10.
— Владиміръ Николаевичъ—I, 11, 27, 30.
— Димитрій Александровичъ (Епископъ Игнатій)—I, 23, 29,

35, 42—52, 59—62, 77—100; II, 6, 7; III, 84, 92.
— Михаилъ Александровичъ, братъ Еп. Игнатія,—I, 23.
— Никита Петровичъ—I, 24.
— Николай Семеновичъ, сенаторъ племянникъ Еп. Игнатія,—I, 10, 22, 30, 32, 338, 378; II, 6, 22, 28; III, 82, 84.
— Петръ Александровичъ, братъ Еп. Игнатія,—I, 11, 23, 31, 185, 214, 263, 278, 314—317, 320—324, 338, 368, 376, 377, 384; II, 6, 25, 57; III, 84, 85, 91, 111, 117, 131, 132, 135, 137, 149, 157, 158, 172, 173, 178, 179, 184, 187, 191, 195, 196, 198, 199, 201—204, 206, 207, 213, 247, 258, 277, 278;
— участіе его въ первомъ изданіи сочиненій Еп. Игнатія—II, 8, 9—12;
— труды его по сбору бумагъ Еп. Игнатія—II, 9, 28.
— Семенъ Александровичъ, братъ Еп. Игнатія,—I, 23, 31, 45, 338.
Бѣлобережская пустынь Орловской епархіи—I, 86, 87.
„Валаамъ“ (произвед. Еп. Игнатія Брянчанинова)—III, 126, 127.
Варлаамъ, Архимандритъ, основатель Сергіевой пустыни,—I, 124.
Варсонофій Великій—III, 25, 29, 43, 85, 200, 209, 232, 238.
Св. Василій Великій—II, 106, 107, 109, 111; III, 64.
Василій Павловъ—I, 324—328, 365, 406.
Васильевъ о. Тимоѳей—I, 35.
Великая Княгиня Александра Іосифовна—I, 202.
Великій Князь Александръ Михайловичъ—I, 204.
— Князь Димитрій Константиновичъ—I, 204, 205.
— Князь Константинъ Константиновичъ и его дѣти: Іоаннъ Константиновичъ, Гавріилъ Константиновъ., Константинъ Константиновичъ, Олегъ Константиновичъ, Игорь Константиновичъ, Татьяна Константиновна,—I, 204.
— Князь Константинъ Николаевичъ—I, 202, 395.
— Князь Михаилъ Николаевичъ—I, 204, 216.
— Князь Михаилъ Павловичъ—I, 74—76.
— Князь Николай Николаевичъ —I, 204, 216.
„Взглядъ на ученіе западныхъ“ (статья Еп. Игнатія Брянчанинова)—III, 110, 115, 218, 220, 224, 243, 244.
Власть духовная и гражданская—I, 392, 393.
Волоцкой А. А., Генералъ-Лейтенантъ,—I, 278, 279, 286—288, III, 8, 14.
Воля человѣка, ея грѣховность—II, 215—219;
— необходимость ея отсѣченія для духовнаго преуспѣянія—III, 215—217.
Воронцовъ—I, 246.
Воспитаніе въ семьѣ Брянчаниновыхъ—I, 35 и слѣд.
Вѣра въ Бога—II, 318, 320, 327.
— какъ средство для полученія Божественной благодати—II, 158—160;
— необходимость ея для спасенія —III, 85, 149.
Гаій, Епископъ Моздокскій и Маджарскій,—I, 219.
Геннадій іеромонахъ, казначей Сергіевой пустыни,—I, 206.
Георгіевскъ—I, 222, 233, 238, 244, 246, 247, 252; III, 6.
Георгій Великій (затворникъ)—III, 30, 97, 102, 174.
Германъ Архимандритъ, настоятель Кизлярскаго монастыря,—I, 233, 234, 251, 263.
Герценъ—I, 288; III, 109.
Глазуновъ И. И.—II, 8, 9; III, 107, 135, 217, 256, 257.
Глушицкій Діонисіевъ монастырь Вологодской епархіи—I, 98, 99.
Гоголь—III, 120, 121.
Голицынъ князь—III, 67, 68.

Горчаковъ А. М., князь, —I, 288; III, 259.
Государыня Императрица Александра Ѳедоровна—I, 49, 201; II, 26.
Государыня Императрица Марія Александровна—I, 256.
Государь Императоръ Александръ Александровичъ—II, 26; III, 14, 23.
Государь Императоръ Александръ Николаевичъ—I, 170, 171, 201, 277, 296, 331; II, 8, 26; III, 14, 23, 115.
Государь Императоръ Николай Павловичъ—I, 49, 50, 74, 75, 113, 114, 118—122, 130, 131, 170—174, 189, 200, 208, 247, 248, 285, 289, 342; II, 26; III, 14, 23.
Св. Григорій Богословъ—II, 107, 109, 111; III, 64.
Григорій Митрополитъ—III, 163, 183, 185, 265, 270, 272.
Св. Григорій Нисскій—II, 107, 109, 111.
Грѣхъ, его сущность и происхожденіе—II, 181—183;
— грѣховность людей и грѣховность злыхъ духовъ—II, 183—184;
— средства освобожденія отъ грѣха—II, 184—187;
— отношеніе къ нему обновленнаго человѣка—II, 187—190;
— грѣховность ума и ея послѣдствія—II, 129—206;
— грѣховность сердца и ея послѣдствія—II, 206—215;
— грѣховность воли и ея послѣдствія—II, 215—219;
— грѣхъ, какъ причина внутренняго разлада и отчужденія отъ Бога,—II, 219—226;
— грѣхъ въ области внѣшней жизни—II, 226—236;
— грѣховные помыслы, какъ первая стадія грѣха,—II, 240—248;
— должное отношеніе къ грѣховныхъ помысламъ—III, 86, 88, 95, 103, 146, 153, 203;
— грѣховныя состоянія — страсти—II, 248—251;
— грѣхи смертные и несмертные —II, 252—257;
— должное отношеніе къ грѣхамъ —III, 103, 104, 190, 230, 243, 245.
Давидъ царь—III, 40, 87, 120.
Декартъ—II, 18, 72, 85, 123, 124; III, 242, 244.
Діаволъ, власть его надъ людьми—III, 106;
— его соблазны—III, 165.
Добродѣтели, ученіе о нихъ Еп. Игнатія—II, 381—383, 396—400.
„Дополнительныя цитаты къ Слову о смерти“ (статья Еп. Игнатія)—III, 219, 220, 221.
Доримедонтъ, дядька въ семьѣ Брянчаниновыхъ,—I, 37, 39, 42, 43, 66, 67.
Дорогобужиновъ В. Н.—I, 330.
Духовенство, взглядъ Еп. Игнатія на должное участіе его въ мірскихъ дѣлахъ—III, 14—17;
— въ чемъ его сила и существенное значеніе—III, 46, 47;
— Кавказской епархіи духовенство—I, 257—261, 264.
Духовникъ, необходимыя ему качества—III, 174.
Духовное возрожденіе человѣка—объективныя условія его—II, 149—157;
— субъективныя условія—II, 158—164.
Духовныя училища, необходимость реформы въ нихъ, по мнѣнію Еп. Игнатія—III, 169.
Духовный міръ, несомнѣнность его бытія для Еп. Игнатія—II, 38—41;
— отношеніе къ нему большинства людей—II, 41—47;
— Духовный міръ, какъ бытіе Божіе,—II, 49—57;
— духи, природа ихъ по ученію Православія въ пониманіи Еп. Игнатіемъ—II, 67—84;
— природа духовъ по существу и условіяхъ являемости—II, 76—80;

— отношеніе духовъ къ внѣшнему міру вообще и къ условіямъ пространства и времени —II, 80—84;
— мнѣнія инославныхъ писателей о духовномъ мірѣ, обратившія на себя критическое вниманіе Еп. Игнатія,—II, 84—89;
— чувственное видѣніе духовъ,—II, 89—96;
— духовное видѣніе духовъ—II, 96—101;
— критическій разборъ ученія Еп. Игнатія о природѣ духовъ Еп. Ѳеофаномъ—II, 107—115;
Евангеліе—II, 332—334.
— чтеніе его, какъ путь къ самопознанію и самообличенію,—II, 170—173.
Евдокимовъ графъ—I, 290; III, 186.
Евсевій Архіепископъ, Экзархъ Грузіи,—I, 268; II, 22.
Елагинъ Н. В., отзывы его о сочиненіяхъ Еп. Игнатія—II, 27, 28.
Епархія Кавказская см. Кавказская епархія.
Епископъ, различіе между нимъ и пресвитеромъ—III, 8—11.
Епифаній Архим., Ректоръ Кавказской семинаріи,—I, 276, 298; III, 158, 161—163.
Ересь; качества, необходимыя для желающаго успѣшно бороться съ ней,—III, 12, 13.
Ефимовна, няня въ домѣ Брянчаниновыхъ,—I, 38, 39.
Ефремъ Сиринъ—II, 23, 241, 260, 265.
Жандръ Александра Васильевна,—III, 92—96, ея видѣніе,—I, 332—335.
Живопись церковная, мнѣніе о ней Еп. Игнатія,—III, 122—125.
Жизнь земная и жизнь вѣчная, должное употребленіе первой—II, 147—149; III, 83, 95, 126, 138, 139, 143, 148, 176, 181, 192, 201, 218, 259, 275.
Жизнь земная—плаваніе по морю—III, 188, 189, 199, 200.
Завѣщаніе Епископа Игнатія Брянчанинова—III, 204—207.
Знаменія, посылаемыя Богомъ, должное отношеніе къ нимъ—III, 154.
Зубовъ Алекс. Никол., графъ,—I, 203.
Иверская икона Божіей Матери—I, 218, 219, 249.
Игнатій Малышевъ, Архимандритъ, Настоятель Троице-Сергіевой пустыни,—I, 14, 120—122, 132, 162, 163, 192, 202, 365, 368, 379; III, 144, 153, 155, 242, 243, 246, 267, 268.
Игнатій Садковскій, іеромонахъ,—I, 13, 14; II, 6.
Инженерное военное училище,—I, 49, 339, 350, 358.
Иннокентій, Архіеп. Херсонскій,—II, 30, 31, 33, 37.
Инославіе по вопросу о спасеніи—II, 307—317.
Инструкція должностнымъ лицамъ Сергіевой пустыни—I, 149, 150.
Ириней Нестеровичъ, Архіеп. Иркутскій,—I, 24, 25.
Преп. Исаакъ Сирскій—III, 12, 36, 88, 108, 116, 133, 152, 200, 203, 214, 216, 241, 268.
Исаія Отшельникъ—III, 266, 271.
Исидоръ, Митрополитъ Спб.,—II, 22; III, 257.
Искупленіе—II, 150—155.
Искушенія, посылаемыя Господомъ, должное отношеніе къ нимъ—III, 92, 104, 117, 190, 223—225, 256.
Исторія христіанства—II, 335—336.
Іеремія (Соловьевъ), Епископъ Кавказскій и Черноморскій,—I, 213, 236, 237, 254, 387; III, 2, 7, 12.
Іоанникій, Еп. Кавказскій и Черноморскій,—I, 213, 217, 237, 248.
Св. Іоаннъ Дамаскинъ—II, 18, 106, 107, 109; III, 29, 213;
— его ученіе о природѣ духовъ,—II, 110.
Св. Іоаннъ Златоустъ—II, 107, 109, 111; III, 12, 20, 26, 30, 31, 33, 64, 68, 174, 270.

Св. Іоаннъ Кассіанъ—II, 258, 259—261.
Св. Іоаннъ Лѣствичникъ—II, 263, 269; III, 36, 39, 54, 65, 88, 98, 133, 244, 261, 279.
Іоасафъ іеромонахъ, намѣстникъ Сергіевой пустыни,—I, 206, 210.
Іона іеромонахъ, духовникъ Сергіевой пустыни,—I, 206.
Іонафанъ, Еп. Кинешемскій,—I, 330.
Іустинъ, Архимандритъ, настоятель Николо-Бабаевскаго монаст.,—I, 145, 302, 317, 325, 327, 379; III, 208, 209, 224, 225, 232, 243, 245, 264, 273.
Кавелина Марія Павловна—I, 207, 208.
Кавказская Духовная Консисторія—III, 13—15, 17, 18;
— дѣятельность Епископа Игнатія по отношенію къ составу Консисторіи—I, 216—225;
— о положеніи консисторскихъ чиновниковъ.—I, 226—231.
Кавказская епархія, ея учрежденіе—I, 212, 213;
— ознакомленіе съ нею Еп. Игнатія—I, 215, 216;
— устройство архіерейскаго дома—I, 236—241, 298.
— упорядоченіе окружного управленія—I, 231—236;
— состояніе епархіи при Епископѣ Игнатіи—I, 242—277;
— проэктъ раздѣленія ея или учрежденія въ ней викаріатства—III, 1—3;
— мѣры къ возвышенію церковной жизни на Кавказѣ—III, 3—13.
Кавказская каѳедра—I, 212, 213.
Кавказскій Край—III, 1—7, 13;
— проэктъ раздѣленія его на двѣ области—III, 1—3.
Кавказское духовенство, воззванія къ нему Еп. Игнатія по вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—III, 13—47.
Кавказское Епархіальное Вѣдомство—III, 4—8.
Кавказское Линейное Казачье Войско—I, 244, 248, 250, 252—255, 261, 387—392; III, 1, 2, 6, 160;
— отчисленіе его церквей отъ другихъ церквей епархіи—III, 6, 8, 9, 10.
Кавказъ—III, 4, 14, 27, 131, 160, 161, 179, 180, 186, 192, 194, 231, 235, 241, 267, 273.
Кизляръ—I, 233, 244, 248, 250, 251, 261, 264.
Кирилловъ Новоезерскій монастырь Новгородской епархіи—I, 92, 94.
Св. Кириллъ Александрійскій—II, 109, 111.
Ковалевскій Андрей Ѳедоровичъ—I, 316.
Кончина Епископа Игнатія—I, 324—329.
Крастилевскій, каѳедр. протоіерей г. Ставрополя,—I, 217, 228, 254, 298.
Крестьянская реформа—I, 277—295.
Крузенштернъ—I, 241; III, 185.
Крупинскій—I, 240, 241; III, 7, 202.
Лавра Невская—I, 66—68.
Лавровъ, Константинъ Ивановичъ, протоіерей—I, 30.
Лазаревъ адмиралъ—I, 383.
Леонидъ іеромонахъ, духовный старецъ Д. А. Брянчанинова,—I. 71—73, 80, 87—90, 313.
Леонидъ (Краснопѣвковъ), Еписк. Дмитровскій,—I, 12, 275, 276, 322, 331, 332, 376, 377, 384, II, 22, 27, 28; III, 157, 158, 210, 271.
Лопотовъ Григоріевъ монастырь, Вологодской епархіи,—I, 9, 102—116, 308, 315, 317.
Любовь христіанская—II, 353, 383—386.
— ея происхожденіе, свойства и виды—II, 386—388, 389—395.
— отраженіе въ жизни—II, 397—400.
Преподоб. Макарій Великій—II, 18, 110; III, 25, 109, 180, 182, 211.
Макарій Оптинскій—III, 180, 211, 267, 268.
Макаровъ Макарій Васильевичъ (схимонахъ Макарій)—I, 132.

Препод. Максимъ Исповѣдникъ—II, 50, 109, 111.
Малевинскій Сергѣй Александровичъ—I, 12.
Матвѣевскій, священникъ—II, 101, 105, 115, 123; III, 109, 216, 219, 221, 226, 242.
Милосердіе Божіе, неограниченность его—III, 97, 114, 131, 147.
Михаилъ Аримандритъ, настоятель Троице-Сергіевой пустыни,—I, 10, 204, 206, 210.
Михаилъ Чихачовъ, схимонахъ, другъ Епископа Игнатія,—I, 13, 59, 64—66, 68—72, 81—83, 86, 94, 95, 108, 110, 113—116, 133—135, 207—209, 276, 279, 310; III, 200, 261, 264, 280.
Моздокъ—I, 218, 244, 248—252, 261, 264; III, 6, 185.
Моисеевъ законъ о рабахъ—III, 27, 28, 30, 39, 40—42.
Молитва—III, 84, 88, 103, 239;
— ея сущность, виды значеніе и плоды—II, 351—355;
— ея дѣйствіе на душу—III, 86, 104;
— должное отношеніе къ ней—III, 95, 96, 99, 101, 103, 218, 238, 240, 241, 243—245.
Монастыри, взглядъ на нихъ Еп. Игнатія—I, 110—112, 312, 313, 393, 399;
— взглядъ на нихъ Игнатія Малышева—150—152.
Монашество—III, 166, 214, 222, 228, 247, 248, 252, 258;
— цѣль его установленія — III, 175;
— современное Еп. Игнатію состояніе—III, 169, 176, 215, 220, 251;
— необходимость приготовленія къ вступленію въ него—III, 195, 229.
Морскія учебныя заведенія, замѣчанія Еп. Игнатія на проэктъ преобразованія ихъ—III, 48—58.
Москва—III, 59, 95, 160—162, 165, 172, 189, 203, 214, 250, 255, 273, 274.
Муравьевъ А. И., Генералъ-Адъютантъ—I, 315; III, 172, 174, 177—179, 198.
Мытарства души—II, 136—144.
Надежда на Бога, необходимость ея для спасенія—III, 86, 88, 117.
Науки мірскія, взглядъ на нихъ Д. А. Брянчанинова—I, 52—54.
Нахимовъ Павелъ, адмиралъ, письмо къ нему Архимандрита Игнатія—I, 382—384; III, 130.
Нечаевъ Стефанъ Дмитріевичъ, оберъ-прокуроръ Свят. Синода,—I, 120, 146, 182, 345, 346, 356, 374; III, 68, 83.
Николо-Угрѣшскій монастырь—III, 169, 171.
Никольскій Симеонъ Іаковлевичъ, протоіерей,—I, 288, 289.
Нилъ, Архіепископъ Ярославскій,—I, 300.
Преп. Нилъ Сорскій—II, 13; III, 104 209, 223, 224, 241.
Нордовъ В. И., Вологодскій каѳедральный протоіер.,—I, 11, 100; II, 24, 25.
Норовъ А. С.—II, 26, 27; III, 246.
Оптина Введенская пустынь, Калужской епархіи,—I, 86—90, 185; II, 7; III, 175—180, 209, 242, 256, 267.
Орлова-Чесменская Анна Алексѣевна, графиня,—I, 109, 113, 118, 130, 132.
Отзывъ современника о Епископѣ Игнатіи—I, 379—382.
Откровеніе помысловъ, какъ средство для духовнаго преуспѣянія,—III, 106.
Отцы Церкви, ихъ руководство при чтеніи Слова Божія и въ дѣлѣ спасенія—II, 173, 334—335;
— чтеніе ихъ Д. А. Брянчаниновымъ—I, 55—58.
Св. Павелъ Ап.—II, 138, 241; III, 11, 16, 26, 30, 33, 34, 60, 108, 126, 146, 153, 233, 247, 260.
Св. Петръ Ап.—III, 28, 85, 146, 186, 224.

Пименъ Архимандритъ, настоятель Николо-Угрѣшскаго монастыря,—III, 167, 169, 171, 210.
Платонъ, Архіепископъ Костромской,—I, 300, 324, 384—385; II, 22, 23, 28.
„Плачъ“ (статья Еп. Игнатія)—III, 237, 245.
Плачъ о грѣхахъ, его послѣдствія—III, 150, 151.
Площанская пустынь, Орловской епархіи—I, 81—83.
Подвиги христіанскіе—II, 342;
— душевные и тѣлесные—II, 342—347; III, 258.
Подвижничество—II, 177—180; III, 105, 111, 116, 156.
Познаніе Господа, его послѣдствія—III, 186.
Покаяніе—см. Таинство покаянія.
Покровское, село Вологодской губ., Грязовецкаго уѣзда, родовое имѣніе Брянчаниновыхъ родина Епископа Игнатія,—I, 9, 20, 26—32, 91, 92, 311, 339; III, 89, 91.
Послушаніе, какъ спасительнѣйшій подвигъ,—III, 101.
Постъ, его сущность и значеніе—II, 348—351.
Православіе по вопросу о спасеніи—II, 289—316.
„Православный Собесѣдникъ“ (журналъ)—III, 14, 18—24, 26—28, 31—35, 37—40, 42, 44—36, 168;
— статья его: „Слово объ освобожденіи крестьянъ“ (Щапова)—III, 14, 15;
— разборъ этой статьи Епископомъ Игнатіемъ III, 18—47;
— разборъ Еп. Игнатіемъ статьи о моленіи Даніила Заточника—III, 15—20, 35—37.
Природа внѣшняя, ея значеніе для возбужденія жажды спасенія—II, 329—332.
Прозрителевъ Г. Н.—I, 10, 12.
Промыслъ Божій—III, 84, 85, 87, 99, 140, 183;
— необходимость предаться Ему—III, 89, 90, 94, 97, 99, 100, 120, 140, 154, 181—184, 188, 191, 192, 219, 222, 226, 240, 255, 270.
Простосердечіе, какъ средство для духовн. преуспѣянія,—III, 119.
Протасовъ Михаилъ Александровичъ, оберъ-прокуроръ Свят. Синода,—I, 145; III, 67.
Пятигорскъ—I, 233, 244, 247, 248; III, 6, 179.
Разсужденіе духовное—II, 369.
Разумъ духовный, средства для полученія его—III, 141, 142.
Расколъ—I, 261, 262, 389, 390; III, 9, 10.
Рай—II, 141—142.
Россія ея будущее—I, 283.
Россійская Православная Церковь, состояніе ея во время Епископа Игнатія—III, 58, 59;
— необходимость Собора по мнѣнію Еп. Игнатія—I, 399—404; III, 58—69;
— каковъ долженъ быть соборъ—III, 60—69.
Руткевичъ С. Г.—I, 340; III, 88.
Саблеръ Владиміръ Карловичъ—I, 240.
Самаринъ Д. И.—I, 35.
Сапелкинъ В. А.—III, 160, 161.
Свобода воли, ея отношеніе къ благодати—II, 160; 317—320; 327—328.
Семигородная Успенская пустынь, Вологодской епархіи,—I, 9, 95, 96, 308; II, 20.
Семинарія въ Ставрополѣ—I, 264—276.
Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій и СПБ.;—I, 69, 123, 148, 169, 170, 173.
Сергіева пустынь, Петроградской епархіи,—I, 9, 108, 116, 124—126, 308, 315, 317, 342, 345, 350, 365, 366, 373, 381; II, 7, 20; III, 15, 90, 109, 117, 129, 134, 155, 157, 175, 178, 180, 183, 199, 207, 228, 250, 259, 268, 272, 279, 280.
Сергій іеромонахъ, ризничій Сергіевой пустыни,—I, 206, 210.
Сердце человѣка, его отношеніе къ уму—II, 206—212;

Сердце его грѣховность—міролюбіе—II, 212—215.
Скорби, значеніе ихъ въ дѣлѣ спасенія—II, 339—342; III, 36, 88, 100, 116, 261;
— печать Божьяго избранія—III, 87, 93, 116, 141, 151, 154, 220;
— должное отношеніе къ нимъ—III, 36, 37, 87—89, 91, 100, 116, 118, 134, 141, 146, 148, 152;
— дѣйствіе ихъ на душу—III, 150, 151, 231.
Слово Божіе, дѣйствіе чтенія его на душу—III, 118—120, 130;
— какъ источникъ самопознанія и самобличенія—II, 169, 173.
„Слово о Іисусовой молитвѣ“ (статья Еп. Игнатія)—III, 238, 240, 255.
„Слово о смерти“—II, 72, 84, 89, 101—105, 107—109, 111, 115, 116, 118, 119—126, 132, 136, 146, 148; III, 108, 109, 110, 137, 175, 226, 267.
Смиреніе—существенная черта христіанской добродѣтели—II, 312, 361—364; III, 89, 94, 126, 141, 143—146, 156, 182, 235;
— его послѣдствія—III, 1 3, 145.
Снессарева Софія Ивановна, ея видѣніе—I, 335—337, 382.
Соборъ Россійской Церкви, см. Россійская Православая Церковь.
Совѣсть, проявленіе и значеніе ея въ духовной жизни человѣка—II, 161, 162;
— природа ея—II, 162—164.
Сократовъ Н. В.—I, 10.
Спасеніе душевное, его сущность—II, 29—32, 289—292; III, 191, 253, 254, 255;
— стороны въ немъ; положительная—II, 295—296; отрицательная—292—295; психологическая—297—298;
— высочайшее благо—II, 298, 307;
— православіе и инославіе по вопросу о спасеніи—II, 32—35; 307—316;
— его начало—II, 326—329; 341—342;
Спасеніе, трудность вопроса—II, 291;
— необходимость для спасенія сознанія своей грѣховности—II, 127—130;
— чѣмъ поддерживается душеспасительное настроеніе—II, 342.
Ставрополь Кавказскій—I, 9, 214, 244, 252, 255, 261, 264, 265, 290, 366, 376; III, 4, 6, 7, 13, 14, 18, 156, 175, 184—186, 199, 201, 230, 259.
Ставропольскій Комитетъ по дѣлу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ—III, 13, 14, 18.
Стефанъ, Епископъ Вологодскій,—I, 98—104, 106—108, 115, 119.
„Странникъ“ (журналъ)—II, 101, 105, 107; III, 109, 110, 115, 217, 221, 242, 255.
Страсти—II, 258—260, 271, 272, 274;
— чревоугодіе и блудъ—II, 260—262, 274—275;
— сребролюбіе и гнѣвъ—II, 262—266, 275—276;
— печаль и уныніе—II, 266—268, 276;
— тщеславіе и гордость—II, 268—276, 285;
— должное отношеніе къ нимъ—III, 90, 103, 104, 112, 113, 182, 240, 241.
Сухарева—I, 69.
Сухаревъ А. А.—III, 211, 250.
Таинство покаянія, необходимость его для врачеванія грѣховъ—II, 327, 355—357; III, 38, 39, 102, 145, 147, 180, 200, 266.
Таинство причащенія, должное отношеніе къ нему—II, 357—361; III, 97, 98, 140, 145.
Таинство смерти—II, 133—147; III, 83, 84, 184;
— разлученіе души съ тѣломъ—II, 133—134;
— смерть тѣлесная и душевная—II, 134—136;
— мытарства души послѣ смерти—II, 136—144;
— посмертная участь человѣка: райское блаженство и адское мученіе—II, 141—147.

Твореніе Еп. Игнатія Брянчанинова, ихъ общее обозрѣніе—II, 5—28;
— напечатанныя и сохранившіяся въ рукописяхъ—II, 5—8;
— изданіе ихъ—II, 8—12;
— общее содержаніе и мотивы ихъ напечатанія—II, 13—17;
— источники ихъ—II, 17—20;
— отзывы современниковъ — II, 21—28.
Терпѣніе, необходимость его для христіанина—III, 85, 89—92, 143.
Тифлисъ—III, 161, 177, 179, 186, 189, 202.
Св. Тихонъ Воронежскій—II, 18, 23; III, 97, 102, 105, 106, 117, 174, 196, 200, 201, 209, 222, 266, 270—272, 277, 278.
Толстой Д. А.—I, 291, 331, 361; II, 8, 26, 27; III, 185, 197, 253.
Тузовъ И. Л.—I, 12; II, 5, 114;
— условія изданія имъ сочиненій Еп. Игнатія—II, 9—12.
Уединеніе, стремленіе къ нему Еп. Игнатія—III, 175, 177.
Умъ человѣка, какимъ онъ долженъ быть,—II, 192—193;
— поврежденный грѣхомъ — II, 193—196;
— самость ума и плотское мудрованіе—II, 196—206.
Уроки словесности, преподанные Еп. Игнатіемъ,—III, 70—82.
Учебныя заведенія: морскія — I, 395—396;
— духовныя—I, 394, 396—398.
Фамилія Брянчаниновыхъ—I, 31, 35, 36.
Фарисейство—II, 281—285.
Ферморъ Марія Павловна—I, 207.
Филаретъ, Митрополитъ Московскій,—I, 106, 114, 118, 119, 224—228, 298, 299, 392; II, 18; III, 157, 171, 247.
Фотій Архимандритъ, цензоръ,—II, 23, 24.
Христіанство, изученіе его исторіи возбуждаетъ жажду спасенія—II, 335—336.
— состояніе его по наблюденіямъ Еп. Игнатія—III, 118, 158, 170, 234—237, 242, 245, 246, 254, 255;
— мнѣніе Еп. Игнатія о распространеніи его на Кавказѣ—III, 184, 185.
Церковно-общественные взгляды Еп. Игнатія—III, 3—13.
Церковность въ жизни—II, 336—337.
Церковь православная, необходимость для спасенія принадлежать къ ней—II, 156, 157;
— Ея таинства—II, 157—158;
— должное поведеніе вѣрующаго въ церкви—III, 101, 102.
Черменецкій монастырь—III, 196.
Чихачовъ Михаилъ, см. Михаилъ Чихачовъ.
Щаповъ Аѳанасій, баккалавръ Казанской духовн. академіи,—I, 280—281; III, 15, 192, 197, 241.
Явленія истинныя и ложныя, должное отношеніе къ нимъ подвижника—III, 111, 112.
Явленіе предсмертныя, должное отношеніе къ нимъ—III, 198 199.
Яковлевъ Павелъ Петровичъ, послушникъ и секретарь Сергіевой пустыни,—I, 12, 94, 140—141, 153, 173, 379.
Ярославль—III, 172, 198, 201, 273, 276.
Ѳеофанъ Епископъ-Затворникъ—I, 14; II, 3, 15, 30, 32, 35, 58, 67, 74, 107—122, 124—126, 146, 147; III, 196, 200, 275.

Опечатки, замѣченныя въ „Приложеніяхъ“.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдовало напечатать:
2	13 снизу.	или	ими
5	9 сверху.	юмѣющіе	имѣющіе
21	9 снизу.	обучаю	обычаю
24	18 снизу.	Лутературѣ	Литературѣ
27	15 сверху.	Вѣтхозавѣтной	Ветхозавѣтной
83	8 снизу.	Епископу	Игумену
85	2 снизу.	освидомленность	освѣдомленность
85	15 сверху.	пененосить	переносить
89	8 снизу.	рядость	радость
91	18 сверху.	терпеніе	терпѣніе
91	20 сверху.	благодарить и славословить	благодарить и славословить
94	19 сверху.	сордечные	сердечные
99	11 сверху.	вымиселъ	вымыселъ
99	19 сверху.	малопримѣрный	малопримѣтный
102	2 сверху.	окаѳистовъ	акаѳистовъ
106	3 снизу.	благоволѣніе	благоволеніе
106	4 снизу.	неизрѣченною	неизреченною
107	11 сверху.	исканій	писаній
114	16 снизу.	обличенные	облеченные
116	15 сверху.	скоропостижемая	скоропостижная
120	4 сверху.	молчоніи	молчаніи
121	8 сверху.	вымытыхъ	вымытыхъ
121	18 снизу.	натури	натуры
127	10 снизу.	сообенное	особенное
131	7 снизу.	певѣрное	невѣрное
138	3 снизу.	въ сердце	въ сердцѣ
141	14 снизу.	стежите	стяжите
142	8 снизу.	приходить	проходить
146	8 сверху.	нидѣли	видѣли
152	15 снизу.	дъствіе	дѣйствіе
153	22 снизу.	Египтѣ	Египтѣ
168	19 сверху.	нежелн	нежели
169	1 сверху.	искрѣннейшую	искреннѣйшую
170	2 сверху.	покушенія	искушенія
176	20 снизу.	килейныхъ	келейныхъ
176	4 снизу.	мыслею	мыслію
194	17 сверху.	или	ими
255	2 сверху.	ложио	ложью
274	16 снизу.	живьемъ	живемъ